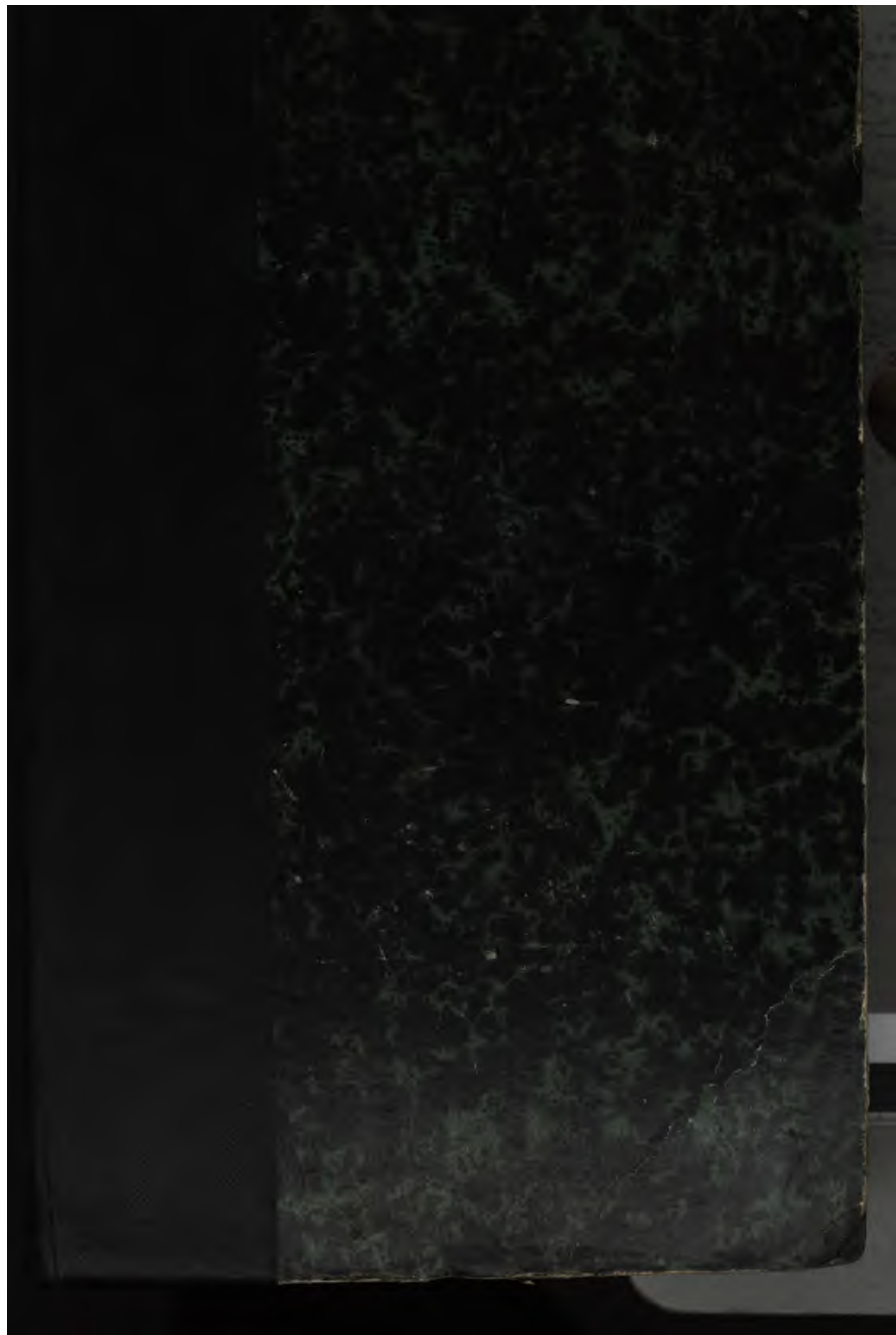


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИСТОРІЯ

СЕРБСКАГО ЯЗЫКА

ПО ПАМЯТНИКАМЪ, ПИСАННЫМЪ КИРИЛЛИЦЕЮ,

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЮ НАРОДА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Майкова.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, мая 31-го дня, 1857 года.

Цензоръ, Н. Фонъ-Крузе.

Славянская наука, какъ и всякая другая наука, какъ и все, что растетъ и движется въ мірѣ нравственномъ и вещественномъ, имѣетъ свои возрасты, свои времена, свои переходы. Дѣло ученаго угадать современную пору своей науки и удовлетворить ея потребностямъ. Начавшись еще такъ недавно, всего въ половинѣ прошлаго столѣтія, и пойдя отъ общаго сознанія Славянства, отъ общаго пробужденія чувства народности, Славяновѣдѣніе совершило въ короткое время огромные успѣхи по всѣмъ отраслямъ народной жизни. Теперь оно находится въ порѣ частностей. Первоначальное общее сдѣлало свое дѣло: новая мысль пробуждена, направленіе дано, развитіе пошло въ ходъ; зерно пустило такъ глубоко корни, что исторгнуть ихъ уже невозможно. Славянамъ остается воздѣлывать новооткрытый у самихъ себя міръ, проводить сознаніе самобытности во всѣ его нравственныя явленія и строить цѣльное, размѣрное зданіе Славянства на началахъ, добытыхъ изъ глубины народнаго духа. Пора заключительнаго общаго, такого общаго, что истекало бы непосредственно изъ воспроизведенныхъ и живо сознанныхъ частностей, въ которомъ каждая отдѣльная частность получила бы свое мѣсто, свою мысль и отвѣтила бы согласію единства, еще не настала: она настанетъ тогда, когда все нужное вещество будетъ подготовлено, когда всѣ частности выйдутъ наружу и обработаются. Къ этому-то и клонится теперь Славянская дѣятельность. Замѣтимъ, что все рѣзко выдающееся въ области Славянской учености, все, что есть въ ней самого блестящаго, самого полезнаго и насущнаго для всякого образующагося Славянина, все это относится къ частностямъ, иногда мельчайшимъ, а иногда къ цѣлымъ, извѣстнымъ отдѣламъ ихъ. Напротивъ, всѣ попытки создать что нибудь общее не имѣютъ успѣха, или имѣютъ весьма малый. Отъ чего? Отвѣтъ простъ: отъ того, что общее не можетъ существовать безъ частнаго: надобно сначала приготовить частное, чтобы изъ него вышло общее. Самая продолжительная, самая скучная и утомительная пора есть пора частностей. Но она такъ же необходима для науки, какъ необходимо прочное основаніе для всякого зданія, которому предназначается долгій вѣкъ. Не смотря на постоянно возрастающее число дѣятелей на поприщѣ Славяновѣдѣнія и быстро умножающіеся труды ихъ, не смотря на возникающія изъ тайниковъ своихъ сокровища древности, всякій, кто только пристально слѣдитъ за развитіемъ Славянской науки, или самъ принадлежитъ къ ея вкладчикамъ, согласится, что въ ней многія отдѣльныя части, особливо мелкія, обработаны довольно тщательно; но части эти суть еще membra disjecta, ожидающія творца, долженствующаго придти съ

вѣками, чтобы совокупить ихъ, вдохновить единымъ духомъ и оживить цѣльною, самостоятельною жизнію. Но до того времени главною задачею всякого Славяниста должно быть сколько можно успѣшнѣйшее воспроизведеніе недостающихъ частностей, пополненіе пробѣловъ. По временамъ слышатся у насъ возгласы противъ частностей, хотя бы обработанныхъ добросовѣстно, съ любовью и знаніемъ дѣла. Эти возгласы требуютъ общаго. Но общаго въ мірѣ нѣтъ, а есть единицы, слагающіяся въ общее и получающія свою важность по отношенію къ общему. Нельзя требовать общаго, отвергая частное. По этому подобные возгласы обличаютъ въ глашатаяхъ или полное непониманіе дѣла, противонаучный взглядъ, или умышленную недобросовѣстность.

Вполнѣ убѣжденный въ истинности сейчасъ изложенной мысли и зная, какъ въ многомъ еще нуждается Славянское языковѣдѣніе, и именно въ своемъ собственномъ, я избралъ предметомъ настоящаго изслѣдованія область Древнесербскаго нарѣчія, какъ одну изъ нужнѣйшихъ для современной науки. Опытъ, сдѣланный Шафарикомъ въ Древнечешскомъ нарѣчіи, показалъ всю важность ближайшаго и полнѣйшаго знакомства съ Славянскими нарѣчіями въ ихъ древнемъ состояніи. Для правильнаго и вполнѣ достойнаго развитія Славянскаго, какъ части общесравнительнаго Индоевропейскаго, языковѣдѣнія еще мало одного знанія нарѣчій въ ихъ современномъ состояніи, болѣе разобщенномъ, болѣе самоотдѣльномъ, болѣе несходномъ, чѣмъ въ старину: надобно знать и тотъ путь, который они, видоизмѣняясь, совершали до настоящаго времени. Путь этотъ, восходя въ старину, приближаетъ если не къ единству языка, ибо такъ далеко не можетъ онъ итти, за неимѣніемъ средствъ, то, по крайней мѣрѣ, къ тому состоянію нарѣчій, въ которомъ ихъ общее родство, ихъ семейное единеніе становится яснѣе, открытѣе, понятнѣе. На немъ предстанутъ глазамъ изслѣдователя многія починныя точки, отъ которыхъ продолжается дальнѣйшее движеніе отличительныхъ признаковъ, составляющихъ вмѣстѣ съ доисторическими особенностями самобытное достояніе нарѣчій, ихъ собственность, ихъ обликъ. Другихъ починныхъ точекъ, лежащихъ далѣе въ глубь старины, за предѣлами проложеннаго пути, едва ли когда можно будетъ достичь: но законъ наведенія убѣждаетъ, что въ прадавнихъ вѣкахъ пути нарѣчій сходились всѣ вмѣстѣ къ одной точкѣ, къ одному цѣльному Славянскому языку. Исторія не помнитъ общаго безразличнаго Славянскаго языка, но хорошо знаетъ то состояніе Славянскихъ нарѣчій, въ которомъ они ближе сходились между собою, удерживая нѣкоторыя первичныя свойства праязыка. Кто же станетъ отвергать важность и необходимость изслѣдованія такихъ путей, которые, съ одной стороны, приближая къ образу единаго, цѣльнаго, исконнаго языка, съ другой, указывая тѣ свойства, которыя выставляло и усиливало каждое нарѣчіе для своего высобленія, поясняютъ и современную сущность Славянскихъ нарѣчій?

Въ выборѣ предмета я соображался со средствами, которыми могъ пользоваться, ибо чѣмъ счастливѣе обстановка, тѣмъ удачнѣе предпріятіе. Къ сожалѣнію, не всѣ Славяне ведутъ между собою то взаимное тѣсное общеніе, ту круговую мѣну, которыя давали бы ученымъ возможность равно успѣшно обработывать любой предметъ на разныхъ концахъ Славянскаго міра. Эта возможность тогда настанетъ, когда древнія сокровища, которыми владѣетъ каждое племя, пойдутъ въ огласку и сдѣлаются общедоступными; а теперь пока каждый долженъ

пользоваться тѣмъ, что у него есть подъ рукою и чему наиболѣе способствуютъ мѣстность и время. Я старался окружить себя возможно большимъ числомъ источниковъ; нѣкоторыхъ, конечно, мнѣ недоставало, но недоставало отъ того, что рѣшительно не было возможности пріобрѣсти ихъ. Въ отношеніи таковыхъ я не беру на себя отвѣтственности; я работалъ по тому, что было для меня доступно. По мѣрѣ полученія новыхъ источниковъ, я вводилъ ихъ въ рукопись а къ напечатанному подлиннику, присоединялъ въ видѣ дополненій.

Предѣлы моего изслѣдованія обозначаются сами собою, естественнымъ образомъ. Изстари въ Сербскомъ племени ведется невыгодное внутреннее разложеніе, нарушающее связь единства и подкапывающее народныя силы и народную самостоятельность. Изстари Сербія служила полемъ, на которомъ сталкивались и боролись два начала, Западное и Восточное. Вѣроисповѣдныя и государственныя отношенія раздѣлили Сербію на двѣ половины, изъ коихъ одна склонилась къ Западному началу, другая осталась вѣрною стародавнему Восточному. Несчастная середина этого поля, наиболѣе выносившая на себѣ борьбу двухъ могущественныхъ началъ, Босна, не склонившаяся окончательно ни къ тому, ни къ другому, болѣе всѣхъ утратила силы и до сихъ поръ, подъ гнетомъ чуждаго Европейскому Западу и Востоку Азіятскаго начала, лежитъ какъ трупъ, лишенный духа самобытности, духа жизни. Раздѣленіе отразилось и въ судьбахъ языка, даже въ самой внѣшней его части—азбукѣ. Съ различіемъ азбукъ соединено и различіе коренныхъ началъ. Ограничившись Кириловскимъ письмомъ, я въ то же время ограничился чертою, проникающею гораздо глубже въ народное существо и сходящеюся съ чертою вѣроисповѣднаго, государственнаго и гражданскаго быта. Но въ самой Кириловской письменности есть два главные отдѣла, одинъ духовно-созерцательный и нравственный, другой государственно-гражданскій; въ одномъ преобладаетъ языкъ Церковнославянскій, истекающій изъ того хранилища плодовъ духовной и умственной дѣятельности, изъ котораго почерпали Сербы убѣжденія Вѣры и нравственности и пищу для ума; въ другомъ преобладаетъ языкъ народный, которому проводникомъ служили дѣла житейскія и соображенія правительственныя. Я избралъ послѣдній. Наконецъ судьбы народныя, окончательно измѣнившіяся съ исходомъ XV-го в., повлекшія за собою переворотъ во всемъ народномъ составѣ и наложившія свою печать на все его нравственное существо, полагаютъ временный предѣлъ и моему изслѣдованію: оно оканчивается вмѣстѣ съ паденіемъ Сербіи.

Избранный мною отдѣлъ Сербокириловской письменности замѣтно отличается отъ другаго отдѣла какъ по языку, такъ и по содержанію. Языкъ его преимущественно народный съ необходимою примѣсью Церковнославянскаго: содержаніе его историческое. Съ какими признаками являлось въ старину Сербское нарѣчіе; какъ постепенно все болѣе и болѣе отклонялось оно къ самоличности; и какъ, въ какой мѣрѣ, воспринимало въ свою письменность Церковнославянское начало: вотъ главнѣйшіе вопросы изслѣдованія повременныхъ судебъ Древнесербскаго языка на почвѣ самостоятельнаго развитія. Что новаго вносятъ и что стараго подтверждаютъ, или опровергаютъ избранные памятники въ жизни народа государственной и гражданской, и какъ явленія языка объясняются явленіями историческими: вотъ главнѣйшіе вопросы историческіе. Самостоятельный народъ живетъ

всею совокупностію своихъ жизненныхъ силъ; эта цѣльность бытія отражается и въ его языкѣ: она должна отражаться и въ трудахъ ученыхъ. По этому мой трудъ естественно распадается на два отдѣла, историческій и языкословный. Въ первомъ я излагалъ событія въ связной ихъ послѣдовательности, руководствуясь тѣмъ, что было доселѣ сдѣлано по этой части и распространяясь въ подробностяхъ тамъ, гдѣ нужно было пріурочить встрѣтившійся памятникъ и дополнить, подтвердить, или измѣнить, на основаніи его достовѣрности, то, что доселѣ было сдѣлано по другимъ даннымъ. Сдѣсь разрѣшены нѣкоторыя недоразумѣнія и подняты новые вопросы. Во второй главною моею задачею было прослѣдить измѣняющееся по вѣкамъ и областямъ состояніе Древнесербскаго языка, отличить его собственные признаки отъ привносовъ другой, Церковнославянской, стихіи, и по первымъ опредѣлить степень движенія, которое онъ совершалъ вмѣстѣ съ другими Славянскими нарѣчіями, отвѣчая общеславянскому движенію и своимъ собственнымъ личнымъ потребностямъ. Сравнительные пріемы допущены мною лишь тамъ, гдѣ я считалъ ихъ необходимыми не столько для сторонняго противня, сколько для поясненія и опредѣленія тѣхъ уклоненій отъ первоначальника и собратій, какія сдѣлалъ Сербскій языкъ, достигнувъ конца XV-го вѣка и обозначивъ впередъ ту особь, какою онъ явился въ наше время. Какъ повсюдной самостоятельной обработки исторической части, такъ и сравнительнаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, изученія Древнесербскаго языка я не принималъ на себя, довольствуясь, въ отсутствіи памятниковъ, одною историческою нитью и ограничиваясь одними явленіями Древнесербскаго языка, когда они были понятны сами по себѣ. Общесравнительные пріемы ставятъ всѣ нарѣчія въ одинъ уровень, въ равномѣрное взаимное отношеніе; каждое изъ нихъ является только долею общаго ученія о звукахъ и словодвиженіи; я же, имѣя въ виду одно разсматриваемое нарѣчіе, опредѣленное сверхъ того извѣстнымъ письмомъ, мѣстомъ и временемъ, долженъ былъ выставлять его передъ другими, какъ главный предметъ изслѣдованія, чтобы подготовить такимъ образомъ лишнюю частицу почвы, на которой должно со временемъ возродиться общеславянское сравнительное языкоученіе. Я держался мысли, высказанной выше.

Но изслѣдованіе Древнесербскаго языка, кромѣ собственной исторической важности этого языка, имѣетъ еще особое значеніе для письменности Славянъ Грековосточнаго исповѣданія. Такъ какъ языкъ Древнебулгарскихъ рукописей, при перепискѣ ихъ въ другихъ православныхъ земляхъ, подчинялся вліянію туземнаго нарѣчія, то, когда возстановлены свойства и признаки Древнесербскаго языка съ ихъ повременнымъ движеніемъ и при томъ въ Кириловскомъ письмѣ, тогда уже легко опредѣлить степень вліянія, оказаннаго этимъ языкомъ на Древнебулгарскую письменность и ярче обозначить въ ней особенности, составляющія такъ называемый Сербскій изводъ.

На сколько удачно исполнена мною предположенная задача, это рѣшитъ судъ знатоковъ, отъ которыхъ, какъ истинныхъ цѣнителей, я желалъ бы услышать правдивый приговоръ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Народные Сербскіе памятники, писанные Кирилицею и подлежащіе нашему изслѣдованію, не разнообразны, но довольно многочисленны. Это суть надписи на монетахъ и печатяхъ, грамоты и Законникъ Душановъ.

Монеты и печати составляютъ скудный источникъ для исторіи и языка. Онѣ, конечно, могутъ быть сами по себѣ предметомъ любопытныхъ изслѣдованій ученыхъ, но для насъ важны только надписи, на нихъ находящіяся и переданныя или прямо въ снимкахъ, или въ такихъ описаніяхъ и изслѣдованіяхъ, которыя ручаются за достовѣрность передаваемыхъ ими надписей. Такъ какъ печати и преимущественно монеты носятъ не рѣдко Латинскія надписи, то, само собою разумѣется, съ этѣми послѣдними мы не будемъ имѣть дѣла: до насъ касаются лишь надписи, сдѣланныя на Сербскомъ языкѣ.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія *монеты* Сербскія стали обращать на себя вниманіе нумизматовъ. По этому случаю описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ вошли въ ученые труды, посвященные этой отрасли человѣческихъ познаній. Но одни ученые, какъ-то: Бандури, Муратори, Аргеляти, Аппель и Іоахимъ, разсматривали только весьма немногія Сербскія монеты, описанія коихъ составляютъ въ ихъ сочиненіяхъ, относящихся къ монетамъ другихъ странъ, самую незначительную частицу. Другіе же ученые, каковы: Занетти и Нани, обращали свои изслѣдованія преимущественно только на Сербскія монеты, что видно уже изъ самого заглавія ихъ сочиненій, ибо первый писалъ «De nummis regum Mysiae seu Rasciae», а второй «De duobus imperatorum Rassiae nummis». Въ концѣ того же вѣка Раичъ въ своей Исторіи Славянскихъ народовъ помѣстилъ два снимка съ двухъ монетъ деспота Юрія Бранковича [1]. Какъ прошедшее столѣтіе ознаменовалось трудами однихъ только иностранныхъ ученыхъ по части Сербской нумизматики, такъ нынѣшнее столѣтіе видитъ уже однихъ Славянскихъ ученыхъ, трудящихся на томъ же поприщѣ. Описанія Сербскихъ монетъ, въ большемъ, или меньшемъ количествѣ, и ученыя изслѣдованія о Сербскихъ монетахъ, въ текущемъ вѣкѣ, сдѣланы Давыдовичемъ, Светичемъ, Луценбахеромъ, Стоячковичемъ и Спирою Поповичемъ [2]. Труды всѣхъ этихъ и вышеупомянутыхъ ученыхъ заключились обширною статьею о Сербскихъ монетахъ, съ присовокупленіемъ Булгарскихъ, Яна Шафарика, помѣщенною съ дополненіемъ въ III-й и V-й ч. «Гласника» [3]. Я. Шафарикъ воспользовался трудами почти всѣхъ своихъ предшественниковъ и, сверхъ того, самъ описалъ вновь много Сербскихъ монетъ, ему доступныхъ, хранящихся въ различныхъ собраніяхъ частныхъ и общественныхъ. Къ своей статьѣ онъ приложилъ 128 снимковъ съ монетъ Сербскихъ, Булгарскихъ и Венеціянскихъ, изъ которыхъ

---

[1] Исторія Славянскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. Вѣна, 1794. 4 ч. Я всюду слѣдую второму изданію, въ Пештѣ, 1823. 4 ч. См. ч. III, стр. 168.

[2] Гласникъ Дружтва Србске Словесности. Свезка I. У Београду, 1847.

[3] Гласникъ. Св. III, 1851. Св. V, 1853.

большинство принадлежитъ первымъ. (Ко вторымъ относятся только 12 снимковъ, а къ послѣднимъ всего 2). Въ предисловіи указаны нѣкоторыя замѣчательныя монетохранилища и исчислены всѣ извѣстныя автору сочиненія, относящіяся къ тому же предмету. Вотъ почему, упоминая объ ученыхъ его предшественникахъ, я не приводилъ заглавія ихъ сочиненій, мѣсто и время появленія ихъ: то и другое читатели могутъ найти въ означенной статьѣ Я. Шафарика. Замѣчу только, что у него пропущены извѣстія знаменитаго его дяди, Павла Шафарика, и описаніе С. Поповича, о которомъ я упомянулъ выше. П. Шафарикъ сообщилъ извѣстія о монетахъ короля Владислава, царя Душана, Вукашина и деспота Юрія Бранковича[1]. С. Поповичемъ описаны монеты королей Владислава, Уроша I, Драгутина, Милутина, Стефана Дечанскаго, короля, а потомъ царя, Стефана Душана, деспотовъ Стефана Лазаревича и Юрія Бранковича. Но хотя означенныя два описанія пропущены Я. Шафарикомъ въ его исчисленіи предшествовавшихъ сочиненій, и даже ни разу не упомянуты въ продолженіи всей его статьи; однако, нѣтъ сомнѣнія, что самыя монеты вошли въ его статью и, сверхъ того, большая часть ихъ, если только не всѣ, переданы въ снимкахъ, ибо не только монеты обоихъ были ему извѣстны, но даже второй составлялъ свое описаніе Сербскихъ и Булгарскихъ монетъ по указаніямъ самого же Яна Шафарика. Вотъ почему статью послѣдняго я принимаю за полнѣйшій источникъ Сербскихъ монетныхъ надписей и не привожу монетъ, описанныхъ его предшественниками, какъ такихъ, которыя уже вошли въ его описаніе. За годъ слишкомъ до Я. Шафарика Сербскихъ монетъ коснулся Я. Я. Рейхель, котораго статья, вмѣстѣ съ примѣчаніями П. С. Савельева напечатана въ 1-мъ томѣ Записокъ Археологическо-Нумизматическаго Общества за 1849 годъ. Но Я. Шафарикъ не зналъ объ этой статьѣ и не воспользовался новыми, ему неизвѣстными, екземплярами Сербскихъ монетъ. Наконецъ, послѣдняя по времени статья, касающаяся между прочимъ Сербскихъ монетъ и извѣстная мнѣ по рукописи, принадлежитъ О. М. Бодянскому и написана имъ, въ видѣ письма къ Графу С. Г. Строганову, по случаю появленія предыдущей статьи г. Рейхеля. Она распадается на двѣ части, изъ коихъ въ первой сочинитель повѣряетъ изслѣдованія г. Рейхеля о нѣкоторыхъ Булгарскихъ и Сербскихъ монетахъ и во многомъ исправляетъ его, или не соглашается съ нимъ; во второй онъ излогаетъ свое мнѣніе о *златѣ* и *сребрѣ* Владимировомъ. Въ обѣихъ этѣхъ статьяхъ до насъ относятся, разумѣется, только однѣ монеты Сербскія. Въ статьѣ г. Рейхеля находимъ нѣсколько таковыхъ, но число ихъ гораздо менѣе числа, выставленнаго у Я. Шафарика. Есть нѣкоторые сходные екземпляры у того и другаго; есть и такіе, которыхъ нѣтъ у Я. Шафарика, на пр., монета князя Лазаря съ надписью кнѧзь лазрь. Но, сличая екземпляры г. Рейхеля съ подобными у Я. Шафарика, мы замѣчаемъ, что вообще у г. Рейхеля екземпляры не такъ ясны, или же г. Рейхель не вѣрно читаетъ ихъ. Это видно и изъ статьи О. М. Бодянскаго, у котораго, мы знаемъ, находятся превосходные екземпляры старинныхъ Сербскихъ монетъ, на основаніи коихъ онъ во многомъ исправляетъ чтеніе г. Рейхеля. Жаль, что статья г. Бодянскаго, писанная только по поводу другой и, подобно этой, не имѣвшая своимъ главнѣйшимъ предметомъ описанія однѣхъ только Сербскихъ монетъ, не могла представить всего количества этѣхъ монетъ, хранящихся у ея автора, что было бы весьма желательно для всѣхъ, занимающихся Славянскою нумизматикою. Намъ пока остается пользоваться тѣми Сербскими

[1] Jahrbücher der Literatur. Wien. 1831, 53. Anzeige-Blatt, N 1.—Serbische Lesekörner. Pesth. 1833, стр. 9, N 3.

надписями, которыя представлены въ трехъ послѣднихъ статьяхъ: Я. Я. Рейхеля, Я. Шафарика и О. М. Бодянскаго.

Печати беднѣе монетъ и снимками и описаніями. Извѣстные мнѣ снимки съ печатей, носящихъ Сербскія надписи, и описанія, приводящія таковыя надписи, находятся: въ сочиненіи Авраамовича о Святой Горѣ [1], гдѣ сняты 10 печатей, привѣшенныхъ къ дарственнымъ грамотамъ Сербскихъ Государей; у Шимка, приложившаго къ своей Исторіи Босны и Сербіи [2] печать короля Твртка, 1444 г., и деспота Юрія, 1449 г.; у Раича, помѣстившаго въ началѣ III-й части своей Исторіи списокъ съ печати Лазаря, той самой, которая изображена въ «Угорскомъ Магазинѣ» [3]; въ «Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ» [4], гдѣ описаны печати Стефана Лазаревича и Уроша V; у Милутиновича, снявшаго печать Ивана Черноевича [5]; въ «Споменикахъ [6]», гдѣ описана печать Вукашина и снята печать Стефана Вукчича Косачи; въ Гласникѣ [7], гдѣ описаны двѣ печати: одна Уроша III и другая Уроша V. Сюда же можно отнести изображеніе печати деспотицы Ангелины, находящееся у Юлинаца [8], Раича [9], въ «Забавникѣ» Давыдовича [10], и у Яна Шафарика [11].

Обильнѣйшимъ источникомъ для исторіи и языка служатъ *грамоты*. До 200 слишкомъ грамотъ уже напечатано; неизвѣстно, какъ велико число не напечатанныхъ; но, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ и предположеніямъ, можно догадываться, что едва ли не бо́льшая половина еще остается подъ спудомъ. Я укажу на тѣ изданія, которыми могъ пользоваться. Сдѣсь первое мѣсто занимаютъ Споменики, которые содержатъ 180 различныхъ грамотъ, начиная съ древнѣйшей, бана Кулина, 1189 года, до грамоты Юрія Бранковича, 1689 года, и, слѣдовательно, обнимаютъ пространство времени въ четыреста лѣтъ. За ними слѣдуетъ Авраамовича «Описаніе Сербскихъ древностей на Аѳонѣ». Кромѣ выписокъ и указанія на значительное число грамотъ, хранящихся въ Аѳонскихъ монастыряхъ, Авраамовичъ напечаталъ 20 грамотъ вполнѣ, между которыми, по старшинству и важности, замѣчательнѣе другихъ грамота великаго жупана Немани. Она же перепечатана безъ всякихъ перемѣнъ (кромѣ исправленной опечатки: тѫигѣ, вм. тѫигѣ,) въ другомъ сочиненіи Авраамовича, «Света Гора», вмѣстѣ съ отрывками изъ типика Св. Савы и исчисленіемъ грамотъ, хранящихся въ Хиландарскомъ монастырѣ [12]. Въ «Голубицѣ» [13] на 1839 годъ (часть I) напечатано 7 грамотъ, которыя вошли въ Споменики [14]. Въ Голубицѣ на 1840 годъ (часть II) напечатаны двѣ копіи, одна съ

---

[1] Описаніе древностій Србски у Светой (Атонской) Гори. У Београду, 1847.
[2] Schimek's politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama. Wien, 1787.
[3] Ч. IV, стр. 10. Engel, Geschichte von Serbien und Bosnien. Стр. 336.—Wien. Jahrb. der Lit. Anz. Bl. N 35.
[4] Сербско-Далматинскій Магазинъ, 1844, у Задру; 1851, у Загребу. Изд. Николаевичемъ.
[5] Исторія Церне-Горе. У Бѣограду. 1835.
[6] Србскіи Споменицы или старе рисовулѣ, дипломе, повелѣ, и сношенія Босански, Сербски, Херцеговачки, Далматински, и Дубровачки Кралѣва, Царева, Банова, Деспота, Кнезова, Войвода и Властелина. Собраны Павломъ Карано-Тврьтковичемъ. Часть первая. Въ Бѣлградѣ, 1840. См. стр. 77, N 62 и стр. 207, N 120.
[7] Свезка II. У Београду, 1849.
[8] Краткое введеніе въ исторію происхожденія Славеносербскаго народа, сочинено и изъ разныхъ авторовъ нотами изъяснено Павломъ Юлинцемъ. 1765. Стр. 123.
[9] Часть III, стр. 333.
[10] Забавникъ за годину 1821. Вѣна. N 4.
[11] Гласникъ, св. III, табл. VIII, N 88.
[12] Света Гора са стране вере, художества и повестнице. У Београду, 1848.
[13] Голубица съ цветомь кньижества Србскогь. Изд. Григор. Возаровичемь. Вь Бѣлградѣ.
[14] NN 1, 53, 54, 55, 56, 146, 160.

грамоты царя Душана, 1351 года, апрѣля 26, индиктъ 1, другая съ хрисовула султанши Мары, 1479 г., 15 Апрѣля, инд. 5. Тироль напечаталъ грамоту Стефана Уроша отъ 1357 года, 10 апрѣля [1], которая была перепечатана въ «Лѣтописѣ» 1838 года [2] и, наконецъ, вошла въ Споменики подъ № 46. Павелъ Юлинацъ напечаталъ въ своей книгѣ грамоту деспотицы Ангелины съ сыновьями, деспотами Юріемъ и Иваномъ, 1496 года, ноября 3 [3]; она же вошла въ Споменики подъ № 178. У Миклошича, въ его изданіи одного Слова Іоанна Златоустаго, находимъ грамоту Милутина 1305—1307 года.[4] Въ Гласникѣ [5] помѣщены грамоты: Уроша V, 1358 г., іюня 2, царицы Мары, 1479 г., апрѣля 15, напечатанная прежде въ Голубицѣ, Іоанна Бранковича, 1499 г., іюля 23, и др. позднѣйшія. Іоакимъ Вуичъ издалъ въ своемъ «Путешествіи» [6] три грамоты: дарственную грамоту Стефана Первовѣнчаннаго (1222—1228 г.), изсѣченную на стѣнѣ Жичанской церковной башни, князя Лазаря, 1380 г., и патріарха Спиридона, 1385 г., мая 16, инд. 2. Давыдовичъ въ «Сербскихъ Новинахъ» [7] издалъ грамоту Дабыши, 1395 г., апрѣля 26. Магарашевичъ напечаталъ въ Лѣтописѣ [8] Жичанскую грамоту, но, какъ и Вуичъ, съ большими ошибками. Павелъ Соларичъ [9] напечаталъ грамоту Дабыши, вошедшую потомъ въ Споменики подъ № 179. Милутиновичъ, въ своей Исторіи Черногоріи, напечаталъ грамоты: Ивана Черноевича, 1485 года, генваря 4, и 1482 года, и др. позднѣйшія. Въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ напечатаны грамоты: Милешевская деспота Стефана Лазаревича, по видимому, не совсѣмъ точно, Уроша V, 1357 г., апрѣля 10, та самая, которая была напечатана въ Спомениках подъ № 46, султана Баязида, 1492 г., ноября 15, и др. поздн. [10] Въ «Загребскомъ Архивѣ» изданы латинскими буквами двѣ Боснійскія грамоты королей Остои, 1400 г., декабря 8, и Ѳомы, 1443 г., августа 22, (съ facsimile). [11] Шафарикъ въ своей книгѣ «Serbische Lesekörner» [12] предложилъ отрывки изъ грамотъ: Жичанской Стефана Первовѣнчаннаго (по весьма точному списку), двухъ Стефана Душана отъ 1347 г. (по списку XVI вѣка) и 1348 г. (съ fac simile), изъ коихъ первая вполнѣ напечатана у Авраамо-

---

[1] Въ Бѣлградѣ подъ заглавіемъ: Проба штампаня стары диплома Србски Царева, Кралѣва и Деспота, Босански Кралѣва и Банова и Дубровачки Властелина.

[2] Лѣтописъ, 1838, ч. II, стр. 40.

[3] Краткое введ. въ Исторію и пр., стр. 120.

[4] S. J. Chrysostomi Homilia in ramos palmarum. Ed. Miklosich. Windob. 1845. Фарлати въ Illyricum Sacrum t. VII, p. 57, сдѣлалъ переводъ этой грамоты съ Итальянскаго на Латинскій языкъ, но невѣрно отмѣтилъ 1310 годомъ. Миклошичъ критически назначилъ ей время между 1305 и 1307 годами.

[5] Свез. I. 1847. II, 1849. V, 1853.

[6] Путешествіе по Сербіи. У Будиму. 1828. Стр. 71—78, 111—154.

[7] Новине Сербске изъ града Віене. 1815, 3 Сент, N 195.

[8] Лѣтопись 1828, ч. II, стр. 9—22.

[9] См. Шафарика въ Wiener Jahrbücher 1831, 53. Anz. Bl. N 38. — Рейца, Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи, въ сборникѣ Валуева, М. 1846. Стр. 123.—Zemljopis i poviestnica Bosne, od slavoljuba Bosnjaka. U Zagrebu, 1851. Стр. 110. Грамота издана Соларичемъ въ Венеціи 1815 г. подъ заглавіемъ: Objasnenije ko snimku diploma Stefana Dabisce.

[10] За лѣто 1844 (IX година), у Задру. За лѣто 1851 (XVI год.), у Загребу.

[11] Arkiv za povĕstnicu Jugoslavensku. Uredio Ivan Kukuljević Sakcinski. Knjiga II, razdĕl I. U Zagrebu, 1852.

[12] Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Bel[illegible] Serbischen Mundart von P. I. Schaffarik. Pesth. 1833.

вича подъ № 11, Вука Бранковича, 1371 г., царя Лазаря, 1381 г., и Стефана Томашевича, 1458 г. (по списку половины XVI вѣка). В. С. Караджичъ, въ предисловіи къ своему Словарю [1], помѣстилъ другой небольшой отрывокъ изъ грамоты царя Лазаря, 1381 года. По списку же Вука, сдѣланному для графа Н. П. Румянцова, А. Х. Востоковъ, въ «Описаніи Румянцовскаго Музея» (№ LXXIX), напечаталъ начало двухъ грамотъ, Хиландарской Душана, 1348 г., и Раваницкой Лазаря, 1381 года. В. И. Григоровичъ въ своемъ «Путешествіи по Европейской Турціи» [2] представилъ образцы Сербскихъ грамотъ, но, къ сожалѣнію, перемѣшалъ ихъ съ Рускимъ языкомъ. Наконецъ, въ 1851 г. Шафарикъ, въ своихъ «Памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ» [3], въ отдѣлѣ: Okázky občanského písemnictwí, напечаталъ 17 Сербскихъ грамотъ, изъ коихъ только одна обнародована имъ въ первый разъ: это отрывокъ изъ неизвѣстной Дубровницкой грамоты (№ II). Прочія грамоты были уже извѣстны прежде: Жичанская (№ VII) изъ Лѣтописа, Вукичева Путешествія и отрывка, помѣщеннаго Шафарикомъ въ Serbische Lesekörner; грамоты: Поповской Общины (№ I), Кулина (№ IV), Нинослава (№ VI), Андрея Хлумскаго (№ VIII), короля Радослава (№ IX), Дубровничанъ (NN№ X, XIV, XV, XVI, XVII), Владислава (NN№ XI, XII, XIII) и Радослава Хлумскаго (№ XVIII) напечатаны въ Споменикахъ подъ NN№ 11, 1, 5, 4, 2, 3, 8, 12, 16, 19, 7, 6, 9, 20. Грамота Немани (№ V) два раза напечатана Авраамовичемъ (№ 1). И. И. Срезневскій, разбирая изданіе Шафарика въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ» [4], напечаталъ грамоту бана Кулина по подлиннику, хранящемуся въ библіотекѣ Академіи Наукъ [5].

Вотъ все, что мнѣ извѣстно изъ грамотъ, гдѣ и когда либо напечатанныхъ [6]. Но прежде, чѣмъ пойду далѣе, считаю нужнымъ остановиться на самихъ изданіяхъ грамотъ и преимущественно на главнѣйшемъ, Споменикахъ. Не имѣя возможности сличить изданія съ подлинниками, я долженъ былъ вѣрить издателямъ, на сколько явленіе какой-либо странной формы не противорѣчитъ законамъ языка и на сколько оно возможно и объяснимо. Не знаю, кому приписать совершенно невозможныя формы, или, лучше сказать, ошибки, противныя здравому смыслу, — подлиннику ли, переписчику ли, или же, наконецъ, справщику; а таковыхъ ошибокъ довольно въ Споменикахъ, какъ и въ другихъ изданіяхъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ приходятся на долю подлинниковъ. Что касается до формъ, хотя весьма сомнительныхъ, однако, сколько-нибудь объяснимыхъ, то на таковыхъ я не могъ основывать ни какихъ выводовъ, но мѣстами указываю на нихъ, какъ на явленія, стоящія особнякомъ. Исторія языка требуетъ самыхъ вѣрныхъ изданій, которыя бы равнялись подлиннику; она отметаетъ все то,

---

[1] Српски Рјечник. У Бечу, 1818. Стр. IV.

[2] Очеркъ ученаго путешествія по Европейской Турціи. Ученыя записки, издаваемыя Императорскимъ Казанскимъ Университетомъ. 1848. Кн. III.

[3] Památky dřewního písemstwí Jihoslowanůw. W Praze, 1851.

[4] Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности. СПБ. 1852. Т. I, л. 22.

[5] Въ одномъ печатномъ отзывѣ объ упомянутомъ изданіи Шафарика гр-ы NN V и VII отнесены къ изданнымъ въ первый разъ: до Шафарика онѣ были уже дважды напечатаны, первая Авраамовичемъ въ 1847 г. (Опис. Древн. Српски) и въ 1848 г. (Света Гора), а вторая Магарашевичемъ и Вукчемъ.

[6] При трудности собиранія всѣхъ источниковъ, я легко могъ не знать объ одной—двухъ изданныхъ грамотахъ; но на это отвѣчаю Чешской пословицей: «Одна ласточка еще не приноситъ весны.» Замѣчу еще, что сдѣсь я исчислялъ только тѣ грамоты, которыя не моложе XV-го вѣка.

въ чемъ есть умышленное искаженіе языка; ей нужно не столько содержаніе памятника, сколько его языкъ. По этому списки, которыми она пользуется, за неимѣніемъ подлинниковъ, должны быть сдѣланы съ дипломатическою точностію. Отсюда видно, какъ важна для хорошаго изданія вѣрность списка. Для примѣра я сличу однѣ и тѣ же грамоты въ разныхъ изданіяхъ: итогъ покажетъ, что издатели пользовались не равно вѣрными списками, или же сами были не равно вѣрны своимъ подлинникамъ. Такъ въ грамотѣ бана Кулина Шафарикъ читаетъ: босаньски, а въ Споменикахъ, у Срезневскаго и въ Голубицѣ читаемъ: босьньски, что весьма важно для исторіи полугласнаго ь. У Шафарика граѣаномь доубровьчаномь, а въ другихъ изданіяхъ: граѣамь двбровьчамь; у перваго доколѣ, въ Спом. и Голуб. докола, у Срезн, доколэ; у Шаф. сьмь живь и вьси, у Срезн. сьмь живы вьси, въ Спом. и Голуб. сьмь живь: вьси. Шафарикъ и Срезневскій читаютъ: кире ходе, а въ Спом. и Голуб. и преходе, что не имѣетъ смысла. У Шаф. гьдѣ си кто мине; въ другихъ изданіяхъ годѣ си кто мине; у Шаф. и Срезн. срьдьцемь, въ Спом. и Гол. срьдьцомь; у первыхъ вьсакое, въ другихъ всакое; у первыхъ своекь, въ другихъ всоекь; у первыхъ моихь, въ другихъ моихь; у Шаф. могоуке, у прочихъ моге; у Шаф. оу дьвадесеть и девеѳы дьнь, крьстителѧ, у прочихъ: в дьвадесети: и девеѳы дйь, крьстителѧ. Грамоты въ Голубицѣ [1] и тѣ же въ Споменикахъ не согласны кое въ чемъ между собою. Вотъ разнословія: № 53: въ Спом. двбровьчьнимь, въ Голуб. двбровьчьнимь; С. спа, Г. спса; С. попрѣге, Г. попреуе; гдѣ въ Споменикахъ ѥ, тамъ въ Голубицѣ е; гдѣ въ С. ѩ, тамъ въ Г. ѧ (кромѣ ѩко). № 54: С. всѣмь, Г. вьсѣмь; С. градцихь, Г. градскихь; гдѣ въ С. ѥ, тамъ въ Г. е; гдѣ въ С. ѩ тамъ въ Г. ѧ (кромѣ ѩже и ѩко); въ С. конев, въ Г. конеси. № 55: С. вьидино, Г. вьседино; С. ѿ, Г. ѿ; С. пократи, Г. пократе, въ С. всюду ѩ, въ Г. ѧ; въ С. ѥ, въ Г. е; С. ѥдиньство, Г. едииньство. № 146: С. деѡ, Г. део; С. какѡ, Г. како; С. двбровникв, Г. двбровникв. № 160: С. Ѧлександр, Г. Ѧлександр. Какъ различно могутъ быть сдѣланы списки съ подлинныхъ грамотъ, издаваемые потомъ печатно, можно также видѣть изъ сличенія грамоты царицы Мары, напечатанной въ Голубицѣ [2] и Гласникѣ [3]. Сличеніе всей грамоты заняло бы много мѣста и времени: для образца приведу только одно начало. Въ Гласникѣ: + вьсевидѣць и пребл҃гыи и чл҃колюбьвіи цр҃ь славѣ. г҃ь нш҃ь іс҃ хс҃ с҃нь бж҃іи. непостижимїи. неисповѣдыми. неизглаголиныи. неизьчтенныи. неизречинныи. неизслѣдимїи. вл҃ка и творць и сьздатель вьсеи твари. и оумысли оумышленїемь своимь ѩкоже самь ѥсть. и ниь никтоже можеть исповѣдати. ѿ неисповѣднмыих чюдесь твоих хе бж҃е нш҃ь. иже ни агг҃ли оубо прѣдьстоеще прѣстомоу твоемоу прѣстолоу вл҃ко. бж҃тва твоего никтоже можеть таковых исповѣдати и т. д. Въ Голубицѣ: Всевидѧщїи премилостивый и преблагїи и человѣколюбивый царъ славы Господь нашъ Їисусъ Хрт҃осъ сынъ Бж҃їи, Непостижимый, Не исповѣдимый, и не изглаголаный, Не исчетный, и Не изслѣдимый, владыка и творецъ всеѧ твари. хотѣнїемъ восхотѣвшїи, ѩко же ѥсть самъ, и нии никтоже, возможетъ исповѣдати. ѿ Неисповѣдимыхъ чудесъ твоихъ хрт҃е Бж҃е нашъ. Ниже Агг҃ли иже предстоѧщїи престому престолу твоему владыко. Бж҃ества твоегѡ никтоже можетъ исповѣдати и т. д. Одного взгляда достаточно, чтобы увидѣть, какимъ невѣрнымъ спискомъ пользовался издатель Голубицы. Въ той же Голубицѣ напечатана грамота Стефана Душана, 1348 года, о которой знаетъ Ранчъ [4], но въ

---

[1] 1839 г., ч. I.
[2] 1840 г., ч. II.
[3] Свез. II. 1849.
[4] Ч. II, стр. 764.

подписи пропущенъ конецъ, дополненный Ранчемъ, именно, послѣ Арбанасомъ должно слѣдовать: *и Дисіи, рекше западныя страны*. Въ гр-ѣ Ангелины, напечатанной у Юлинаца, поставлено всюду ѧ тамъ, гдѣ въ Спомeникахъ стоитъ ѫ или ѧ; ъ часто тамъ, гдѣ въ Спом. ь; полугласныя замѣнены гласными, напр. Ю. спасеніа, С. спасеніѧ; Ю. сѫшедыи, С. сьшьдьи и пр. Вотъ еще для сличенія мѣсто изъ гр-ы Душана, напечатанной у Авраамовича, вѣроятно, по подлиннику, и у Шафарика, по списку XVI-го ст.: Авр. оумолихже сты сьборь ако да се потроуде и да покажоу мегие (межи) и прѣдѣле мѣстоу томоуи. и да сьедине сь скорпиискомь и зигьскомь мегωмь (со Скорпійскою и Зигскою межею). еже и сьтворише и поидоше сь цртвоими до выше реченихь мѣсть. и сь вьсакымь соудомь и закономь цркыимь изнаидоше меги и сиоре. Шаф. Оумолихже светы сьборь, ико да се потроудеть, и да покажоу меги и прѣдѣле мѣстоу томоуи, и да сьедине сь скорпиискомь и зигискомь мегимь. еже и сьтвориe, и поидоше сь царствоими до вышеречениѣхь мѣсть, и сь вьсакыимь соудомь и закономь царскымь изнаидоше меги и сикоре. Въ заключеніе приведу отрывокъ Жичанской грамоты по тремъ изданіямъ. У Вуича: и сіе Жупе (округи) что приложихомъ цркви спса нашегω съ симъ да не имаю протопредворскеникре области, а што доходи ω Поповъ или ω Влахилиземалскіи люди, что е Поповска Биръ (дань), что се узимле на людехъ, да се та вса у землю сіей цркви, а инымъ Піскопіамъ, не су дошле Жупе, да узима Протопопа Дворскіи половину Бири Поповске, а Іерее верховина по томъ да ω тога неузимлѣ Протопопа чести, но све то Піскупъ да узимлѣ асие до Жупе Елшаница, Пиука, ω Банбра ω Іерванѣ оулазилъ Протопопа. У Магарашевича: и сие жупе что приложихомь цркви спса нашего. съ симь да не имаю протопо пе дворске никоре ωбласти. а что доходи ω ипов, или ω влахъ или земльски люди. что поповска бирь что се узимае на людехь да и та вса у землю сеи цркви. а инѣмь епископиамь кои су дошле жупе. да узима протопопа дворски половини бири дворске. а ереи врьховни попомь да ω тога не узимае протопопа чести. нь все то пискупь да узимае а сие: д: жупе. ильшаница. пиука. ωбанбра. ω странѣ влазиль протопопа. У Шафарика: и сие жоупе, чьто приложихомь црькви спаса нашего, сь симь да не имаю протопопе дворске никоре ωбласти. а що доходи ωть попова или ωть влахь или земльски люди, что е поповска бирь, что се оуземле на людехь, да се та вса оуземлю сеи црькви. а инѣмь пискоупиамь ке соу дошле жоупе, да оузима протопопа дворски половиноу бири поповьске, а ере и врьховина попомь, да ωдь того не оуземле протопопа чесры, нь вьсе то пискоупь да оуземле. а сие. д. жоупе: ильшаница, пиоука, ωба ибра, ωдь исирька не оулазиль протопопа. Благодаря Споменикамъ, содержащимъ въ себѣ грамоты, напечатанныя въ Голубицѣ 1839 года, у Соларича, Юлинаца, Тироля и въ Лѣтописѣ, Гласнику, вмѣстившему грамоту султанши Мары, и Шафарику, обнародовавшему Жичанскую грамоту, мы, изъ всѣхъ доступныхъ намъ грамотъ, не можемъ, въ исторіи языка, пользоваться только грамотою Душана во II-й ч. Голубицы, деспота Стефана въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ на 1844 годъ, да двумя грамотами у Вуича, по причинѣ невѣрности ихъ изданія. Грамота же Дабыши остается, на этотъ разъ, вовсе недоступною намъ, за неимѣніемъ № Сербскихъ Новинъ. Сдѣсь кстати замѣчу, что въ наше время переписчику уже никакъ не слѣдуетъ подвергать языкъ подлинника своей выправкѣ; ибо чрезъ это въ филологическомъ отношеніи памятникъ теряетъ вовсе свою цѣну, становясь плохою копіею, вмѣсто того, чтобы быть полною замѣною подлинника. Что понятно и естественно въ списателяхъ древнихъ, то непонятно и осудительно въ списателяхъ новыхъ.

То же должно сказать и о переводахъ. Безъ сомнѣнія, самый трудный для пе-

ревода есть историческій памятникъ: сдѣсь мало одного словаря; сдѣсь потребно знаніе политической и домашней исторіи народа и современнаго памятнику значенія словъ. Изъ Сербскихъ грамотъ только одна, сколько мнѣ извѣстно, переведена на Рускій языкъ: это договоръ Дубровника съ Михаиломъ Асѣномъ (Ш. № XVI, С. № 16). Переводъ сдѣланъ Априловымъ [1]. Въ подлинникѣ есть много мѣстъ трудныхъ для уразумѣнія; есть и очевидныя погрѣшности стариннаго писца. То и другое затрудняло переводчика и, по видимому, заставляло его не столько переводить, сколько разсказывать своими словами содержаніе памятника. На нѣкоторыя явныя ошибки перевода считаю долгомъ указать. Априловъ переводитъ: «Я Марсилій Георгіевъ повелѣніемъ славнаго Дожа Венеціянскаго князь города Дубровника, *совокупно съ великими и малыми судьями и совѣтниками общины* города нашего Дубровника, вѣрные пріятели Твоего святаго царскаго Величества съ давнихъ временъ *желаемъ*, *милостію* Божіею, святаго Божія Евангелія, пресвятой *Дѣвѣ* матери его, честнаго чудотворнаго креста, святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, четырехъ блаженныхъ Евангелистовъ, Марка, Матѳея, Луки и Іоанна, святаго мученика Господня Власа, Лаврентія, Петра и Андрея, нашихъ святителей и всѣхъ святыхъ *имѣть пріязнь къ Твоему царскому Величеству. Угодивъ* (!!) *Господу Богу, кланяемся* (!!) и обѣщаемъ Твоему святому царскому Величеству быть врагами невѣрному королю Урошу его братьямъ, его роду, и всѣмъ жителямъ Державы его и всѣмъ имѣющимъ во владѣніяхъ его *нѣкоторую власть*, и покуда они пребудутъ непріязненными и невѣрными Твоему святому царскому Величеству и намъ, считать ихъ непріятелями и врагами города нашего Дубровника.» А вотъ дословный переводъ того же мѣста: «Я, Марсилій Георгій, повелѣньемъ славнаго Дожа Венеціянскаго, князь города Дубровника, и всѣ судьи, и вѣчники, и вся Община преславнаго города нашего Дубровника, малые и великіе, вѣрные друзья Твоего святаго Царства, издавна желающіе пользоваться любовію Твоего Царства,—Богомъ и св. Евангеліемъ Божіимъ и св. Дѣвою Маріею, Матеріею Его, и Честнымъ Животворящимъ Крестомъ и святыми Апостолами, Петромъ и Павломъ, и блаженными четырьмя Евангелистами, Маркомъ, Матѳіемъ, Лукою и Іоанномъ, и св. мучениками, Господиномъ Власіемъ, Лаврентіемъ, Петромъ и Андреемъ, нашими святителями, и всѣми святыми, угодившими Господу Богу, клянемся и обѣщаемъ Твоему Великому святому Царству быть противъ злаго творенья, невѣрнаго короля Уроша, и противъ братія его, и рода его и противъ всѣхъ, живущихъ въ землѣ его и тѣхъ, кои въ земляхъ ихъ (Уроша и родичей его) завѣдываютъ какою-либо властію. Если они будутъ измѣнниками и врагами Твоему святому Царству, то и нашему городу Дубровину будутъ также измѣнниками и врагами....» Въ описаніи границъ Дубровницкихъ владѣній переводъ Априлова грѣшитъ вопіющимъ образомъ, особенно въ именахъ собственныхъ. Вотъ онъ: «Земли, селенія и владѣнія со стороны твердой земли и *нынѣ владѣнія, смежныя съ другими селами и владѣніями*, *желающіе* (!!) Божіею помощію вступить въ подданство къ Твоему Величеству, мы при семъ означаемъ. Земли, села и владѣнія *предковъ нашихъ* начинаются съ церкви Святаго Георгія къ старому городу Епидавру до церкви Св. Петра, а съ церкви Св. Петра до церкви Св. *Гиппократа* (!!), а съ церкви Св. Гиппократа *по дорогѣ* до Бѣлома внизъ мѣльницъ, а съ мѣльницъ *по дорогѣ* къ верху, *идучи* къ Жерновицѣ до *самаго Влащица*, а съ Влащица вверхъ *дороги* къ *Шумету* до самой *Оки* (!!). *Берегомъ же рѣки Оки* (!!) къ верху простирается наше достояніе до *высшей Корилы*, а оттель по дорогѣ

[1] Болгарскія Грамоты, собранныя, переведенныя на Русскій языкъ и объясненныя Василіемъ Априловымъ Одесса. 1845.

вверхъ *Затова*, Полицы и Орашицы до самой церкви Святой Θеклы. Все показанное выше пространство земли, находящееся между сказанными мѣстами, съ селеніями и округами, начиная съ горы до самаго берега моря, принадлежитъ намъ по наслѣдству нашихъ предковъ.» Подлинный переводъ таковъ: «означимъ земли, села и поземельныя владѣнія на сушѣ, съ нашей стороны, равно какъ владѣнія тѣхъ земель и тѣхъ селъ и округовъ, которые вскорѣ, при помощи Господа Бога, будутъ преданы твоему Величеству (т. е., означаются, съ одной стороны, владѣнія Дубровника на сушѣ, а съ другой владѣнія Уроша, долженствующія въ скоромъ времени поступить во власть Михаила Асѣна). А означенная наша дѣдина, земли, села и управленія, начинаются отъ церкви святаго Георгія къ старому граду Епидавру и идутъ до церкви св. Петра, а отъ церкви св. Петра идутъ до церкви св. Панкратія, а отъ церкви св. Панкратія, какъ владѣется изстари, къ Бѣлома и спускаются къ Мѣльницамъ, а отъ Мѣльницъ, какъ владѣемъ изстари, (пограничными землями суть тѣ), кои идутъ на Жерновницу вплоть до Влаштицы, а отъ Влаштицы, какъ было встарину, суть тѣ, кои лежатъ на Шуметь и простираются до Ока, а съ той стороны Ока, какъ ведется изстари, (пограничными землями суть тѣ), кои находятся выше Рѣки и стягиваются до старинныхъ (земель), лежащихъ выше Корила; а отъ Корила, по древнему, суть тѣ, кои лежатъ на Затонъ, Полицу и Орашецъ, и стягиваются къ церкви Св. Θеклы. И всѣ межи означенныхъ земель, и селъ, и округовъ, и вышеописанныхъ возвышенностей спускаются къ морю, и всѣ принадлежатъ нашей дѣдинѣ...» Названіе особыхъ чиновниковъ: ѿ вѣка (вѣча) ꙋмолени, то же, что pregati, неправильно передано словомъ *повѣренные вѣча;* равно какъ прьци ѡпькиньски и прьци градьци то же, что avvocati, ошибочно названы *первенствующими общины* и *первенствующими города*. Неужели сходство между прьци и прьки надоумило къ тому переводчика? Нельзя не пожалѣть также о пріемахъ, не разъ встрѣчающихся въ ученыхъ сочиненіяхъ, коихъ авторы, не имѣя главнѣйшею цѣлью изданіе какого-либо древняго подлиннаго документа, при печатаніи таковаго, позволяютъ себѣ дѣлать въ немъ пропуски по своему усмотрѣнію, а иное выражать своими словами, выкидывать, или измѣнять буквы и т. п. Въ наше просвѣщенное время всякій памятникъ, тѣмъ болѣе старинный, долженъ быть издаваемъ такъ, какъ онъ есть, съ безукоризненною точностію, для того, чтобы имъ могъ пользоваться всякій, кто даже не имѣетъ возможности изучать его въ подлинникѣ. Г. Григоровичъ, посѣщая Аθонскіе монастыри, знаменитые не своими древнехранилищами, а хранящимися въ нихъ древностями, читалъ многія Сербскія грамоты, дѣлалъ изъ нихъ выписки, а нѣкоторыя а вполнѣ списалъ; но съ сожалѣніемъ должно сказать, что отрывками, сообщенными имъ въ его Путешествіи, мы не можемъ пользоваться при изученіи языка, ибо въ нихъ слова подлинника перемѣшаны съ выраженіями самого издателя; напечатаны гражданскими буквами, между которыми кое-гдѣ проглядываютъ Ц.-Славянскія буквы и сочетанія, въ родѣ, ı-а и ı-е, и титлы. По этому мы не сличаемъ его грамотъ съ тѣми, которыя изданы Авраамовичемъ. Довольно указать на одну грамоту Стефана Немани, изданную весьма точно два раза Авраамовичемъ и одинъ разъ Шафарикомъ, и переданную Григоровичемъ со множествомъ разнословій противъ трехъ другихъ изданій; но стоитъ лишь прочесть двѣ, или три строки, чтобы убѣдиться, что грѣшатъ не первые двое, а послѣдній.

Сличеніе однѣхъ и тѣхъ же грамотъ, изданныхъ Шафарикомъ и въ Споменикахъ, приведетъ насъ къ довольно любопытнымъ замѣткамъ. При первомъ взглядѣ на изданіе Шафарика, мы уже видимъ, что посторонняя рука коснулась

подлинника: древнѣйшіе знаки препинанія опущены; двоеточіе и точка замѣнены новыми запятою и точкою, которыя, разумѣется, стали на другія мѣста, уже опредѣленныя для нихъ издателемъ по новѣйшимъ правиламъ правописанія. Титлы опущены, на пр., надъ числовыми буквами, или, вмѣстѣ съ словотитлами (разумѣю всякую букву подъ титломъ) переведены въ строку. То и другое уже нарушаетъ подлинный видъ письма, даетъ памятнику несвоевременный образъ, даже посягаетъ на самый языкъ. Величайшее затрудненіе при переводѣ титлъ въ строку представляютъ полугласныя. Мы знаемъ, что древній Сербскій книжный языкъ, вопреки Церковнославянскому вліянію, всюду ставилъ одно ь вмѣсто ь и ъ: тѣмъ не менѣе послѣдняя буква удержалась кое-гдѣ въ Сербскихъ памятникахъ, преимущественно такихъ, кои наиболѣе подвержены были Ц.-Славянскому вліянію. Послѣ этого, можно ли положительно ручаться, что писецъ, скрадывая отъ читающаго, чрезъ сокращеніе, явный способъ произношенія, самъ непремѣнно произносилъ слово съ мягкимъ ь, а не твердымъ ъ? Съ другой стороны, извѣстно, что чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ чаще употребляется въ немъ ь для смягченія согласныхъ звуковъ, но что уже въ самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ показывается мѣстами отсутствіе б-ы ь: издатель рѣшительно въ недоумѣніи, какъ перевести титловую букву, обыкновенно для краткости словотитлы лишенную б-ы ь, — съ б-ю ли ь, или безъ б-ы ь? Большинство случаевъ ни сколько не служитъ сдѣсь оправданіемъ, ибо въ дѣлѣ книжнаго языка оно нигдѣ никогда не пользуется правомъ исключительнаго господства: сначала являются рѣдкія исключенія, потомъ число ихъ увеличивается, и наконецъ сами они становятся большинствомъ; на этихъ-то видоизмѣненіяхъ и основывается вся исторія движенія или развитія языка. Одинаковымъ образомъ переводить титлы въ грамотахъ различныхъ вѣковъ значитъ налагать однообразную личину на подлинный видъ памятниковъ. Въ третьихъ, извѣстно, что переходъ полугласнаго ь въ полную гласную есть одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ историческаго хода книжнаго Сербскаго языка; но словотитлы, не говорю уже о полномъ сокращеніи подъ титлою, бываютъ лишены какъ ь, такъ и замѣняющей его полной гласной: издатель не можетъ достовѣрно рѣшить, какъ произносилось слово, написанное подъ титлою, или словотитлою,—съ б-ю ли ь, т. е., съ полугласнымъ отзвукомъ, или уже съ полною гласною, и притомъ какою? Въ четвертыхъ, случается иногда, что писцы ставятъ титлы, по пристрастію къ нимъ, надъ полными формами, слѣдовательно, тамъ, гдѣ онѣ не нужны: издатель, не признающій и не допускающій титлъ, какого бы рода онѣ ни были, легко опускаетъ таковыя случайныя титла, не подвергая формы слова никакой перемѣнѣ; но если писецъ, на основаніи современныхъ ему правописныхъ соображеній, принималъ форму безъ смягчающаго, или звукоотбивающаго ь за полную, и только по избытку ставилъ надъ нею титлу, то издатель впадаетъ въ ошибку противъ своевременности памятника, когда, побужденный титлою, вставляетъ въ эту форму ь и, такимъ образомъ, дѣлаетъ ее старше своего времени. Наконецъ, въ пятыхъ, есть слова подъ титлою, которыхъ настоящая форма можетъ быть двояка: такъ црьство, или позднѣйшее црство, можетъ быть произносимо и царьство и цесарьство: переводящій титлу недоумѣваетъ, и вѣчно будетъ недоумѣвать, въ какомъ случаѣ поставить первую, полную, форму, и въ какомъ случаѣ вторую? Эти предварительныя замѣтки послужатъ намъ объясненіемъ большей части разночтеній, встрѣчающихся между изданіемъ Шафарика и Спомениками. Кстати замѣчу еще, что Шафарикъ, въ изданіи своемъ, отвергая подлинные знаки препинанія и титлы, и, по этому случаю, снимая титлы съ самыхъ числовыхъ буквъ, что вообще противорѣчитъ правописному обы-

чаю Кириллицы, не смотря на то, все же таки принужденъ былъ удержать древнѣйшій знакъ отдѣла между словомъ и числомъ, точку, для избѣжанія совершеннаго слитія числовыхъ буквъ съ обыкновенными, и происходящей отъ того сбивчивости чтенія; сдѣсь онъ самъ поступилъ противъ своего правила. Впрочемъ, я не виню прямо Шафарика. Кто знаетъ, какъ иногда трудно, и даже невозможно бываетъ при изданіи памятниковъ пользоваться самими подлинниками этихъ памятниковъ, и кто знаетъ, что Шафарикъ печаталъ грамоты по списку, заранѣе приготовленному для него другими, тотъ пойметъ, что, при малѣйшемъ подозрѣніи въ неточности списка, издатель не могъ уже безгранично полагаться на него и, подозрѣвая, или дѣйствительно замѣчая въ немъ какія-либо погрѣшности противъ сохраненія титлъ и знаковъ препинанія, имѣлъ право однажды навсегда сгладить эту тончайшую и, по причинѣ своей мнимой маловажности, болѣе доступную ошибкамъ переписчиковъ особенность Кириловскаго письма. Мы имѣемъ основаніе догадываться, что списокъ грамотъ, которымъ пользовался Шафарикъ, не всюду былъ вѣренъ своему подлиннику: насъ убѣждаетъ въ этомъ сличеніе Шафарикова изданія съ Споменениками, къ которому сейчасъ и приступимъ. Самое молчаніе издателя о разночтеніяхъ его списка со спискомъ Споменениковъ свидѣтельствуетъ, что издатель не имѣлъ возможности повѣрить свой списокъ съ самими подлинниками, и долженъ былъ молча отдать его на судъ читающему міру. Если же къ уничтоженію титлъ, значковъ и древнихъ знаковъ препинанія издатель побужденъ былъ лишь желаніемъ придать своему изданію типографскую красивость, какъ самъ онъ на это ссылается въ предисловіи, то, признаемся, такую причину въ ученомъ изданіи мы менѣе всего допускаемъ: если уже нельзя помирить вѣрности подлиннику съ красотою изданія, то, ни сколько не колеблясь, можно второю пожертвовать въ пользу первой. Впрочемъ, и на самую красоту изданія можно смотрѣть двояко, и мы сомнѣваемся, чтобы къ старинному Ц.-Славянскому письму можно было удачно примѣнить новѣйшія понятія о красотѣ новыхъ гражданскихъ шрифтовъ. А самыя буквы? Отъ чего Шафарикъ всюду ставитъ оу вмѣсто ꙋ? Отъ чего у него всегда въ началѣ словъ систематически стоитъ ѡ вм. о, въ пользу котораго во всѣхъ памятникахъ есть многочисленныя исключенія? Отъ чего у него нѣтъ вовсе ѥ, а вмѣсто него всюду є, которое есть то же, что мягкое е? Чѣмъ оу, ѡ, є красивѣе ꙋ, о, ѥ? А между тѣмъ чрезъ таковыя перемѣны подлинный видъ памятника страдаетъ. И такъ, однажды навсегда, запомнимъ, что ꙋ Споменениковъ постоянно замѣняется у Шафарика начертаніемъ оу: по видимому, издатель не допускаетъ перваго начертанія, хотя оно есть сокращеніе древнѣйшаго оу, и потому имѣетъ свое историческое значеніе. На титловыхъ ѿ҃, ѡ҃, ѿ҃ь, ѡ҃ь не станемъ нигдѣ останавливаться, ибо они у Шафарика всегда переводятся въ ѡдь, ѿть. Встрѣчающіяся въ грамотахъ формы ѿ҃ца (С. №№ 1, 3, 4, 12, 19), ѡ҃ць (С. № 7), ѿ҃ць (С. № 3), ѿ҃ца (С. №№ 2, 4) переведены у Шафарика въ ѿтьца, ѿтьць и однажды въ ѿтца (№ X), но почему въ одномъ случаѣ съ ь, а въ другомъ безъ ь? Формы безъ титлы: ѡца, оца (С. №№ 5, 8, 20) изображены то въ видѣ ѿтьца (№ XVIII), то въ видѣ о(тц)а (№ VI), ѡ(ть)ца (№ XIV), но почему однажды отца безъ ь, и почему всюду съ т? А мы знаемъ, что Сербы любятъ опускать д и т предъ ц: поэтому писецъ, можетъ быть, и считалъ сдѣсь титлу лишнею. Отъ того и форму ѿчинꙋ (С. № 7) нельзя передѣлать въ ѿтьчинꙋ (№ XI). Какъ сокращенную сн҃ь, сн҃а, сна перевести въ полную? У Шафарика она всюду дополняется б-ю ы: сынь сына и только однажды б-ю и: сина (№ XVIII), между тѣмъ какъ послѣдняя форма была бы гораздо умѣстнѣе и для всѣхъ прочихъ грамотъ; ибо Сербское правописаніе, по самому свой-

ству языка, избѣгаетъ б-ы ы и почти всюду замѣняетъ ее б-ю и: за сиіа ручается большинство случаевъ. Сокращенныя: сто҃го, сто҃га, ста҃го, стого, стога, стаго, сты҃хь, ст҃а, ст҃о, сты҃, сты, ст҃е, ст҃и, сто҃мꙋ, сто҃е, ст҃ню, ст҃ꙋ, стомꙋ, ста; стаѣ, ст҃инимь всюду переданы чрез свєтого, свєтога, свєтаго, свєтыхь, свєта, свєто, свєты, свєтє, свєти, свєтомоу, свєтоє, свєтню, свєтоу, свєтнѣ, свєтинимь. Замѣчательныя ст҃ѣтихь, ст҃ѣтꙋю, ст҃ѣтнимь (С. № 16) переданы черезъ обыкновенныя свѧтихь, свєтоую, свєтнимь (№ XVI). Дх҃а всюду доуха. Бг҃ь, бь҃, ба҃, бꙋ҃ и производныя бж҃и, бж҃нѡвь и пр., также бц҃а, бц҃ѧ и пр. всюду дополнены б-ю о: богь, бога, богоу, божи, божнѡвь, богородица и пр., но почему же не чрезъ б-у ь? Га҃, гн҃ь, гн҃а, гн҃ꙋ, гн҃ь, гн҃а, госпгн переведены въ господа, господинь, господина, господиноу, госпоги; чт҃ьны кр҃ть гн҃ь въ чьстьны крьсть господьнь; мц҃а, мц҃а въ мѣсеца; ис҃ха, исха҃, ис҃ха҃, исха҃, исха҃ въ исоусхриста и однажды исоусь христа (№ XVIII). Переходимъ къ сличенію отдѣльныхъ грамотъ. (Титлы и нѣкоторыя другія разночтенія, касающіяся полугласныхъ и пр., я опускаю). № I Ш.=№ 11 С. У Ш. станькоу, въ С. станкꙋ. Ш. да се станемо, С. да се҃ састанемо. Ш. тер е векнимѣникевикь хранишоу, С. тере рекнимѣнике ви кь ранишꙋ: въ томъ и другомъ смыслъ не ясенъ. № VI Ш.=№ 5 С. У Ш. киносдавь, въ С. киносавь: б-а л въ окончаніи славь часто опускается. Ш. сињ, но въ С. сн҃ь, что значитъ то же, что сынь. Ш. дѣ моудѣ обдада, С. а ѣ кꙋде обдада: послѣднее понятнѣе и подтверждается дальнѣйшимъ повтореніемъ того же а ѣ приѣти Ш. и С. У Ш. великога, въ С. веанока. Ш. богь ре ти дан, С. бг҃ ре ти дал. № VIII Ш.=№ 4 С. У Ш. даньдолоу, въ С. даньдолѣ. Ш. старѣи (и)мали, С. старѣ имали. Ш. ҁемлью, С. ҁемлꙋ. Ш. ни тьник коньць, С. ни тьи коньць: въ послѣднемъ тьи не окончено и б-а и прочтена дурно вмѣсто н. № IX Ш.=№ 2 С. У Ш. ҁемль, въ С. ҁем҃ль, можетъ быть, вмѣсто ҁемьль. Ш. тоудрь кроусикь, С. тꙋдрѣ крꙋсикѣ. Ш. ҁемли, С. ҁем҃н, почему же не ҁемьли? Ш. могорыше, С. могорише. Ш. прѣклетьвьствѣ, С. прѣклетьствѣ. Ш. чьловѣкь, С. члокѣкь. Ш. вѣрьныимь, С. вѣрьнимь. Ш. соудь оу врѣменѣхь, С. сꙋдь врѣменѣхь. Ш. ѡдь михоилѧ дьне до гюргева дьне, С. ѿ михолѧ дне до гюргева дне. № X Ш.=№ 3 С. У Ш. доубровьчски, въ С. дꙋбровьчки. Ш. срьдцемь, С. ср҃цемь, быть можетъ, вмѣсто срьцемь, ибо д въ этомъ словѣ часто опускается въ нашихъ грамотахъ. Ш. ѡть дьньшнега дьне, С. ѡдн҃ьшнего дн҃е, гдѣ, по всему вѣроятію, опущено д, т. е., ѡдд҃ьшнего. Ш. чьто, С. что. Ш. касилые, С. наснане. Ш. и прибѣгнеши, С. и прибѣжеши. Ш. ти, С. ты. Ш. вьсе и опльнено, С. всеиопльнено, что понятнѣе перваго. Ш. цариньник, С. царниикь. Ш. оучиники, С. ꙋчиники. Ш. хранити, С. схранити. № XI. Ш.=№ 7 С. У перваго: градскои, во вторыхъ гр҃скои, можетъ быть, градьскои. Щ. рашьникь ҁемль и поморьскихь[1], С. рашкй, ҁм҃ль, и приморскй. № XII. Ш. = № 6 С. Ш. божиѡвь, С. бж҃новь. Ш. ѡдь светыхь, С. ѿ сты҃. № XIII Ш. = № 9 С. У Ш да примѣмь, С. да примемь. Ш. ѡбѣкали, С. ѡбекали. У Ш. пропущено такоҁи. № XIV Ш. = № 8. С. Ш. доубровьчьски, С. дꙋбровьчьки. Ш. и писание нѣ мьдоу ни есть, С. и списание нѣ мекꙋ ни несть. № XV Ш.=№ 12. С. У Ш. велнемоу, С. вл҃мꙋ. Ш. богородица, С. бг҃родица. № XVI Ш.=№ 16 С. У Ш. любовь, отчего же не любьвь, какъ въ С? Ш. повелениѣемь, гдѣ ь по ошибкѣ принято за ѣ вмѣсто повеленьемь, какъ въ С. Ш. прѣславьнога, С. прѣславьнога. Ш. люкоу, С. лꙋкꙋ. Ш. ловрѣньтѣ, С. ловрѣньтьѣ. Ш. каьиемосе, С. кальемьсе. Ш. невѣрьного, С. невѣрьного. Ш. твоимь царьствомь, С. ствоимь цр҃ствомь. Ш. дюубровьчки, С. дюврокьчки. Ш. дюбровьчькога, С. дюбровькога. Ш. кто, С. кьто. У Ш. пропущено петра. Ш. створеть, С. ст҃реть, быть можетъ, отъ глагола сьтрѣти. Ш. беҁь вьсакои, С. беҁь вьсакое. Ш. вьда, С. сьда, первое вѣрнѣе. Ш. вь ҁемлахь, С. вь ҁемахь. Ш. сьшнѣ.

ми, С. сьмьми, гдѣ, очевидно, ѧ прочтено за ь. Ш. петьнадесеть, С. петьнадесете. Ш. помагаеть, С. помогаеть. У Ш. пропущено до въ выраженіи идоуть црькви светого пократа. Ш. дори, С. дери. Ш. врьхь рѫкоу, С. врьхь рѫке. Ш. сьтегьноуться, С. сьтегьнѫться. Ш. метде, С. медѐ. Ш. ѡнопоуѕи ѕаконь, С. ѡноньѕи ѕаконь: послѣднее вѣроятнѣе. Ш. доубровьчки, С. дюбровьчки. Ш. людьмь, С. лѫдьмь. Ш. светиѧ црьквѧ, вѣроятно, опечатка вм. светаѧ црква, какъ въ С. Ш. писоуьные—ошибка вм. писаные, какъ въ С. Ш. венетьскога, С. венетескьога. Ш. да имамо, С. да имо. Ш. ѡпьвинѧ, С и ѡпьвинѧ. Ш. потврьдение, С. потверьдение. Ш. оумолена, С. ѫмолени. Ш. теѡдрь воу датикь, С. теѡдорь бѫдатикь. Ш. аньдреѧ вольчевикь, С. аньдреѧ вальчевикь. Ш. жоупиз богьданика, С. жѫпа богьдановикь. Ш. ки дрьже, С. ии дрьже, гдѣ по ошибкѣ к принято за и. Ш. чимикь. С. чи̂кь, почему не чимькь или чимекь? Ш. поборникь, С. повирикь. У Ш. послѣ аньдреѧ гославикь прибавленъ жоупь болеславикь, котораго нѣтъ въ С. Ш. моврѧшикь, С. моврѧшкь. Ш. дюбровьчкога, С. дюбровькога. Ш. дюбровьчкихь, С. дюбров̂ь. № XVII Ш.=№ 19 С. Ш. стрѣки васа, С. стрѣки вась—разночтеніе важное для исторіи полугласнаго ь. Ш. о телѧ ихь и добитькѧ ихь, С. отелѧ ихь и добитькь ихь—дурно прочтено. Ш. ѡтворень, С. ѿворень, можетъ быть, вмѣсто ѡтьворень. Ш. ере боуде, С. ере боде—дурно прочтено. Ш. мегоу, С. мегѫ—разнословіе важное для исторіи б-ы ѣ. Ш. да се не роушн, С. да е не рѫши. У Ш. послѣ чинити пропущено спающе клетви, какъ въ С. Ш. цароу, С. цр̂аѫ, гдѣ буквы переставлены. У Ш. лишняя подпись: тоудрь боугачикь. Отсюда видимъ, что списокъ съ этой грамоты для Споменниковъ сдѣланъ не такъ отчетливо, какъ для Шафарика. Напротивъ, слѣдующая грамота № XVIII Ш.=№ 20 С. напечатана гораздо вѣрнѣе въ Споменикахъ, чѣмъ у Шафарика. Въ спискѣ послѣдняго есть много мѣстъ противныхъ смыслу, напр., кльнемосе соудьцемь и вьсе опьчине доубровькѧ сь моновь доброкь хьтение вм. сѫдиѧмь и вьсеи ѡпьчинѧ доубровьчькои: смонмь добримь хтѣнимь; прокоу мою силоу сь монмь лоуди вм. протива моеи силѣ: и смоими лѫдьми; егови людимь вм. еговѣмь лѫдемь; а и сь моимь люди, кои имамь и сь кои имамь имети, боудоу дерьжавь оу клетькоу и оу мирь сь великомь господиномь михоиломь царь коуальгарьскимь и сь своимь людимь, како стои шьнимь градь доубровьчьки, доколе и царь стои оу клетькоу и оу мирь сь градь доубровьчьки вм. а ѧ смоими лю̂ми, кое имамь: или ѫчиѫ имѣти: бѫдѫ дрьжань ѫ клетвѫ и ѫ мирь: сь великимь г̂иомь михаиломь царо̂мь бѫгарьскомь: и сь еговѣми лю̂ми: доколѣ ѫчьне стоѣти сь нимь гра̂ дѫбровьчьки: доколѣ: ц̂арь стои ѫ клетвѣ и ѫ мирѣ: ѕ гра̂мь дѫбровьчьниномь. Измѣнены нѣкоторые падежи и буквы (к вм. ѣ, е вм. ь), опущены подписи: богьдань радоевикь, десимирь чрьнѣновикь, годѣнь крамимрикь, продань побрековикь, и вообще замѣтно участіе переписчика, желавшаго согласовать и измѣнять слова по своему. Мы нарочно долго останавливались на сличеніи однѣхъ и тѣхъ же грамотъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ и у Шафарика, чтобы показать, какъ осторожно издатели должны пользоваться изготовленными для нихъ списками. Оба изданія сдѣланы, безъ сомнѣнія, по спискамъ, снятымъ съ одного и того же подлинника, и оба заслуживаютъ, по качеству своему, полнаго довѣрія изслѣдователей, не ровняясь въ этомъ отношеніи съ второстепенными изданіями, сдѣланными, на пр., въ Голубицѣ, Вуичемъ, Юлинцемъ и др.; а между тѣмъ и въ нихъ есть разночтенія, которыя мѣстами весьма важны. Политическая исторія не затруднится этими разночтеніями, лишь бы смыслъ оставался въ сохранности; но исторія языка должна сдѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ изданіемъ: ея дѣло смотрѣть, какое изданіе вѣрнѣе подлиннику. Если позволено судить объ изданіяхъ по взаимному ихъ сличенію и тщательности, съ каковою они сдѣланы, то, въ видахъ исторіи языка, мы

не затруднимся отдать преимущество Спомениканъ, на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ Спомениkахъ не замѣтно сглаживающей и обобщающей руки: въ нихъ соблюдены титлы и различіе между начертаніями оу и ꙋ, ѥ и є. Видно, что переписчикъ обращалъ на все это вниманіе. Вѣдь близко же сходятся между собою оба изданія относительно употребленія начертаній ѡ и о въ срединѣ словъ: значитъ, сдѣсь оба переписчика, безъ всякого взаимнаго соглашенія, были столь внимательны къ подлиннику, что рѣшились соблюдать въ точности различіе въ обоихъ начертаніяхъ. Въ такомъ случаѣ изданіе Шафарика подкрѣпляетъ собою изданіе Спомениковъ. Но относительно оу и ꙋ и титлъ Шафариковъ переписчикъ измѣнилъ своей точности, между тѣмъ какъ переписчикъ, трудившійся для Спомениковъ, остался вѣренъ подлиннику: соблюденіе этѣхъ мелочей ручается за тщательность и добросовѣстность переписчика и поселяетъ къ нему довѣріе со стороны изслѣдователя. При сличеніи можно было также замѣтить, что Шафарикъ считая свое є твердымъ, всюду ставитъ его вм. настоящаго твердаго ѥ, даже тамъ, гдѣ въ Спомениkахъ стоитъ мягкое є. Но вопросъ о томъ и другомъ начертаніи весьма труденъ: рукописи мало отличаютъ ихъ, или даже вовсе не соблюдаютъ различія между ними; къ тому же древній почеркъ часто давалъ б-ѣ ѥ такой видъ, что можно было легко принять ее за б-у є. По этому переписчикамъ и издателямъ предстоялъ большой трудъ въ распознаніи обоихъ начертаній. Можно даже пологать, что въ Спомениkахъ, въ сличаемыхъ грамотахъ, смѣлый и кругловатый почеркъ для ѥ заставлялъ иногда это ѥ принимать за є, но нѣтъ сомнѣнія, что это послѣднее начертаніе имѣло мѣсто и огромное употребленіе въ другихъ, и именно, позднѣйшихъ, грамотахъ, гдѣ оно служило замѣною для ѥ. Нѣкоторыя описки и недомолвки, встрѣчающіяся въ обоихъ изданіяхъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, свидѣтельствуютъ, что переписчики вѣрно держались подлинника и соблюдали даже его погрѣшности. Такъ, на пр., въ № XIV Ш.=№ 8 С. ꙃа сию обѥтоканиѥ, гдѣ писецъ подлинника опискою поставилъ ю вм. ѥ; въ № I Ш. = № 11 С. окинѣ вм. опкинѣ, и особенно въ № XVI Ш. и № 16 С., подлинникъ коего небрежно составленъ или списанъ для двойника, а списки сдѣланы вѣрно для обоихъ изданій. Все это свидѣтельствуетъ, что Спомениkи не уступаютъ въ точности изданію Шафарика, и если вспомнимъ, что легче переписчику ошибиться въ пользу нынѣшнихъ знаковъ препинанія, нынѣшнихъ безтитловыхъ формъ, нынѣшняго чтенія, на пр., ꙃемьлю вм. ꙃмꙋ, люди вм. лꙋдьѥ, крьститєлꙗ, кралю вм. крьститєлꙗ, кралꙋ и т. п., чѣмъ впасть въ старину, то мы должны будемъ признать за Спомениkами право первенства и ими руководствоваться въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, приводя, гдѣ нужно, замѣчательныя разночтенія по изданію Шафарика. Есть еще одна грамота у Шафарика, напечатанная до него дважды Авраамовичемъ: это № V Ш. = № 1 А. Въ ней, также какъ и въ другихъ, титлы переведены въ строку и древніе знаки препинанія замѣнены новыми; ꙋ измѣнено въ оу. Изъ разночтеній замѣчательны: Ш. дарова нашимь дѣдомь, А. дарова нашимь прадѣдомь. и нашимь дѣдомь. Ш. сь аьплминемь, А. сь аьпланемь. Ш. вьꙃмѣтє, А. вьꙃьмѣтє, Ш. сьпаѣсканиѣ своѥго, А. и аѣсканиѣ своѥго, кажется, послѣднее чтеніе вѣрнѣе, ибо безъ и трудно обойтись. Ш. по иꙃколєнию, А. по иꙃьколєнїю. Ш. оу милєнхь, А. оу милєдхь, что весьма важно для исторіи б-ы ѧ въ Сербской письменности. Ш. тоуигє—вѣрнѣе тꙋигє, какъ и у Авр. въ другомъ изданіи (Света Гора), ибо сдѣсь и есть усиливающая частица весьма обыкновенная въ древней Сербской грамотности. Ш. соудьство—вѣрнѣе, чѣмъ А. сꙋдꙋство, что, безъ сомнѣнія, есть опечатка. Ш. доурьгєво, А. дꙋрьгєво—весьма важное различіе въ отношеніи исторіи б-ы ѣ, столь обык-

новенной въ позднѣйшихъ памятникахъ. Ш. иод, А. иод. Ш. прѣтвори да, А. прѣтвор. Ш. печать стефана великаго, А. печат великагѡ. О переводѣ титлъ не мѣшаетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ нѣкоторыя формы не могутъ быть названы непремѣнно таковыми, каковыми воображалъ ихъ себѣ писецъ, на пр., почему бгь, бжиюѕь, бжиемь, влдчьствоу,—ѣ, влдчьиемь, влдка,—ы, срдцемь, сна, ѡчьства,—ѣ, ѡиоудь, крь, милосрдию, симеѡнѡвь должны быть положительно таковыми: богь, божиюѕь, божиемь, владичьствоу,—ѣ, владичьиемь, владика,—ы, срьдьцемь, сына, ѡтьчьства,—ѣ, ѡдьноудь, крьсть, милосрьдию, симеѡнов, а не иными, какъ, на пр., бьгь, бьжиѡвь и т. д., владычьствоу и т. д., срьдцемь, или срдьцемь, сина, ѡтчьства,—ѣ, ѡдиоудь, крсть, милосрьдию, симеѡновь? Эти отличія, за которыя можно столь же твердо стоять, сколь твердо стоитъ Шафарикъ за свои восполненныя формы, ибо въ подлинникѣ нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, могутъ имѣть огромное вліяніе, по причинѣ древности грамоты, на исторію б–ъ ь, и; но мы не применъ ни своихъ, ни Шафариковыхъ, такъ какъ единственный рѣшитель ихъ достовѣрности, подлинникъ, употребляетъ ихъ въ сокращенномъ видѣ. У самого Шафарика, по сличеніи дважды изданныхъ имъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ Жичанской грамоты, находимъ одну, или двѣ разности: котльника и котлѣника, архиепископовь и архиѣпископовь, изъ коихъ послѣдняя весьма важна для опредѣленія природы б–ы ѣ. Подобное сличеніе изданій, которыя, по видимому, ручаются за свою достовѣрность, можетъ быть весьма поучительно для тѣхъ, кто изготовляетъ списки съ подлинниковъ. Сдѣсь малѣйшая неосмотрительность, опущеніе, или перемѣна одной буквы, одного значка приводятъ языкоизслѣдователя въ недоумѣніе: каково же ему, когда цѣлыя слова, цѣлыя выраженія не имѣютъ смысла, или рознятся въ изданіяхъ? Николаевичъ, издатель Сербо-Далматинскаго Магазина, имѣя въ рукахъ списокъ съ грамоты Уроша V, которая уже была напечатана въ Споменикахъ (№ 46), и, видя между обоими списками большую разницу, не могъ удержаться, чтобы снова не напечатать грамоты, «нека чатательи виде, како преписницы различно прекопіяваю.» И вотъ отрывки изъ обоихъ изданій. Сп. Иже испрьва сищевая любьвь бжвная и сладость неизреченние слави твоие. и кто довольнь ие изгати таковую блгть иже даровал иси вко хе. небни црв слави своимь рабомь. православнимь црмь. пожившимь блговѣрнимь и чистотою. прѣшьший вса лѣта живота своего. и въсприемшимь вѣнце поусти ѿ всемогущаго вки. и ѿ рукии аггле мьчь побѣди. Ник. Иже испрьва сищева. за любовь бжтвную, и сладо неизреченноую слави твое кто доволѣнъ ие изъгаати. таковое благодаяніе. иже дарова еси вко хрте небни црв, рабомъ своимъ. слави православний царемъ блговѣрний и чтотою прешьшимихъ и лѣта живота своего. И въсприемшихъ вѣнце поутиіе подаяніемъ всемогущаго вки ѿ руки аггелови, мачь победу. Это начало; но и самое изложеніе дѣла не менѣе, если только не болѣе, искажено въ обоихъ спискахъ, на пр.: С. и записанимь црквми Штонь (островъ) ѡнуге (по ту сторону) дубровника матть. сь всѣми сели сиагѣми и утеси и сь всѣми правинами тога ѡтока. и сь всѣмь метохѡ. како ие ѿ вѣка биль. сумимь га су имали ини вси ѿ прежде да имь ие у баштину и у ѡпроучно имь и ниxь дѣцамь до вѣка. Ник. записа има црткоми ѡтокъ ѡнуѣе дубровникх мяистъ Сь всеми пернорѡ и правилами ѡтока тогази како е ѿ вѣка било и како кога су ини Прежде имали и дрьжали да имь е у баштину и у троучно име. Въ послѣднемъ гораздо менѣе смысла, чѣмъ въ первомъ. Хотя въ обоихъ есть погрѣшности, однако ихъ гораздо больше въ послѣднемъ, гдѣ также весьма подозрительна замѣна древнѣйшихъ ь, и б–ми а, ѣ: по

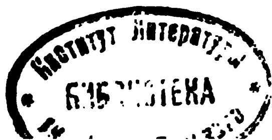
всему видно, что Споменики заслуживаютъ большаго довѣрія, хотя и ихъ мѣстами должно исправлять спискомъ Николаевича.

Издатели Споменикова спѣшили сообщить ученому міру находившіяся въ ихъ рукахъ грамоты, и сообщили ихъ даже безъ предисловія. Но какія бы ни были обстоятельства, не позволявшія имъ дать предварительнаго извѣстія объ издаваемыхъ ими памятникахъ, изслѣдователю остается жалѣть, что онъ лишенъ всякихъ критико-историческихъ и палеографическихъ замѣчаній. Подобныя указанія необходимы для точнѣйшаго опредѣленія степени возраста и достовѣрности памятника, особенно, если этотъ послѣдній не заключаетъ въ себѣ самомъ достаточныхъ данныхъ: съ ними изслѣдователю какъ-то легче приниматься за дѣло. Зная судьбу и внѣшній видъ памятника, онъ смѣлѣе дѣлаетъ свои заключенія; онъ или вполнѣ довѣряетъ памятнику, или отвергаетъ его. Грамоты въ Споменикахъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Это легко было сдѣлать издателямъ, когда грамота помѣчена годомъ, часто индиктомъ, мѣсяцемъ и числомъ; но гораздо труднѣе, когда въ грамотѣ время не означено. Въ такомъ случаѣ остается искать другихъ историческихъ слѣдовъ: и дѣйствительно, тамъ, гдѣ есть извѣстныя имена, издатели старались по этимъ именамъ найти время грамоты. Для исторія языка достаточно, если при грамотѣ означено разстояніе времени, въ которое жило или дѣйствовало извѣстное лицо; но политическая исторія нуждается иногда въ точнѣйшемъ опредѣленіи времени. Издатели, съ своей стороны, или приблизительно означали возрастъ грамоты, или положительнѣе опредѣляли его, если находили въ памятникѣ достаточныя для того данныя. Но есть въ Споменикахъ грамоты, подъ которыми поставленъ тотъ, или другой годъ безъ всякого видимаго основанія; есть и такія, подъ которыми года не выставлено, но которыя поставлены въ ряду грамотъ извѣстнаго возраста.[1] При таковыхъ грамотахъ необходимо бы было предпослать нѣсколько словъ, которыя объяснили бы, почему такъ поступили издатели; но если этихъ словъ нѣтъ, то мы не можемъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ согласиться съ ихъ отмѣтками. Такъ грамоту № 17, августа 13, я ставлю передъ гр-ою № 16, Ш. № XVI, отъ 1253 года, іюня 15. Въ первой король Урошъ I заключаетъ выгодный договоръ съ Дубровникомъ, а во второй Дубровникъ входитъ въ союзъ съ царемъ Булгарскимъ, Михаиломъ Асѣномъ, противъ Уроша I. Черезъ два мѣсяца не могло совершиться такой перемѣны, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующемъ году, мая 22, Дубровничане, заключая договоръ съ Радославомъ Хлумскимъ (№ 19, Ш. № XVII), ссылаются на клятву, данную Михаилу, а отсутствіе имени князя Георгія Марцела показываетъ, что въ то время онъ уже не былъ княземъ. Но такъ какъ въ гр-хъ №№ 16 и 17 онъ упоминается, какъ князь Дубровницкій, то очевидно, что 13-е августа должно относиться къ годамъ, предшествующимъ 1253 году, въ которомъ, 15-го іюня, заключенъ былъ договоръ Дубровничанъ съ Михаиломъ: слѣдовательно, гр-а № 17 писана между 1249 годомъ, въ которомъ княземъ былъ Яковъ Дельфинъ, и 1253. Грамоту подъ № 24, писанную, по мнѣнію издателей, около 1254 года, я отношу къ 1276 году—и вотъ мои доказательства. Въ грамотѣ подъ № 31, 1281 года, Стефанъ Милутинъ упоминаетъ объ устроѣ съ Дубровничанами, сдѣланномъ пять лѣтъ тому назадъ, т. е., вскорѣ по вступленіи его на Сербскій престолъ: естественно, Дубровничане спѣшили возобновить съ каждымъ новымъ владѣльцемъ уговоръ, сдѣланный съ его предшественниками. Въ гр-ѣ подъ № 31 изложено, въ чемъ состоялъ этотъ уговоръ или устрой 1276 года: 1) да ѿ сєлѣ и напрѣдь кралєвствоми ими имѣть властєломь дуб-

[1] На примѣръ, NN 11, 23, 28, 29, 30, 34, 38, 41, 69, 72, 74, 149, 156.

рокьтьсимь и ѡбщинѣ и трьжинномь ихь. 2) да имь е мирь кои е и прьво имь быль докле живу право сь кралевствоми. 3) ако ли що погрѣше земли кралевсткими и не исправлениисе. да имь се да вѣдѣние трьми мѣсеци ико си могу трьжници ихь ѿити у градь сь всѣмь своимь. 4) а да даю кралевствуми их годище. двѣ тисущи перперь. 5) и сьиузи миру не урете кралевствоми урокь докле хоке быти мь ако ли не сьгрѣше и до живота мога да си имаю сизи мирь и сизи двѣ тисуки да даю на димитровь дн҃ь. Подпись: Стефань по Милости Божіеи Краль Србске Земле и поморских. Въ грамотѣ подъ № 24 видимъ, что Дубровничане въ первый разъ входятъ въ устрой съ королемъ, ибо тутъ есть ссылка на предшественника: 1) како имь е биль створиль братьми кра҃ стефань (Драгутинъ) милость: по томоужде ѡбразоу и кра҃ьствами створи имь милость. Въ чемъ состояла эта милость, видно изъ послѣдующихъ словъ, которыя совершенно согласны съ словами гр–ы № 31, именно: 2) докол правдоу имоуть имѣти кра҃ьствоуми: коупьци ихь да си ходе по земли кра҃ствами: безбоязни и безабаве: сь всакомь свободомь: 3) а ѡжи да даю ѿ града: кралевствоуми: на всако годище: двѣ тисоуки перьперь: на димитровь дн҃ь: 4) и ико що сьгрѣше кра҃ствуми: да се соудомь исправлаю: како е по закону: аколи соуда не боуде сьврьшение: пхь коупьци кои боудоуть оу земли: кра҃ткими: да имь есть рокь: за три мѣсеце: да си изидоуть сь всѣмь своимь добитькомь: 5) и даю имь милость до живота: моего: Подпись: Стефань урошь По милости божиеи Краль и своимь Самодрьжьць срьбские земли и поморьские. Объемъ грамоты, тожество условій, сходство изложенія и самыхъ выраженій, и, наконецъ, подпись съ словомъ «самодержецъ», являющаяся въ грамотахъ Милутина, что замѣчаетъ и Шафарикъ[1], заставляютъ меня отнести гр–у № 24 къ 1276 году и признать ее за тотъ уговоръ, о которомъ, спустя пять лѣтъ, упоминается въ гр–ѣ № 31, 1281 года. Пятилѣтнее разстояніе назадъ съ 1281 года приводитъ гр–у № 22 къ 1276 году или ко времени воцаренія Милутина, чѣмъ и объясняется ссылка на предшественника его, или брата, Драгутина. Равномѣрно, гр–у № 25 я отношу къ Милутину, хотя не могу въ точности назначить ей года. Если въ гр–ѣ № 24 Милутинъ повторяетъ устрой съ Дубровничанами своего брата, то въ гр–ѣ № 25 онъ повторяетъ укладъ съ Дубровничанами своего отца, Уроша I. Драгутинъ, царствовавшій весьма не долго, съ 1272 по 1275 годъ, вѣроятно, не могъ подтвердить всѣхъ прежнихъ укладовъ, и нѣкоторые остались на подтвержденіе его брату; Милутину. Въ гр–ѣ № 25 кратко сказано: да су на законѣ. що имь е даль. с҃топоучившии. г҃ьми ѡць; но повторено важнѣйшее условіе договора Уроша I подъ № 22: и аке се ѡбрѣте кои дьгь межу срьблиномь сь дубровчаниномь. да да имь и суд прѣдь судиюмь срьбскимь и прѣдь идиимь дубровчаниномь, повторено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: да имь нѣ удаве. у комь годѣ дьлгу. лише судомь. да се ищу. да е идинь срьблинь. а други дубровьчаниинь. Все это мѣсто и рѣдкое слово «удава», встрѣчающееся въ обѣихъ грамотахъ, показываютъ, что писецъ имѣлъ предъ глазами договоръ Уроша I; но самое уже повтореніе одного и того же условія и ссылка на договоръ отца свидѣтельствуютъ, что обѣ грамоты №№ 22 и 25 не могутъ принадлежать одному и тому же королю, и послѣдняя непремѣнно принадлежитъ сыну Уроша I, если не Милутину, какъ думаю, то Драгутину, хотя имя одного и того же Дубровницкаго посла, Грубѣши, встрѣчающееся въ гр–хъ № 25 и № 31, указываетъ скорѣе на Милутина; слѣдовательно, эта грамота можетъ быть отнесена ко времени между 1272

[1] Slovanské starožitnosti, V Praze, 1837. Okres II, článek IV, §. 31, 647. Славянскія Древности, переводъ О. Бодянскаго. Москва, 1848. Томъ II, кн. I, стр. 420, Примѣчаніе.



и 1281 годами. Что касается до гр-ъ №№ 23, 28 и 30, то я не имѣю никакихъ данныхъ для ихъ повѣрки; издатели же, по сходству почерка, подписей и печатей, также по матеріалу, на которомъ онѣ писаны, могли лучше опредѣлить ихъ возрастъ: они назначаютъ первой время около 1254, а послѣднимъ около 1280 года. Впрочемъ, основываясь отчасти на сходствѣ подписей, а преимущественно на повтореніи въ гр-хъ № 23 и № 22 одного и того же положенія относительно мѣстечка Брескова, я причисляю грамоту № 23 къ грамотамъ Милутина, т. е. къ №№ 28 и 30. Если въ гр-ѣ № 22 Урошъ I уже уставилъ: **И кѹпци што несѹ кѹплю ако растовари ѹ Брьсковѣ. да плати царинѹ. ако ли мимо несе да ю̂ прода. тѹ и царинѹ да плати**, то ему не зачѣмъ было повторять того же самого во второй разъ и единственно для этого писать особую грамоту. Милутину же свойственно было подтвердить уговоръ отца, тѣмъ болѣе, что въ этой грамотѣ положена за ослушаніе одинаковая пѣня, 500 перперовъ, какъ и въ гр-ѣ № 25. Всѣми этѣми грамотами, весьма краткими, Милутинъ какъ бы точнѣе опредѣлялъ прежнія торговыя отношенія къ Дубровнику, при немъ еще не опредѣленныя, а именно: въ гр-ѣ № 23 о томъ, чтобы не брать ничего съ Дубровницкихъ купцовъ, минующихъ Бресково; въ гр-ѣ № 28 не брать у нихъ ничего безъ платы, или насильно; въ гр-ѣ № 20 о правѣ продавать спиртъ и вино въ Бресковѣ. Грамота № 27 не ранѣе 1272 года, въ которомъ умеръ Урошъ I. Въ ней, между прочимъ, Елена, супруга Уроша I, уговаривается съ Дубровничанами извѣщать ихъ о всемъ, что задумаетъ противъ нихъ Король. Грамота писана въ Брьнаткахъ. Такъ не могла она дѣйствовать относительно мужа, ибо лѣтописцы не упоминаютъ ни о какихъ ея несогласіяхъ съ мужемъ; но, естественно, она нѐ должна была довѣрять своему сыну, Драгутину, который лишилъ престола своего отца, а ея мужа. Пребываніе въ Брьнаткахъ указываетъ на слова лѣтописцевъ, которые повѣствуютъ, что, по смерти своего отца, а ея мужа, Драгутинъ далъ ей для жительства мѣсто въ Дуклѣ близь Скодра, а Даніилъ именно называетъ Брьнатками дворъ ея, гдѣ она жила монахинею и скончалась въ 1305 — 1306 г.[1] Она могла такъ дѣйствовать и относительно другаго своего сына, Милутина; ибо ей, приверженной къ Римской церкви, не нравилась политика сына, хитрившаго съ Западомъ. Извѣстно, что Милутинъ не доброжелалъ Дубровничанамъ за то, что они ссорились съ Которомъ и потомъ, въ союзѣ съ Венеціянами, овладѣли нѣкоторыми Далматскими городами, принадлежавшими, по его словамъ, къ Хлуму.[2] Впрочемъ, имя Дубровницкаго князя Ивана Сторлата, которому издатели назначаютъ приблизительно 1268 годъ, заставляетъ и самую грамоту № 27 отнести ко времени, ближайшему къ этому году. Гр-у № 29 мы скорѣе припишемъ Душану, чѣмъ кому-либо другому. Грамота № 35 не относится ни къ 1292, ни къ 1372 году, какъ думаютъ издатели. Число ,зѡ. неполное, что доказываетъ и самая недописанная титла надъ ѡ; этой титлы нельзя принимать за букву или цыфру и и объяснять 1372 годомъ: въ такомъ случаѣ численная буква и слѣдовала бы въ строкѣ; точка, поставленная послѣ ѡ ничего не выражаетъ, ибо численныя буквы часто раздѣляются одна отъ другой точками. Индиктъ а не приходится ни на 1292, ни на 1372 годъ. Гола съ индиктомъ а҃ суть: 1288, 1303, 1318, 1333, 1348 1363, 1378 и т. д. Я отношу эту грамоту къ 1348 году на слѣдующемъ основаніи: 1) пышное вступленіе, отличающее дарственныя грамоты Душана[3]; 2) ти-

---

[1] Engel, Geschichte von Serbien und Bosnien. Стр. 217. — Раичъ, ч. II, стр. 501.

[2] Appendini, Notizie storico-critice sulla antichità dei Ragusei. T. I. стр. 282 — 287.

[3] Ср. Авраамовича О. Д. С. у С. Г., NN 5, 10, 11, 12. — Востон., N 1.

тулъ: **азъ въ ха ба благовѣрни и бгомъ поставленни црь стефанъ србльмъ и грькомь и западньи страни.** Въ 1346 году Стефанъ Душанъ наименовалъ себя царемъ Сербскимъ, Греческимъ и Булгарскимъ, а сына, Уроша, королемъ Сербскимъ; 3) титулъ и имена супруги и сына: **и сь бгодарованною ми бгоутчною и хртолюбивою црцею августою кѵра еленою и сь вьзлюбленнимь и благовѣрнимь сномь наю кралемь урошемь**, что одно уже служитъ достаточною причиною для пріуроченія грамоты ко времени Душана. Въ грамотахъ, напечатанныхъ у Авраамовича, въ описаніи Сербскихъ древностей на Аѳонѣ, подъ №№ 10 и 12, и отмѣченныхъ годами, Стефанъ Душанъ точно также именуетъ супругу и сына: **прѣвисоціе, и бгодарованнымъ црце августий кура Елене. и сь бгодарованнымъ сномъ наю благовѣрнымъ кралемъ Урошемъ** (№ 10). **сь блгоутчною и хртолюбивою прѣвисокою августією благовѣрною црцею кѵра еленою. И сь бгодарованнымъ и прѣвьзлюбленнымъ сномь наю кралемъ урошемъ** (№ 12). Въ Споменикахъ, въ гр-ѣ № 46, Урошъ, сынъ Душана, называетъ свою мать **благовѣрною црцею кура еленою**; 4) индиктъ а҃ совпадаетъ съ 1348 годомъ. Грамота № 41 должна стоять между грамотами короля Душана (1336 — 1346), ибо въ ней владѣтель Сербіи называется еще «королемъ». Въ ней Дубровницкіе послы, Живе, Маро и Мартолица, совершаютъ сдѣлку въ Которѣ съ какимъ-то «господиномъ» касательно Которской царины за соль на три года. Въ гр-ѣ № 55, 1362 года, мы видимъ, что Дубровничане за что-то поссорились съ Воиславомъ Которскимъ, а въ гр-ѣ № 56, вѣроятно, того же года, самъ Воиславъ объясняетъ, что онъ уже помирился съ Дубровничанами и повторяетъ, что соляной откупъ продалъ на три года Дубровницкимъ посламъ, и что годъ начинается съ 21 августа (1362 года?). Ясно, что предметомъ ссоры былъ соляной откупъ, и что во всѣхъ трехъ грамотахъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же. Но такъ какъ въ грамотѣ Воислава соляной откупъ и его условія представляются дѣломъ обычнымъ и стародавнимъ, **старимь закономъ како смо и прьво имали**, то это выраженіе и показываетъ, что тѣ три года, о которыхъ идетъ рѣчь въ гр-ѣ № 41, не принадлежатъ къ 1360-мъ годамъ, въ продолженіи которыхъ условія солянаго откупа были нарушены и завязалась вражда между Дубровникомъ и Воиславомъ; другими словами, гр-а № 41 не есть тотъ самый договоръ, который въ шестьдесятъ вторыхъ годахъ былъ нарушенъ Воиславомъ: иначе невозможно бы было помирить слово «краль» съ царствованіемъ царя Уроша V. Относительно возраста грамотъ подъ №№ 51 и 52, я согласенъ съ Миклошичемъ[1], что издатели ошибочно означили ихъ 1357 годомъ. Первая принадлежитъ Стефану Первовѣнчанному (1195—1224), что доказывается 1) грамотою подъ № 52, которая непремѣнно должна принадлежать Урошу II Милутину, а не Урошу V, сыну Душанову, о чемъ скажу ниже. Въ ней Милутинъ называетъ Стефана, одарившаго Бенедиктинскій монастырь Богородицы на Млѣтѣ, своимъ дѣдомъ; 2) выраженіемъ: **И вь братий мои кнѣза ме ишкы**, которое относится къ брату Стефана Первовѣнчаннаго, Вукану, дѣйствовавшему противъ брата. Это же выраженіе точнѣе опредѣляетъ время грамоты, именно, между 1204 и 1224 годами: въ 1203 г. Вуканъ отказался отъ Сербскаго престола, а въ 1224 умеръ Стефанъ; 3) титуломъ: **азъ грѣшьни стефанъ велий кра. намѣстьный гнь вьсе срьбьске земле. и диоклие. и дальматие. и травоуние. и хльмьске земли**: такъ титуловался Стефанъ Первовѣнчанный[2]; 4) языкомъ и духомъ всей грамоты; 5) подписью: **Стефанъ по Ми-**

---

[1] Homilia, Praefatio.

[2] Шафарикъ. Slow. Starož. II, IV, 31, 647. Слав. Древн., т. II, кн. I, стр. 420. Примѣчаніе

кости Божіи вѣнчаныи Краль и самодрьжець вси Срьпске Земли и поморьски. Предъ Милутиномъ одинъ Стефанъ Первовѣнчанный именовался самодержцемъ, что согласно и съ показаніемъ Шафарика [1]. Слово «вѣнчанный», встрѣчающееся и въ Жичанской грамотѣ (Ш. № VII), указываетъ на того же Стефана и еще точнѣе опредѣляетъ возрастъ грамоты: она не старше 1217 года, въ которомъ Стефанъ былъ вѣнчанъ. Сдѣсь я разумѣю первое его вѣнчаніе папою Григоріемъ, ибо очень естественно, что Стефанъ, имѣя въ виду благоволеніе Папы, дарилъ земли Бенедиктинскому монастырю. Въ 1222 году онъ былъ снова вѣнчанъ своимъ братомъ, Савою, и не могъ уже такъ поступать въ отношеніи католицизма. Слѣдовательно, грамота писана между 1217 и 1222 годами. Послѣднихъ четырехъ доказательствъ достаточно, чтобы утвердить эту грамоту за Стефаномъ Первовѣнчаннымъ: по этому грамота № 52, гдѣ новый король называетъ Стефана своимъ дѣдомъ, относится къ Милутину; но, кромѣ того, она имѣетъ и свое доказательство — подпись: **Стефань оурошь по милости божиіи краль и самодрьжьць вьсе Срьбске земле и поморске.** Такъ подписывался Урошъ II Милутинъ [2]. Урошъ V, которому издатели приписали эту грамоту, подписывался иначе: **Стефань урошь вѣрни** (или: **благовѣрни**, или: **вь ха ба благовѣрни**) **царь Срблемь и Грькомь** [3]. Грамота Черноевичей, Радича и Степана, № 60, поставленная издателями между 1367 и 1368 гг., должна быть отнесена ко времени нѣсколько позднѣйшему; ибо въ ту пору Черноевичи не могли еще имѣть такого значенія и такихъ владѣній, каковыя открываются изъ гр-ы, данной ими Дубровничанамъ. Условіе извѣщать другъ друга о врагахъ, свобода торговли въ земляхъ тѣхъ и другихъ и самая возможность договора относятъ гр-у ко временамъ послѣднихъ Балшичей, т. е., къ 1380, или 90-мъ годамъ, если только не ко времени еще позднѣйшему; ибо нѣчто сходное съ именами этихъ Черноевичей встрѣчаемъ въ гр-ѣ Ивана Черноевича, 1485 г. (Мил.), гдѣ въ числѣ родственниковъ послѣдняго упоминаются Остоичи, Ратко съ братомъ и племянниками, которые уступаютъ свои владѣнія Цетинскому монастырю и за нихъ получаютъ отъ Ивана Черноевича новыя владѣнія «землю за землю, лозу за лозу, дубъ за дубъ во вѣки и въ баштину». Въ такомъ случаѣ грамота № 60 сдѣлается еще моложе и будетъ относиться къ концу XV ст. Небольшая грамота № 69 Вука (Бранковича) должна слѣдовать за гр-ю № 73, ибо въ ней Вукъ подтверждаетъ свое первое записаніе, данное Дубровничанамъ подъ № 73 въ 1387 году: слѣдовательно гр-а № 69 должна стоять не между 1382—1385 годами, какъ ставятъ ее издатели, а послѣ 1387 года. Грамоты №№ 74 и 75 должны стоять гораздо ниже. Первая, данная Владиславомъ Стефановичемъ (сыномъ Стефана Косачи) Дубровнику, въ томъ, что онъ отказывается отъ своей доли, 12 тысячь червонцевъ, всего скорѣе относится къ тому времени, когда Владиславъ, обиженный отцомъ, бѣжалъ къ Дубровничанамъ и, при помощи ихъ войска, велъ двѣ войны съ своимъ отцомъ (1441 — 1463). Вторая, данная Дубровнику воеводою Алибегомъ Павловичемъ, также должна относиться или къ 1433 году, подъ которымъ Раичъ [4] говоритъ о пашѣ Алибегѣ, пришедшемъ въ Албанію и разбитомъ въ Герцеговинѣ, или вообще къ половинѣ XV столѣтія, когда Албанія подчинилась Турціи и въ ней началось отуреченіе. Отечественное имя «Павловичъ» указываетъ на отурчившагося Славянина, какъ и вы-

---

1. Тамъ же.
2. Шафарикъ, тамъ же.
3. Ср. NN 50, 53, 54, 55.
4. Исторія и пр., ч. III, стр. 156.

нѣ таковые Сербы любятъ величать себя христіанскими отечественными именами. Грамоту № 149 должно приписать Юрію Кастріоту Скендербегу, какъ по духу и содержанію, такъ и по тому, что писана въ Лѣшѣ и заключаетъ имя дьяка (канжилера) Ниица, который встрѣчается въ предыдущей гр–ѣ, принадлежащей Скендербегу: слѣдовательно, она писана около 1459 года. Грамота подъ № 156 писана около 1466 года, какъ и грамота № 155, означенная этимъ годомъ: въ обѣихъ родичи Браила Тезаловича получаютъ наслѣдство по смерти его дочерей. Грамота подъ № 175, отъ 1413 года, 3 октября, дана Стефаномъ Григоріемъ съ матерью и братьями, Стефаномъ Юрьемъ и Лазаремъ. Объ ней упоминаетъ Авраамовичъ [1]. Григоровичъ ошибочно относитъ ее къ 1424 году [2]. Іос. Мюллеръ, въ перечнѣ Аѳонскихъ грамотъ [3], подъ 1414 (3) годомъ, 3 окт., приводя эту самую грамоту, измѣняетъ степени родства и относитъ ее къ деспоту Юрію Бранковичу съ супругою и дѣтьми, Стефаномъ, Юріемъ и Лазаремъ. Ему казалось страннымъ встрѣтить четырехъ братьевъ вмѣсто трехъ; но вся ошибка его состояла въ томъ, что имя Стефана, при имени Юрія, онъ счелъ особымъ именемъ и отдѣлялъ одно отъ другаго запятою, между тѣмъ какъ имя Стефана есть такое же придаточное при имени Юрія, какъ и при имени Григорія. Чрезъ это онъ сдѣлалъ три еще бóльшія ошибки: во первыхъ, отца Юрія Бранковича назвалъ Григоріемъ, именемъ старшаго его сына; во вторыхъ, сдѣлалъ его деспотомъ, тогда какъ въ 1413 году Юрій Бранковичъ еще не былъ деспотомъ, и въ третьихъ, сыновей его назвалъ Стефаномъ, Юріемъ и Лазаремъ, а извѣстно, что сыновья его назывались Григоріемъ, Стефаномъ и Лазаремъ. Ясно, что грамоту должно приписывать не дѣтямъ Юрія Вуковича Бранковича, а самому Юрію Вуковичу съ братьями, старшимъ Григоріемъ и младшимъ Лазаремъ Вуковичами. Эти самые князья дали другую грамоту 1405 года, 29 декабря, № 91, въ которой мать свою называютъ Марою, отца Вукомъ: здѣсь нѣтъ имени Стефана при именахъ Григорія и Юрія, откуда видно, что имя Стефана показываетъ только, что братья считали свой родъ царскимъ и ближайшимъ къ престолонаслѣдію по родству съ царемъ Лазаремъ. Грамота № 176 Стефана Дечанскаго, не отмѣченная годомъ, относится къ 1330 году, ибо въ ней говорится о побѣдѣ надъ Михаиломъ, царемъ Булгарскимъ, какъ событіи современномъ, и о созданіи, украшеніи и надѣленіи землями Дечанскаго монастыря. Грамота № 179 означена не тѣмъ годомъ, какимъ слѣдуетъ: писецъ ошибся и вмѣсто ѵ҃: т҃: ч҃: е҃ (1395) написалъ ѵ҃: т҃: к҃: е҃ (1325). Въ этой грамотѣ Дабиша именуется королемъ и говоритъ о смерти Твртка, который умеръ, какъ извѣстно, въ 1391 году. Писцы не всегда вѣрно означали годъ, и особенно индиктъ. Ошибки противъ послѣдняго очень часты. Издатели не довѣряютъ писцу въ гр–хъ №№ 170, 171 и 172 и означаютъ года по своему. Въ гр–ѣ № 170 два раза поставленъ ѕѵѯѕ (1466) годъ; но издатели замѣнили его 1496 годомъ. Въ гр–ѣ № 171 поставленъ ѕѵѕз годъ, очевидно, неправильно написанный. Въ этой грамотѣ, октября 10, Владиславъ Стефановичъ упоминается умершимъ, а въ гр–ѣ № 162 ѕ. и ѵ. и ч. и ҁ. (1487), окт. 27, онъ еще живъ. Слѣдовательно, буква ѕ не можетъ означать 60, какъ бы вмѣсто ѯ, и должна стоять вмѣсто ч҃ (90). Такъ и сдѣлали издатели, переведя число ѕѵѕз числомъ 1497. На этомъ основаніи и гр–у № 172, въ которой поставленъ ѕѵѕи годъ, они помѣтили 1498 годомъ;

[1] О. Д. С. у С. Г., стр. 76.
[2] Путешествіе, стр. 25, N 4.
[3] Slav. Bibliothek v. Miklosich. 1851. Стр. 171.

но такъ какъ въ этой грамотѣ встрѣчается имя Жарка Хлумскаго, и его же мы видимъ въ гр-ѣ №̲ 170, то, вѣроятно, по этой причинѣ они и гр-у №̲ 170 отнесли къ 1496 году. По моему мнѣнію, писецъ не могъ въ одной и той же грамотѣ №̲ 170 ошибиться сряду два раза, написавъ тѵѯв, и потому вѣрнѣе отмѣтить ее 1466 годомъ, а въ гр-ѣ №̲ 172 принять букву в за сокращенную ѯ и отнести грамоту къ 1468 году. Наконецъ, гр-а №̲ 131 ошибочно означена 1441 годомъ, когда въ ней самой выставленъ 1457 годъ. Судя по устному отзыву Шафарика и по печатному г. Срезневскаго, въ Академическихъ Извѣстіяхъ, я долженъ сказать, что Споменики изданы весьма вѣрно, исключая нѣкоторыя ошибки переписчика и опечатки, о коихъ не можетъ быть и рѣчи.

Перехожу къ грамотамъ, напечатаннымъ у Авраамовича въ его Описаніи Сербскихъ древностей на Аѳонѣ. Издатель хотѣлъ расположить грамоты въ хронологическомъ порядкѣ, но не вездѣ ему удалось это. Я постараюсь опредѣлить годами тѣ изъ нихъ, подъ которыми года не выставлено. Первая принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Стефану Неманѣ и относится къ тому времени, когда Неманя, удалившись изъ Студеницы въ Аѳонскую гору, возобновилъ разрушенный монастырь Хиландаръ. Преставленіе его было февраля 13, 1200 года, какъ свидѣтельствуютъ Житіе его, писанное сыномъ его, св. Савою [1], и слово, говоренное тѣмъ же святымъ и помѣщенное въ Хиландарскомъ типикѣ [2]. Монастырь Хиландаръ окончательно возобновленъ имъ былъ за 8 мѣсяцевъ до преставленія, какъ сказано въ томъ же типикѣ [3]: отсюда заключаемъ, что грамота писана не ранѣе, какъ за 8 мѣсяцевъ до кончины Стефана Немани (въ монашествѣ Симеона), т. е., въ августѣ 1199 года, ибо въ ней говорится уже о возобновленіи и надачѣ монастыря. Двѣ грамоты №№̲ 3 и 4, принадлежащія Стефану Урошу II Милутину, должны быть писаны вскорѣ послѣ гр-ы №̲ 2, 1302 года; ибо въ нихъ говорится о надачѣ пирга (башни) и отношеніи его къ Хиландару и о средствахъ къ содержанію монаховъ, словомъ, рѣшаются такіе вопросы, которые должны были представиться вскорѣ послѣ основанія пирга. Подписавшійся въ нихъ архіепископъ Сава III скончался въ 1316—1317 году. Грамота №̲ 5 принадлежитъ королю Стефану Душану и писана ранѣе 1346 года, ибо въ ней онъ еще не именуется царемъ. Что она принадлежитъ Душану, то это видно изъ степеней родства: въ ней Стефанъ король называетъ себя сыномъ Уроша III. Грамота №̲ 6 принадлежитъ Милутину, и должна стоять послѣ гр-ы №̲ 2 и прежде гр-ъ №№̲ 3 и 4, ибо въ ней говорится, съ одной стороны, о пиргѣ, какъ уже созданномъ, а съ другой, объ Еленѣ, матери Милутина, умершей въ 1305 году, и архіепископѣ Евстафіи II, правившемъ отъ 1291 до 1308 г., какъ о находящихся еще въ живыхъ, между тѣмъ, какъ въ гр-хъ №№̲ 3 и 4 подписывается уже Сава III. Сверхъ того, въ ней упоминается о селѣ Добродолянахъ, какъ раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна принадлежитъ Хиландару, а другая Студеницѣ: но изъ гр-ы №̲ 8, 1327 года, извѣстно, что преемникъ Милутину, Стефанъ Дечанскій, соединилъ обѣ половины и отдалъ все село Хиландару, надѣливъ Студеницу другими селами. По всему этому грамота №̲ 6 никакъ не можетъ принадлежать преемнику Милутина; а что она не принадлежитъ и предшественнику его, то это видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) дарующій король называетъ королеву Елену своею матерью и подписывается «самодержець»;

---

[1] Изданное Шафарикомъ въ Памятникахъ, стр. 14.
[2] Авраамовича О. Д. С. у С. Г., стр. 8.
[3] Тамъ же, стр. 9.

2) приводятся имена епископовъ изъ тѣхъ епархій, которыя, по словамъ Ранча,[1] были основаны Милутиномъ, но не при Никодимѣ архіепископѣ, какъ думаетъ Раичъ, а еще ранѣе Савы III, при Евстафіи II; 3) на нее намекаетъ самъ Милутинъ въ другой, позднѣйшей, своей гр–ѣ А. № 4, когда говоритъ.... и инаа многаа приложенија јелико ми бы възможно приложих.... села и нашица доволно въ срьбьскыи и въ грьчьскыи земли.... та же вса здѣ не исписаше. писаже соуть въ црьских хрисовоулахь. и въ кральствами хрисовоула. Этотъ хрисовулъ и есть та самая гр–а № 6, ибо въ ней именно говорится о селахъ и земляхъ, дарованныхъ Милутиномъ Хиландару; а такъ какъ въ ней не упоминается уже о какомъ либо другомъ хрисовулѣ того же короля, но только о хрисовулахъ родителей и прародителей, то изъ этого и видно, что гр–а № 6 старше гр–ы № 4. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что грамота писана между 1302 и 1304 годами. Объ ней знаетъ Раичъ[2] и приписываетъ ее также Милутину. Грамота № 7 относится къ Стефану Дечанскому, ибо заключаетъ въ себѣ обстоятельства его жизни. Въ ней Король обращается съ молитвою къ св. Николаю и возобновляетъ во имя его церковь въ Добруштѣ. Между прочимъ упоминаетъ о гнѣвѣ своего отца, Милутина: ако и раждежения оустроити оутробоу родитела кральми. и вьвраши ме хоте въ ровь погыбѣлни ако не бити ми. насладника столоу отьства моего и пр., и называетъ себя внукомъ короля Стефана Уроша (I). Лѣтописецъ Даніилъ и рукописное житіе Стефана Дечанскаго, писанное Григоріемъ игуменомъ[3], свидѣтельствуютъ о чудесахъ, совершенныхъ на немъ св. Николаемъ, и объ особенной вѣрѣ, которую питалъ Стефанъ къ этому святителю и чудотворцу. Извѣстенъ также гнѣвъ Милутина на своего сына, въ слѣдствіе котораго Стефанъ былъ ослѣпленъ. За грамотою № 15 должна слѣдовать гр–а № 18: въ ней мать деспота Стефана Лазаревича еще носитъ имя Милицы, тогда какъ изъ другихъ грамотъ видно, что въ 1395 году она была уже монахинею и называлась Евгеніею[4]. За нею слѣдуетъ гр–а № 19, въ которой упоминается уже монахиня Евгенія съ двумя сыновьями, Стефаномъ и Вукомъ. Евгенія скончалась въ 1406 году[5]: слѣдовательно, и грамота писана ранѣе 1406 года. Далѣе слѣдуетъ грамота № 17 отъ 1411 года, подписанная однимъ Стефаномъ, ибо Вукъ былъ убитъ Мусою въ 1410 году. Наконецъ, гр–а № 16, которую ставлю послѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ, потому что въ ней Стефанъ называется уже ктиторомъ Хиландара и говоритъ о благопріятныхъ временахъ, которыя настали только въ концѣ его господствованія: 'Азь ѿ юности малагоми възраста и младіихь ногьтеи, боу сьмотрени-

---

[1] Ч. II, стр. 625.

[2] Ч. II, стр. 598.

[3] Житіе и жительство великаго мученика въ царехъ, Стефана Сербьскаго, иже вдечах. списано григоріемь мнихо и презвитеро, игоумено бывшій тои же обители.

[4] Мюллеръ у Миклош. Slav. Biblioth., стр. 168.—Успенскій Ж. М. Н. П. 1848, LVIII, стр. 174.

[5] Рукопись подъ заглавіемъ: Житіе и жизнь пресло номинима словоущаго, благочьстиваго господина деспота стефана. списано поколѣніемь и поможеніемь свѧтѣишаго патріарха. земла тоа сербьскыа кирь никона. и полатны начальникъ. видѣніемь тристи і авленіемь самома тезоименитомоу. просалаваюшоу сіа быти. Зач. 52: начать оубо зати обитель сію. вав. ,s.џеі. (1407) а преже сего. лѣта престави благочьстивая госпожа евгенія. мти сего тезоименитаго. Лѣтописцы Сербскіе кончину ея относятъ къ 11-му ноября 6915, а по другимъ, 6914 года (1406 — 1405). Шаф. Памятн., стр. 75 и сп. Черногорскій.

шымь вьсѧ на полꙁоу мнѣ творещоу, въ мнѡгыихъ ꙁлѡлютныихъ и несътрьпныихъ искоушеныихъ, паче же съмрьтехъ попоущень быхъ. Ныже свѣдѣтели и слышатели иныи стихіе и въ малѣ не вьса въселѥнная. и ѿ вьсѣхъ иꙁбави мѧ гь... Нынѣ же скрѡвища великаа блгости бжиѥ ѿврьꙁошесе намь. и съмирихѡмсе и поучихѡмь. и ѡблаци тьмніи раꙁстоупишесе, и вьсиа намь слнце. 'И речемь съ апломь. Се време блгоприятно. Се нынѣ днь спсенна. Тоже говоритъ и жизнеописатель его: и ѿтолѣ жительство же и вещи. вса мирьскаа състоаніа въсприемше:. Дръжавьный же оубо елико днь дњь. на болшаа покиꙁааше, и благодарѣ бга ѡ всѣ иже сътвори въ вса дни живота его. и бѣ дѣло его молитва непрестанная. ... Бѣше же блгоутѣнъ и млтвенъ ꙁѣло. идѣже кого слышааше гн жительствоующа. и впредѣлѣ его вса пꙋстынная. и въ стои горѣ афоньской. ѡбщежителныи и малчателныи. всѣ доволнѣ млтвою испльнааше[1]. Изданіе Авраамовича, сколько можно судить по немъ самомъ, сдѣлано весьма отчетливо. Въ немъ находимъ такіе оттѣнки въ употребленіи буквъ и надстрочиыхъ знаковъ, какіе не вѣрный, наскоро сдѣланный, списокъ не могъ бы удержать: по всему видно, что переписчикъ работалъ съ полнымъ тщаніемъ и знаніемъ дѣла. Сходство изданія гр-ы подъ № 1 съ изданіемъ той же гр-ы Шафарика № V служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Сверхъ того Авраамовичъ сдѣлалъ попытку дать нѣкоторое понятіе о грамотахъ въ палеографическомъ отношеніи.

Для Споменниковъ и изданія Авраамовича замѣчу еще, что въ нихъ нѣкоторыя грамоты, по годамъ, выставленнымъ самими издателями, являются однимъ годомъ моложе, чѣмъ какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, судя по подлиннымъ годамъ, означеннымъ въ нихъ самими писцами. Вся ошибка происходитъ отъ того, что издатели выпустили изъ виду лѣтосчисленіе, которому слѣдовала древняя православная Сербія. Извѣстно, что общепринятое здѣсь лѣтосчисленіе было сентябрское и начиналось отъ сотворенія міра. По этому мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, сравнительно съ генварскимъ лѣтосчисленіемъ, приходились уже къ слѣдующему году по сентябрскому, между тѣмъ какъ по генварскому оставались еще за прошедшимъ годомъ. Если одинъ изъ этихъ четырехъ мѣсяцевъ встрѣчался въ грамотѣ, то слѣдовало изъ означеннаго тутъ же года отъ с. м. вычитать не 5508, а 5509 лѣтъ. Въ доказательство справедливости этого замѣчанія приведу примѣръ изъ самихъ же грамотъ. Такъ еклизіархъ Симонъ, писавшій одну изъ грамотъ царицы Мары (С. № 165), въ концѣ XV-го вѣка, выставилъ ҂ѕѯѳ (6979) годъ, ноября 4, присовокупивъ, а на како се латински раꙁумѣ ѿ рожьства хва ҂ауѻ лѣ. нов. д (1470). Здѣсь онъ ноябрь относитъ къ прошлому еще году по счисленію генварскому. Ошибочно означены года въ слѣдующихъ грамотахъ: С. №№ 40, 43, 54, 61, 64, 67, 68, 90, 91, 111, 113, 137, 138, 147; А. №№ 11, 15. Всѣ этѣ грамоты должны быть означены годомъ старше.

Въ Гласникѣ[2] разсказанъ случай, приведшій въ извѣстность напечатанныя въ немъ грамоты Уроша V и царицы Мары. Игуменъ Хиландарской Лавры, Серапіонъ, собиравшій подаянія для своей обители, возилъ съ собою подлинники этѣхъ грамотъ и употреблялъ ихъ, какъ документы въ подкрѣпленіе своихъ прошеній, дѣлаемыхъ отъ имени Лавры. Это показываетъ, какъ въ Аѳонѣ смотрятъ на грамоты и берегутъ ихъ. Въ Бѣлградѣ былъ сдѣланъ списокъ съ этѣхъ грамотъ и помѣщенъ въ Гласникѣ съ нѣкоторыми палеогра-

[1] Таже рукопись, зач. 78 и 79.
[2] Свез. II, 1849.

фическими замѣтками. Григоровичъ неправильно назначаетъ первой изъ нихъ 1356 г. вмѣсто 1358[1]. Въ другой части Гласника[2] сообщено важное палеографическое извѣстіе о грамотѣ, напечатанной въ Споменикахъ подъ № 176, изъ котораго, между прочимъ, мы узнаемъ, что она состоитъ изъ двухъ грамотъ, какъ и надобно было ожидать, смотря по ея наружному виду. Вторая грамота начинается словами: Ї еще приложихь. Къ нимъ приклеена еще третья (въ Споменикахъ № 177). Въ этой послѣдней издатели Спомениковъ пропустили, среди подписи, печать съ словами: ст҃ Стѣфань. урош г҃ краль. Какимъ образомъ, при имени игумена Аѳанасія съ братіею, очутилась королевская печать — неизвѣстно. Вѣроятно, Дечанскій монастырь постоянно употреблялъ эту печать въ память своего основателя.

Прекрасное критико-историческое изслѣдованіе приложилъ Миклошичъ къ напечатанной имъ въ Homilia Сербской грамотѣ Уроша II Милутина.

Грамоты, изданныя Шафарикомъ въ Памятникахъ, расположены въ хронологическомъ порядкѣ, или, по крайней мѣрѣ, издатель хотѣлъ расположить ихъ такъ. На первомъ мѣстѣ поставлена имъ гр-а общины Попова (С. № 11), но почему — издатель не говоритъ. Отвѣтъ находимъ въ другой его книжкѣ, написанной 14 лѣтъ тому назадъ и составляющей родъ каталога памятникамъ Южнославянскимъ[3]. Сдѣсь онъ относитъ ее къ 1150—1200 г., но опять безъ доказательствъ. По моему мнѣнію, грамота, не отмѣченная годомъ и не имѣющая въ своемъ языкѣ ничего такого, чтобы рѣшительно говорило въ пользу ея старшинства предъ другими древнѣйшими грамотами, носящими на себѣ годъ, не можетъ быть предпочтена гр-ѣ Кулина, имѣющей предъ нею уже то одно преимущество, что эта послѣдняя отмѣчена годомъ; по языку же судить трудно: обѣ писаны весьма древнимъ языкомъ; но и въ этомъ отношеніи гр-а Кулина не уступитъ гр-ѣ Попова. Повторяю, я не нашелъ въ послѣдней ни одного признака, который бы давалъ ей старшинство предъ первою. Я, съ своей стороны, скорѣе отнесъ бы ее ко второй или, по крайней мѣрѣ, къ первой половинѣ XIII-го столѣтія — и вотъ почему: издатель замѣчаетъ, что эта грамота, равно какъ и слѣдующая за нею подъ № II, написаны на одномъ пергаменномъ листѣ и что письмо второй гораздо старше письма первой. Отсюда можно заключить, что обѣ, по крайней мѣрѣ, ровесницы между собою, если только вторая не древнѣе первой. Но вторая, т. е. № II, несомнѣнно относится къ половинѣ XIII-го ст., что сейчасъ будетъ доказано; а потому и первая можетъ легко пріурочиться къ тому же времени. Грамота, напечатанная подъ № II, носитъ, по выраженію издателя, слѣды глубочайшей древности; и потому въ упомянутой книжкѣ (Prospectus) она поставлена издателемъ на первомъ мѣстѣ и пріурочена къ 1050 — 1150 г. Она есть не что иное, какъ отрывокъ, заключающій подписи нѣкоторыхъ Дубровничанъ и

---

[1] Путешествіе, стр. 51, N 27.

[2] Свез. I. 1847.

[3] (Prospectus) Monumenta Illyrica seu Slavorum gentis universas Illyrici sensu latissimo sumti provincias, videlicet hodiernam Hungariam, Dalmatiam, Croatiam, Slavoniam, Serbiam, Bosniam, Ducatum S. Sabbae seu Hercegovinam, Montem Nigrum, Albaniam, Macedoniam, Bulgariam, Ugrovlachiam et Moldaviam incolentis lectissima omnis aevi et generis literaria documenta idiomate patrio et literis cyrillicis consignata. Collegit P. I Schafarik. Pragae, MDCCCXXXIX.

Дубровничанокъ. Вчитываясь въ этѣ подписи, я замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ повторяются въ другой Дубровницкой гр-ѣ, заключающей въ себѣ договоръ Дубровника съ Булгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣномъ и отмѣченной 1253-мъ годомъ (Ш. № XVI. С. № 16). Вотъ этѣ подписи: пальма пикоударєвикь, пилипь мокьрашикь, марьтинь соунбавикь, пилипь потупежикь (Ш. № II); имъ отвѣчаютъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ сдѣсь представлены, подписи упомянутой грамоты 1253-го г.: пальма. пикударєвикь.—филипо. мокьрашикь.— марьтинь саунбавикь. — филипо пчупежикь (Ш. № XVI. С. № 16). Сюда же можно отнести и подпись: коленьда лом(ьн)рьдя, неясную въ первой гр-ѣ, и коленьда. ломьниновикь, ясную во второй. На послѣднее имя, стертое въ № II указываютъ нѣсколько отечественныхъ именъ въ № XVI: ломьпридикь, ломьприкь, ломьприжикь. Не сличаю отдѣльно личныхъ именъ съ личными и отечественныхъ съ отечественными въ обѣихъ грамотахъ: въ такомъ случаѣ набралось бы сходныхъ подписей гораздо больше. Положимъ, что личныя мало бы оказали помощи, но отечественныя, изъ коихъ нѣкоторыя довольно замѣчательны, могли бы служить большимъ пособіемъ при сличеніи подписей; но мы ограничиваемся тожествомъ подписей, заключающихъ въ себѣ сходство и личныхъ и отечественныхъ именъ въ одно и то же время. Таковое сходство не можетъ быть случайнымъ. Если въ двухъ грамотахъ подписались лица съ одними и тѣми же личными и отечественными именами, то это не игра случая: я хочу сказать, что пальма пикоударєвикь, подписавшій гр-у № II, есть тотъ же самый пальма пикоударєвикь, который подписалъ и гр-у № XVI; такъ точно и другія сходныя подписи принадлежатъ однимъ и тѣмъ же лицамъ. Нѣсколько сходныхъ отечественныхъ именъ, имѣющихъ при себѣ разныя личныя имена, могутъ относиться къ братьямъ, или родичамъ, близкимъ между собою по времени. А если все это такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что обѣ грамоты были подписаны отчасти одними и тѣми же лицами, отчасти родичами, носившими одинаковыя отечественныя имена. Присутствіе въ двухъ грамотахъ четырехъ однихъ и тѣхъ же лицъ и еще многихъ другихъ, близкихъ между собою, съ одинаковыми отечественными именами, сокращаетъ разстояніе между грамотами почти на двѣ трети человѣческой жизни, не включая сюда возраста, еще не созрѣвшаго для общественной дѣятельности. Таковое разстояніе между грамотами можно бы было предположить, если бы только одно лицо участвовало въ подписаніи той и другой; но такъ какъ тутъ участвовали цѣлыхъ четыре лица, которыя, конечно, не могли же всѣ быть между собою ровесниками, т. е., которыя въ молодости подписали бы одну грамоту, а въ старости другую, то изъ этого открывается, что разстояніе между обѣими грамотами должно значительно сократиться, такъ что, по моему мнѣнію, оно не превышаетъ 10, много 20 лѣтъ. И такъ, отрывокъ грамоты подъ № II долженъ относиться къ 1243 — 1263 г. Во всякомъ случаѣ, за отсутствіемъ года, ее слѣдуетъ помѣстить рядомъ съ № XVI; а потому Шафарикъ ошибается, почитая ее древнѣйшею изъ Сербскихъ грамотъ. Гр-а № VI (С. № 5), отмѣченная въ Споменикахъ 1236-мъ годомъ, отнесена Шафарикомъ къ 1216 — 1231 г., а въ Prospectus при этихъ годахъ выставленъ въ скобкахъ 1233 — 1235 г. Тѣмъ же годомъ отмѣченная въ Споменикахъ гр-а № 4 означена у Шафарика 1233—1235 г. (№ VIII). Гр-ы №№ XI и XII (С. №№ 7 и 6), подъ которыми издатели Споменикова не выставили года, означены у Шафарика 1235-мъ годомъ. Равномѣрно другія двѣ грамоты въ Споменикахъ, писанныя, по мнѣнію

издателей, около 1240 г., NN№ 9 и 8, отмѣчены у Шафарика 1238-мъ г. NN№ XIII и XIV. Въ гр-ѣ № XV (С. № 12) разница состоитъ въ одномъ годѣ: у Шафарика выставленъ 1243-й годъ, а въ Споменикахъ 1244-й.

Остается сличить года нѣкоторыхъ грамотъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ и хотя не изданныхъ Шафарикомъ, но упомянутыхъ имъ въ его Prospectus monumentorum Illyricorum. Между Ш. № 19 и С. № 10 разница въ одномъ годѣ. Сдѣсь кстати замѣчу, что у Шафарика выставленное въ гр-ѣ имя князя значится неправильно Lura: въ подлинникѣ оно есть ѣура, т. е., Гюргъ, Дюрдій, Юрій. Подъ гр-ю С. № 15 выставленъ приблизительно 1248 г., а у Ш. при № 22 показанъ 1250—1251 г. Гр-у С. № 17 мы почитаемъ ранѣе писанною, чѣмъ С. № 16 (1253 г.): такъ и Шафарикъ отмѣчаетъ ее у себя 1252-мъ годомъ (№ 23). Въ С. гр-а № 18 приблизительно означена 1253-мъ г., а у Ш. она же, № 24, отнесена къ 1252-му г. Гр-а С. № 27 = Ш. № 31 въ первыхъ помѣчена приблизительно 1268-мъ г., а у втораго 1266-мъ. Шафарикъ относитъ гр-у № 33 ко временамъ Драгутина, а въ Споменикахъ (№ 38) она поставлена между грамотами Дечанскаго: рѣшить трудно, нужно видѣть самый подлинникъ. Впрочемъ подпись гнъ стефань чуть-ли не говоритъ въ пользу ея относительной молодости. Слѣдующія двѣ грамоты NN№ 34, 35 Шафарикъ приписываетъ Драгутину, замѣчая, однако, что онѣ, какъ и предыдущая, суть aetatis incertae. Неизвѣстно, какая грамота въ Споменикахъ отвѣчаетъ второй (Ш. № 35): гр-а ли подъ № 22 или подъ № 42? Думаю, что, на основаніи подписи, Шафарикъ не станетъ гр-у С. № 42 приписывать Драгутину, хотя и съ ?. Равномѣрно и гр-у С. № 22 нельзя сопоставить съ № 35; ибо хотя въ той и другой упоминается о Бресковѣ, однако представленное у Шафарика вкратцѣ содержаніе гр-ы № 35 что-то слабо напоминаетъ о замѣчательномъ содержаніи гр-ы № 22. Но если бы и дѣйствительно Шафарикъ разумѣлъ эту самую грамоту, то, по нашему мнѣнію, ее вѣрнѣе можно приписывать Урошу I, чѣмъ Драгутину или, вмѣсто него, скорѣе ужъ Милутину. Подпись сдѣсь не рѣшаетъ ничего, пока нѣтъ предъ глазами подлинника: и Урошъ I, и Милутинъ, и Дечанскій подписывались иногда одинаково, именно, стефань урошь краль. Но Драгутину, кажется, нѣкогда было заниматься столь мелочными торговыми вопросами, какимъ посвящена грамота: для этого надобно царствовать долго и долго. Урошу же приличнѣе всего было заняться опредѣленіемъ торговыхъ правъ Дубровничанъ послѣ размирья, бывшаго въ 1253 г. Тому же предмету посвящена и другая Урошева грамота С. № 21. Одна служитъ какъ бы дополненіемъ другой. Положеніе о Бресковѣ, сдѣланное въ гр-ѣ № 21, примѣнено въ гр-ѣ № 22 и къ Рудницѣ. Грамота Дубровничанъ 1254-го г. (С. № 26) подтверждаетъ положеніе, сдѣланное въ гр-ѣ С. № 22 касательно выдачи виновныхъ. Въ положеніи о Бресковѣ, въ гр-ѣ № 22, нѣтъ ссылки на законъ отца или дѣда, чего всякій преемникъ Уроша I не преминулъ бы сдѣлать, при пособіи Дубровничанъ, не упускавшихъ случая напоминать сыновьямъ и братьямъ о выгодныхъ для себя договорахъ съ ихъ предшественниками: сдѣсь нѣтъ выраженія въ родѣ этого: како е бидь сътворилъ братьми или оцьми, а это было бы очень легко сдѣлать, ибо въ Урошевской гр-ѣ № 21 есть уже постановленіе о Бресковѣ, Гр-а № 25, принадлежащая, по нашему мнѣнію, Милутину, повторяетъ почти слово въ слово положеніе о свидѣтеляхъ въ спорѣ Сербовъ съ Дубровничанами изъ гр-ы № 22 и тутъ же говоритъ, что это дѣлается по закону, постановленному

еще родителемъ короля: да сѫ на ꙁаконѣ. що нмь ѥ далъ. стопоунньшн. гнь ми ѡць. Ясно, что гр-а № 22 дана отцомъ Милутина, Урошемъ I. Впрочемъ, если бы даже гр-а № 25 принадлежала не Милутину, а Дечанскому, какъ думаетъ Шафарикъ, то все же таки гр-а № 22 будетъ относиться не къ Драгутину, а къ Милутину, отцу Дечанскаго. Но гр-а № 25 скорѣе всего принадлежитъ Милутину. Самъ Шафарикъ замѣчаетъ, что она aetatis incertae, и свое мнѣніе выражаетъ въ скобкахъ и съ вопросительнымъ знакомъ (№ 45). Подпись опять ничего не рѣшаетъ. Но находящееся въ гр-ѣ № 25 имя посла Грубѣши, встрѣчающееся еще въ гр-ѣ С. № 31, 1281 г., при частой смѣнѣ пословъ, намекаетъ на близкое разстояніе обѣихъ грамотъ и принадлежность первой Милутину. Подписи въ обѣихъ грамотахъ весьма сходны. Шафарикъ относитъ гр-у № 34 = С. № 30 къ Драгутину (? aet. inc.), но почему же не отнести ея къ Милутину? Шафарикъ гр-у № 44, съ замѣчаніемъ aetatis incertae и съ ?, приписываетъ Дечанскому; издатели Споменнковъ приписываютъ ее Урошу I (№ 23); мы же держимся средины и видимъ въ ней грамоту Милутина. Касательно гр-ы С. № 29 = Ш. № 52 мы согласны съ Шафарикомъ, что она скорѣе относится къ Душану, чѣмъ къ кому-либо другому. Гр-у С. № 35=Ш. № 55 Шафарикъ удачно отмѣчаетъ 1348-мъ годомъ, хотя и ставитъ при этомъ знакъ вопроса. Гр-у С. № 75 = Ш. № 240 Шафарикъ относитъ къ 1470 г. Хотя трудно назначить ей годъ; однако она, по всему вѣроятію, принадлежитъ ко второй половинѣ XV-го ст. Равномѣрно, къ этому же времени должно отнести и гр-у Черноевичей С. № 60, которой Шафарикъ назначаетъ 1460 — 1470 г. (№ 190). Гр-у С. № 76, около 1387 г., Шафарикъ отмѣчаетъ 1389—1398 г. (№ 100). У Шафарика въ гр-ѣ подъ № 129 ошибкою выставленъ 1421 годъ вмѣсто 1427, а въ гр-ѣ № 142, вмѣсто 5, стоитъ 25 октября. Почему при годѣ гр-ы № 196=С. № 154 Шафарикъ поставилъ знакъ вопроса? Въ грамотѣ положительно выставленъ 1461 годъ. Шафарикъ употребляетъ въ грамотахъ правильный способъ переведенія лѣтъ отъ сотворенія міра въ года отъ рождества Христова. Онъ принимаетъ, и справедливо, сентябрскій годъ, начинавшійся четырьмя мѣсяцами ранѣе генварскаго.

Грамота Стефана Лазаревича, напечатанная въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ, на 1844 годъ, относится, по всему вѣроятію, къ послѣднимъ временамъ деспотства Стефанова. Въ ней уже не помянуто о матери и братѣ Деспота; но, напротивъ, подобно грамотѣ, напечатанной у Авраамовича подъ № 16, уже говорится о миновеніи различныхъ политическихъ бурь: И млтвами ихь многаждн спсень быхь, въ мори же, и на сѫши. въ ратехь, и въ раꙁличьныхъ пѫждахъ. и нахожени ѿ ннопаемѣнныхъ. Даже и окааннѫю дшѫ моѭ ѿ вратъ съмрътныхь възвратише.

Опредѣливъ приблизительно возрастъ грамотъ, не носящихъ на себѣ года и не означенныхъ имъ вовсе, или означенныхъ ошибочно въ изданіяхъ, я приступаю къ рѣшенію другаго вопроса, не менѣе важнаго, какъ для исторіи народа, такъ и для исторіи языка, именно: въ какой странѣ какая грамота писана? Одною изъ трудныхъ задачь государственной исторіи есть опредѣленіе границъ какъ общихъ, такъ и областныхъ: въ этомъ отношеніи древняя исторія Сербіи далеко не удовлетворяетъ требованіямъ любознательнаго изслѣдователя. Съ одной стороны, неизвѣстность мѣстонахожденія многихъ городовъ, упоминаемыхъ въ источникахъ, а съ другой безпрестанное измѣненіе

границъ въ слѣдствіе войнъ и договоровъ, часто заставляютъ историковъ означать границы только приблизительно одними именами областей, или городовъ. Въ отношеніи языка знать мѣстонаписаніе грамоты нужно по тому, что языкъ имѣетъ свои разнорѣчія, которыя могутъ быть подмѣчены на историческомъ пути не иначе, какъ чрезъ подобное распредѣленіе грамотъ. Къ выгодамъ изслѣдователя скажу, что Сербскій языкъ менѣе разнообразенъ, чѣмъ другія вѣтви того же говора, напр. Хорутано-Словенскія. Исторія языка покажетъ, въ какой мѣрѣ существовали его разнорѣчія въ старину.

Большею частію грамоты сами собою указываютъ на мѣсто своего написанія; но есть въ Споменикахъ и такія, которыя требуютъ историческаго соображенія для опредѣленія своей мѣстности. Между послѣдними грамота № 10, отъ князя Юрія Дубровнику, писана въ Приморья, какъ видно изъ словъ ея: ѥда на ны води дрѣва (суда, корабли) ꙁаморьска и бьнетьчьска на нашь градь; а въ какомъ именно городѣ и отъ какого князя Юрія — это можно бы было узнать изъ того, что князь Юрій называетъ свою жену дочерью короля Владислава; но Исторія не говоритъ намъ ничего о дочеряхъ Владислава. Впрочемъ, по имени упоминаемаго князя Озора, можно заключить, что грамота писана въ Омышѣ. У Люція нѣсколько разъ упоминается Озоръ, графъ Омышскій, изъ рода Кациховъ, въ половинѣ XIII ст. Чикарелли[1] передаетъ любопытный памятникъ отъ 1240 г., писанный на Латинскомъ языкѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорится о походѣ Сплитянъ на Озора Омышскаго: Cum D. Garganus potestas cum toto exercitu Spalatensium iret super Almisum ad accipienda pignora de DCCCXIII libris, quae dedit et accomodavit Osor in manus Bogdanici pro comuni Spalati pro emendatione residui bestiarum и т. д. Архидіаконъ Ѳома называетъ Озора filius Malducis de Almisio и графомъ Брача. По его словамъ, отецъ Озора былъ морскимъ разбойникомъ. Въ 1240 г. Сплитяне овладѣли Брачемъ и захватили Озора, который въ послѣдствіи получилъ свободу. Морскіе грабежи были главною причиною постоянной вражды приморскихъ городовъ[2]. Каталиничъ[3] разсказываетъ, изъ архидіакона Ѳомы (гл. XXXVI), о морскихъ грабежахъ графа Омышскаго, Озора, и о взятіи его въ плѣнъ Сплитянами около 1240 года. Изъ того же источника почерпнулъ и Енгель[4], у котораго читаемъ, что около 1230 года Сплитяне, выведенные изъ терпѣнія морскими разбоями Омышанъ, захватили, наконецъ, главнаго предводителя морскихъ разбойниковъ, графа (князя) Озора (Ossor), и заставили городъ выдать имъ свои корабли. Этимъ объясняется, почему князь Юрій говоритъ, что къ Дубровничанамъ посланъ «отрокъ» князя Озора, а не самъ Озоръ: это ти греде отрокь кнеꙁа оꙁора именемь кратославь сь потьчникомь кь кнеꙁу вашему и что говори отрокь кнеꙁа оꙁора имате му вѣру како самому оꙁору: да му се отети (далѣе изорвано) гредуке нь вамь. Время грамоты позднѣе 1240 года, потому что въ ней уже упоминается король Урошъ. Грамота № 18 писана въ побережьи близъ Дубровника; ибо, по ея словамъ, владѣніе князя Черномира находилось между Цавтатомъ и Молунтомъ, слѣдовательно, въ жупѣ Конавляхъ. Грамота № 41 принадлежитъ Дубровнику.

---

[1] Ciccarelli, Osservazioni sull' isola della Brazza. Venez. 1802, стр. 107, 117. — Рейцъ, въ Сборникѣ Валуева, Москва, 1846, стр. 29.

[2] Schwandtneri Script. rer. Hungar., т. III, стр. 596 — 601 и слѣд.

[3] Cattalinich, Storia della Dalmazia. Zara, 1835. T. III, стр. 28.

[4] Geschichte des Ungrichen Reichs und seiner Nebenländer. Halle. 1798. Часть II, стр. 483.

Гр–а №̱ 56 писана въ Которѣ: князь Воиславъ, давшій ее, называется въ предыдущей грамотѣ «братомъ», т. е. любимцемъ, близкимъ, царя Уроша, и имя его стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Котора. Гр–а №̱ 58 Твердислава Углешича, племянника Вукашинова, писана, можетъ быть, въ Македоніи, гдѣ отецъ Твердислава былъ намѣстникомъ. Во всякомъ случаѣ она принадлежитъ къ собственно-Сербскимъ грамотамъ. Гр–а №̱ 60 Черноевичей дана въ Зетѣ, гдѣ родъ Черноевичей былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ. Гр–ы NN№̱ 63, 67, 70 и 71, данныя Балшичами, писаны въ ихъ владѣніи, Зетѣ и сѣверной части Албаніи. Всѣ онѣ помѣчены городами: гр–а №̱ 63 дана въ Лѣшѣ, №̱ 67 въ Рътцѣ на Черной горѣ, №̱ 70 въ Тузахъ близъ Плочи, №̱ 71 подъ Скодромъ. Гр–а №̱ 74, вѣроятно, дана въ Дубровникѣ; давшій ее, Владиславъ, былъ сынъ Хлумскаго воеводы Стефана Косачи. Гр–а №̱ 75 Алибега Павловича писана гдѣ нибудь въ Албаніи. Грамоты, данныя Санкомъ и Санковичами NN№̱ 78, 79, 80, 86, Сандаломъ NN№̱ 93, 96, 98, 105, и его родичами NN№̱ 110, 120, 124, 125, 128, 132, 134, 139, 142, 143, 144, 158, 159, 161, 162, 163, 169, 170, 171, 172, Григорьемъ Вукославичемъ №̱ 94, Павломъ Радиновичемъ №̱ 82, сыномъ его, Радославомъ Павловичемъ №̱ 101, 102, 104, 106, 107, 114, 117, 122, 127, 129, и внуками, Иванишемъ №̱ 133, Петромъ и Николаемъ №̱ 145, принадлежатъ всѣ той части Сербіи, которая называлась Хлумомъ и Травуніею, потомъ получила названіе воеводства св. Савы и, наконецъ, подъ Турецкимъ владычествомъ, именуется Герцеговиною. Можно еще нѣсколько ближе опредѣлить мѣстность грамотъ, вспомнивши, гдѣ сидѣли вышеозначенные роды. Санко и дѣти его владѣли Травуніею и Конавлями, какъ видно изъ самихъ грамотъ. Князь Вукославичъ, родомъ Яблановичъ, былъ Травунскій бояринъ, и сынъ его называется графомъ Травунскимъ. Нѣсколько грамотъ Радослава Павловича писаны въ Борчѣ; Иванишева писана подъ Бродаромъ, но главнымъ городомъ оставался, по прежнему, Борчъ, какъ видно изъ гр–ы [1]. Вѣроятно, Яблановичи получили Травунію послѣ Санковичей. Къ Травунскимъ же грамотамъ должно отнести и гр–ы Влатка Поповича №̱ 155, родственника Браила Тезаловича, который часто упоминается въ числѣ бояръ Радослава Павловича, и гр–у С. №̱ 156. Сандалъ былъ воеводою Хлумскимъ. Гр–а №̱ 98 писана «въ Драчевицѣ въ Новомъ» [2], №̱ 105 въ Куканѣ. Племянникъ Сандала, Стефанъ Вукчичъ Косача, воевода св. Савы, пишетъ грамоты: №̱ 120 на Невесинѣ подъ городомъ [illegible] (Вѣньчецомъ, Вѣньчикомъ), №̱ 128 въ Новомъ въ Драчевицѣ, №̱ 134 въ Ключѣ, NN№̱ 139 и 144 въ Новомъ, NN№̱ 142 и 143 [illegible]. Сыновья Стефана Вукчича даютъ грамоту свою №̱ 158 также въ Новомъ. Есть еще грамота Гервои Сплитскаго, №̱ 88, и племянника его, Юрія, воеводы Дольнихъ Краевъ и проч., №̱ 118; первая писана въ Звеченѣ, вторая въ Крешевѣ.

Опредѣливъ приблизительно мѣсто написанія тѣхъ грамотъ, которыя могли бы представить нѣкоторое затрудненіе при изслѣдованіи мѣстныхъ свойствъ Сербскаго нарѣчія и опредѣленія признаковъ пространства Сербскихъ областей, я раздѣлю теперь всѣ вообще грамоты на слѣдующія группы или семьи.

---

[1] Шафарикъ, въ Slow. Starož. II, IV, § 32, 653, Слав. Древн., ч. II, кн. I, стр. 433, не берется объяснить положеніе Борча: во всякомъ случаѣ его должно искать не въ собственной Сербіи, а въ Травуніи.

[2] Оба города лежали близко одинъ отъ другаго.

Но прежде замѣчу, что здѣсь есть своего рода исключенія, которыя составляютъ грамоты, писанныя въ чужихъ земляхъ, а не во владѣніяхъ тѣхъ лицъ, кому принадлежатъ. Такъ Дубровничане писали нѣкоторыя грамоты внѣ Дубровника, и на оборотъ, многія лица писали свои грамоты въ Дубровникѣ; такъ нѣкоторыя грамоты даны на Аеонѣ, или въ Турецкихъ земляхъ и пр. Въ этомъ случаѣ всего лучше относить грамоты къ лицамъ, которыми онѣ даны. 1) Семья *собственно — Сербскихъ* грамотъ, данныхъ Сербскими королями, царями, деспотами и родичами ихъ. Къ нимъ принадлежатъ Аеонскія, всѣ тѣ, въ которыхъ говорится о надачахъ, сдѣланныхъ Аеонскимъ монастырямъ. Онѣ даны или на Аеонѣ, или въ канцеляріи Сербскихъ владѣтелей. Ихъ обнародовано немного: большая часть хранится въ рукописи на Аеонѣ. Извѣстія о нихъ сообщили архимандритъ Успенскій[1] и Авраамовичъ[2]. Іосифъ Мюллеръ воспользовался ихъ указаніями и сдѣлалъ каталогъ всѣмъ грамотамъ, упоминаемымъ обоими путешественниками, расположивъ ихъ по годамъ, между тѣмъ какъ у Успенскаго и Авраамовича онѣ расположены по монастырямъ[3]. Но ему осталось неизвѣстнымъ путешествіе г. Григоровича, въ которомъ есть также любопытныя извѣстія о грамотахъ, хранящихся въ различныхъ Аеонскихъ монастыряхъ. 2) Семья *Боснійскихъ* грамотъ, писанныхъ банами и королями Боснійскими. 3) *Герцеговинскія* или *Хлумскія* и *Травунскія*. Въ исторіи языка мѣстами удобнѣе соединять обѣ послѣднія семьи вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ *Боснійскихъ*; но мѣстами слѣдуетъ различать ихъ, даже Хлумскія отъ Травунскихъ. 4) *Турецкія*: четыре (С. № 164), касающіяся дѣтей Стефана Косачи, писаны одна въ Дубровникѣ; другая въ Хочѣ; обѣ означены годами по Христіанскому лѣтосчисленію, но двѣ другія по Магометанскому. Еще четыре Турецкія, данныя Дубровнику (С. № 113, 168, 173; С.-Д.-М. 1851 г.), изъ коихъ двѣ писаны въ Андріанополѣ, одна въ Царѣградѣ, а другая неизвѣстно гдѣ, кажется, тоже въ Царѣградѣ, ибо въ ней говорится о прибытіи Аеонскихъ монаховъ въ Порту къ Султану. 5) *Зетскія*, къ которымъ относятся также грамоты, данныя въ Албаніи Балшичами, Александромъ Канинскимъ и Авлонскимъ (С. № 61) и Юріемъ Кастріотичемъ Скендербегомъ (С. NN№ 148, 149), а также позднѣйшія Черногорскія (№ 60, Мкл.). 6) *Дубровницкія*, писанныя Дубровничанами. 7) *Приморскія*, къ коимъ относятся не многія, писанныя въ побережьи выше и ниже Дубровника (С. NN№ 10, 18, 94).

Другой, не менѣе замѣчательный, памятникъ Сербскаго языка есть *Законникъ* царя Душана. Въ 1349 году, мая 21-го дня, состоялся соборъ, на которомъ присутствовали Царь и патріархъ Іоанникій, всѣ архіереи и церковники, великіе и малые, и всѣ властели царскіе, великіе и малые. На этомъ-то соборѣ сочиненъ былъ Законникъ, дополненный въ послѣдствіи на другомъ подобномъ соборѣ, въ 1354 году. Изъ извѣстій, поданныхъ Шафарикомъ[4],

[1] Описаніе монастырей Аеонскихъ въ 1845 — 6 годахъ по актамъ. Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія, 1848, ч. 58, стр. 55 — 101, 111 — 166.

[2] О. Д. С. у С. Г. — Света Гора.

[3] Slav. Biblioth. v. Miklosich, 1851. Стр. 147 — 199.

[4] Въ Wiener Jahrbücher, 1831, Bd. 53, Anz. Bl., NN 116, 117, 118, и въ предисловіи къ Законнику, изданному имъ въ книгѣ: Památky dřewního písemstwí Jihoslowanůw въ отдѣлѣ: okázky občanského písemnictwí. W Praze. 1851.

открывается, что всѣ доселѣ извѣстные списки Законника дѣлятся на два разряда: къ первому относятся всѣ тѣ, въ коихъ число статей не полно; изъ нихъ одни писаны древнимъ языкомъ, другіе подновленнымъ. Писаны древнимъ языкомъ или сохранившіе таковой, не смотря на позднюю переписку, суть: Ходошскій, писанный около 1390 г., Шишатовацкій, ок. 1541 г., и Хиландарскій. Писанные подновленнымъ языкомъ суть: Текеліевъ, Раваницкій, ок. 1650—1687 г., и Рудницкій, ок. 1700 г. Ко второму разряду принадлежатъ: Раковецкій, писанный въ 1700 г., и два списка, принадлежащіе проф. Григоровичу въ Казани. Сверхъ того, еще два другихъ неизвѣстныхъ списка находятся, одинъ у проф. Надеждина, изъ монастыря Быстрицкаго (въ Валахіи), другой въ Стругѣ близъ Охриды (открытый г. Григоровичемъ). Списки Законника никогда не попадаются отдѣльно, но всегда встрѣчаются вмѣстѣ съ другими статьями Номоканоновъ. Списки втораго разряда, по содержанію своему, столь же древни и достовѣрны, какъ и кратчайшіе списки перваго разряда. Надписи надъ статьями суть плодъ выдумки позднѣйшихъ переписчиковъ, и потому не одинаковы во всѣхъ спискахъ. Шафарикъ, въ 1851 году, подъ общимъ названіемъ Памятниковъ письменности южныхъ Славянъ, въ отдѣлѣ Образцовъ гражданской письменности, издалъ Законникъ по древнѣйшему, Ходошскому, списку 1390-го года, дополнивъ недостающее изъ позднѣйшаго и полнѣйшаго, Раковецкаго, списка. Всѣхъ статей у Шафарика, по Ходошскому списку, оказалось 130. На 115-й оканчивается законникъ 1349 года, а съ 116-й по 130-ю включительно простирается законникъ 1354 года. За тѣмъ идутъ статьи изъ Раковецкаго списка числомъ отъ 131-й по 205-ю, которою и оканчивается весь Законникъ. Всѣхъ прибавочныхъ статей 75. Если изъ числа этѣхъ послѣднихъ мы 21 статью, входящую между статьями древнѣйшаго списка законника 1349-го г., прибавимъ къ 115, то увидимъ, что законникъ этого года оканчивался на 136-й статьѣ; а если еще 3 статьи, входящія въ Законникъ 1354-го г., присовокупимъ къ 136, то увидимъ, что второй законникъ оканчивался 139-ю статьею. Но сдѣсь еще не настоящій конецъ его. Раковецкій списокъ свидѣтельствуетъ, что къ нему должны быть приданы еще 51 статья, именно, тѣ самыя, которыя напечатаны у Шафарика по означенному списку, начиная съ 155-й до 205-й включительно. Такимъ образомъ изъ изданія Шафарика открывается, что, изъ 75-ти лишнихъ статей, 24 должны входить въ самый составъ Законника, по древнѣйшему списку, а 51 должны служить ему продолженіемъ. При семъ не могу не замѣтить, что мои показанія, основанныя на послѣднемъ изданіи Шафарика, рознятся съ показаніями Палацкаго[1], который всѣхъ статей Законника принимаетъ 200: на 135-й оканчивается редакція 1349-го г.; въ Законникѣ по древнѣйшему списку недостаетъ 11-ти статей; со включеніемъ этѣхъ недостающихъ статей, древнѣйшій списокъ оканчивается 151-ю статьею; со 152-й всѣ остальныя статьи должны быть заимствованы изъ позднѣйшаго списка. Всѣхъ недостающихъ статей 70. Въ этихъ показаніяхъ Чешскаго ученаго есть небольшое

---

[1] Srownánj zákonů cara Stefana Dušana srbského s neystaršjmi řády zemskými w Čechách Въ Časopis Českého Museum, 1846. Русскій переводъ, съ дополнительными примѣчаніями, сдѣланъ проф. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ И. О. И. и Д. Р. 1846.. N 2. Сербскій, съ особымъ вступленіемъ и примѣчаніями, сдѣланъ Милошемъ Поповичемъ, кажется, уже съ Русскаго перевода, какъ то показываютъ примѣчанія, оттуда заимствованныя; помѣщенъ во 11-й части Гласника, 1849.

противорѣчіе: по его счету всѣхъ статей выходитъ 210 вмѣсто 200, имъ же самимъ принимаемыхъ; ибо если къ 151 прибавимъ 59, то получимъ 210: по этому, вмѣсто 11-ти, слѣдуетъ выставить 21-у статью, или, оставивъ это число, сократить 151 на 141. Отрывки изъ Ходошскаго списка предложены были Палацкимъ въ упомянутой статьѣ и Шафарикомъ въ Serbische Lesekörner. Раковецкій списокъ получилъ свое названіе по монастырю Раковцу, гдѣ былъ написанъ. Теперь онъ хранится въ библіотекѣ Новосадской гимназіи, почему и называется иногда Новосадскимъ. Въ припискѣ сказано: сапи́се иже въ предѣли срѣмской горы въ цр̃кой ст̃ой ѡбытелы, монастырѹ раковцѹ.... ѡци ст̃ый протитающей сіи ҁаконникъ бл̃вите а не кльнитє грѣшнаго рабa бж̃їа пахоміа еромонаха понижє не писа дх̃ъ ни агг̃лъ нь рѹка бреиа и грѣшна. въ лѣто ҂ѕ҃с҃ѳ. Слѣдовательно, списокъ этотъ сдѣланъ іеромонахомъ Пахоміемъ въ 1701 году. Шафарикъ, Палацкій, Кухарскій, Мацѣёвскій и многіе другіе ученые называютъ его спискомъ 1700 года; но по чему — не знаю. Не имѣя случая свѣрить изданіе съ подлинникомъ, я остаюсь при 1701-мъ годѣ, какъ означенъ онъ въ Лѣтописѣ изданія Магарашевича. Въ этомъ Лѣтописѣ [1], въ III-й и IV-й его частяхъ, за 1828-й годъ, напечатанъ весь Раковецкій списокъ по Новосадской рукописи. Тотъ же списокъ изданъ былъ послѣ того Кухарскимъ [2], которому переслалъ Мацѣёвскій, получившій его, въ свою очередь, отъ Шафарика. Слѣдовательно, можно думать, что списокъ изготовленъ былъ къ печати самимъ Шафарикомъ, который, сверхъ того, приложилъ къ нему Нѣмецкій переводъ, примѣчанія и разнословія со спискомъ 1390 года. Въ такомъ видѣ изданъ онъ Кухарскимъ. Буквы гражданскія. Число статей въ Лѣтописѣ не означено; у Кухарскаго всѣхъ статей 160. Въ Раковецкомъ спискѣ, по изданію Лѣтописа, находится послѣсловіе, отдѣленное отъ предыдущаго чертою и начинающееся такъ: Тѣмже и азъ вьнѹкь, и сн̃ъ й и ѡрасль бл̃гаго корене й ст̃ый бг̃оисповедиїй родитель и прѣродителѧ мой карецїисе рабь хв̃ стефань. Но, согласно со смысломъ предыдущихъ словъ, черта должна быть перенесена гораздо выше, и именно туда, гдѣ оканчивается послѣдняя статья, ѡ изд̃авє ҁаконь, слѣдующими словами: да є опєть єговь а ипо нища да мѹ не ѹҁ̃мє. Слѣдующія за тѣмъ непосредственно слова: Аще сьгрѣшенїа ѡставлати, не ѡмьщенииа неже наипїє непокиине мѹтити должны служить настоящимъ началомъ послѣсловію, откуда понятенъ будетъ и заключительный оборотъ рѣчи тѣмже и азъ. Подобныя вступленія съ заключительнымъ переходомъ къ изложенію самого дѣла весьма обыкновенны въ Сербской письменности. Далѣе въ послѣсловіи разсказывается, какъ Душанъ, вмѣстѣ съ отцомъ, одержалъ побѣду надъ семью царями, какъ пришелъ въ немилость у отца, вступилъ на престолъ, вѣнчался на царство и, наконецъ, издалъ Законникъ. Послѣсловіе оканчивается словами: нь наче да поживемь вь вьсакой тихости и безмльвьнѣмь жїтїю и вь православнѣй вѣри житїи съ всє́ми людми цр̃тва нашего малимже и великимь и получимь цр̃тво н̃бно вь бѹдѹщи вѣкь кьцѹ амин. Отрывки изъ этого списка предложены были также Палацкимъ въ упомянутомъ Сравненіи Законовъ; тамъ, гдѣ недоставало статей по списку 1390 года. Въ III-мъ при-

---

[1] Лѣтописъ за годину 1828. Година IV. Части 14 и 15.

[2] Древнѣйшія Памятники Славянскаго Законодательства. Варшава. 1838. Стр. 100. Нѣмецкій переводъ на стр. 171.

бавленія къ IV-й части своей Исторіи, Ранчъ напечаталъ списокъ Душанова Законника, находящійся въ библіотекѣ Гр. Петра и Савы Текеліевъ, въ Арадѣ, и напечаталъ его «въ самой простотѣ своей отъ слова до слова». Нѣмецкій переводъ съ этого списка сдѣланъ Енгелемъ, въ его Исторія Сербія и Босны[1]. Въ одномъ мѣстѣ своей Исторіи[2] Ранчъ пишетъ, что есть преданіе, будто Душанъ сочинилъ книгу правъ, и кодексъ этотъ хранится въ Дечанскомъ монастырѣ. Самъ Ранчъ не говоритъ утвердительно о послѣднемъ обстоятельствѣ, но предоставляетъ другимъ повѣрить его справедливость[3].

Шафарикъ издалъ Ходошскій списокъ, какъ самъ онъ говоритъ, безъ всякихъ перемѣнъ и дополненій, въ совершенной чистотѣ, ради его древности и исправности. Только уже въ слѣдъ за нимъ, не нарушая состава древнѣйшаго изложенія, приложилъ онъ, для дополненія, недостающія статьи изъ Раковецкаго списка. Изданіе одинаково съ грамотами: какъ тамъ, такъ и сдѣсь всюду опущены древнѣйшіе знаки препинанія и титла. О прочемъ судить не можемъ. Какъ бы то ни было, это изданіе Шафарика мы должны принять въ основаніе при историческомъ и филологическомъ изученіи памятниковъ: ему же будемъ слѣдовать и въ историческомъ изученіи Раковецкаго списка, который, по молодости своей, не входитъ въ кругъ нашихъ филологическихъ изслѣдованій. Надобно отдать справедливость исправности Ходошскаго списка въ сравненіи съ другими. Статьи расположены довольно понятно: по крайней мѣрѣ, въ общемъ ихъ расположеніи можно найти нѣкоторый порядокъ, а именно, сначала идетъ рѣчь о духовенствѣ и дѣлахъ церковныхъ, потомъ о гражданскихъ и уголовныхъ и, наконецъ, о дѣлахъ судебныхъ. Заглавія статей, хотя, быть можетъ, и позднѣйшія, принадлежащія самому писцу, сдѣланы удачно; но не для всѣхъ статей. Всѣхъ заглавій LXXIV. Раковецкій списокъ не слѣдуетъ такому порядку статей, какому Ходошскій; въ сравненія съ послѣднимъ, статьи его перемѣшаны, но такъ, однако, что общее расположеніе ихъ остается замѣтнымъ. Особенно важно то, что смѣшеніе статей совершается въ тѣхъ только предѣлахъ, до которыхъ доведенъ списокъ 1390 года. Этотъ предѣлъ въ изданія Кухарскаго означенъ чертою — и очень справедливо: 120-я ст. отвѣчаетъ послѣдней, 130-й, статьѣ Ходошскаго списка, и съ 121-й начинается дальнѣйшій рядъ статей, которыхъ уже нѣтъ въ Ходошскомъ спискѣ. Спрашивается, почему изъ этѣхъ послѣднихъ статей только одна, именно 148-я, отвѣчающая 44-й ст. Ходошскаго списка, вошла въ составъ древнѣйшаго списка, всѣ же прочія, не смотря на существующее смѣшеніе, остались въ сторонѣ служить лишь продолженіемъ конца, но не полненіемъ средины, или начала его? А между тѣмъ всѣ предшествующія статьи до 120-й, по числу своему, перемѣшиваются страннымъ образомъ со статьями Ходошскаго списка, то есть, въ обоихъ спискахъ порядокъ статей чрезвычайно различенъ; но весь Ходошскій списокъ, не смотря на это смѣшеніе статей, равняется только тому объему Раковецкаго, который оканчивается 120-ю статьею, со включеніемъ 148-й, и только съ этѣми первыми 120-ю статьями можетъ быть сравниваемъ. Въ числѣ этѣхъ же 120-ти статей находятся и тѣ, коихъ недостаетъ въ Ходошскомъ спискѣ. Словомъ, Рако-

---

[1] Geschichte der Servien und Bosnien. Стр. 293 — 310.

[2] Ч. II, стр. 783.

[3] По послѣднимъ разсказамъ путешественниковъ, извѣстіе Ранча о Дечанскомъ подлинникѣ подтверждается.

вецкій списокъ только первыми своими 120-ю статьями отвѣчаетъ вполнѣ всему Ходошскому, а изъ послѣдующихъ только одна 148-я вошла въ составъ Ходошскаго. Если бы не было сдѣсь какихъ либо постороннихъ причинъ, то легко могло бы случиться, что изъ послѣднихъ 121 — 160 статей не одна, а многія отвѣчали бы статьямъ Ходошскаго списка; ибо если смѣшеніе статей въ Раковецкомъ спискѣ было допущено и, при томъ, въ такомъ огромномъ размѣрѣ, то по чему бы писцу не помѣстить было какой либо статьи древнѣйшаго списка между статьями 121—160? Нѣтъ, на 120-й статьѣ онъ вдругъ какъ бы остановился. Изъ этого я заключаю, что подлинникъ, служившій іеромонаху Пахомію, самъ по себѣ былъ спискомъ, сдѣланнымъ съ двухъ подлинниковъ, изъ коихъ одинъ былъ кратчайшій, одинаковаго объема съ Ходошскимъ, гдѣ писецъ и дѣлалъ по своему перестановку статей, а другой полнѣйшій, изъ котораго заимствовано было продолженіе первому, и хотя тоже, можетъ быть, подверженное перестановкѣ, однако уже не могшее войти въ составъ предыдущихъ статей. Покончивъ съ однимъ подлинникомъ, писецъ принялся за другой, сплотивъ ихъ вмѣстѣ при концѣ 130-й (по Ход.), или 120-й ст. (по Рак.). Отъ того статьи одного подлинника не смѣшались со статьями другаго. Это обстоятельство указываетъ на древность кратчайшихъ списковъ и заставляетъ думать, что древнѣйшій, кратчайшій, списокъ не былъ извлеченіемъ изъ полнѣйшаго, но только не доконченнымъ, или по чему либо прерваннымъ во время переписки. Удивительно то, что Ходошскій списокъ, сдѣланный только чрезъ 36 лѣтъ по изданіи Законника, является уже краткимъ, и что другіе древнѣйшіе, доселѣ извѣстные, списки всѣ суть краткіе. Несходство Раковецкаго списка съ Ходошскимъ, лишнія статьи въ томъ и другомъ и вставки въ первомъ, относящіяся ко временамъ Уроша и Лазаря, показываютъ, что, помимо Ходошскаго, были другіе краткіе списки, не уступавшіе ему въ древности. Не было ли при самомъ изданіи Законника двухъ редакцій, такъ что недостающее въ Ходошскомъ спискѣ есть уже прибавленіе, сдѣланное либо въ томъ же, 1354-мъ, году, либо въ слѣдующихъ годахъ царствованія Душана? Но присутствіе въ Раковецкомъ спискѣ нѣкоторыхъ, очевидно, позднѣйшихъ вставокъ и поясненій, показываетъ, что у переписчика былъ подъ рукою какой либо позднѣйшій списокъ, если только не самъ переписчикъ дополнялъ и измѣнялъ слова подлинника. Вотъ что говоритъ о немъ Шафарикъ, сличая его съ древнѣйшимъ: Hier endet die alte Hands. v. J. 1390. Alles bis ans Ende folgende steht lediglich in der Hs. 1700, und ist daher zum Theil sehr verdächtig, wenigstens entstellt. Einiges scheint wohl alt zu seyn, etwa aus der Zeit des Tzars Urosch und Lazar (1366 — 1389); mehreres scheint mir entschieden unächt. Die letzten §§ sind gar sinnlos. Mehrere sind nur Wiederholungen der frühern. Es scheint fast, als wenn der Abschreiber selbst sie concipirt hätte. Раковецкій списокъ, какъ изданъ онъ въ Лѣтописѣ, заключаетъ въ себѣ много ошибокъ, рѣже затемняющихъ смыслъ и чаще обнаруживающихъ небрежность писца. Б-ы ъ и ь смѣняются одна съ другою; есть ꙋ, но нѣтъ оѵ, вмѣсто котораго ставится ѵ; ѧ употребляется иногда вмѣсто ꙗ; ѥ — нѣтъ, но вмѣсто него существуетъ какое-то странное ѥ; попадается и ꙑ вмѣсто ы; надъ краткимъ и становится значокъ ˘; титлы и значки, ʼ ` ˙ • ˙ удержаны; знакомъ препинанія служитъ одна точка. Содержаніе № 4, подъ заглавіемъ ѡ ересѝ латинскыихъ, заключающееся въ четырехъ статьяхъ, опущено въ печати, по недозволенію Австрійской цензуры. Сдѣланное по той же рукописи изданіе Кухарскаго отличается отъ Лѣ-

тописнаго исправностію формъ; но печать въ немъ гражданская: отъ того какъ-то странно бросаются въ глаза подобныя буквы *оу*, *ia*, *ie*; б-ы ѣ нѣтъ. Оба изданія согласны въ расположеніи статей. Заглавій въ Лѣтописномъ изданіи 94; у Кухарскаго ихъ 95, ибо послѣдняя статья, *о издаве законь*, отмѣчена 95-мъ числомъ, чего нѣтъ въ Лѣтописѣ. Древность текста Раковецкаго списка и самихъ находящихся въ немъ вставокъ побуждаетъ насъ, въ историческихъ изслѣдованіяхъ, обращать вниманіе на его разнословія съ Ходошскимъ, а, по прекращеніи послѣдняго, исключительно принять его въ основаніе изслѣдованій, по изданію Шафарика. Списокъ Текеліевъ, напечатанный у Раича гражданскими буквами, есть самый поздній и невѣрный; онъ значительно передѣланъ какъ въ содержаніи, такъ и по языку. Многія статьи перемѣшаны самымъ варварскимъ образомъ. Такъ, на пр., конецъ одной приставленъ къ началу другой; одна статья вставлена въ другую; нѣкоторыя раздроблены; однѣ сокращены, другія распространены, отъ чего мѣстами измѣнился и самый смыслъ; много статей вовсе опущено; въ концѣ и кое-гдѣ въ срединѣ есть значительныя добавки изъ Властарова Правильника. Оба предыдущіе списка не такъ отличаются другъ отъ друга, какъ этотъ отъ нихъ обоихъ. Пользоваться имъ для того времени, которое служитъ мнѣ предметомъ историческаго изслѣдованія, я считаю невозможнымъ: прибавленія и передѣлки въ такой безобразной смѣси законовъ ничего не говорятъ объ этомъ времени; ихъ мѣсто въ позднѣйшихъ вѣкахъ. Они произошли частію въ слѣдствіе новыхъ условій общежитія, частію отъ желанія писца уяснить слова подлинника по своему крайнему разумѣнію. Въ нихъ легко можно подмѣтить наростъ времени и руку самого писца, который сокращалъ или распространялъ, смотря по надобности, подлинныя выраженія Законника. Впрочемъ, въ немъ есть статьи, носящія на себѣ, по содержанію, признакъ глубокой древности и не находящіяся въ обоихъ предыдущихъ спискахъ; такова, на пр., статья 69-я: *Аще ли убегнетъ отъ кое нужде, или отсужданства отъ иніе земль ко нашему Царству, тако да нѣсть дати натрагъ, аще и много та земля пострамдетъ*. Таковы еще статьи: 52, 80, 94, 95 и 98.

Языкъ всѣхъ трехъ списковъ имѣетъ свои особенности, которыя отвѣчаютъ возрасту самихъ списковъ. Языкъ перваго, или древнѣйшаго, списка отличается отъ прочихъ наибольшимъ присутствіемъ Ц.-Славянской стихіи и ясностію изложенія. Это объясняется, во первыхъ, древностію списка, не могшаго такъ много, какъ другіе, подвергнуться порчѣ переписчиковъ; а во вторыхъ тѣмъ, что на соборахъ 1349 и 1354 годовъ главное мѣсто занимало духовенство, рецензіи коего Законникъ необходимо долженъ былъ подвергнуться. Очень можетъ быть, что и сочиняло его какое ни будь духовное лицо. Во всякомъ случаѣ, важность содержанія и неминуемое участіе духовенства требовали, по тогдашнему мнѣнію, и пристойнѣйшаго языка, а таковымъ былъ Ц.-Славянскій. Напротивъ того, Раковецкій списокъ обилуетъ звуками и формами народными. Въ статьяхъ, совершенно сходныхъ по содержанію со статьями Ходошскаго списка, рука позднѣйшаго переписчика умѣла сгладить рѣзкіе оттѣнки Ц.-Славянской стихіи и замѣнить ихъ народными; но въ то же время нѣкоторыя ошибки въ смыслѣ словъ, даже вовсе темныя мѣста, упрекаютъ писца въ слишкомъ произвольномъ измѣненіи подлинника. Принимая въ расчетъ то, что Пахомій окончилъ списокъ въ 1701-мъ году, и судя по свѣжести народныхъ признаковъ и чистотѣ преобразованія языка, мы никакъ не можемъ думать, чтобы самъ Пахомій могъ сдѣлать этѣ перемѣны: въ его время нельзя было

имѣть и побужденія къ тому. Все заставляетъ насъ признать за Раковецкимъ спискомъ бо́льшую древность, чѣмъ полуторавѣковую; онъ, по языку своему, относится, по крайней мѣрѣ, къ XV-му столѣтію, ко второй его половинѣ, когда народная стихія еще правильнымъ путемъ, безъ перелома и незамѣтно тихо, входила въ древнія права Ц.-Славянской. Не то уже было въ послѣдствіи, когда Сербія пала совершенно, а съ нею палъ и письменный языкъ: съ того времени всякое развитіе его, которое до того времени было такъ разумно, естественно и безыскуственно, прекратилось, а виѣсто него, въ языкѣ явилось неправильное смѣшеніе Ц.-Славянскихъ формъ и звуковъ съ народными, смѣшеніе, лишенное жизни, чуждое движенія; ибо и самый народъ едва только сохранялъ въ себѣ искру жизни. Закосиѣніе продолжалось нѣсколько вѣковъ, къ которымъ принадлежалъ и вѣкъ Пахомія: языкъ, уже чуждый согласія составныхъ частей, оставался въ одномъ положеніи, какъ груда двухъ разрушенныхъ стихій, куда рукою переписчиковъ и писателей этого времени подброшено было какъ можно болѣе признаковъ Ц.-Славянской стихіи, снова, въ это печальное время, осилившей народную. Порабощенный народъ, отстаивая вѣру своихъ предковъ, имѣя нравственною опорою духовенство, далъ и въ языкѣ своемъ, величаемомъ названіемъ книжнаго, ходъ Ц.-Славянской стихіи, большій противъ прежняго. Ежели, въ счастливыя времена самобытности и могущества, народъ Сербскій постоянно стремился къ полному самосознанію, которое такъ вѣрно отражалось въ его книжномъ языкѣ, черезъ торжество народнаго начала, то въ бѣдственныя времена смутъ и разрушенія прежняго порядка вещей, обѣ стихіи стали въ превратное отношеніе, которое не могло произвести ничего живаго, а произвело одну безобразную смѣсь, чуждую всякого преуспѣянія. По этому самому рецензію Раковецкаго списка я не отношу ко временамъ Пахомія, но ставлю его гораздо ближе къ XV-му столѣтію; а самого Пахомія, сдѣлавшаго этотъ списокъ, признаю самымъ вѣрнымъ и добросовѣстнымъ переписчикомъ, неизмѣнно и сохранно передавшимъ языкъ древнѣйшаго списка, служившаго ему подлинникомъ. Въ его время, повторяю, нельзя было совершить такой редакціи. Пахомій, іеромонахъ и, какъ видно, начетчикъ церковныхъ книгъ, самъ не могъ опустить Ц.-Славянскихъ формъ и замѣнить ихъ сербизмами. Вотъ какимъ языкомъ говоритъ онъ о себѣ: Ѡ ни҆щаго сіе сердце свѣтно и лукаво, ѡти своимъ ѡтекуще а паль земаля дрѣхла, а руце брѣне и грѣшне умомъ нъ въ неисправлание многими грѣхи повинанъ быхъ ѡкаанны! азъ ѡци сты҃и прочитающеи сіи законикъ блгвите а не кльните грѣшнаго раба бж҃іа пахоміа еромонаха понеже не писа дх҃ъ ни агг҃ль нъ рука брѣна и грѣшна. Въ лѣто ҂ꙁсѳ҃. Подобнымъ языкомъ писано и послѣсловіе. Видно, что писало его какое либо духовное лицо, или, по крайней мѣрѣ, писецъ поддѣлывался подъ духъ Ц.-Славянскаго языка. И списатель Пахомій соблюлъ въ точности это различіе между текстомъ и послѣсловіемъ, что не мало подтверждаетъ его добросовѣстность. Напротивъ, къ позднѣйшему времени, или ко времени смѣшенія обѣихъ стихій и вторичнаго преобладанія Ц.-Славянской, должно отнести составленіе Текеліева или Арадскаго списка, напечатаннаго Ранчемъ. Языкъ этого списка искаженъ писцемъ, желавшимъ въ народную стихію примѣшать побол ѣе Ц.-Славянской; онъ носитъ на себѣ всѣ признаки позднѣйшаго времени, когда Сербскій языкъ до того былъ испорченъ въ устахъ книжниковъ, что его нельзя было назвать ни Сербскимъ, ни Ц.-Славянскимъ, а называли его вообще Славяно-

сербскимъ. Во всѣхъ трехъ спискахъ есть свое замѣчательное словоупотребленіе. Списокъ 1701 г. замѣняетъ нѣкоторыя слова списка 1390 г. другими словами. Такъ, вмѣсто употребляемаго въ древнѣйшемъ спискѣ слова порота, въ позднѣйшемъ употреблено сѫдь; вм. поротьци — сѫдіе: это показываетъ, что для составителя Раковецкаго списка слова порота и поротьци уже утратили свое значеніе и сдѣлались неизвѣстными; списокъ 1390 г. употребляетъ и соудь и порота — каждое въ своемъ значеніи. Такъ, вмѣсто имѣнія, какъ стоитъ въ древнѣйшемъ спискѣ, въ позднѣйшемъ поставлено коуги, вѣроятно, коуки или коуће; вм. кои хотеть быти строителіе домоу божію — кои ге (т. е., ие) стежати домь божіи; вм. люди црьковне — меропхе црквне; вм. оу инорїи — у иурихи; къ слову властелина древнѣйшаго списка прибавлено въ позднѣйшемъ сирѣчь кнеза или боларина [1]; выраженіе списка 1390 г. кто не имать баштине — въ сп. 1701 г. пояснено словомъ сирома [2]; вм. ликадоу — никѫ; вм. коуќи — домоу; вм. оть светаго крала — ѿ цра; вм. оу жоупѣ или оу катоуноу — у полю или шатору; вм. соужнь — тущакь; вм. станиинноу — грађанинѫ; вм. жоуна — виладѣть; вм. логофетоу — писарѫ; вм. меропьхь — слуга; вм. увлиици — наувлинци; вм. оу крагѣ (т. е., краѣи) — крадви (съ благозвучнымъ в); вм. вь ризахь — вь одеждѣ. Также точно находимъ нѣкоторыя словозамѣненія въ спискахъ Раковецкомъ и Текеліевомъ. Вмѣсто меропхи перваго во второмъ употреблено *посадники*; вм. тущакь — *сужань*, какъ въ сп. 1390 г.; вм. темнице — *робства*; вм. станиинь — *гостилникъ*; вм. писарь — *логофетъ*; вм. промирь — *господарь*; слово отроци замѣщено или словомъ *люди*, или словомъ *посадники*; вм. приставь употребляется слово *посланикъ* и пр. Для ближайшаго знакомства съ языкомъ и способомъ изложенія Ходошскаго и Раковецкаго списковъ, я приведу изъ нихъ нѣсколько статей для сличенія. Сп. 1390 г. И светителіе да поставеть доуховнике по вьсѣхь норїахь, по градовѡхь и по селѡхь и ты доуховници да соуть, иже соуть пріели благословеніе на доуховничьство везати и рѣшити ѡть своихь имь архіерей. и да слоушаеть ихь вьсакь по законоу црьковномоу. а ѡныи доуховници коихь не соуть поставили доуховнике, да ижденоуть се, и да ихь ведѣвьса црькка по законоу. Сп. 1701 г. И стліи да поставе дховнике по всех енориах ихъ и по градовихъ и по селихъ и ти дховници да и слѫша въсакъ члкъ по законѫ црквомѫ. а они дховници кои ни сѫ поставлени да се иждениѫтъ по законѫ црквномѫ. И дховномѫ дльгѫ непоставлени да не сѫде кто ли се наге ѿ непоставлени сѫдиѫ црквономѫ дльгѫ да плати т перперъ тькмо црковъ да сѫди. Сп. 1390 г. И на тисоуќоу коука да итаеть се вь монастырихь. и. калогирь. Сп. 1704 г. И у монастирѫ да се

---

[1] Въ Лѣтописномь изданія этой прибавки нѣтъ. См. ст. кг.

[2] Это выраженіе не мѣшаетъ принять въ соображеніе при толкованіи слова «изгой». Оно доказываетъ, что тотъ, кто не имѣлъ своей баштины, т. е., наслѣдственной или родовой, въ нынѣшнемъ смыслѣ, собственности, хотя бы имѣлъ другаго рода земельную собственность, назывался «сиротою». Сирота коудѣлиница, читаемъ далѣе въ Законникѣ (ст. 55, изд. Шаф.), да есть свободна, такожде, ико и попь. Если вспомнимъ, что въ старину ремесла были наслѣдственными въ родѣ, то увидимъ, что смыслъ этого мѣста таковъ: человѣкъ, не получившій, въ наслѣдственную собственность, земли для добыванія глины, какъ и сирота попъ, свободенъ отъ повинностей. Съ этимъ можно сличить другое мѣсто Законника (ст. 31, изд. Шаф.): а иные попове, кои не имаю баштине, да им се дадоу три нивѣ законите, и да есть кала поповьска свободна.

храме и калугеръ. Сп. 1390 г. И калогиріе и калогиринце, кои се постризають, та живоуть въ своихъ домѡхъ, да изгоните се, и да живоуть по монастырѣхъ. Сп. 1701 г. И калугери кой се пострижаѡ пакѝ иде у свой до́мъ да сѐ ижденеи издома и да и́де у монасти́ръ. Сп. 1390 г. Аще кто оуже́жеть коукю или гоумно или сламоу или сѣно по низме (мести) комоу, да съжегоуть его ѡгнемь. аще ли се не найде, да га дасть тоги село. аще ли не дасть, да плати тоги село, що би пожегы платиль. Сп. 1701 г. Аще сѐ кто̀ на́ѣ кой пали ку́ѣю ч́іѡ. или гумно, или сла́му, или се́но. то̀ село̀ нѣкога е́ть ча́кь кой е́ чпалі̀о, да га да́дѹ. аколѝ га не дадѹ да плати то̀ село̀. що бѝ даѡ пожежница. Сп. 1390 г. Кто що изгие оу царевѣ земли, да не въземеть та рекуть: вратити кю. аще кто що позна, та похвати или възме, да плати ико и тать и хоусарь. Сп. 1701 г. Что̀ изгѐ по у цр̑евой земли да̀ не узмѐ да не ре́чу вратитѝ кю̑. ако не позна и похватѝ. или узме да плати що̀ тать, и гусарь. Сп. 1390 г. Повеленіе царьско. ѡть ныне да есть порота и за много и за мало. за велико дѣло да соу. кд. поротьци, а за помьнны дѣль .ві. поротьць, а за мало дѣло .ѕ. поротьць. и тизи поротьци да не соу вольни оумирити ни кога, развѣ да ѡправе, или да ѡкриве. и да есть вьсака порота въ црькви, и попь въ ризахь да ихь закльнеть. и оу поротѣ камо се векы кльноу, и кога векы ѡправе, тизи да соу вѣровани. Сп. 1701 г. Повеленіе цр̑ко ѿ сьбора ѿсу́дь наир̑ѣ да іесть судіе и за много и за мало: за велико дѣло да су кд̃ судіе и за маки̑ дьль да су ві̃ а за мало дѣло ѕ̃. и да не̑ у нихь родима ни низматара. и те судіе да нису волне никого чмирити, ра́зве да ѡпра́вде, или па́кѝ да ѡкриве. и да е̑ въса́кь суды въ цр̑кви и попь да ѡблечется въ одеж̑е и да и закльне. и судіе кога кле́нуть и кога ѿ правде тѝ да су вѣрованѝ. Не менѣе любопытно сличить всѣ три списка вмѣстѣ. Вотъ нѣсколько статей на выдержку. Сп. Холош. И вьси хрисовоули и простагме, що есть комоу сътворило царьство ми, и что въсхощеть комоу сътворити, и тези баштинѣ да соу тврьде якоже и прьвіихь правовѣрныихь царь. и да соуть волни ними или подь црьковь дати, или за доушоу ѡтдати, или продати комоу любо. Сп. Раков. И вьсѝ хри́совулех и простагмѐ що е кому дато цр̑ко повеленіе. и що̀ ге кому дати. и баштине да су тврьде. како и прьви православний цр̑а. да́ су во́лни нима. и́ли цр̑кви дати или за дш̑у ѿда́ти. или продати кому либо. да е̑ слобо́да. Сп. Текел. *И васи русоволіи и записанія, што е кому оставило царство мое и што кому оставихъ бащине и записанія да су тврда, како и прочихъ первыхъ православныхъ царей, волни нима или подъ церкве дати, или за душу, или продати либо кому.* Сп. Ходош. Кои властелинь имать дѣтьцоу, или не имать и оумреть, и по нигове сьрьти баштина поуста ѡстанеть, аще се ѡбрящеть ѡть нигова рода до третіего братоучеда, ть да имать егоеоу баштиноу. Сп. Раков. Кой Властелинь не има́ть дѣцу или имать и умреть и по неговой сьмрти баштина пуста остане. гдѐ сѐ наге́ ѿ неговагѡ ро́да до третіагѡ бра́тучеда. ть да и́ма узети него́ву баштину. ако не буде ближнѣйшаго. Сп. Текел. *Кои властелинъ имать дѣвицу. а пакъ не имелъ буде чедъ и умретъ: и по нѣговои самерти бащина пуста, где се обрящетъ отъ нѣгова рода до третіяго братучеда, тай да има нѣгову бащину.* Сп. Ходош. И баштине вьсе да соуть свободне ѡть вьсѣхь работь и подань царьства ми, развѣ да давають кони, и конскоу да воюють по законоу. Сп. Раков. И баштине всѐ да су свободне ѿ всех рабо́ть. ра́зве да даю̀ десето и войску да воюю̀ по закону. Сп. Текел. *А властелске бащине да су свободне отъ васехъ данакъ царства нашего, разма да даютъ десетыню,*

и войску да воюютъ са мною по закону. Сп. Ходош. **Аще оубїе властелинъ себра оу градоу или оу жоупѣ или оу катоуноу, да плати тысоущоу перьпер. аще ли себрь властелина оубїеть, да моу се обѣ роуцѣ отсѣкоуть, и да плати .т. перперь.** Сп. Раков. **Аще убїе властелинь себра у граду, или у полю, или шатору. да плати тисущу перперъ. А коли себръ властелина убїе. да му се обѣ руце отсеку и да плати т҃ перперь:** Сп. Текел. *Аще біетъ властелинъ себра у граду или у жупи, аще на смерть умретъ себаръ, да платитъ властелинъ 1000 перперь, ако ли біетъ себаръ властелина, да му се руке отсекутъ, и да платитъ 300 перперь.* Приведенныхъ статей достаточно для того, чтобы видѣть, что Текеліевъ списокъ такъ же точно относится къ списку Раковецкому, какъ этотъ послѣдній къ списку Ходошскому. По содержанію и языку, всѣ три списка стоятъ въ прямомъ другъ къ другу отношеніи. Раковецкій списокъ значительно рознится отъ Ходошскаго чрезъ измѣненія, вставки, смѣшеніе и избытокъ статей; Текеліевъ еще болѣе рознится съ Раковецкимъ чрезъ неумѣстныя поясненія древнѣйшаго смысла статей, весьма важные пропуски, искаженія и дополненія. Ходошскій списокъ, по языку своему, принадлежитъ къ той семьѣ памятниковъ, въ которой Ц.-Славянская стихія имѣла наибольшее вліяніе и въ то же время согласно и естественно, но не безобразно, дружилась съ народною. Раковецкій представляетъ совершенно противуположное явленіе и указываетъ на ту пору и то направленіе писцовъ, когда народная стихія, осиливъ Ц.-Славянскую количествомъ признаковъ, не переставала благотворно воздѣйствовать на языкъ, не нарушая его правильнаго развитія. А Текеліевъ напоминаетъ собою то время, когда языкъ книжниковъ исказился до безобразія въ слѣдствіе упадка народной жизни; когда смѣшеніе стихій произвело въ языкѣ ломку, безсвязное столкновеніе частей при насильно водворенномъ превосходствѣ Ц.-Славянскихъ признаковъ.

Окинемъ еще разъ бѣглымъ взглядомъ пройденное нами пространство и назовемъ тѣ источники, которыми можемъ пользоваться въ исторіи Сербскаго языка. Исторія государственная не такъ взыскательна: ей нужны только вѣрность содержанія памятника, да правильно выставленный годъ. Но исторія языка требуетъ больше: она можетъ пользоваться такими неопредѣленными, безъ именъ и годовъ, безцвѣтно — историческими памятниками, которыми первой пользоваться не нужно: она должна опредѣлить возрастъ памятника по его языку и сдѣлать его годнымъ для первой: она нуждается не только въ вѣрномъ опредѣленіи возраста и мѣстонаписанія памятника, но требуетъ еще, чтобы и списокъ съ него былъ сдѣланъ вѣрно, добросовѣстно, съ дипломатическою точностію. Она, какъ и первая, имѣетъ дѣло съ историческими событіями и лицами; но, сверхъ того, главнѣйшимъ ея предметомъ есть языкъ памятника: по этому ей, какъ и первой, нужна не только вѣрность содержанія, мѣстности, именъ и года, но, сверхъ того, еще и вѣрность языка, если она пользуется не самымъ подлинникомъ, а только спискомъ съ него. Отъ того кругъ пользованія у государственной исторіи обширнѣе, чѣмъ у исторіи языка. Изъ упомянутыхъ нами изданій грамотъ и Законника, изъ коихъ всѣ полезны для исторіи народа, многія остаются безполезными для исторіи языка. Таковы изданія грамотъ Вуича, Юлинаца, Давыдовича, Магарашевича, Голубицы: ими мы вовсе можемъ не пользоваться, равно какъ и изданіемъ Тирола и Соларича; ибо всѣ они (кромѣ одной грамоты Душана и одной Дабыши) уже вошли въ позднѣйшія и исправнѣйшія изданія. Къ послѣднимъ принадлежатъ Споменики, Сербскія Древности

Авраамовича, Гласникъ, Памятники Шафарика и его же Serbische Lesekörner (для того, что не нашло себѣ мѣста въ Памятникахъ), изданіе Милутиновой грамоты у Миклошича и Черноевичевой у Милутиновича. Другою грамотою Черноевича, у того же Милутиновича, мы не можемъ пользоваться, ибо она напечатана гражданскими буквами и съ измѣненіями въ языкѣ. По той же самой причинѣ остаются для насъ безполезными значительные отрывки изъ Сербскихъ грамотъ, сообщенные г. Григоровичемъ. Небольшой отрывокъ въ Словарѣ В. Караджича съ пользою послужитъ намъ для двухъ, трехъ примѣровъ. Равномѣрно, съ осторожностію должно пользоваться спискомъ Караджича, сдѣланнымъ съ Сербскихъ грамотъ для Гр. Румянцева и изданнымъ въ отрывкахъ г. Востоковымъ. Списокъ этотъ, по сличеніи тутъ же приложенной надписи на покровѣ св. Лазаря съ этою самою надписью, напечатанною въ Памятникахъ Шафарика, оказывается невѣрнымъ во многихъ отношеніяхъ: то же замѣтитъ всякій, кому только знакомы грамоты, и въ двухъ отрывкахъ изъ грамотъ Душановой и Лазаревой: въ нихъ ь часто опускается, или неправильно замѣняется б-ю ъ; множество значковъ опущено; подозрительны буквенныя сочетанія въ словахъ бытьы, ньй, шльніа, которыя пахнутъ новизною, и н. др. Изданіе Законника по списку 1390 г. сдѣлано еще въ первый разъ Шафарикомъ: имъ и будемъ мы пользоваться. Но мы уже знаемъ свойства изданій Шафариковыхъ, и потому, во многихъ случаяхъ, на пр., въ ученіи о значкахъ, полугласныхъ и начертаніи нѣкоторыхъ буквъ, будемъ пользоваться ими съ осторожностію и ограниченіями.

Припоминая количество и возрастъ изданныхъ и извѣстныхъ уже намъ памятниковъ, мы видимъ, что непрерывный рядъ ихъ тянется съ конца XII вѣка, или грамоты бана Кулина, 1189 года, до исхода XV столѣтія и оканчивается въ одно время съ политическою независимостію Сербіи и Босны. По этой причинѣ, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи и языкѣ Сербскаго народа, я остановлюсь собствено на концѣ XV столѣтія, а о позднѣйшемъ времени скажу только мимоходомъ, по скольку касаются его наши источники. Споменики останавливаются собственно на 1501 годѣ; хотя въ нихъ есть еще 3 грамоты: Хиландарская 1544 г., Дечанская 1613 г. и Юрія Бранковича 1689 года, но, очевидно, онѣ такъ отдалены одна отъ другой и содержаніемъ и временемъ, что по нимъ однѣмъ нельзя вывести никакихъ итоговъ для исторіи языка. Не помогутъ и нѣкоторыя другія грамоты этого времени, не упомянутыя нами въ обзорѣ источниковъ, именно 4 митрополичьи 1622, 1690, 1706 и 1789 годовъ, и письма Арсенія Черноевича 1696 г., относящіяся собственно къ исторіи Сербской церкви и церковнаго языка у Сербовъ. Письмо Еронима Ядарскаго 1533 г., изъ Цареграда, стоитъ особнякомъ, а грамоты у Милутиновича относятся къ одной Черной Горѣ, и ими уже воспользовался самъ издатель въ своей Исторіи Черной Горы; также немногія изъ нихъ послужатъ для исторіи Сербскаго языка, ибо большая ихъ часть писана современнымъ церковнымъ языкомъ. Раковецкій списокъ Законника нуждается въ строгомъ опредѣленіи возраста и редакціи. Такіе скудные и разбитые источники сами по себѣ не могутъ дать понятія о событіяхъ въ Сербіи и состояніи Сербскаго языка въ XVI, XVII и XVIII ст. Они слишкомъ недостаточны для того времени, которое столь извѣстно и богато событіями; ихъ назначеніе — служить дополненіемъ къ другимъ, обильнѣйшимъ источникамъ. Со стороны языка они значительно рознятся отъ тѣхъ явленій, которыя въ XIV и XV ст. обличаютъ

сильное развитіе Сербскаго языка и стремленіе его къ самостоятельности въ ущербъ Церковнославянской стихіи; рознятся и отъ преобладающаго языка послѣдующихъ, имъ современныхъ, столѣтій; по этому въ историческій обзоръ Сербскаго языка XVI, XVII и XVIII ст. они войдутъ только для сравненія и противуположенія, а самый обзоръ должно основать совсѣмъ на другихъ источникахъ, которые прямо приведутъ къ Исторіямъ Бранковича и Раича. Кромѣ недостатка въ источникахъ и перемѣны въ ихъ языкѣ, другія, не менѣе важныя, причины заставляютъ меня остановить историческій обзоръ событій и языка на концѣ XV столѣтія, а именно: 1) съ этого времени Сербія и Босна теряютъ совершенно политическую независимость и подчиняются Турецкой власти. Въ слѣдствіе того и государственная ихъ дѣятельность прекращается: дипломатика не существуетъ болѣе. Только въ Австріи, предъ Австрійскимъ правительствомъ, Сербы хлопочутъ о сохраненіи обѣщанныхъ имъ правъ, но уже не на родномъ языкѣ; и только изрѣдка Патріархи Сербскіе дарятъ грамоты и посланія своимъ духовнымъ чадамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается духовное развитіе Сербскаго народа въ Турціи, а поселенцы Австрійскіе, по своей малочисленности, не могутъ поддержать его послѣ вынесенныхъ ими страшныхъ ударовъ. Сербы грубѣютъ и отуречиваются. Отсюда понятенъ 2) недостатокъ памятниковъ, относящихся къ этой позднѣйшей эпохѣ. Народныя пѣсни останавливаются на борьбѣ Сербіи съ Турціею и прославляютъ подвиги послѣднихъ представителей Сербской независимости, Марка Кралевича, Вука Зміевича и другихъ витязей, которые сходятъ съ поприща побѣдъ безъ успѣшныхъ послѣдствій, пріобрѣтя славу только себѣ, но безъ пользы для народа: ибо народъ, въ смыслѣ государства, уже не существовалъ. За борьбой умолкаютъ и пѣсни; рѣдко слышатся стоны несчастнаго Серба, или Сербіянки, страждущихъ подъ игомъ невѣрныхъ. Духовенство въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, преимущественно защищенныхъ природою отъ напора Азіатскихъ побѣдителей, сберегаетъ то, что еще можно было сберечь отъ древнихъ временъ. Оно хранитъ, или переписываетъ, рукописи, хотя уже давно дѣйствуютъ печатни; но преграда, поставленная Турками, заставляетъ его скорѣе переписывать гдѣ нибудь въ уединенной кельи, чѣмъ отваживаться на покупку печатной книги. Грамотность переходитъ опять къ одному только духовенству, которое снова даетъ перевѣсъ Церковнославянскому языку, такъ что и позднѣйшіе писатели, до самого Обрадовича, подчиняются его вліянію. Турки, не вторгаясь, по видимому, въ домашній бытъ побѣжденнаго народа, умѣли, однакоже, подавить въ немъ всякое развитіе, совершенное въ счастливыя времена славы и могущества Сербіи, и заглушить самый зародышь этого развитія въ будущемъ. Они сумѣли вытѣснить Сербскую народность изъ городовъ, какъ средоточія умственной дѣятельности, и отодвинуть ее въ деревни, гдѣ она прозябала безплодно. 3) Дубровникъ, хотя удерживаетъ свою независимость, однако прекращаетъ государственныя сношенія съ Сербіею и Босною: этотъ богатый источникъ грамотъ изсякаетъ. 4) Сербскій письменный языкъ въ концѣ XV ст. еще представляетъ счастливое движеніе впередъ, при содѣйствіи распространявшейся грамотности: въ немъ уже проявляются тѣ признаки, которые въ послѣдствіи, въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., опредѣлили собою новый Сербскій письменный языкъ, какимъ онъ явился въ нашъ вѣкъ съ правомъ гражданства въ возродившейся письменности Славянъ. Но съ XVI ст. онъ останавливается на пути успѣха и снова подвергается сильному

вліянію Церковнославянскаго, такъ что подъ перомъ писателей, до самого Обрадовича, представляетъ странную смѣсь словъ и формъ, лишенную всякой возможности совершенствованія. 5) Предметъ моихъ изслѣдованій составляютъ *письменные* памятники; но XV-мъ вѣкомъ во всей Европѣ завершается епоха письменныхъ памятниковъ и начинается новая пора образованія, пора печатныхъ книгъ. Сербы уже въ концѣ XV вѣка печатали, но только однѣ церковныя книги. Основаніе въ XVI ст. печатень въ Сербскихъ и сосѣднихъ земляхъ положило конецъ порѣ рукописей, и Кириловскія книги, доселѣ усердно переписывавшіяся духовенствомъ, предаются печати[1]. Охота къ списыванію пропадаетъ по мѣрѣ того, какъ старинныя рукописи являются въ печати: она еще сильна въ XVI и XVII вѣкахъ, но исчезаетъ съ началомъ XVIII. 6) Кириловское письмо потерпѣло уронъ еще и съ другой стороны. Когда пали Сербія и Босна, тогда пало и сильное средоточіе Славянскаго Православія на югѣ: тамъ не стало независимаго государства. Со стороны Далмаціи Римскіе католики удобнѣе могли вводить Латинскую азбуку, ибо уже не было и сильныхъ Боснійскихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ бояръ, которые отстаивали Православіе вмѣстѣ съ ересью Патаренскою. Со стороны Славоніи и Срема Австрійскіе католики не менѣе удачно дѣйствовали въ пользу Латинской азбуки, заставляя и Сербскихъ поселенцевъ въ Австріи, огражденныхъ императорскими грамотами, отказываться отъ Кирилицы[2]. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, составляютъ рѣзкую грань въ исторіи и языкѣ Сербовъ и достаточны для того, чтобы раздѣлить ихъ на два періода: предшествующій, или древній, и послѣдующій, или средній. Новый начинается съ Кара-Георгія и Обрадовича, или съ войнъ Сербовъ съ Даями за независимость и образованія новаго книжнаго языка у Сербовъ[3]. И вотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, причина, почему я останавливаю свой очеркъ на концѣ XV столѣтія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ чистаго Сербскаго языка могли бы служить народныя пѣсни, если бы записаны были въ то время, къ которому относятся мои изслѣдованія; но только въ наше время В. С. Караджичъ передалъ ихъ письму; до него же онѣ переходили устно изъ вѣка въ вѣкъ, получая отъ времени наростъ въ содержаніи и перемѣны въ языкѣ. По языку онѣ вѣчно юны; но по содержанію многія изъ нихъ носятъ признаки глубочайшей древности. Въ нѣкоторыхъ сохранились воспоминанія объ Индіи и притомъ столь свѣжія, что даже не забыта и исполинская Южноазіатская растительность; другія исполнены миѳическихъ преданій и вѣрованій языческихъ Славянъ; третьи содержатъ въ себѣ множество слѣдовъ историческихъ событій и свидѣтельствуютъ о своей исторической основѣ, хотя извѣстія, ими передаваемыя, уже опоэтизированы народомъ, или искажены полузабвеніемъ. Начало ихъ восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ Сербской державы: онѣ помнятъ Симеона Неманю, Св. Саву, братьевъ Милутина и Драгутина, Душана, Лазаря и мн.

---

[1] См. статью Шафарика: О Древнеславянскихъ, именно Кириловскихъ, типографіяхъ въ Югославянскихъ земляхъ и прилежащихъ имъ краяхъ, въ XV, XVI и XVII ст. Чтенія И. О. И. и Д. Р. 1845 — 46, кн. III. Перев. проф. Бодянскаго.

[2] См. статью д-ра Мушицкаго: Судбине Кирилски писмена у Аустрійской државі. Гласникъ, ч. I, стр. 127.

[3] Краткій очеркъ Сербской письменности въ брошюрѣ Суботича: Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbischen Literatur. Wien. 1850, и въ книгѣ Шафарика: Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Offen. 1826.

др.; но любимѣйшій ихъ предметъ — славные подвиги народныхъ витязей въ борьбѣ съ Турками. Въ витязяхъ народъ олицетворилъ свой воинственный духъ и заклятую вражду къ бусурманамъ. Въ этой враждѣ народъ, стѣсненный гнетомъ рабства, порываясь къ самобытности, находилъ себѣ единственное утѣшеніе. И не мудрено, что, при такомъ настроеніи духа, онъ украшалъ подвиги своихъ витязей великолѣпными вымыслами, столь чудными и необъятными, что въ пѣсняхъ о нихъ часто уже нельзя доискаться истины; или часто приписываются витязямъ такіе подвиги, которыхъ они и не думали совершать. Счастливые избранники народныхъ думъ, они соединили въ себѣ и подвиги своихъ собратій, у которыхъ народъ часто отнималъ славныя дѣла и переносилъ на своихъ любимцевъ. Можно сказать, что пѣсни сопровождаютъ Сербскій народъ отъ самой его колыбели, когда онъ, живя въ своей прародинѣ, еще не выдѣлился изъ общей Славянской семьи и водилъ тѣсную дружбу съ природою, сопровождаютъ чрезъ всю его послѣдующую жизнь, счастливую, бурную и бѣдственную, пока, наконецъ, подвигъ Чернаго Георгія и его Сербской дружины положилъ начало осуществленію той мысли, которую народъ постоянно воспитывалъ въ своихъ думахъ. Съ этой поры открылся новый обильный источникъ для народной поэзіи: про Чернаго Георгія, Милоша и ихъ сподвижниковъ уже сложены пѣсни и поются народомъ. Черногорцы, съ самаго водворенія Турокъ въ Европѣ, поютъ свое четованье, величаютъ своихъ богатырей и прославляютъ свои битвы съ Турками за независимость. Пѣсни, лучшій цвѣтъ народной поэзіи, постоянно возносился надъ поверхностію народной жизни, то спокойною, то тревожною, и, сдѣлавшись достояніемъ простолюдиновъ, сохранился до насъ столь же свѣжій, какъ свѣжа жизнь всякого народа, который умѣлъ сберечь себя, свое нравственное существованіе, свою народность, вѣру среди жестокихъ политическихъ бурь и крушеній. Современность есть отличительная черта пѣсень: онѣ прекрасны сами по себѣ; но историческимъ источникомъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, служить не могутъ. Онѣ требуютъ особой предварительной разработки, и потому опредѣленіе ихъ историческаго значенія и изслѣдованіе ихъ языка могутъ служить предметомъ отдѣльнаго труда.

Но пора отвѣчать на вопросъ, который, можетъ статься, кто либо сдѣлаетъ: нѣтъ ли еще другихъ народныхъ Сербскихъ памятниковъ, изъ древняго періода, писанныхъ Кирилицею, и подлежащихъ нашему изслѣдованію? Прежде всего скажу, что въ настоящее время, когда нѣкоторые ученые прилѣжно занимаются Сербскою стариною, трудно ручаться, чтобы не нашлись еще новые, доселѣ неизвѣстные, памятники народнаго слова, прямо относящіеся къ разряду тѣхъ, которымъ я посвятилъ свои изслѣдованія. Во вторыхъ, очень легко можетъ быть, что въ чьихъ либо рукахъ сберегаются памятники уже открытые, но мнѣ неизвѣстные, или недоступные. Въ третьихъ, можно, необинуясь, указать на нѣкоторыя хранилища, заключающія въ себѣ навѣрно, или предположительно, драгоцѣнные памятники, писанные на древнемъ Сербскомъ языкѣ: таковы многіе старинные Сербскіе монастыри, опытъ описанія которыхъ предложенъ былъ В. Караджичемъ въ Даницѣ 1826 г.; таковы преимущественно Аѳонскіе монастыри, содержащіе въ себѣ множество церковно-богослужебныхъ и лѣтописныхъ книгъ Сербской рецензіи, множество Сербскихъ дарственныхъ грамотъ и вообще множество такихъ памятниковъ, о которыхъ, какъ неприступныхъ сокровищахъ, съ восторгомъ и сожалѣніемъ отзываются путеше-

ственники. Эти памятники, извѣстные намъ только по слуху, лишенные всякой возможности къ пользованію и, Богъ вѣсть когда, имѣющіе явиться въ печати, или даже въ спискахъ, все равно какъ бы не существовали теперь для насъ. Недосягаемые для самихъ путешественниковъ, лично посѣщавшихъ Святую Гору, они тѣмъ менѣе доступны для ученыхъ, живущихъ внѣ Аѳона; бо́льшая часть ихъ гніетъ безъ употребленія, служа лишь одному времени своимъ тлѣніемъ. Такъ, мы знаемъ, есть у нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ любителей науки замѣчательныя собранія древнихъ Сербскихъ монетъ. Такъ, различныя древлехранилища, преимущественно народное Сербское и Вѣнское, сберегаютъ большой запасъ Сербскихъ письменныхъ памятниковъ и монетъ. Есть много частныхъ лицъ и ученыхъ, владѣющихъ болѣе, или менѣе драгоцѣнными рукописями и рѣдкими монетами: кажется, не ошибусь, если на первое мѣсто между ними поставлю П. І. Шафарика.[1] Съ другой стороны, чтобы отвѣчать на предложенный вопросъ, должно условиться объ языкѣ памятниковъ, избранныхъ мною предметомъ изслѣдованія. Не касаясь въ подробности до свойствъ языка тѣхъ памятниковъ, которые входятъ въ кругъ моихъ историческихъ и филологическихъ изысканій, я скажу сдѣсь только, что буду разсматривать памятники, писанные на Сербскомъ языкѣ. Древній книжный языкъ Сербовъ былъ двоякаго рода. Въ одномъ случаѣ Сербы, переписывая Древне-булгарскія книги, или сами сочиняя что либо, старались писать по-Древне-булгарски; но, при всемъ своемъ желаніи писать таковымъ языкомъ, они никакъ не могли остеречься до такой степени, чтобы не внести въ Ц.-Славянскій языкъ болѣе, или менѣе признаковъ своего народнаго языка: словомъ, они подчиняли Ц.-Славянскій языкъ своей рецензіи. Въ другомъ случаѣ Сербы, наоборотъ, старались писать по-Сербски, то есть, на своемъ народномъ языкѣ; но такъ какъ въ старину писцы или дьяки были въ то же время и начетчики, и такъ какъ первоначальное ихъ образованіе и грамотность состояли въ знакомствѣ съ Д.-Булгарскою письменностію, съ которою вмѣстѣ пришла въ Сербію Православная Вѣра, то пишущему Сербу не оставалось ничего болѣе, какъ народный языкъ свой, еще не обработанный письменно, не возведенный на степень книжнаго и не собравшійся по этому съ силами, подчинить дѣйствію Ц.-Славянскаго, давно уже славившагося своею книжностію, и создать такимъ образомъ свой особый письменный языкъ, въ которомъ народные звуки и формы перемежались съ Ц.-Славянскими. Въ памятникахъ, писанныхъ этимъ народнымъ книжнымъ языкомъ, замѣтно мѣстами желаніе писцовъ поддѣлаться подъ Ц.-Славянскій ладъ, а мѣстами, при всемъ своемъ желаніи писать по-Сербски, писцы не могли удержаться отъ того, чтобы не внести въ свой языкъ нѣкоторыхъ Ц.-Славянскихъ признаковъ, по тому, повторяю, что ихъ отечественный языкъ не былъ еще воздѣланъ книжнымъ образомъ и не могъ

---

[1] Каталоговъ Сербскимъ грамотамъ, сколько нибудь стоющихъ этого названія, нѣтъ. Но попытки представить ихъ уже сдѣланы: Успенскій, Авраамовичъ, Григоровичъ, Мюллеръ суть начинатели этого дѣла, и должно сознаться, что они добросовѣстно и прилежно, сколько позволяли имъ средства, трудились на этомъ важномъ поприщѣ. Ихъ труды посвящены преимущественно Аѳону. Западное же хранилище, прежде бывшій Дубровницкій архивъ (нынѣ перенесенный въ Вѣну), нашелъ для себя смѣлаго глашатая въ лицѣ П. І. Шафарика, который въ 1839 г. извѣстилъ слишкомъ о 250 хранящихся въ немъ грамотахъ въ своей чрезвычайно рѣдкой книжкѣ: Prospectus Monumentorum Illyricorum.

вполнѣ удовлетворить имъ. Послѣ этого всякій, кто только слѣдилъ за развитіемъ древняго книжнаго, не только Сербскаго, но и всякаго другаго Славянскаго, языка, сложившагося изъ двухъ стихій, пойметъ, что въ письменности этого языка непремѣнно найдутся такіе памятники, которые принадлежатъ по преимуществу той или другой стихіи и къ исторіи ея развитія относятс Такъ точно и въ древней Сербской письменности одни памятники служатъ основаніемъ для исторіи Ц.-Славянскаго языка въ Сербіи, подъ Сербскою рецензіею; а другіе руководятъ исторіею Сербскаго языка подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи. Само собою разумѣется, что движеніе языка совершается въ тѣхъ памятникахъ, которые писаны на этомъ самомъ языкѣ, если не на совершенно чистомъ, то, по крайней мѣрѣ, на такомъ, гдѣ народные признаки преобладаютъ надъ посторонними: у себя дома языкъ развивается быстрѣе и полнѣе, чѣмъ на чужбинѣ, среди преобладающей посторонней стихіи. Въ памятникахъ, писанныхъ на Сербскомъ языкѣ, народные признаки показываются гораздо ранѣе, въ лучшемъ порядкѣ, постепеннѣе и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ памятникахъ Д.-Булгарскаго языка Сербской рецензіи, хотя бы писанныхъ или переписанныхъ природными Сербами. Если къ тому же прибавлю, что въ памятникахъ послѣдняго рода въ Ц.-Славянскій языкъ входятъ, какъ естественно и должно ожидать, одни только главнѣйшіе, постоянные, а потому и не подверженные временному движенію, признаки Сербскаго языка, то ясно будетъ, что по этимъ памятникамъ нельзя исторически изучать Сербскій языкъ; между тѣмъ какъ памятники перваго рода давно уже обогнали эти послѣдніе и ранностію и количествомъ появленія народныхъ признаковъ съ ихъ временными видоизмѣненіями. Тамъ, гдѣ Сербскій языкъ является гостемъ и пришлецомъ и гдѣ онъ всегда можетъ быть скуднымъ и запоздалымъ, тамъ я не буду его изучать. Его исторія должна вращаться въ его собственной средѣ и покоиться на памятникахъ, которые онъ оставилъ по себѣ, такихъ памятникахъ, гдѣ присутствіе его ознаменовано преобладаніемъ надъ постороннею стихіей. Избравъ эти одни памятники основаніемъ для исторической разработки Сербскаго языка, я долженъ былъ коснуться и ихъ отношенія къ судьбамъ самого Сербскаго народа, показать ихъ значеніе въ государственной и гражданской жизни Сербовъ. Но что это за памятники? Они уже названы и исчислены мною. Теперь, для большей ясности, слѣдуетъ только показать отношеніе ихъ по языку и содержанію къ прочимъ памятникамъ древней Сербской письменности. Бѣглый очеркъ этой послѣдней, до XV-го вѣка включительно, яснѣе представить различіе ея памятниковъ и оправдаетъ объемъ моего изслѣдованія.

Всю Древнесербскую письменность можно раздѣлить на слѣдующіе виды, представляемые нами въ общихъ чертахъ: 1) богослужебныя, богословскія и вообще духовнаго содержанія книги, писанныя первоначально на Древнебулгарскомъ языкѣ, но, чрезъ переписываніе, подвергнувшіяся Сербской рецензіи и принявшія въ себя много сербизмовъ, или прямо переведенныя на Сербобулгарскій языкъ. Въ послѣдствіи бо́льшая часть ихъ, именно богослужебныя книги, была тиснута въ древнѣйшихъ Сербскихъ и сосѣднихъ печатняхъ.[1]

[1] О Кириловскихъ типографіяхъ въ Южнославянскихъ земляхъ и о древнѣйшихъ Сербскихъ печатныхъ книгахъ см. статью Шафарика, переведенную проф. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ И. О. И. и Д. Р. за 1845—46, кн. III. Также у Шаф. въ Serbische Lesekörner, стр. 12.

Всѣ этѣ книги, какъ рукописныя, такъ и печатныя, важны для насъ еще и по тому, что имѣютъ надписи, послѣсловія и приписки, языкъ которыхъ, наполненный сербизмами, далеко не таковъ, какъ языкъ текста; ибо сочинители ихъ пользовались сдѣсь бо́льшими правами относительно языка и, будучи Сербами, вносили сюда свойства народнаго языка въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ текстъ. По этому подобныя дополненія лучше отнести къ слѣдующему, второму, отдѣлу памятниковъ.[1] 2) Духовныя сочиненія Сербскихъ писателей и отчасти переводы, типики, номоканоны, житія святыхъ, церковныя извѣстія, лѣтописи, медицинскія сочиненія, надписи на церквахъ, иконахъ, церковныхъ утваряхъ, гробницахъ и т. п. Этотъ отдѣлъ есть самый

---

[1] Считаю не лишнимъ поименовать сдѣсь нѣкоторыя древнѣйшія, къ этому разряду относящіяся, рукописи Сербской рецензіи, помѣченныя годомъ, или извѣстнаго вѣка. Важнѣйшія изъ нихъ суть: Өедоровскій списокъ Шестоднева 1263 г., въ Москвѣ, (отрывокъ у Калайдовича въ Іоаннѣ, Екзархѣ Болгарскомъ); Прологъ XIII-го в., въ С.-Петербургѣ, (Востокова Описаніе Румянцевскаго музея, N CCCXIX); Евангеліе 1316 г., въ Карейской типикарницѣ Св. Савы; Апостолъ Шишатовацкій, писанный Даміяномъ въ 1324 г.; Евангеліе 1329 г. въ мон. Св. Павла на Аөонѣ; Слова Іоанна Златоустаго 1344 г. въ Хиландарѣ; Патерикъ 1346 г., въ мон. Крькѣ, въ Австріи, (рецензія мнѣ неизвѣстна); Евангеліе 1372 г. въ Вѣнской придворной библіотекѣ; Служебникъ, вѣроятно, въ 1386 г. писанный, (Вост. Оп. Рум. муз. N CCCC); Евангеліе Шишатовацкаго монастыря XIV в.; Евангеліе, хранящееся въ монастырѣ Св. Николая на Моравѣ; Отрывки Евангелія и одного поученія того же вѣка; Іоанна Дамаскина Богословіе, въ Крушедолѣ, того же вѣка; Рукопись, содержащая Пятокнижіе Моисеево, книгу Осіи, книгу Судей и четыре книги Царствъ, въ Крушедолѣ, XV-го в.; другая, содержащая Псалтырь, Апостолъ, Синаксарій и Часословъ, тамъ же и того же вѣка; Толкованіе на Евангеліе, въ Крушедолѣ; Григорія Богослова 16 Словъ (изъ коихъ 13 сохранились еще въ другомъ спискѣ, Вост. Оп. Рум. Муз. NN LXXXV, LXXXVI); Іоанна Лѣствичника Бесѣды (принадлеж. Имп. Публ. Библіотекѣ. См. Вост. Оп. Рум. Муз. N CC, стр. 256); Четвероевангеліе, въ правописаніи коего есть смѣсь Русскаго съ Сербскимъ (Вост. Оп. Рум. Муз. N CXIX); Филиппа пустынника Діоптра, въ Шишатовцѣ; Іоанна Климаха Лѣствица (въ трехъ спискахъ, изъ коихъ два въ Крушедолѣ, одинъ въ Карловцахъ); Іоанна Златоустаго Постныя Слова (въ двухъ спискахъ, въ Карловцахъ и Крушедолѣ); его же Бесѣды (въ двухъ спискахъ, въ Крушедолѣ); Григорія Назіанзина Слова, въ Крушедолѣ; Рукопись, содержащая въ себѣ различныя статьи, какъ-то преданія о Спасителѣ, Святой Дѣвѣ и Апостолахъ, Завѣтъ 12-ти Патріарховъ, Изъясненіе Псалмовъ, Библейскую Исторію, Исторію Римскихъ и Греческихъ императоровъ, Исповѣданіе и Уставъ Константина Великаго, избранныя мѣста изъ Дамаскина и Златоустаго, Родословіе святыхъ ктиторовъ и господъ Сербскихъ и пр. Всѣ XV-го в. и пр. и пр. Григоровичъ видѣлъ въ Аөонскихъ монастыряхъ множество пергаменныхъ (не говорю уже бумажныхъ) рукописей, Евангелій, Апостоловъ, Псалтырей и др., Сербской рецензіи, возрастъ которыхъ еще не опредѣленъ. Есть много и такихъ рукописей, рецензія которыхъ намъ неизвѣстна, ибо видѣвшіе ихъ не дали о томъ знать. Но сколько еще такихъ, которыя извѣстны только по названію, или даже вовсе не открыты. Сербскіе, Черногорскіе и ближайшіе къ Сербіи Булгарскіе монастыри, Южная Угрія, Аөонъ, Вѣна, Москва, Петербургъ и многія другія мѣста хранятъ обильный запасъ церковныхъ книгъ Сербской рецензіи. Мы не приводили сдѣсь позднѣйшихъ XVI-го и слѣдующихъ вѣковъ; но и между ними есть весьма важныя, одолженныя своимъ происхожденіемъ древнѣйшимъ подлинникамъ. Укажу, на пр., на Каноны Сербскимъ святымъ въ спискѣ 1714 г., содержащіе при себѣ и прологи вмѣстѣ съ другими біографическими извѣстіями о Сербскихъ королахъ, царяхъ, деспотахъ, ихъ родичахъ и прочихъ святыхъ. Свѣдѣнія о рукописяхъ этого разряда находятся по разнымъ сочиненіямъ, какъ-то, путешествіямъ, описаніямъ книгохранилищъ и повременнымъ изданіямъ. Полнѣйшія указанія приведены Шафарикомъ въ Wiener Jahrbücher 1831, 53 Anzeige Blatt, въ Serbische Lesekörner и въ Prospectus Monumentorum Illyricorum; Кухарскимъ въ Časopis wlastenského Museum, 1829, IV; Востоковымъ въ Описаніи Румянцевскаго Музеума, 1842; Успенскимъ, Авраамовичемъ, Григоровичемъ въ ихъ Путешествіяхъ; а также въ Лѣтописѣ, Даницѣ, Новинахъ, Гласникѣ, Сербо-Далматинскомъ Альманахѣ и Магазинѣ и мн. др.

обширный. Разумѣется, между нимъ и предыдущимъ нельзя положить точныхъ границъ, особенно въ языкѣ: языкъ того и другаго почти одинаковъ и если мы различаемъ ихъ, то на иномъ основаніи, именно, по способу самого употребленія языка. Мы, кажется, не ошибемся, если замѣтимъ, что къ первому разряду преимущественно относятся такія книги, которыя были только переписаны Сербами, нисколько не желавшими измѣнять ихъ Древнебулгарскій языкъ, но невольно внесшими въ нихъ нѣкоторыя важнѣйшія особенности своего нарѣчія, напр., замѣну ѧ, ѫ, ъ и ы буквами є, оу, ь, ы, и, и н. др. Ко второму же разряду принадлежатъ тѣ книги, въ которыхъ Сербы сами являются сочинителями, или переводчиками, но уже не переписчиками. Хотя сдѣсь языкъ былъ въ полномъ ихъ распоряженіи, однако они, отчасти по навыку и понятіямъ своимъ о книжномъ языкѣ, отчасти изъ уваженія къ предмету своихъ сочиненій и переводовъ, проникнутому религіознымъ настроеніемъ духа, а. отчасти и по образцу книгъ перваго разряда, составлявшихъ необходимо первое явленіе Сербской письменности, употребляли тотъ же самый языкъ, какой находили въ книгахъ перваго разряда, т. е., писать старались по-Древнебулгарски съ примѣсью важнѣйшихъ сербизмовъ. Повторяю, если мы различаемъ оба разряда, то не по языку, а способу употребленія языка и содержанію большинства рукописей. Непреложной грани между ними положить нельзя, во первыхъ, потому, что есть много рукописей, о которыхъ не извѣстно, были ли онѣ только переписаны Сербами съ Древнебулгарскихъ, или прямо переведены на этотъ языкъ Сербами; во вторыхъ, по тому, что есть сборники, которыхъ содержаніе относится къ тому и другому разряду; въ третьихъ, есть не переведенныя, а сочиненныя Сербами рукописи, по содержанію своему относящіяся къ первому разряду, вмѣсто втораго, каковы, напр., службы Сербскимъ святымъ и т. п. Но, не смотря на то, все же таки отличительною чертою въ языкѣ памятниковъ втораго разряда есть присутствіе личности и личнаго произвола писателя, или переводчика. Не будучи невольнымъ переписчикомъ, онъ могъ всегда въ сочиненіи, или переводѣ своемъ, располагать языкомъ по своему произволу, подчиняя его своему собственному воззрѣнію. Писатель есть уже самъ по себѣ личность съ опредѣленнымъ направленіемъ, характеромъ, взглядомъ; онъ непремѣнно образованъ, онъ начетчикъ, книжникъ. А если вспомнить, что древняя грамотность состояла почти исключительно въ знаніи Ц.-Славянскаго языка и его письменности, то очевидно будетъ, что древніе писатели, когда еще не было и помину о введеніи въ книжность народнаго языка, должны были употреблять не иной какой языкъ, какъ тотъ, который они считали единственнымъ книжнымъ языкомъ и съ помощію котораго могли пощеголять своею грамотностію. Чѣмъ грамотнѣе былъ писатель, тѣмъ языкъ Ц.-Славянскій былъ у него чище и правильнѣе. Съ одной стороны самый предметъ духовнаго содержанія требовалъ соотвѣтственнаго ему языка, съ другой религіозно-нравственное воззрѣніе лѣтописцевъ на событія міра и на все мірское открывало и въ лѣтописи путь Ц.-Славянскому языку: ибо всѣ отступленія, весьма частыя и всегда набожнаго содержанія, заимствованныя когда изъ догматическаго, когда изъ практическаго богословія, выписывались и повторялось панзустъ изъ книгъ церковныхъ. Все въ этомъ отдѣлѣ обнаруживаетъ, что писатели, почти одни духовныя лица, сроднились съ Ц.-Славянскимъ языкомъ; что Св. Писаніе и Отцы Церкви были для нихъ постояннымъ предметомъ чтенія, книгою сподручною, настольною. Гдѣ нельзя было заимствовать цѣлыхъ мѣстъ и выраженій изъ

Св. Писанія, тамъ, по крайней мѣрѣ, они употребляли языкъ Св. Писанія. Также надписи на церквахъ, крестахъ, иконахъ, гробницахъ, церковныхъ печатяхъ и другихъ утваряхъ уже по тому самому, что относились къ предметамъ священнымъ, писались Ц.-Славянскимъ языкомъ. Вотъ почему этому отдѣлу, какъ и предыдущему, свойственно болѣе названіе Церковнославянскаго, или Древнебулгарскаго, чѣмъ Сербскаго; хотя онъ и заключаетъ въ себѣ народные Сербскіе памятники, но тѣмъ не менѣе языкъ ихъ не народный Сербскій, а Церковнославянскій, преобладающій подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Сербскаго. Еще въ половинѣ XIV ст. переводчикъ Властарова Правильника говорилъ, что этотъ послѣдній языкъ есть простьчьскыи ѩзыкь, но въ то же время самъ произносилъ и писалъ ѩзыкь, а не ѩзыкъ. По тому-то я отмѣтилъ этотъ отдѣлъ памятниковъ присутствіемъ личности: языкъ памятниковъ зависѣлъ отъ личнаго произвола писателей. Не маловажнымъ доказательствомъ въ пользу булгаризма этого отдѣла служитъ то, что, по словамъ Шафарика, письма и разговоры князей въ Родословѣ отличаются бо̀льшимъ количествомъ Сербскихъ признаковъ, нежели остальной разсказъ лѣтописца Даніила, и еще то, что Житія Сербскихъ Святыхъ существуютъ въ двухъ рецензіяхъ: Сербской и Булгарской. Которая изъ нихъ есть первоначальная, подлинная—пока неизвѣстно; но ясно, что вся разница языка памятниковъ состояла въ той, или другой рецензіи, или, иными словами, въ незамѣтномъ и невольномъ вліяніи туземнаго нарѣчія на книжное, церковное, въ такой, однако, мѣрѣ, что отъ этого существенныя свойства первоначальнаго языка не исчезали и перевѣсъ все таки оставался на ея сторонѣ. Древнебулгарскіе памятники останутся все тѣми же, будутъ ли они Сербской, или какой иной, на пр. Русской, рецензіи. Равномѣрно и Шафарикъ называетъ[1] языкъ Древнесербскихъ памятниковъ этихъ двухъ отдѣловъ Церковнославянскимъ или, лучше, Славяносербскимъ, прибавляя, что въ Сербскихъ богослужебныхъ книгахъ чище сохранился Древнебулгарскій языкъ, чѣмъ въ Русскихъ[2]. По этому, говоря о своей книгѣ, Serbische Lesekörner, онъ такъ объясняетъ ея цѣль: Der Zweck ist einzig und allein: aus altserbischen, zum Theil in slawischer Kirchenmundart, zum Theil in slavoserbischem Sprachgemenge geschriebenen Denkmälern, durch systematische Zusammenstellung der daraus excerpierten Serbismen, das Alter des jetzigen serbischen Dialekts, so weit es möglich ist, zu ermitteln (стр. 8). Ясно, что онъ разумѣетъ здѣсь частію чистый Булгарскій языкъ, частію смѣшанный, въ которомъ, подъ преобладаніемъ Булгарскаго, присутствуетъ и Сербскій, но какъ членъ далеко второстепенный. А выше онъ говоритъ: Wir brauchen bloss ein einfaches Zeugenverhör vorzunehmen und die serbischen Denkmäler der Zeitfolge nach über die Beschaffenheit der in ihnen enthaltenen Mundart zu befragen, um zu dem Resultate zu gelangen, dass in Serbien von altersher, und namentlich seit dem IX Iahrh., neben dem mit dem cyrillischen Alphabet aus Bulgarien eingeführten und als gegebene, fertige Schriftsprache willig aufgenommenen Kirchendialekte zugleich ein selbständig ausgebildeter, in allen wesentlichen Puncten mit dem heutigen übereinstimmender serbischer Nationaldialekt be-

---

[1] Serbische Lesekörner, стр. 8.—Geschichte d. Slav. Sprache u. Literatur, стр. 206.—Ср. Давыдовича: Дѣлаія къ исторіи Срьбскога народа, Забавникъ на 1821 г., стр. 5 — 7.

[2] О Кирилловскихъ типографіяхъ въ Югославянскихъ и сосѣднихъ земляхъ. Чтенія И. О. И. и Д. Р. 1845 — 46, кн. III, стр. 19

standen habe (стр. 5). Изъ его книги, писанной преимущественно по источникамъ двухъ означенныхъ отдѣловъ (грамоты, печати, монеты и законникъ Душановъ составляютъ незначительную часть источниковъ, которыми онъ пользовался), съ цѣлью найти въ Церковнославянскомъ языкѣ нѣкоторые признаки Сербскаго, видно, что этотъ послѣдній только отдѣльными звуками и формами входитъ въ составъ словъ и рѣчи Церковнославянскаго языка, господствующаго въ этихъ двухъ отдѣлахъ[1]. 3) Совсѣмъ иное явленіе представляютъ

---

[1] Назову бо́льшую часть древнѣйшихъ памятниковъ, намъ извѣстныхъ и относящихся къ этому разряду. Таковы: Житія св. Симеона Немани, писанныя его сыновьями, Стефаномъ Первовѣнчаннымъ и св. Савою, около 1210 г., и изданныя Шафарикомъ въ Памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ, первое по рукописи конца XIII, или начала XIV в., второе по списку 1619 года. Два Типика св. Савы: Карейскій 1199 г. (у Шафарика въ позднѣйшемъ спискѣ) и Студеницкій 1210—1215 г. (у Шаф. въ спискѣ 1619 г.): первый данъ св. Савою Карейской кельи близъ Ораховицы (въ области Хиландарскаго монастыря) и напечатанъ по довольно небрежному списку въ Голубицѣ за 1840 годъ (Ч. II), гдѣ сказано, что онъ хранится въ Карейской типикарницѣ. Авторъ «Писемъ Святогорца о Святой горѣ Аѳонской» (С.-Пет., 1850, 2 ч.) читалъ этотъ типикъ въ подлинникѣ въ уединенной кельи Хиландарскаго монастыря, и напечаталъ бо́льшую его часть, но языкомъ Русскимъ, смѣшаннымъ съ Ц.-Славянскимъ; онъ называетъ его грамотою св. Савы, при которой, по его словамъ, находятся подпись и имянная печать Святаго (см. ч. II, стр. 174). Шафарикъ тоже представилъ отрывокъ этого типика въ своихъ Serbische Lesekörner. Авраамовичъ видѣлъ въ Хиландарѣ типикъ, сочиненный, по преданію, для этого монастыря св. Савою и написанный однимъ изъ его учениковъ (на кожѣ, въ осьмушку). Изъ этого типика Авраамовичъ выписалъ заглавіе, второе Слово и начало третьяго (о пришествіи Симеона Немани съ сыномъ, Савою, въ Хиландаръ, возобновленіи этого монастыря и преставленіи Симеона) и оглавленіе главъ (Описаніе древностій Србски у Светой Гори. — Светагора); Года Авраамовичъ не приводитъ. I. Мюллеръ отмѣчаетъ его 1198 годомъ, что не вѣрно уже по тому, что въ немъ говорится о кончинѣ св. Симеона (Slavische Bibliothek, von Miklosich, Wien, 1851). О Студеницкомъ типикѣ намъ ничего неизвѣстно: отрывки изъ него напечатаны у Шафарика въ Serb. Lesekörner. Но, судя по тожеству этихъ отрывковъ съ указателемъ главъ Хиландарскаго типика, у Авраамовича, мы можемъ пока, до новыхъ разысканій, предположить, что Хиландарскій типикъ былъ первообразомъ Студеницкаго и перенесенъ или въ подлинникѣ, либо въ спискѣ, самимъ Савою изъ Хиландара въ Студеницу, по случаю прибытія сюда св. Савы и введенія имъ здѣсь новаго устава монашескаго общежитія За симъ слѣдуетъ Житіе свв. Симеона Немани и Савы, писанное Доментіаномъ въ 1264 г., въ Карейской келіи Хиландарскаго монастыря (въ спискѣ 1350 — 1400 г.). Родословъ, заключающій въ себѣ описаніе царствованія Радослава, Владислава, Уроша I, Драгутина, Милутина, Дечанскаго и Душана и жизнь современныхъ имъ архіепископовъ, отъ Савы I до Ефрема, составленный архіепископомъ Даніиломъ (1325—1338) и его продолжателями и идущій съ 1224 по 1375 г. (Подлинникъ въ Хиландарѣ, а три списка съ него, XVIII ст., въ Карловцахъ и Львовской Университетской библіотекѣ). Переводъ Кормчей Книги, приписываемый тому же Даніилу. Жизнь Дечанскаго, написанная Григоріемъ Цамблакомъ, XIV в., въ Дечанахъ. Жизнь Душана, писанная однимъ изъ продолжателей Родослова, ученикомъ Даніила, 1356—1375 г., въ Студеницѣ. Лѣтопись Амартола, переведенная монахомъ Георгіемъ въ 1389 г.; о другомъ ея спискѣ XV в. упоминаетъ г. Востоковъ въ Описаніи Румянцевскаго Музея подъ N XLII. Неполный Типикъ, писанный около 1357 г. Еще три Типика XIV в. Медицинская рукопись, писанная около 1390 г. (отрывки въ Serb. Lesekörner). Властаровъ Правильникъ (въ 8 спискахъ XIV, XV и XVI ст.). Цароставникъ или Троадникъ неизвѣстнаго сочинителя и вѣка, заключающій въ себѣ списокъ Сербскимъ, Греческимъ, Булгарскимъ и Русскимъ государямъ и событіямъ ихъ царствованія (совершенно сходенъ съ Хронографомъ, писаннымъ, въ 1650 г., въ Верхнебрезницѣ близъ Плевы, въ Герцеговинѣ). Краткій Лѣтовникъ, изъ разныхъ лѣтописцевъ избранный и составленный инокомъ Георгіемъ, при царѣ Лазарѣ и патріархѣ Спиридонѣ (въ двухъ спискахъ: одинъ въ Хиландарѣ, другой въ монастырѣ св. Павла). Вѣроятно, этого же самого Лѣтовника третій списокъ помѣщенъ въ рукописи, принадлежащей Кухарскому и просмотрѣнной

собственно народные памятники: грамоты, Законникъ, монеты, печати и др. Ихъ историческое значеніе таково, что они всегда составляютъ современный памятникъ: извѣстіе, ими сообщаемое, всегда вѣрно самому себѣ; ибо они суть то же событіе, но только запечатлѣнное письмомъ. Сдѣсь нѣтъ произвола писателя, ни его взгляда на событія, ни его ошибокъ; сдѣсь само событіе, само историческое явленіе, какъ оно было и есть на дѣлѣ. Такъ, грамота, если передаетъ какое либо событіе, то этому событію она и слу-

---

профес. Бодянскимъ въ бытность его въ Варшавѣ. Онъ носитъ имя инока Геѡргіа и начинается такъ: По цри Костантіне цртковх Конста сйь его. Самая рукопись, въ которой онъ помѣщенъ, по словамъ ея владѣльца, подарена ему покойнымъ владыкою Черногорскимъ, Петромъ Петровичемъ I Негушемъ: это огромный сборникъ статей, писанныхъ на Булгарскомъ и на Сербскомъ (вѣрнѣе Сербобулгарскомъ) языкѣ, коихъ числомъ до 51; печатное извѣстіе о ней сообщено Кухарскимъ въ видѣ письма въ редакцію журнала Časopis wlas'enského Museum, 1829, ч. IV. Тутъ между прочимъ находятся: Повѣсть изложена о србьскы госпо, иже поживше въ земли србьстѣи ѡтьчьствіа своего колико кто пожитъ. и ѡкѹ начелство прозебе. и кто по ни бысть и какѡвы конецъ пріиде и Житіе деспота Стефана Лазаревича, озаглавленное одинаково съ извѣстною намъ рукописью Булгарской рецензіи, только съ отличіями въ языкѣ, а именно: Житіе и жизнь прно поминаемаго слвѹщаго благочьстиваго гна деспота стефана. съписанно повелѣнымь и понѹжденымь стнишаго патріарха земли тоѣ србьскые кѵръ никѡномь. и полатиы начелныкь. видѣніемже трьстимь ... самомѹ тьзоименитомѹ прославлающѹсе быти. Замѣчательная разность въ заглавіи этой рукописи съ заглавіемъ Булгарской состоитъ въ падежѣ имени Никона: сдѣсь оно употреблено въ творительномъ падежѣ, а тамъ въ родительномъ. Рукопись оканчивается Краткою Сербскою Лѣтописью, о которой скажу ниже. Не эту ли рукопись разумѣетъ Шафарикъ подъ именемъ кодекса Черногорскаго, о которомъ упоминаетъ мимоходомъ на 44 стр. своего Prospectus Monumentorum Illyricorum? Отечникъ или Патерикъ (въ спискѣ конца XIV, или начала XV ст.), въ Врѣдникѣ. Панагирикъ начала XV в., въ Крушедолѣ. Лѣтопись Зонары XV в. Повѣсть о перенесеніи мощей св. евангелиста Луки въ Смедерево при деспотѣ Юріи Бранковичѣ, XV в., въ Врѣдникѣ. Весьма древняя книга, содержащая въ себѣ Житіе св. Антонія Великаго и св. Савы Сербскаго и Похвальное Слово свв. Симеону и Савѣ (въ монастырѣ Св. Павла). Сербскія лѣтописи въ 12 спискахъ: 1) въ Властаровомъ Правильникѣ, писанномъ, по повелѣнію Зетскаго архіепископа Іосифа, дьякономъ Дамьяномъ, въ Копривнѣ, и хранящемся въ Крушедолѣ: этотъ списокъ оканчивается 1453 годомъ. 2) При Канонѣ св. Николаю въ числѣ приложеній. Рукопись находится въ Карловицкой митрополичьей библіотекѣ; а самый списокъ Лѣтописи останавливается на 1503 годѣ. 3) Въ Сборникѣ XV в., содержащемъ въ себѣ различныя статьи и хранящемся въ Крушедолѣ. Этотъ списокъ озаглавленъ: *Родословие светыхъ ктиторъ и господъ Сербскихъ* и уцѣлѣлъ только на послѣднемъ листѣ въ небольшомъ отрывкѣ. 4) Сеченицкій, въ Сборникѣ начала XVI в., содержащемъ въ себѣ Синаксары. Оканчивается 1501 годомъ. 5) Хиландарскій до 1552 г., списанный Раичемъ, подъ названіемъ Хиландарской Лѣтописи, изъ рукописи 1758 г., въ Хиландарѣ. 6) Давыдовичевъ, въ одной рукописи XVI ст. Доведенъ до 1554 г. 7) Въ Хронографѣ съ различными прибавленіями, писанномъ въ Верхнебрезницѣ близъ Плевы, въ Герцеговинѣ, въ 1650 г. 8) Ковыльскій, около 1672 г., въ прибавленіи къ рукописи того же времени. 9) Рацкій, около 1680 г. 10) Магарашевичевъ, ок. 1699 г. 11) Святоандреевскій, ок. 1700 г. 12) Черногорскій, помѣщенный въ концѣ сборника, подареннаго Кухарскому Черногорскимъ владыкою. Объ немъ упоминаетъ Шафарикъ въ Wien. Jahrb., 1831, Anz. Bl., N 151. Списокъ съ него находится у проф. Бодянскаго. Мы не знаемъ только, въ какомъ отношеніи между собою находятся нѣкоторые списки, упоминаемые Шафарикомъ въ Wien. Jahrb., Prospectus и Památky, именно, какъ относятся такъ названные имъ, въ послѣднемъ изданіи, Рацкій и Святоандревскій списки къ тѣмъ рукописямъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ Prospectus на стр. 44 подъ буквами: *i*) Codex, cui titulus «Cvětodarovanije», cum adnexis, sec. XVI—XVII; *k*) Nomocanon cum adnexis, sec. XVII; *l*) (Wien. Jahrb. N 8) Apographon

житъ законнымъ подтвержденіемъ, какъ бы переводитъ его отъ мысли къ осуществленію. Такъ, Законникъ, если онъ представляетъ обычай, или законъ, освященный употребленіемъ, а потомъ письмомъ, то значитъ, что этотъ обычай, или законъ дѣйствительно былъ таковъ; есть ли это неизбѣжное, самообразовавшееся требованіе вѣка и народа, или произвольное уложеніе одного лица: во всякомъ случаѣ оно выражаетъ извѣстный возрастъ народа, степень его образованія, духъ и направленіе вѣка. Вотъ почему этотъ отдѣлъ памятни-

---

annalium a. 1762 ex ignoto codice exscriptum? Почерпнуты ли они изъ этѣхъ самыхъ рукописей, или составляютъ нѣчто иное? А также, вошелъ ли въ послѣднее изданіе списокъ, отмѣченный въ Prospectus 6-ю *d*) и, если вошелъ, то подъ какимъ названіемъ? Два первые списка напечатаны Шафарикомъ особо; другіе восемь, начиная съ 4-го по 11-й, въ сводѣ. Всѣ помѣщены въ Памятникахъ. Изъ нихъ Давыдовичевъ списокъ напечатанъ еще въ 1-й ч. Лѣтописа, за 1828 г., подъ заглавіемъ: **лѣтопись црємь срьбкымь**. Теперь въ Сербскомъ Народномъ Музеѣ хранится совершенно подобный ему списокъ, который, по случаю описанія древностей, принадлежащихъ упомянутому Музею, Иваномъ Спиро Поповичемъ, былъ напечатанъ въ 1-й части Гласника (1847). Онъ отысканъ въ одномъ пергаменномъ сборникѣ, купленномъ Сербскимъ правительствомъ у вдовы покойнаго Михаила Германа; съ нимъ вмѣстѣ помѣщался и Номоканоникъ. По сличеніи обоихъ изданій, между ними не оказывается рѣшительно никакихъ разнословій, кромѣ одной ошибки въ годѣ и одной въ мѣсяцѣ; они рознятся только по языку, что, впрочемъ могло произойти совсѣмъ отъ другой причины, вѣроятно, отъ неправильнаго списыванія. По этому мы думаетъ, что списокъ Гласника одинъ и тотъ же со спискомъ Давыдовича. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще молчаніе Шафарика о спискѣ Музейномъ и одинаковое заглавіе въ обоихъ изданіяхъ; ибо и въ Гласникѣ надписано: **лѣтописъ црємь срьбкымь** или (тамъ же) **лѣтописъ црємь срьбкымь**. Но почему же въ Гласникѣ ни слова не сказано объ отношеніи напечатаннаго въ немъ списка къ списку Давыдовичеву? Въ Гласникѣ издатель намѣренно опустилъ, начиная съ 6967 года, нѣкоторыя событія, не касающіяся Сербіи. Вѣроятно, по той же причинѣ и самый списокъ оконченъ 7021 (1513) годомъ, между тѣмъ какъ въ Лѣтописѣ онъ идетъ до 7062 (1554) г. Начинается же онъ въ обоихъ изданіяхъ съ раздѣленія Церквей, или съ 6240 г. Въ Лѣтописи, по словамъ Шафарика, есть тоже пропуски. Другой, Магарашевичевъ, списокъ напечатанъ безъ заглавія въ томъ же журналѣ, Лѣтописѣ, въ 1-й его части за 1829 годъ. Онъ начинается съ Потопа и оканчивается 1698-мъ годомъ. Однимъ съ нимъ годомъ начинается и оканчивается списокъ, принадлежащій теперь Сербскому Народному Музею и найденный въ другомъ, бумажномъ, сборникѣ, купленномъ также у вдовы Германа. Онъ изданъ въ той же книжкѣ Гласника въ слѣдъ за первымъ, какъ его дополненіе, съ огромными пропусками. По языку онъ, какъ и предыдущій, разнится отъ Магарашевичева, но по содержанію буквально сходится съ нимъ. Взаимное отношеніе обоихъ опять необъяснено издателемъ, а Шафарикъ тоже молчитъ о спискѣ Германовскомъ. Черногорскій, или списокъ Кухарскаго, занимаетъ $16^1/_2$ послѣднихъ листовъ Рукописи, изъ коихъ первые 15 писаны полууставомъ, а послѣдніе $1^1/_2$ скорописью. Онъ именуется: **Сказаніє вкратцѣ сьшїнмь ѿ а҆дама до дньшнѧго времене.** И дѣйствительно, начинается онъ съ Адама, но быстро проходитъ чрезъ лѣта царствованія Греческихъ императоровъ и, упомянувъ объ изобрѣтеніи азбуки св. Кириломъ и крещеніи Руси, приступаетъ къ болѣе подробному описанію событій Сербской исторіи, начиная смертью Душана въ 1356(5) году и оканчивая преставленіемъ архіепископа Антонія въ 1574 г. Недавно, въ 1853 году, въ V-й части Гласника, изданъ еще одинъ списокъ, сдѣланный съ древнѣйшаго іеромонахомъ Іосифомъ въ монастырѣ Троношѣ въ 1791 г. Подлинникъ его оканчивался первой четвертью XVI ст. Онъ отличается отъ предыдущихъ своею полнотою, и въ составителѣ его замѣтно желаніе излагать событія въ связномъ разсказѣ, а не записывать ихъ врознь, коротко и голословно. Переписчикъ же дѣлалъ отъ себя позднѣйшія дополненія и замѣчанія. Этотъ списокъ озаглавленъ: **Родословїє сербскоє.** Относительно всѣхъ этихъ списковъ Сербскихъ Лѣтописей должно замѣтить, что хотя они доходятъ до болѣе, или менѣе позднягo времени, однако въ нихъ не трудно замѣтить слои, различающіеся между собою отчасти языкомъ, отчасти спосо-

ковъ отличается отсутствіемъ личности писателя; сдѣсь нѣтъ сочинителя: сдѣсь сочинитель весь народъ. Дьяки суть только посредники между народомъ и грамотностію, воспринимавшею въ себя еще свѣжія событія, еще живыя понятія и впечатлѣнія народа. Отъ того памятники эти должно по преимуществу назвать народными. Напротивъ, лѣтописи большею частію своего содержанія относятся ко временамъ минувшимъ, сообщаютъ преданія и слухи, часто омраченные невѣжествомъ, или вымыслами воображенія, или, наконецъ, тѣнью полузабвенія. По тому, чѣмъ далѣе лѣтописецъ углубляется въ старину, тѣмъ сомнительнѣе становятся подробности его разсказа, тѣмъ голословнѣе выказывется одно лишь основаніе событій. За то драгоцѣннѣе лѣтопись самовидца, которая передаетъ то, чего нѣтъ въ грамотахъ, или самый поводъ грамоты обстанавливаетъ полнѣе и вразумительнѣе; изъ нея можно видѣть связь событій и значеніе ихъ. Однако, и тутъ нельзя иногда не упрекнуть лѣто-

---

бомъ изложенія. По этому возрастъ ихъ опредѣлить весьма трудно: по крайней мѣрѣ, ядро ихъ должно относить къ древнѣйшимъ временамъ письменности, а наросты къ позднѣйшимъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о надписяхъ, намъ извѣстныхъ, каковы: на крестахъ королевы Елены и сына ея, Милутина; на лжицѣ королевы Елены, неизвѣстно которой; на церкви свв. Іоакима и Анны, въ Студеницѣ, 1314 г.; на крестѣ царя Душана, 1348 г., въ Дечанахъ (снимокъ приложенъ къ Загребскому Архиву, 1852, кн. II, отд. II.); на покровѣ царя Лазаря 1389 — 1392 г.; на церкви Святостефановскаго монастыря, въ округѣ Алексинацко́мъ, временъ деспота Стефана Лазаревича и брата его, Вука, 1399 г.; на завѣсѣ царскихъ вратъ въ церкви Хиландарской, 1399 г. (Гласникъ, ч. V); на столбѣ Косовскаго поля; на гробницахъ: Дабыжива, енохіара царя Уроша, 1367 г.; Стефана Углешича, въ Любостыни; царицы Милицы; деспота Стефана Лазаревича, 1427 г.; Катерины Боснійской, 1478 г.; Марка Кралевича и др.; на церкви Святоникольскаго монастыря, 1425 г.; надъ изображеніемъ деспота Юрія съ супругою, Ириною, сыномъ Григоріемъ, и дочерью, Мароью, на одной изъ деспотовыхъ грамотъ, въ монастырѣ Свигменѣ; на панагіарѣ екзарха Силивестра, конца XV-го в., въ Крушедолѣ; на омофорѣ, изготовленномъ деспотицею Ангелиною для мощей св. Іоанна Златоустаго въ церкви св. Мартына, въ Пресбургѣ; на двухъ митрахъ, въ Крушедолѣ, и пр. и пр. Есть старинныя надписи на церковныхъ печатяхъ и иконахъ; но время ихъ опредѣлить почти невозможно. О надписяхъ, послѣсловіяхъ и припискахъ на книгахъ не говорю: ихъ весьма много. Нѣкоторыя перешли въ печать вмѣстѣ съ богослужебными книгами, изданными въ древнѣйшихъ Кириловскихъ печатняхъ. Надпись на Жичанской церковной башнѣ есть не что иное, какъ грамота, и потому отнесена мною къ числу послѣднихъ. Одинъ только Шафарикъ составилъ родъ каталога для большей части надписей въ Wiener Jahrbücher, 1831, 53 Anz. Bl., NN 1—25, и въ своемъ Prospectus Monumentorum Illyricorum. Извѣстія о прочихъ разсѣяны по разнымъ повременнымъ изданіямъ, описаніямъ, путешествіямъ и т. п. Вообще свѣдѣнія о памятникахъ этого разряда я почерпалъ изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и для предыдущаго. Укажу еще на Шафариково извѣстное сочиненіе Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Offen, 1826; на статью въ Сербо-Далматинскомъ Альманахѣ на 1836 г.: Кьижество Сербаля у средњемъ вѣку (стр. 41), и на книжку Субботича: Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbischen Literatur. Подъ конецъ этого краткаго обзора двухъ разрядовъ древнѣйшихъ памятниковъ Сербской письменности не нужно бы было и упоминать, что множество рукописей еще остается въ неизвѣстности и недоступнымъ для ученыхъ изслѣдователей; а иныя, хотя и открыты и прочтены, но редакція ихъ не объявлена. Думаю, что Русскія книгохранилища, какъ общественныя, такъ и частныя, вмѣщаютъ въ себѣ не мало рукописей, преимущественно церковно-богослужебнаго содержанія, Сербской рецензіи. Входъ таковымъ рукописямъ въ Россію былъ удобенъ; примѣры у насъ предъ глазами: древнѣйшій въ митрополитѣ Кипріанѣ, позднѣйшій въ Сухановѣ. Но составители каталоговъ мало, или вовсе не обращали вниманія на рецензію рукописей (кромѣ Востокова), а для юго-западныхъ ученыхъ онѣ были вовсе недоступны. Въ заключеніе припомню еще разъ, что въ этомъ очеркѣ древней Сербобулгарской письменности я ограничился только тѣми важнѣйшими памятниками, которые не моложе XV-го вѣка.

писца въ какой нибудь задней мысли, въ жертву которой приносится имъ истина, или въ какомъ нибудь неправильномъ и пристрастномъ взглядѣ и т. д., чего нѣтъ, разумѣется, въ грамотахъ. Такъ, лѣтописецъ Даніилъ, при всей высокой занимательности своего Родослова, многое умалчиваетъ о своихъ покровителяхъ, любимцахъ и воспитанникахъ, четырехъ короляхъ Сербскихъ. Дьяки или писцы скрываютъ часто свое имя, а если и выставляютъ его, то вовсе не съ авторскимъ значеніемъ, а по тому, что того требовали форма и подлинность грамоты. Они могли блеснуть своимъ книжнымъ образованіемъ, выказать свою грамотность только въ началѣ и концѣ нѣкоторыхъ грамотъ и въ послѣсловіи Законника; но сущность предмета, специальность дѣла заставляла ихъ выражаться простымъ, общепонятнымъ языкомъ, почти такимъ, какимъ говорилъ народъ: отъ того вся средина и, слѣдовательно, несравненно бóльшая часть грамотъ и весь Законникъ писаны народнымъ языкомъ, въ которомъ хотя и замѣтно вліяніе Церковнославянскаго, однако этотъ послѣдній стоитъ къ народному уже въ обратномъ отношеніи сравнительно съ памятниками двухъ первыхъ отдѣловъ. Исторія народнаго языка должна опираться преимущественно на этотъ третій отдѣлъ памятниковъ: въ немъ она увидитъ поступательное движеніе языка впередъ, настоящую пору различныхъ явленій, составляющихъ сущность его исторіи, между тѣмъ какъ въ предыдущихъ онъ нѣсколько опаздываетъ. Сдѣсь, въ своей настоящей области, онъ дѣйствуетъ быстрѣе и успѣшнѣе.

Вотъ почему, желая исторически изучить народный языкъ Сербовъ, я избралъ этотъ именно отдѣлъ главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій. Но, быть можетъ, кто нибудь спроситъ, дѣйствительно ли такъ же различаются между собою по языку второй и третій виды Сербскихъ памятниковъ, какъ различаются они по значенію и общимъ свойствамъ своимъ? На это отвѣчаю: есть, конечно, такіе памятники, которые соединяютъ своимъ языкомъ оба вида. Такъ, на пр., дарственныя Аѳонскія грамоты, имѣя въ себѣ наибольшое количество признаковъ Ц.-Славянскаго языка, сходятся въ этомъ отношеніи съ надписями, или книжными послѣсловіями и помѣтами; но даже и въ этѣхъ грамотахъ, наиболѣе приближающихся ко второму и первому отдѣламъ, есть такія страницы, гдѣ языкъ народностію своею далеко опережаетъ языкъ надписей, послѣсловій и т. п., и это именно тѣ самыя страницы, для которыхъ писана вся грамота; это тѣ мѣста, въ которыхъ заключается главное содержаніе и цѣль грамоты. Независимо отъ этого довода скажу: если по духу и содержанію своему памятники обоихъ послѣднихъ видовъ такъ рознятся между собою, что въ этомъ отношеніи нельзя не найти предѣловъ тому и другому виду, то и въ отношеніи исторіи языка необходимо признать то же дѣленіе. Съ другой стороны, при подвижности и измѣнчивости книжнаго языка, безъ сомнѣнія, найдутся такіе памятники, которые, связывая собою другіе, болѣе отличные по языку, составляютъ съ послѣдними непрерывную цѣль, обнимающую всѣ, сколько бы ихъ ни было, памятники древней письменности. Но надо же найти между ними и грани, когда замѣчаешь, что тотъ, или другой отдѣлъ памятниковъ, въ совокупности взятый, довольно рѣзко отличается отъ прочихъ. Прочитавши одну за другою всѣ грамоты и Законникъ и прочитавши потомъ всѣ памятники, отнесенные нами ко второму отдѣлу, не говоря уже о первомъ, сейчасъ замѣчаешь, что впечатлѣніе, производимое языкомъ

тѣхъ и другихъ, вовсе не одинаково: въ первыхъ непремѣнно увидишь наибольшее присутствіе народной стихіи, во вторыхъ Ц.-Славянской. Вотъ почему и въ отношеніи языка я принялъ для памятниковъ такое же дѣленіе, какое и въ отношеніи ихъ духа, содержанія. Очевидно, что основаніе дѣленія справедливо во всѣхъ отношеніяхъ. Еще, быть можетъ, нѣкоторые, увлекшись народнымъ языкомъ, положимъ, хоть Русскихъ лѣтописей, спросятъ насъ, почему же мы Сербскія лѣтописи не отнесли къ третьему разряду? Конечно, лѣтописи, уже однимъ названіемъ своимъ, скорѣе всякого другаго памятника, побудятъ къ такому вопросу; но отвѣчаемъ: кто читалъ Сербскихъ лѣтописцевъ, тотъ, съ перваго же разу, увидитъ, что языкъ ихъ вовсе не народный и далеко не таковъ, какъ языкъ грамотъ. Они, безъ сомнѣнія, всѣ были духовныя лица, писали по монастырямъ, окруженные церковными книгами, и часто на самихъ же церковныхъ книгахъ, языкомъ совершенно одинаковымъ съ языкомъ Житій Сербскихъ Святыхъ, слѣдовательно, Булгаросербскимъ. По этому самое приличное имъ мѣсто во второмъ разрядѣ.

Ни одинъ историкъ не пользовался тѣми грамотами, какія мы уже знаемъ, за исключеніемъ немногихъ, и Законникомъ по древнѣйшему списку. Но грамоты часто бываютъ отдѣлены одна отъ другой большимъ разстояніемъ въ пространствѣ и времени: чтобы связать ихъ и дать надлежащее значеніе каждой изъ нихъ, я долженъ вести непрерывную историческую нить, которая, при всей краткости разсказа, укажетъ настоящее мѣсто для того, или другаго памятника, чтобы онъ не представлялся чѣмъ либо отрывочнымъ и не терялъ половины своей цѣны. Пусть другіе излагали Сербскую исторію по другимъ источникамъ: моею задачею будетъ повѣрить и дополнить ихъ тѣмъ, что отыскано мною въ изданныхъ послѣ нихъ народныхъ Сербскихъ памятникахъ. Глазъ ученаго отличитъ общеизвѣстное, то, что я называю историческою нитью, отъ того, что предложено мною новаго. Въ отношеніи же языка, его коснулся пока одинъ только Шафарикъ; но коснулся на столько, на сколько нужно было для исторіи Древнебулгарскаго языка въ Сербіи. Изъ его изслѣдованія, между прочимъ, оказывается, что Сербскій языкъ не есть тотъ, на который совершенъ переводъ Священнаго Писанія. Въ древнѣйшихъ Далматохорватскихъ грамотахъ, писанныхъ на Латинскомъ языкѣ, и Византійскихъ лѣтописцахъ Шафарикъ отыскиваетъ слѣды Сербскаго языка, и тѣмъ доказываетъ, что этотъ языкъ, еще при самомъ разсвѣтѣ Исторіи, уже имѣлъ тѣ особенности, которыя отличаютъ его въ послѣдствіи отъ языка Славянобулгарскаго. Потомъ, сообразно съ своею цѣлью, онъ разсматриваетъ Славянобулгарскую письменность въ Сербіи и указываетъ на тѣ сербизмы, которые мало по малу входили въ эту письменность изъ устнаго народнаго языка. Но, имѣя въ виду преимущественно Славянобулгарскій языкъ по памятникамъ этого языка въ Сербіи, Шафарикъ не могъ не воспользоваться для сравненія памятниками народными, какіе были у него подъ рукою; таковы: 11 грамотъ, 4 печати, нѣсколько монетъ и Законникъ Душановъ по древнѣйшему списку 1390 года. Эти немногіе памятники третьяго отдѣла служили Шафарику представителями Сербскаго языка среди множества рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ Славянобулгарской письменности, принадлежащей Сербіи. Но, скажу еще разъ, Шафарикъ вовсе не думалъ строить полнаго зданія Сербскаго языка: ему нужно было только указать на тѣ мелкія зерна, которыя разсѣяны въ памятникахъ Славянобулгарской письменности и рѣзко отличаются отъ коренныхъ свойствъ Славянобул-

гарскаго языка, чѣмъ само собою опровергается и ложное мнѣніе, приписывающее Сербскому языку честь быть богослужебнымъ языкомъ православной Церкви въ Булгаріи, Панонія, Сербіи и Россіи. Слѣдовательно, ему предстояло разсмотрѣть не столько народные, сколько Славянобулгарскіе памятники, принадлежащіе Сербіи. Такъ онъ и сдѣлалъ. Его книгу, Serbische Lesekörner, можно назвать исторіею Церковнославянскаго языка въ Сербіи. Я предложилъ себѣ задачу противуположную Шафариковой—*очертить исторію Сербскаго языка по народнымъ памятникамъ*, и именно такимъ же, какими пользовался и Шафарикъ, т. е., *писаннымъ Кирилицею*. Но такъ какъ письменный языкъ Сербовъ, какимъ бы онъ ни былъ въ сущности, все же таки вообще былъ языкомъ искусственнымъ, образовавшимся изъ двухъ стихій, народной и Славянобулгарской, при разномѣрномъ ихъ участіи и взаимодѣйствіи, то цѣлью моею будетъ, на оборотъ, рѣшить, *на сколько Сербскій языкъ подвергся вліянію Церковнославянскаго?* Сдѣсь сами собою представляются два вопроса: какъ Сербскій языкъ постепенно установлялся въ своихъ звукахъ и формахъ, и какое отношеніе имѣлъ онъ къ Церковнославянскому? Естественнымъ путемъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ должно быть изученіе народныхъ памятниковъ Сербской письменности, какъ противуположныхъ Славянобулгарскимъ.

Могутъ сдѣлать мнѣ другой вопросъ: почему я избралъ одни только памятники, писанные Кирилицею? На этотъ вопросъ отвѣчаю словами и примѣромъ Шафарика, который, въ Serbische Lesekörner, уже предвидѣлъ этотъ вопросъ и такъ отвѣчалъ: Es würde folgenreich sein, von dem Gesichtspunkte auszugehen, dass die Sprache der Serben griechischen Ritus in Serbien und der Serben oder Illyrier lateinischen Ritus in Dalmatien nur eine Mundart sei, und dass man demnach alte, mit lateinischen oder glagolitischen Buchstaben geschriebene Sprachdenkmäler der Dalmatiner bei der Lösung der vorliegenden Frage mit ebendemselben Rechte befragen könne und müsse, mit welchem die cyrillischen Handschriften befragt werden.... Da man sich indess durch zu vorschnelle und breite Anwendung dieses Grundsatzes der Gefahr aussetzen möchte, von einem Theile der bei der Frage Betheiligten eines Cirkels in der Beweisführung beschuldigt zu werden, jenem Theile nämlich, der es dafür hält, dass die Sprache der katholischen Illyrier gerade die aus der, nach ihrer Meinung den Serben eigenthümlich angehörigen Altslawischen, durch Abfall entstandene, corrupte, keiner Beachtung werthe Pöbelsprache sei: so muss man vorerst sein Augenmerk auf die cyrillischen Sprachdenkmäler der Serben griechischen Ritus allein richten (стр. 6 — 7). Но Шафарикъ, вполнѣ убѣжденный въ справедливости принятаго имъ раздѣленія, сдѣлалъ только слабое возраженіе, между тѣмъ какъ основаніе, опредѣляющее объемъ его сочиненія, чрезвычайно вѣрно. Справедливо замѣчаетъ онъ тутъ же, что во всей Сербіи существовалъ и существуетъ одинъ языкъ съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями, и по тому въ исторіи языка необходимо допустить къ сравненію памятники, писанные какъ Латинскими буквами, такъ и Глаголическими. Но всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею Сербской письменности и Сербскаго народа, оправдаетъ его раздѣленіе. Случайное, по видимому, обстоятельство употребленія той, или другой азбуки тѣсно связано съ важнѣйшими основами жизни Сербскаго народа. Оно не только связано съ вѣроисповѣданіемъ Сербовъ, но и съ политической ихъ судьбою. Сербы католики постоянно упо-

требляли Латинскую, или Глагольскую азбуку, Сербы православные — Кирилицу. Сербскія области, Босна и Герцеговина, всегда стремились къ разъединенію съ Сербіею и успѣли пріобрѣсти себѣ бо́льшую, или меньшую степень политической независимости. Въ нихъ Католицизмъ встрѣтился съ Православіемъ и сдѣлалъ значительныя завоеванія. Политика и религія произвели то, что этѣ области, вмѣстѣ съ Далмаціей и Приморской Хорваціею, гдѣ исключительно господствовалъ Католицизмъ, клонились болѣе къ Угріи, чѣмъ къ Сербіи. Даже въ нихъ самихъ, когда Герцеговина (воеводство св. Савы) устремилась къ независимости, религіозное начало служило главною основою къ распаденію: воеводы св. Савы, въ противуположность Боснійскимъ королямъ, приняли сторону Православія и восточной ереси Манихейцевъ. Поодаль отъ нихъ стояла Сербія съ своимъ Православіемъ. Все католическое населеніе этѣхъ земель, подъ вліяніемъ Запада, употребляло въ церковныхъ книгахъ Глаголитику, позднѣе Буквицу, въ другихъ Латинскую азбуку; все православное населеніе, напротивъ, употребляло всюду Кирилицу. Въ книжномъ языкѣ православныхъ Сербовъ, составляющемъ предметъ моего изслѣдованія—ибо нѣтъ памятника, который бы былъ писанъ чистымъ народнымъ языкомъ, какъ напр., пѣсни,—замѣтно большее, или меньшее вліяніе и присутствіе Славянобулгарскаго языка: того вовсе нѣтъ въ народныхъ памятникахъ католическихъ Сербовъ; хотя въ глаголитскихъ не-церковныхъ опять замѣтно присутствіе Ц.-Славянской стихіи, оправдываемое совсѣмъ другою причиною. Исторія письменности у Православныхъ и у Католиковъ представляетъ также два совершенно различные предмета, и Шафарикъ имѣлъ полное право, въ своей книгѣ Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur, говорить о той и другой въ особыхъ отдѣлахъ. Такимъ образомъ различіе азбуки отвѣчаетъ распаденію Сербскаго народа въ вѣроисповѣдной, государственной и умственной дѣятельности. Принимая въ соображеніе все сказанное и не желая нарушать единства и цѣльности предмета, я ограничился такимъ же объемомъ, какимъ и Шафарикъ, а именно *памятниками, писанными Кирилицею.*

Но памятники, положенные мною въ основу при изученіи судебъ Сербскаго языка, суть *историческіе*: а по сему я долженъ предварительно разсмотрѣть ихъ съ исторической точки зрѣнія, показать ихъ значеніе въ народной жизни и тѣмъ объяснить различныя явленія, совершающіяся въ движеніи языка. Они еще не вошли въ кругъ историческихъ соображеній ученыхъ. Лица и событія, въ нихъ встрѣчающіяся, еще не узнаны и не объяснены, равно какъ сами еще не объяснили собою того, что извѣстно изъ другихъ источниковъ. Писанные подъ исключительнымъ вліяніемъ историческихъ судебъ народа, они должны были и языкъ свой подчинить этому вліянію. Различіе, замѣчаемое въ ихъ языкѣ, объясняется ихъ отношеніемъ къ различнымъ явленіямъ народной жизни. Аѳонскія грамоты исполнены звуковъ и формъ Ц.-Славянскихъ; но грамоты той же семьи, заключающія торговые договоры съ Дубровничанами, даютъ перевѣсъ народнымъ звукамъ и формамъ. Такъ, грамоты Боснійскихъ королей, предъявлявшихъ свои права на православную Сербію и потому поддѣлывавшихся подъ пріемы, языкъ и выраженія грамотъ православной Сербіи, имѣютъ въ себѣ гораздо болѣе Ц.-Славянской стихіи, чѣмъ современныя имъ грамоты Боснійскихъ же бояръ, ведшихъ свои переговоры съ Дубровникомъ. Такъ, Дубровницкія грамоты отличаются ровностію и народностію языка, ибо Дубровничане были католики и имѣли менѣе побужденія и средствъ къ введенію въ свои грамоты Ц.-Славянской стихіи. Самое количество памятниковъ, время ихъ появленія, умноже-

нія и изчезновенія, условливается какъ нельзя лучше государственнымъ бытомъ, временемъ усиленія, процвѣтанія и упадка Сербскихъ областей, къ которымъ они относятся. Такъ, Законникъ появляется въ то время, когда Сербія, усиленная извнѣ, обратилась къ самой себѣ, чтобы повершить дѣло своего возвеличенія чрезъ уясненіе и упроченіе основъ своего внутренняго быта. Время Душана есть время созрѣванія Сербіи, и ему, съ одной стороны, отвѣчаютъ пышныя, исполненныя сознанія народнаго достоинства, грамоты, какъ выраженіе внѣшнихъ отношеній Сербіи; съ другой Законникъ, какъ выраженіе внутренней жизни народа, плодъ развившихся и пришедшихъ къ сознанію общественныхъ началъ народа. Такъ, грамоты православной Сербіи учащаются при Милутинѣ, Дечанскомъ и Душанѣ и послѣ нихъ рѣдѣютъ; ибо время этихъ трехъ государей имѣетъ то же значеніе въ жизни народа, какое цвѣтъ, наливъ и зрѣлость въ произрастаніи плода. Такъ, Зетскія и Боснійскія грамоты появляются именно въ то самое время, когда Зета и Босна вступаютъ на поприще самобытной дѣятельности. Боснійскія грамоты слѣдятъ за развитіемъ Босны и число ихъ еще болѣе увеличивается отъ усиленія Боснійскаго боярства. Такъ, Дубровницкія грамоты постоянно сопутствуютъ самостоятельной жизни Восточной Сербіи и Босны и прекращаются съ ихъ паденіемъ, когда Дубровнику уже не съ кѣмъ было сноситься. Такъ, по мѣрѣ вторженія Турціи въ права завоеванныхъ народовъ, показываются Турецкія грамоты и пр. Даже нравственное значеніе областей и лицъ Сербіи имѣло, съ своей стороны, немаловажное вліяніе на содержаніе грамотъ. Такъ, Дубровникъ, вольно-торговый городъ, нуждавшійся въ хлѣбородныхъ земляхъ, ведетъ переговоры о пріобрѣтеніи земель, дѣлахъ торговыхъ, принятіи къ себѣ изгнанниковъ, о вкладахъ, процентахъ и т. п. Такъ, православные Сербскіе государи и ихъ родичи, оставляютъ въ грамотахъ память о своихъ подвигахъ благочестія. Боснійскіе короли, стремящіеся къ пріобрѣтенію православной Сербіи, хлопочутъ о нравственномъ вліяніи на народъ ея и, по смерти Уроша V, не смотря на деспотовъ, спѣшатъ брать съ Дубровника «Сербскій доходъ», какъ выраженіе ихъ правъ на православную Сербію. Такъ, Зетскіе и Боснійскіе бояре стараются объ упроченіи своихъ поземельныхъ владѣній и водвореніи прямыхъ сношеній съ Дубровникомъ; ибо то и другое наиболѣе способствовало ихъ независимости, которой они добивались. Такъ, со времени вторженія Турокъ въ предѣлы Сербіи, Дубровницкія грамоты часто извѣщаютъ о полученіи вкладовъ отъ разныхъ Сербскихъ владѣльцевъ, обезпечивавшихъ себя чрезъ то въ случаѣ нашествія непріятеля. Турецкія грамоты носятъ ясный отпечатокъ могущества и самовластія завоевателей Сербіи. Турки то даютъ отъ себя Дубровничанамъ право свободной торговли, запрещая сосѣдямъ, ближнимъ и дальнимъ, вредить ихъ торговцамъ; то требуютъ отъ Дубровничанъ Сербской дани, надбавляя ее; то разрушаютъ городокъ, построенный безъ ихъ дозволенія, то вмѣшиваются въ частныя дѣла Дубровника съ Сербскими владѣльцами по вкладамъ; то позволяютъ себѣ рѣшать дѣла монастырскія: короче сказать, они являются полными распорядителями въ дѣлахъ Сербіи, и воля ихъ есть законная опора для Сербовъ. Такъ, не Зета, не Босна, а православная Сербія, какъ область болѣе другихъ сильная и самостоятельная, издаетъ Законникъ, который дышетъ современною жизнію, исполненъ вопросовъ, наиболѣе затрогивавшихъ тогдашнее правительство и общество. Словомъ, памятники, мною избранные, всѣ проникнуты историческою жизнію народа и не могутъ быть отдѣлены отъ нея. По этому изслѣдованія мои сами собою распадаются на двѣ части: *историческую* и *филологическую*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ДУБРОВНИКЪ.

Разсматриваемые мною памятники относятся къ исторіи Дубровника, Босны и Сербія. Значеніе ихъ въ исторіи этѣхъ трехъ государственныхъ областей, постараюсь теперь изложить въ краткомъ очеркѣ. Главнымъ основаніемъ и источникомъ послужатъ мнѣ сказанные памятники; но безъ другихъ источниковъ обойтись нельзя тамъ, гдѣ связь грамотъ прервана, или гдѣ самихъ грамотъ недостаточно для объясненія лицъ и событій, въ нихъ встрѣчающихся.

Начну съ *Дубровника*, ибо къ нему преимущественно относятся грамоты, которыхъ бóльшая часть найдена въ его же архивѣ[1].

Вотъ какъ Санковичи, уступая Дубровнику, въ 1391 году, Конавле и Виталину, пишутъ въ своей грамотѣ (С. № 78) объ *основаніи* Дубровника: **а** (я) **жупань бѣльѣкь и воєвода радичь братьми саньковићи познасмо на истинѹ по старѣхь писмѣхь и по старѣхь паметарѣхь** (старожилахъ) **добрѣхь лѹдєхь кои сѹ чѹли ѿь єднога колѣна до дрѹгога и повѣдѹщѣхь бѣлѣѕѣхь** (признакахъ) **и ѕламеньиєхь на цаптатѣ при мори єсть биль градь стари дѹбровникь полагь жѹпє конавальскє коємѹ градѹ пристоѣшє жѹпа конавлоска и бѣшє мѹ племенито** (потомственное владѣніе) **та жѹпа и дрѹгє ѕємьлє и мѣста и када сє онь стари градь расѹ и опѹстѣ тьда господа рашька и хѹмьска ѹ тєи дни кривином посѣдошє и по сили ѹѕєшє конавальскѹ жѹпѹ и дрѹга мѣста тогаи града и тада грађнє** (граждане) **поидошє ѹ тврдо мѣсто и ѕидашє градь дѹбровникь кои єсть и данась божьом милостию почтєнь и слободань ѿь коихь лѹди старога града єсѹ сє родили и наслѣдили властєлє града дѹбровника.** Упоминаемые въ этой грамотѣ **повѣдѹщи бѣлѣѕи**, признаки или живыя урочища, подтверждаются извѣстіемъ ученыхъ, что въ долинѣ Ободѣ, которая принадлежала, какъ видно изъ грамотъ, къ Конавльской жупѣ, находятся развалины Епидавра съ гробницею Долабеллы[2]. Цавтатъ также возникъ на развалинахъ древняго Епидавра и потомъ отошелъ къ Конавлю. Бандури[3] приводитъ свидѣтельство Тубера, который разсказываетъ о великолѣпномъ водопроводѣ, бывшемъ въ его время въ Конавлѣ, olim ager Epidaurius. Слѣдовательно, Епидавръ вмѣщалъ въ своемъ обширномъ кругу и Ободъ, и Цавтатъ. Въ грамотѣ онъ названъ старымъ Дубровникомъ (Ragusa vecchia), и ему принадлежали

---

[1] Теперь онѣ хранятся въ Вѣнскомъ Государственномъ Архивѣ, куда поступили послѣ присоединенія Далмаціи къ Австріи.

[2] Appendini, т. I, стр. 11, 19.

[3] Animadv. in I. Const. Porphyrog., de Adm. Imp. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Const. Porphyrog., v. III, p. 356. Ed. Bonnae. Я всюду слѣдую этому новѣйшему изданію.

Конавле и Виталина. Далѣе грамота говоритъ, что этотъ старый городъ разрушился (расв) и опустѣлъ. Этимъ она намекаетъ на постепенное разрушеніе и опустѣніе города, которое, дѣйствительно, началось съ половины III столѣтія и остановилось на Славянахъ въ половинѣ VII ст. Славянамъ предшествовали Авары[1]; но, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Славяне, при помощи Сарацынъ, довершили паденіе города, овладѣвъ имъ[2]. То же утверждаетъ и грамота, говоря о завоеваніи Конавля и Виталины владѣтелями Рашскими и Хлумскими. Тогда жители, тѣ, которые успѣли спастись бѣгствомъ, основали при морѣ въ удобномъ мѣстѣ другой, новый Дубровникъ, существующій и доселѣ. Такъ повѣствуютъ всѣ лѣтописцы. Только годъ основанія новаго Дубровника неопредѣленъ достовѣрно. Бандури справедливо замѣчаетъ[3] ошибку въ лѣтосчисленіи Константина Багрянороднаго. Аппендини[4], съ своей стороны, опровергая мнѣнія другихъ, думаетъ, что Дубровникъ былъ основанъ въ 656 году. Енгель соглашается съ нимъ[5]. Самъ Епидавръ былъ когда-то основанъ Греками, потомъ завоеванъ Римлянами, около временъ Юлія Цезаря. Его владѣнія были прежде значительнѣе: ему принадлежали земли по морскому берегу, выше и ниже его лежащія, и нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, въ томъ числѣ Требине и Молунтъ; но Дубровникъ не имѣлъ уже округа: все это было завоевано Славянами. По тому-то Константинъ Багрянородный и говоритъ, что Дубровникъ лежитъ между Травуніею и Хлумомъ, и въ обѣихъ земляхъ имѣетъ своихъ граждан и виноградники[6]. Паденіе Салоны въ 692 г. и Дукли въ 980 г. увеличило значеніе Дубровника; многіе граждане и знатное духовенство переселились въ него изъ обоихъ городовъ, и Дубровницкая Церковь получила достоинство архіепископіи[7]. Впрочемъ, вѣроятнѣйшее учрежденіе Дубровницкой архіепископіи относится къ 1076—1121 г.[8] Но свидѣтельство Константина Багрянороднаго, писателя X вѣка, не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно малоземельности Дубровницкаго округа. Тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени Дубровничане значительно подвинулись на сѣверъ, будучи стѣснены Травуніею съ юга. При Урошѣ I они, въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ Булгарскимъ С. № 16, Ш. № XVI, обозначаютъ границу, которая доходила до Затона; а такъ какъ въ этомъ договорѣ и въ другихъ современныхъ, они вообще упираются на старыя отношенія, бывшія между Дубровникомъ и

---

[1] Appendini, т. I., ч., I., кн. II, гл. VIII и IX.

[2] Οἱ δὲ αὐτοὶ Ῥαυσαῖοι τὸ παλαιὸν ἐκράτουν τὸ κάστρον τὸ ἐπιλεγόμενον Πίταυρα. καὶ ἐπειδή, ἡνίκα τὰ λοιπὰ ἐκρατήθησαν κάστρα παρὰ τῶν Σκλάβων τῶν ὄντων ἐν τῷ θέματι. Corp. Script. Hist. Byzant., Const. Porphyrog., de Adm. Imp., v. III, c. 29, p. 137.—Stritter, II, 17. — Engel, Geschichte des Freistaates Ragusa. Wien, 1807, стр. 45.

[3] Animadv. in libr. Constant. Porphyrog. de Adm. Imp. Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 344.

[4] Т. I, стр. 84 и 238.

[5] Geschichte des Freistaates Ragusa, стр. 48.

[6] Τὸ δὲ κάστρον τὸ Ῥαούσιον μέσον τῶν δύω χωρῶν πρόσκειται, τῶν τε Ζαχλούμων καὶ τῆς Τερβουνίας· ἔχουσι δὲ καὶ τοὺς ἀμπελῶνας αὐτῶν εἰς ἀμφοτέρας τὰς χώρας. Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, de Adm. Imp., c. 30, p. 147.—Stritter, II, 407, 409.

[7] Аппендини (т. I, ч. I, кн. III, гл. I — III) относитъ начало Дубровницкой архіепископіи къ паденію Салоны; Бандури, по Рацци, — къ паденію Дукли. Вотъ, что онъ говоритъ: Dioclea autem urbe a Bulgaris eversa, Ioannes archiepiscopus Diocleensis Ragusium archiepiscopalem dignitatem accepit a Benedicto V, Pontifice Maximo, ut scribit Seraphinus Razzius in Historia archiepiscoporum Ragusinorum. Animadv. in l. Const. P. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 357.

[8] Engel, Gesch. d. Freist, Ragusa, стр. 90.

Сербіею при Неманѣ и Стефанѣ Первовѣнчанномъ, то можно заключить, что уже при Неманѣ ихъ округъ доходилъ до Затона (близъ Стонскаго перешейка). Множество жителей и обширная торговля требовали и большаго количества съѣстныхъ припасовъ. Хлѣбъ вообще цѣнился въ Далмаціи. Ограниченность городскихъ округовъ, каменистая и сухая почва не могли доставлять жителямъ надлежащаго количества хлѣба, и вотъ по чему въ статутахъ разныхъ Далматскихъ городовъ хлѣбъ находится подъ запрещеніемъ вывоза. По свидѣтельству Лукари[1] вся страна, которая простирается отъ мыса Куманскаго до залива Рисанскаго и обнимаетъ, вмѣстѣ съ прилежащими островами, около 340 кв. миль, производитъ хлѣба не болѣе, какъ на 4 мѣсяца, и городъ долженъ привозить для себя хлѣбъ извнѣ. Такое свидѣтельство современника второй половины XVI ст. весьма важно. Отъ того постоянною заботою Дубровника было увеличеніе городскаго округа. Онъ двояко пріобрѣталъ себѣ земли: или открыто чрезъ пословъ просилъ себѣ уступки сосѣднихъ земель и платилъ за нихъ деньги, или незамѣтнымъ, тихимъ образомъ засаживалъ ближайшіе виноградники, засѣвалъ ближайшія поля, надѣясь укрѣпить ихъ за собою давностію владѣнія. Частыя напоминанія Сербскихъ владѣтелей, чтобы Дубровничане не переходили черезъ свои межи, и судебныя изслѣдованія о земляхъ и людяхъ, отошедшихъ къ Дубровнику, показываютъ, что этотъ послѣдній способъ пріобрѣтенія земель не былъ пренебрегаемъ Дубровникомъ. Уже Константинъ Багрянородный замѣчаетъ, что въ IX ст. Дубровникъ платилъ дань за землю Хлумскимъ и Травунскимъ владѣтелямъ: *καὶ τελοῦσι πρὸς μὲν τὸν ἄρχοντα τῶν Ζαχλούμων νομίσματα λς́, πρὸς δὲ τὸν ἄρχοντα Τερβουνίας νομίσματα λς*[2]. Неманя, въ мирномъ договорѣ съ Дубровничанами, избавилъ ихъ отъ дани, платимой за виноградники и пашни, лежавшія на Стонскомъ полуостровѣ (Punta)[3]. Радославъ, стѣсненный обстоятельствами, простилъ городу всѣ дани, которыя платились за Рѣку, за Затонскіе, Полицкіе и Жерновницкіе[4] виноградники и за всѣ земли, засаженныя лозами, но съ тѣмъ, чтобы впредь Дубровничане не занимали болѣе ни одной пяди королевской земли ни лозами, ни житомъ, ни овощами (1234 г., февр. 4. С. № 2. Ш. № IX.). Владиславъ, обязывая ихъ оставаться въ прежнихъ межахъ (С. № 3. Ш. № X), простилъ имъ Жерновницкіе «могорычи» или платежи (С. № 6. Ш. № XII). Такимъ образомъ отреченіе королей отъ дани давало Дубровничанамъ право, опираясь на грамоты, считать вышеупомянутые участки своею собственностію. Любопытно опредѣлить величину Дубровницкаго округа въ половинѣ XIII вѣка и видѣть постепенное возрастаніе городскихъ владѣній. На востокѣ съ нимъ граничила Поповская Община. Вызывая Дубровничанъ на сходку (састанакъ) въ Затонѣ, гдѣ была «властельская потрѣба», и объявляя, что она не перейдетъ на другой берегъ рѣки, Поповская Община какъ бы указывала этимъ, что За-

---

[1] Annali di Rausa, l. 4, p. 153.

[2] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III., de Adm. Imp., c. 30, p. 147.—Stritter, II, 407, 409.

[3] Appendini, т. I, ч. II, к. II, стр. 270. — Енгель, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 86.

[4] Полицъ (отъ поле) много въ Далмаціи: одна на востокѣ за Требиною; другая въ Конавлѣ на югъ отъ Цавтата; третья въ Которскомъ округѣ, въ православной Кривошейской парохіи (см. Сербо-Далм. Маг., 1850, стр. 32); четвертая, составлявшая прежде свободную общину, лежала между Цетиною и Жерновницею (см. Сербо-Далм. Маг., 1847, стр. 57); пятая на Крькѣ и т. д. Сдѣсь разумѣются ближайшія къ Дубровнику Полица и Жерновица; ибо онѣ, какъ сейчасъ увидимъ, стояли, вмѣстѣ съ другими мѣстечками, на одной окружной межѣ Дубровницкихъ владѣній.

тонъ и Рѣка[1] были границами ея и Дубровницкихъ земель (С. № 11. Ш. № I). На югѣ округъ Дубровника доходилъ до Цавтата, какъ видно изъ словъ князя Черномира (С. № 18), что за Цавтатомъ не сидятъ Дубровницкіе люди. Подробное описаніе своихъ границъ предложилъ самъ Дубровникъ въ договорѣ съ царемъ Булгарскимъ Михаиломъ Асѣномъ, 1253 года (С. № 16. Ш. XVI). Въ примѣръ тогдашняго опредѣленія границъ я приведу слова подлинника: а прѣписание. дедине. наше. ѕемле. и села и дрьжавѣ. начинають. ѿ цр҃кве. ст҃ого. георьгиѣ. врьхь. стари. градь. епитакрь. иже идуть. до цр҃кве. ст҃ого петра[2]. а ѿ цр҃кве ст҃ого петра. идуть до цр҃кви. ст҃ого. пократа.[3] а ѿ. цр҃кви. ст҃ого. пократа. како. дрьже. горьре. врьхь. белома. и слеѕуть. до млинехь. а ѿ. млинехь. како. дрьжуть. горьре. кое. гредуть. врьхь. жрьновьцѣ. дери. до влашице. а ѿ. влашице. како. дрьжеть. горьре. кое. суть. врьхь. шуметь[4] и гредуть. до. ѡка. а ѿ. ѡне стране. ѡка. како. дрьжеть. горьре. кое су. врьхь. рѣке[5]. и сьтетьгьнутьсе дери. до горьре. кое су врьхь. корила[6]. а ѿ корила. како дрьже. горьре. кое су. врьхь. ѕатонь[7]. и врьхь. полице. и врьхь ѡрашьць[8]. и сьтегьнутьсе. до. цр҃кви. ст҃е. тькьле. и вьсе. меѓе. ѿ прѣписанехь. ѕемле и села. и дрьжавѣ. ѿ врьхе. ѿ вьсе. прѣписанѣ. горьре. слеѕуть. до мора. вьсе су. наше. дединѣ[9]. Отсюда видимъ, что всѣ дани, какія простили имъ Радославъ и Владиславъ, относились къ пограничнымъ землямъ. Такъ распространялъ Дубровникъ свой округъ. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ пограничныхъ мѣстностей были не задолго до Немани пріобрѣтены Дубровничанами отъ Сербскихъ владѣтелей. Разсказъ о пріобрѣтеніи этомъ сохраненъ многими Дубровницкими лѣтописцами, какъ-то: Червою (Туберомъ), Ранииною, Раццн, Лукари, Дандуломъ и Рести; но года и имена искажены. Аппендини относитъ это событіе къ 1050 году[10].

---

[1] Что это за рѣка? Требинпштица ли, а по другимъ Захлума, протекавшая по Поповской долинѣ, или другая какая подъ Затономъ, опредѣлить не могу. Рѣка, какъ граница, встрѣчается въ гр-ѣ С. N 16. Впрочемъ, судя по словамъ гр-ы Стефана Первовѣнчаннаго (С. N 51), что въ Рѣкѣ и Жерновницѣ находятся церкви, должно заключить, что въ окрестностяхъ Дубровника лежало мѣстечко Рѣка, и за него-то, вѣроятно, Родославъ прощалъ дань Дубровничанамъ. Нынѣ это мѣстечко называется Ombla: тутъ же течетъ и ручей того же имени (Arion, Ombla), соединяющійся подземнымъ путемъ съ Требиништицею.

[2] Мощи св. Петра, замученнаго въ Которѣ, были принесены въ Дубровникъ, въ 1026 г., по свидѣтельству Мелетія, древнѣйшаго Дубровницкаго поэта-историка. См. Engel, Gesch. d. Freist. Regusa. стр. 69.

[3] Мощи св. Панкратія почивали въ Дубровникѣ: *ἐν δὲ τῷ αὐτῷ κάστρῳ κεῖται ὁ ἅγιος Παγκράτιος ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Στεφάνου*—пишетъ Багрянородный (de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., v. III, p. 137). Объ нихъ же между другими мощами упоминаетъ и Туберъ въ Schwandtneri Script. Rer. Hungar., t. II., p. 191. Ср. Бандури, Animadv. in l. Const. P. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. P., v. III, p. 345. Обѣ этѣ церкви указываютъ на близкое разстояніе границъ отъ города.

[4] Нынѣ Gionchetta, близъ Рѣки.

[5] Нынѣ Ombla.

[6] Или Курила, нынѣ Рожато, село и приходъ (парохія) въ Рѣкѣ.

[7] Нынѣ Malfi, между Орашцемъ и Рѣкою. Другой Затонъ лежитъ на Стонскомъ перешейкѣ.

[8] Нынѣ Valdinoce. Извѣстія о современныхъ названіяхъ всѣхъ этѣхъ мѣстностей сообщены намъ туземцемъ и знатокомъ края, графомъ Орсатомъ Пучичемъ Загорскимъ. Ср. Сербо-Далматинскій Магазинъ, 1839, стр. 121; 1851, стр. 14.—Юкича Zemljopis i povestnica Bosne, стр. 86. Хорошая карта, приложенная при Путешествіи Вилькинсона, (Dalmatien und Montenegro mit einem Ausfluge nach der Herzegowina und einer geschichtlichen Uerbersicht der Schicksale Dalmatiens und Ragusa's, nach Sir J. Gardner Wilkinson bearbeitet, v. Wilh. Ad. Lindau. Leipsig, 1849, 2 B.) содержитъ въ себѣ почти всѣ упомянутыя мѣстности.

[9] Переводъ см. въ Введеніи, стр. 9.

[10] Т. I, ч. II, к. II, стр. 252.

Енгель, принимая это лѣтосчисленіе, уступку земель приписываетъ Воиславу и сыну его, Михаилу (1040—1080). Дубровничане получили отъ перваго Жупу (Брено), Рѣку (Омблу), Гружъ (Гравозу), Затонъ (Мальфи) и весь берегъ до Орашьца (Valdinoce); а отъ втораго острова Колочепъ (Каламоту), Лопудъ (Меццо) и Жупану (Шипанъ)[1]. Основываясь на давности владѣнія и уважая память предшественниковъ, Сербскіе короли оставляли за Дубровникомъ тѣ земли, которыми онъ владѣлъ при ихъ родителяхъ и дѣдахъ. Такъ Урошъ I пишетъ въ грамотѣ (С. № 21): **єко ꙁмⷧ҇ѣ и винограде що сте дрьжали. до зирьтиѥ гїами ѡца. да си ю дрьжите**; но присовокупляетъ: **а потола что се наиде посагно виногрⷣами. или ꙁмⷧ҇ѣ приємьше. да се судомь исьправи**. Такъ и Милутинъ укрѣпилъ за Дубровничанами **що су дрьжали ꙁемле: и виноградь: и ѡрании: у гⷭ҇їами светопоучнѣшега ѡцами**: (С. № 33), что подтвердила и мать Короля, Елена (С. № 32). Въ 1333 году, грамотою отъ 22 генваря (С. № 37), Стефанъ Дечанскій продалъ Дубровничанамъ **рать стонски са всѣми мѣѣами свой и са ꙁаселки и слюдми и да су ѡбластии ꙁидати га на прѣвлаци**[2] **и на другомь мѣстие гдѣ нимь буде хтѣние и още нимь придахь ѿ прѣвлаке усирми мора дѡ дубровкачке мѣѣе и селища кое су тузи била и по срѣдницу каконь ѡптече нерѣтва дѡ мора.** то такое былъ **рать** Стонскій, называемый въ другой грамотѣ (С. № 39) **ръдь и рⷮь**? Миклошичъ[3] такъ объясняетъ: punta di Stagno, apex, collis, и сравниваетъ съ Сербскими *ртань*, *ртеница*, *ртенячa*. Въ изданной имъ грамотѣ Милутина рѣчь идетъ о монастырѣ Богородицы **иже исть оу ръть҄ука**, почему онъ и называется монастыремъ **бⷱ҇е ръть҄ускыи**[4]. В. С. Караджичъ въ своемъ Словарѣ переводитъ слова: *ртеница*, *ртенячa*—der Rückgrat, spina dorsi; а *Ртань*, *Ртня*, по его словамъ, есть «grosser kegelförmiger Berg (saltus) in der Црна риjека». Соображая все сказанное, мы должны заключить, что **рьть** означаетъ собственно возвышенность, но въ грамотѣ оно употреблено въ переносномъ смыслѣ. Какъ всякая возвышенность составляетъ преграду, такъ и какое нибудь торговое, или политическое учрежденіе можетъ быть такою же преградою. Вѣроятно, Стонскій Рьть былъ не что иное, какъ селеніе, нарочно учрежденное для сбора пошлины. Этимъ только можно объяснить слова грамоты, что Дубровничане могутъ строить рьть на переволокѣ (Стонскомъ перешейкѣ), или въ другомъ какомъ мѣстѣ, и указанія гр-ы С. № 39, гдѣ прямо сказано, что въ Рьтѣ есть церкви и тамъ живутъ Королевскіе люди. Но въ прямомъ значеніи, какъ возвышенность, Рьтомъ назывался полуостровъ Пелѣшацъ, соединяющійся съ материкомъ посредствомъ Стонскаго перешейка. Аппендини[5] говоритъ: ora dai Ragusei e Dalmatini dicesi Pelisaz o Peljasaz, Rat e

---

[1] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 9.

[2] Хотя Превлакъ весьма много въ прибрежной Сербіи, такъ что по одному Которскому заливу находится ихъ нѣсколько, однако сдѣсь разумѣется не другая какая, а именно та, которая лежитъ между Пелѣшцемъ (Sabbioncello) и материкомъ. Это переволока или волокъ, т. е., узкій перешеекъ, чрезъ который волокутъ или тянутъ различныя тяжести.

[3] Homilia, praefatió.

[4] Онъ находился въ Зетѣ и былъ основанъ королевою Еленою, матерью Милутина (Фарлати, Illyricum Sacrum, VII, 43). На картѣ Черной Горы графа Карачая (de Karaczay) означено: S. Maria de Rotaz; а изъ Фарлати (Il. S., VII, 13, 58) видно, что монастырь стоялъ на высокомъ холмѣ близъ Бара. Въ Врьбницкомъ статутѣ 1443 г., на Крькѣ, упоминается рьтъ св. Петра (см. Arkiv za pověstnicu Jugo-Slavensku, кн. II, отд. II, стр. 295).

[5] Т. I, стр. 288. Примѣчаніе.

Art, che significa punta, acume, e dagli Italiani Sabbioncello o Punta di Stagno. Очевидно, что такое названіе очень шло къ песчаной полосѣ, возвышавшейся надъ морскою поверхностію. Причиною этой уступки Пелѣшца Аппендини выставляетъ помощь, оказанную Дечанскому Дубровникомъ черезъ наемниковъ, въ войнѣ перваго съ Михаиломъ Булгарскимъ, и содѣйствіе одного Дубровничанина, находившагося при дворѣ Стефана Котромановича[1]. Вскорѣ между Дубровничанами и Королемъ вышло какое-то несогласіе за Стонъ: вѣроятно, многіе изъ Королевскихъ людей несправедливо приписаны были къ Стону и стали принадлежать Дубровнику. Видя гнѣвъ Короля, Дубровникъ отправилъ пословъ и получилъ отъ Короля грамоту, 1334 года, мая 19 (С. № 39), въ которой было сказано, что они не могутъ присвоивать себѣ Королевскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ застали въ Стонѣ и Рьтѣ; если же найдутся сдѣсь люди, послѣ пришедшіе сюда, то возвращаются Королю. То же самое писалъ и царь Душанъ въ грамотѣ своей отъ 1349 г., 20 сентября, присовокупляя, чтобы возвратили всѣ земли, которыя заняли, или засадили виноградниками за межею, поставленною при его родителѣ и прародителѣ (С. № 43). Видно, Дубровничане продолжали слѣдовать обычаю незамѣтнаго и миролюбиваго присвоенія сосѣднихъ земель; но и Сербскіе короли были осмотрительны. Дубровничанамъ не нравилось, что по близости ихъ города нѣкоторые владѣльцы берутъ съ купцовъ различныя пошлины и тѣмъ оказываютъ не малое препятствіе ихъ торговлѣ: это было другою побудительною причиною къ пріобрѣтенію земель. Уже Стефанъ Душанъ, въ гр-ѣ 1349 г., 20 сент. (С. № 43), писалъ: **И за млѣть. да не нимають печали ни за що. тькмо да ѥ црквин. како ѥ и ѿ прѣжѐ било.** Ранчъ[2], по Орбини, свидѣтельствуетъ, что Душанъ подарилъ Дубровнику полуостровъ Ратану, къ которому принадлежали острова: Млѣтъ, Корчула и Хваръ (Лезина). Конечно, это несправедливо относительно Млѣта, ибо въ 1357 г., 10 апрѣля, царь Урошъ V подарилъ Млѣтъ своимъ любимымъ властелямъ, Басету Баринчену Быволичичу и Трипету Миховичу Букичу, которыхъ называетъ «достовѣрными, угодными, любимыми и укутными (домашними) властелями и князьями своего Царства» (С. №№ 46, 48; С.-Д. М. 1851). А чрезъ двѣ недѣли, Дубровничане жаловались на притѣсненія, оказываемыя имъ, вѣроятно, чрезъ взиманіе пошлинъ при выѣздѣ изъ Млѣта, говоря: **гнѥ црв млѣть ѥ црквати а ми нимамо забаву низинга**; по чему Царь и постановилъ, что за Млѣтъ никто не имѣетъ дѣла съ Дубровникомъ, ни Царь, ни его властели, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ владѣльцевъ (С. № 48). Не знаю, что заставило Миклошича[3] сказать, что этою грамотою Урошъ подарилъ Млѣтъ Дубровнику. Если въ выраженіи, **ѿ днь на прѣде никто да не има посла за властеле и за градь дубровникь рекше за млѣть**, послѣднія слова относить къ владѣтелямъ и городу, то не будетъ смысла: Дубровникъ нельзя пояснять Млѣтомъ; но ихъ должно отнести къ выраженію **да не има посла**, да не имѣетъ дѣла съ Дубровникомъ, то есть, за Млѣтъ. И такъ мы знаемъ, что Стефанъ Первовѣнчанный владѣлъ Млѣтомъ (С. № 51), что Урошъ V владѣлъ имъ тоже, хотя оба, оставляя верховную власть свою надъ нимъ, отдавали его въ пользованіе, первый Бенедиктинцамъ, что подтверждено Милутиномъ, (С. № 52), второй двумъ властелямъ: по этому мы не вѣримъ словамъ Аппен-

---

[1] Т. I, ч. II, к. II, стр. 288, 289, 230. — Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 122 и слѣд.
[2] Ч. II, стр. 769.
[3] Homilia, praefatio.

дини, утверждающаго, что будто бы еще Тѣхомилъ, отецъ Немани, отдалъ произведенія (usu—frutto) Млѣта въ пользу Лакромскихъ Бенедиктинцевъ, а самый островъ подчинилъ верховной власти Дубровника [1]. Но спустя 5 лѣтъ, въ 1362 г., 22 августа (С. № 55), Урошъ V вспоминаетъ старые доходы и въ томъ числѣ Млѣтскій: а що сѹ доходци црьквами стари и законити да ихь давають црькви како и сѹ давали и родителю црькви. а за млѣть за доходькь црькви... како ѥ по старомь законѹ такози и напрѣдь да ѥ. а за землю жрьновникѹ како имь ѥ дало и записало црькви такози да имають и дрьже а за ни за тези землю. да не има посла никто ѿ властель црькви до вѣки. Вѣроятно, въ это время Млѣтъ уже принадлежалъ Дубровнику. Орбини не понялъ хорошо словъ Тубера у котораго заимствовалъ извѣстіе о Ратанѣ. Вотъ что говоритъ послѣдній: Qui (Stephanus Nemagna) non mediocrem his (Ragusanis) Stali agri partem dono dederit cum tota Chersoneso a Rhataneo castello denominata.... latere septentrioni obiecto Naresium efficit (Rhatana Chersonesus) sinum, cuius os Phariam excipit insulam, seu, ut nunc dicitur, Lesinam; qua austrum spectat, et Melite et Corcyra nigra adiacent [2]. Во первыхъ, изъ этихъ словъ не видно, чтобы Стефанъ Неманичъ уступилъ Ратану непремѣнно съ принадлежащими островами; во вторыхъ, Стефаномъ Неманею можно назвать всякого Сербскаго короля и царя. По Туберу, современникомъ ему былъ Людовикъ Великій, Ludovicus Hungarorum rex, Caroli filius, который «въ это время выгналъ Венеціянъ изъ Далмаціи»; а это случилось въ 1358 году: слѣдовательно, подъ Неманею Туберъ разумѣлъ не Душана, но сына его, Уроша, что и будетъ согласоваться съ нашими грамотами. Енгель, слѣдуя Пеячевичу [3], утверждаетъ, что Ратану подарилъ Дубровнику Душанъ, а не кто другой [4]. Но какъ согласить слова Дубровничанъ, сказанныя Урошу V: где црѣ млѣть ѥ црькви, съ нѣкоторыми главами Млѣтскаго статута, несомнѣнно доказывающими, что въ 1345 году, когда писанъ былъ означенный статутъ, Млѣтъ уже принадлежалъ Дубровнику? Вотъ смыслъ этѣхъ статей: право аппеляціи князю Дубровницкому на рѣшеніе судей Млѣтскихъ; назначаемый при продажѣ родовой недвижимой собственности трехмѣсячный срокъ, въ продолженіе коего родственники продавца имѣютъ право перекупить имѣніе у посторонняго покупщика, не касается тѣхъ, кто находится на государственной службѣ въ Дубровникѣ, равно какъ все продолженіе ихъ службы нейдетъ въ счетъ срочныхъ мѣсяцевъ; за утайку найденныхъ вещей въ морѣ, въ окрестностяхъ Млѣтскаго (Бенедиктинскаго?) монастыря, 25 перперовъ пени вносится въ Дубровницкую казну; за продажу сыра внѣ острова Млѣта половина полной пени, состоящей изъ 5 перперовъ, идетъ доносчику, а другая половина поступаетъ въ Дубровникъ [5]. Присоединить сюда должно и постоянное молчаніе статута о какой либо верховной власти на Млѣтѣ, которое объясняется только тѣмъ, что Млѣтъ не имѣлъ своего князя, ни повиновался царямъ Сербскимъ, а признавалъ надъ собою

---

[1] Т. I, ч. II, кн. II, стр. 262. Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 80.

[2] Ludov. Tuber., Commentar. de temporib. suis. Schwandtneri Scriptor. rer. Hungaricarum, t. II, p. 196. Ратана то же, что Рьть.

[3] Къ сожалѣнію, мы не могли пользоваться весьма важною книгою Пеячевича: Historia Serviae, за неимѣніемъ ея на этотъ разъ.

[4] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 282.

[5] Dubrovnik, cvět narodnoga knjižtva, za godinu MDCCCLI. Urednik Matija Ban. U Zagrebu, 1852. Statut oli Zakoni od Universitati Otoka od Mljeta. Гл. 19, 32, 55, 68.

власть князя Дубровницкаго. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія о принадлежности Млѣта къ Дубровнику, но въ то же время противорѣчитъ и всему тому, что сказано нами выше на основаніи не менѣе достовѣрныхъ данныхъ. Какъ же рѣшить такое противорѣчіе? Если предположить ошибку въ годѣ статута, то мы не имѣемъ на то права. Остается прибѣгнуть къ догадкѣ и допустить, что въ настоящее время мы не хорошо понимаемъ прежнія условія и степень зависимости второстепенныхъ Далматскихъ городовъ и островов отъ ихъ метрополіи. Отдать землю въ пользованіе кому нибудь не значитъ еще отказаться отъ верховнаго права надъ нею. Стефанъ Первовѣнчанный, уступая Млѣтъ Бенедиктинцамъ, не отказывался отъ верховныхъ правъ на него. Такъ точно Душанъ и Урошъ, безъ сомнѣнія, считали себя верховными владѣтелями этого острова. Но Дубровничане, конечно, пользовались или, лучше, кормились этимъ островомъ, за что, вѣроятно, и платили дань Сербскимъ государямъ. Отъ того въ извѣстіяхъ лѣтописцевъ и историковъ о времени пріобрѣтенія Дубровникомъ Млѣта мы находимъ такую сбивчивость. Млѣтъ былъ необходимъ Дубровничанамъ, какъ островъ, ближайшій къ ихъ городу, доставлявшій имъ хлѣбъ и могшій въ одно и то же время и способствовать и мѣшать ихъ торговлѣ. По этому они и считали весьма важнымъ имѣть его у себя подъ рукою. А такъ какъ онъ имѣлъ населеніе сходное съ Дубровницкимъ и такой же родъ правленія, то, принадлежа Дубровнику, естественно, могъ легко зависѣть въ главныхъ дѣлахъ отъ тамошняго князя и правительства. Повторяю, Дубровничане, до самой кончины Уроша V, не могли владѣть Млѣтомъ исключительно: они только пользовались имъ, какъ съемщики и правители; но верховная власть, хотя бы она была только нарицательною, оставалась всегда за царями Сербскими. Иначе слова Дубровницкихъ пословъ: **гн҃е цр҃ѹ млѣть ѥ цр҃ствати а ми нимамо ʒабавѹ иʒнига** не имѣли бы смысла. Какое мысленное соотношеніе было бы между первою и второю частію рѣчи? Но они становятся вполнѣ понятными, если, на основаніи нашего предположенія, дополнимъ ихъ такъ: «Господине Царю! Млѣтъ есть Твоего Царства, и ты уступилъ его намъ, а мы имѣемъ затрудненіе при выѣздѣ изъ него» (по случаю учрежденія царины). Сверхъ того Урошъ V, въ 1357 г., 25 апр., подарилъ Дубровничанамъ **ʒемлю. како се камн вали. долѹ кѥниоградомь. дѹбровьчкимь и морѹ. ѿ лютѥ.**[1] **до кѹрила** (С. № 49). Въ 1391 году Санковичи уступили Дубровнику всю жупу Конавле съ Дольною Горою и городомъ Соколомъ и жупу Виталину съ островомъ Молунтомъ. Границы положены слѣдующія: Требине, Врьсине, Драчевица, предградье Дубровника, морской берегъ, на которомъ стоялъ Цавтатъ, и Молунтская[2] при-

---

[1] «Эта рѣка текла подъ Епидавромъ, нѣсколько южнѣе отъ него. Говорили, что соединяется съ Требинею. Она впадала въ море подъ именемъ «Доброй Воды». (Appendini, т. I, стр. 50). Изъ этихъ словъ видно, что Аппендини не хорошо зналъ мѣстность, которую описывалъ. Люта не могла обединяться ни съ Требинею, ни съ Доброю Водою. Онъ смѣшалъ двѣ Люты: одну онъ справедливо относитъ къ окрестностямъ Епидавра, гдѣ и должно искать ее, судя по словамъ грамоты; другую, называемую имъ въ нижнемъ теченіи Доброю Водою, онъ разумѣетъ въ округѣ Доброты (въ Бокѣ Которской), по сѣверной границѣ коего она дѣйствительно протекаетъ нынѣ. Сдѣсь лежитъ и мѣстечко того же имени, принадлежащее къ православной Ораховацкой парохіи (Сербо-Далм. Маг., 1851, стр. 33). Но эта Люта не одно и то же съ Доброю Водою, которая течетъ вдоль Жупы (Грьбля), и слова грамоты къ ней относиться не могутъ.

[2] «Замокъ Молунтъ лежалъ при гавани того же имени и былъ самымъ южнымъ владѣніемъ Епидавра. Это былъ послѣдній Дубровницкій замокъ на югѣ близъ Котора». Такъ говоритъ Аппендини (т. I, стр. 52 53). Слѣдовательно, было два Молунта: одинъ замокъ

станъ (С. № 78). Въ 1399 году Остоя продолжилъ Дубровницкія границы далѣе къ сѣверу. Мы видѣли, что онѣ доходили до Курила[1] (С. №№ 16, 49). Остоя уступилъ Дубровнику все Приморье отъ Курила до Стона, гдѣ находились слѣдующія села: Курило, Осельникъ, Любачъ, Громача, Орѣшецъ, Трьстено, Мичево, Брьсечево, Мравинецъ, Дульпо, два Малькова, Слано, Трьнова, Подгора, Чепикуче, Подымочъ, Котези, Затонъ, Высочане, Точильникъ, Смоковляне, Ошле и Топола (С. № 84)[2]. Аппендини опредѣляетъ длину этого Приморья, именно отъ Орашьца до Стона и Имотицы, въ 30 Итальян. миль, а ширину въ 6[3]. Стономъ уже владѣли Дубровничане. Съ своей стороны Радичъ Санковичъ, ходатайствовавшій въ этомъ дѣлѣ за Дубровничанъ, подарилъ имъ свое село Лисецъ, лежавшее въ этомъ Приморьи; по его словамъ, Приморье простиралось отъ Курила чрезъ Имотицу до села Дльжи (Долгое? С. № 86)[4]. Въ 1405 году Дубровничане сказали Тврьтку Тврьтковичу, что въ записи короля Остои дано имъ все Приморье отъ Курила до Стона со всѣми селами и заселками и межами, но въ записи этой пропущены села: Лисецъ, Имотица и Трьновница, по чему и просятъ его утвердить за ними и эти села. Тврьтко, посовѣтовавшись съ герцогомъ Гервоею, воеводою Сандаломъ и другими властелями, укрѣпилъ за Дубровникомъ все Приморье съ тремя упомянутыми селами (С. № 89). Какимъ образомъ жупа Конавльская, принадлежавшая Санковичамъ и подаренная ими Дубровнику, отошла къ Сандалу Храничу и Павлу Яблановичу, мы не знаемъ. Въ грамотахъ своихъ (С. №№ 96, 98) Сандалъ ясно говоритъ, что они владѣли и господствовали въ этой жупѣ. Тѣмъ не менѣе Дубровничане успѣли выпросить у Сандала сначала его участокъ, половину Конавльской жупы съ Виталиною и Дольною Горою (С. № 96), потомъ и другой участокъ, доставшійся Сандалу послѣ Петра Павловича, убитаго Турками; половину Сокола (другая уже была уступлена Сандаломъ, но только не упомянута въ грамотѣ), половину Конавльской жупы съ Ободомъ[5] и Цавтатомъ и половину Дольной Горы и Виталины (С. № 98). Первую грамоту подтвердилъ Стефанъ Остоичъ (С. № 97), вторую Тврьтко (С. № 99). Такимъ образомъ съ 1419 по 1420 годъ Дубровничане добыли снова всю жупу Конавле, или, лучше сказать, весь Конавльскій округъ съ Виталиною, Доль-

---

съ пристанью, на твердой землѣ, другой островъ насупротивъ перваго, или того самого мѣста, гдѣ Виталина граничитъ съ Конавлемъ. На одной старинной картѣ Которскаго залива, составленной патеромъ Коронелли въ 1685 г., означенъ на материкѣ punto Melonte picolo. Нынѣ на берегу лежитъ селеніе Molonti.

[1] Аппендини (т. I, стр. 270) увѣряетъ что Курило есть то же, что Петрово Село, которое Неманя, въ договорѣ съ Дубровникомъ, оставилъ за собою. Енгель повторяетъ то же самое, отличая Курило отъ Рожато (Gesch. d. Freist. Rag., стр. 86). Но мы отдаемъ преимущество показанію туземца и считаемъ Курило за нынѣшнее Рожато.

[2] Почти всѣ эти села находимъ и понынѣ въ пограничныхъ Дубровницкомъ и Стонскомъ судахъ. (См. Сербо-Далматинскій Магазинъ, 1851, стр. 14 и 15).

[3] Т. I, ч. II, кн. II, стр. 297. Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 150.

[4] Если буквально понимать слова грамоты, то выходитъ, что Имотица лежала южнѣе Стона, т. е., ближе къ Дубровнику; но она лежитъ, какъ извѣстно, сѣвернѣе Стона на берегу материка, между тѣмъ, какъ Стонъ находится на полуостровѣ. Вотъ по чему одну и ту же межу одна грамота доводитъ до Стона, другая до села Дльжи: значитъ, первая вводитъ межу въ полуостровъ Пелѣшацъ, а вторая ведетъ ее по берегу материка, минуя Пелѣшацъ, чрезъ Имотицу до Дльжи.

[5] Замокъ Ободъ лежалъ въ долинѣ того же имени и составлялъ, вмѣстѣ съ Цавтатомъ, часть древняго Епидавра. Тутъ была гробница Долабеллы. Appendini, т. I, стр. 44, 49.

мою Горою, Соколомъ, Ободомъ, Цавтатомъ и со всѣмъ, что относилось къ этому округу (о Молунтѣ не упоминается нигдѣ, но, вѣроятно, онъ постоянно принадлежалъ Дубровнику)[1]. Радославъ Павловичъ, получивъ право на отцовское и братнино наслѣдство и считая половину Конавля своимъ удѣломъ, подтвердилъ ее и городъ Соколъ за Дубровникомъ, въ 1421 — 1423 г., такъ какъ они уже были уступлены Сандаломъ (С. №№ 101, 104)[2]. Съ 1408 по 1413 г. Дубровничане пріобрѣли отъ Гервои и императора Сигизмунда три прекрасныхъ острова, Корчулу, Хваръ и Брачъ[3]. Они не упускали случая испрашивать у королей и другихъ владѣльцевъ подтвержденія дарственныхъ записей на обладаніе земельною собственностію. Таковыя подтвержденія находимъ въ грамотахъ: Твртка, 1421 г. (С. № 103), на Приморье, Радослава Павловича, 1423, 1427 и 1432 гг. (С. №№ 104, 107, 114), на его участокъ половины Конавля, Стефана Вукчича, 1435 г. (С. № 120), на другую половину Конавля. Но тотъ же Стефанъ Вукчичъ Косача, около 1441 года, поссорясь съ Дубровникомъ, захватилъ жупу Конавле, а потому сынъ его, Владиславъ, стоявшій на сторонѣ Дубровника, обѣщалъ употребить всѣ силы къ возвращенію этой жупы (С. № 132). Въ слѣдующемъ году сынъ Радослава, Иванишъ, снова утвердилъ за Дубровникомъ свою половину Конавльской жупы (С. № 133). Помирившись съ Дубровникомъ, Стефанъ Косача возвратилъ ему Конавле. Въ 1444 году Ѳома Кристичъ подтвердилъ записи на Приморье и Конавле (С. № 136), и въ 1451 г. уступилъ еще все Врьсинé и всю жупу Драчевицу[4] съ Сугориною[5], Мориною[6] и городами Новымъ и Рисномъ[7] до самой Которской межи: — и это, по нашимъ грамотамъ, было уже послѣднимъ пріобрѣтеніемъ Дубровника (С. № 140). Въ 1454 году Петръ и Николай Радославичи дали ему грамоту, въ которой, между прочимъ, укрѣпляли за нимъ Конавле (С. № 145); а въ 1461 году Стефанъ Томашевичъ укрѣпилъ за нимъ Приморье и Конавле (С. № 150). Впрочемъ, Дубровничане не забыли прежней своей привычки и незамѣтно построили на Неретвѣ деревянную крѣпостцу. Султанъ Магомедъ II, быть можетъ, по жалобѣ Влатка, владѣвшаго этою частію Герцеговины, тотчасъ приказалъ Герцеговинскому санджакбегу Гамзѣ, разрушить этотъ городокъ, тутъ, или въ другомъ мѣстѣ построенный (С. № 164, II)[8]. Такимъ образомъ, соображая всѣ свидѣтельства грамотъ, можемъ заключить, что владѣнія Дубровника простирались по морскому берегу отъ Драчевицы, лежавшей при Которскомъ заливѣ на сѣверъ чрезъ Цавтатъ и самый Дубровникъ до Стона включительно, и чрезъ Имотицу до села Дльжи, а въ средоземье онѣ вдавались до границъ Требиня. Сверхъ того, ему принад-

[1] По свидѣтельству Люція (кн. V, гл. V), Дубровничане купили, сверхъ того, у Сандала еще, въ 1411 г., замокъ Островицу за 5000 дукатовъ.

[2] Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 159.

[3] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 154 и слѣд.

[4] До сихъ поръ онѣ составляли границу Дубровницкихъ владѣній.

[5] Узкая полоса земли, лежащая на сѣверъ за Конавлемъ и Виталиною между Дубровницкимъ округомъ и Боккою Которскою: она доходитъ до берега Которскаго залива и, принадлежа нынѣ Турціи, соединяетъ такимъ образомъ Турецкія владѣнія въ Герцеговинѣ съ водами залива. Величина $\frac{2}{3}$ кв. м.; имѣетъ 10 селъ съ 558 жит. Сербо-Далмат. Магаз., 1838, стр. 34.

[6] Нынѣ два мѣстечка, верхній и нижній Моринь, лежащія между Новымъ и Рисномъ — православная парохія. Сербо-Далмат. Магазинъ, 1850, стр. 3..

[7] Новый и Рисно лежатъ по Которскому заливу.

[8] Ср. статью: Сербско Общество у Дубровнику, въ Сербо-Далмат. Магазинѣ, 1839, стр. 121 и слѣд.

лежало нѣсколько ближайшихъ острововъ. Хотя грамоты говорятъ весьма глухо объ условіяхъ уступки земель, и даже просто называютъ это «подаркомъ», однако Дубровничане платили за этѣ земли ежегодную дань, какъ увидимъ ниже.

Земли уступались Дубровнику со всѣми лежащими селами, заселками и людьми (С. № 37). Въ позднѣйшихъ грамотахъ еще подробнѣе обозначались принадлежности уступаемыхъ земель. Обыкновенно уступалось все безъ исключенія, даже люди, жившіе на этой землѣ. Таково постоянно встрѣчаемое въ грамотахъ и почти одинаковое всюду, выраженіе: **са всѣми сели и ꙁасельци и сльдьми и са всѣми правими медшми и всаконими правинами и сводами, пашами, дрьвьми, дꙋбравами, грьминемь** (кустарникомъ), **планинами** (горами), **странами** (стремнинами), **горами** (лѣсистыми возвышенностями), **лꙋꙁьми, сѣнокоси, поли, динкадами, ꙁемлами и што е на покрьши и са всакимь инимь достоꙗнимь и са всѣми правими котари** (округами)[1].

Нельзя съ достовѣрностію сказать, оставались ли прежніе владѣльцы, при уступкѣ земель, на своихъ мѣстахъ? Король, какъ верховный владыка всѣхъ Сербскихъ земель, былъ ли то Сербскій, или Боснійскій король, передавалъ часть своихъ земель Дубровнику, который становился въ такое же отношеніе къ этѣмъ землямъ, въ какомъ прежде былъ король; но, не смотря на то, землевладѣльцы, властели, оставались, кажется, по прежнему на своихъ земляхъ, т. е., власть Дубровника не исключала ихъ изъ собственности. Это можно видѣть отчасти изъ грамоты Уроша V (С. № 48), въ которой Царь поручаетъ своихъ властелей, Басета и Трипета, которымъ подарилъ Млѣтъ, блюдѣнію и защитѣ Дубровничанъ; и изъ грамоты С. № 94, которая показываетъ, что подъ Стономъ, со стороны Дубровника, слѣдовательно, на его землѣ, сидѣлъ какой-то властелинъ Григорій Вукославичъ, установившій царину передъ Стономъ по дорогѣ въ Дубровникъ, и потомъ, за право гражданства, снявшій ее и ходившій въ Дубровникъ съ извиненіемъ.

Уступленныя земли составляли баштину Дубровничанъ и переходили къ дѣтямъ и внукамъ (С. № 37). Урошъ V, даря Дубровничанамъ землю (С. № 49), писалъ: **а да имь не имать посема сего. ꙁабавити ꙁа тꙋꙁи ꙁемлю. ни властелй црькви. ни кепалии. ни нимь никтоже: кто имь бꙋдꙋ ꙋ сꙋсѣдьствꙋ на всако врѣме.** Часто въ грамотахъ встрѣчается выраженіе объ уступкѣ земель «въ державу, и въ область, и въ господство, въ баштину, и въ племенито (наслѣдственное, родовое владѣніе) отцамъ, дѣтямъ, и внукамъ, и всему потомству; да будутъ областны землями во вѣки»[2]. Въ примѣръ приведу выраженія грамоты Санковичей (С. № 78): **обрѣкосмосе.... поставити е ꙋ державꙋ и ꙋ область и ꙋ господство каково ꙋ нихь баштиньꙋ племенитꙋ опѣниꙋ и властели града дꙋбровьника и инымь иꙁьдати ꙋ ниxь рꙋке и ꙋ область и стражꙋ града сокола и вьсꙋ више ꙋписанꙋ жꙋпꙋ конавальскꙋ и витальиньскꙋ да сꙋ вольни властеле и опѣина дꙋбровачька ꙋчинити и створити и господовати градь и жꙋпꙋ и мѣста више писана како свое праве и власте** (собственныя) **баштине каково могꙋ ꙋчинити отъ своега старога владанья и державе.**

Важны нѣкоторыя другія условія уступки. Такъ, уступая Стонъ, Стефанъ Дечанскій взялъ съ Дубровничанъ обѣщаніе, что въ Стонѣ и Рьтѣ останется по прежнему и будетъ отправлять богослуженіе Сербскій попъ (православный), и что жители Стона и Рьта, въ случаѣ войны, не пойдутъ на Короля. Король же, съ своей стороны, обѣщалъ, что не станетъ отыскивать въ Стонѣ

[1] Ср. С. NN 37, 46, 84, 86, 96, 97, 98, 99, 107, 140 и пр.
[2] Ср. С. NN 78, 84, 86, 96, 97, 98, 99, 107, 140, 145 и пр.

и Рьтѣ людей, которые ему не подданные; но за то Дубровникъ долженъ возвратить ему всѣхъ тѣхъ людей, которые поселились, или скрылись въ Стонѣ и Рьтѣ послѣ уступки ему этихъ мѣстъ (С. № 39). Заключая въ 1253 г. оборонительный и наступательный договоръ съ Булгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣномъ (С. № 16), Дубровничане подробно обозначаютъ свои границы для того, чтобы Царь, завоевавши Сербію, не вступилъ въ ихъ межу; а они обѣщаютъ отдать ему всѣ приморскіе города и церкви, которыя завоюютъ, съ тѣмъ, однако, чтобы ихъ Церковь, мать всѣмъ ихъ Церквамъ, удержала за собою все, что держала дотолѣ по старымъ книгамъ и преимуществомъ, въ городахъ, на сушѣ: епископства, монастыри, церкви, поповъ и пр. Санковичи, уступая Дубровнику Конавле и Виталину, писали въ своей грамотѣ (С. № 78): 1) поглавитые люди и бояре этѣхъ жупъ присягнутъ на вѣрѣ и душѣ, что будутъ вѣрны Общинѣ и властелямъ Дубровницкимъ; 2) если Конавляне и Виталиняне не захотятъ повиноваться Дубровнику, то Санковичи употребятъ всю силу и власть, чтобы привести ихъ снова, какъ враговъ, въ повиновеніе Дубровнику; 3) Санковичи хранятъ и защищаютъ означенныя жупы отъ всякого насилія и похищенія; 4) люди могутъ свободно переселяться изъ этѣхъ жупъ во владѣнія Санковичей и обратно изъ ихъ владѣній въ упомянутыя жупы подъ власть Общины. Сандалъ, уступая Дубровнику ту и другую половину Конавля, обѣщалъ, что будетъ беречь и защищать этѣ земли отъ всякого зла и насилія, и ни въ какомъ случаѣ не станетъ присвоивать ихъ себѣ (С. №№ 96, 98). То же обѣщалъ и Радославъ Павловичъ, когда подтверждалъ уступку, сдѣланную Сандаломъ (С. № 107), и еще прежде, при подтвержденіи записи на свой удѣлъ въ Конавлѣ, вставилъ условіе, что не приметъ въ свои земли ни одного человѣка изъ Дубровницкаго участка въ Конавлѣ (С. № 104). Ѳома Остоичъ позволялъ Дубровничанамъ строить въ подаренной имъ Драчевицкой жупѣ крѣпости въ настоящее и будущее время; и если вся эта жупа, или часть ея, достанется когда либо ему, или его подданному, то онъ обѣщаетъ возвратить ее Дубровнику не позже трехъ мѣсяцевъ (С. № 140).

Но главнымъ условіемъ уступки была плата за уступленныя земли. Уже объ ней говорилъ король Радославъ (С. № 2), что отцы и дѣды Дубровничанъ давали дары за занятыя земли. По этому кажется не чуждымъ истины свидѣтельство Аппендини, повторенное Енгелемъ [1], что между условіями договора, заключеннаго съ Неманею, Дубровничане помѣстили освобожденіе отъ дани, платимой ими за виноградники и поля, лежавшія въ Сербской землѣ (Стонѣ). Впрочемъ, при молчаніи памятниковъ, трудно опредѣлить, за что именно Дубровникъ платилъ Сербскимъ королямъ столь большія деньги. Объ этой ежегодной дани я скажу послѣ; сдѣсь приведу только тѣ случаи, которыя прямо относятся къ уступкѣ земель. Такъ, Стефанъ Дечанскій продалъ Стонскій Рьть за 500 перперовъ ежегодной дани, вносимой на «великій день» (Пасху), съ тѣмъ, что если Дубровничане не внесутъ ея въ назначенный срокъ, то платятъ вдвое (С. № 37). Банъ Тврьтко требовалъ, чтобы Дубровничане прислали ему 500 перперовъ за Стонъ (С. № 59). О Стонскомъ доходѣ упоминаетъ и Остоя, опредѣляя его въ 500 перперовъ, которые уплачивались въ праздникъ св. Власія, 3 февраля (по нашему календарю 11 февраля. С. № 83). Сандалъ получалъ съ Дубровника ежегодно по 500 перперовъ

[1] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 86.

за каждую половину Конавля; и эта дань, 1000 перп., должна была итти всему его потомству по мужскому колѣну, а послѣ братьямъ его, Вукцу съ сыномъ, и Вуку, и ихъ мужскому потомству, исключая того времени, когда война съ Боснійскимъ, или Угорскимъ королями, или Турецкимъ султаномъ, или же съ самими Храничами, помѣшаетъ имъ владѣть этою жупою (С. №№ 96, 98). Одну половину Конавля добылъ себѣ Радославъ Павловичъ и, видя, что она уже уступлена Дубровнику Сандаломъ, подтвердилъ эту уступку; но выговорилъ себѣ за нее ежегодной дани 600 перперовъ, которые должны были итти послѣ него сыну его, Иванишу, и дальнѣйшему потомству, сначала по мужской линіи, потомъ по женской, и наконецъ къ ближайшимъ родичамъ, како крьвь подаѥ; но въ случаѣ войны съ кѣмъ либо изъ сосѣднихъ государей, или съ самимъ родомъ Яблановичей, дань прекращается впредь до возстановленія мира (№ 107). Дѣйствительно, мирясь съ Дубровничанами, Радославъ Павловичъ, въ своей грамотѣ, прощалъ имъ ту часть дани, которая приходилась на время войны (С. № 114).

Образъ внѣшнихъ дѣйствій Дубровника рѣзко отличалъ его отъ сосѣднихъ государствъ. Дубровникъ велъ обширную торговлю не только съ внутренними землями Ѳракійскаго полуострова, но и съ другими странами, какъ-то: Италіею, Сициліею, Испаніею, Греціею, Александріею, Левантомъ и пр.; сверхъ того онъ имѣлъ постоянные сношенія съ Венеціею, оказывавшею сильное притязаніе на Далмацію. Подобная торговля должна была развить внѣшнюю дѣятельность Дубровника и поставить ее въ уровень съ дѣятельностію Венеціи и другихъ искусныхъ въ этомъ дѣлѣ государствъ. Что касается до отношеній Дубровника къ сосѣднимъ городамъ Далмаціи, то онъ стоялъ выше ихъ и умѣлъ упрочить свою самобытность, между тѣмъ какъ эти переходили попеременно то къ Венеціи, то къ Угріи; онъ стоялъ несравненно выше Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей, которымъ успѣлъ внушить уваженіе къ себѣ и дать почувствовать свою необходимость для нихъ; Угорскіе и Турецкіе государи, равномѣрно, уважали его и не отваживались посягать на его независимость. Когда переговорами и деньгами, а когда и оружіемъ, Дубровникъ умѣлъ отдѣлаться отъ приходившихъ на него Боснійскихъ владѣтелей и, еще болѣе, Турецкихъ пашей. Такимъ образомъ до самыхъ позднѣйшихъ временъ оставался онъ ни отъ кого независимымъ.

Чувствуя свое достоинство, Дубровникъ всегда старался заключать выгодные и сообразные съ своимъ значеніемъ договоры. Старые договоры были для него выгоднѣе новыхъ, ибо въ старину неразвитость внѣшнихъ отношеній и торговли у сосѣднихъ государствъ обращала всѣ выгоды на его сторону. Отъ того съ каждымъ новымъ владѣтелемъ Дубровникъ спѣшилъ возобновить старый договоръ, что приносило ему двоякую пользу: во первыхъ, соблюденіе старыхъ выгодныхъ условій, во вторыхъ, упроченіе миролюбивыхъ отношеній, весьма нужныхъ для его торговли. Въ подобныхъ договорахъ частыя ссылки на «старый законъ» и указанія на договоры «отца и дѣда», или «родителей и прародителей», на постановленія «прежней господы Сербской и Боснійской» и т. д. свидѣтельствуютъ, что Дубровничане повторяли старые, выгодные для нихъ уклады и избѣгали новыхъ. Въ послѣдствіи мы видимъ, что они только переписываютъ старую грамоту и даютъ на утвержденіе новому владѣтелю. Такъ, на пр., грамота Милутина, 1281 года (С. № 31), есть повтореніе договора, заключеннаго съ Дубровникомъ пять лѣтъ назадъ (С. № 24); грамота Уроша V, 1357 г., 25 апр. (С. № 50), есть не что иное, какъ списокъ съ гр-ы Душана 1349 г., 20 сент. (С. № 43). Такъ въ гр-хъ Вука Бранковича,

1387 г., 20 янв. (С. № 73), деспота Стефана Лазаревича, 1405 г., 2 дек. (С. № 90), Григорія, Юрія и Лазаря Вуковичей, 1405 г., 29 дек. (С. № 91), Юрія Бранковича, 1428 г., 13 дек. (С. № 111), и его же, 1445 г., 17 сент. (С. № 137), почти дословно переписаны одни и тѣ же судебныя разбирательства въ сношеніяхъ съ Дубровничанами. Есть цѣлыя грамоты, которыми владѣтели, не упоминая ни о какихъ условіяхъ, иногда повторяя только количество ежегодной дани и названіе уступленныхъ земель, подтверждаютъ вообще прежніе договоры (увѣты), записи, права и преимущества своихъ предшественниковъ. Тогда извѣстно было, въ чемъ состояли основные уклады Сербскихъ владѣтелей съ Дубровникомъ, и по тому въ подобныхъ подтвердительныхъ грамотахъ не считалось нужнымъ повторять ихъ постатейно. Обыкновеннымъ въ такомъ случаѣ выраженіемъ, подъ которымъ знали, что разумѣть, было слѣдующее: **како да бисмо ми по обичаю речене господе** (поименованныхъ предшественниковъ) **нимь подтврьдили и установитили крѣпко прьвихь** (предковъ) **нашихь слободьщине и законе и увѣте и повелѣние и писание.** Это выраженіе показываетъ, что таковъ былъ обычай всѣхъ вступавшихъ на престолъ Сербскихъ владѣтелей. Таковы подтвердительныя грамоты великаго князя Хлумскаго Андрея, 1248 года (С. № 15), короля Вукашина, 1370 г., 5 апр. (С. № 62), Вука Бранковича (С. № 69), королей: Дабыши и супруги его, Елены, 1392 г., 17 іюля (С. № 81), Остоя Кристича, 1399 г., 5 февр. (С. № 85), его же, 1409 г., 4 дек. (С. № 92), Стефана Остоича, 1419 г., 5 марта (С. № 95), Тврьтка Тврьтковича, 1421 г., 18 авг. (С. № 103), Θомы Остоича, 1444 г., 3 сент. (С. № 136), Стефана Томашевича, 1461 г., 23 ноября (С. № 150). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (С. №№ 81, 85, 95, 103) прямо указывается на грамоту перваго Боснійскаго короля Тврьтка, 1378 г., 10 апр. (С. № 66), какъ на основную. Особая политика Боснійскихъ королей, старавшихся привязать себя къ роду собственно-Сербскихъ владѣтелей, чтобы тѣмъ упрочить за собою какъ свой престолъ, такъ и нѣкоторыя Сербскія земли, много способствовала Дубровнику къ поддержанію съ Босною прежнихъ укладовъ, бывшихъ у него съ королями и царями Сербіи. Признавая Боснійскихъ королей законными наслѣдниками Боснійскаго и Сербскаго престоловъ, Дубровникъ тѣмъ самымъ какъ бы обязывалъ ихъ повторять уставы своихъ предшественниковъ, и именно прежнихъ Сербскихъ владѣтелей. По этому въ грамотахъ Боснійскихъ королей мы не находимъ ничего существенно новаго какъ о торговлѣ, такъ и о судебныхъ разбирательствахъ. Въ большей части изъ нихъ встрѣчаемъ выраженія о послахъ: **и принесоше записаніа родитель и прародитель кралевствами**, или: **успоменуше за законе и увѣте кое су имали** и т. п. Важнѣе многія государственныя условія, о которыхъ скажу послѣ. Но и въ чрезвычайныхъ договорахъ, имѣвшихъ основою какое нибудь государственное событіе и относившихся къ извѣстному времени и случаю, часто попадаются, между прочими условіями, общія выраженія въ родѣ слѣдующаго: **потврьгую и подкрѣпляю све повелие и свободе и законе и обѣте кои су биле сь прѣгиомь господомь босньскомь и срьпьскомь**[1]. До какой степени Дубровничане дорожили старыми выгодными договорами, видно изъ того, что, заключая союзъ съ Михаиломъ Асѣномъ, они выговаривали себѣ право оставаться съ Сербіею въ прежнихъ укладахъ, хотя бы Сербія и была завоевана имъ: **да стоимо. су-**

---

[1] Ср. С. NN 55, 57, 66, 71, 77, 89, 107, 114, 120, 132, 133, 140, 144, 145 и мн. др.

свѣи. ꙁємли. и гради. срьбскє. и поморьскє. вь ѡнєхь. ꙁаконєхь. коє. смо. имєли сьними (съ ними). прѣждє. годищь. петьнадесетє. кои сꙋ и сьними. досєга.... и ѡнємьꙁи. ꙁаконь. кои є. есть. ѡть изꙋмєрєкь (откупъ). сольски. медꙋ. краль. срьбски и градь. дюбровьчки. да. дрьжи. стотн. царство. (С. № 16). Дошедшая до насъ грамота Боснійскаго бана Кулина, 1189 года, и другая Нинослава, 1236 г., упоминающая о договорѣ съ Кулиномъ, равно какъ встрѣчающіяся въ грамотахъ Владислава и Уроша I извѣстія о договорахъ съ ихъ «отцомъ» и «дѣдомъ» (С. №№ 3, 7, 17, 21, 26) и о «старомъ законѣ» (С. №№ 4, 15, 16, 19, 20) свидѣтельствуютъ, что еще при великомъ жупанѣ Неманѣ Дубровничане входили въ уклады съ разными Сербскими владѣтелями. Впрочемъ, въ грамотахъ Уроша I ссылаются только на его отца, изъ чего можно заключить, что большая часть укладовъ и точнѣйшее опредѣленіе торговыхъ и судебныхъ отношеній возникли при Стефанѣ Первовѣнчанномъ. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что еще въ IX ст. Дубровникъ началъ свои договоры съ жупанами Травунскими и Хлумскими. Если вспомнимъ количество дошедшихъ до насъ грамотъ, и по немъ сдѣлаемъ заключеніе о количествѣ грамотъ утраченныхъ, о которыхъ сохранилось только извѣстіе въ грамотахъ уцѣлѣвшихъ, и тѣхъ, которыя пропали безъ вѣсти, то мы поймемъ, съ какимъ стараніемъ Дубровничане поддерживали свои миролюбивыя сношенія съ сосѣдними государями, даже Турецкими султанами, и какъ ревностно учащали свои договоры съ ними, чтобы чрезъ то упрочить свою торговлю и независимость. Рядъ Дубровницкихъ грамотъ тянется отъ древнѣйшихъ временъ чрезъ все поприще самостоятельной жизни Сербіи и Босны до самого конечнаго паденія этѣхъ державъ. Не съ однѣми вѣнчанными особами договаривались Дубровничане, но и съ знатнѣйшими боярами и сосѣдними землевладѣльцами. Въ этомъ ряду грамотъ есть и Турецкія — задатокъ тѣхъ сношеній, которыя начинались между Дубровникомъ и Турціею; но, къ несчастію, остались намъ неизвѣстными.

Въ сношенія съ Сербскими владѣтелями Дубровничане входятъ, какъ равные въ равными. Они именуются «пріятелями, сродниками и братьями, вѣрными, любимыми, почтенными» и пр. Въ грамотахъ своихъ Сербскіе владѣтели постоянно ссылаются на «пріязнь, любовь, дружбу, вѣрность, послуженіе, почести и дары», бывшіе у Дубровничанъ съ ними и ихъ предшественниками. Съ своей стороны Дубровникъ всегда обязывался оказывать владѣтелю надлежащую «господскую почесть», какую оказывалъ его предшественникамъ.

Какъ городъ торговый, Дубровникъ старался всегда быть въ мирѣ со всѣми и постоянно наблюдать невмѣшательство. Отъ того въ сношеніяхъ съ Сербскими владѣтелями онъ выговариваетъ себѣ право держать у себя ихъ враговъ, но съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе уже не выказывали болѣе своихъ враждебныхъ намѣреній (С. №№ 3, 12. 26). Какъ сильный, богатый и всѣми уважаемый городъ, Дубровникъ былъ открытъ для всѣхъ, договаривался со всѣми; и противники не роптали на него за то: въ случаѣ несчастія, тотъ, или другой находилъ въ немъ убѣжище. Радославъ, супруга короля Владислава и Владиславъ, сынъ Косачи, жили въ немъ (С. №№ 2, 12, 132). Короли Владиславъ и Урошъ I, Боснійскій банъ Стефанъ, Хлумскій жупанъ Радославъ, король Твртко I, Вукъ Бранковичъ и многія другія лица, опасаясь гибельныхъ переворотовъ, заранѣе выговаривали себѣ безопасное убѣжище въ Дубровникѣ (С. №№ 3, 14, 19, 26, 76, 77). Съ своей стороны Дубровничане обѣщаютъ принимать ихъ съ надлежащими почестями и беречь не только ихъ самихъ, но и женъ,

дѣтей, бояръ и все имущество; а въ случаѣ отхода, провожать (С. №№ 3, 76, 77)[1]. Исторія представляетъ много случаевъ того, что знатные изгнанники находили себѣ безопасное убѣжище въ Дубровникѣ: но мы ограничиваемся сдѣсь нашими грамотами[2]. Таково было общее правило Дубровника относительно изгнанниковъ. Но иногда это правило дополнялось нѣкоторыми подробностями. Такъ Урошу I они обѣщали, что если онъ съ людьми своими придетъ въ ихъ городъ, то жито и вино не вздорожаютъ для него, а будутъ продаваться, какъ продаются гражданамъ (С.№ 26). Такъ Радославъ Павловичъ требовалъ, что если ему, или сыну его, Иванишу, случится быть въ ихъ городѣ, то, по праву гражданства: **да бȣде ȣ мнѣ ȣ воеводи радославȣ и ȣ сйȣ ми кнезȣ иванишȣ властелинь и кнезь и вѣкникь и сȣдьи како ȣ коемь годѣ властелю дȣбровачцихь дрȣгою на десете** (С. № 107). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ Дубровничане, кажется, нарушали свое невмѣшательство. Такъ, въ договорахъ съ Владиславомъ (С. № 3) и Михаиломъ Асѣномъ (С. № 16) они обязываются имѣть общихъ друзей и враговъ, а послѣднему, сверхъ того, обѣщаютъ не принимать къ себѣ ни Уроша, ни брата его, Владислава, ни ихъ родичей, ни друзей, ни властелей, и не слушать ихъ наущеній. Съ королемъ Тврькомъ I они заключили довольно странное условіе, которое показываетъ, что не всегда невмѣшательство ихъ могло устоять противъ напора государственныхъ бурь. Въ это время они признавали верховную власть Угріи, и именно, королевы Маріи, противъ которой дѣйствовалъ Тврько въ союзѣ съ баномъ Хорватомъ и другими недовольными: по этому, заключая съ Тврькомъ договоръ, они объявили, что Тврько можетъ свободно прійти и безопасно проживать въ ихъ городѣ съ семействомъ, людьми и имуществомъ; но если Марія освободится изъ плѣна и будетъ преслѣдовать его, а онъ на ту пору случится въ Дубровникѣ, то они не будутъ держать и защищать его, а дадутъ ему срокъ къ безпрепятственному оставленію ихъ города, или если онъ случится внѣ города, то они не впустятъ его къ себѣ (С. № 77). Между тѣмъ это не мѣшало имъ называть Тврька своимъ «искреннимъ союзникомъ и другомъ» и не покидать дружбы съ нимъ «ни за какія блага міра и ни за какой страхъ, или обѣтъ». Принявъ къ себѣ Вука Бранковича съ семействомъ, Дубровничане позволили ему построить въ ихъ городѣ православную церковь (С. № 76). Вообще для Дубровника было весьма выгодно присутствіе знатныхъ бѣглецовъ, которые обыкновенно приносили съ собою все свое имущество, много денегъ и вещей, и приводили своихъ сторонниковъ: отъ того количество потребленія увеличивалось, а съ нимъ вмѣстѣ росли промышленность и богатство города.

Обычныя государственныя условія договоровъ были слѣдующія. Обѣ стороны хранятъ вѣчный миръ, братство и дружбу, стоятъ взаимно въ искренней сердечной вѣрѣ и правдѣ безъ всякого злаго умысла и ухищренія до конца жизни (С. №№ 1, 9, 14, 27, 60, 64, 69, 77, 82, 89, 104, 107, 132, 166); соблюдаютъ единство мысли и чувства и составляютъ одинъ домъ (С. №№ 3, 57, 58, 61, 79, 104); ни за страхъ, ни за совѣтъ и мольбу, ни за какія блага не покидаютъ взаимной дружбы (С. № 77). Дубровникъ старался болѣе выговаривать условій для себя, чѣмъ давать ихъ: это объясняется его осторожною и миро-

---

[1] Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи гр-а N 76.

[2] Число лицъ, искавшихъ и находившихъ себѣ убѣжище въ Дубровникѣ, удвоится, или утроится, если къ нашимъ грамотамъ присоединимъ и другіе источники.

любивою политикою. Владѣльцы сосѣднихъ земель не могли столько опасаться его, сколько, на оборотъ, онъ долженъ былъ страшиться различныхъ внутреннихъ потрясеній и войнъ у сосѣдей, которыя часто отзывались невыгодно на его торговлѣ. По этому, заключая договоры съ обоими противниками въ одно и то же время, онъ старался оградить себя такими условіями, которыя ни въ какомъ случаѣ не нарушали бы его мира. Какъ городъ по преимуществу мирный и торговый, онъ не терпѣлъ переворотовъ, и условія были нужны ему, а не другимъ. Въ договорахъ Дубровникъ требовалъ, чтобы союзники помогали и благопріятствовали ему, хранили и защищали городъ, людей и землю (С. №№ 1, 14, 20, 60, 64, 66, 77, 104, 107, 141, 168): особенно обязательнымъ было это условіе для тѣхъ, которые получили въ Дубровникѣ право гражданства. Людямъ и войскамъ не позволять тревожить Дубровника и людей его, ходящихъ по чужимъ владѣніямъ (С. №№ 20, 21); ни за страхъ, ни за благо, ни по наговору злыхъ людей не покидать города и не вредить ему, его людямъ и землямъ (С. №№ 2, 16, 57, 96, 98, 104, 107, 132); дозволять свободное и безопасное хожденіе Дубровницкимъ людямъ съ товарами и безъ товаровъ и для переговоровъ какъ по своимъ землямъ, такъ и чрезъ свои земли, изъ Дубровника и въ Дубровникъ (С. №№ 5, 14, 15, 20, 22, 72, 80, 100, 101, 102, 111, 132, 137); не соединяться со врагомъ и не ходить съ нимъ на Дубровникъ (С. №№ 4, 15, 20, 60); извѣщать объ опасности, грозящей Дубровнику (С. №№ 20, 27, 60); и, въ случаѣ войны, давать знать ему за нѣсколько времени впередъ, для того, чтобы люди его могли съ имуществомъ и семействомъ возвратиться изъ непріятельскихъ земель въ свой городъ (С. №№ 17, 24, 31, 43, 50, 55, 72, 73, 91, 111, 137, 144, 145). Срокъ этотъ былъ различенъ: Милутинъ давалъ 3 мѣсяца (С. №№ 24, 31), Стефанъ Душанъ, Урошъ V и деспоты давали 6 мѣсяцевъ (С. №№ 43, 50, 73, 91, 111, 137), Яблановичи столько же (С. № 145), Стефанъ Вукчичъ Косача назначалъ для того 3 мѣсяца (С. № 144), Юрій Балшичъ Зетскій только недѣлю (С. № 72). Союзники Дубровника не заключаютъ мира съ его врагомъ безъ его вѣдѣнія и согласія, и если уже мирятся, то и городъ должны помирить съ нимъ (С. №№ 16, 132, 140, 141); кровопролитія, обиды и насилія, бывшія во время войны, прощаются и предаются забвенію (С. №№ 89, 100, 101, 102, 114, 144). Рѣдко Дубровничане высказывали какія либо условія съ своей стороны, но многія изъ условій подразумѣвались. Такъ, на пр., они обѣщали, что городъ ихъ будетъ открытъ князю и людямъ Хлума (С. № 19); но таковое обѣщаніе, кромѣ чрезвычайныхъ событій, имѣло силу всегда и для всѣхъ, ибо черезъ это усиливалась ихъ торговля. Равнымъ образомъ права торговли и невмѣшательства, а еще болѣе желаніе пріобрѣсти себѣ общую довѣренность заставляли Дубровничанъ хранить и защищать чужеземцевъ, приходившихъ по торговлѣ, или за чѣмъ либо другимъ, въ ихъ городъ и округъ, хотя только разъ высказано было ими это условіе (С. № 19). Что же касается до условій, нарушавшихъ невмѣшательство города, то Дубровничане никогда не давали ихъ ни одному изъ своихъ союзниковъ, и не вмѣшивались въ чужія распри: въ этомъ отношеніи они были весьма осторожны. Такъ, на пр., заключая союзъ съ Радославомъ Хлумскимъ, они не обѣщаютъ воевать за него, между тѣмъ какъ онъ обязуется воевать за нихъ съ Урошемъ I (С. №№ 19, 20). Исключеніе составляютъ тѣ случаи, когда отъ взаимной распри сосѣдей страдали ихъ собственныя выгоды, или когда ихъ самихъ затрогивали: тогда они склонялись на ту, или другую сторону и объявляли войну, уже какъ обиженные, стоя

на первомъ мѣстѣ и ища себѣ союзниковъ. Тогда заключался оборонительный и наступательный союзъ, и Дубровничане обязывались давать помощь своимъ союзникамъ на морѣ и на сушѣ (С. №№ 3, 16, 88). Разумѣется, что они обязывались защищать и тѣхъ владѣтелей, которые были гражданами ихъ города, какъ, на пр., Яблановичей (С. № 107). Находимъ еще условіе, что они не станутъ подучать и подсылать на своихъ союзниковъ ни враговъ ихъ, ни враждебныхъ имъ грамотъ (С. №№ 8, 12).

Не съ одними Сербскими и Боснійскими владѣтелями были у Дубровника договоры: онъ сносился и съ другими сосѣдними владѣтелями. Наши грамоты указываютъ на близкія его сношенія съ Юріемъ Кастріотомъ Скандербегомъ, который имѣлъ свои денежные вклады въ ихъ городѣ (С. № 148) и давалъ знать имъ о движеніяхъ Турецкаго войска. «Царь идетъ на насъ», писалъ онъ имъ въ грамотѣ своей изъ Лѣша (С. № 149). Также Турецкіе паши имѣли съ Дубровникомъ частыя сношенія. Алибегъ Павловичъ писалъ Дубровничанамъ: ја (я) ћу (хочу быть) к вамь право а ви на мнѣ како вамь е угодно господству (С. № 75). Особенно частыми сдѣлались эти сношенія, когда Турецкія владѣнія прикоснулись къ Дубровницкимъ. Султанъ посылалъ своихъ пашей разрушить деревянный городокъ, построенный Дубровничанами на Неретвѣ, и вытребовать у нихъ расписки (хужеты) въ возвращеніи Влатку и Стефану Храничамъ вклада, положеннаго ихъ отцомъ, Стефаномъ Косачею (С. № 164). Въ Порту ходили Дубровницкіе послы, какъ видно изъ грамотъ С. №№ 113 114, и султаны посылали въ Дубровникъ по разнымъ дѣламъ свои грамоты. Въ одной изъ таковыхъ (С. № 113) Мурадъ даровалъ Дубровнику защиту отъ сосѣднихъ владѣтелей и его купцамъ право торговли въ Турецкихъ земляхъ, 1430 г., 6 дек.; въ другой (С. № 168) султанъ Магомедъ подтвердилъ грамоту Мурада и опредѣлилъ ежегодную дань, которую долженъ былъ платить Дубровникъ, 1480 г., 7 мая; въ третьей (С.-Д. М. 1851) султанъ Баязидъ проситъ Дубровничанъ дать его послу, отправленному въ Венецію, корабль для переѣзда черезъ море туда и оттуда, 1492 г., 13 дек.; въ четвертой (С. № 173) тотъ же султанъ заставляетъ Дубровникъ вносить по прежнему извѣстную плату въ Сербскіе монастыри на Аѳонѣ, около 1500 г. Царица Мара, дочь Юрія деспота, супруга Мурада II, была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ, даже во время царствованія Магомеда II, удалившаго ее въ Ежево (близъ Аѳона). Мы имѣемъ отъ этого времени четыре грамоты Мары. Въ одной изъ нихъ она извѣщаетъ городъ, что его послы были у нея и что она подтвердила городу старинную дружбу своихъ предковъ, а о прочихъ дѣлахъ передала посламъ на словахъ (С. № 166); въ другой сѣтуетъ на Дубровницкихъ пословъ, которые не завернули къ ней по обыкновенію, когда шли въ Порту, «что ей было весьма прискорбно». Эту грамоту, вмѣстѣ съ нѣкоторыми устными порученіями, она передала посламъ, нарочно прибывшимъ къ ней по этому случаю съ особою грамотою и извиненіемъ (С. № 167).

Въ вознагражденіе за земли, полученныя отъ Храничей и Яблановичей, Дубровничане подарили этимъ двумъ родамъ дворцы въ своемъ городѣ. Уже прежде Сандалъ Храничъ имѣлъ въ Дубровникѣ дворецъ, какъ видно изъ его грамоты (С. № 96), но, уступивъ Дубровнику свою половину въ Конавлѣ, получилъ еще другой дворецъ близъ его перваго дворца (С. № 96); наконецъ, когда уступилъ Дубровнику и остальную половину Конавльской жупы, тогда Дубровничане подарили ему и третій дворецъ, бывшій, какъ говоритъ Сандалъ «нашихъ властелей Вукасовичей, а потомъ монахинь св. Маріи отъ

Ангеловъ, рядомъ съ этимъ монастыремъ» (С. № 98). Эти слова Сандала свидѣтельствуютъ, между прочимъ, что въ Дубровникѣ находились дворцы Хлумскихъ властелей. Дубровничане обязались отдѣлать великолѣпно всѣ три дворца и утвердить ихъ за родомъ Храничей на вѣчныя времена, такъ что они не отойдутъ отъ этого рода ни черезъ войну, ни черезъ что либо другое на свѣтѣ. Также точно Радичъ Павловичъ Яблановичъ, за уступку своего удѣла въ Конавлѣ, получилъ отъ Дубровничанъ дворецъ, бывшій протовистіара Жареты, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, именно, чтобы дворецъ этотъ былъ отдѣланъ и украшенъ, какъ слѣдуетъ, да есть на видѣнье єрь есть г҃оцка полата, и чтобы постоянно оставался въ родѣ Яблановичей, сначала въ мужской линіи, потомъ въ женской, наконецъ въ ближайшемъ къ нимъ родѣ, како крьвь подає. Ни война, ни что либо иное, не можетъ быть причиною къ отчужденію этого дворца отъ рода Яблановичей, которые владѣютъ имъ вполнѣ и могутъ безпрепятственно, кому хотятъ, продать, заложить, или подарить (С. № 107). Вмѣстѣ съ дворцами какъ Храничи, такъ и Яблановичи получили часть земли во владѣніяхъ Дубровника на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и дворцы. За каждый изъ удѣловъ своихъ, уступленный Дубровнику въ Конавлѣ, Сандалъ съ своимъ родомъ получилъ въ Дубровницкой жупѣ по баштинѣ, кое се купи за три тисуће перперь, т. е., всего двѣ баштины, стоющія 6000 перп. Изъ словъ грамотъ (С. №№ 96, 98), даше и дароваше намь, можно бы было заключить, что Дубровникъ дѣйствительно подарилъ Сандалу вышеозначенныя баштины, стоящія каждая 3000 перп., но, по моему мнѣнію, эти слова должно понимать нѣсколько иначе. Дубровникъ не подарилъ, а только позволилъ Сандалу купить въ городской жупѣ баштины, изъ коихъ каждая не превышала бы цѣнности 3000 перп. Такъ объясняется выраженіе кое се купи; цѣнность подарка не могла бы быть опредѣлена такъ положительно, или не была бы вовсе выставлена подобно цѣнности дворцовъ; но выраженіе кое се купи указываетъ именно на право покупки, и при томъ не болѣе, какъ на сумму 3000 перп. Дубровникъ имѣлъ причину не дозволять въ своей жупѣ значительныхъ покупокъ: столь богатые бояре, каковы были Храничи и Яблановичи, легко бы могли скупить всѣ Дубровницкія владѣнія, чтобы имѣть въ запасѣ убѣжище отъ Турецкаго нашествія, подобно тому, какъ Сербскіе деспоты готовили себѣ такое убѣжище въ Угріи; но тогда чужеземная стихія взяла бы перевѣсъ надъ Дубровницкою, и городское властельство было бы стѣснено въ своихъ владѣніяхъ. Вотъ по чему Дубровникъ, не могши вовсе отказать въ покупкѣ баштины Сандалу, какъ своему гражданину, и при томъ подарившему городу цѣлую Конавльскую жупу, ограничилъ, однако, эту покупку цѣнностію 6000 перперовъ. Также точно и Радославу Павловичу даны были земли, но не въ округѣ Дубровницкомъ, а въ Конавлѣ, дѣлоше землє и истога дѣла три чести (С. № 107). Радославъ, какъ извѣстно, уступилъ Дубровнику ту самую половину Конавля, которую Сандалъ, получивши по смерти Радославова брата, Петра, уже подарилъ Дубровнику; но Радославъ, оттягавшій ее, какъ родовое наслѣдство, могъ взять и не взять ея обратно у Дубровника. Дубровницкіе послы склонили его на послѣднее и онъ подтвердилъ и «благословилъ» уступку, сдѣланную Сандаломъ. Хотя уже Сандалъ получилъ за эту уступку 500 перп. ежегодной дани, другой дворецъ и другую баштину, однако и Радославъ имѣлъ полное право требовать себѣ за нее вознагражденіе, и получилъ 600 перп. ежегодной дани, дворецъ и часть земли въ Конавлѣ. Послѣднее выраженіе грамоты я понимаю такъ, что Радославъ получилъ не $^3/_4$ всей земли въ Конав-

лѣ, а только 3 доли изъ одной пятой части земли, что составитъ несравненно меньшее количество владѣнія. Какъ Храничи, такъ и Ябλановичи получили землю на однихъ правахъ, какъ и дворцы. Ихъ баштины составляли вѣчную и неотъемлемую родовую собственность, которою они могли располагать по произволу, продавать, закладывать, дарить и пр.

Радославъ Павловичъ и Сандалъ владѣли дворцами и землями, какъ Дубровницкіе граждане. Не въ одной Венеціи записаны были гражданами многіе Сербскіе и Боснійскіе государи и вельможи[1]; но также и въ Дубровникѣ искали они права гражданства. Званіе гражданина Венеціянской, или Дубровницкой республики считалось почетнымъ. Царь Душанъ, стоя на верху своего могущества, искалъ себѣ гражданства въ Венеціи. Александръ, господинъ Канинѣ и Авлону, просилъ Дубровницкую Общину, да будетъ однимъ изъ ея гражданъ, и посылалъ за тѣмъ дѣломъ своего властелина. **И би ми хотѣние и любовь и свршише ми мои питаниѥ що поисках. и учинише ми книгу вѣрну и запечатише. печатиомь комуньскомь. и даше ю моиму властелину Диму и досла ми ю. и ѡ томь благодарю бога и захвалю. И тогѡ ради се уговорих с моими властели и присегох на стои и божьственои евангелии и и с моими властели. како ме поиска Никола Кабужикь. Како да буду и вѣрнь дубровчанинь и приятель и с моими властели и да сьмь дрьжань дубровчанину всакому куда буде мои владании и куда буду и** (С. № 61). Такова была форма дарованія и принятія права гражданства. Гражданство требовало взаимной защиты и помощи. Такъ Санко (С. № 79) жалуется, что Дубровничане тѣснятъ его въ покупкѣ у него товаровъ. **Тои** (то) **добрѣ вѣмте** (знаете) **да сьмь я** (я) **ималь вамь веће** (болѣе) **г. пути** (разъ) **вамь говоре** (:) **ма дра**(**га**) **братие не кашите мнѣ цѣне учинити како влаху кола** (или) **приморанину кола хьмланину ере** (ибо) **сьмь я једань од вась а вы сте у моемь владании колико и** (;) **тога ми нѣсте учинилн**(ли) **нека и мнѣ цѣна бола ере** (нежели) **иному ере сьмь вашь а нека и моиму чловѣку бола цѣна нере иного чловѣка ере су ваши** (;) **тога ми нѣсте учинили да ма драга братие ако ће тои бити да ви не ћете нигдѣ трьжити нере ли у моемь владании да и и тои учиму.** Какъ гражданинъ, Санко имѣлъ право жаловаться, что Дубровничане не возвышаютъ цѣны ни ему, ни людямъ его, противъ другихъ продавцовъ; и ежели они стали покупать не у него одного, то и онъ не станетъ продавать имъ однимъ. Павелъ Радиновичъ Ябλановичъ, получивъ гражданство въ Дубровникѣ, обѣщалъ за то вѣрность, дружбу и всякое пособіе городу и его торговцамъ (С. № 82). То же обѣщалъ и сынъ его, Радославъ Павловичъ (С. № 104). Властелинъ Григорій Вукославичъ поставилъ предъ Стономъ царину на дорогѣ въ Дубровникъ; но, получивъ гражданство, снялъ царину и отправился въ Дубровникъ съ благодарностію и извиненіемъ (С. № 94). Влатковичи, противники Стефана Косачи, вступая противъ него въ союзъ съ Дубровничанами и получивъ право граж-

---

[1] Въ Загребскомъ Архивѣ (Arkiv za povĕstnicu Jugoslavensku. Knjiga I) напечатана рукопись на Итальянскомъ языкѣ, заключающая имена иноземныхъ владѣтелей, бывшихъ гражданами Венеціи: Tutte le casate dei Signori e Forestieri aggiunti nel numero del Maggior consiglio doppo il serrarsi di guello, con tempo e coi Dogi, sotto de queli furono creati. Между ними находимъ имена королей Боснійскихъ: Стефана Тврьтка (1386), Дабыши (1391), Тврьтка Тврьтковича (1404), воеводы Сандала Хранича (1410), Вукца и Вука, братьевъ его, и Стефана Вукчича (1422), деспота Юрія (1435), Ѳомы, короля Боснійскаго, и Иваниша, сына Радослава Павловича, (1444), Стефана, воеводы св. Савы, и сына его, Владислава (1455), Стефана Томашевича (1461), Ивана Кастріота Скандербега (1463), Ивана Черноевича, владѣтеля верхней Зеты, (1470), и пр.

данства, обязуются защищать всею силою Дубровникъ, его князя и владѣнія; если же не придутъ на помощь городу, то будутъ подъ гнѣвомъ его, какъ и другіе властели (С. № 141). Съ своей стороны Дубровникъ обѣщалъ беречь и защищать своихъ гражданъ на сушѣ и на морѣ. Объ этомъ правѣ говоритъ Радославъ Павловичъ въ своей грамотѣ (С. № 107): **и ако би се ȣ кое врѣме ꙁгодилѡ теръ и г҃нь воевода радославь или мои с҃нь кнеꙁь иванишь нашли се на мори ѡбѣтоваше ми кнеꙁь властеле и вса ѡпкина гра҃ дȣбровника ȣꙁети насъ ȣ нихь дрьвиехь** (судахъ) **гдѣ се инию бȣде моꙗи и наше натражье** (потомство) **из нихь тракенье и спенꙁȣ** (траты и издержки) **и привести нась всебѣ ȣ дȣбровникь и да нась не дадȣ ни моега с҃на кнеꙁа иваниша ни нашега натрашка ни едномȣ нашемȣ неприятелю ни ꙁа страхь ни ꙁа благо ни ꙁа ни еднога чловѣка волю сьеган свѣта наꙗе гдѣ годѣ ȣ г҃на кралевь ȣгрьсцихь или ȣ кмети ȣгрьсцихь да ꙁа нась стое собомь и своими повклисари** (послами) **како ꙁа моега годѣ нихь.** Другимъ важнымъ преимуществомъ гражданъ было право имѣть въ Дубровникѣ недвижимую собственность, домы и земли, какъ видно изъ примѣра Храничей и Яблановичей. Наконецъ, основываясь на словѣ «вѣчникъ», сопоставляемомъ грамотами съ словами «властель» и «гражданинъ»[1], мы имѣемъ полное право заключать, что вписанные граждане—а таковыми могли быть только знатные иноземцы—пользовались всѣми правами, какія принадлежали собственно Дубровницкимъ благороднымъ лицамъ или властелямъ, и между прочимъ правомъ подавать голосъ на вѣчѣ. Стефана Косачу Дубровничане называютъ своимъ «найпервымъ и найпоглавитымъ» гражданиномъ (С. № 157). Трудно понять, чего требовалъ Радославъ Павловичъ этими словами: **и ако би ми се по коѥмь врѣмени ꙁгодилѡ донти ȣ дȣбровникь мепѣ воеводи радославȣ или ми с҃нȣ кнеꙁȣ иванишȣ да бȣде ȣ мнѣ ȣ воеводи радославȣ и ȣ с҃нȣ ми кнеꙁȣ иванишȣ властелинь и кнеꙁь и вѣчникь и сȣдьꙗ како ȣ коѥмь годѣ властеѡ дȣбровачцихь дрȣгоѡ на десете** (С. № 107)? Аппендини приводитъ много родовъ, которые получили въ Дубровникѣ право гражданства; всѣ они отличаются знаменитостію. Между прочими мы находимъ: Христича, Яблановича (оба короля), Котромановъ, Павловича (т. е., Радослава), Санковичей, Босиновичей, Хранича (Сандала, графа Благая и Имоты), Косачей, (воеводъ св. Савы), Влатковичей (Хлумскихъ бояръ, см. С. № 141) и Вуковичей.

Вникая въ духъ договорныхъ грамотъ, мы не можемъ не замѣтить особенности, которая обличаетъ общее свойство отношеній Дубровничанъ къ Сербіи и Боснѣ. Сербскія королевскія и царскія грамоты писаны поспѣшнѣе, короче, безъ излишнихъ ласкательныхъ выраженій и даже часто безъ всякого титула, просто: «князю, властелямъ и общинѣ» и. т. п. Это показываетъ, что Сербія была въ то время сильна собственными средствами и смотрѣла на Дубровникъ не болѣе, какъ на союзный и дружелюбный городъ, не давая ему особой важности и не привязывая себя къ его судьбѣ. Не такъ смотрѣла на него Босна. Для Боснійскихъ королей Дубровникъ являлся городомъ, котораго голосъ имѣлъ сильное вліяніе на ихъ участь. Будучи большею частію незаконными государями, и въ то же время величая себя прямыми наслѣдниками престола честныхъ родителей своихъ, государей Боснійскихъ и Сербскихъ, и обнаруживая постоянныя притязанія на владѣніе Сербіею, короли Боснійскіе нуждались въ службѣ и помощи Дубровника, который могъ или признать ихъ

[1] Ср. С. NN 104, 107, 114, 141.

таковыми, или поднять противъ нихъ многихъ честолюбивыхъ и сильныхъ бояръ. Сверхъ того, смежность владѣній, сила и богатство города должны были внушать къ нему уваженіе, а гроза съ востока постоянно указывала на него, какъ на единственное убѣжище: отъ того въ Боснійскихъ грамотахъ Дубровникъ всегда величается «владущимъ, славнымъ, почтеннымъ, узможнымъ» городомъ; съ большою готовностію припоминаются его «сердечная пріязнь, дружба, безмѣрная любовь, почтеніе, послуженіе, дары» и пр., и въ подтвержденіи всѣхъ правъ и договоровъ существуетъ замѣтная предупредительность.

Дубровникъ всегда старался заключать пожизненные договоры. «До конца жизни», «во вѣки» и тому подобныя выраженія и страшные зароки или заклинанія не нарушать мира и условій договора обличаютъ вполнѣ миролюбивое направленіе независимой общины, для которой миръ былъ необходимъ, какъ главное условіе торговыхъ успѣховъ. Миръ съ нею нуженъ былъ и для противной стороны.

Дубровникъ всегда держался той мысли, что худой миръ лучше доброй ссоры. Пока другія Европейскія государства, въ продолженіи вѣковъ, оставались при убѣжденіи, что война усиливаетъ и обогащаетъ ихъ, Дубровникъ дошелъ до высшей и счастливѣйшей мысли, что благосостояніе гражданъ зависитъ отъ спокойствія и согласія съ сосѣдями извнѣ и отъ развитія промышленности и торговли внутри государства. Эта община была по преимуществу миролюбивая. Въ ея грамотахъ видно сильное желаніе мира; всѣ ея договоры и дѣйствія клонились къ выгодамъ торговли и промышленности, составлявшимъ главную основу ея существованія.

Только въ крайнихъ обстоятельствахъ, когда дѣло шло о потери собственныхъ владѣній, и когда всѣ договоры и посредничества оставались тщетными, Дубровникъ брался за оружіе и велъ войну до перваго удобнаго случая къ примиренію. Но судьба какъ бы преслѣдовала его войнами. Самымъ началомъ своимъ онъ обязанъ войнѣ и опустошенію. Въ IX ст. онъ нѣсколько разъ отбивался отъ Сарацынъ; въ X его тревожили Венеціяне и Наречане, Булгарскій царь, Самуилъ, и императоръ Оттонъ; въ XI союзъ съ Гвискаромъ Апулійскимъ и Калабрскимъ вовлекъ его въ войну съ Алексѣемъ Комнинымъ и Венеціянами; смуты въ Хорваціи коснулись и его; въ XII онъ велъ войну съ Борисомъ, баномъ Босны, и великимъ жупаномъ Неманею[1]. Но всѣ войны оканчивались счастливо для Дубровника, и онъ выходилъ изъ нихъ съ честію и выгодными договорами. Отъ войнъ должно отличать нѣкоторыя враждебныя дѣйствія Дубровника, которыя городъ иногда позволялъ себѣ преимущественно съ мелкими владѣльцами и общинами. Причину тому должно искать въ потребностяхъ города; поводомъ же были, вѣроятно, нѣкоторыя взаимныя несогласія. Въ значительныхъ войнахъ Дубровничане всегда искали себѣ союзниковъ. Мы встрѣчаемъ въ памятникахъ XIII, XIV и XV столѣтій нѣкоторые слѣды ихъ непріязненныхъ столкновеній съ сосѣдями. По словамъ приморскаго князя Юрія, ихъ корабли, вмѣстѣ съ Венеціянскими, ходили на его городъ (С. № 10). Другой приморскій князь, Черномиръ, жалуется, что они хватаютъ и продаютъ его людей (С. № 18). Подобныя похищенія чужихъ подданныхъ мы видимъ довольно часто.

[1] См. у Аппендини, т. I, ч. II, кн. II. Я указываю на одного Аппендини, по тому что онъ пользовался всѣми предыдущими историками, и пользовался весьма осторожно. Туберъ, Рацци, Лукари, Орбини, Бандури, Рести, Дольчи, Фарлати (Колети) и мн. др. служили ему источникомъ. Енгель является послѣ него простымъ компиляторомъ.

Община Понова жалуется, что они, вопреки клятвѣ, связали ихъ властелина Радослава (С. № 11); самъ король Владиславъ предаетъ ихъ суду Божію за то, что они не держатъ даннаго слова, пустошатъ его села, хватаютъ и казнятъ его бояръ (С. № 9). Болѣе важныя несогласія видимъ при Урошѣ I. Противъ него Дубровничане входятъ въ союзъ съ Боснійскимъ баномъ, Стефаномъ, въ 1249 году (С. № 14), Булгарскимъ царемъ, Михаиломъ Асѣномъ, въ 1253 г., при князѣ Георгіи Марцелѣ (С. № 16), и Радославомъ, жупаномъ Хлумскимъ, въ 1254 г. (С. № 19). Всѣ трое обязуются защищать ихъ противъ короля Рашскаго. Подобные договоры Дубровничанъ, въ которыхъ выражено предчувствіе войны, вдвойнѣ любопытны, ибо, кромѣ торговыхъ условій, которыхъ никогда не забывалъ Дубровникъ, въ нихъ находятся и другія государственныя условія. Такъ, съ Владиславомъ былъ уговоръ, что Дубровничане, по его требованію, дадутъ ему помощь на морѣ, и за то онъ проститъ имъ всю дань того года, а купцамъ ихъ царину (С. № 3); что ни Владиміръ, ни другой какой врагъ не станетъ съ ихъ совѣта опустошать его земель (С. № 8). Урошу I обѣщали, что жена Владиславова не будетъ съ ихъ совѣта и вѣдѣнія разсылать изъ ихъ города непріязненныя ему грамоты и пословъ ни по морю, ни по суху (С. № 12). Банъ Стефанъ обязывается, въ случаѣ ихъ войны съ Урошемъ I, не дать въ обиду ни ихъ самихъ, ни ихъ имущества (С. № 14). Условія въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ суть слѣдующія: 1) имѣть общихъ враговъ и друзей; 2) Дубровникъ не принимаетъ къ себѣ короля Сербскаго, ни его родичей, ни сторонниковъ; 3) Михаилъ, заключивъ миръ съ Урошемъ, не оставляетъ и Дубровника безъ мира съ нимъ; 4) Дубровникъ помогаетъ Михаилу по возможности всѣми своими силами на морѣ, въ поморьи и на сушѣ; 5) изготовляется чрезъ двѣ недѣли съ того времени, какъ послышитъ о его вторженіи въ Сербію; 6) въ городѣ остается только необходимая стража; 7) передаетъ Михаилу всѣ приморскіе города и церкви, которыми завладѣетъ; 8) Михаилъ защищаетъ Дубровникъ въ случаѣ вторженія непріятельскаго (С. № 16). Радославъ обязуется: 1) вести войну съ Урошемъ I, когда откроетъ ее Дубровникъ; 2) всюду, гдѣ можетъ, защищать людей и имущество Дубровника; 3) стоять въ мирѣ и дружбѣ съ Михаиломъ Асѣномъ, пока стоитъ Дубровникъ; 4) нейти на городъ съ его врагами и извѣщать объ опасности, грозящей городу и его купцамъ (С. № 20). Поводомъ къ войнѣ съ Урошемъ I было, по словамъ Аппендини[1], корыстолюбіе послѣдняго и желаніе повредить возрастанію и усиленію Дубровника; а по Энгелю[2], властолюбіе Венеціянскаго архіепископа, Іоанна, хотѣвшаго распространить свою власть не только на Баръ, но и на всѣ католическія церкви въ Сербіи. Но война ограничилась одними плѣнами, ибо въ томъ же 1254 году князь Андрей Златъ заключилъ съ Урошемъ договоръ (С. № 26), въ которомъ, между прочимъ, возвращаетъ ему захваченную въ плѣнъ челядь, а Урошъ, съ своей стороны, обѣщаетъ, что бѣглецы изъ Дубровника, проживающіе въ его земляхъ, не станутъ вредить городу (С. № 21). По Аппендини, Дубровникъ обязался платить Урошу I ежегодно 2000 перперовъ за право торговли и пользованія землею. Въ грамотахъ извѣстіе объ этой дани мы встрѣчаемъ позднѣе, при Милутинѣ. Королева Елена, вдова Уроша I, обязалась извѣщать Дубровникъ о всѣхъ враждебныхъ ему замыслахъ короля Ми-

---

[1] Т. I, стр. 281. Но Аппендини невѣрно означаетъ 1250 г. вм. 1253.

[2] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 107. У Энгеля для этой распри опредѣлено время между 1249 и 1252 годами.

лутина (С. № 27). Дѣйствительно, въ 1289 г. Милутинъ, по разнымъ причинамъ, опустошилъ Дубровницкія земли и осаждалъ самый городъ, произвелъ въ немъ голодъ, но не могъ взять его [1]. Изъ грамоты Уроша V (С. № 55), узнаемъ, что около 1362 года Дубровникъ велъ войну съ правителемъ Котора, Воиславомъ (кажется, за соль). Царь помирилъ ихъ и постановилъ: 1) убытки и кровь прощаются; 2) нѣтъ отмщенія тому, кто помогалъ Дубровнику въ этой рати; 3) всѣ плѣнные съ той и другой стороны и Которскія баштины возвращаются; 4) Царю платятся всѣ прежнія дани. Аппендини знаетъ объ этой войнѣ, но Воислава отдѣляетъ отъ Котора и дѣлаетъ его владѣтелемъ Ужицы, вмѣсто брата, Алтомана. По его словамъ, Воиславъ, графъ Ужицы, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Алтоманомъ, велъ несчастную войну съ Дубровникомъ, въ 1359 г., и снова началъ ее, когда Которцы заспорили съ послѣднимъ за соль и торговлю. Балшичи вступились за Дубровникъ, и Воиславъ, лишенный соли, примирился съ Дубровничанами [2]. Но изъ грамоты Уроша V (С. № 55) мы навѣрно знаемъ, что Воиславъ былъ владѣтелемъ Котора: по тому мы должны нѣсколько измѣнить событія и сказать, что Воиславъ, съ своимъ городомъ Которомъ, велъ войну съ Дубровничанами за соль, какъ свидѣтельствуютъ грамоты С. №№ 41 и 56, а братъ его, Алтоманъ, могъ помогать ему изъ Ужицы. Этотъ Воиславъ, дѣятельность котораго совпадаетъ преимущественно съ временемъ царствованія Уроша V, былъ, по свидѣтельству Орбини [3], сыномъ Войхны, возведеннаго въ цезарское достоинство Душаномъ. Подъ 1371 годомъ Аппендини повѣствуетъ, что Венеціяне, завладѣвшіе большею частію Истріи, осаждали Дубровникъ, но были отбиты съ помощію Твртка Боснійскаго. Король Остоя жестоко оскорбилъ Дубровничанъ, продавъ имъ Приморье и потомъ снова отнявши его для взятія съ нихъ вторичной платы. Въ 1404 году, 15 янв., они соединились съ Гервоею противъ короля Остои «на его погибель, и раззореніе, и изгнаніе изъ королевства»; Гервоя обѣщалъ послать свое войско черезъ Неретву въ Хлумскую землю и тутъ объявить королемъ Павла Радишича, а Дубровникъ, съ своей стороны, обязывался сдѣлать, за одно съ Гервоею, все, что только будетъ возможно, на морѣ и на сушѣ, противъ короля Остои и въ пользу Павла Радишича (С. № 88). Но Остоя бѣжалъ, а Тврьтко утвердилъ за Дубровникомъ Приморье (С. № 89). Когда Остоя, въ 1408 году, воротился съ Турецкимъ войскомъ, тогда Дубровничане, слѣдуя своему обычаю быть въ мирѣ со всѣми и особенно съ непосредственными сосѣдями, вошли въ договоръ съ Остоею и испросили у него новую подтвердительную грамоту (С. № 92). Такія же грамоты далъ и Стефанъ Остоичъ въ 1419 году (С. №№ 95, 97). Радославъ Павловичъ, искавшій подъ Сандаломъ своего законнаго родоваго наслѣдства, половины Конавльской жупы, захваченной Сандаломъ по соизволенію Султана, послѣ смерти Петра Павловича, имѣлъ распрю съ Дубровникомъ, по тому что Сандалъ уже успѣлъ продать эту половину Дубровнику. Въ праздникъ Рождества Христова, 1420 года, настало примиреніе: Дубровничане признали Радослава истиннымъ наслѣдникомъ отца, Павла, и старшаго брата, Петра; а

[1] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 115.

[2] Т. I, стр. 294 и 295.

[3] Стр. 233, 234, 241. За неимѣніемъ подлинника, мы слѣдуемъ Русскому переводу, сдѣланному Ѳеофаномъ Прокоповичемъ подъ заглавіемъ: Книга Історіографія и т. д. Спб., 1722 г. По свидѣтельству того же, Урошъ V имѣлъ супругою дочь Воислава. — Ср. Дюфрена, Familiae Dalmaticae et Slavonicae, гл. III, § LIX.

Радославъ укрѣпилъ за ними всѣ прежнія права и свой удѣлъ въ Конавлѣ и предалъ забвенію всякую обиду и кровопролитіе, бывшія по смерти Петра до первыхъ Святокъ (Божитя) (С. №№ 100, 101, 102). Около 1432 года Дубровникъ снова поссорился съ Радославомъ «по наговору злыхъ людей», какъ сказано въ грамотѣ, а собственно по тому, что Радославъ требовалъ двойной платы за свой участокъ въ Конавлѣ. Хотя Дубровничане и были разбиты при Лютѣ[1]; однако, при посредствѣ Тврьтка и Султана, примирились весьма выгодно, въ 1432 г., 25 октября. Между прочимъ Радославъ подтвердилъ за ними половину Конавля и обязался: 1) не брать обратно ранѣе двухъ лѣтъ, со дня заключенія мира, своихъ денегъ, положённыхъ въ Дубровникѣ по 5%, между тѣмъ какъ прежде могъ взять ихъ во всякое время, предупредивъ только за два мѣсяца впередъ; 2) изъ дохода съ земель и дворца, подаренныхъ ему Дубровникомъ, равно какъ изъ суммы, вносимой ему ежегодно Дубровникомъ за уступленную половину Конавля, а также изъ роста съ денегъ, положенныхъ въ Дубровникѣ, не требовать той части, какая приходилась на время войны; 3) не присвоивать себѣ людей, перешедшихъ во время войны на сторону Дубровника, но освободить ихъ отъ подданства и позволить имъ ходить по своимъ владѣніямъ; 4) выпустить безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ; 5) выпросить у короля Тврьтка подтвердительную грамоту на всѣ условія настоящаго договора и извѣстить Султана о мирѣ съ Дубровникомъ. Отсюда можно заключить, что не Дубровникъ, а Радославъ прибѣгнулъ къ посредничеству Порты. Съ своей стороны Дубровникъ далъ Радославу всѣ прежнія права: 1) гражданство и дворецъ, 2) право отдавать деньги въ ростъ ихъ казнѣ, и 3) право пользоваться всѣми доходами, получаемыми отъ ихъ города (С. № 114). Когда Стефанъ Косача поссорился съ сыномъ своимъ, Владиславомъ, то этотъ послѣдній былъ принятъ Дубровникомъ и заключилъ съ нимъ союзъ, 1441 г., 15 авг., изъ котораго видно, что Косача жегъ и грабилъ городское имущество и захватилъ Конавле. Владиславъ обязался: 1) стараться всѣми силами о возвращеніи и защитѣ Конавльской жупы и, когда вступитъ во владѣніе своими землями, подарить изъ нихъ Дубровнику смежную съ нимъ окрайну; 2) не заключать мира съ отцомъ безъ вѣдома и согласія Дубровника; 3) не вступать въ размирье съ городомъ; 4) оставить по прежнему всѣ торговыя и соляныя учрежденія и пр. (С. № 132). Чрезъ десять лѣтъ Косача снова объявилъ войну Дубровнику за сына и жену, бѣжавшихъ въ этотъ городъ. Король Ѳома заключилъ наступательный и оборонительный союзъ съ Дубровникомъ, обязавшись воевать съ Косачею, и не мириться съ нимъ безъ вѣдома и согласія города; если найдетъ себѣ союзниковъ, то принять и городъ въ союзъ и пр. (С. № 140). Сильный Хлумскій родъ Влатковичей сталъ также на сторонѣ Дубровника противъ Косачи съ обѣщаніемъ не заключать съ нимъ мира помимо города (С. № 141). Въ 1454 году, 10 апрѣля, Стефанъ Косача примирился съ городомъ, подтвердилъ всѣ прежнія права и земли, спорныя дѣла подчинилъ рѣшенію суда, а всѣ убійства и взаимныя оскорбленія, бывшія во время войны, предалъ забвенію (С. № 144).

Такимъ образомъ, припомнивъ всѣ событія жизни Дубровника, мы увидимъ, что эта община была чужда той корысти, которая вовлекала Венецію въ постоянныя войны, не столько оборонительныя, сколько наступательныя. До по-

---

[1] Appendini, т. I, стр. 302 и 303.

слѣдней возможности Дубровникъ хранилъ миръ со всѣми ближними и дальными владѣльцами. Расчитанныя заранѣе выгоды требовали, чтобы особенно твердо держался онъ ближайшихъ своихъ сосѣдей, которыхъ владѣнія граничили съ его округомъ и отъ которыхъ онъ пріобрѣталъ себѣ земельную собственность. Но за эту же собственность онъ принуждаемъ былъ вести войну съ прежними ея владѣльцами, войну всегда оборонительную и справедливую. Далѣе никуда не проникало его оружіе. Онъ умѣлъ всегда найти себѣ союзниковъ и представить свое дѣло правымъ: отъ того войны, во время прекращаемыя его миролюбіемъ и скромными условіями, не могли никогда поколебать его могущества, но еще болѣе снискивали ему уваженія.

Нѣкогда Дубровникъ, вмѣстѣ съ остальною Далмаціею, признавалъ власть Византіи; но въ IX вѣкѣ тотъ и другая отпали отъ Византіи и устремились къ независимости. Константинъ Багрянородный, называя Греко-Далматскіе города и острова, платившіе, по распоряженію Василія Македонянина, годовую дань Хорватскому жупану, не упоминаетъ о Дубровникѣ[1]. Доселѣ Дубровникъ былъ главнымъ городомъ Далмаціи; Константинъ Багрянородный и Кедринъ, повѣствуя о войнѣ съ Сарацынами, называютъ его не иначе, какъ метрополіею. У перваго читаемъ: *ἐπὶ δὲ τῆς βασιλείας Μιχαὴλ τοῦ υἱοῦ Θεοφίλου ἀνῆλθεν ἀπὸ Ἀφρικῆς στόλος λϛ́ κομπαρίων, ἔχων κεφαλὴν τόν τε Σολδανὸν καὶ τόν Σάμαν καὶ τὸν Καλφοῦς, καὶ ἐχειρώσαντο διαφόρους πόλεις τῆς Δαλματίας καὶ τήν τε Βούτοβαν καὶ τὴν Ῥάσαν καὶ τὰ κάτω Δεκάτερα. ἦλθον δὲ καὶ πρὸς τὴν τούτων μητρόπολιν, ἣ Ῥαούσιον λέγεται, καὶ ταύτην ἐπὶ χρόνον ἐπολιόρκουν ἱκανον*[2]. У втораго: *προχωρούντων δὲ κατὰ νοῦν τῶν πραγμάτων τοῖς Ἀγαρηνοῖς ἦλθον καὶ ὑπὸ τοῦ ὅλου ἔθνους μητρόπολιν, ἣ Ῥαούσιον λέγεται*[3]. Но съ этой поры участь Далмаціи и Дубровника разъединяется. Петръ Медвѣдь, Венеціянскій дожъ, завоевалъ Далмацію въ 995 году, но не думалъ завоевывать Дубровника[4]. Между тѣмъ, какъ Далмація проходила различныя ступени государственнаго бытія и испытывала вліяніе то Хорваціи, то Венеціи, то Византіи, пока не поддалась Угріи, Дубровникъ въ это время пріобрѣталъ бо́льшую и бо́льшую степень независимости. Настойчивыя войны Венеціи и морскіе разбои Наречанъ, отдаленность и нерадѣніе Византіи, а часто соперничество Венеціи съ Византіею, заставляли Дубровникъ обороняться однѣми своими силами и чрезъ то поддерживали его независимость. Въ 1080 г. мы видимъ его уже въ союзѣ съ Гвискаромъ Апулійскимъ противъ Алексѣя Комнина и Венеціянъ; въ 1172 г. тоже въ союзѣ съ Вильгельмомъ Сицилійскимъ и подъ его верховною защитою отъ Венеціянъ и Византіи. Но по смерти Вильгельма, въ 1192 г., онъ отдается подъ покровительство Исаака Ангела[5]. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ уже видѣнъ произволъ независимой общины. Только уже въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ нѣкоторыя сомнительныя отношенія къ Венеціи,

---

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., de Adm. Imp., c. 30, p. 147. — Stritter, II, 399.

[2] Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., v. III. De Thematibus, l. II, th. 11.—Stritter, II, 91. Тоже повторено имъ и въ Vita Basilii Macedonis.

[3] Corp. Script. Hist. Byz. Georg. Cedrenus, tomus alter, p. 219. Cp. Bandurii Animadv. in l. Const. Porphyrog. de Adm. Imp. Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., v. III, p. 344.

[4] Лучичъ (Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. 2, гл. IV) заимствовалъ это извѣстіе изъ Сабеллика и Дандула.

[5] Appendini, т. I, ч. II, кн. II.

которыя если не заставляютъ подозрѣвать какой либо зависимости отъ нея, то все таки набрасываютъ тѣнь на свободу государственныхъ дѣйствій Дубровника, такъ сильно отстаиваемую Аппендини противъ Венеціянскихъ историковъ. По словамъ Аппендини, отъ 1204 до 1230 и отъ 1232 до 1358 года, Дубровникъ управлялся князьями изъ Венеціянскихъ графовъ, поставляемыхъ Венеціею; эти князья присягали въ сохраненіи Дубровницкихъ законовъ, правъ и обычаевъ, а сами брали съ жителей присягу быть вѣрными Венеціи[1]. Наши источники заключаютъ слѣдующія имена князей: Крьвашъ, 1189 г., Петръ Болеславичъ и Тудръ Крусичъ[2], 1234 г., Жани Даньдолъ (1233 — 1238), Николай Тонисто (1238 — 1240), Жани Михаилъ (de Claudus, 1244), Жани Куринъ (Квиринъ, 1248), Яковъ Дальфинъ, 1249 г., Марсилій Георгій, 1253 г., Андрей Златъ (Daurus), 1254 г., Иванъ Сторлатъ (1266 — 1268), Николай Мавриживъ (Maurocenus, 1281), Маринъ Жоргій (Жоржи, 1289); далѣе именъ не находимъ. Всѣ эти имена, кромѣ перваго и двухъ послѣдующихъ, довольно сомнительныхъ, указываютъ на свое Итальянское происхождение. Сверхъ того въ памятникахъ находимъ нѣкоторыя другія указанія, подтверждающія отчасти слова Аппендини. Поморскій князь Юрій пишетъ Дубровничанамъ (С. № 10): вы вѣсте властеле кьда из мы подѫ дрѣва (пойдутъ корабли) ꙁамор:ска и бьютьсь на нашь градь: тьда ваша дрѣва подьгь (подлѣ) нихь греду на ны и мы у томь нѣмамо гнѣва на вы. Отсюда видно, что Дубровникъ, хотя и былъ независимъ, однако, находясь подъ верховною властію Венеціи, долженъ былъ свои корабли посылать вмѣстѣ съ Венеціянскими на своихъ сосѣдей, которые не были съ нимъ въ войнѣ: только по этой причинѣ Поморцы не сердились на него. Сдѣсь Дубровникъ является невольнымъ союзникомъ. Въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ Георгій Марцелъ такъ пишется: повеленьемь. славьнога дужа. бенетьчкога. кнеꙁь. града. дюбровьника. Городъ клянется и за прочихъ князей: ки будуть но врѣменехь. вь дюбровьникь. похьтению. славьнога. дужа. бенетеькога, клянеться такъ: И ми. и дѣтьца. наша.... все. сие. прииисание. да имамо. и хоемо. дрьжати. спасающе. клетьвѫ. и почеть и службе. кое смо. држани (обязаны) учинити. гнѫ. дужу. и ѡпьчини. бенетукон. (С. № 16). О той же клятвѣ дожу и общинѣ Венеціянской говорятъ судьи Дубровницкіе, заключая договоръ съ Радославомъ Хлумскимъ (С. № 19). Душанъ, давши Дубровнику хрисовулъ, въ 1349 году (С. № 43), велѣлъ изготовить три списка: одинъ оставилъ у себя, другой положилъ въ Венеціи у дожа, третій отдалъ Дубровнику; но ничего этого уже не находимъ въ хрисовулѣ Уроша V, 1357 года (С. № 50), списанномъ съ хрисовула Душанова: видно, такое распоряженіе было не нужно. Дѣйствительно, по однимъ, въ этомъ же году (1357), по другимъ въ 1370 году, Дубровникъ перешелъ подъ верховную власть Угорскихъ королей. Вѣроятнѣе всего, это случилось вскорѣ послѣ 1358 года. Вотъ что говоритъ объ этомъ Туберъ: Etenim Ludovicus rex, ex quibusdam maritimae Dalmatiae urbibus Venetos expulisset, quingentos duntaxat aureos, annui census nomine, Ragusanos pendere jussit, caetera liberos et suis legibus in perpetua tum Hungarorum soci-

---

[1] Т. I., ч. II, кн. I, гл. II. Рацци несправедливо относитъ къ XII ст. (1122 г.) введеніе Венеціянскихъ ректоровъ въ Дубровникѣ. Енгель (Gesch. d. Freist. Rag., стр. 77) дѣлаетъ ему справедливое возраженіе, имѣя въ виду также Le Bret и Гебгарди, заимствовавшихъ у него это извѣстіе безъ повѣрки.

[2] Эти два имени выставлены по почищенному; сначала въ грамотѣ было написано что-то другое.

etate, in qua ad hanc diem integerrima fide permanserunt, aetatem agere permisit [1]. Завоеваніе Далматскихъ городовъ окончено Людовикомъ, какъ извѣстно, въ 1358 году, въ которомъ и состоялся знаменитый миръ съ Венеціянами. Енгель принимаетъ для этого 1358-й годъ [2]. Заключая договоръ съ королемъ Тврьткомъ, въ 1387 году (С. № 77), Дубровничане ясно выражали свою покорность Угорской королевѣ Маріи, даже во время ея плѣна. **Ѡставивьше и сьхранивьше вѣрѹ и чьсть, пльмените наше госпоге кралице марие ѹгрьске:** — вотъ подъ какимъ условіемъ обѣщали они дружбу ея врагу, Тврьтку, и объявили ему, что если королева Марія, избавившись отъ плѣна, станетъ преслѣдовать его, то они не скроютъ его въ своемъ городѣ и даже не впустятъ въ свои стѣны **сѹпротивь чьсть и вѣре гпге наше пльмените кралице марие ѹгрьске.** Если въ послѣдствіи мы видимъ, что Дубровничане платятъ дань Турецкимъ султанамъ, то это они дѣлаютъ для того лишь, чтобы обезоружить Турокъ и получить право торговли въ ихъ земляхъ. На самомъ же дѣлѣ, они постоянно остаются подъ верховнымъ покровительствомъ Угріи до самой Мугачской битвы (1526).

Нѣкоторые Венеціянскіе историки, въ томъ числѣ Лучичъ (Люцій), хотятъ доказать, что Дубровникъ былъ подчиненъ Венеціи, какъ городъ подвластный и зависимый. Но для этого нужно было завоевать его, а онъ никогда не былъ завоеванъ Венеціею. Такъ, добровольно онъ не могъ покориться Венеціи, если и слабѣйшіе Далматскіе города не покорялись ей безъ упорнаго сопротивленія: мы знаемъ знаменитую осаду Ядра въ 1345 году и отчаянное сопротивленіе ея жителей. Дубровникъ присягалъ только на союзъ съ нею и, избирая въ свои князья ея графовъ, тѣмъ самымъ защищалъ себя отъ ея нападеній. Въ Угріи онъ нашелъ достойную ей соперницу, а потомъ, когда Турки потрясли могущество Угорской, а вслѣдъ за тѣмъ Австрійской державы, онъ поддался подъ покровительство Турціи.

Дубровникъ не зависѣлъ ни отъ Сербскихъ, ни отъ Боснійскихъ королей, но платитъ имъ ежегодную дань, вѣроятно, за земли, которыми владѣлъ. Въ послѣдствіи сюда могли присоединиться и другія статьи, на пр., право торговли, капиталы, залоги и т. п. Дань была не всегда одинакова. Владиславу Дубровникъ обязался платить ежегодно 1000 перперовъ и 50 локтей скарлату неподдѣльнаго (чистога) и червленаго, какой онъ самъ изберетъ; половину, т. е., 500 перп., платитъ тотчасъ, потомъ 50 локтей скарлату и наконецъ, къ Рождеству (до божика), остальные 500 перп. (С. № 3). Милутину платилъ 2000 перп. на Дмитровъ день (С. №№ 24, 31). По свидѣтельству Аппендини [3], эту дань они уже платили Урошу I за право торговли и пользованія Сербскими землями. Та же дань платилась, вѣроятно, царямъ Душану и Урошу V. Въ междуцарствіе, по смерти Вукашина до вѣнчанія на царство Лазаря, Юрій Балшичъ, въ 1372 г., 30 ноября, овладѣлъ частью Приморья и требовалъ себѣ за нее дани, присовокупляя: (а)ко бѹдѹ господарь ѡвоизи ѕемли приморскои кои и ѡколо дѹбровника да ми даю властеле дѹбровчки доходьк. аколи не бѹдѹ да посла ѕа ми (дѣла съ ними) не имамь ни єднога ѕа доходькь. Онъ не зналъ, будетъ ли еще кто царемъ въ Сербіи, и по тому писалъ надвое: и ако тко бѹде црь гнь срблѥ и властелѡ и ѕемли српскои да иѣ сѹ дрьжани властеле дѹбровчки

---

[1] Schwandtn. Scriptores rerum Hungaricarum, т. II, стр. 96.

[2] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 128 и слѣд.

[3] T. I, стр. 282.

дати имъ доходька вишеписанога (С. № 64). Слѣдовательно, онъ завладѣлъ тѣми самыми Сербскими землями, которыя, какъ смежныя, были уступлены Дубровнику за 2000 перп., что и называлось «Сербскимъ доходомъ»; но онъ завладѣлъ ими на время и ни мало не думалъ отстаивать ихъ противъ будущаго царя, а по тому и писалъ, что если въ Сербіи будетъ царь, а онъ уже не станетъ владѣть этѣми землями, то и Дубровничане не обязаны давать ему уреченнаго дохода. Дѣло окончилось тѣмъ, что Дубровничане получили отъ Юрія небольшую часть его владѣній, бывшихъ его собственностію, и платили ему какую-то дань, по чему Балша, братъ Юрія, писалъ въ своей грамотѣ, 1379 г., 20 ноября: **а из даню и на криви рѣки да плакию како сѫ плакїали при живото брата мога г҇на гюрги** (С. № 67). Между тѣмъ еще въ 1378 году, а можетъ быть и ранѣе, весь Сербскій доходъ, 2000 перп., перешелъ къ Боснійскому королю, Твртку. Въ 1378 году, 10 апрѣля, Твртко писалъ въ своей грамотѣ (С. № 66): **да даю кралевьствуми доходькь срьбьски по закону кои сѫ давали господе срьбьской. такожє да даю кралевьствуми ѡ всакомь приходєщемь димитроке дьнєвє. в҃. тисущи пєпє. ѡбичзи увѣтѡ и закономь и началомь. доколе дрьжи и господуе кралевьствоми ѡвоизи землѡ приморьскомь трбинемь и конавлами и драчевицомь.... И ща богь не дай и случисе нѣкое врѣме и не буде сиези земли у ѡбла̃ кралевьствѣми трбинѣ и конавли и дручевице. Вола кралевьствоми не сьврьши и не ѡправи вишереченога и не плати трьжць годѣ не ѡбьваровати влаинѣ или иначе нихь нѣкоѥ штета за ѡнь доходькь да кралевьствоми не има питати ѡдинхь онога дохотка никто нин по кралевьствуми ни ѡни да сѫ дрьжани давати.** Вотъ основное положеніе, на которое должно упираться всякое изслѣдованіе о Сербскомъ доходѣ или дани, платимой Дубровникомъ сначала Сербіи, потомъ Боснѣ. Отсюда мы заключаемъ: 1) земли, за которыя Дубровникъ вносилъ дань, были: Конавле, Требине и Драчевица, смежныя съ его округомъ: въ нихъ онъ воздѣлывалъ для себя поля и виноградники; 2) такъ какъ этѣ земли перешли отъ Сербіи къ Боснѣ, то, вмѣстѣ съ ними, и дань, 2000 перп., перешла отъ Сербскихъ владѣльцевъ къ Боснійскимъ: отъ того Твртко отказывается отъ дохода, если не будетъ владѣть этѣми землями; 3) хотя собственно дань платилась за земли, но всегда, нераздѣльно съ землею, Дубровникъ пользовался еще правомъ дружбы и свободной торговли и вносилъ дань какъ бы и за это право: отъ того Твртко, отказывается отъ дохода еще въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если онъ, Твртко, не заплатитъ Дубровницкимъ купцамъ за убытки, которые могутъ быть имъ причинены насиліемъ въ его земляхъ; б) если онъ не защититъ Дубровника и его владѣній отъ враговъ, разбойниковъ и т. п.; и, въ слѣдствіе того, в) если Сербскій доходъ понесетъ какой либо ущербъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что главнымъ основаніемъ дохода, получаемаго съ Дубровника, были земли, а потомъ право дружбы и свободной торговли. Все количество дохода простиралось до 2500 перп., изъ коихъ 2000 перп., за Конавле, Требине и Драчевицу, вносились въ день св. Димитрія, а 500 перп., за Стонъ, вносились въ день св. Власія. Эту дань, 2500 перп., постоянно выговариваютъ себѣ въ подтвердительныхъ грамотахъ короли Остоя (С. № 85), Стефанъ Остоичъ (С. № 95), Твртко II (С. № 103), Ѳома Кристичъ (С. № 136) и Стефанъ Томашевичъ (С. № 150); короли Твртко I (С. № 66) и Дабыша (С. № 81) не упоминаютъ о 500 перп., вѣроятно, по тому, что они составляли особую дань за Стонъ; но что эта дань получалась по прежнему, видно изъ того, что король

Остоя употребляетъ ее въ уплату долга, оставшагося у Дубровника на покойномъ королѣ Твръткѣ (С. № 38). По Аппендини[1], Дубровникъ началъ платить дань Портѣ съ 1442 года, при султанѣ Мурадѣ, за то, что оказалъ защиту скитавшемуся тогда деспоту Юрію. Енгель находитъ гораздо ранѣе слѣды этой дани. По его разысканіямъ, Дубровничане обѣщали за право Левантской торговли платить 500 черв. наслѣднику умершаго въ Бруссѣ Оркана (1359), Мураду; потомъ возобновили свою дань при Баязидѣ (1399) и Магомедѣ (1414), при чемъ получили подтвержденіе старыхъ и новыя торговыя права не только въ Азіятской Турціи, но и въ Турецкихъ владѣніяхъ въ Европѣ. Въ 1445 г. дань была увеличена до 1000, въ 1451 до 1500, въ 1454 до 5000, въ 1471 до 8000, а въ 1474 до 10000 черв.[2] Въ 1480 году султанъ Магомедъ II объявлялъ своею грамотою (С. № 168), что за землю, державу и баштину, за всѣхъ людей на сушѣ и островахъ, за городъ и замки Дубровничане платили ему доселѣ 10000 черв. харача и за гюмрукъ (пошлину, царину) 2500 черв., всего 12500 черв.; но что отселѣ навсегда должны платить ему еще 2500 черв., всего 15000 черв. Болѣе этой платы не смѣетъ требовать съ нихъ никто, ни санджакбегъ, ни субаша, ни кадія, ни другой какой рабъ его Султанскаго Величества. Изгнаннымъ Турками воеводамъ св. Савы и знатнѣйшимъ Хлумскимъ боярамъ Дубровникъ отпускалъ немалое количество денегъ на содержаніе (провижюнь), какъ видно изъ различныхъ, дошедшихъ до насъ, расписокъ (С. №№ 162, 169, 170, 171). Деспоты уже не получали дани съ Дубровника; иначе они не преминули бы упомянуть о ней въ своихъ грамотахъ. Только доходъ отъ Стона, 1000 перп., постоянно платился Дубровникомъ Ерусалимской церкви свв. Архангеловъ по завѣщанію Сербскихъ царей. Конечно, была у Дубровника особая сдѣлка съ Боснійскими королями, царемъ Лазаремъ и деспотами Сербскими, сдѣлка, намъ неизвѣстная, по которой онъ вносилъ за Стонъ 500 перп. Боснѣ и 1000 перп. въ Ерусалимъ. О послѣднемъ вносѣ я сейчасъ скажу.

Желая упрочить доходы извѣстныхъ церквей, или монастырей, или своихъ родичей, Сербскіе владѣтели назначили имъ ежегодную сумму изъ Дубровницкой дани. Богатство и независимость города внушали довѣріе къ его капиталамъ и прочности залоговъ. Такъ, уже Душанъ изъ своего дохода, получаемаго съ Дубровника, назначилъ ежегодно на праздникъ Пасхи 500 перперовъ Ерусалимской церкви свв. Архангеловъ Михаила и Гавріила (С. № 35), и еще 500 перперовъ платы за Стонъ назначилъ храму Богородицы Синайской, какъ видно изъ подтвердительной грамоты Уроша V 1357 года (С. № 47). Самъ Урошъ V къ упомянутому доходу Ерусалимской церкви св. Михаила приложилъ, въ 1358 году, отъ себя еще 500 перп., получаемыхъ съ Дубровника, съ тѣмъ, чтобы они вносились ежегодно на Димитровъ день. Такимъ образомъ Дубровникъ долженъ былъ платить ежегодно, въ два срока, 1000 перп. до тѣхъ поръ, пока владѣлъ Стономъ. Ежели же опустѣетъ церковь св. Михаила, то онъ вноситъ этѣ деньги Сербскимъ Аѳонскимъ монастырямъ, находящимся подъ вѣдѣніемъ монастыря пресвятой Богородицы Хиландарской, и монастырю св. Георгія, именуемому св. Павла (Г. А). Въ послѣдствіи этотъ доходъ получала султанша Мара, какъ видно изъ ея расписки 1470 года, 4 ноября, данной Дубровнику въ полученіи 500 перп. динарами Дубровницкими

---

[1] Т. I, стр. 364.

[2] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 141, 150, 156, 171, 174, 175, 185.

или 147 червонцевъ по тогдашней стоимости одного червонца въ 41 динаръ (С. № 165), и уже отъ себя посылала деньги въ Ерусалимъ. Въ 1479 году, 15 апр., по причинѣ запустѣнія храма свв. Архангеловъ и въ силу завѣщанія Уроша V, царица Мара перевела Дубровницкій доходъ въ Аѳонскую гору вышеозначеннымъ монастырямъ. По этому случаю она посылала отъ Хиландара и св. Павла двухъ честныхъ монаховъ къ Дубровничанамъ, съ которыми они и учинили белегь ѕаради вѣрованїа, именно червонецъ, разсѣченный на трое (Г. Б). Около 1500 года въ Порту прибыли послы отъ Аѳонскихъ Сербскихъ монастырей съ жалобою, что Дубровничане, плативши имъ нѣсколько лѣтъ доходъ, по распоряженію царицы Мары, вдругъ перестали платить его, и уже нѣсколько лѣтъ не платятъ, по тому что «одна жена нѣкоею волхвованіемъ уничтожила этотъ обычай». Визирь султана Баязида, выслушавъ ихъ жалобу, послалъ грамоту Дубровничанамъ, убѣждая ихъ платить по прежнему дань Аѳонскимъ монастырямъ и грозя, въ случаѣ вторичнаго прихода въ Порту Аѳонскихъ пословъ, допустить этихъ послѣднихъ прямо предъ лицо Султана (С. № 173).

Кромѣ обычной, установленной дани, Дубровничане давали дары приходившимъ къ нимъ знаменитымъ гостямъ. Въ часто употребляемыхъ выраженіяхъ «почесть и послуженіе», которыя Дубровничане оказывали своимъ гостямъ, должно разумѣть отчасти и дары. Такъ Стефану Дечанскому они поднесли 8000 перп. и нине многие потреби бесчислениє (С. № 37). Жупанъ Санко жалуется, что городъ не почтилъ его дарами: и то добрѣ вѣите да сьмь приходиль прѣдь вашь градь веће дващь несте ми до иднє сьвие почтениѣ учинилй (С. № 79). Остоя вспоминаетъ о дарахъ, которыми почтили его Дубровничане при его пришествіи къ нимъ (С. № 84). Кромѣ того, Дубровничане имѣли обыкновеніе отправлять своихъ пословъ съ дарами, особенно когда испрашивали подтвержденіе своимъ правамъ и льготамъ. О таковыхъ дарахъ владѣтели всегда отзываются съ благодарностію и называютъ ихъ «многоцѣнными и почетными [1]».

Торговля была главнымъ занятіемъ Дубровника: ею пріобрѣталъ и поддерживалъ онъ свою силу, богатство и независимость; чрезъ нее возвысился онъ надъ прочими Далматскими городами и снискалъ себѣ общее уваженіе. За то онъ высоко цѣнилъ торговлю, которую отправляли не только горожане, но и благородные. До насъ не дошли всѣ его торговые договоры; но уже изъ дошедшихъ можемъ видѣть, какъ дорожилъ онъ торговыми льготами; даже во всѣ политическіе договоры онъ вставлялъ торговыя условія, и при каждомъ удобномъ случаѣ повторялъ ихъ.

Главнымъ основаніемъ всѣхъ торговыхъ условій было право свободной и безопасной торговли. Въ этомъ случаѣ грамота бана Кулина, 1189 года, 29 авг. (И.), служитъ какъ бы образцомъ для всѣхъ прочихъ подобныхъ сдѣлокъ: вьси Дубровьчане: — писалъ Кулинъ — право ходе: по моемь владанию трьгоуюке: годѣ си кто хоке крѣвати (имѣть пристанище): годѣ си кто мине: правовь вѣровь правымь срьдьцемь: дрьжати е: безь вьсакое зледи: развѣ що ми кто да своевь воловь поклонь (подарокъ): и да имь не буде: ѿ моихь чьстьниковь силе: и доноле у мене буду: дати имь съвѣтъ: и помоћь: какоре и себѣ: коликоре моге: безь вьсега зьлога примысла. Сдѣсь въ краткихъ словахъ выставлены почти

---

[1] Ср. С. NN 19, 50, 95, 97, 100, 103, 120, 133, 150 и мн. др.

всѣ условія, какія встрѣчаемъ въ другихъ торговыхъ договорахъ; а именно: земли владѣтелей открыты для Дубровничанъ; ихъ купцы могутъ свободно и невредимо стоять, ходить и проходить по землямъ, торгамъ, городамъ, селамъ и дорогамъ союзника и пріятеля, продавать и покупать гдѣ и что хотятъ. (С. №№ 1, 2, 4, 5, 14, 19, 20, 23, 24, 25, 28, 29, 36, 42, 44, 45, 50, 54, 55, 60, 66, 67, 70, 71, 73, 80, 82, 90, 91, 100, 111, 113, 129, 132, 144, 145, 168[1]). Это условіе распространялось иногда обратно и на Дубровникъ, впрочемъ очень рѣдко, именно въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ, 1253 г., 15 іюня (С. № 16), и Хлумскимъ жупаномъ Радославомъ, 1254 г., 22 мая (С. № 19). Вѣроятно, Сербскіе владѣтели, не понимавшіе еще важности торговли и не видавшіе ея въ своихъ земляхъ, не считали это условіе нужнымъ: тѣмъ не менѣе Дубровникъ былъ всегда открытъ для ихъ подданныхъ. Дубровничане ставятъ нѣкоторыя ограниченія въ двухъ упомянутыхъ договорахъ. Булгарскіе купцы могутъ покупать всѣ потребные для нихъ товары: золото, серебро, золотые сосуды, свиты, и все прочее, кромѣ пшеницы, которую не могутъ вывозить изъ города безъ позволенія князя. Дубровникъ былъ богатъ предметами роскоши, особенно благородными металлами, доставляемыми большею частію изъ Босны. Но хлѣба, какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ другихъ Далматскихъ городахъ, было мало. Своего хлѣба не доставало на самое короткое время, и жители должны были привозить его не для торговли, а для собственной потребности: отъ того въ статутахъ разныхъ приморскихъ городовъ видимъ постоянное запрещеніе вывоза хлѣба; города спорятъ между собою о правѣ покупки хлѣба и, подчиняясь Венеціи въ 1420 году, выговариваютъ право свободнаго закупа хлѣба для собственнаго употребленія[2]. Такъ и Дубровничане, хотя, по словамъ Рацци, у нихъ и было иногда обиліе въ привозномъ хлѣбѣ, боялись, однако, его дороговизны и запрещали вывозъ его. Въ договорѣ съ Радославомъ Дубровничане отворяютъ свой городъ его людямъ по старому закону; онъ и люди его могутъ закупать у нихъ всякій товаръ, но не могутъ продавать и дарить закупленныхъ товаровъ врагу. Въ это время они были въ размирьи съ Урошемъ I.

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ находимъ извѣстіе о товарахъ, которые требовали ближайшаго опредѣленія. Въ гр-ѣ Уроша I (С. № 22) сказано, что Дубровницкимъ купцамъ **да не имѣтѹе (се) безволїе месо кѹпи: или бравє. или свинии. или кра̑во или ѵне годѣ. ни малѹ ни великѹ кѹплю**; но если будетъ продаваться королевское мясо, то да се ѕарѹчи (объявится) **по всемѹ тръгѹ. да не продаю ни кѹпѹю меса. доколѣ се кра̑во прода.** Милутинъ позволяетъ имъ продавать въ Бресковѣ, на королевскомъ торгу, вино безъ воды и медъ по уставленной цѣнѣ (**ѹ ѹцѣнь**, С. № 30); Душанъ подтверждаетъ, кажется, то же, говоря **и кръчьмѹ да носе** (С. № 42), т. е, могутъ шинкарствовать въ его владѣніяхъ; въ другой гр-ѣ онъ позволяетъ имъ покупать жито въ его владѣніяхъ; и тому, кто продаетъ имъ жито, нѣтъ притѣсненія (С. № 29). Балшичи также позволяютъ имъ покупать у себя, въ Зетѣ жито съ опредѣленною пошлиною (С. №№ 67, 71). Деспотъ Юрій подтвердилъ прежніе законы относительно продажи и закупки серебра въ Сербіи и свободнаго его вывоза

---

[1] NN 113 и 168 даны Турецкими Султанами.

[2] Рейцъ, Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи. Историческій и статистическій сборникъ, изданный Д. А. Волуевымъ. Москва 1846. Стр. 69 и 86.

въ Дубровникъ; но исключилъ исподъ этого закона Смедерево (С. № 138). Король Боснійскій, Стефанъ Томашевичъ, позволилъ вывозить изъ Босны серебро **што е болано** (не чистое, гламу?) и приказалъ отнимать запрещенное для вывоза **сребро небоално** (чистое? С. № 150). Вообще Дубровничане пользовались полною свободою въ выборѣ предметовъ торговли; они могли покупать все и торговать всѣмъ. Въ Боснѣ и Сербіи не было запрещенныхъ для нихъ произведеній: кромѣ другихъ, хлѣбъ и соль были предоставлены на ихъ волю, разумѣется, съ нѣкоторыми ограниченіями. Между торговыми положеніями находимъ одно, которое прямо показываетъ, что Дубровницкіе купцы пользовались преимуществомъ предъ Сербскими. Впрочемъ, это положеніе встрѣчается только въ грамотахъ деспотовъ. Тамъ сказано: **и гдѣ стане дубровчанинь на станоу. ако боуде онь прьво сталь на ономзи станоу. да нѣ воланъ срьбинь стояти безь негова хотѣнія докле онь стои ондези** (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Но не договорено: если Сербъ станетъ первый, тогда что? Подъ «станомъ» должно скорѣе всего разумѣть стояніе купцовъ съ товаромъ на рынкахъ. Кто пришелъ первый, тотъ и занимаетъ выгоднѣйшее мѣсто, станъ, а кто пришелъ послѣдній, тотъ не можетъ стать на томъ же стану, не получивъ позволенія отъ перваго.

Касательно перевоза товаровъ съ одного мѣста на другое, Стефанъ Косача подтвердилъ, что если Дубровничанинъ уговорился съ кѣмъ нибудь о перевозѣ товара, или чего либо другаго, то уже никто другой, ни Влахъ, ни Сербъ, не можетъ сбросить этого товара; но должно ждать, пока товаръ не будетъ доставленъ въ условленное мѣсто. Если какой Хлумскій носильщикъ (**поносникь**), или слуга понесетъ товаръ, или представитъ его въ условленное мѣсто насильно, т. е., отстранитъ Дубровницкаго перевощика, то таковой платитъ 50 червонцевъ пени (С. № 144).

Дубровницкіе купцы могли закупать товары у своихъ союзниковъ и нести ихъ въ чужія земли безопасно и невозбранно (С. №№ 17, 43, 70, 144, 145). Душанъ, сообразно съ обстоятельствами, запретилъ вывозить оружіе въ Булгарію, Басарабъ, Угрію, Босну и Грецію (С. № 43). Боснійскіе короли, владѣтели Травунскіе, Хлумскіе, Зетскіе равнымъ образомъ дозволяли свободный провозъ товаровъ чрезъ свои земли.

Союзники обязывались защищать въ своихъ земляхъ Дубровницкихъ купцовъ, благопріятствовать имъ и подавать совѣтъ и помощь. Тѣло и имущество купцовъ безопасно отъ всякого насилія. Честники, властели, кефаліи, землянины и прочіе владущіе, большіе и малые, войско, люди, кметы, отроки и другіе люди, равно какъ и султанскіе подданные не смѣютъ тревожить и притѣснять ихъ, или отнимать у нихъ что либо силою и безплатно: ни скарлата, ни меду, ни муки, ни иной какой купли (С. №№ 1, 14, 16, 17, 20, 21, 22, 28, 29, 42, 43, 44, 50, 53, 60, 64, 73, 82, 90, 91, 101, 102, 104, 111, 129, 137 153, 168). Ни самъ владѣлецъ, ни его родичи не берутъ товаровъ безденежно, но платятъ, какъ и прочіе (С. №№ 28, 43, 44, 45), развѣ сами купцы чѣмъ поклонятся (С. №№ 1, 43), и тогда это принимается отъ нихъ какъ честь и даръ. Вѣроятно, объ этихъ дарахъ говоритъ Урошъ I: **И да грѣдоу сь велимь трьгомь на трьге кралевьствами. еже ѿь какадь дори досвнль. а що е мала купла да си ю продаю. по земли кралевьствами. ходеке свободьно** (С. № 21). Душанъ, а за нимъ и Урошъ V, въ грамотахъ своихъ (С. №№ 43, 50) выговариваютъ себѣ дары отъ купцовъ: **а кьда цр҃кыи приходи у трьгь. да ме почитаю и дарую. своѥ волѥ. како и побно цр҃а почтати**; но запрещаютъ всякій насильственный

даръ: а посилнога дара и узетиа. да имь иесть. Дубровницкіе купцы всегда освобождались отъ насильственныхъ даровъ (С. №№ 22, 28, 71, 91, 137, 145).

Сверхъ того, внутри государства, они избавлялись отъ всѣхъ земскихъ и городскихъ повинностей. Урошъ I пишетъ въ своей грамотѣ (С. № 22), что они **не ходе на воиску**, и кони ихъ не берутся подъ ризницу, ни подъ другую какую работу; они не строятъ крѣпостей (**гра̑ да не работаю**) и не защищаютъ ихъ; домá ихъ не печатаются ни королемъ, ни властелями. Въ грамотѣ Милутина (С. № 28) сказано, что съ нихъ не взимается ничего **на панигюри**, т. е., на торгу, можетъ быть, за мѣсто. Душанъ въ своей грамотѣ (С. № 42) говоритъ, что **прѣбѣгарь** не властенъ надъ ними. Деспоты Сербскіе постановляли: **и кои се су доуброучане забащинили по нашиⷯ градовѣ тиⷽи да зигю** (строятъ) **градове и да чювають. тко ли соу гостие и несоу се забащинили да имь е на воли како имь годѣ** (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137).

Ежели въ различныхъ недоразумѣніяхъ судъ окажется недостаточнымъ, а война неизбѣжною, то купцамъ Дубровницкимъ дается срокъ для свободнаго выхода со всѣмъ ихъ имуществомъ изъ непріятельскихъ земель (С. №№ 17, 24, 31, 43, 50, 55, 72, 73, 91, 111, 137, 144, 145). При Милутинѣ срокъ продолжался 3 мѣсяца; при Душанѣ, Урошѣ V и деспотахъ — 6 мѣсяцевъ; въ договорѣ со Стефаномъ Косачею Хлумскимъ срокъ назначенъ въ 3 мѣсяца; Яблановичи Требинскіе даютъ сроку 6 мѣсяцевъ, Балшичи Зетскіе одну недѣлю. Если послѣ опредѣленнаго срока кто изъ купцовъ оказывался въ королевской области, или въ чужой (?) землѣ, то, при Урошѣ I, у него отнимался товаръ (С. № 17): конечно, такъ дѣлалось и всегда. Не только о своей войнѣ съ Дубровникомъ владѣльцы увѣдомляли Дубровницкихъ купцовъ, но и о всякой другой опасности (С. №№ 5, 20).

За то Дубровницкіе купцы обязаны были платить владѣльцамъ торговыя деньги, пошлины или царину. На всѣхъ торгахъ взимались пошлинныя деньги за право торговли. Онѣ назывались цариною; ихъ платили и Дубровницкіе купцы. Въ этомъ состоялъ главный доходъ тѣхъ земель, гдѣ производили торговлю; и владѣтели твердо стояли за это право. Какъ важна была царина, видно изъ тѣхъ частыхъ постановленій, которыя касаются ея. Но постановленія эти трудно привести въ одно цѣлое; они разсѣяны по грамотамъ и весьма разнообразны. Они безпрестанно измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ; и такъ какъ царина составляла важное условіе для той и другой стороны, то каждая сторона хотѣла обратить въ свою пользу. Государственныя событія имѣли сильное вліяніе на пошлину; Дубровничане искусно пользовались ими, чтобы уменьшить, или вовсе уничтожить пошлину, платимую за право ввоза, продажи и провоза товаровъ. Принявъ къ себѣ изгнанника Радослава, Дубровникъ испросилъ у него грамоту (С. № 2), въ которой, между прочимъ, его купцы были освобождены отъ всякой царины. Но при Владиславѣ царина была востановлена. Въ грамотѣ своей Дубровничане обязывались платить ему все, что слѣдуетъ по закону, и только въ случаѣ оказанія ему военной помощи, царина не взимается уже въ томъ году съ купцовъ, проходящихъ по его владѣніямъ. Царинникъ королевскій пребываетъ въ Дубровникѣ (№ 3). При Урошѣ I видимъ то же постановленіе: гдѣ, на какомъ торгу, Дубровницкіе купцы продаютъ товаръ, тамъ и платятъ царину. **И купци што несу купаю ако растовари у брьсковѣ. да плати царину. ако ли мимо несе да ге прода. ту и царину да плати**; тотъ же для нихъ законъ и въ Рудникѣ (С. № 22). Относительно купцовъ, проходящихъ въ чужія земли, Урошъ I по-

становилъ (С. № 17), что таковые купцы должны прежде итти на Сербскіе торги и дать тутъ царину, доходекь градски, а потомъ могутъ и по Сербскимъ землямъ ходить и торговать; если не пожелаютъ стать на торгахъ, то могутъ остановиться гдѣ нибудь по близости, но во всякомъ случаѣ должны платить царину. Кажется, уже Милутинъ подтвердилъ (С. № 23), что купцы, минующіе Бресково, не задерживаются тутъ и не платятъ ничего. Дубровничане старались платить только старыя царины, на прежнихъ торгахъ, и по тому жаловались владѣтелямъ, если въ ихъ земляхъ брали съ нихъ новую царину на новомъ торгу. Такъ, при Душанѣ они жаловались, что Дабыживъ поставилъ торгъ въ Требинѣ и беретъ динарь ѿ товара (100 окъ) съ купцовъ, идущихъ въ Дубровникъ и изъ Дубровника, и что таџи царина не ѹзимана ѿ века ѿколе свѣть стаѧ. по чему Душанъ, вспомнивъ, что этой, царины не было при его дѣдѣ, и прадѣдѣ, и родителѣ, повелѣлъ: да не (нѣтъ) ѿкогаџи трьга на трѣбини. како га и пр҃жде не било и да не ѹзима дабиживь дѹбровьчаномь ни ц҃рине. да никоега дохо҃ка ни трьговцѹ дѹбровьчаномѹ ни влахѹ ни срьбинѹ да никомѹ и кто гр҃е ѹ дѹбровникь изъ (и) дѹбровника. и всаци властели кои те стоꙗти (будутъ поставлены) по дабиживѹ да не ѹзима ц҃рине теџи до века (С. № 40). Но въ другой грамотѣ (С. № 43), подтверждая свое постановленіе относительно Требиня, Душанъ повелѣвалъ: да плаꙗ всаки ц҃ринѹ по ꙁаконѹ како сѹ давали ѹ родитель. и прародитель ц҃рин. То же повторилъ и сынъ его, Урошъ V, въ 1357 г., 25 апр. (С. № 50). Въ 1361 г., 29 сент., Урошъ писалъ, что Дубровничане не платятъ тѣхъ царинъ, которыхъ не было у дѣда, и родителя, и предковъ его (С. № 54). Такимъ преимуществомъ пользовались Дубровничане при Неманичахъ. Балшичи простили имъ царину на Дани (С. № 63)[1]; но что въ Зетѣ были еще царины, показываетъ другая грамота Балшичей (С. № 64), въ которой прощаются только тѣ царины, которыхъ не было прежде при Балшичахъ и при царѣ Стефанѣ[2]. Еще яснѣе говорятъ Балша Балшичъ и Юрій Стратимировичъ; первый: и трьговци кои минѹю ѹ срьбле на данию да не плате нища ни да плакию царине ни бродове кое несѹ имали ꙁаконь ѹ ц҃ра Стефана и ѹ гюрга (Балшича); второй: да нимь не на данию царине ни едне. ни нидѣ нигдѣ ѹ моеи ꙁемли тькмо да е ѡнако како е било ѹ ц҃ра ѹ стьпана (С. №№ 70, 71). Очевидно, что въ Зетѣ Дубровницкіе купцы платили только старыя царины, т. е., на старыхъ торгахъ и избавлялись отъ новыхъ. За жито они обыкновенно платили пошлины по 2 динара съ мантіи (С. № 71). Деспотъ Юрій Бранковичъ повторилъ общее положеніе о царинахъ: гдѣ не было ихъ при деспотѣ Стефанѣ, тамъ не будетъ ихъ и при немъ (С. № 138). Слѣдовательно, царины оставались въ Сербіи при деспотахъ такъ, какъ были искони при короляхъ и царяхъ. По этому деспоты писали въ своихъ грамотахъ: коуде соу били трьгове и сланице оу прьве господе и оу ц҃ра стефана тоуџи да боу҃ и сьди, а инде да не боудоу нигде (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Равномѣрно, отсутствіе постановленій о царинахъ въ Боснѣ при короляхъ и краткое постановленіе Стефана Томашевича: да се ѹзима на ни по ꙁаконѹ права царина како е било и ꙁа прьве господе кралевь босаньскихь (С. № 153) свидѣтельствуетъ, что

[1] Городъ Дань лежалъ гдѣ-то въ Дуклѣ. Объ немъ упоминаетъ Стефанъ Первовѣнчанный въ Житіи своего родителя, Немани. См. это Житіе у Шафарика въ Памятникахъ (Památky dřewního písemstwí Jihoslowanůw), стр. 8.

[2] Отсюда видно, между прочимъ, что Балшичи завладѣли частью Сербскихъ земель, смежныхъ съ Зетою, во время междуцарствія въ Сербіи (1373 г.).

и въ Боснѣ царина оставалась на прежнихъ договорахъ неизмѣнно. Хотя банъ Тврьтко, доискиваясь независимости и, въ слѣдствіе того, нуждаясь въ Дубровникѣ, учинилъ «милость» Дубровницкимъ купцамъ (С. № 65): **где се годѣ възима цриꙗ у владани г҇нѧ бана тврьтка да се нигдѣрь не възме ни една цриꙗ на дубровчаноⷨ ни на тебьре да се все свобоⷣо ѡⷮ всаке цриꙗе и ѡ ҳабаке** (задержки), **колико кои годѣ дубровчанинь толико дубровчани конь толико трьгь що се годѣ дубровчанко да е свобоⷣ у владани г҇на бана тврька**, однако въ послѣдствіи, сдѣлавшись королемъ, онъ, вѣроятно, постановилъ царину по прежнему. Въ той же грамотѣ (С. № 65), уничтоживъ царину для Дубровницкихъ купцовъ, онъ наложилъ пошлину въ 2 динара на товары, привозимые въ Дубровникъ изъ Босны и въ Босну изъ Дубровника людьми бана, т. е., Бошняками. Стефанъ Косача, воевода Хлумскій (С. № 144), Радославъ Павловичъ и дѣти его, владѣльцы Требинскіе (С. №№ 129, 145), подтверждаютъ только старыя царины. Султаны Турецкіе, дозволяя въ своихъ завоеваніяхъ свободу торговли, требуютъ, чтобы платилась законная царина (С. №№ 113, 168). Изъ вышеприведенныхъ грамотъ Уроша I (С. № 17) и Балши (С. № 70) видно, что царина взималась и тогда, когда купцы только проходили съ товарами въ чужія земли: словомъ, она взималась, какъ съ ввозныхъ, такъ и съ перевозныхъ товаровъ. За то купецъ, заплатившій царину за право перевезенія товара въ чужія земли, могъ, если хотѣлъ, продавать этотъ товаръ и на туземныхъ рынкахъ.

Кромѣ торговой царины, въ Сербскихъ земляхъ существовали еще другія пошлины, на пр., десятины, сборы за дороги, броды, мосты, ворота, на перевозахъ, въ городахъ, на сходбищахъ и пр., что все называлось также цариною или данью. Отъ таковыхъ сборовъ Дубровницкіе купцы не были, кажется, освобождены: впрочемъ, молчаніе памятниковъ о предметахъ сбора и частыя выраженія: **да ходе свободно, безь ҳабаке** и пр. можно принимать въ доказательство противнаго. Душанъ, которому не за чѣмъ было прощать того, что было у его предшественниковъ, и который подтверждалъ всѣ старыя царины, въ той же грамотѣ (С. № 43) писалъ: **да имсе не възимаꙗ цриⷩ. на трьгъни. да ни на иднооⷨ пѫти. ни на бродѣ. тькмо всаки да ходи свободно. безь всаке ҳабаке.** Трудно рѣшать, въ какихъ отношеніяхъ стояли Дубровничане къ Михаилу Асѣну, когда заключали съ нимъ договоръ (С. № 16) противъ Уроша I; но, кажется, что въ равныхъ, какъ можно заключить изъ взаимнаго обязательства одними и тѣми же условіями. По договору, ихъ купцы были освобождены отъ всякихъ даней: **да имь се. не везьметь. кумеркь. ни никоре даньѥ ни. вь граде. ни на сьборе. ни вь селѣхь. ни на мосте. ни на. рѣкахь. ни на. пѫтехь.** Хотя то же условіе было и для Булгаръ въ Дубровникѣ, могшихъ продавать и покупать **безь. вьсакое. даньѥ. и да имь се. не везьметь. никоре. даньѥ. ни на. вратехь. ни на мосте. ни на броде. ни на. пѫти.**, однако, очевидно, выгода была на сторонѣ Дубровничанъ. Также точно и Стефанъ, банъ Боснійскій, въ договорѣ съ ними 1249 года (С. № 14), освободилъ ихъ отъ всякой десятины и иной какой либо дани. Но уже то одно, что таковыя пошлины упоминаются въ грамотахъ, хотя бы Дубровничане и освобождались отъ нихъ, указываетъ на возможность ихъ взиманія съ Дубровничанъ. Дѣйствительно, слѣды этого сбора находимъ въ грамотахъ. Балша Зетскій освобождаетъ Дубровницкихъ купцовъ только отъ тѣхъ «царинъ и бродовъ», которыхъ не было при царѣ Стефанѣ (Урошѣ V) и братѣ Балши, Юріи, (С. № 70), слѣдовательно, другія царины и броды су-

шествовали какъ въ Зетѣ, такъ и въ другихъ владѣніяхъ Сербскихъ царей. Султанъ Магомедъ II требуетъ, чтобы Дубровницкіе купцы платили прежнюю законную царину и «бродовщину», т. е., какія были при царяхъ и деспотахъ. Бродовщина, какъ плата за перевозъ и мосты, была однимъ изъ самыхъ важныхъ сборовъ, и по тому грамоты упоминаютъ о ней одной; но вообще обширность понятія, заключавшагося въ словѣ «царина», наводитъ темноту на всѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ. За недостаткомъ данныхъ, трудно рѣшить вопросъ, въ какомъ отношеніи стояли Дубровницкіе купцы къ пошлинамъ, бывшимъ въ Сербскихъ земляхъ? Можно, кажется, не ошибаясь, сказать, что въ обыкновенныхъ случаяхъ, тамъ, гдѣ изъ государственныхъ событій нельзя было извлечь особыхъ выгодъ, Дубровничане платили за право торговли, не только всѣ торговыя царины, но и дорожные сборы наравнѣ съ туземцами. По крайней мѣрѣ, чтобы избѣжать противорѣчія съ грамотою Душана (С. № 43), должно принять, что въ этой грамотѣ сборъ за дорогу и броды относился только къ Требиню, и единственно отъ Требинской царины и бродовщины были освобождены Дубровницкіе купцы, какъ отъ такой, которая не существовала въ прежнія времена. Отъ того, освобождая ихъ особою грамотою (С. № 40) отъ Требинской царины, Душанъ разумѣетъ здѣсь освобожденіе и отъ всѣхъ другихъ Требинскихъ сборовъ, установленныхъ, было, Дабыживомъ: вотъ по чему къ выраженію: да не ѫзимаѫ ни цринѣ, прибавлено еще: ни ногга дохѡка. Такимъ образомъ мы видимъ, что касательно царины, въ обширномъ смыслѣ, Дубровничане старались, чтобы только прежнія положенія оставались въ силѣ, и настойчиво добивались, чтобы ни въ какихъ другихъ мѣстахъ не взималась съ ихъ купцовъ царина, кромѣ тѣхъ, гдѣ учреждена была искони, въ глубокой древности. Такъ, они заставили своего гражданина, князя Григорія Вукославича, уничтожить царину, поставленную имъ подъ Стономъ на Дубровницкой дорогѣ; и онъ, узнавши, что въ грамотѣ Елены, супруги Дабыши, запрещено ставить царину предъ Стономъ, на пути въ Стонъ и изъ Стона, снялъ царину и извинился передъ Дубровникомъ (С. № 94).

Была еще царина соляная и корабельная. О первой скажу послѣ. О корабельной даринѣ говорится только въ одной грамотѣ, и то весьма неясно, именно въ договорѣ Влатковичей съ Дубровникомъ противъ Стефана Косачи (С. № 141). Влатковичи, получивъ отъ Дубровничанъ право гражданства и ставъ въ ряду ихъ союзниковъ, должны были оказать городу какую нибудь услугу. Во первыхъ, они обязались вести войну съ Косачею; во вторыхъ, сдѣлали городу уступку относительно корабельной и соляной царины. Такъ какъ они еще прежде обѣщали, что если снимутъ на откупъ корабельную царину, то половину ея отдадутъ Дубровнику, если того пожелаютъ князь и властели, съ тѣмъ, чтобы корабли стояли на прежнихъ мѣстахъ (т. е., въ тѣхъ же пристанищахъ), на что и получили отъ Дубровничанъ грамоту; и такъ какъ теперь, во время войны, въ слѣдствіе различныхъ переворотовъ, сдѣлалось вѣроятнымъ, что Влатковичи, не откупая, получатъ въ свои руки корабельную и соляную царину, т. е., что имъ достанутся, по праву войны, тѣ мѣста, гдѣ сбиралась эта царина: а по тому, не желая измѣнить прежнему договору, Влатковичи обѣщаютъ, что если пріобрѣтутъ безъ откупа, какимъ бы то ни было образомъ корабельную и соляную царину, всю, или часть ея, то, исключивъ свою четвертую долю, половину остальной царины уступятъ Дубровничанамъ. Такая сдѣлка не совсѣмъ понятна; но для насъ важно то, что корабельная царина существовала въ Хлумѣ, и Дубровничане участвовали въ ея откупѣ.

Кромѣ того Дубровничане снимали еще у Сербскихъ владѣтелей соляной откупъ. Этотъ откупъ состоялъ въ томъ, что Дубровничане брались за извѣстную плату продавать соль отъ себя. Выговаривая у Михаила Асѣна (С. № 16) право впредь пользоваться откупомъ на прежнихъ условіяхъ, заключенныхъ съ Сербскими королями, Дубровничане объяснили, въ чемъ состояли эти условія и на какія земли распространялся откупъ. Вотъ ихъ слова: **а вѣдомо. де ѿь вьсе. соли. кое се. продае. невѣче. людьмь. рашькнмь. половина ѿь добитьѣ** (прибыли). **да има. стоти. црство. а другу. половину. да има. опькина. дюбровьчька. како. било. вь старн. законь.... а вѣдомо. ѿь рѣке. дриньске. до неретьвѣ. кумеркь** (откупъ). **сольски. да несть. на нио место. расьѣ. вь дюбровьникь.** Вѣроятно, на этомъ основаніи Урошъ I писалъ Дубровничанамъ, что они напрасно отказываются платить за часть откупа, снятую монахомъ Никономъ, отзываясь тѣмъ, что будто бы его соль находилась въ чужихъ рукахъ, у Клима Нърка, т. е., внѣ означенныхъ предѣловъ откупа: откупъ Никоновъ стоитъ въ Дубровникѣ, и по тому Дубровничане должны подать или соль, или деньги, (С. № 13). Въ другой грамотѣ (С. № 21) Урошъ I подтвердилъ, что откупъ (соляной) остается на прежнемъ законѣ, какъ было у отца его; но далѣе прибавилъ: **Тръжьници наши да греду на брьсково. и давьше десетькь ѿь соли. и потола да си греду кралевьствами скрозѣ мою землю. свободьно. а да ви се не узимае ничьто,** т. е., отъ соли; но царина взималась сама собою. Это показываетъ, что Дубровничане торговали и солью въ Сербскихъ земляхъ, давши предварительно десятину въ Бресковѣ. Подъ другими условіями сняли Дубровничане соляной откупъ въ Которѣ у Воислава. Они обязались платить ему, въ продолженіи трехъ лѣтъ, ежегодно по 500 дукатовъ золотомъ съ тѣмъ, чтобы его влахи брали у нихъ ежегодно 10000 товаровъ соли; если же не возьмутъ этого количества, то и они не платятъ ему обѣщанной суммы (С. № 41). Годъ начинался съ 25 августа по старому закону (С. № 56). Главнымъ условіемъ откупа естъ право одноторговли (монополіи): Дубровничане требуютъ, чтобы нигдѣ не было продажи соли, кромѣ опредѣленныхъ мѣстъ, называвшихся «сланицами». Король Тврьтко I построилъ въ Драчевицкой жупѣ градъ св. Стефана и поставилъ въ немъ сланицу **да будеть трьгь соли продаванію.** Узнавши объ этомъ, Дубровничане послали къ нему властелина, князя Драгоя, **а моле и просе да тузи у томь мѣстѣ у граду и по ониемь грамь не постави сланице ни да се соль продае.... дубровникь има законе старе сь всѣми рашкими господами да у приморию не буде нигдѣре постављень нови трьгь развѣ на мѣсто гдѣ несть биль поставлянь у прьвый обичини трьгь и мѣста.** И Король уничтожилъ сланицу (С. № 68). Также точно Юрій Балшичъ подтвердилъ своею грамотою, **да се не продава соль ниьдѣ нигдѣ тькмо како е било у цра у стѣпана. По мѣстѣхь куда се е продавала.** (С. № 71). И Сербскіе деспоты утверждали торги и сланицы только на старыхъ мѣстахъ, какъ было при Душанѣ (С. №№ 73, 90, 91. 111, 137). Владиславъ, сынъ Стефана Косачи, ставъ противъ отца на сторонѣ Дубровничанъ, позволилъ своимъ людямъ ходить въ Дубровникъ торговать солью и другими товарами, т. е., покупать соль и другіе товары, и обязался не учреждать новыхъ сланицъ: **да несамь волань**—писалъ онъ—**ни да могу учинити габелу ѿ продае** (продажи) **соли нигдирь у всемь нашемь котару разма ѿ оний гди се нарединла господа стара прьва босанска и срьпска а то есть едно ни древнь** (судахъ) **а друго у дубровникѹ третие ѹ котару** (въ Которѣ) **четврьто у зети** (въ Зетѣ) **у светога срьѣа** (Сергія) **на бояни** (С. № 132). Отсюда видна цѣль

Дубровничанъ: увеличить продажу соли и держать ее, по возможности, въ однѣхъ своихъ рукахъ. Вообще соль составляла важный предметъ дохода, и Дубровничане имѣли отъ нея большія выгоды. Розничная и мелочная продажа требовала большой опытности и большихъ издержекъ на чиновниковъ: отъ того выгоднѣе было отдавать ее на откупъ людямъ, свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ, а таковыми были Дубровничане. Но, кажется, условія, на которыхъ Воиславъ сдалъ имъ откупъ, были тяжелы для народа; ибо вскорѣ изъ грамоты Уроша V (С. № 55) видимъ, что Дубровникъ имѣлъ войну съ Которомъ и, примиряясь, Воиславъ подтверждалъ, что дѣйствительно продалъ откупъ Дубровничанамъ за 900 перперовъ (С. № 56). Народъ приморскихъ городовъ обращалъ большое вниманіе на соль. Въ позднѣйшихъ статутахъ Брача видимъ, что извѣстное количество соли должно было продаваться народу съ значительною уступкою противъ обыкновенной цѣны. Также и въ Которѣ, еще во время его независимости (до 1420 г.), изстари велось, что 608 модіевъ соли должны быть розданы народу (безденежно), а кто, имѣя право на продажу соли, поступалъ не по закону, тотъ платилъ 500 перперовъ пени [1].

Но, сверхъ торговли обыкновенными предметами потребности, Дубровничане занимались еще торговлею рабами. Важное свидѣтельство находимъ въ жалобѣ князя Черномира (С. № 18): **придоше ваш(и) лѹдие и еше моега чѹвѣка лѹкана и добитькь** (имущество, скотъ) **ѹзеше и послахь кь вамь кратите ми и не дасте жупаре мь наче га продасте и пакь есте дрѹге лѹди три чѹвѣке тере женѹ и пакь послахь кь ва(мь) и не дасте мнхь нь е продасте едьне за море а дрѹге камо ви хтѣсе и пакь ми есте моега чѹвѣка рѹхотѹ и продасте га.** Въ Далматскихъ городахъ рабство было въ ходу: въ ихъ узаконеніяхъ несостоятельный должникъ объявлялся рабомъ. Хотя въ ихъ округахъ жили земледѣльцы, частію свободные, частію крѣпостные; однако они не считались рабами и входили только въ служебныя обязательства съ господами [2]. Но для размножившихся дворянъ и знатныхъ недостаточно было своихъ подданныхъ, и по тому они должны были покупать рабовъ. Босна доставляла имъ рабовъ въ изобиліи, и даже, когда уже положены были разныя ограниченія этой торговлѣ, то все таки въ Корчулѣ князю предоставлено было полное право купить двухъ, или трехъ servas patarinas de Boxna [3]. Отсюда понятно, почему въ Боснѣ торговля рабами такъ долго и сильно велась. Различіе религіи и ересь Патареновъ поддерживали ее. Войны и набѣги служили средствомъ къ добыванію рабовъ. Рейцъ приводитъ мѣсто изъ пѣсни о Радославѣ:

Jer jim ne da robiti kotare,
Ni svlačiti carkve ni oltare,
Ni prodavat sužnie u Latine.

Въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ позволялось покупать для себя рабовъ, но торговать ими запрещалось; въ иныхъ то и другое было дозволено. Особенно въ Которѣ было сильно рабство, какъ видно изъ множества постановленій о рабствѣ въ его узаконеніяхъ [4].

Дубровникъ, какъ мы видѣли, пользовался общимъ довѣріемъ, которое основывалось какъ на его богатствѣ и независимости, такъ и на твердости его до-

---

[1] Рейцъ, въ Сборникѣ Валуева, стр. 48.
[2] Рейцъ, тамъ же, стр. 94, 131.
[3] Рейцъ, тамъ же, стр. 32.
[4] Рейцъ, тамъ же, стр. 128, 129.

говоровъ. Между тѣмъ Турки, разбивши и предавъ смерти на Косовомъ полѣ последняго Сербскаго царя, Лазаря, подчинили Сербію своей власти, оставивъ ея деспотамъ только тѣнь независимости; они грозили также недавно образовавшемуся королевству Босны. Страшась за свою будущую участь, деспоты и владѣльцы Боснійскіе спѣшили положить въ Дубровникъ на сохраненіе часть своего имущества, драгоцѣнныя вещи и деньги. Мы имѣемъ множество грамотъ, относящихся къ подобнымъ вкладамъ. Деспоты и родичи ихъ, Вукъ Бранковичъ съ дѣтьми, деспотъ Юрій Бранковичъ, воеводы Хлумскіе, Сандалъ съ супругою, Еленою, и Стефанъ Косача, владѣльцы Требинскіе, Радославъ Павловичъ и сынъ его, Иванишъ, и бояринъ ихъ, Браилъ Тезаловичъ, оставляютъ въ Дубровникѣ вклады для себя и своего потомства. Нѣкоторые вклады они сами взяли обратно, но большую часть вкладовъ уже получили ихъ наслѣдники. За то, по мѣрѣ увеличенія количества обратныхъ требованій на прежніе вклады, сокращалось число новыхъ вкладовъ; наконецъ мы видимъ, что наслѣдники только получаютъ завѣщанныя имъ и сохраненныя въ Дубровникѣ сокровища, но уже сами не дѣлаютъ вкладовъ— печальное слѣдствіе Турецкаго ига. Обыкновенно или сами владѣльцы лично, или, по большей части, черезъ своихъ посланныхъ, приносили Дубровничанамъ вклады и принимали отъ нихъ расписку въ полученіи. На оборотъ, за полученіемъ вкладовъ владѣльцы могли являться или сами лично, своимь лицомь, или присылать своихъ повѣренныхъ съ грамотами за своею печатью и подписью. Дубровничане получали расписку въ удостовѣреніе того, что требуемый вкладъ возвращенъ сполна. Изъ грамотъ видно, что Дубровничане въ этомъ случаѣ поступали весьма честно и никогда не было на нихъ никакой жалобы за утайку вклада. Получая вкладъ, они клялись, что онъ ни въ какомъ случаѣ не погибнетъ, но будетъ отданъ кому слѣдуетъ. Такъ, когда умеръ Стефанъ Косача, а сыновья его не являлись къ нимъ за отцовскимъ вкладомъ, они писали: тьда ми Кнезь ѡбраин и Властеле дꙋбровачци хотѣе по нашиⷨ првиѣхь поутеноⷨ ѡбичаю свакомꙋ нашꙋ правь показати на приꙗленью реченоѓа поклада ꙋ нашь комꙋнь приаисмо га зброисмо и измѣрисмо прѣдь бгоⷨпоутениⷨ гноⷨ митрополитоⷨ гноⷨь давидоⷨ прѣдь вишенменованиемь витезомь и коморникомь кнезомь прибисавоⷨ прѣдь крстиниⷨ тврьдисавоⷨ прѣдь крстиниⷨ ꙋгрѣникоⷨ и прѣдь поутениⷨ кѡрникоⷨ кнезоⷨ радоⷨ кранчиновиѣмь. И на тѡ на све више реченѡ и ꙋписанѡ ми кнезь и властеле дꙋбровачци ротисмосе и закасмо на светоⷨ еваньгелию бжиⷨ и на частноⷨ крстꙋ да нами не ѥе на наше прити синовоⷨ реченоѓа гна херцега стѣпана ни инѣмь комꙋ се що ꙋспристои по тестаментꙋ више писаноⷨ. И за вѣрованье ѡвоган листа повелѣсмо и печатити нашоⷨ печатю вѣрованоⷨ висꙋѣоⷨ (С. № 157). Такова была обычная присяга вклада. Но съ другой стороны, при возвращеніи вклада, они наблюдали величайшую осторожность. Они требовали самыхъ вѣрныхъ доказательствъ, какъ въ подлинности грамоты, такъ и въ правѣ полученія вклада. Особенно осторожно дѣйствовали они въ случаѣ прекращенія прямой наслѣдственной линіи. Сандалъ со всею подробностію означилъ, кому и сколько слѣдуетъ получить изъ его вкладовъ въ случаѣ бездѣтной его смерти (С. №№ 108, 112, 115). Когда умеръ Браилъ Тезаловичъ, иначе Михоевичъ, и племянникъ его, Юрій Богишичъ, просилъ о выдачѣ себѣ вклада, то Дубровничане приказали своимъ посламъ спросить свѣдущихъ людей о родствѣ Браила. Девять свидѣтелей поклялись, что служили и дворили вмѣстѣ съ Браиломъ и

его братіею при дворѣ Радослава Павловича и знаютъ весь его родъ. По ихъ словамъ, всѣ братья, сыновья и дочери Бранла померли; оставались три племянника отъ меньшаго брата, Богиши, по прозванью Хвала, но двое изъ нихъ умерли и одинъ, Юрій Богишичъ, иначе Хваловичъ, остался единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ родоваго вклада (С. № 156). Таково было удостовѣреніе въ законности предложеннаго требованія.

Разсматривая драгоцѣнныя вещи, составлявшія вклады, мы удивляемся ихъ богатству и великолѣпію. Между ними находимъ разныя украшенія и утвари: вѣнцы, поясы, сосуды, чаши, блюда, лжицы, свѣщники и множество другихъ вещей, изъ коихъ однѣ были сдѣланы изъ чистаго золота, другія изъ серебра съ позолотою и украшеніями изъ жемчуга и дорогихъ разноцвѣтныхъ каменьевъ и пр. Не безъ причины можно думать, что если не всѣ, то бóльшая часть этѣхъ вещей была куплена у Дубровничанъ. По свидѣтельству Аппендини[1], еще задолго до бана Кулина Дубровникъ получалъ драгоцѣнные металлы изъ Сербіи и преимущественно изъ Босны. Боснійскіе и Сербскіе рудники изобиловали металлами; въ большомъ множествѣ доставляли они серебро, смѣшанное съ зернами золота и называвшееся «гламою». Около 1400 года въ Дубровникѣ до того размножились золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, что принуждены были селиться по деревнямъ. Особенно изобильны были для Дубровника Сербскіе рудники въ Новомъ Брьдѣ, Яновѣ и Кратовѣ, уступленные ему деспотомъ Юріемъ за 200000 черв. ежегодной платы. Дубровницкіе золотопромышленники съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣли извлекать изъ гламы крупинки чистаго золота, и современники, Bertrandon de la Broquière, Filelfus и Philippus de Diversis, изумляются богатству драгоцѣнныхъ металловъ, находившемуся въ Дубровникѣ[2]. Въ нашихъ грамотахъ XV столѣтія, серебро, смѣшанное съ золотомъ, продолжаетъ называться «гламскимъ» въ противуположность «бѣлому» или простому, чистому серебру; впрочемъ, кромѣ двухъ позднихъ грамотъ Стефана Томашевича и деспота Юрія, мы не имѣемъ никакихъ другихъ указаній относительно права торговли драгоцѣнными металлами. Первый позволялъ вывозить изъ Босны серебро болано (нечистое?), и запрещалъ вывозъ серебра неболана (чистаго?): да ѿсада на прѣда що би годи нихь трьговци или нихь слуге сребра носили изнашега русага у дубровникь или ниуде куде нимь драго що би се годи нашло у кога нихь трьговаць или слуга Сребра не болана да му се не море (можетъ) нио узети сребро него (какъ только) ѡ толико само колико се наиде сребра неболана а ѡнои що е болано да понесе на слободиу или му у дубровникь или ниуда куда му драго безьнедие забаве кральевьствами ни властеѡ моихь и ни власника ни царинника нашихь (С. № 150) Второй подтвердилъ за купованіе сребра и трьгованіе по земли господствани, ѿсвѣнь смедерева, и износити слободно у дубровникь (С. № 138).

Не только драгоцѣнныя вещи, но и деньги, слитки золота и серебра, мѣшки жемчугу отдавались на сбереженіе въ Дубровникъ. Изъ грамотъ нельзя съ достовѣрностію узнать, всѣ ли деньги принимались городомъ подъ условіемъ возвращенія съ ростомъ. Такъ какъ при вкладѣ денегъ, въ одномъ случаѣ упоминается, въ другомъ не упоминается о ростѣ, то, кажется, пользуясь обстоятельствами, Дубровничане брали деньги подъ видомъ сбереженія просто безъ роста. Но въ грамотахъ есть и прямыя указанія, что въ нѣкоторыхъ

[1] Т. I., ч. II., кн. I, гл. X.
[2] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 163.

случаяхъ Дубровничане брали деньги въ ростъ (**на добитие**). Такъ брали они у Сандала и Радослава Павловича (С. №№ 107, 114, 127, 128, 139). Обычнымъ ростомъ было пять на сто (**пеѣть покаѵтнинарь**). Радославъ Павловичъ, уступивъ Дубровничанамъ свою часть въ Конавлѣ, получилъ позволеніе положить въ ихъ городъ 10000 червонцевъ по 5% съ тѣмъ, что если захочетъ взять этѣ деньги обратно, то долженъ дать знать о томъ впередъ за два мѣсяца. Видно, что такой вкладъ былъ выгоденъ для Дубровника, по тому, что Дубровничане, въ другомъ договорѣ съ Радославомъ, имѣя перевѣсъ на своей сторонѣ, обязали его не брать этѣхъ денегъ изъ ихъ общины ранѣе двухъ лѣтъ; или, быть можетъ, они хотѣли чрезъ то ослабить его враждебные замыслы. Тѣмъ не менѣе они позволили ему и впредь дѣлать подобные денежные вклады.

Съ своей стороны Дубровникъ давалъ деньги взаймы Боснійскимъ (и другимъ) владѣльцамъ. Такъ, Остоя предоставляетъ 500 перп. дохода со Стона въ уплату долга, 2550 черв., сдѣланнаго Тврьткомъ I (С. № 83). Стефанъ Томашевичъ уплачивалъ долгъ Тврьтка II, 209 литръ и 4 унціи серебра, изъ 2500 перп. обычнаго Сербскаго дохода (С. № 152). Долгъ своего отца, Ѳомы, онъ обѣщалъ уплатить изъ своей казны (С. № 151). Владиславъ Стефановичъ (С. № 74) и сынъ его, Балша (С. № 171), воеводы св. Савы, брали деньги взаймы у Дубровника, первый подъ обезпеченіемъ вклада, сдѣланнаго Сандаломъ, второй—своего годичнаго содержанія.

Наконецъ, въ заключеніе, мы должны сказать еще нѣсколько словъ объ употребленіи денегъ. Къ сожалѣнію, грамоты доставляютъ весьма скудныя извѣстія. Мы только знаемъ, что всѣ свои торговые счеты съ сосѣдними Сербскими землями Дубровничане вели на Дубровницкіе перперы, которые стоили то же, что и Венеціянскіе: по этому въ грамотахъ, писанныхъ въ то время, когда Дубровничане управлялись Венеціянскими графами, иногда встрѣчается счетъ на перперы Венеціянскіе. Что эти послѣдніе равнялись цѣнностію Дубровницкимъ, видно изъ того, что въ грамотахъ одна и таже сумма опредѣляется одинаково и Дубровницкими и Венеціянскими перперами. Такъ, на пр., Душанъ опредѣлилъ Ерусалимской церкви свв. Архангеловъ ежегоднаго дохода 500 перперовъ Венеціянскихъ (С. № 35), а Урошъ V этотъ самый доходъ опредѣляетъ въ 500 перперовъ Дубровницкихъ. Къ этимъ 500 перп. онъ прибавляетъ еще 500 перперовъ Дубровницкихъ, получаемыхъ за Стонъ (Г. А.), а Стефанъ Дечанскій продалъ Стонъ за 500 перперовъ Венеціянскихъ ежегодной дани (С. № 37). Слѣдовательно, 1000 перперовъ Венеціянскихъ равнялись 1000 перперамъ Дубровницкимъ. И царица Мара принимаетъ отъ Дубровника дань Ерусалимской церкви, перенесенную потомъ на Аѳонскіе монастыри, уже перперами Дубровницкими (С. № 165; Г. Б.). Въ другой грамотѣ (С. № 47), Урошъ V считаетъ доходу отъ Стона 500 перперовъ Венеціянскихъ; но тутъ же называетъ эти 500 перперовъ въ одно время и Дубровницкими и Венеціянскими: **пеѣть съ пѷпе дѹбровьчкй бнетьчкй ѿ стона**, что служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что эти два названія, какъ равнозначащія, часто смѣшивались одно съ другимъ по причинѣ равноцѣнности металла. Иногда перперы выражались червонцами, иногда динарами Дубровницкими. Вотъ какое отношеніе между ними можемъ мы вывести изъ показанія нашихъ грамотъ. Червонецъ или золотой дукатъ не всегда имѣлъ одну опредѣленную цѣнность; но, какъ крупная золотая монета, измѣнялся по ходу. Перперы и динары, какъ монеты серебряныя, и въ особенно-

сти послѣдніе, какъ небольшія, имѣли постоянную одинаковую цѣнность. Около 1362 года Воиславъ Которскій продалъ Дубровничанамъ соляной откупъ, по его словамъ, за 900 перперовъ (С. № 56), а по словамъ Дубровницкихъ пословъ, за 500 червонцевъ (С. № 41). Отсюда видимъ, что перперъ относился къ червонцу какъ 9 къ 5, т. е., 1 дукатъ равнялся 1 и $^4/_5$ перпера. Въ 1470 году царица Мара получила отъ Дубровничанъ Ерусалимской дани 500 перперовъ и въ распискѣ своей обратила ихъ также въ червонцы, что составило 147 червонныхъ, а «тогда—писала она—одинъ дукатъ стоилъ 41 динаръ». Отсюда видимъ, что, спустя столѣтіе, перперъ относился къ червонцу, какъ 5 къ $3^{59}/_{147}$, т. е., 1 дукатъ равнялся почти 1 и $^4/_{11}$ перпера, слѣдовательно, цѣнность золота нѣсколько понизилась. Отсюда узнаемъ также, что 1 перперъ заключалъ въ себѣ около $12^1/_{20}$ динара [1]. Дубровницкія деньги ходили въ Сербіи и Боснѣ. Стефанъ Томашевичъ вздумалъ, было, запретить ихъ въ Боснѣ; но тотчасъ же, по просьбѣ пословъ, снова позволилъ употреблять ихъ, какъ было въ старину при первыхъ Боснійскихъ короляхъ (С. № 154). Въ XIII и большею частію въ XIV ст. Дубровничане, въ своихъ договорахъ съ сосѣдними землями, вели счетъ на перперы, употребляя только это одно слово и, конечно, понимая вполнѣ его смыслъ. Нѣтъ сомнѣнія, что смыслъ этого слова былъ ясенъ; ибо оно означало не отвлеченное какое либо количество денегъ, но извѣстную, опредѣленной величины монету. Но со второй половины XIV ст. и именно въ первый разъ въ грамотѣ Дабыши (С. № 81), перперъ показывается уже въ соединеніи съ словомъ «динаръ», или «динаръ Дубровницкій», какъ бы точнѣе опредѣляясь имъ; въ продолженіи всего XV-го ст. только уже весьма рѣдко, не болѣе двухъ, трехъ разъ, это слово употреблено одно безъ ближайшаго опредѣленія [2]; но и сдѣсь должно подразумѣвать это опредѣленіе, какъ видно изъ гр-ы С. № 165, гдѣ одинъ разъ говорится просто о перперахъ Дубровницкихъ, а другой разъ тѣ же перперы поставлены въ соединеніи съ означеннымъ опредѣленіемъ. Динаръ, равномѣрно, означалъ, какъ и теперь означаетъ [3], извѣстную монету опредѣленной величины, и не разъ употребленъ отдѣльно самъ по себѣ въ нашихъ грамотахъ [4] съ прибавленіемъ иногда слова «Дубровницкій». Теперь остается рѣшить, какимъ образомъ двѣ извѣстныя монеты могли употребляться при одномъ и томъ же счетѣ, для одного и того же количества денегъ? Нельзя никакъ думать, чтобы это дѣйствительно такъ было, и по тому слѣдуетъ признать за однимъ изъ двухъ словъ только нарицательное, опредѣлительное значеніе безъ указанія на какую либо извѣстную, подъ нимъ разумѣваемую, монету опредѣленнаго вида, объема и положительной цѣны. Вотъ обыкновенное выраженіе грамотъ: столько-то «перперовъ динаровъ Дубровачкихъ». За выставленнымъ числомъ тотчасъ слѣдуетъ слово «перперъ», что показываетъ, что счетъ опредѣленною монетою шелъ на перперы; а за тѣмъ уже слѣдуетъ слово «динаръ», которое, безъ всякаго сомнѣнія, значитъ сдѣсь то же, что вообще деньги, монета, и по тому въ тогдашнее время само нуждалось въ ближайшемъ опредѣленіи, именно чрезъ слово «Дубровницкій» [5].

---

[1] О перперѣ (ὑπέρπυρον) см. Ducange, Glossarium; его же De Imperatorum Constantinop. numismatibus, p. 123. У Венелина, по Ленклавію, въ Молдаво-Влахійскихъ грамотахъ, стр. 8.

[2] Ср., на пр., С. NN 152, 165, 169.

[3] См. Словарь В. С. Караджича, 2-е изд.

[4] Ср., на пр., С. NN 40, 71, 124, 125, 128, 136.

[5] Ср., на пр., С. NN 81, 85, 95, 96, 98, 103, 107, 126, 127, 150, 165.

Какъ бы то ни было, расположеніе словъ заставляетъ насъ такъ понимать ихъ значеніе. Слѣдовательно, вышеприведенное выраженіе можно передать такимъ образомъ: столько-то «перперовъ монетою Дубровницкою». Въ справедливости этого объясненія убѣждаетъ насъ другое расположеніе словъ, встрѣчаемое нѣсколько разъ въ нашихъ грамотахъ: **динарꙗ дꙋбровьчьцихь ҷетири тисꙋће и двѣсти и шесдесеть и шесть перперꙗ** (С. № 112); **динарꙗ дꙋбровьчьцихь ҷетири тисꙋће и с҃. ѯ҃. ѕ҃. пѣрꙗ** (С. № 123); **динꙗри ҷетири тисꙋће и двиестꙗе и шесть десеть и шесть перпе**; **динарꙗ р҃ и ѕ҃. перпе и ѯ҃. динара** (С. № 124); **динара. д҃. тисꙋће и к҃. стꙗ и ѯ и ѕ. перпѣрь; динари р҃. и ѕ҃. перперь. ѯ҃. динари** (С. № 125). Обыкновенно названіе монеты ставится послѣ выставленнаго числа: слѣдовательно, и сдѣсь также перперъ будетъ опредѣленною монетою, а динаръ, или вѣрнѣе, динары будутъ только означать, что эти перперы принимались въ счетъ «Дубровницкою монетою»; а по тому переводить должно: «монетою, или монетою Дубровницкою, столько-то перперовъ». Что сдѣсь «динаръ» употребленъ въ общемъ значеніи денегъ или монеты, то это видно еще изъ того, что въ гр-ѣ С. № 125, вслѣдъ за выставленнымъ количествомъ перперовъ, приводится еще количество динаровъ (ѯ), гдѣ динаръ означаетъ уже не отвлеченную, но опредѣленную монету: иначе не нужно бы было разбивать на два, и при томъ столь неровныя, каковы 4266 и 7, количества одной и той же монеты. Вь такомъ же отвлеченномъ значеніи, и притомъ монеты серебряной въ противуположность золотой, динаръ употребленъ въ гр-ѣ С. № 127, гдѣ, послѣ означенія вклада общимъ названіемъ **дꙋкате и динаре**, эти самые «дукаты и динары» опредѣлены точнѣе, какъ составляющіе **к҃. тисꙋће н. є҃. цѣлать дꙋкать ѯлатехь и .ѳ. тисꙋћь перперь динарꙗ**. Наконецъ, въ томъ же убѣждаетъ насъ и употребленіе слова «динаръ» всегда во множественномъ числѣ **динарꙗ**, или **динꙗри** (род. п.), въ каковой формѣ оно и понынѣ означаетъ только вообще деньги безъ указанія на извѣстный родъ монеты. Только въ позднѣйшихъ грамотахъ конца XV-го в. показывается какая-то неопредѣленность въ употребленіи словъ «перперъ» и «динаръ». Въ одной пишутъ: **примих перпе ѯ҃ сать и ѯ и ѕ перпе и дина** (С. № 162), а въ другой: **примихь перпе рѯѕ и динара а҃ дꙋбровьчьцихь** (С. № 171). Очевидно, въ обѣихъ счетъ идетъ и на перперы и на динары, какъ въ двухъ предыдущихъ (С. №№ 124, 125); а по тому въ первой должно читать такъ: 766 перперовъ и 1 динаръ. Въ гр-ѣ же С. № 170 дѣло, кажется, въ одной только перестановкѣ словъ: **перьпера шесть сать динара дꙋбровьчьцихь** вм. **шесть сать перпера динара дꙋбровьчьцихь**; или, можетъ быть, сдѣсь слово «перперъ» отправляетъ нарицательное служеніе слова «динаръ», а это означаетъ уже опредѣленную монету. Во всякомъ случаѣ можемъ смѣло заключать, что до конца XV-го ст. перперы были еще въ ходу и на нихъ свободно производились счеты какѣ въ Дубровникѣ, такъ и сосѣднихъ Сербскихъ областяхъ. Не менѣе того и прибрежные Далматскіе острова знали перперы и употребляли ихъ у себя, какъ видно изъ ихъ узаконеній. Представляя собою серебряную монету, динаръ въ грамотахъ нашихъ часто сопоставляется съ дукатомъ, который въ такомъ случаѣ, по большей части, дополняется сдовомъ «золотой», какъ бы въ противуположность серебряному динару. Иногда слово «дукатъ» употребляется и безъ этого дополненія по тому самому, что оно было для него лишнее, какъ для монеты всегда золотой. Лучшее тому доказательство находимъ въ грамотѣ наслѣдниковъ Сандала (С. № 163), въ которой эти говорятъ о полученіи вклада дукатами, не на-

зывая ихъ золотыми, между тѣмъ, какъ тѣ же самые дукаты во вкладной грамотѣ Сандала (С. № 112) названы золотыми. Дубровничане, при полученіи вкладовъ, вели счетъ и на «аспры». Сандалъ Хлумскій даетъ имъ расписку въ полученіи отъ нихъ обратно всѣхъ положенныхъ у нихъ аспръ (С. № 105), гдѣ аспры означаютъ, какъ кажется, вообще деньги въ видѣ какой бы монеты онѣ ни были. Въ томъ же, вѣроятно, смыслѣ онѣ употреблены Лазаремъ и Стефаномъ Юрьевичами Бранковичами (С. №№ 146, 147). Но въ грамотѣ Дубровницкой на полученіе вклада отъ деспота Юрія Бранковича счетъ идетъ прямо на аспры, какъ извѣстную опредѣленную монету: и асирь тр̓десети и два саках а ѿ нихь. й. саку в всакомь по тридесети хилıада аспри. ѕ. саку. в всакомь по четиридесети хилıада аспри.... свıа аспрамь тисуқı тисукь аспри (С. № 130). По всему видно, что аспры, какъ монета Византійская, употреблялись наиболѣе въ православной Сербіи [1].

Говоря о деньгахъ, кстати упомянуть о драгоцѣнныхъ металлахъ, по скольку извѣстія о нихъ встрѣчаются во взаимныхъ договорахъ Дубровничанъ съ сосѣдними землями. «Ковъ» (металлъ) золотой и серебряный, кромѣ чеканки въ монету, ходилъ еще въ видѣ слитковъ, или употреблялся въ видѣ различныхъ издѣлій, какъ-то: домашнихъ утварей и предметовъ украшенія. Слитки драгоцѣнныхъ металловъ обыкновенно опредѣляются на вѣсъ, или приводятся въ деньги. Отъ деспота Юрія Бранковича Дубровничане получили золото въ видѣ цѣпей «веригъ», которыми было наполнено нѣсколько мѣшковъ. При этомъ и серебро доставлено было въ мѣшкахъ и принято на вѣсъ (С. № 130). Въ издѣліяхъ металлы принимались на вѣсъ. Качество золота не обозначено въ нашихъ памятникахъ; но качество серебра имѣло нѣсколько подраздѣленій. Серебро «фино», т. е., лучшее; серебро «бѣлое» или чистое безъ подмѣси золота, или другой какой руды; серебро «гламско» или серебро, смѣшанное съ частицами золота—руда, «глама»; серебро «плико», серебро «болано», серебро «неболано»:—вотъ всѣ опредѣленія качества серебра, изъ коихъ три послѣднія мнѣ не понятны. Думаю, что первое (плико) означаетъ серебро, обращенное въ слитки или пластинки, а два послѣднія выражаютъ то же, что нечистое (болано) и чистое (неболано).

Наибольшимъ опредѣленіемъ вѣса благородныхъ металловъ служили «литры»; за ними слѣдовали «унціи», а наименьшимъ опредѣленіемъ вѣса были «аксаги». Прежняго отношенія литры къ извѣстной намъ единицѣ вѣса, окѣ, мы не знаемъ; но нынѣ въ одной окѣ заключается 4 литры; а такъ какъ одна ока ровняется 3 Рус. фунтамъ съ 13, или 15 золотниками, то одна литра составитъ 75—76 Рус. золотниковъ. Унція равнялась $^1/_{12}$ литры; но, кажется, не всегда, по тому что въ статутѣ острова Млѣта находимъ оцѣнку одной литры то въ 13, то въ 18, то въ 12 унцій [2]. Отношеніе аксаги къ унціи мнѣ также неизвѣстно; но въ грамотахъ при унціяхъ не встрѣчается болѣе 5 аксагъ, а при литрахъ, безъ унцій, находимъ однажды 19 аксагъ. (С. № 126). Опредѣленіемъ вѣса для прочихъ тѣлъ, какъ предметовъ торговли, въ Дубровницкихъ договорахъ встрѣчается «товаръ», который нынѣ равняется 100 окамъ. Для сыпучихъ тѣлъ находимъ однажды въ договорѣ Балшича Зетскаго съ Дубров-

---

[1] Объ аспрѣ см. у Венелина въ Молдаво-Влахійскихъ грамотахъ, стр. 96.

[2] Statut oli Zakoni od Universitati Otoka od Mljeta. Dubrovnik, za godinu MDCCCLI. Svez. III, 1852. См. гл. 63, 66, 68.

никомъ (С. № 71) мѣру, употреблявшуюся преимущественно въ собственной Сербіи и извѣстную подъ названіемъ «мантія»: да кѹпѹю трьговци дѹбровьчьци по моѡи ꙁємли и по мои рѣкѣ жито. и да га могѹ иꙁнести свободно. платившє в динара ѡ мантиє.

Пересмотрѣвъ грамоты относительно торговыхъ постановленій, мы должны сдѣлать общее заключеніе, что взаимныя торговыя сдѣлки между Дубровникомъ и Сербскими землями совершились окончательно при Сербскихъ короляхъ и царяхъ. При Боснійскихъ короляхъ не видимъ уже новыхъ торговыхъ условій, а деспоты Сербскіе только подтверждаютъ старыя. Такимъ образомъ Дубровничане вполнѣ достигали своей цѣли, оставаясь постоянно при старыхъ выгодныхъ постановленіяхъ. Но сдѣсь представляется вопросъ: въ какомъ отношеніи стояла торговля Дубровника къ туземной? Ни въ грамотахъ, ни въ Законникѣ Душановомъ нѣтъ особыхъ постановленій для торговаго сословія: можно заключить, что оно или вовсе не существовало въ настоящемъ смыслѣ слова, какъ отдѣльное замкнутое сословіе, или, если существовало, то весьма слабо и розно. Но памятники свидѣтельствуютъ, что въ Сербіи были и свои купцы; за то для нихъ нѣтъ никакихъ преимуществъ и льготныхъ правъ: весь перевѣсъ склоненъ на сторону чужихъ, Дубровницкихъ. Отсюда ясно, что Сербскіе купцы составляли незначительную и незамѣтную часть общества и своими оборотами не могли еще доставить государству способа къ промышленному развитію и обогащенію; это были единицы, и съ такой точки зрѣнія смотрѣло на нихъ правительство. Скудость торговли, съ одной стороны, и счастливыя войны, съ другой, не могли породить въ правительствѣ той мысли, что торговля и промышленность составляютъ одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей государственной жизни народа, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ народнаго обогащенія и развитія. Оно видѣло, что доселѣ только чрезъ войны Сербія росла и усиливалась; но проченъ ли былъ такой ростъ, надежны ли были такія силы? — этого вопроса оно не задавало себѣ. Дубровникъ ослѣплялъ его роскошью и великолѣпіемъ своихъ издѣлій; Дубровникъ былъ нуженъ ему, какъ миролюбивый сосѣдъ и союзникъ, платившій значительную дань за земли: и по тому всѣ договоры съ Дубровникомъ клонились въ пользу послѣдняго. Извлекая для себя всѣ выгоды торговли и промышленности, Дубровникъ подавилъ туземныхъ купцовъ и ремесленниковъ. Сербіи оставалось только заниматься производствомъ первоначальныхъ, сырыхъ припасовъ; но и въ этомъ отношеніи мы не видимъ со стороны правительства никакихъ особыхъ поощреній. Только однажды писалъ Милутинъ въ своей грамотѣ, что подданному его, продающему Дубровничанамъ жито, нѣтъ ни отъ кого никакого притѣсненія (С. № 29). Главными предметами отпуска были хлѣбъ, скотъ и металлы. Правительство только разрѣшаетъ ихъ свободную продажу, и то по тому только, что хлопотали объ этомъ Дубровничане, которымъ нужно было право безпрепятственной покупки для доставленія работы своимъ ремесленникамъ. А между тѣмъ, при необходимости, какую ощущали Дубровничане въ этихъ главныхъ предметахъ вывоза, сколько пользы могло бы принести Сербское правительство своимъ подданнымъ инымъ направленіемъ торговыхъ договоровъ! До насъ дошли слова Санка (С. № 97), жалующагося, что Дубровничане не даютъ ему настоящей цѣны за товаръ, который онъ долженъ по тому послать для продажи въ другое мѣсто. «Люди мои—писалъ онъ — продадутъ Которское жито по 10, перперовъ за товаръ, а этого вы мнѣ не дали бы; и я отправилъ 200 овецъ, и они принесутъ мнѣ 200 дукатовъ, а этого вы бы мнѣ не дали». Эта жа-

лоба Санка хорошо обозначаетъ торговыя уловки Дубровничанъ, имѣвшихъ въ виду только свою пользу и, при удобномъ случаѣ, притѣснявшихъ сосѣднихъ продавцовъ. Въ отношеніи хлѣба, соли, скота и металловъ, завися вполнѣ отъ сосѣдей, Дубровничане умѣли, при всемъ томъ, торговыя выгоды склонить на свою сторону.

Судебный устрой между Сербами и Дубровничанами составляетъ важный отдѣлъ въ исторіи образованія Сербскаго народа. Нѣтъ сомнѣнія, что Законникъ царя Душана былъ плодомъ не одной современной ему мудрости, но итогомъ цѣлыхъ вѣковъ, въ продолженіи которыхъ развивался бытъ Сербскаго народа и рождались новыя государственныя потребности. Тѣмъ не менѣе, недостатокъ памятниковъ лишаетъ насъ возможности составить себѣ какое либо опредѣленное и цѣльное понятіе о законодательствѣ Сербіи до-Душановыхъ временъ независимо отъ Дубровника. Все, что ни имѣемъ мы въ нашихъ грамотахъ изъ этихъ временъ, относится столько же къ Сербіи, сколько и къ Дубровнику, и по тому въ судебныхъ укладахъ, какіе были между ними, нельзя опредѣлительно сказать, что принадлежитъ собственно Сербіи и что Дубровнику? Взаимныя отношенія предполагаютъ и взаимное вліяніе: ни тотъ, ни другая не могли подчинить другъ друга исключительно одному своему законодательству, но, естественно, должны были избрать средину, удобную для обоихъ. Они не уступали другъ другу въ развитости дѣловаго смысла, хотя развитіе его шло не одинаковымъ путемъ. Въ Сербіи преобладала государственная дѣятельность, въ Дубровникѣ торговая: оба въ кругѣ своей дѣятельности стояли на высокой ступени совершенства. Вотъ по чему ихъ взаимные уклады должны носить признакъ самостоятельности и должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто особое, отдѣльно отъ узаконеній чисто Дубровницкихъ и Законника Душанова. Статуты Дубровника написаны по древнѣйшимъ памятникамъ въ 1272 году и Книга Реформацій между 1315 и 1335 годами; сверхъ того сочинены были еще два законника въ 1358 и 1462 годахъ. Были также Parti de' Pregati, т. е., сенатскія опредѣленія, состоявшіяся по большинству голосовъ [1]. Всѣ эти статуты сходны въ главномъ со статутами другихъ Далматскихъ общинъ и не относятся къ числу избранныхъ мною памятниковъ. По этому, предоставляя другимъ изслѣдованіе ихъ и оставляя за собою право обозрѣть ниже Законникъ Душановъ, я предложу теперь только то, что представляютъ изъ судебнаго разбирательства между Дубровникомъ и Сербіею наши грамоты.

Какъ торговый городъ, Дубровникъ болѣе другихъ боялся войны, сильно вредившей его торговлѣ. Отъ того въ договорахъ безпрестанно встрѣчаемъ условія, подобныя этимъ: да не ҳаеди никоере. нь то да се исьправлꙗ сꙋдомь; или: и ако се кое крамола ꙋчини мегꙋ нами: да се сꙋдомь исправлꙗ; или: и да кое се кривина ꙋчини да се исьправи правиномь а мирь да се не рꙋши; или: да се сꙋдомь исправлꙗмо; или: да не ꙋдаке. ꙋ комь годе дьлгꙋ. лише сꙋдомь. да се ищꙋ [2] и пр. Король Владиславъ даже обѣщалъ до тѣхъ поръ не вредить Дубровнику, пока не сотворитъ съ нимъ трехъ судовъ (С. № 7). Сдѣсь, можетъ быть, онъ разумѣетъ судъ по тремъ правительственнымъ ступенямъ независимой Дубровницкой Общины. Судиться

[1] Appendini, т. I, ч. II, кн. I, гл. V.

[2] Ср. С. NN 2, 3, 14, 15, 19, 20, 21, 24, 25, 111, 137.

было легче, чѣмъ вести войну. Судъ предполагался всегда справедливымъ; онъ называется «правымъ» и «божественнымъ»: **ꙗко ре да є право и безь-грѣшьно** (С. №№ 2, 14). Банъ Стефанъ говоритъ: **И ꙗ да имь сѹдь прави сѹдь. И ꙗко ви ꙗ правини не учини то тѹ ꙗ кривь** (С. № 14), а Урошъ V: **да имь цр҃ьвьи исправи по правдѣ и по ѕаконѹ** (С. № 55). Отъ того всякое судебное разбирательство и справедливое удовлетвореніе называется «правиною» или «правдою». Владиславъ отдаетъ коварный поступокъ Дубровничанъ на судъ Божій: **ѹ томь Б҃ь да расѹди** (С. № 9).

Судебное разбирательство между двумя общинами происходило чрезъ очную ставку или «састанакъ» на извѣстномъ урочищѣ. Такого састанка требуетъ у Дубровника Поповская Община въ Затонѣ и назначаетъ Юрьевъ день: **да ви инсте рекли да се станемо онои** (на оной) **странѣ рѣке: не кемо ти** (не хотимъ итти) **кь вамь на онѹ странѹ дѣ ни нѣ ѕаконь: дѣ ви радославѹ давьше рѹкѹ тере га веѕасте: да кокемо** (хотимъ) **правомѹ станкѹ** (С. № 11). Сдѣсь виденъ остатокъ древнѣйшаго, первоначальнаго, самого простаго разбирательства, когда самъ народъ, не предоставляя дѣла судьямъ, сходился и устно рѣшалъ дѣла: это нынѣшняя мірская сходка. Жаль, что грамота не отмѣчена годомъ; но, конечно, такой обычай могъ сохраниться только въ малолюдной, удаленной отъ моря Поповской Общинѣ, тогда какъ приморскіе, торговые и болѣе образованные города, безъ сомнѣнія, разбирались уже другимъ образомъ. Судебное разбирательство между Дубровницкими и Сербскими подданными совершалось или самими владѣтелями и лицами, облеченными верховною властію, или поротниками, т. е., присяжными, и судьями. Банъ Нинославъ, повторяя договоръ Кулина, счелъ нужнымъ прибавить: **ако вьроуе: срьблинь влаха: да се при прѣдь кнеѕемь: ако вьрѹе влахь срьблина: да се при прѣдь баномь** (С. № 5), т. е., обиженный Сербъ жалуется на Влаха князю Дубровницкому, а Влахъ на Серба жалуется бану Боснійскому. Сдѣсь представляется вопросъ: кого должно разумѣть подъ Влахомъ и кого подъ Сербомъ? Изъ сравненія съ другими грамотами и по назначенію судей, должно заключить, что Влахъ означаетъ Дубровницкаго подданнаго и, вѣроятно, всякого Дубровничанина: оно значитъ то же, что въ грамотѣ Душана Латынянинъ и въ грамотѣ Уроша I Дубровничанинъ. Сербъ же означаетъ православнаго и вообще всякого подданнаго Босны. Это постановленіе Нинослава было повторено и баномъ Стефаномъ (С. № 14). Въ немъ видно уравновѣшеніе правъ обѣихъ сторонъ. Въ важныхъ случаяхъ Дубровничанъ судилъ самъ король: **а прѣдь кра҃вьи да идѹ. ѕа невѣрѹ. ѕа вражѹ. ѕа уеламдина. ѕа конь. ѹ том да не сѹдь дѹбровуанинѹ прѣдь кра҃вьми.** И тутъ же далѣе сказано: **и аке кто пакости виноградомь дѹбровьуниль. да га поѕокѹ прѣдь кра҃вьи** (С. № 22). Слѣдовательно, Дубровничанинъ въ королевской землѣ подлежалъ суду короля. Напротивъ, Сербъ въ Дубровникѣ подлежалъ общему суду, въ которомъ участвовалъ и королевскій судья: **и бесѹда ѡбкега да не ѹуинимо никоегаре бесьправьи улкѹ ѕемле твое. И бесѹдьце** (безъ судьи) **кралевьтвати да не сѹдимо ул҃кѹ ѕемле твое** (С. № 26). Душанъ, около 1346 года, довольно ясно постановилъ: **и сь срьблиномь ѹ коемь годѣ сѹдѣ нигдѣ ниьдѣ. да се не при. да греде прѣдь кралевьствоми** (С. № 42); но, въ 1350 году, уже измѣнилъ по старому: **трьговци дѹбровуане. кои се ѡбрѣтаю. по трьговѣ цр҃ьвьи. що нисе слѹуа. кои любо сѹдь. да се сѹде прѣдь цр҃иникѡ. и кнеѕемь. а или прѣдь кепалиѡ кои бѹде града тогаѕи. ѕакономь родителѣ. и прародителѣ цр҃ьви. и ѕа сниѕи да гредѹ прѣдь цр҃ьви на сѹдь. ѕа крьвь. и ѕа ѕемлю. и ѕа проводь.**

и за ұжина. и за сводь. а за ино ни за що (С. № 43). То же повторилъ и Урошъ V (С. № 50). Всякую сваду Дубровника съ властелиномъ царскимъ рѣшаетъ самъ царь (С. № 55): сдѣсь Урошъ V разумѣетъ важную распрю, или войну, которая и была дѣйствительно между Дубровникомъ и Которомъ; впредь въ такой распрѣ онъ повѣлеваетъ: да не ратию ни нужу сь захо котора. тьмю каконо ѥ било у родитель црѣкмми такози да греду сь властели црѣкмми прѣ црьвии у оуи. Слѣдовательно, на судъ королевскій или царскій шли Дубровничане за важнѣйшія уголовныя преступленія. Въ Законникѣ своемъ Душанъ назначаетъ три рода преступленій, за которыя судитъ своихъ подданныхъ самъ царь: за три работе, за неврѣроу и за крьвь и за разьбои владичьскыи да идоу прѣдь цара (ст. 188). Сравнивъ эту статью съ вышеприведеннымъ мѣстомъ грамоты Уроша I (С. № 22), мы видимъ, какъ неизмѣнно старинное обычное право, спустя почти цѣлое столѣтіе, легло въ основаніе узаконеній Душановыхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ замѣчаемъ, что Душанъ и предшественники его не были слишкомъ уступчивы торговому народу и въ важнѣйшихъ преступленіяхъ сами судили его такъ же точно, какъ и своихъ подданныхъ. «Невѣра» есть то же, что измѣна и, кажется, немногимъ отличается отъ «провода» или впущенія непріятеля въ свою землю. Дубровничане, какъ странствующіе торговцы, могли хорошо знать мѣстность Сербіи и, если бы захотѣли, содѣйствовать вторженію непріятелей. «Вражда» и «кровь» суть одно и то же выраженіе для смертоубійства. «Челядинъ» и «человѣкъ» означаютъ похищеніе людей, бывшее въ обычаѣ Далматинцевъ и Сербовъ. «Сводъ» есть то же, что и «копь», ибо за коня, когда онъ оказывался воровскимъ, назначался сводъ или очная ставка. «Земля» означаетъ сдѣсь присвоеніе чужой земельной собственности, такъ часто совершаемое Дубровничанами на счетъ Сербіи.

При Душанѣ, въ дѣлахъ меньшей важности, судили Дубровничанъ Сербскія должностныя лица, какъ видно изъ грамоты С. № 43, гдѣ сказано: що имь случа. нои любо судь. да се суде прѣдь цриникомь. и кнеземь. а или прѣдь непалнемь кои буде града тогази, судили по стариннымъ правиламъ: закономь родитель. и прародитель црѣкми. Сдѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣются случаи гражданскаго спора или тяжбы. Въ дѣлахъ торговыхъ, какъ видно оттуда же, разбиралъ царинникъ. Какимъ образомъ рѣшалъ онъ споръ, показываетъ далѣе та же грамота: и кои трьговьць. изиди коня на трьгу. и плати зань цриноу. да рече цриникь доушомь. ере ѥ тогази коня коупиль. и за нега платиль цриноу. а тати не зна. да му за този свода несть. аnози га такози не опрavи цариникь. да да сводь у кога ѥ коупиль. Судились ли Дубровничане должностными лицами до Душана? На это можно отвѣчать утвердительно, руководствуясь однимъ мѣстомъ грамоты Уроша I (С. № 17): и прикрьже нимь (Дубровницкимъ купцамь) клетьву мои властелинь кои хоче бити (будетъ) на суду. Впрочемъ, можно съ достовѣрностію сказать, что чѣмъ болѣе углубляемся въ старину, тѣмъ рѣже намъ встрѣчается судъ должностныхъ лицъ и тѣмъ чаще судъ присяжныхъ, который ближе перваго подходилъ къ древнѣйшему виду суда, основанному на междусобной сдѣлкѣ или састанкѣ. Въ Законникѣ Душана, хотя судъ по поротѣ еще сохраненъ, но есть уже множество исключеній въ пользу суда должностныхъ лицъ или царскихъ судей. Въ узаконеніяхъ приморскихъ Далматскихъ городовъ и острововъ порота уже вовсе потеряла свою силу и употребляется только въ смыслѣ клятвы свидѣтелей, которые только могли дѣлать показанія, но никакъ не рѣшать спора: его рѣшаетъ самъ князь или

должностные судьи, или иногда и третейскій судъ. Такъ точно было и въ Дубровникѣ, но съ небольшимъ исключеніемъ для не городскихъ жителей и странствующихъ купцовъ, которые, какъ сейчасъ увидимъ, судились и по пороте. Судиться по поротѣ значило предоставлять свое дѣло на рѣшеніе нѣсколькихъ избранныхъ нарочно для того лицъ, приносившихъ предварительно присягу въ томъ, что рѣшеніе ихъ будетъ безпристрастно. Поротники тѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ должностныхъ судей, что избирались единовременно по одному только дѣлу и для этого одного случая приносили присягу. Напротивъ, должностные судьи избирались на срокъ и однажды навсегда давали клятвенное обѣщаніе въ произнесеніи безпристрастныхъ приговоровъ. Сверхъ того, поротники избирались по одному, или по нѣскольку съ каждой стороны изъ того сословія, къ которому принадлежали тяжущіеся, и, съ рѣшеніемъ дѣла, переставали быть поротниками. Въ нашихъ памятникахъ порота является съ половины XIII-го ст.; но, нѣтъ сомнѣнія, что она существовала въ Сербіи искони, какъ древній обычай, и только письмо застало ее въ это время. Ссылка Уроша I на законъ отца и вообще выраженіе грамотъ, принятое въ основу всѣхъ постановленій, «по закону родителей и прародителей», равно какъ отсутствіе всякого намека на новизну суда по поротѣ, достаточно подтверждаютъ, что порота, при Урошѣ I, уже была обычаемъ стародавнимъ. Душанъ, въ своемъ Законникѣ, въ ст. 130, ссылается по этому случаю на своего дѣда, «святаго краля», т. е., Милутина. Во времена Сербскихъ королей, сколько показываютъ намъ источники, мы видимъ только по одному поротнику съ той и другой стороны въ спорѣ Сербовъ съ Дубровничанами и Нѣмцами. Урошъ I постановляетъ: **и аще се обрѣте кои дльгь межю срьблиномь сь дубровчаниномь. дада имь се сѹ прѣдь судиомь срьбсинмь и прѣдь єдинѣмь дубровчаниномь. и що судита тоѕи да є скрьшено** (С. № 22). Отсюда видимъ, что рѣшеніемъ обоихъ судей дѣло оканчивалось; а что сдѣсь судьи суть именно поротники, то на это ясно указываетъ другая грамота того же короля, говоря: **Судьце обое да се кльну. яко да право суде** (С. № 21). Въ этой послѣдней грамотѣ поротникамъ предоставлена отчасти и исполнительная власть, ибо сказано далѣе: **И ако се обрѣте члов҃кь ѕемлє кралєвьствамн осугень вашемю чл҃вкю. да му мое судьце иѕдаю добитькє** (отнимаютъ имущество). **аколи му добитька не стєче. а они да подаю кривьца самога. до урока доколє судьце урєку. аколи га судьце не исьдаде. да где ми правьда укаже уѕети че дьльгь. да га. уѕме кралєвьствомн и да га постави где га буде право поставити.** Сдѣсь поротники назначаютъ срокъ, берутъ вознагражденіе съ осужденнаго, или выдаютъ самого виновнаго. Только въ случаѣ ихъ несостоятельности, король принимаетъ на себя обязанность исполнительную. Милутинъ, равнымъ образомъ, повторилъ постановленіе отца своего: **да имь нѣ удавє. у комь годѣ дьльгу. лише судомь. да се ищу. да се єдн҃ь срьблинь. а други дубровьчанинь. а-ще буде прѣ сь саснномь. да буде єдинь саснинь. а други дубровьчанинь. прѣ тѣми да се расправлаю** (С. № 25). Этою грамотою число поротниковъ удержано прежнее; но племенное различіе тяжущихся поддержано еще яснѣе въ поротникахъ. И прежде уже Урошъ I, во взаимныхъ спорахъ Дубровничанъ съ Сербами, назначалъ по поротнику съ той и другой стороны; теперь же это условіе перенесено было и въ споры Нѣмцевъ съ Сербами. Оно отвѣчаетъ постановленію Душанова Законника, опредѣляющему, во взаимныхъ спорахъ Сербовъ между собою, сословіе, изъ котораго должны избираться поротники. Тамъ, въ ст. 130, сказано: **да соу велїимь властелюмь велїи властелѣ поротьци,**

а срѣдинимь людемь противоу ихь дроужина, а проуїнимь ихь дроужина да соу поротьци, — и это основано на старинномъ правѣ, соблюдавшемся еще при Милутинѣ. А въ ст. 155 повторено то же, что и въ упомянутой грамотѣ Милутина: Ниемьцемь и трьговьцемь да соу поротци половина срьбли, а половина иниа дроужина. Правда, во всѣхъ мѣстахъ, приведенныхъ изъ грамотъ, поротники называются судьями; но нигдѣ они не названы своимъ настоящимъ именемъ, равно какъ не употреблено и слово порота; но это не должно насъ смущать. Во первыхъ, поротники суть дѣйствительно судьи; во вторыхъ, судьи, которые клянутся въ правомъ приговорѣ, которые избираются, а не назначаются отъ верховной власти, и избираются поровну съ той и другой стороны, которыхъ рѣшеніе считается окончательнымъ, — не суть ли то же, что поротьци, и судъ ихъ не есть ли то же, что порота Законника Душанова? Нужно ли имъ это названіе изъ нашихъ грамотъ — вотъ оно изъ позднѣйшихъ, деспотскихъ. Но прежде замѣчу, что при Дечанскомъ, Душанѣ и Урошѣ V о поротѣ въ нашихъ грамотахъ не говорится, и при Душанѣ, какъ можно догадываться изъ вышеприведеннаго мѣста, судъ по поротѣ, кажется, ослабѣлъ и былъ чаще замѣняемъ судомъ должностныхъ лицъ: это происходило всего скорѣе отъ усовершенствованія, или, лучше, подчиненія гражданскаго быта болѣе строгимъ правиламъ и законности, къ чему стремился Душанъ. Послѣ него стремленіе это остыло среди плачевныхъ государственныхъ переворотовъ, и при деспотахъ грамоты снова являются отголоскомъ возстановленной старины. Въ нихъ читаемъ: ако се ѕчини кои прѣ мегю доубровчани и срьбли. да се постави половина соудии доубровчьчкѣхь. а половина срьбьлѣ. и да се прѣ иними прѣ. и да исть порота доубровчанинои никогова дроужина доубровчане, кои се ѡндеѕи, или кои се доубровчане нигю оу наиближнимь мѣстоу. аколи оусхоте ѡбои свѣдоувоу, кои се прѣ, да поставе половиноу доубровчанѣ. а половиноу срьбль. а ѿ ѡнѣхѕи свѣдокѣ да нѣ коль ни идьнь побѣгни. аколи оуѕимаю кою прѣ саси сь доубровчан (въ др. доубровчане ѿсаси). такогере да се соуде како и срьбли половина сась соудии, а половина доубровчань. и да не позива срьбинь доубровчанина на соудь никамо. тькмо прѣ ѡнеѕи соудїе. Такогере и саси да се проу прѣ ѡнѣмиѕи соудїами, а да се не моуге прѣ господствоми (въ др. на) ни прѣ кефалию (въ др. нашега) (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Сдѣсь ясно отличаются поротники отъ свидѣтелей, когда первые назначаются непремѣнно для тяжущихся, а послѣдніе предоставлены на волю ихъ; судьи и поротники суть одно и то же: ибо если бы тѣ и другіе были различныя лица, то и въ статьѣ о Нѣмцахъ и Сасахъ поротники были бы упомянуты, между тѣмъ какъ сдѣсь то, что говорится о поротѣ, есть только ближайшее опредѣленіе для судей; сдѣсь поротники рѣзко отдѣлены отъ должностныхъ судей, каковыми были кефаліи, и далѣе сами деспоты: кефаліи и деспоты сдѣсь то же, что царскіе судьи и самъ царь въ Законникѣ Душана, или властелинъ, имѣющій быть на судѣ, и самъ король въ грамотахъ королевскихъ; сдѣсь поротники избираются уже не по одному, а по нѣскольку, съ каждой стороны, и при томъ ближайшіе къ тяжущимся. И въ Законникѣ Душановомъ уже количество поротниковъ отъ двухъ увеличено до 24 для важнаго дѣла, до 12 для дѣла средней важности, и до 6 для малозначащаго; рѣшеніе поротниковъ основывалось на большинствѣ голосовъ (ст. 129). И такъ Дубровничане въ земляхъ Сербскихъ владѣтелей подчинялись, какъ и тузенцы, суду присяжныхъ. Это явленіе весьма важно по тому, что суда присяжныхъ, какъ сказали мы

выше, не видно въ другихъ Далматскихъ общинахъ; оно свидѣтельствуетъ о вліяніи Славянскаго права на Дубровницкое, которое развивалось подъ преобладаніемъ городскаго населенія и на Римской почвѣ. Впрочемъ, такъ и должно было случиться, ибо Дубровникъ владѣлъ Славянскими землями, и въ народонаселеніи его, равно какъ обычаяхъ, Славянское начало занимало не послѣднее мѣсто. Въ половинѣ XV-го ст. Дубровничане внесли пороту даже въ свой законникъ, извѣстный подъ названіемъ «Зеленаго»; но не приняли ея для города, а только для областей, гдѣ, конечно, она существовала и прежде, какъ старинное обычное право; теперь же получила письменное выраженіе и законность предъ лицемъ городоваго правленія. Начало статьи, признающей судъ по поротѣ, perché i conti nostri di Stagno, Canali e terre nuove ed il capitano di Tersteniza per diversi modi amministrano la ragione и т. д. [1], уже само собою показываетъ, что порота была утверждена единственно для вновь пріобрѣтенныхъ ими областей; и въ этомъ нельзя не замѣтить желанія Дубровничанъ сохранить въ цѣлости Славянскій способъ разбирательства для ихъ Славянскихъ подданныхъ. Въ статьѣ опредѣлено количество поротниковъ сообразно съ величиною иска, быть можетъ, подъ вліяніемъ Душанова Законника; но о различіи сословій не говорится. Въ ней также упоминается, что порота существовала и прежде, съ тою только разницею, что поротники избирались изъ разныхъ мѣстъ и селеній, между тѣмъ, какъ теперь они должны были выбираться изъ того округа, къ которому принадлежалъ обвиненный.

Судъ за земли производился, кажется, въ извѣстное время года, именно, между Михайловымъ и Юрьевымъ днями (С. № 21). За однѣ ли земли разбирались въ это урочное время, или еще за что либо, рѣшить трудно. Въ концѣ договора съ Радославомъ, 1234 г. (С. № 2), сказано то же самое и, по видимому, безъ отношенія къ землѣ; но это позднѣйшая приписка, и ей нельзя давать полнаго значенія. Во всякомъ случаѣ, Михайловъ и Юрьевъ день играютъ важную роль въ древнѣйшемъ обычномъ правѣ Славянъ, что весьма естественно; ибо одинъ изъ нихъ стоялъ въ концѣ земледѣльческаго года, а другой въ началѣ. Дѣла могли удобнѣе совершаться въ свободное зимнее время, но, конечно, дѣла такія, которыя допускали отлагательство и относились преимущественно къ землевладѣнію. Въ Шибеникѣ суда не было по праздникамъ и въ пору жатвы [2]; въ Которѣ земледѣльцы отходили отъ собственниковъ въ Михайловъ день [3]. Въ Врьбникѣ, на Крькѣ, всякая потрава судилась до дня св. Люціи (13 декабря) [4]. На Млѣтѣ судьи избирались на одинъ годъ, и днемъ ихъ избранія былъ праздникъ св. Михаила, въ сентябрѣ мѣсяцѣ [5].

Судъ производился въ ближайшемъ городѣ, какъ видно изъ гр-ы Душана (С. № 43): да се сꙋде прѣдь цр҃никомь и кнезомь. а или прѣдь кефалиѡ кои бꙋде града тогази, и изъ гр-ъ деспотовъ: да исть порота дꙋбровчанинꙋ нигова дроужина доубровчане, кои соу ѡндези, или кои се доубровчане нагю оу наиближнимь мѣстоу (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Но судъ за земли стоялъ, ка-

[1] Dubrovnik, 1851. См. статью М. Бана: Zrcalo povestnice Dubrovačke, стр. 81.
[2] Рейцъ, Сборникъ Валуева, стр. 176.
[3] Рейцъ, тамъ же, стр. 102.
[4] Arkiv za pověstnicu Jugoslavensku. Knj. II, razd. II, 1852. Statut otoka Krka, стр. 291.
[5] Млѣтскій статутъ, гл. 20, 28.

жется, въ опредѣленномъ мѣстѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно понимать выраженіе гр-ы Уроша I (С. № 21): **И сѫдь да стае. гдѣ е и прѣге стоıаль ѹ дни родителıи ѡцѧ.** Объясненіемъ служитъ гр-а Душана (С. № 43), въ которой судъ и расправа за землю назначаются тѣ же, какіе были у отца и дѣда, а судъ, по прежнему, стоитъ на Желѣзной Плочѣ. Мѣсто для суда избиралось, какъ сказали мы, ближайшее и удобнѣйшее для тяжущихся. Иногда его назначали судьи. Такъ король Тврьтко II, принявъ владѣнія послѣ бѣжавшаго Остои въ 1405, для разбирательства между Дубровникомъ, съ одной стороны, и Сандаломъ и Павломъ Радиновичемъ, военачальниками Остои, и прочими Босняками, съ другой, назначилъ одно изъ трехъ мѣстъ, Конавле, Требинѣ, или Попово, какое изберетъ одинъ изъ четырехъ судей, а именно, Вукацъ Храничъ, братъ Сандаловъ (С. № 69). Хотя састанакъ назначенъ былъ для всякого, кто только захватилъ что нибудь несправедливо у Дубровника; однако мѣсто састанку назначено было ближайшее какъ къ Дубровнику, такъ и къ владѣніямъ обоихъ главныхъ воеводъ, изъ которыхъ одинъ владѣлъ Хлумомъ, а другой Требинемъ и Поповымъ: въ Конавлѣ сходились владѣнія обоихъ.

Между доказательными средствами, прежде всего вниманіе наше должно быть обращено на свидѣтельство или показаніе свидѣтелей. Свидѣтели въ Славянскомъ правѣ занимаютъ почетное мѣсто, и при извѣстныхъ условіяхъ пользуются полною довѣренностію: отъ того въ статутахъ Далматскихъ городовъ и острововъ находятся подробныя постановленія о свидѣтеляхъ. На показаніи свидѣтелей основывался искъ и рѣшалось дѣло; свидѣтели подкрѣпляли каждое показаніе, и безъ нихъ оно считалось недѣйствительнымъ; ихъ клятва имѣла одинаковую силу съ клятвою самого истца. За то и право свидѣтельствовать было ограничено строгими положеніями. Въ гр-ѣ Стефана Дечанскаго (С. № 39) есть любопытное извѣстіе о томъ, какъ должно разбираться при перенмкѣ людей. Если Король услышитъ, что въ Стонѣ и Рьтѣ проживаютъ его подданные, кромѣ тѣхъ, которые поступили во власть Дубровника вмѣстѣ съ упомянутыми мѣстами, то Король посылаетъ своего человѣка, который, вмѣстѣ съ приставомъ Дубровницкимъ, идетъ въ Стонъ и Рьтъ и отыскиваетъ королевскихъ людей; если таковые не отыщутся, а Король не повѣритъ, то **да нарѣ кралевьи четиреми или петими властелоıи дѹбровьчкими да ми се ѡкльнѹ ѹ бгородицѹ дѹбровьчкѹ прѣдь чл̃вкомь кралевьи како нѣ ни єдиного чл̃вка кралевьи (к)и ѹ рѣтѹ ни ѹ стонѣ.** Слѣдовательно, клятвою свидѣтелей дѣло оканчивалось. Въ Душановомъ Законникѣ есть двѣ статьи (144 и 151), которыя пороту назначаютъ доказательнымъ средствомъ къ оправданію подозрѣваемаго; но такъ какъ сдѣсь дѣло нейдетъ о судебномъ рѣшеніи, то должно заключить, что сдѣсь законодатель разумѣетъ свидѣтелей, которые клятвенно оправдывали обвиняемаго. Какъ единственно свидѣтели, такого рода поротники ничѣмъ не отличаются отъ «душниковъ». То и другое слово означаетъ присяжныхъ; ибо въ Сербскихъ грамотахъ и Сербскомъ правѣ часто употребляются въ одномъ и томъ же смыслѣ «клятва» и «душа», или оба понятія, для взаимнаго усиленія, соединяются въ одно выраженіе «клясться на душѣ, или душою.» Вотъ нѣсколько примѣровъ: **И врьхь** (на). **вьсе. ѡво. писанье. марьтоль. гѹвернивь. вань.... врьхь. дѹше. свое. и вьсе ѡпькине дюбровьчьке. си ѡбьть. потврьдиль дрьжати. и клель се** (С. № 16); **да рече црнии дѹшѡ** (С. № 43); **и ми се на тои ꙁаклесмо нашѣми вѣрами и дѹшами да смо тои право свѣдочили** (С. № 156) и пр. По этому у древнихъ Сербовъ сказать на душѣ считалось равносильнымъ клятвѣ, и отъ того душники имѣли то же значеніе, какое и поротники, въ смыслѣ свидѣтелей, отли-

чаясь отъ простыхъ свидѣтелей тѣмъ, что показанія свои подтверждали клятвою. Это всего яснѣе видно изъ 163-й ст. Законника Душанова, гдѣ находимъ слѣдующее мѣсто: аколи се слоучи что изгоубити да имь (торговцамъ и гостямъ) исть порота вѣровани чловѣци. что рекоу доушомь своіомь, ере соу изгоубили, сь онеми поротци, то имь да плате кефалiе и стражe. Сдѣсь, какъ видно, порота и поротци опредѣлены точнѣе выраженіемъ вѣровани чловѣци что рекоу доушомь своіомь, которые, въ свою очередь, могутъ быть замѣнены однимъ словомъ доушници или доушевници, какъ и дѣйствительно употребляется это слово въ другихъ статьяхъ. Объявить подъ клятвою количество утраты есть дѣло свидѣтеля, а не судьи: по этому душники суть присяжные свидѣтели, а не судьи. Такъ и въ другихъ статьяхъ Законника, въ которыхъ встрѣчается слово душники, оно означаетъ свидѣтелей, а не судей [1]; и приговоръ произносится не ими, а самимъ законодателемъ въ тѣхъ же самыхъ статьяхъ. Ихъ обязанность еще болѣе уяснится изъ сличенія гр-ы Душана (С. № 43), повторенной Урошемъ V (С. № 50), съ 193-ю ст. Законника. Въ первой сказано: а(ко) кои любо трьговьць. доведе коне купивь истуге земле. а позна юсе. да се кльне. тьзи трьговьць самь други ере (что) га ѥ купиль у туген земли. и не зна тати. ни гусара (разбойника). да не дае свода за този. да ако си узлюби сизи. кои си га познава. узети коня. да си га узме а ономузи трьговцу. да пода цѣну. що буде подаль за нега. А во второй: И сводь коньскыи и иныихь добытькь, или кои годѣ, прѣвьда. что се гоуси (похищается) или оукраде, томоу да даа сводьника, да плати вьсако само седьмо. ако ли рече. коупихь оу того (тоуги, въ чужой) земьли, да оправе доушевници оть глобе (пени). ако ли га не оправе доушевьници, да плати за (съ) глобомь. Сличимъ эти два мѣста еще съ 151-ю ст.: Що ко (кто) коупи оть платна истоуждe земьлe что боуде платниво по царевои земьли, да исть волянь коупити оть тога платна колико оу чюждеи. ако ли га кто потвори (задержитъ) и вели (скажетъ): то е мое, да га оправи порота по законоу, ере исть коупиль оу тоуждои земьли, а не (нѣтъ) моу ни тать ни продавьць ни вѣстьникь. тако има како свое. Сравнивъ всѣ три мѣста, видимъ, что сдѣсь дѣло идетъ объ одномъ и томъ же: о покупкѣ коня, или другаго какого предмета, похищеннаго въ Сербіи и доставленнаго изъ чужой земли обратно въ Сербію для продажи. Купившій его, въ случаѣ, если отыщется прежній хозяинъ, представляетъ присяжныхъ свидѣтелей въ удостовѣреніе того, что купленому имъ предмету, оказавшемуся краденымъ, онъ не знаетъ ни вора, ни разбойника, ни продавца, сбывшаго его первоначально въ чужую землю изъ царской, ни соучастника; послѣ этого онъ избавляется отъ свода и владѣетъ купленымъ предметомъ по праву собственника; но если прежній хозяинъ захочетъ взять себѣ назадъ свою собственность, то купившій не можетъ удержать ея и возвращаетъ съ полученіемъ обратно своей цѣны, т. е., того, что она ему стоила; пени за покупку краденаго предмета онъ не платитъ, ибо уже оправданъ душникомъ; но если не оправданъ, то возвращаетъ купленый предметъ «съ глобою», т. е., самъ седьмой. Можно присоединить сюда еще одно мѣсто изъ той же грамоты Душана: и кои трьговьць. купи коня на трьгу. и плати зань цриниу. да ре цриниі душею. ере ѥ тогази коня купиль. и за нега платиль цриниу. а тати не зна. да му за този свода нѣсть. аколи га такози не оправи цариниі. да да сводь у кога ѥ купиль Сдѣсь нѣтъ купли въ чужой

---

[1] Ср. ст. 65, 190, 191, 193.

землѣ, но дѣло состоитъ въ одномъ и томъ же: царинникъ, хотя и должностное лицо, заступаетъ мѣсто душника и оправдываетъ купившаго. Такимъ образомъ всѣ приведенныя мѣста представляютъ одинаковое положеніе о покупкѣ украденаго въ чужую землю предмета; только выраженія для присяжныхъ свидѣтелей употреблены различныя: въ грамотѣ сказано просто «да клянется самъ-другъ»; въ Законникѣ этотъ побочный свидѣтель, присягающій вмѣстѣ съ покупщикомъ, замѣненъ «душевниками» и «поротою», а для купли, не бывшей въ чужой землѣ, онъ могъ быть самъ царинникъ. Въ томъ же смыслѣ порота является еще въ двухъ статьяхъ Законника. Ст. 144-я: **Дворане властельсціи, ако оучини кое ꙁло ѿть нихь, кто боуде проникревникь, да га ѿправе ѿуника дроужина поротомь. ако ли ѥсть себрь, да хвати оу котьль**; ст. 163-я: **ако ли се слоучи** (гостямъ и торговцамъ) **что изгоубити да ньмь ѥсть порота вѣровани чловѣци. что рекоу доушомь своѥѿмь, ере соу изгоубили сь ѡнеми пороти, то ньмь да плате.** Судъ по поротѣ не могъ обойтись безъ поротниковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны: въ этомъ и состояло существенное свойство этого замѣчательнаго суда. Сдѣсь же поротники, по самому смыслу дѣла, стоятъ только съ одной стороны, ибо другой не было. Хотя **ѿправити** можетъ означать и судебное оправданіе; но сдѣсь оно означаетъ очищеніе отъ обвиненія черезъ клятву свидѣтелей, и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть противопоставлено пыткѣ, назначаемой для себра. Вторая статья еще яснѣе подтверждаетъ смыслъ первой: въ ней поротники явно суть присяжные свидѣтели, вмѣстѣ съ которыми присягало и главное лицо. Клятвенное показаніе этого послѣдняго находило въ ихъ клятвѣ подтвержденіе себѣ. Сдѣсь нѣтъ и тѣни суда. Отсюда заключаемъ, что въ Законникѣ порота употребляется въ двоякомъ смыслѣ: какъ судъ по поротѣ и какъ клятвенное свидѣтельство: и этого различія не надобно забывать ни въ какомъ случаѣ. И такъ въ Сербскомъ судопроизводствѣ поротники, въ смыслѣ свидѣтелей, и душники служили присяжными свидѣтелями; и такъ какъ ихъ показаніе упраздняло всякое другое изслѣдованіе, на пр., сводъ, и считалось неопровержимымъ доказательствомъ, на которомъ уже основывался и самый приговоръ, предоставленный царскимъ судьямъ, или царю, или произнесенный заранѣе въ самомъ Законникѣ, то показанія ихъ нельзя назвать только очистительнымъ, а ихъ самихъ «очистниками», ocistníci, или «помощниками», pomocníci, каковы были у древнихъ Чеховъ въ смыслѣ оправдателей обвиняемаго, или «сакраментаріями», sacramentarii, въ томъ же смыслѣ у жителей Далматскихъ общинъ; но показаніе ихъ могло быть и обвинительнымъ, и сами они могли свидѣтельствовать за и противъ. Были ли они въ то же время и рѣшителями дѣла, т. е., имѣли ли право произносить приговоры? Этого мы не видимъ ни отъ куда. Душники не суть поротники въ смыслѣ судей. Если Законникъ 129-ю и 156-ю статьями своими и если списокъ его 1701 года, замѣняющій слово **поротьци** словомъ **соудіе**, достаточно свидѣтельствуютъ, что поротники были присяжными судьями, рѣшителями дѣла, и если душники были присяжными свидѣтелями въ пользу, или противъ обвиняемаго и оправдывающагося, то мы можемъ думать, что Шафарикъ и Палацкій ошибаются, разумѣя подъ душниками судей. Первый переводитъ ихъ чрезъ judices, Richter [1], а второй говоритъ: «что поротцы въ дѣлахъ важнѣйшихъ, то душницы, душевницы и свидѣтели въ дѣлахъ малыхъ», и доказываетъ свое мнѣніе 69-ю ст. Закон-

[1] У Кухарскаго, Древнѣйшія памятники Словянскаго законодательства, стр. 218.

ника. При этомъ онъ замѣчаетъ также, что «душники отвѣчали за приговоръ своею душею, а по тому не присягали»[1]. Во первыхъ, душники не были судьями, по тому, что ни одна статья Законника не говоритъ объ этомъ. Въ 69-й ст. сказано только: **А за мегю сѧсныѥ.... да коуде рекоуть свѣдоци, тако да ѥсть.** Сдѣсь приговоръ произнесенъ самою статьею, а показаніе свидѣтелей взято только въ основу, какъ доказательство, слѣдовательно, и не болѣе, какъ свидѣтельство. 65-я и 193-я ст. были бы приличнѣе, ибо въ первой изъ нихъ положено: **Аще кто понасеть** (потравитъ) **жито или винограды или ливадоу грѣхомь, тоузи попашоу да платн, що рекоуть доушьници, кои цѣнѥ**; а во второй: **да ѡправе доушевници ѡть глобе.** Но и сдѣсь, въ первомъ случаѣ, душники являются не болѣе какъ оцѣнщиками, а во второмъ простыми свидѣтелями, присутствовавшими при совершеніи покупки; но приговоръ или рѣшеніе дѣла заключается въ самихъ статьяхъ и зависитъ отъ воли законодателя. Что душники присягали, то это достаточно доказано нами выше; а что они не разбирали и малыхъ дѣлъ, то за это ручается 129-я ст., которая именно говоритъ: **а за мало дѣло. s. поротьць.**—поротниковъ, но не душниковъ. Вообще **порота** обширностію своего значенія не должна смущать изслѣдователей. Если душники клялись, и по тому самому были поротниками, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они отправляли должность поротниковъ-судей. Послѣдніе составляли только одинъ видъ поротниковъ вообще или присяжныхъ. Но чтобы душниковъ не сдѣлать поротниками-судьями, то для этого нельзя утверждать, что они не клялись. Какъ же иначе, какъ не черезъ клятву, поручатся они своею душою въ справедливости показанія? «Порота» или «рота» у Славянъ означаетъ вообще клятву безъ отношенія къ суду, а по тому и «поротникъ» или «ротникъ» означаетъ вообще присяжнаго, будетъ ли это судья, или свидѣтель. Въ статутахъ Далматскихъ общинъ часто встрѣчаемъ эти слова, но нигдѣ (кромѣ упомянутой статьи Дубровницкой Зеленой Книги) они не указываютъ на судъ по поротѣ и на присяжныхъ судей: они всюду означаютъ не болѣе, какъ обыкновенную клятву и клянущихся свидѣтелей[2]. Даже выраженіе § 41-го Винодольскаго Закона: *ротници за осудити кривце* не должно быть понимаемо иначе, какъ въ смыслѣ свидѣтельства неблагопріятнаго, но не въ смыслѣ судебнаго обвиненія; ибо дальнѣйшій смыслъ статьи показываетъ, что сдѣсь ротники суть свидѣтели, которымъ, безъ извѣстнаго условія, можно и не вѣрить.

Независимо отъ присяжныхъ свидѣтелей, душниковъ и ротниковъ, въ Сербскомъ судопроизводствѣ допускались другаго рода свидѣтели, не присяжные, которыхъ показанія основывались на ихъ личной честности и безпристрастіи; которымъ вѣрили на слово. Въ статутахъ Далматскихъ общинъ ихъ называютъ не иначе, какъ «добрыми мужами» или «добрыми людь-

---

[1] Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ. Чтенія И. О. И. и Д. Р. 1846. N 2, стр. 24.

[2] Ср. Винодольскій Законъ, (Чтенія И. О. И. и Д. Р. 1846. N 4.) §§ 10, 41, 56, 61, 68, 69, 72, 73.—Крьчскій статутъ (Statut otoka Krka. Arkiv za pověstn. Jugoslav., knj. II, razd. II. 1852. Стр. 277—307) 1388 года, гл. 14; 1476 г., гл. 2. Сдѣсь числа главъ выставлены по нашему счету: въ изданіи Загребскаго Архива главы не перечислены. — Рейцъ, въ Сборн. Валуева, стр. 151. Жаль, что Рейцъ, въ изслѣдованіи своемъ, не обратилъ должнаго вниманія на различіе, дѣлаемое въ узаконеніяхъ Далматскихъ общинъ между свидѣтелями присяжными и неприсяжными. Изслѣдованіе его въ этомъ случаѣ остается для насъ безъ пользы.

ми»[1], «вѣроваными», «подобными», «добрыми»[2] свидѣтелями, «людьми добраго гласа»[3], а свидѣтельство ихъ «вѣрованымъ», или «отъ добраго гласа»[4].

Остановимся прежде всего на такъ называемыхъ добрыхъ людяхъ. Самое названіе этихъ людей, или мужей, добрыми показываетъ, съ какой стороны смотрѣло на нихъ общество. Это были люди почтенные, уважаемые, честные, безпристрастные, заслуживавшіе общее и полное довѣріе. Они могли принадлежать не къ одному какому либо сословію, а къ разнымъ; ибо значеніе ихъ было не сословное, какъ, на пр., значеніе благородныхъ или властелей, но нравственное. Тѣмъ не менѣе справедливъ и Рейцъ, относящій добрыхъ людей къ сословію неблагородныхъ или горожанъ[5]. Онъ разумѣетъ сдѣсь единственно такихъ добрыхъ людей, которые отправляли какія либо общественныя должности. Дѣйствительно, и теперь мы видимъ, что нѣкоторыя гражданскія обязанности лежатъ на людяхъ, которыхъ, по отправляемой ими должности, нельзя назвать чиновниками, но которые исполняютъ дѣла, требующія особенной добросовѣстности. Въ Дубровникѣ, какъ и въ другихъ Далматскихъ общинахъ, были должности, казавшіяся низкими для знатныхъ и богатыхъ властелей, но, по своей сущности, не могшія поступить въ завѣдываніе какого нибудь бѣднаго, неузнаннаго и никѣмъ не уважаемаго властеля; такія должности, каковы, на пр., оцѣнка имущества, повѣрка отчетовъ, опредѣленіе границъ и т. п., нуждавшіяся въ безкорыстіи и добросовѣстности исполнителей, отдавались лучшимъ изъ горожанъ, людямъ, хотя и не благороднаго происхожденія, но пользовавшимся въ городѣ доброю славою и всеобщею довѣренностію. Имъ же поручались и нѣкоторыя единовременныя обязанности, нуждавшіяся равномѣрно въ надежныхъ исполнителяхъ. Вообще, граждане, не получавшіе жалованья, подобно чиновникамъ, и отправлявшіе нѣкоторыя постоянныя, или временныя должности, основанныя не столько на знаніи законовъ, сколько на добросовѣстности исполненія, избирались изъ добрыхъ людей. До сихъ поръ Рейцъ правъ; онъ правъ только для нѣкоторыхъ случаевъ, но не правъ для всѣхъ видовъ служенія добрыхъ людей; ибо, повторяю, основаніе, имъ взятое для опредѣленія ихъ значенія, не вѣрно: оно не есть сословное, а нравственное. Какъ, на пр., ограничитъ онъ какимъ либо сословіемъ происхожденіе тѣхъ добрыхъ людей, которые, по его словамъ, въ Истріи, рѣшали семейные споры по назначенію самого подесты[6]? Не ужели одно только сословіе горожанъ имѣло право судить и рѣшать домашнія распри, которыя могли возникнуть и въ властельскомъ и въ земледѣльческомъ сословіяхъ? Скорѣе всего сословіе добрыхъ людей отвѣчало сословію спорящихъ. Грамоты покажутъ намъ, что добрые люди были и изъ властельскаго сословія. Онѣ указываютъ на нѣкоторыя обязанности добрыхъ людей. Дубровничане просятъ Сербскихъ владѣтелей, чтобы за полученіемъ вкладовъ они посылали къ нимъ добрыхъ мужей, какъ людей благонадежныхъ (С. №№ 87, 108, 112, 115, 157). Между тѣмъ изъ грамотъ видимъ, что за вложеніемъ и полученіемъ вкладовъ являются отъ Сербскихъ владѣтелей

---

[1] Винод. Зак., § 27. — Крьчскій ст. 1388 г., гл. 19, 20, 26; 1470 г., гл. 3.

[2] Винод. Зак., §§ 7, 23, 27, 28, 30, 42, 51. — Крьчскій ст. 1388 г., гл. 1.—Рейцъ, въ Сборн. Вал., стр. 184, 187, 192.—Млѣтскій ст., гл. 21, 29, 33, 41, 43, 52.

[3] Винод. Зак., § 66.—Крьчскій ст. 1388 г., гл. 14.

[4] Винод. Зак., § 59.

[5] Сборникъ Валуева, стр. 74.

[6] Тамъ же, стр. 151.

почти всегда лица знатнаго происхожденія, кнезы и властели, изъ коихъ нѣкоторые, какъ на пр., Браилъ Тезаловичъ, были одними изъ знатнѣйшихъ бояръ. Другой вкладчикъ, витязь и кнезъ Прибиславъ Похваличъ, названъ Дубровничанами племенитъ чловѣкъ, т. е., племенитымъ человѣкомъ (С. №№ 106, 108, 109, 112, 115, 119, 123, 126, 127, 135, 139, 157, 158). Въ нѣкоторыхъ немногихъ грамотахъ вкладчики упоминаются не изъ властельскаго сословія, чего, впрочемъ, навѣрно утверждать нельзя. Таковы старецъ Димитрій, Радоня Прибчичъ и дьякъ Браянъ (С. № 87), христіанинъ (т. е., членъ ереси Патареновъ) Радашинъ (С. № 127), дьякъ Радивой Шиглица (С. № 134) и др. Совѣстныя дѣла, касавшіяся до личности, чести и имущества благородныхъ, требовали, чтобы и выборъ людей въ добрые мужи падалъ на благородныхъ. Добрые мужи являются посредниками въ распряхъ. Сандалъ, въ ссорѣ съ своею матерью, упоминаетъ о добрыхъ людяхъ отъ Босны, Хорваціи, Венеціи и Дубровника, присудъ которыхъ онъ считаетъ для себя закономъ. Онъ даетъ обѣщаніе не покидать матери ни въ легкое, ни въ тяжелое время; развѣ съ ея стороны будетъ противъ него что нибудь такое, за что, по приговору означенныхъ добрыхъ мужей изъ четырехъ земель, можно бы было сыну покинуть мать (С. № 93). Нельзя никакъ думать, чтобы столь важное лицо, каковъ былъ Сандалъ, могло щекотливое семейное дѣло поручить посредничеству не властелей, а горожанъ. Избранные имъ добрые мужи, безъ сомнѣнія, были знатнѣйшіе бояре четырехъ сосѣднихъ областей. Такъ точно Юрій, племянникъ Гервои, предоставляетъ Францисканскому викарію съ братіею, себѣ и своимъ добрымъ людямъ право обсуживать тѣ проступки, за которые можно бы было племенитымъ, т. е., знатнымъ властелямъ отрубить голову, или отнять у нихъ наслѣдственную собственность (С. № 118). Конечно, изъ мірянъ судить благородныхъ могли всего скорѣе благородные же. Невѣроятно, чтобы Юрій сталъ судить властелей съ одними горожанами. Радославъ Павловичъ, желая примириться съ Дубровничанами, послалъ къ нимъ добрыхъ мужей, которые и заключили съ Общиною договоръ отъ его имени (С. № 114). Для этого нужны были люди опытные въ дѣлахъ государственныхъ: это были тѣ же послы. Придворные знатные властели скорѣе всего могли исполнить поручіе такого рода. Ихъ имена выставлены въ грамотѣ: христіанинъ и почтенный мужъ Радинъ, кнезъ Санко Богавчичъ, кнезъ Иванишъ Гребеляновичъ и дьякъ Остоя, домашній Радослава. Первый изъ нихъ упоминается еще въ гр-ѣ Стефана Косачи (С. № 142): мирясь съ женою и сыновьями, Косача обѣщаетъ не враждовать болѣе съ ними до тѣхъ поръ, пока причину вражды не найдутъ законною дѣдъ Боснійской Церкви, 12 строителей, и между ними гость Радинъ, и 12 главнѣйшихъ властелей. Въ другой гр-ѣ (С. № 143) тотъ же Косача приводитъ свидѣтелей: дѣда Боснійской Церкви и съ нимъ 12 главнѣйшихъ христіанъ, урядителей или строителей «нашей—какъ сказано въ грамотѣ—вѣры», и 12 знатнѣйшихъ властелей. «Дѣдъ», «строитель» и «христіанинъ» были почетными званіями въ Патаренской ереси: по этому и гость Радинъ, хотя и не былъ благороднымъ, однако справедливо названъ въ грамотѣ С. № 114 «почтеннымъ мужемъ». Дѣдъ, строители и христіане, т. е., избранные члены ереси, стоятъ въ грамотѣ выше властелей, какъ самыя почетныя лица, которымъ, вмѣстѣ съ племенитыми властелями, самъ воевода св. Савы отдаетъ свое дѣло на судъ. Второй и третій изъ вышеупомянутыхъ добрыхъ людей приводятся въ другихъ грамотахъ Радослава и сына его, Иваниша, въ числѣ свидѣтелей; а извѣстно, что свидѣтелями бывали всегда знатнѣйшіе бояре, именующіеся въ грамотахъ почтенными вла-

стелями, родичами и братіею самого владѣльца. Между таковыми свидѣтелями стоятъ имена Санка Богавчича (иначе Боровчича, Гаочича, Раочича) въ гр-хъ С. №№ 104, 114, 133 и Иваниша Гребеляновича въ гр-хъ С. №№ 114, 127. Отсюда ясно, что и властели и благородные могли быть добрыми людьми. Племянникъ Гервои, Юрій Воиславичъ, въ своей грамотѣ, приводя свидѣтелями кнезовъ, воеводъ и родичей своихъ, называетъ ихъ всѣхъ добрыми людьми (С. № 118). И такъ, послѣ этого, не подлежитъ сомнѣнію, что добрымъ мужемъ могъ быть всякій, и простолюдинъ, и человѣкъ средняго состоянія, и властелинъ. Значеніе добрыхъ мужей или добрыхъ людей было не сословное, а нравственное. Нѣкоторыя гражданскія должности и важныя порученія исполняли, дѣйствительно, люди средняго сословія, а гдѣ дѣло касалось до личности, совѣсти, сословныхъ отношеній и т. п., тамъ добрые мужи избирались согласно съ происхожденіемъ главныхъ участниковъ дѣла. Такъ, на пр., для разбора семейной распри въ домѣ знатнаго боярина, для обсужденія проступка, сдѣланнаго властелемъ, для улаженія взаимныхъ отношеній между независимою Общиною и полунезависимымъ владѣтельнымъ бояриномъ, для свидѣтельствованія грамоты владѣтеля, или его вельможи и т. п. необходимо избирались добрые мужи изъ высшаго или властельскаго сословія; а для повѣрки, на пр., межъ, или для точныхъ показаній о правѣ землевладѣнія и т. п. добрые мужи могли быть избираемы и изъ горожанъ. Такъ, Санковичи, говоря объ основаніи Дубровника, ссылаются на слова старожиловъ, добрыхъ людей, слышавшихъ отъ отцовъ и дѣдовъ о разрушеніи Епидавра, и на основаніи словъ этихъ добрыхъ людей они уступаютъ Дубровнику Конавле и Виталину (С. № 78). Такъ точно для опредѣленія спорныхъ границъ, въ одной грамотѣ Душана (?) назначено было двѣнадцать старцевъ, добрыхъ людей, *да отешу куде мега* (Гр., стр. 54, № 38). Для оттесанія или проведенія межи не нужно было выбирать добрыхъ мужей изъ властельскаго сословія. Сдѣсь нужны были только люди добросовѣстные, на показанія которыхъ можно бы было положиться. Въ Далматскихъ общинахъ, также какъ и въ Сербіи, были добрые люди; но извѣстія о нихъ скуднѣе въ нашихъ источникахъ. Только въ одной грамотѣ находимъ ихъ, и именно въ гр-ѣ Уроша V (С. № 45), гдѣ царь повелѣваетъ Дубровнику послать своихъ добрыхъ людей для призванія виновнаго Жарка. Сдѣсь обязанность ихъ соприкасается съ обязанностію пристава, хотя различіе видно съ перваго взгляда. На пристава менѣе можно было положиться, чѣмъ на добрыхъ людей. Въ Крьчскомъ статутѣ видимъ, что проведиторъ Гуго, осматривая Врьбникъ, имѣлъ при себѣ всѣхъ вѣчниковъ и прочихъ добрыхъ людей и съ ними дѣлалъ различныя постановленія (1477 г., февр. 3)[1]. Сдѣсь разумѣются почтенные и благонадежные люди, приговору которыхъ община должна была подчиниться.

Къ этому общему значенію добрыхъ людей, избиравшихся изъ разныхъ сословій для всего того, что нуждалось въ рѣшеніи, или исполненіи не должностнаго какого лица, а человѣка безукоризненной честности, съ вліяніемъ въ обществѣ, пользующагося извѣстностію и общимъ довѣріемъ, надлежитъ присоединить и частное значеніе добрыхъ людей, какъ свидѣтелей неприсяжныхъ. Всякое свидѣтельство, которому вѣрили, не нуждалось въ клятвѣ. Отъ того въ грамотахъ, Законникѣ Душановомъ и узаконеніяхъ Далматскихъ общинъ простые свидѣтели отличаются отъ присяжныхъ. Слѣдовательно, Серб-

---

[1] Arkiv za pověstn. Jugoslav., 1852. II, II. Стр. 293.

ское право различало два вида свидѣтелей, душниковъ или поротниковъ, въ смыслѣ свидѣтелей, и собственно такъ называемыхъ свидѣтелей или добрыхъ людей. Что простые свидѣтели были вмѣстѣ и добрыми людьми, то это мы уже показали выше, приводя различныя названія, придававшіяся свидѣтельству. Теперь посмотримъ, есть ли слѣды упомянутаго различія между свидѣтелями въ нашихъ грамотахъ, касающихся взаимныхъ отношеній Дубровника съ Сербіею. Извѣстія о присяжныхъ свидѣтеляхъ мы уже разсмотрѣли. Обратимся къ простымъ свидѣтелямъ. **И кьди при латининь срблина.** — сказано въ грамотѣ Душана (С. № 43) — **да да латининь. срблинꙋ половинꙋ латинь. а половинꙋ србь свѣдоке. такожѐ и срблинь кьди при латинина. да мꙋ дам свѣдоке. половинꙋ србь а половинꙋ латинь. по ꙁаконꙋ како сꙋ имале. ꙋ родитель и ꙋ прародитель цркми. и ꙋ стаго крали.** Сдѣсь грамота имѣетъ въ виду свидѣтелей, а не поротниковъ или судей, ибо непосредственно передъ этимъ говоритъ о судѣ и назначаетъ кому завѣдывать судомъ. За тѣмъ слѣдуетъ естественный переходъ къ свидѣтелямъ, клятвѣ, душникамъ и т. д. Отсюда видимъ, что обычай представлять свидѣтелей велся въ Сербіи изстари, и что не оба тяжущіеся обязывались выставлять свидѣтелей, а одинъ только истецъ долженъ былъ представить половину свидѣтелей изъ своихъ одноземцевъ, и половину изъ одноземцевъ своего соперника. Это послѣднее обстоятельство служитъ новымъ различіемъ между присяжными судьями и свидѣтелями: мы видѣли, что поротники непремѣнно назначаются поровну съ той и другой стороны, отъ жалобника и отъ обжалованнаго, а не отъ одного истца. Но представленіе свидѣтелей съ одной только стороны не всегда наблюдалось. Справедливѣе было выслушать свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ, и по тому въ 69-й ст. Законника, въ спорѣ за границы, Душанъ назначилъ свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ по ровному числу. На показаніи ихъ утверждался приговоръ. Впрочемъ, сдѣсь сущность дѣла была отлична отъ предыдущей: тѣмъ не менѣе деспотскія грамоты и для торговыхъ дѣлъ опредѣляютъ поровну свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ: **аколи оусхоте ѡбои свѣдоубꙋ, кои се прѣ, да поставе половинꙋ доубровчанѣ. а половинꙋ срьбль. а ѿ ѡнѣхꙁи свѣдокѣ да не кольнь ни идѣ побѣкы** (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Сдѣсь еще яснѣе, чѣмъ въ Душановой грамотѣ, отличены свидѣтели отъ поротниковъ, именуемыхъ судьями. По поводу суда поротниковъ назначаются и самые свидѣтели, и при томъ допущеніе ихъ предоставлено на волю тяжущихся. Свидѣтели представляются обѣими сторонами; изъ нихъ ни одинъ не можетъ бѣжать. Но при всемъ ясномъ различіи, какое мы видимъ между присяжными судьями и свидѣтелями, мы не знаемъ достовѣрно, клялись ли послѣдніе въ справедливости своего показанія, или нѣтъ: грамоты рѣшительно умалчиваютъ о клятвѣ этого рода свидѣтелей. Это одно уже служитъ отрицательнымъ доказательствомъ въ пользу того, что Сербское право допускало свидѣтелей неприсяжныхъ. Но названіе добрыхъ мужей, придаваемое столь часто свидѣтелямъ въ статутахъ Далматскихъ общинъ, уже положительно доказываетъ это мнѣніе; ибо иначе этимъ свидѣтелямъ не за чѣмъ бы было называться добрыми мужами: справедливость ихъ показанія была бы подкрѣплена клятвою, а не добрымъ именемъ. Съ этимъ согласны и прочія названія, придаваемыя свидѣтелямъ, какъ-то: почтенные, достовѣрные и т. д.; ибо если бы свидѣтели не были таковыми, то не были бы и свидѣтелями. По этому клятва, при ихъ добросовѣстности, была дѣломъ лишнимъ. Мы съ увѣренностію можемъ сказать, что этого рода свидѣтели дѣлали свои показанія голословно. Но Рейцъ приводитъ положеніе изъ Ко-

торскаго статута, по которому всѣ свидѣтели должны быть приводимы къ присягѣ[1]. Въ Которѣ, можетъ статься, дѣйствительно такъ было; однако мы, имѣя подъ рукою подлинники Винодольскаго, Крьчскаго и Млѣтскаго статутовъ, не можемъ допустить словъ Рейца для прочихъ общинъ. Ни въ одномъ статутѣ мы не находимъ выраженія, которое, по смыслу своему, означало бы клятву свидѣтелей. Тамъ постоянно употребляются выраженія: «показати», «приказати», «сказати», «провати»[2], въ чемъ, конечно, никто не замѣтитъ клятвеннаго удостовѣренія, которое тамъ, гдѣ оно существуетъ, имѣетъ другое выраженіе, именно, «присети», «одприсети», «ротою, заклетвою подтвердити», «ротити» и т. п.[3]; а присяжные свидѣтели называются въ такомъ случаѣ уже не «свѣдоками», а «ротниками». Приведу замѣчательное мѣсто изъ Винодольскаго Закона, гдѣ «свѣдоки» отличены отъ «поротниковъ»: *И ёште од убойства, ако ни су сведоци, осваєни од нєга* (обвиненный въ немъ) *има се очистити само. н̃. десет, найдуть* (нашедши) *своих поротники, како найболѣ ви и море* (знаетъ и можетъ); *ако ротники ни ма, присези он сам толико крат, воля за оних, ки му манькаю* (недостаютъ) (§ 68). Если нѣтъ свидѣтельства, то слѣдуетъ присяга. Вотъ нѣкоторыя статьи изъ Винодольскаго Закона: *Ако буде пред двором од сили пра, воля од татби... и парац ни ма свидочаства сврьху кривца, и пусти се на роту од рубанѣ* (§ 9); *Ако сведоци онде ни су, има присети, ки таи, само. в̃ı.* (§ 11); *Ако убо онде ни су сведоци добри, присези, ки таи* (§ 27);.... *ако од речене сили ни ма сведоки, верована є, ништє манѣ има присети положивши руку звьрху книг* (§ 56);... *ништар манѣ има с роту потвьрдити, ако ни су онде сведоци* (§ 61). Изъ статута Крьчскаго 1388 года: I ošće, ako nebi imela svedoki, da onda ima priseći samo 12. (гл. 1); Ošće po svedočěh ali po inom računě, ako gospodar nebude moći viděti svoju škodu, tere bi se sumnjel na nikoga tata, mozi ga rotiti samo 12. (гл. 14);.... on ki bude se tužiti, tere provati jednim dobrim človikom.... ako bi nemogal provati ki bi bijen, budi verovan samotret priseg (гл. 19);.... on ki bi udren, ter bi se tužil i proval jedněm dobrěm človikom.... ako bi nemogal provati, budi verovan priseg samotret (гл. 20);.... a vazda provajući 2, ali jedněm dobrěm človikom, a nemogući provati, imej se otpriseći samošest (гл. 26). Такое же различіе заключается и въ выраженіи статута 1470 года, гл. 2: imej priseći ali pokazati. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ показаніе свидѣтелей бываетъ недостаточно, и тогда слѣдуетъ присяга. Если цѣнность вещи превышаетъ извѣстное количество денегъ, то присяга замѣняетъ свидѣтельство. Таковы положенія Винодольскаго Закона... *мимо ча би вридно било солдини. к̃. невете толико ако би имел* (ключар) *сведоки верованих; и такоє сверху. к̃., сол. ча би вридно, има присети такнут у свето еванєлє* (§ 42); *Ёштє ниєдан товернар нїй' верован през сведочаства од ниєдне кьрденче, ку би он учинил од свога вина навлашнога невете солдини. г̃., а подружник, то є, ки тує вино продає, солдини. н̃., и єштє имаю сверх тога присети* (§ 43). Всѣ эти мѣста ясно показываютъ различіе между свидѣтелями простыми, «свѣдоками», и свидѣтелями присяжными, «ротниками». Первымъ вѣрили на слово, вторымъ въ силу приносимой ими клятвы.

---

[1] Сборн. Вал., стр. 179.

[2] Ср. Винодольскій Зак., §§ 7, 23, 27, 28, 30, 51, 52, 59, 76. — Крьчскій стат. 1388 г., гл. 1, 14, 19, 20, 26, 28; 1470 г., гл. 3; 1476 г., гл. 1. — Млѣтскій стат., гл. 1, 52.

[3] Ср. Винодольскій Зак., §§ 9, 10, 11, 27, 42, 43, 44, 45, 56, 61, 68, 69, 73, 76. — Крьчскій стат. 1388 г., гл. 1, 14, 19, 20, 26; 1470 г., гл. 2. — Млѣтскій стат., гл. 9, 30, 34, 39, 45

Вѣроятно, первыхъ, какъ людей добрыхъ, труднѣе было найти, чѣмъ вторыхъ, и по тому въ Крьчскомъ статутѣ 1388 г. требуется большее число ротниковъ, чѣмъ свѣдоковъ. Для доказательства укажу на 1-ю главу, гдѣ, вмѣсто трехъ добрыхъ свидѣтелей, требуется двѣнадцать поротниковъ; на 19-ю и 20-ю гл., гдѣ одинъ добрый человѣкъ равняется тремъ присяжнымъ свидѣтелямъ; и на 26-ю гл., въ которой, вмѣсто двухъ, или одного добраго человѣка, назначается шесть присяжныхъ свидѣтелей. Такимъ образомъ узаконенія Далматскихъ общинъ положительно доказываютъ то, что наши грамоты доказываютъ только отрицательно: не остается никакого сомнѣнія, что Сербское право допускало двоякихъ свидѣтелей. Между добрыми людьми, избиравшимися для свидѣтельства, были и добрыя жены. Онѣ назначались только въ такомъ случаѣ, когда дѣло касалось женщины, было ли то оскорбленіе личности, или ссора съ мужемъ, или насиліе: §§ 18, 27, 28 Винодольскаго Закона и гл. 1-я и 23-я Крьчскаго статута 1388 г. допускаютъ таковыхъ «добрыхъ и подобныхъ» женъ къ свидѣтельству. Даже женщина могла быть и присяжнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ о насиліи, какъ видно изъ § 56 Винодольскаго Закона. Не касаюсь другихъ, дальнѣйшихъ постановленій о свидѣтеляхъ, какъ-то: условій ихъ избранія, числа ихъ, права свидѣтельствованія и пр. Все это весьма точно и подробно опредѣлено въ различныхъ статутахъ Далматскихъ общинъ и показываетъ, что свидѣтели занимали важное мѣсто въ ихъ судоустройствѣ; но такъ какъ разсматриваемые мною памятники не подаютъ къ тому повода, то я и не останавливаюсь на дальнѣйшихъ постановленіяхъ о свидѣтеляхъ и перехожу къ другимъ доказательнымъ средствамъ, упоминаемымъ въ нашихъ грамотахъ.

Нѣтъ, кажется, надобности говорить, что самыя грамоты служили доказательствомъ въ различныхъ дѣлахъ и спорахъ, какъ свидѣтельство на обладаніе какимъ либо правомъ. Ссылки на договоры отцовъ и дѣдовъ, столь частыя въ грамотахъ, испрашиваемыхъ Дубровничанами у Сербскихъ владѣльцевъ; грамоты на принятіе вкладовъ; тѣ же самыя, съ которыми повѣренные являлись и за обратнымъ ихъ полученіемъ, и т. п. суть такое же доказательное средство, какъ и живое свидѣтельство. Грамоты выдавались Дубровничанамъ въ удостовѣреніе взаимныхъ сдѣлокъ: земельныхъ, мировыхъ, договорныхъ, денежныхъ, торговыхъ и т. д. Дубровничане отвѣчали, когда было нужно, на этѣ сдѣлки своими грамотами. Внутри Сербскихъ земель грамоты выдавались преимущественно на право владѣнія земельною собственностію, и тотъ, кто имѣлъ подобную грамоту и представлялъ ее на видъ въ случаѣ тяжбы, выигрывалъ дѣло (З., ст. 68). Только въ спорахъ за церковную землю грамота не принималась въ уваженіе, и споръ рѣшался судомъ по закону церковному и царскому съ вѣдома самого царя (З., ст. 67). Основаніемъ землевладѣнія при Душанѣ служило положеніе, какъ кто чѣмъ владѣлъ при Милутинѣ; но изъ двухъ грамотъ, данныхъ на одно владѣніе, силу имѣла только послѣдняя, ближайшая ко времени изданія Законника (З., ст. 68, 141). Бѣглецамъ изъ чужой земли давалась царская охранная грамота, съ которою они могли водворяться въ землѣ царской; иначе прогонялись обратно (З., ст. 101). Ни царь, ни царица, ни церковь, ни властелинъ, ни кто другой не могъ принимать и держать у себя чужаго человѣка безъ грамоты царской (З., ст. 120). Безъ грамоты, подписанной самимъ царемъ, начальство не имѣло права никого сажать въ тюрьму, подъ страхомъ пени въ 500 черв. (З., ст. 178). Не только отдѣльныя лица получали грамоты на владѣніе баштинами, но и

цѣлые города, какъ Сербскіе, такъ и завоеванные Греческіе, хранили у себя жалованныя грамоты, которыя считались неопровержимымъ доказательствомъ ихъ правъ и не могли быть нарушены даже самою верховною властію (З., ст. 39, 117, 148). Всякая царская грамота, какого бы рода она ни была и кому бы ни была представлена, должна быть исполнена въ точности: ослушаться ее невозможно. Но если требованіе царской грамоты дѣйствительно не можетъ быть исполнено, то она представляется обратно царю, и тотъ, къ кому она относится, долженъ лично держать отвѣтъ передъ царемъ (З., стр. 116). Если въ грамотѣ окажется подлогъ, то таковая уничтожается, а владѣніе баштиною, на ней основанное, прекращается (З., ст. 118). Грамота, опровергнутая Законникомъ царскимъ и судомъ, представляется судьею на разсмотрѣніе царю (З., ст. 93). Душанъ, желая, чтобы судьи исполняли свой долгъ честно и право, старался сколь возможно болѣе придать грамотѣ, какъ доказательному средству, значеніе безпристрастія и правоты. По этому онъ самъ повелѣвалъ въ 184-й статьѣ своего Законника: **аще пише книгоу царь или по срьдьцоу или по любьви или по милости за нѣкога, а ѡна книга разорають законникь, не по правдѣ и по законоу, како пише законь, соудїе тоу книгоу да не вѣроують, тькмо да соуде сьврьше по правьди.** Сдѣсь отношеніе между царскою грамотою и закономъ поясняется тѣмъ, что Законникъ былъ изданъ не однимъ царемъ, но вмѣстѣ съ знатнѣйшими духовными и мірскими чинами Сербіи. При выдачѣ грамоты на владѣніе баштиною взималась подать по 30 перперовъ за каждое село логоѳету и 6 перп. дьяку за письмо (З., ст. 114). Независимо отъ царскихъ грамотъ, судьи выдавали и отъ себя грамоты, въ которыхъ излагали свои приговоры и которыя служили для приставовъ и глобарей основаніемъ для приведенія въ исполненіе судебныхъ рѣшеній (З., ст. 165). Грамотами приглашались къ суду великіе властели (З., ст. 51). Всякое судебное рѣшеніе записывалось судьею въ двухъ грамотахъ, изъ коихъ одну судья отдавалъ приставу для точнаго исполненія, а другую оставлялъ у себя для повѣрки дѣйствій пристава. О таковыхъ двойникахъ говорится въ 165-й и 166-й статьяхъ Законника. Судейскимъ грамотамъ всякій долженъ былъ повиноваться безпрекословно, и ослушники наказывались одинаково съ ослушниками царскими (З., ст. 128). Таково было государственное, гражданское и судебное значеніе грамотъ въ древней Сербіи. Важность грамоты и внѣшняя форма ея опредѣлялись важностію самого предмета. Различіе въ степени важности грамоты отражалось и въ названіяхъ. Въ древней Сербской письменности слово «грамота» не употребляется, но его постоянно замѣняетъ слово «книга», которое всегда у Сербовъ, какъ и у нѣкоторыхъ Славянъ, значитъ то же, что буква, письмо, бумага, грамота, книга и грамотность. Книга, самая важная по своему значенію и писанная съ соблюденіемъ полной формы, есть «хрисовулъ» или «златопечатное слово», носившее при себѣ золотую печать. Впрочемъ, это названіе встрѣчается только въ собственно-Сербскихъ грамотахъ не ранѣе Милутина. Можно думать, что только съ этого короля и только въ собственной Сербіи велся обычай важнѣйшія грамоты печатать золотою печатью. Сюда относились преимущественно грамоты, торжественно подтверждавшія Дубровничанамъ ихъ права и льготы, или утверждавшія за церквами и монастырями новыя надачи. Вообще всякая, данная государемъ, грамота называлась въ собственной Сербіи «словомъ», къ которому, кромѣ златопечатнаго, прибавлялись иногда еще другія названія, какъ-то: «обычное», «всенастоящее», «извѣстное», «печатное». Въ другихъ случаяхъ, смотря по содержанію своему, книга называлась «милостью», «повелею»,

«записомъ» или «записаніемъ». Сдѣсь смыслъ содержимаго переносился на содержащее. Эти названія встрѣчаются какъ въ Сербскихъ, такъ и въ Боснійскихъ, Дубровницкихъ и другихъ грамотахъ. Милость означала дарственую грамоту, которою жаловались новыя, или подтверждались старыя права. Повеля (повелѣніе) содержала волю государя, требовавшую исполненія. Записями назывались большею частію расписки, которыя Дубровничане выдавали на принятіе вкладовъ и съ которыми повѣренные являлись къ нимъ за полученіемъ вкладовъ. Вообще запись и записаніе представляли незначительную грамоту, писанную наскоро безъ соблюденія полной формы. Во взаимныхъ сношеніяхъ Босны съ Дубровникомъ книга часто называется «листомъ», къ которому присовокупляются иногда названія: «вѣрованый», «отвореный«. Послѣднее означало открытую грамоту, которая, въ случаѣ спора, могла быть показана и прочитана всѣмъ и каждому. Другія менѣе точныя названія, встрѣчаемыя въ Боснійской и Дубровницкой грамотности, суть: «писаніе», «подписаніе» и «еспедиторія». Послѣднее употребляется рѣдко, исключительно для записокъ по вкладамъ. Мы упомянули о формѣ грамотъ. Хрисовулъ и вообще всякая торжественная, важная грамота начиналась со вступленія, которое всегда было набожнаго содержанія и называлось «богословіемъ». Обыкновенно длинныя вступленія, богатыя богословскими умозрѣніями и выписками изъ Св. Писанія, находятся въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, начиная уже съ Немани, и усиливаясь преимущественно при Милутинѣ и Душанѣ. Они православнаго содержанія, и корень или мѣсторожденіе ихъ есть собственная или восточная, православная Сербія. Вступленія перешли потомъ и въ грамоты Боснійскихъ королей, желавшихъ чрезъ это поддѣлаться подъ ладъ грамотъ Сербскихъ царей и тѣмъ сблизиться съ ними въ понятіяхъ народныхъ. Извѣстно, что Боснійскіе короли предъявляли свои права на восточную Сербію, бывшую уже въ зависимости отъ Турокъ, и всячески старались укоренить эту мысль въ народѣ православной Сербіи: то величали себя прямыми потомками и родичами царей и королей Сербскихъ, то ссылались на преемство власти, то требовали себѣ Сербскаго дохода. И это-то заставляло ихъ писать вступленія, согласныя съ догматами Православія, тогда какъ сами они были или католики, или патарены. Но безплодность почвы для вступленій оказывается съ перваго разу. Одни вступленія выписаны изъ собственно-Сербскихъ грамотъ [1]; другія, сочиненныя однажды, переходятъ изъ грамоты одного короля въ грамоту другаго [2]. Впрочемъ, переписываніе вступленій началось уже и въ собственной Сербіи съ упадкомъ ея могущества. И тамъ нѣкоторыя позднѣйшія грамоты имѣютъ вступленія, заимствованныя изъ древнѣйшихъ [3]. Какъ только Юрій Стратимировичъ Зетскій задумалъ сдѣлаться независимымъ и предъявилъ права на преемство послѣ Сербскихъ царей, то въ подтвердительной грамотѣ Дубровничанамъ помѣстилъ вступленіе (С. № 71). Хлумскіе и Травунскіе владѣтельные бояре, не имѣвшіе повода ко вступленіямъ, избѣгаютъ ихъ; а Дубровничане, католики, вовсе не употребляютъ ихъ. Только однажды ихъ логоѳету Руску пришла мысль внести въ одну изъ писанныхъ имъ грамотъ вступленіе изъ королевскихъ Боснійскихъ грамотъ; но и тутъ, чрезъ рабское подражаніе

---

[1] Слич. С. N 57 съ С. NN 103, 136; С. N 71 съ С. NN 84, 97; С. NN 49, 50, 62, 90, 91, 111, 137 съ С. N 99.

[2] Сл. С. NN 81, 85, 95, 150, 3. А.; С. NN 114, 144.

[3] Сл. С. NN 49, 50, 62, 90, 91, 111, 137; А. NN 18, 19.

онъ впалъ въ граматическія ошибки, забывъ согласованіе словъ[1]. Большая часть грамотъ начинается, вмѣсто вступленія, обычнымъ выраженіемъ **вь (ва, оу) имѣ ѿца и сна и стаго дха**. Но вообще начала грамоты, при всей краткости своей, чрезвычайно разнообразны; между ними болѣе обыкновенныя суть: **пише кралевьскоми или царьскоми да е вѣдомо**; или: **да е вѣдомо створи милость кралевьскоми, или царьскоми**: это начало употребляется въ собственно-Сербскихъ грамотахъ; **милостїю божїею азь (и)....; сь помощїю божїею и (азь)** и т. д. Иногда грамота начинается прямо съ имени дающаго ее. Вообще должно замѣтить, что чѣмъ ранѣе вѣкъ грамотъ, тѣмъ форма ихъ небрежнѣе, тѣмъ она тороплпвѣе и неопредѣленнѣе. Особенно грамоты королей Владислава, Уроша и Милутина отличаются краткостію и отсутствіемъ формы, можетъ быть, по тому, что короли не считали приличную форму обязательною для себя по своимъ отношеніямъ къ Дубровнику; или это происходило отъ неустановившихся еще внѣшнихъ условій грамотности. За началомъ слѣдовали имя и титулъ давшаго грамоту, если только они не начинали собою грамоты. Потомъ излагалось самое дѣло. Эта существенная часть отличается во всѣхъ, подлежащихъ нашему изслѣдованію, грамотахъ относительно большею чистотою и народностію языка. За нею слѣдуетъ клятва въ удостовѣреніе ненарушимости грамоты и зарокъ себѣ, или проклятіе другимъ, если бы грамота была нарушена. Иногда клятва предшествуетъ изложенію дѣла. За тѣмъ выставляются свидѣтели, если таковые были и присягали вмѣстѣ съ главнымъ лицомъ. Иногда имена свидѣтелей выставляются прежде зарока и послѣ клятвы. Въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ мѣсто свидѣтелей заступаютъ «милостники», имена коихъ выставляются въ самомъ концѣ грамоты послѣ имени дьяка. Годъ, число мѣсяца и имя дьяка оканчиваютъ грамоту. Иногда означается день, особенно если это праздникъ, въ которой писана грамота, а въ православныхъ грамотахъ, сверхъ того, отмѣчается индиктъ, часто ошибочно, кругъ солнцу и лунѣ. Грамота закрѣпляется подписью и печатью главнаго лица, дающаго грамоту. Обыкновенно если грамота издается отъ двухъ, или трехъ лицъ, на пр., супруга и супруги, отца, или матери съ сыновьями, то подписывается все же одно главное лицо; но есть и исключенія. Такъ, съ Дабышею подписалась супруга его, Елена (С. № 81). Такъ, Ангелина подписалась вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, Григоріемъ и Иваномъ (С. № 178). Равные, т. е., братья, подписываются вмѣстѣ (С. NN№ 141, 163; А. № 19). Разумѣется, всѣ эти условія, относившіяся ко внѣшности грамоты, не всегда соблюдались. Въ большей части грамотъ не достаетъ того, или другаго; но есть, разумѣется, грамоты, въ которыхъ всѣ эти условія соблюдены: онѣ принадлежатъ къ числу хрисовуловъ, милостей и листовъ. Излагая эти условія, я имѣлъ въ виду представить полную форму грамоты. Обыкновенно грамоты изготовлялись писцами или дьяками; но, какъ видно изъ З., ст. 114, онѣ поступали потомъ къ логоѳету царскому, который, вѣроятно, и представлялъ ихъ для подписанія. Сдѣсь логоѳетъ означаетъ особеннаго чиновника, завѣдывавшаго письменною частію. Былъ и великій логоѳетъ. Впрочемъ, въ нашихъ грамотахъ дьяки или простые писцы именуются часто логоѳетами. Хотя въ Сербіи не было обычая своеручно писать грамоты, однако не обходилось и безъ исключеній. Не всякій изъ довѣренныхъ и посланныхъ людей могъ имѣть при себѣ дьяка, и по тому они изготовляли грамоты сами. Мы имѣемъ нѣсколько таковыхъ грамотъ, своеручно

[1] Сл. С. N 100 съ С. NN 81, 85, 89, 95.

писанныхъ тѣми, кто ихъ выдавалъ (С. NN№ 155, 170). Но, сверхъ того, сохранились двѣ грамоты Владислава, сына Косачи, писанныя имъ самимъ въ то время, какъ онъ возсталъ противъ отца (С. NN№ 74, 132). Онѣ тѣмъ замѣчательнѣе, что писаны лицомъ не маловажнымъ, которое могло бы имѣть своего дьяка. Также грамота Ангелины писана однимъ изъ сыновей ея, Георгіемъ, который и подписался вмѣстѣ съ матерью и братомъ, Иваномъ (С. № 178). Нѣкоторыя договорныя грамоты изготовлялись въ двухъ спискахъ и хранились какъ тою, такъ и другою стороною. Гр-ы С. NN№ 62, 106, 108, 112, 128 писаны въ двухъ спискахъ. Первая изъ нихъ есть подтвердительная грамота Вукашина, данная Дубровничанамъ; а остальныя суть расписки Дубровничанъ въ полученіи вкладовъ. Въ хрисовулѣ Душана (С. № 43) упоминается о трехъ спискахъ этого хрисовула, изъ коихъ два должны были сохраняться въ Сербіи и Дубровникѣ, а третій отданъ былъ на сохраненіе Венеціянскому дожу. Грамота, опредѣляющая границы Черногоріи при Иванѣ Черноевичѣ, была изготовлена въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ внесенъ былъ въ письмовню (канцелярію) Цетынскую, а другой въ Которскую (Мл.). Добросовѣстность и неприкосновенность грамоты, всегда хранимыя обычнымъ правомъ и подтвержденныя Душаномъ въ Законникѣ, истекали изъ самого способа составленія грамоты. Клятва, свидѣтели, подпись лица, дающаго грамоту, и печать служили залогомъ ея силы и непреложности. Иногда клятва помѣщалась сначала передъ изложеніемъ дѣла; но обыкновенное ея мѣсто въ концѣ. За нею помѣщается страшный зарокъ или проклятіе за нарушеніе грамоты. Клятву давали не только тотъ, отъ чьего имени исходила грамота, но и всѣ свидѣтели. Для этого полагали руки на Евангеліе, Крестъ, и мощи Святыхъ [1] и торжественно призывали св. Троицу, Богоматерь, Евангеліе, Крестъ и Святыхъ въ удостовѣреніе подлинности и правоты своихъ словъ, обѣщали соблюдать все, писанное въ грамотѣ, вѣчно и неизмѣнно. Клятва совершалась въ церкви, если была на то возможность (С. № 66). Главное лицо ручалось и за своихъ потомковъ. Ослушники предавались гнѣву Божію на землѣ и за гробомъ, поражались силою Животворящаго Креста, причислялись къ Іудѣ и предавшимъ Христа и пр. Въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ нѣтъ прямаго указанія на клятву; но, конечно, съ одной стороны, такой клятвы и не могло быть, когда смыслъ дѣла не требовалъ того; а съ другой стороны, есть нѣкоторые намеки и на клятву. Король Радославъ смотритъ на свою грамоту, какъ на утвержденную клятвою: **свѣне мене клетва поневаре** (ибо) **вы шстанте оу прѣклетьствѣ** (С. № 2); Урошъ I говоритъ Дубровницкимъ посламъ: **да стою кинмь. и томь шветѣ. конмь нмь се клель прегнемн кнезѹ.** (С. № 17); также выраженіе деспотскихъ грамотъ: **Сїа вьсꙗ книшписанна вѣрою и поклетїе ѹтврьждаеть гнпостконн** (С. NN№ 111, 137) можетъ относиться къ клятвѣ. Впрочемъ, вообще духъ всѣхъ собственно-Сербскихъ грамотъ отличается чувствомъ достоинства: Сербскіе короли и цари ставили себя выше Общины и по тому, можетъ быть, въ договорахъ съ нею считали клятву лишнею. Въ другихъ грамотахъ, гдѣ совершаются церковныя надачи, клятвы тоже нѣтъ, но есть зароки. Клятва самимъ строгимъ образомъ соблюдалась въ Боснійскихъ грамотахъ. Уже въ грамотахъ Кулина и Нинослава говорится о клятвѣ. Дубровникъ съ древнѣйшихъ временъ клятвенно утверждалъ свои грамоты. Онъ клялся въ лицѣ князя, властелей и всего своего правительства. Договоры, заключаемые послами внѣ города, при дворѣ Сербскихъ

---

[1] Ср. С. NN 57, 85, 95, 103, 136, 150.

владѣтелей, Община подтверждала клятвою у себя въ городѣ (С. NN№ 3, 100). Въ двухъ Дубровницкихъ грамотахъ половины XIII вѣка есть указаніе на то, что не всѣ правительственныя лица Общины клялись, но за нихъ клялось одно лицо, именно, банъ. **И крьхь. вьсе. юко. нисанье. марьтоль. гуаерникь. бань. ѡ кнеза дюбровьского. и ѡ вьсе. юпьские. града. дюбровьского. схотеньемь. гна. кнеза. дюбровького. и вьсехь. властель. дюбровь.... крьхь. душе. свое. и вьсе юпьские дюбровьчьке. си юбьть. потвердиль дрьжати. и клельсе** (С. № 16). Эта клятва, по закону Общины, совершалась при колокольномъ звонѣ. Такъ точно, при составленіи другой грамоты, банъ Марьтоло Врьсанковичъ клялся за всѣхъ властелей (С. № 19). Въ Хлумской грамотѣ, отвѣтной на эту послѣднюю, за всѣхъ Хлумскихъ властелей далъ клятву одинъ сотникъ Имотскій (С. № 20). Въ одной изъ позднѣйшихъ Травунскихъ грамотъ (С. № 133) видимъ, что за отсутствіемъ двухъ лицъ, которыя, впрочемъ, помѣщены между свидѣтелями, клятву даютъ два другія лица. Несовершеннолѣтніе не допускались къ клятвѣ. По этому Радославъ Травунскій обѣщаетъ, въ одной изъ своихъ грамотъ (С. № 117), что, такъ какъ сынъ его, Иванишъ, за молодостію, не клялся посламъ Дубровницкимъ, то онъ заставитъ его повторить клятву отцову и властелей, когда ему минетъ четырнадцать лѣтъ. Свидѣтелями были не только властели, но и ближайшіе родственники. Такъ, Елена, мать Милутина, особою грамотою (С. № 32) подтвердила грамоту своего сына. Такъ, другая Елена, мать Тврьтка I, и Дороѳея, супруга его, клятвенно ручались за грамоту Короля (С. № 66). Елена, жена Дабыши, подписывала свое имя вмѣстѣ съ именемъ мужа (С. № 81). Остоя клялся вмѣстѣ съ супругою, Куявою, и сыномъ, Стефаномъ (С. № 92). Куява, какъ мать, свидѣтельствовала въ грамотѣ сына, Стефана Остоича (С. № 95) и пр. Въ грамотатъ Хлумскихъ и Травунскихъ владѣтелей, между свидѣтелями, упоминаются многіе изъ ихъ родичей. Въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ мы не находимъ свидѣтелей; но въ самомъ концѣ грамоты выставляются имена нѣсколькихъ милостниковъ, рѣдко одного. Изъ Законника Душанова видно, что милостники не были добровольными свидѣтелями, а скорѣе должностными удостовѣрителями подлинности грамотъ (ст. 67). Хотя милостники существовали уже при Душанѣ, однако въ нашихъ грамотахъ они являются только при деспотахъ и Балшичахъ. При царяхъ въ Сербіи вовсе не было свидѣтелей, а еще ранѣе, при короляхъ, хотя и были свидѣтели; но они не клялись, а только присутствовали при выдачѣ грамоты. Такъ, въ концѣ гр-ы Уроша I сказано: **утврьжено би сие мое юбетание прѣдь арьхиспкпо. и прѣдь кнезомь гюргемь. и прѣдь жупань стефань** (С. № 21); или въ грамотѣ Милутина: **и тоу бише сь кралмь властели. архиепкпь барьски маринь. и казьць мирославь.... и епкпь зетьскы михаиль. и челникь бранко. дѣдь мирославь. жоупань владиславь. епкпь которскы доумини. и два свѣдока драго и павьль** (Мк.). Сдѣсь послѣдніе суть то же, что милостники[1]. Въ Хлумѣ, Травуніи и Боснѣ свидѣтели имѣли совсѣмъ другое значеніе. Черезъ клятву, приносимую вмѣстѣ съ главнымъ лицомъ, они сами становились участниками грамоты и принимали на себя отвѣтственность за ея соблюденіе. Въ большей части Сербскихъ грамотъ свидѣтели не упоминаются: стало быть они были не нужны. Милостники удостовѣряли только въ подлинности грамоты; но они не могли ручаться за вѣрность слова, за соблюденіе грамоты; ибо, по смыслу упомянутой статьи Законника, въ нѣкоторыхъ случа-

---

[1] Ср. еще С. NN 32, 35, 36.

яхъ и оня и грамота теряли всю свою силу и не значили ничего. Ихъ значеніе не простиралось до того, чтобы своимъ словомъ удостовѣрять слово своего государя и ручаться за его сохраненіе. Такое значеніе они могли пріобрѣсти только въ Боснѣ при благопріятствующихъ тому обстоятельствахъ. Извѣстно, что въ Боснѣ, послѣ Тврьтка I, постоянно происходили усобицы между искателями Боснійскаго престола. За отсутствіемъ прямыхъ законныхъ наслѣдниковъ, являлись по два и по три притязателя, которые искали пособія у осѣдлаго и сильнаго властельскаго сословія, а иногда и у Дубровничанъ, какъ на пр. Павелъ Радишичъ (С. № 88). Видя подобныя смуты и частыя смѣны владѣтелей, Дубровничане искали опоры въ свидѣтеляхъ изъ знатныхъ бояръ, которые, какъ осѣдлые и хорошо знакомые съ государственными дѣлами, могли ходатайствовать предъ королями о сохраненія въ цѣлости Дубровницкихъ договоровъ, какъ на пр. Радичъ Санковичъ (С. № 86), и исполнять ихъ даже во время усобицъ и междуцарствія. Вотъ по чему со вступленіемъ на престолъ каждаго новаго короля, Дубровникъ спѣшилъ возобновить съ нимъ старые уклады и при каждомъ договорѣ получалъ множество подписей знатнѣйшихъ бояръ, ручавшихся клятвенно и готовыхъ быть отвѣтчиками и ходатаями за ненарушимость грамоты. Даже, награждая своихъ подданныхъ, Боснійскіе владѣльцы приводили свидѣтелей въ подтвержденіе своихъ словъ. Обычай представлять свидѣтелей перешелъ и къ знатнымъ владѣтельнымъ боярскимъ домамъ. Санковичи, Храничи, Яблановичи и др. подтверждали свои грамоты ручательствомъ свидѣтелей. Отъ того въ Боснійскихъ грамотахъ свидѣтели называются иначе «ротниками», «ручниками», «пьрцами» и «отговорниками», каковыя названія ясно говорятъ въ пользу важности ихъ значенія. Дубровничане не нуждались въ свидѣтеляхъ: у нихъ свидѣтели были всѣ граждане, управлявшіе городомъ. Ихъ грамоты издаются всегда отъ имени князя, властелей и всей общины. Свидѣтели никогда сами не подписывались. Ихъ имена прописывалъ дьякъ. Грамота заключалась подписью и печатью главнаго лица. То и другое служило удостовѣреніемъ подлинности грамоты. Подпись не всегда употреблялась; была ли она, или не была, это зависѣло преимущественно отъ важности грамоты. Впрочемъ, изъ напечатанныхъ грамотъ не трудно замѣтить, что Сербскіе короли, цари и деспоты, равно какъ короли Боснійскіе большею частію подписывались подъ своими грамотами; но другія владѣтельныя лица, каковы: Балшичи, Санковичи, Храничи, Яблановичи, также какъ султаны и визири ихъ почти никогда не подписывались. Дубровничане то же. Только разъ подписались они подъ грамотою, данною, въ отсутствіе князя, отъ имени двѣнадцати судей (С. № 19). Впрочемъ, сдѣсь подписей только десять. Но если считать этѣ подписи не собственноручными, что весьма вѣроятно, а выставленными дьякомъ, то найдется еще одна грамота (С. № 16), въ которой подписано множество лицъ, присутствовавшихъ при составленіи договора; сдѣсь приведенъ безъ малаго весь правительственный составъ Общины. Но выраженіе **А сиж. сѫть. имена. ѡнѣхь. ки се сѫ. клели** не оставляетъ сомнѣнія, что имена были написаны дьякомъ. Причиною отсутствія при многихъ грамотахъ подписей суть печати, къ которымъ, какъ одному изъ доказательныхъ средствъ, мы и переходимъ.

Печати находятся въ связи съ грамотами. Онѣ, также, какъ и грамоты, служили доказательствомъ. По этому въ грамотѣ Дечанскаго (С. № 176) сказано: **послоухь** (свидѣтельство:) **роука** (,) **печать** (,) **.д҃. динари.** Быть можетъ, по тому именно, что грамотность не была въ ходу въ древней Сербіи, печати

получили большее употребленіе, чѣмъ подписи. Не всѣ знали грамотѣ и не всѣ могли подписываться: отъ того въ грамотахъ находимъ болѣе печатей, чѣмъ подписей. Въ одной Хлумской грамотѣ, вмѣсто подписи и печати, начерченъ крестъ и при немъ слова: крьсть кнеза андрѣи (С. № 15). Это напоминаетъ грамоту Неманн (А. № 1), на которой также въ концѣ стоитъ крестъ и по сторонамъ его надписано: крь симонь: и подьписание. Не всегда писались грамоты: въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно было представить одну печать. Такъ властеличичи и низшее сословіе призывались къ суду одною печатью (З., ст. 51). На большей части нашихъ грамотъ находимъ печати; подписи встрѣчаются гораздо рѣже. Кто и не подписывался, прикладывалъ свою печать. Печати различались по величинѣ, лицу, мѣсту, гдѣ находились, и составу, изъ котораго были сдѣланы. Въ первомъ отношеніи онѣ были великими, средними и малыми; во второмъ односторонними и двусторонними; въ третьемъ или висячими или приложенными къ самому веществу, на которомъ писана грамота; въ четвертомъ золотыми и обыкновенными, восковыми. Замѣчательно появленіе средней печати на грамотахъ Твртка II (С. № 116) и Стефана Томашевича (С. №№ 151, 152, 153, 154). Подтвердительная грамота перваго имѣетъ подпись и составлена съ соблюденіемъ обычной полной формы; но грамоты втораго не имѣютъ подписи и полной формы и рѣшаютъ одиночные и второстепенной важности вопросы. Между тѣмъ подтвердительная грамота того же короля, имѣющая титулъ, свидѣтелей, годъ, число, мѣсто написанія, имя дьяка и собственноручную подпись короля, слѣдовательно, писанная по всей формѣ, запечатана великими двусторонними висячими печатями (С. № 150). Такимъ образомъ открывается, что величина печати согласовалась съ важностію грамоты. Дубровничане всегда печатали свои грамоты великою печатью. Договоръ ихъ съ Асѣномъ (С. № 16) запечатанъ былъ двумя печатями, одною общинною, другою князя Марсилія. Въ прочихъ грамотахъ величина печати не означена. Ежели упоминаются двустороннія печати, то были и одностороннія: само собою разумѣется, что тѣ, которыя накладывались на грамоту, были односторонними. Нельзя сказать, что было обыкновеннѣе, привѣшивать ли печать, или накладывать. Въ Боснійскихъ, Травунскихъ, Хлумскихъ и Дубровницкихъ грамотахъ обыкновенно означается висячая печать; то же видимъ и въ грамотахъ двухъ сыновей Юрія Бранковича, Лазаря и Стефана (С. №№ 146, 147). Въ прочихъ умолчено. Аѳонскія грамоты, какъ открывается изъ описанія ихъ Авраамовичемъ, имѣли, однѣ висячія, другія наложенныя печати. Въ грамотѣ Елены, матери Милутина, встрѣчается выраженіе: и и постависмо мою: печать на сии книгъ (С. № 27).

Ближайшее соотношеніе съ печатями имѣютъ другіе знаки, употреблявшіеся, какъ доказательное средство. Объ этихъ знакахъ находимъ въ нашихъ грамотахъ слѣдующія извѣстія. Въ гр-ѣ Дечанскаго четыре динара назначены служить условнымъ средствомъ для доказательства (С. № 176). Царица Мара постановила, чтобы Аѳонскіе старцы, для права полученія отъ Дубровничанъ Ерусалимской дани, представляли червонецъ, разсѣченный на трое (Г. Б.). Король Твртко Твртковичъ уговорился съ Дубровникомъ въ томъ, что посолъ его, показавшій королевскую запись съ условною печатью и королевскій перстень, имѣетъ право получить обратно его вкладъ (С. № 135). О перстьнѣ, служившемъ печатью при грамотѣ, упоминаетъ также Юрій Кастріотичъ (С. № 148). Употребленіе этихъ и другихъ знаковъ объясняется тѣми же причинами, какими и обширность употребленія печатей.

Изъ другихъ доказательныхъ средствъ, встрѣчающихся во взаимныхъ письменныхъ сношеніяхъ Дубровника съ Сербію, находимъ еще «сводъ» и «лице». Сводомъ называлось такое судебное дѣйствіе, посредствомъ коего заподозрѣнный предметъ до тѣхъ поръ восходилъ отъ одного владѣльца къ другому, пока не останавливался на томъ, кто не могъ уже указывать далѣе. Послѣдній и признавался виновнымъ. По положенію Душана, за коня, купленнаго на торгу со взнесеніемъ установленной царины, не было свода; ибо царинникъ клятвенно оправдывалъ купившаго, что покупка совершена имъ по закону и воръ неизвѣстенъ (С. № 43). Во всякомъ случаѣ для заподозрѣннаго предмета назначался сводъ. Кто не оправдывался сводомъ, тотъ возвращалъ похищенный предметъ съ пенею, т. е., самъ седьмой (З., ст. 143, 193). Царинникъ и душники клятвеннымъ удостовѣреніемъ въ невинности покупщика оправдывали послѣдняго отъ пени (С. № 43; З., ст. 193); но самый предметъ возвращался прежнему хозяину, если только этотъ согласенъ былъ взять его себѣ обратно, а деньги, за сколько онъ былъ купленъ, возвратить купившему (С. №№ 73, 91, 111, 137). Сводъ могъ быть только тогда, когда похищенный предметъ былъ открытъ, находился на лице и составлялъ явную улику. Перехвативъ свою собственность, владѣлецъ могъ съ ея помощію дознаться похитителя. Такая улика называлась въ Сербскомъ правѣ лицемъ. По этому выраженіе 79-й статьи Законника: **Аще кто познаеть лице подь ѹловѣкомь** должно понимать такъ: кто признаетъ въ наличности у кого нибудь свою собственность; и статьи 143-й: **И ако ли кто що оукати оудавлено или оукрадено лицемь, или силомь оуѕето боуде** — и кто отыщетъ въ наличности что либо убитое, или украденное, или силою взятое. Отсюда «личный конь» въ деспотскихъ грамотахъ (С. №№ 73, 91, 111, 137) есть конь, утраченный хозяиномъ и снова имъ найденный; **а тать и хоусарь ѡблиӵны** (З., ст. 126) есть то же, что воръ и разбойникъ уличенный, которому нѣтъ оправданія. Впрочемъ, свѣдѣнія объ лицѣ столь скудны и темны, что ему можно дать иное толкованіе. Подъ лицемъ можно разумѣть скрытое, тайное воровство въ противуположность открытому насилію, или грабежу. Тогда, найти подъ кѣмъ лицо будетъ значить то же, что обвинить кого въ воровствѣ; и выраженіе **оудавлено или оукрадено лицемь** противустанетъ выраженію **силомь оуѕето**. Шафарикъ склоняется, по видимому, въ пользу этого послѣдняго толкованія, когда **лицемь** переводитъ чрезъ heimlich; но **лице** у него переведено чрезъ Wesenheit[1], какъ будто на основаніи перваго толкованія. Русская Правда употребляетъ лицо несомнѣнно въ значеніи улики и предмета, имѣющагося въ наличности, а по тому и мы должны болѣе держаться нашего перваго объясненія.

Гдѣ не было законной улики, или вещественнаго ручательства, тамъ прибѣгали къ совѣсти. На совѣсти были основаны два доказательныя средства, которыя встрѣчаемъ въ нашихъ памятникахъ, «рука» и клятва. Подъ именемъ руки въ древней Сербіи разумѣлось то же, что нынѣ честное слово. Относительная старина грамотъ, въ которыхъ находимъ руку, равно какъ отсутствіе ея во всѣхъ древнѣйшихъ Сербскихъ узаконеніяхъ показываютъ, что только въ самыя древнія времена вѣрили въ руку. Въ самомъ дѣлѣ, поданіе руки, столь простой и легкій способъ удостовѣренія, могло сохраняться только въ столь же простомъ и безхитростномъ обществѣ, гдѣ святость даннаго слова, пре-

---

[1] У Кухарскаго, въ Древнѣйшихъ памятникахъ Словянскаго законодательства, стр. 187, 199, 219.

красная черта Славянскаго народнаго свойства, еще замѣняла всѣ формальныя ручательства. Любопытно видѣть, какъ Поповская Община, чисто Славянская, удаленная отъ моря, мало торговая и по тому сохранившая въ большей чистотѣ свою нравственность, жалуется на Дубровничанъ за то, что они нарушили рукоподаніе и хватаютъ ея людей (С. № 11): **не кемо ти нь вѣль на онꙋ странꙋ** — говорятъ Поповцы — **дѣ ни нѣ ꙁаконь: дѣ ви радославꙋ давьше рꙋкꙋ тере га веꙁасте.** Дубровничане давно уже не вѣрили рукѣ и замѣнили ее клятвою. Король Владиславъ горько упрекаетъ ихъ за нарушеніе въ одно время и клятвы и руки; онъ пишетъ (С. № 9): **да вы како си се сте излꙋгали: по клетьвѣ наша села: и наше болары ꙋзати: такоꙁи сте и мнѣ ꙋчинили: давше свою рꙋкꙋ и свою вѣрꙋ тере моѣ села плѣнили и болары єли а дрꙋге и сѣкьли.** Около того же времени приморскій князь Юрій, вѣроятно, также представитель старинпаго быта Славянъ, просилъ Дубровничанъ, чтобы князь ихъ далъ руку его жупанамъ въ томъ, что они могутъ сидѣть въ городѣ безбоязненно (С. № 10): **да молите кнеꙁа вашега како бимь** (**би нимь**, т. е., жупанамъ Юрія) **рꙋкꙋ даль и сь вами да би сѣдѣли не боѥисе.** Причина этой просьбы та, что Дубровничане ходили на Юрія, какъ невольные союзники Венеціи; а жупаны Юрьевы ходили на Дубровникъ, какъ невольные союзники Уроша I: по этому Юрій и требуетъ, чтобы взаимныя оскорбленія, какъ совершенныя по принужденію, были между нимъ и Дубровникомъ прощены и забыты.

Наконецъ, клятва считалась самымъ сильнымъ доказательнымъ средствомъ изъ обыкновенныхъ человѣческихъ средствъ. За клятвою слѣдовалъ только уже одинъ судъ Божій, къ которому, впрочемъ, не всегда прибѣгало древнее Сербское право. Тяжебныя дѣла покапчивались клятвою. Мы видѣли, какъ совершалась клятва при изданіи грамоты. Присяжныхъ судей приводилъ къ присягѣ священникъ въ церкви и въ полномъ облаченіи (З., ст. 129). Въ Винодолѣ судебная клятва совершалась черезъ положеніе руки на Св. Писаніе: *положивши руку зврьху книг тичуть; има присети такнут у свето еванеле* [1].Важенъ вопросъ: кто клялся при судопроизводствѣ, жалобщикъ ли, или обжалованный? Изъ нашихъ источниковъ видимъ, что, смотря по ходу дѣла и большему приличію, клянется когда тотъ, когда другой; но нигдѣ не замѣчаемъ, чтобы въ одномъ и томъ же дѣлѣ клялись оба. Такъ, въ своей грамотѣ (С. № 43), Душанъ, основываясь на обычаѣ отцовъ и прадѣдовъ, повелѣвалъ, что въ случаѣ, если Дубровничанинъ дастъ свое имущество какому либо торговцу (изъ Сербовъ?), за которымъ оно пропадетъ, то Дубровничанинъ долженъ подъ клятвою показать количество пропажи и ему повѣрятъ: **и где комꙋ даю дꙋбровьчанинь свои добитъ. комꙋ годь трьговцꙋ тере мꙋ ѿ нега ꙋпьхь ꙋдарить. да се кльне латининь. ꙁа тоꙁи. да бꙋде вѣровань.** Сдѣсь, какъ видно, клянется обиженный, слѣдовательно, жалобщикъ. Съ этимъ мѣстомъ сходна 163-я ст. Душанова Законника, въ которой постановлено, что если у торговца, во время пути, будетъ что похищено, то самъ онъ и съ нимъ вѣрные люди подъ клятвою показываютъ цѣнность утраченнаго, и сообразно съ этимъ показаніемъ торговецъ получаетъ вознагражденіе. Такія же точно клятвенныя показанія находимъ въ Млѣтскомъ статутѣ, въ которомъ хозяинъ пропавшаго скота, или попорченной баштины, или бѣжавшей челяди подъ клятвою показываетъ количество ущерба [2]. Въ Крьчскомъ статутѣ старѣйшина

[1] Винод. Зак., §§ 42, 56.
[2] Гл. 9, 31, 39.

стана показывалъ подъ присягою сколько у какого хозяина пропало овецъ.[1] Но далѣе читаемъ: а кои любо трьговьць. довѣ кои кѹпивь истѹге ѕемле. а познаюсе. да се кльне. тьѕи трьговьць самьдрѹги.... Сдѣсь, напротивъ, клянется обжалованный, а не жалобщикъ или тотъ, кто отыскалъ свою лошадь. Впрочемъ, если въ первомъ случаѣ Дубровничанинъ, лишившійся своего имущества, есть непосредственно обиженное лицо; и если во второмъ случаѣ утратившій свою лошадь и снова нашедшій ее былъ этою покражею обиженъ прежде, а на этотъ разъ обиженнымъ остается тотъ, кто купилъ ее изъ чужой земли, не подозрѣвая ея воровскою и долженъ теперь лишиться ея: то выходитъ, что клятву даетъ въ обоихъ случаяхъ лицо непосредственно обиженное, или жалобщикъ. Такъ точно въ деспотскихъ грамотахъ (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137) клянется одинъ тотъ, у кого отнимаютъ купленную имъ лошадь. За него же клянутся и царинникъ и душники (С. №№ 43, 50; З., ст. 144, 151, 193). Въ Душановомъ Законникѣ, не смотря на всю полноту его, о клятвѣ говорится только по случаю душевниковъ; но умалчивается о клятвѣ въ другихъ случаяхъ; да и вообще вся слѣдственная часть изложена въ немъ весьма скудно. Не менѣе того и Рейцъ, съ своей стороны, жалуется на бѣдность постановленій Далматскихъ общинъ относительно доказательныхъ средствъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Соединяя его изслѣдованія съ изученіемъ извѣстныхъ намъ статутовъ, мы все таки не можемъ вполнѣ уяснитъ себѣ этого вопроса, какъ рѣшался онъ въ древней Сербіи. Конечно, обычное право хорошо знало его; и, конечно, не оно, а письмо, не передавшее его въ надлежащей полнотѣ, причиною нашего недоумѣнія. Мы видимъ только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ клятва отвѣчала клатвѣ: на клятву обвиняющаго обвиняемый клялся съ душевниками, и если его клятва оказывалась достаточною, то онъ освобождался отъ законнаго преслѣдованія[2]. Но въ большей части случаевъ говорится или о клятвѣ истца, или о клятвѣ обвиненнаго порознь. Тотъ и другой могли представлять за себя свидѣтелей одинъ въ подтвержденіе жалобы, другой въ оправданіе. Обвиненный могъ, за неимѣніемъ свидѣтелей, найти душниковъ и съ ними присягнуть въ своей невинности. Если не доставало ему душниковъ, то присягалъ онъ одинъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ присяги онъ очищался отъ обвиненія. Истецъ могъ, вмѣсто одной своей клятвы, представить свидѣтелей, или душниковъ, и такого рода обвиненіе было самое обыкновенное. Разумѣется, явная улика отстраняла клятву уличеннаго, который за тѣмъ непосредственно подвергался наказанію. Недостаточность свидѣтелей со стороны истца оправдывала виновнаго[3]. Но главный вопросъ все остается нерѣшеннымъ: всегда ли обвиненный допускался къ очистительной клятвѣ, или только въ томъ случаѣ, когда обвиняющій, не смотря на свою и душниковъ своихъ клятву, не могъ представить никакихъ другихъ положительныхъ доказательствъ? Кажется, клятвѣ истца дано было слишкомъ обширое значеніе, такъ что она въ большей части случаевъ прямо влекла за собою преслѣдованіе обвиненнаго. По крайней мѣрѣ, такъ явствуетъ изъ нѣкоторыхъ статей Винодольскаго и Крьчскаго статутовъ, съ чѣмъ согласенъ и Рейцъ[4]. За то клятва была послѣднимъ доказательнымъ средствомъ, и гдѣ предстояла возможность, тамъ обвиненіе или оправданіе ограничивалось добрыми свидѣтелями, отъ которыхъ, какъ и отъ ротниковъ, требовались

---

[1] Статутъ 1388 г., гл. 14.

[2] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 151, 177, 192. — Винод. Зак., § 9.

[3] Крьчскій стат. 1388 г., гл. 1. — Винод. Зак., § 53

[4] Тамъ же, стр. 177, 192.

нѣкоторыя положительныя доказательства вѣрности ихъ словъ и которые весьма осторожно допускались къ свидѣтельству [1]. Въ Крьчскомъ статутѣ есть постановленіе, что если женщина, претерпѣвшая насиліе, подтвердитъ свою жалобу тремя добрыми свидѣтелями, то обвиненный, если не признается, подвергается пыткѣ; съ воровствомъ поступается точно также. По клятвѣ хозяина, у коего пропали овцы, обвиняемый подвергается пыткѣ [2]. Сдѣсь за обвиненіемъ слѣдуетъ непосредственно пытка, а очистительной клятвы обвиняемаго нѣтъ: значитъ, показанію обиженнаго, сдѣланному по закону, давалась полная вѣра. Въ томъ же смыслѣ должно понимать и другія постановленія того же статута, относящіяся къ уголовнымъ дѣламъ. Изъ всего сказаннаго можно вывести такое заключеніе, что при недостаточности уликъ Сербское право допускало клятву какъ для обвинителя, такъ и для обвиненнаго. Тотъ и другой могли имѣть при себѣ свидѣтелей присяжныхъ, или неприсяжныхъ. Въ однихъ случаяхъ клятва противуполагалась клятвѣ, и обвиняемый могъ чрезъ то очиститься; но въ другихъ случаяхъ клятва обвиняющаго была столь сильна, что обвиняемый подвергался непосредственно за тѣмъ или пыткѣ, или наказанію. [3]

Отвѣтственность неправаго въ искѣ, какую замѣчаемъ въ договорныхъ грамотахъ съ Дубровникомъ, была двоякаго рода: личная и общая. Въ первомъ случаѣ, отвѣтственности подлежало одно лицо, былъ ли то самъ виновный, или вмѣсто него кто другой; во второмъ случаѣ, помимо виновнаго, отвѣчала цѣлая околица, или цѣлый городъ. Сербское правительство выказывало въ своихъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ большую готовность къ немедлѣнному удовлетворенію Дубровничанъ; предупредительность его въ этомъ отношеніи доходила до такой степени, что даже общая порука, окончательный и вѣрнѣйшій способъ къ поданію удовлетворенія, была оставляема, и обиженнаго удовлетворялъ самъ король, или царь. Странно видѣть, что въ продолженіи болѣе столѣтія Сербскіе владѣльцы для дѣлъ Дубровницкихъ оставляютъ иногда въ сторонѣ обычный порядокъ удовлетворенія и какъ бы въ избѣжаніе проволочки и затрудненій лично на себя принимаютъ отвѣтственность. Отсюда видна та важность, которую они придавали своимъ торговымъ сношеніямъ съ Дубровникомъ. Такъ Радославъ Хлумскій пишетъ, что ежели онъ, или люди его отнимутъ что у Дубровницкихъ купцовъ, то все сполна возвращаетъ или онъ самъ, или человѣкъ его; когда же этотъ послѣдній не возвратитъ по чему либо, тогда отвѣтственность падаетъ на него же, Радослава (С. № 20). Урошъ I постановилъ, что если, въ спорѣ Дубровничанина съ Сербомъ, судьи не выдадутъ виновнаго головою, или не возьмутъ съ него положенной пени къ извѣстному сроку, то король самъ возьметъ вознагражденіе, гдѣ укажетъ справедливость, и отдастъ обиженному (С. № 21). Елена, супруга Уроша I, обѣщаетъ сама заплатить за все то, что исхищено будетъ при ея дворѣ у Дубровничанъ властелиномъ ея, или кѣмъ другимъ черезъ ея посланіе, или на ея дружбу, разумѣя сдѣсь, конечно, злоупотребленіе своего имени (С. № 27). Дечанскій представляетъ вознагражденіе сначала черезъ общую поруку; но, въ случаѣ невозможности, удовлетворяетъ обиженнаго изъ своей казны (С. № 36). То же самое въ послѣдствіи постановляютъ и деспоты (С. NN№ 73, 90, 91, 111, 137). Душанъ предварительно даетъ возна-

[1] Винод. Зак., §§ 19, 41, 52. — Крьчскій стат. 1388 г., гл. 14.

[2] 1388 г., гл. 1, 14, 16.

[3] Ср. Винод. Зак., §§ 9, 10, 11, 27, 41, 56, 61, 68, 72, 76. — Крьчскій стат. 1388 г., гл. 1, 14, 16, 19, 20, 26.

гражденіе отъ себя и потомъ уже вѣдается съ виновнымъ. То же повторено и сыномъ его (С. №№ 40, 50). Балшичи Зетскіе спѣшатъ вознаграждать Дубровницкихъ купцовъ изъ своей казны, если нельзя отыскать виновнаго и выдать имъ его головою (С. №№ 64, 70). Не смотря на эту сверхъобыкновенную отвѣтственность самихъ владѣтельныхъ лицъ, въ судебномъ разбирательствѣ, установленномъ между Дубровникомъ и Сербіею, мы видимъ, какъ сказали выше, двойную отвѣтственность, личную и общую. Нѣтъ сомнѣнія, что лицо, прямо подлежащее отвѣтственности, есть самъ виновный. Здравый разумъ показываетъ, что за вину отвѣчаетъ только тотъ, кто совершилъ ее, или кто соучаствовалъ въ ней. На этомъ простомъ положеніи основывалась личная отвѣтственность. Душанъ пишетъ въ грамотѣ (С. № 43), повторенной потомъ Урошемъ V (С. № 50): а тогази кривца. да ище ц͠рвми и да ѹзме на немь. кто бѹде ѹзель. и ѹчиниль ѕло кои. Юрій Балшичъ Зетскій предполагаетъ отвѣтственнымъ самого виновнаго и только въ случаѣ его бѣгства принимаетъ отвѣтственность на себя (С. № 64). Постановленіе, сдѣланное Душаномъ въ томъ же самомъ году, въ которомъ изданъ былъ Законникъ, имѣетъ свое значеніе. Между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ еще господствуетъ общая порука, сдѣсь отвѣтственность уже является личною. Виновнаго отыскиваетъ самъ царь; а если не найдетъ, то за него отвѣчаетъ онъ же, а не околица. Сдѣсь нельзя не видѣть вліянія Дубровницкаго права. Безъ сомнѣнія, невозможность скораго удовлетворенія и неправильность общей поруки побудили Царя измѣнить для Дубровничанъ стародавній обычай своей земли. Въ Далматскихъ общинныхъ узаконеніяхъ нѣтъ ничего подобнаго общей порукѣ: тамъ отвѣчаетъ одинъ лишь виновный. Возможность отклясться, возможность почти во всѣхъ родахъ преступленія откупиться деньгами, внеся положенную пеню, не мало облегчали личную отвѣтственность, и общая порука была не нужна. При томъ, и это главное, въ узаконеніяхъ Далматскихъ общинъ личность человѣка была гораздо болѣе обособлена, чѣмъ въ Законникѣ Сербіи. Родовой бытъ изчезнулъ на Римской почвѣ; а между тѣмъ онъ и былъ главною основою общей поруки въ Сербіи. У Славянъ былъ обычай считать родъ однимъ нераздѣльнымъ тѣломъ, главою коего былъ старшій въ родѣ. Конечно, въ послѣдствіи, когда роды распались на семьи, а этѣ, въ свой чередъ, снова образовались въ роды, отвѣтственность не могла болѣе падать на весь прежній родъ, и по тому во времена Душана видимъ, что предѣлы ея ограничиваются однимъ домомъ, т. е., одною семьею, или нѣсколькими семьями, живущими подъ управленіемъ одного старшины. Домъ представлялся, какъ въ старину родъ, однимъ цѣлымъ тѣломъ, котораго члены, связанные во едино понятіями родоваго быта, должны были добывать, кормиться, пользоваться и отвѣчать всѣ вмѣстѣ, или въ лицѣ старшаго, который никакъ не отдѣлялся отъ своихъ родичей, представляя собою весь домъ. Вотъ естественное начало общей поруки; она взялась изъ основы Славянскаго быта, и по тому ему только присуща и имъ только объяснима. Послѣ этого понятно, по чему въ старину въ Сербіи, которая и доселѣ отличается передъ прочими Славянскими землями сохраненіемъ въ живыхъ многихъ Старославянскихъ преданій, вѣрованій и обычаевъ, общая порука такъ живо и сильно выражалась въ представленіи права. Напротивъ, въ Далматскихъ общинахъ, гдѣ право имѣло свои особыя судьбы; гдѣ Римское начало легло въ основу народнаго быта, личность отдѣлилась отъ семьи и рода и стала особнякомъ. Тамъ мы всюду находимъ ее отдѣльною во всѣхъ видахъ общиннаго и семейнаго быта. По этому тамъ и

отвѣтственность падала на одно только лицо, виновное въ преступленіи, и только съ этимъ лицомъ имѣлъ дѣло законъ. Наконецъ, замѣчу еще и то, что личная отвѣтственность и общая порука, имѣя исходомъ наказаніе, придаютъ ему не одинаковую цѣль. Личная отвѣтственность, при извѣстномъ способѣ наказанія, служитъ не только къ вознагражденію за зло, но и къ предупрежденію зла; ибо виновный, отвѣчая лично, можетъ быть поставленъ въ невозможность совершать зло на будущее время. Напротивъ, общая порука имѣетъ въ виду только вознагражденіе за зло, а до виновнаго она не касается. Ей нѣтъ дѣла до того, отысканъ ли виновный, или нѣтъ; онъ ли самъ отвѣчаетъ за себя, или другіе отвѣчаютъ за него: ей нужно только удовлетворить по возможности обиженнаго и тѣмъ положить конецъ иску. Но такое различіе въ цѣляхъ той и другой отвѣтственности возможно только при извѣстномъ способѣ наказанія. Личная отвѣтственность тогда только предупреждаетъ зло на будущее время, когда она находитъ способъ удалить виновнаго отъ возможности совершить зло; для этого мало одной денежной пени, внесши которую, виновный оставался по прежнему свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ и Далматскіе статуты почти всякую вину измѣряютъ количествомъ денегъ, и не много найдется въ нихъ такихъ родовъ преступленій, за которыя они опредѣляли бы тѣлесное наказаніе. Въ отношеніи цѣли наказанія они стояли отнюдь не выше Законника Душанова, и потому ихъ понятія объ отвѣтственности основывались на иномъ началѣ, именно, на представленіи личности. Сдѣсь, какъ сказали мы, распоряженія Сербскихъ владѣтелей нѣсколько подчинились понятіямъ Дубровницкимъ, и личная отвѣтственность предпочтена общей порукѣ. Вотъ какое постановленіе сдѣлалъ Дубровникъ относительно своихъ гражданъ, оказавшихся виновными въ спорѣ съ Сербами: **И чке кога грагянина ѡсуди ѡбьщы (общій) судь. да подаемо егов добытькь: аке ли му добытка не стече. а мы самога кривца да даемо своѡвь главовь. доколѣ судьце уговоре да се плати. не плати ли се до урока. да потола (потомъ) да е ѡстало на волы (на волѣ) кралевьствати** (С. № 26). Прежде всего виновный, если имѣлъ возможность откупиться, откупался; если не имѣлъ, то выдавался головою, и за тѣмъ судьи назначали ему срокъ, къ которому онъ долженъ былъ заплатить пеню; наконецъ, если и на этотъ разъ онъ не имѣлъ чѣмъ откупиться, то отдавался на волю истца, представляемаго въ лицѣ самого короля. Сдѣсь видно обычное въ Далматскихъ общинахъ право, по которому виновный могъ откупиться, и только неимущій выдавался головою[1]. Урошъ I видѣлъ сдѣсь отсутствіе общей поруки, видѣлъ, можетъ быть, также и то, что иногда съ виновнаго нечего было взять, и обиженный могъ остаться не удовлетвореннымъ: не смотря на это, онъ распорядился по Сербскому обычаю и, за отсутствіемъ виновнаго, обратился къ общей порукѣ, которая непремѣнно и во всякомъ случаѣ должна была представить удовлетвореніе. Онъ писалъ: **И ако се ѡбрѣте чловкь земле кралевьстами ѡсугень вашемь чльку. да му мое судьце издаю добитьке. ако ли му добитька не стече. а ѡни да подаю кривьца самога. до урока доколе судьце уреку.** До сихъ поръ отвѣтственность одинакова, какъ и у Дубровничанъ; но этимъ не довольствуется грамота и продолжаетъ: **ако ли га судьце не исьдаде. да где ми правьда укаже узети те дьльгь. да га. узме кралевьствоми и да га постави где га буде право поставити** (С. № 21). Хотя сдѣсь и не упомянута общая порука; но

[1] Рейцъ, Сборникъ Валуева, стр. 175.

камекъ на нее ясенъ. Съ кого же, какъ не съ околицы, по обычаю Славянскому, приходилось брать удовлетвореніе, когда виновный скрывался? Выгода очевидно была на сторонѣ Дубровничанъ. Этому распоряженію Уроша I отвѣчаетъ другая Сербская грамота, неизвѣстно кѣмъ и когда данная, но во всякомъ случаѣ королевская, слѣдующимъ распоряженіемъ: оу кои ли се жоупѣ що испакости. тази жоупа волѧ да да кривце волѧ да плати (С. № 38). А Стефанъ Дечанскій приказываетъ: аке ли нисе кои утета (убыль) учини иньдези. да имь сплате околна села волѧ гра͡ кои буде (:) ке сплате ли и да имь кра͡леви плати изъмои куки (казны) (С. № 36). Изъ этихъ трехъ весьма важныхъ постановленій, сохранившихся отъ временъ до-Душановыхъ мы видимъ, что общая порука господствовала въ эти времена въ Сербіи и примѣнена была къ сношеніямъ Сербовъ съ Дубровничанами. Хотя въ грамотѣ Душана (С. № 43) мы не видимъ общей поруки; ибо тамъ просто сказано, безъ дальнѣйшихъ подробностей, что царь самъ вѣдается съ виновнымъ, однако въ его же Законникѣ общая порука находится еще въ полной силѣ. Обычай этотъ, при всемъ видимомъ желаніи законодателя ввести личную отвѣтственность, не могъ быть истребленъ; ибо, какъ сказали мы, онъ вытекъ изъ народнаго быта Славянъ, присущъ самой основѣ Славянской жизни. Его начало можно видѣть въ самомъ Законникѣ. Есть статьи, которыя, какъ вѣрный списокъ съ стариннаго народнаго права, возлагаютъ отвѣтственностъ на цѣлый домъ. Этѣ статьи замѣчательны въ высшей степени; если бы законодатель не придерживался обычнаго народнаго права, а уложилъ только свои, вновь придуманныя, правила, то Законникъ его не получилъ бы такого успѣха и не имѣлъ бы столько списковъ. Списки всего лучше свидѣтельствуютъ объ его успѣхахъ въ древней Сербіи; а это и доказываетъ, что онъ былъ только повтореніемъ того, что изстари велось въ народѣ, какъ итогъ его духовнаго самобытнаго развитія. Коренныя народныя представленія о правѣ нашли себѣ сдѣсь письменное выраженіе. Мы видимъ, какъ понятіе объ отвѣтственности истекало изъ понятія о родовомъ бытѣ. Когда прежніе роды распались до того, что между ними потерялась всякая родственная связь, тогда основная мысль родоваго быта, мысль общности, требовала новаго гражданскаго опредѣленія границъ рода. Прежній родъ былъ оставленъ; но понятіе объ его цѣльности перенесено было на его вѣтви, которыя и ограничены были семьею или домомъ. Подъ домомъ могло разумѣться и нѣсколько семей, если только онѣ не раздѣлились и имѣли надъ собою одну главу. Цѣльность дома естественно влекла за собою и общую отвѣтственность. По этому мы и читаемъ въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ статьяхъ Законника, что отвѣтъ держитъ отецъ за сына, братъ за брата, родъ за родъ, если только они живутъ въ одномъ домѣ, и что отвѣтъ преимущественно дается старшимъ въ домѣ; за всякое зло, причиненное однимъ изъ домашнихъ, платитъ старшина, или выдаетъ виновнаго (ст. 48, 55, 60). Всякій согласится, что этѣ статьи суть отзвукъ глубокой старины, сохранявшейся до временъ Душана, сохраняющейся отчасти и понынѣ въ нѣкоторыхъ углахъ Сербіи. Однако это еще не общая порука, какъ мы привыкли ее понимать: это еще только какъ бы домашняя общая порука; но изъ нея не замедлила развиться и гражданская общая порука или та, въ которой за виновнаго отвѣчала цѣлая околица, или цѣлый городъ. Основаніе ея видно съ перваго взгляда. Какъ домъ представлялся однимъ цѣльнымъ тѣломъ, такъ и околица, или городъ представлялись недѣлимымъ цѣлымъ, какъ бы однимъ сплошнымъ жилищемъ; мысль

общности отъ дома была перенесена и на нихъ. Конечно, это было уже нѣчто искусственное; но возможность этого условливалась памятью о древнихъ родахъ, которые жили отдѣльными общинами, слѣдовательно представляли собою сплошное населеніе, помѣщавшееся въ одной главной окружной межѣ. Разница только та, что внутренняя связь древнихъ родовъ была родственная; теперь же связь околицъ, или городовъ была гражданская или юридическая. Общая порука состояла въ томъ, что весь городъ, либо вся околица, т. е., одно, или нѣсколько селъ, или даже цѣлый округъ отвѣчали за преступленіе, совершенное на ихъ землѣ, или ихъ человѣкомъ; они должны были или выдать виновнаго головою, или, въ случаѣ его неявки, внести за него пеню. Общая порука касалась только уголовныхъ преступленій, какъ то: смертоубійства, поджигательства, грабежа, чародѣйства и т. п. Мысль, породившая общую поруку, предоставила разбирательство самой околицѣ, или городу. Правительство, требуя отъ нихъ выдачи виновнаго, не входило въ дальнѣйшія разысканія и оставляло на ихъ волю вѣдаться съ виновнымъ и отыскивать его. Если они дорожили виновнымъ по чему либо, или не могли отыскать его, то сами расплачивались за него. Сдѣсь, съ одной стороны, ярко отражается обычай домашней поруки, по которому или виновный выдавался головою, или за него платилъ весь домъ и, заплативши, самъ уже расправлялся съ нимъ; а съ другой просвѣчиваетъ мысль о вознагражденіи, которое, по тогдашнимъ понятіямъ, почти всегда измѣрялось количествомъ денегъ. Гдѣ откупъ замѣнялъ тѣлесное наказаніе, тамъ могла быть и общая порука. Такъ связывались между собою различныя судебныя представленія. Но если общая порука имѣла въ виду возможность удовлетворенія во всякомъ случаѣ, то она заключала въ себѣ и огромный недостатокъ. Черезъ нее виновный избавлялся отъ непосредственнаго преслѣдованія правительства, которое одно могло употребить всѣ возможныя средства къ его поимкѣ. Околица, или городъ, заплативши за него пеню, не имѣли ни времени, ни возможности отыскивать его при недостаткѣ средствъ земской охраны, малолюдности населенія и обиліи пустопорожней земли; а если и отыскивали, то все же не такъ, какъ само правительство, могли расправляться съ нимъ. При томъ, если преступленіе было такого рода, что не влекло за собою кровной мести, то оно почти всегда оставалось ненаказаннымъ. Проскитавшись нѣсколько времени по сторонамъ и зная, что пеня уже внесена, виновный спокойно возвращался домой и могъ по прежнему совершать злодѣянія. Такимъ образомъ общая порука избавляла правительство отъ обязанности разыскивать дѣло и находить виновнаго: но черезъ то земское устройство оставалось безъ усовершенствованія. Такъ одно зло влекло за собою другое. Правда, нѣкоторыя статьи Законника требуютъ предварительно выдачи виновнаго, но не настаиваютъ на этомъ; а околицѣ, или городу легче было внести сообща извѣстную пеню, чѣмъ отыскивать виновнаго. За то другія статьи и того не требуютъ, а довольствуются одною пенею, оставляя виновнаго совершенно въ сторонѣ[1]. Впрочемъ, общая порука не противорѣчитъ здравому смыслу, требующему, чтобы за вину отвѣчалъ самъ виновный. Первое дѣйствіе правосудія было обращено на виновнаго; чрезъ пеню ли, или чрезъ тѣлесное наказаніе оно поражало виновнаго, и когда онъ находился на лицо, тогда, можно сказать, не было общей поруки; при виновномъ на лицо она могла быть только въ томъ случаѣ, когда

[1] Объ общей порукѣ см. З., ст. 20, 52, 79, 87, 88, 97, 108, 181, 182, 191.

околица, или городъ сами оказывались соучастниками преступленія: тогда они отвѣчали собственно не за виновнаго, а за самихъ себя. Требуя выдачи виновнаго головою, правительство показывало, что съ нимъ лично имѣетъ дѣло. Но тамъ, гдѣ Далматское право останавливалось, встрѣтивъ въ бѣгствѣ виновнаго препятствіе къ удовлетворенію, или наказанію, тамъ Сербское право шло далѣе и не оставляло обиды безъ вознагражденія тѣмъ, или другимъ способомъ. Душанъ, устроивъ земское управленіе, ввѣривъ города и округи главарямъ (кефаліямъ), далъ первый шагъ движенію права отъ общей поруки къ личной отвѣтственности. Въ его Законникѣ находимъ личную отвѣтственность должностныхъ правителей тамъ, гдѣ прежде была общая порука. За ограбленіе странствующихъ торговцевъ уже не платила жупа, какъ постановилъ Дечанскій, а платили главари и стражи (З., ст. 159, 162, 163). Но это нововведеніе не обошлось пока безъ противорѣчія: по статьѣ 194-й убытки, причиненные вторженіемъ чужеземныхъ разбойниковъ выплачивались околицею, пропустившею ихъ въ царскую землю; а по ст. 137-й эти убытки вознаграждались кращниками, т. е., властелями, управлявшими пограничными округами или кращами. Ясно, что право отвѣтственности начинало колебаться и отъ общинъ переходить къ лицу. Но это осталось только при должностныхъ лицахъ, облеченныхъ служебною обязанностію. При ослабленіи внутренняго порядка Сербіи, послѣ Душана, эта отвѣтственность неминуемо должна была отстраниться, а общая порука усилиться. По крайней мѣрѣ, въ грамотахъ деспотовъ не видимъ ни главарей, ни стражей, ни кращниковъ, а отвѣтственность падаетъ на околицу: гдє га (Дубровчанина) оубиє гоуса или покрадоу га оу селоу. да имь плати околина що имь оузме гоуса или що би и҃ покрали (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Такимъ образомъ общая порука сохранялась въ Сербіи до самого ея паденія. Выше мы сказали, что въ Далматскихъ общинныхъ узаконеніяхъ нѣтъ ничего подобнаго общей порукѣ. Дѣйствительно, есть цѣлые статуты, въ которыхъ нѣтъ и слѣда этого обычая; но тѣмъ не менѣе соприкосновеніе нѣкоторыхъ общинъ съ землями чисто Славянскаго населенія могло навести и ихъ на путь общей поруки. Вотъ тѣ слѣды, которые Рейцу удалось подмѣтить въ разныхъ Далматскихъ статутахъ. Въ Корчулѣ велся обычай платить всею деревнею за убитаго коня, или быка, когда виновный скрывался; но и въ этомъ случаѣ деревнѣ предоставлялось 15 дней сроку, въ продолженіи которыхъ она могла отыскивать виновнаго. Въ Шибеникѣ все селеніе платило убытки и пеню, если не выбѣгало на крикъ помощи, или если на его землѣ совершено было убійство и виновный не былъ открытъ [1]. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что такое право, какъ старинный обычай, но въ то же время какъ исключеніе, велось только въ деревняхъ, гдѣ преобладало Славянское населеніе съ своимъ отличительнымъ бытомъ; но въ городахъ оно не существовало: тамъ только одинъ виновный лично имѣлъ дѣло съ закономъ, а другіе не отвѣчали за него. Въ Винодолѣ, за убіеніе намѣстника, домашняго, или слуги княжескаго, и за убіеніе кмета, или кого нибудь изъ кметскаго рода, когда убійца скрывался, половина вражды взималась съ его племени; но только половина, ибо племя, или домъ считались въ этомъ случаѣ только за половину; другую половину представлялъ самъ убійца [2]. Въ этомъ ограниченіи званія убитаго и сокращеніи до половины вражды съ племени убійцы весьма

---

[1] Рейцъ, въ Сборникѣ Валуева, стр. 110, 158.

[2] Винод. Зак., §§ 29, 31.

замѣтна слабость общей поруки, которая, можетъ статься, занесена была сюда Славянскимъ населеніемъ, почти исключительно господствовавшимъ въ Винодолѣ, чему доказательствомъ служитъ языкъ Закона. Въ самомъ Дубровникѣ, по мѣрѣ увеличенія его земель съ Славянскимъ населеніемъ и преобладанія Славянскаго начала, съ первой четверти XV-го вѣка, появляются законы, вводящіе общую поруку въ обычное употребленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣсь Дубровничане примѣнялись къ свойствамъ Славянскаго быта. Въ силу этихъ постановленій окружинѣ давался для отысканія виновнаго срокъ, по прошествіи коего, она должна была сама внести пеню. Приведу отрывокъ одной любопытной статьи изъ Зеленой Книги: Ma se pure non scoprendosi il reo, allora passato esso termine di quattro mesi, il rettore ed il minor consiglio abbia libertà di stimare tal incendio e per esso condannar la kaznacina secondo a loro parerà il danno. Кажется, всѣ статьи относятся къ земскому праву и имѣютъ въ виду происшествія загородныя. Особую статью находимъ для Конавля, гдѣ «собтина» должна была черезъ два мѣсяца со дня преступленія или выдать виновнаго, или платить за него пеню[1]. Но все это въ Далматскихъ общинахъ является не болѣе, какъ исключеніемъ, и духъ ихъ узаконеній остается при отдѣльной личности. Духъ этотъ, вѣроятно, изстари дѣйствовалъ въ различныхъ сношеніяхъ Дубровника съ Сербіею, когда еще въ половинѣ XIII-го ст. баны Боснійскіе Нинославъ и Стефанъ, по поводу суда между Сербами и Влахами, постановляли: а иномꙋ влахꙋ. и иномꙋ србланꙋ. да не бꙋде изьма (ущерба) (С. №№ 5, 14). Эти же самыя слова отразились и въ распоряженіяхъ деспотовъ, которые писали: ако ю кои доубровчанинь комоу дльжьнь, или чинь кривь, да се ищє истьць а да на иномь доубровчаниноу не можꙋ питати. тькмо тко (кто) є дльжань, или чинь кривь, ѡнь да плати и пати (терпитъ), а за иного на дроугомь да нѣ прѣоузма (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Если вспомнимъ, что въ тѣхъ же грамотахъ для удовлетворенія Дубровничанъ положена общая порука, то увидимъ, какъ сильно обѣ стихіи отражались во взаимныхъ договорахъ Сербіи и Дубровника. И въ Боснѣ, въ одно время съ послѣднимъ деспотомъ, король Томашевичъ подтверждалъ: да ѿ сада напрѣда не бꙋде никадарь веће в нашꙋ рꙋсагꙋ ни едномꙋ дꙋбровчанинꙋ ни слꙋгамь нихь ни едиога прѣꙋзма ни за едно твѣе прѣдꙋжние него да се найде по законꙋ тко бꙋде дꙋжань ѡнаи истаць да има платити а да се праномꙋ не може ꙋзети за пригога ни едно нꙑмание правога (С. № 150). Вѣроятно, Босняки, на основаніи понятій объ общей порукѣ, требовали удовлетворенія съ одноземцевъ виновнаго; но Дубровничане и въ этомъ случаѣ успѣли оградить себя льготою. Впрочемъ, все это дѣло набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на поступки ихъ торговцевъ: можетъ быть, многіе изъ нихъ уходили изъ Босны, не расплатившись съ долгами и болѣе не возвращались туда. Юрій Воиславичъ, писавшій въ своей грамотѣ, 1434 года, между прочимъ, о томъ, за какое преступленіе властели, имъ награжденные, подвергались смертной казни, счелъ нужнымъ вставить оговорку: гламе ѿсиѣи ѡномꙋ кои е сагрѣшио а ѡстали да живꙋ и прѣбивају (С. № 118). Этою оговоркою онъ снималъ всякую отвѣтственность съ дому виновнаго, если только онъ не участвовалъ въ преступленіи. Послѣ этого можемъ сдѣлать общее заключеніе о правѣ отвѣтственности. Сербскіе владѣтели, за отсутствіемъ виновнаго, сами, или общею порукою, спѣшили вознаградить обиженнаго Дубровничанина. Въ томъ и другомъ случаѣ удовлетвореніе всегда

[1] Dubrovnik, 1851. Sv. II. Zrcalo povestnice Dubrovačke, стр. 85, 86.

исполнялось. Но Дубровничане, съ своей стороны, удовлетворяли обиженнаго Серба только или чрезъ выдачу головою самого виновнаго, или отнятіемъ у него имущества; другой же отвѣтственности не допускали. Общей поруки у нихъ не было; всякій ихъ торговецъ отвѣчалъ только за самого себя, не взирая на то, могъ ли онъ одинъ вознаградить обиженнаго Серба. Очевидно, на чьей сторонѣ была выгода. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ еще одинъ видъ поруки, которую можно назвать господскою. Она, какъ и предыдущія, была обязательною. Господинъ отвѣчалъ за своего подданнаго, или раба, если не хотѣлъ выдать его головою. Конечно, прежде всего требовалась отъ него выдача виновнаго; но онъ могъ и не выдать его: тогда платилъ пеню. На эту поруку указываетъ одно мѣсто въ грамотѣ Уроша I (С. № 22): **И в кога се обрѣте лѹ (шаловливый) отрокь (рабъ) тере що комѹ испакости. да в томь господара не ищѹ. нь да сищѹ крнкца. ако ли крьвь (смертоубійство) ѹчини дѣтикь (рабъ). да га пода госпо̂рь. ако ли га не пода да да плати господарь вражѹ.** То же постановленіе существовало и въ нѣкоторыхъ Далматскихъ общинахъ [1].

Всякое судебное вознагражденіе называется въ нашихъ грамотахъ «правиною». Это названіе дано на такомъ же основаніи, на какомъ и самый судъ именовался «правымъ и божественнымъ». Въ договорахъ обѣ стороны выговариваютъ себѣ правину на томъ основаніи, что всякому должна быть оказана справедливость. Мы находимъ въ нашихъ памятникахъ нѣсколько постановленій о неприкосновенности имущества и о правѣ владѣнія. Заключая договоръ съ Михаиломъ Асѣномъ, Дубровничане вставили условіе, по которому, въ случаѣ смерти Дубровницкаго купца въ Булгаріи, или Булгарскаго въ Дубровникѣ, съ дружиною, или безъ дружины, съ языкомъ, или безъ языка, имущество покойнаго описывается и остается неприкосновеннымъ до выдачи его нарочитымъ людямъ, которые пріѣдутъ изъ земли умершаго съ письменнымъ на то дозволеніемъ отъ своего правительства (С. № 16). Деспоты Сербскіе хранили неприкосновеннымъ имущество умершаго Дубровницкаго купца, какъ Дубровницкую собственность, или отдавали его согласно съ завѣщаніемъ покойнаго (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Мы уже видѣли, какъ Сербскіе владѣтели обезпечивали имущество проходившихъ по ихъ землямъ Дубровницкихъ купцовъ, и какъ, съ своей стороны, Дубровничане осторожно выдавали хранившіеся у нихъ вклады. На томъ же положеніи основано было и береговое право. По этому праву, корабль Дубровницкій, или Венеціянскій, разбившійся у Сербскихъ береговъ, и грузъ его оставались неприкосновенными. За всякую пропажу отвѣчала околица (С. №№ 36, 43, 50, 70, 71, 73, 90, 91, 111, 137). Сходныя положенія о береговомъ правѣ находимъ и въ Далматскихъ общинахъ, хотя сдѣсь поражаетъ насъ скудость письменныхъ извѣстій объ этомъ правѣ, столь важномъ для торговыхъ и приморскихъ общинъ. Главная основа всѣхъ этихъ положеній есть неприкосновенность чужой собственности [2]. Относительно залоговъ, Дубровничане пользовались въ Сербіи защитою закона. Неприкосновенность залоговъ была обезпечена во всякое время. Въ различныхъ сдѣлкахъ Дубровника съ сосѣдними Сербскими землями не могло обойтись безъ долговыхъ обязательствъ, которыя обезпечивались залогами. Опираясь на разноподданничество и на могущество своего царя Душана, Сербы могли иногда требовать своихъ залоговъ назадъ безъ выкупа, особенно въ земляхъ завоеванныхъ; но, пред-

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 130.

[2] Рейцъ, тамъ же, стр., 161. — Млѣтскій стат., гл. 55, 56, 61.

видя весь вредъ отъ такого нарушенія взаимной довѣренности, Душанъ и въ грамотѣ своей (С. №№ 43), повтореной въ послѣдствіи сыномъ его (С. №№ 50), и въ Законникѣ (ст. 77) положилъ за непремѣнное правило, чтобы залоги, гдѣ бы они ни были, выкупались. Украденная лошадь, узнанная своимъ прежнимъ хозяиномъ, хотя бы она и была перекуплена другимъ за неворовскую и съ соблюденіемъ при покупкѣ законнаго порядка, возвращается прежнему хозяину (С. №№ 43, 50, 73, 90, 91, 111, 137). Въ судѣ за землю Дубровничане отказываются отъ той земли, которую судъ покажетъ королевскою, и если на ней есть виноградники, то съ нихъ король получаетъ вино тѣмъ же лѣтомъ (С. №№ 26). Перебѣжавшіе люди возвращаются ихъ владѣльцамъ (С. №№ 39, 78); но перебѣжавшіе во время войны не возвращаются (С. №№ 114); плѣнные, по окончаніи войны, отпускаются (С. №№ 55, 114); кто кому долженъ, тотъ тому и платитъ (С. №№ 144); земли и имущество, отнятыя во время войны, возвращаются (С. №№ 55, 89). Правина могла быть и безъ суда, или въ силу предварительныхъ обоюдныхъ условій, или въ силу новаго соглашенія. Въ грамотахъ мы часто встрѣчаемъ желаніе, выражаемое Дубровничанами, чтобы людямъ ихъ была оказываема правда. Также и отъ нихъ владѣльцы Сербскіе иногда требуютъ правды. Всего яснѣе высказано желаніе Дубровничанъ въ грамотѣ великаго князя Хлумскаго, Андрея, словами: да бы и отворена ȥемла моꙗ ꙋ всѣхь вашихь печалѣхъ а правина да єсть (С. №№ 4, 15). Изъ этѣхъ же двухъ грамотъ узнаемъ, что въ Хлумѣ, а можетъ быть, и во всей Сербіи, былъ обычай, что виновный, прибывшій неволею въ землю, гдѣ требовалось съ него удовлетвореніе, тутъ и подвергался расправѣ и совершалъ правину; но добровольно приходившій, когда еще на немъ не искалась правина, могъ, въ случаѣ предъявленія на него правины, возвратиться домой и тамъ исполнить правину. Впрочемъ, не ручаясь вполнѣ за вѣрное пониманіе этого мѣста, привожу его въ подлинникѣ. Вотъ оно: а вашь члоковѣкь. ки приде ꙋ нашꙋ ȥемлю неволовь. комꙋ є искана правинх. и не испльнена мꙋ бꙋде. да стане. и да ꙋчини правинꙋ. ако ли приде такь члоккь. комꙋ нѣ искана правина. да мꙋ се не ꙋȥьме нп тьньке коньць. докꙋ поиде ꙋ свое мѣсто. и тамо да ꙋчини правинꙋ потомь. Дубровничане просили Михаила Асѣна, чтобы между ними и Булгарами была правина безъ суда и пошлины (С. №№ 16): и ако. людье. стоготи. црстка. или. петрови. кисокого. севасто. кратора. имꙋть. искати. некою. правинꙋ. крьхь. нога. годе. члоккка. кнежьстка. дюбровьчькога. да ми бꙋдемо. дрьжани. ѡ кемь. чинити. правинꙋ. безь. сꙋтьние. и безь. данье. по ȥаконꙋ нашемꙋ. сьвьршенꙋ. правьдꙋ. и такоде. правьда. да бꙋде нашимь. людьмь. кь ȥемахь стоготи. црстка. и петровехь. севасто. кратора.... безь. никире. данье. и безь. сꙋтьние. Дѣйствительно, въ Далматскихъ общинахъ правина могла быть учинена и безъ суда по одному соглашенію съ обидчикомъ; но если завязывалась тяжба, то виновный платилъ судебныя издержки[1]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удовлетвореніе не ограничивалось только возвращеніемъ собственности, но еще къ тому присовокуплялся взыскъ съ обидчика. Этотъ взыскъ не должно смѣшивать съ пенею. Послѣдняя всегда была денежная; первый состоялъ большею частію изъ тѣхъ же самыхъ предметовъ, изза которыхъ былъ споръ. Пеня имѣла значеніе и силу наказанія; взыскъ считался только удовлетвореніемъ. Обыкновенно спорный предметъ возвращался обиженному самъ другъ, или седмерицею. Этѣ краты любитъ Законникъ Душановъ. За невзнесеніе къ сроку цар-

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 179.

скаго дохода властелинъ наказывался двойнымъ взносомъ (ст. 200); за самовольное притѣсненіе монаха безъ суда и правды, издоиство, проводъ человѣка въ чужую землю, пропускъ разбойниковъ, взиманіе приселицы (кормежа) и за воровскаго коня взыскивалось седмерицею (ст. 30, 80, 90, 122, 193, 203). Урошъ V повелѣлъ своему властелину Жарку заплатить Дубровничанамъ седмерицею за то, что онъ взялъ у нихъ товаръ безденежно (С. № 45). Въ Далматскихъ общинахъ взыски были разнообразнѣе. Въ Винодолѣ за покражу скота, жита и меду виновный, кромѣ денежной пени, платилъ убытки вдвойнѣ; за неправое удержаніе выморочнаго имѣнія и за недоставленіе князю дохода съ земель, въ которыхъ князь имѣлъ свою часть, виновный, кромѣ денежной пени, платилъ доходы седмерицею за каждый годъ; за покражу крупнаго скота князь бралъ съ виновнаго вдвойнѣ, и въ то же время дворъ князя бралъ еще седмерицею [1]. На Крькѣ за всякую покражу взималась денежная пеня, или налагалось тѣлесное наказаніе, и обиженный получалъ убытки вдвойнѣ [2]. На Млѣтѣ покража рогатаго скота вознаграждалась возвращеніемъ украденнаго десятерицею, если то былъ мелкій скотъ, четверицею, если то была корова, и вдвойнѣ, если то былъ волъ. За другую покражу взимался ущербъ вчетверо [3]. Въ другихъ Далматскихъ общинахъ всякое насильственное, или тайное отнятіе собственности вознаграждалось вчетверо; за неуплату долга взыскивалось вдвое или втрое [4].

Когда лицо, оказавшееся по суду неправымъ, отказывалось, по несостоятельности, или по чему либо другому, дать удовлетвореніе, тогда прибѣгали къ силѣ, состоявшей въ личномъ задержаніи, или выдачѣ виновнаго головою. Объ этомъ дѣйствіи расправы мы находимъ нѣсколько извѣстій въ нашихъ памятникахъ. Самое ясное представляется въ грамотѣ Дубровничанъ, писанной для Уроша I (С. № 26): **И аке кога грагянина осуди оньны судь. да нодасмо егова добытькь: аке ли му добытка не стеуе. а мы самога кривца да дасмо свооовь главовь.** Слѣдовательно, выдача головою была въ правахъ Далматскихъ общинъ. Но ее не должно смѣшивать съ личнымъ задержаніемъ. Послѣднее было столь обыкновеннымъ дѣломъ, что объ немъ нечего говорить: виновный подвергался ему всегда, какъ скоро того требовала судебная расправа по дѣламъ гражданскимъ, или когда въ уголовномъ преступленіи оно могло служить уликою. Такъ, на пр., въ Далматскихъ общинахъ бѣжавшіе, подозрительные и несостоятельные должники заключались въ тюрьму [5]. Въ нѣкоторыхъ изъ этѣхъ общинъ за смертоубійство виновный непремѣнно задерживался лично; въ прочихъ же случаяхъ личное задержаніе употреблялось только тогда, когда виновный не находилъ за себя поруки въ томъ, что къ извѣстному сроку онъ уплатитъ положенную пеню [6], и пр. По Законнику Душанову, личному задержанію подвергались властели, не заплатившіе царскаго дохода, или укрывшіе вора и разбойника (ст. 123, 124, 125, 200) и пр. Само собою разумѣется, что личное задержаніе составляло существенную часть уголовнаго и отчасти гражданскаго судопроизводства. Если допускалась порука, то значитъ, было и личное задержаніе. Но съ личнымъ задер-

---

[1] Винод. Зак., §§ 8, 33, 34, 50.
[2] Крьчск. стат. 1388 г., гл. 17, 18, 27.
[3] Млѣтск. стат., гл. 8, 9, 10, 11.
[4] Рейцъ., Сборн. Вал., стр. 164, 187, 188.
[5] Рейцъ, тамъ же., стр. 173, 174, 175, 176. — Ср. С. NN 73, 90, 91, 111, 137.
[6] Рейцъ, тамъ же, стр. 192.

жаніемъ, какъ дѣйствіемъ, по которому виновный поступалъ въ распоряженіе судебной власти и подвергался, по приговору, различнымъ наказаніямъ, пыткѣ и казни, не должно смѣшивать выдачи головою, дѣйствія, которое неправаго передавало въ руки частнаго человѣка, того самого, чей искъ былъ на немъ. Мы уже видѣли постановленіе Дубровника относительно виновнаго, оказавшагося несостоятельнымъ. Это постановленіе сдѣлано въ половинѣ XIII-го ст. Не много ранѣе, въ первой четверти того же вѣка, былъ заключенъ, по свидѣтельству Лучича, между Трогиромъ, Клишемъ и Шибеникомъ договоръ, по которому несостоятельный должникъ выдавался вѣрителю головою. Но, приводя это свидѣтельство, Рейцъ тутъ же замѣчаетъ, что выдача должника истцу головою, по древнему Славянскому праву, уже давно прекратилась. Только въ Трогирѣ существовало еще положеніе, въ силу котораго гражданинъ, задолжавшій иностранцу, если не имѣлъ чѣмъ заплатить, выдавался ему головою. По большей части, выдача головою замѣнена тюремнымъ заключеніемъ [1]. Въ Шибеникѣ рабъ, причинившій кому нибудь вредъ, когда господинъ отказывался платить за него, выдавался головою; его сѣкли и клеймили [2]. Впрочемъ, сдѣсь выдача головою есть не что иное, какъ личное задержаніе. По Закону Винодольскому только въ двухъ случаяхъ виновный выдавался головою: это за измѣну князю и за неимѣніе, чѣмъ заплатить пеню: въ обоихъ случаяхъ князь имѣлъ полное право поступать съ нимъ и его имуществомъ, какъ хотѣлъ (§§ 70, 74). Такъ какъ всѣ эти постановленія принадлежатъ къ самымъ раннимъ, то очень легко могло быть, что въ послѣдствіи выдача головою мало по малу прекратилась въ Далматскихъ общинахъ. Въ Сербіи только разъ наши памятники ясно указываютъ на выдачу виновнаго головою: кто изъ Сербовъ оказывался виновнымъ въ чемъ либо передъ Дубровничаниномъ и не имѣлъ чѣмъ откупиться, долженствовалъ, по повелѣнію Уроша I, быть выданъ головою: **ако ли не добитька не стеке. а они (судьце) да подаю кривьца самога** (С. № 21). Хотя сдѣсь не упомянуто о выдачѣ головою, однако, во первыхъ, по смыслу, ничего другаго и не могло быть; а во вторыхъ, сдѣсь выдача головою согласуется съ таковымъ же постановленіемъ Дубровничанъ, отвѣтнымъ на это и приведеннымъ нами выше (С. № 26), и съ прочими Далматскими постановленіями о несостоятельныхъ должникахъ. О другихъ не столь ясныхъ намекахъ нашихъ памятниковъ на выдачу головою мы не упоминаемъ; ибо они могутъ относиться и къ личному задержанію. Такъ, выдача виновнаго, упоминаемая въ неизвѣстной королевской грамотѣ (С. № 38) и въ Законникѣ Душановомъ, какъ предварительное дѣйствіе общей поруки, есть не что иное, какъ выдача виновнаго для личнаго задержанія. Скудость и ранность извѣстій о выдачѣ головою какъ въ Далмаціи, такъ и въ Сербіи, заставляетъ думать, что этотъ обычай, хотя и старинный Славянскій, но мало отвѣчавшій постепенно развивавшемуся и устроивавшемуся судопроизводству, вышелъ со временемъ изъ употребленія какъ въ той, такъ и въ другой области. Дѣйствительно, онъ въ основаніи своемъ носилъ зародышь самоуправства и происхожденіемъ своимъ обязанъ былъ тѣмъ младенческимъ временамъ, когда кровная месть и частная расправа замѣняли всякое судебное, правительствомъ установленное, преслѣдованіе виновнаго. Легко можно замѣтить, какъ мало согласовался онъ съ мыслію и направленіемъ Душанова законодательства, противорѣча личному задержанію и судеб-

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 175.

[2] Рейцъ, тамъ же, стр. 180.

ной расправѣ. Вотъ по чему онъ и не вошелъ въ Законникъ и, какъ отживающій, остался только въ преданіи народномъ. Личное задержаніе называется въ Душановомъ Законникѣ «емствомъ». Оно служило предварительнымъ дѣйствіемъ для того, чтобы виновный, или подозрѣваемый не бѣжалъ до окончанія суда и не уклонился отъ приговора. Властелинъ не подвергался самъ емству, но находилъ за себя емцевъ, которые служили заложниками въ удостовѣреніе того, что виновный подчинится рѣшенію суда; въ случаѣ его бѣгства, они несли на себѣ всю его вину (ст. 75, 83, 119). Но не всегда емство было такого рода. Случалось, что въ сношеніяхъ между Дубровничанами и Сербами, обиженный, не дождавшись судебнаго окончанія, или вовсе не начиная иска судебнымъ порядкомъ, прибѣгалъ къ насилію и захватывалъ обидчика. Тогда послѣдній видѣлъ себя уже не выданнымъ головою, а насильно увлеченнымъ въ руки истца. Дубровничане, какъ народъ мирный и торговый, боялись такого насильнаго емства и въ договорахъ постоянно выговаривали себѣ условіе, что безъ суда имъ нѣтъ никакого зла. Въ договорѣ съ Асѣномъ они говорили: никоре. ємьство. да не. медѹ. стомѹ. црствѹ. и насѣ. докьде се. не суди. вь правьдѹ (С. № 16). Но иногда сами они рѣшались на такое емство или плѣненіе чужихъ людей, особливо у слабѣйшихъ сосѣдей. Выше мы видѣли, какъ послѣдніе, а именно, Поповцы, князь Черномиръ и король Владиславъ [1], жаловались на нихъ за эти насильственные поступки. За то есть одна грамота (С. № 34), которая показываетъ, что и короли Сербскіе, въ свою очередь, не дождавшись удовлетворенія отъ Дубровника, покончивали дѣло по своему усмотрѣнію, не взирая на насильственныя средства, къ которымъ надлежало прибѣгнуть. Одинъ изъ нихъ писалъ жупану Тврьтку, что такъ какъ Дубровничане отняли у Урсеты корабль и имущество и не даютъ отвѣта на многократныя о томъ отписи, то жупанъ можетъ какъ знаетъ взять удовлетвореніе съ ихъ людей: ѕнаши како е ѹзето ѹрьсетеви дрѹво и ѕдобитком да много писа кралевствоми кнеѕѹ дѹбровѣкомѹ. и всѣмь дѹбровчамь.... кто ти иѕлаѕе тѹдаѕи. по работахь по свонхьси: како можь ѡноѕи ѹѕми на нихь. и подаи ѹрсетеви:... и да види кралевствоми како ми свршити хоћеши сиѕи посль (дѣло) ере (ибо) се смо ѡгрѣшили ѹ семьѕи ѹловца да ѡсвети га. Замѣтимъ выраженіе да ѡсвети га. Ѡсветити всегда значило у Сербовъ отмстить въ смыслѣ кровной, родовой мести и частной, своевольной расправы; откуда въ Черногоріи родилась пословица; *ко се не освети, он се не посвети* [2], или въ другихъ мѣстахъ Сербіи: *тко се не освети, Бог га не освети*. Таковъ смыслъ этого слова у Сербовъ; таково и нынѣ значеніе «осветы» въ обычномъ народномъ правѣ. Но на этотъ разъ право письменное, возникшее уже при первыхъ короляхъ и такимъ блестящимъ образомъ выразившееся въ Законникѣ Душановомъ, употребило освету уже не въ первоначальномъ ея смыслѣ, а въ дальнѣйшемъ, болѣе приличномъ благоустроенному обществу. Гражданское право сдѣлало шагъ впередъ, предоставивъ самому правительству преслѣдованіе виновнаго и отстранивъ кровную месть. Здѣсь освета есть насильное емство, употребленное отъ лица правительственной власти.

О способахъ наказанія, принятыхъ въ Далмаціи и Сербіи, мы упоминали выше мимоходомъ. Ни источники, ни мѣсто не позволяютъ намъ распространиться во всей подробности о наказаніяхъ — исходной части судебныхъ дѣй-

[1] С. NN 9, 11, 18.

[2] См. В. С. Караджича, Српске народне пословице. У Бечу. 1849. Стр. 154. Ср. еще стр. 8.

ствій. Тѣмъ не менѣе мы должны окинуть общимъ взглядомъ способы наказанія и основную мысль, которая въ нихъ проявлялась, какъ въ Сербіи, такъ и въ Далматскихъ общинахъ. Читая Рейца, изучая Далматскіе статуты, мы приходимъ къ заключенію, что кровной мести въ общинахъ не осталось и слѣда; въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ шагъ впередъ на пути гражданственности. Но за кровною местію, которая не имѣетъ никакого гражданскаго значенія, а есть только частная расправа, слѣдовала денежная пеня. На ней и остановились Далматскія общины. Какъ исключительно торговыя и занятыя денежными выгодами, общины этѣ, вѣроятно, находили принятый ими способъ наказанія согласнымъ съ главнымъ направленіемъ ихъ дѣятельности. Онѣ всякую вину измѣряли количествомъ денегъ и наказаніе обращали въ денежный взыскъ, часть коего непремѣнно поступала въ общественную казну, другая раздавалась должностнымъ лицамъ и только третья, небольшая, отдавалась обиженному. Главный недостатокъ въ ихъ способѣ наказанія состоялъ въ томъ, что сдѣсь тягость наказанія никогда не была ровна, а отвѣчала состоянію виновнаго и средствамъ, которыми онъ владѣлъ для уплаты пени. Такъ, на пр., въ Винодолѣ, по его Закону, не было ни одного преступленія, за которое нельзя бы было откупиться. Въ другихъ общинахъ, о которыхъ мы знаемъ, были ограниченія для нѣкоторыхъ преступленій. Смертная казнь назначена была безъ выкупа: на Крькѣ за безчестіе женщинѣ, за третичное воровство, за покражу въ домѣ выше 50 литръ и отраву[1]; въ Сени за насиліе женщинѣ и покражу свыше 100 ливръ[2]; на Корчулѣ за смертоубійство и насиліе; въ Травѣ еретикамъ, измѣнникамъ, возвратившимся изъ побѣга, и смертоубійцамъ; въ Шибеникѣ, Которѣ, на Лезинѣ и Млѣтѣ смертоубійцамъ[3]. Во всѣхъ другихъ случаяхъ виновный могъ откупиться и только въ очень немногихъ, при пени, долженъ былъ подчиниться еще тюремному заключенію. И такъ, взнеся пеню, онъ былъ свободенъ. При томъ, чѣмъ богаче онъ былъ, тѣмъ нечувствительнѣе было для него наказаніе. Въ этомъ способѣ наказанія ярко высказывается господствующее населеніе этѣхъ общинъ — властельство. Оно, какъ богатое, обезпечило для себя легкость наказанія, не смотря на то, что пеня была для него увеличена; пеня, которая часто была для него ничего не значащею, для другихъ, бѣднѣйшихъ сословій, равнялась смертной казни; ибо за тѣ же преступленія, за которыя вносилась пеня, неимущій подвергался смертному приговору. Кто не могъ за свою вину заплатить деньгами, платилъ жизнію. Еще разительнѣе выступаетъ несообразность этого способа наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда пеня, по свойству преступленія, была слабѣе смертной казни. Сдѣсь невольно представлялся вопросъ: чему приравнять ее? Конечно, нѣкоторыя, болѣе предусмотрительныя, общины замѣнили ее во многихъ случаяхъ изгнаніемъ, или тюремнымъ заключеніемъ; но и сдѣсь, въ большей части случаевъ, Далматскія общины не измѣнили своей главной мысли и, оцѣнивая преступленія количествомъ денегъ, должны были и тѣлесное наказаніе уровнять съ пенею. Рѣшено было, что если большей пени отвѣчала смертная казнь, то меньшей должно отвѣчать отнятіе у виновнаго какого либо члена. И сдѣсь за виною непосредственно слѣдовала пеня, а тѣлесное наказаніе стояло

---

[1] Крьчск. стат. 1388 г., гл. 1, 14, 24.

[2] Arkiv za povêstn. Jugoslav., 1852. II, II. Стр. 278.

[3] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 183, 184, 186. — Млѣтск. стат., гл. 1.

уже сзади пени и не виною измѣрялось, но пенею. Отъ того-то въ представленіяхъ о наказаніи и возможно было увѣченіе. Часто пеня восходила до лишенія виновнаго всего его имущества; часто соединялась она съ личнымъ задержаніемъ и тѣлеснымъ наказаніемъ. Вообще мѣриломъ наказанія была денежная пеня; а съ другой стороны, какъ необходимое слѣдствіе перваго, мѣриломъ тягости наказанія было состояніе виновнаго. За одно и то же преступленіе одному не стоило ничего внести положенную пеню, другой платился всѣмъ своимъ имуществомъ, а третій терялъ жизнь, или лишался члена, необходимаго для работы, которая ему, какъ бѣдняку, доставляла пропитаніе. Какъ откупившійся злодѣй, такъ и увѣчный негодяй становились по прежнему вредными членами общества. Увѣченіе и чрезмѣрно обширное примѣненіе пени свидѣтельствуютъ, что понятіе о способахъ наказанія еще далеко не созрѣло въ Далматскихъ общинахъ. Наказаніе оставалось безъ главнѣйшей своей цѣли — исправленія дурнаго человѣка и предупрежденія возможности зла на будущее время. Мы не знаемъ хорошо о соблюденіи различія между сословіями при наказаніи; ибо достаточныхъ подробностей объ этомъ не находимъ въ статутахъ. Различіе между сословіями могло соблюдаться двояко: относительно обидчика и относительно обиженнаго. Въ первомъ случаѣ, когда вниманіе обращалось на сословіе обидчика, мы, какъ общую черту, можемъ привести слова Рацци, который говоритъ про благородныхъ, что «они не щадили другъ друга въ дѣлахъ уголовныхъ»: это значитъ, что при наложеніи пени относительно большее богатство благородныхъ требовало и большей пени. Въ смертныхъ приговорахъ благородному отсѣкали голову, а неблагороднаго вѣшали[1]. Вообще, при преобладаніи въ общинномъ правленіи властельскаго сословія, нельзя сомнѣваться, чтобы это сословіе не сумѣло отличить себя отъ другихъ. Во второмъ случаѣ уголовное право общинъ не дѣлало, кажется, различія въ сословномъ происхожденіи обиженнаго, — и это была лучшая его черта; ибо на преступленіе оно смотрѣло единственно какъ на преступленіе, и въ обиженномъ видѣло человѣка, а не члена общества. Такъ на Корчулѣ благородный, причинившій насиліе женщинѣ, была ли то благородная, или крестьянка, одинаково подвергался смертной казни. Къ сожалѣнію, другихъ извѣстій объ этомъ не находимъ. Но безразличіе ограничивалось только тѣлеснымъ наказаніемъ: лишь только дѣло останавливалось на пени, или личномъ задержаніи, какъ сословное происхожденіе выступало наружу. Тамъ же, на Корчулѣ, за насиліе, сдѣланное дѣвицѣ благороднаго происхожденія, благородный платилъ 100 червонцевъ и заключался въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ; за насиліе крестьянкѣ благородный платилъ только половину, 50 червонцевъ, и содержался только 3 мѣсяца[2]. Въ Которѣ, если рабъ ударилъ свободнаго, то его сѣкли кнутомъ; если же онъ обидѣлъ благороднаго, то ему клеймили щеки, сѣкли его кнутомъ и водили по городу; за оскорбленіе другаго раба онъ платилъ 6 перперовъ[3]. Странно, что въ другихъ статутахъ и между прочимъ въ извѣстныхъ намъ Винодольскомъ, Крьчскомъ и Млѣтскомъ, нѣтъ никакихъ постановленій касательно различія сословій: тамъ, при всемъ множествѣ статей о наказаніяхъ, о званіи обиженнаго и обидчика не упоминается вовсе. Конечно, нѣкоторыя преступленія, какъ-то: воровство, поджога, разбой, потрава и т. п.,

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 72.
[2] Рейцъ, тамъ же, стр. 186.
[3] Рейцъ, тамъ же., стр. 129.

чаще совершались людьми простаго сословія; но были и такія, которыя могли быть совершены равно благородными и неблагородными: во всякомъ случаѣ это молчаніе весьма удивительно и едва ли чѣмъ другимъ можетъ быть объяснено, какъ только тѣмъ, что письменныя узаконенія далеко не были полными хранилищами обычнаго права, которое велось въ общинахъ по преданію. Сравнивая съ постановленіями Далматскихъ общинъ Законникъ Душановъ, мы удивляемся разнообразію способовъ и лучшему направленію цѣли наказанія въ Сербіи. На этомъ пути Сербія шла врозь отъ общинъ, и въ законодательствѣ ея пробивается тотъ свѣтлый взглядъ, тотъ здравый гражданскій смыслъ, который не разъ высказывался въ дѣйствіяхъ Душана, настоящаго строителя своей земли. Денежная пеня ограничена самыми тѣсными предѣлами, и ей дано наиболѣе приличное мѣсто въ судебномъ правѣ. Въ степеняхъ ея видимъ такой порядокъ: 6, 50, 100, 300, 500, 1000 перперовъ. Она взималась: за вмѣшательство мірянъ въ церковныя дѣла (З., ст. 11), личное оскорбленіе (З., ст. 45, 46), потраву (З., ст. 66), волхвованіе (З., ст. 72), убійство (З., ст. 73, 81), оскорбленіе духовнаго лица (З., ст. 82), вырваніе бороды себромъ у себра (З., ст. 86), неправый судъ по поротѣ, при чемъ къ пени въ 1000 перп. присоединялось еще нравственное наказаніе—лишеніе довѣрія и запрещеніе поротникамъ быть посредниками при заключенія браковъ: **ни да се кто ѡтъ нихь ни моужи ни жени**. Отсюда узнаемъ еще новую должность поротниковъ: какъ присяжные, они могли участвовать въ сватовствѣ; но оказавшись неблагонадежными и пристрастными въ судѣ, естественно и тутъ должны были утратить довѣріе къ себѣ (З., ст. 156). Далѣе: за заключеніе въ тюрьму безъ царской грамоты (З., ст. 178), обиду и притѣсненіе Дубровницкимъ и вообще всякимъ торговцамъ (С. №№ 23, 25, 36; З., ст. 103, 106), за помѣху свободнымъ торговымъ сдѣлкамъ и продажѣ жита (С. № 29), за нарушеніе договора, сдѣланнаго съ Дубровничанами относительно Стопа и Рьта (С. № 37), взиманіе неположенной царины (С. №№ 40, 50), нарушеніе договорной грамоты съ Дубровникомъ (С. № 70) и наконецъ, когда Дубровничане, въ спорахъ съ Саксами, судились не такъ, какъ было указано королевскою грамотою, именно, не по поротѣ (С. № 25). Съ себра бралось менѣе пени, чѣмъ съ властелина; но за то къ этой пени присоединялось тѣлесное наказаніе (З., ст. 72, 81): въ Далматскихъ общинахъ мы видѣли то же самое. Сдѣсь обращалось вниманіе на состояніе виновнаго: бѣдному себру не откуда было достать столько денегъ, чтобы внести одинаковую пеню съ богатымъ властелемъ. Иногда пеня взималась не деньгами, а волами: за неявку властелина къ суду бралось 6 воловъ (З., ст. 49) и столько же за умышленную потраву (З., ст. 65). Всѣ прочіе роды преступленія имѣли свое наказаніе, нравственное, или тѣлесное. За нарушеніе церковнаго права виновные подвергались большею частію нравственному наказанію: духовные отлученію отъ сана, а за поставленіе по мыту отлученію отъ сана и проклятію (З., ст. 10, 20, 28, 196); міряне лишенію благословенія, разводу, отлученію отъ церкви и изгнанію (З., ст. 2, 3, 4, 30). Иногда наказаніе не опредѣлялось, и приговоръ произносился по закону св. Отецъ (З., ст. 5, 7, 89, 131). Строго наказаніе для чернаго духовенства, преступающаго монастырскій уставъ: монахъ, своевольно разстригшійся, подвергался заключенію (З., ст. 19); взявшій мыто, лишался монашескаго образа и подвергался тѣлесному наказанію (З., ст. 196). Но всего строже постановленія объ еретичествѣ. Извѣстно, что Душанъ былъ ревнителемъ Православія, и старался водворять его въ завоеванныхъ земляхъ, когда находилъ въ нихъ другую вѣру. Такъ, на пр., въ Боснѣ онъ уничто-

жилъ многіе Римско-католическіе приходы и замѣнилъ ихъ православными. Этимъ объясняется, съ одной стороны, причина, по чему въ Законникѣ упомянуто объ «еретикахъ», подъ которыми должно разумѣть Римскихъ католиковъ въ противуположность «христіанамъ» или православнымъ; а съ другой, тѣ строгія ограниченія, которыя назначались еретикамъ, входившимъ въ связи съ православными. Православный, перешедшій въ Латинскую вѣру, долженъ былъ снова обратиться къ Православію: иначе онъ наказывался по закону св. Отецъ (З., ст. 5); по этому же закону наказывался Римско-католическій священникъ, обратившій въ свою вѣру православнаго (З., ст. 7). Кто изъ Римскихъ католиковъ женился на православной, долженъ былъ самъ перейти въ Православіе: иначе лишался жены, дѣтей, имущества и изгонялся (З., ст. 8). Еретику, укрывавшемуся у православныхъ, обжигали лицо и онъ изгонялся; жгли лицо и тому, кто укрывалъ его (З., ст. 9). За продажу православнаго иновѣрцу отсѣкали руки и вырѣзывали языкъ (З., ст. 21). Такая строгость была отчасти необходима; ибо въ Боснѣ, которая сдѣсь преимущественно разумѣется, Католицизмъ дѣлалъ значительные успѣхи въ вѣрообращеніи, покровительствуемый судьбою этой страны. Ближайшая къ Приморской Далмаціи, гдѣ господствовала Латинская вѣра, находясь почти постоянно подъ верховною властью Римско-католической Угріи, Босна, съ своими банами, вдалась до такой степени въ связи съ Италіей и Угріею, что уже не могла отрѣшиться отъ вѣры, водворенной въ ней происками западнаго духовенства: угрозы папъ противъ бановъ, опиравшіяся на многочисленныхъ послѣдователей Латинской вѣры, и вторженія Угорскихъ королей, благопріятствуемыя превосходствомъ силъ, до того стѣсняли бановъ въ ихъ дѣйствіяхъ, что они невольно должны были Латинскую вѣру ставить впереди Православія и Патаренской ереси, которымъ внутренно многіе изъ нихъ благопріятствовали. Душанъ воспользовался своею побѣдою для водворенія и укрѣпленія Православія въ Боснѣ: важнымъ условіемъ для успѣха была быстрота и строгость дѣйствій, и этимъ-то объясняются тѣ статьи Законника, на которыя мы указали. Въ гражданскихъ дѣлахъ наказаніе восходило отъ вознагражденія ущерба за допущеніе грабежа (З., ст. 137, 152, 159, 161, 162, 163) до совершеннаго раззоренія за издоимство и принужденіе церковныхъ людей къ неропшинѣ или государственнымъ повинностямъ (З., ст. 24, 35, 196). За вредъ, нанесенный во время приселицы, за злоупотребленіе власти окружные правители лишались своей области или державы (З., ст. 139, 152). Неропхи, бѣжавшіе отъ своихъ господъ, подвергались клейменію, разпарыванію носа и тюремному заключенію (З., ст. 205). Для уголовныхъ преступленій, кромѣ пени, лишенія всего имущества за оскорбленіе судьи (З., ст. 27) и лишенія всего имущества вмѣстѣ съ личнымъ задержаніемъ за насиліе приставу (З., ст. 94), положены были различныя тѣлесныя наказанія, какъ-то: удары и заключеніе въ тюрьму за нанесеніе въ пьяномъ видѣ побоевъ безъ окрававленія (З., ст. 168), отсѣченіе руки за вырваніе бороды у властелина и добраго мужа (З., ст. 85); отсѣченіе рукъ за умышленное убійство (З., ст. 73); отсѣченіе рукъ и носа за насильный бракъ властелина и себра съ женщиною одного съ ними сословія и за блудъ (З., ст. 47, 189); отсѣченіе ушей, и клейменіе за сборъ себровъ (З., ст. 61); отсѣченіе рукъ и языка за неправильное исполненіе судебнаго приговора приставомъ (З., ст. 168); отсѣченіе руки и лишеніе глаза за кровавыя раны, нанесенныя въ пьяномъ видѣ (З., ст. 168); отсѣченіе языка и ушей за несправедливость со стороны пристава (З., ст. 190); ослѣпленіе вору

и повѣшеніе стремглавъ разбойнику и такое же наказаніе злодѣю и клеветнику и всякому, кто держитъ у себя, или приводитъ съ собою воровъ и разбойниковъ и потворствуетъ имъ (З., ст. 123, 124, 125, 126, 167, 171); висѣлица за насильственный бракъ себра съ женщиною властельскаго сословія и за убіеніе духовнаго лица (З., ст. 47, 83), и наконецъ сожженіе за поджигательство по мести и убіеніе родителей (З., ст. 84, 87). Село, давшее у себя убѣжище золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которымъ, такъ какъ они были въ то же время и чеканщиками, велѣно было жить въ извѣстныхъ крѣпостяхъ и городахъ, раззорялось и сожигалось, какъ притонъ дѣлателей ложныхъ денегъ (З., ст. 181). Вотъ всѣ виды наказаній, изложенные въ Законникѣ. Между ними не находимъ обезглавленія; но неужели оно не существовало на ряду съ другими родами казни? Въ Боснѣ оно было, и мы имѣемъ ясное указаніе на него въ грамотѣ Юрія Воиславича (С. № 118); вѣроятно, было оно и въ Сербіи. Должно еще прибавить, что сдѣсь мы представили очеркъ состава наказаній подъ условіемъ, что виновный былъ на лицо; когда же онъ скрывался, тогда, само собою разумѣется, за него отвѣчала общая порука, и при этомъ случаѣ, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, дѣйствовала денежная пеня. Изъ представленнаго очерка открывается также разница, существовавшая между Далматскимъ и Сербскимъ воззрѣніемъ. Надобно отдать справедливость Душану въ томъ, что онъ, дѣйствуя сдѣсь самостоятельно, ушелъ далѣе своихъ приморскихъ сосѣдей. Его постановленія о наказаніяхъ были правильнѣе и полезнѣе: въ нихъ заключались всѣ условія къ будущему успѣшнѣйшему достиженію цѣли наказанія — предотвращенію зла. Если въ опредѣленіи способовъ наказанія виды обезпеченія общественнаго спокойствія и безопасности должны быть по возможности примирены съ чувствомъ человѣчности, то денежная пеня наименѣе удовлетворяетъ тому и другому. Душанъ взглянулъ свѣтлѣе на это примиреніе; съ одной стороны, личное задержаніе, изгнаніе и казнь обезпечивали общество отъ повторенія злодѣянія, а съ другой нравственное наказаніе видѣло въ виновномъ человѣка и дѣйствовало непосредственно на его совѣсть. Но надобно признаться, относительно чувства человѣчности, Душанъ, хотя и далъ мѣсто нравственному наказанію, будучи обязанъ имъ церковному праву, хранимому древними Сербами преимущественно въ Правильникѣ Властара; однако не могъ еще совершенно отдѣлиться отъ своего вѣка и стать выше современныхъ ему, довольно грубыхъ и жесткихъ, понятій. Ему еще не доставало той мысли, которая и у другихъ народовъ возникла гораздо позднѣе въ слѣдствіе успѣховъ человѣчества; въ своемъ Законникѣ, который является послѣднимъ итогомъ, хотя и не полнымъ, истекшимъ изъ всего того, что выработано было народомъ въ пользу права въ продолженіи его многовѣковой жизни, онъ еще не умѣлъ согласить важности преступленія съ кротостію наказанія. Конечно, увѣчье и разные роды смертной казни говорятъ не въ его пользу; но, повторяю, въ этомъ не его вина, а виною тому духъ времени, постепенно смягчающій нравы людей. Кромѣ того, увѣчье было вредно, какъ мы видѣли, и для общества, и допущеніе его составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ Законника въ гражданскомъ отношеніи. Впрочемъ, оно искупается другаго рода достоинствами, къ которымъ нельзя не отнести того правильнаго взгляда на преступленіе, по которому главнымъ лицомъ былъ обиженный, а не обидчикъ: отъ того самое преступленіе, кѣмъ и надъ кѣмъ бы оно ни было сдѣлано, имѣло одинаковую силу предъ закономъ, и только одно наказаніе измѣнялось, но не ослаблялось, смотря по тому, къ какому сословію

принадлежалъ преступникъ. Слѣдовательно, при совершеніи преступленія обращалось вниманіе на самый смыслъ вины, а при наложеніи наказанія уже различалось лицо, совершившее преступленіе. Въ доказательство приведу 45-ю и 46-ю статьи Законника, въ которыхъ за личное оскорбленіе постановлено: **Властелинь, кои ѡпсоуе и ѡсрамоти властелинчица, да плати .р. перперь. и властелинчиць, аще ѡпсоуеть властелина, да платить .р. перьперь, и да се бїеть стапи. И аще властелинь или властелинчиць ѡпсоуе себра, да плати .р. перперь. аще ли себрь ѡпсоуе властелина или властелинчица, да платить .р. перьперь и да се ѡсмоудить.** Сдѣсь, какъ видно, пеня за властелина, властеличича и себра одинакова; слѣдовательно, одинакова и мѣра преступленія. Только при опредѣленіи наказанія властели избавляются отъ тѣлеснаго наказанія, какъ властеличичи, и клейменія, какъ себры. Чрезъ это преступленіе нисколько не ослаблено въ своемъ значеніи и оцѣнено одинаково, надъ кѣмъ бы оно ни было совершено; а если властелямъ и дана льгота въ наказаніи, то это отнюдь не въ видахъ ослабленія силы преступленія, но единственно изъ уваженія къ ихъ сословію. Укажу еще на 81-ю статью: **Аще оубїе властелинь себра оу градоу или оу жоупѣ или оу катоунꙋ, да плати тысоущоу перьпер. аще ли себрь властелина оубїеть, да моу се ѡбѣ роуцѣ ѡтсѣкоуть, и да плати .т. перперь.** Сдѣсь пеня за властеля даже менѣе пени за себра; но мѣра вины уравнена тѣлеснымъ наказаніемъ въ замѣнъ денежнаго, которое себру было бы не по силамъ. За то коль скоро преступленіе соприкасалось съ сословными правами, значеніе его условливалось уже сословіемъ, которому оно причиняло нравственный ущербъ, и мѣра наказанія опредѣлялась сообразно съ сословнымъ происхожденіемъ обиженнаго. Статья 47-я опредѣляетъ такое наказаніе за насиліе: **Аще кои властелинь вьзьметь владикоу по силѣ, да моу се ѡбѣ роуцѣ ѡтсѣкоуть и нось ѡтрѣжеть. аще ли себрь вьзметь владикоу по силѣ, да се ѡбѣсить. аще ли свою дроугоу вьзметь по силѣ, да моу се ѡбѣ роуцѣ ѡтсѣкоуть и нось оурѣжеть.** За оскорбленіе себромъ властельскаго сословія наказаніе строже, чѣмъ за оскорбленіе властелемъ, или себромъ своего сословія: въ послѣднемъ случаѣ наказаніе равно и для властелина и для себра. Причина различія въ наказаніи очевидна; преступленіе было такого рода, что влекло за собою обиду цѣлому сословію и при томъ нужно было предохранить высшее сословіе отъ покушеній низшихъ и оградить его какими либо преимуществами. Впрочемъ, и сдѣсь вниманіе обращено на сословіе обидчика, и единственно на этомъ основаніи наказаніе увеличено, или уменьшено; но какъ скоро различія между обидчикомъ и обиженнымъ не было, не было и различія въ наказаніи: властелинъ наказывался одинаково съ себромъ. Слѣдовательно, преступленіе, какъ преступленіе, оставалось все тѣмъ же и всегда имѣло одинаковое значеніе предъ лицомъ закона. Равнымъ образомъ и статьи 85-я и 86-я основаны на правахъ сословныхъ. Онѣ опредѣляютъ наказаніе, состоявшее въ отсѣченіи руки за вырваніе бороды властелину, или доброму человѣку, и въ пени 6 перперовъ, когда вырывалъ бороду себръ у себра же. Нельзя при этомъ не замѣтить тонкости взгляда, умѣвшаго разпознавать въ преступленіи ту сторону, которою оно наиболѣе оскорбляло общество; нельзя не отдать справедливости Душану въ томъ, что онъ умѣлъ согласить права человѣка съ правами сословія и зналъ, гдѣ именно, на какой точкѣ, остановить разграниченіе между наказаніемъ за человѣка и наказаніемъ за сословіе. Въ этомъ отношеніи его законодательство выходитъ складнѣе и разумнѣе уставовъ Далматскихъ об-

щинъ. Другое достоинство взгляда Душанова на способъ наказанія состоитъ въ томъ, что во взглядѣ этомъ просвѣчиваетъ мысль новая, совершенно противуположная денежной пени и общей порукѣ и болѣе вѣрная государственнымъ началамъ: это — предотвращеніе возможности зла на будущее время. Мысль эта высказалась скорѣе всего въ положеніи о разбояхъ и воровствѣ, какъ злѣ, наиболѣе въ то время распространенномъ, благодаря современному состоянію населенности и городской и земской охраны. Противъ разбоя и воровства, которыя яснѣе и болѣе всего вызывали самыя строгія и безотлагательныя мѣры, Душанъ, въ пылу гнѣва, уничтожилъ всякую возможность откупа или повторенія зла. Онъ писалъ: **по вьсѣхь ꙁемлѣхь и по градокѡхь и по жоупахь и по краиштехь хоусара и тата да нѣсть ни оу їємь прѣдѣлоу. и сїимь ѡбраꙁѡмь да оумалить се татьба и хоусарьство. оу коимь се селѣ ѡбрѧщеть тать или хоусарь, тоꙁи село да се распе, а хоусарь да се ѡбѣсить стрьмоглавь, а тать да се ѡслѣпить....** (З., ст. 123). Замѣчательныя въ этой статьѣ выраженія **да нѣсть** и **да оумалить се**, равно какъ строгость наказанія, послѣ котораго зло не могло уже быть болѣе повторено тѣмъ же самымъ лицомъ, обнаруживаютъ въ законодателѣ сильную и рѣшительную волю и новый взглядъ на способъ охраненія общественной безопасности. Съ перваго же разу можно замѣтить, куда стремились заботы правителя: онъ не думалъ только объ одномъ наказаніи зла, но и старался дѣйствительными мѣрами предотвратить его на будущее время. Вообще должно сказать, что Сербское право, относительно способовъ и цѣли наказанія, превосходило Далматское. Оба они развились на своей собственной почвѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и тѣхъ началъ, изъ которыхъ сложилась жизнь того и другаго народа. Община торговая составила свое воззрѣніе на способы и цѣль наказанія и, можетъ быть, оставалась довольною имъ, такъ какъ оно согласовалось со стремленіемъ къ прибыли, главнымъ отличительнымъ свойствомъ торговаго приморскаго государства. Напротивъ Сербія, управляемая самодержавіемъ и, во времена Душана, исполненная стремленія къ созданію прочнаго гражданскаго и государственнаго быта, получила отъ своего законодателя лучшее обезпеченіе гражданскихъ связей и общественнаго спокойствія и благосостоянія. Хотя не всѣ еще способы наказанія, на ту пору, отвѣчали требованіямъ новаго порядка вещей, покровительствуемые стариною: тѣмъ не менѣе сила власти уже ясно высказывалась въ строгомъ и правильномъ распредѣленіи наказаній и обязанностяхъ, возложенныхъ на служебныя лица. Словомъ, Сербія опередила Далмацію; и когда та оставалась, какъ видно изъ статутовъ, въ одномъ положеніи, она успѣла создать себѣ новое начало, въ которомъ лежалъ зародышъ всѣхъ будущихъ совершенствованій въ гражданскомъ и государственномъ отношеніяхъ.

Мы видѣли разные суды, установленные во взаимныхъ дѣлахъ Сербовъ съ Дубровничанами, видѣли судъ, совершавшійся непосредственно на сходкѣ; далѣе, судъ самой верховной власти, судъ должностныхъ судей и другихъ лицъ, имѣвшихъ на то право, и наконецъ судъ присяжныхъ. Потомъ мы просмотрѣли дальнѣйшее производство судебной расправы, какъ оно положено было въ узаконеніяхъ Далмаціи и Сербіи и въ обоюдныхъ договорахъ той и другой. Объ иныхъ судахъ въ постановленіяхъ, состоявшихся по поводу этихъ договоровъ, не упоминается; но были, конечно, случаи, когда обѣ стороны, избѣгая должностнаго суда, выбирали для себя посред-

никовъ и приговору ихъ подчинялись. Третейскій судъ былъ въ употребленіи и въ Далмаціи, и въ Боснѣ; онъ былъ, безъ сомнѣнія, и въ другихъ областяхъ Сербіи. Въ Далматскихъ общинахъ, при назначеніи посредниковъ, участвовало иногда правительство; приговоръ третейскаго суда рѣшался большинствомъ голосовъ, если было нѣсколько посредниковъ, и считался окончательнымъ[1]. Въ Законникѣ Душановомъ этого суда нѣтъ, по тому самому, что онъ былъ какъ бы частнымъ судомъ, основаннымъ на добровольномъ согласіи обѣихъ сторонъ подчиниться приговору ими же избранныхъ одного, или нѣсколькихъ лицъ. Онъ стоялъ поодаль отъ всѣхъ должностныхъ судебныхъ дѣйствій и, естественно, не входилъ въ составъ Законника. Въ Боснѣ мы видимъ примѣненіе этого суда къ распрямъ домашнимъ, гражданскимъ и государственнымъ. Такъ какъ посредники необходимо долженствовали быть людьми уважаемыми и добросовѣстными, то и выходитъ, что они были тѣми же добрыми мужами; отъ того Рейцъ и называетъ посредниковъ въ третейскомъ судѣ добрыми мужами. Дѣйствія добрыхъ людей въ распряхъ Сандала съ матерью (С. № 93), Косачи съ женою и сыновьями (С. № 142); въ произнесеніи мнѣнія на счетъ важности проступка, совершеннаго властелями противъ своего владѣльца (С. № 118; З. А.); въ разбирательствѣ между Тврьткомъ II и Дубровникомъ (С. № 89) суть не что иное, какъ третейскій судъ. Приведу въ примѣръ третейскаго суда тотъ судъ, который учрежденъ былъ Тврьткомъ II: онъ замѣчателенъ по тѣмъ подробностямъ, съ какими изложенъ въ грамотѣ. Послѣ бѣгства Остои, ведшаго войну съ Дубровникомъ, Тврьтко занялъ его земли и нашелъ, что воеводы Остои, Сандалъ и Павелъ Радиновичъ, и нѣкоторые другіе Босняки захватили себѣ имущество Дубровничанъ: по этому онъ назначилъ судебный разборъ. Со стороны Босны двое судей: Вукацъ Храничъ, братъ Сандала, и другой властелинъ, котораго имѣетъ назначить Король; со стороны Дубровника также двое судей по назначенію Общины изъ туземныхъ властелей. Сходка или састанакъ, по выбору Вукца, въ одномъ изъ трехъ указанныхъ Королемъ мѣстъ: Конавлѣ, Требинѣ, или Поповѣ. Въ избранное мѣсто должны явиться судьи черезъ шесть мѣсяцевъ со дня написанія грамоты; и если князь Вукацъ, или другой Боснійскій судья, или даже двое судей Дубровницкихъ не явятся къ этому сроку, то должны стараться прибыть, какъ можно скорѣе, по прошествіи срока. Если всѣ четверо судей единогласно, или большинство ихъ скажутъ, что то и то отнято у Дубровника обманомъ и не по правдѣ, то все показанное слѣдуетъ возвратить и уплатить Дубровнику; и на чемъ рѣшатъ эти судьи, на томъ и стоять твердо, и того никто не можетъ нарушить, ни ослушаться. Вотъ образецъ третейскаго суда, допущеннаго въ дѣлахъ государственныхъ. Сдѣсь судьи, или посредники не назначаются верховною властію, подобно должностнымъ судьямъ, и, подобно этимъ и поротникамъ, не приносятъ присяги въ справедливости своихъ приговоровъ; но избираются добровольно обѣими спорящими сторонами, и приговоръ ихъ, основанный на добросовѣстности и довѣріи, считается столь же обязательнымъ, какъ и всякое рѣшеніе должностныхъ судей, или поротниковъ. Жалобъ на третейскій судъ нѣтъ.

До сихъ поръ мы разсматривали судебные уклады, бывшіе между Сербіею и Дубровникомъ; но въ заключеніе должны упомянуть еще о двухъ статьяхъ, касающихся до суда какъ между Дубровничанами и Нѣмцами, такъ и

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 151, 180, 181.

между одними Дубровничанами и одними Нѣмцами въ Сербіи. Случавшіяся распри иноземныхъ торговцевъ побудили Сербскихъ владѣтелей издать и для нихъ постановленія. При Урошѣ I, вѣроятно, еще мало было Нѣмцевъ въ Сербіи, по чему онъ въ своихъ грамотахъ и не упоминаетъ о нихъ; но Милутинъ, повторяя укладъ отца, счелъ уже за нужное прибавить, что Нѣмцы, въ спорѣ съ Дубровничанами, судятся непремѣнно судомъ по поротѣ (С. № 25); деспоты подтвердили то же самое (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Выраженіе Милутиновой грамоты: **прѣ тѣми да се расправлаю**, прибавленное для усиленія смысла, равно какъ слова деспотскихъ грамотъ: **да се не моуче прѣ господствоми** (или на҃) **ни прѣ кефалию нашега** свидѣтельствуютъ, что для Нѣмцевъ, тягавшихся съ Дубровничанами, не было въ Сербіи другаго суда, кромѣ суда по поротѣ. Точно то же постановили деспоты и относительно однихъ Нѣмцевъ, которые, въ силу тѣхъ же грамотъ, должны были непремѣнно судиться промежь себя поротою. Деспоты же издали положеніе касательно судебныхъ разбирательствъ между одними Дубровничанами. Мы читаемъ въ ихъ грамотахъ: **И що се прѣ мегю собомь доубровчане. или се боуде оучинило в срьблїи, или оу доубровникоу да се прѣ прѣ коунсоуломь** (въ др. **коунсули**) **доубровьчкымь** (въ др. **дубровьчкыми**). **и прѣ нихь соудїами. и що соуди коунсоуль и негове соудїе на томь да стои. ако ли би не хотѣль доубровчанинь стояти на томзи соудꙋ, да е волинь коунсоуль и негове соудїе ѡногаи свезати и дрьжати докле плати що е ѡсоуѓень.** (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Изъ этото постановленія узнаемъ, что Дубровничане судились совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ Нѣмцы. Тогда какъ послѣдніе даже въ своихъ собственныхъ спорахъ подлежали суду присяжныхъ, они выговорили себѣ, для своихъ тяжбъ, свой особый судъ предъ своими консуломъ и судьями. Этотъ судъ былъ для нихъ обязательнымъ, и помѣшать ему не могли ни главари и другія начальства, ни даже сами деспоты и ихъ родичи. Отсюда узнаемъ также, что Дубровничане имѣли въ Сербіи своего консула, о которомъ, впрочемъ, нѣтъ никакихъ другихъ извѣстій. Что же касается до судей, то они могли быть или присяжными, или должностными; ибо наши грамоты не дѣлаютъ различія въ ихъ названіяхъ. Выраженіе **в срьблїи, или оу доубровникоу** показываетъ, что Дубровничане въ своихъ дѣлахъ судились въ Сербіи точно также, какъ бы это было въ ихъ общинномъ городѣ.

Между тѣмъ, какъ при первыхъ короляхъ Сербскихъ насильная расправа съ виновнымъ еще выказывалась кое-гдѣ, потворствуемая самими Дубровничанами, эти послѣдніе уже хлопотали о правѣ не иначе расправляться, какъ по суду и по правдѣ. Уже не вѣрили они въ рукоподаніе и нарушали его неоднократно; въ замѣнъ его имъ нужна была клятва, нужны были свидѣтели. Старинныя сходки были оставлены. Въ спорахъ съ Сербами судили или сами владѣльцы, или должностные судьи, или присяжные, или же посредники. Судебные уклады начались у Дубровника съ Сербіею еще въ первой половинѣ XIII ст. Почти въ одно время находимъ краткіе уклады съ баномъ Босны, Нинославомъ, который, въ свою очередь, ссылается на грамоту Кулина конца XII ст., съ княземъ Хлумскимъ, Андреемъ, и съ королемъ Сербскимъ, Урошемъ I. Но уговоры о томъ, чтобы судиться по правдѣ, безъ изложенія какихъ либо судебныхъ правилъ, встрѣчаемъ ранѣе Уроша, при королѣ Радославѣ, который пишетъ въ своей грамотѣ; **то да се исьправла соудомь правымь бж҃ствьнымь. якоре да е право и безьгрѣшьно кралевьствоуми и вамь вѣрьнимь приятелемь.**

Бо́льшую полноту судебные уклады получили при Душанѣ. Этотъ знаменитый государь какъ всюду, такъ и сдѣсь опередилъ свое время, давъ новый ходъ, новую жизнь своимъ сношеніямъ съ сосѣдними державами. Сравнивая его судебныя постановленія, въ договорахъ съ Дубровникомъ, съ предыдущими, мы удивляемся полнотѣ, съ какою они въ первый разъ являются предъ нами въ замѣнъ прежнихъ короткихъ и отрывочныхъ грамотъ. Сравнивая ихъ же съ его Законникомъ, замѣчаемъ между тѣми и другимъ нѣкоторыя сходныя черты и сходныя положенія, проведенныя тамъ и сдѣсь; но въ то же время видимъ, что всѣ они не вошли въ его Законникъ и требовали особыхъ грамотъ: ясно, что важныя и обширныя сношенія Сербіи съ Дубровникомъ составляли отдѣльную область государственнаго вѣдомства, въ которой мудрый законодатель дѣйствовалъ столь же благоразумно, какъ и во внутреннемъ устройствѣ своего государства. Если въ судебныхъ укладахъ его недостаетъ многосторонности и нѣкоторыхъ окончательныхъ поясненій, то это по тому, что тогда руководились большею частію стариннымъ обычнымъ правомъ, не требовавшимъ письма по своей общеизвѣстности; письму же предавались только тѣ вопросы, по поводу которыхъ возникало недоразумѣніе. Но, повторяю, самая подробность, съ какою разрѣшаются нѣкоторые вопросы, уже обнаруживаетъ въ постановленіяхъ Душана большой дѣловой умъ и навыкъ, такъ что сыну его оставалось только повторять буквально слова отца [1]. Также и деспоты съ родичами своими, списывая другъ у друга грамоты, не могли въ сущности сказать ничего новаго. Всѣ ихъ положенія развились изъ положеній Душана, облекшись только большею округлостію. Причиною тому были съ одной стороны достаточность постановленій Душановыхъ въ связи съ обычнымъ правомъ; съ другой судьбы государственныя, отвлекавшія вниманіе деспотовъ отъ дѣлъ внутреннихъ. Мы не разъ замѣчали, замѣтимъ и теперь, что при деспотахъ внутреннее устройство Сербіи остановилось въ своемъ развитіи, котораго оно достигло при Душанѣ, и даже во многомъ двинулось назадъ подъ дѣйствіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ сношеніяхъ Дубровника съ Босною еще менѣе находимъ какихъ либо слѣдовъ судебныхъ укладовъ. Конечно, уклады эти были: иначе не могли бы существовать и самыя сношенія между обоими государствами. Но такъ какъ власть Сербскихъ царей перешла отчасти къ королямъ Боснійскимъ, которые выдавали себя какъ бы за продолженіе давно изчезнувшаго дома Немани и представителей остатка Сербской независимости, то и всѣ постановленія, имѣвшія силу въ Сербіи, должны были соблюдаться и въ Боснѣ, разумѣется, согласно съ мѣстными условіями; а по тому Боснійскіе владѣльцы и не имѣли надобности повторять ихъ. Только этимъ можно сколько нибудь объяснить отсутствіе различныхъ торговыхъ, а и того менѣе судебныхъ распоряженій въ Боснійскихъ грамотахъ. Кромѣ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ и описанія третейскаго суда, установленнаго единовременно Тврьткомъ II, мы не встрѣчаемъ тамъ ничего такого, что бы было ново и сколько нибудь развито. Вѣроятно, Дубровничане не нуждались въ судебныхъ укладахъ, довольствуясь существовавшимъ обычнымъ правомъ, и только представляли новымъ королямъ старые договоры на подтвержденіе. Одна важная черта отличаетъ право Дубровницкое отъ сосѣдняго Сербскаго: это развитіе личности или особности, въ чемъ приморскія общины опередили Сербовъ. Но съ другой стороны, денежная пеня, пользовавшаяся столь обшир-

[1] Ср. С. N 43 съ С. N 50.

нымъ примѣненіемъ въ общинахъ, далеко не удовлетворяла видамъ общественной безопасности и исправленію самого виновнаго, и относительно ея общины стояли ниже Сербіи, гдѣ было совсѣмъ иное представленіе о наказаніяхъ. У насъ предъ глазами два права: одно на половину Славянское и на половину Римское, обособившееся и принявшее отдѣльное направленіе въ слѣдствіе особыхъ условій общинной жизни; другое—чисто Славянское, Сербское, какъ право народа самостоятельнаго, носившее въ самомъ себѣ жизнь и развитіе. Подчинить оба эти права исключительному вліянію одного на другое—нельзя; но нельзя также отрицать и того, чтобы между ними не было взаимнаго воздѣйствія, которое наиболѣе обнаруживалось въ договорныхъ грамотахъ и наименѣе въ узаконеніяхъ Дубровника и Сербіи.

Внутренній составъ Дубровника, какъ и прочихъ прибрежныхъ Далматскихъ городовъ и острововъ, былъ общинный съ преобладаніемъ властельскаго сословія. Нѣкогда Далмаціей называлось, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго[1], все пространство земли, лежащее между Драчемъ, или Баромъ, Истріею и Дунаемъ. Но уже Лучичъ[2] замѣтилъ, что Императоръ-историкъ разумѣетъ сдѣсь подъ Далмаціей весь Илирикъ, кромѣ Норика, и что подъ собственной Далмаціей должно разумѣть прибрежную полосу земли, идущую отъ рѣки Дрина до рѣки Арсіи въ Истріи. Сдѣсь въ старину владѣли Римляне, и населеніе прибрежныхъ городовъ и острововъ было Римское[3]. Авары, въ VI и VII ст., а за ними и Славяне, начали разрушеніе городовъ и истребленіе жителей: *κατέσφαξαν οὖν πάντας τοὺς τῆς πόλεως, καὶ ἔκτοτε κατεκράτησαν πᾶσαν τὴν χώραν Δελματίας καὶ κατεσκήνωσαν ἐν αὐτῇ. μόνα δὲ τὰ πρὸς θάλασσαν πολίχνια οὐ συνέδωκαν αὐτοῖς, ἀλλὰ κατείχοντο παρὰ τῶν Ῥωμαίων διὰ τὸ εἶναι τὸν πόρον τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐκ τῆς θαλάσσης. ἰδόντες οὖν οἱ Ἀβάρεις καλλίστην οὖσαν τὴν τοιαύτην γῆν κατεσκήνωσαν ἐν αὐτῇ*[4]..... *διελθόντες δὲ εὐθὺς τοὺς Ῥωμάνους οὗτοι ἐξήλασαν (οἱ Σκλάβοι) καὶ τὴν Σαλῶνα τὸ προειρημένον κάστρον ἐκράτησαν, καὶ κατοικήσαντες ἐκεῖσε ἔκτοτε κατὰ μικρὸν ἀρξάμενοι πραιδεύειν τοὺς Ρωμάνους τοὺς εἰς τοὺς κάμπους καὶ εἰς τα ὑψηλότερα μέρη κατοικοῦντας ἠφάνισαν, καὶ τοὺς τόπους αὐτῶν κατεκράτησαν. οἱ δὲ λοιποὶ Ῥωμᾶνοι εἰς τὰ τῆς παραλίας κάστρα διεσώθησαν, καὶ μέχρι τοῦ νῦν κρατοῦσιν αὐτά. ἅτινά εἰσι τάδε κάστρα, τὸ Ῥαοῦσιν, τὸ Ἀσπάλαθον, τὸ Τετραγγούριν, τὰ Διάδωρα, ἡ Ἄρβη, ἡ Βέκλα, καὶ τὰ Ὄψαρα. ἅντιναν καὶ οἰκήτορες μέχρι τοῦ νῦν οἱ Ῥωμᾶνοι καλοῦνται*[5]. Изъ этого свидѣтельства царственнаго лѣтописца видно, что со времени вторженія Аваровъ и пришествія Славянъ въ Илирикъ, изъ сплошной области Далмаціи высоби-

[1] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. De Adm. Imp., c. 30, p. 141.

[2] De regno Dalm. et Croat., l. I, c. VI.—Bandurii Animadv. in l. de Adm. Imp., apud Stritterum, II, 18.

[3] Romanorum colonias in Dalmatiam ante Diocletianum reipublicae Romanae tempore deductas patet cum ex scriptoribus tum ex inscriptionibus antiquis ac aliis monumentis, quae in Dalmatia adhuc supersunt. Vide Lucium de regno Dalm. et Croat., l. I. Bandurii Animadv. in l. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 335.

[4] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. De Adm. Imp., c. 30, p. 143. — Stritter, II, 21.—Шафарикъ, Slow. Starožit., II, IV, 634. Слав. Древн., II, I, 393.

[5] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. De Adm. Imp., c. 29, p. 127. — Stritter, II, 17, 20.—Шафарикъ, Slow. Starožit., II, IV, 636. Слав. Древн., II, I, 396.

лись нѣкоторые приморскіе города, остававшіеся постоянно во власти Византійцевъ. Сѣверную часть Далмаціи заняли Хорваты, южную Сербы. Римскими городами остались: Дубровникъ, Сплитъ, Трогиръ, Ядра, Рабъ, Крькъ и Озеро, жители коихъ продолжали называться Римлянами. Императоръ говоритъ еще о нѣсколькихъ другихъ мелкихъ и частію населенныхъ, частію оставленныхъ жителями островахъ и городахъ, которые вмѣстѣ съ вышеупомянутыми населенными городами и островами составляли такъ называемую Римскую Далмацію. Они, по его словамъ, будучи завоеваны Славянами, лишились своего населенія и остались пустыми: *τὰ δὲ λοιπά (νησία) εἰσιν ἀοίκητα, ἔχοντα ἐρημόκαστρα... τὰ δὲ λοιπὰ κάστρα τὰ ὄντα εἰς τὴν ξηρὰν τοῦ θέματος καὶ κρατηθέντα παρὰ τῶν εἰρημένον Σκλάβων ἀοίκητα καὶ ἔρημα ἵστανται μηδενὸς κατοικοῦντος ἐν αὐτοῖς* [1]. Но, кажется, этихъ словъ не должно принимать въ слишкомъ строгомъ смыслѣ. Правда, Бандури замѣчаетъ о городахъ Дубровникѣ, Сплитѣ, Трогирѣ и Ядрѣ, что incolae illarum urbium Romani appellati sunt, quod Roma illuc commigraverint, ut scribit Constantinus initio hujus (XXIX) capitis et quod Latinam linguam diu servaverint, ut tradit Wilh. Tyrius, l. 2, c. 27 [2]; однако, судя по общему духу властельскаго сословія приморскихъ общинъ и одинаковому ихъ внутреннему устройству и законодательству, можно смѣло допустить, что Римское населеніе спаслось отъ Славянъ не только въ упомянутые Императоромъ города и острова, но и въ нѣкоторые другіе, или, по крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ смѣшалось съ новоприбывшими Славянами. Правда и то, что императоръ Никифоръ, по миру съ Карломъ Великимъ въ 810 г., выговорилъ себѣ именно тѣ самые города и острова: Ядру, Трогиръ, Сплитъ, Дубровникъ, Озеро, Рабъ и Крькъ [3], а Василій Македонянинъ приказалъ тѣмъ же самымъ городамъ и островамъ, кромѣ Дубровника, вносить ежегодную дань великому жупану Хорватскому [4]; однако это показываетъ только то, что Далмація постоянно клонилась къ Византіи; а причиною тому было сколько населеніе, столько же и значеніе городовъ Ядры, Сплита и Трогира. Дѣйствительно, вся позднѣйшая исторія Далмаціи, до 1420 года, показываетъ, что эти города всегда стояли въ главѣ другихъ городовъ, и ихъ судьба рѣшала судьбу остальныхъ. Венеціяне добивались преимущественно этихъ городовъ. Въ Ядрѣ и Сплитѣ находились архіепископскія каѳедры; особенно Ядра, если законно только не считалась главнымъ городомъ Далмаціи, то на самомъ дѣлѣ была таковымъ: она оказывала сильное вліяніе на другіе города и служила ключемъ Венеціянамъ къ завоеванію остальной Далмаціи. Вотъ по чему Византійцы присвоивали себѣ эти города, какъ ключъ ко всей Далмаціи, какъ лучшую ея часть, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и населеніе ихъ было чисто Римское. Но съ XII столѣтія эти города теряютъ государственную особность и вмѣстѣ съ прочими прибрежными городами, Шибеникомъ, Ниномъ, Скрадиномъ, Омышемъ, Клишемъ и др., равно какъ и островами, переходятъ во власть Угріи. Имя Далмаціи падаетъ на все безъ исключенія Поморье Византійское или Римское и Славянское. Сходство быта и судьбы сгладило различіе между тремя Римскими городами и прочими приморскими общинами: не за чѣмъ было различать Римскую Далмацію отъ Хорватской,

---

[1] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. de Adm. Imp., c. 29, p. 140.
[2] Animadv. in l. Const. Porphyrog. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 336. — Stritter, II, 23.
[3] Шафарикъ, Slow. Starožit., II, V, 667. Слав. Древн., II, II, 11.
Corp. Script. Hist. Byz., Constant. Porphyrog., de Adm. Imp., v. III, c. 30, p. 147.—Stritter II, 399.

ибо обѣ жили одинаково и находились подъ одною властію Угорскою. Нѣтъ причины отвергать, чтобы и въ другихъ приморскихъ городахъ и на другихъ островахъ не оставалось Римлянъ во время прибытія Славянъ. Дубровникъ и острова ославянились въ X столѣтіи; Сплитъ, Трогиръ и Ядра позднѣе [1]. По Лукари, Дубровникъ уже въ XI ст. сталъ употреблять Славянскій языкъ [2]. Басня или преданіе о Павлимирѣ, бѣжавшемъ въ Дубровникъ по случаю смутъ въ Сербіи, сообщенное Мелетіемъ и Дуклянцемъ [3] и повторенное Туберомъ [4], Аппендини [5] и Енгелемъ [6], показываетъ только то, что Славянское начало весьма рано водворилось въ Дубровникѣ, а въ послѣдствіи осилило Римское. Статуты Крька и Млѣта, относящіеся къ XIV столѣтію, писаны на Славянскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе жители Далматскихъ городовъ помнили или, лучше, старались вспомнить свое Римское происхожденіе, какъ и дѣйствительно въ послѣдствіи видимъ, что они тѣснятъ Славянскій языкъ. Въ Трогирѣ до XV столѣтія употреблялся Славянскій языкъ; но съ этого времени постановлено было, чтобы въ собраніяхъ Большаго Совѣта говорили или на Латинскомъ, или на Итальянскомъ языкѣ; въ Ядрѣ объявленія читались на Латинскомъ и Славянскомъ языкахъ [7]. Въ Дубровникѣ, въ 1472 г., запрещенъ былъ въ совѣщаніяхъ Сената Славянскій языкъ и вмѣсто него принятъ Латино-Рагузинскій, т. е., испорченный Итальянскій [8]. Если вспомнимъ всѣ тѣ особенности, которыми отличались Далматскіе прибрежные города отъ прочихъ городовъ материка, эту любовь къ самостоятельности, эту живость и торговую дѣятельность, эту особенность внутренняго устройства и образа жизни, этотъ духъ властельства и наконецъ сравнительно высшую образованность и развитость дѣловаго смысла и личности, то сознаемся, что, хотя эти города и ославянились; однако Славянская стихія, въ свою очередь, подверглась вліянію иноземной стихіи, которой проводникомъ служила, съ одной стороны, долговременная неопредѣленная участь Далмаціи, колебавшейся то между Хорваціею, Венеціею и Византіею, то между Венеціею и Угріею, а съ другой ихъ торговля, новыя свѣдѣнія, новое движеніе. На сѣверѣ то же было съ Ганзейскими городами. Нельзя отвергать того, что Дубровникъ, Сплитъ, Трогиръ и Ядра были разсадниками Римской образованности; но нельзя допустить, чтобы они одни съ относившимися къ нимъ островами вмѣщали въ себѣ Римскую стихію. Многія обстоятельства, какъ мы видѣли, сглаживали различіе между ними и ихъ приморскими сосѣдями. Въ послѣднихъ, конечно, Славянская стихія была далеко преобладающею [9].

Но одинаковое внутреннее устройство Далматскихъ общинъ (а не одной собственной или Византійской Далмаціи) приводитъ къ вопросу, въ какомъ отношеніи стояли обѣ стихіи: Римская и Славянская? Прежде всего замѣтимъ, что одинаковый бытъ и одинаковая судьба ихъ, кромѣ судьбы Дубровника, служили посредниками для примиренія и сглаживанія обѣихъ стихій. Сдѣсь важно свидѣтельство Константина Багрянороднаго, что Римское населеніе спаслось въ

---

[1] Шафарикъ, Slow. Starožit., II, V, § 34, 3. Слав. Древн., II, II, 41 — 43.
[2] Annali de Rausa, стр. 15. — Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 3 и слѣд.
[3] Schwandtn., Script. rer. Hungar., t. III, c. XX, p. 487.
[4] Schwandtn., Script. rer. Hungar., t. II, p. 191.
[5] Т. I, ч. II, кн. II, стр. 238.
[6] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 55.
[7] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 5.
[8] Appendini, т. I, стр. 205.
[9] Рейцъ, Сборн., Вал., стр. 4 — 8.

Дубровникѣ, Сплитѣ, Трогирѣ и Ядрѣ, между тѣмъ, какъ прочіе города были пусты: слѣдовательно, если въ послѣднихъ водворилось новое, Славянское, общество съ новымъ образомъ жизни и новыми понятіями, то въ первыхъ старинный бытъ остался въ прежней силѣ, съ прежнимъ обществомъ. Бытъ этотъ велся искони, вѣроятно, со времени историческаго появленія городовъ; а мы знаемъ, что они уже были извѣстны въ первыя столѣтія по Р. Х. [1]. Епидавръ былъ основанъ Греками и долженъ былъ отразить въ себѣ то же общинное направленіе, которое существовало въ Греціи; подъ владычествомъ Римлянъ онъ оставался общиною. Хотя основаніе другихъ собственно-Далматскихъ городовъ неизвѣстно; однако надобно допустить, что они основаны были до Римской имперіи [2] и, слѣдовательно, были такими же общинами, какъ и самый Римъ. Къ нимъ должно присоединить и четыре населенныхъ собственно-Далматскихъ острова. Бытъ этихъ городовъ и островов былъ Римскій, и внутреннее устройство было общинное при преобладаніи властельскаго сословія. Прочіе Далматскіе города и острова, въ которыхъ преобладало, или исключительно господствовало Славянское начало, сходились съ ними во внутреннемъ устройствѣ и вообще во всемъ своемъ бытѣ. Отсюда должно заключить, что оба начала, Римское и Славянское, допускали общинное устройство съ нѣкоторою только разницею въ образѣ правленія. Во всѣхъ этѣхъ общинахъ замѣчаемъ, что чѣмъ слабѣе въ нихъ Славянское начало, тѣмъ выше надъ народомъ стоитъ сословіе благородныхъ: это показываетъ, съ одной стороны, что Римское начало первенствующихъ или собственно-Далматскихъ городовъ имѣло вліяніе на прочіе Далмато-Славянскіе города, гдѣ могъ найтись остатокъ роднаго ему начала; а съ другой, что по мѣрѣ сближенія всѣхъ приморскихъ Далматскихъ общинъ съ Венеціею и вообще съ Италіею, гдѣ господствовало сословіе благородныхъ среди общиннаго быта, въ этѣхъ общинахъ постепенно слабѣло народное участіе и усиливалась власть благородныхъ. Когда особенность быта приморскихъ городовъ еще не установилась совершенно, тогда, подъ преобладающимъ вліяніемъ Славянщины, бытъ этотъ былъ народный, какъ доказалъ уже Лучичъ [3] и какъ видно изъ нѣкоторыхъ туземныхъ памятниковъ [4]; но уже въ XII — XIII ст. благородные окончательпо взяли верхъ. Примѣръ знатныхъ Римскихъ патриціевъ, какъ величали себя благородные Дубровника, Ядры, Сплита, Трогира, былъ заразителенъ для всѣхъ прочихъ богатыхъ родовъ: и вотъ по всѣмъ Далматскимъ общинамъ богатые и сильные роды стали доискиваться своего Римскаго происхожденія и клеветать на Исторію. Такъ, на пр., жители Брача выдумали, что благородные города Салоны, бѣжавши на островъ Брачъ вмѣстѣ съ чернью, оставили за собою свои прежнія права, и что чернь, plebs, populares, должна стоять къ нимъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ стояла въ Салонѣ [5]. Мало того, властели второстепенныхъ городовъ не хотѣли оставаться подъ вѣдѣніемъ главнаго города, въ которомъ было свое сословіе властелей: мнимое Римское

---

[1] Шафарикъ, Ueber die Abkunft der Slaven. Offen, 1828. Стр. 158 — 180.

[2] Объ Ядрѣ упоминаетъ Гиртій, жившій въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. См. у Шафарика, тамъ же.

[3] De regno Dalm. et Croat, l. II, c. 16; l. IV, c. 2.

[4] См. грамоту 1184 года, писанную на островѣ Брачѣ, у Чикарелли: Osservazioni sull' isola della Brazza. Стр. 106. — Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 13.

[5] Ciccarelli, Osservazioni sull' isola della Brazza. Стр. 38. — Рейцъ, тамъ же, стр. 62.

происхожденіе уравнивало властелей всякого города, и второстепенные города, по мѣрѣ развитія, совершали свое освобожденіе. Никакой городъ, гдѣ только были своя община и свое властельское сословіе, не могъ существовать рядомъ съ другимъ, не будучи ему равенъ.

И такъ мы видимъ, что внутреннее устройство Далматскихъ общинъ было одинаково: по этому какъ самый составъ народа, такъ и образъ правленія должны быть одинаковы въ нихъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи невозможно отдѣлить Дубровника отъ другихъ общинъ: что главнаго и существеннаго видимъ въ первомъ, то находимъ и во вторыхъ; и на оборотъ, что есть во вторыхъ, то есть и въ первомъ. Раздѣленіе отношеній сословій, бытъ и самый образъ правленія, законы и обычаи въ главныхъ своихъ основахъ одинаковы какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ другихъ Далматскихъ общинахъ. Статуты Дубровника столь же могутъ быть полезны при обозрѣніи законодательства другихъ общинъ, сколько статуты Ядры, Сплита, Трогира, Крька, Млѣта, Шибеника, Нина, Корчулы, Брача, Лезины, Озера, Раба, Котора, Истріи и др. для объясненія статутовъ Дубровника. Выше изложены были судебные уклады, существовавшіе между Дубровникомъ и Сербскими землями: теперь предстоитъ изложеніе внутренняго устройства Дубровницкой общины. Въ этомъ отношеніи Рацци и Лукари, писатели XVI вѣка, могутъ служить лучшимъ источникомъ. Аппендини въ I-мъ томѣ своихъ Notizie представилъ образъ правленія Дубровника по Лукари и Червѣ; но уклонился отъ законодательства, изложивъ только кратко исторію статутовъ Дубровницкихъ. Рейцъ обработалъ этотъ предметъ по подлиннымъ статутамъ большей части Далматскихъ городовъ и островокъ, не касаясь впрочемъ Дубровника. Въ своемъ сочиненіи объ устройствѣ и правахъ прибрежныхъ Далматскихъ общинъ онъ изобразилъ составъ народа, форму правленія, законодательство и судопроизводство этѣхъ общинъ; но не могъ воспользоваться статутами Дубровника и нѣкоторыхъ другихъ общинъ. Матвѣй Банъ, въ своей статьѣ: Zrcaĺo powestnice Dubrowacke, представилъ внутреннее устройство и законодательство Дубровника, но въ довольно краткомъ обзорѣ и безъ указанія на источники, такъ что изъ его словъ трудно заимствовать какія либо положительныя данныя. Не менѣе того и наши грамоты доставляютъ намъ только скудныя извѣстія о внутреннемъ устройствѣ Общины, и для полнаго ихъ уразумѣнія мы должны прибѣгнуть къ пособію другихъ источниковъ.

Въ грамотахъ различаются три сословія: властели, горожане и люди. Кнезы, бояре или властели были первенствующимъ сословіемъ въ городѣ. Въ другихъ источникахъ они вообще называются благородными, nobiles, но въ грамотахъ это слово неупотребительно. Во второй половинѣ XV-го ст. Боснійскіе короли Ѳома Кристичъ и Стефанъ Томашевичъ называютъ нѣкоторыхъ Дубровницкихъ пословъ, очевидно изъ властельскаго сословія, «витязями» (С. №№ 140, 150, 154). Безъ сомнѣнія, слово витѧзь означало званіе, какъ и кнѧзь, и притомъ высшее, чѣмъ послѣднее. Но въ Дубровникѣ оно едва ли было въ употребленіи. Хотя оно извѣстно всѣмъ Сербамъ; однако, какъ титулъ, употреблялось, кажется, исключительно въ одной Боснѣ, ибо только послы Боснійскихъ королей и бояръ, въ грамотахъ, носятъ прозвище витязей; въ Боснійскихъ же грамотахъ это слово придано и Дубровницкимъ посламъ, можетъ быть, только изъ учтивости по обычаю Боснійскому. По крайней мѣрѣ, сами Дубровничане и православные Сербы, въ своихъ грамотахъ, никогда своимъ посламъ не даютъ этого прозвища. Можно думать, что титулъ витязя, т. е., рыцаря,

Ritter, chevalier, употреблялся въ Угріи, откуда ближе всего долженъ былъ перейти въ Босну. Въ двухъ Боснійскихъ грамотахъ между Дубровницкими послами упоминается Паское Растичъ, властелинъ Дубровницкій и въ то же время «витязь короля Сигизмунда» (С. №№ 97, 100). Но самое слово витязь есть только Славянскій переводъ Нѣмецкаго рыцарь, Ritter, и означаетъ особое званіе или сословіе, существовавшее въ Нѣмецкихъ земляхъ и перешедшее въ Славянскія подъ Нѣмецкимъ владычествомъ. Вѣкъ Іоанна, Карла, Вацлава и Сигизмунда славился Чешскими рыцарями. Гордые своимъ мнимымъ Римскимъ происхожденіемъ, своею образованностію полу-Итальянскою, полу-Славянскою, своимъ богатствомъ, властели рѣзко отличались отъ прочаго городскаго населенія. Они сооружали великолѣпныя дачи, строили богатыя фабрики, посылали корабли въ разныя моря и земли, покровительствовали наукамъ и искусствамъ и несли всѣ важныя правительственныя должности. Разумѣется, они освобождены были отъ личныхъ повинностей и работъ, пользовались въ различныхъ случаяхъ знаками отличія въ одеждѣ, судебныхъ дѣлахъ и проч. Были между ними и такіе, которые не имѣли ничего, кромѣ одного званія благородныхъ и стояли наровнѣ съ народомъ; были и такіе, которые нѣкогда принадлежали къ народу и вышли изъ его среды, получивъ право благородства. Всматриваясь въ имена Дубровницкихъ властелей, нельзя не замѣтить, что бо́льшая часть изъ нихъ носитъ Итальянскую форму, или отзывается Итальянскимъ происхожденіемъ, на пр.: Маньгеревичъ, Ломьпридичъ, Маринь, Паскали, Марьгарить, Барьби, Донатевичъ, Бенешичъ, Ламьпре, Якета, Бавжеличъ, Жунь или Жаня, Матео, Теодорь, Никола и т. д. Всѣ эти имена, равно какъ множество другихъ подобныхъ, показываютъ, что въ высшихъ слояхъ Дубровницкаго общества постоянно существовало смѣшеніе Итальянской народности съ Славянскою: то же должно было имѣть мѣсто и въ языкѣ. Дѣйствительно, по свидѣтельству Рацци, Дубровницкое боярство любило Итальянскій языкъ и Итальянскую словесность. Самое сильное господство Итальянской стихіи въ Дубровникѣ проявилось въ XV-мъ и первой половинѣ XVI-го ст. Въ это время многіе Славянскіе роды перемѣнили свои имена на Итальянскія, или выкроили ихъ на Итальянскій ладъ. Съ половины XVI-го, въ XVII-мъ и слѣд. ст. опять восторжествовала Славянская народность. Разцвѣла великолѣпная Дубровницкая поэзія, поборниками коей явились знатные властельскіе домы. Теперь на оборотъ, Итальянскіе роды стали произносить свои имена по-Славянски, и Гондоло, Пальма, Бобали и мн. др. сдѣлались Гундуличами, Пальмотичами, Бобаличами.— Горожане или мѣщане, populares, popolani, citadini, пользовались, какъ и благородные, личною независимостію и равнымъ правомъ на производство торговли и ремеслъ. Многіе знатнѣйшіе изъ нихъ владѣли землею, производили торговлю и славились богатствомъ; другіе занимались ремеслами, или были торговыми приказчиками и т. п. Они собирались въ братства, цѣхи и народныя совѣщанія. Послѣднія бывали только временныя, по поводу какого либо событія, и съ правительствомъ сносились черезъ особыхъ уполномоченныхъ людей, которые назывались пьрци градьци, procuratores universitatis, procuratori del popolo. Горожане, наравнѣ съ благородными, носили оружіе и содержали городскую стражу; но повинности несли отдѣльно отъ благородныхъ: должны были исправлять различныя работы и платить подати. Впрочемъ и благородные землевладѣльцы выставляли отъ себя рабочихъ; то же могли дѣлать и горожане, если кто изъ нихъ владѣлъ землею и былъ въ состояніи выставить за себя рабочихъ. Это сословіе размножилось, съ одной стороны, чрезъ принятіе

въ себя объднявшихъ родичей боковыхъ дворянскихъ линій, съ другой, чрезъ отпущенія на волю дворянскихъ крѣпостныхъ людей, землевладѣльцевъ и проч.— Третье сословіе составляли люди, поселяне, посадники или земледѣльцы, villani, districtuales. Они были отчасти свободными: въ послѣднемъ случаѣ земля доставалась имъ на разныхъ условіяхъ, и по этимъ условіямъ они назывались годищниками, половниками и т. д. Преобладающимъ отношеніемъ между землевладѣльцами и поселянами была произвольная отдача земли въ наемъ. Съемщики были лично свободные пахари, но во многомъ подчиненные землевладѣльцамъ, у коихъ дѣти ихъ находились часто въ услуженіи. Для крѣпостныхъ поселянъ существовала приписъ къ землѣ, glebae adscriptio. Свободные пахари могли въ извѣстный срокъ переходить отъ одного владѣльца къ другому. Земля, на которой сидѣли поселяне, была или господская, или общественная, городская. Вообще отъ крѣпостнаго состоянія должно отличать подданство. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ поселяне считались подданными Дубровника, людьми его, по выраженію грамотъ. Эти люди составляли населеніе стариннаго Дубровницкаго округа и тѣхъ земель, которыя доставались Дубровнику посредствомъ различныхъ сдѣлокъ отъ Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей. Выше мы видѣли, что земли уступались не только со всѣми естественными произведеніями, но и съ людьми, жившими на этѣхъ земляхъ. Всѣ таковые люди становились подданными Дубровницкой общины, оставаясь на прежде занимаемой ими землѣ. Мы видѣли также, что, во время войны, люди перебѣгали отъ Дубровника къ сосѣдямъ и на оборотъ. Изъ этого можно заключить, что бытъ сельскихъ жителей въ Дубровникѣ не имѣлъ особыхъ преимуществъ сравнительно съ бытомъ ихъ въ сосѣднихъ земляхъ; и Санковичи, уступая Дубровнику Конавле и Виталину, явно высказали возможность неудовольствія со стороны Конавлянъ и Виталинянъ, когда обѣщали, въ случаѣ ихъ непослушанія, **ксомь силомь обратити ихь и подьбити подь господство и власть дубровачькв** (С. № 78). Вмѣстѣ съ сельскими жителями и уступленною землею, подъ власть Дубровника переходили и частные владѣльцы, становясь вмѣстѣ съ тѣмъ и членами общины.

Въ грамотахъ упоминаются иногда Влахи въ числѣ Дубровницкихъ подданныхъ. Рейцъ, на основаніи статутовъ, думаетъ, что Влахами называли Славянъ простолюдиновъ, и что подъ этимъ словомъ должно разумѣть Славянское населеніе городскихъ округовъ, т. е., земледѣльцевъ, пастуховъ и т. п.; но, сличая всѣ мѣста нашихъ грамотъ, гдѣ говорится о Влахахъ, мы видимъ, что у Сербовъ такъ называются вообще Итальянцы въ противуположность Славянамъ. Баны Боснійскіе, Нинославъ и Стефанъ, заключая торговый договоръ съ Дубровничанами, должны были, по видимому, и судебное разбирательство уложить между Дубровничанами, и Сербами; но, вопреки ожиданію, они установляютъ его между Влахами и Сербами (С. №№ 5, 14): ясно, что сдѣсь подъ Влахами разумѣются собственно Итальянцы и потомъ всѣ вообще Дубровничане. Точно также въ другихъ грамотахъ, вмѣсто Влаховъ, или Дубровничанъ, употреблено слово Латыняне (С. №№ 43, 50). Душанъ запрещалъ взимать царину въ Трѣбинѣ со всякого проходящаго: и купца Дубровницкаго, и Влаха, и Серба (С. № 40). Жупанъ Санко требовалъ себѣ большей цѣны, чѣмъ Влаху, или Поморцу, или Захлумцу (С. № 79). Григорій Вукославичъ бралъ царину со всякого проходящаго въ Стонъ, или изъ Стона, и съ Дубровничанина, и съ Влаха, и съ Серба (С. № 94). Юрій, племянникъ Гервои, дарилъ своимъ властелямъ земли и города со всѣми людьми, какіе въ то время тамъ находились, съ Сербами

и Влахами (С. № 118). Владиславъ, сынъ Стефана Косачи, позволяетъ своимъ людямъ, Влахамъ и Сербамъ, ходить въ Дубровникъ закупать соль и прочее (С. № 132). Стефанъ Косача постановляетъ, что товара, который Дубровничанинъ взялся везти, не можетъ сбросить ни Влахъ, ни Сербъ (С. № 144). Я счелъ за нужное привести всѣ мѣста, гдѣ встрѣчается слово Влахъ, чтобы показать, что оно имѣетъ народное значеніе, а не сословное. Влахъ противуполагается Сербу, Дубровничанину, Захлумцу и Поморцу; для Влаха назначается особый судъ, на которомъ половина судей Влахи, а половина Сербы; Влахъ занимается торговлею, ходитъ съ товарами по чужимъ землямъ: неужели все это относится къ однимъ только пахарямъ, или пастухамъ? Вышеприведенныя мѣста говорятъ о Влахахъ какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ Сербскихъ земляхъ: слѣдовательно, тамъ и тутъ Влахъ означалъ вообще инородца въ противуположность Сербу. Слово Влахъ есть старинное названіе для инородцевъ, сохраняющееся у Славянъ еще со времени нашествія Кельтовъ или Волоховъ въ IV вѣкѣ до Р. Х. Отъ той поры остались въ Сербіи два мѣстныя названія: «Старый Влахъ» для части южной Сербіи или края, лежащаго между Ибаромъ и Дриной [1], и «Влахи» для страны между Далмаціею, Хорваціею и Босною [2]. Въ послѣдствіи съ Кельтовъ Славяне перенесли это названіе на другихъ инородцевъ, Даковъ, смѣсь туземцевъ съ Римлянами, и стали называть ихъ также Волохами или Валахами. Такъ уже Несторъ смѣшиваетъ тѣхъ и другихъ Влаховъ, т. е., Кельтовъ и Даковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ нашихъ грамотахъ Влахами называются инородцы и именно Итальянцы, или Латинцы, жившіе въ Дубровникѣ и прилежащихъ къ нему Сербскихъ земляхъ. Но правъ и Рейцъ, видящій въ Влахѣ Славянина пастуха и земледѣльца; правы и всѣ другіе ученые, дающіе этому слову подобное значеніе. Уже Анна Комнина подъ 1081 годомъ сказала: pastoritae durati vitae laboribus agrestes juvenes in certis sedibus vagi, quos communis dialectus vlachos vocare consuevit [3]. Довольно присовокупить къ этому нѣсколько мѣстъ изъ нашихъ памятниковъ, чтобы убѣдиться, что въ Сербіи подъ Влахами разумѣли также пастуховъ. Въ грамотѣ Стефана Первовѣнчаннаго Влахи прямо противуполагаются хлѣбопашцамъ: а що доходи ѿть поповь или ѿть влахь или земльски люди (Ш. № VII); у Милутина въ грамотѣ (А. № 6) сказано еще яснѣе: како й влахе выше писаныхь пастырь; равно и у Дечанскаго (С. № 176): влахь кто кобиле пасе. Правда, Валахи преимущественно занимались скотоводствомъ, какъ у себя, такъ и въ Сербіи; но нельзя думать, чтобы это коренное Славянское ремесло находилось единственно въ рукахъ иноземцевъ: скорѣе всего, послѣдніе составляли только самую незначительную долю пастуховъ, между тѣмъ, какъ все остальное пастушеское населеніе состояло изъ чистыхъ Сербовъ. Только одна старинная привычка давала Сербскимъ пастухамъ имя чужаго народа. Это всего замѣтнѣе въ одномъ выраженіи той же грамоты Дечанскаго: срьбинь да се не жени оу власехь. ако ли се ѿжени да ю веде оу мьропхе и да и ию (ей) мьропьхкы законь. и оукоутию ию. Сдѣсь, съ

---

[1] Даница, 1827. Стр. 56. — В. С. Караджича, Српски Рјечник. У Бечу. 1852. (2-е изд.). — Шафарика, Slow. Starožit., I, II, § 11, 199. Слав. Древн., I, I, 394.—Его же, Ueber die Abkunft der Slaven. Стр. 156.

[2] Шафарикъ, тамъ же.

[3] Шафарикъ у Кухарскаго въ Древнѣйшихъ памятникахъ Славянскаго законодательства, стр. 214.

одной стороны Влахъ противуполагается Сербину, а съ другой, какъ пастухъ, пахарю или неропху. Албанцамъ, наровнѣ съ Влахами, придано было значеніе пастуховъ. Такъ въ 71-й статьѣ Душанова Законника читаемъ: **Гдє прѣстои влахь или арбанасинь на селѣ, на томзи селѣ да не станеть дроугы за инымь градє. аще ли по силѣ станеть, да платить поткоу и що є испасль.** Сдѣсь дѣло касается до перехода пастуховъ съ одного мѣста на другое, и пастухи называются Влахами и Албанцами; но, повторю, подъ ними нельзя разумѣть одно племя Влаховъ, или Албанцевъ: преимущественное занятіе этихъ племенъ заставило назвать именемъ ихъ все Сербское населеніе, имѣвшее одинаковое съ ними занятіе. У Дубровничанъ пастухами слыли преимущественно Морлаки [1]; но подъ Влахами, какъ и вообще подъ Славянами и Албанцами, они разумѣли чуждое племя и при томъ загородное населеніе, т. е., сельское или пастушеское. Влаховъ они называли иногда горными, слѣдовательно, пастухами [2]. Что же должны мы вывести изъ этого различнаго употребленія имени Влаха? Послѣ Кельтовъ и Даковъ, это имя означало у Славянъ всякого инородца, такъ что Дубровничане величали имъ Серба и всякого Славянина, а Сербы Дубровничанина и всякого Латынца. Съ другой стороны, такъ какъ Славяне въ Дубровникѣ составляли низшій слой народонаселенія, то слово Влахъ стало означать всякого поселянина. Такъ точно и въ Сербіи, поелику Валахи занимались пастушествомъ, имя Влаха дано было преимущественно пастухамъ и считалось никакъ не выше неропховъ. Въ Сербіи ведется народная пословица: *Шокци убокци, Власи сиромаси* [3], въ которой Влахи, какъ люди низшаго сословія, названы бѣдняками, ибо обыкновенно низшее сословіе бываетъ въ то же время и бѣднѣйшимъ. Въ Далмаціи Влахомъ называется всякій земледѣлецъ [4]. Теперь Сербы и Босняки Римско-католическаго и Магометанскаго вѣроисповѣданій, равно и Турки называютъ Влахами православныхъ Сербовъ. Очевидно, основаніе этому прозвищу кроется въ различіи народностей, а не сословій, или занятій. Какъ нѣкогда Кельты-Волохи перенесли свое имя на два Сербскіе края, такъ позднѣе Даки-Валахи передали свое имя низшему сословію Сербскаго народа, сходившемуся съ ними въ занятіяхъ. Напослѣдокъ, это прозвище съ низшаго сословія перешло и на весь народъ: причина все та же—различіе народности и вѣры. Другимъ занятіемъ Влаховъ, кромѣ обычнаго пастушескаго, было ношеніе соли. Такъ въ одной изъ грамотъ своихъ (С. № 41) Дубровничане уговариваются съ Воиславомъ Которскимъ въ томъ, чтобы его Влахи выносили отъ нихъ въ годъ не менѣе 10000 товаровъ соли. Такъ Стефанъ Дечанскій, въ грамотѣ сонменнаго ему монастыря, приказываетъ монастырскимъ Влахамъ приносить ежегодно въ монастырь законное количество соли (С. № 176). Въ этомъ же смыслѣ, вѣроятно, и Юрій Балшичъ Зетскій ручается за людей Боснійскаго бана въ томъ, что торговцы, носильщики и Влахи Дубровницкіе могутъ свободно ходить въ Дубровникъ и изъ Дубровника черезъ Слано, или другимъ какимъ путемъ (С. № 72).

Дубровничане имѣли еще у себя рабовъ, которыхъ или покупали, или захватавали въ плѣнъ. Какъ дѣйствовали они въ послѣднемъ случаѣ, мы видѣли выше: болѣе этого грамоты не говорятъ намъ ничего о рабахъ.

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 112 и слѣд.

[2] Рейцъ, тамъ же, стр. 6, 56, 108, 125.

[3] В. С. Караджича, Српске народне пословице, стр. 352.

[4] В. С. Караджича, Српски Рјечник. 1852.

Внутреннее устройство Дубровницкой общины было, въ сущности, одинаково съ устройствомъ другихъ Далматскихъ общинъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Червы, Origine di Ragusa[1], и IV-я книга Дубровницкихъ Лѣтописей Лукари служатъ главнѣйшимъ источникомъ. Положимъ, что Черва, разсказывая о Дубровникѣ, отъ его начала до завоеванія Босны Турками, пренебрегалъ и лѣтосчисленіемъ и многими важными событіями; положимъ также, что Лукари излагалъ весьма невѣрно государственную исторію Дубровника: но они не могли ошибиться относительно внутренняго устройства той общины, которая была имъ современна, въ которой послѣдній жилъ и самъ былъ властелемъ и гражданиномъ; не могли и умышленно исказить событій, ибо современники стали бы упрекать ихъ за то. По этимъ двумъ писателямъ Аппендини, въ своихъ Историко-критическихъ замѣткахъ о Дубровникѣ (т. I., ч. II, кн. I, гл. VI), изложилъ образъ Дубровницкаго правленія. Для насъ достаточно главнѣйшихъ выводовъ Аппендини и Рейца, чтобы объяснить и дополнить краткія указанія на форму общиннаго устройства въ Дубровникѣ, предлагаемыя нашими грамотами.

Выше сказано было, что въ Далматскихъ общинахъ правленіе находилось въ рукахъ властельскаго сословія. Рейцъ, на основаніи свидѣтельства прежнихъ писателей, очень удачно подмѣчаетъ участіе народа въ управленіи нѣкоторыхъ общинъ[2]. Оно такъ и долженствовало быть первоначально въ тѣхъ общинахъ, гдѣ внутреннее устройство развивалось постепенно и естественнымъ путемъ подъ вліяніемъ Славянскаго общиннаго начала; но въ Дубровникѣ, который былъ непосредственнымъ продолженіемъ Епидавра и Салоны, не замѣтно слѣдовъ народнаго участія въ городскомъ управленіи: по крайней мѣрѣ, искать ихъ должно только въ первыхъ столѣтіяхъ существованія Дубровника. За тѣмъ, властели присвоили правительственную власть исключительно себѣ. Рейцъ мимоходомъ обронилъ весьма остроумное замѣчаніе, самъ не понимая его важности, почерпнутое имъ изъ Чикарелли, о различія между городскою общиною, commune, и народною общиною, universitas. Первую онъ называетъ совѣтомъ благородныхъ, вторую народнымъ собраніемъ въ противуположность городовой общинѣ. Universitas составлялась весьма рѣдко, только въ крайнихъ обстоятельствахъ и дѣйствовала всегда противъ commune, которая, въ свою очередь, отвергала всякое ея притязаніе: quia non sunt nuntii communitatis, sed seminatores scandalorum[3]. Тѣмъ менѣе народъ могъ дѣйствовать такъ въ Дубровникѣ. Во всѣхъ Дубровницкихъ грамотахъ видимъ одну только общину — городскую. Обыкновенно въ грамотахъ упоминаются: князь, властели и вся община города Дубровника. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ князь называется «владущимъ» или «избраннымъ», а въ нѣкоторыхъ вовсе опускатся. Къ слову «властели», которое иногда замѣняется словомъ «бояре», часто присовокупляется слово «всѣ» или выраженіе «отъ мала до велика»; иногда, вмѣсто властелей, или рядомъ съ властелями, упоминаются «судьи» и «вѣчники». Но для насъ важнѣе значеніе слова «община». Въ грамотахъ

---

[1] Черва (Людовикъ) извѣстенъ также подъ именемъ Тубера. Важнѣйшее его сочиненіе въ 11 книгахъ о современныхъ ему событіяхъ (1490—1522) напечатано Швандтнеромъ во II-мъ томѣ его Scriptores rerum Hungaricarum. Первыя 5 книгъ были еще изданы три раза, въ 1490, 1603 и 1784 годахъ подъ заглавіемъ: Tubero Cervarius Ludovicus, Commentaria de rebus, quae temporibus ejus gestae sunt. Изъ того же сочиненія составлено имъ другое упомянутое сочиненіе, О началѣ Дубровника, изданное Михаиломъ Сорго въ 1790 году.

[2] Въ Сборникѣ Валуева, гл. III, стр. 11 и слѣд.

[3] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 78.

община называется «городскою» или «Дубровницкою» или «владущаго», «славнаго», «боголюбимаго града Дубровника»; иногда къ ней придаются выраженія «вся», или «отъ мала до велика». Еслибы дѣйствительно это была народная община, или вообще вся городская община, состоявшая изъ представителей всѣхъ сословій народа, а не изъ однихъ благородныхъ, то въ грамотахъ не было бы такой небрежности въ употребленіи словъ «властели» и «община», какую мы замѣчаемъ въ нихъ. Есть грамоты, гдѣ слово община вовсе опущено, а упомянуты только князь и властели [1], или одни властели [2] и при томъ владущіи [3]. На оборотъ, есть грамоты, гдѣ упоминаются князь и община; но опущены властели [4]. Такая неточность въ употребленіи двухъ, по видимому, совершенно различныхъ понятій можетъ быть объяснена не иначе, какъ тѣмъ, что въ Дубровникѣ подъ общиною разумѣлись все тѣ же властели или благородные, которые держали въ своихъ рукахъ правленіе. Сами же грамоты подтверждаютъ это мнѣніе: во многихъ изъ нихъ община опредѣляется словомъ «властели» въ выраженіи: «община властелей дубровницкихъ», или: «князю, властелямъ и всей общинѣ властелямъ Дубровницкимъ» [5]. Такое выраженіе ясно показываетъ, что подъ городскою общиною должно разумѣть не весь городъ или представителей всѣхъ городскихъ сословій, но только высшее сословіе, или однихъ благородныхъ, составлявшихъ правительство Дубровника. Еще яснѣе свидѣтельствуетъ грамота С. № 19; она начинается такъ:.... мы садие и опкина двбровьчькя .вı. властели ки св ꙁдѣ подьписани кльнемосе... Слѣдовательно, сдѣсь подъ судьями и общиною должно разумѣть только 12 властелей. Отъ того въ грамотахъ нашихъ слова «община» и «городъ», относительно Дубровника, никогда не смѣшиваются. Если дающій грамоту хочетъ сказать обо всемъ городѣ Дубровникѣ, то онъ называетъ его не иначе, какъ «городомъ» и надписываетъ: «князю, властелямъ и всему граду Дубровнику» [6], или просто «граду Дубровнику» [7], по чему во многихъ грамотахъ, гдѣ говорится вообще о Дубровникѣ, этотъ называется «городомъ», часто «боголюбимымъ», «владущимъ», «славнымъ», но никогда «общиною». Въ гр-ѣ С. № 60 находимъ поясненіе слову «градъ Дубровникъ»: въ ней Черноевичи даютъ обѣщаніе славномв: градв двбровникв: кнеꙁв и властелом двбровьчьсьним и людемь града двбровника. Слѣдовательно, сдѣсь подъ «градомъ» разумѣются какъ князь и властели, такъ и всѣ люди, т. е., всѣ сословія Дубровника. И такъ несомнѣнно то, что въ Дубровникѣ правленіе находилось въ рукахъ властелей или благородныхъ, и таковое правительство имѣло свое обычное выраженіе: «князь, властели и вся городская община».

Въ отношеніи внутренняго устройства Дубровника важна для насъ грамота С. № 16. Въ ней подъ договоромъ, заключеннымъ съ Булгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣномъ въ 1253 году, подписались всѣ правительственныя лица Дубровника въ слѣдующемъ порядкѣ: князь, судьи, вѣчники Малаго Вѣча, умоленные отъ вѣча, вистіаріи общественные, прьцы общинные, прьцы городскіе,

---

[1] С. NN 8, 12, 40, 113, 117, 129, 131, 132, 139, 140, 146, 147, 149, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 166, 167, 168, 170, 171.

[2] С. NN 40, 94, 122, 145, 172.

[3] С. N 90.

[4] С. NN 11, 13, 27.

[5] С. NN 105, 123, 125, 126, 127, 130, 141, 144, 150, 151, 152, 155, 156.

[6] С. NN 47, 55.

[7] С. N 67.

хранители имущества преовятой Богородицы и вѣчники Большаго Вѣча. Изъ этѣхъ подписей мы можемъ отчасти видѣть составъ общиннаго правленія и число должностныхъ лицъ; но если въ первомъ случаѣ имъ не противорѣчатъ историки, то во второмъ находимъ между тѣми и другими нѣкоторое разногласіе. Главнымъ лицомъ въ общинѣ былъ князь. Мы видѣли выше, что въ продолженіи извѣстнаго времени князья избирались изъ Венеціянскихъ графовъ, которые клялись хранить ненарушимо устройство Общины. Аппендини назначаетъ для Венеціянскихъ графовъ время отъ 1204 до 1230 и съ 1232 по 1358 г. Вѣрно ли такое назначеніе, рѣшить по нашимъ грамотамъ нельзя; ибо онѣ, какъ мы видѣли, не противорѣчатъ ему. Замѣтимъ только, что Славянскія имена Болеславича и Крусича, упоминаемыя грамотою 1235 года (С. № 2), близко подходятъ къ промежутку 1230—1232 г., въ которомъ не было Венеціянскимъ князей или ректоровъ въ Дубровникѣ. Слѣдующее за тѣмъ имя Жани Дандолы, встрѣчаемое въ грамотахъ 1234 — 1238 г. (С. №№ 3, 4, 5), указываетъ на того самого Дандолу, который, по заключеніи договора между Дубровникомъ и Венеціею въ 1232 г. [1], былъ сдѣланъ отъ имени послѣдней княземъ Дубровницкимъ. Небольшое разногласіе въ годахъ можно объяснить тѣмъ, что не вдругъ Венеціяне послали князя въ Дубровникъ. По свидѣтельству Рацци, Дубровникъ, желая избавиться отъ Венеціянскаго наемнаго войска, отпустилъ учтиво Венеціянскаго ректора и ввѣрилъ верховную власть совѣту трехъ благородныхъ (1152 г.); потомъ чрезъ 40 лѣтъ сталъ избирать ректоровъ изъ своихъ гражданъ и наконецъ — прибавляютъ другіе — по причинѣ самовластія Демьяна Юды (di Giuda) призвалъ снова Венеціянскихъ ректоровъ, которые управляли имъ до 1370 года [2]. Орбини назначаетъ Демьяну время отъ 1260 до 1262 года, послѣ чего Дубровникъ снова избралъ Венеціянскаго князя въ лицѣ Дандолы [3]. Если справедливо это послѣднее свидѣтельство о Дандолѣ, то, съ помощію нашихъ грамотъ, мы можемъ приблизительно отнести правленія Демьяна къ 1230-мъ годамъ. Съ половины XV ст. начинаетъ въ нашихъ грамотахъ встрѣчаться выраженіе кнезь избрани, какъ бы въ доказательство добровольнаго избранія и принятія князя. Правительство могло и въ отсутствіе князя вступать въ договоры съ сосѣдними владѣльцами. Такъ въ промежуткѣ между Георгіемъ Марцеломъ и Андреемъ Златомъ (Daurus), или между 1253 и 1254 гг., 12 властелей Дубровницкихъ, называющихся «судьями и общиною», заключили, 22 мая, 1254 года, договоръ съ Радославомъ Хлумскимъ и получили отъ него отвѣтную грамоту (С. №№ 19, 20). Также одни властели заключили, около 1387 г., договоръ съ Вукомъ Бранковичемъ (С. № 76). Вѣроятно, это временное правленіе могло заключать не одни договоры, а вело всѣ вообще государственныя дѣла. Власть князя ограничивалась постепенно по мѣрѣ стремленія князя къ расширенію ея предѣловъ, вмѣшательства Венеціи во внутреннія дѣла Общины и опасенія властелей и народа за свою независимость. Въ грамотахъ находимъ одно только указаніе на власть князя, именно: подъ 1253 годомъ не позволено было иноземцамъ вывозить жита изъ Дубровника безъ позволенія князя (С. № 16). Лукари говоритъ, что сначала

---

[1] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 104. Подлинникъ см. у него же въ Прибавленіяхъ подъ I. Шафарикъ для грамотъ, писанныхъ на имя Дандолы, назначаетъ 1233 — 1235 г.; издатели Спомениковъ назначаютъ 1236 — 1238 г.; мы же принимаемъ начальнымъ годомъ 1234-й, ибо въ срединѣ этого года еще упоминаются другіе князья (С. N 2).

[2] Рейцъ, Сборн. Вал, стр. 26. — Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 78, 90.

[3] Стр. 168 — 170.

власть князя была обширна и продолжалась одинъ годъ; но потомъ ея объемъ и срокъ сокращались. Князю предоставлено было храненіе городскихъ ключей, печати и грамотъ, право подавать одинъ голосъ въ Совѣтѣ, рѣшать самыя незначительныя тяжебныя дѣла, созывать consilio di pregati и Большое Вѣче и предлагать предметы для совѣщанія [1]. Вѣроятно, первые Венеціянскіе ректоры правили въ Дубровникѣ гораздо долѣе года, что подозрѣваетъ и Енгель. По свидѣтельству Тубера, Дубровничане избирали князя изъ своихъ бояръ съ полугодичною властію; но послѣ пропавшаго на морѣ Демьяна, который, turba satellitum munitus, maximo senatum nobilitatemque oppresserat terrore, et haud quamquam semestri contentus magistratu, insita animo immodica dominandi cupidine, continuare statuit imperium, они обратились къ Венеціи, прося себѣ графа [2]. Демьянъ управлялъ два года. На управленіе его Аппендини назначаетъ 1230 и 1231 года, съ чѣмъ согласенъ и нашъ выводъ; Енгель — 1199 г. и слѣд [3]. Съ 1232 г. Венеціянскіе ректоры правили по два года [4], а съ 1258 г., когда Дубровникъ передался подъ власть Угріи, избираемые изъ его гражданъ три князя правили одинъ за другимъ по полугоду [5]. Безъ сомнѣнія, позднѣйшее время разумѣетъ Лукари, когда говоритъ, что срокъ власти князя былъ ограниченъ 20-ю днями и потомъ однимъ мѣсяцемъ [6].—Судьи, подписавшіеся въ нашей грамотѣ въ числѣ пяти, раздѣлились въ послѣдствіи на судей по уголовнымъ дѣламъ и судей по гражданскимъ дѣламъ. Число тѣхъ и другихъ простиралось отъ четырехъ до шести. Жалобы на нихъ подавались Сенату. Этимъ судьямъ или консуламъ (consoli) предоставлено въ грамотахъ деспотовъ рѣшеніе споровъ между Дубровничанами, находящимися въ Сербскихъ земляхъ. Теперь мы знаемъ, въ какомъ отношеніи находились эти постоянные должностные судьи, избиравшіеся на одинъ годъ, къ тѣмъ судьямъ, которые, по свидѣтельству грамотъ, назначались въ ровномъ числѣ съ Сербскими судьями для рѣшенія споровъ между Дубровничанами и Сербами. По-этому мнѣ кажутся несправедливыми слова М. Бана, говорящаго, что тяжущіеся могли не допускать въ свое дѣло, по личному своему недовѣрію, того, или другаго судью изъ тѣхъ судей, которые избирались погодно всѣми властелями. Сдѣсь онъ смѣшалъ должностныхъ, городскихъ, однажды на весь годъ приносившихъ клятву, судей съ поротниками или такими судьями, которые дѣйствительно, по волѣ тяжущихся, выбирались особо для каждаго дѣла и приносили клятву въ справедливомъ рѣшеніи только для этого одного дѣла. Въ городахъ и на островахъ Далматскихъ судьи избирались изъ людей довѣренныхъ и всѣми уважаемыхъ. Предъ вступленіемъ въ должность они приносили клятву въ томъ, что приговоры ихъ будутъ всегда справедливы.—Вѣчники Малаго Вѣча, подписавшіеся въ числѣ шести, составляли вмѣстѣ съ княземъ Малый Совѣтъ, consiglio minore. Они всѣ были изъ сенаторовъ. Во времена Лукари число ихъ возрасло до 11 (кромѣ князя). Власть Малаго Вѣча была чисто исполнительная. Оно приводило въ дѣйствіе законы, писало грамоты, прикладывало печати, вводило въ должности, принимало жалобы и пр; но могло также рѣшать незначительныя государственыя, гражданскія и уголовныя дѣла.—Умоленные отъ вѣча, выставленные въ грамотѣ въ числѣ шести, назывались се-

[1] Annali di Rausa, стр. 157.
[2] Schwandtn. Scriptores rerum Hungaricarum, т. II, стр. 192.
[3] Geschichte des Freist. Ragusa, стр. 93.
[4] Engel, тамъ же, стр. 104.
[5] Engel, тамъ же, стр. 134.
[6] Anali de Rausa, стр. 157.

наторами, senato de Padri или consiglio de Pregati, consilium rogatorum. Ихъ число возрасло до 20, потомъ до 45, наконецъ, въ позднѣйшее время, до 60 [1]. Это было, послѣ Большаго Вѣча, главное правительственное мѣсто Общины. Сенатъ заключалъ въ своемъ составѣ князя и Малое Вѣче. Онъ завѣдывалъ всѣми важнѣйшими и чрезвычайными дѣлами, касавшимися гражданскаго, нравственнаго и денежнаго состоянія Общины; опредѣлялъ новыя подати, велъ переговоры съ иностранными державами, принималъ важнѣйшія жалобы на рѣшеніе судей, назначалъ пословъ, объявлялъ войну, заключалъ миръ, исправлялъ злоупотребленія, наблюдалъ за безопасностію и благосостояніемъ городовъ и крѣпостей и пр. Онъ собирался четыре раза въ недѣлю: словомъ, это было постоянное орудіе Большаго Вѣча, и власть его была сколько законодательная, столько же исполнительная.—Потомъ въ грамотѣ слѣдуютъ отдѣльныя должностныя лица: три общественныхъ казначея (вистіарія); во многихъ другихъ грамотахъ они называются «коморниками», а въ одной «разложниками коморы»[2]. По словамъ Лукари, ихъ было сначала два, въ послѣдствіи пять; онъ называетъ ихъ tesorieri di Santa Maria [3]. Казначеи избирались на пять лѣтъ и хранили всѣ государственныя сокровища. Они-то получали на сбереженіе всѣ тѣ богатые вклады, которые приносились въ Дубровникъ сосѣдними Сербскими владѣльцами. Въ дѣйствіяхъ своихъ они не подлежали никакой отвѣтственности; но Сенатъ имѣлъ право повѣрять ихъ приходныя и расходныя книги. Сверхъ того, повѣркою счетовъ завѣдывали особые чиновники, въ числѣ пяти, petorazložnici, избиравшіеся ежегодно [4]. Три общинныхъ прьца или ходатая, подъ коими должно разумѣть трехъ ходатаевъ за благородныхъ, въ противуположность двумъ, подписавшимся за ними, прьцамъ городскимъ или ходатаямъ за горожанъ и низшія сословія.—Два хранителя церковнаго имущества храма пресвятой Богородицы, ии дрьже добитькь сте бойє, procuratori di santa Maria: слѣдовательно, Лукари ошибается, утверждая, что эта должность была основана въ 1306 году. При немъ хранителей церковнаго имущества храма пресвятой Богородицы было три. Кромѣ этихъ были другіе подобные блюстители имуществъ, на пр., свв. Петра, Лаврентія и Андрея, больницы монашескихъ орденовъ и пр.—Наконецъ въ грамотѣ помѣщены подписи 70-ти или 72-хъ вѣчниковъ Большаго Вѣча [5]. Сдѣсь число подписей опять не согласуется съ показаніемъ историковъ. По Лукари, вѣчники Большаго Вѣча собирались иногда въ числѣ 100 и 150, а иногда въ числѣ 250. Но это разногласіе легко объясняется тѣмъ, что въ Большое Вѣче поступали всѣ благородные, достигшіе совершеннолѣтія; а извѣстно, что съ каждымъ годомъ число благородныхъ увеличивалось: слѣдовательно, увеличивалось и число вѣчниковъ. Сверхъ того, Вѣче могло собираться и не въ полномъ количествѣ. Съ другой стороны замѣтимъ, что между именами вѣчниковъ не замѣтно именъ предыдущихъ чиновниковъ, между тѣмъ, какъ въ Большомъ Вѣчѣ имѣли право

---

[1] Рейцъ, Сборн., Вал., стр. 19. Примѣчаніе.

[2] С. N 157.

[3] Есть преданіе, что какой-то князь Павлимиръ построилъ замокъ Divae Mariae, который былъ зародышемъ Дубровника. Tubero, Schwandtn. Script., rer. Hungaric., т. II, стр. 191. Вотъ по чему сдѣсь выраженіе Santa Maria употреблено вмѣсто Общины; но собственно у храма св. Маріи было свое особое хранилище.

[4] М. Банъ, Zrcalo povestnice Dubrovačke. Dubrovnik. Sv. II. 1851. Стр. 77.

[5] Подъ конецъ грамоты связь именъ и прозвищъ нѣсколько затемнена, такъ что числа подписей опредѣлить съ достовѣрностію нельзя. Въ спискѣ Шафарика одною подписью больше.

участвовать всѣ вообще должностныя благородныя лица, начиная съ князя, который былъ и предсѣдателемъ этого Вѣча. Ежегодно, 15 декабря, созывалось Большое Вѣче для назначенія новыхъ чиновниковъ, и въ извѣстные сроки для избранія новаго князя. Оно составляло главное правительственное мѣсто Общины, облеченное высшею законодательною властію, издавало законы, назначало должности и чиновниковъ, смѣняло и утверждало сенаторовъ, завѣдывало дѣлами государственными, обсуживало миръ и войну, рѣшало дѣла по государственнымъ имуществамъ, произносило приговоры о ссылкѣ и возвращеніи, уполномочивало власть чиновниковъ и вообще завѣдывало всѣми дѣлами, требующими опредѣленія верховной власти. Лукари подробно описываетъ обряды, которые наблюдались при открытіи и дѣйствіяхъ Большаго Вѣча. — Грамота заключается этими словами: **И врьхь. вьсе. око. писанье. марьтоль гуаєриникь. бань. ѿ кнеза дюбровьчьнога. и ѿ вьсе. опькине. града. дюбровьчкога. схотеньемь. гна. кнеза. дюбровькога. и вьсехь. властель. дюбровь. сьвономь. звонильше. на сьборе яко е по законе дюбровьскоме. врьхь. душе. свое. и вьсе опькине дюбровьчьке. си обеть. потврьдиль дрьжати. и клеаьсе.** Отсюда видимъ, что, не смотря на клятву всѣхъ вышеподписанныхъ должностныхъ лицъ, банъ, по волѣ князя и всѣхъ властелей и при обычномъ звонѣ вѣчеваго колокола, въ присутствіи всего собранія, подтвердилъ договоръ отъ имени князя и всей Общины и клялся какъ на своей душѣ, такъ и на душахъ всѣхъ гражданъ, что все писанное и объясненное въ грамотѣ будетъ сохранено и исполнено въ точности. Что это за банъ, который своею клятвою подтверждаетъ клятву правительства и велитъ, по закону, ударять въ вѣчевой колоколъ при всемъ собраніи? И въ другой грамотѣ (С. № 19), данной въ отсутствіе князя общиною 12-ти властелей, банъ **марьтоло крьсаниковикь** клянется за всѣхъ властелей Дубровницкихъ. Слѣсь банъ является какъ бы представителемъ или орудіемъ правительства и при томъ не маловажнымъ, ибо и онъ самъ клянется на своей душѣ; въ немъ видѣнъ главный распорядитель торжества и отвѣтчикъ всей Общины. Источники не предлагаютъ намъ никакихъ данныхъ относительно этой должности и по тому мы остаемся при нашей мысли, что банъ былъ главнымъ представителемъ общиннаго правленія, т. е., князя, властелей и общины; онъ былъ выразителемъ воли ихъ и блюстителемъ обрядовой части. Въ другихъ Далматскихъ общинахъ при князѣ находился одинъ товарищъ, socius[1], а въ Дубровникѣ vice-comes[2]: не есть ли это тотъ же самый банъ, что упоминается въ нашихъ грамотахъ? Вообще значеніе бановъ въ Далмаціи, Славоніи, Хорваціи и Боснѣ, какъ намѣстниковъ, представителей и воеводъ королевскихъ, служитъ отчасти подтвержденіемъ нашей мысли. — Кромѣ этѣхъ важнѣйшихъ должностей были въ Дубровникѣ и другія, не столь важныя, или учрежденныя позднѣе. Такъ, на пр., должность блюстителей общественнаго правосудія, consiglio de' proveditori della republica, вѣроятно, была основана позднѣе, ибо таковыхъ чиновниковъ не видно въ нашихъ грамотахъ, между тѣмъ, какъ обязанность ихъ была весьма значительна: это были то же, что нынѣшніе прокуроры. Въ числѣ отъ трехъ до пяти, они наблюдали за правильнымъ примѣненіемъ законовъ, за справедливостію приговоровъ и могли остановить всякое исполненіе, если находили дѣло

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 32.

[2] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 103, 105. Въ послѣдствіи ихъ было двое. Engel, тамъ же, стр. 108.

противнымъ закону. Таковы, на пр., и другія должности: il consiglio dell' arte, della lana, doganieri, ufficiali della sanità, учрежденные во второй половинѣ XIV-го ст. по случаю распространенія торговли съ Востокомъ, al contrabando и пр. Всѣ онѣ учреждены были въ разное время по мѣрѣ необходимости, и собственное ихъ названіе означаетъ область ихъ дѣйствія. Между ними находимъ торговыя, денежныя, охранныя и др. учрежденія. Послѣ того, что сказано выше объ образѣ правленія, нѣтъ надобности повторять, что всѣ общественныя должности, кромѣ весьма немногихъ второстепенныхъ, отправлялись одними благородными. По Аппендини, неблагородные занимали только слѣдующія должности: segretaria, cancellaria, notaria, tesorieria, dogana, annona, appalto publico del sale. — Изъ грамотъ видимъ, что послами были почти всегда одни властели, часто кнезы. Посломъ былъ однажды логоѳетъ (С. № 92). Число пословъ было не равно: большею частію они отправлялись по двое, иногда по трое, иногда только по одному. Они назначались исключительно для одного какого либо дѣла, по совершеніи котораго, уже переставали быть послами: другими словами, каждое новое дѣло требовало и новаго посольства. Договоры, заключенные клятвенно послами, утверждались въ Дубровникѣ клятвою князя, властелей и всей общины (С. №№ 3, 100). Грамоты писались въ вѣчницѣ или полачѣ, sala dei Consoli[1], о которой историки сообщаютъ, что она была огромна и великолѣпна. Непосредственнымъ исполнителемъ какого либо опредѣленія властей былъ приставъ, prestaldus, который имѣлъ одинаковое значеніе съ приставомъ, присяжнымъ, или посланникомъ, упоминаемымъ въ Законникѣ Душана, Далматскихъ общинныхъ узаконеніяхъ и древнемъ Русскомъ судопроизводствѣ. Объ немъ только разъ говорится въ нашихъ грамотахъ, именно, Стефанъ Дечанскій требуетъ, чтобы Дубровничане дали своего пристава его человѣку, съ которымъ приставъ пошелъ бы въ Стонъ и Рѣтъ для отысканія Сербскихъ бѣглецовъ, скрывшихся въ означенныхъ мѣстахъ (С. № 39). Таково было вообще внутреннее устройство Дубровника въ главномъ своемъ основаніи и составѣ. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что не только число должностей и должностныхъ лицъ измѣнялось съ теченіемъ времени, но и самый объемъ власти, при стѣсненіи князя и раздробленіи должностей, значительно измѣнялся. По этому обзоръ правительственнаго устройства Дубровницкой общины требуетъ историческаго изложенія, помощію коего разногласіе свидѣтельствъ уничтожится и каждое явленіе станетъ въ опредѣленномъ пространствѣ времени. При сравненіи устройства Дубровника съ устройствомъ прочихъ Далматскихъ общинъ, открывается много общаго между тѣмъ и другимъ, хотя въ каждой общинѣ это устройство имѣло свои оттѣнки. Главное и общее сходство заключалось въ томъ, что вездѣ были князь, его совѣтъ или курія, или то же, что малое вѣче, и большое вѣче. Князь съ куріею имѣлъ исполнительную власть, а большое вѣче имѣло законодательную власть. Сдѣсь, въ заключеніе, постараюсь объяснить слова Радослава Павловича, мною выше не объясненныя. Радославъ, какъ Дубровницкій гражданинъ, требуетъ: **и ако ки ми се по коемь времени ѕгодилѡ доити ȣ дȣбровникь мене воеводи радославȣ или ми сиȣ кнеѕȣ иванишȣ да бȣде ȣ мне ȣ воеводи радославȣ и ȣ сиȣ ми кнеѕȣ иванишȣ властелинь и кнеѕь и бякинкь и сȣдьꙗ како ȣ коемь годѣ властеѡ дȣбровачцихь дрȣгоѡ на десете** (С № 107). Кажется, Радославъ, по сану своему, считая себя, равно какъ и

[1] Ср. С. NN 100, 115, 119, 121, 123, 126, 130 и пр.

сына своего, не только гражданиномъ, но и почетнымъ властелиномъ Дубровницкимъ, владѣя землями и дворцомъ въ Дубровникѣ, хотѣлъ, чтобы ему предоставлено было право на полученіе званія князя, судьи и вѣчника Дубровницкаго и при томъ не въ числѣ послѣднихъ притязателей, но въ ряду первыхъ 12-ти властелей. Хотя о 12-ти властеляхъ, какъ о первенствующихъ въ правленіи, ничего не говорятъ историки; однако договоръ, заключенный съ Радославомъ Хлумскимъ 12-ю властелями Дубровницкими, называющими себя судьями и общиною, намекаетъ на то, что число судей и вѣчниковъ Малаго Вѣча равнялось двѣнадцати. Судьи, занимаясь своею непосредственною обязанностію, могли въ то же время присутствовать въ Маломъ Вѣчѣ или княжескомъ совѣтѣ и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ заправлять, по обычному порядку, въ отсутствіе князя, всѣми государственными дѣлами. Въ грамотѣ С. № 16 подписались 5 судей и 6 вѣчниковъ; вспомнимъ, что это было при князѣ; но безъ князя между ними, какъ самыми почетными лицами Общины, могъ находиться и тотъ, кто добивался княжескаго достоинства или будущій князь: тогда ихъ станетъ 12. По словамъ Лукари, Малое Вѣче состояло изъ 11-ти вѣчниковъ. Такъ наша грамота сошлась въ этомъ случаѣ съ показаніемъ лѣтописца. Вѣроятно, въ ряду этихъ-то 12-ти властелей хотѣлъ стать Радославъ: по тому онъ и говоритъ, что если онъ самъ, или сынъ его, случится въ Дубровникѣ (сдѣсь должно разумѣть переселеніе въ Дубровникъ въ случаѣ Турецкаго нашествія), то въ лицѣ его самого, или сына его, можетъ быть или князь, или судья, или вѣчникъ, или вообще одинъ изъ 12-ти первыхъ въ Общинѣ властелей. Будучи судьею, или вѣчникомъ Малаго Вѣча, Радославъ, или сынъ его, могъ легко быть избранъ княземъ города. Такъ сосѣдніе владѣтели, страшась Турокъ, упрочивали себѣ въ независимомъ Дубровникѣ имѣніе, мѣсто и званіе, могшее вознаградить ихъ въ будущемъ при возможности утраты настоящаго ихъ сана и владѣнія.

Какія же общія черты для Дубровника можемъ мы вывести изъ всего того, что представляютъ намъ памятники въ связи съ другими, необходимыми для ихъ объясненія, источниками? Вотъ этѣ черты.

Дубровникъ, возникшій изъ развалинъ древняго Епидавра, основаннаго когда-то Греками и перешедшаго потомъ подъ власть Римлянъ, наслѣдовалъ отъ основателей своихъ общинное начало. Первое населеніе его было Римское съ преобладающимъ сословіемъ благородныхъ. Потомъ Славяне въ сильной степени примѣшались къ этому населенію и внесли въ жизнь Дубровника много своего народнаго. Но благородные остались по прежнему преобладающимъ сословіемъ, державшимъ въ рукахъ своихъ городское правленіе. Главнѣйшія части правительственнаго состава общины были: князь, совѣтъ и вѣче.

Дубровникъ, хотя и пользовался полною самостоятельностію въ своихъ дѣйствіяхъ и сношеніяхъ съ другими государствами; однако не былъ чуждъ нѣкоторой степени зависимости первоначально отъ Византіи, потомъ отъ Венеціи, Угріи и наконецъ Турціи. Въ договорахъ съ Сербскими владѣтелями онъ соблюдалъ равенство отношеній и пользовался общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, которыя основывались какъ на его силѣ и богатствѣ, такъ и на его невмѣшательствѣ. Знатные изгнанники находили въ немъ себѣ убѣжище. Владѣтели и бояре ихъ отдавали ему на сбереженіе свои сокровища. Онъ ссужалъ ихъ деньгами и самъ бралъ у нихъ деньги въ ростъ. Быть гражданиномъ Дубровника считалось немаловажнымъ достоинствомъ. Съ гражданствомъ Дуб-

ровникъ давалъ у себя земли, дворцы и право участія въ общественныхъ дѣлахъ; за то и требовалъ отъ своихъ гражданъ всегдашняго содѣйствія и защиты.

Какъ община по преимуществу торговая, Дубровникъ избѣгалъ войны. Основаніемъ его внѣшнихъ сношеній были миръ со всѣми и невмѣшательство. Съ каждымъ новымъ владѣтельнымъ лицомъ спѣшилъ онъ заключить пожизненный договоръ, въ которомъ выхлопатывалъ себѣ или новыя права и льготы, или подтвержденіе старыхъ. Вѣчный миръ и неизмѣнная дружба, взаимная помощь, свобода торговли, защита купцовъ, уменьшеніе по возможности пошлинъ, или, по крайней мѣрѣ, удержаніе однѣхъ только старыхъ, право солянаго откупа, безпристрастное судебное разбирательство:—таковы суть главнѣйшія статьи его договоровъ.

Дубровникъ вывозилъ изъ Сербіи сырые припасы и металлы, а ввозилъ готовыя издѣлія, изъ которыхъ золотыя и серебряныя отличались изяществомъ и богатствомъ какъ выдѣлки, такъ и отдѣлки. Наибольшее число договорныхъ статей относится къ торговлѣ. Въ силу этѣхъ статей Дубровницкіе купцы могли свободно ходить и проходить по землямъ Сербскимъ; они стояли подъ охраною самихъ владѣтелей и за всякое причиненное имъ зло получали вознагражденіе. Передъ войною имъ давался срокъ къ безпрепятственному выходу. Но они обязаны были платить установленныя подати и сборы. Не водворившіеся въ Сербіи избавлены были отъ всякихъ земскихъ и городскихъ повинностей.

Войну Дубровникъ начиналъ только въ крайней нуждѣ и всегда старался окончить ее какъ можно скорѣе. Продолжительныхъ войнъ онъ никогда не велъ. У него всегда находились союзники, и войны оканчивались для него счастливо.

Будучи весьма ограниченъ въ своихъ поземельныхъ владѣніяхъ, Дубровникъ старался пріобрѣтать себѣ земли отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, постепенно и незамѣтно заселяя и обработывая, или открыто покупая ихъ. Въ слѣдствіе покупки онъ платилъ дань сначала королямъ и царямъ Сербскимъ, а потомъ королямъ Боснійскимъ.

Судебное разбирательство между Дубровничанами и Сербами установлено было въ особыхъ грамотахъ. Сдѣсь два права, Дубровницкое и Сербское, передали многое одно другому. Развитіе личности, отразившееся въ подчиненіи отвѣтственности одного только виновнаго и представленіе о наказаніи, основанное на денежной пени, суть отличительныя черты Дубровницкаго права, условленныя какъ вліяніемъ Римскаго начала, такъ и торговымъ бытомъ Дубровника. Но общая порука, введенная довольно поздно въ земли съ чисто-Славянскимъ населеніемъ и судъ съ Сербами по поротѣ показываютъ, что и Сербское право оказывало также вліяніе на Дубровницкое.

Турки, водворившись на Европейской почвѣ, захвативъ часть Сербіи, коснулись и Дубровницкихъ владѣній; но не покорили Дубровника, который сумѣлъ поладить и съ ними. Однако рука побѣдителей дала и имъ себя почувствовать. Турки потребовали отъ Дубровника несравненно большей дани противъ прежняго Сербскаго дохода, и хотя даровали его купцамъ право свободной торговли въ своимъ земляхъ; однако, незванные, стали вмѣшиваться во взаимные переговоры и счеты Общины съ послѣдними представителями Сербскихъ владѣтельныхъ домовъ и монастырями, куда переведена была часть Сербскаго дохода прежними православными государями. Они разрушали то, что Дубровничане строили безъ ихъ позволенія.

ГЛАВА II.

БОСНА.

Послѣ Дубровника *Босна* занимаетъ первое мѣсто по количеству относящихся къ ней памятниковъ.

Нѣкогда Босна составляла Сербскую *жупу* въ полной зависимости отъ собственной Сербіи. Она лежала между Савой, Дриной, Неретвой и Врьбасомъ. Въ южныхъ ея предѣлахъ протекаетъ Рама, отъ которой и вся страна называлась иногда Рамою. Нѣкоторые историки рознятъ Раму отъ Босны. Дѣйствительно, въ иностранныхъ грамотахъ находимъ выраженіе Rama et Bosnia или Rhama seu Bosnia; но въ нашихъ Кириловскихъ памятникахъ этого нѣтъ: въ нихъ она всегда называется однимъ именемъ Босны. Уже изстари часть Сербіи, находившаяся на лѣвомъ берегу Дрины до Савы и называвшаяся Семберіей, вошла въ предѣлы Босны и раздѣляла съ нею постоянно одну участь.

Съ 1120 года Босна дѣлается *банатомъ*. Раскій жупанъ и князь Сербіи, Бела Урошъ, уступилъ ее, какъ приданое за дочерью, зятю своему, Угорскому королю Белѣ II. Съ этого времени, до самого Немани, Босна оставалась за Угріею и, подобно Славоніи, служила удѣломъ для королевскихъ родичей, управлявшихъ ею подъ именемъ бановъ. Въ 1156 г., по словамъ Кинама, Борисъ [1], побочный сынъ Коломана, является, какъ *ὁ Βόσϑνης χώρας ἐξάρχων Δαλματικῆς*, на помощь Угорскому королю въ войнѣ его съ императоромъ Мануиломъ, ибо *ἔστι δὲ ἡ Βόσϑνα οὐ τῷ Σερβίων ἀρχιζουπάνῳ καὶ αὐτὴ εἴκουσα ἀλλ᾽ ἔϑνος ἰδία παρὰ ταύτῃ καὶ ζῶν καὶ ἀρχόμενον* [2]. Бела II, а за нимъ Гейза II назывались Dalmatiae, Croatiae et Ramae reges [3].

Около 1170 года баномъ сдѣлался знаменитый Кулинъ [4], признававшій верховную власть Немани, великаго жупана Сербіи. Въ 1189 году онъ заключилъ торговый договоръ съ Дубровникомъ (И.; С. № 1; Ш. № IV), изъ котораго видно, что внутри своихъ земель банъ былъ совершенно независимъ. При немъ въ Боснѣ усилились Патарены или Богумилы; самъ онъ былъ ревностнымъ поборникомъ этой ереси [5], хотя, для виду, имѣя опаснаго сосѣда въ Вуканѣ Хлумскомъ, и выдавалъ себя за Римо-католика. Въ 1197 г., поддавшись Угріи,

---

[1] Объ участи Бориса, котораго Іоаннъ де Турочъ (de Thurocz) называетъ adulterinus regis Colomani, см. у него же въ Schwandtneri Scriptores rerum Hungaricarum, т. I, стр. 146.

[2] Corp. Script. Hist. Byz., Ioan. Cinnamus, l. III, p. 131, 104. — Stritter, II, 426.

[3] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. III, гл. VIII.

[4] *Βορίτζης* qui Orbino Barich appellatur, Bossenae banus seu princeps, sub a. 1154. Boritium excepit Culinus, cuius non semel mentio occurit apud Innoc. III pp. in Epistolis. Du Fresne, in Historiam Cinnami Notae. Corp. Script. Hyst. Byz., p. 343.

[5] Нѣкоторые лѣтописцы увѣряютъ, что онъ женатъ былъ на сестрѣ Немани (имя ея неизвѣстно), державшейся Богумильской ереси. Эту догадку принимаетъ и авторъ книги Zemljopis i poviestnica Bosne od Slavoljuba Bosnjaka (Юкичъ). Но какъ родство его съ Неманею, такъ особенно еретичество сестры Немани весьма сомнительны.

онъ могъ дѣйствовать свободнѣе въ пользу ереси и за то былъ обвиненъ Вуканомъ передъ папою. Распоряженія папы, Угорскаго короля и собора, состоявшагося по этому случаю въ 1203 г., были сначала успѣшны; но примиреніе Вукана съ братомъ Стефаномъ и усобицы въ Угріи дали ходъ ереси, которая особенно сильно развилась при преемникѣ Кулина, Нинославѣ. Счастливыя времена Кулина перешли въ народную пословицу.

За Кулиномъ, умершимъ въ 1204 г., слѣдовалъ банъ Нинославъ. Большая часть ученыхъ, какъ-то: Фарлати, Дюфренъ, Гебгарди, Шимекъ, Юкичъ и др. хотятъ послѣ Кулина видѣть баномъ Сибислава до самыхъ 1240-хъ годовъ; вѣрнѣе Енгель называетъ Сибислава только Боснійскимъ бояриномъ, nobilis, какъ названъ онъ въ папской грамотѣ отъ 1236 г. Но съ другой стороны Енгель, одному и тому же лицу даетъ два имени, однажды Никослава, въ другой разъ Нинослава, и послѣдняго слишкомъ поздно дѣлаетъ баномъ. Но очевидно, имя Никослава есть олатиненное вмѣсто Нинослава, какъ значится оно въ грамотѣ Ш. № VI, С. № 5. Босна не имѣла причины оставаться безъ бана. Хотя въ 1235 г. Колоиланъ и могъ получить въ управленіе Босну, какъ воевода, оставаясь въ то же время и воеводою Славоніи; однако и банъ могъ стоять подъ нимъ по прежнему. Юкичъ помѣщаетъ между Кулиномъ и Сибиславомъ еще двухъ бановъ, безыменнаго Кулиновича и Николая; но источники, на которыхъ онъ основывается, Бзовій, Пеячевичъ и Фарлати, вовсе того не доказываютъ. При томъ, Colloquia Пеячевича, написанныя по Западнымъ источникамъ, не всегда могутъ служить надежнымъ основаніемъ. Повторяю, историки смѣшиваютъ бояръ, богатыхъ землевладѣльцевъ въ Боснѣ, съ банами и чрезъ то производятъ большую путаницу въ древнѣйшей исторіи Босны. Шафарикъ опредѣляетъ время Нинослава 1216—1231 годами. Издатели Спомениковъ выставили подъ его грамотою 1236 годъ. Отъ Нинослава мы имѣемъ договоръ съ Дубровничанами. Матѣи. а одмѣломь (по прозвищу) нинославь: бань босьньски велики повторяетъ договоръ Кулина, котораго впрочемъ не называетъ своимъ отцомъ; но уже повтореніе договора доказываетъ отчасти, что онъ былъ преемникомъ Кулину. Папа, поручая Коломану защищать Нинослава, называетъ этого послѣдняго dux de Bozna и выставляетъ, какъ его право, comitatus et villas suae terrae concedendi et auferendi quibuscunque prout ei propriae voluntatis arbitrium suggesserit [1]. Такое право могло принадлежать только независимому бану, каковыми дѣйствительно и были баны Боснійскіе, которыхъ верховная власть Угріи нисколько не стѣсняла во всѣхъ ихъ внутреннихъ распоряженіяхъ. Патаренизмъ господствовалъ при Нинославѣ, который, по примѣру своего предшественника, наблюдалъ уклончивую политику относительно Римо-католицизма и, при необходимости, выдавалъ себя за ревностнаго католика. Только уже въ 1245 году Бела IV, разсердившись на Нинослава за его еретичество и за то, что онъ помогалъ Сплитянамъ въ войнѣ ихъ съ Трогирцами, послалъ противъ него войско съ Котромановъ, который побѣдилъ его и сдѣлался правителемъ Босны.

Мы имѣемъ отъ 1249 года грамоту (С. № 14), данную великимъ баномъ Матвѣемъ Стефаномъ. Это договоръ съ Дубровничанами. Но имя Стефана написано по почищенному другою рукою, и по тому рождается вопросъ: кому принадлежитъ грамота? Двухъ крестныхъ именъ не могло носить одно и то же лицо; общія мѣста въ грамотахъ С. № 14 и С. № 5 показываютъ, что писецъ

---

[1] Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 224.

имѣлъ подъ рукою договоръ Нинослава 1216 — 1236 г., и по ошибкѣ могъ написать имя прежняго бана Матвѣя Нинослава. Слѣдующая за тѣмъ почистка уже указываетъ на ошибку писца. Замѣчательно также, что писецъ, начиная грамоту по своему и въ началѣ вовсе не списывая ея съ Нинославовой, при имени Матвѣя, поставилъ тотъ же рѣдкій и неупотребляемый имъ знакъ препинанія (:), который находится въ грамотѣ Нинослава (С. № 5): это подтверждаетъ мою мысль, что имя Матвѣя вкралось въ грамоту по ошибкѣ, и за нимъ слѣдовало имя Нинослава, но кѣмъ-то другимъ было замѣнено подлиннымъ Стефана. Издатели Споменниковъ съ умысломъ, или безъ умысла, выставили подъ грамотою 1239 годъ, желая тѣмъ отнести грамоту къ Нинославу; но въ грамотѣ ясно обозначенъ҃ с. ѱ. ѳ. (1249) годъ; а индиктъ ҂ζ, показанный въ грамотѣ, отвѣчаетъ именно этому году. Слѣдовательно, имя Стефана должно принять за подлинное и разумѣть подъ нимъ Котромана, низвергнувшаго Нинослава. Юкичъ, подобно Дюфрену, не признаетъ Котромана баномъ и даже не допускаетъ самого его имени, объясняя его смѣшеніемъ съ именемъ Коломана. Но противъ него говорятъ Орбини и имъ же самимъ приводимые источники: грамоты Стефана Котромановича 1268 г.[1] и Ивана Котромана 1010 (?) г.[2] Хотя года выставлены сдѣсь невѣрно, однако важно сходство именъ со свидѣтельствомъ Орбини. Замѣчу, что Угорскіе короли и королевичи могли, при банахъ, быть воеводами Босны; ибо, кромѣ Босны, они завѣдывали иногда и другими областями. Котроманъ былъ Угръ. Онъ клянется вмѣстѣ съ братіею и вельможами: и дѣйствительно, между свидѣтелями на первомъ мѣстѣ видимъ князя Угрина. Въ этой грамотѣ Стефанъ является столь же независимымъ, какъ и его предшественники; онъ именуетъ себя: **по мл҃сти б҃жи велики банъ босьньски** и обѣщаетъ не давать въ обиду Дубровничанъ и ихъ имущества въ случаѣ ихъ войны съ Сербскимъ королемъ. Онъ клянется за себя, за своихъ дѣтей и внучатъ и испрашиваетъ себѣ впредь безопасное пребываніе въ Дубровникѣ. Конечно, онъ имѣлъ въ виду возможность несчастія и бѣгства.

Около 1254 года баномъ Босны и Мачвы[3] сдѣлался Ростиславъ Михайловичъ, князь Галицкій и воевода Славоніи, зять Белы IV[4]. Онъ оставилъ по себѣ въ 1262 г. двухъ сыновей, Михаила и Белу, изъ коихъ первый получилъ Босну, а второй Мачву. Михаилъ еще былъ живъ въ 1268 году, но потомъ онъ изчезаетъ въ Исторіи. Въ 1271 г. Бела, братъ Стефана, Угорскаго короля, называется dux Machoviae et Bosnae. За нимъ слѣдовали братъ его, Стефанъ, и потомъ Ладиславъ III. Мать Ладислава III, Елизавета, maior regina Hungariae, именовалась ducissa de Machou et de Bosna. Послѣ ея смерти Милутинъ получилъ Босну въ приданое за женою своею, Елизаветою, дочерью Стефана V, въ 1286 г. Хитрый образъ дѣйствій Милутина и ложныя его обѣщанія обратиться со всею Сербіею въ Римско-католическую вѣру, равно какъ изгнать Патареновъ изъ Босны, навлекали на него не разъ грозу съ Запада, а по тому Бос-

---

[1] Въ сочиненіи Лор. Миніяти: Le glorie cadute. Ven. 1663.

[2] Въ сочиненіи Пруденція Наретинца: De regno Bosniae. Ven. 1781.

[3] Мачва составляла прежде часть собственной Сербіи: она лежала въ углу между Савой и правымъ берегомъ Дрины. Неизвѣстно, когда она была завоевана Угріею; но мы знаемъ, что въ 1235 г. она уже называлась въ Угорскихъ грамотахъ banatus Machoviensis (Шафар. Slow., Starožit., II, IV, 653. Слав. Древн., II, I, 357). Енгель (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 227) думаетъ, что Угорскіе короли отняли ее непосредственно у Грековъ.

[4] См. статью Палацкаго объ этомъ князѣ, помѣщенную, въ Русскомъ переводѣ, въ Чтеніяхъ И. О. И. и Д. Р. 1845 — 1846. N 3.

ну мы видимъ на короткое время въ рукахъ Павла Шубича Бребирскаго, около 1292 г., и потомъ снова, въ 1305 г., въ рукахъ Милутина, владѣнія котораго простираются на этотъ разъ до самого Дунма. Тѣмъ не менѣе, Павелъ не переставалъ писаться Боснійскимъ баномъ, 1307 — 1312 г., и сынъ его, Младенъ, еще при жизни отца, носилъ титулъ secundus Bosnensis banus. Въ 1318 г. Младенъ отнялъ Босну у Милутина [1]. Во всѣхъ этихъ переворотахъ нельзя принимать Босны за одно цѣльное, государственное тѣло. По нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописцевъ, въ Боснѣ должны были находиться постоянныя владѣнія Павла Бребирскаго, купленныя имъ у Ладислава III: не могъ же онъ купить всей Босны; но, купивъ часть ея, именно ту, которая принадлежала Угріи, могъ объявлять притязанія и на остальную, бывшую во власти Милутина. Тутъ же были постоянныя владѣнія Котромановичей, которые ссорились съ Шубичами. Только этимъ можно объяснить, по чему Карлъ Робертъ, низведши Младена, въ 1322 году, за его жестокость, отдалъ Боснійское банство Стефану Котромановичу. Кромѣ того, часть Босны находилась въ рукахъ Милутина. Такимъ образомъ взаимная вражда нарушала часто границы владѣній.

Что касается до *Хлума*, то послѣ Неманн онъ, кажется, переходилъ изъ рукъ въ руки. Хлумскій бояринъ Петръ прогналъ Андрея, сына Мирослава и племянника Немани; за тѣмъ, съ помощію Сербскаго короля, Стефана Первовѣнчаннаго, Андрей былъ снова возстановленъ; но при этомъ бо́льшая часть его земель передалась бану Боснійскому [2]. Не тутъ ли сидѣлъ Вуканъ, братъ Стефана Первовѣнчаннаго? Извѣстно, что въ спорѣ съ братомъ Вуканъ является подъ защитою Угріи, чего не могло быть безъ посредства Боснійскаго бана. Потомъ Вуканъ дѣлается одинъ великимъ княземъ Зеты и Хлума. У него сынъ—жупанъ Димитрій. Получилъ ли послѣдній отцовское наслѣдіе—не знаемъ, но только видимъ его потомъ въ монашествѣ [3]. Молчаніе лѣтописцевъ о томъ, чтобы Димитрій, или родъ его, владѣлъ Хлумомъ, равно какъ самое званіе жупана, заставляютъ думать, что послѣ Вукана Хлумъ прямо перешелъ къ Угріи, такъ какъ Угорскіе короли имѣли на Вукана сильное вліяніе. Изъ грамоты Андрея II, сына Белы III [4], видно, что онъ именовался Dalmatiae, Croatiae, Ramae, Culmeque dux. Впрочемъ дѣйствительно ли принадлежалъ ему Хлумъ — рѣшить нельзя. Хотя Лучичъ выраженіе Culmeque относитъ къ Хлуму, но самъ же онъ потомъ сомнѣвается, говоря: ita an regio quoque Chlebna, nunc Hliuno, quae sola ultra Cetinam in Croatia erat, in Chulmia inclusa fuerit,—percipi nequit [5]. Судя по формѣ Culmeque, можно догадываться, что Андрей владѣлъ не всѣмъ Хлумомъ, а только сѣверною его частію или Крайною съ Хорватскою жупою Ливномъ. Великій князь Хлумскій Андрей далъ двѣ грамоты Дубровнику въ 1233—1236 и 1248 годахъ (Ш. № VIII; С. №№ 4, 15), какъ независимый владѣтель, присягая съ своими сыновьями, Богданомъ и Радославомъ, и властелями. Тотъ же Андрей, опять какъ независимый князь Хлума, заключилъ договоръ съ Сплитянами въ 1241 году. Если

---

[1] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. IV, гл. XIII; кн. V, гл. III. По словамъ Лучича, Шубичи купили Босну у Ладислава.

[2] Орбини, стр. 221, 223. — Luccari, Annali di Rausa, стр. 30. — Dufresne, Familiae Dalmaticae et Slavonicae, гл. III, § LI.

[3] Лѣтописи у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 60, 72.—Доментіанъ, Житіе свв. Симеона и Савы (рукопись).

[4] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. III, гл. XIII.

[5] Lucius, тамъ же, кн. IV, гл. IV.

не въ первыхъ грамотахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ этой онъ упомянулъ бы о своей зависимости отъ Угріи. Но то одно, что Сплитяне, зависѣвшіе отъ Угріи, заключали съ нимъ договоръ въ слѣдствіе войны, доказываетъ, что Андрей былъ независимымъ княземъ [1]. Но въ 1254 г. сынъ его, жупанъ Радославъ, заключая союзъ съ Дубровничанами (С. № 20), уже говорилъ: **есмь вѣрьнь кметьвникь: гнѣ крала игьрьскому**, и обязывался воевать вмѣстѣ съ Дубровничанами противъ короля Рашкаго. Слѣдовательно, Хлумъ, независимо отъ Босны, принялъ сторону Угріи. Въ послѣдствіи онъ соединился съ Босною. Екатерина, дочь Стефана Котромановича, была за внукомъ Андрея Хлумскаго; Павелъ и Младенъ владѣли вмѣстѣ и Хлумомъ и Босною [2].

Преемникъ Младена, Стефанъ Котромановичъ, писался въ 1326 г.: liber princeps et dominus Bosnae, Ussorae, Salae et plurium aliorum locorum, atqve Chelmi comes (позднѣе, Chulmiae dux) [3]. При немъ владѣнія его обозначились яснѣе: они заключали въ себѣ всю Босну и Хлумъ. Онъ положилъ первое основаніе будущему Боснійскому королевству. Зная, что вся сила государства заключалась въ вѣрѣ и народности и что Римо-католики всегда клонились къ Угріи и Западу, Стефанъ держалъ сторону Патареновъ, которые, вмѣстѣ съ православными, составляли основу Боснійской народности. Только происки папы и усердіе Карла Угорскаго заставили Стефана признать себя Римо-католикомъ и равнодушно смотрѣть на вѣрообращеніе своихъ подданныхъ. Стефанъ помогалъ Людовику I въ его Далматскихъ войнахъ; но уже въ дѣйствіяхъ его проглядывало желаніе независимости. Къ несчастію, возраставшее могущество его потрясено было царемъ Душаномъ, который просилъ у него дочь его, Елизавету, въ супруги своему сыну, Урошу, и въ приданое за нею Хлумъ; но, получивъ отказъ, завоевалъ весь Хлумъ и бо̀льшую часть Босны. Православное Сербское духовенство начало сдѣсь свои успѣшныя дѣйствія для ослабленія Римо-католицизма и продолжало ихъ до самой кончины Душана. Стефанъ умеръ въ 1353 г., отправляясь на бракосочетаніе своей дочери, Елизаветы, съ Людовикомъ Угорскимъ. Орбини [4], Дюфренъ [5], Шимекъ [6], на основаніи Дюфрена; а Енгель [7] и Юкичъ [8], по словамъ Шимка, относятъ къ 1357 году вступленіе племянника его, Тврьтка Владиславича, въ достоинство бана. Но въ Споменикахъ есть грамота № 57, отмѣченная 1367-мъ годомъ, который Тврьтко называетъ 14-мъ годомъ своего господствованія: по этому смерть Стефана и преемство Тврьтка должны быть отнесены къ 1353 году. Тѣмъ удивительнѣе, что издатели Спомениковъ тутъ же, подъ грамотою, выставили 1357 годъ, какъ годъ Стефановой смерти, не объяснивши этого противорѣчія съ словами грамоты. Гораздо удачнѣе и согласнѣе съ нашею грамотою годъ свадьбы Людовика I и смерти Стефана Котромановича опредѣляетъ Феслеръ, не указывая впрочемъ источника. По его словамъ, эти два событія случились въ половинѣ 1353 года [9].

---

[1] Өома Архидіаконъ въ Schwandtneri Script. rer. Hungar., т. III, стр. 598.
[2] Schimek's Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama. Стр. 64, примѣч., и стр. 65.
[3] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. V, гл. III.—Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVII.
[4] Стр. 275.
[5] Familiae Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVII.
[6] Politische Geschichte des K. Bosnien u. Rama, стр. 80.
[7] Енгель самъ противорѣчитъ себѣ въ этомъ случаѣ. На стр. 286 онъ относитъ бракъ Людовика къ 1353 году, а на стр. 312 говоритъ, что Стефанъ умеръ въ 1357 году, отправлясь на бракосочетаніе своей дочери, Елизаветы, съ Людовикомъ. См. его Gesch. v. Servien. u. Bosnien.
[8] Zempljopis i poviestnica Bosne, стр. 102.
[9] Die Geschichte der Ungern und ihrer Landsassen, т. III, стр. 330.

Сербскіе лѣтописцы производятъ родъ Тврьтка отъ Драгутина. Дочь послѣдняго, Елизавета, была, по ихъ словамъ, матерью Стефана, Боснійскаго бана, Инослава и Владислава; Владиславъ же имѣлъ Трьтка бана и Вучича [1].

Что же касается до *Травуніи*, то объ ней источники не доставляютъ никакихъ свѣдѣній; неизвѣстно, оставалась ли она за Сербіею, или, въ одно время съ Хлумомъ, отошла къ Боснѣ? Извѣстно только, что Душанъ владѣлъ Требиньемъ. Послѣ него она, вмѣстѣ съ Хлумомъ, принадлежала къ Боснѣ. Изъ нашихъ грамотъ видно, что въ 1234 году Хлумъ еще числился за Сербіею (С. № 2): слѣдовательно, переходъ его, вмѣстѣ съ Травуніею, отъ Сербіи къ Боснѣ и Угріи состоялся при королѣ Владиславѣ.

Внутренняя жизнь Босны совершалась безъ важныхъ переворотовъ: она не подвергалась никогда преобразованію, въ слѣдствіе котораго въ основу ея вложена бы была мысль новая, государственная. Отъ того въ Боснѣ еще жило въ прежней силѣ древнее боярство, могущественное и кичливое. Съ нимъ долго боролись Котромановичи и отъ него принуждены были бѣжать въ Дубровникъ. Такъ и теперь Боснійскіе бояре почитали за стыдъ повиноваться молодому бану, вышедшему изъ ихъ среды: при ихъ содѣйствіи возставали на него бояре Санко, Клусичъ и Дабыша, и даже родной его братъ, Вукъ; Тврьтко съ помощію своей находчивости и храбрости умѣлъ отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ враговъ. Онъ значительно распространилъ свои владѣнія, пользуясь безвластіемъ Уроша V; захватилъ Травунію, Конавле, Драчевицу и Зету и отнялъ у Сербскаго боярина, Николая Алтомановича, сидѣвшаго въ Ужицѣ, завоеванія, сдѣланныя имъ по смерти Вукашина на счетъ Босны. За то еще прежде долженъ былъ уступить Хлумъ Угорской королевѣ Елизаветѣ, какъ наслѣдство послѣ ея покойнаго отца [2]. Въ своихъ владѣніяхъ, онъ поддерживалъ православную вѣру и Патаренскую ересь; но, не желая явно нарушать своихъ хорошихъ отношеній къ Римо-католицизму и Западу, онъ поддерживалъ ихъ большею частію тайно; а между тѣмъ явно выказывалъ полную готовность служить пользамъ Римо-католицизма. По этому архидіаконъ Галлъ имѣлъ полное право писать: Ita videlicet quod idem Banus omnes paterenos et hereticos de terra sua eicere teneatur [3]. Этому образу дѣйствій слѣдовала и большая часть его преемниковъ. Впрочемъ истина не могла не обнаруживаться по временамъ, за что не разъ приносились на него жалобы папѣ, и сосѣдніе Римско-католическіе владыки посылали въ Босну проповѣдниковъ и отлучали непокорныхъ. Враги и недовольные находили въ Римо-католицизмѣ вѣрную себѣ опору. Такъ еще прежде Вукъ, возставъ на брата, объявилъ себя Римо-католикомъ и призвалъ Людовиково войско на еретиковъ—по его словамъ, т. е., православныхъ и Патареновъ; потомъ Балшичи Зетскіе, желая освободиться изподъ власти Тврьтка, притворились католиками, но не успѣли въ своемъ намѣреніи.

Мы имѣемъ грамоты Тврьтка бана отъ 1375 года и Тврьтка короля отъ 1378 года. Въ этотъ промежутокъ времени Босна возведена была на степень *королевства*, благодаря Тврьтку, объявившему себя королемъ. Годомъ вѣнчанія Тврьтка Шимекъ [4], а за нимъ Енгель [5] и Юкичъ принимаютъ 1376 годъ, который, какъ видимъ, не противорѣчитъ нашимъ источникамъ. Тврьтко былъ достоинъ королевскаго

---

[1] Лѣтописи у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 62.

[2] См. Посланіе Галла, архидіакона Бежскаго, къ епископу Загребскому, въ Загребскомъ Архивѣ, кн. II, отд. I, стр. 35. — Ср. Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVIII.

[3] Тамъ же.

[4] Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama, стр. 85. У него же см. мнѣнія другихъ ученыхъ о времени этого событія. Дюфрену неправильно приписанъ 1366 годъ вмѣсто 1368 (Famil. Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVIII).

[5] Gesch. v. Serv. u. Bosnien, стр. 337.

званія, ибо всѣ его дѣйствія обличали въ немъ уже не боярина, стоявшаго нѣсколько выше своихъ собратій, но человѣка государственнаго съ новыми понятіями какъ о своемъ званіи, такъ и объ искусствѣ правленія. Мысль государственной дѣятельности онъ наслѣдовалъ у своего дяди и кромѣ того сумѣлъ совершенно отдѣлиться отъ боярскаго сословія и стать выше его крамолъ, какъ глава государства. Вѣнчаніе было лучшимъ къ тому средствомъ. Людовикъ I, чрезъ мѣру занятый другими важнѣйшими дѣлами, не противился его вѣнчанію, довольный, вѣроятно, вторичнымъ признаніемъ верховной власти Угріи. Но вслѣдъ за его смертію, въ 1382 г., Твртко выступаетъ исключительно съ выгодами своего королевства: этѣ выгоды заставили его принять сторону бана Хорвата и всѣхъ сторонниковъ Карла Драчскаго, недовольныхъ королевами Маріею и Елизаветою; Твртко возвратилъ при этомъ Хлумъ, гдѣ воеводою поставилъ боярина Вука Храну, и завоевалъ бо̀льшую часть Далмаціи. Въ 1387 г., апрѣля 9, онъ заключилъ договоръ съ Дубровничанами (С. № 77), въ которомъ обязывался защищать Дубровникъ съ его землями и испрашивалъ себѣ безопасное пребываніе въ Дубровникѣ. Но такъ какъ въ это время Дубровничане признавали верховную власть Маріи, что видно изъ самой грамоты, то, въ случаѣ ея освобожденія изъ плѣна и войны съ Твртькомъ, они не взялись укрывать его въ своемъ городѣ, а только обѣщали дать ему срокъ для безопаснаго выхода изъ ихъ города; если же онъ случится внѣ Дубровника, то они вовсе отказались принять его къ себѣ. Тѣмъ не менѣе они обѣщали ему вѣчную дружбу. Еще прежде, въ 1378 г., апр. 10, (С. № 66), Твртко, заключая договоръ съ Дубровникомъ и требуя отъ него Сербской дани за Травунію, Конавле и Драчевицу, имъ пріобрѣтенныя, выразилъ сомнѣніе относительно прочности этихъ владѣній; но опасенія его не сбылись: земли этѣ, вмѣстѣ съ Хлумомъ, остались при Боснѣ. Хлумскій воевода Влатко мужественно отразилъ Турокъ, вторгнувшихся, было, въ Босну послѣ Косовской битвы. За то Балшичи Зетскіе передались царю Лазарю [1] и по смерти его положили начало независимости Черногоріи. Въ 1391 г. Сигизмундъ Угорскій вторгнулся въ Босну, желая отмстить Твртку за союзъ съ бунтовщиками, овладѣлъ Усорою и замкомъ Добромъ. Это происшествіе ускорило смерть Твртка. Онъ умеръ въ томъ же году. Въ дошедшихъ до насъ грамотахъ онъ подписывался: **Стефань Твртко вь Х҃ Бга҃ (или: Млтию Божиюмь) Краль Срьблемь и Боснѣ и Приморию.** Владѣя частью Сербскихъ земель по Дринѣ, Травуніею и Зетою, онъ имѣлъ право называться королемъ Сербскимъ. Мѣстопребываніе его находилось въ разныхъ городахъ, какъ видно изъ грамотъ. Подошедши въ 1378 г., 10 апрѣля къ Дубровнику и остановившись въ Жерновницѣ, король Твртко подтвердилъ Дубровничанамъ прежнія грамоты Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей, выговоривъ себѣ Сербскій доходъ, 2000 перперовъ, и грамоту свою послалъ для подтвержденія матери и супругѣ въ «королевскій дворъ Трьстивницу» (С. № 66). Но въ грамотахъ, данныхъ въ 1385 и 1390 годахъ, онъ называетъ Сутишку aula nostra regalis [2]. Провозгласивъ себя королемъ, Твртко первый понялъ мысль, которой такъ твердо держались его преемники, мысль подкрѣ-

[1] Милутиновича, Исторія Церне-Горе, стр. 2.

[2] Arkiv za povêstnicu Jugoslavensku, кн. II, отд. I, стр. 36. — Schimek's Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama, стр. 88. Примѣчаніе. — Engel, Gesch. v. Serwien u. Bosnien, стр. 339. По свидѣтельству Юкича (Zemljop. i poviestn. Bosne, стр. 107), нынѣшняя Сутишка есть то же, что Трьстевница.

пить свои права на королевскій престолъ и на Сербскія владѣнія чрезъ связь съ Сербскими царями: по этому онъ назвался Стефаномъ и въ пышныхъ вступленіяхъ, которыми начиналъ свои королевскія грамоты, по примѣру хрисовуловъ Сербскихъ королей и царей, обращался къ первомученику Стефану, издавалъ грамоты, какъ и Душанъ, сообща съ матерью, **госпоѡ Кѵра Єленѡмь**, и супругою, **госпоѡ кралицѡ Кѵра Дорофѣѡмь**, подтверждалъ грамоты Сербскихъ царей; наконецъ, вотъ какъ, въ 1378 году, выразился онъ о своемъ правѣ на Боснійскій и Сербскій престолы въ то время, когда Лазарь уже вѣнчался на царство: **Такожеже и мене своѥму рабу за милѡть своѥго блгтиꙗ дарова процвисти ми Ѿрасли бгословне въ родѣ моѥмь и спо̑би ме сугубимь вѣнцемь ꙗко ѡбои владичьствиꙗ исправлати ми прьвѣѥ Ѿ испрьва въ бгодарованиꙗхь нашь земли Боснѣ. потомже гсподу моѥму богу спо̑бльшу ме наслѣдовати прѣстоль мой прродитель госпе срьбьске земле бо ти бѣху мои прродителии въ земльнѣмь црствѣ црьтвовавше и на небесное црьство прѣсѣлилисе. мене же видѣшу землю прродитель мой по нихь ѡставльшу и не имушу своѥгѡ пастирꙗ. И идохь въ срьбьскую землю желаѥ и хоте укрѣпити прѣстоль родитель моихь и тамо** (въ Милишево) **шьдшу ми вѣнчань бьѣхь бгомь дарованнимь ми вѣнцемь на кралевьство прродитель моихь. ꙗко бити ми ѡ хⷭ҇ѣ исусе блговѣрному и богомь поставленному Стефану Кралю Срьблемь и Боснѣ и поморию и западнимь странамь** (С. № 66). Во всемъ этомъ видѣнъ человѣкъ новый, желающій отрѣшить себя отъ прошедшаго и упрочить за собою то, что пріобрѣтено имъ въ настоящемъ. Главною цѣлью Твртька было внушить, что онъ уже не прежній банъ, стоящій въ уровень съ боярами и зависящій отъ Угорскихъ королей, но независимый вѣнчанный король, потомокъ царствующаго дома. Такого дома онъ не нашелъ въ прошедшемъ Босны и по тому привязалъ себя къ прошедшему Сербіи. Жаль, что ни отъ той, ни отъ другой супруги не имѣлъ онъ дѣтей; у него остался только незаконный сынъ, Тврьтко.

Больше права на престолъ Босны имѣлъ Дабыша, сынъ Мирослава, третьяго брата Стефана Котромановича, и двоюродный братъ умершаго короля Тврьтка Владиславича. Въ своихъ грамотахъ Дабыша называетъ этого послѣдняго своимъ братомъ (С. №№ 81, 179)[1]. Возстаніе сильнаго боярина Вука Храны лишило Дабышу возможности продолжать дѣло независимости, начатое его предшественникомъ: онъ долженъ былъ искать опоры въ признаніи верховной власти Угріи и при этомъ утратить Далматскія завоеванія Тврьтка. Но въ 1394 году въ грамотѣ его, сохраненной Керчеличемъ[2], уже видимъ подпись воеводы Сандала, сына Вука Храны: слѣдовательно, Сандалъ стоялъ на его сторонѣ. Можно заключить, что въ этомъ году уже не былъ въ живыхъ противникъ короля; но за то въ этомъ же году къ границамъ Босны подходилъ другой, сильнѣйшій врагъ, Баязидъ I. Дабыша тѣснѣе соединился съ Угріею, видѣлъ пораженіе Сигизмунда при Никополѣ и думалъ только объ укрѣпленіи своихъ восточныхъ границъ. Онъ умеръ въ 1396 году. Онъ подписывался

---

[1] Енгель, писавшій свою Исторію большею частію по готовымъ руководствамъ, не разъ противорѣчитъ самъ себѣ: такъ Котромана смѣшиваетъ съ сыномъ его, Стефаномъ; такъ Мирослава называетъ братомъ Котромана (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 313), а въ другомъ мѣстѣ (тамъ же, стр. 349) правильно признаетъ Дабышу двоюроднымъ братомъ Тврьтка и пр. Надобно замѣтить, что Орбини признаетъ Дабышу одноутробнымъ братомъ Тврьтка. См. стр. 176, 279.

[2] Schimek's Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama. Стр. 92. Примѣчаніе.

вмѣстѣ съ супругою: Стефанъ дабиша Милостию Га Ба Краль Србьлемь босни и приморию И ГОСПОЂ Кральица Кр Елена. Въ грамотѣ, подтверждающей за жупаномъ Вукьмиромъ съ братьями село Коло, подписались свидѣтели и ручники отъ слѣдующихъ земель: Босны, Хлума, Дольнихъ Краевъ и Усоры (С. № 179). Другую грамоту (С. № 81) Дабыша далъ въ 1392 году Дубровнику, гдѣ подтверждалъ всѣ прежнія записи Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей и требовалъ себѣ Сербской дани, 2000 перп.; въ ней онъ держитъ совѣтъ и присягаетъ вмѣстѣ съ королевою Еленою (иначе Цвѣтою). Грамота имѣетъ вступленіе; Трьстевница названа «славнымъ королевскимъ дворомъ». Но грамота, находящаяся у Керчелича, дана въ Сутишкѣ. Въ ней Гойко Марнявичъ за услуги, оказанныя въ войнѣ съ Турками, награждается Войницею и полемъ Годисло. Отсюда узнаемъ также, что и Боснѣ досталось отъ Баязида: quando venit Pajasit et depopulatus est Bosnam valde et stetit in Naglasincis et detruxit Bosnam[1]. При Дабышѣ Римо-католицизмъ дѣлалъ успѣхи въ Боснѣ. Уже Тврьтко Владиславичъ за годъ до своей кончины позволилъ архіепископу Сплитскому брать десятину съ мірянъ и духовенства; и онъ поступилъ такъ изъ уваженія къ Римско-католической вѣрѣ, cujus plantulam me recolo—говорилъ онъ. При Дабышѣ тѣсная связь съ Угріею, паденіе Сербіи и Турецкая гроза, заставлявшая ждать помощи только отъ Запада, много способствовали успѣхамъ Римо-католицизма.

По смерти Дабыши не осталось законнаго наслѣдника. Тврьтко Тврьтковичъ объявилъ свои притязанія на Боснійскій престолъ и для большей прочности вступилъ въ сношенія съ Турками. Бояре не хотѣли повиноваться ему, какъ незаконному сыну прежняго короля, и избрали Остою Кристича. Остоя былъ сынъ Павла Кристича изъ рода Яблановичей. Этотъ родъ имѣлъ большія владѣнія въ Травуніи, а сторонникъ его, Сандалъ Вуковичъ, въ Хлумѣ. Отсюда понятно, почему сторона Остои была преимущественно боярская и опиралась на южную приморскую Босну, тогда какъ Тврьтко держался въ сѣверной, внутренней. Остоя, чтобы еще болѣе усилиться, принялъ сторону Владислава Неаполитанскаго, соперника Сигизмунду Угорскому. Но оба притязателя забыли о Сигизмундѣ Угорскомъ, который, въ 1394 г., въ договорѣ съ Дабышею, признанъ былъ не только верховнымъ повелителемъ Босны, но и законнымъ наслѣдникомъ послѣдняго: post mortem praedicti Domini Stephani Dabisciae in vestrum verum dominum naturalem assumeretis, haberetis et teneretis (Sigismundum)[2]. Они забыли, что Сигизмундъ, не смотря на свои неудачи, долги, крамолы, жестокость и нелюбовь подданныхъ, бывалъ иногда счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ. Такъ и теперь, отразивъ Баязида I, подошедшаго къ Боснѣ въ 1398 г., онъ завоевалъ сѣверную часть Босны и надъ новымъ банатомъ поставилъ воеводою Гервою, туземнаго боярина. Гервоя былъ родомъ Хорватъ, но отуземился въ Боснѣ и при Дабышѣ, въ грамотѣ этого послѣдняго отъ 1392 г. (С. № 81), уже упоминается воеводою во главѣ свидѣтелей; въ грамотѣ того же отъ 1395 г. онъ, какъ воевода, свидѣтельствуетъ отъ Дольнихъ Краевъ (С. № 179). Это былъ самый лживый человѣкъ, любилъ крамолы, игралъ вѣрностію, мѣнялъ власти и былъ измѣнникомъ отечеству: причиною всему было его чрезмѣрное честолюбіе. Трудно опредѣлить настоящую цѣль его стремленій; не видно, чтобы онъ добивался королевскаго вѣнца и независимости; онъ хотѣлъ, кажется, владѣть своими повелителями и ворочать всѣмъ подъ ихъ име-

[1] Schimek's Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama. стр. 91.
[2] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. V, гл. III.

немъ. По крайней мѣрѣ, его имя связано со всѣми важнѣйшими переворотами, потрясавшими Босну въ продолженіи четверти столѣтія. Дѣлая Гервою воеводой надъ Угорскою Босною, Сигизмундъ хотѣлъ чрезъ это ослабить обоихъ, не признавшихъ его, соперниковъ; но Гервоя, слѣдуя своимъ видамъ, принялъ сторону сильнѣйшаго, Остои, и былъ названъ supremus vayvoda regni Bosnae et vicarius regum Wladislai et Ostoyae. И Твртко и Остоя писались королями; но что послѣдній былъ сильнѣе, это знали Дубровничане и съ нимъ заключали договоры. Мы имѣемъ таковыя грамоты до августа 1399 года. Въ первой, отъ 1398 г., 20 ноября (С. № 83), Остоя величается королемъ Сербіи, Босны, Приморья, Хлума, Западныхъ странъ, Дольнихъ Краевъ, Усоры, Соли и Подринья; но въ другихъ двухъ, отъ 1399 г., 15 янв. и 5 февр., (С. №№ 84, 85), послѣднія четыре области въ титулѣ его не упоминаются, что можно объяснить или завоеваніями Сигизмунда, или случайностію, не имѣющею значенія; ибо во первыхъ, король не могъ отказаться отъ своего титула, хотя бы часть его земель ему и не принадлежала; во вторыхъ, въ грамотѣ 1400 года мы снова встрѣчаемъ полный титулъ [1]. Въ этѣхъ грамотахъ Остоя подтверждаетъ дружбу и права, дарованныя Дубровнику прежними Боснійскими и Сербскими владѣтелями, которыхъ называетъ своими прародителями и родителями (С. № 85); принимаетъ на себя долгъ «брата» своего Твртка Владиславича (С. № 83); даритъ Дубровнику все Приморье отъ Курила до Стона (С. № 84) и беретъ Сербскую дань 2000 перп. (С. № 85). Свидѣтелями подписаны: воевода Гервоя, князь Павелъ Радиновичъ, воевода Сандалъ и др. Въ 1400 году, Остоя наградилъ Гервою и сына его, Балшу, градомъ Ливномъ съ жупою; но замѣчательно, что въ грамотѣ своей онъ вставилъ условіе: *егда Господь Богъ начини ме наслидника и господина ва землахъ родитель и прародитель моихъ*, какъ будто бы въ это время онъ не имѣлъ дѣйствительнаго владѣнія, а былъ только по названію королемъ. Какъ же согласить съ этимъ сейчасъ описанныя распоряженія его и то, что сказали ему Ливенскіе старожилы съ капитулою, которымъ было поручено отъ него разобрать поземельныя владѣнія въ Ливнѣ: *господине, одъ корена неичере ино* (никого другаго) *ни е хливно и градъ бистрьчки, него твоега прьвога било и сада* (теперь) *твое, волань е дрьжати, волань е оддати?* Между свидѣтелями встрѣчаемъ также и Павла Радиновича и Сандала и др. [2] Не относится ли это условіе къ извѣстной части Боснійскихъ владѣній, находившихся въ рукахъ Твртка, или кого другаго? До 1404 года обстоятельства благопріятствовали Остои, и это время было для него самымъ цвѣтущимъ: самъ Твртко признавалъ его королемъ, когда въ грамотѣ, данной Дубровничанамъ въ 1405 году, 24 іюня (С. № 89), называлъ его «бывшимъ королемъ Босны». Владиславъ Неаполитанскій овладѣлъ всею Далмаціею и въ 1403 г., подъ покровительствомъ папы, былъ провозглашенъ Угорскимъ королемъ. Гервоя сдѣланъ Сплитскимъ воеводою и названъ: regnorum Dalmatiae, Croatiae vice-rex ac regni Bozne summus voevoda nec non partium inferiorum comes, dux Spalati etc. Твртко, захватившій сокровища прежнихъ королей, былъ силенъ и могъ содержать свое войско; но Остоя, не имѣвшій таковыхъ средствъ, еще въ 1401 году принужденъ былъ отнять у Дубровничанъ уступленное имъ Приморье. Юкичъ причину войны видитъ въ негодо-

---

[1] Arkiv za povêstnicu Jugoslavensku, II, I, стр. 36.

[2] Тамъ же.

ваніи Остои на то, что Дубровничане безъ его согласія купили у Сандала Конавле съ нѣсколькими селами въ Приморьи [1]; но это невѣрно, ибо Сандалъ уступилъ Дубровнику свою часть Конавля только уже въ 1419 г., какъ свидѣтельствуетъ его грамота (С. № 96). Открылась война. Дубровничане отразили его воеводъ и захватили часть Хлума. Это послѣднее обстоятельство и, быть можетъ, происки Дубровничанъ были причиною того, что Яблановичи, и съ ними Гервоя, отложились отъ Остои. Въ 1404 году, 15 января, мы находимъ грамоту (С. № 88), въ которой Гервоя и Дубровничане взаимно обязываются быть противъ короля Остои; Гервоя обѣщаетъ послать войско въ Хлумъ и провозгласитъ сдѣсь королемъ Павла Радишича (Радиновича), а Дубровникъ всею силою поддержать новаго короля. Остоя хотя и примирился съ Дубровничанами, но уже было поздно: онъ бѣжалъ къ Туркамъ; а въ 1405 году, въ грамотѣ отъ 24 іюня (С. № 89), данной Твртькомъ, на сторонѣ этого стояли свидѣтелями и Павелъ Радиновичъ, и Гервоя, и Сандалъ съ братомъ. Твртко утвердилъ за Дубровничанами все Приморье до Стона и всѣ прежнія права и договоры и учредилъ судъ для разбирательства споровъ, возникшихъ въ послѣднюю рать Общины съ Остоею. Сдѣсь онъ величается королемъ Сербовъ, Босны, Приморья, Хлума, Дольнихъ Краевъ, Усоры, Соли, Подринья и Западныхъ странъ. Остоя названъ бывшимъ королемъ Босны. Можно думать, что въ это время его уже не было въ Боснѣ. Однако Твртько, по его примѣру и по убѣжденію Гервои, поддался подъ покровительство Владислава. Сигизмундъ вошелъ съ войскомъ въ Босну и плѣнилъ Твртька; Гервоя и Сандалъ покорились ему. Но Сигизмунду нельзя было показать надъ побѣжденными всей своей жестокости: онъ долженъ былъ беречь ихъ противъ Остои, грозившаго изъ Турціи. Ограничившись казнію болѣе ста второстепенныхъ бояръ, онъ удержалъ при себѣ Твртька и Гервою, изъ коихъ послѣдняго даже подтвердилъ въ достоинствѣ Сплитскаго воеводы; Сандала оставилъ въ Боснѣ. Баномъ надъ Боснoю сдѣланъ былъ Германъ, графъ Цильскій, тесть Сигизмундовъ. Между тѣмъ Остоя явился съ Турецкимъ войскомъ; Сандалъ соединился съ нимъ, и Остоя снова успѣлъ овладѣть южною Боснoю. Дубровничане заключили съ нимъ договоръ, въ 1409 г., 4 декабря (С. № 92), и получили подтвержденіе всѣхъ прежнихъ правъ. Остоя именуется и подписывается просто **Краль Босни и Ктомв**: вѣроятно, онъ владѣлъ немногими землями. Между свидѣтелями мы не видимъ уже прежнихъ воеводъ, ни князя Павла Радиновича, ни Сандала; подписываются почти одни только его родичи и между ними супруга его, Куява, и сынъ Стефанъ. Замѣтимъ, что сдѣсь грамота, относительно имени королевы, противорѣчитъ съ показаніями Лукари и Орбини, по коимъ первая жена Остои называлась Грубою, съ которою онъ развелся въ 1415 г. и потомъ женился на Елицѣ, вдовѣ Гервои. Шимекъ, а за нимъ Енгель и Юкичъ разсказываютъ, что Остоя, бѣжавши къ султану, оставилъ у него заложникомъ сына своего, Радивоя. Шимекъ взялъ это извѣстіе у Лукари [2]; но извѣстно, какъ осторожно должно пользоваться этимъ, въ высшей степени невѣрнымъ лѣтописцемъ. Грамота свидѣтельствуетъ, что у Остои былъ сынъ Стефанъ, который находился при немъ. Дюфренъ какъ бы догадывается о существованіи этого Стефана, называя его то Остоичемъ, то Остоею и довольно сходно съ грамотами назначая годомъ его воцаренія 1415 годъ; но Радивоя онъ ошибочно признаетъ его

[1] Zemljopis i poviestnica Bosne, стр. 111.
[2] Annali di Rausa, стр. 80.

сыномъ [1]. Скажутъ, что у него могъ быть другой сынъ; но объ этомъ ни одинъ лѣтописецъ не даетъ никакого извѣстія: самъ Лукари повѣствуетъ о Радивоѣ, какъ объ единственномъ законномъ сынѣ, по чему и Шимскъ называетъ его ein ehelicher Sohn: ясно, что тутъ разумѣть должно какого нибудь боярина, или незаконнаго сына Остои, брата Θомы Остоича. У Лукари Радивой играетъ весьма незначительную ролю, даже онъ не наслѣдуетъ отцу и не принимаетъ участія въ дѣлахъ по престолонаслѣдію. Стефанъ, сынъ Остои, сдѣлавшись королемъ около 1419 г. и даруя грамоты Дубровнику (С. №№ 95, 97), приводитъ свидѣтелями мать и властелей, но не упоминаетъ ни о какомъ братѣ, чего не преминулъ бы сдѣлать по общему обычаю того времени. Все это заставляетъ думать, что Лукари и его послѣдователи ошиблись, и незаконнаго сына сочли законнымъ. Въ слѣдствіе новой измѣны Гервои, Остоя долго, до самой своей смерти, оставался королемъ. Сигизмундъ долженъ былъ бороться съ Турками, которые по приглашенію Гервои рады были стать твердою ногою въ Боснѣ. Не стерпѣвъ одной частной обиды въ Угріи, Гервоя сталъ ссылаться съ султаномъ Магомедомъ; Сигизмундъ лишилъ его за то Сплитскаго воеводства, но Гервоя сталъ во главѣ Турецкаго войска и ввелъ его въ Босну. Турки образовали цѣлый санджакъ изъ завоеванныхъ областей; но обманули Гервою въ честолюбивыхъ его замыслахъ, и Гервоя съ досады, не надѣяся уже болѣе ни на кого, обманувши всѣхъ и подъ конецъ самъ обманутый, удалился въ свои наслѣдственныя владѣнія въ Которѣ, гдѣ, не много спустя, и умеръ. Сигизмундъ возвратилъ Твртка въ Босну и съ помощію его разбилъ и выгналъ изъ Босны Турокъ въ 1418 г. Твртко былъ возстановленъ въ королевскомъ достоинствѣ съ признаніемъ верховной власти Угріи. Около этого времени, въ южной Боснѣ умеръ Остоя и ему наслѣдовалъ сынъ его Стефанъ. Лукари, а за нимъ Шимекъ, Енгель и Юкичъ разказываютъ по этому случаю цѣлую исторію, что будто бы Остоя, обѣднявъ, сталъ тѣснить народъ, за что народъ взбунтовался и провозгласилъ королемъ Стефана Остоича. Лукари не говоритъ, кто былъ этотъ послѣдній; Шимекъ уже прибавляетъ, что это былъ знатный и любимый бояринъ [2]. Енгель, слѣдуя Филиппу ab Ochievia, называетъ его Стефаномъ Яблановичемъ [3]. Филиппъ ab Ochievia и Орбини могли взять это извѣстіе изъ Лукари, ибо Остоичи и Яблановичи были одного рода. Это извѣстіе не далеко отъ истины: стоило бы только Стефана Остоича или Яблановича назвать сыномъ Остои. Ихъ послѣдователи, Шимекъ и Енгель, уклонились отъ истины, смущенные призракомъ Радивоя. Енгель даже прямо отвергаетъ прозвище Остоича, приданное ему у Лукари. Юкичъ, поправляетъ ошибку Енгеля и называетъ Стефана Остоичемъ, сыномъ Остои. Остоя бѣжалъ къ Султану, получилъ отъ него войско и сына Радивоя, добылъ часть земель и всѣ трое, Твртко, Стефанъ Остоичъ и Остоя, раздѣлили между собою Босну. Стефанъ исчезаетъ съ 1423 года, а Остоя королевствуетъ до своей смерти, или до 1435 года. Послѣ него Радивой ищетъ престола; но, побѣжденный Твртькомъ, бѣжитъ въ Дубровникъ. Подобный разскагъ находимъ и у Орбини [4] и Дюфрена [5]. Орбини повѣствуетъ, что Радивой, бѣжавши въ Дубровникъ, по-

---

[1] Famil. Dalmat. et Slavon., гл. IX, § XXII.
[2] Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 105.
[3] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 338.
[4] Стр. 283.
[5] Famil. Dalmat. et Slavon., гл. IX, § XXII.

лучилъ отъ Твртка во владѣніе мѣстечко, называемое Kisela Voda и что вскорѣ потомъ умеръ отъ пьянства. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ его въ послѣдствіи убійцею Ѳомы Кристича и баномъ Яйца. Юкичъ также замѣчаетъ это противорѣчіе и спрашиваетъ: не было ли у Остои двухъ сыновей, которые оба назывались Радивоями? Вообще дѣло о Радивоѣ остается пока не рѣшеннымъ. Вѣроятно, лѣтописцы смѣшиваютъ какого нибудь боярина Радивоя съ незаконнымъ сыномъ Остои того же имени. Но во всей этой повѣсти нѣтъ истины. Тѣнь Остои изчезаетъ при первомъ соприкосновеніи съ грамотами его сына: въ нихъ Стефанъ Остоичъ прямо называетъ своего отца, Остою, «святопочившимъ»; а обѣ его грамоты даны были еще въ 1419 году. Остоя подписывался: **Стефанъ Остоя кралъ Србљемь Босни и приморию.** Сутишка и Высокое (Подвысокое) названы въ его грамотахъ королевскими дворами. Въ 1419 году, 5 марта, Стефанъ Остоичъ далъ Дубровничанамъ грамоту (С. № 95), въ которой подтверждалъ всѣ прежнія грамоты и договоры и требовалъ себѣ 2500 перперовъ Сербской дани. Грамота дана въ Звечанѣ, а королевскимъ дворомъ названъ Бобовецъ. Въ томъ же году, 4 декабря, другою грамотою (С. № 97), подтвердилъ онъ за Дубровникомъ жупу Конавле, подаренную городу Сандаломъ и Петромъ Павловичемъ Яблановичемъ. Сдѣсь Сутишка названа стольнымъ мѣстомъ королевства. Между свидѣтелями не видимъ ни Сандала, ни Павла Радиновича; только является сынъ послѣдняго, воевода Петръ Павловичъ: впрочемъ всѣ они стояли на его сторонѣ, ибо иначе онъ не могъ бы подтверждать ихъ записей, данныхъ Дубровнику. Въ это время Павелъ Радиновичъ уже не былъ въ живыхъ. Дюфренъ считаетъ 1435 годъ годомъ смерти Стефана Остоича [1]; Ассемани [2] назначаетъ для того 1422 годъ, Шимекъ 1423, Юкичъ 1424 годъ; но опираясь на то, что въ грамотѣ 1421 года, 18 августа (С. № 103), Твртко беретъ Сербскую дань 2500 перп., ту самую, которую бралъ прежде Стефанъ Остоичъ (С. № 95), и подтверждаетъ всѣ прежнія записи королей Сербскихъ и Боснійскихъ, а въ томъ числѣ запись Остои относительно Приморья, данную въ 1399 г. (С. № 84); опираясь на то, что имя Сандала, какъ великаго воеводы Босны, уже стоитъ въ началѣ именъ другихъ свидѣтелей, а также и на то, что его запись о Конавлѣ подтверждена Твртком̆ъ еще въ 1420 году, 16 авг. (С. № 99), можно съ достовѣрностію заключить, что Остоичъ умеръ ранѣе августа 1420 года, и по его кончинѣ Сандалъ перешелъ къ Твртку. Въ первой грамотѣ Остоича (С. № 95) приводятся свидѣтели отъ Босны, Хлума и Дольнихъ Краевъ. Оставшись одинъ королемъ Босны, Твртко мирно управлялъ народомъ и заслужилъ названіе справедливаго. Еще 22 іюня 1443 г. онъ просилъ у Дубровничанъ возвращенія вклада, положеннаго имъ въ ихъ городѣ (С. № 135), но, по достовѣрнымъ изысканіямъ Шимка, умеръ въ этомъ самомъ году [3]. Онъ умѣлъ сберечь свое государство, хотя въ восточныхъ его предѣлахъ водворились Турки, коимъ платилъ онъ ежегодную дань, 2000 червонцевъ (въ послѣдствіи увеличенную). Православные и Патарены пользовались его постояннымъ покровительствомъ; онъ ссорился за то съ папою и Сигизмундомъ, былъ въ плѣну и умѣлъ всегда оправдаться. Въ 1433 году папа назначилъ въ Босну своего викарія, Якова Пицена, назвавшагося inquisitor haereticae pravitatis. Яковъ обвинилъ въ ереси самого Твртка, Сандала, Ра-

[1] Тамъ же.
[2] Kalend. Eccles. univers. Romae 1753. T. V, гл. 3, стр. 76.
[3] Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama, стр. 115. Примѣчаніе.

дослава Павловича и другихъ знатныхъ бояръ; но Тврьтко отдѣлался отъ него, поддержавъ его ссору съ Миноритами, и посылалъ въ Римъ нарочнаго, чтобы оправдать свое королевство отъ обвиненія въ Манихензмѣ. Въ 1426 году онъ титуловался: Stephanus Tvartko Tyartkovitius rex Serbliae, Bosnae, maritimarum Chulmensium terrarum, Dalmatiae, Croatiae partis inferioris, occidentalium partium, Usoriae, Soliae, Podriniae etc[1], — почти такъ же какъ и въ 1405 году (С. № 89), что показываетъ, что онъ уже одинъ былъ королемъ всей Босны. Подпись его такова: **Штефань Тврьтко Тврьтковићь краль Срьблемь Босни приморью и ктому.** Въ грамотахъ 1420 года Высокое называется королевскимъ дворомъ, а въ грамотѣ 1433 года Сутишка названа стольнымъ мѣстомъ. Нѣтъ надобности говорить, что какъ Тврьтко, такъ и Остоя и сынъ его, не имѣвшіе полнаго права на престолъ, одинъ какъ незаконнорожденный, другіе, какъ люди боярскаго происхожденія, чтобы освятить права свои, прибѣгали къ общему обыкновенному средству: писались вѣтвью «благаго корня родителей и прародителей своихъ, царей Боснійскихъ и Сербскихъ, племенемъ и истинными наслѣдниками въ земляхъ своихъ предковъ, Боснѣ и Сербіи».

Еще въ 1427 году, 2 сентября, Тврьтко II заключилъ съ Германомъ, графомъ Цильскимъ, рожденнымъ отъ Катерины, дочери Тврьтка I, договоръ, по которому уступилъ Герману, въ случаѣ своей бездѣтной смерти, королевство Боснійское. Теперь Германъ объявилъ свои притязанія; но врагъ его, Иванъ Гунядъ, помогъ боярамъ и народу возвести на Боснійскій престолъ побочнаго сына Остои, Ѳому Остоича Кристича. Ѳома, по всему вѣроятію, былъ незаконнымъ сыномъ Остои и роднымъ братомъ Радивоя. Въ нашихъ грамотахъ, въ одной (С. № 136) онъ называетъ Остою своимъ отцомъ, а въ другой прямо величаетъ себя Остоичемъ (З. А.). Орбини, Дюфренъ и другіе называютъ его сыномъ боярина Кристича или Яблановича; Юкичъ считаетъ его законнымъ сыномъ Остои. При Ѳомѣ папа сильно дѣйствовалъ въ дѣлѣ вѣрообращенія; но сначала Ѳома не склонялся подъ вліяніе папы, хотя ему и обѣщано было вѣнчаніе: онъ боялся раздражить православныхъ, Манихейцевъ и Турокъ. За то Стефанъ Косача, стремившійся къ независимости, объявилъ себя ревностнымъ Римо-католикомъ и испросилъ себѣ въ 1444 г. у императора Фридриха герцогское званіе на всѣхъ правахъ герцоговъ Римской имперіи, по чему и Хлумъ назвался герцогствомъ или воеводствомъ св. Савы[2]. Боясь столь сильнаго соперника, Ѳома долженъ былъ сблизиться съ папою и Угріею: ему нужно было, во что бы то ни стало, укрѣпиться на престолѣ. Посредникомъ былъ хитрый и ревностный легатъ Томазини. Прежде всего Ѳома крестился отъ руки этого легата, потомъ повторилъ свои права на королевскій престолъ, назвавшись Стефаномъ, испросилъ, въ 1444 г., чрезъ Гуняда подтвержденіе отъ Угорскаго короля, женился на Катеринѣ, дочери Стефана Косачи, наконецъ получилъ отъ папы грамоту, въ которой былъ признанъ законнымъ сыномъ и наслѣдникомъ Остои, въ 1446 г. Постановленія бывшаго по этому случаю собора клонились къ ограниченію Патареновъ и герцоговъ св. Савы. Дубровникъ получилъ отъ него, въ 1444 г., подтвердительную грамоту и обязался платить Сербскую дань, 2500 перп. (С. № 136). Прозорливый Косача обра-

---

[1] Шимекъ, тамъ же, стр. 101.

[2] Мощи св. Савы почивали въ Герцеговинѣ въ Милешевскомъ монастырѣ, основанномъ королемъ Владиславомъ.

тился теперь въ другую сторону: сблизился съ Патаренами[1] и Иванишемъ Радославичемъ, который тоже изъ Римо-католика сдѣлался Патареномъ. Томазини убѣдилъ папу объявить крестовый походъ противъ еретиковъ; но походъ не состоялся, ибо боялись, чтобы еретики не призвали Турокъ. Ѳома, въ угожденіе папѣ, гналъ еретиковъ, обложилъ ихъ податью для Францисканцевъ и вошелъ въ союзъ съ Дубровникомъ противъ Стефана Косачи, 1451 г., 18 дек., обѣщая объявить войну Стефану и не заключать съ нимъ мира безъ вѣдома и согласія Дубровничанъ (С. № 140); но и на этотъ разъ Турки остановили предпріятіе Короля. Ихъ постоянное усиленіе на границахъ Босны страшило Ѳому. Не разъ просилъ онъ помощи у папы и императора; но всегда одному только Гуняду приходилось отбивать страшнаго врага. Между тѣмъ Константинополь былъ взятъ (1453), Гунядъ умеръ (1456), Угрія волновалась крамолами графовъ Цильскихъ, а внутри Босны все не-Римско-католическое населеніе было вооружено противъ Короля и Римо-католиковъ. Въ 1459 году, при осадѣ Хорватскаго замка Белая, Ѳома былъ убитъ своимъ незаконнымъ сыномъ Стефаномъ и роднымъ братомъ Радивоемъ. Этого Радивоя Ѳома называетъ, въ своей грамотѣ 1446 года[2], роднымъ братомъ и баномъ Яйца. Вотъ по чему можно допустить, какъ сказано мною выше, что онъ былъ второй незаконный сынъ Остои, находившійся долгое время заложникомъ въ Портѣ. При Ѳомѣ въ Босніи было уже Турецкое кранще (украйна), образовавшееся изъ Сербскихъ земель и управляемое пашею: объ этомъ кранщѣ упоминаетъ Косача, говоря: дасмоѡ на ꙁемлье г҃поарꙋ великомꙋ и г҃по̂ вєꙁирѣ и краишникꙋ г҃поарєвꙋ кои г҃ѡ̂ бꙋдє на бо̂сико краищє (С. № 143). Ѳома называлъ себя «истиннымъ сыномъ и наслѣдникомъ отъ святаго корня родителей и прародителей, королей Боснійскихъ» и подписывался: Шєфань Томашь Краль Божиѡмь Милостью Срьблємь Босни Приморью Хомьсцѣ ꙁємли Дальмацїи Херьватомь Донїємь краємь Ꙁападнимь Странамь и ктомꙋ (С. № 136). Въ другихъ грамотахъ (С. № 140; З. А.) онъ титулуется королемъ Сербовъ, Босны, Приморья, Хлумской земли, Дольнихъ Краевъ, Усоры, Соли, Подринья, Западныхъ странъ и пр. и пр. Городъ Крешево названъ въ его грамотѣ (С. № 136) «славнымъ» въ смыслѣ стольнаго города. Только въ одной грамотѣ, которою онъ дарилъ грады Ключъ и Глажъ съ варошами, жупами и селами сыновьямъ покойнаго воеводы Иваниша Драгишича, встрѣчаемъ зарокъ, въ которомъ допущена возможность того, что на престолъ Боснійскій можетъ взойти иноплеменникъ, чего нѣтъ въ другихъ его грамотахъ. Сдѣсь Король налагаетъ проклятие за нарушеніе грамоты не только на себя и своихъ потомковъ, но и на иноплеменника: этимъ, безъ сомнѣнія, высказывалась мысль будущаго паденія Босны и подчиненія ея непосредственной власти или Угріи, или Турціи (З. А.).

Радивой остался по прежнему баномъ Яйца, а племянникъ его, Стефанъ Ѳомичъ или, какъ звали его, Томашевичъ, сынъ Кристича, взошелъ на престолъ. Стефанъ искалъ себѣ опоры въ папѣ и тотчасъ объявилъ себя ревностнымъ католикомъ, прося королевскаго вѣнца. Матвѣй Корвинъ предупредилъ папу, сказавъ, что это право принадлежитъ Угорскимъ королямъ, и папа, какъ ни соперничалъ съ Матвѣемъ, долженъ былъ отказать Стефану. Между тѣмъ Стефанъ

[1] Подъ именемъ Патареновъ или Манихейцевъ часто должно разумѣть все православное населеніе Босны.

[2] Источники см. у Шимка, Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 120. — Орбини, стр. 285. — Dufresne Familiae Dalm. et Slavon., гл. IX, § XXII.

называлъ себя истиннымъ и законнымъ наслѣдникомъ Боснійскихъ и Сербскихъ государей и сносился въ такомъ смыслѣ съ Дубровникомъ, подписываясь Стефань Степань Божиѡмь Милостю Крааль Босаньски и ктомꙋ и титулуясь: Милостю божиѡмь Стефань Степань Томашевиќь Краль срьблемь босни приморью хлмьсци земли далмацни хрьватомь доннмь краемь западинмь странамь. Усорꙋ соли подринью и ктомꙋ. Отъ него дошла до насъ грамота, данная въ 1458 г. какому-то логоөету Степану (Ш. № 16). Въ ней онъ даритъ Степану, котораго называетъ «почтеннымъ властелиномъ и вѣрнымъ слугою», села и людей въ потомственное владѣніе. Замѣчательны два условія; первое: Степанъ съ дѣтьми и домомъ освобождается отъ военной службы, исключая тѣхъ случаевъ, когда или самъ Король лично идетъ на войну, или установляетъ чрезвычайное, заурядное, ополченіе; тогда и его люди должны выступать въ поле. Второе: если Королю не удастся освободить Сербскія земли (отъ Турокъ ?), и Степанъ съ дѣтьми, или съ деспотицею Еленою и ея дѣтьми прибѣжитъ въ его владѣнія, то Король обязывается принять, кормить и содержать его приличнымъ образомъ противъ его службы и даже пожаловать ему еще людей сверхъ прежнихъ ста домовъ. Грамота напечатана въ отрывкѣ и по тому не позволяетъ достовѣрно узнать, кто это такой логоөетъ Степанъ и кто такая деспотица Елена. Стефанъ подтвердилъ Дубровнику всѣ прежнія права и записи и вытребовалъ Сербскую дань 2500 перп. Грамота дана 1461 года, 23 ноября, въ стольномъ городѣ Яйцѣ (С. № 150). 25 ноября того же года онъ далъ Дубровнику еще четыре грамоты, обязуясь платить долгъ своего отца Өомы (С. №№ 151, 152), даруя Дубровницкимъ купцамъ свободу торговли въ своихъ земляхъ (С. № 153) и позволяя деньгамъ Дубровницкимъ ходить по прежнему въ Боснѣ (С. № 154). Не разъ пытался онъ освободиться отъ Турецкаго ига. Въ 1459 году, 3 іюня, онъ издалъ грамоту [1], въ которой объявлялъ всѣмъ своимъ боярамъ вооруженіе противъ Турціи. Изъ этой грамоты можно отчасти познакомиться съ предѣлами Босны; здѣсь, кромѣ другихъ лицъ, поименованы: Стефанъ Косача, воевода св. Савы, Радивой Яблановичъ, дядя Короля, банъ Яйца, Станичъ, воевода Приморья, Момчило Томановичъ, банъ Усоры, Ковачичъ, воевода Пунга, Вукъ Гребляновичъ, князь Ливна и воевода Прусы, Кубретичъ, воевода Зворника и Мачвы, Вучичъ, воевода и правитель Расы, Деянъ Алтомановичъ, правитель Сербіи, Веселичъ, воевода Новаго Града близъ Дубровника и правитель Приморья, и Маркомиръ Бранковичъ, воевода Подринья. Сборъ былъ назначенъ на Косовомъ полѣ. Сошлись уже многіе воеводы, но Стефанъ не далъ битвы Туркамъ и увеличилъ имъ дань; потомъ ударилъ на Стефана Косачу, отказавшагося выставить войско. Послѣдній жаловался Султану; но Султанъ, желая ослабить Косачу, рѣшилъ дѣло въ пользу Короля. Много было недовольныхъ: главнѣйшимъ изъ нихъ былъ Стефанъ Косача со всѣмъ не-Римско-католическимъ населеніемъ. Паша Исакъ, по просьбѣ недовольныхъ, вторгнулся въ Босну съ юга и дошелъ до самого Дубровника, который тщетно осаждалъ. Наконецъ Магомедъ II рѣшился, во что бы то ни стало, покорить Босну. Стефанъ просилъ помощи у папы, просилъ также вѣнца и латинскихъ епископовъ. Папа исполнилъ только два послѣднія прошенія, успѣвши примириться и помирить Стефана съ Матвѣемъ, оскорбленнымъ тѣмъ, что вѣнчаніе совершено было помимо него и вопреки правамъ Угріи;

---

[1] Источники см. у Шимка, Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama стр. 135, 131.

относительно же помощи, онъ только обѣщалъ хлопотать о содѣйствіи Венеціи и Угріи. И надѣясь на такое уклончивое обѣщаніе, Стефанъ отказалъ Султану въ дани, 25000 черв., и приготовился къ оборонѣ. Но тутъ-то и оказались всѣ дурныя послѣдствія вѣроисповѣднаго раздвоенія; Стефанъ не нашелъ ожидаемаго усердія въ своихъ подданныхъ, и 150000 Турецкаго войска вторглись въ Нижнюю Босну; Король былъ взятъ въ плѣнъ и, когда сдались всѣ его города, казненъ подъ Белаемъ въ 1463 году. Такъ пало королевство Боснійское.

Теперь любопытно будетъ прослѣдить, на основаніи грамотъ, судьбу тѣхъ *боярскихъ родовъ*, которые наиболѣе прославились въ Боснѣ при короляхъ.

Въ правленіе Дабыши, или, можетъ быть, еще Тврьтка, 1391 года, 15 апрѣля, жупанъ Бѣлякъ и воевода Радичъ Санковичи уступили Дубровнику жупы Конавле съ городомъ Соколомъ и Виталину съ островомъ Молунтомъ (С. № 78). Изъ ихъ грамотъ видно, что они владѣли въ Травуніи, Драчевицѣ (С. № 78) и Которѣ (С. № 79). Такая уступка показываетъ, что родъ Санковичей былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ родовъ Босны, когда могъ произвольно дарить Дубровнику значительное количество земли и имѣлъ подъ собою многихъ властелей, засвидѣтельствовавшихъ вѣрность грамоты. Шимекъ, не показывая источника, но, вѣроятно, по Дюфрену [1], называетъ [2] Санка сыномъ Младена и говоритъ, что, по ходатайству Дубровничанъ, Тврьтко далъ ему изъ прежней родовой его области, Хлума, небольшое «приморское» владѣніе Невесино. На сколько извѣстіе его вѣрно, можемъ судить изъ того, что Невесино упоминается въ грамотѣ племянника Сандалова, Стефана (С. № 120), какъ находящееся подъ городомъ Вѣначцемъ; а по словамъ самого Шимка [3], одни помѣщали Вѣначецъ на Врьбасѣ [4] около Банялуки, а другіе, вѣрнѣе, на рѣкѣ Ласвѣ повыше Сараева. Во всякомъ случаѣ Вѣнчецъ и Невесино лежали въ средоземьи Босны, а не при морѣ. Потомъ родъ Санковичей мало по малу изчезаетъ. Воевода Радичъ Санковичъ, по смерти брата своего, жупана Бѣляка, который въ 1399 году уже не находился въ живыхъ (С. № 86), былъ послѣднимъ значительнымъ представителемъ своего рода. Въ 1399 году онъ отправился къ королю Остоѣ и убѣдилъ его подарить Дубровнику Приморье отъ городской межи до села Дльжи (Долгое?) и самъ уступилъ городу свое село Лисецъ, лежащее въ этомъ Приморьи.

Съ теченіемъ времени въ земляхъ, гдѣ владѣлъ родъ Санковичей, являются владѣльцами два другіе рода: Яблановичи и Храничи, кажется, родственные между собою. Родъ Яблановичей происходилъ изъ Зеты, гдѣ была земля Ябланово, подаренная въ послѣдствіи Иваномъ Черноевичемъ церкви Николы Вранинскаго [5]. Изъ грамотъ извѣстенъ первый Радинъ Яблановичъ (С. № 82), у котораго былъ сынъ, Павелъ Радиновичъ, упоминаемый, какъ воевода, въ грамотѣ Дабыши 1395 года (С. № 179). Будучи родичемъ короля Остои, Павелъ до конца жизни держалъ его сторону и только во время отсутствія его, въ

---

[1] Mladinum, Senconis istius parentem, cum esse arbitror Mladinum Bosinensem banum, quis mox meminimus, Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVIII.

[2] Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 83.

[3] Тамъ же, стр. 20.

[4] На Землевидѣ Шафарика находимъ здѣсь Winčac. По новѣйшимъ картамъ Невесине лежитъ въ дугѣ, образуемой Неретвою, на востокъ отъ Мостара.

[5] Милутиновича, Исторія Церне-Горе, стр. 12.

1405—1409 г., стоялъ при Твьрткѣ. Въ 1404 г. Гервоя и Дубровничане хотѣли даже сдѣлать его королемъ вмѣсто Остои; но по собственному ли его отказу, или по его неспособности, или по чему либо другому, дѣло не состоялось. Онъ умеръ ранѣе 5 марта 1419 года, ибо въ грамотѣ Стефана Остоича отъ этого числа (С. № 95) свидѣтелемъ приводится его старшій сынъ, воевода Петръ Павловичъ. Въ томъ же году, 4 декабря, Остоичъ подтвердилъ запись Петра Павловича, уступившаго Дубровнику свою половину Конавльской жупы и лежавшаго въ ней города Сокола. По свидѣтельству Аппендини[1], владѣнія Сандала простирались отъ Виталины до замка Сокола, владѣнія же Петра отъ Сокола по морскому берегу до Обода. Въ 1420 году, 30 мая, Сандалъ объявилъ (С. № 98), что Петръ убитъ Турецкимъ пашею Исакомъ, начальникомъ новаго Турецкаго санджака, основаннаго на Боснійскихъ предѣлахъ, за измѣну султану. Половина Сокола и Конавля съ Ободомъ и Цавтатомъ и все, чѣмъ владѣли Павелъ и Петръ Павловичи въ Дольной Горѣ и Виталинѣ[2], перешло, по волѣ султана Магомеда, въ руки Сандала и уступлено было Дубровнику. Въ томъ же году, 16 августа, Твьртко подтвердилъ эту уступку (С. № 99). Но у Петра былъ младшій (С. №№ 101, 102) братъ, Радославъ, который вступился за родовую собственность и отнялъ ее у Сандала. Уже въ слѣдующемъ, 1421 году, 18 февраля, Дубровничане узнали, что Радославъ утвержденъ въ прежнихъ владѣніяхъ своего рода, и спѣшили заключить съ нимъ дружественный договоръ (С. № 100); черезъ три мѣсяца Радославъ Павловичъ подтвердилъ за Дубровникомъ свою половину Конавльской жупы, подаренную Общинѣ Сандаломъ. Но, вѣроятно, дѣло Радослава не обошлось безъ распри съ Дубровникомъ, который, въ его войнѣ съ Сандаломъ, держалъ, можетъ быть, сторону послѣдняго; ибо тутъ же Радославъ предавалъ забвенію всѣ взаимныя оскорбленія, возникшія со времени смерти Петра до перваго праздника Рождества Христова (С. №№ 101, 102). Петръ былъ убитъ въ 1420 году, и въ этомъ же году былъ первый праздникъ Рождества Христова, въ который они помирились; а 18 февраля, 1421 г., Дубровничане уже успѣли прислать грамоту Радославу. Въ 1423 году, 7 апр., Радославъ, возобновляя дружбу съ Дубровникомъ, повторилъ свое согласіе, благословь, на уступку своей части Сокола и Конавля, сдѣланную Общинѣ Сандаломъ (С. № 104): отсюда узнаемъ также, что Радославъ владѣлъ Травуніею и за нимъ еще оставалась часть Конавля. Наконецъ въ 1427 году, 31 декабря, не задолго до смерти Сандала, онъ писался уже великимъ воеводою Босны, давалъ грамоту вмѣстѣ съ сыномъ, Иваннишемъ, и начало грамоты списывалъ съ грамоты великаго воеводы Сандала. Этою грамотою онъ окончательно уступилъ Дубровнику всю свою часть Конавля съ Ободомъ, Цавтатомъ, Дольной Горою и Виталиной, за что получилъ отъ Дубровника ежегодно 600 перп. и богатый дворецъ въ самомъ городѣ. По Аппендини[3], онъ продалъ ее за 24000 цекиновъ. Кромѣ того, онъ выговорилъ себѣ $^{1}/_{3}$ земли въ Конавлѣ и право положить въ Дубровникѣ 10000 червонцевъ по 5% (С. № 107). Около 1432 года Радославъ имѣлъ войну съ Дубровникомъ «по наговору злыхъ людей», а по словамъ Аппендини, за то, что хотѣлъ вторично взять деньги за свой удѣлъ въ Конавлѣ, однаж-

---

[1] Т. I, стр. 301.
[2] Всѣ эти мѣста лежали въ Конавльскомъ округѣ.
[3] Т. I, стр. 302.

ды уступленный Дубровнику[1]; но при посредствѣ короля Тврьтка (С. № 116)[2] и султана Мурада заключилъ съ нимъ миръ въ 1432 г., 25 окт. (С. № 114), условія котораго заставляютъ подозрѣвать, что успѣхъ былъ на сторонѣ Дубровника. Радославъ обязывается извѣстить Порту о мирѣ съ Дубровничанами, что имѣютъ подтвердить и Дубровницкіе послы, находящіеся при Портѣ; онъ не можетъ прежде двухъ лѣтъ взять изъ Дубровника деньги, положенныя подъ условіемъ 5%, и отказывается отъ Дубровницкаго дохода, приходящагося на время войны, и отъ своихъ людей, которые въ эту войну перебѣжали въ Дубровникъ. Сынъ его, Иванишъ, не могъ въ это время присягать по своему малолѣтству, и по тому Радославъ далъ въ 1433 г., 25 марта, запись (С. № 117) въ томъ, что сынъ его, пришедши въ совершеннолѣтіе, подтвердитъ клятвенно всѣ условія договора. Около 1439 года Радославъ, стоявшій на сторонѣ Дубровника въ войнѣ этого послѣдняго съ Стефаномъ Косачею, подвергся нападенію, и городъ его Требине былъ взятъ непріятелемъ. Это видно изъ грамоты его 1439 г., 19 авг. (С. № 127), которою онъ удостовѣрялъ, что всѣ деньги его, положенныя въ Дубровникѣ въ 1433 и 1437 годахъ, количествомъ 2800 червонцевъ и 300 перперовъ, получены имъ сполна съ ростомъ по 5% и объявлялъ недѣйствительными всѣ записи, данныя Дубровникомъ въ полученіи этѣхъ денегъ и захваченныя въ Требинѣ Стефаномъ Косачею. Въ 1441 году, 10 апрѣля, Радославъ еще подтверждалъ Дубровницкимъ купцамъ право свободной и безопасной торговли въ его владѣніяхъ (С. № 129); но въ 1442 году, 29 сент., сынъ его, воевода Иванишъ, уже извѣщалъ о смерти своего родителя, укрѣпляя за Дубровникомъ всѣ записи своего дѣда, отца и дяди и право владѣнія Конавлемъ, Соколомъ, Виталиною, Цавтатомъ, Ободомъ и всѣмъ, что относится къ Конавльской жупѣ (С. № 133). По этому несправедливо пишетъ Юкичъ, что будто бы Магомедъ II, завоевавши Босну и убивши Томашевича, погубилъ вслѣдъ за тѣмъ и Радослава Павловича, владѣвшаго Требинемъ, Поповымъ и смежными съ Дубровникомъ землями. Онъ могъ это сдѣлать съ наслѣдниками Радослава, а самъ Радославъ давно уже не былъ въ живыхъ. Въ слѣдующихъ годахъ, 1443 и 1444, Иванишъ, какъ старшій въ родѣ, заступившій мѣсто отца, подписывается свидѣтелемъ въ двухъ грамотахъ Остои (С. № 136; З. А.). Кромѣ Иваниша, Радославъ имѣлъ отъ супруги своей Ѳеодоры (С. № 127) еще двухъ малолѣтныхъ сыновей, князей Петра и Николая, за которыхъ, въ 1442 году, Иванишъ обѣщалъ (С. № 133), что когда они достигнутъ 14 лѣтъ, тогда присягнутъ на его запись. Имя этого Иваниша Радославъ, по обычаю своего времени, выставлялъ въ грамотахъ вмѣстѣ съ своимъ именемъ, какъ бы желая тѣмъ показать своего законнаго наслѣдника. Главнымъ городомъ Радослава былъ Борчъ. Кромѣ вышеупомянутой грамоты, мы не имѣемъ болѣе никакихъ извѣстій объ Иванишѣ. Въ слѣдующее царствованіе, именно, при Ѳомѣ Кристичѣ, родъ Яблановичей является въ послѣдній разъ въ 1454 году съ грамотою Петра и Николая Радославичей (С. № 145). Сдѣсь оба брата, находясь «въ полной державѣ» своихъ родителей, подтверждаютъ Дубровнику всѣ прежнія записи дѣда, отца и брата и повторяютъ торговыя права, какими пользовались изстари Дубровницкіе купцы. Изъ грамоты можно, кажется, съ достовѣрностію заключить, что Иванишъ уже умеръ. Родъ Яблановичей си-

---

[1] Т. I. стр. 303.

[2] Еще доказательство, что въ это время Тврьтко одинъ былъ королемъ всей Босны.

дѣлъ въ Травуніи, и самое его положеніе условливало его государственную дѣятельность. Мы видѣли, что онъ постоянно держалъ сторону Остои и Остоича; безъ нихъ переходилъ къ Твртку и, кромѣ того, находился въ частыхъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ. Одна свѣтлая черта, засвидѣтельствованная самимъ Сандаломъ (С. № 98), отличаетъ дѣятельность этого рода: онъ не искалъ милости въ Портѣ у Турецкихъ султановъ, не опирался на ихъ фирманы, и даже одинъ изъ членовъ его, Петръ Павловичъ, заплатилъ жизнію за невѣрность султану.

Этой свѣтлой черты мы не видимъ въ дѣятельности другаго важнѣйшаго рода, Храничей. Родъ этотъ былъ сосѣднимъ съ Яблановичами; владѣнія его находились въ Хлумѣ и Конавлѣ. Родоначальникъ Храничей, Вукъ Храна, былъ Хлумскимъ бояриномъ и при Твртькѣ I сдѣлался Хлумскимъ воеводою. Въ 1422 году, 15 февр., сыновья его, Вукцъ и Вукъ, получая право Венеціянскихъ гражданъ, назывались figliuoli del Magnifico Chragno (Hranja) olim gran Contestabile del Re della Bossina[1]. Извѣстнѣе сынъ его Сандалъ, который уже въ грамотѣ Дабыши 1394 года стоитъ во главѣ свидѣтелей выше Гервои, со званіемъ воеводы[2]; какъ воевода Босны, приводится онъ между свидѣтелями въ грамотѣ Дабыши 1395 года (С. № 179); но въ обѣихъ грамотахъ отъ Хлумской земли свидѣтельствуетъ его родичъ, Юрій Радивоевичъ, что заставляетъ догадываться, что Сандалъ считался воеводою всей Босны, оставаясь въ то же время туземнымъ бояриномъ Хлума. Послѣ Дабыши онъ сталъ на сторонѣ Остои, по тому, что владѣнія его находились въ южной Боснѣ, гдѣ усилился Остоя. Въ 1405 — 1409 г. онъ перешелъ къ Твртку; но, при появленіи Остои съ Турецкимъ войскомъ, снова принялъ сторону послѣдняго. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ продалъ Венеціянамъ замокъ Островицу въ 1409 г., собралъ войско, но былъ разбитъ Сигизмундомъ въ Мачвѣ. Остоя, видѣвшій въ немъ главную опору, наградилъ его многими землями. Въ 1410 году видимъ его въ ссорѣ съ своею матерью, баницею Анной. Изъ грамоты нельзя узнать, родная ли ему мать была Анна, или только мачиха. Двусмысленно выраженіе: да ю примамь ꙁа матерь како (како ме, какъ бы меня) есть родила; но условія повиновенія слишкомъ стѣснительны, чтобы можно было считать ее мачихой. Также неизвѣстно, чья была она дочь и по комъ называется баницею, по отцу ли, или по мужу: въ послѣднемъ случаѣ, надобно признать, что слово банъ могло употребляться вмѣсто слова воевода. При посредствѣ добрыхъ людей изъ Босны, Хорваціи, Венеціи и Дубровника, Сандалъ обѣщалъ повиноваться своей матери, почитать ее, какъ прилично сыну, и ни въ какихъ обстоятельствахъ не покидать ея, если только съ ея стороны не окажется чего нибудь такого, за что, по приговору упомянутыхъ добрыхъ людей, прилично бы было сыну оставить свою мать; также, если умретъ у него жена, Катерина, то другой онъ не можетъ привести въ домъ свой при жизни матери (С. № 93). Въ 1419 году, 24 іюня, Сандалъ и братья его, Вукцъ съ сыномъ Стефаномъ и Вукъ, уступили Дубровнику свою часть жупы Конавля съ Виталиною, Дольною Горою и со всѣмъ, что относилось къ котару Конавльскому. По Аппендини,

---

[1] Arkiv za povêstnicu Jugoslavensku, I. 1851. Стр. 81.

[2] Шимекъ (Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 92. Прим.) и Енгель (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр 350) называютъ его сдѣсь палатиномъ. Гервоя названъ у нихъ также палатиномъ; но извѣстно, что въ это время Гервоя еще не былъ великимъ воеводою. Ср. С. N 81.

весь этотъ участокъ былъ проданъ за 18000 червонцевъ [1]. За это Дубровничане обязались платить имъ ежегодно 500 перперовъ. Сверхъ того, подарили другой дворецъ въ своемъ городѣ, отдѣланный на городской счетъ, и позволили имѣть баштины въ Дубровницкой жупѣ цѣною въ 3000 перп. (С. № 96). Въ томъ же году, 4 дек., Стефанъ Остоичъ подтвердилъ эту запись Сандала. Аппендини говоритъ, что Боснійскій король не былъ доволенъ этою уступкою. Какимъ образомъ онъ такъ скоро подтвердилъ ее? Справедливѣе то, что Конавляне не хотѣли подчиниться Дубровнику. Дѣйствительно, еще въ грамотѣ Санковичей (С. № 78), между условіями уступки, читаемъ, что если Конавляне и Виталиняне не захотятъ повиноваться Дубровнику, то Санковичи употребятъ всѣ усилія, чтобы принудить ихъ къ тому. Въ слѣдующемъ году, 30 мая, Сандалъ съ братьями и племянникомъ уступилъ Дубровнику и другую половину Конавльскаго котара, которую они получили, по волѣ султана Магомеда, послѣ убитаго пашею Исакомъ Петра Павловича, т. е., половину города Сокола, половину Конавльской жупы съ Ободомъ и Цавтатомъ и Петровъ участокъ въ Дольной Горѣ и Виталинѣ. За это Дубровничане обѣщали платить ему еще 500 перперовъ дани, подарили, великолѣпно отдѣлавъ, еще другой дворецъ, бывшій прежде властелей Вукасовичей, родственныхъ Храничамъ, а потомъ монахинь св. Маріи отъ Ангеловъ, и дали право купить въ Дубровницкой жупѣ другую баштину цѣною въ 3000 перп. (С. № 98). 16 августа того же года запись Сандала была утверждена королемъ Тврькомъ (С. № 99). Въ обѣихъ своихъ записяхъ Сандалъ уже называется великимъ воеводою Босны, возведенный въ это званіе, быть можетъ, Стефаномъ Остоичемъ, или еще отцомъ его, и подтвержденный Тврькомъ. Еще въ 1410 году, 5 генваря, записываясь гражданиномъ въ Венеціи, онъ назывался: Gran Vojvoda del Regno di Bossina e delle terre marittime [2]. Въ это время Гервоя уже умеръ. По смерти Остоича, Сандалъ проводилъ спокойно свои дни, пользуясь званіемъ великаго воеводы и огромными владѣніями. Объ его доходахъ можно судить по вкладамъ, которые онъ дѣлалъ въ Дубровникѣ въ пользу своихъ родичей. Съ 1429 по 1431 годъ имъ вложено 23620 червонцевъ, 4266 перперовъ Дубровницкими динарами и 154 литры, 4 унціи серебра, съ тѣмъ условіемъ, что получить этотъ вкладъ могутъ его сыновья, если таковые будутъ, или, за неимѣніемъ сыновей, дочери; если же не будетъ и дочерей, то половина всего вклада идетъ его брату, Вукцу, съ сыномъ, Стефаномъ, и ихъ потомкамъ по мужскому колѣну, а другая половина раздѣляется между четырьмя родственными ему домами; а именно, ее получаютъ: 1) князья Радивой, Радославъ и Радичъ Степковичи съ потомками по мужскому колѣну, 2) князья Иванишъ Остоичъ и Влатко Обрадовичъ съ таковымъ же потомствомъ, 3) князья Иванъ и Сладой Вуковичи съ таковымъ же потомствомъ, и 4) князь Драгиша Гоиславичъ съ таковымъ же потомствомъ. Если у Вукца и Стефана не будетъ потомства по мужскому колѣну, то ихъ половина идетъ вышеупомянутымъ домамъ: отсюда догадываемся, что другой братъ Сандала, Вукъ, уже умеръ; въ 1422 году онъ былъ еще живъ, ибо въ этомъ году получилъ званіе Венеціянскаго гражданина. Если изъ четырехъ домовъ который нибудь прекратится по мужскому колѣну, то доля его раздѣляется между тремя остальными (С. №№ 108, 112, 124, 125). Сверхъ того, въ 1426 году, Сандалъ

---

[1] Т. I, стр. 302.

[2] Arkiv za pověstnicu Jugoslavensku, I. 1851. Стр. 53.

положилъ 6000 черв. по 5% на имя своей супруги (второй) Елены, дочери царя Лазаря (С. №№ 109, 121) и вдовы Николая де Гара, бана Мачванскаго, и столько же въ 1431 году (С. № 128). Наконецъ въ 1433 г. онъ положилъ еще деньгами 8731 червонецъ и сосудами 26 литръ, 8 унцій и 3 аксаги золота и 217 литръ, 7 унцій серебра съ такимъ же порядкомъ назначенія, какъ и въ прежнихъ вкладныхъ записяхъ; но только количество полученія измѣнено: по этой послѣдней записи Стефанъ съ своимъ мужескимъ потомствомъ получаетъ весь вкладъ, и только въ случаѣ прекращенія его мужскаго колѣна весь этотъ вкладъ долженъ достаться четыремъ родственнымъ домамъ (С. № 115). Очевидно, Сандалъ, надѣясь на продолженіе потомства своего племянника, Стефана, прочилъ ему всѣ свои сокровища. Отъ того въ послѣдствіи мы видимъ, что одинъ изъ четырехъ родовъ, сыновья Драгиши, Стефанъ и Радославъ, получая свою часть въ 1437—1438 г., ссылаются только на записи 1429 и 1431 годовъ (С. №№ 124, 125) и ничего не получаютъ по вкладной записи 1433 года. Съ своей стороны и супруга его, Елена, дѣлала вклады на свое имя въ 1429, 1000 черв., и въ 1436 гг.; первый полученъ ею обратно въ 1436 г. (С. №№ 109, 110, 121). Сандалъ умеръ между 1434 и 1435 г., какъ видно изъ грамотъ (С. №№ 119, 120). Дюфренъ назначаетъ для того 1435 г.[1] Непрочность настоящаго и печальное будущее заставляли не одного Сандала относить сокровища въ Дубровникъ, самый безопасный городъ, котораго богатство и независимость обезпечивали вкладъ какъ со стороны самыхъ жителей, такъ и со стороны Турокъ Званіе Боснійскаго великаго воеводы, владѣнія и богатства Сандала наслѣдовалъ его племянникъ, Стефанъ Вукчичъ Косача[2], съ малолѣтными дѣтьми, Владиславомъ и Влаткомъ. Уже въ 1435 г., 10 окт., онъ пишется великимъ воеводою и подтверждаетъ Дубровнику всѣ записи, данныя ему Сандаломъ, Вукцомъ и Вукомъ, и право владѣнія жупою Конавлемъ съ Соколомъ, Виталиною, Цавтатомъ и Ободомъ и со всѣми прочими межами (С. № 120). Въ 1438 году, почти въ одно время съ Драгишичами, онъ получилъ бо́льшую часть вкладовъ Сандаловыхъ; оставалась только часть его дѣтей, 11051 черв., 1266 перп. Дубровницкими динарами, и еще нѣсколько серебра. Достигнувъ 14-ти лѣтняго возраста, каждый изъ нихъ получаетъ свою долю; въ случаѣ смерти одного, получаетъ другой обѣ доли; если оба умрутъ, то получаетъ ихъ отецъ; по смерти отца, часть ихъ достается братьямъ, если таковые будутъ; или, если у Стефана не будетъ болѣе сыновей, то его супругѣ, а ихъ матери, Еленѣ, и дочерямъ; послѣ всѣхъ эта часть раздѣляется между вышеназванными четырьмя родами (С. № 126). Вскорѣ, въ 1440 г., и эта часть была взята Стефаномъ и сыновьями его: остались только 12000 черв., положенные Сандаломъ по 5% въ пользу супруги своей, Елены, тогда уже умершей (С. № 128). Бо́льшая часть дѣятельности Стефана Косачи принадлежитъ ко временамъ послѣднихъ королей, но и при Тврьткѣ II уже сталъ обнаруживаться его самостоятельный и рѣшительный образъ дѣйствій. Въ 1439 году Радославъ Павловичъ упоминаетъ о записяхъ, утраченныхъ во время взятія Требиня воеводою Стефаномъ Вукчичемъ: такъ какъ ровно черезъ два года видимъ уже Владислава въ договорѣ съ Дубровникомъ противъ отца, то можно думать, что то и другое событіе имѣютъ между собою нѣкоторую связь. Въ 1441 году, 15

[1] Famil. Dalmat. et Slavon., гл. XI, § IV.

[2] Гр-а С. N 125 показываетъ, что самый этотъ Стефанъ назывался Косачею, а не Косачичемъ или Косаричемъ, какъ думаютъ иные.

августа, Владиславъ Стефановичъ, старшій сынъ Косачи, заключая союзъ съ Дубровникомъ (С. № 132), говорилъ слѣдующее: Стефанъ, отецъ его, презрѣлъ и нарушилъ прежнія клятвы и записи, учинилъ рать Дубровнику, разоряетъ городскіе виноградники, жжетъ домы, плѣнитъ имущество, дѣлаетъ разныя другія оскорбленія и отнялъ жупу Конавле противъ Богу и правдѣ: по этому онъ, Владиславъ, попомнивъ старинную дружбу Дубровника, обѣщаетъ стараться всѣми силами возвратить городу Конавльскую жупу и прибавить къ ней еще окрайну, если достигнетъ господства; не заключать мира съ отцемъ, сохранять съ городомъ вѣчную дружбу и пр. Но у насъ есть грамота отъ 1443 года, 1 апрѣля, (С. № 134), въ которой Стефанъ, Елена и Владиславъ (Влатко былъ еще малолѣтенъ) свидѣтельствуютъ, что получили отъ Дубровника сполна весь вкладъ, завѣщанный имъ покойною Еленой, супругой Сандала. Слѣдовательно, примиреніе Стефана, какъ семейное съ сыномъ, такъ и политическое съ Дубровникомъ, настало еще при жизни Тврьтка II. Въ царствованіе Ѳомы Остоича Кристича, Стефанъ Вукчичъ, до объявленія себя герцогомъ или воеводою св. Савы, подписался, какъ воевода, свидѣтелемъ подъ одною изъ королевскихъ грамотъ, — и это было въ 1443 году (З. А.), а въ слѣдующемъ его уже нѣтъ между свидѣтелями въ другой королевской грамотѣ (С. № 136): значитъ, что въ этомъ году онъ уже отстранился отъ Босны съ своею Хлумскою областію, которую стремился возвести на степень независимаго воеводства. Когда бóльшая часть Босны была завоевана Турками и послѣдній король Томашевичъ былъ убитъ, тогда непокоренною оставалась только верхняя Босна или воеводство св. Савы, съ владѣльцемъ своимъ, Косачею. Она долѣе отстаивала свою независимость отъ покушеній Турецкихъ султановъ.

Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Тврьтка II Стефанъ примирился съ сыномъ и Дубровникомъ. Расписки, данныя имъ Дубровнику въ полученіи различныхъ вкладовъ, 3 февраля 1445 и 5 іюля 1450 годовъ (С. № 139 и стр. 252), показываютъ, что онъ не нарушалъ этого мира. Дѣйствительно, онъ употреблялъ все время на усиленіе себя внутри Босны и, какъ мы уже видѣли, испросилъ себѣ у императора званіе герцога и привлекъ на свою сторону Манихейцевъ и православныхъ. Но въ 1451 году, 18 декабря, видимъ, что Дубровничане жалуются Ѳомѣ Остоичу на несправедливости Косачи, опустошившаго и захватившаго ихъ земли. Король принимаетъ ихъ подъ свою защиту и даетъ обѣщаніе объявить войну Стефану и не заключать съ нимъ мира, не извѣстивъ напередъ Дубровничанъ (С. № 140). Въ 1452 г., 25 марта, поднялся на Стефана боярскій родъ покойнаго Влатка, именно: Иванишъ Влатковичъ, воевода Хлумскій, съ братьями Маркомъ, Жаркомъ, Радивоемъ, Андреемъ, Бартуломъ и Ѳадеемъ Влатковичами, и племянниками, дѣтьми умершихъ Влатковичей, Ѳомою Николаевичемъ и Павломъ Петровичемъ[1]. Заключая союзъ съ Дубровникомъ на Вратарѣ (С. № 141), Иванишъ и родичи его обязывались защищать Дубровникъ и помогать ему противъ герцога Стефана Вукчича, равно какъ не заключать мира съ послѣднимъ безъ его вѣдома и согласія. Противъ Стефана были также его жена, Елена, и старшій сынъ, Владиславъ (С. № 142). Вотъ причина вражды послѣднихъ, по словамъ Халкокондила. Во

[1] Объ нихъ знаетъ Лукари. Annali di Rausa, стр. 98.

владѣнія Стефана, смежныя съ Дубровницкими, прибыла одна Флорентинка, дочь купца. Плѣнившись ея красотою, Стефанъ взялъ ее къ себѣ и тѣмъ оскорбилъ свою жену (лѣтописецъ не упоминаетъ ея имени, ни рода), которая съ сыномъ своимъ бѣжала въ Дубровникъ. Стефанъ посылалъ къ ней пословъ, прося возвратиться, но тщетно: онъ не имѣлъ силы согласиться на условіе, которое было ему предложено, — отпустить Флорентинку. Сынъ его между тѣмъ, начальствуя Дубровницкимъ войскомъ, вторгся въ его владѣнія, разбилъ его и обратилъ въ бѣгство въ отмщеніе за опустошенія, нанесенныя имъ Дубровницкимъ владѣніямъ [1]. А вотъ какъ разсказываетъ Шимекъ [2] объ этой враждѣ. Стефанъ Вукчичъ съ своими Патаренами, видя, что Король не можетъ ничего сдѣлать ему изъ боязни Турокъ, предался безпечности, пьянству и разврату; оскорбленные тѣмъ, жена его, Анна Кантакузина, и сынъ бѣжали въ Дубровникъ. Стефанъ требовалъ у Дубровничанъ ихъ возвращенія, но, получивъ отказъ, опустошилъ городскія земли, завладѣлъ Конавлемъ и возвысилъ пошлину на соль. Дубровничане объявили ему войну и назначили цѣну за голову, какъ гражданина-измѣнника. Владиславъ съ Дубровницкимъ войскомъ завладѣлъ многими отцовскими городами; папа грозилъ Стефану крестовымъ походомъ, а султанъ рѣшилъ дѣло въ пользу Дубровника: все это заставило Стефана смириться. Ни Шимекъ, ни Енгель не знаютъ о прежней враждѣ Стефана съ сыномъ и Дубровникомъ, о которой мы упомянули. Оба они, какъ и Дюфренъ, называютъ его жену Анною Кантакузиною. Енгель даже противорѣчитъ самому себѣ, называя ее въ другомъ мѣстѣ [3] Еленою, дочерью Момчила, внука короля Вукашина отъ сына его Андрашка (на основаніи извѣстій, сообщаемыхъ Дубровницкими и западными писателями [4]). Между тѣмъ въ нашихъ грамотахъ она именуется Еленою, дочерью Балши, который въ 1443 году уже не былъ въ живыхъ (ср. С. № 134). Не Зетскій ли это Балша Балшичъ? Откуда Шимекъ и Енгель заимствовали свое извѣстіе, они не говорятъ; но догадаться не трудно: Дюфренъ указалъ на источники [5]. Неосмотрительность ввела Шимка въ заблужденіе; Енгель же, не справившись съ источниками, повѣрилъ ему на слово и сдѣлалъ такой же промахъ. Вотъ что говоритъ о томъ же Лукари. Stefano intanto rinovando l'essempio di Gioanni Paleologo Imperadore di Constantinopoli, usato alla figliuola dell' Imperadore di Trabisonda moglie di Emanuelo, suo figliuolo, essendo menata per moglie a Vuladislau la figiluola di Marino Martiano Principe di Rusano, percioche era bella, vincendo la lussuria ogni vergogna, la tolse per forza [6]. Лукари совершенно справедливъ, сравнивая Стефана съ Іоанномъ (I) Пале-

---

[1] Но у Халкокондила Стефанъ Косача постоянно носитъ имя Сандала, и самое происшествіе разсказано слишкомъ поздно, подъ 1463 годомъ, между тѣмъ, какъ оно случилось 10-ю годами ранѣе. Corpus Script. Hyst. Byz. Laonicus Chalcocondylas, l. X, p. 540. — Stritter, II, 456. Туберъ (Schwandtn. Script. rer. Hungar., II, 199) и Лукари (Annali di Rausa, стр. 99) разсказываютъ это событіе такъ, какъ оно передано по нимъ Шимкомъ и Енгелемъ.

[2] Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama, Стр. 125.

[3] Gesch. v. Serv. u. Bosn. Стр. 323.

[4] Орбини, стр. 240.

[5] Familiae Dalmat. et Slavon., гл. XI, § V.

[6] Annali di Rausa, стр. 97.

ологомъ, о развратной жизни котораго упоминаютъ Дука и Халкокондилъ [1]. Но Дюфренъ, а за нимъ и Шимекъ, по неосмотрительности, приняли Іоанна за Стефана и жену перваго, Елену Кантакузину, назвали женою послѣдняго, сдѣлавъ еще, сверхъ того, ошибку въ ея имени: у нихъ она названа Анною. У Кантакузина было три дочери и судьба ихъ извѣстна; но у него не было вовсе дочери Анны; также ни одна изъ дочерей его не была за Стефаномъ Косачею. Что касается до Мануила, сына Іоанна I, то онъ дѣйствительно былъ женатъ на дочери Трапезонтскаго царя Алексѣя Комнина [2]. По Шимку, и Енгель Анну, собственно Елену Кантакузину, бывшую супругою Іоанна Палеолога, выдалъ за супругу Стефана Косачи [3]. Впрочемъ, Дюфренъ, желая согласить оба имени, дѣлаетъ Анну Кантакузину первою супругою Косачи, а Елену, или по другимъ Варвару, дочь Момчила, второю, Цецилію же третьею. Въ грамотѣ своей отъ 19 іюля 1453 года (С. № 142) Стефанъ прощалъ жену, сына и всѣхъ, поднявшихся на него Хлумцевъ. Ни онъ самъ, ни Елена, ни сыновья ихъ, Владиславъ и Влатко, не должны слушать, ни скрывать другъ отъ друга никакого злаго человѣка и наговорщика, дабы не было новой семейной вражды. Если явится снова какакое недоразумѣніе, то онъ не можетъ враждовать съ женою и дѣтьми прежде, чѣмъ не разведаетъ всей истины чрезъ «дѣда» Боснійской церкви и 12-ть «стройниковъ», между которыми будетъ находиться гость Радинъ до своей смерти, и 12-ть главнѣйшихъ (поглавитыхъ) Боснійскихъ властелей; всѣ Хлумскіе властели и люди стоятъ по прежнему въ своихъ правахъ и записяхъ, никѣмъ невредимы. Въ одно время съ этою грамотою была изготовлена другая (С. № 143), относившаяся къ султану, визирямъ и краишникамъ, имѣющимъ быть на Боснійскомъ краищѣ (Турецкомъ пограничномъ владѣніи), и возвѣщавшая, что «по милости царя емиръ-султана-Махметъ-бега», Стефанъ, герцогъ св. Савы, господарь Хлумскій и Приморскій, великій воевода русага Боснійскаго, князь Дринскій и пр. и пр., съ сыномъ Влаткомъ, принимаетъ смирившагося сына своего, Владислава, обѣщавшаго возвратить ему всѣхъ властелей, и иныхъ людей, города и доходы, съ которыми отошелъ; за что онъ, Стефанъ, забываетъ всю прежнюю непріязнь и завѣщаетъ своимъ дѣтямъ все свое имущество, дабы они владѣли имъ сообща, или раздѣлили пополамъ, и служили вѣрно султану. Небольшую часть имѣнія Стефанъ можетъ завѣщать своей женѣ, а ихъ матери, и родственнымъ домамъ. Если

---

[1] Первый выражается такъ: *ἦν γὰρ ὡς ἐπιπολὺ κοῦφος καὶ μὴ πολυπραγμονῶν ἐν ἄλλοις τὰ πράγματα πλὴν ἐν γυναιξὶν ὡραίαις καὶ καλαῖς τῷ εἴδει, καὶ τίνος καὶ πῶς παγιδεύσῃ αὐτήν.* Смерть же его приписываетъ подагрѣ: *ἦν γαρ κατὰ κοιτοῖ καὶ ἀλγῶν τοὺς πόδας, ἡμιθανὴς ὡς εἰπεῖν ὑπὸ πολλῆς ἀδδηφαγίας καὶ πολυποσίας καὶ τῶν ἡδυπαθιῶν.* Второй прямо указываетъ на поступокъ его съ женою его сына, Мануила, дочерью Трапезонтскато императора, вдовою, бывшею первоначально за какимъ-то Турецкимъ пашою: *ταύτην γὰρ ὡς ἠγάγετο (Ἐμμανουῆλος) ἀπὸ Κολχίδος ἐς Βυζάντιον, θεασάμενος ὁ πατὴρ αὐτοῦ τότε βασιλεύων, ὡς ἐδόκει αὐτῷ κάλλει τε γυναικῶν πολλῶν εἶναι καλλίστη καὶ τοῖς ἄλλοις ἣ ἐλέγετο ὑπερφέρουσα, ἑαυτῷ τε ταύτην ἠγάγετο, ἀφελόμενος τοῦ παιδὸς. ἦν δὲ καὶ ἐν νόσῳ τῇ ποδαλγίᾳ διεφθαρμένος ὥστε μηδ' ὀρθούμενον στῆναι οἷόν τ' εἶναι.* Corp. Script. Hyst. Byz. Ducas, c. XII, p. 41; c. XIII, p. 48. Cf. Bulliadi Notae, ib., p. 556. — Laon. Chalcocondylas, ib., l. II, p. 81.

[2] Ср. Lebeau. Histoire du Bas Empire, Paris, 1836. T. XX, стр. 480.

[3] Gesch. v. Serv. u. Bosn. Стр. 402.

одинъ изъ нихъ, или тотъ и другой, провинятся противъ отца, то у виновнаго отецъ беретъ назадъ весь его участокъ и воленъ отдать кому хочетъ. Если же, по смерти отца, одинъ братъ посягнетъ на удѣлъ другаго, то султанъ воленъ отнять у него удѣлъ и отдать обиженному. Договоръ пребываетъ твердымъ и цѣлымъ, пока сыновья стоятъ въ послушаніи отцу и въ вѣрѣ и службѣ султану. Лукари прочелъ въ книгѣ Прегатовъ подъ 5-мъ апрѣля 1452 года, что отъ Порты былъ присланъ къ Стефану гонецъ съ повелѣніемъ положить оружіе, возвратить Конавле, уплатить военныя издержки и брать обыкновенную пошлину съ продажи соли[1]. Отсюда можно заключить, что султанъ стоялъ на сторонѣ Дубровника и Владислава. По чему Султанъ принималъ сдѣсь такое участіе, это объясняется тѣмъ, что Владиславъ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Портою въ ущербъ независимости Босны. Nam filius Stephani—говоритъ Туберъ—ita inimico animo regiones ad patris imperium spectantes, Turcica manu sibi adiuncta, devastando pervagatus est, ut hoc in primis certamen Turcis aditum in Dalmatiam aperuit et Cosaciam familiam estinxerit Ragusamquė civitatem non modo tributariam fecerit, sed etiam in Turcicam servitutem paene redegerit[2]. Однако въ своей грамотѣ (С. № 143) Косача называетъ смирившагося Владислава виновнымъ не только противъ отца, но и противъ султана. Это не противорѣчитъ впрочемъ словамъ Тубера и Лукари; ибо въ то время, при значительномъ преобладаніи Порты, оба соперника старались на перерывъ одинъ передъ другимъ пріобрѣсти благоволеніе султана и право на его сторонничество, по чему оба и называли другъ друга виновными предъ султаномъ. Равномѣрно Халкокондилъ, повѣствуя о ссорѣ его съ женою и сыномъ, упоминаетъ о томъ, что онъ въ это время часто сносился съ Турками[3]. Таково было всегдашнее послѣдствіе вмѣшательства Турокъ, къ посредничеству которыхъ такъ охотно прибѣгали Сербскіе владѣтели. Въ слѣдующемъ 1454 году, 10 апр., Дубровницкіе послы испросили и для своего города мировую грамоту (С. № 144). Сознавая, что война вредитъ обѣимъ сторонамъ, Стефанъ, съ Владиславомъ и Влаткомъ, подтвердилъ Дубровнику всѣ прежнія записи и предалъ забвенію всѣ взаимныя оскорбленія и убійства, бывшія во время войны. Торговыя и судебныя права были возстановлены. Въ случаѣ войны Стефанъ давалъ знать городу за три мѣсяца впередъ. Стефанъ Косача, по примѣру дяди, всегда опирался на Турецкое вліяніе. Сандалъ въ грамотахъ своихъ писался воеводою и владѣтелемъ по милости царей Угорскихъ, Боснійскихъ и Турецкихъ (С. №№ 96, 98): такъ и Стефанъ Косача выражалъ не разъ свою вѣрность султану. Стремясь къ независимости и находясь между двухъ огней, Стефанъ естественно долженъ былъ искать опоры у себя дома въ кругу православныхъ, извнѣ—у Турокъ. Въ 1459 году онъ отказался выставить войско для Стефана Томашевича противъ Турокъ. Хотя Султанъ, желая ослабить его, рѣшилъ дѣло въ пользу Короля, однако въ 1463 году Стефанъ сумѣлъ отдѣлаться данью и оружіемъ отъ полчищъ Магомеда II и сохранилъ на нѣсколько времени тѣнь независимости. *Ἐντεῦθεν βασιλεὺς* (султанъ) *συσκευασάμενος ἐσέβαλλεν ἐς τὴν Σανδάλεω χώραν καὶ ἐδῄου... ἐπελάσας μὲν οὖν αὐτὸς ἐπολιόρκει πολίχνην τὴν Σανδάλεω ἐπὶ ἡμέρας*

---

[1] Annali di Rausa, стр. 98.
[2] Comment. de tempor suis, Schwandtn, Script. rer. Hungar., t. II, p. 199.
[3] Corp. Script. Hyst. Byz. L. Chalcocond., l. X, p. 540. — Stritter, II, 436.

τινάς. καὶ ὡς οὐ προεχώρει αὐτῷ ἡ τῆς πόλεως αἵρεσις, ἀπήλαυνε....[1] Мы видѣли, что и дѣтямъ своимъ онъ завѣщалъ хранить вѣрность султану. Между 1464—1466 гг. онъ взялъ обратно изъ Дубровника, по четыремъ распискамъ, еще 1200 черв. (С., стр. 252). Послѣ его смерти, въ 1466 г., остался въ Дубровникѣ, въ пользу трехъ его сыновей, богатый вкладъ, кромѣ драгоцѣнныхъ вещей, чистаго золота 70000 червонцевъ, 33 литры и 11 унцій и серебра 1570 литръ и 4 унціи (С. № 157). У Стефана остались три сына, Владиславъ, наслѣдовавшій ему званіе великаго воеводы Босны, Влатко и Стефанъ, и вторая жена Цецилія. Всѣ три сына назывались герцогами св. Савы. Мы имѣемъ расписки Влатка и Стефана въ полученіи разныхъ отцовскихъ вкладовъ, находившихся въ Дубровникѣ: онѣ идутъ отъ 1466 до 1470 года (С. №№ 158, 163). Въ 1467 году Цецилія дала подобную расписку съ вѣдома и согласія своихъ сыновей, Влатка и Стефана (С. № 159). Сдѣсь замѣтимъ, что оба меньшіе брата въ грамотахъ своихъ не приводятъ старшаго своего брата, Владислава; также и Цецилія дѣйствуетъ съ согласія только двухъ меньшихъ братьевъ: это заставляетъ подозрѣвать семейныя несогласія, объясняющіяся прежнею враждою, въ которой Влатко оставался на сторонѣ отца. Нельзя думать, чтобы одно оскорбленіе могло причинить раздоръ сына съ отцомъ; скорѣе должно заключать, что сынъ стремился къ независимости и самовластію. Въ 1469 году Владиславъ отъ одного своего имени далъ Дубровничанамъ расписку (С. № 161) въ полученіи отъ нихъ своей части отцовскаго вклада. Онъ получалъ отъ Дубровника какой-то доходъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его расписка 1487 года (С. № 162) въ полученіи 766 перперовъ — вѣроятно, годичнаго содержанія (въ подлинникѣ провижиюнь). Такое содержаніе получали и другіе члены Стефанова семейства и даже бояре, какъ видно изъ расписки сына Влаткова, воеводы Августина Влатковича, 1488 года (С. № 169), и Жарка Хлумскаго, 1496 года (С. № 170). У Владислава былъ сынъ Балша, отъ котораго дошла одна только запись 10 окт. 1497 года, (С. № 171), гдѣ онъ поручается всѣмъ своимъ содержаніемъ, слѣдующимъ отъ Дубровника за будущій 1498 годъ, въ займѣ 166 перперовъ и 50 динаровъ, сдѣланномъ имъ у Дубровничанъ. Запись дана въ Дубровникѣ. Долго ли Владиславъ и Влатко господствовали въ земляхъ своихъ по смерти отца—мы не знаемъ навѣрное изъ нашихъ грамотъ. Извѣстно, что Косача, умирая въ Драчевицѣ, поручилъ Дубровнику исполненіе своего завѣщанія, по которому Владиславъ получилъ верхнюю Герцеговину, а Влатко нижнюю. Вскорѣ послѣ его смерти, въ 1466 г., Турецкое войско вторглось въ Герцеговину; но братья отдѣлались отъ него обѣщаніемъ платить дань султану. Тѣмъ не менѣе около 1470 года изъ Турецкихъ грамотъ (С. № 164) видимъ, что санджакъ-бегомъ въ Боснѣ былъ Аязбегъ, а въ Герцеговинѣ Гамзабегъ: слѣдовательно, братья стояли ниже этого воеводы. Влатко съ братомъ Стефаномъ велъ тѣсныя сношенія съ Портою, и мы видимъ, что султанъ Магомедъ повелѣваетъ чрезъ своихъ воеводъ возвратить ему отцовскіе города и весь вкладъ, находившійся въ Дубровникѣ[2] (С. № 164, I). Около того же времени султанъ приказалъ воеводѣ

---

[1] Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., l. X, p. 543. — Stritter, II, 438.

[2] Около 1470 года. Въ грамотѣ означенъ Магомеданскій годъ, 875-й, но весьма неправильно.

Гамзабегу разрушить деревянный городокъ, построенный въ Неретвѣ Дубровничанами, и вытребовать у нихъ расписки въ возвращеніи герцогу Влатку всего отцовскаго вклада, 19000 черв., каковыя Дубровничане и представили въ 1472 г. (С. № 164, II, IV). Еще въ 1475 году Владиславъ готовился къ утратѣ своихъ владѣній, но только уже въ 1482 году Герцеговина была окончательно завоевана Турками. Владиславъ бѣжалъ въ Угрію и продолжалъ титуловаться: Duca Primorski, Signor di Hum e Guardiano del beato Sava. Влатко бѣжалъ въ Дубровникъ и умеръ на островѣ Рабѣ. Стефанъ же отуреречился. Такъ исчезъ послѣдній обломокъ Боснійскаго королевства, существовавшій еще 20 лѣтъ послѣ бури 1463 года. Это было послѣднее крушеніе, отъ котораго не осталось и слѣда Славянской независимости на югъ отъ Савы и Дуная. Все, что доселѣ носило сколько нибудь признакъ самостоятельности, погибло въ волнахъ Турецкаго наводненія. Тщетными остались всѣ великіе подвиги Матвѣя Корвина и его храбрыхъ сподвижниковъ, изъ которыхъ одинъ, Николай Уйлакъ, именовался даже Боснійскимъ королемъ; напрасенъ былъ также миръ 1503 года, заключенный послѣ блестящихъ успѣховъ Ивана Корвина; напрасны были славныя дѣла бана Берислава: будучи постоянно поприщемъ кровопролитной войны, Босна въ 1526 году, послѣ несчастной Мугачской битвы, навсегда осталась за Турціею. Вотъ что писалъ къ Дубровничанамъ, въ 1566 году, 18 іюня, Александръ, Молдавскій воевода: **а сада** (теперь) **да ꙁна ваше вһеће** (вѣче) **поутовано, нако нымамь кои себе неке слуге и сироте три братенце надные георгиꙗ и павла и стефана и двие сестре ымаю наиме катарину и марию, ове су речене сироте правнуци херцега стефана кои е био у вриеме минуто господар ꙁемле херцеговине а ваш бег града дубровника суседъ и приятель, а сада у ово вриеме ове речене сироте хранисе кодъ господствами, ѿ богоданагоми ымания терь** (и) **ми наꙁаше ꙁа неки обичаи вашега господства како сте ымали сврху речених сирота неку милос и сврху старнех них да ым сте давали милостину по вашои доброи воли тога ради послаю речене сироте георгие и павао и стефань и сестре нихь катарину и марию послаю човека наиме лаꙁара себишанин.... просе да ымъ властеле дубровачке пошлю какову милостиню** (С. № 160).

Четвертый родъ, являющійся въ нашихъ грамотахъ, есть родъ Гервои. Уже прежде познакомились мы съ самимъ Гервоею, начальникомъ и главнѣйшимъ представителемъ своего рода: теперь мы видимъ грамоту его племянника, Юрія Воиславича, о которомъ мы знаемъ изъ его же грамоты, 1434 года, 12 авг. (С. № 118), что онъ былъ воеводою Дольнихъ Краевъ. Въ своей грамотѣ, Юрій, вмѣстѣ съ сыновьями своими, князьями Петромъ и Юрьемъ, даритъ «своей братіи», воеводѣ Павлу и князьямъ Николаю и Влатку Юрьевичамъ и князю Вуку Вукичевичу съ потомствомъ, всѣ города, села и земли, въ которыхъ онъ ихъ засталъ, и именно, города Вратаръ, Новый и Крушевацъ, а также ихъ родовую собственность, отнятую у нихъ Сандаломъ, людей и нѣсколько селъ, — все съ настоящими межами и котарами. Самихъ же новыхъ владѣльцевъ поручаетъ защитѣ Францисканскаго викарія съ братіею. Свидѣтели приводятся отъ Хлума, Земельника, Сѣни и Пливы. Грамота писана подъ Крешевомъ.

Кромѣ этихъ родовъ, конечно, были въ Боснѣ другіе знаменитые роды, занимающіе почетныя мѣста въ Боснійскихъ грамотахъ; но объ нихъ мы умалчиваемъ

по тому, что не имѣемъ въ грамотахъ никакихъ достаточныхъ извѣстій. Съ другой стороны, географическое и историческое значеніе Боснійскихъ областей, Травуніи и Хлума, и господствовавшихъ въ нихъ Яблановичей и Храничей, родственныя и близкія связи съ королями, также и то, что имена ихъ представителей, вмѣстѣ съ именемъ Гервои, стоятъ всегда во главѣ приводимыхъ свидѣтелей, и только съ ними Дубровничане ведутъ свои долгіе переговоры,— все это заставляетъ думать, что дѣйствительно роды Санковичей, Яблановичей и Храничей были самыми знаменитыми въ Боснѣ. Значеніе ихъ сходилось съ значеніемъ тѣхъ областей, въ которыхъ они сидѣли. Въ противуположность этимъ стариннымъ, туземнымъ, кореннымъ родамъ является Гервоя, пришлецъ и временщикъ, искусный крамольникъ, поднявшійся измѣною и черезъ измѣну погубившій свое величіе, собою начавшій и собою окончившій могущество своего рода.

Припоминая себѣ государственную жизнь Босны, эту жизнь, исполненную бурь и переворотовъ, мы удивляемся быстротѣ переходовъ ея изъ одного состоянія въ другое, отъ зависимости къ независимости и потомъ къ паденію; насъ поражаетъ блѣдность этой жизни, отсутствіе твердыхъ началъ и самостоятельности. Вспомнимъ Босну первоначально, какъ жупу или одну изъ областей Сербіи, ничѣмъ существенно не отличавшуюся отъ послѣдней, населенную однимъ и тѣмъ же племенемъ, образовавшуюся въ одно и то же время пришествія Сербовъ въ Задунайскія страны, имѣвшую одни нравы, обычаи, преданія, словомъ—Босну, какъ неотъемлемую часть собственной Сербіи, тѣснѣе соединенную съ нею, чѣмъ Хлумъ, Травунія, Неретва, Дукля, такъ что Константинъ Багрянородный, исчисляя области Сербіи, не упомянулъ о ней, подразумѣвая ее въ общемъ названіи Сербіи, подобно Мачвѣ и Семберіи [1]. Вспомнимъ ее за тѣмъ нѣсколько разъ во власти Угріи, то переходящую къ ней, какъ приданое, то съ своими банами добровольно подчиняющуюся ей, то насильственно покоряемую, и потомъ обратно нѣсколько разъ отходящую къ Сербіи; далѣе вспомнимъ ее, какъ независимое, но мало устроенное, королевство, и наконецъ, какъ Турецкую добычу, легко достающуюся завоевателямъ. И все это дѣлается такъ легко, такъ произвольно, что невольно спрашиваешь себя, на какомъ же основаніи баны подчинились Угріи; по чему Угрія не вступалась, когда Босна переходила отъ нея къ Сербіи, и на оборотъ отъ чего Сербія не твердо удерживала ее за собою? Какъ Угорскіе короли допустили, чтобы рядомъ съ ними явились новые короли; чтобы возлѣ Угріи возникло другое королевство съ явнымъ стремленіемъ къ независимости? Отъ чего Босна, не успѣвши подняться при Твърткѣ I и Твърткѣ II, которымъ нельзя не отдать справедливости въ умѣньи дѣйствовать, быстро склонилась къ упадку и такъ слабо воспротивилась нашествію Турокъ, когда даже самая мѣстность могла много помочь ей въ оборонѣ? Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторыя побочныя причины, отчасти объясняющія это странное явленіе, каковы, на пр., собственныя дѣла Угріи и Сербіи, отчужденіе другихъ Сербскихъ областей, Хлума и Неретвы, изподъ власти Сербіи и т. п., имѣвшія немаловажное вліяніе на государственную судьбу Босны, укажемъ на одну главнѣйшую причину, кроющуюся въ самой жизни Босны: это — несчастное стеченіе въ ней противорѣчащихъ на-

---

[1] Corp. Script. Hist. Byz., Const. P., v. III. De Adm. Imp., cc. 29 — 36.

чалъ. Въ важнѣйшихъ основахъ народной жизни встрѣчаемъ два, даже три, начала, которыя постоянно сталкиваются, ослабляютъ, сдерживаютъ одно другое и наводятъ тѣнь, какую-то блѣдность на все, что ни совершается въ судьбахъ Босны. Отсюда это разслабленіе, эта безжизненность, безцвѣтность, эта скороспѣлость, которыя съ перваго раза бросаются въ глаза изслѣдователю. Что ни выносила Босна изъ различныхъ переворотовъ; что ни добывала она въ перемѣнахъ счастія, все это вмигъ изчезало и замѣнялось всегдашнею пустотою. Гдѣ ея законникъ? гдѣ слѣды ея внутренняго, самобытнаго устройства? Ихъ нѣтъ. Она жила одинаковою, ровною, неизмѣнною жизнію, не обновляя ея, не совершенствуясь въ своемъ государственномъ и гражданскомъ бытѣ, не создавая себѣ новой мысли. Старая жизнь доспѣла при ея косности и наконецъ, изживши все доброе, могла снабжать только однимъ худымъ. Къ этому внутреннему разладу присоединился еще внѣшній заразительный примѣръ Греціи, достигшей въ это время до самыхъ крайнихъ итоговъ государственной порчи. Вліянію Греціи можно приписать силу внутреннихъ крамолъ, потрясавшихъ Босну, и чрезвычайное ослабленіе правъ престолонаслѣдія чрезъ неоднократное восхожденіе на престолъ незаконныхъ сыновей, или бояръ, за неимѣніемъ законныхъ наслѣдниковъ. Въ Боснѣ не было короля, который бы походилъ въ своихъ дѣйствіяхъ, по внутреннему управленію страною, на царя Сербскаго Душана. Правда, были баны и короли, умѣвшіе искусно пользоваться обстоятельствами и ловко ведшіе Босну по пути государственной самостоятельности; но они мало обращали вниманія на внутреннюю жизнь народа, не касались ея преобразовательною рукою, и по тому Босна, при всѣхъ своихъ видимыхъ успѣхахъ въ государственномъ отношеніи, представляла только одну хорошую внѣшнюю сторону, которою она одолжена была посторонниимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ; въ самой же себѣ она хранила зародышъ внутренняго безсилія, происходившій отъ разногласія между верховною властью и прочимъ населеніемъ. Положимъ, что въ ея бытіи сохранилось болѣе старожитнаго, такъ какъ она жила издревле одинаковою, никогда не подвергавшеюся преобразованіямъ, жизнію; но эта старина, достигши крайности, вредила самой государственной жизни; ибо, мѣшая благодѣтельнымъ перемѣнамъ, расходилась съ нею все болѣе и болѣе. Какъ Сербію привела къ паденію крайность новизны, что увидимъ ниже, такъ Босна погибла отъ крайности старины.

Отличительною чертою правленія Босны есть частая перемѣна правителей. Босною управляли и туземные, и Угорскіе, и Хорватскіе баны. Ея жупаны, въ то время, какъ она была жупою, происходили изъ туземныхъ бояръ; но баны и короли ея были или туземные бояре, или потомки Угрина Котромана, или владѣтели собственной Сербіи. Этотъ перемежающійся переходъ отъ одной народности къ другой, это совершенное отсутствіе родоваго преемства, вели къ ослабленію власти и усиленію сословія боярскаго. Самое сильное смѣшеніе властей и неопредѣленность правъ владѣнія, бывшія при Милутинѣ, равно какъ война Душана съ Угріею, когда Босна переходила изъ рукъ въ руки, много содѣйствовали къ уничтоженію опредѣленности отношеній между правительствомъ и народомъ.

То же самое замѣчаемъ и во внѣшнихъ, государственныхъ отношеніяхъ Босны къ прочимъ державамъ. Какъ жупа, Босна соединена была съ Сербіею; какъ банство, она то совершенно принадлежала Угріи, то отдалялась отъ нея

почти до состоянія полной независимости, то подчинялась Сербіи; какъ королевство, она достигла самостоятельности, но тѣмъ не менѣе не переставала признавать надъ собою верховную власть Угріи. Наконецъ изъ нея самой выдѣлилась новая независимая область—Хлумъ, который, назвавшись воеводствомъ св. Савы, отпалъ отъ нея точно такъ же, какъ сама она отпала отъ Угріи, поднявшись на степень королевства. Поразительна въ Боснѣ эта разнородность властей, эта неопредѣленность состоянія независимаго королевства вмѣстѣ съ подчиненіемъ другой державѣ. Въ этомъ случаѣ Босна представляетъ, можетъ быть, единственное явленіе въ Исторіи. И все это должно было вредно дѣйствовать на ея внутренній составъ и приносить ему одну лишь слабость. Кажется, при такой легкости, съ какою Босна сдѣлалась королевствомъ и стала въ государственномъ отношеніи на одну степень съ Угріею, хотя принадлежала ей, какъ область; при такой безпрепятственности со стороны Угорскихъ королей, можно бы думать, что въ ней было много внутренней силы и единства; но одно уже то, что, сдѣлавшись королевствомъ съ явнымъ стремленіемъ къ независимости, она постоянно оставалась подъ верховною властію Угріи, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что не силы ея и не крѣпость внутренняго состава содѣйствовали къ тому, а только обстоятельства самой Угріи, да личныя способности Твртка I. Повторяю, безцвѣтность ея государственной жизни и слабость, какую она постоянно выказывала во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ, свидѣтельствуютъ, что разнородность началъ, ложившихся въ основаніе ея правленія, имѣла гибельное вліяніе на ея судьбу.

Съ другой стороны, недостатокъ государственной самостоятельности побуждалъ Боснійскихъ правителей къ уклончивымъ дѣйствіямъ въ дѣлѣ вѣры. И сдѣсь встрѣтились три разнорѣчащія начала, раздѣлившія народъ на три стороны и лишившія такимъ образомъ Босну одной изъ самыхъ сильныхъ духовныхъ связей, недостатокъ которой откликался и въ гражданскомъ единствѣ. Старѣйшимъ, преобладающимъ вѣроисповѣданіемъ было Православное; за нимъ, по многочисленности послѣдователей, стояла Патаренская ересь; потомъ Римо-католицизмъ. Православіе и Патаренская ересь представляли собою народную сторону и были постоянно покровительствуемы владѣтелями. Послѣдніе видѣли въ нихъ опору самостоятельности и были ревностными послѣдователями того, или другой. Первые туземные баны, Кулинъ и Нинославъ, держались преимущественно ереси; но Сербскіе владѣтели доставляли полное господство Православію. За то позднѣйшіе короли явно оказывали предпочтеніе Римо-католицизму. Бояре же, или, вѣрнѣе, бо́льшая ихъ часть, постоянно держались ереси, за что не разъ подвергались обвиненіямъ Латинскаго духовенства. Продолжительность верховной власти Угріи, относительная слабость самой Босны, сосѣдство Римско-католическаго населенія Далмаціи и Хорваціи и, въ послѣдствіи, гроза Турецкая дѣлали связи Босны съ Римомъ неизбѣжными, и Римъ, черезъ посредство Угріи, выказывалъ много повелительнаго въ своихъ сношеніяхъ съ Босною. Отъ того владѣтели Боснійскіе, начиная уже съ Кулина, должны были носить на себѣ постоянно личину преданныхъ и ревностныхъ слугъ Римо-католицизма и даже иногда дѣйствительными мѣрами помогать его успѣхамъ. Но принужденность и неохотливость, съ каковыми дѣлались всѣ распоряженія въ пользу Римо-католицизма, не могли слишкомъ сильно стѣснять народъ, и по тому въ Боснѣ Римо-католицизмъ развивался гораздо слабѣе, чѣмъ какъ можно было этого ожидать, судя по важности папскихъ повелѣній и горячности ихъ исполнителей, легатовъ; онъ

распространялся даже много медленнѣе Патаренской ереси. При всемъ томъ разность вѣроисповѣданій, которыя, можно сказать, были въ Боснѣ равносильны, ибо каждое находило себѣ значительную поддержку и пользовалось покровительствомъ или добровольнымъ, но тайнымъ, или явнымъ, но принужденнымъ, много приносила вреда единству Босны, какъ государственной области, и поддерживала въ народѣ противодѣйствующія и взаимно ослабляющія стороны.

Но найболѣе разногласія видимъ во внутреннемъ бытѣ Босны. Сдѣсь недостатокъ опредѣлительности въ представленіи власти высказывался самымъ яснымъ образомъ. Пока Босна была банствомъ и пока она подчинялася верховной власти той, или другой державы, до тѣхъ поръ собственная ея власть поддержана и защищена была верховною властію посторонней, господствующей державы; но когда ея банъ Тврьтко провозгласилъ себя королемъ и въ своихъ грамотахъ явно выказалъ желаніе итти по пути независимости, съ этой самой минуты Босна увидѣла себя лицемъ къ лицу съ своими собственными правителями и въ дѣйствіяхъ ихъ должна была ожидать задатка новой и самостоятельной государственной жизни. Ея правители уже не были для нея лицами подчиненными, поставляемыми и смѣняемыми по произволу чуждою властію, но вѣнчанными и независимыми главами государства. Съ принятія баномъ королевскаго сана и вѣнчанія, взглядъ народа на своихъ правителей долженъ былъ измѣнаться: новый король возвысился въ глазахъ народа сравнительно съ прежнимъ баномъ; равно и сословіе бояръ стало гораздо далѣе отъ него, чѣмъ какъ стояло прежде. Такимъ образомъ верховная власть, чрезъ возвышеніе званія своего представителя отстранила отъ себя на первый разъ всякое препятствіе и сдѣлалась свободною въ своихъ дѣйствіяхъ. Но такой порядокъ, обѣщавшій Боснѣ лучшую будущность, продолжался лишь самое короткое время. Отсутствіе законныхъ наслѣдниковъ сдѣлало Босну позорищемъ страшныхъ внутреннихъ усобицъ. Сдѣсь боярство, какъ сильное, коренное сословіе, снова возвысилось въ своемъ значеніи и явилось не малою помѣхою началу власти. Посторонніе сыновья, или бояре, восходя на престолъ и видя на сторонѣ своей только одну часть народа и бояръ, между тѣмъ, какъ другая выставляла имъ соперниковъ, по неволѣ должны были ограничиваться полумѣрами и во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ наблюдать по прежнему подчиненность Угріи и робость съ Дубровникомъ: ибо независимость Босны не была еще признана никакою изъ иностранныхъ державъ, что ясно доказалъ императоръ Сигизмундъ, а съ другой стороны ловкіе и богатые Дубровничане тотчасъ могли отыскать имъ противника между боярами, примѣръ чему видимъ на Остоѣ, противъ котораго Дубровничане выставили Павла Радиновича. Все это связывало имъ руки въ ихъ внѣшнихъ сношеніяхъ и еще болѣе внутри государства, гдѣ они, зная слабость своихъ правъ, не могли предпринять ничего важнаго. Отъ того, видимъ мы, дѣятельность лучшаго и способнѣйшаго короля остается безплодною для внутренняго быта страны. Ища опоры, Боснійскіе владѣтели должны были угождать всѣмъ и каждому внѣ и внутри своего государства. Это несчастное положеніе ихъ проистекало отъ недостаточности правъ на престолонаслѣдіе. Незаконнорожденный сынъ наслѣдовалъ таковому же отцу, и третье, четвертое колѣно незаконныхъ восходило на престолъ. Въ этомъ отношеніи Босна представляетъ собою плачевный и чуть ли не единственный примѣръ въ Исторіи. Правда, въ сосѣдней Греціи и Сербіи были

подобные примѣры; но тамъ они повторялись рѣже и не съ такою послѣдовательностію. Тѣмъ не менѣе вліянію этѣхъ двухъ странъ и преимущественно первой, у которой позанялась и вторая, должно приписать этотъ нравственный развратъ Босны.

Видимою, но мало дѣйствительною, опорою для себя Боснійскіе владѣтели считали свое мнимое родство съ угасшимъ домомъ Немани. Зная, какъ Сербы уважали родъ Неманичей, почитая его утвердителемъ своей земли, и признавая, вмѣстѣ съ народомъ, многихъ изъ его членовъ святыми, короли Боснійскіе спѣшили въ грамотахъ своихъ провозгласить себя прямыми потомками Немани и законными наслѣдниками его достоянія, Сербской земли. Первый къ этой мысли прибѣгнулъ Тврьтко Владиславичъ и мѣстомъ вѣнчанія своего избралъ Милешево, гдѣ покоились мощи св. Савы, перваго архіепископа Сербіи, вѣнчавшаго на царство и перваго короля Сербскаго, Стефана, своего брата. Это мнимое родство съ Неманичами нужно было для Тврьтка и его преемниковъ и въ государственномъ отношеніи; ибо послѣ паденія Сербіи отъ меча Турокъ, Босна одна осталась представительницею Сербской независимости и вмѣстѣ обладательницею подпавшихъ подъ Турецкую власть Сербскихъ областей. Наконецъ предъявленіе выгодно было и по тому еще, что православному населенію Сербіи и Босны представляло владѣтелей тоже какъ православныхъ и вообще придавало видъ законности ихъ притязаніямъ на Сербію, не смотря на то, что ею давно уже владѣли Турки. По этому-то и не удивительно, что личное вѣроисповѣданіе Боснійскихъ королей остается не рѣдко загадкою для историковъ и разгадать его вовсе нельзя изъ того, кому они открыто покровительствовали. Частыя обвиненія въ ереси, возводимыя на нихъ папскими легатами, а съ другой стороны замѣчательное спокойствіе Боснійскаго народа въ дѣлѣ вѣроисповѣданія и вдругъ сильное движеніе его и разъединеніе при послѣднемъ королѣ, когда тотъ слишкомъ явно, а можетъ быть, и чистосердечно выказалъ свою преданность Латинской вѣрѣ, показываютъ, что короли поддерживали у себя вѣротерпимость и сами тщательно скрывали свое личное исповѣданіе, чтобы равно привлекать къ себѣ всѣ три вѣроисповѣданія.

Важнѣйшимъ сословіемъ въ Боснѣ является боярство. Оно росло искони на здѣшней почвѣ, не подвергаясь никакимъ разрушительнымъ переворотамъ, почерпая для себя новыя силы въ быстрыхъ смѣнахъ владѣтелей и скрѣпляя все тѣснѣе и тѣснѣе свои сословныя узы. Оно принимало главнѣйшее участіе во всѣхъ государственныхъ событіяхъ, и среди ихъ, какъ крѣпкое, осѣдлое сословіе, успѣло обособить свои сословныя выгоды и стремленія. Оно помогало искателямъ престола; оно же и выставляло имъ соперниковъ; въ средѣ его укрывались соперники. Отъ времени, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, оно до того укоренилось и отуземилось, что изъ него вышло нѣсколько родовъ, представлявшихъ собою полунезависимыхъ и богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, вся сила коихъ заключалась въ области, гдѣ они жили. Коренная, отличительная черта Славянскаго быта—осѣдлость или туземность, основанная на поземельномъ владѣніи, произвела такіе сильные роды, каковыми были, на примѣръ, Санковичи, Яблановичи, Храничи, владѣвшіе цѣлыми областями и распоряжавшіеся ими по своему желанію, такъ что королямъ оставалось только подтверждать и укрѣплять своею верховною властію ихъ произвольныя сдѣлки. Нѣкотораго рода отдѣленность старинныхъ областей, Хлума и Травуніи, отъ ядра государства, Босны, много способствовала усиленію нѣкоторыхъ област-

ныхъ родовъ. Въ самой Боснѣ мы не видимъ ни одного сильнѣйшаго боярскаго рода, который бы значительно возвышался надъ другими; но въ Травуніи и Хлумѣ находимъ по одному такому владѣтельному роду, подъ которымъ стоятъ другіе княжескіе и извѣстные боярскіе роды. Въ первой является сначала Санко съ своими сыновьями, послѣ которыхъ родъ этотъ быстро исчезаетъ и первенство переходитъ къ Яблановичамъ. Павелъ Радиновичъ Яблановичъ былъ нѣкогда соперникомъ Остои. Радославъ Павловичъ и Иванишъ Радославичъ поддерживали славу и первенство своего рода. Подъ ихъ грамотами подписывались свидѣтелями сподручные имъ бояре, и около нихъ толпились властели ихъ племени и прочіе боярскіе роды. Еще сильнѣе развилось боярство въ Хлумѣ, который никогда не былъ совершенно соединенъ ни съ какимъ государствомъ, и хотя постоянно занималъ второстепенное мѣсто, однако сохранилъ въ себѣ искру самостоятельности. Въ немъ сидѣлъ знаменитый родъ Храничей со многими родственными домами и сподручными властелями. Главнѣйшимъ представителемъ его былъ Стефанъ Косача. Этотъ бояринъ выразилъ яснѣе всѣхъ мысль своей области, и, подобно тому, какъ Босна отрѣшилась отъ Угріи, такъ онъ съ своею областію отсталъ отъ Босны. Въ какихъ отношеніяхъ стояла Босна къ Угріи послѣ вѣнчанія Твртка I на королевство, въ такія точно отношенія сталъ къ Боснѣ Хлумъ, когда Косача доставилъ своей области названіе воеводства св. Савы, а себѣ санъ Нѣмецкаго воеводы или герцога, блюстителя гроба св. Савы. Не смотря на то, что Хлумъ долѣе Босны держался противъ напора Турокъ, надобно сознаться, что усиленіе боярства, повлекшее за собою раздѣленіе областей, ослабило государственную силу Босны и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ того, что Босна сдѣлалась такою легкою добычею разрушителей Греческой имперіи. Вообще, хотя цѣлости и силѣ боярскаго сословія Босна обязана сохраненіемъ въ бо́льшей бережности своего стариннаго быта, однако, при ослабленіи королевской власти въ слѣдствіе отсутствія законныхъ наслѣдниковъ, усиленіе боярства, пособствуемое стариннымъ поземельнымъ бытомъ, нарушило правильныя и благодѣтельныя отношенія между подданными и верховною властію и произвело ту путаницу, которая разрушительно дѣйствовала во внутреннихъ дѣлахъ и внѣшнихъ сношеніяхъ и отозвалась напослѣдокъ конечною гибелью Босны.

ГЛАВА III.

СЕРБІЯ.

За Босною слѣдуетъ *Сербія* или, вѣрнѣе, собственная Сербія. Къ ней менѣе всего относятся наши грамоты, а по тому и изслѣдованія мои будутъ касаться только важнѣйшихъ историческихъ явленій, нужныхъ для связи изложенія, да тѣхъ событій, которыя изрѣдка, какъ даръ памятниковъ, выпадаютъ на долю Сербіи.

Во второй четверти VII вѣка (636—638), въ слѣдъ за Хорватами, пришли на Ѳракійскій полуостровъ Сербы и поселились, по прежнему, рядомъ съ Хорватами. О разселеніи ихъ первый разсказалъ намъ Константинъ Багрянородный; Шафарикъ, въ своихъ Древностяхъ и на своемъ Землевидѣ, представилъ его въ живомъ, наглядномъ образѣ по послѣднимъ итогамъ науки. Мы видимъ, что Сербы заняли страну, лежавшую между рѣками Моравою, Дунаемъ, Савою, Врьбасомъ и Цетиною, Синимъ моремъ, Скадарскимъ озеромъ и рѣками Дринцемъ, Ибаромъ и Сербскою Моравою. Главный хребетъ горъ раздѣлялъ всю Сербію на двѣ половины: въ западной лежали области Неретва, Хлумъ, Травунія и Зета; въ восточной Босна и собственная Сербія.

Сдѣсь представляется вопросъ, въ какомъ взаимномъ отношеніи находились этѣ области до Стефана Немани? Скудныя и отрывочныя извѣстія лѣтописцевъ, такъ искусно собранныя, очищенныя и связанныя Шафарикомъ, не рѣшаютъ вполнѣ этого вопроса; но, по нашему мнѣнію, этѣ области до Немани, котораго сыновья и позднѣйшіе лѣтописцы не даромъ называютъ «собирателемъ Сербской земли», находились въ состояніи разъединенія. Не взирая на то, что великіе жупаны собственной Сербіи, сначала изъ Дестницы, потомъ изъ Дукли и наконецъ изъ Расы, часто предъявляли свои права на всю Сербскую землю и называли себя королями (rex) всего Сербскаго народа (Михаилъ 1050—1080, Вуканъ 1089—1105); не взирая на то, что лѣтописцы имъ преимущественно посвящаютъ свой разсказъ: мы не имѣемъ причины думать, чтобы всѣ Сербскія области охотно повиновались ихъ власти. Нѣкоторыя отрывочныя извѣстія Византійскихъ и Западныхъ лѣтописцевъ проливаютъ мѣстами свѣтъ на этѣ области, вообще покрытыя мракомъ неизвѣстности. Неречане, отличавшіеся преимущественно передъ другими любовью къ независимости и буйной, морской жизни, постоянно оставались совершенно свободными въ своемъ управленіи, торговлѣ, вѣроисповѣданіи. Только на короткое время видимъ ихъ во власти великаго жупана Петра изъ Дестницы и потомъ они снова начинаютъ вести вольную и отважную жизнь, занимаясь морскими разбоями и защищаясь отъ нападенія Венеціянъ. Въ Травуніи жупанъ или князь Крайна, женатый на дочери Властимира, великаго жупана (836 — 843), получилъ

право независимости, которое перешло и на сыновей его[1]. Въ Захлумьи сидѣли независимые князья, изъ коихъ извѣстнѣе прочихъ Михаилъ Вышевить. Родъ его, по свидѣтельству Багрянороднаго, былъ изстари владѣтельнымъ въ Хлумѣ и велъ свое начало отъ языческихъ Сербовъ[2]. Сербскіе лѣтописцы сохранили преданіе о бѣгствѣ дѣда Немани, Белы Уроша, въ Захлумье, которое, слѣдовательно, было независимо отъ собственной Сербіи[3]. Константинъ Бодинъ (во второй половинѣ XI в.) велъ войну съ Боснійскимъ и Раскимъ жупанами, которыхъ и побѣдилъ[4]. Въ Зетѣ при Немани оставались независимые князья, два брата, Радославъ и Иванъ, которые наконецъ бѣжали отъ Немани въ Дубровникъ[5]. Владиміръ, третій ихъ братъ, владѣлъ Расою; но также былъ прогнанъ Неманею въ Дубровникъ[6]. Хотя Исторія указываетъ на таковыхъ князей промежутками, въ разное время и въ разныхъ областяхъ; однако не вѣроятно, чтобы они добровольно отказывались отъ своей власти въ пользу Сербскихъ великихъ жупановъ, но вѣроятнѣе, что они передавали ее своимъ преемникамъ, если только кто силою не покорялъ ихъ[7]. Если присоединить къ нимъ Дестиницкихъ, Дуклянскихъ и Раскихъ жупановъ, то увидимъ, что каждая область Сербскаго племени имѣла своихъ болѣе, или менѣе независимыхъ князей.

Около 1120 года на великожупанскій престолъ взошелъ Раскій жупанъ, Бела Урошъ, котораго туземные лѣтописцы считаютъ родоначальникомъ Неманевскаго дома и дѣдомъ Немани. Историку, едва успѣвавшему до сихъ поръ слѣдить за бѣглыми извѣстіями Сербскихъ и иноземныхъ лѣтописцевъ, озадаченному быстрымъ ходомъ прерывающихся событій, неяснымъ выраженіемъ народной мысли, частою смѣною власти и переходомъ ея отъ одного рода къ другому, пріятно достигнуть предѣла, за которымъ уже постоянно мерцаетъ свѣтъ Исторіи и событія становятся яснѣе, жизнь народная развивается полнѣе и мысль, выработанная народомъ и его властителями, проявляется нагляднѣе. Съ Белы Уроша мы замѣчаемъ начало преемственности въ одномъ родѣ по общему Славянскому закону старшинства. Ему наслѣдуетъ сначала старшій сынъ, Чедомилъ, потомъ младшій, Тѣхомилъ, который быстро свергаетъ съ престола двухъ незаконныхъ притязателей, зятя своего, Белуша, и брата его Прибислава, отважившихся, было, наслѣдовать Чедомилу. Стяженіе областей началось съ Белы Уроша, который, уже по праву собственности, распорядился Боснією, отдавъ ее, въ приданое за дочерью, Угорскому королевичу. Хлумъ былъ при немъ независимымъ, ибо онъ бѣгалъ туда отъ какихъ-то внутреннихъ смутъ. Пользуясь не установившеюся еще властію и происходящею отъ того слабостію народа, Мануилъ Комнинъ выказалъ, но уже въ послѣдній разъ для Гре-

---

[1] *Ποιήδας αὐτὸν αὐτεξούδιον*. Const. Porphyrog. de Adm. Imp. Corp. Script. Hist. Byz., v. III, c. 34, p. 161.—Stritter, II, 408. Впрочемъ Багрянородный тамъ же свидѣтельствуетъ, что Травунія постоянно повиновалась Сербскому князю.

[2] Багрянородный называетъ его проконсуломъ и патриціемъ, а его владѣнія *ἡ ἀρχοντία*. Захлумцы, по его словамъ, вмѣстѣ съ другими Славянами, когда Римское владычество ослабѣло, *γεγόναδιν ἰδιόρυϑμοι καὶ αὐτοκέφαλοι, τινὶ μὴ ὑποκείμενοι*. Ib. c. 29, p. 128; c. 33, p. 160. — Stritter, II, 406, 414.

[3] См. Лѣтописи, у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 57 и 68.

[4] Шафар. Slow. Starož., II, IV, § 31, 2, 3, 4. Слав. Древн., II, I, 413—425.

[5] Luccari, Annali di Rausa, стр. 21, 25.—Орбини, стр. 219, 220.—Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § XLVIII. — Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 201, 202.

[6] Орбини, стр. 220. Источники см. у Дюфрена, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § XLVIII.

[7] Ср. Шафар., Slow. Starož. II, IV, § 31, 2, 3, 4. Слав. Древн., II, I, 413—425.

ціи, свое преобладающее вліяніе во внутреннихъ дѣлахъ Сербіи. Послѣднее дѣйствіе Византійскаго преобладанія состояло въ возведеніи на великожупанскій престолъ младшаго сына Тѣхомилова, Немани. Съ этой поры вниманіе историка сосредоточивается постоянно на господствующемъ родѣ Немани, и другія Сербскія области уступаютъ государственному началу, внесенному домомъ Немани. Византійскіе лѣтописцы паденіе Тѣхомила и возведеніе Немани приписываютъ Мануилу Комнину, который такимъ образомъ нарушилъ, по праву сильнаго, обычный родовой порядокъ, по которому у Сербовъ, какъ и у прочихъ Славянъ, старшій братъ имѣлъ преимущество передъ младшими. Но сильный духомъ Неманя, воспользовавшись содѣйствіемъ Греческаго императора, остался на престолѣ и тѣмъ нанесъ первый ударъ стариннымъ родовымъ счетамъ. Впрочемъ, честь окончательнаго удара этимъ счетамъ принадлежитъ не ему, но одному изъ его преемниковъ, какъ увидимъ послѣ. Онъ же, какъ настоящею своею заслугою, можетъ гордиться тѣмъ, что власть верховную сосредоточилъ въ своемъ родѣ (такъ что въ послѣдствіи даже незаконные сыновья, прикрываясь своею мнимою принадлежностію къ дому Неманевскому, восходили на престолъ), совокупилъ, сколько возможно было, Сербскія области, и внесъ въ ея внѣшнюю жизнь государственное начало. Въ этомъ его великая заслуга.

Сынъ Немани, Стефанъ Первовѣнчанный, написалъ жизнь своего отца. Въ ней, между прочимъ, упоминаетъ онъ о великомъ мятежѣ, бывшемъ въ Сербіи, Диоклѣ, Далмаціи и Травуніи, въ слѣдствіе котораго родитель Немани былъ изгнанъ братьями и удалился въ свою родину, Диоклю, гдѣ у него и родился сынъ Неманя. Св. Сава, другой сынъ и жизнеписатель Немани, точнѣе опредѣляетъ мѣсторожденіе отца, говоря, что онъ родился въ Зетѣ на Рыбницѣ. Изъ предыдущаго извѣстія узнаемъ, что, по смерти Белы Уроша, между сыновьями его происходили распри, заставившія младшаго брата, Тѣхомила, бѣжать въ Диоклю. Если справедливо, что въ 1151 г. Чедомилъ еще былъ живъ и сидѣлъ на престолѣ, имѣя непріязненныя сношенія съ Мануиломъ Комнинымъ, и если вѣрно показаніе другаго сына Немани, св. Савы, что Неманя родился въ 1144 г., то бѣгство Тѣхомила и рожденіе младшаго его сына случились еще во время властвованія Чедомила. Между областями Стефанъ не упоминаетъ о Неретвѣ, Захлумьи и Боснѣ — и справедливо, ибо двѣ первыя пользовались въ это время независимостію, а послѣдняя принадлежала Угріи. Надъ остальными землями, спустя нѣсколько времени послѣ своего бѣгства, воцарился Тѣхомилъ, возвратясь, по выраженію Стефана, на стольное мѣсто. Послѣ него сыновья его раздѣлили между собою Сербскую землю: на это намекаетъ Стефанъ, говоря объ удѣлѣ Немани, какъ младшаго брата: **въꙁрастьшоү же емоү до ѡтроүны и приимшоү честь** (часть) **ѡтьчьствиꙗ своего реномоую топлицоү, ибрь же и глаголимыи рѣкы**. Слѣдовательно, Неманя получилъ югозападный уголъ собственной Сербіи, гдѣ протекалъ Ибаръ и гдѣ лежали Топлица, близъ устья р. Косьльницы, Ибаръ, на р. Студеницѣ, и Раса, на рѣкѣ Рашкѣ или Расинѣ. Изъ извѣстій о мѣстѣ построенія церквей старшими его братьями, сообщенныхъ позднѣйшими лѣтописцами, видимъ, что Завидъ держался на р. Лимѣ[1], Срацимиръ на Моравѣ, Первославъ въ Будимлѣ. Слѣдовательно, удѣлы старшихъ братьевъ окружали удѣлъ младшаго. Что братья имѣли свои удѣлы, то это

[1] Лѣтописецъ ошибается, прибавляя сюда выраженіе **въ Косни**: въ другомъ лѣтописцѣ этой прибавки нѣтъ.

доказывается еще выраженіемъ жизнеписателя, который, по поводу построенія Неманею храма св. Николая близъ храма Богородицы, именуемаго на устьи Банской рѣки, говоритъ о совѣщаніи Неманиныхъ братьевъ со старшимъ своимъ братомъ, «владѣвшимъ тогда *сею* страною Сербіи.» Впрочемъ, болѣе ясныхъ указаній на удѣлы нѣтъ. Но по чему именно Немани досталась Раса, считавшаяся главнѣйшимъ городомъ, если не всей собственной Сербіи, то, по крайней мѣрѣ, того угла, который замѣтно преобладалъ надъ прочими, и въ которомъ столкнулись владѣнія всѣхъ четырехъ братьевъ? На это положительно отвѣчать нельзя, за неимѣніемъ ясныхъ указаній; но можно догадываться, что сдѣсь участвовало вліяніе Византіи. Сербскіе лѣтописцы молчатъ объ этомъ событіи, ибо въ ихъ глазахъ внутренніе расчеты все же были сильнѣе внѣшнихъ причинъ. Надобно, однако, сознаться, что Неманя не одинъ, но съ чужою помощію нарушилъ родовыя права, а по тому новость эта, какъ не условленная еще внутренними потребностями самой народной жизни, какъ преждевременная, не нашла себѣ надлежащей опоры, и родовые счеты продолжали еще долгое время дѣйствовать въ родѣ Немани. Родовые счеты занимали ближайшаго къ тому времени вѣнчаннаго лѣтописца: мало обращая вниманія на содѣйствіе успѣхамъ Немани со стороны Греческаго императора, онъ преимущественно занимается взаимными отношеніями между братьями. Изъ его словъ видимъ, что старшіе братья, лишенные всѣ великожупанскаго достоинства, соединенными силами подыскиваютъ подъ своимъ меньшимъ братомъ. Но на первый разъ заступничество Мануила Комнина, подарившаго Немани Глубочицу, спасло его отъ братьевъ. Во второй разъ, когда Неманя началъ строить храмъ св. Николая, близъ храма Богородицы, именуемаго на устьи Банской рѣки, старшіе братья **ревностию ѕлою и гнѣвомь ꙗромь ѡдрьжими**, приступили къ нему съ такими словами: **почто твориши сиковая не свѣщавь ѡ сихъ снами, ꙗже ти не подобаеть творити?** Въ этихъ словахъ явно выражался упрекъ въ томъ, что младшій братъ не слушался старшихъ и дѣйствовалъ безъ общаго совѣта, требуемаго родовымъ правомъ. Потомъ братья, **свѣщавьшесе сь старѣишинь ѡть братие его, владычьствоующоу тогда сею ѕемлею срьпьскою**, схватили его и заключили въ пещеру, изъ которой онъ, однако, освободился чудеснымъ образомъ [1], Братья, какъ видно, согласовались съ родовымъ обычаемъ и не прежде приступили къ дѣйствію, какъ по совѣщанію со старшимъ братомъ. Выраженіе жизнеписца, что тогда *сею* землею Сербскою владѣлъ старшій братъ, и совокупность дѣйствій всѣхъ трехъ старшихъ братьевъ могутъ на время поколебать наше предположеніе объ удѣлахъ: говоримъ, на время, ибо существованіе удѣловъ при Немани и послѣ Немани, хотя и въ ограниченномъ объемѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Самъ Неманя, по смерти своихъ братьевъ, отдалъ ихъ сыновьямъ въ удѣлъ Захлумію, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ Сербскихъ лѣтописцевъ [2]. Потомъ позднѣйшіе Неманичи, Вуканъ, Драгутинъ и др., служатъ тому вѣрнымъ доказательствомъ. Естественнѣе всего допустить, что братья, оставаясь каждый при своемъ удѣлѣ и признавая надъ собою старшаго, продолжали считать Сербію общимъ владѣніемъ своего рода, для чего признавали надъ собою власть старшаго брата и совѣщались между собою въ дѣлахъ. Выраженіе *сею* землею Сербскою можно понимать безъ ука-

---

[1] См. Гласникъ, ч. V, стр. 26.

[2] Гласникъ, ч. V, стр. 30.

занія на отдѣльный удѣлъ, а въ общемъ смыслѣ всей Сербской земли. Подобное тому общее указаніе находимъ въ грамотѣ Немани (А. № 1): даровл нашимь прадѣдомь. и нашимь дѣдомь. обладати сиюкь землокь срьбьскокь. Въ послѣднемъ случаѣ наше предположеніе объ общности владѣнія между треия старшими братьями еще болѣе подтвердится. Можно даже предполагать, что *сею* замѣняетъ сдѣсь вьсею или всею. Неманя поступилъ на этотъ разъ, какъ государственный мужъ: онъ нарушилъ общность владѣнія всего рода, захватилъ себѣ часть «своего отечества» вопреки старшимъ братьямъ, отстаивавшимъ права родовой собственности; онъ же явился и самовластителемъ, построивъ храмъ во владѣніяхъ старшаго брата, который выставлялъ себя главою Сербской земли. Не мудрено, что братья, не освоившіеся со столь внезапною перемѣною родовыхъ отношеній, вознегодовали на виновника этой перемѣны. Въ третій разъ поднялись они на младшаго брата, соединясь съ Греческими наемниками, Фругами, Турками и другими народами. Жизнеписатель называетъ ихъ сдѣсь просто врагами, разогнанными Неманею по иноплеменнымъ землямъ; но ясно, что онъ разумѣетъ сдѣсь внутреннихъ враговъ, а дальнѣйшія слова его прямо указываютъ на братьевъ. Близъ Звечана произошла битва, и Неманя разбилъ враговъ на голову и разсѣялъ ихъ; при этомъ одинъ изъ братьевъ утонулъ въ рѣкѣ. Послѣ этого братья утихли и внутреннія усобицы прекратились. Не одна сила Греческаго императора поддерживала Неманю; но въ немъ самомъ было довольно мужества и твердости духа для поддержанія своего достоинства. Еще при жизни Мануила Неманя слылъ у Грековъ, какъ *ὁ τῶν Σέρβων σατράπης ὑπὲρ ὃ δεῖ θρασύτερος γέγονε, καὶ κακόσχολος ὢν τις ἥγηται σοφὸν το περίεργον καὶ τὴν ἐπιθυμίαν τρέφων ἀκόρεστον καὶ πρὸς τὰ ἐκεῖ πάντα διαπλωθῆναι φιλονεικῶν τοῖς ἐκ τοῦ αὐτοῦ φύλου βαρὺς ἐμπίπτει καὶ ξίφει τὸ γένος μέτεισι, μήτε μὴν τὰ οἰκεῖα εἰδὼς μέτρα Χορβατίαν ὑποποιεῖται, καὶ πρὸς ἑαυτὸν ἐπισπᾶται τῶν καττάρων τὴν κυριότητα.* Но въ чемъ состояла его отвага и дерзость, это видно изъ дальнѣйшихъ словъ лѣтописца: *τῷ δὲ τοπάρχῃ Νεεμᾶν οὕτως ἀναρσίου μετῆν φρονήματος ὡς εὐθὺς ἐξενεγκεῖν ἀκήρυκτον πόλεμον καὶ Ῥωμαίοις ἐπεισπεσεῖν*[1]. Тѣмъ не менѣе онъ еще признавалъ надъ собою верховную власть Греціи. Когда же умеръ Мануилъ, тогда и самые слѣды этой зависимости сгладились, и Неманя сдѣлался независимымъ владыкою Сербской земли. Теперь онъ видѣлъ удобный случай къ расширенію извнѣ предѣловъ своего владычества. Въ соединеніи съ Угорскимъ королемъ, онъ разрушилъ у Грековъ Средецъ (Софію); потомъ одинъ захватилъ города: Перьникъ (Петрьникъ), Стобь, Землинъ, Вельбуждь, Житомитскъ, Скопле, Лѣшскъ, Градецъ, Призрѣнъ, Нишъ, Свърлигъ, Равьный и Козелъ. Хотя жизнеписатель и говоритъ, что всѣ эти города были имъ разрушены до основанія, не оста бо камень на камени иже не съкроушишесе. иже и невъздвигошесе и до сего дьне; однако мы увѣрены, что не всѣ города потерпѣли эту плачевную участь, ибо многіе изъ нихъ вскорѣ снова являются мѣстомъ событій. Слѣдствіемъ этой войны было присоединеніе къ Сербіи областей Нишевской и Призрѣнской. Сверхъ того, присоединены были: Липляна, Морава, Враный и оба Пилота. Въ Скоплѣ и Нишѣ были построены храмы. Наконецъ, видя Дуклю и Далмацію, отьчьство и рожденние свои истовоую дѣдиноу свою, въ рукахъ Грековъ, успѣвшихъ поселиться въ

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Nicetas Choniata, de Man. Comn., l. V, p. 206. — Stritter, II, 190.

ней и построить города, онъ обратилъ на нее свое оружіе, прогналъ Грековъ и разрушилъ выстроенные ими города, коихъ имена суть слѣдующія: Дань, Сардоники, Дривость, Росафъ или Скодръ (Скадаръ), Свачъ, Льцинъ, Баръ. Сдѣсь опять жизнеписатель увлекся: не всѣ города были въ это именно время выстроены Греками и не всѣ были разрушены Неманею. Въ Барѣ онъ создалъ храмъ св. Николая. Въ Которѣ, равномѣрно завоеванномъ, онъ воздвигъ для себя дворецъ. Сербы, жившіе въ Зетѣ, при этомъ случаѣ были оставлены въ покоѣ. Позднѣйшій лѣтописецъ упоминаетъ о тѣхъ же, но только не о всѣхъ, городахъ, присвоенныхъ Неманею; но другой, современный Стефану, жизнеписатель Немани, братъ предыдущаго, св. Сава, нѣсколько иначе именуетъ пріобрѣтенія Немани. По его словамъ, Неманя пріобрѣлъ отъ Поморской земли Зету, отъ Рабна (Арбанасъ, Албаніи) оба Пилота, отъ Греческой земли Патково (принадлежавшее прежде Булгарамъ), Хвостно, Подримье (около Призрѣна), Кострьць, Дрьжковину, Ситницу, Лабь, Липляну, Глубочицу, Рѣку, Ушку, Поморавіе (земли по восточному рукаву Моравы), Загрьлату, Лѣвче и Бѣлицу. Впрочемъ, если припомнимъ положеніе извѣстныхъ намъ городовъ, то увидимъ, что края, пріобрѣтенные Неманею, были тѣ же самые, о которыхъ говоритъ и Стефанъ. Вообще они прилежали къ Сербіи съ югозапада, юга и юговостока. Самъ же Неманя, въ своей жалованной грамотѣ (А. № 1), съ которой, судя по сходству выраженій, списывалъ св. Сава начало жизнеписанія своего отца, хотя и сходится съ св. Савою въ описаніи своихъ пріобрѣтеній; однако нѣкоторыхъ городовъ у него не достаетъ и прибавленъ одинъ городъ, Лепеница. Такимъ образомъ владѣнія Немани доходили на западъ до моря и обнимали всю Зету за Скодръ и Баръ до Подримья и до Пилотовъ въ Албаніи, на югъ до Призрѣна, Скопля, Враны и береговъ Булгарской Моравы, на юговостокъ за Лешковецъ и Нишъ [1]. Наконецъ, послѣ мира его съ Исаакомъ Ангеломъ въ 1192 г. Греческая царевна, Евдокія, дочь Алексѣя Комнина, отдала руку сыну его, Стефану. Дружественныя сношенія съ императоромъ Фридрихомъ I, проходившимъ черезъ Сербскія земли въ Палестину, ок. 1188 г., показываютъ, что Неманя хотѣлъ и со стороны Запада, быть можетъ, въ противодѣйствіе Угріи, обезпечить свои владѣнія. Неманя былъ первый государственный мужъ Сербіи. По своимъ дѣйствіямъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, онъ стоялъ гораздо выше своихъ предшественниковъ. Счастливо отдѣлавшись отъ усобицъ, онъ умѣлъ сдержать въ повиновеніи своихъ родичей и положилъ основаніе самодержавію въ Сербіи, явившись первымъ собирателемъ земли Сербской. При немъ отношенія областей къ великожупанскому престолу измѣнились. Онъ роздалъ области или своимъ родичамъ, или слугамъ. Зета, Хлумъ и Травунія повиновались ему. Нижняя Зета утратила, кажется, послѣднихъ независимыхъ владѣльцевъ своихъ въ лицѣ братьевъ Радивоя и Ивана. Верхняя Зета, равно какъ Травунія и Хлумъ оставались за домомъ Немани, и именно, если не ошибаемся, за его братьями, которымъ принадлежала и нижняя Зета, какъ намекаетъ на то преданіе, сохраненное иностранными историками объ участіи Неманиныхъ братьевъ въ поко-

---

[1] Вѣроятно, многія изъ завоеваній были возвращены Греціи (не при бракѣ ли Стефана съ Евдокіею?), ибо въ позднѣйшей грамотѣ Немани намекается на то, что Призрѣнъ принадлежалъ снова Греческому царю. Испросихь парик (приходы, церковныя владѣнія) оу цара оу призьрѣнѣ — пишетъ Неманя (А. N 1): иначе не надобно бы было испрашивать.

ренія ея независимыхъ князей. Въ завоеванной имъ въ 1169 г. Боснѣ[1] правилъ покорный ему банъ, самъ ли Кулинъ, или еще предшественникъ его — неизвѣстно. Спустя нѣсколько лѣтъ, сдѣсь является могучій банъ Кулинъ, родичъ Немани[2] и вѣрный его сподручникъ, сберегшій свою независимость для того, чтобы тотчасъ послѣ Немани вручить ее Угріи. Даже Неретва, которая давно уже отпала отъ Сербіи и несла одинаковую участь съ Приморскою или Хорватскою Далмаціею, принадлежала нѣкоторое время Немани[3]. Одинъ сынъ называетъ Неманю «погибшихъ обновителемъ», «мужемъ, собравшимъ свою погибшую землю»; другой сынъ пишетъ о немъ, что онъ «обновилъ отчинную дѣдину и больше утвердилъ», что онъ былъ «самодержавнымъ господиномъ надъ всею Сербскою землею», въ истиноу бо сы дивьнь и страшнь бысть вьсѣмь живоущїимь окрьсть себе. Доментіанъ, въ Житіи св. Савы, называетъ его самодержавнымъ владыкою Сербскихъ земель, є глютса. диоклитїа. далматїа. травунїа. якостокѹ оубо. илирїа приближающе къзападѹ же. римстѣи области прилежаще.[4] Безыменный лѣтописецъ называетъ его «великимъ жупаномъ и самодержавнымъ господиномъ всѣхъ Сербскихъ земель, Поморія къ западу и Діоклитіи и Далмантіи и Захлумія и Травуніи къ Истру». Такъ и другой безыменный лѣтописецъ. Отсюда видно, какія области принадлежали къ Сербской державѣ. Что должно разумѣть подъ Далмаціею, которую, какъ мы видѣли, лѣтописцы всегда соединяютъ съ Дуклею (Діоклитіею)? Мы уже знаемъ, что́ разумѣли Греки подъ Далмаціею въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ. Бандури, стараясь объяснить различныя представленія, соединяемыя со словомъ Далмація, приводитъ слова Лучича: ita quando a Slavis occupata fuit, sublatis his distinctionibus, ab oriente, Dyrrachio sive Drino flumine; ab occidente Istria sive Arsia flumine; a septentrione, Albio, Bebio et Ardio montibus, a meridie, mare Adriatico sive Dalmatico terminabatur. Андрей Дандоло въ рукописи, упоминаемой у того же Бандури, полагаетъ

---

[1] Такъ Шафарикъ (Slow. Starožit. II, IV, 649. Слав. Древн.. II, I. 424); но еще ранѣе Босна стала подыматься противъ Угріи. Есть извѣстіе, что при Стефанѣ III какой-то miles, Gotfridus nominatus, de Mesnensi regione, поселился въ Угріи и, по повелѣнію Короля, ходилъ adversus ducem de Bozna, quo devicto ad regem reversus. Это объясняется само собою, если только вспомнимъ, что Борисъ велъ весьма двусмысленную политику относительно Угріи. Отстраняя Босну отъ Угріи во время войны Мануила съ Гейзою II и Стефаномъ III, онъ облегчилъ для Немани ея завоеваніе. (Simon de Keza, De nobilibus advenis. Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana, ed. S. L. Endlicher, 1848. P. I. p. 127).

[2] Лѣтописцы и историки перепутываютъ родственныя отношенія между ними: изъ ихъ показаній одно только можно вывести заключеніе, что банъ Боснійскій и Неманя были между собою въ какомъ-то сродствѣ.

[3] Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 201. Передъ этимъ въ послѣдній разъ видимъ ее подъ властію Сербіи при великомъ жупанѣ Петрѣ въ 917 г. (Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., de Adm. Imp., c. 32. — Stritter, II, 415). Любовь къ независимости и морскимъ разбоямъ поставили ее въ непріязненное положеніе относительно сосѣдей. Венеція въ XI ст. сокрушила могущество Неречанъ, которые, однако, послѣ того еще долгое время славились на морѣ своими грабежами, навлекая на себя гнѣвъ не только Венеціи и Угріи, но и самыхъ Далматскихъ городовъ. Южная часть древней Неретвы принадлежала Хлуму и вмѣстѣ съ нимъ составляла владѣніе Босны.

[4] Рукопись подъ заглавіемъ: Житие и подвизи въ пѹстыни съ оцемь и особь хотѣнїа. и очасти чюдесъ сповѣданїе. иже въ стыи оца наше савы. прѣсваго архїепа и оучитела срьбьскаго. списано прѣпбнымь доментїаномъ їеромонахомъ. монастыра хиландарь нарицаемаго.

[5] Stritter, II, 19.

границами Далмація на сѣверѣ Истрію, на югѣ Драчъ (Диррахій). Это означеніе южной оконечности Далмаціи для насъ важно по тому, что оно объясняетъ понятіе, которое Сербскіе лѣтописцы соединяли съ Далмаціею. Изъ ихъ словъ нельзя не замѣтить, что подъ Далмаціею они разумѣли часть Зеты или, иначе, верхнюю Зету, носящую нынѣ имя Турецкой Албаніи. Къ Далмаціи, по ихъ понятію, принадлежали, безъ сомнѣнія, Скодръ и Албанскіе города: Баръ, Олгунъ, Лешъ и Драчъ, бывшіе сначала во владѣніи Грековъ, послѣ Сербовъ. Неманя владѣлъ ими. Это заключеніе, истекающее изъ простаго пониманія словъ Сербскихъ лѣтописцевъ, имѣетъ на своей сторонѣ одно весьма замѣчательное указаніе, сдѣланное жизнеписателемъ Немани, Стефаномъ, и обращающее его изъ догадки въ достовѣрную истину, основанную уже на положительномъ извѣстіи. Жизнеписецъ, повѣствуя о возстаніи Михаила, говоритъ, что онъ владѣлъ **вь страиѣ драчьсцѣи и вь поморіи ѡстрова того великаго иже прилежить близь диѡклитии и далматьскыи страны и ѡтьчьстиѥ светаго сүмеѡна**. Прямой смыслъ мѣста показываетъ, что родиною Немани считалась Дукля съ Далмаціею, что, по другому жизнеписцу, есть то же, что Зета. Слѣдовательно, Дукля и Далмація заключались въ Зетѣ, принимаемой, разумѣется, въ обширномъ смыслѣ. Островъ, прилежащій въ одно и то же время Дуклѣ и Далмаціи и относящійся къ Драчу, подтверждаетъ близость Далмаціи къ Дуклѣ и Драчу, что будетъ понятнымъ, если предположимъ Далмацію между первою и вторымъ. Наконецъ, дальнѣйшія слова жизнеписца окончательно разрѣшаютъ вопросъ и уже не оставляютъ болѣе сомнѣнія о мѣстонахожденіи Сербской Далмаціи. Стефанъ продолжаетъ: **и приять идинь ѡть градь моихь скьдрь глаголиміи вь истиньнѣи дальматии соүщь**. Михаилу Драчскому естественнѣе и прямѣе всего было обратиться на Скодръ, какъ ближайшій къ Драчу значительный городъ; Скодръ же находился въ настоящей, коренной Далмаціи, по мнѣнію тогдашнихъ Сербовъ. И такъ вотъ гдѣ надобно искать Далмацію. Мы не ошиблись, если назвали ее частію сѣверной Албаніи. Но такъ какъ, судя по извѣстіямъ о положеніи южныхъ границъ Дукли, сообщеннымъ Константиномъ Багрянороднымъ, Скодръ находился въ Дуклѣ или Зетѣ, въ обширномъ смыслѣ, то мы можемъ съ достовѣрностію заключить, что два края, всегда вмѣстѣ, одинъ съ другимъ, упоминаемые Сербскими грамотами и лѣтописцами, Діоклитія и Далмація, были не что иное, какъ древняя Зета, обнимавшая собою и нынѣшнюю Черногорію и часть нынѣшней сѣверной Албаніи. Только этимъ объясняется странное явленіе, замѣчаемое въ титулахъ нѣкоторыхъ Сербскихъ государей: Немани, Стефана Первовѣнчаннаго и Душана, именно, отсутствіе Зеты, которая, безъ всякаго сомнѣнія, замѣнялась Дуклею и Далмаціею. [1]

Коснувшись *Зеты*, мы должны сдѣсь показать ея отличительное значеніе въ ряду Сербскихъ областей. Теперь сдѣлать это всего удобнѣе по тому, что въ памятникахъ, относящихся, по содержаніе своему, къ Немани, значеніе Зеты выражено ясно названіемъ «дѣдины», которое ей придается отличительно передъ прочими областями Сербіи. Въ позднѣйшія времена Зета постоянно отправляла служеніе частнаго удѣла Сербскихъ королей и царей, съ особымъ назначеніемъ, что согласовалось съ ея званіемъ, какъ дѣдины рода Немани; но это видно только изъ событій, а самого письменнаго выраженія таковаго ея значе-

---

[1] Лѣтописи, у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 59 и 68. — Грамоты Ш. N VII; С. NN 7, 51.—Приписъ на пергаменномъ евангеліи у Григоровича въ Путешествіи, стр. 19.

нія мы въ позднѣйшихъ, по содержанію, памятникахъ уже не находимъ. Зета, до самыхъ временъ Душана, положившаго конецъ всякимъ родовымъ счетамъ и удѣламъ, водворившаго окончательно въ жизни Сербіи государственное начало и основавшаго въ образѣ правленія самовластіе и единодержавіе, оставалась частною собственностію Сербскихъ государей, которую они уступали при своей жизни своимъ родичамъ, сыновьямъ, вдовамъ и т. д. Это показываетъ, что они на Зету смотрѣли, какъ на свой удѣлъ, которымъ могли распоряжаться по своему произволу; въ которомъ подготовлялись ихъ будущіе наслѣдники; гдѣ жили на покоѣ вдовы и сыновья, находившіеся подъ опалою, или лишенные права на престолонаслѣдіе. Таковое-то историческое значеніе Зеты, начавшееся съ Немани, и выражено было имъ самимъ, равно какъ обоими его сыновьями—жизнеписцами, чрезъ слово «дѣдина». Тѣхомилъ, отецъ Немани, прибѣжалъ, по свидѣтельству Стефана, въ «мѣсторожденіе свое, называемое Діоклитіею». Сдѣсь родился у него Неманя. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же жизнеписецъ называетъ Діоклитію и Далмацію отечествомъ св. Симеона Немани. Другой сынъ—жизнеписецъ, св. Сава, также свидѣтельствуетъ, что Неманя родился въ Зетѣ, что значитъ то же, что Дуклѣ и Далмаціи. Вотъ по чему Стефанъ, говоря о Дуклѣ и Далмаціи, такъ выражается: **диоклитию же и дальмацию отьчьство и рождение свое, истовоую дѣдиноу свою**. Употребленное сдѣсь слово «истовая» или истинная много способствуетъ правильному пониманію значенія **дѣдины**. Напротивъ, говоря о всей Сербской землѣ, которою правили великіе жупаны и гдѣ столицею была Раса, жизнеписецъ или просто называетъ ее «землею», или именуетъ «отечествомъ» въ противуположность **дѣдинѣ**. Онъ такъ говоритъ объ отцѣ своемъ: **роди и сего светаго отрока, хотѧщаго быти съвокоупителя погыбъшимъ странамъ отьчьствия його.... Възрастьшоу же емоу до отроуьства и приемшоу честь отьчьствия своего** (далѣе исчислены мѣста, не принадлежавшія къ Зетѣ). И о себѣ: **егоже остави въ отьчьстви своемь владычьствовати въсею землею србьскою**. Одинъ лѣтописецъ выражается точно такъ же о Сербской землѣ: **въ книжѣ напсе светыи Сімеонь немани, потрѣбникь ереси своего отьчьства србьскые земли**. А у другаго читаемъ: **оттоудоу въздвигьсе стефань немани пріидѣ въ отьчьство рашно**. Въ этомъ тонкомъ отличіи словъ дѣдина и отечество заключается глубокій смыслъ. Дѣдина есть старинное родовое владѣніе, такъ сказать, гнѣздо, мѣстопроисхожденіе рода; отчина же есть наслѣдіе, оставшееся послѣ отца, которое могло быть благопріобрѣтеннымъ, и по тому могло достаться и не достаться наслѣднику: недавность есть отличительная его черта. По этому отечествомъ называются всѣ вообще владѣнія, въ одномъ смыслѣ съ Сербскою землею. Не скрою, что въ жалованной Хиландарской грамотѣ самого Немани и списанномъ съ нея началѣ повѣствованія св. Савы о жизни отца слово дѣдина употреблено въ довольно неясномъ значеніи, какъ бы вмѣсто всей Сербской земли, или, по крайней мѣрѣ, вмѣсто отцовскаго наслѣдія: **и постави ме (бгъ) велиега жоупана. и обновихь свою дѣдиноу. и больше оутврьдихь. и въздвигохь погибьшю свою дѣдинѫ. и приобрѣтохь ѿ морьске земле зетоу и сь градовы....** (А. № 1). И у св. Савы: **и обновивьшоу отьчиноу дѣдиноу и болше оутврьдивьшоу... и въздвиже погыбшоую свою дѣдиноу и приобрѣте оть поморьскые земле зетоу и сь градовы, а оть рабна пилота оба, а оть грьчьскые земли патьково.... та въса моудростію и троудомь своимь сіа въса приобрѣте, погыбшоую некогда оть насилія своее емоу дѣдины, достоинаа емоу србьскые земли** Сдѣсь слово

дѣдина, по видимому, является съ двусмысленнымъ значеніемъ: подъ нимъ разумѣется вся страна, которую наслѣдовалъ Неманя отъ отца, въ званіи великаго жупана, по чему св. Сава и называетъ ее отчинною дѣдиною. Но въ то же время выраженія «обновить», «утвердить», «возстановить погибшую дѣдину» показываютъ, что самое слово дѣдина нисколько не утратило своего первоначальнаго значенія, но только имъ названа вся Сербская земля со столицею Расою, бывшая во власти великихъ жупановъ, — названа въ томъ смыслѣ, въ какомъ справедливо называлась дѣдиною Зета. Сдѣсь Сербія уподоблена Зетѣ: слово же дѣдина остается при своемъ настоящемъ значеніи, выражая собою родовую собственность, удѣлъ рода, доставшійся отъ предковъ, въ противуположность благопріобрѣтеннымъ владѣніямъ. Отъ того въ грамотѣ Немани и у св. Савы дѣдина отличена отъ завоеванныхъ земель; отъ того позднѣйшій лѣтописецъ такъ выражается о Немани: кластїю ѡноасоүеться приходити въ свое пръѡтьүьство ҁемаю рашкые и въ сихъ наслѣдииь быти прадѣдныихъ. Онъ не называетъ дѣдиною великожупанскую Сербію съ Расою; но зная, что она досталась Немани отъ дѣда, употребляетъ слова «праотечество» и «прадѣдныя». Доментіанъ же повторяетъ слова Стефана: «и приложи къ земли отьчьства своего земле многіе отъ области царства Грьчьскаго.... Діоклитію же и Далмація отьчьство и рожденіе свое истову дѣдину, насилованну бывшу отъ рода Грьчьскаго»[1]. Во всякомъ случаѣ, очевидно, сдѣсь слово «отечество» не употреблено въ настоящемъ смыслѣ и означаетъ вообще наслѣдіе; между тѣмъ, какъ слово «мѣсторожденіе» или «рожденіе», присовокупляемое къ дѣдинѣ, когда говорится о Зетѣ, ясно свидѣтельствуетъ, что Неманя, по самому праву рожденія, уже считалъ Зету неотъемлемою и родовою собственностію, истинною дѣдиною, исконнымъ удѣломъ, которымъ онъ могъ распоряжаться независимо отъ отеческаго наслѣдія или земли великихъ жупановъ. Слѣдовательно, Зета стояла, по представленію собственности, особнякомъ отъ прочихъ владѣній и считалась какъ бы неприкосновеннымъ, частнымъ удѣломъ рода. При Стефанѣ Первовѣнчанномъ къ ней присоединено было Захлумье, или только часть его, и надъ обѣими областями посаженъ былъ братъ великаго жупана (въ послѣдствіи короля), Вуканъ. Можетъ быть, и прежде Зета, въ смыслѣ родоваго удѣла, захватывала часть Захлумья, если лѣтописецъ повѣствуетъ о бѣгствѣ Белы Уроша въ Захлумье. Но догадка остается догадкой; а истина истиною. Къ послѣдней я отношу то, что Зета составляла частный, родовой удѣлъ Неманичей, независимо отъ всѣхъ прочихъ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ Сербскихъ и не Сербскихъ земель, въ отличіе отъ коихъ именовалась дѣдиною, что подтверждается не только самымъ этимъ прозвищемъ ея, но и историческими данными. Всѣ же прочія земли, поступившія подъ власть Сербскихъ государей, назывались отчиною, а чаще просто землею. И только древняя небольшая Раская земля, еще не увеличенная завоеваніями, доставшаяся Немани послѣ дѣда и отца, названа въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и Зета, дѣдиною. Иными словами, Неманя, наслѣдовавъ одинаковымъ образомъ Расу и Зету, соединилъ на время ихъ значеніе для себя и какъ ту, такъ и другую назвалъ дѣдиною. Но мы не должны забывать, что и онъ изъ Зеты, гдѣ выросъ, наслѣдовалъ Расу, и что онъ же отличилъ Зету отъ Расы или остальной Сербіи, давъ ее Вукану, между тѣмъ, какъ надъ послѣднею поставилъ великимъ жупаномъ другаго своего сына (старшаго), Стефана.

---

[1] Шафар. Slow. Staroż., II, IV, 646. Слав. Древн., II, I, 419., Примѣч.

И такъ Неманя далъ новую, самобытную, государственную жизнь Сербіи, не могшей возстать и оправиться подъ разрушительнымъ вліяніемъ междуродовыхъ усобицъ и вмѣшательства сильнѣйшихъ сосѣдей, Грековъ и Булгаръ. Неманя доставилъ собственной Сербіи окончательное господство надъ всѣми Сербскими землями и стянулъ къ одному средоточію всѣ Сербскія области. Съ этой поры независимые областные жупаны и князья сходятъ съ поприща самостоятельной дѣятельности и становятся въ ряду туземныхъ бояръ. Надъ всѣми возвышается великожупанскій родъ Немани. Если и находимъ въ послѣдствіи одного, или двухъ, по видимому, независимыхъ князей въ Хлумѣ, то они являются тамъ только на время, и область ихъ, какъ до нихъ, такъ и послѣ нихъ, признаетъ надъ собою верховную власть Сербіи. Босна также колеблется между Угріею и Сербіею; но все же это не болѣе, какъ области, подвластныя той, или другой, и нѣтъ ни одного посторонняго рода, который осмѣлился бы отнимать верховную власть у Неманичей. Собравши такимъ образомъ Сербскую землю и ставъ надъ нею единымъ повелителемъ, Неманя позаботился объ ея государственной самостоятельности. Дружескія сношенія съ Нѣмецкимъ императоромъ и родственныя связи съ Греческими царями придали совсѣмъ иной видъ Сербіи. Теперь она стала въ ряду независимыхъ государствъ. Внесеніе государственнаго значенія во внѣшнюю жизнь Сербіи принадлежитъ Немани; но при немъ государственныя отношенія еще не осилили родовыхъ счетовъ по престолонаслѣдію, конецъ которымъ суждено было положить Душану. Въ грамотѣ своей, данной Хиландару, онъ прекрасно сознаетъ основную мысль государства: **тѣмьже братие бгь прѣмилостивы. оутврьди грьке цѣсарьми. а оугре кральми. и когождe ѥзика раздѣливь. и законь давь. и нравы оуставы(и) и владыкы надь ними по нравоу и по законоу. раставль своѥю прѣмоудростию.** Законъ и власть — вотъ начало всякого государственнаго порядка, который, вмѣстѣ съ языкомъ и нравами, даетъ самостоятельный видъ всякому народу. И Неманя не случайно захватилъ власть; но онъ есть истинный государь своей земли по волѣ Божіей и по праву наслѣдія. Вотъ какъ выражаетъ онъ эту мысль: **тѣмьже (бгь) по мьнозѣи его и неизьмѣрьнѣи милости и чловѣколюбию. дарова нашимь прадѣдомь. и нашимь дѣдомь. обладати сиюю землею срьбьскоюь. и вьсаможно бгь строѥия оумышл чловѣкомь не хотѥ чловѣчи гибѣли. и постави ме великаго жоупана. нарѥченаго вь свѣтѣмь крьщении стефана неманоу. и обнових своюю дѣдиноу и больше оутврьдихь. бжиюю помощию и своѥю моудростию дановь ми ѿ бга. и въздвигохь погыбьшоую своюю дѣдиноу.**

Неманя въ младенчествѣ своемъ былъ крещенъ по Латинскому обряду, а Latinis haereticis, по выраженію лѣтописца [1]; ибо въ землѣ, гдѣ онъ родился, были Латинскіе священники. Тридцати лѣтъ онъ перекрестился въ православную вѣру [2], и съ тѣхъ поръ постоянно отличался набожностію и благочестивыми дѣлами. Построеніемъ храмовъ онъ увѣковѣчилъ свое имя въ лѣтописяхъ церковныхъ. Щедроты его достигали Ерусалима и Рима. Изъ его владѣній были изгнаны Патарены, ересь, усилившаяся преимущественно въ Боснѣ, лежавшей между Римско-католическою Далмаціею и православною Сербіею. Лѣтописцы называютъ его потребителемъ ересей и утвердителемъ православія: **съи стыи симеонъ оутврьди православие въ земли далматиѥ дакиѥ глемыи срьбь**

---

[1] Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 7, 8.

[2] Лѣтоп. у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 58.—Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 7.

(сърбь) и ѥреси потрѣби [1]. Въ нихже мнсе светыи Сімеωнь немани, новыи муроточьць, оутврьдивь православіе, потрѣбивь ѥреси своѥго отьчьства срьбскые земле [2], а Доментіанъ вмѣстѣ съ тѣмъ намекаетъ и на истребленіе остатковъ идолопоклонства: и влъкы ѥреси прогна. и храмы бѣсовьскыя опроверг̃ъ црькви бж̃ія въздвигль ѥси [3]. Послѣ тридцатисемилѣтняго царствованія Неманя, побуждаемый увѣщательнымъ письмомъ младшаго [4] своего сына, Растька, бѣжавшаго на Аѳонъ и постригшагося въ монахи подъ именемъ Савы, оставилъ власть старшему своему сыну, Стефану, вѣнчавъ его и назвавъ великимъ жупаномъ [5], а самъ удалился въ Студеницкій монастырь, гдѣ и постригся подъ именемъ Симеона, 25 марта 1195 г. Черезъ два года, 8 октября 1197 г., онъ вышелъ изъ Студеницы на Аѳонъ и прибылъ въ Ватопедскую обитель, 2 Ноября 1197 г. [6] Отсюда странствуя по Святой Горѣ вмѣстѣ съ сыномъ, возобновляя и украшая монастыри, онъ нашелъ развалины Хиландара, прежде бывшаго монастыря, разрушеннаго морскими разбойниками. Съ помощію золота и работниковъ, присланныхъ изъ Сербіи Стефаномъ, монастырь былъ возобновленъ, и вскорѣ тамъ, гдѣ между грудами камней виднѣлись только уцѣлѣвшія стѣны храма, воздвиглись трапеза, кельи и ограда. Храмъ освященъ былъ въ память введенія во храмъ пресвятыя Богородицы. Хиландаръ назвался Сербскою лаврою. Сава два раза ходилъ въ Царьградъ: въ первый разъ онъ испросилъ у свата Немани, Греческаго царя Алексѣя, грамоту на обладаніе мѣстомъ, гдѣ находились Хиландарскія развалины; во второй разъ онъ извѣстилъ Царя, что монастырь отстроенъ, и получилъ отъ царя множество сокровищъ для украшенія его. По повелѣнію Алексѣя, Хиландаръ, хотя и присоединенный къ Ватопеду, освобожденъ былъ отъ всякой зависимости и, вмѣстѣ съ названіемъ «царской лавры», получилъ особаго настоятеля, назначеннаго самимъ царемъ. Ни власти Ватопеда, ни Карейскій протъ не имѣли права вмѣшиваться въ его дѣла. Царь подтвердилъ прежнюю свою грамоту, которою подарилъ Сербскимъ государямъ Хиландаръ съ прилежащими селами и еще присоединилъ къ нему запустѣвшій монастырь Изыигъ: за таковые дары онъ причтенъ былъ къ основателямъ лавры. Въ грамотѣ своей Симеонъ упоминаетъ о другихъ надачахъ монастырю, испрошенныхъ имъ у Царя, каковы: села, влахи, торгъ, виноградники, планина и извѣстное количество соли. Въ Хиландарѣ, по возобновленіи его, Не-

---

[1] «Повѣсть о Сербскихъ Господахъ», въ рукописи Кухарскаго. Сообщ. профес. Бодянскимъ.

[2] Лѣтоп. у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 58.

[3] Житіе свв. Симеона и Савы. Рукоп.

[4] Многіе доселѣ спорили о возрастѣ Стефана и Савы; но Житія окончательно рѣшаютъ вопросъ въ пользу старшинства Стефана. Самъ Сава свидѣтельствуетъ о себѣ, говоря: сын блажены господинь нашь Сімеωнь имѣше. г. сыны. ѥдинь же мьньши, не могоу ѥго нарещи сына, нь робь.... сы бо ꙗко и мьни вь брати своѥи и мьньши... Доментіанъ, въ Житіи свв. Симеона и Савы, прямо отдаетъ старшинство Стефану: уюдить же старѣишіи братъ. сладости ꙗзыка и силѣ словесъ. и блг̃ти бж̃іи исходаща изъ оустъ меншаго. Слѣдовательно, Вуканъ былъ среднимъ сыномъ Немани. Въ этомъ же порядкѣ приводятъ сыновей Немани безыменные лѣтописцы. и Растька или св. Саву называютъ третьимъ сыномъ (Шафар. Памяти., стр. 51, 59, 69:—Гласникъ, ч. V, стр. 30, 31).

[5] См. гр-у Немани у Авр. N 1 и Житіе Немани, писанное Савою, у Шафар. въ Памяти., стр. 4. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 9.

[6] Лѣтосчисленіе предложено св. Савою въ Житіи Немани (Шафар. Памяти., стр. 6—14) и въ Типикѣ у Авр. въ О. Д. С. у С. Г., стр. 8 и 9. Оно же извѣстно было Бранковичеву лѣтописцу (Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 8—10.)

маня пробылъ съ сыномъ, Савою, 8 мѣсяцевъ и преселился сдѣсь въ вѣчную жизнь, 13 февраля 1200 г. Шафарикъ [1] говоритъ, что Неманя скончался въ Ватопедѣ; но мы это понимаемъ не иначе, какъ въ смыслѣ словъ: **и монастырь хиландарь приложиста ватопедѫ** [2]; собственно же Неманя скончался въ Хиландарѣ, какъ свидѣтельствуетъ вышеупомянутый Хиландарскій типикъ, слово II: **и въ мѣсто сие** (Хиландаръ) **вьселивъсе. и нѣколико мало прѣбывь сь мною. велиикимь же и непрѣвестествьны подвигь прѣшьдь .н. мць. прѣбывь. къ вѣчномоу прѣложисе блаженствоу.** И слово III: **Вь лѣ. ѕ. ѱ. и. мца феврва. вь .гı. днь. къ вѣчномоу прѣложисе блаженствоу отць нашь симеонь завѣтомь оставивь манастырь си на мнѣ. велию тоугоу и болѣзнь принехь. едино ѿ поустошьства. а дроугого и ѿ болѣзни безбожьныхь разбоинникь. оставивь манастырь мнѣ вь маломь и смѣреномь образѣ вь немь же ми отиде и прьвога игоумена прѣподобна моужа. мееодиа мніха** и т. д. [3] Все это можно было сказать только о недавно возобновленномъ Хиландарѣ. И Доментіанъ, въ Житіи свв. Симеона и Савы, говоритъ подобнымъ образомъ: **по сих мало поживъ. прпбиый отць нашь сімеонъ вмонастыри свое хиландари глемо. вмѣрѫ съвершенїа достигъ. иже всѣ бга любащиимь желаино** [4]. Впрочемъ, это мнѣніе высказано Шафарикомъ слишкомъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Позднѣйшія открытія привели его къ другимъ выводамъ, такъ что недавно, въ предисловіи къ изданному имъ въ Памятникахъ Житію Немани, писанному Стефаномъ Первовѣнчаннымъ, онъ уже высказываетъ новое мнѣніе, совершенно согласное съ нашимъ. Монашество Немани на Аѳонѣ продолжалось три года, а пребываніе на Святой Горѣ годъ и пять мѣсяцевъ: всего же монашества его, считая и время, проведенное въ Студеницѣ, было безъ одного мѣсяца пять лѣтъ. Замѣтимъ однако, что св. Сава считаетъ началомъ его монашества время прибытія его на Аѳонъ [5].

Мы сказали, что, при всѣхъ своихъ великихъ заслугахъ, Неманя подчинился своему вѣку и обще-Славянскому обычаю — далъ сыновьямъ удѣлы. Онъ сдѣлалъ Сербію государствомъ, но внутри ея не могъ дать государственнымъ отношеніямъ перевѣса надъ родовыми. Старшему своему сыну онъ вручилъ Сербію съ Расою, столицею всей Сербской земли; вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнчалъ его и назвалъ великимъ жупаномъ. Слѣдовательно, вѣнчаніе и великожупанское достоинство соединены были со старшинствомъ и стольнымъ мѣстомъ всей Сербіи. Самъ Стефанъ назвалъ Расу «стольнымъ мѣстомъ посреди Сербской земли» [6]. Младшему, Вукану, Неманя далъ Зету и Хлумъ [7] со званіемъ великаго князя. Этого онъ не вѣнчалъ, а только благословилъ, по выраженію св. Савы [8]. Вотъ начало удѣловъ и вмѣстѣ подчиненія младшихъ, хотя и удѣльныхъ, сыновей старшему, великому жупану и верховному владыкѣ всѣхъ Сербскихъ земель. Во владѣніяхъ послѣдняго заключались и удѣлы пер-

---

[1] Slow. Starožitn., II, IV, 31, § 646. Слав. Древн. II, I, стр. 419.
[2] Доментіана, Житіе свв. Симеона и Савы. Рукопись, листъ 8.
[3] Авраамовича О. Д. С. у С. Г., стр. 8 и 9.
[4] Рукопись, листъ 9.
[5] Сдѣсь, за всѣ предыдущіе разы, скажу, что Житіями Немани, писанными двумя его сыновьями, равно какъ лѣтописями, по разнымъ спискамъ, я пользовался въ изданіи Шафарика: Památky dřevního písemství Jihoslovanův, и за краткостію объема ихъ не приводилъ страницъ. Сочиненіе Доментіана извѣстно мнѣ въ рукописи Болгарскаго извода. Оно представляетъ любопытныя подробности о подвигахъ и чудесахъ свв. Симеона и Савы.
[6] Житіе Немани у Шафар. въ Памятникахъ. Стр. 2.
[7] Лѣтописи, у Шафар. тамъ же, стр. 51.
[8] Житіе Немани, у Шафар. тамъ же, стр. 4.

выхъ: вотъ зародышъ государственнаго начала и зависимости всѣхъ удѣльныхъ князей отъ одного властителя и самодержца, внесенный Неманею во внутреннее управленіе Сербіи. Въ такія точно отношенія поставилъ онъ и себя, какъ мы видѣли, къ братьямъ своимъ и ихъ потомству. Если самъ Неманя боролся съ правомъ общаго владѣнія всѣмъ родомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что, отстранивъ напослѣдокъ родъ свой или братьевъ и ихъ потомство отъ общаго владѣнія Сербскою землею, онъ дѣтямъ своимъ завѣщалъ борьбу съ удѣльнымъ правомъ, по которому уже члены одного дома или одни Неманичи домогались старшаго удѣла, чтобы чрезъ то получить старшинство и верховную власть. Замѣчательно, что ни одинъ лѣтописецъ не упоминаетъ о какихъ либо отношеніяхъ Вукана къ старшему брату, опредѣленныхъ отцомъ. Былъ ли Вуканъ совершенно независимымъ, или долженъ былъ подчиниться волѣ старшаго брата?—мы ничего этого не знаемъ. Но замѣчательно, что Неманя смотрѣлъ на родовыя отношенія не съ государственной, но еще съ общежительной, Славянской точки зрѣнія. При всемъ своемъ умѣ, при всѣхъ успѣхахъ на поприщѣ государственной дѣятельности, онъ не понялъ возможности для меньшаго брата стать сподручникомъ у старшаго, быть помощникомъ и слугою старшему и не имѣть своего особеннаго удѣла. По старинному обычаю, всѣ родичи, тѣмъ болѣе сыновья, имѣли право на владѣніе отцовскою собственностію. Старшинство одного не отнимало этого права у другихъ; а потому Неманя считалъ обязанностію наградить удѣломъ и втораго своего сына. Онъ могъ распоряжаться Зетою, какъ частною своею собственностію. Зета, по значенію своему, по тому самому, что была дѣдиною его, отличалась отъ прочихъ земель, съ которыми могла уже быть связана мысль о единствѣ власти и нераздѣленности. По этому Зету и часть Хлума [1] онъ отдалъ Вукану со званіемъ великаго князя [2], въ томъ намѣреніи, чтобы Вуканъ властвовалъ въ домашней, родовой странѣ Неманичей и не вмѣшивался въ дѣла тѣхъ земель, которыя имѣли у себя и столицу и вѣнчаннаго государя единодержавнаго и самовластнаго. Впрочемъ, изъ титула Стефана и изъ поступковъ Вукана видно, что области Вукановы не были совершенно независимы, но состояли подъ верховною властію Стефана. Это и не нравилось Вукану, который рѣшился, во что бы то ни стало, завладѣть стольнымъ мѣстомъ всей Сербіи и сдѣлаться главою народа. Для этого онъ прежде всего съ помощію Андрея, воеводы Хорватскаго и Далматскаго, брата Угорскаго короля Мирка (Емерика), заставилъ брата признать себя независимымъ воеводою Зеты и Хлума, и для большей прочности вступилъ въ тѣсныя сношенія съ папою. Стефанъ, для противодѣйствія брату, долженъ былъ прибѣгнуть къ тому же образу дѣйствій: въ письмѣ своемъ къ папѣ онъ называлъ этого послѣдняго своимъ духовнымъ отцомъ, выражалъ свою преданность Римской Церкви и просилъ королевскаго вѣнца. Узнавъ объ этой просьбѣ, Мирко захватилъ Сербію и посадилъ Вукана на великожупанскій престолъ, присоединивъ къ титулу Угорскихъ королей слова rex Serviae въ знакъ верховнаго владычества надъ Сербіею. Папа, въ надеждѣ обратить Сербію къ Римско-католической вѣрѣ, уже повелѣлъ, было, Колоцкому епископу вѣнчать Вукана; но нападеніе Венеціянъ на Ядру и ссора Мирка съ Андреемъ отвлекли вниманіе Угріи отъ Вукана и

---

[1] Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 51.—Гласникъ, ч. V, стр. 30, 48.—Повѣсть о Сербскихъ Господахъ.

[2] Лѣтописи у Шафар. тамъ же, стр. 59, 72.—Житіе Немани, писанное св. Савою, у Шафар. тамъ же, стр. 13.—Рукописное Житіе свв. Симеона и Савы, составленное Доментіаномъ.

дали время Стефану вызвать брата, Саву, съ мощами отца для посредничества въ ссорѣ его съ Вуканомъ. Стефанъ, не упоминая имени брата, выставляетъ, въ Житіи своего отца, такую причину призванія Савы изъ Аѳона: ѡскрьбин бо се землꙗ наша беꙁаконии нашими и оубиена бысть крьвьми и вьпадохомь вь плѣнь иноплеменьныихь [1]. Сдѣсь подъ «беззаконіями» должно разумѣть обращеніе Стефана къ папѣ и притворную склонность къ принятію Римско-католической вѣры. Остальное понятно и показываетъ, что вмѣшательство Угріи и домогательство Вукана не обошлись безъ кровопролитія. Св. Сава повѣствуетъ, что оба брата призвали его въ Сербію и оба встрѣтили его въ Хвостнѣ съ боярами и всѣми церковными служителями. Стало быть, примиреніе наступило еще до прихода Савы, который присутствіемъ своимъ только подкрѣпилъ союзъ братьевъ [2]. Это случилось въ 1208 году. Мощи Симеона положены были въ созданномъ имъ самимъ храмѣ Студеницкомъ. Въ слѣдствіе примиренія, Вуканъ ограничился прежними областями. Сава былъ поставленъ въ архимандрита Студеницкой лавры рукоположеніемъ митрополита Солунскаго. Къ этому времени относятся войны Стефана съ Булгарскимъ царемъ, Бориломъ, бывшимъ въ союзѣ съ Генрихомъ Филандромъ, Греческимъ императоромъ, сыномъ Болдуина Фландрскаго, со Стрѣзомъ, братомъ Кало-Іоанна Булгарскаго, съ Михаиломъ Драчскимъ и Андреемъ Угорскимъ, бывшимъ также въ союзѣ съ императоромъ Генрихомъ [3]. Участіе въ прекращеніи этѣхъ войнъ принималъ іеромонахъ Сава: слѣдовательно, онъ не былъ еще тогда архіепископомъ. Вѣроятно, опасенія со стороны Угріи заставили Стефана вступить въ бракъ съ внукою Венеціянскаго дожа, Дондолы, и снова склониться на сторону западнаго духовенства. Въ 1217 г. папа велѣлъ вѣнчать его, и Стефанъ назвался вѣнчаннымъ королемъ Сербіи, Діокліи, Травуніи, Далмаціи и Хлума. Къ этому времени относится его грамота Бенедиктинскому Богородичному монастырю на островѣ Млѣтѣ (С. № 51). Въ ней онъ даруетъ означенному монастырю метохіи: весь островъ Млѣтъ и Бабино Поле [4], на Корчулѣ церковь св. Вида, Янину [5] съ Поповою Лукою и церкви свв. Стефана и Георгія, а въ Стонѣ церковь св. Николая, также церкви въ Рѣкѣ и Жерновницѣ. Все это, вмѣстѣ съ принадлежащими сюда виноградниками, подарено монастырю. Употребленное сдѣсь выраженіе й вь братии моеи кнеꙁа ме вльнкь указываетъ на окончен-

---

[1] Шафарикъ, Памятники, стр. 19.

[2] Тамъ же, стр. 13.

[3] Объ этѣхъ войнахъ упоминаетъ самъ Стефанъ въ Житіи Немани, на стр. 21 — 29, по изданію Шафарика. Отсюда узнаемъ, что Нишъ былъ пограничнымъ городомъ Сербіи со стороны Булгаріи.

[4] Мѣстечко на Млѣтѣ. Находившуюся въ этомъ мѣстечкѣ церковь св. Панкратія Боснійскій банъ Борисъ подарилъ, въ 1155 г., Лакромскимъ Бенедиктинцамъ (Farlati, Il. S. VI, 79). Впрочемъ, годъ и самая грамота подозрительны. Основаніе Бенедиктинскаго монастыря на Лакромѣ совпадаетъ съ сооруженіемъ Дубровницкаго храма Ричардомъ — львинымъ сердцемъ; а послѣднее случилось въ 1192 г.: слѣдовательно, замѣчаетъ Енгель (Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 88), Лакромскіе Бенедиктинцы явились не ранѣе 1192 г., а всѣ древнѣйшія ихъ грамоты и надачи ложны (Farlati, Il. S., VI, 58, 59). Къ этѣмъ послѣднимъ должно отнести, кажется, и уступку Млѣтскихъ произведеній томашнимъ Бенедиктинцамъ, а самого Млѣта Дубровнику, сдѣланную Тѣшою, отцомъ Немани (Орбини, стр. 218. — Appendini, I, II, II, стр. 262. — Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 80). Не менѣе невѣрно извѣстіе Дуклянца о существованія Бенедиктинскаго монастыря на островѣ, лежащемъ насупротивъ Дубровника (если только этотъ островъ есть Млѣтъ) еще во времена Бодина (ок. 1073—1089 г.), женатаго на Яквинтѣ (Presbyteri Diocleatis, Regnum Slavorum. Schvandtneri Script. rer. Hungaric., t. III, p. 504. c. XXIV).

[5] Вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Guiliana на полуостровѣ Пелѣшцѣ или Sabbioncello. Близъ него находится и Попова Лука.

ную котору съ братомъ. Въ этой грамотѣ Стефанъ титулуется: **велий кра҄. намѣстьный гнь всѥ срьбьскѥ ꙁемлѥ. и диоклиѥ. и дальматиѥ. и травоуниѥ. и хльмьскѥ ꙁемлѥ**, и подписывается: **Стефань по Милости Божїй вѣнчаныи Краль и самодрьжець всѥ Срьпскѥ Ꙁемлѥ и поморьскиѥ.** Сава, недовольный склонностію брата къ западному духовенству, удалился въ Аѳонъ. Но когда Стефанъ достигнулъ своей цѣли, а жена его умерла, тогда онъ снова отказался отъ Римо-католицизма и возобновилъ сношенія съ Востокомъ; тогда снова пришелъ въ Сербію Сава, поставленный въ Никеи патріархомъ Германомъ въ архіепископа Сербской земли, и вѣнчалъ брата на королевство, въ 1222 г., назвавъ его первовѣнчаннымъ, какъ бы въ забвеніе Римско-католическаго вѣнчанія. Но Угорскій король Андрей, не хотѣвшій, чтобы Стефанъ носилъ равное ему званіе короля, поднялся, было, на Стефана; однако Сава успѣлъ помирить ихъ. Другимъ важнѣйшимъ дѣломъ новаго Сербскаго архіепископа было учрежденіе духовнаго чиноначалія, **тлже епископы и свещенникы и дїакони и поддїакони и вьс слоужьбнїи чинь**, и раздѣленіе Сербіи на епископства. Основано было двѣнадцать епископствъ: въ Стонѣ (Хлумъ), Зетѣ (Діоклитіянскомъ поморьи), Дьбрѣ, Будимлѣ, Расѣ, Хвостнѣ (Студеница), Призрѣнѣ, Грачаницѣ, Топлицѣ, Браничевѣ, Бѣлградѣ и Моравицѣ. Таковой списокъ епископствамъ находимъ у двухъ изъ лѣтописцевъ.[1] Третій въ сущности согласенъ съ ними, хотя и смѣшиваетъ Хлумъ съ Діоклитіянскимъ поморьемъ. Шестое епископство названо у него Студеницкимъ:[2] значитъ, для Хвостна оно помѣщалось въ Студеницѣ. У обоихъ число епископствъ равняется двѣнадцати. То же число и тѣ же самыя названія епископствамъ находимъ у Ранча[3] и Енгеля[4]. Первый пользовался только третьимъ лѣтописцемъ и по тому у него тоже Стонъ является въ Діоклитіянскомъ поморьи. Причина ошибки понятна. Первый лѣтописецъ пишетъ: **поставлꙗеть прьваго епископа оу хльмскои ꙁемли оу стонѣ. втораго оу ꙁете дїоклитїнскомь поморїоу.** Третій, списывая съ него, переставилъ порядокъ словъ и написалъ: **поставлꙗеть. а. епископа вь хльмскои ꙁемли** (у другихъ лѣтописцевъ удержано на этомъ мѣстѣ **оу стонѣ**) **.в. епископа оу стонѣ вь дїоклитискомоу поморїю.** За Ранчемъ тотъ же списокъ и съ тою же ошибкою повторилъ и Енгель, сравнивъ его со спискомъ у Фарлати и источниками, у Ассемани. Шафарикъ приводитъ списокъ епископствамъ, взятый изъ хрисовула обоихъ братьевъ, Стефана и Савы.[5] Сдѣсь опять нѣтъ Студеницкаго епископства и вмѣсто него поставлено Хвостенское. Но первые лѣтописцы уже указали на ихъ тожество. Важнѣе отсутствіе четырехъ другихъ епископствъ: Призрѣнскаго, Грачаницкаго, Браничевскаго и Бѣлградскаго. Мы не знаемъ года этого хрисовула и по тому можемъ предполагать, что онъ писанъ ранѣе окончательнаго учрежденія епископствъ. Наконецъ, еще четвертый лѣтописецъ предлагаетъ списокъ двѣнадцати епископствамъ, учрежденнымъ Савою. Вотъ мѣста ихъ: Захлумія въ храмѣ Богородицы подъ горою Заломъ въ Невесинскомъ округѣ, Стонъ въ Діоклитіянскомъ приморьи, Дьбрь въ Вышеградскихъ предѣлахъ для Герцеговины, Бѣлградъ для Срема, Граничава въ Пожаревацкой нахіи, Ахилія въ Ужицкой нахіи, Косово въ Липлянѣ, Топлица въ Прокупской нахіи, Студеница въ Пекской нахіи, Призрѣнъ, Вранина въ Зетѣ, Будимль въ Гусинской

[1] Лѣтописи, у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 59. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр, 10.
[2] Тамъ же, стр. 69.
[3] Ч. II, стр. 422.
[4] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 219.
[5] Памятники. Лѣтописи, стр. 51.

нахіи.[1] Самое уже названіе предѣловъ епископствъ показываетъ, что этотъ лѣтописецъ жилъ довольно поздно и распредѣлялъ ихъ по современному дѣленію Сербіи. Сверхъ того мѣстонахожденіе и самыя прозвица епископствъ чрезвычайно разнятся отъ предыдущихъ и показываютъ, что лѣтописецъ пользовался весьма мутнымъ источникомъ. Такъ вмѣсто Стона Хлумское епископство помѣщено имъ въ Невесинѣ; Хлумъ смѣшанъ съ Діоклитіянскимъ приморьемъ, и такъ какъ для послѣдняго онъ назначилъ Стонъ, то для Зеты придумалъ епископство въ Вранинѣ; Дьбрь вовсе не находился въ Вышеградскихъ предѣлахъ: онъ лежалъ на пограничной чертѣ между Хлумомъ и Травуніею на югъ отъ Любиня; подъ Граничавою, вѣроятно, разумѣлось Браничево; Ахиліи не было, но была церковь св. Ахилія въ монастырѣ Моравцахъ на рѣкѣ Моравицѣ въ нынѣшнемъ Рудницкомъ краѣ: еще въ XVIII ст. Ужицкій епископъ писался Ахильскимъ[2]; слѣдовательно, это то же, что Моравицкое епископство въ предыдущихъ спискахъ. Косовское или Липлянское основано позднѣе, ибо его нѣтъ въ другихъ спискахъ, а появляется оно только уже при Милутинѣ. Вообще списокъ этотъ, какъ по всему видно, составленъ въ позднѣйшее время по невѣрнымъ источникамъ. Самъ же Стефанъ основалъ Жичанскую обитель въ 1222—1224 г., которая съ этого времени сдѣлалась столицею Сербскихъ архіепископовъ. Мы имѣемъ отъ него дарственную грамоту Жичанскому храму (Ш. № VIII). Изъ нея узнаемъ, что новосозданной обители подарены были многія близъ лежащія села, а также села въ Ельцахъ, Хвостнѣ, Затонѣ, Зетѣ и Горской жупѣ съ заселками, планинами и пашнями; подарены были также влахи и нѣсколько жупъ: Крушильница, Морава, Борчъ, двѣ Лепеници, Бѣлица, Лѣвочъ, Лугомира, Расина и Ольшаница со всѣми при нихъ находящимися влахами; наконецъ множество священныхъ предметовъ и церковныхъ утварей. Церковныя владѣнія были освобождены изподъ власти придворнаго протопопа, и людямъ церковнымъ даны нѣкоторыя льготы: они названы «архіепископовыми людьми». Самая обитель назначена мѣстопребываніемъ архіепископа, которому и была подчинена. Въ храмѣ должны были вѣнчаться всѣ будущіе короли и поставляться архіепископы, епископы и игумены. Въ грамотѣ Стефанъ пишется: **Стефань по божие милости вѣньчани прьви краль вьсе срьпские земле. диоклитие и травоунне и дальмацие и захльмие.** Выше мы привели общее мнѣніе Сербскихъ лѣтописцевъ, повторенное и Ранчемъ, о словѣ «первовѣнчанный». Предлежащая грамота наводитъ насъ на другое объясненіе. Не для истребленія памяти перваго, Римско-католическаго, вѣнчанія, Стефанъ, при второмъ, по Греко-восточному обряду совершенномъ Савою, вѣнчаніи, назвался первовѣнчаннымъ; а для того, что онъ былъ первымъ вѣнчаннымъ королемъ Сербіи. Если смотрѣть только на обрядъ вѣнчанія и вѣрить словамъ св. Савы, то Стефанъ былъ не два, а три раза вѣнчанъ, и первое вѣнчаніе его совершено самимъ отцомъ его, Неманею. Сдѣсь важно не то, сколько разъ и по какому обряду былъ онъ вѣнчанъ, а то, что онъ первый вѣнчался на государство и первый принялъ званіе короля. Прежде назывался онъ великимъ жупаномъ и послѣ отца вторымъ[3], а потомъ назвался королемъ: слѣдовательно, онъ былъ первовѣнчанный король или, какъ сказано въ грамотѣ, **вѣньчани прьви краль**. Конечно, латинское вѣнчаніе имѣло мало значенія у православнаго народа и даже самого Стефана: оно важно было только въ глазахъ Запада. Тѣмъ менѣе

[1] Гласникъ, ч. V, стр. 37.
[2] Шафар. Slov. Starožitn., II, IV, 633. Слав. Древн., II, I. 357. Примѣч.
[3] Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 69.

Сава могъ считать его дѣйствительнымъ, и по тому правъ лѣтописецъ, говоря, что Сава свѣтомь всѣхь вѣнчаваеть брата своего великаго жоупана. [1] Послѣднія слова показываютъ, какъ смотрѣлъ на Стефана народъ до послѣдняго его вѣнчанія. Замѣчательно упоминаніе о сынѣ, сдѣланное Стефаномъ еще при своей жизни. Грамоту онъ даетъ отъ своего имени и отъ имени сына, Радослава, котораго называетъ «первенцемъ божіею милостію намѣстникомъ своимъ». Уже Неманя употребилъ выраженіе «божіею милостію», показывающее, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на законнаго государя, котораго власть освящена свыше, который ни отъ кого не зависитъ. То же выраженіе употреблено Стефаномъ для себя и для старшаго сына; его употребляли потомъ и всѣ преемники ихъ. Въ это время у него было уже четыре сына; но объ тѣхъ онъ молчитъ вовсе, и только одного старшаго дѣлаетъ своимъ намѣстникомъ по волѣ Божіей. Сдѣсь чисто-государственныя отношенія, которыя превосходно отвѣчаютъ вѣнчанію. Дѣйствительно, мы ни откуда не видимъ, чтобы всѣ прочіе сыновья Стефана получили себѣ удѣлы. Но удѣлы не были истреблены: они снова возникли въ послѣдствіи. Въ 1224 г. Стефанъ умеръ. Онъ продолжалъ дѣйствовать по мысли отца. Ежели отецъ его усилилъ свою власть усмиреніемъ враговъ своихъ, то онъ стремился къ усиленію своей власти въ нравственномъ отношеніи, и для этого лучшимъ средствомъ нашелъ вѣнчаніе и принятіе королевскаго званія: черезъ то онъ становился наровнѣ съ сосѣдними государями и возвышался въ глазахъ своихъ подданныхъ. Вѣнчаніемъ и принятіемъ королевскаго званія узаконялось право Неманичей на Сербскій престолъ и отстранялись навсегда всѣ покушенія стороннихъ родовъ. Сильнымъ помощникомъ ему является духовенство въ лицѣ брата, который, подъ конецъ его царствованія, упрочиваетъ Сербское духовное чиноначаліе, учреждаетъ епископства и испрашиваетъ Сербіи архіепископа съ правомъ поставляться отъ Сербскихъ епископовъ. Столицею утверждена была Раса.

Стефанъ оставилъ по себѣ четырехъ сыновей: Радослава, Владислава, Уроша и Предислава, принявшаго иноческій санъ и бывшаго въ послѣдствіи архіепископомъ подъ именемъ Савы II. Сначала на престолъ взошелъ старшій, Радославъ, вѣнчанный Савою въ Жичѣ. Онъ несчастливъ былъ женою: прилоучи же се радославоу кралю, говоритъ лѣтописецъ, жена далида юна или рещи новы езавель и елики пострада нь обаче не сьвѣдомь бысть ехідиною [2]. Поддавшись женѣ, ѿ нея врежень бы оумомь [3], по чему бояре, видя его неспособность, предпочли ему слѣдовавшаго за нимъ способнѣйшаго, Владислава. Открылась усобица; Радославъ былъ изгнанъ, dejectus, по выраженію Бранковичева лѣтописца [4], ок. 1234 г., и бѣжалъ въ Драчъ, отсюда въ Дубровникъ, пока наконецъ Сава убѣдилъ его постричься въ монахи и вѣнчалъ Владислава. Изъ Радославовой грамоты (С. № 2), данной имъ уже въ Дубровникѣ, въ 1234 г., февраля 4, видно, что Радославъ не очень добровольно, какъ думаютъ историки, уступилъ престолъ брату и бѣжалъ въ Дубровникъ ради своего правовѣрия и великаго прѣклетьвьства своего брата, не теряя надежды снова когда нибудь сдѣлаться королемъ. Онъ титулуется: Стефань въ х҃а б҃а вѣрны краль всѣхь рашкихь зем҃ль и тревоунискихь оуноукь с҃таго симеона не-

[1] Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 60.

[2] Шафар., Памятники, стр. 31.—Гласникъ, ч. V, стр. 45.

[3] Доментіанъ, Житіе свв. Симеона и Савы. Рукопись.

[4] Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku, III, 1851. Стр. 11.

мание. и сйь прѣпоставльшаго крала блаженопочившаго стѣфана монаха рдслави. Въ этой же грамотѣ Хлумъ и Зета называются Сербскими областями.

Въ 1234 году Владиславъ заключилъ договоръ съ Дубровникомъ (С. № 3). обнаруживая безпокойство относительно прочности своего престола. Онъ требовалъ отъ Дубровничанъ помощи и выговаривалъ себѣ безопасный пріютъ въ ихъ городѣ, въ случаѣ бѣгства изъ Сербіи; это условіе объясняется словами Радослава: **ако ми бь да и боудоу господарь како сьмь быль** (С. № 2). При немъ какой-то Владимиръ опустошилъ Сербскія земли, и по тому Дубровничане обѣщали, что ни Владимиру, ни кому либо другому не станутъ давать совѣтовъ, враждебныхъ для Сербіи (С. № 8). Кто былъ Владимиръ—можно объяснить изъ Аппендини, который, подъ 1239 годомъ, пишетъ, что у Дубровничанъ съ Омышанами былъ састанокъ, stanko, гдѣ, со стороны Омыша, присутствовали епископъ Иларіонъ и графъ Владимиръ; тутъ же находился и повѣренный отъ короля Владислава.[1] Въ такомъ случаѣ значитъ, что Омышане, въ слѣдствіе стародавней привычки заниматься морскими грабежами, опустошали и земли Сербіи, прилежащія къ морю. Отъ нихъ, какъ мы знаемъ, много терпѣли Далматскія общины. Грамота Поморскаго князя Юрія (С. № 10) свидѣтельствуетъ, что супругою этого князя Юрія была дочь Владислава. Вотъ подлинныя слова Юрія: **да сьда** (теперь) **су ходили мои жупание кь** (коихъ) **е даль краль владиславь мьнѣ и мои женѣ а своеи кьчери прѣдь вашь градь по заповѣди крала уроша.** До сихъ поръ ни въ какомъ другомъ источникѣ не было извѣстія о дочери Владислава. Дѣло, какъ видно, происходило уже при преемникѣ послѣдняго, королѣ Урошѣ I. Трудно рѣшить, что это за князь Юрій? Изъ словъ его видно, что онъ владѣлъ какимъ-то приморскимъ городомъ, быть можетъ, Омышемъ; это предположеніе подтверждается тѣмъ, что, по словамъ Юрія, Венеціянцы съ Дубровничанами, ходили на его городъ; а этому, мы знаемъ, обыкновенно подвергался Омышъ: **вы вѣсте властеле кьда на ны поиде дрѣва заморьска и бьнетьчьска на нашь градь: тьда ваша** (Дубровничанъ) **дрѣва польгь** (подлѣ) **нихь греду на ны**—писалъ князь Юрій; а имя его посла, князя Озора, задержаннаго на пути, еще яснѣе указываетъ на Омышъ. Владиславъ владѣлъ, между прочимъ, Хлумомъ и Травуніею, какъ видно изъ его титула: **а** (я) **стефань влдславь. спомокнию бжйѡвь кра всехь. рашкй зйь. и диоклитие. и далмацие. и травуние. и захльмие** (С. № 7). Онъ подписывался: **Стефань Влдславь Спомокнию бжйѡвь Кра всѣ рашкй зйь и приморский.** Около 1237 г. преставился архіепископъ Сава I и погребенъ былъ въ построенномъ при Владиславѣ монастырѣ Милешевѣ. Вскорѣ потомъ окончилось и царствованіе Владислава.

На престолъ взошелъ третій братъ, Урошъ I. Доселѣ историки утверждали, что Владиславъ кончилъ свое царствованіе вмѣстѣ съ своею жизнію, и колебались между 1237 и 1240 годами его смерти; но изъ грамотъ объясняется это колебаніе тѣмъ, что Владиславъ былъ еще живъ, когда Урошъ принялъ власть въ свои руки. Въ 1244 году Дубровничане обѣщали Урошу, что не станутъ принимать участія во враждебныхъ ему дѣйствіяхъ Владиславовой супруги, проживающей въ ихъ городѣ: **икоре. ни сь нашемь стӧмь. ни сь нашемь вѣдѣниемь. кралица владиславьла. ись нашега града. ни по морѣ. ни по сусѣ. ни у босьнѣ. да не пошлѣ ни книга. ни слѣ** (пословъ). **на твое зло** (С. №. 12). Еслибъ супруга Владислава была уже вдовою, то она не имѣла бы никакого повода, ни права дѣйствовать противъ Уроша; она могла такъ поступать только въ

---

[1] Т. I, стр. 280.

правахъ своего мужа, находившагося еще въ живыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, другая грамота, писанная чрезъ 9 лѣтъ послѣ первой, въ 1253 году, свидѣтельствуетъ, что Владиславъ былъ еще живъ (С. № 16). Въ ней Дубровничане обѣщаютъ Михаилу Асѣну не принимать къ себѣ ни Уроша, ни брата его, Владислава, ни родичей и бояръ ихъ, если они будутъ выгнаны Булгарами изъ Сербіи, и аще. богь. поможеть. стомѹти. црствѹ. исьпѫдити. врага. твога. и нашега. ѹроша. ись срьпске. ѕемле. и брата. его. владислава. и родь ихь. или. дрѹѕи. властеле. и прибгьшѹ. градѹ. дюбровникѹ. ми да ихь. не примемо. ни. рѣчи. ихь. Урошъ не даромъ получилъ названіе Великаго: отъ всѣхъ враговъ своихъ, даже отъ брата умѣлъ онъ избавиться счастливо, и при немъ Сербія не была ни ослаблена, ни унижена; Греки и внутреннія усобицы не тревожили ея. Хотя отъ Угорскаго короля онъ и принялъ, по выраженію лѣтописца, многа ѡѕлобленїа и скрьби [1], однако умѣлъ отдѣлаться отъ него. Только Татары въ 1241 году, при своемъ нашествіи на Угрію, захватили мимоходомъ часть Сербіи. Еще поднялись, было, Дубровничане, но дѣло кончилось безъ войны. Причину неудовольствій съ Дубровникомъ историки находятъ въ корыстолюбіи Уроша и стѣсненіи правъ Дубровницкой торговли. По этому Дубровничане обратились къ Венеціи, прося, чтобы она была посредницею между ними и Королемъ; они желали отправить своего князя, Георгія (Марцела?), ко двору Короля, надѣясь, что Урошъ приметъ въ уваженіе просьбу князя Георгія, какъ родственника Венеціянскому дожу. Но сенатъ Венеціянскій не хотѣлъ, чтобы Дубровникъ оставался въ мирѣ съ Сербіею и далъ тайное повелѣніе дожу не ходить ко двору Уроша. Тогда Дубровничане заключили договоръ съ Михаиломъ Асѣномъ; но дѣла въ Булгаріи отвлекли вниманіе этого послѣдняго, и войны съ Сербіею не было. Дубровничане обязались платить Урошу 2000 перп. за право торговли и владѣнія землею. Такъ повѣствуетъ Аппендини [2] Изъ нашихъ грамотъ не видно, чтобы Урошъ стѣснялъ права Дубровницкой торговли: напротивъ, мы имѣемъ грамоты его, писанныя прежде и послѣ того времени, когда война готова была вспыхнуть (С. №№ 12, 13, 17, 21, 22), и въ нихъ не видно никакого стѣсненія торговыхъ правъ, хотя нѣтъ и уступокъ. Но что чувство взаимной вражды таилось издавна, это свидѣтельствуютъ грамоты: еще около 1240 года Приморскій князь Юрій писалъ Дубровничанамъ, что его жупаны ходили на ихъ городъ по повелѣнію короля Уроша (С. № 10). Съ своей стороны Дубровничане, въ 1249 году, вступили въ союзъ съ Боснійскимъ баномъ Стефаномъ, который обѣщалъ на всякій случай: ако се разьратите. сь кралемь рашьки. да вась не дамь. ни вашь добитекь. паче да ви ѹхранимо (С. № 14). Война еще только предполагалась. Даже при Георгіи Марцелѣ, около 1253 г., Дубровничане не обнаруживали никакихъ враждебныхъ замысловъ и испросили грамоту у Уроша на право торговли въ его земляхъ съ условіемъ платить законныя царины (С. № 17). Но при томъ же князѣ, 15 іюня 1253 года, они заключили союзъ съ Булгарскимъ царемъ, Михаиломъ Асѣномъ, и уже ясно высказали возможность близкой войны съ Урошемъ. Въ договорѣ (С. № 16) согласились уже о взаимныхъ отношеніяхъ, которыя долженствовали наступить по завоеваніи Сербіи Булгарами и изгнаніи Уроша съ Владиславомъ. Уклончивость Георгія Марцела, слѣдовавшаго тайнымъ предписаніямъ Венеціянскаго сената, вѣроятно, послужила поводомъ къ его

---

[1] Шафар. Памятники, стр. 52.
[2] Т. I, стр. 281.

увольненію; ибо въ 1254 году, 22 мая, Дубровницкіе властели одни вступили въ подобный союзъ съ Радославомъ Андреевичемъ Хлумскимъ, который обязывался: **ѿ дьньшни дьнь напрѣдь: противꙋ моеи сил: и смоними лꙋдьми: да бꙋдꙋ дрьжань** (обязанъ) **чинити: рать кралꙋ ꙋрошꙋ: и еговѣмь лꙋдемь: доколѣ вашь градь дꙋбровьникь ꙋ рати стои** (сь) **кралемь ꙋрошемь: и сь еговѣми лꙋдьми:** (С. № 20). Но войны настоящей не было; непріязненныя дѣйствія ограничились взятіемъ въ плѣнъ съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку челядинцевъ. Въ томъ же, 1254 году, 23 августа, при князѣ Андреѣ Златѣ, состоялся миръ между Урошемъ и Дубровникомъ. Король далъ грамоту (С. № 21), которою освобождалъ его купцовъ отъ всѣхъ земскихъ повинностей въ Сербіи и отъ всѣхъ притѣсненій и позволялъ свободно производить торговлю по всему королевству съ платою условленной царины. Дубровничане съ своей стороны обязались: оказывать ему должную почесть, какую оказывали его дѣду и отцу; отдать всѣ тѣ земли, которыя по суду окажутся королевскими; въ случаѣ пришествія въ ихъ городъ, принять его, какъ слѣдуетъ, и не вспоминать никакихъ прежнихъ неудовольствій, ни возвышать для него цѣны на съѣстные припасы; судить его подданныхъ не иначе, какъ при Сербскомъ судьѣ; оказывать всякое должное удовлетвореніе; немедленно возвратить всю плѣнную челядь и удерживать всякія враждебныя покушенія проживающихъ въ ихъ городѣ враговъ Сербіи (С. № 26). Отсюда видно, что дѣла кончились къ выгодѣ Уроша, и изъ намека о землѣ можно догадываться, что война возникла не за торговлю и не отъ корыстолюбія Уроша, а за несправедливое со стороны Дубровника завладѣніе землями Сербскаго королевства. Слѣдовательно, не корыстолюбіе, но долгъ правителя заставлялъ Уроша требовать возмездія отъ Дубровника, и очень вѣроятно, что послѣ того Дубровничане стали платить Сербскимъ королямъ ежегодную дань, 2000 перп., хотя въ нашихъ грамотахъ, не идущихъ, впрочемъ, далѣе 1254 года, нѣтъ объ этомъ никакого извѣстія. При Урошѣ I Хлумъ уже не принадлежалъ Сербіи, какъ видно изъ договора съ Дубровникомъ Хлумскаго жупана Радослава, который называетъ себя клятвенникомъ Угорскаго короля и обѣщаетъ дѣйствовать противъ Уроша (С. № 20). Урошъ, женатый на Еленѣ, изъ Нѣмецкаго рода[1], имѣлъ двухъ сыновей, Драгутина и Милутина. Первому, женатому на Екатеринѣ, дочери Стефана V Угорскаго, онъ обѣщалъ при своей жизни уступить престолъ, и уже Драгутинъ начиналъ настойчиво напоминать о данномъ завѣщаніи, когда Урошъ вдругъ рѣшился отдать престолъ способнѣйшему, Милутину, и просилъ для него въ супруги дочь императора Михаила Палеолога. Но сватовство разстроилось, а между тѣмъ Драгутинъ, съ помощію Угорскаго войска, разбилъ отца и принудилъ его бѣжать въ Драчъ, гдѣ Урошъ и умеръ въ 1272 г., заплативъ жизнію за то, что хотѣлъ осуществить мысль новую, волю самодержца, и пренебречь старымъ порядкомъ наслѣдія. Подпись Уроша I такова: **Стефань ꙋрошь спомокнию б҃жиѥмь краль вьсеи рашькыи з҃ми и поморьскые.**

На Драгутинѣ, царствовавшемъ отъ 1272 до 1275 г., видимъ сильное вліяніе духовенства и хитрыхъ дѣйствій Милутина. Мать и архіепископъ, Сава II,

---

[1] Одинъ лѣтописецъ (Шафар., Памятники, стр. 60) называетъ ее дочерью Угорскаго короля. Другой, Бранковичевъ (Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 11), именуетъ ее regis Francorum filiam, т. е., дочерью какого-то Нѣмецкаго короля. Наконецъ третій (Гласникъ, ч. V, стр. 42, 49) уже прямо указываетъ на ея происхожденіе, говоря, что она была дочерью Болдуина II, императора Константинопольскаго.

дѣйствовавшіе, быть можетъ, въ согласіи съ Милутиномъ, до такой степени пробудили въ Драгутинѣ раскаяніе о поступкѣ съ отцомъ, что Драгутинъ рѣшился наконецъ отказаться отъ престола въ пользу брата, съ тѣмъ, чтобы Милутинъ передалъ послѣ себя престолъ сыну его, Владиславу. Вскорѣ онъ пытался снова сѣсть на престолъ; но духовенство, увлеченное способностями и дарами Милутина, вторично не допустило его до царствованія. Остальное время, до самой своей кончины, въ 1417 г., Драгутинъ жилъ въ Сремѣ, который, вмѣстѣ съ Мачвою, достался ему отъ тестя въ приданое за женою.

Послѣ Уроша I оставалась въ живыхъ его супруга, Елена. Приверженная къ Западной Церкви, она держалась въ Скадрѣ вблизи Дубровника. Даніилъ называетъ Брьнатками ея дворъ, гдѣ она жила и скончалась монахинею [1]. Въ Брьнаткахъ она дала грамоду Дубровнику съ обѣщаніемъ извѣщать граждан о всѣхъ враждебныхъ городу намѣреніяхъ Сербскаго короля: и ако ми хтѣти (захочетъ) кралѣ послати конисю на дубровникъ: или гусу (разбойника): или що годѣ пакостити дубровникю: да є ѿ мене вѣдѣние у градѣ колико наипрѣ (найболѣе) могу брьзо (С. № 27). Сдѣсь должно разумѣть Милутина, который дѣйствительно, по свидѣтельству Аппендини [2], былъ, въ 1288 году, въ дурныхъ отношеніяхъ съ Дубровникомъ, защищая Которцевъ. Елена, съ своей стороны, была недовольна имъ, по тому, что онъ около этого времени вступилъ въ противузаконный бракъ съ Елисаветою, сестрою Драгутиновой супруги, Екатерины. Грамота писана въ правленіе князя Ивана Сторлата [3] и архіепископа Аліарда. Въ 1289 году Елена выдала еще другую грамоту (С. № 32), въ которой подтверждала запись, данную Милутиномъ Дубровнику на обладаніе всѣми тѣми землями, которыми эта община владѣла при Урошѣ I (С. № 33).

Урошъ II Милутинъ, царствовавшій съ 1275 по 1321 г., представляетъ собою замѣчательное историческое лице: онъ является искуснымъ политикомъ и храбрымъ воиномъ. Онъ стоитъ въ уровень съ своимъ вѣкомъ, не щадя ни оружія, ни хитрости для достиженія своихъ цѣлей. Правда, его политика часто противорѣчила началамъ нравственности, но за то своею многосторонностію, своимъ искусствомъ никогда не ослабѣвала и всюду, во всѣхъ сношеніяхъ умѣла одержать верхъ. Нѣкоторые лѣтописцы и историки несправедливо смотрятъ на него только съ нравственной точки, и между тѣмъ, какъ эти не щадятъ для него упрековъ, другіе заботливо скрываютъ и оправдываютъ его недостатки. Но тѣ и другіе слишкомъ разъединяютъ свой взглядъ: въ государственномъ человѣкѣ мало видѣть одного человѣка; надобно смотрѣть на него, какъ на правителя, въ рукахъ коего хранится судьба всего народа. Въ государственномъ человѣкѣ трудно разгадать, что дѣлаетъ онъ по собственному влеченію и что по необходимости, по требованію обстоятельствъ. Окруженный тремя сильными и враждебными сосѣдями, стѣсняемый притязаніями Западной Церкви, Милутинъ, точно, не былъ разборчивъ на средства, но цѣлью его было доставить Сербіи спокойствіе и могущество. Въ этомъ случаѣ онъ жертвовалъ своею личностію пользѣ государственной. Мы должны удивляться его храбрости, гибкому и оборотливому уму и вмѣстѣ необыкновенному счастію; мы не должны также забывать, что непосредственнымъ

---

[1] Ранчъ, ч. II, стр. 501.

[2] Т. I, стр. 282.

[3] Издатели Споменниковъ, при имени князя Сторлата, выставили 1268 годъ; но въ этомъ году еще былъ живъ Урошъ I, и Елена никакъ не могла бы дать грамоты съ такимъ содержаніемъ и притомъ въ Брьнаткахъ.

его сосѣдомъ, съ которымъ наиболѣе имѣлъ онъ дѣла, была Восточная Имперія, не щадившая хитрости и денегъ въ сношеніяхъ своихъ съ иноземными народами; съ такимъ сосѣдомъ, стоявшимъ уже на крайней степени внутренней порчи и государственнаго разврата, приходилось часто дѣйствовать равнымъ оружіемъ и хитрость противупоставлять хитрости. Самый престолъ Милутинъ добылъ посредствомъ хитрости. Чрезъ духовенство, любовь котораго онъ снискалъ благочестіемъ, дарами и строеніемъ монастырей, онъ умѣлъ внушить брату ту глубокую набожность, то чистое раскаяніе, которыя отстраняли его отъ всякого вмѣшательства въ дѣла государственныя. Даже умирая, Драгутинъ не позаботился подкрѣпить сына достаточными средствами къ принятію престола послѣ дяди; а между тѣмъ Владиславъ имѣлъ полное право на престолъ, въ чемъ соглашался и самъ Милутинъ. Не менѣе удачны были и внѣшнія его дѣйствія. Онъ первоначально былъ женатъ на дочери Іоанна Ангела, севастократора Θессаліи и Локриды [1], и, прикрываясь этимъ родствомъ, дѣлалъ постоянныя вторженія въ Греческія владѣнія, когда одинъ, когда съ братомъ, Драгутиномъ. Михаилъ Палеологъ, поднялся, было, на него, но умеръ дорогою, въ 1283 г. Ни Греческіе вельможи, ни помощь Татаръ, Турокъ и Фруговъ (Франковъ) не могли ничего сдѣлать. Милутинъ, въ нѣсколько походовъ, завоевалъ оба Полога, Скопле, Овчеполе, Златову, Піанецъ, Струмицу, Серъ, Дьбрьскъ, Кичаву, Порѣчье, опустошилъ Влахіотскую землю и доходилъ до Солуна и Аѳона. (Гр., стр. 42, № 4). Состояніе Греціи позволяло ему свободно захватывать у нея города и земли. Безопасный съ этой стороны, онъ обратилъ свое вниманіе на Босну и, чтобы получить ее, оставилъ свою первую жену подъ предлогомъ безплодія и женился на Елисаветѣ, сестрѣ Ладислава, Угорскаго короля, и Екатерины, супруги Драгутиновой. Дѣйствительно, въ приданое за Елисаветою, ему досталась Босна, въ 1286 г. А чтобы задобрить папу, Милутинъ, при посредствѣ матери своей, Елены, обѣщалъ ввести въ Сербію Римско-католическую вѣру и изгнать Патареновъ. Но безпорядки въ Булгаріи отвлекли его вниманіе отъ обѣщаннаго вѣрообращенія. Татаринъ Ногай, свергнувъ Тертера, возвелъ на Булгарскій престолъ Смильцу и затронулъ Сербскія области. Споръ конченъ былъ бракомъ: Страшимиръ, правитель Видина, главный и ближайшій къ Сербіи военачальникъ Смильцы, женилъ своего сына, Михаила, на Недѣ, дочери Милутина. Когда же сынъ Ногая, Цаха, посадилъ на Булгарскій престолъ Святослава, сына Тертерова, тогда, для предотвращенія непріязненныхъ столкновеній, самъ Милутинъ, отвергнувъ Елисавету, женился на дочери Тертера, сводной сестрѣ Святослава, въ 1296 г. Ему уже нечего было бояться Угріи; ибо тамъ, по убіеніи Ладислава, Андрей III былъ слишкомъ занятъ дѣлами. Между тѣмъ на югѣ опустошенія Греческихъ земель продолжались при помощи Греческаго измѣнника Котаницы. Наконецъ царь Андроникъ Старшій не нашелъ лучшаго средства къ укрощенію опаснаго врага, какъ то, къ которому всегда прибѣгала Византійская политика въ крайнихъ обстоятельствахъ и которое допускалъ, какъ видимъ, и Милутинъ. Онъ предложилъ Милутину жениться на его дочери: два послѣдніе брака Милутина, какъ заключенные отъ живой жены, сочтены были недѣйствительными, а смерть первой его супруги вполнѣ отстраняла всякое къ тому препятствіе, — и восьмилѣтняя Симонида вступила въ бракъ съ сороколѣтнимъ Милутиномъ. Въ силу брачнаго договора, дочь Тертера и Котаница были выданы Грекамъ;

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Nicephorus Gregoras, v. I, p. 203. — Stritter, II, 205.

Милутинъ обязался не тревожить Греческихъ земель и помогать тестю противъ Персовъ. У того и другаго были свои виды: Адроникъ освободился отъ Сербовъ, которые, по словамъ лѣтописцевъ, et ipsi infestissimi hostes erant, et Romano imperio magnas quotidie clades inferebant, и даже получилъ отъ нихъ вспоможеніе противъ Турокъ. Виды Милутина были обширнѣе. Хотя онъ и не тревожилъ болѣе Греческой имперіи, но за то уже смотрѣлъ на нее, какъ на свою собственность. Неудовольствія Святослава и Драгутина, возникшія по случаю брака, взялся уладить самъ Императоръ. Милутинъ былъ совершенно спокоенъ. Далекіе виды на Грецію требовали отъ него дѣлъ благочестія; онъ строилъ и обогащалъ церкви въ Сербіи и самой Греціи, какъ-то: въ Солунѣ, Царьградѣ и на Аѳонѣ; даже посылалъ дары на Синай, и въ Ерусалимѣ построилъ новую церковь свв. архангеловъ Михаила и Гавріила [1]. Къ этому же времени относятся его грамоты, данныя Хиландару. Первою своею грамотою (А. № 6) онъ подтвердилъ и переписалъ прежніе хрисовулы отца и дѣда, заключавшіе ихъ надачи Хиландару; тутъ же вписалъ и свои пожертвованія, состоявшія въ нѣсколькихъ селахъ съ заселками, пашнями и влахами, церквахъ, пасѣкахъ, виноградникахъ и пр. Изъ того, что онъ подарилъ Хиландару церковь архистратига Михаила въ Штипѣ и села съ людьми въ Струмицкой области, мы видимъ, какъ далеко простирались его владѣнія на югъ. Вообще плодоносная и прекрасная равнина Македоніи, орошаемая рѣками Вардаромъ и Струмою и населенная, по большей части, Славянами, составляла главную цѣль, куда устремляли свое оружіе Сербскіе короли. Самое ея положеніе, относительно Сербіи, служило тому причиною. Сербія всею своею южною частію, заключенною въ дугѣ горъ, окружающихъ съ юга притоки восточной Моравы отъ Расы до Ниша, упиралась въ эту равнину: стоило только перейти горы и естественнымъ продолженіемъ Сербіи являлась эта равнина, открывающая свободный путь къ морю и Аѳону. Уже Неманя сдѣлалъ первый шагъ за горы, овладѣвъ Призрѣномъ, Скоплемъ и Средцемъ: Милутинъ же дошелъ до Сера (Сереса), и это былъ самый южный предѣлъ его владѣній. Изъ той же грамоты узнаемъ, что въ это время, ок. 1302—1306 г., архіепископомъ Сербскимъ былъ Евстафій II, а епископства были слѣдующія: Зетское, Рашское, Звечанское, Хвостенское, Хлумское, Призрѣнское, Топлицкое, Будимльское, Лимлянское (Липлянское), Скопльское, Дьбрьское и Моравское. Сравнивъ этотъ списокъ съ тѣмъ, который приводится у Енгеля [2], видимъ, что въ послѣднемъ пропущено Звечанское и показаны еще четыре епископства: Браничевское, Мачевское, Градецкое и Кончульское. Между тѣмъ въ грамотѣ упомянуты *всѣ* епископства: это противорѣчіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что грамота писана задолго до конца царствованія Милутина и по тому Звечанское могло быть уничтожено, а два вторыя епископства могли быть основаны послѣ, при Никодимѣ, которому приписываютъ устроеніе церковаго чиноначалія; что же касается до двухъ первыхъ, то они не упомянуты по тому, что находились во владѣніяхъ Драгутина. У Раича [3] пропущены два: Звечанское и Топлицкое. Изъ хрисовула Милутинова, писаннаго уже при Никодимѣ, и сообщеннаго Шафарикомъ, находимъ слѣдующій списокъ епископамъ: Зетскій,

---

[1] Неманя избралъ въ покровители своей земли архистратига Михаила: отъ того церковь, построенная Милутиномъ, называется иногда церковью одного архистратига Михаила. Ср. гр-ы Уроша V, Г., ч. II, и Душана, С. N 35.

[2] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 255.

[3] Ч. II, стр. 625.

Рашскій, Хлумскій, Хвостенскій, Топлицкій, Будимльскій, Дьбрьскій, Моравицкій, Скопльскій, Призрѣнскій, Иплянскій, Браничевскій, Мачевскій, Градацкій и Кончульскій[1]. Этотъ списокъ во всемъ согласенъ съ Енгелевымъ. Въ спискѣ Григоровича, заимствованномъ изъ грамоты, писанной тоже при Никодимѣ, опять встрѣчаемъ пропускъ; нѣтъ епископовъ: Моравицкаго, Скопльскаго, Призрѣнскаго, Градецкаго и Кончульскаго, хотя прочіе епископы составляли вьсь сь вгомъ сьбраннын лнкь вьсе срьбскые землн (Гр., стр. 47, № 12). Во второй и третьей грамотахъ (А. №№ 2, 3) Милутинъ говоритъ о сооруженія пирга или башни съ храмомъ Спасителя для защиты Хиландара отъ морскихъ разбойниковъ и придаетъ пиргу испрошенное имъ у Греческаго царя въ Струмской области село Купово со всѣми принадлежностями и доходами близъ селъ монастырскихъ. Мѣсто, гдѣ былъ построенъ пиргъ, называется Хрусіею; пиргъ великъ и твердъ и окруженъ градомъ; внутри церковь въ честь вознесенія Господня и кельи, изъ которыхъ одна назначена для самого Милутина. Старецъ, управляющій пиргомъ, поставляется только изъ Хиландарскаго монастыря и избирается общимъ совѣтомъ братіи, способнѣйшій на то послѣ игумена и башты; безъ достаточной вины старецъ не отставляется отъ управленія пиргомъ. Пиргъ не отдѣляется отъ монастыря, но единствуетъ съ нимъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ далъ еще четвертую грамоту (А. № 4), въ которой подтвердилъ всѣ прежнія надачи Хиландару и пиргу, положилъ отпускать изъ монастыря пищу для братіи, живущей въ пиргѣ, запретилъ монастырскимъ властямъ касаться всего того, что принадлежитъ пиргу, движимаго и недвижимаго, живаго и мертваго имущества, даннаго на украшеніе и поддержаніе пирга; опредѣлилъ снова взаимное единство пирга и Хиландара; наконецъ приписалъ къ послѣднему еще два села въ Скопльской области со всѣми ихъ людьми и доходами. Обѣ послѣднія грамоты засвидѣтельствованы архіепископомъ Савою III, по согласію со всѣми епископами, и утверждены его подписью: сава по мл̑ти бж̑нии архиеп̑пь вс̑ѣ срьбски̑ и поморскихь земль. Въ припискѣ архіепископа исчислены всѣ его предшественники; вотъ они: Сава (I), Арсеній, Сава (II), Іоанникій, Евстафій, Іаковъ, Евстафій (II). Таковы были благочестивыя дѣйствія Милутина. Какъ бы то ни было, онъ умѣлъ пріобрѣсти благоволеніе супруги Андроника, царицы Ирины, которая готовила ему Византійскій престолъ, посылала множество денегъ и даже отправила въ Сербію двухъ сыновей своихъ. Цѣлью ея и Милутина было соедненіе обоихъ государствъ. Но однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій былъ незаконный[2] сынъ Милутина, Стефанъ Урошъ, жившій доселѣ въ Зетѣ. Вскорѣ и это препятствіе было устранено. Самъ Стефанъ подалъ къ тому поводъ. Между тѣмъ, какъ Греческая сторона, предводительствуемая Симонидою и Ириною, старалась очернить его въ глазахъ отца[3], бояре другой, Сербской, стороны, боясь владычества Грековъ, пришли къ Стефану въ Зету и убѣдили его возстать противъ отца[4], но рать отцова была сильнѣе, и Стефанъ смирился. Вслѣдъ

---

[1] Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 54.

[2] Объ этомъ прямо говорятъ Орбини (стр. 226, 227) и Дюфренъ (Famil. Dalm. et. Slavon., гл. III, § LVIII); да и самыя обстоятельства подтверждаютъ то же.

[3] Цароставникъ (у Раича, ч. II, стр. 638), Житіе Стефана Дечанскаго, писанное Дечанскимъ игуменомъ Григоріемъ, (Рукопись. См. Введеніе, стр. 23. Примѣч. 3) и Лѣтописи (Шафар., Памяти., стр. 61, 70.—Гласникъ, ч. V, стр. 61) подтверждаютъ извѣстіе Мадія о томъ, что Стефанъ былъ оклеветанъ Симонидою. Ср. Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 245.

[4] Даніилъ у Раича, ч. II, стр. 612.

за тѣмъ онъ былъ ослѣпленъ въ Скоплѣ и отвезенъ въ Царьградъ, въ 1307 г., подъ надзоръ Грековъ. Бракъ Милутина съ царевною привелъ въ трепетъ старую Елену, которая, какъ иностранка, не любила сношеній съ Востокомъ. Милутинъ спѣшилъ увѣрить папу въ своей преданности къ Римо-католицизму и подтвердить запись своего дѣда, Стефана Первовѣнчаннаго, Бенедиктинскому монастырю на Млѣтѣ. Въ то же время Боснійскія земли, занятыя Павломъ Бребирскимъ, были снова завоеваны, и владычество Сербіи простерлось до самого Дунна. Въ 1305—1307 г. Милутинъ подтвердилъ запись своей матери, Елены, монастырю пресвятой Дѣвы Маріи, сооруженному ею въ Рьтцѣ близъ Бара (Мк.). Этимъ, конечно, хотѣлъ онъ продолжить, по смерти матери, хорошія отношенія къ Риму, которыя поддерживала Елена. Явился другой притязатель Византійскаго престола, Карлъ Валуа. Милутину нужно было сойтись и съ нимъ. Заключенъ былъ взаимный союзъ: Милутинъ обѣщалъ Карлу вспомогательное войско, а сынъ Карла, герцогъ Алансонскій, долженъ былъ жениться на Зарицѣ, сестрѣ Неды; въ добавокъ Милутинъ писалъ къ папѣ, изъявляя свою покорность Римской Церкви. Уже папа прислалъ ему исповѣданіе вѣры и священное знамя; какъ вдругъ ссора съ Венеціянами разстроила всѣ замыслы Карла. Милутинъ, видя его безсиліе, прекратилъ съ нимъ сношенія, а папу извѣстилъ, что не можетъ ввести у себя Римско-католическаго вѣроисповѣданія, ибо боится гнѣва тещи и брата. Сношенія съ Святославомъ Булгарскимъ и Андроникомъ сдѣлались тѣснѣе. Владиславъ, сынъ Драгутина, былъ тотчасъ, по смерти отца, схваченъ и посаженъ въ заключеніе. За то Сербское духовенство и бояре, воспользовавшись несогласіемъ Милутина съ Симонидою, успѣли склонить его къ возвращенію сына, Стефана, изъ Греціи. Стефану данъ былъ для жительства городъ Будимль. Но гроза собиралась надъ Милутиномъ. Еще въ 1314 г. папа, за вторженіе его въ Угрію, проповѣдывалъ противъ него крестовый походъ. Въ 1318 г. Карлъ Робертъ Угорскій, желая возвратить Драгутиновы земли, соединился съ Карломъ II Сицилійскимъ, правителями Албаніи, графами Бребирскими и мн. др.; Мачва и Босна были завоеваны. Но судьба и на этотъ разъ спасла Милутина. Карлъ Робертъ былъ отвлеченъ волненіями въ Угріи. Папа хотѣлъ, было, въ 1320 г., поднять на Милутина всю западную Европу, но и этотъ крестовый походъ не состоялся. Такимъ образомъ Милутинъ счастливо избѣгнулъ грозы Запада. Въ 1321 г. онъ умеръ, готовясь помогать Андронику Младшему противъ Старшаго. Онъ подписывался: **Стефань Урошь вь х҃а б҃а благовѣрныи краль (или по м҃три в҃нии краль) и сь б҃гмь самодрьжьць всѣхь срьбскихь земль и поморскихь**; или: *Стефанъ Урошъ въ Христа Бога благовѣрный и христолюбивый краль и самодержецъ сербскихъ земель.*

Тотчасъ по смерти Милутина народъ Сербскій призвалъ на престолъ Стефана Уроша III. Константинъ, другой незаконный сынъ Милутина, и Владиславъ Драгутиновичъ были обойдены. Послѣдній имѣлъ болѣе всѣхъ права на престолъ, какъ законный сынъ старшаго Неманича; но порядокъ наслѣдства былъ уже нарушенъ столь частымъ забвеніемъ старшинства; Милутинъ же окончательно разрушилъ его, оскорбивъ и уничтоживъ въ лицѣ Владислава послѣднее его основаніе — право законности. При томъ отдѣльность Сремской области и долгое пребываніе Владислава въ заключеніи заставили народъ отвыкнуть отъ него и не довѣрять ему своей судьбы. Проигравъ битву въ 1324 г., Владиславъ вскорѣ потомъ умеръ. Доселѣ власть находилась въ рукахъ рода Неманичей, и повторялось въ этомъ родѣ то же самое, что было до Немани и

при Немани въ родѣ Белы Уроша: братья наслѣдовали братьямъ. Радославъ, Владиславъ и Урошъ I преемствовали одинъ другому; Милутинъ вступилъ на престолъ за Драгутиномъ. Но въ лицѣ Владислава родъ вторично проигралъ передъ семьею, и на немъ отразилось торжество государственныхъ началъ. Владиславъ одинъ оставался законнымъ наслѣдникомъ послѣ Милутина, какъ сынъ старшаго брата и единственный Неманичъ. Напротивъ, рожденіе Стефана (Дечанскаго) и Константина намъ неизвѣстно. Мы имѣемъ полное право предполагать ихъ незаконными сыновьями Милутина, которымъ отецъ не думалъ отдавать въ наслѣдство престолъ, но которымъ далъ для жительства частную собственность Неманичей, Зету и окрестности Скадра. Всего вѣроятнѣе, Милутинъ имѣлъ въ виду соединеніе Сербіи съ Греціею, доказательствомъ чему служатъ сношенія съ нимъ императрицы Ирины и поѣздка ея сыновей въ Сербію. Отъ того-то Милутинъ и не заботился выставить себѣ наслѣдника изъ Неманичей. Но Сербскіе бояре, коренное сословіе Сербской земли, твердо хранившіе народную самостоятельность, не хотѣли имѣть у себя чужеземныхъ королей, могшихъ внести съ собою и чужеземное вліяніе, обратились къ Неманичамъ. Забвеніе родоваго права и отвычка отъ Владислава доставили торжество Стефану. Ему помогли Зетскіе бояре, которые, какъ старожилы той земли, откуда вышли Неманичи, гдѣ было ихъ гнѣздо, не разъ выказывали свои права на преобладающее вмѣшательство въ дѣлахъ всей Сербіи. Лѣтописцы искусно закрываютъ рожденіе Стефана и Константина: однако кто же была ихъ мать? И были ли законные сыновья у Милутина? Енгель прямо называетъ Стефана ein natürlicher Sohn [1]; Давыдовичъ допускаетъ это только, какъ мнѣніе нѣкоторыхъ [2]. Зетскіе бояре, удаленные отъ Владислава и, можетъ быть, забывшіе объ немъ, были рады старшему, хотя и незаконному, сыну Милутина и постарались объ его возведеніи. Но послѣ этого по чему жь бы и Константину не сѣсть было на Сербскій престолъ? Онъ, также какъ и Стефанъ, владѣлъ отцовскою собственностію (гдѣ-то около Скадра). Но если уже не успѣлъ законный Владиславъ, которому предпочтенъ былъ сынъ того, кто такъ возвысилъ Сербію, чья память была такъ еще свѣжа въ народѣ, то тѣмъ менѣе могъ успѣть младшій и такой же, какъ Стефанъ, незаконный Константинъ. Однако онъ послалъ сказать Стефану, чтобы этотъ, какъ слѣпой и неспособный къ управленію, уступилъ ему престолъ; но Стефанъ не былъ совершенно слѣпъ и нравился народу своимъ благочестіемъ и еще тѣмъ, что поддержалъ народную сторону, предупредивъ соединеніе Сербіи съ Греціею. Стефанъ отвѣчалъ, какъ истинный государь: «пусть Константинъ, второй сынъ отца, возьметъ себѣ и второе мѣсто въ королевствѣ и будетъ мнѣ сподручникомъ»; но Константинъ, держась стараго порядка и недовольный отвѣтомъ, въ которомъ проявлялась новая, государственная мысль, мысль самодержавія, далъ сраженіе и былъ убитъ [3]. Лѣтописецъ явно обличаетъ участіе бояръ въ этой борьбѣ, называя ихъ «дворянами [4]». Угрожаемый

---

[1] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 240 и др.

[2] Дѣянія къ исторіи Сербскаго народа. Забавникъ. 1821. Стр. 72.

[3] Отъ Константина сохранилась одна монета, на которой вычеканено: S. Stefanus Scutari (Г., III, стр. 219). Но Занетти ошибается, называя его сыномъ Маріи, дочери царя Андроника: Симонида (а не Марія) была безплодна. Безыменный лѣтописецъ (Гласникъ, ч. V, стр. 59) равномѣрно ошибается, считая его законнымъ сыномъ Милутина отъ Симониды. Дюфренъ же (Fam. Dalm. et Slavon., гл. III, § LVI) думаетъ, что онъ былъ сынъ Драгутина.

[4] Гласникъ, ч. V, стр. 62.

сильнымъ сосѣдомъ, Робертомъ Угорскимъ, Стефанъ сталъ, по примѣру отца, хлопотать о своемъ бракѣ съ дочерью Карлова родственника, Филиппа Тарентинскаго, и изъявилъ преданность Римскому престолу: отецъ его не разъ обманывалъ папу, обманулъ и онъ. Уже онъ читалъ публично Римско-католическое исповѣданіе вѣры, какъ вдругъ дѣла перемѣнились. Карлу Роберту стало не до Сербіи, и Стефанъ позабылъ о папѣ, Римо-католицизмѣ и бракѣ. Въ это самое время въ Восточной Имперіи происходила война между двумя Андрониками; на сторонѣ внука стоялъ Михаилъ Страшимировичъ Булгарскій, прогнавшій отъ себя жену свою, Неду. Стефанъ, помня прошедшее, принялъ сторону дѣда. Въ 1330 г. Михаилъ былъ побѣжденъ Стефаномъ. Объ этой побѣдѣ такъ разсказываетъ Душанъ въ своей грамотѣ, составляющей послѣсловіе къ его Законнику: Вь лѣт ,ѕѡли мца іуніа ѳі. днь. рекуж и цра грьчаскаго михаила и брата его белаура. и алеѯендра цра бльгаромь. и басарабу иваика таста алеѯендра цра. сумеге живущи урьнии татарь и гпдство ıашко и проуіихь съ иними гпда.... Сіимь вьсемь пришьшимъ вь ѕемлю нашу рекомое место велбужь ıако до п тисущь и многа ѕла сьтворьшимь крайне томь.... и сьбравшимь намь кое ѕемліе, ѿчьствіа нашегь иже на брань уготовани мною ıако до еі тисущь... мцı іуліа кѕ днь вь суботу вь уа ѕ: и тако нашьшимь па нее. и млтію бжіею поразихомь все победою великою вь удивленіе вьсемь ѡкрьстнимь цремь и гпдромь и михаилу цру бльгарскому мьчемь главу его ѿсехь: ему же и до нинı гробь его вь ѕемли нашей и многа именіа гпдра тѣ вьѕе. ѕемлю нашу испльнихомь[1]. Война съ Булгаріею и Греціею обогатила Стефана. На отнятую у непріятеля добычу воздвигнутъ былъ знаменитый храмъ въ Дечанахъ, въ 1327—1335 г., почему и самъ Стефанъ прозвался Дечанскимъ. До насъ дошли двѣ весьма замѣчательныя въ историческомъ отношеніи грамоты Стефана о построеніи и надачѣ Дечанскаго монастыря (С. № 176). Въ первой Стефанъ говоритъ о своемъ ослѣпленіи и сооруженіи монастыря; во второй исчисляетъ села, подаренныя монастырю, и людей монастырскихъ и въ заключеніе упоминаетъ о побѣдѣ надъ царемъ Булгарскимъ, Михаиломъ. Вотъ какъ описываетъ Стефанъ свое ослѣпленіе: тьже (дьяволъ) и ѕе вьселисе вь ѕлонравние и ѕломысльные члвкын. иже вьспитѣше сты родителие кравтами и само кравтоми слюбовию срца. ıако братию и чеда. иже ѿставльше ба и великоую любовь нашю ѕабыше. начеше по малоу сѣıати ѕлые плѣвелы. межоу мною и родителемь кравьствами. намь раѕлично вѣрны сь льстию ıавлıющесе. горши и ѡклинѣи невѣрныхь ıавишесе. иже поревновавше моимоу добромоу житию. свещанимь ѕлымь и непобнымь наведоше його на таковое дѣло страшьное и непобное. ıако не оудобь слышати ни вь оумь члвкомь вьмѣнити створише ѿ мнѣ иже створише. и послоушавь ихь вьскорѣ свѣта ѿчію моюю лиши ме не потрьпѣвь ни испытавь истины и ни расоудивь испытно соуда ıако соудъ бжи и. и иıше ıсемоу и вь ѕатоучение вьдасть ме и сь чеды моими. прѣдати ме дрьжати вь костантинѣ градѣ цроу андроникоу. рекше ıако по семь не ıавитисе имени моимоу ни чедомь моимь ни видѣти ѕемли ѿчьствиа моего. Ясно, что сдѣсь Стефанъ говоритъ о боярахъ, придворныхъ и державшихъ Греческую сторону: кого же, какъ не бояръ, воспитали короли съ любовію, какъ свою братію и чадъ? Но о мачихѣ онъ не упоминаетъ, равно какъ совершенно отстраняетъ отъ себя всякую виновность. Впрочемъ, весьма правдоподобны и слова Даніила, который ему именно при-

---

[1] Лѣтопись 1828 г., ч. IV.

писываетъ покушеніе свергнуть отца. Молодость, незаконность рожденія и тѣсная дружба Милутина съ Ириною, обличавшая Греческое вліяніе, вредное для Сербской народности, могли отважить его на этотъ поступокъ. Если же въ послѣдствіи онъ является весьма благочестивымъ, то послѣдствіе не говоритъ за предыдущее: полуослѣпленный, изгнанный, въ рукахъ враговъ, Стефанъ могъ сознать свою ошибку и винить столько отца, столько же и себя. Даніилъ не смѣлъ бы клеветать на него, во первыхъ, какъ современникъ, во вторыхъ, какъ обязанный ему столько же, сколько и его отцу. Замѣчу также, что въ грамотѣ, писанной по случаю благочестиваго дѣла, странно бы было искать сознанія какого либо проступка отъ того, кто ждалъ себѣ похвалы, какъ создатель великолѣпной обители, и притомъ въ тѣ времена, когда всякое зло приписывалось не своей доброй волѣ, а внушенію дьявола и наговору злыхъ людей. Уже не передъ кѣмъ было оправдываться: Милутинъ давно уже не существовалъ; и Стефану ничего не стоило представить себя совершенно правымъ. Всю вину своего ослѣпленія онъ возлагаетъ на отца и совѣтъ боярскій: такъ точно свидѣтельствуетъ и Даніилъ. Мадій приписываетъ ее одной только Симонидѣ, которая будто бы велѣла ослѣпить Стефана безъ вѣдома мужа. Всего лучше высказанъ въ грамотѣ характеръ бояръ, вѣроятно, не всѣхъ, но только сторонниковъ Симониды, научившихся у Грековъ хитрости, лести и жестокости. Тъжѐ (бъ) продолжаетъ та же грамота — свѣдыи любовь и правдоу срца моего нь моимоу родителю. яко о мнѣ великои мл̑рдые свои свѣть очию моию вьзвративь просвѣти. и.... посади ме на прѣстолѣ стыхь родитель и прародитель кралтамн..... И бмь дарованиимь бжиемь кралта срьбскаго вѣнчань быхь на кралтво вь идинь днь сь сновмь моимь. вь лт, ,з. ѡ. ке. мца. генв. ѕ. днь индикта. е. вь празникь бгоявлѥнии. блвнимь и роукою прѣосвщеннаго архиепкпа никодима. и всѣхь епкпь и всего сьбора срьбскаго. яко зватисе стефань бмь помиловань и бмь просвѣщень кра оурошь. третии. За симъ вспоминаетъ преподобнаго Саву, устроившаго отечественное архіепископство и чиноначаліе, создавшаго нѣсколько храмовъ и перваго, обрѣтшаго въ Дечанахъ, въ Затрьнавской жупѣ, мѣсто кралѐско и нѐбно на съзаниіе домоу бжиѥ назнаменавь и прорече благи стыма роукама своима. быти емоу мѣстоу свѧтилищномоу. На этомъ-то мѣстѣ Стефанъ, въ исполненіе желанія св. Савы, создалъ храмъ во имя Спаса, украсилъ его всѣми красотами внутренними и внѣшними, утварями, одеждами, и надѣлилъ селами и катунами Влашскими и Албанскими; при храмѣ основанъ монастырь; и все строеніе благословлено и освящено архіепископомъ Даніиломъ, всѣми епископами и всѣмъ соборомъ Сербскаго духовенства. Далѣе поименованы села и люди, подаренные монастырю. Села, числомъ около 30, всѣ лежатъ по близости Дечанъ, и границы каждаго показаны весьма точно; при многихъ селахъ есть заселки. Люди, сидящіе въ селахъ, означены по именамъ и занятіямъ, и опредѣлены отношенія ихъ къ монастырю. Одно изъ селъ подарено монастырю въ благодарность за избавленіе отъ нашествія царя Булгарскаго. Надача совершена и утверждена въ присутствіи всего собора Сербской земли, духовныхъ и мірскихъ чиновъ и съ благословеніемъ архіепископа Даніила, всѣхъ епископовъ и игуменовъ и всего духовенства. Грамота оканчивается извѣстіемъ о побѣдѣ надъ Булгарами: и кто исповѣсть иже о мнѣ мл̑рдиа бжиа понаха чюдо дивнаѥ и славнаѥ всѣхь чюдесь. храмоу семоу живѣмоу и симоу хроусоуоулоу знисаваѥмомоу вь домоу кртлии оу породимли (Неродимлѣ). вьнезаапу побѣдисе црь бльгарскын михаиль шишмалникь сь нимии силними д. ми црьи. и сь иноплеменними изыкы. и многими погании

их враіь кралѣвами иръити хоте срьбскоу землю. азь же противоу имоу изьшь. и сь възлюбленннмь сыномь кралѣвми младимь кралемь стефаномь. и сь всѣми властели кралѣвми.... цра михаила оубихь и ѿихь покошении его. и иные цре побѣдихь и разбихь и възехь достоинии ихь. на мѣстѣ рекомѣмь вельбоужь. вь. лѣ. ѕѡлй. мца июлѣ. вь. кн. днь. Сравнивъ эти слова съ вышеприведенными словами Душановой грамоты, мы находимъ между ними согласіе въ главныхъ событіяхъ: только грамота Душана описываетъ подробнѣе побѣду надъ Михаиломъ. По ея словамъ, побѣда совершена 27 іюля, а по свидѣтельству грамоты Стефана Дечанскаго, она произошла 28 того же мѣсяца: — противорѣчіе незначительное [1]. Также выраженіе въ послѣдней грамотѣ: цра михаила оубихь не отнимаетъ у Душана славы быть непосредственнымъ побѣдителемъ Булгаровъ: всѣ лѣтописцы называютъ Душана главнымъ виновникомъ побѣды и плѣненія Михаила. По словамъ грамоты, Душанъ самъ отсѣкъ голову Михаилу; но по свидѣтельству Византійскихъ лѣтописцевъ, Михаилъ, покрытый жестокими ранами, былъ взятъ въ плѣнъ и жилъ послѣ того четыре дня [2]. Григорій, игуменъ Дечанскій, повѣствуетъ, что Стефанъ—отецъ, въ продолженіи битвы, молился въ особенной сѣни, а Стефанъ—сынъ сражался съ врагами. Битва происходила на мѣстѣ вельбжь сице нарицаемѣ кестендиѵи же прилежащи. Очень вѣроятно, что слабость зрѣнія препятствовала Стефану принимать участіе въ этой битвѣ [3]. Наконецъ Михаилъ, ѿ воинъ срьпскыхъ ятъ бывъ. приводится ясомъ црвж стефанж. много тогды врати храброванія сътворишж и тж живота лишивъ оумилаемо [4]. Даніилъ въ числѣ союзниковъ Михаила помѣщаетъ и Карла Роберта Угорскаго [5]; Византійцы же упоминаютъ только о 300 Скиѳскихъ наемникахъ [6]. Но, конечно, главнымъ союзникомъ ему былъ императоръ Греческій, въ отмщеніе коему Стефанъ завладѣлъ нѣсколькими Греческими городами, лежащими въ равнинѣ по Вардару и Струмѣ. Извѣстны еще двѣ грамоты Стефана Дечанскаго (А. №№ 7, 8): первая относится къ возобновленію и надачѣ селами церкви св. Николая въ Добруштѣ. Люди этихъ селъ подлежатъ общему закону людей церковныхъ: ими завѣдываетъ только монахъ, котораго поставляетъ игуменъ Хиландарскій, ибо церковь приписана къ монастырю. Сверхъ того церкви подаренъ торгъ Призрѣнскій, бывающій на Николинъ день, и 150 перп. ежегоднаго дохода. Въ послѣдствіи Урошъ V писалъ (С. № 45), что торгъ Призрѣнскій подаренъ имъ црквн гна цра (Душана) архнглв. Вторая, отмѣченная 1327 годомъ, относится къ Хиландару: въ ней Стефанъ распорядился селомъ Добродолянами, которыхъ доселѣ одна половина принадлежала Студеницѣ, другая Хиландару. По просьбѣ Хиландарскаго игумена Гервасія, Стефанъ приписалъ Хиландару все село Добродоляне и подтвердилъ за нимъ прежнія села въ общей окружной межѣ. Въ вознагражденіе за половину Добродолянъ, къ Студеницѣ приписано другое село, Ярине на Ибарѣ. Въ Хиландарѣ хранится еще нѣсколько грамотъ Дечанскаго, изъ коихъ узнаемъ другія надачи, сдѣланныя этому монастырю. (Гр.,

---

[1] У Енгеля (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 263) выставлено 16 іюля.

[2] Corp. Script. Hist. Byz. Niceph. Gregoras, v. I, p. 456.—L. Chalcocondylas, ib., p. 22.—Cantacuzenus, ib., v. I, p. 430. — Stritter, II, 253; III, 840.

[3] То же замѣчаетъ Ранчъ на слова Даніила, свидѣтельствующаго, что Стефанъ управлялъ однимъ крыломъ войска. Ч. II, стр. 681.

[4] Рукопись. См. Введеніе, стр. 23. Примѣч. 3.

[5] У Ранча. Ч. II, стр. 675.

[6] Corp. Script. Hist. Byz. Niceph. Gregoras, v. I, p. 455.–Stritter, III, 838.

стр. 48, №№ 14, 16). Еще при вѣнчаніи своемъ на королевство, Стефанъ вѣнчалъ и сына своего, Душана, назвавъ его младшимъ королемъ. Душанъ получилъ въ управленіе Зету. Но онъ видѣлъ, что отецъ не прочитъ ему королевства; ибо, не женивши его, самъ вторично женился на Гречанкѣ. Предпочтеніе, оказываемое Грекамъ, и миръ съ Греціею внушили Сербскимъ боярамъ опасеніе, чтобы престолъ ихъ отечества не достался дѣтямъ втораго брака, которые могли окружить себя Греческими сторонниками. Сдѣсь дѣйствовало чувство народности въ связи съ сословными выгодами боярства. Та же причина, которая заставила бояръ подняться съ Стефаномъ на Милутина, побудила теперь бояръ съ Душаномъ возстать на Стефана. Уже Король прогналъ отъ себя многихъ бояръ; всѣ недовольные обратились къ Душану. Выгоды были общія, и сынъ сталъ противъ отца за то же, за что прежде отецъ стоялъ противъ дѣда. **Діаволъ шѣ ражвеи лукавая словеси своа бѣсовска посрѣ люди ѿтка нашег.** — говоритъ Душанъ въ послѣсловіи къ своему Законнику — **Сѵрбиа съткоришѧ ѿ мне родителѧ моего. и тако изустишѧ ѥ на мь (ме). ѩко кьсна да не будеть имени моего ни живота**[1]. Такъ настроенъ былъ сынъ противъ отца. Этими настроителями и совѣтчиками были бояре — то самое сословіе, которое возстановило Дечанскаго противъ Милутина. Сдѣсь дѣйствовала вся народная сторона, находившаяся не только въ Зетѣ, но и при королевскомъ дворѣ. Къ Душану стекались недовольные, которыхъ лѣтописцы называютъ знатными людьми. Объ нихъ такъ пишетъ Никифоръ Грегорасъ: *ἐπεὶ δ' αὐτὸς μὲν τῇ τοῦ Καίσαρος θυγατρὶ συνεζύγη, πεντηκοντούτης ἀνὴρ κόρῃ δωδέκατον ἀγούσῃ τὸν χρόνον, καὶ πρὶν τῷ παιδὶ γυναῖκα ἀγαγέσθαι, παιδοποιεῖν ἤρξατο μετὰ τῆς τοῦ Καίσαρος θυγατρὸς, ἐς ὑποψίας καὶ φόβους ὁ παῖς ἐξενήνεκται, ὁποίους ὑποσπείρειν εἰκὸς τοὺς ἡλικιώτας ἐς τὴν σφριγῶσαν τούτου ψυχήν· καὶ ἀποστασίαν λοιπὸν ἐμελέτα καὶ ἐπανάστασιν κατὰ τοῦ πατρός. ὃν οὕτως ἔχοντα βλέποντες οἱ ἐκεῖ μεγιστᾶνες καὶ στρατηγοὶ καὶ ταξίαρχοι, καὶ ὅσοι κόρον εἰληφεσαν τῆς ἀρχῆς τοῦ πατρὸς διὰ τὸν χρόνον, λάθρα τούτῳ προσῄεσαν ἕκαστοι καὶ τοὺς τῆς ἀποστασίας ἐξεπύρσευον αὐτῷ λογισμούς. καὶ μετ' οὐ πολλὰς τὰς ἡμέρας ἀπολαβόντες αὐτὸν ἐξεπολέμωσάν τε κατὰ τοῦ πατρὸς καὶ Κράλην Σερβίας αὐτοκράτορα ἀνηγόρευσαν.* Ясно, что сдѣсь дѣйствовало боярское сословіе: оно-то привело къ Душану и все лучшее войско: *ἐπεὶ δὲ συχνῶν ἡμερῶν κατ' ὀλίγους ἅπαντες αὐτῷ προσερρύησαν τοῦ στρατοῦ τὸ ἀπόλεκτον, προσελάσαντες δέσμων ἀπονητὶ καὶ τὸν πατέρα προσήνεγκαν τῷ υἱῷ*[2]. Но на первый разъ опустошенія, произведенныя Стефаномъ во владѣніяхъ сына, заставили этого послѣдняго смириться: тѣмъ не менѣе вражда не прекратилась, и бояре положили непремѣнно возвести на престолъ Душана. Еще разъ жаловался сынъ на несправедливость отца, но отецъ прогналъ его отъ себя. Душанъ хотѣлъ, было, бѣжать, но бояре не согласились: осѣдлымъ, стариннымъ боярамъ было стыдно назваться бѣглецами, или странниками; они стали грозить сыну, что войдутъ въ переговоры съ отцомъ и отъѣдутъ къ нему обратно; что если онъ бѣжитъ, то скоро братъ его отъ второй матери препояшется на королевство. «Уже есть намъ, аще и ключится

---

[1] Лѣтопись 1828 г., ч. IV.

[2] Corp. Script. Hyst. Byz. Niceph. Gregoras, v. I, p. 456. — Stritter, II, 234. — Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LIX.

смерть въ земли отечествія нашего, нежели яко плѣнницы или страннія обрѣтемся на земли чуждей. Аще ли не послушаеши насъ, мы убо, увѣщавшеся у родителя твоего, вοставше, идемъ къ нему, тебе же въ велицѣй печали и поношеніи оставимъ [1].» Тогда положено было собирать войско. Спокойно сидѣлъ Стефанъ въ своемъ стольномъ дворѣ въ Неродимлѣ, ожидая предвозвѣщенной себѣ кончины. Другая сторона бояръ уговаривала его предупредить замыслы сына; но онъ не вѣрилъ ей. А между тѣмъ войско Душанова окружило Неродимлю. Едва Король успѣлъ спастись въ Петричъ, какъ Душанъ вступилъ въ королевскій дворецъ, соединился съ прочими недовольными и поспѣшилъ за отцомъ. Отецъ отдался ему, какъ плѣнникъ. Готово было наступить примиреніе отца съ сыномъ; но бояре, страшась дурныхъ для себя послѣдствій, насильно увезли отца въ Дечаны и тамъ задушили въ 1336 г. Стефанъ Дечанскій подписывался: **Стефанъ Оурошь г҃. по мл҃ти бж҃иеи кра́ всѣ̃ Срьбскы̑ и поморскы̑ ꙁем҃ь, или: Стѳ҃нь вь х҃а благовѣрни кра̑ и сь богомь самодрьжьць всѣхь срьбскихь и поморскихь ꙁемль.** Въ одной грамотѣ, по всему вѣроятію, принадлежащей этому Стефану [2], онъ титулуется: *Стефанъ Урошъ въ Христа благовѣрный и самодрьжавный краль Сербской земли и Поморской и Овчепольской и Вельбуждской* (Гр., стр. 47, № 11).

Взошедши на престолъ, Душанъ женился на Еленѣ, сестрѣ Булгарскаго царя, Александра, и тѣмъ надолго обезопасилъ себя со стороны Булгаріи. Проникнувъ въ Истрію до Савы, онъ усмирилъ и Карла Роберта Угорскаго. Потомъ обратился на Грецію и въ два похода, между 1337 и 1340 гг., прошелъ весь Ѳракійскій полуостровъ отъ Янины до Евбеи и почти до самой Византіи. Осажденный въ Солунѣ, Андроникъ просилъ мира и уступилъ Сербіи Охриду, Прилѣпъ, Янину, Трикалу, Костуръ, Струмицу, Серъ, Чермень и мн. др. Въ 1342 г. Душанъ вступилъ въ союзъ съ Кантакузинымъ противъ Анны и помогалъ ему въ войнѣ съ послѣднею. Когда же Кантакузинъ отсталъ отъ него и сблизился съ Турками, тогда онъ взялъ сторону Анны. Не смотря на неудачу подъ Стефаніею въ 1344 г., онъ, въ 1346 г., овладѣлъ всею Македоніею и принялъ титулъ царя Сербскаго, Греческаго и Булгарскаго. Въ 1348 г. приходилъ въ Аѳонъ съ супругою своею, Еленою (А. №№ 10, 11; Гол. № 1); но чтобы онъ пробылъ тамъ отъ 12 декабря до 26 апрѣля, какъ думаетъ Раичъ [3], или отъ 28 апрѣля до 12 декабря, какъ думаетъ Енгель [4], на основаніи грамотъ, то это невѣроятно: у него не было такъ много времени, чтобы цѣлые пять, или семь мѣсяцевъ могъ онъ оставаться въ бездѣйствіи на Аѳонѣ. Вѣроятнѣе то, что, находясь по близости въ Македоніи, онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Святую Гору. Грамоты могли быть даны и подписаны въ другихъ мѣстахъ. Дѣйствительно, одна грамота, отъ 12 декабря 1348 года, подписана на Превлакѣ, т. е., Аѳонскомъ перешейкѣ (А. № 11); но въ другой, отъ 26 апрѣля, мѣсто подписанія не означено. Война съ Кантакузинымъ продолжалась до самой смерти Душана. Нѣсколько разъ вторгались Турки въ Европу; города въ Македоніи и Ѳракіи переходили изъ рукъ въ руки. Образовался союзъ между Душа-

---

[1] Даніилъ у Раича. Ч. II, стр. 717.

[2] Хотя Григоровичъ и говоритъ, что эта грамота списана съ другой, Булгарской, 1346 года; однако замѣтимъ, что, во первыхъ, у него не вездѣ правильно выставлены годы: а во вторыхъ, могло случиться и на оборотъ.

[3] Ч. II, стр. 763.

[4] Gesch. v. Serv. u. Bosn. Стр. 286.

номъ, Александромъ Булгарскимъ и Палеологомъ; но Турки, снова призванные Кантакузинымъ, обратили въ бѣгство Булгаръ и разбили Сербовъ и Грековъ, въ 1351 г. На время война прекратилась. Около 1356 г. Душанъ, предвидя гибельныя послѣдствія частаго перехода Турокъ изъ Азіи въ Европу, рѣшился однимъ ударомъ пресѣчь это зло; онъ собралъ 80000 войска съ намѣреніемъ завоевать Романію, Ѳракію и самую Византію: этимъ онъ хотѣлъ и удовлетворить своему честолюбію и навсегда заградить Туркамъ входъ въ Европу. Но смерть не дала ему осуществить своихъ замысловъ. При немъ Сербія достигла вершины своего могущества и славы. Ея предѣлы обнимали, кромѣ собственныхъ областей, Албанію, Эпиръ, Етолію, Ѳессалію и всю Македонію. Всѣ этѣ земли Душанъ пріобрѣлъ отъ Греческой имперіи. Всѣхъ его походовъ въ Грецію насчитываютъ до тринадцати. Булгарскій царь давно признавалъ надъ собою его верховную властъ. Но и Запада не оставлялъ онъ безъ вниманія: и тамъ дѣйствовалъ онъ равно оружіемъ и переговорами. До 1349 г. онъ былъ спокоенъ со стороны Запада. Боснійскій банъ, Стефанъ Котромановичъ, изъ страха, держалъ его сторону. Появленіе Людовика въ Далмаціи заставило Душана прибѣгнуть къ прежней политикѣ Сербскихъ королей: онъ выразилъ покорность папѣ и желаніе принять Римско-католическую вѣру; но когда Людовикъ удалился въ Италію, тогда и онъ забылъ свое обѣщаніе. Въ 1349 г., чтобы напомнить ему обѣщаніе, Людовикъ приказалъ Боснійскому бану пройти съ оружіемъ чрезъ Травунію до самого Котора и завоевать Хлумъ. За то въ слѣдующемъ году, когда Людовикъ былъ въ Неаполѣ, Душанъ опустошилъ всю Босну до Думна и Цетины, прошелъ чрезъ все Захлумье и посѣтилъ Дубровникъ и Которъ. Онъ требовалъ въ супруги своему сыну дочь Стефана Боснійскаго, Елисавету, и въ приданое за нею весь Хлумъ; но война съ Греціею отвлекла его отъ переговоровъ. Въ 1353 г. Людовикъ, женившись на этой самой Елисаветѣ, вторгнулся въ Сербію; однако Душанъ успѣлъ выставить войско, и Людовикъ отступилъ безъ успѣха. При этомъ Душанъ овладѣлъ Мачвою и Сремомъ. По совѣту Венеціянъ, онъ снова, въ 1354 г., просилъ папу о принятіи его въ лоно Римской Церкви и о присылкѣ нужныхъ для того людей. Папа сдѣлалъ уже большія распоряженія, но Душанъ нашелъ предлогъ поссориться съ присланными епископами и строго запретилъ подданнымъ принимать новую вѣру. Людовикъ не могъ отмстить ему за это, ибо началъ войну съ Венеціею. Такъ кончились отношенія Сербіи къ Западу.

Не смотря на переговоры съ папою, Душанъ оставался ревностнымъ приверженцемъ православія. При немъ восточное духовенство сильно дѣйствовало въ пользу православія среди Римско-католическаго населенія завоеванныхъ земель. Самъ онъ строилъ церкви и награждалъ монастыри. Будучи еще королемъ, онъ, по просьбѣ духовнаго наставника и учителя покойнаго отца своего, башты Хиландарскаго монастыря, іеромонаха Антонія, начальствовавшаго пиргомъ, приписалъ пиргу церковь Богоматери въ Липлянѣ съ торгомъ, село Словыне и еще нѣсколько земли; люди и земли должны были подлежать одному только старцу, правящему пиргомъ (А. № 5). Въ 1340 г. онъ подарилъ Хиландару еще два села (Гр., стр. 49, № 19). Въ 1342 г. дана Душаномъ грамота, которою Король подарилъ Аѳонскому старцу, Іоанну, эконому Хотченской обители, церковь св. Николая Мрачскаго со всѣми селами, принадлежащими къ церкви, ради его послуженія и поработанія дому пресвятой Богородицы Хиландарской: отъ этой церкви старецъ питается до конца своей жизни; церковные люди повину-

ются ему во всѣхъ работахъ и стоятъ подъ властію Хиландара (А. № 9). Въ 1344 г. Душанъ отдалъ въ собственность Хиландара церковь Богородицы Одигитріи село Боруево и властелина Струмицкаго, Рудла, по его собственной просьбѣ (Гр., стр. 50, № 24). Къ этому же времени относится его грамота, въ которой онъ, по прошенію протосеваста Хрели[1], даритъ Хиландару села: оба Бреста, Сухогрьло, Лѣсковицу, Видче, Калугерища (Гр., стр. 49, № 17)[1]. Это не болѣе, какъ подтвердительная грамота, ибо тѣ же самыя села уже подарены были однажды Хиландару Милутиномъ (Ср. А. № 6). Нѣсколько грамотъ относятся къ тому времени, когда Душанъ былъ уже царемъ. Въ одной изъ таковыхъ (С. № 35) Душанъ приписалъ къ церкви свв. архангеловъ Михаила и Гавріила, основанной Милутиномъ, церковь св. Николая Вранинскаго[2] съ селами, людьми, оброками, планинами, пашнями и пр., 100 перперовъ Святосергіевской царины и 500 перп. Дубровницкой дани. Власть надъ землями и людьми передана въ руки игумена Ерусалимской церкви, и только отъ этого игумена поставляется старшина надъ Вранииою. Въ 1346 г. онъ подарилъ Хиландару село Попчелинъ (Гр., стр. 49, № 20). Грамотою отъ 12 дек. 1347 г. онъ извѣщалъ, что по просьбѣ приходившаго къ нему игумена Хиландарской лавры, Гервасія, онъ купилъ для этой лавры, на Аѳонскомъ перешейкѣ, мѣсто Ливаду съ храмомъ св. Николая, именуемымъ Паліокометица, смежное съ мѣстомъ Скорпіею, купленнымъ въ пользу Хиландара св. Савою у прота Святогорскаго, и съ монастыремъ Зигомъ (Изыигъ), подареннымъ св. Савѣ Греческимъ царемъ Алексіемъ. Ливада, составлявшая доселѣ общее владѣніе Аѳонскихъ монастырей, обойдена была Царемъ вмѣстѣ съ соборомъ Святогорскаго духовенства и введена въ одну окружную межу съ Зигомъ и Скорпіею (А. № 11). Слѣдствіемъ посѣщенія Святой Горы были двѣ грамоты: въ одной, 1348 года, онъ даркаъ Карейской келіи св. Савы село Косоричи съ заселками, межами и всѣми доходами, какъ-то: виноградниками, мельницами, огородами, лугами, пашнями, и пр. и ежегоднаго жалованья изъ царской казны деньгами 100 Венеціянскихъ перперовъ, и извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ и одежды: ї. гоуні (мантій). ѝ. ї. кожоухь. ѝ. ї. клашьнь (суконъ). ѝ. ї. мѣхѣ сиренїа (творогу). ѝ. ї. сиро́вь. ѝ да си ѫзимл всако лѣто, на плоуи. ѝ. споудъ соли. "И село косорикь, що вихѫ сокь (сало) давали црткоуми тоѕи да даю нели сто савѣ (А. № 10). Въ другой, отъ 26 авг. 1348 г., царь Душанъ, по просьбѣ прота Святой Горы, Германа, Хиландарскаго игумена, Гервасія, и всей братіи, обойдя всю окружную межу Хиландарской лавры со всѣмъ Святогорскимъ соборомъ, описалъ ее со всѣми признаками (Гол., № 1). Въ этой и предыдущей (А. № 11) грамотахъ упомянуты монастыри, приславшіе своихъ игуменовъ для опредѣленія границъ Хиландарскихъ владѣній; они суть слѣдующіе: царская лавра или Хиландаръ, Ватопедъ, Иверъ, Ксиропотамъ, Свигменъ, Каракалъ, Русикъ, Дохіаръ, Пантократора, Ксеноѳъ, Филоѳей, Кастамонитъ, Алупъ, Зографъ и обители: Святопавловская, Симеонопетровская, Харитоньевская и Діонисіевская. Такъ какъ въ той и другой грамотѣ изчислены не всѣ упомянутые сейчасъ монастыри, то, можетъ быть, многихъ тутъ и недостаетъ изъ

---

[1] Протосевастъ Хреля упоминается еще въ грамотѣ Милутина, А. N 6. Объ немъ подробнѣе см. у Никифора Грегораса и Кантакузина.

[2] 1332-й годъ выставленъ невѣрно. Грамота, безъ всякого сомнѣнія, относится къ Душану который въ ней называется Стефаномъ четвертымъ.

[3] Ср. Милутиновича, Исторія Церне-Горе, стр. 10.

бывшихъ тогда на Аѳонѣ монастырей. Въ 1349 году находимъ грамоту (А. № 12), въ которой Душанъ, по просьбѣ севастократора Деяна, создавшаго церковь Введенія Богоматери въ своей баштинѣ, землѣ Жеглиховской, въ мѣстѣ Архилевицѣ, и съ согласія царицы, сына, патріарха Савы, духовныхъ и мірскихъ чиновъ, приписываетъ къ этой церкви въ метохію тѣ села, которыя подарены были имъ Деяну, со всѣми ихъ доходами, селищами и межами. Тутъ же узнаемъ, что Душанъ дѣлаетъ это въ благодарность Богоматери, воздвигшей его отъ болѣзненнаго одра. Означена также общая окружная межа всѣхъ этихъ селъ. Грамота дана въ Скоплѣ. Въ монастырѣ Русикѣ хранится нѣсколько Душановыхъ грамотъ, изъ коихъ въ одной Душанъ прилагаетъ монастырю «ради его нищеты» церковь и нѣсколько селъ, а въ другой упоминаетъ объ его нищетѣ и «отъ Руси всеконечнемъ оставленіи». Обѣ даны въ 1349 году. Въ третьей даетъ Сербскому митрополиту, Якову, въ пожизненное владѣніе церковь св. Николая на Пшинѣ, а послѣ него храму Архистратиговъ въ Призрѣнѣ (Гр., стр. 79, 80, №№ 17, 18, 22). Не означенныя годомъ грамоты царя Душана заключаютъ описаніе нивъ и межъ и освобожденіе отъ всѣхъ государственныхъ работъ и властей церкви Богородицы и безплотныхъ силъ Гавріила и Михаила, что выше Габрова на Бѣласицѣ; и надачи церкви св. Николая, что въ Добруштѣ[1], и Хиландару (Гр., стр. 80, № 23; стр. 49, № 18; стр. 50, № 23). Наконецъ грамотою отъ 1355 года Душанъ приложилъ Хиландару мѣсто Карбиничій Комъ (Гр, стр. 49, № 21). Въ дѣйствіяхъ своихъ по внутреннему управленію Душанъ первый выразилъ мысль государства въ такой полнотѣ, въ какой доселѣ еще никто изъ его предшественниковъ не выражалъ ея. Мы видѣли, что Неманя отстранилъ отъ великожупанскаго престола другихъ независимыхъ жупановъ и власть надъ всею Сербіею сосредоточилъ въ одномъ своемъ родѣ. Но борьба за престотъ не кончилась этимъ; она перешла въ родъ Неманичей и въ немъ продолжалась до самого Душана. Сначала братья у братьевъ оспаривали королевскій престолъ, потомъ сыновья у отцовъ. Другимъ важнымъ дѣятелемъ въ государственной жизни является боярство. Оно твердо соблюдаетъ свои сословныя выгоды и участвуетъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ переворотахъ. Предупредить зло, могущее произойти отъ усобицъ между Неманичами и отъ сильнаго развитія боярскаго сословія, суждено было Душану. Въ этомъ дѣлѣ онъ поступилъ, какъ истинный государь, вполнѣ понимавшій и свой санъ и свои обязанности. Лучшимъ средствомъ къ отвращенію въ одно время обоихъ золъ Душанъ нашелъ вѣнчаніе. Чрезъ это онъ достигалъ и другой цѣли своей—возвышенія въ глазахъ сосѣднихъ государей. Такимъ образомъ вѣнчаніе сосредоточило въ себѣ различныя стремленія его многосторонней дѣятельности. И постави ме гпдина и сьдрьжителя вьсои земли ѡтьчьства моего. и црствова лѣт ѕі. и потомь волшею утію ѿ вишнагѡ вьседрьжителя десницею укрѣплѥнь бы.... и мене преложи ѿ кралѥвства на прѣво црьство славное и вьсе дасть ми вь рꙋцѣ ꙗкоже и великому константинꙋ црꙋ земле и вьсе страни и поморіа и велике градове црства грьчьскаго, ꙗкож и преже рѣкомь. и богомь дарованнимь вѣнцемь црскимь вѣнчань бы на црьство. Вь лѣт ѕ҃ѡнд мца априла ді днь, вь великии и много свѣтлии и радостныи празникь вьскрсениа хва. Блвениемь рꙋкою пресвщеннаго патріарха Іоанникіа, и вьсеми архиереи сьбора срьбскаго. тогожде блвениемь и рꙋкою пресвщеннаго патріарха

[1] При этой грамотѣ годъ выставленъ невѣрно.

бльгарскы кѵр сѵмеона и всеми архіерей сьбора бльгарскаг. и матеами же и блаженіемь вьсеутиаг лика стне горы афона протоиже и всеми ігѹмени. и всеми старци сьбора стогорскаг. паче и ѿ архіерея престола грьчкаг и вьсего сьбора. иже изволише ѿ мне црьтвовати спиже всемь бившимь не моими изволеніемь ни некою силою нь по бжію изволенію [1] .... Такъ описываетъ Душанъ свое вѣнчаніе. Странно встрѣтить въ грамотѣ извѣстіе, что онъ вѣнчался послѣ шестнадцатилѣтняго королевствованія; еще страннѣе то, что и показанія Византійцевъ относительно смерти Дечанскаго и возшествія на престолъ Душана сходятся съ этимъ извѣстіемъ [2]. Но Дечанская надпись и Цароставникъ [3], противорѣчатъ такому показанію и смерть Стефана Дечанскаго относятъ къ 1336 году. Византійцы легко могли смѣшать одинаковыя имена Сербскихъ королей и отъ того смѣшаться въ годахъ, а поздній переписчикъ Душанова Законника, по какому нибудь ложному свѣдѣнію, могъ измѣнить числовую букву подлинника, или, быть можетъ, онъ разумѣлъ въ томъ счетѣ шестилѣтнее владѣніе Душана Зетою при жизни отца. Какъ бы то ни было, по этимъ двумъ шаткимъ показаніямъ нельзя отвергать общепринятаго мнѣнія, по которому Душанъ вѣнчался на царство спустя 10 лѣтъ по возшествіи на престолъ. Чрезъ вѣнчаніе Душанъ какъ нельзя лучше удовлетворилъ видамъ своей внѣшней политики. Уже прежде онъ выражалъ ту самую мысль, которую оправдалъ вѣнчаніемъ, мысль совершеннаго отдѣленія отъ Греціи и въ тоже время возможности обладанія ею. Доселѣ Сербское духовенство зависѣло отъ Греческаго; архіепископа Сербскаго рукополагалъ патріархъ Византійскій. Такая зависимость мѣшала осуществленію замысловъ Душана: въ 1346 году, передъ своимъ вѣнчаніемъ, онъ возвелъ архіепископа Іоанникія (II) въ санъ патріарха Сербскаго, и такимъ образомъ, если Немания уничтожилъ государственную зависимость Сербіи отъ Византіи, то Душанъ уничтожилъ и духовную. Въ 1352 году Іоанникій былъ окончательно объявленъ независимымъ отъ Византійскаго патріарха во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Теперь Душанъ получилъ полную свободу дѣйствій относительно Греціи, зная что глава церкви находится въ Сербіи и въ его рукахъ. Византійскаго патріарха и его угрозъ онъ не хотѣлъ болѣе знать. При вѣнчаніи онъ назвался царемъ и самодержцемъ Сербіи, Албаніи, Болгаріи, Греціи, Поморья и Западныхъ странъ. Въ этомъ титлѣ отразились его виды на Угорскія владѣнія, Болгарію и Грецію. Относительно послѣдней онъ ясно высказалъ свою мысль въ грамотѣ, уподобляя себя Константину Великому, царю всѣхъ Греческихъ земель. Для предотвращенія безпорядковъ при престолонаслѣдіи, внутри своего государства, Душанъ, по примѣру Греческихъ царей и своего отца, вѣнчалъ вмѣстѣ съ собою сына своего, Уроша, и назвалъ его королемъ; но не обѣщалъ ему напрасно половины владѣній, какъ сдѣлалъ съ нимъ его отецъ [4], а далъ въ управленіе ему всю собственную Сербію. Надъ прочими завоеванными областями онъ поставилъ севастократора Деяна, нѣсколькихъ цесарей и деспотовъ; самъ же остался вер-

---

[1] Лѣтопись, 1828 г., ч. IV.

[2] У Никиф. Грегораса показана смерть Дечанскаго подъ 1330 годомъ (Corp. Script. Hist. Byz., v. I, p. 457). У Стриттера (II, 231) тоже. Но уже Дюфренъ, сомнѣваясь въ вѣрности лѣтосчисленія, выставилъ 1333-й годъ (Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LIX).

[3] Ранчъ, ч. II, стр. 706 и 724.

[4] Даніилъ, у Ранча. Ч. II, стр. 712.

ховнымъ главою всего царства. Удѣлы смѣнились намѣстничествами, и Урошъ уже не получилъ Зеты. Этимъ Душанъ окончательно уничтожилъ всякую удѣльность и соединенное съ нимъ разъединеніе выгодъ, сторонничество и т. п. Отдавъ въ вѣдѣніе Урошу всю Сербію вмѣстѣ съ Зетою, онъ всю Сербію сдѣлалъ однимъ государствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ государствѣ, какъ онъ его понималъ, уже не могло быть удѣловъ; въ правленіи не могло быть родовыхъ счетовъ, ни патріархальности: съ одной стороны законъ и самодержавная воля, съ другой цѣльность страны, какъ государства, и единство власти. Отсюда прямо истекала необходимость самому самодержцу своею единою волею назначать себѣ преемника. Душанъ нанесъ ударъ и боярскому сословію. Окружая себя блескомъ и чиновностію, какъ свойственно царствующей особѣ, вставляя въ грамотахъ имена царицы, августы Елены, и короля, Уроша, онъ хотѣлъ рѣзко отдѣлить царственныя особы отъ прочихъ приближенныхъ и бояръ, на которыхъ смотрѣлъ наровнѣ съ прочими подданными. Боярство, постоянно окружавшее королей и королевичей въ видѣ ихъ совѣтниковъ и руководителей, имѣвшее столь сильное вліяніе на престолонаслѣдіе, утратило свое сословное значеніе и вліяніе. Наслѣдникъ престола былъ уже объявленъ; явилось новое боярство не въ видѣ сословія и не по праву рожденія, а избранное по личнымъ заслугамъ. Къ Душану стеклись служилые люди изъ разныхъ Сербскихъ областей и сословій, и онъ награждалъ ихъ саномъ и должностями. Замѣчательно, что съ Душанова времени не выступаетъ уже боярское сословіе сплошною своею массою съ неразрозненными сословными выгодами; но выдаются отдѣльныя личности, каждая съ своими собственными выгодами; устроивается дворъ по Греческому образцу; является цѣлый рядъ должностей, и орденъ св. Стефана учреждается для награды личныхъ заслугъ. Все это противодѣйствовало сословному быту. Законникъ завершаетъ рядъ дѣйствій Душана, клонившихся къ внутреннему гражданскому порядку: сословныя отношенія и судоустройство принимаютъ опредѣленный видъ, и бояре подчиняются общему приговору закона. Душанъ скончался въ 1355 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Цароставникъ кончину его относитъ къ 1357 году[1], Орбини къ 1354[2], Бранковичъ[3], Дюфренъ[4], Ранчъ[5], Енгель[6], Давыдовичь[7] и др. относятъ ее къ 1356 году. Послѣднее было бы справеливо, еслибы древніе лѣтописцы начинали годъ съ генваря; но такъ какъ они начинали его съ сентября, то годомъ кончины Душановой должно будетъ признать 1355 годъ. Душанъ умеръ въ декабрѣ, по однимъ 18-го, по другимъ 24-го, по третьимъ 20-го числа; и у всѣхъ Сербскихъ лѣтописцевъ годомъ смерти его означенъ ,ѕѡѯд (6864) годъ[8]. Декабрь этого года, по сентябрскому лѣтосчисленію, остается еще за 1355 годомъ. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ справедливости этого показанія, я приведу доказательство изъ грамотъ. Въ одной грамотѣ, помѣченной 10-мъ числомъ генваря 1356 года, читаемъ: **Пише и повелѣва црѣми.... аки ѵсхоще** (если захочетъ) **що ѫцѣти мти црѣми гпгѧ црца що ѿ ни**

[1] Ранчъ, ч. II, стр. 781.
[2] Стр. 233.
[3] Ранчъ, тамъ же.
[4] Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LX.
[5] Тамъ же.
[6] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 292.
[7] Забавникъ. 1821. Стр. 88.
[8] Шафар., Памятн., стр. 54, 71.

трьга а нли цр̑кык ништо да нимь се не узме безъ купа (С. № 44). Только у перваго Уроша V, сына Душанова, мать была царицею; у Душана мать была еще королева. Участіе матери Уроша V въ дѣлахъ государственныхъ уже послѣ воцаренія ея сына, извѣстно; да и вообще, по лѣтописцамъ, она играла видную роль въ первые годы правленія Уроша V: слѣдовательно, эту грамоту писалъ не кто иной, какъ Урошъ V; а такъ какъ онъ называетъ себя уже царемъ, то очевидно, что 10 генваря 1356 года онъ уже былъ воцарившимся: ибо при отцѣ онъ довольствовался только званіемъ короля, да и грамоты не могъ бы дать помимо отца. И такъ въ это время Душана уже не было въ живыхъ. Какимъ же образомъ могло бы это случиться, еслибы, по словамъ историковъ, онъ жилъ до декабря 1356 года—почти еще цѣлый годъ? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ умеръ въ декабрѣ, предшествовавшемъ генварю ,ѕѡѯд года, и этотъ декабрь, по сентябрскому счисленію, приходится еще на 1355 годъ. До 1346 г. Душанъ подписывался и титуловался: **Стефань краль**, или: **Стефань краль и сь бм̑ь самодрьжець Срьбски**, или: *Стефанъ въ Христа Бога благовѣрный самодержавный краль*, или: *Стефанъ въ Христа благовѣрный самодержавный краль Стефанъ четвертый краль.* Послѣ 1346 г. **Стефань вь Х̑са Б̑га благовѣрни Царь Срьблемь и Гркомь**, или: **Ст̑фань вь х̑са б̑а благовѣрнь царь и самодрьжьць срьблемь и грькомь поморию и западнои стране**, или: **Стефань вь х̑а б̑га бл̑говѣрны цр̑ь и самодр̑жьць срьбл̑м и гркомъ. и бльгаромь.**

Душанъ безспорно принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ мужамъ своего времени. Онъ былъ великій государь, не только постигшій, но и осуществившій мысль истиннаго правителя и самодержца. Блестящая его личность далеко выдается изъ ряда его предшественниковъ и еще дальше изъ ряда преемниковъ. Спокойный и глубокій умъ, сильная воля, личная храбрость, благоразуміе и искусство военачальника, отсутствіе преобладающихъ страстей, живое сознаніе народности, свѣтлый взглядъ на современность и ея отношенія и творческая дѣятельность, опережавшая настоящее: вотъ черты которыя наиболѣе выказываются въ этомъ государственномъ мужѣ. Уже при Урошѣ I Сербія начала обнаруживать свою самостоятельность; Милутинъ упрочилъ ее и далъ Сербіи сильный вѣсъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, показавъ ее самостоятельнымъ и немаловажнымъ государствомъ въ глазахъ сосѣдей; Стефанъ Дечанскій поддерживалъ и укрѣплялъ эти отношенія; а Душанъ не только сдѣлалъ Сербію первенствующимъ государствомъ на Ѳракійскомъ полуостровѣ и усилилъ ей внѣшнее значеніе; но и преобразовалъ ее внутри, вложивъ въ нее начала государственнаго быта. Доселѣ ея гражданскій бытъ находился подъ условіями стариннаго родоваго устройства; но Душанъ пересоздалъ его такъ, чтобы во всемъ его составѣ отражалось начало самодержавной власти, которой исходомъ и средоточіемъ служило одно лицо, лицо государя. Во внѣшнихъ дѣлахъ Душанъ является счастливымъ продолжателемъ дѣла, начатаго его прадѣдомъ, и достойнымъ послѣдователемъ дѣда своего, Милутина. При немъ Сербія высоко поднялась извнѣ. Булгарія, даже Угрія не могли съ нею спорить; Греція видѣла его войска подъ стѣнами Цареграда и поплатилась множествомъ земель и городовъ. Мало того, Душанъ, какъ и Милутинъ, имѣлъ виды на соединеніе обоихъ государствъ и величалъ себя царемъ Сербовъ и Грековъ. Что составляетъ особенно важную черту его отношеній къ Греціи — это чувство народной самостоятельности: образованная, наружно блестящая, богатая Греція не манила его къ себѣ, и онъ не тянулся къ ней съ своимъ народомъ,

но напротивъ къ себѣ притягивалъ ее. Греціи, если бы дѣла шли въ послѣдствіи такъ же хорошо, какъ при Душанѣ, суждено было сдѣлаться Сербскою областію: возведеніе Сербіи на степень царства, учрежденіе въ ней патріаршества и царскаго двора, обращеніе Греческихъ завоеваній въ Сербскія области служатъ тому ручательствомъ. Тогда и Туркамъ не господствовать бы въ Европѣ. Внутри Сербіи послѣдніе остатки родоваго быта, виднѣвшіеся въ боярскомъ сословіи, были уничтожены. Бояре, помнившіе старину, участвовавшіе главнѣйшимъ образомъ въ раздорахъ, бывшихъ между Неманичами, занимавшіе почетное мѣсто королевскихъ совѣтниковъ и приближенныхъ, умѣли этимъ блестящимъ положеніемъ заслонять свои подданническія отношенія, и въ то же время, какъ сословіе, они были сильны и согласны. Душанъ, съ своимъ высокимъ понятіемъ о власти, видѣлъ, что прежнее званіе короля было слишкомъ неудовлетворительно для его видовъ и не могло вмѣстить въ себѣ полнаго представленія власти; онъ назвался царемъ въ равномъ смыслѣ съ царями Греческими. Чрезъ это бояре утратили свое льготное значеніе, сдѣлались такими же подданными, какъ и всѣ прочіе. Особыя выгоды ихъ изчезли, а съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась и старинная сословная связь. При царскомъ дворѣ, устроенномъ со всѣмъ великолѣпіемъ и чиновностію по образцу Греческому, открылось поприще для личныхъ заслугъ; личность замѣнила сословность; частныя выгоды заступили мѣсто общихъ, и за тѣмъ явились временщики, областные правители, бояре, высоко стоявшіе въ государствѣ, но уже безъ древнихъ преданій своего сословія, не привязанные къ своему роду, особняки съ отдѣльными и противуположными выгодами. Уже не земля, не страна, не народность приковывали ихъ къ себѣ, а престолъ, верховная власть, какъ источникъ ихъ могущества. Не умолчу, что это было очень опасно для Сербіи, какъ въ послѣдствіи и обнаружилось; но Душанъ не даромъ носилъ названіе Сильнаго и умѣлъ сдержать новое стремленіе, данное боярскимъ личностямъ. Въ то же время онъ понималъ, что введенный имъ новый порядокъ былъ необходимъ для того, чтобы основать на болѣе твердыхъ началахъ внутренній бытъ Сербіи и установить правильное отношеніе между верховною властію и народомъ. Преобразователь Сербіи хотѣлъ, чтобы государство его получило вѣрный залогъ дальнѣйшаго преуспѣянія и могло всегда назваться благоустроеннымъ гражданскимъ обществомъ. Наведя его на истинный путь водвореніемъ въ его внутреннемъ общественномъ бытѣ государственныхъ отношеній, онъ былъ въ правѣ ожидать отъ него дальнѣйшихъ успѣховъ чрезъ упроченіе наслѣдственной самодержавной власти, составлявшей въ то время необходимую потребность для Сербіи, правильное отношеніе подданныхъ къ царю и счастливое положеніе внѣшнихъ дѣлъ: и если, послѣ его смерти, ожиданіямъ его не суждено было исполниться, и новизна его въ короткое время достигла вредной и разрушительной крайности, то въ этомъ не его вина, а вина другихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ и не долженъ былъ брать въ расчетъ. Сравнявъ всѣ сословія передъ лицомъ верховной власти чрезъ равныя подданническія отношенія, Душанъ опредѣлилъ различныя гражданскія обязанности и права. Общественный порядокъ держался доселѣ обычнымъ правомъ; Душанъ, не нарушая этого права, вытекавшаго изъ самой жизни народной и условливаемаго особенностію Сербскаго народа, постарался только укрѣпить его через письменное выраженіе тѣхъ частей его, которыя наиболѣе въ томъ нуждались. А новый порядокъ, лучшее гражданское устройство и новыя потребности общественнаго благосостоянія и безопасности и въ то

же время неизбѣжная постепенная порча нравовъ требовали и новыхъ постановленій, преимущественно касавшихся земской охраны и вообще защиты личности и состоянія. Плодомъ всего этого былъ Законникъ, который, вмѣстивъ въ себѣ много такого, что прижито было самимъ народомъ, представилъ и волю правителя, пекущагося о благѣ страны. Великая добродѣтель государя, умѣнье соединить въ себѣ всестороннюю дѣятельность, направленную ко внутреннему и внѣшнему благосостоянію государства, ярко блеститъ въ Душанѣ, и самая трудная задача правителя, упроченіе внутренняго благосостоянія страны, имѣетъ своимъ рѣшеніемъ его Законникъ. Чтобы ближе познакомиться съ тогдашнимъ положеніемъ Сербіи, мы разсмотримъ Душановъ Законникъ въ связи съ нѣкоторыми, прикасающимися къ нему мѣстами грамотъ.

Законникъ Душановъ составляетъ главнѣйшій источникъ для узнанія общественнаго состоянія Сербіи въ самую цвѣтущую ея пору. Такъ какъ онъ не изобрѣтенъ и не уложенъ мгновенно однимъ, или нѣсколькими лицами, а явился, какъ необходимая потребность времени, какъ итогъ, къ которому пришелъ народъ постепенно въ продолженіе своей многовѣковой жизни, то тѣмъ важнѣе становится для насъ его значеніе, какъ памятника, показывающаго степень совершенства, до которой достигъ гражданскій бытъ Сербіи. Душану принадлежитъ дѣло окончательнаго устройства народнаго общежитія и мысль собрать въ памяти, обобщить въ смыслѣ закона и предать письму бо́льшую часть обычаевъ, правъ и случаевъ разбирательства, освященныхъ временемъ. Самая неполнота Законника показываетъ, что въ народѣ еще много оставалось общежительныхъ положеній, безъ которыхъ общество не могло существовать и притомъ столь извѣстныхъ, что для нихъ не нужно было письма. Нѣкоторые немногіе, но тѣмъ драгоцѣннѣйшіе слѣды общественныхъ, или государственныхъ постановленій, встрѣчаемые въ грамотахъ за столѣтіе и болѣе до Душана и сходные съ положеніями Законника, равно какъ ссылки, встрѣчаемыя въ Душановыхъ грамотахъ и Законникѣ, на учрежденія предшествовавшихъ временъ и преимущественно времени Милутина, показываютъ, какъ бережно велось въ народѣ обычное право и съ какою точностію перешло потомъ въ письменный законъ. Душановъ Законникъ не менѣе важенъ и для послѣдующаго времени, ибо, по показанію туземныхъ памятниковъ, общественный бытъ Сербіи послѣ Душана нисколько не усовершенствовался и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ опять возвратился къ старинѣ, по причинѣ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній, лишившихъ Сербію государственной самостоятельности и приведшихъ ее напослѣдокъ къ совершенному паденію. По этому мы должны остановиться на Законникѣ и разсмотрѣть этотъ замѣчательный памятникъ, показывающій намъ, до какой степени совершенства доведена была гражданская жизнь Сербіи тогда, когда Сербія стояла на высшей точкѣ своего могущества. Надобно замѣтить, что Законникъ далеко не полно излагаетъ свои статьи; но не полноты изложенія, или какой нибудь строгой систематичности должны мы искать въ немъ: для насъ важны тѣ многочисленные намеки на многоразличныя отрасли гражданскаго быта, по которымъ мы можемъ судить о цѣломъ составѣ внутренняго гражданскаго устройства Сербіи, какъ по отдѣльнымъ частямъ можно опредѣлить размѣры и красоту цѣлаго зданія. Не то еще было время, чтобы Законникъ могъ явиться полнымъ и совершеннѣйшимъ зеркаломъ тогдашняго гражданскаго общежитія: довольно для XIV-го столѣтія, если онъ, предоставивъ большее обычному праву, самъ передалъ хотя и отрывочныя, однако многостороннія статьи, которыя тѣмъ

не менѣе служатъ яснымъ доказательствомъ, что въ то время внутреннее гражданское устройство Сербіи отвѣчало внѣшнему ея могуществу и что вѣкъ Душана справедливо можетъ назваться цвѣтущею порою Сербіи. Постараемся же на основаніи указаній Законника представить въ краткомъ очеркѣ гражданскій бытъ Сербіи и тѣмъ заключить вѣкъ преуспѣянія Сербскаго царства, представителемъ котораго, блестящимъ и послѣднимъ, былъ Душанъ. Послѣдующія времена представятъ совсѣмъ иную картину, картину постепеннаго упадка и разрушенія.

При ревности, какую народъ и властители Сербскіе оказывали къ православію, духовенство съ своей стороны отвѣчало тѣмъ же. Постоянно, въ продолженіе всей жизни Сербскаго народа, мы видимъ доброе согласіе духовенства съ правительствомъ и благотворное его вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла. Архіепископы и патріархи Сербскіе явились достойными подражателями первому Сербскому архіепископу Савѣ. Въ самомъ Законникѣ отразилось участіе духовенства въ устроеніи внутренняго порядка страны. За то и Сербскіе государи были щедры на дѣла духовной благотворительности. Съ перваго Немани и до послѣдняго деспота видимъ рядъ дарственныхъ грамотъ монастырямъ и духовенству, изъ коихъ многія заключаютъ подробное опредѣленіе отношеній между новыми подданными и новыми владѣльцами, главнымъ основаніемъ коихъ были полное право владѣнія, освобожденіе изподъ всякой другой власти, отправленіе всѣхъ повинностей въ пользу и по распоряженію новыхъ владѣльцевъ. Даже въ чужихъ странахъ государи Сербскіе старались поддерживать православіе. Извѣстны дары Милутина различнымъ Греческимъ и Палестинскимъ церквамъ. Душанъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ примѣру дѣда. Стефанъ Дечанскій, уступивъ Стонъ Дубровнику, выговорилъ, чтобы православный священникъ могъ безпрепятственно продолжать тамъ свое богослуженіе. Вукъ Бранковичъ вытребовалъ отъ Дубровничанъ обѣщаніе, что въ случаѣ пришествія его къ нимъ, онъ можетъ основать въ ихъ городѣ православную церковь. Аѳонъ постоянно, со времени Немани, пользовался щедротами Сербскихъ королей, царей и деспотовъ. При такомъ сочувствіи къ православію и его служителямъ въ Сербіи не могло быть никакихъ особенныхъ недоумѣній касательно догматовъ вѣры и церковныхъ уставовъ: и дѣйствительно, въ Сербіи мы не видимъ ни ересей, ни споровъ, ни вражды. По этому и въ Законникѣ нѣтъ ничего такого, что бы относилось къ подобнаго рода установленіямъ; но здѣсь есть нѣсколько правилъ, предупреждающихъ различныя мелкія злоупотребленія въ исполненіи церковныхъ уставовъ. Такъ подтверждено, чтобы назначеніе и смѣненіе духовныхъ властей и лицъ основано было на справедливости и безмездіи; опредѣлено мѣстожительство монашествующимъ и наказаніе за нарушеніе устава монастырскаго общежитія; міряне въ духовныхъ дѣлахъ подчинены духовному суду и надзору; и на оборотъ, въ гражданскихъ дѣлахъ духовенство подчинено общимъ государственнымъ законамъ; положены различныя наказанія за чародѣйство, святотатство и за оскорбленіе, насиліе, или притѣсненіе, сдѣланныя духовному лицу. Какъ ревностный поборникъ православія, Душанъ сильными мѣрами изгонялъ изъ своей земли, и преимущественно изъ завоеванной Босны, католицизмъ. Православному духовенству было вмѣнено въ обязанность стараться обращать всѣхъ латинцевъ въ православіе; а латинское духовенство подвержено наказанію за попытку привлечь православнаго въ свою вѣру. Всѣмъ православнымъ, перешедшимъ въ латинство, повелѣно было снова обратиться къ православію, подъ страхомъ наказанія за ослу-

шаніе. Латинцы не иначе могли жениться и жить у православныхъ, какъ сами становясь православными. За укрытіе латинца и продажу православнаго иновѣрцу положено строгое наказаніе. Изъ Законника узнаемъ, что монастыри получали содержаніе отъ приходовъ, и при монастыряхъ кормились нищіе; что попы имѣли свои баштины, или сидѣли на церковной и властельской землѣ: въ послѣднемъ случаѣ они работали церквамъ и не могли отойти отъ властеля, развѣ только тогда, когда этому не чѣмъ было кормить ихъ; на своихъ же баштинахъ они были лично независимы. Такою же независимостію пользовались попы, сидѣвшіе на царской, т. е., государственной землѣ, или не имѣвшіе вовсе никакой земли (сироты). Отсюда узнаемъ также, что въ Сербіи были великіе монастыри, или лавры, которымъ подчинялись другіе монастыри и церкви; право подчиненія имѣло свои ограниченія. Монастыри и церкви были освобождены отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Вообще всѣ мельчайшія подробности, относящіяся къ церковному праву и разнымъ дѣламъ монастырскимъ, изложенныя въ Законникѣ, равно какъ въ предыдущихъ и послѣдующихъ грамотахъ, показываютъ, до какой степени въ Сербіи уже развито было духовное право. Можно съ достовѣрностію сказать, что оно было развитѣе всѣхъ другихъ правъ,—и этому нечего удивляться, по тому, что Греція, предложившая свою вѣру Сербіи, была передъ глазами со всѣмъ сокровищемъ духовной письменности. Правильникъ Властара вошелъ многими своими мѣстами въ Законникъ Душановъ.

Въ древней Сербіи хотя не было положительнаго разграниченія между частною земельною собственностію царствующаго дома и государственною землею, однако на дѣлѣ мы видимъ, что помимо всей земли, которая въ общемъ смыслѣ называется королевскою или царскою, Сербскіе государи имѣли свои частныя владѣнія и баштины. Въ Законникѣ упоминаются села, планины, баштины и неропхи царскіе, принадлежащіе не только царю, но и царицѣ. Выраженіе грамотъ Боснійскихъ королей ѿ скоити указываетъ на частную королевскую собственность. Общественною земельною собственностію почитались преимущественно пастбища, лѣса, горы и дороги: пользованіе ими предоставлялось всякому приходящему, а храненіе близъ лежащимъ селамъ. Около городовъ лежала общественная городская земля. Вся Сербская земля раздѣлялась на жупы, въ которыхъ лежали грады и вароши, т. е., укрѣпленные и неукрѣпленные города. Пограничныя жупы назывались краищами. Главнѣйшій разрядъ земельной собственности составляли баштины или наслѣдственныя родовыя земли. Баштину могъ имѣть всякій, начиная отъ царя до неропха, міряпинъ и духовный; баштины были и у монастырей. Баштина составляла полное и неотъемлемое владѣніе, которымъ владѣлецъ могъ распоряжаться по произволу. Она была изъята отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Изъ грамотъ видно, что баштины отдавались въ вѣчное потомственное обладаніе со всѣмъ, что имъ ни принадлежало; монастыри, церкви и попы часто бывали баштинными не только лаврскими, но и властельскими. Жаль только, что ни въ Законникѣ, ни въ грамотахъ мы не находимъ никакихъ ограниченій права владѣнія населенными баштинами; но, безъ сомнѣнія, они существовали и были ясно опредѣлены. Еще былъ одинъ видъ земельной собственности: это—«пронія», которая впрочемъ не совсѣмъ намъ извѣстна. Изъ того, что она противуполагается баштинѣ, можно догадываться, что Законникъ разумѣетъ подъ нею землю, отданную кому нибудь въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, какъ то: не дарить и не передавать ея, пользоваться работою неропховъ только

извѣстное число дней въ недѣлѣ, получать съ нихъ только извѣстный оброкъ, нести государственныя повинности и т. п. Поелику Сербы, какъ народъ Славянскій, занимались преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, то у нихъ земское право, послѣ духовнаго, долженствовало быть самымъ развитымъ. Въ Законникѣ находимъ лучшее тому доказательство. Но сдѣсь, какъ и всюду, нѣтъ полнаго земскаго права; за то есть множество мелкихъ постановленій, вытребованныхъ современностію и свидѣтельствующихъ о развитости этого права въ обычаѣ древней Сербіи. Законникъ показываетъ, какъ постепенно кругъ права расширялся и какъ новыя недоразумѣнія, требуя разрѣшенія, увеличивали число постановленій. Опредѣленіе границъ въ древней Сербіи совершалось самымъ простымъ, наглядным образомъ. Дечанская и Аѳонскія грамоты представляютъ много любопытныхъ примѣровъ этого опредѣленія, гдѣ во всей еще силѣ высказывается первобытное чувство природы, живо сохранившееся у народа осѣдлаго, земледѣльческаго. Живыя урочища, глазомѣръ и показанія старожиловъ служили основаніями при положеніи границъ. Въ какую сторону скатывался камень съ горы, туда шла и межа; куда не ходили ни плугъ, ни коса, ни лопата, то была планина. Селамъ, спорившимъ за свои межи, Законникъ предоставлялъ судиться судомъ короля Милутина: слѣдовательно, еще при Милутинѣ земельное право получило полное развитіе. Сверхъ того въ самомъ Законникѣ находимъ много любопытныхъ постановленій. Споръ рѣшался или на показаніи свидѣтелей, или на основаніи государевой грамоты. Изъ двухъ жалованныхъ грамотъ послѣдняя имѣла перевѣсъ. Только для монастырскихъ земель свидѣтели и грамоты не имѣли силы, и дѣло рѣшалось по суду съ вѣдома царя. Скотоводство равно обратило на себя вниманіе законодателя. Частыя потравы какъ отъ сосѣдей, такъ и отъ кочующихъ пастуховъ, называемыхъ въ Законникѣ Влахами и Албанцами, вызвали нѣсколько мелкихъ статей, въ которыхъ запрещалось одной жупѣ пасти стада на лугахъ другой, а смежнымъ селамъ повелѣвалось имѣть общіе выгоны съ тѣмъ, чтобы уже не травить ни жита, ни луговъ, ни виноградниковъ. За потраву положена различная пеня или «потка». Хотя странствующимъ пастухамъ и позволено было проходить съ своими стадами по пустопорожнимъ землямъ, однако права собственности были ограждены пенею, а на случай зимовки ихъ на властельской землѣ положена узаконенная плата. Охраненіе земель, селеній и дорогъ отъ непріятелей, разбойниковъ, наѣздовъ, поджогъ и воровства составляло не малую заботу Сербскаго правительства. Охрана возложена была или на окольныя села, или на мѣстныя власти подъ строгою отвѣтственностію. Иногда сами властели позволяли себѣ самоуправство, поджигая села, пустоша поля: за это они навсегда лишались своего управленія или державы. Земли умершихъ равномѣрно охранялись околицею. Кто изъ торговцевъ, или монаховъ, или вообще проходящихъ бывалъ ограбленъ дорогою, тотъ получалъ удовлетвореніе или отъ царя, или отъ мѣстныхъ властей и стражей. По этому селамъ вмѣнялось въ обязанность доставлять ночлегъ торговцамъ: иначе они отвѣчали за все, что ни случалось съ торговцами во продолженіе ночи.

Городовое право получило въ Сербіи сравнительно меньшее развитіе, что отразилось и въ Законникѣ. Среднее или городское, мѣщанское сословіе еще не успѣло сложиться по причинѣ недостаточнаго развитія ремеслъ и торговли; а властели жили или при царскомъ дворѣ, или по жупамъ. Города имѣли только правительственное значеніе, какъ средоточіе жупъ. Въ нихъ пребывали главари или кефаліи, т. е., жупные намѣстники; сдѣсь были казна, судъ и кое-

гдѣ чеканница. Города, какъ Сербскіе, такъ и завоеванные Греческіе, имѣли свои жалованныя грамоты и оставались на древнихъ правахъ. Поддержаніе города возложено было какъ на горожанъ, такъ и на жупу. Кефалія, сидѣвшій въ городѣ, бралъ съ него извѣстный доходъ; съѣстные припасы уступались ему за полцѣны. Города не подлежали приселицѣ или кормежной повинности. Кто приходилъ въ нихъ, тотъ останавливался въ гостинницѣ, содержатель которой отвѣчалъ за цѣлость его имущества. Золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые были въ то же время и чеканщиками, дозволялось жить только въ городахъ. Городскимъ судомъ завѣдывалъ кефалія, либо церковный клиръ; и суду этому подлежали горожане во взаимныхъ между собою и съ жупными жителями спорахъ. Города имѣли свою стражу. Рѣдко встрѣчается въ Законникѣ, а въ другихъ памятникахъ вовсе не встрѣтается слово «варошъ» или собственно нашъ городъ; но большею частію употребляется слово «градъ», показывающее, что тогдашніе города почти всѣ были укрѣплены.

Населеніе Сербіи состояло изъ нѣсколькихъ сословій, во главѣ коихъ стояло боярское или властельское сословіе, дѣлившееся на большихъ и малыхъ властелей. Первые часто назывались просто властелями въ противуположность властеличичамъ или малымъ властелямъ. Изъ властелей многіе носили званіе князя, которое въ древней Сербіи имѣло почетное значеніе, хотя могло принадлежать лицамъ разныхъ сословій, даже простому сельскому старшинѣ. Сильные и полунезависимые землевладѣльцы, каковы Яблановичи, Храничи, всѣ съ малолѣтства уже носили княжеское званіе; но князя находимъ и между влахами, подаренными монастырямъ, т. е., между пастухами. Такъ точно нынѣ въ Сербіи видимъ князей, стоящихъ во главѣ правительства и князей сельскихъ. Хотя происхожденіе званія князя имѣетъ одинъ источникъ — старѣйшинство, однако, распавшись между сословіями, оно получило нѣкоторые оттѣнки. Въ боярскомъ сословіи это званіе есть родовое и идетъ отъ отца къ сыну, не смотря на малолѣтство и отсутствіе всякой обязанности, соединенной со старшинствомъ; но въ другихъ сословіяхъ оно есть одновременное или только пожизненное и соединено съ извѣстною должностію, вмѣстѣ съ которою переходитъ отъ одного лица къ другому. Сельскіе старшины, окружные начальники, теряя свою должность, перестаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ быть и князьями или по Сербски «кнезами». Властели, какъ старинное Славянское сословіе, были осѣдлыми землевладѣльцами, и тамъ, гдѣ особыя обстоятельства имъ благопріятствовали, выставили изъ себя сильные роды, владѣвшіе цѣлыми областями, въ которыхъ подъ ними сидѣли другіе имъ сподручные властельскіе роды. Многіе властели имѣли свои стяги и назывались «стегоношами». Законникъ и грамоты указываютъ на нѣкоторыя ихъ должности и права. Такъ, на пр., они были главарями или кефаліями въ жупахъ, или совѣтниками при дворѣ, ѣздили въ посольства, ходили съ своими людьми на войну, свидѣтельствовали при выдачѣ грамотъ: словомъ, отправляли всѣ высшія государственныя должности. Права ихъ не ясно обозначены въ нашихъ памятникахъ. Тогда какъ властелинъ за безчестіе властеличичу платилъ лишь пеню, властеличичъ за безчестіе властелю, сверхъ такой же пени, подвергался еще батожнымъ ударамъ. Вообще властели не были изъяты изподъ тѣлеснаго наказанія, личнаго задержанія и смертной казни. Впрочемъ въ уголовныхъ дѣлахъ они рѣже подвергались тѣлесному наказанію, чѣмъ прочія сословія, и за безчестіе ихъ сословію наказаніе было строже, чѣмъ за таковое же безчестіе другимъ сословіямъ. Исторія оставила намъ нѣсколько краснорѣчивыхъ,

но въ то же время грустныхъ памятниковъ участія бояръ, какъ сословія, въ дѣлахъ государственныхъ. Надобно замѣтить, что до самой кончины Душана бояре постоянно имѣли въ виду выгоды какъ страны, такъ и своего сословія. Они низвели Радослава, которому лѣтописцы приписываютъ припадки безумія, и посадили способнѣйшаго Владислава; они отстранили Владислава Драгутиновича, пребывавшаго не въ ихъ землѣ. Охраняя Сербскую народность отъ Греческаго вліянія, они содѣйствовали Дечанскому противъ Милутина, Душану противъ Дечанскаго и т. д. Опорою имъ была Зета. Но съ Душана, какъ видимъ, ихъ сословіе рушится; являются отдѣльныя личности съ правами на боярство; раждаются крамолы, измѣны, и эта новизна губитъ Сербію. Средняго сословія, въ смыслѣ цѣльнаго и замкнутаго съ отдѣльными выгодами, не было въ древней Сербіи. Тамъ были только отдѣльныя лица, составлявшія нѣчто среднее между поселянами и властелями, каковы, на пр., «градскіе люди», между которыми упоминаются «станяне» или, по позднѣйшему списку, «гостильники», т. е., содержатели городскихъ постоялыхъ дворовъ, туземные торговцы и разные ремесленники, между которыми грамоты называютъ: золотыхъ дѣлъ мастеровъ, кузнецовъ, сѣдельщиковъ, портныхъ, поваровъ и др. Почти всѣ ремесленники жили по селамъ. Кромѣ торговаго права, другихъ правъ для лицъ средняго сословія мы не замѣчаемъ, да ихъ и не могло быть, если не было самого сословія въ настоящемъ смыслѣ слова. Низшее сословіе имѣло свои подраздѣленія. Одна часть сидѣла на государственной землѣ и была лично независима, считаясь только, наравнѣ съ другими сословіями, подданными государя и государства; другая часть сидѣла на баштинахъ и вмѣстѣ съ первымъ подданствомъ соединяла подданство частному лицу или мѣсту. Крѣпостнаго состоянія для земледѣльцевъ и пастуховъ въ Сербіи мы не видимъ: вмѣсто него существовала припись къ землѣ. Изъ грамоты Немани и Законника видимъ, что частнымъ подданнымъ запрещалось уходить съ своей земли, и господарямъ дана была власть жестоко наказывать бѣглецовъ. На личную независимость указываютъ еще слѣдующія распоряженія Законника; во первыхъ, дозволеніе земледѣльцамъ судиться съ своими господарями, во вторыхъ опредѣленіе количества работы и повинностей, которыя земледѣлецъ долженъ былъ выставлять для своего господаря. Слѣдовательно, приписавъ частныхъ подданныхъ къ землѣ и позволивъ господарямъ владѣть ими, дарить и продавать ихъ вмѣстѣ съ землею, Законникъ обезпечилъ за ними нѣкоторыя личныя права. «Неропхами» назывались преимущественно земледѣльцы; «Влахами» или «Албанцами» пастухи. Между послѣдними видимъ многихъ кочующихъ съ своими стадами, слѣдовательно, не прикрѣпленныхъ къ землѣ. О странствіи Влаховъ и Албанцевъ упоминаетъ Законникъ. Не были ли это дѣйствительно иноземцы, подлинные Волохи и Албанцы въ противуположность осѣдлымъ и въ частномъ подданствѣ находившимся Сербамъ, которые, по занятію своему, тоже назывались, какъ мы знаемъ, Волохами или Влахами? Кромѣ этихъ были еще сокольничьи, псари, свинопасы, пчеловоды и пр. Но всѣ они находились въ подданническомъ состояніи и иногда назывались вообще «людьми». Слово «себръ», употребляемое Законникомъ, означаетъ, какъ кажется, всякого человѣка не властельскаго происхожденія; а такъ какъ среднее сословіе не принимается сдѣсь въ расчетъ, то подъ себромъ должно разумѣть преимущественно человѣка низшаго сословія. Послѣднюю степень этого сословія составляли «отроки» и «дѣтичи», означавшіе людей лично несвободныхъ или рабовъ. Отроки, подобно неропхамъ, сидѣли на зем-

лѣ; но если неропхи только черезъ землю были привязаны къ господарю, то эти, на оборотъ, самымъ тѣломъ своимъ принадлежали ему, какъ вещественная собственность. Монастырскіе неропхи судились передъ монастырскимъ судомъ; властельскіе передъ судьями; а отроки у своихъ господарей.

Древнѣйшее указаніе на военныхъ сановниковъ находится въ Житіи Немани, гдѣ упоминаются воеводы, тысячники и сотники. И при Душанѣ воевода продолжалъ оставаться высшимъ военачальникомъ, замѣняя, въ отсутствіе царя, его особу со всѣми ея правами. Въ Боснѣ воеводство сдѣлалось наслѣдственнымъ въ древнихъ знаменитѣйшихъ боярскихъ родахъ и переходило, какъ званіе, а уже не какъ военная должность, отъ отца къ сыну. Храничи возвели его на высшую степень, соединивъ съ нимъ значеніе самостоятельныхъ, независимыхъ правителей, герцоговъ Нѣмецкой имперіи и блюстителей гроба св. Савы. При Душанѣ находимъ еще кращниковъ, правившихъ пограничными областями и отправлявшихъ военную должность; ибо имъ поручено было отражать непріятельскія войска и шайки разбойниковъ. Важнѣйшими правительственными лицами въ древней Сербіи были великіе жупаны и великіе князья. Первое званіе носили Неманя и его предшественники: оно соединяло съ собою понятіе самостоятельнаго правителя, подъ которымъ могли стоять жупаны. Когда великіе жупаны сдѣлались королями, тогда жупаны остались, по прежнему, высшими послѣ нихъ правителями, какъ бы областными намѣстниками. Въ Сербіи званіе жупана уже не существовало при Душанѣ; но въ Боснѣ оно продолжалось до конца XV-го столѣтія. Великіе князья Хлумскіе, Вуканъ и Андрей, были почти независимыми, и ихъ званіе означало высшее правительственное лицо въ области. Оба они жили въ первой половинѣ XIII-го ст., и послѣ Андрея сынъ его, Радославъ, назывался уже жупаномъ. Въ Боснѣ главнымъ правительственнымъ лицомъ были баны, изъ коихъ одинъ въ грамотахъ нашихъ именуется великимъ. Важнѣйшими гражданскими сановниками, послѣ упомянутыхъ правительственныхъ лицъ, были князья или кнезы, о которыхъ упоминается въ Житіи Немани: **кнезе земьли иже надь властьми.** Безъ сомнѣнія, сдѣсь разумѣются высшіе бояре, по чему и называются они **кнезе земьли**; а что они были должностными лицами, то это видно изъ выраженія **иже надь властьми.** Но, какъ сказали мы выше, одновременно съ высшими кнезами, облеченными властію, были въ древней Сербіи и кнезы сельскіе, принадлежавшіе къ подданнымъ, о которыхъ упоминаетъ уже Жичанская грамота, данная тѣмъ же самымъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ, который писалъ и Житіе Немани. При Душанѣ находимъ тѣхъ же сельскихъ кнезовъ, которые разбираютъ споры Дубровницкихъ ходебщиковъ съ Сербами и принимаютъ жалобы отъ торговцевъ, ограбленныхъ дорогою. Вообще, что касается до званія кнеза, какъ равно и воеводы, то должно замѣтить, что Славяне, развивавшіе у себя родовой бытъ, любили старшинство соединять съ должностію, преимущественно судебною; у нихъ старшій въ родѣ былъ вмѣстѣ и судьею. Эта самая черта перенесена была въ послѣдствіи и въ гражданскій бытъ. Кнезы изъ родовыхъ старшинъ сдѣлались боярами и своимъ званіемъ пользовались потомственно, но уже безъ всякого правительственнаго или должностнаго значенія, которое перешло къ жупанамъ, великимъ жупанамъ, великимъ князьямъ, банамъ, королямъ, царямъ и т. д.; за то въ низшихъ сословіяхъ, на оборотъ, званіе кнеза, не будучи потомственнымъ, получило чисто должностное значеніе, какъ начальника села или околицы, творившаго судъ и расправу, хотя и въ немъ народъ обыкъ уважать древнѣйшее родовое представленіе — стар-

шинство. Сельскіе кнезы завѣдывали непосредственно земскою частію и всѣми мелкими дѣлами, возникавшими въ сельскомъ населеніи. Въ томъ же Житіи Немани упоминаются еще приставники дѣломъ, а въ грамотѣ Кулина участники, т. е., то же, что сановники. За тѣмъ при Душанѣ видимъ «кефалій», которые сидѣли по жупамъ въ городахъ, завѣдывая городскимъ судомъ, земскою охраною, путями сообщенія и вообще всѣмъ жупнымъ правленіемъ. Душанъ, преобразовавъ дворъ и управленіе по образцу Греческому, учредилъ особыхъ правителей и сановниковъ съ званіемъ деспотовъ, севастовъ или севастократоровъ и цесарей. Впрочемъ, родъ и объемъ этѣхъ должностей въ Сербіи намъ неизвѣстны. Былъ и «великій логоѳетъ», вѣроятно, то же, что въ грамотѣ Дечанскаго архидьякъ, завѣдывавшій преимущественно посольскими и вообще писцовыми дѣлами; были «логоѳеты» или «граматики», иначе дьяки, писцы, главною обязанностію которыхъ было писать грамоты. «Дворскіе приставы» или просто «дворскіе» завѣдывали государевымъ дворомъ. При особѣ владѣльца находился «протовистіарій», или «вистіарій», казначей, по чему онъ называется иногда «коморникомъ» или «разложникомъ коморы» (казны). Однажды въ грамотѣ Тврьтка II упоминается «королевскій прокураторъ», а въ грамотѣ деспота Юрія—«ризничій». Торговыми дѣлами и непосредственнымъ сборомъ пошлинъ завѣдывалъ царинникъ; онъ же и разбиралъ нѣкоторыя торговыя тяжбы. Въ Сербіи находимъ три рода судей: одни судьи сельскіе или областные, другіе городскіе или сами кефаліи и третьи дворскіе, судившіе тѣхъ, кои находились постоянно, или случались временно при царскомъ дворѣ. Всѣ они были должностными чиновниками и по тому назывались царскими и были равны между собою, ибо не было допущено жалобъ однимъ на другіе; но каждые имѣли свой кругъ вѣдѣнія. Законникъ содержитъ нѣкоторыя постановленія, относящіяся къ судьямъ. Они должны были судить по закону справедливо и безкорыстно; рѣшеніе свое записывали въ особую грамоту, на основаніи которой оно приводилось въ исполненіе. Каждый судья имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи область, которую и обязанъ былъ обходить для осмотра и исправленія убогихъ и нищихъ; при этомъ ему запрещалось брать какіе либо насильственные подарки съ обывателей. Вѣдомство судей было разграничено, и никто не могъ судиться у чужаго судьи помимо своего. При судьѣ состояли «приставъ» или «посланникъ», главное орудіе судьи, «глобари», взимавшіе пѣни, и сводчики, производившіе сводъ краденымъ предметамъ. Приставъ призывалъ къ суду подсудимыхъ и приводилъ въ исполненіе рѣшеніе судьи. Основаніемъ служила ему судейская грамота, которой онъ, подъ страхомъ наказанія, не могъ ни ослушаться, ни исказить. Всякая несправедливость строго воспрещалась. Какъ и судья, онъ былъ лицомъ неприкосновеннымъ. Впрочемъ, онъ могъ самъ открывать злоупотребленія и доносить объ нихъ, равно какъ быть ходатаемъ подсудимаго. Вмѣсто жалованья онъ получалъ плату съ извѣстныхъ земскихъ статей, называвшуюся «издавою». Церковными подданными завѣдывали особыя лица, называемые въ нашихъ памятникахъ общимъ именемъ «церковныхъ владѣльцевъ». Наши памятники предлагаютъ намъ еще нѣсколько должностей, которыя остаются пока для насъ темными; таковы: пехарьникъ, вѣроятно, то же, что кравчій, челникъ и великій челникъ, ставилецъ, тепчій, пребѣгаръ, примицерій, простайникъ или стайникъ, прахторъ.

Государственные доходы состояли преимущественно изъ прямой подати, называвшейся бирью или данью, данкомъ, поданкомъ, различныхъ пошлинъ или царинъ и глобъ или денежныхъ пень. Земскія повинности, упоминаемыя

нашими источниками, были: войско или хожденіе на войну, приселица или постойная и кормежная повинность, замѣненная въ послѣдствіи денежными сборами, ризница или доставка государственныхъ сокровищъ, посольство или перевозъ пословъ, проводъ или провожаніе царя и его властелей отъ одной жупы до другой, конь или пасеніе царскихъ лошадей, носъ или пдносъ, т. е., ношеніе разныхъ казенныхъ предметовъ. Земскія работы были: путь, сѣнокоша, виноградъ, копаніе, ораніе, жатва, вершитба или врышеніе, т. е., молотьба, травнина, преслица и др. Кромѣ денежныхъ, были подати естественными произведеніями; таковы: жировница или подать желудями для кормленія свиней, позобъ или кормъ для лошадей, сокъ, какъ кажется, подать овощами, саломъ и молочными произведеніями, и чьбрина или подать посудою. Неизвѣстно, какія повинности или подати должно разумѣть подъ словами: геракаръ, котелъ, престолъ, плетва, унче лѣто и унчій сокъ. Обыкновенно подати взимались десятиною, на что указываетъ одна грамота Душана, упоминающая о десяткѣ житномъ, овчемъ, пчельномъ и свиномъ. Доходъ по тому, откуда шелъ, назывался городскимъ, или жупнымъ. Кефаліи имѣли свой доходъ, присвоенный ихъ должности. Какъ государство, такъ и частныя владѣтельныя лица и мѣста подчиняли своихъ подданныхъ если не всѣмъ, то нѣкоторымъ изъ этѣхъ повинностей, работъ и податей. Въ послѣдствіи многія подати, взимавшіяся естественными произведеніями, замѣнены были для бóльшаго удобства податьми денежными. Раздѣленія работъ на великія и малыя, какъ думаютъ нѣкоторые, не было въ Сербіи.

Торговое право было не менѣе слабо развито, какъ и самое торговое сословіе. Слова «гость», «латынянинъ», мелькающія въ Законникѣ, невольно напоминаютъ, что торговля Сербская находилась въ рукахъ иноземцевъ. Мы уже видѣли, какой самостоятельный и опредѣленный видъ получили торговыя сношенія Сербіи съ Дубровникомъ. Для самихъ Сербовъ мы не находимъ ни одной льготы, ни одной статьи. Сербскіе торговцы не были обезпечены никакими правами: ихъ подавили богатые и искусные Дубровничане. Отсутствіе постоянныхъ мѣстъ сбыта и временныя ярмарки показываютъ, что туземная торговля Сербіи находилась еще въ зародышѣ. Требованіе на сырыя произведенія и преимущественно на хлѣбъ и металлы нѣсколько поддерживало ее; но ввозною торговлею и продажею готовыхъ издѣлій занимались исключительно Дубровницкіе ходебщики. Тѣмъ не менѣе Законникъ содержитъ нѣкоторыя обезпеченія для торговцевъ, какъ во время ихъ прохожденія по Сербской землѣ, такъ и во время самой продажи. Торговые люди имѣли полное право безпрепятственно ходить по всѣмъ дорогамъ, селамъ, городамъ и ярмаркамъ, продавать и покупать; никто не смѣлъ задерживать ихъ, или отнимать у нихъ товаръ даромъ или за безцѣнокъ. Всякій ущербъ, нанесенный имъ во время странствія, вознаграждался. Залоги выкупались. Но всѣ эти постановленія даны въ общемъ смыслѣ и относились не столько къ туземнымъ, сколько къ иноземнымъ торговцамъ.

Военное право, при всемъ множествѣ войнъ, которыя постоянно вела Сербія съ сосѣдями, не получило себѣ полнаго выраженія въ Законникѣ, не потому, конечно, чтобы оно не имѣло его, но отъ того, что не нуждалось въ письмѣ, оставаясь обычнымъ правомъ народа. Народъ зналъ кому, когда и на какихъ правилахъ итти на войну. Душану оставалось только письменно предупредить нѣкоторыя злоупотребленія, случавшіяся на войнѣ и въ походѣ. [illegible] запреталъ онъ при поединкахъ всякое участіе третьяго лица; во время [illegible] одного отряда въ селѣ, другой отрядъ не могъ останавливаться тамъ

же; воевода завѣдывалъ войсковымъ судомъ и представлялъ собою лицо самого царя; ему же доставлялась и военная добыча. Подъ смертною казнію запрещено было въ походѣ разорять монастыри и храмы.

Родовое право въ томъ видѣ, какъ застаютъ его наши источники и какъ еще яснѣе выражаетъ его Законникъ, является уже нѣсколько измѣненнымъ противъ прежняго первобытнаго права, по которому весь родъ составлялъ единое нераздѣльное цѣлое. Вмѣсто рода на первомъ мѣстѣ уже являются семьи или домы, выособившіеся изъ родовъ. Семья стоитъ выше рода, по тому, что только съ нею одною имѣетъ дѣло законъ: только по прекращеніи семьи право переходитъ къ роду. Въ Законникѣ въ основаніе общности отвѣта и поруки принятъ домъ, подъ которымъ разумѣется одна семья или совокупность родичей, безъ опредѣленнаго ограниченія степеней родства, живущихъ подъ начальствомъ одного старшины. Даже если родичи были раздѣлены между собою хлѣбомъ и имуществомъ, но продолжали жить на одномъ огнищѣ, то и въ этомъ случаѣ Законникъ считаетъ ихъ за одну семью или одинъ домъ; и за таковой домъ, въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, отвѣчалъ только старшій въ семьѣ или господарь дому; либо можно было отвѣчать брату за брата, отцу за сына, роду за родъ, т. е., однимъ родичамъ за другихъ: во всякомъ случаѣ сдѣсь видна общность семьи, не только живущей на одномъ хлѣбѣ и владѣющей общимъ имѣніемъ, но даже такой, которая на одномъ огнищѣ заключаетъ нѣсколькихъ выдѣлившихся въ хлѣбѣ и имѣніи родичей. Но отдѣлившіеся огнищами или домами уже не отвѣчаютъ другъ за друга. Ясно, что древній родъ замѣненъ былъ уже семьею или домомъ. По этому при клятвахъ, встрѣчаемыхъ нами въ грамотахъ, приводятся свидѣтели «съ братіею», что показываетъ, съ одной стороны, что домъ считался нераздѣльнымъ цѣлымъ и нужно было согласіе всѣхъ его членовъ, а съ другой, что по этой самой причинѣ достаточно было свидѣтельства одного главы дома, ручавшагося и за всю братію свою. Но далѣе одного дома, или семьи, или огнища общность не простиралась. Замѣчательно, что наши грамоты совершенно сходятся съ Законникомъ въ понятіяхъ о родовомъ правѣ. Не говоря уже о томъ, что Санковичи, Радиновичи, Храпичи, Влатковичи дѣйствуютъ только какъ домá, кути; но даже и тогда, когда дѣло идетъ о цѣломъ родѣ, этотъ родъ опредѣляется не иначе, какъ совокупностію домовъ. Такъ Сандалъ, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ въ своей семьѣ, въ которую входили и его братья съ своими дѣтьми, завѣщаетъ свои вклады четыремъ домамъ, кутямъ своего «племени», называя каждую кутю именемъ ея старѣйшины, а не говоритъ прямо о своемъ племени или родѣ нераздѣльно.

На родовомъ правѣ основывалось и право владѣнія. Вся семья или кутя имѣла право на общее владѣніе, и вотъ по чему всѣ записи, данныя королями, царями, деспотами и боярами, даны не отъ одного лица, а отъ старѣйшаго въ домѣ вмѣстѣ съ прочими ближайшими родственниками, какъ-то: братьями, сыновьями, даже женами. Сама исторія Сербіи представляетъ частые примѣры соперничества за земли между братьями, или между дядями и племянниками.

Наслѣдственное право изложено въ Законникѣ весьма неполно. Мы видимъ только, что послѣ бездѣтнаго властелина его баштина переходитъ въ его родъ къ ближайшимъ наслѣдникамъ «до третьяго братучеда», т. е., до правнука по братнину колѣну; а далѣе къ кому? — не сказано. Вѣроятно, въ случаѣ несуществованія такого родича, баштина дробилась между родомъ.

Но одно уже условіе бездѣтности показываетъ, что семейное право преобладало надъ родовымъ. Доспѣхи властелина, послѣ его смерти, шли — половина царю, а половина сыну, или дочери. Грамоты доставляютъ намъ нѣсколько примѣровъ примѣненія наслѣдственнаго права. Всякая собственность шла первоначально къ дѣтямъ, а потомъ къ братьямъ и племянникамъ. Имѣли ли дочери право наслѣдія недвижимою собственностію? На это, по нашимъ источникамъ, нельзя отвѣчать рѣшительно; кажется, онѣ исключены были изъ наслѣдства, хотя съ другой стороны видимъ, что у женщины не отнято право владѣнія баштиною и отроками. Законникъ темно выражается о бездѣтности властелина, употребляя выраженіе «дѣтца», дѣти, вмѣсто сына или дочери; но за то грамоты наши отрицательнымъ образомъ доказываютъ отстраненіе дочерей отъ наслѣдства недвижимымъ имуществомъ или вѣрнѣе землями. Сандалъ и Радославъ Павловичъ обѣщаютъ только за себя и за свое мужеское потомство охранять уступленную Дубровнику Конавльскую жупу; а охраненіе могли принять на себя только тѣ, кои наслѣдовали оставшееся послѣ нихъ земельное владѣніе. Точно также Сандалъ пріобрѣтенную въ Дубровницкой области баштину передавалъ своему роду по мужской линіи. По крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не видимъ, чтобы владѣльцы отказывали свои земли сыновьямъ вмѣстѣ съ дочерьми, или однимъ дочерямъ. Опроверженіемъ не можетъ служить одно мѣсто грамоты Стефана Косачи, который, раздѣляя все свое имущество между двумя сыновьями, выговариваетъ себѣ право, если вздумаетъ, отдѣлить небольшую часть изъ него другимъ родственнымъ домамъ и женѣ своей: да се имма (Владиславу и Влатку) г҃поцтво . . . раз҃ ако би ми се шош видѣло ѿлучити измеѣу нию укрухь издѣлнь племенимь и матерѣ им҃. Здѣсь могло разумѣться имущество движимое, какъ и дѣйствительно въ послѣдствіи видимъ Цецилію, извѣщающую Дубровничанъ о доставшемся ей вкладѣ мужа ея, Косачи. Но въ наслѣдствѣ движимымъ имуществомъ и домами участвовали, послѣ сыновей, и дочери. Дворецъ въ Дубровникѣ Радославъ Павловичъ получилъ съ тѣмъ, что послѣ его смерти, ему наслѣдуетъ не только прямое мужеское колѣно, но, по прекращеніи мужескаго, и женское. Въ завѣщаніи Сандала, относительно его вкладовъ, видимъ то же самое: движимая собственность, въ прямомъ потомствѣ, шла прежде всего къ сыновьямъ, а потомъ уже, за неимѣніемъ ихъ, къ дочерямъ; въ боковомъ же потомствѣ она шла только въ мужескую линію, къ племянникамъ, и отъ одной мужской линіи переходила къ другой, согласно со степенями родства; но ни въ какомъ случаѣ не переходила въ женскую линію. Такъ точно и Стефанъ Косача завѣщаетъ свой вкладъ сыновьямъ, а если ихъ не будетъ, то женѣ и дочерямъ. Изъ розыска Дубровничанъ о родѣ Браила Тезаловича равномѣрно оказывается, что въ наслѣдованіи движимою собственностію дочери, будутъ ли онѣ замужнія, или нѣтъ, шли въ расчетъ послѣ братьевъ. Собственникъ могъ по произволу распоряжаться своею собственностью и отдавать ее кому хотѣлъ помимо прямыхъ наслѣдниковъ. Законникъ предоставляетъ баштиннику полное право распоряженія своею баштиною. Косача грозитъ, въ случаѣ неповиновенія сыновей, отдать свое имущество другому, кому захочетъ. Такимъ образомъ, касательно правъ наслѣдованія, мы приходимъ къ слѣдующимъ итогамъ: собственникъ имѣлъ право завѣщать свое имущество кому хотѣлъ; но обыкновенно по его смерти ему наслѣдовали ближайшіе родичи, такъ что его домъ наслѣдовалъ прежде боковыхъ домовъ или рода. По прекращеніи дома, наслѣдство переходило къ прочимъ родственнымъ до-

манъ. Сыновья имѣли преимущество передъ братьями; братья передъ племянниками. Недвижимое имущество шло только въ мужеское колѣно, а движимое, за неимѣніемъ или послѣ сыновей, шло и къ дочерямъ въ женское колѣно, но только по прямой линіи; по боковой же участвовала одна только мужская линія. Наслѣдство получала вся семья или всѣ сыновья и дочери одного отца. Мать участвовала въ наслѣдствѣ только въ слѣдствіе особаго распоряженія.

Малолѣтство не нашло себѣ въ Законникѣ никакого опредѣленія, но что оно существовало въ обычномъ правѣ, на это указываютъ наши грамоты. Изъ нихъ мы узнаемъ, что малолѣтные не присягали и не писались въ грамотахъ; но по достиженіи совершеннолѣтія повторяли клятву старшихъ. Малолѣтные не могли прежде четырнадцати лѣтъ возраста получить отцовскій вкладъ.

Бракъ признавался только тогда, когда совершенъ былъ съ разрѣшенія духовной власти и освященъ таинствомъ вѣнчанія. Чрезъ бракъ жена входила въ права мужа. Деčанскій постановилъ, что Сербъ—неропхъ, взявшій себѣ жену у Влаха, ведетъ ее въ неропхи, и она съ потомствомъ своимъ подчиняется неропшскому закону.

Вообще гражданское право руководствовалось болѣе обычаемъ, чѣмъ письменными постановленіями. Относясь къ порядку или нормѣ общественной жизни, оно выросло вмѣстѣ съ народомъ на его родной почвѣ и содержало въ себѣ итогъ всего того, что, какъ основа гражданскаго быта, выработано было народомъ въ его вѣковой самостоятельной жизни; а по тому оно не нуждалось ни въ новыхъ постановленіяхъ, ни въ письменномъ выраженіи, кромѣ тѣхъ злоупотребленій въ отдѣльныхъ частяхъ права, которыя требовали въ нихъ либо точнѣйшаго опредѣленія, либо отмѣны, либо измѣненій. Освященное стариною и присутствіемъ народности, оно не допускало произвольныхъ уложеній; ибо всякая попытка къ его пересозданію повлекла бы за собою ломку всего общественнаго порядка, разорвала бы всѣ гражданскія связи, уничтожила бы всѣ основы, на которыхъ держались взаимныя отношенія сословій и лицъ. По этому мудрый законодатель оставилъ его безъ перемѣны, а слѣдовательно, безъ написанія, какъ обычное право, созданное самимъ народомъ и всѣмъ извѣстное.

Уголовное право, напротивъ того, требовало многихъ новыхъ постановленій, число и строгость которыхъ отвѣчали стремленію законодателя къ обезпеченію общества и упроченію гражданскаго быта чрезъ уясненіе его основъ въ сознаніи правъ и законности. Имѣя дѣло съ нарушеніями общественнаго порядка, народнаго права и спокойствія, словомъ, вѣдаясь съ исключеніями или анормою гражданскаго быта, оно измѣнялось по мѣрѣ того, какъ верховная власть смотрѣла на эти исключенія и какую придавала имъ важность. Законодатель считалъ себя обязаннымъ предохранить общественный бытъ отъ искаженія и разрушенія, защитить общество отъ его изверженцевъ, стремящихся къ разрушенію всего существующаго, всего прочнаго. Все, что дурнаго представляетъ въ себѣ народная жизнь, является уже исключеніемъ и подлежитъ свободному дѣйствію законодателя, который сдѣсь, въ кругу уголовнаго права, можетъ приводить въ движеніе всѣ пружины, клонящіяся къ главнѣйшей его цѣли—исправленію, искорененію и предотвращенію зла. Словомъ, Душанъ, котораго вся дѣятельность стремилась къ усиленію Сербіи не только извнѣ, но и внутри ея самой, считалъ себя въ правѣ уложить все то, что

нужно было для защиты гражданственности отъ порчи. Вотъ по чему въ его Законникѣ такъ мало говорится о гражданскомъ правѣ и такъ сравнительно много объ уголовномъ. Преступленія, которымъ наиболѣе подвергался общественный бытъ, требовали равно простыхъ и строгихъ постановленій. Убійство, насиліе, безчестіе, обида, блудъ, пьянство, воровство и разбой, поджигательство, дѣланіе ложныхъ денегъ, открытое присвоеніе чужой собственности и бѣгство:—вотъ преступленія, которыя обратили на себя вниманіе законодателя. Между ними мы не видимъ еще никакихъ утонченныхъ преступленій, которыхъ разнообразіе возникаетъ по мѣрѣ старѣнія и порчи общества, и это показываетъ степень, на которой стоялъ гражданскій бытъ Сербіи при Душанѣ. По роду этихъ преступленій можно судить о возрастѣ тогдашняго общества: оно, конечно, было еще юно, еще крѣпчало и совершенствовалось, и далеко было отъ той точки, гдѣ начинается его искаженіе и распаденіе. Свойство преступленій свидѣтельствуетъ о первоначальной грубости отставшихъ его членовъ, совершенно противуположной развращенію упадающаго общества, порождающему иного рода преступленія. Съ другой стороны, мы видимъ въ изложеніи этого права вѣрный признакъ современности и народности Законника, котораго издатель имѣлъ въ виду не отвлеченную сторону воображаемаго быта, но живыя потребности дѣйствительно существующаго и современнаго ему общества. Изъ постановленія объ убійствѣ видимъ, что преступленіе это совершалось часто открыто и съ наглою смѣлостію. Властели убивали себровъ, себры властелей. Лица духовнаго званія, родители и родственики становились иногда жертвами преступленія. Воровство и разбой были, какъ видно, не рѣдки въ древней Сербіи. Душанъ часто говоритъ объ нихъ въ Законникѣ. Это показываетъ, что земское устройство еще далеко не созрѣло тогда въ Сербіи, и вообще во всемъ общественномъ бытѣ заключалось не одно условіе, благопріятствовавшее этому роду преступленій. Нѣкоторыя статьи намекаютъ, что и властели не чужды были иногда покровительства разбойникамъ. За то строго было и наказаніе за воровство и разбой: виновные и потворствующіе имъ наказывались одинаково: воры ослѣпленіемъ, разбойники висѣлицею. Слѣдствіемъ частыхъ разбоевъ и воровства, равно какъ войнъ, было то, что въ Сербіи появлялось много предметовъ, которыхъ законные владѣльцы были неизвѣстны. Пріобрѣтеніе таковыхъ предметовъ покупкою было дозволено только на законномъ основаніи; во всякомъ другомъ случаѣ присвоившій себѣ чужую собственность подвергался одинаковому наказанію съ воромъ и разбойникомъ. Всякая добыча въ чужой землѣ должна быть представлена царю, или воеводѣ. Поджоги, или чеканка ложныхъ денегъ наказывались сожженіемъ. Бѣгство, выпроваживаніе бѣглецовъ въ чужую землю, или принятіе ихъ были строго запрещены. Принять чьего либо человѣка, или иноземца можно было только тогда, когда при немъ была охранная грамота.

Судоустройство и судопроизводство составляютъ важный отдѣлъ во внутренней исторіи Сербіи. Въ нихъ мы находимъ много остатковъ глубокой старины, перемѣшанныхъ съ позднѣйшими нововведеніями, много такого, что велось издревле въ народѣ, и такого, что установлено было въ послѣдствіи королями и самимъ Душаномъ. Но при всемъ томъ мы не можемъ не удивляться простотѣ судебнаго порядка, которая, въ сравненіи съ развитостію гражданскаго быта временъ Душановыхъ, много говоритъ въ пользу нравовъ тогдашняго общества. Простота судебнаго разбирательства есть признакъ древности

и вмѣстѣ простоты и неиспорченности нравовъ. Къ тому же надобно замѣтить, что Законникъ мало даетъ отвѣтовъ на спорные вопросы; его статьи посвящены наиболѣе устройству и порядку суда: слѣдовательно, судьи произносили свои приговоры единственно на основаніи здраваго смысла и совѣсти, и народъ былъ доволенъ ими, такъ что законодателю не надобно было впередъ въ своемъ Законникѣ предписывать имъ рѣшенія. Дѣла ограничивались однимъ судомъ: мы ни отъ куда не видимъ, чтобы допущены были жалобы одному суду на другой; словомъ, степеней судебныхъ не существовало. Мелкія спорныя дѣла сельскаго населенія покончивали кнезы; другія рѣшались судьями, или кефаліями, либо же самимъ царемъ. Тяжущіеся могли также, по доброй волѣ, подчиниться суду присяжныхъ. Въ походѣ и на войнѣ войско подлежало суду царя, или, за отсутствіемъ его, воеводы. Крѣпостные люди судились своими господами. Монастырскіе подданные судились особыми должностными лицами, опредѣляемыми на то отъ монастыря. Въ нѣкоторыхъ торговыхъ случаяхъ споры рѣшались царинникомъ. Когда еще не вполнѣ уяснены были общественныя обязанности, и сословіе властелей занимало весьма высокое мѣсто по своему могуществу, тогда приглашеніе къ суду было дѣломъ весьма затруднительнымъ. Нужно было наблюдать особую осмотрительность какъ въ отношеніи сословнаго происхожденія подсуднаго, такъ и срока приглашенія. Въ Законникѣ замѣтна особенная заботливость и точность въ постановленіяхъ о приглашеніи къ суду, что заставляетъ думать, что позванные находили еще много средствъ къ неявкѣ на судъ. Властели призывались къ суду особою грамотою и не иначе, какъ до обѣда; для прочихъ сословій достаточно было одной печати. Возвратившимся съ войны давался трехнедѣльный срокъ. Жена, за отсутствіемъ мужа, не призывалась къ суду. Члены одной семьи являлись къ суду по волѣ, кто хотѣлъ. Если отвѣтчикомъ за подсуднаго былъ приставъ, то получалъ отсрочки полдня. Подсудимые могли представлять за себя ходатаевъ. Судъ производился устно. Соперники являлись предъ судьею и излагали на словахъ сущность дѣла. Наговоры, брань, посторонпія обвиненія, мзда строго запрещались. Силу имѣло только первое показаніе. Доказательными средствами были: грамоты, печати и другіе условные знаки, свидѣтели, сводъ, лицо, рука, клятва; за ними въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовалъ судъ Божій. Въ поединкѣ, водѣ и желѣзѣ, гдѣ дѣйствовала уже высшая обличающая сила видѣли окончательное доказательство правоты, или виновности. Такое соединеніе доказательныхъ средствъ указываетъ на ту пору развитія Сербскаго народа, когда образованность и гражданственность начинали уже вытѣснять грубое невѣжество и простоту древняго народнаго быта; когда Сербія находилась на полпути своего внутренняго развитія, дѣлая быстрые шаги впередъ и не разставаясь еще совершенно съ завѣтною стариною. Обиліе допущенныхъ средствъ для доказательства свидѣтельствуетъ о чувствѣ правды, руководившемъ народъ и законодателя. И даже тамъ, гдѣ всѣ человѣческія средства прекращались, Сербы, не желая оставить истины втунѣ, прибѣгали къ чрезвычайнымъ, и въ судѣ Божіимъ искали оправданія, или обвиненія. Конечно, много естественныхъ причинъ входило въ дѣйствіе ордалій и отнимало у нихъ то высокое значеніе правды, которое народъ привыкъ приписывать имъ: тѣмъ не менѣе ордаліи оправдываются, во первыхъ, главною цѣлью ихъ введенія, цѣлью узнать настоящаго виновнаго, чтобы чрезъ то самое избавить безвиннаго даже и отъ подозрѣнія; во вторыхъ, несовершеннымъ еще возрастомъ гражданственности,

когда обыкновенныя доказательства по своей недостаточности не могли получить полной обличительной силы; въ третьихъ, тѣмъ, что къ суду Божію прибѣгали только уже по истощеніи всѣхъ прочихъ доказательныхъ средствъ, и то не всегда, а именно, къ поединкамъ допускались только ратные люди въ военное время, къ водѣ, или котлу только себры, впрочемъ, за всякое злодѣяніе, къ раскаленному желѣзу только при обвиненіи въ воровствѣ, или разбоѣ. Пытокъ мы не находимъ въ Законникѣ. Личному задержанію подвергались лица всѣхъ сословій, и это называлось «еистромъ». Властели могли выставлять вмѣсто себя заложниковъ или ежцевъ.

Мы уже выше видѣли составъ наказаній, существовавшій въ древней Сербіи. Сдѣсь повторимъ вкратцѣ прежніе итоги. При опредѣленіи наказанія не допускалось различія въ сословномъ происхожденіи виновнаго. Преступленіе всегда имѣло одинаковое значеніе, кто бы его ни совершилъ. Различіе сословій выступаетъ только тогда, когда одинаковому наказанію трудно или даже невозможно подчинить всѣ сословія и необходимо видоизмѣнить способъ наказанія, сохраняя его равномѣрность, или когда въ лицѣ обиженнаго терпитъ все сословіе. Когда виновный находился на лицо, онъ и подвергался наказанію; въ отсутствіе его отвѣчала за него, по старому обычаю, околица, что называлось общею порукою. Способъ наказанія былъ двоякій, денежный и тѣлесный. Первому подчинялись общая порука и преимущественно сословіе властельское, какъ богатое; второму лицо виновнаго и преимущественно себры, какъ сословіе бѣднѣйшее. Къ чести законодателя должно отнести то, что онъ ограничилъ денежную пеню, какъ самое безцѣльное наказаніе, по возможности тѣснѣйшими предѣлами, оставивъ больше мѣста другимъ, дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ. Но, съ другой стороны, удержаніе древняго обычая увѣчить виновнаго ослабляетъ достоинство этихъ мѣръ. Хотя Законникъ главною цѣлью имѣетъ, еще по прежнему, вознагражденіе ущерба и наказаніе за зло, предоставляя закону дѣйствовать только по совершеніи преступленія, однако мѣстами въ немъ проглядываетъ уже мысль новая, болѣе плодотворная и просвѣщенная, стремящаяся къ предотвращенію зла:—замѣчательный успѣхъ для того времени. Составъ наказаній показываетъ намъ, на какой степени стояла древняя Сербія въ понятіи о гражданскомъ благоустройствѣ и человѣчности. Въ первомъ отношеніи Сербское законодательство уже перешагнуло первую и начальную ступень развитія, уничтоживъ самоуправство, запретивъ всякое насиліе и отстранивъ право кровной мести; оно готово было перешагнуть и вторую ступень, чтобы отъ денежной пени и общей поруки перейти сколько къ прямой расправѣ съ преступникомъ, столько же къ предотвращенію зла. Но во второмъ отношеніи ему недоставало той мягкости, которая рождается въ народныхъ нравахъ только съ вѣками: оно допускало еще увѣчье и различные виды смертной казни. Но и въ этомъ отношеніи древняя Сербія не чужда свѣтлой стороны: въ ней мы видимъ убѣжища, показывающія, что и тогда Сербы прекрасно умѣли соединить мысль прощенія съ мыслію о главѣ народа и главѣ духовенства. Царь и патріархъ, какъ высшія лица въ народѣ, могли измѣнить приговоры, которые судебная власть должна была произносить съ неумытною строгостію: изъ уваженія къ самому мѣстопребыванію этихъ двухъ лицъ, дарованы были прощеніе и свобода узникамъ, бѣжавшимъ въ дворъ царевъ, или патріаршій.

Вотъ до какихъ итоговъ дошла Сербія въ развитіи своего гражданскаго быта. Дѣло говоритъ само за себя. Какъ кто ни смотри на событія, но вся-

кій долженъ сознаться, что древней Сербіи нельзя отказать въ началахъ прекраснаго самобытнаго развитія, которыя положены были родомъ Неманичей и уже такъ ярко обозначились въ царствованіе Душана. Конечно, начала эти еще не созрѣли; но въ самомъ развитіи ихъ уже замѣтно столько вѣрнаго, хорошаго и человѣческаго, что съ ними древняя Сербія является устроеннымъ гражданскимъ обществомъ, быстро идущимъ прямою дорогою къ достиженію совершеннѣйшихъ образовъ общественнаго и государственнаго быта. Время не позволило ей выполнить съ одинаковымъ успѣхомъ всѣхъ условій, безъ которыхъ никакое государство не можетъ процвѣсти; эти условія въ ней были, но современныя потребности, какъ и всюду, дали имъ не равномѣрное движеніе. Жизненная дѣятельность ея народа въ связи съ добрыми распоряженіями королей наполнили ее задатками всего лучшаго, такъ что Душану оставалось дать имъ ходъ и упрочить ихъ силою закона. Согласное присутствіе древнихъ началъ вмѣстѣ съ новыми и естественное высоблені е послѣдующихъ изъ предыдущихъ показываютъ, что счастливый умъ ея правителей велъ ее самобытнымъ и непринужденнымъ путемъ развитія. Наконецъ, если вспомнимъ, что въ дошедшихъ до насъ памятникахъ изложена только самая малая часть ея правъ и законовъ и что несравненно бóльшая осталась, какъ ненаписанный обычай, и если по этому немногому заключимъ обо всемъ остальномъ, то увѣримся, что какъ бы кто строго ни оцѣнивалъ явленія, онъ не дойдетъ до того пристрастнаго и ошибочнаго приговора о жизни древнихъ Сербовъ, который произнесъ ученый Нѣмецъ Гебгарди на основаніи чужихъ свидѣтельствъ, а болѣе своихъ собственныхъ умозрѣній и догадокъ, и который повторенъ былъ дословно другимъ ученымъ, Енгелемъ, вполнѣ сочувствовавшимъ взгляду своего соотечественника и не могшимъ сказать ничего лучшаго.

Велики были преобразованія Душана, но нужна была и сильная его рука, чтобы сдержать новый порядокъ вещей. Ударъ, нанесенный имъ родовому быту Неманичей, обнаружился тотчасъ по его кончинѣ. Симеонъ или Синиша, правитель Этоліи и Акарнаніи, предъявилъ, было, свои права на Сербскій престолъ; но дѣло его было уже опоздано: воля и завѣщаніе покойнаго царя стояли выше всѣхъ другихъ правъ. Къ тому же онѣ и не были произвольными, ибо относились къ законному и единственному сыну Душанову, Урошу. Никто не хотѣлъ слушать Симеона, и этотъ, дошедши до Зеты, воротился назадъ въ свой удѣлъ. Енгель думаетъ, что Симеонъ былъ не кто иной, какъ Вратко, правнукъ Вукана Неманича и отецъ Милицы, жены Лазаря; онъ же могъ называться царевичемъ и Югомъ, какъ правитель самыхъ южныхъ владѣній Сербіи. Енгель объясняетъ форму *Σάρκος* Халкокондила [1] словомъ царевичъ и дѣлаетъ ее прозвищемъ Симеона, который есть то же, что, по другимъ, Деканъ, севастократоръ и правитель Привардарской Македоніи, *κατὰ τὴν Μακεδονίαν περὶ Ἀξιὸν ποταμόν*, — ближайшее лицо къ царю. Такимъ образомъ, по мнѣнію Енгеля, Синиша, *Σάρκος*, Югъ, Деканъ, Вратко суть одно и тоже лицо [2]. Страннымъ кажется такое стеченіе именъ и прозвищъ для одного человѣка. Разсмотримъ его ближе. Во первыхъ, Вратко не могъ уже предъявлять своихъ правъ на Сербскій престолъ по тому, что родство его было слишкомъ отдаленно, и предки его молчали о своихъ правахъ, когда да-

[1] Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 28.—Stritter, II, 335.
[2] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 311.

же незаконные сыновья восходили на Сербскій престолъ. Симеона или, по-Славянски, Синишу Кантакузинъ называетъ братомъ Душана[1]. По свидѣтельству лѣтописцевъ Сербскихъ, у Дечанскаго было два сына, Душанъ и Симеонъ: послѣдній владѣлъ въ Греческомъ городѣ Трикалѣ[2]. Слѣдовательно, это тотъ самый братъ его, рожденный отъ мачихи Маріи Палеологовны, на котораго, по свидѣтельству Бранковича, указали Душану Сербскіе бояре, сказавъ: «аще ты не хощеши кралевствомъ отца твоего препоясатися, братъ твой, отъ иныя матере родивыйся, не спитъ, но вскорѣ узриши его препоясанна кралевствомъ отца твоего[3]. Во вторыхъ, *Ζάρκος*, Zarcus, произносится не Царко, откуда Енгель хочетъ сдѣлать царевича, а Жарко, и есть имя собственное, Славянское, встрѣчающееся нѣсколько разъ въ нашихъ грамотахъ[4]. Въ третьихъ, Жарко, а по другимъ, Деканъ (объ немъ сейчасъ скажу) управлялъ Привардарскою Македоніею, а Синиша, по свидѣтельству Кантакузина, сидѣлъ въ Акарнаніи. Енгель говоритъ, что Македонія часто совпадаетъ съ понятіемъ Акарнаніи: Zarcus über Macedonien, qua finitima est Axio flumini, welches beyläufig mit dem Begriff von Akarnanien zusammenstimmt; но во всякомъ случаѣ одно и то же лицо не могло управлять этѣми двумя областями, ибо между ними лежали области другихъ намѣстниковъ, именно: Николай Жупанъ управлялъ Трикалою и Касторіею, Прилупъ Этоліею, Плакидъ Охридою и Прилепомъ[5]. Въ четвертыхъ, Жарка не должно смѣшивать съ Деканомъ, правильнѣе Деяномъ. Что Деянъ дѣйствительно былъ севастократоромъ при Душанѣ, то объ этомъ свидѣтельствуютъ грамота у Авраамовича № 12 и папское breve, писанное въ 1354 г. къ Сербскимъ властямъ, между которыми упомянутъ Decanus, sebastocrator Serviae[6]. Село Архилевица въ Жегликовской землѣ[7] было подарено Душаномъ въ баштину Деяну и его потомству. Въ 1379 г. «царица» Евдокія съ сыномъ Константиномъ, въ грамотѣ своей (А. № 14), называетъ это село уже своею баштиною и ссылается на грамоту Душана, которою онъ подтвердилъ Деяновы села за Архилевицкой церковью (А. № 12); Сербскій лѣтописецъ называетъ этого Константина Жегликовскимъ[8]: слѣдовательно, Евдокія и Константинъ были родичами Деяна. Кто же они были? Изъ грамотъ видно, что у Константина былъ еще братъ, Драгаша[9]: тоже подтверждаетъ и Халкокондилъ[10]. Драгаша именуется деспотомъ. Мать ихъ, Евдокія, носитъ званіе царицы; но ясно, что это цесарица или жена одного изъ Душановыхъ цесарей. Такъ какъ она съ сыновьями владѣла баштиною Деяна и такъ какъ Халкокондилъ называетъ Константина и Драгашу сыновьями Жар-

---

[1] *Σίμων τε γὰρ ὁ Κράλη ἀδελφός, Ἀκαρνανίας τότε ἄρχων.* Corp. Script. Hist. Byz. Cantacuzenus, v. III, p. 314. — Stritter, II, 340. — Орбини, стр. 229. Но въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ ошибочно называетъ его братомъ Уроша V, (стр. 234). — Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LIX.

[2] Шафар., Памятн., стр. 53, 71. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 13.

[3] Ранчъ, ч. II, стр. 718.

[4] На пр. С. NN 45, 141, 172.

[5] Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 28. — Stritter, II, 335.

[6] Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 289.

[7] Бранковичевъ лѣтописецъ (Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 14) помѣщаетъ Жегликово подъ Черной Горою (въ Македоніи).

[8] Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 16. — Ср. Ранча, ч. III, стр. 88.

[9] См. Успенскаго, Описаніе монастырей Аѳонскихъ въ Ж. М. Н. П. 1848, LVIII, стр. 176. — Аврамовича, О. Д. С. у С. Г., стр. 78, 79. — Мюллера, Каталогъ Аѳонскимъ грамотамъ, въ Славянской Библіотекѣ Миклошича, 1851, стр. 198.

[10] *Κωνσταντῖνος ὁ Ζάρκου, Δραγάσεω δὲ ἀδελφός.* Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond. p. 81. — Stritter, II, 354.

ка [1], то не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что Жарко былъ сынъ Деяна. Орбини и Дюфренъ называютъ Жарка Деяновичемъ [2]; Енгель и Раичъ не знаютъ ихъ родства; но послѣдній близко подходитъ къ истинѣ и только различіе именъ Декана и Деяна смущаетъ его. Онъ рознитъ ихъ, а между тѣмъ, на основаніи Орбини, правильно называетъ Константина и Драгашу сыновьями Жарка Деяновича [3]. Слова Халкокондила о Жаркѣ: vir apud ipsum (Cralem) dignitate primarius, которыя Енгель объясняетъ родствомъ Жарка съ Вратковъ, объясняются тѣмъ, что сынъ наслѣдовалъ послѣ отца не только область, но и расположеніе царя. Душанъ называетъ Деяна своимъ «братомъ». Въ пятыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что Югъ есть совсѣмъ иное лицо, чѣмъ Жарко, или Синиша: его звали Богданомъ, а не Симеономъ. Скорѣе можно догадываться, что Богданъ Югъ былъ тотъ самый Богданъ, который правилъ восточною Македоніею между Серомъ и Вардаромъ [4]. По этому не остается никакого сомнѣнія, что имена, которыми Енгель обременилъ одно лицо, расходятся врозь и отыскиваютъ каждое своего хозяина. Вратко останется, по прежнему, потомкомъ Вукана, чуждымъ соискательства о престолѣ, о которомъ, быть можетъ, онъ вовсе и не помышлялъ; Богданъ Югъ будетъ править восточною Македоніею; Жарко, сынъ Деяна, съ своими сыновьями, составитъ особый домъ, правившій въ южной Македоніи; а Синиша или Симеонъ явится однимъ дядею и соперникомъ Урошу, какъ братъ Душана отъ второй матери. Слѣдовательно, права Синиши были правами дяди противъ племянника; но права эти уже потеряли свою силу, между тѣмъ, какъ прежде мы видѣли, что братъ наслѣдовалъ брату. Теперь значеніе государя, въ полномъ смыслѣ этого слова, поставило Душана выше значенія родича и придало его волѣ и завѣщанію исключительное право быть основою престолонаслѣдія. Такимъ образомъ старый порядокъ рушился: Симеонъ ничего не могъ сдѣлать, основываясь на родовомъ преданіи. Сильнѣе былъ новый порядокъ, по которому сынъ наслѣдовалъ отцу. Но этого порядка не могъ сдержать Урошъ, принявшій изъ рукъ отца государство преобразованное. Крайность новаго порядка вскорѣ обнаружилась въ лицѣ нѣкоторыхъ бояръ. Душанъ, конечно, уничтожилъ семейныя которы Неманичей, случившіяся по поводу престолонаслѣдія, и съ ними ослабилъ вліяніе боярскаго сословія; но прежде бояре были только сторонниками того, или другаго князя и дѣйствовали только для князя, наблюдая выгоду своего сословія въ томъ, чтобы на престолѣ сидѣлъ князь ихъ стороны. Они не отваживались дѣйствовать однимъ своимъ именемъ и не позволили бы кому нибудь изъ своей среды стать выше другихъ; не позволили бы также иноземному государю сѣсть на Сербскій престолъ; но разрозненные Душаномъ, безъ сословнаго значенія, отдѣленные совершенно отъ царскаго дома, ставши въ почтительной дали, они считали теперь царскую власть единственнымъ источникомъ своего могущества, какъ прежде опирались на землю и область, въ которой жили, и потомъ на всю страну Сербскую. Несвязанные общностію сословія и единствомъ выгодъ, они возвысили свою личность и стали подыскивать одинъ подъ другимъ; они за-

---

[1] *Δράγαϭιν τὸν Ζάρκου παῖδα; Κωνϭταντίνου τοῦ Ζάρκου παιδός.* Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 49, 80.—Stritter, II, 349, 353, 354.—Орбини, стр. 239.—Dufresne, Famil Dalm. et Slavon., гл. IV, § V; гл. XIV, § I.

[2] Орбини, стр. 239, 244. — Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. XIV, § I.

[3] Ч. II, стр. 840.

[4] Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 28. — Stritter II, 335.

были и свою осѣдлость: всякій старался укрѣпиться и возвыситься тамъ, гдѣ поставила его судьба. Не далеко отсюда было и до мысли овладѣть самымъ источникомъ могущества, престоломъ, захватить въ свои руки верховную власть, какъ вѣрное средство стать выше другихъ. Болѣе возможности и средствъ къ тому имѣли областные намѣстники. А между тѣмъ передъ глазами всѣхъ въ Восточной Имперіи совершались соблазнительные примѣры нравственно-политическаго разврата. Пока былъ живъ Душанъ, сильная рука его сдерживала бояръ въ повиновеніи; но когда онъ умеръ, тогда, при слабомъ и близорукомъ Урошѣ, областные намѣстники отпали отъ общаго средоточія верховной власти, и каждый устремился къ самостоятельности. Не даромъ, по словамъ Бранковича, нѣкоторые «благовѣрнѣйшіе бояре совѣтовали Урошу отнять власть у Вукашина и другихъ подозрительныхъ намѣстниковъ и вручить ее убогшимъ боярамъ иже любимъ бяше [1].» Не даромъ и лѣтописцы упрекаютъ его въ томъ, что онъ прѣжде бывшіихъ милостивь и кротькь явисе старьчьскыи сьвѣти ѡтмѣщѥ младихь же сьвѣти примлю и любѥ [2]. Старые бояре съ неудовольствіемъ видѣли возвышеніе Мърнявичей и вообще новыхъ временщиковъ, изъ коихъ многіе были высшими сановниками въ государствѣ. Слѣдствія самовластныхъ стремленій намѣстниковъ и бояръ скоро обнаружились. Самые Византійцы, скупые на извѣстія о внутреннемъ бытѣ Сербіи, замѣчаютъ и передаютъ это явленіе: *ἐπεὶ δὲ ἐτελεύτησε βασιλεύς, ἕκαστος ἣν κατεῖχε χώραν ἐπιτετραμμένος ἦρχόν τε, καὶ ἀλλήλοις εἰρήνην συνθέμενοι σφῶν μὲν αὐτῶν τοι ἀπείχοντο* — говоритъ Халкокондилъ [3] и то же повторяетъ Кантакузинъ: *οἵ τε δυνατώτατοι τῶν παρ' αὐτοῖς ἐπιφανῶν τοὺς ὑποδεεστέρους ἀπελάσαντες ἐκ τῶν ἀρχῶν, καὶ τὰς ὁμόρους ἕκαστος πόλεις ὑφ' ἑαυτῷ πεποιημένος οἱ μεν τῷ κράλῃ συνεμάχουν, οὐκ αὐτοὶ παρόντες, οὐδ' ὡς δεσπότῃ πειθαρχοῦντες, ἀλλὰ πέμποντες ἐπιμαχίαν, οἷα δὴ σύμμαχοι καὶ φίλοι, οἱ δὲ Ζίμωνι τῷ θείῳ· ἔνιοι δὲ αὐτῶν προσεῖχον οὐδετέρῳ ἀλλὰ τὴν οὖσαν δύναμιν συνέχοντες, το μέλλον ἀπεσκόπουν, ὡς ἐκείνῳ προσθησόμενοι, ὃς ἂν τὸ πλέον ἔχῃ· καὶ εἰς μυρία τμήματα διαιρεθέντες ἐστασίαζον* [4]. Тѣ же боярскія крамолы замѣчаетъ и Орбини [5]. Даже сама мать Уроша, Елена, выказывала хладнокровіе къ сыну: *Ἑλένη τε*—говоритъ тотъ же Кантакузинъ—*ἡ τούτου μήτηρ ὁμοίως ἀπιστοῦσα τῷ τε υἱῷ καὶ Σίμωνι τῷ τοῦ ἀνδρὸς ἀδελφῷ πόλεις πολλὰς ὑποποιησαμένη* (въ томъ числѣ былъ городъ Серъ), *καὶ δύναμιν ἑαυτῇ οὐκ εὖ καταφρόνητον περιστήσασα καθ' ἑαυτὴν εἶχε τὴν ἀρχὴν μηδετέρῳ πολεμοῦσα, μήτε μὴν συναιρομένη πρὸς τὸν πόλεμον* [6]. Но въ началѣ царствованія Урошъ обнаруживалъ нѣкоторую дѣятельность, какъ видно по грамотамъ. Онъ далъ нѣсколько грамотъ Дубровнику, касающихся торговли, земель и судоустройства (С., №№ 45, 48, 49, 50, 53, 54). Въ 1357 году, 10 апрѣля, онъ подарилъ островъ Млѣтъ въ баштину двумъ своимъ «достовѣрнымъ, угоднымъ и любимымъ» властелямъ, Басетѣ Бариччену Быволичичу и Трипетѣ Миховичу Бучичу съ потомствомъ, за ихъ «правовѣр-

---

[1] У Ранча, ч. II, стр. 792.

[2] Шафар., Памятн., стр. 54. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 14.

[3] Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p., 29.— Stritter, II, 335.

[4] Corp. Script. Hist. Byz. Cantacuz., v. III, p. 314. — Stritter, II, 340.

[5] Стр. 233.

[6] Cantacuzenus, ib. — Stritter, ib.

ное порабощеніе и послуженіе» (С. № 46; С.-Д. М. 1851). Того же года, 24 апрѣля, онъ подтвердилъ запись своего отца, повелѣвшаго Дубровничанамъ отпускать ежегодно на Пасху 500 перп. Стонскаго дохода въ церковь Богородицы Синайской: преступавшаго эту запись онъ подвергаетъ наказанію «по законнику» (С. № 47). Въ 1358 году, 2 іюня, онъ подтвердилъ другую, подобную запись своего отца: въ данной по этому случаю грамотѣ онъ назначалъ, въ силу отцовской записи, 1000 перп. Ерусалимской церкви архангеловъ Михаила и Гавріила, съ тѣмъ, чтобы деньги вносились Дубровникомъ два раза въ годъ по 500 перп. на Пасху и въ Димитровъ день. Дубровничаве вносятъ это количество до тѣхъ поръ, пока владѣютъ Стономъ; еслиже церковь Ерусалимская запустѣетъ, то доходъ ея переводится въ Святогорскіе Сербскіе монастыри, находящіеся подъ вѣдѣніемъ Хиландара. Грамота дана въ Призрѣнѣ (Г. А.). Отъ 1361 года есть въ Хиландарѣ его грамота, въ которой говорится о селѣ въ Струмѣ близъ Сереса, и отъ 1365 г., гдѣ говорится о селѣ Трьстеникѣ (Гр., стр. 51, №№ 25, 26). Въ томъ же году, 11 мая, Урошъ приписалъ Хиландару, по просьбѣ Святогорскаго старца Романа Бранковича, церковь св. Архангела съ тремя селами, которыя онъ подарилъ въ баштину севастократору Бранку и которыя теперь сынъ послѣдняго, монахъ Романъ, съ согласія братьевъ своихъ, Григорія и Вука, уступалъ Хиландарской лаврѣ въ поминъ по своей душѣ (А. № 13). Изъ этой грамоты мы узнаемъ также, что севастократоръ Бранко бѣжалъ въ Булгарію и что послѣ него остались три сына, монахъ Романъ, Григорій и Вукъ. При Урошѣ двое изъ братьевъ, Юрій и Вукъ «сыновья великаго севастократора Бранка, господина граду Охриду», по просьбѣ старшаго своего брата, монаха, грамотою своею, приложили къ Хиландарскому монастырю церковь св. Архангела съ нѣсколькими селами. Грамота начинается такъ: *по милости божіей и превысокаго царя Стефана Уроша Гюргь и брать его Влькъ* (Гр., стр. 52, № 33). Вукъ былъ затемъ Лазаря, управлявшаго при Душанѣ Подунайскими землями, Сремомъ и Мачвою. Енгель и Раичъ не поняли хорошо выраженія Халкокондила: *Βούλκῳ τῷ Ἐλεαζάρῳ τοῦ Πράγκου*[1] и сочли два лица за одно. По моему мнѣнію, лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что Душанъ далъ Подунайскую землю Вуку, сыну Бранка, и Лазарю: тесть съ зятемъ могли сидѣть въ одномъ намѣстничествѣ. Самъ же Бранко, по свидѣтельству Халкокондила, былъ сынъ Плакида[2]. Еще писалъ Урошъ: **веселещимися сь вьзлюбленими властели и властелинчи црвами и всегда непрѣстайно чинит дарова дарви ихь** (А. № 13), а между тѣмъ своеволіе водворялось. Безъ его согласія, Воиславъ, владѣвшій Которомъ, вступилъ въ войну съ Дубровничанами за соляной откупъ. Царь долженъ былъ помирить ихъ. Въ 1362 г., 22 авг., онъ далъ грамоту, въ которой говорилъ: **поневже дубровничане бѣху поплашили ѿ црвами и свадилисе зьбратѡ црвами свиезѡ воиславѡ и зградомь црвами скоторѡ.... и смирихь й....** Впредь запрещалъ въ свадѣ съ царскимъ властелиномъ ратовать или искать зломъ Котора, но итти на судъ къ царю; предавалъ забвенію всѣ обиды и кровопролитія, бывшія въ войнѣ съ Воиславомъ; плѣнные люди и земли возвращаются съ обѣихъ сторонъ и пр. (С. № 55). Воиславъ далъ отъ себя грамоту въ засвидѣтельствованіе своей дружбы къ Дубровнику и ненарушимости усло-

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Chalcocond., p. 28.—Stritter, II, 335.

[2] *Βοῦλκον τὸν τοῦ Βράγγου τοῦ Πλαδίκεω υἱόν.* Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p 33.—Stritter, II, 350.

вій соляпаго откупа (С. № 56). Гибельнѣе были внутренніе раздоры въ самой Сербіи между ея намѣстниками. Сдѣсь кстати замѣчу, что распредѣленіе намѣстниковъ по Сербскимъ областямъ, сдѣланное Душаномъ, не было вполнѣ таково, какимъ передалъ его намъ Халкокондилъ. Нѣтъ причины сомнѣваться въ самихъ областяхъ; но относительно нѣкоторыхъ намѣстниковъ можно думать, что лѣтописецъ принялъ для своего разсказа нѣсколько позднѣйшее время. Такъ мы уже видѣли, что сначала не Жарко, но отецъ его, севастократоръ Деянъ, былъ правителемъ Привардарской Македоніи; такъ Вукъ—Елеазаръ, сынъ Бранка, заключаетъ въ себѣ два лица, Вука Бранковича и Лазаря; такъ Вукашинъ не былъ еще при Душанѣ королемъ, ибо всѣ историки пишутъ, что только уже при Урошѣ Вукашинъ назвался королемъ: и это покажется весьма естественнымъ, если вспомнимъ, что Вукашинъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Душана. Очень вѣроятно, что Урошъ, сдѣлавшись царемъ, вручилъ ему свое прежнее званіе, переименовавъ изъ деспотовъ въ короли. У Византійцевъ Вукашинъ является подъ названіемъ цесаря Войхны. Какъ король, онъ владѣлъ не только своею областію, полученною отъ Душана, quae a Pherris excurrit ad Istrum, т. е., восточною частію Македоніи и западною Ѳракіи, но и всею собственною Сербіею. Братъ его, Углеша, какъ деспотъ, оставался намѣстникомъ въ его удѣлѣ. Урошу осталось одно только пустое титло царя. Вукашинъ дѣйствовалъ съ неограниченною властію. Всѣ видѣли, куда стремились его честолюбивые замыслы: не замѣчалъ того одинъ только Урошъ. Бояре поднялись на Вукашина, и въ томъ числѣ Лазарь. Урошъ не могъ помирить ихъ, какъ прежде помирилъ Воислава съ Дубровникомъ; ибо не имѣлъ уже никакого значенія. Лазарь пригласилъ къ себѣ на помощь Людовика Угорскаго и прогналъ Вукашина. Людовикъ кстати опустошилъ часть Сербіи и, кажется, при этомъ случаѣ захватилъ Мачву; ибо въ 1368 году баномъ Мачвы является Николай де Гара, зять Лазаря [1]. Въ отношеніи Греціи, Вукашинъ дѣйствовалъ тайно въ союзѣ съ Матвѣемъ Кантакузинымъ, котораго впрочемъ не замедлилъ выдать врагу его, Іоанну Палеологу: оба они были причиною вторичнаго вторженія Турокъ въ Европу. Освободившись отъ Матвѣя, Вукашинъ вскорѣ освободился и отъ Уроша. Этому послѣднему, не имѣвшему своей собственной области, наскучило жить попремѣнно у своихъ намѣстниковъ и кормиться ихъ хлѣбомъ: онъ задумалъ, было, бѣжать въ Дубровникъ; но прежде, чѣмъ успѣлъ, былъ убитъ на охотѣ Вукашиномъ, въ 1367 г. Онъ подписывался: **Стефань Ѹрошь вѣрни царь Срьблемь и Грькомь**, или: **По мл҃сти бж҃и Стефань Ѹрошь въ х҃а б҃а благовѣрни цр҃ь Срблемь и Грквмь.**

Король Вукашинъ представляетъ собою замѣчательную личность; онъ выразилъ вредную крайность новаго порядка вещей. Его дѣятельность составляетъ явленіе, встарину небывалое. Какъ пришлецъ при Сербскомъ дворѣ, онъ не носилъ въ себѣ ни искренности, ни преданности; не зналъ ни выгодъ страны, ни выгодъ сословныхъ, ни выгодъ осѣдлости, съ которыми дѣйствовали, на пр., бояре Зетскіе, возводя на престолъ королевичей, проживавшихъ въ ихъ землѣ, или бояре Сербскіе, предупреждая Греческое вліяніе въ своемъ отечествѣ; онъ не питалъ благодарности и къ тѣмъ, которые любили и возвысили его. Вукашинъ дѣйствовалъ единственно для своей личной пользы во вредъ странѣ, которая пріютила его. Хитрость, коварство, жестокость служили ему

---

[1] Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn. Стр. 113.

пособіемъ при осуществленіи себялюбивыхъ замысловъ. Прежніе бояре ограничивались тѣмъ, что способствовали низведенію однихъ и возведенію другихъ: выйти изъ своего сословія, сѣсть на престолъ — на это они не отваживались; но Вукашинъ не позаботился о преемникѣ Урошу; всю власть онъ оставилъ въ своихъ рукахъ. Онъ первый посягнулъ на вѣнчанную особу изъ своихъ собственныхъ видовъ; за нимъ и Лазарю легко было взойти на престолъ и вѣнчаться вѣнцомъ Немани. Если въ послѣдствіи мы видимъ Вукашина въ войнѣ съ Турками, то единственно по тому, что его владѣнія первыя подлежали Турецкому нашествію. Онъ управлялъ первоначально Дакіею и Македоніею; братъ его, Гойко, Булгаріею, а другой братъ, Углеша, Яниною и областями, завоеванными у Греціи: такъ распорядился Душанъ. Разумѣется, Вукашинъ не довольствовался этимъ званіемъ и уже при Урошѣ завѣдывалъ всѣми дѣлами царства въ званіи короля и сопровителя царскаго. Теперь, сдѣлавшись обладателемъ престола, онъ владѣнія свои отдалъ братьямъ и Углешу сдѣлалъ деспотомъ всѣхъ Сербскихъ земель. Есть одна грамота Углеши о надареніи Хиландара церковью св. Николая въ селѣ Église Вранѣ и церковью въ Лучанахъ съ селами Вранемь и Трьновцами, въ которой Углеша титулуется: *Въ Христа Бога благовѣрный кесарь Углеша, господарь Серблемъ и Подунавію и всѣхъ западныхъ странъ* (Гр., стр. 52, № 31). Сличимъ съ этимъ слова лѣтописца: **и възлагаеть (влькашинь) их се вѣньць кралиевства срьбскаго, братоу же своемоу оуглѣши вьроучаеть браны земли грьчьскые сь саномь деспотскые чьсти**[1]. Значитъ, Углеша правилъ при немъ прежними удѣлами въ отнятыхъ у Греціи областяхъ. Не надобно забывать, что не смотря на воцареніе Вукашина, другіе намѣстники оставались въ своихъ областяхъ. Въ 1368 г. Вукашинъ заключилъ союзъ съ Іоанномъ Палеологомъ, а въ слѣдующемъ Мурадъ явился во Θракіи. Сначала Вукашинъ одержалъ надъ нимъ побѣду, но въ 1371 г. былъ разбитъ при Тенарѣ. Братья его, Углеша и Гойко, погибли въ сраженіи; самъ же онъ былъ убитъ слугою во время бѣгства. Мы имѣемъ грамоту Вукашина, въ которой онъ подтверждаетъ, въ 1370 г., апр. 5, Дубровничанамъ всѣ договоры и записи, данныя прежними Сербскими государями (С. № 62). Въ грамотѣ онъ говоритъ о себѣ: **поставли ме(хь) гнъ земли срьбьскои. и грькѡ и западнимь странамь**, и по примѣру прежнихъ царей упоминаетъ о своей супругѣ и сыновьяхъ: **и по все дни веселещиисе вь земли кралевами сь прѣвьзлюбленномь кралевами Кралицомь Кѵраѣномь (Кѵра Єленомь). и сь прѣвьзлюбленними Сноми кралевами маркомь и андрѣашемь.** Изъ грамоты видно, что Вукашинъ считалъ себя уже не правителемъ, но истиннымъ государемъ и королемъ Сербіи. Его подпись такова: **Вь Ха Бга Благовѣрни и Хѡлюбіви Влькашинь Краль.** Изъ сыновей его замѣчательнѣе другихъ королевичъ Марко, котораго народъ обезсмертилъ въ своихъ пѣсняхъ. Отъ Углеши остались три сына: Іоаннъ, Твердиславъ и Стефанъ[2]. Изъ рукописнаго Житія деспота Стефана[3] открывается, что мать ихъ, жена Углеши, была дочь какого-то цесаря и родственница Милицы, супруги Лазаря. Отъ Твердислава Углешича мы имѣемъ коротенькую грамоту, не помѣченную годомъ, съ печатью, изображащею воловью голову: въ ней Твердиславъ заключаетъ дружбу и единство съ Дубровникомъ; о торговлѣ же не упомянуто (С. № 58). Истребленіе царскаго дома и воцареніе боярскаго раз-

---

[1] Шафар. Памятн., стр. 54.
[2] Гласникъ, ч. V, стр. 300.
[3] См. Введеніе, стр. 23, примѣч. 5.

вязало руки и прочимъ боярамъ. Теперь они выступили на первое мѣсто, не имѣя уже передъ собою затѣняющей и связывающей ихъ власти. Они не считали себя обязанными повиноваться такому же, какъ они, боярину, и каждый сталъ промышлять о себѣ. По смерти Уроша, Вукашинъ не могъ собрать и сдержать Сербской земли: она распалась на отдѣльныя части. Это событіе записано лѣтописцемъ [1]: ему должно приписать и неудачныя дѣйствія Вукашина противъ Турокъ. Частью земель Вукашина, Нишемъ, Новобрьдомъ и Приштиною завладѣлъ Лазарь; область Плакида досталась внуку послѣдняго, Вуку Бранковичу, зятю Лазаря. Въ Македоніи являются прежніе намѣстники, Жарко и Богданъ. Относительно перваго я замѣчу, что едва ли онъ былъ живъ въ это время, хотя историки и почитаютъ его живымъ, основываясь на одномъ мѣстѣ у Халкокондила, что Драгаша названъ вождемъ Жарка [2]. Правда, Драгаша могъ быть вождемъ отцовскаго войска, однако мѣсто это въ достовѣрности уступаетъ другимъ мѣстамъ того же лѣтописца, гдѣ Драгаша и Константинъ называются сыновьями Жарка. Съ другой стороны то, что лѣтописецъ выводитъ дѣйствующими лицами не отца, но сыновей, а также грамота 1379 года, въ которой Евдокія съ сыномъ Константиномъ распоряжается родовымъ имѣніемъ, не упоминая о мужѣ, равно какъ грамота деспота Драгаши отъ 1377 года [3], довольно ясно показываютъ, что Жарко умеръ еще при Урошѣ. Драгаша принялъ послѣ отца правленіе и титулъ деспота, а Константинъ назвался господаремъ. На двухъ грамотахъ 1377 года, упоминаемыхъ Григоровичемъ, подписаны оба вмѣстѣ, Драгаша и Константинъ, но въ третьей, 1385 года, Константинъ отъ одного своего имени говоритъ о церкви, созданной его братомъ, Димитріемъ. Имя Димитрія, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Драгашѣ и есть иноческое (Гр., стр. 82, №№ 31, 32). Оба намѣстника, и Драгаша и Богданъ, покорились Мураду. Изъ дарственной Хиландару грамоты Евдокіи и Константина 1379 года (А. № 14) видно, что покорившіеся намѣстники оставались въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ. Но грамота эта не утверждена Лазаремъ: это свидѣтельствуетъ, что земля между Вардаромъ и Струмою уже принадлежала Туркамъ. Въ концѣ грамоты выражена надежда на избавленіе отъ врага: **вповаемо же ако иина враги и супостате наше, низложими и покоримы**. Константинъ, а по другимъ, и Драгаша погибли вмѣстѣ съ Маркомъ Кралевичемъ въ битвѣ при Ровинахъ, гдѣ Мирча, воевода Угровлахійскій, разбилъ Баязида, въ 1394 году [4]. На западѣ, между Босною и Сербіею, сталъ, было, усиливаться бояринъ Николай Алтомановичъ, захватившій часть Сербскихъ земель, ок. 1371—1374 г.; Твртко и Лазарь отняли у него пріобрѣтенія и ограничили однимъ родовымъ владѣніемъ, Ужицею. Въ Зетѣ сидѣли Балшичи, которые ясно обнаруживали свою цѣль—достиженіе независимости. Въ сѣверной Албаніи укрѣпился Юрій Кастріотъ, данникъ Турціи.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Лазарь принялъ на себя управленіе Сербіею. По примѣру Вукашина, онъ считалъ это дѣло возможнымъ и законнымъ. Къ тому же изъ Неманичей не было уже никого. Бо́льшая часть лѣтописцевъ и историковъ считаютъ его сыномъ какого то боярина, по нѣкоторымъ Прибаца, выросшимъ при царскомъ дворѣ; но вѣроятнѣе то, что Лазарь былъ незаконнымъ сыномъ Ду-

---

[1] Гласникъ, ч. V, стр. 71, 72.

[2] *Δράγασην τὸν Ζάρκου ἡγεμόνα.* Corp. Script. Hist. Byz, L. Chalcocond., p. 38. — Stritter, II, 349.

[3] Авраамовичъ, О. Д. С. у С. Г. Стр. 78.

[4] Лѣтописи у Шафар. въ Памятк., стр. 72.—Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 16.

шана. Въ этомъ свидѣтельствуютъ Дука [1] и сочинитель Цароставника [2]. Первый говоритъ: *ὁ τότε τὴν Σερβίαν κραλεύων Λάζαρος υἱὸς Στεφάνου τοῦ κράλη Σερβίας*. Чтобы породнить его съ Неманичами, лѣтописцы Сербскіе придумали родословную жены его, Милицы, происходившей будто бы отъ Вукана, брата Стефана Первовѣнчаннаго[3]; одинъ же изъ нихъ называетъ мать Лазаря дочерью Милутина отъ дочери Греческаго императора Андроника [4]. Въ 1376 году Лазарь выхлопоталъ у Византійскаго патріарха разрѣшеніе клятвы, наложенной на Сербію при Душанѣ за учрежденіе Сербскаго патріаршества, и въ томъ же году вѣнчался на царство. Въ 1380 г. былъ на Аѳонѣ и далъ грамоту, которою подарилъ Халандарской больницѣ село Елчаницу со всѣми межами, правинами и заселками. Подпись: *Въ Христа Бога благовѣрный самодержавный господинъ Серблемъ и Подунавію Стефанъ князь Лазарь* [5]. Въ томъ же году Лазарь пожаловалъ вновь выстроенной имъ церкви Введенія въ монастырѣ Ждрелѣ Браничевскомъ или Горнякѣ нѣсколько селъ, лежащихъ по рѣкамъ Млавѣ и Дунаю. Сдѣсь онъ титулуется *княземъ самодержцемъ всей Сербской земли*. Церковь отдана въ управленіе старцу Григорію Синаиту съ братіею, участвовавшимъ въ ея построеніи. Въ 1385 г. патріархъ Спиридонъ, своею грамотою, подтвердилъ игуменство за Григоріемъ и его преемниками изъ того же монастыря [6]. Въ слѣдующемъ, 1381, году Лазарь, по просьбѣ и въ память «брата» своего, челника Мльи, подарилъ церкви св. Пантелеймона въ Русикѣ село Длабе или Горній Закутъ съ зеселками. Титулъ: *Въ Христа Бога благовѣрный Стефанъ князь Лазарь Серблемъ и Подунавію* (Гр., стр. 81, № 29). По смерти Людовика, Лазарь завоевалъ снова Мачву съ Бѣлградомъ. Въ 1386 году Турки взяли Нишъ, и Лазарь заключилъ съ ними миръ, обязавшись платить ежегодную дань. Въ 1388 г. Лазарь и Твртько задумали общій союзъ противъ Турокъ, а Юрій Кастріотъ уже успѣлъ уничтожить отрядъ Турецкаго войска; но въ слѣдующемъ, 1389, году Мурадъ предупредилъ союзниковъ и съ огромнымъ войскомъ вторгнулся въ Сербію. Лазарь встрѣтилъ его съ одними Сербами на Косовомъ полѣ. Сдѣсь дана была битва. Мурадъ и Лазарь пали. Въ Сербскомъ народѣ сохранилось преданіе, что Косовское дѣло проиграно черезъ измѣну Вука Бранковича, который съ своимъ войскомъ ушелъ съ поля битвы. Исторія записала это преданіе на своихъ страницахъ. Мы не имѣемъ причины отвергать свидѣтельства того и другой. Какъ Вукашинъ измѣнилъ Урошу, такъ и Вукъ могъ измѣнить Лазарю. Теперь не было уже старины. Неманичи перевелись; престолъ Сербіи сдѣлался предметомъ соискательства. Нѣсколько боярскихъ личностей возвысились на развалинахъ боярскаго сословія, и каждая изъ нихъ считала возможнымъ взойти на престолъ. Нравственный развратъ, развивавшійся подъ вліяніемъ сосѣдней имперіи, дѣлалъ ихъ неразборчивыми на средства къ достиженію задуманной цѣли. Если Вукашинъ овладѣлъ престоломъ черезъ убійство, то Вукъ хотѣлъ пріобрѣсти престолъ черезъ измѣну. Мы имѣемъ отъ него грамоту, данную Дубровничанамъ въ Приштинѣ, 20 генв., 1387 года (С.

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Ducas, c. III, p. 15.—Stritter, II, 350.
[2] У Ранча. Ч. III, стр. 6.
[3] Лѣтописи у Шафар. въ Памятн., стр. 62, 72. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III., стр. 14.
[4] Гласникъ, ч. V, стр. 78.
[5] Эту грамоту приводитъ Ранчъ въ своей Исторіи (ч. III, стр. 25). Не объ этой ли грамотѣ упоминаетъ Григоровичъ подъ 1371 г.? (Путеш., стр. 51, N 29.)
Вукъ, Путешествіе по Сербіи, стр. 71 и 73.

№ 73). Эта грамота не есть какой либо особый договоръ, но только подтвержденіе прежнихъ грамотъ: **и донесоше кнезу** (князю Лазарю) **записание великаго гн҃а цр҃а стефана и гн҃ь нынь кнезь не потвори ни паче и потврьди такоге** (также) **и кь не догоше кнезе реч҃и власте дубровьчци и и вьвьк видевь писание великаго гн҃ами цр҃а стефана и гн҃ами кнеза** (Лазаря) **такоге не потвори ни паче и потврьди**. Другою грамотою (С. № 69) онъ подтвердилъ первую свою грамоту. Еще просилъ онъ у Дубровничанъ позволенія положить къ нимъ вкладъ и прийти въ ихъ городъ, и Дубровичане отвѣчали грамотою (С. № 76): Вукъ Бранковичъ, супруга его, Мара, и сыновья ихъ, Григорій, Юрій и Лазарь, могутъ, когда хотятъ, положить и обратно взять свой вкладъ; если же Угры, или Турки отнимутъ у нихъ державу, то Дубровникъ принимаетъ ихъ къ себѣ и защищаетъ отъ непріятелей. Изъ этѣхъ грамотъ не видно, чтобы Вукъ подыскивалъ престолъ подъ Лазаремъ. Съ нимъ, какъ правителемъ особаго участка, Дубровичане могли вести переговоры, подобно тому, какъ вели ихъ съ боярами Травунскими и Хлумскими.

Косовская битва составляетъ самое важное событіе въ судьбахъ Сербіи. Съ этой поры Сербія утратила свою независимость, и хотя Турки не касались ея внутренней жизни, ни ея народности, однако она не могла уже пріобрѣсти себѣ государственной самостоятельности. Только небольшая область *Зета* еще оставалась свободною. Мы видѣли, что изъ всѣхъ Сербскихъ областей одна только Зета постоянно принадлежала Сербіи, составляя удѣлъ королевскихъ родичей. Сдѣсь, во время Уроша V, являются владѣтелями Страшимиръ, Юрій и Балша, дѣти Балши, который, вѣроятно, былъ поставленъ сдѣсь Душаномъ, какъ намѣстникъ. Енгель [1] говоритъ, что Балшичей поставилъ жупанами надъ Зетою Твртко и, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, построилъ Бастарникъ при устьи Неретвы и Новый (Castelnuovo) въ Драчевицѣ, ок. 1373 г. Это извѣстіе Енгель взялъ у Шимка; однако послѣдній не говоритъ ничего о постановленіи Балшичей жупанами, а только о покореніи ихъ Твртькомъ [2]. Нѣтъ причины думать, чтобы Твртко не могъ подчинить себѣ на нѣкоторое время Балшичей; но приводимыя историками доказательства не доказываютъ ничего. Положеніе Бастарника не имѣетъ отношенія къ Зетѣ; также и Драчевица не принадлежала къ Зетѣ. Она еще при Константинѣ Багрянородномъ составляла одну изъ жупъ Травуніи [3] и оставалась таковою до позднѣйшихъ временъ. На этомъ основаніи Стефанъ Томашевичъ уступилъ ее, въ 1451 году, Дубровнику (С. № 140); а такъ какъ Босна находилась подъ верховною властію Угріи, то и Угрія считала себя въ правѣ распоряжаться нѣкоторыми туземными дѣлами. Это ясно показываетъ грамота Маріи Угорской, гдѣ и Которъ и Драчевица считаются собственностію Угріи [4]. Также и то, что Балшичи обращались къ папѣ, не доказываетъ ничего: это была общая политическая уловка тогдашнихъ Сербскихъ владѣтелей, поставленныхъ между двумя огнями, Греціею и Угріею. При грозѣ со стороны Запада они всегда обращались къ папѣ съ обѣщаніемъ вступить въ лоно Римской Церкви, и папа бралъ ихъ подъ защиту апостольскаго престола. Напротивъ, грамота Уроша V 1360 г., 29 сентября. (С. № 54), гдѣ Царь позволяетъ Дубровницкимъ торговцамъ **да греду на зету на балшике**, ясно показываетъ, что Зета зависѣла отъ Сербіи, а

[1] Gesch. v. Serv., u. Bosn. стр. 324.
[2] Politische Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 84.
[3] Шафар., Slow. Starožit., II, IV, 659. Слав. Древн., II, I, 447.
[4] Schwandtn., Scriptor. rer. Hungaric., III, 138.

не отъ Босны. Впрочемъ, какъ сказано выше, можно допустить, что по смерти Уроша, когда, во время безначалія, разъединились Сербскіе намѣстники, Твртько успѣлъ захватить Зету. Въ грамотѣ всѣхъ трехъ Балшичей, Страшимира, Юрія и Балши, отъ 1368 года, 17 генваря (С. № 63), упомянуто весьма глухо одно замѣчательное обстоятельство; вотъ оно: и сие ꙁаписмо ниже широкога брода в лѣшв кьди се диже срацимирь и гюргь и паде намяти (?) кьди идѣхв на карла. Сдѣсь разумѣется или сосѣдъ ихъ, Карлъ Драцкій, родичъ Людовика и соперникъ Маріи Угорской, или, что вѣроятнѣе, зять Юрія Балшича, Карлъ Товій, о которомъ Орбини, безъ всякихъ подробностей, говоритъ, что онъ захватилъ въ плѣнъ Юрія Балшича и не иначе освободилъ, какъ по ходатайству Дубровничанъ; миръ между обоими состоялся въ 1376 году [1]. Отъ того-то въ грамотѣ и упомянуты только два брата. Но у Орбини годъ выставленъ невѣрно, ибо на слѣдующей же страницѣ читаемъ, что Юрій Балшичъ умеръ въ 1374, а по лѣтописямъ [2] въ 1373 году, т. е., двумя, или тремя годами ранѣе примиренія, что нелѣпо. Въ 1372 г., 30 ноября, за годъ до своей кончины, Юрій Балшичъ далъ Дубровничанамъ другую грамоту отъ себя и отъ своего брата, Балши, и племянника, Юрія Страшимировича (С. № 64), въ которой ссылается, относительно царины, на уставъ царя Стефана: — опять указаніе на связь Зеты съ Сербіею. Справедливѣе то, что Юрій Балшичъ завоевалъ часть Боснійскихъ земель [3]. Очень можетъ быть, что онъ, пользуясь обстоятельствами, подобно Николаю Алтомановичу и одновременно съ нимъ, старался распространить свои владѣнія на счетъ сосѣдей. На сѣверъ отъ Зеты лежала Травунія, на югъ Албанія. Грамоты наши свидѣтельствуютъ, что Балшичи обращали вниманіе на ту и на другую. Страшимиръ уже умеръ, и хотя у него остался сынъ, Юрій, однако Зетою началъ управлять, по старинному Славянскому обычаю, старшій по немъ братъ, Юрій Балшичъ. Въ упомянутой грамотѣ этого послѣдняго отъ 1372 года мы видимъ, что дѣйствительно Юрій Балшичъ, во время междуцарствія въ Сербіи, захватилъ часть приморья около Дубровника и требовалъ себѣ Сербскаго дохода; но онъ готовъ былъ уступить этѣ земли новому и законному царю Сербіи, а не Вукашину: и ако тко бвде — писалъ онъ — црь гнь срблѣ и властелѣ и ꙁемли срьскои да нась дрьжани властеле двбровчки дати мнѣ доходьна вишеписанога. Такъ какъ Сербскіе государи получали доходъ за Травунскія и Хлумскія земли, уступленныя Дубровнику, и такъ какъ Хлумъ давно уже отошелъ къ Боснѣ, а Травунія досталась ей послѣ Душана или, вѣрнѣе, Уроша V, то, естественно, Юрій Балшичъ долженъ былъ стать въ непріязненное положеніе къ Боснійскимъ владѣтелямъ. Онъ дѣйствовалъ именно въ то время, когда Травунія и Сербскій доходъ колебались между Сербіею и Босною. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣднимъ представителемъ Сербіи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1378 году, видимъ Сербскій доходъ въ рукахъ Твртька, а владѣтелей Травуніи, Санковичей, въ подданствѣ Босны. Въ своей грамотѣ, данной въ этомъ самомъ году, 10 апрѣля, Твртько требуетъ себѣ Сербскаго дохода и въ числѣ свидѣтелей приводитъ жупана Бѣляка Санковича (С. № 66). Вѣроятно, Новый, построенный Твртькомъ, былъ однимъ изъ пограничныхъ мѣстъ съ владѣніями Балшичей по тому, что и доселѣ нѣсколько южнѣе его лежитъ ꙁородокъ Балшичъ. Въ

[1] Стр. 244. — Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 338.
[2] Шафар., Памятн., стр. 74.
[3] Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 338.

1379 году уже не было въ живыхъ Юрія Балшича; грамоту даетъ меньшой братъ, Балша Балшичъ (С. № 67), который, въ 1385 году, именуется воеводою Драцкимъ (С. № 70). Изъ первой его грамоты видно, что еще при Юріи Дубровникъ платилъ какія-то деньги за Дань и Криву-Рѣку; во второй своей грамотѣ онъ, между прочимъ, освобождаетъ Дубровничанъ отъ царины, которой не было при царѣ Стефанѣ и Юріи Балшичѣ. Первая писана въ Рьтцѣ, вторая въ Тузахъ близъ Плочи. Смыслъ обѣихъ грамотъ и отсутствіе въ нихъ имени племянника Балши, Юрія Страшимировича, показываютъ, что Балша наслѣдовалъ, по смерти братьевъ, ихъ владѣнія, по старому обычаю, какъ общую родовую собственность. Медаковичъ утверждаетъ, что будто бы Балша Балшичъ владѣлъ Драчемъ, а Юрій Страшимировичъ Зетою и Приморьемъ [1]. Но о такомъ раздѣлѣ мы ничего не знаемъ. Напротивъ ссылка на братьевъ и царя Стефана показываетъ, что Балша вступилъ въ права всѣхъ своихъ предшественниковъ. Дань, Крива-Рѣка, Рьтць и Тузы близъ Плочи, упоминаемые въ его грамотахъ, вовсе не относятся къ Драчу, и хотя въ одной грамотѣ онъ именуетъ себя дука драчки, но прибавляетъ и [illegible]. Очень можетъ быть, что Драчъ былъ имъ недавно пріобрѣтенъ, какъ пишетъ Орбини [2], а за нимъ другіе, и по тому онъ преимущественно упомянулъ его въ своемъ титулѣ. Важнѣе то, что въ грамотѣ не упомянутъ Юрій Страшимировичъ. При общности владѣнія можно, разумѣется, допустить, что у Юрія былъ свой удѣлъ; но во всякомъ случаѣ дѣлать обоихъ равными и независимыми владѣтелями невозможно. Грамоты Балши, преданіе, ему одному приписывающее то войну съ Лазаремъ, то шествіе на помощь къ Лазарю передъ Косовскою битвою, словомъ, вся дѣятельность Балши свидѣтельствуютъ, что онъ главнѣйшимъ образомъ завѣдывалъ всею Зетою и первенствовалъ въ правленіи. И это преимущество въ правахъ дяди передъ племянникомъ, основанное на древнихъ Славянскихъ родовыхъ счетахъ, очень понятно и естественно въ такой странѣ, какова Зета, гдѣ не было совершено преобразованія въ этомъ отношеніи и которая до сихъ поръ свято хранитъ у себя стародавніе обычаи. Съ этой же точки зрѣнія смотритъ и Орбини на порядокъ преемства въ родѣ Балши. Въ 1385—1386 г. Балша Балшичъ палъ въ сраженіи съ Турками на поляхъ Бѣлогородскихъ, а по Орбини, на полѣ Косовомъ при рѣкѣ Воюшѣ [3]. Послѣдній годъ, въ которомъ находимъ его грамоту, отъ 24 апрѣля, есть 1385-й; а въ слѣдующемъ, 27 генваря, племянникъ его, Юрій Страшимировичъ, уже отъ одного своего имени даетъ грамоту Дубровничанамъ; слѣдовательно, въ этотъ промежутокъ времени долженъ былъ умереть Балша. И такъ несправедливо Енгель и Орбини относятъ его смерть къ 1383 году, какъ замѣчаетъ и Андричъ; несправедливо также и то, что Балша ходилъ на помощь къ Лазарю въ 1389 году. Балша Балшичъ былъ, какъ говорятъ, женатъ на одной изъ дочерей Лазаря; но на какой именно — этого ни преданіе не помнитъ, ни историки не могутъ рѣшить. Лѣтописцы сообщаютъ только, что онъ былъ женатъ на дочери Лазаря [4], но не выставляютъ ея имени. Впрочемъ позднѣйшій лѣтописецъ указываетъ на ея имя, говоря, что сынъ Балши былъ сначала обрученъ съ Милевою, но когда эта вышла за Баязида, то женился

[1] Повѣстница Црнегоре. У Земуну. 1850. Стр. 24.
[2] Стр. 245.
[3] Орбини, стр. 245. — Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 338. — Андричъ, Geschichte des Fürstenthums Montenegro. Wien. 1853. Стр. 5.
[4] Шафар., Памятн., стр. 73. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 16,

на другой сестрѣ, вдовѣ Милоша Обилича [1], т. е., Вукосавѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ находимъ имена и Мары и Елены и Милевы [2]. Милаковичъ [3], слѣдуя Орбини, называетъ ее Деспиною; напротивъ Милутиновичъ отдаетъ преимущество народному преданію, называющему жену Балши Еленою [4]. Видя такое несогласіе и противорѣчіе въ именахъ одной и той же дочери Лазаря, прочіе Черногорскіе историки воздерживаются отъ упоминанія ея имени, говоря, что по возшествіи на престолъ Лазаря Зета, отпавшая при Вукашинѣ, снова присоединилась къ Сербіи, и князь ея, Балша, женился на дочери Лазаря; или утверждая, согласно съ народнымъ преданіемъ, что Балша три раза удачно воевалъ съ Лазаремъ, не желая покориться ему, и только, женившись на его дочери, присоединился къ Сербіи. Замѣчательно свидѣтельство Орбини, который, надобно сознаться, весьма вѣрно и согласно съ грамотами представляетъ семейство Ба́лши. Орбини женитъ не Балшу Балшича, а Юрія Страшимировича на Деспинѣ, вдовѣ Шишмана Булгарскаго [5]. За нимъ повторяютъ Дюфренъ [6] Раичъ [7], и Енгель. Послѣдній, вѣроятно, соображая время жизни Шишмана Булгарскаго со смертью Балши, котораго хоронитъ въ 1383 г., назначаетъ бракъ Деспины съ Юріемъ Страшимировичемъ позже 1390 года [8]. Самъ же Балша Балшичъ, по свидѣтельству Орбини, былъ сначала женатъ на дочери деспота Бѣлградскаго (въ Албаніи), а потомъ на Еленѣ Клапенѣ, ушедшей отъ мужа своего, Марка Кралевича, и передавшей ему Касторію [9]. Также и Петръ Петровичъ Нѣгушъ называетъ Юріемъ Ба́лшича, женатаго на дочери Лазаря, не говоря именно на какой [10]. Напротивъ Андричъ, видя такую путаницу, вовсе не допускаетъ того, чтобы Балша, или кто либо другой, былъ женатъ на дочери Лазаря [11]. Можно только допустить, какъ предположеніе, что за Балшу была просватана одна изъ дочерей Лазаря, но обстоятельства помѣшали браку; память народная часто смутно передаетъ событіе, и сватовство превратилось въ женитьбу. Тогда какъ одни лѣтописцы прямо различаютъ дочерей Лазаря, бывшихъ за Шишманомъ и Балшичемъ [12], другой слабо сохраняетъ древнѣйшее и, какъ кажется, болѣе достовѣрное преданіе о сватовствѣ Балшича за Милеву, но въ то же время, не устоявъ противъ общаго повѣрія, женитъ Балшича на вдовѣ Милоша. Но кто былъ этотъ Балшичъ? Лѣтописецъ называетъ его сыномъ Балши; но у Балши Балшича, мы знаемъ, не было сыновей: очевидно, онъ разумѣетъ сдѣсь самого Балшу Балшича или сына перваго Балши. За то далѣе онъ опять вдается въ смутныя

---

[1] Гласникъ, ч. V, стр. 79, 93,

[2] Милаковичъ, Кратка исторія Црне-Горе (Грлица. 1835. У Црной Горн.) Стр. 56. Примѣч.

[3] Тамъ же.

[4] Исторія Церне-Горе. Стр. 2.

[5] Стр. 246.

[6] Famil. Dalm. et Slavon., гл. V, § III; гл. XIII, § VI.

[7] Ч. III, стр. 10, 11. Кажется, Милутиновичъ ошибается, говоря, что Раичъ жену Балши именуетъ Марою. (Исторія Церне-Горе, стр. 2. Примѣч.)

[8] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 332. Впрочемъ, годъ смерти Шишмана положительно не извѣстенъ.

[9] Стр. 244.

[10] Montenegro und die Montenegriner. Stuttgart und Tübingen. 1837. Стр. 10 (Reisen und Länderbeschreibungen der älteren und neuesten Zeit. Herausgegeben von Dr. E. Widenmann und Dr. H. Hautt. Eilfte Lieferung. Stuttgart und Tübingen. 1837).

[11] Geschichte des Fürstenthums Montenegro. Стр. 8.

[12] Шафар., Памятн., стр. 73.—Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 16.

народныя преданія и этому Балшичу, женатому, по его словамъ, на Вукосавѣ, ошибочно приписываетъ дочь Ангелину, супругу деспота Стефана Юрьевича, которая, какъ извѣстно, была дочерью Стефана Арванита. Равномѣрно, только въ видѣ догадки, можемъ предположить, что не Балша, а Юрій Страшимировичъ былъ женатъ на Деспинѣ; на это нѣтъ ни доказательствъ положительныхъ, ни опроверженій; но во всякомъ случаѣ женитьба эта состоялась послѣ смерти Лазаря. Годъ смерти Балши Балшича не всѣмъ извѣстенъ. Бо́льшая часть историковъ, какъ то: Давыдовичъ [1] Милаковичъ, Милутиновичъ, Медаковичъ, Ковалевскій [2] и Поповъ [3] посылаютъ Балшу, а П. П. Нѣгушъ Юрія Балшича на помощь къ князю Лазарю на Косово поле; но они забываютъ, что въ это время Зетою уже правилъ Юрій Страшимировичъ, который, по свидѣтельству Орбини и Дюфрена, заимствованному, вѣроятно, изъ народнаго преданія и повторенному послѣ нѣкоторыми другими писателями, убилъ Вука Бранковича, прибѣжавшаго къ нему изъ Турецкаго плѣна. Едва ли можно допустить, чтобы кто либо изъ Балшичей ходилъ на помощь Лазарю, ибо объ этомъ молчатъ и Ранчъ и Енгель; а если ужь дѣйствительно шелъ, то, конечно, не Балша Балшичъ, а Юрій Страшимировичъ. Впрочемъ, надобно еще замѣтить и то, что бо́льшая часть историковъ, кромѣ Милаковича и Медаковича, которые дѣйствительно говорятъ о Балшѣ Балшичѣ, не уясняютъ себѣ имени Балши; а оно было не болѣе, какъ родовымъ именемъ Балшичей, начавшись отъ Балши I. За Балшею слѣдовалъ племянникъ его, сынъ старшаго его брата, Юрій Страшимировичъ. Вотъ какъ начинаетъ онъ свою грамоту отъ 1386 года: ѡ веле моштна сило прѣстаго д҃ха тебе славимь и вь троици. вь ѡ҃ци же реку и сину и вь ст҃ѣмь д҃сѣ троице прѣст҃а слава тебѣ. вь тебе к҃ртихсе и тобою приехь бжьствьную бл҃годьть процистиимь (процистнии) ѡрасли бг҃осадиѣи вь роду моемь. м҃лтвами и м҃ланиемь ст҃и мой прѣродитель симеона немание. прьваго миротоучьца срьпскаго и ст҃лѧ сави..... вь ст҃и свой б҃ь изьавь твореи чудеса. тѣмже и азь вь х҃а б҃а бл҃говѣрни и самодрьжавни г҃нь гюргь всои зетскои и поморскои земли (С. № 71). Мы видимъ, къ чему клонится такая рѣчь. Начало грамоты сходно съ началомъ нѣкоторыхъ грамотъ Боснійскихъ королей и обличаетъ пріемы уже независимаго и самовластнаго государя. Родъ свой Юрій ведетъ отъ Немани. Касательно его происхожденія замѣчу, что хотя Сербскіе и Боснійскіе владѣтели, всѣ вообще, предъявляли свое родство съ домомъ Немани, будучи вовсе чужды ему, тѣмъ не менѣе лѣтописцы и историки упоминаютъ о какомъ-то родствѣ Юрія съ Неманичами по женскому колѣну. Пользуясь этимъ, хотя и отдаленнымъ, родствомъ съ Неманею и своимъ положеніемъ относительно остальной Сербіи, Юрій, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, устремился къ полной независимости и еще при Лазарѣ сталъ выше своихъ предшественниковъ. Въ его грамотахъ явилась вступительная часть, составляющая большею частію принадлежность королевскихъ и царскихъ хрисовуловъ; уже онъ величалъ себя отраслью дома Немани и санъ свой вручалъ всемогущему Богу, что равнялось выраженію «Божіею милостію.» Принятый имъ титулъ «благовѣрнаго и самодержавнаго господина всей Зетской и поморской земли,» употребленный и въ другой его грамотѣ, упоминаемой Медаковичемъ, показываетъ, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на независимаго владѣльца, а

---

[1] Забавникъ. 1821. Стр. 95.

[2] Четыре мѣсяца въ Черногоріи. С. Петербургъ. 1841. Стр. 46.

[3] Путешествіе въ Черногорію. С. Петербургъ. 1847. Стр. 70.

на свою землю, какъ на самостоятельное государство. Конечно, въ это время уже не было въ живыхъ Балши: Юрій оставался одинъ повелителемъ Зеты. По этому онъ вступалъ теперь въ права отца и обоихъ дядей, умершихъ, вѣроятно, бездѣтными. За дядею, естественно, долженъ былъ слѣдовать племянникъ. Есть еще запись Юрія Страшимировича (С. № 72), въ которой онъ ручается за людей бана Боснійскаго, Тврьтка, въ томъ, что они не тронутъ Дубровницкихъ купцовъ, идущихъ изъ Дубровника на Слано и обратно, и обѣщаетъ, въ случаѣ своей ссоры съ Боснійскимъ баномъ, извѣстить объ этомъ Общину за недѣлю впередъ. Обѣ этѣ грамоты хорошо обозначаютъ его отношенія къ Боснѣ и собственной Сербіи. Хотя нѣкоторые историки и пишутъ, что Зета, съ восшествіемъ на престолъ Лазаря, подчинилась ему добровольно, а другіе подчиненіе это приписываютъ браку Юрія, или Балши съ дочерью Лазаря, однако все это не болѣе, какъ темныя преданія, смѣшивающія время событій. Зета при Балшичахъ явно стремилась къ независимости, чему способствовала неурядица въ самой Сербіи. Все, что можно допустить въ этомъ отношеніи, такъ это то, что Зета продолжала считать себя одною изъ Сербскихъ областей и на столько уважала права Сербскихъ владѣтелей, на сколько это не превышало ея понятія объ общемъ составѣ Сербіи. Болѣе этого допустить нельзя, ибо иначе нельзя будетъ достаточно объяснить тѣхъ пріемовъ, которые мы замѣтили въ грамотахъ Юрія Страшимировича при совершенномъ отсутствіи какого либо намека на зависимость отъ Сербіи. Съ другой стороны, коснувшись Босны, онъ, въ своей грамотѣ, не могъ своихъ подданныхъ назвать людьми бана Боснійскаго, ибо его подданные не жили на пути между Дубровникомъ и Сланомъ, и слѣдовательно, сдѣсь онъ является порукою за другихъ и именно за подданныхъ Босны, а въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть независимымъ отъ Босны: иначе онъ не могъ бы и ручаться. Кромѣ этѣхъ и двухъ другихъ, писанныхъ на Итальянскомъ языкѣ, грамотъ, о которыхъ упоминаютъ Медаковичъ и Андричъ, мы иныхъ памятниковъ отъ Юрія не имѣемъ. Когда онъ умеръ — тоже не знаемъ. Отсутствіе дальнѣйшихъ памятниковъ причиняетъ въ исторіи Черногоріи послѣ Юрія Страшимировича важный пробѣлъ, который историки стараются наполнить всякій по своему съ разными ошибками, чтобы не сказать нелѣпостями. Бо́льшая часть слѣдуетъ Милаковичу, смѣшивающему Балшичей между собою и, вѣроятно, еще съ Черноевичами, или какими нибудь Албанскими князьями. Милаковичъ, Милутиновичъ, П. П. Нѣгушъ, Ковалевскій и Поповъ соединяютъ въ лицѣ Балши и Балшу Балшича и Юрія Страшимировича и приписываютъ ему, отъ брака съ дочерью Лазаря, сына Страшимира, а этому послѣднему двухъ сыновей, Стефана и Божидара, уже съ прозвищемъ Черноевичей, разсказывая по этому случаю басню о смуглости ихъ отца. Сдѣсь, очевидно, дана полная вѣра народнымъ преданіямъ. Медаковичъ счелъ за лучшее обратиться къ Лукари и заимствовать у него не менѣе предыдущаго запутанный и невѣрный разсказъ о родствѣ Черноевичей съ извѣстнымъ уже намъ Гервоею. Именно, Лукари говоритъ, что у Гервои было два сына, Балша и Стефанъ, которые одинъ за другимъ владѣли Зетою, и послѣдній былъ родоначальникомъ Черноевичей [1]. Ясно, что сдѣсь ошибка произошла отъ того, что у Гервои дѣйствительно былъ сынъ Балша [2], который и принятъ за Балшу Зетскаго. Но упо-

[1] Annali di Rausa, стр. 82.—Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре, стр. 27.
[2] Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. X, § III.

мянутые историки мало обратили вниманія на свидѣтельство Орбини, который, по нашему мнѣнію, болѣе всѣхъ заслуживаетъ довѣрія, ибо вся предыдущая родословная Балшичей, изложенная у него, вполнѣ согласна съ показаніями грамотъ. Орбини разсказываетъ, что у Юрія былъ сынъ, Балша, который, наскучивъ продолжительною войною съ Венеціянами, отъѣхалъ въ Сербію къ своему дядѣ, деспоту Стефану Лазаревичу, а Зетою поручилъ управлять Стефану Апулійскому, своему родственнику изъ рода Черноевичей. Послѣ его смерти, Стефанъ Черноевичъ отъѣхалъ въ Апулію, а Зетою овладѣлъ деспотъ Стефанъ и вручилъ ее въ управленіе племяннику своему, Юрію Балшичу,—вѣроятно, Орбини хотѣлъ сказать, Юрію Вуковичу, — по отъѣздѣ котораго въ Сербію, Венеціяне овладѣли Зетою и истребили домъ Балшичей [1]. Съ Орбини согласенъ въ главнѣйшемъ Андричъ, вмѣстѣ съ коимъ и мы допускаемъ у Юрія сына Балшу. Можетъ быть, на дочери этого Балши, Еленѣ, былъ женатъ Стефанъ Косача. Грамота 1443 году, упоминающая объ этомъ, не говоритъ, правда, кто таковъ былъ Балша, котораго она называетъ уже умершимъ (С. № 134); но можно догадываться, что это былъ тотъ самый Балша Юрьевичъ, о которомъ говоритъ Орбини. Сербскіе лѣтописцы равномѣрно знаютъ о Балшѣ, Зетскомъ господарѣ, относя его кончину къ 1422 году [2]. Преемникомъ Балши должно признать Стефана Черноевича, связаннаго родствомъ съ Балшичами. Вѣроятно, у Балши не было дѣтей мужескаго пола, по чему онъ и передалъ Зету родственному дому. Годъ смерти его, по Дюфрену, есть 1421-й [3]. Такъ точно одинъ изъ Сербскихъ лѣтописцевъ указываетъ на дальное родство между Балшичами и Черноевичами, говоря: а ѿ нихъ (Балшичей) по танкой кервы (крови) изъшли чрьноевичи [4]. Но Черноевичи не произошли отъ Балшичей, а были современны имъ. Нѣтъ никакой надобности предполагать такую молодость ихъ происхожденія. Во всѣхъ Славянскихъ земляхъ встрѣчаемъ множество всякого рода именъ, происходящихъ отъ слова *черный*, которыхъ начало относится къ древнѣйшимъ временамъ. Въ Зетѣ есть нѣсколько таковыхъ именъ. Притомъ прозвище Черноевичей указываетъ на первоначальное личное имя *Черное*, а не на прилагательное *черный*, какъ обыкновенно думаютъ, передавая выше упомянутую сказку о черномъ Страшимирѣ. Но мы знаемъ, что Юрій Страшимировичъ писалъ грамоту къ Венеціянскому дожу, Антонію Фаніери, въ которой извѣщалъ о своей побѣдѣ надъ Черноемъ Падичемъ, опустошавшимъ родину Балшичей и убитомъ въ сраженіи [5]: не былъ ли этотъ Черное основателемъ рода Черноевичей? Если онъ велъ войну съ Балшичемъ, то значитъ, былъ сильнѣе другихъ: такъ точно и Черноевичи долженствовали быть сильнѣйшимъ родомъ въ Зетѣ и по родству своему съ Балшичами и по преемству имъ. Съ этимъ свидѣтельствомъ грамоты сходится и Орбини, упоминая о враждѣ Черноевичей съ Юріемъ Страшимировичемъ [6]: слѣдовательно, Черное Падичъ, какъ значится онъ въ грамотѣ, есть одно и то же, что Черноевичи у Орбини: опять, подтвержденіе достовѣрности словъ послѣдняго. Но то, что говоритъ Орбини объ Итальянскомъ происхожденіи Стефана, называя его Марамонтомъ изъ Апуліи, кажется намъ невѣрнымъ, ибо противорѣчитъ, во первыхъ,

---

[1] Стр. 247.

[2] Шафар., Памятн., стр. 76. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 18.

[3] Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVI, § 1.

[4] Гласникъ, ч. V, стр. 48.

[5] Андричъ, Geschichte des Fürstenthums Montenegro. Стр. 6.

[6] Стр, 246. За нимъ то же повторяютъ Ранчъ и Енгель.

самому Орбини, признающему его родство съ Черноевичами, и во вторыхъ, Флавію Комнину, свидѣтельствующему, что Стефанъ былъ туземцемъ Далмаціи, т. е., Зеты [1]. Стефанъ Марамонтъ Апулійскій былъ другое лице, о которомъ не разъ упоминаетъ Сципіонъ Амиратъ [2]. Что Черноевичи бѣгали отъ невзгоды въ Италію, то этимъ еще ничего не доказывается: и сынъ и внукъ Стефана тоже бѣгали въ Италію. Туземность Стефана подтверждается еще грамотою его сына, въ которой Иванъ называетъ Зету или собственно верхнюю Зету, т. е., Черногорію, своимъ отечествомъ, а окрестности Цетыни частнымъ удѣломъ своего рода или баштиною; межи этого удѣла онъ распознаетъ по старіехь сказнехь и по белѣзіехь кои соу постални (Мл.). Если удѣлъ былъ такъ старъ, что нужно было припоминать, для опредѣленія его границъ, древнія сказанія и урочища, то вмѣстѣ съ тѣмъ и Черноевичи, Стефанъ и сынъ его, Иванъ, и отецъ ихъ, были стариннымъ туземнымъ родомъ верхней Зеты. По этому справедливо пишетъ Орбини, что противъ Юрія Страшимировича враждовали Черноевичи и верхняя Зета. Послѣдняя, какъ отечество сильнѣйшаго рода Черноевичей, естественно должна была держать ихъ сторону. Должно обратить еще вниманіе на слѣдующее соотношеніе между грамотами Черноевичей. Въ Споменикахъ есть грамота Радича и Стефана Черноевичей, укрѣпляющихъ этою грамотою дружбу и союзъ съ Дубровникомъ и позволяющихъ его купцамъ ходитъ безпрепятственно по ихъ владѣніямъ (№ 60). Жаль, что не обозначены мѣсто и время написанія грамоты. Видно только, что Черноевичи имѣли свои земли по близости Дубровника, конечно, въ Зетѣ. Но кто были эти два брата? Въ вышеупомянутой грамотѣ Ивана Черноевича (Мл.) находимъ, между прочимъ, что Иванъ даритъ Цетыньскому храму то, чѣмъ доселѣ владѣли Остоичи, Ратко съ братомъ и племянниками, —землю, виноградники лѣса, воды и вообще все, що е было коуkие земле (домашней, частной, родовой земли) ѿстоичь, вознаградивъ ихъ за то, на обмѣнъ, другими землями. Легко можно предположить, что эти два брата, изъ коихъ одинъ назывался Ратномъ или Радичемъ, по отечеству, Остоичи, принадлежали къ роду Черноевичей и по тому допустили Ивана, какъ главнаго представителя рода, такъ свободно распоряжаться ихъ владѣніями; другимъ, постороннимъ родамъ не для чего было участвовать въ дарственныхъ записяхъ Черноевичей. Слѣдовательно, очень вѣроятно, что грамота С. № 60 принадлежитъ этимъ самымъ двумъ братьямъ Черноевичамъ, по отцу Остоичамъ, участвовавшимъ въ надачѣ Цетыньскаго храма. Въ такомъ случаѣ откроется новое доказательство тому, что родъ Черноевичей, призванный послѣ Балши править Зетою, былъ туземнымъ Зетскимъ и имѣлъ сдѣсь свои старинныя баштины. Стефанъ Черноевичъ, смѣнившій Балшу Юрьевича, удалился, по смерти его, въ 1422 г., въ Италію, предоставивъ Венеціянамъ и деспоту Юрію Бранковичу спорить за обладаніе Зетою. Недовольные деспотомъ, Зетяне снова призвали его къ себѣ и помогли ему завоевать прежнія владѣнія. Стефанъ, въ союзѣ съ Юріемъ Кастріотомъ Скандербегомъ, на дочери коего былъ женатъ, отличался въ войнахъ съ Турками за независимость. При немъ основанъ былъ Жаблякъ и по близости его, на островѣ Комѣ, образуемомъ устьемъ Морачи, монастырь, гдѣ онъ и былъ похороненъ. Стефанъ умеръ въ половинѣ XV-го ст. Ему наслѣдовалъ старшій его сынъ, Иванъ. Долго велъ Иванъ войны съ Турками и наконецъ отправился

---

[1] Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVI, § I.
[2] Dufresne, тамъ же.

въ Италію за помощію, поручивъ управленіе Зетою своему воеводѣ, Θомѣ [1], но помощи не получилъ ни отъ кого и воротился на родину. Пришлось оставить Жаблякъ и низменныя окрестности Скадарскаго озера, Морачи и Зеты и удалиться въ горы, въ верхнюю Зету; при этомъ во власть Туркамъ отошли Спужъ и часть Бѣлопавличей и Пиперовъ. Которъ и Будва еще прежде того отошли къ Венеціи. Вѣроятно, какіе нибудь споры за землю послужили поводомъ къ точнѣйшему опредѣленію границъ Черногоріи со стороны этѣхъ двухъ общинъ. Въ грамотѣ своей, подтверждающей прежнія надачи Сербскихъ царей Вранинскому храму св. Николая и присоединяющей новыя земли Пиперовичей, Иванъ коснулся и западныхъ границъ своей области и вмѣстѣ съ своими боярами, равно какъ властелями Которскими и Будванскими, обошелъ и описалъ ихъ. Изъ этого описанія мы видимъ, что западная часть границъ Черногоріи пролегала тогда почти тамъ же, гдѣ и теперь, т. е., шла отъ Сутормана помимо Брьчели и Троицы на Снѣжницу; но отсюда она болѣе нынѣшняго распространялась на западъ, соприкасаясь съ моремъ въ нѣсколькихъ точкахъ. Этимъ подтверждаются слова Милаковича, что Ивану принадлежали общины Браичи, Майне, Поборы и долина Грьбаль, гдѣ лежали соляныя копи, упоминаемыя въ грамотѣ [2]. Чрезъ Лешевичи граница пролегала позади Котора до Ораховца. Кромѣ того на сѣверозападѣ границы Черногоріи подходили опять къ морю. Мы имѣемъ извѣстіе, что Иванъ заложилъ Конивле Венеціянамъ [3] и во время войны съ королемъ Боснійскимъ, своимъ тестемъ, владѣлъ нѣкоторое время Рисномъ, Драчевицею, Требинемъ и Поповымъ [4]. Въ той же грамотѣ упоминается объ удѣлахъ сыновей Ивана, Юрія и Стефана, которыми они владѣли уже при жизни отца [5]. Грамота дана въ 1482 году. Возвратясь изъ Италіи, около 1485 г., Иванъ соорудилъ храмъ Рождества Богородицы и при немъ общежительный монастырь, назвавъ его Зетскою митрополіею. Въ писанной по этому случаю грамотѣ опредѣлены разныя надачи, сдѣланныя монастырю, и повинности монастырскихъ подданныхъ. Сдѣсь назначено мѣстопребываніе митрополиту Черногорскому, Виссаріону. Къ надачамъ присоединены были владѣнія Комскаго и Горицкаго (Подгорицкаго?) монастырей, основанныхъ родителями Ивана и запустѣвшихъ подъ Турецкимъ владычествомъ; два, или три монаха изъ Кома переведены для пропитанія въ Цетынь; тотъ и другой монастырь подчинены митрополіи, и если когда нибудь будутъ возстановлены, то должны получить свои прежнія владѣнія. Кромѣ митрополита, въ Черногоріи былъ епископъ (Мл.). Основаніе Цетыньской митрополіи и удаленіе Зетянъ въ верхнюю Зету или Черногорію составляетъ важнѣйшее событіе въ судьбахъ той части Сербскаго народа, которой суждено было постоянно, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, хранить Сербскую независимость и быть единственною ея представительницею. Съ этого событія начинается новая пора для жизни Черногорцевъ. Природа, вѣра и неизмѣнный духъ народа согласнымъ дѣйствіемъ произвели то, что горсть людей явилась неодолимою передъ цѣлыми полчищами знаменитыхъ

---

[1] Милутиновичъ, Исторія Церне-Горе, стр. 4. См. грамоту Ивана, тамъ же, стр. 10.

[2] Грлица. 1835. Стр. 62. — П. П Нѣгушъ, Montenegro und Montenegriner, стр. 12.

[3] Милаковичъ. Грлица, 1835. Стр. 62. — П. П. Нѣгушъ, Montenegro und Montenegriner, стр. 12.—Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре, стр. 32. — Андричъ, Gesch. d. F. Montenegro, стр. 13.

[4] Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVII, § IV. — Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре, стр. 30. — Андричъ, Gesch. d. F. Montenegro, стр. 11.

[5] Милутиновичъ, Исторія Церне-Горе. Стр. 10 и слѣд.

завоевателей Азіи и Европы въ самое блестящее время ихъ славы и могущества. Пустынная, сплошная горная возвышенность, покрытая скалами и мрачными лѣсами, наполненная пещерами и рытвинами, съ опасными тропинками вмѣсто дорогъ, вдругъ получила население, около ста тысячъ душъ, бѣжавшее отъ убійствъ и опустошеній, производимыхъ Турками въ пригорныхъ низменностяхъ. Надобно было имѣть много свѣжихъ нравственныхъ силъ, чтобы обречь себя на лишеніе всѣхъ удобствъ жизни, поселиться на голыхъ скалахъ и ввѣрить свое существованіе скуднымъ клочкамъ удобной земли, наношенной горстьми на каменистую почву. Только Исторія и близкое знакомство съ природными свойствами жителей могутъ объяснить это странное явленіе. Зета, съ самого начала своего, оставалась болѣе, или менѣе самостоятельною, ибо постоянно была частнымъ удѣломъ Неманичей, гдѣ жило отдѣльное сильное боярство, гдѣ пребывали вдали отъ власти, какъ бы въ отчужденіи, родичи царствующаго дома. Это придавало ей свойство сосредоточенности, которое не только не удаляло ея отъ общихъ дѣлъ Сербіи, но напротивъ доставляло ей бо́льшое вліяніе при Сербскомъ дворѣ. Чувствуя свою силу, Зета въ то же время, по чувству единства вѣры и народности, считала себя нераздѣльнымъ членомъ Сербіи. Все это вело къ розной участи. Тогда какъ Сербія гибла подъ ударами Турецкаго меча, Зета, по своей самоотдѣльности, чуждая общей порчи, сохраняла во всѣхъ своихъ сословіяхъ свѣжесть и бодрость силъ и въ годины бѣдствій еще болѣе познала и оцѣнила сокровище православной вѣры и народной самостоятельности. Для этихъ высшихъ благъ народу ея ничего не стоило промѣнять выгодное въ вещественномъ отношеніи, но опасное мѣстожительство на невыгодное, но безопасное. Переходя подъ защиту природы, Черногорцы надѣялись выдержать борьбу за вѣру и независимость. Но Сербія пала; патріаршая столица, вмѣстѣ съ паствою, подчинилась вліянію Турціи и не могла такъ свободно дѣйствовать, какъ бы надлежало для народа, еще ни мало не порабощеннаго. По этому Иванъ долженъ былъ сдѣлать для своей Черногоріи то же самое, что сдѣлалъ Душанъ для Сербіи,—дать ей собственное вѣроисповѣдное средоточіе и источникъ духовной власти. Однѣ и тѣ же причины побуждали его и Душана, и это вовсе не было отщепенствомъ или возстаніемъ противъ высшей духовной власти и единства вѣры, какъ хотѣлъ перетолковать Константинопольскій патріархъ на счетъ Душана; но, на оборотъ, желаніемъ спасти неприкосновенность вѣры и доставить духовной власти свободный образъ дѣйствія, а народу внутреннее средоточіе, предохранивъ ихъ отъ гибельныхъ послѣдствій паденія, предвѣщаемыхъ государственною предусмотрительностію. Время поспѣшило оправдать поступокъ Ивана. Между тѣмъ, какъ Сербы безпрепятственно отуречивались, и число отурчившихся умножалось, родной сынъ Ивана, Стефанъ, послѣ отуреченія, снова перешелъ къ православію и постригся въ монахи; а нѣсколько отурчившихся съ нимъ вмѣстѣ Черногорцевъ, возвратясь на родину, не нашли того, чего ожидали: ихъ примѣръ не дѣйствовалъ почти ни на кого, и при владыкахъ, въ слѣдствіе кроткихъ духовныхъ наставленій, число отурченниковъ уменьшилось значительно. Иванъ умеръ въ 1490 году. Его подпись такова: въ Х҃а б҃га бл҃говѣрніи и б҃гомь хранимии г҃сподарь з҃еский Ива҃ црьноѣвикь (Мл.).

У Ивана былъ братъ, Юрій, а по другимъ Аврамъ или Андрей, по прозванію Арванитъ или Албанецъ, погибшій еще въ 1450 г. въ сраженіи съ Турками. Дочь этого Арванита, Ангелина, была за Стефаномъ Юрьевичемъ, сыномъ деспота Юрія Бранковича, и имѣла отъ него двухъ сыновей, Юрія и

Ивана. Относительно происхожденія Ангелины мнѣнія ученыхъ распадаются на два рода. Западные историки, какъ то: Лукари, Орбини, Дюфренъ, Енгель и др. называютъ ее дочерью Аріаниты Комнина и придаютъ ей иногда имя Өеодоры; напротивъ, туземные историки всѣ единогласно почитаютъ ее дочерью Арванита Черноевича. Бранковичъ просто называетъ ея отца княземъ Арванитскимъ. Раичъ слѣдуетъ мнѣнію Дюфрена, согласному, по его словамъ, съ Бранковичевымъ [1]. Но мнѣніе это или мнѣніе западныхъ ученыхъ, подкрѣпленное глубокою ученостію Дюфрена, уступаетъ, кажется, мнѣнію туземному. Орбини пишетъ, что Стефанъ Юрьевичъ женился на Өеодорѣ, дочери Аріаниты, тестя Скандербегова [2]; слѣдовательно, Скандербегъ и Стефанъ были женаты на родныхъ сестрахъ. Дѣйствительно, по Дюфрену, Юрій Скандербегъ былъ женатъ на Андроникѣ, дочери Аріаниты Комнина [3]. Дюфренъ замѣчаетъ разницу въ именахъ супруги Стефана Юрьевича: по его словамъ, Орбини зоветъ ее Ангелиною, а Лукари Өеодорою; онъ принимаетъ послѣднее имя [4]. Но, какъ мы сейчасъ видѣли, Орбини не называетъ ея Ангелиною, а Өеодорою. Точно также и Раичъ находитъ у него имя Өеодоры; но самъ Раичъ ошибается, приписывая Дюфрену принятіе имени Ангелины согласно съ Бранковичемъ, когда Дюфренъ предпочитаетъ имя Өеодоры. Такое противорѣчіе въ именахъ и заставляетъ насъ принять мнѣніе Черногорскихъ писателей, слѣдующихъ Сербскимъ лѣтописямъ и народному преданію. Одинъ лѣтописецъ такъ выражается: Stephanus Coecus Despota, post patris mortem, abiit in Dalmatiam, ibique accepit in uxorem filiam Saverstiam (?) ex Aranitarum familia dominam Angelinam [5]. Сдѣсь родъ Аранитовъ есть то же, что Арванитовъ, и вовсе не Аріанитовъ. Албанія звучала иначе, какъ Арванія, откуда произошла и латинская форма Arania; Аріаниту же не было надобности измѣнять въ Араниту. Имя Ангелины употреблялось у Сербовъ: такъ, на пр., Синиша, братъ Душана, имѣлъ дочь Ангелину; сами Черноевичи принимали въ послѣдствіи имя Ангеловъ [6]. Другой лѣтописецъ выдаетъ Ангелину за дочь Балшича, женатаго на вдовѣ Милоша Обилича. Если первый указываетъ на прозвище отца Ангелины, то второй указываетъ на его родъ; но, конечно, не съ точностію; ибо народная память, помня главнѣйшія обстоятельства, смѣшиваетъ часто имена и годы. Подъ Балшичемъ должно разумѣть Черноевича и именно Арванита, т. е., Юрія Арванита, брата Иванова. Вслѣдъ за этими лѣтописцами всѣ историки Черногорскіе, какъ то: Милаковичъ, Милутиновичъ, П. П. Нѣгушъ, Медаковичъ, Андричъ и другіе почитаютъ Юрія (Аврама, Андрея) отцемъ Ангелины. Имя Арванита было не такъ знакомо западнымъ писателямъ, какъ имя извѣстнаго имъ Аріаниты Комнина, и по тому они смѣшали оба лица въ одно.

Подъ управленіемъ Черноевичей, а послѣ владыкъ своихъ, Черногорцы мужественно отбивались отъ Турокъ и никогда не утрачивали своей независимости. Правда, Турки не разъ проходили Черногорію вдоль и поперекъ съ

[1] Ч. III, стр. 260.

[2] Стр. 266.

[3] Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVIII, § V.

[4] Тамъ же, гл. V, §§ X, XI. Вотъ подлинныя его слова: Post parentis mortem.... (Stephanus Bukovitzius vel Brankovitzius) in Albaniam sese recepit. Ubi filiam Arianitae Comneni, Dyrrachii, Aulonis, aliorumque in Dalmatia oppidorum, domini, in uxorem recepit. Hanc, Angelinam Orbinus; Petrus vero Luccarius, Theodoram vocant. Liberi Stepnani Bukovitzii, ex Theodora uxore....

[5] Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 22.

[6] Dufresne, Famil. Dalm., et Slavon., гл. XV, § IV; XVI, § V.

мечемъ и огнемъ, но удержаться въ ней не могли, и Черногорцы снова возвращались къ своимъ очагамъ и снова заводили съ ними вѣковую пограничную войну. Преданные своей вѣрѣ и всему родному, они всегда были достойными представителями своихъ праотцовъ. Въ ихъ природѣ, образѣ жизни и правленіи сохранилось весьма много первичныхъ свойствъ Славянъ, и имъ-то, равно какъ непоколебимой преданности вѣрѣ и неприступному мѣстоположенію обязаны они своею независимостію. Безъ счастливаго соединенія всѣхъ этихъ условій Черногорцы не были бы Черногорцами, а по тому всякое преобразованіе въ одной изъ основъ ихъ жизни едва ли принесетъ какую либо пользу, если только, не обратится во вредъ имъ. Крайняя внѣшняя необходимость, дѣйствуя въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, привела ихъ именно въ это положеніе, изъ котораго они не иначе могутъ выйти съ выгодою для себя или, по крайней мѣрѣ, безъ вреда, какъ только съ измѣненіемъ своей внѣшней обстановки. Для исторіи Славянской они представляютъ прекрасный образецъ того, какъ стотысячный народъ, благопріятствуемый природою, можетъ сохранить свою самостоятельность и покрыться славою безчисленныхъ подвиговъ блестящей храбрости, если только онъ бережно сохраняетъ себя отъ нравственно-гражданской порчи и остается вѣренъ основнымъ началамъ народнаго существа. Для Славянскаго древневѣдца онъ доставляетъ обильный запасъ свѣдѣній о древнѣйшихъ Славянскихъ обычаяхъ, образѣ жизни и представленіи общежитія, почерпнутыхъ не изъ отжившихъ памятниковъ, а изъ живаго, современнаго источника. Черногорія, имѣющая свой рѣзко отличительный обликъ, ждетъ еще воздѣлывателей, которые труды свои основали бы на ея собственной почвѣ, а не на чужихъ словахъ; грамоты, народныя преданія и пѣсни служатъ главнѣйшимъ тому пособіемъ; а Милутиновичу первому принадлежитъ честь попытки къ осуществленію этого труда.

Между тѣмъ, какъ Черногорія со славою спасала свою самостоятельность, деспоты губили независимость Сербіи. Вукашинъ первый подалъ примѣръ себялюбиваго образа дѣйствій; ему слѣдовали Стефанъ Лазаревичъ и Юрій Вуковичъ Бранковичъ. Но Лазарь и сынъ его, Стефанъ, оставили по себѣ добрую память въ народѣ. Оба они отличались благородствомъ и прямотою дѣйствій; оба были благочестивы, и обоихъ народъ назвалъ святыми. Не столько собственная ошибка Лазаря, сколько постороннія обстоятельства нанесли Сербіи ударъ на Косовомъ полѣ: собственный ложный образъ дѣйствій Стефана Лазаревича привелъ Сербію къ такому немощному и равнодушному состоянію, въ которомъ жаръ народной независимости остылъ понемногу и перешелъ въ безчувственное состояніе подданства. Стефанъ, поставленный, по волѣ Баязида, господаремъ Сербской земли, свято хранилъ данную ему клятву вѣрности и, спасая свою личную честь, губилъ отечество. Милица правила за него Сербіею, а онъ терялъ цвѣтъ Сербскаго народа, сражаясь съ Христіанами и невѣрными въ рядахъ Турецкаго войска и въ пользу Турціи. Вукъ Бранковичъ, обманутый въ своихъ надеждахъ и напрасно сносясь съ Турками, хотѣлъ, было, добыть независимость, но, по жалобѣ Лазаревичей, былъ схваченъ Турками и отравленъ; владѣнія его Султанъ отдалъ его семейству. Послѣ него осталась грамота, данная Хиландару въ 1392 году (А. № 15), въ которой онъ называетъ себя сыномъ севастократора Бранка и внукомъ воеводы Младена. Изъ нея мы узнаемъ, что около этого времени онъ, заключивъ миръ съ Баязидомъ, расписалъ всю свою землю, сколько ея было въ его области, и сколько ему слѣдовало платить Султану. Тогда пришелъ къ нему

Хиландарскій старецъ Гервасій и представилъ, сколько метохій имѣетъ Лавра въ его земляхъ и сколько Турецкой дани приходится на ихъ долю: уплату этой дани, 200 унцій, Вукъ принялъ на себя. Милостниками этой грамоты назначены три Вуковыхъ сына: Григоріи, Юрій и Лазарь. Стефанъ Лазаревичъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Вукомъ, участвовалъ въ покореніи Булгаріи (1390—1392), въ войнѣ съ Босною (1392), въ битвахъ съ Мирчею, воеводою Валашскимъ, при Ровнинахъ, гдѣ погибли Марко Кралевичъ, Константинъ и Драгаша [1] (1394), съ Сигизмундомъ Угорскимъ при Никополѣ (1396) и съ Тамерланомъ при Ангорѣ (1402). Сдѣсь Стефанъ оказалъ чудеса храбрости, пробившись съ Сербами черезъ ряды Татаръ и спасши жизнь Баязидову сыну, Сулейману. Прибывши въ Европу, онъ женился на дочери царя Мануила, и оба съ тестемъ провозгласили султаномъ Сулеймана. Доселѣ Бранковичи сражались вмѣстѣ съ Лазаревичами за Баязида; теперь они отдѣляются отъ Лазаревичей и становятся на сторонѣ Мусы, брата и соперника Сулейманова. Но пораженіе, нанесенное Мусѣ, привлекло ихъ снова къ Сулейману; Юрій Вуковичъ даже получилъ главное начальство надъ Сербскимъ войскомъ. Оскорбленный этимъ, Стефанъ подчинилъ Сербію Сигизмунду и съ Угорскимъ войскомъ разбилъ Турокъ подъ Триполемъ, въ 1403 г. Примирившись съ Бранковичами, Стефанъ употребилъ мирное время, 1405—1408 г., на исцѣленіе ранъ своего отечества, присоединилъ нѣкоторыя земли, отнятыя Турками, получилъ отъ Угріи, посредствомъ сдѣлки, Бѣлградъ, объѣхалъ Сербію, всюду возстановилъ порядокъ и для рѣшенія государственныхъ дѣлъ учредилъ три «храмины» или палаты [2]. Около 1395 г. Милица постриглась въ монахини. Есть грамота Стефана Лазаревича, данная имъ еще до постриженія матери (А. № 18). Въ этой грамотѣ сказано, что такъ какъ властелинъ Обрадъ Драгославичъ записалъ Хиландару свою баштину, церковь Введенія Богородицы въ Ибрѣ, но, не успѣвши сдать ее во владѣніе Лавры, измѣнилъ Стефану Лазаревичу и за то лишился этой баштины, которая была отдана другому властелину, Упровію, то, по просьбѣ духовенства и съ совѣта матери, Милицы, и брата, Вука, Стефанъ возобновляетъ его запись и даритъ Хиландару упомянутую церковь, присоединяя къ ней еще нѣкоторыя села и заселки со всѣми ихъ людьми, межами и доходами. Будучи уже монахинею, Милица дала, вмѣстѣ съ обоими сыновьями, грамоту Хиландарскому пиргу св. Василія (тому самому, который построилъ Милутинъ съ церковью Вознесенія Господня). Она приписала ему село Ливочу на Бинчь-Моравѣ и повелѣла означить межи по указанію старожиловъ. Подъ грамотою подписались только ея сыновья, «благовѣрный господинъ князь Стефанъ» и «господинъ Влькъ» (А. № 19). Въ этой грамотѣ, равно какъ и въ другой, упоминаемой Авраамовичемъ [3], Милица носитъ иноческое имя Евгеніи; но въ грамотахъ Стефана Лазаревича и Юрія Вуковича, данныхъ Дубровнику (С. №№ 90, 111), она названа Евфросиніею. Енгель и Раичъ именуютъ ее, согласно съ Аѳонскими грамотами и лѣтописями [4], монахинею Евгеніею. Не есть ли имя Евфросиніи такое же свѣтское, какъ и Милицы? Есть

---

[1] Лѣтоп. у Шафар. въ Памятн., стр. 74.—Черногорскій списокъ (ркп., см. Введеніе, стр. 52) и Бранковичевъ (Arkiv za povjestn. Jugoslav., стр. 16) не упоминаютъ о Драгашѣ.

[2] Раичъ, ч. III, стр. 115.

[3] О. Д. С. у С. Г., стр. 79.

[4] Шафар., Памятн., стр. 62, 75. — Черногорскій списокъ (ркп.).—Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 17.

примѣры, что Сербы, оставаясь при своихъ народныхъ именахъ, носили еще другія имена, которыя брали изъ святцевъ и называли крестными (Ср. С. № 78). Еще сохранилась отъ Милицы (?) надпись, вышитая золотыми буквами на шелковомъ покровѣ тѣла князя Лазаря. Сдѣсь она называетъ себя Евфиміею. Шафарикъ, напечатавшій эту надпись [1], замѣчаетъ, что имя Евфиміи было крестное, Милицы — домашнее, Евгеніи — иночсское. Но какое же будетъ имя Евфросиніи? Сынъ не могъ не знать имени матери. Не забудемъ, что достовѣрно неизвѣстно, кому принадлежитъ надпись и, по словамъ Шафарика, только преданіе приписываетъ ее Милицѣ. Вотъ какое сомнѣніе вызвали вновь открытые памятники. Какъ совмѣстить всѣ четыре имени въ одномъ лицѣ? Дѣйствительно ли принадлежитъ надпись Милицѣ, женѣ Лазаря? На этихъ вопросахъ, не рѣшивши ихъ, должна была остановиться Исторія. Но вдругъ новый свѣтъ, приведшій къ окончательному рѣшенію этихъ вопросовъ, пролитъ былъ открытіемъ надписи на церковной завѣсѣ храма Хиландарскаго, вышитой золотомъ, серебромъ и шелками по атласу монахинею Евфиміею въ 1399 году. Въ надписи Евфимія называетъ себя **дъщи гiамни кисара воихне лежещаго здѣ, нѣкогаже деспотица** [2]. По изслѣдованію Я. и П. Шафариковъ, открывается, что покровъ на гробницѣ Лазаря въ Раваницѣ (Врьдникѣ, въ Сремѣ) принадлежитъ одной и той же Евфиміи, дочери Войхны, бывшей въ замужствѣ за Углешею, сначала цесаремъ, а потомъ деспотомъ, наслѣдовавшимъ послѣ тестя его земли: Драму, Сѣръ и окрестности ихъ въ Македоніи до Солуна. По смерти мужа, она призрѣна была Лазаремъ: по этому она, изъ благодарности, и вышила покровъ на его раку и въ вышитой тутъ же надписи говоритъ: **телесно бо странноую мене въ странныхъ окрылила еси изобилно.** Къ тому же времени относится грамота Стефана Лазаревича, данная имъ Дубровнику въ подтвержденіе прежнихъ торговыхъ и судебныхъ укладовъ. Она отмѣчена 2-мъ декабря 1405 года (С. № 90). Въ ней мать Стефана называется уже святопочившею кира-Евфросиніею. Она скончалась 2 ноября того же года [3]. Въ 1408 году Вукъ Лазаревичъ поднялся на Стефана, требуя себѣ половины отцовскаго наслѣдія, и въ то же время съ Турками, которымъ обѣщалъ покорность, и Юріемъ Вуковичемъ въ два похода опустошилъ Сербію. При посредничествѣ Сигизмунда братья помирились, раздѣливъ Сербію пополамъ. Въ 1410 г. Муса, державшійся въ Валахіи, явился въ Малую Азію противъ Сулеймана. За него стояли Лазаревичи и Бранковичи; но наканунѣ сраженія всѣ они, за исключеніемъ Стефана, перешли къ Сулейману, за котораго былъ и Мануилъ. Муса проигралъ битву и бѣжалъ въ Европу. Сдѣсь въ Адріанополѣ попались ему въ руки Лазаревичи и Бранковичи, отпущенные домой Сулеймановъ. Всѣ они, кромѣ Юрія Вуковича, были преданы смерти. Погибли: Юрій, сынъ уже умершаго Григорія Вуковича, Лазарь Вуковичъ, Вукъ и Лазарь Лазаревичи. Сербскіе лѣтописцы единогласно отмѣчаютъ это печальное событіе 1410-мъ годомъ [4]. Но съ общими показаніями лѣтописцевъ и историковъ несогласна грамота всѣхъ трехъ Вуковичей и матери ихъ, Мары, дан

---

[1] Памятники, N XX.

[2] Гласникъ, ч. V. Завѣса, находившаяся при царскихъ вратахъ въ Сербской Хиландарской лаврѣ привезена въ Бѣлградъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими грамотами, архимандритомъ той лавры, Онуфріемъ Поповичемъ.

[3] Шафар., Памятн., стр. 75. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 17.

[4] Шафар., Памятн., стр. 75. — Черногорскій списокъ (ркп.) — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 17. — Гласникъ, ч. V, стр. 98.

ная въ 1413 году, 3 октября (С. № 175). Въ этой грамотѣ Григорій, Юрій и Лазарь, съ своею матерью, даютъ Святопавловскому Аѳонскому монастырю нѣсколько селъ и 20 литръ серебра ежегоднаго жалованья. По свидѣтельству этой грамоты, все семейство Вука было еще живо въ 1413 году [1]. Но скорѣе надобно думать, что годъ въ грамотѣ выставленъ невѣрно (вѣроятно, ошибся переписчикъ). Тѣ же Вуковичи съ матерью своею, Марою, дали 29 декабря 1405 года, Дубровничанамъ грамоту, которою подтверждали запись царя Стефана, князя Лазаря и родителя своего, Вука (С. № 91). Въ слѣдующемъ 1407 году опять находимъ грамоту Мары съ сыновьями, Григоріемъ, Юріемъ и Лазаремъ, объ отдачѣ въ пользу Хиландарской больницы Хотченскаго торга, съ правомъ свободнаго хожденія на этотъ торгъ для всякого, кто только захочетъ, для Сербина, Латынина, Турка (Гр., стр. 52, № 30). Муса по тому оставилъ въ живыхъ Юрія, что видѣлъ въ немъ заклятаго врага Стефану. И дѣйствительно, въ 1411 г., по убіеніи Сулеймана, Муса съ Юріемъ Вуковичемъ вторгся въ Сербію, требуя для Юрія участка Вука Лазаревича; но съ помощію Сигизмунда и Сандала онъ былъ изгнанъ. Поссорившись съ Мусою въ 1412 г., Юрій помирился съ Стефаномъ. За то Муса вступилъ въ Сербію, разбилъ Стефана и опустошилъ страну; потомъ обратился на Византію. Тогда Мануилъ, боясь его могущества, выставилъ ему соперника — четвертаго Баязидива сына, Магомеда. При рѣкѣ Искрѣ, въ Булгаріи, Муса былъ разбитъ и задушенъ, въ 1413 г. Въ благодарность, Магомедъ утвердилъ Стефана деспотомъ надъ Сербіею и не тревожилъ его земель, довольствуясь одною данью. Въ 1422 году умеръ Магомедъ. Стефанъ могъ бы теперь ударить на Турокъ въ Европѣ; но онъ остался вѣренъ клятвѣ, данной Магомеду и его дѣтямъ. Съ его помощію воцарился Мурадъ. Передъ своею смертью, Стефанъ завѣщалъ Сербію Юрію Вуковичу Бранковичу и заключилъ договоръ съ Сигизмундомъ, по которому Сербія признавала верховную власть Угріи. Въ этомъ же договорѣ мы впервые видимъ мысль Сербскихъ владѣтелей—упрочить себѣ мѣстопребываніе въ Угріи чрезъ промѣнъ Сербскихъ городовъ на Угорскіе [2]. Стефанъ скончался 1427 года, 19 іюля, въ субботу, въ 3-мъ часу дня, какъ свидѣтельствуетъ его Житіе [3]. Въ годѣ его смерти между историками есть разногласіе. Съ Житіемъ сходятся Цароставникъ и лѣтописи [4]. Въ 1411 году имъ дана была другая грамота Хиландару (А № 17) по случаю надачи этой лавры селами, лежащими около Новобьрда. Наконецъ, въ благодарность Богу за наступившія мирныя времена, онъ далъ еще грамоту Хиландару, возобнововивъ ею Новобьрдскій доходъ, 100 литръ серебра, въ пользу лавры (А. № 16). Къ этому же времени деспотства его относится грамота, въ которой онъ даритъ Милешевскому монастырю пять селъ въ Моравицахъ (С.-Д. М. 1844). Стефанъ подписывался: **Млтїю бжїею гнь всемь срьблмь и поморию и подунанскымь странамь деспоть Стефань.** Утомленный народъ былъ доволенъ временнымъ спокойствіемъ и благословлялъ Стефана, а Стефанъ былъ доволенъ тѣмъ, что не нарушилъ клятвы султанамъ. Странный былъ образъ дѣй-

---

[1] У Григоровича, по ошибкѣ, выставленъ 1424 г. (Путеш., стр. 25, N 4).

[2] Въ этомъ отношеніи важна договорная грамота, приводимая Енгелемъ въ Gesch. v. Serv. u. Bosn., на стр. 370.

[3] Рукопись. См. Введеніе, стр. 51.

[4] Шафар., Памят., стр. 73, 76. — Черногорскій списокъ (ркп.). — Гласникъ, ч. V., стр. 99. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 18.

ствій Стефана. Судьба въ высшей степени благопріятствовала Сербіи; но Стефанъ не умѣлъ, или не хотѣлъ пользоваться обстоятельствами. Ни при отцѣ его, Лазарѣ, ни при преемникѣ его, Юріи, не было у Турокъ такихъ усобицъ, какъ при немъ. Косовская битва еще была свѣжа въ памяти народной; Сербы еще не успѣли привыкнуть къ мысли о подданствѣ иноплеменникамъ: все вело къ тому, чтобы поправить неудачу Лазаря. Но Стефанъ дорожилъ благоволеніемъ султановъ, не замѣчая того, къ чему вело это благоволеніе. Въ немъ проявилась мысль, не могшая прійти истинному потомственному государю, мысль чуждаго покровительства. Мы видѣли, что и въ Боснѣ, въ родѣ бояръ Храничей, стала обнаруживаться эта мысль, затруднявшая дѣйствія верховной власти и, можетъ быть, служившая одною изъ главнѣйшихъ причинъ покоренія этой страны Турками. Такъ и теперь сынъ бывшаго боярина, видя противъ себя Бранковичей, не рѣшается одинъ дѣйствовать противъ нихъ, но прибѣгаетъ къ дружбѣ Турокъ, охотно выдаетъ себя за ихъ клятвенника и употребляетъ противъ врага средство, отстраняющее всякую самостоятельность,— жалобу. Турки рады были рѣшить дѣло въ пользу того, кто имъ жаловался и такимъ образомъ добровольно признавалъ ихъ рѣшителями судьбы народа и верховными властителями Сербіи. Въ этомъ поступкѣ видѣнъ тотъ самый бояринъ, какихъ встрѣчаемъ мы послѣ преобразованія Душанова, — бояринъ личный, честолюбивый, крамольный, не могшій подняться до высшихъ взглядовъ истиннаго государя, жертвовавшій себялюбивымъ видамъ независимостію народною. Таковы были и другіе Лазаревичи; таковы были Бранковичи и самъ Вукъ Бранковичъ. По смерти послѣдняго, Стефанъ былъ обезпеченъ въ своемъ господствованіи; но и тутъ не рѣшился онъ возвратить Сербіи прежнюю ея независимость. Попытокъ къ этому съ его стороны мы не видимъ. Онъ спокойно оставался подручникомъ и данникомъ Турціи. Что связывало его?—мы не знаемъ. Родственные споры не могли удерживать его, ибо противники были слабѣе его и притомъ чаще были въ союзѣ и мирѣ съ нимъ, чѣмъ во враждѣ. И въ этѣ благопріятныя минуты судьба Европейскихъ Турокъ не разъ находилась въ его рукахъ; но онъ, какъ вѣрноподанный, самъ возводилъ султановъ и самъ же кланялся имъ; когда Турки бились съ христіанами, тогда и онъ бился за Турокъ. Однажды только оставилъ онъ невѣрныхъ, но не болѣе, какъ за личное оскорбленіе. Побѣда подъ Триполемъ, кажется, должна бы была вразумить его. И какъ много могъ бы онъ сдѣлать для Сербіи во время Турецкихъ смутъ; но онъ ограничился тѣмъ, что отъ одного султана переходилъ къ другому, между тѣмъ, какъ легко могъ бы, вмѣстѣ съ Мануиломъ и Сигизмундомъ, совершенно изгнать Турокъ изъ Европы. Наконецъ обмѣнъ Сербскихъ городовъ Угорскими ясно показываетъ, что Стефанъ думалъ о себѣ одномъ, а не о народѣ, берегъ себя, а не Сербію. Но не смотря на то, онъ умѣлъ на время примирить личныя правила съ выгодами народа. Чрезъ свое постоянство и преданность онъ снискалъ довѣріе султановъ и доставилъ временное спокойствіе отечеству. Конечно, этотъ плодъ, въ жертву которому онъ принесъ однажды навсегда независимость Сербіи, не могъ быть прочнымъ; онъ имѣлъ значеніе только временное до тѣхъ поръ, пока у Турокъ продолжались усобицы: стоило имъ успокоиться, и Турки показали, что настоящимъ плодомъ дѣйствій Стефана воспользовались они же сами, а не Сербы. Но Стефанъ не дожилъ до этого времени и тѣмъ спасъ въ народѣ свою добрую славу. Неудачную политику, которой послѣдствія еще не успѣли обнаружиться при немъ, онъ замѣнялъ своимъ благочестіемъ,

добрыми дѣлами и улучшеніемъ народнаго благосостоянія. Народъ, довольный настоящимъ, оплакивалъ его, какъ отца и благодѣтеля, и величалъ святымъ.

То же себялюбіе, то же отчужденіе отъ народа, ту же недальновидность видимъ въ дѣйствіяхъ Юрія Бранковича. Къ этимъ качествамъ должно еще присоединить и перемѣнчивость, столько вредившую и самому Юрію и его народу. Но Юрія не должно обвинять болѣе, чѣмъ Стефана. Ему трудно уже было поправить дѣло, испорченное предшественникомъ; и если онъ не успѣлъ въ этомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ немъ надобно признать стремленіе, противуположное стремленію Стефана: онъ всегда имѣлъ въ виду отпаденіе отъ Турціи. Не добрая воля, а обстоятельства заставляли его дѣйствовать такъ, а не иначе. Не столько онъ служитъ виною тому, что случилось при немъ, сколько его предшественникъ: рано, или поздно Турки непремѣнно покорили бы Сербію, если уже начало, сдѣланное Стефаномъ, было столь благопріятно для нихъ. Мурадъ, возвратившійся въ Европу и недовольный обѣщаніемъ дани, предъявилъ свои права на Сербію, какъ сынъ Баязида, женатаго на одной изъ дочерей Лазаря, и, въ два похода опустошивъ Сербію, принудилъ Юрія выдать за себя дочь, Мару, въ 1431—1432 г. Уже тогда Юрій видѣлъ, что дѣло Сербіи проиграно безвозвратно, и спѣшилъ промѣномъ Бѣлграда на нѣсколько Угорскихъ городовъ приготовить себѣ безопасное убѣжище въ Угріи. Это произвело тяжелое впечатлѣніе на народъ. Чтобы разсѣять его, Юрій объявилъ себя деспотомъ въ 1435 г. и вѣнчался короною, присланною отъ Іоанна Палеолога. Доселѣ онъ называлъ себя просто господиномъ Сербіи и писался: **гнь срьблюмъ и поморію и подунавию.** Деспота Стефана онъ величалъ своимъ родителемъ (Ср. С. №№ 111, 137). Въ отмщеніе, Султанъ осадилъ Смедерево, столицу Юрія. Пока Юрій ходилъ въ Угрію просить помощи у Алберта, Смедерево было взято; другіе города сдавались Туркамъ; два сына его находились въ рукахъ Мурада. Въ отчаяніи, Юрій скитался по приморскимъ городамъ. Въ 1441 г. былъ въ Дубровникѣ и оставилъ сдѣсь на сохраненіе богатѣйшій вкладъ: золота 118 литръ, 9 унцій, 10 аксагъ; серебра главы 340 литръ, 11 унцій, 1 аксагу; серебра бѣлаго 1997 литръ, 6 унцій, 3 аксаги; 1000000 аспръ, въ коихъ было 10533 литры, 2 унціи, 3 аксаги серебра, и множество золотыхъ и серебряныхъ утварей. Въ случаѣ смерти, онъ завѣщалъ его супругѣ, Иринѣ, и тремъ сыновьямъ (С. № 139). Потомъ, какъ бы очнувшись, онъ перебрался снова въ Угрію и сдѣсь заключилъ союзъ съ королемъ Владиславомъ. Всѣ трое, Владиславъ, Юрій и Гунядъ, воевода Ердельскій, вступили съ войскомъ въ Сербію и въ шести битвахъ поразили Турецкое войско, въ 1443 г. Мурадъ принужденъ былъ просить мира; онъ обѣщалъ не переходить за Дунай, отдалъ назадъ всѣ Сербскіе города и за собой оставилъ одну Булгарію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Юрію были возвращены оба его сына, но уже лишенные зрѣнія. Съ этой поры Юрій вдругъ перемѣнилъ свой образъ дѣйствій. Кажется, удача противъ Турокъ должна бы была привязать его еще болѣе къ Угріи, а между тѣмъ онъ сталъ дѣйствовать на оборотъ. Онъ не принялъ участія въ несчастномъ Варнскомъ дѣлѣ (1444 г.) и не пустилъ черезъ свои земли Скандербега, за что послѣдній жестоко отплатилъ ему; когда Гунядъ шелъ на Мурада, чтобы отмстить за смерть Владислава, Юрій увѣдомилъ объ этомъ Султана и не помогъ Гуняду; онъ даже схватилъ Гуняда, бѣжавшаго послѣ пораженія на Косовомъ полѣ, въ 1448 г. Этотъ поступокъ съ Гунядомъ навлекъ на него гибельныя послѣдствія, поставивъ его между двухъ огней. Султанъ мстилъ за освобожденіе Гуняда опустошеніемъ пограничной Сербіи, а Гунядъ

истилъ за свой плѣнъ присвоеніемъ всѣхъ Юрьевыхъ владѣній въ Угріи. Въ 1451 г. умеръ Мурадъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Магомедъ, который также поспѣшилъ объявить свои права на Сербію, ибо отецъ его былъ женатъ на Марѣ. На первый разъ походъ въ Азію заставилъ его благосклонно принять поздравленіе Юрія. Но послѣ взятія Царьграда, въ 1453 г., Магомедъ рѣшился оружіемъ доказать свои права на Сербію. Когда онъ вступилъ въ Сербію, Юрій былъ въ Угріи и искалъ себѣ помощи. Узнавъ о приближеніи союзниковъ, Магомедъ воротился въ Адріянополь, оставивъ одного Ферисбега при Крушевцѣ. Сдѣсь нашли Ферисбега союзники и разбили на голову. Магомедъ снова собрался на Сербію, и Юрій снова просилъ помощи: ему предлагали ее подъ условіемъ перемѣны вѣры; но онъ отказался. Въ 1456 году Юрій умеръ, будучи раненъ въ схваткѣ съ Силагіемъ, который мстилъ ему за коварное убіеніе брата. Изъ краткаго очерка дѣятельности Юрія мы можемъ замѣтить, что Юрій дѣйствовалъ весьма двусмысленно; но онъ поступалъ такъ, какъ поступаютъ всѣ, находясь въ подобномъ положеніи. Поставленный между двухъ сильныхъ враговъ, онъ держался серединной политики, угождалъ и вредилъ тому и другому. Зачѣмъ, спрашиваютъ, не сталъ онъ твердо при богатыряхъ Кастріотѣ и Гуниядѣ? Но первый могъ одолѣвать Турокъ только у себя дома, въ горахъ, а второй не всегда оставался побѣдителемъ, и, главное, дѣйствовалъ отъ лица Угріи и за Угрію. Албанія была слишкомъ мала, чтобы притянуть къ себѣ всю Сербію, а Угрія имѣла на Сербію виды не менѣе враждебные, чѣмъ виды Порты. Притомъ счастіе колебалось между тою и другою стороною, и Сербія, лежавшая въ srединѣ, являлась первою жертвою мести побѣдителей. Но если основаніе образа дѣйствій Юрія оправдывается обстоятельствами, то самый способъ примѣненія его заслуживаетъ порицанія. Юрій дѣлалъ все не во время, неудачно, не умѣлъ пользоваться обстоятельствами; увертываясь, онъ всегда поподалъ въ просакъ. По крайней мѣрѣ, онъ не служилъ въ Турецкомъ войскѣ, не бился за Турокъ, не подчинилъ Сербію Угріи и умѣлъ спасти ее на время отъ совершеннаго порабощенія. Но если онъ, какъ правитель и государственный мужъ, не заслуживаетъ порицанія болѣе, чѣмъ Стефанъ, то, какъ человѣкъ, онъ стоитъ гораздо ниже Стефана. Родъ Лазаря отличался спокойствіемъ и прямотою дѣйствій; родъ Бранковичей, начиная съ самого Бранка, бѣжавшаго по какой-то крамолѣ въ Булгарію, отличается безпокойствомъ, лживостію и крамольностію; Лазарь и Стефанъ, по крайней мѣрѣ, по указаніямъ Исторіи, не первые поднимались, не первые начинали происки, хотя средства, ими употребляемыя, не отличались отъ средствъ другихъ бояръ. Если Стефанъ чрезъ жалобу Портѣ на Вука и погубилъ этого послѣдняго, однако въ дѣйствіяхъ своихъ онъ все же таки былъ открытѣе, благороднѣе и простодушнѣе; Вукъ и Юрій, напротивъ того, являются настоящими боярами крамольниками, подыскивающими подъ другими, сильнѣйшими ихъ боярами, Лазаремъ и его родомъ, и не обращающими вниманія на гибельныя послѣдствія ихъ подысковъ. Юрій выдается, какъ послѣдній представитель того новаго боярства, которое, порозививъ свои выгоды съ выгодами страны и сословія, распалось на личности, стремившіяся къ удовлетворенію своихъ собственныхъ выгодъ. Онъ былъ чуждъ правдивости и не любилъ отечества. Вся его дѣятельность при Стефанѣ, до ихъ примиренія, основывалась на личной его неприязни къ Лазаревичамъ и явно клонилась ко вреду Сербіи. Какъ отецъ его былъ причиною паденія Сербской самостоятельности послѣ Косов-

ской битвы, такъ онъ своими крамолами мѣшалъ ея возстановленію. Можетъ быть, онъ связывалъ руки Стефану для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Турокъ; онъ скорѣе всего заставлялъ Стефана твердо держаться султановъ, какъ единственнаго источника силы. Но это не ослабляетъ сказаннаго нами выше о Стефанѣ. Не слишкомъ ли Стефанъ боялся своихъ внутреннихъ непріятелей; не увлекался ли чрезъ мѣру мнимою самостоятельностію; не уважалъ ли болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало, своихъ подданническихъ обязанностей относительно поработителей своего отечества, и не цѣнилъ ли чрезчуръ временное спокойствіе, о которомъ самъ онъ говоритъ, какъ о вождѣленномъ? — на все это приходится намъ отвѣчать утвердительно. И такъ виноваты оба: и Стефанъ и Юрій. Равномѣрно поступокъ Юрія съ Гуннядомъ должно приписать личнымъ отношеніямъ Юрія къ Гуняду. Дочь Юрія была за Ульрихомъ Цильскимъ, заклятымъ врагомъ Гуняда; по этому очень возможно, что Юрій поступилъ такъ по наущенію графовъ Цильскихъ. Дѣйствительно, въ договорѣ съ Гунядомъ мы видимъ условіе, которое лишало послѣдняго возможности мстить графамъ Цильскимъ: въ силу этого условія сынъ Гуняда долженъ былъ жениться на дочери Ульриха. Въ послѣдствіи, по наущенію тѣхъ же графовъ Цильскихъ, Юрій покушался на жизнь Силагіевъ, шурьевъ Янка Гуняда, — и этотъ новый поступокъ окончательно объясняетъ его прежній поступокъ съ самимъ Гунядомъ. Смерть одного изъ Силагіевъ ознаменовала последніе дни девяностолѣтняго Юрія. Въ этомъ старцѣ—деспотѣ виднѣлся тотъ же крамольный бояринъ, какимъ былъ его отецъ и онъ самъ въ своей молодости. Отъ Юрія хранится на Аѳонѣ нѣсколько грамотъ. Въ одной, 1429 г., онъ подтвердилъ хрисовулъ «своего отца, деспота Стефана» на право владѣнія 70-ю селами въ Браничевѣ, Кучевѣ и Мачвѣ, данное великому челнику Радичу; а въ другой, 1430 г., подтвердилъ, съ супругою Ириною, грамоту деспота Стефана, данную Радичу на обладаніе церковью на р. Грабовницѣ и 5-ю селами. Тотъ же Радичъ написалъ отъ себя, въ 1433 г., грамоту на возобновленіе монастыря Костамонита, гдѣ между прочимъ говоритъ, что игуменъ долженъ имѣть при себѣ совѣтъ изъ 6 старцевъ (Гр., стр. 74, №№ 1, 2, 3). Дубровничане два раза получили отъ него подтвержденіе своихъ торговыхъ правъ, въ первый разъ въ 1428 г., 13 дек., во второй въ 1445 г., 17 сент. (С. №№ 111, 137). Сверхъ того онъ позволилъ имъ свободно по всей Сербіи, кромѣ Смедерева, торговать серебромъ, покупать и отвозить его въ Дубровникъ (С. № 137). Авраамовичъ подробно описываетъ современное изображеніе Юрія съ супругою Ириною, сыномъ Григоріемъ и дочерью Марою, сдѣланное на одной грамотѣ, которою Деспотъ, по возвращеніи своемъ изъ Святой Горы, въ 1430 г., записалъ монастырю Свигмену 50 литръ серебра годичнаго жалованья [1]. Юрій подписывался: **Млстїю бжїю Гнь Срблемь Деспоть Гюргь.**

Тотчасъ по смерти отца, Лазарь Юрьевичъ, прогнавши двухъ старшихъ слѣпыхъ братьевъ и отравивши мать, объявилъ себя деспотомъ; но вскорѣ умеръ въ 1458 г. въ то время, когда Магомедъ вступилъ въ Сербію. Григорій умеръ въ монашествѣ; его сынъ, Вукъ Змѣевичъ, прославилъ себя богатырскими подвигами и былъ въ послѣдствіи деспотомъ надъ Австрійскими Сербами. Стефанъ тщетно пытался объявить себя деспотомъ въ Сербіи и Сремѣ. Бо́льшую часть своей жизни онъ провелъ въ скитальчествѣ. Онъ былъ женатъ на Ангелинѣ, дочери Арванита, владѣтеля Зетскаго и брата Ивана Черноевича.

---

[1] О. Д. С. у С. Г. 1847. Стр. 67.

Отъ нея имѣлъ двухъ сыновей, Юрія и Ивана. Отъ Лазаря и Стефана мы имѣемъ по одной грамотѣ (С. №№ 146, 147). Первый въ 1457 г., 12 авг., второй въ томъ же году, 14 дек., свидѣтельствуютъ, что вполнѣ получили отъ Дубровничанъ каждый свою часть, состоявшую изъ 200 литръ золота, оставшагося отъ вклада, положеннаго ихъ родителемъ и обратно имъ взятаго. Оба они именуются деспотами. Также отъ Ангелины осталась одна грамота, 1495 г., 3 ноября, въ которой сказано, что по примѣру дѣда, деспота Юрія, обновившаго Святопавловскій Аѳонскій монастырь съ храмомъ св. Георгія, она съ сыновьями своими, деспотами Юріемъ и Иваномъ, пожертвовала упомянутому монастырю 500 златыхъ ежегоднаго вклада (С. № 178). Подпись: **Въ х҃рта б҃га блгоч҃тиви и х҃ртолюбиви Г҃пога Д҃спотица Аггелина и Деспотъ Георгие і Деспотъ Иоанъ.** Грамота писана въ Купинникѣ. Чрезъ четыре года уже одинъ Иванъ съ матерью давалъ грамоту монастырю Свигмену изъ того же города. Хотя онъ сдѣсь именуетъ себя деспотомъ, какъ и всѣ прочіе родичи бывшихъ деспотовъ, однако онъ выражаетъ только надежду сдѣлаться, при помощи Божіей, господиномъ надъ Сербами, и въ этой надеждѣ беретъ подъ свое покровительство Свигменъ, обѣщая впредь ежегодно поддерживать и награждать его согласно съ грамотою дѣда своего, Юрія. Подпись: **милостїю божїю госпоги деспотица Аиггелина:. и снъ нашъ милостїю божїю деспотъ Їωанъ:.** (Г. V). Братъ его, Юрій, былъ уже въ это время постриженъ въ иноческій санъ подъ именемъ Максима. Послѣ этого постриглась и Ангелина. Іоаннъ принялъ деспотство въ 1500 г., а умеръ въ 1502 г., декабря 10.

Между тѣмъ въ Сербіи оставалась деспотица Елена, вдова Лазаря Юрьевича, дочь Ѳомы Палеолога и сестра Русской царицы Софіи [1]. Она всячески пыталась удержаться въ Сербіи; но ни родство съ Стефаномъ Томашевичемъ, за которымъ была ея дочь, ни союзъ съ Матвѣемъ Корвинымъ, ни подчиненіе Сербія папѣ, ни коварное убіеніе Абоговича, не спасли Сербію отъ Турецкаго ига. Въ 1459 году Магомедъ совершенно покорилъ Сербію Турецкой власти. Елена скиталась по Далмаціи и Италіи и умерла монахинею въ въ 1474 году, 7 ноября [2]. Мы имѣемъ грамоту деспотицы Елены (А. № 20), отмѣченную 11-мъ іюня ҂з҃—і (1502) года. Какъ видно, годъ написанъ въ подлинникѣ довольно неясно; но уже первая буква, если только она написана вѣрно, приводитъ къ 1492 году. Во всякомъ случаѣ между Исторіею и грамотою есть противорѣчіе. Въ этой грамотѣ Елена обѣщаетъ жертвовать ежегодно Хиландару 100 червонцевъ. Подписывается: **въ х҃а б҃а блговѣрнѣ г҃пга єлена м҃тию б҃жїєю деспотица срьблемь.**

Разсѣявъ Бранковичей, Магомедъ выгналъ изъ своего дворца Мару, супругу Мурада, давши ей для жительства Ежево близъ Святой Горы. Отсюда Мара писала Дубровнику извѣстныя уже намъ грамоты (С. №№ 165, 166, 167); отсюда также дала она, въ 1479 году, 15 апр., грамоту, въ которой доходъ Святоархангельской Ерусалимской церкви, 1000 перп., перевела въ Святогорскіе Сербскіе монастыри, Хиландаръ и св. Павла (Г. Б). Такъ какъ это распоряженіе она сдѣлала на основаніи грамоты царя Стефана (Уроша V), то Енгель, не могши узнать изъ ея грамоты, о какомъ именно Стефанѣ говоритъ она, назвалъ этого Стефана Душаномъ; но напечатанная рядомъ съ этою грамотою грамота Стефа-

---

[1] По свидѣтельству Бранковича, у Ранча, ч. III, стр. 250.—Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. V, § XII. — Ср. Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, т. VI, гл. II.

[2] Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. V, § XII. За нимъ Ранчъ и Енгель.

на Уроша V показываетъ, что Мара разумѣетъ сдѣсь сына Душанова, Уроша V. Она подписывается: **Соултана цр҃а Амурата цр҃ца Мара дъщи Гюргиа деспота.** Въ 1501 году посланные отъ обоихъ Святогорскихъ монастырей жаловались Портѣ, «что нѣкая злая жена волшебствомъ» прекратила Дубровницкій доходъ, назначенный имъ царицею Марою. Визирь совѣтовалъ Дубровничанамъ платить, по прежнему, установленный доходъ; иначе грозилъ довести это дѣло до свѣдѣнія султана (С. № 173). Доходъ былъ возстановленъ. Это видно изъ того, что въ 1544 г. два іеромонаха, довѣренные отъ обоихъ монастырей, дали расписку Дубровничанамъ въ полученіи сполна всѣхъ денегъ, слѣдовавшихъ за два, еще не очищенные, года, 1542-й и 1543-й (С. № 174).

Когда Юрій Бранковичъ просилъ помощи у Запада, ему обѣщали ее подъ условіемъ перемѣны вѣры. Юрій не принялъ такого условія. Когда деспотица Елена подчинила Сербію папской власти, народъ возсталъ и избралъ деспотомъ сторонника Порты, Абоговича. Такъ сильно сказывались въ Сербахъ народное чувство и привязанность къ основѣ народности—вѣрѣ. И Сербія безъ сопротивленія подчинилась Турціи. Невозможно было долѣе отстаивать государственную независимость даже въ той слабой степени, въ какой она доселѣ проявлялась: пришлось выбирать того, или другаго повелителя. Одинъ обѣщалъ защиту отъ невѣрныхъ и льстилъ вещественнымъ благосостояніемъ, но втайнѣ готовился наложить руку на всѣ коренныя основы народной жизни: другой грозилъ опустошеніемъ, утверждалъ всюду свою произвольную власть, но не обращалъ вниманія на народный бытъ, не касался ни вѣры, ни языка, ни обычаевъ. Сербы выбрали послѣдняго, и Турки поставили надъ ними свои власти со всѣми ихъ мельчайшими подраздѣленіями. Чего не достигало Западное духовенство различными притѣсненіями, того достигла Турецкая власть безъ всякого усилія. Много народу приняло исламизмъ и отуречилось. Первые начали бояре, желавшіе черезъ отступничество отъ вѣры сохранить свое вліяніе на народъ, пріобрѣсти съ помощію Турецкой народности богатство и значеніе. За ними послѣдовали и прочія сословія. Болѣе всѣхъ отуречилась Босна, гдѣ не было противодѣйствія магометанству; гдѣ постоянная вражда православныхъ, патареновъ и католиковъ рознила нравственныя силы народа, ослабляла духовенство и мѣшала основанію монастырей. За нею слѣдовала Герцеговина, которая сильнѣе Босны стояла за православіе и съ юга поддерживалась Черногорцами. Наконецъ всѣхъ менѣе отуречилась собственная Сербія. Въ нее не проникалъ католицизмъ и не ослаблялъ въ ней дѣйствія православія; средоточіе Турецкой стихіи, Бѣлградъ, не былъ для нея средоточіемъ; у нея оставались сильное вліяніемъ и многочисленное духовенство и патріархъ; она наполнена была монастырями, и средоточіемъ ея народности была гористая страна, древняя Дарданія, гдѣ находилась столица патріаршества и куда не проникла чуждая стихія [1]: Не касаясь народности, Порта незамѣтно достигла того, что цвѣтъ Турецкаго войска, янычаре, были почти всѣ Славяне, ревностные поборники славы Турецкаго оружія и иступленные поклонники Корана. Но между тѣмъ, какъ часть Сербовъ перерождалась, другая, бóльшая, таила въ себѣ искру народной жизни, народнаго чувства. Она помнила, что Сербы поддались Турціи по тому только, что бояре или главари, захватившіе подъ конецъ верховную власть, не успѣли сберечь

[1] См. статью Спаситя: «Нешто о нашой цркви подъ Турскимъ владѣніемъ». Гласникъ, ч. I. 1847.

и защитить этой власти и, ослабивъ страну крамолами, выдали ее пришлымъ завоевателямъ; она исподоволь крѣпла въ вѣрѣ и народности. Какъ павшая имперія служила прежде образцомъ государственной порчи, такъ теперь Черногорія служила примѣромъ доблестной защиты отечества и всего роднаго. И изъ этой части Сербскаго народа выходили порою богатыри, поддерживавшіе воинственный духъ своихъ земляковъ и питавшіе въ нихъ непримиримую вражду къ своимъ Азіатскимъ поработителямъ. На нихъ любила отдыхать народная мысль, и на нихъ останавливалась народная поэзія. Сербія имъ обязана своими юнацкими пѣснями. Отважные храбрецы бились не за всю Сербію и не противъ всей Турціи, ибо это было еще рано; а бились они одинъ на одинъ для того только, чтобы не заглохла въ нихъ ненависть къ Туркамъ, а съ нею и чувство независимости. И Сербы, слагая пѣсни про своихъ витязей, дождались наконецъ пѣсней про Георгія Чернаго и Милоша Обреновича, когда дѣло шло уже объ освобожденіи всей Сербіи и торжествѣ православія. Въ дѣлѣ обновленія не могло быть мѣста ничему старому, испорченному. Прежній владѣтельный родъ Неманичей давно уже исчезъ; старинные боярскіе роды, своими крамолами сгубившіе отечество, выдавшіе народъ и не сумѣвшіе усидѣть на престолѣ, сходятъ съ поприща общественной дѣятельности, бѣгутъ въ чужія земли, или отуречиваются. На ихъ мѣстѣ вождями народа являются новыя лица, вышедшія изъ самого низкаго сословія, но личными подвигами стяжавшіе себѣ славу и общее уваженіе: то—жители горъ, пастухи, айдуки. Таково новое Сербское боярство, если можно такъ назвать его. Вмѣстѣ съ нимъ увѣнчалось славою духовенство, которое, въ дѣлѣ народности и освобожденія, дѣйствовало столько же словомъ, сколько и оружіемъ, и по совершеніи начатаго дѣла, послѣ брани, смиренно возвратилось къ своимъ мирнымъ пастырскимъ занятіямъ [1].

Была еще третья часть Сербовъ, которая захотѣла лучше покинуть родину, чѣмъ подпасть подъ иго невѣрныхъ. Совершено было нѣсколько переселеній за Дунай. Одни перешли въ Сремъ, другіе въ Бачку и Банатъ, третьи подъ самый Пештъ. Угорское, а потомъ Австрійское правительства обѣщали имъ сохраненіе вѣры, языка и народности и дали имъ разныя льготы, какъ-то, освобожденіе отъ десятины и пр. За то Сербы не жалѣли своей жизни въ общемъ дѣлѣ Нѣмцевъ и Угровъ. Они прославились болѣе тѣхъ, за кого сражались. Имена Вука Змѣевича, Димитрія Якшича, князя Павла Бранковича, Павла Бакича и многихъ другихъ покрылись въ Турецкихъ войнахъ неувядаемою славою вмѣстѣ съ именами Хорватскихъ защитниковъ, Шубичей, Берислова, Зринія, Алапича и другихъ. Но Сербы не нашли того, что думали найти, переселяясь за Дунай. Главныя усилія ихъ западныхъ противниковъ были устремлены на вѣру и языкъ. Извѣстнѣе прочихъ страшныя нападенія Седмиградскихъ Кальвинистовъ при митрополитѣ Савѣ (1656—1686), который не избѣжалъ даже тѣлеснаго насилія, поруганія и тюремнаго заточенія [2]. Въ послѣдствіи, по утвержденіи въ Австріи вѣротерпимости, предметомъ непріязненныхъ дѣйствій сталъ Сербскій языкъ: хотѣли, чтобы въ школахъ Сербы не учились Церковнославянскому языку, который названъ былъ «мертвымъ и без-

[1] См. В. С. Караджича о войнѣ Сербовъ съ Даями, въ «Данницѣ» 1828 года и «Илирскихъ Новинахъ» 1841 года. Нѣсколько другихъ источниковъ напечатано въ тѣхъ же изданіяхъ, а также въ Голубицѣ, Гласникѣ и пр.

[2] Дѣйствія и судьба Савы подробно описаны его братомъ, Юріемъ Бранковичемъ. Сокращеніе сдѣлано Раичемъ въ его Исторіи (ч. IV, стр. 61 и слѣд.)

полезнымъ[1]», но чтобы образованіе ихъ совершалось на языкѣ Илирскомъ, смѣси всѣхъ нарѣчій Илирскаго говора, и чтобы во всѣхъ прочихъ книгахъ, кромѣ церковныхъ, употреблялась азбука латинская. Въ этомъ постановленіи таились дальнѣйшіе виды на православную вѣру и Сербскій языкъ. Но усилія митрополита Моисея Путника и директора Янковича, достигли того, что употребленіе Кириловскихъ письменъ было допущено «на неопредѣленное время[2]». Еще разрушительнѣе дѣйствовали враги на самостоятельность Сербскихъ поселеній за Дунаемъ. Сдѣсь Сербы оставались при своихъ деспотахъ, которые избирались ими сначала изъ рода Бранковичей, потомъ изъ другихъ родовъ. Послѣднимъ ихъ деспотомъ былъ Юрій Бранковичъ, первый Сербскій историкъ[3], коего имя связано съ именами Петра Великаго и Сербскихъ патріарховъ Максима и его преемника, Арсенія Черноевича, мужественно отстаивавшихъ вѣру и народность Сербовъ, поддерживавшихъ въ нихъ чувство единства, неутомимо и съ самоотверженіемъ трудившихся въ тяжелыя времена о благѣ своей паствы. При Юріи, въ дѣлѣ Сербовъ, Россійскій дворъ показалъ себя, какъ всюду и всегда, защитникомъ угнетенныхъ собратій-единовѣрцевъ. Сербы, переселившіеся въ Австрійскія владѣнія, не смотря на данныя имъ права и свободу вѣроисповѣданія, постоянно терпѣли притѣсненія отъ католиковъ и особенно Седмиградскіе отъ Кальвинистовъ. Бѣдственное положеніе православныхъ Сербовъ побудило Седмиградскаго митрополита Саву и брата его, Юрія, Бранковичей отправиться, въ 1668 г., въ Россію, гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ въ присутствіи патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, принялъ ихъ милостиво, надѣлилъ грамотою, позволилъ собирать подаянія и для митрополита Савы поручилъ полковнику Артамону Сергѣевичу Матвѣеву изготовить митру. Юрій Бранковичъ былъ уже въ это время тайно помазанъ на деспотство въ Адріанополѣ отъ руки возвращавшагося изъ Ерусалима Сербскаго патріарха Максима и при содѣйствіи Австрійскаго посланника при Портѣ и многихъ бояръ. Главною мыслію Деспота было поднятіе всѣхъ южныхъ Славянъ противъ Турокъ; къ ней присталъ и Валашскій господарь, Шербанъ; ее же одобрялъ и самъ императоръ Леопольдъ. Преемникъ Максима, патріархъ Арсеній Черноевичъ, а потомъ и Императоръ, 10 сентября 1688 года, подтвердили его въ деспотскомъ званіи. Другою мыслію Деспота и патріарха Арсенія было изведеніе Сербовъ изъ Турецкихъ владѣній въ Австрійскія. Оба задуманныя дѣла были полезны для Австріи, которой собственныя войска замѣтно уступали Турецкимъ силамъ и если еще не совсѣмъ уступили, то этимъ обязаны были неоднократной помощи Хорватовъ, Поляковъ, особенно Собѣскаго, и Сербовъ-переселенцевъ. Получить приращеніе къ своему народонаселенію, не столько важное по своему количеству, сколько по безмѣрной

---

[1] Слова императорской грамоты: Quae ex incidenti eo, quod a vernacula diversa sit, ac nonnisi in lythurgiis adhiberi consueverit, pro inutili, ac mortua reputari debet. A. D. MDCCLXXXIII, XXVI d. Iulii, N 17631. Гласникъ, I. 1847. Стр. 136.

[2] См. статью Мушицкаго: «Судбине Кирилски писмена у Аустрійской држави». Гласникъ, I. 1847.

[3] Его Исторія Сербіи доселѣ остается въ рукописи. Раичъ и нѣкоторые позднѣйшіе Сербскіе историки пользовались ею. Лѣтописецъ, изданный въ Загребскомъ Архивѣ (Кн. III, 1854) и названный нами Бранковичевымъ, служилъ ему, вмѣстѣ съ другими, источникомъ. Славянскій подлинникъ его пропалъ; издано только сокращеніе, сдѣланное Пеячевичемъ на Латинскомъ языкѣ. Такъ какъ Загребскій Архивъ полученъ былъ нами послѣ напечатанія Введенія, то объ немъ и не упомянуто на стр. 51. Онъ составляетъ, слѣдовательно, 13-й списокъ Сербскихъ лѣтописей, но не подлинный, а передѣланный, Латинскій.

храбрости и отъявленной враждѣ къ Туркамъ, получить въ то время, когда Турки грозили существованію Австріи и, когда пограничныя земли уже опустѣли отъ ихъ вторженій: это было въ высшей степени выгодно для Австріи; она тотчасъ размѣщала переселенцевъ по пустымъ пограничнымъ землямъ, привязывала ихъ къ себѣ блестящими обѣщаніями и пріобрѣтала такимъ образомъ преданныхъ и храбрыхъ бойцевъ, хранившихъ ея существованіе отъ покушеній Турокъ и Мадьяръ. Но между различными правами, состоявшими въ свободѣ вѣроисповѣданія, подчиненіи въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ власти митрополита, избавленіи отъ государственныхъ податей и католическихъ десятинъ и пр., не было обѣщано, что Сербы будутъ имѣть постоянно своего деспота: правда, имъ позволено было выбирать своихъ воеводъ; но тутъ же сказано, что воевать они станутъ подъ главнымъ начальствомъ Нѣмецкихъ полководцевъ. Напротивъ, Сербы иначе понимали данныя имъ льготы; вѣроятно, имъ внушено было, что они не только сохранятъ всѣ свои права, но даже со временемъ возстановлена будетъ ихъ государственная самостоятельность. Такъ думали они, по свидѣтельству ихъ подлинныхъ писаній. Вотъ почему въ послѣдствіи просились они у Австрійцевъ возвратиться на свою родину; вотъ по чему также, не почитая себя Австрійскими подданными, заботились они о своемъ деспотѣ. Но для Австріи, съ первой же минуты ихъ прихода, смотрѣвшей на нихъ, какъ на подданныхъ своихъ, нельзя было допустить у нихъ такого устройства, представлявшаго всѣ невыгоды status in statu; и въ слѣдствіе этого, предоставляя имъ оставаться при ихъ убѣжденіи, она, на дѣлѣ, дѣйствовала иначе. Довольно было для нихъ одной особой духовной власти; высшая же мірская власть должна была сосредоточиваться не въ деспотѣ, а въ рукахъ правительства. Но Сербы хорошо сознавали значеніе деспотской власти, какъ видно изъ ихъ челобитной и письма Арсенія Черноевича къ Петру Великому: «яко да той же деспотъ нашъ яко первоначальная глава наша, его же мановенію народъ Сербскій, его нравамъ, расположенію и управленію привыкнувый, или стоитъ, или падаетъ» — сказано въ челобитной; Арсеній же къ судьбѣ деспота примѣняетъ Евангельское изрѣченіе: поражж пастира и разидѫтсе ѡвцє стада. Это-то сознаніе своей самостоятельности подъ управленіемъ деспота и не могло быть допущено; ибо въ такомъ случаѣ Сербы осуществили бы свое желаніе остаться самостоятельными. И когда, склонясь на лестныя предложенія Австріи, и Деспотъ и Патріархъ до того уже довели дѣло, что отказаться отъ него было невозможно, не подвергшись истребленію отъ Турокъ, тогда Австрія увидѣла, что Сербы могутъ уже обойтись и безъ деспота. Въ октябрѣ 1688 года, подъ Кладовымъ, при самомъ Траяновомъ Мосту, Юрій перешелъ съ дружиною своею въ Нѣмецкій станъ; но начальствовавшій Нѣмецкими войсками, принцъ Баденскій, тотчасъ же приказалъ задержать его и подъ стражею отправилъ въ Ршаву, а отсюда въ Сибинъ. Австрійское правительство ни разу не высказало причины его задержанія; Кальвинисты же Седмиградскіе распустили слухъ, что Юрій взятъ подъ стражу за излишнюю преданность Россіи, и старались согласно съ этимъ перетолковать и посольство Аѳонскаго архимандрита Исаіи, отправленнаго Шербаномъ въ Москву. Они выдумали, что будто бы Юрій и Шербанъ тайно пересылаются съ Москвою и хотятъ вмѣстѣ съ Московскими, Польскими, Татарскими и Турецкими силами дѣйствовать противъ Австріи. По этому Исаія, по возвращеніи своемъ въ Седмиградію, былъ также задержанъ и отправленъ въ Сибинъ, а отсюда, вмѣстѣ съ Деспотомъ, въ Вѣну. У него отобраны были

грамоты Московскаго царя, и онъ, равно какъ Деспотъ, подверженъ пыткѣ. Но въ силу новой грамоты изъ Москвы, Исаіи дарована была свобода. Въ 1690 г. Сербы съ своимъ патріархомъ Арсеніемъ, въ слѣдствіе прежняго соглашенія съ Юріемъ, перешли черезъ Дунай въ Австрію, и столица патріаршая изъ Пети (Пека) перенесена была въ Сентъ-Андре близъ Пешта. Въ это время они еще не знали хорошо о судьбѣ своего деспота. Между тѣмъ Юрій, принужденный содержать себя въ Вѣнѣ на свой счетъ, переносилъ многія обиды отъ домохозяина и лишенія. Въ челобитной Императору Сербы говорили, что Деспотъ содержится въ «премрачной и смрадной темницѣ, яко и здравія уже лишается,» и что онъ, «всѣхъ своихъ добръ, движимыхъ и недвижимыхъ, обнаженъ, еще и бремя неплаты за квартеръ или мѣсто стреженія его ему возложено имѣется, ниже не пропитаніемъ, ниже одѣяніемъ довольно снабденъ есть». Тщетною осталась просьба самого Деспота, который со всею откровенностію, самыми дѣлами, доказывалъ свою преданность Австріи и требовалъ суда и выслушанія, говоря: neque diabolus inauditus jure condemnari possit. Потомъ три раза Сербы подавали челобитныя Императору объ освобожденіи Деспота; Арсеній употреблялъ къ тому всѣ усилія, но напрасно. Правительство объявляло, что ему все еще нѣкогда заняться дѣломъ Деспота, и самъ Императоръ сказалъ посламъ: «о зарестованіи Георгія Бранковича, нынѣ еще не распознаннѣй арреста его причинѣ, отпустити не можемъ.» А распознаніе это и не думало производиться. Между тѣмъ Сербы и Патріархъ, къ которому правительство, въ замѣнъ Деспота, было весьма благосклонно, безвозвратно болѣе и болѣе втягивались въ общее дѣло Австріи, получивъ отъ нея себѣ поддеспота. Называя себя «заточниками», они мужественно сражались въ рядахъ Нѣмецкихъ войскъ за Австрійскія земли и продолжали льстить себя надеждою, что по усмиреніи злобнаго сосѣда они спокойно возвратятся къ самостоятельной государственной жизни. Но пока оставались они въ Австрійскихъ владѣніяхъ, права ихъ, торжественно дарованныя и подтвержденныя императорскими грамотами, мало по малу стѣснялись и отнимались. Католическое духовенство настояло на взиманіи съ нихъ, хотя и православныхъ, десятинъ; дѣйствія патріаршей власти были ограничены; насильно разселяли Сербовъ по Нѣмецкимъ землямъ; отнимали у нихъ добычу, которую они брали на Туркахъ и которая по правамъ принадлежала имъ. Въ челобитныхъ своихъ Сербы опирались не на что болѣе, какъ на свои права, и, соединяя свои выгоды съ выгодами Австріи, для лучшаго успѣха, просили освобожденія Деспота, который, по ихъ словамъ, былъ имъ головою и урядителемъ и наилучшимъ образомъ могъ вести дѣла. Но то, на что они такъ откровенно ссылались для пользы самой Австріи, эта Славянская черта—любовь къ вождю и безграничная преданность и повиновеніе ему, какъ главѣ общей семьи, увѣренность въ немъ при мысли, что ему одному вручена свыше судьба народа и что онъ одинъ можетъ и долженъ управлять ею, — это-то и не могло сойтись съ выгодами Австріи, боявшейся водворенія у себя отдѣльной, могущественной власти. Къ этой причинѣ присоединилась и другая, вѣроисповѣдная, истекавшая, впрочемъ, изъ того же начала и не скрываемая Угорскимъ архіепископомъ, который, въ отвѣтъ на просьбу Деспота, прямо сказалъ: «отъ единыя страны его (деспотово) избавленіе за нынѣ велми продолжаетъ архіепископъ ихъ (Сербовъ), его же вы называете патріархомъ, съ нимъ же и господинъ Бранковичъ единогласіе имѣетъ, яко таковыя вещи имѣти хощетъ патріархъ, яже бы могли быти како противъ власти моей архіепископской, тако и всему закону

Римокаѳолическому въ пагубу клониться.... Тѣмъ и государь Бранковичъ, аще бы освободился, толь паче возвысили бысте роги въ симъ подобныхъ, яже мы никаковымъ образомъ въ кралевствѣ Унгарскомъ допустити не можемъ.» Но безъ своего вождя, который бы совѣтовалъ и предводилъ въ трудное военное время, Сербы обойтись не могли, и по тому имъ данъ былъ поддеспотъ съ весьма ограниченною властію. Впрочемъ, Московскій дворъ лучше понималъ и уважалъ ту Славянскую черту, которой не признавалъ дворъ Нѣмецкій. При свиданіи, въ 1696 году, съ Московскимъ посланникомъ, Козмою Никитичемъ, патріархъ Арсеній сказывалъ ему «о задержаніи Деспота, о насилованіи духовнаго и мірскаго чина къ соединенію съ Римокаѳолическимъ закономъ, равнѣ же и о разселеніи народа Сербскаго въ предѣлы Нѣмецкіе, еже не точію Сербскимъ правамъ, торжественно увѣреннымъ, противно есть, но тѣмъ и разумѣти дается, яко намѣреніе есть, народъ той безъ вѣсти въ нѣкоемъ порабощеніи содержати.» По сему посланникъ Московскій представилъ Австрійскому правительству два требованія: позволить ему видѣться съ Деспотомъ и оказать защиту православнымъ Сербамъ отъ притѣсненій латинскаго духовенства. Послѣ свиданія съ Деспотомъ, онъ первое требованіе измѣнилъ въ предложеніе объ освобожденіи Юріи, какъ невиннаго. На это ему отвѣчали: nihil male fecit, sed ratio status sic requirit. Неизвѣстно, прежде ли, послѣ ли этихъ дѣйствій Московскаго посланника, но только въ томъ же году, 6 іюня, Арсеній написалъ въ Москву къ царю Петру посланіе, въ которомъ, изложивъ обстоятельно все дѣло Деспота, просилъ его заступничества въ освобожденіи Деспота и въ прочихъ дѣлахъ, касающихся православнаго народа Славинскаго, живущаго въ Австрійскихъ земляхъ, какъ равно гнетомаго игомъ Турецкимъ. Къ этому главному прошенію присоединены были два другія: чтобы вмѣсто митры, заказанной покойнымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, изготовлены были деспотская шапка и прочая утварь, надлежащая къ деспотскому сану; и чтобы Петръ благоволилъ оказывать ежегодныя вспомоществованія Деспоту, его сродникамъ и православнымъ Седмиградскимъ церквамъ, обѣднившимъ отъ притѣсненій Кальвинистовъ, какъ то дѣлалъ блаженной памяти родитель его. Припомнивъ тѣсныя сношенія Петра Великаго съ Черногоріею, мы увидимъ, что Русь уже съ первыхъ временъ своего вступленія въ обще-Европейскій составъ государствъ, принимала живое участіе въ своихъ одноплеменникахъ и одновѣрцахъ, признавая чрезъ то и родство свое съ ними и необходимость общихъ выгодъ. Какъ горячо Петръ принималъ дѣло Деспота, видно изъ того, что въ бытность свою въ Вѣнѣ онъ успѣлъ видѣться и переговорить съ Юріемъ и, уѣзжая, поручилъ его дѣло своему уполномоченному, Возницыну, который и представилъ Вѣнскому двору слѣдующія требованія: выпустить Деспота, не отстранять Сербовъ отъ пользованія тѣми правами, которыя утверждены императорскими грамотами, не стѣснять ихъ вѣроисповѣданія и дозволить имъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, свободно и безопасно оставаться въ Сремской землѣ, ибо подъ таковыми условіями привлечены были Сербы изъ Турецкихъ владѣній: «иначе бо—заключилъ посланникъ—достоится имъ въ прежнее Туркомъ повиновеніе обратно возвратитися.» Эти слова показываютъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ Московскій дворъ на пребываніе Сербовъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ: ясно, что онъ признавалъ ихъ только временными переселенцами и хотѣлъ, чтобы всѣ права и льготы ихъ были сохранены и уважены. Но Вѣнской дворъ смотрѣлъ на это иначе, хотя не переставалъ увѣрить Сербовъ въ независимости ихъ положенія и

неприкосновенности правъ. Безплодными остались и представленія Возницына и четвертая челобитная Сербовъ, написанная въ сильныхъ выраженіяхъ. Тогда, оказавъ многочисленные примѣры самоотверженія въ войнѣ Нѣмцевъ съ Турками, не разъ вырвавъ побѣду изъ рукъ послѣднихъ и неоднократно спасая Нѣмецкую рать отъ погибели, Сербы стали просить возвращенія за Дунай на родину; но и обратный путь былъ имъ воспрещенъ. Такимъ образомъ они навсегда остались въ Австріи и мало по малу вошли въ составъ Австрійскихъ подданныхъ, будучи причислены къ народонаселенію Угорскаго королевства. Не задолго до кончины своей, Юрій переведенъ былъ въ Чешскій городъ Хебъ (Егеръ), гдѣ и умеръ 19 сентября 1711 года, пробывъ въ заключеніи 22 года и не дождавшись разпознанія своей вины. Сербы остались съ однимъ своимъ патріархомъ, столица котораго перенесена была сначала въ Бѣлградъ, а потомъ, по завоеваніи этого города Турками, въ Карловацъ Сремскій[1].

Такъ одинъ и тотъ же Сербскій народъ, пришедшій изподъ Карпатовъ на Ѳракійскій полуостровъ и разсѣвшійся по областямъ, испыталъ съ вѣками различную судьбу и достигъ къ концу XVIII ст. крайней степени различія. Одна часть его, прибрежная, смѣшавшись съ туземцами, основала торговыя общины съ полуитальянскою народностію, съ полуитальянскимъ образованіемъ и съ Римско-католическимъ вѣроисповѣданіемъ. Другая, сѣвшая на востокъ отъ нея, подверженная сильному вліянію Римо-католицизма и колебавшаяся между православіемъ и патаренскою ересью, а въ государственномъ отношеніи испытывавшая дѣйствіе то Греціи, то Угріи, то восточной Сербіи, не имѣла въ себѣ необходимаго средоточія, и силы ея постоянно слабѣли во внутренней разладицѣ, такъ что она навсегда осталась добычею исламизма и Турокъ. Третья часть, постоянно привязанная къ восточной православной Сербіи и давшая ей правителей, сильная вѣроисповѣдною сосредоточенностію, свѣжестію народныхъ силъ и самостоятельностію направленія, отпавши отъ своего тѣла, когда это прониклось порчею и приблизилось къ разрушенію, успѣла, въ неприступной горѣ, не смотря на свою малочисленность и страшные погромы, спасти независимость и сберечь народную старину. Наконецъ четвертая, зерно Сербіи, разросшееся въ короткое время величественнымъ деревомъ на почвѣ православія и народной самостоятельности, вдругъ чрезъ нововведеніе, отзывавшееся чужеземнымъ духомъ, получила извнѣ зародышь порчи, которая быстро охватила ея болѣе доступныя и выдающіяся части и вмѣстѣ съ ними повергла все цѣлое подъ мечъ Турецкій. Настало новое распаденіе. Между тѣмъ, какъ одни изъ православныхъ Сербовъ туречились, другіе, сохраняя вѣру и народность, оставались подъ Турецкимъ владычествомъ, дѣйствовавшимъ на нихъ поверхностно, не трогавшимъ сущности коренныхъ началъ народной жизни,—и когда, среди искушеній, они достаточно очистились и сплотились, когда силы ихъ освѣжились и помолодѣли, и новыя сословія вышли на встрѣчу судьбѣ, они начали борьбу за независимость и кончили ее успѣшно. Третьи же, погнавшись за призракомъ народной самостоятельности и вступя за Дунаемъ на чуждую почву, среди блестящихъ подвиговъ чудесной храбрости, проливая кровь за общее дѣло Мадьяръ и Нѣмцевъ, теряли силы, а съ ними и права своя; вѣра и народность ихъ, не смотря на заступничество Россіи, стѣснялись, и когда братья ихъ свергали съ себя иго Турецкое, они все болѣе и болѣе вступали въ составъ чужеземныхъ подданныхъ.

---

[1] Источники: Исторія Раичъ, 2-е изд. 1823 г. Ч. IV и Прибавл. II.—Лѣтопись 1830 г., ч. IV.

Представленный очеркъ государственной и гражданской жизни Сербіи показываетъ, что Сербія въ своемъ развитіи проявляла общую Славянскую мысль, которой способствовала ея государственная самостоятельность. Въ основѣ ея жизни лежало начало Славянское. Конечно, начало это, сложившееся изъ народнаго и человѣческаго, обильно было силами добрыми и свѣжими, если Сербія такъ быстро, менѣе, чѣмъ въ два вѣка, достигла блестящихъ итоговъ своего внутренняго и внѣшняго развитія. На этомъ пути, направляя свои силы къ достиженію прямой цѣли совершенствованія, она ни на шагъ не отстала отъ одноплеменныхъ съ нею державъ, явившись въ семьѣ Славянской ровесницею другимъ, важнѣйшимъ Славянскимъ государствамъ. Польша, Чехи, Русь и Сербія принадлежатъ, по началу своего европейскаго значенія, къ одному времени, когда Славяне, предшествуемые Великоморавскими и Булгарскими собратіями, быстро выступали одни за другими на поприще самостоятельной государственной дѣятельности и скоро сравнивались съ современными имъ Нѣмецкими и Романскими племенами. То было особое время Славянской жизни, молодой, блестящей, счастливо выражавшейся въ государственной самостоятельности главнѣйшихъ Славянскихъ племенъ. И Сербія не отстала отъ прочихъ. Мы застаемъ ее при Немани начинающею свое независимое государственное бытіе и входящею въ рядъ Европейскихъ державъ ровно вѣкомъ позднѣе Польши при Болеславѣ Великомъ и почти одновременно съ Чехами при Пресмыслѣ Отакарѣ I, и Русью при Ярославѣ. Съ той поры она быстро выдвигается впередъ въ виду сосѣднихъ державъ, сперва обращая на себя ихъ вниманіе, потомъ сама подчиняя ихъ своему вліянію. Уже при Милутинѣ границы ея расширились значительно; Греція и Булгарія уступали ей въ силѣ оружія, и воля Сербскаго короля значила много для нихъ; при Душанѣ, ровно въ половинѣ XIV-го столѣтія, вмѣстѣ съ обширными завоеваніями, сдѣланными на счетъ Восточной Имперіи, вліяніе Сербіи на Грецію и Булгарію увеличилось; а вмѣстѣ съ тѣмъ и Угрія увидѣла себя на одной ступени съ Сербіею и должна была отказаться отъ тѣхъ преобладающихъ пріемовъ, которые доселѣ проявлялись въ ея сношеніяхъ съ этою послѣднею. Въ Боснѣ выгоды обѣихъ державъ столкнулись; онѣ почти уравновѣшивались при Милутинѣ, но при Душанѣ, чрезъ покореніе Босны, Сербія взяла перевѣсъ. Равномѣрно, уклончивость въ отношеніи Запада, представляемаго въ лицѣ папы, и сохраненіе неприкосновеннымъ православнаго вѣроисповѣданія, показываетъ, что вообще Западъ не былъ страшенъ для Сербіи, какъ не страшилась она и Востока. Душанъ поднялъ ее высоко въ глазахъ Европы, такъ что вѣсъ ея оказался необходимымъ въ общемъ составѣ государствъ, образуемомъ Италіею, Угріею, Булгаріею и Греціею. Мало того, Сербіи предназначалось докончить задачу, выпадавшую на долю отживавшей Греціи, — отразить Азіятскія орды отъ предѣловъ Европы. Душанъ первый замыслилъ это великое дѣло, котораго хорошія послѣдствія были бы неисчислимы, какъ послѣ неисчислимыми оказались дурныя послѣдствія противнаго. Если ни Греція, ни Булгарія, ни самая Угрія не спасли восточной Европы отъ Турокъ, то тѣмъ ярче выказывается великость значенія, пріобрѣтеннаго Сербіею въ юговосточной Европѣ при Душанѣ. Преждевременная смерть Душана навсегда оставила неразгаданную загадку: Турки ли бы одолѣли Сербовъ, или Сербы Турокъ. По крайней мѣрѣ, вѣроятностей, можно сказать, поровну на той и другой сторонѣ. Припомнимъ, что въ это самое время итакже въ половинѣ этого самого столѣтія Чехія, въ лицѣ Карла IV, зани-

мала почетное мѣсто въ Европѣ и стояла выше прочихъ Нѣмецкихъ земель, по праву принимая на себя главнѣйшимъ образомъ тотъ блескъ, которымъ окруженъ былъ императоръ Германскій; Польша съ Казиміромъ Великимъ, по прекращеніи внутреннихъ усобицъ, вступала въ тѣсныя сношенія и родственныя связи съ Европейскими державами и уже оказывала довольно сильное вліяніе на сосѣднія земли, а внутри у себя водворяла просвѣщеніе и улучшала законодательство. Только Россія, по случаю продолжительныхъ княжескихъ усобицъ и владычества Татаръ, отстала отъ нихъ слишкомъ на цѣлое столѣтіе, получивъ съ Иваномъ III новую государственную жизнь, позволившую ей начать должныя сношенія съ Европою. Какъ только помянутыя Славянскія государства вступали въ эту пору своего внѣшняго могущества, такъ сейчасъ же въ нихъ пробуждалась мысль упроченія своего внутренняго бытія въ смыслѣ гражданскаго общества. Наружная сила безъ внутренней подпоры не могла долго поддерживать могущество государственное,—и властители Славянскіе, вмѣстѣ съ водвореніемъ единодержавія, обращаютъ главное свое вниманіе на преобразованіе общества, подготовленнаго къ этому перемѣною въ представленіи власти и усиленіемъ государственныхъ началъ. Общество, доселѣ основанное на стародавнихъ родовыхъ началахъ, принимало видъ и свойства благоустроеннаго гражданскаго союза, которому основою служитъ законъ, опредѣляющій правильныя отношенія подданныхъ къ верховной власти и между собою. Такимъ образомъ возвышеніе извнѣ Славянскихъ государствъ, Сербіи при Душанѣ, Чеховъ при Карлѣ IV, Польши при Казимірѣ и Руси при Иванѣ III, ознаменовалось и утвержденіемъ внутренняго порядка чрезъ письменное изданіе законовъ, было ли то повтореніе прежнихъ, или уложеніе новыхъ. Законникъ Душановъ, Majestas Carolina, Статутъ Казиміровъ, Судебникъ Ивана III, были ли они приняты и введены въ употребленіе, или не были, — все же обличаютъ намѣреніе правителей упрочить гражданскій порядокъ. Равномѣрно, въ развитіи верховной власти, Сербія шла одинаковымъ путемъ съ прочими Славянскими государствами. Въ одно и то же время въ ней, Польшѣ и Руси начинаются усобицы между родичами, потомками Немани, Болеслава Кривоустаго и Ярослава. Чехи также не избѣжали этой ступени обще-Славянскаго развитія, но у нихъ она имѣла мѣсто ранѣе цѣлымъ столѣтіемъ и по времени отвѣчала мало извѣстнымъ распрямъ Сербскихъ жупановъ, окончившихся смутами въ родѣ Белы Уроша. Какъ въ Сербіи въ это время преобладающее участіе въ усобицахъ принимали Греческіе императоры и Булгарскіе цари, такъ въ Чехахъ усобицы Премысловцевъ нерѣдко зависѣли отъ Нѣмецкихъ императоровъ и королей Польскихъ. Брячиславъ и Отакаръ I положили имъ конецъ своими постановленіями о правѣ престолонаслѣдія. Скудость потомства, которое вскорѣ вовсе прекратилось, помогла имъ въ этомъ. Спустя столѣтіе послѣ Чеховъ, усобицы окончательно прекратились въ Сербіи и Польшѣ, и еще спустя столѣтіе, въ Россіи, и именно при тѣхъ самыхъ государяхъ, которые, внося съ собою новую мысль, именами своимъ открывали новую, свѣтлую пору народной жизни, каковыми были: въ Сербіи Душанъ Сильный, въ Польшѣ Казиміръ Великій, въ Россіи Иванъ III. Если Сербія пала ранѣе другихъ Славянскихъ независимыхъ державъ, съ которыми она имѣла такъ много сходства въ общихъ чертахъ развитія, то виною тому какъ внѣшнія, такъ и внутреннія неблагопріятныя обстоятельства, составляющія ея отличительную обстановку. При томъ же Сербія была уже не первою жертвою подобныхъ обстоятельствъ. Давно уже пали княжества Прибалтій-

скихъ Славянъ, разносимыя на части усобицами и тѣснимыя Нѣмецкимъ племенемъ; пала точно такъ же и Великоморавская держава. Тамъ и тутъ водворилось господство Запада или Нѣмцевъ. Чередъ дошелъ и до разрушительнаго вліянія Восточной Имперіи на сосѣднихъ Славянъ; и вотъ, раздираемая внутренними смутами, потрясаемая столкновеніемъ Византійскаго вліянія съ Сербскимъ, Булгарія быстро приходитъ въ состояніе полнаго разрушенія и спокойно отдается въ руки Азіятскихъ завоевателей. Подобно ей, нося сѣмя государственной порчи, заимствованной отъ средневѣковой Греціи, слабѣетъ и Сербія; ея собственныя силы обращаются во вредъ ей, и она, споткнувшись разъ на Косовомъ полѣ, постепенно теряетъ свою государственную самостоятельность и достается тѣмъ же Азіятскимъ пришельцамъ. Исторія записала тѣ средства, которыя Нѣмцы употребляли для ослабленія Славянъ, въ слѣдствіе чего и покоряли ихъ; но Греки, подобно Нѣмцамъ, разрушительно дѣйствуя на Булгаръ и Сербовъ примѣромъ своей нравственной, гражданской и государственной порчи, имѣли цѣлью не Нѣмецкое преобладаніе, а самосохраненіе, — и не спасли ни себя, ни Славянъ. Подъ ихъ вліяніемъ развившійся въ нѣдрахъ самихъ Славянъ зародышъ зла лишилъ послѣднихъ возможности стать оплотомъ противъ громадной силы, высланной на Европу Азіею, и всѣ трое, Греки, Сербы и Булгары, почти одновременно пали подъ неудержимымъ напоромъ Азіи.

До Немани Сербія находилась въ разрозненномъ состояніи. Не смотря на власть великихъ жупановъ, въ разное время и въ разныхъ областяхъ находились независимые князья и жупаны, и не было такого рода, который бы могъ назваться представителемъ верховной власти надъ всею Сербіею. Великіе жупаны, до самого Белы Уроша, получали власть не по преемству, а подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, или съ содѣйствія Грековъ. Не смотря на то, названіе Дестницкихъ, Дуклянскихъ и происхожденіе Расскихъ жупановъ, равно какъ бѣгство Белы Уроша въ Захлумье и Тѣхомила въ Дуклю свидѣтельствуютъ, что главнымъ средоточіемъ и мѣстомъ власти была Зета или югозападный уголъ Сербскаго населенія, обнимавшій Дуклю, Дестницу и Расу. Далмація и Дукля входили въ составъ Зеты, и въ памятникахъ часто замѣняютъ ее собою. Съ Белы Уроша власть великожупанская удерживается за однимъ родомъ, происходившимъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, изъ Дукли, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается яснѣе ея значеніе. Смуты въ родѣ Белы Уроша кончились торжествомъ младшаго его внука, Немани. Съ этого времени боковое потомство исчезаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣютъ и пропадаютъ отдѣльные независимые владѣтели: Неманя собираетъ подъ свою верховную власть Сербскую землю, возводитъ ее на степень самостоятельнаго государства и передаетъ правленіе своему роду въ лицѣ старшаго своего сына и великаго жупана, Стефана. Но, по обще-Славянскому обычаю, Неманя не лишилъ владѣнія и другаго своего сына, Вукана, которому, со званіемъ великаго князя, отдалъ родовую дѣдину, Зету. Необходимо допустить, что званіе великаго князя было ниже званія великаго жупана и что Вуканъ стоялъ подъ рукою Стефана, также какъ Зета не отчуждена была совершенно отъ Сербіи. Тѣмъ не менѣе, это былъ удѣлъ, доставлявшій его владѣльцу нѣкотораго рода самостоятельность и позволявшій ему домогаться всего остальнаго отцовскаго наслѣдія во вредъ верховной главѣ Сербіи. Эта борьба повторялась въ послѣдствіи нѣсколько разъ. Стефанъ упрочилъ еще болѣе власть, наслѣдованную отъ отца, вѣнчавшись на королевство. Чрезъ это онъ

во внѣшнихъ сношеніяхъ поднялъ на ступень выше Сербію, получившую уже отъ Немани значеніе независимаго государства, равнаго сосѣднимъ державамъ; а родственная связь съ Византійскимъ дворомъ, игравшимъ тогда первостепенную роль въ Европѣ, поддержала это возвышеніе. Внутри онъ сталъ въ болѣе правильное отношеніе къ своимъ подданнымъ, какъ вѣнчанный государь, какъ ихъ повелитель и король. Послѣ него престолонаслѣдіе совершалось преемственно отъ старшаго брата къ среднему и меньшому. За отсутствіемъ сыновей и племянниковъ, мы не можемъ рѣшить окончательно — необходимость ли требовала такого представленія преемства, или оно было слѣдствіемъ стародавняго Славянскаго обычая первородства. Знаемъ также, что это представленіе не исключало собою и права способнѣйшаго, примѣръ чему видимъ на Владиславѣ. Но, кажется, второе предположеніе справедливѣе, ибо послѣ Уроша I видимъ, что за старшимъ его сыномъ, Драгутиномъ, восходитъ на престолъ второй сынъ, Милутинъ, помимо племянника своего, Владислава. Съ Милутина представленіе это теряетъ силу, теряетъ ее до такой степени, что даже побочный сынъ Милутина вступаетъ на престолъ въ ущербъ правамъ старшаго племянника, сына старшаго брата, Драгутина, и единственнаго законнаго наслѣдника и Неманича. Бояре способствуютъ этой перемѣнѣ; но защищаютъ старшаго сына, хотя и незаконнорожденнаго, отъ притязаній таковаго же младшаго, Константина. Въ отвѣтѣ Дечанскаго этому послѣднему уже сказался истинный государь, понимавшій свои отношенія къ родичамъ, какъ прежде понимали и осуществляли его предшественники свои отношенія къ подданнымъ. Теперь отъ подданныхъ чередъ дошелъ и до родичей: имъ, въ лицѣ Константина, Дечанскій указывалъ мѣсто не равныхъ королямъ удѣльныхъ владѣльцевъ, но сподручниковъ, долженствовавшихъ занять второе мѣсто въ государствѣ. И такъ на престолѣ родъ Неманичей окончился собственно съ Милутиномъ; бояре, отвыкшіе отъ законнаго наслѣдника, Владислава, страшась Греческаго вліянія и водворенія Греческаго дома на Сербскомъ престолѣ въ слѣдствіе тѣсныхъ сношеній Милутина съ Ириною, храня и защищая свою народность, вручили правленіе побочному сыну Милутина, Стефану, и такъ умѣли сокрыть его происхожденіе и самую жизнь его украсить чудесами, что не только туземные, но даже Греческіе современные и позднѣйшіе лѣтописцы молчатъ объ этомъ обстоятельствѣ. Дечанскій, женившись вторично на Гречанкѣ, внушилъ боярамъ тѣ же самыя опасенія, какія побуждали ихъ прежде возвести самого его на престолъ; теперь они обратили взоры на его сына, возбудивъ его противъ отца. Ихъ стремленіе къ сохраненію народной самостоятельности ясно обнаружилось въ словахъ, сказанныхъ ими Душану. Новое представленіе о престолонаслѣдіи согласовалось съ ихъ выборомъ, и старшій сынъ вступилъ на отцовскій престолъ. Но участіе бояръ становилось уже весьма замѣтнымъ. Чтобы съ одной стороны отдалить ихъ отъ себя и своего рода, а съ другой утвердить при себѣ въ правахъ престолонаслѣдія своего сына, помимо бояръ, Душанъ вѣнчался на царство и съ тѣмъ вмѣстѣ наименовалъ Уроша королемъ, подчинивъ ему всю Сербію. Зета, въ которой жили Дечанскій и самъ Душанъ до воцаренія своего, уже перестала быть особымъ удѣломъ и вошла въ составъ прочихъ Сербскихъ областей. Такимъ образомъ преемство было опредѣлено окончательно, и гнѣздо Неманина рода, откуда являлись первыя требованія престолонаслѣдниковъ и гдѣ жило сильное боярство, оказывавшее господствующее вліяніе на государственныя дѣла, уничтожено. Сверхъ того завоеваніе многихъ Греческихъ земель, виды на

присоединеніе всей Греціи и Булгаріи къ Сербіи, возвышеніе отношеній Сербіи къ прочимъ державамъ требовали перемѣны званія королевскаго на царское. Душанъ назвался царемъ Сербовъ, Грековъ и Булгаръ. Онъ явился достойнымъ продолжателемъ Стефана Первовѣнчаннаго и Милутина. Расширивъ и усиливъ Сербію извнѣ, Душанъ и внутри ея самой ввелъ окончательно порядокъ и благоустройство, учредивъ правильныя отношенія какъ между верховною властію и подданными, такъ и между отдѣльными сословіями. Послѣ него, въ исполненіе его воли, какъ воли самодержавнаго государя, вѣнчался на царство сынъ его, Урошъ. Не обошлось и теперь безъ соперника. Дядя новаго царя, Симеонъ, предъявилъ, было, свои права на Сербскій престолъ; но, какъ приверженецъ стариннаго Славянскаго обычая, давно уже устраненнаго самодержавною волею государя, онъ не нашелъ себѣ опоры въ новомъ порядкѣ вещей и остался въ сторонѣ незамѣченнымъ. Урошъ испыталъ на себѣ крайность нововведеній Душановыхъ и, не имѣя силы сдержать ихъ въ должныхъ границахъ, палъ подъ ихъ бременемъ, какъ послѣдній потомокъ побочной линіи Неманина дома. За нимъ наступило господство бояръ. Таково было повременное преемство власти въ Сербіи.

Жизнь Сербскаго боярства распадается на двѣ половины, совершенно противуположныя по своимъ существеннымъ свойствамъ. На границѣ той и другой стоитъ 1346 годъ — годъ вѣнчанія Душана на царство. Въ первой половинѣ боярство является замкнутымъ, цѣльнымъ сословіемъ съ общими сословными выгодами и стремленіями. Благодаря постоянно усиливавшейся власти королей, изъ него не выискалось такихъ сильныхъ родовъ, каковыми были нѣкоторые Боснійскіе областные роды; но за то оно сильно было своею совокупностію. Эта-то совокупность мѣшала, можетъ быть, появленію отдѣльныхъ сильныхъ родовъ и отторженію областей, какъ то случилось въ послѣдствіи. Дѣятельность Сербскихъ бояръ, какъ сословія, отличается стремленіемъ къ пользѣ народной. Оно было главною причиною удаленія Радослава отъ дѣла правленія; оно стояло стражемъ надъ цѣлостію народной самостоятельности, когда способствовало Дечанскому и Душану взойти на Сербскій престолъ; оно представляло собою народную сторону въ противоположность другой, Греческой, сторонѣ, водворившейся при Сербскомъ дворѣ въ слѣдствіе тѣсныхъ сношеній королей съ императорами Греческими. Это народное направленіе боярства было слѣдствіемъ его сословности и осѣдлости. Выросши издавна на Сербской почвѣ, сильное своею туземностію, привыкнувъ видѣть въ той области, гдѣ оно жило, свое отечество и свою опору, оно свои собственныя выгоды связывало съ общими выгодами страны и необходимо считало для себя весьма важнымъ имѣть хорошихъ правителей съ народнымъ настроеніемъ; ибо сохранность народной самостоятельности влекла за собою и сохранность его сословныхъ выгодъ; ибо цѣлость Сербіи обезпечивала и его собственное существованіе. Но Душанъ, желая всю силу государственную сосредоточить только въ рукахъ верховной власти, съ вѣнчаніемъ своимъ на царство, далъ новый видъ боярству. Это было неизбѣжнымъ условіемъ для достиженія того, что онъ себѣ предположилъ. Участіе боярскаго сословія при побочной линіи Неманичей стало весьма ощутительнымъ. Душанъ нашелъ его несовмѣстнымъ съ предположенною цѣлью возвышенія власти Сербскихъ государей не только въ виду иноземцевъ, но и въ глазахъ своихъ подданныхъ. Притомъ достоинство и назначеніе истиннаго государя и самодержца, какъ представлялъ его себѣ Душанъ, не допускали въ государствѣ такого сомкнутаго и сильнаго со-

словія, которое распоряжалось бы престолонаслѣдіемъ; то, что дѣлало оно, должно было заключаться въ самодержавной волѣ самого государя. Припятіе званія царя, сдѣлавшееся необходимымъ по многоразличнымъ обстоятельствамъ, какъ слѣдствіе многосторонней блестящей дѣятельности Душана, положило конецъ боярству, какъ сословію. Устроеніе царскаго двора съ его степенями, величіе вѣнчанной особы, поставленной вмѣстѣ со всѣмъ царственнымъ домомъ въ приличномъ разстояніи отъ подданныхъ, введеніе чиновъ и наградъ за личныя заслуги, царскій блескъ, заимствованный отъ Греціи, все это показало боярству, что сила его сословія, основанная на осѣдлости и заключенная въ странѣ, гдѣ оно жило, уже изсякла; открылся другой и единственный источникъ силы—верховная власть, которая по новой мысли, созданной Душаномъ, возвышала и поддерживала не сословія, но личности. Дѣйствительно, мысль истиннаго самодержавнаго государя допускала только этотъ единственный источникъ могущества для всѣхъ и каждого. Всякій былъ по стольку силенъ, по скольку его собственныя заслуги находили отпечатокъ въ дѣйствіяхъ верховной власти. Слѣдствіемъ этого было распаденіе боярскаго сословія на отдѣльныя личности, уничтоженіе сословныхъ выгодъ, появленіе новаго, личнаго боярства, образовавшагося изъ пришлыхъ служилыхъ людей и временщиковъ. Явилась другаго рода крайность. Не истинныя выгоды отечества занимали новыхъ бояръ, но личные виды, чуждые общаго блага; не чувство народности руководило ихъ поступками, но чувство себялюбія и самосохраненія; высокая цѣль совокупныхъ усилій для пользы отечества смѣнилась происками, крамолами, соперничествомъ, даже открытою усобною войною; прежде въ поддержаніи дома Немани боярство видѣло залогъ своей собственной цѣлости; теперь отдѣльные искатетели счастія, зная, гдѣ кроется источникъ власти, не удовольствовались тѣмъ, что близко стали къ нему, но многіе простерли свою дерзость даже до того, что покусились на завладѣніе самимъ источникомъ или на присвоеніе себѣ верховной власти. Нужно было только, чтобы по смерти Душана Сильнаго воцарился его слабый сынъ, Урошъ, и зародышъ зла, лежавшій въ нововведеніи, быстро развился до ужасающихъ размѣровъ при содѣйствующемъ тому вліяніи Греціи. Вскорѣ онъ поглотилъ и истребилъ всѣ добрыя начала, которыми держалась самостоятельность Сербіи, и низвелъ величественную державу Душана на степень данницы и потомъ рабыни Турецкой орды. За Урошемъ началось господство бояръ, усилившихся по областямъ, куда они назначены были царемъ Душаномъ. Особность и величина этѣхъ областей, изъ коихъ бóльшая часть была завоевана у Греціи и, слѣдовательно, имѣла мало общаго съ собственною Сербіею, степень власти, дарованной областнымъ правителямъ, и примѣръ Греціи развили въ нихъ чувство властолюбія и независимости. Представителемъ несчастной крайности явился Вукашинъ, который вкрался въ довѣренность и любовь царя, былъ возведенъ въ званіе короля и, явившись первымъ лицомъ въ государствѣ, велъ борьбу съ другими областными правителями; потомъ, недовольный своими успѣхами, рѣшился захватить въ свои руки и самую верховную власть. Урошъ былъ убитъ. Вукашинъ достигъ, чего желалъ. Но онъ не вѣнчался на царство, продолжая оставаться королемъ, также какъ и всѣ за нимъ слѣдовавшіе правители Сербіи ограничивались скромными титулами. Лазарь, хотя и вѣнчанный, именовался княземъ; его преемники носили званіе деспотовъ. Дѣятельность четырехъ боярскихъ личностей, какъ ни разнородна сама по себѣ, однако отъ предыдущихъ царствованій отличается тѣмъ, что при ней Сербія ослабѣла, подчинилась Туркамъ и пала. Блестящія побѣды Милутина, Де-

чанскаго и Душана смѣнились пораженіями при Тенарѣ и на Косовомъ полѣ. Сербія, не смотря на многочисленныя завоеванія, крѣпкая своею преобладающею народностію и желѣзною волею мудраго и сильнаго Душана, теперь пришла въ состояніе распаденія; области утратили взаимную связь; правители искали независимости и враждовали. Вукашину и Лазарю предстояло скрѣпить снова Сербію и защитить ее отъ постоянно усиливающихся нападеній Турокъ; но ни тотъ, ни другой не успѣли въ этомъ и поплатились жизнію. Правленіе двухъ деспотовъ носитъ на себѣ печать боярской личности, отзывается болѣе мелкимъ себялюбіемъ, чѣмъ возвышенностію государственной мысли. Въ томъ и другомъ ясно видѣнъ бояринъ, не забывшій ни своихъ крамолъ, ни личныхъ видовъ; въ нихъ нѣтъ ни всеобъемлющаго государственнаго взгляда, ни общенароднаго чувства; тѣсный кругозоръ ихъ открываетъ имъ только то, что касается до ихъ личной безопасности, или отвѣчаетъ ихъ личнымъ убѣжденіямъ; безплодность дѣйствій обличаетъ въ нихъ неумѣнье править народомъ. Сверхъ того при Лазарѣ и его сынѣ продолжалось то, что началось при Урошѣ V. Не было уже царственнаго дома, такъ высоко поставленнаго Душаномъ надъ уровнемъ народа: на престолѣ, прежде недоступномъ, сидѣлъ теперь бояринъ, который своимъ примѣромъ внушалъ и прочимъ боярамъ мысль о возможности присвоенія верховной власти. Какъ прежде бояре спорили за первое мѣсто у царскаго престола, такъ теперь заспорили они за самый престолъ. Вукъ Бранковичъ подыскивалъ подъ Лазаремъ и былъ, по словамъ народной молвы, причиною пораженія на Косовомъ полѣ; онъ же и сыновья его подыскивали подъ сыномъ Лазаря, деспотомъ Стефаномъ. Надобно было защищаться отъ нихъ и сторожить Турокъ. Стефану можно бы было отдѣлаться отъ тѣхъ и другихъ; но онъ успѣлъ только смирить первыхъ; въ отношеніи же Турокъ остался вѣрнымъ ихъ данникомъ и подручникомъ. Много разъ Сербы проливали при немъ свою кровь въ пользу своихъ же будущихъ властителей. Но если Стефанъ могъ, да не хотѣлъ избавиться отъ Турокъ, дорожа своею вѣрностію и утѣшаясь временнымъ благосостояніемъ народа, то преемникъ его, Юрій, хотѣлъ, да уже не могъ извлечь Сербію изъ состоянія данничества, грозившаго ежеминутно обратиться въ полное рабство. Криводушіе, крамольство, уклончивость, нерѣшительность, обличавшія въ немъ современнаго боярина, не привели его ни къ чему; много трудился онъ, но напрасно; всѣ его попытки, при его слабодушіи, никогда ему не удавались, и онъ неумѣстнымъ хитреніемъ наводилъ на себя гнѣвъ и мщеніе обоихъ сосѣдей, Угровъ и Турокъ. То же замѣтно и въ его частной дѣятельности. Такимъ образомъ онъ является совершенно противуположнымъ своему предшественнику. Одинъ доводилъ до крайности свою простодушную преданность врагу христіанства, независимостію страны жертвовалъ въ пользу личнаго торжества надъ соперникомъ и ложнаго или, лучше, себялюбиваго пониманія обязанностей подданства; другой хитрилъ постоянно со всѣми и не имѣлъ подъ рукою опоры для совокупныхъ дѣйствій противъ общаго врага. Себялюбіе, недостатокъ прозорливости, обширности государственнаго взгляда и твердости воли отмѣчаютъ собою правительственную дѣятельность бояръ, сѣвшихъ на престолъ и не умѣвшихъ показать себя достойными своего новаго положенія; ихъ смущали отсутствіе прошедшаго, которое говорило бы въ пользу ихъ права, неимѣніе за собою преданія, которое возвышало бы ихъ въ глазахъ подданныхъ, недостатокъ величія истиннаго потомственнаго государя и печальная будущность: словомъ, новизна достигла крайности, за которою оставалось одно только паденіе государ-

ственной самостоятельности. И себялюбивое, крамольное боярство пало первое подъ ударами Туречины, охватывавшей тогда весь Θракійскій полуостровъ: ему, въ нѣдрахъ своихъ носившему порчу, нельзя было спасти государства, которое съ остальнымъ народомъ рушилось вслѣдъ за своими представителями.

Но въ Сербіи постоянно жила другая сила—великая, нестарѣющая и несокрушимая, — сила вѣры. Православіе было исключительнымъ вѣроисповѣданіемъ собственной Сербіи. Народъ былъ преданъ ему и дорожилъ имъ болѣе, чѣмъ своею независимостію. Ни время, ни насиліе, ни примѣръ отуречивавшихся бояръ не могли поколебать его въ вѣрѣ праотцевъ. Вѣра спасла наконецъ Сербію. Духовенство Сербское носило въ себѣ всѣ свойства послѣдователей Восточной Церкви. Кротость, безкорыстіе, совершеннѣйшая преданность дѣлу вѣры, правильное пониманіе своихъ правъ и обязанностей, постоянное согласіе съ верховною властію и народомъ отличаютъ Сербское духовенство. Во все продолженіе независимаго существованія Сербіи оно не переставало оказывать миротворное и полезное вліяніе на народъ, содѣйствуя верховной власти въ ея добрыхъ распоряженіяхъ. Пастыри Сербіи устроивали туземное священноначаліе, не разъ мирили враждебныя стороны, предупреждали кровопролитіе, подкрѣпляли своимъ вліяніемъ достойнѣйшихъ правителей, помогали имъ въ законодательствѣ, просвѣщали народъ истинами вѣры, водворяли православіе въ завоеванныхъ странахъ и постоянно питали въ народѣ ту сильную привязанность къ вѣрѣ, которая, объ руку съ чувствомъ народности, поддерживала въ Сербамъ духъ самостоятельности, нравственную чистоту и наконецъ главнѣйшимъ образомъ содѣйствовала возстановленію Сербіи въ послѣднее время. При Душанѣ духовенство, въ лицѣ просвѣщеннаго Іоанникія, разумно содѣйствовало къ учрежденію Сербскаго патріаршества, въ чемъ нельзя не признать дальновидности съ той и другой стороны. Греческое духовенство, замѣшанное въ государственныхъ смутахъ послѣднихъ временъ Византійской Имперіи, при всеобщемъ искаженіи нравовъ, не могло поддержать и спасти имперіи отъ угрожавшей погибели; съ Византіею должно было пасть и значеніе Цареградскаго патріарха, а вмѣстѣ и то вліяніе, которое онъ оказывалъ на весь православный Востокъ Европы. Водворившись въ большомъ числѣ въ Сербіи, духовенство Греческое оставалось чуждымъ туземнымъ выгодамъ и поддерживало въ государствѣ разъединеніе, дѣйствуя въ пользу своей народности и во вредъ народности Сербской. По этимъ двумъ причинамъ Душанъ рѣшился учредить Сербское патріаршество, независимое отъ Цареградскаго. Въ этомъ нельзя не видѣть его глубокой проницательности и здраваго государственнаго смысла: учрежденіемъ патріаршества онъ съ одной стороны предупреждалъ несогласіе между Греческимъ и Сербскимъ духовенствомъ, ибо у перваго отнималъ опору, которую оно имѣло въ Цареградѣ въ преимуществѣ патріаршей власти; а съ другой предназначалъ для Сербіи въ дѣлѣ православія то великое значеніе средоточія, которымъ пользовалась Греція. Онъ предвидѣлъ, что Восточная Имперія неминуемо должна пасть не только отъ Турецкаго меча, но и отъ руки внутреннихъ враговъ порядка и спокойствія; съ нею вмѣстѣ должна была пасть и духовная ея сила. Патріарху Сербскому онъ предназначалъ замѣнить патріарха Цареградскаго, быть главою православной Европы и поддержать православіе, угрожаемое Латинцами и Турками. Власть Сербскаго патріарха естественно клонилась къ поддержанію и туземнаго духовенства; Греческое было удалено; народность поддержана; связь народа съ духовенствомъ укрѣплена;—и съ той поры Сербское духовенство осталось

по прежнему самою живою частію народнаго существа. Поддерживаемая имъ православная вѣра продолжала оказывать самое благодѣтельное дѣйствіе на умы и нравы народа, а въ годину тяжелыхъ испытаній она явилась единственною нравственною опорою какъ у выселившихся за Дунай Сербовъ, такъ и у подвластныхъ Турціи. Не смотря на крушеніе государственной независимости и отуреченіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, Сербы, благодаря своей непоколебимой преданности православію, остались все тѣми же Сербами, какими и были, съ своимъ завѣтнымъ вѣроисповѣданіемъ, съ своими отличительными народными свойствами и съ неугасшимъ чувствомъ самостоятельности. Въ началѣ текущаго столѣтія ихъ нравственныя силы, сбереженныя ими въ продолженіи трехъ съ половиною вѣковъ рабства, поднялись снова, возбужденныя Турецкими жестокостями, и доставили имъ нѣкоторую степень государственней самобытности. Уже не прежнее потрясенное порчею боярство было теперь представителемъ чистыхъ и здоровыхъ силъ народа; но духовенство и та часть народа, которая постоянно оставалась свѣжею и по преимуществу народною, явились теперь вожатаями Сербіи въ борьбѣ ея за независимость. Вѣра, народность и содѣйствіе единовѣрной и всегда сочувствующей Славянамъ Россіи доставили Сербамъ возможность основанія того государственнаго быта, которымъ они теперь пользуются.

Вникая въ проявленія внутренней жизни Сербіи, переданныя намъ туземными памятниками и преимущественно Законникомъ Душановымъ, мы видимъ, что всѣ стороны этой жизни были проникнуты движеніемъ, согласнымъ съ требованіями народности и направленнымъ къ совершеннѣйшему выраженію началъ благоустроеннаго гражданскаго общества. Съ воцареніемъ рода Немани Сербія шла путемъ самобытнаго развитія, и Душанъ не могъ бы сдѣлать всего того, что сдѣлано имъ, если бы до него Сербія не была къ тому предварительно подготовлена. Она шла быстро. Въ полтора вѣка она успѣла во многомъ сравняться съ современными ей Нѣмецкими и Романскими державами. Правда, въ промышленности и понятіяхъ объ удобствѣ жизни она отставала отъ нихъ, но за то едва ли не лучше развита была въ ея законодательствѣ мысль человѣчества. Дѣленіе и права сословныя, преимущественно права низшаго сословія, столь утѣсненнаго въ Германіи феодализмомъ, мѣры земской охраны, судоустройство и представленіе о способѣ и цѣли наказанія искупаютъ ея отсталость въ вещественномъ благосостояніи на столько, на сколько духовная дѣятельность выше тѣлесной. Особенно сильно поражаетъ насъ развитость церковнаго и земскаго права. Похвальный образъ дѣйствій Сербскаго духовенства и благочестіе властителей, слѣдствіемъ коего были многочисленныя надачи церквамъ и монастырямъ, привели къ необходимости уяснить отношенія между начальствующими и подчиненными церквами и монастырями, равно между церковными властями и приписанными къ церквамъ людьми. Главнѣйшія подробности касаются до поставленія властей въ приходскихъ церквахъ и опредѣленіи повинностей церковныхъ людей. Земское право, не менѣе развитое, занимается преимущественно поземельною собственностію и установленіемъ пограничнаго права, государственными работами и повинностями, управленіемъ жупъ и городовъ, опредѣленіемъ количества труда и отношенія между сельскимъ сословіемъ и частными землевладѣльцами, защитою областей отъ вторженія бездомныхъ скитальцевъ, враговъ и нарушителей общественнаго спокойствія и безопасности. Въ государственныхъ и частныхъ подданныхъ, кромѣ отроковъ и дѣтичей, которыхъ вообще было не много, мы видимъ развитіе до

нѣкоторой степени личной независимости подъ покровительствомъ закона. Вообще уваженіе правъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ составляетъ самую свѣтлую сторону средневѣковаго государства. Хотя въ Сербіи мало развитія получила торговля и хотя торговаго права для Сербовъ почти не существовало, однако сношенія съ Дубровникомъ показываютъ, что Сербы занимались промыслами, относившимися до сырыхъ произведеній; а торговыя грамоты свидѣтельствуютъ, что и они имѣли понятіе о торговомъ правѣ и уважали торговый духъ въ другихъ. Если главныя условія народнаго богатства состоятъ въ выгоднѣйшемъ употребленіи труда, то Сербовъ нельзя упрекать въ пренебреженіи торговлею и обработываніемъ сырыхъ припасовъ; при другихъ условіяхъ они, конечно, занялись бы и этимъ, подобно Дубровничанамъ, но государственныя обстоятельства, внутренній бытъ, и, главное, предложенія самой страны побуждали ихъ къ тому роду промышленности, которому они и до сихъ поръ преимущественно посвящаютъ свой досугъ,—добыванію и отпуску за границу сырыхъ произведеній, въ особенности металловъ и сала. Тѣмъ не менѣе памятники наши указываютъ на нѣкоторые слѣды существованія въ Сербіи туземныхъ купцовъ и ремесленниковъ, хотя и не въ видѣ особаго сословнаго разряда.

Зета, называемая въ болѣе тѣсномъ смыслѣ Далмаціею и Дукліею, составляла задолго до Неманичей ядро Сербіи. Бѣгство Белы Уроша въ Захлумье, пограничное съ Зетою, а можетъ быть, и входившее въ нее нѣкоторою своею частью, бѣгство Тѣхомила въ Дуклю, рожденіе Немани въ Зетѣ, наконецъ положеніе Дестницы и Расы по близости, или даже въ восточныхъ предѣлахъ Зеты, и храненіе великожупанскаго достоинства Дестницкими, Дуклянскими и Рашскими старшинами: все это доказываетъ, что Зета была постоянно для Сербіи средоточіемъ власти и вмѣстѣ съ тѣмъ главнѣйшею ея частію, оказывавшею первенствующее вліяніе на общественныя дѣла. Такое значеніе ея условливалось двумя обстоятельствами. Первое: Зета была гнѣздомъ рода Немани и мѣстомъ воспитанія большей части Неманичей, которые отличали ее почетнымъ названіемъ дѣдины. Она до самого Душана оставалась частною собственностію или родовымъ удѣломъ Неманичей, что придавало ей особность и самостоятельность. Отличаясь всегда своею цѣльностію, согласіемъ выгодъ народа, бояръ своихъ и жившихъ въ ней королевскихъ родичей и въ то же время неразрывно связанная съ прочими Сербскими землями единствомъ вѣры и власти, она необходимо была преобладающимъ угломъ восточной Сербіи. Чисто народное направленіе, враждебное Греческому вліянію, придавало ей еще болѣе вѣса. Второе: Зета составляла самый высокій нагорный уголъ южной Сербіи. Извѣстно, что въ горахъ народъ долѣе сберегаетъ свою самостоятельность и свои отличительныя свойства, чѣмъ на равнинахъ. Весь южный уголъ Сербіи, наполненный горами, откуда берутъ начало обѣ Моравы, Ибаръ, Ситница, Лимъ, Морача, Дримъ, Черна, Вардаръ и Пшина, всегда господствовалъ надъ плоскостію, орошаемою Дриною и Моравою и переходящею въ Посавскую низменность. Ближайшія отношенія къ Греціи и частыя взаимныя брани заставляли всѣ силы Сербіи приливать къ этому углу, который равномѣрно господствовалъ и надъ южною равниною, простирающеюся по Вардару и Струмѣ до Аѳонскихъ мысовъ. Вотъ по чему искони, владѣя этимъ угломъ или древнею Дарданіею, Сербія со временемъ распространилась и на югъ въ Македонію. Сдѣсь же, среди горъ, лежалъ рядъ королевскихъ и архіепископскихъ столицъ древней независимой Сербіи. Западную, еще болѣе высокую

часть этого гористаго угла составляла верхняя Зета, которая, вмѣстѣ съ нижнею, спускавшеюся въ приморскую и Скадарскую равнины, представляла всѣ условія самостоятельной и сильно развитой жизни. Между тѣмъ, какъ Босна, сама по себѣ гористая на югѣ и отдѣленная горами съ запада, юга и востока отъ прочихъ Сербскихъ областей, переходя въ Посавскую низменность, естественно продолжалась и за Саву и подчинялась преобладанію Угріи; между тѣмъ, какъ приморскія общины, лежавшія въ узкой береговой полосѣ, должны были испытывать вліяніе моря и противуположнаго берега, Зета, хотя и приморская область, владѣвшая Которскимъ заливомъ, одною изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ, представлялась однако страною съ средоземными свойствами, ибо въ ней надъ равнинами, питавшими ея жителей и избавлявшими ихъ отъ необходимости морской торговли, преобладала сплошная горная масса, привязывавшая ее къ остальной Сербіи. Земледѣльческое и торговое значеніе уступали въ ней первенство значенію государственному, которое она имѣла для Сербіи. Отъ того-то, когда прочія области отпали отъ Сербіи, она постоянно находилась съ нею въ неразрывной связи. Въ ея восточныхъ предѣлахъ находилось то средоточіе, къ которому влеклась вся остальная Сербія, для котораго и она должна была отказаться отъ дѣятельности приморской торговой общины. Отсюда ея важное значеніе для Сербіи, тѣмъ важнѣйшее, что тогдашняя Сербія была образована не столько граждански и промышленно, сколько воински; а гористыя страны, какъ извѣстно, поддерживаютъ воинственный духъ народа. Но Зета могла только оказывать вліяніе на собственную Сербію; отъ Македоніи же она отдѣлена была Епиромъ и горою Шаромъ: по этому когда Душанъ, черезъ обширныя свои завоеванія, распространилъ свою власть до того, что собственная Сербія явилась только частицею его огромной державы, и столица перенесена была въ Средецъ, тогда и Зета навсегда утратила свое преобладаніе надъ прочею Сербіею; а потомъ, когда въ Сербской державѣ показалась государственная порча, и Сербія, теряя самостоятельность, обремененная завоеваніями, угнетаемая разъединяющею силою личныхъ боярскихъ стремленій по различнымъ областямъ, вступила, по примѣру и не безъ нравственнаго участія Греціи, на путь разрушенія и гибели, тогда Зета совсѣмъ отстала отъ Сербіи и положила себѣ задачею блюсти вѣру, независимость и народность. Бояре Зетскіе дорожили выгодами всей Сербіи, считая ихъ своими областными выгодами; они смотрѣли на вопросъ преемства власти, какъ на вопросъ жизни и благосостоянія собственнаго, и по тому всегда старались возводить на престолъ тѣхъ королевскихъ родичей, которые жили у нихъ, были имъ извѣстнѣе и могли представить болѣе за себя ручательствъ: они предпочли незаконнаго Стефана, прозваннаго Дечанскимъ, законному Владиславу. Привязанные всѣми выгодами къ землѣ, на которой сидѣли, постоянно храня въ себѣ старинное сословное единство и дѣйствуя въ духѣ цѣлаго сословія, Зетскіе бояре не могли допустить въ Сербія враждебнаго имъ вліянія и всегда стояли за народную сторону: ихъ стараніями Дечанскій и Душанъ предупредили сліяніе Сербіи съ Греціею и водвореніе Греческаго племени на престолѣ Неманичей. Зета отличалась своею привязанностію къ старинѣ. Въ ней долѣе хранились преданія родоваго быта, и тогда какъ въ остальной Сербіи давно уже господствовали государственныя отношенія и дѣйствовала воля самодержца, въ ней находили себѣ поддержку тѣ изъ Неманичей, для которыхъ родовое начало казалось выгоднѣе государственнаго: отсюда Вуканъ домогался общаго владѣнія всею родовою собственностію; отсюда же Константинъ и

Симеонъ еще стремились осуществить старинныя представленія о родовой собственности, — одинъ, ища общаго владѣнія отцовскимъ наслѣдіемъ; другой, предъявляя преимущества дяди передъ племянникомъ. Можетъ быть, въ этомъ была уже безвременная крайность; но за то она и не получила осуществленія, ибо бóльшая часть Зетскаго народа уже признавала необходимость новыхъ началъ; за то общій духъ привязанности къ старинѣ и въ особенности къ родовымъ началамъ сберегъ для Зеты единовластіе и поддерживалъ въ народѣ чувство уваженія къ законнымъ властителямъ. Тогда какъ Сербія, увлеченная крайностями несдержанной новизны, по примѣру Греціи, допустивъ бояръ истребить домъ Дечанскаго, непосредственно преемствовавшій дому Неманичей, и сѣсть соперниками на престолѣ, похищенномъ у законной власти, поплатилась за то своею независимостію, Зета спокойно пользовалась тѣмъ итогомъ, до котораго дошли всѣ Славянскія племена, отправившіяся отъ общинной жизни, итогомъ наслѣдственнаго самодержавія. Въ ней Балша основываетъ цѣлый потомственный рядъ законныхъ правителей, послѣ которыхъ власть преемственно переходитъ къ родственному дому Черноевичей. Въ послѣдствіи даже самое званіе владыки пребывало въ одномъ родѣ Нѣгушей, къ которому принадлежитъ и нынѣшній князь, Даніилъ. При Иванѣ Черноевичѣ нижняя Зета и бóльшая часть приморья были утрачены; верхняя Зета или Черногорія еще болѣе сосредоточилась въ себѣ самой и постоянно оставалась представительницею Сербской независимости. Замѣчательно, что эта доля досталась той самой области, которая нѣкогда служила ядромъ для развитія Сербскаго государства и потомъ долгое время снабжала его правителями, составляя главнѣйшее его звѣно. Гористое мѣстоположеніе, особность и внѣшнія непріязненныя обстоятельства довели храбрость ея народа до баснословныхъ размѣровъ. Заклятая вражда къ Туркамъ, преданность православной вѣрѣ и чувство независимости возвысили въ ней духъ народный до высшей степени. Черногорія, благодаря своему направленію, остается неизмѣнною во внутренней своей жизни: доселѣ правленіе ея носитъ слѣды родоваго старшинства; въ народѣ ея хранятся живые слѣды древнѣйшаго Славянскаго быта, и пѣсни ея суть пѣсни цѣлаго народа. На востокъ отъ Черногоріи, въ суточномъ разстояніи отъ неприступныхъ жилищъ Черногорскаго племени Васоевичей, уже начинаются горы нынѣшняго независимаго княжества Сербіи. По тропинкамъ этого узкаго раздѣла, принадлежащаго Турціи, Сербы всегда сносились съ Черногорцами; одинъ духъ вѣялъ въ горахъ тѣхъ и другихъ; — и сдѣсь, въ томъ же южномъ нагорномъ углу Сербіи, впервые зачалась и потомъ постоянно находила себѣ опору страшная борьба Сербовъ за независимость, охватившая всю Сербію и окончившаяся исторженіемъ изъ рукъ Турокъ значительной части угнетенныхъ ими Славянъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПАМЯТНИКИ.

До сихъ поръ я разсматривалъ народные памятники Сербовъ съ исторической точки зрѣнія, по скольку они проявляютъ въ себѣ жизненной дѣятельности народа и по скольку это намъ нужно будетъ для уразумѣнія различныхъ видоизмѣненій Сербскаго языка, который, при посредствѣ письменности, служа выраженіемъ мысли народа въ разныя поры его бытія, неразлучно съ народомъ двигался по пути его историческаго шествія и живо воспринималъ въ себя отпечатки, налагаемые на него повременною жизнію народа. Теперь мнѣ предстоитъ главнѣйшая задача — разсмотрѣть эти памятники съ филологической стороны, въ той мѣрѣ, въ какой они представляютъ собою постепенное движеніе письменнаго языка Сербовъ въ связи съ различными нарѣчіями, искони жившими въ народномъ говорѣ и условливаемыми мѣстнымъ развѣтвленіемъ Сербскаго народа по областямъ. Но прежде, чѣмъ приступлю къ изложенію самой исторіи Сербскаго языка по народнымъ историческимъ памятникамъ, писаннымъ Кирилицею, считаю нужнымъ еще разъ предварительно взглянуть на эти *памятники*, какъ на почву, на которой должны основываться всѣ мои язычныя изысканія и выводы.

Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ, такъ, какъ онъ звучитъ въ устахъ народа, имъ говорящаго, сохраняется гораздо цѣльнѣе и невреднимѣе, чѣмъ языкъ, перешедшій въ письменность, хотя бы того же самого народа. Первый живетъ во всей совокупности народа и совершаетъ свое движеніе вмѣстѣ съ народною жизнію, между тѣмъ, какъ второй зависитъ часто отъ дѣятельности немногихъ лицъ. Будучи, такъ сказать, условнымъ способомъ выраженія мыслей, письменный языкъ находится въ рукахъ людей болѣе, или менѣе образованныхъ, а таковые не составляютъ еще всего народа. Уже по тому одному, что люди эти образованы, вліяніе на него чужой стихіи дѣлается возможнымъ, какъ оно дѣйствительно и бываетъ почти всюду и всегда. Мы разумѣемъ здѣсь языки средневѣковой Европы. То, что мы называемъ чистотою или пуризмомъ письменнаго языка, не есть еще знакъ того, чтобы языкъ приблизился къ народности: какъ чистота, такъ и вообще совершенствованіе письменнаго языка, сопутствующее процвѣтанію народа, суть условныя качества, показывающія только, что искусство писателей умѣло сгладить въ языкѣ ту шереховатость, которая непріятно звучала въ средневѣковой его письменности. Положимъ даже, что по мѣрѣ процвѣтанія народной жизни писатели знакомятся болѣе и болѣе съ своимъ народомъ, и вліяніе этого знакомства на письменный языкъ бываетъ благодѣтельно; но, тѣмъ не менѣе, вглядѣвшись въ языкъ, которымъ они пишутъ, мы находимъ въ немъ еще много такого, что обличаетъ

присутствіе чужой стихіи:—словомъ, исключая языки первобытные, едва ли есть такой письменный языкъ, который бы, въ отношеніи вещества своего и строенія, былъ столь же безукоризненно чистъ и самостоятеленъ, сколько онъ чистъ и вѣренъ самому себѣ въ говорѣ народномъ. Тѣмъ менѣе можно ожидать народности отъ средневѣковой письменности всякого языка, когда грамотѣи, желая выказать свою образованность знаніемъ того, или другаго иноплеменнаго языка, смѣло вводили въ свое писаніе чужія формы и слова подъ рядъ съ народными. Такимъ образомъ письменный языкъ, завися всегда и всюду отъ произвола пишущаго сословія, дѣлаясь достояніемъ образованнаго общества, отличается отъ устнаго, народнаго, не только своимъ условнымъ совершенствомъ, какъ-то, чистотою, правильностію, положительностію формъ, благозвучіемъ и т. п., но еще и присутствіемъ чужой стихіи въ большемъ, или меньшемъ объемѣ. Отъ того въ немъ, какъ зависящемъ отъ извѣстнаго количества людей, возможно развитіе и совершенствованіе, если можно такъ назвать всякое движеніе впередъ, будетъ ли оно къ лучшему, или худшему концу. Всякій письменный языкъ имѣетъ свою исторію, въ которой ясно замѣтить можно преемство формъ по вѣкамъ и тѣ степени совершенствованія, которыя проходилъ языкъ изъ глубины минувшей жизни на свѣтъ новѣйшихъ временъ. Одинъ письменный языкъ дѣлаетъ на этомъ пути бо́льшіе шаги, другой меньшіе; однако всѣ движутся и совершенствуются. Это суть языки болѣе, или менѣе искусственные. Но подъ письменнымъ языкомъ, какъ верхнимъ слоемъ, всегда находится осадокъ, превосходящій его своимъ объемомъ: это народный, устный языкъ, тотъ, которымъ говоритъ весь пародъ, исключая образованное общество, нарѣчіе котораго всегда приближается къ письменному языку. Чистый, истинно народный языкъ живетъ въ совокупности всего народа, имъ говорящаго, и не зависитъ ни отъ какого сословія, ни отъ какого личнаго произвола. Отъ того онъ чуждъ движенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно существуетъ въ письменномъ языкѣ; онъ ростетъ по мѣрѣ роста самого народа, по мѣрѣ того, какъ народъ расширяетъ кругъ своего знакомства съ видимымъ міромъ и развиваетъ свои духовныя силы; но онъ всегда остается однимъ и тѣмъ же съ своими свойствами самобытными и неизмѣнными. Его исторія не есть исторія письменнаго языка; преемство формъ въ немъ совершается медленнѣе и въ въ иномъ смыслѣ; за то въ немъ есть преемство мысли. Разсматривать, какъ народъ мыслію своею восходилъ отъ внѣшняго міра къ міру духовному и какъ въ одномъ словѣ сосредоточивалъ постепенно различныя понятія, видоизмѣняя и перенося ихъ,—вотъ предметъ его исторія. И сдѣсь, на этомъ поприщѣ, языкъ является вѣрнымъ спутникомъ своего народа, яснымъ отраженіемъ его нравственныхъ силъ, художественнаго чувства и умственно-созерцательной способности. Его путь таковъ же, каковъ и жизненный путь самого народа.

Сербы, при самомъ водвореніи у нихъ грамотности, являются съ двоякимъ языкомъ, устнымъ и письменнымъ, которые рѣзко отличаются одинъ отъ другаго. Между тѣмъ, какъ первый былъ чистымъ Сербскимъ нарѣчіемъ съ тѣми признаками, которые онъ и доселѣ имѣетъ, второй подчинился больше, или меньше вліянію Церковнославянскаго и сдѣлался смѣшаннымъ Сербобулгарскимъ нарѣчіемъ. На этомъ языкѣ совершалась вся древняя письменность Сербовъ; всѣ доселѣ сохранившіеся памятники ея носятъ на себѣ въ большей, или меньшей мѣрѣ слѣды вліянія Ц.-Славянскаго языка, который у древнихъ Сербовъ стоялъ на первомъ мѣстѣ въ ряду предметовъ, потребныхъ для человѣческаго образованія. По мѣрѣ этого вліянія мы раздѣлили всѣ Ста-

росербскіе памятники на два разряда, Славянобулгарскіе, въ которыхъ преобладаетъ древнее Булгарское нарѣчіе, и народные, въ которыхъ преобладаетъ народный или собственно Сербскій языкъ. Первые разсмотрѣны Шафарикомъ въ его Serbische Lesekörner, гдѣ ученый славяновѣдецъ доказалъ, что народный языкъ Сербовъ все таки пробивался сквозь Славянобулгарскую стихію и чрезъ то самое пріурочивалъ ихъ къ Сербской письменности. На эти памятники Сербы имѣютъ такое же право, какъ и на свои народные. Не смотря на все желаніе древнихъ Сербскихъ грамотѣевъ писать чистымъ Булгарскимъ языкомъ, живое нарѣчіе живаго народа не могло заглохнуть совершенно подъ покровомъ пришлаго языка и, невольно выставляясь наружу, придавало особый отличительный видъ ихъ письменности, который ясно показывалъ, что она принадлежала именно Сербамъ, а не кому другому. Изъ упомянутаго сочиненія Шафарика, равно какъ изъ его Славянскихъ Древностей, мы убѣждаемся также, что устный, коренной языкъ Сербовъ въ доисторическое время звучалъ точно такъ же, какъ звучитъ и понынѣ, если слѣды его уже обнаруживаются въ первыхъ памятникахъ Сербской письменности: слѣдовательно, уже тогда онъ имѣлъ въ себѣ тѣ же самые звуки и тѣ же самыя формы, какіе имѣетъ и теперь, а по тому не онъ отклонился отъ письменнаго языка, а на оборотъ, этотъ послѣдній уклонился отъ него принятіемъ въ себя чужой, Славянобулгарской, стихіи. Прослѣдить исторически воздѣйствіе народнаго языка на Древнебулгарскій было задачею Шафарика; нашею задачею, какъ сказали мы въ Введенія, будетъ разсмотрѣніе по вѣкамъ воздѣйствія Древнебулгарскаго языка на народный въ тѣхъ памятникахъ, которыхъ только слегка и отчасти коснулся Шафарикъ и въ которыхъ народная стихія преобладаетъ. Такимъ образомъ почва, которая предлежитъ намъ для обработки, есть по преимуществу народная; но въ то же время она принадлежитъ области письменнаго языка Сербовъ, а слѣдовательно, не чужда звуковъ и формъ Д.-Булгарскихъ, посѣянныхъ на ней писцами. Дѣйствительно, проходя по этой почвѣ, мы не разъ встрѣтимся съ такими звуками и такими формами, которые въ устномъ языкѣ Сербовъ или вовсе не существуютъ, или, если и существуютъ, то въ иномъ видѣ, и тутъ же замѣтимъ, что народный языкъ старается замѣнить ихъ по своему. Мѣстами эти звуки и этѣ формы живутъ въ полной силѣ, мѣстами они слабѣютъ, будучи вытѣсняемы народными, а индѣ вовсе исчезаютъ. Всего болѣе держатся они во вступленіяхъ и отчасти въ концѣ грамотъ, преимущественно тѣхъ, гдѣ православное духовенство принимало наибольшее участіе; всего менѣе находятся они въ срединѣ грамотъ, гдѣ излагается сущность дѣла, и притомъ, чѣмъ мелочнѣе и ближе къ дѣлу содержаніе, тѣмъ чище народный языкъ. Съ другой стороны, если обратимъ вниманіе на мѣстонаписаніе грамотъ или, что то же, семьи, на которыя онѣ распадаются, то увидимъ, что Ц.-Славянскій языкъ господствуетъ въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, преимущественно Аѳонскихъ, слабѣетъ въ Зетскихъ, Турецкихъ, Боснійскихъ и почти совершенно изчезаетъ въ Дубровницкихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ. Причина очевидна: въ Сербіи господствовало православіе, ознаменованное благодѣяніями королей, царей и деспотовъ къ Церкви и духовенству. Самый языкъ своею возвышенностію отвѣчалъ величію Сербскихъ государей; въ мелкихъ же грамотахъ, данныхъ Дубровнику большею частію по торговымъ дѣламъ, онъ замѣтно уступаетъ мѣсто народному. Напротивъ, Дубровничане, исповѣдывавшіе католическую вѣру, народъ торговый, дѣловой, не имѣли надобности прибѣгать къ Ц.-Славянскому языку и писали почти чистымъ народ-

нымъ языкомъ: такимъ же отвѣчали имъ и бояре Хлумскіе и Травунскіе. Средину между этѣми двумя крайностями занимаютъ Боснійскія грамоты, въ которыхъ преобладаніе того, или другаго языка уравновѣшивалось какъ государственными, такъ и вѣроисповѣдными причинами. Съ одной стороны, виды Боснійскихъ королей на Сербію и покровительство, оказываемое ими православнымъ и Патаренамъ, на которыхъ опиралась народная самостоятельность; съ другой, различіе вѣроисповѣданій, наружное господство католицизма и близкія сношенія съ западными сосѣдями: — все это опредѣлило для Боснійскихъ грамотъ серединное мѣсто, которое онѣ занимаютъ между предыдущими семьями. Какъ бы то ни было, мы не должны забывать, что приступаемъ къ исторіи письменнаго, а не устнаго языка Сербовъ, и что на каждомъ шагу можемъ встрѣтить звуки и формы Ц.-Славянскіе рядомъ съ народными.

Независимо отъ истинныхъ признаковъ того и другаго языка, часто въ грамотахъ попадаются такіе признаки, которые, по видимому, или вовсе не могутъ существовать, или придаютъ иной оттѣнокъ обоимъ языкомъ. Но изслѣдователь не долженъ увлекаться ими. Знакомый лично съ памятниками и читавшій ихъ непосредственно въ томъ видѣ, въ какомъ они выходили изподъ пера дьяковъ, увидитъ, что тутъ лишь дѣло внѣшности, правописанія. Представимъ себѣ цѣлыя толпы писцовъ, которые въ продолженіи столѣтій пишутъ независимо одинъ отъ другаго безъ всякихъ правилъ, безъ всякого взаимнаго соглашенія. Единства между ними нѣтъ, ибо нѣтъ положительныхъ правилъ для писанія. Только наука можетъ возбудить единство между людьми разныхъ вѣковъ; но такъ какъ правописанія въ смыслѣ науки не было, то всякій писецъ выражалъ по своему тѣ звуки, которые казались ему затруднительными. Однѣ и тѣ же буквы служили для каждого писца различными условными знаками; а истинной природы буквъ писцы не понимали. И на оборотъ, одинъ и тотъ же звукъ они выражали различными буквами. Это показываетъ, что начертанія Кириллицы, изобрѣтенной не въ ихъ странѣ, уже потеряли для нихъ свое внутреннее значеніе: кто какъ хотѣлъ, такъ и писалъ. Еще лучше бы было, если бы дьяки писали такъ, какъ произносили; нѣтъ, они мудрили Кириллицею: одинъ хотѣлъ написать слово такъ, какъ оно звучало въ устномъ его языкѣ; другой хотѣлъ этому слову придать Ц.-Славянскій видъ, пренебрегая настоящимъ его произношеніемъ, и придавалъ часто не впопадъ; третій, замѣчая, на пр., въ Д.-Булгарской письменности разумное удвоеніе нѣкоторыхъ гласныхъ въ извѣстныхъ формахъ, удвоивалъ безразлично гласныя тамъ, гдѣ вовсе не слѣдовало ни по правиламъ граматики, ни по законамъ благозвучія, и т. д., — словомъ, въ этомъ смѣшеніи внѣшнихъ знаковъ написанія изслѣдователь никакъ не долженъ видѣть что либо существенное, принадлежащее къ свойствамъ языка; но онъ обязанъ найти истинный звукъ въ случайныхъ его образахъ, зависѣвшихъ отъ произвола писцовъ. Достовѣрность языка можетъ быть узнана изъ сличенія словъ въ различныхъ грамотахъ. Чѣмъ отдаленнѣе по мѣстности и независимѣе одна отъ другой грамоты, тѣмъ достовѣрнѣе встрѣчающіяся въ нихъ одинаковыя формы. При этомъ нужно обращать вниманіе и на то, одинъ ли и тотъ же дьякъ писалъ ихъ, или разные дьяки, при одномъ ли и томъ же дворѣ, или при разныхъ дворахъ, въ одномъ ли и томъ же мѣстѣ, въ одно ли и то же время, или въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена онѣ писаны. Изъ совокупности всѣхъ случаевъ употребленія можно вывести положительные законы для языка, и по тому всегда нужно обращать вниманіе на численное количество встрѣчающихся формъ. Ошибка не можетъ повто-

раться сподрядъ нѣсколько разъ, и чѣмъ значительнѣе число случаевъ, въ которыхъ встрѣчается извѣстная форма, тѣмъ достовѣрнѣе она. Изъ счисленія количества случаевъ можно видѣть, какая форма преобладала, а отсюда можно заключать и о преобладаніи въ письменности одного языка надъ другимъ. Не менѣе нужно обращать вниманіе и на то, съ кѣмъ, въ какихъ сношеніяхъ и гдѣ писана извѣстная грамота. Одно и то же лицо могло дать нѣсколько грамотъ, различныхъ между собою въ признакахъ языка и правописанія. Это зависѣло отъ того, подъ чьимъ вліяніемъ писалась грамота: въ договорахъ очень часто случается, что лицо, которое даетъ грамоту, даетъ ее уже на основаніи готоваго содержанія, доставленнаго ему противною стороною; и по тому писецъ легко можетъ удержать въ грамотѣ нѣкоторые признаки того нарѣчія, которымъ пишетъ противная сторона: такъ между собственно-Сербскими грамотами находимъ величайшую разность, смотря по тому, дана ли была грамота Дубровнику, или Аѳону. Такъ грамота, заключающая договоръ Дубровничанъ съ Булгарскимъ царемъ Асѣномъ, отличается отъ другихъ современныхъ Дубровницкихъ грамотъ ближайшимъ къ Ц.-Славянскому употребленіемъ буквы ь, образованіемъ полнаго окончанія глаголовъ въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ и многими другими булгаризмами.

Отъ писца зависѣло также уясненіе, или скрытіе того мѣстнаго нарѣчія, которымъ онъ говорилъ и къ которому принадлежалъ. То, что сказали мы о свойствѣ письменнаго языка Сербовъ, равно какъ правописаніи грамотъ, можетъ дать понятіе о смѣшеніи звуковъ и формъ, не только по внутреннимъ ихъ свойствамъ, но и по внѣшнему виду. Славянобулгарскіе звуки и формы, стоящіе на ряду съ Сербскими, и произвольное выраженіе звуковъ на письмѣ не мало затемняютъ тѣ подрѣчія и разнорѣчія, на которыя распадается Сербскій языкъ. Раздѣленіе грамотъ на семьи имѣетъ здѣсь свое значеніе; но провести между ними строгое различіе по языку невозможно, ибо, какъ сейчасъ мы сказали, всѣ онѣ находятся подъ бóльшимъ, или меньшимъ вліяніемъ Славянобулгарской стихіи и личнаго произвола писцовъ. Съ внутренней стороны чужая стихія, съ внѣшней неопредѣленность правописанія сглаживаютъ особенности въ свойствахъ и употребленіи звуковъ и формъ и придаютъ грамотамъ не одновидность, но непонятную на первый разъ пестроту, среди которой трудно отыскать настоящіе признаки той, или другой мѣстности. При ближайшемъ знакомствѣ съ языкомъ грамотъ мы увидимъ нѣкоторыя особенности мѣстнаго произношенія; теперь же пока я приведу нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе того, что доселѣ было сказано мною о правописаніи. Такъ въ одной и той же Боснѣ и именно при королевскомъ дворѣ, на разстояніи 7-ми лѣтъ, писали: въ гр-ѣ Дабыши 1392 г. (С. № 81):...ва изъпльнение сна. и саньтии светаго дха. иже въ наустакь небеса дивии утврьжденье утврьди и васленную своею волю основа за милосрьдже милоти сниде снебесе... и надьшие улокнуе сущьство прѣстуиленимь собою обожикь на небеса казьведе. фнмь же вса ѡ небитиа въ битие састалена бише....фнмь же и куфтрь цръсци по всей васеленои утврьждаютсе...; а въ гр-ѣ Остои 1399 г. (С. № 85):... ва испуиениє сиих и стаго дха иже ва наустань небеса дивнимь утврьждениемь утврьди и васеленю своею основа за милосрьдье же милости сниде снебесь... и надьшее члкауе существо прѣстунлениемь собою ѡбожикь на небеса казведе тимже вса ѡ небитиа ва битие састалена бише... тимже и кунатреі царьсци по всои васеленои утврьждаютьсе... Чрезъ 6 лѣтъ въ гр-ѣ Тврьтка 1405 г. (С. № 89) это написано

такъ:... вь испльнине сна и светга дха иже ва начетњ небесь дивнњмь утврждњнњмь утврьди и васеленую основа земле. милосрьдие же милости сиде снебесе...и падше члове суштство прѣступлениемь собою обожнвь..тимже вса ѿ небитья ва битья састалена бише... тимь же и скипетрѣ цѣрьскаѣ по всои васеленои утврьждаютсие... Еще далѣе, въ 1419 году, въ гр-ѣ Стефана Остоича (С. № 95) писали.... вь испьвнение сина и светога духа иже ва начетњь небеса дивнимь утврьѣнимь утврьди и васеленую своею основа земль срьѣже мисти сиде снебесе... и падьшее чловѣе сушво приступление собою обожнвь на небеса вьзведе тимь же васа ѿнь небитиѣ вь битье састалена бише.. тимь же и скуфетра црьскѣ по всои вьселенои утврьждаюсе... Въ 1443 г. въ гр-тѣ Ѳомы Остоича (З. А):... иже ва начетакь небес дивнимь устроеньемь утврьди. и васеленгю своею волею основа за милосрьдие же милости. приде снебесе... и падьше члке сушко приступленье. собою обожнвь их небеса узиде... тимь же и скупетри. царьски. по всои васеленои. утврьюѣесе...Наконецъ уже въ 1461 г. въ гр-ѣ Томашевича (С. № 150) то же самое написано такъ:... иже ва изчетакь небесь дивнимь утврьѣенимь утврьди и васелену своею волею основа за милосрьдье же милости приде снебесь... и падче чинче сушко прѣступлениѥ собою обожнвь на небеса узиде... тимже и скупетри царьсии по всои васеленои утврьѣаюѣесе...Очевидно, дьяки списывали грамоты другъ у друга, но въ то же время всякій передѣлывалъ правописаніе по своему; даже, передѣлывая его по своему, не соблюдалъ однообразія и безпрестанно измѣнялъ самому себѣ. Такъ въ приведенномъ примѣрѣ, измѣнивъ сиде въ сиеде, онъ оставилъ безъ перемѣны тимже; написавъ члче, пишетъ въ то же время прѣступлениѥ и т. д. Одинъ употребляетъ Церковно-славянскую, хотя и неправильную, форму: вь испльние; другой народную: ва испуниение; а между тѣмъ первый пишетъ ѿ небитья, а второй ѿ небитиѣ и т. д. Вообще подобныхъ примѣровъ неточности въ правописаніи можно найти безчисленное множество[1]. Иногда въ грамотахъ мелькаетъ простая разсѣянность писцовъ; такъ ничѣмъ болѣе нельзя объяснить подобное сочетаніе словъ: боже славни ва троицѣ ва оци же реку и сину и светнимь духомь (С. № 144). Въ гр-ѣ С. № 16 поражаеть насъ странное употребленіе двойственнаго числа вмѣсто множественнаго: и вь блаженую. четири. еваньгелисте.. и вь стетую. мученике гне власиѣ. ловрѣньтьѣ. петра. и аньдрею. нашехъ светитель. Во многихъ грамотахъ повторяется подобное выраженіе: печатити обичномь великомь кировономь подь нисуку печать вероване (С. NN 127, 130, 141); или вотъ еще примѣръ безсмыслицы: што е биль зако при цру стефану, и при гну и родителюми вльку, и при стопоучившаго кнеза лазара, и при стопоучившаго гна и родителями деспота стефана (С. № 137), которая объясняется тѣмъ, что въ предыдущихъ грамотахъ, съ коихъ списывалась гр-а № 137, вмѣсто предлога при стоитъ у. Или: али прѣдь светлаго гподинов кралемь угарсцимь али прѣдь турскимь гподаре а или прѣдь кралѣ босанскога и т. д. Кромѣ разсѣянности, причиняющей безсмыслицу, укажемъ на умствованіе писцовъ при переписываніи грамотъ. Часто позднѣйшій писецъ даетъ совсѣмъ другой смыслъ выраженію и мысли своего предшественника. Для примѣра укажу на начала вышеприведенныхъ Боснійскихъ грамотъ. Въ древнѣйшей гр-ѣ сказано: ва изьпльнение сна. и саньтиѣ свтаго дха, а въ списанной съ нея: ва испуниение сина и

[1] Ср. также С. NN 49, 50, 62, 90, 91, 99, 111, 137; А. N 13.—С. NN 71, 84, 97, 100, 114, 144.— С. NN 101, 102, 104. — С. NN 37, 103, 136. — А. NN 18, 19.

стаго дха и то же повторено въ слѣдующихъ, списанныхъ со второй. Въ первой выражена мысль: **на начетакь небеса вътврьди**, что повторено еще въ двухъ другихъ; но въ остальныхъ трехъ мысль эта переиначена: **на начетк небесь втврьди**, гдѣ, придавъ другой смыслъ отношенію первыхъ двухъ словъ, писецъ забылъ про глаголъ **втврьди** и оставилъ его уже безъ всякого управленія. Первые писцы высказывали мысль, что Богъ **падьшие чловичe сѫщьство ѡбожникь на небеса вазьведе**, а позднѣйшие два поняли иначе, что Богъ **падче чловче сѫщко обожчвь на небеса узиде**; первые писали: **скипетрѣ црьсци втврьждаютсе и красещесе славеть бга**, а позднѣйшіе двое пишутъ: **скипетри царьсци втврьѣаюѣесе и красѣесе славеть бога**. Одинъ писецъ, по разсѣянности, написалъ **приствпленье** вм. **приствпленьемь** и другой, за нимъ слѣдовавшій, повторилъ то же; но первый, не разобравши хорошо той грамоты, съ которой списывалъ, сдѣлалъ еще важнѣйшій промахъ, написавъ совершенную безсмыслицу: **земль срьде** вм. **за милосрьдие**, отъ которой, впрочемъ, оба позднѣйшие воздержались. Предшественникъ же его, хотя тоже не разобралъ этого мѣста въ подлинникѣ, однако, для избѣжанія безсмыслицы, придалъ ему такой смыслъ: **васелению ѡнока земли. милосрьдие же милости сиде снебесе**. Такъ первый писецъ писалъ: **ѡ веле мощни сило прѣстаго дха тебе славимь и вь тройци** (С. № 71), а заимствовавшій у него далъ другой оттѣнокъ его мысли: **ѡ веле мощни сило прѣсветаго дха бже славими ва тройци** (С. № 84) и всѣ позднѣйшие повторили то же самое (С. №№ 97, 100, 104, 114, 144) и т. д. Эти сравненія показываютъ намъ, какъ мало дорожили писцы вѣрностію снимковъ своихъ и не только позволяли себѣ переиначивать смыслъ, но даже допускали и безсмыслицу. Часто въ одной и той же области употребляются признаки разныхъ нарѣчій: **и** и **ѣ** или **ие**; **ѫ** и **ѣ**; **к**, **г**, и **ѣ** и пр. Это указываетъ отчасти на мѣсторожденіе писцовъ, говорю отчасти, ибо иногда у одного и того же писца, въ одной и той же грамотѣ признаки нарѣчій смѣшиваются. Такъ, на пр., въ гр-ѣ Томашевича (С. № 150) замѣтно непостоянство въ употребленіи **ѫ** и **ѣ**, **и** и **ѣ**; сдѣсь находимъ: **посиидий** и **крѣпци**, **вкиту** и **напрѣда**, **вика** и **крѣие**, **коѣ**, **ѣице**, **дѣвь** и **записаним**, **приятеле**, **ма**. Въ гр-ѣ Радослава Павловича (С. № 107) смѣшиваются **к**, **г** и **ѣ**: **владимириѣемь** и **владимирикемь**, **даюѣе** и **вдѣлююке**, **послеѣие** и **послегие**, **потрьѣение** и **потврьгвемо**; въ гр-хъ того же (С. № 122): **видинье** и **рѣчь**; (С. № 127): **спомешутьи**, **гпои** и **ѣ**, **гпоѣ**. Въ гр-ѣ Тврьтка (С. № 103) читаемъ: **прародителие** и **природнтель**. Въ гр-ѣ Остои (С. № 83) перемежаются **и** и **ѣ**: **двбровинѣкл**, **лѣстове**, **вѣдиньше**, **прѣморию**, **дѣвь** и **свить**, **видиньше**, **крипко** и т. д. Не говорю уже объ отдѣльныхъ грамотахъ, принадлежащихъ однимъ и тѣмъ же писцамъ: примѣры ихъ сравненія были бы излишними; но замѣчу только, что, сравнивая двѣ, три, или нѣсколько грамотъ одного и того же писца, не находимъ ни одной пары грамотъ, въ которыхъ бы правописаніе было одинаково. Всякій разъ видимъ какое нибудь различіе, индѣ весьма чувствительное[1]. Особенно часто смѣшиваются буквы **е**, **ѥ**, **ѩ**, **є**, **ѣ**, **ие**, **иѥ**, **иѩ**; **ѣ**, **ѣа**, **ѩ**, **ѩа**; простыя **а**, **о** и удвоенныя **аа**, **оѡ**, и пр. Нужно очень хорошо знать природу Славянскихъ звуковъ и законы словоизмѣненія, чтобы найти путеводную нить въ этомъ смѣшеніи буквъ и звуковъ и отличить вѣрное отъ невѣр-

---

[1] Ср., на пр., С. NN 95 и 103; 87, 100, 108 и 109; 83 и 84; 104, 107 и 114; 112, 115, 119, 121, 123, 126 и 130; 122, 127 и 129; 125 и 128; 136 и 140; 150, 151, 152, 153 и 154; 158, 159 и 163.

наго. Не зная ихъ, можно часто ошибаться въ ученіи о переходѣ звуковъ и сравнивать двѣ неудобосравнимыя формы. Такъ, на пр., не зная, что и часто переходитъ въ ѣ, невозможно сравнивать прямо и и є или ѥ, но должно употребить посредствующее ѣ, которое, по ошибкѣ, смѣняется иногда б-ю є, ѥ. Такъ нельзя прямо сносить а съ ѣ; но, зная, что ꙗ часто переходитъ въ ѣ, посредникомъ между ними должно принять ꙗ и пр. и пр. Приведу еще одинъ замѣчательный случай. Двѣ гр-ы С. №№ 101 и 102 суть очевидно одна и та же грамота въ двухъ спискахъ. Нужно рѣшить, которая изъ нихъ подлинная? Судя по вѣрности написанія, № 102 должна быть подлинникомъ, а № 101 спискомъ съ нея, ибо въ этой послѣдней опущеніемъ и неточностію нѣкоторыхъ буквъ смыслъ мѣстами затемненъ, а также ошибочно выставлено 22 апрѣля 1421 года, четвертокъ по Юрьевѣ днѣ, ибо въ 1421 году этотъ день приходился 24 апрѣля, что и означено правильно въ № 102-мъ. Казалось бы, въ обѣихъ грамотахъ правописаніе должно быть одинаково; но, сличая ихъ, видимъ большую разницу: въ одной и, въ другой ие, въ одной є, въ другой ѥ, тамъ ѣ, ѵ, сдѣсь к, ю и т. д. Имя дьяка Мароша выставлено въ обѣихъ: значитъ, съ его грамоты № 102 кто нибудь сдѣлалъ списокъ, перемначивъ по своему его правописаніе. Такимъ образомъ надобно всегда обращать вниманіе на то, съ подлинникомъ ли имѣемъ дѣло, или съ копіею. Подобныя копіи были всегда, да и въ наше время онѣ снимаются часто съ не меньшимъ искаженіемъ подлинника. Укажу еще на копію, сдѣланную при Хамзабегѣ, около 1470 года, съ грамоты Стефана Дечанскаго (С. № 37). Хотя въ концѣ ея приписано: исписахь искнигє кралѧ стєпана напѵнω какω сє ѵ ꙁаписѵ говори, однако, по нѣкоторымъ признакамъ языка, точность этой копіи кажется подозрительною и языкъ ея долженъ быть отнесенъ ко времени Турецкаго владычества. Копія съ грамоты Стефана Первовѣнчаннаго (С. № 51) сдѣлана въ царствованіе Милутина, когда этотъ король подтверждалъ запись своего предка: и къ этому времени она должна быть отнесена, ибо написана на одномъ пергаминномъ листѣ и одною рукою съ подтвердительною грамотою Милутина; притомъ надстрочные значки и употребленіе буквъ оу, ы и ѣ, сходное въ обѣихъ грамотахъ, обличаютъ ея невѣрность съ подлинникомъ, хотя въ ней и сохранились нѣкоторые слѣды древности, какъ на пр., въ употребленіи б-ы ь и въ полныхъ окончаніяхъ ыи, ии, ын: однако въ нее вторглись и новѣйшіе признаки, каковы: значекъ ՝, стяженіе полнаго ию въ ью и озвукотвореніе б-ы ь чрезъ є. Также гр-а Душана (С. № 35), хотя и не названа копіею, однако, по нѣкоторымъ позднѣйшимъ признакамъ, заставляетъ думать, что она есть копія XV-го в., впрочемъ весьма вѣрная подлиннику. Вообще относительно копій должно замѣтить, что если онѣ сколько нибудь кажутся подозрительными, то лучше относить ихъ не ко времени подлинника, а ко времени ихъ составленія, или даже вовсе опускать, ибо языкъ ихъ бываетъ по большей части смѣсью древнѣйшаго съ позднѣйшимъ. Таковымъ перемѣнамъ подвергается иногда книжный языкъ и преимущественно въ среднее или переходное время своего существованія. Много ступеней развитія долженъ онъ пройти, пока не установится окончательно въ своихъ формахъ; много разъ измѣнится и правописаніе, пока не достигнетъ до правильнаго и разумнаго выраженія звуковъ; а между тѣмъ народный, устный языкъ все живетъ неизмѣнно, соблюдая въ цѣлости свою особность, дѣлающую его именно этимъ, а не другимъ языкомъ. Отъ того въ филологическомъ трудѣ всегда нужно уяснить себѣ и въ точности опредѣлить тотъ языкъ или то нарѣчіе, обработанію котораго трудъ посвящается.

Если въ исторіи книжнаго языка Сербовъ необходимо обращать вниманіе на мѣсто написанія или, что то же, на семьи грамотъ, по причинѣ существованія областныхъ нарѣчій и различной государственной и вѣроисповѣдной судьбы Сербскихъ областей, то въ то же время нужно обращать вниманіе на количество и возрастъ дошедшихъ до насъ грамотъ различныхъ семействъ. Конечно, самымъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ руководителемъ исторіи языка будетъ тотъ взглядъ, который въ одно время и для всѣхъ случаевъ обнимаетъ грамоты различныхъ семействъ, не давая такимъ образомъ перевѣсу и права исключительнаго господства признакамъ одной какой либо области и отъ нихъ не дѣлая посылки ко всему объему языка. Но не всегда можно составить себѣ такой всесторонній взглядъ на повременныя явленія языка по причинѣ отсутствія памятниковъ: въ такомъ случаѣ надобно наблюдать величайшую осторожность, чтобы признакъ одной какой либо области не навязать всему пространству народнаго говора. Такъ изъ XII-го вѣка мы имѣемъ двѣ грамоты совершенно противуположныя между собою: Боснійскую Кулина и Аѳонскую Немани. Это обстоятельство весьма благопріятно, ибо при немъ мы разсматриваемъ языкъ съ двухъ различныхъ сторонъ и въ двухъ противоположныхъ областяхъ, а не вдаемся въ одну какую либо крайность. Первая половина XIII-го вѣка не менѣе благопріятна; она доставляетъ намъ грамоты Сербскихъ королей, бановъ Боснійскихъ, князей Хлумскихъ, нѣсколько Поморскихъ и Дубровницкихъ; но вторая его половина и XIV-й вѣкъ до самой Косовской битвы предлагаютъ почти исключительно однѣ собственно-Сербскія грамоты; и на оборотъ, XV-й вѣкъ обилуетъ грамотами Боснійскими, Травунскими, Хлумскими и Дубровчицкими. Это явленіе объясняется государственною судьбою собственной Сербіи и Босны; но его никакъ не должно забывать въ исторіи языка. При обиліи грамотъ одной семьи, двѣ, три грамоты другой должны быть тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, чѣмъ менѣе имѣемъ мы ихъ.

Сербская письменность разсматриваемыхъ нами вѣковъ, какъ можно уже было замѣтить изъ историческаго обзора, совершалась у народа самостоятельнаго; а по тому она, и преимущественно та часть ея, которой посвящены наши изслѣдованія, должна носить на себѣ отпечатокъ самостоятельности. И дѣйствительно, ни въ грамотахъ, ни въ Законникѣ, какъ и ни въ чемъ другомъ, мы не видимъ слѣдовъ упадка, или немощи, или насильственно навязаннаго чужаго вліянія, словомъ, ничего такого, что бываетъ въ письменности того народа, который стоитъ подъ властью другаго въ государственномъ и духовномъ развитіи. Напротивъ, въ грамотахъ и уставахъ выражается мысль и воля народа, независимо думающаго и дѣйствующаго. Сюда не относится прежняя вѣроисповѣдная зависимость Сербовъ отъ Булгаръ; но и въ этомъ отношеніи Сербы, какъ и Русь, принявъ отъ Булгаръ ученіе и книги священныя, обратили ихъ въ свое народное достояніе и наложили на языкъ Древнебулгарскій печать своего народнаго, говорящую болѣе въ пользу ихъ преобладанія, чѣмъ на оборотъ. По этому и самое развитіе языка должно было итти путемъ независимости. Ни современный ему Булгарскій языкъ, ни Греческій, ни Угорскій, ни Итальянскій, ни Турецкій не вторгались въ него, не ломали его строя и не навязывали ему своихъ словъ въ замѣнъ его собственныхъ. Участіе Древнебулгарскаго въ образованіи письменнаго языка объясняется совсѣмъ иными причинами и вовсе не имѣетъ значенія насильственнаго. Между двумя однородными языками, въ тѣхъ отношеніяхъ говорящихъ ими племенъ, въ какихъ стояли между собою Сербы и Булгары, не могло быть насилія. Съ

добровольнымъ принятіемъ ученія вѣры соединено было и добровольное принятіе письменнаго языка, необходимаго на первыхъ порахъ для быстро возникающей духовно-созерцательной дѣятельности. Разъ принявши Д.-Булгарскій письменный языкъ, Сербы, какъ и Русь, тотчасъ же, независимо отъ Булгаръ, распорядились имъ по своему произволу, какъ настоящіе владѣльцы его, — и отсюда, съ первыхъ же временъ, начало возникновенія Сербокириловской письменности и вліянія Сербскаго языка на Д.-Булгарскій, вліянія, шедшаго своимъ путемъ и постоянно усиливавшагося. Прослѣдить это незамѣтное шествіе народныхъ признаковъ объ руку съ Д.-Булгарскими, ихъ постепенное усиленіе по времени и по разнымъ областямъ: — вотъ задача исторіи древняго книжнаго языка Сербовъ. Кромѣ этой родственной стихіи, мы присутствія какой либо другой въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ не видимъ. Попадается, правда, нѣсколько словъ Итальянскихъ и Турецкихъ, но это одно лишь внѣшнее заимствованіе, не посягающее на внутренній составъ языка и неизбѣжное при взаимномъ общеніи Сербовъ съ Италіянцами и Турками. Обиліе формъ Д.-Булгарскихъ было полезно и для Сербскаго книжнаго языка; оно придало бо́льшую жизнь тѣмъ формамъ, которыя въ устномъ языкѣ мало употребляются и почти забываются. Для Сербовъ это было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ ближе языкъ ихъ подходилъ къ Д.-Булгарскому. Я разумѣю преимущественно формы глагольныя. Что же касается до формъ употребительнѣйшихъ, въ особенности падежныхъ, и звуковъ, то, занявъ ихъ на первый разъ отъ Булгаръ цѣликомъ, Сербы постарались мало по малу замѣнить ихъ своими народными, т. е., хотя въ сущности такими же, ибо одинъ общій Славянскій духъ отражается во всѣхъ родственныхъ нарѣчіяхъ, однако носящими отличительный оттѣнокъ Сербской природы. Скажутъ, Дубровникъ находился подъ верховною властію Венеціи и потомъ Угріи, Босна подъ верховною властію Угріи, а напослѣдокъ и сама восточная Сербія съ 1389 года подчинилась верховному владычеству Турціи: могли ли при этомъ оставаться самобытными письменность и языкъ этѣхъ областей? Отвѣчаемъ, могли; ибо верховная власть всѣхъ трехъ государствъ была такого рода, что не вдавалась во внутреннюю жизнь народа, даже мало касалась его государственной дѣятельности, существуя по большей части только на словахъ. Дубровникъ не отъ Венеціянъ и не въ это позднѣйшее время принялъ въ себя Итальянскую стихію; онъ получилъ ее вмѣстѣ съ своимъ населеніемъ въ древнѣйшее время, и напротивъ, въ разсматриваемыя нами столѣтія, Славянское начало брало въ немъ постепенный перевѣсъ. Когда же, въ сношеніяхъ съ Сербскими областями, онъ отклонялся отъ Итальянскаго языка, тогда письменный его языкъ становился чисто Славянскимъ, такъ что въ немъ даже нѣсколько болѣе замѣтно Ц.-Славянскихъ звуковъ, чѣмъ въ грамотахъ Хлумскихъ и Травунскихъ. Итальянскій языкъ ни малѣйшимъ образомъ не налагалъ на его Славянскую письменность какихъ либо стѣснительныхъ условій, и доказательствомъ тому можетъ служить прекрасный языкъ Дубровницкихъ поэтовъ XVI и XVII столѣтій. Угорскій и Турецкій языки тѣмъ менѣе могли оказать какое либо вліяніе на Сербскій. Если по сю пору Славяне, лишенные всякой самостоятельности и остающіеся въ Угорскомъ королевствѣ рядомъ съ Мадьярами, а прежде въ нѣкоторой даже зависимости отъ нихъ, или въ Турціи подъ владычествомъ Турокъ, не утратили ни мало природныхъ свойствъ своего языка, не смотря даже на совершающееся вокругъ ихъ омадьяреніе и отуреченіе; то какъ же могъ языкъ древнихъ Сербовъ хотя сколько нибудь

пострадать отъ языковъ менѣе его развитыхъ и образованныхъ, когда народъ, имъ говорившій, пользовался большею, или меньшею самостоятельностію подъ верховною властію Угріи и Турціи и полною свободою во внутренней своей жизни? Исторія намъ показала, какъ слабо было дѣйствіе чуждой верховной власти на Босну и Сербію до конца XV столѣтія. Грамоты, памятникъ письменности, ближайшій къ внѣшней жизни народа, обнаруживаютъ полную свободу государственныхъ дѣйствій въ правителяхъ Босны и Сербіи. Многіе изъ Босняковъ и Сербовъ отуречивались; но до неотурчившихся властители ихъ не касались своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Нравы и обычаи могли нѣсколько измѣниться, но языкъ не измѣнился и не упалъ: онъ есть самая живучая часть народнаго существа. Конечно, объемъ письменности зависѣлъ отъ процвѣтанія, или упадка государственной жизни народа; но языкъ этой письменности оставался всегда самостоятельнымъ съ своимъ произвольнымъ развитіемъ. Такъ должны мы глядѣть на Сербскій книжный языкъ въ разсматриваемое нами пространство времени и предполагать въ немъ какое либо постороннее насильственное вліяніе мы не можемъ.

Итакъ намъ предстоитъ имѣть дѣло съ плодомъ письменной дѣятельности самостоятельнаго народа — памятниками, относящимися преимущественно къ государственной жизни Сербовъ, слѣдовательно, найболѣе историческими. По содержанію и языку своему, они отличаются тою же самостоятельностію, какою пользовались Сербы по областямъ своимъ въ разсматриваемое нами время. Нашему изслѣдованію подлежатъ тѣ изъ нихъ, которые писаны Кирилицею, употребленіе которой связано съ вѣроисповѣдною и государственною жизнію Сербскаго народа. По мѣрѣ удаленія Сербовъ отъ православія и восточнаго государственнаго ихъ средоточія, употребленіе Кирилицы ослабѣваетъ; но тѣмъ не менѣе самые отдаленные отъ востока, какъ по самому мѣсту жительства, такъ и по вѣроисповѣданію и образу жизни, и найболѣе подверженные вліянію иноземной стихіи, Дубровничане, въ сношеніяхъ своихъ съ прочими Сербами, употребляютъ Кирилицу и общій Сербскій книжный языкъ, свидѣтельствуя тѣмъ, что языкъ составлялъ для Сербовъ тѣсную духовную связь во всякое время, не смотря на ихъ разъединеніе. Памятники взаимныхъ сношеній Сербовъ отличаются, по языку своему, отъ прочихъ тѣмъ, что въ нихъ преобладаетъ народная стихія надъ Ц.-Славянскою; вмѣстѣ съ пѣснями, они принадлежатъ къ собственно народнымъ памятникамъ. Языкъ ихъ, хотя и книжный, далеко чище, чѣмъ языкъ тѣхъ, кои запечатлѣны произволомъ личности списателя и выражаютъ или умственную, или вѣроисповѣдную дѣятельность народа. Тогда какъ въ послѣднихъ языкъ носитъ несомнѣнные признаки преобладанія Ц.-Славянской стихіи, въ первыхъ, взятыхъ во всей ихъ совокупности, бываетъ на оборотъ; а въ пѣсняхъ, если бы только онѣ были записаны въ древнее время, представился бы намъ народный языкъ во всей его чистотѣ. Въ послѣднихъ, какъ то: книгахъ духовнаго, лѣтописнаго, умозрительнаго, или врачебнаго содержанія, однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, на которые списатели обращали вниманіе, были языкъ и слогъ, какъ часто сами они свидѣтельствуютъ въ послѣсловіяхъ, приписывая свои ошибки человѣческимъ немощамъ и прося читателей не проклинать писавшаго, но читать, исправляя его. Слѣдовательно, сдѣсь списатель смотритъ на свою книгу, какъ на дѣло личности, и свое письмо беретъ подъ свою отвѣтственность; сдѣсь главное — трудъ лица, хотя бы оно и не было извѣстно. Напротивъ, дьяки, писавшіе грамоты и Законникъ, вовсе не смотрѣли на свой

трудъ, какъ на произведеніе словесности, или памятникъ письменности, но увлекались единственно содержаніемъ, и если выставляли кое-гдѣ свое имя, то вовсе не для отвѣтственности списательской, а для большей достовѣрности грамоты, какъ доказательнаго средства. Свой языкъ и слогъ они вовсе не думали выставлять на видъ читающему и не отвѣчали за нихъ. По сему, если тѣ, какъ списатели въ полномъ смыслѣ, какъ грамотѣи, прибѣгали къ общеупотребительному между ними книжному языку, взятому цѣликомъ изъ Д.-Булгарскихъ книгъ, считая его единственнымъ достойнымъ проводникомъ мысли, то эти спускались ступенью ниже ихъ и, какъ люди дѣловые, употребляли для своего изложенія языкъ народный, перемѣшивая его отчасти съ Ц.-Славянскимъ, и только во вступленіяхъ позволяя себѣ блеснуть и начитанностію церковныхъ книгъ и знаніемъ Ц.-Славянскаго языка. Между тѣмъ они сами, не зная того, становились выше первыхъ, какъ двигатели отечественнаго книжнаго языка. Но какъ тѣ, такъ и другіе проявляли въ себѣ, можетъ быть, даже безсознательно, дѣятелей самостоятельнаго народа съ живымъ, свободно развивающимся языкомъ, ибо у тѣхъ и другихъ, въ большей, или меньшей мѣрѣ, присутствуетъ народность. Книжный языкъ Сербовъ, хотя и составленный изъ неравномѣрнаго соединенія двухъ родственныхъ стихій, чуждъ всякого посторонняго насильственнаго вліянія. До самого исхода XV-го столѣтія онъ развивается совершенно независимымъ и естественнымъ путемъ. Д.-Булгарскій языкъ, принятый добровольно Сербами для своей письменности еще въ то время, когда они не имѣли своего книжнаго языка, былъ для нихъ чрезвычайно полезенъ, какъ языкъ ихъ соплеменниковъ, получившій уже прежде письменное выраженіе своихъ звуковъ и формъ, и какъ готовое средство къ словесной дѣятельности. Съ тѣхъ поръ онъ самъ послужилъ проводникомъ ихъ народному языку въ область письменности и постепенно помогалъ его собственному развитію, согласному съ природою и духомъ Славянскихъ языковъ. Тутъ не было ничего противуславянскаго, насильственнаго и вреднаго. Также никакой чужой языкъ не имѣлъ вліянія на древній книжный языкъ Сербовъ по тому самому, что и народъ не подчинялся ничьему вліянію. На языкъ нашихъ памятниковъ мы должны смотрѣть, какъ на языкъ, свободно развивающійся изъ естественнаго соединенія двухъ родственныхъ стихій безъ вторженія чуждаго начала, безъ всякихъ несвоевременныхъ переходовъ, или насильно навязанныхъ звуковъ, формъ и оборотовъ рѣчи. Государственная судьба различныхъ областей опредѣлила степень участія Ц.-Славянской стихіи въ языкѣ нашихъ памятниковъ, и въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ сильнѣйшихъ доказательствъ тому, что языкъ народа имѣетъ тѣсную связь съ его цѣлою многостороннею жизнію. Если же вспомнимъ при этомъ и другія доказательства того же, проявляющіяся какъ въ количествѣ, такъ и въ содержаніи памятниковъ, то убѣдимся, что разсматривать судьбы языка невозможно безъ предварительнаго обзора судебъ народа. Въ этой непреложной истинѣ, на которой основаны всѣ лучшіе новѣйшіе труды по части языкоизслѣдованія, убѣдимся мы еще болѣе, когда въ послѣдствіи, намъ предстанутъ новыя, подробнѣйшія тому доказательства. Что же касается до взаимнаго отношенія двухъ стихій, то, при ближайшемъ знакомствѣ съ языкомъ нашихъ памятниковъ, мы увидимъ, что Ц.-Славянская стихія постепенно уступаетъ свое мѣсто признакамъ народной, и что эта послѣдняя беретъ мало по малу надъ нею верхъ, такъ что подъ конецъ XV-го вѣка торжество народныхъ признаковъ становится рѣшительнымъ. Такова главная черта историческаго движенія книжнаго языка древней Сербіи въ народныхъ ея памятникахъ до конца XV-го вѣка.

Напослѣдокъ считаю нужнымъ снова коснуться изданій. Языкоизслѣдованіе наиболѣе нуждается въ хорошихъ критическихъ изданіяхъ. Если даже исторія, имѣющая дѣло съ событіями, останавливается иногда на буквѣ, затмѣвающей какое либо имя собственное, или смѣшивающей два понятія чрезъ созвучіе словъ, то языковѣдѣніе, постоянно вращающееся въ кругу звуковъ и ихъ сочетаній, всегда должно обращать вниманіе на степень достовѣрности этихъ звуковъ и не принимать безусловно всего того, что предлагаютъ ей письменные памятники. Ошибки могутъ быть двоякого рода. Однѣ заключаются въ самомъ подлинникѣ; другія вкрадываются въ изданіе. Невозможно думать, чтобы всѣ списатели подлинниковъ были свободны отъ ошибокъ. Небрежность, разсѣянность, невѣжество и т. д. вводили въ погрѣшности старинныхъ писцовъ, особенно въ средневѣковой письменности. Мы видѣли нѣсколько примѣровъ тому. Языкоизслѣдователь долженъ непремѣнно повѣрять подобные промахи либо общими звуковыми законами, либо тщательнымъ на дѣлѣ изученіемъ самого подлинника и другихъ ближайшихъ къ нему по мѣсту и времени памятниковъ. Ошибки изданія зависятъ наиболѣе отъ того, кто переписываетъ памятникъ, и если издатель не можетъ самъ свѣрить списка съ подлинникомъ, то ему остается только положиться на добросовѣстность переписчика и его умѣнье разбирать древнее письмо. Но всегда ли переписчики правильно читаютъ старинныя рукописи? всегда ли вѣрно переписываютъ ихъ и не прибавляютъ ли своего къ языку подлинника? Къ несчастію, это случается нерѣдко, и мы видѣли, какъ различны бываютъ списки съ одного и того же подлинника. Что же остается изслѣдователю? Смущенный подобными мыслями, онъ по неволѣ задумывается надъ всякою сколько нибудь необыкновенною формою и находится въ нерѣшимости принять ли ее, какъ дѣйствительно существовавшую и имѣющую свое историческое значеніе, либо отбросить, какъ ошибку первоначальнаго писца, или какъ выдумку позднѣйшаго переписчика, или же какъ простой недосмотръ справщика? Имя издателя и сличеніе изданій много способствуютъ къ разсѣянію его сомнѣнія, но все же ему предстоитъ одно изъ двухъ: или критически разсмотрѣть и исправить изданіе, или однажды навсегда положиться на добросовѣстность издателя. Но первому не всегда можно вполнѣ удовлетворить однимъ изученіемъ памятниковъ безъ подлинника: конечно, сличеніе и наведеніе между ближайшими памятниками много уясняютъ нѣкоторыя странныя формы, а индѣ служатъ основаніемъ для исправленія, однако и сдѣсь повременное преемство звуковъ и формъ и нерѣдкая одиночность памятниковъ не мало затрудняютъ исправителя, наводя на мысль о возможности формы, объясняемой историческимъ движеніемъ языка. Легче положиться на издателя, рѣшившись не заподозрѣвать ничего такого, что хотя и бросается въ глаза съ перваго раза, но не имѣетъ достаточной улики для того, чтобы быть признаннымъ простою ошибкою, или опечаткою. На этомъ основаніи я считаю нужнымъ повторить сдѣсь сказанное мною выше о степени достовѣрности тѣхъ изданій, которыя находились у меня въ рукахъ, и о возможности пользованія ими въ исторіи языка. Не всѣ изъ изданій, какъ видѣли мы, имѣютъ одинаковую степень достовѣрности. Отсутствіе значковъ, умышленное измѣненіе буквъ, искаженіе языка и другія тому подобныя ошибки ставятъ въ язычномъ отношеніи изданіе ниже подлинника; между тѣмъ, какъ языковѣдѣніе, по самому свойству своей дѣятельности, должно требовать отъ изданія безукоризненной точности — такой, которая дѣлала бы изданіе совершенно равносильнымъ подлиннику. Наши изданія болѣе могутъ удовлетворить дѣеписанію, чѣмъ языкоизслѣдованію. По этому, въ исторіи языка,

сколько нибудь заподозрѣнными изданіями мы будемъ пользоваться осторожно и не во всемъ довѣрять имъ. Авраамовича Описаніе древностей на Аѳонѣ, Споменики, Миклошича изданіе Милутиновой грамоты, Гласникъ, Загребскій Архивъ со снимкомъ грамоты Ѳомы Остоича, небольшой снимокъ Душановой грамоты въ Шафариковыхъ Serbische Lesekörner, Милутиновича изданіе грамоты Черноевича и Срезневскаго изданіе Кулиновой грамоты мы ставимъ на первомъ мѣстѣ по ихъ достовѣрности, не подозрѣвая въ нихъ никакого умышленнаго искаженія подлинника, но напротивъ замѣчая тщательность изданія. Прочія изданія: Шафарика, Сербо-Далматинскій Магазинъ, отрывокъ грамоты у Караджича въ его Словарѣ и его же списокъ, напечатанный въ Описаніи Румянцевскаго Музея, мы ставимъ на второмъ мѣстѣ, не ручаясь вполнѣ за ихъ достовѣрность: нѣкоторыя, какъ Шафариково, отзываются послѣдовательнымъ измѣненіемъ подлинника чрезъ опущеніе значковъ, титлъ, вставку полугласныхъ и т. п.; другія, какъ Сербо-Далматинскій Магазинъ, Караджичевъ списокъ у Востокова, имѣютъ въ себѣ много такого, что противорѣчитъ общимъ законамъ Сербской письменности и заставляетъ подозрѣвать небрежность переписчика. Сличеніе изданія Сербо-Далматинскаго Магазина съ изданіемъ Спомениковъ, равно какъ частая встрѣча съ ъ вмѣсто ь въ спискѣ Караджича оправдываютъ это подозрѣніе. Третьи, какъ списки Караджича, напечатаны гражданскими буквами съ примѣсью Ц.-Славянскихъ и чрезъ то теряютъ весь современный имъ оттѣнокъ древняго письма. По этому на упомянутыя изданія мы не можемъ всюду полагаться и должны оставлять ихъ втунѣ тамъ, гдѣ есть какое либо подозрѣніе въ ихъ достовѣрности; но въ прочихъ случаяхъ, по причинѣ важности ихъ разнословій съ другими изданіями тѣхъ же самыхъ памятниковъ, равно какъ тамъ, гдѣ не должно быть ошибки, или гдѣ формы являются слишкомъ замѣчательными и возможными по законамъ языка, мы будемъ пользоваться и ими, почерпая изъ нихъ примѣры для подтвержденія, или опроверженія выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи другихъ изданій. Голубинцею, Лѣтописомъ, изданіями Юлинца, Вуича и Григоровича мы вовсе не можемъ пользоваться, ибо почти всѣ памятники, заключающіеся въ этихъ изданіяхъ, кромѣ послѣдняго, напечатаны вторично и гораздо лучше: слѣдовательно, списки, положенные въ основаніе ихъ, были невѣрны; а изданіе Григоровича сдѣлано, безъ сомнѣнія, для иной, а не филологической цѣли, и, въ видахъ исторіи языка, имъ пользоваться совершенно невозможно, хотя и жаль, что множество грамотъ, которыя неизвѣстно когда еще попадутся кому другому въ руки, остались безъ пользы для языка. Впрочемъ, съ другой стороны, сохраненіе мѣстами титлъ, первичнаго способа написанія, вставка Ц.-Славянскихъ буквъ между гражданскими и т. п. намекаютъ отчасти, что издатель имѣлъ въ виду нѣкоторымъ образомъ и языкъ грамотъ; но, повторяю, отрывками его, въ исторіи древняго Сербскаго языка, мы пользоваться не можемъ. Вотъ что хотѣлъ я сказать предварительно о памятникахъ, какъ почвѣ, которой коснуться предположилъ я себѣ задачею. Я обозначилъ общія свойства этой почвы, указалъ точку, съ которой должно смотрѣть на нее, и способъ, которымъ должно воздѣлывать ее. Главная мысль историческаго движенія книжнаго языка въ народныхъ памятникахъ уже высказана мною выше. Для оправданія ея перехожу къ непосредственному ея проявленію въ дѣйствительности, въ повременномъ и преемственномъ измѣненіи звуковъ и формъ. Прежде всего начну со значковъ.

ГЛАВА I.

ЗНАЧКИ.

Не думаю, чтобы кому либо показалось удивительнымъ, что свои изслѣдованія въ области Древнесербскаго языка я начинаю со *значковъ*. Знаю, что нѣкоторые ученые не признаютъ за значками, даже иногда и за титлами, тѣхъ правъ, которыми они справедливо пользуются въ древней Кириловской письменности. Но такое ложное мнѣніе само собою рушится, когда мы ближе, сколько позволяютъ объемъ и цѣль настоящаго труда, познакомимся съ употребленіемъ значковъ въ нашихъ памятникахъ. Надобно напередъ замѣтить, что разсадникомъ значковъ есть Д.-Булгарская письменность, преимущественно средневѣковая, откуда они перешли и въ письменность Д.-Сербскую. По этому если и въ послѣдней они отправляютъ немаловажное служеніе, при томъ не совсѣмъ неразумное, то въ первой еще яснѣе и выразительнѣе должно оказываться ихъ служеніе, и было бы весьма желательно, если бы кто нибудь разъяснилъ ихъ происхожденіе, цѣль, законы служенія и наконецъ причину смѣшенія и безсознательнаго размноженія. Никакъ нельзя предполагать, чтобы значки возникли безъ всякого отношенія къ азбукѣ, произвольно и неразумно, безъ всякихъ правилъ и безъ всякой послѣдовательности. Конечно, въ послѣдствіи мы видимъ, что писцы сыплютъ ими безъ малѣйшаго разбора щедрою рукою, но это лишь слѣдствіе злоупотребленія свободы писарской и непониманія законовъ ихъ служенія. Смѣшенію и безпорядочному размноженію значковъ наиболѣе помогало отсутствіе всякихъ общеизвѣстныхъ, положительныхъ условій употребленія того, или другаго значка и заразительность примѣра, такъ что писецъ, особенно позднѣйшій, не понимая истиннаго назначенія значковъ и судя только по наружному сходству случаевъ, ставилъ безъ толку и произвольно тотъ значекъ, который наиболѣе нравился ему. Но, повторяю, въ первую пору своего появленія, значки не могли родиться такъ, просто, безъ всякого основанія. Причина ихъ происхожденія кроется въ недовольствѣ со стороны писцовъ существующею азбукою. При всей полнотѣ своей, при всемъ обиліи знаками, служащими для выраженія главнѣйшихъ оттѣнковъ и особенностей звука человѣческаго голоса, Кирилица не могла вмѣстить въ себѣ сверхъ того еще нѣсколько лишнихъ буквъ для выраженія незначительныхъ измѣненій голоса, замѣчаемыхъ въ устной рѣчи. Многое должно быть предоставлено свободѣ говорящаго, и если бы пришлось всѣ звукоизмѣненія человѣческаго голоса означать буквенными знаками, то въ такомъ случаѣ азбука, по крайней мѣрѣ, удесятерилась бы въ своемъ объемѣ. Составитель Кирилицы хорошо различалъ существенное отъ несущественнаго, главныя видоизмѣненія голоса, на которыхъ основана его членораздѣльность, отъ побочныхъ, дающихъ только иной оттѣнокъ произношенію, и, увеличивъ свою азбуку,

противъ другихъ, нѣсколькими новыми знаками, которые считалъ необходимыми, на пр., для мягкихъ гласныхъ и полугласныхъ, все же не хотѣлъ выходить изъ общепринятыхъ границъ алфавита и распространять ихъ излишними мелочами. Можно съ достовѣрностію утверждать, что въ его время значковъ не было. Но писцамъ, забывшимъ тѣ правила, которыми руководствовался составитель азбуки, забывшимъ значеніе буквенныхъ начертаній и ихъ отношеніе къ существеннымъ измѣненіямъ членораздѣльныхъ звуковъ, писцамъ, увлекшимся мелочами, спустя вѣкъ, или два послѣ св. Кирила, азбука, имъ изобрѣтенная, показалась уже недостаточною, и они рѣшились дополнить ее. Они хотѣли выразить на бумагѣ самое количество голоса, большій, или меньшій подъемъ его, бо́льшую, или меньшую ясность и силу, иногда мягкость; они хотѣли означить мѣстоудареніе въ словѣ, соображаясь не только съ естественными законами роднаго языка, но иногда и съ правилами Греческаго произношенія; они дошли даже до того, что захотѣли означать самозвучность гласныхъ въ родѣ того, чѣмъ у Грековъ былъ spiritus. За образцами не далеко было итти. Греческое письмо съ своими сокращеніями и значками послужило для нихъ обильнымъ источникомъ. Мало того, замѣтивъ, что полугласныя отправляютъ мѣстами въ Кириловской письменности служеніе безгласныхъ въ слѣдствіе утраты и онѣмѣнія прадавней гласности, писцы рѣшились выбрасывать и ихъ, отмѣчая это отсутствіе значками. Такимъ образомъ недовольство азбукою послужило поводомъ къ введенію значковъ. Разумѣется, мы говоримъ о томъ времени, когда значки уже расплодились въ Кирилицѣ; но, конечно, въ началѣ они являлись постепенно, мало по малу умножаясь числомъ и расширяя кругъ своего служенія.

Начало значковъ въ Кириловской письменности уходитъ далеко въ древность. Остромирово Евангеліе, памятникъ XI-го вѣка, уже имѣетъ нѣсколько значковъ, кое-гдѣ разбросанныхъ и отправляющихъ различное служеніе. Сдѣсь, въ одно время со смѣшеніемъ полугласныхъ и выбрасываніемъ ихъ, показываются значки ‛ ˘ ˘ ’, служащіе замѣною этимъ выбрасываемымъ полугласнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они предупреждаютъ встрѣчу двухъ согласныхъ тамъ, гдѣ между ними не должно быть никакого законнаго полугласнаго звука для отбоя голоса; но такъ какъ то же назначеніе исполняютъ иногда и полугласныя, то и въ этомъ случаѣ они замѣняютъ ихъ. Примѣры: п̆тица (л. 108), съблаӂнися (л. 159), в̓са (л. 2); рал̓ки (л. 80), ал̆на (л. 178), п̆салъмъ (л. 44), пон̆тьскоу-оумоу (л. 196), ан̓гели (л. 55). Въ слогахъ рь, ръ и ль, лъ, когда въ нихъ допускалась перестановка буквъ, и полугласная предшествовала согласнымъ, тогда, для избѣжанія столкновенія согласныхъ р и л съ послѣдующими согласными же, между тѣми и другими поставляются тѣ же значки, представляющіе сдѣсь вторичную полугласную, какъ бы ьрь, ъръ, ьль, ълъ, на пр.: вьр̓тьпъ (л. 176), мьр̆кы (л. 204), тьр̆пѣнии (л. 225), скър̆бь (л. 145), въл̆нъ (л. 214), мъл̆чаше (л. 217). Этимъ, между прочимъ, доказывается, что древніе ни въ какомъ случаѣ не смотрѣли на р и л, какъ на гласныя. Если не осмѣливались писать одинъ слогъ съ двумя полугласными, изъ коихъ одна была бы лишняя, то осмѣливались одну полугласную изображать въ видѣ значка, который можно было смѣлѣе поставить, чѣмъ строчную букву. Все это показываетъ, что полугласныя буквы сдѣлались въ произношеніи нѣкоторыхъ слоговъ лишними, беззвучными, и служили только видимыми знаками разъединенія согласныхъ: отсюда возможность ихъ опущенія съ замѣною надстрочными значками. Есть еще другой случай, когда писецъ Остромирова Евангелія прибѣгалъ къ значкамъ: это смягченіе гласныхъ и дѣйствіе, производимое мягкостію гласныхъ на согласныя. Какъ тамъ значки оказываются лишними, какъ ненужная

замѣна полугласныхъ, такъ и сдѣсь они вполнѣ могутъ быть замѣщены особыми начертаніями, придуманными составителемъ азбуки для мягкихъ гласныхъ звуковъ Славянскаго языка. Сдѣсь, какъ и тамъ, не виноватъ составитель азбуки: онъ хорошо слышалъ и различалъ въ голосѣ Славянъ твердость и мягкость и изобрѣлъ для того и другаго свойства особые знаки; виноваты писцы, которые, подчиняясь иногда своему областному нарѣчію, не въ состояніи были безошибочно распознавать твердость и мягкость въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи и по тому смѣшивали буквенныя начертанія для той и другой. Въ Остромировомъ Евангеліи находимъ подобное смѣшеніе между ъ и ь, е, є и ѥ, ѧ и ѩ, ѫ и ѭ. Писецъ, употребляя твердыя буквы вмѣсто мягкихъ и какъ бы забывая мѣстами о существованіи въ азбукѣ особыхъ начертаній для послѣднихъ, старался посредствомъ значковъ ` ˘ ᾽ ' ' придать твердымъ мягкій выговоръ; на пр.: ѐзеръ (л. 89), ѐште (л. 206) ѧ̆зы (л. 98), възѧ̆хѫ (л. 291), ар̆хиѐреи (л. 199), знамениѐ (л. 293), ѐдини (л. 5), сиѧ̀ (л. 4), и᾽моу (л. 7, 11, 13, 18), гл᾽еть (л. 12). Иногда при сочетаніи предыдущей согласной съ послѣдующею мягкою гласною и надъ одною мягкою гласною онъ ставилъ одинъ изъ тѣхъ же значковъ, на пр.: ѥ̀го (л. 12, 15), ѐлиньскыми (л. 191), ꙗ̀ко (л. 149), ѥмлѥ̆те (л. 15). Въ такомъ случаѣ значекъ представляетъ собою опять мягкое начало ь, а уже не і, что, впрочемъ, ведетъ къ одному и тому же итогу и есть только другой видъ смягченія—ерованіе. По закону языка, при сочетаніи мягкой гласной съ твердою согласною, всю мягкость звука притягиваетъ на себя согласная и, смягчаясь, требуетъ возлѣ себя уже твердой гласной: слѣдовательно, і изъ сложныхъ ѥ, ꙗ, ѭ, ѩ переходитъ въ согласную и становится для нея смягчающимъ ь, а мягкая гласная уже обращается въ твердую е, а, ѫ, ѧ. Формы н́емь (л. 3, 7, 15), вол᾽е (л. 15), т. е., нѥмь, волѥ, можно выразить иначе: ньемь, волье или, какъ пишутъ ихъ нѣкоторые Сербы, *њемь*, *љеть*, и тогда е будетъ въ нихъ твердымъ. Какъ тѣ, такъ и другія суть въ сущности однѣ и тѣ же: разница только въ наглядности способа выраженія смягченія, ибо согласная съ гласною сливаются въ одинъ цѣльный нераздѣльный звукъ. Если же мы замѣчаемъ иногда, что смягченная согласная сочетается опять съ мягкою гласною, то это означаетъ двойное, и только видимо двойное, смягченіе. Сдѣсь мягкое начертаніе гласной есть условіе или видимый знакъ, который указываетъ на внутренее мягкое свойство гласной, перешедшее уже однажды въ согласную. По этому и значки, если они въ Остромировомъ Евангеліи стоятъ кое-когда и надъ мягкою гласною, имѣютъ, очевидно, ту цѣль, чтобы еще сильнѣе укрѣпить за гласною ея мягкое свойство и видимымъ образомъ показать мягкость ея начертанія. Избравши Остромирово Евангеліе, какъ древнѣйшій, отмѣченный годомъ, памятникъ Д.-Булгарской письменности, я удовольствовался однимъ его уставнымъ письмомъ. Мнѣ нуженъ былъ только примѣръ, взятый изъ самой родины значковъ, примѣръ, быть можетъ, древнѣйшій, на который съ достовѣрностію можетъ опереться историческое изслѣдованіе о значкахъ. Сдѣсь видѣнъ зародышъ значковъ и въ то же время ихъ разумное, но не скажу, необходимое, употребленіе. Начало ихъ лежитъ въ ослабленіи значенія нѣкоторыхъ буквенныхъ начертаній Кирилицы, слѣдовательно, какъ бы въ недовольствѣ писцовъ существующею азбукою. Нѣтъ ни одного примѣра употребленія значковъ въ Остромировомъ Евангеліи, который бы не относился къ тому, или другому изъ представленныхъ мною случаевъ; а всѣ эти случаи приводятся или къ замѣнѣ полугласныхъ, или къ замѣнѣ смягчающихъ і и ь. Сдѣсь значки являются въ первой порѣ своего развитія и отличаются послѣ-

довательностію и разумностію употребленія. Писецъ зналъ, гдѣ ихъ ставить. Странно только то, что нѣсколько различныхъ по виду значковъ, къ которымъ должно прибавить еще два: ˙, ¨, встрѣчающіеся только по одному разу, исполняютъ одно и то же назначеніе. Была ли когда нибудь до этого пора, въ которую они не смѣшивались, и каждый имѣлъ свое служеніе, или, что вѣроятнѣе, она наступила позднѣе, отвѣчать на этотъ разъ не рѣшаюсь. Скажу только, что значки сдѣсь не сѣятся, какъ въ послѣдствіи, съ избыткомъ, зря и всюду, гдѣ ни попало. Назначеніе ихъ совсѣмъ иное: они замѣняютъ собою цѣлыя буквы, и какъ разумно употреблялись сначала буквы, такъ разумно должно было начаться употребленіе значковъ. Но самая уже возможность этого употребленія и самое происхожденіе значковъ указываютъ на начинавшееся со стороны писцовъ невниманіе къ буквамъ Кирилицы, вполнѣ устранявшимъ собою необходимость значковъ. Писцы не считали преступленіемъ выбрасывать цѣлыя буквы изъ строки, замѣняя ихъ значками, или писать не тѣ буквы, какія бы слѣдовало, и дополнять ихъ значками. Значки свидѣтельствуютъ о желаніи писцовъ привести письмо къ сокращенію и большей ясности и обнаруживаютъ относительную молодость памятника. Но время, дѣйствуя разрушительно на строчныя буквы, дѣйствовало такъ же точно и на значки. Въ послѣдствіи писцы, забывъ ихъ истинное назначеніе и, въ добавокъ, подражая Греческому правописанію, обильно употребляли ихъ безъ всякой нужды почти надъ каждою гласною, изобрѣтая новые и удвоивая старые для выраженія разныхъ мелочныхъ оттѣнковъ голоса, о которыхъ азбука не должна заботиться и которые должны быть предоставлены живой устной рѣчи. Тѣмъ не менѣе, если въ образовавшемся чрезъ то хаосѣ значковъ рѣшительно нельзя найти никакой основной мысли, ни даже порядка, ученые, не признающіе значковъ, не должны забывать ихъ первоначальнаго сознательнаго, хотя и не необходимаго, происхожденія: все презрѣніе, какое можемъ мы оказать къ значкамъ, не должно простираться далѣе того, чтобы не заниматься ихъ изслѣдованіемъ тамъ, гдѣ они уже теряютъ всю свою сознательность; но все таки мы должны всюду слѣдить за ними и сохранять ихъ. Ученые, при изданіи памятниковъ опускающіе значки, наносятъ тѣмъ самымъ вредъ подлинной достовѣрности памятника. Чрезъ опущеніе значковъ, во первыхъ, нарушается способъ стариннаго правописанія и измѣняются законы благозвучія и словообразованія: ѣ̆сѧ у Остромира не есть то же, что ѣсѧ; иначе оно должно писаться и произноситься, какъ ьѣсѧ. Во вторыхъ, памятникъ теряетъ свой наружный видъ, и скрадывается возможность точнѣйшаго опредѣленія его возраста. Въ третьихъ, когда значки переводятся въ буквы, возрастъ памятника возвышается, или, лучше сказать, въ немъ происходитъ смѣшеніе младшихъ признаковъ съ древнѣйшими: ѣ̆сѧ хотя въ сущности есть то же, что ьѣсѧ, однако оно позднѣе этого и указываетъ на извѣстную историческую пору письменности. На оборотъ, безслѣдное опущеніе значковъ молодитъ памятникъ: формы со значками указываютъ на сохранившуюся еще память о тѣхъ звукахъ, которые первоначально выражались строчными буквами; между тѣмъ, какъ безначіе вовсе уничтожаетъ всякій слѣдъ этихъ звуковъ. Словомъ, значки, по своему важному служенію, которое они несли въ извѣстную пору Кириловской письменности, стали въ уровень съ буквами и сдѣлались необходимыми спутниками повременнаго шествія языка въ письменныхъ его проявленіяхъ. Искаженіе подлиннаго вида памятника, разстройство того согласія, съ которымъ старинные писцы сочетавали буквы и значки, нарушеніе отношенія, существовавшаго

между строчными буквами съ одной стороны и переходящими въ значки съ другой, измѣненіе старипнаго правописанія, — суть слѣдствія покушенія на неприкосновенность значковъ, покушенія, заслуживающаго не одобренія, но порицанія. Таковы мысли, внушенныя ложнымъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ относительно значковъ Кириловскаго письма. То же самое ставлю я въ объясненіе тому, по чему я начинаю свои изслѣдованіе со значковъ. Я изслѣдую значки по тому, что они важны въ древней Сербской письменности, ибо дополняютъ собою пріемы правописанія и указываютъ отчасти на возрастъ памятника; а начинаю я съ нихъ отъ того, что они принадлежатъ къ области буквъ, слѣдовательно, къ первымъ началамъ слова, служившимъ для его выраженія. Не опредѣливъ предварительно ихъ значенія и употребленія, нельзя опредѣлить достовѣрно и самого начертанія слова, а безъ правильнаго начертанія нельзя узнать и свойства буквъ, какъ выраженія звуковъ, и законовъ звукоизмѣненія.

Но остановимся на начертаніи слова и постараемся чрезъ это опредѣленіе пояснить то ограниченіе, которое мы хотимъ предложить себѣ при изслѣдованіи о значкахъ Древнесербской Кириловской письменности. Цѣль всего предстоящаго филологическаго изслѣдованія заключается въ изученіи *звуковъ* и *формъ* Д.-Сербскаго книжнаго языка. Значки относятся къ области звуковъ, выражаемыхъ буквами, которымъ служатъ дополненіемъ. Звуки, выражаемые буквами Кирилицы, — вотъ первый отдѣлъ нашего изслѣдованія; второй будетъ посвященъ формамъ граматическимъ. Но членораздѣльные звуки человѣческаго голоса, кромѣ буквеннаго опредѣленія, имѣютъ еще опредѣленіе голосовое, которое не выражается на письмѣ, но предоставляется, большею частію, живой устной рѣчи. Сюда относятся слѣдующія ихъ свойства: качество заключающагося въ нихъ голоса или степень его самозвучія, гласность, и другой видъ его: твердость и мягкость;—количество заключающагося въ нихъ голоса или степень его протяженія, куда относится еще другой видъ того же свойства: открытіе, сила, поднятіе и, въ слѣдствіе того, ясность и полнота голоса, равно какъ сжатіе, слабость, паденіе и, въ слѣдствіе того, приращеніе и половинность голоса;—наконецъ, третье: способность выносить большее, или меньшее, острое, или тупое удареніе въ словѣ. Для всѣхъ этихъ свойствъ въ древней Сербской письменности существовали значки съ тою только замѣчательною особенностію, что они не ставились непремѣнно и послѣдовательно во всѣхъ случаяхъ. Нѣтъ, писцы ставили ихъ, смотря по собственному расположенію къ нимъ и по вліянію сосѣдней письменности, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе. Есть грамоты, наполненныя значками, и есть грамоты вовсе безъ значковъ. Аѳонскія грамоты, наиболѣе подверженныя вліянію Д.-Булгарской письменности, наиболѣе обилуютъ всякого рода значками; напротивъ, Дубровницкія и Боснійскія рѣдко употребляютъ ихъ. Такъ точно и по времени: въ XII и XIII вв. мы почти не находимъ значковъ въ извѣстныхъ намъ памятникахъ, даже и въ Аѳонской грамотѣ Немани; но въ XIV и XV вв. они распложаются до крайности. Стало быть, значки не были необходимы для писцовъ: дѣйствительно, писцы могли обойтись и безъ нихъ, нисколько не вредя этимъ ясности правописанія, или языка. Вотъ отвѣтъ, который даетъ намъ ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ. Теорія скажетъ то же самое. Были ли нужны значки въ древней Сербской письменности? Отвѣчаемъ, нѣтъ. Внутреннія свойства звуковъ, которымъ значки служатъ выраженіемъ, или сами по себѣ довольно хорошо выражены въ буквенныхъ начертаніяхъ, или не нуждаются во внѣшнемъ выраженіи. Самозвучность голоса отразилась вполнѣ въ тѣхъ начерта-

ніяхъ, которыя мы привыкли называть гласными буквами, которыя и безъ значка всякій отличитъ отъ согласныхъ. Такъ точно и полугласныя, какъ остатокъ прадавней гласности, получили въ Кирилицѣ особое начертаніе, которое не нужно отмѣчать еще какимъ либо значкомъ. Мягкость гласныхъ нашла себѣ прекрасное выраженіе въ тѣхъ буквенныхъ начертаніяхъ, которыми по справедливости можетъ гордиться Кирилица передъ другими азбуками. Соединеніе твердыхъ согласныхъ съ мягкими гласными и переходъ ихъ въ соотвѣтствующія имъ мягкія согласныя вполнѣ устраняютъ въ этомъ отношеніи необходимость значковъ. Протяженіе и сокращеніе, поднятіе и паденіе, ясность и глухота голоса не болѣе того нуждаются въ значкахъ: сдѣсь сила не въ значкахъ, а въ образованіи и совершенствѣ произносящаго органа и въ плавности рѣчи. Древніе наблюдали метръ не только въ стихахъ, но и въ прозѣ, и были знатоками этого дѣла, а между тѣмъ они не выражали его наружно. Удареніе еще нуждалось бы въ значкахъ для тѣхъ, кои не сроднились съ языкомъ и не постигли на дѣлѣ духа и законовъ его ударенія. Но въ такомъ случаѣ для изученія удареній есть особая наука; а тамъ, гдѣ пишутъ не для новичковъ въ языкознаніи, а совсѣмъ для иныхъ цѣлей, тамъ видимаго обо значенія ударенія быть не должно. Смотря съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ, что древнѣйшіе письменные памятники Сербской Кирилицы не имѣли значковъ, а показались они въ ней позднѣе: слѣдовательно, и съ этой стороны открывается, что они не были необходимы для письма. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Д.-Булгарской письменности значки возникли подъ вліяніемъ Греческаго правописанія и языка. На Сербскую вліяли и Булгарская и Греческая письменность, и какъ Булгарская, такъ и Сербская указываютъ на первоначальное вліяніе Греческой, что доказывается наибольшимъ присутствіемъ значковъ именно въ той семьѣ грамотъ, которая относится къ дѣламъ православнаго духовенства, тѣсно связаннаго съ Греціею. Какъ бы то ни было, писцы стремились помощію значковъ выразить внутреннее свойство звуковъ, чего въ буквенныхъ начертаніяхъ не было. Но Сербская, какъ и всякая другая Славянская, письменность не могла въ такой степени уравновѣсить содержаніе или мысль съ внѣшностію или выраженіемъ мысли, чтобы письмо и буква вполнѣ отвѣчали живому слову въ той полнотѣ всѣхъ его оттѣнковъ, въ каковой оно истекаетъ изъ устъ говорящаго. Примѣръ Булгарской письменности не можетъ служить въ этомъ случаѣ опроверженіемъ: древнѣйшая Булгарская письменность не имѣла значковъ и начала только съ замѣнительныхъ, которые не выражали никакого внутренняго свойства буквы, а только наружно замѣняли ее. Вліяніе Греческаго письма водворило въ ней и другіе значки; но они столько же нужны для нея, сколько и для Сербской письменности; даже для послѣдней были бы нужнѣе, такъ какъ Кирилица была изобрѣтена собственно для Булгарскаго, а не Сербскаго языка. Конечно, ни Сербскій, ни какой другой Славянской языкъ не уступитъ Греческому въ гибкости звуковъ и перемѣнчивости голоса для сознательнаго и яснаго выраженія мысли; а въ подвижности ударенія даже превзойдетъ его: но все это совершается лишь внутри языка, невидимо, подъ непосредственнымъ вліяніемъ мысли на живое, прозрачное слово, которое, проявляя въ себѣ безконечно измѣнчивую мысль, само, въ слѣдъ за нею, безконечно разнообразитъ себя, отнимая почти всякую возможность опредѣлить научно его разнообразіе. По этому и самое письмо, употребляемое Славянами, не вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ слова: но, уловляя и отмѣчая положительные, основныя его звуки, оно прочія мелчайшія видоизмѣненія

его предоставляетъ дѣйствію устной рѣчи. Введеніе различныхъ значковъ показываетъ, что писцы старались дополнить этотъ недостатокъ; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, обличаетъ ихъ несостоятельность. Отъ чего это? Виновны ли писцы? Нѣтъ. Греческій языкъ, какъ классическій, постигшій тайну согласнаго сочетанія мысли и образа и прожившій цѣлые вѣка съ этой тайной, могъ довести до точности ученіе о значкахъ; но и то многаго не выразилъ онъ. Сербскій же языкъ, какъ одинъ изъ языковъ Славянскихъ, развивающихся подъ преобладающимъ вліяніемъ мысли, не могъ вполнѣ сроднить выраженія съ мыслію и предоставилъ устному слову дополнить то, чего не доставало въ письменномъ. Различная мѣра голоса, гибкость и разнообразіе звуковъ и подвижность ударенія дополняютъ въ произношеніи то, чего недостаетъ на бумагѣ. Старинные писцы старались исправить этотъ недостатокъ письма и выразить значками утонченныя свойства голоса, но, естественно, не могли въ этомъ успѣть; ибо безконечная мысль неуловима въ своихъ видоизмѣненіяхъ. Ихъ ошибки всего лучше показываютъ невозможность отвердить и приковать къ письму въ точности, безошибочно и со всѣмъ ея разнообразіемъ летучую мысль, проявляющуюся въ словѣ. Вмѣсто того, чтобы совершенствоваться, упрощаться и уясняться до безысключительности, употребленіе значковъ приходило въ Сербской письменности все въ большее и большее замѣшательство; значки путались, пропадали и снова появлялись. По этому новѣйшее Сербское правописаніе окончательно порѣшило со значками тѣмъ, что выбросило ихъ, какъ неточные и лишніе.

То же доказываетъ и самая исторія значковъ. Они, какъ сказалъ я, обязаны своимъ происхожденіемъ недовольству писцовъ существующею азбукою. Помощію значковъ писцы хотѣли частію дополнить и пояснить значеніе нѣкоторыхъ буквъ въ произношеніи, частію исключить ихъ изъ слова и строки, замѣняя надстрочными значками. Послѣднее гораздо легче перваго и по тому употребленіе замѣнительныхъ значковъ гораздо правильнѣе и безысключительнѣе, чѣмъ употребленіе прочихъ, исполненное сбивчивости, смѣшенія, неопредѣленности, такъ что надобно много труда, чтобы извлечь на свѣтъ истину, кроющуюся въ разнообразномъ множествѣ того, или другаго значка. Дополнять значками смыслъ буквъ или звуковъ—дѣло важное, допускающее различныя воззрѣнія. Нужно было выразить то слитіе и стяженіе звуковъ вмѣстѣ съ долготою, то ясный подъемъ голоса и глухое паденіе его, то мягкость звука, то острое, какъ бы быстрое, и тяжелое, какъ бы медленное, удареніе голоса. На основаніи различныхъ воззрѣній писцы ставили тотъ, или другой значекъ, и по тому часто бываетъ, что въ одномъ и томъ же случаѣ становятся два, три различныхъ значка, и каждый изъ нихъ оправдывается тѣмъ воззрѣніемъ, подъ которымъ родился. Впрочемъ, двухъ разнородныхъ значковъ писцы никогда не сопоставляли надъ одною гласною; всегда ставили одинъ какой либо значекъ. Тѣмъ не менѣе и двойные значки употреблялись ими, но не въ разъединенномъ смыслѣ и не съ двоякимъ дѣйствіемъ, а какъ одинъ цѣльный, нераздѣльный значекъ. Обыкновенно двойные или сложныя значки не выражаютъ ничего новаго; они имѣютъ то же самое значеніе и ту же самую цѣль, какъ и простые значки. Одна и та же гласная, въ одномъ и томъ же случаѣ, выноситъ на себѣ различные значки, тотъ, или другой, смотря по тому, съ какой стороны писецъ смотрѣлъ на звукъ, ею выражаемый, — со стороны ли ея самозвучности, смягченія, поднятія и пониженія голоса, или ударенія. Но нужно ли было видимо выражать эти различныя воззрѣнія?—это другой вопросъ, на который, смотря по послѣдствіямъ, должно отвѣчать отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль значковъ была мелоч-

ная; значеніе ихъ было весьма тонкое, и при томъ въ чтеніи они оказывались вовсе не нужными: живой голосъ и безъ нихъ сохранялъ всѣ выражаемые ими оттѣнки. Слѣдовательно, ихъ назначеніе ограничивалось лишь правописаніемъ, и въ этомъ отношеніи они составляли дополненіе гласныхъ въ извѣстную историческую пору письменности; сдѣсь они столь же важны, какъ и самыя буквы. Но, повторяю, независимо отъ этого важнаго служенія, доставленнаго имъ писцами, цѣль ихъ была столь мелочная, а оттѣнки голоса, ими выражаемые, столь незамѣтны, что писцы неминуемо должны были ошибаться въ ихъ употребленіи. Скажу другими словами: писцы, если бы умѣли хорошо пользоваться всѣми буквами Кирилицы и оставили бы ложное и мелочное желаніе пособить правописаніемъ движенію и выразительности устной рѣчи, то были бы избавлены отъ обязанности прибѣгать къ значкамъ; но, позволивъ себѣ однажды замѣнить значками нѣкоторыя необходимыя буквы, упразднивъ въ строкѣ мѣсто однѣхъ и измѣнивъ другія сообразно съ свойствомъ значка, они непремѣнно уже должны были держаться значковъ, усиливать ихъ и чаще обращаться къ нимъ по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало значеніе буквенныхъ начертаній Кирилицы;—и значки, сростаясь съ азбукою, становились неизбѣжными ея членами. Ошибки учащались. Не всякій писецъ понималъ мысль, породившую тотъ, или другой значекъ; а гдѣ не было сознательности, тамъ неизбѣжны были и ошибки. Часто употребленіе значковъ основывалось на одномъ подражаніи, или на прихоти писца. Мы имѣемъ грамоты, которыя показываютъ, что одинъ писецъ, списывая у другаго, ставилъ значки только на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ они стояли у его предшественника; другой, не понимая сущности дѣла, подражалъ неудачно, и часто служеніе значковъ основывалъ на одномъ внѣшнемъ только сходствѣ случаевъ. Иные писцы, по какому-то странному расположенію, любили отдавать преимущество извѣстнымъ значкамъ и ставили ихъ безъ разбора гдѣ ни случилось, гдѣ бы и не слѣдовало имъ стоять. Подобный произволъ, который можно иначе назвать пристрастіемъ, тотчасъ бросается въ глаза при чтеніи нѣкоторыхъ грамотъ. Въ разныхъ грамотахъ преобладаютъ разные значки. Даже есть и такія грамоты, въ которыхъ вдругъ какой нибудь значекъ появляется въ изобиліи въ началѣ; а потомъ, подъ конецъ, пропадаетъ совершенно, или уступаетъ другому свое служеніе. Излишнимъ было бы приводить примѣры колебанія значковъ: сдѣсь довольно сказать, что однородные значки, возникшіе подъ однимъ воззрѣніемъ, часто вторгаются одинъ въ область другаго, или разнородные оспариваютъ другъ у друга такое мѣсто, которое допускаетъ только одно какое либо воззрѣніе. Отсюда происходитъ новое затрудненіе при ихъ изслѣдованіи. Всего затруднительнѣе встрѣтиться съ однородными значками, стоящими одинъ на мѣстѣ другаго: объяснить такую встрѣчу можно не иначе, какъ тѣмъ, что писцы имѣли въ виду двоякое назначеніе значковъ. Трудно рѣшить вопросъ, что именно хотѣли они въ нѣкоторыхъ случаяхъ выразить значкомъ: дополнить ли имъ то, чего, по ихъ мнѣнію, недоставало въ буквѣ, или только видимымъ знакомъ, какъ бы нагляднѣе, подтвердить и повторить то, что уже заключалось въ самой буквѣ? Въ первомъ случаѣ значекъ измѣнялъ внутреннее свойство буквы или ея произношеніе; во второмъ онъ только обнаруживалъ то, что въ ней самой скрывалось, какъ бы давалъ знать читающему, какъ должно произносить эту букву. Отъ того мы замѣчаемъ иногда, что значекъ стоитъ совершенно не на своемъ мѣстѣ, что онъ долженъ бы быть замѣненъ противуположнымъ ему и съ нимъ однороднымъ значкомъ, или что онъ является какъ бы лишнимъ, тамъ, гдѣ самыя

буквы уже упраздняютъ его служеніе. Приведу примѣры. Такъ, значекъ ̆, стоящій преимущественно надъ начальною гласною слова и выражающій ея открытость или ясный, чистый подъемъ голоса, и значекъ ̑, поставляемый предпочтительно надъ конечною гласною, или надъ второю изъ стекшихся двухъ гласныхъ и выражающій ея закрытость, глухоту, или опущеніе голоса и приращенность его, проистекающую отъ смягченія его или отъ участія въ немъ приражающаго небнаго начала, — значки эти часто смѣшиваются между собою, смотря по тому, что хотѣлъ писецъ выразить ими: вознаградить ли недостающее въ буквѣ количество голоса, или только означить, что такая-то буква звучитъ слабо, а такая-то сильно, т. е., еще болѣе содѣйствовать количеству голоса, принадлежащаго буквѣ. Ставя въ извѣстныхъ грамотахъ надъ начальными гласными а, є, о, оу почти всегда открытый значекъ ̆, писцы, въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, надъ и ставили закрытый ̑: въ первомъ случаѣ они хотѣли показать, что гласныя а, є, о, оу звучатъ открыто и ясно, а во второмъ, что и, какъ мягкій приращенный звукъ, произносится узко и закрыто. Но если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и надъ и ставился открытый значекъ ̆, то этимъ самымъ писецъ хотѣлъ помочь въ началѣ слова узкой ея природѣ и поднять въ ней голосъ. Такъ точно и надъ губнымъ глухимъ оу ставилъ онъ преимущественно открытый значекъ для того, чтобы сколько нибудь пособить его ясности въ началѣ слова. Укажу на другой значекъ, двойной ̏ или ̋, который ставится большею частію надъ мягкими гласными и въ особенности надъ самымъ смягчающимъ началомъ, буквою и. Этотъ значекъ служитъ, между прочимъ, къ означенію стяженія двухъ звуковъ въ одномъ, что нерѣдко случается въ Сербскомъ языкѣ. Гдѣ въ Ц.-Славянскомъ два звука, какъ на пр., соуща, великии, братии, вьсѧ, тамъ въ Д.-Сербскомъ одинъ стянутый звукъ и со значкомъ ̏: соуща̏, велики̏, брати̏, вс̏е. Слѣдовательно, если встрѣчаются иногда нестянутыя формы, оставшіяся таковыми подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка, и надъ ними все же стоитъ значекъ ̏ или ̋, на пр., сѣди̏ и соуди̏и, то сдѣсь присутствіе этого значка должно объяснять тѣмъ, что писецъ, будучи недоволенъ однѣми буквами и находя ихъ разложеніе недостаточнымъ для того, чтобы выразить все дѣйствіе голоса, производимое стеченіемъ двухъ гласныхъ, старался, чрезъ значекъ, повторить и какъ бы усилить то, что уже выказывали самыя буквы. Въ первомъ случаѣ значекъ ̏ ̋ является противуположнымъ буквѣ, ибо онъ совершенно преобразуетъ ее, дѣлая изъ краткой и простой долгою и стянутою; а во второмъ онъ лишній и служитъ только видимымъ поясненіемъ того, что выражается уже самыми буквами. Конечно, и въ первомъ случаѣ гласная, хотя бы и не было надъ нею значка, остается все такою же долгою и составною; но, чтобы понять необходимость значка и отношеніе его къ таковой гласной, нужно стать на мѣсто тѣхъ писцовъ, которые считали значки существенною принадлежностію письма и забывали, какъ сказалъ я, природу и значеніе буквъ. Конечныя стянутыя гласныя они отвлекали отъ формы слова, смотрѣли на нихъ, какъ на отдѣльные звуки, и лишь только соприкасались съ формою и замѣчали, что сдѣсь есть долгота и стяженіе, то тотчасъ ставили для означенія ихъ еще значекъ ̏ ̋; одной буквы было для нихъ мало. Вотъ чѣмъ можно объяснить многія, по видимому, необъяснимыя явленія, встрѣчающіяся въ употребленіи значковъ. Изслѣдователь не долженъ смущаться мыслію о случайности и произвольности этого употребленія. Оставя въ сторонѣ всѣ крайности и принявъ въ расчетъ то, что была же какая нибудь причина введенія въ письменность и видоизмѣненія значковъ, изслѣдователь рѣшается про-

никнуть во внутренній смыслъ значковъ, найти ихъ настоящее значеніе и цѣль, и на этомъ прочномъ основаніи утвердить свои выводы, отметая, какъ исключеніе, все то, что не сообразно съ основною мыслію. Истинный свѣтъ можетъ истекать только изъ большинства случаевъ. Къ счастію, значки въ древней Сербской письменности, при всѣмъ разнообразіи и всей мелочности ихъ служенія, не представляютъ еще непреодолимыхъ затрудненій и вопіющей неразумности употребленія, чтобы нельзя было отличить въ ихъ множествѣ большинства однородныхъ случаевъ отъ меньшинства разнородныхъ: соотношеніе между большинствомъ случаевъ ихъ употребленія убѣждаетъ въ предположеніи, что значки ставились не произвольно, но каждый имѣлъ свою мысль, свое основаніе и свое особое назначеніе. А если вспомнимъ, что на родинѣ ихъ есть древнѣйшіе памятники, въ которыхъ порядокъ значковъ соблюденъ съ удивительною непогрѣшимостію, то еще болѣе убѣдимся въ разумномъ происхожденіи значковъ.

Вышеозначенныя свойства звуковъ, требовавшія, по убѣжденію писцовъ, дополненія, или объясненія, или замѣны въ буквенныхъ начертаніяхъ, всѣ, какъ видно, относились къ гласнымъ и полугласнымъ; а по тому и самые значки, употреблявшіеся для этой цѣли, всѣ вращались въ области гласныхъ и полугласныхъ. Тѣ значки, которые служатъ дополненіемъ и объясненіемъ звуковъ, выражаютъ или качество, или количество, или паденіе голоса: это суть прибавочные или *внутренніе* значки, выражающіе свойства самого звука,—его самозвучность, его силу и ясность, глухоту и слабость, его долготу, или стяженіе, равно какъ мягкость, или же наконецъ его паденіе, иначе удареніе. Но самый звукъ выражается не въ нихъ: онъ остается выраженнымъ въ строчной буквѣ; онъ только видоизмѣняется или дополняется значкомъ, смотря по мѣсту, которое занимаетъ въ ряду другихъ звуковъ, образующихъ слово. Иначе ихъ можно бы было назвать благозвучными значками въ обширномъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, другіе значки, служащіе замѣною нѣкоторымъ звукамъ, выражаемымъ буквами, должны быть названы замѣнительными или *внѣшними*, ибо они упраздняютъ собою строчную букву, становясь на ея мѣсто внѣ строки. Они не придаютъ никакого оттѣнка самому звуку, не выражаютъ никакого свойства его; а служатъ только замѣною ему, будучи одолжены происхожденіемъ своимъ желанію писцовъ сократить, по возможности, способъ писанія. Иначе ихъ можно назвать правописными значками. Безъ нихъ нельзя опредѣлить настоящій видъ слова; они необходимы для исторіи нѣкоторыхъ буквъ. При внутреннихъ значкахъ слово сохраняетъ свой полный образъ въ строчныхъ буквахъ; при внѣшнихъ значкахъ слово имѣетъ сокращенное начертаніе: въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ буквъ, выкинутыхъ изъ строки и замѣщенныхъ значками. Опустить внутренніе значки всегда можно: и безъ нихъ слово будетъ звучать такъ, какъ оно звучало бы и съ ними; но опустить внѣшніе значки нельзя: слово явится въ недостаточномъ и неправильномъ видѣ. Хотя внутренніе значки сами по себѣ представляютъ историческое явленіе въ древней Сербской письменности, однако они не имѣютъ вліянія на исторію звуковъ; напротивъ, внѣшніе значки тѣсно связаны съ исторіею самихъ звуковъ, выражаемыхъ буквами; ибо ихъ всегда можно перевести въ строку и замѣнить буквами, отъ которыхъ слово получаетъ новый, полнѣйшій видъ. Цѣль и объемъ нашего сочиненія, посвященнаго изслѣдованію природы и исторіи звуковъ, выражаемыхъ буквами, и разсмотрѣнію граматическихъ формъ, а не благозвучія словъ въ связной и послѣдовательной рѣчи, избавляетъ насъ отъ обязанности изучать всѣ безъ исключенія значки, встрѣ

чаемые нами въ памятникахъ: нашъ долгъ въ отношеніи значковъ—возстановить истинный начертательный или правописный образъ слова, безъ котораго невозможно правильное историческое изслѣдованіе о буквахъ; а таковыми значками, которые, можно сказать, срослись съ начертаніемъ слова и безъ которыхъ слово будетъ написано неполно, суть значки внѣшніе, служащіе замѣною нѣкоторымъ буквамъ. Если видимъ ихъ при словѣ, то должны непремѣнно принимать ихъ въ соображеніе при чтеніи этого слова: они дополняютъ собою историческій его образъ. Напротивъ, внутренніе значки ничего не прибавляютъ къ начертанію слова: съ ними и безъ нихъ оно звучитъ такъ, какъ изображено буквами; они только выражаютъ видимо то, что невидимо заключается въ самомъ буквенномъ начертаніи слова при произношеніи его въ связной рѣчи. По этому я остановлюся сдѣсь только на внѣшнемъ или замѣнительномъ служеніи значковъ, предоставляя себѣ право послѣ, когда нибудь, поговорить и о прочихъ значкахъ Сербской письменности. Прибавлю еще другую причину, заставляющую меня ограничить, по возможности, объемъ изслѣдованія о значкахъ. Я руководствуюсь печатными изданіями памятниковъ. Не скрою чувства недовѣрчивости и сомнѣнія, рождающееся при мысли, не ошиблись ли издатели, или переписчики при передачѣ нѣкоторыхъ значковъ рукописнаго подлинника? Зная, какъ писцы неопредѣленно ставили значки, какъ неясно писали ихъ и какъ произвольно распоряжались ими, невольно задумаешся надъ печатнымъ изданіемъ: сейчасъ представится глазамъ изслѣдователя шаткость его системы. Мы должны сознаться, что въ рукописныхъ подлинникахъ гораздо болѣе значковъ, чѣмъ сколько ихъ есть въ печатныхъ изданіяхъ: тамъ есть и точки, и двоеточія, и черты совершенно продольныя, и черты отвѣсныя, такъ что не знаешь, въ какую сторону склонить ихъ, и т. д. Что дѣлали съ подобными значками переписчики, когда въ изданіяхъ этихъ значковъ нѣтъ? Конечно, нѣкоторые пропускали, другимъ придавали любое склоненіе и тѣмъ подводили подъ разрядъ болѣе извѣстныхъ значковъ. Мы увѣрены, что не разъ переписчику доводилось смѣшивать значки ̓ и ̑. А что бы пришлось сказать, если бы, сверхъ чаянія, переписчики, не будучи въ состояніи различать эти два значка, сами изобрѣли для нихъ порядокъ, которому и стали бы слѣдовать при переписываніи рукописи? Прибавимъ сюда еще и то, что старинные писцы весьма часто не означали въ точности той буквы, надъ которою хотѣли поставить значекъ: отъ самого способа, равно какъ отъ скорости писанія значки часто упадали между буквами. Что же оставалось дѣлать новѣйшимъ переписчикамъ, или издателямъ? Надъ какою буквою, надъ предыдущею ли, или надъ послѣдующею, поставить значекъ, когда онъ не приходился ни надъ тою, ни надъ другою? Очевидно, сомнѣніе не всегда находило себѣ вѣрный исходъ, и часто мы видимъ въ печатныхъ изданіяхъ значки, стоящіе надъ согласными безъ всякого смысла, между тѣмъ, какъ ихъ мѣсто надъ ближайшею гласною, или полугласною. Но оставимъ вѣроятное. Положительность данныхъ, которую мы ищемъ и на которой стараемся основать нашъ трудъ, не позволяетъ намъ вдаваться со всею подробностію въ область, наполненную столь сомнительными явленіями, сомнительными не по тому, чтобы самые подлинники возбуждали это сомнѣніе, а по тому, что въ печатномъ видѣ они являются не таковыми, какъ въ рукописяхъ. Не желая на этотъ разъ слишкомъ далеко заходить въ предѣлы предположеній и догадокъ, туда, куда еще не видно слѣдовъ предшествовавшихъ изслѣдователей, гдѣ все новизна, мы остановимся пока на необходимыхъ для насъ значкахъ,

которые въ то же время являются и болѣе положительными. Я разумѣю *внѣшніе* или *замѣнительные* значки.

Самый простой и вмѣстѣ самый правильный по употребленію есть значекъ ʹ, встрѣчаемый нами въ концѣ XIV-го ст. и почти исключительно въ Боснійскихъ, Травунскихъ, Хлумскихъ и отчасти Дубровницкихъ грамотахъ. Изъ собственно-Сербскихъ находимъ его только въ двухъ, а именно, однажды въ гр-ѣ Дечанскаго (С. № 176) и въ гр-ѣ Ангелины (С. № 178). Служеніе этого значка есть чисто внѣшнее, замѣнительное: онъ становится вмѣсто отсутствующаго ѣ, которое, въ свою очередь, по свойству языка нѣкоторыхъ грамотъ, замѣняетъ собою и, е, иногда а. На пр.: пʹселаниꙗ, пʹстолъ, пʹродитель (чит. прѣродитель), пʹдьнюю (С. № 66), пʹставлению (С. № 179), пʹстлго, крʹме (С. № 100), смʹрно, прʹд (С. № 104), крʹме, прʹдѫжѧ (С. № 107), прʹчисти (С. № 127), трʹ, трʹдесети, четирʹ (чит. трѣ и пр., С. № 130), прʹма (С. № 176), непрʹмено, прʹже, крʹпо, вʹкрʹпи прʹтие (С. № 178) и пр. Въ гр-хъ С. №№ 81, 99, 179, въ которыхъ, на оборотъ, и замѣняетъ ѣ, этотъ значекъ поставленъ вмѣсто и, которое впрочемъ звучитъ сдѣсь, какъ ѣ; на пр.: прʹморю, прʹдоше, прʹлучие, мѫдрʹ, саткорʹ, хрʹтова, поклисарʹе, прʹсегохь; подрʹнию, прʹзрииьемь, прʹминьши, прʹвое, прʹминѣ; прʹставь; прʹзрииню. Въ этихъ примѣрахъ, какъ видно, значекъ ʹ замѣняетъ не ѣ, но и, какъ и въ формѣ прʹе (С. № 107), которая, по свойству грамоты, должна бы была написаться прие или прѣ (прежде). Въ словахъ прʹстѫпленимь, прʹвисокомь, апрʹла, прʹдьни (С. № 81) онъ поставленъ собственно вмѣсто ѣ, но, по свойству грамоты, и сдѣсь ѣ должно быть произносимо, какъ и. Въ той же грамотѣ онъ стоитъ по избытку въ словахъ: прʹминше, прʹбиинѣемь, гдѣ писецъ забылъ опустить изъ строки букву и, какъ и въ гр-ѣ С. № 178, въ словѣ вьішни. Дважды онъ поставленъ въ замѣнъ опущеннаго ь, очевидно, будучи смѣшенъ съ другимъ значкомъ: нʹкѫшнѣемь (С. № 81), прʹко (С. № 130). Вообще служеніе его столь правильно и постоянно, что, кромѣ означенныхъ случаевъ, исключеній нѣтъ. Впрочемъ, это самый малоупотребительный значекъ. Ср. еще С. №№ 84, 99, 100, 104, 107, 127. Замѣтимъ, что въ Д.-Булгарскихъ рукописяхъ, при окончаніи строки, за недостаткомъ мѣста, ѣ, поставляемое сверху строки, имѣетъ иногда видъ этого самого значка.

Другой внѣшній значекъ, который гораздо употребительнѣе перваго, есть ʽ, замѣняющій собою ь. Это его настоящее назначеніе. Не смотря на то, что онъ чисто внѣшній знакъ, введенный лишь для замѣны буквы, въ назначеніи его примѣтно воззрѣніе, породившее внутренніе значки, и именно воззрѣніе на звукъ со стороны его самогласія или того свойства самобытности, цѣльности и полноты, которому выраженіемъ служатъ такъ называемыя гласныя, противуполагающіяся нѣмымъ или согласнымъ. Это воззрѣніе вполнѣ отразилось во внутреннемъ значкѣ ˚; но такъ какъ полугласіе, выражаемое въ древней Сербской письменности почти исключительно однимъ ь, есть остатокъ прадавней гласности, то значекъ ˚ сроднился и съ полугласнымъ ь. Отсюда не далеко оставалось ему и до значка ʽ, замѣняющаго эту полугласную. Оба сошлись на одной и той же буквѣ: одинъ выражалъ внутреннее ея свойство, полугласіе, переходившее индѣ въ полную гласную, индѣ въ полное безгласіе; другой служилъ указателемъ отсутствующей полугласной. Послѣ этого не мудрено, если значекъ ʽ принялъ на себя оттѣнокъ значка ˚, сойдясь съ нимъ на одной и той же буквѣ. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что кругъ служенія его распространяется по волѣ писцовъ и входитъ въ предѣлы служенія значка ˚: не только полугласныя, но и гласныя носятъ его на себѣ и не выпускаются

изъ строки. Въ этомъ случаѣ употребленіе его явно совпадаетъ съ употребленіемъ внутренняго значка ', поставляемаго, подобно Греческому дыханію, надъ гласными, не только начальными, но и срединными и конечными. Тѣмъ не менѣе значекъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ положительныхъ, и главное назначеніе его рѣзко выставляется наружу между различными уклоненіями, которыя, по своей малочисленности, не могутъ лишить его достоинства быть правиломъ, а сами остаются исключеніями. Это главное назначеніе его, какъ сказали мы выше, состоитъ въ замѣнѣ опущенной полугласной ь (ъ). Съ нимъ значекъ этотъ является въ грамотахъ различныхъ семействъ, начиная, по времени, съ Милутиновыхъ. Мы ограничимся весьма немногими примѣрами: служеніе его столь просто и понятно, что даже и не требуетъ ихъ. тѣмже, оустнами, рѐчшиимь ѐсѣхь, истиннаго, рьтьѹском, ѐствори (Мк.), ѡ҆стах҇, ѡ҆ц҃емь, срѐбинь, ѐпаѐтше, ѐ, сѐй, поѐ (А. № 6), вещаѐ (А. № 3), ѐ селы, манастырскомь (А. № 4), разоуѐ, ѐмою и пр. (С. №№ 51, 52), ѐсн, вѐтвь, доколѐнь, ѐто иѐ, ѐнезѐмь, браѐ и пр. (С. № 176), миродрьжцѐ. ѐтню (А. № 7), вьпѐрий, поморских҇ (А. № 8), тѐпуи (С. № 36), ѐть, ѡтѐхзи (С. № 39), безначѐлнаго, мнѐко (А. № 5), ѐса, старѐць, вьзѐми, вѐрѐный (А. № 9), кѐнѐи, безѐмльвко, вьзбраѐно, врѐтии, ѹ хвоѐстиѣ (А. № 10), оѹгоѐдиикы, поѹѐстии, перѐнрь, моѐщно (А. № 11), хрисоѐвоуѐ (С. № 50), доходѐка и пр. (Г. А), хлѐмкоу, оуѐ, воуѐедолѐскоу (Ш. № 15), кѐр (С. № 81), тѐр (С. № 104), саѐмѐрти, кондѐрка (С. № 130), манкоѐмин, ѐса (С. № 175), ѐсегѐ, спѐсѐейсе, ѐдовыѐе, лѐпѐте (С. № 178), ѐхже, еѐмх (А. № 16), пеѐ, ниѐ (С.-Д. М. 1844), опростиѐ, ослободиѐ, писаѐ, дрѐжи и пр. (С. № 164), брѐнное, перѐперь, воѐше и пр. (Г. Б), творѐцѐ, кѐвь, коѐске, коуѐие, ѐмер, даѐка и пр. (Мл.), ѐстинныи, ѐже, слаѐвословлениѐ (А. № 20) и пр. и пр. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ открывается, что значекъ ' заступаетъ мѣсто отсутствующей полугласной; ибо можно было бы представить изъ нашихъ памятниковъ тѣ же самыя формы съ полугласнымъ ь. И это главное и прямое его назначеніе. Оно обнаруживается изъ огромнаго большинства случаевъ. Изъ тѣхъ же примѣровъ можно также замѣтить, что не всѣ семьи грамотъ употребляютъ его, а тѣ, которыя и употребляютъ, пользуются имъ не въ равной степени. Наибольшее служеніе его совершается въ семьѣ собственно-Сербскихъ и преимущественно Аѳонскихъ грамотъ, въ которыхъ Ц.-Славянское правописаніе, при содѣйствіи духовенства, преобладаетъ замѣтнымъ образомъ сравнительно съ другими семьями грамотъ. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что и Д.-Булгарская письменность знала и употребляла значекъ . За Аѳонскими слѣдуютъ прочія собственно-Сербскія грамоты, съ которыми, по количеству употребленія, сходятся одна Черногорская (Мл.) и одна Турецкая (С. № 164). Зетскія, принадлежащія Балшичамъ, не употребляютъ его, кромѣ одного случая (С. № 64), о коемъ скажу ниже. Изъ Дубровницкихъ, собственно-Боснійскихъ и Травунскихъ, встрѣчаемъ только по одной грамотѣ, употребляющей этотъ значекъ и то въ весьма ограниченномъ количествѣ. Мы говоримъ о грамотахъ, намъ извѣстныхъ. Положимъ, что число примѣровъ, равно какъ число грамотъ той, или другой семьи, употребляющихъ значекъ ', зависитъ отъ случая; но не случай распоряжается отношеніемъ между грамотами по количеству употребленія. Если въ однѣхъ изъ нихъ насъ поражаетъ многочисленность употребленія, а въ другихъ, напротивъ, скудость; если однѣ доводятъ это употребленіе до крайности и распространяютъ незаконно его предѣлы, а другія ставятъ его весьма правильно и при томъ наблюдаютъ большую умѣренность: то здѣсь нѣтъ игры случая, но есть правильное, естественное отношеніе грамотъ,

оправдываемое не только употребленіемъ всѣхъ прочихъ значковъ, но и цѣлымъ историческимъ развитіемъ народа и его языка. Грамоты, наиболѣе относящіяся къ дѣламъ церковнымъ и изшедшія изъ среды православія, отличаются наибольшею любовью къ значкамъ всякого рода и признакамъ Ц.-Славянской рѣчи; напротивъ, грамоты, посвященныя дѣламъ гражданскимъ и писанныя въ земляхъ, отдѣленныхъ отъ православной Сербіи, каковы Дубровницкія, Хлумскія, Травунскія, Боснійскія, не любятъ значковъ и идутъ впереди другихъ въ отношеніи развитія народныхъ признаковъ чистой Сербской рѣчи. Турецкія, изготовлявшіяся, большею частію, дьяками изъ православной Сербіи, — ибо до конца XV-го ст. Турки успѣли освоиться только съ православною или восточною частію Сербіи, — носятъ отпечатокъ преобладающаго вліянія семьи собственно-Сербскихъ грамотъ. Вотъ истинныя причины, отстраняющія всякое участіе случая въ замѣченномъ нами соотношеніи грамотъ различныхъ семействъ. Выше мы сказали, что значекъ ‛ принимаетъ на себя иногда оттѣнокъ значка ‘, служа съ внѣшней стороны для ь-ы ь тѣмъ же, чѣмъ ‘ служитъ для нея съ внутренней. Въ слѣдствіе этого онъ входитъ въ служеніе значка ‘ и заступаетъ его мѣсто надъ полугласною. Распространяя далѣе кругъ своего служенія, онъ сопутствуетъ иногда и гласнымъ, а иногда даже и согласнымъ, что уже выходитъ изъ границъ разумнаго употребленія и не имѣетъ объясненія. Какъ полугласное ь становится иногда не по законной надобности, не въ память первичнаго словообразованія, а единственно для отбоя голоса при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ, такъ и значекъ ‛ поставляется мѣстами при такомъ стеченіи согласныхъ, при коемъ нельзя бы было ожидать законнаго присутствія полугласной. Вотъ тѣ случаи, которые распространяютъ употребленіе значка ‛. Они принадлежатъ почти исключительно тѣмъ только грамотамъ, которыя оказываютъ пристрастіе къ этому значку и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ правильнаго его употребленія соединяютъ и неправильное. Но изъ этѣхъ грамотъ только весьма немногія злоупотребляютъ служеніемъ значка ‛, а бо́льшая часть остается вѣрна его первоначальному назначенію. Пройдемъ вскользъ слѣдующіе случаи: л̀ (30), вмѣсто л҃, (С. № 64), хр̀ста, вмѣсто хр́ста, (С. № 179), кр̑тѣ̀нина (С. № 127), смр̀ти (С. № 130). Они принадлежатъ тѣмъ семьямъ грамотъ, которыя, можно сказать, только знаютъ, но не употребляютъ значекъ ‛: если приложимъ ихъ къ немногимъ вышеприведеннымъ случаямъ, то получимъ все количество употребленія значка ‛ въ Зетскихъ (1 разъ), Боснійскихъ (2 р.), Травунскихъ (2 р.) и Дубровницкихъ (2 р.) грамотахъ. Сдѣсь повторю, что это количество, конечно, зависитъ отъ случайности и можетъ всегда измѣниться: но все же таки отношеніе между семьями грамотъ остается неизмѣннымъ, основываясь на существенныхъ ихъ свойствахъ. Даже тѣ грамоты, которыя любятъ этотъ значекъ, соблюдаютъ большую осторожность въ его употребленіи и рѣдко рѣшаются распространить его. Найдется не болѣе пяти грамотъ, допускающихъ въ равной степени и законное и незаконное служеніе; во всѣхъ же прочихъ послѣднее является только какъ исключеніе. Обозначивъ общими чертами различные виды незаконнаго или распространеннаго служенія, отправляемаго значкомъ ‛, представимъ примѣры изъ грамотъ: дарова̀нными, стефа̀нскиі, д̀льгоу, м̀рамор̀, срьп̀скаго и пр. (С. № 176), т̀кои, с̀коромоу, п̀риложити, бра̀тѣ, м̀ра̀хо, м̀ѣс̀тѣ, є̑и̇дикти̇ѡна (А. № 9), дарова̀нно бы̑, несьз̑ан̀ноу, бл҃годарова́н̀ною (А. № 10), срѣбр̀ьними, і̑ера́р̀хомь, ге́р̀васіа, ѡ̑сщ̑ен̀иіи, ско́рпіа, ге́р̀мань, ре́уѐное, ка́р̀ааамь, и̑ндикти̇ѡ̑, є̑леу̇ѳеріе (А. № 11), бл҃гыи, ра̀бѡ̑ (А. № 12), ар̀хагг҃ле, тр̀ь-

блаженнымь (Г. А), сїмеѡна (С.-Д. М. 1844). Сдѣсь замѣчаемъ, во первыхъ, что значекъ ҅ служитъ для произведенія отбоя голоса при двухъ, или трехъ согласныхъ, тамъ, гдѣ даже никто изъ писцовъ не рѣшился бы поставить полугласную букву, какъ, на пр., въ словахъ твоѥ̀, мѣ̀стѣ и т. п. При помощи этого значка писцы думали произносить согласныя нѣсколько раздѣльнѣе, а мѣстами, можетъ быть, и мягче; но не всегда мягко, ибо, на пр., ѿприложити не подчиняется этому условію. Во вторыхъ, значекъ ҅ любитъ преимущественно стоять на б-ѣ ρ: очевиднѣе всѣхъ ра̀бѡ̂. Это объясняется его столкновеніемъ со значкомъ ҆, который, по служенію своему, есть не что иное, какъ Греческое дыханіе (spiritus lenis), которое надъ буквою ρ переходитъ въ придыханіе (spiritus asper). Сербскіе писцы не обращали вниманія на различіе между обоими Греческими дыханіями и выражали ихъ однимъ значкомъ ҆, который, въ свою очередь, замѣщался значкомъ ҅. Въ третьихъ, полугласное ь, часто употребляющееся для раздѣленія и смягченія нѣсколькихъ стекшихся согласныхъ, тамъ, гдѣ того не требуетъ словообразованіе, какъ, на пр., въ словахъ иностранныхъ, или въ причастіяхъ страдательнаго залога съ удвоеннымъ н, замѣняется въ этихъ случаяхъ значкомъ ҅. О причастіяхъ я послѣ буду имѣть случай говорить подробнѣе, а теперь замѣчу мимоходомъ, что не всѣ причастія съ удвоеннымъ н образованы законно; напротивъ, въ большей части изъ нихъ второе н нисколько не требуется природою слова или основною формою причастія и не есть такое же самостоятельное и независимое, какъ и первое; но оно возникаетъ единственно подъ условіемъ благозвучія и есть не болѣе, какъ повтореніе предыдущаго н. По этому и полугласное ь, поставляемое между ними, не можетъ быть названо чѣмъ либо существеннымъ, необходимымъ для формы-ьныи причастія: оно, также какъ и второе н, есть только благозвучное, отбивающее голосъ при стеченіи двухъ согласныхъ и мягкостію своею разобщающее ихъ; ибо чрезъ мягкость свою оно приражаетъ одно н и тѣмъ нѣсколько видоизмѣняетъ его произношеніе сравнительно съ другимъ н, на которое уже не дѣйствуетъ. Лучшимъ подтвержденіемъ моихъ словъ служитъ то, что, рядомъ съ удвоенною формою причастія, мы находимъ и не удвоенную на-ныи; да и самые памятники Д.-Булгарской письменности, особливо древнѣйшіе, не терпятъ этого удвоенія. Слѣдовательно, оно сдѣсь не существенное или, иными словами, органическое, но благозвучное, вставочное, хотя и совершенно необходимое по законамъ благозвучія. И вмѣсто таковаго ь мѣстами поставляется значекъ ҅. То же самое должно сказать и о словахъ иностранныхъ: въ нихъ ь, раздѣляющее двѣ согласныя и замѣняющееся иногда значкомъ ҅, не лежитъ въ природѣ слова, но ставится для болѣе благозвучнаго произношенія, смотря по нарѣчію, къ которому принадлежитъ произносящій, или пишущій. Въ четвертыхъ, значекъ ҅ заступаетъ мѣсто титлы въ словѣ бл̀гыи, какъ и выше надъ числовою б-ю а̀. Наконецъ, въ пятыхъ, онъ поставленъ надъ б-ю к вмѣсто неподвижнаго и обычнаго значка ҆ или ̃. Впрочемъ, примѣры этихъ двухъ видовъ служенія его столь малочисленны или, вѣрнѣе, одиноки, что имъ никакъ не слѣдуетъ приписывать какое либо значеніе, но лучше назвать ихъ игрою случая, прихотью писца, или скорѣе всего опискою. Но сдѣсь еще не конецъ примѣрамъ. Остаются еще нѣкоторыя грамоты, въ которыхъ, кромѣ разсмотренныхъ случаевъ, встрѣчаются еще новые, каковы: вѧ̃ниѥ, стра̀намь, оу̀, три ѡ̀рахѐ, ѝ, бла̀ба̀мь, коухни̇̀, ко̀лскоу̀, ѝкороки, то̀ѕи, келии̇̀, мои̇̀, кса̀, да̀. а̀, ѡ̀ка, жрь̀ткиі, ни̇хѣ̀, сѣ̀, доубѣ̀, мраморѣ̀, мразѣ̀, оустѣ̀, тополоу, ѕ̀ело, а̀зь, низь, презѣ, срдано-

кнѧ̀ѕь, оу̀чѝкаше, кра̑ѣ̀ткои и пр. (С. № 176), **ѝзволи, ѝ, твѡ̀рць, тва̀ри, оу̀мысли, твоѝмоу, бытѝе, а̀дамь, ѡ̀кнже, да̀ры, ѥ̀сть, рѡ̀дитель, июдою, а̀, ѕзы̀комь, въѕы̀мь, пр҄сти, дъхиоуѣь** и пр. (Г. А), **неѝсновѣдыми, ѝ, оу̀во** (Г. Б). Присоединю сюда подобные случаи изъ другихъ грамотъ: **бра́тнѡ̀мь** (А. № 5), **принесѐмь, прѣоукрашеннаа̀, блгов҄рный** (В. № 1), **брънѝмо** (С. № 60), **лоѣ̀ть, ѵ̀ннкꙋ** (Мл.). Эти примѣры показываютъ, въ какой степени древніе Сербскіе писцы употребляли во зло служеніе значка ҆. Поставленіе его надъ гласными и полугласнымъ ь еще имѣетъ свое объясненіе въ соотвѣтственномъ ему значкѣ, но поставленіе надъ согласными ничѣмъ не объяснимо. Можно только предполагать, что во многихъ онъ стоялъ бы собственно не надъ согласною, а надъ гласною, или полугласною; но по небрежности писца, или позднѣйшаго переписчика очутился на ближайшей къ мѣсту назначенія его согласной. Что же касается до двухъ примѣровъ замѣны этимъ значкомъ гласныхъ, въ одномъ о, въ другомъ и, то это такая крайность, которая должна быть отнесена къ роду тѣхъ случаевъ, которые мы назвали прихотью писца. Впрочемъ, сравнивши число грамотъ, излишне распространяющихъ служеніе значка ҆, съ числомъ тѣхъ, которыя правильно его употребляютъ, а съ другой стороны, сравнивши число случаевъ законнаго служенія съ числомъ случаевъ противуположныхъ первымъ, мы тотчасъ же убѣдимся, что послѣдніе представляютъ собою не болѣе, какъ исключеніе. Излишнее служеніе этого значка находимъ преимущественно въ гр-хъ С. № 176, А. №№ 9, 10, 11, Мл., Г. А, Б; но и въ этѣхъ, исключая первую и двѣ послѣднія, гдѣ писцы высказали все свое пристрастіе къ этому значку и всю свободу въ его употребленіи, отношеніе распространеннаго служенія къ обычному менѣе, чѣмъ 1 : 2. Присовокупивъ сюда всѣ прочія грамоты со всѣмъ количествомъ правильнаго употребленія значка ҆, мы придемъ наконецъ къ тому заключенію, что этотъ значекъ есть одинъ изъ самыхъ систематичныхъ, и большинствомъ своего употребленія несомнѣнно доказываетъ то, что онъ есть внѣшній и назначенъ служить замѣною опускаемому изъ строки полугласному ь во всѣхъ видахъ его служенія.

Такъ какъ на этотъ разъ наши изслѣдованія вовсе не касаются благозвучія рѣчи въ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ этимъ количество голоса, удареніе и т. д., то мы и оставляемъ въ сторонѣ внутренніе значки, покончивъ съ внѣшними; но не можемъ не упомянуть о тѣхъ случаяхъ, когда служеніе внутреннихъ значковъ переходитъ во внѣшнее или замѣнительное для звуковъ, выражаемыхъ буквенными знаками. Имѣя въ виду правильный образъ начертанія словъ и сохраненіе въ немъ всѣхъ звуковъ, какіе возможны при историческомъ движеніи языка, мы необходимо должны разсмотрѣть всѣ тѣ внутренніе значки, которымъ старинными писцами дано было участіе въ начертательномъ образованіи словъ.

Мы уже выше коснулись внутренняго значка ҅, который, какъ сказали мы, возникъ подъ вліяніемъ воззрѣнія, стремившагося опредѣлить качество голоса въ извѣстныхъ звукахъ или, иными словами, отдѣлить самозвучность голоса отъ его беззвучности. Но такъ какъ самозвучіе есть отличительная черта гласныхъ, то этотъ значекъ долженъ былъ обращаться единственно въ области гласныхъ. Гласныя представляютъ собою основаніе членораздѣльности голоса при сочетаніи съ согласными. Сливаясь вмѣстѣ съ послѣдними въ одинъ цѣльный звукъ, онѣ доставляютъ человѣческому голосу возможность отдѣлять этотъ звукъ отъ другаго и болѣе, или менѣе останавливаться на томъ, или другомъ. Не только гласныя, но и полугласныя, какъ потомки прадавней гласности, имѣютъ способностъ производить членораздѣльность или отбой голоса

при стеченіи согласныхъ: иначе нельзя бы было произнести сочетанія, каковы на пр., срьдьцьмь, отьчьствъмь и т. п. Этотъ отбой голоса при стеченіи согласныхъ писцы считали весьма важнымъ дѣломъ въ произношеніи и правописаніи, а по тому не только удерживали законное, требуемое словообразованіемъ, полугласное ь тамъ, гдѣ позднѣйшее произношеніе, при благопріятномъ стеченіи согласныхъ, могло обойтись и безъ него, на пр., въ словахъ кьнезь, кьні, кьто, но даже употребляли и незаконное, вставочное ь, распуская имъ стеченіе согласныхъ тамъ, гдѣ словообразованіе вовсе не требовало его, чему не мало способствовало смягчающее свойство Сербскаго языка, такъ что ь, вставленное между согласными, выражало не болѣе, какъ мягкость звука: искьати, кьнеиница, тькита, ськоном. Въ послѣдствіи это двоякое, существенное и несущественное, ь стали обращать въ полную гласную, откуда произошли формы: старана (страна), посатавникь, посалавнимии (отъ посьль), вгодиваниихь и пр.; слѣдовательно, не только полугласное ь, каковымъ оно дѣйствительно было тамъ, гдѣ стеченіе согласныхъ не могло обойтись безъ гласнаго отзвука, въ немъ заключающагося, но и совершенно безгласное ь играло важную роль въ древней Сербской письменности, служа, вмѣстѣ съ гласными, членораздѣлительнымъ началомъ въ произношеніи словъ: индѣ звучало оно дѣйствительно какъ полузвукъ, индѣ было вовсе безгласнымъ; но въ обоихъ случаяхъ производило отбой голоса то оттѣнкомъ полугласія, то мягкимъ приpаженіемъ, и какъ бы раздѣляло толпу согласныхъ на нѣсколько частей, доставляя чрезъ отбой голоса каждой части равную силу. Отсюда понятно, что писцы, употребляя значекъ ͑ для выраженія самогласія звуковъ, ставили его не только надъ гласными, но и надъ полугласными или, вѣрнѣе, однимъ полугласнымъ ь, какъ представителемъ обоихъ Кириловскихъ знаковъ ъ и ь. Значекъ этотъ не могъ выражать ничего другаго: ни мягкаго качества голоса, ибо онъ поставлялся и надъ твердыми и надъ мягкими гласными безъ различія; ни количества голоса при его подъемѣ и опущеніи, ибо па то были готовы два другіе значка ˘ ̂; ни ударенія, имѣвшаго свои особые значки ʹ ̀; ни стяженія, выражаемаго преимущественно значкомъ ̏ и т. п. Остается приписать ему выраженіе самогласнаго начала или той силы, которая производитъ въ голосѣ членораздѣльность. Это служеніе подтверждается сходствомъ его вида съ Греческимъ дыханіемъ (spiritus lenis); но разница та, что Сербскій значекъ, поставляясь надъ гласными въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ и замѣняя иногда Греческое придыханіе (spiritus asper), имѣетъ гораздо обширнѣйшее служеніе, чѣмъ Греческій. Онъ есть одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ древней Сербской письменности. Многочисленные случаи его служенія разсѣяны по всѣмъ грамотамъ, куда только допущены значки. Само собою разумѣется, что для него нѣтъ особыхъ грамотъ; но тамъ, гдѣ больше другихъ значковъ, тамъ и онъ употребляется чаще. Онъ открываетъ собою рядъ грамотъ XIV вѣка (А. № 2, 1302 г.) и заканчиваетъ грамотою начала XVI вѣка (А. № 20, 1502 г.). Самыми любимыми у древнихъ писцовъ видами служенія этого значка были слѣдующіе: сопутствіе гласнымъ, поставленіе надъ полугласнымъ ь, рѣдко въ срединѣ и часто въ концѣ словъ, и указаніе отсутствующаго ь. Такъ какъ мы не намѣрены входить въ подробное разсмотрѣніе служенія внутреннихъ значковъ, то относительно значка ͑ ограничимся только послѣднимъ видомъ его служенія, когда онъ вступаетъ въ область внѣшняго значка ̓ и служитъ указателемъ отсутствующаго полугласнаго ь. Это служеніе его имѣетъ тѣ же самые два вида, какъ и служеніе значка ̓, т. е., онъ замѣняетъ собою и

существенное и несущественное ь. Сдѣсь онъ дѣйствуетъ одинаково со значкомъ ‵. Тѣмъ не менѣе это служеніе его, при всей своей обширности, уступаетъ, однако, главнѣйшему его служенію—сопутствовать самогласію. Изъ числа грамотъ, допускающихъ это послѣднее, не всѣ допускаютъ первое. Такъ въ гр-хъ С. №№ 91, 137, 176, А. № 18, В. №№ 1, 2 и Мл. значекъ ˚, сопутствуя гласнымъ, ни разу не встрѣчается, какъ признакъ пропущенной полугласной буквы. Впрочемъ, во всѣхъ этѣхъ грамотахъ онъ вообще очень рѣдокъ. Въ остальныхъ грамотахъ, употребляющихъ его, находимъ и замѣнительное или внѣшнее его служеніе въ большей, или меньшей степени. Таковы: С. № 175, А. №№ 2—17, 19, 20. Всего чаще значекъ ˚ замѣняетъ отсутствующее ь въ срединѣ словъ, на пр.: тѣйже, т̊уню, в̊довицоу (ср. Санскр. *vidhavá*, Лат. *vidua*), п̊тица (ср. Санскр. *pataga* и Греч. *πέτομαι*), к̊нигами, пир̊гь и т. д. (А. № 2), пр̊каго, т̊щися, ч̊то (А. № 3), и пр. и пр. Считаю лишнимъ приводить дальнѣйшіе примѣры, идущіе, какъ сказано выше, чрезъ все пространство послѣднихъ двухъ изъ разсматриваемыхъ нами вѣковъ. Употребленіе въ нихъ значка ˚ весьма просто: дѣло понятно и безъ нихъ. Никто противорѣчить не станетъ, что в̊довицоу, п̊тица, к̊нигами суть то же, что вьдовицоу, пьтица, кьнигами; а подобныя формы, всякій согласится, весьма важны для историческаго значенія полугласныхъ. Онѣ показываютъ, какъ еще чутко, хотя и не всегда, древніе писцы распознавали присутствіе полугласныхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда полугласныя переходили въ полное безгласіе. Но съ другой стороны, значекъ ˚, какъ и прочіе, подобные ему въ этомъ отношеніи, имѣетъ свою историческую пору и составляютъ переходъ отъ яснаго и твердаго распознанія полугласныхъ, которое заставляло сохранять ихъ въ видѣ строчныхъ буквенныхъ знаковъ, къ совершенному ихъ забвенію тамъ, гдѣ при стягиваніи согласныхъ произношеніе могло обходиться безъ нихъ, въ слѣдствіе чего ихъ мѣсто, уже потерявшее свое значеніе, было упразднено въ строкѣ, а отмѣчать его надстрочными значками уже не считали нужнымъ. Слѣдовательно, замѣнительные для полугласнаго ь значки суть указатели неяснаго и полузабытаго его присутствія въ словѣ; это послѣдніе слѣды его перехода отъ сознанія самогласія къ полному безгласію. Отсюда видна вся важность замѣнительныхъ значковъ въ историческихъ разысканіяхъ о полугласныхъ. Когда въ нѣкоторыхъ словахъ писцамъ казалось уже страннымъ и дикимъ вставить полугласную, тогда они, не рѣшаясь еще совершенно изгнать полугласную изъ слова, отмѣчали ее надстрочнымъ значкомъ, менѣе рѣзкимъ и бросающимся въ глаза, чѣмъ строчная буква. Если бы не значки, слѣдъ полугласныхъ тамъ, гдѣ онѣ доходили до безгласія, давно бы изчезъ; значки особымъ образомъ продолжали его существованіе. Яснѣе совершалась замѣна полугласныхъ значкомъ ˚ въ концѣ словъ. Извѣстно, что въ Кириловской письменности слова никогда не оканчивались на согласную, но всегда исходили гласною, либо полугласною. Если и встрѣчаются иногда оканчанія, исходящія на согласную, то это чрезвычайно рѣдко и при томъ бываетъ, большею частію, въ концѣ строки за недостаткомъ мѣста. Но если слово оканчивается согласною и при томъ имѣетъ замѣнительный значекъ, то это не рѣдкость. Мы находимъ: под̊ (А. № 6), кѣр̊, с̊, рекшим̊, пошедъ̊ (А. № 4), обратит̊ (А. № 10), покелѣнием̊ (А. № 12), их̊ (А. № 17) и пр. и пр. Точно то же, и въ большей мѣрѣ, видѣли мы въ употребленіи значка ‵. Еще чаще значекъ ˚ замѣняетъ отсутствующее ь, когда, въ слѣдъ за этимъ послѣднимъ, непосредственно слѣдуетъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя, по обычаю стариннаго правописанія, большею частію,

присоединяются къ предшествующему слову, на пр.: братмоу, стрниіімоу, хотмоу (А. № 6), саншахомбо, ѯбратомь, пръѯшвмоу (А. № 5) потьщнтсе (А. № 12), прідетми, оѣвѯхи, онеѯхи (А. № 17) и пр. Значекъ ' не разбираетъ, какъ сказали мы, ни кореннаго, ни вставочнаго ь, равно замѣняя то и другое. Отправляя въ этомъ случаѣ служеніе чисто внѣшняго значка, онъ не имѣетъ дѣла до мѣстонахожденія полугласной и всюду готовъ замѣнить ее. Мы находимъ его и на такихъ мѣстахъ, гдѣ присутствіе его можетъ быть объяснено лишь любовью древнихъ Сербовъ къ смягчающему и вставочному ь, иногда вовсе лишнему, на пр., въ словахъ: ӑрмѣнинь, ӑрхаггелска, пепрерь (А. № 6), епиӑрхь (А. № 4), ӑрхидиакона, сьврьшіи, прѣдрьжещаго, варварино (А. № 5), скорй, стефанѣ, потворн, испраканий (А. № 9), хиландарь, испльны (А. № 10), таково (А. № 14), сьмрьтехь, несьтрьпимхь, испльнаше, оврьхошесе (А. № 16), бл̃жаиства, цвѣтци, г̃днпостлмн, котѣрьжною, патріархѧ (А. № 17). Сдѣсь иноземность слова, какъ и самое правописаніе съ ь дѣлаютъ значекъ ' ненужнымъ. Но эти случаи рѣдки: сдѣсь приведены почти всѣ встрѣчающіеся въ нашихъ памятникахъ. Еще находимъ значекъ ' замѣняющимъ полныя гласныя въ словахъ: оуп̃ванна,-и (А. №№ 6, 7), гроушка (А. № 6). Въ словѣ тр̃стїа (А. № 4) на значекъ ' можно смотрѣть, какъ на признакъ отсутствующаго и, или не усиленнаго (не гунированнаго) ь, либо какъ на титлу.

Есть еще два значка ’‘, рѣдко встрѣчающіеся въ нашихъ изданіяхъ и, по употребленію своему, во всемъ сходные съ значкомъ'. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, какъ и этотъ послѣдній, замѣняютъ полугласную. Таковы: сокалници, ср. сокальникомь, класи (С. № 176), игр (С. № 81).

Возникнувъ подъ совершенно внутреннимъ воззрѣніемъ на движеніе человѣческаго голоса, значки ˘ ̑ наименѣе могутъ исполнять назначеніе внѣшнихъ или замѣнительныхъ. Ясное и открытое поднятіе голоса, глухое и слабое опущеніе его и нѣкоторая степень приращенности, производящая мягкость, суть тѣ свойства, для которыхъ назначены два упомянутые значка. Будучи мягкимъ, ь, какъ срединное, такъ и преимущественно конечное, способно выносить на себѣ одинъ изъ этихъ значковъ и всего скорѣе значекъ ˘, который, выражая поднятіе голоса въ безгласной буквѣ, еще болѣе и яснѣе свидѣтельствуетъ объ ея безгласіи и предупреждаетъ въ ней всякую возможность гласности. Во всѣхъ нашихъ памятникахъ мнѣ удалось замѣтить только слѣдующіе примѣры: хоурсарь̆ (А. № 2), ѯемль̆ (А. № 4), бгмь̆, помощникь̆ (А. № 9). Гораздо чаще открытый значекъ ˘ ставится надъ вторымъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ полугласныхъ ь. Въ Д.-Сербской письменности мы находимъ удвоеніе 6-ы ь въ концѣ словъ, преимущественно въ родит. п. мн. ч. Въ такомъ случаѣ второе ь часто выноситъ на себѣ значекъ ˘; на пр.: сельь̆, сьь̆ (А. № 2), ротаьь̆ (А. № 3), и т. д. до конца XV-го ст. Причина этого употребленія лежитъ въ самомъ свойствѣ открытаго значка ˘. Поднятіе голоса въ безгласномъ на концѣ словъ ь есть то же безгласіе, а по тому писцы и отмѣтили второе ь открытымъ значкомъ, чтобы предупредить въ немъ всякую возможность гласности при удвоеніи; они хотѣли этимъ показать, что ьь̆ есть то же, что одно ь. Поставить закрытый значекъ ̑ было бы ошибкою, ибо приращеніе, опущеніе и какъ бы тяжесть голоса въ концѣ слова, могли бы повести къ гласности безгласнаго ь. Это ь̆ не мѣшаетъ сравнить съ рѣдкимъ въ Кирилловской письменности й, которое сдѣсь есть такой же полузвукъ, какъ и въ новомъ Русскомъ правописаніи. Иногда значекъ ˘ ставится надъ первымъ ь, что весьма рѣдко. Укажу только на слѣдующіе случаи: врьь̆ь (А. № 5),

родителъ̆ь, соуродйныйь (А. № 9). До какой степени писцы наблюдали сдѣсь различіе между открытымъ и закрытымъ значкомъ, видно изъ того, что двойное **ь** ни разу не попадается съ послѣднимъ при всемъ смѣшеніи значковъ; очевидно, сдѣсь различіе между обоими выказывалось яснѣе. Впрочемъ, употребленіе значка ˘ надъ полугласною весьма рѣдко, и его можно считать исключеніемъ изъ общаго правила ставить значки надъ одними гласными. Но такъ какъ при первомъ же появленіи этихъ значковъ въ разсматриваемыхъ нами памятникахъ, въ началѣ XIV-го ст., между ними начиналось уже смѣшеніе, кончившееся въ XV-мъ ст. преобладаніемъ закрытаго ̑, то и надъ полугласнымъ **ь** нельзя было установить правильнаго употребленія значка ˘, въ слѣдствіе чего, по подражанію ли, или по чему либо иному, надъ этою буквою появился и закрытый ̑, но еще рѣже, чѣмъ открытый ˘, такъ что его справедливо можно назвать исключеніемъ изъ исключенія. А съ другой стороны, при малочисленности случаевъ поставленія того, или другаго значка надъ полугласнымъ **ь**, невольно приходитъ на мысль, не есть ли все это не болѣе, какъ слѣдствіе смѣшенія этихъ значковъ съ другимъ, очень похожимъ на нихъ, особенно въ рукописяхъ, именно, значкомъ ̊, хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, и значекъ ˘ допускаетъ для себя объясненіе. Но если **ь**, коренное и вставочное, выносило на себѣ значки ˘ ̑, то уже легко было и надъ упраздненнымъ его мѣстомъ поставлять эти значки и все также почти одинъ только открытый ˘. Таковы: **ск̑врьн̆ны** (А. № 6), **п̑рвый, а̑рхиерѣ̆, с̑рбскы̑** (А. № 3), **айдроника, вѣщлӑбо, ꙁговорйсе, гр̆ъкӑго** (А. № 4), **ꙁемль̆** (А. № 9), **самодрьжӑвно, срь̑скые** (А. № 5), **ѡ́брѣтаю̆тсе** (А. № 10), **по̑ѝже, бѣловодйч̆кы̑, ср. бѣлово́дич̆кы̑, стльпь̆ского, кн̆ѧска** (А. № 12), **скрьлйци** (А. № 14), **ѡ̑прӑвдани̑** (А. № 17), **а̑ѳѡ̆нсцѣи** (А. № 16), **д̆рагоунь, йрѣки лоуге** (С. № 176), **ц̆р̑квомь** (Мл.). Въ формѣ **д̆ш̑е, д̆ш̑оу** (А. № 4) видимъ столкновеніе титлы со значкомъ: какъ тотъ, такъ и другая выражаютъ опущеніе б-ы **ь**: **дьше, дьшоу**, гдѣ **ь** остается не усиленнымъ.

Сдѣсь мы остановимся. Мы разсмотрѣли служеніе замѣнительныхъ значковъ, какъ внѣшнихъ, такъ и тѣхъ изъ внутреннихъ, которые переходятъ въ замѣнительные при посредствѣ б-ы ь. Болѣе о внутреннихъ значкахъ мы говорить не станемъ. Это повело бы насъ слишкомъ далеко по дорогѣ, не совершенно надежной и уклоняющейся отъ прямой цѣли нашего изслѣдованія. Мы не можемъ вполнѣ положиться на печатныя изданія, замѣняющія для насъ подлинникъ, и никакъ не повѣримъ, чтобы въ нихъ всѣ значки были непремѣнно такими, какими хотѣлъ изобразить ихъ древній писецъ. Неясность почерка, поспѣшность писанія, многочисленность значковъ и другія подобныя причины затрудняли мѣстами передачу значковъ въ ихъ подлинномъ видѣ. Къ тому же есть изданія, въ которыхъ значки вовсе опущены, тогда какъ, судя по достоинству этихъ изданій, желательно бы было видѣть и изслѣдовать ихъ сдѣсь, и тѣмъ подкрѣпить, пополнить, или же низпровергнуть зданіе, построенное на основаніи иныхъ изданій и иныхъ памятниковъ. Съ другой стороны, ученіе о всѣхъ вообще значкахъ заставило бы меня значительно удалиться отъ предположенной мною задачи сочиненія — разсмотрѣть природу звуковъ и формы древняго книжнаго языка Сербовъ въ повременномъ ихъ движеніи. Намъ нужно прослѣдить самые звуки или основныя начала языка, а не благозвучіе словъ и рѣчи; намъ нужно знать правильное написаніе словъ, безъ котораго нельзя узнать вполнѣ повременнаго движенія звуковъ: и по тому въ этомъ дѣлѣ замѣнительные значки занимаютъ столь же важное мѣсто, какъ и самыя буквы;

обойдя ихъ, нельзя приступить къ буквамъ. Но древніе Сербскіе писцы, сколько щедры были на замѣну полугласной различными значками, столько же дорожили другими буквенными начертаніями. Мы видѣли, что изъ всѣхъ гласныхъ буквъ, только одна б-а ѣ была замѣняема изрѣдка значкомъ ʼ; изъ согласныхъ же ни одна. За то полугласное ь, представляемое подъ различными возрѣніями, принимало и различные значки, которые, оставаясь на его упраздненномъ мѣстѣ, получали назначеніе замѣнительныхъ значковъ. Чисто замѣнительный значекъ для ь есть ʽ; изъ внутреннихъ значковъ, являющихся замѣнительными для ь, суть ˙ ˘ ˆ и видоизмѣненія перваго ʼʽ. Прочіе внутренніе значки, какъ-то: простые ʹ ˋ и сложные ̈ ̑ ̏ ̓ ̔, не участвуютъ въ замѣнѣ полугласнаго ь, и по тому мы вовсе не упоминали объ нихъ. Не отнимая важности служенія у внутреннихъ значковъ, которые своимъ количествомъ и употребленіемъ могутъ много содѣйствовать къ опредѣленію возраста памятника, мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что внѣшніе значки, а вмѣстѣ съ ними и внутренніе, по скольку исполняютъ назначеніе внѣшнихъ, кажутся намъ важнѣе тѣхъ, которые отправляютъ чисто внутреннее служеніе. Безъ послѣднихъ изслѣдователь природы звуковъ и ихъ видоизмѣненій еще можетъ обойтись; но безъ первыхъ онъ не обойдется: они нужны ему для дополненія правописнаго образа слова, необходимаго для точнаго опредѣленія звуковъ, какъ составныхъ частей слова. Разумѣется, мы имѣемъ сдѣсь въ виду природу звуковъ и на основаніи ея происходящія въ нихъ видоизмѣненія, какъ коренныя или постоянныя, такъ и повременныя или одномѣстныя; но для другаго, кто пожелалъ бы изучать, на пр., благозвучіе языка по историческимъ памятникамъ, важнѣе будутъ внутренніе значки, а именно: значки ʹ ˋ для изученія законовъ ударенія, значки ˘ ˆ для опредѣленія степени благозвучія въ текучей, плавной рѣчи и т. д. Все это хорошо и важно само по себѣ, но такъ какъ оно до насъ не касается, то мы и остаемся при однихъ внѣшнихъ значкахъ. Ихъ участіе въ опредѣленіи возраста памятника, вмѣстѣ со всѣми прочими значками, столь важно, что по нимъ однимъ можно уже приблизительно назначить время памятнику. Такъ обратимся къ нашимъ Д.-Сербскимъ памятникамъ. Изъ XII вѣка мы имѣемъ двѣ грамоты двухъ совершенно различныхъ семействъ: одну Кулинову и одну Неманину. Послѣдняя принадлежитъ къ разряду Аѳонскихъ грамотъ, но, не смотря на то, не имѣетъ ни одного значка: это положительно свидѣтельствуетъ, что въ концѣ XII вѣка Сербскіе писцы еще не употребляли значковъ. Изъ XIII вѣка странное явленіе представляетъ одна Дубровницкая грамота, писанная около 1254 года (С. № 26): въ ней, одной изо всѣхъ грамотъ означеннаго столѣтія, находимъ два значка ̏ ˙, отправляющіе, по видимому, совершенно одинаковое служеніе и показывающіе мягкое свойство гласныхъ, предпочтительно б-ы и. Въ этой грамотѣ значки повторяютъ то самое, что выражаютъ буквенныя начертанія: слѣдовательно, для писцовъ эти послѣднія казались недостаточными, и они искали подкрѣпленія имъ въ значкахъ. И сдѣсь уже проявлялась ложная мысль о недостаточности Кирилицы. Случай ли, или дѣйствительная причина занесли эти значки въ средину XIII столѣтія и сдѣлали ихъ древнѣйшими въ извѣстной намъ народной Сербской письменности, сказать утвердительно нельзя; но, кажется, это явленіе должно приписать случаю, ибо есть важное побужденіе думать, что значки уже существовали въ XIII вѣкѣ, а именно полное сходство между назначеніемъ упомянутыхъ значковъ въ XIII и слѣдующихъ вѣкахъ. Значки ̏ ˙ являются въ началѣ XIV столѣтія въ Аѳонскихъ грамотахъ и сдѣсь совершенно одинаково

употребляются, какъ и въ XIII-мъ в. въ грамотѣ Дубровницкой. Если бы между одними и тѣми же значками двухъ столѣтій былъ какой либо промежутокъ и если бы они были чужды одни другимъ, то легко могли бы не сойтись между собою въ цѣли служенія. При томъ сходное употребленіе ихъ въ различныхъ по мѣстонаписанію грамотахъ доказываетъ, что они уже извѣстны были во всей Сербской письменности. Если же мы не находимъ этихъ, или иныхъ значковъ въ другихъ грамотахъ XIII вѣка, то это должно приписать случаю, не доставившему намъ изъ XIII-го в. тѣхъ грамотъ, которыя предпочтительно любятъ употреблять значки, т. е., Аѳонскихъ. Даже думаю, что явленіе значковъ въ Дубровницкой грамотѣ можно не иначе объяснять, какъ вліяніемъ на ея составленіе придворныхъ королевскихъ писцовъ, которые, какъ православные, были хорошо знакомы съ Греческою и Булгарскою письменностями. Единственная отличительная черта между значками XIII-го вѣка и значками XIV-го состоитъ въ извѣстной степени правильности употребленія. Мы уже имѣли поводъ замѣтить, что чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ служеніе значковъ послѣдовательнѣе: такъ и теперь мы замѣчаемъ, что въ упомянутой Дубровницкой грамотѣ XIII вѣка все количество выставленныхъ значковъ проникнуто одною мыслію, и нѣтъ ни одного случая, который бы уклонялся отъ даннаго ему назначенія. Напротивъ, переступая въ XIV вѣкъ, мы видимъ, что употребленіе значковъ теряетъ свою послѣдовательность и безысключительность: значки перемѣшиваются, предѣлы ихъ служенія расширяются чрезъ мѣру, нѣкоторые случаи лишаются даже всякой возможности объясненія; остается дѣлать выводы лишь на основаніи большинства. Изъ всѣхъ значковъ XIV вѣка, значки ˘ ˆ представляютъ наиболѣе повременнаго движенія. Въ грамотахъ начала XIV вѣка или въ Милутиновыхъ мы усматриваемъ въ началѣ словъ совершенное преобладаніе открытаго ˘, а въ концѣ словъ закрытаго; въ грамотахъ Дечанскаго являются въ началѣ оба значка въ равной степени; а въ грамотахъ Душана и Уроша V преобладаетъ въ началѣ словъ уже закрытый. Съ этого же времени, или со второй половины XIV-го ст., они начинаютъ быстро исчезать въ срединѣ и концѣ словъ, и только еще въ началѣ словъ остается закрытый значекъ ˆ, хотя и онъ замѣтно слабѣетъ. Вообще, разсматривая значки съ исторической стороны, въ какой мѣрѣ они являются въ нашихъ памятникахъ, мы видимъ, что въ грамотахъ начала XIV столѣтія они еще не были такъ распространены, какъ въ послѣдствіи въ грамотахъ половины того же столѣтія, особенно при Душанѣ. Это всего замѣтнѣе въ Аѳонскихъ грамотахъ. Съ половины XIV-го ст. обнаруживается особенный произволъ въ ихъ употребленіи, котораго не замѣчаемъ въ гр-хъ Милутина. Писецъ, полюбивъ одинъ какой либо значекъ, безразлично ставитъ его гдѣ и какъ ни попало, жертвуя для него другими значками. Въ примѣръ укажу на гр-ы Дечанскаго (С. № 176) и Уроша V (Г. А), въ которыхъ господствуетъ значекъ ʽ, и на гр-у Стефана Лазаревича (А. № 18), гдѣ господствуетъ значекъ ʺ. Такимъ образомъ, приглядѣвшись къ свойству и количеству употребленія значковъ, можно для подтвержденія вывода о возрастѣ памятника, сдѣланнаго на другихъ основаніяхъ, прибѣгать и къ значкамъ, если они существуютъ въ памятникѣ. Но всего важнѣе употребленіе внѣшнихъ значковъ въ опредѣленіи возраста памятника: сдѣсь участіе принимаетъ и полугласное ь. Чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ чаще въ немъ присутствіе строчной полугласной и тѣмъ рѣже употребленіе замѣнительныхъ значковъ. Въ древнѣйшей Аѳонской грамотѣ Немани хотя и нѣтъ значковъ, но за то ь сохраняется столь вѣрно и повсемѣстно, что бо́льшая часть

случаевъ его безгласія еще не лишилась его присутствія. По мѣрѣ приближенія грамотъ къ XIV вѣку и въ продолженіи всего XIII вѣка, ь мало по малу слабѣетъ въ срединѣ словъ; а въ XIV-мъ в. на помощь ему являются значки. Когда во многихъ формахъ оно уже готово было изчезнуть; когда писцамъ, отвыкшимъ отъ безгласнаго ь въ срединѣ словъ, оно уже начинало казаться страннымъ, тогда значки, представлявшіеся относительно меньшей важности, чѣмъ буквенныя начертанія и, слѣдовательно, требовавшіе меньшей осмотрительности, явились на замѣну этому серединному безгласному ь и на цѣлый вѣкъ, или даже болѣе, поддержали слѣдъ его существованія. Особенно въ начальныхъ памятникахъ XIV-го ст. служеніе замѣнительныхъ для ь значковъ представляетъ высшую занимательность. Часто въ одной и той же грамотѣ, въ одной и той же строкѣ находимъ слово, написанное однажды съ ь, а въ другой разъ съ замѣнительнымъ значкомъ: сдѣсь невольно убѣждаешься въ дѣйствительности назначенія этихъ значковъ. Въ позднѣйшихъ грамотахъ того же вѣка ь постоянно все болѣе и болѣе теряется; остаются на его мѣстѣ значки. По взаимному отношенію между нимъ и значками можно назначить вѣкъ возрасту памятника: опытный глазъ уже по одному наружному виду памятника, представляемому значками и полугласнымъ ь, довольно приблизительно откроетъ его временное мѣстонахожденіе. Вообще, повторяю, значки какъ количествомъ, такъ и степенью правильности своего употребленія не мало способствуютъ къ распознанію возраста памятника не только по столѣтіямъ, но даже и по меньшимъ разстояніямъ времени. Желательно бы было имѣть подъ рукою все, или наибольшее количество памятниковъ, имѣющихъ значки, чтобы не оставалось сомнѣнія въ вѣрности итоговъ. Я разумѣю сдѣсь преимущественно такіе памятники, въ которыхъ видно достаточное присутствіе значковъ; ибо по нимъ легче дѣлать заключенія. Напротивъ, гдѣ значки показываются украдкою, въ весьма маломъ числѣ и какъ бы невзначай, тамъ не можетъ быть ничего положительнаго; такіе памятники могутъ служить только для сравненія и дополненія, но отнюдь не для основы выводовъ. Но и по тѣмъ памятникамъ, которые были у меня подъ рукою, разумѣя сдѣсь главнѣйше Аѳонскія грамоты, я осмѣливаюсь представить общій выводъ, ожидая подтвержденія, или отрицанія ему отъ будущихъ открытій и изданій. Прежде всего мы замѣчаемъ различіе между памятниками въ количествѣ употребленія значковъ. Грамоты однихъ и тѣхъ же лицъ имѣютъ и не имѣютъ значковъ: это зависитъ отъ того, по какому поводу дана грамота, и отчасти отъ того, кѣмъ, когда и гдѣ писана. Такъ всѣ не-православныя грамоты не имѣютъ значковъ вовсе, или, если имѣютъ ихъ, то кое-гдѣ въ чрезвычайно маломъ количествѣ. Изъ православныхъ грамотъ, однѣ или вовсе не имѣютъ ихъ, или имѣютъ немного; другія напротивъ обилуютъ ими. Первыя, по содержанію своему, относятся къ дѣламъ мірскимъ, къ сношеніямъ съ Дубровникомъ, и писаны, можетъ быть, при участіи и содѣйствіи Дубровницкихъ пословъ, а нѣкоторыя даже внѣ Сербіи; вторыя относятся къ дѣламъ церковнымъ, къ надачамъ Аѳонскихъ и другихъ монастырей, и писаны, можетъ быть, не только придворными писцами, но и самыми монахами, а нѣкоторыя даже въ стѣнахъ монастырскихъ, или по близости Аѳона. Послѣ этого причина отсутствія значковъ въ однѣхъ и присутствія въ другихъ становится очевидною. И сдѣсь также нѣтъ слѣпаго произвола, но есть свое основаніе. Тамъ, гдѣ сохранились они наиболѣе, мы видимъ опять разницу въ ихъ употребленіи. При Милутинѣ они становятся весьма сознательно, каждый на своемъ мѣстѣ, хотя границы употребленія расширены до возможности. Это показываетъ, что знач-

ковъ должно искать еще въ XIII вѣкѣ, и хотя Аѳонскія грамоты не дошли къ намъ изъ этого вѣка, однако; слѣды значковъ въ одной Дубровницкой грамотѣ половины этого же вѣка свидѣтельствуютъ уже объ ихъ существованіи. При Дечанскомъ показываются первые слѣды произвольнаго употребленія значковъ вопреки ихъ назначенію; но общее количество значковъ еще не увеличивается. При Душанѣ и количество и произвольность значковъ достигаютъ высшей степени; при Урошѣ то и другое слабѣетъ и до конца XV-го вѣка продолжаетъ мало по малу ослабѣвать. При Стефанѣ Лазаревичѣ опять, какъ и при Дечанскомъ, показывается преобладаніе одного какого либо значка и разительный недостатокъ другихъ. Уже не много значковъ встрѣчаемъ въ грамотахъ конца XV-го вѣка; но за то значки, хотя и не въ большомъ количествѣ, показываются въ деспотскихъ грамотахъ, данныхъ Дубровнику, чего не было даже и при Душанѣ.

И такъ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали значки, всюду они являются намъ съ особымъ значеніемъ. Они тѣсно связаны съ наружнымъ видомъ, правописаніемъ, возрастомъ и содержаніемъ памятника. Все это говоритъ въ пользу ихъ сохраненія въ изданіяхъ, какого бы рода эти изданія ни были, не говорю уже объ ученыхъ. Уничтоженіе ихъ, кромѣ того, что выказываетъ небрежность и непониманіе важности ихъ со стороны издателя, ведетъ еще къ затемнѣнію того, съ чѣмъ они связаны въ памятникѣ. И вотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправданіе, по чему я, въ самомъ началѣ изслѣдованія о древнемъ языкѣ Сербовъ по письменнымъ его памятникамъ, коснулся тѣхъ изъ значковъ, которые, принявъ служеніе нѣкоторыхъ буквъ, сдѣлались необходимыми для опредѣленія внѣшняго вида или написанія слова и истекающаго отсюда понятія о звукахъ и формахъ.

ГЛАВА II.

ПОЛУГЛАСНЫЯ.

Хотя всѣ буквы суть не что иное, какъ условные знаки для выраженія извѣстныхъ звуковъ языка, однако ближе всѣхъ къ значкамъ по своей подвижности, въ слѣдствіе свойствъ выражаемаго звука, подходятъ ъ и ь, именуемыя *полугласными*. Они такъ называются по свойству того звука, для котораго изобрѣтены. Но названіе это неполно: дополнить его надобно названіемъ *припряжныхъ*. Звукъ этотъ мѣстами сохраняетъ въ себѣ нѣкоторую самогласность, не равняющуюся въ силѣ полнымъ гласнымъ, но имѣющую значеніе полузвука: по этому ъ и ь суть полугласныя. Будучи полузвукомъ и не имѣя столь твердаго самостоятельнаго значенія, какъ полныя гласныя, звукъ, для котораго изобрѣтены ъ и ь, иногда вовсе теряетъ свою самогласность, переводя всю свою силу на предшествующія согласныя въ видѣ одной лишь ихъ твердости, или мягкости: по этому ъ и ь суть припряжныя или безгласныя. Этою слабостію и постепеннымъ изчезновеніемъ звука, выражаемаго буквами ъ и ь, объясняются всѣ тѣ безконечныя измѣненія, которымъ этѣ буквы подвергаются въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: ихъ смѣшеніе, опущеніе и перегласовка. Такъ какъ много было писано и говорено подъ разными воззрѣніями объ ихъ природѣ и значеніи въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, то я скажу объ нихъ, по возможности, кратко, сколько позволяетъ цѣль моего труда и сколько это нужно для уразумѣнія природы и свойствъ полугласныхъ въ Сербскомъ языкѣ и его древней письменности.

Происхожденіе полугласныхъ составляетъ историческое явленіе въ языкахъ Индоевропейскихъ. Древнѣйшіе изъ этихъ языковъ, языкъ Вѣдъ и Санскритъ, показываютъ, что первоначально каждая согласная имѣла при себѣ гласную, т. е., нѣмые звуки не стекались, но были растворены самогласными звуками. Въ такомъ видѣ существовали языки въ древнѣйшую пору своего бытія. Потомъ, мало по малу, гласныя стали изчезать и какъ бы улетучиваться изъ ряда нѣмыхъ звуковъ, и въ слѣдствіе этого въ словахъ появилось стеченіе въ нѣкоторой степени однихъ согласныхъ, возможное для произношенія: это вторая ступень развитія Индоевропейскихъ языковъ, на которой застаемъ мы языки Европейскіе и въ числѣ ихъ Славянскіе. Но изъ всѣхъ Славянскихъ языковъ ни одинъ не довелъ до такихъ обширныхъ размѣровъ начало гласнаго сокращенія, какъ Д.-Булгарскій. Его, безъ сомнѣнія, можно назвать разсадникомъ и главнымъ хранилищемъ полугласныхъ. Прочіе Славянскіе языки, не выдержавъ соперничества съ нимъ, устремились снова къ полногласію, дополнивъ, въ большей, или меньшей мѣрѣ, нѣмые звуки самогласными; во главѣ ихъ стоитъ нарѣчіе Великорусское, — и это третья ступень ихъ развитія. Но обратимся къ Д.-Булгарскому, такъ тѣсно связанному съ Д.-Сербскимъ

книжнымъ. Если ни одинъ языкъ такъ много не сократилъ гласныхъ звуковъ, какъ Д.-Булгарскій, то и ни одинъ такъ твердо не запомнилъ ихъ, какъ этотъ послѣдній. Лишивъ цѣлыя слова полныхъ гласныхъ звуковъ и превративъ послѣдніе либо въ полузвуки, либо въ совершенное беззвучіе, онъ не опустилъ ихъ безслѣдно, но мѣста ихъ отмѣтилъ особыми буквенными знаками, приносящими честь ихъ изобрѣтателю. Ни одна Европейская азбука не имѣетъ подобныхъ знаковъ. Составитель Кирилицы, выразивъ полугласіе и безгласіе, остатокъ прадавняго полногласія, показалъ сдѣсь всю глубину своихъ познаній въ языкахъ и тонкую наблюдательность въ дѣлѣ того языка, для котораго онъ трудился. Понимая духъ языка, онъ не смущался видимою слабостію полузвука, или даже полнымъ беззвучіемъ; но, угадывая, что это долженъ быть остатокъ такихъ же полныхъ звуковъ, какъ и прочіе гласныя, онъ далъ имъ особое начертаніе и мѣсто въ словѣ наровнѣ съ другими звуками. Таково начало полугласныхъ и ихъ Кириловскихъ начертаній. Они обязаны своимъ происхожденіемъ стяженію полногласія, возникшему на второй ступени развитія Индоевропейскихъ языковъ; а своимъ начертаніемъ — прозорливости составителя Кирилицы. Посмотримъ примѣры, и прежде всего въ словообразованіи, потомъ въ словодвиженіи. Санскр. *pûrńa*, Гот. *fulls*, Латин. *plenus*, Греч. *πλέος*, Лит. *pilnas*, Рус. *полный*, Серб. *пун*, Луж. *połny*, Поль. *pełny*, Ц.-Сл. **плънъ**, Чеш. *plný*.— Санскр. *hrd* (*hard*), Гот. *hairtô*, Лат. *cor*, Греч. *καρδία*, Лит. *szirdis*, Рус. *сердце*, Поль. *serce*, Ц.-Сл. **срьдьце**, Серб. *срдце*, Чеш. *srdce*.—Санскр. *ģîrna* (*ģarńa*), Гот. *kaurn*, Лат. *granum*, Лит. *žirnis*, Рус. *зерно*, Поль. *ziarno*, Луж. *zerno*, *zorno*, Ц.-Сл. **зьрьно**. Серб. *зрно*, Чеш. *zrno*.—Санскр. *dîrgha* (*darha*), Греч. *δολιχός*, Лат. *longus*, Лит. *dilgas*, Гот. *laggs*, Рус. *долгій*, Поль. *dlugi*, В.-Луж. *dołhi*, Чеш. *dlauhy*, Серб. *дуг*, Ц.-Слав. **дльгъ**.—Санскр. *avi*, Лат. *ovis*, Греч. *ὄϊς*, Гот. *avi*, Ц.-Сл. **овьца**, Рус. *овца*, Поль. *owca*, Серб. *овца*, Чеш. *owce* и пр.—Санскр. *svapna*, Лат. *somnus*, Греч. *ὕπνος*, Лит. *sapnas*, Рус. *сонъ*, Поль. *sen*, Чеш. *sen*, Серб. *сан*, В.-Луж. *son*, Ц.-Сл. **сънъ**.—Санскр. *dina*, Лат. *dies*, Лит. *dēna*, Рус. *день*, Поль. *dzień*, Луж. *dźeń*, *źeń*, Серб. *дан*, Чеш. *den*, Ц.-Сл. **дьнь**.—Санскр. корень *viç*, Лат. *vicus*, Греч. кор. *Fικ* (*οἶκος*), Гот. *veihs*, Лит. *vėsz*, Рус. *весь*, Чеш. и В.-Луж. *wes*, Поль. *wioska*, Ц.-Сл. **вьсь**.—Санскр. *laghu*, Лат. *levis*, Греч. *ἐλαχύς*, Рус. *легкій*, Чеш. *lehký*, Поль. *lekki*, Серб. *лаган*, В.-Луж. *lohki*, Ц.-Сл. **льгъкъ**.—Санскр. *kas*, Лит. *kas*, Лат. *quis*, Гот. *hvas*, Греч. *κο-τερος*, *κῶς*, *πο-τερος*, *πᾶς*, Рус. *кто*, Поль. *kto*, Чеш. *kdo*, *kto*, Н.-Луж. *chto*, Серб. *тко*, Ц.-Сл. **къто**, **которыи**.—Санскр. *duhitar*, Гот. *dauhtar*, Греч. *θυγάτηρ*, Рус. *дочь*, Ц.-Сл. **дъшти**, Поль. *córa*, Чеш. *dcera*, *cera*, Серб. *кћи*. Изъ этихъ и множества другихъ подобныхъ примѣровъ мы видимъ, что въ словообразованіи Славянскія нарѣчія отчасти сохранили, а отчасти утратили праязычное полногласіе; но болѣе всѣхъ утратило его Д.-Булгарское нарѣчіе, передавшее это свойство и Н.-Булгарскому; за нимъ Хорутанское, Сербское и Чешское. Самое большое полногласіе существуетъ въ Санскритѣ, хотя и сдѣсь иногда недостаетъ праязычнаго полногласія, обнаруживающагося въ другихъ нарѣчіяхъ. Такъ, Санскр. *dva*, *tri* не удержали гласной, которая проявляется въ формѣ именит. жен. *tisras* и Зенд. *tisarô*, равно какъ въ Лат. *ter*, *tertius*, Греч. *δεύτερος* и въ Ц.-Сл. **дъва**. Такъ въ Санскритѣ слогъ *ar* является съ бѣглымъ и слабымъ *a*, которое близко подходитъ къ полузвуку. Надобно замѣтить, что самое даже строгое Кириловское правописаніе не всегда выражаетъ полугласными праязычную гласность, но иногда опускаетъ ее безъ отмѣтки по причинѣ возможности обой-

тись и безъ нея въ произношеніи. Укажу на нѣсколько случаевъ въ Остромировомъ Евангеліи: **трии**, Санскр. *tri*, какъ и въ Славянскихъ, Лит. *trys*, Греч. *τρεῖς*, Гот. *thri*, Лат. *tres*, но и *ter*, Полаб. *taroi*; **плавъ**, ср Санскр. *palita*, Лат. *pallidus*, Греч. *πολιός*, Лит. *palvas*, Чеш. *plawý*, Поль. *pławić*, Серб. *плав*; **младъ**, какъ и Санскр. *mrdu* (кор. *mard*), а въ Латинскомъ *mollis*, Рус. *молодой*; **огнь**, какъ и Санскр. *agni*, Лат. *ignis*, Лит. *ugnis*, но въ Русскомъ *огонь*, Чеш. *oheń*, Поль. *ogień*, Серб. *огань*, Луж. *woheń*, *wogeń*, и пр. и пр. Особенно замѣтно стяженіе гласности въ окончаніяхъ, служащихъ для образованія словъ. Укажу на нѣкоторыя: окончаніе **-сть** въ Санскритѣ исходитъ на *-ti*, въ Лит. на *-ste*, въ Греч. на *-σι*, *-τι* (*-σις*, *-τις*); окончаніе существительныхъ **-ъкъ** въ Санскр. *-aka*; окончаніе прилагательныхъ **-ьнъ** въ Санскр. *-in*, *-ina*, Лат. *-inus*, Греч. *-ινος*, Лит. *-inis*; **-ьскъ**, Санскр. *-ika*, Лат. *-icus*, Греч. *-ικος*, Гот. *-isk*, Лит. *-iszkas*; окончаніе существительныхъ **-ьць**, Санскр. *-ikja*, Лат. *-icius*. Но какъ въ срединѣ словъ, такъ и въ окончаніяхъ Ц.-Славянскій языкъ удержалъ нѣкоторые остатки полногласія, употребляя, большею частію, растворенныя формы въ одно время съ сжатыми. Такъ у него есть **которыи**, **котерыи** вм. **кыторыи**; такъ наровнѣ съ **къгда**, **тъгда**, **инъгда**, Санскр. *kadá*, *tadá*, *anjadá*, Лат. *quando*, *tunc*, онъ имѣетъ **когда**, **тогда**, **иногда**. Замѣчательны также формы **мати**, **дъшти**, **камы**, **пламы**, вмѣсто которыхъ по общему правилу слѣдовало бы ожидать **мать**, **дъшть**, **камь**, **пламь**; но въ нихъ осталась праязычная гласность, хотя онѣ и суть уже сокращенныя формы: ср. Санскр. *mâtar* (**матерь**), *duhitar* (**дъштерь**), *açman* (**камень**). и т. д. Не менѣе замѣчательна форма на **-нь** (иногда со вставочнымъ **с**: **пѣснь** **баснь**), которая въ Санскритѣ исходитъ на *-ni* и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ удержалась въ первоначальномъ видѣ въ словахъ: **милостыни**, **рабыни** и н. др. Тѣ же свойства нарѣчій проявляются и въ словодвиженіи. Такъ въ спряженіи окончаніе 3-го л. ед. и мн. ч. **-ть** въ Санскритѣ является съ гласною: *-ti*, Греч. *-σι* (*-τι*), Лит. *-ti*; окончаніе 1-го л. мн.ч. **-мъ** въ Санскритѣ *-mas* и желат. *-ma*, Лат. *-mus*, Греч. *-μεν* (*-μες*), Лит. *-me*, Гот. *-m* и *-ma*; 1-го л. ед. ч. наст. **-мь** (**камь**) въ Санскр. *-mi* (*vêdmi*), Греч. *-μι*, Лит. *-mi*; 1-го л. ед. ч. аориста **-хъ** въ Санскр. *-sam*, Греч. *-σα* (*χ=σ*); окончаніе причастія страд. **-мъ**, въ Лит. *-mas*, Греч. *-μενος*, и окончаніе **-тъ** въ Санскр. *-tas*, Лат. *-tus*, Греч. *-τος*, но въ Гот. *-ths*; окончаніе причастія прош. дѣйств. **-въ** и **-ъ** въ Санскр. *-vant*, *-ant*, Греч. *-Fοτ*(*ως*, *-οτος*), Лит. *-vęs*, *-ęs* (*-vans*, *-ans*); окончаніе 1-го л. ед. ч. аор. II **-ъ**, въ Санскр. *-am*, Греч. *-ον*; окончаніе супина **-тъ** въ Санскр. и Лат. *-tum* (собственно винит. пад.); причастіе прош. дѣйств. на **-лъ** въ Санскр. на *-las*, *-ras*, *-la*, *-ra* для образованія именныхъ формъ: ср. Греч. на *-λος*. Въ склоненіи именъ муж. и ср. р. окончаніе твор. п. ед. ч., исходящее на **-мь** отыскиваетъ свою гласность въ Лит. *-mi*; въ мѣстн. п. мн. ч. окончаніе **-хъ** въ Санскр. *-su*, Греч. *-σι*, Лит. *-se*, *-sa* (*-sva*); окончаніе род. п. мн ч. **-ъ** въ Санскр. *-âm*, Лат. *-um*, Греч. *-ων*, Гот. *-ê*, *-ô* (*-â*, *-ân*), Лит. *-û*; окончаніе дат. п. мн. ч. **-мъ** въ Санскр. *-bhjas*, Лат. *-bus* и пр. и пр. Въ глагольныхъ окончаніяхъ, именно, въ 1-мъ л. мн. ч. наст. вр., Ц.-Славянскій языкъ отчасти удержалъ гласность, употребляя формы: **камы**, **исьмы**, **дамы**. При сличеніи Ц.-Славянскаго нарѣчія съ прочими Славянскими, относительно конечныхъ формъ словообразованія и словодвиженія, мы замѣчаемъ, что Славянскія нарѣчія въ одномъ случаѣ сошлись съ Ц.-Славянскимъ, въ другомъ, и при томъ не всѣ, разошлись: то же самое замѣтили мы и выше, когда сличали въ нихъ цѣлыя слова. Такъ окончанія **-сть**, **-(ъ)къ**, **-(ь)ць**, **-ьскъ**, **-(ь)нъ** всюду остались таковыми: они ни въ одномъ Славянскомъ нарѣчіи не принимаютъ конечной гласной, хотя предпо-

слѣднюю полугласную по произволу обращаютъ въ гласную, на пр., Рус. *песокъ*, Чеш. *písek*, Поль. *piasek*, Серб. *пиесак*, но Лужицкія любятъ въ этомъ случаѣ стяженіе: *pjesk*, *swědk*, *prědk*, *synk*, *džedk*, *zědk*, *ptačk*, подобно Ц.-Слав. **пѣсъкъ**, хотя у нихъ есть и формы, растворенныя гласною, на пр., *posak*, Серб. *пасяк*, Поль. *piesek*, Ц.-Слав. **пѣсьнь**. Такъ точно при переходѣ, совершаемомъ прилагательными, оканчивающимися въ Ц.-Славянскомъ на **-ъиъ** и **-ьнь**, изъ склоняемой формы въ спрягаемую, по большей части, въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ происходитъ вставка гласной, разумѣется, тамъ, гдѣ нужно, между тѣмъ, какъ въ Ц.-Славянскомъ остается одна полугласная. Но Ц.-Слав. окончаніе **-ьскъ, -ьскъи** остается во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ безъ озвукотворенія полугласной: въ нихъ предшествующая согласная, непосредственно соединяется съ этимъ окончаніемъ. Окончаніе существительныхъ **-ьць** въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ принимаетъ, большею частію, гласную вмѣсто перваго **ь**, на пр., Рус. *отецъ*, *телецъ*, Поль. *ojciec*, *cielec*, Чеш. *otec*, *telec*, Серб. *отац*, *телац*, но Луж. *wótc*, *wudowc*, *samc*, какъ и въ Ц.-Слав. **отьць**, **тельць**, **вьдовьць**, **коньць** и пр. Такъ точно и въ словодвиженіи нѣкоторыя формы съ полугласною Ц.-Славянскаго нарѣчія въ другихъ нарѣчіяхъ принимаютъ полную гласную. Не буду сравнивать всѣхъ, но укажу только на тѣ, которыя именно допускаютъ въ себѣ гласную. Такъ 1 л. мн. ч. на **-мъ** въ Серб. оканчивается на *-мо*, въ Поль. и Луж. на *-my*, въ Чеш. на *-me* (*my*); причастіе прош. дѣйств. муж. р. на **-лъ** въ древнихъ Русскихъ грамотахъ переходитъ иногда въ *-ло*; твор. п. ед. муж. и ср. р. на **-ъмь,-ьмь** во всѣхъ нарѣчіяхъ предпослѣднюю полугласную измѣняетъ въ гласную; род. п. мн. ч. въ Сербскомъ претворяетъ **ъ** и **ь** въ гласную. Равномѣрно то же дѣлаетъ съ **ъ**, хотя и не всегда, и дат. п. мн. ч., который сходенъ съ твор. и мѣстн. пп. того же числа. Въ послѣднихъ двухъ падежахъ Ц.-Слав. окончаніе **-ъми**, **-ьми** и **-ѣхъ**, **-ьхъ** въ прочихъ нарѣчіяхъ, какъ и въ Сербскомъ, первую полугласную обращаетъ въ полную гласную.

Такимъ образомъ мы видимъ, что самое большое стяженіе гласныхъ звуковъ, какъ въ словообразованіи, такъ и въ словодвиженіи, происходитъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Стяженіе это состоитъ или въ обращеніи полной гласной въ полугласную, или въ совершенномъ ея опущеніи, при чемъ полугласіе переходитъ въ безгласіе. Другія Славянскія нарѣчія мѣстами сходятся съ Д.-Булгарскимъ въ стяженіи полногласія, мѣстами расходятся съ нимъ, предпочитая, въ слѣдствіе дальнѣйшаго своего развитія, полную гласную полугласной, или безгласной. По этому-то я и сказалъ, что главное мѣстопребываніе и даже начало полугласія должно отыскивать въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи, для котораго именно и изобрѣтены были знаки **ъ** и **ь**, выражающіе полузвуки и безгласіе: что сдѣсь имѣли они свой голосъ и что при томъ **ъ** выражало твердость, а **ь** мягкость,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если бы они были простымъ безгласіемъ, или придыханіемъ, или простою твердостію и мягкостію согласныхъ звуковъ, то, вѣроятно, или вовсе не были бы изобрѣтены и изображены въ письмѣ, или не стояли бы въ строкѣ наровнѣ съ прочими самостоятельными гласными и писались бы наверху въ видѣ значковъ. Но, стало быть, св. Кирилъ хорошо сознавалъ, что хотя бы они и выражали простое безгласіе, то все таки безгласіе это восходило къ праязычной гласности, а эта послѣдняя требовала для себя такихъ же видимыхъ буквенныхъ знаковъ, какъ и та гласность, которая изъ праязыка перешла неизмѣнно въ Д.-Булгарское и другія Славянскія нарѣчія и выразилась въ гласныхъ буквахъ. Простое безгласіе при

возможномъ стеченіи согласныхъ, которыя и въ праязыкѣ не растворялись гласными, также простая твердость и мягкость нѣмыхъ или согласныхъ звуковъ не выражаются ничѣмъ: слѣдовательно, выражаемыя б-ми ъ и ь полугласіе и безгласіе суть не что иное, какъ праязычная гласность, дошедшая путемъ повременнаго движенія до ослабленія и изчезновенія. По этому ъ и ь принадлежатъ исторіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ начало голоса, ими выражаемое, восходитъ до глубочайшей древности, такъ что въ Индоевропейскихъ языкахъ оно является уже неопредѣленнымъ полузвукомъ, который въ свою очередь сокращается въ полное безгласіе, или въ одинъ лишь отзвукъ твердости и мягкости, лишенный всякого самостоятельнаго значенія и всю силу свою передающій нѣмому звуку, ему предшествующему. Въ одномъ случаѣ нельзя при произношеніи обойтись безъ помощи выражаемаго б-ми ъ и ь полузвука, на пр., **дьнь**, **вьрътьпъ**, **тъпътъ**, **мълънии**; въ другомъ можно вовсе не произносить ихъ, на пр., **кънигы**, **кънязь**, **чьто**, **вьсимъ**. Но если, по теоріи и исторіи языка, безгласію должно было непремѣнно предшествовать полугласіе, и если праязычная гласность должна была постепенно утрачивать ясность своего звука и сознаніе своей силы, то послѣдняя, т. е., исторія языка, не открыла намъ того времени, когда еще не было совершеннаго безгласія, даже въ окончаніяхъ словъ, и по тому въ историческомъ отношеніи безгласіе можно назвать ровесникомъ полугласію. Доказательство тому я вижу въ упорномъ употребленіи нѣкоторыхъ формъ безъ ъ или ь, тогда какъ природа языка требовала бы и тутъ полугласныхъ; на пр., **три**, **огнь**, даже **есмь**; ибо хотя въ Санскритѣ оно звучитъ *asmi*, въ Лит. *esmi*, а въ Греч. *εἰμί*, однако окончаніе -**мь**, -*mi* есть остатокъ носоваго звука, который долженъ былъ имѣть свое гласное выраженіе и сохранился въ цѣлости въ Лат. *sum* (съ опущеннымъ въ началѣ *e*) и въ большей части Славянскихъ нарѣчій: Чеш. *jsem*, Серб. *есам*, *сам*, Поль. *jestem*, *-em*, Луж. *sym*, *som*, Хорв. и Хорут. *sem*. Но время это было не далеко отъ Кирила, ибо систематическое, постоянное употребленіе б-ъ ъ и ь на мѣстѣ историческаго безгласія, въ срединѣ и концѣ словъ доказываетъ, что Кирилъ, по какому бы то ни было поводу, или по теоретическому сознанію, или по требованію народнаго говора, еще могъ отличать историческое безгласіе, выродившееся изъ праязычной гласности, отъ простаго безгласія, случающагося при возможномъ стеченіи двухъ, много трехъ, нѣмыхъ звуковъ, на пр., въ **твои**, **дроугъ**, **глаголати**, **мѣсто**, и въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ, на пр. -**ство**,-**скыи** и пр. За то, если забудемъ нѣкоторыя исключенія, встрѣчающіяся въ правописаніи Ц.-Славянскихъ памятниковъ, даже самыхъ древнѣйшихъ, исключенія, которыя были, по видимому, уже во времена самого Кирила и условливались подвижностію и неопредѣленностію начала, отразившагося въ ъ и ь; если забудемъ подобныя исключенія и вспомнимъ единственно о систематической вѣрности, постоянствѣ и изумительной правильности употребленія б-ъ ъ и ь въ древнѣйшихъ Кириловскихъ памятникахъ, то мы признаемъ, что хотя Ц.-Славянскій языкъ всего болѣе удалился отъ праязычнаго полногласія, но за то его правописаніе лучше и яснѣе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ Индоевропейскихъ азбукъ указываетъ б-ми ъ и ь на оставшіеся слѣды праязычнаго полногласія. Посмотримъ же теперь, какъ выражаютъ полугласныя и безгласныя ъ и ь прочія Славянскія нарѣчія.

Есть въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, конечно, не во всѣхъ, особые звуки, которые правописаніе тщетно старается выразить существующими гласными, иногда отмѣчая этѣ послѣднія особыми условными значками. Эти неопредѣленные, серединные и бѣглые звуки отвѣчаютъ, большею частію, Ц.-Славянскимъ ъ и ь. Въ Н.-

Булгарскомъ нарѣчіи неустановившееся еще правописаніе всячески старается передать эти звуки, выражая ихъ то чрезъ *а*, *е*, *о*, то снова чрезъ ъ и ь, даже чрезъ ж, ѧ. Полузвукъ, уже по самой природѣ своей, не можетъ имѣть въ себѣ положительно-вѣрнаго голоса, и по тому представляетъ собою оттѣнокъ гласности, серединный между ясными и положительными звуками *а*, *е*, *и*, *о*, *у*. По этому, если бы пришлось достовѣрно выразить этотъ полузвукъ, то ни *а*, ни *е*, ни *о* не достигли бы этой цѣли, даже отмѣченныя какими нибудь значками; лучше удовлетворили бы этой цѣли ъ и *ь*, подкрѣпленныя хорошимъ знаніемъ устной рѣчи новыхъ Булгаръ. Такъ въ Хорутанскомъ нарѣчіи есть полузвукъ, серединный между *е* и *i*, отвѣчающій Ц.-Славянскимъ ъ и ь, который одни хотятъ выражать чрезъ *а*, другіе чрезъ *е*, третьи вовсе ничѣмъ. Русское, Польское и Лужицкое нарѣчія замѣнили полугласіе Ц.-Славянскихъ ъ и ь полными и опредѣленными гласными. Чешское и Сербское тоже замѣнили ихъ индѣ опредѣленными гласными, а индѣ, именно, при плавной *р*, хотя тоже не всегда, оставили полузвуками, не выражая ихъ ничѣмъ въ письмѣ. Чеш. *trh*, но *krew*, *křiž*, Серб. *крст*, *крв*, но въ поднарѣчіи *тарг*, и пр. При другой плавной *л*, Чешское нарѣчіе оставило полузвукъ, который тоже ничѣмъ не выражаетъ, на пр., *plný*, *plzký*, а Сербское обращаетъ и самое *л* въ гласную. Произнести эти сочетанія нѣмыхъ безъ нѣкотораго оттѣнка гласности, равно какъ опустить самыя гласныя, возникшія на мѣстѣ Ц.-Славянскихъ ъ и ь, такъ же невозможно, какъ опустить самыя ъ и ь въ Ц.-Славянскомъ правописаніи. Правда, тягучая природа плавныхъ обманываетъ ухо произносящаго, старающееся открыть въ нихъ самогласность, т. е., собственную гласность; но это одинъ лишь обманъ, доведшій нѣкоторыхъ ученыхъ до возможности признанія б-ъ *р* и *л* гласными; на самомъ же дѣлѣ всякій знаетъ, что и этѣхъ буквъ нельзя произнести безъ помощи гласнаго отзвука, который хотя и скрытъ въ правописаніи, но существуетъ въ произношеніи. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ тѣ нарѣчія, которыя одинаково претворяютъ полугласныя въ полныя гласныя какъ при плавныхъ, такъ и при другихъ нѣмыхъ буквахъ. Даже въ Санскритскомъ языкѣ буква *r*, считавшаяся гласною, признана теперь лучшими учеными за сочетаніе бѣглаго *а* съ нѣмымъ плавнымъ *r*, или за слогъ *ar*, который, правда, въ правописаніи выражается одною буквою *r*. Но съ другой стороны, надобно согласиться, что въ Д.-Булгарской области праязычная гласность потерпѣла величайшее пораженіе отъ свойства туземнаго нарѣчія, которое цѣлыя слова лишило полныхъ гласныхъ звуковъ и растворило одними лишь полузвуками сряду нѣсколько нѣмыхъ сочетаній. Ударъ простерся слишкомъ далеко: въ избыткѣ своего обширнаго употребленія, твердый и мягкій отзвукъ стали смѣшиваться между собою и въ древнѣйшихъ памятникахъ приводили писцовъ въ нерѣшимость при выборѣ того, или другаго изъ нихъ. Такъ находимъ двоякія формы: дьня и дъня, къждо и кьждо, шьдъ и шъдъ, жрътва и жрьтва и пр. Объяснять такую взаимную смѣну б-ъ ъ и ь должно не столько колебаніемъ ихъ, сколько ошибкою или простымъ смѣшеніемъ, произшедшимъ отъ избытка употребленія. Колебанія не могло быть тогда, когда писцы весьма хорошо понимали значеніе той и другой буквы и когда со всею строгостію умѣли различать ихъ; но поспѣшная страсть претворять гласность въ полугласіе лишала ихъ иногда возможности обознать хорошо свойство полной гласной и изъ двухъ знаковъ, ъ, или ь, выбрать для нея приличнѣйшій. При томъ неопредѣленность, всегда господствующая во всякомъ полузвукѣ, затемняла значеніе полугласнаго начала, и надобно было Славянскому уху владѣть

особенною чуткостію, чтобы не ошибиться въ выборѣ между тою и другою буквою.

Когда же, по мѣрѣ развитія языковъ, нѣкоторыя формы стянулись до того, что произношеніе могло вовсе обходиться безъ помощи гласнаго начала, на пр., въ нѣмыхъ окончаніяхъ словъ, тамъ хотя ъ и ь остались въ Ц.-Славянскомъ правописаніи на своихъ мѣстахъ, однако онѣ утратили совершенно свою самогласность и обратились въ безгласныя, служа единственно отзвукомъ твердости и мягкости предшествующихъ согласныхъ. Отзвукъ этотъ уже не имѣлъ въ себѣ ничего самостоятельнаго, но всю силу свою переводилъ на предшествующую нѣмую: твердость и мягкость его вполнѣ переходили на другія быквы, показывая, какая была на его мѣстѣ первичная гласная: твердая, или мягкая. Писцы, замѣтивъ ихъ безсиліе, стали въ послѣдствіи выводить ихъ изъ строчнаго ряду буквъ и писать выше строки надъ тою буквою, къ которой они припрягались: отсюда начало значковъ и паерковъ. Изъ того же безгласнаго свойства б-ъ ъ и ь нѣкоторые ученые вывели возможность ерованья или смягенія согласныхъ б-ю ь въ противень іотаціи или смягченію гласныхъ б-ю і. Но въ іотаціи звукъ дѣйствующаго і еще слышится довольно ясно, между тѣмъ, какъ въ ерованіи самостоятельность б-ы ь совершенно изчезаетъ въ согласной, къ которой она припряжена. Сверхъ того, замѣтить должно, ерованье совершается только тамъ, гдѣ нѣтъ мягкой гласной, переводящей смягченіе на согласную; но и въ этомъ случаѣ оно есть только историческое явленіе, восходящее лишь до предѣловъ праязычной гласности, ибо въ праязыкѣ былъ только одинъ видъ смягченія—іотація. Сдѣсь і отправляло тоже служеніе, какое въ послѣдствіи стало отправлять ь; ср., на пр., окончаніе 1-го *л. ед. ч. наст.* -мь съ *-mi*, или окончаніе -ть съ *-ti* и пр. Какъ въ полугласіи, такъ и въ безгласіи видимъ то же явленіе относительно нѣкоторой неправильности въ употребленіи б-ъ ъ и ь: какъ тамъ онѣ смѣшиваются, такъ тутъ онѣ иногда выбрасываются, отъ чего въ древнѣйшихъ памятникахъ находимъ слова, лишенныя хотя беззвучныхъ, но тѣмъ не менѣе существенныхъ ъ и ь, на пр., книгы, страхъ вм. кънигы, сътрахъ и пр. Другія Славянскія нарѣчія, допускающія возможное сочетаніе нѣмыхъ тамъ, гдѣ онѣ въ Ц.-Славянскомъ правописаніи растворены безгласными ъ и ь, и не имѣющія у себя этѣхъ буквъ, вовсе не изображаютъ ихъ на письмѣ, также какъ и не произносятъ въ устной рѣчи, на пр., Серб. *кнез, искон*. Таково правописаніе В. Караджича: ь удержано имъ только въ слитномъ видѣ съ б-ми *н* и *л* для выраженія ихъ мягкости: љ, њ. Противъ этого замѣчу, что при послѣдующей гласной можно бы было гораздо удобнѣе и вѣрнѣе оставлять *л* и *н* въ ихъ обыкновенномъ видѣ, а гласную писать мягкую. Но нѣкоторые Сербскіе писатели допускаютъ ъ и ь въ концѣ словъ при конечныхъ нѣмыхъ и большею частію означаютъ мягкія *л* и *н* въ срединѣ и концѣ словъ помощію *ь*. Только одно Русское правописаніе удержало, по примѣру Ц.-Славянскаго, ъ и ь на концѣ словъ, а въ срединѣ отбросило его, допустивъ непосредственно сочетаніе нѣмыхъ; въ срединѣ же словъ имъ удержаны полугласныя только въ слѣдующихъ случаяхъ: въ сложеніи нѣкоторыхъ словъ въ концѣ первой части слова, и еще *ь для* выраженія мягкости нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ и для замѣны б-ы *и*. Н.-Булгарское, какъ и Русское, удержало ъ и ь на концѣ словъ. Всѣ прочія Славянскія нарѣчія, употребляющія Латинскую азбуку, не нуждаются въ ъ и ь, оставляя безгласіе ничѣмъ не выраженнымъ, а мягкость согласныхъ они означаютъ, большею частію, особыми значками.

Такимъ образомъ, по сравненіи съ Славянскими и прочими Индоевропейскими нарѣчіями, оказывается, что въ Ц.-Славянскомъ языкѣ ъ и ь замѣнили нѣкогда собою праязычную гласность. Оба случая употребленія б-ъ ъ и ь возводятъ къ праязычной гласности ихъ, и въ историческую пору языка объясняются стяженіемъ полныхъ гласныхъ въ полузвуки и наконецъ, мѣстами, совершеннымъ онѣмѣніемъ послѣднихъ. Слѣдовательно, оба случая суть не что иное, какъ видоизмѣненіе коренной стародавней гласности, перешедшей мало по малу чрезъ полугласіе въ безгласность, при чемъ второй случай является дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ перваго. Тѣмъ не менѣе, утративъ полную свою праязычную гласность, начало б-ъ ъ и ь въ одно и то же время стало отправлять двоякое служеніе, какъ полузвукъ и какъ безгласіе, хотя все таки, повторяю, безгласіе его не могло возникнуть иначе, какъ пройдя сначала чрезъ полугласіе. Такъ, по моему мнѣнію, должно объяснять значеніе б-ъ ъ и ь въ Д.-Булгарскомъ языкѣ.

Переходимъ къ языку Сербскому и обозримъ бѣгло, какъ поступилъ онъ у себя съ полугласными. Но напередъ мы должны замѣтить, что существенное свойство полугласныхъ, съ которымъ они являются въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи, твердость и мягкость, онъ нарушилъ, передѣлавъ ее по своему, примѣнительно къ своей природѣ. Такъ, царь, камень, пѫть обратилось у него въ *цар*(ъ), *камен*(ъ), *пут*(ъ) и пр. Отъ того и б-ы ъ и ь утратили для Сербовъ свое истинное значеніе и перемѣшались. Сейчасъ мы увидимъ, что Сербы однимъ звукомъ замѣняютъ и твердую и мягкую полугласную. Но между тѣмъ, какъ въ устномъ Сербскомъ языкѣ замѣтно сильное стремленіе отвердить конечное мягкое ь, въ древней письменности Сербовъ происходитъ совсѣмъ иное: тамъ писцы исключительно употребляютъ только ь, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ устный языкъ непремѣнно требуетъ твердаго отзвука. Все это по тому, что ъ и ь не суть туземныя Сербскія. И такъ, во первыхъ, Д.-Булгарскія ъ и ь Сербскій языкъ отметаетъ, какъ безгласныя, въ срединѣ словъ, а у нѣкоторыхъ и на концѣ, гдѣ произношеніе не требуетъ ихъ содѣйствія; на пр., *кнез*, *избор*, *свидок*, *мнити*, *начнем* (кънѧзь, изъборъ, съвѣдѣтель, мьнѣти, начьнѫ). Во вторыхъ, при буквѣ *р*, образующей слогъ, хотя и опускаются въ правописаніи ъ и ь, однако въ произношеніи они слышатся сдѣсь, какъ полугласныя, что-то въ родѣ *е-і* (*а-ы*), на пр., *трг*, *крв*, *крст* (търгъ, кръвь, крьстъ). Въ третьихъ, обращаетъ ихъ въ полную гласную и преимущественно въ *а*, на пр., *дан*, *ташт* (дьнь, тъштъ); въ 1-мъ л. мн. ч. въ *о*: *идемо* (идемъ); въ тв. ед. ч. въ *о* и *е*: *домом* (домъмь), *лицем* (лицьмь); въ тв. и мѣстн. мн. ч. въ *и*: *људима* (людьми, людьхъ); въ род. мн. ч. въ *а* и *и*: *бисера* (бисеръ), *кћери* (дъштерь); въ дат. мн. ч. въ *а*: *женама* (женамъ); въ мѣст. ед. ч. прилагательныхъ въ *е* и *у*: *доброму*, *жутоме* (добрѣмь) и пр. Изъ этѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергаются ъ и ь въ Сербскомъ языкѣ, легко усмотрѣть, что они уже утратили въ немъ то различіе, которое имѣли въ Д.-Булгарскомъ, и смѣшались между собою; ибо твердость и мягкость звуковъ Сербскаго языка не сошлись вполнѣ съ твердостію и мягкостію тѣхъ же самыхъ звуковъ Д.-Булгарскаго языка: обѣ полугласныя Сербы замѣнили одною гласною, какъ на пр., *а*, равно и сочетанія лъ и ль они измѣнили въ одинъ и тотъ же звукъ *у*, или *о*: *сунце*, *суза* (слъньце, сльза), *учинио*, *мисао* (оучинилъ, мысль). Это для насъ важно по тому, что этимъ объясняется смѣшеніе въ древней Сербской письменности полугласныхъ ъ и ь и право гражданства, данное послѣднему.

Теперь посмотримъ, какъ въ книжномъ языкѣ писцы постепенно переходили отъ свойствъ Д.-Булгарскаго языка къ свойствамъ Сербскаго, относительно по-

лугласныхъ, и какъ этѣ послѣднія принимали на себя видъ и служеніе, согласные съ духомъ народнаго говора. Мы сейчасъ замѣтили, что Сербскіе писцы постоянно употребляютъ одно ь тамъ, гдѣ въ Д.-Булгарскомъ употребляются обѣ полугласныя. Шафарикъ даже вовсе отвергаетъ возможность употребленія ъ, объясняя эту букву, встрѣчающуюся кое-гдѣ въ памятникахъ, другимъ, нѣсколько измѣненнымъ, начертаніемъ 6-ы ь[1]. Дѣйствительно, при такомъ исключительномъ преобладаніи 6-ы ь, нельзя ожидать отъ 6-ы ъ какого либо разумнаго, послѣдовательнаго употребленія, но и нельзя вовсе отвергать того, чтобы она не встрѣчалась въ памятникахъ. Если въ другихъ отношеніяхъ Ц.-Славянскій языкъ такъ сильно дѣйствовалъ на Сербскую письменность, то по чему же не допустить, что и ъ могло перейти туда вмѣстѣ съ другими, рѣдко встрѣчающимися, буквами, тѣмъ болѣе, что въ устномъ языкѣ Сербовъ этотъ звукъ постоянно существуетъ. По этому хотя нѣкоторые одиночные случаи употребленія этой буквы и нельзя принять за признакъ постояннаго ея существованія въ Д.-Сербской письменности, однако нельзя и вполнѣ отвергать ихъ, ибо они показываютъ, что обычное произношеніе невольно прорывалось въ область условнаго способа написанія. Невозможно думать, чтобы Сербы произносили всегда такъ, какъ писали: 6-а ь хотя мѣстами и удовлетворяла народному говору, но мѣстами и противорѣчила ему. Всего лучше доказывается это противорѣчіе склоненіемъ нѣкоторыхъ именъ, которыя въ им. п. ед. ч. оканчиваются на ь, а въ другихъ падежахъ принимаютъ твердую гласную, на пр., **царь, цара, цару, кнезь кнеза, кнезу** и пр., что и подтверждается нынѣшними формами *цар*, *кнез*, которыя произносятся, какъ *царъ*, *кнезъ*. Отъ того въ гр-ѣ Уроша V (Г. А) два раза написано **ц҃ръ**—очевидно, въ Сербской формѣ, и по тому правильно. Другіе случаи употребленія 6-ы ъ не противорѣчатъ Ц.-Славянскому правописанію и могутъ быть объясняемы вліяніемъ этого послѣдняго, на пр., въ подписи вышеупомянутой гр-ы и А. № 11: **грькомъ**, или въ подписи гр-ы Мары: **дъщи** (Г. Б); но одиночность ихъ все еще ничего не доказываетъ. Формы, каковы на пр.: **тудръ, крусникъ, къ, братоучедъ** (С. № 2), **къ** (А. №№ 3, 20), **малихъ** (Мк.), **съ, соудъ** (С. № 176), **съ** (А. № 9), **дубровьчкимъ** (С. № 39), **дѣдъ** (В. № 1), **оурошъ, сръблем, съзателъ, наказеніемъ** (Г. А), **наслѣдникъ** (А № 17), **кнмнъ, ѡпорцъ, десетаръ, пляницъ, понъ, десетакъ** (А. № 19), **срьблемъ** (С. № 140), **лазаръ** (мон., Г. III, стр. 236), **стефлнъ** (печ., Г. I, стр. 156), **въ, всѣмъ, србломъ, деспотъ, стефанъ** (печ., С.-Д. М. 1844, стр. 127), **д҃епотъ** (печ., Р. III, стр. 333; Г. III, № 88) и др., какъ одинокія, не могутъ говорить въ пользу употребленія 6-ы ъ: ихъ столько же можно назвать описками, сколько и объяснять небреженіемъ писцовъ, или инымъ начертаніемъ 6-ы ь, близко подходящимъ съ виду къ 6-ѣ ъ. Сюда же отнесу Турецкую гр-у (С. № 168), въ которой находимъ: **късаком8, дѣжавъ, ѡпѣко, несъ, тисукъ, склякъ, посла, съкорй, ивитъ, тръговци, днъ, заповѣтъ**, и гр-у въ С.-Д. М. № 1, гдѣ читаемъ, на пр., **зг҃оомъ и ѡц҃емъ нг савомъ, згоспожомъ бл҃говѣрномъ црицомъ нг еленомъ, тѣломъ** и т. д. Какъ въ этѣхъ, такъ равно и въ предыдущихъ грамотахъ есть много формъ, въ которыхъ ъ стоитъ противъ законовъ и Ц.-Славянскаго и Сербскаго правописанія, что еще больше подтверждаетъ случайность ея поставленія. Обратимъ вниманіе еще на гр-у Кулина; въ ней издатель Спомениковъ читаетъ: **живь: вьси**, Шафарикъ: **живь і** (т. е., ї) **вьси**, Срезневскій: **живъ і вьси**. Но есть грамоты, гдѣ ъ является

[1] Serbische Lesekörner, стр. 22.

столь часто, что его нельзя уже объяснять случайностію, **тѣмъ болѣе**, что грамоты этѣ принадлежатъ собственной Сербіи: въ употребленіи его обнаруживается другая, болѣе основательная причина, а именно, желаніе писцовъ поддѣлаться подъ Ц.-Славянское правописаніе, какъ поддѣлывались они подъ Ц.-Славянскія формы склоненія и спряженія. Сюда принадлежатъ гр-ы: В. № 2; С. №№ 137, 138, 166, 167, 178; С.-Д. М. 1844; Мл.; Г. V. Въ послѣдней **ь** составляетъ даже рѣдкость. Въ гр-ѣ Уроша V, по изданію С. № 46, нѣтъ **ъ**, но по изданію С.-Д. М. № 1 почти всюду **ъ**. Но тутъ же обнаруживается несвоевѣстность таковаго употребленія, показывающая, что писцы уже забыли истинную природу полугласныхъ. Они часто ставятъ **ъ** тамъ, гдѣ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ надлежало бы поставить **ь**: слѣдовательно, этѣ буквы служили для нихъ отвлеченными знаками и смѣшивались ими по той же самой причинѣ, по которой **ь** получило себѣ исключительное право гражданства. Правописаніе отдѣлилось отъ народнаго языка: писали такъ, читали иначе. Таковы неправильныя формы: **въса, оусрьдіе, въсѣхь** (В. № 2), **въсѣ, пръве, сръбинв, сьмръти, бръдв, потвръдихь** (С. № 137), **сръблѥ, въсѣмь** (С. № 138), **чъсти, дръжи, възда** (С. №№ 166, 167), **можетъ, ѡтъ, бжтъвнюю** (С. № 178), **съдръжати, въсѣ, четвръто, сьмрътію** (С.-Д. М. 1844), **дьнъ, бжіемъ, ѡбразомъ, трудомъ, митрополитомъ, въсега, врьховныхь, въсѣмь, едънъ** (Мл.), **быстъ, въса, истъ, дънъсъ сърбліемъ** и пр. (Г. V) и мн. др. Всѣ этѣ грамоты относятся ко второй половинѣ XV-го ст., и въ нихъ б-а **ь** употребляется совершенно согласно съ общепринятымъ правописаніемъ, т. е., даже и тамъ, гдѣ въ Ц.-Славянскомъ слѣдовало бы ожидать б-ы **ъ**. Это обстоятельство, равно какъ позднее время появленія б-ы **ъ** въ Сербскихъ народныхъ памятникахъ намекаютъ отчасти на иную причину этого появленія, именно, измѣненіе правописанія. Въ древнѣйшее время въ Сербской письменности **ь** изображалось съ лѣвою отвѣсною боковою чертою, нѣсколько расширяющеюся на верху въ право: **ь**, или вовсе переходящею въ верхнюю поперечную черту: **ь**, какъ видно на монетахъ Радослава и Владислава, въ словахъ: **рабь, владиславь** (Г. III, №№ 6, 7, 8, 9, 12). Въ то же время, какъ и позднѣе, оно писалось обыкновеннымъ образомъ безъ расширенія сверху: **ь**, хотя показывается кое-гдѣ и въ позднѣйшее время старинное его изображеніе съ верхнимъ расширеніемъ въ право, какъ замѣчаемъ на монетахъ и печатяхъ Милутина въ словѣ **кралѣ** (Г. III, № 29; А. № 5), на монетахъ Деčанскаго въ словахъ **стефань, оурошь** (Г. III, №№ 39, 40, 41), Вукашина въ словахъ **вь, влькаші...** (Г. III, №№ 67, 68, 69), на печатяхъ Деčанскаго въ словѣ **срьск...** (А. № 8), Душана въ словахъ **нрькомьченикъ, кралъ** (А. № 9), Лазаря въ словахъ **кнезь** (Р. III, стр. 1), **стефань, лазарь**, (А. № 11), деспота Стефана въ словахъ **стефань, гдль, срьбскиів, вь, сбрпске** (А. тт. X, XI) и на монетѣ деспота Юрія въ словѣ **гюрьгь** (Г. V, № 6). На одной изъ монетъ деспота Стефана оно получило даже позднѣйшій видъ буквы **ь** съ загнутою къ низу правою верхнею чертою: **ь**: **дпть** (Г. III. № 74); ибо древнѣйшее **ь**, судя по монетамъ Радослава и Владислава, имѣло верхнюю правую черту не загнутою къ низу и, слѣдовательно, сходилось съ указаннымъ сейчасъ видомъ бы **ь**, т. е., **ь**: **рабь, рабь** (Г. III, №№ 6, 7, 8, 9, 12). Другой видъ б-ы **ь**, былъ съ лѣвою боковою чертою, расширяющеюся въ лѣво. Ранѣе его, посредникомъ между нимъ и древнѣйшимъ видомъ, является начертаніе съ расширеніемъ къ верху въ обѣ стороны **ь**, переходящимъ иногда въ явную поперечную черту **ъ**, какъ видимъ на монетахъ и печатяхъ Милутина: **кралъ**, (Г. III, № 30)... те-

нанъ,... ѡмъченикъ, архидиꙗконъ (А. № 5), стефанъ (А. № 7), на печати Дечанскаго: стефанъ (А. № 8), на монетахъ и печати Душана: стфнъ, въ, цръ (Г. III, №№ 55, 56), цръ (Г. V, № 1), стфанъ, краль, србскихъ, ꙁемль, степанъ, прькомъученикъ, агрьхидиꙗконъ (А. № 9), на печати Лазаря: въ, кнеꙁь прькомоучени́къ, хвъ (А. N 11), деспота Стефана: въ (А., т. XI). Другой, позднѣйшій способъ того же начертанія есть съ раздвоенною къ верху боковою чертою, какъ на монетахъ деспота Юрія въ словахъ гнъ, деспотъ, рудникъ, гюргъ (Г. III, №№ 77, 78, 86, 87). Стоило только удержать расширеніе въ лѣво, переходящее въ ясную поперечную черту, и получался иной видъ для б-ы ь, совершенно противуположный первоначальному,—ъ. На монетѣ Душана находимъ еще только одно расширеніе въ лѣво въ словѣ сфь (Г. III, № 58), какъ и на печати Лазаря въ словѣ прькомоученикъ (А. № 11); но на другой печати того же Шафарикъ уже видитъ болѣе ясную поперечную черту, идущую въ лѣво [1], которую и мы замѣчаемъ на печати деспота Юрія въ словахъ: гюргъ, деспотъ (Р. III., стр. 168). Надобно думать, что и печать деспота Стефана, упоминаемая въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ 1844 года, на стр. 127, и приведенная нами выше въ примѣръ употребленія б-ы ъ имѣетъ собственно не ъ, но ь съ верхнею чертою въ лѣво, отъ чего переписчикъ и принялъ его за ъ. Впрочемъ, времени и начала того и другаго начертанія нельзя опредѣлить съ достовѣрностію. Все зависѣло отъ почерка и пера. Иногда одинъ и тотъ же писецъ употреблялъ нѣсколько начертаній. Такъ въ грамотѣ Душана находимъ почти всѣ виды б-ы ь: срьбьскыи, сь, ихъ, трьгъ, сь и пр. (Ш. № 11). Въ другихъ буквахъ происходитъ то же самое. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, предьамѣреннаго. Хотя въ нашихъ памятникахъ послѣдній видъ б-ы ь является гораздо позднѣе перваго, однако Шафарикъ свидѣтельствуетъ, что будто бы уже въ гр-ѣ Кулина ь писалось съ чертою, обращенною въ лѣво. Какъ бы то ни было, изображеніе это, очень близко подходящее къ ъ, могло привести въ недоумѣніе переписчика и заставить смѣшать оба знака. По этому-то Шафарикъ и не признаетъ вовсе б-ы ъ въ Д.-Сербской письменности и въ той же грамотѣ С. № 2, гдѣ мы находимъ ъ, пишетъ всюду ь: вь, тоудрь, просинь, братоучедь (Ш. № IX). Но на это отвѣчаемъ ему прежнимъ замѣчаніемъ: если Ц.-Славянская стихія всюду, болѣе, или менѣе, проявлялась въ Д.-Сербской письменности, то по чему же не допустить ея проявленія и въ б-ѣ ъ, тѣмъ болѣе, что Сербы имѣютъ у себя этотъ звукъ? но во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что б-а ъ очень рѣдка въ Д.-Сербской письменности; а если мѣстами и встрѣчается, иногда даже и съ учащеннымъ употребленіемъ, то тому причиною или подражаніе Ц.-Славянскому правописанію, въ слѣдствіе чего она замѣняла обычную б-у ь, или ошибка переписчика, принявшаго за нее иной только видъ б-ы ь. На будущее время, говоря о полугласныхъ, я стану приводить въ примѣрахъ ъ подъ одно съ б-ю ь.

Перехожу къ б-ѣ ь, какъ господствующей. Она въ Д.-Сербской письменности замѣняетъ собою оба полугласные знака Ц.-Славянскаго языка. Когда произошло въ Сербской письменности смѣшеніе обоихъ знаковъ и потомъ преобладаніе ь, неизвѣстно; но уже въ древнѣйшей грамотѣ, принадлежащей бану Кулину, 1189 года (А. И.), ь господствуетъ исключительно. Также и въ гр-ѣ Немани (А. № 1), однихъ почти лѣтъ съ первою, нѣтъ ни одного ъ, но всюду только ь. И такъ прежде всего объ употребленіи этой буквы въ Сербской

[1] Serbische Lesekörner, стр. 22.

письменности въ различные вѣка. При чтеніи грамотъ нельзя не замѣтить съ перваго разу, что употребленіе б-ы ь было весьма сильно въ началѣ письменности и потомъ мало по малу ослабѣвало. Въ этомъ должно признать вліяніе Ц.-Славянскаго языка, которое дѣйствовало тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе восходило къ началу письменности, а доказательствомъ тому служитъ болѣе обширное и долговременное употребленіе б-ы ь въ собственно-Сербскихъ, и преимущественно Аѳонскихъ грамотахъ, сравнительно съ грамотами прочихъ семействъ. Но съ другой стороны нельзя употребленіе б-ы ь оставить во всей цѣлости и неприкосновенности за Ц.-Славянскимъ языкомъ: оно, сверхъ того, подчинилось воздѣйствію народнаго языка, которое обнаружилось, какъ въ смѣшеніи обоихъ знаковъ и дарованіи права гражданства одному изъ нихъ съ присвоеніемъ ему новаго служенія, такъ въ опущеніи б-ы ь, или замѣнѣ ея полными гласными. О послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ, принадлежащихъ исключительно народному языку, мы скажемъ послѣ; а теперь прослѣдимъ по вѣкамъ, какъ онъ, замѣнивъ оба Ц.-Славянскіе знака однимъ, употреблялъ ь въ своей письменности. Природа Сербскаго языка, склонная къ смягченію звуковъ, много помогла господству б-ы ь и преобладанію ея даже тамъ, гдѣ она не требовалась по законамъ словообразованія. Разсмотримъ же употребленіе б-ы ь сначала законное и своемѣстное, а потомъ излишнее и преобладающее: при этомъ мы увидимъ и новое служеніе, которое она получила подъ вліяніемъ народной стихіи.

Въ XII-мъ вѣкѣ двѣ грамоты, совершенно противуположныя и по мѣсту и по содержанію своему, свидѣтельствуютъ о близкомъ и повсемѣстномъ родствѣ Сербской письменности съ Ц.-Славянскою. Одна изъ нихъ принадлежитъ Кулину; другая—Немани. Въ обѣихъ сохранилось весьма обильное и тонкое употребленіе б-ы ь, показывающее, что ухо писцовъ еще сильно было приучено къ звукамъ чистаго, не искаженнаго Ц.-Славянскаго языка, сохранявшаго въ себѣ во всей полнотѣ присутствіе полугласнаго начала. Сдѣсь еще разъ, однажды навсегда, повторю, что это начало, по свойству своему, являющееся въ двухъ видахъ, какъ твердое ъ и мягкое ь, въ Сербской письменности проявилось только въ одномъ видѣ, какъ мягкое ь, которому, въ свою очередь, суждено было выразить и твердость и мягкость народнаго языка Сербовъ. По этому, если впереди будетъ рѣчь о полугласномъ началѣ Ц.-Славянскаго языка, то при этомъ должно помнить, что въ Сербскомъ письменномъ языкѣ ему отвѣчаетъ собственно одно ь. Въ упомянутыхъ двухъ грамотахъ, представляющихъ собою послѣднюю четверть XII-го вѣка и открывающихъ рядъ Сербскихъ народныхъ памятниковъ, находимъ употребленіе б-ы ь, согласное съ требованіемъ полугласнаго начала Ц.-Славянскаго языка. Такъ, въ первой изъ нихъ читаемъ: **босьньски, вьсѣмь, сьмь, вьси, вьсєга, ѕьлогл, срьдьцємь, сьвѣть, дьлл, дрьжати, дѹбровьчанє, трьгѹюкє, рожьствл, сьто, чьстьниковь** и пр. (А. И.); а во второй: **ѕьла, мьноѕѣи, мьнѣ, грьчьскє, ѡбьщьника, приѕьрѣнѣ, кьто, вьса, чьто, дько, прѣѕьрѣ, приѕьвати, дьла, єдьнь, вьсьпрємьшоу** и пр. (А. № 1). Сверхъ того въ словахъ: **льплкємь, милосрьдю ь** замѣняетъ **и**. Не привожу болѣе примѣровъ изъ второй грамоты, ибо она, какъ Аѳонская, предпочтительно держится Ц.-Славянскаго правописанія. Ухо Сербскихъ писцовъ еще хорошо чувствовало различіе, которое было бы, на пр., между формами **вьси и вси, мьнѣ и мнѣ, кьто и кто**. Будучи ближайшими по времени къ процвѣтанію Ц.-Славянской письменности, древнѣйшіе Сербскіе писцы тщательно соблюдали въ своемъ языкѣ то служеніе полугласнаго начала, которое отправляло оно

въ Ц.-Славянскомъ. Но видя, что твердость и мягкость не вездѣ совпадали въ обоихъ языкахъ, они оба полугласные знака замѣнили однимъ мягкимъ ь, такъ что этотъ послѣдній долженъ былъ отправлять въ ихъ языкѣ служеніе за оба, и, какъ видно изъ упомянутыхъ грамотъ, служенію его были назначены столь же обширные предѣлы, въ какихъ совершалось служеніе обоихъ полугласныхъ знаковъ въ Ц.-Славянской письменности.

Почти равносильное употребленіе полугласныхъ встрѣчаемъ въ первой половинѣ XIII-го вѣка. Это время тѣмъ замѣчательнѣе для насъ, что оно совокупляетъ въ себѣ по нѣскольку грамотъ изъ разныхъ семействъ. Если въ томъ числѣ нѣтъ Аѳонскихъ грамотъ, то это еще не такъ важно для насъ; важнѣе существованіе грамотъ изъ западныхъ странъ Сербіи, особенно приморскихъ, которыя далѣе Аѳонскихъ отстояли отъ вліянія Ц.-Славянской письменности. Тѣмъ не менѣе и въ нихъ мы замѣчаемъ сильное присутствіе полугласнаго начала, что намекаетъ на короткое и всеобщее, по цѣлой Сербіи распространенное, знакомство съ Ц.-Славянскимъ языкомъ. Къ тому же, быть можетъ, присоединилось и старинное, отъ времени утраченное, свойство народнаго языка, требовавшее полугласнаго звука для разъединенія нѣсколькихъ стекшихся вмѣстѣ согласныхъ, а также и для смягченія этѣхъ послѣднихъ. Какъ бы то ни было, хотя въ устномъ языкѣ народа трудно допустить какія либо существенныя перемѣны, касающіяся до устройства самого языка; однако должно полагать, что ежели устный языкъ народа не измѣнился отъ времени въ существенныхъ своихъ свойствахъ, то могъ быть тѣмъ снисходительнѣе для книжнаго, чѣмъ крѣпче и яснѣе писцы сознавали свойства Ц.-Славянскаго, перешедшаго въ Сербію вмѣстѣ съ вѣрою и азбукою. Нельзя думать, чтобы Сербы говорили сначала, на пр., *вьсь*, *сльньце*, *царь*, потомъ *вась*, и наконецъ *савъ*, *сунце царъ*; скорѣе въ преемствѣ формъ должно видѣть различныя степени вліянія народнаго языка на книжный, сначала слабое и вовсе незамѣтное, какъ въ первыхъ чисто Ц.-Славянскихъ формахъ, потомъ постепенно усиливающееся и наконецъ преобладающее въ послѣднихъ чисто народныхъ формахъ. Доставивъ Сербамъ богослуженіе, готовую письменность и азбуку, Ц.-Славянскій языкъ сдѣлался для нихъ книжнымъ языкомъ и былъ тѣмъ чище и вѣрнѣе самому себѣ, чѣмъ лучше знали его писцы и чѣмъ слабѣе было въ писцахъ сознаніе своего народнаго языка. Такъ точно и относительно полугласнаго ь должно думать, что причиною его всеобщаго и мѣстами весьма утонченнаго употребленія въ грамотахъ всѣхъ семействъ, было вліяніе Ц.-Славянскаго языка, составляющаго хранилище полугласнаго начала, хотя, съ другой стороны, въ такомъ дѣлѣ, каково смягченіе звуковъ, можно легко допустить, что народный языкъ еще ни сколько не измѣнялъ своимъ существеннымъ свойствамъ, если въ старину допускалъ въ большей степени присутствіе смягчающаго начала, чѣмъ въ какой допускаетъ нынѣ. Взаимное сходство всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, болѣе близкое во времена древнѣйшія, подтверждаетъ, что и Сербскій языкъ въ старину, ближе подходилъ къ Д.-Булгарскому, а по тому легко могъ принять въ свою письменность служеніе полугласныхъ въ такой же почти мѣрѣ, въ какой оно совершалось въ этомъ послѣднемъ. Правильное и существенное употребленіе полугласнаго ь въ означенномъ вѣкѣ Сербской письменности замѣчается въ основѣ словъ, въ соединеніи этой основы съ окончаніемъ, въ окончаніи словъ и въ сложеніи словъ.

Присутствіе полугласнаго начала въ основѣ слова придаетъ особый и главнѣйшій оттѣнокъ языку; а по тому опущеніе его сдѣсь весьма возможно для

того языка, который не былъ въ семьѣ Славянской разсадникомъ полугласныхъ. Но если при всемъ томъ языкъ этотъ удержалъ полугласное начало въ основѣ нѣкоторыхъ словъ, то, значитъ, онъ былъ еще слишкомъ близокъ къ Ц.-Славянскому. Приведу примѣры: вьсь (весь, деревня), чьто, причьтьсе (Ш. № VII), вьсе, вьсега, вьса, вьсои, вьси, вьсѣмь и т. д. (Ш. № VII; С. NN№ 10, 13, 14, 16, 18, 20, 21), вьсаки,-о,-ога,-ои,-у и т. д. (С. NN№ 7, 14, 16), вьз-, вьс- (Ш. № VII; С. NN№ 2, 3, 16), кньезь (Ш. № VII; С. № 14), нь (Ш. № VII; С. NN№ 2, 3, 13, 26), тьньнь, тьмь (Ш. № VII; С. № 15), сьмь,-о (С. NN№ 2, 8, 14, 20), почьсть, почьтише (С. NN№ 2, 3, 9, 26), зьль, зьла (С. NN№ 2, 7), обьктик, опьнина, - е, - омь,-ѣ (С. NN№ 4, 6, 8, 10, 13, 16, 17, 19), лакьть, кьга, сьга (С. № 3), сьньке, семьи, (С. NN№ 3, 7, 12, 14, 20), сьть (С. NN№ 8, 25), польгь, зьледуемо, нь (кой), кьда, тьда (С. № 10), кьни, кьмери (С. № 10; Ш. № II), мьнѣ (С. NN№ 10, 18), псьнати (С. NN№ 14, 16), кьмети (С. № 14), кьто (С. NN№ 14, 16, 17), докьде, пьшенице, екьда (С. № 16; Ш. № XVI), дьва,-ѣ (С. NN№ 16, 19, 20), дьнь (С. № 11), сьда (С. № 18), учьну,-ешь,-емо (С. NN№ 19, 20), сьтьникь (С. № 20), нѣтьто (С. NN№ 20, 21), кьдѣ (С. NN 21, 22). Не привожу примѣровъ для слоговъ рь и ль, ибо они, по самому свойству заключающагося въ нихъ полугласнаго начала, должны были крѣпче другихъ удерживать его. Дѣйствительно, слогъ ль во все время своего существованія, до замѣны его полною гласною, и слогъ рь во все разсматриваемое нами время Сербской письменности, до конца XV-го вѣка, удерживаютъ при себѣ полугласную; а ежели когда и опускаютъ ее, или претворяютъ въ гласную, то это не болѣе, какъ исключенія, о которыхъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ. Напротивъ, формы, каковы: мнѣ, вся, опнина, кнезь и т. п., вмѣсто мьнѣ, вьсе, опьнина, кьнезь, не представляются уже исключеніями какъ по большинству случаевъ употребленія, такъ и по тому, что на нихъ основывается часть повременнаго движенія, какое совершаетъ полугласное начало въ Сербской письменности. Отъ основы переходимъ къ окончанію слова.

При соединеніи основы слова съ окончаніемъ обыкновенно вставляется б-а ь, служащая какъ бы исходомъ для основы и въ то же время раздѣломъ между нею и слѣдующею частію, придающею ей видъ полнаго слова, а этому извѣстное значеніе, съ которымъ оно является въ языкѣ. Основа всякого слова должна непремѣнно принять на себя какой нибудь извѣстный образъ для того, чтобы сдѣлаться опредѣленнымъ членомъ рѣчи, яснымъ понятіемъ, живымъ словомъ. Образъ этотъ пріобрѣтаетъ она чрезъ принятіе извѣстнаго окончанія, состоящаго то изъ одной полугласной, то изъ одной, или нѣсколькихъ гласныхъ, то наконецъ изъ одной, или нѣсколькихъ согласныхъ, исходящихъ въ Ц.-Славянскомъ, какъ и въ Д.-Сербскомъ, правописанія непремѣнно на полугласную. Составившееся такимъ образомъ слово, независимо отъ этого дѣйствія, можетъ переходить изъ одной части рѣчи въ другую, изъ одного числа въ другое, изъ падежа въ падежъ, изъ одного наклоненія, времени и лица въ другія: при этомъ слово измѣняетъ свое окончаніе и часто случается, что при такой перемѣнѣ окончанія между старымъ и новымъ исходомъ слова появляется въ Сербской письменности полугласное ь. Изъ сказаннаго обнаруживается, что основа слова, въ извѣстномъ своемъ состояніи, можетъ имѣть не только одно, но два и три окончанія, изъ коихъ первое даетъ ей жизнь и опредѣленный самостоятельный образъ, съ которымъ она является живымъ словомъ живаго языка, а вторыя даютъ ей движеніе и гибкость, съ

помощію которыхъ она, въ опредѣленномъ уже образѣ, измѣняется согласно съ движеніемъ мысли и законами языка. Такъ, основа *бос* получаетъ опредѣленный образъ чрезъ окончаніе-*на* и становится словомъ, уже употребительнымъ въ языкѣ,—*босна;* но древніе Сербы, какъ и Булгары, не соединяли окончаніе-на прямо съ основою: они ввели посредствующимъ членомъ 6-у ь, которая въ то же время служитъ исходомъ для основы, и написали **босьна**, по чему и читаемъ: **босьнѣ** (С. № 12). Желая перевести это слово въ другую часть рѣчи и именно сдѣлать прилагательнымъ, они присоединили къ нему окончаніе **-ски**, уже второе для основы, и для этого, опустивъ, по законамъ языка, исходную букву перваго окончанія, а, ввели посредникомъ 6-у ь и написали **босьньски**, какъ значится въ гр-ѣ Кулина (А. И.) Такъ, изъ основы **мол**, чрезъ приставку окончанія **-ба** и при посредствѣ 6-ы ь, произошло слово **мольба**, откуда, чрезъ придачу втораго окончанія **-ныи** и также при посредствѣ 6-ы ь, произведено прилагательное **мольбьноую**, какъ оно написано въ гр-ѣ Стефана Первовѣнчаннаго (Ш. № VII). По той же причинѣ писали: **дубровьчьки,-ому,-нмь,-а,-ои,-ими** (С. №№ 4, 7, 8, 11, 12, 14, 17, 19, 20), **дюбровьчькога** (С. № 16; Ш. № XVI), гдѣ **чь** есть первое окончаніе, приданное съ помощію ь къ основѣ **дубров**, а за нимъ слѣдуетъ второе окончаніе **ки** тоже при помощи ь. **вѣньчани** (Ш. № VII), **прьвовѣньчаньнаго** (С. № 2), гдѣ первое ь есть основное; второе соединяетъ окончаніе **-чь** съ основою **вѣн**, а третье предупреждаетъ стеченіе двухъ одинаковыхъ согласныхъ, подобно тому, какъ оно разъединяетъ тѣ же буквы въ словѣ **истиньна**, встрѣчающемся кое-гдѣ въ Сербскихъ и Ц.-Славянскихъ памятникахъ. **прѣвлатьбьства** (С. № 2), гдѣ первое ь есть образовательное для прямаго соединенія основы съ окончаніемъ **-ба**, а второе ь служитъ соединительнымъ между этимъ и новымъ окончаніемъ-**стко**. **божьствьни** (Ш. № VII), **бжьствьныимь** (С. № 2), гдѣ основа **бог**, **бг҃**, чрезъ ь образовалась въ **бгь**, которое, смягчивъ г въ ж и соединясь съ окончаніемъ **-ство**, обратилось въ **бжьство**, а это, въ свою очередь, для перехода въ прилагательное, приняло окончаніе **-ныи** при посредствѣ 6-ы ь. Такъ точно основа **бенет**, **бьнет** приняла, съ помощію ь, окончаніе **-ки**: **бьнетьки**, откуда, чрезъ опущеніе и и вставку соединительнаго ь, могло образоваться прилагательное **бьнетькыи**, какъ и дѣйствительно находимъ **бенетькькога** (С. № XVI; у Ш. № XVI: **бенетьскога**), или съ соблюденіемъ правилъ перезвука **бьнетьчьска** (С. № 10), **бнетьчьком** (С. № 19); **жрьновьнитьие** (С. № 2), **влетьба,-у,-е** (С. №№ 7, 9, 16), **тьмьмо** (С. № 13), состоящее изъ основы **ть** и двухъ окончаній: **-мь** и **-мо**; **правьда, -е,-у,-ами** (С. №№ 7, 14, 16, 17, 21). Замѣчательно слово **такьци** (таковой, С. № 17), въ которомъ усиленная изъ **ть** основа **та** получила образовательное окончаніе **-кь**, которое еще удвоилось въ-**кьми**: сдѣсь ь служитъ переходомъ отъ перваго окончанія ко второму и вмѣстѣ предупреждаетъ стеченіе двухъ одинаковыхъ согласныхъ. **сьтетьгьнуться** (С. № 16) или **сьтегьноуться** (Ш. № XVI), гдѣ **сь** есть предлогъ, а **тетьг** удвоенная основа вмѣсто **тег**; одно ь соединяетъ основу съ окончаніемъ-**иу**, другое ь служитъ исходомъ для образовательнаго окончанія 3-го л. мн. ч. **купьцу,-и, -е,-ѣ** (С. №№ 16, 17, 20). Вообще въ Д.-Сербской письменности упомянутаго вѣка довольно строго наблюдалось употребленіе полугласныхъ при различныхъ окончаніяхъ, каковы, на пр.,**-стье**, **-никь,-нь,-ць,-чь,-кь,-ба,-ва,-на,-ца,-да,-ча,-мирь** въ существительныхъ; **-ни,-ки, -ски,-ль** въ прилагательныхъ; **-ми** въ тв. п. мн. ч.; **-ль, -ли** и **-ши** въ причастіяхъ; **-ка,-да,-мо,-до,-ко** въ нарѣчіяхъ; **-нути** въ глаголахъ и пр. пр.:

рибьница, скиньци, борьк, корьт, конхьна, трьньта, кратьмирь, дольна, градьтьскы, дворьски, мощьми, ѡкьрщьми (Ш. № VII), **кралевьство** (С. №№ 2, 17, 21), **любьвь, -е,-и,-ъ** (С. №№ 2, 14, 16), **вѣрьнимь,-но, почивьшега** (С. № 2; Ш. № IX), **восиьски** (С. № 5), **коньць, -ємь** (С. №№ 4, 6, 7, 14, 15), **градьсиѥ,-ой** (С. №№ 4, 8, 11, 13, 15, 17), **почивьши** (С. № 3), **пропадьства** (С. №№ 7, 14), **свободьно** (С. №№ 9, 14, 17, 21), **рекьли** (С. №№ 9, 18), **вѣрьно** (С. № 8), **сѫдьце, -ами** (С. №№ 10, 21, 26), **владисавьла** (С. № 12), **любовьномꙋ** (С. №№ 13, 17), **мѫчьникь,-а** (С. №№ 14, 19), **вечьни, чьстьни** (С. №№ 14, 19, 20), **твердьдо, рашьки, -омꙋ,-ꙋ,-имь** (С. №№ 14, 16), **добитьнь, -а,-омь, добытькь, -ꙋ** (С. №№ 14, 16, 18—21, 26), **казньць, владальци** (С. № 14), **тьньк, сыньми** (С. № 15), **доходьк, подавьше** (С. № 17), **кнежьство** (С. №№ 16, 19), **вѣньници, ѡрашьць, сꙋтьбине, перетька, дѣтьца, славьни, златьне, ѡньниньсии, градьци, звонникьше, расьвѣ, исьдавьно, крепько, прибегьнꙋ, погибьне** и пр. (С. № 16), **станьк,-оу** (С. № 11; Ш. № I), **поповьске. властельскꙋ** (С. № 11), **давьше** (С. №№ 11, 21), **вьзьдѣ** (С. № 18), **ѿьцѣ** (С. №№ 19, 20, 21), **сьтьникь, лꙋдьми** (С. № 20), **ꙋгодивьше** (С. №№ 20, 21), **измерька** (С. №№ 21, 26), **десетькь, трьжьници, присьномꙋ, принмьше** (С. № 21) и мн. др. Укажу еще на формы **поставьлимо** (С. № 17) и **исьправьла** (С. № 21). Всѣ эти примѣры довольно ясно показываютъ, что именно разумѣлъ я подъ употребленіемъ 6-ы ь при соединеніи основы съ окончаніемъ и окончанія съ окончаніемъ. Сдѣсь, очевидно, шла рѣчь объ ь, являющемся внутри слова.

Третій случай относится къ конечному ь, составляющему исходъ всякой основы и всякого окончанія, котораго послѣдняя буква есть согласная. Того же правила держится Ц.-Славянскій языкъ, и по тому примѣры были бы излишни. Въ этомъ отношеніи надобно отдать полную справедливость упомянутому языку, который, чрезъ удержаніе у себя конечной полугласной, придалъ своему правописанію глубокое значеніе. Сдѣсь конечная полугласная не есть какая нибудь позднѣйшая приставка для внѣшняго завершенія слова, какъ думаютъ тѣ, кои, употребляя Славянскую азбуку, оканчиваютъ слова на согласныя; но она есть признакъ или слѣдъ онѣмѣвшей прадавней гласности, которая въ Индоевропейскомъ праязыкѣ служила исходомъ всякому слову. Конечное, хотя и безгласное, ь употребляется постоянно во все протяженіе разсматриваемаго нами пространства времени, и по тому говорить объ немъ мы болѣе не станемъ. Замѣтимъ только, что подобныя формы, какъ **властелом** (С. № 18), встрѣчаются кое-гдѣ въ грамотахъ всѣхъ вѣковъ и семействъ и суть не что иное, какъ описка, или слѣдствіе недостатка мѣста для окончанія строки. Особенно на монетахъ и печатяхъ таковые пропуски очень часты по весьма понятной причинѣ—недостатку мѣста. Иногда цѣлые слоги пропускаются или по той же причинѣ, или по недосмотру писца. Но во всякомъ случаѣ подобныя причины, равно какъ и слѣдствія ихъ, не могутъ быть принимаемы нами въ расчетъ, и впредь мы должны проходить ихъ молчаніемъ, ибо они ничего не доказываютъ. Такъ равно и въ словотитлахъ выносимая на верхъ строки согласная буква теряетъ обыкновенно свою полугласную, по общему закону сокращенія, хотя встрѣчаемъ иногда и полныя выноски: **гнѣво** (С. № 17) **вл҃**, **гю̑геба** (С. № 21). Но древніе Сербы любили оставлять конечную полугласную въ строкѣ, вынося на верхъ строки одну лишь согласную: таковы весьма обыкновенныя формы **ѿь, ѿь, властелѣь, своѥь, ѿьць, ѡьцꙋ, лѣье, градь, гюрь, землянь**.

Четвертый случай употребленія 6-ы ь, равномѣрно весьма простъ и обыкновененъ. Онъ состоитъ въ томъ, что въ сложныхъ словахъ первая

часть слова удерживаетъ при себѣ конечное ь и въ такомъ видѣ соединяется со второю, на пр., сьсоуди, прѣдьтече (Ш. № VII), безьгрѣшьно, сьврьшенѣ, исьправла (С. № 2), сьхрани, никонирьре (С. № 3), сьпьне (С. №№ 3, 7, 20), никнирьре (С. №№ 7, 14, 17), бьрωдица (С. № 12), богьдань (Ш. №№ II, VII; С. № 16), вьгодивь, вьвемо, вьлезе, ωньзи, исьпрьва, годитьсе, безьметь (С. № 16), клеaьсе (С. № 20), исьправи (С. № 21) и пр. и пр.

Второе употребленіе б-ы ь, которое мы назвали преобладающимъ, можетъ быть также названо несущественнымъ, ибо не зависитъ отъ положительныхъ законовъ словообразованія, но лежитъ въ духѣ языка древнихъ Сербовъ: непремѣннаго основанія въ устройствѣ самого слова для него нѣтъ; но возникаетъ оно подъ вліяніемъ особенной любви къ нему древнихъ Сербовъ, которые этою буквою любили замѣнять другія гласныя, или смягчать согласныя. Въ служеніи своемъ, въ которомъ замѣняетъ собою другія гласныя, она является: вмѣсто е въ словахъ: бьнетьчьскa (С. № 10), нь (не, С. № 17), тьклe (Θеклы), людьмь (С. № 16), калоудьрица (Ш. № II), вьпльцiьнѣ (С. № 19), семьюнь (С. № 20); вмѣсто и: идьне, едьне (С. №№ 2, 18), прьятель, -и,-не, прьямо, прьяинемь (С. № 3), грьгѹрь, висьѧрье (вистіаріи), лaдьи (С. № 16), грьгоурович, дьмитрь (Ш. № II); особенно часто въ падежныхъ окончаніяхъ на и съ послѣдующею гласною: клетвью (С. № 5), бжье, братью, владанье, везанье, добитье, данье, повеленьемь, поморью, писанье, печатью, моцью (С. № 16), вѣдѣнье (С. № 20); въ собирательныхъ на ие: сѹдье, людье (С. № 16), лaдье (С. № 20) и во 2-мъ л. ед. ч. наст. вр.[1]; вмѣсто о: тьким (Ш. № VII), хьтенье, -ию, хьтети,-ль (Ш. № VII; С. № 16), пльсть (С. № 10); вмѣсто ѹ: непомьчно отъ мѹчити (С. № 3); вмѣсто ѫ: невѣрьнога, ωбьть, ωбьтьтованье (С. № 16), гдѣ, можетъ быть, ѫ невѣрно принято за ь, ибо у Ш. № XVI всюду ѫ; вьрьнь, вьрѫи (С. № 18): подобныя ошибки, происходящія отъ дурнаго чтенія подлинника, встрѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ нелѣпа была бы такая замѣна;—вмѣсто е, замѣняющаго собою Ц.-Славянское ѧ въ словѣ самодрьжавьцѧ (С. № 16), и наконецъ вмѣсто а, что происходитъ весьма рѣдко, именно, въ словѣ цьтата (Цавтата, С. № 18). Сверхъ того ь употребляется вмѣсто смягчающаго начала і для гласныхъ въ словѣ кельга (С. № 16) и вмѣсто благозвучнаго л въ словѣ кѹпью (вин. п. отъ кѹпли, С. № 16). Въ формѣ земью (Ш. № VIII) оно стоитъ по избытку; въ формѣ изьма, исьма (С. № 14) произошло слитіе ьи, поглощенныхъ полугласною ь. Во второмъ служеніи своемъ ь является орудіемъ для растворенія сошедшихся согласныхъ. Если древніе Сербы употребляли его при словообразованіи всюду, гдѣ только требовали законность и природа слова, то любовь эту къ растворенію согласныхъ они простерли и на тѣ случаи, гдѣ ь не оправдывалось никакою законностію, но служило лишь произвольною вставкою для предупрежденія стеченія согласныхъ. Все это указываетъ на благозвучность языка, который въ своей письменности не только избѣгалъ въ послѣдствіи стеченія согласныхъ чрезъ претвореніе полугласнаго начала и даже согласной л въ полную гласную, но и до этой позднѣйшей мѣры старался раздѣлить согласныя мягкою полугласною, которая хотя и была безгласною, но имѣла въ себѣ довольно смягчающей силы, чтобы приразить согласную и произвести большій отбой въ голосѣ. Дѣйствительно, въ соединеніи съ полугласною согласныя кажутся болѣе самостоятельными, а мягкое при-

[1] Примѣры, относящіеся къ склоненіямъ и спряженіямъ см. ниже на своемъ мѣстѣ.

раженіе голоса оправдываетъ эту самостоятельность и въ произношеніи. Такъ слово **иньѥ** (С. № 14) звучитъ совершенно иначе, чѣмъ какъ звучало бы оно въ формѣ **иниѥ**: причина та же, которая и въ Ц.-Славянскомъ заставила писать **истиньнꙗ**, а не **истиннꙗ** вмѣсто **истинꙗ**. Повторенія одной и той же буквы Сербскій языкъ, по примѣру всѣхъ Славянскихъ языковъ, не любитъ еще болѣе, чѣмъ стеченія согласныхъ. Мягкое приражение голоса въ согласныхъ производитъ бóльшую членораздѣльность между ними, а это и есть главное достоинство человѣческаго голоса; при томъ мягкость есть одно изъ первыхъ условій благозвучія языка. Въ какомъ бы видѣ ни являлось дѣйствіе Сербскаго языка, но отказать ему въ любви къ смягченію невозможно. Не только въ своихъ родныхъ словахъ, какъ на пр., **гьнила, хкосьтиѥ** (Ш. № VII), **уьмета** (**штета**, С. № 10), **ѕьдравиѥ** (Ш. № I), **исьмати** (С. №№ 14, 16), **сьвоиомь**, **бѹбакьнꙗ** (С. № 16), **сесьт(р)ꙗ** (Ш. № II), вставляетъ онъ полугласную **ь**, но то же дѣлаетъ и въ иностранныхъ, хотя эти послѣднія, по природѣ своей, не требуютъ **ь**, на пр., **даньдвлоу,-доль,-ꙗ** (С. №№ 3, 4, 5), **перьперь** (С. № 3), **аньдрѣи,-ѥи,-ꙗ** (С. №№ 14, 15, 16, 17, 21), **вьласи, пакьрать** (Ш. № II), **авьгѹста** (С. № 17), **пасьхали, геѡрьги, павьла, алекьси, еваньгѣлиѥ** (С. № 16) и пр.

До сихъ поръ мы разсматривали употребленіе б-ы **ь** въ первой половинѣ XIII-го вѣка, куда относятся грамоты другихъ семействъ, а именно, Боснійскія, Хлумскія, Дубровницкія и другія приморскія изъ земель сосѣднихъ съ Дубровникомъ. Такое столкновеніе различныхъ грамотъ весьма важно, какъ сказали мы, для изученія б-ы **ь**: оно показываетъ, что въ это время б-а **ь** еще равномѣрно употреблялась въ письменномъ языкѣ всей древней Сербіи безъ различія мѣста написанія. Это равновѣсіе въ употребленіи составляетъ отличительное свойство конца XII-го и первой половины XIII-го вѣка. Болѣе оно уже не повторяется въ исторіи Сербскаго языка. Неизвѣстно, продолжалось ли бы оно во второй половинѣ XIII-го и въ XIV-мъ вѣкѣ; но въ концѣ XIV-го и въ XV-мъ в. оно уже болѣе не существуетъ. Неизвѣстность эта происходитъ отъ того, что съ 1254 по 1367 годъ мы не имѣемъ, кромѣ собственно-Сербскихъ, ни одной другой грамоты, и по тому судить объ языкѣ послѣднихъ не можемъ. Грамота Уроша V заканчиваетъ этотъ отдѣлъ собственно-Сербскихъ грамотъ: и это не дѣйствіе случая, а необходимое слѣдствіе временныхъ судебъ Сербіи. Припомнимъ себѣ, что происходило въ это время въ Сербіи. Съ Милутина Сербское королевство начало быстро возвышаться. Всѣ прочія Сербскія области или зависѣли отъ него, или утратили силу своего значенія, какъ на пр., Босна, Хлумъ. Самый Дубровникъ уже не пользовался при Сербскомъ дворѣ тѣмъ господствующимъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ прежде. Это видно изъ духа грамотъ, дарованныхъ ему Сербскими государями. Такимъ образомъ была одна господствующая область— собственная Сербія, и ей-то принадлежатъ всѣ сохранившіяся доселѣ грамоты, какъ слѣдствіе ея государственной дѣятельности и преобладанія. Смерть Уроша V предсказала и Косовскую битву: одна государственная смута повела за собою другія, и конецъ вышелъ плачевнѣе начала. До самого 1389 года Сербія оставалась независимою, но уже со смерти Уроша V въ ней постоянно жили разладица и измѣна, доведшія ее до погибели. Количество грамотъ значительно уменьшается, но, не смотря на то, мы будемъ разсматривать въ этомъ пространствѣ времени всѣ собственно-Сербскія грамоты, доходящія до года Косовской битвы. Выше мы опредѣлили свойства ихъ. Отъ

этѣхъ грамотъ нельзя ожидать большаго движенія впередъ въ пользу народнаго языка, ибо онѣ писались при дворѣ православныхъ Сербскихъ государей, тамъ, гдѣ и Аѳонскія, ближайшія къ Ц.-Славянской стихіи. Сдѣсь мы разсмотримъ всѣ собственно-Сербскія, въ томъ числѣ Аѳонскія, грамоты, и обзоръ XIII-го вѣка заключимъ Зетскими грамотами Балшичей, которыя служатъ переходомъ къ Дубровницкимъ и Боснійскимъ съ Хлумскими и Травунскими, предпочтительно передъ прочими открывшимъ народному языку доступъ въ древнюю Сербскую письменность. Сюда присоединимъ и Законникъ по списку 1390 года, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ православнаго духовенства и по тому со значительнымъ привнесеніемъ Ц.-Славянской стихіи.

Употребленіе б-ы ь въ этомъ пространствѣ времени мы находимъ въ тѣхъ же самыхъ видахъ, какіе замѣтили и въ предыдущемъ. Повторять о значеніи того, или другаго вида было бы излишнимъ. Намъ остается только ограничиться примѣрами и вывести изъ нихъ заключеніе о количествѣ и времени этого употребленія. Такъ мы читаемъ: чьстны (С. № 27), вьсь,-е,-емь,-а,-еи,-и,-ѣхь (С. №№ 27, 46, 50, 51, 55, 73; А. №№ 11, 12; Г. А; З.), сьмь (С. №№ 27, 28; А. № 4), дубровьчци,-ки,-е,-у,-чьци,-кому,-нмь,-ои,-у,-скимь (С. №№ 24, 27, 31, 32, 33, 38, 39, 42, 53, 54, 58, 73), ѡпьщинѣ,-тинѣ (С. №№ 24, 32, 58), коупьци (С. № 24), кралевьство, кра҃вьство, кралиевьство (С. №№ 23, 24, 32, 42; А. № 5; Мк.), узьмь, вьзьмь, вьзімь (С. №№ 23, 43, 44; Г. А; З.), трьми (С. № 31), трьговьць,-емь (С. №№ 25, 43), сьда,-и (С. №№ 32, 45, 56, 73), тьда,-е,-аи, тьга (С. №№ 32, 35; А. №№ 5, 15), посьль,-ство (С. № 32; А. № 14), казньць (С. № 32; Мк.), вьз,-вьс (А. №№ 2—14, 18, 19; С. №№ 35, 46, 47, 176; Г. А; В. №№ 1, 2; Ш. № 15; В. К.), любьвѣи, любьзнеи, любьзиыи (А. №№ 2, 4, 14), нь (А. №№ 2, 9; С. № 176; З.), лоучьнаго (А. № 2), шьствию, рождьшомоу, трьи, свободьнь, оульникь, оульарі и унаріе и пр. (А. № 6), мьстникь,-ца (А. №№ 6, 15; С. №№ 35, 47), ѡбьщинѣ, сьсоуди, среберьии, мьстии, вьноукоу, трьлетѣ (А. № 3), изьвьнь, бжтвьнѣмь (А. № 4), грѣшьнь,-и,-аго (А. № 4; С. №№ 51, 52), тько (Мк.; С. № 33), кьди,-а (Мк.; С. №№ 33, 39, 43, 53; А. № 15), соупьрница (Мк.; С. № 52), ластьве, зетьски, рожьшаго (Мк.), вѣньць (Мк.; С. № 176), сьть (С. №№ 23, 25, 29, 36; Г. А), тврьтькоу (С. № 34), вьсакь,-оу,-омоу и т. д. (С. № 51; А. № 11; Г. А; З.), пришьльць, мьстить, дрьзьнеть, вѣньча, истиньныи, неѡскоудьно и пр. (С. № 51), до-вольнь (С. №№ 46, 51, 73), рожьство, ѡставльше, ѡшьше (А. № 8), потьщи,-асе,-аниі (А. №№ 5, 8; С. № 35), мьть, бьхнь,-ѥ, хвостьньскога, равьнь, гоубавьчь, мжьство, стрѣльче, творьць, дрьстьникь, казньце, тьчию, теньчие и пр. (С. № 176), тьже,-зи (С. №№ 43, 47, 176), дольць, засельнь,-сельи,-ль (С. № 176; Ш. № 11; А. № 18), рьть,-а (С. №№ 39, 176), утьмн,-смосе (С. №№ 39, 43), не-правьде (С. №№ 38, 42), игоумьнь, црквь, самодрьжьць, бжьствьнии,-вьномоу (А. №№ 7, 14), тьмо, тькмо (А. № 9; С. №№ 35, 43, 48, 49, 54, 62), недостатьчна (А. № 9), иньдѣ, крьчьму (С. № 42), стоуденьць, сьшьдш (А. № 5), вьселенѫю,-ньскыи,-ениую,-ниіа (А. №№ 10, 13; С. №№ 50, 62; В. № 1), вьторы (А. № 11), наченьшіи, чьсти, авьствно, поданьвь (А. № 12), бесьпльтьние, сщеньним, ѡрасьль, сьзаньнаго, пьсь (С. № 35), любьвь, мьчь, поучьсти (С. № 46), духовоукь, коньствь, пришьствіе и пр. (Г. А), старьць (А. № 13), срьбьскои, венетькь, прѣжьнии (С. № 62), дрѣновьць (Ш. № 14), медьвь,-о (С. № 58), кончини (А. № 14), дьбрь, неіуьскыми (Ш. № 15), вьса (В. К.; В. № 2), соущьство, воунсаьно, непостижьнь, тъщеніе (В. № 2), даньва (А. № 15), игумень,

ньжѡ (А. № 18), **постригьли, тьмници, соужьньства, соудьбно, вьмогьшаго** (З.), **верьни** (печ., А. № 5), **поморьске** (печ., А. № 10) и пр. и пр. Сверхъ того замѣтимъ нѣкоторыя особенности въ употребленіи ь, каковы: смягченіе и вмѣстѣ разъединеніе буквъ въ словахъ иностранныхъ, которыя чрезъ то получаютъ народное произношеніе: **еванъгелии** (С. № 27), **перьперь** (С. №№ 24, 25), **жорьги, жюрьжи** (С. №№ 32, 33), **хрьстеви** (С. № 34), **авьгуста** (С. № 56), **аньдрѣиашемь** (С. № 62), **агрьхидиѣконь** (печ., А. № 9); замѣна буквъ:—**е**: **вꙁьмь, вьꙁьмь** (см. в.), **проклѣть,-клѣть** (С. № 52), гдѣ собственно замѣненъ носовой звукъ **ѧ**, переходящій у Сербовъ въ **е**, или, иными словами, въ обоихъ случаяхъ ь не усилено въ **е**; **срьгь,-ѥ** (Сергій, С. №№ 35, 45); — **и**: **сьи** вм. **сии**, гдѣ ь тоже не усилено въ **и**; **трьи** (С. № 176), **ѡрѫжьѧ** (А. № 14), **удрьжать** (неоконч. н., С. № 73), **мьсѧени** (А. № 19);—**о**: **ѡстрьвцу, аньстоуита** (Мк.), **оу̑пванна**, гдѣ ь, замѣняющее **о**, выражено значкомъ ʼ (А. № 6);—**ѣ**: **невьрнь** (С. № 40), **свьтѣщіе** (С. № 35), **годь** (С. № 43), **прьѹтон** (С. № 47), **процьтоше,-е** (А. № 10; В. № 1), **прьблаженыи** (Г. А); смягченіе вмѣсто небнаго **і**: **всьудѧ** (С. № 25), **ꙁападьни странѣ** (С. № 35), **бытье, мльенїа, пьемь** (В. № 2). Не привожу примѣровъ для сложныхъ словъ, которыхъ весьма много разсѣяно по всѣмъ грамотамъ. Въ это время писцы еще любили присоединять предлоги къ началу словъ и возвратное мѣстоименіе къ концу глаголовъ чрезъ посредство б-ы ь. Вообще, приведенные примѣры далеко еще не исчерпываютъ всего служенія полугласной; но привести всѣ примѣры невозможно. Впрочемъ, это не помѣшаетъ намъ прійти къ общимъ выводамъ относительно означеннаго времени и означенныхъ памятниковъ. Вникая въ содержаніе разсмотрѣнныхъ грамотъ, мы видимъ, что бо́льшая часть ихъ относится къ церковнымъ надачамъ; что по мѣрѣ удаленія ихъ отъ дѣлъ мірскихъ и усиленія вліянія духовенства на ихъ составленіе, употребленіе б-ы ь увеличивается и наибольшихъ размѣровъ достигаетъ въ Аѳонскихъ грамотахъ. Такъ точно и Законникъ, языкъ коего есть по преимуществу Ц.-Славянскій, изобилуетъ б-ю ь. Особенная тонкость въ употребленіи этой буквы, обличающая глубокое знаніе Ц.-Славянскаго языка, отличаетъ Аѳонскія грамоты отъ другихъ. Видно, что писцы хорошо понимали духъ этого языка и изучили его въ совершенствѣ. Припомнимъ, въ добавокъ, что значки ʼʼ, замѣняющіе ь, во множествѣ встрѣчаются въ Аѳонскихъ грамотахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, каковы: С. №№ 39, 51, 52, 54; Г. А. Хотя они и много затемняютъ наглядность служенія б-ы ь, однако съ другой стороны обнаруживаютъ весь обширный объемъ, до котораго оно достигло въ Аѳонскихъ грамотахъ. Дѣйствительно, если упомянутые значки замѣнимъ б-ю ь, что весьма позволительно, ибо чрезъ это только позднѣйшее написаніе измѣнится въ древнѣйшее, не нарушая значенія полугласнаго начала въ словѣ, то убѣдимся, что близость Ц.-Славянской стихіи еще въ сильной мѣрѣ поддерживала въ Сербскихъ писцахъ то тонкое чутье, которое умѣло разпознать присутствіе бѣглаго, едва замѣтнаго полугласія, а мѣстами и совершеннаго безгласія, отъ законнаго отсутствія всякой гласности, чутье, которое могло быть воспитано и поддержано только при тѣсномъ знакомствѣ съ Ц.-Славянскою письменностію. Значекъ ʼ встрѣчается надъ такими словами, которыя въ другихъ грамотахъ уже давно утратили полугласную букву, на пр., **ќто, ѷто, мѝх, вс̑а** и т. п. Чрезъ это увеличится еще болѣе объемъ служенія полугласной. Тѣмъ не менѣе, время беретъ свое: не смотря на примѣры еще довольно обильнаго и мѣстами тонкаго служенія б-ы ь въ собственно-

Сербскихъ грамотахъ XIV-го вѣка, служеніе это значительно сокращается къ концу XIV-го в., а именно, въ Аѳонскихъ съ Уроша V, въ прочихъ съ Дечанскаго. Въ первыхъ значки начинаютъ замѣтно рѣдѣть; а въ тѣхъ и другихъ исчезаетъ мало по малу и самая б-а ь. Примѣры, приведенные изъ памятниковъ, начиная съ грамотъ Милутина, исчерпываютъ бо́льшую часть случаевъ употребленія б-ы ь. Хотя случаи эти еще многочисленны, однако сдѣсь должно принять въ расчетъ количество и самую величину объема грамотъ: тогда откроется, что сравнительно съ предыдущимъ временемъ употребленіе б-ы ь къ концу разсматриваемаго времени уменшилось. Такимъ образомъ, по мѣрѣ удаленія содержанія грамотъ отъ предметовъ, касающихся монастырей и духовенства, и приближенія къ XV-му вѣку, служеніе б-ы ь сокращается: ясно, что дѣло не обходилось безъ участія, съ одной стороны, Ц.-Славянской стихіи, а съ другой, народной.

Заключая обзоръ употребленія б-ы ь въ XIV-мъ вѣкѣ, мы должны разсмотрѣть еще грамоты Зетскія, относящіяся къ концу того же вѣка. Онѣ, какъ сказали мы, составляютъ переходъ отъ собственно-Сербскихъ грамотъ къ грамотамъ другихъ семействъ; а по тому онѣ покажутъ намъ, какъ б-а ь, начавъ рѣдѣть въ нѣдрахъ собственной Сербіи, продолжала это дѣйствіе въ Зетѣ, чтобы оттуда съ болѣе ограниченнымъ употребленіемъ перейти въ Дубровникъ и Босну. Конечно, отдѣльныя явленія могутъ и противорѣчить общему движенію языка; но все количество случаевъ, взвѣшенное само по себѣ и сравненное съ предыдущимъ, подтвердитъ наши слова. Въ Зетскихъ грамотахъ читаемъ: **кьди, наб̃** (С. № 63) **сьмь, доходькь,** (С. № 64), **дьлжьнь, петрьнь** (С. № 70), **бл̃стьвьнѫю, миротоучьцѧ, любьвь, добитькь нньдѣ, дубровьчьци** (С. № 71), **босньски** (С. № 72). Тутъ же находимъ, что ь замѣняетъ собою **ѧ** въ словѣ **бл̃годьть**;—**о** въ словѣ **скьдромь** (С № 71) и **и** въ **кратитьсе** (С. № 72). Сюда же всего скорѣе должно отнести Албанскую грамоту Александра, воеводы Канино-Авлонскаго, (С. № 61), въ которой читаемъ: **алекьѯендрь, каниньски, ваклоньски, вьрнь.**

Съ 1367-го года начинаются грамоты Боснійскія; за ними идутъ Дубровницкія и Травунскія. Мы разсмотримъ тѣ только, которыя относятся къ XIV-му вѣку. Боснійскія закончимъ грамотами Дабыши. Давно уже не встрѣчались мы съ ними. Прошелъ цѣлый вѣкъ послѣ того, какъ мы оставили ихъ, и вотъ онѣ снова являются передъ нами. По видимому, онѣ и теперь ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ имъ собственно-Сербскихъ грамотъ, ибо и въ нихъ довольно часто встрѣчаемъ б-у ь; но это такъ кажется только съ перваго взгляда. Конечно, во всякомъ самобытномъ развитіи нѣтъ быстрыхъ скачковъ и переходовъ; одна форма незамѣтно смѣняетъ другую и въ свою очередь незамѣтно уступаетъ мѣсто иной. Въ языкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, должна быть постепенность движенія безъ рѣзкихъ граней. По этому, если грамоты собственно-Сербскія и Зетскія или, иначе, Восточныя — такъ назовемъ мы ихъ — не утрачиваютъ совершенно б-ы ь, но употребляютъ ее постоянно, хотя и не такъ часто, какъ прежде, то и Западныя или Дубровницкія, Боснійскія, Хлумскія и Травунскія, стоявшія прежде въ равновѣсіи съ ними, не должны были въ продолженіи столѣтія совершенно забыть этой буквы. Хотя и теперь съ перваго взгляда, сказали мы, покажется, что Западныя грамоты стоятъ въ равновѣсіи съ Восточными, но, всмотрѣвшись пристальнѣе, замѣтимъ между тѣми и другими нѣкоторую разность. Количество случаевъ употребленія,

конечно, можетъ быть равно въ тѣхъ и другихъ, ибо оно много зависитъ отъ объема и числа самихъ грамотъ; но виды употребленія становятся въ обратномъ другъ къ другу отношеніи. Въ Западныхъ грамотахъ съ половины XIV-го в. начинаетъ показываться въ большемъ количествѣ несущественное служеніе б-ы ь; а случаи существеннаго служенія мало по малу рѣдѣютъ: виды этого послѣдняго равномѣрно являются въ обратномъ одинъ къ другому отношеніи. Рѣдко встрѣчаемъ б-у ь въ основѣ словъ и гораздо чаще при окончаніяхъ. Такъ на пр.: **вьсе,-ега,-у,-ѣми** (С. NN№ 57, 78), **единьство**, **ѡложивьше**, **приятельми**, **дубровьникомь** (С. № 57), **седьми** (С. № 59), **шьшу**, **ульстинѣь**, **сьвьковинѣь**, **божьствьнаго**, **ѡстьстви**, **срьбьске**, **трьговьчьке**, **доходькь** (С. № 66), **краляевьство**, **кралевьства**, **кра̑ьство** (С. NN№ 66, 68, 85, 179), **больше**, **разумѣвьши**, **вѣньца** (С. № 68), **вьза̑**, **сьда**, **чьсти**, **тьдаи**, **мольбу**, **людьми**, **властельми**, **ѡставивьше** и **сьхранѣвьше** (С. № 77), **служьбу,-е** (С. NN№ 78, 179), **вѣрьни**, **вѣрьни**, **-е,-о** (С. NN№ 78, 83, 179), **сьмь,-о** (С. NN№ 78, 79), **мьнѣие**, **врѣдьно**, **вольни**, **послѣдьни**, **земьлу** (С. № 78), **ниьдѣ**, **ѡтьць**, **дубровьчьскому**, **которьско** (С. № 79), **пядьшее** **сущьство**, **погибьшие** **ѡвьце**, **правьду**, **часьми**, **свободьщиие** (С. № 81), **никьди**, **црькьвь**, **посьлиникь** (С. № 76), **рожь̑тва**, **западьнимь**, **ручьници**, **тврьдьиу**, **вальмирь**, **станьчнѣь**, **слишавьше**, **хльмьсци** и пр. (С. № 179), **евачьству**, **чьсно**, **вѣдивьше** (С. № 83), **царьствѣ**. **вѣньцемь**, **людьми**, **вольни**, **дитьца** (С. № 84), **слишавьше**, **срьчаньство** (С. № 85), **мьзду**, **любьвь**, **приязьнь**, **сьнко̑**, **кьда**, **вьсакому** **рекьль**, **дрьвьми** (С. № 86) и пр. Кое-гдѣ въ сложныхъ словахъ: **сьтвори** (С. NN№ 66, 76), **ѿьврган** (С. № 78), **сьвѣть**, **изьнальнѣпье** (С. № 81). Но гораздо обширнѣе противъ прежняго открывается кругъ несущественнаго служенія б-ы ь, такого, гдѣ она замѣняетъ собою другія буквы, или является не требуемою внутреннимъ словоустройствомъ, вставкою для смягченія и разъединенія согласныхъ. Такъ мы находимъ ее вмѣсто и: **братьи** (дат. ед., С. № 59), **грьгура** (С. № 66), **знанье**, **видѣнье**, **божьомь**, **юрьемь**, **писанье**, **дьявлу** (С. № 78), **двашь** (С. № 79), ср. **многищи** (С. № 94), **любовью**, **саньтиӣ**, **владальямь** (С. № 81), ср. **сьни́тие** (А. № 8), **даньемь**, **прѣзриньемь** (С. № 179), **хрьстовѣ,-у** (С. NN№ 83, 84), **милосрьдье** (С. № 85); вмѣсто е: **ѡщь** (С. № 78), **илшьга** (С. № 83); вмѣсто о: **сурьдиник** (С. № 68); вмѣсто а: **кьзньца** (С. № 80); вмѣсто ѣ: **насльдовати** (С. № 66). Смягчающее ь встрѣчаемъ въ словахъ: **писаньиу** (С. № 66), **мирько**, **павьль** (С. № 68), **вашиньно** (С. № 78), **на еваньѣельи** (С. № 81). Въ словѣ **вальѣкь** (С. № 78) ь является излишнимъ, ибо ѣ, по мѣстному свойству нарѣчія, стоитъ сдѣсь вмѣсто ѥ, и по тому одного і въ ѥ достаточно для смягченія предшествующей согласной л. Такъ точно и въ словѣ **кральица** (С. № 81) ь производитъ то же, что уже произведено б-ю и. Въ словѣ **посльшекиемь** (С. № 82) ь замѣняетъ і для образованія и, а это стоитъ вмѣсто ѣ. Еще встрѣчаемъ весьма странное сочетаніе ьѣ вм. ѣ въ словахъ: **вьѣше**, **вьѣхь**, **вь прѣу̑тьѣ** **ѡбразь**, **за ньѣ̆** (С. № 66). Такимъ образомъ въ нашемъ виду, передъ глазами исторіи, въ присутствіи самихъ памятниковъ, совершается движеніе б-ы ь. Въ XIV-мъ вѣкѣ употребленіе ея слабѣетъ въ самой Восточной семьѣ грамотъ и еще болѣе въ Западной. Въ послѣдней уже не рѣдко является оно несущественнымъ.

Въ XV-мъ вѣкѣ различіе между Восточною и Западною семьями еще болѣе увеличивается, благодаря стойкости первыхъ и движенію послѣднихъ. Между тѣмъ, какъ первыя остаются при одномъ и томъ же употребленіи б-ы ь, хотя нѣсколько болѣе ограниченномъ, послѣднія все болѣе и болѣе вдаются въ

несущественное ея употребленіе, забывая ея законное служеніе, требуемое самою природою слова. Прежде всего взглянемъ на собственно-Сербскія грамоты. Въ нихъ читаемъ: вьса,-ꙙ,-е,-ем,-и,-ѣмь, вьсемъ,-ѣ (С. NN№ 90, 111, 137, 175; А. № 16; С.-Д. М. 1844; Г. Б, V; печ., А. т. XI), сьди,-а, тьзи,-ы (С. NN№ 90, 91, 111, 137, 138), нь, нъ, (С. NN№ 90, 91, 137; Г. Б), и- сьмь, досьда, сьлоучаю, ѿчьствѧ (А. № 17), вольнь (А. № 17; С. № 111), изъвьнь, тьрѣты, тьминїи, сьмотривь (А. № 16), вьсако,-ѥ, вьсачьскый (С.-Д. М. 1844; А. № 20), тъмо, вьчь, съ- сьмрьтныхъ, сьродникь, сѫпьрникь (С.-Д. М. 1844); сьлучило, влаѣьць, дубровьчко, сьмрѣ (С. № 111), вьс-,вьз-,вьжъ-(С. NN№ 111, 138, 178; С.-Д. М. 1844; Г. V), тьмо (С. NN№ 111, 137, 178), истьць (С. NN№ 111, 137), идьнь, сьмрьть (С. № 137), мольбиѫ (С. № 138; Г. V), сьть (С. NN№ 147, 165, 166, 167), тьдаи, рождьства, чъсти, къзда, кьда (С. NN№ 165, 166, 167), вьзьмь, вьсевидъць, сьзьдавь, конмьствъ, изьмашьши, пришьствїа, оутькмили, доходькь, дьхновенїемь, трьблаженнымь и пр. (Г. Б), прѣблажьстьноую, гдѣ второе ь есть несущественное, разъединяющее двѣ согласныя, сьшьды, велнчьство, пришьствїа, сь, ні, чьсть (С. № 178), слатъкааго, дъмъсъ, бивъшаго, прїемъдїемъ, коупиниъникоу, хтиторьїе и пр. (Г. V), безъсьмрьтьство, начетькь, множьство (А. № 20), подвизавьию (печ., А. т. XI), гюрьгь, горьгь (мон., Г. III, NN№ 77, 82, 84, 85, 86; V, № 6). Сюда же отнести должно двѣ Черногорскія грамоты Черноевичей и двѣ Албанскія Кастріотича Скандербега. Въ первыхъ находимъ: прьятеле, прьшмо, прьповѣмо, срьдьчнимь (С. № 60), дьнъ, тьмиа, вьси, ѿчьствїа, изманальтьскымь, пришьдши, потьщоусе, сьмь, доходькъ, сьда, вьсакоу, рождьство, десетькь, кьда, тьчїю, вьдовице, вьноукь, вьз- и пр. Въ неоконч. н. тькноуть второе ь заменяетъ и, какъ въ словѣ польвино оно замѣняетъ о (Мл.). Во вторыхъ: посьль, опьмине, иньцꙗ,-у, гспоцьво, уерешьние, печатью, здравье, говорить: въ послѣднихъ трехъ словахъ ь замѣняетъ б-у и (С. NN№ 148, 149). Приведенные примѣры, представляющіе почти все количество случаевъ служенія б-ы ь въ грамотахъ Восточной семьи XV-го в., достаточно убѣждаютъ въ томъ, что эта семья грамотъ удерживала, по старому, употребленіе б-ы ь въ его настоящемъ видѣ, отдавая преимущество законному и существенному служенію б-ы ь передъ несущественнымъ и замѣнительнымъ. Хотя ь встрѣчается въ нихъ рѣже и ограниченнѣе прежняго, однако оно всюду на своемъ мѣстѣ, какъ стояло бы и въ Ц.-Славянскомъ. Если же заранѣе скажемъ, что эта семья грамотъ и въ позднѣйшее время съ замѣтнымъ усиліемъ удерживается отъ озвукотворенія полугласнаго начала, т. е., замѣны его полною гласною, то разница между нею и Западною семьею еще болѣе обнаружится.

Но прежде, чѣмъ перейти къ послѣдней, обратимъ вниманіе на семью Турецкихъ грамотъ, которая въ XV-мъ вѣкѣ занимаетъ средину между Восточными и Западными грамотами. Это явленіе можетъ быть объяснено съ одной стороны тѣмъ, что письменностію Сербскою при Турецкомъ дворѣ занимались преимущественно православные Сербы, какъ ближайшіе къ Турціи и ею покоренные, а съ другой тѣмъ, что содержаніе Турецкихъ грамотъ относится къ сношеніямъ съ западными странами Сербіи, еще мало покоренными, или вовсе независимыми. То и другое обстоятельство могло придать серединное положеніе Турецкимъ грамотамъ. Дѣйствительно, онѣ уравновѣсили въ себѣ оба рода служенія б-ы ь и при томъ не отказались и отъ ея озвукотворенія. Такимъ образомъ въ нихъ находимъ почти въ равной степени и существенное и несущественное служеніе б-ы ь; на пр.: сусиедьнӣ,

далєчьнѝ, порьꙋ̆, прьıатєлство, аньдрьюнолю (С. № 113), ѿьцꙗ, вьꙁда, сьдаа, истоуьнє, поуьтєнн, раꙁꙋмѣвьшє, дꙋброваучька, сьꙁидаан, подьписа, ꙁємьлє, исьна-шє, нманьє, виданьє, видьнвшє, гдѣ ь смягчаетъ д передъ мягкимъ и, сѧ̂ь, тадь, гдѣ ь служитъ вм. а, ꙁилшь, гдѣ ь стоитъ вм. и. Тутъ же присутствуетъ и значекъ ` (С. № 164), вьчєра, вьнꙋкь, кьди, божьєю, ирошастьє, пльтью и т. д. вм. и (С. № 37), въсакомꙋ, дꙋбровьчкимь, досьда, пѐ съ̆ (500), посъла, сѣвврь (С. № 168), ꙋкрьсмлвьши (С.-Д. М. № 2), приморьскимь, плємєньство, нилланьдара, срьпьсцнєхь, сꙋльтань, ꙁдрлкьє, порьтꙋ, рѐньлла и пр. (С. № 173).

Переходимъ къ Западнымъ грамотамъ XV-го вѣка. Здѣсь должны мы замѣтить, какъ замѣчали и прежде, что первая четверть XV-го ст. служитъ переходомъ отъ предыдущихъ къ послѣдующимъ временамъ: особеннаго скачка изъ одного вѣка въ другой не могло сдѣлать служеніе 6-ы ь; но съ первой четверти XV-го в. въ немъ весьма замѣтнымъ становится преобладаніе замѣняющаго и вставочнаго смягчающаго ь, между тѣмъ, какъ существенное ь, отвѣчающее прадавней гласности и требуемое природою слова, равно какъ словообразованіемъ, мало по малу исчезаетъ. Въ Западныхъ грамотахъ первой четверти находимъ существенное ь въ формахъ: восьма, погибьшє, вирьни, правьди, бивьши, любьвью, дꙋбровьчкє, -вьчкє, беꙁправьдєно и крлльствꙋ: въ послѣднихъ двухъ словахъ ь не переходитъ, какъ обыкновенно, въ є, но остается безъ перемѣны (С. № 89), присвитьли, приличьнє, посандьнини, поуьтєнꙋ, прошьнє, рꙋська, влатько, сртьчаньство, сьмо (С. № 92), вьсєлєнои, падьшєє, слишавьшє и раꙁꙋмивьшє и пр. (С. № 95), вьсакоє, -омꙋ (С. №№ 95, 102), вьса, -є, -ємꙋ, -єи (С. №№ 95, 96, 100, 102, 103), рєчьни, принтєльми, лꙋдьми (С. № 97), прилаꙁьнь, срьчаньство (С. № 98), частьми, кьди (С. № 100), кралєвьства (С. № 103), трьми (С. № 104). Во второй четверти и далѣе это ь еще болѣе рѣдѣетъ сравнительно съ несущественнымъ, такъ что оно уже весьма рѣдко попадается въ слѣдующихъ случаяхъ: кьде, -а, -и (С. №№ 106, 108, 109), листьми (С. № 106), восьнскога (С. №№ 106, 142), вьꙁда, -ꙁ (С. №№ 106, 127), сьть, ѿьцємь (С. № 107), вьсє, -ємꙋ, -ои, -ѣхь, -нмь, -ими (С. №№ 108, 140), тьда (С. №№ 108, 157), кьщи, кьѣи, кьѣрн, -єрємь (С. №№ 108, 115), ѡпьѣниє, -и (С. №№ 110, 136, 140), вольиє, -и (С. № 108; З. А.), сьмь, (С. № 110), вирьномꙋ,-нмь (С. № 116; З. А.), чꙋвьшє (С. № 116), славьнога, ѡставьшимь, плємєньщиниє, ѿговорьници (С. № 118), при- ѡ- станькꙋ, -а (С. №№ 120, 140), парьиꙗ (С. № 120), старьцꙗ (С. № 126), ѿворьнь (С. № 129), ѡгьлас, раꙁьликѐ (С. № 130), хꙋмьсци, чакколꙋвь?о, падьшє, погибьшє, цꙗрьски, кралєвьство, шѣавьницꙋ, ꙁасельки, восаньски дворьски (З. А.), вꙋкьчнѣь (З. А.; С. № 140), срьбьскомь, вииьци, слободьщинє, крипько, ротьници, нмавьшє, да;ьми, частьми, вьсєлєнои, нраєвьства, станьчнѣь (С. № 136), видивьшє, коначьнє, лꙋꙁьми, апꙋстольмꙗ (С. № 140), людьми, братꙋчєдьми, подь- (С. № 141), сьгрѣхє, -ꙋ (С. №№ 142, 143), иꙁьиѐ, дꙋбровьникꙋ, поуьтєнн̑є (С. № 157), ꙋнꙋтрьни, срєбрьнога (С. № 158), подьписа (С. №№ 158, 159), ꙋꙁьможита, смєрьно (С. № 172). Но чаще оно стоитъ передъ окончаніями -ство, -ски; укажу на самую употребительную форму: рожьства, рож̑ьства (С.№№ 92, 106, 108, 109, 110, 120, 128, 136, 140) и пр. Въ таковыхъ-то узкихъ предѣлахъ является существенное служеніе 6-ы ь, не смотря на весь просторъ, предлагаемый и содержаніемъ и объемомъ грамотъ. Очевидно, въ XV-мъ вѣкѣ чутье, распознававшее полугласіе и произшедшее изъ него безгласіе отъ истиннаго безгласія, довольно уже притупилось. Полугласіе бы-

ло обращено въ иную сторону—для стяженія гласности, откуда возникло заменительное или несущественное служеніе б-ы ь. Если теперь, въ самой Западной семьѣ грамотъ, обратимъ вниманіе на различіе, которое находится между ними относительно существеннаго ь, то замѣтимъ, что Дубровницкія и Боснійскія грамоты ближе подходятъ къ собственно-Сербскимъ, чѣмъ Хлумскія и Травунскія, которыя представляютъ собою уже крайность Западной семьи, противуположную Аѳонскимъ, другой крайности Восточной семьи. На долю Хлумскихъ и Травунскихъ грамотъ не много приходится случаевъ законнаго служенія б-ы ь, хотя онѣ въ Западной семьѣ XV-го в. составляютъ бо̀льшую половину. Что же касается до несущественнаго служенія б-ы ь, то онѣ не уступаютъ въ немъ другимъ односемейнымъ съ ними грамотамъ. Самое обширное несущественное употребленіе б-ы ь видимъ мы въ замѣнѣ этою буквою полной гласной и въ косвенныхъ падежахъ существительныхъ жен. р. на -ь и во всѣхъ падежахъ существительныхъ того же рода на -ии, въ прямыхъ падежахъ существительныхъ собират. на -ие, во всѣхъ падежахъ сущ. ср. р. на -ие и прилагательныхъ на -ии, -иа, -ие,—замѣнѣ, которая съ первой половины XV-го в. усиливается весьма значительно, такъ что безпорно, можно сказать, ей принадлежитъ первенство во всей разнообразной области служенія б-ы ь въ XV-мъ вѣкѣ. На всякомъ шагу встрѣчаемъ подобныя формы: помензтьи, -а (С. NN№ 87, 102, 120), ѿ небитья на битьѣ (С. № 89), судьи, -а (С. NN№ 89, 107), приморью (С. NN№ 89, 116, 150 — 154), приятельи,-е, приятелье (С. NN№ 89, 104, 114, 135), родителье, -е (С. NN№ 89, 97, 132, 144), печатью (С. NN№ 92, 114, 116, 117, 120, 123, 127, 129, 130, 134, 135, 140, 143, 151, 152, 153, 157, 162), поклисарье, -и, -е (С. NN№ 95, 97, 100, 104, 114, 117, 123, 126, 144), матерью (С. NN№ 95, 118), бжьѥю, бжьи, -ѿ, божье, -ега и т. д. (С. NN№ 97, 102, 107, 117, 120, 128, 129, 133, 141), лудье, людье, лю̑ье, людьи (С. NN№ 101, 118, 142, 163), тью (С. NN№ 104, 107, 114, 127, 133), хитростью, лакомостью (С. NN№ 104, 107, 114, 120, 127, 133, 142), ӡнанье, -и (С. NN№ 106, 127, 143, 157), милостью, ма̑тью (С. NN№ 107, 116, 117, 118, 120, 122, 127, 129, 133, 134, 141), споменутьи, -а, -и (С. NN№ 122, 127, 128, 133, 134, 141, 142, 144), устроеньемь, пристѹпленье (З. А.), мѹчителье (С. № 136), приставье (С. № 140) и пр. и пр. Сверхъ того ь замѣняетъ и въ слѣдующихъ словахъ: сью, -ои, сьеган, сьемь (С. NN№ 89, 91, 107, 114), увьенье (С. № 89), хрьстова (С. № 103), дьяка, -а, дьякь (С. NN№ 104, 107, 114, 122, 127, 129, 133), упьѣхѹ, -ѣхѹ (С. NN№ 107, 114, 127, 133), трь, прьти, прьмися (С. № 115), прьписавь, -ѹ (С. NN№ 115, 119), прьписмо, -ше (С. NN№ 115, 123, 130), непрьмӡань (С. NN№ 115, 126), прьде, -оше, прьдасе (С. № 121), керьгахь, ирьна (Ирина, С. № 130), трьканѣхѹ, гдѣ ь замѣняетъ ие (С. № 145); во 2-мъ л. ед. ч. наст. вр. и въ неокончательномъ наклоненіи. Оно лишнее въ формахъ: сьне (С. № 107), пампрьи (С. № 119), грьнканице, крьнем (С. № 121), прьнед, прьнеписаше, прьписмо, прьнти, (С. № 126), братьюмь, -омь (С. NN№ 136, 140), божьнѡь, божьюмь (С. № 141), ибо смягчающее дѣйствіе уже безъ него производится послѣдующимъ и; въ словѣ прьедь (С. № 123) оно не нужно по тому, что е есть уже мягкое, то же, что ѥ, и здѣсь стоитъ вм. ѣ, какъ и въ вышеприведенныхъ приед и прие, гдѣ ие есть то же, что ѣ; также точно ненужно оно и въ словахъ властельемь (С. № 107), прьеме (С. № 126). Оно стоитъ вмѣсто смягчающаго і въ словахъ прадьѹ (С. № 84), кнезьоѵ (С. № 103), литрьѹ, -ьа (С. № 123). Наконецъ замѣтимъ сочетаніе въ Боснійской гр-ѣ С. № 136: прьеи, украсивьхь, створихьемь, потврьдихьемь, братьемь,

гдѣ ы, ье есть и, въ нѣкоторыхъ стянутое изъ ьи. Б-а ь замѣняетъ б-у в въ слѣдующихъ словахъ: исътию (С. №№ 87, 108), светогь, косиаскогь, нашегь, принисокогь, какъ и нынѣ, гь, оплѣнимь (С. № 88), ꙁаветъ (С. № 101), ꙁгорь (С. №№ 112, 115, 127, 128, 132), патрьиꙗ (С. № 115), иьанишь (Иванишъ, С. № 117), далмьци (Далмаціи, С. № 136), е- ѣнѣлисте (С. №№ 142, 143) ѿсемь, вм. ѿсеми или ѿсемь (С. № 143), ср. посеи (С. № 40), ꙁаꙁати (С. № 157); б-у е: ѡхадьлю (С. № 89), вельможье, -жами (С. №№ 89, 92, 136), ощь, ощь (С. №№ 92, 94, 96, 104, 106, 112, 114, 115, 119, 121, 122, 125, 127), срьѣа (Сергія, С. № 132), пламьнита (С. № 172); б-у а: обьтоканьо (-ньно, С. № 107), годь (годъ, С. № 114), крьме, -на (С. №№ 115, 126), потрьбовало, прьстопъ (С. № 115), прьписа, -ше (С. №№ 115, 123), прьдь, прьстави, (С. № 121), прьми-нали (С. № 126). Попадается еще сочетаніе ья вм. а въ выраженіи сетьа ꙁа-писа (С. № 141). Другой видъ несущественнаго служенія б-ы ь есть тотъ, въ которомъ она является произвольно вставленною для смягченія и разъединенія согласныхъ тамъ, гдѣ природа слова и законы сравнительнаго словообразованія того не требуютъ. Она является при стеченіи одинакихъ согласныхъ, на пр., ретьнье, -омь (С. №№ 89, 93, 107), писаньно, -о (С. №№ 92, 107, 114), рѣньми, -е, -о, -ньмь,-нехь (С. №№ 107, 114, 117), кон-стантиньомь, немокиньяхъ, имьнокльми (С. № 114), ꙁаноньие,-омь (С. №№ 117, 118), ꙁаписаньнемь, иконамьньнковь (С. № 118); при стеченіи разнородныхъ согласныхъ: ꙁьмедници (С. № 130) и въ иностранныхъ словахъ: далмации, дамьци, (З. А.; С. № 136), геньарра (С. № 84), петьрь (С. № 98), маргела (С. № 107), марьта, марьта, (С. №№ 116, 170), херьцегь, -а (С. №№ 118, 140, 161, 163), еванѣелие,-лью,-листи (С. №№ 118, 141, 150), ингьнгрь,-а (С. №№ 119, 152), феврьара (С. №№ 127, 163), авьгуста (С. № 139), децембра (С. № 140), аньдрия (С. № 141) и пр.

Легко можно было замѣтить, что, разсматривая употребленіе б-ы ь по вѣкамъ, я не приводилъ примѣровъ для слоговъ рь и ль: это по тому, что относительно нихъ должно принять за правило, что слогъ ль, въ продолженіе своего существованія, и слогъ рь, въ продолженіе всей разсматриваемой нами письменности, соединяются крѣпче другихъ буквъ съ полугласнымъ ь, и при томъ такъ, что ь всегда стоитъ сзади плавной. Крѣпость такого соединенія истекаетъ изъ самой природы этихъ слоговъ. Б-ы р и л вмѣстѣ съ полугласною составляютъ слогъ: слѣдовательно, сдѣсь полугласная занимаетъ мѣсто полной гласной, а таковая никогда не опускается изъ слога. Только мягкая, тягучая природа плавныхъ довела полную гласную до возможности обратиться въ полузвукъ; но никогда б-ы р и л сами по себѣ не составляли слога. Другое дѣйствіе ихъ плавности оказалось въ томъ, что полугласная была поставлена сзади ихъ, а не спереди, какъ надлежало бы по подобію полныхъ гласныхъ, образующихъ слогъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что какъ скоро полугласіе слоговъ рь и ль переходитъ въ полногласіе, то гласная, замѣняющая ь, уже становится впереди плавныхъ. Сдѣсь пока укажу только на исключенія, и не болѣе, какъ исключенія, въ пользу предшествія полугласной. Но таковыя чрезвычайно рѣдки; вотъ они: ьрхь, сьврьшени (С. № 16), ьлкота (С. № 57), сърблѣмъ (Г. V), сьрисие (печ., А. т. XI), ьрносмль (печ., Мл.) Не менѣе рѣдко повтореніе б-ы ь спереди и сзади плавной: ьрьновьнца, сьврьть, ьрьца (С. № 16), угърьскомь, -ога (С. №№ 20, 98), тьрьге (С. № 132). Вообще Сербы любятъ слогъ рь и даже иногда позволяютъ себѣ законныя соединенія ер, ри и ре обращать въ несущественное рь. Сюда отнесу вышеприведенные примѣры:

срьгн, срьѣа (Сергія), потрьбовано, крьме, прьдь, хрьстова, трь нт. п., а также дрьмии (С. № 84), дрьжьми (С. № 86), дрьво (С. № 137) и пр. Слогъ ль является однажды таковымъ въ словѣ дльфиноу (С. № 15), ср. далмфиш (С. № 14).

Наконецъ еще объ одномъ употребленіи б-ы ь остается мнѣ сказать—объ удвоеніи. Обыкновенно думаютъ, что удвоеніе б-ы ь есть признакъ родительнаго падежа, при томъ признакъ внѣшній, плодъ досужей выдумки писцовъ, желавшихъ чѣмъ нибудь отличитъ родительный п. мн. ч. существительныхъ муж. р. отъ именительнаго ед. ч. Сверхъ того, Шафарикъ замѣчаетъ, что ьь или ь съ удвоеннымъ значкомъ ̏ или ̑ показываетъ, что сдѣсь его должно произносить, какъ долгое *а* [1]. Примѣры приведены имъ, большею частію, изъ памятниковъ, принадлежащихъ Сербобулгарской письменности, гдѣ Ц.-Славянская стихія преобладала; а изъ народныхъ упомянута только грамота Душана 1348 года. Примѣры Шафарика справедливо заставляютъ догадываться, что ьь есть изобрѣтеніе православныхъ писцовъ и преимущественно духовныхъ: дѣйствительно, наши грамоты подтверждаютъ эту догадку тѣмъ, что изъ нихъ только Аѳонскія и немногія собственно-Сербскія имѣютъ въ себѣ ьь, первыя болѣе, вторыя менѣе. Исключеніе составляетъ только одно слово хунивьь, встрѣчающееся въ Травунской гр-ѣ (С. № 78); но оно не можетъ быть принято въ расчетъ по своей одинокости, и по тому еще, что не есть родительный п. мн. ч.; скорѣе его должно считать за погрѣшность писца. Справедливо можно сказать, что ьь не выходило изъ круга грамотъ, писанныхъ при православномъ дворѣ, и тѣмъ чаще встрѣчается, чѣмъ грамота ближе къ дѣламъ, а слѣдовательно, и вліянію православнаго духовенства. Что же касается до мнѣнія Шафарика, будто бы ьь должно произноситься, какъ *ā*, то это не можетъ быть доказано письменными памятниками. Положимъ, что народъ въ своемъ говорѣ издавна озвукотворялъ въ родит. п. мн. ч. б-у ь черезъ *а* и при томъ произносилъ сдѣсь эту послѣднюю, какъ долгую; но такого озвукотворенія въ письменныхъ памятникахъ, и именно современныхъ и одномѣстныхъ удвоенному ь, не видимъ еще и слѣдовъ. Озвукотвореніе началось позднѣе и при томъ на почвѣ, совершенно противуположной Аѳонскимъ грамотамъ, на почвѣ Западной семьи. Двойное ь не можетъ также быть однимъ внѣшнимъ, ничего не значащимъ признакомъ родительнаго п. мн. ч. Если, по Шафарику, окончаніе этого падежа звучало на *ā*, то вовсе не нужно бы было отмѣчать его двойнымъ ь, ибо и безъ того была разница между нимъ и окончаніемъ именительнаго п. ед. ч. Если же въ произношеніи не было между ними никакого различія, какъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, а это всего вѣроятнѣе, ибо подтверждается участіемъ православнаго духовенства въ образованіи ьь, то опять не нужно бы было различать ихъ, какъ не различаются они въ Ц.-Славянской письменности. Дѣло въ томъ, что ьь, будучи признакомъ родительнаго падежа, вмѣстѣ имѣетъ и свое внутреннее значеніе, на которое указываетъ тожественное съ нимъ ь̏, ь̑. Значекъ ̏, какъ замѣтили мы прежде, исполняетъ два главныя назначенія—выражаетъ мягкость и служитъ признакомъ стяженія голоса. Двѣ деспотскія грамоты (С. №№ 73, 91) весьма важны для насъ въ томъ отношеніи, что чрезвычайно осторожно употребляютъ значекъ ̏: гдѣ пишутъ одно ь въ род. п. мн. ч., тамъ ставятъ надъ нимъ этотъ значекъ, а гдѣ пишутъ ьь, тамъ значка надъ нимъ нѣтъ. Это обстоятельство и доказываетъ тожественность ь̏ и ьь, на пр., доубровчанѝ, свѣдокѝ, срьблѝ и доубровчаньь, срьбльь. Такъ равно въ другихъ

[1] Serbische Lesekörner, стр. 30

грамотахъ находимъ или ьь, или одно ь со значкомъ ̏ , на пр., ѿцьь (А. №№ 8, 11), а̑пльь, сокольрь, исарь, сѫродникь (А. № 5), родитель, моужь, ѿць, а̑пль (А. № 10), старьць (А. № 18), монастирьь (Г. А) и пр. Но встрѣчаемъ нѣкоторыя исключенія: значекъ ̏ ̏ и подобный ему ̎, или даже одинакій ʹ ̀, исполняющій сдѣсь, вѣроятно, то же самое назначеніе, стоятъ надъ двойнымъ ьь: пра- родительь, споудьь, моужьь, ѿцьь (А. № 10), родительь (В. № 1), сѫродникьь (А. № 4). Что касается до значка ˚, два раза поставленнаго надъ ьь: прародительь (А. № 4), игоуменьь (А. № 3), то онъ, имѣя совершенно иной родъ служенія, стоитъ надъ этою буквою въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ поставляется и надъ однимъ ь. О значкахъ ̆ ̑ надъ ьь мы уже говорили. И такъ, сообразивъ большинство случаевъ, мы должны согласиться, что дѣйствительно ьь было назначаемо писцами для родительнаго п. мн. ч. въ отличіе отъ именительнаго п. ед. ч.; но въ то же время необходимо прибавить, что въ этомъ случаѣ писцы употребляли второе ь не какъ одинъ внѣшній признакъ этого падежа, а видѣли въ немъ внутреннее достоинство, само за себя говорящее, именно, его мягкость и долготу. Если бы оно само по себѣ ничего не означало, то они, въ отсутствія его, не ставили бы съ такою вѣрностію значковъ ̏ ̏, ибо для ничего не выражающей буквы не нуженъ былъ бы и значекъ. Чтобы лучше объяснить дѣло, мы должны вспомнить, что въ Индоевропейскомъ праязыкѣ родительный п. мн. ч. исходилъ на долгую гласную, какъ видно изъ Санскрита, который для этого падежа имѣетъ окончаніе *âm*, изъ Готскаго, гдѣ первичное *â* уже обратилось въ *ê*, и Литовскаго, гдѣ оно есть уже *û*; ср. Греч. *ων*. Ц.-Славянскій языкъ, въ своемъ стремленіи къ стяженію гласности въ полугласіе, стянулъ исходную гласную, не смотря на то, что она была долгою, въ полузвукъ, выраженный имъ чрезъ ъ, или ь. Прочія же Славянскія нарѣчія, обратившись снова къ полногласію, выразили конечную гласную различнымъ образомъ, но всюду въ видѣ долготы, или цѣльной, или разложенной на двоегласіе, хотя, впрочемъ, во всѣхъ, кромѣ Сербскаго, остался значительный отдѣлъ словъ, въ которыхъ сокращеніе долгой гласной въ безгласіе или, что то же, исходъ падежа на согласную, оставленъ не тронутымъ. Сербскій языкъ, одинъ изо всѣхъ Славянскихъ языковъ, всюду имѣетъ долгое гласное окончаніе, цѣльное *а*, *и*, или разложенное *ова*. Ближе всѣхъ подходятъ къ нему Лужицкія нарѣчія, которыя тоже почти всюду имѣютъ гласное окончаніе *ow*, и иногда въ В.-Лужницкомъ *i*, съ тѣмъ однако отличіемъ, что въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ допускаютъ при полномъ окончаніи и сокращенное на полугласную. Такое постоянство Сербскаго нарѣчія должно было обратить на себя вниманіе древнихъ писцовъ, когда они, пиша слово по-церковнославянски произносили его въ то же время по-сербски. Но точно ли считали они необходимымъ, поставивши Ц.-Славянскую форму, произносить ее по-сербски? Рѣшивши этотъ вопросъ, мы можемъ задать себѣ и другой вопросъ: отъ какого именно падежа хотѣли писцы отличить родительный п. мн. ч., отъ именительнаго ли п. ед. ч. по Ц.-Славянскому произношенію, или же отъ родительнаго того же числа по Сербскому произношенію? Очевидно, первый вопросъ зависѣлъ отъ произвола писцовъ: всякій имѣлъ право произносить форму, какъ хотѣлъ, такъ, или сякъ. Тѣмъ не менѣе все заставляетъ думать, что если въ правописаніи грамотъ, гдѣ есть ьь, писцы твердо держались Ц.-Славянскаго языка, то произносить написанное должны были, преимущественно придерживаясь Ц.-Славянскаго чтенія: слѣдовательно, родительь звучало, какъ родитель, а не какъ родителя. Тѣ же имена, которыя исходили на твердую полугласную,

звучали твердо, на пр., доубровтамь звучало, какъ доубровтамъ. Мы видимъ надъ другими буквами, что Сербы не стѣснялись Ц.-Славянскимъ правописанiемъ, даже въ ближайшихъ къ нему грамотахъ, и если какая нибудь буква противорѣчила ихъ выговору, то они измѣняли ее: такъ, не имѣя носовыхъ звуковъ, они выбросили ихъ и на ихъ мѣсто поставили оу и е — тѣ самые звуки, въ которые обратились у нихъ носовые, — и это совершилось въ равной степени въ грамотахъ обоихъ семействъ. По этому и ьь произносили они за ь, а не за *a*, ибо когда стали произносить его за *a*, тогда прямо стали такъ и писать его. Допустивши это, мы уже смѣло можемъ рѣшить и другой вопросъ и сказать, что, удвоивая ь въ родит. п. мн. ч., они имѣли въ виду отличiе его отъ именительнаго п. ед. ч., но отнюдь не родительнаго, ибо, во первыхъ, окончанiе родит. п. ед. ч. не имѣетъ долгаго *a*, а по тому не для чего было отличать его; и во вторыхъ ьь употребляется почти исключительно для именъ мужескаго рода, тогда какъ если бы ьь служило для отличiя родительнаго п. мн. ч. отъ такого же ед. ч., то ьь имѣло бы равносильное употребленiе и въ среднемъ родѣ, ибо его родительный п. ед. ч., какъ и въ мужескомъ родѣ, звучитъ на *a*. Все это приводитъ къ тому, что писцы смотрѣли на ь (ъ) родительнаго п. мн. ч., съ одной стороны, какъ на чисто внѣшнiй знакъ, и съ этой точки зрѣнiя не находили между нимъ и ь (ъ) именительнаго п. ед. ч. никакого различiя; а съ другой стороны, не находя между ними никакого внѣшняго различiя, что очень естественно, ибо это былъ одинъ и тотъ же знакъ, поглотившiй въ себя и твердость и мягкость и сдѣлавшiй ихъ безразличными, они видѣли между тѣмъ и другимъ ь большую разницу, какъ скоро къ Ц.-Славянской формѣ примѣняли Сербское произношенiе: и по тому, не желая явно нарушать своего правила писать и читать въ извѣстномъ разрядѣ грамотъ по-церковнославянски, они только тонкимъ намекомъ давали знать, что въ ихъ народномъ говорѣ ь родительнаго п. мн. ч. звучитъ отлично отъ именительнаго п. ед. ч. Такимъ образомъ они мирили народную стихiю съ Ц.-Славянскою. Чѣмъ же могли они всего лучше намекнуть на это различiе? Чтобы остаться вѣрными Ц.-Славянскому полугласiю, они оставили его неприкосновеннымъ въ видѣ ь, но чтобы въ то же время намекнуть и на народную гласную долготу, имъ не оставалось больше ничего, какъ только повторить ь въ видѣ ьь, что и получило свое внутреннее значенiе, какъ выраженiе долготы. Положимъ, что это былъ условный, наружный знакъ, но все таки онъ имѣлъ и внутреннее значенiе, указывая на долгую гласную, присутствующую въ родит. п. мн. ч. по народному способу произношенiя: такъ ьь соединило въ себѣ оба воззрѣнiя, и внѣшнее и внутреннее. Первое ь было, по произношенiю, то мягкое, то твердое; второе мягкое; но приращенiе голоса, замѣчаемое въ мягкости, всегда придаетъ звуку самостоятельность, собственный отбой голоса, большую продолженность: по этому долготу 6-ы *a* въ родит. п. мн. ч. справедливо можно бы было приписать 6-ѣ ьь. Тамъ, гдѣ они писали одно ь, они ставили надъ нимъ значекъ ˇ ˙, чтобы показать, что ь сдѣсь стягиваетъ въ себѣ двойную мягкость и должно быть разложено на ьь. Но все таки ьь было однимъ лишь письменнымъ знакомъ; въ произношенiи же его слышался тотъ самый полугласный звукъ, твердый, или мягкiй, какой имѣло слово въ именительномъ п. ед. ч. народнаго говора. По этому, чтобы не навести произношенiе на что нибудь особенное, на какую нибудь двойственность звуковъ, писцы ставили надъ однимъ изъ ьь открытый значекъ ˇ, какъ мы видѣли выше, — и это служитъ новымъ доказательствомъ тому, что писцы въ этомъ случаѣ руковод-

ствовались произношеніемъ, ближайшимъ къ Ц.-Славянскому, т. е., принимали ь за безгласное ь, и только предшествующей согласной придавали твердый, или мягкій отзвукъ, смотря по свойству народнаго языка. Но такъ какъ въ Сербскомъ языкѣ долгое *а* служило исходомъ для родительнаго п. мн. ч. именъ всѣхъ родовъ, то, признавши за ь и внутреннее значеніе, какъ долготы, мы поймемъ, по чему это внутреннее свойство позволило окончанію ь перейти сначала на родительный п. мн ч. именъ женскаго и средняго рода, хотя и сдѣсь собственно мягкое окончаніе этого падежа было лишь условнымъ, ибо силь, сель могли звучать, какъ *силъ*, *селъ*. а потомъ, какъ дальнѣйшее дѣйствіе той же озвукотворяющей и удлинняющей силы, и на именительный п. ед. ч. муж. р. однихъ, по видимому, только указательныхъ мѣстоименій; на пр.: силь̆ (А. № 2), ѕейль, брашниньфь, ѧнтифь (А. № 8), ѕейль̆, мѣсть (А. № 9), прьдь̆, работь̆ (А. № 5), сьль, гоуни, работь (А. № 10), мѣсть (А. № 11), сель̆ (А. № 18), коунй, работь̆ (А. № 17), блгь (Г. Б; А. № 20), госпдь (С. № 175); сь̆ (А. № 2), сь̆ (А. № 20), ть̆ (А. № 4), ср. ть̆ (А. № 17) и нынѣшнія *сай*, *тай*.

Этимъ я заключаю первую часть изслѣдованія о б-ѣ ь. Припоминая всѣ разсмотрѣнные нами по вѣкамъ случаи употребленія б-ы ь, мы приходимъ къ такому итогу. Въ древнѣйшее время грамоты всѣхъ семействъ сходились и ничѣмъ не рознились между собою въ употребленіи б-ы ь: употребленіе это было, большею частію, существенное, т. е., такое, которое требовалось законами словообразованія, прадавнею гласностію, и оправдывалось родствомъ Сербскаго языка съ Индоевропейскими. Такъ какъ Ц.-Славянскій языкъ былъ настоящимъ разсадникомъ полугласныхъ, то существенное употребленіе б-ы ь въ Д.-Сербской письменности сходилось съ таковымъ же употребленіемъ б-ъ ъ и ь въ Ц.-Славянской. Но съ теченіемъ времени и самая Восточная семья грамотъ, ближайшая къ Ц.-Славянской стихіи, лишалась болѣе и болѣе тонкости чутья относительно полугласнаго начала, не могшаго держаться въ ней во всемъ обширномъ объемѣ, въ какомъ оно развилось въ Ц.-Славянскомъ языкѣ: тѣмъ не менѣе до самого конца XV-го ст. она отдавала преимущество существенному ь передъ несущественнымъ, хотя случаи его служенія значительно уменьшились своимъ количествомъ. Западная семья, подъ конецъ XIV-го и во все продолженіе XV-го ст. еще болѣе, чѣмъ Восточная, стѣснила и утратила это служеніе, отдавъ преимущество несущественному или такому, гдѣ б-а ь является замѣнительною, или произвольно вставленною. Несущественное служеніе б-ы ь возникло еще въ древнѣйшей письменности, въ сравнительно меньшемъ объемѣ противъ существеннаго, и съ тѣхъ поръ продолжалось безпрерывно до самого конца XV-го ст., но безъ успѣховъ въ Восточной семьѣ и напротивъ съ огромнымъ успѣхомъ въ Западной, начиная съ XV-го вѣка. Вообще ослабленіе и паденіе б-ы ь есть признакъ его движенія по разнымъ семьямъ Сербскихъ грамотъ и по различнымъ возрастамъ Сербской письменности.

Перехожу ко второй части изслѣдованія о б-ѣ ь—къ ея опущенію. Эта часть займетъ у насъ не много времени, ибо уже одно главное положеніе, что опущеніе б-ы ь находится въ обратномъ отношеніи къ ея употребленію, само по себѣ достаточно объясняетъ дѣло. Не разъ замѣчали мы, что главнымъ мѣстопребываніемъ полугласныхъ должно почитать Ц.-Славянскій языкъ, ибо въ немъ въ наибольшей мѣрѣ проявилось полугласное начало: мы видѣли также, что другія Славянскія нарѣчія стараются уполногласить ъ и ь; а тамъ, гдѣ огрубѣвшее произношеніе уже болѣе не помнило Ц.-Славянскаго полугласія и

гдѣ могло обойтись безъ него съ однимъ безгласіемъ, они выкидываютъ ихъ. Потомъ мы показали на примѣрахъ, какъ Сербскій языкъ старается уполногласить Ц.-Славянское полугласіе, или, обходясь безъ гласности, совершенно отбрасываетъ и самый признакъ полугласія б-ъ ъ и ь. Строго говоря, полугласіе, въ собственномъ смыслѣ слова, сохранилось въ немъ единственно въ слогѣ рь; а въ древней его письменности на нѣкоторое время присоединился къ этому еще слогъ ль, пока, въ свою очередь, не обратился въ гласную. Такимъ образомъ все многоразличное употребленіе полугласнаго ь, замѣченное нами въ предыдущей части изслѣдованія, является не болѣе, какъ подражаніемъ Ц.-Славянской письменности и слѣдствіемъ вліянія послѣдней на древнюю Сербскую. То, что мы назвали существеннымъ употребленіемъ б-ы ь (кромѣ слога рь), есть не что иное, какъ разумно сознанное писцами Ц.-Славянское служеніе б-ъ ъ и ь, внесенное ими въ видѣ б-ы ь на Сербскую почву. Напротивъ, несущественное служеніе б-ы ь, и именно самая объемистая его часть, въ которой ь является стягивающимъ звукъ и при послѣдующей гласной, есть уже слѣдствіе народнаго вліянія языка, которое въ послѣдствіи приняло совершенно народный видъ, опустивъ вовсе ь или, лучше сказать, заставивъ послѣдующую гласную поглотить въ себя предшествующее и, сокращенное предварительно въ ь. Отъ того-то въ Западной семьѣ грамотъ, наиболѣе народной, это несущественное служеніе б-ы ь такъ сильно развилось и укрѣпилось въ XV-мъ вѣкѣ. И такъ полугласное ь, перенесенное въ Сербскую письменность, очутилось не на своей почвѣ; Сербскій языкъ не могъ придать ему истинно Сербской природы; не могъ сдѣлать его самостоятельною частію народнаго слова. Твердость и мягкость звуковъ существовали въ Сербскомъ языкѣ столь же самобытно, какъ и въ Ц.-Славянскомъ: оба языка сознали ихъ, каждый по своему. Вмѣшавшись въ Сербскую письменность и не имѣя такого удѣльнаго вѣса, какъ полныя гласныя, ъ и ь утратили сдѣсь свое истинное разумное значеніе, первымъ слѣдствіемъ чего было ихъ взаимное смѣшеніе, изгнаніе перваго, господство и упадокъ послѣдняго. Будучи лишь видимымъ знакомъ твердости и мягкости и не имѣя въ себѣ для Сербовъ никакого самобытнаго звука, ь должно было скоро лишиться своего служенія. Оно могло держаться только на своей родной почвѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ стоялъ другой знакъ, ъ, и гдѣ такимъ образомъ оба знака поддерживали другъ друга въ равновѣсіи, составляя живую часть языка: если былъ неумѣстенъ одинъ, то необходимъ былъ другой, чтобы соблюсти въ словѣ настоящую его природу и его благозвучіе, истекающее отъ правильнаго различенія твердости и мягкости. Отъ того въ наше время нѣкоторые Сербскіе писатели, желавшіе видимыми знаками отличить твердость и мягкость согласныхъ звуковъ и, естественно, приведенные къ Ц.-Славянскимъ полугласнымъ, приняли оба знака, ъ и ь. Такъ и должно быть. Но въ древнемъ Сербскомъ правописаніи, съ изъятіемъ изъ употребленія одного знака, и другой долженъ былъ поколебаться: и дѣйствительно, писцы начали его по немногу выпускать, когда онъ являлся безгласнымъ, или только смягчающимъ. Нынѣшнее же большинство Сербовъ, слѣдуя В. Караджичу, порѣшило тѣмъ, что вовсе изгнало изъ своего правописанія какъ ь, такъ и ъ, даже изъ слога р, удержавъ ь только въ слитномъ видѣ для смягченія плавныхъ л и н:—љ, њ.

Но между тѣмъ, какъ въ большей части собственно-Сербскихъ грамотъ и во всѣхъ грамотахъ Западной семьи писцы прямо выбрасывали ь, въ Аѳонскихъ и немногихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ они не отваживались непосредственно на это дѣйствіе, но чаще ограничивались тѣмъ, что выводили ь изъ строки и по-

ставляли вмѣсто него сверху строки условный значекъ. Впрочемъ, это была не древнѣйшая выдумка писцовъ: въ XII-мъ вѣкѣ значки еще не существовали въ Сербской письменности, и писцы принуждены были въ гр-ѣ Немани отбрасывать ь безъ вознагражденія его какимъ либо значкомъ. Самая твердая сторона служенія б-ы ь есть та, въ которой эта буква является истинно полугласною съ своимъ самобытнымъ, хотя и неопредѣленнымъ отзвукомъ. По тому самому, что отзвукъ этотъ не имѣлъ въ себѣ ничего яснаго и положительнаго, писцамъ, употреблявшимъ Ц.-Славянскую азбуку, всего легче было выразить его полугласнымъ ь: такъ и писали они слоги рь и ль; и въ этихъ слогахъ ь сохранялось гораздо тверже, чѣмъ въ другихъ, такъ какъ сдѣсь оно имѣло свою собственную частицу гласности. При томъ слогъ рь былъ чисто народнымъ, ибо и доселѣ звучитъ одинаково, какъ звучалъ въ старину, т. е., съ полугласнымъ отзвукомъ: и теперь пишутъ *крст* или, по другимъ, *крьстъ*, и не нуждаются въ полномъ озвукотвореніи этого полугласнаго сочетанія. Отъ того весьма естественнымъ слѣдствіемъ было постоянное употребленіе этого слога съ б-ю ь, какъ и другое, ближайшее къ народному, стяженіе и передъ гласною въ ь. Эти два случая употребленія б-ы ь, присоединивъ къ нимъ и слогъ ль, въ слѣдствіе ихъ относительной близости къ народной рѣчи, были прочнѣе другихъ, и по тому весьма неудивительнымъ покажется, что рь и ль безъ ь являются не болѣе, какъ исключеніями, между тѣмъ, какъ другіе случаи опущенія б-ы ь суть такіе же законные, какъ и самые подобные имъ случаи употребленія б-ы ь: тѣ и другіе имѣютъ свое историческое значеніе. Присутствіе б-ы ь указываетъ на вліяніе Ц.-Славянской стихіи, отсутствіе ея указываетъ на вліяніе народной стихіи: изъ этѣхъ двухъ стихій сложилась вся Д.-Сербская Кириловская письменность. Если писцы опускали ь тамъ, гдѣ видѣли въ немъ одно лишь безгласіе, или одну лишь смягчающую силу, то они не дѣлали ошибки противъ роднаго слова, для котораго не по силамъ, да и не за чѣмъ было сохранять ь во всемъ его обширномъ объемѣ, съ какимъ оно перенесено было первоначально съ Ц.-Славянской почвы на Сербскую: достаточно было и того, что ь приложилось къ народной рѣчи въ двухъ вышеупомянутыхъ случаяхъ: рь и ль, гдѣ оно получило все таки какое нибудь самостоятельное значеніе.

Послѣ всего сказаннаго не мудренымъ покажется, если и въ самыхъ первыхъ грамотахъ мы найдемъ столько же случаевъ для опущенія б-ы ь, сколько нашли ихъ для употребленія ея. Такъ, въ гр-ѣ Кулина находимъ: **княже**, **ѕлоди**, **кто**, **мне**, **книгꙋ** и пр. (А. И.) и въ гр-ѣ Немани: **всакога**, **многоꙋ**, **раѕвалень**, **вси**, **кнеѕе** и пр. (А. № 1). Въ XIII-мъ в. опущеніе б-ы ь становится чаще; оно совершается во всѣхъ тѣхъ видахъ, въ коихъ совершалось и употребленіе этой буквы. Примѣры столь многочисленны, что достаточно ограничиться нѣкоторыми изъ древнѣйшихъ грамотъ. Такъ находимъ: **створи**, **вса**, **правдами**, **крьстиница**, **дворски**, **кто**, **горскои**, **праӕвсци**, **предтеꙋ**, **моновска** и мн. др. (Ш. № VII), **всѣи**, **вси**, **всѣхъ** (С. №№ 2—7, 9, 15), **кто** (С. № 2), **мнѣ** (С. №№ 2, 9, 17), **клетва** (С. №№ 2, 3), **доѹброкѹномоѹ** (С. № 5), **добитькь** (С. №№ 5, 16), **книгахъ**, (С. №№ 5, 9), **кнеѕв** (С. №№ 4, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 17), **смо** (С. №№ 3, 11, 16), **всаке**,**-ога**,**-нмь**, **кто** (С. № 3), **рашкй** (С. № 7), **кто**, **правда** (С. № 6), **давше** (С. № 9), **вѕмѣ** (№№ 15, 17), **ѕло**, **любвь**, (С. № 16) и пр. и пр. Особенно въ сложныхъ формахъ опущеніе б-ы ь замѣтно усиливалось, на пр., **створи**, **вьѕложи**, **вь свыше**, **испрьва** (Ш. № VII), **иѕлаѕохь** (С. № 2), **схранити** С. № 3), **испльнена** (С. №№ 4, 15), **отворена** (С. № 4), **богни** (**бог ни**, С.

№ 11; Ш. № I.), **взми** (С. № 17), **изддаю** (С. № 21), **исхаби** (С. № 27), **створиль** (С. № 32) и пр. и пр. Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. опущеніе еще чаще. Не привожу примѣровъ изъ этихъ вѣковъ. Приведенные изъ предыдущаго уже достаточно показываютъ, что и въ этихъ вѣкахъ опущеніе 6-ы ь должно было итти въ обратномъ отношеніи къ употребленію ея, т. е., что по мѣрѣ ослабленія этого послѣдняго, оно, съ своей стороны, усиливалось.

Что же касается до конечнаго ь, то мы уже выше сказали, что оно никогда, не отбрасывается, и формы, каковы на пр., **код** (А. № 1), **брьзѕи** (Ш. № VII) **днии**, **сел** (А. № 6), **црков** (А. № 13), **перьпер** (З.), **хрисоводлих** (Г. А), **дроугыих**, **съхранит** (Г. Б), **моравицах**, **моих**, **иноплеменниых** и пр. (С.-Д. М. 1844) и т. п. суть не что иное, какъ описки, небрежность, или слѣдствіе недостатка мѣста. И на оборотъ, по словамъ Шафарика, ь иногда удвоивалось для того только, чтобы пополнить остающееся для строки пустое мѣсто [1].

Гораздо важнѣе для насъ прослѣдить опущеніе 6-ы ь при слогахъ **рь** и **ль**, такъ какъ, сказали мы, эти слоги представляютъ самое постоянное мѣстопребываніе 6-ы ь. Опущеніе это хотя возникло въ самыхъ давнихъ временахъ, однако, по малочисленности случаевъ и по значенію своему, можетъ быть названо не болѣе, какъ исключеніемъ. Вотъ всѣ случаи въ XIII-мъ в.: **држаль** (С. № 7), **србски**, **-е**. **-ихь** (С. NN№ 6, 13, 25, 31), **врхв**, **државе**, **држлии**, **цркве**, **-ам**, **српьске** (С. № 16). Замѣтимъ, что у Ш. № XVI всѣ эти примѣры, кромѣ перваго, имѣютъ ь. И въ Споменикахъ три послѣдніе примѣра можно объяснять случайнымъ отсутствіемъ титлы, которая въ другихъ мѣстахъ постоянно находится надъ этими словами. Въ XIV-мъ в.: **вседржителї** (А. № 4), **србскаго**, **-й** (А. № 4; С. № 176), **српски**, **-он** (С. NN№ 23, 64), **држи**, **срдановикѣ**, **смртны** (С. № 176), **црквахь**, **-а**, **црквь** (С. NN№ 39, 50, 76), **црковий** (А. № 7), **држани** (С. № 41), **потврди** (С. № 43), **грком**, **-омъ** (С. NN№ 43, 48, 49, 50, 53, 55; Г. А), **срблемь**, **-емь**, **-е** (С. NN№ 48, 49, 50, 53, 55, 64), **тврдо** (С. № 55), **свршн**, **-ть**, **-мо** (С. NN№ 61, 78), **потврдише**, **крста**, **срца**, **државе** (С. № 78), **србскы**, **-сихь** (печ., А. № 9; Р. III, стр. 1), **грке** (печ., А. №. 10). Въ XV-мъ в. отбрасываніе совершается въ равной мѣрѣ, хотя случаевъ и больше, ибо объемъ грамотъ увеличивается. Такъ мы находимъ: **србьском**, **сртьчаньство** (С. № 92), **вдржание**, **смрть**, **тврѣв**, **истрпити**, **прки**, **хрвать** (С. № 93), **тврдо** (С. № 95), **држави**, **срчанство**, **прким**, **крвь**, **грьцем**, **сврхв**, **крсти**, **срдчено** (С. № 96), **прво**, **тртки**, **држати**, **крсти** (С. № 99), **трговце** (С. № 101), **смрть** (С. № 109), **прстени**, **ѕрна** (С. № 130), **сружив**, **држе**, **кршили**, **крсти**, **умрли** (С. № 141), **крсте**, **држани**, **вржй**, **самрть**, **првихь**, **цркена**, **ѕрна** (С. № 157), **првоздании** (Г. Б), **дрва** (Мл.), **срблемъ** (печ., С.-Д. М. 1844). И сдѣсь также Восточныя грамоты далеко отстаютъ отъ Западныхъ, такъ что, за исключеніемъ двухъ, трехъ случаевъ, всѣ остальные случаи опущенія 6-ы ь приходятся на долю послѣднихъ. Что касается до слога **ль**, то онъ на столько устойчивъ, что въ немъ ь всегда присутствуетъ, и, какъ исключеніе, я могу изъ всѣхъ грамотъ привести только слѣдующіе случаи: **хлмьскога** (Ш. № XVIII), **плтию** (В. № 1), **влкь**, **-а**, **-ови**, **-в**, **-омь** (С. NN№ 73, 76; А. № 19), **вь плни државн** (С. № 96), **влковикемь** (С. № 112), **влкашн...** (мон., Г. III, NN№ 67, 68).

И такъ уже съ самыхъ древнихъ временъ въ Сербской письменности 6-а ь не пользовалась тѣмъ правильнымъ, всеобщимъ служеніемъ, которое писцы

[1] Serbische Lesekörner, стр. 30.

думали придать ей, какъ представительницѣ обоихъ полугласныхъ знаковъ Ц.-Славянскаго языка. Въ одной и той же грамотѣ, въ одномъ и томъ же словѣ она находила себѣ то пріютъ, то изгнаніе: въ первомъ случаѣ ее принимали во имя Ц.-Славянской стихіи; во второмъ ее изгоняли во имя народности. Чуждая стихія не могла снискать себѣ первенства, стоя рядомъ съ туземною, народною стихіею, которая стремилась къ достиженію своихъ законныхъ правъ въ кругу своей письменности. Несостоятельность Ц.-Славянской стихіи проявилась и въ ея отдѣльныхъ служебныхъ силахъ, которыя должны были отъ времени уступать все болѣе и болѣе силамъ новымъ, народнымъ. Пока у Сербовъ еще свѣжа была память объ языкѣ и письменности, на которыхъ они совершили свое первое нравственное развитіе, до тѣхъ поръ они въ свои народные памятники вносили свойства того языка и признаки той письменности, къ которымъ питали высокое уваженіе, какъ къ путямъ, приведшимъ къ нимъ православную вѣру; но по мѣрѣ развитія народной мысли и народнаго слова, вѣра и духовенство съ своею письменностію стали отдѣляться отъ области, въ которой совершались дѣла мірскія, въ которой звучало и дѣйствовало слово народное. Такимъ образомъ это отдѣленіе условило распаденіе Д.-Сербской письменности на два отдѣла и господство той, или другой стихіи въ языкѣ памятниковъ. Оставивъ въ сторонѣ Сербо-булгарскую письменность, мы въ другомъ отдѣлѣ, въ отдѣлѣ народныхъ памятниковъ, видѣли проявленіе Ц.-Славянской стихіи въ служеніи б-ы ь, которое, по своей обширности и утонченности, показываетъ близкое знакомство старинныхъ писцовъ съ языкомъ вѣры, а своею продолжительностію свидѣтельствуетъ о силѣ и глубинѣ корней, пущенныхъ ею въ почву Сербской письменности. Но чуждое осталось чуждымъ, не смотря на всю близость свою къ народному: эта близость и родственность дали ему право на обширность и продолжительность; но народное, вступая въ свои права, лишило служеніе чуждой стихіи его полноты и всецѣльности. Уже въ XII-мъ вѣкѣ ь не могло удержать за собою всѣхъ мѣстъ, законно ему принадлежащихъ; народность показала, что оно въ ея области не было столь необходимымъ, какъ у себя на родной почвѣ:—и первымъ слѣдствіемъ этого несогласія было изгнаніе б-ы ь изъ многихъ формъ, которыя оно занимало по праву своего служенія. Уже въ XIV вѣкѣ попадаются грамоты, въ которыхъ глазъ не встрѣчаетъ другаго ь, кромѣ конечнаго. Гоненіе усиливалось; серединное ь рѣдѣло; формы, лишенныя своей связи въ видѣ полугласныхъ, упрощивались, грубѣли. Мало того: народность воспользовалась самою б-ю ь и, взявъ ее въ свое распоряженіе, употребила по своему на стяженіе полногласныхъ звуковъ. Но полное изгнаніе б-ы ь могло совершиться безъ всякихъ послѣдствій только тамъ, гдѣ стеченіе согласныхъ было столь легко и звучно, что вполнѣ допускалось произношеніемъ: только тамъ, гдѣ не было никакого затрудненія въ выговорѣ слова, ь могло исчезать безслѣдно. Такихъ случаевъ было немного. Подобныя формы, какъ кьнєзь, кьто, тьто, кьнига, вьса и т. п. было легко произносить и при отсутствіи б-ы ь: кнєзь, кто, тко, что (шо, што), книга, вса, сва. Но другія, безъ полугласнаго отзвука, не легко поддавались языку; каковы на пр., днь, всь, синко, любвь и т. п. Притомъ, опуская ь безъ вознагражденія, народность Сербская страшилась впасть въ другую крайность, обнажиться отъ той одежды, которая была для нея, какъ и для прочихъ Славянскихъ нарѣчій, родная, ибо основывалась не только на взаимномъ родствѣ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, но и оправдывалась сравненіемъ ихъ съ прочими Индоевропейскими

языками. Эта одежда виднѣлась на словахъ, въ которыхъ согласныя были законно растворены гласными. Хотя Ц.-Славянское нарѣчіе и обратило по большей части эту гласность въ полугласіе, а другія Славянскія нарѣчія или удержали ее въ полнотѣ, или мѣстами, гдѣ позволялъ выговоръ, обратили тоже въ полугласіе, а мѣстами вовсе выкинули изъ произношенія и письма, особенно Латинскаго, тѣмъ не менѣе праязычная гласность, не смотря на исключенія, должна была присутствовать въ большей части словъ и доставлять языку ту настоящую его звучность, которая зависитъ отъ правильнаго сочетанія гласности и безгласности, твердости и мягкости. Озвукотвореніе б-ы ь явилось вознагражденіемъ за ея изгнаніе, противодѣйствіемъ обнаженію формъ, но въ то же время оно было вторымъ шагомъ народности,—такимъ, которымъ она достигала окончательнаго господства въ письменности. Она могла совершить его только уже послѣ пріобрѣтенія достаточной силы для того, чтобы превозмочь б-у ь и успѣть отрѣшить ее отъ ея служенія, т. е., послѣ перваго шага, который обнаружился въ возможности выбрасыванія б-ы ь изъ словъ, гдѣ она отправляла Ц.-Славянское служеніе. По этому озвукотвореніе б-ы ь должно было возникнуть не рано, уже послѣ совершенія перваго шага. И дѣйствительно, мы находимъ его въ полной силѣ только уже въ XV-мъ вѣкѣ. Но такъ какъ народный языкъ, сказали мы, тверже и постояннѣе, чѣмъ письменный, то онъ, вѣроятно, уже издавна озвукотворялъ Ц.-Славянское ь или что то же, издавна сохранялъ въ этомъ отношеніи то отличительное свойство, по которому его должно было назвать именно Сербскимъ, а не другимъ какимъ языкомъ. А всякое самобытное присутствіе народности не могло обойтись безъ болѣе, или менѣе значительныхъ слѣдовъ и въ письменности: по этому уже въ древнѣйшихъ памятникахъ находимъ ясные признаки озвукотвореннаго ь, хотя они суть не болѣе, какъ еще весьма отрывочное, робкое проявленіе народной стихіи; чрезъ нихъ народность давала знать о своемъ присутствіи въ области болѣе живой и самостоятельной, въ области народнаго слова. По мѣрѣ ослабленія той искуственности письменнаго языка, которая происходила отъ преобладанія въ немъ чужой, древнѣйшей и болѣе образованной стихіи, признаки народнаго слова проявлялись все яснѣе и яснѣе, пока въ XV-мъ столѣтіи не вошли въ полныя права гражданства. Такимъ образомъ повременный ходъ озвукотворенія б-ы ь будетъ новою точкою для разсматриванія служенія б-ы ь и вмѣстѣ третьею частію нашего изслѣдованія объ этой буквѣ.

Начнемъ съ древнѣйшаго проявленія озвукотворяющей народности. Древнѣйшій и всеобщій, во всѣхъ семьяхъ грамотъ являющійся, звукъ, служащій для претворенія б-ы ь въ полную гласную, есть е. Правда, звукъ этотъ не часто показывается въ грамотахъ, и примѣры его служенія не столь многочисленны, какъ звука а; но повсемѣстность его и старина даютъ ему право на первенство, тѣмъ болѣе, что истинно полугласный звукъ, присутствующій въ слогѣ рь, прибѣгаетъ къ нему же для своего уполногласненія. Въ XI-мъ в. Шафарикъ приводитъ изъ Латинскихъ памятниковъ слова: *selnico* и *Debriz*[1]. Въ XIII-мъ в. встрѣчаемъ е, замѣняющее ь, въ словахъ: питесаре (С. № 2), ксенопальнено (С. № 3), гостемь (С. № 7), ѡьсела,-ла (С. № 8), семьпе (С. №№ 12, 14), седа (С. № 14), честьни (С. № 12; Ш. № XVIII), довитекь (С. №№ 14, 16), именемь (С. № 10), доходекь (С. № 17), досека, ѡсела, весь, поуеть, везьметь, кьмерекь, се (т. е., сь) и род. п. мн. ч.: крьхе, земле, дрьжаке(е) (С.

[1] Serbische Lesekörner, стр. 23.

№ 16), мучение,-нь (С. NN№ 16, 20), настьвеникь, оугерьскомоу, семь, дьнешьни, добитекь (С. № 20; Ш. № XVIII). Въ XIV-мъ в.: игоумень, игоумена,-оу, игоумена, игоумень и т. д. (А. NN№ 3, 4, 9, 10, 11, 12, 18; Г. А), ср. игоумьнь (А. NN№ 7, 14, 18), рождешии (А. № 6), ретбуские (Мк.), геωргия, самодрьжець, молитвелешицоу, несемь (С. № 51), несемь (С. № 52) ре, (т. е., рьть, С. № 39), самодрьжець (С. № 42), узвмь (С. № 43), божьственнимь, црьквени (С. № 35), темеζи (С.-Д. М. № 1), паке (С. № 47), напреде (С. № 48), всвме (дат. мн.), тремн, с(ь) трьстениноме (А. № 13), бжьственое, ставилець, (С. № 61), иние (А. № 14), вь ζмлыние царьстве (С. № 84), божаственую (С. NN№ 84, 97), веселеном, существо (С. № 85). Въ XV-мъ в изебраном (С. NN№ 87, 108), безправьдено, неправедну (С. № 89), игуме, мьсельни (А. № 19), правед ио (А. № 17), родителемы (С. № 95), срдучено (С. № 96), мене,-в,-и,-не,-ме, менв,-и (С. NN№ 74, 96, 97, 98, 107, 114, 127, 128, 140, 143, 147, 155, 159, 161, 163), изебраном (С. NN№ 100, 106, 109), разебрасмо, изебра, рожества (С. № 100), по ωвеме (С. № 101), веселенеи (С. № 103), божественомь (С. № 104), людемь (С. № 107), неприезень (С. №108), везда (С. № 109), мехеме,-дь (С. NN№ 113, 164), нераавь, у ωкомен, у ономе, вь ωнвмен (С. № 114), приезень (С. № 122), ωбичеомь (С. № 128), на томеи (С. № 135), улокические (С. № 136), паке (С. NN№ 136, 171), на ωномен, (С. № 137), анегела (С. № 141), ωьвуве (род. мн., С. № 142), керавь, (С. № 144), по сихен листехь, у ωвихен (С. № 145), седа (С. № 168), темемъ, гдѣ видно колебаніе въ удвоеніи окончанія одного съ е, другаго съ ѣ (Мл.), благоучестивии (С. № 178). Замѣтить должно еще форму -десете, -десте, -десете, -дете (С. NN№ 92, 93, 99, 128, 130, 147, 154), въ сложныхъ числительныхъ именахъ. Въ Ц.-Славянскихъ рукописяхъ она также имѣетъ гласное окончаніе, которое собственно есть приставка къ носовому конечному звуку. Б-а ь смѣняется съ е въ словахъ: ζгоре,-е (С. NN№ 110, 145) и ζгорь, ζгωрь (С. NN№ 157, 163), юре, ере, ере, юре, евре и юрь, ерь, юрь, ерь (мн. р.), тере, тере и терь, терь, (мн. р.), сребро,-а съ производными: сребрьни,-и,-нехь,-ними,-ичкыи, сребрьними (Ш. № VII; А. NN№ 3, 11; С. NN№ 115, 126, 128, 135, 138, 146, 147) и срьбро,-а, срьбрьни, -ие (С. NN№ 115, 126, 130, 147). Относительно этой формы должно припомнить то, что сказалъ я выше о замѣнѣ слога ре несущественнымъ рь: сдѣсь видна любовь древнихъ Сербовъ къ претворенію полногласныхъ слоговъ съ б-ю р въ полугласные съ тою же буквою, такъ какъ это есть единственная буква, которая всегда и постоянно въ Сербскомъ языкѣ пользовалась правомъ образовывать слогъ съ полугласнымъ ь. Сверхъ того б-а е съ самыхъ первыхъ временъ письменности пріобрѣла себѣ постоянное и неизмѣнное право замѣнять первое ь въ окончаніи тв. п. ед. ч. именъ муж. и ср. р. (Ц.-Сл. -ьмь). Наконецъ въ именахъ собственныхъ, исходящихъ на ь, встрѣчаемъ часто замѣну б-ю е, на пр., раиче (С. № 61), владе (С. № 66), тоудре, добре, бале (А. № 6) и пр.

На оборотъ, существенный слогъ рь, хотя и до сихъ поръ звучитъ одинаково, какъ звучалъ въ старину, и хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, Сербы любили замѣнять имъ полногласные слоги съ б-ю р, однако и въ немъ проявлялась по временамъ озвукотворяющая сила народной рѣчи. И сдѣсь право первенства принадлежитъ б-ѣ е, такъ что другія буквы являются какъ бы исключеніями изъ общаго правила. Твердый и терпкій звукъ *р*, противуположный, хотя и однородный, мягкому и плывучему звуку *л*, долженъ былъ въ области народнаго языка испытать совершенно иную судьбу, чѣмъ *л*. Если

послѣдній вмѣстѣ съ полугласнымъ *ь* въ устахъ народа обратился, какъ увидимъ ниже, въ одну гласную, то *р* осталось по прежнему согласною, и народъ, по свойству его природы, далъ ему исключительное право, одному изо всѣхъ согласныхъ звуковъ, сочетаться не съ полною гласною, а съ полугласною. Такъ велось изстари; такъ ведется и нынѣ. Правда, бо́льшая часть нынѣшнихъ писателей, не признающая полугласныхъ, пишетъ слогъ *рь* съ однимъ *р* безъ *ь*, но тѣмъ не менѣе въ произношеніи не обходится безъ гласнаго отзвука, заключающагося въ опущенномъ, или удержанномъ *ь*: и несправедливо мнѣніе тѣхъ, кои самой б-ѣ *р* предназначаютъ какую-то самогласность. Лучшимъ тому опроверженіемъ послужитъ озвукотвореніе самого полугласнаго слога *рь*. Указанныя выше формы, имѣющія ь предшествующимъ б-ѣ ѹ, уже обнаруживаютъ отчасти желаніе писцовъ оправдать этою перестановкою присутствіе полугласія въ б-ѣ ь, ибо какъ только это ь въ другихъ нарѣчіяхъ переходитъ въ полную гласную, то тотчасъ уже звучитъ прежде б-ы ѹ; да и въ самомъ Сербскомъ языкѣ гласный полузвукъ, находящійся въ слогѣ *рь*, предшествуетъ въ произношеніи собственному звуку *р* и тѣмъ доказываетъ, что въ этомъ слогѣ, помимо звука *р*, есть еще другой, едва примѣтный, но тѣмъ не менѣе присутствующій: а это и есть именно тотъ, который выражается Ц.-Славянскими ь, или ъ. Но этимъ не удовольствовались писцы, и нѣкоторые изъ нихъ прямо обратили ь въ гласную, избравъ для этого преимущественно є. Впрочемъ, это озвукотвореніе слога рь было тѣмъ отлично отъ подобнаго дѣйствія относительно другихъ слоговъ съ б-ю ь, что не совпадало съ истинными законами народнаго языка, допускавшаго полугласіе въ этомъ слогѣ, и было лишь крайностію его озвукотворяющей силы. По этому на озвукотворенный слогъ рь должно смотрѣть единственно, какъ на попытку, не приведшую ни къ чему. Начавшись рано и безъ видимыхъ успѣховъ, озвукотвореніе это и кончилось рано и также безъ успѣха. Оно показало только, что въ слогѣ рь гласность сосредоточивало въ себѣ не р, а ь. Шафарикъ приводитъ примѣры изъ иностранныхъ памятниковъ X-го и XI-го вв.; вотъ они: *Σέρβλοι*, *Σερβλία*, *Τζερναβουσκεή*, *Cernecha*, *Berda*[1]. Къ нимъ прибавлю *Βερούλλια* у Багрянороднаго[2], нынѣ *Врула*. Непосредственное озвукотвореніе б-ы ь находимъ въ формахъ, гдѣ гласная стоитъ послѣ р на прежнемъ мѣстѣ б-ы ь; таковы: **утверение** (С. № 17), **угрецихь** (С. № 96). Сюда же отнесу и **урьмоскики** (С. № 60), гдѣ ь обнаруживаетъ колебаніе писца между полугласіемъ и полногласіемъ слога рь. Но этѣ формы являются слишкомъ буквальными и противорѣчатъ настоящему произношенію, поставляющему полугласный звукъ прежде согласнаго р: по этому чаще встрѣчаемъ формы съ предшествующею гласною, при чемъ послѣ р иногда удерживается ь уже въ значеніи вставочнаго и смягчающаго; на пр.: **потверьдимо** (С. № 8), **тверды**, **-о** (С. №№ 14, 16), **серьцевь**, **сервлинь,-а,-у** (С. № 14), **держали,-ти**, **потверьдили**, **оные**, **мерьихь**, **церьевикь** (С. № 16), **верько**, **держань** (С. № 20; Ш. № XVIII), **сербскыхь** (А. № 8), **серулиехь** (С. № 101), **серблемъ** (С. № 138), **терноке** (С. № 141), **тверьже**, **серьблемь** (С. № 116), **херьватомь** (С. № 136), **церкви** (С. № 166). Въ словѣ: **безсмерéтное** (Мл.) озвукотворены оба ь. Какъ исключеніе, можно привести еще форму **кърсть** (С. № 12), гдѣ ъ поставлено ошибочно вмѣсто є. Такимъ образомъ озвукотвореніе слога рь не усиливается отъ времени, а на-

[1] Serbische Lesekörner, стр. 26.

[2] Шафар., Slow. Starožitn., Слав. Древн. II, I, 440.

противъ слабѣетъ: ясный признакъ противодѣйствія народности, никогда не нуждавшейся въ полной гласной для слога рь. Слѣдовало бы сказать теперь о другомъ побратимѣ, о слогѣ ль; но мы скажемъ о немъ тогда, когда будемъ разсматривать главнѣйшія буквы, участвующія въ его озвукотворенія. А теперь пока перейдемъ къ другой буквѣ, которой, какъ и б-ѣ є, принадлежитъ честь обширнаго и повсемѣстнаго служенія для замѣны полугласнаго ь.

Хотя б-а а пользуется въ древней Сербской письменности весьма огромнымъ служеніемъ, въ чемъ далеко превышаетъ б-у є, однако появленіе ея въ памятникахъ, отмѣченныхъ годами, не восходитъ далѣе половины XIV-го в. и по тому она цѣлымъ столѣтіемъ моложе б-ы є. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы народъ въ своемъ устномъ языкѣ началъ столь поздно употреблять ее. Явленіе книжнаго языка еще не условливаетъ явленій народнаго языка, тѣмъ менѣе тамъ, гдѣ дѣйствуетъ сильное вліяніе еще посторонней стихіи. Относительное старшинство б-ы є поясняется вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, въ которой, какъ извѣстно, полузвукъ ь переходитъ обыкновенно въ є. Слѣдовательно, появленіе а есть дальнѣйшее движеніе книжнаго языка въ пользу народности. У Шафарика приведены слова, въ которыхъ ь претворено въ є и а, слова, заимствованныя изъ Латинскихъ и Греческихъ источниковъ и относящіяся къ IX, X и XI вѣкамъ[1]. Они могутъ показать, какъ рано началось дѣйствіе озвукотворенія полугласнаго начала; но изъ всѣхъ этихъ словъ только одно *Zadarensis civitas* (879 г.) не относится къ слогу рь; всѣ же прочія представляютъ озвукотвореніе полугласнаго сочетанія рь. Можетъ быть, и въ словѣ *Γαλουμαήνικ*, *Глумьникъ, Глумльникъ*[2] а замѣнило ь, какъ бы гълоумьникъ. Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ остается то, что въ устномъ языкѣ Сербовъ давно уже пребывали тѣ начала, которыя много позднѣе стали обнаруживаться и въ книжномъ ихъ языкѣ. Одна, не означенная годомъ, но весьма древняя грамота, принадлежащая Поповской общинѣ, имѣетъ уже а вмѣсто ь въ словѣ састаемо (С. № 11), хотя у Шафарика (№ I) въ этомъ мѣстѣ находимъ стаемо; но за то у него въ другой гр-ѣ (№ XVII) читаемъ: стръки каса, вмѣсто чего въ С. № 19: стръки кась. Потомъ а не показывается до самыхъ временъ Душана. Въ грамотахъ послѣдняго находимъ: изъ рѣда (С. № 43), сьса всѣмь, гдѣ видно еще колебаніе, божастка, ȥемалкаго, ѡбластань, ухоквасиомь (С. № 35); и въ гр-хъ Уроша V: каде (Г. А), мачь (С.-Д. М. № 1), хотя въ той же гр-ѣ, С. № 46, стоитъ мьчь; доходакь (С. № 47), посмла сего (С. № 49). Съ Уроша V озвукотвореніе продолжается въ Восточныхъ грамотахъ до самого конца XV-го в., но безъ замѣтнаго усиленія, такъ что б-а а является только кое-гдѣ, и время, кажется, не умножаетъ ея. Въ современной Урошу V гр-ѣ читаемъ: дажкв (С. № 56) и далѣе въ слѣдующихъ: срьуакога,-ємь (С. NN№ 63, 67), двбровачко,-учахь,-уки,-учемь, дальжань (С. NN№ 70, 72, 91, 111), колань (С. NN№ 73, 91), покауки (Ш. № 15), власгѣла (род. мн., С. NN№ 131, 146); кась, ѡстатакь, знать (С. № 146), ѡсамьдеть (С. № 147), прилѣкакъ (Г. V). Вотъ всѣ случаи изъ Восточной семьи грамотъ на разстояніи полутора столѣтія. Турецкія, какъ и прежде, занимаютъ средину между Восточными и Западными. Хотя въ нихъ озвукотвореніе принимаетъ гораздо большій размѣръ,

[1] Serbische Lesekörner, стр. 24, 26.
[2] Шафар., Slow. Starožitn., Слав. Древн. II, 1, 436.

тѣмъ въ Восточныхъ, однако уступаетъ въ немъ Западнымъ. Такъ мы находимъ въ нихъ: потаквѹтїа, ѹаски, дѹбровачки,-а (С. № 113), сада, садаии (С. NN№ 164, 173), када (С. NN№ 164, 173; С.-Д. М. № 2), босански ,ѡьа, гдѣ видно еще колебаніе, таи (тьи), самь (сьмь), властела, дѹилтаа, тисѹка (род. мн.), васколикь (С. № 164), ован (С. № 168), ѹлокеѹаские, изабравии, земланиь, васеление, вливкь, ѹасть, мовакь, срѹаиѹ, рать (рьть), казиаць, пеТь сать и пр. (С. № 37), изабранога, доходакь, доходаѹаць, саветь, годинаа (род. мн.), ѡнаи, самирнтисе (С. № 173). Но самое обширное употребленіе б-ы а вмѣсто ь находимъ въ Западной семьѣ. Сдѣсь а, и съ нимъ народность, торжествуютъ Въ этомъ кругу грамотъ, наиболѣе удаленномъ отъ Ц.-Славянской стихіи, свойство устнаго языка сказалось весьма сильно. Сербы, любящіе благозвучіе, не могли терпѣть въ произношеніи неравновѣсія звуковъ. Согласныя, пользуясь полнымъ звукомъ въ сочетаніи съ полугласными, казались отъ того еще тяжеловѣснѣе, а этѣ легче: стяженіе голоса не есть благозвучное свойство языка; тѣмъ менѣе могло оно сохраниться тамъ, куда зашло извнѣ. Содержаніе грамотъ Западной семьи было далеко отъ дѣлъ церковныхъ и еще менѣе зависѣло отъ вліянія Восточнаго духовенства и связанной съ нимъ Ц.-Славянской стихіи; оно открыло входъ народности въ языкъ книжный. Это воздѣйствіе устнаго языка на книжный совершилось почти въ глазахъ исторіи. Мы оставили Западную семью на половинѣ XIII-го ст., и въ это время еще не видѣли въ ней ничего, сколько нибудь похожаго на претвореніе б-ы ь въ а. Въ Восточной семьѣ претвореніе началось съ половины XIV-го ст. Но такъ какъ Западная семья идетъ всегда впереди Восточной въ дѣлѣ народности, то безошибочно можно положить, что въ ней, если только кроются гдѣ нибудь ея памятники отъ этого времени, замѣна полугласнаго начала полногласнымъ возникла съ первыхъ годовъ XIV-го ст. Когда же открывается рядъ грамотъ этой семьи, то зародышъ замѣны оказывается уже возникшимъ, но еще столь юнымъ, столь робкимъ, что конецъ XIV-го в. весьма замѣтно отличается отъ начала XV-го. Колебаніе между ь и а еще продолжается весьма сильно. Кажется, оба звука находятся сначала въ равновѣсіи, даже первый перетягиваетъ второй; но съ половины XV-го в. побѣда остается окончательно на сторонѣ втораго. Не смотря на то, что ь еще продолжаетъ существовать кое-гдѣ, въ собственномъ его служеніи происходитъ переворотъ, въ которомъ также участвуетъ народность. Еще сильнѣе дѣйствуетъ она тамъ, гдѣ можетъ совершенно изгнать его изъ употребленія и замѣнить другимъ звукомъ. Такимъ образомъ она совершаетъ въ одно и то же время два дѣла: распоряжается по своему б-ю ь, употребляя ее для стяженія голоса при сочетаніи двухъ гласныхъ, и на оборотъ, изгоняетъ ее изъ сочетанія согласныхъ, замѣняя сдѣсь ея полугласіе полновѣснымъ самогласнымъ звукомъ а. Претвореніе ь въ а совершается во всѣхъ видахъ существеннаго служенія б-ы ь и при томъ въ объемѣ, нѣсколько превосходящемъ права нынѣшняго языка: его находимъ даже тамъ, гдѣ нынѣ оно не существуетъ. Въ гр-хъ Тврьтка 1367 и 1378 гг. (С. NN№ 57, 66) нѣтъ ни одного случая замѣны ь б-ю а; но что она уже тогда существовала, то это доказываютъ другія его грамоты, въ которыхъ читаемъ: босаньскога, дѹбровачкога, доходакь, пеТь сать, самь, срьѹанимь (С. № 59), ва, када, ѡа, поиесаль, свободакь (С. № 65), каирѣда, срьѹанога (С. № 77) — и только, между тѣмъ, какъ примѣровъ служенія б-ы ь можно бы было, разумѣется, привести гораздо больше. Потомъ озвукотвореніе замѣтно усиливается при Дабыши, Остои и т. д. Особенно сильно проявляется оно въ

тѣхъ грамотахъ, которыя менѣе всѣхъ сносились съ Восточною Сербіею, т. е., Травунскихъ и Хлумскихъ. Въ одной Травунской грамотѣ конца XIV-го в. читаемъ: ва, са, дань, данась, сада, када, но тьда, ѡа, ѡашаль, волань, молвнать, ѡацъ, полагъ, концвальске, напрѣда, порекаль, частнаго и пр. (С. № 78). Но верхъ полногласія представляетъ грамота Гервои, наиболѣе независимая отъ условій книжнаго языка древней Сербіи: въ ней озвукотвореніе переходитъ всякіе предѣлы законной возможности и объясняется лишь страстью народнаго языка растворять стеченіе согласныхъ гласными звуками, подобно тому, какъ нѣкогда въ книжномъ языкѣ обнаруживалась такая же страсть къ б-ѣ ь. Причина, очевидно, была та же; черезъ б-у ь цѣль достигалась только на половину; черезъ а она достигалась вполнѣ. Въ этой гр-ѣ находимъ слѣдующія формы: сиалицни, кралевастава, дувровачникь, едана старана (страна), каса, каси, ѕаедано, вана (вонъ), ва васиха (вь вьсихъ), у хумаску, ѕемалу, госаподином, аудами, посатавивь, на еванагелию, угодиваших, ѡшаѣе (ѡще, ѡштѣе), посалавинами (отъ посьль) (С. № 88). Но оставимъ въ сторонѣ количество служенія; всѣхъ случаевъ привести невозможно: сказаннаго достаточно будетъ для того, чтобы увѣриться, что съ теченіемъ времени служеніе б-ы а вм. ь увеличивается и преимущественно въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ вліяніе Ц.-Славянской стихіи наименѣе имѣетъ мѣста. Посмотримъ теперь значеніе этого служенія; въ какихъ именно случаяхъ является оно. Нѣсколько выше мы замѣтили, что а замѣняетъ ь во всѣхъ видахъ его существеннаго служенія. Такъ дѣйствительно встрѣчаемъ въ основѣ словъ; на пр.: сать (сотъ, С. №№ 59, 83, 115, 124, 157, 170), самь, есамь (С. №№ 59, 82, 98, 107, 114, 117, 124, 132, 143, 144, 158, 159), када,-и,-е (С. №№ 65, 78, 82, 87, 92, 96, 107, 115, 119, 121, 130, 133, 141, 143, 144; Ш. № 16; З. А.), дань, -а, даань (С. №№ 78, 82, 92, 94, 95, 99, 103, 114, 116, 169), откуда данась (С. №№ 78, 89, 103, 136, 140), данашьнаго,-шнега (С. №№ 92, 107, 128, 140), часть,-ми, частми (С. №№ 81, 85, 95, 103), откуда часни,-омь, -омь, -ѡ,-оѡмь, частнаго,-омь (С. №№ 78, 88, 89, 95, 96, 99, 103, 104, 133, 136, 157), казь-, каѕ- (С. №№ 81, 85, 89, 92, 101—104, 115, 116, 150), тан (С. №№ 83, 104, 116, 135, 142, 144, 154, 157, 161), откуда тада (С. №№ 94, 107, 115, 119, 121, 126, 133, 143; Ш. № 16), тагда, тага (С. №№ 81, 179), кась,-а,-и,-е,-ему,-емь,-ѣхь,-ихь (С. №№ 84, 88, 97, 107, 108, 112, 115, 119, 124, 125, 126, 134, 146, 159), откуда каѕда,-е, каѕьда (С. №№ 78, 83, 89, 96, 98, 101, 106, 107, 114, 119, 133, 141), ва васиха (С. № 88), мани,-е (мьне, С. №№ 93, 132), седамь (С. №№ 93, 112, 115, 124, 130, 157), дошадь (С. №№ 94, 126, 169), на мане,-и,-е (меньшее, С. №№ 96, 106, 112; З. А.), откуда маншина (С. №№ 114, 144), ѡсамь (С. №№ 112, 115, 124, 130, 147, 151, 163), парьци (С. № 118), сан, саан (С. №№ 121—128, 130, 140, 145), откуда сада (С. №№ 78, 96, 104, 114, 117, 150, 171), садинимь (З. А.), садашни (С. № 163), садишнему (С. №№ 78, 82), лажице (С. № 130), ѡнан (С. №№ 142, 150), поса (посьль, С. № 162), откуда посалавинами (С. № 88), посаѡбнику (С. № 129) и пр. и пр. Еще чаще употребляется а вмѣсто ь при соединеніи сновы съ окончаніемъ и при окончаніяхъ. Такъ мы находимъ слѣдующія окончанія съ озвукотворенною полугласною: -ць, на пр.: ѡацъ, ѡтацъ (С. №№ 78, 96, 101, 120, 127, 144), старацъ (С. №№ 87, 123), кнезацъ (С. №№ 107, 114) и въ обоихъ окончаніяхъ: кнезачацъ (С. №№ 121), панкавацъ (С. № 142), поповацъ, липовацъ, раковацъ и др. (З. А.); -къ: доходакь (С.

NN№ 59, 81, 83, 85, 95, 107, 114, 152), **начетань**, **начетань** (С. NN№ 85, 95, 150; З. А.), **натражань** (С. № 104), **ѡстаиань** (С. NN№ 107, 108);-**ть**: **молвнать** (С. № 78);-**чь**, откуда -**чки**: **лебалчь** (С. № 84), **борачь** (С. № 127), **дыбровачки** (С. NN№ 65, 86, 125, 127, 129, 157 и пр.), **попачкы** (Ш. № 15);-**чни** или **чни**: **тепачка** (С. NN№ 83, 84);-**ннкь**: **дыброваинкь** (С. № 88); -**на**: **босана** (С. № 89), откуда: **босаньска**,-**ога**, -**омь**, **босанскй** (С. NN№ 59, 65, 84, 89, 92, 96, 107, и пр.; З. А.);-**нь**: **принѕань**, **принѕань** (С. NN№ 78, 101, 107 112, 114);-**вь**: **любавь** (С. NN№ 84, 92, 96, 101, 114 117, 144, 157); -**дь**: **неправадь** (С. № 140), откуда: **безьправадиѡ** (С. № 143); -**ли**: **ѕемали** (С. № 88), **ѕемалнога**,-**нхь** (С. NN№ 96, 103, 104); -**ство**: **срьдатво** (С. № 81), **рожаства** (С. NN№ 84, 85, 90, 96, 99, 101, 104, 116, 150; З. А.), **божаства**,-**омь** (С. NN№ 85, 101), откуда: **божаственѣю** (С. № 97), при второмъ окончаніи: **божстваньмомь** (С. № 114); -**скй**: **хымаски**, **босанскогь** (С. № 88), **угловнчаскне**, (С. № 103), **католичаскне** (С. № 118); -**нь**,-**ни**: **свободань** (С. № 65), **колань**, **колань** (С. NN№ 78, 91, 101, 102, 106, 107, 108, 112, 114, 115, 119, 126, 130, 132, 142, 143, 144), **единань**, **вгодань**, **мирань** и пр. (С. № 143), **ѕлатань**, **малѕхань** (С. № 157), **слободли** (Ш. № 16), **срьданога**, **срьданимь**, **срани** (С. NN№ 59, 77, 86, 94), **ѡбичаномь**-**инеми** (С. NN№ 126, 128), **противанимь** (С. № 132), откуда нарѣчіе: **каѕьдрьжано** (С. № 115);-**рь**: **добарь**, **дабарь** (С. NN№ 104, 156); -**ль** и -**льши** въ причастіяхъ: **понесаль** (С. № 65), **порекаль** (С. NN№ 78, 81, 85), **могаль** (С. NN№ 87, 96, 106), **ѡставальшѣю**, **сподобальши** (С. № 84);-**ши**: **вгодивашихь** (С. № 88) и пр. Б-а **а** замѣняетъ собою еще конечно **ь** въ предлогахъ, на пр.: **ѿа** (С. NN№ 65, 78, 84, 104, 136, 140, 142 и т. д.), **ѿашаль** (С. № 78), **на- преда**, **преда**, **принеда**, **прида** (С. NN№ 77, 78, 102, 104, 132, 143, 150), **са** (С. NN№ 78, 81, 82, 103, 136 и т. д. мн. р.; З. А.), **саньтий**, **саткор** (С. № 81), **саврьшенимь**, **сабаудимь** (С. № 82), **сахранити** (С. NN№ 92, 102), **сагрешнѡ** (С. № 118), **самрьть** (С. № 126), **саветь** (С. № 133), **сьа**, гдѣ еще видно колебаніе (С. № 114), **беѕа** (С. NN№ 82, 129, 140), **ва** (С. NN№ 65, 78, 80, 81, 83, 84, 89, 92—96, 101—104, 107, 112, 116, 128 и т. д. мн. р.; З. А.), **васеленѣю**, **васеленѣю**,-**он**, **васеленѣю** (С. NN№ 89, 95, 101, 102, 104, 150; З. А.); **иѕабрань**,-**нхь**,-**ѣми**, **иѕабрании** (С. NN№ 84, 93, 107, 114, 136), **иѕамие**, гдѣ **а** поглотило **ьи** (Ш. № 16), **противa** (С. NN№ 88, 118, 132, 141), **на** (С. NN№ 89, 94 и т. д.; З. А.), **раѕбиена**, **раѕдрьта** (С. № 163), **да се раѕасе** (С. NN№ 114, 144). Б-а **а** смѣняется съ б-ю **ь** еще въ предлогѣ **ѕгора** (С. NN№ 83, 93, 96, 107, 108, 112, 115, 118, 126, 127, 133, 141, 144, 145, 150; З. А.) и **ѕгорь**, **ѕгѡрь** (С. NN№ 157, 163). Наконецъ **а**, какъ увидимъ послѣ, озвукотворяетъ собою конечно **ь** въ родительномъ п. мн. ч. именъ существительныхъ и въ дательномъ п. мн. ч. въ словѣ **ѣкома**, **никома** (С. NN№ 98, 99, 107, 114, 120, 128, 140, 142, 144, 145, 163). Въ род. п. мн. ч. именъ существительныхъ женскаго рода, при стеченіи на концѣ двухъ согласныхъ, этѣ послѣднія растворяются б-ю **ь**, озвукотворенною въ **а**, какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ Сербовъ: **ѕемаль** (С. № 84), **вналь**, -**ѣ**, **вна** (С. NN№ 108, 115, 118, 125, 146, 151) и **внача** (С. № 119), **литарь**, **литара** (С. NN№ 115, 126, 151), **кругала** (С. NN№ 115, 126), **форамь** (С. № 130). Такое же озвукотвореніе находимъ однажды и въ дат. п. мн. ч. въ словѣ **людами** (С. № 88), гдѣ нынче обыкновенно употребляется *и*. Несущественное **ь**, по самому уже свойству своему, рѣже замѣняется б-ю **а**, ибо если уже прибѣгали къ нему, то всякая другая бук-

ва была бы лишнею: иначе прямо прибѣгли бы къ этой послѣдней. При томъ **ь**, въ служеніи несущественномъ, было приличнѣе полной гласной; сдѣсь его мѣсто иногда таково, что только полузвукъ, или совершенное безгласіе могутъ мириться съ ухомъ, привыкшимъ къ извѣстной Ц.-Славянской формѣ слова; но гласная была бы сдѣсь слишкомъ поразительна. Впрочемъ, не всегда такъ бываетъ. Нынѣшній Сербскій языкъ, какъ и въ старину, распускаетъ гласною нѣмые звуки въ нѣкоторыхъ словахъ иностранныхъ; какъ теперь, такъ и въ старинныхъ его памятникахъ находимъ: **павалъ** (С. №№ 84, 89, 179), **динтарь** (С. № 87), **петарь**, **петарь** (С. №№ 95, 133, 145; З. А.), **гюрагь** (С. № 130) и н. др.; еще: **еванагелию** (С. № 88), **тестаменать** (С. №№ 157, 161). Въ словѣ: **ѥдань**, **єдань** (С. №№ 79, 96, 103, 112, 119, 126, 136, 142), **ꙁаадано** (С. № 88) и пр. **а** замѣняетъ **ь**, а это, въ свою очередь, смѣняется б-ю **и**; въ словѣ же **кауера** (С. № 103) **а** стоитъ вмѣсто **ь**, смѣняющаго б-у **є**. Окончаніе **-стко** обыкновенно не разъединяется; но мы замѣтили выше форму: **прѣбжьстьвноую** (С. № 178); такъ и теперь укажу на формы: **кралевастава** (С. № 88), **бжастабиомь** (С. № 144). Сверхъ того, въ словахъ: **старана**, **пѡсатавивь**, **госаподиномь**, **ѡшаќе**, **сиалицим** (С. № 88) хотя **а** и указываетъ на озвукотворенное имъ несущественное **ь**, однако послѣдняго въ этомъ случаѣ не находимъ. Вообще замѣтимъ, что въ грамотѣ Юрія, племянника Гервои, воеводы Сплитскаго, С. № 88, озвукотвореніе доведено до крайности. Оно разбиваетъ такія сочетанія согласныхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не разъединяются даже б-ю **ь**.

Что касается до слога **рь**, то хотя главное его озвукотвореніе совершается чрезъ **є**, однако, по любви Сербовъ къ б-ѣ **а**, находимъ и въ немъ нѣсколько случаевъ замѣны б-ы **ь** б-ю **а**. Таковы въ древнѣйшихъ иностранныхъ памятникахъ: *Tarnova*, *Barda*, *Tarstenich* [1]; таковы въ нашихъ грамотахъ: **уетварто**, **хравоє** (С. № 88), **угарскога**, **угарсцимь**, **угарьсцехь** (С. №№ 96, 130, 145), **сарца**, **сарчаиѕ**, **даржави**, **потвардихь,-ли**, **потвзргиваиѥ**, **укарнити**, **уетвартаиь**, **парвога карстє** (С. № 102), **царвена**, **царнь** (С. № 157). Въ словѣ **хравоє** б-а **а** поставлена послѣ **р** по правописанію, ср. **хрьвоє,-ѣа** (С. №№ 85, 89, 118), а въ прочихъ она стоитъ передъ **р** по произношенію.

Сравнимъ теперь древніе предѣлы озвукотворенія съ нынѣшними. Мы сказали выше, что, быть можетъ, старые Сербы уже слишкомъ увеличили объемъ служенія б-ы **а**; теперь наши слова мы можемъ доказать самими примѣрами. Во первыхъ, всякое полное озвукотвореніе слога **рь** черезъ какую бы то ни было гласную есть уже противорѣчіе нынѣшнему выговору. Во вторыхъ, претвореніе **ь** въ **а** въ другихъ случаяхъ также переходитъ иногда предѣлы нынѣшняго произношенія Сербовъ, на пр., **ѡпаќинь** нынѣ звучитъ *опћина*, **савѣть**—*савет* и *свет*, **самрьть**—*смрт*, **вана** — *ван*, **босана**—*босна*, **напрѣда**—*наприед*, **противa**—*против* и т. д.

Такимъ образомъ б-а **а** въ озвукотвореніи полугласнаго **ь** превосходитъ количествомъ употребленія б-у **є**: она же является въ этомъ дѣлѣ и болѣе народною. Но прежде мы должны разсмотрѣть еще дѣйствіе другихъ буквъ въ озвукотвореніи б-ы **ь**: общее сравненіе покажетъ, которая изъ всѣхъ буквъ преобладаетъ. Сдѣсь пока припомнимъ только, что б-а **а** пользуется относительно бо̀льшимъ, даже можно сказать, огромнымъ служеніемъ въ грамотахъ Западной семьи; возрастъ же ея, въ смыслѣ цѣльности употребленія и господства, восходитъ по письменнымъ памятникамъ до половины XIV-го сто-

[1] Serbische Lesekörner, стр. 24.

лѣтія. Около этого времени, незадолго до появленія грамотъ Западной семьи, долженъ былъ совершиться переворотъ въ ея пользу, ибо въ первыхъ Западныхъ грамотахъ этого вѣка еще замѣтно колебаніе между нимъ и **ь**.

Буква **и** стоитъ въ озвукотвореніи 6-ы **ь** далеко ниже, чѣмъ **а** и даже **є**. На долю **є** достался законно слогъ **рь**; на долю **а** досталось **ь** во всѣхъ видахъ его служенія, кромѣ слоговъ **рь** и **ль**; на долю **о** и **ꙋ** достанутся, какъ увидимъ, окончаніе **ль** и полугласный слогъ **лъ**; на долю же **и** не досталось ничего законнымъ образомъ, т. е., въ смыслѣ правильнаго и согласнаго съ требованіями народности озвукотворенія. По этому все то, гдѣ только **и** является на мѣстѣ **ь**, не носитъ на себѣ признака послѣдовательности и непреложности: это лишь мгновенное явленіе; а тѣ случаи, гдѣ **и** постоянно замѣняетъ **ь** въ нынѣшнемъ языкѣ Сербовъ, ещё не развились до системы и показываются въ древней письменности не иначе, какъ урывкомъ и невзначай. Изъ иностранныхъ источниковъ Шафарикъ приводитъ для 6-ы **и** слѣдующіе примѣры: Debriz, Dircislavus, Dirzislavus, Vilcodrug, viso (**вьсь**), Drizislavus, Suinimir, Zuinimir: всѣ они относятся въ X-му, XI-му и XII-му вв. [1] Къ нимъ прибавлю: *Δοβριδнiн* и *Моκριδнiн*. [2] Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ 6-у **и** вмѣсто **ь** въ слѣдующихъ случаяхъ. Въ XIII-мъ в.: **болярими** (С. NN 12, 14); сдѣсь первое **и** напоминаетъ нынѣшнюю форму того же творительнаго п. мн. ч.; но, кажется, нельзя столь рано видѣть въ этомъ дѣйствіе народности, ибо кромѣ еще одного случая изъ послѣдней четверти XV-го ст. **синовцима** (Мл.), если только это не двойственное число, другихъ примѣровъ нѣтъ. Между тѣмъ эта форма, если бы она установилась въ древней Сербской письменности, доставила бы для 6-ы **и** законное служеніе, согласное съ народностію въ той мѣрѣ, въ какой она проявляется въ нынѣшнемъ языкѣ въ формахъ дательнаго, творительнаго и мѣстнаго пп. мн. ч. существительныхъ муж. и ср. р. Далѣе въ томъ же вѣкѣ находимъ: **привыдроужникь** (С. № 15), гдѣ **и** озвукотворяетъ полугласный слогъ **рь**; **цр҇и**—род. п. мн. ч., подобный нынѣшнему въ сущ. жен. р. на *р*, на пр., *створи*; **кида** (С. № 16). Въ XIV-мъ в.: **прѣдложенииыхь** (С. № 52), **прєдииирь** (А. № 6), **хиландари** (им. ед., ближе къ Греческому, А. № 8), **венєтицѣхь** (А. № 10), **аще ли се тко покꙋшаити** (А. № 13), **клехнйсє** (**клехь йсє**, С. № 64), **дꙋбравнꙋкоу** (Ш. № 15), **динари** (род. мн., С. № 85), **тихи** (**тѣхь**, С. № 84). Въ XV-мъ в.: **привихь** (**прьвихь**, С. № 95), **господнии**, **господини** (**господьни**, С. NN 96, 99, 101), **сида** (**сьда**, С. № 97), **частими** (тв. мн., **чьстьми**, С. № 103), **властели** (род. мн., С. № 113), **на-поконии** (С. NN 127, 128), **сакꙋлїи**, **аспри** (род. мн., С. № 130), **ти** (**ть**, С. № 133), **тимнє** (**тѣмь**, С. № 135), **тѣхи**, **тихи** (род. мн., С. NN 142, 145), **снєдиинкь** (С. № 142), **ѡ҇ни-хи** (**ѡдь онѣхь**, С. № 74), **скришило** (С. № 155), **срьдчиии** (С. № 60), **чи́сти** (**чьтити**, С. № 178), **романискимь** (С. № 173). Относительно приведенныхъ формъ родительнаго п. мн. ч. на **и**, замѣтить должно, что въ нѣкоторыхъ окончаніе **-и** не столько озвукотворяетъ **ь**, сколько усиливаетъ значеніе слова; оно, вѣроятно, возникло изъ стяженія **ьи**: слѣдовательно, сдѣсь **и** не есть замѣнительная буква для **ь**, но придаточная усиливающая, о которой будемъ говорить послѣ. Что же касается до слитія, то оно не рѣдко попадается въ грамотахъ, на пр.: **ними**, т. е., **нимь ихь** (С. № 55), **ѡбѣтоваихимь и даихимь**, т. е., **ѡбѣтова ихь нимь**

---

[1] Serbische Lesekörner, стр. 26, 27.

[2] Шафар., Slow. Starožitn. Слав. Древн., II, I, 435, 437.

и да ихь имь (С. № 159). Въ формѣ **-десети, -дести, -десети** (С. NN№ 108, 115, 119, 121, 123, 124, 130, 158, 175) въ сложныхъ числительныхъ именахъ **и** замѣняетъ **ь**, которое присутствуетъ въ другихъ таковыхъ именахъ (ср. С. NN№ 124, 130). Такъ равномѣрно **и** смѣняется съ **ь** въ словахъ: **идинь** и **идьнь**, какъ на пр., **едьнь, -е** (А. № 1; С. № 18), **единѣмь** (С. № 3) и **идьнь, -а** (С. NN№ 2, 137), **едина, -ога** (С. NN№ 43, 64), **идьнь, -о** (С. № 58), **едьнѣ** (Мл.), **идинь** (С. NN№ 39, 61; Ш. № 14) и **идие** (С. № 61), **едино** и **едно** (С. № 89), **единими** (С. № 142), **ёдиньи** (С. № 175), **ёдйнь, ȇдймо** (А. № 11). Въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣчаемъ какъ **и**, такъ равно и **ь**, сохраненное, или опущенное, или замѣненное б-ю **а**. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ тоже встрѣчаются обѣ формы, **идинъ** и **идьнъ**. Б-а **и** смѣняется съ **ь** въ формахъ **сь** и **си**, **кь** и **ки**, откуда понятны формы **сьда** и **сида**, **кьда** и **кида**. Какъ **сь**, такъ и **си** съ своими измѣненіями пользуются равнымъ правомъ гражданства въ древней Сербской письменности. Такъ мы находимъ: **сьѝ** (А № 2), **сѝ** (С. № 178), **сьȇ** (А. № 20), **сь** (З.), которое присутствуетъ въ нарѣчіи: **сьда, -аа, сьди, сьга, сьги** (С. NN№ 3, 10, 18, 32, 54, 56, 73, 77, 90, 91, 111, 137, 138, 164; Мл.), **досьда** (А. № 17; С. № 168). Другая форма для мужескаго р. есть неопредѣленная же **си**, которую не должно смѣшивать съ подобною ей опредѣленною **и** которая участвуетъ въ образованіи нарѣчій и прилагательныхъ: **сико** (Ш. № 11), **сикоѕи** (С. NN№ 39, 43, 76), **сице, сицеви** (А № 17), **сикову** (С. № 42), **сицевая** (С № 46), **сіице** (З.), **сида** (С. № 97) и т. д. Подобнымъ образомъ перемѣна б-ъ **ь** и **и** происходитъ въ другой основѣ: **кь** и **ки**. Первая встрѣчается въ мѣстоименіяхъ **кь** (вин. мн. муж., С. № 10) и **кьто** (С. NN№ 14, 16, 17) и въ нарѣчіяхъ: **кьга, -и, кьда, -и** (С. NN№ 3, 10, 21, 22, 33, 37, 43, 53, 63, 86, 100, 109, 165, 166, 167; Мк.; А. NN№ 6, 15; Мл.), **докьде, искьда** (С. № 16), **никьди** (С. № 76); вторая въ нарѣчіи **кида** (С. № 16) и мѣстоименіи **ки** въ неопредѣленной формѣ, впрочемъ, ни чѣмъ не отличающейся отъ опредѣленной стянутой **ки**, вм. **кии**, которую любятъ Сербы. Въ заключеніе сказаннаго о б-ѣ **и** замѣчу, что формы **паки** и **пакь** въ древней Сербской письменности, въ продолженіе всего разсматриваемаго нами времени, являются совершенно тожественными по своему значенію, такъ что достаточно привести по одному примѣру, чтобы убѣдиться въ этомъ: **придоше ваш(и) людие и еше моега ѹ̑бика.... и послахь кь вамь ... и пакь есте друге люди.... и пакь послахь кь ва(мь)... и пакь ми есте моега убика** (С. № 18; ср. С. NN№ 47, 86, 168), **и прослави ихь паче всихь царь на ѕемли ѕемлянихь и паки на небеснихь вѣнци свѣтлыми украсивь ихь** (С. № 103; ср. С. NN№ 173, 176, 178, 179). Отсюда должно заключить, что въ этѣхъ формахъ **ь** и **и** взаимно смѣняются, также какъ въ формѣ **паке** (см. в.) **ь** переходитъ въ **е**. Въ словѣ же **прѣмы** (Ш. № 15) **ы**, т. е., **и** замѣняетъ **ь**, находящееся въ другой формѣ **прѣѕь, приѕь** (С. NN№ 2, 43, 76, 88 154, 176).

Мы видѣли что б-а **и** не пріобрѣла себѣ ни одной формы, въ которой она могла бы постоянно и законно замѣнять и смѣнять б-у **ь**. Все ея служеніе ограничивается или случайными и странными, или отрывочными и неустановившимися, хотя и правильными, формами; въ этомъ отношеніи она бѣднѣе всѣхъ прочихъ буквъ. Даже **о** и **ѹ** богаче ея служеніемъ. Б-а **о** уже съ самыхъ раннихъ временъ усвоила себѣ нѣкоторыя формы, гдѣ она замѣняетъ б-у **ь**. Таковы творительный п. ед. ч. муж. и ср. р. на **-омь** (Ц.-Сл. **-ъмь**) и 1-е л. мн. ч. на **-мо**. Уже въ гр-ѣ Немани не находимъ творительнаго на **-ьмь**, но всюду на **-омь**, на пр., **дадомь, глаголомь** (А. № 1). Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ

всюду одна и та же форма. Такъ точно и 1-е л. мн. ч. почти всюду имѣетъ **-мо** съ немногими исключеніями. При этомъ не мѣшаетъ упомянуть о **бѣхомо** и **имахомо** (С. № 127), доказывающихъ, что и трудныя формы, прямо заимствованныя изъ Ц.-Славянскаго языка, могутъ подчиниться вліянію народности. Изъ этихъ двухъ видовъ служенія 6-ы **о** можно замѣтить, какъ мѣстами рано и твердо высказывалась народность Сербовъ въ ихъ письменномъ языкѣ. Впрочемъ, таковыхъ проявленій немного. Укажу на другіе случаи служенія 6-ы **о** въ замѣнѣ 6-ы **ь**. Въ XII-мъ в.: **доколѣ** (А. И.), **которое, никотори** (А. № 1). Въ XIII-мъ в.: **котора** (Ш. № VII), **никотаре** (С. № 3), **любовьному** (С. NN№ 13, 17), **доколѣ** (С. NN№ 16, 17), **косѣн, любовь** (С. № 16; Ш. № XVI). Въ XIV-мъ в.: **которою, посоль** (А. № 6), **црковь, -кое, цркѡ** (А. NN 3, 4, 11, 12, 13, 18), **црковие, -ога, црковнй, црьковьни** (А. NN№ 5, 6, 7; С. № 176); **тогд, созданиѡ** (А. № 4), **скровище скрьвенное** (С. № 176), **ѡколе** (С. № 40), **тогда** (А. № 11), **любовию, любовїю, любовь,-вию, -кию, -вью** (А. NN№ 10, 11, 14; С. NN№ 35, 61, 66, 67, 81, 176), **костоломи** (А. № 13), **доколѣ,-е** (С. NN№ 57, 68), **по** (С. NN№ 62, 66), **хеландаро, содѣаний** (А. № 14), **ѡо** (С. № 85). Въ XV-мъ в.: **сописание** (С. № 94), **тогда, тогд** (С. NN№ 95, 103, 120, 133, 136, 145, 150, 175), **любовь, -овью** (С. NN№ 37, 96, 97, 100, 113, 132), **дотоле, мехошть** (С. № 98), **подо, ко** (С. № 107), **любовною** (С. № 114), **црьковиныь** (С. № 118), **доколе, сохранению** (С. № 126), **ѡколе** (С. № 127), **нихо** (**нихь**, З. А.), **со** (С. № 142), **нѣ сѡ** (С. № 168), **пако** (С. № 171), **по. црковь** (Мл.). Въ предлогѣ **прѣко, преко** (А. № 11; Ш. № 15; С. NN№ 86, 94, 144, 176 и пр.), если сравнимъ его съ **прѣзь**, то увидимъ, что **ь** перешло въ **о**. Впрочемъ, было бы излишнимъ замѣчать, что бóльшая часть примѣровъ носитъ на себѣ Ц.-Славянскій отпечатокъ и вошла въ народный языкъ, какъ временное явленіе, въ слѣдствіе подчиненія его вліянію Ц.-Славянскаго языка: отъ того примѣры эти не имѣютъ постояннаго общаго значенія. Еще замѣтить должно о народномъ свойствѣ устнаго языка, перешедшемъ и въ книжный, обращеніи окончанія собственныхъ именъ **-ль** и **-нь** въ **-ло** и **-но**, свойствѣ, которое замѣчается и не у однихъ Сербовъ. Слѣды его сохранились въ древнѣйшихъ иностранныхъ памятникахъ, на пр., *Liutamiro*, *Nedamuslo*, *Cresamustlo*, *Techamila* [1]. Въ XIII-мъ в. находимъ: **конило, гостило, берило, моужило, братило** и пр. (Ш. № VII), **михоило, павьло** (С. № 16). Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. весьма часто, особенно въ исчисленіи жителей различныхъ метохій, даруемыхъ монастырямъ. Какъ имена эти жили въ народѣ, такъ и перенесены были на бумагу. Вообще относительно собственныхъ именъ должно замѣтить, что въ нихъ книжный языкъ наиболѣе подчинялся народнымъ свойствамъ. Такъ въ Аѳонскихъ грамотахъ находимъ: **хранило, моужило, станило, миконо, мио, братило**, ср. **добриль, братиль** (А. № 6), **кранило** (С. № 61), **хланко** (С. № 82), **браило** (С. № 117), **михоило** (С. № 176) и пр.

Обращаюсь къ сочетанію **ль**, говорю сочетанію, а не слогу, ибо слогъ предполагаетъ въ себѣ всегда собственную самогласность, а сочетаніе можетъ и не имѣть ея, будучи принадлежностію предшествующаго слога. По этому сдѣсь я не говорю о слогѣ **ль**, имѣвшемъ въ Ц.-Славянскомъ и Сербскомъ книжномъ языкѣ самостоятельность или самобытную гласность: объ немъ будетъ рѣчь впереди; но сдѣсь обращаюсь единственно къ сочетанію **ль**, составляющему слоговое окончаніе внутри, или на концѣ слова. Нынѣшніе Сербы съ неимовѣрною точ-

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 14.

ностію различаютъ самостоятельное *ль* и слоговое *ль*: первое озвукотворяютъ они чрезъ *у* второе чрезъ *о*. Такъ и въ старину это различіе соблюдалось весьма строго. Впрочемъ, легко было и соблюсти его, ибо разница между тѣмъ и другимъ сочетаніемъ весьма велика и замѣтна съ перваго взгляда: исключеній весьма мало и всѣ они приходятся на долю самобытнаго **ль**. Слоговое сочетаніе **ль**, на пр., въ словахъ **властель, пепьль, дѣль**, ясно отличается отъ самостоятельнаго полугласнаго слога **ль**, на пр., въ словахъ **вльк, пльни** и т. п. Первое замѣнялось въ старину, какъ и нынѣ замѣняется, б-ю **о**, второе б-ю **х**. Первое озвукотвореніе слоговаго **ль** началось не ранѣе конца XIV-го в. и то въ весьма небольшомъ объемѣ. Можно указать только на слѣдующіе случаи: **потерлоь**, гдѣ еще видно колебаніе (С. № 81), **пакао** (С. № 82), **ирсто, хасеоци, сеоль** (С. № 84). Третій примѣръ показываетъ, что при **о**, предшествующемъ окончанію **ль**, это послѣднее хотя и обращается тоже въ **о**, но исчезаетъ въ предыдущемъ звукѣ, составляя съ нимъ одинъ долгій звукъ **о**; послѣдній показываетъ колебаніе: писецъ поставилъ вмѣсто **-ль о**, но самъ, еще не довѣряя своей смѣлости, повторилъ прежнее окончаніе **ль**. По той же причинѣ, не смѣя еще вовсе отбросить **л**, писецъ огласовалъ одно только **ь**: **конавлоски** (С. № 78). Изъ собственно-Сербскихъ грамотъ можно указать только на гр-у *Лазаря*, въ которой находимъ **дао, деониль**, а рядомъ **дѣль** (В. К). Въ Зетскихъ озвукотвореніе еще не показывается. Въ XV-мъ в. сильное различіе обнаруживается между Восточною и Западною семьями грамотъ. Въ первыхъ необыкновенно робко пишется **о**, и окончаніе **-ль** постоянно предпочитается. Для **о** могу привести только слѣдующіе случаи и при томъ не ранѣе половины XV-го в.: **дио** (С. № 131), **део, дѣо** (С. №№ 146, 147), **вио** (С. № 165), **оусѣо, халожио, хотїо, дао, дїо** (Мл.). Въ Аѳонскихъ не попадается ни одного случая. Въ позднѣйшей Черногорской (Мл.) болѣе случаевъ, чѣмъ въ собственно-Сербскихъ: это подтверждается срединнымъ мѣстомъ, которое занимаютъ Черногорскія и Албанскія грамоты между обѣими семьями. Сюда же принадлежатъ и Турецкія, съ тою разницею, что первыя стоятъ на сторонѣ Восточной семьи, а этѣ на сторонѣ Западной. Въ Турецкихъ находимъ: **вио, постазио, мисло, посао, дошао, ихископао, властео** (С. № 164), **остлвно** (С. № 173). Въ Западной семьѣ озвукотвореніе быстро развилось въ XV-мъ в. Съ первой четверти этого вѣка оно значительно пересиливаетъ книжное употребленіе сочетанія **-ль** и является господствующимъ. Вотъ примѣры: **всемохни, погибио** (С. № 88), **вомша, хасеоке** (С. № 89), **дониль, -ихь** (С. №№ 89, 95, 136, 140; З. А.), **пакао** (С. №№ 95, 114, 133, 141, 144, 150, 156), **псаомиста** (С. № 94), **соко, по, пакь, конаквоско, -в, могь, пашь** (С. № 98). Въ послѣдней гр-ѣ удвоеніе буквъ заставило написать **соко**, но тутъ же находится и **соко**: то же увидимъ и въ слѣдующихъ примѣрахъ. Формы **пакь, могь** и т. п. показываютъ, что въ нихъ **ь** передъ **л** не озвукотворено въ **а**: ср. **пакьль** откуда **пакьо, пакь**. То же увидимъ и въ дальнѣйшихъ примѣрахъ: **вио,-о** (С. №№ 98, 126, 127, 128, 132, 141, 143, 145, 152, 161, 163), **властео,-о,-о** (С. №№ 74, 98, 103, 105, 110, 114, 120, 122, 123, 124, 128, 130, 132, 133, 134, 136, 139, 140, 141, 144, 145, 150, 151, 152, 154, 157, 158, 159, 163), **всемохни, -жани** (С. № 103), **втиио,-о** (С. №№ 103, 114, 140, 143), **вхео** (С. №№ 118, 119, 151, 152), **днониль, весо (весель)**, гдѣ второе **е** слилось съ **о**: предчувствіе этого **е** обнаружилось въ начертаніи **ѡ**, которое обыкновенно употребляется при предшествующей гласной (С. № 104), **дио,-о** (С. №№ 104, 112, 114, 115, 124,

126, 130, 131, 140, 141, 143), **дошлѡ** (Ш. № 16), **моглѡ, -о** (С. №№ 112 120, 121, 126, 133, 163), **даѡ** (С. №№ 112, 114, 115, 144), **стономь, -ѡмь, -ȏ** (**стольномь**, С. №№ 116, 140, 154), **поставиѡ,-о**, (С. №№ 123, 126, 128, 135, 139, 163), **моѡбе, поискаѡ** (С. № 127), **посаѡбникȣ** (С. № 129), **властеѡмп, конакаѡскȣ, хотиѡ** (С. № 132), **посаѡ, послаѡ, казаѡ** (С. № 135), **поснѡнѡмь** (С. № 140), **сона** (т. е., **сольна**, С. № 141), **мобе, ходиѡ** (С. № 154), **хваѡ, ꙁваѡ** (С. № 156), **ангеоке, сокѡ, ѡстаѡ** (С. № 157). Сочетаніе **ль** является въ той же мѣрѣ слабѣющимъ. Съ первой четверти XV-го ст. оно постоянно исчезаетъ и примѣры его весьма рѣдки: **польжепе** (С. № 107), **длль, дѣль** (С. № 108), **могаль** (С. №№ 108, 109), **властель** (С. №№ 117, 140, 155), **долинхь** (С. № 118), **сонолъ** (С. № 133), **мольбȣ** (С. № 162) и только. Разумѣется, ихъ относительно больше въ грамотахъ посредствующихъ семействъ, на пр., Албанскихъ, Черногорскихъ, а еще болѣе въ Восточныхъ. Въ Турецкой: **посла** (С. № 168), въ снимкѣ съ гр-ы Дечанскаго, сдѣланномъ въ Турціи: **властель** (род. п.) и тутъ же **написо** (С. № 37), въ Албанскихъ: **посьль, било** (С. № 148), **властель** С. №№ 148, 149) и въ Черногорскихъ: **хотѣль** (С. № 60), **насадиль, врьтѣлин**, хотя сдѣсь чаще **ѡ** (Мл.).

Буква **ȣ**, также какъ и **о**, въ замѣнѣ б-ы **ь** имѣетъ два рода служенія. Въ однихъ случаяхъ она является внезапно, случайно и пропадаетъ такъ же быстро, какъ и появляется; хотя отказать ей сдѣсь въ справедливости служенія нельзя, однако двойственность формъ показываетъ, что и безъ нея можно было обойтись. Въ другихъ же случаяхъ она показывается съ особою силою, дѣйствуетъ постоянно и послѣдовательно, во имя народности, и по тому чѣмъ долѣе живетъ, тѣмъ болѣе кругъ ея служенія расширяется. Я разумѣю сдѣсь замѣну полугласнаго слога **ль**. Но прежде укажу на примѣры перваго рода служенія. Въ XII-мъ в.: **моѵ** (А. № 1). Въ XIII-мъ в.: **противȣ, -оѵ** (Ш. № VII; С. № 3), **врьхȣ** (С. № 16), ср. **проивь** и **врьхь** (С. № 16), также **противѫ**; **ѡнѣхȣ** (род. мн., С. № 17). Въ XIV-мъ в.: **моѵ̑** (А. № 9), **мȣ** (С. №№ 62, 67, 73), **близȣ** (С. № 70), **врьхȣ** (С. № 84):—опять предлоги, какъ и въ предыдущемъ вѣкѣ. Въ нихъ б-у **ȣ** объяснять должно не произволомъ, а инымъ оттѣнкомъ мысли, въ нихъ заключенной. Языкъ не забылъ ихъ происхожденія и порою видитъ въ нихъ существительныя имена, которыя и употребляетъ въ дательномъ падежѣ. Напротивъ форму **мȣ** должно объяснять, по видимому, однимъ лишь желаніемъ избѣжать полугласнаго выговора для цѣлаго слова: **моѵ** мы находимъ и въ Ц.-Славянскихъ памятникахъ. Въ словѣ **ѳиоѵдь** (А № 6) б-а **ȣ** смѣняется съ **ь**, ср. **ѳиоѵдоѵ** (А № 10). Въ XV-мъ в.: **сȣпроѣȣ** и тутъ же **сȣпроѣ** (С. № 93), **близȣ** (С. № 96), **сврхȣ, сврьхю**, гдѣ форма противорѣчитъ даже силѣ предлога **с**-: сдѣсь эта сила забыта, и духъ языка, придавая этому слову видъ дательнаго падежа, смотрѣлъ на него, какъ на цѣльное и несложное (С. №№ 96, 104), **мȣ, моѵ̑** (С. №№ 111, 112, 126, 175), **врьхȣ** (С. № 132), **сȣпротивȣ** (С. № 141). Еще должно замѣтить о предлогѣ **сь**, что онъ, какъ и союзъ **нь**, обращается и въ **со, но** и въ **соѵ, ноѵ**. Обѣ формы того и другаго предлога съ своимъ первообразомъ, имѣющимъ полугласный звукъ, существуютъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, и по тому важность ихъ для Сербскаго языка нѣсколько уменьшается. Въ нашихъ памятникахъ нерѣдко находимъ **соѵ**, но только въ сложныхъ съ нимъ словахъ, а не отдѣльно, на пр., **соѵпьрьница, сȣпрьиїца, -ница** (А. №№ 1, 18, 19), **соѵродиникь, соѵродникь, соѵродныкь, сȣрьдникь, сȣродныкь, -никомь** (А. №№ 4, 5, 7, 9; С. №№ 45, 68), **соѵмегь** (А. № 3), **соѵпьрница** (Мк.; С. № 52), **соѵпротивники** (С. № 176), **сȣпротивники, сȣпостатȏ** (С. № 35), **сȣсѣдьства** (С. № 49), **сȣпостатница** (А.

№ 13), **сѫпротивь, -вѫ, -вною, сѫпрокѣ** (С №№ 88, 93, 141, 142, 143), **соупьрникь** (С. № 175), **сѫпьрникь** (С.-Д. М. 1844), **сѫсѣдь** и тутъ же **съсѣдьнй** (С. № 113), **на сѫшѫцѣ** (С. № 142), **соупротивитисе, соупрьникь** (Мл.).

Всѣ эти формы одинаковы съ Ц.-Славянскими. Самостоятельное же воздѣйствіе народности открывается въ другомъ служеніи б-ы **ѫ**, гдѣ эта буква является исключительно подъ вліяніемъ народной рѣчи, и по тому въ ея движеніи замѣтенъ постепенный усиливающійся ходъ, свидѣтельствующій о томъ живомъ народномъ свойствѣ языка, которое управляло этимъ ходомъ. Замѣна полугласнаго слога **ль** гласною **ѫ** есть признакъ чисто народной стихіи. Б-а *л*, противуположная б-ѣ *р*, хотя и однородная съ нею, не могла, по причинѣ своей мягкости и слабости, устоять противъ озвукотворяющей силы языка. Твердая и жесткая природа б-ы *р* вынесла на самой себѣ всю силу звука; напротивъ, слабая и въ высшей степени тягучая природа б-ы *л* была сама по себѣ столь легка для звуковыхъ гласныхъ органовъ языка, что незамѣтно, безъ труда и безъ всякого скачка, перешла въ самогласность. Нѣкоторые думаютъ, что въ озвукотворенномъ слогѣ *ль* выкинуто *а*, а *ь* обращено въ *у*; другіе, на оборотъ, полагаютъ, что выкинуто *ь*, а *л* обращено въ гласную; но какъ тѣ, такъ и другіе уклоняются отъ истины, раздѣляя слишкомъ строго оба звука: претвореніе цѣлаго слога въ одинъ гласный звукъ могло произойти не иначе, какъ при нераздѣльномъ слитіи обоихъ звуковъ въ одну цѣльную гласную. По чему слоговое *ль* обратилось въ *о*, а самостоятельное полугласное *ль* въ *у*, на этотъ вопросъ отвѣчать весьма трудно; всего вѣрнѣе и скорѣе сослаться на духъ языка, требовавшій именно этѣхъ, а не другихъ гласныхъ. Впрочемъ, къ объясненію вопроса должно прибавить слѣдующія замѣчанія. Родство между *л* и *в* не подвержено никакому сомнѣнію; во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ находимъ ясныя тому доказательства. Оно обнаруживается довольно часто чрезъ замѣну одной буквы другою, или чрезъ опущеніе одной буквы передъ другою. Духъ Славянскаго языка вообще не терпитъ стеченія двухъ однородныхъ согласныхъ и по тому при тайномъ родствѣ б-ъ *л* и *в* онъ, въ случаѣ ихъ стеченія, одну изъ нихъ отбрасываетъ. Такъ бываетъ въ Хорватскомъ нарѣчіи: *лас* (волосъ) и пр.; то же замѣчаемъ и въ книжномъ Сербскомъ, на пр., **сѫставена, исправле, ѡправлаше** (С. № 85) и пр. Смѣна б-ъ *л* и *в* весьма замѣтна въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ Русскомъ существуютъ *слобода* и *свобода;* въ книжномъ Сербскомъ то же **слободно** и **свободно**; въ Малороссійскомъ обыкновенно *в* замѣняетъ б-у *л*, какъ въ концѣ слоговъ, такъ и въ полугласномъ слогѣ, на пр., *вовкъ*, *бувъ* и пр.; въ Угрословенскомъ конечное *лъ* переходитъ въ *в* и *у*, на пр., *войшов*, *спав* и пр.; въ Хорутанскомъ, съ его поднарѣчіями, происходятъ весьма разнообразныя и замѣчательныя явленія: слоговое *л* обращается въ *в*, на пр., *дав*, *весев*, *дѣчва*, *права*, *мѣв*, *пив*, *плева* (плела), *шов* (шелъ), *пованина*, *дѣвава* (дѣлала), *гвава*, при чемъ *в* съ предыдущею, или послѣдующею гласною сливается въ одинъ двоегласный звукъ. Въ полугласномъ твердомъ слогѣ *л* обращается тоже въ *в*, на пр., *довг*, *совнце*; но сдѣсь *в* произносится твердо и ясно. Такимъ образомъ отсюда открывается родство между *л* и *в*. Далѣе должно помнить, что *в* и *у*, будучи обѣ губными и слѣдовательно одноорганными, легко замѣняютъ одна другую:—дѣло извѣстное и не требующее дальнѣйшихъ доказательствъ. Наконецъ не надобно забывать и того, что при сравненіи Славянскихъ нарѣчій оказывается близкое родство между *о* и *у*, такъ что часто одна буква замѣняетъ другую, и вообще на лѣствицѣ гласныхъ звуковъ между ними нѣтъ

преградъ. Припомнимъ, что и другія Славянскія нарѣчія, каковы: Н.-Булгарское, Лужицкое и Бѣлорусское, не рѣдко измѣняютъ *л* въ *в*, и по тому, сообразивъ всѣ эти явленія, найдемъ, что сочетаніе *ль*, было ли оно слоговое, или самостоятельное, собственно не могло строго различаться; но если уже языкъ различилъ его, то поддержать разницу въ его озвукотвореніи было легко при помощи родства б-ъ *л*, *в*, *о*, *у*. Разсмотримъ же теперь самый ходъ этой замѣны. Въ полугласномъ самостоятельномъ слогѣ *ль*, какъ сказали мы, нельзя отдѣлять полугласнаго начала, выраженнаго въ *ь* (Ц.-Сл. ъ и ь) отъ согласнаго *л*. Сербскій языкъ не хотѣлъ въ этомъ слогѣ претворять одно *ь* въ гласную, какъ дѣлаютъ другія Славянскія нарѣчія: между тѣмъ, какъ эти произносятъ *волкъ*, *вилкъ*, *вовкъ* и т. д., Сербскій языкъ нашелъ одинъ гласный исходъ для цѣлаго слога. Если бы онъ дѣйствительно огласовалъ только одно *ь*, то вышло бы у него кельнимосе, кольмась, каковыя формы, какъ переходныя, дѣйствительно встрѣчаются въ его древнихъ памятникахъ, но не иначе, какъ въ видѣ исключеній: такая огласовка была не по немъ. Напротивъ, онъ попытался обратить сначала *л* въ *в*, что подтверждается ближайшимъ къ нему Хорутанскимъ нарѣчіемъ; но не желая, однако, подобно послѣднему, озвукотворять одно *ь* (*вовк*) и замѣчая въ то же время, что *в* съ *ь* не можетъ составить самостоятельнаго полугласнаго слога *вь*, ибо трудно было бы произнести *ввькь*, онъ обратилъ *в* въ *у*, слявши такимъ образомъ согласное и полугласное начало въ одну гласность: *вукъ*. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ, что при озвукотвореніи полугласнаго слога *ль* нельзя отдѣлить *л* отъ *ь*. Но въ слоговомъ *ль* дѣло, кажется, было иначе: сдѣсь *ь*, какъ утратившее всякую самогласность, безгласное, было отброшено, а *л* чрезъ *в* и *у* перешло въ *о*. Посредниками при такомъ переходѣ могутъ быть Малороссійское, Бѣлорусское, Н.-Булгарское, Лужицкое, Хорутанское и Угрословенское нарѣчія: въ первыхъ *л* обращается въ *в*, а въ двухъ послѣднихъ сочетанія *ав*, *ев*, *ов*, *ив* звучатъ, какъ двоегласныя, т. е., *в* переходятъ въ *у*. Наконецъ тутъ же, въ Хорутанскомъ, по разнорѣчіямъ его, встрѣчаемъ двойныя формы, какъ на пр., *пепев* и *пепіо* (пепелъ), гдѣ, очевидно, перемѣна *в* въ *о* могла не иначе произойти, какъ черезъ посредство *у*.

Но пока книжный языкъ Сербовъ дошелъ до полнаго сознанія слога *ль* и сталъ постоянно и послѣдовательно замѣнять его б-ю *у*, онъ долженъ былъ пройти предварительно другія степени озвукотворенія. Первое проявленіе гласности въ полугласномъ слогѣ началось подъ вліяніемъ чужой стихіи, той самой, которая и въ Ц.-Славянской письменности замѣнила исконные слоги лъ и ль позднѣйшими ол и ел. Въ древнѣйшихъ памятникахъ Сербскаго языка X-го и XI-го вв. замѣтно большое колебаніе, такъ что сначала не отваживались претворять въ гласную цѣлый слогъ, а только ограничивались однимъ огласованіемъ б-ы ь, на пр., *Velcano*, *Vilcodrug*, *στόλπον*, *Βέλκανος*, *Βόλκος*, *Βουλτζίνης*, *βουλκόδλακ*, *Χλούμ*, *Ζαχλούμα* [1]. Въ нашихъ памятникахъ Кириловскаго письма XII-го в. этой огласовки не находимъ. Въ XIII-мъ в. показываются только немногія ея признаки въ Западной семьѣ и при томъ съ различными видоизмѣненіями, коковы: въсельшение, кельнимосе (С. № 14), кольмась (С. № 16), дьбльника (С. № 18), вьгарьскомь, оусельшение, напельно, дельвь (дьлгъ). хельмско, -ски, боульгарьскимь бьгаринь (С. № 20; Ш. № XVIII). Въ XIV-мъ в. въ Восточной семьѣ примѣры равномѣрно рѣдки: указать можно только на слѣдующіе: наполнй, коутим (С. № 176), бьгаре (С. № 43; А. № 13), ѧвотно

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 26 — 29.

(А. № 12), **коути доль, коутедолскоу** (Ш. № 15)—и только. Сдѣсь, впрочемъ, важно то, что со времемъ Душана буква **ъ** не существуетъ, и озвукотвореніе совершается чрезъ б-у **ѹ** и только однажды чрезъ **ѻ**. Въ Западной семьѣ до грамотъ Остои озвукотвореніе почти не замѣтно. Только разъ встрѣчается **хумски** и тутъ же **хльмьскои** (С. № 78). Со временъ же Остои и именно съ 1397 г. начинается озвукотвореніе, постепенно усиливающееся въ первой четверти XV-го в. и потомъ достигающее огромныхъ размѣровъ. Въ гр-хъ Западной семьи XIV-го в. находимъ **вукаш, вукославь** (С. № 82), **хумьсци, дужань, дугь, вукашинь, на дуцинъ** (С. № 83); въ словѣ **дульно, вм. дуно или дльно**, замѣтно еще колебаніе (С. № 84), **испунение, вукашиномь, вукомь** (С. № 85). Въ таковыхъ же гр-хъ XV-го в.: **хумские, хумци, хумьски, -сци** (С. №№ 88, 89, 139, 141; З. А.), **вукь, вукцы, -ца, вукаць, вукьунѣ, вукиѣ, вукашинь, -омь, вукасомь, вутихна** и пр. (С. №№ 89, 95, 97, 104, 107, 115, 118, 120, 127, 128, 132, 133, 139, 141, 142, 145; З. А.), **кунусе** (С. № 93), **испунеңы** (С. № 95), **придужье, прдужьи** (С. №№ 96, 107), **дужимь, дужни** (С. №№ 98, 144, 145, 150), **на пуни** (С. № 102), **путню, -ью** (С. №№ 103, 136), **пунѹ** (С. №№ 110, 114, 124, 142, 159, 171), **да се ѕлакие** (С. № 117), **напуно,-оѡ** (С. №№ 128, 134, 161, 171) и пр. и пр. Въ Турецкихъ: **подыпуно, напуно** (С. №№ 37, 164), **вуховьствоѣ, дужно** (С. № 173). При этомъ укажу на исключенія въ пользу б-ъ **ъ** и **о** въ XV-мъ в: **придлъжи, воиуѹ, -ъ** (С. № 112), **хомьсци** (С. № 116), **вълка** (С. № 120), **вуокшимь** (С. № 121), **кокмана, кококикѣ** (С. № 126), **испотью** (С. № 133), **пуотю** (С. № 145). Но это только въ Западной семьѣ; въ Восточной напротивъ **ль** постоянно существуетъ и только изрѣдка является озвукотвореннымъ: **да се ѡкуие** (С. № 111), **напукѡ,-о** (С. № 131, 146, 147), **стоунь,-оке** (Мл.). Озвукотвореніе въ Западной семьѣ шло такъ быстро, что въ XV-мъ в. почти не оставалось болѣе случаевъ для слога **ль**. Приведу только слѣдующіе немногіе: **вльнаць,-сь, вльцца,-ѹ** (С. №№ 89, 104, 108, 120), **дльжань** (С. № 89), **въ пльнъ,-и** (С. №№ 100, 120), **вльковикимь, влковикимь, предльжьи, придлъжи** (С. №№ 108, 112), **вльташинь** (С. № 117), **пльтью** (С. № 120). Число ихъ ничтожно въ сравненіи съ предыдущими: это послѣдній остатокъ, не подчинившійся еще народности. Полугласный слогъ **ль** идетъ совершенно въ уровень съ слоговымъ **рь**, какъ во времени, такъ и по степени озвукотворенія.

Б-а **ъ** собственно не принимаетъ никакого участія въ замѣнѣ **ь**. Какъ на ошибки, можно указать на **пакъ** (С. № 100), **дънь** (С. № 149), если только въ первомъ случаѣ **ъ** не есть **и**, претворенное въ **ъ**, ибо въ той же гр-ѣ находимъ: **прьвѣхь, стадь** и пр., а во второмъ оно есть **е**. Предлоги **прѣдъ** (С. № 17) и **сироѕъ** (N № 21, 63) объясняются инымъ оттѣнкомъ мысли, придавшей имъ форму мѣстнаго падежа. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ находимъ двойную форму *дрво* и *дриjево*, *древо дриво*. Такъ точно и въ древнемъ книжномъ это слово смѣняетъ **ь** и **ъ**, **е**, или **и**, на пр, **дрѣво, -а, древо** (А. № 6; С. №№ 10, 34, 70, 71, 91, 111, 176), **дривомь, дривьсие** (С. № 118), **на дривѣнь** (С. № 138), **дрѣвка, дриваска** (С. № 141) и **дрьвии** (С. № 84), **дрьвьми** (С. № 86), **ѕрьвми** (С. № 98), **ѕдрьви** (С. № 99), **дрьво** (С. № 137). Въ этой двойственности формъ замѣтна любовь Сербовъ къ полугласному слогу **рь**, какъ, на оборотъ, не любятъ они полугласнаго слога **ль**.

Покончивъ третью и послѣднюю часть изслѣдованія о б-ѣ **ь**, бросимъ бѣглый взглядъ на все пройденное нами пространство, въ которомъ совершаетъ свое движеніе полугласное начало. Въ книжномъ Сербскомъ языкѣ оба Ц.-

Славянскіе знака ъ и ь вылились въ одинъ ь, который внесенъ былъ въ него въ такомъ же обширномъ объемѣ, въ какомъ оба знака совершали свое служеніе въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Съ другой стороны ь отвѣчало также двумъ полугласнымъ отзвукамъ народнаго или устнаго Сербскаго языка, твердому и мягкому, которые хотя и не сходились по мѣсту своему съ Д.-Булгарскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе существовали, выражаясь въ древней письменности лишь однимъ знакомъ — ь. Присутствіе твердаго отзвука въ Сербскомъ языкѣ послужило къ введенію въ нѣкоторыхъ памятникахъ Ц.-Славянскаго ъ, которое, впрочемъ, нигдѣ не пріобрѣло себѣ права гражданства и явилось лишь въ видѣ исключенія. Появленіе его нельзя объяснять единственно смѣшеніемъ начертаній, но и внутреннею потребностію Сербскаго языка, который, подобно Ц.-Славянскому, имѣя твердый отзвукъ, порывался осилить условное правописаніе и выразить открыто и ясно свои свойства. Близость и важность для Сербовъ Ц.-Славянской письменности въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, постоянное вліяніе православнаго духовенства при дворѣ Сербскихъ государей, предварительное отсутствіе собственно-Сербской письменности и книжнаго языка: все это сильно поддерживало полугласное начало и открывало для него различные способы служенія, въ которыхъ ясно виднѣлось разумное пониманіе и тонкое чутье писцовъ, вынесенное ими изъ тѣснаго союза съ Ц.-Славянскимъ языкомъ. Отъ того ь, какъ представитель цѣлаго полугласнаго начала того языка, который преобладалъ въ Древнесербской письменности, долго существовало сдѣсь, обнаруживая по временамъ въ своемъ служеніи всю утонченность слуха и опытность руки, имъ распоряжавшихся. Преимущественно господствовало оно въ грамотахъ Аѳонскихъ и вообще на востокѣ Сербіи между православнымъ ея населеніемъ. Одна главная и общая черта отличаетъ служеніе полугласнаго начала въ Древнесербской Кириловской письменности, та же, которая проявляется и въ движеніи прочихъ звуковъ: это—дѣло съ живымъ языкомъ живаго народа. Самостоятельность и независимость государственной и умственной жизни Сербовъ должны были отразиться и въ ихъ книжномъ языкѣ, который, съ самого начала своего, не смотря на то, что вмѣщалъ въ себѣ двѣ родственныя и близкія между собою стихіи, свободно устремился къ совершеннѣйшему, по возможности, выраженію народной стихіи въ ущербъ Ц.-Славянской. Это произвело то, что онъ долженъ былъ совершить три замѣтные перехода, предѣлы которыхъ хотя и вступаютъ одинъ въ другой, однако довольно ясно очерчиваются различнымъ движеніемъ полугласнаго начала, такъ что сообразно съ ними и наше изслѣдованіе должно было распасться на три части. Въ первой мы разсмотрѣли употребленіе б-ы ь и нашли, что она въ вѣкахъ, ближайшихъ къ началу письменности, сохраняла весьма обширное и тонкое служеніе, возможность котораго объясняется не иначе, какъ близкимъ и свѣжимъ знакомствомъ древнихъ Сербовъ съ Ц.-Славянскою письменностію, перешедшею къ нимъ вмѣстѣ съ ученіемъ вѣры и первыми начатками книжнаго образованія. Сверхъ того, однообразіе этого служенія замѣтно въ грамотахъ всѣхъ семействъ до половины XIII столѣтія, что указываетъ, въ свою очередь, на общность знакомства съ Ц.-Славянскою письменностію, разлитую по всѣмъ мѣстамъ древней Сербіи, и въ восточныхъ ея предѣлахъ, и въ западныхъ, Дубровникѣ, Боснѣ. Служеніе б-ы ь, принятой въ книжный Сербскій языкъ въ замѣнъ обоихъ полугласныхъ знаковъ Ц.-Славянскаго языка, ъ и ь, и отвѣчающей равномѣрно двумъ полугласнымъ отзвукамъ народнаго или устнаго Сербскаго, твердому и мягкому, совершается во всѣхъ видахъ и въ тѣхъ же самыхъ

предѣлахъ, въ которыхъ оно совершается и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ: ь является въ основѣ словъ, въ соединеніи основы съ окончаніемъ и въ окончаніяхъ.

Но одновременно съ употребленіемъ б-ы ь оказывается и опущеніе ея въ весьма сильной степени даже въ самыхъ первыхъ памятникахъ обѣихъ семей, Восточной и Западной. Это доказываетъ, что полугласное начало, въ томъ объемѣ, въ какомъ оно внесено было въ древнюю Сербскую письменность, было несродно Сербскому языку, который въ своемъ народномъ говорѣ слѣдовалъ примѣру другихъ родственныхъ ему языковъ и выражалъ уже третью ступень ихъ развитія; который любилъ благозвучіе и соединенное съ нимъ полногласіе. Вся разумность его служенія условливалась лишь вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка, и на столько было разумности въ его служеніи, на сколько оно заключало въ себѣ жизненныхъ силъ того языка, изъ котораго было заимствовано. На Сербской почвѣ оно все таки явилось пришлымъ, чѣмъ-то безжизненнымъ, чѣмъ-то такимъ, что казалось однимъ внѣшнимъ знакомъ безъ внутренняго содержанія. По этому уже въ древнѣйшихъ произведеніяхъ письменности оно стало на сторонѣ чуждой стихіи, въ противуположность народной: и эта послѣдняя, не могла обойтись безъ того, чтобы не наложить на него своей руки. Первое ея дѣйствіе обнаружилось въ опущеніи ь, на которое она смотрѣла, какъ на букву, утратившую на ея почвѣ всю свою силу и для нея безполезную. Въ самомъ дѣлѣ, безгласное ь казалось уже не нужнымъ; представляя въ себѣ вмѣстѣ и твердый и мягкій звуки, оно тѣмъ менѣе могло устоять, чѣмъ болѣе Сербскій языкъ рознился въ этомъ отношеніи отъ Ц.-Славянскаго. Настоящее же полугласное ь, носившее въ себѣ нѣкоторый оттѣнокъ собственнаго звука, не устояло нигдѣ, кромѣ слога рь, противъ стремленія озвукотворяющей народности; а по тому и съ этой стороны потеряло свое мѣсто, оставшись единственно въ слогѣ рь, гдѣ остается и понынѣ. Сдѣсь оно удовлетворило народному говору, допускающему у себя полугласное стяженіе въ этомъ слогѣ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, когда ь становилось безгласнымъ по народному говору, оно опускалось, или замѣнялось полными гласными. Единственнымъ убѣжищемъ ему оставались лишь исходы окончаній, гдѣ оно удержалось по примѣру Ц.-Славянскаго правописанія; гдѣ и теперь держится вмѣстѣ съ ъ по правописанію нѣкоторыхъ. Въ памятникахъ западныхъ странъ Сербіи, гдѣ Ц.-Славянская стихія наименѣе имѣла мѣсто, какъ по господствующей вѣрѣ, такъ и по свойству образованія и междуусобныхъ отношеній, порожденіе ея — полугласное начало наименѣе могло держаться и должно было уступить первенство народной стихіи, которая сдѣсь брала рѣшительный перевѣсъ надъ первою. Въ памятникахъ Западной семьи XIV и XV столѣтій опущеніе б-ы ь совершается въ обширныхъ размѣрахъ, не смотря на то, что память писцовъ иногда подсказывала имъ такое употребленіе полугласной, которое напоминало собою отдаленную древность. Такимъ образомъ народная стихія, съ перваго выступленія своего на поприще письменности, уже проявлялась то въ безслѣдномъ опущеніи б-ы ь, то въ озвукотвореніи ея. Одержавши верхъ надъ представителемъ чуждой стихіи, она сверхъ того распорядилась имъ по своему, давъ ему новое, народное служеніе преимущественно для стяженія двоегласія, происходящаго отъ соединенія б-ы и съ другою гласною. Разумѣется, опущеніе б-ы ь, равно какъ и новое ея служеніе развились предпочтительно въ тѣхъ семьяхъ грамотъ, которыя были наиболѣе отдалены отъ вліянія Ц.-Славянской стихіи. Опущенію б-ы ь посвящена вторая часть нашего изслѣдованія. Главное положеніе, которое

было тогда высказано нами, заключается въ томъ, что опущеніе ея стоитъ въ обратномъ отношеніи къ ея употребленію.

Третья часть нашего изслѣдованія имѣетъ предметомъ озвукотвореніе ƃ-ы ь или окончательное господство народности. Вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ новаго, скажу, народнаго служенія ƃ-ы ь, расширялись и предѣлы ея озвукотворенія. Между тѣмъ, какъ опущеніе ƃ-ы ь шло своимъ чередомъ, Сербскій языкъ, боясь слишкомъ обнажить слова лишеніемъ того, что составляло ихъ душу, — гласнаго начала, и не терпя въ то же время полугласія, долженъ былъ замѣнить ь полными гласными, и сдѣлалъ это тамъ, гдѣ нельзя было вовсе опустить ь, какъ безгласное, не причинивъ ущерба природѣ слова и его благозвучію. Сначала для огласованія ь книжный Сербскій языкъ прибѣгнулъ къ є, какъ звуку, ближайшему къ ь по способу переглласовки, употребляемому въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и отчасти въ самомъ Ц.-Славянскомъ; потомъ онъ употребилъ самостоятельный и чисто Сербскій способъ переглласовки, воспользовавшись ƃ-ю а, но є и о остались по прежнему служить при движеніи словъ. Такимъ образомъ служебными гласными явились: є въ твор. п. вмѣсто мягкаго ь, далѣе въ видимомъ, хотя и не нужномъ, выраженіи полугласія, присутствующаго въ слогѣ рь, потомъ въ другихъ кое-какихъ случаяхъ; а во всѣхъ видахъ законнаго служенія ƃ-ы ь, кромѣ сочетанія ль, и еще кое-гдѣ безъ постояннаго и справедливаго служенія; о въ твор. п. вмѣсто твердаго ь(ъ) и въ замѣнѣ слоговаго конечнаго ль; у, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ случаевъ, преимущественно въ озвукотвореніи предлога сь и союза нь и въ замѣнѣ самостоятельнаго полугласнаго слога ль; а не нашло себѣ законнаго служенія. Предѣлы озвукотворенія, конечно, не всегда совпадали съ нынѣшними, и не всегда полные звуки отвѣчали нынѣшнимъ: такая неточность объясняется молодостію явленія, возникшаго мало по малу передъ глазами изслѣдователя; но довольно уже одного дѣйствія озвукотворенія, чтобы признать здѣсь присутствіе господствующей народности. Здѣсь, какъ и всюду, Западная семья отличилась отъ Восточной: между тѣмъ, какъ послѣдняя очень осторожно и безъ видимыхъ успѣховъ поставляетъ полныя гласныя, и предпочтительно є, на мѣстѣ полугласной, первая съ конца XIV-го в. быстро вводитъ у себя огласованіе, расширяя его размѣры далѣе нынѣшнихъ и употребляя для этого преимущественно а.

Чрезъ озвукотвореніе полугласной, или, вѣрнѣе, полугласныхъ, твердой и мягкой, Сербскій языкъ, какъ и другіе Славянскіе языки, выразилъ третью ступень движенія гласнаго начала въ Славянской семьѣ. Въ праязыкѣ какъ Славянъ, такъ и другихъ Индоевропейскихъ племенъ, преобладало полнозвучіе, т. е., полныя согласныя или нѣмыя требовали и полныхъ гласныхъ для своего отбитія и раздѣленія: чрезъ это наиболѣе поддерживалось равновѣсіе звуковъ. Въ историческую пору прадавняя гласность наиболѣе сохранилась въ старшемъ изъ всѣхъ Индоевропейскихъ языковъ — Санскритѣ. Въ другихъ она уже ослабѣла и мѣстами исчезла, оставивъ возможное стеченіе согласныхъ безъ своего участія, и это—вторая ступень ея, обнаружившаяся изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій наиболѣе въ Древнебулгарскомъ, съ тою только разницею, что въ этомъ одномъ языкѣ она не пропала безслѣдно, но выразилась, хотя индѣ только для вида, въ особыхъ начертаніяхъ ъ и ь, которыхъ нѣтъ ни въ одной другой Индоевропейской азбукѣ. За то Д.-Булгарскій языкъ довелъ эту степень безгласія до огромныхъ размѣровъ, такъ что сокращалъ гласность даже тамъ, гдѣ одно стеченіе соглас-

ныхъ было невозможно для произношенія: отъ того сдѣсь гласность не исчезла совершенно, но сохранилась въ неопредѣленномъ отзвукѣ, для котораго послужили ъ и ь. Такимъ образомъ эти начертанія выражали собою какъ неполное, такъ и полное отсутствіе прадавней гласности, означая собою ея прежнее мѣстопребываніе. Прочіе Славянскіе языки пошли далѣе: они создали третью степень гласности, возобновивъ ее мѣстами, хотя и не въ прежнемъ видѣ, но всякій по своему въ удобнѣйшемъ для него гласномъ звукѣ, а мѣстами оставили ее отсутствовать по прежнему и именно тамъ, гдѣ въ Д.-Булгарскомъ ъ и ь выражали совершенное безгласіе, т. е., при возможномъ стеченіи согласныхъ. Сербскій языкъ послѣдовалъ за прочими; но далѣе всѣхъ ушелъ Русскій, который одну гласную разложилъ на двѣ и чрезъ то растворилъ стеченіе согласныхъ на возможно-членораздѣльнѣйшіе звуки. Это своего рода полногласіе, приближающееся къ праязычному. Всѣ Славянскія нарѣчія, въ связи взятыя, непремѣнно требуютъ для своего объясненія этѣхъ трехъ ступеней гласности; но первая ступень уже не существуетъ въ ихъ исторической жизни: на нее только намекаютъ ъ и ь; вторая существуетъ въ Д.-Булгарскомъ, которое допускаетъ третью только отчасти въ видѣ тѣхъ немногихъ исключеній, гдѣ полугласныя замѣнены гласными. Прочія же нарѣчія съ первой ступени прямо перешли на третью, условивъ чрезъ то и вторую. Я нисколько не думаю, чтобы всѣ они нѣкогда походили на Д.-Булгарское и допускали у себя безгласіе и полугласіе въ той мѣрѣ, въ какой допускало это послѣднѣе, а потомъ уже снова озвукотворяли полугласіе: нѣтъ, они въ одно и то же время мѣстами опустили прадавнюю гласность—вторая ступень, мѣстами удержали ее, индѣ только перезвуковавши по своему,—третья ступень.

Что же, спросимъ мы, представляютъ намъ конецъ XII-го, XIII-й, XIV-й и XV-й вѣка въ историческомъ движеніи полугласнаго начала? Къ какому итогу приводитъ насъ послѣдній изъ разсматриваемыхъ вѣковъ? Полугласное начало было самою крѣпкою стороною, которою чуждая стихія вошла въ древнекнижный языкъ Сербовъ. Долго народность Сербская, представлявшая собою живое, движущееся начало, должна была употреблять различныя усилія, то опущеніе, то перегласовку, для того, чтобы претворить различныя Ц.-Славянскія, или переходныя формы въ чисто Сербскія, такія, какія звучали въ устномъ языкѣ народа. Постепенно, безъ скачка совершалось это претвореніе, и напослѣдокъ, въ исходѣ XV-го вѣка, уже легко можно было замѣтить, что въ области полугласныхъ древнекнижный языкъ доставилъ торжество народной стихіи и, не сходя съ пути прямаго самостоятельнаго движенія впередъ, установилъ въ себѣ народные признаки и достигъ довольно значительной степени совершенства, отъ которой не далеко было къ тому состоянію, въ которомъ онъ находится въ наше время. Въ этомъ движеніи народность одолжена своими успѣхами преимущественно тѣмъ грамотамъ, которыя имѣли наименьшее отношеніе къ Ц.-Славянской письменности, заключая въ себѣ дѣла мірскія и принадлежа къ западнымъ областямъ Сербіи.

ГЛАВА III.

ГЛАСНЫЯ.

За полугласными слѣдуютъ *гласныя*. Такъ какъ въ голосѣ человѣческомъ членораздѣльность есть главнѣйшее свойство, придающее ему значеніе слова, то гласныя, производящія отбой голоса при стеченіи нѣмыхъ звуковъ и придающія послѣднимъ опредѣленный отзвукъ, должны въ голосѣ человѣческомъ составлять важнѣйшую часть, видоизмѣненія которой влекутъ за собою и видоизмѣненія прочихъ звуковъ. Во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ вещество голоса или звуки, отдѣльно взятые, почти одинаковы всюду; но различное употребленіе и сочетаніе ихъ придаетъ различіе языкамъ и ихъ нарѣчіямъ, поднарѣчіямъ и т. д. Гласныя, управляющія движеніями согласныхъ, ведущія за собою толпу нѣмыхъ звуковъ, находятся во главѣ звукодвиженія и, слѣдовательно, являются первыми, на которыхъ языки основали свои отличительныя свойства. Ихъ гибкость, подвижность, удобоизмѣняемость способствуютъ имъ въ отправленіи этого служенія, такъ что повременное движеніе всѣхъ языковъ наиболѣе основано на движеніи гласныхъ. Переходя къ Сербскому языку и его отношеніямъ къ Д.-Булгарскому въ письменныхъ памятникахъ, мы напередъ можемъ сказать, что въ гласныхъ откроемъ самую обширную область звукодвиженія, наиболѣе обильную повременными явленіями, переходными видами, въ которыхъ совершалось взаимное дѣйствіе двухъ родственныхъ стихій, встрѣтившихся на полѣ древней Сербской письменности. Гласными, какъ самою чувствительною стороною своею, народный языкъ старался порознитъся съ пришлымъ, и отъ того здѣсь ранѣе и обильнѣе всѣхъ началось то движеніе книжнаго языка, которое привело со временемъ къ торжеству Сербской стихіи надъ Ц.-Славянскою подъ вліяніемъ самостоятельной жизни народа.

Чистый, открытый и вмѣстѣ твердый звукъ *а* весьма любимъ Сербами: истекая прямо изъ гортани и будучи самъ по себѣ полновѣснымъ, онъ наиболѣе способенъ къ выдержанію силы согласныхъ и доставленію слову той ровности въ произношеніи, которая составляетъ немаловажное условіе благозвучія. Сверхъ того, примѣръ другихъ нарѣчій показываетъ, что *а* есть самая благозвучная изъ гласныхъ, и по тому Сербскій языкъ, какъ благозвучный по преимуществу, долженъ былъ доставить ей у себя огромное служеніе. Мы видѣли уже, что б-а а замѣнила собою полугласное ь въ большей части его служебной дѣятельности. Она образуется изъ ь чрезъ усиленіе въ прилагательномъ кась (см. в.) и въ мѣстоименіяхъ таи, саи, онаи, оваи (см. в.), въ которыхъ и не есть придаточное усиливающее, но опредѣленное мѣстоименное окончаніе, и въ нарѣчіяхъ: кађа, тада, када, сада (см. в.). Встрѣчаются и переходныя формы безъ усиленія, единственно съ усиливающимъ

и, какъ на пр., тьи (А. NN№ 7, 19; Г. Б), тьи (Мл.), сьи (С. № 176), сью (С. № 89), сьемь (С. № 91), сьеган (С. № 107), ѡкьй, ѡкьи (А. № 11; Г. Б).

Ь-а а замѣняетъ и полныя гласныя е, и, о, ъ, ꙋ, при чемъ или просто смѣняется съ ними, или усиливаетъ ихъ чрезъ перезвукъ.

Вмѣсто ь-ы е находимъ а въ слѣдующихъ случаяхъ: саме вм. семе, что, впрочемъ, согласно съ свойствомъ Сербскаго языка, ибо корень есть сь (А. № 6), жалаю и тутъ же желаю, падшася, гдѣ са есть се, замѣняющее Ц.-Славянское са (С. № 66), качера, гдѣ а хотя и замѣняетъ ь, но это стоитъ вмѣсто е (С. № 103), понантинарь,-тенаарь, отъ *centum*, (С. NN№ 106, 107, 114, 128), тестеманти (С. № 159), ср. тестаменать (С. NN№ 157, 161).

Ь-а а смѣняется съ ь-ю и въ слѣдующихъ словахъ: црька (им. ед., С. № 16; А. № 8; З.; Мл.), ср. црькви, црькы (С. № 35; А. NN№ 5, 6, 12; З.), ѡпатаѡ (отъ пятати, С. № 118), кажааромь (С. № 156), ср. канькинаерь,-аеромь (С. NN№ 149, 158), скешинакь и тутъ же скефинкь (С. № 130), радашина (С. № 127), камзать (С. № 173), сьда,-и,-га,-и, сада,-и, откуда садининь, садишнемꙋ, ср. садави, садашнемꙋ (см. в.), кьда-и, кьга,-и, када,-и, никьди (см. в.). Ь-а и усиливается въ а въ словахъ юран (С. NN№ 118, 120, 133, 136, 144, 145, 156): поѱракати и пооꙋтакати (А. № 1).

Обильнѣйшими являются замѣна и усиленіе ь-ъ а и о. Шафарикъ приводитъ многіе примѣры изъ древнѣйшихъ иноземныхъ памятниковъ IX, X и XI вѣковъ, для смѣны ь-ъ а и о, каковы: *Liutamiro*, *Nedamuslo*, *Cresamustlo*, *Techamila*, *Dabrana*, *Dabro*, *Babinapalla*, *Novasella*, *Dragavitus*, *παγανοί*, *Κάτερα*, *Δεκάτερα* и т. д.[1] Сюда прибавлю еще слѣдующіе: *Влахъ*[2], *Σαληνές* или *Sallis*, *Salde* (нынѣ Солина или Тузла), *Σταγνόν* или *Stantania*, *Dubrava*, *'Ραστώτζα*, *Papava*[3], *Dubrave*, *Blatta*, *Barda*, *Berda*, *Baleni*, *Rasochatiza*, *Rauuna*, *Vlassici*[4]. Мы находимъ а замѣняющимъ о въ словахъ: манастырь,-ю,-ѣмь,-тира, -ски,-омь, манастырь (Ш. № VII; А. NN№ 1, 9; С. NN№ 51, 98, 173; Мл.), намастири (Ш. № VII), лакьть (С. № 3), домаславь (С. № 14), граба (А. № 8), сокалиници (С. № 176), грамадоу (А. (№ 11), грабовиницомь (Ш. № 11), ӡарию (С. № 35), Іеросоліма,-ѣхь и Іеросалимѣ (Г. А), хатарь (Ш. № 15), ꙋсарьскимь (С. № 81), любавамь (тв. ед., С. № 104), ӡарамь (А. № 16), хатеи (хотаи, С. № 178), ерꙋсолимꙋ (С. № 173). Ь-и о усиливается въ а въ словахъ: помага,-аи,-ате,-аеть,-аан,-амь,-ати, сьпомагати (А. И.; С. NN№ 3, 16, 48, 64, 66, 178), пред- прѣ- при- вьӡ- вьӡ- по- подлагаю,-аю,-ахѣ,-аеть,-ага,-аи,-аей,-аютьсе,-ающе (Ш. № VII; С. NN№ 35, 51, 176; А. № 9; В. № 2; З.), раӡарати (Ш. № VII), пре- по- тварают,-аи,-ати (Ш. № VII; С. NN№ 2, 62; З.), ѡсковага (С. № 2), иращаю,-аста (С. NN№ 2, 3), расти (С. № 16; Ш. № XVI), стварамь, сьтварает (С. № 32; Мл.), стварь, стваарь (С. NN№ 96, 107, 120, 127, 133 и пр.), ср. створь, створь (С. NN№ 100, 101), ѡгоbарамь, ѡдьговарате (А. № 6; С. № 164), накажаниемь,-ію,-іемь (А. № 9; С.-Д. М. 1844; Г. А, Б), покайающоумисе, оустраисе (А. № 11), ꙋстрашають,-юще (С. NN№ 35, 46), приилашаю (А. № 14), покланимала (В. № 2), иӡганяють (З.), вьдварають се, (А. № 17), потаптана (С. № 144), покланимосе

---

[1] Serbische Lesekörner, стр. 14.

[2] Даница 1827 г., стр. 56. — Српски Рјечник, В. С. Караджича.—Шафарика, Ueber die Abkunft der Slaven, стр. 156.—Его же Slow. Starožitn., I, II, 199. Слав. Древн. I, I, 394.

[3] Шафар., Slow. Starožitn., II, IV, 651—656. Слав. Древн., II, 1, 430 — 439.

[4] Тамъ же, II, V, 678, 679. II, II, 34 — 36.

(С. № 166). Сверхъ того б-а а смѣняется съ б-ю о въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій на -ога, -єга, -га и -аго, -єго, -го.

Б-а а смѣняется съ б-ю ѣ въ слѣдующихъ словахъ: ѿьсєла, ѿсєла (С. №№ 8, 16) и ѿьсєлѣ, отслѣ (А. И.; С. №№ 8, 19), ѿкова (С. № 16) и ѿьколѣ (С. № 100), докола, докла (С. №№ 114, 142, 143, 144) и доколѣ, доклѣ (А. И.; С. №№ 6, 17, 20, 22, 24, 26, 106, 111), дотлан,-ам (С. №№ 108, 112, 115, 126) и дотолѣ (С. № 106), ѡндаи (С. № 135) и ѡндѣѕии (С. № 40), кьда (С. №№ 113, 150) и кьдиє, коүдѣ (А. №№ 6, 12, 19; С. №№ 101, 137), скьда (С. №№ 137, 141) и всоүдѣ (С. № 91), никьда (С. №№ 141, 150) и ниьдѣ, индѣ (С. №№ 71, 79), ѿиноүдѣ (А. № 10). Чрезъ посредство ѣ, переходящаго въ є, а смѣняется съ є во многихъ изъ приведенныхъ нарѣчій, ибо находимъ еще формы: доколэ,-є, -є, доклє,-є (А. И.; С. №№ 20, 58, 66, 68, 69, 73, 83, 84, 91, 98, 112, 115, 137; А. № 15; Г. Б; Мл.), ѿкоүдє (А. № 4), коүдє, кьдє (А. № 19; С. №№ 67, 73, 91, 111, 137, 150, 168), ѿиноүдє (А. № 4), никьдє (С. № 150), ѡньдєѕи, ѡндєѕи (С. №№ 36, 73, 91, 111), ѿколє, ѿклєн, ѿколє (С. №№ 40, 101, 127; А. № 11), дослєн (С. № 56), ѿьсєлєн (С. № 77), дотлєн (С. № 115). Чрезъ ѣ, претворяющееся въ и, б-а а смѣняется съ и въ формахъ: ѿсєли (С. № 43), кьди (С. №№ 82, 102), доколи (С. №№ 83, 89, 93, 99, 107) ѡнди (С. № 94), всьди (С. № 102). Б-а а смѣняется съ б-ми є и ѣ въ союзѣ да, дѣ, дє (С. №№ 8—11, 13, 14, 16, 18). Б-а а стоитъ вм. ѣ въ словѣ двиста (С. № 152). Въ нее усиливается ѣ въ слѣдующихъ словахъ: владаниє,-ньѣ,-ни,-пѣ,-нию,-ниѣмь,-ни (А. И.; С. №№ 14, 61, 65, 79, 80, 85, 104, 144), владалць,-льци (С. №№ 14, 29), имати,-вати (С. №№ 19, 76, 152), ималь,-ла,-ли,-мо,-вьшє, имаамо (С. №№ 46, 57, 64, 70, 71, 78, 79, 81, 85, 89, 92, 97, 101, 127, 129, 159), иманиꙗ, -ꙗ,-ꙗ,-ни,-ниемь,-ѣмь,-нмь,-ньемь (С. №№ 35, 43, 50, 77, 91, 102, 111, 132, 137, 146, 147, 150), или съ є вм. ѣ: ср. имєль,-и (С. № 16), ѡрашьць,-шаць (С. №№ 16, 84), ѡрахє, ѡрахь,-а (С. №№ 157, 176), ѡраш҄кини (А. № 18).

Б-а а стягиваетъ въ себѣ аи въ словѣ нами (паити, С. № 113).

Б-а а смѣняетъ б-у в въ предлогѣ противка (С. №№ 89, 118, 132, 141) и противь (С. № 3).

Б-а а является мѣстами въ удвоенномъ видѣ. Это особый видъ ея служенія, развившійся преимущественно въ XV-мъ в. въ Западной семьѣ грамотъ. Восточныя равномѣрно знали его, но употребляли осторожнѣе. Что означаетъ удвоенное а, рѣшить трудно; но замѣчательно, что удвоивается лишь а коренное и усиленное, между тѣмъ, какъ а, служащее для озвукотворенія б-ы ь, остается безъ удвоенія, или, если иногда и удвояется, то весьма рѣдко, какъ бы въ видѣ исключенія. Такъ какъ послѣднее есть по преимуществу бѣглое и слабое, то можно догадываться, что удвоеніе означаетъ индѣ протяженіе голоса въ б-ѣ а и какъ бы ея долготу, а индѣ паденіе надъ нею голоса или удареніе. Въ XIII-мъ в. находимъ только: вѣрє ти даа ѕдравиє (С. № 5; у Ш. № VI -даи); ѕаа морє (С. № 17); въ XIV-мъ в. кое-гдѣ въ Аѳонскихъ, на пр., да сє иѕбираа, безь великаа оуѕрокаа (А. № 3), да ѿвлада҄ай, краалъ, да се иѕбираа (А. № 4), каако (А. № 8), всаа (А. № 9), единосла҄авни, всаа, таамо, поревноваасмо, ѕапрѣщаа (С. № 10), вдокаа (А. № 19), сѵинкіа (А. № 18); въ Дечанской: слышаа, даа, крьмошаа, половиваа (С. № 176); въ Раваницкой: гааю (Ш. № 15) и въ Законникѣ: кто ли се пооуѕдаа, прѣдаа; даже формы оу кила села, градьскаа ѕемаа приличнѣе объяснять этимъ удвоеніемъ. Въ Западной семьѣ грамотъ только въ одной Боснійской

ской читаемъ: **саадно**, **ажвлать**, **юрашааць**: въ двухъ послѣднихъ словахъ **а** возникло изъ **ь** (С. № 84). Въ XV-мъ в. удвоеніе усиливается. Въ Восточныхъ грамотахъ находимъ: **маара,-ре,-ромь** (С. № 91), **паалати, даара, да паланя** (С. № 111), **ааю, да даа, не имаа** (С. № 137), **даавай, ҁааатй** (С. № 146), **маара,-е, юбраавомь** (С. №№ 165, 166, 167), **непҁглааанный** (Г. Б) и пр. Въ Западныхъ удвоеніе встрѣчается гораздо чаще, на пр., **имамь, ааась** (С. № 96), **наамь, иааше, да се паале** (С. № 100), **ааҁь** (С. №№ 100—103), **по юбиуааю** (С. № 102), **паауе** (С. № 103), **раабь** (С. № 104), **ҁапнсаано, праавo, ҁааатихь. писаасе** (С. № 107), **нераакь, даали се, иааунномь, ҁаабави, бивaa, страанѣ,-е, раасапь, ҁааа, страахь, продаа, имаа, краальь, -ю, примааль, повелѣваамо, рааҁѣ, стаарѣми** и пр. (С. № 114). **ҁаа** (С. №№ 114, 117, 127, 133), **даамь, подобаасе. писааше** (С. № 117), **ҁаапись,-е** (С. №№ 114, 122, 127, 129), **беҁа всааке ҁаабаве, имааио, писааль** (С. № 129), **иаа** (С. №№ 142, 145, 163); въ Турецкой: **да се даа, садаа, граадь** (С. № 164) и пр. и пр. Б-а **а**, возникшая изъ **ь**, удвоена только въ немногихъ случаяхъ, какъ на пр., **г҃ саать, поставаа** (род. мн., С. № 127), **саан** (С. № 145), **двиатаа** (род. мн., С. № 164) и н. др. Удвоеніе б-ы **а** производитъ иногда въ грамотахъ смѣшеніе формъ, откуда являются формы двойственныя, допускающія совсѣмъ иное и, по видимому, вѣроятнѣйшее, но тѣмъ не менѣе неправильное объясненіе. Такъ, на пр., въ одной Травунской гр-ѣ (С. № 114) читаемъ: **ѡ веле мошпха сило прѣстаараго дх҃а.. прѣст҃а троице нераҁдѣлимыха слава тебѣ** (ср. С. №№ 71, 84, 97, 144). Кто не хорошо знакомъ съ общимъ духомъ грамотъ и кто прочтетъ только эту одну грамоту, тотъ можетъ окончаніе **-аа** принять за полное вмѣсто **-ая** и **-ааго** за полный и древнѣйшій признакъ родительнаго падежа:—объясненіе, по видимому, достаточное и вѣрное; но на самомъ дѣлѣ, судя по возрасту и происхожденію грамоты, такого окончанія родительнаго п. въ ней ожидать нельзя, ибо это была бы небывалая старина. Сдѣсь окончаніе **-аа** есть не что иное, какъ только удвоенное **-а**, но отнюдь не мѣстоименное **-ая**; ибо сравненіе съ другими случаями, въ ней же находящимися, равно съ другими современными грамотами, имѣющими подобное вступленіе, показываетъ, что и тутъ должно ожидать одного **а**. Правда, писцы помнили мѣстами давнишнюю долготу б-ы **а**, восходящую къ Санскритскому *á*, или образующуюся чрезъ слитіе, но съ тѣмъ вмѣстѣ распространяли удвоеніе и на короткое **а**. Пиша **-ааго**, **-аа**, они знали, что въ Д.-Булгарскомъ языкѣ дѣйствительно есть **-ааго**, **-ая**, но сначала они стянули этѣ формы въ **-аго**, **-а** и потомъ удвоили ихъ въ знакъ ихъ долготы. Они дѣйствовали тутъ болѣе чуткостію слуха, чѣмъ знаніемъ.

Б-а **а** способна принимать въ себя послѣдующую гласную и вмѣстѣ съ нею составлять одинъ долгій звукъ. Стяженіе происходитъ совершенно въ ея пользу, такъ что другой гласный звукъ исчезаетъ въ ней, доставляя ей лишь одну долготу. Сдѣсь природа ея является сильнѣе природы другихъ гласныхъ и, поглащая въ себя другіе гласные звуки, сама никогда не подчиняется имъ. Стяженіе начинается съ древнѣйшихъ временъ и безъ особеннаго успѣха продолжается до конца нашихъ грамотъ. Таковы формы: **наномь** (**на юномь**), **на** (**нако**, **као**, С. №№ 7, 93), **напон** (**на юпон**, С. № 11), **напауе** (А. № 9), **иҁнаге** (**иҁьнаиде**, С. № 40), **ако, аво** (**а юко**, А. № 12; С. №№ 61, 92), **али** (С. №№ 78, 89, 93, 94, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 120, 121, 126, 133, 140, 145, 179; А. № 7; Ш. № 16), ср. **а пан** (С. №№ 112, 114, 119, 120, 124, 125, 126, 141, 145), **ма** (**моя**, С. №№ 79, 93, 149), **ми-**

хаѧ (С. №№ 137, 138, 176), напоглакити (С. № 157). Сюда же можно отнести и тѣ глагольныя формы, которыя, по видимому, обходятся безъ соединяющей гласной; таковы окончанія 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. наст. вр. глаголовъ на -ѧти: -ѧши,-ѧ,-ѧмо,-ѧте.

Въ началѣ словъ и предъ гласною б-а ѧ большею частію соединяется съ смягчающимъ небнымъ началомъ ı и вмѣстѣ съ нимъ образуетъ мягкую б-у ꙗ. Такъ какъ носовой звукъ ѧ въ Сербскомъ языкѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ обратился въ *е*, то начертаніе ѧ сдѣлалось собственно излишнимъ для Сербской азбуки: и дѣйствительно, мы не находимъ его ни въ однѣхъ грамотахъ, кромѣ Аѳонскихъ. Этѣ послѣднія, найболѣе близкія къ Ц.-Славянской письменности, не могли разстаться съ б-ю ѧ; но при всемъ томъ поступили весьма осмотрительно. Писцы не увлеклись носовымъ произношеніемъ этой буквы и никогда, кромѣ двухъ случаевъ: ѧдрь (А. № 5) и кнѧзь (мон., Рейх. XX, № 31), не ставили ея на мѣстѣ носоваго звука, но замѣняли ею б-у ꙗ. Быть можетъ, они заимствовали ее изъ такого источника, въ которомъ она уже утратила свой носовой звукъ: какъ бы то ни было, въ концѣ XII-го в. въ гр-ѣ Немани (А. № 1) находимъ слово оу милѧхь (у Ш. № V—ꙗ), гдѣ ѧ написано вмѣсто ꙗ: слѣдовательно, уже въ этомъ вѣкѣ оно звучало, какъ ꙗ. Впрочемъ, это только единственный случай для этой б-ы изъ XII-го в. Въ Аѳонскихъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв. начертаніе ѧ вмѣсто ꙗ преобладаетъ исключительно, такъ что послѣдняго вовсе не находимъ въ грамотахъ, изданныхъ Авраамовичемъ и въ Гласникѣ. Въ послѣднемъ находимъ даже ꙗ: ꙗко, тисоуꙗ, напльнꙗ (Г. А), ꙗко, племенꙗ (Г. Б), инꙗ (Г. V), какъ и на одной изъ печатей Уроша V: архидиꙗконь (Г. II, стр. 203). Напротивъ, въ таковыхъ же грамотахъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ и у Шафарика, всюду встрѣчается одно только ꙗ. Что же до прочихъ не-Аѳонскихъ грамотъ, то въ нихъ употребляется одно обычное начертаніе ꙗ; а ѧ попадается не болѣе двухъ, трехъ разъ разсѣянно и какъ бы невзначай въ видѣ описки, именно: правѧ (С. № 3; у Ш. № X—ꙗ), поставлѧти (С. № 35), вседрьжителѧ (С. № 94), празновати (С. № 107) — и только; но въ С.-Д. М. №№ 1, 2, на оборотъ, нѣтъ нигдѣ ꙗ, а всюду ѧ, или ꙗ́. Въ томъ же изданіи 1844 г. встрѣчаются ꙗ, ıа и ѧ. Весьма замѣчательна такая рѣзкая противуположность между грамотами: однѣ исключаютъ совершенно одно начертаніе для мягкаго ѧ, а другія другое: чрезъ это подтверждается отчасти тожество обоихъ начертаній. Имѣютъ ли сдѣсь какое либо значеніе условные пріемы переписчиковъ, и употребленіе того, или другаго начертанія не ограничивается ли распоряженіями самихъ издателей—этого я не берусь объяснить. Относительно чтенія Сербами б-ы ѧ замѣчательна однажды встрѣчающаяся форма прѧдоша вм.-е (С. № 85), въ которой писецъ читалъ ѧ, какъ *а*, и точно такимъ же образомъ написалъ ее. Ясно, что ѧ звучало у Сербовъ, какъ *а*, или чаще ꙗ, что, впрочемъ, отнюдь не значитъ, чтобы носовой звукъ, выражаемый Ц.-Славянскою б-ю ѧ, произносился у нихъ, какъ *а*: нѣтъ, онъ звучалъ всюду, какъ *е*; сдѣсь же дѣло одного начертанія, или условное употребленіе извѣстнаго буквеннаго изображенія.

Вообще всѣ Славянскіе языки не любятъ твердыхъ или открытыхъ гласныхъ въ началѣ словъ, равно какъ стеченія таковыхъ въ срединѣ и концѣ словъ. Въ обоихъ случаяхъ, какъ въ начальной гласной, такъ и во второй изъ двухъ рядомъ стоящихъ гласныхъ подъемъ голоса бываетъ полный, ибо по причинѣ членораздѣльности звуковъ каждое слово и каждая гласная заканчиваютъ собою извѣстное количество голоса, такъ что послѣдующее слово, начинающееся глас-

ною, или послѣдующая гласная требуетъ новаго количества голоса, производитъ новый, полный подъемъ въ произношеніи. При такомъ полномъ и новомъ подъемѣ Славянскіе языки не терпятъ открытаго, широкаго, яснаго звука, но стараются всячески избѣжать его то чрезъ стяженіе гласныхъ, то чрезъ приставку благозвучныхъ буквъ, или чрезъ придыханіе, или же наконецъ чрезъ приращеніе гласнаго звука къ небу, т. е., чрезъ смягченіе его помощію небнаго начала і. Отсюда рожденіе мягкихъ гласныхъ. Два сряду открытыхъ подъема голоса не удобны и производятъ однообразіе; смягченіе напротивъ, спуская и съуживая подъемъ, производитъ разнообразіе въ голосѣ: это своего рода членораздѣльность и благозвучіе—два главнѣйшія свойства человѣческаго голоса. Но смягчающее начало Славянскихъ языковъ хотя и является преобладающимъ, однако на письмѣ, рѣже въ произношеніи, оказывается иногда ненужнымъ и оставляетъ слова съ яснымъ и открытымъ поднятіемъ голоса. Такъ и въ Древнесербской Кириловской письменности не всегда а въ началѣ словъ и предъ гласною переходило въ ꙗ. Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи нѣкоторыя двойственныя формы. Такъ мы встрѣчаемъ: азь (мн. р.) и ꙗзь, ꙗ҆зь (А. №№ 7, 12), ꙗ҆ (А. №№ 4, 14), ꙗ (мн. р.), ꙗко, аке и ако (Ц.-Сл. аште): и҆ ако. . погинє блаꙁинꙗ да го тїи ꙁанарїє ѿ себє поставлꙗю, ср. тутъ же: и҆ аще се... слоужи погыбноути ꙁлѣмь, ѡни да и҆ поставє ѿ себє (А. № 6); и ꙗко (т. е., ако) ки ꙗ не уиив (С. № 14), и ꙗко (ако) що сьгрѣшє (С. № 24); и на оборотъ ако (т. е., ꙗко): и ако же и прѣкоꙁданныи ꙗ҆дамь (Г. А), ср. и ꙗко же прѣкоꙁданныи адамь; и тои мы видѣвши... ако ꙁапоустѣ храмь (Г. Б). Замѣчательно еще смягченіе начальной б-ы а въ словѣ ꙗньгела, ꙗнѣгла (С. №№ 107, 114). Такъ равно а передъ гласною не всегда обращается въ мягкое ꙗ. Грамоты, ближайшія къ Ц.-Славянской стихіи, чаще оставляютъ его безъ перемѣны, чѣмъ грамоты, ближайшія къ народной стихіи. Монастырскія въ особенности отличаются терпимостію чистаго а при предшествующей гласной; примѣровъ такъ много, что довольно привести только нѣкоторые. Въ грамотѣ Немани еще не находимъ ихъ, но въ прочихъ они уже изобилуютъ: многаꙗ (А. № 2), великаꙗ, глꙗваꙗ, вѣчнаꙗ блгаꙗ, болшаꙗ (А. № 3), инаꙗ многаꙗ (А. № 4), вьпльщенїꙗ послѣднаꙗ, ѡкаꙗнныи, иꙁрѣднаꙗ (А. № 6), великаа (А. № 5), хртїанскаго (А. № 8), ср. хртиꙗнскаго (А. № 4), хртїаномь (А. № 6), цртвїа, нєїа (А. № 10), достоинїе (А. № 11), двань (А. № 12), ср. дꙗвань (А. № 13), желаниꙗ, сиꙗ, рекомаа (А. № 14), їанонь (А. № 18), ср. и҆ ꙗкова (А. № 3), оуповлнїа, слоꙁесмаа (А. № 20), неквдимаа, хранимо, неналаа (С. № 35), бжтьнаа повелѣнїа (С. № 175), ѿчьства, трєтїа, сїа, житїа (Мл.) и пр. и пр. Во многихъ изъ этѣхъ грамотъ несмягченіе вполнѣ господствуетъ; а въ изданіяхъ Гласника, С.-Д. Магазина 1844 г., Востокова и С. № 178 а остается постоянно неизмѣняемымъ передъ гласною. Исключеній только два: прѣдьстоꙗтелю (Г. А) и прѣиїаꙗ (С.-Д. М. 1844). Гораздо менѣе случаевъ несмягченія б-ы а находимъ во всѣхъ остальныхъ грамотахъ; можно съ увѣренностію сказать, что случаи эти весьма рѣдки. Таковы: аньдрѣа (С. №№ 15, 16), єваньглиа (С. № 21), мрьлань (С. № 32), патриархо (С. № 46), соудїами, свдїами, хотѣнїа (С. №№ 73, 91, 111, 137), єванѣлиа (С. № 78), иꙁлїа, сїа, ꙁапиꙁанїа, декиврїа (С. № 90), декемврїа, кефалїа, ꙁаписанїа (С. № 91), ѡстоа (С. № 92), блажєнаа (С. № 103), спомєнѫтиа (С. № 110), иꙁлїа, сїа, кефалїа, нманїа, ꙁѧтїа, стоати, писаниаа (С. №№ 111, 137), прїатєлїє, -тє, -лє (С. №№ 111, 137, 146, 147), дианишєвикѣ (С. № 118), исаиаа (С. № 146), дианань (С. № 157). Въ Законникѣ а передъ гласною всегда остается безъ перемѣны. Если въ сейчасъ приведенныхъ

примѣрахъ замѣтимъ, какую часть между ними занимаютъ примѣры изъ собственно-Сербскихъ памятниковъ, и если къ нимъ присовокупимъ всѣ тѣ, которые были приведены выше, то убѣдимся, что несмягченное а держалось почти исключительно въ Восточной семьѣ и преимущественно въ грамотахъ, относившихся къ церковнымъ надачамъ, а это и показываетъ намъ, что на немъ отразилось вліяніе Ц.-Славянской стихіи, что подтверждается и Законникомъ. Напротивѣ, смягченіе б-ы а въ началѣ словъ и передъ гласною было дѣломъ Сербской народности и совершалось въ грамотахъ, относившихся къ дѣламъ мірскимъ и предпочтительно принадлежащихъ къ семьѣ Западной. Въ самомъ дѣлѣ, въ Д.-Булгарской средневѣковой письменности, ровесницею которой можно назвать и Сербскую, рядомъ съ главнымъ правиломъ смягчать гласную передъ гласною, находимъ неменѣе главное правило, господствующее въ многочисленныхъ ея памятникахъ, по которому а и оу при предшествующей гласной не смягчаются. Впрочемъ, начало этого явленія должно искать, кажется, внѣ Булгаріи; оно занесено было туда позднѣе и, всего вѣроятнѣе, съ Карпатовъ. По разсѣяніи учениковъ свв. Кирила и Меѳодія, Прикарпатскіе жители, конечно, были одними изъ первыхъ, къ которымъ донесся голосъ православныхъ проповѣдниковъ, или, по крайней мѣрѣ, дошли церковныя книги. Въ Карпатахъ не любятъ смягченія, и это мѣстное свойство наложило свою печать и на Булгарскія рукописи, воротившіяся потомъ въ Булгарію, или достигшія Сербіи и Россіи. Западнорусскія рукописи обилуютъ несмягченными гласными. Но ихъ ли собственно вліянію должно приписать водвореніе того же свойства въ средневѣковой Булгарской письменности, или то было дѣйствіе собственно Булгарского мѣстнаго разнорѣчія, объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго; только наши данныя показываютъ, что въ предлежащей Сербской письменности несмягченіе было дѣйствіемъ Булгарскаго вліянія.

Б-а ꙗ, ѧ, ꙗ замѣняетъ собою иногда б-у ѣ; подобные случаи хотя и не часты, однако встрѣчаются, на пр., къ иминѣмь вѣцѣ (С. № 51), наслѣдника, истлѣвша, инѣшнѣа, тлѣющихъ, тѣмже, никѣнскыхь (А. № 7), нынѣ (З.), нѣ (А. № 10), доннѣ (А. № 14), нѣа (С.-Д. М. № 1; А. № 16), ниннѣ (Г. V), повѣлѣно (С. № 113). Еще замѣтимъ форму: ѡкѣ листь, ѡкѣ ꙁапись великѣ (С. № 130), гдѣ ѣ замѣняетъ ь, если только оно не принято по ошибкѣ вм. ѣ.

Б-а ꙗ усиливается изъ и въ словахъ: ꙁѧмь (С. № 74), приѧмши (С. № 133), приѧмь (С. № 136) отъ имати; тѧити (С. № 142) вм. таити, откуда существ. тѧи, тѧѧ (С. № 3);—изъ ѣ въ словѣ наѣхали, -ѧци, ср. тутъ же наѣꙁдиы, гдѣ ѣ стоитъ вм. ѣ, (З.).

Б-а ꙗ, ѧ, удвоивается, но такъ, что вторично является уже твердое а: ѧа, а не ѧѧ; послѣднее удвоеніе не существуетъ. Вотъ примѣры: ѧа, ѧа (аꙁь, С. №№ 69, 74, 102, 104, 132, 133, 142, 143, 150, 156, 157, 158, 162, 164, 173; А. № 15; Мл.), потврьѣвашьѧа, коѧа (С. № 102), приѧтели, -ль (С. №№ 157, 173), поглавьѧа (С. № 173).

Мы видѣли, что дѣйствіе народной стихіи обнаружилось въ стяженіи окончанія иѧ въ ьѧ: разъ одержавши верхъ, народная стихія пошла далѣе и стянула ьѧ въ ѧ, дѣлая это не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ ихъ; при этомъ ь перешло въ предыдущую согласную. Впрочемъ, надобно сознаться, что малочисленность примѣровъ и сравнительно большее количество случаевъ для ьѧ показываетъ, что форма ѧ вм. иѧ еще не установилась окончательно, и серединная форма ьѧ, напоминавшая и древнѣйшую иѧ и новѣйшую ѧ, составляетъ отличительный и вмѣстѣ переходный признакъ, преобладающій

еще и въ XV-мъ ст. Изъ предыдущихъ вѣковъ можно привести только слѣдующіе немногіе примѣры: **врата** (А. № 7), **проча** (А. № 14), **владания** (С. № 61); но въ XV-мъ ихъ довольно: **помепнути, обиалеиия, потваргиванія** (С. № 101), **допити** (С. № 106), **потакнути** (С. № 113). **ѹдрьжаниа** (С. 121), **спомеинути, ровиня** (С. № 126), **имания** (С. № 132), **поиманиа** (С. № 136), **крстиянинѡ** (С. № 157) и н. д. И на оборотъ, находимъ формы съ избыточествующимъ **и**: **книжия** (С. № 17), **бѫлинкь, -омь** (С. №№ 86, 156), **винидхѹ** (С. № 132), **родииль** (С. № 155). Въ формѣ **ано** (А. № 6) стянуты три гласныя; но Сербы не любятъ этого стяженія и, сливая **Ѥѡ** въ одинъ звукъ, отдѣляютъ его отъ **а** вставочнымъ **в**: **ѥѡвана, -омь** (С. №№ 1, 16; Ш. № VII), **ивани** (Ш. № VII), **пвановикь** (С. № 20), **ивань, иваниша** и т. д. (мн. р.).

Въ иностранныхъ словахъ господствуетъ колебаніе; писцы не знаютъ, что поставить: **иа, ия, ѥѡа**, или **ѡ**, или даже просто **а**. Такъ, на пр., они пишутъ: **иаиникии** (А. № 2), **ӥаковѧ. ӥакова** (А. №№ 3, 4), **Ѥѡаноиь** и **ано** (А. № 6), **диаконскими** (А. № 9), **Ѥѡакиль, ѥѡаникіе, дїаконими** (А. № 10), **Ѥѡаниь** (А. № 16), **Ѥѡ** (печ., Р. III, 333), **ѥѡанъ** (С. № 178), **Ѥѡанъ** (Г. V), **покаисара** (С. № 63), и **покаисарѧ, -е** и т. д. (мн. р.), **акова** (С. № 73), **дияиь**, (С. №№ 80, 87, 98, 101, 102, 124, 142, 143, 144, 152, 154), **дьяиь** (С. №№ 104, 107, 114, 122, 129), **по диаи** (С., стр. 252), **диаиоиь** (С. № 164), **протикистїарь, -пиарь** (С. №№ 71, 111) и **прѡвистарь, протовистарь** (С. №№ 70, 136), **маия, маїа, маїя** (С. №№ 167, 179; З.) и **маіа** (С. №№ 72, 98, 168), **Ѥѡлїа** (А. № 8), **Ѥѹлїа** (Г. V), **Ѥюнїа** (Г. А; А. № 20), **юлїа** (С. №№ 130, 164). **июніа, юниа** (С. №№ 123, 148, 156, 157), **июниа, -а** (С. №№ 66, 89, 124, 135), **юлиа** (С. № 81), **юпа** (С. № 96). Укажу еще на форму **ия** (**азъ**, С. № 89), въ которой участіе смягчающаго небнаго начала, по своей отдѣльности, обнаруживается яснѣе, чѣмъ въ **ѧ**.

Другой чистый и первоначальный гласный звукъ есть *и*. Мѣсто его въ отношеніи гласнаго органа находится при небѣ. Если *а* представляетъ ближайшій къ гортани и по тому наиболѣе открытый, широкій звукъ, и если третій первоначальный звукъ *у* составляетъ съ нимъ противуположность, являясь губнымъ глухимъ звукомъ, то *и* занимаетъ между этѣми двумя крайностями серединное мѣсто: оно не такъ открыто и широко, какъ *а*, и не такъ глухо, какъ *у*; представляя собою звукъ, прирaжаемый небнымъ органомъ голоса, оно узко и не столь твердо, какъ *а*; но все таки оно твердо и имѣетъ своимъ противнемъ мягкій звукъ, который ясно отличается отъ него своимъ вторичнымъ, какъ бы бóльшимъ приpаженіемъ къ небу, хотя на письмѣ и не выражается особымъ знакомъ. Эта полумягкость кореннаго и чистаго звука *и*, носящая названіе твердости, была причиною многихъ историческихъ явленій и многихъ споровъ, возникшихъ по поводу смѣшенія твердаго и смягченнаго *и*. Такъ находятъ какой-то серединный звукъ между *и* и *ы*, но это несправедливо по тому, что въ голосѣ человѣческомъ есть столько видоизмѣненій гласности, твердости, и мягкости, что никакая азбука не можетъ удовлетворить всѣмъ его звукоизмѣненіямъ: мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло только съ главнѣйшими и основными звуками человѣческаго голоса, для которыхъ только и находятся въ азбукѣ представители, а по тому главныхъ, самостоятельныхъ и самоотдѣльныхъ степеней голоса никакъ не должно ровнять съ побочными, смѣшанными и посредствующими видоизмѣненіями его Иное дѣло ученіе объ основныхъ гласныхъ звукахъ и иное дѣло ученіе о побочныхъ, серединныхъ звукахъ. Послѣднее, кажется, еще не на-

шло себѣ воздѣлывателя, ибо тутъ необходимо непосредственное и самое короткое знакомство со всѣми Славянскими языками, наиболѣе ими обилующими, въ ихъ устной рѣчи, въ томъ видѣ, какъ звучатъ они въ народѣ. Обработать эти сокровенные и мелкіе оттѣнки языка при отсутствіи азбучныхъ знаковъ и подъ важнѣйшимъ условіемъ близкаго знакомства со всѣми Славянскими нарѣчіями и ихъ подрѣчіями и разнорѣчіями, не только въ устномъ и современномъ состояніи, но и въ повременной жизни, смотря по тому, какъ письменность ихъ, чрезъ существующіе въ азбукѣ знаки, какъ чрезъ представителей основныхъ звуковъ, старалась выразить серединные звуки, для которыхъ особенныхъ знаковъ въ азбукѣ не существовало и не существуетъ, — обработать, говорю, все это гораздо труднѣе, чѣмъ изложить ученіе объ основныхъ звукахъ какъ Славянскихъ, такъ и другихъ языковъ, для которыхъ всѣ азбуки представляютъ болѣе, или менѣе удовлетворительные знаки. Но между тѣмъ потребность упомянутаго ученія о серединныхъ звукахъ, какъ такой части Славянскихъ языковъ, которая вмѣстѣ съ коренными гласными составляетъ душу каждого Славянскаго слова и только вдвоемъ съ ними представляетъ всю самозвучность голоса и производитъ въ немъ извѣстную степень напряженности и разнообразія, весьма чувствительна; ибо только она можетъ выказать все богатство звуковыхъ измѣненій въ Славянскихъ языкахъ, разграничитъ, какъ должно, основные и самостоятельные гласные звуки отъ посредствующихъ, серединныхъ и въ особенности уяснить ученіе о полугласныхъ въ ихъ видоизмѣненіяхъ по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Только оба ученія въ своей совокупности могутъ представить полный составъ гласныхъ звуковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Составитель Славянской азбуки, св. Кирилъ, хорошо понималъ основные и второстепенные звуки и поступилъ гораздо благоразумнѣе тѣхъ, кои для Славянскихъ языковъ приняли Латинскую азбуку: онъ далъ знаки не только для всѣхъ основныхъ гласныхъ звуковъ Д.-Булгарскаго языка, но и изъ второстепенныхъ изобразилъ знаками самые рѣзкіе и выдающіеся—полугласные. Напротивъ, Латинская азбука не имѣетъ даже и самыхъ ъ и ь, которыя для нея въ Славянскихъ нарѣчіяхъ столько же необходимы, сколько для Кирилицы не нужна б-а *j*. За то св. Кирилъ, по видимому, принималъ и за мягкое и далъ ему видъ Греческой буквы и (*η*), которая въ его время, безъ сомнѣнія, звучала какъ и. Греческая же б-а ı служила ему не буквою, но только пособіемъ при составленіи другихъ мягкихъ буквъ. Мягкость его б-ы и доказывается еще тѣмъ, что для собственно мягкаго звука и онъ не придумалъ никакого начертанія, подобнаго другимъ мягкимъ. За твердый небный звукъ онъ, вѣроятно, принималъ одно ы. Если для одного небнаго звука ему потребовался ъ, то значитъ, что небный звукъ самъ по себѣ считалъ онъ мягкимъ; слѣдовательно, ы стоитъ у него на одной доскѣ съ а, є, о, оу, ѧ, ѫ, а и отвѣчаетъ мягкимъ ꙗ, ѥ, ю, ѩ, ѭ: иначе составился бы новый рядъ буквъ, въ которомъ явились бы твердыя ъа, ъє, ъоу и т. п., а а, є, о были бы тогда уже серединными, какъ ꙗ, ѥ, ю мягкими; но это уже противорѣчило бы двойственности въ начертаніяхъ, принятой въ основу при составленіи азбуки, той двойственности, которая объясняется двумя только главными свойствами звуковъ, твердостію и мягкостію. Но собственно смягчающее небное начало, участвующее въ образованіи мягкихъ гласныхъ, не должно быть смѣшиваемо съ твердымъ и: оно есть непремѣнно мягкое. Въ сложеніи съ прочими гласными Кирилъ далъ ему начертаніе Греческаго ı: ı, а въ сложеніи съ звукомъ и опустилъ вовсе. Никакая Славянская азбука не выражаетъ этого мягкаго зву

ка *и*; только Сербское правописаніе намекаетъ на него въ тѣхъ случаяхъ, когда къ начальному мягкому звуку *и* присоединяется благозвучное *н*: тогда это послѣднее принимаетъ на себя смягчающее свойство *и*, выражаемое б-ю *ь*, на пр., *њи*, *њима*. Вообще б-ы *љ* и обнаруживаютъ правописнымъ образомъ мягкое свойство встрѣчающагося съ ними *и*. Да еще Малорусы въ старину означали, а нѣкоторые изъ нихъ и понынѣ еще означаютъ, мягкое *и*, преимущественно конечное, знакомъ ˜. Такъ же точно, но только обратно, поступилъ Кирилъ съ звукомъ *ы*: замѣтивъ въ Славянскомъ языкѣ звукъ, ближайшій къ гортанному *а* и въ отношеніи органовъ голоса занимающій мѣсто между *а* и *и*, какъ бы гортанно-небный безъ приражeнія, и по тому, хотя сродный съ *и*, но болѣе открытый и твердый, онъ положилъ ему въ основаніе это *и*, и, отвердивъ его чрезъ твердое ъ:—ъи или нѣсколько позднѣйшее ъ-і. Б-а же ы, ы, образовалась изъ сокращенія б-ы ъи, хотя современное Кирилу и позднѣйшее одинаковое произношеніе Греческихъ б-ъ *η* и *ι*, также безразличное употребленіе и и і могло навести на мысль образованія ы изъ ъ и і, по чему въ Остромировомъ Евангеліи и находимъ начертаніе ъі. Отъ того оба начертанія являются въ глубочайшей древности и напоминаютъ собою то время, когда въ азбучныхъ знакахъ еще не забыта была разумность ихъ составленія. По той же самой причинѣ, когда въ образованіи словъ и должно было присоединиться къ твердому полугласному ъ и слиться съ нимъ въ одинъ общій твердый звукъ *ы*, тогда для этого послѣдняго употреблялось начертаніе ы, на пр., възъ-играти — възыграти, добръ-и — добры или, чрезъ вторичную прибавку опредѣлительнаго мѣстоименнаго окончанія, — добрыи. Но конечный звукъ ъи, ы, образовавшійся собственно изъ двухъ звуковъ, конечнаго ъ, выражавшаго прадавнюю гласность, и мѣстоименія и, былъ столь слитенъ, что для опредѣленнаго окончанія онъ казался уже неяснымъ, и по тому еще въ древнѣйшую пору къ нему прибавили другое, такое же, какъ и первое, и: формы на -ъии преобладаютъ уже у Остромира: ихъ всегда можно разложить на ъии, гдѣ второе и будетъ излишнимъ. Нѣкоторые принимаютъ ы за двогласную; но это столько же возможно, какъ и то, что Санскритское долгое *ū*, часто въ Ц.-Славянскомъ языкѣ переходящее въ ы, есть двоегласіе, почти всегда обнаруживающеесе въ какомъ нибудь изъ Индоевропейскихъ языковъ. Тѣмъ не менѣе, оно звучитъ, какъ чистый долгій звукъ: таковъ въ этомъ случаѣ долженъ быть и звукъ ы. Замѣная носовые звуки, какъ бы цѣлые слоги, онъ тоже есть двоегласіе. Но кромѣ того, ы возникаетъ изъ стяженія гласности въ области самого Ц.-Славянскаго языка при встрѣчѣ б-ъ ъ и и: сдѣсь двоегласное образованіе его открывается съ перваго взгляда. Но хотя по природѣ своей ы должно быть двоегласнымъ, однако никогда въ немъ не слышится двойнаго звука, а всегда одинъ простой гортанно-небный звукъ, который, въ слѣдствіе этого свойства своего, и получилъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ Славянскихъ языкахъ, смотря по степенямъ твердости, или мягкости голоса, въ немъ присутствующаго: по этому начертаніе его не было одинаково какъ въ Кирилицѣ, такъ и въ Латинской азбукѣ; одни изображали его то б-ми ы (*ы*), *y*, то б-ми и (*и*) *i*. Это зависѣло отъ того, какое начертаніе, твердое, или мягкое, находили болѣе приличнымъ для этого звука, смотря по степени его твердости. Такимъ образомъ, говоря о б-ѣ *и*, какъ знакѣ основнаго и самобытнаго звука, не должно вмѣшивать туда же другихъ видоизмѣненій небнаго звука, которыя хотя и существуютъ, но по стольку, по скольку существуетъ основной и главной звукъ, такъ сказать, ихъ первообразъ, выражаемый въ чистомъ и твердомъ *и*. Звукъ *ы*, сродный

однимъ Славянскимъ языкамъ и то не всѣмъ въ равной степени и образовавшійся въ нихъ или чрезъ перезвукъ долгаго *у*, восходящаго къ долгому *о*, которое приводитъ къ первоначальному созвучію *ав*, или чрезъ усиленіе носовыхъ звуковъ, или же наконецъ чрезъ непосредственное слитіе двоегласія при встрѣчѣ б-ъ *ъ* и *ы*, есть по природѣ своей двоегласное, но столь плотное и цѣльное, что въ немъ слышится одинъ лишь твердый гортанно-небный звукъ, какъ бы болѣе твердое *и*, по чему оно и смѣшивается иногда съ этимъ послѣднимъ.

Сербскій языкъ не имѣетъ широкаго, дебелаго *ы*, но онъ вмѣсто него употребляетъ серединное, полумягкое *и*, которое и выражаетъ одинаково съ мягкимъ *и*: другими словами, въ Сербской азбукѣ не существуетъ *ы*, но есть одно *и*: которое индѣ звучитъ совершенно мягко, индѣ нѣсколько грубѣе. Таково мнѣніе большинства пишущихъ; но нѣкоторые и доселѣ пишутъ: *высоки зыдъ*, *мы*, *быо самъ* и т. п., точно такъ же, какъ, вопреки большинству, пишутъ слова съ конечными *ъ* и *ь*. Дѣло въ томъ, что Кирилица не вполнѣ удовлетворяетъ звукамъ Сербскаго языка и по тому производитъ колебаніе въ употребленіи буквенныхъ знаковъ. Но тѣ и другіе правы: одни по тому, что Ц.-Славянское ы не вполнѣ удовлетворяетъ Сербскому дебелому *и*; а другіе по тому, что Сербское дебелое *и* отвѣчаетъ Ц.-Славянскому такому же, но только сдѣсь еще болѣе дебелому, ы и легко можетъ замѣниться имъ. Вообще, по моему мнѣнію, если уже писать Кирилицею, то писать по возможности всѣми ея знаками, ибо всякое сокращеніе азбуки ведетъ къ неопредѣленности видимыхъ оттѣнковъ языка и видимаго начертанія словъ, а эта, въ свою очередь, можетъ произвести немаловажныя затрудненія въ изученіи внутреннихъ свойствъ языка. Если достоинство и цѣль всякой внѣшности состоитъ въ возможно лучшемъ проявленіи мысли или содержанія, то и всякая азбука по стольку хороша, по скольку выясняетъ видимыми знаками летучіе и понятные только для слуха звуки языка. Сокращеніе азбуки можетъ упростить одно только правописаніе, но, обобщая знаки, оно тѣмъ самымъ затрудняетъ изученіе языка для тѣхъ, кто не знакомъ предварительно съ этимъ самымъ языкомъ въ устномъ его состояніи, какъ живетъ онъ въ народѣ. Такое сжатое правописаніе отнимаетъ у языка его наглядность и тѣ отличительныя звукоизмѣненія, съ которыми онъ является въ устной рѣчи; особенно невыгодно оно для чтенія, заставляя зрѣніе бороться съ видимымъ однообразіемъ звуковъ.

Въ Древнесербской письменности б-а и получила такое же назначеніе, какое и б-а ь,—служить выраженіемъ двоякаго звука, и совершенно мягкаго, и нѣсколько дебелаго. Но, при огромномъ различіи въ возрастахъ и мѣстностяхъ грамотъ, б-а и не могла пользоваться исключительнымъ господствомъ: удивительно еще, какъ ь такъ легко и повсемѣстно водворилось; но и далеко отстало отъ него въ этомъ отношеніи. Та и другая буква служили лишь условнымъ и видимымъ знакомъ для голоса въ двоякомъ его видѣ, твердомъ и мягкомъ: писцы какъ бы условились между собою писать Ц.-Славянскія ъ и ь въ видѣ одного ь, хотя въ произношеніи не вездѣ соблюдали мягкость выговора, но, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ народомъ, говорили *царъ*, *кнезъ*, *вѣкъ* и пр. Такъ равно и б-а и не вездѣ означала мягкій небный звукъ, но часто напоминала собою и гортанно-небное ы. Причина та, что Сербскій языкъ не сошелся съ Ц.-Славянскимъ въ твердости и мягкости звуковъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, и по тому Кириловскія буквы, внесенныя въ Сербскую письменность, потеряли въ этомъ отношеніи свое значеніе и сдѣлались не болѣе, какъ видимыми, условными знаками, которымъ писцы могли дать по

своей волѣ большій, или меньшій объемъ. Знаки полугласія и безгласія подчинились большему произволу писцовъ; знаки полныхъ звуковъ, при близости Ц.-Славянской стихіи, остались нѣсколько сохраннѣе. Такимъ образомъ, гдѣ вовсе не находимъ б-ы ъ, тамъ еще находимъ б-у ы. Сдѣсь опять замѣтимъ, что древніе Сербы, принявъ законнымъ начертаніемъ одно ь и видя, можетъ быть, нѣкоторую разницу между своимъ твердымъ и Ц.-Славянскимъ ъ, заключавшуюся въ томъ, что Сербское твердое и звучало нѣсколько мягче, чѣмъ Ц.-Славянское ъ, употребили для его начертанія не ъ, ими не принятое, но ь:—ы. Въ отношеніи употребленія этой буквы, вліяніе Ц.-Славянской стихія опять оказываетъ свое дѣйствіе въ различной мѣрѣ на различныя семьи грамотъ: ближайшія въ нему употребляютъ чаще б-у ы, отдаленнѣйшія — рѣже. При томъ, въ послѣднихъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ отдаленія отъ Ц.-Славянскаго вліянія, не по пространству, а по времени, б-а ы рѣдѣетъ и вовсе исчезаетъ. Наибольшее служеніе для б-ы ы открыто въ значительной части Аѳонскихъ грамотъ, за коими слѣдуютъ другія грамоты, относящіяся къ церковнымъ надачамъ, потомъ прочія собственно-Сербскія грамоты и наконецъ грамоты другихъ семействъ. Такъ Аѳонскія грамоты, напечатанныя у Авраамовича (NN№ 1—12, 16, 17, 19, 20), у Востокова (№ 1), у Шафарика (№ 11), въ Гласникѣ (А, Б, V) и Споменикахъ (NN№ 175, 178), всѣ безъ исключенія имѣютъ ы. Изъ грамотъ, относящихся къ другимъ монастырямъ, его имѣютъ: Жичанская Стефана Первовѣнчаннаго (Ш. № VII), двѣ Бенедиктинскія, того же и Милутина, (С. NN№ 51, 52), Рьтьская Милутина (Мк.), Дечанская Стефана Дечанскаго (С. № 176), Раваницкая Лазаря (В. № 2; Ш. № 15; В. К.), Милешевская Стефана Лазаревича (С.-Д. М. 1844), неизвѣстно куда относящаяся гр-а Вука Бранковича (Ш. № 14) и Цетинская Ивана Черноевича (Мл.); но его не имѣютъ Ерусалимская и Синайская грамоты Душана и Уроша V (С. NN№ 35, 47). Изъ остальныхъ собственно-Сербскихъ грамотъ мы находимъ б-у ы только въ слѣдующихъ: С. NN№ 2, 27, 31, 73, 90, 91, 137, 138. Въ Зетскихъ ея нѣтъ. Въ Западной семьѣ она чаще встрѣчается въ XII-мъ и XIII-мъ вв. (С. NN№ 1, 3, 4, 10, 14, 15, 16, 19, 20, 26) и рѣже въ XIV-мъ и XV-мъ (С. NN№ 66, 68, 77, 79, 95, 97, 108), такъ что, кромѣ трехъ послѣднихъ NN№, въ XV-мъ в. болѣе не находимъ ея. Впрочемъ, не только во всѣхъ упомянутыхъ Западныхъ грамотахъ, но и во многихъ собственно-Сербскихъ она является нечаянно, отрывочно, въ видѣ описки, гдѣ разъ, гдѣ два, гдѣ три, и вообще должно замѣтить, что какъ б-а ъ нигдѣ не получила послѣдовательнаго и правильнаго служенія, такъ и б-а ы, хотя и употребляющаяся чаще, чѣмъ ъ, тоже нигдѣ не пріобрѣла себѣ законнаго и повсюднаго служенія. Даже и въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ наиболѣе она встрѣчается, употребленіе ея весьма ограничено, и часто уступаетъ она свое мѣсто преобладающему и. Въ Законникѣ хотя часто употребляется ы, но непослѣдовательно. Изъ монетъ и печатей ее находимъ на монетахъ Вукашина (Г. III, NN№ 68, 69) и на печатяхъ Дечанскаго (А. № 8), Лазаря (Р. III, стр. 1) и Стефана Лазаревича (С.-Д. М. 1844 г., стр. 127). Невольное проявленіе б-ы ы, не смотря на господство и, показываетъ, что народный языкъ Сербовъ не вездѣ безразлично произносилъ мягкое и, но что въ немъ были и есть слова, которыя требуютъ болѣе дебелаго звука, хотя и не столь широкаго и твердаго, какъ Ц.-Славянскій звукъ ы, но тѣмъ не менѣе ближе подходящаго къ нему, чѣмъ къ звуку и: отъ того въ этихъ случаяхъ ы считалось умѣстнѣе, чѣмъ и. Но съ другой стороны, такъ какъ ы и и явились въ Сербской письменности од-

ними внѣшними знаками, утративъ въ себѣ ту разумность, которая вложена была въ нихъ составителемъ Кирилицы и жила съ ними на ихъ родной почвѣ, то и не могли сохраниться безошибочно, ибо не было уже въ нихъ той первоначальной мысли, которая управляла ихъ служеніемъ. По этому въ Сербскихъ грамотахъ, даже въ найболѣе близкихъ къ Ц.-Славянскому языку и обильныхъ б-ю ы, мы часто видимъ эту букву не на своемъ мѣстѣ, на пр., въ Аѳонскихъ: быты (А. № 1), помоцінькоу, йсільийтѣ, да поразы (А. № 9), възлюбыти, възеты, виыхже, кыдѣ, сын (сїл), възнеиыю, вынограт (А. № 5), изволиныю (А. № 10), выдѣти, блыжйаго (А. № 11), сый, чтѣ (чести, А. № 12), крьвыю, на мо́ры (А. № 19), сподобыши (С. № 175), вь црыхь, твары, ѡ прьсты, дроузы (Г. А) и въ другихъ: блызь, истыню, оусилыимь (С. № 51), млрдые (С. № 176), мы (С. № 66), побывлющихте (С. № 68), при црй стефаны и при родителы (С. № 90), оубыи, -зы (С. № 91), своиыы, сь всѣмы (С. № 97), мы (мнѣ), хотѣлы, ѿ солы, да хралы (Мл.). Въ Законникѣ: оубозы, да проходы, невѣрныхь, -зы и пр. Въ началѣ слова только два раза встрѣчается б-а ы: ымѣте (С. № 10) и ызлѣсти (С. № 77). Въ древнѣйшихъ Латинскихъ грамотахъ б-а ы передана чрезъ Латинское *u*: *Zatimustlo*, *Nedanuslo*, *Nemuslo*, *Cresanustlo*, *Liudemuslus* [1]. Это еще не показываетъ, чтобы она такъ звучала въ устахъ народа; дѣло въ томъ, что иностранцы не могли произнести настоящимъ образомъ слово *мысль*, гдѣ по-сербски слышится дебелое *и*, что-то среднее между *и* и *ы*, а по тому въ ихъ произношеніи губное *м* притягивало къ своему органу соединенный съ нимъ гласный звукъ и обращало его въ губное *u*. Если бы у Сербовъ слово *мисао*, по древнему мисль, звучало дѣйствительно, какъ *мисао*, а не *мысао*, (нѣсколько слабѣе, чѣмъ Ц.-Славянское мы), то иностранцы такъ и написали бы, ибо у нихъ вполнѣ существуетъ мягкій звукъ *i*; но такъ какъ въ словѣ *мисль* они писали не *mislo*, а *muslo*, то это именно и доказываетъ, что между тѣмъ и другимъ *и* была какая нибудь разница въ произношеніи, по чему дебелое *и* обратилось въ твердое Лат. *u*; ср. ѡдоумысль (С. № 15). Что же касается до Греческой формы *Βοϭέσϑλαβος*, то она доказываетъ то же, хотя мы и не знаемъ навѣрно, какъ въ Греческомъ языкѣ звучало сочетаніе *οι*, быть можетъ, одинаково съ Сербскимъ дебелымъ *и*, ы. Въ Сербскихъ народныхъ памятникахъ всюду пишется ы, а не ъı, что объясняется служеніемъ б-ы ь. Укажу еще на одинъ случай начертанія, представляемый формою бьисть (С. № 51), напоминающею способъ составленіе начертанія ы. Что же касается до начертанія ї, то оно совершенно тожественно съ и. Причина его появленія понятна: оно взято прямо изъ Греческой азбуки и вошло въ употребленіе по тому только, что вполнѣ замѣняло собою и, служа какъ бы его сокращеніемъ. Гдѣ мѣсто не дозволяло написать полное и, тамъ писали сокращенное ї: слѣдовательно, послѣднее, хотя и взято было цѣликомъ отъ Грековъ, однако въ Славянской азбукѣ получило уже второстепенное мѣсто, ибо Кириловское начертаніе и лучше приурочивалось къ мягкому Славянскому звуку, имъ выражаемому. Относительно мѣста употребленія, б-а ї вполнѣ сходится съ б-ю ы: какъ та, такъ и другая употребляются почти исключительно въ Восточныхъ грамотахъ и преимущественно Аѳонскихъ. Но между тѣмъ, какъ въ большей части собственно-Сербскихъ грамотъ она встрѣчается довольно часто и намѣренно, въ Западныхъ грамотахъ, исключая весьма немногія, ея вовсе не видно: это обстоятельство опять ука-

---

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 20.

ываетъ на вліяніе Ц.-Славянской стихіи. Изъ Западныхъ грамотъ б-а і помѣщена не болѣе, какъ по одному, много по два раза, въ нѣкоторыхъ Боснійскихъ: прінидоше (С. № 66), архідиякона (С. № 68), миі (С. № 81), свѣдоці (С. № 83), миі, крьвиі (С. № 179), Травунской: провиі (С. № 127) и Дубровницкихъ: юніа (С. № 123), слвулін (С. № 130), да еще для довольно страннаго сочетанія еі: высоуліеі, вгодившеіхь (С. № 84), кюпатреі (С. № 85), гдѣ еі едва ли не есть дурно разобранное начертаніе и. Напротивъ, въ Восточной семьѣ грамотъ она находится въ большей части Аѳонскихъ (А. №№ 2, 3, 5—12, 15—20; Г. А, Б, V; Ш. № 11; С. №№ 175, 178; В. № 1) и прочихъ собственно-Сербскихъ (Ш. №№ VII, 14, 15; С. №№ 53, 62, 69, 73, 90, 91, 111, 137, 138, 146, 147, 165, 167, 176; В. № 2; С.-Д. М. 1844), въ одной Зетской (С. № 71), Черногорской (Мл.) и въ Законникѣ. Сюда же отнесу и печати Лазаря и Ангелины (Р. III, стр. 1; Г. III, № 88). Впрочемъ, и изъ этѣхъ грамотъ во многихъ она встрѣчается только по одному, или по два раза, такъ что сколько нибудь постоянное употребленіе ея ограничивается немногими грамотами и Законникомъ. Поелику въ грамотѣ Неманн она еще не существуетъ, то можно думать, что введеніе ея въ Сербскую письменность произошло при Милутинѣ. Но не смотря на то, что поводомъ къ ея введенію послужила, вѣроятно, одна внѣшняя причина, недостатокъ мѣста для полнаго и, однако, гдѣ она ни появляется, нельзя не замѣтить ея преобладающаго служенія при гласной. Для отдѣльнаго слова, именно, для союза и, она встрѣчается не болѣе четырехъ разъ; живъ(ь) і вьси (А. И.; Ш. № IV), сь ратниовь і сь ҳаклопитовь (Ш. № VII), і игоумьнь (А. № 7), і еще (С. № 176); въ началѣ словъ предъ согласною и въ концѣ она не употребляется, кромѣ іс хс (мн. р.), вм. полной формы іѵс хс, и іже (Ш. № VII; В. № 2), имяі (А. № 5), црькомі, кілі (А. № 10); въ срединѣ же безъ послѣдующей гласной весьма рѣдко. Но главное ея служеніе, замѣчаемое уже изъ грамотъ Милутина, состоитъ въ сокращеніи полнаго и передъ другою гласною, на пр., сіе, людіи (А. № 6) и пр. и пр. Даже при простомъ удвоеніи 6-ы и, когда второе и вовсе не произносится, первое пишется чрезъ і, на пр., сіиръ (А. № 10), сіице (В. № 1) и т. д. Это обстоятельство, какъ равно и то, что не вездѣ передъ гласною полное и обращается въ сокращенное і, но въ большемъ количествѣ случаевъ памятники удерживаютъ древнѣйшее написаніе иа, ие, ию и т д., показываютъ тожество і съ и. Есть еще одно начертаніе для звука и, употребляемое только въ словахъ, заимствованныхъ изъ Греческаго языка: это — ѵ. Съ нимъ пишутся только немногія иностранныя, преимущественно Греческія, слова, какъ бы освященныя употребленіемъ, каковы: мѵро, кѵрь, -а, еѵаніе, іѵс хс, еѵнія, хрѵсовоуль, смѵонь, кѵриль и т. п. Разумѣется, сдѣсь порядокъ грамотъ такой же, какъ и для і: найболѣе подверженныя Ц.-Славянскому вліянію найболѣе употребляютъ эту букву. Изъ Западной семьи находимъ только два случая: ксѵфетра (С. № 68) и кѵфтра (С. № 81). Эта буква произносилась, какъ и, что доказывается двойными формами: кирь (С. №№ 84, 85) и хрисовуль, хрісовоуль (мн. р), а также Сербскою формою горгіе и однажды только встрѣчающимся съ этою буквою Сербскимъ словомъ кѵкі (кукін, С. № 62), ср. ѵпостасиѵго (А. № 5). Только рядомъ съ формою сиѵфтрі (А. № 10) сифтрі (В. № 1), скипетра (С. № 89) находимъ и кюпатреі (С. № 85), скѵфетра (С. № 95), скупетри (С. № 150), скупетри (З. А.) и однажды хроусовоулоу (С. № 176): это намекаетъ на то, что въ подлинникѣ, вѣроятно, вм. ѵ стояло ѵ, которое позднѣйшіе писцы передѣлали, одинъ въ у, другой въ оу; но ѵ не есть ни то,

ни другое, чему доказательствомъ служатъ формы: **кулигели** (Ш. № VII), **куга** (Ева, Мк.), **сумеона**, **вь кули** (С. № 176), **сумиеона**, **ку** (В. № 1), **еулскы** (А. № 17), **ку** (С. № 178). На оборотъ, **у** отвѣчаетъ твердому Лат. *u* въ словѣ **агуста** (С. № 146).

Въ предстоящемъ изслѣдованіи о б-ѣ **и** я буду подъ этою буквою разумѣть какъ мягкій, такъ и твердый звукъ; а тамъ, гдѣ онъ выраженъ чрезъ **ы**, тамъ и я оставлю подлинное выраженіе.

Б-а **и** образуется чрезъ усиленіе изъ **ь** въ формахъ **си** и **ни** (см. в.); далѣе въ словахъ: **сьзидахь**, **-ль** (А. №№ 6, 7, 12), **градозидания** (А. № 14), **зидю**, **-ге**, **-ги** (С. №№ 35, 91, 111, 137), **сьзидание** (С. № 68), ср. **сьздахь** (А. № 3) и пр.; **уисти** (С. № 178), **идинь** и **идьнь** (см. в.), **три**, **тріе** (мн. р.), **трисна́имомоу** (А. № 5), **тріисьстаниоу** (А. № 10), ср. **трье**, **-и** (А. № 6; С. № 176), **трьбла́жениныимь** (Г. А, Б), **трьклете** (А. № 3), **трстаа** (А. № 4), **трьстои** (С. № 35), **дыхании** (С. № 176), ср. **дьхноувь** (Г. А, Б), **посилемо** (С. № 172), ср. **посьль**.

Б-а **и** замѣняетъ **а** въ словахъ: **прииродитель**, **-тель** (С. №№ 99, 101, 102, 104). Впрочемъ, сдѣсь, судя по другимъ примѣрамъ, между обоими звуками является посредствующимъ **ѣ**, которое въ этѣхъ самыхъ гр-хъ обращается въ **и**; **многищи** (С. № 94), **уетиристи** (С. № 124), **вь отаниихь** (сущ., С. № 102), **вь повелихь** (С. № 103) и пр.

Б-а **и** усиливается изъ **е** въ словѣ **нарицемомоу** (А. № 2), **узимлие** (С. № 87). Она смѣняется съ б-ю **е** въ словахъ: **кьпльщиниѣ** (-щение, С. № 16), **прѣги** и тутъ же **прѣге** (С. № 17), **камиця** (камня, А. № 11), **сига** (сега), гдѣ есть усиленіе б-ы **ь** въ **и** вмѣсто **е** (С. №№ 39, 43), **оутиуе** (оутеуе), **пе́рпирь** (А. № 6), **пе́рпирь** (А. № 11). Въ послѣднемъ примѣрѣ **и** столь же правильно, какъ и **е**: первое по тому, что ближе подходитъ къ Греческому *υ*, второе по тому, что, за исключеніемъ этѣхъ двухъ грамотъ, употребляется во всѣхъ прочихъ, что указываетъ на бо́льшую его народность: **перьперь** (мн. р.); **прѣбоудимь** (1-е л. мн. ч., А. № 7), **воивода** (С. № 66), **ма́нниеемь** (С. № 68), **нипоколибимо** (С. № 92), **врими** (время, вин. ед., С. № 96), **велиможами** и тутъ же **велеможе** (С. № 150), **дамимо** (даемо, С. № 148). Въ иностранныхъ словахъ: **вь никын** (Ш. № VII), **вь мнкей**, **никеи**, **никей**, **миники** (С. №№ 3, 4, 5, 9, 17), **вь**, **вѧ никею**, **-ен**, **-ею**, **-ен**, **никию**, **-ии**, **ницни** (С. №№ 35, 37, 89, 100, 101, 102, 114, 141, 144; Мл.), **никенскй**, **-ѣхь**, **никенскыхь**, **-ынхь**, **ниненскы** (А. №№ 6, 8, 12, 14; С. № 78), **никисцихь** (С. № 104), **испидитори**, **канжилиромь** (С. № 158), **еспидиторию**, **испедиторию** (С. № 159), **ипидиторию** (С. № 163), **еспедиторию** (С. № 170), **каньжилерь** (С. № 149), **стифань**, **-а**, **стипань**, **-а**, **-у**, **-омь**, **шифань** (С. №№ 81, 83, 84, 89, 92, 95, 96, 97, 103, 139, 140, 141, 150—154, 161, 179), **стипановѣь** (С. № 97), **стипоевиѣь** (З. А.). Нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ должно объяснять не прямо смѣною **и** съ **е**, но скорѣе чрезъ посредство **ѣ**, которое не рѣдко употребляется вмѣсто мягкаго **и** и въ свою очередь весьма часто замѣняется б-ю **и**, ибо всрѣчаются тѣ же формы съ **ѣ**, на пр., **стѣпань**, **-а**, **-у**, **-омь**, **стѣпко**, **стѣфань**, **-а** (А. №№ 1, 7; С. №№ 57, 60, 64, 78, 95, 98, 108, 124), **никѣнскихь** (С. № 27) **кажалѣромь** (С. № 156) и пр. Еще вмѣсто **е** находимъ б-у **и** въ мѣстн. п. ед. ч. причастій наст. вр. и въ томъ же падежѣ мн. ч. именъ существительныхъ.

Б-а **и** стоитъ вмѣсто **о** въ древнѣйшихъ формахъ *Suinimir*, *Zuinimir* [1]; въ

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 27.

нашихъ памятникахъ оно замѣняетъ б-у **о** въ формахъ **ксаниьи** (С. №̲ 60) и **ѩмь** (1- ед. мн., ч., А. №̲ 18), ср. **сьо** (мн. р.) и смѣняется съ нею въ мѣстн. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и ср. р.

Б-а **и** смѣняетъ б-у **ѣ** въ словѣ **либо** (А. №̲ 6), ср. **любо** (мн. р.), **лѣбо**, **лѣно** (С. №№̲ 78, 82, 89 и пр.), и въ мѣстн. п. ед. ч. существительныхъ и прилагательныхъ.

Но главное служеніе, отправляемою б-ю **и**, состоитъ въ замѣнѣ б-ы **ѣ**. Причина этому лежитъ въ природѣ б-ы **ѣ**, о чемъ будемъ говорить послѣ: сдѣсь же разсмотримъ самыя явленія. Въ Латинскихъ грамотахъ XI-го в. встрѣчаются: *Billa* (Бѣла), *Stiniza*, *Tribis* (Стѣница, Требиште), *suidoz*, (**свѣдъкъ**), *Osic* (Осѣкъ)[1]; и на оборотъ, у Константина Багрянороднаго: *Χλεβίανα* (нынѣ Ливно) и *Πλέβα* (нынѣ Плива)[2]. При обзорѣ нашихъ грамотъ мы должны обращать вниманіе на возрастъ ихъ и семьи, къ которымъ онѣ принадлежатъ. Въ древнѣйшую пору Сербской письменности, именно, въ XIII-мъ в. и первой половинѣ XIV-го, мы весьма рѣдко встрѣчаемъ **и** вм. **ѣ** въ грамотахъ всѣхъ семействъ: **инсте** (**нѣсте**, С. №̲ 11), **приломи** (С. №̲ 14), **анъдрию**, **придели** и тутъ же **предѣлъ** (С. №̲ 16), **оу хрисокоули** и тутъ же **хрисокоулѣ** (А. №̲4), **потоли**, **ѡсели** (С. №̲ 43), **приѡсщении** (С.-Д. М. №̲ 1; въ С. №̲ 46 —**ѣ**), **априли**, - **ѥ** (С. №№̲ 48, 49), **измирьць** (С. №̲ 56); да на печати Дечанскаго (А. №̲ 8): **архидикон**, что хотя и можно объяснять этою замѣною при сравненіи съ печатью Уроша V (А. №̲ 10), гдѣ читаемъ **архидѣконъ**, однако, во первыхъ, на послѣдней печати **ѣ** не есть существенное, но замѣняющее **и**, а таковое не превращается въ **и**; во вторыхъ, эту форму легче объяснить чрезъ пропущеніе **ѣ** или **и**: **архидияконъ** или **архидиикконъ**. Таковы явленія означеннаго пространства времени. Но сб второй половины XIV-го в. вдругъ въ огромномъ множествѣ появляется **и**, служащее замѣною б-ѣ **ѣ**. Причиною тому появленіе Дубровницкихъ, Боснійскихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ грамотъ, которыя своимъ количествомъ совершенно затемняютъ грамоты Восточной семьи и отстраняютъ всякое ихъ воздѣйствіе въ пользу б-ы **ѣ**. Такъ какъ въ позднѣйшее время собственно-Сербскія грамоты почти никогда, или весьма рѣдко, замѣняютъ **ѣ** б-ю **и**, то можно заключить, что и въ древнѣйшее время этой замѣны не было; дѣйствительно, во всѣхъ дошедшихъ до насъ грамотахъ, кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ, всюду пишется **ѣ**, а не **и**. Напротивъ, относительно древнѣйшихъ грамотъ Западной семьи, имъ самимъ такого свойства приписать нельзя, ибо съ теченіемъ времени онѣ почти совершенно исключили изъ себя б-у **ѣ**, замѣнивъ ее б-ю **и**. Такъ какъ въ этой замѣнѣ нельзя видѣть ничего инаго, какъ дѣйствіе народности, и такъ какъ народность въ устномъ языкѣ гораздо старше народности въ книжномъ, то постоянное пребываніе б-ы **ѣ** въ древнѣйшихъ грамотахъ Западной семьи XII-го и XIII-го вв. должно приписать другой, посторонней причинѣ, а не свойству того нарѣчія, на которомъ онѣ писаны. Если въ этѣхъ грамотахъ мы постоянно находимъ **ѣ** (кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ), то другаго рѣшенія вопросу мы не можемъ представить, какъ сказавши, что въ древнѣйшую пору Сербской письменности книжный языкъ менѣе подчинялся вліянію народности, а по тому былъ общнѣе для всѣхъ Сербскихъ областей и ближе къ Ц.-Славянской стихіи. Тогда въ Дубровникѣ, Хлумѣ, Боснѣ, Приморьи, какъ и въ собственной Сербіи, книж-

---

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 59. — Его же Slow. Starožitn., II, V, 678, 679. Слав. Древн., II, II 34 — 36.

[2] Шафар., Slow. Starožitn., II, V, 676. Слав. Древн., II, II, 30.

ный языкъ былъ однообразнѣе по тому самому, что былъ дальше отъ народности и сосредоточеннѣе въ самомъ себѣ подъ преобладающимъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго. А по мѣрѣ усиленія въ немъ народныхъ свойствъ, онъ болѣе и болѣе склонялся къ устному языку и измѣнялъ свой древній видъ. Выше мы замѣтили, что Восточная семья грамотъ строже держалась Ц.-Славянской стихіи, чѣмъ Западная; то же обнаруживается и теперь въ послѣдующихъ вѣкахъ, т. е., во второй половинѣ XIV-го и въ XV-мъ в. Она не чаще прежняго мѣняетъ ѣ на и: априлїи (С. № 62), при цр҃и стефаны(и) и при родителы(и) при кнєзи лазари (С. № 90), донкли (С.-Д. М. 1844), нє свидѣ (А. № 17), сьмотрикь (А. № 16), дию (С. №№ 131, 146), вь хрисовоули (Г V)—и только. Изъ этихъ случаевъ первый объясняется иностранною формою съ і, а дию общимъ правиломъ, по которому, если за и, замѣняющимъ ѣ, слѣдуетъ гласная, то и обращается въ и, т. е., собственно дию; буква же є или при д мягкое и часто замѣняетъ въ Восточной семьѣ б-у ѣ. Дѣйствовала ли тутъ одна Ц.-Славянская стихія въ ущербъ народной, или обѣ онѣ сошлись въ своихъ звукахъ—рѣшить трудно, ибо мы не имѣемъ подробныхъ изслѣдованій о звукахъ современнаго намъ языка Сербовъ на всемъ пространствѣ Сербскаго населенія. Хотя на буквѣ ѣ основано раздѣленіе Сербскаго нарѣчія на три подрѣчія и хотя это дѣленіе съ своимъ основаніемъ повторено многими учеными, однако все таки оно отъ этого нисколько не подвинулось впередъ и не пріобрѣло себѣ необходимыхъ подробностей; даже границы его не обозначены, какъ слѣдуетъ, а только опредѣлены общимъ именемъ областей. Во вторыхъ, мы не знаемъ, гдѣ писана бо́льшая часть грамотъ и изъ какой области происходилъ тотъ, или другой дьякъ: все это было бы необходимо нужно для рѣшенія нашего вопроса. Наконецъ, въ третьихъ, не знаемъ, какъ звучала б-а ѣ: можетъ быть, писцы употребляли ее только для однообразія, слѣдуя Ц.-Славянскому письму, а произносили иначе, всякій по своему, какъ є, и, иє, и. Вліяніе Ц.-Славянской стихіи сказалось и въ Зетскихъ грамотахъ, которыя, относительно б-ы ѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ одному разряду съ Дубровницкими, Травунскими и Хлумскими. Въ нихъ мы находимъ только слѣдующіе случаи замѣны б-ы ѣ б-ю и: априли (С. № 70), видикь, прочисти (С. № 71). Даже въ позднѣйшей Черногорской грамотѣ, въ которой, впрочемъ, замѣтно сильное вліяніе Ц.-Славянскаго языка, съ трудомъ пробивается народность въ лицѣ б-ы и: ꙁапоꙁидєти, хотїѡ, дїѡ (М.л.). Слѣдовательно, въ употребленіи б-ы ѣ нельзя не признать вліянія Ц.-Славянской стихіи. Напротивъ, Западная семья грамотъ, освобожденная болѣе, или менѣе отъ этого вліянія, съ появленіемъ своимъ во второй половинѣ XIV-го в., смѣло внесла въ свои нѣдра народную стихію и быстро замѣнила ѣ б-ю и, такъ что явленіе первой буквы стало въ ней уже на половину рѣже противъ прежняго, хотя и ни въ одной грамотѣ не исчезло совершенно. Тѣмъ не менѣе, при всей быстротѣ перемѣны, время Тврьтка I отличается, какъ мы не разъ замѣчали и прежде, переходностію звуковъ: еще болѣе замѣтно это на б-ѣ ѣ. Тврьтко, стремясь къ соединенію Босны съ Сербіею и желая оправдать свои права на послѣднюю, перенялъ въ своихъ грамотахъ тѣ же пріемы, какіе употребляли Сербскіе государи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, держалъ и Сербскихъ дьяковъ. Какъ бы то ни было, но въ исторіи б-ы ѣ нельзя не видѣть той общей силы, которая управляетъ повременнымъ движеніемъ звуковъ и условливаетъ ихъ преемство. Эта сила возможна только въ книжномъ языкѣ. Это личный произволъ, но не безграничный, а связанный чрезъ примѣръ и подра-

жаніе съ прошедшимъ. Отсюда постепенность движенія звуковъ въ книжномъ языкѣ. Съ одной стороны, Ц.-Славянское прошедшее, съ другой, народное настоящее управляли произволомъ писцовъ, которымъ оставалось только держаться середины между обѣими крайностями, по немногу подаваясь впередъ по мѣрѣ ослабленія первой и усиленія второй. Первая слабѣла по тому, что, будучи чуждою, старѣла, забывалась и искажалась; вторая усиливалась по тому, что была присуща народу и все болѣе и болѣе приходила къ самосознанію. Тамъ, гдѣ первая, въ слѣдствіе государственныхъ и вѣроисповѣдныхъ причинъ, сильнѣе держалась, тамъ и поступательное движеніе писцовъ было слабѣе. И такъ въ грамотахъ Тврьтка I еще господствуетъ **ѣ**; но въ современныхъ грамотахъ Санковичей уже замѣтно сильное колебаніе. Въ нихъ мы находимъ: **лѣто, мѣсецъ, вѣкь, колѣна, хотѣсмо, вѣрьни, послѣдьни, дѣца** и пр., и **априла, видѣнье, дица** (С. № 78), **цѣна, мѣсте, потрѣбꙋ, вѣдомо, вѣрꙋ** и **двѣстѣ, всими, гди, годи, лито** и пр. (С. NN№ 79, 80). Но съ грамотъ Дабыши начинается, какъ сказали мы, быстрое движеніе въ пользу б-ы **и**. Съ этого времени въ Дубровницкихъ, Боснійскихъ, Травунскихъ, Хлумскихъ и Турецкихъ грамотахъ находимъ бо́льшую часть словъ съ б-ю **и** вмѣсто **ѣ**. Можно буквально сказать, что ни одна грамота изъ этой семьи не обошлась безъ перемѣны **ѣ** въ **и**. Примѣровъ такъ много, что достаточно привести нѣкоторые: **вирꙋ, прѣзрииьемь, послидиемꙋ, викꙋ, -ома, свидоци** и пр. и тутъ же **лѣти, прѣдь** (С. № 179), **ѹловиѹє, -є, -ѹєскиє, -ѹаскиє, ѹл҃иѹє** (С. NN№ 81, 89, 103, 136, 150), **ѳнимьже, тимьже, -же тимже, тиже** (С. NN№ 81, 85, 89, 95, 103, 146; З. А.), **вирꙋ, -и. -омь** (С. NN№ 81, 89, 93, 95, 141, 153), **многоцининими, -цинима** (С. NN№ 81, 85, 95), **ꙋвить, -є, -е, -ихь** (С. NN№ 81, 89, 95, 103, 135, 136, 150), **разꙋмивь, -вьшє, -вше, -є** (С. NN№ 81, 85, 97, 133, 150), **викь, -а, -ꙋ, -є, -е, -и, -ома, -омь** (С. NN№ 81, 88, 89, 92—97, 102, 103, 118, 135, 136, 140, 141, 150; З. А.), **всими, -мь, -хь** (С. NN№ 81, 82, 83, 89, 93, 95, 96, 102, 103, 104, 107, 118, 136, 145, 150; З, А.), **дви** (С. NN№ 81, 85, 103, 130, 150), **вирань, вирьни, -омꙋ, -нмь, -рны, -и** (С. NN№ 82, 84, 89, 97, 99, 102, 116; З. А.), **лито, -а, -ь** (С. NN№ 82, 88, 92, 93, 94, 103, 116, 118, 135, 140, 141, 150, 151, 152, 154; З. А.), **мисеца, -є, м҃ца** (С. NN№ 82, 88, 92 ,, 94, 95, 103, 115, 116, 118, 135, 140, 141, 145, 150, 151, 154, 161, 170), **свить, -а** (С. NN№ 83, 89, 92, 93, 97, 99, 150), **крипко, -ꙋ, -ци, крипько, крипити** (С. NN№ 83, 89, 95, 99, 103, 132, 136), **благодить** (С. NN№ 84, 97, 99), **насли-доватн, -иинь** (С. NN№ 84, 97, 102, 136, 145), **ѡбитꙋю, -є, -ємо, ѡбитовасмо, -вали** (С. NN№ 84, 88, 96, 102, 132, 140, 141, 151, 152), **хотиньє, -ѣ, -инємь, -инємь** (С. NN№ 84, 89, 93, 140), **дитьца, -тца, дица** (С. NN№ 84, 96, 99), **послиѓиѥ** (С. № 85), **смотривь** (С. № 86), **свидѣньє, -єє, -ѥ, свидиньє, -иньє, сьвидиньє, свидит҃ельво, -телство, свидоѹаство** (С. NN№ 87, 89, 92, 94, 108, 109, 163, 169, 170, 171). **циль, -о, циѡ** (С. NN№ 89, 92, 99, 103, 133, 150), **вримє, -мена** (С. NN№ 74, 89, 93, 136), **годи** (С. NN№ 87, 89, 94, 96, 104, 107, 116, 121, 132, 140, 141, 150), **хотишє, хотихь, -иѡ, хѡтихь, -смо** (С. NN№ 89, 94, 96, 102, 132, 140, 157), **наприда, придь, прид, придиє** (С. NN№ 89, 93, 95, 132, 140, 141, 161), **послидии, -хь, -ми, -дьними** (С. NN№ 89, 92, 96, 103, 118, 136, 140, 141, 145; З. А.), **присвитьли, -тли, -ога** (С. NN№ 92, 95, 103; З. А.), **не- нипоколибимо** (С. NN№ 92, 136), **трибꙋє, триби, рич, сри-допостию** (С. № 93), **приѹиста, -є, -ꙋ, приѹ҃итꙋ** (С. NN№ 93, 132, 140, 141, 145), **мисто, -ꙋ** (С. NN№ 93, 94, 133), **ѹловика, -ꙋ** (С. NN№ 94, 96, 104, 116,

118, 141), колинв (С. NN№ 96, 104), прико (С. NN№ 94, 132), лино (С. NN№ 96, 135), голимомв (С. № 102), повелниьемь, -инемь, -инн, -ни (С. NN№ 103, 136, 145, 150), днѡ, -о (С. NN№ 104, 107, 112, 114, 115, 125, 130, 131, 140, 141, 143, 146), видивь (С. № 107), видити (С. NN№ 116, 118, 136, 140), ȥаповидисмо (С. NN№ 116, 153), сридиомь (С. № 116), свидоци (С. NN№ 116, 136, 150; З. А.), ȥаповидь, -и, -ию, -ью (С. NN№ 116, 135, 136, 139, 140, 141, 150—154, 159), сагрнишиѡ, дрикомь, в тихь (С. № 118), дикомь (дѣвою, С. № 118; З. А.). книлць, -ьци (С. NN№ 132, 136, 141), плинвюѣе (С. № 132), вилигь, тимие (тѣми), потриве, вилигомь (С. № 135), ѡвистраие, тимин, ȥгрихв, дидв, -омь (З. А.), тихь, кориил (С. № 136), диве, нимюѣе, пииеȥомь (С. № 140), дривсия, виѣмине, в гииев, клядихв (С. № 141), гимь (С. NN№ 142, 144), всиѡ, привȥма (С. № 144), свитиици, недилв (С. № 145), приминвше, -нтию (С. № 157), влагоминщенью, дисти (С. № 169) и пр. и пр. Сверхъ того, въ тѣхъ же грамотахъ въ падежныхъ окончаніяхъ нерѣдко б-а и замѣняетъ собою б-у ѣ, а именно: въ мѣстн. п. обоихъ чиселъ именъ сущ. муж. и средн. р.; въ мѣстн. п. ед. ч. именъ прилаг. всѣхъ родовъ; въ дат. и мѣстн. пп. ед. ч. именъ сущ. жен. р. на а и въ тѣхъ же падежахъ мѣстоименій личныхъ 1-го и 2-го л. ед. ч. и возвратнаго. Въ окончаніи нарѣчій: кади (С. NN№ 82, 102), всвди (С. № 102), доколи (С. NN№ 83, 89, 93, 99, 107), ѡнди (С. № 94), гди (С. NN№ 89, 132), илипри (С. № 89), киглирь (С. NN№ 94, 132), покоаи (С. № 113), гдино (С. № 141), раȥи (С. № 157). На оборотъ, можно буквально сказать, что если ни одна грамота не обходится безъ замѣны ѣ б-ю и, то и ни одна грамота не доводитъ этой замѣны до совершеннаго исключѐнія изъ себя б-ы ѣ: во всякой грамотѣ находимъ большее, или меньшее количество случаевъ, гдѣ удержано ѣ, разумѣю, существенное и своемѣстное, а не замѣнительное. Наибольшее количество таковыхъ случаевъ принадлежитъ Турецкимъ, которыя хотя и отнесены мною къ Западной семьѣ, по тому, что въ нихъ преобладаютъ сношенія съ западнымъ берегомъ полуострова, однако, стоя на рубежѣ обѣихъ семей, удержали въ себѣ много свойствъ Восточной семьи, ибо относительно ближайшее положеніе собственной Сербіи къ Турціи могло чрезъ Турецкихъ дьяковъ—Сербовъ внести въ нихъ восточный образъ правописанія и даже выговора. Какъ въ Турецкихъ, такъ и въ ближайшихъ къ нимъ со стороны Восточной семьи Зетскихъ и Черногорскихъ грамотахъ должно представить себѣ взаимное воздѣйствіе двухъ стихій, изъ коихъ одна принадлежитъ собственной Сербіи, другая Западнымъ областямъ, долѣе сохранявшимъ свою независимость. Въ Зетѣ связь съ собственною Сербіею, основанная на вѣрѣ и единствѣ власти, искони поддерживала Восточную стихію, а природное положеніе въ близи Дубровника и Герцеговины отнесло ее по нарѣчію къ Западной береговой стихіи. Такъ точно въ Турціи Славянскою грамотностію, вѣроятнѣе всего, завѣдывали православные дьяки изъ собственной Сербіи, а между тѣмъ сношенія съ Дубровникомъ и Босною приводили въ Порту пословъ изъ западныхъ областей съ готовымъ уже, можетъ быть, письменнымъ изложеніемъ содержанія договора и цѣли посольства, по которому изготовлялись въ Портѣ и самыя грамоты. Какъ послы, такъ и ихъ бумаги, проникнутые Западною стихіею, много дѣйствовали на Турецко-Сербскихъ писцовъ и производили въ ихъ грамотахъ смѣшеніе обѣихъ стихій. Отъ того какъ въ Зетскихъ, такъ и въ Турецкихъ грамотахъ мы находимъ признаки той и другой семьи, которые, взятые всѣ вмѣстѣ, достаточно уравновѣшиваютъ другъ друга и доставляютъ этимъ грамотамъ серединное и посредствующее положеніе. Но сдѣсь относительно

б-ы и замѣчу, что Турецкія грамоты почти не употребляютъ ея для замѣны ѣ и въ этомъ случаѣ становятся на сторонѣ Восточной семьи. Въ другихъ же Западныхъ грамотахъ, какъ сказалъ я, сталкиваются въ одно время и ѣ, и замѣняющее его и. Достаточно указать на нѣсколько примѣровъ изъ того же времени, т. е., начиная съ грамотъ Дабыши: свѣть, -е, -ом (С. №№ 81, 107, 109, 115, 157), сьвѣть, свѣть, -а (С. №№ 81, 84, 85, 86, 120), свѣтельствие (С. № 86), свѣдоци, -ці, -уби, свѣдоуно, -ли, -смо -но (С. №№ 83, 105, 114, 117, 127, 156, 163), свидѣнье, -ее (С. №№ 87, 108), свѣта, -и, -у, свѣть (С. №№ 87, 98, 107, 109, 114, 132, 163), вѣровитьмь, -влитьмь, -омь, -ѡь, -ими (С. №№ 87, 108, 109, 134, 157, 162, 169), врѣме, -мене, -у (С. №№ 87, 98, 107, 109, 117, 124, 125, 128, 139), лѣто, -оѡ, -ь, -а (С. №№ 87, 89, 97, 98, 105—109, 114, 115, 120—129, 133, 134, 136, 139, 142—145, 157, 158, 159, 163, 169), рѣчь, -и, -ью, -ьми (С. №№ 89, 97, 108, 114, 124, 152, 153), мѣсть, -у, -омь (С. №№ 89, 97, 107), мѣсеця, мѣсеца, -е, мѣца (С. №№ 97, 115, 125, 128, 134, 144, 169), прѣчисте, у, -омь (С. №№ 97, 98, 114, 133), прѣсвитломь, -ога, -свѣтлѣмь (С. №№ 97, 120, 144), дѣца, дѣтца (С. №№ 97, 107), крѣпко, -а, -ѡ, -о (С. №№ 97, 120, 133, 144, 145), вѣкь, -а, -и, -е, -ома (С. №№ 97, 98, 100, 104, 107, 120, 127, 128, 144, 145), колѣно (С. №№ 98, 107, 108), послѣдни, -е, -ихь, -гми (С. №№ 98, 107, 120, 132), вѣре, -е, -е (С. №№ 98, 104, 120, 127), прѣдь (С. №№ 98, 105, 120, 122, 124, 125, 133, 139, 145, 156, 163), хотѣсмо (С. №№ 98, 107), апрѣла (С. №№ 102, 169), ѡвѣтую, -емо, -имо, -товали, -ѣсмо (С. №№ 104, 106, 107, 109, 114, 127, 132, 144), дѣль, -ѡмь, -и, -ѡвѣ (С. №№ 104, 107, 108, 145, 157), годѣ (С. №№ 107, 114, 127, 142, 143), уловѣку, -а (С. №№ 114, 124, 132, 157), разумѣвше (С. № 120), заповѣди, -дѣ; -дию (С. №№ 120, 127, 142, 143), срѣдиу, -ѡ (С. №№ 153, 154) и пр. и пр., и еще въ тѣхъ же случаяхъ при словодвиженіи. Не привожу примѣровъ для ѣ, выраженнаго, какъ ие. Что же касается до окончанія собственныхъ именъ на -миръ, то, кромѣ этой формы, мы другой на -мѣрь въ нашихъ памятникахъ не находимъ [1]. Такимъ образомъ изъ сравненія грамотъ открывается, что хотя однѣ и тѣ же грамоты употребляютъ и ту и другую букву, и и ѣ, однако однѣ предпочитаютъ одну, другія другую, но такъ, что какого либо областнаго признака между ними замѣтить нельзя: грамоты изъ одной и той же области, даже одного и того же времени то любятъ, то не любятъ и. Кажется, все зависѣло отъ дьяка, къ которой изъ двухъ буквъ былъ онъ пристрастенъ наиболѣе. Впрочемъ, для насъ сдѣсь важно какъ количество случаевъ употребленія б-ы и, такъ и самая возможность этого употребленія. Если въ той и въ другой семьѣ грамотъ встрѣчается и вмѣсто ѣ, то это свидѣтельствуетъ, что такая замѣна была возможна на всемъ пространствѣ Сербской письменности; но если и несравненно чаще является въ Западной семьѣ грамотъ, то изъ этого должно заключить, что нарѣчіе Западныхъ областей въ особенности любило такую замѣну звуковъ. Сдѣсь можетъ представиться другой вопросъ: въ Восточныхъ грамотахъ не заглушало ли эту замѣну, какъ выраженіе народности, преобладающее вліяніе Ц.-Славянской стихіи, подобно тому, какъ сдерживало оно озвукотвореніе полугласнаго ь? Отвѣчать на это я подожду, пока очередь дойдетъ до б-ы ѣ: сдѣсь замѣчу мимоходомъ, что въ наше время ни Герцеговинское, ни Ресавское подрѣчія не превращаютъ б-ы ѣ въ и, а поступаютъ съ нею совсѣмъ иначе; но между тѣмъ въ области

---

[1] Подробнѣе см. у Шафар. въ Serbische Lesekörner, стр. 41.

этихъ двухъ подрѣчій должно искать мѣстонаписанія почти всѣхъ нашихъ грамотъ.

Б-а и часто представляетъ въ себѣ стяженіе двухъ звуковъ: ни, ню. Такъ въ сложеніи словъ: вимь, т. е., ви нимь (С. № 10), порекиномꙋ, т. е., порекн иномꙋ (С. № 13), да снимамо, т. е., си нимамо (С. № 16), примамь, -еши, -еть, -мамо, -маю, -мемо, -мнхь, -мише, -мили, -мивь, да приме, примака и т. д. (С. №№ 16, 26, 36, 46, 61, 76, 81, 82, 86, 89, 96, 98, 116, 129, 147, 169; А. № 20 и пр.), придꙋ, -емо, -оше, -ѡше, прїдеть, прїдетми и т. д. (С. №№ 16, 20, 27, 31, 39, 50, 62, 87, 95, 120; А. №№ 10, 17 и пр.), исплатнанимь, т. е., ли нимь (С. № 36), итолимь, ананимь, т. е., ли нимь (С. № 54), по мл҃сти бж҃и (С. № 55), вн҃ь, т. е., ви нхь (С. № 108), илимь, т. е., или нимь (С. № 130), прославихь, т. е., прослави нхь (С. № 136), ср. принити (С. № 51), прїиде, ѣ (А. №№ 8, 11, 15, 19), прїидꙋть, прїимꙋть, въспрїиме (А. № 19), прїидоше, -е (С. №№ 66, 111, 137; Г. А), прїидоуть, прїидеть (З.), прїими, прїимй, -мамо (С. №№ 165, 167, 178). Въ срединѣ словъ: гавриал (С. № 35), данила, -омь (С. № 176; А. № 6), данїлѡ (А. № 18). Въ окончаніи имен. п. ед. ч.: власи (С. № 14), мерсили (С. № 16), жребн (С. № 62), дат. и мѣст. пп. ед. ч. и род. п. мн. ч. существительныхъ и въ имен. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. р. Это стяженіе особенно любитъ Сербскій языкъ, какъ и другія Славянскія нарѣчія, кромѣ Ц.-Славянскаго и Русскаго. Въ стянутомъ видѣ находимъ слово Їсоуса (Ш. № VII), Їс х҃а (мн. р.), исꙋса, -е (С. №№ 66, 127, 133), исꙋхсть (С. № 37) и пр.

Б-а и совершенно опускается въ окончаніи отечественныхъ именъ: тврьткокѣь, радиноквь, -вѣемь, мѣрьковѣь (С. № 89), павловѣа, стипановѣь, мирьковѣь (С. № 97) и пр.

Б-а и присоединяется къ окончанію мѣстоименій, преимущественно указательныхъ, для усиленія мысли. Въ этомъ случаѣ можно назвать ее частицею. Таковое усиленіе находимъ во всѣхъ семьяхъ грамотъ и Законникѣ; на пр.: сии, сьеи, сиеи, снеи (сіе), сегаи, сегаи, сиегаи, семꙋи (мн. р.), тои (то), тогаи, томꙋи, на томеи, таи (та), тꙋи, тоуи, теи (тѣ), теи (мн. р.), ꙋ таи два манастира (С. № 173), ѡваи, ꙋ ѡвомеи (муж. р., С. №№ 114, 127), ѡвои (ср. р., С. №№ 77, 107, 114, 119, 120, 123, 127, 133, 140, 141, 145, 156, 162, 169; Мл. и пр.), ѡвогаи (С. №№ 87, 144, 146, 155, 163, 164, 165), ѡвомꙋи (С. № 136), ѡваи (ж. р.), ѡвеи, ѡвꙋи (С. №№ 77, 89, 107, 114, 132, 142, 159, 164), се ѡвѣмеи (С. № 77), ѡваи два монастира (Г. Б), ѡваи села (Ш. № 16), ѡвеи шесть сьть перперь (С. № 107), ꙋ ѡвихеи ѕ҃ мисеца (С. № 145). ѡнаи (ж. р.) ѡнꙋи (С. №№ 63, 94, 97, 98, 173), ѡнои (ср. р., С. №№ 77, 143, 151), ѡногаи (С. №№ 73, 91, 100, 101, 111, 137, 147), ѡномꙋи, -моуи (С. №№ 73, 111, 137; З.), ѡнаи села (С. № 89), ѡнеи законе и свободе и повеле, прѣдь ѡнѣмеи (С. № 77), свемꙋи (С. № 114), таковогаи (С № 142), подь теи таковеи среде (С. № 143), толикаи (ж. р., С. №№ 107, 132, 144), за толикои врѣмене (С. № 107), таковогаи (С. № 142), итои (С. № 51 и пр. и пр.). Также для усиленія нарѣчій, корень которыхъ, какъ извѣстно, кроется въ мѣстоименіяхъ: дослеи. прѣи (С. № 56), ѿьсели (С. № 77), дотлаи, дотлеи (С. №№ 108, 112, 119), ѿтлѣи (А. № 11), тьдаи, тадаи (А. № 15; С. №№ 77, 114, 165), ѡндаи (С. № 135), тꙋдеи (С. № 137), тоудӗй (Мл.), тꙋнге. тоунги (А. №№ 1, 4), ѡканои (С. №№ 73. 91), ѡнакои (С. №№ 71, 77, 114, 132), такои, -ѡи (С. №№ 56, 65, 70, 88, 89, 91, 98, 112, 114, 115, 129, 130, 143, 144, 150, 168; А. № 14; Мл.; С.-Д. М. № 2), тꙋи (С. №№ 84, 86, 88, 89, 92, 94, 97, 98, 107, 114, 127, 133, 142,

144, 164). Это и прибавлено даже къ предлогу ꙁа: ꙁаи рать (С. № 112) и къ частицѣ годѣи (С. № 164). Что такое это и? Прежде всего замѣтимъ, что оно равно употребляется въ грамотахъ всѣхъ семействъ и всѣхъ возрастовъ: стало быть, время и мѣстность не дѣйствовали на него, и по тому оно есть постоянная общеупотребительная частица древней Сербской письменности. Тѣмъ не менѣе его должно отнести къ той, или другой стихіи. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ оно неупотребительно, и по тому остается приписать его Сербскому и при томъ въ самыя отдаленныя времена письменности, ибо уже въ грамотѣ Немани находимъ его. Въ Хорутанскомъ оно тоже существуетъ; но въ нынѣшнемъ Сербскомъ его уже нѣтъ. Съ теченіемъ времени оно исчезло въ послѣднемъ, и мѣсто его заняла частица ꙁи, которая равнымъ образомъ существуетъ и въ древней письменности. Древніе Булгары не употребляли ни той, ни другой частицы, ибо у нихъ была своя равносильная жде, которая у Сербовъ существовала въ видѣ ѣе, *ђе* или съ удвоеніемъ въ ѣере, *ђер*, ибо ре, *р* есть первоначальное жде или же съ обычнымъ у Сербовъ перезвукомъ *ж* въ *р*, Ц.-Слав. ждеже. Впрочемъ, справедливо подмѣчаетъ Шафарикъ присутствіе частицы ꙁи въ Ц.-Славянскомъ словѣ тьꙁоименни, откуда обрусѣлыя *тезоименитство* и *тезка*. Новобулгары, напротивъ, подобно Сербамъ, знаютъ эту частицу и употребляютъ въ своемъ говорѣ. Частицы жде, ѣе, ꙁи, и суть усиливающія, и корень ихъ долженъ быть одинъ и тотъ же. Шафарикъ[1] находитъ для ꙁи начало въ Ц.-Славянской указательной частицѣ си; но, по моему мнѣнію, эта, довольно рѣдко употребляющаяся, частица не могла произвести для другаго нарѣчія свое подобіе, которое бы тамъ снискало себѣ такое обширное употребленіе, даже перешло, хотя въ измѣненномъ видѣ, но въ не менѣе обширномъ объемѣ, въ третье нарѣчіе; и по чему же въ такомъ случаѣ Новобулгарамъ не говорить *си* вмѣсто *зи*? Правда, переходъ *с* въ *з* весьма понятенъ и обыкновенъ, но надобно замѣтить, что Ц.-Славянское с, вообще говоря, не переходитъ въ Сербскомъ языкѣ въ *з*, а остается въ послѣднемъ безъ перемѣны: си могло въ томъ же видѣ перейти и въ Сербскій языкъ; однако его тамъ вовсе нѣтъ. Надобно думать, что частица ꙁи, какъ и самая жде, образовалась изъ корня *де*, который принялъ Ц.-Славянскій видъ жде и Сербскій *ђе*, у другихъ *дже*, что собственно одно и то же. Праязычный звукъ *д* могъ легко перейти въ близкій къ нему звукъ *з*, чему видимъ не одинъ примѣръ въ сравнительномъ языковѣдѣніи; а мягкій звукъ *е*, который у Сербовъ, по свойству своему, въ произношеніи есть почти то же, что *ѣ*, перешелъ при этомъ въ *и*, ибо Сербскій языкъ не отличаетъ *е* отъ *ѣ* и часто обращаетъ его въ *и*, да и другія Славянскія нарѣчія весьма непослѣдовательно поступаютъ съ *е* и *ѣ* и часто смѣшиваютъ ихъ: въ одномъ находимъ *е*, и, въ другомъ *ѣ*, *я*, въ третьемъ *и*. Но такое превращеніе *де* въ *зи* совершилось въ доисторическую пору на той почвѣ Сербіи, гдѣ для *е* возможенъ переходъ въ *и*. Я разумѣю преимущественно западную Сербію. Со временемъ эта частица сдѣлалась общимъ достояніемъ всего Сербскаго говора и явилась даже у Хорутанъ. Для частицы *и* можно допустить двоякое объясненіе: или признать съ Шафарикомъ, что сдѣсь *з* пропало, подобно тому, какъ оно пропадаетъ въ словахъ *неин* вм. *незин*, *немой* вм. *не мози*, или же предположить, что она образовалась чрезъ перезвукъ изъ *е*, *ие*, стянутаго изъ *ђе* и употребляющагося какъ въ Сербскомъ, такъ и преимущественно въ Хорутанскомъ. Но во всякомъ случаѣ образованіе и распространеніе у Сербовъ частицы и должно отнести въ временамъ до-

---

[1] Serbische Lesekörner, стр. 91.

историческимъ и помнить, что она вошла въ древнѣйшую Сербскую письменность цѣликомъ и безъ движенія, ибо въ нашихъ памятникахъ движенія ея подмѣтить нельзя. Являясь вмѣстѣ съ ꙃи въ самой отдаленной книжности, она гораздо опережаетъ ꙉе; но за то въ позднѣйшихъ вѣкахъ, которыхъ мы уже не касаемся, она пропадаетъ у Сербовъ; между тѣмъ, какъ ꙉе (*ђе*) и ꙃи остаются доселѣ. Но, повторяю, оставя въ сторонѣ письменность, не видимъ ничего невѣроятнаго въ возможности происхожденія ея изъ *де* (жде).

Но съ усиливающимъ и не должно смѣшивать простое удвоеніе его. Удвоеніе б-ы и господствуетъ въ Аѳонскихъ грамотахъ, отчасти въ другихъ собственно-Сербскихъ и Законникѣ, но почти не существуетъ въ грамотахъ прочихъ семействъ. Такъ мы находимъ: ӥспльнӥ, немощна соущӥ (А. №2), мӥ, ѿлоучи, створии (А. № 3), мӥръ, просвѣтӥтсе, близъ, ꙃа илӥмь, сӥнмь, бѫтӥмӥ, срьбскӥ, поморскӥ: въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ б-а и вытягиваетъ голосъ, хотя и глухо съ зн. ^, для произведенія бóльшаго смягченія (А. № 4), тии (тебѣ, Мк.), силии, раꙃории, ѩвии (С. № 51), ѿкоупии, изыкыи, стакїи (С. № 176), имїи, сьврьшїи (А. № 5), сїирѣчь, нарешїисе (А. № 10), ѡьдѧꙃии (С. № 40), ѹпросии, пакии, иꙃволии (С. № 35), мыӥ, сїице, слакїи, сїимы (В. № 1), ѿ рѫкии (С. № 46), ожикїи (Г. А), ѹтврьдӥ (С. № 54), оупрїи (З.), иꙃволїихъ, пракнлїи, прїиведыи (В. № 2), оучинїисе, да се поставїи, ѹхватїи, да платїи, що соудїи, ако слѹчїи (С. № 137) и мн. др. Въ прочихъ грамотахъ: мыӥ, ӥꙃволыӥ (Мл.), ако се ѹчинии, ѹчинии (С. № 3; Ш. № X), мыї, мии (С. №№ 81, 84, 104, 105, 117, 127, 128, 129, 132, 133, 144, 179), смрьтии (С. № 104), непоколѣбимии, непороучии (С. № 107), истинии (З. А.) — и только.

Третій чистый основной гласный звукъ есть *у*. Будучи губнымъ, онъ занимаетъ третье мѣсто послѣ *а*. Губной органъ голоса наименѣе способенъ доставлять звуку открытую и ясную гласность, и по тому *у* есть глухая и узкая гласная, совершенно противуположная открытой и широкой *а*. Звукъ *у* есть такой же твердый, какъ *а*, и болѣе узкій, чѣмъ *и*: глухота есть его отличительная черта; *а* и *у* представляютъ двѣ крайности гласнаго начала: возможнаго самогласія и возможной нѣмоты гласныхъ. Отъ того *у*, стоя на послѣдней ступени самогласія, составляетъ переходъ отъ гласныхъ къ согласнымъ или нѣмымъ, т. е., такимъ, которыя не могутъ имѣть въ языкѣ опредѣленнаго членораздѣльнаго звука безъ помощи той, или другой гласной. Естественный преемникъ ему по однородности есть нѣмое *в*, звукъ того же губнаго органа. Во всѣхъ Индоевропейскихъ и Славянскихъ языкахъ эти два звука взаимно, въ большей, или меньшей мѣрѣ, смѣняютъ друга друга, и, быть можетъ, эта смѣна ни въ одномъ не доведена до такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ въ Древнесербскомъ книжномъ нарѣчіи.

Но прежде всего о начертаніи. Въ древнѣйшихъ памятникахъ Сербской письменности уже встрѣчается постоянное употребленіе сокращеннаго ѹ вмѣсто первоначальнаго оу; ср. А. И.; С. №№ 3, 4, 6—14, 16—20 и такъ далѣе въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Начертаніе оу наиболѣе употребляется въ Аѳонскихъ и нѣкоторыхъ другихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ; но почти ни въ одной нельзя найти его одного: всюду вмѣстѣ съ нимъ является и ѹ: — доказательство, что послѣднее начертаніе было господствующимъ. Такъ, даже въ гр-ѣ Немани, на ряду съ постояннымъ оу, находимъ нѣсколько разъ ѹ, хотя у Шафарика всюду стоитъ одно оу. Начертаніе оу съ нѣкоторыми исключеніями господствуетъ у А. №№ 2, 3, 4, 6—11, 16, 17; въ С. № 175; Г. А, Б, V и В. № 1; оно смѣняется съ ѹ въ гр-хъ: А. №№ 5, 12, 18; С. № 178; В. №

2 и С.-Д. М. 1844 и совершенно уступаетъ ему свое мѣсто, становясь въ обратное съ нимъ отношеніе у А. №№ 13, 14, 15, 19 и 20. Въ другихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ оно встрѣчается въ немногихъ, именно въ С. №№ 2, 24, 38, 51, 52, 62, 73, 91, 137, 176; Мк., также въ Черногорской (Мл.); а изъ грамотъ прочихъ семействъ—только въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ: С. №№ 5, 15. Но и въ собственно-Сербскихъ начертаніе оу нигдѣ не пользуется исключительностію употребленія: весьма не рѣдко смѣняетъ его ꙋ. Такимъ образомъ звукъ *у* явился и въ Древнесербской письменности съ преобладающимъ начертаніемъ ꙋ, которое хотя и было заимствовано изъ Ц.-Славянскій, однако по своему огромному господству можетъ назваться Сербскимъ, тѣмъ болѣе, что начертаніе оу связано съ тѣми грамотами, которыя наименѣе выособились изподъ Ц.-Славянскаго вліянія. Можно сказать, что Сербская одежда для звука *у* есть ꙋ. Но ꙋ и оу суть собственно одно и то же начертаніе: первое есть только сокращеніе втораго, болѣе удобное для написанія, и по тому значительно приближающееся къ скорописи. Другаго начертанія для звука *у* мы не находимъ: если кое-гдѣ и встрѣчается ѵ, то не болѣе, какъ по одному разу, вѣроятно, въ слѣдствіе недописки, на пр., ѡсѵда (С. № 26), ѵтврьждни (С. № 81), ѵдрьжать (С. № 91), дрѵги (С. № 163), ѷгри (А. № 15). Только въ одной Хлумской грамотѣ начала XV-го и собственно-Сербской конца того же вѣка употреблено ѵ, въ первой нѣсколько разъ: ѹгрецихь, сѵ, господѵю, ѵзрокомь, ѵ (С. № 96), а во второй очень часто (Г. V), что заставляетъ подозрѣвать умыселъ писца и смѣлую попытку сократить начертаніе оѵ, какъ несвойственное Славянскому языку, и приблизить его къ Греческому *υ*, для котораго и употребляется въ Древнесербской письменности 6-а ѵ, тожественная съ ѵ. Замѣчу еще начертаніе оꙋ, только разъ встрѣчающееся въ нашихъ памятникахъ въ словѣ оꙋготовлѥними (В. № 2): въ немъ писецъ совершенно забылъ смыслъ и происхожденіе начертаній оѵ и ꙋ, и это подтверждаетъ нашу мысль, что Сербы уже позабывали разумность составленія буквенныхъ начертаній.

Звукъ *у*, по общему свойству Славянскихъ языковъ, часто смягчается въ началѣ словъ и предъ гласною чрезъ посредство небнаго і. Явленія этого смягченія столь обыкновенны, что не требуютъ доказательствъ. Равномѣрно смягченіе это въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ совершается въ одинаковыхъ предѣлахъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ, а по тому и съ этой стороны не требуетъ примѣровъ: слова звучатъ одинаково въ обоихъ языкахъ, одни съ ꙋ, другіе съ ю. Сдѣсь я долженъ ограничиться только случаями, нѣсколько выдающимися и рѣзкими для уха. Смягченный звукъ *у* явился въ Сербской письменности съ Ц.-Славянскимъ начертаніемъ ю. Но есть случаи, гдѣ онъ получилъ другое, болѣе очевиднѣйшее начертаніе, именно въ словахъ иностранныхъ: їоѵди.-ою, (А. № 12; Мл.), ꙋди.-о̑ (А. № 14; С. №№ 37, 102), ї҇оудѣ (А. № 17), ї҇оудою (А. № 19). Іоудою (Г. Б), ї҇оуніа (А. № 17), ꙋлиꙗ,-ꙗ (С. №№ 139, 142, 143, 145), Іоуліа (Г. V); ср. юдꙋ,-и (С. №№ 78, 96, 101, 141), юнꙗ, юніа,-ꙗ (С. №№ 96, 123, 148, 157), юліа, юлиꙗ (С. №№ 130, 164 и пр.). Но въ тѣхъ же словахъ, по причинѣ ихъ иностраннаго происхожденія, замѣтно нѣкоторое колебаніе въ смягченіи и какъ бы ухищреніе, происходящее отъ желанія поддѣлаться подъ иностранный выговоръ: средствомъ къ тому найдено было вторичное смягченіе или, вѣрнѣе, смягченіе ꙋ передъ и, І, заимствованнымъ прямо изъ иностраннаго правописанія: слѣдовательно, первичная форма будетъ Іоѵ, иꙋ; за нею послѣдуетъІю, ию, а эта наконецъ чрезъ стяже-

ніе превратиться въ **ю**. Вторую форму находимъ въ большей части случаевъ: **людꙋ,-ѣ,-и** (Ш. № VII; А. №№ 4, 6; С. №№ 37, 76, 84, 89, 98, 100, 107, 118, 120, 127, 132, 140, 176), **ліюдꙋ** (А. № 10), **іюліа** (А. № 20), **люліа,-ѥ** (С. №№ 66, 89, 124, 135), **іюліа** (А. № 8), **людии** (С. №№ 125, 163), **Іюніа**, **людою** (Г. А). Другой видъ смягченія совершается съ помощію **ь**, но чрезвычайно рѣдко: **всьꙋдꙋ** (С. № 25), **кральꙋ** (С. № 84), **крьꙋгли** (С. № 119), **трѣскавцьꙋ** (С. № 176), **дьꙋ** (А. № 13); и вдвойнѣ въ словѣ **моньстирью** (С. № 52). Если изъ этихъ сочетаній обратимъ вниманіе на **ль** и **нь** и напишемъ ихъ вязно: **љ, њ**, то получимъ тѣ же самыя начертанія, которыя В. Караджичъ ввелъ въ новѣйшее Сербское правописаніе. Разница только въ томъ, что въ старину и другія буквы, какъ видимъ, смягчались чрезъ **ь** въ присутствіи гласной, тогда какъ выборъ Караджича палъ по чему-то на двѣ плавныя. Въ послѣдствіи мы возвратимся къ этимъ сочетаніямъ. Въ началѣ словъ смягченіе 6-ы **ꙋ** не представляетъ ничего замѣчательнаго, развѣ исключая одного сложнаго **ꙁалютра** (З.); въ срединѣ и концѣ есть нѣсколько довольно замѣчательныхъ явленій: всѣ опи стоятъ въ обратномъ отношеніи къ однороднымъ съ ними явленіямъ и по тому составлютъ исключеніе изъ общаго правила смягченія. Такъ мы находимъ **ꙋ**, вопреки обычаю, несмягченнымъ передъ гласною въ формахъ: **обитѣлиꙋ**. **вьꙋлѣꙋѥниꙋ** (А. № 14), **мтіꙋ** (А. №№ 16, 17), **мрдіꙋ**, **чл̃колюбіꙋ**, **прозрѣніꙋ**, **пѡріꙋ**, **ꙁапиніꙋ**, **матіꙋ** (С. № 90), **поморіꙋ**, **блініꙋ** (С. № 111), **милостꙋ** (С. №№ 139, 163), ср. **милостю** (С. №№ 150, 164), **еспедиториꙋ**, **провижнꙋль** (С. № 170), **милостиꙋ**, **писаниꙋ**, **божнюꙋ**, гдѣ выразилось колебаніе, (С. № 173) и пр. Подобное явленіе и въ той же семьѣ грамотъ мы видѣли въ 6-ѣ **а**. Если припомнимъ, что въ Среднебулгарской письменности очень часто гласная при гласной не смягчается, то увидимъ, что виною этого явленія есть вліяніе послѣдней. На оборотъ, послѣ согласныхъ **ꙋ**, противъ обычая, смягчается въ **ю**. Полное разсмотрѣніе этого явленія сюда не относится: оно представлено будетъ на своемъ мѣстѣ въ ученіи о согласныхъ; но сдѣсь я пиведу лишь тѣ случаи, которые своею исключительностію противорѣчатъ общепринятому употребленію: я укажу только на тѣ слова, которыя при обычной формѣ имѣютъ еще другую смягченную. Таковы: **жюпе** и **жоупе** (Ш. № VII), **дюбровьникь,-а,-ꙋ**, **дюбровьчие**, **дюбровьчько,-а, нь,-ога** и т. д., **михаилю**, **люкоу** (С. № 16; Ш. № XVI), **порекшюмоу** (С. № 176), **сію**, **тѣлю** (С. № 51), **ꙋкюкиню** (С. № 48), **кюки** (С. № 54), **кюкѣ** (А. № 15), **истиному**, **пастирю**, **своемю**, **сю** (**сꙋ**, суть), **комю**, **всакомю**, **мю** (**мꙋ**, ему), **последкемю** (С. № 89), **блщиню**, **кюѣи**, **мѣстю**, **колѣню**, **апюстоль**, **сврьхю**, **велкю** **поутеню**, **слюге**, **гн̃оцтвю**, **бл̃ркю**, **славю**, **гюуетиѣь** (С. № 104), **слюгь** (С. № 114), **сохраніѥю** (С. № 115), **крьꙋгли** (С. № 119), **сохранению** (С. № 126). Замѣчательно, что какъ излишнее отвержденіе **ꙋ** относится преимущественно къ Восточнымъ грамотамъ, такъ излишнее смягченіе принадлежитъ предпочтительно Западнымъ.

Б-а **ꙋ** возникаетъ чрезъ усиленіе изъ **ь** въ предлогѣ **сꙋ** и сокзѣ **нꙋ** (см. в.) и въ словѣ **моулини** (А. № 7) отъ **мьлѣти**, откуда **мьлинъ**.

Б-а **ꙋ** смѣняется съ **и** и **ѣ** въ мѣстн. п. ед. ч. существительныхъ и прилагательныхъ муж. и ср. р.

Б-а **ꙋ** смѣняется съ **а** въ иностранномъ словѣ **жань,-и** (С. №№ 3, 4, 5, 12, 13, 17) и **жꙋнь,-а,-м,-ꙋ,-ю** (С. №№ 16, 17, 36, 39, 66, 76, 78, 80, 83, 85).

Б-а **ꙋ** смѣняется съ **ѣ** въ нарѣчіи **докалꙋ**, **докоу** (С. №№ 7, 15, 16, 31).

Б-а **ꙋ** смѣняется съ **е** въ формахъ: **вьꙁоупиють** (С. № 176), **помлоукаль**, **-каѣша**, **иникь** (А. № 7), **оудолѣють** (В. № 2), **книꙋма** (С. № 103), **ꙋсври** (З.

А.); также въ иностранныхъ словахъ: **пископѵниѥ**, **архиепископѵль** (Ш. № VII), **архиепископ̈** (С. № 21), **архиепископꙋ** (С. № 27), **пи҃кꙋпьѥ** (С. № 16), **пископѵль** (А. № 7), ср. **епископь** (мн. р.), **кꙋрила** и **корила** (С. №№ 16, 49, 84, 86, 89), **жꙋрьжи** и **жорьги** (С. №№ 32, 33), **трифоѵнь** (С. № 176), **коѵметниѥ** и **коме́тица** (А. № 11), **коѵнсоѵломь**, **коѵнсѡль**, **коѵнсꙋль**,-**и** (С. №№ 91, 137), **апꙋстоль**,-**а**, **ѡмь**,-**ома**, -**овь**,-**льма** (С. №№ 92, 93, 96, 100, 101, 102, 107, 114, 118, 140—145), ср. **апостоль** (С. № 120), **бꙋка́**, **кꙋнфетинь** (С. № 130), ср. **два бокара** (С. № 115), **прокꙋратꙋра** (С. № 135) и въ дат. и мѣстн. пп. ед. ч. причастій.

Б-а **ꙋ** стянула въ себѣ **ꙋѡ** или **ꙋль** въ словѣ **потегиꙋ** вм. **потегиꙋѡ**,-**ль** (С. № 159).

Б-а **ю** замѣняетъ **ѥ** въ формахъ **сиювь ѕемловь, божиювь помокию** (А. № 1).

Б-а **ю** замѣняетъ **о** въ формахъ **семиюнь**,-**а** (Ш. № II; С. № 14), **семьюнь** (С. № 20), **на семиюнь д҃нь** (С. № 27), ср. **сꙋмеѡнь**.

Сербскій языкъ, имѣя когда-то носовые звуки, замѣнилъ первый носовой звукъ **ѫ**, **ѭ**, б-ю **ꙋ**, **ю**. Эта замѣна совершилась въ незапамятныхъ временахъ, такъ что имена, передаваемыя древнѣйшими иноземными источниками, *Carento* (**корѫтъ**), *Μουντιμήρος*, *Νέστογγος*, *Λογγομήρος*, представляются уже рѣдкимъ явленіемъ и исключеніемъ изъ общаго правила: это отвердѣлый звукъ глубочайшей древности, дошедшій до слуха лѣтописцевъ, благодаря памяти народной. Но другіе древнѣйшіе иностранные источники уже постоянно передаютъ носовой звукъ **ѫ** чрезъ *ου*, *u*[1]. Равномѣрно въ нашихъ памятникахъ на всемъ ихъ пространствѣ нигдѣ не встрѣчаемъ носоваго произношенія, ни даже самого начертанія **ѫ**, **ѭ**, но всюду, какъ въ произношеніи, такъ и въ письмѣ, постоянно находимъ вмѣсто него **ꙋ**, **ю**, съ чѣмъ согласно и нынѣшнее употребленіе. Приводить примѣры считаю излишнимъ. Замѣчу только, что исключеніе составляютъ творит. п. ед. ч. именъ существительныхъ, прилагательныхъ и причастій ж. р., а также нѣкоторыхъ мѣстоименій и 1-е лице ед. ч. настоящаго и будущаго вр., о чемъ, однако же, рѣчь будетъ впереди. Во всѣхъ другихъ случаяхъ древній книжный, равно какъ и нынѣшній Сербскій языкъ, постоянно ставятъ **ꙋ**, **ю** вм. **ѫ**, **ѭ**. Въ одномъ только иностранномъ словѣ, и то однажды, встрѣчаемъ носовой отзвукъ: **ѡктꙋмбрию** — очевидно неправильно вмѣстѣ **ѥ** или, по крайней мѣрѣ, **ѥм** (С. № 114). Въ нѣсколькихъ словахъ **ꙋ** замѣняетъ второй носовой звукъ **ѧ**, исполняя въ этомъ случаѣ служеніе б-ы **ѥ**; таковы: **видꙋѣѥ** (**видаштѥ**), если только не **вѧдꙋѣѥ** (С. № 140), ср. **вѧдоѹщѥ** (А. № 10). **ѡктꙋбрѧ** (С. № 171) и еще два слова, отличающіяся постоянствомъ своей формы, а именно: **тисоѹща**, **тисꙋка**, **тисꙋѣа** съ производными (мн. р.) и **висꙋкномь** (**висаштѥѫ**),-**ѡмь**, -**оѡмь**,-**ꙋ**,-**ю**,-**ю̆**,-**ꙋми**, **висꙋѣꙋ**,-**ю**,-**омь**,-**оѡмь**.-**ими**, -**ѥми** (С. №№ 96, 98, 101, 114, 116, 117, 120, 122, 126, 127, 128, 130, 133, 134, 136, 140, 141, 146, 147, 150, 157, 163, 164). Впрочемъ, для послѣдняго встрѣчается однажды **подвисековь**, гдѣ **е** правильно замѣнило **ѧ** (С. № 86). Ср. въ Остромировомъ Евангеліи **тысѫщьникомъ** и **тысѧщьникъ**.

Самое важное замѣнительное служеніе б-ы **ꙋ** есть въ отношеніи согласной **в**. Возможность и естественность такой смѣны заключаются въ одноорганности того и другаго звука. Губной органъ доставляетъ гласному звуку наименьшую самогластность и приближаетъ его къ тѣмъ звукамъ, которые въ языкѣ не обходятся безъ помощи гласныхъ. Родство *в* и *ŭ* замѣтно во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ. Въ устномъ Сербскомъ языкѣ не терпится въ началѣ

---

[1] Подробнѣе см. у Шафар. въ Serbische Lesekörner, стр. 34.

словъ стеченіе согласной *в* вмѣстѣ съ другою согласною (кромѣ *л* и *р*): по этому нынѣшніе Сербы говорятъ и пишутъ *у* (*въ*), *уз* (*воз*), *удовица*, *унук*, *уторник*, *уш;* исключеній только два: *вшеница* и *втица,* но въ обоихъ словахъ *в* не есть коренное, а замѣнительное вмѣсто *п,* да при томъ эти слова произносятся, какъ *шеница, тица.* Предлоги *ва* и *ваз* сохранились у нынѣшнихъ Сербовъ только въ немногихъ случаяхъ: они употребляются большею частію въ словахъ, имѣющихъ духовный смыслъ, на пр., *ва име оца*, *ва виек*, *ваведение*, *вазмена*, *васкрсение*, *васкрснути*, *васлава;* одно только слово *ваздух* не подходитъ подъ этотъ разрядъ, но за то оно слышится единственно въ Которѣ. Напротивъ, въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ такой послѣдовательности въ употребленіи звука ȣ мы не находимъ: тамъ постоянно въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ смѣняются вь, ва и ȣ, вьз-, вьс-, ваз-, вас- и ȣз-, ȣс-. Спрашивается, что было тому причиною? отвѣчать легко:—Ц.-Славянскій языкъ, гдѣ нѣтъ оу- и оуз-, гдѣ есть только вь и вьз-. Итакъ на этой точкѣ народная стихія снова столкнулась съ Ц.-Славянскою: взаимное воздѣйствіе происходитъ почти во всѣхъ памятникахъ, начиная съ перваго и до послѣдняго. Сербское ухо не терпѣло передъ согласною звука в, хотя бы соединеннаго съ безгласнымъ ь; а по тому и вьз-, звуча какъ вз-, было противно ему. Первая уступка, которая сдѣлана была Ц.-Славянскимъ языкомъ, состояла въ озвукотвореніи б-ы ь: ва, ваз-; но ва предъ гласною производило непріятное столкновеніе гласныхъ звуковъ: народность порѣшила и съ этимъ, претворивъ вь въ ȣ и вьз- въ ȣз-. Когда произошло окончательное дѣйствіе народности въ пользу ȣ и ȣз-, мы не знаемъ, ибо XV-й вѣкъ не прекращаетъ еще смѣны: она, по видимому, въ полномъ развитіи. Звукамъ ȣ и ȣз- не удалось въ XV-мъ в. превозмочь окончательно звуки вь и вьз-; они послѣдовали общей участи всѣхъ народныхъ признаковъ, изъ которыхъ ни одинъ, говоря строго, не одержалъ еще полной побѣды съ исходомъ XV-го вѣка. Все разсматриваемое нами пространство книжнаго языка Сербовъ есть не что иное, какъ огромное трехвѣковое поприще, по которому движутся двѣ, хотя и одноплеменныя, но все таки отличныя одна отъ другой стихіи; признаки одной слабѣютъ, исчезаютъ; признаки другой усиливаются, умножаются и становятся на мѣсто исчезнувшихъ. Таковъ двойственный смыслъ всего этого пространства. Но къ выгодамъ народной стихіи должно отнести то, что уже въ древнѣйшихъ памятникахъ она выступила весьма открыто въ звукѣ ȣ, ȣз-. Количество случаевъ показываетъ, что сдѣсь она наиболѣе сосредоточила своихъ силъ, чтобы одолѣть несвойственный ей звукъ вь, вьзь; но за то и Ц.-Славянская стихія столь упорно защищала своего любимца, что колебаніе между обоими звуками продолжалось до конца XV-го в. и не окончилось съ нимъ. Кажется, судя по первымъ многочисленнымъ проявленіямъ звука ȣ, ȣз- можно бы было заключить, что ему не долго придется бороться съ звукомъ вь, вьзь; но вышло иначе: посредничество озвукотворенныхъ ва и вазь не помогло и не отстранило долгаго колебанія. Только въ Западныхъ грамотахъ ȣ, ȣз-, взяло перевѣсъ надъ вь, вьзь, но не истребило его совершенно, — и тѣмъ заключился XV-й вѣкъ. Звукъ вь нашелъ себѣ самое безопасное и самое недоступное для ȣ убѣжище — въ началѣ и концѣ грамотъ въ обычной, освященной давностію формулѣ вступленія: вь име или, съ конца XIV-го в., ва име, и клятвы: вь х҃а б҃а и вь прѣч҃тую иго матерь и т. д. Хотя въ XV-мъ в. ва име, ва име чаще употреблялось, чѣмъ вь име, вь име, однако и послѣднее выраженіе держалось упорно, не смотря ни на какое различіе, представляемое мѣстонаписаніемъ грамотъ: можно сказать, что Западныя грамоты

столько же любили его, сколько и первое выраженіе. За то **ꙋ ниѥ** не терпѣлось. Если мы знаемъ, что **ꙋ ниѥ**, **оу ниѥ** находится только въ двухъ Боснійскихъ грамотахъ (А. И.; С. № 5), то должны сознаться, что въ это убѣжище звука **вь** народная стихія наименѣе проникла. Клятвенное выраженіе: **ꙋ г҃а б҃а. ꙋ пр҃сти б҃це. ꙋ чьстны кр҃ть и ꙋ ст҃а євангєлиꙗ и ꙋ .д҃. єѵангєлисте. и ꙋ .т҃. н҃і. стыихь о҃ць. и ꙋ все ст҃е** и ему подобныя тоже попадаются въ немногихъ древнѣйшихъ грамотахъ (С. №№ 3, 4, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 26, 27, 56). А въ обычныя выраженія: **аꙁь вь х҃ı б҃а, вь лѣто**, кромѣ одного случая: **ꙋ лѣто** (С. № 92), **вь ннкин,-ѥм** и т. д. и **вьꙁьми, вьꙁьми расини**, б-а **ꙋ** не проникаетъ вовсе. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ она постоянно, въ большей, или меньшей мѣрѣ, смѣняется съ **в**. Въ гр-ѣ Кулина, кромѣ начала: **ꙋ ниѥ**, болѣе не встрѣчается ни та, ни другая форма; въ гр-ѣ Немани находимъ обѣ: **вь** и **оу**, **ꙋ**. Замѣчательно, что подъ конецъ грамоты постоянно встрѣчаемъ **оу**, а въ началѣ **вь**: это по тому, что грамота отъ общихъ мыслей, отъ общаго духовнаго настроенія переходитъ къ частностямъ, къ церковнымъ надачамъ; а извѣстно, что гдѣ излагается сущность дѣла, тамъ народная стихія проявляется яснѣе. Предлогъ **вьꙁь** существуетъ въ ней только въ этой одной формѣ: **вьсьприємьшоу, вьꙁдвигохь** (А. № 1). Въ первой половинѣ XIII-го в., гдѣ стекаются грамоты различныхъ семействъ преобладаніе **ꙋ** и **ꙋꙁ-** весьма замѣтно. Но въ первой, открывающей собою этотъ вѣкъ, грамотѣ Жичанской, относящейся къ церковнымъ надачамъ, находимъ оба звука. Во вступительномъ началѣ: **вь имѣть, вьꙁложи**, и въ заключеніи: **вь никыи, вь си вѣкь и вь боудоущии, вьꙁьми**; въ срединѣ же, кромѣ: **вьпадєть** и тутъ же **оупадєть, вьꙁврати, вьꙁлєщи, вторoу**, много разъ: **оу, оуꙁима,-лють,-лѥтьсє, оуꙁємлє,-ю,-лѥтьсє,-лють** и т. д., **оулаꙁиль, оуꙁєти, оуꙁмє, оуписоую** (Ш. № VII). Въ слѣдующихъ по нѣскольку разъ: **ꙋ, оу, ꙋꙁ-, ꙋс-** (С. №№ 2, 3, 4, 6, 7, 9—12), такъ что, кромѣ вышепомянутыхъ формулъ: **вь ниѥ, вь лѣто 'и вьсприєти** (С. № 2), **вьꙁлюбиши, вьсхокєши, вьсходє** (С. № 3), предлоги **вь** и **вьꙁь** болѣе не попадаются. Теперь же видимъ: **ꙋ рꙋцѣ** и **вь рꙋцѣ** (С. № 13); но далѣе опять одно **ꙋ, ꙋꙁ-, ꙋс-** (С. №№ 14, 15, 17), даже **ꙋпєльцєвиѣ** (С. № 14). Въ договорѣ Дубровничанъ съ Михаиломъ Асѣномъ мы должны ожидать вліянія Ц.-Славянской стихіи, и дѣйствительно находимъ только одну форму: **вь** и **вьꙁь, вєꙁь**, даже съ довольно рѣзкою крайностію, какова: **вьгодивь, вьвємо, вьготовимо**; однажды только **ꙋ веки** (С. № 16). Въ дальнѣйшихъ снова по нѣскольку разъ: **ꙋ** и **ꙋꙁь, ꙋꙁ-, ꙋсь, ꙋс-** (С. №№ 19—22, 26). Исключенія: **вьпльщьнѣ** (С. № 19) и разъ **вь** (С. № 22). Сдѣсь съ Урошемъ I оканчивается стеченіе различныхъ грамотъ и начинается исключительное господство однѣхъ только собственно-Сербскихъ, продолжающееся до послѣдней четверти XIV-го в. Въ сейчасъ разсмотрѣнномъ пространствѣ времени мы видѣли, что **ꙋ** и **ꙋꙁ-** совершенно преобладаютъ надъ **вь** и **вьꙁь**: послѣднія, тѣснимыя первыми, укрылись только въ двухъ грамотахъ, гдѣ церковныя надачи и дѣло съ Булгаріею могли поддержать ихъ во имя Ц.-Славянской стихіи. Но и въ Жичанской грамотѣ средина ея, заключающая сущность дѣла, не любитъ ихъ. Посмотримъ, что представитъ намъ дальнѣйшій обзоръ собственно-Сербскихъ грамотъ до конца XV-го в. Грамоты этѣ, какъ извѣстно, можно раздѣлить на договоры съ Дубровникомъ и церковныя записи; между послѣдними большую часть занимаютъ Аѳонскія. Сначала о первыхъ. Въ нихъ мы находимъ прежнее отношеніе между **ꙋ, ꙋꙁ-** и **вь, вьꙁь**. Одно **ꙋ** и **ꙋꙁ-** по одному, или по нѣскольку разъ въ гр-хъ С. №№ 23, 25, 27—30, 32, 33, 34, 36, 38—45. Одно только есть исключеніе въ концѣ клятвы: **вь сиємь вѣцѣ и вь придꙋщємь** (С. № 39).

Въ златопечатномъ словѣ, данномъ двумъ властелямъ на островъ Млѣтъ, во вступленіи, употреблены въ и вьс-; но гдѣ говорится собственно о пожалованіи, тамъ находимъ ȣ, ȣз-, а въ концѣ опять въ (С. № 46). Далѣе опять одно ȣ и ȣс- (С. NN№ 48, 49). Въ такой же гр-ѣ, данной Дубровнику, во вступленіи и въ заключеніи снова находимъ въ, но въ срединѣ ȣ, ȣз-, ȣс- (С. № 50). Въ слѣдующихъ: ȣ, ȣс-, ȣз- (С. NN№ 53, 54), однажды въ свѣнии (С. № 54), ȣ, ȣс-, ȣз- и въ, вьс- (С. № 55), ȣдати (С. № 56). Во вступленіи Вукашиновой грамоты: въ (С. № 62); оу, ȣ, оус-, ȣз- (С. NN№ 73, 131, 146, 147, 165, 166, 167); ȣ животѣ и въ градѣ (С. № 90), ȣзети, оутѣ, прѣоузмa, ȣ, оу (мн. р.); но во вступленіи: въ, възлюблениимь (С. № 91), ȣсхоте, ȣзимаю, ȣзети, ȣ (мн. р.), но въспоменȣше, въ вса лѣта (С. № 111), оузети, да ȣзме, оузме, оубаштинниль, оуспоменоуше, оу, ȣ, но въ началѣ грамоты: въволи, въ свѣнiе (С. № 137), оу, ȣ, въ, въспоменȣше (С. № 138). И такъ отношеніе между обоими звуками такое же, какъ и прежде. Наши слова оправдываются: народная стихія усильно стремилась выразить себя въ звукахъ ȣ и ȣз-, гдѣ только позволяло ей содержаніе грамотъ. Не смотря на то, что этѣ грамоты принадлежатъ собственной Сербіи, народность входила въ нихъ свободно и вытѣсняла Ц.-Славянскіе звуки въ и въз. Отношеніе между обоими звуками можетъ быть выражено приблизительно, какъ 1: 12, и это отношеніе не мѣняется съ теченіемъ времени: оно остается однимъ и тѣмъ же между концомъ XII-го и концомъ XV-го в. Но въ другомъ отдѣлѣ собственно-Сербскихъ грамотъ Ц.-Славянская стихія взяла верхъ надъ народностію. Въ гр-хъ Милутина: въсхвалнмь, въпнимь, въприимша, въ; но въ надачѣ: оузбрьдо, оу (н. р.) (Мк.), въ грѣсѣ (С. № 52). Въ спискѣ Милутинова времени мы находимъ нѣсколько разъ въ; но гдѣ говорится о самой надачѣ, тамъ встрѣчается нѣсколько разъ и оу (С. № 51). Въ гр-ѣ Стефана Дечанскаго монастырю того же имени замѣчательны начало, средина и конецъ. Хотя эта грамота состоитъ собственно изъ двухъ грамотъ, однако владѣльцы ея сумѣли такъ хорошо сплотить обѣ части, что онѣ составили собою одно цѣлое: первая служитъ вмѣсто вступленія, а вторая въ началѣ излагаетъ самую сущность дѣла, т. е., исчисляетъ монастырскія надачи, и подъ конецъ переходитъ въ приличное заключеніе. Въ первой и концѣ второй части Ц.-Славянская стихія рѣзко выдается своими формами и образуетъ замѣтную противуположность съ серединою. Въ ней находимъ всюду въ и въз-, вьс- и ни разу оу, оуз-; далѣе въ заключеніи опять всюду въ и въз-, и только однажды: оу породиши; но въ срединѣ, на оборотъ, во множествѣ оу, оузь, оуз- и ни разу въ, въз- (С. № 176). Во вступленіи и заключеніи Душанова златопечатнаго слова, даннаго Ерусалимской церкви: възлюблениимь, въ немь же, въздвигнȣти, вьинен, но ȣ призрѣнии, а въ условіяхъ надачи: ȣзима и ȣ (мн. р.), но въскрѣсении (С. № 35). Въ подтвердительной на эту гр-ѣ Уроша V: въсхотѣ, въ дьнь, но ȣспоменȣше (С. № 47). Впрочемъ, обѣ этѣ грамоты относятся столько же къ Синайскому Богородичному монастырю, сколько и къ Дубровнику, ибо даны собственно послѣднему касательно дохода, получаемаго съ него Синайскимъ монастыремъ. Въ Раваницкой Лазаря: въ, въ, въз- (мн. р.) — во вступительномъ богословіи, но оу (мн. р), оупада, оуз- въ изложеніи надачъ (В. № 2; Ш. № 15; В. К.). Въ Милешевской Стефана Лазаревича: въ, въ, въз- (мн. р.), но въ надачѣ: оу моравицах (С.-Д. М. 1844). Въ Аѳонскихъ грамотахъ въ и въз еще болѣе усиливаются. Въ четырехъ грамотахъ Милутина (А. NN№ 2, 3, 4, 6) исключеній сравнительно немного: оу (7 р.), оусхоки, оузрокомь, ѿоузети (А. № 4), ȣ, оу (13 р.), оуспотовь, ȣтиче,

оуꙁимаѭ (А. № 6). Въ послѣдней грамотѣ, бóльшая часть случаевъ относит-ся къ описанію жалованныхъ мѣстностей, а по тому сдѣсь писецъ невольно увлекся народною формою выраженія. Въ гр-ѣ Дечанскаго: **оу** (5 р., А. № 7) и въ другой, въ описаніи мѣстныхъ границъ, много разъ: **оу**, **оуꙁь**, **оуꙁ-** (А. № 8). Въ гр-хъ Душана: **ȣсхóдоу**, **оу анилаиы**, **оу соухогрьлѣ**, **оу нострѣцѣ**, **ȣ вратоинио**, **ни ȣ коуппо ниѥ ни оу ꙁалогоу**: сдѣсь, кромѣ перваго примѣра, другіе относятся къ описанію границъ, а послѣдній представляетъ обычное судебное выраженіе, которое чаще держалось въ устахъ народа, чѣмъ на письмѣ (А. № 5); **оу** (4 р.), **оуꙁможно** (А. № 9), **оу карѣахь**, **оу нанѥ** — въ условіяхъ надачи (А. № 10), и снови въ описаніи границъ: **оупрáкь**, **оу**, **оуꙁима**, **оуꙁгóроу** (А. № 11), **ȣспомене и говори ѿ цр҃кви ȣ свои баштинѣ. оу ꙁемли жеганиовскои. а ȣ мѣстѣ**....— чужія слова, вставленныя въ грамоту изъ обычной рѣчи; **оу баштиноу**, **оуспомѥноу**; и опять о границахъ: **оу**, **ȣ** (н. р.), **оуꙁмегоу**, **оуꙁдоль**, **ȣправь** (А. № 12). Въ гр-хъ Уроша V: **ȣспомене**, **ȣспоменꙋтие**, **ȣ бъгаре и вь вьсеаениꙋю**, **вь мѣсто** (А. № 13), **оу стоую гороу**, **оу приꙁрень**, но **вьꙁѣмь**, **вь бытіе**, **вь ꙁемлю**, **вь цр҃кхь**, **вьведѣніе вь стла стихь**, **вьскрсеніе** и пр. (Г. А). Въ гр-хъ деспотовъ и ихъ родичей: **ȣ** въ нѣсколькихъ случаяхъ, кои всѣ относятся къ надачамъ (А. № 14), **оу поуть**, **оуꙁдѣль** — о границахъ (Ш. № 14), **ȣꙁѥхь** (А. № 15), **оу** (1 р., А. № 17), **ȣспоменꙋше**, **ȣ вꙋрꙋ**, **ȣ хрісовꙋль**, **оуписáль**, **ȣꙁе** (А. № 18), **ȣꙁель**, **ȣстьи** (**ȣꙁь ть**) **имть**, **ȣ мери**, **ȣ пи**, **ȣ конꙋе**, **ȣꙁесмо** (А. № 19), **ȣ** (1 р., С. № 175), **оу** (4 р.), **оуꙁимаю** (Г. Б), **ȣ** (1 р., А. № 20). Замѣтимъ сверхъ того, что гр-ы А. NN№ 2, 3, 16; В. № 1; С. № 178 и Г. V вовсе не имѣютъ предлоговъ **ȣ** и **ȣꙁ-**, а другія, какъ видѣли, хотя и имѣютъ ихъ, но въ такомъ маломъ количествѣ, что соотвѣтствующія формы **вь** и **вьꙁ-** совершенно заглушаютъ ихъ. Сюда же отнесу и Цетинскую грамоту Черноевича, въ которой находимъ: **вьꙁмóже**, **вьꙁдáхь**, **вьꙁвратише**, **вьꙁмóжно**, **вьꙁѥхь**, **вьꙁмóгох**, **вьꙁми**, **вь**, **къ** (н. р.), но **ѿоуꙁети**, а въ срединѣ, при описаніи надачъ и условій: **оу вѣкь и оу баштиноу** — обычное выраженіе при пожалованіи, **оу** (н. р.), **веꙁь оупроса**, **оуꙁмож**, **да оуꙁе**, **да ȣꙁмоу**, **ѿоуꙁеаи**, **оуꙁдржже**, **оуꙁети** (М. л.). Сообразимъ съ этими немногими исключеніями, во первыхъ, объемъ грамотъ, въ нѣкоторыхъ довольно большой, и во вторыхъ, огромное количество случаевъ, имѣющихъ форму **вь** и **вьꙁ-**, и мы увѣримся, что въ монастырскихъ грамотахъ собственной Сербіи Ц.-Славянская стихія съ своими формами **вь** и **вьꙁ** господствуетъ надъ народною съ ея **ȣ** и **ȣꙁ-**, чему способствуютъ, съ одной стороны, участіе православнаго духовенства въ составленіи этѣхъ грамотъ, съ другой, набожное настроеніе духа, искавшее себѣ выраженія въ изреченіяхъ Св. Писанія, которое хранилось въ Сербіи на Ц.-Славянскомъ языкѣ: по этому въ общихъ мѣстахъ писцы, постоянно согласуясь съ набожнымъ настроеніемъ самихъ благотворителей, удерживали въ своемъ книжномъ языкѣ представительницу и вмѣстилище духовно-созерцательной жизни — Ц.-Славянскую стихію. Но и сюда народная нашла себѣ доступъ, отыскавъ слабую сторону въ описаніи мѣстности и условіяхъ надачъ: сдѣсь писцы, увлекшись содержаніемъ, взятымъ прямо изъ народной, обыденной жизни, невольно забылись и употребили разговорныя формы **ȣ** и **ȣꙁ-**. Если другіе звуки и формы представляютъ въ себѣ болѣе ровности, то предлоги были столь незначительны и слабы, что на нихъ писцамъ было всего легче сбиться и изъ Ц.-Славянской формы впасть въ народную. Середину между тѣмъ и другимъ отдѣломъ собственно-Сербскихъ грамотъ представляетъ За-

конникъ, писанный подъ вліяніемъ, съ одной стороны, православнаго духовенства, съ другой, обычнаго права народа. Въ немъ, въ лицѣ разсматриваемыхъ предлоговъ, дружно сходятся обѣ стихіи; сдѣсь между ними болѣе равновѣсія, чѣмъ въ томъ, либо другомъ отдѣлѣ грамотъ; но и сдѣсь предлоги отразили на себѣ общую черту Законника — преобладаніе въ немъ Ц.-Славянской стихіи. И сдѣсь количество случаевъ для оу, оуꙁ- уступаетъ количеству для вь, вьꙁь. Такъ мы находимъ: оупрошеніа, оуꙁме, оуꙁети, оуꙁнмають, оуꙁметь, оупросеть, оужежеть, оуꙁданіа, пооуꙁдласе, оуписльно и вьсхощеть (н. р.), вьꙁвратеть, вьспеть, вьꙁьмь (н. р.), вьꙁметь (н. р.), вьꙁьметь, вьꙁвѣстить, вьжегьшаго, вьꙁмоуть (н. р.), вьꙁети, вьꙁме, вьꙁнмають. Отсюда мы видимъ, что сдѣсь оуꙁ- относится къ вьꙁ-, какъ 1 къ 2; такое же отношеніе существуетъ и между оу и вь. Мы видѣли, какъ въ грамотахъ всѣхъ семей, а въ томъ числѣ и собственно-Сербской семьи, не относящихся къ церковнымъ надачамъ, народная стихія уже съ самого конца XII-го в. взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою. Надобно то же предположить и въ Зетскихъ грамотахъ и равномѣрно въ грамотахъ Западнаго отдѣла, т. е., Турецкихъ, Дубровницкихъ, Боснійскихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ, начинающихся по времени съ бана Тврьтка, въ послѣдствіи короля Тврьтка I. Такъ въ Зетскихъ, относящихся еще къ Восточнымъ грамотамъ, ꙋ, ꙋꙁ-, ꙋс- господствуютъ (С. NN≗ 64, 67, 70, 71, 72), однажды только вь свѣдине (С. № 70), и въ вступленіи нѣсколько разъ вь, вьсхотѣхь (С. № 71). Въ двухъ Албанскихъ (С. NN≗ 148, 149) вовсе не находимъ вь и вьꙁ-. Во всѣхъ Западныхъ грамотахъ совершается то же самое, но только въ большемъ размѣрѣ. Во многихъ изъ нихъ вовсе не находимъ вь и вьꙁ-; въ другихъ эти предлоги существуютъ только въ обычныхъ выраженіяхъ, какъ то: вь, ва име, вь хͣ бͣ и т. д., вь, ва лето, вь викеи, вьꙁьми и въ богословіяхъ, которыхъ содержаніе приближало ихъ къ Ц.-Славянской стихіи. На помощь послѣдней явились формы съ озвукотвореннымъ ь: ва, ваꙁ-; но и онѣ исчезаютъ во множествѣ случаевъ, имѣющихъ ꙋ и ꙋꙁ-. Объемъ и количество грамотъ не позволяютъ намъ сравнить всѣ три формы; но мы можемъ только привести формы вь и вьꙁ-, ва и ваꙁ-, какъ исключенія, и тѣмъ показать ихъ относительную малочисленность сравнительно съ формою ꙋ и ꙋꙁ-, которая въ рѣдкой грамотѣ не встрѣчается во множествѣ. Проходимъ нѣсколько первыхъ Боснійскихъ грамотъ конца XIV-го ст., въ которыхъ видимъ одну только форму ꙋ и ꙋꙁ- (С. NN≗ 57, 59, 65). Первая королевская грамота Тврьтка I выразила его стремленіе породнить себя съ Сербскими царями и тѣмъ пріобрѣсти право на Сербію. Для этого въ самой грамотѣ допущено вступленіе, подобное вступленію царскихъ хрисовуловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открытъ нѣкоторый входъ для Ц.-Славянской стихіи. По этому случаю въ ней находимъ: вьꙁвигивати, невьꙁбрано и нѣсколько разъ вь; но тутъ же: ꙋꙁговорише, ꙋсхотѣше, ꙋспоменꙋше, ꙋꙁме и нѣсколько разъ ꙋ, оу (С. № 66). Въ другихъ грамотахъ того же времени: вь ꙁемлй, вь сихь, вь примори, но ꙋꙁето, ꙋ (мн. р.) (С. № 67), вь бꙋдꙋщимь вѣцѣ, но ꙋсхоке, ꙋꙁети, ꙋꙁможе и ꙋ (мн. р.) (С. № 76), ва истинꙋ (С. № 78). Подобно грамотѣ Тврьтка I, и грамота Дабыши допускаетъ богословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ ва и ваꙁь: ваꙁьведе, ваꙁьвращене, ва (н. р.), но въ дальнѣйшемъ изложеніи ꙋ (мн. р.) (С. № 81); въ другой гр-ѣ того же: вь дворѣ, вь ꙁемлͣ, но ꙋ боихь (С. № 179). Во вступленіи грамоты Остои: ва троици, ва оци же, ва светомь дꙋси, ва те, вь ꙁемльиме, ва сихь же, но далѣе: ꙋспоменꙋше, ꙋ бащинꙋ и ꙋ племенито, ꙋ вѣки вѣкомь, а въ концѣ: ва вѣки, ва конєци, ꙋ лишници, ва лита (С. № 84).

Въ другой гр—ѣ того же (С. № 85) переписано вступленіе изъ гр—ы Дабиши (С. № 81) съ соблюденіемъ тѣхъ же формъ. Въ последней гр—ѣ XIV-го в. встрѣчаемъ и вь и ꙋ (С. № 86). Дальнѣйшее разсмотрѣніе грамотъ Западной семьи въ XV-мъ в. удостовѣряетъ насъ въ томъ, что и въ этомъ вѣкѣ отношеніе между народною, полународною и Ц.-Славянскою формами остается такимъ же точно, какимъ оно явилось во второй половинѣ XIV-го в. Если, начиная съ самого XII в., формы ꙋ, ꙋꙁ- значительно преобладаютъ не только въ Западныхъ и Зетскихъ грамотахъ, но и въ собственно-Сербскихъ, не относящихся къ монастырскимъ надачамъ, то неизбѣжнымъ заключеніемъ изъ трехвѣковой опытности будетъ то, что и въ XV-мъ в. ꙋ и ꙋꙁ- должны преобладать въ Западныхъ грамотахъ, какъ преобладаютъ онѣ въ собственно-Сербскихъ, но не-Аѳонскихъ, того же вѣка. Дѣйствительно, и въ этомъ вѣкѣ опытъ подтверждаетъ заключеніе, сдѣланное впередъ. Но предварительно замѣтимъ, что точность, съ какою писцы переводили богословіе, заключеніе и вообще всѣ обычныя выраженія изъ одной грамоты въ другую, много стѣсняетъ кругъ дѣйствія народной стихіи. Въ образецъ брались относительно древнѣйшія грамоты, и хотя въ свое время онѣ представляли собою извѣстную степень состоянія книжнаго языка, однако, взятыя позднѣе, являлись уже отвердѣвшими, несвоевременными памятниками съ остывшими формулами, которыя переходили изъ грамотъ въ грамоты въ видѣ освященной, неподвижной старины, вокругъ которой давно уже совершалось дальнѣйшее движеніе языка. Къ числу такихъ неизмѣнныхъ выраженій должно отнести являющееся въ началѣ большей части грамотъ: вь, ва име, -е (С. №№ 74, 87, 88, 92, 93, 94, 96, 98, 106—109, 112, 115—122, 124—130, 132, 133, 136, 138—145, 148, 152, 154, 155, 159, 162; З. А.), и постоянно встрѣчающееся въ концѣ грамотъ: вь, ва лѣто,-оѡ,-а, лето, лѣтѡ, летѡ, лиета, лиета и т. д (С. №№ 110, 115, 122, 123, 126—129, 132, 142, 143, 157, 159, 162, 163, 164); также зарокъ: вь(ва)г҃спода б҃га и вь(ва) пречисте б҃городице и вь (ва) .д҃. еванг҃листе и вь(ва) .в҃і. апустоль и вь(ва) светехь ѿаць иже сѹть вь(ва) никии и вь(ва) .ѻ҃. избранехь божихь и вь (ва) все свете и т. п., или короче: вь(ва) х҃рта б҃а и вь(ва) д҃ше наше и т. п. (С. №№ 89, 92, 93, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 106, 107, 108, 112, 114, 115, 126, 127, 133, 142—145) и богословіе нѣкоторыхъ грамотъ, переходящее наслѣдственно отъ одного писца къ другому. Слѣдующій обзоръ грамотъ покажетъ намъ степень употребленія вь и вьꙁ-, ва и ваꙁ- въ Западныхъ грамотахъ XV-го вѣка. Такъ мы находимъ: ва (2 р., С. № 88), вь и ва начетнь, вь испльнине, ваꙁведе, ва битье, вьсвращение, ва ꙁемлехь: это выраженія вступленія, списаннаго съ предыдущихъ грамотъ; и далѣе: ва свидниье, а въ заключеніи зарокъ, упомянутый выше; въ прочихъ же мѣстахъ всюду ꙋ, ꙋꙁ- (С. № 89), ваꙁьлюблении,-ниь, но ꙋ лито (С. № 92), ва (4 р., С. № 94), ва начетань, вьꙁведе, вь битье, ваꙁвращение, ва ꙁемлахь, ва дворь, ва мири—опять начало, списанное съ предыдущихъ грамотъ; а далѣе всюду ꙋ (С. № 95), вь, ва и ꙋ (н. р.) (С. № 96), вь тронце, вь ѿци, вь дѹсе—обычное начало, вь, ва вѣки (С. № 97), вь слави, вь рѹсаꙁи, вь дрьжави, вь сехь, вь сировиштехь—обычное вступленіе; далѣе вь и ꙋ (С. № 98), ва вики, вь хрьста б҃а; въ прочихъ случаяхъ ꙋ (С. № 99). Дубровничане, вопреки своему обычаю начинать грамоты коротко и просто, списали въ одной своей грамотѣ вступленіе изъ Боснійскихъ и Хлумскихъ, удержавши вь, вьꙁ-: вь начетакь ѿ҃ца вь испльнениьи сина вь свршениьи д҃ха. б҃же славимии вь трои вь ѿци же реку и сине и вь с҃тѣмь дѹси; вьꙁдрьжнмо, вь державн, вь вѣки, но въ другихъ слу-

чаяхъ употребили ꙋ, ꙋꙁ-, ꙋс- (С. № 100), ваꙁдаю, ва годностии, ва, вь отаннихъ—вступленіе, ва книги, ва книи (С. №№ 101, 102), ва книи, ваꙁможни, (С. № 103), ваꙁдаю, ва гноитѣ—списано, ва вѣка (С. № 104), ва славѣ, ва рꙋсаꙁи, вь сихь, ва скровищехь, вь поченью, вь врѣме, вь вѣки — вступленіе, а тутъ же н. р. ꙋ; ва вѣкии, но въ прочихъ случаяхъ ꙋ, ꙋꙁ- (С. № 107), вь свидѣтеле, -ле, въ другихъ случаяхъ ꙋ, ꙋꙁ- (С. №№ 108, 109), ва видѣніе, ва врѣме, въ прочихъ мѣстахъ ꙋ и ꙋꙁ- (С. № 112), ва троицѣ, ва оци, ва име, но тутъ же въ вступленіи: ꙋꙁдрьжимо, ꙋ памети, ꙋ мꙋкахь, въ прочихъ же мѣстахъ всюду ꙋ и ꙋꙁ- (С. № 114), ва видѣніе, ваꙁдрьжано, но ꙋ (мн. р.) (С. № 115), ваꙁможнимь и ꙋꙁможнимь (С. № 116), ва виѣкинце, но ꙋсхоти и ꙋ (мн. р.) (С. № 119), ва славѣ, вь двоорь, вь лѣта, но и ꙋ (мн. р.) (С. № 120), ва лѣта, ва виѣкинци, но ꙋꙁдрьжали, ꙋꙁети, ꙋ (н. р.) (С. № 121), ва полаче, но ꙋ и ꙋꙁ- (мн. р.) (С. №№ 123, 126), ва вѣкинце, вь лета, но ꙋ (мн. р.) (С. № 130), ва славе, ва двоорь, ва лета, но ꙋ (мн. р.), ꙋꙁимаюке (С. № 133), ва ꙋчетакь, ваꙁдаемь, ваꙁвра...ие, но въ этомъ, списанномъ съ предыдущихъ, богословіи уже измѣнено: ꙋꙁиде; ва ꙁемлахь, но далѣе всюду ꙋ (З. А.), ва вѣки, но ꙋ (мн. р.) (С. № 136), ва троицѣ, ва оци, ва име—списано, но тутъ же другія формы уже измѣнены: ꙋꙁрьжимо, ꙋ памете, ꙋ мꙋкахь, ꙋꙁити; ва лѣта (С. № 144), ва слави — списано, но другія формы уже измѣнены: ꙋ гопоцтвѣ и ꙋ пвие дрьжаве и пр. (С. № 145), воꙁвраћеие, ва ꙁемлахь, ва двоорь— списано, но съ перемѣною формы вьꙁведе въ ꙋꙁиде (С. № 150). Въ Турецкомъ спискѣ гр-ы Дечанскаго слышны оба звука: вь, ва (н. р.) и ꙋ (н. р.), также: ꙋскрааи, ꙋꙁети, ꙋꙁима, что объясняется неопредѣленнымъ положеніемъ самой грамоты относительно языка, ибо списокъ съ подлинника сдѣланъ былъ спустя слишкомъ столѣтіе: признаки позднѣйшіе могли смѣшаться съ признаками древнѣйшими; грамота изъ одной семьи перешла въ другую (С. № 37). Къ обычнымъ выраженіямъ можно присоединить и нѣкоторыя другія изъ приведенныхъ выше, на пр.: ва вѣкьвнцѣ, ва полаче, вь свѣдѣиии, ва видиии и въ повторяемыхъ вступленіяхъ (С. №№ 85, 89, 95, 100 и 150; 71, 84, 97, 114 и 144; 96, 98, 104, 107, 120, 133 и 145). Безъ этихъ обычныхъ, заученыхъ выраженій число случаевъ для вь, вьꙁ-, ва и ваꙁ- сократилось бы значительно; но и съ ними подъ конецъ XV-го в. случаи эти рѣдѣютъ замѣтно. Особенно примѣтно исчезаютъ вь и вьꙁ-, мѣсто коихъ стремятся занять ва и ваꙁ-; но ни та, ни другая форма не могла спастись отъ изгнанія. Стоитъ только замѣтить №№ пропущенныхъ грамотъ, въ которыхъ господствуетъ одна только форма ꙋ и ꙋꙁ-; число таковыхъ №№ увеличивается съ теченіемъ времени, а это и служитъ лучшимъ признакомъ изгнанія первыхъ двухъ формъ и усиленія послѣдней. Уже въ XIV в. пришлось пропустить нѣкоторыя грамоты, такъ какъ въ нихъ встрѣчается одна только форма ꙋ и ꙋꙁ-. Въ первой половинѣ XV-го в. пропущены: С. №№ 74, 87, 93, 105, 106, 110, 113, 117, 118, 122, 124, 125, 127, 128, 129, 132, 134, 135. Съ половины XV-го в. число грамотъ съ формами вь, вьꙁ,- ва, ваꙁ- значительно сокращается, и выгода еще болѣе склоняется на сторону народной формы. Слѣсь пропущены: С. №№ 139—143, 151—159, 161—164, 168—173; С.-Д. М. № 2. Число пропущенныхъ во второй половинѣ болѣе, чѣмъ въ первой. Такъ быстро народность входила въ свои права и занимала мѣсто чуждой стихіи. Убѣжищемъ для Ц.-Славянскихъ формъ остаются по прежнему только тѣ мѣста, гдѣ содержаніе сколько нибудь отзывается набожнымъ настроеніемъ духа, или богословіе и заклю-

ченіе грамотъ съ тѣми освященными временемъ и употребленіемъ выраженіями, безъ которыхъ почти ни одна грамота обойтись не можетъ. Но таковыя мѣста не принадлежатъ уже Исторіи: въ нихъ нѣтъ настоящаго движенія, а есть застой, оцѣпененіе; они переписываются со старыхъ подлинниковъ, а можетъ быть, даже заучиваются, но не сочиняются вновь, и по тому въ исторіи живаго, движущагося языка они не могутъ имѣть много вѣсу. Эти мѣста легко узнать при чтеніи грамотъ: писцы какъ бы затвердили ихъ; въ нихъ часто укрывается Ц.-Славянская стихія, какъ въ единственномъ убѣжищѣ, отъ напора народной, для которой въ Западныхъ грамотахъ данъ большой просторъ. Если въ этѣхъ грамотахъ, кромѣ означенныхъ мѣстъ, гдѣ либо встрѣчаемъ вь и вьꙁ-, ва и ваꙁ-, то не болѣе, какъ въ видѣ исключенія и въ самомъ разрозненномъ состояніи. Общая участь обѣихъ стихій есть та, чтобы во взаимномъ воздѣйствіи до конца XV-го в. итти вмѣстѣ, пересиливать, господствовать, но не совершенно уничтожать и исключать себя изъ языка. Ни одинъ изъ признаковъ Ц.-Славянской стихіи еще не былъ, съ исходомъ XV-го в., отрѣшенъ и истребленъ народнымъ; но торжество готовилось для народной стихіи: Ц.-Славянская къ концу XV-го в. ослабѣла значительно. Предлоги вь и вьꙁ- были одною изъ самыхъ замѣчательныхъ точекъ столкновенія, но и они отразили на себѣ общій законъ движенія языка, и въ нихъ народная стихія одержала верхъ надъ Ц.-Славянскою; послѣдняя укрылась съ ними въ монастырскихъ грамотахъ и продолжала тамъ господствовать до конца XV-го в.; но во всѣхъ прочихъ грамотахъ, и преимущественно Западныхъ, относящихся къ XV-му в., народная стихія вытѣснила ее, оставивъ ей только скудные, ничего не значащіе участки. Такой перевѣсъ одной стихіи надъ другою оказался уже въ XII-мъ в., и съ той поры продолжался въ равной мѣрѣ до конца XV-го. Ясно, что сдѣсь народная стихія наиболѣе сосредоточила своихъ силъ.

Намъ остается еще исчислить слова, начинающіяся въ Ц.-Славянскомъ языкѣ съ звука в и измѣняющія его въ ѹ. Таковы повременныя формы этихъ словъ: оунѹкь, ѹнѹкь,-ци (А. NN№ 7, 15; С. NN№ 2, 103, 133, 136, 142, 145) и вьнѹкь,-цѣ, вънѹкь, внѹкь (А. NN№ 3, 4, 5, 7; С. NN№ 35, 37, 176; Мл.); но всюду ѹнѹчѥ,-е, -ье,-ьи,-ью, оунѹчню (С. NN№ 14, 37, 84, 96, 98, 176), оунѹчѥтѣки (А. № 1), даже внѹкь (С. № 103); оудовица, ѹдовица (Ш. № VII; А. № 6), ѹ̂довицоу (А. № 2), въдо́вице (Мл.), ѹ̂довые ѿно́е (С. № 178), вьдовице (А. № 20); ѹторникь (С. № 93), ѹ̂торни (А. № 20), ср. вьторый (А. № 10), ѹ̂тораго (А. NN№ 3, 4); ѹтра (С. № 136) и вьтра (С. № 37), вътра (С. № 103); находимъ даже такія формы: ѹсеми, ѹсомь (С. № 16), ѹсега (С. № 78), гдѣ нынче народность ограничилась только перестановкою буквъ: *свема*, *свом*, *свега*. Противуположность имъ мы видѣли въ формахъ вьвемо, вьготовимо, вьгодникь.

Б-а ю способна стягивать въ себѣ звукъ ию чрезъ посредство ью въ твор. п. ед. ч. именъ сущ. ж. р. на ь и мѣстн. п. ед. ч. именъ сущ. ср. р. на ие. Вотъ нѣкоторыя замѣчательнѣйшія формы: по хьтѣню (С. № 16), истиню и истиню (С. № 51), милостю (С. № 164) и милостѹ (С. NN№ 139, 163). Еще находимъ такое сокращеніе: скрьгохю вм. скрьгохь ю (С. № 94). Въ формѣ юрько (С. № 12), юрьи (С. NN№ 118, 120, 133, 136, 144, 145, 156 и др.) ѹ, смягчающесся въ ю, стягиваетъ еа, ео; ср. геѡрьги,-ию, георьгъ,-и, гиѡ́ргіа, -іемь, гиѡ́ргіе (С. NN№ 16, 17, 18, 178; печ., Г. III, № 88; Р. III, стр. 168), откуда посредствующія формы: гѹрьгь (нѣтъ), гюрьгь, гюргь и т. д. (им. р.) и ѥѹре (род. п., С. № 10), въ которыхъ начальное г отбрасывается, а окончаніе -рьгь чрезъ

посредство формы **ѣȣрагь** (С. № 172), **ѣȣраѣь** (С. № 145) озвукотворяется въ **ан**.

Б-а **ȣ** въ нѣкоторыхъ грамотахъ удвоивается, по видимому, безъ всякой причины и значенія: **на крьстȣ гн҃ȣȣ** (С. № 98), **почтенȣȣ**, **всакȣȣ** (С. № 107), **испокиньиȣȣ**, **чловѣчȣȣ**, **кȣдȣѣе**, **страапȣȣ**, **весѣдȣȣ добрȣȣ и приꙗтелскȣȣ**, **сȣѣни**, **исȣстить** (С. № 114), **сȣть** (С. №№ 114, 133, 145), **новȣȣ** (С. № 127), **хȣȣди** (С. № 129), **кȣдȣȣ** (С. № 133), **придȣȣжни**, **спомиȣȣтии** (С. № 145) и т. п. Замѣчательно, что кромѣ первой грамоты, относящейся къ Хлуму, всѣ прочія принадлежатъ Травуніи. Не мѣшаетъ также замѣтить, что бо́льшая часть примѣровъ относится къ **ȣ**, замѣняющему Ц.-Славянскіе носовые звуки **ж** и **ѩ**; но едва ли можно искать тутъ чего либо другаго, кромѣ одного случая; нельзя объяснить это явленіе и долготою б-ы **ȣ**.

Доселѣ мы разсматривали три коренные и первоначальные звука: *а*, *и*, *у*. Въ праязыкѣ Индоевропейскихъ нарѣчій эти три звука составляютъ основаніе самогласія и являются краткими. Соединеніе одного изъ нихъ съ двумя другими произвело еще пару звуковъ долгихъ по природѣ: *а*, соединившись съ *и*, произвело *е*; *а*, соединившись съ *у*, произвело *о*. Слитіе было здѣсь полное; оба составные звука уравновѣсили взаимно другъ друга и слышатся, какъ одно нераздѣлимое цѣлое: голосъ, начавшись въ одно время отъ двухъ крайностей, *а* и *и*, *а* и *у*, необходимо долженъ былъ принять срединное направленіе и впасть въ звуки *е* и *о*. Дѣйствительно, эти два звука на лѣствицѣ органнаго образованія занимаютъ середину: *е* между *а* и *и*; *о* между *а* и *у*. Отъ того, что въ нихъ слитіе было полное и нераздѣльное, звуки эти явились столь цѣльными, что вскорѣ сравнялись съ тремя образовательными, и отвергли условіе непремѣнной долготы. Ни одинъ изъ Индоевропейскихъ языковъ, кромѣ языка Вѣдъ и отчасти Готскаго, не обошелся безъ нихъ и считаетъ ихъ столько же необходимыми, а по тому коренными, сколько и образовательные *а*, *и*, *у*. Въ Санскритѣ они тоже существуютъ, но постоянно только въ немъ одномъ сохраняютъ свою долготу; въ другихъ же являются уже обоюдными, или краткими. Ихъ первичная долгота указываетъ на ихъ относительно позднѣйшее происхожденіе отъ простыхъ началъ голоса; а по тому и самая долгота моложе краткости, ибо могла образоваться только изъ краткости. Тѣмъ не менѣе, какъ языкъ не обошелся безъ составныхъ звуковъ *е* и *о*, такъ точно онъ не обошелся и безъ долготы, ибо благозвучіе каждаго развитаго языка требуетъ извѣстнаго сочетанія краткости и долготы; по этому какъ самые звуки *е* и *о* можно въ историческомъ смыслѣ назвать ровесниками образовательнымъ *а* и *у*, такъ и долготу можно въ томъ же смыслѣ назвать ровесницею краткости. Сербскій языкъ, подобно прочимъ Славянскимъ языкамъ, считаетъ тѣ и другіе звуки основными гласными, а въ разсужденіи долготы и краткости не наблюдаетъ между ними исконнаго, стародавняго различія, но отмѣчаетъ ихъ по своему тою, или другою. Вообще просодическое свойство Славянскихъ звуковъ образовалось у себя дома, въ нѣдрахъ самихъ Славянскихъ языковъ подъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ и временныхъ условій. Такъ какъ оно не составляетъ предмета нашихъ изслѣдованій, то мы, помимо него, обращаемся къ прочимъ свойствамъ звуковъ и прежде разсмотримъ б-у *е*, потомъ *о*.

Происхожденіе звука *е* изъ *а* и *и*, не смотря на всю цѣльность его и самобытность, исторически равную самобытности образовательныхъ звуковъ, весьма ясно обнаруживается въ различныхъ перемѣнахъ, которыя происходятъ съ этою буквою въ Сербскомъ языкѣ. Здѣсь, быть можетъ, болѣе, тѣмъ

гдѣ либо, при объясненіи служебныхъ явленій этой буквы, нужно прибѣгать къ ея первоначальной составной природѣ. Такъ какъ звукъ *е* былъ слитіемъ твердаго *а* съ небнымъ *и*, то онъ явился полутвердымъ и полумягкимъ. Онъ мягче, чѣмъ *а*, но тверже, чѣмъ *и*: съ таковымъ свойствомъ онъ получилъ выраженіе въ 6-ѣ *е*. Эта полумягкость его, которую все таки назвать должно твердостію въ сравненіи съ совершенною мягкостію, служила не рѣдко къ смѣшенію обоихъ свойствъ этого звука, хотя Кирилица и отмѣтила то и другое свойство отдѣльными начертаніями. Твердое или собственно полутвердое *е* получило начертаніе є; но оно могло сравняться въ мягкости съ мягкимъ і, принявъ его въ себя, и въ соединеніи съ нимъ выразилось въ начертаніи ѥ. Стало быть, сдѣсь языкъ смотрѣлъ на *е*, какъ на самостоятельный, цѣльный и независимый звукъ съ такою же свободною дѣятельностію, какъ *а* и *у*, ибо допустилъ въ немъ новое сочетаніе звуковъ. Въ такомъ видѣ твердое є и мягкое ѥ внесены были изъ Ц.-Славянскаго въ книжный Древнесербскій языкъ. Но уже въ XII-мъ в., съ первыми туземными памятниками народнаго слова, появилось въ Сербской письменности другое мягкое начертаніе, совершенно равносильное съ ѥ: дважды написано оно, какъ э (А. И; С. № 10), въ чемъ, судя по мѣсту написанія грамотъ, можно видѣть слѣды вліянія Глаголицы, которая, какъ въ Булгаріи, такъ и Хорваціи, имѣла подобное начертаніе для звука *е*[1]; но обыкновенно писалось оно, какъ е (С. № 3 и пр.). Эти два начертанія, ѥ и е, продолжаются вмѣстѣ съ нашими памятниками до конца XV-го ст. Впрочемъ, второе начертаніе появилось въ нихъ не раньше половины XIII-го ст., и тутъ же къ нимъ присоединилось еще третье—ѥ (С. № 22 и пр.); наконецъ показалось и искаженное ее (С. № 27 и пр.). Одновременное стеченіе всѣхъ начертаній, замѣнившихъ древнѣйшее ѥ, не могло, однако, до конца XIV-го в. отнять у него первенство служенія. Въ большей части грамотъ и въ большей части случаевъ употребляется ѥ. Но съ XV-го в. Западныя грамоты начинають весьма часто замѣнять его начертаніемъ е, ѥ, рѣже ее, и даже въ двухъ грамотахъ ѥѥ: окрьмлюѥѥмь, моѥѥго (С. № 101), даѥѥмо, выровлѥѥмь (С. № 112). Въ двухъ собственно-Сербскихъ гр-хъ находимъ соединеніе іє (Г. Б, V), въ одной иє (Г. А), которыя въ подлинникѣ, конечно, были написаны, какъ іє, иє; но все же таки они замѣчательны разложеніемъ сложной буквы на ея составныя части; рядомъ съ ними писецъ ставилъ и обыкновенное ѥ. Впрочемъ, замѣчу сдѣсь мимоходомъ, въ начертаніи є существовала въ рукописяхъ большая неточность, зависѣвшая отъ различныхъ почерковъ. Отъ того часто бываетъ весьма трудно разобрать, какой звукъ хотѣлъ поставить писецъ, твердый ли є, или мягкій е? Укажу, на пр., на С. № 176, гдѣ рѣшительно почти всюду напечатано е, что не могло конечно произойти отъ смягчающаго свойства языка, ибо какъ бы языкъ ни любилъ смягченіе, онъ до такой крайности никогда дойти не можетъ. Такъ равномѣрно въ грамотахъ Западной семьи начертаніе е доведено до обширнѣйшаго употребленія, такъ что въ одной изъ нихъ, (З.А.), находимъ всюду е и только въ двухъ, трехъ случаяхъ є и болѣе округлое є, шефань, сиодовлѥмь, єго, сєло. Должно думать, что въ е писцы не всегда видѣли мягкость, а приняли его за обычное начертаніе для є. Присоединимъ сюда новѣйшую попытку преобразовать шрифтъ печатныхъ изданій, замѣнивъ всюду є чрезъ е. Спрашивается: какъ же изобразить дѣйствительно мягкое є? Если чрезъ одно ѥ, то это послѣднее существовало въ Древнесербской письменности само по себѣ, независимо отъ е, и имѣло свою

[1] Шафарикъ, Památky Hlaholského písemnictví. V Praze. 1853. Стр. 12, 30. Не списаны ли эти грамоты первоначально съ Глаголицкихъ подлинниковъ?

главнѣйшую область употребленія, а именно, Восточную семью грамотъ, тогда какъ є держалось преимущественно въ Западной, что важно для внѣшняго различія памятниковъ по мѣсту написанія. Слѣдовательно, здѣсь нельзя отыскивать никакой внутренней причины, лежащей въ духѣ языка, а должно видѣть одну лишь внѣшнюю — правописный произволъ, затруднявшій много печатное изданіе памятниковъ. Это смѣшеніе начертаній не мало затемняетъ ученіе о смягченіи б-ы є.

Сербскій языкъ, какъ вообще всѣ Славянскіе языки, не терпя въ началѣ словъ и послѣ гласной широкаго и открытаго подъема голоса, приражаетъ гласныя небнымъ началомъ, отъ чего тѣ кажутся какъ бы сдавленными, узкими. То же дѣлаетъ онъ и съ б-ю є. Но замѣчательно, что въ началѣ словъ звукъ є является столь неопредѣленнымъ, что сравнивать его въ этомъ случаѣ съ ꙗ, или ѹ нѣтъ никакой возможности. Хотя и эти послѣдніе звуки не всегда смягчаются въ началѣ словъ, но если уже смягчились въ какомъ словѣ, то, большею частію, такъ и остаются въ немъ навсегда: по этому слова, начинающіяся съ нихъ, имѣютъ постоянную форму, и рѣдко когда показывается въ нихъ двойственная форма, развѣ какъ исключеніе; въ такомъ случаѣ не трудно отличить господствующую и обычную форму отъ необыкновенной и рѣдкой. Бо́льшую стойкость звуковъ ꙗ и ѥ, ꙗ и ю мы можемъ приписать ихъ звуковому отличію, которое нѣсколько замѣтнѣе, чѣмъ въ буквахъ є и ѥ. Б-а ꙗ и въ особенности ꙗ звучатъ довольно отлично отъ ѥ и ю, между тѣмъ, какъ полумягкое є звучитъ очень сходно съ мягкимъ ѥ: по этому писцы и не старались вездѣ тщательно различать эти буквы. Въ срединѣ словъ послѣ гласной исключеній, какъ мы видѣли, довольно и для первыхъ двухъ звуковъ, но все таки въ этомъ случаѣ є превосходитъ ихъ. Изъ 200 слишкомъ грамотъ только въ $^1/_5$ находимъ послѣдовательно проведенное смягченіе (Ср. С. №№ 2, 22, 25, 28, 29, 36, 39, 41, 43, 48, 49, 50, 55, 61, 66, 77, 79, 81, 98, 100, 108, 109, 112, 115, 123, 125, 126, 127, 130, 132, 134, 148, 149, 153, 162, 164, 165, 168; А. №№ 3, 4, 5, 7, 9, 13, 15, 17, 18), но и то многія изъ относящихся сюда грамотъ одолжены своею послѣдовательностію сомнительному начертанію є, а въ нѣкоторыхъ не случилось и самого повода къ смягченію б-ы є. Даже, какъ видно, и изъ Аѳонскихъ грамотъ не всѣ избѣжали общаго недостатка въ правильности смягченія. Въ прочихъ грамотахъ, въ большей, или меньшей степени, отсутствуетъ смягченіе въ тѣхъ формахъ, которыя необходимо требуютъ мягкаго є какъ послѣ гласной, такъ и въ началѣ слова, — формахъ, которыхъ мягкость доказывается взаимнымъ сравненіемъ грамотъ между собою. Въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. мы, кажется, находимся при самомъ рожденіи того способа, которымъ смягчающее начало языка переходило въ письменность. Можно видѣть постепенное возникновеніе мягкихъ начертаній; можно прослѣдить ихъ усиленіе и расширеніе. Замѣчательно, что въ двухъ весьма противуположныхъ между собою грамотахъ XII-го в., ни въ той, ни въ другой, нѣтъ особаго начертанія для мягкаго є: всюду одно є, если не считать однажды моѥѩь (И. А.; Ш. № IV; въ С. № 1 — моѥѩь) и доколѥ (А. И.; у Ш. № IV и въ С. № 1—доколѥ). Въ первой половинѣ XIII-го в., хотя и показывается ѥ, но только въ двухъ собственно-Сербскихъ грамотахъ (Ш. № VII; С. № 2), въ первой весьма рѣдко, а во второй послѣдовательно. Но послѣ того она пропадаетъ до самого договора Дубровчанъ съ Булгарами (С. № 16), въ которомъ показывается по весьма понятной причинѣ, и потомъ снова исчезаетъ до грамотъ Дечанскаго. По изданію Шафарика, въ этомъ времени появляется ѥ еще разъ въ гр-ѣ № XVIII. Между тѣмъ въ монастырскихъ грамотахъ Ми-

лутина и его преемниковъ оно уже господствуетъ. Равномѣрно ѥ, появившись украдкою въ двухъ Дубровницкихъ грамотахъ (С. NN№ 3, 12), появляется таким же образомъ въ Дубровницкомъ договорѣ съ Булгаріею (С. № 16) и въ гр-ѣ Уроша I (С. № 21), нѣсколько разъ въ гр-ѣ того же (С. № 22) и до самого начала Западной семьи, во второй половинѣ XIV-го в., существуетъ весьма непримѣтно, показываясь кое-гдѣ урывкомъ; его находимъ и на печатяхъ Милутина и Дечанскаго. Его сопровождаютъ ꙓ и ѥѥ, но еще непримѣтнѣе, чѣмъ оно. Такимъ образомъ, если спросимъ, какою же буквою выражали первоначально Сербы мягкій звукъ є, то отвѣчать должно — 6-ю є. Эту букву находимъ вмѣсто мягкаго ѥ не только въ большей части грамотъ, но и въ большей части случаевъ на пространствѣ всего XIII-го столѣтія. Гр-ы С. NN№ 4—11, 13, 14, 15 имѣютъ одно только є, кромѣ одного э въ С. № 10. Въ этомъ отношеніи онѣ сходятся съ гр-ми XII-го в. Слѣдовательно, установленіе мягкихъ начертаній происходитъ въ виду Исторіи. Западныя грамоты, болѣе отдѣленныя отъ Ц.-Славянской письменности, и по тому менѣе знакомыя съ ѥ, предпочитали ему є; да и самыя Восточныя грамоты, относившіяся къ дѣламъ съ Западомъ, немного отстали отъ нихъ. Напротивъ, въ XIV-мъ в., при отсутствіи Западныхъ грамотъ, чаще начинаетъ показываться ѥ; оно господствуетъ въ Аѳонскихъ, гдѣ е встрѣчается очень рѣдко, а отсюда оно переходитъ и въ другія Сербскія грамоты, появляясь довольно часто въ гр-хъ Дечанскаго, Душана, Уроша V и Вукашина. Но и въ нихъ еще нерѣдко попадается простое начертаніе є вмѣсто мягкаго. Другое начертаніе ꙓ иногда появляется на смѣну ѥ, но весьма рѣдко (С. NN№ 44, 53, 58; С.-Д. М. № 1). Такой обычай употребленія продолжается въ Восточной семьѣ до самого конца XV-го ст. Въ Законникѣ одно только начертаніе—ѥ, которое, по изданію Шафарика, поставляется только послѣ согласныхъ, а послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ вездѣ со строгою послѣдовательностію стоитъ є. Западныя грамоты, съ появленіемъ своимъ во второй половинѣ XIV-го ст., дали новый толчекъ начертанію е, и въ XV-мъ довели его до крайности, употребляя всюду, гдѣ только имъ этого хотѣлось, порою вмѣсто твердаго є. Къ нимъ присоединить должно и одну Черногорскую гр-у (Мл.), тогда какъ въ другой (С. № 60) употребляется ѥ. Средину между собственно-Сербскими и Западными грамотами составляютъ гр-ы Зетскія конца XIV-го в., въ коихъ встрѣчаемъ ѥ, ꙓ, е, или, вмѣсто нихъ, простое є. но такъ, что однѣ употребляютъ одно начертаніе, другія другое. Онѣ не любятъ начертанія ѥ и предпочитаютъ ему е и ꙓ. Судя по большинству случаевъ, можно съ достовѣрностію заключить, что отличительнымъ начертаніемъ XII-го и XIII-го вв. есть є, XIV-го — ѥ, XV-го — е. Но при этомъ рождается вопросъ: происходитъ ли это различіе дѣйствительно отъ времени, или отъ преобладанія той, либо другой семьи грамотъ? Послѣднюю причину должно признать вѣроятнѣйшею; ибо, какъ мы замѣтили, ѥ господствуетъ въ Восточной семьѣ, е въ Западной; но съ другой стороны, припоминая себѣ государственную жизнь Сербскихъ областей, мы убѣждаемся, что и время также условливало преобладаніе той, или другой семьи грамотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преобладаніе того, или,другаго начертанія. Смягченіе помощію полнаго и—ие, іе, не употребляется, кромѣ немногихъ отрывочныхъ случаевъ, на пр., иедно, -а, -и (С. NN№ 3, 115, 141), иесть (С. № 8), иелѥномь (Г. А), конѥмь, моимь (С. № 124), иіе (Г. Б), снѣдиииѥ (С. № 142), срѣѧіемъ, пріемъліемъ, възлюбліени (Г. V). Начертанію ие, не дано иное служеніе—замѣна 6-ы ѥ; но съ нимъ не должно смѣшивать простое соединеніе гласныхъ въ окончаніи именъ существительныхъ ср. р.

Тамъ, гдѣ писецъ не хотѣлъ смягчать б-ы є, въ этомъ случаѣ ѥ есть то же, что ѥ. Чрезъ разныя начертанія мягкаго є мы для каждаго слова, начинающагося съ этого звука, получаемъ нѣсколько формъ: такъ ѥсть (3-е л. ед. ч.) является то просто въ видѣ є, то въ видѣ ѥ, ѥ̑, то какъ е, єє, и наконецъ какъ ѥ; єдинь, ѥдинь, єдинь и ѥдинь; єрє, ѥрє, єрє, єєрє и ѥрє и пр. Можетъ быть, не найдется ни одного слова, начинающагося со звука є, которое бы не существовало въ двойственной формѣ, то съ простымъ є, то съ мягкими ѥ, є, ѥ. Сбивчивость въ начертаніяхъ и частое употребленіе простаго є вмѣсто смягченнаго можно объяснять природою этого звука. Происходя изъ слитія твердаго и мягкаго звуковъ, є не могло имѣть въ себѣ такой твердости, какую имѣло, на пр., а, или о; оно было полумягкимъ; по этому писцы не могли хорошо различить полумягкое є отъ мягкаго ѥ и, смѣшивая оба звука, смѣшивали и ихъ начертанія. Сюда присоединилась, быть можетъ, другая причина—измѣненіе смягчающей силы въ самомъ языкѣ. Мы замѣтили, что собственно-Сербскія грамоты менѣе смягчаютъ а и оу въ началѣ словъ и послѣ гласной, чѣмъ Западныя; то же замѣчаемъ и относительно б-ы є. Если въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. грамоты всѣхъ семействъ, даже Аѳонская Немани, не смягчаютъ, по большей части, звука є, то можемъ заключить, что въ древнѣйшія времена Сербскій языкъ менѣе склоненъ былъ къ смягченію, и что въ послѣдствіи смягчающая сила развилась въ немъ въ большей степени и преимущественно въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ народность высказывалась яснѣйшимъ образомъ. Уже въ Булгарскихъ кодексахъ, современныхъ началу народной Сербской письменности, часто весьма значительно ощущается отсутствіе смягченія; а извѣстно, что древнѣйшій книжный языкъ Сербовъ былъ общнѣе для всѣхъ Сербскихъ областей и ближе къ Ц.-Славянскому. Слѣдовательно, ранній недостатокъ смягченія и позднѣйшій избытокъ его въ древнемъ Сербскомъ книжномъ языкѣ должны быть отнесены къ двумъ одновременно и согласно дѣйствовавшимъ причинамъ: во первыхъ, большей, или меньшей близости этого языка къ Ц.-Славянской стихіи и происходившему отъ того сжатію, или расширенію народнаго смягчающаго начала, во вторыхъ, природѣ полумягкаго звука є, который въ началѣ, не будучи еще хорошо сознанъ писцами, выражался одинаково, какъ въ полумягкой своей формѣ, такъ и въ совершенно мягкой, и только уже въ послѣдствіи, при содѣйствіи народности, получилъ болѣе опредѣленное и разумное значеніе, начавши примѣтно отличаться отъ мягкаго ѥ. Что большему отличію его отъ мягкихъ ѥ, є, ѥ помогла народность, то это видно изъ того, что съ теченіемъ времени въ XV-мъ в., при большемъ развитіи народнаго начала, твердое или собственно полутвердое є, замѣняющее мягкое ѥ, начинаетъ рѣдѣть и, не смотря на то, что все таки попадается въ большей части грамотъ, случаи эти несравненно малочисленнѣе предыдущихъ. Смягчающая сила народности помогла различенію обоихъ звуковъ и, давши перевѣсъ мягкому, ввела вмѣстѣ съ тѣмъ въ огромные размѣры употребленіе мягкаго его начертанія, и при томъ такъ, что это начертаніе вскорѣ дошло до крайности въ слѣдствіе излишней любви древнихъ Сербовъ къ смягченію. Но повторю, крайность эта нѣсколько умѣряется тѣмъ предположеніемъ, что мы иногда не можемъ хорошо разобрать почерка грамотъ и видимъ є тамъ, гдѣ ни писецъ, ни самый духъ языка не думали вовсе ставить мягкаго звука въ замѣнъ твердаго. Впрочемъ, одной народности нельзя приписывать распознаніе мягкаго начертанія отъ твердаго. Правда, Ц.-Славянскій языкъ дѣйствовалъ со стороны твердаго є, а народный со стороны мягкаго є, тѣмъ не менѣе правильное и послѣдовательное упо-

требленіе є и ѥ въ нѣкоторыхъ Аѳонскихъ грамотахъ показываетъ, что начитанность писцовъ въ Ц.-Славянской письменности въ ея обширномъ объемѣ открывала имъ иногда вѣрный смыслъ обоихъ начертаній и наводила на путь правильнаго употребленія. Вообще XIV вѣкъ отличается бо́льшимъ равновѣсіемъ обоихъ начертаній. Съ другой стороны, какъ самая неясность начертанія є, заставлявшая принимать его вмѣсто е, такъ и свойство Западнаго подрѣчія, произносившаго и писавшаго ѣ, какъ мягкое и вытянутое є, слѣдовательно, какъ е, ѥ, єє, ѥ, ие, даже и, умножили употребленіе мягкаго начертанія въ Западной семьѣ XV-го вѣка. Вотъ по чему такое разнообразіе въ видахъ употребленія звука є встрѣчаемъ въ нашихъ памятникахъ. Но оно не лишено, какъ мы видимъ, повременныхъ степеней, составляющихъ наружное отличіе памятниковъ извѣстнаго возраста Древнесербской письменности.

Звукъ є возникаетъ чрезъ усиленіе изъ ь въ мѣстоименныхъ формахъ отъ сь и чьто, въ формѣ мєнѣ (дат. ед.) и въ нарѣчіяхъ отъ вьсь и сь и пр. Не привожу другихъ примѣровъ усиленія, ибо въ нихъ Сербское словообразованіе не представляетъ ничего отличительнаго.

Б-а є замѣняетъ б-у а въ слѣдующихъ словахъ: инѫдє, кѫдє, дотолє, доколє и пр. (см. в.), трєкоумнисимхь (С. № 2), хаємь (т. е., хаммь, хьмамь), вралємь (А. № 6), ср. бранѣнь, т. е., бранинь (С. № 65), кадє (т. е., када, Г. А; С. №№ 87, 121), алєксандрь (С. № 61), мєрьсили (С. № 18), вєснаїєва (А. № 19), повєаннье (вин. мн. ср. р., С. № 95), кнєзомь (С. №№ 92, 97); въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ є замѣняетъ ѣ, а это стоитъ уже вм. ѩ; жигьмѫндє, -ньтє (род. ед., С. №№ 97, 100), кьдє (С. № 109), ср. кьда и кьди; ꙁгорє,-е, пꙁгорє (С. №№ 107, 110, 124, 125, 145), ср. ꙁгорь,-а (мн. р.), днєхь (С. № 158); въ союзѣ дє (да, такъ какъ, С. №№ 8, 14). Въ словахъ: єнкара (С. № 103), мнкара (С. № 106) она замѣняетъ Латинское *ja*. Замѣтимъ еще форму печєтию (С. № 100), которая попадается только однажды, между тѣмъ, какъ печатию,-ью, -ю, ꙁапечатити, печатии,-ои и т. д. встрѣчаются очень часто согласно съ нынѣшнею *печат*. Такъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ; но въ Польскомъ это слово имѣетъ носовое произношеніе, чѣмъ и объясняется вышеприведенная Сербская форма съ е.

Б-а є замѣняетъ и въ словахъ: прибєжєши (С. № 3), єнѣктиѡнь, єндикѣ, єндиктиѡна, єнктиѡ, єньдиктиѡ, єн (С. №№ 16, 21, 49, 50; А. №№ 9, 14), нашємь (тв. ед. муж., А. № 10), хєланьдаро, црьквє (им. ед.) (А. № 14), єнати (С. № 9), принєлити (А. № 17), пріємь, пріємь (А. № 20), исплънитє (неок. н., С. № 176), мєньчєтнєхь (С. № 59), дорофєм и дорофєюмь (С. № 66), мє (т. е., ми, С. № 73), плємєнєта, поустєти (С. № 77), вседрьжєтєлѣ (С. № 89), свободнєхь (род. мн., А. № 17), амєнь (С. №№ 93, 116, 117, 140, 152, 154, 162), да служєва (пов. дв., С. № 143), єрина, єрьна (Ирина, С. №№ 130, 146, 147). Сверхъ того б-ы є и и смѣняются въ различныхъ формахъ, являющихся при движеніи словъ; но объ этомъ послѣ. Сдѣсь замѣчу только, что во многихъ случаяхъ не должно забывать, что є стоитъ вмѣсто ѣ, и что, стало быть, въ смѣнѣ съ и главную роль играетъ не є, но ѣ. Еще объ одномъ случаѣ смѣны надлежитъ замѣтить: это въ окончаніи собственныхъ именъ на ию, ою, которыя въ Ц.-Славянскомъ произносятся, какъ ии, ои. Изъ сравненія этѣхъ двухъ формъ съ подобными въ древнѣйшихъ Индоевропейскихъ языкахъ открывается, что въ старину конечный звукъ и произносился сдѣсь полно, а не сокращался въ половинный; отъ того и возможна была смѣна его съ б-ю є. Именъ съ тако-

вымъ окончаніемъ встрѣчаемъ не мало: радое,-е (А. И.; С. №№ 14, 84, 118, 133, 145, 150, 179), десое (С. № 5), владое (С. №№ 36, 176), прикое, е (А. № 5; С. №№ 66, 176), алеѯіе, акакіе, корнилїе, алесіе, макаріе (А. № 11), сладое,-е (С. №№ 57, 120, 144), братое, градое (С. № 78), прибое (С. № 84), макаріе, ѳеѡсіе (А. № 19), паское,-е (С. №№ 97, 100, 137, 138), ростое (С. № 136, 140; З. А.) и пр. и пр. Другаго произношенія для подобнаго окончанія мы и не находимъ. Нынѣшній языкъ произноситъ точно такъ же.

Б-а е замѣняетъ о: комоуждє, когождє (А. № 1), хотя здѣсь ждє постановлено съ большею послѣдовательностію, чѣмъ ждо; поуждєю (А. № 16), извєстиєм,-оєм (С. № 62), пояѯєватисє (А. № 10), полѯєва, свєдольскє (А. № 19); чрезъ смягченіе въ формахъ: анєє (С. №№ 13, 25; А. №№ 4, 6), ср. лихо (С. №№ 146, 147; Мл.), єщє, ищє, єщє, єщє, єщє (С. №№ 5, 22, 39, 66, 89, 176; Г. А; Мл.; А. №№ 4, 5, 12, 19), ср. ощь,-є,-е, ощь,-є (им. р.). Посредствующая между ними форма есть нощє (С. № 101); исєниє (А. № 6), мшанищоу, мрдань (С. № 176), єлєа (А. № 5) и пр.

Въ формахъ гнидєлики (С. № 73), видєли (С. № 77) б-а е замѣнила ѣ.

Важнѣйшее служеніе б-ы е состоитъ въ замѣнѣ носоваго ѧ, ѩ во всѣхъ родахъ его служенія. Кромѣ двухъ словъ ѧдрь и кнѧѯь (см. в.), мы во всѣхъ нашихъ памятникахъ находимъ всюду е, ѥ, вмѣсто ѧ, ѩ. Замѣна эта возникла ранѣе письменности, и по тому, съ водвореніемъ въ Сербіи книжнаго языка, звукъ е уже постоянно, безъ колебанія, занималъ мѣсто носоваго ѧ. Въ древнѣйшую пору, отъ которой дошли до насъ только иностранные источники, мы встрѣчаемъ у Багрянородного *Τζέντινα*, *Τζέντζηνα*, но у него же *Τζεέσθλαβος*; у Анны Комниной *Σφεντζάνιον* и въ Латинскихъ грамотахъ *Zenta*, которое у Багрянороднаго звучитъ уже *Ζετλήβη*, *Vekenego*, *Cetina*, *Svetoslavus*[1]. Въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ: имє, присєѯаю, ходє (ходатъ), кнєжє, десєть, мѣсєца (А. И.), постави ѡви црє дроугиє кнєѯє, єѯика, хотє (хотанъ), мє, ѿ ѯємлє, ѯачєхьсє, стыє и прѣсвѧтыми влачицє нашє вѣрє, честн єго погибьшє, ѡпеть, приходє (приходатъ), є-(ѥ, вин. ед. муж.) и пр. (А. № 1). Здѣсь, разумѣется, є стоитъ на сторонѣ ѩ. Такова должна быть положительная и правильная замѣна звуковъ; но такъ какъ мы уже видѣли, что часто є замѣняетъ собою ѥ, то по этому и отношеніе обоихъ звуковъ къ обоимъ носовымъ измѣняется. Впрочемъ, здѣсь нѣтъ ничего страннаго и непонятнаго. Причина этому явленію заключается не въ тожествѣ звуковъ ѧ и ѩ, ни въ отношеніи ихъ къ є и ѥ, но она возникаетъ уже въ области самого звука є: такъ, на пр., всюду пишется кнєѯь, но изъ этой формы, по смягчающему свойству Сербскаго языка, является кнєгиња (А. № 6), ѯємлє и ѯємлю и т. д. Любопытно видѣть, какъ носовой звукъ сохранился въ именахъ мѣсяцевъ. На ряду съ формами безъ носоваго произношенія показываются мѣстами формы съ остаткомъ этого произношенія, выраженнымъ въ б-ѣ м; такъ находимъ: октєвра (С. №№ 40, 116), сєптєвра (С. № 61), ноєвра (С. № 67), новєвра (С. №№ 110, 151), дєкєвра (С. № 97) и дєкємвра, дєкємьвра (С. №№ 68, 92, 105), дєкѣвріа, дєкємвріа (С. №№ 90, 91), дєкємврия (С. № 107), дєкѣвріа (С. № 111), дєкємьвра (С. № 140), новєвріа (А. № 15), новємвра, (С. № 121), новємьвра, новємвра (С. №№ 150, 153, 154), октємвра (С. № 117), сєптємвріа (С. № 133), дєкѣвра, сєптємвра (С. № 158); одинъ носовой звукъ смѣшанъ съ другимъ въ словѣ ѡктомвріа (С. № 175).

[1] Шафар., Serbishe Lesekörner, стр. 31.

От этого важнѣйшаго служенія б-ы є переходимъ къ другому, не менѣе важному, — замѣнѣ ею б-ы ѣ. Стоитъ только заглянуть въ древніе памятники, чтобы увидѣть, что сдѣсь господствуетъ совершенное смѣшеніе: поминутно є, или ѥ являются вмѣсто ѣ, и на оборотъ, ѣ вмѣсто є, ѥ. Объясненіе причины этого явленія мы отложимъ, какъ и при б-ѣ ꙗ, до изслѣдованія о б-ѣ ѣ: сдѣсь предложимъ обзоръ однихъ только явленій. Если при б-ѣ ꙗ мы только въ одной семьѣ и только въ извѣстную пору нашли господствующею замѣну б-ы ѣ б-ю ꙗ, то и въ смѣнѣ б-ъ є и ѣ, должны обратить вниманіе на различіе мѣстности и времени написанія грамотъ. Въ этомъ отношеніи є, кажется, идетъ въ противномъ направленіи съ б-ю ꙗ: тогда какъ послѣдняя вступаетъ въ послѣдовательное и полное служеніе для замѣны б-ы ѣ только уже со второй половины XIV-го ст. и въ Западной семьѣ грамотъ, б-а є, напротивъ того, показывается наиболѣе замѣняющею ѣ въ самомъ началѣ появленія грамотъ и продолжаетъ свое служеніе, постепенно слабѣющее, до второй половины XIV-го в., а съ этого времени, по причинѣ появленія во множествѣ Западныхъ грамотъ, теряетъ совершенно свою послѣдовательность и обнаруживается въ позднѣйшихъ памятникахъ столь же слабо, какъ слабо обнаруживалось и въ древнѣйшихъ. Такимъ образомъ время господствованія є есть XIII-й вѣкъ; время господствованія ꙗ есть XV-й вѣкъ; первое принадлежитъ преимущественно Восточной семьѣ, второе Западной. Но отъ простаго є должно отличать мягкое ѥ. И нынѣ б-а ѣ розно звучитъ въ Сербскихъ подрѣчіяхъ: въ Герцеговинскомъ, какъ *є*, въ Ресавскомъ, какъ *е*. Въ послѣднемъ *е* короткое и чистое; въ первомъ *є* долгое и не только смягченное, но даже вытянутое въ *ие*. По этому, что сказано о б-ѣ є, того нельзя сказать объ ѥ, є, ѥ, ѥ. Замѣна б-ы ѣ этими послѣдними начертаніями преобладаетъ въ XV-мъ в. въ Западной семьѣ. И если возмемъ полный звукъ є во всѣхъ его измѣненіяхъ, какъ твердый и мягкій, чистый и приpаженный, то должны сказать, что замѣна б-ы ѣ б-ю є присуща всѣмъ вѣкамъ и свойственна всѣмъ семьямъ грамотъ. Сдѣлаю сдѣсь оговорку: въ примѣрахъ, которые буду приводить, можетъ быть, многимъ покажется ненужною замѣна б-ы ѣ б-ю є. Въ самомъ дѣлѣ, употребленіе б-ы ѣ нельзя строго провести по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ; въ одномъ и томъ же нарѣчіи она является въ своемъ видѣ, или съ извѣстнымъ перезвукомъ, то въ видѣ мягкаго, индѣ даже твердаго *е*. Приводя примѣры для древнекнижнаго Сербскаго языка, я имѣю въ виду тѣ же самыя слова въ нынѣшнемъ Сербскомъ же языкѣ и отчасти Д.-Булгарскомъ. Такъ въ гр-ѣ Кулина уже встрѣчаемъ двойную форму доколѣ и доколе, но во всѣхъ прочихъ случаяхъ ѣ строго выдержано. Замѣчательно, что и въ гр-ѣ Немани того же вѣка различіе между є и ѣ всюду сохранено. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ тѣхъ грамотахъ, въ коихъ обнаруживается пристрастіе къ б-ѣ ѣ, выражающееся въ замѣнѣ ею б-ы ꙗ, какъ и въ упомянутой гр-ѣ, смѣна ея съ б-ю є происходитъ гораздо рѣже, и употребленіе ея соблюдается правильнѣе. Въ XIII-мъ в.: ѡбєкати,-ан,-ѡбєкаюсє (С. №№ 2, 7, 9, 21), тєбє,-є (С. №№ 8, 12, 14, 16), ѡбєтѡвали, ѡбєтанє, ѡбєтованиѥ (С. №№ 8, 17, 21), свєта,-омь (совѣтъ, С. №№ 8, 12), вєрьник,-о, напрєдь (С. №№ 8; Ш. №№ XVI, XVIII), налєговаль, даже вѣроятно и союзъ дє вм. дѣ (С. № 8), хтєниємь (С. № 12), ꙃдє, дєлом, ѡньємиє (дат. ед.), нрєстѣ, дєть (С. № 14), дєвию,-ою, вєромь (С. №№ 14, 16), вєка (С. № 14; Ш. № XVIII), придєли, прєдєлєхь, тєлахь,-єхь, доколє, мєсти (Ш. №№ XVI, XVIII), годє гнєвь,-ѣвь (С. №№ 16, 17), дьлѣ нєдєлє, врємє, потрєбє, на врє-

де, на мосте, вь граде, на сьборе, место, вь онехь законехь, ведома, на свете, хьтению, некомоу и пр. (С. № 16; Ш. № XVI), повелении, обрете, неврегнин (С. № 17), гдѣ (С. NN№ 17, 21), вьсем, ведению, некомоу (С. № 20; Ш. XVIII), тре-бе, доноле, преге, предь (С. № 21), привегие (С. NN№ 21, 26), грубеша (С. № 25). Въ XIV-мъ вѣкѣ: немощна (А. № 2), одеги, обжоу (А. № 6; Мк.), вещаѝ, вещаѝ (А. NN№ 3, 5), отнноуде (А. NN№ 3, 4), обещаний, о-обещаник,-е, обещасе, обещавамсе,-васе,-навамь (А. NN№ 4, 5; С. NN№ 53, 55, 64, 69, 176), о- коуде, куде (А. № 4; С. NN№ 67, 73; З.), ведомо,-дуще, свепние,-е (С. NN№ 33, 43, 70, 73; А. № 14), гневь, да не, у граде (С. № 33), призрень,-не,-нскога (С. № 33; А. № 8; Г. А), морене (С. № 52; А. № 10), где, ге, где (С. NN№ 36, 43; А. NN№ 5, 8, 12; Ш. № 14; З.), оньдезн, ондезн (С. NN№ 36, 73), свещанием, о зановедехь, всеми, идеже, закеща, смотрению (С. № 176), зе, зде, зе (С. № 176; А. NN№ 5, 7, 14), бели,-а (А. NN№ 8, 11), прі- идете (А. № 8; С. NN№ 53, 62), велегь, медвегь, брегомь, знизо, тейзи (А. № 8), не (не е), века (С. № 40), околе, оклен (С. № 40; А. № 11), видети,-девь (С. NN№ 41, 47, 70), тебе (С. № 41), медникь, инде (А. № 5), имма,-аю (А. NN№ 5, 14), вь хрисовоуле, саве (дат. ед.), отлен (А. № 11), делани, содеані, деань, деянь (А. NN№ 11, 13, 14; С. № 50), изволению, пребивании (С. № 35), напре (С. № 43), всемь, вьсемь (дат. мн., А. № 12; Г. А; С. № 73), докле, -е (А. NN№ 12, 15; С. NN№ 55, 58, 69, 73; З.), просеченикь, доидеже, неслешане (А. № 12), лета, обе-токаніаь, всемъ, врежени, децамъ, хотеніе, повеленіемь (С.-Д. М. № 1; въ С. № 46 всюду ѣ), вьсхоте, ние (С. № 47), предь-, добродетеліе, вь Іеросолиме, за-поустети, при логофете (Г. А), молени (С. № 63), жребн, извествие (С. № 62), повелениѥ, -неемь (С. NN№ 62, 73), хотение, уловеки (С. № 70), годе (С. № 72; З.), тудезн, да приповемь, пре- (С. № 73), обители (А № 17), младена, ме-ща (А. № 15), многе злобе, недели, по пизме, о издаве, онемзн (дат. мн.), тенжде, тоуде (З.), вери, вери, баговерны, -ни (печ., А. NN№ 5, 9, т. XI; Р. III, стр. 1) и пр. и пр. Изъ этого обзора явленій мы легко можемъ замѣтить, что е, замѣняющее ѣ, господствуетъ въ XIII-мъ в., не смотря на стеченіе грамотъ различныхъ семействъ и на то, что Западныя грамоты, по мѣсту написанія своего, принадлежатъ къ подрѣчію, которое ѣ произноситъ не какъ *е*, а какъ *є*, *ие*. Этимъ доказывается еще разъ то, что замѣтили мы прежде объ общности книжнаго языка въ древнѣйшей Сербской письменности. И сдѣсь, какъ въ полугласныхъ, признакъ Восточной семьи господствуетъ и въ Западной: явно, что книжный языкъ, употреблявшій Кириллицу, возникъ первоначально въ восточной Сербіи, въ нѣдрахъ православія, и потомъ перешелъ въ западную. Такъ и должно быть: это естественный путь и вѣроподобнѣйшая догадка. Потомъ е продолжается нѣсколько слабѣе въ XIV-мъ в.; собственно-Сербскія и Зетскія грамоты поддерживаютъ его существованіе. Посмотримъ теперь его дальнѣйшую судьбу въ XV-мъ в. въ собственно-Сербскихъ и Черногорскихъ грамотахъ: манце (С. № 90), ондезн, по градове (С. № 91), оу, по трьгове (С. NN№ 91, 111, 137), коуде, куде (С. NN№ 91, 111, 137; А. № 19), где, где, где (С. NN№ 91, 111, 137, 138; Мл.), инде, инде, инде, ние (С. NN№ 91, 111, 137; А. № 18), тоуде, тоудей, туде (С. NN№ 91, 111, 137; Мл.), по делу, забела (А. № 19), лещние, всеми, Іоуде (дат. ед.), вещаше, осквнь (А. № 17), зде, зде (С. № 175; С.-Д. М. 1844), догде, побеги, неси (2-е л. ед.), всуде, древо (С. № 111), хотель (С. NN№ 111, 137), оуде, онде (С. NN№ 111, 137; Мл.), годе,

56

гόдє (С. №№ 111, 137; А. № 17; Г. Б; Мл.), нигдє, нигє (С. №№ 111, 137), въ милѣшевє (С.-Д. М. 1844), напрєдь (С. № 137), прѣ (С. №№ 137, 148), доклє (С. № 137, Г. Б), двєстє. бєло, на правдє, разє, дєю, нѣ (не и) (С. № 146; ср. С. № 147), послѣний (С. №№ 146, 147), вєрованїє,-ниє, заповєди (С. №№ 146, 148), видєниє, в писмє (С. № 148), вєрѹєтє (С № 149), в тѣ, видєвши (С. №№ 165, 166), бєлєгь, вьсємь, разсєчєн, въ Їєрѹмє, заоустѣ (Г. Б), въ стєй горѣ, сєбєжє, идєжє (С. № 178), на мєстѣ, съвѣщєнными, хотєнїємь, из чєдєхь, бєлѣзїєхь, оу рѣкє (Мл.), призрєнїє, вьсємъ, чьстнєйшїи, по силє, въ блажєнєи коньчинє, дєда, обєщаваѫмъсє, мєсєца (Г. V), въ свѣтє, имєни, тєбє, прѣвєчныи, на трапєзє, благовєрнѣ, на прѣстолє, двѣ цвѣтє, вьсєсвѣтли и прѣчєпороучни (А. № 20). Такимъ образомъ мы находимся въ самой той средѣ, въ которой наиболѣе дѣйствуетъ замѣна б-ы ѣ б-ю є. Но ни одна изъ означенныхъ грамотъ не лишена вовсе б-ы ѣ: всѣ онѣ употребляютъ ее наровнѣ съ є. Отъ того формы, приведенныя нами въ примѣрахъ, являются и съ б-ю ѣ; ихъ двойники находятся не только въ другихъ односемейныхъ и одновременныхъ съ ними грамотахъ, но даже встрѣчаются иногда въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, откуда и онѣ взяты. Укажу на нѣкоторыя двойственныя формы: такъ на пр., помимо словъ съ є, находимъ тѣ же слова и тамъ же съ ѣ: тєбѣ (С. №№ 1, 3), донєлѣ (С. №№ 1, 8, 17, 20). вѣрно, дѣтє (С. № 2), здѣ (С. №№ 3, 15), хтѣниємь (С. № 7), ѡбѣть (С. №№ 9, 16), дѣянию (С. № 12), грѹбѣша (С. № 14), повєлѣнию, ѡбѣщали, гдѣ, ѡбрѣтє (С. № 17), придѣли, врѣмєнє (С. № 16), ѡтсєлѣ (С. № 19), имѣти (С. № 20), докєлѣ, прѣдь (С. № 21), гнѣздо, мѣдєницама (А. № 2), ѡдѣний, прѣбывати (А № 4), младєнь (С. № 36), призрѣньскоу, брѣгь (С. № 176; А. № 11), прѣгє (С. № 39), призрѣниѣ, -и, -ѡ (А. № 7; С. №№ 35, 50), свѣдєниє (С. № 42), ѿтлєи, ѡдѣждами, обитѣли (н. р.) (А. № 11), ѿиноудѣ (А. № 10), корѣнє (С. № 35), дѣлань (А. № 12), исбрѣжєниє (А № 12; С. № 50), идѣтє (А. № 13; С. № 50), бѣлѣгомь, подлѣжащє, ѡбитѣлиѣ (А. № 14), забѣла (Ш. № 15), кєдѣ (А. № 19), лѣпиє (А № 17), ѡсѣчєнна, повєлѣниємь, жрѣбию, зѣ (А. № 16), доклѣ (С. № 111), коудѣ, годѣ (С. № 137), напрѣдь (С. №№ 137, 138), вѣрована (С. № 146), бѣло (С. N. 147), дрѣво (С. №№ 34, 70, 71, 91, 176) и пр. и пр. Довольно этихъ примѣровъ, чтобы удостовѣриться въ томъ, что иногда даже однѣ и тѣ же грамоты передаютъ одно и то же слово въ двухъ видахъ, то съ є, то съ ѣ. Не говорю уже о томъ, что на всякое слово съ є можно привести изъ другихъ односемейныхъ грамотъ по два и по три слова съ ѣ. Оставимъ пока Восточныя грамоты и перейдемъ къ Западнымъ. Мы замѣтили, что въ XIII-мъ в. и этѣ грамоты не слабѣе Восточныхъ поддерживаютъ замѣну б-ъ є и ѣ. Исчезнувъ на время, онѣ появляются снова въ концѣ XIV-го в. и наполняютъ собою весь XV-й вѣкъ. Если взглянемъ на однѣ только Восточныя грамоты, то увидимъ, что смѣна б-ы ѣ б-ю є не ослабѣваетъ въ нихъ съ теченіемъ времени; но если взглянемъ на обѣ семьи вдругъ и примемъ въ расчетъ объемъ и количество ихъ, то замѣтимъ, что эта смѣна является уже нѣсколько въ иномъ видѣ. Въ Западныхъ грамотахъ уже преобладаетъ употребленіе мягкаго є вмѣсто ѣ, и вообще этѣ грамоты какъ-то не любятъ упомянутой смѣны, ибо количество примѣровъ не отвѣчаетъ ихъ числу и объему; онѣ то претворяютъ ѣ въ и, то изображаютъ его чрезъ иє, т. е., протянутое мягкое є, какъ бы иє, и тѣмъ избѣгаютъ излишнихъ случаевъ смѣшенія, которые могли бы возродиться при начертаніи ѣ. Впрочемъ, изъ нихъ Турецкія грамоты весьма любятъ замѣнять ѣ б-ю є, въ чемъ

онѣ ближе подходятъ къ Восточнымъ, нежели къ Западнымъ. Въ Турецкихъ находимъ, по примѣру Восточныхъ, весьма часто **є** вм. **ѣ**: **ꙁаповєдꙋїє**, **повєлєнїє**, **гнѣвь** (С. № 113), **обѣдѣ страни, лєтѡ и лѣто, повєлєнїємь, голємаго, свєдочаства** (С. № 164), **вєдєти, увєкꙋ, вєрнимь, гѡдє, ꙁаповѣть, ꙁаповєдꙗ, двє, гнєвь, ꙁа тѣ, кꙋдє, лєто, мєсєца** (С. № 168), **вєдомоѡ, голємоѡ. свѣть** (С. № 173), **видєти, уловєчасвиє, всѣ, наслєдникь, нєвєрань, на прєвлаци** (С. № 37), **потолє, вєдєти, вєрнога, прєвєꙁꙋ, -ꙁєтє** (С.-Д. М. № 2). Въ прочихъ Западныхъ читаемъ: **ѡ ꙋвѣтєхь, вь лѣтєхь** (С. № 66), **доколє, -є, докლє** (С. NN№ 66, 68, 83, 98, 101, 115), **ѡбєщасє, -нию, ѡбєтꙋємо, -ємо, ѡбєщавамьсє, -ѣвамо, ѡбєкимо, ѡбєтокамо, -ниє, ѡбєтꙋємосє** (С. NN№ 66, 78, 82, 108, 112, 115, 121, 126, 133), **прє-** (С. № 68), **ѿсєлє, племєнита** (С. № 77), **послꙋшєнємь** (С. № 82), **послєдни, послєдни, -ємю, -ѣни** (С. NN№ 89, 127, 128, 133, 163; Ш. № 16), **ꙁакєрꙋємо, вє- вє- вєрованомь, -имь, -нѣ, -и, -о, -нє, -ти, вєрꙋємо** (С. NN№ 96, 112, 115, 119, 121, 123, 126, 127, 130, 155, 170, 172), **мєнє** (дат. п., С. № 97), **дотолє, дотлєн** (С. NN№ 83, 98, 115), **ѿ- ѿколє, -є** (С. NN№ 101, 127), **прє** и **напрѣ, ꙋ ꙁаконєхь, ꙁавєтꙋємсє** (С. № 107), **ꙋвєть, ꙋвєть, ꙋвєть, -ихь** (С. NN№ 112, 126, 127, 136), **колєнꙋ, -єнꙋ, врємє, врьємє** и **врѣмє** (С. NN№ 112, 127), **видєниє, голємомꙋ, тєлѣ, дєль, дєлѡ, нєднога человєка, рєчь, свєта** (С. № 112), **ꙁвєꙁдникь** (С. NN№ 112, 115, 119, 121, 123, 126, 130), **ꙁаповєдь, -єдь, -єди** (С. NN№ 112, 126, 130), **лєтѡ, лєто, -а** (С. NN№ 112, 133, 155), **вєрꙋ, вєрꙋ, -є** (С. NN№ 112, 115, 133), **годє, -є** (С. NN№ 74, 112, 126), **ꙋ сꙋдѣ, -овєхь ꙁлатєхь** (С. NN№ 115, 130), **свєдє** (С. № 120), **вєначаць** (С. № 121), **ка вєкинцє** (С. NN№ 123, 126), **прьєдь, ѡбєю странꙋ** (С. № 123), **ѡбєма, двєсти, ꙁдєлꙗ, бєлѣ** (С. № 126), **свєдоци** (С. № 127), **ꙋ покладєхь** (С. № 128), **видєниє, двє, бєлєгомь, ꙁьвєꙁдицѡ, свєщакь, свєщникь** (С. № 130), ср. **свѣщникьми** (С. № 176), **свєтакємь, -лємь, наслєдникь, радєновика, вꙗ славє, ꙋ дрьжавє, свѣть, са иꙁбранєми, -нєми, ка свєтєхь** и **свєтѣхь, хотєниє, всєми имєнованєми, ко ѡнємь** (С. № 133), **добрєми, -ѣ** (С. NN№ 133, 157), **вєка, -и, -омь** (С. № 133; Ш. № 16), **промєнєнѡ, ѡ потрєбє** (С. № 135), **прєсвєтаго** и **прѣсвєта, ѿтолє** (С. № 144), **прєд** и **прѣд** (С. № 74), **ꙋ пꙋнє дрьжавє** (С. № 145), **мєсєцꙗ** (С. NN№ 155, 158, 170), **наслєдникꙋ** (С. № 155), **понєдєлникь** (С. № 158), **видєвши** (С. № 166), **смєрьно** (С. № 172), **ѡсвєнь, дєтца** (Ш. № 16) и пр. и пр. Что же замѣчаемъ мы въ этихъ примѣрахъ? Въ нихъ, по большей части, **ѣ** изображено чрезъ мягкое **ѥ**, **є**. Вспомнимъ также, что **є** могло иногда звучать, какъ **ѥ**, и что Сербы не всегда видимо смягчали его тамъ, гдѣ произносили мягко: часто одна и та же форма пишется то съ **є**, то съ **ѥ**. Отсюда справедливо можемъ заключить, что многіе случаи замѣны б-ы **ѣ** б-ю **є** должно отнести къ замѣнѣ ея б-ю **ѥ**. Въ какихъ же грамотахъ **є** звучало, какъ **є**, и въ какихъ оно звучало, какъ **ѥ**? Рѣшеніе этого вопроса могло бы послужить къ рѣшенію трудной задачи уяснить въ грамотахъ то, или другое подрѣчіе, различаемое на основаніи звука *ѣ* въ нынѣшнемъ Сербскомъ нарѣчіи; ибо въ одномъ *ѣ* звучитъ, какъ чистое, короткое и открытое *е*, въ другомъ, какъ долгое и приряженное мягкостію *е*. Но для грамотъ этотъ вопросъ остается нерѣшеннымъ. Писцы не соблюдали точности въ написаніи **є** и **ѥ**, **ѥ**, **є**, тамъ, гдѣ это начертаніе они употребляли для звука **ѣ**,—не соблюдали ея по тому, что и въ другихъ случаяхъ не вездѣ различали начертанія **є** и **ѥ**, **ѥ**, **є**, хотя, вѣроятно, знали ихъ настоящее произношеніи въ устной рѣчи. Спутанность еще болѣе увели-

чилась отъ преобладанія смягчающей силы, вторгшейся вмѣстѣ съ народностію въ грамоты XV-го в. и заставившей є звучать, какъ ѥ, тамъ, гдѣ бы не слѣдовало по общимъ звуковымъ законамъ. Еще вопросъ: ѣ или, какъ пишутъ его теперь по Герцеговинскому подрѣчію, *је*, *ије*, т. е., *є*, *иє*, или, по правописанію многихъ грамотъ, ие, ıє, иѥ, не, не есть ли то же, что ѥ, ѥ? Если и мягкое є писалось иногда, какъ ие, ıє, т. е., какъ ѣ, то какая будетъ разница между нимъ и б-ю ѣ? Ни какой. Если въ грамотахъ находимъ ьє, ьє вмѣсто ѣ (С. NN° 82, 120, 123), то ясно, что ѣ звучало совершенно, какъ ѥ, а по тому очень естественно, что писцы смѣшивали начертанія, ими придуманныя для ѥ и ѣ. Если наконецъ находимъ формы: своѥмь и своѥми (С. № 101), странѣга и страниѥга (С. NN° 112, 126), и если въ гр-ѣ С. № 112, по многочисленности случаевъ, убѣждаемся, что ѣ изображено въ ней, какъ ѥ, то не слѣдуетъ ли изъ того заключить, что звуки ѣ и ѥ были смѣшаны въ XV-мъ в. въ грамотахъ Западной семьи? Одно, что можно замѣтить и утвердительно сказать: это, во первыхъ, то, что начертаніе ѣ, какъ взятое изъ Кирилицы, не подходило хорошо къ тѣмъ звукамъ Сербскаго нарѣчія съ его подрѣчіями, для выраженія которыхъ оно было назначено; и во вторыхъ, то, что звукъ, выраженный въ Кирилицѣ чрезъ ѣ, въ Сербскомъ нарѣчіи звучалъ различно, то какъ є, то какъ ѥ, ие, иѥ, ие. Послѣдніе два вида начертанія были почти исключительно предоставлены для ѣ; ие есть самое употребительное, тогда какъ иѥ, ие, попадаются чрезвычайно рѣдко. Если при общей любви Западныхъ грамотъ къ мягкому начертанію б-ы є, эта послѣдняя въ своемъ твердомъ видѣ упорно держалась въ сочетаніи ие, то это показываетъ, что такое начертаніе имѣло въ себѣ особенную плотность, и на него смотрѣли, какъ на нѣчто цѣльное, нераздѣльное, подобное цѣльному начертанію ѣ: отъ того и є не смягчалось въ немъ. Но какія бы ни были выраженія для ѣ, всѣ они приходятъ къ коренному є, откуда прямое заключеніе то, что въ Сербскомъ языкѣ звукъ *ѣ* имѣетъ основою звукъ *е*, который звучитъ тамъ твердо, тутъ мягко и даже протяжно мягко, откуда недалеко и до *и*. Остановимся пока на этомъ заключеніи и докончимъ о б-ѣ є.

Б-а ѥ, є, ѥ, служитъ еще стяженіемъ для звука иѥ, чрезъ что имена существительныя собирательныя и средняго рода на иѥ получаютъ новый, народный образъ. Переходомъ служило окончаніе ьѥ, разсмотренное нами выше. Стяженіе это родилось, по указанію памятниковъ, въ XIII-мъ в. и продолжалось слабо до XV-го, а въ этомъ усилилось значительно. Такимъ образомъ мы читаемъ: повелѣниѥ и -иѥ, повелѥниѥмь, -ѥмь, -ниѥмь (С. NN° 17, 73, 113, 164), видѣниѥ, -ѥ, видиниѥ, видѥниѥ, видиниѥ, -ѥ, видениѥ (А. № 6; Ш. № 11; С. NN° 74, 101, 112, 115, 119, 121, 123, 126, 130, 164), благовѣщениѥ, ꙁаставлениѥ, основаниѥ, пѣниѥ, обьубожаниѥ, вьскрѣсениѥ, хотѣниѥ, приложениѥ, утврьжениѥ (С. № 35), ꙁа- прьне- писаниѥ, -ѥ, -є (С. NN° 35, 101, 126), имааниѥмь, -ѥмь (С. NN° 35, 101), прѣступлениѥмь (С. № 81), распѣте, вироваиѥ, неамониѥ (С. № 101), прѣ- при- прьне- дужиѥ, -ѥ, длужиѥ (С. NN° 112, 115, 126), вѣроваиѥ, -ѥ (С. NN° 112, 115, 119, 121, 123, 126, 148), натражиѥ (С. NN° 112, 126), посланиѥ, -ѥ (С. NN° 115, 126), споменутиѥ, припменутиѥ (С. № 126), раꙁумирѥ (С. № 132), васнаѥвь дьнь (С. № 155), ꙁнаниѥ (С. № 164). Встрѣчаются еще стяженія въ родѣ слѣдующихъ: у моѥ, по моиѥ обласѣти (С. № 17), ср. помоиии обласѣти (С. № 38), по милости божии (С. № 51), ср. по милости божиии (С. № 52), по твоиѥ мати (С. № 104).

Удвоеніе 6-ы **є** не существуетъ въ нашихъ грамотахъ, ибо удвоенное **ѥ** имѣетъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ иное значеніе. Въ пользу удвоенія можно привести только одинъ случай: **рожєнна** (А № 6).

По праву, предоставляемому намъ однороднымъ съ 6-ю *е* происхожденіемъ 6-ы *ѣ*, и пока не ослабѣло еще впечатлѣніе, произведенное на насъ смѣною обоихъ звуковъ, мы приступаемъ къ разсмотрѣнію 6-ы *ѣ*. Обыкновенно, хотя и несправедливо, относятъ *ѣ* на конецъ буквеннаго ряда; ея мѣсто ближе къ 6-ѣ *е*, ибо, хотя *ѣ* звучало и звучитъ разнообразнѣе, чѣмъ *е*, и мѣстами отлично отъ него, однако въ происхожденіи его участвовали тѣ же самые образовательные звуки, изъ которыхъ составилось *е*. Собственно звукъ *ѣ* есть видоизмѣненіе звука *е*, такъ сказать, тотъ же звукъ *е*, но только не созрѣлый, не переваренный языкомъ, подобно *е*, а носящій въ себѣ слѣды своего двойственнаго образованія, своей относительной молодости. Отъ того *ѣ* есть двоегласный долгій звукъ, а *е* уже простой и краткій. Говоря у звукѣ *ѣ*, образующемся собственно чрезъ усиленіе, не должно приравнивать его къ коренному звуку, изъ котораго онъ произошелъ; ибо намъ нужна извѣстная минута перезвука, а не корень слова, который всегда будетъ приведенъ къ тремъ основнымъ звукамъ. И въ Санкритѣ есть уже усиленіе *é* изъ *i*, на пр., *véda* и *vid*, но, разумѣется, наше *вѣдать* должно сличать съ *véda*, а не *vid*. Въ Санскритѣ звуку *ѣ* отвѣчаютъ *é* и *á*. Первое есть явный признакъ слитія *a*+*i*, отъ чего въ немъ и долгота; второе своею долготою указываетъ на свое позднѣйшее происхожденіе и должно быть отличено отъ основнаго *a*: оно не иначе могло произойти, какъ чрезъ соединеніе *a* съ другою гласною, и есть, слѣдовательно, двоегласное. Это для насъ весьма важно, ибо оба звука указываютъ на двоегласіе 6-ы *ѣ*, а *é* подтверждаетъ ея происхожденіе изъ соединенія *a* и *i*, при томъ такъ, что ему отвѣчаетъ плотный, цѣльный и долгій звукъ *e*, или *a*, но не двойственный, подобный другимъ двоегласнымъ, въ которыхъ ясно слышатся оба составные звука. Слѣдовательно, *ѣ* въ Индоевропейскихъ языкахъ, по своей плотности и древности, занимаетъ средину между *е*, *о* и другими двоегласными, изъ коихъ первыя двѣ уже забыли свое двойственное происхожденіе и сдѣлались такими же простыми и краткими, или обоюдными, какъ *а*, *и*, *у*, а послѣднія до того еще новы и нецѣльны, что не могутъ слиться въ одинъ общій звукъ, но всякій разъ въ своемъ произношеніи напоминаютъ обѣ составныя части, изъ которыхъ сложились. Въ Санскритѣ есть одно только *é*, которое отвѣчаетъ Славянскимъ *е* и *ѣ*; этотъ звукъ въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ имѣлъ время обратиться или въ простыя гласныя, или двоегласныя, удержанныя и правописаніемъ, изъ коихъ однѣ хорошо соотвѣтствовали его природѣ и разоблачали его происхожденіе, другія же плохо: **мѣна** и *ἀμείβο*, **дѣж** и *Θήμι*, **рѣкж** и *ῥέω*, **мѣшати** и *μίγνυμι*, **лѣпъ** и *ἀλείφο*, *λίπαζω*, **вѣдаж** и *οἶδα*, **бѣгати** и *φεύγω*. Въ словахъ, прямо заимствованныхъ изъ Греческаго языка, *ѣ* отвѣчаетъ тоже простому *е* и двоегласной *αι*, на пр.: **трапѣза**—*τράπεζα*, **иерѣи**—*ἱερεύς*, **дѣмоунъ**—*δαίμων*, **июдѣи**—*ἰουδαῖος*, **евреи**—*ἑβραῖος*, **цѣсарь**—*καῖσαρ*, **матѳѣи**—*ματθαῖος* и на оборотъ, Греческому *αι* отвѣчаетъ иногда *е*: *κυρηναῖος*—**куринеискъ**, *σαδδουκαῖος*—**садоукеи**, *ἰουδαϊκός*—**июдеискъ**, *φαρισαῖος*—**фарисеи**. Въ Латинскомъ то же самое: вмѣсто *ѣ* являются то простыя гласныя, то двоегласныя: **мѣшати**—*misceo*, **сѣяти**—*serere*, **снѣгъ**—*nix*, **сѣщти**—*secare*, **вѣдро**—*hydria*, **лѣвыи**—*laevus*; *daemon*, *caesar* и пр. Но Готскій языкъ вѣрнѣе передалъ у себя звукъ *ѣ*: въ немъ почти

всюду вмѣсто *ѣ* стоитъ *ai* : **хлѣбъ**—*hlaibs*, **снѣгъ**—*snaivs*, **вѣяти**—*vaian*, **дѣлъ**—*dails*. Въ Литовскомъ *ѣ* выразилось частію въ *é*, частію въ *ai*: **вѣдро**—*védras*, **бѣсъ**—*bésas*, **снѣгъ**—*snégas*, **вѣра**—*véra*, **ѕвѣрь**—*žvéris*, **цѣна**—*czéné*, **мѣшати**—*maiszyti*, **мѣхъ**—*maiszas*. Всѣ эти сравненія приводятъ насъ къ одному заключенію, что *ѣ* по природѣ своей есть двоегласное и по тому долгое; что мѣсто его непремѣнно между *а* и *и*; звучитъ же оно довольно слитно, такъ что можетъ быть выражено одною гласною и преимущественно долгимъ *е*, которое также занимаетъ средину между *а* и *и*; напослѣдокъ это долгое *е* или обратилось въ краткое *е*, или совершило ближайшій переходъ въ *и* (*i*, *y*). Если и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, гдѣ для него изобрѣтено было особое начертаніе, отличное отъ **є** и **и**, оно смѣшивается съ **є**, или собственно **и**, то должно заключить, что оно звучало весьма близко къ этой буквѣ и, вѣроятнѣе всего, какъ *я*, которое безпрестанно переходитъ въ *е* и обратно; доказательствомъ тому служитъ и самое названіе этой буквы, какъ и то, что въ Н.-Булгарскомъ языкѣ она, большею частію, сохраняетъ этотъ звукъ. Но *я* не отрицаетъ первоначальнаго средняго звука *е*, а есть только одно изъ главнѣйшихъ видоизмѣненій, принимаемыхъ голосомъ при сліяніи *а*+*и*, усвоенное Булгарскимъ нарѣчіемъ. Повторяю, *ѣ* ближе всего подходитъ къ звуку *е*, какъ по происхожденію своему, такъ и по многочисленнымъ смѣнамъ съ этимъ звукомъ, особенно въ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Корень или, вѣрнѣе, составныя начала обоихъ звуковъ суть одни и тѣ же, но образованіе ихъ неодинаково: *е* до того уже созрѣло въ Славянскихъ языкахъ, что сдѣлалось вполнѣ одновременнымъ и однороднымъ съ *а*, *и*, *у* и такимъ же основнымъ звукомъ, какъ и эти; *ѣ* носитъ въ себѣ нѣкоторую степень недозрѣлости, и хотя въ произношеніи своемъ въ большей части Славянскихъ нарѣчій представляетъ довольно цѣльности, однако непремѣнная долгота и индѣ мягкость обличаютъ его относительно позднѣйшее происхожденіе и двоегласіе. Послѣднія свойства и заставили св. Кирила изобрѣсть для него особое начертаніе. Такимъ образомъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ звукъ **ѣ** занялъ такое же мѣсто, какое занимало *ê* въ Санскритѣ, а *ê* Санскритское уже вошло въ немъ въ рядъ коренныхъ образовательныхъ **а**, **и**, **ѹ** и стало равнымъ съ ними. Если присовокупимъ сюда **о**, то для Славянскихъ языковъ выйдетъ рядъ коренныхъ, основныхъ звуковъ: *а*, *е*, *и*, *о*, *у*; за нимъ послѣдуетъ долгая, но слитая двоегласная *ѣ*, и наконецъ явятся неслитыя двоегласныя *ай*, *ей*, *ій*, *ой*, *уй*, *ав*, *ев*, *ов* и т. д. Какое мѣсто въ Санскритѣ занимали *е* и *о* въ отношеніи *а*, *и*, *у*, такое же точно въ Славянскихъ языкахъ займетъ *ѣ* въ отношеніи *а*, *е*, *и*, *о*, *у*. Только въ одномъ Полабскомъ звучитъ оно двоегласно: *пеана*; но едва ли это не есть только неудачное правописное выраженіе долгаго звука *я*, ибо и здѣсь оно слышится, какъ *я*, потомъ какъ *и* и *ё*: послѣдній звукъ есть слѣдствіе видоизмѣненія мягкаго *е* и какъ бы его усиленія въ мягкое *о*. По этому въ Полабскомъ для него собственно три звука: *я*, *и*, *е*, которые и приравниваютъ это нарѣчіе къ прочимъ Славянскимъ, гдѣ всюду *ѣ* имѣетъ слитный звукъ, произносящійся различнымъ образомъ: въ Н.-Булгарскомъ, какъ *я*, *е*, рѣдко *и*, въ Польскомъ, какъ долгія *я*, или *е*, въ Чешскомъ, какъ долгія *и*, или *е*, въ Малороссійскомъ и В.-Лужицкихъ подрѣчіяхъ, какъ *и*, въ Угрословенскомъ, Лужицкихъ, Русскомъ, Сербскомъ, Хорватскомъ и Хорутанскомъ, какъ *е* съ различными видоизмѣненіями мягкости и долготы, въ Бѣлорусскомъ иногда, какъ *а*. Обращеніе *ѣ* въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ *я* и *и* показываетъ, что

въ образованіи его участвовали именно два звука *а* + *и*, хотя и слились въ одинъ плотный, цѣльный звукъ, но такъ, что одинъ изъ нихъ переселилъ другой: пересилившее *а* образовало *а*, смягчившееся въ *я*; пересилившее *и* образовало *и*. Мягкость, или собственно полумягкость звука *ѣ* произошла отъ соединенія твердаго звука *а* съ небнымъ *и*. Тамъ, гдѣ *а* +*и* слились въ равной мѣрѣ, тамъ *ѣ* стало звучать, какъ *е* съ разными измѣненіями мягкости, смотря по нарѣчіямъ. Въ Русскомъ—какъ *е* и чаще, какъ *є*, а въ Новгородскомъ подрѣчіи, какъ *и*, въ Лужицкихъ, какъ *є*, въ Угрословенскомъ то какъ *е*, то какъ *є*. Сходство этого нарѣчія, принадлежащаго къ Западному говору, съ Иллирскими нарѣчіями Восточнаго говора указываетъ на прадавнее его родство съ ними въ слѣдствіе прадавняго сосѣдства племенъ, которыя ими говорили. Въ Хорватскомъ нарѣчіи *ѣ* звучитъ, какъ *е*, въ Хорутанскомъ, какъ *є*, или, съ перемѣною звуковъ, какъ *ей*, т. е., тамъ и тутъ мягко. Въ Сербскихъ подрѣчіяхъ то какъ *е*, то какъ *и*, то какъ *є*, которое по своей долготѣ протягивается въ *ие*, или совершенно смягчается въ *и*. Звукъ *и* Сремскаго подрѣчія я не считаю коренною и прямою замѣною б-ы *ѣ*, но, вѣрнѣе, онъ образуется уже при посредствѣ *е*, т. е., изъ этого *е*, ибо тамъ нѣтъ *є*, ни *ие*. Наконецъ спросимъ, какъ звучало ѣ въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи? Хотя мы видимъ, что въ немъ ѣ можетъ являться въ видѣ а, ꙗ, е, ѥ, ъ, ь, ѧ, однако въ этихъ видоизмѣненіяхъ должно отличать смѣну отъ перезвука и усиленія. Послѣднія два явленія, всегда связанныя съ внутреннимъ значеніемъ слова, суть одно изъ тѣхъ средствъ, къ которымъ языкъ прибѣгаетъ для видоизмѣненія своихъ понятій; но простая смѣна звуковъ обыкновенно указываетъ только на родство ихъ, на основаніи котораго они могутъ смѣняться взаимно, не нарушая понятія, заключеннаго въ словѣ. Въ Ц.-Славянскомъ нарѣчіи ѣ смѣняется съ ꙗ и ѧ и чаще всего съ е. По чему оно смѣняется съ первымъ, то мы уже знаемъ тому причину; смѣна же съ ѧ и е важна для насъ по тому, что ѣ, стоя между а и и, должно было близко подойти къ звуку е, и дѣйствительно оно подходитъ къ нему въ видѣ носоваго ѧ (*ен*) и простаго е. Такимъ образомъ ѣ непремѣнно должно было въ основаніи своемъ имѣть звукъ е, который оно и имѣло дѣйствительно, ибо смѣнялось съ е въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ и въ передачѣ одной и той же Греческой двоегласной *αι*; оно должно было имѣть также въ природѣ своей часть мягкаго начала, ибо образовалось изъ слитія твердаго звука съ небнымъ, который перешелъ сдѣсь въ совершенную мягкость, и выразилось въ мягкихъ ꙗ, ѧ, ѥ и ѩ. Будучи собственно полумягкимъ, оно могло смѣнятся съ таковымъ же е, но чаще смѣнялось оно съ мягкими, ибо стояло въ обратномъ отношеніи къ е: какъ это изъ двойнаго полумягкаго сдѣлалось простымъ и чистымъ твердымъ звукомъ, такъ оно осталось навсегда двоегласнымъ и мягкимъ. Послѣднее его свойство видно въ переходѣ гортанныхъ въ соотвѣтствующія имъ среднія мягкія при словообразованіи: ꙁвоукъ — ꙁвоучати (ꙁвоучѣти), слоухъ — слышати (слышати), бѣгъ — бѣжати (бѣгѣти), крѣпъкъ — крѣпъчаи (-ѣи), мъногъ—мъножаи (-ѣи) и т. д. Но большею частію, въ противуположность е, оно принимаетъ совершенно мягкую природу, и по тому при движеніи словъ гортанныя измѣняются въ крайнія мягкія: брѣгъ—брѣꙁѣ, человѣкъ—человѣцѣ, доухъ—доусѣ, человѣчьскыи — человѣчьсцѣмь, человѣчьстѣмъ. И такъ первобытное *ѣ* надобно принять за мягкій звукъ, который могъ восходитъ до твердаго, ибо въ немъ было сочетаніе твердости и мягкости: отъ того, съ одной стороны, ѣ могло переходить въ *а*, *е*, а съ другой въ *я*, *є*, *ие*, *и*.

По чему же св. Кириллъ изобрѣлъ для него новое начертаніе, то причину тому я вижу въ его двоегласіи, а слѣдовательно, непремѣнной долготѣ и полумягкости. Такъ какъ *е* стояло уже на ряду съ образовательными звуками и, слѣдовательно, утратило свою первичную двоегласность, долготу и полумягкость, сдѣлавшись кореннымъ краткимъ и чистымъ звукомъ, то *ѣ* совершенно отдѣлилось отъ него, какъ по природѣ, такъ и по долготѣ и мягкости, а въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи еще по звуку, и потребовало для себя новаго, отличнаго начертанія, чему и удовлетворилъ составитель азбуки. Сравнивъ всѣ видоизмѣненія звука *ѣ* въ Славянскихъ нарѣчіяхъ съ другими двоегласными этѣхъ нарѣчій, мы видимъ, что *ѣ* звучало слитно, по крайней мѣрѣ, столь же слитно, какъ звучатъ мягкіе *я*, *э*, *ю*, между тѣмъ, какъ другія двоегласныя отражаютъ въ себѣ болѣе, или менѣе ясно обѣ составныя части. По этому общее заключеніе, которое мы можемъ вывести изъ нашего краткаго обзора, будетъ состоять въ томъ, что *ѣ* въ Славянскихъ нарѣчіяхъ играетъ ту же роль, какую *é* играло въ Санскритѣ, и что Ц.-Славянскій языкъ, утративъ *е* въ смыслѣ Санскритскаго *é*, возобновилъ его для себя въ буквѣ *ѣ*. Таковъ коренной звукъ для *ѣ*; а если онъ обратился въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ въ другія гласныя, какъ-то: *е*, *я*, *а*, *и*, то виною тому не первичное его происхожденіе, а духъ тѣхъ самыхъ нарѣчій и ихъ историческое движеніе. Звукъ *ѣ* принадлежитъ собственно Славянскимъ языкамъ: въ нихъ онъ живетъ со всѣми своими звуковыми развѣтвленіями; Санскритъ указалъ его долготу и цѣльность; за нимъ послѣдовалъ Литовскій; Готскій представилъ его въ первичномъ разложенномъ видѣ; прочіе же Индоевропейскіе языки отчасти забыли его, замѣнивъ другими коренными звуками, отчасти выразили его въ различныхъ двоегласныхъ, болѣе, или менѣе свидѣтельствующихъ объ его утратѣ.

Сербскій языкъ поступилъ съ звукомъ *ѣ* совершенно самостоятельно; но въ то же время не забылъ его происхожденія и всѣ его видоизмѣненія прим оровилъ къ его природѣ. Но что касается до происхожденія б-ы **ѣ** чрезъ усиленіе изъ другихъ гласныхъ и полугласныхъ, то въ этомъ отношеніи древній книжный языкъ Сербовъ не представляетъ ничего новаго и отличнаго отъ Ц.-Славянскаго: слова образуются одинаково. Такъ **ѣ** возникаетъ чрезъ усиленіе изъ **ь**: **вьскрѣсение** (С. № 35), ср. **ꙋскрьсению** (С. №№ 114, 144), **рѣкоше** (А. № 11), **рѣкомѣмь** (А. № 12), **рѣкоу** (А. № 17), ср. Ц.-Сл. **рькѫ, -ати**, откуда Сербскія: **рѣчи**, **-ога** и т. д. (мн. р.), **наибрѣже** (С. № 89), ср. **брьзо**; **ꙋцвѣтѣни** (А. № 17), ср. **процвьтоше, -ше** (А. № 10; В. № 1);—изъ **и**: **видѣние** и **видѣние** (мн. р.), **радѣновики, -а** (С. №№ 100, 127), **радѣниа** (С. № 114), ср. **радиниꙗ** (С. № 104), **радишнѣь** (С. № 88);—изъ **а**: **вьспитѣнить** (А. № 2), **крѣпчане** (С. № 46), ср. **крапчане** (С. № 62), **изѣѕохь** (С. № 2), **изѣсти** (С. №№ 72, 132), **ѹѣѕль** (С. № 77), **ѹѣсти** и **ѹлѣѕила** (С. № 142), ср. **лаѕъ**;—изъ **ѧ**: **грѣде** (А № 6), **грѣдеть**, **ѡбрѣщеться** (З.), **ѡбрѣщете** (С. № 175) и пр.

Б-а **ѣ** замѣняетъ б-у **ꙗ** въ грамотахъ всѣхъ вѣковъ и семействъ. Такая замѣна объясняется природою обоихъ звуковъ, изъ коихъ тотъ и другой представляетъ соединеніе однихъ и тѣхъ же образовательныхъ звуковъ, но только въ неравной мѣрѣ: въ **ѣ** они уравновѣшены, въ **ꙗ** преобладаетъ **а**. Впрочемъ, такая замѣна не составляетъ отличительнаго свойства Сербскаго языка: она совершается и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ ней можно даже видѣть заимствованіе, ибо въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ ея нѣтъ. Въ Древнебулгар-

скихъ рукописяхъ она составляетъ довольно обыкновенное явленіе. Хорутане и теперь говорятъ *єзь, єчмень*. Въ Русскомъ нарѣчіи замѣчаемъ то же самое: отъ того и въ Сербскихъ древнѣйшихъ памятникахъ, во всѣхъ семьяхъ грамотъ, уже въ сильной мѣрѣ развита эта замѣна. Въ обѣихъ гр-хъ XII-го в. находимъ ѣ им. ꙗ: ѣ (азъ), приѣтель, диѣкь (А. И.), вьсаковѣко, ѣко, покаѣние, ѣсно, вьса моѣ разлꙋчнаѣ моѣ. крьстиѣньскы, ѣзь, молбиѣ, житиѣ, желаниѣ (род. пп.) (А. № 1), такъ что въ нихъ уже не находимъ б-ы ꙗ. Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ: сиѣ (им. (ед. жен. р., им. и вин. мн. ср. р., Ш. № VII.; С. NN№ 3, 16, 84), бжиѣ, бжиѣ, бжьѣ, божиѣ (род. ед., им. и вин. мн. ср. р., С. NN№ 3, 57, 120, 127, 140), ѥваньгліе (т. е., -ѣ, -ꙗ, вин. мн., С. № 3), не- коѣ (-ꙗ, С. NN№ 3, 15, 20, 86, 89, 120, 127, 150, 163), твоѣ (-ꙗ, С. NN№ 3, 9), моѣ (С. NN№ 4, 9, 10, 59), приѣти, приѣмь (С. NN№ 5, 82), откуда не- приѣтель,-ȣ, -и, -ѥ, -ємь,-ьми, пр҄ѣтели (С. NN№ 6, 13, 16, 18, 57, 59, 78, 82, 84, 89, 94, 97, 128, 135, 140, 154, 159), приѣтельство (С. № 16), приѣзань, -ню, -зновати (С. NN№ 78, 93, 96, 107, 141, 145), ѣ (ꙗ, азь, С. NN№ 7, 13, 15, 59, 78, 86, 89, 93, 94, 114, 127, 141, 145, 163), ѥлиѣ (род. ед. муж. р., С. № 7), ѣко, -рѥ (С. NN№ 7, 16, 19, 20, 51, 84, 92, 96, 97, 103, 120), ȣпельщениѣ, ȣильщениѣ, вьнльщиниѣ, -щьиѣ (род. (ед., С. NN№ 14, 16, 19, 20), ѣков, -ȣ -вȣ, -вища (Ш. № II; С. NN№ 15, 16), нюнѣ, повѥлѥньѣ, добитьѣ (род. ед., С. № 16), врьтоломѣѣ (род. ед., Ш. № II), маѣ (род. ед., С. NN№ 19, 20, 158, 159), при- со- до- стоѣти, -ѣше, -ѣло, -ѣньѣ (род. ед.), -ємь, -ѣнию, -ємь (С. NN№ 20, 78, 81, 82, 84—86, 89, 95—97, 125, 127, 128, 163; З. А.), всаѵьснаѣ, ѣнноѵ, геѡргиѣ (род. ед., С. № 51), прѣдложенаѣ (вин. мн. ср., С. № 52), добродолѣніи (А. № 6), ср. добродоланіе (А. № 8), арьхи- агрьхи- диѣконь (печ., А. NN№ 5, 9), власѣнога (С. № 176), прѣисподнѣго, мегѣми и мегами (А. № 7), кȣпаѣ (им. ед., С. № 43), прародителѣ (род. ед., С. NN№ 43, 50, 81), архидѣконь (печ., А. № 10), поросиѣ, поѵєтиѣ (род. ед., С. № 57), кралѣ (род. ед., печ., С. № 62), владаниѣ, -ньѣ, -иѣ (род. ед., С. NN№ 65, 82, 85, 78, 104, 144), диѣкь, -а, дѣкь, дѣкь (С. NN№ 37, 65, 82—85, 89, 120, 135, 141, 145, 150, 151, 161, 163; З. А.), браѣнь (С. № 65), предградьѣ, юрьѣ (род. ед.), братьѣ (им. ед.), дьѣвлȣ (С. № 78), поѵтениѣ, добитиѣ (род. ед.), сȣдиѣмь (дат. мн.) (С. № 79), за- писаниѣ,-ьѣ (род. ед., им. и вин. мн., С. NN№ 81, 84, 92, 95, 97, 103, 120, 150), госпоѣ, гпоѣ (им. ед., С. NN№ 81, 92, 127, 159), багрѣніцꙗю (А. № 18), ѣбланиѣа (С. № 82), ѡстоѣ (им. ед., С. NN№ 83, 84, 85, 88, 89, 92, 136), с- поменȣтиѣ, -ьѣ, -тѣ (род. ед., С. NN№ 83, 141, 159, 163, 171), да ѿьбиѣю (С. № 83), ѥбитиѣ, -ьѣ (род. ед., С. NN№ 85, 89, 95), кȣѣкомь (С. NN№ 85, 92, 95), проѣвити (С. № 88), хотиньѣ (род. ед., им. мн., С. NN№ 89, 140, 141), ѿ постаньѣ (С. NN№ 89, 92), ȣбьеньѣ (им. мн., С. № 89), ȣдржаниѣ, спасєниѣ (род. ед., С. № 93), порєѵеньѣ, насилиѣ (род. ед., С. № 96), крьстьѣнинȣ, кр҃тьѣнина и крьстиꙗнинȣ (С. NN№ 104, 127), ѡвѣтоваеьѣ (им. мн., С. № 104), племєниѣ (род. ед., С. № 108), ѣкета, -и -ниь (С. NN№ 117, 154, 158), ȣпиѣхȣ (С. NN№ 120, 141), владѣхȣ (С. NN№ 120, 127), радоѣ (род. ед., С. NN№ 75, 127), мароѣ, рєстоѣ (род. ед., С. № 135), иȣлиѣ, июлиѣ (род. ед., С. NN№ 139, 163), ѡпорєѵєниѣ (род. ед., С. № 140), аньдриѣ, тадиѣ (им. ед., С. № 141), ср. андрѣꙗ, аньдрѣа, (Итальян. *Andrea*, С. NN№ 16, 176), ѣвцє, -ȣ (С. NN№ 150, 151, 153), беззакониѣ (род. ед., С. № 153), матиѣша (С. № 158), цицилиѣ (им. ед., С. № 159), камєниѣ (род. ед., С. № 161), позианьѣ (род. ед., С. № 162), заѣмь (С. № 171), ср. заꙗмь (С. № 74), маньѣкь, блажєнаѣ, кȣрьѣиовиѣь (С. № 37) и пр.

Въ формѣ цѣкати (С. № 142) ѣ замѣтило я (ср. Ц.-Слав. ꙗкати), но и сдѣсь шипящая б-а ц своимъ образованіемъ указываетъ на первоначальную мягкую гласную, которая, смягчивъ ее, сама обратилась въ твердую. Замѣну я б-ю ѣ находимъ въ словѣ лѣсканіѣ (А. № 1), ср. ласкати, ласка; и въ частицѣ прѣ вм. пра: прѣротели, -лѣ (А. №№ 2, 3), прѣродители, -лїи, -ль, -телии (А. №№ 6, 10; С. №№ 71, 98, 176), прѣродитела, прѣродителми (А. № 11), прѣрбитель (С. № 120), прѣродители (Г. Б), прѣдѣди, -ь (Г. А, Б; А. № 16), прѣвноукь (А. № 3), ср. прародители (С. № 35), прародители, -лиі, -ль, -льѣ, -лѣ, -лемы, -лѣ, -телѣ, -ль (А. №№ 5, 9; С. №№ 43, 66, 81, 84, 85, 95, 97, 136, 150, 179), прадѣдь (С. № 50), праоукоуте (С. № 2) и пр.

Б-а ѣ замѣняетъ собою и. Сдѣсь также поступлено на оборотъ; но причина ясна. Сербы произносятъ часто *ѣ* за *и*, а по тому писцы, принимая начертанія ѣ и и за тожественныя, употребляли первое вмѣсто втораго. Впрочемъ, таковые случаи не весьма часты; всѣ они относятся къ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-му в., слѣдовательно, къ той же семьѣ, которая употребляетъ и вм. ѣ. Въ произношеніи же, какъ надобно полагать, писцы не увлекались начертаніемъ и произносили это ѣ подобно существенному и. Сдѣсь все дѣло ограничивается лишь однимъ начертаніемъ; такъ мы видимъ, что они пишутъ: бѣла, мѣрь, людѣе, двбровчѣка, вѣнѣмь, любѣль, послѣжитѣ (неок. н.), нѣже, бранѣти, ѣспросѣ (3-е л. ед.), бѣ, прѣповѣ, поутѣнѣм вмѣсто била, мирь, вине, ниже, би и т. д. (С. № 77). Отъ того въ исторической граматикѣ необходимо обращать вниманіе на правописаніе памятниковъ, ибо у каждаго писца есть свой обычай, своя снаровка, свое любимое начертаніе: безъ этого часто придется объяснять какую нибудь форму звуковыми законами, между тѣмъ, какъ она объясняется просто и прямо изъ одного лишь правописанія. Затрудненіе останется лишь при возможныхъ формахъ, которыя допускаютъ въ себѣ двойственность, какъ на пр., въ приведенныхъ примѣрахъ, бранѣти—форма, которая можетъ быть усиленною изъ бранити и въ которой, слѣдовательно, ѣ поставлено законнымъ образомъ и звучитъ, какъ ѣ; или она дѣйствительно есть бранити, но только написанная иначе съ б-ю ѣ, которая сдѣсь замѣняетъ законное и и звучитъ, какъ и. Въ первомъ случаѣ причина будетъ внутренняя, во второмъ внѣшняя. Тутъ же встрѣчающуюся форму тѣрати, по общему правописанію грамоты, можно бы объяснить формою тирати, однако вѣрнѣе считать сдѣсь ѣ законнымъ усиленіемъ изъ ь (тьрѣти), ибо она попадается въ такихъ грамотахъ, гдѣ вовсе нѣтъ и тѣни замѣны и б-ю ѣ, на пр., С. № 35: нп пѣти тѣраю, ср. Рус. *торить дорогу*, *viam terere*. Слѣдовательно, въ тѣрати б-а ѣ замѣняетъ собственно мягкое е послѣ т, а это есть усиленіе изъ ь. Но такъ какъ въ той же гр-ѣ есть и форма тирала, то надобно предположить двоякое усиленіе б-ы ь—въ е и въ и. Далѣе: прѣꙗтелимь, прѣсегосми, сорьмоуѣвѣ (С. № 80), нѣмь, нѣхь, нралѣцемь, юрѣемь, бѣти (С. № 81), прѣморню (С. №№ 83, 85), двбровчѣка, вѣдивьше и видивьше, лѣстови, прѣ (при), наѵѣномь, дѣжини, дѣжиѣ (им. мн. муж. р.), рѣвити (вин. ед. муж. р.), нѣцаре, рѣкѣци, десетѣи дйь, дѣкь (С. № 83), тепаѵиѣ (С. №№ 83, 84), ср. тепѵи (№ 36), или сдѣсь ѣ стоитъ вм. и — тепаѵиѣ; бѣхь (С. №№ 84, 85, 89)—опять затрудненіе: дѣйствительно ли сдѣсь эта самая форма, или только видимо вмѣсто бихь? Далѣе: прѣселилѣсе, прѣсеже, дѣка (С. № 84). Въ слѣдующей гр-ѣ встрѣчаются бѣше и више; но тутъ же: прѣдоше, нѣмь и нимь, прѣлнуше, по лѣстихь, прѣсегохь (С. № 85), сидѣ, подрѣнью, ѕборѣвь, нѣеднога и ниедиога, прѣтели, трѣ (С. № 89), прѣтество и притѣльми, сѣми, котарѣ (твор. мн.), дарѣи (вин. мн.) — колебаніе (С. № 97), вь сѣхь (С. №

98), **в къкиицѣ**, **пакѣ** (С. № 100), **потворѣль** (С. № 102), **прѣзри** вм. **призри**, **видитѣ** (неок. н., С. № 103), **обѣчкомь** (С. № 109), **прѣде**, **прѣбисавь**, **трѣдесети** (С. № 115), **прѣмисмо**, **трѣста** и **триста** (С. №№ 119, 130), **двиестѣе** (С. № 124), **прѣми** (С. № 127), **нашѣмѣ** и **нашими** (С. № 140), **братѣомь**, **своѣ**-**зи** (**свои**), **своѣ** (**свои**, **всеи**), даже **воѣскомь** (С. № 141), **в вѣрностѣ** (мѣстн. ед.), **по рѣчѣ**, **тонзѣ** (С. № 142), **в пламетѣ** (С. № 143), **сѣхь**, **богь изволѣ** (С. № 37). Если вспомнимъ, что въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ употребляется и **и** тамъ, гдѣ, по подобію съ сейчасъ приведенными формами, слѣдовало бы ожидать **ѣ**, и что въ прочихъ грамотахъ той же семьи, а онѣ составляютъ несравненно бо́льшую часть, нѣтъ этой замѣны, то мы убѣдимся, что сдѣсь дѣло лишь внѣшности и одного правописанія и что коренное **и** не измѣнялось въ **ѣ**, но только такъ писалось. Есть еще формы, каковы: **законѣи** (им. мн.), **повелѣи** (вин. мн.), **дужнѣи** (им. мн.), **на трѣи диѣ мѣсѣца** (С. № 83), которыя трудно объяснить; вѣроятнѣе всего, въ нихъ отразилось колебаніе, какъ и въ формѣ **сынѣа** (сына, С. № 141). Писецъ не зналъ, какую букву поставить, и вслѣдъ за одной написалъ другую; но должно замѣтить, что во всѣхъ этѣхъ формахъ, кромѣ **трѣи**, если писецъ произносилъ **ѣ** за **ѣ**, то онъ замѣнялъ ею б-у **е**, ибо им. и вин. пп. мн. ч. находимъ въ другихъ гр-хъ съ окончаніемъ **е**: **законе**, **повеле**, **дие**, **дужне**. Въ той же гр-ѣ **ѣ** замѣняетъ **и**, по чему выраженіе **дугь згора рѣчнѣи** должно читать: **дугь згора рѣчнии** и **св дужнѣ давати**—**св дужни давати**. Если въ вышеприведенныхъ формахъ **ѣ** переведемъ въ **и**, то получимъ: **законии**, **повелии**, **дужнии**, **трии**, а такъ какъ тѣ же падежи, наровнѣ съ **е**, имѣютъ и б-у **и**: **закони**, **повели**, **дужни**, ср., **дужнѣ**, то мы и назвали сдѣсь **и** признакомъ колебанія; ср. **дарѣи** (С. № 97). Можно на этѣ формы представить и другое объясненіе: первое **ѣ** замѣнитъ **и**, но такъ какъ оно звучало, быть можетъ, и какъ **и** или **е**, то, по общей страсти къ смягченію, писцы могли употребить другой родъ смягченія, именно, поставленіе **и** сзади гласной (postiotatio), и въ возможности такого смяченія убѣждаютъ насъ формы на **еи**, подобныя этѣмъ, на пр.: **прѣдь, кь онѣмеи** (С. №№ 77, 114), **в овомеи листѣ** (С. № 114), **по сихеи листѣхь**, **в овихеи** (С. № 145), **црьки црьствѣють** (С. № 136), **высоулиеі**, **вгодикшеіхь** (С. № 84), **кепатреі** (С. № 85): въ первыхъ конечное **и** можно считать усиливающимъ, но въ послѣднихъ это невозможно, ибо подобныхъ примѣровъ для усиливающаго **и**, при всемъ ихъ множествѣ, нѣтъ. Отъ того не малое затрудненіе при разсматриваніи словодвиженія составляютъ окончанія различныхъ падежей на **е**, **ѣ** и **и**, **ехь**, **ѣхь** и **ихь**, **еми**, **ѣми** и **ими**, **емь**, **ѣмь** и **имь**: не знаешь, дѣйствительно ли сдѣсь должно быть **е**, или **ѣ**, или послѣднее только пишется вмѣсто **и**. Особенно поразительна въ этомъ отношеніи двойственность формъ, встрѣчающихся въ большей части грамотъ; но объ этомъ послѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ приведенныхъ формъ, можно думать, даже произносились съ звукомъ **ѣ** тамъ, гдѣ было это легко, ибо если существовала замѣна **ѣ** б-ю **и**, то могла существовать и обратная замѣна, по той причинѣ, что **ѣ** смѣшивалось съ **и**. Насъ понуждаетъ такъ думать обстоятельство, которое трудно объяснить однимъ правописаніемъ: именно, мы встрѣчаемъ **ѣ** вм. **и** въ предыдущемъ вѣкѣ и въ Восточныхъ грамотахъ, которыя не могли такъ смѣло перемѣнять буквенныя начертанія и въ которыхъ, какъ мы видѣли, замѣна **ѣ** б-ю **и** существовала въ весьма слабой степени. Хотя таковыхъ случаевъ чрезвычайно мало, однако можно указать на слѣдующіе: **прѣемле**, **соутѣскоу** (отъ **соутиска**, Ш. № VII), **говорѣ** (3-е л. ед. прош., С. № 40), **дрѣвь**, **житѣи** (А.

№ 5), **прѣити, прѣи** (С. № 176). Вѣроятнѣе всего, въ этѣхъ формахъ дѣйствовало усиленіе, также какъ и въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ позднѣйшихъ Западной семьи. Сверхъ того б-а **ѣ** замѣняетъ смягчающее **и** въ формахъ: **ѣа** (**ꙗ, аꙁь**, С. №№ 75, 117, 120, 124, 127, 128, 135, 141, 161, 171), **диѣакь** (С. № 88), **сꙋдьѣахь** (С. № 89), **по писаньѣахь** (С. № 96), **кꙋѣаком** (С. № 95), **ѣакоже, иꙁлиѣа** (С. № 99). **споменꙋтьѣа, хрьвоѣа, владаньѣахь, капиѣахꙋ, божиѣа** (С. № 118), **мѣа** (С. 128), **ꙁаписаниѣа, споменꙋтиѣа, послꙋжиниѣа, ѡстоѣа** (З. А.), **моѣомь** (моею), **коѣомь** (коею) (С. № 141), **ѣакета** (С. № 150), **ѣесть, ѣединога, ѣерь** (С. № 164), и излишне въ формахъ: **ѣакетиѣа** (С. № 116), **ѣи** (С. № 125) и **ѣер̂** (С. № 164). Въ одной грамотѣ находимъ **ѣ ви.** **и** въ сочетаніи **не** для выраженія б-ы **ѣ**: **ꙋмрѣе** (**ꙋмрие, ꙋмрѣ**), **дане кѣерѣе, ѡниѣе ѡбѣе, ꙋ дриниѣе** (С. № 156). **го̂ѣе** (С. № 145), **ѣ̂ ꙁдѣлѣе** (С. № 159). Оба послѣдніе вида употребленія б-ы **ѣ** вмѣсто **и** относятся, какъ видно, къ Западнымъ грамотамъ XV-го вѣка.

Важнѣйшее служеніе б-ы **ѣ** совершается въ замѣнѣ б-ъ **е** и **и**. Коснувшись этой замѣны, мы должны разсмотрѣть всѣ видоизмѣненія въ произношеніи и начертаніи б-ы **ѣ**. Самый знакъ **ѣ** заимствованъ, вмѣстѣ со всею Кирилицею, изъ Ц.-Славянскаго языка. Такъ какъ стихія этого языка постоянно сохранялась въ древней Сербской письменности до конца XV-го в. и хотя уступала по немногу первенство народной, однако нигдѣ не была вытѣснена ею совершенно, то и знакъ **ѣ** сохранялся въ Сербскихъ памятникахъ до конца XV-го в. Но такъ ли произносили древніе Сербы звукъ, выражаемый этимъ знакомъ, какъ произносили его древніе Булгары? Конечно нѣтъ. Писцы, изъ уваженія къ Ц.-Славянской стихіи, держались на письмѣ довольно твердо ея буквенныхъ знаковъ, но могли при чтеніи произносить ихъ по своему, какъ должны были они звучать въ народѣ. Оказалось даже, что и на письмѣ не вездѣ сохранился знакъ **ѣ**, но измѣнился согласно съ мѣстностію и возрастомъ грамотъ. Весь объемъ Сербскаго звука, соотвѣтствующаго Ц.-Славянскому **ѣ**, распадается въ устномъ языкѣ на слѣдующіе виды: *е* и *и* въ сѣверныхъ областяхъ Сербскаго населенія, т. е., въ Сремѣ, Банатѣ, Бачкѣ, Южной Угріи и въ сѣверовосточныхъ окрестностяхъ Савы и Дуная:—Сремское подрѣчіе; *е*, протягивающееся въ *ие* (*je*, *uje*) и *и*, въ западныхъ областяхъ Сербскаго населенія, т. е., Приморьи, Далмаціи, Хорваціи, Боснѣ, Герцеговинѣ, Черногоріи и части Сербіи за Дриною чрезъ вершины Колубары, притока Сербской Моравы, по рѣку Ибръ до Мачвы и городовъ Валѣва, Пожеги и Карановца при соединеніи двухъ послѣднихъ рѣкѣ:—Герцеговинское подрѣчіе; *е* въ восточныхъ областяхъ Себрскаго населенія или въ собственной Сербіи по обѣ стороны Моравы и за Моравою, по Ресавѣ до Неготина, Тимока, Ниша и Косова:—Ресавское подрѣчіе. Таково нынѣшнее раздѣленіе Сербскаго нарѣчія относительно звука *ѣ*. Мы видимъ, что Сербы проявили въ немъ звукъ *е*, то чистый, то смягченный, то обращенный въ *и*. Слѣдовательно, основаніемъ для видоизмѣненій звука *ѣ* послужило *е*. Посмотримъ теперь, какъ согласуется съ современнымъ языкомъ древній книжный? мы уже видѣли замѣну **ѣ** б-ми **и** и **е**. Замѣна эта, какъ нельзя лучше, сходится съ свойствами тѣхъ семей, на которыя мы раздѣлили наши грамоты. Когда, въ древнѣйшее время, книжный языкъ былъ особымъ условнымъ, заповѣднымъ способомъ выраженія мысли; когда еще и не думали мирить его съ устнымъ, а и того менѣе подчинять послѣднему, и когда такимъ образомъ онъ далеко отстоялъ отъ народнаго и близко подходилъ къ Ц.-Славянской стихіи, откуда былъ взятъ цѣликомъ, тогда нарѣчіе восточной Сербіи

должно было первенствовать, ибо собственно-восточная Сербія приняла и въ XII-мъ, XIII-мъ и XIV-мъ вв. установила и поддерживала у себя Кириловскую письменность, будучи ближайшею къ ней какъ по вѣрѣ, такъ по государственному и естественному положенію. Какъ скоро западнымъ областямъ Сербіи нужна была Кирилица для ихъ сношеній съ восточными областями, то при этихъ сношеніяхъ восточная Сербія, какъ средоточіе Сербобулгарскаго языка, должна была оказывать вліяніе и на Кириловскую письменность западныхъ областей, гдѣ, при господствѣ Латинской вѣры и письменности, нельзя было ожидать большаго знанія и большой устойчивости въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Сдѣсь Кириловская письменность съ Ц.-Славянскими признаками была гостьею и не отуземилась: къ ней питали менѣе уваженія и менѣе дорожили ея неприкосновенностію. Слабость въ этомъ отношеніи западныхъ областей обнаружилась въ послѣдствіи при допущеніи въ грамоты бóльшаго количества народныхъ признаковъ, чѣмъ какое допущено было въ восточныя. Но это могло случиться только со временемъ, а въ древнѣйшую пору западнымъ областямъ оставалось только подражать языку восточныхъ. Восточныя берегли Кириловскій языкъ съ его отличительными свойствами, по своимъ вѣроисповѣднымъ и образовательнымъ отношеніямъ, а западныя еще не осмѣливались прикоснуться до него преобразующею и онародняющею рукою, и по тому въ древнѣйшую пору Кириловскій книжный языкъ былъ общнѣе для всѣхъ Славянскихъ языковъ. Это подтверждается первою половиною XIII-го в., гдѣ разносемейныя грамоты, Восточныя и Западныя, представляютъ большое сходство въ признакахъ языка и въ правописаніи. Такъ бываетъ всегда съ нововведеніемъ: пока оно остается еще таковымъ, то имъ дорожатъ и хранятъ его въ цѣлости; но когда оно отуземится и привьется къ народу, тогда народъ начинаетъ переработывать его по своему. Такъ было поступлено съ Кирилицею въ западныхъ областяхъ Сербіи: сначала, когда она была еще довольно чужда для нихъ, ее хранили неприкосновенно; а коль скоро свыклись съ нею и въ то же время не имѣли повода питать къ ней особеннаго уваженія, основаннаго на преданіяхъ вѣры, какъ было въ восточной Сербіи, то и рѣшились преобразовать ее и сблизить съ народнымъ языкомъ. Основываясь на этомъ положеніи, мы найдемъ неудивительнымъ, что въ XIII-мъ в. **є** вм. **ѣ** встрѣчается не только въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, но также въ Дубровницкихъ, Боснійскихъ и Хлумскихъ: это былъ отвлеченный, условный способъ писанія, подчиненный восточному; въ самомъ же дѣлѣ сдѣсь **ѣ** произносилось, какъ *е* или *ие*. Присоединимъ сюда еще то, что въ древнѣйшихъ грамотахъ мягкое **ѥ**, большею частію, замѣнялось простымъ **є**, а также неизвѣстность происхожденія дьяковъ—и мы еще болѣе поймемъ, по чему **є** вм. **ѣ** попадается и въ древнѣйшихъ грамотахъ Западной семьи. Объясненіемъ послужитъ намъ отчасти договоръ Дубровничанъ съ Булгаріею, въ которомъ Дубровничане, по тому самому, что вели дѣло съ православною землею, замѣтно удалились отъ своего обычнаго книжного языка въ пользу Ц.-Славянской стихіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ большей мѣрѣ замѣнили **ѣ** б-ю **є**. Какъ бы то ни было, историческія данныя свидѣтельствуютъ, что чистый и простой звукъ **є** замѣнялъ собою **ѣ** преимущественно въ грамотахъ Восточной семьи. Это явленіе отвѣчаетъ естественному положенію собственной Сербіи, коей правительство и дворъ находились въ области Ресавскаго подрѣчія. Зетскія же грамоты, по государственнымъ отношеніямъ Зеты къ собственной Сербіи и вѣроисповѣданію, могли въ книжномъ языкѣ держаться восточнаго произношенія. Напротивъ, звукъ **и** и мягкое **ѥ** преобладаютъ въ грамотахъ Западной семьи. Когда съ паденіемъ собственной Сербіи

въ концѣ XIV-го в. Ц.-Славянская стихія ослабѣла значительно, а въ одно и то же время народность сильнѣе проявилась въ Западныхъ грамотахъ, тогда книжный языкъ на западѣ Сербіи пріобрѣлъ себѣ самостоятельность и своеобразность, условленныя бóльшимъ количествомъ народныхъ признаковъ; тогда онъ значительнѣе отличился отъ книжнаго языка восточныхъ областей. Въ Западныхъ грамотахъ, возникшихъ снова въ концѣ XIV-го в., мы находимъ и и и вмѣсто ѣ. Подъ и я разумѣю различныя начертанія для мягкаго звука є, кромѣ ие, которое, очевидно, назначено было для ѣ. Хотя въ этѣхъ грамотахъ и удержалось, вмѣстѣ съ новѣйшими начертаніями, древнѣйшее ѣ, однако мы смѣло можемъ думать, что оно уже произносилось не по-ц.-славянски, а по народному, чему доказательствомъ служатъ, съ одной стороны, сопоставленіе рядомъ съ нимъ и въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ и формахъ новаго начертанія, а съ другой, употребленіе начертанія ѣ вмѣсто и тамъ, гдѣ и, по всей вѣроятности, удерживало свое настоящее произношеніе. Начертаніе и для ѣ не представляетъ никакого затрудненія: оно показываетъ, что Ц.-Славянскій звукъ ѣ произносился, какъ и. Причина, по чему въ Западныхъ грамотахъ, принадлежащихъ по мѣсту написанія къ Герцеговинскому произношенію, показывается 6-а и, объясняется языкословно чрезъ стяженіе ие я политически чрезъ связь Западныхъ областей съ Хорвацкимъ Приморьемъ, гдѣ господствуетъ *и*, возникшее изъ *е*. Постоянныя сношенія Дубровника, Босны и Хлума съ Угріею, зависимость всего побережья отъ Угріи и постоянныя притязанія послѣдней на Босну сближали этѣ области съ Угорскими владѣніями въ Хорвацкомъ Приморьи, Славоніи и Сремѣ, гдѣ Латинское населеніе произносило *ѣ* за *и*, а единство вѣры навязывало имъ именно этотъ звукъ *и*. Но большинство грамотъ остается за мягкимъ и. Это и или, какъ нынче пишутъ, *je* оставалось частію въ своемъ видѣ, частію выражалось различнымъ образомъ: то какъ є, то какъ є, и, ие, єи, то какъ ы. Сюда же отнесу и начертаніе ие, которое, какъ сейчасъ сказалъ, почти исключительно употребляется для ѣ, а не для и. Оно появилось въ концѣ XIV-го в. и значительно облегчило выраженіе звука ѣ, стѣсненное до этого въ предѣлахъ употребительнѣйшихъ є, и, є. Исключая сомнительное правописаніе гр-ы С.-Д. М. № 1, гдѣ находимъ млиетъ (т. е., ие; въ С. № 46—млѣть), мы его видимъ въ первый разъ въ словѣ благовиесть и тутъ же видоизмѣненіе его биесмо (С. № 82), потомъ въ словѣ годие (С. № 89) и наконецъ въ обиліи въ позднѣйшихъ грамотахъ: замѣченное нами начертаніе ие я считаю за тожественное съ рѣдко встрѣчающимся ии: диите, ѡбиити, вииrованиие, риичь (С. № 105), по сѣбиие, да разумиие (С. № 128), всниѥ, напрниѥ, садашниѥ, всацниѥ, нинѥ всѣмь (С. № 142), кашниие (С. № 143), а также съ ниє, встрѣчающимся не менѣе рѣдко: правниѥ, милостивниѥмь и доброволниѥ, всниѥ, у сниѥ листв, на ѡбѣтниѥхь и записаниѥ (С. № 142), са всацниѥ, матиниѥ, сраниѥ, поглавитниѥ, нашниѥ, правниѥ, сыониѥ, на скониѥхь добрниѥхь и почтениѥ записниѥхь (С. № 143). Всѣ три служатъ выраженіемъ протянутаго и, т. е., ии, *ие* или, какъ нынче пишутъ, *ије*, между тѣмъ, какъ ие выражаетъ связное и, *є* или *je*, ибо самое начертаніе его, въ которомъ є не смягчено, заставляетъ думать, что и служило ему смягченіемъ. Въ собственно-Сербскихъ грамотахъ нѣтъ начертаній ие, не, ниє; Зетскія исчезли рано, еще до появленія ихъ; а въ Черногорскихъ, какъ и въ собственно-Сербскихъ, господствуетъ ѣ. Но въ послѣдней изъ нихъ находимъ нѣсколько разъ начертаніе Іє, которое сходно съ ие: по старіехь белѣзіехь, дебеліехь, што годіе, да не сміе (Мл.), ср. да не сміе (С. № 113)—точно также, какъ въ одной собственно-Сербской съ

сомнительнымъ правописаніемъ—Ѥ: ӡапанѥмъ, угодиѥмъ, ниѥмъ, великѥмъ и малѥмъ, гдѣ, впрочемъ, Ѥ, т. е., при другомъ шрифтѣ, Іє, можетъ быть или дѣйствительно Іє, а не ѣ, или произносится, какъ и; ибо сдѣсь ѣ находимъ въ видѣ є (ѥ) (С.-Д. М. № 1). Подобный полный способъ написанія, иѥ, для кореннаго мягкаго ѥ мы видѣли выше, какъ весьма рѣдкое явленіе, ибо не зачѣмъ было прибѣгать къ нему, когда на готовѣ стояло нѣсколько начертаній: ѥ, є, ѥ. Но такъ какъ Сербы все таки различали звукъ ѣ отъ кореннаго мягкаго ѥ, то первому они усвоили особое полное начертаніе иѥ, какъ видимое отличіе отъ ѥ, хотя въ сущности это было то же самое мягкое ѥ. По этому, если допустимъ, что писцы, не имѣя между собою ничего общаго и не руководствуясь никакимъ общимъ правиломъ, не могли въ точности исполнять этого условія при написаніи той, или другой буквы и, сбиваясь постоянно междуореннымъ мягкимъ ѥ и иѥ, замѣняющимъ ѣ, придавали второму наровнѣ съ первымъ любимое начертаніе є и ѥ (ср. С. № 112), отъ чего въ правописаніи выходило тожество между ѥ и ѣ, а при любви къ смягченію, часто и не мягкое ѥ обращалось въ мягкое и писалось точно такимъ же образомъ; если сюда прибавимъ еще то, что смягчающая сила, нарушивъ равновѣсіе между твердымъ и мягкимъ ѥ, нарушила отличіе и въ ихъ написаніи, такъ что часто, на оборотъ, ѥ писалось вмѣсто ѥ, є, ѥ: то мы увидимъ, какое смѣшеніе должно было произойти между начертаніями того и другаго звука, ѥ и ѣ. Не всегда должно видѣть ѥ тамъ, гдѣ оно написано, но подъ нимъ индѣ должно разумѣть мягкое ѥ (є, ѥ), а въ этомъ должно видѣть ѣ. Другими словами, Сербы знали гдѣ долженъ былъ стоять знакъ ѣ, но писали не ѣ, а по своему ставили иѥ, которое, въ свою очередь, по тожеству значенія, переходило въ є, ѥ, ѥ, а это въ ѥ. Въ древнихъ памятникахъ, столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, каковы наши грамоты, при всей взаимной независимости писцовъ и при неустановившемся правописаніи, когда всякій писалъ, какъ хотѣлъ, ибо при различіи нарѣчій правописаніе одного не могло удовлетворить вполнѣ свойствамъ другаго, никакъ не слѣдуетъ строго держаться буквенныхъ начертаній, но должно видѣть въ нихъ мысль писца, понимать, что хотѣлось писцу выразить тою, или другою буквою; а для этого руководствомъ служитъ взаимное сличеніе памятниковъ въ ихъ правописаніи и вниманіе къ способу и пріемамъ, какіе любилъ употреблять тотъ, или другой писецъ. Такимъ образомъ, принявъ въ расчетъ неясность въ начертаніи мягкаго ѥ и въ замѣнѣ имъ б-ы ѣ, мы не можемъ признать, чтобы во всѣхъ вышеприведенныхъ нами примѣрахъ замѣны ѣ б-ю ѥ дѣйствительно происходила эта замѣна; скорѣе мы должны думать, что начертанія ѥ, є, ѥ, ы и т. п. служили для ѣ такъ же хорошо, какъ и иѥ, ии, иѥ, иѥ, и что сдѣсь въ сущности мы имѣемъ дѣло съ такимъ же звукомъ ѣ какимъ является онъ или въ своей Ц.-Славянской одеждѣ, какъ ѣ, или въ Сербской, какъ иѥ, ии и т. д., ему одному присвоенной. Но такъ какъ *ѣ* въ Сербскомъ языкѣ, по Герцеговинскому подрѣчію, звучитъ, какъ *е*, т. е., какъ мягкое *е*, или по-ц.-славянски ѥ, то, слѣдовательно, сдѣсь не можетъ быть никакого затрудненія, а равно различія между начертаніями для *ѣ* и для кореннаго мягкаго *е*: тѣ и другія сходятся въ своемъ произношеніи и тѣмъ подтверждаютъ Сербскую основу звука *ѣ*. Этотъ звукъ, какъ соединеніе твердаго *а* съ небнымъ *и*, долженъ былъ непремѣнно вылиться въ полумягкое долгое *е*, которое, въ отличіе отъ кореннаго *е*, отвердѣвшаго и сдѣлавшагося чистымъ и краткимъ звукомъ, и по смягчающему свойству Сербскаго языка, приняло видъ мягкаго *е* и въ произношеніи ничѣмъ, кромѣ непремѣнной

долготы, не отличалось отъ смягченнаго кореннаго *е*. Отъ того какъ звукъ *е*, такъ и звукъ *ѣ* сошлись между собою, а по тому и начертанія, введенныя для того и другаго, должны были тоже сойтись между собою. Разница между ними заключалась только въ количествѣ ихъ, но отнюдь не въ природѣ. Коренное смягченное *е* могло быть обоюднымъ, а *ѣ* непремѣнно долгимъ: оба же звучали, какъ *ѣ*. Что касается до протяжнаго смягченія *ие*, то въ нынѣшнемъ Герцеговинскомъ подрѣчіи оно возникаетъ подъ извѣстнымъ условіемъ, именно, тамъ, гдѣ надъ нимъ должно пасть удареніе. Вѣроятно, и въ старину такъ должны были звучать тѣ слоги съ *ѣ*, на которые падало удареніе; но, какъ мы уже замѣтили, начертаніе **ие, не, ие**, было употреблено въ немногихъ грамотахъ, а по тому въ большей ихъ части протяженное смягченіе не выражалось на письмѣ, и въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыхъ однѣ грамоты пишутъ **ие, не, ие**, другія пишутъ **не, є, ѥ**, на пр.: **рнчуь** (С. № 105), **рисуи** (С. №. 143) и **рнєуь** (С. № 142), **по сєбни** (С. № 128) и **по сєбнє** (С. № 155), **в внєкє** (С. № 132) и **в внєкє** (С. № 133), **всия** (С. № 142) и **всиємь** (С. № 144), **в ҳаписниєхь, на потєниє** (С. № 143) и **в ҳаписнєхь** (С. № 133), **по поутєниєхь** (С. № 158) и пр. Отсюда замѣчаемъ также, что хотя въ сущности **ие, не, ие** должно было произноситься иначе, чѣмъ **не, є, ѥ**, однако на письмѣ оба начертанія были смѣшаны, и одно употреблялось вмѣсто другаго; равно первое, становясь не вездѣ на своемъ мѣстѣ, должно было и произноситься иначе, сходясь въ произношеніи на незаконныхъ мѣстахъ со вторымъ. Остается для Западной семьи рѣшить недоразумѣніе, которое могутъ породить тѣ изъ примѣровъ, въ которыхъ стоитъ чистое **є** вмѣсто **ѣ**. Мы уже сказали, что смягчающая сила увеличивалась въ грамотахъ по мѣрѣ ослабленія Ц.-Славянской стихіи и водворенія народной. Всего болѣе обнаружилась эта сила въ концѣ XIV-го и въ XV-мъ в. вмѣстѣ съ появленіемъ грамотъ Западной семьи. Отъ того писцы стали пренебрегать еще болѣе начертаніями твердаго **є** мягкаго **є** и смѣшивать ихъ: по этому въ Западныхъ грамотахъ болѣе, чѣмъ въ какихъ либо другихъ, подъ **є** должно разумѣть мягкое **ѥ**. Такъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ слѣдующіе: **ѡ светехь, ѡ летехь, на светехь, в саде ҳлатехь, в покладехь** имѣютъ мягкое **є** при буквахъ **д** и **т**, хотя оно и не выражено на письмѣ; то же и при 6-ѣ **р**, которая и теперь въ Герцеговинскомъ подрѣчіи пишется съ простымъ *е*; а другіе, какъ на пр., **дєполє, ѡбєћавамо, вєрв, видєни** и пр., находятъ себѣ объясненіе въ той двойственности формъ, съ которою они являются въ грамотахъ: для нѣкоторыхъ между самими примѣрами уже готовы двойники съ мягкимъ **є**, а для другихъ не мудрено представить ихъ противни. Развѣ одинъ только дьякъ **ҳвєҳдинь** и написанное имъ слово **ҳьвєҳдицѡ** останутся безъ двойника. Такимъ образомъ, припомнивъ весь кругъ замѣны 6-ы **ѣ** какъ 6-ю **є**, такъ мягкимъ **є** во всѣхъ его видахъ, мы увидимъ, что большинство случаевъ относится именно къ этой замѣнѣ въ грамотахъ Западной семьи, начиная со второй половины XIV-го в.; а для чистаго твердаго **є** въ этѣхъ грамотахъ почти не остается мѣста. Исключенія въ пользу **є** столь же незначительны, какъ исключенія въ пользу **є** въ грамотахъ Восточной семьи. Отсюда вытекаетъ общее заключеніе, что въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. въ грамотахъ Западной и преимущественно Восточной семьи чистое и открытое **є** замѣняло **ѣ**; оно осталось въ XV-мъ в. въ собственно-Сербскихъ, Черногорской и Турецкихъ грамотахъ. Со второй половины XIV-го в. въ Западныхъ грамотахъ началась, а въ XV-мъ в. усилилась замѣна 6-ы **ѣ** 6-ю **ѥ**

и въ особенности мягкимъ ѥ съ различными видами его начертанія. Явленіе б-ы и въ Восточной семьѣ и б-ы є въ Западной вмѣсто б-ы ѣ составляетъ маловажное исключеніе, объясняемое взаимными государственными сношеніями Сербскихъ областей, мѣсторожденіемъ дьяковъ, которые изъ одной области могли переходить на службу въ другую, и неустановившимся способомъ правописанія. Большей общности книжнаго языка, преобладанію Восточнаго правописанія и слабости народной стихіи въ древнѣйшую пору Сербской письменности должно приписать замѣну ѣ б-ю є въ грамотахъ Западной семьи XIII-го в. Но при этомъ не должно забывать, что въ эту самую пору часто употреблялось одно є какъ вмѣсто себя, такъ и вмѣсто мягкаго ѥ, по чему произношеніе рознилось съ правописаніемъ; не должно забывать также и того, что въ XII-мъ в., въ грамотѣ Кулина, находится уже замѣна ѣ звукомъ є, но не чистымъ и открытымъ, а приpаженнымъ и мягкимъ є, отвѣчающимъ позднѣйшему ѥ.

Обращаясь къ б-ѣ ѣ, мы въ самомъ служеніи ея находимъ еще большее доказательство въ пользу того, что въ основаніи ея лежалъ звукъ *е*, и что у западныхъ Сербовъ она звучала какъ *е*, *ие*, а у восточныхъ какъ *е*. Если звукъ и замѣнялъ ѣ, и если, на оборотъ, ѣ замѣняло и, то и звукъ є съ своими видоизмѣненіями, замѣняя ѣ, самъ, въ свою очередь, замѣнялся имъ. Замѣна є б-ю ѣ начинается въ XII-мъ в. и продолжается до конца XV-го; впрочемъ, въ послѣднемъ вѣкѣ она далеко не такъ обильна, какъ въ предыдущихъ. Мы находимъ ее въ слѣдующихъ случаяхъ: **свѣтѣмь** (вм. **светѣмь**, т. е., **сватѣмь**, А. № 1), **славно полѣ**, **прьвѣньцемь**, **властелѣхь**, **прѣсвѣтыи** и пр. (Ш. № VII), **видѣ**, гдѣ ѣ замѣняетъ є, образовавшееся изъ носоваго ѧ, **кашѣи вѣрѣ** (С. № 2), **аньдрѣи** (С. №№ 4, 15), **сѣ** (**се**, **са**, С. №№ 8, 12, 14, 17), **обетовлинѣ** (С. № 8), **имѣ** (**има**), **вьсѣдержитела**, **слѣ** (вин. мн.), **сѣ** (**се**, **сие**), **анѣ**, **мѣрьсть** (С. № 12), **измѣрькь** (С. № 13), **вѣлики**, **сѣ** (**сие**), **да се подьпрѣ**, **кьмѣти**, **да сепьнѣ** (С. № 14), **свѣтитель**, **враговѣ**, **държавѣ**, **поставѣ** (им. мн.), **врьхь жьрьновьницѣ**, **до мерѣтькѣ**, **стоѣ** (**стоꙗ**), **кнезовѣ**, **ѿь папѣ**, **клетькѣ** (вин. мн.), **аньдрѣа**, **вь имѣ**, **доубровьчькѣ** (вин. мн.), **нѣ** (**не**) (С. № 16; Ш. № XVI), **марцѣле**, **продаюкѣ**, **на тргѣ** (вин. мн.), **правьдѣ** (род.), **привръжѣ** (С. № 17), **властелѣ** (им. мн., С. №№ 17, 43), **тебѣ** (вин., С. № 19), **да сѫдѣ** (С. № 21), **в то врѣмѣ**, **присѫдѣсе** (С. № 26), **ѥлѣна** (С. №№ 27, 32), **мѣгюми** и **мегѣ** (им. мн.), **ѿ землѣѥ**, гдѣ въ двойной формѣ отразилось колебаніе (С. № 176), **помѣнь** (А. №№ 7, 8), **ерѣ**, **говорѣке** (С. № 40), **свѣасть** (А. № 10), **за все кривинѣ и дьлговѣ**, **безабавѣ**, ср. **безь забаве**, **да не ѫзмѣ**, **законѣ и повелѣ** (вин. мн.), **що се залоге заложенѣ** (С. № 43), **принесѣмь** (В. № 1), **кнезѣ**, **глѣда**, **оувѣденїе**, **вьвѣденїю**, **изрѣдиѥже**, **прѣродителѣми**, **вѣликыимь**, **вѣлицѣхь**, **на дѣсно**, **прїидѣ**, **родитѣль** (А. № 11), **неизьутѣйныи**, **привѣдь**, **вьвѣдѣнїе** (Г. А), **ѿ главѣ** (А. № 12), **свѣвастократорь** (А. № 13). Въ Законникѣ очень часто: **кнезовѣ**, **христїанѣ**, **трьговѣ**, **протопопѣ**, **поповѣ**, **планинѣ царевѣ**, **хоусарѣ**, **свитѣ**, **неропшинѣ**, **воеводѣ** (им. и вин. мн.), **живѣ** (-**а**), **скоупѣ**, **соудѣ** (3-е л. мн.), **силѣ**, **кобилѣ**, **жоупѣ** (род. ед.), **да се ѡбѣсѣ**, **мѣтохые**, **вѣдѣвьса** и **педепсатьсе** и пр. (З.), **прїневѣдьш**, **виноградѣ**, **бестребьцѣ** (В. № 2), **ѫспомѣнѫше**, **повѣлѣнїи** (А. № 18) и пр. и пр. Такова замѣна въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. Въ XV-мъ въ собственно-Сербскихъ грамотахъ ее находимъ въ слѣдующихъ формахъ: **зацрквлѣнѣ**, **ѿ чьбринѣ**, **повѣли** и **повели** (А. № 17), **ѿ жѫпѣ**, **ѿ граѵлинѣ**, **сѣлищѣ** (А. № 19), **властелѣ** (им. мн.), **за ѫдавѣ** (вин. мн., С. № 111), **како нѣ ни хоусѣ ни татбѣ** (С. № 137),

братанцѣ (С. № 147), **ерѣ** (С. № 166), **ѿ маарѣ** (С. № 167), **всѣмилостнвиомь**, **да се ѕовѣ** (Г. V), **тѣбѣ** (вин.), **да бѫдѣть** (А. № 20) и въ Черногорской: **при нѣи**, **тѣкоигерѣ**, **мѣгѣ**, **ѕа себѣ**, **ѕемлѣ** (род. ед.), **кѣлїю**, **ѕемлѣю** (Мл.). Въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв.: **не хотѣ** (**хотѣн**, С. №№ 68, 108, 109, 157), **хотѣе**, **хотѣѥ**—колебаніе (С. №№ 86, 157), **нѣние,-е**, **елѣна,-омь** (С. № 87, 109, 110, 142), **нѣговѣ** (С. № 108), **принѣмше** (С. № 120), **коѣ** (род. ед. жен., С. № 127), **радиноѣ** (им. ед.), **ѡбароваиьѣ**, **вировамьѣ** (вин. пп., С. № 141), **волѣ** (род. ед., С. № 144), **братнцѣма** (С. № 163), **ѕаповѣдаѣ** (-**ю**), **моѣ** (**моѥ**), **коѣ** (**кое**, **коꙗ**), **ѣ** (**ѥ**) (С. № 164). Очевидно, замѣна преобладаетъ въ Восточной семьѣ, а въ Западной только въ XIII-мъ в. Вникнувъ въ примѣры, мы легко можемъ замѣтить, что въ большей части изъ нихъ **ѣ** замѣняетъ мягкое **е**, что и доказываетъ мягкую природу этого звука. Въ Западныхъ же грамотахъ XIV-го и XV-го вв. **ѣ** всюду замѣняетъ мягкое **е**; а если въ Восточныхъ и древнѣйшихъ Западныхъ **ѣ** стоитъ иногда на мѣстѣ полутвердаго **е**, то это объясняется взаимною смѣною этихъ звуковъ. Видимъ также, что **ѣ** безпрепятственно замѣняетъ носовое **ѧ**, но не прямо, а чрезъ посредство **е**: стало быть, оно имѣетъ дѣло лишь съ послѣднимъ, не различая однако въ немъ основнаго отъ замѣнительнаго звука. Сверхъ того, б-а **ѣ** смѣняется съ б-ю **е** въ словахъ: **срѣбрьнимн** (А. № 11), **срѣбра**, **срѣбрьне** (С. № 130), **срѣбрени**, **-омь** (С. № 159) и **сребрьни**, **-нога**, **-нихъ**, **-нимн** (А. № 3; С. №№ 115, 126, 128, 138, 146, 147, 158), **сребнни** (А. № 4), **сребро**, **-а** (С. №№ 124, 125, 135, 147), **сребрьнихь** (С. № 134), **сребрьнимн** (С. № 138), **срѣбра** (А. № 16). Хотя въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ существуетъ одна только форма *сребро*, однако присутствіе въ древнемъ книжномъ языкѣ другой формы съ **ѣ** объясняетъ Чешское *stříbro*. Имя **Стефань** пріобрѣло себѣ другую форму—съ **ѣ**: будучи Греческимъ, *Στέφανος*, не можетъ собственно заключать въ себѣ существеннаго **ѣ**; но, перенесенное на Сербскую почву, до того усвоило себѣ **ѣ**, по случаю мягкаго **т**, что легко можетъ поспорить въ первенствѣ съ своимъ дружкой, удержавшимъ въ себѣ **е**. Какъ та, такъ и другая форма имѣютъ на своей сторонѣ почти по ровному числу памятниковъ. Первую находимъ въ С. №№ 2, 7, 9, 13, 21—25, 28—31, 33, 34, 36—40, 42, 43, 46, 48—55, 62, 66, 84, 85, 112, 115, 116, 123, 126, 128, 138, 146, 150; Ш. № 16; А. №№ 2—5, 7—12, 16, 17, 18; Г. А; мон., Г. III, №№ 6, 7, 10, 11, 27—30, 39, 40, 41, 71, 72; Рейх. XVIII, 8; Бод.; печ., А. № 1. Вторую и перегласованную изъ нея съ б-ю и въ А. №№ 1, 13, 19; С. №№ 2, 14, 57, 60, 64, 71, 74, 83, 84, 89, 92, 95 — 98, 108, 120, 124, 128, 132, 133, 134, 137, 138, 140—144, 147, 150, 151, 152, 154, 156—159, 161, 163, 164, 173, 179; печ., С. № 120. Объясненіемъ б-ы **ѣ** служитъ форма съ **е**, **ие**, **и**: **стефань**, **степань**, **-и**, **степагнь**, **стиепань**, **-а**, **стиепковичѣ**, **стиепковичю** и т. п. (С. №№ 84, 112, 115, 119, 163, 176; печ., А. №№ 8, 11). Изъ сличенія памятниковъ, имѣющихъ ту, или другую форму, т. е., пишущихъ это имя или съ **е**, или съ **ѣ**, **ие**. **е**, **и**, **и**, видно, что въ древнѣйшее время въ Восточныхъ грамотахъ преимущественно господствовала въ этомъ имени б-а **е**, а въ позднѣйшее время въ Западныхъ грамотахъ — б-а **ѣ**, или **е** и **и**, что совершенно согласно съ нашими изслѣдованіями о свойствѣ б-ы **ѣ**. Исключенія же не служатъ опроверженіемъ. Слово *Дечаны* находимъ въ формѣ **дѣчани**, **дѣчани** и **дечане** (С. № 176). Сверхъ того, не лишнимъ будетъ замѣтить, что слѣдующія слова всегда пишутся съ **ѣ**: **прѣдь**, **прѣ**, **срѣда**, на пр., **посрѣдѣ** (А. №

19), **срѣдиомь, -ô** (С. NN° 151, 152, 153), **блгодѣть, -тиѡ**, какъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, (С. NN° 50, 68, 104; А. № 13), **вьꙁь бл҃годѣтьмь** (А. № 16), **смѣрєныи** (А. № 3), **смѣрѥ́ны** (А. № 4), **смѣрєнїи** (А. № 9), **смѣрни** (С. № 104), **смѣрнсє**, **смѣрствȏь** (С. № 143), а чрезъ перезвукъ **ѣ** въ **и**: **смирни** (С. № 102), **свѣ́тєльииница** (А. № 4), **свѣ́тєльствє** (С. № 86), **свѣдоѵбоѵ, -ȣ, -омь** (С. NN° 73, 91, 137, 143), **свѣдȏбȣ** (С. № 111), **свѣдѣтєлѥ** (А. № 16), **свѣдоѵисмо** (С. № 156)' **свѣдокȣю** (С. № 158), **свѣдоци, -кє, -кь, -кѣ, -дѡ̃** (С. NN° 43, 73, 83, 91, 111, 113, 117, 127, 139, 163, 164, 165), а по другому правописанію **свєдоци** (С. № 127), откуда чрезъ перемѣну **ѣ** въ **и** по свойству Западныхъ грамотъ: **свидоци** (С. NN° 95, 103, 118, 136, 140, 150, 179 и др.), **свидитєлство** (С. № 171), **свидоѵаство** (С. № 162) и пр. отъ **съвѣдѣти**, по чему полезно свести выраженія: **томȣи смо вѣщи и тои свѣдоѵисмо** (С. № 156).

Въ формѣ **прѣшиȣ** (С. № 83) **ѣ** замѣняетъ **о**.

Б-а **ѣ** образуется изъ стяженія звуковъ **иѥ** и **єи** (**ѥи**), какъ на пр., **сѣи**, ср. **сииѥ** (Ш. № VII), **кѣ** (**коѥ**, С. № 8), **сѣ** (**сиѥ**, С. № 14), **нѣдань, нѣдна, -о, -ога, -ѡга, ни ѥдань** (С. NN° 87, 108, 157, 164), **людѣ** (**-ниѥ**, С. № 144), **поразбѣна** (**-бѥнѥна**, С. № 157), **ливадѣ** (**ливадиѥ**, А. № 11); чаще при отрицаніи глаголовъ **имати** и **быти**: **нѣма, -мамо, -ман** (Ш. № VII; А. № 3; С. NN° 10, 26, 34), **нѣ, нѣсть, нѣсоѵ, -ȣ** (С. NN° 4, 13, 35, 36, 39, 43, 45, 54, 64, 70, 71, 73, 91, 111, 137, 138, 147, 167, 176, А. NN° 3, 5, 6, 7, 9, 13, 14, 18; З.; Мл.) и пр. Послѣднюю форму не трудно объяснить этимъ стяженіемъ, припомнивъ, что нѣкоторыя Славянскія нарѣчія, какъ-то: Хорватское, Хорутанское, Чешское и самое Сербское удерживаютъ въ 3-мъ л. мн. ч. глагола *быти* полный корень *ес*.

Обозримъ все пройденное нами пространство служенія б-ы **ѣ** и выведемъ общее заключеніе объ ея природѣ. Знакъ **ѣ**, взятый изъ Кирилицы, оказался въ Сербіи однимъ изъ самыхъ неопредѣленныхъ буквенныхъ начертаній. Онъ употреблялся вмѣсто **ꙗ, є, ѥ, иѥ, и**, и на оборотъ, вмѣсто него употреблялись **є, ѥ** (**є, єє, єѥ, иє**), **иѥ**, (**иє, иѥѥ**), **и**. Эта взаимная смѣна доказала окончательно природу звука **ѣ**. Обращеніе его въ **є, ѥ** и **иѥ** со всѣми видоизмѣненіями ихъ начертаній показало, что въ основаніи его лежитъ звукъ **є**, въ которомъ смягчающее свойство Сербскаго языка развило зародышъ мягкости и сравняло не только съ обыкновеннымъ **ѥ**, но еще вытянуло въ **иѥ**; смѣна же его съ **ꙗ** и **и** показала, что онъ сложился изъ *а+и*, и что въ этой сложной его природѣ не только бываетъ равновѣсіе, производящее средній, собственно мягкій и долгій звукъ **є**, но является мѣстами и колебаніе, дающее перевѣсъ тому, или другому образовательному звуку, отъ чего происходятъ **ꙗ**, или **и**. Эти не уравновѣшенные звуки занимаютъ въ Сербскомъ языкѣ второстепенное мѣсто; а главное мѣсто принадлежитъ звуку **є**, который окончательно твердѣетъ въ Ресавскомъ подрѣчіи и окончательно смягчается въ Герцеговинскомъ. Въ послѣднемъ **иѥ** есть какъ бы противодѣйствіе переходу **ѥ** въ **и**, существующему въ Сремскомъ подрѣчіи. Въ этомъ послѣднемъ, вѣроятно, въ слѣдствіе государственной судьбы Славоніи, Срема, Бачки и Баната, развившейся подъ условіемъ частыхъ переселеній сюда Сербскаго племени, составилось два выговора: *е* и *и*; первое, вѣроятно, занесено было сюда православными Сербами, а второе родилось отъ сосѣдства и общенія съ Хорватами, ибо дѣйствительно оно любимо Римо-католиками Славонцами и Далматинцами. Возможность перехода **ѥ** въ *и* не подлежитъ никакому сомнѣнію; даже въ самомъ Герцеговинскомъ подрѣчіи, если за *е* (*је*) слѣдуетъ гласная, въ особенности мяг-

кая, то *е* обращается въ *и: сияти*, *дио*. Другое заключеніе, истекающее изъ нашего обзора, относится къ исторіи и мѣстности звука ѣ. Звукъ этотъ своими повременными видоизмѣненіями отвѣчаетъ нынѣшнему, на немъ основанному, дѣленію Сербскаго нарѣчія на подрѣчія. Восточныя грамоты, коихъ мѣстонаписаніе должно предполагать въ области Ресавскаго подрѣчія, замѣняютъ ѣ б-ю є; Западныя грамоты, по мѣстности своей относящіяся къ Герцеговинскому подрѣчію, замѣняютъ ѣ б-ми є и ıє (съ различными начертаніями): таково показаніе большинства историческихъ данныхъ. Сюда должно присоединить еще слѣдующіе три историческіе вывода: 1) въ половинѣ XIII-го в., по случаю большей неприкосновенности и цѣльности, а по тому и бо́льшаго разъединенія книжнаго языка съ народнымъ, появляется и въ Западной семьѣ замѣна б-ы ѣ чистымъ є; 2) въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв. существуетъ обильная замѣна б-ы ѣ б-ю и: это объясняется языкословно, равно какъ вѣроисповѣдною и государственною судьбою западныхъ областей Сербіи; и 3) по всѣмъ грамотамъ проходитъ довольно сильная замѣна б-ы ꙗ б-ю ѣ, чего нѣтъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ нарѣчіи: это объясняется свойствомъ самого звука *я*, который, при малѣйшемъ ослабленіи преобладающаго въ немъ *а* и усиленіи *и*, можетъ переходить въ среднее мягкое *е*, *је*, какъ въ Хорутанскомъ, или, на оборотъ, мягкое долгое *е* или *ѣ*, т. е., *а+и*, при нарушеніи равновѣсія, переходитъ въ *я*, или въ *и*, какъ въ Н.-Булгарскомъ, Польскомъ, Чешскомъ и Бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ.

Второй сложный по природѣ звукъ есть *о*. Онъ образовался изъ слитія *а* и *у*, отъ чего въ Санскритѣ былъ отличенъ долготою. Но въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ онъ былъ возведенъ на степень кореннаго и простаго звука, и по тому сдѣлался обоюднымъ по своему количеству. Славянскіе языки поставили его на ряду съ простыми коренными звуками, забывъ его первичную непремѣнную долготу. По природѣ своей, звукъ *о* занимаетъ мѣсто между *а* и *у*. Будучи сліяніемъ двухъ твердыхъ звуковъ, онъ твердъ, какъ и они. Первоначально въ Кирилицѣ было одно простое о, потомъ явилось и двойное ѡ, Греч. *ω*. Въ этихъ двухъ видахъ приняли его и Сербы въ свою древнѣйшую письменность. Не наше дѣло разсматривать законы, на основаніи которыхъ въ Ц.-Славянской письменности стало употребляться то и другое начертаніе; представимъ сдѣсь наблюденія, сдѣланныя нами надъ обоими начертаніями только въ области одной Сербской письменности, гдѣ они пользовались уже равнымъ правомъ гражданданства. Главное и общее правило, которое проведено, въ большей, или меньшей степени, по всѣмъ памятникамъ, состоитъ въ томъ, что въ началѣ слова и послѣ гласной писалось ѡ, а въ другихъ случаяхъ о. На долготу и краткость звука не обращалось вниманія, равно какъ нельзя подозрѣвать, чтобы ѡ означало мягкій, а о твердый звукъ. Употребленіе того и другаго, конечно, могло родиться изъ подражанія, на пр., б-мъ є и є, но подражаніе это не могло быть навязано самому произношенію звука о, ибо, во первыхъ, онъ всегда произносился одинаково какъ въ томъ, такъ и въ другомъ видѣ, а во вторыхъ, для смягченія его употреблялась также б-а и, но только въ полномъ начертаніи, какъ увидимъ ниже. Но главное правило, хотя и выдерживаетъ всякое возраженіе по большинству случаевъ, однако не лишено множества исключеній. Въ древнѣйшихъ памятникахъ до половины XIV-го в. часто является о вмѣсто ѡ въ началѣ слова и послѣ гласной, а съ половины XIV-го в. до конца XV-го ѡ часто заступаетъ мѣсто о въ срединѣ слова послѣ согласной. Въ такомъ порядкѣ являются исключенія. Разумѣется, сдѣсь не

обошлось безъ вліянія свойствъ той и другой семьи грамотъ. Обратный порядокъ исключеній, хотя также находитъ себѣ представителей, ибо въ дѣлѣ столь произвольномъ и неопредѣленномъ, каково древнее правописаніе, возможенъ всякій случай; однако таковые примѣры весьма рѣдки и несравненно рѣже исключеній перваго рода. Кажется, главное и общее правило начертаній, сейчасъ нами упомянутое, установлено было Сербскими писцами, ибо, во первыхъ, большее количество исключеній, и именно въ пользу о, находимъ въ тѣхъ грамотахъ, кои держатся ближе къ Ц.-Славянскому правописанію; во вторыхъ, всякое правило, касающееся одного лишь внѣшняго начертанія буквы и не основанное на внутреннемъ ея свойствѣ, должно было скоро впасть въ несостоятельность и допустить множество исключеній. Такъ дѣйствительно въ послѣдствіи замѣчаемъ частое употребленіе ѡ не на своемъ мѣстѣ, тогда какъ прежде оно ставилось весьма осторожно и правильно: ясно, что законъ возникъ уже на Сербской почвѣ, въ туземной письменности, и тутъ же отъ времени исказился. Я сказалъ, на Сербской почвѣ, — и дѣйствительно, грамота Кулина не представляетъ ни одного исключенія; въ ней пишется: ѡ҃ца, ѡ҃ь, ѡсьмьдесеть, нѡвали и до, гои, с҃то, по моимь, що, радое и пр. и пр. (А. И.). Напротивъ, въ гр-ѣ Немани, болѣе близкой къ Ц.-Славянскому языку, встрѣчаемъ о вмѣсто ѡ: приобрѣтохь, о мьнѣ, симеонь, осталь, опеть, симѡѣ (у Ш. № V—симеѡновь), а на печати: великагѡ (у Ш.—о), но все таки большинство случаевъ остается за правиломъ (А. № 1). Въ XIII-мъ в. правильное употребленіе о и ѡ находимъ въ гр-хъ С. №№ 2, 3, 4, 7, 9, 13, 15, 17, 26. Въ другихъ есть исключенія, между которыми на 24 незаконныхъ о приходится всего только 6 незаконныхъ ѡ. Прибавимъ сюда также и то, что на каждое незаконное о, или ѡ, законныхъ можно привести по нѣскольку: не говорю уже о грамотахъ, гдѣ нѣтъ исключеній. Также противъ неправильнаго употребленія б-ы ѡ послѣ согласной говоритъ все достальное бесчисленное множество случаевъ правильнаго употребленія тамъ же б-ы о. Нельзя не замѣтить и того, что въ двухъ грамотахъ, Боснійской и Приморской (С. №№ 5, 18), пишется почти постоянно одно о; въ первой даже нѣтъ вовсе другаго начертанія, а въ послѣдней только одинъ разъ употреблено ѡ; но такъ какъ въ этѣхъ грамотхъ недостаетъ также и начертанія ѥ, то можно думать, что писецъ, по случаю ихъ отдаленности отъ Ц.-Славянской стихіи, пренебрегъ общимъ книжнымъ языкомъ и хотѣлъ ввести свое правописаніе, кратчайшее и по тому удобнѣйшее; точно также, какъ позднѣе другой писецъ хотѣлъ писать ү вмѣсто оү или ѹ. Вообще соотношеніе между недостаткомъ ѥ и ѡ въ начальныхъ грамотахъ XIII-го ст. не можетъ не броситься въ глаза внимательному изслѣдователю. Равномѣрно нельзя не замѣтить въ послѣдствіи, въ XV-мъ в., обилія въ начертаніи ѡ и вмѣстѣ съ нимъ є, ѥ, ѥ и т. п. Такимъ образомъ исключенія изъ общаго вышеупомянутаго правила употребленія начертаній о и ѡ составятъ не болѣе, какъ ¹/₁₀. Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, кромѣ Аѳонскихъ, незаконное употребленіе начертанія ѡ усиливается; но вообще исключенія маловажны. Въ XV-мъ же вѣкѣ, кромѣ четырехъ весьма сомнительныхъ случаевъ, гдѣ едва ли правильно понято начертаніе начальной б-ы О (С. № 91), исключеній для о нѣтъ; неправильное употребленіе находимъ только для ѡ. Вообще отношеніе въ этихъ двухъ вѣкахъ между обоими начертаніями принимаетъ въ упомянутыхъ грамотахъ обратный смыслъ сравнительно съ XIII-мъ в.: здѣсь на 8 случаевъ незаконнаго употребленія начертанія о приходится 110 случаевъ таковаго же употребленія начертанія ѡ. Укажу на нѣкоторыя формы,

которыя можно объяснить двояко, или оправдывать въ смыслѣ правила, или обвинять въ смыслѣ исключенія; таковы: ѿоць (С. № 35), которую писецъ въ произношеніи воображалъ, какъ ѡтоць; прїѡше (С. № 40), хрїѡвль (С. № 46), гра̑омь (С. № 55), изъ которыхъ двѣ первыя правильны съ внѣшней стороны или наглядно, ибо писецъ, выведя изъ строки согласную, долженъ былъ поставить ѡ вслѣдъ за гласною; а послѣдняя правильна въ совершенно обратномъ отношеніи, со стороны произношенія, ибо гласныя разъединены согласною. Сверхъ того, формы изъ XIII-го в.: моноћь, братновь, свонов (С. № 14) представляютъ замѣчательное смягченіе б-ы о, такъ что и, сливаясь съ нею въ одинъ мягкій звукъ, подобно ю, не требуетъ ея удвоенія въ видѣ ѡ. Не будетъ ли слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, если мы поведемъ далѣе нашу мысль, выраженную выше, что главное и неоспоримое правило употребленія начертаній о и ѡ возникло между Сербами въ Сербской письменности, и скажемъ, что удвоенному начертанію ѡ Сербскіе писцы хотѣли придать бо́льшую силу и самостоятельность въ сравненіи съ о, и по тому съ него собственно начинали произношеніе слова и его ставили послѣ гласной, когда эта не сливалась съ послѣдующимъ звукомъ о, какъ въ ю, а напротивъ требовала между собою и имъ твердаго и сильнаго отбоя голоса или, иначе, полной членораздѣльности звуковъ? Вѣдь не писали же никогда оу съ ѡ, когда это сочетаніе служило для выраженія одного цѣльнаго звука. Мы замѣчаемъ также, что около половины примѣровъ, начиная съ грамотъ Душана, какъ бы послѣдовательно употребляютъ ѡ послѣ согласной въ творительномъ п. ед. ч. всѣхъ родовъ и мѣстномъ п. ед. ч. муж. и ср. р. Болѣе яснымъ подтвержденіемъ тому служитъ Законникъ Душановъ, гдѣ, можно сказать, постоянно находимъ ѡ не только въ началѣ словъ, но и въ срединѣ въ твор. п. ед. ч., въ дат. и мѣстн. пп. мн. ч. всѣхъ родовъ и въ мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. Кромѣ того ѡ попадается иногда и въ другихъ мѣстахъ послѣ согласной. Послѣдовательность въ употребленіи ѡ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ набрасываетъ даже тѣнь подозрѣнія въ выправкѣ подлиннаго правописанія Законника. Не совсѣмъ то же сказать можно объ Аѳонскихъ грамотахъ. Сдѣсь, сравнительно съ количествомъ и объемомъ этѣхъ грамотъ, исключеній гораздо больше, и при томъ о незаконное значительно усиливается; сдѣсь незаконное о относится къ таковому же ѡ, какъ 43 : 206. Эти числа уже показываютъ, сравнительно съ предыдущими, что въ Аѳонскихъ грамотахъ исключеній изъ общаго правила болѣе, чѣмъ въ другихъ собственно-Сербскихъ же грамотахъ: стоитъ только указать на гр-у А. № 18, въ которой исключеній почти столько же, сколько во всѣхъ прочихъ Аѳонскихъ. Можно положительно утверждать, что гдѣ сильнѣе была Ц.-Славянская стихія, тамъ главное правило соблюдалось слабѣе, а это и доказываетъ вновь, что правило это родилось на Сербской почвѣ. Законникъ служитъ тому новымъ подтвержденіемъ, ибо, нося глубокіе слѣды вліянія Ц.-Славянскаго языка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только допускаетъ обильныя исключенія въ пользу ѡ, но во многихъ случаяхъ дѣлаетъ ихъ даже правиломъ. Одно, въ чемъ сходятся всѣ Сербскія грамоты, это преобладаніе съ XIV-го в. незаконнаго ѡ надъ незаконнымъ о, хотя и въ этомъ отношеніи Аѳонскія отличаются отъ прочихъ Сербскихъ, учащая употребленіе послѣдняго. Въ остальныхъ грамотахъ, принадлежащихъ къ Восточной семьѣ, т. е., Зетскихъ, Албанскихъ и Черногорскихъ, происходитъ то же самое, но только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Наиболѣе исключеній встрѣчаемъ въ гр-ѣ Ивана Черноевича 1485 г. (Мл.); но въ то же время видимъ, что эта

грамота, относясь къ правовославному Цѣтинскому монастырю, сильно отзывается Ц.-Славянскою стихіею. Вліяніе послѣдней было одинаково со вліяніемъ времени, которое обыкновенно всегда стремится къ уничтоженію созданнаго и къ созданію новаго. Время поколебало правило, установленное тремя вѣками, и породило для него множество исключеній. Трудно было сохранить общность и ненарушимость правила, когда между писцами не было ничего общаго, и не существовало другой науки правописанія, какъ только чтеніе и списываніе грамотъ предшественниковъ. Но такова наука была слишкомъ непрочна. Ошибка однаго писца вводила другаго въ десять подобныхъ ошибокъ. Какъ Ц.-Славянская письменность, въ которой не было Сербскаго правила для употребленія о и ѡ, такъ и время произвели смѣшеніе между обоими начертаніями, а позднѣйшіе писцы, замѣтивъ у древнѣйшихъ довольно частое употребленіе ѡ, подумали, что оно болѣе идетъ къ Сербской рѣчи, и стали употреблять его безъ разбора вмѣсто о. Преобладаніе ѡ можно назвать отличительнымъ свойствомъ Сербскихъ рукописей. Ц.-Славянская стихія тщетно старалась доставить преобладаніе начертанію о вмѣсто ѡ: исключенія въ пользу ѡ превосходятъ своимъ количествомъ исключенія въ пользу о. Въ разсмотрѣнныхъ нами грамотахъ XII-го, XIII-го, XIV-го и XV-го вв. незаконное о относится къ таковому же ѡ, какъ 81: 321. Въ Западной семьѣ, начиная со второй половины XIV-го в., это отношеніе еще болѣе склоняется на сторону ѡ. Начертаніе о встрѣчается, сколько мнѣ удалось замѣтить, почти столько же разъ, сколько и въ разсмотрѣнныхъ сейчасъ грамотахъ (около 90), но за то число и объемъ Западныхъ грамотъ значительно увеличиваются, равно какъ усиливаются и исключенія въ пользу ѡ. Нѣкоторыя грамоты отличаются особенною любовію къ о; въ другихъ же оно является какъ бы нечаянно. Это указываетъ на произволъ писцовъ, изъ которыхъ одинъ любилъ начертаніе о, другой же не терпѣлъ его. Въ число искюченій не входятъ тѣ случаи, въ которыхъ і, какъ смягчающее, предшествуетъ о и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ одинъ мягкій звукъ, какъ на пр., господиомь, ноіре, конои, сконои, монои, скономь, нои, можетъ быть, и божномь, подвисинномь, братьномь (см. н.), а также тѣ, которыя написаны, какъ ѿпѣни (С. №№ 95, 103), ѿ опѣние (С. № 85), поокои (С. № 156), ѿнѣхи (С. № 74), и которыя писецъ произносилъ за одно слово, соединяя предлогъ непосредственно съ послѣдующимъ словомъ, ср. ѡдоногаи (С. №№ 102, 104). Кромѣ одной грамоты, лишенной вовсе ѡ (С. № 99), во всѣхъ прочихъ грамотахъ, гдѣ встрѣчается незаконное о, есть и законное ѡ, по чему исключенія кажутся столь малочисленными, что даже, по видимому, вовсе исчезаютъ во множествѣ случаевъ, имъ противорѣчащихъ. Не таково явленіе другаго начертанія ѡ. Это начертаніе стало неправильно употребляться, какъ мы видѣли, преимущественно съ времени Душана; но количество случаевъ его неправильнаго служенія дошло до высшей степени въ Западныхъ грамотахъ конца XIV-го и XV-го вв. Въ рѣдкой грамотѣ не попадается неправильное ѡ и при томъ въ довольно значительномъ количествѣ, такъ что съ перваго взгляда можно замѣтить пристрастіе къ нему большей части писцовъ. Отношеніе его къ неправильному о равняется 35 : 1. Напрасно бы было приводить примѣры. Но какъ бы велико ни было число исключеній, оно никогда не превзойдетъ количества законнаго служенія начертаній о и ѡ; послѣднее встрѣчается, повторяю, безконечное число разъ. Довольное число грамотъ безъ исключеній съ однимъ правильнымъ употребленіемъ обоихъ начертаній, равно какъ силь-

ное противодѣйствіе исключеніямъ въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, гдѣ находятся исключенія, достаточно убѣждаютъ насъ, что въ продолженіи четырехъ разсматриваемыхъ нами вѣковъ изложенное выше общее и главное правило имѣло довольно силы и употреблялось въ большей части случаевъ. Если сравнимъ всѣ грамоты всѣхъ вѣковъ, то увидимъ, что въ отношеніи исключеній XIII-й в. отличается любовію къ о, XIV-й смѣшиваетъ то и другое начертаніе, но даетъ преимущество ѡ, а XV-й окончательно установляетъ незаконное ѡ; правило же остается неизмѣннымъ по прежнему и общимъ для всѣхъ грамотъ: исключенія не опровергаютъ его и даже не ослабляютъ. Это правило—ставить въ началѣ словъ и послѣ гласной ѡ, а въ срединѣ и концѣ словъ, послѣ согласной о — родилось на Сербской почвѣ и первый наибольшій ущербъ въ пользу незаконнаго о потерпѣло отъ Ц.-Славянской стихіи, а потомъ Западная семья грамотъ придала ему наибольшее число исключеній въ пользу незаконнаго ѡ.

Б-а о усиливается изъ ь въ косвенныхъ падежахъ ед. ч. и во всѣхъ падежахъ мн. ч. мѣстоименія ии и въ формахъ кожо (С. № 35), котори, тогда, доколѣ, ѡтколѣ и т. д. (см. в.).

Б-а о смѣняется съ а въ словахъ: михоилъ дїѥ (С. № 2), михоиль, -о, -и, -а, -ꙋ (С. №№ 12, 16, 19, 21, 27, 133, 176), михоиловикь (С. № 32), троквинѥ (С. № 7), ѡсѣиовь, ловрѣньтия (С. № 16), добнжива, ср. дабнживь (С. № 40), сотонином (С. № 51), алеѯондрꙋ (С. № 61), въ Ѥросолїмѣхь, ср. въ Ѥросалимѣ (Г. А), ѥрꙋсолимꙋ (С. № 173). Въ формѣ юровиѣꙋ (С., стр. 252) о стягиваетъ въ себѣ аи: юраи—юро, какъ въ михоилѣ вм. михаилѣ.

Б-а о замѣняетъ ѥ въ словахъ: гнѡѯнѡвꙋ (С. № 35), топлнускымь (А. № 4) и топлоухѥ (А. № 8). Въ формѣ ѡктобриѥ (С. № 162) о замѣнило ѥ (а), ср. ѡктебра (С. № 116).

Б-а о замѣняетъ и въ формахъ: прокорлывого (А. № 7): сдѣсь, вѣроятно, усиленіе изъ и, какъ въ словѣ *нора* и нырити, нырище; ѡѯаровшѥ (А. № 18), ср. ѡѯаривше (А. № 19) — не есть ли первое сокращеніе изъ ѡѯаровавше, гдѣ о возникло изъ и чрезъ весьма обыкновенное усиленіе?

Б-а о смѣняется съ ꙋ въ словахъ: корнла (С. № 16), подвнжѡщесѥ (А. № 4), хрисоколь, -ѣ, -имь (А. №№ 4, 8; 3.), гоуетника, -ѣа (С. №№ 133, 140), ср. гꙋуетиѣь, -ѣа (С. №№ 64, 68, 82, 89, 105), доброщски и доброущьски (А. № 7), агоста (С. № 171), ср. агꙋста (С. № 21).

Б-а о смѣняется съ ѣ въ мѣстн. п. мн. ч. существительныхъ муж. и средн. р. и въ мѣстн. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и средн. р.

Б-а о является чрезъ стяженіе въ формахъ пощрахати (т. е., поощрахати, А. № 1), подꙋ, подѥмо (С. №№ 3, 10), гѡргии (С. № 43), гѡрги (А. № 6), горгїи (С. № 62), гѡгь (печ., Р. III, стр. 168), гѡ҇рги (С. № 70), горьгь (мон., Г. III, № 82), поки (понти, С. № 72), домогли (С. № 89), повѥмь, (т. е., по ѡвѥмь, С. № 102), совними, ноиимь (С. № 141), доки (донти, С. № 145), совѣмь (С. № 157).

Въ словѣ нѡко (С. № 165) ѡ замѣнило в, т. е., нвко (С. №№ 158, 159, 163) уменьшительное отъ нѡвлѣ.

Б-а о способна удвоиваться, но безъ всякого внутренняго значенія. Удвоеніе началось въ Восточной семьѣ съ гр-ы Стефана Первовѣнчаннаго, гдѣ находимъ однажды: поѡдь (Ш. № VII), и въ гр-хъ Милутина: ѵтоѡ (А. № 4), итоѡ (С. № 52). Частое употребленіе удвоеннаго ѡѡ появилось не ранѣе грамотъ Душана. Сильнѣе распространилось оно въ Западной семьѣ XV-го в. При

Душанѣ и позднѣе второе о писали сверху перваго и по общему правилу выражали его начертаніемъ ѡ. Таковое написаніе встрѣчаемъ въ грамотахъ Душана, Уроша и Вукашина, на пр., нераӡорѣниѡ (С. № 40), никтѡ, ӡѧтѡ (С. № 43) и т. д.; но потомъ, сдѣлавшись какъ бы смѣлѣе, или слѣдуя старинѣ, стали писать въ строку: ӡлатоѡписатии (С. № 40) и т. д. А въ прочихъ, какъ собственно-Сербскихъ, такъ Зетскихъ, Албанскихъ и Черногорскихъ XIV-го и XV-го вв., этого удвоенія вовсе нѣтъ. Напротивъ въ Западныхъ оно встрѣчается въ изобиліи. Въ XIV-мъ в. только: тѡ (С. № 68) и племенитѡ (С. № 86); въ XV-мъ часто, но не во всѣхъ (ср. С. №№ 97, 98, 107, 114, 117, 120, 121, 122, 125, 127, 128, 133, 142—145, 156, 158, 159, 173). По этому формы родительнаго и дательнаго пп. на -ѡга и -ѡмꙋ не должно принимать за остатки старины -ааго, -оуоумоу, ибо онѣ не встрѣчаются въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ нѣтъ удвоенія. Что было причиною удвоенія б-ы о? Долгота и удареніе не могли быть, ибо о удвоивается и въ краткихъ, и въ лишенныхъ ударенія слогахъ. Нельзя ли думать, что чрезъ удвоенное о Сербы хотѣли придать слогу если не природную и не per positionem долготу, то по крайней мѣрѣ условную, вытягивая болѣе обыкновеннаго голосъ на удвоенномъ ѡ? Замѣчательно, что изъ числа случаевъ удвоенія б-ы о бо́льшая часть относится къ конечному слогу и къ окончанію родительнаго и дательнаго пп. ед. ч. -ога, -омꙋ, что и намекаетъ на долготу удвоеннаго оѡ. Чрезъ протяженіе голоса писцы хотѣли придать слову болѣе силы и значенія. Разумѣется, примѣръ первыхъ писцовъ не обошелся безъ подражанія, которое и доведено было до безсмыслицы. Можно представить и другую догадку. Въ Аѳонскихъ грамотахъ, кромѣ одного случая, нѣтъ удвоенія оѡ, но есть иное начертаніе для ѡ, о которомъ мы не упоминали, когда говорили о незаконномъ употребленіи начертанія о. Въ нихъ ѡ пишется мѣстами, какъ оо,—и вотъ что могло привести писцовъ къ удвоенію б-ы о: они могли начертаніе оо принять за удвоенное о и по правилу обратили передъ гласною второе о въ ѡ, откуда оѡ. Таковы формы: оуроошꙗ, проотъ (С. А. № 2), силоѭ бж҃твоою (А. № 4), проощаѥть (А. № 8), оуставлиноо (А. № 10) и въ Раваницкой: мнобогыхъ, аггелоомъ (В. № 2). Не перешло ли оо, то же, что ѡ, сначала въ ѻ, а потомъ въ оѡ?

Смягченіе б-ы о не нашло себѣ особаго знака въ Кирилицѣ, хотя въ точности еще неизвѣстно, что́ хотѣлъ выразить св. Кириллъ въ начертаніи ю—мягкій ли звукъ о, или мягкій звукъ оу, и онъ ли, или кто другой сократилъ юу въ ю? Уже въ Остромировомъ Евангеліи мягкое о пишется вполнѣ чрезъ ио: иота (229), иордана (262). Б-а о, какъ и всякая другая чистая гласная, должна была подвергаться смягченію въ Ц.-Славянскомъ языкѣ; но быть можетъ, частый переходъ мягкаго о въ е избавилъ св. Кирила отъ труда придумывать сокращенное начертаніе для немногихъ случаевъ, гдѣ является мягкое о, и по тому онъ писалъ его или чрезъ ио, или оставлялъ несмягченнымъ, на пр., мосѣомь (Остром. Ев., 3), фарисѣокъ (Остром. Ев., 222). Въ Сербскихъ народныхъ памятникахъ находимъ двѣ формы, въ которыхъ начертаніе мягкаго о построено на подобіе ꙗ, ѥ; это: божьюмь и моюмь (С. № 141), ср. тутъ же божьнѡь, божьнѡмь (С. № 134). Онѣ объясняютъ и формы сѣмнюмь (см. в.), сиюмь ӡѣмлюмь, бж҃нюмь помокню (А. № 1), въ которыхъ, хотя мы предположили ю, т. е., юу, однако столь же вѣроятно можно предположить и мягкое о съ уподобленнымъ начертаніемъ ю. Въ другихъ случаяхъ Сербы пишутъ вполнѣ ио или иѡ. Они смягчаютъ о въ началѣ словъ и послѣ и, о;

но неохотливость къ этому смягченію весьма замѣтна. Немногія формъ удержали въ себѣ смягченное о, бо́льшая часть пишетъ твердое о. Мы разсмотримъ сдѣсь только тѣ формы, въ которыхъ мягкое о не переходитъ въ и. Въ началѣ словъ ѡ смягчается въ ю въ формѣ юще (С. № 101), чрезъ которую ѡще переходитъ въ ище. Замѣчательна форма въ свои ѡбитѣли (А. № 14), не переведшая о въ и и не смягчившая его, ср. и сии власти (С. № 7). Подобныя ей формы находимъ: моѡи (С. №№ 67, 70, 71, 82, 102, 114, 132) и съ смягченіемъ: моюи (С. №№ 101, 164), по своѡи (С. №№ 76, 80, 143) и съ смягченнымъ ѡ: и своѥ̑ѡ̑и (С. № 77), и своюи (С. № 140), на своюѡи извѣи (С. № 157); и свои (С. № 78), и коѡи (С. № 94) и смягченная: коюѡи (С. № 57), о коюи (С. № 113); бж̃ноѡи (А. № 15), по бж̃иѡи (А. № 18), по божиѡи (С. №№ 96, 97) и по божиѥи (С. №№ 24, 37), божіѥи (С. № 31), божии (С. № 51), божиюи (С. № 52), бж̃иѥи (С. № 73). Въ началѣ слова о не смягчено въ формѣ ѡи (ей, С. №№ 87, 93, 109) и съ благозвучнымъ и: и юи (С. №№ 97, 99); но оно смягчено въ формѣ: юи (С. №№ 121, 164). Въ твор. п. ед. ч. жен. р. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій, оканчивающемся на -ъь и -мь, Сербы не любятъ переводить предшествующее о въ и, но или оставляютъ его такъ, безъ перемѣны, или смягчаютъ. Встрѣчаются, правда, въ одной изъ древнѣйшихъ грамотъ формы съ и: моикь, бж̃никь (С. № 2) и еще въ гр-ѣ С. № 60: своимь (твор. ж.), но ими ограничивается весь переходъ ѡ въ и при предшествующей гласной. Обыкновенныя же формы суть слѣдующія: своѡвь (С. №№ 3, 26), своѡмь, своѡ҇ь, своѡ҇ (А. № 13; С. №№ 87, 91, 108—111, 124, 125, 128, 137, 163), бж̃новь, -ѡвь (С. №№ 6, 7, 21, 27), божиѡмь, -омь, бж̃нѡмь, -омь, бж̃ьѡмь, бж̃нѡ҇, божиѡ҇ь (С. №№ 65, 70, 77, 92, 96, 99, 103, 105, 107, 116, 122, 127, 132, 139, 140, 142, 150, 152, 153, 154, 157, 161, 164), или смягченная своювь (С. № 14), своюѡмь, своюмь, своюѡ҇ (С. №№ 57, 77, 112, 115, 119, 121, 26, 135, 140, 164), божьюѡ҇мь (С. № 134), божьюѡ҇ь (С. № 141); несмягченныя формы: братновь (С. № 14), братнѡмь, братнѡ҇ (С. №№ 86, 96, 98), сьднѡмь (С. № 22), гнѡѯнѡвь (С. № 35); смягченная твоюѡмь (С. № 41); кепалнѡ҇ (С. № 43), млтнѡ҇ (С. № 49), утнѡ҇ (С. №№ 49, 50), несутнѡмь (С. № 61), господѡмь, господѡ҇, (С. №№ 66, 97) и смягченная господюмь (С. № 85); моѡмь, моѡ҇ь, моѡ҇ (С. №№ 67, 72, 80, 86, 93, 96, 98, 110, 132, 148, 162, 171) и съ смягченіемъ моюѡмь, моюмь, моюѡ҇ (С. №№ 14, 96, 158, 170), сноюмь, снѡмь (С. №№ 78, 80, 82), тепаунюмь (С. № 85), инѡмь (С. №№ 96, 141), подкнезкнюмь (С. № 101). Впрочемъ, всѣ этѣ несмягченныя формы, кромѣ господѡмь, можно считать сомнительными, ибо онѣ, во первыхъ, ѡ, о, передъ и, даже и безъ видимаго смягченія, уже произносятъ мягко; во вторыхъ, два сряду и рѣдко пишутся у Сербовъ и обыкновенно стягиваются въ одно и; въ третьихъ, можно предполагать въ таковыхъ формахъ выпущеніе ь, образовавшагося изъ перваго и: объясненіемъ послѣднему предположенію послужатъ формы: божьюѡ҇мь, божьюѡ҇ь (см. в.), братьнѡмь, -нюмь (С. №№ 136, 140) и братьѥмь (С. № 141), которыя звучатъ, какъ *божьёмь, братьёмь*, и гдѣ, слѣдовательно, и есть вставочное смягчающее для ѡ: яснѣе это видно въ сочетаніи ѥо, которое, по поподобію съ ѥа, звучащимъ какъ ѩ, должно произноситься совершенно слитно, какъ і-о; а такъ какъ ѥ замѣняетъ и, то и ию, ю должно произноситься точно такъ же: отъ того форму братьѥмь (С. № 141; въ этой гр-ѣ ѥ=и) должно читать *братёмь*. Объясненіемъ служатъ также формы:

любовию, пльтию, милостию (см. в.), гдѣ конечное **ь** исчезло въ **ю**, какъ бы **любовью** и пр., также какъ **истиню** и **истинью** (С. №№ 51); по этому формы, какъ **братиѡмь**, можно читать и *братiомь* и *братёмь*, гдѣ, слѣдовательно, **и** передъ **ѡ** не есть первоначальное конечное, но вставочное для смягченія **ѡ**; конечное же обратилось въ **ь** и въ этомъ видѣ исчезло во вставочномъ **и**, какъ бы **братьномь, пєчатьнѡмь** и пр. Явно смягченными находимъ формы, каковы: **твоиѡмь, господомь, коиѡмь, пєчатиѡмь, подписникомь**, откуда **висꙋѣомь** (С. №№ 116, 120, 140), гдѣ **и** изъ **ио** перешло въ **і** и смягчило его въ **ѣ**. Другой родъ смягченія 6-ы о совершается чрезъ **ь**, но таковыхъ случаевъ немного; замѣчены только слѣдующіе: **ієьон** (С. №№ 97), **бившьон** (С. №№ 103). Въ иностранныхъ словахъ смягченіе выражается точно такъ же, какъ и въ Сербскихъ, чрезъ полное начертаніе **иѡ**, при чемъ, конечно, это послѣднее могло звучать и раздѣльно: **йѡ̆анникиі** (А. №№ 4), **йѡ̆ань** (А. №№ 9), **ї̆ѡ̆аной**, **ї̆ѡ̆аномь, їѡ̂аномь** (А. №№ 6), **їѡсифа** (С. №№ 176), **їѡ̂аникїє, їѡ̂анїємь** (А. №№ 11) и пр. Б-а **в**, вставленная между **иѡ** и **а** въ **иѡвана** (А. И.), подтверждаетъ, что **иѡ** звучало слитно, какъ нынче въ той же формѣ *Јован*; но открытые значки ˘ надъ **іѡа** показываютъ, что всѣ три гласныхъ звука произносились раздѣльно; напротивъ, закрытые ˆ свидѣтельствуютъ противное. Наконецъ **иѡ** слилось въ одинъ звукъ **и** и образовало формы **иванъ, иванишь** и т. д.

Носовые звуки **ѧ** и **ѫ** съ ихъ смягченіями **ѩ** и **ѭ**, не существующіе въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, были въ немъ когда-то, въ его допамятную пору, и оставили по себѣ нѣкоторые слѣды. О первомъ изъ нихъ мы не станемъ сдѣсь говорить, ибо о немъ было довольно говорено при другихъ звукахъ. Перемѣна его въ **є** столь послѣдовательна и безысключительна, что все служеніе его вылилось въ этой буквѣ. Отдѣлять коренное **є** отъ замѣнительнаго для **ѧ** нѣтъ никакой надобности, ибо и самый языкъ не отличаетъ ихъ въ произношеніи. И о второмъ также говорено было въ своемъ мѣстѣ. Сдѣсь же мы хотимъ только напомнить тѣ формы, въ которыхъ носовое **ѫ** оставило по себѣ ясные слѣды. Мы уже замѣтили выше, что слѣды **ѫ** въ срединѣ слова видны въ именахъ собственныхъ, переданныхъ намъ древними иноземными писателями, каковы: *Carenio*, *Μουντιμῆρος*, *Νέστογγος*, *Λογγομῆρος*. Къ нимъ присоединю еще названіе Хорватскаго селенія, встрѣчающееся въ одной Латинской грамотѣ 1071 г., *Sansicovo*, которое можно сравнить съ селеніями въ Сербіи *Санковить* и *Санчица*, хотя послѣднія вѣрнѣе образовались изъ *Сьнко*, гдѣ, слѣдовательно, *а* есть озвукотворенное *ь*[1]. Но такой остатокъ носоваго звука составляетъ рѣдкое явленіе и исключеніе изъ общаго правила. Онъ принадлежитъ глубочайшей древности и оттуда, какъ отвердѣлый памятникъ того времени, дошелъ до насъ, благодаря письму, или памяти народной. Въ наше время, какъ часть живаго слова, съ нимъ вмѣстѣ живущая, ростущая и двигающаяся, присущая ему во всѣ времена, носовой звукъ отразился только въ концѣ словъ въ двухъ формахъ, именно, въ творительномъ п. единственнаго ч. именъ женскаго рода, включая сюда и имена мужескаго рода съ женскимъ окончаніемъ, и въ 1-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго и будущаго временъ. Какъ нынѣ, такъ и въ древнѣйшихъ Сербскихъ памятникахъ, эти слѣды существуютъ. Нынѣ въ обоихъ случаяхъ непремѣннымъ окончаніемъ служитъ носовое *м*: всѣ виды склоненія именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій и причастій женскаго рода оканчиваются въ твор.

---

[1] Шафар., Slow. Starožitn., II, V, 679. Слав. Древн., II. II, 36.

п. ед. ч. на *-ом*. Исключаются только имена существительныя жен. р., оканчивающіяся на согласную и имѣющія въ твор. п. ед. ч. *-ию* или, чрезъ стяженіе, *-ю* (*jy*). Но это исключеніе вознаграждается мѣстоименіями, употребляющимися для всѣхъ трехъ родовъ, каковы: *я—мном*, *ти—тобом*, (*си*)—*собом*. Первое лицо ед. ч. настоящаго вр. всѣхъ видовъ глаголовъ оканчивается на *м* съ предыдущею гласною *а*, *е*, *и*. Исключаются только глаголы *оћу* и *могу*. Но за то сюда присовокупляется будущее вр. отъ *бити* — *будем*. Таковы остатки носоваго звука ж, ѭ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ. Въ глаголахъ тотъ же отзвукъ удержали, болѣе, или менѣе, и другія Славянскія нарѣчія. Наши памятники представляютъ тѣ же остатки и въ тѣхъ же двухъ случаяхъ, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ и измѣненіемъ. Ограниченіе состоитъ въ томъ, что какъ въ творительномъ п., такъ и въ 1-мъ лицѣ не всегда окончаніе имѣетъ признакъ носоваго звука. Часто оно оканчивается на ꙋ и ю, что отвѣчаетъ замѣнѣ носоваго ж въ другихъ случаяхъ и формахъ Сербскаго языка.

Теперь, когда гласные звуки изслѣдованы, каждый отдѣльно, можно будетъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Древній книжный языкъ Сербовъ употреблялъ слѣдующіе знаки для гласныхъ звуковъ: а, ѥ, и, ꙋ или оу, е, ю или ѥ, ѣ, ѣ или ꙗ, о. Эти знаки были или общепринятыми, или такими, которые употреблялись въ цѣлой семьѣ грамотъ. Начертаніе ы, но никогда ъі, рѣдко употребляется въ древней Сербской письменности и хотя является во всѣхъ семьяхъ грамотъ, однако главное его мѣстопребываніе находится въ Аѳонскихъ. Начертаніе оу, попадается исключительно въ Восточныхъ грамотахъ и то не во всѣхъ. Два раза встрѣтившаяся 6-а э, по нашему мнѣнію, намекаетъ на вліяніе Глаголицы. Б-у е любила Западная семья грамотъ. Мягкій звукъ е обиленъ начертаніями, между которыми встрѣчаются иногда и доведенныя до крайности смягченія, каковы на пр., ѥе, ѥѥ, іе, ие. Нѣсколько формъ представляютъ смягченіе чрезъ полное и: ие. Это послѣднее начертаніе вмѣстѣ съ ѥ, встрѣчающимся въ одной грамотѣ вмѣсто ѣ, связываютъ собою звукъ ѣ съ мягкимъ е, ибо Западная семья грамотъ преимущественно любила выражать ѣ чрезъ ѥ, которое въ нѣкоторыхъ грамотахъ перешло въ ие, ии, ѥѥ, отвѣчающее нынѣшнему *ие*. Такъ какъ ѣ по внутреннему свойству своему, условливаемому происхожденіемъ, часто замѣняло собою въ Западныхъ грамотахъ и, то въ томъ же разрядѣ грамотъ бралось оно иногда для образованія мягкаго а и производило начертаніе ѣа. Въ употребленіи о и ѡ главное и общее правило остается въ своей силѣ, хотя и не лишено многочисленныхъ исключеній. Оно состоитъ въ томъ, что въ началѣ словъ и послѣ гласной поставлялось ѡ, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ о. Правило это наиболѣе ослабѣвало въ столкновеніи съ Ц.-Славянскою стихіею, и по тому позволительно думать, что оно было домашнимъ обычаемъ Сербскихъ писцовъ, хотя признаки послѣдовательнаго употребленія ѡ попадаются и въ Д.-Булгарскихъ рукописяхъ. Но позднѣйшее усиленіе этого начертанія, замѣчаемое и въ Д.-Булгарскихъ памятникахъ, равно какъ предпочтеніе, оказываемое одинакому о въ грамотахъ, наиболѣе подчиненныхъ Ц.-Славянской стихіи, показываютъ, что древніе Булгары менѣе, чѣмъ Сербы, любили его, и что первоначально въ Кирилицѣ, перешедшей и къ Сербамъ, употреблялось одно простое о. Мягкое о выражалось чрезъ ю. Поелику носовыхъ звуковъ Сербскій языкъ не терпѣлъ, то одинъ изъ ихъ знаковъ, ж, ѭ, былъ вовсе изгнанъ изъ употребленія, а другой, ѧ, ѩ, хотя и встрѣчается

часто въ Аѳонскихъ грамотахъ, какъ ближайшихъ къ Д.-Булгарскому языку, однако служитъ уже для выраженія простаго [illegible].

Въ ученіи о переходѣ и усиленіи звуковъ мы не представляли примѣровъ, касающихся общихъ законовъ звукоизмѣненія, или такихъ, которые существуютъ не въ одномъ Сербскомъ, но и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Главную тому причину мы видѣли въ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ, изложеніе общихъ законовъ, наблюдаемыхъ Славянскими языками при словообразованіи и словодвиженіи, есть дѣло не звукоученія одного какого либо нарѣчія и при томъ только въ извѣстную его пору, но общеславянскаго звукоученія, гдѣ никакое нарѣчіе не должно преобладать и поглощать въ себя всю силу и занимательность выводовъ; но гдѣ всѣ нарѣчія взаимнымъ дружнымъ и равносильнымъ содѣйствіемъ должны воспроизводить тотъ общій Славянскій языкъ, который въ каждомъ изъ нихъ отразился. Во вторыхъ, избранный нами возрастъ книжнаго языка Сербовъ представляетъ вліяніе двухъ стихій, которыя еще не вполнѣ установились въ своемъ соотношеніи и не произвели опредѣленнаго языка; но каждая съ своими особенностями живетъ и дѣйствуетъ въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, постоянно измѣняя свое отношеніе къ другой. Скорѣе можно бы было излагать законы усиленія и перезвука въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, какъ уже опредѣлившемся окончательно въ своемъ составѣ и имѣющемъ положительно утвердившіеся звуки и формы; но въ древнюю пору своего образованія языкъ этотъ, какъ сказали мы, былъ еще разложенъ на свои составныя части, между которыми посредствующимъ звѣномъ стояли серединныя и переходныя формы. Излагать въ такую пору видоизмѣненія звуковъ, не принадлежащія одной какой либо порѣ, но существующія постоянно и при томъ не въ одномъ этомъ языкѣ, а въ большей части другихъ Славянскихъ языковъ, было бы излишнимъ; ибо въ такомъ случаѣ отъ исторіи одного нарѣчія мы перешли бы къ постояннымъ и вѣчнымъ общеславянскимъ язычнымъ законамъ и бо́льшая половина ученія отнеслась бы не къ Сербскому, но Ц.-Славянскому и другимъ нарѣчіямъ. Къ чему, на пр., было бы распространяться объ ѣ въ [illegible], [illegible] и т. д., или объ усиленіи о въ [illegible], [illegible] и пр.? Этѣ формы общеславянскія и принадлежатъ къ ученію объ общеславянскомъ звукодвиженіи. Или къ чему было бы говорить объ явленіяхъ, принадлежащихъ исключительно Ц.-Славянской стихіи, стоящихъ особнякомъ отъ народной и не дѣйствующихъ на нее, когда главною нашею задачею есть изслѣдованіе временныхъ судебъ Сербскаго языка? Если мы гдѣ и говорили о подобныхъ звукоизмѣненіяхъ, то имѣли въ виду отличительные признаки Сербскаго языка, составляющіе его собственность въ извѣстномъ только возрастѣ, или во всѣхъ его возрастахъ, либо показывающія его отношеніе къ Ц.-Славянской стихіи. Вообще, вѣрные предположенной цѣли, если мы и касались общеизвѣстныхъ и вовсе не отличительно-Сербскихъ усиленія и перезвука, то считали это нужнымъ по чему либо особенному, или по рѣдкости явленія, или по несходству съ подобными явленіями въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Сербскій языкъ, какъ и прочія Славянскія нарѣчія, уже признавалъ основными чистыми звуками всѣ пять гласныхъ: а, и, у, е, о, не дѣлая между ними различія по составу и долготѣ, какъ то было въ Санскритѣ. Эти гласные звуки въ словодвиженіи производятъ частію важныя явленія, составляющія существенныя всегдашнія, или повременныя свойства языка, частію не важныя, представляющіяся если не исключеніями, то какъ бы прихотью языка безъ

всякихъ временныхъ условій. Мы разсмотрѣли тѣ и другія. О послѣднихъ замѣтимъ, что ихъ можно назвать простымъ перезвукомъ, допускаемымъ всѣми языками, ибо живое слово, проникнутое живою мыслію, не можетъ никогда положить твердой преграды между звуками, такъ чтобы они не переступали ее и не переходили одинъ въ другой: это-то и свидѣтельствуетъ отчасти о богатствѣ языка; ибо съ перезвукомъ, большею частію, бываетъ соединена и перемѣна мысли, пребывающей въ словѣ. Мы уже видѣли, какъ одна гласная переходила въ другую въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ. Припомнимъ здѣсь только перваго рода явленія, кромѣ служенія гласныхъ для полнаго озвукотворенія полугласія, что уже было разсмотрѣно нами выше. Звукъ а не представилъ намъ ничего особенно важнаго для существенныхъ и отличительныхъ свойствъ Сербскаго языка. Онъ легко смѣняется съ звукомъ о; въ образованіи нарѣчій ему сопутствуетъ ѣ, переходящее, въ свою очередь, въ и и е. Частица пра имѣетъ свой двойникъ въ прѣ. Въ звукѣ и мы замѣтили его постоянное существенное свойство—мягкость, условливаемую самымъ приражeніемъ небнаго органа, съ помощію котораго онъ произносится. Сербы хорошо понимали это свойство, какъ въ произношеніи, такъ и въ начертаніи. Хотя у нихъ есть и былъ полумягкій звукъ *и*, близко подходящій къ *ы* или Ц.-Славянскому ы, однако въ самомъ правописаніи они оправдывали ту мысль, что если Кирилица предлагаетъ знаки для однихъ только крайнихъ звуковъ, твердыхъ и мягкихъ, а для серединныхъ не имѣетъ ихъ, то серединный или полумягкій звукъ *и*, вмѣстѣ съ вполнѣ мягкимъ *и*, скорѣе и правильнѣе долженъ былъ выразиться въ начертаніи и, чѣмъ въ начертаніи ы. Послѣднее не пользовалось въ древней письменности Сербовъ правомъ гражданства; находясь подъ защитою Ц.-Славянской стихіи, оно часто смѣшивалось съ и и тѣмъ доказывало, что серединный полумягкій звукъ законнѣе долженъ быть отнесенъ къ мягкому начертанію, чѣмъ твердому. Главнѣйшее служеніе звука и направлено къ замѣнѣ б-ы ѣ, совершающейся преимущественно въ семьѣ Западныхъ грамотъ. хотя грамоты этѣ принадлежатъ къ тѣмъ областямъ Сербіи, гдѣ *ѣ* произносится, какъ *е* или *ие*, однако происхожденіе и на мѣстѣ ѣ легко объясняется тѣмъ, что *ѣ* по происхожденію своему есть *а+и*, стянутыя въ полумягкій долгій звукъ е, полумягкій по тому, что одинъ изъ образовательныхъ его звуковъ есть небный, долгій же по тому, что онъ есть слитіе двухъ краткихъ. Природная мягкость въ *ѣ*, возбужденная смягчающимъ свойствомъ самого Герцеговинскаго подрѣчія, выразилась въ растяженіи долгаго *ѣ* въ *ие*, откуда прямой переходъ въ и. Мы замѣтили, что не всѣ грамоты Западной семьи замѣняютъ б-у ѣ б-ю и, и по тому представили другое предположеніе о происхожденіи этого звука, приписавъ его вліянію Сремскаго подрѣчія и вообще Римско-католическаго населенія Славоніи и Далмаціи, гдѣ *ѣ* звучитъ, какъ *и*. Звукъ и служитъ также для усиленія мысли, выражаемой словомъ при его сочетаніи съ другими словами. Сдѣсь онъ есть то же, что усиливающая частица *зи*; корень у нихъ общій—*де*. Звукъ у замѣнилъ собою ж, а смягченіе его ю замѣнило смягченіе ѭ. Въ нѣкоторыхъ словахъ у замѣняетъ другой носовой звукъ ѧ. Признакъ народности отразился въ замѣнѣ в звукомъ у въ предлогахъ въ и вьз- и въ началѣ нѣкоторыхъ немногихъ словъ. Западныя грамоты, всегда предшествующія Восточнымъ въ дѣлѣ народности, способствовали и этому перезвуку, оправдываемому однородствомъ губнаго у съ губнымъ в. Звукъ е, возникшій изъ соединенія *а+и* и, изъ полумягкаго и долгаго, отвердѣвшій въ чистый и прос-

той, съ своимъ смягченіемъ, замѣнилъ носовое ѫ и его смягченіе ѭ. Онъ же, ближайшій, по своему образованію, къ звуку ѣ, замѣнилъ его собою преимущественно въ Восточной семьѣ грамотъ, писанной, по большей части, въ области Ресавскаго подрѣчія, которое и по сю пору произноситъ *ѣ*, какъ *е*. Звукъ о не представляетъ особенно-замѣчательнаго перезвука. Б-а ѣ въ Сербскомъ языкѣ существовала только, какъ внѣшній, видимый знакъ, какъ начертаніе, не имѣвшее за собою ничего, собственно ему принадлежащаго. Отъ того Сербская письменность въ старину и теперь не рѣдко обходилась и обходится безъ нея, или на оборотъ, этимъ знакомъ выражала и выражаетъ иногда коренное *е*, мягкое и твердое, или стянутое долгое, что, впрочемъ, нелѣпо. Причина та, что подъ 6-ю *ѣ* Сербъ разумѣлъ звукъ *е* съ его мягкими видоизмѣненіями. Возникшій тоже изъ *а+и*, но не столь отвердѣлый, какъ *е*, звукъ, выражаемый въ Ц.-Славянскомъ языкѣ 6-ю ѣ, сохранилъ свою первичную полумягкость и долготу при основѣ, которую Сербы весьма правильно выражали звукомъ *е*. Въ немъ образовательные звуки еще не совсѣмъ переработались при своемъ соединеніи, и по тому мѣстами они представляютъ колебаніе, при чемъ одинъ одолѣваетъ другой. При преобладаніи *а*, подъ знакомъ *ѣ* является *я*; при преобладаніи *и*—*и*. При равновѣсіи знакъ *ѣ* выражаетъ *е*,— и это главный звукъ у Сербовъ; ибо *я*, вмѣсто *ѣ*, какъ мы видѣли, теперь вовсе не существуетъ у Сербовъ, да и въ старину я на мѣстѣ ѣ встрѣчалось намъ разсѣянно по всѣмъ семьямъ грамотъ, не составивъ для себя никакого постояннаго и отличительнаго служенія; а *и*, хотя существующее понынѣ въ одномъ изъ Сербскихъ подрѣчій и употреблявшееся въ старину только въ немногихъ грамотахъ Западной семьи, составляетъ уже крайность видоизмѣненія звука *е* и принадлежитъ крайнимъ предѣламъ Сербскаго нарѣчія, какъ принадлежало оно въ старину памятникамъ, составлявшимъ, по своимъ признакамъ, крайность Западной семьи, противуположную Аѳонскимъ или крайности Восточной семьи. Но большинство Сербскихъ областей понынѣ, въ живомъ языкѣ народа, также какъ и большинство памятниковъ древней письменности, употребляютъ уравновѣшенный звукъ *е*, который въ Восточной семьѣ грамотъ, на почвѣ Ресавскаго подрѣчія, произносится твердо и чисто; въ Западной же, на почвѣ Герцеговинскаго подрѣчія, звучитъ мягко и протяжно, переходя изъ *е* въ *ие* и *и*, хотя тамъ и тутъ сохраняетъ иногда и свое первичное произношеніе въ знакѣ *ѣ*. Носовой звукъ ѫ оставилъ свои слѣды въ Сербскомъ языкѣ только въ творительномъ п. ед. ч. именъ женскаго р., оканчивающихся на гласную, включая сюда имена существительныя, прилагательныя, числительныя, мѣстоимѣнія и причастія, а также мѣстоименія общаго рода и существительныя мужескаго р. съ женскимъ окончаніемъ, и въ 1-мъ л. ед. ч. настоящаго и будущаго временъ.

Въ смягченіи звуковъ Сербскій языкъ отступилъ значительно отъ Ц.-Славянскаго. Гласныя и и е наиболѣе выразили силу смягчающаго начала, которое развивалось подъ вліяніемъ народности по мѣрѣ отдаленія книжнаго языка отъ древнѣйшихъ временъ и отъ Ц.-Славянской стихіи. Звуки а, у, о были признаваемы твердыми; и—полумягкимъ или, что то же, полутвердымъ, ибо оно есть небный звукъ, и образовательный органъ его самъ употребляется для смягченія другихъ звуковъ; е — полумягкимъ по образованію. Звукъ *и* постоянно выражался, какъ мягкій, и для твердости или собственно полутвердости его, никогда, по самой природѣ своей, не могшей сравняться съ твердостію, на пр. *а*, звука *у*, или ъ, начертаніемъ служило и; только индѣ въ видѣ исключенія ы, которое самимъ образованіемъ своимъ, чрезъ посредство ъ,

въ Сербской письменности уже указываетъ на свою полумягкость. Отсюда видимъ, что первичный основной звукъ *и* былъ полумягкій, и что потомъ уже Славянскіе языки, какъ и Сербскій, дали ему ровня въ видѣ твердаго Ц.-Славянскаго ы или полутвердаго Д.-Сербскаго ы, *ы*, Лат. *y*. Въ этомъ случаѣ они дѣйствовали обратно въ сравненіи съ *а* и *у*; между тѣмъ, какъ эти изъ первичныхъ твердыхъ дѣлали они мягкими чрезъ подставленіе къ нимъ смягчающаго небнаго *и* въ сокращенномъ видѣ і, Лат. *j*: ѧ, ю, *ja*, *ju*: напротивъ изъ первичнаго полумягкаго *и* сдѣлали они твердый звукъ чрезъ подставленіе въ Кирилицѣ къ его сокращенному виду і, а иногда и полному и, твердаго полугласнаго знака ъ, а въ Д.-Сербскомъ полумягкаго ь. Звукъ *е*, какъ образовавшійся изъ твердаго въ соединеніи съ небнымъ, долженствовалъ быть, по природѣ своей, собственно полумягкимъ и долгимъ; но Сербы, какъ и прочіе Славяне, дали ему, ради давности его происхожденія, какъ ровеснику чистымъ основнымъ *а*, *и*, *у*, значеніе простаго, чистаго и кореннаго короткаго звука, при чемъ отвердили его по возможности, назначивъ для мягкости его даже другое начертаніе; но все таки самую твердость его, сравнительно съ твердостію *а*, *о*, *у*, скорѣе назвать должно полутвердостію. Отъ того смягченіе звука є въ древнемъ Сербскомъ языкѣ дошло въ Западной семьѣ до обширныхъ размѣровъ, сколько можно судить по его начертанію. Но съ другой стороны, вѣрно опредѣлить его размѣры невозможно, ибо нѣтъ сомнѣнія, что писцы были пристрастны къ мягкому знаку є и свободно употребляли его вмѣсто твердаго є. На оборотъ, въ грамотахъ, подверженныхъ наибольшему вліянію Ц.-Славянской стихіи, мы замѣтили несмягченіе б-ъ а, є послѣ гласной. Хотя общіе законы Д.-Булгарскаго, какъ и всякого другаго Славянскаго языка, требуютъ въ этомъ случаѣ смягченія, и хотя въ древнѣйшую пору Ц.-Славянской письменности они, по всему вѣроятію, были соблюдаемы, однако временныя явленія, постигшія эту письменность, отразились и на Д.-Сербской. Въ средневѣковыхъ Булгарскихъ рукописяхъ находятся въ изобиліи несмягченныя формы, объясняемыя различными причинами; ихъ вліянію должно приписать образованіе подобныхъ формъ и у древнихъ Сербовъ: народный же языкъ не любилъ и не употреблялъ ихъ.

Стяженіе звуковъ есть общая Славянская черта, и Сербскій языкъ своею древнею письменностію представляетъ ту переходную пору, когда народность начинала дѣйствовать въ пользу этого стяженія и вопреки Ц.-Славянскому обычаю писать всегда полныя формы.

Удвоеніе гласныхъ мы оставили безъ окончательнаго объясненія, предложивъ только въ видѣ догадки возможную причину его. По нашему мнѣнію, удвоеніе, вѣроятнѣе всего, назначено было для выраженія долготы или протяженія голоса безъ обращенія вниманія на природную долготу звука, съ чѣмъ соединялось иногда, можетъ быть, желаніе усилить произношеніе и съ нимъ вмѣстѣ самый вѣсъ слова. Рѣшить окончательно этотъ вопросъ предоставляемъ другимъ: сдѣсь только замѣтимъ, что звуки а, о, и удвоиваются преимущественно въ Западной семьѣ послѣдняго столѣтія, и изъ нихъ два первые не рѣдко, послѣдній же очень рѣдко и исключительно въ одной только Западной семьѣ. Напротивъ, и удвоивается почти исключительно только въ однѣхъ Восточныхъ грамотахъ. Б-а є не удвоивалась въ тѣхъ видахъ, въ какихъ удвоивались прочія гласныя; удвоенное є назначено было для выраженія мягкости и вмѣстѣ съ нимъ, єє мѣшало обыкновенному удвоенію, ибо въ противномъ случаѣ начертанія для смягченнаго и удвоеннаго є получили бы одинъ и тотъ же видъ. Мягкія ѧ, ю, равно какъ ѣ, не удвоиваются. Толь-

ко изрѣдка обнаруживается между писцами какъ бы чутье или смутное воспоминаніе, намекающее на древнѣйшія долгія формы и заставляющее ихъ удвоивать гласную: это нѣсколько замѣтнѣе въ б-хъ ѫ и о.

Соображая всѣ случаи движенія гласныхъ звуковъ, мы приходимъ къ общему и послѣднему заключенію, что сдѣсь, въ области гласныхъ, какъ самой чувствительной части состава языка, самой подвижной его оболочкѣ, на которой преимущественно отражаются отличительныя черты внѣшняго вида языковъ, народная стихія съ своими признаками взяла, къ концу XV-го вѣка, совершенный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою. Въ однихъ случаяхъ народныхъ признаковъ оказывается менѣе, въ другихъ болѣе; но вообще въ цѣломъ итогѣ численная величина ихъ превосходитъ таковую же величину признаковъ Ц.-Славянскяго языка. Гласные звуки проявили собою съ большимъ успѣхомъ движеніе книжнаго языка Сербовъ, доставивъ напослѣдокъ полное торжество признакамъ народной стихіи. Хотя оставались еще кое-гдѣ слѣды Ц.-Славянскаго господства; однако, судя по ихъ малочисленности и слабости, можно XV-й вѣкъ назвать вѣкомъ торжества первыхъ и паденія послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе никогда не должно забывать, что Ц.-Славянская стихія не была вовсе вытѣснена съ своими признаками изъ древнекнижнаго языка: она все таки оставалась ему присущею, не смотря на преобладаніе народной. Приведемъ себѣ на память всѣ перезвуки гласныхъ и преимущественно судьбу б-ы ѫ въ связи съ ѧ и и: мы видимъ, что всѣ гласныя тѣсно связаны между собою серединными звуками или какъ бы полутонами, переводящими ихъ одну въ другую; видимъ также, что древній Сербскій языкъ, при самобытномъ развитіи, понималъ, разумѣется, еще безъ научнаго сознанія, природу гласныхъ и, видоизмѣняя ихъ, согласовался съ ихъ первичнымъ образованіемъ. Это-то правильное и постепенное звукопретвореніе поддерживало связь между обѣими стихіями, произведшими книжный языкъ Сербовъ, и придавало взаимному ихъ отношенію видъ дружнаго и плодотворнаго воздѣйствія, при чемъ, конечно, живая часть народа должна была взять верхъ надъ другою стихіею, хотя и родственною, но тѣмъ не менѣе пришлою и заимствованною. Гласныя, по своей подвижности и легкости, притянувъ на себя бóльшую часть движенія древнекнижнаго языка, наполнили своими явленіями и пространство и время, въ которыхъ совершалось это движеніе. Въ разсужденіи мѣстности мы видимъ, что въ первыхъ, разсматриваемыхъ нами столѣтіяхъ, книжный языкъ былъ общнѣе, цѣльнѣе для всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ употреблялся; но въ послѣдующихъ различіе между западными и восточными областями Сербіи, распадавшимися между собою и въ государственномъ и въ вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ, становится ощутительнѣе и обширнѣе. Каждая сторона является съ своими отличительными признаками. Нынѣшнее отличіе подрѣчій, основанное на звукѣ *ѣ*, проявляется и въ древнихъ памятникахъ, въ которыхъ, должно сознаться, б-а ѣ служитъ главнѣйшимъ распознавательнымъ звукомъ: этимъ оправдывается и подтверждается законность основы нынѣшняго дѣленія подрѣчій, предложеннаго первоначально В. С. Караджичемъ и принятаго Шафарикомъ и другими учеными. По времени, мы замѣчаемъ, что въ первыхъ столѣтіяхъ Ц.-Славянская стихія вообще дѣйствовала сильнѣе на составъ книжнаго языка; но потомъ мало по малу слабѣла, уступая мѣсто народной. Скачковъ или рѣзкихъ переходовъ нѣтъ; но есть постепенная и незамѣтная перемѣна въ соотношеніяхъ. Къ концу XV-го вѣка Ц.-Славянская стихія становится въ обратное отношеніе къ народной, Сербской, чѣмъ въ

какомъ стояла она къ ней прежде. Эта постепенность условливается, съ одной стороны, переходными или серединными формами, съ другой, неравномѣрнымъ движеніемъ языка въ семьяхъ грамотъ. Собственно-Сербскія и преимущественно Аѳонскія грамоты отличаются своею постоянною, переходящею даже въ косность, привязанностію къ Ц.-Славянской стихіи; Западныя же напротивъ, возродившись въ исходѣ XIV-го в., отказались отъ общности и какъ бы неприкосновенности книжнаго языка, какъ это было въ XIII-мъ вѣкѣ, внесли въ себя множество признаковъ народнаго языка и тѣмъ доставили книжному значительное и постоянно усиливающееся движеніе впередъ. Примѣръ — на звукахъ ꙑ, ꙑѫ- и ѹ, оуѫ-, или на є, ю, ѭ вмѣсто ѣ. Это свое движеніе книжный языкъ совершалъ самостоятельно, и по тому народная стихія оказывала на него самое благотворное вліяніе. Замѣчая установленіе гласныхъ звуковъ въ XV-мъ вѣкѣ, мы убѣждаемся, что древнекнижный языкъ Сербовъ вступилъ на прямую, широкую дорогу, ведшую его къ совершенному сближенію съ народнымъ. Его правильному развитію наиболѣе содѣйствовала тогдашняя государственная самостоятельность Сербіи.

ГЛАВА IV.

СОГЛАСНЫЯ.

Противуположность гласности или самогласности есть нѣмота или согласность. *Нѣмые* или *согласные* звуки, которые не иначе могутъ установиться въ словѣ и получить явственный отбой голоса, какъ въ соединенiи съ другими самостоятельными звуками, т. е., гласными, еще не составляютъ одни, сами по себѣ, достаточнаго вещества для выраженiя какого либо полнаго понятiя; языкъ человѣческiй не можетъ гордиться ими, ибо изъ нихъ однихъ онъ не въ состоянiи сдѣлать никакого отдѣльнаго употребленiя: по этому, если человѣка мы называемъ словеснымъ существомъ, то звуки, неудовлетворяющiе его слову, мы должны назвать нѣмыми. Напротивъ, многiя изъ гласныхъ сами по себѣ уже выражаютъ полное понятiе, какъ на пр., въ предлогахъ, союзахъ, междометiяхъ, и на нихъ покоится весь составъ человѣческаго языка и его членораздѣльность: отъ того они по преимуществу являются звуками человѣческими, и имъ однимъ принадлежитъ честь быть самогласными. Тѣмъ не менѣе тѣ и другiе необходимы для языка. Нѣмые, неясные звуки выражаютъ собою еще только зародышъ понятiя, возникающаго въ человѣкѣ при созерцанiи видимаго мiра и при перенесенiи его явленiй въ мiръ нравственный,—зародышъ, начало понятiя, еще не доведеннаго до сознанiя или до той степени совершенства, на которой понятiе становится достойнымъ вмѣстилищемъ мысли. Первое впечатлѣнiе, получаемое человѣкомъ извнѣ, отливается въ нѣмыхъ звукахъ: отъ того въ семьѣ Индоевропейскихъ языковъ до сихъ поръ еще не найдено слова, не включая сюда частицъ рѣчи и спорнаго *есмь*, котораго корень состоялъ бы изъ одной гласной; но есть корни если не изъ одной, то изъ двухъ, или трехъ согласныхъ безъ участiя гласной. Но лишь только зародышъ разовьется въ полное понятiе, сдѣлается вмѣстилищемъ мысли, тогда и нѣмые звуки, составлявшiе доселѣ только тѣло языка, остовъ слова, получаютъ душу, гласный отбой, и становятся опредѣленными, членораздѣльными звуками, составляя изъ себя живое слово. Слѣдовательно, существо нѣмыхъ звуковъ покоится на гласныхъ, и тогда только приходитъ въ опредѣленный видъ, когда получаетъ гласный отбой чрезъ соединенiе съ тѣмъ, или другимъ гласнымъ звукомъ. Справедливо сказалъ древнiй Русскiй языкословъ: «согласныя письмена яко же плоть есть, немощно ими рещи что безъ прикладу книмъ письмене гласнаго: стоятъ якоже безъ души.» По этому въ нашемъ дѣлѣ отъ согласныхъ нельзя ожидать той гибкости и того движенiя, какiя мы замѣтили въ гласныхъ. Составляя собою основу или, вѣрнѣе, зародышъ слова, согласныя являются одинаковыми во всѣхъ, или во многихъ Славянскихъ нарѣчiяхъ. Славянскiй народъ долженъ былъ одинаково воспринимать и выражать свои впечатлѣнiя, а каждое племя уже только видоизмѣняло у себя это первичное впечатлѣнiе и приводило его чрезъ сознанiе къ оконча-

тельному понятію. Послѣднее дѣйствіе сосредоточивалось преимущественно на гласныхъ, которыя корню слова придавали тотъ, или другой обликъ, смотря по племени. Разумѣется, и согласныя, особенно тѣ, которыя уже въ видѣ придаточныхъ присоединились къ корню слова, не оставались при этомъ въ совершенномъ бездѣйствіи; и онѣ принимали сдѣсь участіе, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ гласныя, и при томъ ежели и измѣнялись, то въ измѣненіи ихъ участвовали, большею частію, общеславянскіе законы звукоизмѣненія безъ особенныхъ рѣзкихъ племенныхъ отличій. По истинѣ, движеніе согласныхъ представляетъ въ себѣ гораздо больше общности, единства, законности, чѣмъ движеніе гласныхъ, по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Первыя успѣшно и легко могутъ быть разсматриваемы въ общеславянскомъ ученіи о звукахъ безъ лишнихъ примѣненій къ отдѣльнымъ нарѣчіямъ, но вторыя требуютъ частыхъ уклоненій, отступленій и исключеній въ пользу отдѣльныхъ нарѣчій. Первыя представляютъ въ своемъ ученіи больше общности, послѣднія больше частностей. Оно такъ и должно быть: составъ языка заключаетъ въ себѣ два міра, внѣшній и внутренній; первый выражается въ согласныхъ, второй въ гласныхъ. Нѣмые звуки выразили первыя впечатлѣнія внѣшняго міра, безсознательныя, неясныя, безмолвныя, ибо мысль еще не вселилась въ нихъ; они суть вещественность, заимствованная языкомъ изъ міра вещественнаго. Славяне, по своему племенному родству, одинаково чувствовавшіе и мыслившіе, должны были и одинаково воспринимать и выражать первыя впечатлѣнія видимаго міра, и такъ какъ эти впечатлѣнія прежде всего отражались звуками нѣмыми, то одинаковость составила отличительную черту нѣмыхъ звуковъ: но надо было одухотворить ихъ сознать и перевести въ міръ нравственный: языкъ прибѣгнулъ къ гласнымъ. Гласныя суть достояніе человѣческаго духа; это духовная стихія въ составѣ языка. И на сколько мысль выше вещественности, на сколько разнообразіе мысли обширнѣе разнообразія явленій, на столько гласныя выше и разнообразнѣе согласныхъ. Являясь жизненною силою языка, онѣ срослись съ жизнію Славянъ, приняли на себя ея отпечатокъ и, по мѣрѣ развитія и распаденія ея по племенамъ, сами видоизмѣнялись и обособлялись по нарѣчіямъ. Отъ того въ различныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ онѣ представляютъ въ своемъ движеніи множество видоизмѣненій, полузвуковъ, срединныхъ звуковъ и т. п., между тѣмъ, какъ согласныя являются болѣе постоянными, опредѣленными, однообразными, и не только въ однихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, но и во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ, какъ родственныхъ и сходившихся между собою нѣкогда въ одномъ празыкѣ. Отличительною чертою первыхъ есть подвижность, вторыхъ—постоянство.

То, что вывели мы впередъ изъ свойства самыхъ звуковъ, то увидимъ въ послѣдствіи изъ явленій.

Начинаю съ *гортанныхъ*. Первое начинательное дѣйствіе органовъ, предназначенныхъ для человѣческаго слова, въ кругу нѣмыхъ или согласныхъ звуковъ, выразилось въ гортанныхъ — плодѣ самого дальняго и вмѣстѣ открытаго и самостоятельнаго органа, того самого, который, въ кругу самогласныхъ, произвелъ полное, чистое, открытое, твердое *а*. По этому *г*, *к*, *х* представляютъ собою наиболѣе независимые, простые, открытые и твердые звуки. Но такъ какъ это суть согласные звуки, то гортань, произведя одинъ только чисто голосовой звукъ *а*, для нихъ должна была принять болѣе, или менѣе сжатое положеніе для того, чтобы сдѣлать ихъ отличными отъ голосовыхъ звуковъ или гласныхъ и способными соединяться съ послѣдними.

Наименьшее сжатіе гортани и наибольшую глубину органа мы замѣчаемъ въ звукѣ *г*, который и ставимъ на первомъ мѣстѣ въ ряду согласныхъ, хотя вопреки мнѣнію многихъ ученыхъ, желающихъ видѣть его на второмъ мѣстѣ послѣ *к*. Звукъ *г* ближе всѣхъ подходитъ къ самогласности, но за то онъ слабѣе другихъ, и по тому многіе Индоевропейскіе языки, особливо позднѣйшаго происхожденія, и нѣкоторыя изъ Славянскихъ нарѣчій не могутъ даже произносить его такъ глубоко и чисто и, стѣсняя гортань, дѣлаютъ его, подобно Латинскому *h*, чѣмъ-то среднимъ между наиболѣе открытымъ *г* и наиболѣе сжатымъ *х*. Средній звукъ *к* пользуется, по своему серединному положенію, полнымъ безразличіемъ во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ; онъ есть самый употребительный и неизмѣнчивый изъ гортанныхъ. Третій, самый сжатый гортанью и потому сильный звукъ есть *х*. Нѣкоторые изъ Индоевропейскихъ языковъ и Славянскихъ нарѣчій не могутъ до такой степени довести сжатіе гортани или чистоту голоса и ограничиваются междозвукомъ, среднимъ между *г* и *х*, либо вовсе опускаютъ его. Онъ же, при наименьшемъ гортанномъ давленіи, получаетъ столь слабую вещественность, что, подобно найслабѣйшимъ губнымъ *в* и *ф*, обращается въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ междозвукъ, сходящійся съ междозвукомъ отъ *г* (Лат. *h*), и употребляется для придыханія. Но Славянскій языкъ, взятый въ совокупности своихъ нарѣчій, имѣетъ всѣ три гортанныхъ звука и, соединяя ихъ съ твердыми гласными, показываетъ всю обширность, силу и разнообразіе своего органнаго устроенія. По свойству своему, истекающему, впрочемъ, изъ самой природы, гортанныя не входятъ въ образованіе прочихъ самостоятельныхъ звуковъ, но напротивъ, сами производятъ два ряда тройныхъ звуковъ, въ основѣ коихъ кроется ихъ гортанная природа.

Въ Древнесербской письменности соблюдаются и строго различаются всѣ три звука **г, к, х**. Первые два почти никогда не смѣшиваются между собою, и въ ихъ употребленіи существуетъ такое же различіе, какое и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Немногіе случаи смѣшенія не нарушаютъ правила; таковы: **граматигь** (С. № 5), **гьда** (Ш. № XVI), **дльгь** (Ш. № XVIII; С. № 20 **дльгь**), **гꙋсара**, отъ Итальян. *corsare*, (С. № 43), **гоуса, -е, гоушень** (С. №№ 73, 91), **єретигь** (З.), **журьковнкь** (С. № 83), ср. **журговникь** (С. №№ 70, 95), **гбогъ** и **кбгъ** (С. № 132). Русское, Польское, Чешское *груша* у древнихъ и нынѣшнихъ Сербовъ зовется *крушка*: **крꙋшка, кроушкоу** (А. №№ 12, 19). Самое слово **гьдѣ, гдѣ** (мн. р.) слѣдовало бы писать, какъ въ Ц.-Славянскомъ, **кьдѣ, кдѣ**, ибо оно состоитъ изъ мѣстоименной основы **кь** и частицы **дѣ**. Слѣдовательно, и здѣсь имѣетъ мѣсто уподобленіе. Иностранные писатели легко могли смѣшать два Славянскіе звука *г* и *к*: такъ у Константина Багрянороднаго находимъ: *Ὄστρωκ* (Острогъ) и въ одной старинной Латинской грамотѣ 1078-го г. читаемъ: *Corize* (Горица), *Cugme* (Кукме)[1]. Что касается до третьяго звука **х**, то страннымъ кажется съ перваго раза встрѣтить столь постоянно и необыкновенно послѣдовательно выдержанное употребленіе его во всѣхъ безъ исключенія древнихъ памятникахъ Сербскаго языка, между тѣмъ, какъ знаемъ, что теперь Сербы вовсе не имѣютъ этого звука и не могутъ терпѣть его. Тотчасъ рождается вопросъ, какъ столкнулись между собою столь прямо противуположныя явленія? Рѣшеніе не трудно. Надобно замѣтить, во первыхъ, что тогда, какъ несравненно бóльшая часть нынѣшнихъ Сербовъ или вовсе опускаетъ въ произношеніи звукъ *х*, или замѣняетъ его звуками *в*, *г*, *й*, *ф*, *к*, въ узкой береговой полосѣ отъ Дубровника до Скадра, и преимущественно въ самомъ Дубровникѣ и Черногоріи, на мѣстѣ *х*,

[1] Шафар., Slow. Starožitn., II, IV, 656; II, V, 679. Слав. Древн., II, I, 440; II, II, 35.

слышится, болѣе, или менѣе, междозвукъ *х*(*h*); въ Герцеговинѣ онъ остался только въ концѣ словъ и произносится тоже, какъ Лат. *h*; во вторыхъ, ближайшіе къ Сербамъ по языку Областные Хорваты и Хорутане имѣютъ у себя этотъ звукъ; и въ третьихъ, древнѣйшіе иностранные писатели IX-го, XI-го и XIV-го вѣковъ гораздо чаще пишутъ: *χ*, *ch*, чѣмъ опускаютъ его, или замѣняютъ другими буквами. Такъ мы читаемъ у Грековъ: *Ζαχλοῦμοι*, *Ζαχλοῦμα*, *Χλοῦμος*, *Χλοῦμ*, *Ζαχλοῦβοι*, *Χρέλης*, *Χλάπαινος*; но также и *Φαλιμέρης* (Хва лимиръ), *Φάρα* , *Φάρος* (Хваръ). Въ Хорватскихъ источникахъ встрѣчаются также опущеніе и замѣна б-ы *х*; въ грамотахъ 837 и 892-го гг.: *Byaci*, *Biaci* (Бихъчъ). Въ грамотѣ 1059-го г.: *Sephova* (Зехова), и въ другой 1100-го г.: *Seovani* (Зехованы) [1]. Эти замѣчанія приводятъ насъ къ тому, что Сербы когда-то, въ доисторическую пору, выговаривали *х* подобно Булгарамъ, Хорутанамъ и другимъ Славянскимъ племенамъ; но что уже въ IX-мъ в. звукъ этотъ сталъ истребляться, если только уже не истребился совершенно, хотя иностранные лѣтописцы могли точно такъ же писать Сербскія слова съ б-ю *х*, какъ писали ихъ сами Сербы позднѣйшихъ вѣковъ, тогда какъ въ произношеніи эта буква уже вовсе не слышалась, или если и слышалась, то въ измѣненномъ видѣ; однако съ другой стороны, Греческіе и Латинскіе писатели и писцы, какъ иностранцы, не могли же ставить *х* единственно по законамъ языка, не держась устнаго произношенія; ибо такъ поступать могли у себя дома только Сербы, передъ глазами и въ памяти которыхъ постоянно находилась Ц.-Славянская письменность: по этому если въ иностранныхъ памятникахъ частію находимъ, частію не находимъ звука *х*, то мы должны заключить, что въ это время этотъ звукъ колебался въ устахъ Сербовъ. Но со словъ кого писали иностранцы: со словъ ли Сербовъ, или Хорутанъ, или Булгаръ, и какого племени были писцы четырехъ вышеупомянутыхъ Латинскихъ грамотъ?—на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Только самымъ важнымъ для насъ обстоятельствомъ остается то, что опущеніе б-ы *х* замѣтно уже въ самомъ началѣ XII-го в. По чему же—сдѣлаемъ другой вопросъ—въ самихъ Сербскихъ источникахъ писцы, природные Сербы, такъ упорно соблюдали х? Оставя въ сторонѣ Дубровничанъ и жителей Зеты, которыхъ грамоты не столь рѣзко отличались отъ ихъ народнаго говора, какъ грамоты прочихъ Сербовъ, мы должны, въ отношеніи послѣднихъ, признать всю великость вліянія Ц.-Славянской стихіи, которая б-у х поддерживала столь сильно, что, кромѣ двухъ, трехъ исключеній, во всей разсматриваемой нами Сербской письменности постоянно видимъ эту букву въ грамотахъ всѣхъ семействъ. Познакомившись чрезъ Ц.-Славянскую письменность съ настоящимъ полнымъ написаніемъ словъ; заимствуя оттуда же огромное число рѣченій; слыша отъ сосѣднихъ Хорутанъ и Булгаръ слова съ внятнымъ произношеніемъ звука *х*, Сербскіе писцы должны были непремѣнно знать истинную форму каждаго слова, т. е.. не произнося, быть можетъ, въ разговорѣ *х*, они знали, гдѣ, въ какомъ словѣ и въ какой формѣ оно находится , и потомъ дѣйствительно удерживали его на бумагѣ. Еще бо́льшимъ поощреніемъ служилъ имъ другой, не разбираемый нами, разрядъ памятниковъ, Сербобулгарскій, въ которомъ х должно было

---

[1] Шафар., Slow. Starožitn., II, IV, 653, 654, 656; II, V, 678, 679. Слав. Древн., II, I, 434, 440, 435; II, II, 36.—Serb. Lesek., стр. 69. Не привожу примѣровъ употребленія звука *х* изъ Греческихъ источниковъ, касающихся исторіи Хорваціи, ибо они сюда не относятся, каковы на пр.: *Χρωβάτοι*. *Χλεβίανα*, *Χλεβένα*, и др., хотя Хорваты тоже не имѣютъ звука *х*. Латинскія грамоты, за исключеніемъ выше приведенныхъ примѣровъ, сохраняютъ въ Хорватскихъ именахъ звукъ *ch*, на пр.: *Rasochatiza*, *Sechirani*.

строго соблюдаться, какъ строго соблюдались нѣкоторыя другія особенности Ц.-Славянскаго языка; а конечно, соблюсти его было гораздо легче, чѣмъ удержаться отъ какихъ либо другихъ, болѣе настойчивыхъ сербизмовъ, какъ на пр., отъ замѣны ꙗ б-ю є и т. п. Сдѣсь, безъ сомнѣнія, дѣйствовали общіе законы языка и Ц.-Славянская стихія. Мѣсто б-ы х можно было легко узнать: письменность Ц.-Славянская, отъ которой началась и самая Сербская, глубоко уважалась,—и вотъ по чему Сербскіе писцы такъ строго удерживали на бумагѣ букву х. Не должно забывать, что и въ наше время не всѣ Сербскіе писатели еще согласны на счетъ этой буквы: одни пишутъ ее, другіе не пишутъ. Самъ В. С. Караджичъ, установитель Сербскаго правописанія и строгій гонитель б-ы *х*, кажется, еще не вполнѣ уяснилъ себѣ этотъ вопросъ и въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько отступилъ отъ способа, принятаго имъ прежде. Дѣло въ томъ, какъ согласить правописаніе съ народнымъ говоромъ въ различныхъ областяхъ? Древніе Сербскіе писцы рѣшили это дѣло гораздо общнѣе и, можно сказать, законнѣе, чѣмъ нынѣшніе писатели: они всюду удержали х тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, не смотря ни на какую его замѣну, ни на опущеніе его въ устномъ произношеніи народа по разнымъ областямъ. Промахи, ими сдѣланные въ этомъ случаѣ, не заслуживаютъ никакого вниманія: мнѣ удалось подмѣтить только слѣдующіе: ѿ всѣхь стꙑ (С. № 6; у Ш. № XII—хь), наши прьки (род. мн., С. № 17), ѡврь (ѡврьхь, А. № 5), посла (послахь, С. № 61), врь (врьхь, С. № 121), кь ві апꙋстола врьховни (С. № 142). Они показываютъ только, что въ народномъ говорѣ х не произносилось. Впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить и то, что сдѣсь отсутствіе х должно приписать не столько умыслу, сколько забывчивости писца; ибо, по тогдашнему правописному обычаю, во всѣхъ этихъ случаяхъ х должно бы было поставиться сверху строки; притомъ же это только отдѣльные, одинокіе случаи, и въ тѣхъ же грамотахъ всюду постоянно употребляется х.

Съ б-ю х смѣняются двѣ другія гортанныя; но примѣры рѣдки: ктитороу (А. № 1), ктитора̂, -омь (А. №№ 3, 20), ктіторію (В. № 2) и хтиторь, -ѡрь (А. №№ 10, 16, 18), хтитѡрꙋ (А. № 17), хтіторь, -іє (С.-Д. М. 1844; Г. V), хтиторіє (С. № 175), ѡхтебра (С. № 40), лахка (легкаго, С. № 93). Сербы постоянно пишутъ: херьцегь, херцегь и т. д. (мн. р.), хрьков, храков, -а, -ю (С. №№ 83, 88, 118, 179 и пр.), хребеадиовика, -ꙋ (С. № 127).

Б-а г выпущена передъ к въ словѣ лько (легко, А. № 1).

Не выходя еще изъ области однихъ гортанныхъ звуковъ, разсмотримъ теперь предѣлы ихъ употребленія. Б-а х не требуетъ разсмотрѣнія, ибо предѣлы ея не распространены болѣе обыкновенныхъ, Ц.-Славянскихъ, и въ употребленіи ея нѣтъ никакихъ особенностей: она стоитъ всегда тамъ, гдѣ ожидаешь ее. Нынѣшніе Черногорцы нѣсколько обособили ея употребленіе въ род. п. мн. ч., прибавляя ея междозвукъ почти ко всѣмъ именамъ существительнымъ; они говорятъ: *пушаках*(*h*), *риечих*(*h*), *женах*(*h*) и т. д. Такъ называемое обще-Иллирское правописаніе, средоточіемъ котораго есть Загребъ, поступаетъ почти точно такъ же, прибавляя всюду въ род. п. мн. ч. именъ существительныхъ, по примѣру прилагательныхъ, имѣющихъ, впрочемъ, къ тому совсѣмъ другое основаніе, б-у *h*, вопреки духу Славянскихъ языковъ. Но и сдѣсь древніе Сербскіе писцы не переступали предѣловъ законнаго употребленія б-ы х. Въ Зетскихъ и Черногорскихъ грамотахъ они пишутъ: моихь, моиˣ (С. №№ 70, 71; Мл.), властель (С. №№ 70, 71), прѣродитель, пріатель, гп̑дь срьбсцѣхь (С. № 71); сьгрѣшеніи моихь, хѡлаˣ работныєхь, ѿ собаль (Мл.), а не властелахь, сьгрѣшеніахь,

ꙉемлахь и т. д. Напротивъ, б-ы **г** и **к** отличаются большою къ нимъ любовью древнихъ Сербовъ, что не можетъ быть названо иначе, какъ особенностію древней Сербской письменности. Сдѣсь мы должны войти въ ближайшее разсмотрѣніе этой особенности. Обратимся прежде всего къ явленіямъ.

Тамъ, гдѣ древніе Булгары ставятъ **жд** и **ж**, а прочіе Славяне и новѣйшіе Сербы *ж*, *дж*, *дз*, *дь* (*ђ*), *й* (*j*) и т. д., древніе Сербы любятъ употреблять **г**. Сюда прежде всего относится извѣстное Сербское слово, переданное Константиномъ Багрянороднымъ, *Μεγυρέτους* (*Медюречь*, Междурѣчіе). Далѣе, наши памятники доставляютъ примѣры во множествѣ изо всѣхъ вѣковъ и всѣхъ разрядовъ грамотъ; приведу нѣкоторые: **тоунгє**, вдвойнѣ усиленное чрезъ **н** и **гє** или Ц.-Славян. **ждє**, **вьсєгє** (А. № 1), **оноугє**, **онꙋгє**, **ѡноугы** (С. NN№ 2, 18, 176), **оу- ꙋ- потрьгєнию**, **-нию**, **-ньємь**, **ꙋтврєгєнию** (С. NN№ 2, 17, 108), **госпогꙗ**, **-а**, **-є**, **-ю**, **-ами**, **госпги**, **-ꙗ**, **гпгꙗ**, **-а**, **-ѧ**, **-ю**, **-ꙗ**, **гпога**, **-ꙗ**, **-омь**, **-ѡ** (С. NN№ 3, 26, 44, 45, 66, 76, 77, 87, 90, 91, 109, 111, 121, 126, 130, 146, 147, 165, 166, 167, 175, 178; А. NN№ 14, 18, 20; Г. V), **мєгꙋ**, **-ю** (С. NN№ 3, 19, 21, 39, 43, 56, 66, 67, 70—73, 77, 86, 91, 100, 107, 111, 127, 133, 137, 148, 157, 164, 176; Ш. № 14; А. NN№ 5, 6, 8, 19), **мєга**, **-ꙗ**, **-ѧ**, **-є**, **-ю**, **-оу**, **-ѡмь**, **-ы**, **-ами**, **-ꙗми**, **-ѣми**, **-ахь** (С. NN№ 3, 35, 46, 51, 86, 107, 176; Ш. NN№ 14, 15; А. NN№ 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 17, 18, 19; В. К.; З.), **тꙋгꙋ**, **-ю**, **-є**, **-ꙗ**, **-ѡ**, **тоуги**, **-ихь**, **-ѣмь** (С. NN№ 17, 43, 73, 111; А. № 6; З.), **прѣгє**, **-ю**, **-ꙗ** (С. NN№ 17, 39, 73, 77, 90, 111, 138), **посагєно** (С. № 21), **ѡсꙋгєнь**, **-ѣ**, **осоугєнь**, **-єнь** (С. NN№ 21, 91, 111, 137), **грагꙗнинь**, **-а**, **грагꙗнина**, **грагꙗнь**, **-омь** (С. NN№ 26, 64, 76, 108, 112, 115, 126, 157), **соумєгъ** (А. № 3), **прирага**, **досоуги** (А. № 6), **мєдвєгѣ доль** (А. № 8), **мєдꙗгю**, **-гюга**, **магюꙗꙗ** (С. № 176), **да погю**, **пого** (С. NN№ 39, 86), **да ꙉигю**, **-ꙗ**, **-ю** (С. NN№ 35, 91, 111, 137), **нагю**, **-ю**, **-ꙗ**, **-є** (С. NN№ 44, 66, 70, 91; З.), **догє**, **-ю**, **-ѡ**, **-ошє**, **-ѡ** (С. NN№ 56, 64, 70, 71, 73, 126, 144, 145, 164, 166, 167; З.), **норогинꙗ**, **-гєина**, **-ꙗ** (С. NN№ 61, 126), **оу крагѣ** (**въ враждьбѣ**, З.), **потврьгꙋю**, **-юю**, **-ємо**, **-гємь**, **-гєно**, **потварꙋгꙋю** (С. NN№ 69, 70, 77, 97, 101, 102, 107), **мєгаш** (С. № 72), **свагюсє** (С. № 73), **посангию**, **посаѣгнє**, **-є**, **-н**, **-нмь**, **-ємꙋ** (С. NN№ 85, 107, 133), **дєгьба** (С. № 89), **грагинꙗ** (А. № 17), **потварꙋгєкаꙗ**, **нахогюсє** (С. № 101), **дань сꙋгии** (С. № 107), **тврьгань** (С. NN№ 123, 127), **ꙋгогꙗ** (**ꙋгодꙗ**, **ꙋгоѣꙗ**, случая, С. № 157), **иꙉнагєшь** (С. № 164), **ѡбаагю** (Г. Б), **нангєтє** (С.-Д. М., № 2) и пр. и пр. Придаточная усиливающая Ц.-Славянская частица **ждє** по тому же способу перезвука переходитъ въ **гє**, **гю**, **гꙗ** (мн. р.), на пр., **такогє** или съ присоединеніемъ еще Ц.-Славянскаго союза **жє**, а по-сербски **рє**: **такогєрє**, **-гєрє**, **-гирє**, **-є** (С. NN№ 3, 27, 67, 73, 77, 86, 91, 101, 107, 136, 137, 157, 176), **ѡвакигє**, **-гю**, **овакигю** (С. NN№ 87, 106, 108, 109, 121, 130), **всєгагю** (С. № 148), **такоигєрѣ**, гдѣ три усиленія, (Мл.). Тамъ, гдѣ прочіе Славяне и нынѣшніе Сербы ставятъ **шт**, *ть* (*ћ*), **ч** (*cz*), *щ*, *ц*, *ць* (*ć*), *шь* (*ś*) и т. д., древніе Сербы любятъ употреблять **к**. Примѣровъ такъ же много, и такъ же разбросаны они по всѣмъ грамотамъ и всѣмъ вѣкамъ, какъ и для б-ы Оба звука идутъ объ руку одинъ съ другимъ: гдѣ есть одинъ, тамъ надобно ожидать и другаго. Такъ большею частію бываетъ на самомъ дѣлѣ, ибо происхожденіемъ своимъ они обязаны одному и тому же органному закону. Укажемъ на нѣкоторые случаи: **тисꙋка**, **-ꙗ**, **-ѫ**, **-ꙗ**, **-є**, **-ю**, **-н**, **-ꙋ**, **-ю** (А. И; С. NN№ 3, 24, 70, 87, 107, 109, 112, 119, 126, 127, 130, 131, 138, 168; Г. А), **хокꙋ**, **-єши**, **-є**, **-ꙗ**, **-ю**, **-ємо**, **-ємо**, **-єтє**, **хкю**, **кю**, **кꙋ**, **кє**, **кє**, **кꙗ**, **кємо**, **кємо**, **кємо**, **кєтє**, **кꙋ**, **вьсхокєши**, **ꙋсхокє**, **-ю**, **-ꙗ**, **оусхокю** (**хоштѫ**, А. И.; С. NN№ 2, 3, 13,

16—20, 26, 27, 31, 34, 39, 41, 44, 45, 56, 64, 76, 86, 100, 101, 106, 108, 111, 112, 113, 119, 126, 127, 137, 168 и пр.; А NN№ 4, 15; З.), **вракаюсе** (А. № 1), **вокемь** (С. № 2), **ѡбекати, -ан, -но, -ние, ѡбекавамь, ѡбекаваюсе** (С. NN№ 2, 7, 17, 21, 64, 112), **ѡбькниа, -ѣ, -окь, ѡпькниа, -е, -ю, -е, -ѣ, -и, -ꙋ, -окь, ѡбкниа, ѡпкниа** и т. д. (С. NN№ 2, 3, 4, 5, 19. 20, 25, 26, 27, 39, 45, 56, 69, 79, 86, 100, 107, 111, 112, 113, 115, 119, 123, 125, 126, 127, 130, 133, 145, 148, 164; А. № 14), **мокь, -и, -ью** (С. NN№ 3, 16, 127), **векьницн, вѣкинкь, -омь** (С. NN№ 8, 31, 56, 107), **ѵькета**, гдѣ **ѵь** замѣняетъ **тъ**, а **к** мягкое сочетаніе **шт**, (**тъштета**, С. № 10), **кькн, -ери, -ери, -еремь, -рь, кки, -ери, -еремь, кьщи, кьѣи, -ери, -еремь, кѣн, кѣере, кѣерѣе**, гдѣ первое **к** замѣняетъ собственно **г**, а это **дь** или Ц.-Слав. **дъ**; сдѣсь дѣйствуетъ звукоподобіе: какъ **д** смѣняется съ **т**, такъ и **г** смѣняется съ **к**; второе **к** есть то же, что мягкое **шт**, которое по этому въ позднѣйшихъ формахъ является въ видѣ **ћ**, (Ш. № II; С. NN№ 10, 87, 108, 112, 115, 121, 126, 134, 155, 156), **повеке** (болѣе и болѣе), **вѣка** (вѣча), **прокво** (противъ) (С. № 16), **помокь, -и, -ню** (С. NN№ 16, 21, 67), **ꙁа-пеѵакено, -ь, -а** (С. NN№ 16, 115, 126, 130), **мокно** (С. № 17), **да вракꙋ, -кю, вракено** (воротятъ, С. NN№ 20, 164; З.), **да плакꙋ** (платятъ, С. NN№ 20, 107), **кѣка, -е, -и, -ѣ, -и, -ю, -ѵ, -амь, -ѣмь, коѵка, -е, -ю, -ь, коѵкѣ** (С. NN№ 22, 36, 47, 54, 62, 70, 108, 112, 115, 126, 176; А. NN№ 9, 10; З; Мл.), **сьвракаюсе** (С. № 23), **ѡбькы** (С. № 26), **веке, -е, -ю, веке, наивеке** (**ваште**, С. NN№ 27, 100, 101, 108, 112, 115, 127, 146, 147, 168; З.), **плакати, -кти, -ати** (платить), **плакю, -ка, -каю, -кю, -аю, -кли, плакка** (С. NN№ 27, 28, 43, 54, 67, 70, 91, 107, 111, 113, 137, 168; А. NN№ 6, 15; З.), **свѣка** (А. № 7), **па мокѣ** (на мощахъ, С. № 64), **ꙁакꙋкаие** (А. № 14), **свекавьсе** (**съвѣштавьса**, С. № 86), **вѣкницѣ, -и** (С. NN№ 87, 100, 102, 106, 108, 109), **векю**, **кекы** (**ваштаѭ, -ии**, С. NN№ 87, 108, 109, 112, 121, 123, 126, 127; З.), **божнка** (С. № 101), **ꙋстановикено, тракенье** (С. № 107), **ѡпкенници** (С. NN№ 107, 127), **тисꙋкиа** (С. № 113), **поꙁлакено, -и, -кевань, -кене, -ниии** (С. NN№ 115, 119, 130, 176), **ѵистокю, ѵисокю** (С. NN№ 121, 123, 126, 127), **рꙁꙁликѣ** (С. № 130) и пр. и пр. Въ дѣепричастіяхъ и причастіяхъ, на пр.: **трьгꙋюке** (А. И.), **боѵдоѵки** (С. № 2), **бонкесе, гредꙋке** (С. № 10), **стоеке, придоѵке, пондоѵке** (С. № 15), **продаваюке, кꙋпꙋюке** (С. № 16), **ходеке** (С. № 21), **йсходеки, сходекй** (А. № 8), **нсподаюке** (С. № 176), **говореке, -рѣке** (С. NN№ 40, 48), **идеки** (С. № 61), **иꙁьлаꙁеки** (Ш. № 14), **споменꙋюке** (С. № 67), **хотеки** (С. № 70), **подьиксекомь, -сꙋкѡ, -кномь** (С. NN№ 86, 100, 101), **бꙋдꙋке, -е, -и, -иехь, -нхь** (С. NN№ 107, 127, 133, 145, 164), **висꙋкꙋ, -ю, -ѭ, -ѡмь, -ѡмь** (С. NN№ 114, 121, 126, 127, 130, 146, 147), **плакаюке** (С. № 129), **ꙋꙁимаюке, животворекемь, дилеке** (С. № 145), **сидеке, даваюке, ꙁаписꙋюке** (С. № 145) и т. д. Въ неокончательномъ наклоненіи: **иꙁреки** (**иꙁърешти**, С. № 35), **поки** (**понти**, С. № 72), **нѧврькї** (З.), **побѣкы, -и** (С. NN№ 73, 91, 111), **досеки** (С. № 101), **наки** (**нанти**, С. № 113), **доки** (С. № 145) и т. д. Б-а **к** является сверхъ того въ окончаніяхъ отечественныхъ именъ и прозвищъ вмѣсто нынѣшняго Сербскаго *-ть* (**ћ**) или у другихъ Славянъ *-чъ*, на пр., **болесаавикь** (С. №2), **маньгеревикь** (С. № 3) и т. д., **ѡрахоквѵики, ѵабикю** (С. № 176), **косорнкю** (А. № 10), **властеливѵикь, -емь** (С. NN№ 42, 46; А. № 12; Г. VI, № 2), **воеводикь** (С. № 66), **поповй** (С. 155) и т. д. (ср. С. NN№ 15—17, 19, 20, 22, 32, 36, 39, 40, 43, 46—48, 50, 54—56, 60—64, 66, 68, 70, 71, 73, 76, 86, 87, 90, 91, 95, 100, 101, 106—109, 111, 112, 115, 117, 119, 121, 123, 126, 130, 137, 138, 145—148, 164—167, 176; А. NN№ 5, 6, 10, 14, 15, 17, 19; Ш. № 15; Мл. и пр.). Въ другихъ падежахъ это **к** соединяется то съ твердыми, то съ мягкими гласными, какъ **к**

въ приведенныхъ примѣрахъ: **косорики, улбикю, или дрьжикю** (С. № 36), **гвиьдвании** (С. № 47), **любоникемь** (С. № 176) и т. д. Въ именит. п. мн. ч. это замѣнительное **к** уже не смягчается въ **ц**, какъ то бываетъ съ существеннымъ. Трудно понять, по чему въ нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ нами случаевъ древніе Сербы уничтожили всякую мягкость какъ въ гласной, такъ и согласной, и сочетали два твердыхъ звука, которые, по видимому, не имѣли и не имѣютъ уже повода къ смягченію, слѣдовательно, остаются навсегда несмягчаемыми? Прежде всего замѣтимъ, что всѣ приведенные примѣры какъ для **г**, такъ для **к**, распадаются на двѣ половины: одни приводятъ къ первоначальному звуку *д*; другіе къ звуку *т*, изъ которыхъ первый почти всегда отвѣчаетъ 6-ѣ **г**, другой 6-ѣ **к**, на пр., **погеши** приводитъ къ первообразному слову **идѹ**, **ѡсѹгнь** къ **сѹдь(ъ)**, **ѡбѣкати** къ **обѣть(ъ)** и т. д. Но если не станемъ доискиваться начала каждаго слова, а только сравнимъ примѣры съ тѣми же формами другихъ Славянскихъ нарѣчій и новѣйшаго Сербскаго, то увидимъ, что сдѣсь **г** и **к** почти всегда, кромѣ немногихъ исключеній, приводятъ къ видоизмѣненнымъ *д* и *т*, т. е., къ нимъ же, но только въ смягченномъ видѣ: **жд**, *dz*, *dž*, *ђ*, *j*, *ж*, *з*, **шт**, *ч*, *ћ*, *ц*, *ć*, *ś* и т. д. Но между соотношеніями *г* и *д*, *к* и *т*, нельзя никакъ провести непреложной грани, ибо какъ *д* переходитъ въ *т*, такъ и *г* переходитъ въ *к*, по чему и въ смягченіяхъ ихъ должное соотношеніе нарушается: такъ мы привели слово **ѡдеги** или въ именит. п. **одега**, которое отвѣчаетъ Русскому *одѣжда*, но у нынѣшнихъ Сербовъ звучитъ *одетя* (*одећа*, *одећа*) отъ глагола *одети*; такъ **кьиерь** отвѣчаетъ формѣ **дъштерь**, нынѣшнее Сербское *кћи*: сдѣсь первое **к** замѣняетъ даже твердое **д**, но если Сербъ уже взглянулъ на это **д**, какъ на мягкое, то и позволилъ себѣ претворить его въ **г**, а чрезъ уподобленіе въ **к**, присоединивъ къ нему мягкое **ь** и пр. Принявши въ расчетъ, что въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ мягкое *д* принимаетъ видъ *жд* или *дж*, *дз* и *ж*, а мягкое *т* обращается въ *ц* и *ч*, мы должны заключить, что между разноорганными *г* и *к*, *д* и *т* должно скрываться ближайшее тайное родство, которое открыть, привести въ порядокъ и подкрѣпить достаточными доказательствами изъ всѣхъ Индоевропейскихъ нарѣчій предоставляемъ сравнительному языковѣдѣнію. Сербскій языкъ въ своемъ повременномъ движеніи представляетъ одинъ изъ яснѣйшихъ признаковъ этого сродства, ибо онъ безъ помощи мягкихъ *ж*, *з*, *ц*, *ч* и т. п. прямо роднитъ *д* и *т* съ *г* и *к*, замѣняя послѣдними мягкія первыя. Другое обстоятельство, по чему твердыя **г** и **к**, замѣняющія мягкія **д** и **т**, соединяются съ твердыми, а не мягкими гласными, объяснить труднѣе, но и оно объяснится, если на измѣненіе согласныхъ и гласныхъ станемъ смотрѣть, какъ на два разновременныя явленія. Во первыхъ, Сербскій языкъ измѣнилъ мягкія **д** и **т** въ **г** и **к**; но, по свойству всѣхъ Славянскихъ языковъ, мягкость согласной условливается мягкостію гласной: **д** и **т** были мягкими по тому, что соединялись съ мягкою гласною. Претворивъ ихъ въ **г** и **к**, Сербскій языкъ боялся оставить при нихъ, какъ уже твердыхъ, мягкую гласную, ибо чрезъ это онъ заставилъ бы ихъ снова смягчиться и обратиться въ прежнія **д** и **т**. Но ограждая ихъ такимъ образомъ отъ опасности новаго видоизмѣненія, онъ въ нихъ самихъ долженъ былъ оставить мягкую природу, ибо нѣтъ сомнѣнія, что ухо Серба не терпѣло въ этихъ случаяхъ твердыхъ **г** и **к**, какъ терпѣло ихъ, когда они стояли на своемъ мѣстѣ съ значеніемъ коренныхъ буквъ. Мы имѣемъ причину сомнѣваться на счетъ твердаго произношенія сочетаній **га**, **ка**, **го**, **ко** и т. п., а на счетъ 6-ы **в** увѣрены, что она звучала сдѣсь мягко, ибо твор. п. един. ч. и имен. и дат.

пп. мн. ч. оканчиваются у этѣхъ формъ на **-гємь** и **-кємь**, **-гє** и **-кє**, **-ки**, а не на **-гомь** и **-комь**, **-ѕи** и **-ци**—ясный признакъ мягкаго окончанія. По этому сочетанія б-ъ **г** и **к**, замѣняющихъ **д** и **т**, съ мягкими гласными въ сущности должны быть одинаковы съ сочетаніями этѣхъ же буквъ съ твердыми гласными, каковыя находимъ въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ; и дѣйствительно, мягкость **г** и **к** древніе Сербы выразили весьма наглядно, соединяя ихъ въ гораздо большемъ количествѣ случаевъ непосредственно съ мягкою гласною. Хотя таковое сочетаніе противно Славянскому языку, который обыкновенно при мягкихъ сочетаніяхъ измѣняетъ согласную и отверждаетъ гласную, однако Сербскіе писцы хотѣли, по видимому, чрезъ такой способъ правописанія выразить переходную минуту, то мгновенное и какъ бы остывшее дѣйствіе языка, когда онъ, при самомъ рожденіи мягкаго сочетанія, измѣняетъ твердую согласную въ мягкую, а мягкую гласную въ твердую. Это неуловимое превращеніе они выразили въ первобытномъ видѣ **гꙗ**, **кꙗ**, **гє**, **кє**, **гю**, **кю** и т. д., каковыя сочетанія возможны только для законовъ языка, но въ жизни ихъ нѣтъ; ибо, повторяю, въ минуту ихъ образованія языкъ уже превращалъ ихъ въ *жа*, *жда*, *шта*, *ча*, *же*, *че*, *жу*, *чу* и т. д. Сдѣсь этого нельзя было сдѣлать, ибо **г** и **к** не суть существенныя, а только замѣнительныя для мягкости **д** и **т**, и по тому языкъ остановился на означенныхъ сочетаніяхъ ихъ съ мягкими гласными. Мягкость буквъ **г** и **к** признаетъ и Шафарикъ, но только введеніе ихъ Сербскими писцами приписываетъ вліянію Новогреческаго языка, гдѣ *γ* и *κ* звучатъ мягко. Я же отношу причину этого введенія къ внутреннему сродству *д* и *т* съ *г* и *к*, болѣе тѣсному, нежели какое существуетъ между другими разноогранными звуками. Сравнительное языковѣдѣніе нападаетъ на слѣдъ этого сродства, когда сноситъ *зрю* съ *δέρκω*, ибо *з* есть видоизмѣненіе звука *г*. *Четыре*, гдѣ *ч* есть смягченіе б-ы *к*, Санскр. *katur*, Лат. *quatuor*, въ Греч. языкѣ звучитъ уже *τέτταρες*; въ Ц.-Славянскомъ языкѣ смѣна окончаній **ст** и **сц**, смягчившагося изъ **ск**, указываетъ на взаимное близкое сродство **ц**, образовавшагося изъ **к**, съ **т**. Припомнимъ перезвукъ *т* въ *к* у Карпаторусовъ въ словѣ *кисто* (тѣсто), у Полабцевъ, на пр.: *t'iza* (кожа), *t'aurisa* (курица); у нихъ же *д* въ *г*: *djozda* (звѣзда), *vundil* (уголь). у Словаковъ, на пр.: *glh* (долгъ), *donda* (дуга) и въ Русскомъ нарѣчіи въ словахъ *гля* (для), *мезгра* и *мездра*, и обратный перезвукъ *г* въ *д* въ Д.-Сербскомъ въ словѣ **кьгл**, **кьги** и **кьда**; а также не мѣшаетъ снести слово *Думача* съ *Глумач*. Ср. **дѹбланика** (С. № 18), **дльбочань** (какъ бы **глѹбочань**, С. № 176), нынѣ *дубок*, *дубина* (глубокій, глубина). Вліяніе Новогреческаго языка не могло быть такъ сильно, чтобы дѣйствовать на все пространство Сербской грамотности въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и преимущественно въ первые вѣка, какъ увидимъ ниже, когда Сербская грамотность держалась ближе къ Ц.-Славянскому языку. Тутъ не могло дѣйствовать и вліяніе западнаго поморья, имѣвшаго въ себѣ много Итальянскаго и писавшаго Славянское **ч** чрезъ *ch*, ибо у Сербовъ скорѣе было окончаніе *-ть*, чѣмъ *-чъ*, какъ увидимъ послѣ. Еслибы сдѣсь являлись одни имена собственныя съ окончаніемъ **-кь**, то еще можно бы было допустить это вліяніе, хотя тоже отчасти и въ весьма слабой степени, ибо оно не могло бы проникнуть, на пр., въ Аѳонскую грамоту Милутина, гдѣ исчисляются имена людей, жившихъ, большею частію, въ Македоніи и подаренныхъ Хиландару. Впрочемъ, если бы дѣло касалось, какъ сказали мы, однихъ отечественныхъ именъ, то еще можно бы было допустить другое объясненіе, именно, смѣну окончаній, подобно *ко* и *то*, *кій* и *тый*, служащихъ для ближайшаго опредѣленія качества или состоянія предмета на вопросъ: *какъ* и *какой*? Слова: *ко*

како, *каквость*, *якость*, *качество* уже доказываютъ, что духъ Славянскаго языка избралъ окончаніе *ко* для выраженія свойства предмета, выражая его также и чрезъ окончаніе *то*, *cie*, *tè*, *íc*, *śo*. Но и это объясненіе нейдетъ сюда, ибо, во первыхъ, сдѣсь не всегда мягки *к* и *т*, между тѣмъ, какъ наши примѣры относятся къ мягкимъ *д* и *т*, замѣняемымъ мягкими же по произношенію **г** и **к**; во вторыхъ, объясненіе это годно только для окончанія, а къ прочимъ словамъ, гдѣ перезвукъ совершается въ срединѣ и даже началѣ, оно никакъ не можетъ быть примѣнено. Остается послѣ всего принять положеніе, нами выше представленное, о сродствѣ зубныхъ съ гортанными, и допустить, какъ особенность Д.-Сербскаго языка, замѣну мягкихъ зубныхъ **д** и **т** мягкими по произношенію гортанными **г** и **к**. Другое замѣчаніе, которое мы должны сдѣлать объ этомъ перезвукѣ, состоитъ въ томъ, что, по сравненіи примѣровъ изъ Д.-Сербскаго языка съ тѣми же словами Ц.-Славянскаго, открывается, что не всегда **г** и **к** замѣняютъ мягкія **жд** и **шт**, но иногда и твердыя **д** и **т**, а иногда и мягкія **дь**, **ж**, **ть** **ү**, на пр.: **доге**, **догоше**—**донде**, **дондоша**, **наги**—**нандеть**, **послѣгни**—**послѣдьнии**. **ѡноуги**—**оноудѣ**, **медвеѓь**—**медьвѣжии**, **неуакекь**—**неуатаиъ**, **үистокю**—**үистотѫ**, **плакаю**—**плататъ**, **мокно**—**моүьно**, **вѣка**—**вѣүа**, **наки**—**наити** и т. п. Такъ точно въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ найдется не одинъ примѣръ, гдѣ, въ сравненіи съ Сербскимъ, нѣтъ обычнаго смягченія *д* и *т*; это показываетъ, что Сербы болѣе другихъ Славянъ любятъ смягченіе зубныхъ и, смягчая ихъ, въ древней своей письменности претворяютъ въ **г** и **к**. Отъ того случаи этого претворенія лучше всего сличать съ Сербскимъ же языкомъ въ нынѣшнемъ его состояніи: въ такомъ случаѣ мы увидимъ, что **г** и **к** только тогда замѣняютъ у Сербовъ *д* и *т*, когда эти послѣднія звучатъ мягко и въ нынѣшней письменности выражаются б-ми *ђ* и *ћ*.

Теперь, послѣ предварительныхъ замѣчаній, скажемъ нѣсколько словъ о времени и мѣстѣ этого перезвука. Выше мы не разъ говорили, что эта замѣна имѣетъ мѣсто во всѣхъ вѣкахъ и всѣхъ семьяхъ грамотъ. Объяснимся подробнѣе. Не должно думать, чтобы Д.-Сербская письменность не знала другихъ звуковъ для мягкихъ **д** и **т**, кромѣ **г** и **к**: она знаетъ **жде**, **шт**, **дь**, **ть** и **і** (*й*, *j*); но употребляя ихъ, употребляетъ вмѣстѣ съ ними и упомянутыя гортанныя. Часто односемейныя, одновременныя и одномѣстныя, даже одному и тому же лицу принадлежащія грамоты имѣютъ одна **г**, и **к**, другая **ћ** (**дь** и **ть**); даже часто случается, какъ увидимъ ниже, что одна и та же грамота имѣетъ оба рода звуковъ—собственно мягкія **д** и **т** и ихъ замѣнительныя **г** и **к**. Число примѣровъ показываетъ, что послѣднія были въ большомъ ходу въ древней Сербской письменности и преимущественно въ первыхъ вѣкахъ, начиная съ XII-го и до конца XIV-го в. Въ продолженіи этого времени мы не разъ замѣчали болѣе общности въ правописаніи, чѣмъ въ XV-мъ в.: такъ и сдѣсь встрѣчаемъ то же самое. Въ грамотахъ всѣхъ семействъ въ равной мѣрѣ господствуютъ **г** и **к**. Но съ конца XIV-го в., по случаю появленія и преобладанія Западныхъ грамотъ, **г** и **к** начинаютъ рѣдѣть: ихъ мѣсто заступаютъ чисто-смягченныя, безъ участія шипящихъ, **дь** и **ть**, въ видѣ обоюднаго начертанія **ћ**, или же **дь**, смягченное до степени небнаго **і**. Въ этомъ вѣкѣ собственно-Сербскія, Зетскія и Черногорскія грамоты всѣхъ болѣе держатся прежнихъ **г** и **к**; за ними весьма упорно слѣдуютъ Турецкія и Дубровницкія, которыя въ этомъ случаѣ рѣзко отличаются отъ другихъ Западныхъ грамотъ; прочія же, какъ-то: Боснійскія, Хлумскія и Травунскія, предпочитаютъ болѣе и болѣе звукъ **ћ**. Сдѣсь пока довольно объ этомъ предметѣ: мы коснемся его еще

разъ, когда будемъ говорить о зубныхъ. Напослѣдокъ замѣчу, что Русскій языкъ можетъ всего болѣе служить посредникомъ и пояснителемъ въ этомъ дѣлѣ, ибо онъ мягкія *д* и *т* превращаетъ въ *ж* и *ч*, а эти послѣднія суть не что иное, какъ мягкость гортанныхъ *г* и *к*. По сему, если Сербскія мягкія сочетанія: **гꙗ, кꙗ, гѥ, кѥ, гю, кю** примемъ за тожественныя съ *жа*, *ча*, *же*, *че*, *жу*, *чу*, что такъ и должно быть на самомъ дѣлѣ, и если сравнимъ эти послѣднія съ подобными имъ у прочихъ Славянъ, то увидимъ, что Сербскій языкъ ничѣмъ существенно не отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій. Разница только въ томъ, что Сербскіе писцы овременили и нагляднымъ образомъ выразили неуловимый и мгновенный переходъ языка отъ одного сочетанія къ другому: отъ сочетанія твердой согласной съ мягкою гласною къ сочетанію мягкой согласной съ твердою гласною.

Гортанныя *г*, *к*, *х*, будучи твердыми по природѣ, сочетаются, по общеславянскому правилу, только съ твердыми же гласными: Ц.-Славянскій языкъ строго держится этого правила; прочія нарѣчія болѣе, или менѣе отступаютъ отъ него. Впрочемъ, при этомъ сочетаніи никогда не должно забывать того, что сказано нами о свойствѣ звуковъ *е* и *и*: звуки эти, по стародавности своей, ставъ на ряду съ другими основными звуками, расширили наровнѣ съ ними кругъ своего употребленія; *е* изъ полумягкаго сдѣлалось и твердымъ и мягкимъ; *и* изъ мягкаго достигло извѣстной твердости и совершенно отвердѣло въ *ы*. Отъ того, если мы встрѣчаемъ непосредственное соединеніе гортанныхъ съ этими звуками, то не должны послѣдніе считать мягкими. Но если, кромѣ того, въ Древнесербской письменности гортанныя являются въ соединеніи съ явно-смягченными гласными, вопреки своей твердой природѣ, то это свидѣтельствуетъ лишь о смягчающей силѣ Сербскаго нарѣчія, которое самымъ грубымъ согласнымъ придаетъ мягкій отзвукъ. Претвориться въ этихъ случаяхъ въ соотвѣтствующія мягкія онѣ не могутъ, ибо это было бы противно духу Славянскаго языка; за то писцы сочетаютъ ихъ съ мягкими гласными, принаравливая къ Сербскому произношенію. Сочетаніе гортанныхъ съ мягкими гласными возрастаетъ по мѣрѣ усиленія народной стихіи. Разумѣется, въ XV-мъ в. и въ Западныхъ грамотахъ оно достигаетъ наибольшей степени развитія. Примѣровъ довольное количество: **гюкара, гꙗара** (С. №№ 44, 63), **ксакꙗ, -є** (С. №№ 44, 84, 101, 144), **кєпалнє, -є** (С. №№ 44, 71), **поморьскꙗ, поморскꙗ** (С. №№ 51, 52), **кєралєкцы, гєєискы** (В. № 2), **слꙋгє, рашкє** (С. № 81), **срьскє, босаньскє** (С. №№ 81, 84), **рꙋкє** (С. №№ 84, 125, 127), **вѣкє** (С. № 86), **инкє, конлвадскє** (С. № 96), **дрꙋгє** (С. №№ 96, 144), **євайгєлью** (С. № 97), **єваигєлистє** (С. №№ 100, 106), **инкєю,-кєи** (С. № 100; А. № 17), **єваигєлию,-листи** (С. № 101), **вєликє** (С. №№ 104, 132, 133), **дꙋбровачкє** (С. №№ 107, 127, 133), **дєкєврїа** (С. № 111), **тьрьгє, толикє, внєкє, хєрцєга** (С. № 132), **кєфалїю, -а, -ию, -їє** (С. № 137; А. №№ 18, 19; З.), **босанскꙗ** (С. № 145), **гєѡргїє, гєѡргїє, ѧнггєлиє** (С. № 178), **стрꙗчькє, досоꙋгємь** и пр. (С. № 176; здѣсь господствуетъ почти исключительно одно є), **гєѡргїа** (Г. А), **калогєрь, калꙋгєрь, калоꙋгєрє** (З.; А. № 17; Г. Б), **кєлии, -є** (А. №№ 4, 17), **гєрвасиѥ** (А. № 8), **сокꙗ** (А. №№ 10, 14, 17), **гєрмань** (А. № 11), **прꙗєисоки, срьпскє** (А. № 14), **кагєнарємꙗи** (А. № 17), **гєрасимь** (А. № 18), **дохоткє, рꙋкє** (З. А.), **гюрьгь, -ємь, гюргь, -ꙗ, -ю, -ємь** и т. д., **гюрашь, гюргєвикь, гюргица, гюргєкꙗ** и пр. (С. №№ 2, 21, 63, 64, 67, 70, 71, 72, 91, 93, 137, 138, 146, 147, 175, 176; А. № 6; мон., Шим. № 3; Г. III, №№ 77, 79, 81, 83—87; Г. V, № 6; VI, № 21). Хотя здѣсь **г** законное, ибо

это слово заимствовано изъ Греческаго языка, однако Сербскій языкъ, сочетавъ его съ мягкою гласною, подвергъ дальнѣйшему преобразованію, претворивъ въ мягкое *д* и отвердивъ гласную: нынѣ Сербы говорятъ и пишутъ *ђурађ*. Припомнимъ еще примѣры, приведенные нами гораздо прежде по случаю излишняго смягченія б-ы **г** въ **ю**.

На оборотъ, въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ допущено употребленіе б-ы **ы**, не разъ встрѣчается сочетаніе гортанныхъ съ твердымъ **ы** по правилу Ц.-Славянскаго правописанія сочетавать твердыя согласныя съ таковыми же гласными; на пр.: **уг҇кы** (А. NN№ 1, 5), **погыбноути, кр҇ксkыхь** (А. № 6), **погыбѣли, срьбскыхь, помор҇скыхь** (А. № 7), **сербскыхь србскыихь** (А. № 8), **великый, скрьбкыхь, вс҇акыи** (А. № 9), **ѩзыкы, срьбскыи, -мь, кыйкь, драгыша** (А. № 5), **косорит҇скыи** (А. № 10), **вьсакыи, црк҇выими, хилайдарскые, инакы** (А. № 11), **гльбокыи** (А. № 12), **ризничкыи** (С. NN№ 137, 138), **назухы** (С. № 178), **всахуьскымь** (С. № 176), **ношански, дроугыи** (Ш. № 14), **потуьскыми** (Ш. № 15), **гинскы** (В. № 2) и т. д.

Обыкновенный видъ перезвука гортанныхъ есть переходъ ихъ въ соотвѣтствующія имъ шипящія и свистящія. Словообразованіе и словодвиженіе имѣютъ каждое свой перезвукъ гортанныхъ: первое требуетъ перехода ихъ въ шипящія *ж, ч, ш*; второе—въ свистящія *з, ц, с* (съ нѣкоторыми исключеніями). Сербскій языкъ въ томъ и другомъ случаѣ сходится съ прочими Славянскими нарѣчіями и не требуетъ большихъ поясненій. Какъ въ древней своей письменности, такъ и въ теперешнемъ своемъ состояніи онъ наблюдаетъ при словодвиженіи перемѣну твердыхъ гортанныхъ въ соотвѣтствующія имъ мягкія, сходясь въ этомъ отношеніи съ Ц.-Славянскимъ. Въ словообразованіи же онъ слѣдуетъ общему духу Славянскихъ языковъ и образуетъ производныя слова отъ коренныхъ точно такъ же, какъ и другія Славянскія нарѣчія. По этому мы и не считаемъ нужнымъ много распространяться объ этомъ предметѣ: довольно привести нѣсколько примѣровъ для поясненія дѣла. Такъ въ словообразованіи **г** переходитъ въ **ж**, на пр., **божиюь, божаство** и пр. отъ **богь**; **натражаяь** отъ **натрагь** и пр.; **к** переходитъ въ **ч**, на пр., **доходачаць** (С. № 173) отъ **доходакь**; **ручници** отъ **руна**, и пр.; **х** переходитъ въ **ш**: **душа** отъ **духь**; **сьгрѣшити** и **сьгрѣха**; **сьврьшити** и **врьхь** и пр. Какъ особенность, должно замѣтить слѣдующіе случаи обоюднаго употребленія и замѣны буквъ: **дюбровькане, венетекькога** (С. № 16), гдѣ **к** не смягчилось въ **ч** вопреки обычному образованію: **дубровьчане** (мн. р.), **бьнетьчьска** (С. № 10); **ѿ. цѣги** (А. № 15), ср. **чиа҇** (мн. р.), **мисега** (т. е., **мисеца**, С. № 99), **покантинарь**, **покентинарь** и пр. (С. NN№ 106, 107, 114, 127, 128), ср. *centum*; **дражоевикь** (С. № 144) вм. **драгоевикь, ѕинѕо**, (гнездо, А. № 8), **дражеславь** (С. № 57) вм. **драгославь**; **присежомь** (С. № 57) вм. **присегомь, ѿврьшь** (А. № 5), ср. **ѿврьхь** (А. № 4). Во всѣхъ этихъ случаяхъ слова, оставаясь въ одномъ и томъ же положеніи, имѣютъ двойственную форму. Словодвиженіе требуетъ, какъ сказали мы, перехода гортанныхъ въ шипящія: объ немъ и его особенностяхъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Б-а **г** опускается передъ б-ю **к** въ словѣ **лько** (А. № 1). Она же опускается передъ б-ю **д** въ формахъ **тада, тьда**, ср. **тогда, тога҇** (см. в.). Впрочемъ, сдѣсь собственно нѣтъ ни опущенія, ни вставки б-ы **г**, ибо присутствія частицы **да** нельзя отрицать и въ тѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ постоянно она имѣетъ при себѣ *г* въ словахъ *тогда, всегда* и пр., какъ, на пр., Русскомъ. Эта частица сродна съ двумя другими **ды** и **де**, и всѣ эти частицы существуютъ

въ томъ, или другомъ видѣ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, образуя собою различные роды нарѣчій мѣста и времени. Сродство б-къ *г* и *д* заставляетъ подозрѣвать въ окончаніяхъ *-гда*, *-гды* удвоеніе звука *д*, который выразился въ *г* и тутъ же рядомъ съ нимъ въ *д*. Это доказывается, во первыхъ, тѣмъ, что одни изъ Славянскихъ нарѣчій имѣютъ въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ мѣста и времени звукъ *г*, другія же въ тѣхъ же самыхъ словахъ не имѣютъ его, ср. *когда*, *тогда* и *kiedy*, *tedy*, Санскр. *kadá*, *tadá* и пр.; во вторыхъ, присутствіе сдѣсь звука *г* ничѣмъ другимъ удовлетворительно объяснено быть не можетъ. Б-а г употреблена весьма замѣчательно въ словахъ стєпагиь, агрьхидиꙗкомь (печ., А. № 9). Такое употребленіе составляетъ единственный случай въ нашихъ письменныхъ памятникахъ: сдѣсь г, вѣроятно, отправляетъ такое же служеніе, какое д въ формѣ раздрушимо, т. е., ради благозвучія.

По той же причинѣ находимъ постоянно сєнтєбра (С. № 43), сєнтє (С. № 54), сєнта (Г. VI, № 2), сєнтємбра (С. № 158). Въ нынѣшнемъ народномъ Сербскомъ языкѣ этого слова нѣтъ, такъ какъ оно иностранное, а по тому старинные книжники, желая образовать его на народный ладъ, измѣнили или Латинское *p* въ словѣ *september*, или Ц.-Славянское п въ словѣ сєптябрь въ болѣе, по ихъ мнѣнію, благозвучное н.

Б-а п передъ слѣдующимъ к опускается подобно тому, какъ мы видѣли исчезновеніе б-ы г передъ н въ словѣ льно; по этому слово кьпирь имѣетъ другую сокращенную форму: кири, кирє, кирємь (С. №№ 108, 109).

Б-а х вставлена подобно б-ѣ г въ словѣ всєдхьскыимь (С. № 176).

Наконецъ замѣчу сдѣсь о Греческой б-ѣ ѯ. Она, какъ извѣстно, допускалась въ Кириловской письменности; она же допускается и въ древней Сербской, но замѣтно слабо, преимущественно въ грамотахъ собственно-Сербскихъ. Ту же букву Сербскіе писцы чаще выражаютъ чрезъ кс, а иногда, по смягчающему свойству своего языка, чрезъ кьс, на пр., алєкьси (С. № 16), алєкьсаи (С. № 124). Даже чрезъ кьѯ: алєкьѯандрь, алєкьѯандрь (С. № 61). Что касается до Греческаго сочетанія *γγ*, то и оно при посредствѣ Д.-Булгарской письменности перешло въ Сербскую, на пр., аггєлскы (А. № 6), аггліи (А. № 10), агглóмь (А. № 11), аггльскиим, архагглъ (С. № 35), архагглъ (С. № 165), архагглы (А. № 20) и т. д. Обычное же правописаніе употребляетъ, сообразно съ произношеніемъ, нг или ньг; но иногда находимъ даже: Аггкліиє, Аггєлиниа (С. № 178; Г. V), что показываетъ, что начертаніе гг, какъ и ѯ, уже утратило для Сербскихъ писцовъ свое значеніе и только списывалось ими безсознательно.

Мы въ кругу *шипящихъ* и *свистящихъ*. Эти звуки, по своему образованію, позднѣе гортанныхъ, и въ глубочайшей древности долженствовалъ быть языкъ, отразившійся въ языкѣ Вѣдъ, который могъ обходиться безъ нихъ, ограничиваясь одними гортанными. Славянскія нарѣчія богаче другихъ Индоевропейскихъ языковъ развили у себя составъ мягкихъ согласныхъ звуковъ и преимущественно гортанныхъ; въ нихъ самихъ есть такія нарѣчія, которыя, сравнительно съ другими, довели это смягченіе до высшей степени, каковы Польское и Лужицкія. Сербское усвоило себѣ всѣ шесть звуковъ, отвѣчающихъ попарно гортаннымъ *г*, *к*, *х* и общихъ прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Эти звуки суть *ж*, *з* (*г*); *ч*, *ц* (*к*); *ш*, *с* (*х*). Мы уже видѣли ихъ соотвѣтствіе въ двухъ главныхъ дѣйствіяхъ языка, словообразованіи и словодвиженіи. Рядъ первообразныхъ и первостепенныхъ гортанныхъ звуковъ производитъ въ своемъ видоизмѣненіи два ряда второсте-

пенныхъ звуковъ, которые, каждый непосредственно, образуются изъ гортанныхъ. Въ образованіи ихъ уже участвуетъ не одна гортань, но и небо. Языкъ, приражающій ихъ при посредствѣ гортаннаго органа къ небу, принимаетъ такое же послѣдовательное направленіе, какое сжатіе гортани при образованіи гортанныхъ. Отсюда по порядку происходитъ первый рядъ приращенныхъ звуковъ, въ которомъ первое мѣсто, отвѣчающее гортанному *г*, занимаетъ *ж*, второе, отвѣчающее *к*, — *ч* и третье, отвѣчающее *х*, — *ш*. Въ этомъ ряду *ж* есть слабѣйшій и какъ бы невнятнѣйшій звукъ, *ч* — средній, а *ш* — самый твердый и внятный, ибо, по порядку образованія, *ж* рождается всѣхъ ближе къ гортани, а *ш* всѣхъ далѣе отъ нея; но извѣстно, что чѣмъ далѣе отъ гортани образованіе звука, тѣмъ сжатіе органа, а по тому накопленіе голоса больше, и тѣмъ звукъ тверже и увѣсистѣе; напротивъ, по мѣрѣ приближенія къ гортани, звукъ слабѣетъ и улетучивается, ибо вещественности въ немъ менѣе. Такъ какъ этотъ рядъ производныхъ звуковъ образованіемъ своимъ одолженъ приращенію языка къ небу или тому органу, который въ области гласныхъ производитъ мягкое начало, то и онъ, въ свою очередь, является полнымъ претвореніемъ твердыхъ гортанныхъ въ мягкія и совершеннѣйшимъ ихъ сляніемъ съ мягкимъ началомъ, по чему звуки его по большей части соединяются уже не съ мягкими гласными, но съ твердыми. Слѣдовательно, *ж*, *ч*, *ш* суть соотвѣтствующія мягкія для твердыхъ *г*, *к*, *х*: это шипящія буквы. Второй рядъ производныхъ образуется помощію тѣхъ же органовъ, но только при дальнѣйшемъ слѣдованіи образующаго ихъ органа отъ неба къ зубамъ, при чемъ послѣдніе уже принимаютъ замѣтное участіе. По этому какъ вообще этотъ рядъ слабѣе, тоньше, уже предыдущаго, такъ и въ немъ самомъ опять являются три степени силы голоса: слабѣйшій звукъ есть *з*, отвѣчающій звуку *г*, средній *ц*, отвѣчающій звуку *к*, и сильнѣйшій *с*, отвѣчающій звуку *х*. Это суть узкіе, тонкіе звуки, и по тому они называются свистящими. Они представляютъ дальнѣйшее смягченія гортанныхъ и приводятъ ихъ къ зубнымъ. Самый обычный переходъ разнорядныхъ звуковъ совершается между ближайшими. По этому въ Славянскихъ нарѣчіяхъ всего чаще и легче смѣняются гортанныя съ шипящими, шипящія съ свистящими и свистящія съ зубными. Въ однорядныхъ слабыя переходятъ въ твердыя: *ж* въ *ш*, *з* въ *с*. Что касается до соединенія съ мягкими гласными, то Славянскія нарѣчія, взятыя въ совокупности народныхъ говоровъ, оба рода звуковъ соединяютъ съ твердыми и мягкими, но не всѣ нарѣчія и не всѣ звуки въ равной степени, какъ и вообще при шипящихъ они предпочитаютъ твердыя гласныя. Когда духъ языка требуетъ смягченія при столкновеніи гортанныхъ съ мягкими гласными, тогда мягкость гласной переходитъ въ твердое существо гортанной и измѣняетъ его въ мягкое шипящее, а мягкая гласная становится уже твердою. Таковъ главный и общій законъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Д.-Булгарское, Русское и Сербское поддерживаютъ его во всей силѣ; если же въ Д.-Булгарскихъ рукописяхъ и встрѣчаемъ исключенія въ пользу соединенія шипящихъ съ мягкими гласными, то это означаетъ уже вторичное смягченіе, или уподобленія гласнаго звука мягкому согласному. Подобныя исключенія встрѣтимъ и въ древней письменности Сербовъ. Разсмотримъ же оба ряда производныхъ звуковъ независимо отъ ихъ производителей, гортанныхъ. При взаимныхъ частыхъ и разнообразныхъ перезвукахъ, ими совершаемыхъ, мы не можемъ ихъ разсматривать иначе, какъ вмѣстѣ, подвергая изслѣдованію какъ одноорганныя, т. е., однорядныя, такъ и разноорганныя, т. е., междурядныя, смѣны звуковъ.

Но Сербскій языкъ не удовольствовался тѣмъ, что претворилъ гортанныя въ шипящія и свистящія: онъ еще самыя гортанныя, не претворяя ихъ тамъ, гдѣ не слѣдовало по законамъ Славянскаго языка, смягчалъ въ ихъ настоящемъ произношеніи и выражалъ это смягченіе на письмѣ чрезъ непосредственное сочетаніе съ мягкими гласными. Такъ точно поступилъ онъ и съ ихъ видоизмѣненіями — шипящими: не довольствуясь собственною ихъ мягкостію, онъ сочеталъ ихъ еще съ мягкими гласными вопреки общеславянскому разумному правилу ставить твердую гласную при смягчившейся уже согласной. Это происходило отъ большой любви Сербскаго языка къ смягченію. Сербскіе дьяки пишутъ иногда прѣкю (А. № 2), вкракюйть (А. № 6), кюдо, кюдесь (А. NN№ 5, 7, 11; С. NN№ 175, 176; Г. А, Б), кракю, токю (токію, А. № 8), блжю, обракю, сьдрьжеи, рекшюмоу, оукжаше, оукениномь и пр. (С. № 176; сдѣсь почти всюду е), проуа, ѡвнуаи, норуа (А. № 14), наше, -е, -ега, -его, -емв, -емь (С. NN№ 66, 81, 86, 96, 99, 100, 104, 107, 108, 109, 127, 133, 144, 176; З. А.), же (С. NN№ 66, 68, 81, 100, 103, 176; З. А.), болше (С. NN№ 66), више (С. NN№ 66, 81, 96, 100, 101, 104, 108, 110, 127, 134, 144, 157; З. А.), желанное, послаше (С. № 68), нарикють (З.), иже (С. № 81; З. А.), ималкьше, више (С. № 81), анкокю, кюждь (А. № 19), дароваше (С. NN№ 84, 96, 107), изидоше (С. NN№ 84, 99), рекени, -емв, -ога, рекени, -ено (С. NN№ 81, 103, 104, 112, 134, 145; З. А.), уѧкѣке, уѧвке, улокѣке, -е (С. NN№ 85, 114, 144; З. А.), наке, -е (С. NN№ 86, 89, 96, 103, 104, 107, 132), кювамо (С. № 91), полаке, мужемь, срдкено (С. № 96), показаше (С. NN№ 96, 107), даше, -е (С. NN№ 96, 107, 122, 125, 127), прошение (№ 99), еже, накетань, инкемь (С. № 100), велможе (С. № 101), дрьжеть, какера (С. № 103), блже, видивше, кюе, коркю (С. № 104), може (С. NN№ 107, 127, 144), више, -е (С. NN№ 107, 114, 134, 144, 157), шесть (С. NN№ 108, 124, 130), душе, (С. № 112), придлуже, прьнедуже, прѣдуже (С. NN№ 112, 115, 126), кедѣхь, угодивше (С. № 127), потеже (С. № 130), жегвѣе, имаше (С. № 132), клоше (С. № 134), погибьше, блаженомь (З. А.; сдѣсь всюду одно е), поуела (С. № 144), ниже (С. № 145) и пр. Бо́льшая часть примѣровъ, какъ видно, ограничивается 6-ю е. Кромѣ двухъ словъ: кюе и коркю, всѣ прочіе примѣры съ ю и а (ѧ) приходятся на долю собственно-Сербскихъ грамотъ; напротивъ, всѣ съ е принадлежатъ Западнымъ грамотамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первыя, т. е., съ ю и а, порождены были сколько ухомъ Сербскихъ писцовъ, столько же и вліяніемъ Ц.-Славянской письменности, гдѣ подобные случаи не рѣдки. Но если въ Сербскомъ языкѣ того требовало самое смягчающее свойство языка, то въ Д.-Булгарскомъ такое сочетаніе, вѣроятно, произошло или отъ вліянія посторонней стихіи, или отъ утраты разумнаго правописанія и неумѣнья различать слухомъ сочетаніе оу и ю отъ т. п. Кстати замѣчу, что если въ древней письменности писцы позволяли себѣ писать кюдо, кракю, то въ наше время, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ писать *жучју* [1] (тв. сд.), а лучше *жучу*, хотя сдѣсь и присутствуетъ стяженіе по случаю двойнаго смягченія: *жучи-ју*, *жучию*. Шипящія не любятъ сочетоваться съ мягкими гласными; но за то тамъ, гдѣ въ концѣ именныхъ, или глагольныхъ формъ онѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ 6-ю е, требуютъ измѣненія этой 6-ы въ е, чѣмъ и доказывается главнѣйшимъ образомъ мягкое начало, вошедшее въ ихъ

---

[1] Въ Сербской граматикѣ В. С. Караджича.

природу. Впрочемъ, Сербы не вездѣ различали **є** отъ **о** въ сочетаніи съ шипящими и порою ставили послѣднее вмѣсто перваго. Такъ мы находимъ: **сьгрѣшившомоу** (З.), **обновльшомоу** (А. № 12), **по нашои** (А. № 14; С. №№ 91, 101, 102), **рожшомꙋсє** (А. № 19), **при стопоунꙗшои** (С. № 90), **вишьшои** (С. №№ 95, 136), **просиѣшомꙋ** (С. № 178) и пр. и пр. Само собою разумѣется, что сочетанія свистящихъ, при которыхъ Славянскія нарѣчія свободно допускаютъ присутствіе твердой и мягкой гласной, хорошо различаются между собою въ произношеніи по твердости и мягкости, и по тому Славянское правописаніе старается отличить ихъ на письмѣ. Сербскій языкъ оказываетъ сдѣсь любовь къ твердости; онъ не имѣетъ многихъ изъ мягкихъ свистящихъ сочетаній, на пр., *зя*, *зю*, *сю*, *ця*, *цю*, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда въ сложномъ словѣ случатся предлоги, оканчивающіеся на *ь* и имѣющіе за собою гласную, или вообще кромѣ слитія звуковъ, на пр., *зяти*, т. е., *зияти*, *сютрадан*, т. е., *сь ютрадан*, и т. п. Древняя же Сербская письменность гораздо снисходительнѣе къ мягкимъ сочетаніямъ, ибо она заглядывалась весьма много на Ц.-Славянскую. Съ одной стороны она, согласно съ общимъ свойствомъ народнаго языка, позволяла себѣ писать даже **сю** вм. **сꙋ** (С. № 89), хотя сдѣсь именно народъ говоритъ *су*; съ другой стороны, въ одномъ и томъ же словѣ употребляла она то твердое, то мягкое сочетаніе, смотря по тому, какой стихія держалась. Такъ какъ въ словахъ, исходящихъ на **ꙁ** и **ц**, окончаніе не было вполнѣ установлено и звучало однажды твердо, другой разъ мягко, то Ц.-Славянская стихія придавала имъ мягкость, а народная твердость. Сербъ произноситъ нынѣ *кнез*(ъ), *отац*(ъ), а древній Булгаринъ произносилъ **кнѧꙁь**, **отьць**. Отъ того въ Д.-Сербской письменности мы видимъ колебаніе: **кнеꙁомь**, **-ꙁѡ**, **-ѻ**, **-ѻь**, **кнеꙁѻ**, **кнеꙁомь** (С. №№ 21, 35, 56, 81, 89, 96, 98, 99, 107, 114, 117, 120, 128, 129, 132, 133, 141—145, 156—158, 164; А. № 19), **кнеꙁовъ** (З.), **кнеꙁовомь** (С. №№ 153, 154) и **кнеꙁємь**, **кнеꙁємь** (С. №№ 5, 14, 43, 81, 98, 99, 114, 118, 176), **пꙋнеꙁомь**, **пинеꙁомь** (С. №№ 127, 140). Но б-а **ц** какъ въ древнекнижномъ, такъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ требуетъ сдѣсь **є**, хотя, безъ сомнѣнія, допускала и **о**, ибо находимъ **ꙁꙋкцомь** (С. № 144), какъ нынѣ *зецом*, *месецом*. Б-а **с** пользовалась обыкновенно твердостію Въ творительномъ же п. ед. ч. женскаго р. на **-омь** всегда **о**, а не **є**.

Разсмотримъ теперь взаимныя смѣны претворенныхъ. Б-а **ж** чрезъ уподобленіе переходитъ въ твердую **ш**: **тєшка кривина** (С. № 93), **мꙋшкога**, **-омь**, **ѻ**, **-ѡ** (С. №№ 96, 98, 104, 107, 108, 112, 115, 126), **натрашка**, **-кꙋ**, **-шька** (С. №№ 96, 107, 112, 126), **рꙋсашки**, **-ка** отъ **рꙋсагь** (С. №№ 101, 120, 127, 133), **тєшкоћа**, **-ћє** (С. №№ 107, 140), **витєшка** (С. № 157), **тєшко** (С. № 167), **ꙋрькєнобрꙋшкє** (С. № 176), **глашки** отъ **глажь** (З. А.) и пр. Въ нынѣшнемъ языкѣ то же; но въ наше время слѣдовало бы дать правописанію положительныя правила, на которыя оно могло бы упираться иногда вопреки устному произношенію. Извѣстно, что законы словообразованія не всегда сходятся съ благозвучіемъ языка.

Б-а **ж** замѣнена б-ю **с** въ словѣ **кокꙋєсцꙋ** (С. № 121).

Б-а **ж** замѣняетъ **ꙋ** въ словѣ **свꙋдѻбꙋ** (С. № 111).

Б-а **ж** смѣняется съ б-ю **ꙁ** въ словахъ, **жиждитєла** (Ш. № VII), **стрєꙁємо** Ш. № XVIII; въ С. № 20 — **ж**), **жиждємоу** (С. № 176), **иждравилєка** (З. А.), **провижиꙋть**, **-юмь**, **-на**—очевидно приморскій выговоръ, испорченный Итальянскимъ языкомъ, (С. №№ 162, 169, 170, 171), **вьжълюбляинною** (Г. V) и въ выраженіи

ижинхъ (**иꙁь инхь**, С. № 114). Сверхъ того въ словообразованіи и словодвиженіи **ꙁ** часто переходитъ въ **ж** по общимъ законамъ перехода узкой въ шикорую.

Б-а **ж** замѣняетъ **ї** подъ вліяніемъ Итальяскаго языка въ словѣ **мажа** (т. е., **маїа**, С. № 170).

Б-а **ж** придается, по образцу Итальянскаго языка, къ слову **иванъ**: **живана** (С. № 133). Также формы: **жань**, **-и** (С. NN№ 3, 4, 5, 12, 13, 17), **жвкь**, **-на** С. NN№ 16, 17), **жвиевника**, **-ѣа** (С. NN№ 74, 129), **жвдиемь** (С. № 132) отзываются Итальянскимъ произношеніемъ. Вообще Итальянское вліяніе отразилось въ нашихъ памятникахъ весьма слабо; оно ограничилось произношеніемъ нѣкоторыхъ иностранныхъ словъи им енъ собственныхъ въ приморской береговой полосѣ, преимущественно въ Дубровникѣ.

Б-а **ж** замѣняетъ Турецкое **дж** или, по нынѣшнему Сербскому и Румынскому правописанію, б-у **џ**, на пр., **санжакь**, **хвжеть** (С. № 164).

Взаимная смѣна б-ъ **ꙁ** и **с**, столь обыкновенная въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣетъ мѣсто и въ Сербскомъ языкѣ въ его древней письменности. Причина тому созвучіе и благозвучіе. Есть буквы, которыя почти всегда требуютъ этой смѣны: таковы **п**, **т**, **к**, **х**, **ц**, **ч**. Примѣровъ бесчисленное множество; предлоги **вьꙁ-**, **вꙁ-** и **вьс-**, **вс-**, **вꙁ-** и **вс-** смѣняются весьма часто: выше, говоря о б-хъ **в** и **в**, мы разсмотрѣли бо́льшую часть примѣровъ. Замѣчательнѣе прочихъ: **вьсвращеніе** и **всможе** (С. № 89). Та же смѣна происходитъ въ предлогѣ **сь**, какъ въ сложныхъ словахъ, такъ и передъ словами, начинающимися съ согласныхъ **б**, **г**, **д**, **ж** и др., кромѣ вышеназванныхъ **п**, **т**, **к**, **х**, **ц**, **ч**. Но во всякомъ случаѣ смѣна эта происходитъ не иначе, какъ только при непосредственномъ соединеніи этого предлога съ послѣдующимъ словомъ, при чемъ полугласная уже опускается. Отдѣльно стоящій предлогъ **сь** никогда не употребляетъ перезвука, кромѣ одного случая: **ꙁь** (Ш. № VII). Далѣе находимъ эту смѣну въ предлогѣ **ис** вм. **иꙁ**: **искони** (А. № 1), **испратимо** (С. № 3), **истеба** (Мк.), **испасти** (С. № 35), **иствге ꙁемле** (С. № 43), **испрька** (С. № 46), **ӥурвка** (С. № 51), **исправе** (С. № 55), **испралю** (С. № 70), **испра́лае** (С. № 85), **исправи** (С. № 100), **искомвна** (С. № 127), **испратили** (С. № 144), **искниге**, **исписахь** (С. № 37), **испада**, **ӥсходи** (А. № 12), **исцеринце** (А. № 19) и пр. и пр. Даже въ слѣдующихъ случаяхъ: **ись** (С. № 12), **исьнесть**, **исьдавьна**, **исьпвдити**, **исьхабить** (С. № 16), **исьправи** (С. № 19), **исьдаде** (С. № 21). Въ выраженіи **ӥꙁстоуге** (А. № 6) писецъ колебался между тѣмъ и другимъ звукомъ;—въ предлогѣ **прѣꙁ**: **прѣсто** (т. е., **прѣꙁь то**, С. № 3);—въ предлогѣ **беꙁ**: **бестрьга** (С. № 80), **беспорѣнна** (С. № 98), **беспльтний**, **бесконен** (А. № 6), даже **бесь** (С. NN№ 14, 21, 26), **бесьправья** (С. № 26) и пр.;—въ предлогѣ **ниꙁ**: **нисnотокь** (А. № 19);—въ предлогѣ **раꙁ**: **распраклаю** (С. № 25), **распии** (Г. Б) и пр.;—въ нарѣчіи **расьвѣ** (С. № 16); и еще въ словахъ: **исьма**, **ськоноль** (С. № 16), **мерьсно** (С. № 116), **ꙁвисаливь**, **-а** (С. NN№ 117, 127), **ꙁдѣ**, **ꙁде**, **ꙁѐ**, **ꙁѐ** и т. д. (мн. р.) вмѣсто **сьдѣ** (**сь-дѣ**) Отсюда видна причина этого перехода, причина общеславянская, именно, вліяніе послѣдующей сильной или густой согласной, переводящее и предыдущую слабую или легкую въ сильную.

Б-а **ꙁ** передъ **с**, **ж**, **ч** и **ꙁ** иногда выбрасывается, на пр.: **растакль** (А. № 1), **иꙁемли**, **-е** (С. NN№ 3, 73), **расвди** (С. № 9), **беꙁакаше**, **-ѣ**, **-е** (С. NN№ 24, 43, 101, 102), **бесвдьце** (С. № 26), **бесмѣне** (Мк.), **иское** (**иꙁь свое**, С. № 66), **вьчисльно** (В. № 2), **беꙁаконно** (З.), **беꙁаконие** (С. № 76), **расв** (**раꙁсв**, С. № 78), **расвтие** (С. № 88), **истока** (**иꙁь стока**, С. № 94), **беꙁаконьми**, **-ниѣ** (С. NN№

142, 153), **ижегре** (**изъ жегре**, А. № 19) и пр. То же въ Ц.-Славянскомъ и другихъ нарѣчіяхъ и нынѣшнемъ Сербскомъ.

Б-а **ѕ** встрѣчается только два, три раза въ Аѳонскихъ грамотахъ подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, но безъ особеннаго значенія вмѣсто обыкновеннаго **ꙁ**.: **кнѣѕъ**, **ѕлáтнць** (А № 11), на печати Лазаря: **кнѕь** (В. К.) и въ подписи грамоты деспота Стефана Лазаревича съ братомъ: **кнѕ** (А. № 19).

Б-а **ч** смѣняется съ **ц** въ немногихъ словахъ: эта смѣна, столь обильная въ Н.-Лужицкомъ и Русскихъ подрѣчіяхъ, Бѣлорусскомъ и Новгородскомъ, и не чуждая другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, Н.-Булгарскому, Полабскому и пр., не нашла себѣ простора въ Сербскомъ языкѣ и является въ немъ лишь въ видѣ исключенія. Въ нашихъ памятникахъ попадаются только слѣдующія слова: **црьвенобрешког** и **чрьвенобрѣшке** (С. № 176), **црьнича** (А. № 12), **цревникь** (С. № 62), **церинце, -ꙗ** (А. № 19), **црешна, црѣповникю** (А. № 17), **црьлене** (С. № 121), **цѣкати** (С. № 142), **црѣнѡ** (С. № 157), **пьчникь** (С. № 164) и **пьцникь** (С. NN№ 100, 167), **цьрносникь** (Мл.) и съ Итальянскимъ выговоромъ: **канчеларии** (С. №.106). Нынѣ въ приморьи слышится постоянно *ча* (Поль. *co*), да и вообще въ Сербскомъ нарѣчіи, преимущественно въ упомянутыхъ словахъ, существуетъ этотъ перезвукъ.

Б-а **ц** переходитъ въ **ч** въ словообразованіи и словодвиженіи обыкновеннымъ порядкомъ.

Б-а **ч** употреблена вмѣсто **ж** въ словѣ **чиве** (С. NN№ 47, 48), ср. **живе, -ꙗ** (С. NN№ 41, 43, 48—50, 55, 56, 62) и вмѣсто **ж** или **жд** въ союзѣ **тамоче** (С. № 32), если только это не недосмотръ справщика.

Б-а **ч** замѣняетъ иногда **т** въ окончаніи именъ отечественныхъ, какъ въ Ц.-Славянскомъ нарѣчіи. Въ этомъ нельзя не признать близкаго сродства зубнаго мягкаго **т** съ смягченнымъ въ видѣ **ч** гортаннымъ **к**, по чему видѣть въ этой замѣнѣ вліяніе Ц.-Славянской стихіи можно столько же, сколько и не видѣть его. Правда, примѣры оканчиванія отечественныхъ именъ на **-чь** не многочисленны и составляютъ весьма малую часть въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ употреблено окончаніе **-ть**, или **-ћь** и **-кь**; но это не мѣшаетъ думать, что Сербамъ не противно было окончаніе **-чь**: это послѣднее находимъ и въ нынѣшнемъ ихъ языкѣ въ словахъ: *Радич* и *Раич*. Тѣ же слова постоянно встрѣчаются въ этой формѣ въ нашихъ памятникахъ: **радичь, ра̑ничь, -ча, -чѹ, -чемь, -чевѣ** (С. NN№ 60, 79, 80, 86, 98, 99, 108, 111, 112, 115, 126, 133, 139, 145; З. А.), **раниче** (С. № 61); также **михочь, -ча** (С. NN№ 83, 85, 156), **подимочь** (С. № 84), **грѹбачь** (С. № 98), **драгѹлевичь** (С. № 158). Замѣчательно, что въ одной старинной Боснійской грамотѣ 1249 года, болѣе Восточныхъ удаленной отъ Ц.-Славянской письменности, читаемъ безъ исключенія: **обьчевовичь, гѹметичь, скрачичь, дрѹговичь, банчь, одрашьчичь, кьлкасовичь** (Г. VI, № 1). Это и заставляетъ насъ отрицать сдѣсь Ц.-Славянское вліяніе, хотя съ другой стороны присутствіе во всѣхъ прочихъ грамотахъ, даже Аѳонскихъ, окончанія **-ть, -ћь** и **-кь** отвергаетъ народность окончанія **-чь** и заставляетъ видѣть въ немъ лишь странное исключеніе. Сверхъ того б-а **ч** замѣняетъ мягкое **т** въ словахъ: **мочи, панкѹче, некѹче** (С. № 16), ср. **кѹћѣ, кѹке; досѹчи** (С. № 60) и въ иностранномъ **марча** (**марта**, С. NN№ 141, 170).

Въ словѣ **слобочтине** (С. № 120) б-а **ч** замѣнила сочетаніе **дьшт**, а въ словѣ **падче** (С. № 150) б-у **ш**. Въ словѣ **нетчьскыми** (Ш. № 15) выразилось колебаніе между формами: **неть**, т. е., **неће** и **некь**. Въ словѣ **чтета, -е, -ѹ, чтета, чѣта, ѡчтетите, ѡчтетѣ** (С. NN№ 22, 36, 55, 66, 77, 113, 114, 132) **ч** замѣнило

ш, выражающее собою мягкость звука **т**; ср. **щета** (чит. *штета*). Точно то же должно сказать и о словѣ **чьто, что, чтѡ, ҷто** (А. №№ 1, 3, 4, 5, 6, 14, 16, 19; Ш. № VII; С. №№ 2, 3, 21, 26, 68, 176; Мк.; З.), **ничьто** (С. № 20), **иничьто** (С. № 21), **ничто, иничто** (Мл.) и пр., которое замѣняетъ общеупотребительное **що** (чит. *што*). Въ этомъ словѣ нельзя не замѣтить вліянія Ц.-Славянской стихіи, которая дѣйствовала преимущественно на ближайшія къ себѣ Аѳонскія грамоты и весьма слабо на всѣ прочія. Въ XV-мъ в. только одна Черногорская грамота, какъ видно, заимствовала у нея форму вмѣсто народной *што*.

Въ словѣ **санчакь** (С. № 168) б-а **ч** замѣнила *дж* (џ), какъ и нынѣ *бардакчия*.

Б-а **ц** замѣняетъ собою, какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ, сочетанія **дс** и **тс**, на пр.: **госпоцтво, г͡споцтва** и т. д., **госпоцка, г͡споцкѡ** и т. д. (С. №№ 37, 75, 96, 98, 102, 104, 107, 116, 117, 120, 121, 127, 132, 133, 140, 142—144, 150,—154, 156, 159; Ш. № 16; Мл.), **г͡дноцтвовати** (А. № 18), **проклецтво, проклецтва** (С. №№ 78, 93, 104), **сладицки** (С. № 88), **брацтво, -а, брацка** (С. №№ 107, 114, 120, 127, 141), **скарнѡцкомь** (С. №№ 118, 127, 133, 141) и пр.; и обратное сочетаніе **ст**: **братцка** (С. № 126).

Б-а **ц** замѣняетъ **с**: **є҃. цаать** (**є҃. сьть**, С. № 127), **девєтьцать** (С. № 130).

Переходъ б-ы **с** въ **ш** при словообразованіи и словодвиженіи, какъ и вообще переходы другихъ согласныхъ, не требуетъ поясненія примѣрами, ибо слѣдуетъ постояннымъ общеславянскимъ законамъ.

Б-а **с** смѣняется съ б-ю **ш** весьма часто въ предлогѣ **сь**, когда онъ непосредственно соединяется съ личнымъ мѣстоименіемъ 3-го л. обоихъ чиселъ и съ его притяжательнымъ, на пр.: **шнимь, -ми, шнй, шнѣь** (С. №№ 43, 45, 50, 55, 62, 76, 84, 89, 101, 102, 104, 114, 129, 142, 143, 173; А. № 15; Г. Б), **шнизовѣми, -мь** (С. №№ 55, 108), **шнигѡвими** (С. № 77), **шнихь, -й** (С. №№ 64, 77, 104, 129), **шнеговемь, -вемь, -вѣ, -вѡь** (С. №№ 112, 123, 126, 130, 156), **шнє** (съ ея, С. № 134), **шнимѡмь** (Ш. № 16). Въ томъ же предлогѣ въ другихъ случаяхъ, но весьма рѣдко: **шадьми** (С. № 102), **шлюбилѡ** (С. № 143). Написавши **сьшнимь** (С. № 16), писецъ колебался въ выборѣ того, или другаго звука. Перезвукъ этотъ существуетъ и нынѣ: въ немъ сказывается прихоть народнаго языка. Сдѣсь полугласная предлога не значитъ уже ничего и непосредственное столкновеніе звуковъ **с** и **н** производитъ переходъ тонкаго **с** въ густое **ш**, конечно, чрезъ дѣйствіе слѣдующей за **н** мягкой гласной. По той же причинѣ встрѣчаемъ, какъ и нынѣ: **кошьанинь, -а, кошанинь, -и** (С. №№ 89. 114, 120, 133, 145). Б-а **с** перешла въ **ш** въ словѣ **рошкыи** (Русскій, А. № 11), **бишкупомь** (С. № 140), **шапке** (В. К.), **чешнегѣра** и **чесмегѣрь, -ра** (С. № 164). Передъ б-ю **т** нерѣдко **с** измѣняется въ **ш**, на пр.: **клашище** (С. № 16), **у пришнич** (С. № 73), **наклашь, клаше** (С. № 78), **милошта, -ште** (С. № 132, 140, 142), **кашчле, кашчеле** (ср. *casteli*, С. №№ 140, 168), **кушѡдомь** (ср. *custos*, С. № 140), **клашнтога, -тиехь** (С. №№ 157, 159), **наклашь, мѣшто** (**мѣсто**) (С. № 164); во всѣхъ этихъ словахъ, какъ и всюду, **щ** должно произносить за **шт**. Самое слово **стефань** по тому же самому измѣняется въ **щефань**, **щифань** и т. д. (мн. р.).

Б-а **с** передъ другимъ **с** иногда опускается: **слацѣми** (т. е., **сь слацѣми**, С. № 86). Весьма часто **с** опускается въ окончаніи прилагательныхъ **-скыи, -ски** и т. д. при предшествующей шипящей: **ш, ч, ж**, на пр.: **грьчьке** (А. № 1), **рашкихь, полачке** (С. № 2), **мужкомь** (С. № 112) и пр. и пр. въ грамо-

тахъ всѣхъ возрастовъ и семействъ. Рѣдко послѣ другихъ буквъ: **хлъмьщи** (С. № 20), **срьпцѣй** (В. № 1), **властельци** (З.), **хїландарцѝ** (А. № 18), **ѕетүїишъ** (Мл.). Въ окончаніи **-ство** послѣ **ж** и **ш**: **рожьтва** (С. №№ 121, 136), **роштва** (С. № 161).

Б-а **с** замѣняетъ **к** въ словѣ **прилѣвыся** (С. № 17), ср. **прилѣвькь** (А. № 20), **прилѣвѣ** (С. № 178).

Б-а **с** замѣняетъ греческое **ξ** въ словѣ **есодиа, есодию** (А. 14).

Б-а **с** смѣняется съ **ж** въ словѣ **ижмалдомь** и **исьмалдѡ** (С. № 157).

Б-а **ш** замѣняетъ собою иногда сочетанія **ст** и **шт** (**щ**), на пр.: **паклашно** (С. № 77), **мошнаа** (С. № 114), **тисушно** (С. № 119), **краншкиих** (С. № 143), **свешпакь** и **свещникь** (С. № 130).

Б-а **ш** замѣняетъ **жд** въ словѣ **рошства, роштьства, роштва** (С. №№ 88, 125, 161), **рощва** (т. е., **роштва**, С. №№ 151, 154), ср. **рожьтва, рожаства** и т. д.

Б-а **ш** опущена при образованіи словъ въ формахъ: **въ шишатъ вѣця**, гдѣ сверхъ того еще опущено **и** (С. № 51), **садапихъ** (С. № 129), ср. *садашньи*.

Послѣ гортанныхъ и ихъ видоизмѣненій естественнѣе всего перейти къ *зубнымъ д* и *т*. Плавныя останутся у насъ назади хотя по естественному образованію, начиная отъ гортанныхъ, зубныя слѣдуютъ послѣ плавныхъ. Но это не помѣшаетъ намъ сдѣлать небольшое перемѣщеніе въ порядкѣ изслѣдованія; ибо, разсматривая свистящія, мы уже дошли до зубнаго органа, который, мы сказали, уже участвуетъ въ образованіи свистящихъ. Дѣйствительно, все, чѣмъ отличаются другъ отъ друга оба ряда буквъ, зубной и свистящій, состоитъ въ особомъ способѣ приpаженія языка къ зубному органу для образованія тѣхъ и другихъ звуковъ. Такъ для произведенія трехъ свистящихъ звуковъ языкъ едва только приражается къ зубамъ, оставаясь главнымъ образомъ при небѣ: но и тутъ приражается онъ слабѣе, или сильнѣе, смотря по свойству звука, слабѣе для *з* и сильнѣе для *с*. Для произведенія же двухъ зубныхъ звуковъ языкъ прямо приражается къ зубамъ, и при томъ въ различной степени, меньшей для *д* и большей для *т*: послѣднее произносится сильно при найбольшемъ упорѣ языка въ зубы. Это естественное сродство двухъ рядовъ звуковъ совершенно оправдывается и языкословіемъ. Духъ языка весьма тѣсно соединилъ зубныя съ гортанными при посредствѣ двухъ рядовъ претворенныхъ гортанныхъ. По тому и мы, вслѣдъ за послѣдними, должны разсмотрѣть зубныя. Нѣтъ другихъ двухъ самостоятельныхъ рядовъ, которые бы были соединены между собою столь тѣсно, какъ соединены зубныя съ гортанными и производными отъ нихъ. Главнѣйшая внутренняя связь состоитъ въ ближайшемъ органическомъ переходѣ отъ одного ряда къ другому, а главнѣйшая внѣшняя связь, истекающая изъ первой, состоитъ въ томъ, что бо́льшая часть Славянскихъ нарѣчій для смягченія зубныхъ *д* и *т* прибѣгаютъ къ шипящимъ, ведущимъ свое начало отъ гортанныхъ, а Сербское даже замѣняетъ, какъ мы видѣли, мягкія зубныя мягкими (по произношенію) гортанными, и на оборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ увидимъ, мягкія гортанныя замѣняетъ мягкими зубными. И такъ мы въ средѣ зубныхъ. Разсмотримъ ихъ прежде всего независимо отъ гортанныхъ и ихъ претворенныхъ.

Во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ существуетъ постоянная замѣна слабаго звука *д* сильнымъ *т*, если не въ письменномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ разговорномъ языкѣ. Сербскіе писцы, слѣдуя вообще устному произношенію словъ и не имѣя, конечно, никакой мысли о послѣдовательномъ правописаніи, нерѣдко

смѣшивали оба звука въ своихъ грамотахъ. Такъ мы читаемъ: плоть (плодъ), свобоштьно, -ии, сутьбине (тяжбы), ꙁлать (ꙁладь), пинтакрь (С. № 16), ѿьцу, ѿца, -и, -омь (С. №№ 21, 84, 92, 118, 178), рѣ (рьть, С. № 39), вида (Вита, С. № 51), иостадинь, -ѡ (С. № 61; А. № 14), слатко, -о, -он, -аго, -омга, -у (С. №№ 62, 83, 94, 96—102, 104, 107, 114), слатними (№ 175), тадьбе (С. №№ 66, 78), млатко, -ѡ, -ѡ, -а, -у, -омь, млатновнѣа (С. №№ 66, 112, 115, 126, 141—144, 157, 158, 163, 169), дохотькы, дохотка, -е, -ци, -е, дохотки (С. №№ 66, 78, 83, 114, 137; З. А.; Мл.), свтцa, ср. свѧдоки (С. № 73), господьтьство (С. № 85), срца (С. № 96), прит, прѣт, прѣт (предъ, С. №№ 104, 114, 117, 129, 133, 134, 159), гатко (гадкой, С. № 114), ѡботци, -е, ѡбоцѣехь (С. №№ 121, 134), сртьтинами, срьтьчаньство (С. № 136), потписахсе, -хь, побписахсе (С. №№ 162, 163, 171), ѡну, чиѡнѣ, ѡне, -ога, ср. ѡну, ѡнѣ и пр. (С. № 168), хиланѣтарь (А. № 11), ср. хиландарь (мн. р.) и пр.; ѡ и ѿ, ѿь смѣняются постоянно почти во всѣхъ грамотахъ, по волѣ писцовъ, безъ различія мѣста и времени: большею частію въ одной и той же грамотѣ существуютъ обѣ формы. Но вообще ѡ рѣже, чѣмъ ѿ, ѿь, ѡдь и преимущественно встрѣчается въ древнѣйшихъ грамотахъ. Смѣна б-ъ д и т происходитъ и въ нынѣшнемъ языкѣ Сербовъ и мѣстами вошло въ правописаніе.

Б-ы д и т часто опускаются передъ различными образовательными окончаніями словъ: хота (А. № 1), ср. хотѣе (А. № 6), дица, -е, -и, -у, -ами, дица (С. №№ 3, 37, 46, 76, 78, 96, 97, 98), исьца (С. № 14), проиаства (С. № 16), у бищехь (С. № 43), срьтаии, -о, -ога, -е, -ию, -ихь, -иехь, -и, -ими, -емь, сртаиу, прѣсрьтьии (С. №№ 37, 59, 68, 84, 89, 94, 98, 104, 128, 132, 141, 151, 152, 154), милосиѧ, милосиога (С. №№ 77, 173), срца, срьце, -а (С. №№ 78, 86, 93, 98), чьсио, -омь, -ѡь, часии, -ога, -омь, -ѡь, -омь, -омь, -ѡ, -ими, прѣчьсиу (С. №№ 81, 83, 85, 86, 88, 89, 92, 95, 98, 99, 101, 104, 113, 133, 136, 145, 150, 157), ѡбласии (С. №№ 84, 107), слацѣми (С. № 86), госпоство, -у, госпоство, гпоство, госпоскои (С. №№ 89, 97, 111, 138), срьчаньство, сручаство (С. №№ 96, 98, 103), бащиньско (С. № 140), власиика, -ѡ (С. №№ 150, 153), ѡбоца (С. № 157), дѣчани, дечане и дѣтчани (С. № 176) и пр. Встрѣчаемъ еще слѣдующія опущенія б-ъ д и т: ꙁрако (С. № 5; но у Ш. № VI—ꙁдрако), срѣжѡмо (С. № 20), ср. стрѣжини (С. № 16), ѡтиинѣмь, отино (С. №№ 78), ѡць, -а, -у, -омь, -е, -емь (мн. р.), покрѣплѧю, -пити (С. № 77). Впрочемъ, что касается до слова ѡць и его видоизмѣненій, то привычка писать въ немъ ѡ съ титлою и легкость опущенія титлы, при поспѣшности писцовъ, могли придать ему эту форму. Но съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что Сербское ухо не любило сочетанія тьц, равно какъ вообще сопоставленія зубныхъ т и д съ ц, ч, с, куда относится бóльшая часть приведенныхъ нами примѣровъ. И нынѣ Сербы любятъ опускать *д* и *т* предъ *ц*, *ч*, *џ*, *п* и *б*, когда имъ предшествуютъ *ж*, *з*, *с*. Зубныя передъ зубными весьма часто опускаются: ити (С. №№ 3, 17, 43, 91, 111, 137), прити (С. №№ 26, 112, 120, 157), потврьдѣти (С. № 77), потврьюемо (С. № 78), ѡписати, ѡога (С. № 98), ѡдаиась, ѡдьвроиника (С. № 102), ѡога, ѡтѣхь (С. № 107), педесть (С. № 112), педесеть (С. №№ 125, 130), ѡбитьа (ѡ добитьа, С. № 127), педесть (С. №№ 131), шесьдесеть (С. № 130), ѡ тѣхь (ѡ техь, С. № 139), ѡ тѣи (ѡ тѣи, С.-Д. М. № 2), ѡтеси, да ѡтешу (А. № 19), ср. ѡтеси (А. № 14). И на оборотъ, д поставлено безъ нужды передъ т въ словѣ ѿдтворено (С. № 125). Сдѣсь писецъ, по разсѣян-

ности, принялъ ѡ за предлогъ ѿ и написалъ ѿь: это показываетъ, что онъ не сочинялъ, но списывалъ грамоту. Случается иногда, что писцы принимаютъ предлогъ ѿ за другой предлогъ ѡ. Есть и такія повторенія: ѿдаксе (С. №№ 136, 154), ѿдаска (С. № 150), гдѣ писца сбили, кажется, титлы. Вообще титлы не привлекали на себя надлежащаго вниманія Сербскихъ писцовъ, и точность ихъ употребленія часто страдаетъ въ нашихъ грамотахъ.

Ц.-Славянскій языкъ прибѣгалъ иногда къ благозвучному д передъ б-ю р послѣ ж, ҁ: точно то же и почти въ такой же мѣрѣ замѣчаемъ и въ Сербской письменности. Но должно обратить вниманіе на мѣстность грамотъ, въ которыхъ встрѣчается благозвучное д: вьждеть, -вь, -вати (А. №№ 1, 2, 17), вьждѣть (А. № 18), раҁдрѣшимо, -шии, -шити (С. №№ 3, 35, 178), жьлдающе, жьлдеть (С. №№ 16, 77), ждрѣби, -їю, ждрѣбию, ждрѣбы (С. №№ 62, 176; А. №№ 11, 16; Г. V), ждрѣбца (А. № 6), раждежина, -женоу, -а, -жений (А. №№ 7, 10; С. № 62), раждегаемь, раждегше (А. №№ 11, 14), иҁдравлѣка, иҁдравилька, иждравилека (С. №№ 89, 95, 150; З. А.), приждиждимь (С. № 175), раҁдроушити (Мл.). Изъ этѣхъ грамотъ бо́льшая часть принадлежитъ собственной Сербіи, одна Черногоріи: всѣ онѣ, кромѣ С. № 62, относятся къ духовнымъ надачамъ и по тому въ большей степени допускаютъ вліяніе Ц.-Славянской стихіи. Что касается до остальныхъ, то одна Дубровницкая, С. № 3, есть древнѣйшая изъ этой семьи и писана, слѣдовательно, въ то время, когда Кирилловскій письменный языкъ былъ общнѣе для всѣхъ грамотъ, и когда въ немъ господствовали пріемы восточной Сербіи; при томъ же она обращена къ Владиславу, королю Сербскому, и заключаетъ договоръ съ нимъ Дубровничанъ, а по тому въ нее легко могъ вкрасться образъ слова, принятый православными Сербами отъ древнихъ Булгаръ. Нѣсколько Боснійскихъ грамотъ списываютъ одна у другой одно и то же слово, освященное употребленіемъ въ Д.-Булгарской письменности; ввести благозвучное д въ другія слова онѣ не смѣютъ, ибо того не требуетъ народность языка. Но не совсѣмъ же должно отнимать у Сербскаго языка возможность допущенія благозвучнаго *д*: и въ немъ находимъ нѣсколько словъ съ этимъ *д*, каковы на пр.: *ждерати*, *ждлеб*, *ждрак*, *ждракнути*, *ждрал*, *ждриеб*, *ждриебе*, *ждриело*, *ждркляй*, *раздриешити* и т. д. За то эти слова какъ бы остыли въ своей формѣ и кромѣ ихъ *д* благозвучное не можетъ быть употреблено. Въ нашихъ же грамотахъ замѣчаемъ нѣкоторую свободу относительно благозвучнаго *д*, особенно въ словѣ приждижнымь, и можемъ догадываться, что писцы въ этомъ отношеніи прислушивались къ Ц.-Славянскому произношенію.

Звуки *д* и *т* пользуются особенною мягкостію произношенія въ языкѣ Сербовъ. Тѣмъ не менѣе Сербскіе писцы, желая болѣе нагляднымъ образомъ означить ихъ мягкость, позволяли себѣ очень часто соединять эти звуки съ мягкою гласною є, ю. Это соединеніе, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, допускается и для другихъ согласныхъ. Оно выказываетъ наглядно то внутреннее свойство, которое заключается въ самихъ звукахъ: писцы не видѣли въ немъ удвоенія мягкости, но только наружное выраженіе внутренняго мягкаго свойства согласныхъ звуковъ; они хотѣли только показать, что если д и т соединяются съ мягкою гласною, то они должны произноситься мягко. По этому они писали, какъ произносили: приятель, -ю, -е, -ство (С. №№ 16, 100, 104, 107, 132), обрѣте (С. №№ 2, 144), приходе, ѹтета, наиде (С. № 22), тере, -рь, -ре (С. №№ 22, 96, 108, 112, 126, 157), властель, -е, -е, -оиь, -емь, -ями (С. №№ 22, 66, 81, 84, 86, 96, 99, 100, 103, 104, 106—109, 125, 127, 133, 144,

157), матере, -ию, -ю (С. №№ 66, 86, 103), приходещемь, свободе, кладе (С. № 66), ноутено, -ога, -омь, -нимь, поученога, -омь, -е, -ним, -ниими (С. №№ 66, 81, 99, 100, 107, 125, 127, 132, 134, 144; Г. VI, № 2), пра- при- родитель, -а, -и, -ье, -ие (С. №№ 66, 81, 84, 96, 99, 103, 104, 127, 132, 133), вкете, вките (С. №№ 66, 81, 103), буди, -е, -еть (С. №№ 66, 68, 86, 96, 99, 104, 106—110, 112, 122, 127, 157, 168), те, ти (С. №№ 68, 84, 86, 104), годи (С. №№ 74, 112), свиде, каждеде, вседрьжителю, стефани (С. № 81), господе (С. №№ 81, 84, 128), видещи, трьстено, тенауић, прћунсте (С. № 84), ноутение, -ью, поученью (С. №№ 84, 96, 104, 107), виде, дери (С. № 86), христеви, дести (С. № 92), теи, девето-надѐто (С. № 96), воеводе, -и, воеводе, воиводе (С. №№ 99, 100, 109, 114, 122, 127, 129, 133, 134), хоте, -и (С. №№ 86, 96, 107, 112, 126), стежанию, -ью (С. №№ 99, 100, 103, 104), тебѣ, житьмуиде (С. № 100), крьсте (С. №№ 100, 124, 127), мучителие, сиде (С. № 103), роти, -е (С. №№ 104, 132), приучени (С. № 104), двадесети, -сти, приде, -и (С. №№ 104, 109), двиате (С. №№ 106, 126, 127), даде (С. №№ 106, 125), евангелисте (С. № 106), кьде (когда, С. №№ 106, 109), жорете (С. № 107), десете, -те, -ти, -ть (С. №№ 107, 108, 112, 130), декети, -то (С. №№ 108, 109), златѝ, педесть, стеинковнию (С. № 112), исхоти (С. № 117), господи, воевѐе (С. № 120), злате (С. № 126), допаде, степаномь, евангѐте, свете (С. № 127), прстени, -икомь, прьстенихь (С. №№ 130, 134, 157), петедесеть, докьде (С. № 130), тридесть (С. № 131), видеѣи, -ѣе, донде, праведе, шете, винограде, посиде, посѣде (С. № 128), еван-гѐте (С. № 133), гдѐ (С. № 138), сѣдеть, будемо, ходе (С. № 144), исходи (С. № 164), ведети (С. № 168) и пр. Изъ этихъ примѣровъ видно, что смягченіе зубныхъ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ и употребленіе мягкихъ начертаній е и и. Обращая вниманіе на первое изъ нихъ, можемъ предполагать, что не вездѣ внутреннее свойство зубныхъ, но иногда просто одно наружное начертаніе подавало поводъ къ такому написанію. Въ нѣкоторомъ родѣ доказательствомъ можетъ служить то, что съ и, кромѣ одного исхоти (С. № 117), подобнаго соединенія зубныхъ мы не встрѣчаемъ: слѣдовательно, сдѣсь сущность въ начертаніи е. Мы не приводили примѣровъ для ие, замѣняющаго ѣ, хотя и оно стоитъ иногда на мѣстѣ е, и е, и, стягивающаго ие, ии. Далѣе видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ е замѣняетъ ѣ, а въ нѣкоторыхъ съ мягкимъ е, и сочетованы такія д и т, которыя, въ другихъ грамотахъ, но въ тѣхъ же формахъ, переходятъ въ ѣ, или г и к. Собственно эти послѣднія, т. е., по природѣ своей мягкія, а не мягко только произносимыя, д и т, равняющіяся Ц.-Славянскимъ жд и шт, требовали бы сочетанія съ мягкими гласными; но старинные писцы, по примѣру Глагольскаго письма, и по обыкновенію своему, хотя рѣдкому, еровать согласныя вмѣсто іотированія гласныхъ, употребили для этихъ д и т особое начертаніе ѣ, которое и сочетали съ твердыми уже гласными. И такъ намъ теперь предстоитъ рѣчь объ этой новой буквѣ, какъ достояніи одной Сербской письменности. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ ней, бросимъ взглядъ на другаго рода смягченіе зубныхъ д и т, сохранившееся въ Д.-Сербской письменности и имѣющее съ этою буквою непосредственную связь.

Если сравнимъ Сербскія мягкія д и т съ таковыми же прочихъ Славянскихъ нарѣчій, то увидимъ, что одно только Сербское нарѣчіе прямо и непосредственно смягчаетъ эти звуки, произнося ихъ чисто и мягко въ тѣхъ даже случаяхъ, гдѣ прочія Славянскія нарѣчія прибѣгаютъ къ различнымъ звуковымъ

видоизмѣненіямъ, гдѣ, большею частію, одни произносятъ: *жд* и *шт*—Д.-Булг. и Н.-Булг.; другія *ж*, *ч* — Рус. и Малорус.; третьи *дз* (*dz*), *ц* (*c*)— Словац., Польск., Бѣлорус.; четвертыя *з* (*z*), и *ж* (*ž*), *ц* (*c*)—Чеш.; пятыя *з* (*z*), *ц* (*c*)— Н.-Луж.; шестыя *дж* (*dž*), *ч* (*č*) — Карпаторус., Хорв.; седьмыя *дж* (*dž*) и *з* (*z*), *ць* (*ć*)—В. Луж., восьмое скрадываетъ *д*, обращая его въ *й* (*j*), а *т* произноситъ, какъ *ч* (*č*)—Хорут. Разумѣется, въ Ц.-Славянскомъ языкѣ **д** и **т** не всегда переходятъ въ сочетанія **жд** и **шт**: они остаются мягкими сами по себѣ безъ посторонняго звука, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ тѣхъ же самыхъ словахъ они смягчаются съ помощію посторонняго звука подобно первымъ: такъ **дѣдъ**, **чѧдь**, **дьнь** въ Польскомъ: *dziad*, *czeladz*, *dzień*, въ Лужицкихъ: *dźed*, *čeledź*, *dźeń*, *źeń*, въ Бѣлорусскомъ *дзень*; но въ другихъ нарѣчіяхъ остается чистое мягкое *д*; **ити**, **тихо** въ Польск. *iść*, *cicho*, въ Луж. *hić*, *ćicho*, *hiš*, въ Бѣлор. *ицци*, *цихо*; но въ другихъ нарѣчіяхъ чистое мягкое *т*. На оборотъ, Ц.-Славянское **шт** часто остается безъ перемѣны по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, т. е., при необходимыхъ видоизмѣненіяхъ, никогда не покидаетъ своего сложнаго произношенія и вовсе отличается отъ перваго **шт**: тогда какъ первое **шт** переходитъ въ *ч*, *ц*, это второе **шт** постоянно звучитъ или какъ *шт* (*št*), или какъ *щ* (*szcz*, *šč*), или какъ *сц* (*sc*). По этому, говоря о Кириловскихъ мягкихъ **д** и **т**, надобно непремѣнно означать ихъ произношеніе **дь**, **ть** и **жд**, **шт**. Сербскій языкъ въ древней своей письменности былъ, какъ мы видѣли, весьма остороженъ въ замѣнѣ мягкихъ **д** и **т** гортанными **г** и **к**, подвергая этой замѣнѣ только тѣ изъ нихъ, которыя въ Ц.-Славянскомъ языкѣ переходили въ **жд** и **шт**, и только въ немногихъ формахъ замѣняя этѣми буквами просто мягкія **дь** и **ть** и твердое **д**; также свое **шт** никогда не выражалъ б-ю **к**. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, равно какъ и въ старину, въ устномъ (а не книжномъ) языкѣ, онъ вообще мягкія *д* и *т* произносилъ и произноситъ чисто, безъ примѣси побочнаго призвука; но неизмѣняемое **шт** въ немъ всегда остается такимъ же, на пр., *јоште*—**еще**, **еще**, **ещь**, кромѣ единственнаго исключенія **аке**, **ако**, нынѣ одно *ако*, которое совершенно отвѣчаетъ Ц.-Славянскому **ашти**, какъ и въ Чеш. древнее *ač*, Словац. *až*. Нынѣ Ц.-Славянское **жд** едва ли не въ единственномъ словѣ *нужда* нашло себѣ мѣсто, но и это слово не пользуется у Сербовъ народностію, а только сохраняется между книжнымъ людомъ, вѣроятно, какъ остатокъ церковнаго образованія. Съ этимъ смягченнымъ **д** не должно смѣшивать неизмѣненнаго **жд**, являющагося при словопроизводствѣ: оно въ старину и нынѣ у Сербовъ не измѣнялось и не измѣняется въ **г**, **ћ**, *ђ*, на пр., *мождити*, *междити* отъ *мозак* (мозгъ) и т. п.

Теперь посмотримъ, въ какой степени древняя Сербская письменность удержала Ц.-Славянское **жд** и съ какимъ видоизмѣненіемъ? Съ самыхъ первыхъ памятниковъ, т. е., уже съ XII-го в. показываются два вида смягченнаго *д*— **жд** и **ж**; послѣднее напоминаетъ Русское и Чешское нарѣчія. Въ XII-мъ в. находимъ: **рожьства** (А. И.), слово, которое по своему вѣроисповѣдному значенію должно бы было долѣе другихъ сохраниться въ своемъ Ц.-Славянскомъ образѣ. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ его въ этомъ, или близкомъ къ этому, образѣ въ нашихъ грамотахъ всѣхъ семействъ и всѣхъ вѣковъ до самого конца XV-го в. Даже нынѣшніе Сербы, по уваженію къ его духовному значенію, удержали въ своемъ языкѣ слово *рожанство*, то же, что *Божић*, между тѣмъ, какъ всѣ остальныя слова, производныя отъ *род*, произносятъ съ чис-

тымъ мягкимъ *д* (*ђ*). Въ другой грамотѣ того же вѣка, ближайшей къ Ц.-Славянской стихіи, читаемъ: **комоуждє, господжди, єжє, тѣмьжє, сємоужє, иникоже, ѣкожє, идѣжє** и пр. (А. № 1). Въ XIII-мъ в. еще продолжается употребленіе звуковъ **жд** и **ж**: **єжє, юже, иже, горажда, такождє, тажожє, якожє, расоуждєникмь, рождьшєи** (Ш. № VII), **ижє** (С. № 3), **угожьши** (С. № 7), **єжє, междѹ, рожєномѹ, такождє, прѣждє** (С. № 16), **таможє** (С. № 17), **межѹ** (С. № 22), **томоуждє** (С. № 24). Отъ грамотъ всѣхъ семей XIII-го в. наслѣдство переходитъ къ собственно-Сербскимъ грамотамъ XIV-го в.: **жє, жє, же** (С. №№ 33, 35, 39, 43, 46, 47, 50, 51, 52, 62, 176; Мк.; В. № 2; З.), **рожьшаго, ѡжєоу, оугожьшихь** (Мк.), **надєжю** (С. № 51), **гжє, гпожи** (С. №№ 47, 51), **потврьжати, -жєнию, -жѹи** (С. №№ 46, 52, 55, 62), **наслажєниꙗ, жижємоу, рожєнаго, вельблоужь, троужьшасе** (С. № 176), **межоу, межѹ, межоу, междоу** (С. №№ 39, 176; Ш. № 15; З.), **прежє, прѣжє, прѣжьнии** (С. №№ 40, 43, 46, 62; В. № 2; З.), **инуємѹжє, утврьжаєть, -жєниє, -жєни, врѣжєнию** (С. №№ 46, 50), **поневжє** (С. № 55), **госпожомь** (С.-Д. М. № 1; въ С. № 46—**госпогѡ**), **понужєниє** (С. № 62), **съзиждѹ, тажє, угожьшїи** (В. № 2), **тоуждоу, такождє, госпожда, -и** (З.) и въ мѣстоименіи относительномъ **иже** во всѣхъ родахъ, падежахъ и числахъ (Мк.; С. №№ 35, 46, 50, 51, 52, 62, 176; В. № 2). И преимущественно къ Аѳонскимъ: **жє, жє, жє** (А. №№ 2—15, 18; Г. А.; В. № 1), **ѹ- оугожьшии, -ихь, -и, угождєниє угожьшихь** (А. №№ 3, 5, 7, 12, 14), **потроужєниє, -и, потрѹжєниє** (А. №№ 3, 5, 18), **оу- оу- оу- ѹ- потврьжєниє, -ꙗ, -ꙗ, -їє, -їю, -їа, -но, -ѹ, -иноу, -ѹ, -о, -ниꙗ, -иїи, -жати, -ютсє, оутврьжєно, потврьниѹ** (А. №№ 3—12, 14, 15, 18), **прѣжє, -ждє** (А. №№ 3, 5, 11), **наслажєниꙗ, ноужи** (А. № 4), **надєжє, -и** (А. №№ 6, 8), **рождьшоу, -иа, -рожєноу** (А. №№ 6, 18), **свобожєныꙗ, тоужє** (А. № 7), **гжє** (А. № 9), **изважєниємь, -їємь, -їємь** (А. №№ 9, 10, 15), **ѡбхожєнїємь, оурєжєно, ѡноудоужє** (А № 10), **комоужо, одѣждами** (А. № 11), **по- врѣжєна, -ѹ, -иѹ** (А. №№ 11, 12, 13), **вєлбуждѹ** (А. № 14), **наказєнїємь** (Г. А) и въ мѣстоименіи относительномъ **иже** со всѣми его видоизмѣненіями (А. №№ 2—13, 15, 18; Г. А). Въ Зетскихъ того же вѣка: **рожьства, -ѹ** (С. №№ 63, 64, 71), **тѣмжє** (С. № 71). Въ Западныхъ грамотахъ конца этого же вѣка: **єжє, єгожє, такожєжє, потврьжєнию, -жающе, ниже, иникомжє** (С. № 66), **такожє, -ждє** (С. №№ 66, 85), **икожє, рожьствѹ** (С. № 68), **рожьства, иже** (С. № 78), **рожаства** (С. №№ 80, 84), **утврьждєньє, -єнием, -ємь, -жаютсе, -жєнѹ** (С. №№ 81, 84, 85), **рожьтва, рожєниꙗ** (С. № 81), **жє** (С. №№ 81, 84, 85), **иже, єже, инхьже** (С. № 84). Изъ этихъ примѣровъ XIV-го в. можно легко усмотрѣть, гдѣ именно господствуетъ Ц.-Славянское **жд** съ своимъ видоизмѣненіемъ **ж**? Конечно, тамъ, гдѣ Ц.-Славянская стихія наиболѣе присутствуетъ, т. е., въ Аѳонскихъ грамотахъ; потомъ въ собственно-Сербскихъ. Въ Западныхъ же замѣчаемъ, что эти звуки держатся почти въ однихъ только тѣхъ словахъ, которыя освящены употребленіемъ и остаются какъ бы неподвижными, или помѣщены во вступленіяхъ, гдѣ рѣчь настроивается на книжно-церковный ладъ. Эти слова не могутъ итти въ уровень съ движеніемъ языка и всегда остаются позади, коснѣя въ своихъ образахъ. Въ XV-мъ в. Восточныя грамоты опять представляютъ нѣсколько разительныхъ примѣровъ подраженія Ц.-Славянскимъ формамъ: **жє, жє** (С. №№ 90, 111, 137, 176, 178; А. №№ 16, 17, 19, 20; Г. Б, V, С.-Д. М. 1844), **оу- ѹ- потврьжа, -жаєть, -єть, -ти, -жєниѹ, -иѹ, -ниє, оутврьжєниꙗ** (С. №№ 90, 91, 111, 137, 175; А. № 17), **прѣжє, -ным, -ждє, прѣжє** (С. №№ 90, 111, 137,

178; А. №№ 17, 19; Г. Б; С.-Д. М. 1844), **надежно**, **тъиже**, **нонѣ**, **тѹжде** (А. № 19), **поврежденоѹ** (С. № 175), **тоѹжде**, **-ихъ** (А. №№ 16, 17), **рожденомоѹ**, **многажди**, **тъиже** (С.-Д. М. 1844), **иждахъ**, **ноуже**, **-ю** (С.-Д. М. 1844; А. №№ 16, 17), **йдеже** (А. № 17), **рожьства** (С. № 165), **измаждѣнїемь**, **никтоже** (Г. Б), **даже** (С. № 178) и въ мѣстоименіи относительномъ **иже** съ его видоизмѣненіями (А. №№ 16, 17, 19, 20; С. №№ 111, 137, 176; Г. Б). Въ Черногорской: **иже**, **йже**, **еже**, **еже**, **егоже**, **тѣмже**, **троуждающеисе**, **рожьство**, **-оѹ**, **рожьшїа**, **гпоже**, **-и**, **оутверждениїю**, **оугождьшїи**, **прѣже** (Мл.); а въ Албанской: **рожьства** (С. № 148). Въ Турецкой: **тажде**, **иже**, **еже**, **ниже** (С. № 37). Кромѣ этой копіи, сдѣланной съ Сербской грамоты, въ другихъ Турецкихъ грамотахъ эти звуки не встрѣчаются. Въ Западныхъ: **же**. **же жде** (С. №№ 89, 95, 97, 99, 103, 114, 144, 150; З. А.), **утврьждаюсе**, **-ютсе**, **-ждешемь**, **-жениемь** (С. №№ 89, 95, 96), **такожеже** (С. № 100), **иже** (З. А.). Далѣе не находимъ примѣровъ. Всѣ эти слова, принадлежатъ вступленіямъ и переходятъ изъ грамоты въ грамоту, какъ отвердѣлые остатки старины. Въ другихъ мѣстахъ давно уже слышатся на ихъ мѣстѣ **ге**, **ђе**, выражающія воздѣйствіе народности на Ц.-Славянскую стихію. Въ самомъ же Сербскомъ языкѣ нѣтъ союза **же**, и по тому его виды **ге**, **ре**, **ђе** имѣютъ временное, историческое значеніе и въ Западной семьѣ исчезаютъ съ нимъ мало по малу. Но за то освященное всегдашнимъ употребленіемъ слово «рождество» постоянно сохраняетъ то **жд**, то **ж**: **рожьства** (С. №№ 105, 110, 120), **рожьства** (С. №№ 92, 102, 108, 109, 140), **рожства** (С. №№ 89, 103, 114, 115, 119, 123), **рожства** (С. № 101), **рожтва**, **рожьтва** (С. №№ 121, 136), **рождаства** (С. №№ 144, 163), **рожаства** (С. №№ 93, 116, 122, 124, 128, 130, 132, 133, 135, 141, 150, 155, 157, 158, 159). Даже въ одной грамотѣ находимъ такую замѣну: **прижие и послижие**, но тутъ же и **послидимии** (С. № 103). Западныя грамоты не любятъ звуковъ **жд** и **ж** и замѣняютъ ихъ различнымъ образомъ, преимущественно, какъ мы видѣли, б-ю **г**. О другихъ замѣнахъ скажемъ послѣ. Замѣчательна любовь, съ которою древніе Сербы замѣняли **жд** звукомъ **ж**, что показываетъ, что смягченіе **д** въ **жд** было непріятно для Сербскаго уха и сглаживалось чистымъ звукомъ **ж**. Впрочемъ, Сербы знали мягкость этого сочетанія и по тому почти всегда сопоставляли его съ твердыми гласными; исключенія весьма рѣдки: **надежю** (С. № 51), **надежю** (А. № 19), **ноуждие** (А. № 16), **такожде** (А. № 66), **утврьжденье**, **роженим** (С. № 81), **рожества**, **такоже** (С. № 100). Не мѣшаетъ также замѣтить порядокъ звуковъ въ сочетаніи **жд**, противорѣчащій Хорватскому *дж* (*dž*) и условленный вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка. Только однажды попалось намъ сочетаніе **дж** въ словѣ **утврьджено** (С. № 21), что по своей единичности не заслуживаетъ большаго вниманія: грамота принадлежитъ собственной Сербіи. Присоединимъ сюда форму **мадѣ** (С. № 16), которую Шафарикъ написалъ **метде** (**межда**, **межи**, Ш. № XVI).

Равномѣрно смягченіе **т** въ **шт** было въ употребленіи въ древней Сербской письменности и замѣняло нынѣшнее чистое мягкое *т* (*ћ*). Это сочетаніе никогда, кромѣ немногихъ исключеній, не изображалось такъ, какъ мы теперь изобразили его, т. е., чрезъ **шт**; и древніе Сербскіе писцы постоянно и послѣдовательно писали его черезъ сокращенное начертаніе **щ**. Думать, что это начертаніе звучало, какъ на пр. Рус. *щ* или Пол. *szcz*, Луж. *šč*, невозможно, ибо мѣстоименіе *што*, такъ произносимое Сербами, всегда, если только употребляется въ этомъ видѣ (а не въ видѣ **что**), пишется чрезъ **що**; а это и

значитъ. что **що** читалось дьяками, какъ **што**: иначе въ столь обычномъ слове Сербскіе писцы непремѣнно проговорились бы и когда нибудь написали бы **што**, а не **що**, если бы произносили по-малоруски, какъ *що*. Дважды встрѣченное слово **на пищоу** (соб. имя, С. NN№ 142, 143) ничего не доказываетъ, ибо его могли произносить такъ, какъ оно написано, и по тому самому не прибѣгли къ начертанію **щ**, какъ не отвѣчающему этому звуку: въ Русскомъ письмѣ удобнѣе можно бы было написать *на Пищу;* но писецъ, измѣнивъ въ этомъ словѣ обыкновенное произношеніе **пиштоу** на **пищоу**, какъ измѣнялъ часто **што**, **що**, въ **что**, и какъ нынѣ Сербы говорятъ *кошчица*, не отважился однако употребить для того знакъ **щ**. Напротивъ, однажды встрѣчающіяся **што** и **пишта** (С. № 161), **шѣальницоу**, **пишѣеница**, **граднштѣа** (З. А.) и **ошаѣе** (т. е., **ощьѣе**, **още**, С. № 88) подтверждаютъ, что **щ** должно было звучать, какъ **шт**. Употребленіе **щ** вмѣсто **ш** не должно также мѣшать главному положенію, ибо весьма нечувствительная разница между тѣмъ и другимъ начертаніемъ могла иногда увернуться изподъ пера писца, или сгладиться отъ времени и вѣтхости памятника. Такъ, на пр., мы находимъ: **слышавьще** (С. № 81), **нащомь** (С. № 88), **щими**, **што** (С. № 101, копія), **варщѣиноу** (Ш. № 16). И такъ мы будемъ всюду начертаніе **щ** принимать за **шт** и, говоря о звукѣ **щ**, разумѣть подъ нимъ сочетаніе звуковъ **шт**.

Въ звукъ **щ** (**шт**) иногда обращается сочетаніе **ст** чрезъ уподобленіе **с** въ густое **ш**; на пр.: **власщь** (С. NN№ 78, 164), **влащитєга** (С. № 157), **влащице** (А. № 16), ср. *власт* и у Дубровницкихъ поэтовъ *властити*; **мѣщо** (т. е., **мѣсто**, С. № 164) и пр. Мы не приводимъ сдѣсь примѣровъ общезвуковаго усиленія **с** въ **ш** въ сочетаніи съ **т** при словообразованіи.

Мы уже выше замѣтили, что Д.-Булгарское **шт** не всегда переходитъ въ Сербскомъ языкѣ въ мягкое **ћ**, но остается иногда неизмѣняемымъ, звуча одинаково въ обоихъ языкахъ. Для доказательства приведу примѣры изъ нашихъ грамотъ. Такъ Ц.-Славянскія имена на **ште**, **шта** исходятъ у Сербовъ на тѣ же самыя окончанія: **соудищи**, **-а** (А. № 1; С. № 176; Мл.), **непроища**, **-ще** (А. NN№ 1, 6, 8), **граховища** (Ш. № VII), **ранищє** (С. № 11), **градище**, **-е**, **-а**, **-ихь** (А. № 6; Мк.; С. № 176; З. А.), **свинищехь**, **тєгєвищихь** (Мк.), **поконище** (А. № 2), **пашище**, **-й**, **-ихь** (А. NN№ 6, 10; Мк.), **селище**, **-е**, **-ꙋ**, **-емь** (А. NN№ 6, 12, 13; Ш. № 15; С. № 176), **крстанище** (А. NN№ 6, 8), **вещѐ**, **-и**, **-емь** (А. NN№ 3, 4, 5), **вещина**, **-е** и т. д. съ производными (мн. р.), **годище**, **-а** и т. д. (мн. р.), **го́дищини** (А. № 17), **кѣлꙋчищи**, **ꙋ жєльꙋнищихь**, **сьснища** (А. № 6), **добрища**, **-щи** (А. № 7; С. № 39), **свѣтилищномь**, **ꙁасѣдалище**, **ꙁаводищи**, **ва̊рдищане** (С.№ 176), **огнищи** (З.), **ирище**, **-ѣхь** (З.; С. № 132), **сирокище**, **-а**, **-ѣхь**, **-ихь** (С. NN№ 94, 96, 114, 176), **водѣничища** (А. № 5), **жилища́** (А. № 10), **гоумнища**, **цр҃квища** (А. № 12), **многощи** (С. № 55), **околище** (Ш. № 15), **приходища**, **-й** (С. № 114; З. А.), **милоща**, **-ꙋ** (С. NN№ 132, 140, 142), **рищица** (З. А.). Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ эти слова, если только они существуютъ, имѣютъ тотъ же самый звукъ *шт*. Но замѣтимъ, что оканчивающіяся на **-шта**, нынѣ имѣютъ уже *-ћа*, хотя **милоща**, **вещина** остаются и теперь съ тѣмъ же звукомъ *шт*. Еще слѣдующія слова, попадающіяся въ грамотахъ съ б-ю **щ**, звучатъ, или должны бы были звучать, если бы находились въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, съ такимъ же звукомъ *шт*: **пощравати** (А. № 1), **тьща**, **щитарищовь**, **срещнь** (Ш. № VII), **ище**, **ищꙋ**, **-оу**, **ищи**, **ищеми**, **ищи́те**, **вопще**, **свищꙋ** (С. № 14, 22, 25, 43, 55, 61, 66, 130,

168, 175; А. № 7), **прощеније** (Мк.), **прѣщеније** (А. № 19), **присѫщенијемь** (А. N. 2), **соущии, -ии, -щий, -іихъ, соуще, сѫщоу, -ѫю, прѣсоущиноу** (А. NN№ 2, 3, 4, 6, 19; С. № 46, 178; В. NN№ 2), **сѫщво, сѫщво, соущствоу** (С. NN№ 95, 150; А. № 10; З. А.), **единосѫщомь** (С. № 118). Хотя всѣхъ этѣхъ формъ нѣтъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, однако Сербъ произнесъ бы ихъ такъ, какъ онѣ сдѣсь написаны, а не съ звукомъ *ћ*: ср. нын. *сушти* и пр.; **по- потьщахсе, -щиимсе, -щимсе, -щитсе -тесе, -тсе, -щасмосе, -щаєсе, -щание, потщахсе** (А. NN№ 3, 4, 5, 8, 10, 12, 14; С. № 176; Мл.), **вѣщал** (А. № 4), **щипь, щѫпѣль** (А. № 6), **щедроть** (А. NN№ 6, 7), **хращань, -е** (А. № 8; С. № 118), **заѫщанію** (А. № 11), **комарщицоу, щирине, постельщака, комьщиции, щрьбець, щитарица, -и, -оу, -омь, трьновьщицоу** (С. № 176), **приплащаю** (С. № 35), **ищетоу, вещими, кобньщицомь** (А. № 12), **кощаномь** (Ш. № 14), **ирищие** (С. № 73), **слободьщине, -е, -дщине, слобощине** (С. NN№ 81, 95, 103, 133, 136, 145, 150), **навѫщѫе** (С. № 86), **прищевскога** (А. № 19), **троуновщице, оухыщренијемь** (С. № 175), **дворщиномь** (С. № 97), **племенщинѫ, -е, племеньщини** (С. NN№ 101, 118, 140), **пащровинь, -ємь** (С. NN№ 114, 117), **сѫ- противщинѫ, -е, -ѣ** (С. № 142), **новощине** (С. № 153), **крщенија** (Г. Б), **навлащь** (С. NN№ 78, 164), **влаще** (С. № 78), **влащице** (А. № 16), **влащитога, -нехь** (С. NN№ 157, 159), **бродовщинѫ** (С. № 168), **благовѣщенью** (С. № 169), ср. **кметщина** (Мл.). Присоединимъ сюда **щета, -е, -ѫ, щете** (С. NN№ 89, 101, 132, 144), **стьпени** во всѣхъ видоизмѣненіяхъ (мн. р.), **ωще, -е, ωщь, ощь** и т. д. (мн. р.) и **щефань, щифань** и т. д. (мн. р). Въ словѣ **щета** пропущенъ цѣлый слогъ **ть**, либо слился съ послѣдующимъ **щ**; ср. **тьщеты** (А. № 16), вѣроятно, для того., чтобы не было неприятнаго созвучія. Тѣ изъ этихъ словъ, которыя существуютъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, имѣютъ не иное что, какъ тотъ же звукъ *шт*. Бо́льшая часть изъ нихъ приводятъ къ первоначальному сочетанію *ст*, изъ котораго возникло, чрезъ перезвукъ, *шт*: слѣдовательно, сдѣсь преимущественно дѣйствуетъ уподобленіе **с** въ **ш**, а не смягченіе б-ы **т**, по чему и нѣтъ замѣны звука **щ** звуками **к** и **ћ**. Помимо этихъ случаевъ въ древней Сербской письменности находимъ употребленіе б-ы **щ** и тамъ, гдѣ она въ нынѣшнемъ языкѣ замѣняется уже однимъ мягкимъ *т* (*ћ*). Это свидѣтельствуетъ о вліяніи Ц.-Славянскаго языка и оправдывается тѣмъ, что не всѣ грамоты въ равной степени содержатъ въ себѣ **щ=ћ, ть, к**, но слѣдуютъ въ этомъ отношеніи обыкновенному порядку, не разъ нами примѣченному въ разныхъ явленіяхъ звукоизмѣненія. Въ XII-мъ в. только въ Аѳонской находимъ **щ**: **аще, ωбьщьника, нарещи, нещисе, слоужещихь** (А. № 1); въ XIII-мъ в.: **распоущають, мощьми, ωбрѣщеть, вьзлещи, прѣщение, ωставающи, аще** и пр. (Ш. № VII), **хоще. -емо** (С. NN№ 8, 14), **ѫпельщеннѣ, вьпльщинѣ, -щьнѣ, ѫпльщенѣ** (С. NN№ 14, 16, 20), **тисѫща** (С. NN№ 14, 16, 19, 20), **жьдающе, дрьжавьщѫ, ωбещамосе, повещѫ** (С. № 16), **спющє** (С. № 19), **исходеще** (С. № 20), **ωпьщинѣ** (С. NN№ 24, 32), **ωбьщинѣ** (С. № 31). Сдѣсь, какъ видно, грамоты разныхъ семей въ равной степени сохраняютъ **щ**: то же мы видѣли и относительно **жд**; это объясняется большею условностію и общностію формъ письменнаго языка, не смотря на то, ближе ли, дальше ли, стояли онѣ отъ мѣстнаго нарѣчія. Какъ Восточныя, такъ и Западныя грамоты сохраняли одинъ письменный языкъ съ извѣстными формами, установленными заранѣе подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго: эта одежда была еще столь плотна, что народность не всегда успѣвала выказываться изподъ нея. Со временемъ одежда эта обвѣтшала и дала большій, или меньшій просторъ народности,

смотря по болѣе, или менѣе благопріятнымъ обстоятельствамъ. Распаденіе языка грамотъ начинается съ XIV-го в., когда на западѣ Сербіи государственныя и вѣроисповѣдныя причины уменьшили вліяніе Ц.-Славянскаго начала въ пользу народнаго, между тѣмъ, какъ на востокѣ это вліяніе продолжало сдерживать языкъ въ болѣе постоянныхъ и однообразныхъ формахъ. Въ XIV-мъ в. шт преобладаетъ замѣтнымъ образомъ въ Аѳонскихъ грамотахъ, въ которыхъ читаемъ: прѣбывающѥи, немщона (А. № 2), пѡвнжоущесе, ѡбьщнымь, крѣствоующаго, вьсхощеть и пр. (А. № 3), помощь, -и, -и, -ію, -щницѹ, -ка, помощь, -и, -ию (А. NN№ 3, 4, 5, 7, 8, 9, 12, 14), любещиї (А. NN№ 3, 5), приносещимь, -ниимь, хотещинмиї, -ниимь, -ми (А. NN№ 3, 4), настоещиї, -ще, -ещаа, -ещиимь (А. NN№ 3, 4, 5, 13), аще, аще (А. NN№ 3, 4, 18; Г. А), живоущиимиї, -иіь, -іимь, живѹщимь, живоущіимь (А. NN№ 3, 5, 10, 11; Г. А; В. № 1), боудоущиї, боущіи, -іимь, бѹдѹщемь, -ѥи (А. NN№ 3, 5, 8, 12, 15, 18), припающе, подвижощесе, слоужещиимь, могоущиї, ѡбщиимь, гѣвоующиї (А. № 4), ҁапрещихмь, -щиа, -ща, ҁапрщамь (А. NN№ 4, 5, 10, 13, 15), ѿ- ѡбещаниѥ, наставлающе, -лающе (А. NN№ 4, 5), нарещи, двиещесе, вьпльценіа, исҁнающе, чюдещесе, свѣща, вьҁлежещь, имоуща (А. № 6), лѣтоуще, ѡбрещоуть (А. № 7), свѣдоущомоу, придоущиї (А. № 9), подвыжоущесе, трѣбоующѹ, рещи, господьствоующаго (А. № 5), вьҁвращающоусе, нарещінсе, дающоумоу, испльнающѹмѹ, глющоумоу, вѣдоуще (А. № 10), прiемлющимь, прѣдрьжещаго (А. № 11), ѡҁлащенахь, свѣщами (В. № 1), вьҁлющѹ, владоущіи (А. № 12), веселещѹсе, -щоусе (А. NN№ 12, 13), сьдрьжещѹ, црѣкующѹ (А. № 13), вѣдѹще (А. № 14), ҁрѣще, радующисе, пѡщиіци, гдиоствующиї (А. № 18), прѣдьстоеще, вьҁвращати, приносеще, просещa, помощи, тисоуща (Г. А). Въ другихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ и Законникѣ: пѡбещесе, гподьствоующихь, нищоу (Мк.), владоущихь, владѹщаго, -емѹ (Мк.; С. NN№ 44, 56), призывающоумоу, приnадающихь, прѣбывающоу, ѡбидещѹмоу (С. № 51), живоущимь, -щоу, боущемь, -щии (С. № 51, 176), аще (С. NN№ 51, 52; 3.), кльщеника хѣл (С. № 36), тисѹща, -ѹ (С. NN№ 36, 40), придѹщемь (С. № 39), ѿ- ѡбѣща, -ли, ѡбещавамсе, -аниѥ, -ѥ (С. NN№ 39, 53, 55, 69; В. № 2), пріносоущихь, жалоующимь, ѡбещасе, вѣроующимь, напльнающе, слышеще, всемогоущаа, веселещоуимсе, вклающесе, свещанимь, оумрьщіѥн, вѣдоущоумоу, помощь, свѣщинкыи, ѡбще, маломощнимь, призывающиіте, свещаше, ҁавеща (С. № 176), все- настоещаго, -ище, -ѥи (С. NN№ 40, 48, 49, 50), ѡбреще (С. № 43), всемогѹщаго, ѹстрающѹ, господствѹюща (С. № 46), ҁапрѣщениѥ (С. № 47), сьдрьжещѹ (С. № 50), веселещѹимсе (С. NN№ 50, 62), ҁапрещамь (С. № 62), вьсхощеть, трищи, двации, дающе, имоуще, тисоущоу, властелинчищь, -а, коущи, ѡбрѣщоуть, -еть, живоуще (3.). При обозрѣніи этихъ случаевъ тотчасъ же бросается въ глаза обиліе ихъ въ грамотахъ Аѳонскихъ и замѣтное уменьшеніе въ грамотахъ не-Аѳонскихъ, хотя тоже собственно-Сербскихъ, и Законникѣ. Даже изъ послѣднихъ щ встрѣчается гораздо чаще въ тѣхъ, которыя говорятъ о церковныхъ надачахъ, какъ на пр. С. NN№ 35, 51, 176; Мк., или въ Законникѣ, гдѣ вообще преобладаетъ Ц.-Славянское начало; а въ остальныхъ оно преимущественно сохраняется во вступленіяхъ, на пр. С. NN№ 46, 50. Есть слова освященныя употребленіемъ и имѣющія форму непремѣнно съ щ; таковы: всенастоещеи, владѹщии, вьпльщениѥ и т. д. Если въ такомъ размѣрѣ совершилось ослабленіе б-ы щ единственно по тому только, что она изъ Аѳонскихъ, гдѣ наиболѣе господствуетъ Ц.-Славянскій языкъ, перешла въ другія собственно-Сербскія грамоты, то еще большіе размѣры ея ослабленія должны

ожидать насъ при вступленіи въ область прочихъ грамотъ XIV-го в. Въ Зетскихъ: **тисꙋща** (С. NN№ 63, 64), **немѡща** (С. № 71). Въ Западныхъ: **хощемо** (С. № 57), **владꙋщемꙋ** (С. NN№ 59, 79); **тисꙋщи**, **-щно** (С. NN№ 66, 82, 86), **видещꙋ**, **приходещемь**, **ꙁапрещавамь**, **потврьжающе** (С. № 66), **ѡбеща**, **-ли**, **-по**, **-вамо**, **-касе**, **ѡбѣщавамосе**, **ѡбещевамьсе** (С. NN№ 66, 76, 82), **имꙋщꙋ** (С. NN№ 66, 84), **побивающих**, **испобѣдающа**, **творещa**, **помощь**, **приꙁивающа** (С. № 68), **навѣщꙋемо**, **бꙋдꙋщемꙋ**, **побѣдꙋщѣхь** (С. № 78), **ваꙁьвращене**, **нрасещесе** (С. № 81), **посилꙋщомꙋ** (С. № 82), **видещꙋ**, **помощю** (С. № 84), **нрасещесе**, **ваꙁвращени** (С. № 85). Таковы случаи, являющіеся въ Западныхъ грамотахъ XIV-го в. Ихъ немного, и число ихъ кажется еще менѣе, когда сравнимъ его съ количествомъ грамотъ. Видно, какъ нѣкоторые примѣры переходятъ изъ грамоты въ грамоту по весьма обыкновенной причинѣ — чрезъ списываніе; другіе находятъ себѣ мѣсто во вступленіяхъ. Передъ нами XV-й в. Сдѣсь повтореніе тѣхъ же размѣровъ и явленій. Въ Аѳонскихъ: **ра́дꙋющисе**, **живꙋщіи**, **ꙋющe**, **вѣщемь** (А. № 19), **ѡбрѣщете**, **прѣстоещіимь**, **испльнꙗющіимь**, **вѣщанномоу**, **приле́ющe**, **приходещи**, **а҆ще**, **боудоущиимь** (С. № 175), **предьстоеще**, **вьꙁвращатисе**, **живоущіимь**, **припадающе**, **приносеще**, **помощи**. **дъщи** (Г. Б), **и҆сповѣдающе**, **подражающе**, **хо́тещи**, **-щи**, **помощь**, **ꙁавѣщателнаа**, **ѿвестителище**. **невѣдꙋщи**, **ꙁапрещеніе**, **ѿвращахо** (С. № 178), **аще**, **обеща**, **боудоущіи** (Г. V), **живѡтворещіа** (А. № 20). Въ собственно-Сербскихъ: **бл҃говолещꙋ**, **сьдрьжещꙋ**. **владоущіи** (С. № 90), **обладающимь** (С. № 91), **владꙋщаго** (С. NN№ 138, 166, 167), **мощно**, **ѿврьꙁающомоу**, **наслѣдающомꙋ**, **ѡбладающомꙋ** (С.-Д. М. 1844)—и только. Число примѣровъ, какъ видно, значительно сократилось въ сравненіи съ Аѳонскими того же вѣка. Послѣдняя грамота принадлежитъ къ церковно-дарственнымъ. Въ Албанской: **самовладꙋщаго** (С. № 149). Въ Черногорской, относящейся къ построенію монастыря и носящей весьма ощутительные слѣды вліянія Ц.-Славянскаго языка: **но́щь**, **нарещисе**, **непꙋщеніемь**, **а҆ще**, **ѡбщѐ**, **-аго**, **помо́щница** (Мл.). Переходимъ къ обзору Западныхъ XV-го в., включая сюда и Турецкія: **кьщи** (С. NN№ 87, 108), **тисꙋщно**, **-ѡ** (С. NN№ 87, 93, 96, 99, 106, 108, 109, 112), **вьс- воꙁвращене**, **нрасещесе** (С. NN№ 89, 95) **видещꙋ**, **имꙋщꙋ** (С. № 97). **по** · **мощь**, **-щю**, **-щю** (С. NN№ 97, 101, 102, 104), **ꙁновающихь** (С. № 103), **владꙋщаго** (С. NN№ 119, 120, 126, 133, 140), **свещиннь** (С. № 130), **ꙋфающихь** (С. № 137)—и только. Сдѣсь видимъ опять тѣ же обычныя слова: **кьщи**, **владꙋщаго**, **тисꙋщно**, тѣ же вступленія и то же списываніе. Названіе креста Господня **животворещи**, **-аго**, **аго**, **-ааго**, **-а҆го**, **-имь**, **-емь**, **-рещемь**, **-рещемь**, **живо́творещааго**, **жи́вотворещааго**, **жи́вотворе́щааго**, **животво́рещаго**, **живѡтворещемь** проведено по всѣмъ семьямъ и вѣкамъ. Не смотря на то, XV-й в. замѣтно бѣднѣетъ б-ю **щ**, тогда какъ числомъ грамотъ превосходитъ всѣ прочіе: это отъ того, что **щ** (разумѣется, то, которое въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ замѣняется мягкимъ *т*) не есть Сербскій видъ для мягкаго *т*, а Д.-Булгарскій, вошедшій и въ древнюю Сербскую письменность изъ Ц.-Славянской. Мы не говоримъ сдѣсь о томъ звукѣ **щ** (**шт**), который, какъ мы замѣтили выше, присутствуетъ въ Сербскомъ языкѣ, какъ допущенный и освященный употребленіемъ замѣнительный звукъ для мягкаго *т*, или передѣланный изъ *ст*. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ **щ** взято какъ бы на время украдкою изъ Ц.-Славянскаго языка подъ его преобладающимъ вліяніемъ; духъ же Сербскаго языка не допускалъ сдѣсь, подобно предыдущимъ примѣрамъ, мягкаго сочетанія **шт**, а замѣнялъ его простымъ чистымъ **ћ**. Исторія языка покажетъ, какъ отъ несвойственнаго и заимствованнаго **щ** Сербскій письмен-

ный языкъ переходитъ чрезъ **к** къ своему народному **ћ**, которое въ этихъ случаяхъ изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій свойственно одному Сербскому. Равномѣрно **щ**, удержанное доселѣ Сербскимъ языкомъ въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ, не есть заимствованіе изъ Булгарскаго языка, но звукъ, допущенный духомъ и благозвучными условіями языка, который, какъ родственный, сошелся въ этомъ случаѣ съ Д.-Булгарскимъ и другими нарѣчіями.

Сознавая мягкость звука **щ**, равняющагося мягкому **т** (**ћ**), Сербы никогда не соединяли и не соединяютъ его съ мягкими гласными. Есть, разумѣется, исключенія, но ихъ вообще немного; таковы: **сланще**, **градище**, **напльнающе**, **слышеще**, **мелющесе**, **обще**, **скровище**, **сщени**, **просвѣщены**, **живоущен** (С. № 176), **владущем** (С. № 56), **потрьжающе** (С. № 66), **вазьвращене**, **годище**, **красещесе** (С. № 81), **живо- животворещем** (С. №№ 96, 104). Слѣсь дѣло, кажется, одной внѣшности и зависитъ отъ пристрастія писца къ тому, или другому начертанію звука **є**; такъ въ С. № 176 почти всюду исключительно одно **є**. За то въ словодвиженіи, когда за **щ** слѣдуютъ окончанія **-ога**, **-ом**, **-омь**, эти послѣднія измѣняются въ **-єга**, **-єм**, **-ємь**. Исключеній тоже весьма немного, какъ увидимъ ниже.

Въ формѣ **рощка** (С. №№ 82, 95, 98, 103, 131, 134, 139, 145, 151, 154), которая однажды написана **роштка** (С. № 161), сочетаніе **шт** или **щ** не замѣняетъ **жд**, но въ немъ **т** принадлежитъ сокращенному окончанію **-ство**, а **ш** чрезъ уподобленіе замѣнило **ж**; отъ того въ другихъ случаяхъ то же слово пишется **рожьтка**, **рожтка** и **рожстка**. Точно такъ же должно объяснять форму **боищю** (С. № 104). Видно, что Сербамъ трудно было произносить полное сочетаніе **жьство** или **щьство**, по чему они и сокращали его, прибѣгая сверхъ того къ звукоподобленію. Этимъ объясняется и форма **свщво** (С. № 9; З. А.). Въ словѣ **мощна** (С. №№ 71, 84, 97) и **можна** (С. № 144) звуки **шт** и **ж** смѣняются, смотря по тому, отъ какого понятія слово это произведено: отъ **мощь**, или отъ **мог**. Форма **мошнаа** (С. № 114) образована чрезъ уподобленіе **ж** въ **ш**. Въ формахъ **трищи** (З.), **дващи**, **-ь** (С. № 79; З.), **многищи** (С. № 94) б-а **щ** замѣнила **жд**.

Изслѣдовавши употребленіе мягкихъ сочетаній **жд** и **шт**, равно какъ замѣнительныхъ **г** и **к**, мы еще не пришли къ конечному видоизмѣненію мягкихъ **д** и **т**; но прежде, чѣмъ поведемъ рѣчь впередъ, обозримъ вкратцѣ итоги, къ которымъ насъ привело предыдущее изслѣдованіе. Такъ какъ древняя Сербская письменность сложилась изъ двухъ началъ, которыя въ разное время дѣйствовали на нее различно, то и въ отношеніи разсматриваемыхъ нами звуковъ должно признать тотъ же порядокъ въ ихъ дѣйствіи, какой многократно признавали мы прежде и какого требуютъ самыя явленія и сравнительно взятый численный объемъ ихъ: Ц.-Славянское начало съ своими **жд** и **шт** предшествуетъ, по времени, народнымъ мягкимъ **д** и **т**. Въ древнѣйшую пору, а именно, въ XII-мъ в., уже обозначилось различіе между семьями грамотъ: Боснійская Кулина имѣетъ наименѣе Д.-Булгарскихъ звуковъ, Аѳонская Немани имѣетъ ихъ наиболѣе. Но уже въ это время въ Боснійской гр-ѣ обнаружилось движеніе въ замѣнѣ сочетанія **жд** б-ю **ж** вопреки Д.-Булгарскому языку: это первый шагъ къ отчужденію несвойственныхъ Сербскому языку звуковъ. Въ XIII-мъ в. эти звуки присутствуютъ равномѣрно во всѣхъ семьяхъ грамотъ, ибо языкъ письменный былъ въ то время общнѣе для всѣхъ областей и двигался ровнѣе, не получая еще того быстраго развитія въ пользу народности, которое при-

дали ему въ послѣдствіи Западныя грамоты. Писцы строже держались условій письменности, и такъ какъ Кириловская письменность возникла въ православной Сербіи, то вліянію Ц.-Славянскаго начала былъ оставленъ въ ней большой просторъ. Въ таковъ видѣ, при робкомъ и малозамѣтномъ еще движеніи народности, письменный языкъ введенъ былъ равномѣрно во всѣхъ областяхъ Сербіи безъ видимыхъ отличій, проявившихся уже въ послѣдствіи. Отъ того въ XIII-мъ в. находимъ весьма малое количество тѣхъ народныхъ признаковъ, которые въ слѣдующихъ вѣкахъ одержали рѣшительный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскими. Но тѣмъ не менѣе количество примѣровъ показываетъ, что древніе Сербы не много дорожили Д.-Булгарскими звуками жд, ж и шт. За то Аѳонскія гр-ы XIV-го и XV-го вв. доставили имъ полное торжество надъ народными. Участіе духовенства и важность предмета, требовавшая и приличнаго языка, способствовали преобладанію этихъ звуковъ также и въ Законникѣ. Но какъ только грамоты переходятъ отъ церковно-дарственнаго содержанія къ гражданскому, договорному, торговому и т. д., звуки эти тотчасъ же уменьшаются, и весьма значительно, въ своемъ численномъ объемѣ и постепенно исчезаютъ въ XV-мъ в. въ гр-хъ Западной семьи. Б-а ж идетъ рядомъ съ жд и на половину отправляетъ ея служеніе, преимущественно въ Западныхъ грамотахъ; б-а щ стоитъ къ нимъ въ прямомъ отношеніи, и всѣ подчиняются общимъ законамъ языкодвиженія, по которымъ онѣ, будучи чуждыми Сербскому языку, уступаютъ мѣсто другимъ, болѣе народнымъ признакамъ. Первыми, явившимися на ихъ смѣну, были г и к. По количеству употребленія эти послѣднія стоятъ къ нимъ въ обратномъ отношеніи, хотя столь же древни, какъ и они. Трудно опредѣлить, что именно было причиною введенія этихъ замѣнительныхъ звуковъ въ Древнесербскую письменность, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ они не существуютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что *г* и *к* весьма близки и родственны съ *д* и *т*; но тѣмъ не менѣе, по чему для замѣны были избраны именно они, твердые, а не ихъ смягченія, или претворенія? Надобно думать, что поелику Сербы, какъ нынѣ, такъ и въ старину, въ устномъ языкѣ своемъ произносятъ и произносили мягкія *д* и *т*, какъ *дь* (*ђ*) и *ть* (*ћ*), то прямою замѣною этимъ послѣднимъ послужили дѣйствительно ближайшія къ нимъ *г* и *к*, произносившіяся въ этомъ случаѣ столь же мягко, какъ и самыя *дь* и *ть*, т. е, какъ бы *гь* и *кь*. Тѣмъ не менѣе замѣнительныя г и к остаются въ этомъ случаѣ все таки чисто письменными, а не устными, звуками, и нѣтъ никакой надобности допускать, чтобы древніе Сербы такъ и произносили слова, какъ писали ихъ. Пусть условными знаками для мягкихъ д и т писцы принимали г и к, или, вѣрнѣе, гь и кь; но оставляли ли они за этими знаками ихъ настоящій звукъ, или измѣняли ихъ во время чтенія въ мягкія д и т? — вотъ вопросъ, который теперь едва ли можетъ быть рѣшенъ положительно. Если Константинъ Багрянородный пишетъ *Μεγυρέτους*, а въ Латинскихъ грамотахъ встрѣчаемъ *Vekenego*, *Vekenega*, *Vekiedrago* (ваштенвгъ, ваштедрагъ, *Веђенег*, *Веђедраг*) и у Кантакузина *ὁ Μπορίλοβίκης* (*Бориловик*), то это доказываетъ, что замѣнительныя г и к дѣйствительно звучали какъ *гь*, *кь*, а не какъ *дь*, *ть*; но съ другой стороны, у того же Багрянороднаго находимъ *Γραδέται*, *Βουσεβίτζη* (*Градић*, *Вишевић*)[1], что совершенно противорѣчитъ первымъ. Присоединимъ еще то, что

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр 59.

знакъ ѣ, замѣняющій дь и ть, уже показывается въ грамотѣ Кулина, какъ выраженіе необходимости такого произношенія, и что вообще въ грамотахъ относительно г, и и ѣ замѣчаемъ какую-то исключительность, такъ что одинъ писецъ исключительно употребляетъ г и и, а другой такъ же исключительно употребляетъ ѣ, и наконецъ вспомнимъ, что если бы г и и дѣйствительно когда либо существовали въ народномъ говорѣ, а не въ одномъ книжномъ языкѣ, то они необходимо дошли бы до сего времени въ нѣсколькихъ, хотя немногихъ, словахъ, исключая, можетъ быть, одно *ако*:—сообразивъ все это, можемъ, кажется, съ достовѣрностію заключить, что г и и были лишь средствомъ писцовъ къ замѣнѣ мягкихъ д и т, а въ народномъ, устномъ языкѣ никогда въ этомъ случаѣ не звучали своимъ настоящимъ образомъ, но переходили въ *дь* и *ть*. Хотя знакъ ѣ, присвоенный древними Сербскими писцами мягкимъ д и т, уже показался въ XII-мъ в., однако нѣсколько случаевъ его появленія въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. до самого выступленія Западныхъ грамотъ на поприще Сербской письменности, во второй половинѣ XIV-го в., никакъ нельзя назвать употребленіемъ, и можно съ достовѣрностію принять, что онъ до второй половины XIV-го в. еще не былъ въ ходу у Сербскихъ писцовъ и даже не пользовался у нихъ ни малѣйшимъ правомъ гражданства. Отъ того это время, т. е., XII-й, XIII-й и первую половину XIV-го в., можно назвать временемъ господства б-ъ г и и. Этѣ буквы разсѣяны по всему пространству Сербской письменности безъ различія семействъ, столько же въ Восточныхъ, даже Аѳонскихъ, сколько и въ Западныхъ гр-хъ. При нелюбви Сербовъ къ жд и шт, этѣ буквы взяли рѣшительный перевѣсъ надъ послѣдними, преимущественно въ грамотахъ не-Аѳонскихъ. Въ означенное время несомнѣнное право преобладанія принадлежитъ б-мъ г и и. Въ собственныхъ именахъ и Аѳонскія употребляютъ исключительно одно окончаніе -иь. Можно думать, что употребленіе г и и вмѣсто ѣ взялось первоначально въ Восточной семьѣ между православными писцами и оттуда, при благопріятствовавшей общности письменнаго языка, перешло въ грамоты всѣхъ прочихъ семействъ. Подтвержденіемъ тому служитъ XV-й в., ибо какъ прежде, такъ и во второй половинѣ XIV-го и въ продолженіи всего XV-го в. мы видимъ постоянную любовь Восточной семьи къ этѣмъ буквамъ, не взирая на то, что Западная семья давно уже оказывала предпочтеніе знаку ѣ. Упорство, съ какимъ эта семья грамотъ, включая сюда и Аѳонскія, держится старинныхъ б-ъ г и и, равно стародавнее и многочисленное появленіе ихъ въ Восточныхъ грамотахъ еще въ XII-мъ и XIII-мъ вв. и преобладаніе въ этихъ вѣкахъ письменнаго языка православныхъ Сербовъ — все это усиливаетъ доказательство въ пользу восточнаго происхожденія замѣнительныхъ б-ъ г и и. Вліяніе восточнаго правописанія на западное было въ этомъ случаѣ столь велико, что, какъ сказали мы, нѣкоторые изъ западныхъ писцовъ доставляли въ своихъ грамотахъ исключительное господство б-мъ г и и: отъ того во второй половинѣ XIV-го и въ XV-мъ в. употребленіе этѣхъ буквъ въ Западной семьѣ не прекращалось вовсе, но шло постоянно своимъ чередомъ, непримѣтно ослабѣвая къ концу XV-го в., но, разумѣется, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ какъ усиливалось употребленіе знака ѣ. Число приведенныхъ нами примѣровъ для б-ъ г и и удвоилось бы или даже учетверилось, если бы знакъ ѣ, введенный въ Западныя грамоты, не подрывалъ этѣхъ буквъ.

И такъ о знакѣ ѣ. Знакъ этотъ первоначально изображался въ видѣ ѣ, какъ показываютъ грамоты XII-го в. (А. И.; Ш. № V; у А. № 1—д) и древ-

нѣйшія грамоты XIII-го (Ш. № XIV; С. №№ 14, 15, 19, 20; Г. VI, № 1, см. fac-simile). Позднѣе стали перечеркивать его на верху, откуда произошло другое начертаніе ѣ, встрѣчаемое весьма часто въ XIV-мъ и XV-мъ вв. Происхожденіе его не изслѣдовано учеными; но всѣ согласны въ томъ, что онъ принадлежитъ Кирилицѣ. Если мы припомнимъ, что онъ означалъ мягкія *д* и *т*, просто или чисто звучащія, а не смягченныя шипящими, то догадаемся, для какой именно Кирилицы былъ онъ изобрѣтенъ. Этого знака нѣтъ въ Глаголицѣ: тамъ есть подобный ему, Ⰼ или ⰼ, назначенный для того же самого употребленія. Д.-Булгарская Кирилица тоже не нуждалась въ немъ, ибо у ней было смягченіе зубныхъ, выражаемое чрезъ жд и шт. Слѣдовательно, его мѣсто въ Кириловской письменности, и именно у тѣхъ племенъ, которыя употребляютъ чистыя мягкія *д* и *т*: ясно, что онъ назначенъ былъ для Сербовъ и Хорватовъ, писавшихъ Кирилицею. Откуда же взялся этотъ знакъ? можно думать, что образцомъ ему послужило древнѣйшее начертаніе б-ы д: д, какъ и дѣйствительно въ древнѣйшихъ памятникахъ XII-го и XIII-го вв. встрѣчаемъ его только на мѣстѣ мягкаго *д*: граѣамь (А. И.), ѣоурьгѣво (Ш. № V), мѣоу, -ѣ, -ю, (Ш. № XIV; С. №№ 14, 15, 19, 20), свѣѣ (Г. VI, № 1). Но въ послѣдствіи, впрочемъ, уже и въ XIII-мъ в., онъ сталъ употребляться и на мѣстѣ мягкаго *т*: мрьѣникь (С. № 15). Вотъ всѣ случаи изъ двухъ первыхъ вѣковъ нашей письменности. Изъ нихъ видимъ, что знакъ ѣ существовалъ уже въ концѣ XII-го в. и употреблялся какъ въ Восточной, такъ и въ Западной семьѣ памятниковъ, т. е., у православныхъ и у Римо-католическихъ Сербовъ и Патареновъ. Шафарикъ прямо называетъ этотъ знакъ Кириловскимъ[1]. Копитаръ же сравниваетъ его съ Кириловскимъ Ч и думаетъ, что Сербы сдѣлали его изъ обращеннаго къ низу Д для того, чтобы показать, что въ немъ произошло двойное смягченіе первоначальнаго *к*. Въ примѣръ онъ приводитъ Русское и Хорутанское *ночь*, откуда чрезъ вторичное смягченіе произошло Сербское *ноћ* (ср. Лат. *nox, noctis*)[2]. Мы видимъ, что и Копитаръ признавалъ Кириловское происхожденіе знака ѣ; но принимать его за перевернутое Ч и видѣть въ этомъ умыселъ писца невозможно, ибо въ старину Сербскіе писцы не могли знать о соотношеніи между Русскимъ и Хорутанскимъ ч и своимъ *ть*. Напротивъ, они скорѣе стали бы сравнивать свое *ноћ* съ Ц.-Славянскимъ ношть, и тогда имъ пришлось бы создавать свой знакъ изъ шт или, по крайней мѣрѣ, щ. Во вторыхъ, примѣръ неудаченъ, какъ и самое основаніе его, ибо первоначально знакъ ѣ изобрѣтенъ былъ для мягкаго *д*, а не *т*. Впрочемъ, мы можемъ заключить, что и Копитаръ признавалъ его назначеніе для Кириловскаго письма. В. С. Караджичъ равномѣрно держится той же мысли и того же объясненія[3]. Но если онъ изобрѣтенъ былъ для дополненія Кирилицы, то естественно долженъ былъ войти въ употребленіе только тогда, когда народный языкъ Сербовъ началъ вступать на поприще письменности и свои признаки соединить съ признаками Д.-Булгарскими. Знакъ ѣ стоялъ на сторонѣ народности и вмѣстѣ съ нею долженъ былъ войти въ письменность. Мы его находимъ въ XII-мъ в. въ первыхъ, дошедшихъ до насъ народныхъ памятникахъ, и по тому можемъ полагать, что изобрѣтеніе и водвореніе его относятся къ древнѣйшей порѣ. Но онъ не Древнебулгарскій, а Сербскій

---

[1] Památky Hlaholského písemnictví. V Praze. MDCCCLIII. Стр. 13.

[2] Glagolita Clozianus. Стр. XXII.

[3] Даница, 1826. Стр. 15.

знакъ для Кириллицы. Съ этой точки зрѣнія можно легко объяснить всѣ явленія его дальнѣйшей судьбы. Если онъ изобрѣтенъ былъ для народнаго языка, то не нуженъ былъ для Д.-Булгарскаго. Отсюда ясна причина, по чему въ рукописяхъ церковныхъ и вообще духовнаго содержанія знакъ этотъ почти не существуетъ: сдѣсь языкъ Булгарскій, хотя и Сербскаго извода; сдѣсь жд и шт съ ихъ звукомъ и начертаніемъ сохранены изъ уваженія къ языку вѣры; сдѣсь нѣтъ мѣста постороннему знаку. Православные Сербы, привыкшіе постоянно слышать Ц.-Славянскій языкъ и свыкшіеся съ нимъ, какъ съ роднымъ, легко писали на немъ и мало измѣняли его. Въ отношеніи знака ђ они дѣйствовали весьма осторожно и первоначально употребляли его только въ иностранныхъ и почти исключительно Греческихъ словахъ въ сочетаніи нђ вм. *γγ*, которое нынѣ у Сербовъ звучитъ тоже какъ *нђ*. Подобное употребленіе замѣчаемъ и въ Глаголицкомъ знакѣ Ⰼ: и онъ весьма рѣдко и исключительно употребляется вмѣсто Греч. *γγ* въ церковныхъ книгахъ Булгарской Глаголицы. Въ послѣдствіи стали примѣнять его и къ Сербской формѣ нѣкоторыхъ словъ. Въ пергаминномъ Евангеліи, отысканномъ В. С. Караджичемъ въ Святониколаевскомъ монастырѣ на Моравѣ, знакъ ђ поставленъ только въ слѣдующихъ словахъ: **мећимь ждрѣбье, аиђла, еиђліе**[1]. Караджичъ признается, что не видалъ этого знака ни въ какой другой церковной книгѣ. Шафарикъ тоже утверждаетъ, что видѣлъ этотъ знакъ только въ весьма немногихъ рукописяхъ православныхъ Сербовъ, и что печатныя церковныя книги вовсе его не знаютъ; но въ Кириловскихъ книгахъ Римо-католическихъ Сербовъ, на пр., у Матіевича, Дивковича, Орбини, Посиловича и др., онъ встрѣчается не рѣдко[2]. Тоже свидѣтельствуютъ и наши памятники. Восточная семья во все продолженіе четырехъ вѣковъ употребила его, сколько намъ извѣстно, только семь разъ: **ђоурьгвко** (Ш. № V), **помоћи** (А. № 8), **врстића, врьтоглавић, говећи вродь и**, по словамъ Караджича, два раза **мећа** (Ш. № 15; В. К.). Не включаемъ сюда грамоты С. № 37, переписанной при Турецкомъ владычествѣ въ концѣ XV-го в., и изданія С.-Д. М. № 1, гдѣ ђ поставлено вмѣсто г и к, какъ это видно въ изданіи Споменяковъ № 46. Эта семья, какъ мы уже не разъ замѣчали, держится преимущественно Ц.-Славянской стихіи, и въ ней писцы, хотя сами произносили жд и шт за *дь* и *ть*, однако словамъ придавали Д.-Булгарское произношеніе и писали ихъ съ жд и шт. Напротивъ, Римо-католическіе Сербы, въ старину и позднѣе, дававшіе у себя просторъ народнымъ признакамъ, смѣлѣе употребляли этотъ знакъ, прямо выражавшій звуки ихъ языка. На это указываетъ и Шафарикъ. Мы не ошибемся, если его изобрѣтеніе припишемъ западной или Римо-католической Сербіи, гдѣ потребность его была сильнѣе и гдѣ господствовала Глаголица—двойникъ цѣлой Кириловской азбуки. Дальнѣйшее разсмотреніе памятниковъ покажетъ, что тутъ были его почва и разсадникъ, ибо тутъ онъ пріобрѣлъ наибольшее развитіе. Чрезвычайная скудость его въ Восточной семьѣ и вообще въ Сербобулгарской письменности подтверждаетъ, что сдѣсь онъ былъ гостемъ и пришлецомъ; сдѣсь онъ показывался невзначай и украдкой. Но обиліе его въ Западной семьѣ и въ книгахъ Римо-католиковъ притягиваетъ его сюда и сдѣсь заставляетъ искать его мѣсторожденіе. Однако развитіе его совершается предъ нашими глазами: онъ не вдругъ укоренился на западѣ Сербіи и не вездѣ равномѣрно. Онъ господствовалъ въ

---

[1] Даница, 1826. Тамъ же.

[2] Serbishe Lesekörner, стр. 61.

Приморьи и Боснѣ; въ Дубровникѣ его не любили: тамъ держались г и к. Въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. мы уже видѣли его употребленіе въ Западной семьѣ въ словахъ свћу, мећу, мрьћинь: сдѣсь оно не чаще, чѣмъ и въ Восточной. Это объясняется, какъ самою новизною его, такъ и большею общностію древнѣйшаго книжнаго языка, склонявшеюся на сторону Ц.-Славянской стихіи. Но съ появленіемъ Западныхъ грамотъ въ концѣ XIV-го в. появляется и знакъ ћ, и съ этой поры онъ усиливается сдѣсь болѣе и болѣе. Прежде писцы ставили его робко, какъ бы случайно, вмѣстѣ съ г и к, теперь же одинъ писецъ ставитъ его исключительно, забывая вовсе о г и к, а другой, напротивъ, ставитъ одни г и к, вовсе не употребляя ћ. Таково свойство всѣхъ Западныхъ грамотъ конца XIV-го и цѣлаго XV-го в. Смѣшеніе б-ъ г, к и ћ мы могли замѣтить только въ С. №№ 66, 77, 107, 114, 133, 145 и то въ весьма немногихъ словахъ. Въ С. № 95 имена пословъ Дубровницкихъ исходятъ на -кь, а имена властелей Боснійскихъ на -ћь. Гр-ы С. №№ 37, 57, 59, 64, 66, 68, 74, 75, 77—86, 88, 89, 92—99, 102—105, 107, 110, 114—118, 120, 122, 124, 125, 128, 129, 132—136, 139—145, 150, 152, 154—159, 161, 163, 169, 170, 172, 173, 179; Ш. № 16; З. А. употребляютъ б-у ћ; прочія вовсе не имѣютъ ея. Замѣчательно, что бо́льшая часть этѣхъ грамотъ суть Боснійскія, Травунскія и Хлумскія; Дубровницкихъ только три; Приморскихъ двѣ, Турецкихъ двѣ, и одна изъ нихъ есть списокъ съ гр-ы Дечанскаго; Зетскихъ одна. Такое соотношеніе весьма важно и указываетъ на чисто западное происхожденіе знака ћ. Прочія Дубровницкія грамоты употребляютъ г и к, или просто д и т: это свидѣтельствуетъ въ пользу того, что Дубровничане, какъ прямые Римо-католики, не нуждались въ утонченности Славянской азбуки и писали либо Латинскими буквами, либо Кирилицею, съ ея г и к, къ которымъ близко подходило Итальянское. *ch*. При государственной отдѣленности отъ Босны и Хорватскаго Приморья, они не могли соблазниться примѣромъ тѣхъ, кои, доведя Глаголицу даже до домашняго употребленія и увлекшись тою же страстью къ изобрѣтенію, которая породила Глаголицу, сочли нужнымъ и въ Кирилицу внести новый знакъ. Такъ ли выражалось свойство языка, или иначе: это было для нихъ все равно. Знакъ ћ не стѣснялъ движенія народности: за неимѣніемъ его, народное свойство, прямо смягчавшее зубные звуки, безъ участія призвука, прямо и выражало это смягченіе, употребляя въ письмѣ тѣ же д и т только съ мягкимъ произношеніемъ, а мѣстами даже и съ твердымъ, или прибѣгало къ замѣнительнымъ г и к, столь любимымъ Восточными грамотами. Для бо́льшой ясности отношенія между г, к, дь, ть и ћ приведу нѣсколько примѣровъ послѣдняго: мећа, -у, -ю, -е, -е, -и, -амь, коућа, -ь (С. №№ 57, 93, 96, 114, 132, 142, 143, 157; Ш. № 16), на моћехь (на мощахъ, С. №№ 57, 145), отьћини, -у, -е, -омь, отьћиня, отпаћинь, отећина, -у, -и, -е, -е, -а, -омь (мн. р.), кеће, -е, -и, -е, -ета, -у, кећь (мн. р.), крћи, кћи, кћере, кћерће (С. №№ 77, 115, 134, 155, 156), плаћати, -ћа, -ћамо, -ћали, -ћемь, -и, -о, плаћае (С. №№ 79, 83, 86, 94, 139, 144, 151), тисућа, -ѣ, -е, -ие, -и, -у, -ћь, -ћьно, -ћно (С. №№ 74, 80, 81, 83, 85, 88, 92, 95, 105, 110, 124, 125, 128, 134, 136, 150, 152, 157, 158, 159), грађанина (С. №№ 82, 94), по- моћь, -ию, -ью (С. №№ 88, 98, 104, 141), траћение (С. № 88), хоћу, -ю, -е, -емо, -моѡ, хѡћемо, ћу, ће, ће, ћемо, ћемоѡ, ћете (С. №№ 79, 93, 96, 98, 102, 104, 114, 116, 118, 132, 140, 142, 143 — 145, 172, 173, 179; З. А.), по- у- тврьћу, -ю, -юе, -юмо,

-уемо̑, -ћиније, -оће, -ење, -ћене, -ноињ, -ћаху, -е, -а, -ћеланьна, теру̂, -ино, -ћима, -ћено (С. №№ 93, 96, 99, 102, 104, 107, 114, 118, 128, 132, 144, 150, 159, 163), такоће, -рь, такоћерь (С. №№ 94, 99, 102, 114, 142, 143, 150, 169; Ш. № 16), толикоће (С. № 96) госпоћа, -е, -и, -омь, -ћиу (С. №№ 94, 134, 144, 155; Ш. № 16), установићено, -ћенье (С. №№ 96, 107), мећу, -ю (С. №№ 96, 105, 107, 114, 116, 117, 132, 142—144), мећами (С. №№ 37, 96, 118), илхоћусе, иалћохьсе, иаћосмо (С. №№ 102, 114, 158), доћу, -е, -емо, дооће, доћоше, -оше (С. №№ 104, 131, 141, 143, 173), вићинци, вићинки, виећинка (С. №№ 104, 114, 143), посаћии, послећии, -е, послићиее, -еиу, -ими, -ихь (С. №№ 105, 107, 114, 128, 163), тешкоћа, -е (С. №№ 107, 140), прећиихь, слобоћинаамь, ухићеиь (С. № 114), иеугоћаи (невзгода, С. № 116), воѕ-враћеноо, -ие (С. №№ 128, 150), еваньћеаисти (З. А.), ѕа-иечаћеиь (С. №№ 140, 157), прћје (С. № 142), раѕреће (С. № 143), тућ е (С. № 150), срьћии (С. № 156), поѕлаћеии (С. № 157), иаређеиью (С. № 163) и пр. Въ неокончательномъ н.: прћсећи, доћи (С. № 77), сећи, порећи (С. №№ 78, 118, 140, 179), моћи (С. №№ 82, 107, 132), поћи (С. №№ 82, 142, 144, 173), досећи (С. №№ 82, 102), рећи (С. №№ 93, 132, 142), о̂снћи (С. № 118), посећи (С. № 145), поређи (З. А.). Въ причастіяхъ и дѣепричастіяхъ настоящаго вр.: кальућесе (С. № 57), мислећи, хотећи, жльдеће, пртенкаюће (С. № 77), ѕнаюће (С. №№ 78, 143), говореће (С. № 84), поилвьлаюће (С. № 92), будући, -е, -ии (С. №№ 96, 98, 107, 114, 120, 143, 157, 158, 170), даюћи, -е (С. №№ 96, 98, 107, 114), удиаюћи (С. № 96), имаюћи, потребуюћи (С. № 105), иѕимаюће (С. № 114), хотеће -е (С. №№ 116, 132, 142), уѕимаюће, дѣлеће (С. № 120). ѡблюблюће, трућe, боећесе и пр. (С. № 132), видуће, хотиюће, имиюће и пр. (С. № 140), плаћаюће (С. № 145), красећесе, утврьћаюће (С. № 150), стакеће (С. № 157), имеиуюће (С. № 163), висућу, -ю, -омь, -омь, -е, -имь, ими, -еми (С. №№ 96, 98, 116—118, 120, 122, 128, 134, 136, 140, 150, 157, 163; З. А.) и т. д. Въ окончаніи именъ отечественныхъ и прозвищь: прибинићь (С. №№ 57, 145), меньуетићь, -у (С. №№ 59, 66), гуyетићь (С. №№ 64, 81, 82, 89, 105), гуньдулићь, -у, -а, гуидулићь (С. №№ 66, 78, 80, 120, 150, 154), властеличићь, властеличићь (С. №№ 66, 142), воеводићь, воеводића (С. №№ 84, 134), синиiће, рибиће (З. А.) и пр. (ср. С. №№ 37, 68, 75, 78, 82—84, 86, 88, 89, 92, 94—99, 102—104, 107, 114, 116—118, 120, 124, 125, 128, 129, 132, 133, 135, 136, 139, 140, 142, 144, 145, 150, 154, 158, 169, 179; З. А.; Г. VI, № 2).

Какъ б-ы г, к, замѣтили мы, не всегда замѣняютъ Ц.-Славянскія жд, шт, но и дь, д, ть, т, такъ и б-а ћ не всегда отвѣчаетъ Ц.-Славянскимъ жд, шт, но иногда также дь, д и ть, т. Для этого стоить только сравнить примѣры для б-ъ г и к съ примѣрами для ћ. Присовокуплю еще нѣкоторые: сuпроћь, сuпроћу (С. № 93), свѣћомь (свѣтѣмь, С. № 97), сућии, суђии (сѫдьнии, С. №№ 104, 141), чистоћу (С. № 128), служећа (двойств. ч., слоужита, С. № 143) и н. др. Самое неокончательное наклоненіе на -ки и -ћи отвѣчаетъ Ц.-Славянскому на -ти. Все, повторяю, зависитъ отъ выговора Сербовъ: если писецъ произносилъ извѣстное слово съ мягкими д или т, то и писалъ ихъ съ г или к и ћ; если же онъ то же слово — а такихъ не мало — произносилъ съ твердыми д, или т, то и не измѣнялъ ихъ; укажу на вышеприведенныя формы: сућии и судии или послѣгии. послѣћии и послидие, -е, -диими, -иихь. последии, послѣдиимь и т. д. (С. №№ 95, 96, 99, 118, 120, 127, 132, 179). Вообще Сербы

смягчали д и т сообразно съ своимъ произношеніемъ и хотя въ несравненно большемъ числѣ случаевъ сошлись съ тѣмъ, или другимъ смягченіемъ этихъ звуковъ въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, однако, любя мягкость, смягчали д и т въ такихъ случаяхъ, гдѣ другія родственныя нарѣчія оставляютъ ихъ твердыми. Въ отношеніи смягченія д и т Д.-Сербскій языкъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно: всякое мягкое въ народномъ говорѣ *д* и *т* онъ выражалъ знакомъ ћ. Такъ дѣйствуетъ и нынѣшній съ тою только разницею, что для мягкаго *д* употребляетъ знакъ ђ, а для *т*—ћ. Даже въ сочетаніи шт, не смотря на то, что оно уже само по себѣ представляетъ мягкое т, какъ нынѣшній, такъ и древній Сербскій языкъ иногда изображаютъ т чрезъ ћ, ћ, на пр., ѡшаће (С. № 88), бащћинноу, вѣроятно, башћинноу, (Ш. № 16), шћавьникцы, нишћенница, граднишћа (З. А.) и пр.

Въ формѣ аће (аште, С. № 78) древнекнижный языкъ поступилъ смѣлѣе нынѣшняго, который въ этомъ единственномъ словѣ удержалъ древнеписьменное и: *ако*.

Буква ћ, по свойству заключаемаго ею звука, должна соединяться съ твердыми гласными, какъ и дѣйствительно соединяется съ ними въ древнемъ и нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, но нѣкоторые изъ старинныхъ писцовъ, не обращая вниманія на внутреннее свойство самой этой буквы и желая наглядно выразить ея мягкость, сочетавали ее иногда съ мягкими гласными. Это, по видимому, двойное смягченіе не должно быть принимаемо, какъ дѣйствительно таковое, ибо сдѣсь только наружное выраженіе той мягкости, которая уже заключается въ самой 6-ѣ ћ. Писцы смотрѣли на нее, какъ на всякую другую твердую согласную букву и нисколько не подозрѣвали въ ней собственной мягкости; но не всѣ писцы забывали ея происхожденіе и цѣль, съ какою она была введена въ Кириловское письмо; бо́льшая часть ихъ постоянно соединяла ее съ твердыми гласными: это было и въ старину общимъ правиломъ, къ которому другіе случаи относились въ смыслѣ исключеній. Послѣднихъ не слишкомъ много: пърьћа (С. № 66): сдѣсь, кромѣ мягкости гласной, должно замѣтить еще употребленіе 6-ы ћ вмѣсто у, ср. пърьуа (С. № 14), гвустића (С. № 68), кућа, -е, -ю (С. NN№ 96, 98, 132), тисућа, -е (С.NN№ 98, 105), куће, -е -и, -ю, (С. NN№ 98, 104, 105, 114, 117, 144, 157), потврьћюю, -е, еванћелисти (С. № 104), ималюће, кућии, потврьћиние, гвустића, тамарића, (С. № 105), мећю (С. NN№ 105, 107, 114, 117, 132), гонштића, жвргована, гвидулића, кућмнина, трьћю, хоћю, слобоћиквамь, трьћиве (С. № 114), госноћьи (С. № 128), хотеће (С. № 132), потврьћюю, -ћа, -ћеньи, потврћюю, (С. № 114), кукотића, кисућю, димитровића (С. № 157), кисуће, рибиће, нрасећесе, утврьћюћесе, ће (хочетъ), еванћелисти (З. А.) и пр. Но при 6-ѣ ћ въ род. и твор. пп. ед. ч. муж. и ср. р. -омь правильно переходитъ въ -емь, ибо сдѣсь этого перехода требуетъ самая мягкость 6-ы ћ.

Выше, когда рѣчь шла о 6-ѣ у, мы замѣтили, что въ Сербскомъ языкѣ нѣкоторыя отечественныя имена оканчиваются на -ућь вмѣсто -ћь или -кь: но таковыхъ именъ нашли мы немного. Сюда должно еще присовокупить подобное явленіе, происходящее при образованіи такихъ отечественныхъ именъ, которыя сами образуются изъ отечественныхъ, т. е., когда ихъ окончанія -ћь и -ић присоединяются къ преждебывшему таковому же окончанію. Въ этомъ случаѣ первое ћ, или и часто переходитъ въ у, на пр.: сестри́уићь (А. № 5), драгиућићь (С. № 103), богавьућића (С. № 116), привућићь (С. № 144), вражиућићь

(С. № 156) и т. д.; эти имена можно производить отъ сєтрићь, драгићь, вогабьћь, прибьћь, вражићь, соотвѣтственно именамъ градиќь, михоћь, растиќь и пр., также кьйкћь (А. № 5); а что дѣйствительно въ этихъ и имъ подобныхъ именахъ могло стоять ќ, вмѣсто ћ, то это доказывается, во первыхъ, именами, такъ же образованными, какъ михоћь и пр., но имѣющими окончаніе -ќь вмѣсто -ћь, и во вторыхъ, двойникомъ одной изъ вышеприведенныхъ формъ: драгиќєвиќь,-ќємь (С. №№ 97, 99, 136, 145) и ему подобными: добриќєвиќь (С. № 97), вукиќєвиќь, -ќу (С. №№ 118, 141).

До сихъ поръ мы слѣдили только за знакомъ ќ, какъ выраженіемъ мягкихъ *д* и *т*, и чрезъ то какъ бы придерживались наружнаго правописнаго отличія Сербскихъ грамотъ; но, чтобы не упрекнули насъ въ удаленіи отъ внутреннихъ свойствъ языка, мы считаемъ сдѣсь необходимымъ замѣтить, что ќ есть собственно не что иное, какъ тѣ же Кириловскія мягкія д и т, и употребленіе какъ того, такъ и другихъ нисколько не дѣлаетъ разницы относительно духа и свойствъ языка, а только составляетъ внѣшнее отличіе правописанія. Если мы до сихъ поръ опускали случаи того же истинно Сербскаго смягчающаго свойства языка, по которому зубные звуки смягчаются сами собою чрезъ соединеніе съ мягкими гласными и сохраняются въ правописаніи, не принимая на себя образа б-ы ќ, то это нисколько не нарушаетъ порядка движенія языка въ постепенномъ умноженіи случаевъ истинно народнаго смягченія зубныхъ, но съ другой стороны придаетъ видъ единства въ изслѣдованіи о б-ѣ ќ. Можно съ достовѣрностію сказать, что упомянутый народный способъ смягченія зубныхъ идетъ въ той же самой мѣрѣ, въ какой идетъ умноженіе знака ќ. Помимо его, употребленіе б-ъ д и т съ мягкими гласными столь незначительно, что хотя оно и распространяетъ на весьма маловажную долю объемъ народнаго смягченія зубныхъ, однако не производитъ ни малѣйшаго переворота, ни даже колебанія въ ходѣ этого смягченія. Вотъ тѣ примѣры, которые мы опустили при б-ѣ ќ. Мы сказали, что Восточныя грамоты не любятъ знака ќ, слѣдовательно, не любятъ и смягченія зубныхъ въ нихъ самихъ непосредственно безъ участія ж и ш, или г и к, и только съ придачею мягкаго выговора; по этому мы мало находимъ примѣровъ и для д и т, какъ выше для ќ: мєда (Ш. № VII), доброкить (С. № 15), ѡбєтаниє (С. № 21), ѡбѣтасє (С. № 28), пєтралить (А. № 6), пощєдѣно (С. № 176), углєшить, ѡпьтиић (С. № 58)—не болѣе. Равномѣрно Западныя грамоты, любя знакъ ќ, не любили на его мѣстѣ ставить б-ъ д и т; а по тому послѣднія являются въ нихъ лишь урывкомъ. Таковы формы: въ XIII в.: такодє, мєду (С. № 16), малоудьрица (Ш. № II); въ XIV и XV вв.: мєду (С. № 79), потврьдюю, -дєно. -дивано (С. №№ 92, 98), толикодє, утврьдєниимь, мєдами, мєдю, калудєрицѣ, ѡпакодє (С. № 98), рѣти, риєти (С. №№ 157, 163), ср. рєќи (С. № 132), утврьдєниє (С. № 168) и н. др. Вообще можно сказать, что древній письменный языкъ еще не развилъ употребленія знака ќ до такой степени, до какой довелъ свои знаки ђ и ћ нынѣшній языкъ. Подъ постояннымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи древніе Сербы употребляли прямое соединеніе зубныхъ съ мягкими гласными, что весьма справедливо и разумно, вмѣсто перевода мягкаго начала гласной въ согласную и измѣненія этой послѣдней. Конечно, все это дѣло внѣшности, бо́льшаго, или меньшаго удобства въ выраженіи мягкихъ звуковъ, тѣмъ не менѣе нынѣшнее Сербское правописаніе довело до крайности свое стремленіе къ ерованію согласныхъ вопреки іотаціи гласныхъ; съ своими ђ, ћ, љ, њ оно отняло у гласныхъ законное ихъ свойство и отнесло его къ со-

гласнымъ, между тѣмъ, какъ вся сила звука согласныхъ покоится на гласныхъ, и отъ перемѣны послѣднихъ зависятъ перемѣны первыхъ. Произношеніе остается однимъ и тѣмъ же, но внѣшность написанія не соотвѣтствуетъ законамъ Славянскихъ языковъ; она наружнымъ образомъ затѣмняетъ ихъ. Зачѣмъ у гласной отнимать мягкость, когда ей-то и принадлежитъ это важное свойство, столь хорошо развитое Славянскими нарѣчіями? Зачѣмъ переводить его въ согласную, которая сама зависитъ отъ гласной и ея твердаго, или мягкаго произношенія? Ерованіе вовсе не нужно при іотаціи.

Какъ ѣ соединяется съ мягкими гласными вопреки общеславянскому правилу, такъ на оборотъ д и т соединяются съ твердыми гласными тамъ, гдѣ за ними должна бы была слѣдовать мягкая гласная. Впрочемъ, таковыхъ примѣровъ весьма мало; укажемъ на вышеприведенные: меда, обетаніе, обетасе, шедѫ. Что касается до соединенія съ 6-ю е, то мы давно уже сказали, что эта буква, по своей природѣ, должна быть полумягкою, и къ тому же Сербы любили смягченіе гласныхъ, а по тому не мудрено, что они придавали ей мягкое произношеніе, даже значеніе 6-ы ѣ, вовсе не думая измѣнять для этого ея начертаніе подобно тому, какъ, на оборотъ, часто ѣ, е, ю, ѥ ставили вмѣсто е. Въ словахъ толикоде, потврьдено д должно было звучать такъ же мягко, какъ и въ словѣ калудиринць, да и въ другихъ примѣрахъ съ другими твердыми гласными произношеніе, вѣроятно, отдѣлялось отъ правописанія и сохраняло мягкое свойство зубныхъ.

Теперь припомнимъ, что сказано было нами выше о близкомъ родствѣ д и т съ г и к. Мы сказали, что въ Сербскомъ языкѣ г и к замѣняютъ мягкія д и т, и на оборотъ мягкое д замѣняетъ иногда г. Первую замѣну мы уже видѣли; видѣли также, какъ мягкія д и т принимаютъ видъ то жд и шт, то ѣ; замѣтили, что послѣдній видъ для мягкихъ д и т есть настоящій Сербскій, свойственный одному только Сербскому нарѣчію; но что въ то же время 6-а ѣ въ сущности есть тѣ же самыя дь и ть, только измѣненныя въ внѣшнемъ своемъ видѣ. Намъ остается подтвердить примѣрами обратное отношеніе зубныхъ и гортанныхъ, т. е., указать на замѣну 6-ы г тамъ, гдѣ она стоитъ законно, 6-ю д: этимъ мы съ противуположной стороны подтвердимъ возможность внутренняго сродства гортанныхъ и зубныхъ. Сербское ухо, безъ сомнѣнія, находило близкое соотношеніе между мягкими гортанными звуками г и к и между зубными или, по большей части, мягкими зубными д и т. Звукъ д, замѣняющій г, часто соединяется съ мягкою гласною, какъ сейчасъ увидимъ, а по тому надобно полагать, что въ словахъ, допускающихъ въ себѣ замѣну кореннаго г мягкимъ д, первое звучитъ тоже мягко согласно съ основнымъ свойствомъ Сербскаго языка. Примѣры сейчасъ покажутъ намъ всѣ виды этой замѣны: ѣоурьгево (Ш. № V), арханьдела, -ломь (С. № 78), е- и- еванѣелиа, -ие, -ью, -ѣелисте, -и, -е, -ѣелисти, е- еваньѣелие, -и, -ьи, -ью, -делисть, -е, -ѣелисть, -и (С. №№ 78, 81, 84, 85, 93, 96, 98, 102, 103, 104, 118, 120, 132, 141, 144, 150), анѣела (С. № 93), калудиринць, анделовь (С. № 98), срьѣа (Сергія, С. № 132), аньѣела (С. № 141), ѣурaѣь (С. № 145), ѣурагь (С. № 172), калуѣери (С. № 173). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ д, или ѣ замѣняетъ коренное г; ср. гюрьгь—γεωργίς, ангелъ—ἄγγελος, евангліе—εὐαγγέλια, калугерь—καλὸς γέρων. Дважды въ одной грамотѣ ѣ замѣнило коренное к въ словѣ ѣерь, ѣерь, т. е., кѣрь—κυρία (С. № 92). Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ такой замѣны нѣтъ. Кромѣ Ш. № V всѣ остальныя грамоты принадлежатъ исходу XIV-го и XV-му вѣку и относятся исключительно къ Западной семьѣ (только, разумѣется, не

къ Дубровницкимъ). Это одно изъ выраженій народности, которой, какъ мы видѣли, всегда благопріятствовали грамоты Западныя. Нынѣшній Сербскій языкъ въ этихъ, равно какъ нѣкоторыхъ другихъ словахъ тоже имѣетъ звукъ ђ (дь). Прочія семьи грамотъ употребляютъ еще постоянно г: ср., на пр., милогровь (С. № 13). И въ этихъ примѣрахъ, какъ и въ предыдущихъ, мы замѣтили употребленіе д вмѣсто ђ, что, впрочемъ, составляетъ дѣло одного правописанія. Между прочимъ нельзя не умолчать о томъ, что знакъ ђ не былъ собственно необходимъ для Кириловскаго письма: слово кланђерицъ ясно это доказываетъ. Отсюда можно заключить, что онъ не былъ изобрѣтеніемъ послѣдователей Кирилицы, или слѣдствіемъ крайней необходимости, вынудившей ихъ прибѣгнуть къ составленію новаго знака; но что онъ изобрѣтенъ былъ для Кирилицы Сербами Римо-католиками, которые, съ одной стороны, смѣлѣе могли ввести въ нее новый знакъ, а съ другой видѣли, что этотъ знакъ, хотя и не вовсе былъ необходимъ для нея, однако, будучи исключительнымъ знакомъ для мѣсто мягкихъ *д* и *т*, удобнѣе примѣнялся къ Сербскому языку, сознававшему въ этомъ отношеніи свое различіе отъ Ц.-Славянскаго; дь, ть и жд, шт звучали различно, и для первыхъ Западные Сербы придумали знакъ ђ, утвердившійся въ ихъ Кирилицѣ. Но повторяю, если бы этого знака не было у Западныхъ Сербовъ, православные писцы лучше рѣшились бы перебиваться все же еще возможными знаками д и т, соединяя ихъ съ мягкими гласными, чѣмъ стали бы выдумывать новый знакъ.

Заключимъ нашъ обзоръ движенія зубныхъ звуковъ еще однимъ видомъ ихъ смягченія. Видъ этотъ не принадлежитъ ни Сербскому, ни Ц.-Славянскому языкамъ; его собственно можно назвать хорутанизмомъ въ древней Сербской письменности, свидѣтельствующимъ о взаимномъ близкомъ родствѣ этихъ двухъ нарѣчій одного говора. Онъ состоитъ въ томъ, что мягкое *д* смягчается до такой степени, что улетучивается до свойства полузвука *и* или вообще половиннаго небнаго *и* (Рус. *й*, Лат. *j*), такъ что уже ничѣмъ не отличается отъ того небнаго начала, которое участвуетъ въ смягченіи гласныхъ: по тому слова съ подобнымъ мягкимъ *д* получаютъ форму съ одною только мягкою гласною, ибо хотя при смягчающемся *д* гласная становится твердою, но, имѣя возлѣ себя полузвукъ *й*, въ который превратилось *д*, соединяется съ нимъ и снова образуетъ изъ себя слитый мягкій звукъ. Примѣры объяснятъ наши слова: порокиня (С. № 57), иначе порођения, порождения; сдѣсь мягкость д, превратившагося въ і, перешла въ твердое е и съ нимъ вмѣстѣ образовала мягкое є, то же, что ѥ. Таковы и всѣ прочіе примѣры. Разумѣется, есть и невѣрныя формы, въ которыхъ е не обращено въ мягкое начертаніе; тѣмъ не менѣе въ сущности эти формы, будучи жертвою неопредѣленности, господствовавшей въ правописаніи б-ы е, ничѣмъ не отличаются отъ правильныхъ съ мягкою гласною. Продолжаю примѣры: потврьюємо (С. №№ 78, 89), оинакое (С. № 78), госпое (С. №№ 78, 93, 159), такое (С. №№ 78, 88, 95, 116, 150); въ первомъ ђе правильно измѣнилось въ ю, но въ послѣднихъ е вмѣсто ђе должно звучать, какъ ѥ; госпономь (С. №№ 85, 92): сдѣсь ђ обратилось въ и и осталось въ такомъ видѣ, ибо въ Кирилицѣ не употреблялось начертаніе мягкаго є подобное начертаніямъ ꙗ, ѥ, ю; тврьѥ, пронаниства (С. № 89): въ послѣднемъ примѣрѣ мягкое дь очутилось возлѣ согласной и по тому своимъ чередомъ изобразилось въ видѣ и, которое сдѣсь звучитъ въ половину, какъ Рус. й; потврьєними, сканьєании, -єанію, -єаисти (С. № 92), госпои (С № 93): сдѣсь два и или і-и слились въ одно; потврьєвамо (С. № 96), такои (С. №№

98, 128): сдѣсь подразумѣвается форма **такоѣ** вмѣсто **такоде**, **такожде**, ср. **ѡнакоде**; **дванаесⷮ** (С. № 115), гдѣ смягчено **д** вопреки Ц.-Славянскому языку; **тверьѣве** (С. № 116), гдѣ **ѣ** замѣняетъ **ие**; **ѡнакои**, **ѿ продае** (С. № 132): послѣднее слово слѣдовало бы написать иначе **продаѣе** (**продаждⷶ**); **госпое** (С. № 134), **еваньелию** (С. № 136), **тенере**, **еваньели**, **меьми** (С. № 140): въ первомъ изъ трехъ послѣднихъ словъ **ие** осталось нетронутымъ вмѣсто того, чтобы превратиться въ **ие**, т. е., **тѣере** — **тінждеже**; во второмъ **е** есть то же, что **ие**; въ третьемъ **и** замѣнено 6-ю **ь** вмѣсто **меѣьми**, **менми**; **гпоние** (С. № 142), гдѣ двойное смягченіе, ибо если писецъ рѣшился написать обѣ буквы, **и** и **е**, раздѣльно, то **е** передъ гласною онъ долженъ былъ еще разъ смягчить; **гпои** (С. № 158). Мы назвали этотъ видъ смягченія хорутанизмомъ: дѣйствительно, въ Хорутанскомъ нарѣчіи оно составляетъ собою общее правило; но въ Сербскомъ языкѣ оно допущено только въ условныхъ случаяхъ не болѣе, какъ въ видѣ исключенія. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ многіе изъ приведенныхъ словъ имѣютъ законное *ђ*, но числительныя съ *десять* упорно развили у себя хорутанизмъ: Сербы говорятъ: *еданаест* или *еданайст*, *дванаест* и т. д. до *деветнаест*. Въ Сѣни говорятъ *меяш* вмѣсто *међа*. Кромѣ этихъ случаевъ едва ли найдется еще какой либо въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ. Откуда же взялись хорутанизмы въ древней его письменности? — отвѣчать трудно; можно только сказать, что **ѣ**, смягченное до **і**, встрѣчается единственно въ грамотахъ Боснійскихъ и Хлумскихъ. Въ Травунскихъ, вѣроятно, случайно не встрѣчается, а въ Дубровницкихъ хотя и встрѣчается однажды, но за то въ словѣ **дванаесⷮ** — числительномъ, которое, какъ сейчасъ мы сказали, во всей Сербіи звучитъ такимъ же точно образомъ. Отсутствіе другихъ примѣровъ въ Дубровницкихъ грамотахъ должно имѣть отношеніе вообще къ отсутствію въ нихъ же знака **ѣ**.

Отъ зубныхъ, которыя выгоднѣе всего было намъ разсмотрѣть вслѣдъ за претворенными гортанными, возвращаемся нѣсколько назадъ къ *плавнымъ*. Прямое приpаженіе языка къ небу производитъ родъ небныхъ звуковъ *л*, *н*, *р*, которые отъ неба заимствуютъ особое свойство мягкости, называемое въ согласныхъ плавностію, тягучестію и т. п. Въ средѣ согласныхъ они суть то же, что *и* въ средѣ гласныхъ; отъ того въ древнемъ Сербскомъ языкѣ они, въ отношеніи мягкости, дѣйствуютъ совершенно отлично отъ прочихъ звуковъ. Тогда какъ послѣдніе, при соединеніи съ мягкими гласными, или измѣняются въ особые второстепенные звуки, или требуютъ для того благозвучныхъ буквъ, или замѣтно различаютъ свою твердость и мягкость, плавные, напротивъ, охотно сопоставляются съ подобными имъ мягкими гласными и даже прибѣгаютъ иногда къ двойному смягченію чрезъ повтореніе самихъ себя. Ихъ тягучесть доставила имъ еще другое свойство—способность легко и безъ нарушенія благозвучія соединяться съ послѣдующею согласною; это обманъ слуха, который думаетъ найти сдѣсь признакъ самогласности плавныхъ. Сербскій языкъ воспользовался этою способностію ихъ и не уполногласилъ сочетанія плавныхъ, оставя ихъ почти всюду съ полугласными. То же свойство оказалось въ Булгарскомъ и Чешскомъ и въ ближайшихъ къ Сербскому Хорватскомъ и Хорутанскомъ нарѣчіяхъ, что подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ приписывать плавнымъ *л* и *р* значеніе, въ одномъ случаѣ, согласныхъ, въ другомъ гласныхъ. Мы не доставили имъ никакого участія въ области гласныхъ; мы не разпознали въ нихъ какой-то двойной природы, которая относитъ ихъ то къ гласнымъ, то къ согласнымъ. Хотя, будучи небными, они являются въ

то же время и плавными, какъ бы мягко протягивающими голосъ; однако это свойство, сокращающее нѣсколько силу гласной, имъ сопутствующей, еще нисколько не даетъ имъ права быть самогласными. Нынѣшній способъ правописанія, отметающій полугласныя ъ и ь не только въ Латинскомъ письмѣ, но и въ Кириловскомъ, не можетъ и не долженъ смущать ученыхъ. Ежели и пишутъ, на пр., *врт*, то это значитъ все то же, если бы написали *врьтъ*: переведя это слово въ *вертоградъ*, увидимъ въ послѣднемъ б-у *е*, которая не откуда болѣе не могла взяться, какъ изъ озвукотворившагося *ь*. Латинская азбука не имѣетъ знаковъ для *ь* и *ъ*, а по тому пишетъ безъ нихъ; Кириловцамъ же не слѣдовало бы подражать Латинцамъ и тѣмъ добровольно и несправедливо клеймить свою богатую азбуку печатью бѣдности. Чѣмъ болѣе азбучныхъ знаковъ, тѣмъ яснѣе выражается произношеніе словъ, тѣмъ болѣе облегченія и выгодъ для языкоизслѣдованія. Опущеніе полугласныхъ, сравнявши плавныя съ прочими согласными, уничтожило то различіе, которое замѣтно между дѣйствіемъ полугласныхъ въ соединеніи съ плавными и дѣйствіемъ ихъ въ соединеніи съ прочими согласными. Исторія Сербскаго письменнаго языка показала намъ это различіе, которое, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ внутренняго, исконнаго свойства языка; ибо всѣ писцы въ продолженіи всѣхъ вѣковъ, пока только существовало въ употребленіи полугласное ь, не могли же согласиться между собою, чтобы не озвукотворять полугласной, ни опускать ея въ сочетаніи съ б-ми л и р, между тѣмъ, какъ въ другихъ случаяхъ они, по требованію народной стихіи, стремились къ озвукотворенію, или опущенію (разумѣется, кромѣ окончанія словъ) б-ы ь. Это обстоятельство ясно показываетъ, что Сербскій языкъ, любя благозвучіе и полногласіе и распространяя эти два требованія на всякое сочетаніе согласной съ гласною и полугласною, не измѣнялъ однако же сочетаній ль и рь, которыя, слѣдовательно, сами въ себѣ удовлетворяли обоимъ требованіямъ. Если произносить слова, имѣющія эти сочетанія, безъ всякой примѣси гласнаго отзвука, то они будутъ или вовсе неблагозвучны, или даже непроизносимы: по этому въ нихъ долженъ быть гласный отзвукъ, который въ древней письменности и выражался въ видѣ полугласной. А такъ какъ плавныя, по своей тягучести, отстраняли отчасти полноту и силу сопутствующей имъ гласной, то они и не нуждались въ томъ, чтобы полугласная, стоящая при нихъ и образующая вмѣстѣ съ ними одинъ слогъ, претворялась въ полную гласную, ибо ихъ собственная природа вознаграждала ея половинность: по этому они удовлетворяли и другому требованію Сербскаго языка — полногласію. Законность начертаній ль и рь безъ уполногласненія б-ы ь и излишнее стяженіе ихъ чрезъ опущеніе при нихъ полугласной ввели нѣкоторыхъ въ заблужденіе касательно природы плавныхъ и заставили придать послѣдней какую-то самогласность, которой она вовсе не имѣетъ Настоящее мѣсто плавныхъ есть между согласными. Разсмотримъ же теперь ихъ движеніе и взаимныя смѣны какъ между собою, такъ и съ другими согласными.

Б-а л смѣняетъ б-у н въ словахъ: **одмѣломь** (С. № 5): **азь рабь бжи матѳи: а одмѣломь** (а иначе) **инносавь**; **ѕламеньнехь** (С. № 78), **ѕламенитимь** (С. № 118), **ѕламенимь** (С. № 172), т. е., **ѕламенехь** и пр., какъ въ нынѣшнемъ языкѣ: *зламение, зламеновати, млого*; **елакъ** (**елен**, С. № 128).

Б-а л замѣняетъ н въ окончаніи именъ отечественныхъ. Никогда этой смѣны не бываетъ въ именахъ собственныхъ, служащихъ къ образованію отечественныхъ; но лишь только получили они окончаніе **-никь** или **-нѣь** и т. п., какъ

тотчасъ же свое конечное **в** измѣняютъ въ **л**. Это явленіе совершается въ весьма многихъ отечественныхъ именахъ, заключающихся въ нашихъ грамотахъ различныхъ семей и вѣковъ; но причина ему очевидна: сравнивъ подобныя имена между собою и другими, видимъ, что перемѣну буквъ испытываютъ только тѣ, кои передъ конечнымъ **-вь** имѣютъ предшествующій слогъ съ б-ю **л**,—слѣдовательно сдѣсь дѣйствуетъ звукоподобленіе. Таковы: **драгославль**, **братославлиній** (С. № 176), **войславлинь** (А. № 5), **драгославлй**, **владиславлй** (С. № 66), **радославлинь**, **-ѣь**, **-ѣмь** (С. №№ 81, 84, 89, 145), **драгославлѣмь** (С. №№ 81, 85), **драгославліка** (А. № 18), **гоиславлинь**, **-ю**, **-в** (А. № 19; С. №№ 108, 112, 115), **градиславлѣь**, **милославлѣь** (С. № 82), **богославлинь** (С. № 86), **вукославлѣь** (С. № 94), **койславлѣь**, **-ѣмь** (С. №№ 99, 103, 140), **владиславлѣь** (З. А.). Какъ на исключенія, можно указать на **гоиславинь** (С. №№ 16, 32), **волеславинь** (С. № 16), **прькославинь** (С. № 20), **вратиславинѣ** (С. № 144), гдѣ **в** не измѣнилось въ **л**, быть можетъ, отчасти по тому, что первое **л** опущено,—говорю, отчасти, ибо вышеприведенные примѣры и въ этомъ случаѣ соблюдаютъ замѣну. Еще б-ы **л** и **в** смѣняются въ словѣ **любовлини**, **-нь**, **-немь** и **любовитьской** (С. № 176).

Другой отличительный признакъ Сербскихъ собственныхъ именъ, какъ въ древнемъ письменномъ, такъ и въ нынѣшнемъ языкѣ, есть опущеніе б-ы **л** въ окончаніи **-славь** и его производномъ **-славлѣ**, **-нь**, **-славлѣь**, **-вь**. Количественное соотношеніе примѣровъ того и другаго окончанія показываетъ, что выпущеніе б-ы **л** началось еще въ XIII-мъ в., но весьма слабо, и только въ XV-мъ усилилось до того, что почти совершенно вытѣснило полное окончаніе **-славь**. Въ древнѣйшей гр-ѣ XIII-го в. читаемъ: **рѣславь**, **вѣиславомь** (С. № 2) и въ слѣдующей за нею: **владиславь** (С. № 3); но около того же времени: **миросавь** (у Ш. № VI—**мирославь**) и томъ же **мирослава** (С. № 5); за тѣмъ опять **владиславь**, **-в** (С. №№ 6, 8), **владиславьля** (С. № 12), **домиславь**, **хранислаль**, **бориславь** (С. № 14, одной семьи съ С. № 5), **хранислаль**, **прькославь**, **братославь** (С. № 15) и т. д. въ гр-хъ С. №№ 16, 19, 20. Въ XIV-мъ в. въ началѣ то же отношеніе: окончанія **-славь** и **-славлинь** въ большомъ количествѣ являются въ гр-хъ С. №№ 46, 54, 55, 56, 66, 86, 176; М.л.; А. №№ 5, 6. Исключеніе только одно: **тврьдисавь** (С. № 58). Но въ позднѣйшихъ окончанія **-савь** и **-савлѣь** внезапно вытѣсняютъ первыя. Такъ уже находимъ: **радосавь**, **-а**, **-ом** (С. №№ 80, 81, 82), **гоисаве** (С. № 80), **добросавомь** (С. № 81), **воисавь**, **-комь**, **радосавлѣь**, **-ѣмь** (С. №№ 81, 84, 85), **драгосавлѣмь** (С. №№ 81, 85), **вукосавь**, **милосавлѣь**, **градисавлѣь** (С. № 82). Замѣтимъ перевѣсъ окончанія **-савь** надъ **-славь**, возникающій къ концу XIV-го в. Бо́льшая общность письменнаго языка въ XIII-мъ в. и преобладаніе восточнаго правописанія сдѣлали то, что въ этомъ вѣкѣ нашелся только одинъ примѣръ съ опущеннымъ **л**: всѣ прочіе и во всѣхъ грамотахъ имѣютъ еще **л**. Въ XIV-мъ в. Восточныя грамоты представляютъ только одинъ примѣръ безъ б-ы **л**: **тврьдисавь**, но всѣ прочія имѣютъ **л**; Западныя же колеблются между тою и другою формою, но перевѣсъ остается за сокращенною. Въ XV-мъ в. въ Восточныхъ встрѣчается однажды **радославь** (С. № 111) и въ нихъ же: **гоисавлинь**, **воисавь**, **радосавь**, **богосавь** (А. № 19); но Западныя отдаютъ окончательное первенство сокращенной: **владисавь**, **-а**, **-в** (С. №№ 74, 89, 92, 119, 126, 128, 132, 134, 140, 142, 143, 157, 158, 161, 162, 171; З. А.), **радосавлѣь**, **-вь**, **-ка** (С. №№ 89, 127, 145), **радосавь**, **-а**, **-в**, **-омь** (С. №№ 89, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 107, 114—117, 120, 122, 125, 129, 133, 145, 156; З. А.), **вукосавлѣь** (С.

NN№ 94, 120), concaлиѣь, -ѣемь (С. NN№ 99, 103, 140), вѹдисава, -ѹ, -омь (С. NN№ 104, 107, 114, 116, 127), прибисавь, -а (С. NN№ 108, 109, 112), прибисавь, -ва (С. NN№ 115, 157), ꙁвисаламь, -а (С. NN№ 117, 127), десислаиѣь (С. № 120), тврьдисавь, -ѡ (С. NN№ 127, 157), прибисавиѣь (С. № 144), вѹкосавь (С. NN№ 156, 158), десисалиемь (С. № 164), владисалиѣь, болесавацъ (З. А.). Сдѣсь, какъ видно, нѣтъ ни одного примѣра съ окончаніемъ -славь, но всюду -савь. Это одинъ изъ народныхъ признаковъ, ибо и нынѣшній Сербскій языкъ употребляетъ послѣднее окончаніе. Восточныя грамоты начинаютъ склоняться къ его принятію, какъ мы усматриваемъ изъ примѣровъ, въ началѣ XV-го в. Недостатокъ примѣровъ затемняетъ нѣсколько это обстоятельство, которое такъ ясно и послѣдовательно совершается въ Западныхъ грамотахъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить образованіе прилагательныхъ притяжательныхъ отъ этихъ собственныхъ именъ, встрѣчаемое въ Восточныхъ грамотахъ: радосалѣ стоудѣнцѣ (А. № 6), прибисаль иртъ (А. № 12).

Б-а л участвуетъ въ словообразованіи часто какъ благозвучная. Не указываю на причастныя формы, которыя оправдываются вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка и являются, хотя не Сербскими, однако исторически-правильными; таковы на пр.: раставль (А. № 1), ѡставльше, принесль (А. № 4), текль (С. № 176), спобльшоусе, ѡбновльшомоу (А. № 12), ѡбрѣль (А. № 18), могль (С. № 20), понесаль (С. № 65), ѡставльше (С. № 66), ѡставльше (С. № 84), свѣдовльше (С. № 97), изнесаль (С. № 147), могаль (С. NN№ 108, 109), отъ коихъ прямой переходъ къ Сербскимъ *изнесао, могао, текао, понесао*. Приличнѣе указать на участіе благозвучнаго л въ образованіи словъ, каково на пр.: благословленнемь (А. № 1), блгсловленнемь (С. № 51), благословлень (А. № 7), славословлениими (А. № 20), жѹпляне (С. № 10), непоколѣблимо, -имо (А. № 4; С. № 91), дръжавлениие (А. № 14), срьблинь, -ѹ и т. д., срьбли, -е, -ь и т. д. (мн. р.), ср. срьбинь, -оу, -ѹ (С. NN№ 73, 91, 111, 137). Слово ꙁемля и производныя отъ него хотя постоянно имѣютъ въ себѣ л, однако два раза находимъ: къ ꙁемахь (С. № 16; у Ш. № XVI—ꙁемлахь) и ꙁемье (С. № 52), равно какъ однажды кѹпью (С. № 16), хотя обыкновенно употребляется форма кѹпля, -и, -ю, -ами (С. NN№ 17, 21, 22, 91 и др.). Въ обоихъ послѣднихъ словахъ л есть вставочное благозвучное, по чему и ь, введенное ради мягкаго отбоя б-ы м передъ л, ꙁемьлю, мы прежде назвали незаконнымъ: если бы не было л, то не было бы и этого ь. Однажды встрѣчается форма чоекѹ (С. № 82) вмѣсто обыкновенной чловѣкь: нынѣ, напротивъ, Сербы употребляютъ или *човек*, или *чоек*, между тѣмъ, какъ обыкновенная въ ихъ древней письменности форма чловѣкь уже не существуетъ болѣе въ ихъ языкѣ. Въ словѣ вельможѣ (А. № 14) опущено л, ср. вельмоужь (С. № 176). Слово болѣри (С. № 3), боляре, -ими (С. NN№ 9, 12, 14), болѣриноу (С. № 176), удерживая въ себѣ б-у л согласно съ древнѣйшею Булгарскою формою, указываетъ на свое происхожденіе отъ сравнительной степени болии. Въ словѣ ѡблигаелью (С. № 107) также присутствуетъ благозвучное л, которое начинаетъ собою и слово ахла, июля (юля, С. NN№ 92, 108, 109).

Б-а м смѣняется съ б-ю л въ образованіе словъ: изимо, -ю и т. д. и кѹпию (С. NN№ 112, 115, 126) соотвѣтственно формамъ премин, парим, -а (парим, пра). Можетъ быть, тимлие (С. № 35) есть то же, что Ц.-Слав. тимѣние.

Б-а м во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ смѣняется съ б-ю м въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ древней Сербской письменности находимъ не много примѣровъ замѣны б-ы м б-ю м, какъ то: мижница (С. № 19), мрьмити (С. № 104), ср.

зкрьнй (С. № 98), **зкарнити, -нию** (С. № 101), **зкрьнити** (С. № 102), **два шамьдана** и тутъ же **два шьлдама** (С. № 130); **дримь и дринь, мѣропьхь** (С. № 176), ср. **мѣропьхь** (З.); **поунѣ** (С. № 168). И нынѣ въ приморскомъ Сербскомъ подрѣчіи часто *м* замѣняется чрезъ *н*.

Участіе, которое принимаетъ б-а **н** въ словообразованіи, произвело нѣкоторыя формы, достойныя того, чтобы быть замѣченными: **всемлⷭ҇тивномꙋ, -мꙋ** (С. №№ 50, 62, 111), **вьсемлⷭ҇тивномꙋ** (С. № 90), ср. **всемилостивомꙋ** (С. № 99), **вьсемлⷭ҇тивномоу** (С. № 137), **прьвнїи** (А. № 8), **плоскны** (А. № 11), **ꙁлолютныимь** (А. № 16), **бл҃гоустивно, достолѣпно** (С. № 66), **крѣпнь, вѣшнь** (**крѣпки, вишни**, С. № 77), **драгна** (С. № 78), **любно** (С. № 85), **становитни** (С. №№ 95, 103, 136), ср. **становитꙋ** (С. № 97), **вьсердно, всесрьно, всерьно, вьсесрьдно** (С. №№ 96, 98, 107, 114), **єдиносрдно** (С. № 141), **єдиносрьдно** (С. № 144), ср. **и- єдиносрьдо** (С. №№ 89, 100), **всесрьдѡ, -о** (С. №№ 104, 107), **милосрьдно** (С. № 89), **милосрⷣнѡ** (С. № 107), **бл҃голѣпно** (Г. А) и пр. и пр. Сюда же отнесу и **чл҃вколюбно, -бьно, чл҃вколюбно** (С. №№ 95, 150; З. А.) Но во всѣхъ этѣхъ формахъ должно замѣтить хотя и странное, однако все таки возможное служеніе б-ы **н**. Дѣло въ томъ, что эта буква входитъ же въ образованіе нѣкоторыхъ существительныхъ именъ на **-ность** и отвѣчающихъ имъ прилагательныхъ на **-ныи** и нарѣчій на **-но**: слѣдовательно, она допускается духомъ языка въ одномъ случаѣ; по чему же было не допустить ея въ другомъ точно такомъ же? Конечно, духъ языка обходится и безъ нея въ извѣстныхъ случаяхъ, и именно въ формахъ, сейчасъ нами приведенныхъ, но сдѣсь судъ произносится на основаніи Ц.-Славянскаго языка, между тѣмъ, какъ Сербскій можетъ измѣнять это утонченное требованіе благозвучія родственнаго нарѣчія и на основаніи своего собственнаго вкуса создавать тѣ же формы, но только съ б-ю **н**. Странно звучало бы нарѣчіе **чл҃вколюбо**, а между тѣмъ, по соотвѣтствію съ **лѣпо** и **любо**, оно именно должно бы имѣть эту форму. Форма *драган* существуетъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ; **прьвнїи** оправдывается словомъ *првенац*, гдѣ *н* взялось тоже изза благозвучія. Стало быть, духъ языка позволялъ себѣ пользоваться этою буквою тамъ, гдѣ можно было обойтись и безъ нея, пользоваться изъ собственныхъ видовъ благозвучія: по этому я и назвалъ вышеприведенныя формы возможными.

Важное мѣсто въ словообразованіи занимаетъ удвоеніе б-ы **н**. Нужно вникнуть въ сущность формъ съ удвоеннымъ **н**, равно какъ постигнуть обще-славянскій законъ удвоенія, чтобы судить о причинахъ, производящихъ подобное явленіе. Законы ли языка требуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ удвоенія **н**, или только условіе благозвучія? Коренное ли сдѣсь второе **н**, или только благозвучное? Вотъ вопросъ, который ждетъ рѣшенія. Но прежде всего назовемъ формы, въ которыхъ преимущественно встрѣчается удвоенное **н**: это суть окончанія существительныхъ на **-никь, -ность** и т. п., прилагательныхъ на **-ныи** и нарѣчій на **-но**. Сдѣсь **н** удвоивается въ такомъ случаѣ, когда всѣ эти окончанія предшествуютъ основѣ, исходящей на **н**, которое отъ конечнаго **н**, по правилу, должно быть отдѣлено б-ю **ь**, составляющею для перваго **н** смягченіе и отбой голоса, но которое, при ослабленіи служенія полугласной, большею частію, соединяется непосредственно со вторымъ **н** и представляетъ собою какъ бы удвоеніе одной и той же буквы. Всякій пойметъ, что сдѣсь нѣтъ удвоенія, но только стеченіе двухъ одинакихъ буквъ, принадлежащихъ двумъ совершенно различнымъ частямъ слова, основѣ и окончанію. Замѣтимъ еще слѣдующее: во первыхъ, существительныя не должно смѣшивать съ причастіями

страдательнаго залога прошедшаго времени опредѣленнаго окончанія, которыя иногда употребляются въ смыслѣ существительныхъ, не переставая образованіемъ своимъ напоминать о своемъ происхожденіи; во вторыхъ, не должно забывать, что Славянскія нарѣчія вообще не терпятъ повторенія, не только удвоенія, однѣхъ и тѣхъ же буквъ, которое они стараются избѣгать чрезъ опущеніе одной изъ нихъ, даже иногда тамъ, гдѣ удвоеніе согласно съ законами языка. Мы уже видѣли это отчасти при другихъ буквахъ; теперь посмотримъ при буквѣ н. Для именъ существительныхъ находимъ немного примѣровъ. Такъ **царииьиникъ** (Ш. № X), **царииника** (С. № 71), **законьникь**, **блгнииникь** (З.), **книницѫ**, вѣроятно, **книницѫ** (С. № 118), **иноплеменникь** (С. № 179), **старииникѣ**, **старѣйници** (А. № 19) образованы правильно, ибо основа ихъ исходитъ на н: **царин-а**, **племе (племя)** и пр. По этому, ежели находимъ образованіе **царникь** (С. № 3), **царний** (С. № 43), **царника** (С. № 150), **иноплеменникь** (З. А.), то значитъ, что оно понесло сокращеніе. Вовсе неправильно написано сущ. **истинною** (С. № 48). Въ Сербскомъ языкѣ не замѣтно той склонности къ смягченію, которая господствуетъ въ двухъ нарѣчіяхъ Русскаго языка, Малороссійскомъ и Бѣлорусскомъ. Въ обоихъ этихъ нарѣчіяхъ находимъ удлиненную форму существительныхъ на *-льле*, *-ньне* вм. *-ле* (*ліе*), *-не* (*ніе*), которыя нельзя объяснить страстью къ удвоенію одной и той же буквы, но скорѣе страстью къ смягченію, такъ что второе *л*, или *н* является уже благозвучнымъ, вставленнымъ по уподобленію для равновѣсія въ окончаніи; таковы на пр.: *сіяньня*, *весильле*, *зильле*, *коханьня*, *свитаньня*; *весильля*, *мѣняньня*, *уцираньня*, *коханьня*. Слѣды этого рода смягченія съ повтореннымъ окончаніемъ попадаются и въ древней Сербской письменности въ формахъ: **ꙁламеньиехь** (С. № 78), **ꙁаписаньинемь** (С. № 118) и, можетъ быть, также въ формахъ: **бѫбаньна** (С. № 16), **вѣрованьнѡ** (по смыслу **вѣрованьини**, С. № 117), **писаинѥ** (С. № 168). Но этѣ формы еще ничего не говорятъ въ пользу Сербскаго языка и не имѣютъ права стоять на ряду съ отличительными его признаками: онѣ исчезаютъ вмѣстѣ съ древнею его письменностію, и подобныхъ имъ въ нынѣшнемъ языкѣ не находимъ. Прилагательныя представляютъ собою въ своемъ образованіи бóльшую неопредѣленность, но все зависитъ отъ того, какая основа взята для нихъ, и отъ какой формы существительнаго слѣдуетъ ихъ производить. Разумѣется, когда основа исходитъ на н, то они имѣютъ въ своемъ образованіи два н, а въ другихъ случаяхъ одно н. По этому правильною находимъ слѣдующую форму: **бжьствьнни** во всѣхъ видоизмѣненіяхъ (Ш. № VII; С. №№ 2, 35, 46, 50, 61, 66, 71, 84, 96, 97, 144, 175, 176, 178; Г. А, Б; А. №№ 3—7, 9, 10, 12—14, 16, 17, 19; В. № 1; Мл.), но неправильною **божтвении** (С. № 35), **божстваньнѡмь** (С. № 114), ибо основою ей служитъ **божьство**. Правильны: **истиньныи**, **-ньна**, **-нии**, **-ы**, **-омѫ**, **истиныи** и т. д. (С. №№ 51, 66, 68, 81, 85, 111, 120, 133, 137, 142, 143, 176; А. №№ 4, 5, 7, 14, 20; Мк.), по чему находимъ и форму **истинаь** (С. № 142), **странниь**, **иноплеменнными** (С. № 176), **блгопрѣмѣнна** (С. № 35), **повинии** (З.), **блгниноу**, **-ѫ**, **-о**, **-ина**, **-ньно** (З.; С. №№ 78, 90; А. №№ 12, 14), **многоцѣниными**, **-цѣньние** (С. №№ 81, 97), **ꙁаконьнѡмь**, **ꙁаконноую**, **-омь** и т. д. (С. №№ 87, 108, 109, 112, 113, 115, 117, 118, 176; В. № 1; Мл.), **непокиньнѫѫ** (С. № 114), **поустынная** (А. № 2), **не-тлѣнныихь**, **-ааго**, **-нними**, **-ны** (А. №№ 4, 5, 8; С. № 35), **вѣнога** (А. № 6), **ксенинаа**, **поустнины**, **непрѣмѣнная** (А. № 10), **болеꙁньнаго** (А. № 12), **поминны** (А. № 17), **не-**

прѣстанными (А. № 20), **врѣменном**, **неопальвенных** (С.-Д. М. 1814), **врѣмное** (Г. Б) правильны по тому, что основа ихъ исходитъ на **н**: **истин-а**, **ꙁакон-ъ**, **врѣма** и т. д. По той же причинѣ неправильны: **дѣдинѣмь** (С. № 7), **истини**, **-о**, **-мю**, **-их**, **и͡тиих** (С. NN№ 85, 89, 95, 103, 113, 136, 150, 168; З. А.), **многоцѣнними** (С. NN№ 85, 95), **блщнио** (С. NN№ 96, 98, 145), **ꙁаконх**, **-ѡмь**, **-омь**, **-ѡ̑**, **-ѡ̆**, **-имь** (С. NN№ 86, 114, 119, 120 — 122, 126, 130, 134, 136, 139), **камени** (С. № 121), **страннега** (С. № 127), **ѡбистраномь**, **-е**, **-ими** (С. NN№ 140, 150; З. А.; Г. А). На оборотъ, неправильны: **ѡгненними** (С. № 35), ибо образованіе этого слова должно быть таково: **ѡгнь -ни**; **помьнны** (меньшій, З.). Точно такъ же надлежитъ провѣрить и образованіе нарѣчій. Правильны слѣдующія формы: **беꙁаконно** (З.), **истиннѡ**, **-оѡ** (С. NN№ 142, 143), **единноѡ** (С. № 143), **не- не- при- прѣстанно**, **-нно** (С. NN№ 104, 150; З. А.; А. № 13), **беꙁ-крайно** (А. № 10); но слѣдующія неправильны: **непрѣстанѡ** (С. № 104), **непрѣмѣно** (С. № 178). Воздержимся пока отъ общаго вывода и перейдемъ къ опредѣленному виду причастій прошедшаго вр. страд. зал., который въ древней Сербской письменности является то съ удвоеннымъ, то съ однимъ **н**. Посмотримъ, какъ образуютъ этотъ видъ прочія Славянскія нарѣчія и нынѣшнее Сербское. Польское, Чешское, Лужицкія, Хорватское, Хорутанское, Сербское, Д.-Булгарское (по древнѣйшимъ памятникамъ) и М.-Русское постоянно оканчиваютъ его на *-пу*, *-ні*, *-ни*, **-ными** и никогда не удвоиваютъ въ немъ б-ы *п*, *н*. Напротивъ, В.-Русское письменное удвоиваетъ *н*, вѣроятно, по требованію своего рода благозвучія, или по примѣру Среднебулгарскаго правописанія, *-нный*. Конечно, первая форма будетъ правильная, ибо опредѣленное или склоняемое окончаніе причастій образуется изъ неопредѣленнаго или спрягаемаго чрезъ прибавленіе указательнаго мѣстоименія, но послѣднее есть **и**, а не **ни**, и по тому правильный видъ будетъ: **гл҃ан-ыи**, **съкроушен-аи**, **написан-ои** и т. д.; но Русскіе, вопреки теоріи, пишутъ: *сказанный*, *сокрушенная*, *написанное*. Откуда же взялось другое *н*? Законъ словообразованія молчитъ; но Русскому уху, или, по крайней мѣрѣ, уху Русскаго книжника, какъ-то странно разстаться съ этимъ вторымъ *н*, и оно охотно прислушивается къ нему, сознавая въ немъ особенную выразительность и звучность, чрезъ которыя и самое окончаніе выигрываетъ, пріобрѣтая какъ бы бо́льшую силу и ясность въ произношеніи. Вѣроятно, это благозвучное удвоеніе перешло въ Русскій письменный языкъ изъ Среднебулгарскаго, изъ котораго дѣйствовало и на Древнесербскій. Но въ народномъ говорѣ какъ Русскихъ, такъ и Сербовъ этого удвоенія не замѣтно; оба языка основываютъ свое благозвучіе на удареніи, а не на протяженіи голоса, и отъ того въ разговорѣ трудно соблюсти то и другое, или дать мѣсто тому и другому; языкъ бѣгло произноситъ окончаніе *-ный*, *-на*, *-но*, заботясь лишь объ одномъ удареніи; при томъ же скорѣе протянетъ онъ гласную, чѣмъ остановится на двойной согласной. Примѣры покажутъ намъ, что древніе Сербы удвоивали и не удоивали б-у **н** въ причастіи, и что сдѣсь вообще существовало величайшее колебаніе между тою и другою формою. Что-то сильно противодѣйствовало удвоенію, и если обратить вниманіе на число примѣровъ безъ удвоенія и на семьи грамотъ, къ которымъ они принадлежатъ, то не останется никакого сомнѣнія, что этою противодѣйствующею силою была народность. Но обратимся къ самимъ явленіямъ. Нѣтъ, кажется, надобности замѣчать, что слова наши относятся только къ опредѣленному или склоняемому виду страдательныхъ причастій

прошедшаго вр., и что только отъ нихъ беремъ мы примѣры. Излишне было бы также напоминать, что не всегда причастный видъ имѣетъ таковое же значеніе, но что часто онъ употребляется и вмѣсто существительнаго: будучи по происхожденію своему причастіемъ, онъ измѣнилъ свое значеніе и, по употребленію своему, сдѣлался уже или существительнымъ, или прилагательнымъ. Кто скажетъ, что слово *вселенная* есть причастіе? А между тѣмъ сдѣсь средній родъ причастія употребленъ въ смыслѣ существительнаго имени и таковымъ остался въ языкѣ Д.-Булгарскомъ, откуда перешелъ въ Рускій и Сербскій, отъ чего древніе Сербы, большею частію, и пишутъ правильно **вьселеноую, вьселенѫю, вселенноую, веселенои, васеленѫю, -он, васеленѫю, вьселенный** (С. NN° 85, 89, 95, 101, 104, 150; А. NN° 2, 4, 10, 13; З. А.) и неправильно: **вьселениѫю** (С. N° 62), **васелениѫю, васелениои** (С. N° 81). Причастій съ значеніемъ прилагательныхъ весьма много; мы приведемъ ихъ вмѣстѣ съ настоящими причастіями, означая, которыя изъ нихъ будутъ народными по своему виду и которыя не народными. Такъ вѣрно образованы: **ѹ- наменѕ- реѹени** со всѣми видоизмѣненіями (А. NN° 1, 13; С. NN° 17, 49, 54, 55, 66, 68, 74, 76, 77, 81, 83—89, 92, 93, 95—100, 103—110, 112, 114, 115, 118—121, 123, 125—130, 132—134, 136, 139—142, 145, 150, 152, 155, 157—159, 164, 169, 171, 178, 179; З. А.), **поѹтени** со всѣми видоизмѣненіями (С. NN° 47, 55, 66, 77, 84, 85, 92—105, 107, 110, 112, 114, 116—129, 132—136, 139—150, 154, 156—159, 163—167; Ш. N° 16). А что это есть форма причастія, то это видно изъ слѣдующаго выраженія **бгѡ поѹьтение** (С. N° 157), гдѣ причастіе правильно сочинено съ творительнымъ п. и написано съ однимъ **н**; оно же и переиначено въ другую причастную форму: **много- поѹтовани, -ога, -омѹ** (С. NN° 150, 154), **бого- бг҃о- бго- богомь- хс҃- дарованаго, -немь, -нмь, -омь, -оми (-омьми), -ѣмь** (А. NN° 1, 4; С. NN° 75, 84, 85, 95, 159), **вѣньчани, -аго, вѣнчаныи, прѣвовѣнчанаго** (А. N° 1, 4; Ш. N° VII; С. N° 51), **прѣвьзлоѹбленимь, въз- вьз- вьзлюблени, -нмь, -енаго, -енаго, -іени, вьзлюбленаго** (Ш. N° VII; А. NN° 3, 4; С. NN° 92, 176; Г. V), **прѣ- данаго, -ы, -ый** (Ш. N° VII; А. N° 3), **за- прѣ- вписе- ѹ- кь- писани** и т. д. съ видоизмѣненіями (С. NN° 2, 16, 39, 55, 64, 66, 76, 78, 84, 86, 89, 93, 95, 97, 98, 99, 101—104, 112, 118, 126, 127, 130, 133, 136, 141, 145, 150; А. NN° 3, 4, 13, 14, 19; З. А.), **сврьшенѹ, сьврьшенѹ, -ены, сврьшена** (С. NN° 3, 16, 66, 142), **рожденомѹ, рожденоѹ, -ынмь** (С. N° 16; А. N° 6), **оѹмилениыи, -ени, ѹмилено, -ими** (А. N° 2; С. NN° 97, 99; Мк.), **блаженіи, -оѹю, блаженыи, блаженаѣ, прѣблаженѣи** (А. NN° 2, 10; С. NN° 51, 137; Г. А), **смѣреныи. смѣрены, смѣрени** (А. NN° 3, 4; С. N° 101), **прѣдьприложено, -наѣ, -ны, -ныхь** (А. NN° 3, 4, 14; С. N° 52), **оѹ- оѹзакониеныи, -ныхь** (А. NN° 3, 4), **оѹ- оѹтврьжена, -на** (А. NN° 3, 4, 6), **глаголѣ** (А. N° 4), **ѡскврьненіи**, чѣмъ объясняется и **скврьны** (А. N° 6), **ѡкаании, помлвлены, просвѣщены, ѡковании, свѣщении** (С. N° 176), **свобожденыѣ** (А. N° 7), **явленаа** (А. N° 9). **поврьжена, деланы, забодени, златопечатленемь** (А. N° 11), **прѣоѹкрашенаі, ѡдѣана, ѡзлащенахь** (В. N° 1), **бго- бм- поставлены, -нии, -еномѹ, постаатеномѹ, -еномѹ** (А. NN° 10, 13; С. NN° 84, 99; В. N° 1), **желаном, желаном** (С. NN° 66, 68), **ѡбѣщаном** (С. N° 66), **соделанн** (А. N° 14), **именовано, -ѡга, -омѹ, -он, -нхь** и т. д. (С. NN° 78, 93, 107, 118, 120, 127, 130, 133, 141, 145, 157, 163, 164), **изьбраннеми, изабрани, изебраном** и т. д. (С. NN° 84, 87, 89, 97, 100, 106—109, 112, 114, 115, 118—121, 123, 126, 127, 130, 132,

140—142, 145), **потврьенини, -ено, -тврѣено** (С. №№ 92, 97, 99), **ѡвѣтовано, -ѡ, -оѡ, -ое, ѡвѣтованое, ѡвитовано** (С. №№ 96, 99, 104, 106, 114, 120, 127, 133, 141, 145), **ѡбювлениѹ, ѡбьювлениѹ** (С. №№ 101, 102), **вѣрованиѥмь, -омь, вѣровании, -нѥ, вѣрованиѥмь** и т. д. (С. №№ 109, 112, 115, 119, 120, 123, 126—129, 134, 135, 139, 148), **ѹчинѥни, -ноѥ** (С. №№ 74, 114), **поздавлѥнѥ, -нѣ, -нѣхь** (С. №№ 115, 126), **ѿ- ѡтворении, -й, -о, -омь, -ѹ** (С. №№ 74, 116, 133, 142, 145—148), **приносѥнихь** (С. № 119), **сьбрѣна** (С. № 126), **знаменованога** (С. № 148), **ѡбрани, -омѹ, ѡбраданога, -омѹ** (С. №№ 156, 157, 163, 164, 166, 167, 173), **ѹзданй** (С. № 166). Теоретически неправильно образованы слѣдующія формы: **не- не- из- йз- йз- йз- из- ѹ- на- реченыи, -ньни, -нни** и т. д. во всѣхъ видахъ (А. №№ 3, 4, 5, 8, 10, 11, 13, 15, 17, 19; С. №№ 35, 46, 50, 62, 66, 81, 89, 90, 91, 96, 107, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 127, 133, 142, 143, 144, 168, 173, 175, 176; Г. А, Б, V), **поѹтении, -ога, -е, -й, -ими, почтений** (С. №№ 81, 111, 146, 166; Г. Б), **бго- бго- бого- дарованнаго, -ымь, -й, -ими, -ою, -ѣи, -омь** и т. д. (А. №№ 3, 5, 10, 12, 17, 19; С. №№ 35, 66, 81, 100, 176), **прѣво- прво- вѣньчаньнаго, вѣнчаннаго, вѣнчаннаго** (С. №№ 2, 176; А. № 3), **бго- прѣ- вьз- вьз- воз- вьзлюбленны, -ого, -омѹ, -нмь, -ѣмь, -ы, -ими, -ѣмь, -омь, -ннымь, -ннїи, любленнꙗ** (С. №№ 35, 62, 91, 176; А. №№ 12, 14, 18; Мл.; Г. V), **про- данно, -аго, -ннаѧ, -ый** (А. №№ 5, 6; С. №№ 96, 97, 176), **неѿ- неѿ- за- ѹ- вь- оу- писанно, -ньно, -ннаго, писанное, -нне, писанномоу, -ыхь, -ымь, -ам, написаний** и т. д. (А. №№ 3, 5, 6, 7, 12, 14, 16, 17, 18, 20; С. №№ 51, 62, 68, 89, 90, 92, 96, 97, 99, 106, 107, 108, 111, 112, 114, 115, 119, 120, 126, 133, 137, 142, 143, 144, 175, 176; Мк.; Г. А; З.), **сврьшеннаго, свршенный** (С. № 176; Мл.), **роженнаго, роженномоу, роженнꙗ** (А. № 6; С. № 176; С.-Д. М. 1844) **блженнаго, блженнымь, -ми, блженный, трьблженнымь, -ннымь** (С. № 176; А. №№ 11, 20; Г. А, Б; Мл.), **смерѥнны** (Мл.), **при- вьз- ложенна, -аа, ложенное** (А. № 16; С. № 175; С.-Д. М. 1844), **ѹтврьжено, оутврьжена** (А. №№ 14, 17), **гланнаа, -ннаꙗ, неизгланныи, -ѹю** (А. №№ 3, 5; Г. А; С.-Д. М. 1844), **ѡкаанный, ѡкаанную, ѡкаанни** (А. № 6; С. № 176; С.-Д. М. 1844), **помиланны, -омоу, -оу** (С. № 176; А. № 9), **просвѣщеннаго, свѣщенномоу** (А. №№ 5, 9), **ѡкованныи** (С. № 176), **прѣ- ѡ- ѿ- ѡ- свещенниимь, -ый, -ымь, -ъ, свщеннаго, свщенїи, -ныи, -ьнимь** и т. д. (А. №№ 3, 11, 12, 18; С. №№ 35, 46, 176; З.; Мл.; Г. V), **мблвннѡ, мблвннам, -нна, ѧблвннаа, -нна** (С. №№ 142, 176; А. № 9), **неврѣжено** (С. № 35), **златопечатленнимн** (А. № 11), **бгомь- по- ѹ- ставленни, -омѹ, -ѡмѹ, -нины, -ми, нномѹ, -енномѹ** (С. №№ 35, 46, 50, 66; А. № 12; З.), **содѣланнй** (С. № 35), **именованьни, -нноѡ, -ѡ, -ѡь, -нним** (С. №№ 93, 114, 142, 143), **избраннимн** (С. № 66), **ѡвѣтованно, -о, -нь(н)ѡ** (С. №№ 107, 120, 144), **вѣрованнѡь, -ѡ, -ѣми, вверованнѥми** (С. №№ 108, 115, 142, 143), **позланенние** (С. № 176), **ѿворенно** (С. № 120), **створенный** (А. № 6), **ѡбрадованнаѧ** (Мк.), **раждѥниꙗ, -нноу** (А. №№ 7, 10), **скрьвенное, ѹготованное** (С. № 176), **ѹставленномѹ** (С. № 46), **трисланномоу, вьздвиженномоу** (А. № 5), **сьзданна** (А. № 10), **ѡдѹшевлениꙗ** (С. № 35), **неизьѹтѣнныи, прѣвозданныи** (Г. А), **вьзвршенаго** (С.-Д. М. 1844), **непримзненнѹ** (С. № 142), **неизьѹтенныи, првозданныи** (Г. Б), **ѿбременѣнны, изьгнанноу, нероукотворенный, оутаенна** (Мл.), **неприкосновенне** (А. № 20). И съ глаголомъ **бити: не- врѣжениѹ, -ннѹ бити** (С. №№ 46, 50; А. № 12). **неѿтворениѹ, -нноу бити, бытн, нь паче потврьжениѹ, -нноу** (С. №№ 62, 90,

111; А. NN№ 7, 11, 12), **непотьиноквйноу бытй** (А. NN№ 3, 4, 5), **утврьждении бити** (А. № 14), **потврінии бй** (А. № 18), **непрѣткорѣнноу быти** (Мл.). Въ выраженіи **й тѡ да нѣ възбрайно** (А. № 10) причастіе имѣетъ справедливо два **и**, ибо одно изъ нихъ принадлежитъ къ основѣ **брав-ь, брани-ти**. Нарѣчія, производныя отъ прилагательныхъ причастной формы, имѣютъ или правильное окончаніе: **хминено** (С. № 97), **смѣрено** (С. № 143), **потено** (С. № 167), **ѡътворено** (С. № 125), **невъзбрано** (С. № 66), или неправильное: **невъздрьжанно** (С. № 108). Совершенно неправильны формы причастій страдат. зал. прошед. вр. неопредѣленнаго или спрягаемаго окончанія въ соединеніи съ личными временами глагола **бити**: **данни бише** (С. № 35), **да и неразорѣнно** (С. № 40), **и записанно** (С. № 108), **е писанѡ** (С. NN№ 115), **и писанно** (С. № 175), **рѣнно е** (Г. Б), **дарованно ми бы**, **да нѣ възбрайно** (А. № 10), **създанна бысть** (А. № 11), **исписанна сѫть** (А. № 14). Припомнивъ всѣ выставленные случаи удвоенія б-ы **и**, мы можемъ видѣть, что время нисколько тутъ не дѣйствуетъ: и въ древнѣйшихъ и въ новѣйшихъ грамотахъ удвоеніе является въ одномъ размѣрѣ, по тому, думаю, что, не будучи слышно въ произношеніи, т. е., въ разговорномъ языкѣ, оно было единственною принадлежностію книжнаго языка и, какъ его собственность, не прикасающаяся къ живой части народа, сохранялась съ нимъ вмѣстѣ, держась наиболѣе благопріятствовавшихъ ей грамотъ. Какія были послѣднія—покажетъ численное сравненіе примѣровъ. Правильныя, безъ удвоенія б-ы **и**, образованныя формы относятся къ неправильнымъ, допускающимъ удвоеніе, почти какъ 2¼ къ 1, при томъ такъ, что болѣе ½ неправильныхъ формъ приходится на долю только 30 грамотъ церковно-дарственнаго содержанія (19 Аѳонскихъ; Мк.; Мл.; Г, Б, V; С. NN№ 35, 51, 175, 176, 178; С.-Д. М. 1844), а изъ остальныхъ около ¼ принадлежитъ грамотамъ собственной Сербіи и Законнику. Вспомнимъ, какую малую часть, въ сравненіи съ прочими, составляютъ эти памятники и своимъ числомъ и своимъ объемомъ, и какую между тѣмъ значительную часть случаевъ притягиваютъ на себя; вспомнимъ также, что Ц.-Славянская стихія нигдѣ такъ ясно не высказывается, какъ въ грамотахъ церковно-дарственнаго содержанія—и послѣ этого согласимся, что удвоеніе б-ы **и** есть именно признакъ ея вліянія, разлившійся по всѣмъ грамотамъ, какъ и многое другое, и утвердившійся преимущественно подъ ея защитою тамъ, гдѣ она была сильнѣе. Мы сейчасъ называли этѣ формы неправильными въ томъ смыслѣ, что по законамъ словообразованія б-а **и** является въ нихъ лишнею, и онѣ неупотребительны въ устномъ языкѣ Сербовъ, какъ и многихъ другихъ Славянскихъ племенъ; но онѣ правильны, если удовлетворяютъ законамъ благозвучія и составляютъ законную собственность какого либо Славянскаго нарѣчія. Какъ образованіе слова *земля* нельзя назвать неправильнымъ, по тому только, что сдѣсь есть вставное благозвучное *л*; какъ Малороссійскія слова *кориньня*, *сынне* нельзя назвать неправильными по тому только, что въ нихъ является благозвучное *н*, такъ точно этѣ формы нельзя назвать неправильными въ смыслѣ особенности какого либо нарѣчія. Правда, онѣ менѣе правильны въ сравненіи съ законно-вѣрными, на пр., *zemia*, *země*, *zema*, *зема*, *земя*, какъ въ Польскомъ, Чешскомъ, Лужицкомъ, Н.-Болгарскомъ, Бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, однако и онѣ опираются на благозвучныя требованія извѣстнаго нарѣчія и составляютъ его особенность, хотя, повторю, особенность, несвойственную Сербскому языку по тому уже, что однѣ и тѣ же грамоты, которыя ревностно служатъ ей, представляютъ и многочисленные примѣры противнаго. Но мы вмѣсто и

есть признакъ той же тягучести или мягкости плавной **н**, какую видѣли мы въ другихъ плавныхъ при образованіи слоговъ **ль** и **рь**. Протяжность эта нравится Славянскому уху, не терпящему однако повторенія одной и той же согласной. Замѣтимъ еще, что удареніе при удвоительномъ образованіи никогда не падаетъ на слогъ со вторымъ *н*, но почти всегда приходится на слогъ съ первымъ *н*, а безъ удвоенія на слогъ предшествующій, или даже на болѣе отдаленный къ началу слова: отъ того, для поддержанія равновѣсія въ словѣ, ухо Серба охотно допускаетъ удлинненіе послѣдняго слога, вызванное требованіями благозвучія, хотя и не въ Сербіи первоначально. При отсутствіи сознанія языка, разладѣ книжниковъ съ народомъ и маловажномъ отличіи простыхъ формъ отъ удлинненныхъ, древніе Сербскіе писцы неопредѣлительно ставили ту, или другую форму, заимствуя одну изъ народной рѣчи и зная хорошо другую изъ коротко знакомой имъ письменности Д.-Булгарской.

Опущеніе б-ы **н** находимъ въ словахъ: **панкрать**, **пократа** (Панкратъ, Ш. № II; С. № 16), **костадинь** (С. № 61), **костайдина**, **костадинô** (А. № 14), **костантинъ** (С. № 176), **климета** (С. № 37) и н. др.

Благозвучное **н** употребляется Сербами, какъ и прочими Славянами, въ соединеніи съ мѣстоименіемъ личнымъ 3-го л. и производными отъ него притяжательными: **нега**, **нимь**, **ние**, **ню**, **нихь**, **нимь**, **ними**, **нигов**, -а, -о, **нинь**, **нихов**, -а, -о и пр. и пр. Само собою разумѣется, что при стеченія двухъ стихій, изъ коихъ одна, именно, Ц.-Славянская, пользовалась этимъ благозвучнымъ **н** въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ другая, Сербская, дѣло не обошлось безъ такихъ формъ, въ которыхъ не было благозвучнаго **н** вопреки требованію народности. Понятно также, что этѣ послѣднія наиболѣе вошли въ тѣ памятники, въ которыхъ Ц.-Славянская стихія преобладала, и что, на оборотъ, въ памятникахъ противуположной семьи господствуютъ формы съ благозвучнымъ **н**.

Б-а **р** замѣняетъ б-у **л** въ словѣ **арьбанась** (А. № 1), **арбанашкихь** (С. № 176), **ȃрбанасы** (А. № 12), **арьбанасѣ** (С. № 113), **арбанасинь** (З.); ср. **ȃлванїи** (А. № 10). Также не мѣшаетъ замѣтить формы **мусроманк** и **бусроманник** (С. № 164), **бука** и **бокарь** (pocula, С. NN№ 126, 130).

Одною изъ народныхъ чертъ Древнесербскаго письменнаго языка есть замѣна б-ы ж въ частицѣ **же** (**жде**) и настоящемъ вр. глагола **моћи** б-ю **р**. Хотя въ древней письменности мы и находимъ **жд**, замѣняемое б-ю **р**, однако глаголъ **моћи**, имѣющій въ настоящемъ вр. не **жд**, а **ж**, и нынѣшній народный языкъ, замѣняющій б-ю *р* только б-у *ж*, показываютъ, что сродство б-ы *р* должно искать не съ б-ю *жд* или мягкимъ *д*, а съ б-ю *ж*. На это сродство указываетъ способъ смягченія самой б-ы *р* чрезъ *ж*, употребляемый въ Польскомъ и Чешскомъ нарѣчіяхъ. Въ обоихъ въ устномъ говорѣ, а въ послѣднемъ даже иногда на письмѣ *rz*, переходитъ въ ż, z'. Не смотря на то, что у Сербовъ въ старину писали **такоре** и т. п., это слово имѣетъ и **такоде**, да и нынѣ говорятъ *такође*. Вообще древніе писцы распространили нѣсколько кругъ употребленія замѣнительнаго **р** и, видя, что **жд** переходитъ часто въ **ж**, стали и его замѣнять б-ю **р**: впрочемъ, напередъ они должны были произносить **жд** за **ж** и потомъ обращать его въ **р**. Сербамъ трудно было положить настоящую грань между частицами **жде** и **же**. Но ухо и привычка заставляли ихъ правильно писать **такогере**, какъ и нынѣ *такођер*, гдѣ Ц.-Славянское **жд** правильно замѣнилось б-ю **г** или *ђ*, а **ж** б-ю **р**; ср. **такожде**,

-жеже (С. №№ 66, 100). Примѣры покажутъ намъ всѣ тѣ случаи, гдѣ совершалось служеніе замѣнительнаго **р**. Уже въ гр-ѣ Кулина находимъ **какоре**, **колиноре** и **коре**, т. е., **ки** или **кои**, усиленное частицею **ре** или **же**, подобно мѣстоименію **иже**. Нынѣ Сербы уже не прибавляютъ частицы *ре* къ относительному мѣстоимѣнію *ко*, *кои*. Въ гр-ѣ Немани: **ере**, **никомоуре** (А. № 1). Нынѣ **ере** въ видѣ *ер* употребляется единственно въ значеніи союза, а въ старину оно употреблялось, кромѣ этого, еще въ первоначальномъ своемъ значеніи, какъ мѣстоименіе относительное, Ц.-Слав. **иже**; и нынѣ говорятъ *ништаре*, хотя не слышно *никоре*. Древніе Сербы распространили употребленіе частицы **ре** для всѣхъ трехъ родовъ неопредѣленнаго мѣстоименія. Въ XIII-мъ в.: **никоре**, **-ее** (Ш. № VII; С. №№ 2, 12, 17, 26), **никомуре**, **никоре** (Ш. № VII), **юре**, **еје**, **ере** (Ш. № VII; С. №№ 3, 11, 16, 18, 19), **поневаре** (**поневе**, С. № 2), **ништаре**, **никогаре**, **никомуре** (С. № 3), **ни- какоре** (С. №№ 3, 5, 13), **когаре** (С. № 7), **тере**, **никере**, **никьторе** (С. № 14), **ништоре**, **никоре**, **никире** (С. № 16), **никомьре** (С. № 17), **тере** (С. №№ 9, 11, 18, 22), **никомуре**, **морем** (С. № 19), **никогаре** (С. №№ 21, 26), **никомьре** (С. № 26). Въ XIV-мъ в. **ни- когаре** (А. № 6; С. № 71), **никоире** (С. № 51), **ере**, **еје**, **юре**, **ејре** (С. №№ 34, 39, 40, 43, 59, 61, 77, 79; А. № 6), **такоре**, **тогагире** (**тогождеже**, С. № 176), **никоере**, **-юре** (С. №№ 35, 42), **никьдаре** (С. № 57), **тере** (С. № 59; А. № 12), **никаукьре**, **нигдѣрь**, **-ре** (С. №№ 65, 68), **такогере**, **-гере** (С. №№ 67, 86), **море**, **-емо** (С. №№ 68, 78), **юре** (С. № 79). Число примѣровъ въ этомъ вѣкѣ замѣтно умножилось, когда выступили на видъ Западныя грамоты: изъ 27 11, т. е., не много менѣе половины, приходится на ихъ долю, между тѣмъ, какъ изъ 78 полныхъ, или отрывочныхъ памятниковъ XIV-го вѣка только 17 принадлежатъ Западной семьѣ. Въ Аѳонскихъ только 3 раза встрѣтилось намъ **ре**. Отъ чего же, спросятъ, XII-й и XIII-й вв. сравнительно такъ богаты примѣрами? Отъ того, что въ нихъ число Восточныхъ грамотъ не превышаетъ числа Западныхъ, да и самая грамота Немания, судя по правописанію и нѣкоторымъ формамъ, нѣсколько ближе къ народной стихіи, чѣмъ прочія Аѳонскія. Въ XV-мъ в.: **юре**, **ере**, **-ь**, **еје**, **-ь**, **-е**, **юре**, **-ь**, **ејрь**, **-ь** (С. №№ 87 — 89, 94, 96, 98, 101, 102, 104, 106—108, 110, 112—115, 119, 121, 122, 126, 128, 130, 134, 139, 141, 143, 148, 149, 153, 156, 158, 159, 162, 163; Г.Б), **море**, **-мо** (С. №№ 88, 89, 93, 101, 102, 106, 109, 112, 115, 121, 141, 150), **юре** (С. № 88), **нитькорь** (С. №№ 89, 153), **униоре**, **коюре** (С. № 93), **никадаре**, **-ре**, **-ь** (С. №№ 96, 107, 118, 132), **никакьре** (С. № 102), **терь**, **-е**, **-е**, **тере** (С. №№ 106—108, 112, 115, 118, 119, 126, 143, 157; Ш. № 16; С.-Д. М. № 2), **никомурь** (С. №№ 107, 142), **такогере**, **-гере**, **-гире** (С. №№ 111, 137, 157), **ништорь** (С. № 114), **такоѣре**, **-рь** (С. №№ 114, 169; Ш. № 16), **тко**, **кои**, **кою годирь**, **-е** (**кто годѣ же** и т. д., С. №№ 116, 140, 141), **тенере** (С. № 140), **никогарь** (С. № 144), **мороремо** (С. № 60), **такоигерѣ** (Мл.). Предлогъ **дери** (С. №№ 16, 84, 86, 89), встрѣчающійся въ другихъ памятникахъ въ формѣ **дори**, **доры**, справедливо долженъ быть сравниваемъ съ Ц.-Славянскимъ **доже**, **даже**; какъ и это послѣднее, онъ сочиняется съ другимъ предлогомъ **до** и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ какъ бы одно понятіе непосредственнаго приближенія, то же, что Лат. *usque ad*. Еще въ одной Аѳонской гр-ѣ (А. № 19) находимъ дважды употребленное слово **мрие**, въ которомъ **р**, очевидно, замѣнило собою **жд** или **ћ**, что доказываетъ, что древніе Сербы многія Ц.-Славянскія формы съ **жд** уже читали съ **ж** и, смѣшивая это послѣднее съ законнымъ исконнымъ **ж**, замѣняли его, какъ и это, б-ю **р**. Въ XV-мъ в.

мы опять находилъ ту же бѣдность Восточной семьи примѣрами для ре: причина въ томъ, что Ц.-Славянская стихія сдѣсь болѣе мѣшала народности войти въ письменный языкъ и доставляла преимущество своимъ жде и же. Не должно однако думать, чтобы р всюду отправляло свое служеніе, гдѣ только настояла въ немъ надобность; ограниченное число примѣровъ показываетъ, что долженствовали быть другіе звуки, которые замѣняли его. Въ самомъ дѣлѣ жд, ж, г, ђ, д встрѣчаются тамъ же, гдѣ и р, и тѣмъ значительно сокращаютъ объемъ его служенія. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ изъ предыдущихъ примѣровъ, представленныхъ для всѣхъ этихъ звуковъ. Сдѣсь можно только дополнить ихъ тѣми, которые не имѣли отношенія къ означеннымъ звукамъ, и по тому не были нами приведены выше: въ совокупности съ приведенными, они покажутъ настоящее взаимное отношеніе всѣхъ упомянутыхъ нами звуковъ, между которыми р, конечно, займетъ самое незначительное мѣсто. Чтобы дополнить примѣры, намъ нужно сдѣсь прослѣдить за настоящимъ временемъ глагола моћи. Форма настоящаго времени отъ моћи съ б-ю ж встрѣчается въ разныхъ вѣкахъ и семьяхъ: можете (С. № 9), можемо, -ь (С. №№ 16, 40, 76, 129, 144, 145; А. № 2), можеть, може, -е (С. №№ 35, 71, 72, 77, 107, 108, 114, 126, 127, 128, 132, 142, 144, 145, 150, 157, 163, 167, 178; Г. А, Б и пр.), можеши (А. № 18) и пр. Союзъ или частица же отдѣльно, или въ тѣсномъ соединеніи съ другимъ словомъ, преимущественно въ формѣ, заимствованной изъ Ц.-Славянскаго языка, встрѣчается весьма часто, но не всюду равномѣрно. Мы уже видѣли случаи ея употребленія. Она попадается во всѣхъ грамотахъ, изданныхъ Авраамовичемъ и въ большей части грамотъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ. Но съ тѣмъ же союзомъ, сдѣлавшимся уже частицею, соединенныя слова, носящія на себѣ печать Ц.-Славянскаго образованія и принадлежащіе Ц.-Славянскому языку, каковы на пр., иже со всѣми видоизмѣненіями, ниткоже, дондеже, понеже, якоже и т. д., не сохранились равномѣрно во всѣхъ грамотахъ, но послѣдовали общему закону движенія языка, укрывшись въ значительномъ числѣ лишь въ Аѳонскихъ. Нынѣ у Сербовъ нѣтъ ни этѣхъ формъ съ частицею же, ни союза же: первая звучитъ нынѣ кое гдѣ, какъ *ре*, и кругъ ея служенія нынѣ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ былъ прежде, ибо нынѣшніе Сербы воздерживаются отъ замѣны ею Ц.-Славянской частицы жде, употребляя болѣе *ђе*. Перемѣна ж въ р въ извѣстныхъ случаяхъ свойственна не только Сербскому нарѣчію, но и ближайшимъ къ нему Хорватскому и Хорутанскому. Желающіе знать подробнѣе объ этомъ общемъ для всѣхъ трехъ нарѣчій свойствѣ, равно какъ видѣть нѣкоторые слѣды родства между б-ми *ж* и *р* въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ могутъ обратиться къ статьѣ Шафарика въ его Serbische Lesekörner подъ б-ю ж.

Благозвучное р встрѣчается въ словѣ брезь, брез (С. №№ 112, 115, 132, 141). Эта форма любима Хораватами и Хорутанами; а Сербы предпочитаютъ ей обыкновенную *без*.

Смягченіе плавныхъ л, н, р, понимаемое Сербами нѣсколько отлично отъ Болгаръ, произвело большую неопредѣленность въ Древнесербскомъ правописаніи. Различіе между писцами состояло во взглядѣ на Кириловскіе знаки. Одни смотрѣли на нихъ съ Кириловской точки зрѣнія, другіе съ своей народной. Св. Кирилъ всѣмъ согласнымъ буквамъ усвоилъ твердое произношеніе, которое измѣнялось въ мягкое чрезъ соединеніе съ мягкими гласными: отъ того Кирилица наиболѣе отдалена отъ еркованья; весь порядокъ ея знаковъ осно-

ванъ на іотаціи. По этому въ Кирилицѣ **мы видимъ**, что **каждая твердая** гласная, кромѣ **и**, имѣетъ свой двойникъ, мягкую, состоящую изъ того же начертанія, но только соединеннаго съ смягчающимъ небнымъ знакомъ. Употребленіе той, или другой гласной въ сочетаніи съ согласною производитъ то, или другое дѣйствіе на звукъ, согласной, начертаніе которой при этомъ не измѣняется. Я не говорю сдѣсь про внутреннее претвореніе гортанныхъ въ шипящія и свистящія, равно смягченіе помощію побочныхъ звуковъ. Сербы, напротивъ, старались самымъ согласнымъ буквамъ въ ихъ собственномъ начертаніи придать мягкое произношеніе, не обращая вниманія на гласныя; они изобрѣтаютъ новые знаки для нѣкоторыхъ мягкихъ согласныхъ, не думая вовсе о томъ, что соединеніе Кириловскаго твердаго знака съ мягкою гласною производитъ совершенно одно и то же дѣйствіе въ произношеніи. Отъ того въ ихъ древнемъ правописаніи является величайшій безпорядокъ въ сочетаніяхъ согласныхъ съ гласными: у нихъ часто мягкая согласная сочетается съ мягкою же гласною вмѣсто твердой, и часто твердая согласная сочетается съ твердою же гласною, когда бы слѣдовало сочетаться ей съ мягкою. Все, говорю, зависѣло отъ того, какое значеніе, твердое, или мягкое, придавали Сербы Кириловскимъ знакамъ. Если они понимали какую либо букву по-кириловски, какъ твердую, то и сочетавали ее по-кириловски съ мягкою гласною тамъ, гдѣ нужно было выразить мягкое ея произношеніе; но если они понимали ее по своему, какъ мягкую, то, вопреки Кириловскому правописанію, соединяли ее уже съ твердою гласною вмѣсто мягкой, не думая, что чрезъ это происходитъ сбивчивость для тѣхъ, кои не знаютъ Сербскаго произношенія, или не предупреждены на счетъ ихъ условнаго правописанія. Еще понятны сочетанія, каковы на пр., **ћа**, **ће**, **ћу**, то же, что **тꙗ**, **тѥ**, **тю**, когда знаемъ, что **ћ** не иначе звучитъ, какъ мягко; но если они пишутъ **ла**, **лу**, **на**, **ну** и т. д., имѣя дѣло не съ отличительнымъ мягкимъ знакомъ **ћ**, а съ общими Кириловскими знаками **л**, **н**, которые, отдѣльно взятые, не могутъ быть названы мягкими, тогда трудно догадаться, дѣйствительно ли они такъ произносили эти сочетанія, или же читали, какъ **лꙗ**, **лю**, **нꙗ**, **ню** и т. д., разумѣя сдѣсь знаки **л**, **н**, какъ мягкіе и подобные по природѣ знаку **ћ**. Когда по-ц.-славянски писали **га**, **ка**, **да**, **та** и т. д., тогда Сербы, произнося тутъ **г**, **к**, **д**, **т** мягко и желая выразить это и въ правописаніи, писали въ тѣхъ же словахъ: **гꙗ**, **кꙗ**, **дꙗ**, **тꙗ** и т. д. На оборотъ, часто случалось и такъ, что писцы, не довольствуясь мягкою природою согласныхъ, желали мягкое ихъ произношеніе выразить на письмѣ и составляли подобныя сочетанія: **жю**, **чю**, **щꙗ**, **ши** и т. д. Тутъ дѣло рѣшается единственно примѣненіемъ къ народному устному произношенію, которое должно было оставаться постоянно неизмѣннымъ, и съ которымъ писцы не могли не соображаться. Слѣдовательно, вся сбивчивость происходитъ лишь на бумагѣ отъ неопредѣленности пониманія письменныхъ знаковъ. Такое объясненіе, мнѣ кажется, всего приличнѣе примѣнить и къ плавнымъ, какъ такимъ, которыя наиболѣе представляютъ неопредѣленности и произвола въ своихъ сочетаніяхъ съ твердостію и мягкостію. Хотя сами по себѣ они суть твердыя, но степень твердости ихъ такова, что они не любятъ соединяться съ твердыми гласными, предпочитая имъ мягкія. Это происходитъ отъ своего рода мягкости, тягучести, производимой въ нихъ образовательнымъ органомъ. Въ Д.-Булгарскомъ языкѣ встрѣчаемъ цѣлыя рукописи, гдѣ поставленіе мягкаго **и** послѣ **л** и **н** обратилось въ законъ. То же увидимъ и въ Сербскомъ книжномъ. Ихъ звукъ, подходящій къ мягкости, былъ причиною, по чему старинные пис-

цы недоумѣвали, какую букву приличнѣе поставить послѣ нихъ. Только отсюда становится понятною у древнихъ Сербовъ двойственность однѣхъ и тѣхъ же формъ, какъ на пр., вола и воля, между тѣмъ какъ, безъ сомнѣнія, народъ, а съ нимъ и писцы, произносили это слово какимъ нибудь однимъ образомъ, такъ, или сякъ, но, конечно, не двояко. Нынѣ Сербы говорятъ и пишутъ: *воља*, что значитъ то же самое, что воля, *воля*: такъ должны были говорить и въ старину. Откуда же взялась другая форма вола? Она взялась изъ того, что сдѣсь Сербскіе писцы уклонились отъ Кириловскаго воззрѣнія на знакъ а, отдѣльно взятый, и сочли его по своему за такой же мягкій знакъ, какъ и ѣ, а по тому естественно сочетали его уже не съ мягкою, а твердою гласною. Впрочемъ, это только предположеніе: малочисленность примѣровъ, въ которыхъ, вопреки ожиданію и нынѣшнему произношенію Сербовъ, являются съ плавными твердыя гласныя, заставляетъ насъ остановиться на этомъ предположеніи. Но не менѣе смѣлымъ будетъ и то, если мы допустимъ, что древніе писцы писали такъ, какъ говорили, т. е., произвосили буквально, отличаясь въ этомъ случаѣ какъ отъ соплеменниковъ своихъ, такъ и отъ нынѣшнихъ Сербовъ. Это было особое временное явленіе, принадлежность извѣстныхъ вѣковъ письменности. Прибавимъ сюда еще вліяніе Ц.-Славянской стихіи въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ они рознились, относительно смягченія, съ Булгарами. Очень можетъ быть, что писцы, изъ уваженія къ этой стихіи, придавали слову на письмѣ Булгарское, а не Сербское, произношеніе и такъ читали его: отсюда разногласіе формъ и тѣ же отличительныя свойства семей грамотъ, какія всюду были замѣчаемы нами. Но съ другой стороны, присутствіе двойственныхъ формъ не только въ грамотахъ одной семьи и одного вѣка, но даже въ одной и той же грамотѣ, и при томъ преобладаніе въ нѣкоторой степени формъ безъ смягченія въ грамотахъ Западной семьи, между тѣмъ, какъ ихъ можно бы было скорѣе ожидать въ грамотахъ Восточной, все это заставляетъ думать, что смѣна формъ происходила въ нѣдрахъ самой народной стихіи независимо отъ Ц.-Славянской, или, по крайней мѣрѣ, только подъ слабымъ ея вліяніемъ. А если это такъ, и если народъ не могъ мѣнять своего выговора въ одномъ и томъ же словѣ, однажды произносить звукъ твердо, другой разъ мягко, то опять вѣроятнѣе становится догадка, основывающая все различіе формъ на воззрѣніи писцовъ на свойство буквенныхъ знаковъ Кирилицы. Къ тому же плавные нѣмые звуки, подобно небной гласной, изъ всѣхъ прочихъ нѣмыхъ звуковъ менѣе всего способны къ сохраненію въ себѣ твердаго произношенія, и даже въ соединеніи съ твердыми гласными произносятся почти полумягко. Постараемся представить сдѣсь въ полнѣйшемъ, по возможности, объемѣ весь порядокъ смягченія плавныхъ, но замѣтимъ напередъ, что б-а ѥ занимаетъ сдѣсь самое неопредѣленное мѣсто служенія, ибо небольшое различіе въ звукахъ между ѥ и е, по крайней мѣрѣ, меньшее, чѣмъ между а и ꙗ, у и ю, недостатокъ въ мягкомъ изображеніи этой буквы въ древнѣйшихъ грамотахъ, избытокъ его въ позднѣйшихъ и наконецъ неразборчивость начертанія твердаго и мягкаго,—все это производитъ такое смѣшеніе между формами, что уже весьма трудно отыскась въ нихъ истинное произношеніе. Такъ точно б-а ы, вторгнувшись кое-гдѣ въ Сербское правописаніе и не удержавъ при себѣ истиннаго произношенія, но смягчившись въ свою очередь до звука и, смѣшалась мѣстами съ этимъ послѣднимъ. Нынѣшніе Сербы, въ своемъ правописаніи, отличаютъ при б-ѣ *и* твердыя *л* и *н* отъ таковыхъ же мягкихъ чрезъ придачу послѣднимъ б-ы ь, на пр., *краљица*;

древніе Сербы не употребляли, кромѣ немногихъ случаевъ, этого ерованнаго начертанія, но мѣстами въ нѣкоторыхъ грамотахъ отличали нѣсколько твердое произношеніе плавныхъ отъ совершенно мягкаго чрезъ соединеніе ихъ съ б-ю ы, а мѣстами, и при томъ въ большей части случаевъ, избѣгая б-ы ы, писали прямо съ и, не различая оттѣнка въ произношеніи. По этому мы и не приводимъ примѣровъ сочетанія плавныхъ съ б-ю и, такъ какъ сдѣсь твердость и мягкость пишутся безразлично. Что же касается до собственно такъ называемаго ерованья, т. е., исхода слова на гласную съ полугласнымъ ь, то въ слѣдствіе вышесказаннаго обычая Сербскихъ писцовъ употреблять одно ь, вмѣсто ъ, мы не можемъ достаточно на основаніи этого окончанія опредѣлить мягкость, или твердость конечной согласной, и по тому излишнимъ считаемъ приводить въ примѣръ слова, исходящія на ь, ибо, какъ мы уже прежде сказали, б-а ь въ древней Сербской письменности замѣнила обѣ полугласныя Ц.-Славянскаго языка и скрыла въ себѣ твердость и мягкость произношенія. Сличая этотъ исходъ словъ съ нынѣшнимъ и смотря на переходъ его при словодвиженіи либо въ твердую, либо въ мягкую гласную, мы убѣждаемся, что и въ древней Сербской письменности, не смотря на однообразіе ерованнаго окончанія, по видимому, всегда мягкаго, слова должны были звучать двояко въ своимъ окончаніи, то мягко, то твердо. И такъ въ примѣрахъ мы будемъ приводить лишь гласныя окончанія словъ.

Мы постараемся сопоставить нѣкоторые замѣчательные случаи и смягченія и противодѣйствующаго ему отвержденія плавныхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, проводя ихъ по всѣмъ вѣкамъ и памятникамъ. Но напередъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что число этихъ случаевъ не увеличивается съ теченіемъ времени, показывая тѣмъ, что у древнихъ Сербовъ были слова, въ которыхъ писцы колебались между мягкостію и твердостію. Только сочетаніе плавныхъ съ мягкимъ ı значительно усилилось съ конца XIV-го и въ продолженіи всего XV-го в. Сдѣсь то же самое происходитъ, что и выше мы видѣли касательно той же буквы какъ при ея употребленіи въ началѣ словъ и послѣ гласной, такъ и въ ея начертаніи. По мѣрѣ распространенія начертаній и, є, ю, ѥ умножалось и число мягкихъ плавныхъ сочетаній съ этою буквою; но это еще нисколько не означаетъ того, чтобы плавныя сами съ этой поры и въ той же мѣрѣ начинали смягчаться: они всегда оставались мягкими въ извѣстныхъ случаяхъ, и если доселѣ въ большей части изъ нихъ не соединялись съ мягкимъ начертаніемъ б-ы ı, такъ это по тому, что древнѣйшее правописаніе не любило этого начертанія; позднѣйшее же, пристрастившись къ нему, обнаружило мягкій выговоръ плавныхъ въ самомъ письмѣ, что прежде предоставлялось лишь устному произношенію. Слѣдовательно, сдѣсь не столько участвуетъ самая природа плавныхъ, сколько обычай правописанія для ı, измѣнявшійся по вѣкамъ: такимъ образомъ и исторія сочетанія плавныхъ съ мягкимъ ı связывается съ исторіею самого начертанія мягкаго ı. Въ иныхъ случаяхъ плавныя и съ твердымъ выговоромъ соединялись съ мягкимъ начертаніемъ ı, смотря по тому, какое собственно начертаніе любили придавать этой буквѣ. При такой неопредѣленности правописанія, мы не можетъ внѣшнихъ явленій навязывать внутреннимъ свойствамъ буквъ и должны сочетанія плавныхъ съ ı или отстранять, какъ неопредѣленныя и ничего положительнаго не говорящія, или принимать въ расчетъ по мѣрѣ того, какъ они отвѣчаютъ другимъ сочетаніемъ. Замѣчательно, что и въ Ц.-Славянскихъ рукописяхъ не рѣдко можно встрѣтить довольно послѣдовательное сочетаніе л и н съ мяг-

кимъ є: изъ этого видно, что природа плавныхъ, близко подходящая къ мягкости, приличнѣе соединялась съ подобною ей мягкостію. Отъ того и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ памятниковъ, наиболѣе подверженныхъ вліянію Ц.-Славянской стихіи, замѣтно частое сочетаніе л и н съ є, какъ на пр., въ изданіи Авраамовича, въ Законникѣ и въ гр-хъ В. № 1, С.-Д. М. 1844, Г. А, V, Ш. №№ 14, 15, В. К. и н. др. Сдѣсь же послѣ гласной часто є не смягчается — свойство Восточныхъ грамотъ, замѣченное нами и относительно б-ъ а и у. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не столько начертаніе б-ы є, какъ сказали мы выше вообще о всѣхъ памятникахъ, сколько, на оборотъ, самое свойство плавныхъ, подмѣченное ухомъ старинныхъ Булгарскихъ и Сербскихъ писцовъ. Нельзя спорить, чтобы они не обратили вниманія на то, что л и н звучатъ плавно, подходя тягучестію своею къ ерованнымъ согласнымъ, и по тому чувствовали потребность соединять ихъ съ болѣе подобнымъ звукомъ, именно, мягкимъ є. Различіе между твердыми а, у и мягкими я, ю гораздо рѣзче, чѣмъ между е и є, а въ сочетаніи съ л и н оно почти вовсе пропадаетъ; отъ того въ сочетаніи съ первыми они наблюдали болѣе осторожности и послѣдовательности, а въ сочетаніи съ послѣдними естественно склонялись на сторону мягкости, требуемой свойствомъ языка. Эта мягкость звука є выражалась иногда не столь удачно въ б-ѣ е, чему не мало примѣровъ видимъ въ Законникѣ. Но если въ Западныхъ грамотахъ, съ конца XIV-го в., появляются сочетанія плавныхъ съ мягкимъ є, то сдѣсь дѣйствовала вовсе другая причина, и только внѣшнимъ образомъ обѣ семьи грамотъ сошлись между собою. Въ Восточной, какъ сказали мы, требованіе истекало изъ самого свойства плавныхъ; въ Западныхъ же явленіе условливалось болѣе самымъ способомъ начертанія для є въ видѣ є, хотя общій духъ Сербскаго языка, проявлявшійся преимущественно въ Западной семьѣ, любилъ смягченіе б-ы є, и для того отдавалъ первенство его мягкому начертанію. Но помимо всего этого есть случаи, гдѣ є, какое бы то ни было, служитъ прямымъ указателемъ мягкаго исхода словъ, отвѣчая Ц.-Славянскому ь, какъ о отвѣчаетъ такому же ъ. Словодвиженіе строго наблюдаетъ различіе между твердымъ и мягкимъ исходомъ словъ, когда дѣло коснется Ц.-Славянскихъ окончаній: -ъмь, -ъмъ и -ьмь, -ьмъ. Д.-Сербскій языкъ всегда въ такомъ случаѣ выражалъ ь чрезъ є, не смотря на то, что въ другихъ падежахъ то же самое слово часто принимало твердое окончаніе. Б-а є въ твор. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. именъ существительныхъ муж. и средн. р. всегда указываетъ на мягкій исходъ слова, кромѣ окончанія твор. п. ед. ч. именъ жен. р. -омь, которое постоянно замѣняетъ и -ом и -ем или -им. Мы должны будемъ указывать на это є, чтобы на основаніи его угадывать твердость, или мягкость плавныхъ и сравнивать древній видъ слова съ нынѣшнимъ. Что же касается до другихъ мягкихъ гласныхъ, я и ю, то въ употребленіи ихъ мы не видимъ такой произвольной смѣны съ твердыми а, у, и по тому въ отношенія сочетанія ихъ съ плавными л, н, р смѣна твердыхъ и мягкихъ сочетаній представляется гораздо сжатѣе и однообразнѣе, хотя и сдѣсь, повторяю, можно допустить ту же догадку, что ла, лу, на, ра и т. д. суть такія же ля, лю, ня, ря и т. д., и что сдѣсь правописаніе такъ же точно умѣло скрыть мягкость въ б-хъ л, н, р, какъ оно скрыло ее въ б-ѣ є. Впрочемъ, можетъ быть, что Д.-Сербскій языкъ усвоивалъ болѣе твердости за плавными, чѣмъ нынѣшній, какъ это открывается изъ сличенія примѣровъ; но въ такомъ случаѣ надобно замѣтить, что переходъ отъ твердаго къ нынѣшнему мягкому произношенію отнюдь не совершился въ виду

разсматриваемаго нами времени, а, вѣроятно, возникъ въ послѣдствіи при вторичномъ преобладаніи Ц.-Славянской стихіи во время искаженія книжнаго языка Сербовъ въ XVI-мъ и слѣдующихъ вѣкахъ. Книжный языкъ отдѣлился отъ устнаго. Какъ нынѣ, такъ, вѣроятно, и въ старину, Сербы произносили извѣстныя слова съ мягкимъ плавнымъ исходомъ, а между тѣмъ книжный языкъ ихъ придавалъ этимъ словамъ твердый отзвукъ. Неужели народъ измѣнилъ свое произношеніе? Едва ли. Скорѣе писцы ввели условное правописаніе, пиша такъ, а читая вмѣстѣ съ народомъ иначе. Отвердѣніе замѣтно въ продолженіи всего разсматриваемаго нами времени. Когда же, съ возникновеніемъ государственной самостоятельности Сербіи, возникла и новая ея письменность, тогда чисто народныя свойства книжнаго языка, строго отвѣчавшія устному, водворили и большее смягченіе плавныхъ, согласное съ народною рѣчью. Но обратимся къ примѣрамъ, которые подтвердятъ и уяснятъ наши слова. Въ двухъ грамотахъ XII-го в. мы не замѣтили мягкаго начертанія для ѥ, кромѣ одного случая: доколѣ (А. И.). Это отсутствіе смягченія въ звукѣ ѥ, дѣйствительное ли, или только правописное, отозвалось и на другихъ сочетаніяхъ гласныхъ съ гласными. Такъ мы находимъ въ той же гр-ѣ крьститела (А. И.), нынѣ *крститеља*. Окончаніе -ль нынѣ звучитъ мягко и выражается б-ю љ; но въ древней письменности оно имѣло двоякій исходъ, твердый и мягкій. Любопытно прослѣдить двойныя формы этого окончанія, показывающія колебаніе писцовъ въ выборѣ между тѣмъ и другимъ, равно какъ вліяніе той, или другой стихіи. Изъ сравненія ихъ вытекаетъ необходимое заключеніе, что твердый исходъ принадлежалъ Д.-Сербскому языку, а мягкій Ц.-Славянскому. Со временемъ Сербы, какъ это видно по нынѣшнимъ, сошлись съ Булгарами въ мягкости произношенія. Памятники, за отсутствіемъ б-ы ъ, сохранили намъ твердое произношеніе не во всѣхъ падежахъ; именно, его не находимъ въ имен. п. ед. ч. и род. п. мн. ч., гдѣ исходомъ служитъ постоянно б-а ь; однако одинъ случай сьѕателъ (Г. А) можетъ служить доказательствомъ, что и въ этомъ падежѣ -ль звучало иногда твердо. Вѣроятно, подъ другимъ вліяніемъ Шафариковъ переписчикъ той же грамоты выставилъ крьстителꙗ, очевидно, въ формѣ Ц.-Славянской (Ш. № IV); но въ другой грамотѣ половины XIII-го в., равно проникнутой Ц.-Славянскою стихіею, находимъ опять крьститела (Ш. № VII). Окинемъ бѣгло слова на -ль, встрѣчающіяся въ нашихъ памятникахъ: ...дитела, светителемь (Ш. № VII), пре -прѣдателю, -ю̀, -телю̀, те́лими (Ш. № VII; А. NN№ 3, 4, 5, 6, 10, 17; Мк.; С. NN№ 35, 37, 176; Г. А) и придателя. прѣдадителя (С. NN№ 84, 99), краль, -а, -а̂, -ю, -еви, -ьв, -емь, -е̂, -е́мь, -емь, -емь, -евь, -евь, кра́ль, кра̂ю, кра́лемь, кра̂́мь и т. д. (Ш. № VII; С. NN№ 3, 8, 14, 20, 26, 35, 38, 62, 66, 68, 77, 81, 84, 85, 88, 96—100, 107, 114, 120, 124, 133, 136, 145, 164, 176, 179; А. NN№ 3, 5, 6, 9, 10, 12, 13; Мк.; З.), кра̂мъ (С. № 43) и кралъ, -а, кралав (С. NN№ 2, 10, 12, 16, 20, 41, 57, 83, 86, 88, 89, 94, 95, 97, 99, 103, 107, 114, 135, 136, 140, 145, 151, 152, 154; З. А.). Слово это сохранило мягкій исходъ и въ своемъ производномъ кралевьство, въ которомъ послѣ л, въ знакъ его мягкости, е очевиднымъ образомъ смягчается въ тѣхъ грамотахъ, которыя допускаютъ мягкія начертанія ю, ѥ и пр.; форма кралиевьство, кралевьство, кралиевьство, кралевати и т. д. попадается нерѣдко (С. NN№ 66, 68, 77, 84, 92, 96, 98, 99, 101, 103, 107; А. NN№ 5, 8; Мк.; Г. VI, № 2) и пр., да и самое е послѣ л уже указываетъ на его мягкость: иначе вмѣсто него явилось бы о. стлъ, стла̂, -а́, -мь, просвѣтителя, -телемь, светителя, -ю, -емь (Ш. № VII; В. № 1; С. NN№ 71, 176; А. NN№

3, 4, 10, 11; З.), не- приятели, -ю, -тели, -ю, прияте̑лѣ, прїятелѣ̑, приѣтелемь, -ѣ̑, прѣятелиемь, пр̓ѣтелемь (С. №№ 2, 6, 56, 59, 63, 67, 72, 77, 80, 84, 94, 104, 107, 114, 135, 150, 151, 154, 166, 167) и приѣтела, -ꙋ, прииятела (С. №№ 13, 16, 18, 173), все- всѐ- вседрьжитела, -ѣ̊, -ѥ, -ю, -тѐла, -телю (А. №№ 3—5, 7; Мк.; С. №№ 21, 26, 27, 35, 37, 51, 53, 76, 81, 107, 114, 120, 142) и све- всѐ- вседрьжитела, -ꙋ, -тела, -жителꙋ, вьсѣдерьжитела, в҃седрьжитела (С. №№ 12, 21, 27, 52, 82, 85, 89, 95, 127, 145, 150; З. А.), властелемь, -ѣ̑ь, -емь, -иемь, -ьемь, -телемь, вла̑телѐ̑ь, вла̑лемь и т. д. (С. №№ 10, 15, 19, 56, 59, 66, 75, 78, 79, 81, 82, 84, 89, 95—99, 102—104, 107, 114, 116, 126, 133, 136, 140, 145), властели (твор. мн., С. №№ 20, 43, 55; А. № 13) и властеломь, -ѡмь, -ом, -о̑, -ѡ̑, -о̑ь, -ѡ̑, вла̑теломь, -теломь, вла́стелѡ̑ и т. д. (С. №№ 4, 6, 7, 14, 17, 18, 21, 24, 26, 31, 37, 39, 40, 45—48, 50, 53—55, 58, 63, 64, 72, 74, 76, 85, 86, 92, 96, 98, 101, 105, 114, 117, 120, 124—128, 132, 133, 135, 136, 139—142, 144, 145, 151, 152, 154, 157, 159, 164, 166—168, 173; А. № 12; З.; С.-Д. М. № 2; Г. VI, № 2), властелы (твор. мн., С. №№ 2, 4, 15), михаилю (С. № 16) и михаилꙋ (С. №№ 17, 19, 35), прѣ- прѣ- родители, -ѣ, -ѣ̊, -ю, -емь, -ѥмь, -ѥмъ, -имъ, -ѥ̑, -ѥ̑, ро̑дитела, -ѥ, -ю, -ѥмь, -ѥмь, -имь̓, рѡдитела, родѣтели, рѡ̑́тели, ро̑тела, ро́дителю, -имь, родителю, -имь, -емь и т. д. (А. №№ 3, 4, 7, 10, 11, 18; С. №№ 40, 43, 47, 50, 53—55, 71, 77, 78, 84, 86, 90, 91, 95, 97, 107, 111, 114, 120, 132, 133, 136, 137, 143, 150, 176, 178; Г. А, V) и при- родитела, -ꙋ, -тила (С. №№ 82, 95, 97, 103, 145, 161, 163, 164), при родителы (мѣстн. ед., С. № 90), хрисовоули, хри́совоули, -имь, -воулимь (С. № 176; А. №№ 8, 12, 16), хрисовоула, хрисо́воулꙋ (С. № 176; А. № 10), июлѝ, юли (С. №№ 81, 176) и ꙋлла (С. № 94), априла, апрѣла (С. №№ 35, 77, 78, 85, 101—104, 134, 169) и априли, апра́и, апри̑и (С. №№ 47, 48, 50, 62, 66, 69, 81, 124, 129, 144), сандали, -ю, -емь, -емь, са̑дали (С. №№ 74, 87, 89, 98, 99, 101, 108, 112, 115, 119, 121, 126, 142, 144) и сандала, -ꙋ, са̑дала (С. №№ 97, 99, 102, 108—110, 112, 127, 144, 163). Мы не приводили примѣровъ на -ѥ въ имен. п. мн. ч., какъ родителѥ, ибо это ѥ объясняется сокращеніемъ изъ иѥ, какъ и дѣйствительно встрѣчается нерѣдко форма родителиѥ, властелиѥ. Вотъ всѣ слова на -ль съ двойнымъ произношеніемъ. Всѣ прочія на -ль постоянно и всюду звучатъ мягко и въ твор. п. ед. ч. и дат. мн. имѣютъ постоянно -емь или -имь. Но возвращаемся къ другимъ примѣрамъ. Въ гр-ѣ Немани: неманоу, -ꙋ, -е (А. № 1; С. №№ 2, 35) и въ прочихъ грамотахъ: немани, -ѥ̊, -ѥ̆, -ю, нема́ниѥ, неманю (А. №№ 3—5, 7, 10, 12; В. № 1; С. №№ 71, 176). Окончаніе родительнаго п. ед. ч. на -е, вѣроятно, измѣнилось бы въ -ѥ, еслибъ въ той же грамотѣ не встрѣчалось е послѣ гласной и не было написано: кралевьства, ꙁеме̊, которыя въ другихъ грамотахъ имѣютъ ѥ; окончаніе же -оу заставляетъ подразумѣвать твердую форму: немань(ъ). Другія имена собственныя съ подобнымъ окончаніемъ имѣютъ мягкое ѥ, на пр., гоуни, добрини (Ш. № VII), дꙋмини (Мк.), радони (С. № 154) и пр.; но любижню имѣетъ въ имен. п. любиж̊нѣ (А. № 6). Далѣе: сьблоудати (А. № 1), сабꙋдати, -мь (С. №№ 82, 102), ꙁблꙋда (С. № 84), но сь- сѣ- блюдꙋ, -е, -емо, -ете, -ати, -аемо̑, -ениа, -енїемь, сьблю̑енїемь, сьблю́дѣте, соблю̑даимо̑ (С. №№ 22, 45, 46, 48, 64, 76, 101, 104, 129; А. №№ 3, 4, 14, 17, 19), лоуди, лꙋди, -ы, -емь, -емь, -ехь -ами, -ие, -ии, -ьи, -ье, лꙋдьми, лꙋдии, (А. № 1; С. №№ 9, 16, 18—20, 78, 79, 84, 88, 89, 93, 96, 99, 102, 118, 139—141, 144, 145, 154; Ш. № 16; у Ш. №№ XVI, XVIII -ю), но так-

же **люди, -ïе, -ные, -ие, -ни, -ье, -ые, -е, -ïи, -ьмь, -емь, -ємь, люди, люье, людемь, -ехь, -ехь, -ѐ, -ѣхь, людми, люми** (С. №№ 14, 16, 21, 26, 28, 35, 39, 43, 45, 55, 71, 72, 77, 87, 98, 101 107, 109, 112, 114, 115, 118, 121, 126. 127, 142—144, 157, 163, 168; А. №№ 5, 6, 14, 19; З.), нынѣ *људи*; **монастирь, -а, -оу, -омь, -тыира, -тыре, -тыра, -тыра, манастиромь, монастыра, -оу, монастыроу, монастироу** (А. №№ 1, 4, 6, 10, 11, 15—17, 2; С. №№ 98, 175; Г. А, Б, Ѵ; С.-Д. М. 1844; Мл.), но есть также и съ мягкимъ окончаніемъ: **манастырю, -еви. монастирью, -тырю, -тирю, -тырю, -ѧ, -имь, -ѥмь -тыирѧ, -рю, -тырѥмь** (С. №№ 51, 52, 176; А. №№ 1—4, 6, 9). Нѣкоторыя другія имена, исходящія на **-рь**, смѣняютъ мягкое окончаніе съ твердымъ. Таковы, на пр., **цра, -оу, цра, -ꙋ, -оу, цара, -оу, цесаромь** (А. №№ 1—4, 6, 11—15, 18; С. №№ 43. 46, 50, 56, 62, 89—91, 98, 101, 102, 104, 111, 114, 120, 137, 143, 173, 176; З.; С.-Д. М. № 2)—словомъ всюду, гдѣ ни встрѣчаются эти падежи, кромѣ одного **црю** (А. № 10); но твор. ед. и дат. мн. уже имѣютъ **-емь**, а не **-омь**, что и указываетъ на двойственность конечнаго **р**: **царемь, -емь, цремь, -имь, -имь. -емь. цремь** (А. № 10; С. №№ 46, 56, 86, 89, 120. 124, 125, 133, 176; Г. А, Б; З.), хотя однажды **царомь** (С. № 20), и въ производныхъ **царовꙋ, царовомь** (С. № 164); **пастира, -ꙋ, пастыра, пастыромь** (С. №№ 81, 85, 95, 97, 150; А. №№ 6, 12; З. А.) и **пастирю** (С. № 89), **господара, -оу. -ѡмь, гпдара, -ꙋ, гсподара** (З.; С. №№ 113, 130, 143; С.-Д. М. № 2), но **господаремь, гподарѣ** (З.; С. № 145), **поклисарѧ, -е, -емь, -емь, -ехь, апоклисаремь** (А. № 10; С. №№ 36, 81, 86, 104, 145), но **поклисара, -омь, -ѡ** (С. №№ 56, 80, 78, 126, 158; А. № 6). Слово **каннжиларь** имѣетъ всюду твердое окончаніе, кромѣ одного случая въ твор. п. ед. ч.: **каножеларемь** (С. № 156). Имена мѣсяцевъ имѣютъ твердое **-рь**, кромѣ одного случая: **новемрю** (С. № 121). Нынѣшній Сербскій языкъ оканчиваетъ всѣ эти слова, да и вообще всѣ слова съ подобнымъ исходомъ, на твердое *р*, ср. *намастир*, *цар*, *пастир*, *господар*, *лазар*; въ род. и дат. пп. ед. ч. онъ придаетъ б-ѣ *р* твердую гласную; но въ твор. п. ед. ч. для нѣкоторыхъ имѣетъ и *-ром* и *-рем*. Слѣдовательно, измѣненіе мягкаго окончанія въ твердое есть движеніе въ пользу народности. Такъ, сверхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, мы находимъ: **лазара, -ꙋ, -омь, -ѡ, лазара** (С. №№ 87, 90, 91, 109, 111, 131, 137. 138, 146, 147, 175; А. № 18), **хилира** (А. № 6), **ѱара, исара** (А. №№ 10, 14); но **гарѧ** (А. № 9). Должно замѣтить, что имена, исходящія на **-ль** и **-рь**, почти всегда оканчиваютъ дат. и твор. пп. ед. ч. и дат. п. мн. ч. на **-еви** и **-емь**, между тѣмъ какъ въ род. и дат. пп. ед. ч. имѣютъ, большею частію, **-а** и **-ꙋ**, а не **-ѧ** и **-ю**, какъ и нынѣ нѣкоторыя имена на *-р* имѣютъ обѣ формы *-ром* и *-рем*, а въ зват. п. ед. ч. тоже *-ру* и *-ре*. Вообще должно замѣтить, что Ц.-Славянское окончаніе **-рь** въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ отвердѣло въ *-р* (т. е., *ръ*), и по тому въ род. и дат. пп. ед. ч. получило *-а* и *-у*, *-ови* вмѣсто *-я* и *-ю*, *-еви*; но въ твор. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. (послѣдній въ пѣсняхъ и просторѣчіи) удержало оттѣнокъ мягкости въ допущеніи формъ на *-ем*, тогда какъ слѣдовало бы ожидать *-ом* согласно съ род. и дат. пп. ед. ч. Древній же Сербскій языкъ, колеблясь между обѣими стихіями, сохранилъ для одного и того же слова обѣ формы въ род. и дат. пп. ед. ч. **-а** и **-ꙋ**, **-ѧ** и **-ю**; а въ твор. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. отдалъ пока преимущество мягкой формѣ на **-емь**. Ниже мы увидимъ, гдѣ какая форма преобладаетъ. Въ той же гр-ѣ Немани находимъ **ретиклоу** съ твердымъ конечнымъ **л**. Подобно этому слову въ другихъ грамотахъ встрѣчаются слова: **ѕемлѧ, -е, -ꙋ, -ламь, -лами, -лахь, -ѣ, -ехь, ѕемꙋ, -е ѕмꙋ**,

-ꙗмь, **-ѥ**, **ꙁемьлꙋ**, **-ѥ**, **ꙁемлахь**, **ꙁемлꙋ** (А. № 1; Ш. № VII; С. NN№ 2, 4, 8, 14—17, 19, 21, 26, 27, 33, 39, 42, 43, 50, 51, 57, 73, 78, 85, 86, 88, 89, 94, 95, 97, 98, 103, 107, 118, 136, 140, 144, 150, 173, 179) и **ꙁемлꙗ**, **-ꙗ**, **-ѥ** **-ѥ**, **-ѥ̈**, **-е**, **-ѣ**, **-ѥ**, **-ю**, **-ю̈**, **-ю̀**, **-ю̂**, **-ню**, **-ню̂**, **-ꙗхь**, **-ꙗ̆**, **-ꙗх**, **ꙁ҆млѥ̀**, **ꙁе́мю**, **ꙁе́млѥ̇**, **-нѥ** **ꙁемьѥ**, **ꙁемле**, **-ѥ**, **ꙁе̇млю** (А. NN№ 1—6, 8, 12, 15—17, 19; С. NN№ 26, 31, 39, 43—45, 49, 51—55, 63, 66, 68, 76, 81, 84, 85, 91, 96, 107, 111, 113, 114, 132, 137, 142, 168, 176; Г. А; З.; С.-Д. М. 1844; Мл.; печ., А. т. X), откуда **ꙁемлꙗнина**, **-ꙋ** (С. NN№ 29, 44), **тоуꙁоꙁемлꙗнинь** (А. № 6), **ѥ- кола**, **-ꙋ** (С. NN№ 10, 16, 78, 79, 89, 93, 96, 116, 118, 140, 141, 145), откуда **колꙗнь** (С. № 102) и **колꙗ**, **-ѥ**, **-е**, **-ѥ**, **-ю**, **-ю̂**, **-ню** (С. NN№ 27, 36, 38, 51, 66, 72, 74, 76, 77, 81, 91, 98, 104, 106—108, 112, 114, 115, 117, 119, 126, 128, 132, 137, 142—144, 157; А. № 10; З.), откуда **колѣнь** (С. NN№ 73, 114), **повела**, **-ꙋ**, **-ахь** (С. № 83, 85, 89, 95, 103, 136, 145, 163) и **повелꙗ**, **-ю**, **-ѥ**, **-ѥ**, **-ꙗхь**, **повелю** (С. NN№ 39, 62, 66, 67, 70 71, 77, 81, 85, 92, 95, 114, 117, 120, 127, 129, 133, 144, 150), **кꙋпла**, **кꙋплами** (С. NN№ 17, 21) и **кꙋплꙗ**, **-ѣ**, **-ю**, **кꙋпью**, **коупълю**, **-ѥ** даже **кꙋплнꙗ** (С. NN№ 16, 17, 22, 43, 91, 108, 111, 137; З.), переходящее въ **кꙋпню** (С. NN№ 112, 115, 126). Послѣдней формѣ отвѣчаютъ: **пръна** (пря, С. NN№ 107, 127, 145) и **прьнꙗ**, **прнꙗ** (С. NN№ 114, 120), **прѣшнꙋ**, **прошнами** (С. NN№ 83, 97) и **прошню**, **-е**, **-ѥ** (С. NN№ 81, 108, 112, 115, 126, 133), ср. **сꙋшнꙗ** (С. № 142), **бошьнꙗнинь** (С. № 89) и **бошнꙗнина**, **-ꙗ** (С. NN№ 114, 133), нынѣ *земља, воља, купња, прошња, сумња, башњанин*. Въ XIII-мъ в. мы замѣтили отсутствіе мягкаго **ѥ** въ большей части грамотъ: по этому сочетаніе плавныхъ съ мягкимъ **ѥ** находимъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: **кралѥвомь** и тутъ же н. р. **кралѥвь**, **-омь** (Ш. № VII), **ꙋꙁ҆ме̇** вм. **ꙋꙁемлѥ** (С. № 17), **тере** (С. № 22), **ꙗкорѥ** (С. 26). Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, даже въ тѣхъ грамотахъ, кои имѣютъ мягкія начертанія для **ѥ**, мы не видимъ, чтобы эти послѣднія соединялись съ плавными. Замѣчательныя явленія смягченія и несмягченія въ этомъ вѣкѣ находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: **прѣвьꙁлоублѥнимь**, **крьста господна**, **благословлаѥть**, **поставлаютсе**, **-ѥть**, **дольнꙗ вьсь**, **ѡставлаѥть**, **прѣтварае**, **раꙁарати**, **кона** (Ш. № VII). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ встрѣчаемъ и въ другихъ памятникахъ позднѣйшаго времени въ двоякомъ видѣ. Такъ: **лꙋбовьномꙋ** (С. № 13), **лꙋбо**, **лꙋбно** (С. NN№ 78, 82, 89), **лꙋбниша** (С. № 82), **лꙋбавь** (С. NN№ 83, 102, 116, 140, 145), **лꙋбнмо**, **-ѡ**, **-аго**, **-он** (С. NN№ 88, 89, 118, 173), **ꙋлꙋколꙋбно**, **-ьмо** (С. NN№ 95, 150; З. А.), **ꙋловнколꙋбню** (С. № 99) и **любо**, **-ѡ**, **-ӧ**, **лю̂бо** (Ш. № VII; С. NN№ 2, 9, 12, 14, 35, 43, 50, 54, 55, 68, 69, 77, 78; А. NN№ 4, 5, 12, 15, 18; З.; С.-Д. М. 1844), **любовь**, **любити** съ ихъ видоизмѣненіями и производными (С. NN№ 2—4, 17, 27, 34, 35, 46—48, 50, 51, 53, 62,63, 77, 84—87, 90—93, 96, 100, 101, 104—109, 111—115, 120, 121, 130 132, 133, 137, 138, 141, 143, 144, 157, 167, 175, 176; А. NN№ 3—7, 10—15 17—20; Г. V, VI, № 2), **прелюбодѣннаго** (Ш. № VII). **любѣнꙁи**, **все- любьꙁнꙑ**. **-ѥѥ** (А. NN№ 2, 5, 14); **любижна** (А. № 6), **прѣлюбь** (А. № 5), **любнишка** (С. № 127), **любежанѥ** (С. № 132) и пр. и пр.; ср. нынѣшнее *љубав*. Глаголы на **-ати** съ предшествующимъ **л** иногда не смягчаютъ этого послѣдняго; такъ на пр.: **ꙁабавлати** (С. № 23), **исправлати**, **-амо** (С. NN№ 24, 66), **расправлаю** (С. № 25), **оудѣлаютьсе** (С. № 51), **покрѣплꙋю** (С. № 77), **исправлае**, **ѡправлаше** (С. NN№ 85, 95), **понавьлаюће** (С. № 92), **ѡкрьмлꙋють** (С. № 102), **понавлаю** (С. № 104), **смишлае** (С. № 132), **поставлене**, **исправлени** (С. № 163) и пр., также какъ **оу҆кꙋрае̇** (А. № 5), **поткарати** (С. № 62), **ѥдкараю̇тсе** (А. № 17),

сътвараѥть (Мл.) и пр. Но съ другой стороны тѣ же глаголы имѣютъ и мягкую форму; такъ: **ставлıати**, **сталıати** съ производными (А. №№ 2, 4, 5, 6, 10, 12, 14; С. №№ 81, 86, 91, 107, 111, 114, 137, 144, 178; З.; В. № 1), **исправлıанıе** (С. № 68), **исправлıаю**, **-лıаю** (С. № 70; А. № 14), **изправлıаше**, **оправлıаше** (С. № 81), **направлıаıа**, **-ıаıь** (С. №№ 98, 157), **окрьмлıаюсть** (С. № 104) и пр. Всѣ эти глаголы оканчиваются нынѣ въ Сербскомъ языкѣ на *-љати*, какъ и въ Ц.-Славянскомъ, и при движеніи сохраняютъ *љ*. Глаголы на *-њати*, имѣющіе эту форму и въ Ц.-Славянскомъ, не отверждаютъ *њ*; по нынѣшній глаголъ *заклињати* (Ц.-Слав. **заклинати**) и въ старину имѣлъ мягкое **н**: **заклинıаıе** (А. № 12). Глаголы на **-рıати**, имѣющіе въ Ц.-Славянскомъ **-рıати**, удерживаютъ при движеніи твердое **р**, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, гдѣ, сверхъ того, часто Ц.-Слав. **-рıати** принимаетъ видъ *-равати*, на пр., *уверавати*. Слово **конь**, въ другихъ памятникахъ, имѣетъ мягкое окончаніе: **коньа**, **-ıа**, **-ю**, **-и** (А. № 6; С. №№ 43, 73, 91, 111, 137; З.). Существительныя и прилагательныя на **-нь** имѣютъ вообще мягкій исходъ. Встрѣчаются только слѣдующіе двойники: **июнъ**, **-и** (С. №№ 16, 66, 124) и **июнıа**, **юнıа** (С. №№ 57, 89, 96, 135), **г͠сдна тѣла** (С. № 76), **господьнıа**, **-дина** (З; Г. V), **на крьсть г͠нѣ**, **г͠сгнѣ**, **г͠нѣ**, **госпоѣнѣ**, **г͠сднѣ** (С. №№ 98, 127, 141, 144, 145), какъ и вышеприведенная форма **господина**, и **на крижѣ**, **крьстѣ г͠сдню** (С. №№ 107, 114, 127, 133); чаще встрѣчающаяся форма **г͠сдни** тоже указываетъ на мягкій исходъ этого слова. Далѣе въ XIII-мъ в. находимъ: **болıары**, **-ь**, **-ми** (С. №№ 2, 9, 12, 14) и **болıары**, **-омь** (С. № 3), **болıариноу** (С. № 176). Сравнивъ съ этимъ существительнымъ однородныя ему нарѣчіе и прилагательное, видимъ ту же двойственность: **боле** (С. № 56), **болıа цѣна** (С. № 79), **боле**, **-ıе**, **-и** (С. №№ 53, 68, 77, 92, 100, 101, 104, 114, 132, 144); **молѣ** (1-е л. ед., С. № 10). Въ древнемъ книжномъ языкѣ иногда и въ позднѣйшихъ вѣкахъ встрѣчается твердое окончаніе для 1-го л. ед. ч. тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать мягкой плавной. Такъ на пр. для того же глагола: **молѣ** (С. № 59), **молıашеся** (С. № 68) и **молю**, **м͠лю**, **м͠юсе**, **м͠лıаше**, **моле** (С. №№ 48, 51, 68, 86, 92, 111, 137, 143; А. №№ 5, 7, 9, 11, 12, 13, 15, 18; Г. Б; Мл.), **учинѣ** (С. №№ 14, 79), **поткорѣ** (С. №№ 67, 69), **говорѣ** (С. № 124) и въ 3-мъ л. мн. ч.: **дошлѣ** (С. № 151); **кралица владиславлıа** (С. № 12), **хлмлıане**, **-нинѣ** (С. №№ 15, 79), Подобнымъ образомъ составлены: **конавлıане**, **-нина** (С. №№ 78, 104), **витаннлıане** (С. № 78); слово **конавле** или **конавле** должно имѣть мягкое конечное **е**, такъ какъ полный его видъ есть **конавлıе**, и дѣйствительно однажды читаемъ **ѹ конавлıехь** (С. № 114), но чаще **конавламь**, **-ми**, **-ахь** (С. №№ 66, 82, 89, 98, 107, 120, 145); **мора**, **-ѫ**, **-ѣ**, **на моры**, какъ и нынѣ, (С. №№ 16, 20, 37, 51, 71, 78, 88, 168; А. №№ 3, 11, 19), откуда и **поморанинѣ** (С. № 72), но есть и **морıаны** (А. № 2), **морıа** (А. № 4). Къ этимъ примѣрамъ присоединимъ еще слѣдующіе для сочетанія плавныхъ съ мягкими гласными, кромѣ **е**: **люкоу** (С. № 16), **западньи странѣ** (С. № 35), **с͠ню**, **тѣлю** (С. № 51), **ньѣ** (С. № 66), **кральица** (С. № 81), **кральѣ** (С. № 84), **баштиню**, **полтиню**, **поутиню**, **слюгѣ** (С. № 104), **слюгь** (С. № 114), **сохраню** (С. № 115), **наперьи**, **прьвгли** (С. № 119), **грьнвацие** (С. № 121), **антрьѣ**, **-ьа** (С. № 123), **прьити**, **сохранению**, **прьписмо** (С. № 126). Обратное этому дѣйствіе несмягченія находимъ въ словѣ **клѣть** (З. А.), которое нынѣ имѣетъ *љ*. Надобно замѣтить, что всѣ эти примѣры, кромѣ послѣдняго, относятся къ смягченію болѣе самихъ гласныхъ, чѣмъ предшествующихъ согласныхъ, ибо если грамота лю-

бить, на пр., смягчать ѹ, какъ С. №№ 16 и 104, то она это дѣлаетъ, не смотря на то, съ какою согласною соединяетъ смягченную гласную; или если любитъ вставлять ь, какъ С. № 126, то вставляетъ его тамъ, гдѣ и не слѣдовало бы: по этому-то мы и приводили эти примѣры въ другомъ мѣстѣ, будучи увѣрены, что они принадлежатъ скорѣе къ области гласныхъ, чѣмъ къ области согласныхъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ наводятъ на мысль о произволѣ писцовъ, позволявшихъ себѣ вводить въ письмо странности произношенія, имъ лично принадлежащія. Уже не разъ обращалъ я вниманіе на эту особенность древней письменности, происходившую отъ неустановки правописанія. Одиночные случаи должны оставаться исключеніями, и правила изъ нихъ выводить нельзя: если въ одной грамотѣ вдругъ является какая нибудь прихоть писца въ употребленіи любимаго звука, или начертанія, а въ другой иная прихоть другаго писца, и если эта прихоть не повторяется у прочихъ писцовъ, а пропадаетъ безслѣдно, не находя себѣ оправданія и въ настоящемъ состояніи языка, то ее ничѣмъ инымъ объяснить нельзя, какъ только личнымъ воззрѣніемъ или особенною склонностію писца къ извѣстному оттѣнку звука, или начертанія; а оттѣнковъ этихъ такъ много въ каждомъ языкѣ, что они не должны затемнять выводовъ, дѣлаемыхъ на основаніи главныхъ звуковъ, къ которымъ они всѣ сходятся. Такъ мы должны согласиться послѣ предыдущихъ изслѣдованій, что, кромѣ звуковъ и и є и близкаго къ послѣднему ѧ, смягченіе гласныхъ въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ не имѣло размѣровъ обширнѣе обыкновенныхъ; ни а, ни ѹ, ни о, не представили намъ примѣровъ, сколько нибудь послѣдовательнаго смягченія, которое бы превосходило предѣлы смягченія въ Ц.-Славянскомъ, либо въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ. Но съ другой стороны, отдѣльныя проявленія смягчающей силы, выразившіяся въ этихъ гласныхъ, показываютъ, что было у древнихъ Сербовъ какое-то мѣстное, либо временное стремленіе къ смягченію, отразившееся и въ ихъ правописаніи, которое тѣмъ яснѣе выказывало этѣ мелкія особенности, чѣмъ менѣе было стѣснено условною, или научною послѣдовательностію. Въ каждомъ живомъ языкѣ, взятомъ во всемъ его объемѣ и во всей совокупности народнаго говора, всегда есть подобныя особенности, которыя скрыты такъ называемымъ органическимъ правописаніемъ. Такъ древніе Сербы, вопреки азбукѣ, приходили иногда къ возможности нагляднаго выраженія полутвердаго ы въ и и мягкаго є въ начертаніяхъ ꙑ, є, ѥ, и смягченія плавныхъ чрезъ ь: то же дѣлали они и съ ѹ, обращая его въ ю, и съ о, обращая въ ю. Но иногда довольно неудачно смягчали они гласныя: не думаю, чтобы повсемѣстно говорили когда нибудь слюге, сїю, тлю, и подобные случаи должны оставаться особняками. Что же важнѣйшаго представляютъ намъ древнія времена книжнаго языка относительно сочетанія плавныхъ съ прочими гласными, кромѣ є? Сличивъ между собою количество случаевъ смягченія и несмягченія плавныхъ, мы приходимъ къ такому заключенію: вліяніе Ц.-Славянскаго языка поддерживало смягченіе; народность же любила отверженіе: это видно на именахъ, оканчивающихся на -ль, -ла, -на, -нь, -рь и глаголахъ на -ати съ предшествующею плавною, равно какъ на основномъ слогѣ нѣкоторыхъ словъ: отверженіе это сохранилось отчасти и въ нынѣшнемъ языкѣ, но отчасти перешло въ смягченіе, сойдясь съ Ц.-Славянскимъ языкомъ; такъ что древній языкъ представляетъ бо́льшіе размѣры отверженія, чѣмъ нынѣшній.

Обратимся теперь къ 6-ѣ є. Мы уже видѣли нѣкоторые случаи смягченія плавныхъ съ этимъ звукомъ. Весьма замѣтное отсутствіе мягкихъ начертаній

для е въ XII-мъ и XIII-мъ вв. дѣлаетъ это смягченіе незамѣтнымъ; но тѣмъ съ большею силою показывается оно въ XIV-мъ и XV-мъ. Выше мы сказали, что въ XIV-мъ в. начинаетъ чаще показываться и въ Восточныхъ грамотахъ и достигаетъ преобладанія въ Аѳонскихъ; Западныя же грамоты предпочитаютъ е; обоимъ начертаніямъ сопутствуетъ изрѣдка и, еще рѣже е, н. Изъ этихъ словъ можно заключить, что XIV-й в. открылъ свободный доступъ въ письменность мягкимъ начертаніямъ б-ы е, которая доселѣ изрѣдка пользовалась ими, оставаясь наружно неизмѣнною при внутренней смѣнѣ твердости и мягкости. Вмѣстѣ съ водвореніемъ ея мягкихъ начертаній и плавныя стали яснѣе выражать свое мягкое произношеніе, соединяясь теперь гораздо чаще противъ прежняго съ этими начертаніями. Явленія этого соединенія въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв., говоря вообще, идутъ въ такомъ точно порядкѣ, въ какомъ происходили явленія мягкаго е въ началѣ словъ и послѣ гласной и въ какомъ совершалось соединеніе другихъ согласныхъ буквъ съ тѣми же мягкими начертаніями; словомъ, сдѣсь очевидность мягкаго произношенія согласной наиболѣе зависѣла отъ употребленія начертанія б-ы е въ ея мягкомъ и твердомъ видахъ. Гдѣ писцы въ началѣ слова и послѣ гласной, не смотря на мягкость звука, писали все таки простое е, тамъ его же ставили они рядомъ съ мягко звучащими плавными; и гдѣ, на оборотъ, любили употреблять мягкія начертанія для е, тамъ ихъ же соединяли они и съ плавными. Въ Восточныхъ грамотахъ, какъ сказали мы, не смотря на поставленіе простаго е послѣ гласной, плавныя любятъ сочетаваться съ и, и это происходитъ именно отъ свойства плавныхъ, тогда какъ особенной любви къ мягкому е сдѣсь не замѣтно. Мы должны предупредить, что въ Западныхъ грамотахъ всѣ три плавныя, л, н, р, пользуются почти равнымъ правомъ смягченія, между тѣмъ, какъ въ Восточной наиболѣе сочетающіяся съ мягкими гласными суть л и н, а р далеко отстало отъ нихъ, хотя иногда смягчается и оно. Въ Ц.-Славянской письменности замѣчаемъ то же самое, и вмѣстѣ съ тѣмъ это подтверждаетъ наше предположеніе, что въ Восточной семьѣ самая природа плавныхъ требовала соединенія съ мягкимъ начертаніемъ б-ы е, а въ Западныхъ это зависѣло болѣе отъ употребленія самого мягкаго начертанія б-ы е, а по тому на природу плавныхъ менѣе обращалось вниманія. XV-й в. есть продолженіе XIV-го; въ немъ обѣ семьи грамотъ продолжаютъ употребленіе мягкихъ начертаній, каждая предпочитая свое, но такъ что Восточная, по видимому, не усиливаетъ этого употребленія, ограничиваясь только должнымъ смягченіемъ, даже иногда и того не дѣлая; а Западная, напротивъ, доводитъ до излишества смягченіе и часто употребляетъ его въ ущербъ законной твердости. Начнемъ съ Восточной семьи грамотъ. Въ ней, и преимущественно въ Аѳонскихъ и нѣкоторыхъ монастырскихъ грамотахъ, сознательнѣе выражена мягкость плавныхъ чрезъ соединеніе ихъ съ мягкими начертаніями б-ы е: бо́льшая часть этѣхъ грамотъ, принадлежащихъ къ XIV-му в., смягчаетъ плавныя согласно съ Ц.-Славянскимъ смягченіемъ; но другія, по видимому, не смягчаютъ ихъ, соединяя съ твердымъ начертаніемъ е: — говорю по видимому, ибо, принявъ въ расчетъ сочетаніе плавныхъ съ другими мягкими гласными въ тѣхъ же грамотахъ и постигнувъ общій законъ смягченія ихъ въ этѣхъ грамотахъ, мы не усомнимся заключить, что хотя писцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и соединяли плавныя съ твердымъ е, однако это былъ лишь одинъ наружный видъ твердости, происходившій изъ близкаго созвучія между твердымъ и мягкимъ е, а въ самомъ дѣлѣ если бы писцамъ пришлось про-

извести такимъ образомъ написанное слово, то они, конечно, произнесли бы его съ мягкою плавною. Взглянемъ на самыя явленія: **оумилении**, **-ни**, **-нием** (А. № 2; С. № 175), **олтари** (А. № 2), **поустыни**, **-и** (А. №№ 2, 10), **помилуи**, **пони** и т. д. (А. №№ 2—6, 9, 11, 12, 19; Г. А; С.-Д. М. 1844), **нига**, **-о**, **-ова**, **-оку**, **него**, **нему**, **ниемь**, **ньемь**, **ни** и т. д., **ньей**, **ней**, **ний**, **нее**, **неговѣ**, **ними**, **ни**, **ніе** (А. №№ 2, 5, 6, 9—12, 18, 19; Г. А, Б; С. № 178; В. №№ 1, 2), **гли**, **глимое**, **-іи**, **глаголіемаго**, **глемь**, **глемь**, (А. №№ 2, 11, 17, 20; Г. А, V; В. № 1), **вьселиноую**, **-ніа**, **-лениах** и т. д. (А. №№ 2, 4, 5, 12, 16; В. № 1), **из-** **из-** **из-** **изволиению**, **-ію** и т. д., **-инемь**, **-и** и т. д. (А. №№ 2—4, 10, 14, 15; В. № 1), **с-** **с-** **оу-** **по-** **мышлениа**, **-и**, **-мышлении**, **-іемь**, **-ениіа** (А. №№ 3—5; Г. А, Б), **у-** **оу-** **оу-** **млить**, **млень**, **молиению**, **-иемь**, **-іе**, **млениіа**, **мльеніа**, **молицие** (А. №№ 3, 4, 10, 18, 20; С. № 175; В. № 2), **оу-** **оуза-коннымь**, **-ихь** (А. №№ 3, 4), **прѣ-** **въз-** **възлюбленаго**, **-ныи**, **-и**, **-ому**, **-ными**, **-лієни**, **езлюблинаго** (А. №№ 3, 4, 12, 14, 18; С. № 175; Г. V), **зговорениемь**, **осѣнении**, **коупление**, **неразорieноу**, **горе**, **смѣрены**, **направлениихь** и пр. (А. № 4), **гние**, **гние**, **-ию** (А. №№ 4, 5, 10), **по-** **о-** **о-** **оу-** **оу-** **у-** **сь-** **на-** **прѣ-** **ставлены**, **-нь**, **-ина**, **-иноо**, **-ин**, **-ніе**, **-нии**, **-иню**, **-иному**, **-нии** (А. №№ 4, 5, 10, 12, 14, 17, 20; С. №№ 175, 178), **изгоублиено**, **долие**, **книгини** (А. № 6), **зиезо** (А. № 8), **явлениіа**, **исправлении**, **застоуплениа** (А. № 9), **ипостасниго**, **бание** и пр. (А. № 5), **поле**, **удивлениіи** (А. № 10), **расцѣплениіи**, **почние**, **исмльниноу** (А. № 11), **Ѳемлиемо**, **Ѳемлиемъ**, **Ѳимлиемоу**, **Ѳемлиемь**, **-о**, **-и** (А. №№ 11, 12, 19; С. № 175; Г. А, Б), **архи-** **архіпискупа** (А. №№ 12, 14), **калуганицы**, **нзрцоуление** (А. № 12), **горие** (Ш. № 14; А. № 19), **дрьзновлении** (А. № 14), **пакленць**, **мерие** (межи) (А. № 19), **прилеженымь**, **осляпление** (С. № 175), **дремли**, **кремлия** (А. № 17), **добродѣтелиемь**, **оуставлениіи**, **застоуплениемь** (А. № 16), **домели**, **поле**, **обновлениіе**, **блговолениіа**, **-емь** (С. № 178), **повелѣніемъ**, **окрьмление**, **пріемлѣіемъ** (Г. V), **славословлиеми**, **стие**, **послѣдниемь** (А. № 20). Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что смягченіе держится преимущественно б-ъ **л** и **н** и почти всюду сходно съ Ц.-Славянскимъ. Случаи эти столь понятны и обыкновенны, что съ перваго же раза видишь ихъ происхожденіе изъ Ц.-Славянской письменности, къ которой весьма близокъ разрядъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ грамотъ. Сдѣсь нельзя не признать потребности смягченія самихъ плавныхъ. Что же касается до б-ы **р**, то ея мягкость выражена видимо въ б-ѣ **е**, хотя въ Ц.-Славянской письменности она обыкновенно сочетается съ простымъ **е**. Нельзя не признать сдѣсь сильнаго вліянія Д.-Булгарской стихіи: образъ словъ носитъ совершенно ея печать. Нужно ли прибавлять, что при всемъ обиліи смягченныхъ сочетаній встрѣчается немало и такихъ, гдѣ смягченіе б-ы **е** видимо не выражено? Мало замѣтное различіе между тѣмъ и другимъ сочетаніемъ произвело смѣшеніе формъ и условило возможность той и другой. Тонкость произношенія не всякій писецъ наблюдалъ, и какъ одинъ, смотря на Ц.-Славянскій способъ написанія, видимо смягчалъ плавныя, такъ другой, произнося ихъ нѣсколько тверже, считалъ лучшимъ сочетовать ихъ съ простымъ **е**. Доказательствомъ такой прихоти правописанія могутъ служить гр-ы А. №№ 1 и 13, гдѣ хотя обильно употребляется **е**, однако оно ни разу не соединено съ плавными, но всюду въ этомъ случаѣ его мѣсто заступаетъ **е**. Да и въ другихъ грамотахъ не рѣдко встрѣчаемъ подобные случаи. Для примѣра укажу на нѣкоторые, у коихъ есть свои двойники между мягкими сочетаніями. Такъ: **нем**, **земле**, **сьмѣрень**, **оленин**, **изьволениемь**, **разлиень** (А. № 1) и

пр. и пр. Замѣтимъ, что эта грамота въ то же время не любитъ смягченія плавныхъ при другихъ гласныхъ и не употребляетъ инаго начертанія, какъ только є; но первое обстоятельство доказываетъ, что несмягченіе это не зависѣло отъ начертанія б-ы є, а отъ произношенія самихъ плавныхъ. Припомнимъ, что въ другой современной грамотѣ тоже нѣтъ мягкаго начертанія для є и также встрѣчается несмягченная форма крьстителя. И такъ позволительно думать, что въ концѣ XII-го в. Сербская письменность далеко такъ не развила смягченія плавныхъ, какъ развилось оно въ вѣкахъ послѣдующихъ. Впрочемъ, XIII-й в. въ этомъ отношеніи ближе стоитъ къ XII-му, чѣмъ къ XIV-му. Единственная, принадлежащая ему, Жичанская дарственная грамота, болѣе другихъ подверженная вліянію Ц.-Славянскаго языка, носитъ ясные признаки несмягченія плавныхъ. Выше приведены примѣры. Хотя въ ней часто употребляется ю, однако столь же часто встрѣчается и є, гдѣ бы слѣдовало ожидать перваго. По этому и сочетанія плавныхъ съ є господствуютъ: мы нашли только два исключенія, къ которымъ можно прибавить и третье: поля, гдѣ я есть не что иное, какъ ю. Однако нельзя не замѣтить въ этой грамотѣ страннаго колебанія писцовъ между твердыми и мягкими сочетаніями: сдѣсь явно оправдывается естественный ходъ смягченія, какъ естественно и то, что XIII-й в. служитъ продолженіемъ XII-го. Писецъ употребляетъ и такія формы: добрими, гоуни, краля, оуѕемлють, ѡставляюши, прѣдателю; но ихъ гораздо меньше, чѣмъ несмягченныхъ. Такъ точно поступаетъ онъ и съ є; онъ пишетъ: боколє, трѣболє, коупаєнь, кралєвь, -є, -омь, прѣвьѕлюблєнимь, поставлєни, исправлєни, прѣстоупаєниє, иѕволєниє, свєтитєлємь, оуѕємлє, -ть. Послѣднія два слова, имѣющія свои двойники съ мягкими гласными, обличаютъ мягкость л, хотя соединеннаго съ твердымъ, по видимому, є, и подтверждаютъ сказанное нами выше о правописаніи. Если писецъ писалъ и краля и краля, крьстителя и прѣдателю, поставляєть и ѡставляюще, то, значитъ, онъ не имѣлъ еще постояннаго правила для выраженія твердости и мягкости плавныхъ и, произнося слова однимъ какимъ нибудь образомъ, выражалъ ихъ двояко, отдѣляя правописаніе отъ произношенія. Изъ прочихъ грамотъ XIII-го в. уже приведены примѣры для сочетанія плавныхъ съ другими гласными, и о б-ѣ є сказано, что она употребляется для этого сочетанія только въ твердомъ видѣ, кромѣ немногихъ исключеній. Все это приводитъ насъ къ мысли, что хотя и сдѣсь открываются относительно большія цѣльность и единство древнекнижнаго Сербскаго языка въ двухъ первыхъ вѣкахъ, однако въ явленіи несмягченія плавныхъ нельзя не признать одного изъ тѣхъ признаковъ народности, которые, вопреки большему вліянію Ц.-Славянской стихіи на общность языка въ этихъ двухъ вѣкахъ, усильно пробивались исподъ искусственной одежды, накинутой на книжный языкъ рукою писцовъ. Послѣдствія оправдаютъ наше предположеніе. Переходимъ къ XIV-му и XV-му вв. и опять обращаемся къ грамотамъ Аѳонскимъ. Въ нихъ, сказали мы, встрѣчаются и несмягченныя сочетанія плавныхъ съ є, у которыхъ есть двойники съ смягченнымъ є; таковы, на пр.: смѣрєныи (А. № 3), горнє, молєниї, ѕлємь (А. № 6), ѕастоупаєнимь, бл҃гословлємь (А. № 71), манастырємь, непоткорєноу, съсмѣрєниѥ (А. № 9), вьсєлєнскыи (А. № 10), архїєпископ (А. № 11), србьлємь, србльємь (А. №№ 12, 15), промышлєнимь, вьѕлюблєнимь, бг҃опоставлєномь, иѕволєнию (А. № 13), понєжє (А. № 14), книгинѣ, прилєжє (А. № 18), прєдатєлємь (Г. Б) и м. др. Но этѣхъ формъ весьма мало. Смягченіе господствуетъ вполнѣ. Этѣ же формы допущены въ грамотахъ по тому самому, по чему допущено также є въ началѣ словъ и послѣ гласной (ср. А. №№ 2, 6, 11—

14, 20; С. NN№ 175, 178 и др.). Въ прочихъ памятникахъ той же семьи и тѣхъ же вѣковъ находимъ уже менѣе смягченныхъ формъ и болѣе несмягченныхъ. Мы не включаемъ сюда, какъ и прежде, такого **ѥ**, которое образовалось изъ стеченія **иѥ**, ибо въ этомъ случаѣ не плавныя, но оно само требуетъ мягкости. Но во главѣ памятниковъ этого времени стоитъ грамота С. № 176, въ которой **є** почти всюду, кромѣ двухъ, трехъ исключеній, замѣняетъ **є**, которое для мягкости своей имѣетъ сдѣсь обычное начертаніе **ѥ**. Кто знаетъ, какъ неопредѣленно изображалось **є** и какъ часто округлый его видъ смѣшивался съ болѣе угловатымъ, тотъ согласится съ нами, что сдѣсь не чему иному можно приписать явленіе начертанія **є**, какъ единственно правописной и, слѣдовательно, наружной причинѣ. По этому изъ этой грамоты мы приведемъ только примѣры съ **ѥ**, будучи увѣрены, что если **ѥ** употреблено въ въ грамотѣ, то **є** стало на мѣстѣ **є**, котораго почти вовсе нѣтъ: **г҃ѣи, ниѥмоу, ниго, въꙁлюблѥнь, -аго, бг҃омꙗлѥниѥ, мꙗлѥнꙗ, соуниѥмирομь, горѣнга, иѥи, толѥновикь, трѣблѥнии, иѥ** (ей), **ѡбилиѥ, оумѣри, г҃лѥть, помышлѥнии**. Этихъ примѣровъ не слишкомъ много, судя по объему грамоты: всѣ оня, какъ видно, не противорѣчатъ Ц.-Славянскому правописанію, кромѣ **оумѣри**; но если примемъ въ расчетъ то, что грамота эта въ обширномъ началѣ и заключеніи вся пропитана Ц.-Славянскою стихіею, то число примѣровъ покажется намъ еще скуднѣе и невольно приведетъ къ вопросу: по чему же Восточныя грамоты, лишь только нѣсколько устраняются исподъ вліянія Ц.-Славянской стихіи, какъ уже начинаютъ отвергать смягченіе плавныхъ съ **є**? Но мы подождемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, пока не разсмотримъ прочихъ грамотъ этой семьи. Въ нихъ находимъ сравнительно еще менѣе случаевъ смягченія. Таковы: **властелѥ** (Мк.), **ꙁадѥри, -ѥ** (С. NN№ 36, 71), **срьблѥ, -ѥ, -ѥмь, -ємь, сръблѥмь** и т. д. (С. NN№ 46, 48, 49, 53, 73, 91, 111, 137; С.-Д. М. 1844), **нѥга** (С. № 48), **нѥгова, -є, -ꙁѣни, нѥгѐ, -ова** (С. NN№ 55, 73, 91, 111, 137, 147; З.), **сꙋжиѥ, -ѥє** (С. № 55), **бл҃годолнїємь, сьєдинѥнїє** (С.-Д. М. № 1), **хрїсовꙋлѥ, блбзлѥнникь, всєлѥнꙋю, иꙁколѥнию** (С. № 62), **иꙁволѥнию** (С. № 69), **расипльтьсє, недѣлѥ, ѡтдѣлѥнь, дроужинѥга, оуҹнинѥни, ѡгнѥмь** (З.), **непоколѣблѥмо** (С. № 91), **наиблѥжнимь** (С. NN№ 91, 137), **понѥжє, роупелѥво, долѥни, полѥ** (С.-Д. М. 1844), **жѥвѥлѥнь** (С. № 131), **вобзлѥвникь** (С. № 137), **вилє** (С. № 138), **живѥлѥнию, нѥмꙋ** (С. № 147), **поклонѥнїє** (С. № 166), **кнеꙁь** (печ., А. № 11); но съ другой стороны, въ большей части этихъ памятниковъ находимъ несмягченныя сочетанія, явно говорящія въ пользу произвольнаго чтенія б-ы **є** въ соединеніи съ плавными, равно какъ въ пользу народности, не любившей начертанія **ѥ**. Для любопытства приведу тѣ только слова, которыя получили у другихъ, или тѣхъ же самыхъ писцовъ видимое смягченіе плавныхъ. Таковы: **иꙁколєнию, -ию** (С. NN№ 35, 46, 50), **ꙁадєрє** (С. № 36), **вьсєлєнию** (С. № 50), **хрисовꙋлє** (С. NN№ 50, 62), **бл҃говолєнимь, немоу, полє** (С. № 51), **понєжє** (С. № 55), **нєго** (С. № 56), **нєгово** (С. № 70), **срьблємь, -ѣ, срблємь, -ѣ** (С. NN№ 35, 43, 46, 50, 54, 55, 64) и пр. Мы привели только весьма немногіе примѣры въ противуположность предыдущимъ; но скудость этихъ послѣднихъ уже сама собою показываетъ, какое изъ двухъ свойствъ преобладало въ разсматриваемыхъ грамотахъ. Б-а **є** отдѣляется отъ прочихъ гласныхъ. Тогда какъ вообще въ Восточной семьѣ преобладаетъ сочетаніе плавныхъ съ прочими мягкими гласными, б-а **є** быстро смѣняетъ свое мягкое начертаніе на твердое, какъ скоро грамота выходитъ исподъ непосредственнаго вліянія Ц.-Славянской стихіи и становится не-Аѳонскою. Что же тому причиною? Мы думаемъ, что причиною тому было восточ-

ное произношеніе мягкой буквы **ѥ**, которая, какъ извѣстно, сходясь по этому случаю съ **ѣ** и часто смѣняясь съ нею, звучитъ однако въ Ресавскомъ подрѣчіи, какъ *е* а не *є*, или *ие*. Хотя мягкость плавныхъ и требовала возлѣ себя мягкаго **ѥ**, однако это послѣднее, по свойству подрѣчія, произносилось чисто и твердо, какъ и самое **ѣ**, и такъ изображалось писцами. Въ Аѳонскихъ же грамотахъ писцы не могли этого сдѣлать, ибо боялись отдалиться отъ Булгарскаго письма.

Переходимъ теперь къ грамотамъ Западной семьи тѣхъ же двухъ вѣковъ. Въ нихъ движеніе смягченія принимаетъ обширнѣйшіе размѣры, благодаря господству мягкаго начертанія б-ы **ѥ**. Съ тѣмъ вмѣстѣ встрѣчаются такія слова съ мягкимъ сочетаніемъ, которыя до сихъ поръ еще не встрѣчались намъ, да и не могли встрѣтиться, когда смягченіе еще не переступало надлежащихъ границъ и сверхъ того еще боролось, разумѣется, въ письменности, съ формами несмягченными первыхъ двухъ вѣковъ. Чѣмъ ближе грамоты къ XV-му в., тѣмъ чаще въ нихъ мягкія сочетанія плавныхъ съ б-ю **ѥ**; но во второй половинѣ этого вѣка они нѣсколько сдерживаются и остаются уже, по видимому, въ одинаковомъ размѣрѣ: между ними являются такія формы, въ которыхъ, сочетаясь съ прочими твердыми гласными, въ сочетаніи съ **ѥ** требуютъ послѣднее въ смягченномъ видѣ. Посмотримъ примѣры: **ѡмилование, потворение, днеке** (С. № 66), **елена, -ѡмь, -ѡ, елине, илине** (С. NN№ 66, 81, 94, 109, 134), **ꙁаконе, -ѥ** (С. NN№ 66, 68, 81, 103, 133), **не** (не, С. NN№ 66, 81, 84, 96, 100, 103, 104, 108, 127, 132, 133), **митрпа, поставлень, не море, старе, гли** (С. № 68), **него, -а, немь, нига, -ову, нига, нимь, нигова, -ѡко** и пр. (С. NN№ 77, 81, 96, 100, 101, 104, 108, 112, 132, 157), **лукаревнѣ** (С. NN№ 81, 99), **иꙁыпльнение, испльнимьи** (С. NN№ 81, 100), **пр̓стунлениемь, састланиа, подобие, раꙁумие** и т. д. (С. № 81) **небеса, -е, касленую, вьселение** (С. NN№ 81, 103), **творе** (С. NN№ 81, 86), **да су плле, палле** (С. NN№ 81, 100), **клетки, -ѣ, про- клеть, -и, -клетва, ꙁаклесмосе, ꙁаклесе** (С. NN№ 81, 84, 96, 100, 104, 127, 132, 133), **уние** (С. NN№ 81, 84, 96, 99, 107), **ѡпѣние, ѡ- опкние** (С. NN№ 81, 84, 86, 96, 107, 125, 133, 144), **реуени, -еного, рекни, -е, -ѥ, -ога, -нии, -у, рекьнѣемь, реки, -иѣемь** (С. NN№ 81, 96, 100, 103, 106—108, 114, 122, 127, 132—134), **кнеꙁь, -а, -у, -омь, -емь** (С. NN№ 81, 84, 96, 99, 100, 103, 104, 106—108, 112, 125, 127, 130, 132—134, 144, 158), **келе, матере, дмле, ошле** (С. № 84), **говоре** (С. NN№ 84, 86), **-ре** (же, С. NN№ 84, 96, 104, 106, 108), **мисле, даре, хребелань** (С. № 86), **моле** (С. NN№ 86, 92), **да пошле, -и** (С. NN№ 87, 92, 119, 121), **ие, ни** (ее, ея, С. NN№ 87, 109, 128, 134, 143), **уꙁмили** (С. № 87), **мире, мѣре** (С. NN№ 96, 107), **нареднти, угрецнхь, башине** и пр. (С. № 96), **мене, -ѥ** (С. NN№ 96, 104, 114), **живо- живоѡтворещемь, -емь** (С. NN№ 96, 104, 106, 127), **вире, вѣре, -е** (С. NN№ 96, 104, 127), **стране, стрлане** (С. NN№ 100, 104, 107, 144), **шамани, -ѥ, -е** (С. NN№ 96, 106—108, 112, 114, 120, 127, 132, 133, 144, 157), **ꙁгоре** (С. NN№ 107, 110, 125), **уе- уетиремь** (С. NN№ 108, 112), **сребра, -ьинехь** (С. NN№ 108, 134), **антре, -ѥ** (С. NN№ 108, 124, 125, 130), **ѡстале** (С. NN№ 108, 112), **големому, странѥга, непоколебиму** (С. № 112), **ꙁле, -е** (С. NN№ 114, 144), **примление, тодоре, иꙁнесе, динаре, повелесмо** (С. № 127), **ние, -е** (С. NN№ 127, 132, 144, 145), **ѡтворень** (С. NN№ 127, 134), **едне, тврьдние, похвале** (С. № 132), **коле, -ѥ** (С. NN№ 132, 143, 144), **нуие, далеуе, иꙁбранеми** и пр. (С. № 133), **иꙁьнесе, нерань, добре, раие, товаре, уумиена, воблаенѣь** (С. №

144), направимь, начинимь, -и (С. № 157), поклонимь (С. № 164), поклоненіе, поклоненіе (С. №№ 166, 167), кашелю (С. № 168), оре, торе (см. в.) и пр. и пр. Тамъ, гдѣ смягченіе происходитъ съ такимъ ю, е, которое образовалось изъ ию, мягкость скорѣе всего должна быть приписана одной б-ѣ ю, которая уже въ свою очередь требуетъ мягкаго плавнаго звука, на пр., недюга вм. неидюга ныдию вм. иманию и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мягкое е замѣняетъ ѣ, на пр., племе, колѣнъ, поседки, лѣто и пр.: это объясняется тѣмъ, что въ Сербскомъ языкѣ ѣ, какъ говорено было выше, имѣетъ различныя произношенія и между прочимъ звучитъ, какъ *е* и *ие*. Это свойство Сербскаго языка, проявляющееся въ Западныхъ грамотахъ, какъ принадлежащихъ къ той области, гдѣ оно господствуетъ понынѣ, въ свою очередь дѣйствуетъ и на предшествующія согласныя и придаетъ имъ мягкій отзвукъ. Отъ того народность и доставила такіе большіе размѣры мягкому начертанію б-ы е, которое еще болѣе распространило ихъ при отсутствіи положительныхъ правилъ письма и происходящей отсюда въ писцахъ страсти къ подражанію. Не мудрено, что другіе писцы, видя нелѣпую крайность смягченія, предоставляли это дѣло устному языку, а на письмѣ ограничивались однимъ лишь твердымъ начертаніемъ е. Слова съ мягкимъ плавнымъ исходомъ принимаютъ и мягкую гласную въ словодвиженіи, на пр.: властеле, пріятелю и т. п. Всѣ эти случаи не были приведены нами въ примѣрахъ, ибо одни относятся собственно къ природѣ гласной, а другіе были уже разсмотрены выше. Наконецъ замѣтить должно, что примѣры означены, большею частію, нѣсколькими №№; а это показываетъ, что не случай руководствовалъ писцами въ употребленіи твердыхъ и смягченныхъ формъ, а было что-то такое, что заставляло ихъ смягчать произношеніе плавныхъ въ извѣстныхъ словахъ и для сего избирать приличнѣйшее начертаніе буквъ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что примѣры означены не всѣми №№ и не большею ихъ частію, а только нѣкоторыми, съ избыткомъ употребляющими мягкое начертаніе для е: слѣдовательно, остальная часть грамотъ считала лишнимъ выражать смягченіе б-ы е. Повторяю, съ одной стороны, нѣсколько мягкое природное произношеніе плавныхъ или текучихъ, а съ другой близкое сходство твердаго и мягкаго звука е, произвели то, что писцы сами не были хорошо увѣрены въ принятомъ ими способѣ правописанія и колебались между тѣми и другими формами. Сочетаніе прочихъ согласныхъ буквъ, которое мы уже видѣли и еще увидимъ при губныхъ, показываетъ величайшую степень колебанія относительно б-ы е. Правильнаго и послѣдовательнаго поставленія твердаго и мягкаго е въ сочетаніи съ согласными нечего и спрашивать. Писцы слѣдовали сдѣсь своему произношенію, и какъ кто произносилъ, такъ тотъ и писалъ. Отъ того на каждую смягченную форму можно представить по нѣскольку несмягченныхъ, въ чемъ можно убѣдиться уже и по тому одному, что, какъ я сказалъ, не всѣ грамоты, даже и не бо́льшая ихъ часть, доставляютъ примѣры для смягченныхъ формъ. Такъ стране и всѣ родительные пп. отъ именъ жен. р., оканчивающихся въ имен. ед. на твердое а, законе и всѣ винительные пп. именъ муж. р., исходящихъ на твердую полугласную, далѣе множество другихъ словъ съ мягкою основою и пр. ни разу не встрѣчаются въ такомъ видѣ ни въ одной изъ грамотъ Восточной семьи; равно находимъ въ самихъ же Западныхъ грамотахъ, и именно въ тѣхъ же самыхъ, которыя любятъ смягченіе плавныхъ, случаи несмягченія; мало того: въ одной и той же грамотѣ одно и то же слово часто является въ смягченномъ и несмягченномъ видѣ. Укажу

на нѣкоторые: **негове, -ѣми, негѡвѣмь, -ими** (С. №№ 77, 112), **ѕаконе** (С. №№ 77, 133), **небеса, васеленнои** (С. № 81), **речени, -ога, рѣче, -ога, рѣчьно** (С. №№ 81, 106, 112, 114, 132), **кнеѕь, -а, -у, -омь, -емь** (С. №№ 81, 96, 104, 107, 108, 112, 132, 133, 144, 158), **литре, лире** (С. №№ 124, 130), **тврьдние** (С. № 132). Тѣ же слова въ тѣхъ же грамотахъ имѣютъ мягкую форму. Они всего яснѣе говорятъ о неопредѣленности, существовавшей въ древней письменности. Прибавимъ еще къ тому, что есть грамоты той же семьи, и ихъ весьма много, которыя упорно держатся одного несмягченнаго **е**: стало быть, правописаніе отдѣлено было отъ произношенія. Но какъ тѣ, такъ и другія грамоты приводятъ къ одному итогу: плавныя, по своей природѣ, какъ и звукъ **е**, по своему свойству, въ твердомъ и смягченномъ видѣ, имѣли столь мало различія, что смѣшивали оба вида, и, вѣроятно, одни Сербы произносили ихъ нѣсколько тверже, такъ что приличнѣе выражали чрезъ твердое начертаніе, другіе произносили ихъ нѣсколько мягче и находили болѣе приличнымъ выражать въ мягкомъ сочетаніи. Къ сему прибавить должно, что употребленіе б-ы **е**, взятое во всемъ ся объемѣ, подтверждаетъ наше замѣчаніе, что въ Западныхъ грамотахъ видимое смягченіе, равно какъ несмягченіе плавныхъ при звукѣ **е** не столько зависѣло отъ самого себя, сколько отъ употребленія того, или другаго начертанія б-ы **е**; тогда какъ съ другой стороны обильное употребленіе мягкихъ начертаній для этой буквы указываетъ на смягчающую силу языка, господствовавшую въ древней письменности и необходимо отражавшуюся и въ плавныхъ. Какъ мало значенія приписывали писцы мягкому **е**, видно изъ того, что они при немъ прибѣгали иногда еще къ другому способу бóльшаго и какъ бы нагляднѣйшаго смягченія; такъ они писали: **властельемь** (С. № 107), **прьедь** (С. № 123), **врьеме** (С. № 126). Даже звукъ **ѥ**, выраженный въ протяженномъ мягкомъ **не**, иногда не удовлетворялъ писцовъ своею мягкостію, и они писали: **врьнеме** (С. № 121), **прьнед, прьнеписаше** (С. № 126). Но эта крайность смягченія остается временною чертою Д.-Сербскаго книжнаго языка, послѣ которой онъ долженъ былъ притти къ большей правильности и умѣренности. Нынѣ хотя для мягкихъ *л* и *н* существуютъ особые знаки, однако многія изъ древнихъ мягкихъ формъ получили твердый видъ: **ѕаконе, стране** не могутъ быть согласны и съ нынѣшнимъ произношеніемъ и пишутся безъ смягченныхъ плавныхъ, а это и показываетъ отсутствіе въ старину всякого послѣдовательнаго правописанія, но съ другой стороны хотя и заставляетъ думать, что всякій писецъ слѣдовалъ своему оттѣнку произношенія, гоняясь иногда за ненужною мелочностію, однако намекаетъ, что было же въ языкѣ какое-то темное стремленіе къ смягченію, заставлявшее писцовъ колебаться между правильными и неправильными формами, изъ коихъ первыя отвѣчали духу и законамъ языка, условленнымъ его Славянскимъ происхожденіемъ, а другія его живымъ временнымъ потребностямъ. Безъ научнаго познанія своего языка, безъ истекавшихъ отсюда правилъ, писцы блуждали въ туманѣ неопредѣленности, сомнѣнія и двусмыслія; одни попадали на правильный путь, но тотчасъ же сбивались съ него, другіе напротивъ, и можно сказать упорнѣе, держались временныхъ потребностей, но вдавались въ правописныя мелочи, которыя удовлетворяли ихъ лишь одною своею стороною, а другою вносили обоюдность въ письмо. Они смѣшивали оттѣнки произношенія, происходящіе сколько отъ повременнаго движенія языка, столько же отъ личнаго расположенія произносящаго, съ оттѣнками, требуемыми внутреннею постоянною природою языка. Тѣ оттѣнки

голоса, которые имѣютъ въ духѣ языка одно основаніе, не могутъ такъ успѣшно различаться въ правописаніи, какъ тѣ, которые имѣютъ различныя основанія и выражаются различными начертаніями. Такъ ѣ въ извѣстныхъ соединеніяхъ съ согласными, получая силу отъ послѣднихъ, хотя и звучитъ то нѣсколько тверже, то нѣсколько мягче, однако должно выражаться твердымъ знакомъ по требованію извѣстныхъ законовъ языка; оно же въ другихъ случаяхъ должно выражаться въ мягкомъ видѣ по требованію опять извѣстныхъ законовъ языка. Писцы, какъ сказали мы, не всегда наблюдали это правило: съ одной стороны они смѣшивали дѣйствительные разноосновные оттѣнки съ временными одноосновными и писали ѣ на мѣстѣ ѣ и на оборотъ; но съ другой стороны они, чрезъ точнѣйшее выраженіе частныхъ оттѣнковъ произношенія, принесли намъ большую пользу, ибо при возможности въ наше время научнымъ образомъ повѣрить явленія звука безъ буквальнаго вѣрованія способу правописанія, мы можемъ положительное и вѣчное правило отдѣлить отъ повременныхъ требованій и указать на тѣ явленія, которыя постепенно совершались въ жизни языка. Такъ, благодаря ихъ точному, хотя и непослѣдовательному правописанію, мы изъ наблюденія различныхъ явленій при движеніи гласныхъ, какъ и теперь при сочетаніи ѣ съ плавными, имѣемъ право заключить, что въ Д.-Сербскомъ языкѣ въ пору значительнѣйшаго проявленія въ немъ народности, господствовало особенное стремленіе къ смягченію, которое выражалось то въ ь, то въ и, то въ мягкомъ ѣ, то въ ѣ, растянутомъ и смягченномъ въ ие, ие, ие. Все это показываетъ, что буквально довѣрять старинному правописанію нельзя, но должно угадывать желаніе писца выразить тотъ, или другой оттѣнокъ звука и, не теряя изъ виду общихъ законовъ языка, опредѣлять въ то же время его временное поступательное движеніе и его различныя, отсюда истекающія, видоизмѣненія.

Какія же общія замѣчанія должны мы сдѣлать о смягченіи плавныхъ? Припоминая всѣ разсмотрѣнные нами случаи смягченія плавныхъ и сравнивая ихъ съ подобнымъ движеніемъ прочихъ согласныхъ, мы видимъ, что плавныя однѣ изо всѣхъ другихъ согласныхъ допускаютъ двойственность формъ не только въ сочетаніи съ ѣ, но и въ сочетаніи съ прочими гласными. Конечно, всѣ согласныя способны сочетаться даже въ однѣхъ и тѣхъ же случаяхъ съ твердымъ и мягкимъ ѣ, смотря по возрасту и мѣсту грамотъ, такъ что непремѣнно можно найти двойственность формъ въ отношеніи этого сочетанія; но не то бываетъ въ сочетаніи съ прочими гласными, имѣющими вмѣстѣ съ твердымъ и мягкое произношеніе, каковы а и у (о смягчается только въ началѣ словъ и послѣ гласной; въ соединеніи съ мягкою согласною оно переходитъ въ е). Сдѣсь видны однообразіе и постоянство формъ. Если изрѣдка, и весьма изрѣдка, встрѣчаются, на пр., я, ю въ соединеніи съ какою либо согласною (кромѣ плавныхъ и мягкой ѣ съ ея замѣнительными г, к) вмѣсто а, у, то таковымъ формамъ нельзя дать значенія правильныхъ и равносильныхъ съ своими двойниками, а должно смотрѣть на нихъ, какъ на странныя явленія, быть можетъ, прихоть писцовъ, хотя и достойную замѣчанія, особенно въ историческомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ не обязательную для того, чтобы на ней строить правила и выводы. При томъ сдѣсь всю силу значенія должно отнести къ самимъ гласнымъ, что мы и сдѣлали, разсматривая этѣ формы въ ученіи о гласныхъ; ибо если въ какой либо грамотѣ, а таковыхъ едва наберется пять, шесть, писецъ постоянно любитъ смягчать, на пр., у въ ю, не смотря ни на какія сочетанія этой

буквы, то значитъ, что онъ смотритъ сдѣсь не на мягкую природу согласной, а единственно на произношеніе гласной. Такія неожиданныя странности писцовъ весьма рѣдки: большинство имъ вовсе не сочувствуетъ; ихъ формы стоятъ особнякомъ внѣ общаго звукодвиженія и звукоразвитія. Такимъ же образомъ одному изъ писцовъ пришло на мысль употреблять а (ꙗ) вмѣсто ꙗ и онъ написалъ насладнинка, исталвшх, такыѥ и пр. Повторяю, подобныя формы нельзя никакъ принимать за нѣчто важное наровнѣ съ другими, равно замѣчательными, но болѣе естественными, возможнѣйшими и обильнѣйшими: съ одной стороны ихъ исключительность, съ другой нерѣдкіе случаи произвола писцовъ въ способѣ правописанія значительно уменьшаютъ ихъ вѣсъ и заставляютъ смотрѣть на нихъ не болѣе, какъ на странности, чуждыя общему движенію языка. Другое дѣло — смягченіе плавныхъ. Эти звуки равно допускаютъ двойственность въ сочетаніи какъ съ ѥ, такъ и съ ꙗ и ю. Во всѣхъ этихъ случаяхъ тѣ и другія формы, какъ смягченныя, такъ и несмягченныя, являются столь обильными и разнообразными по свойству грамотъ, что невольно заставляютъ внести себя въ кругъ языкословныхъ соображеній и принимаютъ на себя часть временнаго образа языка: отказать тѣмъ и другимъ въ участіи при совершеніи судебъ языка невозможно. Это, столь отличное отъ свойства другихъ согласныхъ, явленіе должно приписать природѣ самихъ плавныхъ, происхожденіе которыхъ опредѣляется тѣмъ же самымъ органомъ, который произвелъ мягкое по преимуществу и смягчающее гласное начало. Второе, не менѣе важное, заключеніе касается различія памятниковъ по семействамъ въ смягченіи и не смягченіи гласныхъ и согласныхъ. Припомнимъ все, что доселѣ разсмотрѣно было нами относительно этого свойства Сербскаго языка, и заранѣе отнесемъ губныя, о которыхъ намъ предстоитъ говорить вслѣдъ за плавными, къ разряду другихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами согласныхъ, съ которыми они являются однородными въ дѣлѣ смягченія. Въ гласныхъ мы видимъ, что мягкое ѥ съ своими особенными начертаніями и по двумъ различнымъ причинамъ преобладаетъ въ Аѳонской семьѣ и Западной XIV-го и XV-го вв., и что несмягченіе ꙗ и ю послѣ гласной является почти исключительно, хотя и не часто, въ одной Аѳонской. Въ согласныхъ, относительно сочетанія ихъ съ ѥ, видимъ то же самое и въ прямомъ отношеніи къ употребленію мягкихъ начертаній б-ы ѥ въ началѣ словъ и послѣ гласной, т. е., что согласныя сочетаются съ мягкимъ ѥ предпочтительно въ Западныхъ грамотахъ конца XIV-го и XV-го вв. Какъ ѥ въ началѣ словъ и послѣ гласной является преимущественно въ Аѳонской семьѣ, такъ и въ соединеніи съ плавными оно является преимущественно тамъ же, но другія согласныя въ этой семьѣ не требуютъ себѣ мягкаго ѥ: это свидѣтельствуетъ, что сдѣсь главное значеніе имѣютъ самыя плавныя, которыя и сочетаются съ мягкими гласными подъ дѣйствіемъ Ц.-Славянскаго языка. Какъ є, ѥ въ началѣ словъ и послѣ гласной господствуетъ въ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-го в., такъ тамъ же соединяется оно предпочтительно и съ согласными всѣхъ органовъ, какъ плавными, такъ и гортанными, язычными, зубными и, какъ увидимъ ниже, губными: ясно, что сдѣсь вся сила заключается въ самой б-ѣ ѥ, а не въ смягченіи согласной. Напротивъ ꙗ и ю въ въ соединеніи съ прочими согласными, кромѣ плавныхъ, не испытываютъ никакого особеннаго измѣненія, и согласныя остаются съ своимъ обычнымъ произношеніемъ, какое мы привыкли слышать въ томъ, или другомъ словѣ. Но въ соединеніи съ плавными ꙗ и ю являются совершенно въ противупо-

ложномъ отношенiи къ самимъ себѣ, взятымъ самостоятельно. Въ послѣднемъ случаѣ, сказали мы, Восточная семья любитъ иногда не смягчать а и ꙋ послѣ гласной, на пр., велика̂, желаниа, ма̃тїꙋ и т. д.; но она же, на оборотъ, любитъ употреблять мягкiя плавныя, а не твердыя, въ сочетанiи съ этѣми двумя гласными, равно какъ о при словодвиженiи переводить въ е. Въ ней господствуютъ формы: краля, -ю, -ємь, ꙁємля, -ю, любовь, царємь и пр. Напротивъ того Западная семья предпочитаетъ отвержденiе плавныхъ въ сочетанiи съ а, ꙋ, о, такъ что послѣднее не измѣняется, предполагая собою твердый полугласный исходъ слова: ей принадлежатъ почти исключительно формы: крала, -ꙋ, вола, -ꙋ, ꙁємла, -ꙋ, властєломь, краломь, цароmь и т. д. Но во всѣхъ этихъ явленiяхъ мы не находимъ ничего сверхъестественнаго, или такого, что бы противорѣчило взаимному отношенiю и свойству двухъ началъ, вошедшихъ въ составъ книжнаго Сербскаго языка. Несмягченiе а и ꙋ послѣ гласныхъ, равно какъ мягкiй полугласный исходъ извѣстныхъ словъ, оканчивающихся на плавныя, въ слѣдствiе чего при словодвиженiи ь мѣняется на ѥ, ю, ємь, или ємь и т. д., суть признаки Ц.-Славянскаго языка въ его средневѣковую пору, ту пору, въ продолженiе которой онъ производилъ свое влiянiе на Сербскую письменность. Съ началомъ XIV-го в. рядъ Аѳонскихъ грамотъ яснѣе и въ большей степени обнаружилъ его влiянiе и съ тѣмъ вмѣстѣ его современные признаки. Я не сомнѣваюсь вмѣстѣ съ Шафарикомъ[1] признать древнѣйшимъ признакомъ Д.-Булгарскаго языка твердый полугласный исходъ существительныхъ на а, на пр., мѫчитєла, дѣлатєла, также форму въꙁлоубиша и т. п., но не сомнѣваюсь также признать за Д.-Булгарскимъ книжнымъ языкомъ, когда, послѣ паденiя Булгарскаго царства, онъ достался въ руки смѣшанному Булгарскому народу, или другимъ православнымъ Славянамъ, какъ-то Сербамъ и Русскимъ, признать за таковымъ Булгарскимъ, или, лучше, Ц.-Славянскимъ языкомъ, различныя его временныя и мѣстныя видоизмѣненiя или поры, и отличительнымъ признакомъ одной изъ таковыхъ поръ несмягченiе а и ꙋ послѣ гласной и на оборотъ смягченiе плавныхъ какъ въ сочетанiи съ ними, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, замѣчаемыхъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ. Въ эту-то пору своего видоизмѣненiя Ц.-Славянскiй языкъ вошелъ въ Сербскую письменность, въ чемъ убѣждаетъ насъ присутствiе этихъ самыхъ признаковъ именно въ той семьѣ грамотъ, которая наиболѣе подвергалась его влiянiю. Мы замѣчаемъ, что напротивъ народный Сербскiй языкъ отвердилъ мягкiй полугласный исходъ плавныхъ въ нѣкоторыхъ словахъ, на пр., *цар*, какъ и вообще отвердилъ нѣкоторыя конечныя согласныя, на пр., въ *кнез* и пр., а равномѣрно и въ другихъ сочетанiяхъ плавныхъ ввелъ кое-гдѣ твердость противъ Ц.-Славянской мягкости; а по тому мы не усомнимся отнести къ дѣйствiю народной стихiи то, что въ Западной семьѣ формы относительно плавныхъ сочетанiй распались на твердыя и мягкiя. Конечно, въ отверденiи плавныхъ была своего рода крайность: отверждались такiя сочетанiя, которыя въ послѣдствiи, какъ видимъ ихъ нынѣ, опять вошли въ свою прежнюю мягкость, на пр., любовь, нынѣ *љубав*; но это должно приписать переходному времени, въ которомъ всегда формы колеблются, а крайности сталкиваются. Тѣмъ не менѣе это отверденiе, и при томъ большее надлежащаго, есть от-

---

[1] Serbische Lesekörner, стр. 64.

личительный признакъ Западной семьи конца XIV-го и XV-го вв. и вмѣстѣ разсматриваемаго нами пространства Д.-Сербскаго книжнаго языка.

Отъ плавныхъ, помимо зубныхъ, уже разсмотрѣнныхъ, переходимъ къ *губнымъ*. Порядокъ губныхъ отъ внутреннихъ частей устъ къ наружнымъ таковъ: *в*, *ф*, *м*, *б*, *п*. Сдѣсь самая слабая есть *в*, по чему она и употребляется въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ для придыханія. Нѣсколько твердѣя, она образуетъ звукъ *ф*, хотя не Славянскій, но уже отуземившійся у Славянъ, благодаря посредству звука *в*. Такъ точно *б* слабѣе, чѣмъ *п*; но обѣ онѣ сильнѣе, чѣмъ *в* и *ф*. Средину между тѣми и другими занимаетъ *м*, какъ *н* между *л* и *р*.

Б-а в смѣняетъ б въ словахъ: **люво** (**любо**, С. № 78), **ăлванїй**, **алванїй** (А. № 10; В. № 1), **вене́днйтоу** (А. № 17) и въ названіяхъ мѣсяцевъ: **феврьвара**, **фeврара**, **фрьвара**, **фрeвара**, **прeвара**, **пeрвара** (С. NN 2, 59, 65, 83, 87, 100, 112, 124, 128, 163, 164), **дeкéврїа**, **дeкeмврїа**, **дeкéврїа**, **де́врїа** (С. NN 90, 91, 111, 147), **ноемьврия**, **ноéврїа** (С. NN 131, 178), **сeптeмврия**, **сeтéврїа**, **сeктeмвра**, **сéврїа** (С. NN 133, 137, 138, 158), ср. **фeбрара** (С. NN 125, 128), **сeнтeбра**, **сeньтeбра** (С. NN 61, 136), **ноeбра**, **ноeбра**, **новeбра**, **новeбрхa**, **новeмьбра**, **новeмбра** (С. NN 64, 67, 83, 110, 125, 150, 151, 152, 153), **дeкeмбра**, **дeмьмьбра**, **дeкѐбра** (С. NN 68, 92, 105, 158).

Б-а в замѣнила ф въ формѣ **стeвань** (С. № 131).

Б-а в переходитъ въ л: **слободко**, **-ѡ**, **слобо̑но**, **-ѡ** (С. NN 54, 72, 77, 82, 100, 101, 108, 112, 114, 115, 126, 129, 132, 144, 154), **слобода**, **-в** (С. NN 70, 100), **слободань**, **-дни** (С. NN 78, 98; Ш. № 16), **слободьщиие**, **слободщиие**, **слобощиие**, **слобоутние** (С. NN 92, 95, 103, 120, 133, 136, 145, 150), **слобоѣникаамь**, **слободихь** (С. № 114), **ѡслободити**, **-дили**, **-дисмо**, **-дих̀** (С. NN 132, 154, 164; Ш. № 16), ср. **свободно**, **-дьно**, **-тьно** (С. NN 2, 3, 5, 9, 14, 16, 17, 60, 66, 80, 91; А. № 12), **свободин**, **-тьни** (С. NN 2, 16), **свобода**, **-е**, **-оу** (С. № 77; А. № 7; С.-Д. М. 1844), **свободьщиие** (С. № 81), **ѡ̀-**, **ѡ̆-**, **ѡсвободи**, **-смо**, **ѡсво́бодихь** (А. NN 5, 10, 14, 17). Порядокъ этой смѣны отвѣчаетъ такъ часто повторяемому нами соотношенію памятниковъ по мѣсту и времени. Нынѣ Сербы говорятъ: *слобода*, *слободан*, *слободити* и т. д.

Б-а в опускается весьма часто послѣ в и передъ л. Въ первомъ случаѣ всѣ Славянскія нарѣчія болѣе, или менѣе наблюдаютъ это опущеніе по закону благозвучія; во второмъ случаѣ Сербскій языкъ сходится съ Хорватскимъ. Таковы формы: **урьленога**, **црьлене** (С. NN 16, 121), **ѡбарую**, **-аю**, **ѡбароват̑и**, **-лии**, **-лали**, **-лньѣ**, **ѡбаро̆вати** (С. NN 64, 77, 78, 82, 118, 129, 141); **из-исправлю**, **-лю**, **-ле**, **-ле**, **-сни** (С. NN 70, 81, 85, 95, 163; А. № 14), **састалиeна**, **-ска**, **сьстали́на** (С. NN 81, 85, 89, 95, 178), **ѡпралаше**, **-аше**, **-ити** (С. NN 81, 85, 95, 132), **сталихв**, **-ити**, **-ене** (С. NN 86, 107, 132), **оустаишмо** (С. № 91), **напралиена**, **-ень** (С. NN 98, 157), **посталеномв**, **-лене**, **-ѣны** (С. NN 99, 105, 163; Мл.), **ѡбесeлисмѡ** (С. № 104), **ѡсталишь** (С. № 114), **да се Ѡстала** (А. № 14). Кромѣ пяти примѣровъ (С. NN 91, 178; Мл.; А. № 14), всѣ прочіе принадлежатъ Западной семьѣ XIV-го и XV-го вв. Это показываетъ, что опущеніе б-ы в передъ л возникло не ранѣе XIV-го в. и сдѣлалось господствующимъ въ Западныхъ грамотахъ. Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, Восточныя постоянно удерживаютъ в передъ л; но въ Западныхъ, на оборотъ, формы съ в весьма рѣдки, особенно въ XV-мъ в., каковы, на пр., **исправлати**, **-ли** (С. NN 66, 68), **поставлинь**, **-лиюмв** (С. NN 65, 68),

оставимь (С. № 144) и н. др. Нынѣ **в** въ этихъ случаяхъ, большею частію, возстановлено. Б-а **в** опущена еще въ слѣдующихъ словахъ: **агȣста, агоста, агȣстинь, -а** (С. NN 21, 169, 171), **генара, генара** (С. NN 63, 71, 73), **сторихь** (т. е., **сътворихь**, С. № 71), **кралество, -а, кралества, кралѥство, -ȣ, кралства** (С. NN 83, 84, 89, 99), **раꙁѣ, -и, -е, раазѣ** (С. NN 83, 98, 114, 143, 146), ср. **раꙁѣи** (С. NN 22, 28, 39, 46, 68), **снеꙁимь** (А. № 6).

Б-а **в** вставляется, какъ благозвучная, въ словахъ: **иовлиа, -омь** (А. И.; С. № 16), **ивань, -а, -ȣ** (С. NN 96, 108, 112, 126, 144, 150, 156, 172; А. № 6; Мл.), **овѣ ивани** (Ш. № VII), **ивань доȣвь** (А. № 8), **ивановиѣь** (С. № 94), **иванишь, -а, -ȣ, -емь** (С. NN 98, 107, 112, 114, 116, 117, 126, 127, 133, 136, 141, 144, 145, 150), **иванишȣ** (С. № 108), **ивко, -ȣ, ивьковь** (С. NN 99, 158, 159, 163), **подвоуїе** (З.), **каклоковьски**, ср. тутъ же **аклокȣ** (С. № 61), **иꙁравилеса, иꙁдравалеса, иꙁдравилеса, иждравилеса** (С. NN 81, 89, 95, 150; З. А.).

Имена, оканчивающіяся на **и**, которое въ Русскомъ языкѣ обратилось въ **й**, превращаютъ его иногда въ **в**; на пр.: **цѣловь** (Ш. № VII), **николавь** (С. № 8), **матѣвь** (С. № 16), **дроуговь** (А. № V), **подоунавскымь и подȣнавскымь** (С. № 90), **доунавь, -а** (Ш. № 15), *на дунаву* (В. К.), **подоунавскии** (печ., А. т. X), **подȣнавлью** (печ., А. т. XI), **подȣнавскимь** (А. № 18), **подоунавию** (А. № 16) и т. д. Это явленіе еще замѣтнѣе въ словодвиженія и словообразованія. Мы считаемъ сдѣсь умѣстнымъ высказать свое мнѣніе о немъ, или, лучше, распространить прежнее. Обыкновенно *ав* и *ов* считаютъ усиленіемъ *у*, которое усиливается или прямо такъ, или въ видѣ *ы*. Слѣдовательно, первоначальный основной звукъ для нихъ должно видѣть въ *у*, а для *ев* въ *ю*. Но не всегда эти усиленія можно объяснять чрезъ *у*; необходимо допустить и сдѣсь перезвукъ другаго усиленія *ай*, или *ой*, *ей*, которое образуется изъ усилившагося *и*. Какъ тамъ *у*, такъ сдѣсь *й* суть основныя гласныя, усилившіяся въ двоегласныя съ помощію *а*, перезвукованнаго въ *о*, или, при мягкости, въ *е*. Перезвукъ *и* въ *у* возможенъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: по чему же не допустить и возможности этого перезвука въ тѣхъ же, но только усиленныхъ буквахъ? Иначе нельзя и объяснить окончательно вышеприведенныя формы. Имена **николавь, матѣвь** принадлежатъ Дубровничанамъ; Славянская форма не мѣшаетъ видѣть въ нихъ близкое родство съ Итальянскою Nicolai, Mathei, которая у Сербовъ звучала, по всему вѣроятію, какъ **николаи(й)**; **матеи(й)**, и гдѣ **аи, еи** прямо перешли въ **ав, ев**, какъ **ои** перешло въ **ов**. Стало быть, сдѣсь, какъ и въ словахъ **доунавь, дроуговь** объ **ȣ** и помину нѣтъ, и это явленіе есть не что болѣе, какъ перезвукъ, или переходъ изъ одного усиленія (ґуны) въ другое. Слово **цѣловь** предполагаетъ **ȣ** и по тому не требуетъ подобнаго объясненія.

Вообще всѣ Славянскія нарѣчія не любятъ звуковъ *х* и *ф*: одни изъ нихъ мало терпятъ ихъ, другіе даже вовсе не терпятъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и Сербское. Мы знаемъ уже, что отзвукъ *г*—*х* (*ћ*) сохранился только въ небольшой прибрежной области Сербіи, отъ Дубровника до Черногоріи включительно, мѣстами, быть можетъ, подъ вліяніемъ Итальянскаго языка, а мѣстами и Булгарскаго. Равно звукъ *ф* вошелъ въ Сербскій языкъ только вмѣстѣ съ иностранными словами, или замѣнилъ собою другую крайность, звукъ *х*, въ соединеніи съ *в*, на пр., *фала*, *фитати*, *фатити*, *фиснути*. Бо́льшая часть первыхъ имѣетъ двойственную форму съ *в* вмѣсто *ф*. Есть нѣсколько словъ звукоподражательныхъ: *фрк*, *фрка*, *фркане*, *фрснути*. Чер-

которцы болѣе другихъ Сербовъ терпятъ *ф*, какъ и *х*. Въ Западныхъ областяхъ употребляется *уфаме*, *уфатисе* — форма, очевидно, не Сербская. Такъ и Д.-Сербскій языкъ старался избѣгнуть звука ф, сколько пристрастіе писцовъ къ обычнымъ письменнымъ формамъ позволяло это. Въ немъ мы находимъ б-у п, какъ замѣняющую ф: ей дано, по видимому, наибольшее замѣнительное служеніе вмѣсто б-ы ф. Такъ мы читаемъ: **степань**, **-а**, **-в**, **степани цр̃кви**, **стипань**, **-а**, **стѣпань**, **-а**, **-в**, **-омь**, **стипань**, **-в**, **-омь** и др., **стѣпко**, **-омь**, **стѣпковикь** и т. д. (С. №№ 6, 14, 15, 24, 57, 60, 62, 64, 71, 74, 78, 83—86, 89, 92, 95—98, 104, 107, 108, 112, 114, 115, 119, 120, 123, 124, 126, 128, 132—134, 136—147, 150—154, 156—159, 161, 163, 164, 173, 176, 179; Ш. № 16; З. А.), **стѣпна**, **степагвь**, **...тепань** (печ., А. №№ 5, 9; Г. II, стр. 203; С. № 120). Изъ приведенныхъ сейчасъ грамотъ только 8, да 3 печати принадлежатъ Восточной семьѣ, а всѣ прочія Западной: отношеніе между ними съ небольшимъ, какъ 6 : 1; оно почти обратно измѣняется въ формѣ **стефань**, **-а**, **-в**, **-е**, **-омь**, **стѣфань**, **-а**, **-о̑** и т. д., **щефань**, **щифань**, **стифань**, **стефань**, **ст̃фнь**, **стефан**, **стфнь**, **сф̃ь** и т. д. (Ш. № VII; С. №№ 2, 7, 9, 13, 21—25, 28—31, 33—40, 42, 43, 46 48—55, 62, 66, 68, 70, 73, 77, 81, 83, 85, 90 — 92, 103, 111, 116, 135 — 138, 140, 150 — 154, 175, 176; А. №№ 1 — 13, 16 — 19; Мк.; С.-Д. М. 1844; печ. и мон., Г. I, стр. 156, II, стр. 203, III, №№ 6, 7, 10, 11, 27—30, 39, 40, 41, 55—61, 71, 72, V, №№ 1, 4, VI, № 17; Рейх. XVIII, 8; Бод.; А. №№ 8—11, т. X, XI; С.-Д. М. 1844, стр. 127). Между приведенными сдѣсь грамотами, печатями и монетами только безъ малаго 1/6 принадлежитъ Западной семьѣ; остальныя относятся къ Восточной. Къ тому же замѣтимъ, что изъ всѣхъ памятниковъ 16 доставляютъ двойныя формы съ п и ф, при томъ такъ, что бо́льшая часть формъ съ ф принадлежитъ подписямъ, а съ п тексту, ибо подпись, по своей важности, прикладываемая собственноручно Сербскими владѣтельными лицами, уже удалялась отъ народнаго языка и, при обычномъ желаніи Боснійскихъ королей поддѣлаться подъ ладъ грамотъ православныхъ царей, должна была вдаться въ Ц.-Славянскую стихію. И такъ изъ отношенія между грамотами мы видимъ, что форма съ п держалась преимущественно въ Западной семьѣ, какъ ближайшей къ народной стихіи, а форма съ ф въ Восточной, какъ ближайшей къ Ц.-Славянской. Нынѣ *Степан*. Замѣну ф б-ю п находимъ еще въ слѣдующихъ словахъ: **пилипь** (Ш. № II), **кепалиа**, **-м**, **-ио̑**, **кипалию** (С. №№ 35, 43, 49, 71), ср. **кефалию**, **-а̑**, **-ю**, **кифалїю**, **кефалїе** (С. №№ 54, 73, 91, 111, 137; А. № 10), **перьара**, **превара**, **пръка̑** (т. е., **феврарь**, С. №№ 65, 83, 127).

Б-а м по звуку своему сходна съ н, и по тому всѣ Славянскія нарѣчія, хотя не часто, употребляютъ одну вмѣсто другой. Мы уже видѣли эту смѣну въ нашихъ грамотахъ.

Не любя повторенія одной и той же буквы, Сербы, какъ и прочіе Славяне, избѣгали стеченія двухъ м, хотя бы они были раздѣлены полугласною и составляли два особые и необходимые слога. По этому мы иногда находимъ подобныя сокращенія: **в ꙁаконѣ Фтиѣмн** (т. е., **Фтинѣмьми**, С. № 2, **сь кралѥвствоми** (т. е., **сь кралѥвьствомьми**, С. № 31), **сь манкоми** (А. № 18), **бг̃одарованиѣми вѣнцемь** (С. № 97) и н. др.

Б-а м замѣнила л въ словѣ **шандама** (С. № 130).

Б-а в смѣняется съ б-ю п весьма часто: виною тому ихъ созвучіе. Таковы

формы: прѣвѣлеги (привилегія, С. № 16), педесѣ (т. е., педесата, С. № 168), ѡпћина, ѡпьћинѣ, опћинѣ, ѡпьщинѣ, ѡпьтинѣ, ѡпћине, ѡпьћина, ѡпаћинь, ѡпће-ници и т. д. (С. NN 3, 5, 16, 19, 20, 24, 25, 32, 37, 39, 45, 56, 58, 59, 66, 69, 78, 79, 81, 82, 84, 85, 86, 88, 89, 92, 93, 95—98, 100, 103, 106, 107, 108, 110—114, 116, 119—122, 124—128, 130, 133, 135, 136, 140, 141, 144, 145, 148, 150, 154, 155 и пр.; А. № 14; Г. VI, № 2). Форма ѡбьћина, -ѣ, ѡбщинѣ и т. д. встрѣчается мѣстами въ XIII-мъ в. (С. NN 2, 4, 6, 10, 21, 26, 31) и только по два раза въ XIV-мъ и XV-мъ вв.: ѡбь-ћине, -ѣ (С. NN 66, 81), ѡ̈бћине (С. NN 137, 138), опать, -ица (Ш. № II; С. № 37), срьпьска, -ѣ, -ои, -омь, -ѡ̈, -имь, српски, -е, срьпскаго, -ѡга, -а, -е, -не, -ои, -ѣ, -н҄, -сцѣхь и т. д. (С. NN 22, 23, 24, 27, 51, 52, 71, 76, 77, 89, 95, 103, 114, 124, 130, 132, 176; А. NN 5, 9, 10, 14, 18; В. № 1 и пр.), ѡпьтекло (С. № 78), ѡптече (С. № 37), лѣпко (любо, С. № 82), грѣпка (С. № 105), ср. грѣбаць (С. № 98), грѣбно (С. № 110), грѣбноћиѣ (С. № 158).

Б-а б смѣняется съ в въ словахъ: ѣковь, бенетукон (С. № 16), ѹ бенецѣхь (С. № 43), бенетькь (С. № 62), ср. венетицѣхь (А. № 10), протобистарь, -а (С. NN 107, 136, 140), ср. висьтѣрье (С. № 16).

Б-а в опущена въ словѣ новеири (С. № 121).

Б-а п замѣнила х въ словѣ пиланьдарь (С. № 173).

Б-а п замѣнила ч въ предлогѣ прѣзь, прѣз, призь (С. NN 2, 76, 88, 164, 176).

Греческая б-а ψ, замѣняющая простое сочетаніе пс, встрѣчается въ одной изъ нашихъ грамотъ, именно Дубровницкой, въ Греческомъ словѣ теѱіа, теѱи, хотя тутъ же написано и тепсие (С. № 130), да еще въ Аѳонской гр-ѣ въ Славянскомъ словѣ ѱара (А. № 10), ср. псарь (н. р.).

Сохраненіе б-ы ф въ словѣ стефань и во многихъ другихъ словахъ, подобное строгому повсюдному сохраненію б-ы х, есть одинъ изъ тѣхъ признаковъ правописанія Д.-Сербскихъ писцовъ, на которые мы не разъ указывали въ ученіи о звукахъ и которые увидимъ въ послѣдствіи въ словодвиженіи. Изъ уваженія къ Ц.-Славянской стихіи писцы, вопреки своему Сербскому уху, писали, а можетъ быть, даже и читали слова въ Ц.-Славянской формѣ, будучи вполнѣ увѣрены, что въ народѣ эти самыя слова звучали иначе. Это уваженіе къ формамъ, освященнымъ языкомъ Вѣры, не мало вредило чистотѣ народнаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинству Д.-Сербскаго правописанія, по скольку достоинство каждаго правописанія состоитъ въ вѣрнѣйшемъ воспроизведеніи звуковъ устнаго языка. Не разъ удавалось намъ замѣчать, что не должно увлекаться древнею правописью, которая не имѣла въ себѣ ни единства науки, ни даже вѣрности въ изображеніи звуковъ народнаго языка: писали такъ, читали и говорили иначе; а если и читали, какъ писали, то съ полнымъ убѣжденіемъ, что такое чтеніе не согласовалось съ народнымъ выговоромъ. По этому въ различныхъ заключеніяхъ о свойствѣ народной рѣчи Сербовъ нельзя буквально слѣдовать всѣмъ пріемамъ и уловкамъ древняго правописанія, но иногда должно подъ наружностію буквы подмѣчать скрытую цѣль писца, а когда и того нельзя сдѣлать, то слѣдуютъ цѣлыя формы считать не народными и смотрѣть на нихъ, какъ на выраженіе твердой привязанности писцовъ къ Ц.-Славянскому языку. Такъ и б-а ф своимъ тщательнымъ сохраненіемъ въ нашихъ памятникахъ одолжена той же привязанности.

Но, удержавъ ее, писцы уже забывали о близкой къ ней ѳ и замѣняли ею эту послѣднюю, на пр., логофеть, -а, логофѣ (С. №№ 61, 62, 64, 66, 71, 81, 86, 87, 92, 99, 100, 106, 108, 109, 111, 112, 115, 119, 121, 123, 126, 130, 138, 179; Ш. № 16). Однако, въ тѣхъ грамотахъ, которыя наиболѣе держатся Ц.-Славянской стихіи, встрѣчаемъ это слово и съ б-ю ѳ: логоѳеть, логѳ, логоѳѣ (С. №№ 47, 54, 55, 90, 137). Бо́льшая, или меньшая сознательность начертанія буквенныхъ знаковъ Кириллицы служитъ лучшимъ доказательствомъ бо́льшаго, или меньшаго родства грамотъ съ Ц.-Славянскою стихіею. По этому въ ближайшихъ къ ней Аѳонскихъ грамотахъ чаще, чѣмъ въ другихъ, встрѣчаемъ б-у ѳ: юстаѳиѣ, юстаѳиѣ (А. №№ 3, 4), но ѳидеміѣ (А. № 5), аѳонѣ, ѳеодоулѣ (А. № 10), млѳѣи, ѳеодоулѣ, аѳонскоую, єдиѳреѳіи, ѳилоѳеоу, ѳеодосіи (А. № 11), славоѳея (А. № 14). Въ Восточной, но не Аѳонской: анѳемія (С. № 51) и въ Западныхъ XIII-го в.: млѳеи (С. № 14), ѳома (С. № 15), ѳомашя (С. № 81). Но уже оба начертанія, ф и ѳ, начинали у древнихъ Сербовъ терять настоящій свой звукъ: это видно изъ замѣны ихъ другими буквами. Къ послѣднимъ присоединимъ т и п вм. ѳ: матея, матѣковичь и т. д. въ Дубровницкой гр-ѣ въ слѣдствіе заимствованія этой формы у Итальянцевъ (С. № 16), матея (А. № 12), анатема (С. № 78), тодора, -е (С. № 127), томя, томаш, -ь (Ш. № II; С. №№ 18, 136, 140, 141, 145, 151), томашевиѣь (С. № 150), тадия, -и (С. №№ 141, 172), логопеть (С. № 96) и пр. Съ другой стороны, сами они замѣняли своихъ замѣнителей; такъ находимъ: ринѳидами (*ῥιπίδιον*, Ш. № VII), скифтрї (В. № 1), кифтря, скифтря (С. №№ 81, 95), ср. кипатреи, скиптря, скиптри, скиетри (*σκῆπτρον*, С. №№ 85, 89, 150; З. А.), тѳфаунемь (С. № 81), ср. тяпи (С. № 36), тапатия, -омь, тепатия (С. №№ 83, 84, 85), тиумѣемь (С. № 85) и пр.; ѕафислиня (ѕаписаниѥ, С. № 95). Писцу гр-ы С. № 81 пришла мысль написать нѣсколько разъ ѳимаже, -е, ѳакожде, что и доказываетъ, что онъ б-у ѳ читалъ уже какъ т. Форма: ѵфаюштихь (С. № 135), ѵфаниѥ (С. № 157) взята у другихъ Славянъ и доселѣ употребляется только у однихъ Западныхъ Сербовъ; въ другихъ грамотахъ ѵпокати, ѵподаниѥ и пр.

Губныя наименѣе нуждались въ сочетаніи съ мягкими гласными въ Д.-Сербской письменности: отъ того до второй половины XIV-го в., или до вторичнаго появленія грамотъ Западной семьи, мы не видимъ особеннаго смягченія ихъ, и слова звучатъ такъ, какъ мы привыкли ихъ слышать. Если попадается форма гѣстюющомоу (С. № 35), то сдѣсь вся сила въ гласной, ибо писецъ этой грамоты любитъ и въ другихъ случаяхъ безъ разбора смягчать ѹ. Скорѣе признакомъ мягкаго произношенія должно признать сочетанія губныхъ съ ѣ, на пр., вѣлими, велѣми. -имь, вѣлиціхь, какъ то же видѣли мы въ другихъ согласныхъ, на пр., зубныхъ: стѣфань, кодѣниний, плавныхъ: рѣкоу (1-е л. ед. ч.), волѣ, гортанныхъ: кѣгѣ и пр. (см. в.), ибо сдѣсь ѣ есть то же, что е. Но со второй половины XIV-го в. въ Западной семьѣ (Восточная ни въ какомъ вѣкѣ не представляетъ особеннаго смягченія) частію отъ усиливающагося дѣйствительно смягченнаго произношенія, частію отъ пристрастія къ начертанію е, частію отъ замѣны послѣднимъ б-ы ѣ, появляется сочетаніе губныхъ съ мягкимъ е, и рѣже, какъ бы по прихоти писца, съ другими гласными вопреки обычному правописанію. Такъ читаемъ: вѣкѣль, повеля, -ахь, -ахь, -ихь, повелѣсмо, повеланиемь (С. №№ 66, 81, 100, 103, 127, 129, 133, 144), ѡ димитрове днеѣ, иреме, ѥмѣлѣние, тадѣе, изѕубе (С. № 66), ѕлобе, -е (С. №№ 66, 104), велимь, -и, -емь, -у, -ои, -имь, -ихь,

-мнехъ, -мымь (С. NN= 66, 81, 100, 104, 107, 127, 132, 134), **прьве** (С. N= 68), **име** (С. NN= 68, 84, 86, 100, 106, 107, 108, 109, 112, 127), **небеса, -е, нбеске** (С. NN= 81, 86, 103), **славеть, ꙁавеꙁашесе** (С. N= 81), **перперь** (С. NN= 81, 96, 127), **веле, -е** (С. NN= 84, 144), **племенито, -а, племе, -на, -е, племена** (С. NN= 84, 86, 96, 99, 103, 104, 112), **славе** (С. NN= 86, 133), **ме** (С. NN= 86, 103, 104), **праве, -е** (С. NN= 86, 96, 104, 120, 144), **свете, -аго, -ѣмь** (С. NN= 96, 99, 127, 132), **градове** (С. NN= 96, 157), **веꙁь** (С. N= 96), **наꙁовемо** (С. NN= 96, 127), **пенеꙁи, -еꙁи** (С. NN= 96, 127), **печатисме, печетнию, печать, -ью** (С. NN= 96, 100, 127, 134, 144), **ꙁавеꙁами** (С. N= 96, 104), **распетие, -ье** (С. NN= 96, 100, 104), **мене, -ѣ** (С. NN= 96, 104, 127), **живе, -е** (С. NN= 96, 99, 104, 107), **вриме, врѣме, -е, врѣме** (С. NN= 96, 100, 107, 108, 114), **любесе** (С. N= 99), **петра** (С. NN= 99, 100, **помениутье, споменутье, -ѣ, -и, паметь, -и** (С. NN= 100, 103, 104, 124, 127, 132, 134), **вёлн, весельемь** (С. NN= 100, 104), **ꙁабаве, -е** (С. NN= 101, 145), **веме, -е, -е** (**каштии**, С. NN= 108, 112, 127), **листове, веꙁда** (С. N= 109), **неговемь** (С. NN= 112, 127), **свемь, педесть** (С. N= 112), **пира** (имя соб., С. N= 113), **поставе** (С. N= 127), **мегв** (С. NN= 127, 132), **све** (С. NN= 127, 132, 134), **любвениеь, любежливие, габелв** (С. N= 132), **дрьжаве** (С. N= 133), **веѣе, любве, тронве** (С. N= 144), **синове, похве** (С. N= 157) и пр. Не нужно, кажется, говорить, что на каждую смягченную форму можно привести по нѣскольку несмягченныхъ для тѣхъ же самыхъ словъ, что ясно показываетъ, что губныя въ этихъ случаяхъ не нуждались въ смягченной гласной. Мы не приводили случаевъ сочетанія губныхъ съ такимъ мягкимъ **е**, которое въ томъ, или другомъ начертаніи замѣняетъ собою **ѣ**. Изъ примѣровъ видно, что наибольшее количество мягкихъ сочетаній принадлежитъ б-мъ **в** и **п**, потомъ **б**, **м**, а **ф** вовсе не имѣетъ ихъ. Примѣры сочетанія губныхъ съ прочими гласными приведены въ своемъ мѣстѣ въ ученіи о послѣднихъ, каковы: **кралевствиюфоу** (С. N= 62), **своемю, мю, последниемю, истиномю, комю, всакомю** (С. N= 89), **славю, бофвю, гпоутвю, апюстоль** (С. N= 104) и пр. Они, какъ сказали мы, имѣютъ отношеніе къ одной гласной и выражаютъ особенное расположеніе писца къ ея смягченію, вопреки общему правописанію и произношенію.

Оканчивая обзоръ движенія согласныхъ рѣчью объ ихъ смягченіи, мы считаемъ сдѣсь не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ерованьи по поводу признаковъ этого послѣдняго, встрѣчающихся въ древнихъ памятникахъ Сербскаго языка. Всякій знаетъ, что нынѣшнее господствующее правописаніе православныхъ Сербовъ принимаетъ четыре мягкихъ знака для согласныхъ *л*, *н*, *д* и *т*, долженствующихъ, по соединенія своемъ съ мягкими гласными, звучать мягко. По правиламъ нынѣшняго Сербскаго правописанія, какъ только одна изъ упомянутыхъ согласныхъ соединяется съ мягкою гласною, такъ тотчасъ же наружный видъ ея измѣняется: *л* обращается въ *љ*, *н* въ *њ*, *д* въ *ђ*, *т* въ *ћ*; а мягкая гласная, произведшая смягченіе въ согласной, въ то же время становится твердою. Спрашиваемъ, къ чему такое превращеніе? къ чему такая передвижка мягкаго начала изъ гласной въ согласную? Мягкость живетъ не въ согласной, а въ гласной, и отсюда дѣйствуетъ на согласную, подвергая ее различнымъ видоизмѣненіямъ. Это не противорѣчитъ тому, что въ Сербскомъ языкѣ нѣкоторая мягкость замѣтна въ небныхъ *л* и *н* и зубныхъ *д* и *т*, которая, вѣроятно, и послужила поводомъ къ усвоенію за ними смягченнаго изображенія. Мягкость эта происходитъ или отъ

образовательнаго органа, какъ въ плавныхъ, или отъ привычки народной, какъ въ зубныхъ; но она вовсе не та, которую мы разумѣемъ въ гласныхъ и имъ однимъ приписываемъ. Мягкость плавныхъ есть то же, что мягкость твердыхъ *и* и *е*, т. е., собственно полумягкость, не мѣшающая существованію истинной мягкости. Только въ томъ случаѣ, когда природа согласной измѣняется въ слѣдствіе смягченія, на пр., когда *г* переходитъ въ *ж*, а *х* въ *ш*, мягкая гласная переходитъ въ твердую, ибо сдѣсь, по свойству языка, мягкость выливается изъ гласной въ согласную и вмѣстѣ съ нею образуетъ новый, по природѣ своей мягкій звукъ, послѣ чего гласная, лишенная своей мягкости, необходимо должна сдѣлаться твердою. Въ другихъ случаяхъ, когда согласная не измѣняетъ своей природы, св. Кирилъ поступилъ не менѣе основательно и благоразумно, сочетавъ мягкую гласную съ твердою согласною: чрезъ это его правописаніе сохранило болѣе общности и послѣдовательности, чѣмъ нынѣшнее Сербское: я, е, ю оставались одними и тѣми же какъ въ соединеніи съ согласными, такъ и въ началѣ словъ и послѣ гласной: слѣдовательно, четыре новые буквенные знака были избѣгнуты, а правописаніе отъ того ни мало не потерпѣло; оно было столько же ясно, сколько и однообразно. Вѣдь принуждены же Сербы писать въ началѣ слова и послѣ гласной и прочихъ согласныхъ *ja*, *je*, *jy*: по чему же не писать ихъ и съ *л*, *н*, *д*, *т*, особенно, если бы они, вмѣсто упомянутыхъ полулатинскихъ, полуславянскихъ сочетаній, приняли обыкновенныя *я*, *е*, *ю*? Мы не видимъ къ тому никакого препятствія. Зачѣмъ прибѣгать къ дурно сплоченнымъ начертаніямъ, въ которыхъ сверхъ того участвуетъ чуждое, не-Славянское *j*? Развѣ *ja*, *je*, *jy* не точно ли такъ же звучатъ, какъ и *я*, *е*, *ю*? При томъ самое образованіе тѣхъ и другихъ одинаково: тамъ *j* сдѣсь *i*: только Кириловское начертаніе гораздо плотнѣе и единичнѣе, а полулатинское разъединеннѣе. Этотъ способъ правописанія былъ бы естественнѣе, послѣдовательнѣе и проще; да онъ и не новъ: его уже употребляютъ нѣкоторые Сербы — и весьма успѣшно. Равномѣрно и начертанія *љ*, *њ*, *ђ*, *ћ* тоже вовсе ненужны: иначе и для другихъ буквъ, при мягкомъ ихъ произношеніи, пришлось бы или изобрѣтать новые знаки, или придумывать новыя ерованныя начертанія. Зачѣмъ еровать тамъ, гдѣ дѣйствуетъ гласная мягкость, т. е., іотація? Да и самое *ь* не есть ли прадавняя мягкая полная гласная, приводящая къ небному смягчающему *и*, і, слѣдовательно, къ той же іотаціи? Начертанія *ля*, *ле*, *ня*, *не*, *дя*, *тя*, *тю* и т. д. сами по себѣ правильнѣе и болѣе говорятъ въ пользу древности, чѣмъ *ља*, *ња*, *ђа*, *ћа* и т. д., которыя можно назвать уже второстепенными, видоизмѣненными начертаніями и, должно сознаться, безполезными, а по тому и лишними. Но отсюда не должно заключать, чтобы мы совершенно отвергали ерованье: и оно имѣетъ свой кругъ употребленія послѣ того, какъ сократилась въ *ь* прадавная мягкая гласность. Въ правилахъ языка, когда разсматриваются отдѣльно согласные звуки и ихъ смягченіе въ разъединеніи съ гласными, можно, положимъ, употреблять слово «ерованіе» вмѣсто «іотаціи»; но на дѣлѣ, т. е., въ правописаніи прибѣгать всюду къ ерованію, когда возможна іотація, безполезно и вредно, ибо чрезъ то правописаніе теряетъ свою послѣдовательность, а съ нею и полезное однообразіе, между тѣмъ, какъ нисколько не пріобрѣтаетъ въ точности, столь нужной для облегченія изученія всякого языка. На дѣлѣ не должно распространять ерованія сверхъ надлежащаго. Славянскіе языки, утративъ прадавнее полногласіе, замѣнили его полугласіемъ, которое въ свою очередь обра-

тилось въ безгласіе. Тамъ, гдѣ окончаніе словъ исходитъ на мягкую согласную, гдѣ основа слова сочетается съ образовательнымъ окончаніемъ помощію мягкаго *ь*, наконецъ гдѣ въ самой основѣ и въ самомъ окончаніи согласная требуетъ мягкаго произношенія или отбоя, тамъ происходитъ ерованіе; словомъ, ерованіе бываетъ только тамъ, гдѣ согласная звучитъ мягко при исчезаніи гласной. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, по причинѣ сочетанія согласной съ мягкою гласною, происходитъ іотація, разумѣется, въ природѣ самой гласной, которая, какъ душа слова, сообщаетъ свое мягкое свойство и самому тѣлу, согласной. Д.-Сербскій языкъ никогда не старался сколько нибудь обобщить ерованіе согласныхъ въ соединеніи съ гласными и только изрѣдка, какъ бы невзначай, при упадшемъ отъ времени и употребленія значеніи мягкихъ начертаній, какъ бы для замѣны и поддержанія ихъ, прибѣгалъ къ нему, и то большею частію неудачно. Правильныхъ примѣровъ находимъ весьма немного. Таковы: прѣславньога, вольга (С. № 16), всьдѣ (С. № 25), крьнаиь (С. № 32), ꙃанѣньи сѫраиѣ (С. № 35), ꙃемьѥ (С. № 52), ꙁѣльеміа, мьей, мьемь (В. № 2), кральица (С. № 81), посьмишениемь (С. № 82), кральи (С. № 84), уписатьихь (С. № 102), бившьои (С. № 103), манирьи, крьагли (С. № 119), грьквацѥ (С. № 121), литрьа, -ьѣ (С. № 123), видьнѥмь, ꙃемьи (С. № 164), подоуналнью (печ., А. т. XI). Сдѣсь мягкость б-ы о означена чрезъ ерованныя согласныя нь, мь; мягкость б-ы в чрезъ ерованныя сь, ль, рь; мягкость б-ы е чрезъ ерованныя мь, ль, нь. Б-а и предполагается сдѣсь тоже мягкою. Почти равносильны съ предыдущими, хотя и неправильно образованы слѣдующія формы: зѣмью (С. № 16), монастирью (С. № 52), властельемь (С. № 107), крьнѣмѥ (С. № 121), крьедь, прьнѣд (С. N№ 123, 126), прьеписаше, крьемѥ (С. № 126), дпью (А. № 13). Въ нихъ ь излишне, по тому что гласная и безъ того уже мягкая: ю, е, ѣ. Впрочемъ, буквальная неправильность не мѣшаетъ видѣть въ нихъ одно значеніе съ предыдущими: писецъ только ошибся въ гласныхъ, написавши мягкія вмѣсто твердыхъ. Очевидно, чрезъ ь онъ хотѣлъ выказать мягкость звука согласной, истекающую изъ соединенія съ мягкою гласною: по этому, боясь и не желая, по новости предмета, уничтожать мягкость самой гласной, онъ счелъ нужнымъ для наглядности правописанія подтвердить ея дѣйствіе на согласную еще б-ю ь. Первые примѣры, какъ видимъ, написаны разумнѣе; эти — проще и нагляднѣе. Наконецъ есть еще примѣры, относящіеся, по видимому, къ ерованію, но имѣющіе совсѣмъ другое объясненіе: бьахь, бьаше, ньѣ, ва прьтѣѧ образь (С. № 66): сдѣсь ьѧ замѣняетъ и. Можно бы было подумать, что ь служитъ смягченіемъ согласной въ смыслѣ предыдущихъ примѣровъ, а ѧ, подобно какъ въ нѣкоторыхъ другихъ грамотахъ, замѣняетъ и; но всѣ остальные случаи, встрѣчающіеся въ этой грамотѣ, не обнаруживаютъ такой замѣны и чрезъ ѧ, и по тому лучше ь отнести къ одной гласной ѧ, и въ соединеніи съ нею искать объясненія такого страннаго явленія. Равномѣрно странны формы: цѣрьви (С. № 136) и сегьѧ (сего, С. № 141). Вотъ всѣ случаи дѣйствительнаго и видимаго ерованія. Ихъ неудачность и разрозненность свидѣтельствуютъ о томъ, что ерованіе не занимало еще ума писцовъ, которые постоянно слѣдовали простому и естественному соединенію мягкой гласной съ твердою согласною. Изъ нихъ видно также, что древніе писцы допускали ерованіе для всѣхъ согласныхъ, между тѣмъ, какъ нынѣшніе Сербы допускаютъ только для двухъ *л* и *н*: по чему же не допустить того и для

другихъ? Что же касается до нынѣшнихъ ꙗ, ю, то они, какъ и ѕ, ꙁ, не новость: знакъ ꙁ, ѕ, мы уже видѣли въ XII-мъ ст.; о знакѣ ѕ не могу сказать ничего положительнаго, ибо вмѣсто него употреблялся въ старину тотъ же ꙁ; но я долженъ указать на листокъ глагольскаго Евангелія, принадлежащій Григоровичу [1], гдѣ этотъ знакъ, если только вѣрно изображенъ, встрѣчается однажды въ словѣ параскевьѕи: слѣдовательно, онъ одного происхожденія съ ꙁ и не есть новѣйшая выдумка. Также точно и начертанія ꙗ, ю ведутъ начало отъ старины: они произошли въ слѣдствіе вязнаго письма и встрѣчаются преимущественно на печатяхъ и монетахъ, гдѣ мѣсто не позволяло написать отдѣльно каждую букву. Таковыя compendia находимъ на печатяхъ и монетахъ, на пр.: стефанъ (А. № 8), краль, стефанъ (А. № 9), стефанъ (А. т. X), гдинъ (А. т. XI) и пр. съ тою только разницею, что сокращенію въ древней письменности подвергаются не одни л и н съ ь, но и другія буквы одна съ другой, смотря по удобству письма или вязи.

Укажу на примѣры перестановки буквъ. Они, при всей своей малочисленности, распадаются на два рода: одни являются какъ бы случайными и временными; другіе, напротивъ, служатъ проявленіемъ народной стихіи въ письменномъ языкѣ: употребленіе первыхъ произвольное; употребленіе вторыхъ носитъ ясные слѣды обдуманности и непреодолимаго влеченія въ пользу народности. Первые: ксефитра (С. № 68), феральра (С. NN№ 2, 59, 100, 124, 163), перпера (С. № 65), ферпера (С. № 87), фрепера (С. NN№ 112, 115, 164), гендера (С. № 88). Вторые: манастири (Ш. № VII), *гомилу* (В. К.) и въ той же грамотѣ могіле (Ш. № 15), нынѣ *гомила*; жлице, -а (С. NN№ 157, 159): грамота писана въ Дубровникѣ о вкладахъ воеводы св. Савы; и нынѣ въ Герцеговинѣ это слово произносятъ точно такъ же, а въ другихъ мѣстахъ Сербіи говорятъ *лажица*, *ожица*. Важнѣе слѣдующіе два примѣра: савь и тко. Сербы не любятъ стеченія согласныхъ *вс* и *кт* и по тому измѣняютъ ихъ порядокъ въ обратный: *сав* (вьсь), *сва*, *све*, *тко*. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ этой перестановки буквъ вовсе не находимъ; и если примемъ въ соображеніе, что она несравненно рѣже совершается въ Восточныхъ грамотахъ, чѣмъ въ Западныхъ, то отсюда будетъ ясно, что въ древнѣйшую пору письменности, въ XII-мъ и XIII-мъ вв., книжный языкъ грамотъ всѣхъ семействъ заключалъ въ себѣ менѣе различія и находился болѣе подъ вліяніемъ Восточнаго правописанія, служившаго проводникомъ для Ц.-Славянской стихіи. XII-й в. обошелся безъ перестановки, въ XIII-мъ встрѣчается однажды въ собственно-Сербской грамотѣ свами (С. № 17). Въ XIV-мъ Восточная семья не представляетъ примѣровъ; но Западная начинаетъ уже допускать: сви, свакога (С. № 77), свими (С. № 80), свакихь (С. № 85)—и только. Прочія грамоты, и даже тѣ же самыя, удерживаютъ въ гораздо большемъ числѣ прежнее сочетаніе вс. Въ XV-мъ в. Восточная семья, при обиліи примѣровъ обыкновеннаго сочетанія, представляетъ не болѣе, какъ только слѣдующіе случаи перестановки: свя (С. № 111), свуда (С. № 137), свемь (С. № 149), свако (С. № 166), свакоу (Г. Б), свака, -е, сви, свимолико, сваки, свами и тутъ же вьсе, все, въсакы, вьсами и пр. (Мл.). Напротивъ Западныя, не отстраняя отъ себя совершенно сочетанія вс и не отдавая преимущества народному св, употребляютъ то и другое. Въ началѣ этого вѣка все еще господствуетъ вс; болѣе десятка грамотъ имѣ-

---

[1] Миклошичъ, Slavische Bibliothek. 1851.

ютъ одно **вс**, и только со второй четверти появляется перестановка: **сва, све** (С. NN№ 37, 101, 110, 114, 121, 125—128, 133, 134, 140, 145, 150, 157, 159, 161, 163, 164, 168, 173), **свакы** (С. 101), **свои** (С. № 102, 128, 145), **сва** (С. NN№ 112, 139, 141, 144, 164), **свй, свемь** (С. № 112), **свакому** (С. NN№ 112, 115, 124, 128, 139, 141, 157, 159, 161, 164), **свѣ, свелюбими, свои, свакои** (С. № 113), **свему** (С. NN№ 114, 121, 133, 145, 157), **сви** (С. NN№ 115, 133, 141), **свимь** (С. NN№ 115, 119), **свихь** (С. NN№ 37, 115), **свеколико, свѣ** (С. № 126), **свуда** (С. NN№ 127, 141), **свѣхь** (С. № 128), **свега** (С. NN№ 128, 132, 141, 162, 163, 164), **свꙋ** (С. № 140), **свимь, свемь, своимь, сведржитела** (С. № 141), **сваки** (С. NN№ 143, 163), **свакое** (С. NN№ 75, 157), **сваке** (С. NN№ 145, 159, 164), **свакога**, **свакою** (С. № 157), **свей**, **свакой** (С. № 163). Въ тѣхъ же грамотахъ находимъ и древнѣйшее сочетаніе **вс**, на пр.: **всако** (С. NN№ 112, 115), **всега** (С. NN№ 112, 140), **все** (С. NN№ 112, 127, 132, 145, 164), **всаки** (С. NN№ 113, 114, 126, 143), **всакомꙋ, всесрьдно** (С. № 114), **вcои** (С. NN№ 114, 124, 127, 133, 140, 144, 150), **вса** (С. № 115), **всакомꙋ** (С. № 125, 134, 140), **всꙋ** (С. NN№ 37, 125, 126, 132), **всой, вси, всемꙋ, всѣми** (С. № 127), **всака, ꙋ всемь** (С. № 132), **всаке** (С. NN№ 133, 140), **всакоѥ** (С. № 133), **са всимь** (С. № 145), **всемꙋ, ꙋ всихь** (С. № 150) и пр. и пр. Довольно и этихъ примѣровъ, чтобы показать отношеніе между обѣими формами: отсюда видно, что обѣ онѣ еще находились въ полной силѣ, и даже, можно сказать, послѣдняя все еще преобладала, ибо остается еще не мало грамотъ, не приведенныхъ нами единственно по тому, что въ нихъ еще одно только сочетаніе **вс**. Въ формѣ **ѡ вьсѣ** (С. № 149) выразилось колебаніе въ соединеніи обоихъ сочетаній, а нѣсколько разъ повторенная форма **вꙗ** (вся, С. NN№ 107, 108) указываетъ на уловку писца, не рѣшавшагося, вѣроятно, по привязанности къ Ц.-Славянской формѣ, переставить **вс** на **св** и въ то же время желавшаго избѣгнуть звука с послѣ **в**. И такъ при концѣ XV-го в. обѣ формы еще живы и не уступаютъ одна другой права исключительнаго служенія. Не таково отношеніе между **кто** и **тко**. Послѣдняя съ теченіемъ времени въ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-го вв. беретъ исключительный перевѣсъ надъ первою. Въ XII-мъ в. въ гр-ѣ Кулина еще **кто** и въ гр-ѣ Немани **кьто**. Но въ XIII-мъ в. уже въ одной Приморской однажды и въ собственно-Сербскихъ грамотахъ по нѣскольку разъ встрѣчается **тко, тько** (С. NN№ 18, 25, 33), хотя еще преобладаетъ **кьто, кто** (Ш. № VII; С. NN№ 2, 3, 6, 14, 16, 17, 21, 22, 26, 27, 29, 30, 32), **нѣкьто, нѣкто** (С. NN№ 14, 16, 27), **никто, никьто** (Ш. № VII; С. NN№ 14, 23, 29). XIV-й в. въ первой своей половинѣ представляетъ такое же отношеніе, какъ и предыдущій, т. е., **кто** господствуетъ; но это по тому, что первая половина отличается обиліемъ Восточныхъ грамотъ и совершеннымъ отсутствіемъ Западныхъ. Во второй же половинѣ вмѣстѣ съ Западными грамотами учащается появленіе формы **тко**. Въ Аѳонскихъ, кромѣ **тко, тко, нітко** (А. NN№ 7, 13, 14), всюду постоянно **кьто, кто** и т. д. Въ прочихъ собственно-Сербскихъ: **кто, ктѡ, ктоѡ, ктѡ** (С. NN№ 34, 35, 40, 42 — 52, 54, 55, 70, 72, 176; З.) **никто, никтѡ** (С. NN№ 35, 36, 38, 43, 45, 48, 49, 50, 54, 55, 70, З.), **тко** (С. NN№ 35, 64, 71), **нитко** (С. № 71). Въ Западныхъ же: **кто** (С. NN№ 66, 68, 86), **никто** (С. № 66), **тко** (С. NN№ 65, 76, 77, 78, 81, 84, 85). XV-й в. доставляетъ полную побѣду народной формѣ, которой содѣйствуетъ малочисленность Восточныхъ грамотъ. Но не въ малочисленности дѣло; а главное то, что сами Восточ-

ныя грамоты, начавши уже въ XIV-мъ в. смѣлѣе употреблять **тко**, какъ видно изъ А. и С. № 71, продолжали это употребленіе и въ XV-мъ в. Въ С. № 91 нѣсколько разъ встрѣчаемъ **тко**; за тѣмъ С. № 111 и С.-Д. М. 1844 снова употребляютъ **кто**, повторяемое и гр-ми С. NN№ 137 и 147. Но С. № 146 и Мл. имѣютъ одно **тко**, **ткo**. Такимъ образомъ въ не-Аѳонскихъ грамотахъ обѣ формы приходятъ въ равновѣсіе. Въ Западныхъ **тко** далеко оставляетъ за собою **кто**. Первую, **тко**, **тко**, **тако** находимъ въ С. NN№ 37, 88, 89, 92, 94, 96—98, 100—102, 104, 113, 114, 116, 118, 127, 130, 132, 140—144, 146, 150, 163, 164; З. А., **китко, -рь, китковрь** въ С. NN№ 89, 114, 144, 153, 163. Вторая же встрѣчается едва ли не однажды въ видѣ **ниторь** (С. № 154). И такъ народная стихія въ XV-мъ в., сравнявшись съ Ц.-Славянскою въ формѣ **сакь, скаки**, опередила ее въ формѣ **тко**. Отношеніе между семьями и возрастами грамотъ сдѣсь такое же, какое не разъ видѣли мы въ другихъ явленіяхъ звукодвиженія.

Въ заключеніе обращу вниманіе на опущеніе и прибавку цѣлыхъ слоговъ, встрѣчаемыя въ древнихъ Сербскихъ памятникахъ. Вѣроятно, стеченіе двухъ сочетаній, казавшихся писцу трудными для произношенія, побудило его написать **кнлистви** (С. № 16), **истка** (С. № 35), **стфво** (см. в.), **рофка** (см. в.) и пр. Писецъ договорной грамоты Дубровничанъ съ Булгарами пишетъ нѣсколько разъ **стѣтихь, стѣтѣю, стѣтнимь** (С. № 16; у Ш. № XVI — **свѣтихь, свѣтоѫю, свѣтнимь**). Равномѣрно, глаголъ **ѹстановити** не разъ и въ различныхъ грамотахъ встрѣчается съ удвоеннымъ окончаніемъ, въ коемъ одно подвергается обычнымъ видоизмѣненіямъ при словодвиженіи, а другое постоянно остается при основѣ: **ѹстановитити, -ть** (С. NN№ 101, 102), **ѹстановитили** (С. NN№ 81, 85, 99, 103, 120, 133, 136, 145, 150), **ѹстановитисмо, -сьмо, -тимо** (С. NN№ 89, 92, 99, 103, 120, 145, 150), **ѹстановитимо** (С. № 92), **ѹстановитихь** (С. NN№ 101, 102, 114, 120, 132, 140).

Обозримъ снова бѣглымъ взглядомъ весь кругъ движенія согласныхъ.

Мы уже не предпосылкою, а самымъ опытомъ убѣждаемся, что согласныя менѣе гласныхъ подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ. Это происходитъ отъ того, что согласныя, какъ сказали мы, имѣютъ въ образованіи слова значеніе совершенно противоположное, чѣмъ гласныя. Онѣ представляютъ остовъ слова, зародышъ понятія, одно тѣло, которому душою служатъ гласныя. По скольку духъ подвижнѣе вещества, по стольку гласныя подвижнѣе согласныхъ. Отъ того какъ цѣлыя нарѣчія Славянскаго языка, такъ и самыя подрѣчія одного и того же Сербскаго нарѣчія рознятся между собою не столько согласными, сколько гласными. Согласныя являются постояннѣе, однообразнѣе гласныхъ. Дѣйствительно, между ними не видимъ тѣхъ полузвуковъ, какіе замѣтили въ гласныхъ, а если и являются въ нихъ различныя степени смягченія, то это зависитъ отъ вліянія сочетаваемыхъ съ ними гласныхъ и полугласныхъ, или образующаго органа, который, придавая имъ полумягкость, тѣмъ самымъ уже отымаетъ у нихъ настоящую твердость. Азбука легче выражаетъ своими знаками согласные звуки, чѣмъ гласные; а исторія языка представляетъ въ нихъ менѣе посредствующихъ формъ. Другое отличіе, замѣчаемое нами при ученіи о согласныхъ и истекающее изъ предыдущаго, состоитъ въ томъ, что движеніе согласныхъ совершается болѣе въ пространствѣ, чѣмъ во времени, т. е., повременнаго хода въ нихъ мы мало видимъ, и большей части ихъ движенія прилично названіе постояннаго, всевременнаго, хотя и не всегда повсемѣстнаго; ибо въ пространствѣ, какъ мы сказали,

движеніе согласныхъ имѣетъ свои ступени и свой ходъ соотвѣтственно съ мѣстонаписаніемъ или, что то же, семьями грамотъ.

Повсевременное и къ тому же повсемѣстное свойство согласныхъ, принадлежащее въ различной степени всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, есть переходъ однихъ въ другія при словодвиженіи и словообразованіи. Здѣсь Сербскій языкъ не уклоняется ни мало отъ общеславянскихъ законовъ и слѣдуетъ тѣмъ правиламъ и пріемамъ, которые извѣстны каждому Славянину. Гортанныя переходятъ въ извѣстныхъ мѣстахъ въ соотвѣтствующія имъ шипящія и свистящія — и это свойство сохраняется и доселѣ вполнѣ въ Сербскомъ языкѣ, какъ и въ большей части другихъ нарѣчій, хотя въ словодвиженіи Русское и утратило его. Зубныя чрезъ смягченіе переходятъ въ претворенныя гортанныя и т. д. Все это совершается согласно съ духомъ Славянскаго языка, и по тому не было нами разсмотрѣно въ подробности, какъ не разсматривали мы и подобнаго движенія гласныхъ.

Старинное, съ XII-го в. идущее служеніе замѣнительныхъ г и к вмѣсто мягкихъ д и т въ продолженіи столѣтій сохраняется въ Восточной семьѣ грамотъ до самого конца XV-го ст. Удивительно такое упорство въ употребленіи буквъ, которыя, по видимому, весьма плохо отвѣчаютъ своимъ замѣняемымъ. Удивительнѣе еще то, что Сербы не писали мягкихъ сочетаній по примѣру Кириловскаго правописанія, прямо соединяя д и т съ мягкими гласными или полугласными, какъ то дѣлали съ прочими буквами. Что заставило ихъ прибѣгнуть къ замѣнительнымъ г и к? Вліяніе Греческаго и Итальянскаго языковъ съ ихъ правописаніемъ не могло имѣть такого повсемѣстнаго и долговременнаго вліянія: вліяніе послѣдняго можетъ быть допущено развѣ только для Дубровницкихъ грамотъ. Остается предположить ближайшее внутреннее сродство обоихъ порядковъ буквъ и необходимо-мягкое, близко подходящее къ д и т, даже, можетъ быть, совершенно сходное съ ними, произношеніе б-ъ г и к въ ихъ замѣнительномъ служеніи.

Знакъ ѣ, придуманный, по всему вѣроятію, западными Сербами въ Кириловскомъ письмѣ для мягкихъ д и т, рано, еще въ XII-мъ в., вошелъ въ памятники, но держался тамъ весьма слабо, пока въ XIII-мъ в. еще сильно было вліяніе правописанія Восточныхъ грамотъ, обобщавшее для всѣхъ Сербскихъ областей книжный языкъ и наиболѣе близкое къ Ц.-Славянскому, а по тому не любившее этого знака. За то въ XIV-мъ в. вмѣстѣ съ вторичнымъ появленіемъ Западныхъ грамотъ уже съ независимымъ положеніемъ отъ Восточныхъ, хотя все еще подъ бо́льшимъ, или меньшимъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, онъ снова появляется на видъ, съ явнымъ преобладаніемъ надъ прочими способами выраженія мягкихъ д и т, хотя еще не можетъ до самого конца XV-го в. вытѣснить изъ Западной семьи, преимущественно изъ Турецкихъ и Дубровницкихъ грамотъ, замѣнительныхъ г и к. Онъ держится преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Глаголица наиболѣе усилилась, а въ послѣдствіи, какъ и нынѣ, была даже домашнимъ письмомъ тамошнихъ Сербовъ. Въ то время тутъ боролись всѣ три вѣроисповѣданія: Православное, Римо-Католическое и Патаренское: по этому можно думать, что та же причина, которая дала силу употребленія Глаголицѣ, внушила и введеніе этого знака въ Кириловское письмо.

Древніе виды смягченія зубныхъ имѣютъ каждый свою отличительную черту: жд и шт принадлежатъ Ц.-Славянской стихіи и постоянно встрѣчаются въ грамотахъ, наиболѣе подверженныхъ ея вліянію, хотя не чужды отчасти

и Западнымъ. Сверхъ того жд не рѣдко переходитъ въ простое ж. Этотъ переходъ есть временное движеніе Сербскаго языка, перешедшее въ немъ къ прямому смягченію д и остановившееся въ большей части Славянскихъ нарѣчій на звукахъ з и ж. Восточная семья употребляетъ преимущественно жд и шт, г и к; Западная—г, к, ѣ. Два вида Восточной семьи также совмѣстны между собою, какъ и два вида Западной. Не должно забывать, что шт или, въ Сербскомъ правописаніи, щ не всегда есть смягченное т, и въ такомъ случаѣ совершенно свойственно Сербскому, какъ и прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, нисколько не означая собою вліянія Ц.-Славянской стихіи. Выраженіе мягкихъ д и т чрезъ нихъ же самихъ весьма рѣдко употребляется у древнихъ Сербскихъ писцовъ, развлекаемыхъ то сложными звуками жд, шт, то замѣнительными г, к, ѣ. Наконецъ переходъ мягкаго д въ краткое и (*j*) есть рѣдкое явленіе, указывающее на близость родства между Сербскимъ и Хорутанскимъ языкомъ.

Прочіе различные перезвуки, смѣны, опущенія и вставки согласныхъ, разсмотрѣнные нами на своемъ мѣстѣ, не представляютъ въ себѣ ничего особеннаго, повсевременнаго, или повсемѣстнаго: одни изъ нихъ являются общеславянскими, другіе болѣе, или исключительно Сербскими. Бóльшая часть изъ нихъ встрѣчается очень рѣдко, не разбирая при томъ ни мѣста, ни времени. Самая частая смѣна звуковъ происходитъ между однорядными, т. е., одноорганными, когда слабые звуки переходятъ въ сильные. Сверхъ того подобная смѣна происходитъ и между разноорганными, но въ томъ же смыслѣ: ей подвергаются гортанныя, два ряда гортанныхъ-претворенныхъ и зубныя; тонкіе или слабые, средніе и густые или твердые переходятъ въ таковые же, имъ соотвѣтствующіе. Совершаются и другія смѣны, болѣе свободныя; но какъ тѣ, такъ и другія не составляютъ признака исключительно Сербскаго языка; напротивъ всѣ онѣ имѣютъ болѣе, или менѣе общеславянское значеніе и находятся, хотя не въ равной мѣрѣ, въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Но если станемъ сравнивать только два языка, Ц.-Славянскій и Сербскій, то въ первомъ, разумѣется, не найдется многаго такого, что есть во второмъ, или, по крайней мѣрѣ, изъ этого многаго хотя и найдется что, то все таки какъ позднѣйшій привносъ, между тѣмъ какъ во второмъ оно составляетъ существенную черту, оправдываемую народностію и дальнѣйшимъ успѣшнымъ развитіемъ. Такъ точно и на оборотъ. Съ этой стороны самостоятельность дѣйствія народности въ книжномъ языкѣ древнихъ Сербовъ получаетъ свое значеніе. Укажу на болѣе другихъ замѣчательныя явленія. Таковы: перезвукъ г въ к и и въ х; перезвукъ ʒ въ ж, ʒ въ с, ч въ ц; опущеніе ʒ въ предлогахъ передъ ʒ, с, ж, ч; смѣна ч и ѣ въ окончаніяхъ именъ отечественныхъ, при чемъ весьма странною кажется прихоть языка, удерживающая ч въ извѣстныхъ случаяхъ, когда вообще и исключительно служеніе сдѣсь предоставлено мягкому т (к, ѣ); смѣна с съ ш, особенно въ соединеніи съ мѣстоименіемъ личнымъ и притяжательнымъ 3-го лица; приставка тамъ же благозвучнаго и; перезвукъ д въ т и опущеніе ихъ предъ различными образовательными окончаніями; переходъ и въ л: смѣна л и к въ окончаніи отечественныхъ именъ; опущеніе л въ окончаніи собственныхъ именъ -славь; смѣна в и м; переходъ ж въ р; смѣна в и б, в и л, б и в, ф и в; опущеніе в при в и л, и наконецъ перезвукъ гласной усиленныхъ слоговъ въ в. Всѣ эти явленія сохранились большею частію и доселѣ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ; многихъ изъ нихъ нѣтъ въ Ц.-Славянскомъ, и эти-то составляютъ признакъ народной стихіи, дѣйствовавшей независимо отъ Ц.-Сла-

вянской. Они получили повременное развитіе и усилились къ концу XV-го в., ибо имъ содѣйствовала Западная семья грамотъ, наиболѣе народная. Происхожденіе слоговъ ак, ек, ок, вмѣсто ан, ен, он мы приписали перезвуку, ибо какъ тѣ, такъ и другіе сами по себѣ суть уже усиленные, и между ними возможенъ только перезвукъ, но не вторичное усиленіе.

Удвоеніе б-ы и въ причастіяхъ и прилагательныхъ встрѣчается преимущественно въ собственно-Сербскихъ, а изъ нихъ особенно въ Аѳонскихъ грамотахъ разныхъ вѣковъ и есть слѣдствіе благозвучныхъ требованій, несвойственныхъ впрочемъ Сербскому языку, хотя писцы, изъ уваженія къ Ц.-Славянской стихіи, и употребляли его постоянно въ своемъ правописаніи.

По той же причинѣ звукъ х, несвойственный большей части Сербскаго народа, постоянно и упорно сохранялся въ древней его письменности. Примѣры опущенія х столь рѣдки, что они даже не могутъ итти въ историческій расчетъ, хотя съ другой стороны своею разновременностію и разномѣстностію намекаютъ, что въ устномъ произношеніи Сербовъ этотъ звукъ не слышался.

Частые примѣры замѣны звуковъ ф и ѳ звуками п, т и отчасти нѣкоторыми другими показываютъ, что у Сербовъ эти звуки не имѣли положительнаго значенія и, какъ несвойственные ихъ уху, подвергались различнымъ замѣнамъ для того, чтобы быть избѣгнутыми.

Смягченіе согласныхъ является въ двухъ видахъ: одно заключается въ претвореніи гортанныхъ въ соотвѣтствующія имъ шипящія и свистящія, другое въ простомъ смягченіи или соединеніи съ мягкою гласною безъ перемѣны основнаго звука. Первое не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго и представляетъ черты общеславянскаго перезвука. Второе имѣетъ нѣкоторыя особенности. Но такъ какъ оно вступаетъ сдѣсь въ область гласныхъ, то его не иначе можно разсматривать, какъ въ связи съ этими послѣдними. Особенно важное явленіе представляетъ сочетаніе гортанныхъ г и к и плавныхъ л, н и р съ мягкими гласными. Въ этомъ случаѣ гортанныя суть замѣнительныя для д и т. Они сочетаются съ ꙗ, ю, ѥ чаще, чѣмъ съ ихъ твердыми. По видимому, это противорѣчитъ общеславянскому закону сочетанія звуковъ и не имѣетъ оправданія ни въ Древнебулгарскомъ языкѣ, гдѣ не видимъ ничего подобнаго, ни въ нынѣшнемъ Сербскомъ; но лишь только обратимъ вниманіе на особенность ихъ служенія, являющуюся въ этихъ сочетаніяхъ, какъ найдемъ и оправданіе имъ. Сдѣсь г и к звучатъ мягко, одно вмѣсто мягкаго д, другое вмѣсто мягкаго т; но такъ какъ самыя начертанія ихъ не носятъ въ себѣ непремѣннаго условія мягкости, подобно знаку ь, то писцы, для обозначенія этой особенности ихъ произношенія, отличающей ихъ отъ коренныхъ г и к, и придали имъ мягкую гласную, указывающую внѣшнимъ образомъ на измѣненное ихъ произношеніе. Доказательствомъ этого различія, установленнаго писцами между коренными и замѣнительными гортанными, служитъ, во первыхъ, то, что и Восточныя, а въ томъ числѣ и Аѳонскія грамоты, очень строго держащіяся Ц.-Славянскаго правописанія, любятъ соединять замѣнительныя г и к съ мягкими гласными, при чемъ ѥ, употребляемое ими столь же осторожно, какъ и прочія мягкія гласныя, отчасти оправдываетъ въ этомъ случаѣ и е Западныхъ грамотъ, употребляемое тамъ безъ особеннаго разбора; во вторыхъ, то, что коренныя г и к, кромѣ рѣдкихъ исключеній, не соединяются съ мягкими гласными, и въ третьихъ, то, что третій гортанный звукъ х тоже, какъ и два предыдущіе коренные, избѣгаетъ подобнаго соединенія. Слѣдовательно, сдѣсь смягче-

ніе зависитъ отъ самихъ гортанныхъ, также какъ и смягченіе плавныхъ. Эти послѣднія имѣютъ свою отличительную временную черту смягченія. Природа ихъ такова, что они по своей плавности легко соединяются съ мягкими гласными: отъ того въ Ц.-Славянской письменности того времени мы постоянно находимъ мягкія окончанія съ плавными -ь, -я въ существительныхъ и прилагательныхъ, -ити и -ю въ глаголахъ, и мягкія гласныя въ срединѣ словъ и именно тѣхъ самыхъ словъ, которыя въ древнѣйшую пору имѣли твердый исходъ и твердую плавную въ срединѣ. Это указываетъ на легкость, съ какою плавныя перешли отъ твердости къ мягкости. По этому и въ Сербскихъ памятникахъ, принадлежащихъ къ Восточной семьѣ, мы обыкновенно видимъ въ этихъ словахъ сочетаніе плавныхъ съ мягкими гласными и, ю, равно какъ находимъ множество примѣровъ сочетанія ихъ съ и. Сербскій языкъ въ этомъ отношеніи шелъ инымъ путемъ: онъ обратился къ отверждению, и первый признакъ народности показался въ самихъ Аѳонскихъ же грамотахъ, въ древнѣйшей изъ нихъ, гр-ѣ Немани, въ которой не находимъ смягченія по тому ли, что оно еще не развито было въ самой Древнебулгарской письменности, или по тому, что писецъ уже приноравливался къ народному говору. Несмягченіе преобладаетъ и въ слѣдующей за нею Жичанской грамотѣ начала XIII вѣка; но потомъ смягченіе замѣтно усиливается въ XIV вѣкѣ въ монастырскихъ грамотахъ и Законникѣ и далеко отстаетъ въ прочихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ. Западныя еще болѣе выказали народности, поддержавъ отвержденіе плавныхъ въ упомянутыхъ случаяхъ въ XIV и XV вѣкахъ. Отъ того приведенныя на своемъ мѣстѣ слова явились въ Древнесербской письменности съ двойнымъ образомъ. Что же касается до в въ Западныхъ грамотахъ, то, рѣдко употребляя его мягкое начертаніе, по примѣру Восточной семьи въ XIII вѣкѣ, онѣ по этому самому рѣдко обозначали его мягкость и при плавныхъ; но, давъ полный ходъ его мягкимъ начертаніямъ во второй половинѣ XIV-го и XV-мъ в., онѣ и самое сочетаніе плавныхъ довели до обширнѣйшихъ размѣровъ. Сдѣсь уже дѣйствовала не столько природа плавныхъ, сколько судьба самого в, которое по этому въ мягкомъ видѣ сочеталось безъ разбора и съ другими согласными кстати и не кстати.

Помимо упомянутыхъ видовъ смягченія, имѣющихъ или общеславянское, или свое временное и мѣстное значеніе, мы нападаемъ въ нашихъ памятникахъ, почти всегда нечаянно, на отдѣльныя и необычайныя сочетанія согласныхъ съ мягкими гласными вмѣсто твердыхъ. И эти случаи относятся собственно къ дѣйствію одного самогласія. Они кажутся одинокими, хотя неоднократное повтореніе ихъ отвергаетъ всякую мысль о нечаянной опискѣ или оговоркѣ писца, но показываетъ умышленность, истекающую, впрочемъ, изъ довольно темнаго источника; ибо если бы даже это было слѣдствіемъ мягкаго произношенія, то писецъ не могъ бы своей привычки измѣнить чрезъ годъ, или чрезъ нѣсколько лѣтъ въ другихъ своихъ грамотахъ. Грамота С. № 104, въ которой видимъ странное употребленіе мягкаго ю, писана тѣмъ же дьякомъ Остоею, который четырьмя годами позднѣе писалъ другую свою грамоту С. № 107 и чрезъ десять лѣтъ еще грамоту С. № 114, въ которыхъ такого употребленія нѣтъ и тѣни. Или писцы увлекались подражаніемъ чему нибудь, не хорошо ими понимаемому, или это было невольное проявленіе смягчающей силы народнаго языка. Какъ бы то ни было, но при-

давать этѣмъ странностямъ много вѣсу нельзя по тому, что, какъ видно, даже писцы измѣняли самимъ себѣ, хотя тоже нельзя и прейти ихъ молчаніемъ: и по тому остается только догадываться объ истинномъ назначеніи сочетанія и подъ необыкновенною оболочкою открывать зерно мысли и настоящую цѣль писца. Если это намекъ на одинъ изъ тѣхъ оттѣнковъ голоса, которые мы назвали серединными или посредствующими, то, признаемся, намекъ неудачный: правописанію не угоняться за ними; его дѣло вѣрно и законно выражать твердость и мягкость, а все остальное, относящееся до полутвердости и до полумягкости, должно въ правописаніи склониться на сторону или совершенной твердости, или совершенной мягкости. Кромѣ ѣ, равняющагося долгому е съ мягкимъ оттѣнкомъ и мѣстами впадающаго въ оттѣнокъ одного изъ своихъ составныхъ звуковъ, кромѣ ъ и ь, отвѣчающихъ скраденной въ половину полной гласной, твердой, или мягкой, другихъ буквенныхъ знаковъ для серединныхъ звуковъ нѣтъ; а по тому древніе Сербскіе писцы, желая удовлетворить, по возможности, оттѣнку твердости, или мягкости, иногда приводили этотъ оттѣнокъ, вмѣсто основной твердости, къ основной мягкости, или на оборотъ, и, выражая это письменно, употребляли мягкое начертаніе вмѣсто твердаго, или обратно твердое вмѣсто мягкаго: иными словами, искажали настоящее свойство звука излишне-усиленнымъ начертаніемъ. Такъ, на пр., полумягкое у писали уже чрезъ ю, полумягкое и чрезъ ы, полумягкое е чрезъ є: отъ того, избѣгая одной крайности, они впадали въ другую и вводили въ правописаніе двусмысленныя формы. Принятыя буквально, ю, ы, є могутъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе: только твердое знаніе народнаго устнаго произношенія, съ одной стороны, и сличеніе формъ по всѣмъ разсматриваемымъ памятникамъ, съ другой, доставляютъ средство къ истинному разумѣнію цѣли и пріемовъ писцовъ во времена неустановленнаго и поминутно колебавшагося правописанія. По этой причинѣ мы, какъ можно было замѣтить, и не разсматривали явленій отверженія въ б-ѣ ы, ибо, какъ показали примѣры, эта буква нигдѣ не пользуется сознательнымъ употребленіемъ, но всюду является тожественною съ и и при томъ большею частію не на своемъ мѣстѣ. Точно такъ же поступили мы и съ б-ю ъ. Равномѣрно тѣ грамоты, въ которыхъ замѣтно исключительное пристрастіе писца къ начертанію є (С. № 176; З. А.) мѣстами не приняты къ соображенію, ибо въ первой есть свое и, а во второй есть болѣе округлое є. Наконецъ замѣтимъ, что нынѣшніе знаки ђ, ћ, њ, љ, принятые большинствомъ пишущихъ Сербовъ, не суть новѣйшее изобрѣтеніе: они являются лишними въ сочетаніи съ мягкими гласными и нарушаютъ послѣдовательность состава азбуки, отражающуюся въ другихъ буквенныхъ начертаніяхъ. Употребленіе ихъ можетъ быть допущено только въ тѣхъ случаяхъ, когда правописаніе, изгнавъ ъ и ь, нуждается въ видимомъ означеніи мягкости согласныхъ при отсутствіи гласной; но и въ такомъ случаѣ зачѣмъ увеличивать азбуку новыми начертаніями, когда сохраненіе старыхъ ъ и ь можетъ сдѣлать ихъ ненужными и сверхъ того еще въ другихъ случаяхъ принести много пользы послѣдовательности и наглядности правописанія?

Все ведетъ къ тому заключенію, что согласныя, по самой природѣ своей и по предназначенію своему служить основою всякого зарождающагося понятія, являются въ своемъ движеніи гораздо общнѣе, постояннѣе, тверже гласныхъ; а по тому бóльшая часть явленій относится къ грамотамъ всѣхъ возрастовъ и семействъ.

Развитіе книжнаго языка, идучи самобытнымъ путемъ, должно было условливать собою такое же развитіе и составныхъ частей языка. Звуки, гласные и согласные, двигались и видоизмѣнялись самобытно, постепенно, безъ видимыхъ скачковъ, какъ это свойственно самостоятельному языку, не подвергшемуся внезапному нашествію какой-либо чуждой стихій. Дружное воздѣйствіе двухъ родственныхъ стихій, изъ коихъ сложился письменный языкъ древнихъ Сербовъ, произвело въ гласныхъ, по самой подвижности ихъ, болѣе посредствующихъ формъ, а въ согласныхъ менѣе, по тому что онѣ неподвижнѣе и стойчѣ первыхъ. Ц.-Славянскія формы словъ идутъ въ уровень съ народными, то слабѣя, то усиливаясь, смотря по возрасту и семьямъ грамотъ, но не ратоборствуя между собою, какъ враждебныя стихіи, которыхъ столкновеніе всегда имѣетъ плодомъ своимъ безобразіе. Въ области гласныхъ самымъ сильнымъ народнымъ возникновеніемъ является измѣненіе носовыхъ звуковъ, которое съ первымъ появленіемъ народной письменности уже господствуетъ исключительно, такъ что даже самое начертаніе ѫ ни разу не встрѣчается, а ѧ имѣетъ совсѣмъ иное назначеніе. Но такой послѣдовательности и исключительности въ прочихъ явленіяхъ гласныхъ не находимъ; равномѣрно согласныя еще менѣе допускаютъ этихъ свойствъ въ своихъ явленіяхъ: всюду существуетъ двойственность. Такъ ѣ, жд, шт, ль, не смотря на все упорство народнаго языка, незамѣтно прокрадываются къ самому концу XV-го в., тогда какъ уже давно господствуютъ е, и, ие, г, к, ѣ, о, ѫ. Такъ смягченіе плавныхъ съ полугласными и гласными ѧ и ѫ плотно сливается съ ихъ отверденіемъ при тѣхъ же буквахъ; и то и другое вмѣстѣ составляютъ неразрывный, неизъяснимый узелъ, котораго полное рѣшеніе затрудняется, съ одной стороны, временными судьбами самого Д.-Булгарскаго языка, а съ другой различіемъ въ самомъ Сербскомъ языкѣ древней и нынѣшней формы словъ. Гдѣ въ старину писцы не смягчали плавныхъ вопреки Ц.-Славянскому языку, тамъ нынѣшніе Сербы смягчаютъ ихъ. Рѣшеніе этого вопроса ведетъ за собою новую задачу, которая можетъ быть исполнена только послѣ написанія исторіи древняго Сербскаго языка: пусть на основаніи формъ, съ которыми Ц.-Славянская стихія выступаетъ въ письменномъ языкѣ Сербовъ, кто другой потрудится изслѣдовать, въ какую пору своей исторической жизни Ц.-Славянскій языкъ потребовался для образованія, вмѣстѣ съ народнымъ, книжнаго языка Сербовъ, и въ какомъ состояніи, первичномъ, или уже видоизмѣненномъ чрезъ вліяніе различныхъ народностей, принявшихъ отъ древнихъ Булгаръ Вѣру и св. Писаніе, находились его звуки и формы? Такъ вліяніе Ц.-Славянскаго языка упрочило за звукомъ ж его законное, хотя и несообразное съ духомъ Сербскаго языка, служеніе въ продолженіи всѣхъ разсматриваемыхъ нами четырехъ вѣковъ. То же можно сказать и о всѣхъ прочихъ звуковыхъ видоизмѣненіяхъ. Такимъ образомъ согласныя, по своей общности, болѣе, чѣмъ гласныя, мирятъ обѣ стихіи и менѣе, чѣмъ гласныя, содержатъ въ своемъ движеніи тѣхъ рѣзкихъ особенностей, которыя не могутъ обойтись безъ временныхъ посредствующихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ ни въ Ц.-Славянскомъ, ни въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкахъ, и которыя составляютъ собственность древняго книжнаго языка въ извѣстную пору его исторической жизни. Важнѣйшими изъ нихъ суть замѣнительныя г и к, имѣющія, между всѣми подобными имъ звуками, самое обширное служеніе, и плавныя, управляющія самостоятельно и отлично отъ Ц.-Славянскаго и нынѣшняго народнаго языковъ твердостію и мягкостію сочетаемыхъ съ ними глас-

ныхъ. Но хотя обѣ стихіи продолжаютъ жить рядомъ одна съ другою, взаимно воздѣйствуя другъ на друга до самого конца XV-го в., и хотя, кромѣ носовыхъ, нѣтъ такого признака, въ которомъ народная восторжествовала бы окончательно надъ Ц.-Славянскою, исключивъ ее совершенно изъ всѣхъ грамотъ, однако нельзя не замѣтить, что въ согласныхъ, какъ и въ гласныхъ, Ц.-Славянская стихія замѣтно ослабѣваетъ къ концу XV-го в., осиленная народною. Численное сравненіе примѣровъ по всѣмъ грамотамъ указываетъ на это торжество народной стихіи. Но сдѣсь, какъ и всюду, мы должны отдать справедливость Западной семьѣ грамотъ, которая въ исходѣ XIV-го в явившись снова на поприщѣ письменности съ независимымъ отъ Восточной направленіемъ, обратила выгоду своего новаго положенія въ пользу народности, доставивъ у себя народному языку широкое развитіе въ XV-мъ вѣкѣ.

ГЛАВА V.

СКЛОНЕНІЯ.

Послѣ звукодвиженія, въ которомъ мы разсмотрѣли, какъ гласныя и согласныя въ неподвижномъ словѣ измѣняютъ свою природу, чтобы дать образу слова народное значеніе, мы переходимъ къ другой части нашего языкословнаго изслѣдованія—*слово движенію*. Сдѣсь слово, выразивъ прежде въ сочетаніи звуковъ своихъ извѣстное представленіе внѣшняго міра и перенеся его въ міръ внутренній, является уже облеченнымъ мыслію, изгибаясь вмѣстѣ съ нею и подчиняясь ея власти: отсюда начало образовательныхъ окончаній и вмѣстѣ склоненій и спряженій. Въ словодвиженіи господствуетъ мысль, отражающаяся въ каждой формѣ слова и придающая слову полный, разумный образъ, съ которымъ оно является уже готовымъ для словосочиненія. Если звукодвиженіе придаетъ языку его отличительный внѣшній образъ, то словодвиженіе выражаетъ его способъ мышленія. Но по скольку внѣшность бываетъ произвольною, по стольку напротивъ мысль является положительною и вѣрною своимъ законамъ, и все, что подчинено ей, носитъ признакъ этой положительности. Образовательныя окончанія словъ находятся въ полной зависимости отъ мысли и въ Славянскихъ языкахъ почти одинаковы, ибо родственныя нарѣчія слѣдуютъ однимъ законамъ мышленія. Правда и они также отражаютъ въ себѣ законы звукодвиженія, усвоенные каждымъ нарѣчіемъ, и съ этой стороны вмѣстѣ съ остальною частію слова подчиняются общимъ звуковымъ требованіямъ; но тѣмъ не менѣе, подчинившись однажды этимъ законамъ, они остаются болѣе постоянными, болѣе вѣрными самимъ себѣ, болѣе чуждыми повременнаго движенія. Прихоть нарѣчія боится играть ими, ибо они запечатлены мыслію, стрегущею ихъ всеславянскую однообразность. Можно сказать, что Славянскія нарѣчія гораздо болѣе расходятся между собою въ звукахъ, чѣмъ въ формахъ, т. е, образовательныхъ окончаніяхъ. Ученіе о звукодвиженіи сложнѣе, чѣмъ ученіе о словодвиженіи. Послѣднее болѣе носитъ въ себѣ свойствъ общности и однообразія для всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Сдѣсь образовательное окончаніе является уже не случайнымъ или произвольнымъ сочетаніемъ звуковъ, измѣненіе коихъ не измѣняетъ смысла слова, какъ это бываетъ въ звукодвиженіи; но сдѣсь оно придаетъ слову извѣстный оттѣнокъ мысли и неразрывно связано со всѣмъ существомъ слова. Мысль, въ немъ отражающаяся, доставляетъ ему вѣсъ и въ то же время даетъ значеніе цѣлому слову. Слово живой рѣчи невообразимо безъ окончанія, которое непремѣнно пріурочиваетъ его къ тому, или другому оттѣнку мысли: безъ падежа, лица, числа и времени живая рѣчь не существуетъ, также какъ не существуетъ и слово. Чрезъ нихъ мертвая основа или, вѣрнѣе, зародышъ мысли получаетъ жизнь и движеніе въ словѣ. Отъ того въ ученіи о словодвиженіи мы замѣчаемъ неохотливость, съ какою языкъ подчиняетъ образо-

вательныя окончанія своей особи; перемѣняя по своему звуки, онъ иногда для образовательныхъ окончаній заглядывается на своего дружку, въ которомъ замѣчаетъ болѣе богатыя и болѣе установившіяся формы. Тяжеловѣсность окончаній придаетъ имъ и постоянство. Мы видимъ между Славянскими языками не одинъ, котораго книжность упорно держится формъ, въ устномъ языкѣ не существующихъ; котораго граматика имѣетъ покрой не самобытный, но взятый отъ чужаго, хотя и родственнаго языка. Правда, и граматика движется вмѣстѣ съ языкомъ, но всегда отстаетъ отъ него и устойчивѣе, чѣмъ онъ. Это временное явленіе условливается всегдашнимъ началомъ— началомъ мысли. Оно пояснитъ намъ, по чему и въ ученіи о словодвиженіи Д.-Сербскаго книжнаго языка мы встрѣтимъ менѣе разнообразія и движенія, чѣмъ въ ученіи о звукодвиженіи.

Древнесербскій книжный языкъ, занявъ первоначально бóльшую часть звуковъ у Ц.-Славянскаго языка, тѣмъ болѣе долженъ былъ занять у него и образовательныя окончанія. Немногіе звуки явились въ немъ безысключительно въ народномъ образѣ; бóльшая часть ихъ живетъ смѣшано въ Ц.-Славянскомъ и народномъ образѣ, хотя подъ конецъ XV-го в. между ними уже ясно выказывается торжество народнаго начала въ книжномъ языкѣ, оживленномъ жизнію самобытнаго народа. Еще менѣе образовательныя окончанія успѣли присвоить себѣ безысключительно народную одежду; всѣ они имѣютъ свои двойники изъ Ц.-Славянскаго языка. Если же замѣтимъ, что самый складъ рѣчи есть Ц.-Славянскій, и вспомнимъ, что писцы любили обращаться къ Ц.-Славянской письменности, почерпая изъ нея слова и выраженія, то неудивительнымъ покажется намъ, если увидимъ, что все словодвиженіе Древнесербскаго книжнаго языка сильно проникнуто Ц.-Славянскимъ началомъ, которое здѣсь господствуетъ по преимуществу, и тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ менѣе формы народнаго языка были сознаны и усвоены старинными писцами; чѣмъ болѣе эти послѣдніе чувствовали недостаточность ихъ. Звуки яснѣе слышались писцамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ казались маловажнѣе и способнѣе для перемѣны, чѣмъ образовательныя окончанія: перемѣняя ихъ, писцы видѣли, что значеніе формы не измѣнялось; въ самыхъ окончаніяхъ измѣняли они звуки, но свойствъ окончаній не трогали, твердо держась Ц.-Славянскаго языка. Они видѣли, что звуковой образъ слова не нарушалъ его мысли, и тѣмъ смѣлѣе поступали съ звуками; граматическія же формы, какъ болѣе существенную часть рѣчи, они тѣмъ съ большею готовностію брали изъ Ц.-Славянскаго языка, ибо боялись нарушить ихъ или замѣнить народными, боясь чрезъ то нарушить или измѣнить и самую мысль. Звуки поражали ихъ скорѣе, они скорѣе и усвоивали ихъ себѣ въ народномъ образѣ; труднѣе, съ большимъ напряженіемъ вниманія сознавалось словодвиженіе народнаго языка, и по тому медленнѣе, упорнѣе подавалось оно въ область книжности. Ц.-Славянская письменность непрерывно являлась предъ глазами писцовъ съ готовыми многочисленными формами, установленными частымъ употребленіемъ и разнообразіемъ видовъ; писцы соблазнялись ея богатствомъ, и готовое достояніе ея переносили въ свой языкъ. По этому граматика ихъ опаздываетъ относительно народности. Еще многія формы являются постоянно въ Ц.-Славянскомъ видѣ, и нѣтъ народныхъ, которыя бы пришли на ихъ смѣну; въ звукахъ мы уже не находимъ такой запоздалости: тамъ всякій Ц.-Славянскій звукъ имѣетъ уже свое народное подобіе, которое подъ конецъ осиливаетъ его. Дальнѣйшее изслѣдованіе покажетъ намъ, на сколько словодвиженіе вмѣстило въ себѣ народнаго

начала и съ тѣмъ вмѣстѣ на сколько оно отстало въ этомъ отношеніи отъ звуподвиженія.

Начнемъ со склоненій. Мы принимаемъ въ словодвиженіи два основныя склоненія: существительное и мѣстоименное, которымъ подлежатъ всѣ склоняемыя части рѣчи.

Склоненіе существительное.

Именительный п. ед. ч. именъ существительныхъ муж. р. имѣетъ въ Д.-Сербскомъ языкѣ различныя окончанія, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ народному языку, другія заимствованы имъ у языковъ иностранныхъ. Полугласный исходъ, заключающій въ себѣ собственно оба звука, твердый и мягкій, и только по древнему правописанію выражающійся въ одномъ начертаніи ь, не представляетъ никакихъ особенностей: онъ сходенъ съ Ц.-Славянскимъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подобно послѣднему, твердость его обнаруживается, вопреки обычаю, въ б-ѣ ъ, какъ уже мы видѣли въ ученіи о полугласныхъ. Укажу только на нѣкоторыя замѣчательныя слова. Таково слово, перешедшее изъ средняго рода въ мужескій и съ тѣмъ вмѣстѣ перемѣнившее и окончаніе: **братоутѣдъ**, **братвтѣдь** (С. №№ 2, 141); оно показывается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ и сохраняется досель. Другое слово—**сиовь, сиоѣ** (А. №№ 4, 6), первоначально прилагательное, нынѣ обращенное въ существительное въ формѣ *сыновац*. Еще упомяну о замѣчательномъ образованіи народнаго имени, попадающемся, впрочемъ, только два раза: **бнетькь** (С. № 44) и **бмнетькь** (С. № 62); оно одинаково съ **мыйкть** (А. № 5) и съ **дзбровьть, сась, аркаласъ, хзмашкь,** употребленными въ другихъ падежахъ, какъ увидимъ ниже.

Въ именахъ собственныхъ на -**ль** народная стихія взяла верхъ надъ Ц.-Славянскою и поступила двоякимъ образомъ: или озвукотворяла **ь** въ **о,** произведши окончаніе -**ло**, или цѣлый слогъ **ль** превратила въ **о**. Уже въ самомъ началѣ XIII-го в. находимъ первое озвукотвореніе въ именахъ **бѣрило**, **братило** (Ш. № VII), которое распространяется по мѣрѣ вліянія народности. Обыкновенно въ срединѣ грамотъ, при поименномъ исчисленіи населенія жалованныхъ земель, или въ Западныхъ грамотахъ, не питавшихъ большаго притязанія на Ц.-Славянскую стихію, когда писецъ невольно долженъ былъ повторять собственныя имена такъ, какъ звучали они въ народѣ, это озвукотвореніе господствуетъ. Мы читаемъ: **боуинло, внило, моужило, хранило, станило, макоѣло, братило** (А. № 6), **михоило, драгоило** (С. № 176), **добрило** (С. № 94), **бранло** (С. №№ 106, 117, 156), **михаило** (С. № 145) и н. др. Нынѣ обыкновенно Сербы говорятъ и пишутъ *Мияйло*; но нѣкоторые, особенно духовнаго званія, держась Ц.-Славянскаго произношенія, пишутъ *Михаил* и т. п. Съ этимъ окончаніемъ не должно смѣшивать подобное окончаніе, произведенное Итальянскимъ вліяніемъ, на пр., **михоило** (С. № 16), по образцу другихъ именъ. Но не всегда писцы соблюдали Итальянское произношеніе: они сокращали его иногда въ полугласную. Отъ того, на оборотъ, находимъ: **даньдоль** (С. № 3), **михоиль** (С. №№ 12, 19), **мартоль** (С. № 40) вмѣсто ожидаемаго **даньдоло** и т. д. Исходъ собственныхъ именъ на -**ло** принадлежитъ многимъ другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ и есть чисто Славянскій признакъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя имена собственныя оставляютъ при себѣ окончаніе -**ль**, что, впрочемъ, случается весьма рѣдко, на пр.: **добриль**, **братиль** (А. № 6), **прѣмиль** (А. № 5): обѣ грамоты, какъ видно, Аѳонскія. Второе дѣйствіе народности состоитъ въ озвукотвореніи конечнаго -**ль** въ -**о**: мы уже

разсмотрѣли это явленіе въ общихъ его чертахъ и видѣли временные его предѣлы; сдѣсь прибавимъ только то, что весьма рано встрѣчающаяся форма **марьтоо** ни мало не говоритъ въ пользу этого озвукотворенія, ибо она есть не что иное, какъ сокращеніе формы **марьтоло**, каковая и дѣйствительно встрѣчается. Труднѣе объяснить формы: **коо**, **рао**, **бао**, находимыя въ началѣ XIV-го в. (А. № 6); должно принять ихъ за признакъ народности, выразившійся первоначально въ этихъ простонародныхъ именахъ. Только уже вѣкомъ позднѣе находимъ **пэвао** (С. № 95) и т. д., когда озвукотвореніе уже укоренилось въ Сербской письменности.

Окончаніе -о собственныхъ именъ любимо всѣми Славянскими нарѣчіями. Ласкательный видъ, по большей части, исходитъ на -о: **михо**, -**оо** (А. № 6; С. №№ 54, 103, 145), **ано** (А. № 6) и т. п. Уменьшительный образуется чрезъ приставку окончанія -**ко**: **хрелко** (С. № 15), **берко**, **берько** (С. №№ 15, 20), **брьсалко** (С. № 16), **добрько** (А. № 6), **бранко** (Мк.; С. № 66), **ранко** (С. №№ 35, 176), **конко**, **дранко**, **хлѣуко** (С. № 176), **минко**, **крайкѡ**, **стайко** (А. № 5), **витко** (С. №№ 64, 65) **днико** (С. № 65), **влатко** (мн. р.), ср. **влъде** (С. № 66), **тврьтко** (мн. р.), **стѣпко** (С. №№ 86, 120), **божиуко** (С. № 86), **руско** (С. №№ 87, 106, 108, 109), **савкѡ**, -**о** (С. №№ 104, 133), **живко** (С. №№ 111, 117), **жарко**, **жарько** (С. №№ 133, 141, 170, 172), **андрушко** (С. №№ 137, 138, 144, 169), **ивко**, **нѡко** (С. №№ 158, 159, 163, 165), **ратко** (Мл.) и т. п. Не только уменьшительныя, но и неуменьшительныя имена часто получаютъ въ Сербскомъ языкѣ исходъ -о, замѣняя имъ полугласную, на пр.: **десо**, **гурго**, **стано**, **стрѣзо** (А. № 6), **драго** (Мк.), **марко** (С. №№ 141, 150, 169, 176) и пр. Подобныя имъ на -**ло** мы уже видѣли. Съ этими именами, являющимися въ народномъ видѣ, не должно смѣшивать именъ, прямо взятыхъ изъ чужаго языка въ непереработанной еще народностію формѣ. Въ нашихъ памятникахъ, изъ коихъ бо̀льшая часть относится къ сношеніямъ внутреннихъ земель Сербіи съ Дубровникомъ, а нѣкоторые принадлежатъ самому Дубровнику, не рѣдко попадаются имена, взятыя у Итальянцевъ и въ Итальянской формѣ. Рука народности какъ бы страшилась коснуться ихъ, по тому что это имена собственныя, имена отдѣльныхъ личностей, принадлежность единицъ, которыя, по понятіямъ писцовъ, должны были оставаться нетронутыми въ своемъ отличительномъ видѣ. Отъ того, съ другой стороны, писцы не преобразовывали и не поддѣлывали подъ Д.-Булгарскій ладъ и своихъ народныхъ Сербскихъ именъ, внося ихъ въ письмо въ первобытномъ видѣ. Обыкновенно имена Итальянскія или въ Итальянской формѣ находятся въ договорахъ Дубровничанъ и принадлежатъ ихъ гражданамъ, отправлявшимся нерѣдко послами къ владѣтелямъ Сербіи. Въ окончаніи этихъ именъ господствуетъ большое разнообразіе, какъ и въ именахъ народныхъ; но иностранное имя почти всегда можно узнать по его не-Славянскому образованію. Таковы на б-у о: **томисьто** (С. № 8), **матко**, **гамо** (Ш. № 11), **фосько**, **филипо**, **каникто**, **павьло** (С. № 16). **марьтоло** (С. № 19), **пѣро**, **пиро** (С. №№ 33, 40, 99), **маоео** (С. № 66), **ѯапаиѡ** (С. № 82), **влахѡ** (С. № 104), **франуеско** (С. № 167) и т. п. Но нѣкоторыя имена распознать трудно, ибо корень ихъ, по видимому, Славянскій, а внѣшній видъ Итальянскій, или на оборотъ, на пр., **батало** (С. № 84) есть не что иное, какъ объитальяненое Славянское имя, или **маринко**, **живко**, есть чисто Славянская уменьшительная форма отъ Итальянской **живе** или **уиве**, **марино**. Съ послѣднимъ не должно смѣшивать чисто Славянское *Живе*, *Живко*, происшедшее изъ прилагательнаго средняго рода. Такъ точно и **михоило** (С.

16), по свойству грамоты, есть Итальянская форма; но она въ то же время есть и Сербская, хотя и тотъ и другой языкъ образовали ее совершенно независимо другъ отъ друга.

Вторая гласная, служащая часто исходомъ для собственныхъ именъ, есть **є**. Уже съ XII-го в. она начала замѣнять собою Ц.-Славянское **и**, предшествуемое гласными **и** и **о**. Это употребленіе ея весьма обширно: народность полюбила его до того, что, не взирая на присутствіе Ц.-Славянскаго языка, не взирая на имена, прямо оттуда взятыя и относящіяся къ лицамъ духовнаго званія, она даетъ этимъ именамъ окончаніе **є**. Въ нынѣшнемъ языкѣ замѣчаемъ то же самое; народность взяла сдѣсь рѣшительный перевѣсъ. Такъ мы читаемъ: **радоє**, -**є** (А. И.; С. NN№ 14, 84, 118, 133, 145, 150, 179), **георгиє** (Ш. № VII), **десоє** (С. № 5), **кладоє**, -**є** (С. NN№ 35, 176), **гиркасиѥ** (А. № 8), **єзроє**, **градоє**, **гюроѥ**, **богоє** и пр. (С. № 176), **прибоє**, -**и**, **пръвоє**, **прьвоє** (С. NN№ 66, 84, 176, 179; А. № 5), **акакіє**, **корнилїє**, **харламьпїє**, **єлеѵферїє**, **маисїє**, **пахомїє** и пр. (А. № 11), **арсеніє** (Г. А), **сладоє**, -**є** (С. NN№ 57, 120, 144), **грубоє**, **вгоє** (С. № 61), **драгоє** (С. № 68), **братоє** (С. № 78), **грїгорїє**, **макарїє**, **ѳеѡосїє** (А. № 19), **паскоє**, -**и** (С. NN№ 97, 100, 137, 138), **ростоє** (З. А.; С. NN№ 136, 140) и мн. др. Образованіе окончанія -**є** вмѣсто -**и** при предшествующей гласной должно приписать тому же неизбѣжному свойству всѣхъ языковъ, которое обнаруживается въ переходѣ одного звука въ другой и преимущественно въ двоегласныхъ, когда второй звукъ нѣсколько слабѣетъ и какъ бы улетучивается, доставляя тѣмъ языку возможность переводить его въ другой почти незамѣтнымъ образомъ. Это и показываетъ, что въ Ц.-Славянскомъ языкѣ хотя и писалось въ этомъ случаѣ полное окончаніе -**ии**, -**ои**, и должно было собственно произноситься, какъ двѣ полныя гласныя, однако отъ времени и для большей легкости выговора и потеряло сдѣсь часть своего удѣльнаго вѣса и произносилось нѣсколько слабѣе, подходя, быть можетъ, близко къ Русскому *й*. Не менѣе замѣчательно другое окончаніе на -**є** съ предшествующею согласною; оно есть собственно средній родъ, и по тому подобныя имена образуются почти всѣ изъ прилагательныхъ. Таковы: **урьне** (С. № 16), **прьве**, **моудре**, **тоуде**, **дабе**, **бале** (А. № 6), **добре**, -**є** (А. № 6; С. NN№ 66, 99), **миле** (С. № 78). Съ ними не должно смѣшивать озвукотворенное окончаніе въ формахъ: **ранче** (С. № 61), **баяде** (С. № 66), и сокращенныя формы: **мише** (С. № 62), **симе** (С. № 71), ср. **симеонь**. Нельзя не признаться, что эти послѣднія имена сильно отзываются Итальянскимъ языкомъ; однако нѣтъ необходимости непремѣнно приписывать ихъ этому языку: они могутъ быть и уменьшительными, образованными независимо отъ послѣдняго. Но есть имена, привнесенныя прямо изъ чужаго языка, гдѣ они тоже получили уменьшительную форму; таковы: **вальде** (Ш. № II), **чике** или **жике** (С. NN№ 41, 47—50, 55, 56, 62), **мие** (С. NN№ 54, 63, 71), **пaне**, **паске** (С. NN№ 40, 59), **мате** (С. № 70), **камие**, **ламьпре** (С. № 76). Нѣкоторыя изъ этихъ именъ, какъ мы можемъ замѣтить изъ сравненія съ предыдущими, являлись иногда въ народномъ видѣ, принимая болѣе Славянское окончаніе: такъ **жике**, сокращенное изъ Giovanni, уменьшилось въ **жикно**; **паске** перешло въ **паскоє**. Смѣшеніе **и** или **є** съ **ъ** доставило новую букву именительному п., выставивъ формы: **андръ** (С. № 19), **жикъ** (С. № 43), **радиноъ** (С. № 141).

Третья гласная, употребляемая въ окончаніяхъ нарицательныхъ и собственныхъ именъ мужескаго рода, есть **а**, смягчающаяся иногда въ **ꙗ**. Всѣ Славянскія нарѣчія знаютъ ее и употребляютъ сходно съ Сербскимъ. Такъ

какъ это явленіе Славянскихъ нарѣчій весьма важно, ибо показываетъ, что нѣкоторыя слова не сократили въ полугласную первичнаго *a*, которое въ Санскритѣ и Литовскомъ языкѣ соединяется съ признакомъ мужескаго рода *s*, то я считаю не лишнимъ привести изъ Древнесербской письменности нѣкоторыя болѣе другихъ замѣчательныя слова, каковы на пр.: **протопопа** (Ш. № VII), **шоура** (А. № 6), **дворьдрьжица** (С. № 61), **дѣка** (С. № 70), **гоуса**, **хѫса** (С. NN№ 91, 111, 137), **псалмиста** (С. № 94), **ѿговарачь** (т. е., -чьи, отвѣтчикъ), **платца** (платильщикъ) (С. № 127), **ближика** (С. № 155). Теперь они видимо кажутся намъ именами женскаго рода, или какъ будто озвукотворившими или протянувшими конечную полугласную въ полную гласную. Но, вспомнивъ явленія, совершающіяся въ языкахъ, ближайшихъ къ праязыку Индоевропейской семьи, мы увидимъ, что самое -а есть уже оголенное окончаніе слова, лишенное своего признака, а переходъ его въ полугласную есть уже дальнѣйшее сокращеніе образовательнаго окончанія. Въ праязыкѣ, сколько можно судить по Санскриту и Литовскому языку, звукъ *a* былъ господствующимъ, какъ и во всякомъ первичномъ языкѣ, и всѣ роды именъ принимали его основною конечною гласною; помня это, и Славянскія нарѣчія допускали образованіе именъ мужескаго рода на *a*. Что же касается до именъ собственныхъ, то они также обильны въ Сербскомъ языкѣ, какъ и во многихъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Довольно привести нѣсколько изъ нихъ, чтобы увидѣть ихъ общее образованіе. Таковы на пр.: **немана** (А. № 1), **радота**, **ѕанна**, **сина**, **божава**, **вала** (Ш. № VII), **никола**, **никола** (Ш. № VII; С. NN№ 22, 37, 43, 55, 56, 61, 62, 66, 71, 76, 89, 95, 97, 100, 104, 121, 133, 136, 145; А. NN№ 6, 7, 19), **вонхьна**, **вонхна** (Ш. № VII; А. NN№ 5, 6; С. № 111), **нырьча**, **грубѣша** (С. № 14), **колѣньда** (С. № 16), **микулица**, **мигача** (С. № 19), **деснимира**, **хрела**, **вовла**, **мьла**, **влаица** (А. № 6), **доушина**, **доушица** (Мк.; С. № 176), **книга**, **гюрица**, **смокка** (С. № 61), **букша**, **лубиша** (С. № 82), **влаша** (С. NN№ 63, 64, 67, 70, 171), **бѣлица** (С. № 89), **ѡстоа**, **-ш**, **ѡстоа** (С. NN№ 92, 104, 107, 117, 133; Мл.), **нинша** (С. NN№ 112, 115, 117, 119, 126, 145, 166), **алекса** (С. № 117), **сушеница**, **буна** (С. № 37) и пр. Нѣкоторыя имена имѣютъ совершенно женское образованіе и, кажется, иначе и не могутъ быть объяснены; другія взяты прямо изъ нарицательныхъ и перенесены на человѣка. Замѣчательно, что бóльшая часть именъ собственныхъ, исходящихъ на а, принадлежатъ къ Славянскимъ народнымъ именамъ, которыя вообще у древнихъ Славянъ всегда стояли на первомъ мѣстѣ впереди крестныхъ. Послѣднія, большею частію, сходны съ Греческими, перешедшими чрезъ Д.-Булгарскую духовную письменность, каковы: **сава**, **лука**, **ѕахарија** и т. п. Всѣ наши памятники наполнены народными именами и съ упорствомъ избѣгаютъ крестныхъ, болѣе, или менѣе чуждыхъ Славянамъ; только лица духовнаго званія отмѣчаются именами крестными. Но и между крестными были нѣкоторыя, усвоенныя народомъ и весьма имъ любимыя; каковы: **иванъ**, **гюрьгь**, **юраи**, **никола** и др., подчинившіяся народной формѣ. Въ сокращенномъ видѣ является **миха** (Ш. № II). Сюда принадлежатъ также имена иностранныя собственныя и нарицательныя, заимствованныя изъ Итальянскаго, Греческаго и Турецкаго языковъ. Изъ двухъ послѣднихъ взяты почти исключительно имена, означающія званіе, тогда какъ первому принадлежатъ нѣкоторые виды именъ собственныхъ; между этими есть тѣ же самыя имена, которыя мы встрѣчали въ другой формѣ: доказательство, что они дурно принимались на Славянской почвѣ, и писцы измѣняли ихъ, смотря по тому, какъ имъ казалось лучше. Такъ мы находимъ: **маска**, **жива** (С.

№ 16) и пасии (см. в.), живь (С. NN№ 16, 66); иниѵла (С. NN№ 16, 25), аньдрѣа, пальиа (С. № 16), андрѣа, аидрѣи (С. NN№ 76, 176), тадиа (С. № 172) и т. п., ѳакита, ѳкита (С. NN№ 150, 154); но есть и такія, которыя образованы уже по-славянски, на пр.: мартолица (С. № 41), лаирица (С. № 166) и т. п.; Греческое: кефалиа, -а, -а, кепалиа, кифалїа (С. NN№ 49, 54, 61, 91, 111; А. NN№ 10, 18; З. и пр.); Турецкія: сѵбаша, кадиа (С. № 168) и т. д. Замѣтимъ, что гласная а, смотря по свойству грамотъ, переходитъ иногда въ ѣ, и по тому исходъ именительнаго п. получаетъ еще новую гласную, которая есть собственно звуковое видоизмѣненіе первой, на пр.: аньдрѣѣ (С. № 16), тепчиѣ, тепчиѣ (С. NN№ 57, 84, 179), ѳостоѣ (С. NN№ 83, 85, 88, 89, 92, 94, 95, 136), судьѣ (С. № 89), ѡговарачьѣ (С. № 127), аньдриѣ, тадиѣ (С. № 141).

Четвертая гласная, служащая исходомъ тому же падежу, есть и, означающее, большею частію, имена, взятыя изъ Д.-Булгарскаго языка съ его образованіемъ. Семья грамотъ, въ которой они являются, указываетъ на заимствованіе. Въ нашихъ памятникахъ встрѣчаются: ка́ми, камы, -и, -ми (А. NN№ 6, 8, 11; С. NN№ 49, 176), ср. камень. каме́нь (А. NN№ 1, 11; Ш. № 14), нынѣ *камен*, а по югозаподному подрѣчію *ками* и даже *кам*, Ц.-Слав. камы; тепчи (С. № 35), которое во всѣхъ другихъ грамотахъ уже перешло въ тепчиа; жрѣби (С. № 62) и т. п. Наконецъ въ одной гр-ѣ (С. № 92) находимъ нети, изъ котораго произошло нынѣшнее *нећак*. Кромѣ перваго слова, остальныя три стянули двойное и Д.-Булгарскаго языка и одинаковы съ его мъраии, каиии, въ которыхъ второе и имѣло никогда полное произношеніе и возникло, вѣроятно, при посредствѣ е изъ а съ наконечною согласною рода; оно отвѣчаетъ Санскр. *-jas*, Греч. *-ιος*, Лат. *-ius*, Гот. *-jis* или *-eis*, Лит. *-is*. Сюда же отнесу и имена собственныя, употребленныя въ Д.-Булгарской формѣ вмѣсто народной, претворявшей и въ и. Эта форма употребляется рѣдко, но тѣмъ не менѣе ее находимъ кое-гдѣ, какъ на пр., аньдрѣи (С. NN№ 4, 15), геѡрги (А. № 6), ср. геѡргиѥ (С. № 43), георгїи (С. № 62), мѡѵсїи (А. № 11). Подобно имъ образованы: миликои (С. № 88), радикои (С. NN№ 135, 158)—формы, любимыя другими Славянскими нарѣчіями, но нынѣ вовсе не употребляемыя Сербскимъ, а въ старину допускаемыя имъ очень рѣдко. Онѣ были противъ его понятій о благозвучіи и всегда обращались въ немъ въ -ои, чему доказательствомъ служитъ множество именъ, приведенныхъ нами выше, и между ними самое имя радикоѥ. Признакъ народности, выразившійся въ окончаніяхъ -ии, -ои, вполнѣ оправданъ нынѣшнимъ языкомъ. По тому и возможно было сдѣсь претвореніе полузвука и (*й*) въ полную гласную, что въ основѣ лежало праязычное полногласіе. Но, подобно старинному вліянію Д.-Булгарской стихіи, и нынѣшніе Сербы, желая уважить ту письменность, которая научила ихъ первоначально православной Вѣрѣ, иногда сохраняютъ, по произволу, крестныя имена въ ихъ Д.-Булгарской формѣ; но при этомъ всегда должно помнить, что это не есть ихъ народная форма. Какъ сильно въ старину дѣйствовала сдѣсь народность, видно изъ того, что даже въ Аѳонскихъ грамотахъ имена духовныхъ лицъ переданы въ народной формѣ (ср. А. NN№ 8, 11, 15, 19). Сюда не относится, по своему образованію, осербизованное юраи (С. NN№ 95, 97, 118, 120, 133, 136, 144, 145, 156, 179), перешедшее нѣсколько видоизмѣненій, начиная съ ближайшей къ Греческой формы геѡрьги чрезъ геѡргиѥ, геѡрги, гюрьгь и ђурьги, ђурьгь, ђурагь, ђурађь (см. в.); въ ней послѣдняя гласная и, Греч. *ος*, сократившаяся въ ь, снова возникла, поглотивши въ себя и б-у г, державшуюся при полугласной; нынѣ *Юре*, *Ђура*, *Ђурађ*. Вообще окончаніе -ии допускается какъ нынѣ, такъ и

въ старину, въ нарицательныхъ и собственныхъ именахъ; ср. **ѡкинтаи** (С. № 97), **драгиай, ратаи** (А. № 5), **клаи** (С. № 57), **траи** (**юраи**? С. № 156): въ немъ не находимъ вышесказаннаго озвукотворенія. Къ нему прибавить должно и окончаніе **-ъи**, которое однажды только попадается въ имени собственномъ: **крьѹслѣи** (С. № 176). Ц.-Славянскія слова входятъ съ своими окончаніями безъ перемѣны; такъ въ Законникѣ употреблено слово **архіереи**, которое и нынѣ если должно быть произнесено, то сохраняетъ свою Д.-Булгарскую форму. За то въ окончаніяхъ **-аи**, **-еи**, **-ъи** находимъ иной родъ превращенія: **-аи** переходитъ въ **-авь**, **-еи** въ **-евь**, **-ъи** въ **-овь**: **николавь** (С. № 8), **матевь** (С. № 16), **чѣловь** (Ш. № VII). Сюда присоединю винительный п. **доѹкавь** и родительный **доѹкава** (Ш. № 15) которые приводятъ къ такому же именительному, отъ котораго и встрѣчаемъ производныя: **подоѹкавскыимь**, **-скиe**, **подѹкавьню** и т. д. Выше въ ученіи о согласныхъ, разсматривая этѣ формы, мы уже предложили наше объясненіе, основанное на перезвукѣ усиленныхъ слоговъ. Въ другомъ мѣстѣ мы сказали, что Сербы стягиваютъ **ии** въ **и**; у Дубровничанъ находимъ слѣдующія имена на **-и**: **марьсили**, **геѡрьги**, **димитри**, **герьваси**, **власи**, **алеѯьси** (С. № 16). Эти имена преимущественно употреблены въ Славянской формѣ, хотя по-сербски слѣдовало бы дать имъ окончаніе **-ии**. Но Итальянскія имена въ нашихъ памятникахъ предпочитаютъ б-у **и** и употребляютъ ее весьма часто на концѣ послѣ согласной и гласной, гдѣ она должна произноситься полно. Таковы имена Дубровницкихъ гражданъ: **жании**, **мафѣи** (С. № 3), **бисьти** (Ш. № II), **паськвали**, **барьби**, **кали** (С. № 16), **аньдреи** (С. № 17), **жорьги** (С. № 32), **журьжи** (С. № 33), **ѡки** (С. № 62), **матеи** (С. № 76). Вѣроятно, и Боснійскіе баны одинаково произносили свое имя, когда писались: **матѣи** (С. № 5), **мафеи** (С. № 14). Укажу еще на одно Турецкое имя, получившее ту же исходную букву: **мѹхамеди** (С. № 164).

И такъ въ именахъ собственныхъ мы видимъ большое разнообразіе, благодаря сосѣдству Италіи. Въ общеупотребительномъ имени писцамъ предстояла на выборъ или иноземная форма, или народная, и они употребляли ту, или другую, но большею частію прибѣгали къ посредствующимъ формамъ, полуитальянскимъ, полуславянскимъ. Для примѣра можно указать на имя *Giovanni*, которое является то въ видѣ **жань** (С. №№ 4, 5, 12, 13; Ш. № II), то въ видѣ **жании**, **жѹѳна**, **жѹвань**, **живе**, **чиве**, **живко**, не говоря уже о Славянскихъ формахъ **ивань**, **ѡѳкань**, **ѧно**, **ико**, **ивко** и пр. Немного именъ находимъ въ чисто Итальянской формѣ. Большая часть изъ нихъ подверглась перемѣнамъ въ срединѣ и концѣ. Наибольшее, по нашему мнѣнію, дѣйствіе народности оказалось въ обращеніи конечной гласной въ полугласную, что совершенно противно Итальянскому уху; такъ, на пр., находимъ **жоѹрьгь** (Ш. № II) и мн. др. (ср. С. № 16 и др.). Это показываетъ, что и въ Дубровникѣ не все господствовала Итальянская стихія, но были властели, которые имена свои произносили и по-славянски. Дѣйствіе народности проникло и въ другую сторону, въ имена крестныя, заимствованныя изъ Д.-Булгарскаго языка и принадлежащія даже лицамъ духовнаго званія: и сдѣсь оно преобразовало ихъ конечную гласную. Разнообразіе именъ собственныхъ увеличиваетъ количество исходныхъ звуковъ.

Припомнивъ все сказанное, мы находимъ слѣдующіе исходы для именительнаго п. ед. ч. муж. р.: **ъ**, **ь**, **о**, **е**, **ю** (**ѣ**), **а**, **ꙗ** (**ѧ**, **ѣ**), **и** (полнозвучное и половинное). Окончаніе **а** переводитъ имена въ женское склоненіе, также какъ **е** и **о** относятъ ихъ къ склоненію средняго рода, которое, впрочемъ, ничѣмъ

не отличается отъ мужескаго, допуская съ этомъ случаѣ родительный п. вмѣсто винительнаго для одушевленныхъ предметовъ. Удивительно, что и В. С. Караджичъ и Даничичъ пропускаютъ полугласный исходъ *й* или, по ихъ правописанію, *j* и не представляютъ образца его склоненію, тогда какъ въ Сербскомъ языкѣ есть слова, исходящія на это *й*, на пр., *край*, *обичай*, *навичай*, *Бечей*, *Билай* и др.

Въ среднемъ родѣ именительный п. ед. ч. исходитъ на **о**, или **е**, твердое и мягкое. Эти окончанія столь обыкновенны, что о нихъ нечего говорить. Б-а **е**, какъ извѣстно, соединяетъ въ себѣ коренное **е** и носовое **ѧ**. Впрочемъ, послѣднее не встрѣчается. Обратимъ вниманіе только на собирательный видъ, сходный съ именительнымъ п. мн. ч. мужескаго р. Хотя эта послѣдняя форма, какъ увидимъ, произошла сама собою по законамъ звукодвиженія и первоначально не должна была заключать въ себѣ понятія собирательнаго, однако духъ языка придалъ ей это значеніе въ большей, или меньшей степени, увлекшись сходствомъ съ именительнымъ п. ед. ч. средняго р., который необходимо долженъ былъ имѣть собирательное значеніе. Дѣйствительно мы находимъ въ среднемъ р. подобныя формы во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, а также и въ древнекнижномъ Сербскомъ, каковы на пр.: **трьние** (А. № 1), **доуково гли**, **икорие** (Ш. № VII) и для женскаго рода: **кмтии** (С. № 52), **лозїе** (Мл.), даже, можетъ быть, и **дамье**: **никоре дамье** (С. № 16). Эта-то форма для женскаго рода служитъ лучшимъ опроверженіемъ противъ тѣхъ, которые въ подобной формѣ именительнаго п. мн. ч. мужескаго р. видятъ внутреннее собирательное значеніе. Имена женскаго р., конечно, не могутъ оканчиваться въ именительномъ п. мн. ч. на **-ие**, а между тѣмъ для собирательнаго значенія они принимаютъ это окончаніе: явно, что они переходятъ въ средній родъ. Такъ точно и имена мужескаго р. переходили бы въ средній родъ, если бы имѣли отличное отъ него окончаніе, но такъ какъ оно у нихъ одинаково, то они и остаются при своей формѣ на **-ие**, получая собирательное значеніе по прихоти языка, основанной на наружномъ сходствѣ съ собирательною формою средняго р. Вообще должно сознаться, что между именительнымъ п. мн. ч. муж. р. на **-ие** и именительнымъ п. ед. ч. средн. р. существуетъ тѣсная связь относительно понятія совокупности предметовъ; что она основана на видимомъ сходствѣ, и что языкъ, увлекшись этимъ сходствомъ, не уяснилъ себѣ и не разграничилъ ни понятій, ни употребленія, ни родовъ, ни согласованія словъ опредѣляющихъ. Подтвержденіемъ можетъ служить употребленіе слова **кметие**, которое, при отсутствіи ближайшаго опредѣленія, само является въ неопредѣленной формѣ, такъ что трудно рѣшить, что это за падежъ, именительный ли мн. ч. мужескаго р., или именительный ед. ч. средняго р.? Мы приводимъ его подъ первымъ, основываясь на выраженіи гр-ы С. № 14: **наши кметие**, но гр-а С. № 2, гдѣ сказано: **дете мое или оуноуче или праоуноуче**, болѣе говоритъ въ пользу послѣдняго. Да и самую форму на **-е** лучше назвать признакомъ средняго рода, чѣмъ стяженіемъ изъ **-ие**, ибо въ этой древнѣйшей грамотѣ трудно ожидать подобнаго стяженія. Надобно допустить двойственность формъ, очень возможную и легкую при сходствѣ окончаній и при переходѣ именъ съ собирательнымъ значеніемъ изъ одного рода въ другой, но двойственность внутреннюю, а не наружную, ибо различіе между **кметие** и **оуноуче** есть только случайное и какъ бы очевиднѣйшее; въ дѣйствительности же и средній родъ можетъ имѣть окончаніемъ **-ие**, и тогда внѣшнимъ образомъ совершенно совпадетъ съ мужескимъ. Двойственность заключается въ самомъ способѣ пред-

ставленія или въ извѣстной минутѣ мышленія: — разумѣетъ ли духъ языка подъ этою формою еще совокупность, т. е., множество предметовъ мужескаго рода, или онъ доводитъ это разумѣніе уже до степени единства понятія, забывая уже о множествѣ, но представляя себѣ, какъ нѣчто цѣлое, и переводя отъ дѣйствительности къ отвлеченію. Въ первомъ случаѣ это будетъ именительный п. мн. ч. муж. р., во второмъ именительный п. ед. ч. средняго рода. Эта отвлеченность представленія позволила и имена женскаго рода употребить въ формѣ именительнаго п. ед. ч. средняго рода. Къ собирательной формѣ должно отнести трѣбиѭ (С. № 66). Тутъ же встрѣчающееся слово конакли есть или несклоняемое, ибо въ родительномъ и винительномъ пп. ед. ч., какъ увидимъ, оно не измѣняется, или это есть именительный п. множ. ч., составленный по образцу женскаго р., ибо въ дательномъ и мѣстномъ пп. оно имѣетъ конакламь, конаклахь.

Имена женскаго рода исходятъ на а и ѧ (ꙗ), или на согласную. Перезвукъ ѧ въ ѣ прибавляетъ сюда новое окончаніе ѣ, на пр., жуплѣ (С. № 43), братьѣ (С. № 78), госпоѣ, гпоѣ (С. №№ 81, 127, 159) и т. п. Надо замѣтить, что нѣкоторыя имена мѣняютъ свой гласный исходъ на согласный и переходятъ въ другое склоненіе. Такъ на пр. клетька (С. № 16) и клеть (С. № 9), ѡпѣния (мн. р.) и ѡпаѣнь (С. № 88). Замѣтимъ собирательное слово дѣтьца, дѣтца, дѣца, дица (С. №№ 16, 66, 96, 97, 98; А. № 6), какъ и у нынѣшнихъ югозападныхъ Сербовъ и Хорватовъ, то же, что Ц.-Слав. чадь. Иностранное порьпоръ переходитъ иногда въ женскій родъ, на пр., ѡтъ нови порьпора (З., ст. 95). Хотя въ словѣ ꙗдовлa (А. № 19) простое удвоеніе, однако оно замѣчательно тѣмъ, что обнаруживаетъ долготу а, произшедшую изъ аа и указывающую на первоначальную прилагательную форму подобно дѣвaa, откуда существительное дѣва.

Кромѣ а, исходомъ для именъ женскаго р. служитъ и. Это остатокъ старины, сохранившійся въ нѣкоторыхъ словахъ по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Это была вторая основная гласная послѣ *a*, въ праязыкѣ Индоевропейской семьи; но Славянскій языкъ болѣе другихъ не полюбилъ ея и почти всюду, кромѣ немногихъ словъ, замѣнилъ полугласною *ь*, или обратилъ въ *a*. Въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи еще сохранились окончанія -и, въ словахъ мати, дъшти, -ыни и -ини, -ши. Съ этимъ и не должно смѣшивать -ы, на пр., въ словѣ свекры, перезвукованное въ -овь и приводящее къ основной гласной *у*, ср. Санскр. *çvaçrû*. Въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ еще менѣе сохранилось слѣдовъ этого исхода. Упомянутыя два слова удержали при себѣ *и* только въ нарѣчіяхъ: Сербскомъ: *мати*, *кћи*, Хорватскомъ: *mati*, *kći*, Хорутанскомъ: *mati*, *hči*, къ которымъ должно присоединить *krí*, Словацкомъ и Малорусскомъ одно *mati*, *маты*. Въ прочихъ они или сократились на полугласную, или приняли другое окончаніе *-ерь*, *-eř*, *-erz*, одинаковое съ первоначальнымъ *-ar*, ср. Санскр. *mâtar*, *duhitar*. Но они были и въ Д.-Русскомъ, и Д.-Чешскомъ, и Д.-Польскомъ. Еще болѣе исчезло *и* въ другихъ окончаніяхъ, такъ что теперь только въ Польскомъ, въ нѣсколькихъ словахъ, да въ Лужицкомъ, въ двухъ словахъ, находимъ *-yni* и *-ni*; въ прочихъ ихъ нѣтъ, хотя они тамъ и были. Вообще, какъ сказали мы, Славянскія нарѣчія, не любя *и*, старались такъ, или сякъ избѣгнуть его. Отъ того образовался еще полугласный исходъ для именъ женскага рода, приводящій или къ первоначальному *a*, или чаще къ *и*; сюда относятся также имена на первоначальное *-рь* и *-овь*, перезвукованное изъ *у*. Д.-Сербскій книжный языкъ, держась Ц.-Сла-

вянской письменности, употреблялъ и ея окончанія, измѣняя ихъ иногда по народному. Такъ между прочимъ мы находимъ: **мати, мти, мтı, мти** (Ш. №№ VII; С. №№ 16, 26, 44, 45, 57, 175, 176; А. №№ 6, 8, 10—15, 17—19; Мк.; Ю.; С.-Д. М. 1844; Мл.; Г. V), **дъшти, пьки, пьшти, пьѣи, кки, кѣи** (Ш. № II; С. №№ 87, 108, 112, 115, 121, 126, 134; Г. Б), **любы** (А. № 1), **црькви, -ы, црьквы, -и, црькви** (А. №№ 5, 6, 12, 18, 19; С. № 35; З.), **Августиний** (А. № 10), **монахы** (А. № 19); но, кромѣ двухъ первыхъ, прочія и имъ подобныя слова на -и являются болѣе склонными къ нынѣшнему окончанію *-въ*, или *-ва*: по этому чаще мы находимъ: **любькь, -окь, -любкь, лубавь** (С. №№ 46, 61, 70, 77, 83, 144), **крьвь** постоянно является въ этомъ видѣ, даже въ Аѳонскихъ грамотахъ (ср. А. №№ 3—6, 8—10), **црькве** (А. № 14) уже означаетъ колебаніе, которое окончательно приводитъ къ формамъ: **црькза, црькка** (С. №№ 173, 176; З.; Г. Б; Мл.) и **црькокь, црькокь** (З.; Мл.). Замѣтимъ, что всѣ три формы встрѣчаются въ одномъ и томъ же памятникѣ—Законникѣ. Встрѣчающаяся въ той же и другихъ грамотахъ (А. №№ 10, 11; С. № 35) форма **Августію** показываетъ, что другая на -ии уже не имѣла довольно силы, чтобы пройти чрезъ все склоненіе. Форма **монахы** примѣчательна по своему сокращенію. Какъ **црькка** перешло къ именамъ съ гласнымъ исходомъ, такъ, на оборотъ, **клетькь** (С. № 9) переходитъ оттуда сюда. Но подобныя явленія могутъ случаться только съ окончаніемъ -кь, звукотворящимся въ -ка.

Звательный п. ед. ч. имѣетъ для мужескаго р. окончанія -е и -у (ю). Въ нашихъ памятникахъ, по самому мѣсту употребленія, онъ является преимущественно въ Ц.-Славянской формѣ, съ которою, впрочемъ, сходится и народная. Только Сербскій языкъ, не различая словъ съ основою *и* (*ь*) отъ прочихъ и подчиняя ихъ общимъ законамъ твердости и мягкости, не имѣетъ въ звательномъ п. *-и*. Хотя два остальныя окончанія, *-е* и *-у*, онъ подчиняетъ своимъ правиламъ, однако въ древней его письменности они слѣдуютъ Ц.-Славянскому употребленію, которое допускаетъ и звательный на -и. Такъ мы находимъ нѣкоторыя тожественныя формы, одинаково образованныя, какъ по-сербски, такъ и по-ц.-славянски: **княже** (А. И.; С. № 9), **бже, -е, бе, бже, боже** (А. И.; С. №№ 5, 35, 51, 84, 86, 87, 97, 100, 101, 102, 104, 106, 108, 109, 114, 130, 144, 164; А. №№ 2, 12, 20; Г. А, Б; Ю.), **спсе, -е, спасе** (Ш. № VII; А. №№ 3, 4, 5; С. № 176), **чюдотворче, николае** (А. № 7), **творче** (А. № 8), **пособителю** (А. № 9), **оче вседръжителю** (С. № 35), **гие** (С. № 48), **архи- архистратиже, ар- архаггле, михаиле, чиноначелниче и предьстоштелю, -стателю** (Г. А, Б), **прьвомѫчениче, стефане, многострадалче** (С. № 68), **иллие** (С. № 89), **творче, дше, съдѣтелю, оче, сне** (С. № 175), **георгіе победоносче** (С. № 178), **отче, ужикородче** (А. № 20). Нынѣшній Сербскій языкъ ставитъ *-у* послѣ мягкихъ и шипящихъ согласныхъ; а при прочихъ употребляетъ *-е*, измѣняя гортанныя и свистящія (кромѣ *с*) въ соотвѣтствующія шипящія. Вообще звательный п. образуется чрезъ усиленіе или перезвукъ основной гласной, отъ чего и происходятъ различные гласные исходы въ звательномъ п. тѣхъ Славянскихъ нарѣчій, которыя еще не забыли этого падежа и не смѣшали его съ именительнымъ. Но, помня звуки, избранные для этого общимъ духомъ Славянскихъ нарѣчій, Сербскій языкъ распорядился ими по своему, подчинивъ ихъ своимъ законамъ благозвучія. Хотя въ приведенныхъ примѣрахъ формы на -ю и сошлись въ обоихъ языкахъ, но можно быть увѣрену, что это лишь случай, ибо если Сербскій языкъ допускаетъ только одно *ю*, мягкость котораго переходитъ большею частію, въ предыдущую согласную, оставляя видимо *у*, то Ц.-Сла-

вянскій допускаетъ **и ю и оу**. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ можно народною формою предполагать только нѣкоторые случаи **кн҃зе**, **гн҃е** и **крале**. Въ послѣдней хотя Ц.-Славянскій языкъ и сошелся съ народнымъ, однако временное представленіе твердости и мягкости, въ слѣдствіе котораго *краль* звучало въ старину твердо, измѣнило конечную мягкую гласную въ твердую, но тѣмъ не менѣе не коснулось формы, оставивъ ее какъ бы при мягкомъ **-ль**, ибо иначе, если допустить дѣйствительную твердость въ **л**, слѣдовало бы написать **крало**. Прочія суть Ц.-Славянскія; ибо гдѣ въ формахъ должна быть разница, тамъ уже находимъ Ц.-Славянскую, на пр.: **цр҃оу**, **цр҃ю**, **царю** (А. NN№ 2, 11; С. NN№ 46, 48, 101, 102, 104, 176), **сн҃ю** (С. № 51). Въ этѣхъ формахъ народность коснулась лишь звуковъ, какъ и въ **кралю**, отвердивъ, или смягчивъ ихъ, но самыя формы оставила нетронутыми; нынѣ *царе*, *сине*. Слово *господ*, удержанное изъ Ц.-Славянскаго языка и употребляющееся нынѣ только при словѣ *Бог* въ отвержденной формѣ, въ древней письменности имѣло Ц.-Славянскую форму: **гн҃и**, **гн҃и**, **господи** (А. NN№ 2, 8, 18, 19, 20; С. № 178). Впрочемъ, находимъ однажды и **гн҃е** (А. № 12). Такъ точно и нѣкоторыя другія слова удерживаютъ свою, освященную временемъ, форму: **хе**, **хе**, **хе** (А. NN№ 3, 4, 5, 20; С. NN№ 46, 176; Г. А, Б). Укажу еще на замѣчательное употребленіе звательнаго п. въ формѣ родительнаго: **да тако ти моега живота и мое любве** (С. № 34). Это употребленіе встрѣчается и въ Д.-Булгарской письменности; однако свойство грамоты и весь ходъ рѣчи, даже остальной способъ выраженія не показываютъ, чтобы это было заимствованіе оттуда. Однажды поставленъ именительный п.: **а дръже тебе любьзный іс҃ъ хс҃ъ** (А. № 4).

Въ среднемъ р. звательный п. постоянно равенъ именительному, на пр.: **пр҃ркомь сьбытие**, **грѣшникомь прибѣжище** (Мк.), **оупованіе** (Мл.).

Въ женскомъ р. звательный п. оканчивается нынѣ постоянно на *-о*, исключая имена на *-ца*, которыя, кромѣ *-о*, принимаютъ и *-е*. Въ древней письменности держался онъ Ц.-Славянскихъ формъ на **-а**, **-е**, **-и**. Имена съ твердымъ исходомъ на **-а** принимали **-о**: **владычо**, **вл҃ко**, **-ѡ**, **вл҃ко**, **вл҃ко** (А. NN№ 3, 4, 7, 8, 12, 20; С. NN№ 46, 175, 176; Г. А, Б; Ю.), **дв҃о**, **славо**, **похвало**, **дръжаво** (Мк.), **игоумено** (А. № 9), **воеводо**, **слоуго** (Г. А), **сило**, **-ѡ** (С. NN№ 71, 84, 97, 114, 144), **госпождо**, **-подо** (С. NN№ 149, 172). Имена съ мягкимъ исходомъ на **-а** и **-ıа** принимали **-е**, **ıе**: **братие**, **-ıе**, **братіе** (А. № 1; С. NN№ 59, 79; Мл.), **тройце**, **тр҃оице**, **троице**, **-е** (А. № 4; В. № 2; С. NN№ 71, 84, 86, 97, 100, 114, 144), **вл҃це**, **вл҃це**, **богородителнице** (А. NN№ 6, 18; Мк.; Мл.), **соудие** (Ю.), **влаце** (Мл.). Однажды находимъ именительный п.: **братіа** (А. № 7). Имена съ согласнымъ исходомъ принимали **-и**, въ которое усиливалось **ь**: **сладости**, **-и**, **сладости** (А. NN№ 3—5), **бг҃оматн** (А. № 14), **крѣпости**, **прѣмудрости** (Ю.). Мы привели выше выраженіе **да тако ти моега живота и мое любве** съ родительнымъ п. **любве**: нынѣ существуетъ у Сербовъ подобное выраженіе: *дела любави ти?* (сдѣлай пожалуйста!)

Винительный п. ед. ч. для именъ одушевленныхъ муж. р. сходенъ нынѣ съ родительнымъ, а для неодушевленныхъ съ именительнымъ. Но какъ и въ Д.-Булгарскомъ иногда, и чѣмъ древнѣе тѣмъ чаще, одушевленныя имена употреблялись въ именительномъ п., такъ и въ Д.-Сербской письменности коегдѣ находимъ одушевленныя имена, и преимущественно животныхъ, въ именительномъ п. Такъ: **да оузима книскоунина идь конь** (Ш. № VII), **за конь** (С. № 22), **ни конь ни пьсь хранe** (С. № 35), **да прѣдаа конь** (З.). Два раза, подъ вліяніемъ Д.-Булгарскаго языка, находимъ въ именительномъ падежѣ:

посла ѥдинороднаго сн҃ь твои (А. № 4), **послати чрьстьи дх҃ь** (С. № 176). Впрочемъ, это не есть собственно именительный падежъ, какъ и вообще всѣхъ именъ неодушевленныхъ. Сдѣсь сходство наружное, и духъ языка нисколько не хотѣлъ для одного падежа употреблять другой. Сдѣсь форма, подобная формѣ именительнаго п., образовалась чрезъ стяженіе основной прадавней гласной въ полугласную и откинутіе конечнаго образовательнаго *м*. Доказательствомъ тому могутъ служить другіе соплеменные языки, различающіе оба падежа. Отъ того употребленіе родительнаго п. вмѣсто винительнаго для одушевленныхъ предметовъ должно быть моложе формы, подобной именительному, или, какъ обыкновенно говорятъ, формы именительнаго. Зная, что Сербы и доселѣ употребляютъ *ками*, мы не удивимся, если и въ древней ихъ письменности не разъ найдемъ ту же форму въ винительномъ п. Но такъ какъ ее употребляютъ грамоты Восточной Сербіи, а *ками* существуетъ на югозападѣ, то вліяніе Ц.-Славянскаго языка остается сдѣсь во всей силѣ, хотя и не безъ участія сошедшейся съ нимъ народности. Такъ: **на урькь камы**, **оу дрогинь камени**, **оу кели ками** (С. № 176), **на делании ками**, **на расцѣпании ками**, **на црквени ками**, **на просѣчении ками** (А. № 11). Это употребленіе замѣчательно тѣмъ, что и въ Ц.-Славянской письменности оно довольно рѣдко. Впрочемъ, Сербскіе писцы брали сдѣсь просто форму именительнаго п. и распространяли ее на другой падежъ. Но есть и другая форма: **оу камень** (А. № 8), **на камень плосикы** (А. № 11), **на камень** (Ш. № 15). И такъ въ одной и той же грамотѣ встрѣчаются двѣ формы. Слово **хемлянинъ** (С. № 142) представляетъ образованіе, рѣдкое для единственнаго ч. и отвѣчающее Ц.-Славянскому **крьстиянинъ**. Возможность таковаго образованія въ Сербскомъ языкѣ—ибо ни одинъ изъ примѣровъ, нами видѣнныхъ въ именительномъ п., не показываетъ заимствованія—очень важна, какъ доказательство того, что -**инъ** не служитъ необходимымъ окончаніемъ для подобнаго рода именъ, и если допускается другое образованіе, то между тѣмъ и другимъ должна быть какая нибудь разница. Если вспомнимъ, что множественное ч. онъ именъ на -**инъ** отвѣчаетъ именно единственному на -**ъ**, или -**ь**, -**ь**, то увидимъ, что -**инъ** есть окончаніе одного только единственнаго ч., и потому догадка объ его значеніи, какъ единичности, подтверждается. Опять и въ этомъ падежѣ находимъ собственныя имена: **класи** (С. №№ 14, 19, 20), **димитрие** (С. №№ 19, 20), съ которыми писцамъ казалось труднымъ справляться; а также выраженіе: **молити г҃на крала жигмунта** (С. № 88).

Въ среднемъ р. винительный п. ед. ч., какъ во всей Индоевропейской семьѣ, подобенъ именительному. Это сходство образовалось по той же самой причинѣ, по какой и въ мужескомъ р., т. е., признакъ падежа *м* былъ откинутъ, а конечная основная гласная удержала видъ *о* или *е*, какъ на оборотъ въ мужескомъ р. духъ языка для отличія сократилъ ее въ *ъ* или *ь*. Мы встрѣчаемъ опять собирательныя формы, перешедшія сюда изъ другихъ родовъ: **браке**, **свиние**, (С. № 22), **никиѥ**, **кодѣничиѥ** (А. № 6), **ринидие**, **ѕаблатие**, **равьние** (С. № 176), **трьстие** (А. № 11), о которыхъ говорили выше. Сюда же отнести должно **трѣбние** (С. № 104), **конакле** (С. №№ 136, 150). Встрѣчающееся въ этомъ падежѣ слово **дока**: **у том дока** (С. №№ 105, 164), есть несклоняемое, какъ и нынѣ. Приведенное выше **конакле** имѣетъ еще и другую форму на -**и**, и въ ней дѣлается, кажется, несклоняемымъ, на пр.: **конакли**, **жита конакли** (С. №№ 96, 97, 120, 132, 133, 145). То же мы видѣли и выше. Собственное имя мужескаго р., принявши форму средняго р. съ нарощеніемъ, такъ и осталось съ нею въ винительномъ п.: **посила краљевствоми зрьсто** (С. №. 34). Излишнее стяженіе про-

извело окончаніе -и: царевили (т. е., -ніи, С. № 159), вѣльнисии (С. № 164). Чрезъ перезвукъ є въ и произошло годищи (С. № 136).

Винительный п. ед. ч. именъ женскаго рода на *-а* удержалъ при себѣ первоначальнаго указателя падежа *м*, который, слившись съ основною гласною, произвелъ носовой звукъ, сохранившійся въ Д.-Булгарскомъ, Польскомъ и Полабскомъ языкахъ. Въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, при истребленіи носовыхъ звуковъ, остались болѣе, или менѣе ясные слѣды ихъ въ тѣхъ гласныхъ, которыя ихъ замѣнили. Ц.-Славянскій языкъ употребляетъ звукъ -ѫ, -ѭ, но Польскій ослабляетъ его до -ę, исключая нѣкоторые случаи смягченія, когда онъ ę замѣняетъ чрезъ ię, и немногія имена съ предпослѣднею мягкою согласною, образующія свой винительный на *-ą*. Прочія нарѣчія остаются вѣрными звуку, отвѣчающему ѫ, ѭ, и оканчиваютъ свой винительный или на *-у* (*и*), какъ Сербское, Хорватское, Лужицкія, Чешское и Русское, или на *-о*, какъ Хорутанское. Сдѣсь дѣло въ перезвукѣ, форма же остается неизмѣняемою. Д.-Сербская письменность всюду употребляетъ- ѹ или -ю, смотря по собственному представленію твердости и мягкости, а по тому излишне было бы приводить примѣры. Одинаково образуется этотъ падежъ и для именъ мужескаго р. на -а, на пр.: ліиѹ, андрию (С. № 16), немайю, немайю, -оѵ, -ѹ (А. №№ 1, 12; С. №№ 35, 176), соудїю (З.) и т. д. Опять, и въ томъ же памятникѣ, находимъ переселенца: да дава первороѵ царокоѵ (З., ст. 58). Имена съ согласнымъ исходомъ не усиливаютъ своей конечной полугласной, ибо вообще въ этомъ падежѣ нѣтъ первоначальнаго гласнаго перезвука или усиленія, а есть только носовой отзвукъ, который тѣмъ не менѣе въ послѣдствіи принялъ различныя видоизмѣненія въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Отъ того при удержаніи конечной полугласной и самый носовой отзвукъ *м* оказался ненужнымъ, и винительный п. сравнялся съ именительнымъ. Но имена, пользующіяся краткою формою въ именительномъ п., кажется, не могли уже опять удержать ее въ винительномъ, когда первоначальная ихъ форма винительнаго еще удлиннилась б-ю *м*, и по тому въ этомъ падежѣ мы находимъ въ Д.-Сербскомъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ только полныя формы: матерь, мтерь, мтрь (С. №№ 12, 21, 26—28, 51, 53, 58, 76, 93, 142; А. №№ 11, 20; З.), ср. Санскр. *mâtaram;* црковь, -ь -ьвь, црквь, црькь, црков, црквь, црквь (А. №№ 3—9, 11, 13, 14, 18; Мк.; С. №№ 46, 51, 76, 176; В. № 2; З.; Мл.), любьвь, -овь, овь, -вь, -явь, любавь (С. №№ 16, 37, 66, 77, 84, 86, 92, 96, 97, 100 — 102, 104, 107, 113, 114, 116, 117, 130, 140, 141, 145, 157). Отсюда видимъ, что имена, которыхъ нарощеніе образовалось через усиленный перезвукъ ы въ ов, слѣдуютъ общему правилу относительно этого падежа. Исключеніе находимъ только одно: мати (С. № 16). Сербскій языкъ придаетъ иногда *а* къ окончанію *-ов*, а по тому и въ старину кое-гдѣ прорывалось это свойство его; такъ читаемъ: на црквоѵ (А. № 8), любьви (С. № 78) и на оборотъ: кривь (С. № 55).

Родительный п. ед. ч. муж. р. имѣетъ, какъ и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и нынѣшнемъ Сербскомъ, главною наконечною буквою а, которое, какъ мы уже видѣли, переходитъ иногда въ ѧ, а это въ нѣкоторыхъ памятникахъ перегласовывается въ ѣ. Мы видѣли также, что не вездѣ въ этихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто смягченіе, и если прибавимъ, что общее образованіе этого падежа въ Сербской письменности не представляетъ ничего отличительнаго, то намъ остается только обратить вниманіе на частныя особенности древняго склоненія. Имена, исходящія на -и, будетъ ли оно стянутое изъ -ии, или полнозвучащее, или полугласное, или же озвукотворенное въ -и, какъ и нынѣ, смѣ-

няютъ это конечное и на ѥ, или ѣ, на пр.: алеѯиѣ (А. № 1), андреѣ (С. № 15) и пр. и пр. Форма хрьвоѣ (С. № 118) показываетъ, что именительный хрьвое, -е, хрвое (С. NN№ 84, 88, 179) имѣетъ и, озвукотворенное въ е, что доказывается и дательнымъ п., какъ увидимъ ниже; нынѣ обыкновенно употребляютъ это слово въ формѣ женскаго р.: *Грвоя*. Форма срьѣа (Сергія, С. № 132) показываетъ, что ея именительный п. подвергся такому же преобразованію, какъ и ѡурлѣь или ѡурьѣь, т. е., стянутое и сократилось въ ь, а г передъ мягкостію перешло въ ѣ. Ср. срьги (С. № 35). Слово братоучедъ имѣетъ, какъ и нынѣ, братоучеда (З.), братучеда (С. № 141); доунака (Ш. № 15) предполагаетъ именительный п. доунакь и только имъ можетъ быть объяснено. Замѣчателенъ еще родительный п. ѿ кметиа (С. № 93), какъ бы происходящій отъ именительнаго кьметиь, хотя это послѣднее у Славянъ употребляется въ числѣ множественномъ. Слова тать, пать и ѯать, исходящія въ Д.-Булгарскомъ на ь и имѣющія особое склоненіе, въ нынѣшнемъ и древнемъ Сербскомъ языкѣ уже не различаютъ мягкости и звучатъ на твердую согласную. Отъ того ихъ родительный п. имѣетъ а: ѯута (С. № 16), но есть и ѯети (А. № 1) и ѯуте (С. № 16), поута, поѹта (А. NN№ 8, 11; С. № 176), но и поути (А. № 5), тата (З.), но и тати (С. № 43). Рѣдкая форма ѯете попадается весьма рѣдко, какъ ѯате въ Ц.-Славянскихъ памятникахъ, вмѣстѣ съ столь же рѣдкими ѯати и ѯата, пата. камы или камы, имѣвшее и въ именительномъ п. камень, Санскр. *açman*, удерживаетъ въ родительномъ это окончаніе, ближайшее къ первобытному: камина, гдѣ е перезвуковано въ и, (А. № 11). Но сдѣсь -и показываетъ, что именительный п. уже отвердилъ конечную полугласную, по свойству Сербскаго языка, ибо и нынѣ онъ звучитъ такимъ образомъ и въ родительномъ имѣетъ по этому *камена*. Подобное образованіе родителенаго п. находимъ въ формѣ корене, -ѣ, -ѣ, коремe, -е (А. NN№ 5, 10; С. NN№ 35, 37, 52, 100, 103, 176; В. № 1), ср. кора; но въ позднѣйшихъ грамотахъ уже показывается нынѣшнее корена, коремена (С. NN№ 114, 144): такъ твердо еще писцы удерживали въ памяти болѣе другихъ отличительныя формы. дьнь въ родительномъ п. имѣетъ преимущественно -е: дне, дне, дне, дне (CN. № 2, 3, 7, 17, 21, 26, 47, 90, 92, 101, 102, 104, 107, 114, 127, 128, 140, 144, 163), какъ и въ Ц.-Славянскомъ; однако часто попадается, какъ и въ послѣднемъ, дни, дни (С. NN№ 47, 49, 89, 92, 96, 99, 101, 102) даже, какъ видно, въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ и въ одномъ и томъ же выраженіи: ѿ малина дни до велика дне (С. № 43). Въ позднѣйшей грамотѣ уже показывается обычное нынѣшнее дана (С. № 169), хотя и нынѣ еще существуетъ *дне*. житьмизньте, -иде (С. NN№ 97, 100) есть родительный п. отъ видѣнной нами выше формы житмизнать; вѣроятно, онъ образованъ по примѣру женскаго склоненія. Наконецъ укажу на слово домъ, имѣющее родительный п. сходный съ дательнымъ, тогда какъ относящееся къ нему прилагательное остается въ родительномъ. Такъ мы читаемъ: въ потрѣбѣ домоу, сьблюдаемо братиамі домоу (А. № 3), всего сбора домоу стыѥ бце (А. № 4), на създание домоу вжиа; ѿ вьноутрьнихь домоу (С. № 176), домоу твоего (В. № 1), домоу твоего (Ю.), ѿ домоу (А. № 12), отьце домѣ иζраилева (С. NN№ 81, 85, 89, 95, 150; З. А.). Замѣтимъ, что одна половина этихъ примѣровъ относится къ грамотамъ Аѳонскимъ, а другая къ богословію грамотъ Боснійскихъ королей, переходившему изъ одной грамоты въ другую и съ умысломъ допускавшему въ сильной степени Ц.-Славянскую стихію: это обстоятельство и заставляетъ насъ въ употребленіи этой формы родительнаго п. видѣть вліяніе Ц.-Славянской

письменности, въ которой не разъ находимъ домоу. Въ Аѳонской же грамотѣ находимъ еще другія такія же формы: юре дай црькви по ві ѫрьбцѧ хѫлѧгоу; да не оуѕимаю хѫлѧгоу ништо; прида црькви архістратигоу и тутъ же: прида црьквь архістратига михаила; приложихъ нилий свои пиргоу (А. № 6). Мы далеки отъ того, чтобы два послѣдніе примѣра сравнивать съ первыми: въ нихъ явно оба падежа суть дательные, поставленные оба въ зависимости отъ придати по извѣстному пріему словосочиненія, употребляемому въ Д.-Булгарской письменности. Но не таковы первые: въ нихъ окончаніе *-оу* есть такой же родительный п., какъ и -*а*. Правда, Сербскій языкъ менѣе всѣхъ прочихъ Славянскихъ языковъ допускаетъ окончаніе *-у* въ родительномъ п., такъ что нынѣ его вовсе нѣтъ, а въ древнемъ оно является только въ упомянутыхъ случахъ, тѣмъ не менѣе писцы могли заимствовать эту форму изъ Д.-Булгарскаго, который хотя тоже не терпитъ этого окончанія, однако допускаетъ нѣкоторыя исключенія въ его пользу. Выборъ палъ преимущественно на домъ, слово, которое и въ Латинскомъ языкѣ имѣетъ два склоненія и у нѣкоторыхъ Славянъ образуетъ двояко свой родительный п. Въ этомъ отношеніи Сербскій языкъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ Славянскихъ нарѣчій, которыя не любятъ б-ы *у* въ родительномъ п., каковы Русское, Хорватское и Д.-Булгарское; напротивъ Польское, Чешское, Лужицкія и Хорутанское любятъ эту букву. Оба звука, *а* и *у*, судя по мѣрѣ употребленія, очень сильны въ Славянскихъ нарѣчіяхъ; однако *а* беретъ верхъ, ибо оно вошло во всѣ нарѣчія безъ исключенія, тогда какъ *у* для Сербовъ и Хорватовъ вовсе не существуетъ. Оба эти звука ведутъ свое начало изъ самого способа первоначальнаго падежнаго образованія, и по тому они ровесники между собою. Различное звуковое соображеніе одного и того же гласнаго начала произвело двойственность падежнаго окончанія. Припоминаемъ, что первоначальное падежное окончаніе было *-as*, которому отвѣчаютъ Греч. *-ος*, Лат. *-is*. Эта падежная гласная въ соединеніи съ основною играетъ сдѣсь важную роль и производитъ различныя измѣненія. Такъ Санскритъ при гласномъ исходѣ основы обращаетъ *-as* въ *-sja*, а при основѣ на *i* сливаетъ съ основою въ долгій усиленный звукъ *-ês*. Такое же усиленіе происходитъ въ Литовскомъ и Готскомъ въ окончаніи *-aus* для основы на *u* и *-es* для основы на *i*. Латинское *-us* образовалось изъ древнѣйшаго *-uis*, *-uos*. При опущеніи указателя *s* гласная *a* одна остается исполнять обязанность падежнаго образователя; при этомъ обыкновенно замѣчаемъ слитіе ея съ основною конечною гласною въ усиленный долгій звукъ. Первое дѣйствіе опущенія произошло въ Литовскомъ языкѣ, отъ чего въ немъ находимъ форму *-о*, очевидно отъ *-аа*. Славянскія нарѣчія, сокращая гласную основы въ полугласную, сливали эту послѣднюю съ падежною *а*, откуда ихъ форма на *-а*; но какъ скоро прихоть языка озвукотворяла и основную гласную, чему видимъ множество примѣровъ въ другихъ падежахъ, то въ концѣ являлись уже двѣ гласныя, которыя, по духу Славянскаго языка, переходили въ *о*; слитіе же двухъ *о* производило одно долгое *о* или обыкновеннѣе его перезвукъ *у*. Хорутане иногда не сливаютъ этѣхъ гласныхъ, а раздѣляютъ ихъ благозвучнымъ *v*, откуда ихъ форма на *-ova*. Они одни въ этомъ падежѣ прибѣгаютъ къ благозвучной буквѣ, какъ одни Лужичане въ дательномъ не прибѣгаютъ къ ней и не сливаютъ двухъ гласныхъ въ своей формѣ: *-oj*, *-ej*. И такъ оба окончанія были готовы. Славянскія нарѣчія распорядились ими такъ, что юго-восточный говоръ, болѣе любя открытые звуки и полногласіе, предпочелъ *а*, а западный *у*. Слѣдовательно, безполезно думать, что окончаніе *-у* родитель-

наго п. есть голый остатокъ основной конечной гласной извѣстнаго разряда словъ: во первыхъ, Славянскій языкъ, хотя и откидываетъ согласный указатель падежа, каково *с*, но гласную большею частію удерживаетъ въ словодвиженіи; во вторыхъ, навязывать основной исходъ малочисленнѣйшаго разряда огромному большинству словъ, въ нарѣчіяхъ, предпочитающихъ родительный на *-у*, невозможно, ибо въ Славянскомъ языкѣ основные исходы словъ уже смѣшались и не подходятъ къ тремъ праязычнымъ, а скорѣе являются въ видѣ *о* и *е*, и хотя различаютъ твердость и мягкость, однако порядокъ ихъ плохо отвѣчаетъ порядку первоначальныхъ основъ *а*, *и*, *у*. Еще менѣе имѣетъ значенія въ этомъ отношеніи болѣе поверхностное объясненіе, именно различіе именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, односложныхъ и многосложныхъ, къ которому прибѣгаютъ граматики, чтобы сколько нибудь привести къ сознанію употребленіе того и другаго окончанія: остается происхожденіе *а* и *у* отнести къ кореннымъ звуковымъ началамъ, а выборъ ихъ предоставить духу и благозвучнымъ требованіямъ каждаго Славянскаго нарѣчія. Возвращаясь опять къ слову **домъ**, мы замѣчаемъ, что и въ Чешскомъ и Лужицкомъ языкахъ оно имѣетъ въ родительномъ п. *-и*, въ отличіе отъ *-а*, употребляемаго вмѣсто нарѣчія: такъ, можетъ быть, понимали и древніе Булгарскіе и Сербскіе писцы и отъ того въ этомъ словѣ уклонялись отъ общихъ свойствъ своего языка.

Въ среднемъ р. этотъ падежъ принимаетъ, какъ и въ мужескомъ, -а или -ıа (а, ѧ). Твердость и мягкость согласныхъ исходовъ Сербскій языкъ рѣшаетъ по своему, а по тому мы находимъ и **мора**, -ȃ, **мόра** (С. NN№ 16, 37, 51, 71, 78; А. NN№ 3, 11) и **морȁ** (А. № 4) и т. п., какъ мы уже видѣли выше. Б-а ıа, переходя въ ѧ, образуетъ перезвукованное окончаніе -ѣ. Обратимъ вниманіе на слова съ такъ называемымъ нарощеніемъ, хотя сдѣсь нѣтъ никакого нарощенія, а напротивъ сдѣсь возникаетъ древнѣйшій полный образъ слова. Таковы родительные падежи: **племене**, **племене**, -е, **плȅме**, **плѐмене** (А. NN№ 3, 4, 16; С. NN№ 37, 84, 97, 103, 136, 176; Мл.), **времене**, **врѐмене**, -е (А. № 10; С. NN№ 100, 107), **слокесе** (Ш. № VII), **некесе**, -е, **некесе**, **нѐсе** (С. NN№ 37, 81, 89, 95, 103; З. А.; А. № 20), ср. **племя**, **время**, Санскр. *nabhas*. Сдѣсь окончаніе -е есть усиленіе изъ первоначальнаго *а* (*as*). Дальнѣйшее усиленіе переходитъ въ и: **слокеси**, **слокесѝ** (А. № 5; С. NN№ 48, 54, 55). Мы видѣли форму **пѝмена**, **времена**: такъ точно Сербскій языкъ, оставляя и забывая Ц.-Славянскія формы, придавалъ этимъ словамъ общее окончаніе -а, воображая ихъ именительный на -е, и совпадалъ, хотя и совсѣмъ по другой причинѣ, съ первобытною формою на *-а*; ср. Санскр. *nabhasas*. По этому съ теченіемъ времени мы находимъ: **племена**, **племена** **племена**, **пле̑на** (С. NN№ 64, 96, 98, 104, 107, 108, 112, 115, 126), **времена**, **кримена** (С. NN№ 76, 93, 98, 126, 145). Опять встрѣчаемъ собирательную форму **ликадия** (А. № 19), **камения** (С. № 164). Послѣднее есть то же, что **камения** отъ именительнаго ед. ч. средняго р. **камение**, которое сходится съ именительнымъ мн. ч. мужескаго р. Такъ, повторю, слова, не измѣняя формы, переходили изъ одного рода въ другой, хотя въ сущности и форма ихъ была различна. Слово **конакле**, являющееся въ этой формѣ въ винительномъ п., принимаетъ въ винительномъ и родительномъ я и дѣлается, по видимому, несклоняемымъ; ср. **поль жине**, -е, **по жине конаклы** (С. NN№ 96, 98, 99, 104), **поль дела конаклы** (С. № 97), **ретинеога дила конаклы** (С. № 107), **дно конаклы и воода и цантата** (С. № 114). Наконецъ имена мужескаго р. на -е, происходящія преимущественно отъ прилагательныхъ средняго р., склоняются по

образцу нынѣшнихъ *язвине*, *прасе*, *теле* и т. п., или Ц.-Славянскихъ отрота, дѣтя и т. п. Происхожденіе при этихъ словахъ формы на -те указываетъ на ихъ первоначальную причастную форму, сходную съ Санскр. *-ant*, Лат. *-ans*, *-ens* (древн. *-ant*, *-ent*), Греч. *-ων*, Гот. *-ands*. Но слова, которыя мы хотимъ привести изъ памятниковъ, не должны законно имѣть этой формы и принимаютъ ее только по подобію съ вышеназванными. Таковъ родительный п. именъ собственныхъ: трьмяте отъ трьмя (С. № 16), имяте отъ имя (С. №№ 63, 95), и переиначенный симета, вм. -те, отъ симе (С. № 96).

Родительный п. ед. ч. женскаго рода съ гласнымъ исходомъ постоянно имѣетъ *-е*—перезвукъ носоваго ѧ, ѩ, которое въ Ц.-Славянскомъ языкѣ имѣетъ свой кругъ употребленія, смѣняясь съ 6-ю ꙑ. Послѣдняя есть тоже видъ носоваго перезвука, и по тому мы должны считать носовой звукъ признакомъ родительнаго п. для Славянскихъ нарѣчій. Дѣйствительно во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ находимъ эти два исхода: въ Хорватскомъ, какъ и въ Сербскомъ, всюду *-е*, въ Хорутанскомъ для гласнаго исхода *-е*, въ Русскомъ и Польскомъ *-ы* (*y*), *-и* (*i*), въ Чешскомъ для твердаго гласнаго исхода *-y*, для мягкаго *-ě*, *-е*, въ Лужицкихъ для твердаго исхода *-y*, *-i*, для мягкаго *-е*. Этотъ носовой отзвукъ, хотя и перезвукованный, усвоенъ безысключительно всѣми Славянскими нарѣчіями для всѣхъ существительныхъ именъ женскаго р., имѣющихъ гласный исходъ *а* въ именительномъ п.: сдѣсь видно самостоятельное дѣйствіе Славянскаго языка, усвоившаго себѣ вспомогательное *н*, которое въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ показывается очень рѣдко въ склоненіи. Послѣ него наиболѣе употребляетъ *n* Готскій. Санскритъ тоже имѣетъ вставочное *n* для именъ средняго рода съ конечною гласною основы и двоякое склоненіе для именъ прилагательныхъ, безъ *n* и съ *n*. Сербскій языкъ, какъ и Хорватскій и Хорутанскій, всюду провелъ *е* для гласнаго исхода, какъ Русскій и Польскій провели *ы* (*y*) и *и* (*i*). Сдѣсь *е* можетъ быть твердымъ и мягкимъ. Послѣ этого, приступая къ древней его письменности, мы съ перваго же разу можемъ отличить степень вліяніе двухъ стихій, произведшихъ книжный языкъ. Тѣ имена, которыя имѣютъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ -ѧ, -ѩ, а въ Сербскомъ -е, -е, не могутъ служить для насъ вѣрнымъ мѣриломъ при движеніи формъ, ибо сдѣсь главное служеніе отправляетъ законъ звукоизмѣненія, требующій упомянутаго перезвука и возникшій съ рѣшительнымъ дѣйствіемъ уже въ XII-мъ вѣкѣ; но полезнѣе будетъ прослѣдить имена съ твердымъ гласнымъ исходомъ, имѣющія въ Ц.-Славянскомъ -ꙑ. Такъ какъ въ Сербскомъ они равномѣрно принимаютъ -е, то это различіе и послужитъ намъ настоящимъ основаніемъ для выводовъ. Надо сознаться, что въ этомъ падежѣ народная форма съ самой первой поры уже взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою и тѣснила ее даже въ Аѳонскихъ грамотахъ. Въ XII-мъ в. въ гр-ѣ Кулина уже господствуетъ народность съ своими формами: силе, главе (А. И.); въ XIII-мъ только въ одной Жичанской находимъ главы, силы, но тутъ же и дрьжаве, жене (Ш. № VII); во всѣхъ прочихъ одно е, которое иногда, какъ и въ послѣдствіи, замѣняется начертаніемъ ѣ, на пр., правьдѣ (С. № 17). Въ XIV-мъ в. появляются Аѳонскія грамоты, а съ ними и Ц.-Славянская форма. Такъ мы находимъ въ нихъ: силы, -ꙑ (А. №№ 3, 4, 6), мѹкы, славꙑ, именты (А. № 4), похвалы, красоты, трапезы, доброты, чистоты, оутробы—въ богословіи, но далѣе: работе, мѣсечине, продатине, дрьжаве и дрьжаве (А. № 6), глоѹбине, горе, роуке, горе, никоне, віне, но црькве (А. № 7), дше, красоте, горе, раине, славе, но мѹке, теплое-

же. коде (А. № 8), **николи** (А. № 9), **дѣвы**, но **нике**, **рѣке**, **жетке**, **конси**; находимъ **иелик**, **слави**, но тутъ же **иелие** (А. № 5), **слави**, **горы**, **слави**, **клѣви**, но **єлене конси**, **главе**, за то: **дшн** и **дше** (А. № 10), **николи**, **лакры**, **-и**, **горы** (А. № 11), **гори**, **клѣти**, но **бащине** (А. № 13), **коньушни**, **кладиик**, но **работе**, **тракшике**, **жетве**, **николе**, **крьшиве** (А. № 14), **клѣти**, но **конкоде** (А. № 15). Въ прочихъ Аѳонскихъ одно **-е**. Если изъ сейчасъ приведенныхъ въ каждой находимъ ту и другую форму и при томъ такъ, что въ позднѣйшихъ народная многочисленнѣе, то въ другихъ Восточныхъ грамотахъ перевѣсъ народной долженъ быть еще значительнѣе, и тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе къ концу вѣка: дѣйствительно, въ немногихъ памятникахъ встрѣчаемъ еще Ц.-Славянскую форму: **клитвы**, но **прѣстѫпе**, **ластьве** (Мк.), **клѣты**, **николы** (С. № 51), **славы**, **истины**—въ богословіи, но далѣе, кромѣ **роусалии**, всюду **-е** (С. № 176), **красоти**—въ богословіи, далѣе **-е** (С. № 35), **славіи**, **слави** (В. № 1), **слави**, **рѫкии**, **побѣди**—въ богословіи, но далѣе **-е** (С. № 46), **клѣти** (С. NN№ 46, 62, 69), **клѣти**, **тъги**, но **царине**, **задѫве** (С. № 63), **слави** (С. № 71), но **николе** (С. № 50), **ножевы** и неправильное **престои**, но въ прочемъ всюду **-е** (З.). Такъ очевидно слабѣетъ Ц.-Славянская форма, стараясь укрыться въ богословіяхъ, обыкновенно писанныхъ близко къ Ц.-Славянскому языку. Въ Западныхъ грамотахъ этого вѣка ея не находимъ. Въ XV-мъ в. она попадается изрѣдка въ Восточныхъ: **дѣвы** (Ю.), **гинклани** (А. № 19), **ефросины** (С. № 90), **клѣти**, **-ы**, **клѣти** (С. NN№ 90, 91, 111, 137; Мл.), **слави**, **тъщеты** (А. № 16), **роукы** (С.-Д. М. 1844), **силы** (Мл.), **дѣвы**, **пазухы** (С. № 178), **кладники**, **гори** (Г. V) **славы**, **лакри**, **мѣри** (А. № 20) — и только, тогда какъ народная гораздо многочисленнѣе. Въ Западныхъ же, не смотря на ихъ обиліе, встрѣчаемъ только слѣдующіе случаи: **брашни** (С. № 93), **клѣтиии** (С. № 99), **заблаки** (С. № 114), **рѫки** (С. № 134). Явно, что падежъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ областей письменности, въ которыхъ народность рано и успѣшно начала свои дѣйствія. Только слово **земля** нѣсколько отклоняется, принимая часто **-и** вмѣсто **-е**, **-ѥ**. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно рѣшить, въ какомъ падежѣ оно поставлено, ибо слова, каковы: **краль**, **самодрьжьць** и т. п., равно сочиняются съ родительнымъ, какъ и дательнымъ п.; но когда есть прямыя указанія на родительный п., тогда остается признать, что **-и** возникло здѣсь по тому, что это слово встрѣчается нерѣдко въ твердой формѣ **земла**: слѣдовательно, **земли** есть форма Ц.-Славянская, хотя образованная отъ временной народной съ твердымъ исходомъ. Таковы случаи: **изземли** (т. е., **изъ земли**, С. № 3), **посрѣде земли** (С. № 66), **земли** (З.), **кнѣземь земли** (Мл.). Присоединимъ сюда сомнительные: **краль вьсеи рашькѣи земли и поморьски** (С. № 21), **краль и самодрьжьць срьпские земли и поморьские** (С. № 24), ср. **краль всѣхъ срьбскихъ земель и приморскихъ** (С. № 25), **господарь краљеви земльи** (С. № 164). Всѣ Славянскія нарѣчія сходятся между собою относительно полугласнаго исхода словъ женскаго р. Родительный п. этихъ словъ они оканчиваютъ на *-и*. По тому и нынѣшній Сербскій языкъ, сойдясь съ Булгарскимъ, имѣлъ и въ древней своей письменности то же окончаніе **-и**. Но въ именахъ съ нарощеніемъ первоначальное *-as*, перейдя у Славянъ въ *-е*, подверглось индѣ дальнѣйшему перезвуку въ *-и*. Такъ Хорутанскій употребляетъ *hčéri* вмѣстѣ съ *hčére*, Русскій ***матери***, ***дочери***. Но Д.-Сербскій, какъ нынѣшній и какъ большая часть Славянскихъ нарѣчій, имѣетъ **-е**: **матере**, **-ере**, **мтре**, **-е**, **мтере** (С. NN№ 2, 37, 51, 84, 88, 93, 97, 140, 156, 176; А. NN№ 3—5, 10, 12, 20; Мл.), **кьере**, **кире**, **кере**, **кьере** (С. NN№ 7, 87, 109, 115, 155),

но не трудно было подвести это окончаніе подъ обычное полугласное и составить **мери** (С. № 108). Имена, исходящія на Ц.-Слав. **ы**, которое Сербскій языкъ перевелъ, какъ и другія Славянскія нарѣчія, въ *в* съ предшествующею полугласною, озвукотворенною въ *а*, въ другихъ *о*, *е*, подчиняются въ этомъ видѣ общему падежному исходу *-и*; но въ Ц.-Славянскомъ имѣютъ **-ѣ**, которое и Д.-Сербскій отчасти удержалъ, а отчасти измѣнилъ въ **и**, переведя эти слова въ общее склоненіе именъ съ согласнымъ исходомъ. По этому въ памятникахъ, найболѣе подчиненныхъ Ц.-Славянскому вліянію, находимъ преимущественно форму на **-ѣ**, а въ противуположныхъ имъ на **-и**. Примѣры покажутъ ихъ отношеніе: **црькве**, **цр҃кве**, **-е** (Ш. № VII; С. №№ 16, 35, 118, 142, 145, 176; А. №№ 3, 4, 6, 9, 10, 14; З.; Мл.);, **црькви**, **цр҃кви**, **-й** (Ш. № VII; С. №№ 16, 35; А. № 10; З., В. № 2). Отсюда видимъ, какое сильное колебаніе должна была производить народность, когда въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ употребляются рядомъ обѣ формы. Далѣе: **любьве**, **любве**, **-е** (С. №№ 16, 34, 107, 111, 114, 137, 138, 144), какъ и теперь въ Шумадіи говорятъ *любве*; **крьве** (А. № 19), **крьви** (С. №№ 89, 114, 120, 133, 144, 145) и т. д.

Дательный п. ед. ч. для мужескаго р. имѣетъ своимъ исходомъ б-у **-ꙋ**, смягчающуюся въ **-ю**. Слово **даньдоль** имѣетъ двоякое окончаніе: мужеское, которое и отвѣчаетъ этому именительному п.: **даньдолоу** (Ш. № VIII), **даньдалоу** (С. № 5), и женское: **даньдолѣ** (С. № 4), предполагающее именительный **даньдолꙗ**. Неопредѣленность окончанія собственныхъ именъ иностраннаго происхожденія затрудняла ихъ движеніе и заставляла писцовъ оставлять ихъ иногда неизмѣняемыми; такъ въ этомъ падежѣ находимъ: **георьги мерьсини** (С. № 18), **ꙃаатꙋ аньдрѣи** (С. № 21); **михоило** имѣетъ **михоилꙋ** (С. № 27), **живь — живю** (С. № 36), **михо — михꙋ** (С. № 46); **хракою** (С. № 88) подтверждаетъ вышеприведенные именительный и родительный; за то **подвинаю** (А. № 15), находящееся въ Аѳонской гр-ѣ показываетъ, что сдѣсь писецъ не хотѣлъ сохранить нелюбимую Д.-Булгарскимъ языкомъ форму на **-лѣ** и употребилъ обычную на **-лю**. Мы уже видѣли этотъ перезвукъ въ словообразованіи. Первоначальною образовательною гласною дательнаго п. было *и*, которое требовало озвукотворенія конечной полугласной соотвѣтственно духу Славянскаго языка. Это озвукотвореніе вмѣстѣ съ падежнымъ признакомъ произвело слоги *-ои*, *-еи*, въ которыхъ отъ времени *и* ослабло до *й*, и въ этомъ видѣ *-ой*, *-ей*, какъ находимъ ихъ въ Лужицкой формѣ дательнаго п. *-oj*, *-ej*, перезвуковались въ *-ов*, *-ев*, каковыя формы, какъ посредствующія, встрѣчаемъ въ Д.-Чешскомъ: *dołów*, *dńow*, и Д.-Русскомъ: *доловь*, *домовь*, ср. *долой домой;* а эти послѣднія, равняясь усиленнымъ *у*, *ю*, привели наконецъ и къ нимъ. Такимъ образомъ первоначальныя сочетанія *ои*, *еи* обратились въ *у*, *ю*. Самое ясное образованіе этого падежа мы видимъ въ Литовскомъ языкѣ, который прямо присоединяетъ падежной признакъ къ основной гласной; Санскритъ прибавляетъ его уже къ усиленному перезвуку; Латинскій и Греческій сливаютъ признакъ и основную гласную въ одинъ долгій звукъ *о* (=*oi*), *-ῳ*; а *-ui* Латинскаго прямо уподобляется такому же Литовскому. Но кромѣ простаго соединенія *-ои*, *-еи*, Славянскій языкъ иногда, не желая стягивать ихъ въ *-ой*, *-ей* для произведенія *-у*, прибѣгаетъ для полнаго сохраненія ихъ къ благозвучному *в*, которымъ разъединяетъ трудное стеченіе двухъ полныхъ гласныхъ, и такимъ образомъ составляетъ другое падежное окончаніе *-ови*, *-еви*. И такъ, при посредствѣ Лужицкаго языка и древнихъ формъ Чешскаго и Русскаго, Славянскія нарѣчія сохранили въ себѣ полное временное образованіе дательнаго п. Общее дви-

женіе идетъ отъ *-ои*, *-еи* чрезъ *ой*, *ей* и *ов*, *ев* къ *-у*, *-о* и къ *-ови*, *-еви*. По этому какъ мало Сербскій, такъ еще менѣе Хорватскій и Русскій языки любятъ *ов*, *ев* въ склоненіи именъ; но остальныя Славянскія нарѣчія, и во главѣ ихъ Хорутанскій языкъ, допускаютъ это падежное видоизмѣненіе въ большей, или меньшей мѣрѣ. Сюда принадлежитъ и Д.-Булгарскій, вліяніе котораго не могло въ этомъ случаѣ не отразиться и на Д.-Сербскомъ. Мы знаемъ, какъ иногда вліяніе это было сильно: но при всемъ томъ сдѣсь оно явилось столь слабымъ, что, не смотря на присутствіе Аѳонскихъ грамотъ, только немного примѣровъ находимъ мы въ нашихъ памятникахъ, и, кромѣ одного, всѣ они принадлежатъ именно этой семьѣ грамотъ. Таковы: **монастиреви** (А. № 1), **гн҃и** (А. № 3), **г҃ви** (С. № 176), **бг҃ы** (С. № 175), **д҃хови** (С. № 178). Если къ тому замѣтимъ, что послѣднія слова въ Ц.-Славянскомъ наиболѣе усвоили себѣ этотъ видъ и могли войти въ Сербскую письменность, какъ отвердѣлыя формы; если обратимъ вниманіе на ничтожное число примѣровъ и на то, что даже подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, не говоря уже о другихъ грамотахъ, **монастырь**, **г҃ь**, **бг҃ь**, **дн҃ь** продолжаютъ исходить на **-ю** и **-ȣ**, то поймемъ, до какой степени Сербскій языкъ питалъ отвращеніе отъ упомянутаго видоизмѣненія въ своемъ склоненіи единственнаго числа.

Для средняго рода дательный п. ед. ч. образуется одинаково, какъ и для мужескаго, на **-ȣ**, **-ю** и **-еви**. Первое не требуетъ поясненія; о второмъ замѣтимъ, что его принимаютъ и имена, пользующіяся такъ называемымъ нарощеніемъ, на пр., **дѣтетеви** (А. № 1). Подобно этому слову, оправдывающему свое нарощеніе первичнымъ происхожденіемъ, находимъ и другія, принимающія нарощеніе не болѣе, какъ по подражанію, каковы: **оүноүчетеви** (А. № 1), **хрьсєтеви** (С. № 34). Первое замѣчательно тѣмъ, что совершенно приняло образованіе средняго рода и окончательно перешло сюда изъ мужескаго; второе же, какъ иностранное собственное, пріютилось сюда и получило нарощеніе, какъ другія ему подобныя получили его въ родительномъ п. Нынѣшній Сербскій языкъ имѣетъ для этихъ именъ *-у*, на пр., *телету*. Имена съ первоначальнымъ носовымъ исходомъ принимаютъ, какъ и въ мужескомъ р., **-и**: **крѣмени**, **кръмени** (А. № 1; С. № 176), **имени**, **ймени**, **-ї**, **имени** (А. №№ 3, 4, 5; С. № 176). Но въ послѣдствіи народность подвела и эти имена подъ одну форму съ прочими, давши имъ исходъ **-ȣ**, какъ и нынѣ *-у*; въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв. читаемъ: **племенȣ**, **племенȣ**, **плѣменȣ** (С. №№ 86, 96, 98, 107, 126). Собирательныя имена, перешедшія сюда изъ другихъ родовъ, подчиняются общему склоненію; такъ: **оүноүчию** (С. № 176), **ликадию** (А. № 19), **житью** (С. № 37).

Для женскаго р. въ дательномъ п. ед. ч. служитъ тотъ же признакъ *-и*, который, сливаясь съ конечною основною гласною, производитъ *-ѣ*, или, при мягкомъ исходѣ, вѣроятно, по особеннымъ законамъ благозвучія, *-и*. Очень легко можетъ быть, что стеченіе двухъ небныхъ, одной падежной, другой мягкаго основнаго исхода, пересиливаетъ всякій другой звукъ и требуютъ непремѣнно уподобленнаго имъ перезвука *и*. Между тѣмъ какъ Польскій, Чешскій, Лужицкіе отличаютъ въ своемъ склоненіи оба звука *-ě*, *-е* и *-у*, *-i*, Сербскій, Хорватскій и Хорутанскій уже всюду перегласовали *-ѣ* въ *-и* (*i*), тогда какъ Русскій поступилъ совершенно на оборотъ, принявъ всюду *-ѣ*. Это-то движеніе и доказываетъ, что между *-ѣ* и *-и* Д.-Булгарскаго никакого другаго различія не могло быть, какъ только звуковое, а признакъ падежа остается одинъ и тотъ же. Д.-Сербскій книжный языкъ держался Д.-Булгарскаго образованія,

принимая при гласномъ исходѣ, т. е., твердомъ а, форму на -ѣ, перезвукованную иногда въ -е. Такъ было въ XII-мъ, XIII-мъ вв. и въ Восточной семьѣ XIV-го и XV-го вв.; но въ Западныхъ грамотахъ двухъ послѣднихъ вѣковъ начинаетъ показываться народная на -и, не вытѣсняющая однако ни на минуту Ц.-Славянской. Сдѣсь постоянно видимъ обѣ формы. При этомъ гортанныя претворяются обыкновеннымъ образомъ. Замѣнительныя г и к остаются неизмѣняемыми, сочетаясь съ и, на пр., госпги, гиги, гнги (С. №№ 3, 45, 76, 87, 109). Для к не находимъ примѣровъ, но ћ, какъ мягкое, сочетается также съ и: кюћи, квћи (С. №№ 104, 114, 157). Перезвуки не должны насъ смущать: фльнине (С. № 14), вѣре (С. № 57), слве (А. № 11), люде (С. №№ 76, 133), іоѵде (А. № 17), госпоге (С. №№ 121, 126), воиводе (С. № 127), гпони, -е, госпое (С. №№ 142, 159), цицѣе (С. № 158), гподе (С. № 166), връе (С. №№ 166, 167), кьдоќице (А. № 20) суть дательные падежи. Форма госпоге показываетъ, что сдѣсь г звучало твердо и по тому, не измѣняясь, приняло е=ѣ; гпони, кьдоќице и т. п. показываютъ ослабленіе Ц.-Славянскаго склоненія, допустившее ѣ=е вмѣсто и при мягкомъ исходѣ, подобно Русскому языку. Съ первымъ появленіемъ своимъ въ XIV-мъ в. Западныя грамоты не замедлили ввести новую форму для твердаго исхода а: эта форма была народною и по тому быстро пошла въ ходъ. Тѣмъ не менѣе старина, способствуемая Ц.-Славянскою стихіею, не переставала сохранять свои права, ставя свою форму на -ѣ въ ровень съ народною на -и. Мы постоянно видимъ обѣ формы рядомъ одну съ другою. Такъ: опћини, опкини, оньћини (С. №№ 74, 78, 82, 85, 86, 92, 95—98, 103—105, 107, 120, 124, 135, 136, 140, 141, 145, 150—152, 154), китлании (С. № 78), косни (С. №№ 81, 83—85, 89, 92, 95, 99, 103, 116, 136, 140, 150—154; З. А.), люди, юди, льди (С. №№ 84, 89, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 107, 118, 120, 132, 140, 141, 164), правьди, правди (С. №№ 89, 132), катарини (С. № 93), господи, госпо-ди (С. №№ 94, 95, 136, 150), воеводи, воивои, -води, воиводи, воеводи (С. №№ 96, 98, 100, 101, 102, 107, 108, 112, 115, 116, 118, 126, 141, 163), дрьжави (С. № 100), николи (С. № 118), владици (С. № 150; З. А.), слузи (С. № 140). И рядомъ съ ними даже въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ: влцѣ, влцѣ (С. №№ 68, 68), опћинѣ, оћинѣ, опкинѣ (С. №№ 75, 77, 79, 86, 107, 114, 120, 125, 127, 128, 144; Г. VI, № 2), люде, -ѣ (С. №№ 76, 78, 114, 127, 133), женѣ (С. № 78), гсподѣ, красотѣ (С. № 86), странѣ (С. № 114), воиводе, воеводѣ (С. №№ 126, 128), селѣ, сіѣ (С. №№ 128, 142). Даже находимъ: госпоге (С. №№ 121, 126). Замѣтимъ, что слово господа имѣетъ твердое а и есть собирательное женскаго р.; напротивъ госпоћа или иначе госпои, госпожда имѣетъ мягкое а; смягчающее д въ жд, г, ћ и и и долженствующее въ дательномъ п. ед. ч. имѣть и. И такъ обѣ формы ужились и не перевѣсили одна другую. Это показываетъ, что Сербскій языкъ признавалъ сдѣсь законность звука ѣ, но по особеннымъ причинамъ перезвуковалъ его въ и. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ находимъ, какъ сказали, -ѣ, какъ во всѣхъ семьяхъ первыхъ двухъ вѣковъ, такъ и въ послѣдствіи въ Восточной и отчасти Западной. Въ первой только однажды подъ конецъ попадается іоѵди (Мл.). Что касается до мягкаго исхода, то Д.-Булгарскій языкъ, какъ и Сербскій, имѣетъ -и, которое постоянно образуетъ этотъ падежъ и въ Д.-Сербскомъ, и по тому повременнаго движенія сдѣсь нѣтъ. Обратимъ только вниманіе на стяженіе ии чрезъ ьи въ и: брати, -і, -й (А. №№ 9, 17; С. №№ 60, 63, 64, 67, 79, 80, 94, 96, 98),

исан (А. № 10), **митохи** (А. № 15), **дальмьци** (С. № 136) и т. д. Въ образованіи падежа для согласнаго исхода всѣ Славянскія нарѣчія сходятся между собою, принимая признакъ *и*, который является сдѣсь весьма естественно въ соединеніи съ мягкою полугласною, представляющею собою тотъ же небный звукъ первоначальной основы. Д.-Сербскій языкъ имѣетъ тоже **-и**, а по тому примѣры намъ не нужны.

Творительный п. ед. ч. мужескаго р. ничѣмъ не отличается отъ нынѣшняго. Окончаніемъ ему служатъ **-омь**, для твердой основы, и **-емь**, для мягкой, или гласной. Сдѣсь Сербскій языкъ поступаетъ согласно съ общимъ духомъ Славянскихъ нарѣчій. Только однажды въ грамотѣ, исполненной Ц.-Славянской стихіи, находимъ **архиереомь** (А. № 16). Ни разу пе встрѣчаемъ уже Ц.-Славянскихъ **-ъмь** и **-ьмь**: сдѣсь народность взяла рѣшительный перевѣсъ, принявъ для озвукотворенія б-ы **о** и **е**, тогда какъ въ другихъ случаяхъ употребляетъ для того **а**. Собственныя имена на **-о** имѣютъ **-омь**: **маркомь** (С. № 62), **петромь** (С. № 62), **стапкомь** (С. № 107), **андрушкомь** (С. № 158) и пр. **пѫть**, имѣющее у Сербовъ твердый исходъ, является сдѣсь съ **е**: **поутемь**, **-емь**, **пу-темь**, **-ѣ** (А. №№ 5, 8, 11, 19; С. №№ 141, 176; Ш. № 15). Нынѣ оно имѣетъ и то и другое окончаніе въ этомъ падежѣ. **хрьвое** имѣетъ правильно **хрьвоемь**, **-емь**, **хравоемь** (С. №№ 81, 85, 88, 89): **камы** или **камень—каменомь** (С. № 118).

Средній родъ имѣетъ одинаковое образованіе, какъ и мужескій, на **-омь** и **-емь**, **-имь**. Изъ **-ніемь**, чрезъ стяженіе, происходятъ **-ьемь** и **-имь**, **-емь**. Собирательныя имена, какъ и въ предыдущихъ падежахъ, удерживаютъ форму единственнаго числа, на пр.: **лозиемь**, **конемь** (С. № 2), **никиемь**, **ликадиемь** (А. № 6), **камениемь**, **каменьеѣ** (С. №№ 157, 176), **пискиемь** (Ш. № 14), **тръвиніемь**, **крьсиемь** (С. № 78), **грьмиемь**, **-емь**, **грьмьемь** (С. №№ 98, 99, 107), **мориемь** (С. № 140). Имена съ первичнымъ носовымъ исходомъ возстановляютъ, одни причастное **т**, другія обыкновенно **н**, на пр., **агнитемь** (С. № 176), **и- й- имѣнемь**, **-ѣ** (А. №№ 3, 4, 6; С. №№ 5, 10, 61, 89, 90, 101, 102). Въ Западныхъ грамотахъ послѣднихъ двухъ вѣковъ находимъ и нынѣшнюю форму **именомь** (С. №№ 73, 89, 164).

Образованіе творительнаго п. ед. ч. женскаго р. представляетъ любопытное явленіе въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, особливо въ Сербскомъ. Общій признакъ этого падежа для всѣхъ трехъ родовъ есть *м*, который хотя не существуетъ въ Санскритѣ, однако является въ Литовскомъ для словъ съ основною **ї** и *и* въ видѣ *-mi*, или въ видѣ долгой гласной для другихъ основъ; въ Санскритѣ тоже является одна лишь долгота падежной гласной; но какъ сдѣсь, такъ и въ Литовскомъ эта самая долгота уже указываетъ на первоначальное стяженіе: и дѣйствительно, подобно Славянскому долгому **ы**, отвѣчающему индѣ гласной съ носовымъ отзвукомъ, Литовская, Санскритская и Латинская долгая гласная, по сличеніи съ Славянскимъ языкомъ и даже самимъ Литовскимъ, есть не что иное, какъ звукъ, поглотившій въ себя носовой отзвукъ и по тому сдѣлавшійся долгимъ. Слѣдовательно, сдѣсь несправедливо видѣть прихоть языка, имѣвшаго сдѣсь въ виду *bh* и измѣнившаго его въ *м*: если бы это было такъ, то *bh* явилось бы въ Санскритѣ, но долгота гласной этого послѣдняго именно указываетъ на ея стяженіе или переходъ изъ носоваго въ простой долгій звукъ. Литовское *-mi* объясняетъ Ц.-Славянское **-мь**, тогда какъ *-ms* дательнаго п. мн. ч. приводитъ къ Ц.-Слав. **-мъ**. Другія Славян-

скія нарѣчія забыли это различіе и отвердили конечную полугласную. Этотъ признакъ они придавали прямо къ основной полугласной, которая оставалась въ своемъ видѣ въ Ц.-Славянскомъ и озвукотворялась въ *о*, или *е* въ другихъ нарѣчіяхъ. Но для женскаго р. они поступили нѣсколько иначе. Сдѣсь *м* не образовало уже собою цѣлаго слога, какъ въ Ц.-Славянскомъ -мь, или Литовскомъ *-mi*, но произвело только носовой отзвукъ, который въ сущности есть одно и то же, ибо первоначально носовые отзвуки произошли изъ придаточныхъ благозвучныхъ *м* и *н*. Взаимный перезвукъ этѣхъ буквъ отразился и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ сейчасъ увидимъ: въ однихъ творительный п. получилъ носовой отзвукъ *м*, въ другихъ *н*. Но хотя падежъ этотъ и принялъ носовой отзвукъ для женскаго р., однако онъ не сошелся съ винительнымъ п., какъ слѣдовало бы этого ожидать. И въ Литовскомъ тоже оба падежа рознятся между собою: сдѣсь въ творительномъ *-mi*, въ винительномъ одинъ чистый носовой отзвукъ конечной основной гласной. Въ Славянскомъ языкѣ, ежели взять въ основаніе Д.-Булгарское нарѣчіе, одинъ падежъ имѣетъ -оѭ, -еѭ, -иѭ, другой просто -ѫ, -ѭ. Сюда присоединилось и Русское нарѣчіе; но прочія болѣе, или менѣе стянули оба звука въ одинъ, то съ отзвукомъ, то безъ отзвука. Мы принимаемъ Д.-Булгарскую форму творительнаго п. -оѭ, -еѭ, -иѭ за древнѣйшую для Славянскихъ нарѣчій, такъ что прочія будутъ моложе ея по образованію. Напрасно нѣкоторые почитаютъ о и е вставочными буквами, для которыхъ и ѫ приняло смягченіе въ ѭ: этому противорѣчитъ -иѭ, гдѣ и есть явное воспроизведеніе основной гласной, а что это такъ, то доказательствомъ тому служитъ ихъ природа: о отвѣчаетъ твердой, е мягкой конечной полугласной или, что то же, прадавней, большею частію, таковой же гласной. Напрасно также, одни за другими, упрекаютъ они Боппа въ сличеніи Санскритской формы *vidhavajá* съ Ц.-Славянскою вьдовоѭ. Правда, сдѣсь носовой отзвукъ производитъ рѣзкое отличіе, но за то эта форма, какъ и другія: *dêvêna*, *mrijá*, *gáspatiná*, *madhuná* могутъ служить объясненіемъ двоезвучію -оѭ, -еѭ, -иѭ, исчезающему въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Онѣ показываютъ, что духъ Индоевропейскихъ языковъ первоначально къ основной конечной гласной присоединялъ *á*; это-то столкновеніе конечной гласной съ другою долгою требовало въ Санскритѣ разъединительнаго *n*. Движеніе конечной основной гласной отразилось и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, который первоначальное основное *а* (ъ) обратилъ въ о и е, а *и* (ь) въ и, въ падежномъ же *á* возстановивъ признакъ *м* или *н*, образовалъ носовой звукъ ѫ или, для большаго разъединенія, ѭ. Отсюда происхожденіе формъ -оѭ, -еѭ, -иѭ, въ которыхъ ѭ или первоначально ѫ могло когда-то звучать какъ *ан*, потомъ уже *он* и *ун*. Такимъ образомъ Д.-Булгарскій языкъ сошелся въ измѣненіи основной гласной съ Санскритомъ, а въ признакѣ -мь или носовомъ отзвукѣ съ Литовскимъ. Русскій языкъ ближе всего подошелъ къ нему съ своими формами *-ою*, *-ею*, *-їю*; но прочія нарѣчія уже стали забывать это удлинненіе, хотя и изъ нихъ въ нѣкоторыхъ оно оставило свои слѣды. Такъ Польскій языкъ нѣсколько отличаетъ свой творительный отъ винительнаго, употребляя въ первомъ *ą*, когда во второмъ ставитъ *ę*. Это *ą* отвѣчаетъ Сербскому *-ом* для твердой и мягкой основы, даже при предшествующей гласной, хотя во всякомъ другомъ случаѣ мягкая основа переходитъ въ *е*, а не *о*, и Хорватскому *-um* и *-jum* для всѣхъ окончаній. Въ Сербскомъ согласный исходъ принимаетъ *-ию*, какъ прямой перезвукъ Ц.-Славянскаго -иѭ. Полабскій языкъ имѣетъ носовое *-an*, какъ и Польскій; но другія нарѣчія уже забываютъ его и стягиваютъ съ предыдущею гласною въ долгій

или двоегласный звукъ подобно *ā*. Такъ Чешское имѣетъ *-au* (*ou*) или, по древнему *-ú*, Угрословенское *-ou*, Лужицкія *-u*, Хорутанское *-o*, *-u* или *-oj* и *-jo*. Изъ нихъ Чешское, по роду отзвука, ближе всего подходитъ къ Д.-Сербскому. Всѣ эти звуки ясно указываютъ на свою составную природу, ибо чрезъ обыкновенный перезвукъ они произойти никакъ не могли. Тѣ, которые не имѣютъ носоваго отзвука, поглотили его въ себя. По этому-то мы Д.-Булгарскую форму и назвали относительно древнѣйшею, и при томъ она видимо полнѣе другихъ. При этой полнотѣ возможно было отличить твердость и мягкость основной гласной, сообразно съ коими ж или оставалось твердымъ, или смягчалось въ ѭ; но все таки, замѣтимъ, оно оставалось однимъ и тѣмъ же въ сущности и не переходило въ ѧ. Въ этомъ звукѣ было много своей собственной силы, такъ что въ нарѣчіяхъ, гдѣ онъ сливался съ основною гласною, онъ одерживалъ верхъ: отсюда Польское *ą* и Сербское постоянное *-ом*, а въ старину *-овь*, не смотря на то, что эти окончанія присоединялись къ мягкой согласной, а иногда и къ гласной.

Но Д.-Сербскій языкъ, въ древнѣйшую пору своего книжнаго существованія, проявилъ другую форму творительнаго п., нѣсколько отличную отъ разсмотрѣнной, хотя и однородную съ нею: мы говоримъ о формѣ на -овь. Мы не думаемъ, чтобы в было сдѣсь что либо другое, какъ не то же м, но только перезвукованное, какъ видимъ въ словахъ *гувно*, *тавница* и н. др. Эта форма есть исключительно временное явленіе древнѣйшей поры Сербскаго языка, возникшее, быть можетъ, въ самую первую минуту его образованія или выдѣленія изъ общеславянской семьи. Сербы чувствовали присутствіе носоваго звука *м* и выразили его въ близкомъ къ нему *в*. Но что у Сербовъ было стариною и что въ послѣдствіи перешло въ общій носовой звукъ *м*, то и доселѣ сохранилось у Карпаторусовъ, у коихъ творительный п. жен. р. оканчивается на *-ов*. Вообще всѣ эти падежныя окончанія очень понятны и близки между собою. Ц.-Славянскій языкъ первоначальный носовой отзвукъ *-ж*, Лит. *-ti*, довелъ до произношенія *ан* (ср. Санскр. *-nā*), потомъ *ун* или *юн*, по его правописи, ж, которое въ другихъ нарѣчіяхъ, забывшихъ носовой отзвукъ, обратилось въ простое *у*, *ю*, такъ что падежъ сталъ исходить на *-ою*, *-ею*; одни нарѣчія стянули ихъ совершенно въ *-у*, *-ю*, *-о*, другія оставили при *о* слабый отзвукъ *-у*, *-в* и хотя пишутъ *-au*, *-ou*, однако произносятъ, какъ *ов* съ бѣглымъ *в*,—и вотъ объясненіе Д.-Сербскому -овь, третьи же перезвуковали въ *-ой*, *-ей*, т. е., изъ одного усиленія (*а+у*) перешли въ другое (*а+и*),—и вотъ объясненіе Русскому *-ой*, *-ей* и Хорутанскому *-oj*, а также вышеприведеннымъ доулавь, цѣлокъ, митивь. Присоединимъ сюда еще форму на -о, находимую, по словамъ Шафарика [1], въ нѣкоторыхъ памятникахъ Д.-Сербской письменности, впрочемъ, не ранѣе XIV-го в., но въ нашихъ не встрѣчающуюся. Это о есть то же ом или ом, но только поглотившее въ себя свой отзвукъ и ставшее наровнѣ съ Хорутанскимъ *о*, или произносившееся, можетъ быть, съ слабымъ отзвукомъ подобно Чешскому *ú* или Угрословенскому *ou*. Это была переходная форма, исторически и теоретически позднѣйшая, чѣмъ -ом. Но обратимся къ самымъ явленіямъ и посмотримъ, въ какомъ отношеніи находились всѣ три формы: Ц.-Славянская и двѣ народныя? Мы сказали, что и теперь слова съ согласнымъ исходомъ, къ которымъ присоединить должно два на *-и*, имѣютъ *-ию*: такъ какъ сдѣсь *ю* есть обыкновенный перезвукъ ж, то собственно въ отношеніи самой фор-

[1] Serbische Lesekörner, стр. 98.

мы падежа мы не находимъ никакого движенія: таковыя имена постоянно оканчиваются и въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ на -ию, или, при посредствѣ -ью, въ стянутомъ видѣ -ю. Но объ нихъ послѣ. Имена на -а и -ѧ въ XII-мъ и XIII-мъ вв. принимаютъ, большею частію, окончаніе -овь, а въ послѣдующихъ исключительно одно -омь. Сдѣсь -овь уже не встрѣчается. Ц.-Славянская же форма на -ою и -ею идетъ рядомъ съ ними, умножаясь, или слабѣя по мѣрѣ вліянія своей стихіи. Но въ двухъ первыхъ вѣкахъ вліяніе это было столь слабо, что, не смотря на Жичанскую грамоту, находимъ только разъ роукою и тутъ же роуковь (С. № 2). Обыкновенная сдѣсь форма есть -овь: вѣровь, вѣровь (А. И.; С. №№ 3, 14, 16, 19, 26), не- воловь (А. И.; С. №№ 3, 4, 14, 15), поклоновь (А. И.), землевь (А. № 1), ратиновь, лоуковь, сѣроувовь (Ш. № VII), ѡбьлиновь, ѡпкиновь (С. №№ 2, 3), лозовь (С. № 2), гѫсовь (С. № 3), братиновь (С. № 14), пракиновь (С. №№ 14, 15), главовь, куповь (С. № 26). Что до формы -омь, то въ XII-мъ в. ея вовсе не находимъ, если не принимать въ расчетъ сомнительнаго анналамь (А. № 1), но въ XIII-мъ она начинаетъ показываться. Уже въ Жичанской находимъ ее вмѣстѣ съ -овь: рѫкомь, катиномь, ѡкроуглоомь (Ш. № VII), одмѣломь (т. е. -номь, С. № 5), вѣромь (С. № 14), силомь, ѡпькиномь (С. № 16), клѣткомь (С. № 19), пракиномь (С. № 20), сѫдиѡмь (С. № 22), свободомь (С. № 24). Она малочисленнѣе предыдущей, но съ половины вѣка учащается. XIV-й и XV-й вв. являются уже только съ этою, да Ц.-Славянскою формами; но -овь въ нихъ уже не показывается. Народная господствуетъ въ Западной семьѣ, Ц.-Славянская въ Аѳонскихъ и отчасти другихъ Восточныхъ грамотахъ; но народная прокрадывается и въ Аѳонскія при малѣйшихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; въ рѣдкой грамотѣ не находимъ обѣихъ формъ. Пропускаемъ гр-ы А. №№ 2, 9, 15, 16; Г. А, Б, V; В. №№ 1, 2; С.-Д. М. 1844; С. №№ 35, 48, 60, 178, въ которыхъ существуетъ одна только Ц.-Славянская форма; всѣ онѣ принадлежатъ Восточной семьѣ и преимущественно Аѳону. Прочія представляютъ смѣшеніе. Гр-а А. № 6: коурею но кралицомь, ѥлєномь, братиѡмь, никоɀомь; гр-ы А. №№ 3, 4, кромѣ влѣмомь, имѣютъ еще постоянно -ою, -ею. Далѣе: волею, но планиномь (А. № 7), теплотою, но братиомь (А. № 5), вѣрою, црквою, августиною, ѥлєною, силою, но планиномь сакомь (А. № 10), мѣткою, землею, Іоудою, рѫкою, црквою, ѥлєною, но рѫкѡ, кобильщицомь, метохїѡ, савѡ (А. № 12), ѡбитѣлию, вѣрою, но ризницѡ, рѫкомь, половиномь, ликадѡ, ѥговиницѡ, нѫдѡ (А. № 14), багрѣнїцею, но книгинѡ, міцѡ, єпогѡ (А. № 18). багрѣницею, Іоудою, ариею, надеждою, но ликоуѥ (А. № 19). Сдѣсь обѣ формы являются почти по ровному числу разъ, народная умножаясь къ концу вѣка; но въ другихъ памятникахъ Восточной семьи, въ которыхъ существуетъ такое же смѣшеніе, народная беретъ перевѣсъ. Такъ: незлобою, попокомь люкомь (С. № 51), браниѭ, роукою, двѣрию, славою, истиною — въ богословіи и заключеніи, а въ другихъ мѣстахъ безъ исключенія множество на -омь: цитаркомь, мѣстомь, мегомь и пр. и пр. (С. № 176), чистотою, дшею, дндиною, рѫкою, црквою, ѥлєною, но господѡ, сакомь (С. № 46), истиною, но кѫпломь (С. № 54), истиною, но зарѫкѡ, вѣромь (С. № 55), волею, поупалею, госпождею, царицею, но правдомь, книгомь, пожегомь, пахвалицомь (вдругъ), силомь (3.), землею, но много разъ -омь (С. № 91), дшею, землею, но воломь, братиѡ, силомь (Мл.). Сдѣсь Ц.-Славянская относится къ народной, какъ 1 : 1½. Другія же грамоты, каковы: А. №№ 8, 11; Мк.; Ш. №№ 11, 14; С. №№ 43, 50, 61, 62, 70, 72, 111, 137, 146—148, 175, заключаютъ въ себѣ одну только народную форму. Вообще говоря, народная форма перевѣшиваетъ Ц.-Славянскую въ Вос-

точной семьѣ памятниковъ. Тѣмъ болѣе перевѣсъ долженъ склониться на ея сторону въ грамотахъ Западной семьи. Уже въ Восточной, даже въ самыхъ Аѳонскихъ грамотахъ, можно было замѣтить по ходу рѣчи, что народная форма жила сдѣсь внѣ богословія и заключенія; въ Западныхъ же только въ богословіи и заключеніи, и то чрезвычайно рѣдко, находимъ Ц.-Славянскую форму. Только С. №№ 66, 68 имѣютъ въ богословіи вѣрою, какъ С. №№ 81, 150 и З. А. волию, -ю, во всѣхъ же прочихъ мѣстахъ -омь. Послѣ этого ясно, что только одно сильное вліяніе Ц.-Славянской стихіи поддерживало, и то не вездѣ удачно, свою форму: самое выгодное отношеніе для нея было въ Аѳонскихъ; но и сдѣсь оно не превышало 1 : 1. Стало быть, въ творительномъ п. ед. ч. женскаго р. народность дѣйствовала успѣшно и уже въ первыхъ вѣкахъ письменности выступала побѣдоносно съ своею формою. Замѣтимъ, что кромѣ двухъ сомнительныхъ словъ ... и ... отъ ..., ..., для всѣхъ окончаній служитъ одна форма -омь, которая и нынѣ также есть единственная. Подъ это склоненіе переходятъ нѣкоторыя имена съ согласнымъ исходомъ; таковы: црквомь, -ь, црьквомь, црквб, црквомь, црквомь (А. №№ 7, 9, 14, 18; С. № 35; З. А.; Мл.): это народная форма, которую, какъ видно, полюбили и Аѳонскія грамоты; ср. црьквію, -квію (З.), любвомь, -вмь, -вь (С. №№ 104, 105, 132, 142). Обѣ эти формы предполагаютъ именительные црьква, какъ нынѣ, и любва. Но есть имена, которыя при согласномъ исходѣ принимаютъ -омь, какъ на пр.: чтиь (С. №№ 49, 50), млтиь (С. № 49), печатомь, -ь, -тиомь (С. №№ 57, 61, 77, 118, 122, 130) и даже печатниь (С. № 170), радостиомь (С. № 61). Впрочемъ, относительно формы печатомь можно думать, что писецъ воображалъ ея именительный п. съ твердымъ исходомъ и образовалъ по мужескому р., ибо однажды опредѣляющее слово поставлено въ этомъ родѣ: печатомь ꙁламенитимь (С. № 118). На оборотъ, сюда переходятъ имена съ гласнымъ исходомъ, каковы: клетвію (С. № 5), истиню, истиню (С. № 51). дѣтию, -ю (Ш. № VII; А. №№ 5, 6) предполагаетъ именительный дѣтия или дѣть, то же, что дѣца. Чрезъ стяженіе -ию происходитъ -ю: любовю, пьятю, ревностю, тьлостю (С. № 35), помощю (С. № 84), любовю (С. № 85), печатю (С. №№ 102, 115, 119, 121, 123, 126, 130), матерю (С. № 103), пчетю (С. № 145).

Мѣстный п. ед. ч. муж. р. имѣетъ три исхода: -ѣ, -у, -и. Замѣчаютъ большое сходство между нимъ и дательнымъ. Въ нѣкоторыхъ Индоевропейскихъ языкахъ одни и тѣ же окончанія отправляютъ служеніе для обоихъ падежей. Слѣдовательно, мысль обоихъ падежей была въ основаніи своемъ одна и та же, и только разнообразіе представленія придало ей различные оттѣнки. По этому для мѣстнаго п. должно принять тотъ же признакъ *и*, какъ и для дательнаго. Подтвержденіемъ этому послужитъ Литовскій языкъ, въ которомъ одна и та же образовательная буква *i* служитъ для того и другаго падежа; въ Санскритѣ то же самое усиленіе *ê*, какъ и въ дательномъ, а для основъ *u* и *i* одно усиленіе основной гласной *áu* безъ падежнаго признака, какъ въ дательномъ Готскаго. Отсюда понятно происхожденіе *ѣ* и *и* въ Славянскихъ языкахъ; но *у* требуетъ нѣкотораго объясненія. Мы полагаемъ, что происхожденіемъ своимъ оно обязано какъ внутреннему сродству обоихъ падежей по мысли, такъ и одинаковому звуковому явленію въ перезвукѣ двоегласныхъ *ou*, *eu* въ *у*, *ю*. Только сдѣсь строже поступили Славянскія нарѣчія и не удержали переходныхъ *ов*, *ев*, кромѣ Чешскаго и Хорутанскаго, которыя и въ этомъ падежѣ имѣютъ *-owi*, а послѣднее, забывая разумность образованія формъ, даже

-ovi. И такъ всѣ три окончанія имѣютъ равное право на пребываніе въ языкѣ; но ни одно Славянское нарѣчіе, кромѣ Чешскаго, не пользуется всѣми тремя вмѣстѣ. Д.-Булгарскій языкъ допускаетъ только два: ѣ и и, Сербскій и Хорватскій только одно *-у*, *-и*; Хорутанскій *-и* и *-і* въ окончаніи *-ovi*, что весьма важно для тожества мѣстнаго п. съ дательнымъ; Русскій *-ѣ* и рѣдко *-у*, Польскій и Лужицкіе *-и* и *-е* (*-іе*), Чешскій же имѣетъ *-и*, *-е*, *-і* и *-ovi*. Что же представляетъ намъ древнекнижный Сербскій? Мы сказали, что онъ въ мѣстномъ п. допускаетъ три образовательныя гласныя, объясняемыя однимъ и тѣмъ же происхожденіемъ. Такъ какъ нынѣ онъ имѣетъ только одну гласную, то двѣ остальныя, конечно, заимствованы имъ у Ц.-Славянскаго языка вмѣстѣ съ формами словъ. Сдѣсь опять выступаетъ впередъ временное движеніе языка подъ вліяніемъ двухъ стихій. Аѳонская грамота XII-го в. имѣетъ -ѣ и -и согласно съ Ц.-Славянскимъ языкомъ: **на прѣстолѣ, на камени** (А. № 1). Грамоты XIII-го в. всѣхъ семействъ имѣютъ совершенно Ц.-Славянское употребленіе, свидѣтельствующее, какъ уже не разъ мы замѣчали, о большей общности въ этомъ вѣкѣ книжнаго языка для всѣхъ странъ Сербіи и близости его къ своему образователю. Не только собственно-Сербскія, но и Дубровницкія и Приморскія имѣютъ -ѣ и -и, хотя управляющій падежомъ предлогъ вь давно уже принялъ звукъ ѹ: **оу ѕатонѣ, вь храмѣ** (Ш. № VII), **на свѣтѣ, -е** (С. №№ 3, 16), **ѹ ѕатонѣ, на стѣньцѣ** (С. № 11), **на мосте, на бродѣ, на пѫти, на сьборе** (С. № 16), **вь, ѹ граде, -ѣ** (С. №№ 16, 26, 27), **на суде** (С. № 17), **ѹ обѣтѣ, обѣтѣ** (С. №№ 17, 21, 26), **ѹ мирѣ** (С. № 20), **на, ѹ ѕаконѣ** (С. №№ 21, 25, 26). Исключеніе только одно: **ѹ дльгѹ** (С. № 25). Отсюда видимъ, что въ этомъ вѣкѣ Ц.-Славянская форма господствуетъ, и въ ней народность менѣе успѣла, чѣмъ въ предлогѣ ѹ. Переходимъ въ XIV-й в. Сдѣсь встрѣчаютъ насъ Аѳонскія грамоты; но уже во второй изъ нихъ читаемъ: **ѹ хиландароу, вь ѳиноу градоу**, хотя тутъ же: **ѹ винограде, вь хрїсовоулѣ** (А. № 6) и въ слѣдующихъ: **вь домоу, вь пиргоу, пиргоу** (А. №№ 3, 4), хотя въ тѣхъ же грамотахъ есть и Ц.-Славянское образованіе: **при проотѣ Ианикии, при игоумене Кѵриацѣ** (А. № 2), **вь хрѵсоволѣ, вь животѣ** (А. № 3), **вь вѣцѣ, вь образѣ** (А. №№ 3, 4), **оу хрисовоулѝ**, гдѣ принято мягкое окончаніе, **вь пирѕѣ, вь монастыри** (А. № 4) и пр. И такъ уже въ самомъ началѣ вѣка, и при томъ даже въ Аѳонскихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ совмѣстное, присутствіе Ц.-Славянской и народной формъ. То же отношеніе продолжается до конца вѣка въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ. Приведу изъ нихъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ примѣровъ, чтобы показать, какъ еще свѣжа была Ц.-Славянская стихія, когда рядомъ съ нею, въ тѣхъ же грамотахъ, уже дѣйствовала народность: **ѹ дубровьници, дубровницѣ, -е** (С. №№ 33, 35, 43) и **ѹ дубровникѹ** (С. №№ 55, 62, 64), **ѹ ѵловицѣ** (С. № 34), **на поути, оу вѣлицѣ, вь хрисовоули** (С. № 176), **оу отоцѣ** (С. № 51), **вь грѣсѣ** (С. № 52), **о гы, о гн̃и** (А. №№ 5, 7), **вь хрїсовоули и хрисовоулѣ, хрисовоуле** (А. №№ 5, 11), **вь вѣцѣ** (А. №№ 5, 15, 18), **на, о бѕѣ, бѕ̃ѣ, о воѕѣ** (А. №№ 12, 13; С. №№ 50, 53, 62), **при логоѳете** (Г. А), **на пр̑тѣ** (С. № 64), **въ оц̃и, сн̃ѣ, дусѣ, вѣцѣ, на камены** (В. № 2), **вь оц̃и и спѣ и вь дс̃ѣ** (С. № 71); и въ Законникѣ: **вь монастыри, на огни, оу хрисовоули, вь ѕаконницѣ**. Рядомъ съ этими мѣстными пп. мы находимъ достаточно примѣровъ на -ѹ. Такъ, на пр., въ церковно-дарственныхъ грамотахъ: **на мероу, на поутоу** (А. № 8), **на мрамороу, на жрѣбию, вь домоу** (С. № 176), **о пиргоу** (А. № 9), **вь градоу прилѣпѣ, вь**

домоу̑ спсовѣ (А. № 10), **в келѣждѣ** (А. № 14), **в мѣрѣ** (С. № 18) и въ Законникѣ: **вь, на домоу, оу милостникоу, градоу, иатоуноу, прѣдѣлоу.** Другія грамоты наблюдають такое же отношеніе, на пр., въ Зетскихъ: **в лѣтѣ** (С. № 63), такъ что, можно сказать, въ XIV-мъ в. въ Восточныхъ грамотахъ народная форма относится къ Ц.-Славянской менѣе, чѣмъ 1 : 2; первой формы почти вдвое менѣе, чѣмъ второй. Что же представляютъ намъ Западныя грамоты того же вѣка, показывающіяся, какъ извѣстно, во второй его половинѣ? Въ нихъ находимъ **в градѣ бобовьцѣ. вь, ѡ родѣ, ѡ дмитрове дневе, в трьговцѣ, на прстолѣ** (С. № 66), **ѡ ги моемь бзѣ, в градѣ** (С. № 68), **ѡ помладѣ, вь вѣцѣ** (С. № 76), **в градѣ доубровнѣкѣ** (С. № 77), **на цантатѣ, в градѣ** (С. № 78), **в листѣ** (С. NN№ 79, 83), **ва мири, на крти** (С. № 81), **вь дворѣ** (С. № 179), **ва ѡци синѣ и дхсп** (С. № 84), **ва мирѣ, на хрьсти, в гнѣви, ва двори** (С. № 85), **на кртѣ, в доубровници** (С. № 86). Въ нихъ тоже преобладаютъ Ц.-Славянскія формы. Вступаемъ въ XV-й в. и видимъ уже совсѣмъ иное отношеніе. Въ собственно-Сербскихъ: **в животѣ, при црн стефаны и родителы книзи лазари, въ градѣ корни;** сдѣсь уже искаженіе Ц.-Славянскаго образованія въ словѣ **стефаны**, которому придано мягкое окончаніе (С. № 90), но въ другихъ такихъ же грамотахъ: **при гноу цроу стефаноу, оу трьноу** (С. № 91), **оу доубровникоу, доубровникѣ** (С. NN№ 91, 111, 137, 146, 148), **на доубровчанноу, доубровчаннѣ, станоу, -ѣ, соудѣ, сѫдѣ** (С. NN№ 91, 111, 137); **вь свѣтѣ, вь монастири** (А. № 17), **на сноу, при страцоу кѣ феѡдоулоу**. но **вь постѣ** (С. № 175), **вь вѣцѣ** (С. № 175; А. NN№ 16, 19; С.-Д. М. 1844), **при црѣ стефанѣ, гнѣ, родителю** (С. NN№ 111, 137), **при кнезѣ, лазарѣ, деспотѣ, в неквдимѣ** (С. № 111), **оу градѣ, при влькѣ** (С. № 137), **в записѣ** (С. № 131), **при животѣ** (С. NN№ 146, 147), **в градѣ, на дни** (С. NN№ 148), **вь Іерлмѣ** (Г. Б), **оу ѡбодоу, монастироу, комоу, на соудоу** (Мл.), **ѿ родѣ, вь градѣ** (С. № 178), **о христѣ, въ хрисовоулн, у градоу коуминъниоу** (Г. V), **вь свѣтѣ, на прѣстолѣ, в боудимоу.** Мы нарочно выписали всѣ примѣры, чтобы показать, что сдѣсь отношеніе между обѣими стихіями измѣнилось совершенно; сдѣсь народная форма относится къ Ц.-Славянской безъ малаго. какъ 2 : 1. При томъ замѣтимъ, что тѣ же выраженія, переходя изъ древнѣйшей въ позднѣйшую грамоту, принимаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ и народный видъ:— явленіе очевидное въ своемъ повременномъ ходѣ. Если таково было дѣйствіе народности въ собственно-Сербскихъ грамотахъ XV-го в., то оно тѣмъ сильнѣе должно было проявиться въ грамотахъ Западныхъ. По этому считаю излишнимъ приводить множество примѣровъ; ограничусь только тѣмъ, что укажу на ихъ отношеніе: сдѣсь оно, какъ 4 : 1. Сдѣсь противъ Восточной перевѣсъ народности увеличился вдвое. И такъ дѣло говоритъ само за себя; данныя краснорѣчивѣе всякихъ словъ. XV-й в. доставилъ торжество народности. Укажу лишь на замѣчательнѣйшія формы: **на крьсти. крсѣ, крсти** (С. NN№ 88 89, 92, 95, 96, 97, 99) и **на крьстѣ, крстѣ, кртѣ, крьтѣ** (С. NN№ 98, 120, 133 141, 144, 145, 157), **на крижи** (С. NN№ 100—103, 106) и **на крижѣ** (С. NN№ 107, 114, 127, 136), **вь рѫсазн** (С. NN№ 96, 98, 107), **на свити, свѣти, свити, свити** (С. NN№ 96, 98, 106 — 109, 112, 119, 126) и **на свѣтѣ. свитѣ** (С. NN№ 107, 115, 121, 132), **вь, ва ѡци, ѡци** (С. NN№ 97, 100. 114, 144) **вь дхсѣ, -и** (С. NN№ 97, 100), **на дхѣ** (С. № 114), **на г., еі., ѕ., к., иі., ꙁі, і, і дни, дни** (С. NN№ 125, 126, 128, 139, 158, 163, 171), **на дни гі, е., ꙁі** (С. NN№ 148, 157, 161), **ѡ стѣпанѣ днеи** (С. № 139), **на дни мца иоуниѣ к. ѕ.**

днь (С. № 163). Предложу общее заключеніе. Въ отношеніи господства двухъ стихій, XIII-й и XV-й вв. представляютъ двѣ противуположности: въ первомъ, присоединивъ къ нему и XII-й, господствуетъ вполнѣ Ц.-Славянская стихія, во второмъ народная. Въ XIV-мъ в. первая еще вдвое сильнѣе второй; но въ началѣ XV-го она быстро ослабѣваетъ и къ концу совершенно уступаетъ народной. Передъ глазами изслѣдователя, какъ нельзя яснѣе, совершается поступательное движеніе народности. Обратимъ вниманіе на повременное преемство формъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ въ Восточныхъ грамотахъ, или, на пр., въ выраженіи на крьсти и на крьстѣ въ Западныхъ. Только переписка вступленій да пристрастіе къ Ц.-Славянскому языку въ нѣкоторыхъ грамотахъ, не уменьшившееся отъ времени, еще нѣсколько поддерживаютъ Ц.-Славянскія формы. Но слабость ихъ видна въ томъ уже, что въ одной и той же грамотѣ, даже въ одномъ и томъ же выраженіи, существуетъ рядомъ съ ними и народная. Въ Ц.-Славянскихъ видимъ правильное и своемѣстное употребленіе -ѣ и -и съ перемѣною при первой гортанныхъ въ соотвѣтственныя мягкія. Нѣкоторымъ словамъ дано мягкое Сербское произношеніе, и по тому они перешли отъ -ѣ къ -и, на пр., слово хрисовулъ; другія же, напротивъ, сохранили Д.-Булгарское мягкое произношеніе и приличное ему окончаніе, на пр., пѫть, камень. Основное тожество въ звукахъ ѣ и е и произношеніе въ извѣстномъ подрѣчіи ѣ, какъ е, произвело смѣшеніе обѣихъ буквъ и замѣну первой второю. Слова, исходящія на мягкую согласную, или гласную, имѣютъ, какъ и въ дательномъ, -ю вмѣсто -е. Окончаніе -и въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ слѣдовало бы по-ц.-славянски ожидать -ѣ, показываетъ, что они встрѣчаются въ тѣхъ же грамотахъ, гдѣ ѣ переходитъ въ и. Такимъ образомъ опять видимъ, что народность, мѣняя звуки, еще робѣетъ передъ формою. Слово дьнь имѣетъ, как и въ нынѣшнемъ Сербскомъ, двѣ формы: дни и днеи или неправильно дневе.

Легко можно было замѣтить, что въ примѣрахъ мы не приводили предлога по. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ главное управленіе этого предлога принадлежитъ дательному п.; но въ извѣстныхъ случаяхъ онъ управляетъ винительнымъ и мѣстнымъ. Напротивъ, нынѣшній Сербскій языкъ сочиняетъ его съ винительнымъ въ тѣхъ же случаяхъ, въ какихъ и Ц.-Славянскій, а въ остальныхъ подчиняетъ ему мѣстный п., какъ и всѣ прочія Славянскія нарѣчія, кромѣ Русскаго, которое употребляетъ съ этимъ предлогомъ винительный, дательный и мѣстный согласно съ Ц.-Славянскимъ. Въ Д.-Сербской письменности трудно опредѣлить, какимъ собственно падежемъ управляетъ онъ? Единственнымъ исходомъ управляемаго имъ падежа служитъ 6-а и; но оно есть или признакъ Ц.-Славянскаго дательнаго, или Сербскаго мѣстнаго. Вникая въ различныя значенія этого предлога, равно въ его управленіе мѣстнымъ множественнаго ч., мы приходимъ къ тому заключенію, что въ Д.-Сербской письменности онъ управлялъ и дательнымъ и мѣстнымъ пп. Къ этому заключенію приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Если бы по управляло однимъ мѣстнымъ п., то, при господствѣ въ первыхъ вѣкахъ Ц.-Славянской формы мѣстнаго, мы непремѣнно нашли бы его тутъ въ сочиненіи съ этою формою; но этого не находимъ ни разу, между тѣмъ, какъ уже въ XII-мъ в. оно встрѣчается съ формою на -ѣ: то и другое обстоятельство заставляютъ насъ думать, что этотъ предлогъ управлялъ и дательнымъ и мѣстнымъ согласно съ двумя дѣйствующими стихіями. Что касается до винительнаго п., то онъ стоитъ отдѣльно отъ двухъ предыдущихъ по особенности своего зна-

ченія, и если мы не говоримъ о немъ, то по тому только, что нѣтъ примѣровъ для него. Но дательный и мѣстный пп., при общемъ сходствѣ своемъ, когда сверхъ того въ другихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Русскаго, при предлогѣ *по*, первый смѣняется вполнѣ вторымъ, представляютъ такое тонкое различіе, что оно неминуемо должно было исчезнуть хотя въ нѣкоторой степени тамъ, гдѣ ни та, ни другая стихія не господствовала исключительно. Значеніе, съ которымъ **по** является въ нашихъ памятникахъ, мы можемъ раздѣлить на шесть родовъ и сообразно съ ними опредѣлить управленіе этого предлога. Предлогъ этотъ выражаетъ, во первыхъ, «сообразно» или «согласно съ чѣмъ нибудь», «въ силу чего нибудь», Лат. secundum или vi. Въ этомъ значеніи онъ управляетъ дательнымъ и мѣстнымъ пп. безразлично, смотря по свойству памятника. Гдѣ вѣроятнѣе предполагать Ц.-Славянскую форму, тамъ, значитъ, стоитъ дательный п., а гдѣ сильнѣе народность, тамъ мѣстный. Положительнаго сдѣсь ничего нельзя сказать. Даже если обращать вниманіе на прилагательныя, съ нимъ иногда соединенныя, то и это нисколько не подвинетъ впередъ рѣшенія, ибо и прилагательныя, имѣя въ Ц.-Славянскомъ языкѣ разныя формы для упомянутыхъ падежей, въ Сербскомъ имѣютъ одинаковую для обоихъ, сходную съ дательнымъ Ц.-Славянскаго. Всѣ примѣры могутъ быть распредѣлены лишь по предполагаемой большей вѣроятности. Такъ я отнесу къ формѣ дательнаго: **по правоу и по ꙁаконоу** (А. № 1), **по црькевномоу оуставоу** (Ш. № VII), **по ꙁаконꙋ, по старомꙋ**—(С. NN№ 2, 16, 17, 19, 20, 24), **по томоуже ѡбраꙁоу** (С. № 24), **по прркоу двоу, по чиноу скоимоу** (С. № 176), **по црковнꙋ ѡбраꙁꙋ, по ꙁаконꙋ оуставленномꙋ** (С. № 46), **по ѡбраꙁꙋ, ѡбраꙁꙋ** (А. NN№ 12, 13), **по прркоу** (В. № 1), **по исаїи** (А. № 16) — отъ того, во первыхъ, что въ раннихъ грамотахъ еще трудно предположить народную форму, которая, какъ мы видѣли, только разъ появляется въ концѣ XIII-го в.; а въ другихъ слишкомъ сильно вліяніе Ц.-Славянской стихіи; во вторыхъ же, по тому, что мѣстный п. прилагательныхъ, какъ покажетъ дальнѣйшее изслѣдованіе, оканчивается почти всегда на **-мь**, а дательный на **-мꙋ**, хотя опять утверждать это положительно нельзя, ибо оба нынѣшніе падежа сходятся между собою и въ формѣ на *-му* и въ формѣ на *-м*. До какой степени доведено было смѣшеніе формъ, видно изъ Законника, который пишетъ и **по црьковномоу ꙁаконоу и по ꙁаконоу црьковномь и царскомь**. Можно обѣ формы назвать и мѣстнымъ и дательнымъ п., но, предполагая въ Законникѣ вліяніе Ц.-Славянскаго языка, мы скорѣе отнесемъ первую къ дательному, вторую къ мѣстному, ибо и другіе мѣстные падежи представляютъ въ себѣ смѣшеніе обѣихъ стихій. Такъ одна и та же грамота говоритъ: **по семь отворенꙋ и по семь ѡтвореномь листꙋ** (С. № 116), разумѣя, конечно, подъ тою и другою формою мѣстный падежъ. По этому для опредѣленія падежа должно непремѣнно смотрѣть на семьи и вообще на свойства памятниковъ. О тѣхъ же выраженіяхъ, но только въ другихъ грамотахъ встрѣчающихся, и о подобныхъ имъ мы можемъ предположительно сказать, основываясь на большей вѣроятности, что это суть мѣстные падежи, каковы на пр.: **по ꙁаконꙋ** (С. NN№ 43, 46, 55, 81, 85, 95, 103, 113, 134, 136, 142, 150, 153, 157, 167), **по ѡбраꙁоу, -ꙋ** (С. NN№ 46, 50, 62), **по ꙋкѧти, ꙋкнтꙋ** (С. NN№ 81, 85, 95, 103, 136, 150), **по ѡбичаю** (С. NN№ 81, 85, 99, 100 — 103, 120, 129, 133, 136, 145, 150, 157; З. А.), **по листꙋ** (С. NN№ 67, 98, 98, 99, 101, 102, 114, 116, 121, 140, 151—154, 164), **по [illegible]** (Б. № 94), **по ꙁапиcꙋ, ꙁаписꙋ** (С. NN№ 108, 112, 114, 115, 185, 141), **по [illegible]** (С. № 114), **по [illegible]** (С. № 142),

по тестаменть, тестаменть (С. №№ 155, 157, 159, 161), **по ѡвьи харатѣ** (С. № 168) и пр. Строить по нимъ форму падежа нельзя, ибо ихъ обоюдность, не смотря на всю вѣроятность, все таки позволяетъ думать и такъ и иначе. Одно, что можно сказать навѣрно, это то, что большинство подобныхъ случаевъ относится къ народной формѣ мѣстнаго п. и зависитъ отъ господства Западныхъ грамотъ въ XV-мъ в.; это подтверждается и множественнымъ числомъ, какъ увидимъ ниже. Второе значеніе предлога **по**, мало отличающееся отъ перваго, есть значеніе вины или причины, Лат. propter, pro, которое можетъ быть иначе передано чрезъ *за*. Съ этимъ значеніемъ онъ встрѣчается только разъ и, судя по свойству грамоты, вѣроятно, съ Ц.-Славянскимъ дательнымъ п.: **по грѣхоу** (С. № 176). Третье значеніе, тоже не болѣе разу встрѣчающееся, можетъ быть выражено предлогомъ *за* въ смыслѣ «быть за кого», или «итти за кѣмъ». Въ Законникѣ: **по томоу чловѣкоу**—правильно, если это народный мѣстный п., и неправильно, если это Ц.-Славянскій дательный, ибо по-ц.-славянски слѣдовало бы сказать: **по томь чловѣцѣ**, ибо съ подобнымъ значеніемъ **по** управляетъ въ обоихъ языкахъ мѣстнымъ п. Четвертое значеніе, въ которомъ **по** сочиняется съ мѣстнымъ п. въ обоихъ языкахъ, есть слѣдованіе во времени, что можетъ быть выражено нарѣчіемъ *послѣ*; на пр.: **по игоумени, игоумени** (А. №№ 3, 4), **по давнижнѣ** (С. № 40) и пр. Пятое значеніе относится къ выраженію посредства или содѣйствія, Лат. per, и съ нимъ **по** весьма часто встрѣчается въ нашихъ памятникахъ, преимущественно Западныхъ XV-го в. Въ обоихъ языкахъ онъ управляетъ мѣстнымъ лица. Такъ на пр.: **по логоѳетѣ по дешкѣ и по грьгурѣ** (чрезъ—, С. № 53), **по рускѣ** (С. № 92), **по грубкѣ** (С. № 105), **по поутеному и по поутеномѣ витезѣ** (С. № 119), **по кнезѣ иванишѣ хребеликовикѣ, по бранѣ тезалоникѣ и по радишинѣ кръткинѣ** и т. д. (С. № 127), **ни по едномь дрѹгомь члвѣкѣ** (С. № 132), **по рѹноюмь покліиерѹ по кнезѣ марою** (С. № 129), **ни по єдномь члкѣ** (С. № 142), **по реченомъ своемь коморникѣ по витезѣ кнезѣ прибисавѣ вьзгорь именованомѣ** (С. № 157) и т. д. Наконецъ послѣднее значеніе предлога **по** есть выраженіе мѣста дѣйствія, или состоянія. Въ этомъ значеніи онъ соединяется съ дательнымъ п. Ц.-Славянскаго языка и мѣстнымъ народнаго, на пр.: **по трьгѣ** (С. № 22), **по дѣлоу, -ѣ** (А. №№ 5, 6, 19), **по вѣкоу** (Мк.), **по хрйдоу** (А. № 11), **по поути** (З.), **по свитѣ, по всѣмь дѣлѣ** (С. № 89), **по колѣнѣ, -ю, колѣнѣ, колѣнѣ** (С. №№ 96, 98, 104, 107, 108, 112, 115, 126), **по редѣ** (С. №№ 107, 145), **по мишкомь своѣ** (С. № 108), **по урьлиснѣ браунѣ** (С. № 121), **по нотарѣ** (С. № 140).

Одинъ разъ мѣстный п. употребленъ безъ предлога: **дворѣ** вм. **в дворѣ** (С. № 156); но одинъ случай еще не составляетъ употребленія.

Для средняго р. окончанія остаются одни и тѣ же: **-ѣ, -и -ѣ**. Два первыя суть Ц.-Славянскія. Нынѣшній же языкъ всѣ исходы именъ подвелъ подъ одинъ уровень, назначивъ для всѣхъ образовательное *-у, -ю*. Народность пробивалась и въ старину въ тѣхъ же звукахъ **-ѹ** и **-ю**. Намъ остается только подтвердить среднимъ родомъ то отношеніе памятниковъ, которое мы видѣли въ родѣ мужескомъ. До самой половины XIV-го в. ни въ одной грамотѣ не встрѣчается народная форма: всюду **-ѣ** и **-и**. Гортанныя измѣняются, какъ обыкновенно. Но съ половины XIV-го в. начинаетъ показываться во всѣхъ семьяхъ грамотъ народная форма на **-ѹ** и **-ю**: **ѡ свѣдѣнію** (А. № 11), **на прѣкъсниіи** (С. № 62), **в владанию** (С. №№ 64, 66), **в приморию** (С. №№ 68, 86), **на морѹ** (С. № 71), **оу мѣстоу** (С. № 73), **о имению** (С. № 76), **оу селоу, оу годищоу**

и тутъ же оу селѣ (3.), на гнодьствии (А. № 19). Но Ц.-Славянская форма все еще преобладаетъ. Въ XV-мъ в. встрѣчаемъ уже совсѣмъ иное. Самыя Восточныя грамоты отдаютъ преимущество народной. Въ нихъ читаемъ: оу мѣстоу, селу, приморию (С. № 91), у мѣсту, приморїу, -ю, владанїу, -ю, брьду, брѣду (С. № 111, 137), у приятелѣху (С. № 111); но въ оустроенїи и оуставлениїи (А. № 16), о недостоинствѣ, къ мори, въ нахожениїи, въ ... (С.-Д. М. 1844). Далѣе: оу селоу, прїятелствоу (С. № 137), у смѣреху (С. №№ 137, 147), оу смедереву (С. № 138), у станю и потению (С. № 166), оу ..., но въ православїи (Г. Б), на цѣтиню и цѣтинѣ, о рождьствоу, но на мѣстѣ (Мл.), на мѣстѣ (С. № 60), въ исповѣданїи (А. № 20). Отношеніе перемѣнилось. Тѣмъ болѣе должно оно склониться на сторону народности въ грамотахъ Западныхъ. Излишне бы было приводить ту и другую формы: довольно если укажемъ на одну Ц.-Славянскую и замѣтимъ малочисленность случаевъ ея употребленія. Такъ мы находимъ: у приморьи (С. № 89), на ... и -ению (С. № 92), на срьци (С. № 94), на госпоцтви (С. № 96), въ црьствѣ, на мѣсти (С. № 97), въ гнтвѣ (С. № 100), на гопостви и у гопостви, на госпоцстви и у госпоцству (С. №№ 101, 102), въ гпоцтвѣ (С. №№ 104, 107), на мори (С. № 107)—и только. Въ позднѣйшихъ вовсе ея нѣтъ. Только въ Турецкомъ спискѣ съ грамоты Дечанскаго еще попадается на небеси, на мѣстѣ (С. № 37). И такъ въ первой половинѣ XV-го в. Ц.-Славянская форма, постепенно слабѣвшая со второй половины XIV-го в., пришла въ совершенный упадокъ и подъ конецъ уступила полное право господства народной.

Объ управленіи предлога по должно сказать то же, что сказано было выше: дательный и мѣстный пп. смѣняются одинъ съ другимъ, смотря по вліянію той, или другой стихіи. Самое обширное и неопредѣленное употребленіе въ первомъ значеніи можетъ быть объяснено до извѣстной степени вѣроятности свойствомъ памятника и семьею, къ которой онъ принадлежитъ. Въ позднѣйшихъ Западныхъ грамотахъ, когда мѣстный п. сошелся съ дательнымъ, различія не замѣтно; но въ Восточныхъ и во всѣхъ грамотахъ XII-го и XIII-го вв., когда еще сильна была Ц.-Славянская стихія, съ перваго же взгляда обнаруживается различіе между формами словъ, сочиненныхъ съ по и употребленныхъ въ другомъ сочиненіи. Тогда какъ первыя исходятъ на -у, -ю, вторыя имѣютъ исходомъ -ѣ и -и: явно, что Ц.-Славянская стихія требовала дательнаго п. По этому мы назовемъ дательными пп.: по милосрьдїю, по уловѣколюбию (А. № 1), по хътению (С. № 16), по изволению (А. № 2), по дициматрию (А. № 4), по словоу (С. № 51), по словеси (А. № 5), по изволению (С. № 35), по изволению (В. № 1), по изволению, по умолению и благоутробию (А. № 10); но въ этой же грамотѣ, ровесницѣ гр-ѣ А. № 11, въ которой, мы видѣли, появилась впервые народная форма о спсенїю, появляется народное употребленіе предлога по съ мѣстнымъ п., который однако остается въ Ц.-Славянской формѣ: по хотѣнии. Въ дальнѣйшихъ памятникахъ Восточной семьи употребляется та же форма, но такъ какъ здѣсь начинаетъ уже показываться народный мѣстный падежъ, то рѣшеніе становится затруднительнымъ, и объ этой формѣ нельзя сказать ничего положительнаго: дательный ли она Ц.-Славянскій, или мѣстный народный? Въ Западныхъ грамотахъ, съ учащеніемъ народной формы, должно и форму на -у и -ю съ предлогомъ по считать скорѣе народнымъ мѣстнымъ, чѣмъ Ц.-Славянскимъ дательнымъ. Есть нѣкоторые случаи, гдѣ нѣсколько яснѣе обна-

руживается, что это мѣстный п. Таковъ въ одной изъ самыхъ первыхъ Западныхъ грамотъ XIV-го в.: **по семи словѣ и потврьженію** (С. № 66), **по семь нашемь писанію** (С. № 112) и пр. Во второмъ значеніи **по** встрѣчается только однажды въ Законникѣ: **по мытоу**. Въ четвертомъ **по** сочиняется въ обоихъ языкахъ съ мѣстнымъ, на пр.: **по прѣдании, по написании** (Ш. № VII), **по крьщеніе** (вм. -и, С. № 16), **по крьщениі** (А. № 4), **по крьстиании** (С. № 62), **по устaвлению, по възвѣщении** (А. № 14), **по кралевьствѣ, по роіствѣ** (С. № 66), **по роіствѣ божиі** (С. № 68), **по роіствѣ хвѣ** (С. № 71), **по срдопостию** (С. № 93), **по прѣставлении** (А. № 17) и т. д. Пятое значеніе опять допускаетъ двоякое сочиненіе, и по тому въ древнѣйшихъ памятникахъ мы скорѣе сочтемъ за дательные пп.: **по моемь владанию** (А. И.), **по мору** (С. №№ 2, 16, 20), **по поморью, по суху** (С. № 16); но какъ трудно дѣлать положительныя заключенія видно изъ того, что въ ближайшей грамотѣ употребленъ мѣстный Ц.-Славянскій: **по морѣ, по сусѣ** (С. № 12). Далѣе, вѣроятно, встрѣчаемъ мѣстные пп.: **по всемь моемь владанию** (С. № 80), **по мори и по суху** (С. №№ 88, 113) и т. д.

Вліяніе народности отразилось и въ другомъ отношеніи. Уже въ древнѣйшихъ Восточныхъ грамотахъ -ии чрезъ стяженіе при посредствѣ -ьи перешло въ -и, на пр.: **въ крьщении** (А. № 1), **о исправлении, поставлении, по прѣдании, написании** (Ш. № VII), **о спасении** (А. № 7), **о раздоучении. въ иули** (С. № 176), **въ отьстви** (А. № 5), **о житѣ, по хотѣнії** (А. № 10), **о дарования** (С. № 46), **въ откриени, о записани** (№ 50), **у владани** (С. №№ 65, 79) и т. д. Точно такъ же -ию чрезъ -ью стягивается въ -ю, на пр.: **по житию** (С. № 16), **по изволению** (С. № 35), **по записанию** (С. № 87) и т. д. Имена съ первичнымъ носовымъ исходомъ склоняются или по-ц.-славянски: **по крьмене** (С. № 16), или по-сербски: **по имени** (А. № 14; С. № 156), **по крьмени, у крьмени** (С. №№ 107, 117). Имена съ краткимъ именительнымъ п. склоняются тоже двояко: **по словоу, -у** (С. №№ 51, 66) и **по словеси, словеси** (А. № 5; Г. А, Б), **на небеси** (А. № 37).

Въ женскомъ р. древнекнижный и нынѣшній Сербскій языкъ имѣютъ одно общее окончаніе -и, -*и*, и такъ какъ въ немъ они сходятся съ Ц.-Славянскимъ для мягкаго исхода, то сдѣсь временнаго движенія между тѣмъ и другимъ подмѣтить нельзя; остаются только имена съ твердою гласною а, которыя въ Ц.-Славянскомъ принимаютъ -ѣ. Гортанныя измѣняются въ обоихъ одинаково. Относительно именъ на -а мы замѣчаемъ, что въ первыхъ двухъ вѣкахъ Сербской письменности Ц.-Славянская стихія преобладаетъ весьма сильно; сдѣсь мы постоянно находимъ формы, подобныя этѣмъ: **оу прищьрѣвѣ, горѣ, давьморѣ, хятѣ** (А. № 1), **оу хвостинѣ, хятѣ, жоупѣ, расѣ** (Ш. № VII), **в клѣтцѣ, клѣтьцѣ** (С. №№ 3, 7, 20), **в правдѣ, правьдѣ** (С. №№ 6, 7), **в вѣрѣ** (С. № 17) и пр., даже **на, в, въ земле, земли** (С. №№ 16, 17), гдѣ вмѣсто законнаго и поставлено ѣ, перезвукованное въ е. Въ XIV-мъ в. начинаетъ уже показываться форма на -и вмѣсто -ѣ въ грамотахъ Восточныхъ: **въ слави** (Мк.), **оу дубровници**, -и (А. № 5), **в прихрани** (С. № 35); но общее окончаніе, какъ и въ XV-мъ, есть пока -ѣ, перезвукованное иногда въ -е; даже находимъ: **на оглавници** (А. № 7). Западныя грамоты, съ появленіемъ своимъ въ XIV-мъ в., еще отдаютъ преимущество Ц.-Славянской формѣ: **въ босьнѣ** (С. № 66), **въ жупѣ** (С. № 68), **на вѣрѣ, о марѣ, главѣ**, даже **о дьце**, но и **о дьци** (С. № 76), **в жупѣ** (С. № 78). Но съ конца XIV-го в. уже обнаруживается колебаніе: **на вири** (С. № 179), **на слави** (С. №№ 85), которое однако продолжается во весь XV-й в., такъ что народная постоянно видитъ около себя Ц.-Славянскую

Такъ: **на слави** (С. NN№ 95, 96, 98, 145), **въ, на, у држави, дръжави** (С. NN№ 96, 98, 100, 107, 120), **въ жупи** (С. NN№ 96, 98), **у гори, катаници** (С. № 98), **у коноди** (С. № 107), **у босни** (С. № 113), **у сутисци** (С. NN№ 116, 135), **у цеки**—безъ перемѣны гортанной (С. № 119), **у кривини, ꙁети, на копани** (С. № 132), **на планини** (С. № 133), **на, у постави** (С. NN№ 135, 161), **у пламеньцими** (С. № 140), **на глави** (С. № 157), **у рѹци, на порти, половини** (С. № 164) и **у сутисцѣ** (С. № 97), **на славѣ, -е** (С. NN№ 107, 120, 133), **на дръжавѣ, -е, -е** (С. NN№ 107, 133, 145), **на главѣ** (С. № 107), **на портѣ** (С. № 114), **ѡ потрибе** (С. № 135), **ѡ сьгрѣсѣ, супротивщинѣ, у викѣ, на планинѣ** (С. № 142), **у тръьѣвѣ** (С. № 144), **у рѹце, на поставе** (С. № 164). Въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ видимъ ту и другую форму. Но здѣсь еще важенъ перезвукъ **и** въ **е** и **ѣ**, замѣчаемый не рѣдко въ именахъ съ мягкимъ исходомъ. Трудно предположить въ Западныхъ грамотахъ, чтобы въ этомъ случаѣ стояло дѣйствительно **ѣ**, обратившееся въ **е**, если и въ Восточныхъ, кромѣ одного случая, этого не замѣчали: скорѣе должно принять это явленіе за перезвукъ. Такъ мы читаемъ: **у, на вѣкинцѣ, векинце, векинце, кневинце** (С. NN№ 86, 100, 108, 109, 119, 123, 126. 130), **къ троицѣ, на полице** (С. № 97), **на т҃роицѣ** (С. № 114), **на полѹте, -не** (С. NN№ 123, 126, 130), **у дракевицѣ** (С. № 128), **на световице** (С. № 142), **у половицѣ** (С. № 143), **на ꙁемлѣ** (С. № 144). Или, быть можетъ, древніе писцы, забывая со временемъ Д.-Булгарское словодвиженіе и не дорожа также своею народною формою, небрежно ставили ту, или другую форму, смотря по тому, которая скорѣе приходила имъ въ голову; но такое предположеніе противорѣчило бы сознанію и послѣдовательности, которыя мы замѣчаемъ въ другихъ случаяхъ. По этому лучше считать это явленіе перезвукомъ, очень легкимъ и не замѣтнымъ при мягкости 6-ы **е**. Въ этомъ убѣждаемся еще болѣе, когда обращаемся къ именамъ съ согласнымъ исходомъ, которыя, не смотря на то, что постоянно имѣютъ здѣсь **-и**, какъ въ Ц.-Славянскомъ и нынѣшнемъ Сербскомъ, допускаютъ тѣмъ не менѣе **-ѣ**; на пр.: **по ꙁаповиедѣ, -кѣдѣ** (С. NN№ 128, 142, 143), **у вѣрностѣ, по рѣчѣ** (С. № 142), **ѡ приꙁѣвѣ, у пламетѣ** (С. № 144). Перезвукъ этотъ имѣетъ связь съ употребленіемъ **ѣ** вм. **и**, и мѣсто его въ одномъ XV-мъ вѣкѣ.

Что касается до предлога **по**, то при совершенномъ тожествѣ формъ дательнаго и мѣстнаго пп. какъ въ Ц.-Славянскомъ, такъ Сербскомъ, изслѣдованіе дѣлается совершенно безплоднымъ по причинѣ невозможности различить падежъ, съ которымъ предлогъ этотъ сочиненъ. Формы равномѣрно измѣняются, какъ и при другихъ вышеприведенныхъ предлогахъ, и идутъ совершенно въ уровень съ прочими формами этого падежа. Гдѣ находимъ въ окончаніи **-ѣ**, тамъ и при **по** находимъ ту же букву: **по правдѣ** (Ш. № VII), **по ꙁутѣ** (С. № 2), **по кастьвѣ** (С. № 9) и т. д.; когда показывается **-и**, тогда и при **по** показывается оно же: **по сили** (С. № 78), **по дръжави** (С. № 102) и т. д. То же движеніе мы видѣли въ дательномъ п., а по тому рѣшительно нельзя распознать эти падежи въ сочиненіи съ **по**. Достаточно сказать, что съ какимъ бы падежемъ ни былъ сочиненъ предлогъ **по**, дательнымъ, или мѣстнымъ, форма этого падежа не отклоняется ни мало отъ общаго движенія и представляетъ по своему образованію полное согласіе съ другими случаями употребленія того же падежа.

Именительный п. мн. ч. муж. р. въ Славянскихъ нарѣчіяхъ весьма измѣнилъ и умножилъ свои окончанія сравнительно съ древнѣйшими одноплеменными язы-

ками. Сербскій языкъ, какъ членъ Славянской семьи, имѣя въ своей древней письменности различныя окончанія, въ которыхъ онъ гораздо ближе подходитъ къ Д.-Булгарскому, чѣмъ къ нынѣшнему, требуетъ себѣ поясненія, а отчасти и самъ поясняетъ ихъ. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ принято двоякое образованіе, одно съ помощію падежнаго указателя *и*, который находимъ отчасти въ Литовскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, въ формахъ *-ai*, *-oi*, *-i*; другое съ помощію первоначальнаго *-as*, употребляемаго Санскритомъ и Готскимъ языкомъ, въ которыхъ *i* предоставлено лишь мѣстоименному склоненію. Стяженіе этаго *as* съ основною конечною твердою гласною *a* производитъ въ Санскритѣ *-âs*. Напротивъ при мягкой основѣ *i*, какъ и при *u*, вмѣсто стяженія, происходитъ усиленіе основнаго *i* въ *aj*, откуда *-ajas*, и *u* въ *av*, откуда *-avas*. Славяне употребляютъ *u*, *i*, для твердой основы, и первоначальное *as* въ перезвукованномъ видѣ для мягкой. Сдѣсь должно сказать, что въ Славянскихъ нарѣчіяхъ слова, большею частію, забыли первоначальныя основныя гласныя и смѣшали свои ряды, такъ что въ отношеніи движенія почти для каждаго нарѣчія нужно свое распредѣленіе словъ по окончаніямъ; тѣмъ не менѣе первоначальное дѣйствіе основныхъ гласныхъ обнаруживается при ихъ движеніи, и падежныя окончанія находятъ себѣ объясненіе въ тѣхъ языкахъ, которые чище сохранили праязычныя свойства. Образовательное окончаніе, допускаемое Славянскими нарѣчіями, есть, какъ сказали мы, *и*: сдѣсь нѣтъ ничего особеннаго. Оно приставляется прямо къ твердому согласному исходу слова, при чемъ конечная полугласная пропадаетъ, а гортанная подвергается претворенію тамъ, гдѣ претвореніе допускается. Кругъ его употребленія далеко не одинаковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Самое правильное и разумное служеніе находимъ въ Д.-Булгарскомъ языкѣ: сдѣсь оно требуется именами съ твердою основною согласною, преимущественно гортанною, и согласною втораго образованія, какъ-то **ж**, **ѕ**, **ц**, **ч**, **ш**, **щ**, которая предполагаетъ первоначальный твердый звукъ; равно какъ именами съ гласнымъ исходомъ и нѣкоторыми на **ь** съ предыдущею плавною **л**, **р**. И такъ: **влъци**, **роѕи**, **доуси**, **мѫжи**, **отьци**, **враци**, **кнаѕи**, **краи**, **ѕлодѣи**, **гнои**, **алтари**. Слѣдовательно, сдѣсь служеніе **-и** условливается твердостію конечной основной согласной. Труднѣе объяснить его при гласной; но должно полагать, что оно возможно сдѣсь по тому, что основная гласная, какая бы она ни была, твердая или мягкая, не имѣетъ прямаго дѣйствія на падежной признакъ **-и**, раздѣляясь съ нимъ смягчающимъ небнымъ началомъ, производящимъ отбой голоса, ибо въ формахъ, какъ **краи**, **гнои** послѣднее **и**, по причинѣ предшествія гласной, звучитъ мягко. Плавныя, какъ мы уже выше видѣли, не имѣютъ въ себѣ опредѣленной положительной твердости, или мягкости, а по тому въ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ нихъ происходитъ колебаніе и двойственность. Они, по самому органному свойству своему, занимаютъ середину между твердостію и мягкостію. Мы уже имѣли случай замѣтить ихъ колебаніе въ Д.-Сербской письменности. Укажемъ сдѣсь на подобные случаи въ Д.-Булгарскомъ; такъ: **воура** и **воурѧ**, **алтара** и **алтарѧ**, **цѣсарѣ** и **царѧ**, **авела** и **авелѧ**. Отъ того и сдѣсь плавный исходъ представляетъ найбольшее число исключеній: **кораблѥ**, **рыбарѥ** и **мытарии**, **съвѣдѣтелии**, **мытарѥ**, **съвѣдѣтелѥ** со стянутымъ **-ѥ** изъ **-иѥ**. Изъ прочихъ нарѣчій яснѣе видно это въ Польскомъ, Чешскомъ и Лужицкомъ, въ которыхъ обыкновенно, хотя и не безъ исключеній, твердыя согласныя принимаютъ *-i*, *-y*. Остальныя нарѣчія уже смѣшиваютъ твердость и мягкость и расширяютъ кругъ служеніе *-и*, такъ что Сербскій и Хорватскій, кромѣ двухъ, трехъ словъ, уже не знаютъ другаго исхода, какъ только *-и*, *-i*. Рус-

скій и Хорутанскій, при разнообразіи падежныхъ окончаній, почти, или вовсе не наблюдаютъ различія между твердостію и мягкостію основнаго исхода. Другой падежный исходъ, находимый въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, есть -ие, принимаемый именами, исходящими на ь съ первообразною мягкою согласною, включая сюда и с: татие, голѫбие, мытарие, урьвие и т. д. Очевидно, -ие условливается мягкостію согласнаго исхода. Оно происходитъ изъ *-as* чрезъ перезвукъ *-as* въ *-e* и возстановленіе мягкости исходной полугласной въ видѣ *и*: изъ *-ие* образуется -ие. Слѣдовательно, эти имена сходятся съ Санскритскимъ образованіемъ отъ основы *i*, какъ на пр. *krmi* — *krimajas*. Стяженіе производитъ -и или -е, на пр., мытаре, съвѣдѣтели. Но съ этимъ -е, -и не должно смѣшивать другое *-е*, происходящее чрезъ перезвукъ изъ *-as* и только тѣмъ отличающееся отъ -ие, что при немъ основная мягкость не возстановляется въ видѣ *-и*. Въ Д.-Булгарскомъ языкѣ оно, по видимому, возникло въ послѣдствіи, ибо его находимъ въ позднѣйшихъ формахъ на -ие вм. -ы отъ словъ на -инъ первоначально -е, равно въ позднѣйшемъ образованіи на -ове, -еве. Прочія Славянскія нарѣчія смѣшиваютъ то и другое окончаніе и вообще представляютъ его въ видѣ мягкаго *е*: *-je*, *-ie*, *-é*, *-e*. Дѣйствительно, -ие и -е въ сущности есть одно и то же образованіе; -ие въ другихъ нарѣчіяхъ чрезъ стяженіе переходитъ въ мягкое *-e*, которое пишется то съ *-j*, *-i*, то безъ нихъ, какъ *-é*, или просто какъ *-e*. Кругъ служенія этого исхода различенъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: одни сокращаютъ его, другія расширяютъ. Хорватскій вовсе не имѣетъ его; Сербскій также, кромѣ Ресавской формы: *ме*, *гре*, *сме*. Русскій тоже, кромѣ словъ на *-инъ* и древнихъ *людье*, *гостье*, ибо нынѣшняя форма *-ья* объясняется иначе; Хорутанскій имѣетъ *-je* вообще для мягкаго исхода, равно какъ для нѣкоторыхъ именъ на *d*, *b*, *t*, которыя впрочемъ могутъ исходить и на *-i*. Польскій для мягкаго исхода и для словъ на *-anin* тоже употребляетъ *-ie* или *-e*; Чешскій равномѣрно при мягкой исходной согласной ставитъ *-é*, *-e*, относя сюда исходъ *-an* и нѣкоторыя слова на *d* и *l*. *Лужицкій* всѣ слова съ мягкимъ исходомъ оканчиваетъ на *-e*. И такъ мы видимъ, что вообще твердый исходъ именъ существительныхъ мужескаго р. принимаетъ *-и*, а мягкій *-ие* или *-е*. Точности здѣсь искать нельзя; но должно судить по большинству явленій. Равно не всѣ нарѣчія одинаково смотрятъ на мягкость согласной, и въ этомъ случаѣ мы можемъ сдѣлать три замѣчанія: во первыхъ, плавныя постоянно представляютъ колебаніе, переходя изъ одного образованія въ другое; во вторыхъ, такъ называемыя среднія *б*, *в*, *д*, *т*, *с* склоняются, большею частію, на сторону *-є*, *-е* или мягкаго образованія; въ третьихъ, согласныя втораго образованія, свистящія и шипящія, различнымъ способомъ употребляются: въ Ц.-Славянскомъ языкѣ съ -и, позднѣе ж переходитъ по большей части въ образованіе -ие; а въ другихъ то съ *-и*, то съ *-є*. Но не смотря на это смѣшеніе и разнообразіе воззрѣнія Славянскихъ нарѣчій на твердость и мягкость, важно то, что эти два свойства звуковъ условили собою двоякое окончаніе падежа, и что Ц.-Славянскій языкъ, который чище и древнѣе другихъ, именно на этихъ-то свойствахъ утвердилъ различіе образовательныхъ окончаній. И такъ начало формъ именительнаго п. мн. ч. муж. р. объясняется языкословно чрезъ коренной, прадавній способъ, употребляемый Индоевропейскими языками для этого падежа. Что въ формѣ -ие и есть основное, а не падежное, то это доказывается В.-Лужицкомъ *-ojo*, которое хотя и называютъ вытянутымъ *-jo*, однако это несправедливо: *-jo* В.-Лужицкое отвѣчаетъ Хорутанскому *-je*,

т. е., стянутому *-ие*, перешедшему въ мягкое *-є*, которое, какъ извѣстно, у *Лу*жичанъ смягчается еще болѣе въ *-jo*, Рус. *-ё*, а отъ него окончательно переходитъ въ *-о*, такъ что сдѣсь крайности сталкиваются: крайнее смягченіе производитъ уже твердый звукъ, который, впрочемъ, всегда можно отличить отъ настоящаго *о*. Вытяженіе голоса не могло стать впереди самого звука, и *-jo* никакъ не могло произвести *-ojo*; но, на оборотъ, послѣднее произвело первое; въ немъ конечная основная полугласная возстановлена въ видѣ *о*, которое, по свойству *Лужицкаго* языка, можетъ отвѣчать и твердой и мягкой полугласной, будучи въ сущности совершенно различныхъ свойствъ и отвѣчая въ первомъ случаѣ настоящему *о* = *ъ*, а во второмъ *е* = *ь*; по этому *-jo* есть то же, что *-е*, смягчившееся передъ гласной въ *-є*. И такъ сдѣсь первое *о* отвѣчаетъ Ц.-Славянскому **-и** и есть, стало быть, воспроизведеніе основной конечной полугласной. Разница только въ томъ, что В.-Лужичане озвукотворяютъ въ *о* и твердую и мягкую полугласную, и по тому форма *-ojo* равно употребляется для всѣхъ именъ и съ твердымъ и съ мягкимъ исходомъ. Эта-то В.-Лужицкия форма соединяетъ **-ние**, **-ье**, **-е** съ другою позднѣйшею формою **-ове**, **-еве**. Какъ въ ней полугласная озвукотворена въ *о*, равное съ одной стороны *о*, съ другой *е*, такъ и тутъ полугласная озвукотворяется въ **о** и **е**, и формы **-ове**, **-еве**, какъ и *-ojo*, являются одна при твердомъ, другая при мягкомъ исходахъ. Сдѣсь конечное **е** есть *-as*; а **в** есть благозвучная буква, предупреждающая зіяніе *-ое*, *-ее*, подобно В.-Лужицкому *j*. Но форма **-ове**, **-еве**, по всему вѣроятію, не была первоначально въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, а появилась въ немъ только съ теченіемъ времени, такъ что главнѣйшее усиленіе ея перешло уже въ другія нарѣчія и сдѣсь подверглось дальнѣйшему видоизмѣненію. Форму *-owie*, *-owé*, *-owe* находимъ въ Польскомъ, Чешскомъ и В.-Лужицкомъ. Забвеніе въ ней значенія б-ы *w* и принятіе ея за неподвижную часть слова, съ утратою падежнаго образовательнаго значенія, допустило въ ней, по причинѣ первоначальной твердости б-ы *в*, съ какою она является въ Ц.-Славянской **-ове**, возможность замѣнить настоящій исходъ *е* (*-as*) чрезъ совершенно другой и независимый отъ него *-и*, откуда позднѣйшая форма у Сербовъ и Хорутанъ *-ови*, *-еви*, *-owi*, *-ewi*. Хорватскій вовсе не имѣетъ этой формы; Сербскій же можетъ вполнѣ обойтись безъ нея, ибо сдѣсь она вызвана благозвучною потребностію, которая однако въ тѣхъ же словахъ допускаетъ и простой исходъ *-и*. Обратимся теперь къ Русскому языку и посмотримъ его образованіе. Мы сказали, что онъ имѣетъ *-и* или *-ы* и *-е*, но кромѣ того въ немъ находимъ окончанія *-а* и *-ья*: *господа*, *учителя*, *князья*, *сучья* и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣсь *-а*, *-я* есть окончаніе, заимствованное отъ средняго р., и что *-ья* составилось изъ прежняго *-ье*, *-ии*, чрезъ перемѣну *е* мужескаго р. на *я* средняго р. Забывъ значеніе формы *ов*, *ев*, Русскій языкъ подчинилъ ее общему образованію на *-а* и *-ья*, составивъ *-ева*, *-овья*, *-евья*: *хозяева*, *кумовья*, *зятевья*. Вотъ сколько различныхъ окончаній имѣетъ Русскій языкъ. Подражаніе среднему р. замѣтно также у В.-Лужичанъ въ формахъ на *-а*: *bura*, *kmótsja*, *popa*, *bratsja*, у Хорватовъ въ словахъ съ собирательнымъ значеніемъ *derva*, *tla*, и у Поляковъ въ словахъ: *okreta*, *grunta*. Мѣстами эта форма перешла, по сходству окончаній, въ женскій р. и получила единственное число съ движеніемъ женскаго р. Таковы у Сербовъ: *деца*, *господа*, *браћа*, у Хорватовъ: *dêtca*, *gospoda*, *marša*, *bratja*, у Хорутанъ: *gospoda*, у Поляковъ: *bracia*, *księża*, у древнихъ Чеховъ: *hrabija*, *sudija*, *bratřija*,

knežija [1] и т. д. Впрочемъ, нельзя навѣрно утверждать, что эта форма образовалась непремѣнно отъ средняго р. мн. ч., какъ того же нельзя сказать и о словахъ средняго р. ед. ч. на *-ии*, *-ье*, *-е*: соображенія, которымъ слѣдуетъ духъ языка не всегда бываютъ понятны: разумный и самостоятельный произволъ живаго языка не всегда подчиняется строгой послѣдовательности, но иногда выбираетъ окольные пути, другія основанія, иныя соображенія, которыя угадать дается не всякому, да иногда и нельзя сказать объ нихъ положительно, ибо пріемы бываютъ различны, хотя и ведутъ къ одному концу. Можно дѣйствовать и такъ и сякъ съ одною цѣлью. Упомянутыя формы могли образоваться и самобытно, независимо отъ формы именительнаго п. мн. ч. муж. р. Относительно образованія на *ов*, *ев*, замѣтимъ, Русскій и Польскій языки строже всѣхъ провели отличіе этого образованія отъ *-ья*, *-іе*, *-е*, ограничивъ его лишь именами человѣка и предоставивъ другое прочимъ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ. В.-Лужицкій силится также разграничить *-ојо*, *-owe*, отъ *-у*, *-і*, *-е* на основаніи разумности и неразумности предмета; но частые переходы разумныхъ именъ въ образованіе неразумныхъ показываютъ, что не тутъ должно искать главнаго основанія. Чешскій равномѣрно предоставляетъ *-owé*, одушевленнымъ предметамъ со множествомъ исключеній въ пользу неодушевленныхъ. Хорутанскій и Сербскій вовсе не дѣлаютъ различія между *-owi*, *-ewi* и *-іе*, или *-ови*, *-еви* и *-и*. И такъ ни то, ни другое, ни третье окончаніе не прошло цѣло по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ и ни въ одномъ изъ нихъ не утвердилось такъ, чтобы можно было положительно опредѣлить его мѣсто, значеніе и границы. Благозвучіе, не вполнѣ одинаково понимаемое Славянскими нарѣчіями, не одинаково и распорядилось мѣстомъ и кругомъ ихъ служенія; но для насъ важны сдѣсь не подробности, а общій итогъ, основанный на большинствѣ употребленія. Мы видимъ, что всѣ окончанія именительнаго п. мн. ч. муж. р. возникли изъ общаго праязычнаго начала законнымъ и естественнымъ образомъ согласно съ духомъ Славянскаго языка. Въ основу имъ легли два признака: *и* и *as*; твердость и мягкость исходовъ раздѣлили ихъ между собою, а позднѣйшее *-ове*, *-еве* перевело отразившееся въ немъ *as* и на твердый исходъ. Это главный итогъ, который можно вывести изъ большинства явленій. Не для видоизмѣненія значенія слова, но по необходимости выразить падежъ возникли путемъ звукодвиженія *-и*, *-ие*, *-е*, *-ове*, *-еве*, и всѣ ихъ дальнѣйшія видоизмѣненія. Разумѣется, въ общемъ хозяйствѣ Славянскаго языка первоначальная основа была болѣе или менѣе забыта, ряды словъ смѣшались, слова приняли позднѣйшее окончаніе, по своему установили твердость и мягкость; однако окончанія ихъ въ этомъ падежѣ, какъ и въ другихъ, подчинились исконнымъ звуковымъ законамъ, примѣненнымъ къ самобытной жизни языка. Общія праязычныя начала просвѣчиваютъ среди множества дальнѣйшихъ и измѣнившихся явленій. Время дѣйствовало сдѣсь за одно съ движеніемъ Славянскаго языка и придало окончаніямъ падежа новое значеніе, которое хотя не родилось вмѣстѣ съ окончаніемъ, но усвоено было за нимъ духомъ языка. Я говорю о собирательной формѣ. Вѣроятно, въ древнѣйшую свою пору Д.-Булгарскій языкъ не имѣлъ ни за однимъ изъ своихъ окончаній значенія собирательнаго; но отъ времени *-ии* получило его. Неточность, съ перваго раза обнаруживающаяся въ употребленіи этого окончанія въ собирательномъ зна-

[1] Шафарикъ, Počátkowé Staročeské mluwnice, стр. 39, 41. Въ его Wýbor z literatury České. W Praze, 1845.

ченіи, мало говоритъ въ пользу необходимости для него этого значенія и показываетъ, что оно придано было ему въ послѣдствіи силою употребленія. Когда?—рѣшить трудно; но надо полагать, что весьма рано, быть можетъ, съ первымъ появленіемъ письменности. Въ Остромировомъ Евангеліи, древнѣйшемъ изъ помѣченныхъ годомъ памятниковъ, а слѣдовательно и въ подлинникѣ его, **-ие** употребляется съ именами предметовъ одушевленныхъ, преимущественно человѣка; то же явленіе замѣчаемъ съ собирательною формою и въ другихъ нарѣчіяхъ. Форма **-ове**, являющаяся еще только въ одномъ словѣ **сынове** и имѣющая въ большей части Славянскихъ нарѣчій собирательное значеніе, создана сдѣсь была какъ будто именно для того, чтобы твердому исходу придать собирательный смыслъ, а мы видѣли, что она однородна съ **-ие**. Отъ того **-ове**, служа твердому исходу, оказалось нужнѣе, чѣмъ **-еве**, и по тому ранѣе послѣдняго показалось въ письменности. Время, повторяю, много измѣнило въ формахъ. Исходъ **-жь** сталъ переходить часто въ **-ие**; **-ць** въ **-еве**; **-ль** и **-рь** продолжали принимать обоюдное окончаніе **-и** и **-ие** или стянутое **-ие е**; **-инъ** перешло въ **-инии** и приняло **-е**. Плавныя **л**, **р** и шипящія, по самой природѣ своей, стоя между совершенно твердыми гортанными и совершенно мягкими, т. е., въ сочетаніи съ **ь** употребленными губными и зубными, естественно представляли область столкновенія двухъ окончаній и изъ одного переходили въ другое. Я сказалъ, что собирательное значеніе, индѣ придаваемое окончанію **-ие** и чаще **-ове**, показалось въ Д.-Булгарскомъ языкѣ съ первымъ появленіемъ письменности: я сказалъ это по тому, что оно могло быть внесено въ письменность изъ устнаго языка. Подобное явленіе, образовавшееся и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, не могло быть дѣломъ книжниковъ; оно было слѣдствіемъ особаго представленія, возникшаго въ самомъ духѣ языка, и перешло въ книжность въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Тонкость различія, заключающагося между неопредѣленнымъ множествомъ и множествомъ въ совокупности, не могла быть строго проведена ни народомъ, ни писателями и постоянно подвергалась неточностямъ, очень понятнымъ и возможнымъ. Многое зависѣло отъ собственнаго воззрѣнія пишущаго, или говорящаго: понималъ ли онъ множество только вообще, какъ собраніе однородныхъ предметовъ, или воображалъ его себѣ какъ нѣчто цѣлое совокупное, когда отъ него въ добавокъ зависѣло представить его себѣ такъ, или иначе. Да и самое множество, разобщенное въ природѣ, подчиняясь законамъ мысли и языка, не становится ли уже въ нѣкоторомъ родѣ единствомъ? Во всякомъ случаѣ различіе было незначительное, что доказывается отсутствіемъ собирательной формы этого падежа въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ и въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, не считавшихъ ее нужною, или понимавшихъ это различіе гораздо грубѣе, такъ сказать, самоотдѣльнѣе, и выражавшихъ его въ формѣ средняго и отчасти женскаго р. По тому-то нѣкоторые ученые не замѣчали его въ разсматриваемомъ нами падежѣ, а другіе, на оборотъ, примѣтивъ его, уже слишкомъ произвольно распредѣляли его по формамъ, доводя ихъ толкованіе и употребленіе до крайной послѣдовательности. Жизнь не подлежитъ теоріи; состоя изъ безчисленныхъ явленій, она красуется ихъ разнообразіемъ, и много въ ней такого, что должно назваться особенностію и исключеніемъ. Духъ живаго самостоятельнаго языка разуменъ и свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ не любитъ теоретическихъ узъ; пути его часто неуловимы; богатство представленія зависитъ отъ богатства народной жизни. Подобіе, созвучіе, или что нибудь тому подобное внушаютъ ему,

какъ бы живому существу, новую мысль, новое представленіе, и, задавшись ими, онъ развиваетъ цѣлую область звуковъ и формъ. Такъ и сдѣсь мы замѣчаемъ, что множество, понятое и представленное двояко, доставило и двоякое значеніе формамъ того именно падежа, который выражаетъ множество предметовъ въ спокойномъ состояніи безъ отношенія и зависимости другихъ падежей. Совокупность однородныхъ предметовъ, представленная, какъ нѣчто цѣлое и единое, есть то же, что множество въ единствѣ, и по тому легко уже можетъ въ представленіяхъ духа языка перейти въ единицу, а для этого духъ языка создаетъ имя средняго р., иногда и женскаго, вкладывая въ него значеніе, само по себѣ отвлеченное, но указывающее на совокупность существующихъ предметовъ. Всего приличнѣе былъ для того средній р. съ своею формою на *-ие*, и вотъ неодушевленные предметы, и отчасти одушевленные, преимущественно имена животныхъ, но не человѣка, принятыя въ цѣльной совокупности, перешли въ этотъ родъ и стали въ единственномъ числѣ. Окончаніе *-ие* сократилось въ *-ье*, *-є*, *-je*, *j*. Такихъ именъ довольно во всѣхъ нарѣчіяхъ: многія изъ нихъ попали сюда изъ женскаго р.: — явно, что сдѣсь имѣеть уже мѣсто не именительный п. мн. ч. муж. р., а самостоятельная форма единственнаго ч.; иначе женскій р. не принялъ бы *-ие*. На пр.: Ц.-Слав. **листвие, вѣтвие, роджие**; Рус. *тряпьё*, *воронье*, *уголье*, *каменье*. Русскій перевелъ сюда и имя человѣка: *дурачьё*, *бабьё*; Серб. *расте*, *пруте*, *дрвле*, *пере*; Хорв. *perje*, *ternje*, *jogodje*, *grozdje*, *cwetje*, *kamenje*, *korenje*, *listje*; Хорут. *brézje*, *hrástje*, *térnje;* Поль. *ziele;* Чеш. *kwjtj*, *dřiwj*, *uhlj*; Луж. *lisćje*, *kosćje*, *pućie*. Многія понятія совокупности приняли форму женскаго р. ед. ч., другія средняго р. мн. ч.; но для насъ главное обстоятельство заключается въ томъ, что средній р. съ своею формою *-ие*, *-є* преимущественно оказался способнымъ къ выраженію множества въ единствѣ, да и вообще какой другой родъ, какъ не средній, можетъ всего лучше выразить совокупность предметовъ, представляемую, какъ нѣчто цѣлое, единое? При томъ такъ какъ эта совокупность становится уже понятіемъ отвлеченнымъ, ибо въ природѣ сама по себѣ не существуетъ, то окончаніе *-ие*, тоже выражающее обыкновенно понятія отвлеченныя, шло къ нему наиболѣе. Что же сдѣлалъ духъ языка? Постоянно употребляя съ исконнаго времени два тожественныя окончанія *-ие* именительнаго п. мн. ч. муж. р. и *-ие* именительнаго п. ед. ч. средн. р., онъ, по своимъ творческимъ соображеніямъ, возможнымъ лишь для живаго языка, дошелъ до мысли о возможности единства во множествѣ и создалъ понятіе совокупности, приспособивъ его къ самому приличному для того падежу; увлекшись же невольно тожествомъ одного изъ его окончаній съ другимъ, выражающимъ именно эту единичность и отвлеченность представленія, онъ этому окончанію и придалъ значеніе собирательное. Такъ отъ времени *-ие* множ. ч. муж. р. пошло въ ходъ со значеніемъ многихъ однородныхъ предметовъ, взятыхъ вмѣстѣ, въ цѣлости и единствѣ. Форма *-ове*, одного происхожденія съ *-ие*, явилась въ помогу этой послѣдней для словъ, не принимавшихъ *-ие* по тѣмъ же исконнымъ, кореннымъ началамъ, по которымъ образовались и приняли служеніе самые исходы *-и*, *-ие*, *-е*. За нею послѣдовала и *-еве*. И такъ этѣ двѣ формы явились въ Славянскомъ языкѣ съ собирательнымъ значеніемъ, не скажу всегда и всюду, а все таки индѣ съ замѣтнымъ присутствіемъ его. Дѣйствительно, не всѣ нарѣчія допускаютъ его, а допускающія не всѣ допускаютъ въ равной степени. Д.-Русской языкъ имѣетъ его въ формѣ *-ье*, можетъ быть, заимствованной у Ц.-Славянскаго языка. Но нынѣшній Русскій представляетъ любопытныя явленія. Онъ избралъ для того

окончаніе множественнаго ч. средняго р. и тѣмъ подтвердилъ, что духъ языка, создавая собирательное значеніе для *-ие*, бралъ въ основаніе вмѣстѣ съ наружнымъ сходствомъ и самую мысль средняго рода. Русскій языкъ не увлекся сходствомъ, но основался на одной мысли средняго р., и какъ будто для того, чтобы доказать, что самое множественное число можетъ заключать въ себѣ мысль единства, и что именительный п. множ. ч. муж. р. не требуетъ переведенія въ средній родъ единственнаго ч., какъ думаютъ нѣкоторые, взялъ для себя окончаніе множественнаго ч. средняго р. *-а*, которое въ соединеніи съ *-ь* произвело *-ья*. Но явленіе б-ы *-ь* для твердаго исхода указываетъ уже на излишнее распространеніе этого окончанія и исключительность его служенія для многихъ словъ. Русскій языкъ смотрѣлъ на него уже какъ на неподвижное, отвердѣвшее окончаніе, и придавалъ его всѣмъ исходамъ для образованія множественнаго ч., даже къ формѣ *ов, ев*. Нѣтъ надобности замѣчать, что въ Русскомъ языкѣ множество словъ, принимающихъ окончаніе средняго р. *-а, -ья*, не имѣютъ собирательнаго значенія; оно сдѣлалось для нихъ неизбѣжнымъ, за неимѣніемъ другаго, и къ нимъ также удобно, какъ и другимъ на *-и, -ы*, прилагается понятіе «одни», «нѣкоторые». Таковы на пр.: *острова, брусья, стулья* и пр. Но въ другихъ понятіе множества такъ слилось съ понятіемъ совокупности, что почти невозможно ихъ отдѣлить, на пр.: *голоса, господа, сучья, берега* и пр. Сюда подведены и слова средняго р., на пр., *полѣнья, перья, крылья*. Быть можетъ, рядомъ съ *-ья, -а* существовала и другая форма собственно мужескаго р., но отъ времени была забыта; однако двойственность существуетъ: есть много такихъ словъ, которыя имѣютъ двѣ формы, и въ нихъ *-а, -ья* есть собирательная, на пр., *бары* и *бара, холопи* и *холопья, учители* и *учителя, волосы* и *волоса, волосья, ѹгли* и *уголья, камни* и *каменья, краи* и *края, дерева* и *деревья*, какъ и у Малорусовъ, на пр.: *браты* и *брацця*. Словомъ, языкъ, воспользовавшись этимъ исходомъ, принаравливалъ его ко множеству словъ, наблюдая мѣстами и благозвучныя условія; различія между собирательною и множественною формами онъ не соблюдалъ строго, какъ и другія родственныя нарѣчія. Замѣтимъ, что окончаніе *-а* и *-ья* принимаютъ имена равно одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ; но *-овья, -евья, -ева* принимаютъ имена одного лишь человѣка на пр.: *сыновья, кумовья*. Первое имѣетъ и *сыны*. Это явленіе стоитъ въ соотвѣтствіи съ подобнымъ, замѣчаемымъ въ Польскомъ, Чешскомъ и В.-Лужицкомъ, въ которыхъ образованіе *ow* преимущественно принадлежитъ одушевленнымъ предметамъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Объяснить причину этого явленія почти невозможно. Но въ древнѣйшемъ языкѣ, Д.-Булгарскомъ, оно, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что -**ові** придавалось лишь къ твердому исходу для собирательнаго значенія, а такъ какъ одушевленные предметы представляли для духа языка скорѣйшую способность къ совокупности представленія, то -**ові** естественно и всего скорѣе пало на имена одушевленныя. Въ Д.-Булгарскихъ памятникахъ -**ові** и потомъ -**еві**, появляясь уже не въ первую пору языка, относятся почти исключительно къ именамъ человѣческимъ. Такъ, на пр., древнѣйшее слово, нѣсколько разъ встрѣчающееся уже въ Остромировомъ Евангеліи, **сынові** по тому приняло собирательную форму, что всѣ лица, стоящія въ одинаковомъ извѣстномъ отношеніи къ другому предмету, не требуютъ раздѣленія, ибо тутъ нужны не они сами, и не отдѣльныя ихъ особи, а общее ихъ отношеніе, именно сыновнее, которое и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое. Сдѣсь разумѣются всѣ вообще лице, вмѣстѣ взятыя, стоящія въ сыновнихъ отношеніяхъ къ другому предмету.

Такъ: сынове свѣтоу, сынове царьствия, сынове іакова, т. е., все потомство Якова. Русскій языкъ наиболѣе сошелся съ Д.-Булгарскимъ, но другія нарѣчія, распространивъ образованіе *-ов*, *-ев* ради благозвучныхъ причинъ, забыли, или нарушили его отношеніе къ предметамъ одушевленнымъ. Сербскій и Хорватскій языки не знаютъ собирательной формы именительнаго п. мн. ч. Хорваты употребляютъ не болѣе двухъ, трехъ словъ въ собирательномъ значеніи и для нихъ дѣлаютъ исключеніе, придавая съ этою цѣлью окончаніе *-owje*: *črepowje* и *brestowje*. Разница между послѣднимъ и *bresti* будетъ такая же, какая между Ulmenvald и Ulmbäume. Хорутане, напротивъ, такъ распространили окончанія *-ovi* и *-jé*, что, какъ и Русскіе въ окончаніи *-а* и *-ья*, могутъ видѣть и не видѣть собирательнаго значенія. У нихъ *-ovi* принимаютъ слова односложныя и много таковыхъ же принимаютъ *-jé*. Одушевленныя, исходящія въ родительномъ п. ед. ч. на *-ba*, *-da*, *-ta*, рядомъ съ *i*, имѣютъ *-je*; мягкій исходъ одушевленныхъ *-r* имѣетъ *-rjé*. Сдѣсь вообще преобладаетъ благозвучное начало; такъ на пр. односложныя на *b* имѣютъ *-jé* безъ всякого собирательнаго значенія, хотя съ другой стороны въ одушевленныхъ на *-je* нельзя не видѣть собирательной формы, отвѣчающей Ц.-Слав. -ие, Рус. *-ья*: *sosédje*, *góstjé*. Въ Д.-Чешскомъ форма *-owé* показывается позднѣе, чѣмъ *-i*, и слова съ твердымъ исходомъ, принимающія эту форму, суть преимущественно одушевленныя; но изъ этой формы они уже переходятъ въ мягкое образованіе *-je*, на пр., *Čechowé* и *Česjé*, *Uhřjé*, *Tateřjé*. [1] Это и служитъ подтвержденіемъ нашихъ словъ, что форма *-ове* одного происхожденіе съ *-ие*. Польскій и Чешскій языки, которые въ употребленія *-i*, *-y* и *-ie*, *-e* наблюдаютъ главное и существенное основаніе, различіе твердости и мягкости, не придаютъ по этому случаю послѣднему окончанію собирательнаго значенія. Надо къ тому же замѣтить, что въ нихъ *-ie*, *-e* отвѣчаетъ Ц.-Слав. *-ие* и *-е*, такъ что стяженіе происходитъ въ нихъ полное, и мягкое *-ie*, *-é*, соединяясь съ мягкою гласною, переходитъ въ простое *-e*, на пр., Чеш. *meče*. Съ другой стороны, въ Чешскомъ языкѣ окончаніе *-owé* распространилось значительно для обоихъ исходовъ, твердаго и мягкаго: его принимаютъ и одушевленныя и неодушевленныя имена, но первые предпочтительнѣе, особенно односложныя. Тѣмъ не менѣе Чехи говорятъ *dešťowé*. Поляки окончанію *-owie* подчиняютъ имена человѣческія, не ограничивая ихъ свойствомъ исхода. По этому въ обоихъ языкахъ нельзя усмотрѣть дѣйствія собирательнаго значенія въ употребленіи формъ, когда главнымъ основаніемъ принято свойство исходовъ и благозвучія. Впрочемъ, нѣкоторыя Польскія слова, имѣющія двойственную форму, могутъ различать ее на основаніи совокупности. Таковы: *panowie* и *pany*, *królowie* и *króle*, *świadkowie* и *świadki*, *bogowie* и *bogi*. Граматики вторую форму называютъ уничижительною, но это-то и показываетъ въ ней не совокупность, а раздѣльность представленія, ибо удареніе, падающее въ такомъ случаѣ на слово, высособляетъ его изъ цѣлаго, указываетъ на него съ особенной точки зрѣнія и, слѣдовательно, отмѣчаетъ особымъ опредѣленіемъ въ смыслѣ «извѣстные». Все, что можемъ сказать въ пользу собирательнаго значенія окончанія *-owie*, *-owé* въ этихъ двухъ языкахъ, это то, что древнѣйшее его употребленіе въ Ц.-Славянскомъ языкѣ съ этимъ значеніемъ почти исключительно для именъ одушевленныхъ, равно какъ и въ Русскомъ языкѣ, показываетъ, что и въ нихъ оно могло первоначально имѣть это зна-

[1] См. Шафарика, Počátkowé Staročeské mluwnice. Стр. 31. Тамъ же.

77

ченіе, но потомъ утратило его, сливъ съ общимъ понятіемъ множества. Относительно позднѣйшее возникновеніе собирательнаго значенія и, такъ сказать, побочность его при окончаніи именительнаго п. множ. ч. муж. р. не позволили ему, какъ мы видѣли, укорениться и опредѣлиться ни въ одномъ нарѣчіи. Непостоянство и неточность суть главные недостатки его употребленія. Нѣкоторыя, какъ Д.-Булгарское въ среднюю свою пору и Русское, соединяютъ мѣстами -*ии*, -*ья* съ собирательнымъ значеніемъ, а -*ова*, -*ева*, -*овья*, -*евья*, -*ева* почти всегда употребляютъ въ этомъ значеніи; напротивъ, Польское и Чешское наименѣе допускаютъ его, оставаясь при главномъ основаніи, свойствѣ исходовъ. Средину между тѣми и другими занимаетъ Хорутанскій языкъ. Прочія представляютъ другой рядъ явленій: Хорватскій и Сербскій вовсе не имѣютъ образованія -*ие* или -*е* и не допускаютъ собирательнаго значенія, первый по тому, что вовсе не имѣетъ ни -*ие*, ни -*ов*, второй по тому, что на -*ови*, -*еви* смотритъ лишь съ благозвучной стороны и рядомъ съ нею допускаетъ -*и*. Одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, равно какъ собирательнаго значенія въ образованіи -*ови*, -*еви* Сербскій языкъ не различаетъ. Особнякомъ отъ прочихъ и какъ двѣ крайности стоятъ два Лужицкихъ нарѣчія: одно, В.-Лужицкое, имѣетъ въ изобиліи -*ојо*, -*јо*, -*ó*, -*оwе* рядомъ съ -*у*, -*i*, -*е*; другое, Н.-Лужицкое, имѣетъ только -*i* и -*е*. Первое замѣтно допускаетъ собирательное значеніе, второе вовсе его не допускаетъ. Но оба окончаніе -*е* употребляютъ при мягкомъ гласномъ и согласномъ исходѣ. Собственно такъ называемыя неразумныя имена (ирраціональныя) принимаютъ въ В.-Лужицкомъ такія же два окончанія, какъ и въ Н.-Лужицкомъ -*у*, -*i* и -*е*: это суть главныя его окончанія, отвѣчающія -*и*, -*ии* Ц.-Славянскаго. Только, разумѣется, оба языка не равно смотрятъ на твердость и мягкость. В.-Лужицкій мягкому окончанію подчиняетъ шипящій и гласный исходы. Эти окончанія принимаютъ и имена разумныя, когда предметъ, ими означаемый, берется въ отвлеченіи отъ разумности. Но какъ скоро предметъ этотъ принимается, какъ разумное (раціональное) существо, включая сюда и олицетворенія, тогда, какого бы ни былъ онъ исхода, онъ оканчивается на -*ојо* или -*јо*, -*ó* и -*оwе*. И такъ В.-Лужицкій, какъ и Польскій, для именъ предметовъ одушевленныхъ принялъ два окончанія -*у*, -*i*, -*е*, или -*ојо*, -*јо*, -*ó*, -*оwе*. Нѣтъ сомнѣнія, что -*ојо*, -*оwе* было обязано своимъ совмѣстничествомъ съ -*у*, -*i* собирательному значенію, которое для одушевленныхъ предметовъ, преимущественно для человѣка, служило и въ Ц.-Славянскомъ, и Русскомъ, и Польскомъ языкахъ. Но В.-Лужицкій языкъ только разсѣкъ на двое одно и то же окончаніе -*ие*: для неразумныхъ именъ онъ выразилъ его въ видѣ -*е*, а для разумныхъ въ видѣ -*ојо*; но -*ојо*, какъ мы сказали, есть также -*оwе* только съ другою благозвучною буквою: и по тому между -*ојо* и -*оwе* не можетъ быть никакой разницы. Сдѣсь -*ојо* есть туземная форма, а -*оwе* заимствованная у родственнаго языка, ибо В.-Лужичане предпочитаютъ въ словодвиженіи благозвучное *ј* таковому же *w*, какъ это видно въ формѣ дательнаго п. ед. ч. -*ој* вм. -*оwі*. У Френцеля и въ народныхъ пѣсняхъ -*оwе* не принято, но замѣнено чрезъ -*ојо*. Видѣть различіе въ этѣхъ двухъ формахъ нѣтъ никакой нужды: это есть одна и та же собирательная форма, двойственность которой подтверждаетъ только то, что -*ие* и -*ове* одного между собою происхожденія и имѣютъ посредникомъ -*ојо*, образовавшееся какъ и -*ие*, но только съ другимъ пріемомъ, ибо основная конечная полугласная была озвукотворена въ *о*, а *е* передъ гласной перешло въ *е*, по-русски *ё*, по-лужицки *јо*; если *ј* разъединительное замѣнимъ чрезъ такое же *w*, то получимъ -*оwе* или *оwе*. Отъ того -*ојо* распространено и

на твердый исходъ, замѣняя собою вполнѣ -owe; оно прилично и мягкому исходу, ибо хотя собственно и замѣняетъ тутъ -ewe, но у Лужичанъ мягкое e чрезъ ë переходитъ въ o и отъ того не требуетъ перемѣны ни въ той, ни въ другой формѣ: -ojo, -owe служатъ для всѣхъ исходовъ. И такъ на повѣрку выходитъ, что употребленіе окончаній такое же, какъ и у Поляковъ: твердый исходъ принимаетъ -y или -i, Ц.-Слав. -и, мягкій -e, Ц.-Слав. -ие, и сверхъ того имя человѣка принимаетъ -ojo, то же, что -owe, Поль. -owie, Ц.-Слав. -ове, Рус. -овья. Что касается до собирательнаго значенія, то оно, какъ и въ Польскомъ, Чешскомъ и Н.-Лужицкомъ, пропало за -e, но слѣды его остались за -ojo, -jo, -ó, -a или -owe. Таковы собирательныя: *jandželjo*, *pšećeljo*, *pohanjo*, *kneža*, *židža* и пр. Другая ихъ форма на -y, -i, -e оттѣниваетъ при этой собирательное значеніе, но какъ въ Польскомъ -owie, такъ и здѣсь -ojo, -jo, -o такъ сроднилось съ своими именами, что стало употребляться съ ними и безъ собирательнаго значенія. Доказательствомъ тому служитъ употребленіе его съ числительными, или даже съ самымъ словомъ *šicy*. Такимъ образомъ передъ нами открывается весь кругъ употребленія формъ съ собирательнымъ значеніемъ. Одни нарѣчія расширяютъ его болѣе, другія менѣе. Соберемъ же наши замѣчанія во едино и выведемъ общее заключеніе. Общимъ заключеніемъ будетъ то, что окончанія -и, -ие, -е, -ове, -ие и ихъ перезвуки по нарѣчіямъ возникли независимо отъ какого либо стремленія языка означить ими неопредѣленное, либо собирательное множество, но потребовались языкомъ для образованія падежа на тѣхъ же исконныхъ прадавнихъ и общихъ законахъ, на которыхъ основывается все Индоевропейское словодвиженіе. Но коренное свойство Славянскаго языка, граничащее съ благозвучіемъ, занимающимъ въ строеніи звуковъ каждаго языка одно изъ первыхъ мѣстъ, требовало различія между твердымъ и мягкимъ основнымъ исходомъ и съ этой точки зрѣнія приняло въ служеніе для признаковъ падежа два праязычныхъ образователя: мѣстоименное -i и существительное -as. Первый обратился по нарѣчіямъ въ -и, -и, -ы, (-i, -y), другой въ -ие, -ье, -е, (-je, -ie, -é) и -e Таковы окончанія именительнаго п. мн. ч. муж. р. Но независимо отъ ихъ происхожденія духъ языка, по своей творческой способности, замѣтивъ сходство между отвлеченнымъ окончаніемъ средняго р. -ие, выражавшимъ часто собраніе однородныхъ предметовъ, и окончаніемъ падежа -ие, перенесъ и на послѣднее собирательное значеніе, которое первоначально приняли имена съ мягкимъ исходомъ, долженствовавшія по самому свойству своего исхода принимать -ие. Потомъ и имена съ твердымъ исходомъ получили собирательное значеніе въ формѣ -ове, которая есть не что иное, какъ видоизмѣненіе -ие, отличающееся отъ послѣдняго лишь инымъ воспроизведеніемъ основной полугласной, которая, по причинѣ своей твердости, естественно должна была обратиться въ о. Подобный же пріемъ для гласнаго и мягкаго исхода произвелъ -еве. Но обѣ этѣ формы относительно позднѣе, чѣмъ -и и -ие. За то онѣ образовались, по видимому, для того, чтобы собирательное свойство, приданное формѣ -ие, перенести и на тѣ исходы, которые по благозвучнымъ причинамъ не могли принять -ие, хотя собственно и имъ никакъ нельзя приписывать необходимости собирательнаго значенія, ибо главная причина ихъ происхожденія заключается въ общихъ звуковыхъ соображеніяхъ, по которымъ и дательный п. ед. ч. образовалъ свое -ови, -еви. Имена одушевленныя оказали бо́льшую способность передъ неодушевленными къ принятію собирательнаго значенія. Прочія Славянскія нарѣчія повели далѣе движеніе, возникшее въ Д.-

Булгарскомъ языкѣ. Въ нихъ *-ие*, явившись въ различныхъ перезвукахъ, мало по малу утратило свое собирательное значеніе, оставшись болѣе исполнять служеніе падежнаго образователя для мягкаго основнаго исхода въ противуположность *-і*, *-у*, оставшемуся при твердомъ исходѣ. Только у Хорутанъ еще мѣстами носитъ оно собирательное значеніе въ видѣ *-je*. За то совмѣстникъ его *-ове*, смягчившись нѣсколько въ *-owie*, *-owé*, *-owe* у Поляковъ, Чеховъ и В.-Лужичанъ, гораздо яснѣе, хотя не всегда и не вездѣ, сохранилъ свое собирательное значеніе, служа преимущественно исходомъ для одушевленныхъ предметовъ и тѣмъ намекая на иную, а не на благозвучную причину, дѣйствовавшую къ его сохраненію: и этою причиною, если снесемъ упомянутыя нарѣчія съ Д.-Булгарскимъ и Русскимъ, было собирательное значеніе. У В.-Лужичанъ *-owe* переходитъ въ болѣе народное *-ojo*, *-jo*, *-ó*, и обѣ формы существуютъ рядомъ одна съ другою, хотя народъ и отдаетъ предпочтеніе послѣдней. Другія нарѣчія, какъ Сербское и Хорутанское, это *-ове* обратили въ *-ови*, *-owi*, уничтоживъ въ немъ его отличительное *е* и сдѣлавъ *-ов*, *-ow* какъ бы неподвижною образовательною частицею, къ которой, при твердости *в*, *w*, можно было придать другой признакъ падежа *и*, *і*. Естественно, форма эта забыла у нихъ свое собирательное значеніе и осталась удовлетворять лишь благозвучнымъ требованіямъ языка, которыя впрочемъ были столь тонки, что нѣкоторыя нарѣчія могли вовсе обходиться безъ образованія на *-ов*. Таковы Д.-Булгарское въ первую свою пору, Хорватское, кромѣ двухъ, трехъ словъ, употребленныхъ съ *-owje* въ собирательномъ смыслѣ, Н.-Лужицкое и самое Сербское, которое легко можетъ обходиться и безъ *-ови*, *-еви*, имѣя для тѣхъ же словъ другую обычную форму на *-и*. Весьма важенъ въ этомъ отношеніи Русскій языкъ. Онъ для собирательной формы принялъ окончаніе средняго р. множ. ч. *-а* и *-ья*, показавъ, что не только наружное сходство окончаній, но и внутренняя способность средняго рода выражать въ отвлеченномъ понятіи существующее множество, побудила духъ языка прибѣгнуть къ уподобленію ему окончанія именительнаго п. множ. ч., когда мысль желала выразить существующее неопредѣленное множество въ видѣ единаго, цѣлаго, совокупнаго понятія. Въ послѣдствіи окончанія *-а*, *-ья*, по мѣрѣ усилившагося ихъ служенія и отметанія другихъ, теряли свое собирательное значеніе, но все таки оставались при такихъ именахъ, которыя наиболѣе подчиняются собирательному понятію. Образованіе на *ов*, *ев* осталось при однихъ одушевленныхъ именахъ, или, лучше, человѣкѣ для выраженія различныхъ отношеній, въ которыхъ онъ стоитъ къ подобному себѣ; оно яснѣе сберегло свое собирательное значеніе; но *ов* и *ев* приняты за неподвижную частицу и къ нимъ приданы окончанія *-а* и *-ья*. Въ окончаніи средняго р. множ. ч. Русскому языку вторитъ также и В.-Лужицкій. Такимъ образомъ мы видимъ, что временное движеніе Славянскаго языка выразилось въ усиленіи образованія на *ов*, *ев* на счетъ другихъ падежныхъ окончаній и въ сохраненіи за нимъ въ большей, или меньшей степени признака собирательнаго значенія, которое, вѣроятно, и было главною причиною его возникновенія. Его первообразъ, *-ие* оставалось по прежнему отправлять служеніе при мягкомъ основномъ исходѣ и теряло свое собирательное значеніе, котораго оно первоначально, по происхожденію своему, и не имѣло. Словомъ, будучи побочнымъ и относительно позднѣйшимъ, чѣмъ самыя падежныя окончанія, собирательное значеніе, принаровленное сначала къ *-ие*, потомъ къ его видоизмѣненію *-ове*, *-еве*, не могло удержать исключительно за собою какую либо изъ этѣхъ

формъ. Свободная дѣятельность языка поминутно отвлекаетъ его отъ этихъ формъ и не даетъ установиться: ясно видно, что служеніемъ формъ руководитъ другое, важнѣйшее и коренное начало, которое вызвало ихъ изъ таинственной мастерской языка на служеніе разсматриваемому нами падежу. Повторяю, относительно позднѣйшая форма на *-ое*, *-ее*, сдѣлавшаяся уже въ послѣдствіи для нѣкоторыхъ нарѣчій необходимою по благозвучнымъ условіямъ и вообще часто удовлетворяющая лишь однимъ этимъ условіямъ, но тѣмъ не менѣе допускающая при себѣ не рѣдко и другую форму, наиболѣе сохраняетъ признакомъ настоящаго, или минувшаго присутствія собирательнаго значенія и тѣмъ подтверждаетъ, что языкъ преимущественно ее имѣлъ въ виду для придачи понятію множества собирательнаго оттѣнка. Сербскій языкъ, какъ могли мы замѣтить, во многомъ отличается отъ Д.-Булгарскаго. Въ немъ нѣтъ уже *-ие* и *-е*; въ немъ одно только *-и*, между которымъ и основою вставляется иногда образовательное *ов*, *ев*, уже утратившее сдѣсь настоящее назначеніе, какъ формы живой, имѣющей свое начало, свой видъ и извѣстную цѣль служенія, и сдѣлавшееся не болѣе, какъ остывшею, неподвижною частицею, удовлетворяющею однимъ благозвучнымъ потребностямъ и по тому легко и произвольно опускаемою. Форма падежа обобщилась, и значеніе собирательное сдѣлалось, при единствѣ формы, невозможнымъ. Посмотримъ теперь, что представитъ намъ Д.-Сербскій книжный языкъ, стоящій въ срединѣ между Ц.-Славянскимъ и народнымъ и вмѣщающій въ себѣ обѣ этѣ стихіи съ ихъ животворнымъ взаимодѣйствіемъ при его переработкѣ и возсозданіи.

Д.-Сербскій именительный п. мн. ч. муж. р. въ образованіи своемъ представляетъ полное сходство съ Ц.-Славянскимъ и далеко отступаетъ отъ нынѣшняго. Богатство формъ этого падежа, въ которомъ Д.-Булгарское нарѣчіе не уступитъ никакому другому, должно было сильно дѣйствовать на письменность, находившую въ народномъ языкѣ не столь опредѣленныя, или менѣе различныя формы. Окончанія *-е* и *-ие* поддержаны сдѣсь Ц.-Славянскимъ языкомъ; ихъ нѣтъ теперь въ народѣ. Мы постараемся представить въ повременномъ порядкѣ всѣ видоизмѣненія падежныхъ окончаній и оправдать, по возможности, предыдущія слова, сколько позволитъ языкъ, имѣющій собственное воззрѣніе на твердость и мягкость и налагающій на формы печать своего движенія. Имена, исходящія на твердую согласную, имѣютъ почти всегда *-и*, при чемъ гортанныя измѣняются въ соотвѣтствующія свистящія; на пр.: **власи** (Ш. № VII; С. NN№ 5, 41, 176; А. № 6), **мсси** (С. NN№ 3, 86, 100), **кельници** (С. NN№ 8, 16), **вълсти** (С. № 14), **мхтрници**, **покирници** и т. д. (С. NN№ 16, 96, 98, 104, 107, 114, 127), **тръжьници** (С. № 21), **виногради** (С. № 26; А. № 4), **врьти** (А. NN№ 3, 4), **доли**, **отроци** (А. № 6), **раби**, **рабы** (Мк.; С. № 175), **врьци**, **мници**, **попови**, **сокалници**, **мпройси** (С. № 176), **соуньрници** (А. № 11), **дары**, **скiфтрi**, **попови** (А. № 10), **прѣдѣди** и пр. (Г. А), **аглы** (В. № 2), **милостиници**, **матници** и т. д. (С. NN№ 73, 91, 111, 137, 138), **угри**, **тврци** (С. № 76), **доуховници**, **епископи**, **игоумени**, **кѵриници**, **ѕхарси**, **мронси**, **доушьници**, **ѵдници** и пр. (3.), **хрисокоули** (3.; Г. Б), **свѣдоци**, **-i**, **свидоци** (3.; С. NN№ 82, 83, 103, 116, 117, 118, 127, 136, 139, 140, 150, 163, 165, 179; 3. А.), **рѣтьници** (С. № 179), **метоси** (Ю.), **кнѕци** (А. № 18), **старѣшини** (А. № 19), **о- обадници** (С. NN№ 96, 98, 104), **клѣници** (С. № 104), **дувата** (С. № 106), **сини** (С. № 107), **облаци** (А. № 16), **наслѣдници** (С.-Д. М. 1844; С. № 103), **богокорьници** (С. № 118), **стежници** (С. № 127), **поиси** (С. № 130), **синестри** (3. А.), **ротьници**, **ротници** (С. NN№ 136, 150), **стронници** (С. № 145), **динари** (С. № 154), **аггелы**, **калоугери**, **ученци** и пр. (Г. Б), **винограды** (Мл.), **прѣмници**

(С. № 178), ѧ̂ггли, престолы (А. № 20), калѹгери (С. № 173) и пр. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ, гдѣ ѧ замѣняетъ и, находимъ эту замѣну, на пр., куфтрѧ, сиинстрѧ (С. NN№ 81, 89), или колеблющаяся форма ѕаконки (С. № 83). Мы еще не разъ встрѣтимъ ее, также какъ и замѣну ѣ-ы е или е чрезъ ѧ. Имена съ твердымъ исходомъ принимаютъ иногда окончаніе -ови, -ове, -ове; но это случается не часто, по крайней мѣрѣ не чаще, чѣмъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, но за то это окончаніе равно принимаютъ какъ одушевленныя, такъ и неодушевленныя имена, больше односложныя, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ. Такъ на пр.: врагове (С. № 16), попове (С. № 176), синове, -е, сн̑ове, сн̑ове (С. NN№ 76, 128, 137, 141, 144, 145, 156, 157, 163, 176), трьгове (С. NN№ 73, 91, 111), сѹдове, трьгове, градове (З.), сидове и сиди (С. № 115), стоѹпове (Мл.). Число примѣровъ показываетъ, что это окончаніе не было въ ходу. Но, вопреки нынѣшнимъ, нѣкоторыя изъ этѣхъ формъ сохранили собирательное значеніе, на пр., въ гр-хъ С. NN№ 16, 176, гдѣ вообще говорится о всѣхъ врагахъ, о всемъ сословіи поповъ и пр.; въ гр-ѣ Мл. стоѹпове не имѣетъ уже этого значенія, также какъ синове и м. др.: это показываетъ, что форма -ове хотя имѣла мѣстами собирательное значеніе, однако Сербы смотрѣли на нее не съ этой одной точки, а болѣе подъ условіемъ благозвучія, приближаясь къ нынѣшнему ея употребленію. Дѣйствительно, какъ сказали мы, необходимости собирательнаго значенія для -ове не можетъ быть, какъ это доказываютъ Сербскій и Чешскій языки, распространившіе это образованіе и на имена неодушевленныхъ предметовъ въ видахъ удобнѣйшаго изведенія окончанія. Исходъ -и перенесенъ былъ и сюда, какъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ и Хорутанскомъ языкахъ, и по тому находимъ попокы (А. № 5) и поѹтоки (А. № 8) — слово, которое въ Д.-Сербской письменности получало иногда народное произношеніе съ твердою полугласною. Мы должны всегда имѣть въ виду это различіе въ произношеніи и имъ объяснять нѣкоторыя двойныя формы. Нынѣшнее *и* имѣетъ у Сербовъ и твердый и мягкій звукъ; въ первомъ случаѣ его пишутъ иногда чрезъ *ы*, а мы знаемъ, что нѣкоторыя слова, исходящія на плавныя, нынѣ звучатъ у Сербовъ твердо, тогда какъ въ Д.-Булгарскомъ языкѣ они звучали мягко: по этому невозможно въ Д.-Сербской письменности, гдѣ было смѣшеніе обѣихъ стихій, рѣшить положительно, какой звукъ принимали они въ именительномъ п. мн. ч. муж. р., народный ли, или Ц.-Славянскій, когда въ обоихъ языкахъ онъ изображался чрезъ и? Но если при вышеозначенныхъ согласныхъ встрѣчается, кромѣ -и, еще форма на -ии, -ьи, или -и, -ѥ, то мы можемъ быть увѣрены, что тутъ согласныя этѣ звучали мягко. Примѣры свидѣтельствуютъ, что мягкій исходъ, приближавшійся всего болѣе къ прадавней основноисходной гласной *i*, допускался и Сербскимъ ухомъ, положимъ, хоть подъ вліяніемъ Д.-Булгарскаго произношенія, въ видѣ -ии или -и; первое стягивалось въ -ьи, а второе всегда звучало мягко, хотя часто изображалось чрезъ твердый знакъ -ѥ. Весьма замѣчательно то, что имена, исходящія преимущественно на плавныя и имѣющія въ падежахъ единственнаго ч., какъ мы видѣли въ ученіи о звукахъ, двойное окончаніе, твердое и мягкое, сдѣсь, въ именительномъ п. мн. ч., предпочитаютъ мягкій исходъ, который доказывается вышеупомянутыми окончаніями; а если вспомнимъ, что бо́льшая часть этихъ словъ нынѣ опять возвратилась къ своему мягкому исходу, то увидимъ, что въ разсматриваемомъ нами падежѣ Сербскій и Д.-Булгарскій языки тѣснѣе сходились между собою, чѣмъ въ единственномъ числѣ, чему, конечно, не мало содѣйствовалъ праязычный способъ образованія этого падежа.

На ряду съ формами на -и встрѣчаемъ и формы на -ие, -ье, -ю, -е: намастири, монастири (Ш. № VII; Г. Б), кралию, кра̂ю (Ш. VII; А. № 9), светителие. -ѥ, ст̃ание (Ш. № VII; С. № 176; З.) и ст̃али (А. NN№ 3, 4), прьятели, приятели, пришатели (С. NN№ 3, 62, 159), прьятелие, приятелье прьятелие, приятелье, -теле, -ѥ, -ѥ, -ие, прїателїе, прїятелїе (С. NN№ 3, 60, 89, 104, 111. 114, 132, 135, 137, 138, 147, 166) и приятеле (С. № 16), властеле, -е, -ю, -ѣ, -теле, -е, вла̂теле, вла̂теле, власеле (С. NN№ 17, 20, 26, 39, 43, 47, 48, 50, 53—55, 57, 62, 64, 66, 72, 76—78, 81—83, 85—92, 95—99, 103, 104, 106—109, 111—117, 119, 120, 122—127, 129, 130, 132, 133, 136—138, 140—142, 144—146, 150, 154, 157, 159, 161, 162, 164—167, 172, 179; Мк.; З.; З. А.), властели (С. NN№ 19, 40, 61) и властелие (С. № 77), кони (С. № 22; А. № 6; З.), канарїе (А. № 6), пра- пр́- ро́дителиѝ, родителие, -е, -ие. -ье. -телие. -ѥ, -ѥ, -ѥ, -ье, -ье (А. NN№ 8, 9; С. NN№ 66, 84, 89, 97, 132, 146, 147, 176; Мл.), родителе (С. № 146) и родители (Г. Б), ц̃рие, -е̂, ц̂рие, -ѥ, царие, -е, царье (А. NN№ 8, 9, 10; С. NN№ 37, 103. 136, 176; В. № 1; С.-Д. М. 1844), седларие, златарие (С. № 176), манасторие, -е̂ (С. № 176; А. № 12), а- покли-сарие, -е, -е, -рие, -е, -рье, покли̂сарие, поклисарье (С. NN№ 40, 49, 50, 56, 71, 81, 83—85, 89, 95, 97, 103. 104, 117, 120, 123, 126, 127, 136, 144, 145, 150, 154), покли̇сарѣ (С. № 164) и поклисари (С. NN№ 55, 65, 120, 144, 164), хтиториѐ, -ѥ, -ьѥ, хти́торїе. х̂тито́рие (А. NN№ 10, 17; Г. V; С. № 178), строителїе, господарїе (З.) и г̂сдари (С. № 145), пръвенцїе, примикюрие (З.; А. № 14), рачителие (А. № 19). дѣлателие̂ (А. № 17), мучителие, -ье, -телие (С. NN№ 37, 103, 136), слышателие, сведетели (А. № 16), крстени (С. № 130). Форма пр́родителии (С. № 66) едва ли можетъ существовать, и не есть ли сдѣсь второе и перезвукъ изъ и, ибо тутъ же находимъ и пр́родителие. Изъ сравненія количества примѣровъ видно, что дѣйствительно мягкая основа и окончанія -ие, -е предпочитаются, но, какъ и въ Ц.-Славянскомъ, происходитъ колебаніе по неопредѣленному свойству самихъ плавныхъ. Для этого исхода только однажды встрѣчается форма на -ие: сужание (С. № 55). Но положительно сказать, какъ произносились слова съ этимъ исходомъ, нельзя. Въ звукоученіи мы уже видѣли, что они произносились и твердо и мягко: по этому если намастирь, поклисарь, господарь и т. п. исходили на твердое р, т. е., -ръ, то очень естественно было принять имъ окончаніе -и; въ мягкомъ же видѣ принимали они -ие. Мягкій исходъ -ль предпочитаетъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, -ие, -е, стоящее на одной линіи съ -ие и очень удобное въ благозвучномъ отношеніи для этого исхода. Слова, оканчивающіяся на -ць, которое нынѣ часто имѣетъ твердый исходъ, на пр., *отац*, *трговац*, принимаютъ 6-у и всѣ безъ исключенія; для нихъ нѣтъ ни -ие, ни -ие, ни -е: трьговци, тръговци (С. NN№ 22, 36, 43, 50, 54, 55, 67, 70. 71, 82, 113, 129, 144, 145, 150, 154, 168). Только однажды привинокие и тутъ же н. р. -ци (З. А.). Слова, исходящія на прочія претворенныя гортанныя и на мягкія зубныя д, т и ѣ, или замѣняющія г и к, принимаютъ тѣ же окончанія, какія и предыдущія, т. е., -и (Ц.-Слав. -и), -ие, -ье, -ю, которое при соединеніи съ согласною обыкновенно переходитъ въ -е, на пр.: рибичи, требоистиии (Ш. № VII), могориши (С. № 2), конюшие (А. № 7), люболичи, покатие (С. № 176), посорнии (А. № 10), татїе (З.), мужие, -е, -ье, моужїе (С. NN№ 81, 84, 85, 95, 116, 120, 136, 150, 154, 178), гостие, -ѥ, -ѥ (С. NN№ 91, 111, 137) и го̂ти (С. № 163), тепьчиѣи (С. № 92), господичиии (С. № 126), рибиѣе, синичиѣи, лазарвѣе, гнѣи (З. А.), мадьошиѣи (С.

№ 156), естойни (Мл.), трьпиесники (С. № 60). И такъ хотя мягкій исходъ равно допускаетъ -и, -ии, -ьи, -ю, -е, однако послѣднія преобладаютъ. Предпочтительное употребленіе -и послѣ ч, и, ѣ очень понятно: надо замѣтить, что здѣсь всѣ три буквы служатъ къ замѣнѣ первоначальнаго и; но и обыкновенно принимаетъ -и и съ нимъ переходитъ въ -щи: и здѣсь происходитъ такое же явленіе, но только съ гортанною, претворенною въ другомъ смыслѣ, именно, въ видѣ ч, шт, ѣ (ть). Отъ того, за этими исходами и усвоено окончаніе -и. Нельзя также упускать изъ виду образованія кокчии, щочнии, которое уже болѣе сходствуетъ съ образованіемъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, тогда какъ Ц.-Славянскій употребляетъ въ этомъ случаѣ болѣе -и, -ие. гостие, преобладающее надъ гости, согласуется съ Ц.-Славянскимъ и другими нарѣчіями. Не мѣшаетъ припомнить и то, что и здѣсь могло происходить смѣшеніе народнаго произношенія съ Д.-Булгарскимъ, ибо нынѣ, на пр., гость звучитъ уже какъ *гост*, *-а;* однако примѣры показываютъ, что произношеніе оставалось большею частію Д.-Булгарское. Только слово кнезь, которое и въ другихъ падежахъ предпочитало уже народный выговоръ, и здѣсь сохранило кнезове (З.). Слова, исходящія на -и послѣ гласной, какъ -ии, -аи и т. д., имѣютъ ю, при чемъ предпослѣднее и сокращается иногда въ ь: кисьѣрье (С. № 16), ходатаи (С.-Д. М. 1844). Теперь докончимъ о твердомъ исходѣ. Слова, оканчивающіяся на твердую согласную, или полугласную, почти исключительно принимаютъ -и: это мы уже замѣтили выше. Только немногія изъ нихъ допускаютъ -ие и -е, каковы: архиепископие, епископие, игумение (Ш. № VII), добитие (С. № 16), винограде (С. № 21), стрьгоуний (С. № 176), законе (С. № 77), митрополитие, калогерие, коусарие (З.), племене (С. № 144), кметие (Мл.). Если нужно окончаніе -къ образовать на -ие, то и переходитъ въ ч: пра- внучие, -е, -ьи, -ье, -ье, -ье (С. №№ 14, 84, 96—99, 107). И такъ сравнительно взятое количество примѣровъ показываетъ, что должно принять за правило и что за исключеніе. Твердый исходъ предпочтительно образуется на -и, мягкій, плавный и зубной, на -ие, -ье, гортанно-претворенный, включая сюда и замѣнительныя и, ѣ, на -и, ие, -е. Окончанія -ове и -ие рѣдко допускаются. Собирательное значеніе мѣстами выдерживается мѣстами не выдерживается. Противъ него говорятъ всѣ тѣ случаи, когда къ имени, употребленному въ такъ называемой собирательной формѣ, придается дальнѣйшее единичное представленіе, отнимающее у него общность понятія и дѣлающее его только частію цѣлаго; таково, на пр., употребленіе слова поклисарие, къ которому почти всюду приданы имена собственныя, такъ что здѣсь оно никакъ уже не можетъ означать всѣхъ пословъ вообще, а и того менѣе сословіе посольское, но именно извѣстныхъ, поименованныхъ пословъ, по чему непремѣнно должно бы было стоять въ формѣ поклисари или -е. Много и другихъ словъ употреблено точно такъ же. Но много и такихъ, особенно одушевленныхъ, означающихъ, на пр., сословіе, какъ-то, воклирие, мастории, кметие, стрьгоуние, или всѣ вообще лица, стоящія въ одномъ отношеніи, на пр., родителие, ктиторие, црние и т. п, которыя очевидно имѣютъ собирательное значеніе. Но вообще въ этомъ отношеніи замѣтно большое колебаніе, хотя явно, что Д.-Сербскій языкъ еще не дошелъ до полнаго отрицанія собирательнаго значенія, какъ нынѣшній. Окончаніе -и, -е, какъ мы выше сказали, должно было образоваться независимо отъ -ие и есть видоизмѣненіе первоначальнаго *-as*; ибо употребленіе его при плавныхъ, на пр., въ формѣ законе, племене и особенно при прочихъ мягкихъ согласныхъ показываетъ, что оно существовало совершенно отдѣльно отъ -ие и не могло быть стяженіемъ его чрезъ -ье.

Напротивъ, какъ видно, языкъ любилъ прибѣгать къ нему тамъ, гдѣ **-ни** или **-ьи** считалъ нѣсколько неловкимъ. Подтвержденіе мы видимъ въ образованіи множественнаго ч. отъ формы **-нинъ**, которая иначе и не образуется, какъ въ **-и** и **-е**, **-ие**. Это замѣчательное образованіе показываетъ, что понятіе множества никакъ не согласовалось съ формою **-нинъ**, и по тому языкъ прибѣгалъ въ другой формѣ единственнаго ч., составленной прямо изъ основы съ наконечною полугласною. Выше мы представили признаки существованія этой послѣдней въ единственномъ ч. При этомъ надобно замѣтить, что у Славянъ изъ именъ собственныхъ или выражающихъ человѣческія отношенія одни ходятъ въ своемъ простомъ видѣ, другія принимаютъ *-анъ*, праязычное *-ana*, съ указательнымъ значеніемъ, третьи *-инъ*, тоже по происхожденію относящееся къ *-ana*, но уже долѣе прожившее и получившее два значенія: «другой», Санскр. *anja*, и «одинъ» (ср. **инорогъ**, **инокъ**). Сдѣсь оно употребляется въ послѣднемъ значеніи и занимаетъ мѣсто члена; ср. *господь* и *господинъ*, *нѣмецъ* и *нѣмчинъ*. Четвертыя же присоединяютъ оба окончанія вмѣстѣ *-анинъ*. Окончаніе *-анъ* въ единственномъ ч. рѣдко въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, ср. **крьстиянъ**, и относится къ древнѣйшей порѣ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя Славянскія нарѣчія, какъ Чешское и Лужицкое, употребляютъ его такъ же свободно, какъ другія *-анинъ*. Впрочемъ, сдѣсь дѣло одного лишь обычая Славянскихъ нарѣчій: въ нѣкоторыхъ именахъ они упорно держатся окончанія *-инъ*, такъ что сокращенная форма единственнаго ч. того же имени кажется уже рѣдкостію, между тѣмъ, какъ другія подобныя имена, нисколько не бросаясь въ глаза, ходятъ въ языкѣ то въ обыкновенномъ простомъ видѣ, то въ двухъ видахъ, простомъ и удлиненномъ. Но ни одинъ Славянскій языкъ не удержалъ окончанія *-инъ* во множественномъ ч., считая его признакомъ единственнаго. Ц.-Славянскій для **-нинъ** имѣетъ **-е**, но для **-анъ** **-и**, Польскій *-ie*, Русскій *-е*, но Чешскій *-е* и *-у*, Лужицкій *-jo*. Слѣдовательно, тѣ, которые допускаютъ *-анъ*, *-an*, допускаютъ при немъ въ именительномъ п. мн. ч. и признакъ твердаго исхода **-и**, *-у*, *-jo* (*ove*), а имѣющіе *-анинъ*, *-anin*, допускаютъ *-е*, которое составляетъ мягкій перезвукъ *-as* и возникаетъ сдѣсь, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ мягкости, производимымъ б-ю *и* въ окончаніи *-инъ*, *-in*, хотя и пропадающемъ во множественномъ ч. Обыкновенно въ Д.-Сербской письменности имена, исходящія на **-нинъ**, принимаютъ **-е**: **дубровьчане**, **-куане**, **дюбровчане**, **доубровчане** (А. И.; С. №№ 15, 16, 20, 43, 55, 68, 73, 78, 91, 111, 137; Г. А. Б), **трьстеничане** (С. № 11), **хлымлане** (С. № 15), **поунаране**, **запалжане** (А. № 6), **добродолане** (А. № 8) и **доланѣ** (А. № 12), **соушичане**, **кардишане** и пр. и **папракяни** (С. № 176), **полешане** (А. № 12), **подлѣшане**, **злоучане** (А. № 14), **киталичане**, **конавлане** (С. № 78), **кефо- кельможане** (С. №№ 92, 103), **заурѣклане** (А. № 17), **кошиане** (С. №№ 95, 103), **пантиане**, но **билани**, **загкляни**, **хрьбочани** (З. А.), **крѣмане**, **оугришѣ** (Мл.); **саснинъ** (С. №№ 25, 73, 91, 111, 137) имѣетъ **саси** (С. №№ 22, 73, 91, 111, 137); подобно ему образуется **арбанасы** (А. № 12); **сербинъ**, **срьблинъ**, **срьбинъ**, **срьбинъ**, **срьбй**, **срблинъ** (С. №№ 14, 25, 43, 73, 91, 94, 111, 137) имѣетъ **срьбле**, **-е** (С. №№ 73, 91, 111) и **срьбли** (С. № 137). Нѣкоторыя изъ этихъ именъ собственныхъ забыли или, можетъ быть, никогда не имѣли единственнаго ч., какъ это видимъ у всякого Славянскаго народа, и по тому строго разсматривать подобныя имена нельзя. Если они получили **-и** вм. **-е**, то легко могло статься, что народъ воображалъ ихъ себѣ въ единственномъ ч. исходящими на **-анъ**(**ъ**) съ твер-

дою согласною, какъ это доказываетъ найденная нами форма хумкина. Но саси, арбанасы, срьбли явно указываютъ на форму сась(ъ), арбанась(ъ), срьбль или срьбь, безъ благозвучнаго л, какъ нынѣ *Срб, Србаљ* и *Србин, Сербљин*, которыхъ, впрочемъ, не находимъ въ нашихъ памятникахъ. Нынѣшніе Сербы, не имѣя *-ие, -е*, всѣ имена на *-ин* оканчиваютъ на *-и*. Вообще время вліянія Ц.-Славянской стихіи опредѣляется развитіемъ въ ея формахъ собирательнаго значенія и только что зачинавшагося образованія ов, ев. Помимо уловѣци, находимъ чаще людие, -ие, -е, -ьие, -ье, лю҃ье, людиие, -ие, -ие, -їе, -ье, людѣие, людие, люие, люи, люїе, людие, -е (С. NN№ 9, 14, 16, 18, 19, 20, 28, 43, 71, 77, 79, 93, 103, 118, 142, 145, 163; А. NN№ 5, 9, 19) и люди, -ы, люди (С. NN№ 19, 20, 35). Въ Законникѣ находимъ даже три формы: людїе, люди и люде, какъ и въ С. № 144 людѣ, изъ коихъ послѣдняя есть стяженіе первой. Въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ это слово имѣетъ слѣдующія формы. Ц.-Слав. людие, Рус. *люди*, Серб. *људи*, Хорв. *ljudi*, Хорут. *ljudjé* и *ljúdi*, Пол. *ludzie*, Чеш. *ljdé*, Луж. *ludžo*, Н.-Луж. *lúźe*. дьнь имѣетъ дни (С. № 20), камень — камени (С. № 121).

Въ среднемъ р. падежъ этотъ образуется весьма просто, какъ и въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ и Славянскихъ нарѣчіяхъ, на -а или -ѧ. Санскритъ имѣетъ, правда, и *-ani*, но въ Вѣдахъ еще *-á*. Примѣры изъ памятниковъ были бы лишни; приведу только слово говѧда (А. № 4), какъ и нынѣ, и Ц.-Славянскую форму словеса (А. № 7; 3.). Переходъ ѧ въ ѣ видимо прибавляетъ новый исходъ для этого падежа.

Именительный п. мн. ч. для женскаго р. на -а представляетъ въ Ц.-Славянскомъ и Сербскомъ языкахъ совершенное сходство съ родительнымъ п. ед. ч. Отъ того и въ Д.-Сербскомъ находимъ то же сходство. Тѣ же звуки -ы и -ѧ, -ѩ Сербскій языкъ замѣняетъ тѣми же -е, -ѥ, съ тою только разницею, что сдѣсь исключеній въ пользу Ц.-Славянской формы еще менѣе, чѣмъ въ родительномъ п. ед. ч., и тѣ, которыя допущены, всѣ находятся въ грамотахъ Восточныхъ. Ихъ немного: иконы (А. № 3), похвали (А. № 35), вини (А № 14), а҃при, аспри (С. NN№ 146, 147), сили (А. № 20). Всѣ прочіе случаи имѣютъ -е, или -ѥ. Если же находимъ форму клетки, клетки (С. NN№ 76, 81, 85, 89, 96, 98, 101, 102, 104, 132), то она указываетъ на именительный клетька, а клетка имѣетъ клетке или, вѣрнѣе, клетке, клетѣ (С. NN№ 97, 100). Въ образованіи этого падежа видна та же особенность, которая обнаружилась и въ родительномъ п. ед. ч. Конечно, сдѣсь нѣтъ заимствованія; но если уже допущенъ языкомъ тотъ же пріемъ, то и слѣдствіе должно вытти то же. Но имена съ согласнымъ исходомъ принимаютъ тотъ же признакъ, какой и имена мужескаго р.,—и. Ц.-Славянскій, Сербскій и Д.-Сербскій не представляютъ никакого различія, и по тому другихъ формъ, кромѣ исходящихъ на -и, нѣтъ.

Звательный п. мн. ч. имѣетъ для всѣхъ родовъ форму одинаковую съ именительнымъ. Мы находимъ его въ нѣсколькихъ памятникахъ въ тѣхъ же самыхъ видахъ, какіе изслѣдовали въ предыдущемъ падежѣ; они послужатъ дополненіемъ послѣднему. Такъ: властеле (С. NN№ 10, 18, 75, 166, 167, 173), оци (А. № 7), пріятеље (С. № 135). Замѣчательнѣе другихъ слово господие (А. № 5), указывающее на единственное господь. Нынѣ въ единственномъ ч. употребляютъ *господин*, а для множественнаго *господа*; слово же *господ* осталось при одномъ только вѣроисповѣдномъ значеніи. Въ среднемъ р. находимъ форму родительнаго п.: ѿ, ѡ неисповѣдимыхъ, -мих чюдесь (Г. А, Б).

Винительный п. множ. ч. замѣчателенъ своимъ уклоненіемъ къ народности и вмѣстѣ болѣе яснымъ воспроизведеніемъ древнѣйшаго образовательнаго признака. Въ праязыкѣ Индоевропейской семьи общимъ признакомъ для всѣхъ окончаній этого падежа былъ, безъ сомнѣнія, носовой отзвукъ съ наконечнымъ *с* при основной гласной, какъ это видно изъ Готской формы *-ans*, *-ins*. Но уже въ Санскритѣ, рядомъ съ формою *-ân* (*-ans*), сталъ пропадать носовой отзвукъ въ долгой гласной *-âs*, *-îs*; въ Литовскомъ, Греческомъ и Латинскомъ его уже нѣтъ; но въ Славянскомъ языкѣ онъ сохранился въ извѣстныхъ перезвукахъ; за то сдѣсь нѣтъ наконечнаго *с*, которое удержалось въ предыдущихъ языкахъ. Мы не говоримъ сдѣсь о среднемъ родѣ. Въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи носовой отзвукъ остался при гласномъ и при мягкомъ исходахъ, кромѣ ь послѣ губныхъ, зубныхъ, свистящаго с и отчасти плавныхъ, которое переходитъ въ -ѧ. Твердые исходы -ъ и -а принимаютъ -ы. Но сдѣсь какъ -ѧ, такъ и -ы суть долгія гласныя, поглотившія въ себя носовой отзвукъ, быть можетъ, въ слѣдствіе благозвучныхъ условій языка. Русскій и Н.-Булгарскій приравняли этотъ падежъ именительному того же числа; Польскій и Лужицкій тоже; но Чешскій, въ особенности Д.-Чешскій, Хорутанскій, Хорватскій и Сербскій не забыли древняго носоваго звука и обратили его въ *-е*. Чешскій, какъ и Д.-Булгарскій, имѣетъ *-у* на мѣстѣ -ы, *-е* на мѣстѣ -ѧ и -ѩ, *-i* на мѣстѣ -и; Хорутанскій не соблюдаетъ различія между твердостію и мягкостію и одни слова оканчиваетъ на *-е*, другія на *-i*; но за то и окончанію *-ovi*, *-evi*, заимствованному у именительнаго п., придаетъ *е*: *-ove*, *-eve*. Хорватскій и Сербскій ставятъ всюду безъ различія *-е*; даже послѣдній, какъ и Хорутанскій, обращаетъ *-ови*, *-еви* въ *-ове*, *-еве*. Такимъ образомъ оба послѣдніе языка неуклонно до сихъ поръ держатся первоначальнаго падежнаго образованія, только съ извѣстнымъ перезвукомъ. Хотя въ Сербскомъ и происходитъ иногда смѣшеніе винительнаго п. съ именительнымъ въ образованія на *-ов*, *-ев*, однако это окончаніе именительнаго онъ подчиняетъ признаку винительнаго.

Въ Д.-Сербской письменности, не смотря на то, что первоначально рѣчь ея выкраивалась вся по образцу Ц.-Славянской, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ ея мы находимъ -е тамъ, гдѣ Д.-Булгарскій поставилъ бы -ы. Винительный п. множ. ч. принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ поприщъ, на которыхъ народность выступала весьма рано съ своими признаками и съ рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ Ц.-Славянскою стихіею. Сначала о мужескомъ родѣ. Въ XII-мъ в., въ гр-ѣ Немани, на ряду съ тлѣны, цѣре, кнезе, правы, оуставы читаемъ: грьке, оугре, плѣнике, оуличнике (А. № 1). Положимъ, что цѣре очень легко составилось изъ цѣра, но грьке изъ грькы не могло образоваться прямо съ помощію одного перезвука, ибо примѣровъ подобнаго перезвука не находимъ ни одного. Сдѣсь обѣ формѣ произошли изстари въ то время, когда оба языка, каждый по своему, воспроизводили у себя первоначальный носовой отзвукъ *an*. И по тому появленіе въ подобныхъ формахъ б-ы е обличаетъ самостоятельное исконное дѣйствіе народности. Въ XIII-мъ в. во всѣхъ семьяхъ почти всюду -е, -ѥ. Исключеній очень немного. Такъ: болѣри (С. № 3), боляры и тутъ же боляре (С. № 9), властели (С. № 19), дубровьчани (С. № 20), коупьци (Ш. № XVIII, но въ С. № 20 — купьце). Дубровничане, въ договорѣ съ Булгаріею, употребили вмѣстѣ съ -е и формы именительнаго п.: пѣвньѥ, попови (С. № 16). Еще сбивало писцовъ освященное употребленіемъ Ц.-Славянское выраженіе в вѣки, в вѣкы (С. №№ 4, 14, 15, 16), такъ что другой формы мы и не находимъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ и твердыя,

и мягкія окончанія принимаютъ -е. Въ XIV-мъ в. въ церковно-дарственныхъ грамотахъ есть еще мѣстами Ц.-Славянскія формы: разоумы, дворы, но игоумене, (А. № 4), гды, но хрісовоуле, влахе, винограде (А. № 6), уликы, дворы, плакеды, моужи, попы, игоумени, крты, сьсоуди, свѣщникыи, соупротивникы, дыи (дыханія)—въ началѣ и концѣ, а въ срединѣ: ѡрахе, крте, сѣнокосе, строуге, мѣроѣхе, сокальнике (С. № 176), ждрѣбы, домоки, оугодникы, храмы, мольникы, рогови, но тутъ же хрисовоуле, прѣдѣле, синоре (А. № 11), вуенники, апли, дари и тутъ же бугаре, хрисовуле (А. № 13), дари и дарове, враги и сѣностате, винограде (А. № 14). Гр-ы же А. NN 3, 7, 12, 18; С. NN 35, 51 имѣютъ одно -и, -ы. Но если, на оборотъ, въ прочихъ однородныхъ съ этѣми грамотахъ вовсе не находимъ Ц.-Славянской формы, и если даже этѣ самыя грамоты, на ряду съ Ц.-Славянскою, имѣютъ, какъ мы сейчасъ видѣли, большею частію, и народную, то о прочихъ можно смѣлѣе заключать въ пользу послѣдней. Дѣйствительно, уже рѣдко въ собственно-Сербскихъ проглядываетъ Ц.-Славянская форма: улѣки, ѡвѣти (С. № 39), аптли, дари (С. № 50), вуенники, апли, закони, скифтри (С. № 62). Даже въ Законникѣ отношеніе явно склоняется на сторону народности: христіаны, тати, а рядомъ съ ними: доуховнике, влахе, свѣдоке, хоусаре, динаре. Еще рѣже въ Западныхъ: неприятели (С. № 78), прѣтели (С. № 84), приятели, властели (С. № 86) — и только, тогда какъ форма на -е изобилуетъ. Только опять до, вь, у вѣки (№ 55, 69, 84, 85, 86, 176) еще торжествуетъ надъ у, вь вѣке (С. NN 57, 86). Тѣмъ болѣе отъ XV-го в. должны мы ожидать движенія впередъ, когда онъ наполненъ грамотами Западной семьи. Но и Восточныя уже не отстаютъ въ немъ отъ общаго стремленія, предлагая не болѣе, какъ только слѣдующія исключенія: дары (Г. Б), ѡбѣти, помѣсты, кмети, вѣкы (Мл.) и рядомъ съ ними многія формы на -е. Изъ Западныхъ только Турецкій списокъ съ грамоты Дечанскаго удержалъ нѣсколько формъ Ц.-Славянскихъ: сини, внуки, дари (С. № 37). Другія же грамоты этой семьи только въ слѣдующихъ немногихъ случаяхъ обнаруживаютъ память о Ц.-Славянскомъ падежѣ: прѣтели (С. № 89), у, ва, вь вики, внуки, внуки (С. NN 89, 95 — 104, 107, 114, 127, 133, 136, 145), еваньелисти (С. № 92), евангелисти, еванѣелисти (С. NN 101, 102), дари (С. NN 103, 120, 133, 136, 145), трьговци, еванѣелисти (С. № 104), записи, листови, ѡбичаи (С. № 105), дукати и дукате, -е (С. NN 106, 107), властели, -тели (С. NN 114, 117, 127, 128, 143, 145), захоѣлани (С. № 118), сини (С. № 136), гости (С. № 139), еваньѣелисти (С. № 141). Замѣтимъ, что бóльшая часть ихъ относится къ богословію, или къ заключенію, либо условлена обычнымъ употребленіемъ. Но, сверхъ того, на всякую, часто повторяющуюся, форму можно привести столько же, или еще болѣе, случаевъ противуположнаго образованія; такъ: у вике, внуке, внуке, вѣке, -ке, -е (С. NN 89, 94, 98, 107, 114, 118, 132, 133, 140, 145, 163), ев- еванѣелисте, еванѣелисте, евангелисте и т. д. (С. NN 89, 93, 96, 100, 106, 107, 120, 133, 142, 143, 144), властеле, -теле (С. NN 89, 107, 113, 116, 132, 141), дукате, -е (С. NN 127, 139, 147, 158, 163, 164; З. А.), трьговце, -е (С. NN 144, 145), записе, -е (С. NN 107, 114, 126, 127, 128, 132, 136, 140, 145), листе, листове (С. NN 109, 118, 121, 164), дајре (З. А.; С. № 150) и пр. Образованіе ов, ев не принято Ц.-Славянскимъ языкомъ въ этомъ падежѣ. Но Сербскій допускаетъ его, обращая форму именительнаго *-ови*, *еви* въ *-ове*, *-еве*. Такъ и въ старину онъ переводилъ форму именительнаго п. въ винительный

съ перемѣною б-ы и въ носовой перезвукъ **-е**: **кнезове**, **-е** (С. №№ 16, 47), **дьлгове**, **-е** (С. №№ 43, 55; З.), **судове** (С. №№ 43, 126), **дарове** (А. № 14), **бродове** (С. № 70), **листове**, **лѣстове** (С. №№ 83, 87, 105, 109, 121), **градове**, **-е** (С. №№ 91, 96, 98, 107, 143, 157; З. А.), **трьгове** (С. №№ 91, 111, 137), **дѣловее** (С. № 107). Но, рѣшившись заимствовать форму у именительнаго, хотя и съ приличною перемѣною, онъ уже не далекъ былъ отъ того, чтобы перенести и всю форму безъ перемѣны. Таковы видѣнныя уже нами формы на **-и**, **-ови**; таковы еще **пѣнязы** (С. № 16), **поклисарьи**, **людьи** (С. № 100). Формы на **-инь** и **-нь** или **-ѣнь** Д.-Сербскій языкъ образуетъ одинаково на **-е** (**ие**): **болѣре** (С. № 9), **властелие** (С. № 54), **хращане**, **прилипокнѣе**, **хлѣьдоминиѣе**, **конхинѣе** (С. № 118). Изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій ни одно, кромѣ Русскаго, не допускаетъ собирательной формы въ винительномъ п. Даже В.-Лужицкое не имѣетъ сдѣсь своего *-ojo*. Тѣ, которыя принимаютъ *-ов*, *-ев*, не допускаютъ его въ винительномъ, кромѣ Русскаго, которое совершенно смѣшиваетъ оба падежа, Сербскаго и Хорутанскаго. Но послѣднія два различаютъ падежи, оканчивая именительный на *-ови*, *-еви*, *-ovi*, *-evi*, винительный на *-ове*, *-еве*, *-ove*, *-eve*. Хорутанскій еще тоньше различаетъ ихъ въ формѣ *-je*: оставляя этотъ же исходъ за именительнымъ, онъ винительный изводитъ на *-i*, явно указывая на Ц.-Слав. **-ы**, **-и**. Слѣдовательно, смѣшеніе въ нашихъ памятникахъ именительнаго п. съ винительнымъ свидѣтельствуетъ о рано начавшемся вообще въ Славянскомъ языкѣ обобщеніи формъ и забвеніи ихъ существенныхъ признаковъ то чрезъ перезвукъ, то просто чрезъ смѣшеніе, слѣдствіемъ чего было наружное отожествленіе нѣкоторыхъ падежныхъ формъ. Еще въ то время форма родительнаго падежа не была въ ходу для замѣны винительнаго, подобно единственному числу. Тѣмъ не менѣе, не обошлось и безъ ея проблесковъ: коегдѣ проглядывала и она, но разсѣянно и безъ успѣховъ, которымъ препятствовалъ, съ одной стороны, Ц.-Славянскій языкъ, съ другой народный. По этому проблески эти приписать должно общеславянскому представленію, допускавшему возможность родительнаго п. на мѣстѣ винительнаго. Во всякомъ случаѣ это есть позднѣйшее явленіе, ибо въ древности мы видимъ, что и въ единственномъ ч. винительный п. не замѣняется родительнымъ Такихъ примѣровъ въ нашихъ памятникахъ весьма мало. Вотъ они: **на стихь православнихь црь** (С. № 50), **да не проканилють христіань** (З.), **на моихь прародитель господь кралевь** (С. № 99), **на црь и гдь** (С. № 111), **на црь и господь** (С. № 137). И такъ, послѣ всего сказаннаго, главное положеніе, что Сербскій языкъ уже съ древнѣйшихъ временъ сталъ образовывать свой винительный п. на б-у **-е**, остается во всей силѣ. Только одно слово **люди** удержало до конца свою форму и не приняло народной: мы постоянно находимъ его въ Ц.-Славянской формѣ то винительнаго п., то даже именительнаго: **люди**, **-ие**, **лоуди**, **люди**, **-ие**, **-ьи** (А. №№ 1, 6; С. №№ 18 — 21, 43, 45, 72, 77, 100 — 102, 108, 112, 114, 115, 132, 139, 143—145, 168; З.); нынѣ *люде*. **дьнь** имѣетъ **дни**, **днїи** (С. №№ 20, 21, 51, 78, 137; А. №№ 2, 12) — память Ц.-Слав. **дьни**; нынѣ *дане*, а *дни* употребляется только съ *два* и *три*, какъ остатокъ двойственнаго ч. Однажды встрѣчается **пути** (С. № 35).

Винительный п. мн. ч. ср. р. одинаковъ съ именительнымъ, ибо въ обоихъ произошло стяженіе носоваго отзвука, ср. долгое Вѣдич. *-â*. Славянскій языкъ не принялъ Санскр. *i*; но основное конечное *a* чрезъ стяженіе и долготу такъ окрѣпло, что уже не могло измѣниться подобно единственному ч. Если находимъ **села** (С. № 3), **помѣстиа**, **-иа** (С. №№ 95, 103), то это значитъ, что **-е** образовалось

изъ -ѧ, а это изъ -ꙑ; кладанѧ (С. № 144) есть то же, что кладанiи. Упомяну о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ: чꙋдо имѣетъ чюдеса, чꙋдеса (С. №№ 51, 71), слово—словеса, -ꙁ (А. №№ 7, 10), небо—нбса, нбсх, невеса, небеса (С. №№ 81, 85, 89, 95, 114, 150, 176; А. № 5; З. А.), тело—телеса (С. № 176). Нынѣ *чудо*, *небо* имѣютъ ту же форму; *тиело* имѣетъ двоякую: *телеса* и *тиела*.

Для женскаго р. форма винительнаго п. уже нами достаточно объяснена. Сдѣсь въ краткихъ словахъ повторимъ, что Ц.-Славянская -ꙑ есть перезвукъ носоваго окончанія; -и есть долгій звукъ, поглотившій въ себя, подобно -ꙑ, носовое произношеніе; онъ не есть -и именительнаго п., возникшее совсѣмъ по другому образованію, сдѣсь оно есть то же, что Санскритское *-îs*, также утратившее носовое *n*. Д.-Сербскій языкъ, какъ и нынѣшній, имѣетъ -ѥ, -и на мѣстѣ Ц.-Славянскихъ -ꙑ и -ѧ, -ѩ, а -и остается во всѣхъ трехъ неизмѣнно. Это послѣднее окончаніе употребляется и всѣми прочими Славянскими нарѣчіями при согласномъ, т. е., полугласномъ исходѣ именъ женскаго р. Намъ остается только показать отношеніе между народною формою на -ѥ и Ц.-Славянскою на -ꙑ или, по Сербскому правописанію, -ы, -и. Прочія же окончанія, какъ -ѧ, -ѩ, замѣненное чрезъ -ѥ, -ю, и -и, чужды повременнаго движенія, ибо первыя постоянно замѣняются б-ю -ѥ, -ю, а второе остается всюду неизмѣннымъ. Но и Ц.-Слав. -ꙑ только въ немногихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ удержалось; обыкновенно на мѣстѣ его находимъ -ѥ: Оно начинается въ XIV-мъ в. вмѣстѣ съ Аѳонскими грамотами: вѣды (А. № 2), мѣꙁы (А. № 3), жрьтвы, жртвы, жрьтвы, жртвы (А. №№ 3, 4, 5; С. № 176), сили, -ы, -ии (С. №№ 35, 51, 176), похвали (С. № 35), горы (А. № 10), нивы (В. № 2), вѣꙁины (А. № 20); въ Черногорской: страны (Мл.). Вотъ всѣ случаи Ц.-Славянскаго употребленія въ Восточныхъ грамотахъ. Въ Западныхъ находимъ ихъ еще менѣе. Въ Турецкомъ спискѣ съ гр-ы Дечанскаго: потреби (С. № 37); въ прочихъ: роти (С. № 104), царини (С. № 120) — и только. Такое незначительное количество употребленія явно говоритъ въ пользу народности, которая сдѣсь брала полный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою стихіею. Вообще въ Д.-Сербскомъ словодвиженія носовые звуки являются самою слабою стороною Ц.-Славянской стихіи, гдѣ признаки ея наименѣе устояли противъ дѣйствія народности. Не только прямая замѣна ѧ чрезъ ѥ и ѫ чрезъ ꙋ, но и болѣе глубокое и къ самой формѣ относящееся звукообразованіе -ѥ вмѣсто -ꙑ свидѣтельствуетъ о значительности народнаго вліянія на книжный языкъ въ древнѣйшую его пору; ибо уже въ XII-мъ и началѣ XIII-го в. въ Аѳонской и Жичанской гр-хъ находимъ одну форму на -ѥ: новине (А. № 1), жюпе, роуке (Ш. № VII) и т. д. Почти излишнимъ было бы замѣчать, что въ этомъ падежѣ, какъ и въ другихъ, ѧ иногда замѣняетъ собою -ѥ или -ю, на пр., постави (С. № 16), крикиня, повеля (С. № 43), ждаия (С. № 111) и т. п. Отъ клетьки—клетки (С. №№ 19, 66, 83, 89, 142), ср. клетькя (т. е., -ѥ, С. № 16) отъ клетька.

Родительный п. множ. ч. въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ представляется, какъ слѣдствіе дальнѣйшаго движенія Славянскихъ нарѣчій послѣ сокращенія праязычной гласности: я разумѣю озвукотвореніе полугласныхъ. Ни одно изъ Славянскихъ нарѣчій не довело, можетъ быть, этого явленія до такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ Сербское: всѣ прочія остановились передъ словодвиженіемъ; Сербское пошло далѣе и озвукотворило самыя окончанія косвенныхъ падежей множественнаго ч., въ томъ счету и родительнаго. Но если откинемъ озвукованную гласную *а*, то увидимъ, что всѣ имена мужескаго р. имѣютъ родительный п. на полугласную, которая, большею частію, или прямо

приставляется къ основѣ слова, или иногда требуетъ благозвучнаго *е*. Вообще всѣ Славянскія нарѣчія хотя существенно и сходны между собою въ образовательныхъ окончаніяхъ этого падежа, однако всякое по своему воззрѣнію употребляетъ и отчасти видоизмѣняетъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, это есть самый неопредѣленный падежъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ народъ не знаетъ, какъ составить его форму и прибѣгаетъ то къ двойственности, какъ въ Русскомъ, то къ перенесенію изъ одного образованія въ другое, какъ въ Польскомъ и Лужицкомъ. Краткій исходъ мужескаго р. на -ъ и -ь нигдѣ такъ обильно не сохранился, какъ въ Д.-Булгарскомъ и Сербскомъ. Послѣдній, если принять, что въ немъ *а* есть позднѣйшее озвукотвореніе полугласной, всѣ слова муж. р., кромѣ немногихъ исключеній, изводитъ на полугласную, приставляя ее или непосредственно къ основѣ, или съ помощію *ов*, *ев*: отсюда его общій исходъ *-а*, *-ова*, *-ева*. Только нѣсколько словъ принимаютъ *-и* вм. *-а*, но они хотя и считаются теперь исключеніями, однако носятъ на себѣ слѣды древнѣйшаго правильнаго образованія, имѣя ближайшее отношеніе къ Ц.-Славянскому языку. Таковы: *црв*, *мрав*, *месец*, *динар*, *пут*, *гост*, *ват* и *сат*. Нынѣ, правда, они имѣютъ твердый исходъ; но ихъ форма на *-и* намекаетъ на старинную урьвии, мравии, динарии, пѫтии, гостии; остальныя уподоблены имъ. Прочія Славянскія нарѣчія болѣе, или менѣе стѣснили краткій исходъ формою *ов*, *ев*, такъ что его вовсе не находимъ въ нарѣчіяхъ Польскомъ, кромѣ исходящихъ на *-anin*, Чешскомъ, кромѣ *tisjc*, *loket*, *penjz*, *přjtel*, и то не всегда, Хорватскомъ и Лужицкомъ, кромѣ именъ собственныхъ, употребляющихся только во множественномъ ч., которыя могутъ и не принимать *-ow*. Въ Русскомъ, большею частію, тоже *-овъ*, *-евъ*, хотя есть и -ъ для исхода *-инъ*, въ словѣ *глазъ*, и для немногихъ словъ въ сочетаніи съ другимъ, означающимъ количество[1], какъ на пр., *разъ*, *человѣкъ*, *день*, *аршинъ*, *алтынъ*. Эта форма стѣснила и другое окончаніе -и, *-i* (*й*), такъ что Сербское, кромѣ вышеприведенныхъ словъ, Чешское и Хорутанское уже не знаютъ его, хотя и знали въ старину. Въ Польскомъ, какъ и Русскомъ, гласный исходъ *-j*, *-й* уже имѣетъ *-ów*, *-евъ*. Но за то въ обоихъ мягкій согласный исходъ принимаетъ *-y*, *-i*, *-ей*, расширяя его сравнительно съ Д.-Булгарскимъ, гдѣ въ этомъ случаѣ стоитъ краткій исходъ -ь; Лужицкій смѣняетъ уже *-i* съ *-ow*: на пр., Ц.-Слав. мечь, Рус. *мечей*, Пол. *mieczy*, Луж. *meči* и *mečow*. Сверхъ того Русскій языкъ собирательную форму изводитъ на *-ей*, вмѣсто *-овъ* или *-евъ* или Ц.-Слав. -ъ, на пр., *сосѣдей* и *сосѣдовъ*, Ц.-Слав. сосѣдъ. Женскій и средній р. нѣсколько крѣпче устояли съ своими формами. Однако и въ нихъ нѣкоторыя Славянскія нарѣчія удлиннили, или окоротили окончаніе. Такъ Лужицкій языкъ всѣ имена женскаго р. извелъ на *-ow*, оставивъ *-i* рядомъ съ *-ow* только при согласномъ исходѣ; кратко исходить въ немъ только одно слово *ńedźel*, *ńeźel*. Впрочемъ, Н.-Лужицкій довольно часто опускаетъ *-ow*, но никогда не отвергаетъ его вовсе. Сербскій удержалъ въ женскомъ р. *-а*, равняющееся Ц.-Слав. -ъ, или -ь, и *-и* = Ц.-Слав. -ии, или -ъ. Хорватскій озвукотворяетъ въ *-i* (*ih*) для всѣхъ исходовъ; впрочемъ, многія на *-а* имѣютъ краткій исходъ, то же, что Ц.-Слав. -ъ, а нѣкоторыя тотъ и другой. Хорутанскій, употребляя, подобно Сербскому, *-á* и *-i*, опускаетъ ихъ иногда для обоихъ исходовъ, гласнаго и полугласнаго, и оставляетъ падежъ исходящимъ на согласную или собственно полугласную: *gorá* и *gor*, *molitev*, *misel*, *škárenj*, *kosti* и *kost*. Русскій и Польскій вѣрнѣе отвѣчаютъ Ц.-Славянскимъ -ъ, -ь и -ии своими окончаніями -ъ, въ Польскомъ одна согласная, и *-ей*, *-й*, Пол. *-i*, *-y*. Впрочемъ, въ послѣднемъ нѣкоторыя односложныя слова въ

просторѣчіи исходятъ на *-ów*. Чешскій, изводя твердый гласный исходъ на согласную или собственно полугласную, мягкій гласный исходъ, на пр.: *zemé*, какъ и согласный, изводитъ на *-j*. Въ среднемъ р. Сербскій языкъ, какъ и Хорватскій и Хорутанскій, вообще допускаетъ лишь полугласный исходъ, который въ первомъ озвукотворяется въ *-а*, въ послѣднихъ нѣтъ. Отъ того и въ Ц.-Славянскомъ исходѣ -ии они видятъ лишь какъ бы -ь, и первый обращаетъ его въ *-ия*, гдѣ *я* есть то же, что *ь*, а вторые просто въ *-ь*, или, иными словами, изводятъ падежъ на мягкую основную согласную, на пр. *žiwlenj*, гдѣ *-nj*= *-нь*. Русскій и Чешскій придали для гласнаго исхода *-е* форму *-ей*, *-j*, на пр., *полей*, *polj*, Ц.-Слав. поль, Пол. *pól*. Польскій языкъ, подобно Хорватскому и Хорутанскому, во всѣхъ случаяхъ допускаетъ лишь полугласный исходъ; но въ немъ есть и *-ów* для именъ ласкательныхъ или уменьшительныхъ, равно какъ для исходящихъ на *-wie*. Лужицкій же для всѣхъ родовъ имѣетъ *-ow*. Замѣтимъ, что Польскій ближе всего подходитъ въ окончаніи *-ów* къ Лужицкому, съ тою только разницею, что Лужичане рѣшительно приняли это окончаніе для всѣхъ родовъ и исходовъ, а Поляки еще колеблются и спорятъ. И такъ мы видимъ собственно три главныя окончанія для родительнаго п. мн. ч., которыя всѣ существуютъ въ Д.-Булгарскомъ въ формахъ -ъ, -ь, -ии и позднѣйшей -овъ, -евъ, которая успѣла сильнѣе утвердиться въ другихъ нарѣчіяхъ и всего болѣе въ Лужицкомъ. Но всѣ эти окончанія, по видимому, различныя, находятъ себѣ объясненія въ одной и той же прадавней формѣ *-ām*, отразившейся въ Греческой *-ων* и Латинской *-um*. Литовскій и Готскій опустили носовой отзвукъ, первый въ своемъ *ŭ*, второй въ *-ê*, *-ô*. Въ происхожденіи краткаго полугласнаго исхода участвовало общее свойство Славянскихъ языковъ, по которому праязычная полная гласная переходила въ полугласную: *-ām* чрезъ опущеніе *m* и ослабленіе *ā* произвело -ъ; мягкость обратила его въ -ь. Другое окончаніе -ии, обыкновенно сопутствующее мягкому гласному исходу -ии, или -ь, отвѣчающему прадавнему *i*, образовалось изъ *-jām*, Литов. *-iŭ*, и своимъ полногласіемъ въ видѣ и обязано разъединительному мягкому небному началу, которое предохранило его отъ ослабленія, давши ему самостоятельность чрезъ отбой голоса. Первое и будетъ выраженіемъ мягкой основы, второе падежнымъ образовательнымъ окончаніемъ. Вѣроятно, когда нибудь обѣ гласныя звучали полно, но со временемъ языкъ стянулъ послѣднее въ полузвукъ (*й*) для легкости произношенія; другія же Славянскія нарѣчія стянули ихъ вовсе въ одно *-и*, *-i*, *-y*. Но что сдѣсь было двоегласіе, то это видно изъ Сербской формы *-ия* для средняго р., равняющейся Сербской же *-и* для женскаго р. Русскій языкъ тоже не стянулъ, но только ослабилъ второе *и* до *й*. Его *-ей* представляетъ иное озвукотвореніе основноисходной мягкой гласной на томъ общемъ основаніи, по которому ъ переходитъ въ *о*, *ь* въ *е*. Начало этого перехода уже замѣтно въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, хотя и въ весьма древнихъ памятникахъ, но все таки, судя по восходящей рѣдкости случаевъ, не въ древнѣйшую его пору. Но озвукотворенный основный исходъ о или е не могъ въ немъ прямо соединиться съ образовательнымъ *-ām*, -ъ, и по тому сдѣсь явилась обычная при словодвиженіи благозвучная буква в, откуда и произошли окончанія -овъ, -евъ. Повторяю, это суть позднѣйшія въ Д.-Булгарскомъ языкѣ окончанія, возникшія позднѣе другихъ двухъ и продолжавшія свое усиленіе въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Русскій языкъ провелъ это *ов*, *ев* въ собирательной формѣ и въ родительный п, говоря *сыновей*, *кумовей* вмѣстѣ съ *сыновъ*. Вообще собиратель-

ныя на *-ья* имѣютъ или *-ьевъ*, или *-ей*, на *-ва* имѣютъ *-въ*, на *-а* — *-в*: *хозяевъ*, *баръ*. Еще замѣчательно въ Русскомъ удвоеніе: *сыновьевъ*, *кумовьевъ* отъ *сыновья*, *кумовья*. Сдѣсь не лишнимъ будетъ напомнить по этому случаю о перезвукѣ *-ой*, *-ей* въ *-ов*, *-ев*, которымъ и объясняется эта двойственность формъ. Русскій языкъ, принявъ въ именительномъ п. нѣкоторыхъ словъ собирательную форму и исключивъ другія, повелъ ее далѣе въ словодвиженіи.

Посмотримъ теперь, что происходитъ въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ? Мы сейчасъ видѣли, что повременное движеніе Славянскаго языка клонится къ ограниченію краткаго окончанія и гласнаго на *-и*, *і*, *у* (Ц.-Слав. ии). Послѣднее въ мужескомъ и среднемъ р., кромѣ немногихъ исключеній, вовсе не принято нынѣшнимъ Сербскимъ языкомъ, который за то распространилъ краткій исходъ на озвукотворенную въ видѣ *а* полугласную, подчинивъ ему и Ц.-Славянскій исходъ -ии. Въ другихъ случаяхъ Сербскій языкъ распространилъ противъ Ц.-Славянскаго форму на *ов*, *ев*, какъ въ именительномъ, такъ и въ родительномъ и другихъ падежахъ мн. ч. муж. р. Имена, исходящія на *-о*, а также односложныя и двусложныя предпочитаютъ форму на *ов*, *ев*, вѣроятно, по благозвучной причинѣ, хотя могутъ и не имѣть ея. Въ первомъ случаѣ ихъ родительный исходитъ на *-ова*, *-ева*. Послѣ этого мы можемъ предположить, что и древнекнижный языкъ не остался безъ вліянія народности, отдававшей предпочтеніе въ извѣстныхъ случаяхъ формѣ *-ов*, *-ев* вопреки Д.-Булгарскому, который только уже съ теченіемъ времени начиналъ допускать у себя образованіе на -овъ, -евъ. Дѣйствительно, въ его памятникахъ встрѣчаемъ довольно случаевъ этого образованія. Уже въ обѣихъ грамотахъ XII-го в. попадается это окончаніе: чьстниковь (А. И.), ӑ. сьпоудовь (А. № 1); потомъ оно продолжается безъ видимаго успѣха по всѣмъ вѣкамъ нашей письменности: поповь (Ш. № VII; З.) плоугоъ (С. № 176), сиро́вь (А. № 10), ѯанопоъ (С. № 57), даровь (А. № 14), врагомь, -евь, -инь, -евь (С. NN№ 68, 96—99, 107, 140, 153, 154), гробовь (З.), сыновь, снове, снове̂, снова (З.; А. № 15; С. NN№ 90, 111, 115, 119, 126, 137, 138, 142, 159; Мл.), монастирѣвь (С. NN№ 83, 105), дво́ровь, троудовь (А. № 17), анделовь, апостоловь (С. № 98), живловь, мжвловь (С. NN№ 115, 126), ӑ. сребрьниковь (С. № 118), дукатовь и тутъ же дукать (С. № 119), апостоловь (С. NN№ 141, 145), сокалниовь (С. № 157), грѣховь (А. № 20). Мы нарочно привели всѣ случаи, чтобы показать, что -овь, -евь существуютъ въ равной степени какъ въ Восточныхъ, такъ и въ Западныхъ грамотахъ, и что, стало быть, Ц.-Славянская стихія не имѣла сдѣсь важнаго повода отстаивать краткое окончаніе, тогда какъ сама во всѣхъ случаяхъ, поставила бы ъ, или -ь. Это значитъ, что вліяніе Ц.-Славянскаго языка на Сербскій происходило уже въ ту пору его, когда въ немъ начинали показываться уже нѣкоторые признаки позднѣйшаго образованія. Судьбы Д.-Булгарскаго языка извѣстны. Раннее вторженіе чуждыхъ началъ въ жизнь древней Булгаріи имѣло вліяніе и на ея языкъ, такъ что чистый Д.-Булгарскій языкъ, какимъ онъ долженствовалъ быть въ пору государственной самостоятельности, укрывался уже только въ древнѣйшей письменности, да въ памяти книжниковъ, хорошо его изучившихъ; но послѣднее хранилище было ненадежно безъ поддержки со стороны народной самостоятельности и чистаго народнаго начала. Книжники могли быть и не Булгары — и вотъ причина различныхъ изводовъ и нѣкоторыхъ измѣненій, какія мы замѣчаемъ въ средневѣковой Ц.-Славянской письменности. Въ прочихъ случаяхъ Д.-Сербскій языкъ сходится съ Ц.-Славянскимъ и изводитъ вмѣстѣ съ нимъ подобныя сло-

ва́ на -ь (Ц.-Слав. ъ и ь), на пр.: **дѣдь**, **отцъ**, **болярь**, **лакъть** (С. № 2) и т. д. Съ теченіемъ времени онъ началъ озвукотворять это -ь въ -а. Первое озвукотвореніе показывается въ гр-ѣ С. № 81: **динара**, и потомъ возрастаетъ въ дальнѣйшихъ Западныхъ гр-хъ. Примѣры какъ той, такъ и другой формы считаемъ излишними. Первая во всемъ сходна съ Ц.-Славянскою, и если озвукотворимъ ее въ -а, то сходна будетъ и съ нынѣшнею. Сдѣсь повременное движеніе заключается въ озвукотвореніи; но мы уже разсмотрѣли его въ своемъ мѣстѣ. Что касается до окончанія -ии, то Сербскій языкъ, не имѣя его теперь для именъ мужескаго р., допускалъ его однако въ древней своей письменности, вѣроятно, слѣдуя Ц.-Славянскому языку; но допускалъ самостоятельно, обнаруживая болѣе склонности къ другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, стягивавшимъ двойное -ии въ одно -*и*: отсюда предпочтеніе, оказываемое формѣ на -и вмѣсто -ии. Такъ: **люди**, **лю̈ди**, **лꙋди** (А. № 1; Ш. № VII; С. №№ 14, 26, 39, 78, 79, 96, 98, 100, 101, 102, 107, 114, 144, 164, 168), **кьмети**, **кмети** (С. №№ 14, 107), **црꙗ҇и** (С. № 16), **динари** (С. №№ 85, 95, 96, 98, 103, 119, 125, 136, 158), **пенеӡи**, **пѣнеӡи** (С. №№ 96, 127), **властели** (С. № 113), **камени** (С. № 121), **братучеди** (С. № 141), **дꙋкати** (С. № 158). Не должно удивляться, что въ эти примѣры вошли слова съ твердымъ, по видимому, окончаніемъ. Общее смягчающее свойство Сербскаго языка дало имъ мягкій исходъ и подчинило образованію по примѣру Ц.-Славянскаго, имѣющаго -ии для словъ на -ь съ предшествующими д, т, л, р. Но лишь только слова эти принимали нѣсколько твердый отзвукъ, какъ тотчасъ же измѣняли свое образованіе. Другая форма ихъ на -ь или -а, подтверждаетъ это: **црь**, **царь** (С. №№ 35, 37, 68, 96, 98, 103, 107, 136), **динара** (С. №№ 81, 107, 112, 123, 124, 125, 127, 150, 170, 171), **дꙋкать**, **дꙋка́ть** (С. №№ 41, 74, 79, 83, 87, 106—110, 112, 119, 124—128, 134, 139, 155, 157, 163, 168; А. № 20), **дꙋката**, -ла (С. №№ 74, 123, 159, 164). **пенеӡь** и **властель** перешли сюда изъ правильнаго падежнаго образованія на -ь, и хотя первое не имѣетъ своего двойника, но за то второе очень часто употребляется въ формахъ: **властель**, **властелъ**, **властео**. Остатокъ смягченнаго склоненія сохранился и донынѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ мы видѣли выше; но у тѣхъ, которыя имѣютъ твердый исходъ, рядомъ съ формою -*и*, принятой, вѣроятно, по подражанію, слышится и форма на -*а*; такъ: *месеца*, *прста*, *ноката*, *динара*, *сата* или *сахата*, *пута*. Остается одно только *ват*, имѣющее *вати*. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ даже по двѣ и по три формы: третья есть на -*ию*: *гостию*, *прстию*, *ноктию*. Она образовалась, вѣроятно, изъ соединенія -*и* съ -*ев*, причемъ -*е* слилось съ -*и*, а *в* перешло въ *у* или *ю*. Въ -*и* Сербскій языкъ сходится съ другими Славянскими нарѣчіями, кромѣ Русскаго и Д.-Булгарскаго. Но древнекнижный языкъ придерживался иногда и Ц.-Славянскихъ формъ въ словахъ съ мягкимъ исходомъ и въ памятникахъ, наиболѣе подверженныхъ вліянію этой стихіи. Однако и сдѣсь онъ слѣдовалъ иногда другому пріему и, подобно Русскому языку, конечное основное ь озвукотворялъ не въ и, но въ е, оставляя тотъ же мягкій отголосокъ и. Отъ того мы находимъ двоякія формы: **людьи**, гдѣ первое и ослабло до ь, (С. № 16), **людїи** и тутъ же **люди** (С. № 6), **прародителии** (С. № 176), **санъзїи** (С. № 130); и **коней** (А. № 6), **монастырей** (А. № 10), **кметеи** (А. № 16). И такъ съ одной стороны стянутое -и, съ другой -еи тѣснили Ц.-Славянское -ии. Имена, исходящія на гласную, въ Ц.-Славянскомъ языкѣ не измѣняются въ родительномъ п. мн. ч., — знакъ, что падежная полугласная не озвукотворяется, но сли-

вается съ основною. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ подобныя имена принимаютъ окончаніе *-я*, на пр., *края*, гдѣ *-я* стянуто изъ *-иа* (собственно *иь*), какъ въ среднемъ р.; но въ старину они удерживали Ц.-Славянскую форму; на пр.: **оулий** (А. № 6), **архієреи** (З.), **краи** (С. №№ 89, 118, 179), **обычаи** (С. № 178). Въ среднемъ и женскомъ р. слова, исходящія на одну гласную, нынѣшніе Сербы изводятъ на *-а*. озвукотворившее полугласную: такъ и старинные писцы изводили ихъ на полугласную согласно съ Ц.-Славянскимъ языкомъ, или въ послѣдствіи, какъ мы видѣли въ звукоученіи, оглашали **-ь** въ **-а**. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Но имена на **-ие** и **-ия**, которыя у Чеховъ подвергаются двойному стяженію на *-í*, а у Лужичанъ и отчасти Поляковъ переходятъ въ образованіе *-ow*, у Сербовъ имѣютъ *-ия*, у древнихъ Булгаръ **-ии**. Сдѣсь первичный признакъ падежа *-ám*, передъ мягкою гласною **и**, принявъ самъ мягкость и долготу чрезъ стяженіе съ носовымъ' отзвукомъ, превратился въ уподобленное **и**. Но у нынѣшнихъ Сербовъ, которые въ стяженіи гласныхъ идутъ врозь съ Булгарами и Русскими, въ именительномъ п. **-ие**, **-ия** ед. ч. стянулись въ *-е*, *-я* гдѣ **-и** ослабло въ полугласную; сдѣсь же это **-и** возстановлено, но за то второе ослабло до *ь*, которое въ свою очередь озвукотворилось въ *я*, откуда *-ия*. Но этого озвукотворенія, кромѣ одного поздняго **тефиꙗ** (С. № 130), мы еще не находимъ въ древнихъ памятникахъ письменности, а видимъ или просто стянутую форму **-и** чрезъ переходъ перваго **-и** въ **-ь**, откуда **-ьи**, **-и**; на пр.: **даровании** (В. № 2), **соуди**, **-й** (С. №№ 73, 111), или Ц.-Славянскую полную **-ии**: **пѣнии**, **оу- оу- оутврьжении**, **-іи** (А. №№ 3, 4, 5), **писаниꙗ** (А. № 5), **показаніи** (А. № 18), **покаꙗніи**, **сьгрѣшеніи** (А. № 19), **благодѣтелствіи** (С.-Д. М. 1844), **соудии**, **сѫдіи** (С. №№ 73, 91, 137), **литоургіи** (А. № 17). Самыя грамоты показываютъ, чему она обязана своимъ существованіемъ. Но **иинскоупиии** (Ш № VII) представляетъ уже слишкомъ протянутую форму. Если вспомнимъ, что въ этой грамотѣ постоянно существуетъ смѣшеніе народной стихіи съ Ц.-Славянскою, то увидимъ, что уже въ первой четверти XIII-го в. Сербскіе писцы начинали нарушать Ц.-Славянскія формы и, забывая ихъ истинное значеніе, преобразовывали ихъ по своему усмотрѣнію, гдѣ ошибочно, а гдѣ и согласнѣе съ общими правилами, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Стяженіе происходило при посредствѣ **-ьи**, какъ видимъ въ формѣ **сѫдьꙗ** (вм. **сѫдьи**, С. № 89). Форма **асири**, **-й** (С. №№ 130, 146, 147) скорѣе должна объясняться благозвучною причиною, по которой и нынѣ *ватра* имѣетъ *ватри*. Форма **дѣти** (А. № 1), вѣроятно, вмѣсто **дѣтии**, предполагаетъ единственное ч. **дѣтие**; но равномѣрно встрѣчающаяся **дѣть** (С. № 14) представляетъ образованіе безъ нарощенія отъ единственнаго **дѣте**, какъ **поле**. Тутъ же встрѣчающаяся форма **живчие** не есть ли то же, что **живчи** отъ единственнаго **живчии**, и е не есть ли въ ней признакъ вытяженія голоса, образующагося въ долгомъ стянутомъ **-и**? Женскій согласный или собственно полугласный исходъ имѣетъ, подобно мужескому р., **-и**, какъ и нынѣ; на пр.: **области** (Ш. № VII; А. № 7), **напасти** (А. № 12), **рѣчи** (С. № 172), или **-ии**: **крьвиї** (С. № 179), **даніи** (С.-Д. М. 1844), или же **-ен**: **властей** (А. № 6), **заповѣдеи**, **-ѣи** (С. № 51; А. № 17) Ц.-Славянскій имѣетъ **дъштерь**: такъ и Д.-Сербскій **ньшерь** (С. № 112); но нынѣшній приравниваетъ это слово общей формѣ **кћери**, тогда какъ *матера*. оставляетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ Ц.-Слав. **матерь**.

Наконецъ Д.-Сербскій языкъ наглядно выразилъ то мгновенное дѣйствіе, посредствомъ котораго имена принимаютъ въ родительномъ п. мн. ч. краткое окон-

чаніе, приравнивающее ихъ именительному п. ед. ч. -ъ, -ь. Если основная исходная полугласная не озвукотворяется, то, соединяясь съ падежною полугласною, образовавшеюся изъ *ăm*, она вмѣстѣ съ нею производитъ какъ бы удлиненное полугласіе, какое и слѣдуетъ видѣть въ подобныхъ формахъ. Слѣдовательно, сдѣсь нѣтъ формы именительнаго п. ед. ч., хотя она одинакова съ нею. Это-то различіе нынѣшніе Сербы выразили въ озвукотворенномъ и долгомъ окончаніи -*a*; древніе же въ болѣе наглядномъ и близкомъ къ Ц.-Славянскому образованіи. Свойство ихъ народнаго языка, огласовать полузвукъ, облегчило имъ возможность понять это различіе, и, не осмѣливаясь еще претворять полугласную въ полный звукъ, они старались, по крайней мѣрѣ, видимо обозначить ея долготу и составную природу. Средствомъ къ тому было выразить наглядно самое образованіе формы на -ъ, -ь; вотъ они и стали писать: **сильь̆, сельь̆** (А. № 2), **ꙁемль, пра- родитель̆, игоумень̆, аплъ̆** (А. № 3), **отць̆** (А. №№ 3, 9), **пра- родитель̆** (А. №№ 4, 9), **ꙁемль̆, соуродникъ̆, игоумнъ̆, сельь, отць̆** (А. № 4), **апль̆** (А. №№ 4, 9), **аптиць, ꙁемль** (А. № 8), **отць** (А. №№ 8, 11), **соуродникъ̆, местъ̆, ꙁемль̆** (А. № 9), **апль, брьдь** (А. № 5), **родитель, прародителъ, моужь, отць, споудь, работь, сель** (А. № 10), **местьь** (А. № 11). **родитель** (В. № 1), **монастирь** (Г. А), **доубровчань** (С. №№ 73, 91), **господь, срьбль** (С. № 91), **господь** (С. № 175), **благь** (А. № 20) и т. д. Хотя сдѣсь не озвукотворялась ни та, ни другая полугласная, однако въ самомъ произношеніи должна была присутствовать долгота, и по тому она легко переходила въ гласную. Впрочемъ, сдѣсь слитіе было полное, какъ это доказывается значкомъ ˘ надъ ь, и формами на одно -ь, которое, не смотря на то, вмѣщало въ себѣ законную долготу и по тому, большею частію, если стояло одно, то выносило значекъ ", выражающій стяженіе и нерѣдко въ Ц.-Славянскихъ формахъ замѣняющій конечное и въ ии. Такъ: **пра- родитель̈, вкладь̈** (А. № 5), **работь̈** (А. №№ 5, 17), **моужь̈, отць̈, житель̈, апль̈, месть̈** (А. № 10), **сведокь̈** (С. № 73), **доубровчань̈** (С. №№ 73, 91), **сьродникь̈** (А. № 15), **старьць̈, краль̈, ребрь̈** (А. № 18), **сель̈** (А. №№ 17, 18), **коунь̈** (А. № 17), **инокь̈** (А. № 19), **срьбль̈** (С. № 91), **властель̈, сась̈** (С. № 111), **доубровчань̈** (С. №№ 111, 137). **литрь̈** (С. № 175), **кнать̈** (С. № 146). Присутствіе этой формы въ собственно-Сербскихъ и особенно Аѳонскихъ грамотахъ показываетъ, что на этой почвѣ писцы менѣе всего надѣялись когда либо озвукотворить полугласную, боясь отступить отъ Ц.-Славянскаго обычая, какъ это и показала намъ исторія озвукотворенія б-ы ь, и по тому прибѣгли къ уловкѣ удвоенія полугласной для показанія ея долготы, подобно удвоенію озвукотворяющаго а въ дикатая вокладя (С. № 125), поставаа (С. № 127), (С. № 164) и пр. Такимъ образомъ они сошлись сдѣсь съ выводами новѣйшаго сравнительнаго языковѣдѣнія. Въ заключеніи замѣчу, что форма оць, до маниехъ (С. № 16) есть мѣстный п. Эта грамота отличается неточностію формъ въ слѣдствіе или дурнаго списка, или вліянія чуждой стихіи на самый подлинникъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ договоръ Дубровчанъ съ Михаиломъ Асѣномъ Булгарскимъ.

Дательный п. мн. ч. въ Славянскомъ языкѣ исходитъ на -*мъ*, которое есть остатокъ прадавняго -*bhjas*, Лат. -*bus*, гдѣ -*jas* сократилось въ *ъ*. Литовскій удержалъ одно конечное *s*, претворивъ, подобно Славянскому, *b* въ одноорганное *m*, -*ms*. Но, согласныя въ общемъ падежномъ признакѣ *м*, Славянскія нарѣчія различнымъ образомъ приставляютъ его къ основѣ слова Ц.-Славянскій

языкъ возстановляетъ полугласный исходъ мужескаго и женскаго р. въ о, или е согласно съ твердостію, или мягкостію его, а гласный исходъ средняго и женскаго р. оставляетъ нетронутымъ, придавая къ нему прямо -мъ. Польскій имѣетъ для всѣхъ трехъ родовъ *-от* или *іот* и только въ среднемъ р. при шипящихъ *-ет*. Обратное этому дѣйствіе видимъ въ Русскомъ и Лужицкомъ, которые всѣмъ родамъ даютъ одинъ общій исходъ *-амъ*, *-ат*. Хорватскій и Хорутанскій сохраняютъ въ мужескомъ р. прежнее образованіе *-от* или *-ет*, но средній р. уже подчиняютъ женскому образованію на *-ат*. Чешскій имѣетъ для твердаго исхода мужескаго и средняго р. *-ůт*, для мягкаго женскаго и средняго р. *-ет* или *-јт*. Вообще всѣ они въ основу падежнаго образованія принимаютъ именительный п. ед. ч. и не озвукотворяютъ конечной полугласной въ *-мъ*, которая есть остатокъ утраченнаго *-jas*. Но, одинъ изо всѣхъ, Сербскій языкъ озвукотворяетъ *-мъ* въ *-ма*, а конечную полугласную въ мужскомъ и женскомъ р. и гласную въ среднемъ, кромѣ исхода *-ие*, обращаетъ въ узкій звукъ *и* съ перемѣною гортанныхъ: *розима*, *мислима*, *польима*, *питаньима*. Конечное *й* муж. р. твердѣетъ въ *и*: *краима*; но *-ие*, удержанное изъ Ц.-Славянскаго языка, образуетъ свой дательный отъ именительнаго п. мн. ч.: *сретениjма*. Женскій на *-а* имѣетъ *-ама*. Впрочемъ, простой народъ въ Бачкѣ, равно какъ пѣсни Сербскія часто изводятъ этотъ падежъ въ муж. р. на *-ом*, *-ем*: доказательство, что Сербскій языкъ подвергся позднѣйшей порчѣ и что въ старину онъ сходился съ Ц.-Славянскимъ. Еще болѣе подверглись порчѣ творительный и мѣстный пп. мн. ч., и въ этомъ отношеніи Сербскій языкъ стоитъ ниже другихъ на лѣстницѣ повременнаго движенія и преобразованія. Древняя его письменность свидѣтельствуетъ, что онъ стоялъ гораздо выше нынѣшняго, имѣя болѣе разумное падежное образованіе. Такъ въ разсматриваемомъ падежѣ онъ не озвукотворялъ окончанія -мь, и въ мужескомъ р., какъ и женскомъ съ полугласнымъ исходомъ, производилъ форму отъ именительнаго п. ед. ч., возстановляя полугласную, по своему воззрѣнію, то въ о, то въ е, на пр.: **добыткомь**, **волтромь**, **купцемь** (С. № 3), **гостемь** (С. № 7), **трьговцемь** (С. №№ 36, 44, 63, 64, 70, 71), **срьблемь**, **србліемь** и т. д. (мн. р.); **стртемь** (А. №№ 4, 5), **добродѣтелемь** (А. № 16), **кнезмь**, **кьнезмь**, **кьнѣзмь**, **кнѣзмь** (С. №№ 108, 112, 115, 121) и пр. Имена на -къ имѣютъ обыкновенно -кемь или для большей наглядности -кємь, ибо, приведя е въ ѣ, получимъ ѣмь; на пр.: **стѧнковникмь** (С. № 108), **господоуникмь** (С. № 126). Слова мужескаго р., исходящія на -и съ предшествующею гласною, Ц.-Славянскій языкъ изводитъ на -омъ или -имъ, озвукотворяя здѣсь праязычное образовательное *-jas* въ о или е, какъ озвукотворилъ его въ -и для именительнаго п. Нынѣшній Сербскій языкъ образуетъ обыкновенно на *-има*, но древній держится Ц.-Славянскаго образованія: **краемь** (С. №№ 83, 136, 140, 150, 179), **ѡбычаѥ** (С. № 178), **жюднемь** (С. № 132); стянутая будетъ **злмь** (С. № 6). Иногда ѣ становится на мѣстѣ мягкаго е, образуя формы **трьговцѣмь** (С. № 72), **срьблѣмь** (С. № 81). Мы знаемъ, какъ не любилъ Д.-Булгарскій языкъ образованія на -ок, -ев. Не смотря на то, въ Д.-Сербской письменности формы на ок, ев начинаютъ уже показываться, поддерживаемыя именительнымъ и родительнымъ пп. Впрочемъ, здѣсь онѣ показываются не раньше второй половины XIV-го в.; на пр.: **градокомь**, **-ѡмь** (С. №№ 62, 81, 84, 85, 95, 97, 99, 140; З.), **кнѧжкомь** (С.-Д. М. 1844), **синокомь**, -ѡ̆, -ѡ̑ (С. №№ 111, 115, 119, 126, 128, 142, 143, 157, 163; З. А.),

кралевомь (С. № 150), **кнезоком** (С. №№ 153, 154), **храмовѣ** (С. № 178). Гласный исходъ средняго р. остается, какъ и въ Д.-Булгарскомъ, нетронутымъ: **оустомь** (А. № 7), **селомь**, -**ѡ** (А. № 8; С.-Д. М. 1844), **тедомь**, **дѣломь** (С. № 176), **мѣстомь**, **мистомь** (А. № 10; С. №№ 84, 97, 99), **кладенцемь** (С. № 95). Впрочемъ, форма женскаго р. начинаетъ уже показываться и, что удивительно, даже первоначально въ Аѳонской: **селамь** (А. № 7). Зная, что гр-ы С. №№ 81, 85 употребляютъ **ѣ** вмѣсто **и** послѣ гласной, мы не усумнимся принять за форму на -**имь**: **кладанцѣмь**, -**енѣмь** вмѣсто Ц.-Слав. -**цемь**. И такъ искаженіе первоначальныхъ формъ дательнаго п. началось еще въ XIV-мъ в., и это, какъ видно, было одно изъ самыхъ сильныхъ условій повременнаго движенія Славянскаго языка. Слова съ нарощеніемъ имѣютъ -**емь**: **словесемь** (С. № 57). Слово **комакли**, движеніе котораго весьма неопредѣленно, имѣетъ сдѣсь **комаклам** (С. №№ 120, 133, 145). Гласный исходъ женскаго р. остается, какъ нынѣ, такъ и въ старину, безъ перемѣны основной гласной, къ которой присоединяется образовательное -**мь**, нынѣ -*ма*: по этому имена женскаго р., какъ и мужескаго, на -**а**, -**я** оканчиваются на -**амь**, -**ямь**: **судьцамь** (С. № 10), **судиямь**, -**ямь**, **судьямь** (С. №№ 20, 56, 63, 79, 89; Г. VI, № 2) и пр. Озвукотвореніе конечной полугласной падежа нашло себѣ мѣсто только въ одномъ словѣ, не ранѣе, при томъ, концѣ XIV-го в.: **вѣкома**, **викомя**, -**вма** (С. №№ 78, 89, 96—98, 103, 107, 120, 133, 136, 140, 142, 144, 145, 163, 179), но и сдѣсь озвукотворено это слово не въ Сербской, а въ Ц.-Славянской формѣ. Въ формахъ **грађамь** (А. И.), **дубровьчамь**, -**чамь** (А. И.; С. №№ 30, 34) присутствуетъ, безъ сомнѣнія, форма -**амь**; ибо, во первыхъ, формы **грађь** не можетъ быть, но должна быть **грађань**, какъ **крьстиянь**, или у насъ **христианинъ**; во вторыхъ, -**амь** есть женское, а не мужское образованіе, и въ нашихъ памятникахъ въ мужескомъ р. оно ни разу не попадается; тѣмъ менѣе могло быть сдѣсь озвукотвореніе **ь** въ **а** въ древнѣйшую пору письменности. По этому если и возможна форма **дубровьчь**, подобно **вьнетькь**, откуда **дубровьчьки**, то она произвела бы **дубровьчемь**. Но сдѣсь именно должна быть отъ **дубровьчань**, каковую и дѣйствительно находимъ: **дубровьчаномь**, -**ѡ**, **доу-дубровчаномь**, -**ѡ** (С. №№ 29, 40, 43, 72, 91, 111, 168). Ср. Д.-Рус. ***Полемъ*** отъ ***Поляни***. Сокращеніемъ объясняю я и форму **госпомь** (С. № 27). Слово женскаго р. *госпа*, сокращенное изъ *госпоя* или *госпойя* вмѣсто **госпожда**, не могло быть сдѣсь употреблено; а видѣть сдѣсь должно **господь** или **господинь**, которое въ множественномъ ч. будетъ **господомь** или въ сокращенной формѣ **госпомь**. Если предполагать сдѣсь другую форму, именно собирательную **господа**, то она произвела бы въ сокращенномъ видѣ **госпамь**, а не **госпомь**. Отъ **люди**, **луди** или **людие** находимъ: **людемь**, -**емь**, **лудемь**, -**емь**, **людемь** и т. д. (С. №№ 9, 16, 18—20, 26, 60, 89, 96, 98, 100—102, 107, 114, 118, 140, 142—144, 154; А. №№ 6, 14; З.) или сокращенное **людьмь**, **лудьмь** (С. № 16), у Ш. № XVIII—**людимь**, какъ нынче *лудима*.

Творительный п. мн. ч. нынѣ у Сербовъ приравненъ дательному и мѣстному, такъ что всѣ три падежа одинаковы: это единственное явленіе въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, которыя обыкновенно различаютъ эти падежи. Однообразіе происходитъ отъ того, что Сербы составили свое представленіе этихъ падежей и, воспользовавшись признакомъ *м*, образовали изъ него общее окончаніе для всѣхъ трехъ падежей -*ма*. Сдѣсь они дѣйствовали независимо, но уже самое дѣйствіе это обличаетъ позднѣйшую пору и сравнительную бѣдность съ

другими нарѣчіями. Время движетъ языки къ упрощенію формъ, чрезъ что общность и скудость замѣняютъ прежнее разнообразіе и особность. Другія Славянскія нарѣчія сохраняютъ отличіе творительнаго п. мн. ч., оканчивая его или на **-ми**, *-ми*, *-mi*; или на **-ы**, **-и**, *-у*, *-i*. Первое окончаніе есть главное, ибо его находимъ и въ Санскритѣ въ видѣ *-bhis*, и въ Литовскомъ въ видѣ *-mis*. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ оно употребляется для всѣхъ трехъ родовъ. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ нѣтъ озвукотворенія конечной основной полугласной передъ **-ми**, какъ и въ Хорватскомъ и Хорутанскомъ. Онъ любитъ и краткое окончаніе **-ы**, или **-и**, образовавшееся изъ стяженія конечной основной полугласной съ образовательною падежа *и*, которая и въ Санскритѣ и въ Литовскомъ существуетъ въ первоначальномъ видѣ *-is*, быть можетъ, какъ сокращеніе изъ *-bhis*, *-mis*. Эта стянутая форма принята для мужескаго и средняго р. Ее особенно любятъ Чешскій и Хорватскій языки, тогда какъ, на оборотъ, Хорутанскій почти исключительно употребляетъ *-mi*, а къ *i* прибѣгаетъ только иногда въ среднемъ р., да въ окончаніи *-ovi*, которое столь же часто образуетъ, какъ и *-ovmi*. Русскій, Польскій и Лужицкій имѣютъ исключительно одно склоненіе на *-ми*, *-mi*, обобщая его для всѣхъ родовъ въ формѣ женскаго р. *-ами*. *-ami*. Хорутанскій только для средняго р. имѣетъ *-ami*, производя его отъ именительнаго п. мн. ч., но онъ употребляетъ и краткій исходъ, на пр., *lici* и *licami*. Въ В.-Лужицкомъ послѣ мягкихъ согласныхъ *-emi*, на пр., *kazanemi*. Впрочемъ, и Д.-Сербская письменность до самого конца XV-го в., благодаря дѣйствію Ц.-Славянскаго языка, постоянно отличала творительный п. мн. ч. отъ другихъ падежей, сохраняя его преимущественно въ Ц.-Славянскомъ видѣ. Сдѣсь мы для мужескаго и средняго р. такъ же часто находимъ полную форму: **царьми**, **кральми** (А. № 1), **ѡбьрьшьми** (Ш. № VII), **сыньми** (С. № 15), **виногрaми** (С. № 21), **родителми**, **-лми**, **рóдителми** (А. №№ 6, 11; С. № 150), даже **родителемы** (С. № 95), **коими**, **конми**, **коньми** (А. №№ 6, 14; З.), **селми**, **сельми**, **селми** (А. № 9; З.; С № 84), **властелми**, **-льми**, **телми** (А. № 12; С. №№ 66, 77, 86), **приѣтельми**, **приятелми** С. №№ 57, 97, 142), **дрькьми**, **дрькми**, **дрвми** (С. №№ 84, 86, 96, 98, 99), **дарьми**, **дарми**, **дарми** (С. №№ 86, 100, 103, 120, 133, 136, 150), **листьми** (С. № 106), **котарьми** (С. № 136), въ одной Аѳонской **слaвословлении** (А. № 20) и пр. и пр., какъ и краткую: **сьсоуди**, **-ы**, **сьсоуди** (Ш. № VII; А. №№ 2, 3, 11), **ѥуангели**, **еванѥли** (Ш. № VII; С. № 140), **дрѣви** (Ш. № VII), **трьги** (С. № 2), **болѣры** (С. № 3), **гради** (С. №№ 16, 21), **властели**, **-ы**, **-ї**, **-тели**, **влaстели** (С. №№ 2, 4, 15, 20, 43, 46, 55, 61, 77, 81, 83—86, 89, 95, 97, 104, 107, 114, 116, 117, 120, 127, 129, 132, 133, 141, 142, 144, 150, 156, 158, 176; Г. Б; З.; А. № 18), **винограды**, **-и**, **-и** (А. №№ 3, 4, 6, 10, 14; С. № 35), **селы**, **-и**, **-ни**, **сели** (А. №№ 4, 8, 13, 14; С. №№ 35, 46, 84, 86, 89, 96—98 140; З.), **пра-** **прѣ-** **родители**, **-ѣ**, **рôдители** (А. № 6; С. №№ 35, 66, 81, 85, 103, 120, 133, 136, 144, 145, 150; Г. Б), **црри**, **цари** (С. №№ 142, 176), **ѹеды** (С. № 176), **крилк**, **ѕимовищи**, **пашищи** (С. № 35), **естьстви** (С. № 66), **дарѝ** (А. № 10; В. № 1; С. №№ 81, 85, 95), **сини** (С. № 78), **правилїи** (В. № 2), **котари** (С. №№ 84, 86, 89, 96—99, 118, 150), **ѕасели** (Ю.), **дѣли**, **-ы** (С. №№ 86, 178), **приятели**, **-ѣтели** (С. №№ 114, 140), **поли** (С. № 140), **братѹеди** и **-ѹедьми** (С. № 141), **крали** (С. № 142) и пр. и пр.— во всѣхъ грамотахъ и во всѣхъ вѣкахъ. Это послѣднее окончаніе даже замѣтно преобладаетъ надъ первымъ. По этому мы думаемъ, что прежде, чѣмъ

Сербы отожествили всѣ три падежа, творительный муж. и сред. р. исходилъ на -ы (Ц.-Слав. ы) и -*ми*, какъ у Хорватовъ и Хорутанъ: отъ того и теперь за Дунаемъ и въ пѣсняхъ слышатся въ этомъ падежѣ окончанія -*и*, -*ови*, -*еви*. Такъ какъ краткая форма на -*и* часто по внѣшности сходилась съ именительнымъ п. мн. ч., муж. р., то трудно рѣшить, усиливали ли они сдѣсь ъ, ь въ и, или прямо брали форму именительнаго п. мн. ч. для своего -*има*. Но что у Д.-Сербовъ дѣйствительно происходило подобное смѣшеніе, то доказательствомъ тому служатъ формы именительнаго п. мн. ч., употребляемыя въ творительнымъ п. еще въ древней ихъ письменности. Таковы: ꙁасѣлци, -сѣлци, -селци -сельци, -седци, ꙁасѣоци, -оци (А. NN№ 10, 12, 14; Ш. № 11; С. NN№ 84, 86, 89, 96—99, 107, 140), можетъ быть, и отъ именительнаго ꙁасельць, хотя такой формы мы нигдѣ не встрѣчаемъ, но напротивъ для того же падежа есть другая: ꙁаселки, -льки, ꙁаселки (С. NN№ 37, 176; З. А.) отъ именительнаго ꙁасельнь; власи (Ш. № 11; С. № 41), ѣрци (А. № 15), влаианіци (А. № 18), угодници (С. № 93), ѡникенци, ѡникинци, ѡпѣсинци (С. NN№ 107, 114, 127, 133), раꙁлоꙁи (С. № 132), трьꙁи (С. NN№ 132, 137), строиници (С. NN№ 142, 145), славитинци (С. № 145). Этому смѣшенію еще болѣе помогло смягченіе ы въ и, хотя Сербы и знали настоящую форму творительнаго п. на -ы или, по ихъ правописанію, -ы (твердое и) и мѣстами въ Восточныхъ гр-хъ ясно писали ее, какъ на пр.: болѣры (С. № 3), ѵѫмы, дохо̃кы (А. № 3), ѩꙁыкы, влахы (А. № 4), по̑рцы (С. № 178), цѣтлыкими (Мл.) и т. д. Но все таки сдѣсь не былъ одинъ перезвукъ гортанныхъ въ свистящія по случаю и, заступившаго мѣсто ы: сдѣсь дѣйствительно есть форма именительнаго, какъ видно изъ дальнѣйшаго образованія творительнаго: болꙗрими (С. NN№ 12, 14), ꙁаселнимии, -ѣмн (Ш. № VII; А. № 6): сдѣсь эта форма взята отъ именительнаго п. мн. ч., но только еще съ Ц.-Славянскимъ окончаніемъ -ми вм. -*ма*. Обратимъ вниманіе на древность ея: стало быть, уже въ началѣ XIII-го в Сербскій книжный языкъ сталъ вводить народное образованіе въ творительномъ п. мн. ч. Подобную форму находимъ еще разъ: трьꙁими (С. № 82), гдѣ способъ образованія совершенно ясенъ. Ц.-Славянскій языкъ прибѣгаетъ весьма рѣдко къ подобному образованію: но тѣмъ не менѣе его -овы не иначе можно объяснить, какъ этимъ же путемъ, ибо хотя собственно -ы есть уже соединеніе конечной основной полугласной съ образовательною и, однако вставка -ов, прямо взятая изъ именительнаго п. мн. ч., показываетъ, что на -ы смотрѣли уже, какъ на отвлеченное окончаніе, забывая въ немъ слитіе основы съ падежнымъ признакомъ. Если бы это окончаніе было образовано правильно, по подобію съ другими падежами, то оно было бы -овы. Но Д.-Сербскій языкъ, воспользовавшись этимъ примѣромъ въ своихъ формахъ: градовы, -и (А. № 1; С. NN№ 55, 127), дарови (С. № 54), сйнови, синови (С. NN№ 62, 118; А. № 19), врьтови (Ш. № 14), листови (С. № 128), дугови (С. № 140), повелъ образованіе далѣе и придалъ къ -ов полное окончаніе -ми, чего уже нѣтъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ: листовьми, -вми, листовми (С. NN№ 108, 112, 115), синовми (С. № 128). Самые NN№ грамотъ указываютъ на народное происхожденіе этой формы, отъ которой не далеко было и до нынѣшней -*овима*, -*евима*. Въ именахъ на -ань находимъ опущеніе, какъ въ дубровьчамь; таково: дубровчами (С. № 116), кошнами, баничами (З. А.), вм. дубровчании, вланами, баничами или -ьми: иначе если бы не было тутъ формы нь, а была бы кратчайшая -ь, то въ первомъ и третьемъ словахъ, по свойству грамотъ, стояло бы ѣ вм. ѵ, да и форма жен. р. -нами противорѣчила бы древ-

нему и нынѣшнему языку. Отъ **люди**, **људи** — **людьми**, **людми**, **лѣми**, **людми**, **људьми**, **лѣми**, **људми**, **људами** (С. NN№ 20, 21, 35, 37, 55, 77, 84, 88, 89, 96—99, 101, 102, 104, 107., 114, 141, 142, 144) и **люди** (Ш. № XVIII, въ С. № 20 —**ми**; С. № 21), даже **људьи** (С. № 16), **камень** имѣетъ **камени** (С. № 121), какъ бы съ твердымъ исходомъ; **уста—усти**, **усты**, **оусти** (А. NN№ 1, 20; С. № 175). Слова съ нарощеніемъ: **чудеси** (С. № 35), **имени** (А. № 14; С. № 78). Такимъ образомъ мы видимъ, что языкъ Сербскій, удерживая Ц.-Славянскую форму, въ то же время, и весьма рано, началъ вводить свой способъ образованія, прибѣгая для этого къ именительному п. мн. ч.; но все таки онъ не отступалъ отъ формы Ц.-Славянскаго языка и удерживалъ при своемъ способѣ образованія тѣ же признаки, которыми этотъ падежъ отличается отъ другихъ не только въ Д.-Булгарскомъ, но и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ этомъ случаѣ нынѣшній Сербскій языкъ уклонился отъ нихъ и въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи впалъ въ скудость и однообразіе.

Въ женскомъ р. падежъ этотъ образуется въ Д.-Сербскомъ языкѣ чрезъ приставку **-ми**, къ основной гласной **а**, **ѣ**, или къ полугласной, какъ и въ Д.-Булгарскомъ. Нынѣ для гласнаго исхода *-ама*, для полугласнаго *-има*, гдѣ *и* есть усиленіе **ь**. Находимъ замѣчательное сокращеніе **мѣми** (С. NN№ 97, 179), ср. **мѣками** (С. NN№ 37, 96, 98, 118). Укажу на слова муж. р.: **моурами** (А. № 5), или съ сокращеніемъ **а** въ **ь**: **моурьми** (А. № 6), **книжниками** (С. NN№ 101, 102, 120, 133). Краткое окончаніе вообще не употребляется для женскаго р.; но сдѣсь однажды встрѣчаемъ **почати** (С. № 78), какъ иногда поступаетъ и Хорутанскій языкъ; либо же сдѣсь **почать** принято въ мужескомъ р.

Мѣстный п. мн. ч. представляетъ нынѣ ту же скудость и однообразіе: онъ испыталъ такую же участь, какъ и предшественникъ его. Нынѣ онъ ничѣмъ не отличается отъ дательнаго и творительнаго и совершенно утратилъ свой признакъ, принявъ общее образованіе на *-ма*. Но прочія Славянскія нарѣчія отличаютъ его самобытнымъ признакомъ *х*, произшедшимъ чрезъ перезвукъ изъ древнѣйшаго *с*, какъ это видно изъ формъ Д.-Чешскаго на *-as*, на пр.: *Lužás*, *Polás*, *twýs* и т. п. [1] Въ Санскритѣ, Литовскомъ и Греческомъ языкахъ существуетъ первоначальное образованіе *-su* и *-šu*, *-sa*, *-se*, *-σι*. Надо предполагать, что духъ Индоевропейскихъ языковъ не всегда допускалъ прямое соединеніе этого признака съ основою слова и прибѣгалъ иногда къ измѣненію конечной основной гласной. Такъ въ Санскритѣ происходитъ усиленіе *a* въ *é*, въ Литовскомъ *a* и *u* измѣняются въ *ĕ*, *à* въ *o*; въ Греческомъ *-οισι*, *-οις*, но въ послѣднемъ гораздо чаще *-σι* приставляется въ чистой основной гласной: то же видимъ и у Славянъ. Обыкновенно Славянскія нарѣчія послѣ твердаго исхода въ мужескомъ и среднемъ р. усиливаютъ основную гласную или полугласную въ *ѣ*, которое въ нѣкоторыхъ переходитъ въ *и*, Д.-Булг. **-ѣхъ**, Хорв. *-ih*, Хорут. *-ih* и *-éh*, Чеш. *-jch* и *-ech*. Было ли это въ древнѣйшемъ Славянскомъ языкѣ необходимо, рѣшить трудно; но у Д.-Булгаръ находимъ и форму на **-ъхъ** и потомъ **-охъ**; дальнѣйшее движеніе этого падежа у Славянъ пошло, какъ видимъ, къ усиленію. При мягкомъ исходѣ, большею частію, бываетъ подобное явленіе. Но въ старину усиленія или вовсе не было, или было оно слабѣе. Такъ Ц.-Славянскій въ гласномъ исходѣ оставляетъ конечную гласною **-и** и **-е**: **-ихъ**, **-ехъ**; при мягкомъ **ь** съ губными,

---

[1] Палацкій, Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache. Prag, 1840. Стр. 200.—Шафарикъ, Počátkowé Staročeské mluwnice, тамъ же, стр. 32.—Časopis Českého Museum, 1847, sw. II, стр. 134.

зубными и свистящимъ с, а иногда и плавными, оставляетъ ь: -ѣхъ. Но вмѣстѣ съ этою послѣднею формою онъ имѣетъ и усиленную съ є вм. ь, -єхъ, а при другихъ мягкихъ полугласныхъ исходахъ постоянно -ихъ, даже вышеприведенное -єхъ отъ средняго р. на -є переводитъ иногда въ -ихъ. Но не столько усиленіемъ должно назвать это явленіе, сколько сгущеніемъ или суживаніемъ голоса, подобнымъ Чешскому, гдѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ стоитъ *-ích*, у Хорв. постоянно *-ih*; но у Хорутанъ вмѣстѣ съ *-ih* и *-éh* для словъ односложныхъ, имѣющихъ въименит. п. мн. ч. *-je*. Во всякомъ случаѣ полугласное *ь* переходитъ въ *е*, а это достигаетъ до *и*, или до сгущеннаго *é*. Въ женскомъ р. усиленія не бываетъ: -ахъ, -ѣхъ, но полугласный исходъ можетъ въ Д.-Булгарскомъ возстановлять ь въ є: -єхь; это озвукотвореніе въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ и Чешскомъ перешло въ стянутое *-ih*, *-ích*. Мы не упоминали о Русскомъ, Польскомъ и Лужицкомъ, которые для всѣхъ родовъ и исходовъ принимаютъ общее окончаніе *-ахъ*, *-яхъ*. Впрочемъ изъ старинныхъ памятниковъ видно, что и они имѣли *-охъ*, *-ехъ*. Сильное стремленіе къ обобщенію отразилось и въ Чешскомъ, гдѣ для твердаго исхода муж р. находимъ и *-ach*, и въ Хорватскомъ и Хорутанскомъ, которые для средняго р. вмѣстѣ съ *-ih* имѣютъ и *-ah*. Д.-Сербскій языкъ держался Ц.-Славянскаго образованія, измѣняя передъ ѣ гортанныя въ соотвѣтствующія свистящія. Но сдѣсь должно припомнить то, что онъ по своему понималъ твердость и мягкость исхода въ извѣстныхъ словахъ и что нерѣдко замѣнялъ ѣ черезъ є, и на оборотъ мягко звучащее є обращалъ въ ѣ. Отсюда проистекаетъ наружное отличіе нѣкоторыхъ его формъ отъ Ц.-Славянскихъ. Разсмотримъ ихъ ближе. Твердый исходъ въ мужескомъ и среднемъ р. принимаетъ окончаніе -ѣхь или, по другому правописанію и другимъ подрѣчіямъ, -єхь, -нєхь, -нєхь, -ихь съ извѣстнымъ перезвукомъ гортанныхъ: **парицѣхь** (А. № 1), **конницѣхь**, **распоустѣхь** (Ш. № VII), **уедѣхь**, -ѣ̆, -нєхь, **уе́дѣхь**, **уедѣхь** (Ш. № VII; А. №№ 3—6, 8—10, 17; С. №№ 35, 107, 114, 127, 175, 176), **уедихь** (С. № 118), **уе́дехь** (Мл.), **послѣхь**, -нєхь, -єхь (С. №№ 10, 104, 107), **законєхь**, -ѣ̆, -ѣхь, **нѣ̆** (С. №№ 16, 50, 53, 54, 66, 85, 95, 107, 127, 133, 142) и въ грамотахъ, измѣняющихъ ѣ въ и: **законихь** (С. №№ 81, 136, 150); **братєхь**, -ѣхь (С. №№ 16, 164), **селѣхь** -ѣ̆ (С. № 16; А. № 6; З.), **брьнацѣхь**, **конєцєхь** (С. №№ 27, 43), **дворѣхь** (А. № 2), **хрїсоsоулѣхь** (А. № 6), **оустѣхь** (С. № 51), **власѣхь**, **прилапѣхь** (С. № 176, **Ієросолїмѣхь** (Г. А), **лѣтєхь**, **лѣтихь** **лѣтихь** (С. №№ 66, 103, 171), **мѣтєхь** (С. № 66), **катоунѣхь** (З.), **памєтарѣхь**, **блазѣхь** (С. № 78), **дворй** (С. № 80), **листихь**, -й -ѣхь, -нєхь, **лѣстихь** (С. №№ 81, 85, 86, 88, 94—96, 98, 99, 103, 120, 133, 136, 150, 164); **мѣтихь**, **мєстихь**, **мѣстихь** (С. №№ 81, 85, 95, 103, 136), **дилихь**, **дѣлихь** и -нєхь, **дєлѣхь** (С. №№ 83, 104; А. № 20), **котѣрихь** (С. № 89), **грѣсѣх** (Ю.), **записнєхь**, -єхь, -ѣхь -нѣ̆, -нєхь, -нєхь, -нѣ̆, -ѣ̆є, -ихь, -й (С. №№ 101, 102, 105, 117, 120, 124—126, 132, 133, 136, 142—144, 150), **арьбанасѣ̆** (С. № 113), **судѣ̆** (С. № 115), **двкатнєхь**, **динарнєхь**, **покладєхь** и -дѣєхь (С. № 128), **поисєхь** (С. № 134), **двкатихь** (С. №№ 135, 158), **обѣтнєхь**, -ѣ̆є (С. №№ 142, 143, 144), **отоцѣ̆** (С. № 168), **вельзїєхь** (Мл.), **млинцѣхъ** (С. № 178). Замѣтимъ, что всѣ тѣ грамоты, которыя имѣютъ -ихь, измѣняютъ и въ другихъ случаяхъ ѣ въ и и обратно и въ ѣ; слѣдовательно, сдѣсь не виноватъ падежъ: сдѣсь явленіе звуковое. Какъ мало обращалось сдѣсь вниманія на самый падежъ, видно изъ того, что одна и та же грамота допускаетъ двоякое окончаніе; такъ: **записѣ̆** (С. №№ 126, 144) и **записихь**, -й

(С. №№ 126, 144). Другое дѣло перемѣна твердости въ мягкость: получая мягкій исходъ, имена принимаютъ и сообразное падежное окончаніе. Такъ мы видѣли двоякій исходъ въ словѣ **хрисовуль**; такъ и теперь вмѣстѣ съ предыдущею формою на **-ѣхь** находимъ и **хрисовоулих** (Г. А) — въ грамотѣ, въ которой писецъ не мѣняетъ **ѣ** въ **и**. Иногда Д.-Сербскій языкъ удерживаетъ твердое Ц.-Славянское образованіе на **-охъ** исключительно въ грамотахъ, подверженныхъ вліянію этой стихіи: **трьго** (С. № 22), **домохь, -ѡхь** (А. № 2; З.), **по селѡхь** (З.), **овлакѡхь, инокѡхь** (А. № 16), **инокохъ** (Г. V). Замѣтимъ въ мужескомъ р. еще форму отъ именительнаго п. мн. ч.: **-овѣхь, -овохь: трьговѣхь, -ѣ, -ѣ** (С. №№ 22, 28, 36, 43, 54, 73, 91, 111; З.), **градовѣхь, -ѡхь, -ихь** (С. №№ 29, 54, 55, 91, 118; З.), **сѫдовиѣ, -иѣхь, ѣхь, -иехь** (С. №№ 115, 128, 130, 134). Обиліе ея показываетъ, что такое образованіе не было противно народности, и она охотно допускала его, ибо и нынѣшній мѣстный п. мн. ч. иногда образуется изъ именительнаго мн. ч. и исходитъ на *-евима, -овима*. Имена съ мягкимъ исходомъ принимаютъ окончаніе **-ихь** и **-ѣхь**; но если иногда вмѣсто **-ѣхь** пишутъ **-ѣхь, -ихь** и т. д., то это дѣло одного правописанія, относящееся къ звуковымъ явленіямъ, а не падежнымъ; за то **-ихь** не есть уже смѣна съ **-ѣхь**, но самостоятельное падежное окончаніе, ибо его находимъ и тамъ, гдѣ этой смѣны вовсе нѣтъ. Приведемъ примѣры: **спорихь** (Ш. № VII), **днихь** (Ш. № XVIII), **конѣхь** (А. № 6), **кони** (А. № 14), **срьбли -ѣ, -ѣхь, -ѣ** (Ш. № 11; С. №№ 111, 113, 137) и **срьблѣ, -ихь** (С. №№ 40, 91), **монастырѣхь, -ѣ, -ѣхь** и тутъ же **-ѣхь** (А. № 10; З.; Мл.), **црихь, црихь, -ыхь, цри** (Г. А, Б; А. № 13; С. № 90), **поклисариѣхь, -ѣхь** и тутъ же **-ихь** (С. №№ 127, 163) и **поклисарихь, -ѣхь** (С. №№ 127, 139, 144, 145, 150, 158), **властелѣхь, властелихь** (С. №№ 132, 139) и **властелѣ, -ѣхь, -иѣхь** (С. №№ 150, 158, 163, 166, 167), **прьстениѣхь** (С. № 134), **сказниѣхь** (Мл.); **ѧслѣхь** (А. № 6). И такъ мы видимъ при плавныхъ двоякую форму, какъ и въ Ц.-Славянскомъ; но та и другая стоитъ на сторонѣ мягкости. Имена, исходящія на **ц** и **ꙁ**, принимаютъ чаще **-ихь**, рѣже **-ѣхь**. Сербскій языкъ не такъ строго различаетъ эти окончанія, какъ Ц.-Славянскій. Такъ: **мльцихь** (Ш. № VII), **трьговцихь** (С. № 53) и **трьговци** (С. № 113), **лѫшьцихь** (С. № 81), **ѡбоцѣхь** (С. № 134), однажды **тꙁѣхь** (С. № 70); **лицѣхь** (С. № 175). Сюда относятся имена средняго р. на **-ще**: **жельꙁнищихь** (А. № 6), **пашищихь, тегобищихь** (Мк.), **кращихь** (З.), **селищихь** (С. № 89), **скровищѣхь, -ѣхь, -ихь** (С. №№ 94, 96, 107), чрезъ перезвукъ изъ **и** или **ѣ**: **скровищѣхь** (С. № 98). Для исхода **с** мы имѣемъ только одно слово **ꙁапись**, о которомъ нельзя сказать навѣрно, какъ звучало оно, твердо, или мягко. Другіе падежи свидѣтельствуютъ, что оно звучало твердо, какъ на пр.: **ꙁаписе** (С. № 116), **ꙁаписомь** (С. №№ 107, 118). Отъ того мы помѣстили его подъ твердый исходъ. Имена, исходящія на гласную, имѣютъ **-ихь**, какъ въ Ц.-Славянскомъ: **краихь** (С. № 81), **боихь** (С. № 179), **напраклиинихь** (А. № 4). Но нѣкоторыя средняго р. впадаютъ въ женское склоненіе, какъ у Хорватовъ и Хорутанъ: **сьꙁаниахь** (А. № 4), **ꙁаписаниихь** (С. № 55), **по писаньѣхь, -иихь** (С. №№ 96, 98) и чрезъ перезвукъ **по писаньѣхь** (С. № 107), **кладаньѣхь** (С. № 118). Впрочемъ, сдѣсь навѣрно рѣшать нельзя, женская ли это форма, или образованіе отъ именительнаго п. мн. ч., какъ замѣтили мы въ творительномъ. Окончаніе **-кь** (**ѣь**) имѣетъ **-ихь**: **люболикихь, истиникихь** (С. № 176). Однажды только для мягкаго исхода встрѣчаемъ **питѣхь** (С. № 36). Вспомнимъ одинокое **сѫжникѣ** и убѣдимся, что Д.-Сербскій еще менѣе, чѣмъ **-ове**, любилъ **-ове**. Въ этомъ онъ сошелся съ

Ц.-Славянскимъ, который только уже въ позднѣйшихъ памятникахъ сталъ допускать -ѣхъ. Имена на -ане принимаютъ образованіе отъ чистой основы: дѣтахъ, прапраунѣхъ, комарахъ, ср. дѣтьми, прапраунми, комарами (С. № 176) и Д.-Рус. *Поляхъ*, *Деревляхъ*, Д.-Чеш. на *-as*. пѫть произносилось мягко и въ этомъ видѣ произвело: пѫтехъ, пѫтѣ вм. -ѣ (С. № 16; А. № 17) и пѫтехъ (С. № 36). Отъ люди, люди—людехъ, -ехъ, -ѣхъ -ѣ, -ѣ, людехъ (3; С. NN№ 78, 87, 109, 121, 132, 157). Имена средняго р. съ прирощеніемъ имѣютъ -ехъ: по времѧнехъ (С. № 16), но чрезъ перезвукъ -ѣхъ и -ихъ: времѧнѣхъ (Ш. № IX; С. № 2), нбсѣхъ, -ѣ, нбсѣхъ небесихъ, небесихъ (А. NN№ 3, 5; С. NN№ 103, 136, 176). Отъ тѣло—тѣлехъ (Ш. № XVIII) и тѣлахъ (С. № 16). Неправильно образовано по имѣнѡ (А. № 14). Женскій р. имѣетъ -ахъ и -иахъ для гласнаго исхода и -ехъ для согласнаго. Замѣчательно, что сдѣсь Ц.-Славянское ѧ переходитъ въ ꙗ, какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Чешскаго, а не въ е, какъ бы слѣдовало ожидать. Восточныя грамоты пишутъ, правда, милостѧхъ (А. № 1), метохіахъ, ваніахъ (А. № 4), но сдѣсь ꙗ есть то же, что ѧ: по тому оно и находится въ состояніи косности, какъ отвердѣлый, безъ собственнаго значенія, знакъ для ѧ. Другіе памятники, не смягчая гласной передъ и, пишутъ морїахъ, кїновїахъ, но тутъ же и землиахъ (3.). Вообще же на мѣстѣ ѧ находимъ ꙗ; такъ на пр.: поведиахъ, повелиахъ (С. NN№ 66, 114, 117, 120, 133; 3.), землиахъ, -ꙗ, -иꙗ (С. NN№ 68, 81, 113), сѫдьꙗахъ (С. № 89), еспидиториахъ (С. № 158), или, не смягчая плавной: поведахъ (С. NN№ 83, 85, 89, 95, 103, 136, 150), землахъ, -ꙗ, землахъ (С. NN№ 16, 85, 95, 150, 179; 3. А.). Впрочемъ, находимъ и перезвукъ е: землехъ (С. NN№ 16, 89), землѣ (С. № 168). Труднѣе рѣшить форму ѡтаинехъ, -ихъ, то же, что сиротинихъ, (С. NN№ 101, 102). Не образована ли она отъ средняго р., какъ бы отъ ѡтаино? Или просто для женскаго р. взято образованіе на -ѣхъ. Вторая на -ихъ есть лишь перезвукъ для -иехъ (ѣхъ) по свойству грамоты. Согласный исходъ принимаетъ всюду -ехъ. Слово црьква опять попадается лишь въ этой формѣ: црькахъ, цр҃квахъ (С. NN№ 39, 176; 3.). О предлогѣ по замѣтимъ, что множественное ч. нѣсколько освѣщаетъ его употребленіе: сдѣсь, по причинѣ различія формъ, мы видимъ, что сочиненіе его болѣе склоняется къ мѣстному п., чѣмъ къ дательному; съ первымъ находимъ его тамъ, гдѣ Ц.-Славянскій языкъ поставилъ бы со вторымъ. Такъ въ первомъ значеніи онъ постоянно сочиняется съ мѣстнымъ п., на пр.: по валѫзѣхъ (С. № 78), по листихъ, -ѣхъ, -иехъ, -ꙗ (С. NN№ 86, 94—96, 98, 103, 120, 133, 136, 150, 164), по записихъ (С. № 132), по сказиехъ, по валѫзїехъ (М.л.), по поведахъ, -иахъ (С. NN№ 83, 85, 120, 133, 150), по книгахъ (С. № 130), по имѣнѡ (А. № 14), по писмѣхъ (С. NN№ 78, 132), по писаньѣахъ, -иахъ (С. NN№ 96, 98). Въ пятомъ тоже: по послѣхъ, -иехъ, -ехъ (С. NN№ 104, 107), по попохъ (3.), по людѣхъ, -ехъ, ехъ, -ѣ (С. NN№ 87, 109, 121, 132, 157), по властелехъ, -иехъ, -ихъ, -ѣхъ, -ѣ (С. NN№ 132, 139, 150, 158, 163, 166, 167) и пр. Также и въ шестомъ: по трьговѣхъ, -кѣ, -вѣ, трьгѡ, трьговѣ (С. NN№ 22, 28, 36, 43, 54, 73, 91, 111, 137; 3.), по пѫтехъ (С. № 36), по морїахъ, по землиахъ, по црькахъ, по жоупахъ (3.), по земли (С. № 113), по селѣ, -ѡхъ, -ѣхъ (А. № 14; 3.), по мѣстѣхъ, мистихъ (С. NN№ 71, 88, 129) и пр. Только не болѣе двухъ разъ предлогъ по въ этомъ значеніи сочиненъ съ дательнымъ въ древнѣйшихъ грамотахъ: по трьгомь (С. № 2), по зѫбамь (С. № 17) Слѣдовательно, и въ единственномъ ч. бóльшая часть употребленія должна отнестись къ мѣстному п., не смотря на возрастъ и разрядъ грамотъ. Въ такомъ случаѣ

мѣстный п., а съ нимъ и народность, еще болѣе выиграютъ передъ дательнымъ п. и Ц.-Славянскою стихіею.

Въ заключеніе укажу не разницу между нынѣшнимъ образованіемъ мѣстнаго п. и тѣмъ, которое было въ старину. Теперь всѣ три падежа, дательный, творительный и мѣстный, одинаковы во всѣхъ трехъ родахъ. Основаніемъ для образованія, или, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ къ образованію былъ дательный п.; остальные два, въ особенности послѣдній, образованы насильственно и не по своимъ законамъ, а приравнены къ дательному. Образованіе мѣстами отъ именительнаго п. мн. ч., измѣненіе основной конечной гласной, озвукотвореніе конечной полугласной въ *а*, перезвукъ конечнаго *и* творительнаго п. въ *а* и наконецъ признакъ *м* и для мѣстнаго п. суть дѣйствія языка въ его новѣйшемъ движеніи, клонящемся обыкновенно къ упрощенію и обобщенію граматическихъ формъ. Въ этомъ дѣйствіи Сербскій языкъ ушелъ далѣе другихъ Славянскихъ нарѣчій, изъ коихъ нѣкоторыя тоже выказали движеніе, но только другимъ путемъ, обобщая формы для всѣхъ трехъ родовъ. Но образованіе на *-има*, *-ама*, *-яма* не исключило совершенно древнѣйшаго, которое проглядываетъ въ пѣсняхъ и въ народномъ говорѣ за Дунаемъ, въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ. Можно еще слышать дательный на *-ом* и *-ем*, творительный на *-и*, и мѣстный на *-и*, *-ем* для мужескаго и средняго р. и *-а* для женскаго. Въ послѣднемъ падежѣ недостаетъ только *х*, не произносимаго Сербами, чтобы падежъ этотъ приравнялся къ Хорватскому и въ то же время приблизился къ древнѣйшему образованію. Такъ точно и творительный п., оканчивающійся на *-и*, или *-ови*, есть древнѣйшая форма. Что до его формы на *-ма*, то, вѣроятно, она образовалась не прямо изъ *-ми*, но прежде *и* перешло въ полузвукъ *ь*, который часто опускается въ народѣ, произносящемъ *-мь*, а потомъ, по праву общаго озвукотворенія полугласныхъ, перешло въ *а*.

Общее движеніе Славянскихъ нарѣчій обозначается, между прочимъ, постепенною утратою двойственнаго числа, такъ что теперь изъ живыхъ нарѣчій вполнѣ сохранили его только два: Хорутанское и Лужицкое. Въ прочихъ остались лишь весьма скудные слѣды. Но по мѣрѣ восхожденія въ глубь старины слѣды эти становятся все яснѣе и яснѣе, чаще и чаще, и наконецъ убѣждаютъ, что въ каждомъ нарѣчіи въ доисторическую его пору должно было существовать двойственное число въ такой же полнотѣ, въ какой оно донесено къ намъ письменностію Д.-Булгарскою. Древняя письменность другихъ нарѣчій, утратившихъ теперь двойственное число, не можетъ сравняться съ Д.-Булгарскою обиліемъ и правильностію формъ, но тѣмъ не менѣе и Польская, и Чешская, и Русская, и Сербская знаютъ и болѣе, менѣе употребляютъ его.[1] Нынѣ оно осталось повсюду лишь съ двойственнымъ числительнымъ и отчасти съ *три* и *четыре*. Но дожившія доселѣ съ двойственнымъ числомъ Славянскія нарѣчія значительно измѣнили его. Такъ Хорутанское имѣетъ для именительнаго и винительнаго пп. двойственную форму на *-i* и *-é* и на *-i* и *-a* вмѣсто однихъ *-é* и *-a*; въ мѣстномъ рядомъ съ *-ima* и *-ama* имѣетъ *-ih* и *-ah*. Такъ В.-Лужицкое прибавляетъ *j* къ окончаніямъ *-a* и *-oma*: *-aj*, *-omaj*, и вмѣстѣ съ Хорутанскимъ образуютъ родительный п. одинаково, какъ и во множественномъ ч. Наконецъ какъ Хорутанское, такъ и Лужицкія отвлекли мѣстный падежъ отъ родительнаго и приравняли его къ дательному и творительному. То же замѣтно и въ Д.-Польской письменности. Таковы были перемѣны, постиг-

[1] Краткое изложеніе судебъ двойственнаго числа см. въ сочиненіи Новикова: О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій. Москва. 1849.

шія двойственное ч. въ новременной его жизни у Славянъ. Одна только Д.-Булгарская письменность сберегла его во всей его чистотѣ; прочія же древнія письменности представляютъ лишь отрывки его, иногда въ искаженномъ видѣ. Полнѣе всѣхъ находимъ его въ Д.-Чешской; но въ Д.-Русской и Д.-Сербской, вѣроятно, по причинѣ болѣе ранняго забвенія, оно явно держится лишь подражаніемъ Ц.-Славянскому. Въ Д.-Сербской большею частію не находимъ его тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы стоять; преимущественно оно употребляется при двойственномъ числительномъ, какъ было и въ Д.-Польской письменности; въ прочихъ же случаяхъ, когда нѣтъ слова съ исключительно двойственнымъ значеніемъ, тогда писцы забываютъ, что они говорятъ о парѣ лицъ, или предметовъ, и ставятъ все, къ нимъ относящееся, въ числѣ множественномъ. Мы могли бы привести сотни примѣровъ, но воздерживаемся отъ лишней траты времени и представимъ только одинъ примѣръ смѣшенія формъ изъ договора Дубровничанъ съ Булгаріею, который по древности своей и замѣтному желанію писца придержаться Ц.-Славянской стихіи, обѣщаетъ болѣе правильности въ отношеніи послѣдней, чѣмъ другія гр-ы Западной семьи. Вотъ клятва изъ него: **кь. б҃а и кь с҃тое. еванћлие. б҃жье. и кь светую. девою(ѫю). марию. мати. его. и кь чьсти. животворещи. крть. и кь с҃тию. ап҃ли. петра. и павьла. и блаженую. четири. еванћелисте. марька. матеа. луку иоана. и кь с҃тъую. мученике г҃не власия. добраньтьа. петра. и аньдрию. нашехь светитель.** (С. № 16). Сдѣсь видно желаніе соблюсти двойственное ч., но съ одной стороны народность, съ другой порча, начинавшая водворяться въ Д.-Булгарскомъ языкѣ при Асѣнахъ, сбили Дубровницкаго писца, и онъ, къ стати поставивъ его сначала, потомъ ставилъ уже не къ стати. Переходимъ прямо къ формамъ двойственнаго числа тамъ, гдѣ ихъ находимъ.

Именительный и винительный пп. имѣютъ одинаковыя окончанія, какъ и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, т. е., -а, -ѣ, -ѣ, -и. Такъ какъ и нынѣ Сербскій языкъ слова *оба*, *два* и ихъ видоизмѣненія сочиняетъ съ двойственнымъ ч., которое, впрочемъ, граматики зовутъ родительнымъ п., то измѣрять взаимное отношеніе двухъ стихій можно лишь по другимъ случаямъ; но этихъ случаевъ, какъ сказали мы, весьма мало, и они, по большей части, ограничиваются Восточною семьею и грамотами древнѣйшаго времени. Таковы: **ѡдоумысль и стразимирь адамовича** (С. № 15), **ходатаа ѡбрѣстиха и божіа и хранителѣ и прѣстатели**, и тутъ же **ѡни во прѣдстоюще встраюють** (С. № 35); **клантѣ** (А. № 6), **роуцѣ** (С. №: 176), **оуши** (З.), **ѡчи, ѻчи, ѡчи, ѻчи, ѻчи** (А. №№ 4, 8, 10; С. №№ 51, 55, 176), ср. Д.-Булг. **очи, оуши; црькве** (Мл.). Сюда отнесу еще форму: **рѫци**, на пр., **поставивьше рѫци**, встрѣчающуюся въ Западныхъ грамотахъ (С. №№ 85, 95, 103, 136, 150). Это не есть винительный п. мн. ч., ибо таковой очень часто находимъ въ формѣ **рѫке**, **-е** (Ш. № VII; С. №№ 78, 98, 125, 164; З. А.); но, безъ всякого сомнѣнія, это двойственное ч., измѣнившее по свойству грамотъ -ѣ въ -и. Вотъ и всѣ примѣры этихъ падежей двойственнаго ч. безъ упомянятыхъ числительныхъ. Но съ числительными они многочисленнѣе. Приведу нѣкоторые для всѣхъ трехъ родовъ: **дьва винограда, по дьва чловѣка** (А. № 1), **ѡба пера, по .в. кона**, но тутъ же **по. в. кони; ѡбѣ иглии, девеницѣ ѡбѣ** и тутъ же правильнѣе **девеници ѡбѣ** (Ш. № VII), **з҃а дьвѣ недѣле** (С. № 16), **сѫдьцѣ ѡбое** (С. № 21), **двѣ тисѫщи**, объясняющее, почему тутъ же есть **и двѣ тисѫки**, ибо въ послѣднемъ и есть замѣнительное, (С. № 31), **ѡбои врачники, два камара, по в҃ мѣрвица, ѡбѣ хотки** (А. № 6), **ѡба поути** (С. № 176),

два камена (А. № 11), ѡбѣ ѡстрьвицѥ, двѣ кѹѣи (С. № 57), два потока, ѡбѣ гадимли (Ш. № 14), ѡбои владичьствиꙗ (С. № 66), ѡбѣ црькве, ѡбѣ роуцѣ, два дни (З.), двѣ тисѹѣи (С. №№ 83, 85, 136, 150, 158), двѣ тисѹщи, -е, -ѥ (С. №№ 87, 123, 127, 130, 168), двие годищи (С. № 114), два гѹглїа (С.-Д. М. 1844), ѡби полаче (С. № 96), двие ѕдиеле, двие конатице (С. № 115), ѡби страни (С. № 116), двие грьнваницѥ, в. ѕ҃ѥ, двои гривницѥ (С. № 121), ρ҃. к҃. в҃. литри, -ѣ (С. № 124), две ромьнче, дви видрице, две ноѕи, две тепсие, две жилице, два кѹкѹмари (С. № 130), двандесете апⷭ҇тола (С. № 132), ѡба, два сина, двие кѥрѣе (С. № 156), двѣ ножице, пантарьле двѣ (С. № 157), в҃ кръгли, в҃ кѹпи, в҃ ѕдѣлѣе, в҃ чаши (С. № 159), ѡбѣдвие странѣ, двие тисѹѣе, -ие, в҃ѳ҃ дѹкати (С. № 158), ѡбадва синове, ѹ двакрать, два диела (С. № 163), ѡбѣ црⷦ҇ве (Мл.) и пр. и пр. Я нарочно привелъ бо́льшую часть примѣровъ, чтобы показать, какъ непрочно было двойственное ч. даже въ соединеніи съ двойственнымъ числительнымъ. Сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія: -е, -ѣ, -и мѣняются, послѣднія двѣ буквы не только черезъ перезвукъ, но и чрезъ смѣшеніе окончаній, показывающее, что писцы начинали забывать Ц.-Славянское употребленіе: и это уже въ XIII-мъ в. Замѣнительныя е и ѥ и мягкое ѣ принимаютъ то -е, то -и, то -ие (ѣ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ множественное ч. смѣнило двойственное. Сложныя числительныя съ два, или когда въ ряду чиселъ это стоитъ послѣднимъ, управляютъ тоже двойственнымъ ч. хотя и не всегда.

Родительный и мѣстный пп. имѣютъ для всѣхъ трехъ родовъ -ѹ и -ю: вь стѹю апⷧ҇ѹ. петра. и павьла (С. № 16), ѡ комоу, вь роукоу, ѡ҆ⷮ҇ю моию (С. № 176), архистратигоу (С. № 35), прⷣ҇тникѹ, -оу стоую, -ю (А. № 10; В. № 1), властелинѹ кнеѕѹ (С. № 48), крылоу твою, крилоу твоию (Г. А, Б), ѡть двѣю црькоу (З.), двѣю брати (А. № 17), изь рѹкѹ (С. № 107), ѡбѣю странѹ, светою нась ѡби странѹ (С. № 114), ѡбею странѹ (С. № 123), сь ѡбѣдвѣ странѣ (С. № 164), ѹ своюю рѹкѹ (С. № 168). Отсюда видимъ, что имена одушевленныя вмѣсто винительнаго п. ставятся въ родительномъ. Даже слово страна, относясь къ одушевленнымъ предметамъ, стоитъ въ этомъ падежѣ. Иногда писецъ не умѣлъ сладить съ формою этого падежа и ставилъ вмѣсто нея форму именительнаго, или винительнаго: ѹ двѣ ножице (С. № 157), ѡ тии два монастира (Г. Б), ѡ моꙗ два дѣла, ѡ ѡбеи црⷦ҇кве (Мл.).

Дательный и творительный пп. имѣютъ -ма: двѣма мѫдѣницама (А. № 2), роукама (А. № 6; С. № 176; Г. А, Б), ногама (Мк.), комома (С. № 176), архистратигома (С. № 35), властелинома (С. № 46), братама, вї апⷧ҇ома (С. № 179), очима (А. № 11; Ю.), ѡбима странама (С. № 116), вь апостолома, -ьма (С. №№ 118, 140), ві. строиникома (С. № 142), двѣма братѣицема (С. № 163), си́новцима, ѡ́чима (Мл.). Опять находимъ несогласованныя формы: са два камених (С. № 119). Касательно количества и мѣста употребленія послѣднихъ четырехъ падежей должно сказать то же, что сказано о двухъ первыхъ.

Вообще всѣ примѣры безъ числительныхъ, съ небольшимъ исключеніемъ, относятся къ Восточной семьѣ и именно къ грамотамъ, ближайшимъ къ Ц.-Славянской стихіи и къ древнѣйшимъ вѣкамъ. Формы всѣхъ падежей — Ц.-Славянскія съ небольшими измѣненіями, порожденными временемъ и полузабвеніемъ. Тѣмъ не менѣе, самое удержаніе его есть признакъ еще сильнаго присутствія Ц.-Славянской стихіи, хотя, прибавлю, присутствія болѣе неподвижнаго, мертвеннаго и по тому отрывочнаго, чѣмъ живаго, движущагося и развивающагося.

Всего лучше доказываетъ это множественное ч., последовательно и съ постепеннымъ успѣхомъ употребляемое на мѣстѣ двойственнаго. Стоитъ прочесть любую грамоту, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Что нѣкогда двойственное число существовало у Сербовъ, въ этомъ нѣтъ спору; но въ то время, какъ письменность застаетъ ихъ языкъ оно уже пропало, и формы, какъ сказалъ я, кажутся мертвыми, ибо составляютъ заимствованіе; живые слѣды остались только при числительныхъ, какъ и во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Но за то нынѣ числительныя *три, четири* послѣдовали примѣру своего предшественника и сочетаются тоже съ двойственнымъ ч: этого нѣтъ въ древней письменности, гдѣ при нихъ постоянно находимъ число множественное.

Мы просмотрѣли движеніе именъ существительныхъ со всѣми его оттѣнками и частными особенностями. Постараемся же собрать во едино главнѣйшія черты Д.-Сербскаго книжнаго языка, отразившіяся въ его временныхъ судьбахъ.

Мы видимъ, что въ этой области движенія, какъ и въ области звуковъ, Д.-Сербскій книжный языкъ, соединяя въ себѣ и народность и слѣды воздѣйствія Ц.-Славянской стихіи, стоитъ на границѣ между древнѣйшими формами, болѣе общими для всего Славянскаго языка, и новѣйшими, начинавшимися высобляться и становиться отличительно Сербскими. Въ немъ находимъ остатки первичнаго образованія безъ опредѣленнаго окончанія: вьнетькь, дѫбровьть, откуда дѫбровьтьки, вынекь, сась. Потомъ первое опредѣляющее окончаніе является въ -ань: хумлань, и съ этимъ окончаніемъ имена вступаютъ въ движеніе опять въ первоначальной кратчайшей формѣ на -амь -ами, -ахь: гракамь, дѫбровчамь, -ми, кошихми, конихами, деухь, помарахь, прапранихь. Потомъ является уже полная: дѫбровчаномь и т. д. Въ единственномъ ч. еще находимъ форму -ань: хумлянина, которая впрочемъ уступаетъ другой, еще болѣе опредѣленной или, какъ нѣкоторые называютъ, членной на -анинъ, рядомъ съ которою стоитъ третья на -инь. Первичное сродство въ представленіи и формѣ прилагательныхъ съ существительнымъ открывается изъ древнѣйшихъ формъ сыновь, урьй, добрь и т. п., равно какъ дѣвам, вьдовам, которыя употреблены, какъ прилагательныя опредѣленнаго в., тогда какъ ихъ неопредѣленный в. принятъ за имя существительное. Этотъ взаимный переходъ прилагательнаго въ существительное и обратно показываетъ, что первоначально духъ языка создавалъ то и другое подъ однимъ воззрѣніемъ, но сила употребленія разграничила ихъ оттѣнкомъ значенія, основаннымъ на общности и частности предметныхъ свойствъ. Равно древнѣйшая форма безъ опредѣляющаго исхода является съ первоначальною образовательною б-ю и въ словѣ монахы; съ тѣмъ же исходомъ, но въ болѣе опредѣленной формѣ находимъ августыни — остатки первоначальнаго языка, допущенные подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіей. Къ немногимъ Д.-Булгарскимъ словамъ муж. р. на -ии, какъ на пр. мъракии, прибавимъ встрѣчающееся у насъ иути. Д.-Сербскій языкъ сохранилъ краткое перезвукованное окончаніе въ удержавшейся и до селѣ формѣ мати, равно какъ въ женскомъ р. любы, црькви, разлагающія свое ы, и на усиленіе изъ первоначальнаго у— -ов: любовь, црковь, гдѣ о слабѣетъ до ь, которое иногда озвукотворяется въ а: любьвь, любавь; духъ Сербскаго языка стремился къ озвукотворенію окончанія переведеніемъ этого исхода въ гласный на -ьва: любьва, црьква; мы находимъ и ластька и ластьвь съ соотвѣтственнымъ этимъ двумъ формамъ дальнѣйшимъ движеніемъ. Другія кратчайшія формы, какъ мати, ніва, сохранились и доселѣ у Сербовъ и принадлежатъ, какъ нами и многія имена средняго р., къ числу

такъ называемыхъ именъ съ нарощеніемъ, но собственно именъ, принявшихъ кратчайшую форму вмѣсто древнѣйшей полной, или поглотившихъ въ своемъ исходѣ носовой отзвукъ, либо цѣлую причастную форму. При движеніи эти имена возстановляютъ признакъ полнѣйшей формы: одни въ **с**, какъ **небо**, **чудо**, **слово** и пр., которыя, впрочемъ, по свойству народнаго языка, въ единственномъ ч. остаются въ краткой формѣ, а во множественномъ иногда возстановляютъ **с**, иногда нѣтъ; другія въ **н**, какъ **камы**, **племе**; третьи въ **р**, какъ **мати**, **кћи**; четвертыя въ **т**, какъ **дѣте**. Послѣднимъ слѣдуютъ по подражанію нѣкоторыя имена собственныя муж. р. на **-е**, происходящія отъ прилагательныхъ средн. р., или иностранныя, на пр., **урьисте**, **никте**, **синѣта**, **урьсетки**, а также одушевленныя средняго р., на **-е**, на пр., **зинзутеки**. Имена средн. р., поглотившія въ своемъ исходѣ носовой отзвукъ, въ дальнѣйшемъ движеніи языка возстановляютъ его и придаютъ къ нему уже обычное образовательное окончаніе **о**, съ которымъ и вступаютъ въ обычное движеніе, какъ бы **племено**, **имено**.

Звательный п. ед. ч. имѣетъ для мужескаго р. **-е**, **-у**, **-ю**, для женскаго **-о**: сдѣсь обѣ стихіи сходятся, но звательный на **-и** для полугласнаго исхода жен. р. нынѣ уже не существуетъ. Встрѣчается подражаніе Ц.-Славянскому употребленію родительнаго п. въ обоихъ числахъ.

Винительный п. въ муж. р. для одушевленныхъ предметовъ сохраняетъ еще кое-гдѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ свою собственную форму, но большею частію уже замѣняется родительнымъ. Во множественномъ ч. онъ удерживаетъ и для одушевленныхъ предметовъ свою особую форму **-и** (**ы**) и **-е**. По этому чрезвычайно рѣдко находимъ вмѣсто него родительный п. Но смѣшеніе формъ проглядываетъ въ употребленіи сдѣсь именительнаго п. мн. ч.: **писцины**, **попови**.

Сербскій языкъ, не употребляя, по свойству югозападнаго говора, въ родительномъ п. ед. ч. *-у* вм. *-а*, и въ древней своей письменности сохранилъ это отличіе.

Явленіе звука **-е** тамъ, гдѣ первоначально духъ языка ставилъ носовой звукъ, свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ самобытномъ развитіи этой формы, прямо возникшей изъ носоваго звука въ доисторическую пору и одновременно съ Д.-Булгарскою **-ы** и **-а**. Таковы: родительный п. ед. ч. жен. р., именительный п. мн. ч. жен. р. и винительный п. мн. ч. муж. и жен. р. Ц.-Славянская форма **-ы**, **-ы**, **-я** показывается сдѣсь весьма слабо и почти исключительно въ однѣхъ церковно-дарственныхъ грамотахъ, всего менѣе во второмъ и нѣсколько болѣе въ третьемъ изъ упомянутыхъ падежей.

Введеніе образованія **ов**, **ев** въ дательномъ п. ед. ч. и во всѣхъ падежахъ мн. ч. муж. р. есть слѣдствіе дальнѣйшаго движенія Славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и Сербскаго, ибо древнѣйшая Славянская письменность, Д.-Булгарская, не любитъ его и показываетъ, что это образованіе есть временное явленіе, усилившееся только уже въ новѣйшемъ состояніи Славянскаго языка. Но ограниченное употребленіе его въ Д.-Сербской письменности отвѣчаетъ таковому же и нынѣшнему, ибо Сербы болѣе, чѣмъ кто либо другой, могутъ обходиться безъ этого образованія. Въ этомъ отношеніи они ближе всего стоятъ къ Булгарамъ. Какъ у послѣднихъ **ов** появляется ранѣе и чаще, чѣмъ **ев**, такъ и у Д.-Сербовъ **ов** чаще встрѣчается, чѣмъ **ев**: послѣднее находимъ только въ немногихъ случаяхъ, именно: **монастиревѣи**, **дѣтетеви**, **зинзутеви**, **урьсетеви**, **дневи**, **сѫжникев**, **краљевь** и **путевѣхъ**. Но Сербскій языкъ не употребляетъ нынѣ этого образованія въ единственномъ ч.; такъ и въ старину на-

родность уступила Ц.-Славянской стихіи лишь въ Аѳонскихъ грамотахъ, допустивъ сдѣсь въ немногихъ случаяхъ дательный на **-ови**, **-еви** и только однажды въ не-Аѳонской, но все таки собственно-Сербской XIV-го в. Во множественномъ ч. употребленіе его свободнѣе, и въ немъ обѣ стихіи сходятся. Но не во всѣхъ падежахъ употребленіе это сохраняетъ разумность образованія. Безъ сомнѣнія, **в** есть буква благозвучная, а **о**, **е** есть озвукотвореніе конечной полугласной: отъ того образованіе принадлежитъ исключительно мужескому р.; два вышеприведенные примѣра средняго р., какъ и третій, имъ подобный, мужескаго р., обозначаютъ лишь подражаніе. Назначаемое для раздѣла основы и падежнаго указателя, **ов**, **ев** соединяется по этому съ простымъ падежнымъ признакомъ: такъ бываетъ въ дательномъ п. ед. ч., именительномъ, родительномъ и винительномъ пп. мн. ч., исходящихъ на **-ови**, **-еви**, **-ове**, **-еве**, **-овь**, **-овомь**; но въ другихъ падежахъ мн. ч. уже замѣтно простое заимствованіе этого образователя у одного изъ предыдущихъ, вѣроятнѣе всего, у именительнаго мн. ч., ибо сдѣсь **ов**, **ев** являются лишь простою вставкою между основою и падежнымъ окончаніемъ, уже составленнымъ изъ конечной полугласной, озвукотворенной, или еще къ тому и усиленной, и падежнаго признака. Такъ въ дательномъ **-овомь**, творительномъ **-ови**, т. е., **овы**, мѣстномъ **-овѣхь**, **-евѣхь**. Но и въ именительномъ п. мн. ч. начинало уже показываться забвеніе значенія **ов**, **ев**, ибо сдѣсь находимъ ихъ два раза въ сочетаніи съ признакомъ **и**: **поповы**, **поутови**. Но повторяю, употребленіе этого образованія мало развито въ Д.-Сербской письменности, и по всему замѣтно, что хотя народность и допускала его во множественномъ ч., однако не любила его. Въ дательномъ ед. ч. Д-Сербскіе памятники представляютъ общую форму **-у**, **-ю**.

Движеніе народности выразилось въ переходѣ **-ѣ** въ **-и** въ дательномъ и мѣстномъ пп. жен. р. Въ XII-мъ и XIII-мъ вв. и вообще въ Восточной семьѣ памятниковъ всѣхъ вѣковъ господствуетъ **-ѣ**; но въ Западной конца XIV-го и XV-го вв. усиливается **-и**, не вытѣсняя однако совершенно **-ѣ**, но видя его постоянно возлѣ себя. Полугласный исходъ и мягкій гласный имѣютъ постоянно **-и**, **-ни**, какъ соедииеніе основноконечной мягкости съ падежнымъ признакомъ **-и**. Это **-и** находимъ и для полугласнаго исхода жен. р. въ именительномъ и винительномъ пп. мн. ч. жен. р.; но сдѣсь оно, по всему вѣроятію, есть стяженіе смягченнаго носоваго образователя, который въ Санскритѣ, тоже стянувъ въ себя носовой отзвукъ, выражается въ *-jas* и отвѣчаетъ Лит. *-is*.

Открытое удержаніе признака **-м** во всѣхъ трехъ родахъ въ творительномъ п. ед. ч. составляетъ отличіе Сербскаго языка. Мужескій и средній р. образуются на **-омь**, **-емь**, а женскій гласный исходъ на **-омь**, не различая твердости и мягкости конечной гласной. Это **-омь** отвѣчаетъ Польскому *ą*, Чешскому *au*, Хорутанскому *o*, Хорватскому *um*. Если представимъ себѣ перезвукъ его по-сербски въ **у** и если это **у** усилимъ въ **ов**, то и выйдетъ древнѣйшая Сербская форма **-овь**. Усиленіе **у** и носовой отзвукъ падежа, при сродствѣ губныхъ **м** и **в**, сближаютъ этѣ формы такъ коротко, что одна незамѣтно переходитъ въ другую. XII-й и XIII-й вв. суть мѣсто господствованія формы **-овь**; а XIV-й и XV-й формы **-омь**. Но полугласный исходъ женскаго р. остается постоянно въ старину, какъ и нынѣ, при одномъ образованіи **-ню**, стягивающемся въ **-ю**. Тѣмъ не менѣе Ц.-Славянская стихія принимаетъ и сдѣсь участіе своею формою **-ою**, **-ею**. Наибольшее ея господство открывается въ Аѳонскихъ гр-хъ XIV-го и XV-го вв.; но изъ нихъ въ большей части является равномѣрное присутствіе обѣихъ формъ, явно склоняю-

щееся въ пользу народной въ другихъ памятникахъ Восточной семьи, преимущественно XV-го в.

Другое дѣйствіе народности выразилось въ мѣстномъ п. ед. ч. муж. и средн. р. Сначала, подобно Д.-Булгарскому, Д.-Сербскій языкъ является съ -ѣ и -и, распредѣляя ихъ для твердости и мягкости, и это продолжается во весь XIII-й в. Въ XIV-мъ начинается сильное колебаніе между -ѣ и -и, съ одной стороны, и -у, -ю съ другой; однако преимущество остается еще за первыми. Но отношеніе обратно измѣняется въ XV-мъ в. уже въ самой Восточной семьѣ, а въ Западной -у, -ю быстро берутъ значительный перевесъ, и движеніе клонится къ ихъ исключительному господству.

Въ именительномъ п. мн. ч. муж. р. сохранилось нѣсколько исходовъ, изъ коихъ нынѣ удержанъ только -и, онъ же въ -ови. Употребленіе ихъ подтверждаетъ общее свойство Славянскаго языка, замѣчаемое и въ другихъ нарѣчіяхъ, но всего яснѣе въ Д.-Булгарскомъ, по которому -и сопутствовало твердости, а -ие, -е мягкости. Плавныя занимаютъ средину и колеблются между тѣмъ и другимъ; согласныя втораго образованія въ Д.-Булгарскомъ языкѣ стоятъ на сторонѣ -и, что очень естественно; въ другихъ же нарѣчіяхъ переходятъ на сторону мягкаго падежнаго образованія, либо колеблются подобно плавнымъ. Такъ и въ Д.-Сербскомъ твердыя согласныя принимаютъ -и съ претвореніемъ гортанныхъ; шипящія и свистящія имѣютъ -и и -е, которое здѣсь, вѣроятно, служитъ перезвукомъ для -и; но уже нѣкоторыя изъ нихъ, какъ ж, ч, столь же часто принимаютъ и -ие. Мягкія зубныя, чисто смягченныя, любятъ -ие: татие; но ихъ замѣнительныя г, к, равно ѣ, принимаютъ -и, или -е, но здѣсь -е, вѣроятно, есть перезвукъ и. Образованіе для плавныхъ, которыя, по своей природѣ, способнѣе другихъ для двойственности, представляетъ здѣсь колебаніе между -и, -ие и -е (ье). Для твердаго исхода -ове, для мягкаго -ие представляютъ нѣсколько примѣровъ собирательнаго значенія. Въ послѣднее образованіе переходитъ съ этимъ значеніемъ и твердый исходъ, хотя весьма рѣдко, на пр., пискоупие, митрополитіе, кметіе, калогеріе. Происхожденіе е въ ове, еве и употребленіе его иногда при плавныхъ, какъ на пр., ҳакове, и преимущественно въ окончаніи -ие изъ -ииъ составляетъ самостоятельное явленіе, какъ перезвукъ прадавняго *-ás*.

Средній р. въ именительномъ и винительномъ пп. имѣетъ обычное образованіе на -а.

Родительный п. мн. ч. имѣетъ краткую форму: -ъ, -ь, -и. Послѣдняя употребляется для мужескаго р. на -ь, кромѣ сочетанія съ согласными втораго образованія, и то не всегда, женскаго на -ь и -ия и средняго на -ие: во всѣхъ этихъ случаяхъ первоначальный мягкій образователь *-jám* своею мягкостію праражаетъ конечную полугласную, или гласную и обращаетъ ее въ -и; но если уже слово исходитъ на и съ предшествующею гласною, то признакъ неминуемо пропадаетъ въ немъ. При -ъ и -ь съ шипящими и свистящими признакъ *-ám*, обращаясь въ полугласную, сливается съ нею. Двойственная природа полугласной выражается очевиднымъ образомъ чрезъ ьь, благодаря остроумію Д.-Сербскихъ писцовъ. Въ концѣ XIV-го в. начинается озвукотвореніе конечной полугласной падежа въ Западной семьѣ. Другая, болѣе долгая форма на -овь имѣетъ свое мѣсто въ нѣкоторыхъ грамотахъ, не различая возраста и семей. Смѣшеніе твердости и мягкости въ исходахъ, отличительная черта Д.-Сербской письменности, доставляетъ нѣкоторымъ словамъ двойное окончаніе -ь и -и, стянутое изъ -ии, на пр., динари и динара; первая

форма напоминаетъ Ц.-Славянскую, другая представляетъ народную, уже забывшую древнее образованіе и ставшую подъ общій уровень формъ на -ъ (ъ). Другія слова попадаются въ формѣ на -и, больше по одному разу, въ видѣ рѣзкой особенности, отпечатокъ которой замѣтенъ и нынѣ на нѣсколькихъ словахъ. Слова, исходящія на и съ предшествующею гласною, остаются еще при прежнемъ образованіи: обычаи, оуйи, архіереи, тогда какъ нынѣ последнее и. *й* уже переходитъ въ *я*. Въ полугласномъ исходѣ муж. и жен. р. замѣчательно озвукотвореніе конечнаго ь не въ и, а по-русски въ е: конеи, мостеи, монастиреи, властеи.

Нынѣ дательный, творительный и мѣстный пп. мн. ч. отожествлены народностію, но Д.-Сербскій языкъ различаетъ всѣ три падежа ихъ существеннымъ образованіемъ. Первый онъ изводитъ на -омь, -емь, -амь, -ѧмь, но допускаетъ и -овомь. Озвукотвореніе -мь въ -ма показывается съ конца XIV-го в. въ одномъ словѣ всѣмома. Второй равно любитъ краткую форму на -и, -ови и долгую на -ми, -овми; разумѣется, образованіе на -ов гораздо слабѣе перваго. Смѣшеніе формы на -и, по наружному сходству, съ именительнымъ п. мн. ч. на -и замѣтно въ смягченіи гортанныхъ и образованіи кое-гдѣ формы на -ми отъ этого падежа: боларими, трьзми. Въ третьемъ обыкновенное образованіе на -ѣхъ, -овѣхъ для твердаго исхода и -ихъ, -ехъ, однажды -евѣхъ, для мягкаго. Плавныя и претворенныя гортанныя колеблются между -ихъ и -ехъ. Подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка показывается форма -охъ. Въ женскомъ р. -ахъ, -ѧхъ для гласнаго и -ехъ для полугласнаго исхода. Замѣтимъ еще въ этихъ трехъ падежахъ слѣдъ женскаго образованія для именъ средняго р.: селамь, владаньамь, часлимими, тѣлахъ, что, впрочемъ, можно объяснить принятіемъ именительнаго п. мн. ч. въ основаніе образованію, какъ нынче *сретенияма*.

Припомнимъ нѣкоторыя отдѣльныя слова, въ которыхъ замѣтенъ переходъ изъ одного образованія въ другое. Такъ пѫть постоянно переходитъ отъ твердости къ мягкости и обратно: родит. ед. пѫти и пѫта. Рядомъ съ нимъ идутъ тати и тата, зети и зета. Твор. ед. пѫтемь, вин. мн. пѫти, мѣстн. мн. пѫтехъ. Дьнь склоняется: род. ед. дне, дни и дана, мѣстн. ед. дни и дневи, имен. и вин. мн. дни, мѣстн. мн. днихъ. Имен. людие, люди, -ье, люде, род. люди, дат. людемь, людьмь, твор. людьми, людами, люди, мѣстн. людехъ. Имена, возстановляющія въ движеніи признакъ первоначальнаго образованія, склоняются согласно съ Ц.-Славянскимъ языкомъ: род. ед. корене, племене, небесе, словесе, матере, цѣрке; дат. ед. врѣмени, имени, твор. ед. именемь, дѣтетемь, матерю, мѣстн. ед. на небеси, по словеси, на камени, вин. мн. чудеса, словеса, небеса, телеса, род. мн. цьркѣвь, дат. мн. словесемь, цьркѣвамь, твор. мн. чудеси, имени, камени, мѣстн. мн. времененехъ, телехъ. Но движеніе языка выразилось въ обобщеніи формы этихъ словъ съ другими и подведеніи ихъ подъ общее склоненіе то чрезъ опущеніе полнаго образователя, то чрезъ переводъ отъ мягкости, въ твердость. Такъ рядомъ съ приведенными формами находимъ род ед. корѣна, камина, племена, врѣмена, дат. ед. имену, твор. ед. каменомь, именомь, мѣстн. ед. по врѣмену, по имену, по словоу, имен. мн. камени, род. мн. дѣтѣ и дѣти, мѣстн. мн. именѣ. Сдѣсь же принимаетъ участіе и перезвукъ е въ и и ѣ: род. ед. словеси, цѣрки, мѣстн. ед. по врѣмене, мѣстн. мн. небесѣхъ, небесихъ, времененѣхъ. Образованіе ев находимъ въ дат. ед. дететеви и въ мѣстн. ед. дневи. Винительный п. ед. ч. муж. р. имѣетъ полную и краткую формы: камин и камень, но въ женскомъ полную матерь съ однимъ исключеніемъ: мати, чего не допускаетъ однако Д.-Булгарскій языкъ. Въ

среднемъ р. онъ одинаковъ съ именительнымъ: **име, вриме, небо, тело, дете**; одно исключеніе: **на небесе**.

Подобное явленіе замѣчаемъ въ именахъ женскаго р. съ усиленіемъ **-овь**. Они или склоняются сходно съ Ц.-Славянскимъ, или переходятъ въ склоненіе именъ на **-а**, либо именъ на полугласную. На пр.: род. ед. **црькве** и **црькви**, **црькве** и **црькви**, вин. ед. **црькву**, **любку** и **црьковь**, **любовь**, твор. ед. **црькковь** и **црьквію**, **любковь** и **любовию**; но въ род. ед. на **-е** и мѣстн. мн. на **-ахь**: **црьквахь** нельзя рѣшить, отъ какого образованія произведены эти окончанія.

Въ движеніи именъ важное мѣсто занимаетъ перезвукъ гласныхъ. Его должно всегда имѣть въ виду для того, чтобы не назвать формы неправильною. Перезвукъ совершается на общихъ началахъ, изложенныхъ въ звукоученіи. Онъ же производитъ различіе въ большей части формъ между Сербскимъ и Д.-Булгарскомъ языкомъ, ибо въ первичныхъ пріемахъ образованія формъ, какъ мы видѣли изъ сравненія ихъ, всѣ Славянскія нарѣчія сходны между собою. Таковъ на пр. перезвукъ носовыхъ **ж**, **а** въ **у**, **е** и ихъ взаимный переходъ другъ въ друга; таковъ перезвукъ **у** въ **ок** и **он**, **ж** въ **ом**, усиленіе **ъ** въ **о**, **ь** въ **е**, **и** и пр. Разсмотримъ ближе перезвуки, совершающіеся въ Д.-Сербскихъ формахъ независимо отъ ихъ движенія. Таковы: **-ло** вм. **-лъ** и **а** въ **о** въ имен. п. ед. ч. муж. р.: **пакао**; **-ан**, **-он**, **-ен** въ **-ань**, **-онь**, **-ень**: **доукань**, **целовь**, **мативь**; и въ **-и** въ именахъ собственныхъ на **-ин**, **-он**: **акакии**, **драгои**; **и** въ **ѣ** въ имен. ед. муж. и жен. р.: **судьѣ** **осгоѣ**, **купаѣ**, **госпоѣ**, въ род. ед. муж. и средн. р.: **лезиѣ**, **добитиѣ**, въ имен. и вин. мн. средн. р.: **обетованьѣ**, **записаньѣ**, въ дат. мн. средн. и жен. р.: **владаниѣмь**, **судиѣмь**, въ мѣстн. мн. жен. р.: **еспидиторияхь**; **и** чрезъ **ѣ** въ **е** въ мѣстн. мн. жен. р.: **змиехь**, и въ имен. и вин. мн. средн. р.: **повелениье**; **е** въ **ѣ** въ вин. ед. средн. р.: **врѣмѣ**, въ род. ед. жен. р.: **правьдѣ**, въ вин. мн. муж. и жен. р.: **хоусарѣ**, **вѣкѣ**, **киезовѣ**, **поставѣ**, **клетьвѣ**, въ дат. и мѣстн. мн. муж. и средн. р.: **трьговцѣмь**, **срьблѣмь**, **монастирѣхь**, **скровищѣхь**, **путѣхь**, **путевѣхь**, **кремениѣхь**; **ѣ** въ **е** въ дат. ед. жен. р.: **вере**, въ мѣстн. ед.: **граде**, **главе**, **милешеве**, **писме**, въ мѣстн. мн. муж. и средн. р.: **светехь**, **уедехь**, **братехь**; **и** въ **е** въ дат. ед. жен. р.: **вьдовице**, **братие**, въ мѣстн. ед. **по времене**, **вѣнице**, въ имен. мн. муж. р.: **могориште**, **лазариѣе**, **косориие**, въ род. мн.: **ноктен**, **заповѣден**; **-и** чрезъ **е** въ **-ѣ** въ мѣстн. ед. жен р.: **вѣницѣ**, **заповиедѣ**, **рѣуѣ**; **е** въ **и** въ мѣстн. мн. ч.: **небесихь**; **-ѣ** въ **-и** въ дат. и мѣстн. ед. жен. р. и мѣстн. мн. муж. и средн. р.: **воеводи**, **местихь**; **и** въ **ѣ** въ имен. мн. муж. р.: **людѣи**, **родителѣ**. Смѣна **и** съ **е** происходитъ въ имен. п. мн. ч. муж. р.: **долане** и **долани**, въ мѣстн. мн. муж. и средн. р.: **конехь** и **конихь**, **трьговцехь** и **трьговцихь**, **скровищехь** и **скровищихь**.

Не менѣе важное мѣсто въ движеніи Д.-Сербскаго языка принадлежитъ стяженію. Въ Д.-Булгарскомъ обыкновенно господствуютъ полныя формы, но прочія Славянскія нарѣчія уже допустили стяженіе. Оно свидѣтельствуетъ о движеніи Славянскаго языка отъ точнѣйшихъ формъ къ простѣйшимъ. Въ этомъ отношеніи и Д.-Сербскій языкъ быстро шелъ къ стяженію, оставляя въ сторонѣ древнѣйшія полныя формы; въ особенности конецъ XIV-го и XV-й в. замѣчательны этимъ стяженіемъ. Нынѣ, какъ извѣстно, стяженіе господствуетъ въ окончаніи *ие*, *ия* и его видоизмѣненіяхъ; *и* переходитъ въ *ь*, а это скрывается въ *љ*, *њ*, *ђ*, *ћ*. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ слѣдующіе случаи стяженія или сокращенія: **о** ослабѣваетъ въ **ь** въ окончаніи жен. р. **-овь**, откуда чрезъ перезвукъ **ь** въ **а** является **-авь**: **любовь**, **любьвь**, **любавь**; отсюда

также открывается возможность перехода въ -ька: **любька**; въ имен. и твор. ед. жен. р.: **частью, частью**, по чему слово это и переходитъ въ образованіе на -ь. и ослабѣваетъ въ ь въ твор. мн. жен. р. **мѣсьми**. и ослабѣваетъ въ ь при послѣдующей гласной въ продолженіи всего движенія въ имен. ед. и средн. жен. р.: **даніе, братьѣ**, въ род. ед. средн. и жен. р.: **помяноутья, кладѧнья, братья**, въ дат. ед.: **юрью, писанью, жизнью, братьи**, въ вин. ед. жен. р: **братью**, въ твор. ед.: **юрьемь, каменьемь, братьемь, плотью**, въ мѣстн. ед. средн. р.: **поморью**. въ имен. и вин. мн. муж. и средн. р.: **приятелье, жизньи, поклоньѣ**, въ дат. мн. средн. и жен. р.: **кладаньемь, судьямь**, въ мѣстн. средн. и жен. р.: **писаньѣхь, судьяхь**. Чрезъ стяженіе б-ы ь съ гласною происходятъ дальнѣйшія кратчайшія формы: въ имен. ед. средн. р.: **имание**, въ твор. ед. жен. р.: **плотю, печатю**, въ мѣстн. ед. средн. р.: **устанію, житию**, въ имен. и вин. мн. средн. р.: **кладанія**, въ дат. мн. муж. р.: **злемь**, въ мѣстн. мн. средн. р.: **писаниѣхь**. Стяженіе -ии въ -и производитъ формы: въ дат. ед. жен. р.: **братн**, въ мѣстн. ед. средн. и жен. р.: **дарованни, предании, скопи, ники, нотари**, въ род. мн.: **люди, пьмети, соуди, дѣти, дарованни, области, напасти**.

Замѣтимъ наконецъ отвердѣніе плавныхъ, составляющее временное явленіе Д.-Сербской письменности, на пр., **родитела, мора** и т. д, нынѣ или оставшееся, преимущественно въ *р*, или снова возвратившееся къ мягкости. Обо всемъ этомъ, перезвукахъ, стяженіи, отвердѣніи плавныхъ, было говорено въ звукоученіи и тамъ же представлены и выводы.

Претвореніе гортанныхъ въ свистящія постоянно существуетъ во всѣхъ вѣкахъ и семьяхъ: въ дат. ед. жен. р.: **кладици, -ѣ, слузи**, въ мѣстн. ед. предъ -ѣ и -и: **станьцѣ, вѣцѣ, грѣсѣ, русази, дуси, сусѣ, сутисцѣ, -и, сьгрѣсѣ, рѣцѣ(ѧ)**, въ имен. мн. муж. р. предъ и: **власи, кѫзици**, въ мѣстн. мн. муж. р.: **брьвьницѣхь, парицѣхь. влъзѣхь**. Въ зват. ед. муж. р. передъ е гортанныя и свистящія претворяются въ шипящія: **боже, кнеже, творче**. Въ имен. мн, муж. р. передъ -ии гортанныя переходятъ тоже въ шипящія: **жизчии**. Претвореніе, замѣчаемое въ творительномъ п. мн. ч. муж. р., можетъ быть приписано либо дѣйствію -и, либо смѣшенію этихъ падежей съ именительнымъ мн. ч. на основаніи наружнаго сходства.

Предлогъ **по** по преимуществу управляетъ мѣстнымъ п. Сходство формъ этого послѣдняго съ дательнымъ должно обратить болѣе въ пользу перваго.

И такъ Д.-Сербскій книжный языкъ открываетъ предъ нами путь, по которому существительныя имена двигались отъ древнѣйшаго образованія чрезъ посредствующія формы до новѣйшаго. Мы видимъ постепенное превращеніе кратчайшихъ и своеобразныхъ формъ на -ь въ новѣйшія на -ань и -анинь и согласное съ тѣмъ движеніе ихъ; на -и въ -ень, -ерь, -овь съ собственнымъ движеніемъ, а потомъ съ обобщеннымъ, какъ бы отъ простаго твердаго -енъ и мягкаго -ерь полугласнаго исхода, или отъ гласнаго -ька; такъ и въ именахъ на -е (ѧ) возникаетъ движеніе какъ бы отъ исхода -ено. Мы видимъ еще ясные слѣды родства существительнаго съ прилагательнымъ. Обычныя формы -а, -у, -омь, -емь, въ родительномъ, дательномъ и творительномъ пп. ед. ч. муж. и средн. р., и -и, въ родительномъ, дательномъ и мѣстномъ пп. ед. ч. женскаго р. полугласнаго, а въ послѣднихъ двухъ и мягкаго гласнаго исходовъ, постоянно проходятъ передъ нами во все продолженіе разсматриваемыхъ нами вѣковъ. Винительный п. ед. ч. муж. р., выставивъ нѣсколько случаевъ употребленія своей собственной формы для одушевленныхъ предметовъ, уступаетъ для нихъ

свое служеніе родительному. Звательный п. ед. ч. является съ особою формою для всѣхъ исходовъ муж. и жен. р. Средній р. въ обоихъ этихъ падежахъ представляетъ общую и всегдашнюю у всѣхъ Славянъ форму, сходную съ именительнымъ п. ед. ч. Мѣстный п. ед. ч. муж. и средн. р. показываетъ, какъ переходилъ языкъ отъ формы -ѣ. -и къ -ѹ, -ю; женскій р. для гласнаго исхода явилъ въ родительномъ п. исконную и постоянную форму на -ѣ, рядомъ съ которою въ дательномъ и мѣстномъ п. ед. ч. для твердаго гласнаго исхода совершается переворотъ въ пользу -и вмѣсто -ѣ. Въ творительномъ п. ед. ч. онъ смѣло вводитъ свою народную форму съ отвердѣлымъ признакомъ носоваго произношенія, переходящимъ отъ -омь къ -омъ. Именительный п. мн. ч. муж. р. представляетъ различное образованіе для различныхъ исходовъ, которое нынѣ уже обобщено въ одномъ *и*. Онъ сохранилъ еще память о собирательномъ значеніи, которое нынѣ уже утрачено. Въ винительномъ п. муж. и жен. р. является опять своя исконная форма -ѣ, которая для полугласнаго исхода жен. р., въ именительномъ и винительномъ пп. мн. ч., замѣняется формою -и. Средній р. опять является, какъ и всюду, съ общею для обоихъ падежей формою -а. Звательный п., какъ и всюду, сходенъ съ именительнымъ. Родительный п. мн. ч. представляетъ, какъ и нынѣ, большею частію, краткую форму, которую подъ конецъ начинаетъ озвукотворять въ -а, что нынѣ сдѣлалось уже непремѣннымъ условіемъ. Онъ выставилъ индѣ временную форму для муж. р. -ии, слѣды которой сохранились и нынѣ въ немногихъ словахъ. Но выраженіе его краткой формы чрезъ ь составляетъ одинъ изъ удачныхъ доводовъ для сравнительнаго языковѣдѣнія въ объясненіи этой формы. Дательный, творительный и мѣстный пп. еще сохранили каждый свою отличительную черту; первый доставилъ даже примѣръ начинавшагося озвукотворенія конечной полугласной; второй двѣ равносильныя формы на -и и -ьми; но [illegible] уже приближается къ нынѣшней на -има; третій сохраняетъ свои формы -ѣхь съ перезвукомъ -ихь для твердаго исхода муж. и средн. р. и -ѣхь, -ихь для мягкаго. Женскій р. во всѣхъ трехъ падежахъ удерживаетъ свою форму на -амь, -ами, -ахь. Средній р. покушается на образованіе женскаго р., но покушеніе это остается безъ послѣдствій, чѣмъ-то отрывочнымъ и безсвязнымъ, не такимъ, какъ у Хорватовъ и Хорутанъ, или у Русскихъ и Лужичанъ. Вмѣстѣ съ этѣми прямыми формами въ муж. р. двигаются въ извѣстныхъ падежахъ формы на ов, ев; но языкъ, какъ и нынѣ, не даетъ имъ простора и мѣстами вызываетъ забвеніе ихъ разумности и принимаетъ ихъ за неподвижный образовательный слогъ. Разумѣется, Ц.-Славянская стихія сопутствуетъ движенію народной и болѣе или менѣе выступаетъ наружу съ своими отличительно звуковыми формами: ея мѣсто въ Восточной семьѣ и преимущественно въ церковно-дарственныхъ грамотахъ. Перезвукъ, стяженіе и отвердѣніе плавныхъ суть тоже отличительныя черты переходнаго времени, выраженіемъ коему служатъ разсматриваемые нами Д.-Сербскіе памятники. Опять, какъ и прежде, XII-й и XIII-й вв. являются съ болѣе общими и древнѣйшими формами; XIV-й в., съ одной стороны, обилуя церковно-дарственными грамотами и вообще памятниками Восточной семьи, представляетъ сильное господство Ц.-Славянской стихіи, но тутъ же и возраждавшееся противодѣйствіе ей въ собственно-Сербскихъ памятникахъ, которое усиливается въ концѣ этого вѣка съ появленіемъ Западныхъ грамотъ. XV-й в. доставляетъ полное господство народности, по скольку она проявлялась не только въ нынѣ сохранившихся формахъ, но и въ утраченныхъ нынѣ, каковы, на пр., мѣстна-

го п. ед. ч. муж. и средн. р. на -ѣ и -и, дательнаго и мѣстнаго пп. ед. ч. жен. р. на -ѣ, родительнаго п. мн. ч. на неоглашенное еще -ь, различныхъ формахъ трехъ падежей мн. ч. и т. д. Словомъ, въ существительныхъ именахъ Д.-Сербскаго книжнаго языка мы находимъ драгоцѣнные остатки старины вмѣстѣ съ неменѣе важными переходными формами, объясняющими происхожденіе тутъ же зачинавшихся и новѣйшихъ.

Склоненіе *мѣстоименное.*

Мѣстоименія имѣютъ свое особенное склоненіе, которое въ Индоевропейскихъ языкахъ распадается на два отдѣла, безродное, или общее для всѣхъ трехъ родовъ, и родовое, различающее роды. Впрочемъ, это дѣленіе лишь наружное; въ сущности, или относительно образовательныхъ падежныхъ окончаній мѣстоименія слѣдуетъ одному и тому же склоненію, которое въ свою очередь есть то же, что и для именъ существительныхъ, ибо, вѣроятно, въ праязыкѣ одни образовательныя окончанія служили для тѣхъ и другихъ, и только особое движеніе въ мѣстоименныхъ основахъ произвело нѣкоторую разницу, послужившую къ обособленію того и другаго склоненія. Безродное склоненіе, какъ увидимъ, ближе подходитъ къ существительному, чѣмъ родовое. Вся разница состоитъ въ способѣ соединенія основы съ падежныхъ исходомъ: на различіи пріемовъ, при этомъ употребляющихся, основывается и различіе склоненій. Изъ всѣхъ частей рѣчи мѣстоименія наиболѣе обнаруживаютъ свой чистый корень, который обыкновенно весьма коротокъ и при движеніи нерѣдко повторяется, или соединяется иногда съ другимъ корнемъ, имѣющимъ значеніе служебной мѣстоименной частицы. Образованіе падежей происходитъ большею частію съ помощію озвукотворенія или усиленія конечной основной полугласной и принятія благозвучной буквы, и въ этомъ заключается главнѣйшее отличіе отъ склоненія существительнаго. Самые же падежные указатели суть тѣ же, что и въ существительныхъ. Мѣстоименія образуютъ и свои производныя, которыя мало отличаются отъ прилагательныхъ и по тому нерѣдко смѣшиваются съ ними. Въ этомъ случаѣ, при различеніи ихъ, должно брать во вниманіе способъ ихъ движенія, что составляетъ лучшую основу для дѣленія Эти производныя нѣсколько отличаются и въ движеніи: легко образуя изъ себя два вида, опредѣленный и неопредѣленный, они имѣютъ и двоякое склоненіе, одно съ помощію опредѣляющаго указательнаго мѣстоименія, слѣдовательно, во всемъ сходное съ прилагательнымъ, другое существительное, котораго впрочемъ не держатся постоянно, но мѣняютъ и на мѣстоименное, переходя въ разныхъ падежахъ изъ одного въ другое. Хотя все это относится болѣе къ общесравнительному языковѣдѣнію, мы думаемъ однако, что Д.-Сербскій книжный языкъ разнообразіемъ своихъ формъ, занятыхъ имъ у Ц.-Славянскаго и народнаго, послужитъ къ подкрѣпленію выводовъ, и такимъ образомъ взаимная услуга доставитъ и взаимную пользу. Выгода его состоитъ именно въ томъ, что писцы въ заимствованіи мѣстоименныхъ формъ у Ц.-Славянскаго языка, не ограничивались ими одними, но дополняли ихъ и изъ источника народнаго. Отъ того Д.-Сербскій книжный языкъ предлагаетъ богатый запасъ мѣстоименныхъ формъ для общеславянскаго языковѣдѣнія, и главное достоинство его состоитъ въ обиліи пояснительныхъ переходныхъ формъ, созданныхъ какъ бы болѣе смѣлою рукою, не стѣснявшеюся одними Ц.-Славянскими пріемами, но дополнявшею ихъ и народными, или преобразовывавшею ихъ на свой ладъ и на основаніи своего собственнаго, а не Д.-Булгарскаго, взгляда на законы образованія. Надо сознаться, что Д.-Булгарскій языкъ отличается иногда протянутостію своихъ формъ, закрывающею

образованіе и первичную простоту, и хотя онъ есть старшій въ семьѣ Славянскихъ нарѣчій, и въ дѣлѣ Славянскаго языкословія съ нимъ преимущественно должно совѣтоваться, какъ болѣе другихъ богатымъ формами и древнѣйшими письменными памятниками, однако и другія нарѣчія могутъ способствовать къ объясненію словодвиженія и вообще къ узнанію началъ и путей развитія Славянскаго языка, ибо они предлагаютъ много формъ или серединныхъ, или упрощенныхъ, или такихъ, какихъ въ немъ вовсе нѣтъ. Такъ я теперь въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ мы находимъ счастливое соединеніе Сербо-Булгарскихъ формъ, взаимно пополняющихъ и поясняющихъ себя: и это явленіе есть исключительно временное, въ исторіи языка дважды не повторяющееся; ибо нынѣшній Сербскій языкъ уже обѣднялъ формами, сгладивъ и обобщивъ ихъ. И такъ представимъ весь объемъ мѣстоименнаго склоненія, какъ застаемъ его въ древнѣйшую пору Сербской письменности до XVI-го в., въ пору ея самостоятельнаго существованія.

Начинаю со склоненія *безродныхъ* мѣстоименій.

Упрощеніе, обобщеніе и сокращеніе, ознаменовавшія всѣ Индоевропейскіе языки въ ихъ повременномъ ходѣ, отразились и сдѣсь въ мѣстоименіи личномъ 1-го *л.* ед. ч. **ꙗ**, образовавшемся изъ полной формы **азъ**, Санскр. *aham*, Лит. *asz*, Зенд. *azem*. Славянскія нарѣчія, кромѣ Булгарскаго, Хорутанскаго и Полабскаго, перешли уже къ позднѣйшей и кратчайшей формѣ: въ числѣ ихъ и Сербское. Уже въ XII-мъ в., въ его письменности, эта краткая форма является перезвукованною въ видѣ **ѣ** въ гр-ѣ Кулина (А. И.); но въ другой грамотѣ того же вѣка, принадлежащей Немани, она сохраняетъ полный видъ, хотя тоже съ перезвукованною гласною: **ѣзь** (А. № 1). Причина тому понятна, и эта причина опредѣляетъ все дальнѣйшее употребленіе той и другой формы, разумѣется, не такъ исключительно строго, какъ въ XII-мъ в. Дѣйствительно, форму **ꙗ, ꙗа, ıа, ıꙗ, аа, а, ѣ, ѣа, ѣꙗ** и т. д. мы находимъ въ гр-хъ: С. №№ 4, 5, 7, 9, 13—15, 18, 20, 21, 26, 27, 32, 56, 59, 61, 63, 64, 66, 67, 69, 70—75, 80, 86, 89, 91, 93, 94, 97, 101, 102, 104, 107, 110, 113, 114, 117, 120, 124, 125, 127, 128, 131—136, 141—143, 145—148, 150, 151, 155, 158, 161—164, 168—170, 171, 173; А. №№ 4, 14, 15; Мл. Вторую **азь, азъ, ꙗзь, аазь, ӑзь** и т. д. въ гр-хъ: Ш. № VII; С. №№ 3, 5, 8, 12, 14, 16, 35, 37, 51, 71, 81, 83—86, 89, 90, 92, 95, 97, 99—104, 107, 111, 136, 137, 145, 150, 176; А. №№ 2—11, 16—20; Мк.; В. №№ 1, 2; Г. А, Б, V; Ю.; С.-Д. М. 1844; З. А.; Мл. Сличимъ №№ и семьи грамотъ и увидимъ на сторонѣ первой $^3/_8$ Западныхъ грамотъ, а на сторонѣ второй $^3/_8$ Восточныхъ. Особенность еще болѣе обнаружится, если замѣтимъ, что всѣ Западныя грамоты, стоящія на сторонѣ **азь**, начиная съ № 81, имѣютъ эту форму лишь во вступленіяхъ — этой закоснѣлой и заимствованной части своей, чуждой по языку и содержанію живой и народной середины. Такъ точно, но только на оборотъ, Восточныя грамоты употребляютъ **ꙗ**, а большею частію тамъ, гдѣ рѣчь касается народнаго дѣла, вызвавшаго и самую грамоту. Послѣ этого не остается никакого сомнѣнія, что уже издавна народъ Сербскій произносилъ это мѣстоименіе такъ, какъ и нынѣ произноситъ, и только подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи книжникамъ удалось провести по всѣмъ вѣкамъ Булгарскую форму. 2-е лицо -**ти, ты** (н. р.).

Винительный п. ед. ч. **мѧ, ме, мꙗ** (А. №№ 1, 3, 6, 7, 11, 16, 17; С. №№ 2, 4, 7, 21, 50, 51, 61, 62, 66, 84, 86, 90, 93, 97, 99, 102, 104, 111, 114,

140, 176; В. № 2; Ю; Г. V), **те, те** (С. №№ 3, 16, 26, 51, 68, 84, 176; А. №№ 3—7; Мк.; Ю.), отвѣчающія Ц.-Славянским **ма, та** съ праязычным носовым отзвуком, как и въ существительныхъ. Но не рѣже употребляется и форма родительнаго п. **мене, -е, мене** (С. №№ 2, 51, 94, 104, 107, 114, 117, 164, 173; А. №№ 2, 6; Мк.; Мл.), **тебе, -ѣ** (С. №№ 19, 51, 68, 71, 178; А. №№ 4, 10, 20). Такъ и нынѣ находимъ ту и другую формы въ этом падежѣ.

Родительный п. ед. ч., какъ въ Ц.-Славянском, какъ и въ нынѣшнем Сербском: **мене, мене, -е** (А. И.; С. №№ 2, 20, 27, 51, 52, 67, 69, 79, 85, 96, 98, 103, 107, 111, 120, 133 136, 142—145, 150; А. №№ 3 — 5, 7; Мк.; В. № 2; З.), **тебе** (Мк.; С. №№ 175, 176; А. № 19; Ю.). Встрѣчается дважды **у мне** (у меня, А. И.; С. № 64) въ сокращенном видѣ. Форму мѣстнаго п. предполагать сдѣсь нельзя, ибо обѣ грамоты соблюдают **е**, да и самое значеніе противорѣчит этому, как видно изъ второй изъ нихъ: **да имь нѣсу ни у мне ни у мога брата**. Впрочем, эту форму находим въ других Славянских нарѣчіяхъ, какъ-то, Польском, Чешском и Лужицком. Въ послѣднем мягкое *е* или, как у Поляковъ, *ie*, смягчается въ *jo*, по чему там и пишут *mńo*. Напротивъ, Хорватское и Хорутанское имѣют *mene*, какъ и Сербское. Югозападный говоръ уполногласил эту форму, озвукотворивъ *ь* въ корнѣ *мь*. Слѣдовательно, если сличим съ Санскритским и Зендским *ma*, то увидим, что Славянскій корень перешел изъ одной основы въ другую, изъ твердой въ мягкую. Повтореніе *mama* произвело чрезъ перезвукъ ***мынь***, которое въ родительном п. измѣняет падежное окончаніе *-as* въ *-e*, откуда *mnie*, *mne*, *mńo*, или ***мене***, ***меня***, ***мене***, *mene* подобно **камене, небесе**. Форма 2-го л. **тебе** представляет перезвукъ первоначальнаго *в* въ *б* и образовалась, вѣроятно, чрезъ стяженіе изъ удвоенной *tvatva*, откуда *tava*: слѣдовательно, корень будет *tv*, *тв*, который Славяне уполногласили чрезъ *е*. Краткую форму *ме*, *мя*, *тě*, *té*, **те**, *тя*, *tě*, *té*, находимую въ большей части нарѣчій, особенно въ простонародном говорѣ, вмѣсто полной, должно объяснять смѣшеніем съ винительным, как бывает и на оборот, ибо дух языка въ представленіи одушевленных предметовъ, къ которым относятся мѣстоименія общаго рода, сводит оба падежа, какъ видно изъ употребленія родительнаго вмѣсто винительнаго въ именахъ существительныхъ. Первоначально этого не было, и по тому въ древнѣйшем изъ Славянских нарѣчій, Д.-Булгарском, этѣхъ форм нѣтъ. Претвореніе же носовыхъ звуковъ въ *е* способствует этому единенію, которое подтверждается Русским языком, имѣющим въ родит. ***меня***, ***мя***, ***тебя***, ***тя***, форму тожественную съ винительным. Хотя областная форма ***тея*** прямо указывает на сокращеніе ***тя*** изъ ***тебя***, однако при всем смѣшеніи обоих падежей нельзя отвергать отдѣльнаго образованія того и другаго падежа. Замѣтим, что Рус. ***меня*** указывает на образованіе этого падежа по примѣру женскаго р., как очевиднѣе становится въ слѣдующих падежахъ. Женскій же родъ въ праязыкѣ Индоевропейском ничѣм не отличался от других родовъ въ словодвиженіи и во временных судьбах, расходясь от них, вообще сохранил болѣе праязычных признаковъ. Такъ и сдѣсь мѣстоименія личныя двигаются по женскому, или только видимо женскому, роду, а собственно по древнѣйшему образованію. Въ женском же р. находим въ этом падежѣ носовой звукъ: от того **-ѧ**, *-е*, или *-я* приличнѣе объяснять носовым звуком, хотя и странно, что Д.-Булгарскій не удержал его сдѣсь, как удержал

въ существительныхъ съ мягкимъ исходомъ. Отъ того и винительный п. во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Д.-Булгарскаго, сходенъ съ родительнымъ при самостоятельномъ образованіи того и другаго.

Дательный п. ед. ч. представляетъ у Славянъ двѣ формы: видимо краткую, образующуюся изъ простаго корня *ma*, *ιva* съ падежнымъ признакомъ *i*: *mai*, *ιvai=мѣ*, *ми*, *тѣ*, *ти*, ср. Греч. *μοι*, *σοι* или *τοι*, и видимо полную съ повторенным корнемъ: *mamai* или *manai*, *ιvaιvai=мьнѣ*, *тебѣ*. Первоначально въ Д.-Сербскомъ языкѣ полная форма для 1-го л. была та же, что и въ Ц.-Славянскомъ, и таковою сохранилась до конца XV-го в. преимущественно въ Восточной семьѣ грамотъ: **мьнѣ**, **мнѣ**, **мнѣ**, **мнѣ** и т. д. (А. №№ 1 — 9, 11, 12, 16, 18; С. №№ 2, 9, 10, 17, 18, 46, 51, 61, 64, 70, 71, 75, 79, 86, 98, 101, 107, 114, 143, 176; В. № 2; Мл.), или съ перезвукомъ: **мни**, **мн̑и** (С. №№ 94, 102). Потомъ **ь** перезвуковалось въ **є**, откуда вышла форма одинаковая съ нынѣшнею: **мєнѣ**, **мєннє**, **мєнѣ**, или съ перезвукомъ **мєнє**, **мєнє** (С. №№ 66, 84, 97, 98, 107, 114, 127, 128, 139. 147, 155, 159, 161, 163; Мл.). Безъ всякого сомнѣнія, сдѣсь **є** есть озвукотвореніе б-ы **ь**, которое должно было произойти уже послѣ сокращенія прадавней гласной *a* въ *ь*, по тому что рядомъ съ нимъ находимъ нѣсколько позднѣйшую и иначе озвукотворенную форму: **манѣ** (С. №№ 142, 143), гдѣ позднѣйшее **а**, возникшее тоже изъ **ь**, сошлось съ праязычнымъ *a* въ корнѣ *ma*. Чрезъ перезвукъ **ѣ** въ **и** является форма **мєни**, **мєни** (С. №№ 74, 96, 140) **мани** (С. №№ 93, 132). И такъ позднѣйшая форма есть **манѣ**, **-и**; но она не принялась у Сербовъ и явилась хотя и народною, однако переходною и единовременною. Для 2-го л. одна форма **тєбѣ**, иногда съ извѣстнымъ перезвукомъ **тєбє** (А. И.; Ш. № VII; С. №№ 3, 8, 12, 14, 16, 18, 19, 26, 41, 51, 68, 71, 84, 100, 114. 147, 176; А. №№ 4, 6—9, 12, 20; Г. А, Б; Ю.). Однажды только находимъ **тєби** (С. № 97) въ грамотѣ, гдѣ **ѣ** переходитъ въ **и**. Нынѣ обыкновенно говорятъ *мене тебе*, хотя пишутъ преимущественно *мени*, *теби*: послѣдній перезвукъ принадлежитъ исключительно той семьѣ и тѣмъ самымъ памятникамъ, гдѣ **ѣ** обыкновенно переходитъ въ **и**; но бóльшая часть грамотъ изъ той же семьи употребляетъ **-ѣ** или **-є**. Отсюда объясняется и нынѣшнее народное произношеніе съ *e*; но Хорваты и Хорутане имѣютъ *teni*. Всѣ Славянскія нарѣчія болѣе, или менѣе любятъ краткія формы *ми*, *ти*; только одно В.-Русское не любитъ и не употребляетъ ихъ, хотя *те* вмѣсто *тее* или *тебѣ* и слышится въ простонародіи, какъ и у древнихъ Сербовъ находимъ **кь мь**, т. е., **кь мѣ** (С. № 73). Но всюду въ краткой формѣ произошло звуковое измѣненіе *ѣ* въ *и*. Хотя по значенію обѣ формы тожественны, однако между ними есть другаго рода отличіе, опредѣляемое длиннотою и краткостію ихъ произношенія и бóльшимъ или меньшимъ притяженіемъ силы голоса въ зависимости отъ мысли; но такъ какъ въ текучей рѣчи обыкновенно мѣстоименіе слѣдуетъ за управляющимъ словомъ и чаще сливается съ нимъ, чѣмъ, на оборотъ, осиливаетъ его, то краткая форма является сдѣсь умѣстнѣе и способнѣе для хода рѣчи. Это всего чаще случается непосредственно послѣ глагола, или въ значеніи притяжанія въ ближайшемъ соединеніи со словомъ, къ которому оно относится. По этому какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ древнемъ Сербскомъ языкѣ мы чаще встрѣчаемъ **ми**, чѣмъ **мьнѣ**. Сдѣсь дѣйствуютъ благозвучные законы языка. Указывать па памятники было бы лишнимъ: довольно сказать, что **ми** употреблено вдвое болѣе, чѣмъ **мьнѣ**; **ти** нѣсколько менѣе, чѣмъ **тєбѣ**. Причина понятна: сила обращенія ко 2-му лицу отнимала у этой формы ея краткость, какъ бы летучесть, и удареніе пристой-

нѣе падало на полную форму. Такъ и въ другихъ нарѣчіяхъ. За то древніе Сербы, какъ и Булгары, основываясь на однородствѣ основной мысли падежа съ мыслію притяжанія, любили выражать это послѣднее чрезъ краткую форму, такъ что ми, ти, приставленныя къ слову сзади, сливались съ нимъ и въ письмѣ и въ понятіи и оттѣнивали его значеніемъ принадлежности; на пр.: сыноуми (А. № 1), кралѥвьствоми (С. №№ 2, 17, 21—25, 28—34 и пр.), дѣдьти, оцьти (С. № 3), црствоти (С. № 16) и т. д. Примѣры безчисленны. Если при существительномъ стоитъ прилагательное, то мѣстоименіе удобнѣе соединяется съ послѣднимъ: прѣславьноти црство, стомьти црствѹ (С. № 16), стомѹ и вьсеславномьти храмѹ (А. № 14) и пр.

Творительный п. ед. ч. образованіемъ своимъ одинаковъ съ таковымъ же именъ существительныхъ, гдѣ и предложено было объясненіе ему. Сдѣсь мы ограничимся лишь изложеніемъ повременнаго развитія самыхъ формъ, которое во всемъ сойдется съ движеніемъ именъ существительныхъ. Такъ: мною, -ю, -ѭ, мною (Ш. № VII; А. №№ 3—6, 10; Мк.; С. №№ 51, 52, 176; В. № 1; З.; С.-Д. М. 1844) — не много и исключительно въ церковно-дарственныхъ грамотахъ. Такъ точно и тобою, -ю, -ю, тою (А. №№ 3, 4, 5, 19; Мк.; С. №№ 71, 84, 97, 114, 144) — въ таковыхъ же грамотахъ, или во вступленіяхъ грамотъ, что въ отношеніи языка почти одно и то же. Древнѣйшая же народная форма есть мновь (С. №№ 6, 14), тобовь (С. № 3), за которою уже слѣдуетъ мномь, мноомь, мнѡь (С. №№ 20, 56, 67, 72, 94, 114, 143). Замѣтимъ опять, что эти безродныя мѣстоименія имѣютъ, по видимому, форму женскаго р. въ Славянскихъ нарѣчіяхъ; если бы дѣйствительно такъ было, то причину тому невозможно бы было объяснить. Но сопоставимъ съ ними форму творительнаго п. женскаго р. въ Сербскомъ языкѣ на *-м*, и дѣло объяснится само собою. Мы видимъ, что Сербскій языкъ напоминаетъ собою о родовомъ безразличіи словодвиженія въ Индоевропейскомъ праязыкѣ, на основаніи котораго для всѣхъ родовъ должна была существовать одна форма, отразившаяся въ признакѣ падежа *м*. Слѣдовательно, и *мною* и *мном*, *тпq*, *тепит* суть одного и того же образованія и, соединяя въ себѣ обѣ формы, тѣмъ самымъ доказываютъ тожество родовыхъ формъ въ именахъ существительныхъ.

Мѣстный п. ед. ч. образуетъ свою форму согласно съ Ц.-Славянскомъ: мнѣ (А. № 6; С. №№ 51, 107, 176; В. № 2) и съ предлогомъ по въ значеніи «послѣ»: по мнѣ, мнѣ, мнѣ (А. №№ 3, 10, 12, 15, 17; С. №№ 37, 46, 51, 90, 176; Г. А; С.-Д. М. 1844). Нынѣ *мени:* обѣ формы, какъ видно, сходны, каждая съ своимъ дательнымъ. Для 2-го л. нѣтъ примѣровъ. Нынче приходъ народнаго языка предпочитаетъ *-е* для дательнаго п. и *-и* для мѣстнаго, хотя происхожденіемъ своимъ то и другое обязано одному и тому же *ѣ*. Но Д.-Сербскій языкъ еще не достигъ этого позднѣйшаго и наружнаго различія и правильнѣе соблюдалъ въ обоихъ случаяхъ ѣ. И этотъ падежъ убѣждаетъ насъ въ одинаковости падежнаго образованія для существительныхъ и мѣстоименій. Какъ форма дательнаго и мѣстнаго существительныхъ муж. и средн. р. собственно есть одна и та же, хотя чрезъ перезвукъ распадается на *-у* и *-ѣ*, отожествляясь однако въ женскомъ р., такъ и вообще существительныя и мѣстоименія имѣютъ одно падежное образованіе: отъ того женское, по видимому, окончаніе для дательнаго мнѣ, тебѣ есть собственно общеродовое окончаніе дательнаго, сходнаго по представленію въ Славянскихъ нарѣчіяхъ съ мѣстнымъ, по чему и образованіе обоихъ падежей сходно одно съ другимъ.

Именительный п. мн. ч. имѣетъ постоянно ми, мы (мн. р.), ви, вы (мн. р.).

Форма этого падежа еще ближе, чѣмъ въ именахъ существительныхъ, подходитъ къ первоначальному склоненію, ибо сдѣсь -ы, -и, собственно -ы, есть усиленіе изъ ъ, прямаго замѣнителя первоначальнаго падежнаго образователя *-as*. Корень м, в есть тотъ же, который видимъ въ единственномъ ч. во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго для 1-го л. Славянскія нарѣчія постоянно имѣютъ ту же форму. Удвоенную форму мый, мии, миї и т. д. (А. NN№ 3, 4; С. NN№ 81, 84, 176; В. № 1) и намекающую на нее со значкомъ мы̑, ми̑ (С. NN№ 91, 111; А. № 5) удобнѣе всего можно объяснять вытяженіемъ голоса, которое очень часто замѣчается въ просторѣчіи Сербскаго и Русскаго языковъ. При этомъ вытяженіи голоса, которое, впрочемъ, необходимо бываетъ и при усиливающей частицѣ и, нерѣдко первое и обращается въ є, откуда мєи (С. № 85). То же увидимъ и въ другихъ мѣстоименіяхъ.

Винительный п. мн. ч. представляетъ двѣ формы: свою и родительнаго п. Собственная форма этого п. есть въ Ц.-Славянскомъ ны, вы, которая нынѣ уже не существуетъ въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, хотя въ старину и была, какъ видно изъ памятниковъ, на пр., Д.-Чешскаго, Д.-Русскаго и Д.-Польскаго. Явленіе н вмѣсто м есть обыкновенный перезвукъ, не имѣющій вліянія на образованіе формы: Литовскій во всѣхъ падежахъ имѣетъ *m*, какъ на оборотъ Латинскій *n*. Хотя ны, вы отвѣчаетъ винительному Санскрита *nas*, *vas*, однако Литовскій имѣетъ въ именительномъ *mes*, а въ винительномъ *mus*. Если сличимъ это *mus* съ тѣмъ же падежемъ существительныхъ, на пр., *vilkus*, Ц.-Слав. -ы съ тѣмъ же исходомъ винительнаго п. существительныхъ, а также примемъ въ соображеніе различіе между обоими падежами въ Греческомъ языкѣ, то должны будемъ признать въ этомъ -ы пропавшій носовой исходъ, тотъ же, какой и въ существительныхъ. Слѣдовательно, именительный и винительный пп. хотя и сходятся видимо между собою, если не принимать въ расчетъ перезвука м = н, однако они существенно отличаются одинъ отъ другаго. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ Ц.-Славянскаго языка нерѣдко находимъ форму родительнаго п. вм. винительнаго. И Д.-Сербскій языкъ уже съ раннихъ поръ сталъ предпочитать первую. Форму ни, ны, ни̑ находимъ въ Ш. № VII; С. NN№ 3, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 26, 76, 127; А. № 18; форму ви, вы въ С. NN№ 2, 7, 10, 14, 21, 45, 166, 173; А. № 7; Мл. Самые NN№ грамотъ показываютъ, что она держалась только въ древнѣйшей письменности, но принадлежала и народному языку. Вмѣсто нея рано и въ бо̊льшемъ числѣ, а подъ конецъ исключительно утвердилась нынѣшняя нась, на̑ (С. NN№ 3, 14, 16, 35, 51, 73, 81, 82, 85, 91, 95, 96, 98, 101 — 104, 107, 114, 117, 120, 127, 132, 136, 149, 150, 154, 156, 163, 175, 178, 179; Г. А, Б; А. № 16; З. А.), вась, ва́сь (С. NN№ 4, 10, 14, 15, 19, 20, 48, 59; А. NN№ 4, 5, 10, 11; Г. VI, № 2).

Родительный п. мн. ч. имѣетъ постоянно нась, вась (мн. р.), какъ и нынѣ и во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, которыя воспользовались сдѣсь вспомогательною мѣстоименною частицею *s* подобно прочимъ Индоевропейскимъ языкамъ, на что указываетъ чистое образованіе этого падежа у Грековъ. Конечное ь есть тотъ же падежной отзвукъ, который образуютъ и существительныя изъ первоначальнаго *ām*. Родительный п. пользуется обширнымъ употребленіемъ, поставляясь не только вмѣсто винительнаго п., но и въ собственномъ значеніи, не только въ соединеніи съ предлогомъ, но и одинъ безъ предлога въ томъ же смыслѣ изъятія; или же замѣняя собою мѣстоименіе притяжательное. Такъ, на пр., читаемъ: ꙁа послѣдьнѥ всѣхь нась; тко љубо нась (С. № 78), тко ли би нась (С. № 96),

коимь, **комь нась**, **нась** (С. №№ 118, 112, 115), **и шогь годи нась** (С. № 141), **докола в нась семи** (наше сѣмя, С. № 57) и т. д.

Дательный п. мн. ч. предлагаетъ двѣ формы. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ находимъ тоже двѣ формы **намъ**, **вамъ**, **ны**, **вы**. Послѣдняя менѣе употребительна, хотя образованіемъ и равносильна первой, ибо одна удержала признакъ падежа *м* (*bh*), стянувъ въ полугласную его гласный исходъ *jas*, какъ въ существительныхъ, другая же, опустивъ *м* (*bhj*), обратила *as* въ ъ и потомъ ы, отъ чего и сравнялась съ именительнымъ п. Нынѣ Славяне употребляютъ постоянно первую форму; и только одни Сербы около Нѣготина и Черной Рѣки еще доселѣ говорятъ *ни*, *ви*. Древнекнижный ихъ языкъ тоже предпочитаетъ **намь**, **вамь**, но кое-гдѣ употребляетъ и **ни**, **ны** (С. №№ 3, 11, 16, 17, 41, 63, 76, 91, 128, 134; А. № 14; Г. V), **ви**, **вы** (С. №№ 2, 4, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 45, 53, 166, 173). Вмѣстѣ съ этимъ въ XII-мъ и дальнѣйшихъ вѣкахъ находимъ множество разъ **намь** и **вамь**. На это употребленіе не имѣла вліянія Ц.-Славянская стихія: ту и другую форму находимъ равно въ обѣхъ семьяхъ грамотъ, такъ что церковно-дарственныя даже предпочитаютъ **намь** (ср. А. №№ 2—5, 11, 12, 16, 18, 19; С. №№ 175, 176, 178; С.-Д. М. 1844; Г. V). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что обѣ формы не противорѣчили Сербской народности и попеременно употреблялась по волѣ писцовъ: впрочемъ, въ XV-мъ в. **ни** и **ви** начинаютъ замѣтно рѣдѣть. Какъ **ми**, **ти**, такъ **ни**, **ви** служатъ вмѣсто притяжательныхъ, на пр., **госпогиии** (С. № 26), **родителыи** (С. № 128), **гйаии** (А. № 7), **господсткови** (Г. V), **ѿ бцьвы** (С. № 2). Нынѣшній Сербскій языкъ, употребляя формы *нам*, *вам*, озвукотворяетъ и въ нихъ конечную полугласную и по тому, кромѣ этѣхъ, имѣетъ и *нама*, *вама*.

Творительный п. мн. ч. имѣетъ нынѣ, какъ и въ существительныхъ, одинаковую съ дательнымъ форму: *нама*, *вама*, произшедшую чрезъ ослабленіе и творительнаго въ *ь* и озвукотвореніе *ь* въ *а*. Но Д.-Булгарскій языкъ и прочія Славянскія нарѣчія различаютъ оба падежа и оканчиваютъ творительный на *-ми* (*bhis*). Находясь подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго, древнекнижный Сербскій языкъ постоянно различалъ оба падежа, какъ различалъ ихъ въ существительныхъ. Сдѣсь мы находимъ только одну форму **нами**, **вами**, начиная съ XII-го и до конца XV-го в. Но что нынѣшняя, вѣроятно существовала уже въ народномъ говорѣ, по крайней мѣрѣ въ XV-мъ в., то это видно изъ того, что она промелькнула въ одной грамотѣ: **нама** (С. № 132), если это только не была ошибка переписчика.

Мѣстный п. мн. ч. равнымъ образомъ отличенъ отъ творительнаго и дательнаго, не смотря на то, что нынѣ онъ приравненъ къ нимъ. Сдѣсь опять не могло никакъ участвовать внутреннее движеніе звуковъ, и сходства падежей нельзя объяснять законными пріемами словодвиженія; но это сходство ничему другому приписать нельзя, какъ только относительной бѣдности современнаго языка, перешедшаго отъ разнообразія къ однообразію формъ; ибо падежъ этотъ образовывался самостоятельно на *-сь*, отвѣчающее первоначальному *-sa*, *-su* и переходящее въ существительныхъ въ *-хъ*. Въ старину постоянно находимъ **нась**, **на҃**, **на́сь**, **нӑсь**, равно и съ предлогомъ по въ значеніи «послѣ» (Ш. № VII; С. №№ 3, 35, 37, 83, 84, 105, 111, 175, 176, 178; А. №№ 3, 4, 5, 8, 9, 11, 14, 17, 18, 20; Мк.; Г. Б; Мл.). Для 2-го л. примѣровъ нѣтъ.

Двойственное ч., какъ сказано выше, заимствовано было прямо изъ Ц.-Славянскаго языка и въ разсматриваемое нами время, не получая уже жизненныхъ силъ отъ народнаго, гдѣ оно пришло въ забвеніе, оставалось неподвижнымъ,

разъединеннымъ, слабымъ, большею частію уступая свое служеніе множественному ч. Кое-гдѣ однако находимъ его остатки и для личныхъ мѣстоименій. Такъ, родительный п. **наю**, **-ю**, **-наю** (Ш. № VII; А. NN№ 10, 12; С. NN№ 35, 91), **обрѣсти ва**, вѣроятно, **ваю**, родительный въ значеніи винительнаго (С. № 35); дательный: **нама** (С. № 98). До какой степени оно начинало уже забываться, показываютъ два слѣдующихъ примѣра: **обои мы** (С. № 66), **обои мѣю нами** (С. № 114) и множество подобныхъ.

Къ склоненію общаго рода относится еще возвратное мѣстоименіе, не употребляемое, по самому значенію своему, въ именительномъ п. Чиселъ оно тоже не имѣетъ. Винительный п. его, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, имѣетъ одну краткую форму **се**, Ц.-Слав. **ся**, хотя и употребляетъ другую, полную, принадлежащую собственно родительному. Первая тѣсно соединяется съ глаголомъ, сливаясь съ нимъ въ одно понятіе,—и это почти единственное ея употребленіе; вторая, напротивъ, всегда имѣетъ самостоятельное значеніе и представляетъ отдѣльное понятіе, на пр.: **узехь на себе** (А. № 15), **сьвдюсмо колико сами себе** (С. № 76), **за себѣ(е)** (Мл.). Ее же находимъ и въ родительномъ п., ср. А. NN№ 6, 15; С. NN№ 61, 78, 143, 158. Дательный п. имѣетъ **себѣ**, **-не** (А. И.; Ш. № VII; С. NN№ 5, 26, 107, 115, 143, 178; А. NN№ 2, 11, 18; Мл.), или съ перезвукомъ **себи**, **себи** (С. NN№ 132, 140). Въ болѣе обширномъ значеніи, и какъ дательный п., и какъ притяжательное мѣстоименіе, употребляется краткая форма **си**, принадлежащая всѣмъ родамъ, лицамъ и числамъ. Она относится или къ глаголу, означая собственно дательный п. «себѣ», или къ имени, означая принадлежность, или возвратное отношеніе. Такъ, на пр.: **и обѣкиваюсе своимьси хтѣнимь** (С. № 7), **сие мои повелѣние пише кралевьствоми любовьномуси кнезу** (С. № 17), **кое си имамь** (С. № 20), **и обѣтуюсе присномуси кнезу** (С. № 21), **азь сь прѣвьзлюбленнїи братѡси** (А. № 18); **да си прѣбудеши** (С. № 3), **да си узмешь** (С. № 26), **мтнюси помлоуи и мене...., не погнушайсе мене....**; **иго же изь прѣчистыиси оутроби породи** (А. № 6); **да си има црькви** (С. № 16), **выпльтивисе вь прѣчтуюси мтерь и своимьси бгоколѣннимь вѣньца насъ** (С. № 51), **хрѣла си сьзаль** (А. № 6), **бгь.... призрѣвши на ме млосрьдниньси окомь** (А. № 7), **село сь правинами си** (Ш. № 11), **кто ти назаде....по работахь по своихьси** (С. № 34), **да си обладаа иконом** (А. № 9), **да си дрьжи мти бжїа, да си дрьжи црькви та** (А. № 12); **да снимамо** (С. № 16); **да вы како си се сте научили** (С. № 9), **да си живете** (С. № 21), **да си пондете** (С. № 53); **сїи села сь засеаннмиси** (Ш. № VII), **да си ходе сь своими си трьги** (С. № 2), **да си идоу доубровчане** (С. № 15), **а дружинуси не биху имели** (С. № 16), **да си приду, да си стое и понду** (С. № 20) и т. д. (ср. С. NN№ 24, 28—35, 43, 46, 49, 54, 55, 63, 66, 73, 76, 97, 98, 99, 113, 137, 176; А. NN№ 10, 11, 12, 14; З.). Въ творительномъ п. это мѣстоименіе представляетъ, какъ и другія, двѣ формы, Ц.-Славянскую: **собою** (С. NN№ 81, 85, 89, 95, 150; З. А.) — въ одномъ и томъ же вступленіи, исполненномъ Ц.-Славянской стихіи, **собою** (С. № 178)—въ гр-ѣ Аѳонской, и народную: **собомь**, **-омь**, **-омь**, **-ом** (С. NN№ 39, 88, 91, 106, 107, 111, 116, 117, 132, 137, 142—144, 157, 164, 179). Мѣстный п. образуетъ собственно **себѣ**: **о себѣ** (Ш. № VII), **по** (послѣ) **себѣ**, **-не**, **-ни**, **себие**, **вь себѣ** (С. NN№ 106, 124, 125, 128, 134, 155; А. № 20), **по** (чрезъ) **себѣ** (С. № 157); но съ помощію перезвука является и **себи**: **самь по себи** (С. № 132), **по** (послѣ) **себи** (С. № 139), **на себи** (С. № 140), **по себи** (С. № 157). Этотъ перезвукъ приводитъ къ нынѣшней формѣ *себи* и показываетъ, что

она, какъ и форма дательнаго п., образовалась чрезъ перезвукъ, и что между ними и другою формою на -ѣ нѣтъ никакой существенной разницы. Причина этой двойственности заключается въ общемъ перезвукѣ ѣ въ и.

Родовое мѣстоименное склоненіе заключаетъ въ себѣ три разряда мѣстоименій: одни изъ нихъ являются первообразными или самостоятельно склоняющимися и имѣютъ строеніе одинаковое съ существительными; другія суть производныя отъ первыхъ, и образованіе, равно какъ движеніе свое совершаютъ съ помощію одного изъ предыдущихъ; третьи суть тоже производныя отъ первыхъ, но окончаніе ихъ, хотя и есть производный образователь, однако движеніе свое совершаетъ по подобію съ существительными, а иногда переходитъ и въ склоненіе мѣстоименное. Движеніе третьихъ есть смѣшанное. Распознать всѣ три рода не трудно. Хотя движеніе ихъ, по видимому, рознится; но вникнувъ глубже въ склоненіе простыхъ мѣстоименій, равно какъ мѣстоименнаго образователя производныхъ, мы замѣчаемъ, что это одно и то же склоненіе, которое въ свою очередь, относительно падежныхъ образователей, сходится вообще съ движеніемъ существительныхъ. Вся разница состоитъ, какъ мы и прежде сказали, въ способѣ соедненія съ падежнымъ узаказателемъ, болѣе разнообразномъ, чѣмъ въ существительныхъ, какъ на пр., въ принятіи служебной мѣстоименной частицы между основою и падежнымъ указателемъ, въ видоизмѣненіи основной конечной полугласной и т. д. Это послѣднее свойство придаетъ особый оттѣнокъ строенію первообразныхъ мѣстоименій, который отличаетъ ихъ иногда отъ существительныхъ. Я постараюсь представить сдѣсь очеркъ родоваго склоненія мѣстоименій, по скольку открывается къ тому средствъ въ нашихъ памятникахъ. Сдѣсь, какъ увидимъ, Д.-Сербскій языкъ, при всемъ сходствѣ съ Ц.-Славянскимъ, умѣлъ дѣйствовать самостоятельно и образовывалъ формы по своему собственному воззрѣнію, хотя и на тѣхъ же началахъ. И сдѣсь есть временное шествіе отъ древнѣйшихъ формъ къ новѣйшимъ. Многія формы уже не существуютъ нынѣ, но тѣмъ важнѣе онѣ для насъ, ибо являются поясняющими, посредствующими и какъ бы дополняющими самый Ц.-Славянскій языкъ. Во многихъ мы замѣтимъ смѣлость народнаго дѣйствія и даже мѣстами бóльшую послѣдовательность въ образованіи, оттѣняющую собою отличительныя свойства и Ц.-Славянскаго языка. Мы не станемъ обращать вниманія на разныя частицы, наружно придаваемыя къ мѣстоименіямъ и не входящія въ составъ самого слова, каковы на пр., **и**, **ѕи**. **же**, **же**, **ге**, **ре**. **гере**, **то**, ибо онѣ нисколько не затемняютъ формы и не измѣняютъ ея внутренняго значенія. Тѣ же, которыя измѣняютъ собою самый смыслъ слова и, слѣдовательно, какъ бы срослись съ нимъ и съ его понятіемъ, необходимо должны оставаться при немъ въ изслѣдованіи.

Именительный п. ед. ч. представляетъ намъ различные виды мѣстоименій, употребленныхъ въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ. Мы замѣчаемъ, что съ помощію Ц.-Славянскаго языка Д.-Сербская книжность была богаче формами, чѣмъ нынѣшняя. Писцы удачно воспользовались многими Д.-Булгарскими формами, въ отношеніи коихъ, по многочисленности ихъ, Д.-Булгарскій языкъ не имѣетъ себѣ равнаго въ Славянской семьѣ. Нынѣ многихъ изъ этѣхъ формъ нѣтъ въ Сербскомъ языкѣ, какъ и вообще у другихъ Славянъ; но допущеніе ихъ въ древней письменности свидѣтельствуетъ, что онѣ когда-то были общимъ достояніемъ и, поддержанныя примѣромъ Д.-Булгарскаго, свободно присутствовали и у другихъ. Тѣмъ не менѣе, замѣтное распаденіе формъ по семьямъ памятниковъ и пребываніе многихъ лишь въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ

въ сильной степени была допущена Ц.-Славянская стихія, указываемъ не столько на живое присутствіе ихъ въ народномъ языкѣ, сколько уже на заимствованіе. Книжность позднѣе устнаго языка могла удерживать старинные формы, руководясь древнѣйшими примѣрами. По этому количество употребленія тѣхъ и другихъ покажетъ степень отношенія двухъ стихій въ Д.-Сербской письменности. Сдѣсь однажды навсегда замѣчу, что въ родовыхъ мѣстоименіяхъ муж. и средн. р. винительный п. ед. ч. одинаковъ съ именительнымъ, не по тому, однако, чтобы онъ былъ тожественъ съ нимъ по происхожденію и употребленію, но по тому, что въ слѣдствіе звуковыхъ соображеній, тѣхъ же, какія мы видѣли въ именахъ существительныхъ, онъ уподобился ему. Носовой признакъ *м*, или *н*, присутствующій въ Санскритѣ, Зендѣ, Литовскомъ, Греческомъ, Латинскомъ и отчасти Готскомъ языкахъ, былъ откинутъ Славянами, и слово необходимо приняло образъ именительнаго п. Въ именительномъ и винительномъ пп. ед. ч. мы находимъ слѣдующія простыя и первоначальныя формы указательныхъ мѣстоименій: ть, тъ̑, тъ, тѣ (С. №№ 11, 43, 47, 111, 137, 138, 176; А. №№ 3, 4, 7, 17; З.; Г. Б; Мл.). Начальные №№ грамотъ, особенно С. № 11, показываютъ, что оно еще держалось въ народѣ въ XIII-мъ и, можетъ быть, еще XIV-мъ в.; но потомъ перешло исключительно въ Восточныя грамоты, слѣдовательно, подъ защиту Ц.-Славянской стихіи. Народъ уже не любилъ его полугласія и съ XIII-го в. началъ озвукотвореніе, древнѣйшее въ те (С. № 21) и позднѣйшее въ та (С. № 59), или съ усиленіемъ таи (С. № 143). Въ среднемъ р. то (им. р.). Въ женскомъ та, тѧ (С. №№ 14, 18, 38, 40, 43, 83, 78, 98, 107; А. №№ 12, 14; Г. А, Б). сь, сь̑, сѣ (Ш. № VII; А. № 2; С. № 178) сохранилось еще менѣе, чѣмъ предыдущая форма тъ, и исключительно въ Восточной семьѣ. Въ среднемъ р. се, се, сѧ, сѥ, сѩ (Ш. № VII; С. №№ 5, 12, 14, 53, 55, 57, 113, 133, 162, 171, 176; А. №№ 5, 6, 9, 10, 16; Мк.; З. А.). Видно, что народъ еще любилъ эту форму, которую употреблялъ и съ именемъ и безъ имени въ родѣ указательной частицы. Соотвѣтственная этѣмъ форма женскаго р. не попадается. Сюда же отнесу взятую изъ Ц.-Славянскаго языка форму винительнаго п. муж. р. и, ѝ (А. № 3; С. № 56) и средняго е, ѥ, ѥ (С. № 176; Г. А, Б). Самое мѣстоименіе существуетъ почти во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; но въ винительномъ п. оно употребляется только съ предлогами и переходитъ въ полугласную, получая гласную опору въ самомъ предлогѣ, съ которымъ соединяется чрезъ благозвучное *н*. Такое употребленіе началось въ Д.-Булгарскомъ языкѣ. У насъ находимъ: ꙁань, -ь (А. № 3; С. № 43), нань (А. № 5; С. №№ 37, 97, 103, 136). Нынѣ у Сербовъ тоже *њ* съ предлогомъ, какъ и у Поляковъ, Чеховъ и Хорутанъ *ń*, *ň*, *nj*, гдѣ оно переходитъ въ видѣ полугласной въ мягкость благозвучнаго *н*, *n*. У послѣднихъ оно живо сохранилось въ винительномъ п. не только въ краткой, но и въ полной формѣ *i* съ предлогомъ, на пр., *pódi*, то же, что *pódnj*. Еще свободнѣе употребляютъ его Лужичане: Верхніе въ формѣ *jón*, на пр., *ja sym jón* (его) *kupiľ*; съ предлогомъ *ńón*, на пр., *za ńón*; Нижніе въ формѣ *jen* и даже не только въ винительномъ, но въ именительномъ п., на пр., *ja jen som* (я тотъ самый); средняго р. *jo*, происшедшее изъ мягкаго *je*; женскаго *ja*. Эта форма стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ Чешскимъ относительнымъ *genž*, старинное *jenže*. Подобный переходъ и въ и видѣнъ и въ мѣстоименіи и изъ и и первоначальнаго *tara*. Эта форма весьма важна; она подтверждаетъ однородство мѣстоименія и съ онъ и инъ, Санскр. *ana* въ сложныхъ словахъ, Лит. *anas*.

Прямо сносятъ его съ Санскр. *jas*, *já*, *jat*, Лит. *jis*, *ji*, Греч. ὅς, ἥ, ὅ, Лат. *is*, *ea*, *id*. На возможность опущенія *н* указываетъ Греческое εἷς, ἕν, род. ἑνός; а что сдѣсь дѣйствительно есть *н*, то это подтверждается выше упомянутыми формами, Лужицкою и Чешскою. Первоначальное его значеніе долженствовало быть единичности, и по тому необходимо снести его съ Лат. *unus*, которое въ старину звучало, какъ *onos*, *oinos* и совершило перезвукъ, какъ *oní*, отъ *ón*, у Хорутанъ въ *úni*, и какъ *uter* сравнительно съ **итеръ**, Санскр. *jataras*; Гот. *ains*, Санскр. *énas*, Лит. *wienas*, Слав. **инъ**, Санскр. *anja*. Отъ того въ позднѣйшихъ Индоевропейскихъ языкахъ оно получило служеніе члена въ значеніи «одинъ», «нѣкоторый», какъ **инъ** тоже означало и «одинъ» и «другой». Мѣстоименное значеніе сошлось съ числительнымъ, ибо понятіе единичности и указаніе на третье лицо близки между собою. Это сродство дало у Славянъ мѣстоименію и значеніе опредѣленнаго члена. Различные перезвуки произвели и различныя формы. Такъ многообразна творческая сила языка. Сродныя въ корнѣ между собою, формы вступили независимо одна отъ другой въ служеніе языка. **онь, о́нь, о̂нь** (А. № 6; С. NN° 47, 58, 66, 73, 77, 91, 98, 108, 111, 112, 130, 137, 142, 162, 176; З.), **оно, -о** (С. NN° 34, 36, 71, 77, 111, 117, 137, 143, 146, 147, 150—152; Г. Б), **она, о̂на** (Мк.; С. NN° 40, 87, 94, 98, 109, 121, 155, 173; А. № 19). По случаю указанія на третье лицо, оно причисляется и къ мѣстоименіямъ личнымъ 3-го л., т. е., раздѣляется въ граматикахъ на два мѣстоименія, личное или чисто замѣнительное, когда при немъ нѣтъ предмета указанія, и указательное, когда при немъ непосредственно стоитъ, или подразумѣвается предметъ указанія. У насъ оно употребляется въ обоихъ значеніяхъ. Въ первомъ значеніи всѣ Славяне удержали его только въ этой формѣ; а во второмъ, какъ указательное, нѣкоторые уже ограничили его однимъ опредѣленнымъ в., другіе однимъ неопредѣленнымъ, третьи удержали за нимъ тотъ и другой. **инь, -ѣ, йнь, й̂нь** (С. NN° 2, 8, 35, 44, 48, 50, 54, 111; А. NN° 2 — 6, 12; З.), **ино, иное, йно** (А. № 4; С. NN° 16, 43, 114, 163, 176; З.), **ина** (С. NN° 62, 85, 95, 136, 150, 163; З.). Нынѣ оно осталось у Сербовъ только въ сложныхъ словахъ и въ неподвижномъ *ино*. **овь, ок, о̇** (С. NN° 87, 93, 96, 98, 104, 105, 108, 112, 114, 115, 117—119, 121—129, 139, 142, 143, 146—148, 157, 159, 163, 169—171), **о́ко, о̋ко̀, о́ко̀, -о́** (С. NN° 16, 19, 27, 41, 54, 55, 61, 77, 93, 107, 114, 119, 120, 123, 127, 133, 136, 139—141, 144, 145, 156 — 158, 162, 164, 169, 171; А. № 11; Мл.). Мѣстоименія ближайшаго опредѣленія: **самь, -ѣ, са́мь, са̂** (С. NN° 5, 20, 106, 108, 112, 115, 124, 125, 132, 142, 176; А. NN° 3, 4, 6, 12; З.; Ю.; Г. Б; Мл.), **само** (С. NN° 28, 45, 47, 48, 150), **сама** (Ш. № VII; С. NN° 87, 121). **вьсь, весь, вась, вс̑ь** (С. NN° 16, 27, 50, 51, 55, 107, 108, 112, 115, 119, 124—126, 146, 159, 161; З.), **вьсе, васе, све** и т. д. (Ш. № VII; С. NN° 3, 14, 16, 18, 20, 26, 27, 30, 36, 39, 42, 43, 45, 49, 50 и пр.; А. NN° 2—5, 14; З. А.; Мл.), **вьса, вса, васа, сва** (А. NN° 1, 14, 16, 20; Ш. № VII; С. NN° 16, 26, 82, 85 — 89, 92, 95, 96, 98, 100 и пр.). Притяжательныя: **нашь, -ъ** (С. NN° 14, 16, 57, 78, 91, 92, 104, 105 и пр.; Г. V; Мл.), **наше, -е, -о, на́ше, нлаше** (С. NN° 66, 88, 89, 91, 96, 98, 100 и пр.; А. № 11; Г. А), **наша** (С. NN° 15, 16, 72, 77, 78, 91, 101, 102, 166; Г. А, V), **вашь** (С. NN° 4, 15, 20, 63, 79; А. NN° 3—5), **ваше** (С. NN° 16, 71, 79, 89), **ваша** (С. NN° 10, 11, 53) сходны по образованію съ **вьсь**, а съ другой стороны съ другими притяжательными: **мои, -й, мо̂й** и т. д. (А. NN° 1—5, 9, 17, 18; С. NN° 2, 13, 17, 18, 27,

51, 59 и пр.; З.), мое, -и, -е, -ѣ и т. д. (А. №№ 1, 3 — 5, 15; С. №№ 2, 17, 22, 27, 51, 61, 73, 84, 86, 104, 105, 142, 164, 176; Ю.; Мл.; Г. V), моѣ, -и, -ѧ, -ѧ (А. №№ 1, 3, 4, 10; С. №№ 4, 10, 59, 91, 105, 132, 164), твои, -й̂ (С. №№ 3, 4, 5, 8, 175; Г. А; Мк.; Мл.), твое, -и, -ѣ, -ё, -ѐ̂ (С. №№ 12, 16, 51, 114, 144, 164; А. №№ 6, 7, 12, 20; Мк.), твоѣ, -и, -ѧ (С. № 3; Г. V; А. № 20), свои (А. №№ 1, 11; Ш. № VII; С. №№ 16, 43, 47, 97, 130, 144, 146, 157; З.), свое, -и, -и и т. д. (А. №№ 1, 2, 5, 12; С. №№ 4, 15, 73, 91, 111, 137, 140, 143, 176; Мк.), уии, уіи, уй (З.; С. №№ 91, 111, 137), уие, уіе (С. № 22; З.). Такимъ образомъ мы отъ простыхъ полугласныхъ ть, сь дошли до формъ, въ которыхъ уже явно образованіе съ помощію и. Но посмотримъ пристальнѣе на тѣ и другія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ исторіи Индоевропейскихъ языковъ полугласіе слѣдовало за полногласіемъ: по этому въ ть, сь, должно видѣть стяженіе прадавней гласности. Первому, т. е., ть(тъ), то, та отвѣчаютъ Санскр. *sa*, рѣдко *sas*, *tat*, *sá*, Зенд. *hó*(*has*), *tat*, *há*, Греч. ὁ, τό(τ), ἁ(ἡ), Гот. *sa*, *thata*, *só*, Лит. *tas*, *ta*. Лат. *ta-lis*. Второму сь, се, женск. Ц.-Слав. си, отвѣчаетъ Санскр. *sjas* и *sja*, *tjat*, *sjá*, Лит. *szis*, *szi*. И такъ мы видимъ, что эти мѣстоименія имѣютъ общее образованіе съ существительными на первичное *-as*, *-am* или *-at*, *-á*. Но духъ языка, желая усилить въ нихъ указаніе, придалъ имъ, хотя не всюду, еще мѣстоименный исходъ и, первичное *jas*. Мы находимъ въ Ц.-Славянскомъ тъи, тъи или съ озвукотвореніемъ полугласной тои. Женскій и средній родъ остались безъ перемѣны. Но въ Н.-Булгарскомъ находимъ въ среднемъ р. *тое*, въ женскомъ *тоя* или *тая*. Опредѣленный в. понравился Славянамъ, и они удержали его одинъ, забывъ про тъ. Русскіе нѣсколько напоминаютъ это послѣднее въ своемъ удвоенномъ съ тою же цѣлію *тотъ*: но прочіе говорятъ или *ti*, какъ Хорутане, а Крайнцы *ta*, или *ten*, *tón*, какъ Поляки, Чехи и Лужичане. Въ этомъ *en*, *ón* не трудно узнать перезвукъ того же мѣстоименія и, которое сохранило свой звукъ въ Хорутанскомъ *ti*, въ Чешскомъ *tyž*. У Чеховъ основа *t* приняла оба образованія, какъ ниже увидимъ подобное явленіе у В.-Лужичанъ. Сербы ближе всего подошли къ Д.-Булгарамъ. Они въ старину наглядно выражали образованіе неопредѣленнаго в. въ тьи, тъ̑и (А. № 7; Г. Б; Мл.) или ты, ти (Ш. № VII; С. № 133), которое прямо отвѣчаетъ Д.-Булгарскому тъи. Потомъ, какъ мы замѣтили, стали озвукотворять полугласную въ те и та. Опредѣленный в. по этому вышелъ у нихъ въ таи (С. №№ 83, 104, 116, 118, 135, 142—144, 153, 157, 161, 164), и эта форма сохранилась и доселѣ: *тай*. Въ остальныхъ двухъ родахъ остался неопредѣленный в., ибо, обладая гласностію, онъ удовлетворялъ благозвучнымъ условіямъ Славянскаго языка, а слабое различіе между видами не потребовало ему двойника. Сербы какъ бы вознаграждали его отсутствіе чрезъ усиливающую частицу и, весьма часто пиша тои, таи. Но Н.-Булгарскія *тое*, *тоя* становятся въ противень мужескому *тои*, тои. Опредѣленный в. другаго мѣстоименія сь образовался чрезъ придачу и къ сь и возстановленіе въ среднемъ р. первоначальнаго звука и: си, сие, сия. Теперь пора сдѣлать замѣчаніе, весьма важное для уразумѣнія движенія этихъ двухъ мѣстоименій, къ которымъ присоединимъ и Ц.-Славянское иъ. Образуя ихъ опредѣленный в., Славянскій языкъ въ возстановляемой полугласной нисколько не хотѣлъ видѣть остатка первичнаго образованія; но считалъ е и и за простые, основѣ принадлежащіе звуки, и по тому дѣйствіе свое понималъ лишь какъ первичное построеніе опредѣленнаго в., и тои, кои, сии уподоблялъ, по образованію, первичнымъ мои, твои. Отъ

того-то средній и женскій р. то, та и сочтены были за формы, вполнѣ соотвѣтствующія мужескому тои, въ которомъ о=ъ=*as* сдѣлалось простымъ основнымъ звукомъ. Отъ того-то въ среднемъ р. удержалось и въ сии; по тому же явилось и кои, кои, кои изъ къ. Какъ въ первомъ остались то, та, такъ сдѣсь водворились кои, кои. Отъ того же наконецъ оба вида имѣютъ одно и то же движеніе. Конечно не что иное, какъ время, условило эти измѣненія: прежде были тъ, сь, къ, потомъ тои, си, кои, прямо отвѣчающія своею формою еще первичному способу образованія опредѣленнаго в. на ъ+и: тъи, къи, гдѣ только озвукотворена полугласная, а въ си даже и того не было. Но позднѣйшій способъ, конечно, для одного мужескаго р. явился уже на ы+и. Время заставило также забыть и значеніе преобразованія первыхъ во вторыя. Создавая тои и др. т. п., языкъ, по видимому, вовсе не желалъ произвести сдѣсь то, что происходило въ прилагательныхъ на -ъи (ыи), -ои, -ии; по тому-то сдѣсь и различныя гласныя, а тамъ одинаковыя во всѣхъ родахъ. Послѣ этого уже мы видимъ новыя дальнѣйшія попытки опредѣлить нѣкоторыя формы, въ слѣдствіе чего являются и подобныя прилагательнымъ, т. е., въ позднѣйшемъ опредѣленномъ в.: кая съ двойнымъ движеніемъ изъ ка и я, по чему родительный уже бываетъ къıя, гдѣ кы есть существительное падежное образованіе, отвѣчающее простому мѣстоименному кои; далѣе каѧ, гдѣ ка есть то же, что та отъ та и пр. Слѣдовательно, кои будетъ въ представленіи языка то же, что ка, или то же, что та; а кая явится дальнѣйшимъ опредѣленнымъ в., который часто придается этому мѣстоименію, какъ и нѣкоторымъ формамъ другихъ, на пр. тии ви. ти; но ужь это есть слѣдствіе дальнѣйшаго видоизмѣненія языка. Отъ того, находя достаточнымъ движеніе кои, кои, кои, языкъ для къи, кои, кая и не произвелъ многихъ падежей, но ограничилъ движеніемъ предыдущей формы. Ц.-Славянская форма сии есть, вѣроятно, продолженная изъ си=сьи. У Русскихъ *сей* представляетъ озвукотвоуеніе 6-ы ь. Сербы выразили образованіе этого вида въ формѣ сьи (С. № 176), которую стянули вмѣстѣ съ Д.-Булгарами въ си (Ш. № VII; С. №№ 2, 14, 16, 21, 31, 34, 39, 43, 49, 50, 66, 162, 176, 178; А. №№ 7, 14). Но въ половинѣ XIV-го в. быстро исчезаетъ эта форма, ибо Сербы, помня въ ней присутствіе ь, озвукотворили его, когда настало время общаго озвукотворенія этой буквы. Такъ появляются саи, саи (С. №№ 121—128, 130, 140, 141, 145). Ц.-Славянская форма сии, сіи и т. д. сй, сѣ ограничилась почти одними церковно-царственными грамотами (А. №№ 3 — 6 8—10, 12, 13, 17; Г. А, V; С. №№ 35, 46, 134, 176). Средній и женскій р. остались при своей формѣ: сие, сия и т. д. (А. И.; Ш. № VII; С. №№ 2, 3, 6, 7, 14—17, 19, 21, 22, 26, 27, 35, 37, 39—44, 46—50, 51, 54, 55, 62, 63, 66—68, 70, 77, 81, 83, 84, 86, 90, 99, 168, 175, 176, 178; А. №№ 3—19; Мк.; Г. А, Б; З.; С.-Д. М. 1844; Мл.), сиа, сіа, сія, сия (С. №№ 3, 16, 27, 47, 66, 67, 70, 71, 73, 91, 178; А. №№ 6, 20; Мл.) Встрѣчаемое разъ сье (С. № 20) и сьи (С. №№ 107, 114) показываютъ неудавшуюся попытку образовать средній р. прямо отъ сь. Замѣтимъ, что формы того и другаго рода употребляются только до конца XIV-го в., не считая церковно-царственныхъ гр-ъ, всего менѣе говорящихъ въ дѣлѣ народности. Это значитъ, что прежде Сербы употребляли это мѣстоименіе, а потомъ стали забывать его по примѣру другихъ Славянъ. Тверже держалось въ XV-мъ в. саи, благодаря народному способу озвукотворенія. Сличивъ употребленіе формы са, мы видимъ ту же бѣдность ея въ XV-мъ в. Еще появилась она съ усиливающею частицею: сан, но сохранялась болѣе чрезъ описываніе въ общемъ выраженіи а са се знеся (С. №№

115, 116, 121—123, 126, 127, 130, 136). Такимъ образомъ признакъ забвенія обнаруживается въ этомъ мѣстоименіи. Нынѣ Сербы, какъ и бóльшая часть другихъ Славянъ, не имѣютъ этого мѣстоименія, вѣроятно, по тому, что, будучи однородно съ тъ, оно оказалось ненужнымъ. Въ старину, безъ сомнѣнія, оно было у всѣхъ, какъ это доказываетъ и Д.-Чешская письменность своимъ *sjen*. Русскіе удерживаетъ его только въ письменномъ языкѣ и только одни В.-Лужичане еще имѣютъ *sen* и *sij*, опять указывающія на происхожденіе и видоизмѣненіе мѣстоименія и. Если въ послѣднемъ *i* есть коренное, то Ц.-Славянское сии найдетъ себѣ объясненіе въ вышесказанномъ о значеніи и въ среднемъ р. сиѥ и подтвердитъ то, что сдѣсь Славянскій языкъ возстановилъ прадавнюю коренную б-у *i*, являющуюся въ Литовскомъ языкѣ. Въ такомъ случаѣ сдѣсь не будетъ уже протяженія формы, и оба и будутъ сохранять свое настоящее значеніе, а форма сьи и ей подобныя, имѣющія признаки присутствія ь, будутъ если не второстепенными, то позднѣйшими, ибо послѣдовательность требовала бы въ противень имъ сьи; но сии именно и выкупаетъ и утверждаетъ возможность формы сии. Общая гласная и найдетъ себѣ подобную въ о въ мои, мои, мои, кои, кои, кои. Переходимъ къ этому послѣднему. Образованіе его и значеніе въ немъ возстановленной полугласной точно такія же, какъ и въ предыдущихъ двухъ. Оно въ своей простой первоначальной формѣ не попадается одно въ нашихъ памятникахъ, но въ сложеніи существуетъ, на пр., цѣмъ; для него есть еще другая форма, отвѣчающая Ц.-Слав. къи или удлиненной къи: это ки (С. №№ 4, 11, 15, 28, 97, 173). Какъ Ц.-Слав. тъи перешло въ тои, но у Д.-Сербовъ и въ ты, такъ и къи могло перейти у Д.-Сербовъ въ ки (кы) и въ кои, кôй, кой (Ш. № VII; С. №№ 16, 17, 19, 20, 22, 26, 29, 31, 36, 39, 40 и пр.; А. №№ 4—6, 12, 19; Мк.; З.; Г. VI, № 2; Мл.), сложныя: никои (С. №№ 51, 122; З.), никои (С. № 173). Та и другая форма находятся у Хорватовъ: *koi* и *kí*, изъ которыхъ вторая есть то же, что стяженіе первой, ибо, обративъ *о* въ полугласную, получимъ *kí*. Русскіе, Сербы и Н.-Булгары имѣютъ *кой*, *кои* (*koju*), но у Русскихъ, какъ и у Сербовъ, есть *нѣкій*, *неки*; Хорутане *ki*, В.-Лужичане неподвижное *kiž*, а Н.-Лужичане *kenž*, въ которомъ опять *i* перешло въ *en*, *jen*, *jón*. И такъ Славяне двояко образовали опредѣленный в., озвукотворивъ и не озвукотворивъ полугласную. Въ этомъ мѣстоименіи самъ Д.-Булгарскій языкъ не любилъ первоначальной формы, удержавъ ее однако въ къто, къждо и въ опредѣленномъ къи, кои, кая. Первое опредѣленіе явилось въ формѣ къи, кои, гдѣ о принято было за простую основную гласную, и языкъ какъ будто только приступалъ къ созданію именной формы, по чему ту же букву оставилъ и въ женскомъ р. коя. Онъ смотрѣлъ на эту форму вовсе не такъ, какъ на прилагательное опредѣленнаго в. на -ая; ибо, желая усилить опредѣленіе, онъ повелъ образованіе далѣе и сдѣлалъ кыи, кая и далъ имъ движеніе прилагательныхъ хотя и не полное, и не имѣющее многихъ падежей; на пр. кыихъ, кыимъ, кая и пр. Въ среднемъ р. оставалось въ обоихъ случаяхъ кое. Въ мѣстоименіи тъ Д.-Булгарскій языкъ старался остаться при первоначальной формѣ, а въ этомъ стремился къ преобразованію и ближайшему опредѣленію формы. Отъ того тъ, не смотря на тъи или тои, сохранило простое движеніе неопредѣленнаго в., а къ уже утратило его, оставивъ слѣды его только въ мужескомъ или безродномъ движеніи въ сложеніи съ жде и то. Но другіе Славяне остались довольны обычною формою кои, отъ которой находимъ у насъ средній р. кое, -е, -ѥ, -е, коие, коѥ (С. №№ 3, 26, 27, 41, 42, 47, 57, 64, 66, 76, 78 и пр.; З.),

никое (С. №№ 20, 46, 76; 3.), не- никое, -и -е (А. № 1; С. №№ 16, 20, 66, 78, 168) и женскій коя, коꙗ, кое (С. №№ 3, 16, 19, 85, 86, 101, 102, 107, 108, 112, 115, 121, 126, 127, 133, 136, 142, 145, 150, 163), никоя (С. № 39), не- никоя, -ѧ (С. №№ 15, 20, 66, 72, 76). Нынѣ у Сербовъ *кое*, *коя*; у Хорватовъ *koje* и *koja*, стягивающіяся въ *ké*, *ká*. Это стяженіе объясняетъ у насъ форму средняго р. ке вм. ке (С. № 8) и женскаго ка (С. №№ 95, 98, 169). Ожидать сдѣсь первоначальной ка нельзя по позднему возрасту грамоты; напротивъ, ко въ сложной формѣ въ выраженіи никоре даже (С. № 16) можетъ еще служить намекомъ на употребленіе первоначальной; но одиночность его, хотя и въ весьма древней грамотѣ, равно не точность во многомъ этой послѣдней заподозриваютъ его достовѣрность и заставляютъ скорѣе предполагать пропускъ б-ы и. Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи къ простымъ формамъ стоятъ другія упомянутыя мѣстоименія: и, онъ, инъ, овъ, самъ, вьсь и притяжательныя. Первое, въ своемъ настоящемъ видѣ, отвѣчаетъ Санскр. *jas*, и только мягкости своей обязано тѣмъ, что не перешло у Славянъ въ полугласную. Тѣмъ не менѣе, въ соединеніи съ другими переводитъ мягкость и въ ь и измѣняетъ свойство предшествующей согласной, на пр., въ мажь, нашь, вьсь, которое должно бы было звучать вьшь, какъ и дѣйствительно находимъ у Поляковъ *wszystek*, у Чеховъ *wšecek*, у Лужичанъ *wšitki*; а что сдѣсь дѣйствуетъ это самое и, то это видно еще изъ другой Лужицкой формѣ *wšón*, *wšo*, *wša*, прямо отвѣчающей вьсь и снова подтверждающей переходъ и въ *jen*, *jón* и сродство его съ онъ, инъ. Слѣдовательно, и стоитъ въ прямомъ отношеніи и въ уровнѣ съ тъ, сь. То же первичное образованіе представляютъ онъ, Санскр. *ana*, Лит. *anas*; инъ, Санскр. *anja*; овь, Зенд. *ava*; самь, Санскр. *sama*; вьсь, образовавшееся изъ соединенія основы вьс съ *jas*. Литовскій языкъ образовалъ съ *as*: *wissas*, съ удвоеніемъ вм. Санскр. *viçva*: по этому можно бы было ожидать вьсъ, какъ и дѣйствительно находимъ въ Остромировомъ Евангеліи, по чему и у Сербовъ, особенно въ ихъ пѣсняхъ, есть *вас*(ъ), *васколик*, или обыкновенная съ перестановкой *сав*; но Славяне предпочли свое образованіе съ *jas*. Такъ точно мѣстоименные корни на, гдѣ а перезвуковано изъ м, и ва въ соединеніи съ служебною мѣстоименною частицею с, которую увидимъ нѣсколько разъ въ движеніи, и исходомъ *jas*, образовали нашь, вашь. Сдѣсь принятъ въ образованіе родительный п., какъ въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ для другихъ притяжательныхъ; но что сдѣсь -шь есть *s+jas*, это видно изъ Санскрита, въ которомъ имъ отвѣчаютъ *asmadîjas*, *jušmadîjas* отъ *asma*, *jušma* съ отложительнымъ указателемъ *d* или *t* и усиленнымъ или вытянутымъ *îjas* изъ *jas*. Такъ же точно первоначальныя основы *ma*, *tva*, *sva*, Санскр. *tva*, въ соединеніи съ *jas* и съ перезвукомъ *a* въ *o*, приняли видъ мои, твои, свои. Ближе всего подходитъ Санскритъ съ своими *madîjas*, *tvadîjas*, гдѣ *d* есть отложительный указатель, а *îjas* есть усиленіе или протяженіе изъ *jas*. Слѣдовательно, мои и пр. отвѣчаетъ существительному образованію край и есть по тому неопредѣленный в. Это еще болѣе доказывается образованіемъ въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ, Лит. *manas*, *tavas*, *savas*, Лат. *meus*, *tuus*, *suus*, Греч. *ἐμός*, *σός*, *ὅς*, Гот. *meins*, *theins*, *seins*, гдѣ даже пропущена образовательная гласная. Хотя они происходятъ отъ родительнаго п., однако самый образователь отвѣчаетъ существительному исходу Славянскаго языка ъ, а слѣдовательно и неопредѣленному в. прилагательныхъ. Не смотря на двугласный исходъ и опредѣленный, какъ кажется, видъ, эти мѣстоименія, по степени

образованія, стоятъ въ одной линіи съ **тъ**, **сь**, **иъ**, изъ коихъ послѣднее есть то же, что Санскр. *kas*, жен. *kâ*, гдѣ *as* естественно переходитъ въ **ъ**. **ꙗи** произошло изъ образователя *jas* и первоначальнаго *kis*, которое кое-гдѣ существуетъ, на пр., въ **чьто** и Санскритскомъ среднемъ р. *kim* при мужескомъ и женскомъ *kas*, *kâ*, или въ сложномъ муж. р. *mâkis*, ср. Лат. *quis*. Слѣдовательно, сдѣсь первое **и** есть первоначальное, какъ въ женск. р. **си**, и не есть усиленіе изъ **ь**: отъ того оно всюду сохраняется въ движеніи. И такъ сдѣлаемъ общее замѣчаніе о природѣ упомянутыхъ мѣстоименій Исключая **тои**, **си**, **кои**, всѣ прочія, какъ **тъ**, **сь**, **иъ**, представляютъ въ себѣ первоначальное простое образованіе на *-as* или *-jas*, прямо отвѣчающее неопредѣленому в. прилагательныхъ или, что то же, образованію существительныхъ. Отъ того мы и даемъ ихъ формѣ названіе неопредѣленнаго в. Но и самый опредѣленный в., какой мы видѣли въ **тои**, или **сии**, **кои**, не похожъ на таковой же видъ прилагательныхъ и есть какъ бы посредствующій или, вѣрнѣе, настоящій опредѣленный в., сросшійся съ основою и одинъ заправляющій ея движеніемъ; тогда какъ обыкновенный такъ называемый опредѣленный в. прилагательныхъ, причастій, другихъ мѣстоименій и числительныхъ есть только соединеніе движенія неопредѣленнаго в. съ движеніемъ указательнаго мѣстоименія, ибо въ старину, болѣе въ досторическую пору, во всѣхъ падежахъ склонялось имя и рядомъ съ нимъ склонялось и мѣстоименіе указательное независимо другъ отъ друга. Первоначально духъ языка и не думалъ соединять два движенія, но отъ времени, ради краткости, соединилъ ихъ, какъ застаемъ въ древнѣйшихъ Д.-Булгарскихъ памятникахъ, уподобивъ начальную гласную мѣстоименія исходной гласной падежа и опустивъ въ движеніи неопредѣленнаго в. согласные падежные исходы, какъ-то, **мь**, **мъ**, **хъ**: **-ꙑнмь** вм. **-ъмь+нмь** и т. д., а въ творительнымъ жен. р. и самый носовой отзвукъ, такъ что въ обоихъ видахъ вышла одна форма **-ѡѫ**; а потомъ и совершенно слилъ оба движенія, какъ это видимъ у другихъ Славянъ. Слѣдовательно, то, что мы разумѣемъ подъ опредѣленнымъ в., есть позднѣйшее слитіе двухъ различныхъ движеній, и если разсѣчемъ его, то выйдетъ, что упомянутыя части рѣчи останутся при одномъ первоначальномъ или неопредѣленномъ в.: напротивъ, собственно-опредѣленный в. будетъ принадлежать однимъ мѣстоименіямъ **тои**, **сии** и съ полнымъ движеніемъ **кои**. Этотъ недостатокъ движенія и есть знакъ того, что собственно опредѣленный в. считался языкомъ за излишній и по тому употреблялся рѣдко, найболѣе въ прямыхъ падежахъ, и безъ особой силы значенія. Движеніе же неопредѣленнаго в. мѣстоименій будетъ отличаться отъ таковаго же прилагательныхъ или существительныхъ только, какъ сказали мы выше, иными пріемами падежнаго образованія, на пр. **-го** или **-га** вм. **-а**, **-моу** вм. **-оу** и т. д., что увидимъ ниже. Полное движеніе первоначальнаго опредѣленнаго в. мы находимъ въ **кои**, **коѥ**, **коѩ**, **коѥго**, **коѥѩ** и т. д., а неопредѣленный предоставленъ сложнымъ **къ-то**, **къ-ждо**, **кого**, **комоу** и т. д., **чь-то**, **чего** или **чесо** и т. д. Впрочемъ, у Н.-Булгаръ *кои* склоняется какъ **кьто**: *кого*, *кому*, слѣдовательно, одинаково съ **тои**, **того**, **томоу**, т. е., оно оставлено за однимъ падежомъ, а движеніе совершается отъ *къ*. Но какъ мало языкъ дорожилъ опредѣленнымъ в., явствуетъ изъ того, что **тои** подчинено движенію **тъ**; **си**, **сии**, **сиѥ** подчинено движенію **сь**, **си**, **се**; ср. **сего** и **чего**, **тоѩ** и **сиѩ**; **ꙗже** подчинено движенію **кои**, исключая нѣкоторые падежи особенно въ женскомъ р., при чемъ однако **иъ**, **иа**, **ие** принимаютъ уже существительное движеніе: **ꙗмь**, **ꙗнмь** и т. д. Можетъ быть, укажутъ на различіе между движеніемъ существительныхъ, или другихъ

частей рѣчи неопредѣленнаго в., и движеніемъ того же вида мѣстоименій, на пр. въ родительномъ первыхъ -а, вторыхъ -го и т. д., то отвѣчаемъ, что въ этомъ и состоитъ отличительная черта мѣстоименнаго движенія, которое не сливаетъ падежнаго образователя съ конечною полугласною, но раздѣляетъ ихъ вставочною буквою, или частицею: въ удлиненномъ образованіи мѣстоименій не должно видѣть опредѣленнаго в., ибо лучшимъ доказательствомъ служитъ женскій р., на пр. въ тою, тои, гдѣ о явно не что иное есть, какъ только возстановленная конечная полугласная; ю, и суть падежные признаки, тѣ же, какъ и для существительныхъ. На возможность сохраненія основной гласной и для существительныхъ, какъ о въ -ого для тъ, указываетъ Санскритъ своими *wrkasja*, *bhagasja*, *navasja*, одинаково образованными съ *tasja* отъ *sa*. Отъ того -ого, -ом и пр. совершенно отличны отъ -оиго или -аяго, -оим или -ъим, гдѣ явно присутствуютъ мѣстоименіе и, вторично приданное. Но спросятъ, по чему мои и т. д. и чии, первоначальныя по своему образованію, склоняются точно такъ же, какъ кои, стоящее на второй ступени сравнительно съ ними, ибо они не имѣютъ своего первоначальнаго, какъ это имѣетъ своего въ къ? Это по тому, отвѣчаемъ, что въ нихъ и, столкнувшись съ гласною, не могло утратить своей первичной природы и перейти въ полугласную, какъ на пр. въ мажь = маг+*jas*, но осталось на виду, слишкомъ яснымъ, и, принадлежа мѣстоименію, сохранило и свое мѣстоименное движеніе; но -оиго, -оиму явно указываютъ, что сдѣсь и вовсе не въ такомъ служеніи, какъ на пр. въ тоуждия, -дяго, гдѣ не иго отвѣчаетъ ему, а я; прямое отношеніе имѣетъ оно къ и въ враи= вра+*jas*. Если же враи не склоняется, какъ мои, это по тому, что, какъ сказано выше, между существительнымъ и мѣстоименнымъ склоненіемъ лежитъ коренное различіе въ способѣ соединенія основы съ падежными указателями, различіе, скрытое въ духѣ языка. Замѣтимъ однако, что женскій р. вообще тверже удержалъ первичное движеніе и между прочимъ носовой отзвукъ въ родительномъ п., объясняющій въ немъ долгое *-jâs*, *-ês*, *-ôs* Санскрита, *-ôs*, *-aus* Литовскаго, или *oιo=ου* Греческаго. Если же сравнимъ мои съ враи, то увидимъ между ними сходство, доказывающее наши слова, что только различные пріемы падежнаго образованія различали два склоненія, но указатели падежные оставались одними и тѣми же, и что нѣкогда въ доисконныя времена склоненіе было одно и то же для всѣхъ частей рѣчи. Но какъ и, я обнаруживаютъ свою чистую основу въ и: иго, им, такъ и тъ, та обнаруживаютъ свое о въ того, том и т. д. Имѣя движеніе опредѣленнаго в., мои, твои, свои, чии все таки по образованію своему принадлежатъ къ первостепеннымъ именамъ и допускаютъ полное и какъ бы отдѣльное склоненіе мѣстоименія и только по тому, что оно при гласной не могло потерять или затемнить свой первоначальный образъ и свое движеніе, какъ въ существительныхъ. Не только сходство, но и тожество можно видѣть между моиго и коиго, ибо сдѣсь и осиливаетъ самое образованіе и первичному даетъ видъ и движеніе вторичнаго; а между тѣмъ мои стоитъ на одной степени съ къ и наш. Но объ этомъ довольно. Кажется, понятно выражена мысль, что духъ языка употребилъ троякій способъ переведенія корня или безразличной основы слова въ жизнь и движеніе; но этотъ троякій способъ условленъ лишь временемъ и, какъ три степени, относится къ повременному развитію языка. Онъ собственно есть одинъ и тотъ же, но три раза былъ повторенъ языкомъ по мѣрѣ его развитія и забвенія значенія и мысли первоначальныхъ формъ. Сначала къ основѣ слова приданы были *as* и его совмѣстникъ *jas*, въ кото-

рыхъ языковѣдѣніе признаетъ смыслъ указательнаго мѣстоименія: чрезъ это произошли существительныя, прилагательныя и мѣстоименія въ своемъ первоначальномъ видѣ, т. е., неопредѣленномъ, какъ мы называемъ его въ сравненіи съ дальнѣйшимъ преобразованіемъ ихъ: чрезъ это образовались и первоначальныя формы движенія, родительный мѣстоименій на -ого, -его, -ом, -ем и другихъ частей рѣчи на -а, -я и т. д. Потомъ, какъ бы забывъ скрытое указаніе или опредѣленіе, языкъ усилилъ нѣкоторыя мѣстоименія вторичнымъ *jas*, принявъ первое *as* за простой исходъ или за простую полугласную, которую при движеніи озвукотворилъ въ соотвѣтственную гласную о, или е, откуда -оиго, -ниго, -оим и т. д.: этому движенію онъ подчинилъ и первично образованныя притяжательныя отъ единственнаго ч., не могшія скрыть, какъ другія, своего и (*jas*): мои и т. д. Это и есть собственно-опредѣленный в., сросшійся съ основою и двигающійся одинъ. Наконецъ и другія части рѣчи, какъ и нѣкоторыя мѣстоименія, онъ опредѣлилъ чрезъ мѣстоименіе и, давъ ему совмѣстное съ ними движеніе, сначала отдѣльное и независимое, потомъ стянутое и наконецъ совершенно слитое. Только по случаю стяженія и слитія мы называемъ форму опредѣленнымъ в.; но собственно на нее должно смотрѣть, какъ на движеніе двухъ самоотдѣльныхъ словъ, поставленныхъ въ тѣсное между собою отношеніе, опредѣляемаго и опредѣляющаго или указываемаго и указующаго. Въ одномъ изъ мѣстоименій выразились всѣ три способа опредѣленія, первичный въ къ, ка, вторичный въ кои, коя, третичный въ кыи, кая. Послѣднее не получило полнаго движенія, но уже кы-цик, кыя и пр. показываютъ, что ъ въ кы или кыи или кыи и а въ кая не были тѣмъ неподвижнымъ о, которое находимъ въ движеніи и образованіи кое, кои. Переходимъ теперь къ сложнымъ формамъ.

Сложныя формы бываютъ двоякія: въ однѣхъ простыя мѣстоименія сложены съ частицами, измѣняющими ихъ значеніе; въ другихъ они сложены съ опредѣляющимъ мѣстоименіемъ и. Сначала о первыхъ.

Эти мѣстоименія опять бываютъ двухъ родовъ: одни соединены съ частицею и при движеніи или отбрасываютъ ее, или оставляютъ при себѣ, а сами измѣняются, какъ простыя; другія такъ плотно соединены съ производнымъ образователемъ, что вмѣстѣ съ нимъ составляютъ какъ бы одну основу съ извѣстнымъ понятіемъ и движеніемъ. Къ первымъ причисляемъ: относительное иже, -е, ѩже, ꙗже и т. д. (А. №№ 1, 3—6, 9, 11, 12, 14, 17, 19, 20; Ш. № VII; Мк.; С. №№ 35, 37, 46, 51, 52, 81, 85, 89, 95, 99, 100, 103, 150, 176, 178; В. № 2; Ю.; С.-Д. М. 1844; З. А.; Мл.; Г. V), иже, -е, еже, ѥже, ѥ и т. д. (Ш. № VII; С. №№ 16, 37, 50, 66, 84, 90, 100, 111, 137, 138, 176; А. №№ 3—5, 11, 13, 18, 19; Г. А; В. № 2; Мл.), аже, ѩже и т. д. (А. №№ 4, 18; Г. А, Б; Мл.). Это мѣстоименіе, какъ сказали мы и какъ видно изъ самыхъ памятниковъ, держится подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка; если и находимъ нѣсколько грамотъ изъ Западной семьи, то сдѣсь оно допущено лишь въ богословіи. Кажется, родовое различіе уже начинало ослабѣвать въ немъ подъ рукою писцовъ: мы не разъ встрѣчаемся съ подобными сочетаніями: о бжъственыихъ даръ иже ми да бл҃го мои х҃е (С. № 176), иже испрьва сирѣчь любьвь вѣчнѫю и сладость неизрѣченнѫю славы твоѥ. и кто доколѣ ѥ изрещи такоую бл҃гть иже дарова ѥси бл҃го х҃е (С. № 46), бл҃гисмо проигоумена Ил҃ѣ Феѡдоула да ѥ прѣстатель келии той ѩже оу Карѣахъ (А. № 10), црькви наше Карѣиаѫ Бц҃ѫ иже въ мѣстѣ рекомѣмь Архилюница (А. № 14), црькви бл҃гнѣю иже ѿ прѣчтїихъ ребрѣ истечею (А. № 18), обители прѣчтые бц҃е наше ѥже хїландарскые, ѩже въ ст҃ѣи горѣ (А. № 17). Нѣсколько иначе объясняются:

цр҃квь великославнаго ἀрхїстратига михаила иже въ цриноу градоу (А. № 6), келїи тои стго савы иже въ карехь (А. № 10), црькви архистратига михаила иже в ирѣⷯ (С. № 35). Сдѣсь иже можетъ относиться къ именамъ мужескаго р.; но въ предыдущихъ случаяхъ оно указываетъ уже на смѣшеніе родовъ, слѣдовательно, ослабленіе Ц.-Славянской формы на Сербской почвѣ. Далѣе читаемъ еще: по всехвалимеи же его мати иже на кратѣхъ (С. № 62), вьдвиженїа иже въ пр҃стѣи твоеи оутробѣ вьзылюще (А. № 6), вьведенїе иже въ стаа стыи (А. № 12), дровании(ы) иже (С. № 46), сега писания не потворите ниже дароках (С. № 84), по его призрѣнию иже на кратѣкоми (С. № 62). Перезвукъ ж въ р произвелъ другую форму для средняго р.: ире, єре, єре (Ш. № VII; С. №№ 3, 11, 13, 16, 19), которая употребляется и вмѣсто союза «что». Нынѣ это мѣстоименіе не существуетъ, но осталась отъ него только частица *ер*, *ере*, *ера* съ вопросительнымъ и винословнымъ значеніемъ; въ послѣднемъ иногда въ сложномъ видѣ *ербо*. Сюда же относится мѣстоименіе ближайшаго опредѣленія кожо (С. № 35), въ которомъ первоначальное къ, озвукотворенное въ ко, соединено съ частицею, придающею ему особое значеніе, какъ и предыдущему мѣстоименію. Эта частица жо есть то же, что жде, и не отбрасывается при движеніи. Ея особое служеніе при мѣстоименіяхъ, измѣняющее самое значеніе мѣстоименія, принадлежитъ Д.-Бургарскому, Чешскому и *Лужицкому* языкамъ. Въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ его уже нѣтъ. По этому какъ иже, такъ и кожо въ Д.-Сербскихъ памятникахъ указываютъ на вліяніе Ц.-Славянской стихіи. Другая частица, входящая въ образованіе мѣстоименныхъ формъ и отбрасываемая при движеніи есть то: ее находимъ въ соединеніи съ тѣмъ же простымъ мѣстоименіемъ къ, для одушевленныхъ предметовъ, и чь, однороднымъ съ предыдущимъ, для неодушевленныхъ. Въ Санскритѣ корень *ki* образуетъ средній родъ *kim* вмѣстѣ съ мужескимъ *kas* и женскимъ *kā*: отсюда объясняется ъ въ къ и ь въ чь и претвореніе твердой гортанной въ мягкую. И такъ мы получаемъ кьто и чьто въ значеніи относительномъ и вопросительномъ. Хотя различіе ихъ основано теперь видимымъ образомъ болѣе на одушевленности и неодушевленности предмета, однако легко понять, что сдѣсь собственно кроется различіе родовъ, какъ въ Санскритѣ, и что эти мѣстоименія справедливо могутъ быть отнесены къ родовымъ. Сербы нѣсколько переиначили ихъ въ звуковомъ отношеніи и изъ перваго сдѣлали тко, а изъ втораго што или въ древней правописи що. Мы уже видѣли въ ученіи о звукахъ значеніе этого явленія въ общемъ движеніи книжнаго языка: повторять его сдѣсь считаемъ лишнимъ. Нынѣ *што* и *шта*. Послѣдняя форма съ положительнымъ значеніемъ еще не появляется въ нашихъ памятникахъ. Очевидно, *што*, какъ находимъ его также у *Лужичанъ*, Великорусовъ и Бѣлорусовъ, и *що* у Малорусовъ, есть перезвукъ изъ *что* книжнаго Русскаго или чьто Д.-Булгарскаго. Но другія Славянскія нарѣчія, какъ-то: Польское, Чешское, Хорватское и Хорутанское, имѣютъ вмѣсто него, первыя два *co*, а вторыя *kaj*. Эта форма образована безъ частицы *то* изъ простаго корня ч, возникшаго въ свою очередь изъ прадавняго *k*, принявшаго мягкую основу. Опять приходимъ къ Санскр. *kas*, *kim*. Уже въ Санскритѣ и теперь происходитъ смягченіе *k* въ *k'*, которое естественно въ Славянскомъ языкѣ обратилось въ ч. По законамъ Сербскаго озвукотворенія ь въ *а*, чь на Далматскихъ островахъ перешло въ *ча*. Общій у Славянъ законъ претворенія мягкой полугласной въ *е* первоначально произвелъ *че*, ср. Д.-Чеш. *če*, потомъ *чо*, какъ у Словаковъ *čo*, которое, смягчившись еще болѣе, перешло въ

цо, *со*. Форма *kaj* есть обратное дѣйствіе отвердѣнія, ибо *ь*, перешедшее въ *a*, уже утратило свою мягкость, такъ что твердое *a* легко потребовало возлѣ себя твердую согласную, каковою и явилось *к*, законный совмѣстникъ для *ч*: *ka*, ср. на пр. *kar*. Но этого было мало: значеніе или сила частицы *то* перешла въ частицу *и*, образовавъ обыкновенную форму *kaj*. Впрочемъ, при движеніи въ косвенныхъ падежахъ *k* исчезаетъ, и на его мѣстѣ является *č*: Хорв. *česa*, *čemu*, *čem*, Хорут. *čiga*, *čimu*, *čim*. Участь другаго мѣстоименія **кто** подвержена меньшимъ перемѣнамъ: оно постоянно имѣетъ свой видъ, измѣняясь только черезъ перезвукъ въ *gdo* Хорв., *kdó* Хорут., *kdo* Чеш., *kto*, *кто* Поль., Рус., *chto* съ женскимъ *chta* Н.-Луж. Въ послѣднемъ, въ устной рѣчи, слышится въ муж. р. *chta* и въ среднемъ *ca*. Но В.-Лужицкое обращаетъ его въ *što*, средн. *štó*; однако при движеніи возстановляетъ *k*: *koho* и т. д. Изъ этихъ двухъ мѣстоименій съ помощію отрицанія образуются мѣстоименія съ отрицательнымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ: **никъто**, **нѝкто**, **никто**, **-ô**, **нитко** и т. д., или съ усиленіемъ **никтоже**, **никъторе**, **нитkорь** и т. д. (Ш. № VII; А. №№ 4—7, 12, 17; С. №№ 14, 23, 29, 35, 36, 38, 43, 45, 48, 49, 50, 54, 55, 66, 70, 71, 89, 113, 114, 127, 144, 153; Г. А, Б; З.; Мл.), **нѣкъто**, **нѣкто** (С. №№ 14, 16, 27), **ничьто**, **ничто**, или съ усиленіемъ **ничьтоже**, **нѝчтоже**, **нѝчтòже** (А. №№ 1, 6, 19; С. № 21; З.; Мл.), **нищо**, **нищ̑**, **нищоре**, **нищорь**, или съ перезвукомъ, по свойству грамоты, **нѣщо** (С. №№ 16, 43—45, 50, 54, 69, 93, 114, 127, 128, 134, 143, 146, 147, 164, 168; З.), **ништа** (С. № 161). Послѣдняя форма есть нынѣшняя, образовавшаяся изъ **ничьто** при посредствѣ предыдущей, которая нынѣ уже не употребляется, хотя простая *што* преобладаетъ надъ *шта*. Усиленное **нищаре**, или съ перезвукомъ **нѣщаре** (С. №№ 3, 9, 18, 83). И такъ **шта** вм. **што** начало показываться еще въ XIII-мъ в., что весьма замѣчательно въ отношеніи дѣйствія народности. **нѣчьто**, **нѣчто**, **нѣ́чтò** (Ш. № VII.; С. № 20; Мл.). Ко вторымъ, имѣющимъ образовательное окончаніе, подверженное движенію, относятся мѣстоименія ближайшаго опредѣленія: **такь** (такой, С. №№ 4, 15), **такаре** съ усиливающею частицею (С. № 62); для средняго р. нѣтъ примѣровъ. Оно образовано изъ указательнаго **ть** (**тъ**) и частицы **кь** (**къ**), служащей въ прилагательныхъ и нарѣчіяхъ къ обозначенію преимущественно качества и сродной съ подобнымъ ему мѣстоименіемъ. **въсакь**, **вса̀кь**, **всакь** (С. №№ 86, 91, 101, 102, 111, 137, 176; З.), **въсако**, **всако** и т. д., **сяко** (С. №№ 16, 24, 35, 37, 41, 47, 49, 51, 69, 76, 81, 83, 85 и пр.; А. №№ 4, 7, 10, 14, 20; Г. А, Ѵ; З.; С.-Д. М. 1844), **сяка** (Мл.), составленное изъ **вьсь** и той же частицы. Отъ первоначальнаго **ка** съ тою же частицею составлено жен. р. **кака** (С. № 11), откуда существительныя *качество*, *каквость* и т. п. Замѣтимъ, что какъ скоро окончаніе образовательное придается не къ прилагательному, а къ мѣстоименію, то оно тотчасъ же получаетъ и мѣстоименное движеніе: **въсякого**, **каком** и т. д. Сдѣсь **-кь** не есть мѣстоименіе **кь**, хотя оно и однородно съ нимъ, но сдѣсь оно собственно есть уже простой образователь, который въ прилагательныхъ совершаетъ и приличное имъ движеніе, по образцу существительнаго, на пр., род. п. **далека**, **высока**. Этою двойственностію движенія объясняется и движеніе мѣстоименія и въ соединеніи съ мѣстоименіемъ и другою частію рѣчи, о чемъ мы говорили выше, на пр., въ **моего**, **вьсего** и **мажа**, **къмажа**. И сдѣсь дѣйствуетъ коренное различіе существительнаго и мѣстоименнаго движенія, заключающееся въ творческой дѣятельности языка, хотя образователь есть собственно одинъ и тотъ же: *as*, *jas*=-**и**=-**ь**, -**ъ**.

Но есть мѣстоименія, производныя отъ первыхъ, слѣдующія въ неопредѣленномъ в. смѣшанному склоненію, въ однихъ падежахъ существительному, въ другихъ мѣстоименному, хотя первоначально, вѣроятно, слѣдовали одному первому. Эти мѣстоименія въ нашихъ памятникахъ суть: притяжательныя: **тоговъ** (З.), **иговъ**, **нтговъ**, **нигевъ**, **негевъ**, **нвгѡ** (С. №№ 16, 26, 99, 104, 133, 141, 147, 158, 164), **игоко**, **йгоко**, **нигоко**, **нигѡко** (А. №№ 6, 9; С. №№ 70, 77, 133), **игока**, **нигока**, **нигока**, **нтова** (С. №№ 73, 91, 111, 130, 187). У Д.-Булгаръ есть только **иговъ**, -о, -а; но югозападные Славяне образуютъ, кромѣ *негов*, *njehov*, еще и отъ женскаго р.: *неин*, *njen*, и отъ 3-го *л. мн. ч.*: *ниов*, *njihov*. Хорутане сверхъ сего имѣютъ *čigáv* отъ *kdj*. Ближайшаго опредѣленія: **никаковь** (С. № 88), **такоко** (С. №№ 93, 96, 98), **такова** (А. №№ 4, 5; З.; С. № 93), **сицево** (С. № 51), **толико** (С. №№ 96, 98, 126, 132, 176; Ю.), **толика** (С. №№ 96, 98, 107, 132, 144), **елико**, **нлико** и т. д. (А. №№ 4, 9, 11; В. № 2; С. №№ 113, 176), **ѐлика** (А. № 11), **колико** (А. № 4; С. №№ 98, 115, 126, 132, 150), **ѡнолико** (С. №№ 98, 150), **вьсеякивь** (С. № 164), **вьсакоино** (А. № 1). Присоединимъ сюда встрѣчающіяся въ другихъ надежахъ: **сиковь**, **ѡнакь** и **иякакь**.

О вторыхъ. Принимая опредѣленный в., подобно прилагательнымъ, мѣстоименія, первообразныя и производныя, слѣдуютъ обыкновенному въ такомъ случаѣ мѣстоименному движенію, т. е., собственно существительному съ придачею движенія опредѣляющаго мѣстоименія и: въ нихъ отъ времени совершается такое же стяженіе, а потомъ слитіе и перезвукъ слитой гласной. При придачѣ мѣстоименія и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ въ именительномъ п. ед. ч. муж. р. происходитъ явленіе, повторяющееся только въ Н.-Булгарскомъ, именно протяженіе конечной долгой гласной: послѣдовательность требовала бы -ъ+и, -ь+и, какъ и дѣйствительно находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, -ъи, -ъі, -ьи, -ьі, откуда прямо произошло -ы, -и, какъ у другихъ Славянъ: *-ы*, *-и*, *-у*, *-i*, или чрезъ озвукотвореніе ъ въ *о*, *ь* въ *е* у Русскихъ: *-ой*, *-ей*. Но съ теченіемъ времени даже въ самыхъ древнихъ памятникахъ водворилось вытянутое -ыи, -ии, въ которомъ или ъ и ь усилились въ ы, и, или просто произошло протяженіе голоса, либо же наконецъ двойное опредѣленіе при забвеніи разъ уже совершившагося. Какъ бы то ни было, подобныя формы въ нашихъ памятникахъ указываютъ на сильное присутствіе Ц.-Славянской стихіи тамъ, гдѣ онѣ находятся. Разумное и первичное образованіе опредѣленнаго в. находимъ въ формѣ **ѡвьи**, -**ьи** (А. № 11; Г. Б), откуда стянутое: **ѡви**, **ови** (С. №№ 74, 87, 108, 109, 112, 115, 119, 121, 126, 132, 134, 144, 148, 161, 163, 164), **ѡни** (С. №№ 107, 161), или чрезъ озвукотвореніе ь: **ѡвзи** (С. №№ 127, 168), **ѡнзи** (С. №№ 135, 142, 150, 173), какъ и нынѣ *овай*, *онай*. Но въ Восточныхъ гр-хъ находимъ и Ц.-Славянскую форму: **нини**, **йиіи** (С. №№ 91, 137), **вьсакіи** (А. № 20) — но въ другихъ опять народная: **всаки**, **сваки** (Ш. № VII; С. №№ 16, 19, 43, 44, 63, 67, 72, 78, 80, 113, 114, 126, 142, 143, 163; А. № 14; З.; З. А.), хотя опять значки въ **ѐсакй**, **вьсакй**, **свакй** (А. № 17; Мл.) составляютъ намекъ на вытяженіе ы въ Восточныхъ гр-хъ. Однажды находимъ озвукотворенную конечную гласную, какъ въ Русскомъ: **сваком** (С. № 157); но сдѣсь видно желаніе писца образовать -мь на подобіе мѣстоименія кои. **всакое**, -и (А. № 12; С. №№ 89, 100, 107, 150) — опять трудно рѣшить, обыкновенный ли это опредѣленный в., отвѣчающій женскому **всакая** (З.; С. № 146), или только мѣстоименное образованіе, ибо **кои** и **кыи**, **кои** и **кая** будутъ имѣть для средняго р. одинаковую форму

мн. такьци, вѣроятно, такыи изъ такь и нь, или просто здѣсь удвоено к вм. таки (С. № 17), такови, та́кови (Ш. № VII; С. №№ 35, 40, 47, 66, 70, 142; А. № 17), или въ Ц.-Славянской формѣ таковыи, -аа, -ии, таковии, та́ковыи (А. № 6; Мк.; С. №№ 37, 51, 52, 175, 176; Мл.), таковаа (А. № 4), овакви (С. №№ 87, 109, 118, 121, 130), си́цеви (А. № 17). Относительное, имѣющее всегда определенный в. и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, котори (Ш. № VII), или съ отрицаніемъ никотори (А. № 1), которое (А. № 1), Рус. *который* (соб. *-ой*), Хорв. *koteri*, Хорут. *katéri*, Пол. *który*, Чеш. *kterýž*, Луж. *kotry*. Это одно изъ древнѣйшихъ образованій съ помощію частицы *тор*, Санскр. *tara*, Греч. *τερο*, употребляемой для сравнительной степени. У Славянъ она сохранилась только въ кътеръıи и подобныхъ числительныхъ формахъ, на пр., *пятеро*, *шестеро*, *въ седмеромъ*, *десятерица*, и еще въ Д.-Булг. етеръ. Безъ сомнѣнія, кътеръıи, Санскр. *katara* ограничивалось первоначально вопросительнымъ значеніемъ, а етеръ, Санскр. *jatara*, положительнымъ; но потомъ первое перешло въ относительно-вопросительное, а второе въ неопредѣленное «нѣкто», «нѣкакой». Признакъ сѣверозападнаго образованія на перезвукованное *en* или *jen*, тщательно избѣгаемаго югозападнымъ и восточнымъ говоромъ, мы находимъ однако въ формѣ онопъзи (С. № 16), подобно Чешскому *onen*, *onno*, *onna*, и въ родительномъ ед. жен. р. онние (С. № 132), ср. Чеш. *oneno*. Но вступленіе въ движеніе этого и показываетъ, что такое образованіе было чуждо Сербовъ. Теперь существуетъ у Сербовъ частица *но* съ такимъ же значеніемъ, какое вообще получилъ опредѣленный в. въ соединеніи съ и, *и* у восточныхъ, или *п* у западныхъ Славянъ, что заставляетъ видѣть здѣсь остатокъ этого мѣстоименія. Она придается къ среднему р., употребленному въ значеніи нарѣчія, на пр., *какою*.

Окинувъ общимъ взглядомъ весь кругъ Д.-Сербскихъ мѣстоименій, мы замѣчаемъ обиліе ихъ сравнительно съ другими современными намъ нарѣчіями и самимъ Сербскимъ. Это происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ близкой дружбы съ Д.-Булгарскимъ языкомъ и вообще отъ ранняго времени, когда языкъ живѣе сознавалъ первоначальную потребность внѣшняго опредѣленія чрезъ указаніе, въ наружномъ разнообразіи формъ, и отъ которой послѣ перешелъ къ мысленному представленію чрезъ внутреннее измѣненіе значенія формы. Отъ того мѣстоименія указательныя и ближайшаго опредѣленія наиболѣе богаты разнообразными формами. Но уже въ нашихъ глазахъ совершается забвеніе и отчужденіе нѣкоторыхъ формъ. Такъ иже, еже, котори, сакь, сицьь, вьсакоже никакъ не могутъ освободиться изподъ Ц.-Славянскаго вліянія и перейти въ народность; сейчасъ видно, что они уже чужды были Сербамъ. Такъ же, сии долго держалось между Сербами, но въ XV-мъ в. подверглось участи предшествующихъ. Другаго рода богатство Д.-Сербскаго книжнаго языка, тоже развившееся въ немъ подъ вліяніемъ времени и Д.-Булгарскаго языка, состоитъ въ двойственности вида для большей части мѣстоименій. Языкъ шелъ къ забвенію разумности первичнаго образованія и къ вторичному повторенію того же образованія. Собственно-опредѣленный в. произошелъ тогда, когда первичный видъ, который мы называемъ неопредѣленнымъ только сравнительно съ вторично образованнымъ, забылъ свое опредѣляющее свойство въ *as*, *jas*, и языкъ потребовалъ новаго опредѣленія чрезъ повтореніе того же *jas*=и. При этомъ языкъ дѣйствовалъ все такъ же, какъ дѣйствовалъ первоначально при словообразованіи. Но одновременные два вида представляли уже въ себѣ мысленное различіе, и пока языкъ снова не забылъ свойства собственно-опредѣленнаго

в. и не замѣнилъ имъ въ большей части случаевъ неопредѣленнаго, оба отправляли въ нѣкоторой степени разумное служеніе. Это было когда-то въ Д.-Булгарскомъ языкѣ. Стремленіе мысли къ большей опредѣлительности и обособленію предмета въ его единичности требовало точнѣйшаго или сильнѣйшаго указанія. Славянскія нарѣчія усилили у себя опредѣленный в. въ слитой формѣ изъ двойнаго движенія двухъ частей рѣчи, изъ коихъ одна была мѣстоименіе и; но, усиливая его, вмѣстѣ съ тѣмъ забывали его отличіе отъ неопредѣленнаго и ослабляли послѣдній. Смѣшеніе обоихъ видовъ уже началось въ Д.-Булгарскомъ и повело въ другихъ къ господству опредѣленнаго, хотя, большею частію, съ забвеніемъ его настоящаго значенія. Въ этомъ усиленіи одного на счетъ другаго и переходѣ отъ прадавняго исключительнаго господства неопредѣленнаго в. къ почти исключительному господству опредѣленнаго выразилось повременное движеніе Славянскаго языка. Сдѣсь не мѣсто проводить сравненіе всѣхъ мѣстоименій по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ: скажу вообще, что въ нихъ теперь наиболѣе развитъ опредѣленный в. Неопредѣленный сохранился въ Лужицкомъ только въ *wón*, *sam*, въ Польскомъ въ *ón*, *óv*, *sam*, въ Чешскомъ въ *sam* и *wšecek;* но въ Лужицкомъ и Чешскомъ есть и *samy*, *-ý*. Въ прочихъ нѣсколько болѣе. Русскій языкъ къ *самъ* и *тотъ* прибавляетъ исходящія на *-къ* и *-овъ*. Это послѣднее образованіе сохранилось и на югозападѣ: у Хорутанъ *kákov*, у Хорватовъ *kakov*, *takov*, у Сербовъ *какав, такав, онакав, овакав.* Но какъ Русскіе имѣютъ и *самый*, и *-кій*, *-ный*, такъ и Сербы изводятъ свой на *-и*. Кромѣ того у Хорутанъ есть *ón*, у Хорватовъ *on, ov*, у Н.-Булгаръ *самъ*. Д.-Булгарскій языкъ, какъ представитель древнѣйшаго состоянія Славянскаго языка, замѣтно отдѣляется отъ нихъ богатствомъ своихъ формъ и двойственностію видовъ. Еще свободное употребленіе неопредѣленнаго в., которому слѣдовалъ и Д.-Сербскій, дозволяло ставить этотъ видъ тамъ, гдѣ сила мысли падала преимущественно на мѣстоименіе, какъ на ближайшее опредѣленіе предмета, или на замѣну его. Такъ на пр. Д.-Сербское выраженіе **инь кто любо** Русскій уже переводитъ чрезъ *иной кто нибудь*, какъ и Полякъ чрезъ *inszy ktobądz;* или въ выраженіи **аще ли прѣдѣ такь чловѣкь** (С. № 4, ср. С. № 15) другіе Славяне замѣняютъ **такь** уже чрезъ *такой*, *taki*. Но, сходясь въ обширности двойственности вида съ Д.-Булгарскимъ, Д.-Сербскій языкъ образовывалъ его въ именительномъ п. муж. р. по своему и согласно съ прочими Славянскими нарѣчіями изводилъ на **-и**, (**ы**, **и**). Припомнимъ количество исходящихъ на **-и** и исходящихъ на **-ии**, **-ыи**: мы сейчасъ видимъ, что первыхъ гораздо болѣе, чѣмъ послѣднихъ. Первыя относятся ко вторымъ, какъ 8 : 1. При томъ мѣстонахожденіе вторыхъ есть почва по преимуществу Ц.-Славянская, наименѣе народная. И такъ народность высказалась сдѣсь открыто и успѣшно. Весь XV-й в. и конецъ XIV-го исполнены народной формы, которая видимо успѣваетъ, тогда какъ Ц.-Славянская остается безъ приращенія, какъ неподвижный залогъ преданности книжниковъ къ начально-образовательной стихіи. Что до средняго и женскаго р., то Д.-Булгарскій имѣетъ разумно образованныя **-ои**, **-еи**, **-аи**, **-ии**, которыя Д.-Сербскій языкъ удерживаетъ тамъ же, гдѣ и форму муж. р. на **-ии**, и которыя доселѣ сохранились въ Русскомъ и Н.-Булгарскомъ; но прочія Славянскія нарѣчія обратили ихъ въ *-о*, *-е*, *-а*. Сдѣсь не другое что видно, какъ дѣйствіе дальнѣйшаго движенія Славянскаго языка, стремившагося къ упрощенію формъ чрезъ стяженіе. Какъ за мужскимъ р. благозвучіе условило преимущественно опредѣленный и вмѣстѣ гласный исходъ, такъ для этихъ двухъ родовъ оно же допустило стя-

женіе, довольствуясь одною гласною. Самое время и сила употребленія въ быстрой рѣчи привели этотъ видъ къ стяженію. Но, безъ сомнѣнія, первоначально стянутыя формы отличались отъ простыхъ длиннотою звука, а потомъ и это различіе пропало. Повтореніе а въ Д.-Сербскомъ языкѣ намекаетъ на эту длинноту. Ее подозрѣваютъ и нынѣ Сербскіе и Чешскіе ученые, ставя надъ *о*, *е* и *а* значекъ, первые ̑, вторые ́, выражающій сгущеніе голоса. Но едва ли это не есть одна лишь теорія, ибо въ живой рѣчи народъ не соблюдаетъ ни долготы, ни краткости. Но что въ старину была полная форма, то это доказываетъ Д.-Чешская письменность многими своими формами, на пр., *moja* и рядомъ съ нею *má*, *ke kteřej wěře*, *w kacějsi tesknosti* и пр. Сербскій языкъ изстари стягивалъ формы. По этому всѣ тѣ формы, которыя въ нашихъ памятникахъ имѣютъ полный опредѣленный видъ, свидѣтельствуютъ о вліяніи Ц.-Славянскаго языка, и ихъ относительное количество опредѣляетъ мѣру этого вліянія. Она будетъ такая же, какъ и въ мужескомъ р. Но объ именительномъ п. ед. ч. пока довольно. Сказаннаго достаточно будетъ для уразумѣнія формъ другихъ падежей относительно вида, въ которомъ онѣ встрѣчаются. Переходимъ къ дальнѣйшему движенію и прежде всего замѣтимъ, что ему подчиняется и числительное **єдинь**, имѣющее въ понятіи своемъ близкое родство съ нимъ. Оно въ нашихъ памятникахъ встрѣчается или въ формѣ **є- єдинь**, **єдн҃** и т. д. (А. №№ 6, 20; С. №№ 37, 39, 176, 178; Ш. № 14; З.), по свойству грамотъ, очевидно, въ Ц.-Славянской формѣ, или какъ **єдьнь**, **єдьнь**, **єдънъ** и т. д. (А. № 1; Ш. № VII; С. №№ 18, 58, 73, 91, 111, 137; Мл.)— формѣ, ближайшей къ народной, какъ видно уже по грамотамъ, и наконецъ какъ **є- ѥ- є- дань** (С. №№ 61, 79, 96, 98, 107, 115, 118, 121, 126, 128, 132, 133, 142, 157, 158). Къ нему часто присоединяется отрицаніе **ни**, сливающееся въ **ни- єдань**, **нєдинь** (С. №№ 106, 108, 109, 112, 157). Предлоги **ꙁа** и **но**, встрѣчающіеся въ другихъ падежахъ, поставляются между **ни** и числительнымъ, на пр., **ни ꙁа єдань ини ꙁрокь** (С. № 98), либо впереди, на пр.: **ꙁа ниєдань**, **ꙁа нєдань ꙁрокь** (С. № 96, ср. С. №№ 106, 107, 108, 109, 121): разница въ оттѣнкѣ отрицанія. Или съ двойнымъ отрицаніемъ: **ни ꙁа ниєдань ꙁрокь** (С. № 115, ср. С. № 132). Замѣчательно употребленіе сдѣсь предлога **но** съ винительнымъ п., тогда какъ въ этомъ значеніи онъ постоянно соглашается съ дательнымъ по-ц.-славянски, или наиболѣе съ мѣстнымъ по-сербски: **но ниєдинь**, **но нєдань клꙋкь** (С. №№ 137, 157). **єдино** (З.), **єдно**, **-ѡ**, **єдьно** и т. д. (С. №№ 58, 89, 104, 107, 112, 114, 115, 142, 150; А. № 6; З.), **нєдно**, **ниєдно** (С. №№ 108, 112), **ни ꙁа єдно** (С. № 150), **ꙁа ниєдно**, **-ѡ** (С. №№ 104, 107), **ни ꙁа нєдно** (С. № 108, ср. С. №№ 112, 115). **ѥ- є- є- єдна** (С. №№ 43, 65, 94, 130, 144, 173), **єдана** (С. № 88), **нєдна** (С. № 164). И такъ мы видимъ, что форма этого слова отъ **єдинь** дошла чрезъ **єдьнь** до народной **єдань**; что сдѣсь было ослабленіе **и** въ **ь**: нынѣ *един*, *едно*, *една*. Въ Русскомъ, Н.-Булгарскомъ и В.-Лужицкомъ еще сохранилось *и*, но въ прочихъ нарѣчіяхъ оно перешло въ *е*: *одинъ*, *единъ*, *jedyn*; *ja- je- geden*.

Винительный п. ед. ч. жен. р. образуется на носовой звукъ, какъ и въ существительныхъ, переходящій у Сербовъ въ **-ѫ**, **-ю**: **тоу**, **тѫ**, **тоу** (С. №№ 32, 33, 37, 43, 49, 55, 89, 94, 97, 99, 107, 135, 142, 144, 176; А. №№ 6, 7, 9; Мк.; Г. А; З.), **сию**, **-ю**, **сїю** (А. И.; Ш. № VII; С. №№ 22, 25, 29, 36, 40, 47, 48, 55, 62, 66, 72, 84; А. №№ 12, 14, 15), откуда стянутое **сью** (С. № 89). Замѣтимъ, какъ съ началомъ XV-го в. Сербы вдругъ перестаютъ употреблять это мѣстоименіе: то же мы видѣли прежде, увидимъ и послѣ. Сдѣсь

форма эта произведена отъ сиѩ, гдѣ и неподвижно, какъ о ꙗ ном: отъ того въ этомъ особомъ мѣстоименномъ опредѣленномъ в. невозможно, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, предполагать сиѭ. тѫ, въ противуположность, представляетъ простое образованіе. Ему отвѣчаетъ вьсоу, -ѫ, вся, васѣ, сиѫ и т. д. (А. NN№ 1, 2, 13, 15; С. NN№ 3, 37, 39, 50, 56, 62, 78, 88, 96—98, 101—104, 107, 126, 132, 136, 140, 142, 176; З.), ѡноу (А. № 10). Могли бы отвѣчать также онѫ, ѡнѫ (С. NN№ 11, 53, 63, 93, 101, 102), ѡнѫ (С. NN№ 55, 61, 77, 89, 107, 114, 132, 144, 164), нѫ (С. NN№ 58, 93), инѫ вм. инѫ (С. № 89), какѫ (С. № 32), нѫ (С. NN№ 16, 43), вьсакѫ, -оу, всакѫ и т. д., сваноу, -ѫ (С. NN№ 14, 26, 27, 46, 51, 55, 58, 66, 74, 101, 102, 104, 107, 142, 176; Г. Б, V; Мл.) — говорю, могли бы, если бы народный языкъ не стягивалъ ихъ именительнаго на -ѧ, вм. -ѧѧ. Нынѣ видимъ *онай*, *-â*, *ньки*, *-â*, *сваки*, *-â* и т. д. Если нѣкоторыхъ мѣстоименій теперь нѣтъ, то это не мѣшало имъ быть въ старину и ходить въ стянутомъ видѣ. Очень можетъ статься, что многія формы писецъ дѣйствительно употреблялъ въ неопредѣленномъ в., но другой, ставя ихъ въ опредѣленномъ стянутомъ, отожествлялъ оба вида и отнималъ возможность распознать ихъ. нашѫ, -оу, -ю (С. NN№ 14, 15, 57, 63, 66, 78, 82, 84 и пр.; А. № 14; З. А.; Мл.), вашѫ (С. NN№ 19, 27, 79), ю, ѭ, ѭ, ѭ (Ш. № VII; С. NN№ 3, 21, 26, 35, 49, 61, 66, 67, 93, 94, 100, 107, 164, 176; А. NN№ 10, 18; Мл.) или съ благозвучнымъ н: ню, нѭ, нѫ (С. NN№ 17, 26; З.): стало быть, еще не развито было здѣсь употребленіе н; нынѣ употребляется только уже одна послѣдняя форма, или вмѣсто нея родительный п. *є*, который находимъ и у насъ въ значеніи винительнаго: є (С. № 26). ю- ѭ- ѭже, -є (Ш. № VII; А. № 8; С. № 176; Мл.), нюже (А. № 14), свидѣтельствующая о непризнаніи этого мѣстоименія у Сербовъ. мою, -ѭ, -ѭ, моню (С. NN№ 4, 21, 27, 28, 48, 54—56, 59, 67 и пр.; А. NN№ 11, 20; Мл.), твою (С. NN№ 8, 51; А. № 20), свою, -ѭ (А. NN№ 1, 3, 4, 18—20; С. NN№ 6, 9, 16, 35, 39, 46, 47, 66, 77, 78, 80, 93 и пр.; З.; С.-Д. М. 1844; Мл.; Г. V), тию, тѵю (С. NN№ 96, 98, 120, 141; Мл.), ни ꙁа тию (С. № 93), тью (С. NN№ 107, 114, 120, 127, 133), ꙁа нитью (С. № 104): здѣсь, слѣдовательно, произошло стяженіе и въ ь. кою, -ѭ (С. NN№ 6, 7, 10, 16, 26, 63, 66, 67, 73, 78, 79, 81, 85, 86, 89, 91, 93, 95, 96, 98, 100—104, 107, 108, 112—115, 122, 126, 127, 132, 133, 135, 140, 141, 144, 146, 147, 158, 168; З.). Это мѣстоименіе и съ этою формою было въ употребленіи уже въ XIII-мъ в. и не измѣнилось отъ времени: и нынѣ оно образуется точно также: *ḱою*. ни ꙁа кою (С. NN№ 22, 77, 93), нѣ- никою (С. NN№ 16, 29, 168). Въ Аѳонскихъ гр-хъ попадается Ц.-Славянскій опредѣленный в. никоую, -ѭ (-кѫ, А. NN№ 2, 12) отъ никакъ, а не никои, какъ выше. Подобная ей тамъ же всакую (С. № 178). Но свакою (С. № 157) образовано отъ сваком: нынѣ и *сваки*, *-â* и *свакои* (*-оји*), *-ӣ*. Смѣшаннаго склоненія: егова, -оу, нигѡвѫ, неговѫ (С. NN№ 9, 88, 115, 119, 130; З.), таковоу (С. № 107), толикоу (С. № 2), сиковѫ (С. № 42), ѡнлкѫ (С. NN№ 101, 102), вѣликѫ (А. № 14) и въ опредѣленномъ в. таковую (С. № 46). единоу (З.), є- н- є- єдинѫ, -оу (С. NN№ 77, 109, 112, 123, 130, 144), ни ꙁа єдинѫ (С. № 93, ср. С. NN№ 96, 98, 107, 118, 144, 168; З. А.), ꙁа ни єдинѫ (С. № 107, ср. С. NN№ 114, 120, 127, 133, 141). Обратимъ вниманіе на двоякій видъ склоненія. Кромѣ притяжательныхъ и сию, кою, не могущихъ и имѣть другой формы, всѣ остальныя мѣстоименія почти не имѣютъ опредѣленнаго в.: два, три случая на -ѫю свидѣтельствуютъ лишь о слабомъ присутствіи Ц.-Славянской стихіи.

Но этотъ неопредѣленный в. не есть ли только наружный? Нынѣ, какъ сказали мы, винительный п. опредѣленнаго в. исходитъ на ӯ: и такъ вотъ гдѣ разгадка этому мнимо-неопредѣленному виду. Д.-Булгарскій языкъ различаетъ здѣсь -ѫ отъ -ѭ; если же у насъ не различены они, то преобладаніе народности въ самомъ этомъ мнимо-неопредѣленномъ видѣ получаетъ явное оправданіе.

Звательный п. ед. и мн. ч. одинаковъ съ именительнымъ. Вотъ, однако, нѣсколько случаевъ: цр҃оу мой б҃е мой (А. № 2), крѣпости моя (Ю.); господи мой (С. № 178), наши пріятели (С. № 135). Въ формѣ родительнаго п.: ѡ людесь твоихъ (Г. А, Б).

Родительный п. ед. ч. образуется въ мужескомъ и среднемъ р. чрезъ приставку къ озвукотворенной полугласной первоначальнаго *-a(s)* съ помощію благозвучнаго *г*. Въ Санскритѣ мы видимъ окончаніе *-sja*, которое отчасти служитъ и существительнымъ. Сравнительное языкословіе приравниваетъ это *-sja* къ Славянскому *-ю* или *-га*, не скрывая, однако, трудности перехода *s* въ *г* и рѣшая тѣмъ, что *s* выпускается а *j* отверждается въ *г*. Но едва ли подобное отвержденіе можно допустить въ древнѣйшихъ языкахъ: это скорѣе явленіе языковъ позднѣйшаго образованія. Лучше предположить, что *о* или *а* Славянскаго есть первоначальное *a(s)*, то же, что и для существительныхъ; а *г* есть такая же благозвучная буква, какъ и *s* Санкрита. Замѣтимъ, что и въ другихъ случаяхъ оно отправляетъ у Славянъ служеніе благозвучной буквы, какъ и *в*; а у Русскихъ и здѣсь слышится *в: -ва, -во*, на пр., *тово, такова*. Слѣдовательно, мѣстоименное склоненіе будетъ отличаться отъ существительнаго только разъединеніемъ основы и падежнаго указателя благозвучнымъ *г* и переходомъ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ первичнаго *a(s)* въ *о*. Въ Сербскомъ, Хорватскомъ, Хорутанскомъ и отчасти Русскомъ этотъ перезвукъ не существуетъ, но въ остальныхъ падежъ исходитъ на е, *о*. И такъ отношеніе между -го и -га послужитъ намъ одною изъ мѣрокъ для опредѣленія отношенія между двумя стихіями, вошедшими въ образованіе Д.-Сербскаго книжнаго языка. Женскій р. образуетъ этотъ падежъ точно такъ же, какъ и въ существительныхъ, на носовой звукъ, переходящій у Сербовъ обыкновенно въ е. Такимъ образомъ измѣняется тъ: того, -ѡ, -ѽ, -о̀, тóго (С. №№ 16, 35, 61, 66, 68, 101, 102, 175, 176; А. №№ 3—7, 10, 12, 14, 17, 19; Мк.; В. №№ 1, 2; З.; С.-Д.М. 1844; Мл.), тога, -а̀, тóга (Ш. №№ VII, 11; С. №№ 2, 3, 18, 21, 26, 35, 43, 46, 53, 55, 57, 66, 69, 73, 76—79, 83, 89, 91, 96, 98, 107, 111, 126, 132, 135, 137, 143, 144, 149, 151, 152, 161, 163, 164, 168, 173, 176; А. №№ 4, 14, 15; З.). Въ женскомъ р. образованіе, подобно мужескому р., удерживаетъ озвукотворенную основную полугласную и присоединяетъ къ ней падежной образователь, не сливая его, но разъединяя мягкостію: тоѩ. Это отличіе мѣстоименнаго движенія. Изъ другихъ нарѣчій Славянскихъ одно Лужицкое еще помнитъ это полное образованіе въ *teje*; за тѣмъ Русское въ *той*, гдѣ въ *й* уже произошло ослабленіе, какъ и въ Польскомъ въ *tej;* Чешское уже стянуло его вовсе въ *té*. Но въ Хорутанской и Сербской формахъ *te*, *тѐ* мы скорѣе готовы видѣть другой пріемъ образованія непосредственно отъ *ta*, *та*, ибо и въ Д.-Булгарскомъ могло бы быть по примѣру существительныхъ тѧ, ср. нынѧ, а извѣстно, что югозападный говоръ не различаетъ ѧ отъ ѫ въ родительномъ п. и всѣ слова жен. р. изводитъ на *е*, отвѣчающее общему прадавнему носовому признаку этого падежа. Этимъ мы объясняемъ и нашу форму тѧ, те, тѣ и т. д. (А. №№ 6, 9, 10, 14; С. №№ 35, 40, 54, 63, 173, 176; З.; С.-Д. М. 1844) и съ

усиленіемъ ѳей (ѡ тей, А. № 19), въ которой, по свойству грамоты, не могло быть стяженіе, ибо оно, во первыхъ, въ такой степени и не существуетъ у насъ, особливо для двухъ разныхъ гласныхъ; во вторыхъ, въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ оно находится, стяженія не бываетъ. Сдѣсь видѣнъ самостоятельный способъ образованія, даже, быть можетъ, разумнѣйшій, ибо та прямо производить ты=тѥ. Эта форма была принята Д.-Сербами, и перезвукованная Д.-Булгарская тóѥ, тоѥ встрѣчается только два раза (Мл.; С. № 178). сего, -ѡ, сего (А. №№ 1, 3—7, 11, 17, 20; Ш. № VII; С. №№ 2, 16, 17, 49, 51, 52, 68, 86, 175, 176; Мл.; Г. А, Б; З.; Ю.; Мл.), сега, сега, сьега (С. №№ 3, 40, 51, 77, 84, 95, 96, 98 107, 108, 112, 115, 119, 121, 124—127, 142 — 144, 157, 163; А. № 4). Присутствіе мягкости ь отразилось въ е или ье. Образованіе одинаковое съ Д.-Булгарскимъ: ь озвукотворяется въ ѥ, а -го такое же, какое въ того. Но форму сии, сиѥ Д.-Сербы объясняли себѣ, какъ и мы выше объяснили, удержаніемъ первичнаго и и приставкою къ нему опредѣляющаго и: замѣчая разницу между сь, сѥ и сии, сиѥ, они не посмотрѣли на Д.-Булгаръ, подчинившихъ послѣднее движенію перваго, но отличили его особымъ движеніемъ по подобію съ кои: отсюда ихъ форма для опредѣленнаго в. сиѥга, сиѥгá, сиѥга, сиѥга (А. №№ 8, 17; С. №№ 37, 63, 66, 68). Въ послѣднихъ четырехъ грамотахъ нельзя въ иѥ, иѥ видѣть одно смягченіе, ибо такъ выражается ѣ, а не е, и во вторыхъ, въ нихъ е выражено чрезъ ѥ; а въ гр-ѣ С. № 37, такъ какъ она есть Турецкій списокъ съ гр-ы Дечанскаго, болѣе или менѣе удержавшей древнѣйшія свойства Восточной семьи, сиѥга должно читать непремѣнно такъ, какъ оно написано, подобно какъ и въ гр-хъ Аѳонскихъ. Слѣдовательно, сдѣсь просто видны какъ самобытный способъ образованія, доставляющій Д.-Булгарскимъ сии, сиѥ особое движеніе, такъ и разумная свобода дѣйствія, создающая формы на основаніи строгой послѣдовательности подобно Д.-Булг. иъ и кои. Такая же самостоятельность замѣтна и въ женскомъ р. Имѣя передъ собою именительный сиѩ, Д.-Сербы прямо образовали сиѥ, -ѥ, сіѥ (Ш. №№ VII, 11; С. №№ 3, 77; Ю.), которое стоитъ независимо отъ сеѩ. иго, его, ѥго, ѥго и т. д. ниго, нѥго и т. д. (А. №№ 1—11, 13—15, 17—20; Ш. №№ VII, 11; С. №№ 2, 12, 16, 21, 26, 27, 35, 50, 51, 53, 62, 68, 76, 81, 84 85, 90, 93, 95—97, 99, 102—104, 107, 111, 113, 118, 133. 137, 142, 143, 175, 176, 178; Г. А, Б, V; В. № 2; З.; З. А.; Г. Б, V; Мл.), нига, нега, нѥга, нѥга (А. № 4; С. №№ 43, 48, 77, 93, 98, 100, 101, 132, 164). Сокращенное го (А. № 6; З.), га (Ш. № VII; С. №№ 3, 11, 14, 16, 18, 19, 21, 22, 27, 34, 35, 39, 40, 43, 45, 46, 48, 56, 61, 64, 71, 73, 76, 83, 87, 88, 91, 93, 100, 109, 111, 121, 126, 128, 130, 133, 142, 144, 149—151, 157, 159, 164, 168, 176; А. №№ 3, 4, 8, 9, 12, 17; З.; Г. VI, № 2; Мл.; С.-Д. М. № 2) употребляется въ винительномъ п., и только однажды находимъ родительный га (С. № 40). Нынѣ Сербы часто сокращаютъ падежное *-га* въ *-г*: мы находимъ у себя гь вин. га (С. № 88) и тутъ же еще нашегь. Въ женскомъ р. происходитъ то же самое, что и въ тѥ: какъ въ этомъ полугласная не возстановляется, такъ и сдѣсь коренная гласная сливается съ падежнымъ признакомъ иѥ̈, иѥ, ѥѥ, иѥ, ѥѥ, иѩѥ (А. № 14; С. №№ 87, 93, 109, 128, 130, 134, 143), ѥ̑ (А. № 10). Особнякомъ стоитъ перезвукованная Ц.-Славянская форма ѥѥ, ее, ѥѥ и т. д. (Ш. № VII; А. №№ 2, 7, 10, 12, 14, 20; С. № 176; Мл.), которую сохранили Лужицкій въ *jeje* и Русскій въ *ея*, но прочія нарѣчія, въ томъ числѣ и Сербское, слили чистую гласную основу съ падежнымъ признакомъ *ám* = а въ одинъ звукъ *e*, *je*, какъ югозападный говоръ, или съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ двоегласія,

какъ Польское *jéj*, стянувшееся у Чеховъ въ *gj*. Впрочемъ, и въ Д.-Булгарскомъ возможна была форма **ıѩ**[1]. Сложное относительное: **ı- є- ѥ- игоже** и т. д., **нигоже** (Ш. № VII; А. №№ 3—9 11—19; С. №№ 35, 37, 46, 51, 62, 66, 90, 111, 137, 176, 178; С.-Д. М. *1844; В. № 2; Г. Б; Мл.), **иижє, нѥже** и т. д. (А. №№ 8, 10; С. № 176; В. № 1). Мы не нашли въ именительномъ п. формы **кь**, но сдѣсь находимъ отъ нея родительный п.: **кога**, **кѡга**, **коѡга** (С. №№ 16, 26, 84, 89, 93, 104, 105, 114, 124, 176; З.); **никога, -рє** (А. № 6; С. № 3), **когождє** (А. № 1), **когарє** (С. № 3); въ женскомъ р. по подобію съ **тє**: **никѣрє** (т. е., **никєрє**, С. № 14). Тогда какъ обыкновенная Ц.-Славянская форма есть **коего**, Д.-Сербы самостоятельно и разумно проводятъ **кь** въ движеніе, въ которомъ простая Ц.-Славянская форма сохранилась только для сложныхъ **къждо** и **къто**. Отъ послѣдней находимъ и у насъ: **кого, ког҃** и пр. (А. №№ 4, 11; З.; С. №№ 90, 111, 137, 175; Г. Б), **кога** (А. №№ 1, 7, 8; С. №№ 6, 13, 22, 35, 39, 43, 50, 74, 76, 89, 114, 117, 118, 120 — 123, 125—130, 133, 134, 139—142, 144—147 150, 151, 157 — 159, 161, 163, 164; Мл.), **никога, -рє, -рє, -рь** (С. №№ 29, 33, 36, 40, 44, 55, 71, 111, 137, 144, 156, 176; З.; Мл.), **нѣкога** (А. № 4). Въ другомъ однородномъ съ этимъ мѣстоименіи **чьто** принята та же степень образованія: только въ Д.-Булгарскомъ языкѣ благозвучная буква есть **с**, какъ въ Санскритѣ *s* въ *sja*, и *a* перешло, по обыкновенію, въ **о**: **чесо**; у насъ **с** отчасти удержано изъ подражанія, но а возстановлено: **чеса** (С. №№ 23, 77, 79, 93, 126, 142), **ничеса, -рє** (С №№ 2, 146, 147). Но показывается уже, какъ у другихъ Славянъ, **чєга** (С. № 144), Хорутан. *čiga*, Рус. *чево*, Луж. *čoho*, Чеш. *čeho*, Поль. *czego*. Но Хорваты, какъ отчасти и Хорутане, говорятъ *česa*, Д.-Чеш. *čese*. Нынѣ въ Сербскомъ для *шта* или *што* принято существительное образованіе, производящее въ родительномъ п. *шта*. Это указываетъ на коренное тожество обоихъ склоненій. Въ древнихъ памятникахъ находимъ его не разъ въ Западныхъ гр-хъ конца XIV-го и XV-го в. и даже однажды въ Аѳонской: **ѱтѧ** (А. № 4), **щѧ, щаа** (С. №№ 66, 76, 77, 87, 107 — 109, 112, 115, 119, 126, 143, 145), **нища** (С. №№ 23, 28, 38, 70, 71, 113, 128; А. № 15; Мл). Въ этихъ двухъ мѣстоименіяхъ, **къто** и **чьто**, Славянскій языкъ во всѣхъ нарѣчіяхъ сохранилъ движеніе неопредѣленнаго в., какъ въ **тъ**: такъ Рус. *ково*, Серб. *кога*, Хорват. и Хорутан. *koga*, Чеш. и Луж. *koho*, Поль. *kogo*, Н.-Булг. *кого*. Но отъ простаго **къ** всюду находимъ уже опредѣленный в., составленный изъ **и** и **къ** съ возстановленіемъ полугласной въ видѣ **о**. Только у Н.-Булгаръ и у Д.-Сербовъ, какъ мы видѣли, есть и простое образованіе неопредѣленнаго в.: **кого, -а**, *кого*. Но столь же часто и въ тѣхъ же семьяхъ грамотъ находимъ и первичный опредѣленный видъ: **коего**, **ко́єго** (С. № 51; А. № 10), **коєга, -єга, -єга, -ѥга** (А. № 7; С. №№ 104, 107, 108, 112, 115, 126, 145), **никоєга** (С. №№ 40, 43, 44); **кои, -є, -ѥ** (С. №№ 44, 63, 107, 114, 142; А. № 18), **нѣко́и** (А. № 17), **никоирє, -єрє, -ѥрє** (Ш. № VII; С. №№ 2, 35, 42; А. № 6). У другихъ Славянъ уже этотъ одинъ видъ: Серб. *коега*, но есть и стянутое *кога*, что заставляетъ подозрѣвать и въ предыдущемъ **кога** возможность стяженія; жен. *кое*, Рус. *коево, коей*, Хорв. *kojega*, *koje*. У прочихъ или вовсе нѣтъ этого мѣстоименія, либо оно обратилось уже въ неподвижное. Но Д.-Булгарскаго движенія въ сложномъ опредѣленномъ в.: **кыѩ** мы у себя не встрѣчаемъ. Отъ **кои** прямо переходимъ къ притяжательнымъ, хотя первично обра-

[1] Миклошичъ, Formenlehre der altslovenischen Sprache. Wien, 1850. Стр. 24.

зованнымъ, однако явно приводящимъ въ движеніе опредѣляющее **мѣстоименіе**. Сдѣсь увидимъ стяженіе въ полной силѣ, дѣлающее форму какъ бы неопредѣленнымъ в.: **моѥго**, **-ѥго** и т. д. (А. NN№ 1—3, 5—7, 10, 11, 13, 16, 17, 20; С. NN№ 24, 35, 46, 50, 51, 62, 90, 91, 94, 96, 98, 99, 101, 102, 107, 111, 176, 179; Мл.; Г. V), **моѥга**, **-ѥга**, **-ѥ́га**, **-ѥга** (С. NN№ 2, 6, 7, 10, 31, 34, 71, 89, 96—98, 107, 108, 112, 114, 115, 148; А. № 4), откуда стянутое **мога**, **моѡга** (С. NN№ 61, 64, 67, 70, 74, 79, 93, 97, 114, 132, 142, 143, 149, 173); **моѥ**, **-ѥ**, **-ѥ**, **-е** (С. NN№ 2, 34, 36, 51, 70, 71, 73, 79, 93, 94, 96, 133, 151, 176; А. № 20), или перезвукованная Ц.-Славянская **моѩ**, **-ѩ** (С. № 35; А. № 20), откуда стянутая **мои**, **моѝ** (С. № 51; А. № 20); **твоѥго**, **-ѥго** и т. д. (Ш. № VII; А. NN№ 6, 8; С. № 51; Мк.; В. № 1; Г. А, Б; Ю.), **твоѥга** (С. NN№ 3, 26), **твога** (С. NN№ 12, 16, 26), **твоѥ**, **-ѥ** и т. д. (С. NN№ 26, 176; А. NN№ 6, 9); **твоѩ**, **-ѩ**, **-ѩ**, **-ѥ** (В № 1; С. № 46; А. № 20), **твои**, **твоѝ** (С. NN№ 3, 51) или съ инымъ произношеніемъ, какъ доказательство, что Ц.-Славянское **ѧ** уже утратило у Сербовъ свое носовое значеніе и произносилось индѣ какъ **ꙗ**: **твоꙗ** (Ю.), **своѥго**, **-ѥго** и т. д. (А. NN№ 1, 12, 13; Ш. № VII; С. NN№ 46, 50, 62, 66, 86, 97, 99, 111, 176, 178; З.; Мл.) **своѥга**, **-ѥга** и т. д. (З.; С. NN№ 82, 84, 94, 99, 108, 112, 115), **свога**, **свѡга**, **своѡга** (С. NN№ 16, 68, 77, 78, 80, 93, 111, 114, 119, 121, 126, 143 — 145, 157, 164); **своѥ**, **-ѥ**, **-е**, **-ѥ** (Ш. № VII; А. NN№ 9, 13; С. NN№ 66, 80, 93, 142, 143); **ни- чїѥга** (З.). Стяженіе объясняетъ отчасти удвоеніе **оѡ**. Замѣтимъ въ женскомъ р. самостоятельное образованіе на **-ѥ** вм. **-ия** (**иꙗ**), какъ мы видѣли и въ отдѣльномъ мѣстоименіи **ѥ**. Сдѣсь не могло быть стяженія. Переходимъ къ другимъ первоначальнымъ притяжательнымъ, въ которыхъ первичное образовательное мѣстоименіе является въ болѣе скрытомъ видѣ: **нашего**, **-г̑**, **-его** и т. д. (С. NN№ 3, 35, 53, 61, 87, 91, 100, 108, 109 112, 115, 121, 123, 126, 175, 178; А. NN№ 10—12, 14, 16, 18, 20; В. № 1; З.; Ю.; Г. Б; Мл.), **нашега**, **-ега** (С. NN№ 3, 8, 12, 16, 63, 78, 81, 85, 91—93, 96, 98, 104, 107, 108, 112, 114 — 116, 120, 126, 127, 129, 132, 133, 136, 140, 144, 146, 147, 150, 156, 161, 163; Г. V), **нашьга** (С. № 83), **нашегь** (С. № 88); **на́шеѣ** (С. № 178) и стянутое съ переходомъ при шипящей мягкаго **е** въ **о**: **на́шои** (А. № 16), **наше**, **-е**, **-ю**, **на́ше** (А. NN№ 1, 10, 14; С. NN№ 16, 54, 63, 77, 78, 91, 100, 104, 143, 148, 149, 152, 163, 175; Мл.); **вашего** (А. NN№ 3—5), **вашега** (С. NN№ 10, 18, 41, 45, 63, 156, 167; Г. VI, № 2); **ваше** (С. NN№ 13, 166). Сравнивъ **наше**, **ваше** съ Д.-Булгарскою формою **нашем**, **вашем**, видимъ, что Д.-Сербскій языкъ послѣдовательнѣе образуетъ свою отъ **наша**, **ваша** безъ возстановленія признака мѣстоименнаго движенія и ближе къ существительному; ср. на пр. **душе** и **доуша**. Д.-Булгарскій, сливъ въ именительномъ п. образовательное мѣстоименіе съ основою подобно существительному исходу, обнаруживаетъ это первичное образованіе въ **-ем**, чего не дѣлаетъ въ существительныхъ; но Д.-Сербскій уподобляетъ и сдѣсь существительному движенію, хотя собственно, повторяю, и въ этомъ послѣднемъ, если взять первоначальный способъ образованія именныхъ частей рѣчи, кроется мѣстоименное начало. То же увидимъ сейчасъ въ мѣстоименіяхъ указательныхъ и ближайшаго опредѣленія: **ѡ̓- ѡного** (З.; С. № 178), **о- ѡ̓- ѡ̑- ѡнога**, **ѡ̓нога̑** (С. NN№ 3, 16, 40, 66, 73, 89, 91, 100—102, 111, 114, 137, 141, 147); **ѡ̓ное**, **ѡ̑но́е** по-ц.-славянски (Мл.; С. № 178), **ѡнои** (С. № 96), **ѡни** (С. № 16; Ш. № 11). Сюда отнесу и **ѡнине** (С. № 132), принявшее хотя и опредѣленый в. на **ѥ**, однако пустившее его въ движеніе неопредѣленнаго в. **о- ѡнога** (С. NN№ 87, 119, 144, 146, 147, 155, 157, 163 — 165);

ioнe, ôнe (С. № 142; Мл.); самого, -гô (А. NN№ 3, 4; С. № 35), самога (С. № 14; въ Г. VI, № 1 -ога), самога (С. NN№ 3, 21, 26, 132); ĭ- иного (Ш. № VII; С. NN№ 44, 111, 175; Г. Б; Мл.), ĭ- ĭ- инога, -оега (А. № 1; С. NN№ 59, 77—79, 91. 111, 114, 120, 132, 133, 137, 144 — 147, 156); ĭ- ине, -е (А. № 6; С. NN№ 63, 89, 114, 133, 140, 144), иное (С. № 51), вьсего, всего и т. д. (А. NN№ 3—5, 7, 11, 17; С. № 176; 3.), вьсега, всега, ксега, сега и т. д. (А. И.; С. NN№ 3, 16, 18, 26, 45, 57, 78, 93, 108, 112, 128, 131, 132, 140—142, 162—164; А. NN№ 4, 9, 10, 14; 3.; Мл.); вьсе, все и т. д., све, -е (Ш. № VII; С. NN№ 5, 13, 16, 21, 27, 51, 52, 74, 82, 89, 96, 98, 103, 107, 110, 111, 114, 120, 122, 124, 125, 127, 133, 136—138, 144, 145, 148, 150, 154, 155, 159, 163; А. NN№ 3 — 5, 10). Въ Восточной семьѣ находимъ заимствованіе изъ Д.-Булгарскаго: ксей, всей, -и, всеи (А. NN№ 4, 5, 10; С. № 176), откуда ксей (А. № 8); вь- в- всакого (С. NN№ 35, 176; А. № 9; 3.); вь- всакога, -оега, сакога, -ега (А. № 1; С. NN№ 3, 7, 14, 26, 53, 76—78, 82, 96, 98, 100, 107, 132, 140, 157), образованное какъ и иного отъ иь; ибо окончаніе -иь при мѣстоименіи, принявъ его природу, поступило и въ мѣстоименное движеніе: по этому, какъ прежде нашли мы моего, -а, такъ и теперь находимъ всакоега, подобно моега, (С. NN№ 96, 104). Такъ и въ женскомъ р.: всаке, -е, -е, всаке, саке, -ĕ (С. NN№ 3, 39, 43 — 45, 50, 54, 55, 65, 66, 76, 82, 84, 101, 104, 129, 140, 142, 143, 153, 159; Мл.) и вьсакѣ, -ое, -оĕ, всакое, -ои. сакое (А. И.; С. NN№ 14, 16, 35, 75, 100, 102, 107, 142, 157; А. № 20), всакои, сакои (С. NN№ 164, 167). Въ формѣ жен. р. на -е, какъ моне, ине, вьсе, не могло произойти стяженія изъ -ои, -еи чрезъ -ое(й), -ее(й), ибо въ тѣхъ грамотахъ и вообще въ той семьѣ, гдѣ существуетъ эта форма, ни разу не встрѣчается другая на -ои, -еи ни въ полномъ, ни въ стянутомъ видѣ. Обѣ послѣднія живутъ отдѣльно въ ограниченномъ объемѣ и подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи. Образованіе какъ той, такъ и другихъ совершается независимо на основаніи различныхъ пріемовъ того и другаго языка. Если форма всакое мѣстомъ и количествомъ употребленія замѣтно отличается отъ подобныхъ ей, то это по тому, что она принята народностію, ибо и нынѣ есть *сваки*, *-о*, *-а* и *свако(ј)и*, *-е*, *-я*. н- е- е- ие- иднога (А. № 4; С. NN№ 39, 64, 76—78, 89, 91, 96, 98, 104, 114, 121, 140, 142—145, 150, 156, 164; Мл.), ни- иедноrа, -ега (С. NN№ 87, 106, 108, 109, 112, 157), ни ʒа еднога (С. № 107, ср. С. NN№ 114, 127, 132, 133), ʒа иеднога (С. № 115); единагô (С. № 144), случайно попавшее сюда изъ Ц.-Славянскаго языка. идьне, идне, едне и т. д. (С. NN№ 2, 61, 71, 79, 132, 144, 150, 156; 3.). Но рядомъ съ этою мѣстоименною формою встрѣчаемъ и прилагательную неопредѣленнаго в. муж. р. едина (3.). Подобныя формы весьма важны. Если бы нашлись онѣ для неопредѣленнаго в. большей части мѣстоименій, то тогда можно бы было положительно сказать, что въ старину Славянскій языкъ считалъ подобныя мѣстоименія болѣе прилагательными, ибо, по истинѣ, что за мѣстоименія на пр. инь, вьсакь, таковь и т. п? Это, по смыслу, скорѣе прилагательныя, и все, что заставляетъ относить ихъ къ мѣстоименіямъ, это—ихъ мѣстоименное движеніе, на пр., на -го вм. -а. Мѣстоименія существительнаго склоненія въ неопредѣленномъ в.: нгова, ни- негова и т. д. (С. NN№ 2, 73, 77, 91, 100, 111, 126, 135, 137, 141; А. № 9; 3.); ни- негова (С. NN№ 133, 155, 157); такова (А. № 6); толике (С. № 76). Пересмотрѣвъ неопредѣленный в. и опредѣленный первичнаго образованія, переходимъ къ сложному движенію, или позднѣйшему опредѣленному в. тѣхъ мѣстоименій, которыя способны къ нему. Но прежде за-

мѣтимъ, что первоначальная съ уподобленіемъ форма **-аагo** уже и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ стягивалась въ **-аго**; но Сербы еще перезвуковывали ее въ **-ога**, какъ *доброга* отъ *добри*, и тѣмъ отожествляли съ неопредѣленнымъ в. мѣстоименнаго склоненія: на пр., **инаго** отъ **иный** у Сербовъ могло перейти въ **инога** и смѣшаться съ **инога** отъ **инъ**. Въ прилагательныхъ, причастіяхъ и мѣстоименіяхъ, слѣдующихъ движенію существительныхъ, слитіе и перезвукъ не могли бы нарушить различія видовъ, ибо въ нихъ неопредѣленный в. образуется по существительнымъ на **-а**; но въ мѣстоименіяхъ и этотъ видъ принимаетъ **-ого**, или **-ога**, по чему стянутый опредѣленный вполнѣ уподобляется ему. Мы не можемъ произвольно рѣшить, какія формы на **-ого** суть неопредѣленный, и какія опредѣленный, и по тому всѣ относимъ къ первому, а ко второму отчисляемъ только тѣ, которыя прямо указываютъ не свое сложное образованіе. Таковы: **инаго** (С. № 14), **всякаго** (С. № 176), **такиі, -ыи** (А. № 6), **таковаго** (А. №№ 3, 6, 13; Г. А, Б; С. № 51), стянутое изъ дѣйствительно находимой **таковаагo, -аагo, -аго, -аго, таковаагo** (А. №№ 10—12, 14, 15, 17, 18; С.-Д. М. 1844; Мл.), **таковыіи** съ вытяженіемъ **ы** въ **ыи** (А. № 4). И такъ Д.-Сербскій языкъ въ образованіи этого падежа представляетъ много своего самостоятельнаго. Онъ послѣдовательнѣе различаетъ неопредѣленный в. отъ собственно-опредѣленнаго, предоставляя тому и другому особое движеніе, тогда какъ Д.-Булгарскій оба вида именительнаго п. часто соединяетъ въ одномъ движеніи. Для примѣра укажу на **сега** и **сиюга, кого, -га** и **коюга**. Въ женскомъ р. онъ не возстановляетъ конечной полугласной, а въ мѣстоименіи и коренной гласной: отъ того образованіе его совершается на **-ѣ, -и** вм. **-ои, -ии**: отъ того оба вида получили, какъ и нынѣ, тожественное образованіе. Стяженіе и перезвукъ, производящія **-ога** вм. полнаго **-аагo**, вѣроятно, привели многія формы опредѣленнаго в., по желанію писца и по смыслу, подъ одно съ неопредѣленнымъ; **-аго** и **-аагo**, какъ **-ии, -ыии**, сохранились лишь въ Восточной семьѣ подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи. Перезвукъ исхода **-го** въ **-га** и мѣстоименія **го** въ **га** начинается вмѣстѣ съ памятниками въ XII-мъ в. и постепенно усиливается къ концу XV-го, не вытѣсняя, впрочемъ, окончательно Ц.-Славянской формы на **-го**. Послѣдняя замѣтно сильна въ Восточной семьѣ и вообще въ XIII-мъ в.; но въ Западной съ концомъ XIV-го вдругъ явно рѣдѣетъ и почти прекращается. Сильнѣе и ровнѣе всего выказывается она въ **иго**. Сокращенное окончаніе **-гь** вм. **-га**, весьма обширно развитое нынѣ, является только разъ еще въ самомъ зародышѣ въ началѣ XV-го в. Сказанное о родительномъ п. уяснитъ и формы дательнаго.

Дательный п. ед. ч. муж. и средн. р. образуется на **-ꙋ**, происхожденіе котораго изъ *аи* = *ои* мы уже видѣли. Но признакъ этотъ не прямо присоединяется къ основѣ, а съ помощію частицы **м**, передъ которою возстановляется первичная гласная, по Славянскому обычаю, твердая въ **о**, мягкая въ **є**. Въ частицѣ *м* сравнительное языкословіе видитъ начальное *sma*, которое въ Литовскомъ и Славянскомъ языкахъ перезвуковывается въ *мма*, а это переходитъ въ простое *ма*, ср. Санскр. *tasmâi* (тому). Въ женскомъ р. къ возстановленной гласной прямо приставляется признакъ падежа **и**. У насъ неопредѣленный в. доставляетъ слѣдующія формы: **томꙋ, -оу** и т. д. (С. №№ 9, 29, 62, 64, 70, 71, 73, 78, 82, 83, 86, 88 и пр.; А. №№ 3, 4, 10, 11, 15; Мк.; В. № 2; З. А.; Г. V), **той, то́и, то́и** (А. №№ 7, 10), **комꙋ** отъ **кь** (С. № 67), **комоуждє, ко́моужє** (А. №№ 1, 11), **комоу, -ꙋ** и т. д. отъ **кьто** (Ш. № VII; С. №№ 4, 15, 22, 43, 50, 51, 59, 76, 83, 86 и пр.; А. №№ 3, 9, 17; З.),

иномъ, **-оу**, **-ѣе**, **-рь** (А. № 1; С. №№ 3, 40, 47, 54, 60, 76, 142, 176; З.; Мл.), **инѹемоу**, **-ѫ**, **-мѹ** (А. № 5; С. №№ 46, 50) или **инѹесомоу** по-ц.-славянски, гдѣ принята за основаніе форма родительнаго п., (А. № 12), **семъ**, **-оу** и т. д. (А. №№ 1, 3, 4, 6, 11, 14; Ш. №№ VII; С. №№ 51, 68, 78, 81, 85, 86, 88—90, 137, 173, 175, 176; С.-Д. М. 1844; Мл.), **сеи** (Ш. № VII), **е-** **ѥ-** **ѥмоу**, **-оу**, **емъ** (А. №№ 1, 3, 5, 9, 16; Ш. № VII; С. №№ 51, 66, 68, 176), **немоу**, **-ѫ**, **нимъ**, **немъ**, **нѥмоу** (С. №№ 51, 73, 77, 147, 163; А. № 12), **немоуже** (С. № 176). Чаще употребляется сокращенное: **моу**, **мъ**, **моу** (А. №№ 1, 4, 6, 9, 10, 12, 13, 15—19; Ш. № VII; С. №№ 2, 3, 4, 9, 10, 13, 15, 20, 21, 26, 27, 29, 35, 43, 52, 77, 78, 91, 98, 100, 106, 108, 111 — 115, 119, 120, 127, 130, 133, 137, 141, 142, 147, 149, 150, 157, 164, 176, 179; Мк.; З.; Ш. № 11; С.-Д. М. 1844; С.-Д. М. № 2; Мл.), замѣняющее иногда притяжательное, на пр., **гоиткомьмъ** (С. № 100). **ои**, **ни** (Ш. № VII; В. № 2), стянутое въ **ни** (С. № 176). Народность требовала бо́льшаго смягченія, и по тому находимъ **нои** (С. № 164), откуда, собственно тому времени принадлежащая, форма **ои**, **он**, **нои** (С. №№ 87, 93, 109, 121, 158), **сиже**, **ѥиже** (А. №№ 12, 18, 19). **о-** **ѡ-** **ономоу**, **-ѫ** (С. №№ 16, 43, 50, 73, 91, 111, 118, 137; З.), **онои** (С. № 2), **ономъ**, **-омъ** (С. №№ 118, 136), **онои** (С. № 64), **самомъ**, **-ѣмъ** (С. №№ 10, 37, 84), **и-** **иномъ**, **-оу**, **-оу**, **иномъ** (А. №№ 1, 3; С. №№ 5, 13, 14, 76, 79, 141, 143, 157; З.), **инои** (С. № 95), **всемоу**, **-ѫ** и т. д. (С. №№ 37, 47, 48, 50, 54, 55, 78, 96, 98—104, 107 — 109, 112, 115, 120, 126, 127, 130, 150, 176; А. №№ 10, 12, 13; В. № 1), **свмъ**, **-ѣи** (С. №№ 114, 121, 133, 145, 157, 163), **всеи**, **всѧи**, **вьсеи** и т. д. (С. №№ 4—6, 9, 15 — 17, 20, 21, 37, 103; А. № 9), стянутая **вьсе** (С. № 14); съ бо́льшимъ смягченіемъ **всьои** (С. № 90), откуда, попавши разъ на народный способъ смягченія, писцы пошли далѣе и перевели **ьо** въ **о**: **вьсои**, **всои** (С. №№ 7, 10, 13, 24, 25, 27, 31, 45, 56, 71, 74, 82, 84, 85, 88, 92, 95, 96, 98, 103, 104, 107, 114, 118, 120, 125, 127, 133, 135, 136, 140, 144, 150—152, 154). Это переходная форма: по тому она такъ и распространена здѣсь. Но она была неудобна для произношенія, и хотя писцы боялись, какъ видно, нарушить древнѣйшій порядокъ буквъ, однако наконецъ уступили свойству народнаго произношенія и переставили буквы, отъ чего и вышла вполнѣ подобная нынѣшней, но еще рѣдко употребляемая, **скои**, **свои** (С. №№ 75, 128, 141, 145). **е-** **єдномъ** (С. №№ 76, 107, 150), **єдинои** (С. №№ 114, 173), **вьсакомъ**, **всакомъ**, **-оу** и т. д. (С. №№ 3, 22—25, 28 — 30, 32, 36, 39, 40, 43, 44, 47, 51, 55, 56, 60, 61, 63, 65, 67, 70, 77, 78, 81 — 87, 89, 91—95, 97, 99, 101, 102, 104—106, 108, 109, 114, 117 — 123, 125—127, 129, 130, 133, 134, 140, 142, 144, 146—148, 151—152, 168, 173, 176; Мк.; З. А.), **сканомъ**, **-омъ**, **-ой** (С. №№ 112, 115, 124, 128, 139, 141, 145, 157, 159, 161, 163, 164) — то же отношеніе, что и въ предыдущемъ. **нашемъ**, **-емъ** и т. д. (С. №№ 78, 81, 85, 88, 96—98, 100, 107, 111, 116, 137, 140, 163; З. А.; Мл.; А. № 20), **нашеи**, **-ей**, **нашеи** (С. №№ 3, 16; А. № 11; В. № 1), съ инымъ смягченіемъ **нашои** (С. №№ 63, 114, 118, 166). Перезвукъ **и** въ **ы**, какъ въ именахъ собственныхъ на **-ии**, произвелъ **нашей** (С. № 6). **нашемъ** (С. №№ 10, 21, 64, 75, 149, 172), **нашои** (С. № 173). Открыто выступаетъ образующее **и** въ движеніи: **моимоу**, **-ѫ** и т. д. (А. №№ 1, 3—5, 8, 9, 15—17; С. №№ 35, 61, 66, 68, 79, 90, 91, 150, 176; З. А.), **моеи**, **-ии** (С. №№ 10, 20, 64; А. № 18), **моеи** (С. №№ 67, 94, 98), **твоимъ**, **-имоу** и т. д. (С. №№ 3, 16, 175; Мк.; Г. А, Б; А. №№ 11),

своимоу, -оиих и т. д. (Ш. № VII; А. №№ 6, 12, 14, 20; С. № 66; З.; Ю.), свои. -ии (С. № 10; А. № 6), своиои (С. № 157), [illegible] (С. №№ 80, 128), стянутыя: моих, моимоу (С. № 39; А. № 18), твоих (С. № 16), своих, своимь (С. № 143). Первоначальный определенный в., образованный изъ предыдущихъ чрезъ приставку къ озвукотворенной основѣ определяющаго и, находимъ въ тоиих (С. № 178) отъ тои, разумно образованной формѣ въ противень муж. тои, какъ и кои, кои, тогда какъ там, тѣми было бы противнемъ для тыи; но Д.-Булгарскій языкъ, какъ сказали мы, разнообразя именительный м., не допускалъ такого же разнообразія въ движеніи; а Д.-Сербы кое-гдѣ, какъ видимъ, проводили послѣдовательность образованія и въ движеніе. Далѣе встрѣчаемъ уже понятныя намъ формы: сиих, -оу, сіих и т. д. (С. №№ 46, 62, 91, 111, 137, 138, 175, 176; А. №№ 7, 9, 10, 12—14, 17, 18; Мл.), [illegible] (Ш. № VII), коих, -ємх (С. №№ 78, 107), никоих (С. № 20) и, вѣроятно, стянутое [illegible] (С. №№ 6, 19, 107), ср. [illegible] (С. № 71). Существительнаго склоненія: єгових, негових, ногових (С. №№ 27, 96, 98, 115, 135, 140), [illegible] (С. № 176). таковъ переходитъ въ мѣстоименное склоненіе неопредѣленнаго в.: таковомоу, таковоих (С. № 176; А. № 12). Такъ какъ подобныя мѣстоименія слѣдуютъ смѣшанному склоненію, то и нельзя достовѣрно рѣшить, есть ли здѣсь признакъ мѣстоименнаго движенія, или только сокращеніе изъ -оуоумоу. И такъ дательный п. представляетъ то же, что и родительный; но онъ прибавляетъ замѣчательную форму томи; коих и комих такъ же термины народностію. [illegible] существуетъ преимущественно въ церковно-дарственныхъ гр-хъ и въ памятникахъ не позже XIV-го в.; но [illegible] несравненно превосходитъ его количествомъ употребленія и допускается во всѣхъ семьяхъ и вѣкахъ. Такъ точно [illegible] изъ церковно-дарственныхъ гр-ъ переходитъ въ болѣе народныя въ видѣ [illegible]. Этотъ переходъ смягченнаго є въ простое о, замѣненное нынѣ смягченнымъ *ё* (*jo*), есть отличительное явленіе того времени и посредствующая форма. Равно ксои и ксиоих, по своему количеству, принадлежатъ тому же времени и переходятъ въ нѣсколько позднѣйшія по началу свои и сиаких. Стяженіе отличаетъ дальнѣйшее стремленіе Сербскаго языка наровнѣ съ другими Славянскими нарѣчіями къ упрощенію, или облегченію формъ въ произношеніи, чего еще мало, или вовсе нѣтъ въ Д.-Булгарскомъ. Наконецъ сиих, не смотря не употребленіе сиига, встрѣчается исключительно въ Восточныхъ гр-хъ и преимущественно церковныхъ; равно [illegible], исключая Восточныя гр-ы, существуетъ только до начала XV-го в. тсомоу естественно должно было понасться въ Аоонской гр-ѣ, ибо Сербы говорятъ *чему*. Также и [illegible], какъ Д.-Булгарскія мѣстоименія, не усвоенныя Сербскимъ языкомъ, встрѣчаются лишь въ церковныхъ грамотахъ. Изъ всего видно, что Д.-Сербскій языкъ здѣсь, какъ и въ другихъ падежахъ, выказывалъ и самостоятельность, и движеніе впередъ, отдавая преимущество народному началу передъ Ц.-Славянскимъ.

Творительный п. ед. ч. муж. и средн. р. образуется съ помощію того же признака -мь, Лит. *-mi*, какъ и въ именахъ существительныхъ; въ женскомъ р. этотъ признакъ переходитъ въ носовой звукъ, присоединяющійся къ основной конечной гласной, перезвукованной изъ *a* въ *o*, или возстановленной изъ мягкости въ видѣ *e*. Въ первыхъ двухъ родахъ образованіе падежа тѣмъ отличается отъ существительнаго, что здѣсь -мь присоединяется къ усиленной конечной гласной, какъ въ Санскритѣ не только здѣсь, но и въ мѣстоименіяхъ.

Участіе этого усиленія весьма важно въ мѣстоименномъ склоненіи, и мы еще не разъ встрѣтимъ его сдѣсь. Но въ Санскритѣ образователемъ падежа служитъ *á*, стянутое изъ *am* и сходящееся съ полнымъ носовымъ звукомъ **ѫ** Д.-Булгарскаго и *ю* Русскаго въ мѣстоименіяхъ и существительныхъ; звуки же **е**, **є**, **и** въ **-ож**, **-еж**, **-иж**, *-ою*, *-ею*, *-ию* служатъ выраженіемъ основной конечной гласной, или полугласной: въ женскомъ р. и мѣстоименія и существительныя сходятся между собою. Сдѣсь **і** служитъ разъединителемъ падежнаго указателя **ѫ** съ основною гласною, а въ Санскритѣ это служеніе отправляетъ другая благозвучная буква *n*: по этому Санскр. *devéna, téna* отвѣчаютъ Славянскимъ **богъмь**, **тѣмь**. Но въ Санскритѣ бываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и стяженіе: ср. *mṛtjá* и **съмрьтиж**. И такъ въ Славянскомъ мѣстоименіи твердый основной исходъ усиливается въ *ѣ*, а мягкій естественно производитъ *и*. Но чуткое ухо Сербовъ, слыша сдѣсь длинноту, вытягиваетъ нынѣ *и* (=*ѣ* и *и*) въ *ие*, на пр., *моием*, *тием*. Прочія Славянскія нарѣчія выражаютъ это усиленіе тоже чрезъ *ѣ*, *е*, *и*, *i*, *у*. Послѣднее, какъ и *i*, служитъ въ нѣкоторыхъ дальнѣйшимъ перезвукомъ для *ѣ*, на пр., Поль. *tym*, Луж. *tim*, Хорут. *tim* и *tém*, Серб. *тим*. На оборотъ, *ѣ* замѣняетъ *и*, какъ въ Рус. *чѣмъ*. Отсюда объясняются различныя перезвуки въ окончаніи разсматриваемаго падежа. Въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ мы находимъ общеславянское образованіе съ оттѣнкомъ народнаго звукодвиженія. Такъ отъ твердаго исхода **тъ** или первоначально *ta*, чрезъ усиленіе **ъ**=*a*, получаемъ **тѣмь**, **-жь**, **-же**, **тѣмже**, **тѣмьже**, **тѣмгере**, **тѣм**, **тѣмемь** (А. №№ 4—7; С. №№ 35, 39, 77, 85, 90, 91, 137, 176; З.; Мл.). Послѣдняя форма показываетъ, какъ легко Д.-Сербы смотрѣли на образованіе формъ: они взяли въ основу **тѣмь** и уже изъ него сдѣлали **тѣмемь**. Мы и въ существительныхъ не разъ замѣчали, что они брали въ основаніе не тотъ падежъ, какой слѣдовало, или смѣшивали падежи по наружному сходству; также на **ом** смотрѣли иногда какъ на неподвижный вставочный слогъ. Перезвукъ **ѣ** въ **и** произвелъ въ извѣстной семьѣ грамотъ **тимь**, **-же**, **тимже**, **финьже**, или съ усиленіемъ и перестановкой, которую еще не разъ увидимъ, **тиміже** вм. **тимиж** (С. №№ 81, 85, 89, 95, 118, 135, 150; З. А.). Эта перезвукованная форма осталась и донынѣ господствующею, вытягиваясь въ *тием* и указывая этимъ на первоначальное *ѣ*. Въ женскомъ р. находимъ Ц.-Слав. **тою** (З.) и народную **томь** (А. № 9). Отъ **кь** въ жен. р. **комь**, **някомь** (С. №№ 66, 68, 93, 126). **о- онѣмь**, **-нѣ** (С. №№ 68, 98, 126), **о- окѣмь**, **-м**, **океми** (С. №№ 66, 83, 107, 119, 157, 163, 164), или съ перезвукомъ **окимь** (С. № 118), въ жен. р. **оком**, **-ѡ** (С. №№ 66, 146, 147). **инѣмь**, **-емь** (Ш. № VII; С. №№ 72, 157); **иномь** (С. № 142). **всацѣмь**, **-емь**, **-немь**, **-нѣ** и т. д. (С. №№ 62, 114, 142—144; Ю.) и съ перезвукомъ **всацимь** (С. № 99), **всаковь** (С. № 3), **всакомь**, **-ѡ** (С. №№ 24, 54, 76, 93), **всакою** (С. №№ 3, 66, 81, 85, 89, 95). Послѣдняя форма есть Ц.-Славянская. Хотя она встрѣчается въ Западныхъ гр-хъ, однако на ея употребленіе имѣла вліяніе Ц.-Славянская стихія. Далѣе въ женскомъ р.: **такомь**, **какомь** (С. № 5). Сюда же причисляемъ **вьсѣмь**, **-емь**, **всѣмь**, **-ѣ**, **всемь**, **сѣмь**, **сѣй**, **сиемь** и т. д. (С. №№ 24, 31, 35, 46, 51, 55, 65, 77, 82, 98, 101, 107, 108, 112, 115, 119, 120, 122, 133, 144; А. №№ 11, 12, 14, 17; Г. Б; З.; Мл.), **вьсмь**, можетъ быть, **вьсьмь** (С. № 14) и съ перезвукомъ **вьсимь**, **всимь** (С. №№ 89, 96, 99, 102, 118, 140, 145; З. А.); **всовь** (А. И.) — замѣчательное образованіе, ибо почти всюду находимъ **-омь**: лишь въ XII-мъ и XIII-мъ вв. попадаются два, три случая съ **-овь**. Отсюда видно, что въ старину **-мь** было единственнымъ окончаніемъ для творительнаго п. жен. р.

съ общими свойствами твердости и мягкости, но потомъ въ XIII-мъ в., на памяти Исторіи, -ѣмь исчезло, уступивъ свой способъ смягченія своему дружкѣ -омь, которое въ этомъ одномъ видѣ перешло въ -ѡмь. Еще находимъ -ѣмь раза два, три, но -ѣмь только уже однажды, какъ сейчасъ увидимъ. всѣмь (С. № 3), всомь (С. № 16), высомь, -ѡмъ, всомъ, -омъ, -ѡ, -ѣ (А. № 14; С. №№ 78, 86, 114, 127, 140; Мл.), своимь, съвомь (С. №№ 60, 141), вѣсю, всю (А. №№ 2—4, 6). Таковы временныя и мѣстныя видоизмѣненія падежа въ этомъ замѣчательномъ мѣстоименіи: всѣ они уже понятны намъ въ слѣдствіе вышесказаннаго. единѣмь (С. № 3), е- е- идинѣмь, -нимь, -нѣ (С. №№ 22, 114, 157, 163); единою (С. № 178), єдномь (С. № 3), иднѣ (С. № 55). Отъ мягкой основы: симь сим, сѣмь, сими (Ш. № VII; А. №№ 4, 5; С. №№ 43, 50, 55, 90, 94, 176; З.), сю (Мл.) — Ц.-Славянская форма. имь, имѣмь, -ѣ и т. д. (С. №№ 16, 20, 43, 45, 51, 52, 62, 66, 89, 100, 129, 141—143; А. №№ 3, 4, 6, 15, 18; Г. А, Б), имѣ (А. № 14). Для женскаго р. нѣтъ, но должно быть въ народной формѣ номь. имьже, -же, имже и т. д. (А. №№ 4, 5, 20; С. №№ 37, 66, 136, 176): сдѣсь и вм. и указываетъ на совершившееся усиленіе. Отъ що, чьто — чимь (Ш. № VII; С. №№ 46, 66, 91, 111, 137, 142—144), или съ вытянутымъ и: чїмь (З.), ничимь, ничимже (С. №№ 92, 178). Въ противень ему ставимъ отъ кьто—кимь, кымь вм. цѣмь (С. № 55; З.), никимь, -ре, -кимь, -й, -й, ныкымже (С. №№ 17, 49, 54, 62, 66; Г. А, Б; А. №№ 14, 19). Эта форма означаетъ дѣйствіе народности, проведшей всюду въ этомъ падежѣ *-им: ким*. А съ другой стороны, и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ находимъ цѣмь. Но послѣднее уже произведено отъ кы или цы. Въ соотвѣтствіе съ нимъ ставимъ никимь -ре коньцемь (никоимъ образомъ, С. №№ 6, 7, 14), какъ бы отъ ниньи, никци, хотя и сдѣсь опять можемъ видѣть дѣйствіе народности, такое же, какое и въ предыдущей подобной формѣ, вм. ницѣмь отъ нимь. Укажу на выраженіе никомьре ꙁло не прегѣши (С. № 17), гдѣ, если принять ꙁло за ошибку вмѣсто ꙁломь, что очень вѣроятно, то никомьре будетъ творительный п. отъ нимь, нико, ники безъ усиленія основной гласной; если же ꙁло употреблено сдѣсь какъ нарѣчіе, то никомьре будетъ имѣть началомъ никьторе: движеніе во всякомъ случаѣ будетъ одно и то же. нашимь, нашимь и т. д. (С. №№ 8, 57, 86, 98, 118, 122, 127, 132, 133, 135, 148, 163, 172, 179; Мк.; А. №№ 10—12; З. А.), перезвукованное въ нашемь, -немь, -нѣмь, -нѣ, -ѣмь (С. №№ 127, 133, 134, 142, 163, 164), нашомь, нашомь (С. № 12; А. № 10). Форма -немь=-ѣмь условливается извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ; въ Восточной семьѣ ей отвѣчаетъ -ѣмь. вашимь (С. №№ 4, 14, 15). Жен. р. нашою, -ѡ, -о, -ою, -оѭ (С. №№ 57, 60, 78, 86—88, 92, 100, 104, 108, 109, 112, 115—117, 119, 121, 123, 126—130, 135, 136, 139, 143—145, 147, 151—153, 157, 159, 164, 171). Мѣстоименія съ обнаруженнымъ движеніемъ опредѣляющаго и: коимь, -їмь (Ш. № VII; С. №№ 2, 17, 51, 55, 83, 96, 98, 107, 132, 135, 141, 144; А. № 6). Нѣсколько грамотъ Западной семьи переглашовываютъ и въ ѣ или ие: коѣмь, -немь (С. №№ 124, 125). Что сдѣсь стоитъ именно ѣ, то это доказываетъ тутъ же находящаяся форма восльсцѣмь съ претворенною гортанною. Это мѣстоименіе употребляется иногда вмѣсто кьто; на пр., скоимь, скоимь, скоимь насъ, гдѣ и, и—ѣ—ие—и (съ кѣмъ изъ насъ, С. №№ 108, 112, 115, 126). никоймь, никоимь, никоимьре (С. №№ 3, 26; А. №№ 5, 6), нѣкоимь, нѣкоимь (А. № 6; С. № 173); цѣмь, ср. всѣмь, (С. № 2), моимь, моїмь, моимь (С. №№ 96, 139, 141; З.), моимь (С. №№ 98, 104, 107, 114, 120, 127, 133, 142); сїмь (З.), если только сдѣсь

не удлиненіе и подобно тѣмь; синюь (А. № 1), гдѣ, вѣроятно, ю есть не что иное, какъ не, вм. синовь, а это то же, что синю, какъ и дѣйствительно находимъ сінѣ (А. № 15); а такъ какъ мѣстоименіе и употребляется въ другихъ падежахъ безъ смягченія, на пр., дат. ѡн, то и сдѣсь въ дальнѣйшемъ развитіи оно произвело синѡмь, -омь. ѽ (А. № 12; С. №№ 78, 80, 82). моимь (С. №№ 20, 27, 39, 61, 71, 93, 170, 176; Мл.), твоимь (С. №№ 3, 16, 68; Мк.; А. № 7), своимь, -ӥмь, -ӥ, -ӥ (А. №№ 1, 2, 13, 14; Ш. № VII; С. №№ 3, 7, 15, 17, 24, 31, 43, 50, 54, 55, 73, 77, 91, 102, 104, 111, 114, 137, 145, 157, 178; Мк.; Г. А, Б; Мл.). Какъ нынѣ Сербы вытягиваютъ *моим* въ *моием* и т. д., такъ и въ старину вытягивали въ моий (С. № 143), своимь, своий (С. №№ 101, 143), или съ перезвукомъ своемь, -ѣ, -ємь, -ѣмь (С. №№ 119, 126, 130, 164). моемь, -ємь, -ѣомь, ѣомь, -нѣ (№№ 14, 96, 141, 158, 170), моѡмь, -ѡь, -ѡ (С. №№ 61, 67, 72, 74, 80, 86, 93, 96, 98, 110, 132, 143, 148, 155, 162, 163), моею, -ию, -їю (А. №№ 12, 18; Г. V), твоеюмь (С. № 41), твоею (А. № 12), своѡвь (С. №№ 3, 26), своновь (С. № 14), своенѡмь, -нѡ, -нѡ (С. №№ 57, 77, 112, 115, 119, 121, 126, 135, 140), своѡмь, -ѡ, -ѡ, -ѡь (С. №№ 28, 87, 91, 108—111, 124, 125, 128, 137, 163, 164), своємь (С. № 60)—единственный случай для формы женскаго р. на -ємь, вмѣсто обыкновенной на -номь. Мѣстоименія, слѣдующія смѣшанному склоненію, переходятъ въ этомъ падежѣ въ мѣстоименное, какъ на пр.: иговѣмь, иигоѣмь, иговѣмь, -немь, -емь, -ѣ (С. №№ 77, 108, 112, 115, 123, 126, 130, 176), иговѡмь, иговомь, -ѡь (С. №№ 108, 112, 115, 123, 132, 156). Къ сложному опредѣленному в. отнести слѣдуетъ: всацимь, вьсакымь, всацымь и т. д. (С. №№ 84, 132, 176; А. №№ 10, 11; З.), сицевимь (А. № 17). Такъ думать заставляетъ то обстоятельство, что Западныя гр-ы, еще хорошо помнящія всацѣмь и сдѣлавшія отсюда всацимь, не могли считать тожественною съ нею всацимь, а и того менѣе Восточныя: по этому, если въ С. №№ 84 и 132 можно еще допустить неопредѣленный в., по подобію съ нимь, то въ другихъ и этого нельзя сдѣлать, и остается, опираясь въ добавокъ на -ымь, признать эту форму стяженіемъ изъ вьсакыимь, какъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ находимъ ныимь отъ ныи. Припомнивъ всѣ явленія, мы замѣчаемъ сдѣсь такое же образованіе видовъ, какое и въ предыдущихъ падежахъ. Усиленіе произвело два исхода: -ѣмь и -имь. Хотя нынѣ въ Сербскомъ языкѣ нѣтъ перваго, однако онъ является въ *-ием*, которое въ свою очередь сдѣлалось возможнымъ и для твердости и для мягкости. Въ Д.-Сербскомъ языкѣ есть -ѣмь, переходящее въ -ємь и -немь и требующее во всѣхъ видоизмѣненіяхъ своихъ претвореніа гортанныхъ, чего нынѣ уже нѣтъ. Но въ старину это явленіе существовало до конца XV-го в. и обнаруживало перезвукъ. Тѣмъ не менѣе въ началѣ слова гортанная не смягчалась; и въ старину писали кимь. Мягкій исходъ имѣлъ -имь, но и сдѣсь уже онъ переходилъ въ -немь. Вообще перезвукъ ѣ и и въ не начинается съ конца XIV-го в. или съ появленія Западныхъ гр-ъ. Только ымь идетъ уже изъ XIII-го в.; -ѣмь сохраняется преимущественно въ древнѣйшихъ гр-хъ Восточной семьи, равно и въ Западной конца XIV-го в. Простой перезвукъ ѣ въ е совершается въ той и другой семьѣ. Стяженіе -ыимь производитъ у насъ -ымь. Въ женскомъ р. равно принято -номь и -ѡмь, но второе предпочитается. За то -ѡь и -ѡ составляютъ рѣдкое явленіе, которое еще рѣже въ существительныхъ: въ послѣднихъ вовсе нѣтъ второй формы. Но въ той и другой формѣ, -ѣ и -мь, оба вида сходятся, и между ними нѣтъ различія, какъ и въ Ц.-Славянской -ѡю, -ѡ. Исключеніе составляютъ

ком и притяжательныя отъ мѣстоименій единственнаго ч., ср. **нашемь** и **комъ**, **конемь**, **монемь**. Сдѣсь не видимъ стяженія **момь**. Въ **снемь** опять отразилось самостоятельное образованіе опредѣленнаго в. въ противуположность неопредѣленному **сю**, Ц.-Слав. **сим**, стоящему на одной линіи съ **том**. Не желая принимать Ц.-Славянской формы и въ то же время слѣдуя благозвучнымъ требованіямъ, Д.-Сербы остались при **снемь=синю**. Такимъ образомъ хотя теорія и ищетъ другой народной формы для неопредѣленнаго в., однако не находитъ ея. Языкъ, не смотря на все желаніе строго и послѣдовательно провести раздѣленіе видовъ, уклоняется отъ трудно образуемой формы: не теорія должна предписывать законы живому языку, но живой языкъ своими данными освѣщаетъ теорію. Замѣтимъ, какъ слабо держалась сдѣсь Ц.-Славянская стихія съ своею формою на **-ою**, **-ю**: въ этомъ падежѣ она, какъ и въ существительныхъ, наименѣе имѣла успѣха. Озвукотвореніе конечной полугласной, какъ нынѣ въ *њиме*, находимъ еще только однажды и, что замѣчательно, въ Аѳонской гр-ѣ конца XIV-го в.: **имме**.

Мѣстный п. ед. ч. имѣетъ признакомъ *и*, какъ и для существительныхъ. Въ мужескомъ и среднемъ р. онъ присоединяется къ возстановленной основной гласной съ помощію мѣстоименной частицы *м*, при чемъ самъ онъ ослабѣваетъ до *ь*. Отличіе дательнаго п. состоитъ въ томъ, что признакъ *и* не ослабѣваетъ въ немъ, но сливается съ конечною гласною мѣстоименной частицы *ма* въ долгій двоегласный звукъ *у*. Это различіе пріемовъ находитъ источникъ въ духѣ языка, который хотѣлъ различными видоизмѣненіями падежныхъ окончаній означить самые видоизмѣненія мысли: оно указываетъ также на первоначальную простоту и несложность язычнаго состава, такъ что основныхъ различій между падежами менѣе, чѣмъ сколько есть самихъ падежей. Впрочемъ, и время много значитъ. Оно то разъединяетъ, то соединяетъ падежи, между которыми есть парные. Такъ въ двойственномъ ч. есть сочетаніе падежей; такъ мѣстный и дательный въ женскомъ р. ед. ч. сходны между собою; такъ и теперь у Сербовъ дательный и мѣстный сходятся въ окончаніи *у*, какъ въ Польскомъ и Чешскомъ. Не возвратилась ли эта пара къ первоначальному однообразію? Въ женскомъ р. мѣстоименія принимаютъ *и* къ возстановленной конечной гласной *о*, или *е*: по тому образованіе этого падежа одинаково съ дательнымъ. Сдѣсь опять мы видимъ двоякое сочетаніе предлога **по**, но за то предѣлы того и другаго сочетанія нѣсколько уясняются: мѣстный п. очевидно беретъ верхъ надъ дательнымъ, благодаря временному различію падежей, еще не отожествившихся, какъ нынѣ, въ мужескомъ и среднемъ р. Но обращаемся къ памятникамъ. Твердый исходъ производитъ: **томь**, **тѣ** и т. д. (С. №№ 2, 9, 10, 13, 17, 18, 20, 22, 35, 47, 53, 61, 67, 68, 86, 90, 91, 111, 118, 120, 122, 128, 133, 138, 140, 143; А. №№ 4, 9, 19; З.), **томи** (С. № 135), гдѣ для приставки усиливающаго **и** озвукотворено **ь**, какъ нынѣ. **тѣ** (С. № 166), гдѣ **т** переведено въ мягкую основу. Въ значеніи «согласно», secundum, или cum ablativo, **по** въ Восточныхъ гр-хъ XIII-го и XIV-го в. сочиняется съ дательнымъ п. подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка: **по томоу**, **-у**, **томоу**, **-жде**, на пр., **ѡбразоу** (hoc modo, Ш. № VII; С. №№ 24, 46, 50, 62; А. № 13); но уже въ самой Аѳонской гр-ѣ находимъ въ этомъ сочиненіи и мѣстный п.: **по томъ ѡбрѣзѣ** (А. № 12). Въ значеніи «быть по комъ» или «за кого» **по** сочиненъ съ дательнымъ: **выци кои то соу по томоу улонаноу** (З., ст. 100); **по томь** (послѣ того, З.). **теи**, **той**, **тѣи** (Мк.; А. № 10; С. №№ 49, 96, 98, 142, 178; З.). **комь** отъ **кь** (С. №№ 25, 121, 123, 164) и отъ **кьто**

(С. № 9). **ѡ- ѡномь, -ѣ, -ом** (А. № 1; С. NN№ 16, 68, 73, 91, 111, 137), **ѡноме** (С. № 114); **ѡнои, ѡ̀нои, нанои (на ѡнои)** (С. NN№ 11, 72, 176; З.; А. № 19). **ѡномь** (С. NN№ 87, 110, 114, 132, 141, 143), **ѡномен** (С. № 114), **по ѡномь** (въ силу, С. NN№ 151—154); **о- ѡнои** (С. NN№ 89, 150, 164). **і̂- иномь** (С. NN№ 53, 91, 132, 134, 137), **по иномь** (въ силу, С. № 47). **всякомь, -ѣ, -ѣ** (Ш. № VII; С. NN№ 50, 60, 66, 104, 130; А. № 9); **вьсякои, сякои** (С. NN№ 7, 113; З.). **ѥдиномь, единомь** (А. № 4; З.), **е- е- идномь, единѣмь** (З.; С. NN№ 121, 132, 142), **е- и- єдинои** (З.; С. NN№ 146, 147), **единои** (З.). Для мягкой основы: **семь, симь, сиемь, сѣмь, сємь, сем** и съ **по** въ значеніи «въ силу» и «послѣ» (А. № 1; Ш. № VII; С. NN№ 3, 16, 34, 39, 40, 48, 49, 54, 66, 83, 87, 92, 93, 96, 98, 99, 104, 107—109, 112—116, 122, 133, 136, 138, 140, 150, 169, 176; А. NN№ 3, 4, 6, 15; В. № 2; Мл.). Формы **сиѣ, -ѣ** (С. NN№ 142, 143) скорѣе суть вытянутыя изъ мягкой **симь** вм. **семь**, ибо въ этѣхъ грамотахъ мягкій звукъ **е=ѣ** выраженъ чрезъ **ие, ие**. При мягкости б-ы **е** и неопредѣленности написанія звука **ѣ**, очень легко могло быть, что и сдѣсь мягкость б-ы **е**, воображаемая въ б-ѣ **ѣ**, приняла общее написаніе; ср. **вьсѣмь**. Впрочемъ, замѣчу, что въ гр-ѣ С. № 143 одно только **сиѣ** написано съ **и**; остальные же случаи имѣютъ **ие, иемь, иимь, ьемь, иемь, иѣ** и съ **по** въ значеніи «чрезъ» и «послѣ» (Ш. NN№ VII, 15; А. NN№ 2, 6, 10, 19; С. NN№ 43, 81, 85, 89, 100—102, 121, 123, 157, 178; В. № 2; Мл.), **иемъже, иемьже** (А. NN№ 2, 5; С. № 35); **сии, сиѣ** (А. NN№ 1, 10; Мл.), **сиѣже, сиѣже, сиѣже** (А. № 10; В. NN№ 1, 2), **сеи** съ переходомъ **и** въ **ио** (*ё*) и потомъ въ **о** (С. NN№ 78, 97, 99). **всемь, вьсѣмь, всѣ, всемь, свемь, вьсѣ** (С. NN№ 2, 46, 53, 88, 92, 97, 99, 104, 118, 132, 142, 143, 149, 166), **по всемоу побьнь** (А. № 7), **по всемъ трьгъ** (С. № 22), **по всемь владанию** (С. № 80); **всеи, всѣи, вьсѣи** (А. № 1; С. NN№ 2, 20, 81), **по вьсе земли** (З.), **всои, всѡи** (С. NN№ 55, 66, 67, 71, 82, 85, 89, 95, 101, 150; З. А.). **чемь, чѣ, чем, чемь** (С. NN№ 48, 54, 118, 134), **ни в чемь, ни на чемьре, в ничемь** (С. NN№ 28, 65, 100—102), въ Ц.-Славянской формѣ **ни въ чесомь** (З.). **нашемь, -емь, -ѣ, -ѣь, -ѣь, нашемь** и съ **по** въ значеніи мѣста и «въ силу» (С. NN№ 59, 87, 92, 93, 97, 99, 100—102, 108, 109, 112, 114—116, 119, 121, 122, 129, 134, 135, 140, 141, 144, 145, 147, 148, 150—154, 176, 178); **по законѣ нашемъ** (С. № 16) нельзя принимать за мѣстный п., ибо возрастъ и свойство памятника не допускаютъ формы на -ѣ, когда ея нѣтъ въ позднѣйшихъ и болѣе народныхъ: сдѣсь это дательный п. Но за несомнѣнный признакъ мѣстнаго должно принять: **ѡ нашемоу** (А. № 11), **в нашемъ** (С. № 132); **нашеи, -ѣи, -ей, -ѣи** (С. NN№ 15, 148, 178; Мк.; Ю.; Г. V), **нашои** (А. № 14; С. NN№ 76, 84, 106, 114, 119, 144, 145, 158), **по наше земли** (С. № 60); **вашѣ** (С.-Д. М. № 2). Съ явнымъ движеніемъ первичнаго образовательнаго **и**: **моемь, -емь, -емь** и т. д. (А. NN№ 1, 3—5; С. NN№ 2, 66, 68, 71, 86, 94; С.-Д. М. 1844), стянутое **момь** (С. NN№ 64, 79), **по моемъ владанию** (А. И.), **по моемь, момь владанию** (С. NN№ 64, 80), **по моемь** (послѣ, С. № 2; А. № 20); **моеи, -еи** и т. д. (С. NN№ 20, 38, 51, 64; А. NN№ 15, 16; В. № 2), **по мои, в мое ѡбласти** (С. № 17), **моои** (С. NN№ 67, 70, 71, 82, 102, 114, 132), **моиои** (С. NN№ 101, 164); **твоемь, -ѣмь** (А. NN№ 3—5; Мк.; С. NN№ 51, 175, 176); **твоеи, -еи** и т. д. (А. NN№ 6, 8; Мк.; С. № 102), **по твое, -и милости** (С. NN№ 101, 104); **своемь, -ѣ, -емь** и т. д. и съ **по** въ значеніи «въ силу», «чрезъ» и «послѣ» (А. NN№ 1, 5, 10; С. NN№ 35, 87, 109, 121, 157, 159, 176; Мл.), **своимь** съ перезвукомъ **е** въ **и** (С. № 157), **своѡ** съ перезвукомъ **е** въ **о** (С. NN№ 147, 159), стянутое **своемь, -ѣ**

(С. NN² 130, 141, 143, 146, 147), **по типоу своемоу** — дательный п. (С. N² 176); **свои**, -**ѣи** (А. NN² 1, 11, 12; 3.), **свойѣи**, **своеи** (С. NN² 77, 140), **своѥи** (С. NN² 76, 143, 144); **тѣмь**, **ни у тѣмь**; **тѣи** (З.). Сюда же относятся мѣстоименія, принявшія опредѣляющее и при возстановленной основной гласной: **сиимь**, -**имь** и т. д. (С. NN² 21, 26, 39, 46, 176; А. NN² 3—5, 11), **сьимь** (С. N² 96), **сїимь** (А. N² 8); **сиии**, -**ии** (С. NN² 3, 7, 27, 48), **сиеи** (А. N² 14; С. N² 78); **коимь**, -**ѥмь** (С. NN² 42, 107, 176), **по коемь накайанію** **воськсѣ** (Г. Б), **по коемь** (послѣ, С. N² 107), **ни у коемь** (С. N² 28), **по никоемь грѣхоу** (С. N² 176), **по некоемь накайанію** (С.-Д. М. 1844); **кои**, -**ии** (С. NN² 38, 78), **коѥи**, -**еи** (С. NN² 57, 113), **коѥи** (С. NN² 94, 142); **всякоемь**, -**и**, -**ѥмь** (С. NN² 96, 98, 107). Сложнымъ опредѣленнымъ в. мы считаемъ форму **ѡнѥи** (С. N² 57). Писцу этой грамоты, хорошо знавшему даже двойственное число, нельзя было не знать и различія видовъ: только онъ смѣшалъ ѣ съ ѥ. Существительное движеніе неопредѣленнаго в. для образованія этой формы находимъ въ **ѡнѣ** (Ш. N² VII). Но **ѡкемь** (С. N² 131), **по ѡкеи**, **некемь** (въ силу, С. NN² 101, 102) хотя и можетъ быть объяснено стяженіемъ изъ **ѡкоимь**, однако скорѣе должно предполагать здѣсь перезвукъ, низводящій о до е: это явленіе сходно съ замѣченною Шафарикомъ формою *-ем* вм. *-ом* дательнаго п. ед. ч. въ Ресавскомъ подрѣчіи [1]. Мѣстоименія смѣшаннаго склоненія являются или съ существительнымъ движеніемъ, на пр., **игова** (С. N² 16), и у **нитоѣ смрьти** (З., ст. 40), или съ мѣстоименнымъ, какъ-то: **по тиковомь** (за, Ш. N² VII), **иговои** (С. NN² 130, 164) и въ опредѣленномъ стянутомъ в. **сѵрскимь** вм. -**кимь** (А. N² 16). Такимъ образомъ мѣстный п. въ весьма немногихъ случаяхъ представилъ преобладающую нынѣ форму, тожественную съ дательнымъ; но замѣчательно, что одинъ изъ нихъ принадлежитъ Аѳонской гр-ѣ XIV-го в. Падежъ этотъ постоянно сохранялъ свою отличительную форму, сходную съ формою Ц.-Славянскаго и нѣкоторыхъ другихъ нарѣчій. Но тѣмъ яснѣе выказывается различіе между нимъ и дательнымъ п. въ сочиненіи съ ко. Разсмотрѣвъ случаи этого сочиненія, мы видимъ, что дательный п., кромѣ двухъ древнѣйшихъ Западныхъ грамотъ, одной XII-го, другой половины XIII-го в., принадлежитъ Восточной семьѣ, но уже и здѣсь въ одной Аѳонской грамотѣ XIV-го в. замѣняется мѣстнымъ, такъ что въ XV-мъ для него остается только одинъ примѣръ. Западныя же грамоты позднѣйшихъ вѣковъ постоянно употребляютъ съ **ко** мѣстный п. Но не должно думать, чтобы нынѣшняя форма на *-м* была остаткомъ старины: она моложе формы на *-му* и есть не болѣе, какъ сокращеніе этой послѣдней, такъ что теперь, когда для благозвучія хотятъ дополнить ее, то уже изводятъ на *-ме*. Съ этимъ озвукотвореніемъ сошлось древнѣйшее на -**ме**, прямо произведенное изъ -**мь**, въ XV-мъ в. Другое явленіе замѣчаемъ въ формѣ на -**е**, -**ю** вм. -**ѥи**, -**ии**, происшедшей чрезъ стяженіе. Смягченіе въ женскомъ р. идетъ своимъ чередомъ изъ **ю** чрезъ о въ **ио**, какъ и въ другихъ падежахъ ед. ч. Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что все пространство разсматриваемаго нами времени представляетъ, вообще говоря, ранѣе и болѣе о, чѣмъ **ио**, такъ что и какъ будто сначала прямо обратилось въ о. Зная, что и въ другихъ нарѣчіяхъ мягкое *е* переходитъ въ *ё*, *jo*, а отсюда въ *о*, можно предположить, что о у Д.-Сербовъ было лишь неудачнымъ правописнымъ изображеніемъ для *ё*, и такъ какъ всякое нововведеніе совершенствуется лишь отъ времени, то, замѣчая разницу

[1] Slowanský národopis. W Praze. 1842. Стр. 37. Славянское народописаніе. Перев. О. Бодянскаго. Москва, 1843. Стр. 53.

въ произношеніи между Ц. Славянскою и народною формами и рѣшаясь на ихъ различеніе, писцы ввели преобладающій звукъ е, разумѣя въ немъ мягкость, а потомъ дошли до болѣе счастливаго написанія въ видѣ ю (*jo*). Это мы усматриваемъ изъ большинства явленій, но попадаются нѣкоторыя формы съ ю ранѣе, чѣмъ съ о. Стяженіе, нынѣ господствующее, начинаетъ, хотя и рѣдко, показываться въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв., на пр., моиь. Равно и форму на -ѣмь, не подходящую ни подъ одинъ образецъ, должно считать стянутою изъ -ѣимь сложнаго опредѣленнаго в., подобно таковой же Ц.-Славянскаго языка.

Именительный п. мн. ч. муж. р. исходитъ, какъ и въ существительныхъ, на и. Всѣ Славянскія нарѣчія, имѣютъ этотъ же самый исходъ. Что же до *тѣ*, *te* Русскаго и Лужицкаго, то, вѣроятно, и сдѣсь имѣетъ мѣсто уподобленіе женскому р., ибо и въ существительныхъ дательный, творительный и мѣстный пп. мн. ч. имѣютъ у нихъ тоже уподобленное образованіе. Впрочемъ, сдѣсь можно видѣть остатокъ первичнаго образованія съ помощію озвукотворенія основной гласной. Санскритъ тоже имѣетъ *tê—tai;* но прочія Славянскія нарѣчія имѣютъ *ти*, *ti*, какъ и въ другихъ мѣстоименіяхъ. Такъ точно и Д.-Сербское пишетъ ти, ты (С. NN° 3, 66, 84, 95, 97, 103, 106, 107, 115, 116, 120, 136, 145; З.), но оно заимствуетъ и Ц.-Славянскій опредѣленный в. тии, тіи, тӣ (А. № 6; С. NN° 85, 91, 104; Мл.), который Боснійскій писецъ, забывая уже значеніе его, перезвуковалъ въ тие (С. № 81). Если тии и встрѣчается въ Западныхъ гр-хъ, то встрѣчается не иначе, какъ въ богословіи. Далѣе: си (С. NN° 14, 15, 20, 46, 49, 50, 66; А. № 17); въ опредѣленномъ видѣ и въ однѣхъ церковныхъ грамотахъ: сии, сиі, сіи, сїи (А. № 6; С. № 176; Г. А, Б). Отъ и встрѣчается лишь сложное относительное иже, -е, іже и т. д. (Ш. № VII; С. NN° 4, 15, 19, 20, 35, 37, 76, 78, 89, 92, 96, 98, 100—102, 107, 114, 120, 127, 133, 141, 144, 145, 176; А. NN° 2—5, 9, 11, 14, 17, 19; Г. А; В. № 2; З.; С.-Д. М. 1844; Мл.). Это мѣстоименіе по тому такъ часто является и даже въ Западныхъ гр-хъ, что въ заключеніи принято между прочимъ обычное выраженіе: въ тіи сты̆ѣ оць иже в никеи, или: въ всѣ стй иже ѿ вѣка бгꙋ оугодивши и т. п. юнии, они и т. д. (С. NN° 17, 21, 24, 35, 39, 66, 68, 76, 84, 94, 96—99, 101, 102, 107, 114, 117, 118, 126, 141—143, 151, 164, 173, 176, 178; А. № 6; З.; Ю.; Г. V; Мл.). Укажу на форму юнеи: да юнеи законе и свободе и повеле бѫдꙋ тврьде (С. № 77). Замѣтимъ, что писецъ слово законь съ твердымъ окончаніемъ извелъ также на е, и сравнимъ съ нимъ форму юнеи. Сдѣсь и есть усиливающая частица. Вытяженіе голоса, произведенное двумя гласными, заставило для благозвучія перевести и въ е: тотъ же перезвукъ мы видѣли въ мии, увидимъ и еще. Другаго объясненія нельзя представить, ибо Сербы обыкновенно именительный п. для твердаго исхода изводятъ на и. При томъ какъ мии, юнеи находятся въ грамотѣ болѣе народной, такъ и другія формы на -ии встрѣтятся намъ въ такихъ же грамотахъ, а отсюда легко притти къ заключенію, что этотъ перезвукъ былъ отголоскомъ народнаго устнаго языка, который всегда и вездѣ не слѣдуетъ безысключительной послѣдовательности, но любитъ иногда скрадывать рѣзкость грани основныхъ звуковъ междозвуками, составляющими одинъ изъ самыхъ ясныхъ признаковъ живаго, самостоятельно движущагося языка. То же видимъ и въ формѣ юнеи ретеие шесть сьть перперь (С. № 107), вмѣсто которой, какъ только усиливающее и отпадаетъ, является юни, -ы, іони (Г. А, Б; С. № 89); ии отъ иь (С. NN° 14, 15, 16, 19, 20, 93, 97, 105) и въ простомъ опредѣленномъ в.

мои (С. NN⁰ 47, 55, 61, 64, 70, 73, 76, 78, 80, 82—84, 91, 92, 94, 95, 97, 99, 103, 107, 111, 113, 114, 120, 126, 127, 132, 133, 136, 137, 139, 141, 142, 144, 150, 156, 164; А. NN⁰ 14, 17; З.; Мл.). Въ выраженіи **потврьгию сиѥ повели и свободѣ и закѡне и обѣтѥ мои си съ гпомь кралѣ** (С. № 77), вѣроятно, пропущено причастіе **нмали**, и **мои**, по подобію съ другими грамотами, есть винительный п. **сами**, -**ы** (С. NN⁰ 14, 16, 26; А. № 6; Мл.), **вьси**, **вси**, **всѣ**, **вси**, **васи**; **сии** (А. И.; Ш. № VII; С. NN⁰ 2, 3, 4, 7, 12, 14—16, 19, 20, 26, 46, 73, 78, 83, 88, 91, 97, 111, 115, 121, 126, 127, 137, 141, 156, 157, 176; А. NN⁰ 8, 14, 17, 18, 19; Г. А, Б; З.; Мл.). Замѣчательные случаи согласованія формъ: **вьсе судіе** (С. № 16), **все вельможье** (С. № 89). Существительное склоняется по женскому р., съ нимъ вмѣстѣ и мѣстоименіе принимаетъ одинаковую форму безъ обращенія вниманія на значеніе слова. Мы увидимъ еще нѣсколько подобныхъ случаевъ. **все плиене и щете** (С. № 144): сдѣсь надобно замѣтить, что отъ старинныхъ писцовъ нельзя ожидать всюду строгой и разумной послѣдовательности въ выраженіи мысли. Во первыхъ, разъединенность ихъ и отсутствіе научной связи, во вторыхъ, безграмотность, въ третьихъ, безсознательное переписыванie нерѣдко искажали и перемѣшивали формы. Нѣкоторые образцы безсмыслицы указаны нами прежде. Часто случается, что писецъ забываетъ способъ выраженія своей мысли, и, начавъ съ одного, подъ конецъ приходитъ къ другому; слова у нихъ остаются иногда безъ управленія, а иногда, на оборотъ, при одномъ управляющемъ словѣ является двоякое управленіе. Это отъ того, что писецъ забывалъ иногда, какой глаголъ поставилъ онъ сначала и потомъ, вообразивъ другой, уже съ этимъ начиналъ согласовать дальнѣйшія слова. Такъ и сдѣсь находимъ неясность выраженія: **ѡставлисмо да всако убииство учиниѥ или пролитьѥ крьви и всаке ране и убиенье и зле рѣчи и хотѣньи зла и все плиене и щете що е учинила една страна другои ѡбои ѡпростисмо тои мећу собомь**: писецъ не далъ управленія союзу да, и слова его оказываются лишь пустымъ наборомъ; это по тому, что онъ, начиная мысль, хотѣлъ подъ конецъ поставить глаголъ въ смыслѣ «прощаются и забываются», но на половинѣ рѣчи забылъ свое намѣреніе и вообразилъ, что впереди уже стоитъ глаголъ въ значеніи «прощаемъ и забываемъ», который онъ и повторилъ съ управленіемъ **тои**: отъ того одни слова явились у него въ именительномъ п., а другія въ винительномъ. **ини**, -**ы**, **ини** (С. NN⁰ 46, 144, 178; З.; Г. Б) и въ опредѣленномъ сложномъ видѣ **иныи** (З.), **всаци** (С. № 40), **єлици**, **елици**, **єлици** (Г. А, Б; А. № 17), **такови** (Ш. № VII; З.), **инигови** или, по другому писанію, **негови** (С. NN⁰ 77, 100) и съ подчиненіемъ формѣ существительнаго: **ниегове**, **нигове судіе** (С. NN⁰ 91, 111, 137). **мои**, **мои** (С. NN⁰ 4, 10, 20, 53, 64, 66, 79, 84, 97, 114, 132; Г. Б; Мл.), **твои**, **твои** (С. NN⁰ 9, 19, 41, 175; Мк.), **свои** (С. № 157), **наши** (мн. р.) и съ особымъ согласованіемъ: **наше добре вельможе** (С. № 150), **ваши** (С. NN⁰ 17, 21, 56, 79, 166, 172). **едини** (С. № 141), **и- недни** (С. NN⁰ 100, 141). Замѣтимъ вообще, въ какомъ незначительномъ количествѣ являются протянутыя Ц.-Славянскія формы, и что мѣсто ихъ — въ памятникахъ, стоящихъ подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ этой стихіи.

Въ среднемъ р. падежъ этотъ имѣетъ такое же окончаніе, какое и въ существительныхъ, -**а**; винительный одинаковъ съ нимъ. Такъ и нынѣ въ Сербскомъ и Хорватскомъ языкахъ. Чешскій хотя имѣетъ тоже -**a**, но послѣ мягкихъ согласныхъ суживаетъ его въ *e* и *j*; Хорутанскій же, Польскій и Лужицкій вообще имѣютъ стянутое -*e*, -*je*; а Русскій приравнялъ мужескому р. Такимъ обра-

зомъ первоначальное *а* болѣе всего сохранилось въ Д.-Булгарскомъ и Сербскомъ. По тому и Д.-Сербское постоянно имѣетъ -а. На пр.: та, тӑ, тȁ (А. №№ 1, 4, 6—9; Ш. № VII; Г. А; С. №№ 46, 50, 84, 113 и пр.). Форму сиꙗ, сиа, сиѧ, сія, сиꙗ, сих, сіа, сіȁ (Ш. № VII; С. №№ 16, 46, 50, 66, 68, 84, 90, 111, 137, 138, 175; А. №№ 6, 8, 12, 13, 14, 17, 18; Ю.; С.-Д. М. 1844; Г. V) мы принимаемъ за простой опредѣленный видъ, которымъ духъ языка ограничился для двоякаго именительнаго ед. ч. си и сии. Замѣтимъ №№ грамотъ: они почти всѣ принадлежатъ Восточной семьѣ, и заимствованіе изъ Ц.-Славянскаго языка, имѣющаго одно сии, оказывается вполнѣ. И вмѣсто и (С. № 51) и сложное относительное иже -е, ꙗже, аже и т. д. (Ш. № VII; А. №№ 3, 4, 5; С. №№ 111, 175, 176) — въ грамотахъ Восточной семьи. Выше мы видѣли, что это мѣстоименіе не всегда согласуется съ родомъ существительнаго; такъ и теперь видимъ: ꙗже ꙗже соуть вьписана (А. № 6), иже прѣжде ꙁетаꙗ села иже вьписана (Ю.). Этому примѣру слѣдуетъ и предыдущее мѣстоименіе: сїи великаꙗ, сии великаа, сии великаꙗ ѡ- ѡбѣтованиꙗ (А. №№ 3, 4, 5), сии имена (А. № 5), и въ неопредѣленномъ видѣ муж. р.: имена си соуть (Ш. № VII). она (С. № 89; А. № 17), ова (С. №№ 53, 89). Отъ опредѣленнаго вида кои находимъ: коꙗ, -ѧ, коꙗ (С. №№ 55, 56, 114, 144, 176; А. № 12; Мл.) и съ перезвукомъ: коѣ, кое, кое, кои, кое (С. №№ 37, 89, 96, 98, 107, 114, 144). вьса, ꙗса, вса, васа и т. д., сва (А. №№ 1—6, 9—14, 16, 18; Ш. № VII; С. №№ 35, 46, 49, 50, 51, 53, 55, 66, 68, 78, 81, 85, 89, 90, 95, 111, 114, 137, 139, 144, 175, 176, 178; Г. А, V; В. № 2), ина, ꙗна (А. № 6, С. №№ 132, 176), въ опредѣленномъ сложномъ видѣ: иная, ꙗнаꙗ (А. № 3; З.). всака (С. № 132; З. А.), всакьсиа (С. № 176) и въ опредѣленномъ сложномъ видѣ: всакаꙗ (С. № 46), всакьскаꙗ, -ѣ, всасикаꙗ (А. № 4; С. №№ 51, 66). и- е- инаꙗ, -ꙗ (А. № 4; С. № 50; Ю.). моꙗ, -ꙗ, -ѣ (А. №№ 1, 9; С. №№ 9, 61, 176), твоꙗ, -а, -ꙗ, -ѣ (С. №№ 9, 175; А. №№ 2, 7, 10), своꙗ, -ꙗ, своꙗ (А. №№ 4, 12; С. № 35), своꙗсиꙗ (А. № 10), наша (С. №№ 9, 100, 176; Мл.), ваша, -ꙗ (С. № 10; А. №№ 3, 4, 5).

Въ женскомъ р., по примѣру именъ существительныхъ, падежъ этотъ исходитъ на -е, которое, по свойству Сербскаго языка, есть законный замѣнитель носоваго звука, выразившагося въ Ц.-Славянскихъ исходахъ того же падежа -ѫ и -ѧ. Слѣдовательно, здѣсь въ сущности образованіе одно и то же, хотя выражается оно и различными звуками. Этотъ родъ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ отразилъ въ своемъ образованіи носовой звукъ, но только въ измѣненномъ видѣ, какъ *е*, *je*. Русскій же языкъ обобщилъ окончанія для всѣхъ родовъ, изводя то на -*ѣ*, то на *и*, то на -*ия*, -*ыя*, иногда произносящіяся какъ -*ии*, -*ыи*. Въ Д.-Сербской письменности мы постоянно видимъ исходъ -е, который и нынѣ употребляется исключительно. Такъ: те, те (С. № 96; З.), сие, сие (С. № 51; А. № 17); отъ и есть сложное ѩже, гдѣ ѩ замѣнило ѫ, (А. № 4); но мы видѣли, что иногда, хотя весьма рѣдко, Д.-Булг. ѧ произносилось у Сербовъ какъ а, а не какъ *е*, на пр., ꙗдрь, кнꙗзь, придоша (чит. ядръ, князь, придоша): такъ и теперь, можетъ быть, по этой причинѣ находимъ: и славимь тьмь вышнымь силамь. ꙗже на нѣси тѣкѣ прѣстоꙗщїимь (С. № 175); оне (З.), не отъ на (Ш. № VII; С. № 105), кое, -е, -е, -е отъ коꙗ (С. №№ 16, 27, 39, 54, 64, 74, 78, 84, 86, 96, 98, 114, 117, 119, 142, 145), вьсе, -е, все, все, све, -е (С. №№ 16, 81, 85. 89. 96, 97, 100—102, 104, 130, 163), ине (С. № 85) и въ опредѣленномъ сложномъ в. иние (А. № 7); всаке, -е (С. № 114), ꙗкове (С. № 132), вое сидьме (С. № 21), и не (Г. VI, № 2; С. № 166; Мл.), едие (С. № 157).

Въ этомъ падежѣ всего болѣе обращаютъ на себя наше вниманіе рѣдкія формы неопредѣленнаго в. си, ин, не, показывающія, какъ не разъ уже мы замѣчали, разумность и послѣдовательность Д.-Сербскихъ писцовъ въ образованіи формъ и различеніи видовъ, при чемъ рѣдкость, или полное отсутствіе подобныхъ формъ въ Ц.-Славянской письменности ихъ не смущали. Такая самостоятельность весьма полезна для насъ, обнаруживая различіе видовъ и правильность словодвиженія. Вообще примѣтная нелюбовь къ полной формѣ опредѣленнаго в. есть отголосокъ нынѣшняго словодвиженія не только въ Сербскомъ, но и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, исключая Русское. Твердое различеніе родовъ поддерживается какъ Ц.-Славянскимъ, такъ и нынѣшнимъ Сербскимъ языкомъ, оставшимся до сихъ поръ вѣрнымъ древнѣйшему свойству Славянскаго языка. Мѣстоименія тии, сии, сия, сие почти исключительно находятся въ Восточной семьѣ подъ Ц.-Славянскимъ вліяніемъ, тогда какъ ти, си встрѣчаются въ грамотахъ всѣхъ семей; но трудность образованія неопредѣленнаго в. для женскаго и средняго р. отъ сь заставила ограничиться Ц.-Славянскою формою первичнаго опредѣленнаго в., или замѣнить это мѣстоименіе другимъ. Вообще благозвучіе имѣло большое вліяніе на строеніе и употребленіе формъ. Одно и то же мѣстоименіе въ одномъ падежѣ свободно допускается, а въ другомъ оно какъ бы стѣснено: это по тому, что Ц.-Славянскую форму не хочетъ допустить писецъ, а свою создать затрудняется, ибо въ народномъ языкѣ не слышитъ ея. Какъ сии, такъ иже существуетъ лишь подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка. Смѣшеніе обоихъ этихъ мѣстоименій въ отношеніи родовомъ обнаруживаетъ ихъ туземную слабость, такъ что первое, вѣроятно, выходило изъ употребленія, а второе было просто заимствованіемъ. Укажу еще на перезвукъ и въ е передъ усиливающимъ и, видѣнный нами и въ другихъ падежахъ. Наконецъ замѣтимъ особый родъ согласованія, основаннаго на наружномъ движеніи слова вопреки его внутреннему значенію.

Винительный п. множ. ч. для мужскаго и женскаго р. имѣетъ, какъ и въ существительныхъ, признакомъ носовой звукъ, который въ Д.-Булгарскомъ языкѣ при твердой основѣ переходитъ въ ы, а при мягкой обнаруживается въ б-ѣ а. Сербскій языкъ имѣетъ тотъ же признакъ, но всюду выражаетъ его чрезъ *е*, которое встрѣчаемъ и во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Чешской формы *samy*, и кромѣ Русскаго языка, вполнѣ уподобляющаго свой винительный именительному. Отъ того въ женскомъ р. винительный п. всегда одинаковъ съ именительнымъ, а въ тѣхъ нарѣчіяхъ, которыя *а* средняго р. понижаютъ до *е*, всѣ три рода имѣютъ въ винительномъ п. одинаковое окончаніе. Въ Д.-Сербскомъ постоянно находимъ одинъ общій исходъ для обоихъ родовъ и для всѣхъ основъ: это -е. Степень вліянія Ц.-Славянской стихіи видна изъ количества употребленія -и (ы) при твердой основѣ. Но такихъ случаевъ весьма не много, такъ что сдѣсь народность беретъ полный верхъ. Впрочемъ, въ сущности, образованіе остается одно и то же, и только звуковое движеніе видоизмѣняетъ его наружнымъ образомъ. Какъ въ Д.-Булгарскомъ, такъ и въ древнемъ и нынѣшнемъ Сербскомъ, винительный п. множ. ч. для обоихъ родовъ одинаковъ: по этому и мы станемъ приводить примѣры для обоихъ вмѣстѣ. Такъ: ти, те, тие, тѣ (А. № 10; С. №№ 43, 66, 84, 87, 90, 96, 98, 104, 139, 143, 147, 164, 173), усиленное тенере (С. № 140), сие, -е, -ѥ, -ѣ (Ш. № VII; С. № 51; А. №№ 6, 12, 14) — исключительно въ грамотахъ церковныхъ; и, ѥ, е, ие отъ и, и (А. И.; А. №№ 1, 6; Ш. № VII; С. №№ 16, 18, 26, 34, 106, 118), неправильно й (С. № 51). Въ сложномъ ви-

дѣ, какъ относительное мѣстоименіе, оно употребляется постоянно въ родительномъ п.; но однажды и опять неправильномъ образомъ встрѣчаемъ: **дари иже ми дарѡваше вм. иже (ижє)** (С. № 37). **ѡнє, -є, ѡнє** (А. № 6; С. №№ 54, 66, 73, 78, 91, 107, 111, 137), въ Ц.-Слав. формѣ **ѡни, -ы** (А. № 1; С. № 176), ср. **ты**; и въ народной **ѡнє** (С. №№ 61, 106. 107); **ке и**, можетъ быть, **кы** отъ **кь** (С. №№ 10, 127), **кои, -є, -є, -ѥ, -ѣ** отъ **кои, кои** (С. №№ 16, 20, 39, 55, 57, 66, 70, 71, 74, 77, 78, 81, 85, 86, 88, 89, 92, 95, 96, 98, 103, 106, 107, 110, 114, 120, 123 — 126, 128, 132, 133, 136, 139, 140, 144, 145, 150, 158, 159, 163, 164, 168; З.), **вьсє, всє, свє** и т. д. (мн. р.) и неправильно **вьси** (С. № 14), **ини** въ Ц.-Слав. формѣ (А. № 1), **инє, -є, -ѥ, -ѣ** (С. №№ 30, 81, 85, 89, 95, 103, 120, 132, 143, 145, 157, 164; З.) и въ опредѣленномъ сложномъ в. **иныи** (С. № 176), **всѧкє, -є, свакє** (С. №№ 66, 85, 120, 133, 145) и въ опредѣленномъ сложномъ в. **всакиє, -є** (С. №№ 62, 107). Эта форма напоминаетъ Ц.-Славянскую **вьсакыи**, въ которой происходитъ двойное движеніе; проще образована Д.-Сербская **всакоє, -є, -коє** (С. №№ 89, 92, 95, 103, 120, 136, 144, 150), въ которой движенію подвержено одно указательное мѣстоименіе, а основная твердая полугласная только усилена въ о: это назвали мы опредѣленнымъ первичнымъ или простымъ видомъ, по подобію съ **мои** и **кои**. **такоєє, -є** (Ш. № VII; С. №№ 132, 143) и противуположное опредѣленнаго сложнаго в. подъ вліяніемъ Ц.-Славянскимъ **таковиє** (С. №№ 50, 62; А. № 13). **инѥѡвє, єговє** (С. №№ 77, 179), **свѣколикє** (С. № 126), **всаковиє** (С. № 133). **мои, -є, -є, -ѥ, -ѥ** (С. №№ 13, 18, 20, 56, 61, 70, 74, 75, 114, 124, 125, 132, 140, 143, 176; А. №№ 2, 6. 17), **твоє, -ѥ** (С. № 19; А. № 2) и неправильная **твои** (С. № 19); **свои, -є, -ѥ, -є** (С. №№ 16, 37, 39, 50, 62, 66, 73, 78, 86, 87, 90, 91, 108, 109, 112—116, 121, 126, 132, 140, 141; А. №№ 2, 12, 13; З.), неправильно **свой** (А. № 11). **нашє** (С. №№ 9, 14, 76, 78, 88, 89, 92, 96, 98, 100, 104, 105, 107, 108. 112, 115—117, 119, 120, 127, 128, 133, 140, 141, 145. 167, 172; З. А.), **вашє** (С. №№ 20, 21, 31). **инєдиє** (С. № 132). Въ заключеніе замѣтимъ, что, при стеченіи именъ различныхъ родовъ, средній р. никогда не имѣетъ перевѣса, и мѣстоименіе всегда ставится въ безразличной формѣ мужескаго, или женскаго р.; на пр.: **тврьѭ** (утверждаю) **всє ҁаконє и вєитє и повєлє и ҁаписє; всакоє ѹбиство ѹлоквиє крьви пролитьѣ и всакоє ранє и ѹвьєньѣ и ҁлє рѣчи и хотиньѣ ҁла ѡбьлависмо** (С. № 89; ср. С. №№ 92, 103, 120, 133, 145 и н. др.) И такъ въ этомъ падежѣ народность съ своимъ носовымъ перезвукомъ є беретъ верхъ надъ Ц.-Славянскою стихіею, что мы замѣтили и въ существительныхъ. Малочисленные примѣры Ц.-Славянскаго образованія на -и, встрѣчающіеся только въ гр-хъ А. № 1 и С. № 176, вполнѣ уступаютъ народнымъ на -є, такъ же какъ и Ц.-Славянскій сложный опредѣленный видъ -ыи, постоянно перезвукованный въ -иє, попадается весьма рѣдко и почти въ одной Восточной семьѣ. **сиє** явно одолжено своимъ существованіемъ той же семьѣ; но **кои**, принятое и нынѣ, многочисленностію своею превосходитъ **кє**, замѣчательное по своему послѣдовательному образованію отъ **кь, ка**. Неправильныя формы на -и, одинаковыя съ именительнымъ п., доказываютъ лишь близость этихъ двухъ падежей; но самая одинокость ихъ свидѣтельствуетъ въ пользу раздѣльности формъ обоихъ падежей. По нашему мнѣнію, это суть не болѣе, какъ описки.

Родительный п. мн. ч. для всѣхъ родовъ имѣетъ такой же признакъ, какъ

и въ существительныхъ, съ тою только разницею, что между имъ и основною гласною, усиленною изъ полугласной, вставляетъ мѣстоименную частицу *с*, перезвукованную въ *x*. Это яснѣе видно изъ Санскритской формы *tešâm*, вмѣсто которой, чрезъ ослабленіе *âm* въ ъ и перезвукъ *š* въ *x*, является Славянская форма *тѣхъ*. Окончаніе *-хъ* есть необходимый признакъ этого падежа во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; также усиленіе предшествующей гласной, озвукотворенной изъ полугласной, чрезъ *и* замѣтно совершается въ нихъ; ибо съ помощію него они воспроизводятъ *ѣ*, доводя въ нѣкоторыхъ дѣйствіе нёбнаго начала даже до замѣны *ѣ* чрезъ *и*, *ы* (*у*); при мягкой полугласной это усиленіе необходимо образуетъ *и*. Различіе сдѣсь между *ѣ* и *и* не вездѣ строго соблюдается; нѣкоторыя нарѣчія самое *ѣ* переводятъ въ *и*, *ы*. Такъ у Хорутанъ въ муж. р. *tih*, у Поляковъ для всѣхъ родовъ *tych*, у Лужичанъ *tich*, у Сербовъ *тие* и *ти*. Движеніе Славянскихъ нарѣчій идетъ отъ *ѣ* къ *и*. Въ Д.-Сербской письменности замѣтна эта двойственность формъ, тѣмъ болѣе ощутительная, что у Сербовъ *ѣ* вообще легко переходитъ чрезъ *е*, *ие* въ *и*. Обратимъ вниманіе на нынѣшнія формы *мои* (*мојих*) и *моие* (*мојијех*), *чи* (*чијих*) и *чие* (*чијијех*), *кои* (*којих*), *коие* (*којијех*): онѣ показываютъ, что даже въ Ц.-Славянской формѣ на *-ихъ* Сербскій языкъ допускалъ вытяженіе голоса, переходившее въ *ие*, а отсюда въ *ѣ*. Древнему правописанію ничего не стоило это *ие* выразить въ ѣ, а въ другихъ случаяхъ въ и. Посмотримъ примѣры: **тѣхь, тѣ, тѣ, тиѣ тѣхь, тѣхи** (А. NN№ 4, 6, 10, 11, 17 18; С. NN№ 16, 35, 107, 108, 111, 115, 120, 133, 137, 138, 142; Г. А; Ш. № 14), **тѣ, тѣхи** (С. NN№ 84, 112, 145): конечное и есть усиливающее. **сихь, сӣ** (Ш. № VII; С. NN№ 16, 107, 175; А. NN№ 12, 14, 19; С.-Д. М. 1844), **сиѣхь** (С. № 133), **ихѣ ннхь, ӣ** и т. д. (мн. р.), **ихьже, ихже, ӣхже** и т. д. (А. NN№ 2, 5, 12, 14, 16; С. NN№ 132, 176; З.), **иѣ, иѣхь** (С. NN№ 66, 77, 81, 179), **о- ониѣхь, -ѣ, -ѣх, -ѣхь, ониѣх, -ѣ, онѣхи** (С. NN№ 3, 16, 17, 20, 39, 57, 68, 73, 74, 91, 111, 137, 146, 147; А. № 17), **оний** (С. № 132), **ониѣх, онѣхь** (А. № 17; С. № 124), **овихь, -хи** (С. NN№ 89, 133), **коихь, кой, коихь, -ѣ—отъ кои** (А. № 6; С. NN№ 39, 76—78, 107, 114, 127; З.; Ю.), **коиѣхь, коѣхь, коѣхь** (С. NN№ 115, 128, 164), **самихь**—вѣроятно, чрезъ перезвукъ ѣ въ и; ср. тутъ же **вьси** винит. п. (С. № 14), **самѣхь** (А. № 4; С. № 176), **всѣхь, -ѣ, вьсѣхь, -ѣхь, всѣхь, всѣ, всий, -ие, свиѣхь, свѣхь** (А. NN№ 1, 3—10, 12, 14, 16—18; Ш. № VII; С. NN№ 3, 6, 7, 16, 25, 35, 37, 51, 53, 55, 61, 76, 77, 103, 108, 126, 128, 142, 144, 176, 178; Мк.; З.; Ю.; С.-Д. М. 1844), **всихь, вьсихь** (С. NN№ 84, 88, 93, 96, 103, 104, 136), **инѣхь, -ѣ, -ѣ** (А. № 2; С. NN№ 35, 47), **иний, иныхь, -ихь, -й** (А. № 4; З.; С. NN№ 64, 140), **иний**—въ опредѣленномъ сложномъ в. подъ Ц.-Славянскомъ вліяніемъ (С. № 62), **иговѣхь, иговѣхь, -ихь, иговиѣхь, иговѣхь** (А. № 6; С. NN№ 77, 100, 101, 119, 132, 164), **иговихь**, (С. NN№ 102, 119), **волицѣхь** (С. № 108), **таковыхь, -вихь, -вих** (А. № 9; Г. А. Б), **таковый, вий** (А. NN№ 12, 14), **вьсатьскый** (А. № 20): послѣднія два примѣра въ опредѣленномъ сложномъ в. **моихь, мой** и т. д. (А. И.; С. NN№ 2, 35, 37, 40, 48, 52, 66—68, 70, 71, 79, 84, 90, 97—99, 102—104, 107, 111, 120, 133 136, 140, 150, 168, 176, 179; А. NN№ 2—5, 9, 10, 15, 20; В. № 1; Г. А; С.-Д. М. 1844; Мл.), **моиѣхь, -ниѣ** (С. NN№ 101, 142), **твоихь, -ихь, -их** (Ш. № VII; С. NN№ 26, 51, 175; Г. Б), **своиѣхь** (С. № 159), **нашиѣхь, -й, -их, -и(хь)** (Ш. № VII; С. NN№ 14, 17, 26, 66, 76, 78, 81, 85, 89, 95, 96, 98, 103, 104, 107, 114, 118, 120, 127, 129, 132, 136, 140, 144—147,

150, 154, 176, 178; Мк.; А. №№ 10, 10; Г. А; Ю.; С.-Д. М. 1844; З. А.), инѣхъ. -ѣхъ, -ихъ, -ѣй, -ѣмъ, -ѣмь (С. №№ 16, 98, 107, 128, 133, 143, 144, 157; Мл.). Сдѣсь мы приводили примѣры и родительнаго, употребленнаго въ служеніи винительнаго. Прежде всего замѣтимъ два обратныхъ перезвука ѣ въ и и въ ие=ѣ. Эти перезвуки скрадываютъ возможность различенія опредѣленнаго в. отъ неопредѣленнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что -ихъ, -ыхъ есть опредѣленный сложный в., допущенный цѣликомъ изъ Ц.-Славянскаго языка въ Аѳонскихъ грамотахъ и одной, хотя и не Аѳонской, но собственно-Сербской, пристрастной къ формамъ этого языка. Но такъ какъ въ самомъ Ц.-Славянскомъ языкѣ являются отъ времени стянутыя формы, и при томъ сдѣсь первоначальная форма изъ ъ + ихъ = -ыхъ должна была сходиться со стянутою -ѣхъ, такъ какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ удлиненія, но есть *-ыхъ*, *-ихъ*, *-ych*, *-ich*, *-jch*, у Хорватовъ *-eh*, то по всему этому можно имѣть полное право предполагать и въ нашихъ памятникахъ въ формахъ на -ыхъ, -ихъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, опредѣленный сложный видъ. Вышеупомянутый перезвукъ не можетъ служить опроверженіемъ для тѣхъ грамотъ, которыя его не допускаютъ: по этому формы, каковы: иныхъ, -ихъ, таковыхъ, -ихъ, мы смѣло относимъ къ опредѣленному сложному в., равняющемуся Ц.-Слав. -ыихъ. Также онихъ, окихъ, по свойству гр-ъ С. №№ 132, 133, не претворяющихъ ѣ въ и, могутъ быть отнесены къ онѣмъ, окѣмъ. Нынѣ окончанія -и и *-ие* смѣшиваютъ оба вида и подводятъ ихъ подъ одну форму, но въ Д.-Сербскомъ языкѣ неопредѣленный в., какъ показываютъ примѣры, существовалъ отдѣльно, ибо форму -ѣхъ находимъ въ тѣхъ грамотахъ, которыя никакъ не допускаютъ перехода ѣ въ ие или ѥ, а именно Восточныхъ, къ которымъ очень естественно можно присовокупить и многія Западныя. Въ примѣръ можно привести тѣхъ: положимъ, что для нѣкоторыхъ возможенъ былъ перезвукъ тихъ и тиехъ, но бóльшая часть, въ томъ числѣ всѣ Восточныя и многія Западныя, употребляютъ еще твердо тѣхъ, тѣмъ, ясно обнаруживая сохраненіе первоначальнаго образованія неопредѣленнаго вида. По этому онѣхъ, овѣхъ, самѣхъ, инѣхъ, какъ и нѣкоторыя другія, можно смѣло считать неопредѣленнымъ в. Замѣтимъ, гдѣ происходятъ перезвуки ѣ въ и и въ ие: ранѣе всего въ тихъ, въ одной изъ первыхъ Западныхъ гр-ъ XIV-го в.; потомъ тихъ, сиехъ, коиехъ, всихъ, инокихъ употреблены исключительно въ одной Западаной семьѣ, начиная со второй половины XIV-го в.; но если въ той же семьѣ встрѣчаются еще чаще тѣхъ, коихъ, всѣхъ, инокѣхъ, равно какъ и въ Восточной семьѣ, то мы можемъ смѣло заключить, что въ старину Д.-Сербскій языкъ еще хранилъ окончаніе -ѣхъ неопредѣленнаго в., въ которомъ сходился съ Д.-Булгарскимъ, и что съ XIV-го в. болѣе народныя, по языку, грамоты стали прибѣгать къ тому и другому перезвуку и смѣшивать оба вида, различіе между которыми продолжало сохраняться въ Восточной семьѣ. Судя по этому, можно думать, что и нынѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ, форма *-ие* есть остатокъ древнѣйшей -ѣхъ, на пр., въ *тие*, хотя въ другихъ *-ие*, происшедшее изъ первоначальной формы *-и* = -ихъ, на пр., *моие*, *оние*, *таковие*, есть совершенно противоположное явленіе. Неточность древняго правописанія лишаетъ возможности положительно сказать, различались ли въ произношеніи ие(*е*) и ие(*ие*), ибо одно и то же слово въ одной грамотѣ пишется съ ие, въ другой съ ие, а въ третьей съ ѣ; если же мы примемъ въ расчетъ то, что и нынѣ *ѣ* индѣ звучитъ какъ *е*, индѣ какъ *ие*, то увидимъ, что упомянутые перезвуки можно означить общимъ выраженіемъ перехода ѣ въ и и ѣ въ ие независимо отъ сущности формы.

Остаются весьма древнія формы: самѣхъ (С. № 14) — общеславянская форма, сохраненная и Сербскимъ языкомъ въ противуположность Д.-Булгарскому -ѣхъ, и нашѣхъ (С. № 16), въ которой мы видимъ простой перезвукъ и въ ѣ, какъ, можетъ быть, обратный ему въ самихъ; но отнюдь не начало народнаго движенія въ пользу перезвука и въ ѣ, что было бы несогласно ни съ возрастомъ, ни съ свойствомъ памятника. Форма коихъ показываетъ, что языкъ затруднялся произвести для этого падежа форму отъ простаго къ и по тому, подобно Д.-Булгарскому, долженъ былъ прибѣгнуть къ первоначальному опредѣленному в., составленному изъ мѣстоименія к и основы съ усиленною полугласною. То, что видѣли мы сейчасъ въ родительномъ п., то же увидимъ и въ прочихъ падежахъ: образованіе одинаковое; только падежныя окончанія разныя. Мѣстоименное склоненіе тѣмъ и отличается отъ существительнаго, что не оставляетъ конечной основной полугласной, но воспроизводитъ ее въ гласную, которую еще усиливаетъ. Это усиленіе въ существительныхъ отчасти бываетъ въ мѣстномъ п., ибо рядомъ съ -ѣхъ, -охъ находимъ -ѣхъ. Но въ мѣстоименіяхъ происходитъ постоянное усиленіе какъ въ родительномъ, такъ и въ другихъ падежахъ, къ которымъ переходимъ.

Дательный п. мн. ч. представляетъ то же самое явленіе относительно основной конечной гласной, какое и родительный. Твердая полугласная мужескаго р. и твердая гласная женскаго и средняго р. усиливаются въ ѣ, а мягкая въ и. Признакъ падежа остается тотъ же, что и въ существительныхъ. Перезвукъ ѣ въ и производитъ окончаніе -имь вм. -ѣмь; его не должно смѣшивать съ -имь опредѣленнаго вида, произшедшимъ изъ стяженія -ымь+имь и -ꙗмь+имь, или вытянутымъ Ц.-Славянскимъ -ыимъ. Нынѣ Сербы не различаютъ твердости и мягкости конечной основной буквы и стягиваютъ падежное окончаніе въ -*им*, или вытягиваютъ его въ -*ием*. Вліяніе новѣйшей народности отразилось и въ древней ихъ письменности, но все таки тогдашнія формы на -ѣмь и -имь еще въ полной силѣ. Такъ: тѣмь, темь, тимь, тимь и пр. (Ш. № VII; А. NN№ 2, 4, 7—10; Мк.; С. NN№ 35, 76, 108, 112, 115, 126, 138, 175, 176; С.-Д. М. 1844), симь, -ѣ, сй и т. д. (А. NN№ 6, 12, 17, 19; С. NN№ 35, 132), сѣмь (С. № 78), нимь, нимь (мн. р.), нѣмь (С. NN№ 81, 85, 179). Писецъ последней грамоты не пишетъ въ другихъ случаяхъ ѣ вм. и: слѣдовательно, сдѣсь ѣ отвѣчаетъ нынѣшнему *ие*, хотя въ этомъ мѣстоименіи и нынѣ одна только форма *њим*, *њима*. Въ другихъ грамотахъ нѣмь и сѣмь зависятъ отъ правописанія, которое и въ иныхъ случаяхъ замѣняетъ и чрезъ ѣ. Этотъ падежъ употребляется иногда вмѣсто притяжательнаго, на пр., добытномьнимь (С. № 3). нимьже, -е, нимже, ймже (С. NN№ 35, 176; А. № 16; С.-Д. М. 1844), -ѿ- ѡ- ѡнѣмь, -ѣмь, -ѣм, -емь, ѡнѣмин (С. NN№ 16, 35, 107, 114, 120, 127, 133; А. NN№ 2—5; З.; Мл.), о- ѡнимь, -й (С. NN№ 46, 118, 132, 141), ѡкѣмь, -ѣмь (С. NN№ 35, 108, 115), ѡкимь (С. NN№ 89, 112), коимь (С. № 176), коием (С. № 144); Ц.-Славянская форма: кыимь, -ймь, иимь (А. NN№ 3—5), самѣмь (С. NN№ 13, 75, 176), вьсѣмь, всѣмь, вьсемь, всѣ̑, всиемь, всѣме, сѣ̑ и т. д. (А. И.; С. NN№ 7, 10, 16—18, 21, 28, 29, 34, 35, 37, 42, 47, 48. 51, 54, 55, 73, 78, 90, 111, 126, 137, 138, 142, 143. 164, 173, 175, 176; А. NN№ 3—6, 8, 10, 12, 13, 16; В. № 1; Г. А, Б, V; Ш. № 11; С.-Д. М. 1844; Мл.; печ. С.-Д. М. 1844, стр. 127), всимь, свимь (С. NN№ 94, 118, 141), й- инѣмь, -ѣмь (А. № 12; С. NN№ 157, 173), й- иимь, -й, ймь (С. NN№ 50, 178; А. NN№ 18, 19), егоѣмь, нѣгоѣ̑, негоѣмь, -ѣ̑, -нѣ̑, -нѣь, негоѣмь (С. NN№ 20, 77, 100, 114, 115, 119,

163; А. № 12), **нєгокимъ** (С. NN№ 89, 140). **моимъ, -ъ, мой** (С. NN№ 2, 7, 9, 20, 51, 56, 72, 94, 102, 111, 168, 176; Мк.; А. NN№ 7, 18, 20; Г. V), **мо-ємъ** (С. № 101), **твоимъ, -ймъ, -й̑** (С. NN№ 3, 18, 19, 26, 178; А. NN№ 3, 4, 5, 12), **своимъ, -ймъ, -й̑** (С. NN№ 6, 46, 59, 72, 96, 98, 132, 144, 176, 178; А. NN№ 4, 5), **нашимъ, -й̑, на́шимъ** (А. NN№ 1, 8; С. NN№ 3, 16, 26, 79, 83, 84, 89, 96, 98, 107, 120, 133, 135, 136, 140, 145, 150, 151, 153, 154, 166, 167; З. А.), **нашѣмъ. -ні̑. -нй̑, -имъ** (Г. А; С. NN№ 78, 100, 107, 142, 143), **вашимъ** (С. NN№ 19, 56, 63, 71). **иднкѣмъ** (С. № 176). Нынѣ чрезъ озвукотвореніе образуется форма *-ма;* въ старину этого озвукотворенія 'еще не было съ мѣстоименіяхъ, но только разъ **є** замѣнило собою **ь** въ формѣ **всѣмє** (А. № 13).

Творительный п. мн. ч. принимаетъ одинаковое съ существительными падежное окончаніе **-ми**, приставляя его къ основной усиленной гласной, или воспроизведенной полугласной. Усиленіе это совершается на основаніи твердаго и мягкаго исхода, какъ и въ предыдущихъ двухъ падежахъ, то въ видѣ **ѣ**, то въ видѣ **и**, при чемъ народность налагаетъ на него свою отличительную черту, измѣняя **ѣ** въ **и**, или вытягивая **ѣ** и **и** въ **ии**, **ѥ**. Примѣры: **тѣми** (Ш. № VII; С. NN№ 25, 51), **тими, тиими** (С. № 93; З. А.), **сими, сі́ми** (С. № 66, 102; А. NN№ 14, 20), **сѣми, сиими** (С. NN№ 86, 97, 101), **ими, иими** и т. д. (А. NN№ 1, 4, 5, 6, 8, 10, 14; Ш. № VII; С. NN№ 6, 16, 39, 42, 55, 57, 58, 62, 73, 76, 84, 91, 96, 101, 102, 107, 111, 137, 142, 173, 176; З.), однажды находимъ **ними**, какъ нынѣ, (С. № 132). **о̑- ѡ̑- онѣми, -оми, онѣими**—съ усиленіемъ (С. NN№ 16, 73, 77, 91, 111, 137), **оними** (С. № 141), **ѡними** (С. № 145), **кыми** (Мк.), вѣроятно, стянутое изъ **кыими** какъ въ Ц.-Славянскомъ, ибо неопредѣленный видъ имѣлъ бы собственно **цѣми**. Народный языкъ предпочитаетъ опредѣленный простой в. **коими** (Ш. № VII), вытягивая **и** въ **ие**: **коиеми** (С. № 142); **самѣми** (Ш. № VII), **вьсѣми, -сми, всѣми** и т. д., **сѣми, усеми, всиеми** (Ш. NN№ VII; С. NN№ 2—4, 16, 17, 35, 37, 46, 55, 66, 68, 78, 86, 97, 98, 100, 101, 103, 107, 120, 132, 133, 142, 176; А. NN№ 4, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 16, 17, 19; З.; Ю.; Мл.), **всими, ві̑ми, вьсими, сими** (С. NN№ 80, 81 84, 85, 89, 93, 96, 99, 102, 104, 107, 114, 118, 136, 140, 141, 179; З. А.), **й-инѣми, иниеми** (Ш. № VII; А. № 5; С. NN№ 132, 142, 176), **й̑- иними** (А. № 11; С. № 89), Ц.-Слав. **иныи̑ми** (А. № 2), **єгокѣми, нигокѣми, негокѣми** (С. NN№ 20, 55, 77), **ниго̑кими** (С. № 77), **всякими вьсяки̍ми** (С. № 176; А. № 11), **всякоими** (С. NN№ 96, 98); первая форма напоминаетъ стянутую Ц.-Слав. **-ыими**, вторая образована проще изъ озвукотворенной основной гласной съ мѣстоименіемъ указательнымъ. **моими, -й̑, мо́ими** и т. д. (С. NN№ 14, 15, 20, 61, 89, 102, 118, 141, 175, 176; А. NN№ 10, 11, 19), **твоими** (С. NN№ 3, 175; Ю.), **своими, -ы** (А. NN№ 1; С. NN№ 4, 15, 17, 43, 50, 77, 78, 87, 97, 106—109, 114, 132, 136, 150, 176; З.), **своиеми, своеми, своеми** (С. NN№ 101, 112, 115, 119, 121), **нашими** (С. NN№ 57, 78, 81, 84, 85, 88, 92, 95—97, 99, 103, 107, 114, 117, 120, 127, 129, 132, 136, 140, 141, 144, 145; А. NN№ 14, 16), **нашѣми. -оми, -иеми** (С. NN№ 95, 100, 128, 133, 140, 142, 156), **вашими** (С. NN№ 4, 15, 20, 21, 98). **нидиквми** (С. № 142). Существительное образованіе встрѣчаемъ въ формѣ **нами** (С. № 66).

Мѣстный п. мн. ч. образуется одинаково съ таковымъ же существительныхъ: только мѣстоименія женскаго р. подчиняются сдѣсь общему образованію двухъ другихъ родовъ. То же самое окончаніе и то же усиленіе, но уси-

леніе непремѣнное, тогда какъ въ существительныхъ въ мужескомъ р. оно, какъ и самое озвукотвореніе полугласной, можетъ и не быть, а въ женскомъ его вовсе нѣтъ. Сербскій языкъ здѣсь опять измѣняетъ это усиленіе по своимъ звуковымъ соображеніямъ. Остается указать на самыя явленія. Замѣтимъ, что здѣсь всего яснѣе обнаруживается управленіе предлога по: съ дательнымъ п. онъ встрѣчается только разъ: по всякимь (С. № 2)—въ одной изъ древнѣйшихъ грамотъ, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ съ мѣстнымъ. И такъ: тѣхь тѣ, (А. № 6; С. №№ 54, 55, 97, 165, 168, 175, 178), тихь (С. № 118), сихь, сй, сих, сихь, сихои—съ усиленіемъ (А. №№ 6, 17; С. №№ 37, 66, 68, 83—85, 95, 103, 104, 107, 118, 136, 145, 150, 176), сѣхь, сѣхь, сиѣ, сиехь (С. №№ 10, 37, 81, 98, 120, 133), инхь, -ъ, ий, иихь, иихь (А. №№ 1, 10, 11, 14; Ш. № VII; С. №№ 23, 34, 66, 76, 84, 100, 115, 118, 126, 140, 167, 176, 178; Г. А, Б, V), инхь, инхь, инхь, ыхь (А. №№ 3—6, 14), ониехь (С. № 16), онихь (С. № 94), онихь, онихои—съ усиленіемъ (С. №№ 89, 145), коих, -хь, нѣкоихь (А. № 6; С. №№ 117, 140), коиех (С. № 121), вьсѣхь, -ехь, всѣхь, всѣ, васѣхь, свѣ (С. №№ 4, 15, 16, 86, 97, 98 107, 176; Д. №№ 13, 16, 20; З.), всихь, васихь. -хь (С. №№ 37, 81—85, 88, 95, 103, 104, 107, 118, 136, 150), всакихь, свакихь (С. №№ 85, 95), всакоихь (С. №№ 103, 136, 150), всакоихь— опредѣленный видъ (С. № 50), мой, моихъ, -ь (С. №№ 71, 132, 144; Ю.), твоихь, -й (А. № 2; С. № 51), своихь, -й (А. №№ 2, 20; С. №№ 34, 66, 71, 87, 94, 107, 109, 144, 157; З.), своихь, своиѣ (С. №№ 121, 142), нашихь, -ѣ, -й, -й и т. д. (А. №№ 3—6, 8, 9, 17; Мк.; С. №№ 35, 81, 83, 85, 86, 91, 95, 103—105, 107, 120, 127, 129, 133, 136, 139, 145, 150, 158, 175, 176; Мд.), нашиехь (С. №№ 144, 163), вашихь (С. №№ 4, 15, 53), вашѣ (С. №№ 166, 167).

Всѣ три падежа, какъ видимъ, сохранили свое основное различіе, какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, между тѣмъ какъ нынѣ они одинаково исходятъ на *-има* или *-цем*. Еще не замѣтно ни малѣйшей попытки въ пользу этого тожества: озвукотвореніе конечной полугласной обнаружилось только дважды; но замѣчательно, что одинъ разъ въ дательномъ п. вьсѣмь въ Аѳонской гр-ѣ, которая впрочемъ объясняетъ и собою озвукотвореніе ь въ е, а не въ а, второй разъ въ творительномъ нима въ позднѣйшей Западной гр-ѣ. За то другія явленія уже подчиняются вліянію народности. Независимо образуются оба вида въ Восточной семьѣ памятниковъ: здѣсь неопредѣленный имѣетъ окончаніемъ -ѣмь, -ѣми, -ѣхь, опредѣленный простой -имь -ими, -ихь, на пр., коимь, коими, коихь, опредѣленный сложный -ымь, -ыми, -ыхь, отвѣчающія Д.-Булг. -ѣимь, -ѣими, -ѣихъ: инимь, -ми, всакими, всакоимѣ. Но и Д.-Булгарская форма кое-гдѣ проглядываетъ подъ крыломъ Ц.-Славянской стихіи, на пр., кыимь, иными, но единственно лишь въ Аѳонскихъ грамотахъ, къ которымъ должно присоединить и гр-у Мк., гдѣ находимъ кыми, очевидно, изъ кыими, но не коими. Различіе видовъ совершается во всѣхъ семьяхъ первыхъ двухъ вѣковъ. Формы — обыкновенныя, и перезвукъ существуетъ лишь для ѣ, которое переходитъ иногда въ е, или ие. Только однажды встрѣчаемъ въ весьма ранней грамотѣ (С. № 10) форму сѣхь вм. сихь съ простымъ перезвукомъ и въ е. Но съ появленіемъ Западныхъ грамотъ въ XIV-мъ в. появляются и дальнѣйшія формы. Во многихъ грамотахъ перезвукъ ѣ въ и скрываетъ неопредѣленный в. и приводитъ форму къ опредѣленному на имь, -ими, -ихь, который не всегда однако можно здѣсь видѣть, доказательствомъ чему служатъ формы всимь, -ми, -хь, тими, тихь и т. п., явно обнаруживающія дѣй-

ствіе перезвука. На оборотъ, не вездѣ въ формѣ -[illegible], -[illegible], -[illegible] должно видѣть перезвукъ: мѣстами это есть опредѣленный в., образованный одинаково какъ у другихъ Славянъ, кромѣ Д.-Булгаръ; но гдѣ именно—положительно рѣшить трудно, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ перезвука ѧ въ и не бываетъ, какъ на пр. [illegible] (С. № 112), ср. тутъ же имен. ед. [illegible]. Съ другой стороны, не вездѣ въ формѣ [illegible], -[illegible], -[illegible] присутствуетъ неопредѣленный в.; если вспомнимъ, что ѧ и въ Западныхъ гр-хъ, большею частію, выражалось чрезъ [illegible], или [illegible], [illegible] и т. п., даже чрезъ [illegible], е и т. д., и если сравнимъ нынѣшнюю форму *-ием* вм. *-има*, то увидимъ, что подъ этою формою скрывался иногда и опредѣленный в., доказательствомъ чему служатъ [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] и т. п. По крайности, въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ нѣтъ перезвука или написанія ѧ вм. и, можно признавать неопредѣленный в.; а таковыхъ не мало. Словомъ, Западныя грамоты XIV-го и XV-го вв. представляютъ нѣкоторую неопредѣленность, происходящую отъ перезвуковъ, приведшихъ нынѣ къ безразличной формѣ *-има*, *-ием* для обоихъ видовъ. Сдѣсь происходитъ то же, что и въ родительномъ п. Опять мы усматриваемъ въ этихъ падежахъ одну форму отъ [illegible]; но отъ [illegible] уже нѣтъ; [illegible] опять является въ однѣхъ церковно-дарственныхъ грамотахъ, а [illegible] по большей части въ Восточной семьѣ. Явленіе формъ съ [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] и т. д. вм. [illegible] есть то самое, о которомъ упоминаетъ Шафарикъ, замѣчая его преимущественно у Дубровницкихъ писателей. По его словамъ, въ Илирскомъ говорѣ не только твердая, но и мягкая основа принимаетъ *-ѣх*, *-ѣм*, *-ѣми* въ родительномъ, дательномъ, творительномъ и мѣстномъ пп.[1] Дѣйствительно, въ Хорватскомъ языкѣ это явленіе господствуетъ. Тамъ и притяжательныя имѣютъ стянутую форму *méh*, *mém*, *mémi* и т. д. Въ Хорутанскомъ, при господствующемъ *i*, есть формы и съ *é*, особливо въ Штирскомъ подрѣчіи. И такъ вся Западная сторона Илирскаго говора, какъ справедливо замѣчаетъ Шафарикъ, имѣетъ этотъ перезвукъ, который въ нашихъ памятникахъ начинаетъ обнаруживаться съ появленіемъ Западныхъ грамотъ въ XIV-мъ и XV-мъ вв.

Двойственное число, какъ и въ существительныхъ, сохранилось лишь отрывками подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи: бесчисленное множество примѣровъ его несоблюденія ясно говоритъ, что народность противодѣйствовала ему. Укажу на нѣкоторые, болѣе очевидные: [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] (А. № 10; С. № 51), [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] (С. NN№ 73, 91, 111, 137), [illegible] [illegible] (С. № 107), [illegible] [illegible] крати (А. № 17), [illegible] [illegible] (С. № 176) и пр. пр. Прямое заключеніе, вытекающее отсюда, будетъ то, что формы двойственнаго числа суть простое заимствованіе изъ Ц.-Славянскаго языка и, какъ таковое, должны были сохраняться преимущественно, если только не исключительно, въ грамотахъ Восточной семьи. Исключительности сдѣсь не могло быть по тому самому, что Д.-Сербскіе писцы, образовавшись на Д.-Булгарскомъ языкѣ, еще хорошо помнили его формы, и имъ ничего не стоило мѣстами употребить ихъ; ибо они не имѣли въ виду возможности чисто-народнаго книжнаго языка, а допускали какой-то смѣшанный, почитая сдѣсь необходимымъ присутствіе Ц.-Славянскихъ формъ. По этому двойственное число есть и въ Западныхъ грамотахъ, но въ Восточныхъ его больше. Тѣмъ не менѣе оно является уже неподвижнымъ, безжизненнымъ заимствованіемъ изъ чуждой стихіи, которому очевидно противодѣйствовала народность. Довольно взглянуть на примѣры, чтобы ихъ мало-

---

[1] Počátkowé Staročeské mluwnice. Тамъ же, стр. 54.

численностію, какъ и въ существительныхъ, убѣдиться въ оскудѣніи двойственнаго числа. Таковы: для именительнаго и винительнаго пп. муж. р.: и таи двѣ манастира (С. № 173), ѡна ѣ властелина (С. № 89), ѡна два брата (С. № 142), ѡнаи два монастира (Г. Б), ѡна ѡва̑ стоу́па (Мл.), мои ѡба члоεка (З.), наша два дила (С. № 163); въ жен. р.: тѣѕи двѣ кѣи (С. № 57), тои полаче ѡби (С. № 96), ѡнѣ ѡбѣе—съ усиленіемъ, гдѣ и перешло въ е, (С. № 156), ѡней ц҃ркве — тоже съ усиленіемъ (Мл.), коѣ ѡбѣ ц҃ркве (Мл.). Вѣроятно, въ томъ же родѣ употреблено ѕа ѡвие дние годище (С. № 114). Для родительнаго и мѣстнаго: мою (С. NN№ 108, 112, 115, 126, 142, 143); въ среднемъ р.: ѡ҇ію моню, ѡчию моию (С. № 176), крылоу твою, -ию (Г. А, Б). Для дательнаго и творительнаго: сима архистратигома (С. № 35), има, нима (С. NN№ 3, 48, 135, 143, 164), таковима властелинома (С. № 46), ѡ҇тима моима (А. № 11), твоима ногама (Мк.), своима, -има роукама (А. № 6; Г. А. Б), ѡ҇чима на́шима (Мл.). Противодѣйствіе народности произвело въ писцахъ робость, такъ что они не могли уже смѣло ставить формы, уже забытыя народностію и звучавшія слишкомъ рѣзко для Сербскаго уха; избѣгая ихъ, они впадали въ неправильность, свидѣтельствующую о коснѣніи заимствованныхъ формъ. Такъ на пр. они писали: ѿ тѣи два монастира (Г. Б), ѿ мои два̑ дела (Мл.).

Докончимъ о *числительныхъ*. Мѣстоименное движеніе имѣютъ двѣ, ѡба, три, четири. Первыя склоняются лишь въ двойственномъ ч. какъ мѣстоименія съ твердымъ исходомъ, вторыя же во множественномъ какъ мѣстоименія съ мягкимъ исходомъ, но безъ усиленія конечной гласной, возстановленной въ полугласной. Именительный и винительный пп. муж. и средн. р.: дъва, два и т. д. (А. NN№ 1, 6, 11, 19; С. NN№ 19, 20, 107, 108, 115, 124, 130, 142, 143, 147, 156, 157, 173, 176; Мк.; З.; Ш. № 14; Г. Б; Мл.), жен. р. дъвѣ, двѣ, две, дви и т. д. (С. NN№ 16, 24, 31, 57, 81, 83, 85, 87, 103, 108, 115, 119, 121, 123, 130, 136, 150, 156, 157, 168; А. NN№ 17, 19; С.-Д. М. 1844). ѡба, ѡба̑ (Ш. № VII; С. NN№ 156, 176; З.; Мл.); ѡбѣ, -и, ѡбѣ, ѡбѣ (Ш. № VII; А. NN№ 6, 12; Ш. № 14; З.; С. NN№ 96, 116; Мл.). Это послѣднее переходитъ во множественное ч. какъ бы съ твердымъ исходомъ: муж. р. ѡбои, ѡбои (А. № 6; С. NN№ 66, 114; З.), ѡбои владичьствии (С. № 66), ѡбои стране (С. № 100). Подобно этому находимъ въ жен. р. двои границе (С. № 121), судьце ѡбое, гдѣ употреблено наружное согласованіе съ существительнымъ, имѣющимъ женское движеніе и мужеское значеніе, (С. № 21). Сложное ѡбадва, обад(и)а (С. NN№ 163, 164), ѡбѣдвие (С. № 158). Родительный п. жен. р. двѣю, дѣвю (З.; А. № 17), ѡбѣю, -ею странѣ (С. NN№ 114, 123). Дательный и мѣстный двѣма (А. № 2; С. № 163), ѡбѣма, -има (С. NN№ 116, 126). Но иногда движеніе двойственнаго ч. не вездѣ выдерживало согласованіе и оставалось при именительномъ п., на пр.: свѣтова нась ѡбѣ страны (С. № 114), сь ѡбѣдвѣ стране (С. № 164), ѿ два (Г. Б), са два камена (С. № 119) и пр. ѡбадва находимъ въ обоихъ случаяхъ въ сочиненіи со множественнымъ ч.: ѡбадва синове, обад(в)а сь потоми. три и четири хотя въ Д.-Булгарскомъ языкѣ слѣдуютъ существительному движенію, однако въ Д.-Сербскомъ переходятъ въ мѣстоименное, согласно съ дальнѣйшимъ движеніемъ Славянскаго языка, приближающаго ихъ и въ другихъ нарѣчіяхъ къ мѣстоименіямъ. Такъ Чехи въ старину имѣли въ род. *čtyř*, а нынѣ кромѣ *čtyř* имѣютъ уже и *čtyřech*. Нынѣ Сербы для *два*, *три*, *четири* допускаютъ одно склоненіе: *двию*, *трию*, *четирию*, *двима* или *двема*, *трима*, *четирма*. Но въ ста-

рину они измѣняли три и четири нѣсколько отлично отъ нынѣшняго. Такъ именительный и винительный: три, трй, трй, трї, трѧ, трь (С. №№ 17, 24, 41, 69, 96, 98, 107, 115, 124, 130, 140, 144, 146, 147, 152, 156, 157; А. №№ 11, 18). Заимствованіе изъ Ц.-Славянскаго находимъ въ формѣ тріе, трьи, -ѥ (А. № 6; С. № 176), которую писцы, какъ и обои, переиначили для множественнаго ч. въ тріи (А. № 5), трѣи (С. № 83). На нее, быть можетъ, намекаетъ и значекъ ˇ. четири, -ѧ (С. №№ 16, 92, 93, 96, 112, 115, 123, 124, 130, 141, 144, 147, 157, 158, 163). Родительный и мѣстный: трехь, трѥ, трехь (С. №№ 89, 124, 125, 157, 173, 176), четирехь, -ихь, -ѥ, четирѥ (А. №№ 5, 12; С. № 89), д҃.хь (А. № 10). Дательный: трема, ближе къ двойственному, либо съ озвукотвореніемъ конечной полугласной (С. № 130), трѣ (С. №№ 146, 147, 163), четиремь, -ѣ, -емь, четиремь (С. №№ 39, 108, 112, 115, 126). Творительный: треми (А. № 13), д҃.ми, д.ми (Ш. № VII; С. №№ 134, 140, 176). Мы замѣчаемъ, что родительный исходитъ на -хь, чего нѣтъ въ существительныхъ; отъ Д.-Булг. трь, четырь они передвинулись въ мѣстоименное образованіе; но за то сдѣсь нѣтъ усиленія -ихь, замѣченнаго нами въ мѣстоименіяхъ съ мягкимъ исходомъ, на пр. сихь; сдѣсь воображаемая основа есть трь, четирь, которая дѣйствительно является въ родительномъ п. Д.-Булгарскаго языка, и ея полугласная озвукотворена въ е, какъ въ единственномъ ч. отъ сь: сего, семꙋ и т. д. Какая медлительность видна въ движеніи этихъ числительныхъ: писцы не охотно склоняютъ ихъ, какъ будто затрудняясь Д.-Булгарскими формами и чуждаясь народныхъ. Мѣстами нарушены правила словочисленія; такъ: ꙋ сехь три годищь (С. № 71), са четири камени (С. № 121), ѿ до три мѣсеце (С. № 144), нѣ четири чѧ (С. № 147). Подобнаго управленія предлоговъ мы у себя нигдѣ не встрѣчали. Сдѣсь также обнаруживаются случаи управленія по винительнымъ: по дьва члокѣка (А. № 1), по четири тисꙋѣѥ (С. № 163), по г҃. пріама (Мл.). Не иначе, какъ тѣмъ же мѣстоименнымъ движеніемъ, можно объяснить и форму петимь (С. № 39). Опять находимъ неподвижную форму ѿ шесть (С. № 139). два, оба сочиняются съ двойственнымъ ч., три и четири со множественнымъ, такъ что и они и существительное подчиняются одинаковому управленію; дальнѣйшія числительныя управляютъ родительнымъ п. мн. ч. Случаевъ ихъ движенія мы не находимъ. Но въ одной Аѳонской гр-ѣ попадается призпакъ движенія: ѿ в҃і. хь лѣтѣ, ѿ ѯ҃. хь сьборь (А. № 10). Возможность мѣстоименнаго движенія для числительныхъ условливается ихъ мѣстоименнымъ происхожденіемъ.[1] Но десꙗть сохраняетъ, кажется, свое существительное движеніе: по крайней мѣрѣ, въ непосредственномъ сложеніи съ два, три, четири оно имѣетъ десети, на пр., двадесети, тридесети и т. д. (см. в.), гдѣ онъ стоитъ въ именительномъ п. дв. или мн. ч.; но съ пеѭ и далѣе оно переходитъ, согласно съ управленіемъ этихъ числительныхъ, въ родительный п. мн. ч.: десеть, на пр., шестьдесеть и т. д. Другихъ случаевъ его движенія наши памятники не представляютъ.

Такимъ образомъ передъ нами открылся весь кругъ мѣстоименнаго движенія. Просмотрѣвъ его явленія, мы видимъ подтвержденіе нашихъ словъ о самостоятельномъ развитіи этой части рѣчи въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ. Свободное заимствованіе формъ Ц.-Славянскихъ и народныхъ, расширеніе, въ слѣдствіе этого области употребленія и возможно строгое соблюденіе послѣдователь-

[1] См. Шафарика, Nowozpytný rozbor čislowa. Časopis Českého Museum, 1848. I, sw. 3, стр. 217.—Шлейхера, Die formenlehre der kirchenslawischen Sprache. Prag. 1852.

ности въ образованіи и движеніи составляютъ отличительную черту Д.-Сербскаго мѣстоименія.

Движеніе безродныхъ или личныхъ мѣстоименій совершается въ единственномъ ч. по женскому р. и тѣмъ намекаетъ, что нѣкогда въ Индоевропейскомъ праязыкѣ было одно общее движеніе для всѣхъ родовъ и что женскій во многихъ случаяхъ тверже удержалъ первичные признаки словодвиженія.

Форма 1-го л. я или ꙗ является господствующею уже съ XII-го в.; но въ то же время и азъ или ꙗзъ можетъ еще предъявлять свои права на народное употребленіе, не позже однако XIII-го в. Для винительнаго п. служитъ предпочтительно форма ме, те, но кое-гдѣ, особенно въ XV-мъ в., показывается и форма родительнаго п., въ которой Сербскій языкъ постоянно озвукотворяетъ ѣ: мене. Это озвукотвореніе въ дательномъ п. началось лишь съ конца XIV-го в.: мени; а въ XV-мъ представилось нѣсколько случаевъ озвукотворенія ѣ въ а: мана. Родительный мене, тебе, себе хотя и въ Д.-Булгарскомъ имѣетъ -е, однако можно предполагать въ немъ исчезновеніе носоваго отзвука, выказывающагося ясно въ существительныхъ жен. р. Дательный и мѣстный еще постоянно имѣютъ -ѣ, кромѣ весьма немногихъ позднѣйшихъ исключеній для перваго. Въ послѣдствіи, какъ видно изъ нынѣшняго языка и изъ тѣхъ же падежей существительныхъ, ѣ перешло въ звукъ и. Творительный п. представляетъ тѣ же формы и съ тѣмъ же временнымъ отношеніемъ, какъ и въ существительныхъ. Краткія ми, ти, си любимы Д.-Сербами; но когда мысль падаетъ преимущественно на мѣстоименіе и дѣлаетъ его полновѣснѣе, тогда полная форма оказывается способнѣе къ выдержанію силы мысли. Они имѣютъ, кромѣ прямаго падежнаго значенія, еще смыслъ притяжательныхъ; си равно употребляется для всѣхъ родовъ, чиселъ и лицъ. Во множественномъ ч. замѣчательно употребленіе родительнаго п. насъ въ смыслѣ «изъ насъ» и «нашъ». Послѣднее, притяжательное, значеніе имѣютъ ны, вы—формы дательнаго п. Образованіе нынѣшней формы творительнаго *нама* объясняется ослабленіемъ и въ ь и перезвукомъ ѣ въ *а*, ибо и въ старину находимъ однажды подобную форму.

Д.-Сербскій языкъ болѣе, чѣмъ какой либо другой, соблюлъ и провелъ возможно далѣе и послѣдовательнѣе различіе видовъ. Здѣсь представляются три вида. Неопредѣленный или первоначальный есть простое образованіе, подобное существительному, гдѣ мѣстоименный исходъ *-as* уже утрачиваетъ свое значеніе и становится простымъ образователемъ слова. Онъ получаетъ свое особое движеніе въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ не находимъ его даже у Д.-Булгаръ. Писцы стараются провести его во всѣхъ падежахъ единственнаго и множественнаго чч. Довольно указать на движеніе нь. Отъ того яснѣе, чѣмъ у Д.-Булгаръ, отличается отъ этого вида собственно опредѣленный видъ, происходящій или прямо чрезъ первичное образованіе съ тѣмъ только отличіемъ отъ неопредѣленнаго, что въ немъ не ослабѣваетъ въ общій полугласный исходъ первоначальное образовательное мѣстоименіе и—*as*, но, благодаря предшествующей гласной, является открыто и сохраняетъ свое движеніе, на пр., въ мои, уни; либо происходящій изъ первоначально образованнаго и готоваго мѣстоименія, на пр. ть, нь, чрезъ озвукотвореніе конечной полугласной и принятіе вновь образующаго и, которое на этотъ разъ уже удерживаетъ свое отличительное движеніе: той, ной. Но въ обоихъ случаяхъ движеніе ограничивается лишь измѣненіемъ этого одного мѣстоименія, по чему мы и называемъ индѣ этотъ видъ опредѣленнымъ простымъ. Онъ является въ помогу неопредѣленному тамъ, гдѣ этотъ послѣдній затрудняется образова-

ніемъ своей собственной формы. Но, какъ сказали мы, онъ у Д.-Сербовъ болѣе отличенъ, чѣмъ у Д.-Булгаръ; на пр.: кого, ки и коиго, кои, те и тои, всакого, всаки и всакоига, всакои, сега и сиега; коми и коима, семи и симиы, сиои; коимь и коимю, сиомь; коимь и коимь, сима и симимь, сини, сиои; ки, ки и кои, кои и т. д. Образовательное окончаніе -нь, приставленное къ мѣстоименію, возобновляетъ свою прадавнюю мѣстоименную природу и принимаетъ движеніе, кромѣ неопредѣленнаго в., еще и въ опредѣленномъ простомъ, какъ кои. Благозвучіе возможность и свойство языка способствуютъ этому различію; но въ другихъ случаяхъ они же заставляютъ, вмѣсто неопредѣленнаго в., прибѣгать къ опредѣленному простому или даже сложному. Сложный опредѣленный видъ есть стяженіе двойнаго движенія: неопредѣленнаго вида въ существительномъ склоненіи и опредѣляющаго указательнаго мѣстоименія и. Наглядно выраженное образованіе этого вида мы замѣтили въ формахъ тыи, сыи, овыи. Многія мѣстоименія допускаютъ и этотъ видъ, каковы: указательныя, относительныя, вопросительныя и ближайшаго опредѣленія, но, разумѣется, не всякое изъ нихъ. За то есть нѣкоторыя, имѣющія всѣ три вида, на пр., нь, кои, ки (кии). И этотъ видъ не всюду проводится въ движеніи: онъ наиболѣе доступенъ для мѣстоименій ближайшаго опредѣленія. Если спросимъ теперь, въ какомъ отношеніи стоитъ Д.-Сербскій книжный языкъ къ нынѣшнему Сербскому и прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, то отвѣтъ будетъ простъ: языкъ этотъ количествомъ мѣстоименныхъ формъ равняется Д.-Булгарскому. Правда, въ немъ есть нѣкоторыя мѣстоименія, на употребленіи коихъ лежитъ печать Ц.-Славянскаго вліянія, тѣмъ не менѣе они все таки допущены; другія же прямо свидѣтельствуютъ о древнемъ богатствѣ языка и нынѣшнемъ его оскуденіи. Въ различеніи видовъ Д.-Сербскій письменный языкъ, благодаря народности и содѣйствію Ц.-Славянской стихіи, весьма далеко и тщательно соблюдаетъ его. Въ этомъ случаѣ онъ стоитъ несравненно выше всѣхъ нынѣшнихъ нарѣчій. Различіе между видами сохраняется нынѣ уже весьма слабо, можно сказать, отрывочно, и только кое-гдѣ. Такъ у Сербовъ притяжательныя *његов*, *њиов*, *њен* и *њезин*; у Русскихъ *таковъ*, *каковъ*, *одинаковъ*, *инаковъ*, да еще въ выраженіи *по скольку*, *по стольку*, склоняются по неопредѣленному в. прилагательныхъ, но и то различіе этого вида сохранилось не во всѣхъ падежахъ, а только въ родительномъ, дательномъ и мѣстномъ ед. ч. муж. и средн. р., а у Русскихъ еще въ винительномъ ед. ч. жен. р., и въ именительномъ и винительномъ мн. ч. У Чеховъ есть отличіе въ движеніи словъ *geden*, *ten*, *onen*, *wšecken* и отчасти *sam* и *samoten*, напоминающее неопредѣленный в., такъ что, на пр., *ten* имѣетъ *toho*, а *tyž—téhož* и т. д., *sam* имѣетъ въ именительномъ и винительномъ мн. ч. муж. р. *sami*, *samy*, жен. р. *samy*, средн. *sama*, въ винительномъ ед. ч. жен. р. *samu*, тогда какъ въ опредѣленномъ видѣ оно имѣло бы *samé*, *samá*, *samau*. Еще *кто что* и *онъ*, въ значеніи личнаго, сохранили въ Славянскомъ языкѣ первоначальное движеніе; но прочія мѣстоименія, не различая видовъ, какъ иногда различаютъ ихъ въ именительномъ и отчасти винительномъ пп. ед. ч., что мы уже выше видѣли по нарѣчіямъ, сходятся всѣ въ одномъ общемъ падежномъ образованіи, одинаковомъ съ прилагательными, на пр., въ однихъ *-ова*, въ другихъ *-ego*, *-ého*, *-oho* и *-eho*, въ третьихъ *-iga*, *-oga* и т. д. Въ прилагательныхъ еще можно различить виды на томъ основаніи, что неопредѣленный в., гдѣ только онъ допущенъ, а это бываетъ не часто, имѣетъ существительное движеніе, на пр., въ родительномъ на *-а*, дательномъ на *-у* и т. д.; но въ мѣстоименіяхъ, имѣющихъ свое особое образованіе для неопредѣленнаго в., при стяженіи и перезвукѣ,

формы опредѣленнаго в., что и составляетъ признакъ повремениаго движенія Славянскаго языка, различіе между видами исчезаетъ совершенно, и двойныя формы именительнаго п. ед. ч., которыя мы нашли еще кое-гдѣ и нынѣ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, уже вступаютъ въ дальнѣйшемъ движеніи въ безразличное падежное образованіе. Такъ пр. Серб. *такав* и *такови* склоняются одинаково: *таковог* и т. д.; Хорут. *njégov*, *njíhov*, *njún* и пр. имѣютъ въ родительномъ *njégoviga*, *njíhoviga*, *njúniga* и т. д. Въ этомъ итогѣ, до котораго постепенно дошелъ Славянскій языкъ, и заключается возможность оцѣнки памятниковъ и вмѣстѣ опредѣленія отношенія древнѣйшаго языка къ новѣйшему. Въ Д.-Сербскихъ памятникахъ, въ которыхъ наиболѣе присутствуетъ народность, чрезъ стяженіе и перезвукъ гласной въ той части слова, гдѣ сливаются оба движенія, различіе видовъ скрылось, и распознать его уже трудно и невозможно, особливо въ женскомъ р. Въ другихъ, подверженныхъ сильнѣйшему вліянію Ц.-Славянской стихіи, опредѣленный в. еще является въ полной своей формѣ, въ какой застала его Д.-Булгарская письменность, на пр., -аяго, стянутое въ -аго, -ии и т. д., но сдѣсь это явленіе совершается уже въ ущербъ народности. Вообще формы, напоминающія Ц.-Славянское образованіе, составляютъ лишь малѣйшую часть между народными и находятся преимущественно въ Восточныхъ грамотахъ, такъ что Западныя, имѣющія ихъ, относятся къ Восточнымъ, какъ 1: 4½; при томъ это отношеніе измѣняется въ 1: 10, если примемъ въ соображеніе, что богословіе и намѣренные пріемы писцовъ допускали Ц.-Славянскія формы съ полнымъ сознаніемъ ихъ отличія отъ народныхъ. Но и изъ Восточныхъ ⅔ составляютъ церковно-дарственныя грамоты. И такъ причина явленія подобныхъ формъ становится понятною.

Припомнимъ себѣ движеніе въ отдѣльныхъ падежахъ.

Винительный п. ед. ч. жен. р. исходитъ на -ꙋ, -ю, въ которыхъ сливаются оба вида подъ дѣйствіемъ народности. Сложный опредѣленный в. на -ꙋю есть лишь заимствованіе въ церковныхъ гр-хъ изъ Д.-Булгарскаго языка.

Перезвукъ -го въ -га въ родительномъ п. ед. ч. обнаруживаетъ дѣйствіе народности, начинавшееся уже въ XII-мъ в. Только, по странному случаю, иго, ияго еще гораздо чаще употребляются, чѣмъ ияга: должно думать по тому, что сдѣсь иго, которое, безъ сомнѣнія, предшествовало сокращенной и оставшейся съ однимъ падежнымъ исходомъ го, и къ которому еще сильно пріучено было ухо писцовъ, мѣшало неловкостію своего перезвука въ ига, по чему этой формы и не находимъ, а есть только ияга. За то га всюду господствуетъ, оставляя только два случая для го въ Восточной семьѣ. Весьма любимое нынѣ сокращеніе -гъ попалось намъ только разъ въ началѣ XV-го вѣка. Чьто имѣетъ чеса и ча: то и другое допущено народностію, первое въ согласіи со всѣмъ Илирскомъ говоромъ, второе по требованію Сербскаго нарѣчія, имѣющаго также и *чега*. Въ женскомъ р. -е представляетъ народное окончаніе; но замѣняющія его -ои, -еи, -ии суть перезвукъ Ц.-Славянскихъ -оѧ, ѥѧ, -ыѧ. Съ этимъ исходомъ не должно смѣшивать собственно-Сербскій -еи, -ии простаго опредѣленнаго в., иначе и не могшаго образоваться. Но тои есть опять перезвукъ Ц.-Славянской тоѩ, какъ и въ иноѩ, ѥноѩ и т. п. не другое что можно видѣть, какъ такой же перезвукъ Ц.-Слав. -ыѩ; ибо если допустить, что это есть видоизмѣненіе древнѣйшаго возможнаго и у Сербовъ, какъ и другихъ Славянъ, сложнаго опредѣленнаго вида, то этому будетъ противорѣчить какъ самое образованіе этого вида у Сербовъ, который долженъ бы былъ исходить на -ее, откуда прямой переходъ не въ -еи, а въ -е, -ê, которое и дѣй-

ствительно существовало въ старину и существуетъ нынѣ; такъ и свойство церковно-дарственныхъ грамотъ, въ которыхъ эта форма встрѣчается и которыя всѣ принадлежатъ къ XIV-му и XV-му вв. Кое-гдѣ въ Восточныхъ гр-хъ и въ древнѣйшей Дубровницкой попадается стяженіе -оии, -ии въ -ои, -и, какъ, на оборотъ, видѣли мы въ именахъ собственныхъ перезвукъ -ии(й), -ои(й) въ -ие, -ое. Сдѣсь стяженіе не иначе могло произойти, какъ изъ формы Ц.-Славянской, на пр., изъ моиѥ въ моѥ; но образованіе моѥ вытекло непосредственно изъ свойства народнаго языка и его самобытныхъ пріемовъ.

Въ дательномъ п. ед. ч. окончанія обыкновенныя: -му или -єму и -и. Въ соотвѣтствіи съ родительнымъ тое находимъ сдѣсь тоіму, предполагающія или именительный тои, какъ кои, или вліяніе Ц.-Славянской стихіи: послѣднее вѣрнѣе, судя по свойству грамотъ. Стяженіе мому, твому, некому начинается уже съ XIII-го в. Смягченіе е въ ю въ женскомъ р. возникаетъ въ концѣ XIV-го в., и посредствующею или, лучше сказать, неудачно выраженною формою служитъ форма съ однимъ о, на пр., ио, ои и кои. Ранѣе, уже въ первыхъ гр-хъ XIII-го в. является ксои, произносившееся и съ мягкимъ с, какъ показываетъ форма ксьои, однако предпочитавшее твердое с, откуда, съ помощію перестановки, произошло скои. имоу, инмоу употребляется въ однихъ почти Восточныхъ гр-хъ, тогда какъ за иго подобной крайности не замѣчаемъ; но за то му еще чаще, чѣмъ га, является во всѣхъ вѣкахъ и всѣхъ семьяхъ. тисемоу указываетъ на Ц.-Славянское вліяніе, ибо во всемъ Илирскомъ говорѣ нѣтъ этой формы, но есть *чему*, *ćети*, какъ и въ нашихъ памятникахъ ничему.

Творительный п. ед. ч. представляетъ форму неопредѣленнаго в. на -ѣмь, которая и сохраняется во всѣхъ вѣкахъ; но съ конца XIV-го или со вторичнаго вступленія Западныхъ гр-ъ на поприще письменности, появляется перезвукъ въ -имь, который, въ свою очередь, смѣняется съ -емь, такъ что -ѣмь, -емь, -имь, находясь, какъ и нынѣ, подъ дѣйствіемъ звуковыхъ законовъ языка, скрадываютъ возможность различенія видовъ. При нихъ происходитъ смягченіе гортанныхъ, исключая кимь вм. цѣмь. Но нѣкоторыя формы на -имь необходимо должны быть отнесены къ опредѣленному в., какъ и многія на -немь. Въ женскомъ р. сначала -ою, потомъ -омь; коимь, ксѣмь, скоимь, составляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. смоемь, вѣроятно, сиоемь и смоимь суть признакъ самостоятельнаго образованія.

Мѣстный п. ед. ч. еще сохраняетъ свою форму на -мь и въ женскомъ р. на -и. Форма, сходная съ дательнымъ, является не болѣе двухъ разъ, въ одной Аѳонской XIV-го в. и другой Западной XV-го в. Сочиненіе предлога по склоняется на сторону мѣстнаго п.; но въ грамотахъ XII-го и XIII-го вв., какъ и въ прочихъ церковно-дарственныхъ, форма на -му обнаруживаетъ дательный п. Стяженіе момь, своемь и пр. начинается въ Зетскихъ гр-хъ конца XIV-го в. и переходитъ въ Западныя. Озвукотвореніе конечнаго ь встрѣчается не болѣе четырехъ разъ въ XV-мъ в. въ Западныхъ гр-хъ. Въ женскомъ р. замѣтимъ стяженіе -ои въ -е. Переходъ е въ ю въ мѣстоименіи жен. р. и и въ окончаніяхъ падежей жен. р., на пр., своѥѥ, своюю вм. своѥе и т. п., есть сдѣсь, какъ и въ другихъ падежахъ, дѣйствіе народности; сдѣсь находимъ форму ною, неудачно написанную вм. ньою. Нельзя думать, чтобы народъ когда нибудь произносилъ это мѣстоименіе съ твердымъ о: вѣроятно, оно звучало какъ ю, ë, какъ и у Лужичанъ и Русскихъ; но только правописаніе не всегда вѣрно изображало его, по чему и находимъ смѣшеніе по времени ю съ о. Перезвукъ -ою въ -омь производитъ созвучіе со стянутымъ исходомъ

опредѣленнаго сложнаго в.; но въ Аѳонской гр–ѣ [illegible] есть дѣйствительно этотъ послѣдній, [illegible] заимствованъ изъ Ц.-Славянскаго языка.

Въ именительномъ п. мн. ч. муж. р. -и, которое въ соединеніи съ усиливающимъ и обращается въ є: [illegible], [illegible], какъ то же мы видѣли въ [illegible] ви. [illegible]). Иногда согласованіе мѣстоименій съ существительными основывается на наружномъ движеніи послѣдняго по женскому р., хотя и со значеніемъ мужескаго р. Средній р. исходитъ, какъ и въ винительномъ, на -а; женскій на -є. Во всѣхъ трехъ родахъ падежные исходы сливаютъ оба вида, такъ что [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], уже по мѣсту нахожденія своего, обличаютъ заимствованіе.

Винительный п. мн. ч. представляетъ общее окончаніе для двухъ родовъ -є, въ которомъ сходятся оба вида. По тому формы на -и, -ы неопредѣленнаго в., или на [illegible], [illegible] опредѣленнаго показываетъ заимствованіе. Древность -є условливается древностію самого нарѣчія, которое уже въ доисторическія времена измѣняло ѫ въ у и ѧ въ є.

Родительный п. мн. ч. могъ бы представить возможность различенія видовъ, если бы въ немъ не происходило перезвука, такого же, какой мы видѣли въ творительномъ п. ед. ч.; если бы [illegible] не переходило въ [illegible], [illegible], [illegible], и обратно [illegible] въ [illegible], [illegible], [illegible]. Но этотъ перезвукъ начинается только въ Западныхъ гр–хъ съ конца XIV-го в. До того же времени находимъ [illegible] для неопредѣленнаго в. и [illegible] ([illegible]) для опредѣленнаго во всѣхъ семьяхъ, что продолжается въ церковно-дарственныхъ гр–хъ во все разсматриваемое время. Опредѣленіе возможности упомянутаго перезвука въ мѣстоименіяхъ основывается на общемъ свойствѣ памятника: есть памятники, не допускающіе его, и въ нихъ смѣлѣе можно предположить тотъ или другой видъ, смотря по исходу падежа. Мягкая основа имѣетъ естественно [illegible], но въ ней совершаютъ перезвукъ въ [illegible], [illegible] Западныя гр–ы и первая изъ нихъ гр–а Тврьтка I, 1378 года, въ ней. Ц.-Славянская форма [illegible], [illegible] находятся въ [illegible] [illegible] Аѳонскихъ гр–хъ, да въ богословіи одной Восточной гр–ы, ясно обнаруживая постороннее вліяніе.

Тотъ же перезвукъ является и въ остальныхъ падежахъ, дательномъ, творительномъ и мѣстномъ, сохраняющихъ здѣсь свои отличительныя окончанія и не сходящихся еще между собою, какъ нынѣ. Озвукотвореніе конечной полугласной въ дательномъ проявилось только однажды въ є въ Аѳонской гр–ѣ, да однажды конечное и творительнаго перешло, конечно, чрезъ предварительное ослабленіе въ ь, въ а въ одной Западной гр–ѣ конца XV-го в. Окончанія ихъ суть: [illegible], [illegible]; [illegible], [illegible]; [illegible], [illegible]. Различіе видовъ можно усмотрѣть во всѣхъ семьяхъ двухъ первыхъ вѣковъ и въ Восточной позднѣйшихъ; но въ Западной съ конца XIV-го в. [illegible] уже имѣетъ мѣсто перезвукъ. Однако въ памятникахъ, не подверженныхъ ему, не мѣшаетъ различать виды. Опредѣленный сложный в. имѣетъ стянутую форму, такъ что полная [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] и т. д. присутствуютъ лишь въ церковно-дарственныхъ и почти исключительно Аѳонскихъ гр–хъ. Въ дательномъ [illegible], отъ и, получаетъ иногда значеніе притяжательнаго, подобно единственному [illegible].

Звательный п. одинаковъ съ именительнымъ.

Двойственное ч. такъ же отрывочно, какъ и всюду. Безъ числительныхъ оно весьма ограниченно; съ два, оба соблюдается. Но робость въ его употребленіи замѣтна уже въ отсутствіи согласованія съ предлогами и предпочтеніи именительному п. передъ другими.

Числительное [illegible] или, въ народной формѣ, [illegible], движется какъ мѣсто-

именіе. Точно такъ же движутся **оба**, **два** и сложное изъ нихъ **обадва**, **три**, **четыри**, первыя въ двойственномъ, вторыя во множественномъ ч.; **оба**, **два** переходятъ во множественное въ видѣ **обои**, **двои**. Въ двухъ случаяхъ **обадва** согласовано со множественнымъ ч. Въ движеніи **три**, **четыри** является конечною основною гласною **е**, возникшее изъ **ь**, въ которое ослабла первоначальная гласная. Сдѣсь опять управленіе предлоговъ не выдерживаетъ всюду согласованія. Предлогъ **по** сочиненъ нѣсколько разъ съ винительнымъ п.

Мѣстоименія, имѣющія существительное движеніе, переходятъ въ нѣкоторыхъ падежахъ въ мѣстоименное, какъ: въ творительномъ ед. ч., родительномъ, дательномъ и творительномъ мн. ч.; въ другихъ, какъ въ мѣстномъ ед. ч., представляютъ то и другое движеніе. Это напоминаетъ ту пору состоянія языка, когда въ немъ, послѣ совершившагося въ доисторическую пору распаденія общаго для всѣхъ именъ склоненія, мѣстоименное движеніе увлекало за собою послѣднія, доставшіяся ему, формы именъ, которыя прежде двигались какъ существительныя.

Кромѣ перезвуковъ, уже видѣнныхъ нами и неразрывно связанныхъ съ повременнымъ и помѣстнымъ движеніемъ формъ, укажемъ на нѣкоторые другіе, подчиненные лишь общимъ звуковымъ свойствамъ языка и придающіе формѣ иной видъ. Таковы: **ѣ** вм. **е** въ род. п. ед. ч. личнаго мѣстоименія: **тебѣ**, возвратнаго **себѣ** и родоваго жен. **никтре**; въ дат. ед. жен.: **сеи**, **всеи**; въ мѣстн. ед.: **всемь**, **всеи**, **нашеи**; въ винит. мн. муж. и жен.: **коѣ**, **моѣ**; въ род. мн. въ **четырѣхъ**. **ѣ** вм. **и** въ дат. ед. жен. **своѣ=свои** вм. **всои**; въ имен. мн. муж.: **иегокѣ** и въ **трѣ**, **четырѣ**. **ѣ** вм. **я** въ имен. и вин. мн. средн.: **коѣ**, **моѣ** **е** вм. **ѣ** въ дат. личнаго **мене**; въ твор. ед. муж. и средн.: **никогоемь**, **темь**, **немь**. **всемь**; въ мѣстн. ед. жен.: **онеи** **иегоке**; въ род. мн.: **онехъ**, **техъ**, **всѣ**, **нѣ**; въ дат. мн.: **темь**, **онемь**, **всемь**, **иегокѣ**, **немь**; въ твор. мн.: **единеми**, **онеми**, **всеми**; въ мѣстн. мн.: **сѣ**, **всехъ**. **е** вм. **ѣ = не**, **не**, **и** въ твор. ед. муж. и средн.: **нашемь**, **коемь**; въ род. мн.: **коехъ**; въ дат. мн.: **нашемь**; въ твор. мн.: **своеми**, **нашеми**; въ мѣстн. мн.: **своехъ**, **кашѣ**. **е** вм. **ѣ = я** въ имен. и вин. мн. средн.: **мое**, **нои**, **свои**. **е** вм. **и** въ дат. ед. жен.: **нашеи**. **А** вм. **ѣ** въ твор. ед. муж.: **тамьже**. **и** вм. **е** въ мѣстн. ед. муж.: **скоимь**, **синмь**. Претвореніе гортанной находимъ въ твор. ед. муж. и средн.: **всцѣмь**, **всацимь**; въ имен. мн. муж. **лицци**, **всаци**; въ род. мн.: **ноляцѣхъ**; въ дат. и твор. нѣтъ примѣровъ; въ мѣстн. мн.: **всацихъ**. **скацихъ**.

Обратимъ еще вниманіе на употребленіе нѣкоторыхъ мѣстоименій. Дѣйствительно, кругъ употребляемыхъ въ древнихъ памятникахъ обширнѣе нынѣшняго; но есть нѣкоторыя мѣстоименія, носящія, не смотря на ихъ обильное употребленіе, признакъ отчужденія отъ нихъ народности. Таково **иже**, допускаемое лишь подъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи. Шаткость этого мѣстоименія обнаруживается еще въ смѣшеніи его родовыхъ формъ при сочетаніи съ существительными. По всему видно, что печать коснѣнія лежала на немъ. Есть другія мѣстоименія, которыя въ извѣстныхъ формахъ рѣдко появляются и своимъ появленіемъ связаны съ повременнымъ движеніемъ языка. Такъ **ть**. **сь** употребляются почти исключительно въ Восточныхъ гр-хъ; но превращенныя въ **таи** **саи** предпочитаются Западными XV-го в. Предшествовавшая формѣ **саи** форма **си**, какъ и **се**, господствуютъ въ XIII-мъ и XIV-мъ вв.: послѣдняя любима Восточною семьею; но **сие**. будучи въ большомъ ходу до конца XIV-го в., вдругъ быстро исчезаетъ въ Западныхъ XV-го в., оставаясь весьма сильнымъ въ церковныхъ; **сии** вовсе не попадается въ Западныхъ XV-го в. **ти=тьи**

принято индѣ въ церковныхъ гр-хъ и однажды въ Травунской XV-го в.; **ни—ны** встрѣчается въ разныхъ семьяхъ XIII-го в. и въ двухъ гр-хъ XV-го в., одной Турецкой, другой Боснійской. Но **нь**, въ муж. р., вовсе не употребляется въ этомъ видѣ, хотя въ другихъ и является: **ня**, **но** и въ сложномъ **нако**, **никоре**. **ничьто**, **нѣчьто** ви. **ничьо**, **нѣчьо** весьма рѣдко встрѣчается въ Восточной семьѣ и однажды въ Хлумской гр-ѣ XIII-го в. Равно и **нища**, **ништа** показывается еще рѣдко. Форму числительнаго **идинъ** вліяніе народности замѣтно переводитъ въ **идьнь**. Но допущеніе самостоятельныхъ формъ отъ **нь**, **ня**, **но**, **сии**, **сия**, **сие** въ дальнѣйшемъ движеніи обличаетъ какъ возможно строгую послѣдовательность въ различеніи видовъ, такъ и обширность мѣстоименнаго круга. Укажу на встрѣчаемые отъ нихъ падежи: род. ед. **когл**, **никере**, **снига**. **сие**; дат. ед. **ному**, **синиѹ**, **сини**; твор ед. **сїнмь** и **синь** и жен. **номь**, **нѣкомь**, **сиомь**. **синомь**, **сиюю**, **сиомь** и **сию**; мѣстн. ед. **номь**, **сий**, **синмь**, **сини**, **сиои**; имен. мн. муж. **ни** и **си** прямо отъ **нь**, **сь**, жен. **не**; но въ среднемъ одно **сия**, **коя**; вин. мн. **не**. Явленіе этѣхъ формъ рядомъ съ другими, которыя употребительнѣе не только у Д.-Сербовъ, но и у Д.-Булгаръ, показываетъ смѣлость и вѣрность пріемовъ въ Д.-Сербскихъ писцахъ и подтверждаетъ мысль о сподручности обѣихъ стихій, служившихъ имъ обильнымъ источникомъ при созданія книжваго языка, равно какъ о благотворномъ, но отнюдь не враждебномъ воздѣйствіи Ц.-Славянской стихіи на народную, когда эта, еще не вполнѣ сознанная, не могла одна доставить всѣхъ пособій для книжности. Доказательствомъ обилія, истекавшаго изъ дружнаго отношенія обѣихъ образовательныхъ стихій, служитъ то, что въ Д.-Сербскихъ народныхъ памятникахъ находятся такія мѣстоименія, какихъ теперь уже нѣтъ.

Наконецъ повременное движеніе языка отразилось и въ формахъ, которыя теперь уже не существуютъ. Онѣ обличаютъ тогдашнюю близость Сербскаго нарѣчія къ Булгарскому, объясняемую общею взаимною близостію всѣхъ Славянскихъ нарѣчій между собою, какъ и относительно Славянскаго праязыка въ древнѣйшую пору. Время заставило ихъ разойтись на болѣе дальное разстояніе. Эта относительная близость выражается въ нашихъ памятникахъ, въ кругу мѣстоименій, главнѣйшимъ образомъ чрезъ бо́льшую общность формъ въ семьяхъ грамотъ XIII-го в., въ особыхъ формахъ трехъ падежей множественнаго ч. и остаткахъ двойственнаго, равно въ звукѣ **ѣ**, господствующемъ въ творительномъ ед., родительномъ, дательномъ, творительномъ и мѣстномъ мн., гдѣ нынѣ онъ замѣненъ уже чрезъ *и*, индѣ вытянутое въ *ие*. На оборотъ, дѣйствіе народности выразилось преимущественно въ постепенномъ переходѣ **ѥ** въ **ѥо**, въ исконномъ замѣненіи **ѫ** и **ѧ** чрезъ **ѹ** и **ѥ**, въ формѣ творительнаго ед. жен. **-омь**, **-омь** такъ что древнѣйшее рѣдкое **-ѥмь** кажется уже запоздалымъ остаткомъ болѣе древнѣйшей поры; въ перезвукѣ **ѣ** въ **и**, **ие**, **ие** и обратно; въ начинавшемся озвукотвореніи конечной полугласной и предварительномъ ослабленіи въ нее первоначальной гласной; въ стяженіи двухъ гласныхъ, какъ въ **мога**, **моѥмѹ**, **момь** и т. п.; въ стянутомъ опредѣленномъ видѣ, сходнымъ съ таковымъ же другихъ нарѣчій, но уже не Д.-Булгарскаго, и въ разумномъ непринятіи современной памятникамъ продолженной Д.-Булгарской формы этого вида для мужескаго р. **-ꙑи**, въ чемъ опять Д.-Сербскій языкъ приблизился къ прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ.

И такъ мы видѣли оба склоненія, существительное и мѣстоименное. Припомнивъ образованіе того и другаго, нельзя не усмотрѣть между ними большаго сходства, заключающагося въ принятіи однихъ и тѣхъ же образователь-

ныхъ окончаній. Только способъ принятія ихъ различенъ. Вообще формы существительнаго склоненія короче формъ мѣстоименнаго. Послѣднее прибѣгаетъ къ вспомогательной мѣстоименной частицѣ, безъ которой обходится первое. Сходство дѣлается еще болѣе возможнымъ и естественнымъ, когда допустимъ вѣроятную догадку, что самыя окончанія существительныхъ въ праязыкѣ Индоевропейской семьи отразили въ себѣ то же мѣстоименіе указательное, которое произвело склоненіе мѣстоименное. И, можетъ быть, нѣкогда въ доисконныя времена, оба склоненія составляли одно общее для всѣхъ частей рѣчи, не различаясь между собою пріемами соединенія основы съ падежными указателями; но что принадлежитъ лишь гадательнымъ временамъ, то и останется гадательнымъ. Историческая пора Индоевропейскихъ языковъ открывается двумя склоненіями, которыя хотя и отожествляются въ нѣкоторыхъ падежахъ, однако допускаютъ и значительную разницу, въ слѣдствіе которой они являются двумя самостоятельными склоненіями, разнствующими не только по внѣшности, но и по внутреннему значенію. Это послѣднее обнаруживается въ движеніи другихъ частей рѣчи, слѣдующихъ обоимъ этимъ склоненіямъ,— прилагательныхъ и причастій. Существительное склоненіе усвоено за неопредѣленнымъ ихъ видомъ, а мѣстоименное за опредѣленнымъ. Первый видъ имѣетъ существительный исходъ, второй мѣстоименный, образующійся съ помощію мѣстоименія указательнаго. Д.-Булгарскій языкъ съ наибольшею послѣдовательностію воспроизвелъ эти два вида и различилъ ихъ въ движеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что прежде всѣ Славянскія нарѣчія знали оба вида и употребляли ихъ отлично одинъ отъ другаго по всѣмъ падежамъ; письменность застаетъ оба вида въ полномъ ихъ движеніи въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, гдѣ она еще успѣла замѣтить первоначальное, самое простое, естественное и наглядное образованіе опредѣленнаго вида. Такое же строгое различіе, хотя уже со стяженіемъ длинныхъ формъ, сохранено и въ Д.-Чешскихъ памятникахъ. Наша Д.-Сербская письменность уже слабѣе дѣйствуетъ во множественномъ ч. и отдаетъ преимущество опредѣленному виду; но тѣмъ не менѣе еще оба вида живутъ во всей силѣ въ единственномъ ч. На ряду съ нею стоитъ и Д.-Русская письменность. Однако, сличая ихъ съ современнымъ состояніемъ нарѣчій, мы видимъ, что общее движеніе Славянскаго языка клонится къ смѣшенію обоихъ видовъ и подчиненію одного другому. Нынѣ уже только одинъ именительный п. ед. ч. удержалъ различіе видовъ, хотя съ ограниченнымъ употребленіемъ неопредѣленнаго, индѣ только вмѣсто сказуемаго, а прочіе падежи оставили за собою почти исключительно одинъ опредѣленный. Но духъ языка еще не совсѣмъ отказался отъ неопредѣленнаго вида, и часто въ пѣсняхъ народныхъ прибѣгаетъ къ нему для силы и выразительности. Ограничиваемся пока этою замѣткою и переходимъ къ движенію опредѣляющихъ частей рѣчи.

Прилагательныя служатъ къ ближайшему опредѣленію предмета и выражаютъ его свойство или отношеніе, которое не вошло въ первоначальное или существенное его имя. Языкъ, по видимому, не допускалъ первоначально различія, которое мы теперь поставляемъ между существительнымъ и прилагательнымъ, ибо и самое существительное имя создано было на основаніи такаго же свойства или отношенія предмета, какъ и прилагательное, но только болѣе существеннаго, болѣе усвоеннаго предметомъ, или исключительно ему принадлежащаго. Отъ того, смотря съ одной точки зрѣнія на то и другое, языкъ далъ тому и другому одинаковое образованіе, изведя ихъ мѣстоименіемъ указательнымъ *as* или *jas*, которое со временемъ такъ срослось съ осталь-

ною частію слова, что потеряло уже свое особливое значеніе и смыслъ указанія, сдѣлавшись простымъ исходомъ слова *-ъ, -ь. -о, -е, -а, -я*; въ такомъ видѣ вступало оно въ движеніе съ полною недѣлимостію, составивъ съ основою слова одно цѣлое и придавъ зародышу понятія опредѣленную форму, готовую уже къ воспринятію мысли. Указаніе перешло въ предметность, въ живое слово. Отсюда мы можемъ замѣтить, что прилагательное могло выражать такое же неопредѣленное понятіе, какъ и существительное, ибо могло относиться ко многимъ сходнымъ предметамъ, и что очень естественна причина, по чему оно получило и одинаковый съ нимъ исходъ. Но этого было мало. Нужно было иногда яснѣе выразиться о предметѣ, отъ общаго перейти къ частному и къ единицѣ. Для точнѣйшаго выособленія предмета, выражаемаго именемъ существительнымъ, языкъ вторично прибѣгнулъ къ указанію или, что то же, къ мѣстоименію указательному: онъ не слилъ его однако съ существительнымъ, но слилъ съ прилагательнымъ въ одну форму, избравъ для того самое удобное и подвижное, состоящее изъ одного гласнаго корня *jas*, которое по причинѣ *j*, смягчающаго и отбивающаго слогъ уже не перешло у Славянъ въ полугласную, какъ въ исходѣ существительномъ *as*, но получило самостоятельный видъ *и*. И такъ опредѣленный видъ былъ готовъ, въ противуположность которому первоначальный видъ явился неопредѣленнымъ. Причастія и мѣстоименія послѣдовали такому же образованію. Причастія, какъ выражающія дѣйствіе или состояніе предмета въ смыслѣ ближайшаго опредѣленія, и бóльшая часть мѣстоименій, сходная, по значенію, съ прилагательнымъ, получили оба вида; равно числительныя порядковыя, по самому значенію своему, явились въ опредѣленномъ видѣ. Мы уже видѣли въ мѣстоименіяхъ образованіе и движеніе обоихъ видовъ какъ въ Д.-Булгарской, такъ и въ народной формѣ: теперь другія части рѣчи подтвердятъ наши замѣчанія и дополнятъ явленія.

Именительный п. ед. ч. и подобный ему винительный представляютъ въ нашихъ памятникахъ слѣдующіе исходы прилагательныхъ, въ сущности одинаковые съ Д.-Булгарскими. Первообразныя прилагательныя оканчиваются обыкновенно въ неопредѣленномъ в. на -ь (ъ и ь), -о, -а и въ опредѣленномъ на -и, -о, -а, на пр., правь, ђьль, прави, мали, право, мала. Въ женскомъ и среднемъ р. нынѣшнее Сербское нарѣчіе, какъ и прочія Славянскія, исключая Русское, стянуло въ опредѣленномъ в. двѣ гласныя въ одну, ибо этотъ видъ естественно долженъ исходить на двѣ гласныя, какъ въ Д.-Булгарскомъ -ое, -аа. Выше мы замѣтили, что удвоеніе оо и аа въ этомъ окончаніи, встрѣчаемое индѣ въ нашихъ памятникахъ, нѣсколько намекаетъ на протяженіе голоса и, слѣдовательно, на первоначальную двойную гласную. Такъ и нынѣ Сербскіе граматики подмѣчаютъ въ своемъ языкѣ небольшую разницу между окончаніями того и другаго вида; они утверждаютъ, что опредѣленный в. звучитъ протяжнѣе, какъ бы тяжелѣ, съ бóльшимъ сгущеніемъ голоса, чѣмъ неопредѣленный, и ставятъ надъ нимъ по этому случаю значекъ ^. Не есть ли это, впрочемъ, скорѣе теоретическое объясненіе, и едва ли народъ соблюдаетъ такую точность въ произношеніи? Стремленіе Славянскаго языка направлено къ слитію двухъ видовъ и замѣнѣ ихъ однимъ: и если всѣ почти нарѣчія приняли одно окончаніе для упомянутыхъ родовыхъ видовъ, то уже поздно искать различія между обоими видами въ живомъ говорѣ народа. Въ Д.-Чешскомъ Шафарикъ тоже отличаетъ опредѣленный в. чрезъ *-é*, *-á*, а неопредѣленный пишетъ просто *-е*, *-а*. Слѣдовательно, стяженіе началось весьма рано.

Въ Д.-Сербской письменности именительный п. допускаетъ -ои, -аи, но, какъ увидимъ ниже, только подъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, и какъ не свою, а чужую форму. Къ первообразнымъ прилагательнымъ относится также велии, употребляемое лишь въ опредѣленномъ в. отъ неопредѣленнаго и неупотребительнаго, кромѣ сложныхъ словъ, велъ. У насъ постоянно велии, велїи, велий—въ Ц.-Славянской формѣ, и вели—въ народной (С. NN№ 51, 176; А. № 12), отъ которой находимъ и средній р. веле (С. № 164). Производныя прилагательныя представляютъ различныя образовательныя окончанія. Притяжательныя древнѣйшаго образованія исходятъ на -ь, -е, -и или -а; на пр.: вань дияк (А. И.), стоянь дїь (С. № 25), силиювь дїь (С. № 27), роуѣть потокь (А. № 6), трьгь кинѣць (Ш. № 11), йвань доуль, медвѣь доль, радосаль стоудеиць (А. № 8), коношь стоуденьць, драгомань лазь, трифоунь крѣть (С. № 176), прибисаль крѣть (А. № 12), кнѣжь уль (А. № 19), оуиь уль (С. № 178); горажда вьсь (Ш. № VII), кралица владиславьла (С. № 12), моудрость оча (С. № 51), драгиа сестра (С. № 78); улоиуе, -луе, улѣуе, улоуе и т. д. (С. NN№ 81, 85, 89, 95, 144, 150; З. А.). Вникнувъ хорошенько въ свойства и возрастъ памятниковъ, мы видимъ, что это образованіе весьма старинное и сохранилось у Сербовъ лишь въ древнѣйшихъ народныхъ, либо стоящихъ подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихія церковно-дарственныхъ грамотахъ. Послѣдній примѣръ не противорѣчитъ нашимъ словамъ, ибо, во первыхъ, ведется въ богословіи изъ XIV-го в. чрезъ списываніе; а во вторыхъ, можетъ быть отнесенъ также легко и къ опредѣленному в., возможному для этѣхъ формъ тогда, когда слово существо переходитъ въ родовое понятіе и по тому можетъ требовать новаго точнѣйшаго указанія. Формы этѣ образованы съ помощію указательнаго мѣстоименія и тожественны въ этомъ случаѣ съ мѣстоименіями нашь, вашь. Какъ въ послѣднія, такъ и въ нихъ вошло первоначальное мѣстоименіе *jas*, обратившееся въ мягкій исходъ и измѣнившее твердую согласную въ мягкую, а при губныхъ потребовавшее еще благозвучнаго л, на пр., Д.-Булг. аврамль. И дѣйствительно, при переходѣ ихъ изъ одного вида въ другой, нельзя не примѣтить измѣненія оттѣнка значенія. Но объ этомъ послѣ. Другое окончаніе притяжательныхъ есть -овь, -евь -о, -а. Намъ кажется, что самымъ естественнымъ объясненіемъ происхожденія этого окончанія будетъ то, которое въ *ов* видитъ усиленный перезвукъ б-ы *у* родительнаго п.; такъ что сдѣсь мысль падежа сойдется съ мыслію притяжанія, что весьма естественно при сходствѣ представленія того и другаго и законной возможности окончанія *-у*. Но чтобы дать какое либо отличіе и сдѣлать эту форму самостоятельною частію рѣчи, языкъ повелъ ее на ъ, которое есть не что иное, какъ ослабленіе прадавняго *-as*, Греч. *-ος*, Лат. *-us*. Сдѣсь это окончаніе есть то же самое, какое обыкновенно принимаютъ Индоевропейскіе языки для образованія существительныхъ и прилагательныхъ. Но такъ какъ сдѣсь прилагательныя не суть первообразныя, а производныя, то ближайшее отношеніе ихъ понятія къ предмету отвлеченія дѣлаетъ ихъ весьма близкими къ родительному п., по чему, какъ и въ предыдущихъ, вся сила значенія покоится на предметѣ отвлеченія или на имени существительномъ, отъ котораго они произведены. Но форма существительнаго не принимаетъ опредѣленнаго вида: по этому, думаю, и прилагательныя притяжательныя, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не принимаютъ его. Въ нихъ еще много такого, что напоминаетъ собою имя существительное, и они явно указываютъ на предметъ, отъ котораго отвлечены. Отъ того они могутъ быть образованы и отъ именъ собствен-

ныхъ. Въ этомъ случаѣ они никогда не имѣютъ опредѣленнаго в. Но какъ скоро въ этихъ и предыдущихъ прилагательныхъ духъ языка начинаетъ уже забывать начальное предметное отношеніе, и всю силу понятія сосредоточиваетъ въ прилагательномъ, приближая его болѣе къ качественному, тогда прилагательное дѣлается способнымъ къ принятію опредѣленнаго в. Отсюда понятно, что прилагательныя притяжательныя, выражающія единичность представленія, остаются безъ опредѣленнаго в., на пр.: **степань**, **семионь**, **иванъ**, **димитровь**, **дърьдевь**, **иокачевь**, **радошевь**, **богоико**, **хска**, **владисавьля** и т. д.; а тѣ, въ которыхъ есть общность понятія, какъ-то, родовыя, видовыя и т. п., принимаютъ опредѣленный в., и въ этомъ видѣ уже теряютъ отношеніе къ существительному, отъ котораго произведены, являясь какъ бы съ самостоятельнымъ понятіемъ; въ нихъ нѣтъ уже предметности, но есть свойство. Языкъ свободнѣе распоряжается ими, какъ чистыми прилагательными, и усвоиваетъ за ними оба вида. Такъ въ нашихъ памятникахъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, прилагательное **кожи**, **бжи**, **бжіи** (З. А.; С. NN 14, 144, 150; Г. Б), одного образованія съ **книжь**, вовсе утратило первоначальную свою форму и не иначе существуетъ, какъ въ опредѣленномъ в. Другія, отрѣшившись отъ предметности или отъ своего существительнаго, удержали оба вида. Такъ у насъ: **вльчи** (А. NN 6, 19), **ФЕЧИИ** (А. № 14), **боучик** (С. № 176), **говѣи** (**говяждии**, Ш. № 15), которыхъ неопредѣленный в. подобенъ вышеприведеннымъ: **чѣчь**, **фѣчь**, **гоубачь** и пр. Такъ же точно имѣютъ его: **ѣкорови** (С. № 176), **ордии** (А. № 12), въ противенъ коимъ находимъ неопредѣленный в. **трьновь**, **терновь** (С. NN 107, 114, 120, 127, 133, 141). Для средняго и женскаго р. примѣровъ не приводимъ, ибо народный языкъ не различаетъ въ нихъ видовъ. Третье окончаніе притяжательныхъ есть -**инь**, -о, -а, на пр.: **дражинь** (А. № 6), **гόрачинь** (А. № 8), **конхинь** (С. № 176), **вранинь** (С. № 175), **власинь** (С. NN 136, 150); **очино** и **материно** (С. № 78); **сакына** (А. № 10) и т. д. Оно совсѣмъ не имѣетъ опредѣленнаго в., ибо въ немъ еще слишкомъ сильно понятіе притяжанія, или предмета, отъ котораго прилагательное отвлечено. Съ этими окончаніями не должно смѣшивать два подобныя: -**инь**, -о, -а и -**нь**, -о, -а, служащія къ образованію качественныхъ и притяжательныхъ прилагательныхъ и производящія многочисленный отдѣлъ ихъ. Въ Латинскомъ языкѣ имъ отвѣчаютъ *-ivus* и *-inus*, Греч. *-ινος*. Первыя оказываютъ одинаковую способность къ принятію обоихъ видовъ, но вторыя, какъ и предыдущія, не всегда. Примѣры считаю излишними. Укажу только на производное отъ числительнаго **единамь** (С. № 143). Къ окончанію -**кь** относится **жикь** (им. р.) и встрѣчаемое у насъ въ другихъ падежахъ **мрьтвь**. Прилагательныя качественныя образуются сверхъ того на -**кь**, -о, -а и **ть**, -о, -а. Слово **велиїь** (им. р.) есть не что иное, какъ производное съ помощію образовательнаго -**кь** отъ **вель**, при чемъ ь усилилось въ и: въ другихъ нарѣчіяхъ, на пр., Польскомъ и Чешскомъ, этого усиленія нѣтъ: тамъ *wielki*, *welky*. Окончаніе -**ть** весьма любимо Сербами: въ древней ихъ письменности находимъ много таковыхъ прилагательныхъ, какъ на пр., **пленинить**, **становить**, **очить**, **поглавить**, **законить**, **чостить**, **нароучить** и пр. Оба окончанія равно способны къ тому и другому виду. Окончаніе -**скъ**, существующее въ Д.-Булгарскомъ языкѣ съ обоими видами, у насъ встрѣчается лишь въ одномъ опредѣленномъ -**ски**, -о, -а, какъ и нынѣ. Съ однимъ тоже опредѣленнымъ в. являются Д.-Булгарскія прилагательныя на -и, -**ия**, -**иа**, каковы **шоуи**, **боуи**, **соуи**. У насъ попадается только одно подобное имъ: **истоуи** **глъ** (А. № 8). Наконецъ замѣчу образованіе отъ причастія про-

шедшаго вр. на **-ль**, однажды встрѣчаемое у насъ въ прилагательномъ, естественно, одного только опредѣленнаго в. **зырьли часъ** (С. № 133). Объ опредѣленномъ в. нѣкоторыхъ производныхъ прилагательныхъ должно замѣтить, что нынѣшній Сербскій языкъ для окончаній *-и*, *-њи* имѣетъ только одинъ видъ. Сдѣсь *-и* есть опредѣленный в. Ц.-Славянскаго притяжательнаго **-ь**; а **-нии** и въ Ц.-Славянскомъ, въ особенности для производныхъ отъ нарѣчій, употребляется только въ этомъ видѣ. Въ нашихъ памятникахъ мы дѣйствительно находимъ только въ опредѣленномъ видѣ: **послѣдини**, **послѣдний**. **последии**, **послидии**, **послѣдни** (А. №№ 3, 4; С. №№ 127, 128, 140, 163; З. А.), **присни**, **прысни** (С. №№ 2, 51, 141), **ближнии** (А. № 16; С. № 156), **далии** (А. № 16; С. № 130), **садании** (отъ *сада*, теперь, С. № 164), **данашнии** (С. №№ 114, 158). Нѣкоторыя прилагательныя опредѣленнаго в. иногда столь ясно обозначаютъ собою предметъ, къ которому относятся, что названіе этого предмета или имя существительное опускается, и они, соблюдая свое движеніе, остаются одни, замѣняя собою оба имени. Таковы въ нашихъ памятникахъ: **ближьни**, **послѣдьни**, **присни**; **дворьски** (С. №№ 66, 68, 83, 92, 95, 116, 140, 150; З. А.), **ризничныи** (С. №№ 137, 138) и т. п. Укажу еще на древнюю и замѣчательную форму **дѣвая** (Г. А), **вьдовая**, въ другомъ падежѣ, (С. № 178), показывающую, какъ многія имена существительныя въ образованіи и употребленіи своемъ сошлись съ прилагательными на основаніи одинаковаго воззрѣнія на предметъ во время ихъ созданія. Отсюда происхожденіе общаго окончанія для существительныхъ и прилагательныхъ, того, которое въ послѣднихъ мы называемъ неопредѣленнымъ видомъ. Свойство, выраженное въ словѣ, смотря по существенности своей для предмета, перешло или въ имя существительное, оставшееся за извѣстнымъ предметомъ, или въ имя прилагательное, получившее способность относиться ко многимъ предметамъ. **дѣвая**, **вьдовая** есть опредѣленный в., встрѣчаемый нерѣдко въ древнѣйшихъ Д.-Булгарскихъ памятникахъ; неопредѣленный будетъ **дѣва**, **вьдова**—форма, по видимому существительная, но собственно прилагательная, связывающая имя существительное съ прилагательнымъ тѣснѣе, чѣмъ какъ обыкновенно представляетъ себѣ языкъ, много прожившій и далеко ушедшій отъ времени своего первоначальнаго строенія. Мы еще встрѣтимъ винительный п. **дѣвию**. Сдѣсь оно замѣчательно тѣмъ, что является довольно поздно — въ половинѣ XIV-го в. Впрочемъ, такихъ словъ весьма много; но они уже такъ срослись съ своимъ употребленіемъ, одни въ смыслѣ существительнаго, другія въ смыслѣ прилагательнаго, что привычный слухъ уже не находитъ въ нихъ ничего особеннаго, какъ на пр., слово *другъ* есть неопредѣленный в. прилагательнаго, и выраженіе «*другъ друга*» будетъ заключать въ себѣ два прилагательныхъ. И мало ли еще таковыхъ словъ. Вышеприведенныя важны тѣмъ, что въ опредѣленномъ в. употреблены вмѣсто существительнаго, оставаясь прилагательными, какъ, на оборотъ, ихъ неопредѣленный в. сдѣлался вполнѣ существительнымъ. Этимъ объясняется и обыкновенное употребленіе извѣстныхъ прилагательныхъ опредѣленнаго в. вмѣсто существительныхъ: ибо понятіе, ими выражаемое, такъ срослось съ предметомъ, къ которому относится, что названіе этого предмета становится уже ненужнымъ; смыслъ ясенъ и безъ него, какъ на пр. въ приведенныхъ **дворьски**, **ризничныи** и т. п. Это, по видимому, обыкновенное и понятное употребленіе имѣетъ, какъ и **дѣвая**, **вьдовая**, глубокое значеніе, объясняя тожество первичнаго образованія именъ существительныхъ и прилагательныхъ.

Одинаковому съ прилагательными движенію подчинены *причастія*, слѣдующія въ Д.-Сербскомъ языкѣ такому же образованію, какъ и въ Д.-Булгарскомъ. Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго залога муж. р. имѣетъ двѣ формы, допускаемыя и въ Д.-Булгарскомъ, хотя очень можетъ быть, что одна изъ нихъ моложе другой. Д.-Булгарскій языкъ, какъ старшій въ Славянской семьѣ и наиболѣе развившій формы въ ихъ древнѣйшемъ видѣ, сдѣлалъ первую форму родовою, изведя ее въ неопредѣленномъ в. муж. и средн. р. на -ѧ, -ѩ, или -ꙑ, носовой перезвукъ; въ опредѣленномъ муж. р. на -ѧи, -ѩи, -ꙑи, средн. р. -ѫштее, -ѭштее; въ неопредѣленномъ в. жен. р. на -ѫшти, -ѭшти, -ашти и въ опредѣленномъ -ѫштиꙗ и т. д. Оставя въ сторонѣ женскій р., спрашиваемъ себя, по чему въ мужескомъ и среднемъ р. нѣтъ признака шт, который однако существенно принадлежитъ причастной формѣ и отвѣчаетъ прадавнему *ant*, Лит. *-ąs*, Гот. *-ands*, Лат. *-ans*, *-ens* для всѣхъ родовъ? Звукъ *s* есть замѣнительный для *t*, которое открывается въ другихъ падежахъ. Въ этомъ случаѣ Д.-Булгарскій языкъ дѣйствуетъ одинаково съ Санскритомъ, тоже опускающимъ *t* въ мужескомъ р. *-an* и возстановляющимъ его въ сильныхъ падежахъ. Греческій языкъ вполнѣ сходятся съ Славянскимъ, имѣя *-ων*, *-ουσα* (*ς=τ*) и возстановляя *τ* для *ων* въ другихъ падежахъ. Славянскій языкъ легко опускаетъ наконечную согласную и лишь только есть гласный исходъ, то снова возстановляетъ ее. Такъ точно онъ поступилъ и здѣсь. Но сличая Д.-Булгарскій языкъ съ прочими Славянскими нарѣчіями, мы видимъ, что въ прочихъ перезвукованной формѣ -ѧ, -ѩ, -ꙑ уже придано совершенно иное употребленіе: у нея отняты роды и числа; оставлено лишь настоящее время, и значеніе ея съ мужескаго р. и единственнаго ч. перенесено на всѣ роды и числа. Это было слѣдствіемъ повременнаго движенія Славянскихъ нарѣчій, которыя однако и тутъ порознились между собою. Первымъ шагомъ ихъ было, какъ сказалъ я, обобщеніе формы -ѧ, -ѩ, -ꙑ, а по тому и уничтоженіе ея опредѣленнаго вида, ибо чрезъ это дѣйствіе она выходила уже изъ ряда именныхъ опредѣляющихъ словъ и становилась опредѣляющимъ глагольнымъ. Д.-Чешскій языкъ еще сохранялъ вполнѣ Д.-Булгарское употребленіе, но въ нынѣшнемъ состояніи, какъ Лужицкій и Русскій, онъ уже обособилъ окончанія *-a*, *-ě*, *-ge*, отвѣчающія Лужицкимъ *-o*, *-jo*, Русскимъ *-а*, *-я*, отъ собственно причастной формы *-aucj*, въ которой, въ слѣдствіе перехода широкихъ звуковъ въ узкіе, родовыя окончанія исчезли въ *j*, и которая отвѣчаетъ Лужицкой *-acy*, *-e*, *-a*, Русской *-щій*, *-щее*, *-щая*. На этомъ основаніи и въ Ц.-Славянской письменности показывается для мужескаго р. окончаніе -шть и для средняго -ште, въ опредѣленномъ в. -штии, -штее, рядомъ съ которымъ остается по прежнему форма на -ѧ, -ѩ, -ꙑ, -ѧи, -ѩи, -ꙑи, не осмѣливаясь сдѣлаться безродною и бесчисельною. Вторымъ шагомъ Славянскаго языка было полное забвеніе безразличной формы -ѧ, -ѩ, -ꙑ и замѣненіе ея формою, взятою уже отъ позднѣйшей на -шть. Отсюда Польское *-ąc*, *-iąc*, *-jąc*, Сербское *-ући*, *-ући*, *-ећи*, Хорватское *-uč*, *-juč*, *-eč*, Хорутанское *-óč*, *-jóč* и Русское *-учи*, *-ючи*. Русскій тѣмъ отличается отъ другихъ, что тогда, какъ другія взяли себѣ по одной формѣ для глагольнаго опредѣленія, онъ удержалъ при себѣ обѣ. Тѣ же нарѣчія имѣютъ и причастія, Сербское на *-ући*, *-ући*, *-ећи*, *-е*, *-а*, Хорватское на *-uči*, *-juči*, *-eči*, *-e*, *-a*, Хорутанское на *-óči*, *-jóči*, *-e*, *-a*, Русское на *-ущій*, *-ющій*, *-ащій*, *-ящій*, *-ее*, *-ая*. И такъ, по древности формъ, Д.-Булгарское стоитъ на первомъ мѣстѣ; за нимъ слѣдуютъ Чешское и Лужицкое; а тамъ далѣе Польское, Сербское, Хорватское

и Хорутанское. Русское стоитъ между тѣми и другими, имѣя и *-а*, *-я* и *-чи*. Послѣдняя форма, отразившаяся и въ Сербскомъ, получила и не изъ женскаго р., Санскр. *-anti*, но чрезъ мягкость первоначальнаго *т*, которое у Славянъ имѣло мягкое произношеніе и по тому обратилось въ *шт*, *щ*, *ч*, *ć* или еще далѣе въ *ц*, *с*. Причиною тому была приставка мѣстоименнаго окончанія *-jas* къ *-ant*, которое, смягчивъ *t*, у Славянъ перешло въ *ь*: отсюда -штъ, забывшее уже свой мѣстоименный составъ и потребовавшее для опредѣленнаго вида снова *jas* или по-славянски образовательнаго *и* и обратившееся въ -шти, которое сошлось съ женскою формою съ древнѣйшимъ исходомъ на -и и потомъ обратилось въ неподвижное дѣепричастіе, Серб. *-ћи*, Рус. *-чи*. Другіе считаютъ это и остаткомъ первичнаго общеродоваго окончанія. Замѣтимъ еще, что собственно причастныя формы явились въ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ уже въ одномъ опредѣленномъ видѣ.

Переходимъ къ Д.-Сербскому книжному языку. По свойству своихъ формъ, онъ уступаетъ первенство не только Д.-Булгарскому, но и Д.-Чешскому: въ немъ происходитъ уже смѣшеніе древней родовой формы -е, -и съ таковою же безразличною; кромѣ того является и безразличная форма на -ѣи. Словомъ, онъ пребываетъ въ переходномъ состояніи, въ смѣшеніи древнѣйшихъ формъ, поддерживаемыхъ Ц.-Славянскою стихіею, съ одной стороны, и новѣйшихъ, требуемыхъ движеніемъ народности, съ другой. Разсмотримъ его ближе на основаніи явленій. Древняя народная форма, которой теперь уже нѣтъ, образовалась для мужескаго и средняго р. чрезъ перезвукъ носовыхъ -ѧ, -ы въ -е и -ѫ въ -ю и отвѣчаетъ Чешской *-а*, *-ě*, *-ge*, Русской *-а* (послѣ претворенныхъ гортанныхъ), *-я* и Лужицкой *-о* (послѣ мягкихъ согласныхъ), *-jo*. Опредѣленный в. ея будетъ -еи, -юи; ясно, что она принималась еще за родовое причастіе. Присоединимъ къ ней и форму -ѧи, встрѣчающуюся у насъ только въ опредѣленномъ в. Слѣдовательно, она существовала у Д.-Сербовъ въ видѣ и значеніи, еще сходныхъ съ Д.-Булгарскими; но была ли любима ими? — это другой вопросъ, который сейчасъ разрѣшатъ намъ самыя явленія. Мы читаемъ: бгъ не хоте (А. № 1), кто боудеть пратвараѥ (Ш. № VII), азъ повеле, дедь гѣи (А. № 2), старѣць пребывающи, старьць хотеи прѣбывати (А. № 3, ср. А. № 4), самь пратвоучи (А. № 3), кто бл не боисе и члвѣкь не срамаисе (А. № 3, ср. А. № 5), Ісъ Хъ сьвршеи (А. № 4), азъ недостатьчствоуѥ (А. № 6), азъ приимаѥ, боуди оуписан, азъ приимаю бѣдыи, молюсе вьине, бь не хоте нь веле (С. № 51), азъ надѣюсе (А. № 7), гь сьдрьжеи, прѣбываеи, ходеи, живыи, диꙗволь ненавидеи, бь испытаи, ты не хотеи нь повеляюи и готоваи, приимаю трьвоучи, вьзиде вьзискаѥ, немысе (С. № 176), кралевьствоми рекоучи (А. № 5), азъ приимаю и минасе дни (С. № 35), бгъ оустраи (А. № 11), веселещемисе сь властели дариѥ ихь (А. № 13), идохь желаѥ и хоте, научехь желаѥ (С. № 66), иже полагаи (В. № 2), бь твореи (С. № 71), ты молишесе гдѣ, сподоблень бихь и послѣдуѥ исправлаѥ и испльняѥ (С. № 68), кто се обрѣте живѣ (3.), иже исходеи и ноуждаѥи (С. № 175), азъ сподобль виде црьквовати творе правьдѣ изправлаѥ правила чине милостѣ вирѣ же дае (С. № 81, ср. NN№ 85, 95), натехь кралевати диле милости чине записании (С. № 84, ср. С. NN№ 97, 99), ми воевода радивь смишлаѥ и виде а хоте — пого, мисле и хотѣе наче хотѣе — дѣ, помишле моле, азъ записа моле и просе и накѣрѣе, краль виде — дарова (С. № 86), ми воевода виде ѥь дрьжави господѣе и ѹжимае дае и записѣе — хотѣсмо (С. № 96, ср. С. NN№ 98, 107), гнь воевода прими беседе и любесе (С. № 100), виде — смисливь (С. NN№ 101, 102). гдь дрьжеи (С. № 103,

ср. С. № 37), **азъ виде** (С. № 104), (**азъ**) **сьде в г̑пои̇ах и дае и записе како стежинь мой прѣройтель ѡ҇ тиѣ примае** (С. № 120, ср. С. №№ 133, 136, 145), **ми гн҇ь князь смишлаше и размишлаше — сложихь и утврьдихь, нашь родитель не гледае ивоге ни неправди — потвори** (С. № 132), **пол̑а мене запокѣдае имь** (С. № 164), **твореи̇ чистотоу юже хвалить (слово бж҇іе) рекш** (Мл.), **иже живіи единь имѣеи̇, и сѣде и призирае, бг҇ь сій (сьи) прѣвѣчныи, вь себѣ показуе тебѣ(е) оца** (А. № 20). Я нарочно привелъ всѣ случаи, чтобы показать двоякое употребленіе одной и той же формы. Замѣтимъ, что полнѣйшее и настоящее, какъ Д.-Булгарское, употребленіе находится въ церковно-дарственныхъ грамотахъ, преимущественно въ богословіи, и Законникѣ: сдѣсь причастіе является въ обоихъ видахъ и опредѣляетъ не только глаголъ, но и имя существительное, отправляя въ послѣднемъ случаѣ одинаковое служеніе съ прилагательнымъ и мѣстами даже замѣняя самое имя существительное. Сличивъ съ этими памятниками грамоты Западной семьи, мы сейчасъ видимъ всю разницу употребленія: форма, по видимому, стоитъ на своемъ мѣстѣ, но духъ языка смотритъ на нее уже иначе: онъ видитъ въ ней уже глагольное опредѣленіе или то, что въ Русскихъ граматикахъ называется дѣепричастіемъ, а въ Чешскихъ описательнымъ настоящимъ. Это подтверждается, во первыхъ, самымъ складомъ рѣчи и, во вторыхъ, тѣмъ, что при стремленіи Славянскихъ нарѣчій къ опредѣленному в. оно является постоянно въ неопредѣленномъ, въ третьихъ,— и это главное — тѣмъ, что оно уже не измѣняется по родамъ и числамъ. Въ доказательство послѣдняго приведемъ примѣры. Такъ мы читаемъ: **аще ли котора жена ѡбращеться прѣстоупае** (Ш. № VII), **да си продаю трьговци ходе по земли** (С. № 28), **иеже красоти и помоћи желае насладитисе вси вѣрніи пріидете къзипкиемь** (А. № 8), **послаше а моле и просе** (С. № 68), **успоменуше говоре** (С. № 84), **благодарисмо ба҃, правимо моле ба҃** (С. № 86), **азъ (еугеніа) видѣ—поилихсе** (Ю.), **князь и опћина досаше моле и просе** (С. № 92), **всемь томь хоте харни бити хотисмо** (С. № 96, ср. С. № 107), **и виде вь дрьжави ми князь властеле и ѡпћина** (С. № 100), **ми гн҇ь херцегь стѣпань и синовеми смишлаше** (С. № 144). Отсюда видимъ, что эта форма на **-е**, **-ю** обратилась въ неподвижную и безразличную, сочиняясь и со множественнымъ ч. и съ женскимъ р., и что начало этого явленія восходитъ въ XIII-й в., вторгаясь даже въ Восточныя грамоты, но усиливаясь и укореняясь въ XV-мъ в. въ Западной семьѣ. Эта безразличная форма была временною у Сербовъ, начавшись и окончившись съ ихъ древнею письменностію. Уже изстари совмѣстною съ нею и преобладающею была другая на **-ћи**, **-ки**, а по тому можно думать, что она была остаткомъ первичнаго причастія и поддерживалась вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи; народность наложила на нее временную печать, лишивъ ее движенія. Слѣдовательно, Сербы и въ старину не любили ея, и какъ только народная стихія усилилась въ книжномъ языкѣ, такъ и форма эта сначала обратилась въ дѣепричастіе, а потомъ стала мало по малу пропадать. Сдѣлаемъ другія замѣчанія: мы видимъ форму **виде**, тожественную съ **видећи**. Мѣстоименіе **ми**(мы), употребленное, по извѣстному обычаю, для единственнаго ч., сочиняется съ единственнымъ ч. причастія. Послѣднее употребляется нерѣдко и тогда, когда дающій грамоту говоритъ **ми** отъ своего лица и отъ лица другихъ. При словахъ **кралевьствоми**, **царьствоми** и т. п. согласованіе идетъ съ лицомъ, къ которому эти званія относятся. Форма **-ы**, **-ми**, чисто Ц.-Славянская, встрѣтилась намъ всего не болѣе трехъ разъ, какъ привносъ чужой стихіи.

Въ неменьшемъ ходу другая, тожественная форма, образовавшаяся одинаково съ Ц.-Славянскою на -щть и со временемъ вовсе замѣнившая предыдущую. Говорю о формѣ на -ћи, -ки, сохранившейся и понынѣ съ движеніемъ и безъ движенія. Движеніе принадлежитъ причастію, а отсутствіе движенія отличаетъ дѣепричастіе. То же находимъ и въ Д.-Сербской письменности по мѣрѣ вліянія времени и народности. Но не Сербская и не какая другая народность, а самый духъ Славянскаго языка, пробуждавшій и укоренявшій исподволь дѣепричастное значеніе въ формѣ -а, -ѧ, -ы, создалъ въ Д.-Булгарскомъ языкѣ другую собственно причастную форму на -щть, ближайшую по значенію и употребленію къ прилагательному. Правда, форма эта относительно позднѣе, чѣмъ -а, -ѧ, -ы, но тѣмъ не менѣе она присуща Д.-Булгарскому языку и, какъ временное явленіе, свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ существованіи оттѣнка мысли, ее породившаго, и законности, равно необходимости своего появленія. Не удивительно, если сама Ц.-Славянская стихія способствовала образованію въ нашихъ памятникахъ слѣдующихъ формъ: боудоуѱи, -й, боуѱии вѣкь (Ш. № VII; А. № 3; С. № 176), животворѧщи крсть (С. №№ 3, 4, 26), гѣкоуѱий (А. № 4), придѹщи, придоуѱии, придоуѱий вѣкь (С. № 21; А. №№ 7, 9), владоуѱїи, обрѣтаюѱиисѧ (А. № 10), обнаруживающихъ свое Ц.-Славянское происхожденіе въ исходѣ -щии, или, ближе къ Сербскому, -щи. Тѣмъ не менѣе народность, сошедшаяся съ Д.-Булгарскимъ и съ прочими Славянскими нарѣчіями въ общемъ строеніи этой формы, спѣшила поддержать ее въ своемъ отличительно народномъ видѣ, давъ ей предварительно исходъ -ки, потомъ -ћи: оу си вѣкь и оу боудоуки (С. № 2), поуть изьлазеки (Ш. № 14), и хотеки да есть любовь стара мегю нами наше потврьгюю (С. № 70), и не бидући овь у дубровникь (С. № 77), ми воевода бидући на слави и дюћи и удилиюћи (С. № 96, ср. С. № 98), послахь слугу потрѣбуюћи (С. № 105), а ѕанись да не посила (гдинь деспоть) вонникс да не ѕагине (С. № 130), и видећи—слоинихь (С. № 132), на будући—примихь (С. № 170), како будући се смилосрдь господарь (С. № 164). И такъ, начавъ съ Западной семьи конца XIV-го в. и перейдя въ XV-й, спрашиваемъ себя, что это за причастіе на -ки, -ћи, столь замѣтно по употребленію своему отличающееся отъ предыдущаго на -ки и -щи XIII-го в. и Восточной семьи, тогда какъ это есть собственно одна и та же форма? Одно служитъ опредѣленіемъ имени, другое уже опредѣляетъ глаголъ. Сравнивъ съ подобнымъ и по времени и по мѣсту употребленіемъ формы -а, -ѧ, мы отвѣчаемъ, что сдѣсь -ћи, -ки есть такая же неподвижная форма, какъ и ея дружка, или какъ нынѣшняя на -ћи. Сдѣсь исходъ -и уже утратилъ свое значеніе опредѣленнаго в. и сдѣлался по тому способнымъ къ перемѣнѣ. Дѣйствительно, замѣтивъ тожество между обѣими формами, Д.-Сербы, вопреки нынѣшнимъ, стали и -ћи, -ки изводить на -ће, -ке по подобію съ формою -е, -ѧ: явно, что первоначальный смыслъ ея пропалъ, и она сдѣлалась неподвижною, какъ предыдущая. Такъ мы находимъ: створїь мѝть споминюке (С. № 67), ако гспга марка будуће свободна (С. № 77), створи милость кралевьствоми придьнюю любавь понизьлюће (С. № 92), дюће и удилюке слугамь на мою волю (С. № 107), будуће при кралю помолихь (С. № 114), узимаюће и дилеће (С. № 120), ми гнь кнезь обдюблюће кнеза и властеле видеће кадние тврьдине и роте воевесе да не иаду врьху на) нась и не хотеће да ломень намане донде слоинихь, нашь родитель створи шете жегуће куће и трубе винограде и панинюће нихь имании и ниха ѕла униеће нимь и настоеће ѕаимь протиланимь (С. № 122), изриюние и диление и даюке и ѕаписюки нало гнь русин-

ни (С. № 133), **видевьшеми кралевьство хотиюћѣсеми прнпоручиюћѣ намь(нимь) живити Зтишими кралевьство, и ѡшеми кралевьство и синьми кнезь стипань видуѣ правду** — **хотихь дати и дахь** (С. № 140), **азь будући выслидникь и сидеће Зхимаюће и дилаюће и давајуће и записујуће, истаць кои ке држаль вию плаћајућѣ** (С. № 145). Неподвижность этой формы видна и въ сочиненіи съ множественнымъ числомъ. Такъ: **гнь крл п ѡпѣнииз и властеле и людимъ хотѣћи п жильдѣћѣ** (С. № 77). Сдѣсь колебаніе, приведшее къ безразличію. Это явленіе нельзя объяснять перезвукомъ и въ е, ибо подобный перезвукъ чрезвычайно рѣдокъ, и въ приведенныхъ грамотахъ его нѣтъ, да и самое множество случаевъ говоритъ противное. Случаи эти учащаются къ концу XV-го в.: значитъ, форма -ћи, -ки начинала терять свой причастный смыслъ и подчиняться рядомъ съ ней стоящей на -е, -и. Появленіе -ћѣ, -кѣ вмѣстѣ съ первыми памятниками Западной семьи XIV-го в., однажды для женскаго р., подтверждаетъ то, что причастная форма въ этой семьѣ перешла въ дѣепричастную или безразличную. Отсутствіе подкрѣпленія со стороны родовъ и чиселъ, произвело въ ней слабость и возможность перемѣны. Но, помимо этой неподвижной формы, Д.-Сербскій языкъ, какъ и нынѣшній, признавалъ причастную форму, подчиненную роду и числу. Мы видѣли нѣсколько таковыхъ формъ въ Ц.-Славянской одеждѣ и въ переходной на -ки. Въ другихъ падежахъ ихъ больше. Отсутствіе въ нихъ неопредѣленнаго в. объясняется отсутствіемъ его нынѣ. Кромѣ звуковаго видоизмѣненія, народная форма причастія ни мало не отличалась отъ Д.-Булгарской: она такова и нынѣ. Временное и смѣнилось нынѣ, какъ смѣнялось и въ старину, народнымъ ћ, ѣ. Разница между Сербскимъ и Д.-Булгарскимъ употребленіемъ состоитъ въ томъ, что первый раздѣляетъ форму на подвижную и неподвижную, а второй во всякомъ случаѣ ставитъ подвижную. Образованіе двухъ формъ на -а, -и, -ы и на -шть показываетъ, что и въ немъ начиналъ пробуждаться оттѣнокъ мысли, создавшей позднѣе въ другихъ нарѣчіяхъ двѣ формы вмѣсто одной. Недостатокъ примѣровъ не позволяетъ намъ выставить народной формы для средняго р.; но она должна быть на -ие, -ћѣ. Есть безличная форма, которая именно относится къ этому роду: **излазеће, сходеће** (С. № 176), **хотеће или нехотеће** (хотя или нехотя, С. № 142). Заимствованное изъ Д.-Булгарскаго языка, **приносоуфи** (А. № 20) подходитъ подъ общее отношеніе двухъ стихій. Женскій р., при обоихъ окончаніяхъ мужескаго, имѣетъ одинъ исходъ, древнѣйшій на и: -фи, -ни. Такъ: **ѡставаюфи** (Ш. № VII), **соуфии** (А. № 2), **могоуфии** (А. № 4), **гаюфи** (А. № 10), **дроуга коньска идоуфи** (З.), **радоуюфисе** (А. № 18), **радиюфисе** (А. № 19). Сами грамоты показываютъ, откуда она зашла въ Д.-Сербскую письменность. Удлиненіе б-ы и свидѣтельствуетъ о вытяженіи голоса, которое не разъ уже замѣчали мы; и это вытяженіе, слѣдствіе одной лишь благозвучной потребности, производитъ новыя, по видимому, формы, объясненіе которыхъ инымъ путемъ составляетъ иногда трудную и напрасную задачу. Припомнимъ, что и Санскритъ имѣетъ сдѣсь долгое ί. Вытяженіе голоса иногда такъ усвоивается языкомъ, что входитъ въ грамматическія правила, какъ на пр., въ Д.-Булгарскомъ окончаніи родительнаго п. мн. ч. для ь -ни и опредѣленнаго вида муж. р. -ыи. Сдѣсь однако это двойное и можно объяснить желаніемъ писцовъ образовать опредѣленный видъ, какъ уже не разъ замѣчали мы произволъ и самостоятельность дѣйствія Д.-Сербскихъ писцовъ относительно Ц.-Славянскихъ формъ. Придерживаясь исходнаго и, они повторяли его для опредѣленнаго вида, но и Ц.-Славянская форма была имъ хорошо извѣстна, какъ это видно въ словѣ **животворящія** (А. № 20).

Привыкши стягивать звуки вмѣстѣ съ другими нарѣчіями, такъ что средній и женскій р. исходили у нихъ на -о и -а, они, казалось, хотѣли и тутъ стянуть -ии въ -и; но, чувствуя въ то же время долготу звука, они прибѣгали къ удвоенію. Мы уже замѣтили это въ звукоученіи объ аа, теперь то же приложить должно и къ ии. Позднѣйшей или народной формы для женскаго р. мы въ нашихъ памятникахъ не находимъ; но она должна быть на -ѣя. Вышеприведенныя на -ю и -ѣю суть искаженныя или, вѣрнѣе, безразличныя.

Совершенно одинаковой участи подвержено причастіе дѣйствительнаго зал. прошедшаго вр. Въ праязыкѣ Индоевропейской семьи, сколько можно судить по древнѣйшимъ ея языкамъ, оно отличалось только звукомъ *в*, придаваемымъ къ той же образовательной формѣ: отсюда *-vant*. Сдѣсь *v* есть не болѣе, какъ благозвучная буква, переходящая у Грековъ въ дигаму и откидываемая Литовцами и Славянами передъ согласнымъ исходомъ основы. Но для избѣжанія тожества формъ Славянскій языкъ поступилъ съ *-ant* или *-vant* при прошедшемъ времени иначе, чѣмъ при настоящемъ. Онъ не далъ слогу *ан* носоваго произношенія, но перевелъ его въ *ъ*, откинувъ для мужескаго и средняго р. исходное *t*, откуда произошла форма *-въ*; для женскаго р. и другихъ падежей муж. и средн. р. онъ первоначальное *t* обратилъ въ *с*, которое, соединясь съ мягкимъ образовательнымъ *-jas*, *-jam*, *-já* (*i*) перешло въ *ш*: отсюда -въшь, -въше, -въши. Передъ согласнымъ исходомъ *в*, какъ сказали мы, пропадаетъ, и форма выходитъ на -ъ, -ъши. Тѣ же глаголы, которыхъ основа исходитъ на согласную съ мягкимъ и, удержали сдѣсь эту мягкость, выразивъ ее въ -ь вм. -ъ, а въ полной формѣ -въ. Въ женскомъ р. -ьши, -въши. Опредѣленный в. образуется чрезъ приставку мѣстоименнаго и, ю, ꙗ: -вый, -ый, -ии собственно -вы, -ы, -и, -въшии, -ии, -ъшии, -ии, -ьшии, -ии, -въши, -въшии, -ии. Но полнота образованія оказалась только въ Д.-Булгарскомъ языкѣ; прочіе же забыли краткую форму на -ъ, -ь и удержали только полную съ *в*, но и то не всѣ равномѣрно. Сдѣсь опять эта причастная форма является отъ времени безразличною и неподвижною наровнѣ съ двигающеюся. Причастная форма явилась въ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ одномъ опредѣленномъ в.: *-вшій*, *-ее*, *-ая*, *-вши*, *-е*, *-а*, *-vši*, *-е*, *-а*, какъ въ Русскомъ, Сербскомъ, Хорватскомъ и Хорутанскомъ; въ Чешскомъ для всѣхъ родовъ *-wšj*, а въ Польскомъ и Лужицкомъ ея нѣтъ, но есть одна дѣепричастная *-wszy*, *-wši*.

Д.-Сербскій языкъ въ своей письменности представляетъ всѣ формы Д.-Булгарскаго, но любитъ ихъ въ различной степени. Разсмотримъ сначала мужескій р. Нѣкоторыя формы, а именно, неопредѣленный в. -ь (-ъ и -ь), равно какъ опредѣленный -вии или -ви, -ии или -и, не были и въ старину приняты народнымъ языкомъ и сохранились, большею частію, въ древнѣйшихъ грамотахъ XIII-го в. да въ грамотахъ церковно-дарственныхъ и Законникѣ. Такъ на пр.: бгъ правы растакаь (А. № 1), поустивши (Ш. № VII), обрѣтѣйсе кто ны(е) шедь (С. № 17), кто ли се обрѣтѣ узьмь (С. № 23), обрѣть крабии—ипнсахь (А. № 6), хсь вьзнесьйсе (А. № 3), хь родийсе, явийсе, вьзнесьйсе (А. № 4), бь вьплатиисе, реньи (С. № 51), бгъ призрѣви (А. № 7), гь смрть приньмь и вьскрь, дийколь вьзбѣсивы и вьложивы, бь оукрѣпивы и створивы, тьйе свѣдьи —изведь (С. № 176), бгъ подобивь области и царѣвь вь нихь црѣ (А. № 11), іже прѣшедьи, овѣща рекь (В. № 2), кто се обрѣте, наги узьмь (С. NN: 43, 44, 50), бь пзлии рекь, хь пзлив рекь (С. № 50; А. № 13), изли рекь (С. № 62), вьзьмь прьсть и принедь (Г. А, ср. Г. Б). аще обрѣщеть се кои любо стань, кто

се обрѣте оскорбь, поставимы (З.), иже приведіи (С. № 175), а дошадь ꙁаписахь (С. № 94), богь вдавь исꙋсь иꙁабрави стꙑе родители и брати ихь и конци украсивъ(п) ихь, аꙁь иже приемь дрьжахь (С. № 103). гдѣ иꙁабрави свꙑе родителе и прославихь и минющи украсивьꙑхь — списокъ съ предыдущаго, (С. № 136), богь иꙁбравии и прослави ихь и украсивь ихь — списано (С. № 37), иже сьшедіи и вьплътивсе и прѣтрьпѣвіи, иже пріемь и подавь и оправдавь, иже не обрѣтшь, иже вьчловѣчивсе (А. № 20). И такъ всякій видитъ, что это Ц.-Славянскія причастія, сохранившіяся въ Восточной семьѣ, благодаря сильному вліянію своей стихіи, или перенесенныя въ богословіе трехъ Западныхъ гр-ъ, списанныхъ съ Восточной. Раннія гр-ы XIII-го и нѣкоторыя собственно-Сербскія XIV-го в., равно Законникъ, свидѣтельствуютъ о большей общности книжнаго языка въ древнѣйшія времена и о сильнѣйшемъ вліяніи Ц.-Славянской стихіи въ Восточной семьѣ, чѣмъ въ Западной. Что до формы шедь, дошадь, то нынче она звучитъ *ишав*, *дошав* или *ишавши*, *дошавши*. Сдѣсь причастіе опредѣляетъ большею частію самый предметъ, и по этому случаю является въ обоихъ видахъ. Но такъ какъ этѣ формы не народныя, то между ними и нѣтъ повременнаго движенія. Сербскій языкъ обыкновенно ставитъ на ихъ мѣстѣ другую причастную форму на -вши, на пр., стꙑепотивьши, -вши (С. №№ 3, 25, 43, 45, 50, 111), бивши (С. №№ 123, 126) и пр. Форма неопредѣленнаго в. -вь была болѣе любима: ее постоянно находимъ во всѣхъ семьяхъ и вѣкахъ, сначала какъ причастіе, потомъ какъ дѣепричастіе. Приведу немногіе примѣры: бгь когождe ꙗꙁика раꙁдѣливь и ꙁаконь давь (А. № 1), накаꙁавь ю да ю водить (Ш. № VII), кто ли обрѣте пресꙋвшавь или где годе ставь ни давь дохьꙗ (С. № 17), ако се кто наидe продавь (С. № 30), аꙁь не обꙋадꙋсе видѣвь (А. № 2), аꙁь раꙁоумѣвь молюсе (С. № 51), и согледавь цркви не потворй (С. № 50), кто ли дрьꙁне потворивь (С. № 70), аѣе би кои ꙋловивь приселивсе стꙋ(вь) и живе (С. № 78), а видивь и сомисливь хотихь (С. № 94) и пр. Во все время употребленія причастной формы въ смыслѣ дѣепричастія, мы разъ только находимъ правильную форму на -вши: и оутесавши да прииⷮ (А. № 12), которая отвѣчаетъ Д.-Булгарской на -шь, созданной въ дополненіе къ формѣ муж. р. -ъ, -ь, на пр., хвалꙗ и хвальшь. Причастная форма -вши существуетъ у насъ обыкновенно только въ смыслѣ прилагательнаго и есть дѣйствіе народности, дополнившей обыкновенную Д.-Булгарскую звукомъ ш для мужескаго и средняго р. Нынѣ дѣепричастная форма исходитъ и на -в и на -*вши*. Но отсутствіе въ древности формы на -вши есть почти случайное явленіе; ибо, какъ видно, эта причастная форма уже тогда существовала, какъ на пр.: стꙑепотивьши, оутесавши. Тѣмъ не менѣе рѣдкость ея подтверждаетъ силу вліянія Ц.-Славянской стихіи, не допускавшей первоначально для именительнаго п. муж. р. образовательнаго ш. Намъ остается только подтвердить примѣрами колебаніе причастной формы и переходъ ея въ дѣепричастную. Какъ рано форма на -е, -и стала измѣнять свое служеніе, такъ рано и форма на -вь стала терять свое первоначальное значеніе. Въ половинѣ XIII-го в. встрѣчаемъ форму на -ше уже въ дѣепричастномъ значеніи: каꙗ ськоньмь ꙁконьмь вꙗьлсе (С. № 16). Взятая съ причастія, форма эта была измѣнена, вѣроятно, по тому, что духъ Славянскаго языка въ повременномъ своемъ шествіи требовалъ въ этомъ случаѣ безразличной формы. Смѣна и чрезъ е, такая же, какъ и въ формѣ причастія настоящаго вр., намекаетъ на отличіе, которое писцы хотѣли придать дѣепричастной формѣ въ сравненіи съ причастною, казавшеюся имъ нѣсколько неудобною. Только сходство дѣепричастія -вь съ таковымъ же причастіемъ, какъ и въ формѣ настоящаго вр. на -ѧ,

скрадываетъ силу и время движенія народности въ пользу безразличной формы, принятой прочими Славянскими нарѣчіями. Одновременно съ сейчасъ приведенною и форми престоуцие отнесена къ женскому р. Такъ рано началось движеніе языка въ пользу безразличія. Далѣе: крали пыракшисе и сьзидахь (А. № 7), ми же просвышьсе нои (А. № 5), и приємь влєтиѐ и словеса слышавь — придосмо (А. № 10), а приєкши книгу властеле дубровуни да може всаки одь нихь (С. № 72), властеле и прочіи людіе да не женеться не благословившисе (З.), озароше си мисли нарада прозрѣше прокь двидь (А. № 18), азь влехсе поставивше ручи (С. № 85), да и волнх гига мачна послакь свои листове узети (С. № 87, ср. С. NN№ 109, 121), кнезь властеле и вса опьѣнина потврьдюю ротвесе на єваньєлии (С. № 92), видивше и оуфъ видивь — наидохь (С. № 94), видивь прошение имавьше свить и зговорь овиандесмо призвавь име хрстово висмо милостиви (С. № 99), ми кнезь властеле и вьса општина сунсливь любовь (С. № 100), ми смисливь любавь и видивше любавь — послесмо, ини тои увь (С. № 104), и все тои смисливь хотесмо (С. № 107), ма приимше дрьжаве (С. № 133, ср. С. № 145), и ми видевши прийисмо (С. № 166), и той мы видевши, и ми пзьнашши — сьтворй, соу се оутьмили давши (Г. Б). И такъ неподвижность формы выказывается сама собою. Кромѣ одного раза, въ гр-ѣ А. № 12, мы правильнаго употребленія формы на -ши не отыскали; но сдѣсь она неоднократно является, соединяясь со множественнымъ ч. и при томъ нѣсколько разъ въ Восточной гр-ѣ Г. Б, въ которой, по близости ея къ Ц.-Славянскому языку, слѣдовало бы скорѣе всего ожидать правильную форму множ. ч. на -ше. Также форма единственнаго ч. -ь, -вь сочинена не разъ съ единственнымъ ч. жен. р., либо со множественнымъ. И на оборотъ, форма на -ше сочинена съ единственнымъ ч. По этому мы не ошибемся, если форму -ь, -вь, -ши, -ше примемъ за дѣепричастную, начинавшую выказываться уже въ XIII-мъ в. и имѣвшую -ше временнымъ исходомъ въ Д.-Сербской письменности. Замѣтимъ въ гр-ѣ А. № 5, слѣдовательно, не смотря на сильное вліяніе Ц.-Славянской стихіи, употребленіе краткой формы -ь въ дѣепричастномъ значеніи для множественнаго ч. Средній р. въ нашихъ памятникахъ не имѣетъ уже причастнаго исхода, равнаго краткому мужескаго, но постоянно принимаетъ образовательное ш: -ше. Въ богословіи нѣсколькихъ Западныхъ гр-ъ находимъ видише, -ее, самая форма котораго уже указываетъ на Ц.-Славянское вліяніе (С. NN№ 81, 85, 89, 95), и позднѣе: видьше, видуе (З. А.; С. № 150). Для дѣепричастнаго употребленія, за неимѣніемъ другихъ, приведу примѣры со словомъ краљевьствоми и т. п., не ручаясь за то, что сдѣсь непремѣнно средній р.: обрать(в) кралими изистивь дайкай, видивь кралми и дахь (А. № 6), и поискавь цртвомі — близнсмо (А. № 10), и согледавь црьми не потвори (С. № 50), и краљевствоми, господствоми слишавьше и разумивьше имавьше свѣть створи (С. № 85, ор. С. NN№ 95, 103, 120, 133), и то увьше краљствоми имавьше свить — пандесмо (С. № 89), видивьшени краљевьство — хотихь (С. № 140). Кромѣ выраженія въ гр-ѣ С. № 85 и ему подобныхъ въ четырехъ другихъ, всѣ прочія имѣютъ глаголъ въ иномъ сочетаніи, по чему дѣепричастіе и удерживаетъ краткую форму, какъ уже безродную; но средній р. предпочелъ бы сдѣсь форму на -ше: подтвержденіемъ служатъ безличныя выраженія: почьнше (А. № 5), рекше (С. № 78). Иногда трудно бываетъ распознать согласованіе и форму словъ въ грамотахъ, гдѣ употреблены обычныя выраженія ми(мы), краљевьствоми, цртвоми, господствоми, или гдѣ дающій грамоту говоритъ не отъ своего одного лица. Въ этихъ случаяхъ на волю пис-

цовъ оставалось употребить тотъ, или другой родъ, то, или другое число: сдѣсь не было ничего положительнаго, или непремѣннаго. Въ примѣръ приведу одно мѣсто изъ гр-ы С. № 97: и за тои ми краль стипань пишьше свить сь прѣсвитломь госпоомь кралицомь всѣкомь кралиствами и съзбраними властели и влавможами кралиствами смотрикь видивь и добрѣ обьмашадь и еще видивь дане вамь є и дароваше все тои чисто отворено видивь и разумивь и познавь призвавь име оца и сна и светга дха сь велицимь добримь благословомь и свѣтомь выше реченихь кральствоми даде благослови и потврьди и вики вѣкомь.... Въ женскомъ р. у насъ сохранилась древнѣйшая причастная форма -ши: рождьши (А. № 6), и видѣвши црца раждена бывши (А. № 10), благоврная стенія прииздѣ(ь)ши и съгледавши мѣсто съзрѣвши на нбо — помолихся (Ю.). Но попадается и позднѣйшая, болѣе народная, на -ша: ми госпоѣ оставша (С. № 159). Присовокуплю опредѣленный Ц.-Славянскій в. въ звательномъ п.: рождьшия (А. № 18).

Причастіе страдательнаго зал. настоящаго вр. исходитъ въ Д.-Булгарскомъ, какъ и въ Д.-Чешскомъ и Д.-Сербскомъ, на -мъ, -о, а, -мыи, -мое, -мая, по-д.-сербски -мь, -ми, -о, -а. Эта форма во всей полнотѣ своей сохранилась нынѣ лишь въ письменномъ Русскомъ языкѣ, но въ прочихъ нарѣчіяхъ, какъ и народномъ Русскомъ, она осталась только за нѣкоторыми словами, перейдя въ прилагательное по употребленію, какъ на пр., Поль. *znaiomy*, Чеш. *známý*, Рус. *знамо, вѣстимо*. Ее замѣняетъ, большею частію, причастіе прошедшаго вр. Въ Сербскомъ она обращается даже въ совершенное прилагательное чрезъ приставку образовательнаго *и*, какъ на пр. *любимни*. Но въ древности она сохранилась во всей чистотѣ; тѣмъ не менѣе въ памятникахъ нашихъ замѣтно ея уменьшеніе. Тѣ, которые держатся Ц.-Славянскаго языка, свободно употребляютъ ее согласно съ Д.-Булгарскимъ употребленіемъ; но Западная семья скорѣе готова принять ее за прилагательное, или вовсе избѣжать. Примѣры сейчасъ покажутъ намъ всю тонкость различія, какую обѣ семьи наблюдаютъ относительно этой формы. Такъ: кто закистию обрьжимь (С. № 51), иже вѣзь мтре на нбсѣхъ зидимь и паки на земли ѿ мтре вѣмь нохоулимь и оклеветаемь поругаемь раснинаемь (С. № 176). азъ любовію раждигаемь, тоу и какие глемїи, въ монастирь глемии. на нами зовоми (А. № 11), гь нашь іс хс снъ бжіи непостижими, -їи неисповѣдими, -дыми неизслѣдими, -їи (Г. А, Б). да и доходькь недвижимь (Г. А), да боудеть обладаемь (З.), иже позиваемыми и покаянными (С. № 175), храмъ глемый, егоже храними гсподарь (Мл.), монастырь зовомъ (С. № 178); вы видимо (А. № 1), да прѣбываетъ съхранимо и съблюдаемо (А. № 3, ср. А. № 4), да боудеть непоколебимо (А. № 6, ср. О. NN№ 35, 48, 66, 69, 150), да есть вѣдомо (С. № 36, ср. С. NN№ 39, 40, 44, 65, 77, 82, 173, 179), мѣсто реконо (А. NN№ 7, 10), есть мѣсто глемое,—зовомое (А. № 11), да прѣбиваеть недвижимо (С. № 47), и вьде нами потворено ни поколивимо (А. № 99), да имають тоги село недвижимо (А. № 19); да не вьде отемлемо (Г. Б), простимое псъназнити (Г. V); црикви свѣтло украшаемыя (С. № 35), приводима бывають (В. № 1), црквь рекомая (А. № 14), еже тайна несвѣдома (Мл.), тварь окрѣпляема слоужить (А. № 20). Встрѣчаемая въ другихъ падежахъ, форма эта имѣетъ смыслъ болѣе прилагательнаго, т. е., относится непосредственно къ имени, тогда какъ въ Д.-Булгарскомъ она образуетъ и сказуемое; на пр.: бого- бго- бо- бгу- любимаго, -омга, любимаго града (С. NN№ 87, 88, 100, 106, 108, 109, 112, 115, 120, 121, 123, 126, 130, 133), всемлюбимомы (С. № 47), за драгога и любимога сина (С. № 143) и пр. Эта чисто Славянская форма не могла въ древности вне-

запно исчезнуть, и по тому очень естественно, что она попадается сдѣсь и въ Западныхъ грамотахъ, хотя все таки съ ограниченнымъ употребленіемъ. Для мужескаго и женскаго р. она взята лишь въ однѣхъ собственно-Сербскихъ и преимущественно Аѳонскихъ грамотахъ; въ среднемъ р. въ Западныхъ грамотахъ она походитъ болѣе на прилагательное. Эта форма не была такъ долговѣчна, какъ другія. Латинскій языкъ вовсе не имѣетъ ея. Да и въ самомъ Славянскомъ она явилась не въ полномъ видѣ, какъ и въ Литовскомъ. Полный ея видъ сохранился только въ Санскритѣ, гдѣ онъ есть *-mâna* и въ Греческомъ въ формѣ *-μενος*, хотя и въ Санскритѣ онъ уже стягивается въ *-âna*. Находясь въ старину у Славянъ въ полномъ развитіи, какъ это видно изъ древнѣйшей ихъ письменности, она отъ времени пропала у нихъ для глагола, оставивъ по себѣ слѣдъ въ прилагательныхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ доказательство въ пользу исконнаго богатства Славянскаго языка.

Причастія страдательнаго зал. прошедшаго вр. принимаютъ одинаково у всѣхъ Славянъ образовательныя *н*, или *т*. Сдѣсь не мѣсто разсматривать, какіе глаголы способны къ тому, или другому образовательному звуку: это относится къ дѣйствію общеславянскихъ язычныхъ законовъ, и въ этомъ отношеніи Д.-Сербское столь же мало рознится отъ остальныхъ, какъ и нынѣшнее. Есть, правда, нѣкоторые глаголы, причастія которыхъ переходятъ по нарѣчіямъ изъ одного окончанія въ другое; но таковыхъ немного. Нынѣ причастіе это исходитъ у Сербовъ на *-н*, *-т*, *-ни*, *-ти*, *-о*, *-а* соотвѣтственно Д.-Булгарскимъ -нъ, -тъ, -но, -на, -то, -та, -нии, -тии, -ои, -аи. При этомъ соотвѣтствіи и Д.-Сербскій книжный языкъ не могъ представить измѣненія или временнаго движенія: и въ немъ постоянно находимъ формы: -нь, -ни, -ть, -ти, -о, -а. Примѣры были бы излишни. Эту двойственность формъ мы находимъ, кромѣ Славянъ, еще только въ Санскритѣ и языкѣ Нѣмецкомъ; но Литовскій, Латинскій и Греческій имѣютъ одно *t*, *τ*, а слѣды *n*, *ν* остались только въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ, свидѣтельствующихъ о своемъ происхожденіи отъ причастія. Сдѣсь высказалось богатство Славянскаго языка. При первоначальной простотѣ языка, можно думать, что эти образовательные звуки служили и къ образованію производныхъ прилагательныхъ на *-нъ*, *-тъ*. Но независимо отъ настоящихъ прилагательныхъ, мы въ Славянскомъ языкѣ находимъ множество причастій на *-нъ*, сдѣлавшихся по употребленію прилагательными, какъ и причастія на *-мъ*. Всякій легко можетъ угадать ихъ. Такъ укажу на нѣкоторыя въ нашихъ памятникахъ: оумиленный, смѣреныи, сирьмень, почтени и т. п. Между подобными формами есть непрерывная лѣствица, которая отъ представленія чисто прилагательнаго приводитъ къ представленію чисто причастному. Служеніе причастія для опредѣленія имени таково же, какъ и прилагательнаго: по этому какъ прилагательное, такъ и причастіе можетъ иногда замѣнять существительное. Мы указали въ звукоученіи на слово вьселенаа. Тамъ же мы разсмотрѣли законность удвоенія и въ причастной формѣ. Теперь, видя передъ собою образовательное *н* въ формѣ *-нъ*, первоначальное *-nas*, мы повторяемъ, что удвоеніе сдѣсь по правилу не нужно; но благозвучная потребность нѣкоторыхъ нарѣчій Славянскихъ ввела его въ составъ грамматическихъ формъ или въ непремѣнное условіе правописанія, какъ уже не разъ замѣчали мы подобное явленіе въ другихъ формахъ.

Отношеніе причастныхъ формъ къ двумъ дѣйствующимъ стихіямъ Д.-Сербскаго книжнаго языка мы увидимъ далѣе въ другихъ падежахъ, гдѣ надѣемся найти подтвержденіе нашимъ замѣчаніямъ. Рѣчь объ именительномъ и отчас-

ти винительномъ п., по сколько онъ сходенъ съ первымъ, прилагательныхъ и причастій закончимъ *числительными порядковыми*, слѣдующими общему движенію опредѣленнаго в. двухъ первыхъ. Образованіе ихъ общеславянское, и по тому излишне бы было приводить ихъ: они исходятъ непремѣнно на опредѣленное окончаніе -и (Ц.-Слав. -ыи, -ии), -о или -е, -а или -ꙗ; на пр.: прьви, седмо, четврьта и т. д. Ц.-Слав. третии, -ꙗꙗ, -ѥѥ (А. №№ 3, 4; С. № 147), съ удлиненнымъ ии, является у насъ въ формѣ трети (А. № 1; С. №№ 136, 146; мон. Г. III, №№ 39—41); такъ и третиим, -иим суть удлиненныя формы, вмѣсто которыхъ мы находимъ у себя третии, -ье (С. №№ 104, 105), трьтїй (Мл.). Но нынѣшней стянутой *трећи*, *-ћа* еще нѣтъ.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на форму опредѣленнаго в., Ц.-Славянскую и народную, и отразившееся въ ней взаимное отношеніе двухъ стихій. Не разъ приходилось намъ замѣчать, что въ Ц.-Славянскомъ языкѣ опредѣленный в. муж. р. выражается чрезъ -ыи, -ии, гдѣ произошло либо вторичное опредѣленіе, что впрочемъ мало вѣроятно, ибо, согласно со смысломъ поврѣменнаго движенія Славянскаго языка, это явленіе совершилось бы скорѣе въ какомъ нибудь позднѣйшемъ нарѣчіи, а не Д.-Булгарскомъ, гдѣ видамъ столько разумности и послѣдовательности въ строеніи формъ,—либо вытяженіе голоса въ слѣдствіе долготы ы, и, либо же усиленіе основной полугласной ъ, ь передъ опредѣляющимъ мѣстоименіемъ и. Возможность вытяженія голоса подтверждается Русскимъ языкомъ, который тоже произноситъ *-ый*, *-ий*, когда сдѣсь нѣтъ ударенія, а въ просторѣчіи это окончаніе нерѣдко слышится какъ *ы*, *и*, т. е., такъ же точно, какъ и у другихъ Славянъ. Въ пѣсняхъ Русскихъ часто находимъ для полноты размѣра вытяженіе *-ыимъ*, *-ыихъ* и т. п., но замѣчательно, что сдѣсь вытягивается только одно *ы* или *и*, а не другая какая гласная, какъ и въ Д.-Булгарскомъ. Природа звука и способнѣе всего къ вытяженію или возвышенію голоса, которое случайно сошлось съ падежными формами -ыимъ, -ыихъ и т. п. Отъ того въ пѣсняхъ нельзя видѣть сдѣсь старинной формы, ибо иначе хотя бы разъ встрѣтились и другія таковыя формы, на пр. *-ааго*, *-уумy* и т. п. Такъ и у Д.-Сербовъ находимъ вытяженіе голоса въ формахъ срьбскиим, поморскиим, хиландарскыим; сходное вытяженіе въ Ц.-Славянскомъ языкѣ въ другихъ родахъ сейчасъ видѣли мы въ третиим, третиима. По этому должно думать, что и у Д.-Булгаръ въ старину не было этого вытяженія, какъ и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятникахъ находимъ написаніе ъі или ъи, что прямо приводитъ къ ы или *й*, *у*, *і* другихъ нарѣчій. Но за усиленіе конечной полугласной ъ въ ы, ь въ и говоритъ Русская форма на *-ой* съ удареніемъ, гдѣ *о* есть озвукотвореніе ъ, какъ въ Д.-Булг. топ. коп, которому отвѣчаетъ ы въ нѣм. Но если вникнемъ глубже въ это послѣднее отношеніе, то увидимъ, что оно говоритъ болѣе въ пользу вытяженія голоса; ибо ои есть разложенная двоегласная, отвѣчающая ы, *у*; ср. тъи: удареніе сдерживаетъ его природу, а отсутствіе ударенія въ Русскомъ переводитъ *о* какъ бы въ *ы*, откуда *-ый* или *-ы* или, иначе, *-ой*, *-ай*, такъ что Д.-Булг. -ыи можно считать перезвукомъ, равнымъ Рус. *-ый*, *-ай* безъ ударенія или, что то же, *-ой* съ удареніемъ. Слѣдовательно, сдѣсь долгота разложена и перезвукована. Подобнымъ образомъ -ій, слышимое часто какъ *-ей*, есть скорѣе перезвукъ его, чѣмъ на оборотъ; и тогда *ей* станетъ въ уровень съ долгимъ и, *и*, *і*, а конечное *й*, и будетъ опять слѣдствіемъ разложенія двоегласія, или признакомъ вытянутой долгой гласной. Объ окончаніи средняго и женскаго р. мы уже говорили выше. И такъ Ц.-

Славянская форма опредѣленнаго в. во всѣхъ трехъ родахъ послужитъ намъ новымъ случаемъ увидѣть отношеніе между двумя образовательными стихіями Д.-Сербскаго книжнаго языка и двумя главными семьями его памятниковъ. Но мы ограничимся общимъ обзоромъ, избѣгая примѣровъ. Ц.-Славянскую форму находимъ въ слѣдующихъ памятникахъ: Ш. №№ VII, 14; С. №№ 16, 19, 26, 35, 37, 46—51, 53—55, 61, 66, 68, 81, 85. 89, 91, 95, 97, 103, 107, 109, 111, 114, 117, 120, 137, 139, 147, 171, 175, 176, 178; А. №№ 2—6, 8—20; Мк.; В. №№ 1, 2; Г. А, Б, V; З.; Ю.; С.-Д. М. 1844; Мл; мон. Г. III, № 67; Г. VI, №№ 9, 14; печ. А. № 8; С.-Д. М. 1844, стр. 127: Изъ 72 памятниковъ только 16 принадлежатъ Западной семьѣ; но и изъ нихъ гр-а С. № 16 вся проникнута Ц.-Славянскою стихіею; гр-ы С. №№ 81, 85, 89, 95 передаютъ одна другой одно и то же слово **надьшие**, которое однако позднѣе пишется уже **надьше**, **надуе** (З. А.; С. № 150). Такъ же точно выраженіе **рѣчное и свѣтоклоном** изъ одной грамоты, С. № 120, перешло въ другую, С. № 133. Въ гр-хъ С. №№ 19 и 26 въ Ц.-Славянской формѣ встрѣчается слово **кожни**, **-и**, которое постоянно является въ этой формѣ, а извѣстно, что древніе писцы любили, вопреки народности, оставлять за нѣкоторыми словами ихъ Ц.-Славянскую форму изъ уваженія къ ихъ вѣроисповѣдному значенію, какъ это отчасти дѣлается и нынѣ. Звукъ **и** въ этомъ словѣ есть выраженіе мягкости основной полугласной, стоящей подъ вліяніемъ смягченнаго ею **ж** изъ **г**, точно такъ, какъ **въ третии**: отъ того это **и**, какъ бы основное, проведено по всѣмъ родамъ; отъ того и **третии**, **-ии**, **кожии**, **-ии** и т. д. Нѣкоторые считаютъ это **и** за остатокъ первичнаго общеродоваго исхода; но во всякомъ случаѣ **-ии** не будетъ здѣсь удлиненіемъ, а по тому наше **кожи**, **трети** суть стянутыя формы, и нынѣшнее *боже*, *божя*, *треће*, *трећа* могли образоваться не иначе, какъ чрезъ ослабленіе **и** въ **ь** и слитіе этого послѣдняго съ конечною гласною: отъ того въ этихъ словахъ въ средневѣковой Сербской письменности мы, большею частію, находимъ еще **-ии**, **-ия**. Сверхъ того одиночные случаи, встрѣчаемые въ Западныхъ гр-хъ, при множествѣ имъ противорѣчащихъ въ тѣхъ же самыхъ памятникахъ, почти не имѣютъ никакого вѣса, тѣмъ болѣе, что встрѣчаются преимущественно въ богословіи и совершенно пропадаютъ съ теченіемъ времени. Въ Восточной семьѣ, въ мѣстахъ, сильно проникнутыхъ Ц.-Славянскою стихіею, правда, не рѣдко можно встрѣтить Ц.-Славянскую форму; но и при этомъ надобно обратить вниманіе на то, во первыхъ, что даже изъ Аѳонскихъ гр-ъ не во всѣхъ она существуетъ, уступая мѣсто народной; во вторыхъ, что въ гр-хъ Восточной семьи, не принадлежащихъ къ церковно-дарственнымъ, какъ-то, С. №№ 46, 48—50, 54, 55, повторяется одно и то же выраженіе **изъ частном и настоящем печатном слове**, освященное временемъ и какъ бы для большей важности облеченное въ Ц.-Славянскую форму; въ третьихъ, что множество совмѣстныхъ народныхъ формъ, даже въ самыхъ Аѳонскихъ гр-хъ, не рѣдко превосходятъ количествомъ Ц.-Славянскія. Вообще въ исчисленныхъ выше памятникахъ Ц.-Славянской формы гораздо менѣе, чѣмъ народной, не смотря на то, что количество первой нѣсколько увеличится, если примемъ въ соображеніе значки ʼ ʻ, явно служащіе здѣсь къ вытяженію голоса и указывающіе на скрытую двойственность гласной. Ср. **хиландарьскыи црь и црь грьчьскыи**, **руськыи игоумень и ялоуньскы игоумень** (А. № 11), **хиландарскы** (А. № 15) и т. д. Во всѣхъ же прочихъ, не поименованныхъ памятникахъ, существуютъ только однѣ народныя формы. Сообразивъ все это, видимъ, что послѣдніе державцы въ Д.-Сербской письмен-

ности весьма слабо, и писцы легко обходились безъ нихъ, свободно употребляя народную форму уже въ XII-мъ в. Только произволъ и равнодушіе, съ какими писцы допускали одну стихію возлѣ другой, могутъ нѣсколько объяснить причину, по которой, рядомъ съ народными исходами, видимъ исходы Ц.-Славянскіе. Правда, они соотвѣтствовали отчасти смыслу рѣчи, но тѣмъ не менѣе присутствіе ихъ обнаруживаетъ еще то внутреннее броженіе, безъ котораго не обошелся ни одинъ книжный языкъ, какъ и Д.-Сербской, который въ эту пору еще только слагался, переработывался и вырабатывался изъ смѣшенія двухъ, хотя родственныхъ, но во многомъ разнствующихъ началъ.

Исходы прилагательныхъ, причастій и числительныхъ порядковыхъ, время и мѣсто ихъ употребленія и взаимное отношеніе по семьямъ памятниковъ, нами видѣнныя въ именительномъ и винительномъ пп., находятъ дополненіе и подтвержденіе въ дальнѣйшемъ ихъ движеніи, къ которому теперь и переходимъ. Движеніе это ограничивается тѣми же двумя склоненіями, существительнымъ и мѣстоименнымъ, которыя мы уже разсмотрѣли выше. Первому слѣдуетъ неопредѣленный видъ, второму опредѣленный. Происхожденіе падежныхъ образователей мы уже видѣли: намъ остается только прослѣдить самый ходъ движенія и то отношеніе между формами, какое уже намъ показали два предыдущіе падежа. Но сначала докончимъ о винительномъ п. ед. ч., въ которомъ мы опустили женскій родъ.

Винительный п. ед. ч. жен. р. оканчивается на -ѫ, -ю. Такъ какъ Сербскій языкъ въ этомъ родѣ не отличаетъ опредѣленнаго в. отъ неопредѣленнаго, изводя тотъ и другой на -а, то и въ винительномъ п. оба они имѣютъ одно окончаніе, сходное съ существительнымъ. Въ Д.-Булгарскомъ для неопредѣленнаго в. есть -ѫ, -ѭ, какъ у существительныхъ, а для опредѣленнаго -ѫѭ, -ѭѭ. Послѣднее окончаніе, въ видѣ -ѹю, -юю, попадается въ Д.-Сербской письменности почти тамъ же, гдѣ и именительная форма -аꙗ; а именно въ гр-хъ: С. №№ 16, 21, 26, 28, 35, 46, 51, 53, 58, 66, 71, 84, 92, 97, 176, 178; А. №№ 1, 2, 4, 7, 8, 10 — 12, 14, 16 — 18, 20; Ш. № VII; В. № 1; Г. А; З.; Ю.; С.-Д. М. 1844. На пр.: погибьшѹю, стоую и тутъ же стоу (А. № 1), пречисту (С. №№ 12, 27), но пречистѹю (С. №№ 21, 26), мольбьноую, страшноую, но второу (Ш. № VII), сѵрѹю (С. № 46) и т. д.; но уже въ Аѳонской: кай то приймшоу й рождьшоу (А. № 6). Съ началомъ XV-го в. она вовсе пропадаетъ въ Западной семьѣ; но до тѣхъ поръ кое-гдѣ прорывается въ одиночныхъ случаяхъ. Въ Восточной хотя ея болѣе, однако рядомъ съ нею стоитъ и народная. Укажу еще на прилагательное въ выраженіи ѡдеснѹю, ѡдесноую (С. № 114; Ю.), которое въ смыслѣ нарѣчія имѣетъ опредѣленный видъ. Употребляемое въ смыслѣ существительнаго вьсеꙗкаꙗ, большею частію, имѣетъ опредѣленный видъ (Ср. А. №№ 2, 4, 5, 13; С. №№ 50, 62, 81, 89, 95, 101, 102, 104; З. А.) Но позднѣйшая форма есть уже васелико (С. № 150). Такъ точно и дѣвою, дѣвій, дѣвѹю (С. №№ 12, 14, 19, 20), въ первоначальномъ смыслѣ прилагательнаго, употребляется лишь въ опредѣленномъ в. Присутствіе -ѹю, -юю въ Западныхъ гр-хъ объясняется, большею частію, свойствомъ самого слова, въ которомъ они употреблены; такъ на пр. пречистѹю (С. № 26), божественѹю, ѡставальшѹю, ѡстакльшѹю (С. №№ 84, 97) суть подѣлки подъ царскія грамоты и вмѣстѣ Ц.-Славянскій языкъ. Такъ срьбьскѹю землю (С. № 66) — форма взятая изъ Восточныхъ грамотъ, какъ прьдьнюю, придьнюю (С. №№ 66, 92) не разъ встрѣчается предварительно въ царскихъ грамотахъ. велію, велию (З.; С. № 176) указываетъ на велии вм. вели, каковыя формы обѣ встрѣчаемъ

въ гр-ѣ С. № 179; но **велю** или, какъ нынче пишутъ, *велу* еще не попадается. Но такая же, какъ она, отъ именительнаго муж. р. на -и или по ц.-славянски -ии, уже существуетъ, на пр.: **горноу, -ю** (А. № 8; Ш. № 14), **прѣдню** (С. № 39) отъ подобныхъ именительныхъ **долни** (А. № 6; Ю.), **горни** (А. № 6), **дóни** и въ Ц.-Славянской формѣ **гóрнии** (В. № 2). Та же форма въ винительномъ: **прѣдню, придьнюю** (С. №№ 66, 92).

Звательный п. ед. ч. нынѣ всюду совершенно сходенъ съ именительнымъ; но въ старину онъ держался Ц.-Славянскаго образованія. Уподобляясь именительному, онъ однако въ неопредѣленномъ в. муж. р. прилагательныхъ и иногда причастій страдательнаго зал. исходилъ на -е. Такъ на пр.: **оче безначелне и непостижне и недомислене, сине сьбезначелне и сьпрѣстолне оцоу, доуше стыи иже ѿ оца исходей и на синоу почивани единоучние и сьпрѣстолне и сьпоклоняемь и сьславимь** (С. № 175), **неприкóсновение, невиíдиме, непостиíжиме, неѡписáние, неизмѣние. едине имиеи, ги сьдеи, живíи** (А. № 20). Изъ этихъ примѣровъ видно также, что причастія дѣйствительнаго з. обоихъ видовъ не имѣютъ особаго звательнаго п.; въ неопредѣленномъ в. страдательныхъ причастій **н**, ради благозвучія, удвоивается. Въ женскомъ и среднемъ р. всегда и всюду и въ мужескомъ опредѣленнаго в. звательный п. подобенъ именительному; на пр.: **прѣвѣчьни цроу** (С. № 176), **вьселюбезныи Ісе прѣклоньшии и сьшьдыи и вьплътивсе и сьврьшивь, прѣтрьпѣвыи оураи и чюдодѣиствоуи и изьбавивь вьзнесе дань** (А. № 5), **бе вьсеблагыи чловѣколюбивыи бже** (А. № 12), **бже славныи** (С. №№ 84, 97, 100), **славни бже** (С. №№ 86, 101, 102, 104, 114, 144), **бжии слоуго** (Г. Б), **стии бжии оугодниче** (С. № 178), **бже великыи и вышьнии иже непознаваемии** (А. № 20); **сладости неизреченаа** (А. № 3; ср. А. №№ 4, 5), **прѣстаа троице** (А. № 4), **прѣтаа клауфе** (А. № 6), **моа, ма драга братие, -е** (С. №№ 59, 79), **прѣбезначелнаа троице поклаанимаа и славимаа** (В. № 2), **дво роженица** (А. № 18), **ѡ вьсемощна сило, троице прѣста** (С. № 71, ср. С. №№ 84, 97, 114, 144), **ста троице нераздѣлима** (С. № 86; ср. С. №№ 114, 144), **племенита и мудра госпоѡе вьзможита** (С. № 172), **вьзлюбленна братіе** (Мл.), **прѣмудрости оча** (Ю.). Мы уже приводили именительный п. вмѣсто звательнаго: **любьзныи Ісь Хь родиисе и явиисе** (А. № 4), равно какъ дательный **скоромоу и прѣлюбомоу помоещникоу** (А. № 9).

Родительный п. ед. ч. муж. и средн. р. исходятъ въ неопредѣленномъ в. на -а, -и, въ опредѣленномъ на -га или перезвукованное -го, при чемъ основа принимаетъ -а или -и неопредѣленнаго в., которое, слившись съ начальною гласною мѣстоименія, можетъ перезвуковаться въ о или е: отсюда полный исходъ этого вида есть собственно -аига, или уподобленное -ааго, слитое -ага, -аго, -ого, или -ега, -ега. Для одушевленныхъ предметовъ Д.-Сербскій языкъ обыкновенно употребляетъ родительный п. вмѣсто винительнаго. Но когда, сверхъ обыкновенія, поставляетъ винительный, тогда и прилагательное, или причастіе ставитъ въ одномъ падежѣ съ существительнымъ, на пр.: **послати прѣсты дхъ** (С. № 176). Впрочемъ такое употребленіе винительнаго п. здѣсь рѣдко и, судя по памятникамъ, есть подражаніе Ц.-Славянскому языку, хотя собственно оно было нѣкогда общеславянскимъ: дѣло во времени. Неопредѣленный в. въ образованіи своемъ не представляетъ ничего особеннаго. Мы читаемъ: **мала** (С. №№ 2, 7, 26, 43, 124, 164; А. №№ 3, 4), **голѣма** (С. № 43), **боудрà** (С. № 176), **многаа** (А. №№ 2, 10), **лахка, тешка, вога жива** (С. № 93), **зла** (С. № 94), **сребра плива** (С. №№ 108, 112, 123—126, 130), **михоаи, михоила** (С. №№ 2, 21), **гоуваита, -ѣта** (С. № 176; А. № 5), **стефанова** (А. № 2), **царова** отъ **царь** съ признакомъ твердаго исхода (С. № 164), **дакина** (Мк.), **иза-**

[illegible] (А. № 5), господьни, -дня, -н, гна, гнъ, гподин, -н (Ш. № VII; А. №№ 3, 5, 17, 19; С. №№ 76, 142, 143; З.; Г. V), [illegible] (Ю.), милостини (А. № 6) и пр. и пр. Слово божи переходитъ въ этотъ видъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ: [illegible], -ї, -ꙗ, -ьа, -ѣ, божиѧ, -ѣ, -ꙗа, [illegible] (А. №№ 2, 8; С. №№ 57, 96, 98, 101, 102, 104, 107, 114, 118, 120, 133, 140). Только однажды и уже довольно поздно находимъ нынѣшнюю форму [illegible] (С. № 144), показывающую, что Д.-Сербскій писецъ, съ одной стороны, забывъ особенность Ц.-Славянскаго употребленія, примѣнилъ и къ этому слову общее правило, а съ другой, что вѣроятно и въ народѣ уже говорили такъ, ибо и нынѣ слышимъ *божиега*. Такъ точно, вопреки Ц.-Славянскому, находимъ [illegible], [illegible], [illegible], нынѣ *велега*, (А. №№ 1, 2; С. № 10), между тѣмъ, какъ въ XIII-мъ в. еще чаще читаемъ ѿ [illegible] до [illegible], -ѣ (С. №№ 2, 7, 26). Какъ видно, эту форму не любилъ Д.-Сербскій языкъ, ибо въ томъ же выраженіи въ послѣдствіи онъ вставилъ уже форму [illegible] (ср. А. № 8; С. №№ 124, 125, 164). Сюда переходитъ дважды изъ опредѣленнаго в. окончаніе -сии въ формѣ: [illegible] [illegible] (С. № 46), [illegible] [illegible] (С. № 68). Движеніе причастій совершается точно такъ же. Излишне замѣчать, что формы на -е, -и и -ѣ, -ь возстановляютъ щ и ю. Примѣры: [illegible] (А. № 6), [illegible] (С. № 46), [illegible] (С. № 176), [illegible] и [illegible] и [illegible], [illegible] (С. № 68), [illegible] (А. № 6), [illegible] (А. № 7), [illegible], [illegible] (С. № 170), [illegible] (С. № 68), [illegible], [illegible] (А. № 7), [illegible] (С. № 170) и т. д. Опредѣленный в., измѣняя свои окончанія, представляетъ замѣчательное движеніе Д.-Сербскаго книжнаго языка. Мы находимъ [illegible] нѣсколько временныхъ формъ, послѣдовательно одна за другою идущихъ, начиная отъ полной Д.-Булгарской до сокращенной нынѣшней. Еще [illegible] знали писцы полную Д.-Булгарскую форму на -аѧго, которую не разъ находимъ въ церковно-дарственныхъ гр-хъ. Такъ: [illegible], -аго (С. № 52; В. № 1; А. № 10), [illegible], [illegible] (А. № 6), [illegible] (А. № 4), [illegible] (А. № 7; ср. А. № 10; В. № 1), [illegible] (А. № 7; ср. А. № 10; В. № 1), [illegible] (А. № 8; ср. А. № 10), [illegible] (А. №№ 8, 14), [illegible] (А. № 5), [illegible] (А. № 10; ср. А. №№ 12, 16, 20; С.-Д. М. 1844), [illegible] (А. № 10; ср. А. №№ 12, 19; Г. А, Б), [illegible], [illegible] (А. № 10), [illegible], -ааго, -го (А. №№ 10, 12; В. № 1), [illegible] (А. № 12), стааго, [illegible] (А. № 14), [illegible], [illegible], [illegible] (С. № 175), [illegible], [illegible] (А. № 16), [illegible]. [illegible] (Г. V), [illegible] (А. № 20) и пр. Число примѣровъ еще увеличится, если внесемъ въ него тѣ, которые имѣютъ -аго со значками ˘ ˜ ˙ ^ надъ а и которые, стоя рядомъ съ приведенными, явно указываютъ на цѣль значковъ — замѣнять полное -ааго. Такъ на пр.: [illegible] (А. № 4), [illegible] (А. № 8), [illegible], вторааго (А. № 5), [illegible] (А. № 11), [illegible] (Мл.) и т. д.; ср. еще гр-ы А. №№ 9, 10, 11, 15, 16, 18. Но замѣтимъ, что всѣ эти собственно-Сербскія грамоты суть церковно-дарственныя и при томъ, кромѣ двухъ, всѣ остальныя принадлежатъ къ Аѳонскимъ. Стало быть, здѣсь писцы явно воспроизводили Д.-Булгарскую форму, не обращая вниманія на разность ея съ народною. Изъ тѣхъ же самыхъ грамотъ ни одна не имѣетъ только одной формы -ааго, но еще болѣе употребляетъ стянутую -аго. Эти два окончанія господствуютъ въ церковно-дарственныхъ гр-хъ съ XIV-го до конца XV-го в. Гораздо рѣже, хотя уже и въ XII-мъ в., появляется въ нихъ народная на -ога. Происхожденіе

этой формы объясняется только при посредствѣ стянутой -аго, въ которой а утратило свое значеніе и какъ исхода неопредѣленнаго в. и какъ уподобленнаго ему мѣстоименія указательнаго. Разъ забывши его значеніе и признавши за простой звукъ, Славянскія нарѣчія стали распоряжаться имъ по своимъ звуковымъ соображеніямъ, то обращая въ *о*, *е*, *ie*, то суживая въ *j*, *i*. Конечное *а* у однихъ сохранилось, у другихъ перешло въ *о*. Сербы имѣютъ *-ога*, *-ега*. Кромѣ того они сокращаютъ это въ *-ог*, *-ег*. И такъ, мы видимъ, что нынѣшняя Славянская форма есть уже позднѣйшаго образованія, ибо сначала надобно было уподобить полную и разумную -юего, -ниго въ -аго, -наго, потомъ стянуть въ -аго, -ого, далѣе перезвуковать а въ *о*, и въ *е* и наконецъ возвысить до звука *i*, *j*. Съ этой точки зрѣнія мы увидимъ послѣдовательность формъ въ нашихъ памятникахъ и вмѣстѣ отношеніе двухъ образовательныхъ стихій. Припомнимъ и формы опредѣленнаго в. мѣстоименій: онѣ идутъ въ ровень съ прилагательными, причастіями и числительными и взаимно дополняются. Припомнимъ также временное движеніе мѣстоименія 3-го л. го и га: оно отвѣчаетъ движенію формъ -аго, -ого, -ога, -ега. Въ формѣ *-га* перезвуковано конечное первичное *-а* сначала въ *о*, при которымъ и остались нѣкоторыя нарѣчія, а потомъ вторично въ *а*, принятое другими нарѣчіями. Сербское принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Мы видѣли, что въ мѣстоименіяхъ га начинается въ XIII-мъ в., но въ сложныхъ формахъ уже въ XII-мъ. Такъ и теперь въ гр-ѣ Немани XII-го в. находимъ вполнѣ народную форму рьтьнега наряду съ множествомъ другихъ на -аго (А. № 1). Современная ей грамота Кулина имѣетъ тоже дълега (А. И.). Далѣе грамоты расходятся: церковно-дарственныя предпочитаютъ -ааго и -аго; въ нихъ -ога попадается гораздо рѣже и замѣтно тамъ, гдѣ грамота доходитъ до главнаго своего содержанія и невольно увлекается народною рѣчью. Такъ мы находимъ: инкога, мрьтвога въ условіяхъ надачи (А. № 3; ср. А. № 4), соухога—тамъ же (Мк.), стго и стга (С. № 51), призренскога поута—тамъ же (А. № 8), ираусксга, стогеорсжога, соуцога—тамъ же (А. № 9), грешнога—тамъ же (А. № 5), стго, краниискога—тамъ же (С. № 35), црквега поута, глиеногя потока—тамъ же (А. № 11), стилевнога дила—тамъ же (А. № 12), ксуиога, инавега (А. № 13), стопоучнишега (А. 14), пути старога, силимовскога, призренскога—тамъ же (А. № 19), стго и стаго, прнаго и пр. (Ю.), господнега, црковнога (Мл.). Но гр-ы Ш. № VII; А. NN№ 2, 6, 7, 10, 15—18, 20; Г. А, Б, V; В. NN№ 1, 2; С. NN№ 47, 52, 175, 178; С.-Д. М. 1844 вовсе не имѣютъ народной формы. За то гр-а С. № 176 служитъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ той силы вліянія, какую производило на языкъ содержаніе грамоты: въ ней писецъ во вступленіи и заключеніи ни разу не поставилъ -ога, но всюду -аго, а въ надачахъ ни разу -аго, но всюду -ога. Здѣсь удивительная строгость въ различеніи формъ. Вообще форма -аго, включая сюда отмѣченную значками, относится къ -ааго и къ -ога, къ каждой отдѣльно, какъ 5 : 1. Слѣдовательно, обѣ вмѣстѣ, -аго и -ааго, относятся къ -ога, какъ 6 : 1. Послѣ этого не трудно увидать, какую изъ трехъ формъ принять за основную. Но хотя -аго и будетъ главною формою въ церковно-дарственныхъ грамотахъ, но ее все таки должно назвать временною или переходною. Въ лицѣ ея Д.-Сербскій языкъ сдѣлалъ самую большую уступку Ц.-Славянскому, не допустивъ восторжествовать народной. Настоящая Д.-Булгарская -ааго уже слишкомъ рѣзко отличалась, и по тому Д.-Сербская письменность помирилась на серединной -аго, которая и сдѣлалась отличительною формою того отдѣла памятниковъ, въ которомъ допущено наибольшее

присутствіе Ц.-Славянской стихіи. И эта форма была такъ крѣпка, что народная не сдѣлала на счетъ ея ни малѣйшаго успѣха въ продолженіи трехъ столѣтій. Равно и память объ -ааго была такъ свѣжа, что она въ одинаковой мѣрѣ сохранялась до самого конца XV-го вѣка. Но переходъ отъ -аго къ -ога нѣкоторымъ писцамъ казался труднымъ, и по тому они ввели посредствующую форму -ого, -єго, впрочемъ, весьма рѣдкую: црьквеновремено̑г (С. № 176), стого (С. № 35; Ю.), третіего (З.) Въ прочихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ уже не видимъ ни разу -ааго, но только двѣ другія формы спорятъ между собою о первенствѣ. Въ XIII-мъ в. онѣ являются обѣ, народная чаще: стаго, катьуальнаго (С. № 2), нокаго (С. № 22) и поуньшега, -вшега, -ега (С. NN№ 2, 22, 32), дшьнога (С. NN№ 3, 7), чистогх, урьвнога (С. № 3), присного (С. № 6), зрьтънога (С. № 17), дубровьчнога (С. NN№ 25, 27). За то въ XIV-мъ в. отношеніе мѣняется. Царскія грамоты С. NN№ 40, 46, 48, 50, 53, 54, 55 и Бранковичева С. № 73 имѣютъ одну форму -аго. Другая попадается только два раза: посланога (С. № 43), славнога (С. № 62), но въ тѣхъ же грамотахъ есть и -аго. Это объясняется тѣмъ, что царскія златопечатныя слова писались весьма пышно и по этой причинѣ допускали въ себя болѣе Ц.-Славянскаго. Законникъ тоже предпочитаетъ -аго, хотя есть -ога, -єга: святаго, православнаго и пр., седмога, самодроугога, старѣєга, дроужинєга. XV-й в. уравновѣшиваетъ обѣ формы. Такъ: сладкаго (С. NN№ 90, 111, 137), дшьнаго (С. № 90), великаго, стаго (С. № 91), владѣщаго (С. NN№ 111. 137, 166, 167), благоутнаго, хвалюсиваго (С. № 111), почившаго (С. NN№ 137, 138) и въ Турецкомъ спискѣ святаго, славнаго (С. № 37), но личнога (С. NN№ 91, 111, 137), посланога (С. NN№ 111, 137), почившега (С. № 111), другога (С. № 137), почтенога, златога, сребрьнога (С. № 146, ср. С. № 147), дуброучнога (С. № 165), великога (С. № 167). Сдѣсь какъ бы замѣтны временные успѣхи народной формы, стремящейся снова къ преобладанію, съ котораго она начала въ XIII-мъ в. Зетскія конца XIV-го в. уже постоянно имѣютъ -ога, исключая одинъ случай српскаго (С. № 71). Турецкія XV-го в. тоже предпочитаютъ -ога (С. № 113; С.-Д. М. № 2), хотя имѣютъ изрѣдка и -аго: гр-а С. № 164 только однажды изъ 11 и гр-а С. № 173 однажды изъ 5 случаевъ. Прочія Западныя грамоты, начиная съ XII-го в., уже рѣшительно оказываютъ предпочтеніе народной формѣ. Въ XII-мъ в., кромѣ стаго (С. NN№ 4, 5, 8, 12, 15), постоянно всѣ другія слова исходятъ на -ога. Съ появленіемъ своимъ въ концѣ XIV-го в., онѣ равномѣрно признаютъ почти только одну народную форму; Ц.-Славянская же проявляется въ нихъ кое-гдѣ невзначай съ замѣтною, однако, легкостію, какъ будто для писцовъ ничего не значило ихъ различіе. Между множествомъ формъ на -ога вдругъ проглядываетъ -аго безъ всякой видимой причины, по тому только, что такъ вздумалось писцу, и потомъ снова слѣдуетъ -ога. Тѣмъ не менѣе въ писцахъ видна начитанность, которая усвоивала въ памяти нѣкоторыя слова и выраженія, невольно и безсознательно ложившіяся подъ перо. Мы не разъ видѣли примѣры списыванія, или, можетъ быть, повторенія на память нѣкоторыхъ обычныхъ выраженій. Сдѣсь мы замѣчаемъ то же въ формѣ словъ: стаго, святаго и т. д. (С. NN№ 65, 74, 76, 81, 82, 84, 85, 99, 100, 107, 112, 114, 120—122, 125—128, 130, 132, 136, 142, 144, 145, 171), бго- бгълюбимаго, богхлюбимаго и т. д. (С. NN№ 87, 88, 100, 106, 108, 109, 112. 115, 120, 121, 123, 126, 130), владѣщаго (С. NN№ 115, 119, 120, 126, 133, 138, 140, 144, 149), почившаго (С. NN№ 82, 95, 121), вишьшаго, вишшаго (С. NN№ 89, 126, 127, 144), святыагомн хрста — вы-

писано изъ Восточныхъ (С. № 99), части̇аго, ѹ҇тнаго и животворѧщаго, -ѡ крьста (С. NN№ 78, 142, 143). Присоединимъ сюда божьствьнꙑго (С. № 66), бл҇годарованнаго (С. 68), сладкꙑго, речнаго (С. № 81), единороднаго (С. № 82), цр҇а небн҇аго (С. № 83), ре҇наго (С. № 86), днашьнаго (С. № 92), святаго (С. № 145), гласитаго (С. № 171) и мы получимъ все количество примѣровъ для -аго. Бо́льшая часть изъ нихъ имѣетъ церковнокнижное значеніе, другіе освящены употребленіемъ и какъ бы по наслѣдству переходятъ изъ одной грамоты въ другую. Отношеніе между двумя формами въ Западной семьѣ можетъ быть выражено чрезъ 1 : 4½ — почти обратно, какъ въ Восточной. Оно еще болѣе измѣнится въ пользу народной, если принять въ соображеніе, что многія слова въ формѣ на -аго оставались сдѣсь безъ измѣненія неподвижными и остывшими, и по тому не могутъ имѣть такого вѣса, какъ другія, подверженныя во всякое время движенію и измѣненію. При всемъ томъ, нельзя еще не замѣтить и того, что подъ конецъ XV-го в. форма -аго значительно рѣдѣетъ въ сравненіи съ концомъ XIV-го в., гдѣ она накапливается наиболѣе. И такъ развитіе языка подъ дѣйствіемъ народности очевидно. Намъ остается только указать на нѣсколько примѣровъ образованія отъ именительнаго на -и (Ц.-Слав. -ии); оно совершается на -ега, -ѥга или -иѥга: почившьѥга, дньшнѥга (см. в.), медвѣжиѥга, козьиѥга, горниѥга (С. № 176), дшеволѥга (С. № 76), старѣѥга отъ сравн. ст. старѣи (З.), срѣтнѣѥга отъ сравн. ст. срѣтнѣи (т. е., -ии, С. № 77), страшнѥга, -ѣга, -иѥга (С. NN№ 108, 112, 115, 126), днашнѥга (С. NN№ 107, 128, 140, 163), ближнѥга (С. № 156), горнѥга (Мл.), третиѥга (А. № 9), но есть и третиаго, -ꙗго (А. № 5; Ю.) и третѥго (З.). Если сличимъ эту форму съ Ц.-Славянскою, то увидимъ, что она замѣняетъ Ц.-Слав. -щаго или -ꙗго: т. е., ѥ или собственно ѥ отвѣчаетъ ꙗ; ср. нынѣшнее *-ега* для мягкаго исхода, на пр., *донашнега*, *вруһега* и пр. Слѣдовательно, сдѣсь е, ѥ, по свойству языка, выражаетъ мягкость исхода. Подобно этой формѣ, подъ вліяніемъ Сербскаго смягчающаго начала, образуется и вѣчнѥга (С. № 57). Съ Ц.-Славянскимъ -ꙗаго не должно смѣшивать удвоеннаго а или о, находимаго въ Западной семьѣ XV-го в., на пр., петоѡга (С. № 107), прѣстлаго (С. № 114), косансковга (С. № 122). Посредствующая форма на -ого появляется и въ этой семьѣ въ томъ же словѣ ст҇ого (С. NN№ 16, 109). Но весьма употребительная нынѣ сокращенная *-ог* въ старину еще не установилась и встрѣчается только разъ въ гр-ѣ С. № 68: косанскогь.

Для женскаго р. Д.-Булгарскій языкъ имѣетъ въ неопредѣленномъ в. форму -ѫ, -ѧ, и въ опредѣленномъ -ѫѭ, -ѭѭ. Отзвукъ этой полной формы сохранился въ Русскомъ, Польскомъ и Лужицкомъ языкахъ, которые имѣютъ *-ой*, *-ей*, *-éj*, *-iéj*, *-eje*; прочія же нарѣчія стянули ее и отожествили съ неопредѣленнымъ в.: Сербское, Хорватское и Хорутанское въ звукѣ *-е*, Чешское въ звукахъ *-е* и *-j*. Д.-Сербскій языкъ измѣнилъ Д.-Булгарскую форму -ѫѭ въ -ѹѭ и сопоставилъ ее съ своею на -ѥ, выразившею оба вида. Кромѣ того, онъ удержалъ видѣ и Д.-Булгарскую -ѫ въ видѣ -ѹ. Въ смѣнѣ этихъ падежныхъ окончаній проявляется движеніе языка, которое опять распадается по семьямъ памятниковъ. Общимъ носовымъ отзвукомъ падежнаго образователя, выразившимся въ Д.-Булг. -ѫ и -ѧ, должно объяснять повсюдный Сербскій исходъ *-е*. Въ письменности своей древній языкъ означилъ свое шествіе подъ совокупнымъ вліяніемъ двухъ извѣстныхъ намъ стихій. Уже въ XII-мъ в. въ самой Аѳонской гр-ѣ встрѣчаемъ неправильную Ц.-Славянскую форму ꙗвленꙑꙗ и за нею народныя: морьскѥ, грьчьскѥ; но рядомъ съ ними и полныя Д.-Булгарскія съ пере-

звуковъ и въ ѥ: прѣславьнии, стыи (А. № 1). Мы предусматриваемъ, что ждетъ насъ въ XIII-мъ в. Въ другой церковно-дарственной гр-ѣ, старшей въ этомъ вѣкѣ, находимъ смѣшеніе Ц.-Славянской формы прѣдьтєчи съ народною [illegible]; Ц.-Слав. -ы замѣняется чрезъ -ѥ: помоньсѥ; но -ыи еще не стягивается въ -ѥ, а только звукоизмѣняется: срьбскии, присноджвни. Однако это окончаніе не нравилось Сербскому уху и, удерживая его изъ уваженія къ Ц.-Славянскому языку, но слыша между тѣмъ въ народѣ -ѥ, оно завело сначала форму на -ѥ и потомъ прибавило и: рождьшеи, т. е., переставило буквы (Ш. № VII). Далѣе въ томъ же вѣкѣ только три раза -ыи, -ии: прѣчистыи (С. № 2), срьбскии, поморьскии (С. № 24), а въ прочихъ случаяхъ -ѥ, отожествляющее опредѣленный и неопредѣленный виды; на пр., србскѥ, српскѥ и т. д. (С. №№ 13, 16, 21, 27, 31), стѣ (С. № 16) и пр. Нельзя всюду предполагать неопредѣленный в.: это было бы противно и смыслу и тому, что въ XIV-мъ в., какъ только въ Восточной семьѣ превозмогаетъ Ц.-Славянская стихія, такъ опять обнаруживается опредѣленный в.; но сдѣсь должно видѣть именно вліяніе народности, которая общитъ оба вида въ своей одиночной формѣ на -ѥ. Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. церковно-дарственныя гр-ы постоянно употребляютъ перезвукованную Ц.-Славянскую форму опредѣленнаго в.: -ыи, -ии, -ѣ и т. д., или притяжательную -ови, -овы. Гр-ы А. №№ 7, 9, 10, 11, 13, 16, 17, 20; Г. А, V; Ю.; С.-Д. М. 1844; С. № 178 имѣютъ только эту одну форму. Другія, какъ А. №№ 5, 6, 8, 12, 19; Мк.; Ш. №№ 14, 15; С. №№ 47, 51, 176; Мл., рѣзко отдѣляютъ народную отъ Ц.-Славянской, ставя первую лишь въ изложеніи надачъ и условій, а вторую въ богословіи и заключеніи. Мы не разъ указывали на гр-у С. № 176, въ которой эта особенность выставляется въ самомъ яркомъ свѣтѣ, укажемъ и теперь. Немного можно найти исключеній изъ вышесказаннаго. Бóльшая ихъ часть относится къ обычному титулу, гдѣ, по весьма понятной причинѣ, могла сохраниться народная форма: срьбьскѥ, поморьскѥ, хльмьскѥ (ср. А. №№ 3, 4, 14; С. №№ 51, 52), а за тѣмъ остается ихъ весьма немного, какъ на пр., старѣишѥ (А. № 4), [illegible] (С. № 35), [illegible], [illegible] (А. №№ 18, 19). Послѣдняя образовалась изъ переходной -[illegible] вм. -ии, а эта вм. -ыи. Обратимъ вниманіе на вытяженіе голоса, не разъ уже нами замѣченное: срьбкиий, [illegible], -ыиѣ, стыий (А. № 4); а также на форму ѥдокыѥ (С. № 178) подобную присноджвни. Въ прочихъ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ гр-хъ мы находимъ постоянно народную форму, такъ что исключеній только два: прѣчитыи въ зарокѣ (С. № 40) и [illegible] въ богословія (С. № 46). На печатяхъ: поморьскѥ и грьчѥ (А. № 8), сьрпскѥ (А. т. XI), срьбскии и подоунавскии (А. т. X). Въ Турецкомъ спискѣ съ гр-ы Дечанскаго (С. № 37) во вступленіи: срьбскиѥ и поморскиѥ, пречистои, но далѣе пречистѣ и въ подписи србскѥ и поморскѥ. Ту же форму не разъ видимъ въ подписяхъ XIII-го в. и въ печатяхъ и титулахъ XIV-го в. Сдѣсь, очевидно, дѣйствовало народное употребленіе. Въ Законникѣ, кромѣ латиньскыи, остальныя всѣ формы народныя, на пр., тоугѥ, царевѣ и др. Тѣмъ скорѣе должны мы ожидать послѣднихъ въ Западной семьѣ, когда вмѣстѣ съ нею и Восточная, кромѣ церковно-дарственныхъ гр-ъ, уже въ XIII-мъ в. отдавала имъ рѣшительный перевѣсъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на желаніе писцовъ подделаться мѣстами подъ Ц.-Славянскій ладъ, имъ рѣдко удается измѣнить народной формѣ. Въ гр-ѣ С. № 66, съ весьма сильнымъ подражаніемъ хрисовуламъ Сербскихъ царей, находимъ срьбьскии, поморьскии, гдѣ даже и ь всюду соблюдено. Еще въ XIV-мъ в.: прѣчистиѥ матере (С. № 84) — явное соблюденіе вѣронеловѣднаго выраженія,

какъ и въ XV-мъ в. матере божие (С. № 88). Присоединивъ сюда рѣкше (С. № 142) и въ Турецкой гр-ѣ кралеви землꙗ (С. № 164), мы получимъ все количество употребленія Ц.-Славянской формы въ Западной семьѣ двухъ послѣднихъ вѣковъ. И такъ однѣ только церковно-дарственныя грамоты остаются хранилищемъ этой формы, тогда какъ уже въ XII-мъ в. народность беретъ верхъ съ своею однообразною формою -е для всѣхъ исходовъ и для обоихъ видовъ.

Дательный п. ед. ч. муж. и средн. р. въ неопредѣленномъ в. имѣетъ общую съ Ц.-Слав. и нынѣшнимъ форму на -ꙋ, на пр.: изволившоу, вышнемоу (А. № 1), владущꙋ, -ещꙋ (С. NN 66, 84, 97), малꙋ, великꙋ (С. № 126), и въ опредѣленномъ, какъ нынѣ, на -омꙋ, -емꙋ. Опредѣленный в. въ одномъ Ц.-Славянскомъ языкѣ сохранялъ полную свою форму съ двойнымъ склоненіемъ и звукоподобленіемъ -оуоумоу; но прочія Славянскія нарѣчія уже не склоняютъ неопредѣленнаго в., но основную гласную озвукотворяютъ обычнымъ способомъ, какъ и въ родительномъ п. Такъ точно поступаетъ и Д.-Сербскій языкъ, а по тому въ самомъ началѣ его письменности уже видимъ эту форму; на пр.: святомоу (Ш. № VII), пресвятомꙋ (С. № 17), животворещемоу (А. № 4), сьгрѣшившомоу (З.), стопочившемꙋ (А. № 18), нарицаемомоу (А. № 2), ꙁаписаномомоу (С. № 176), рожномꙋ (С. № 16), второмоу (А. № 3) и т. д. Послѣ ж и щ происходитъ иногда, по случаю ихъ собственной мягкости, отвердѣніе е въ о, какъ слѣдствіе крайняго смягченія, какъ въ Лужицкомъ и Д.-Булгарскомъ. У послѣдняго заимствовалъ и Д.-Сербскій, ибо самъ онъ этого не допускаетъ. Къ предыдущимъ прибавимъ: сѣдѣщомоу (А. № 9), гьствующомꙋ (С. № 35), бивьшомоу (А. № 12), послѣдꙋющомꙋ (С. № 82), рождьшомꙋсе (А. № 19), обладающомꙋ, владѣющомꙋ, державающомꙋ (С.-Д. М. 1844). Но не совсѣмъ еще забыта была полная Д.-Булгарская форма. Древніе Сербскіе писцы почитали возможнымъ и ея употребленіе въ церковно-дарственныхъ гр-хъ, но только въ стянутомъ видѣ: такъ крѣпко и строго держались они Ц.-Славянскаго языка, когда смыслъ грамоты позволялъ это. Мы читаемъ: приꙁывающꙋоумоу, обладающоумоу (С. № 51), воспѣвающоумоу, дающоумоу, исплънающꙋмꙋ (А. № 10) и однажды въ позднѣйшей Черногорской: дꙋбровачьскꙋмꙋ (С. № 60), если только здѣсь не описка. Въ этой формѣ Д.-Сербскій языкъ перещеголялъ и Д.-Чешскій. Но собственно его ли эта форма? Конечно, она заимствована имъ, если уже въ древнѣйшую пору онъ такъ рѣшительно выступилъ съ своею народною. Впрочемъ одна Сербская грамота XIII-го в., безъ всякого отношенія къ Ц.-Славянской стихіи, пишетъ пришьдшꙋмꙋ (С. № 21). Снесемъ ее съ гр-ю С. № 60 и припомнимъ, что въ самомъ Д.-Булгарскомъ языкѣ происходило повременное движеніе этой формы: изъ -оуоумоу однимъ путемъ, чрезъ отяженіе или чрезъ принятіе моу вм. имоу, произошло -оумоу, другимъ, чрезъ перезвукъ, -оомоу — и оба привели къ -омоу. Послѣ этого весьма естественно заключить, что Сербы когда-то говорили *-уму*, а древнѣе, можетъ быть, и *-ууму*, *-уему*; но, какъ и прочіе Славяне, стянули и упростили эту форму въ незапамятное время, забросивъ ея слѣдъ въ памятникъ XIII-го в., и что Ц.-Славянскій языкъ вліялъ на ихъ письменность въ томъ состояніи, когда самъ уже стягивалъ -оуоумоу въ -оумоу, -омоу. Укажу на великомоу, -ꙋ, вм. велико, которому Сербы придали опредѣленный в., (А. № 1; С. № 8), третиемоу (С. № 176). Значитъ, не смотря на твердое и тонкое знаніе Ц.-Славянскаго языка и сильное его присутствіе въ церковныхъ гр-хъ, писцы мѣстами забывали, или пренебрегали его особенностями, образуя формы по своему, со строгою послѣдовательностію и на общемъ основаніи. Въ словодвиженіи это весьма замѣтно, особенно въ образованіи мѣстоименныхъ формъ.

Женскій р. образуетъ свой неопредѣленный в. на -ѣ: **сьврьшенѣ коудоуши** (С. № 2). Послѣдняя форма замѣчательна тѣмъ, что образована отъ причастной формы настоящаго вр. **коудоуща** или по-д.-сербски **коудоуша**, откуда въ дат. п. **коудоуцѣ** или -**ки** съ перемѣною **ѣ** въ **и** при мягкой согласной, ибо **и** есть сдѣсь замѣнительное. **градьскѣ** безъ перемѣны **и** въ **ц** (С. №№ 14, 15), **доубровьскѣ** (Ш. № XVIII), **посланьствоующи** (А. № 3, ср. А. № 4; С. № 176), **рекоі** (А. № 8), **голѣмѣ, степани, велицѣ** (С. № 176), **сисокѣ** (А. № 5), **изьбѣжани** (А. № 12), **многѣ** (3.), **хльмьсци, хлъмьсци, хлѣци, хомьсци** (С. №№ 83, 89, 116, 140, 150, 179; 3. А.). Положимъ, что неопредѣленный в. употребленъ, по большей части, въ церковно-дарственныхъ гр-хъ; положимъ также, что послѣдній примѣръ переходилъ изъ грамоты въ грамоту черезъ списываніе, тѣмъ не менѣе онъ существовалъ рядомъ съ **хльмьскои** (С. № 78) и т. п. и могъ бы быть вовсе не употребленъ, или вскорѣ измѣненъ: это показываетъ, что народность еще свободно допускала форму неопредѣленнаго в. и вмѣстѣ съ ней претвореніе **к** въ **ц**. Нынѣ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ онъ уже забытъ, хотя былъ въ старину, какъ на пр. у Чеховъ. Теперь употребляется опредѣленный в., въ которомъ основная гласная остается такою же, какъ и въ мужескомъ р., а образователемъ служитъ **и** (*й*, *j*). Опредѣленный в. въ Д.-Сербской письменности уже въ XIII-мъ в. получаетъ народную форму -**ои**, на пр.: **градьскои, градскои** и т. д. (С. №№ 4, 6, 7, 11, 13, 17, 21, 27), **прькои** (Ш. № VII), **вѣкьнои** (С. №№ 95, 136), **вѣчнои** (С. № 103) **вышнои** (С. № 176). Послѣднее смягченіе было переходнымъ, ибо нынѣ, какъ и у Лужичанъ, мягкое *е* переходитъ сдѣсь въ *о*(*ё*); такъ еще **бжіи** (А. № 5) и **бжіеи** (А. № 15). Но нѣкоторыя Восточныя гр-ы еще допускаютъ Ц.-Славянскую форму на -**ая** съ двойнымъ движеніемъ. Такъ: **прѣстыи, -ѣ, стыи, стѣи** (А. №№ 1, 4, 6, 8, 10, 11, 20; С. № 51), **божьствьнаи, неизрѣченнаи** (Ш. № VII; ср. С. № 176), **зетскаи** (С. № 35), **западнаи, срьбсцѣи, всечтнаи** (А. № 10), **прѣстатєлнаи, срьбцѣи** (В. № 1), **пречтаи** (А. №№ 14, 18), **вгосадная** (С. № 73), **матеваи** (Мл.), **неворотнаи** (А. № 20). По подражанію имъ, написано въ богословіи гр-ы С. № 103 **вселенеи**, и, какъ остатокъ въ древнѣйшей Восточной гр-ѣ изъ XIV-го в., не измѣненный позднѣйшимъ писцомъ, сохранилось въ гр-ѣ С. № 37: **васелении**; но въ другой Западной гр-ѣ уже пишется **вьселенои** (С. № 136). Въ причастіяхъ настоящаго вр. Ц.-Слав. -**ии**: **посланьствоующии, посланьствоующіи** (А. №№ 4, 16) и въ прилагательномъ притяжательномъ **божии** на -**ии**: **бжіи** (А. № 12). Всѣ этѣ формы суть Ц.-Славянскія, и употребленіе ихъ весьма ограничено: ихъ область — почти исключительно церковныя грамоты. Въ тѣхъ же грамотахъ тѣ же и другія слова попадаются и въ народной формѣ, на пр., **стои, -й** (А. №№ 1, 6, 9, 10, 13), **пречтои** (А. № 18) и пр.

Творительный п. ед. ч. муж. и средн. р. не имѣетъ нынче неопредѣленнаго в., но исходитъ на -*им*, отвѣчающее Ц.-Славянскому -**ымь, -имь**. Сербскій языкъ удлиняетъ его еще въ -*ием*. Въ старину, начиная съ XIII-го в., мы постоянно находимъ -**ымь, -имь**. Только церковно-дарственныя грамоты Восточной семьи ставятъ Ц.-Славянскую форму, какъ на пр.: **отечьнимь, срьбскыимь** (А. № 4), **раискыимь** и т. д. -**ыимь** (н. р.) и тутъ же (н. р.) -**ымь, -имь** (А. № 6), **тенлинмь** (А. № 7), **златопечатнымь** (А. № 8), **стымь** (С. № 52), **хиландарскыимь** (А. № 10), **новіимь, прѣвіимь** и др. (А. № 11), **бытныимь** и др. (А. № 12), **црьскыимь, высокыскымь, благовѣрніимь** (Г. А; ср. Г. Б), **прѣосвщенніимь** и др. (А. № 18), **бжтвнымь** (А. № 16), **прѣмоудріимь** (С.-Д. М. 1844), **четиріимь** (Мл.). Можетъ быть также: **благовѣрніимь** и др. (А. № 10), **тоупіимь** (С.

NN№ 73, 91), **мѣсльнїимь** (А. № 18), **страшнїимь** (Мл.). Къ нимъ присоединяются еще Радославова гр-а, одна изъ древнѣйшихъ XIII-го в., имѣющая **бжьствьнымь** (С. № 2), и Вукашинова, имѣющая **прѣкиїимь** (С. № 62); но онѣ обѣ заключаютъ въ себѣ много Ц.-Славянскаго. Если эта форма тянется до конца XV-го в., то уже ни разу не находимъ формы неопредѣленнаго в. -ьмь. За то рядомъ съ нею часто появляется и народная или позднѣйшая общеславянская, къ которой дошелъ Славянскій языкъ въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи; на пр.: **бжнимь** (А. № 4), **уутврьтимь** (А. № 7), **бгодарованїнымь** (А. № 10) и пр. Народная исключительно господствуетъ во всѣхъ прочихъ памятникахъ, куда мало проникаетъ Ц.-Славянская, и кромѣ того, какъ видимъ, является совмѣстницею и съ этою послѣднею. Обокъ съ нею, хотя и не въ большомъ количествѣ, мы находимъ другую на -ѣмь, какъ бы мѣстоименнаго образованія; но зная, что мѣстоименіе и не имѣетъ этого исхода, а между тѣмъ форма на -ѣмь является во всѣхъ вѣкахъ и въ обѣихъ семьяхъ, мы должны отыскать ей другое объясненіе. Если припомнимъ нынѣшнюю на *-иєм* и снесемъ съ нею древнюю на -ѣмь, то увидимъ, что эта одна и та же форма, получившая самый употребительный у Сербовъ перезвукъ ѣ въ *иє*. Она является сдѣсь усиленною вм. -ымь и намекаетъ на длиноту и, образовавшагося изъ ъ+и или ь+и, откуда произошла и Ц.-Слав. -ыимь, -иимь. Сдѣсь только принялъ служеніе Сербскій способъ усиленія и въ ѣ или ıє, *иє*. Она появляется весьма рано, въ началѣ XIII-го в.: **грѣшьнѣмь** (Ш. № VII), **чистѣмь**, -ѣмь (С. NN№ 3, 7, 14, 26), **старѣмь** (С. № 57), **х̃вѣмь** (С. № 66), **славнѣмь**, **правѣмь** (С. № 77), **стѣмь**, **доброхлуьцѣмь** (С. № 78), **вѣрованѣмь**, -ванѣмь (С. NN№ 87, 108, 109), **дивнѣмь** (С. № 89), **восьмьсцѣмь**, **ратнѣмь** (С. № 98), **живѣмь** (С. NN№ 98, 107, 114, 120), **рим̃цѣмь**, **угар̃цѣмь**, **тур̃цѣмь** (С. № 120), **светѣмь** (С. № 127), **почтнѣмь** (С. № 132), **малѣмь** (С. № 157), **царскѣмь**, **чистнтѣмь** (С. № 164). Она еще ближе подходитъ къ нынѣшней, когда пишется съ ıє, ıє и т. п.: **славниємь** (С. NN№ 101, 120, 133, 144), **живиємь**, -ємь, -иѥ (С. NN№ 104, 133, 142), **стниємь** (С. № 107), **ви- въ- вѣрованиѥ**, -иѥ (С. NN№ 115, 119, 123, 126, 127, 134, 157), **светиємь**, **светиємь** (С. NN№ 120, 133), **косаньсциємь** (С. № 124), **почтиємь**, -иємь, **почтениѥ** (С. NN№ 129, 144, 157), **светлиємь**, **угрьсциємь**, **турсциємь** (С. № 133), **правиѥ**, -иємь (С. NN№ 142, 143, 158), **милостивиѥмь**, **доброволниѥ** (С. № 142), **м̃тниѥ**. **ср̃бкиѥ**, **велициѥмь**, **добриѥмь** (С. № 143), **милованиємь**, **костениѥ**, **дробниємь**, **р̃чниємь** (С. № 57). Эта форма могла произноситься, какъ *емь*, по чему писали **вѣрованиємь** рядомъ съ -иє (С. № 126), или какъ *иемь*, по чему находимъ **вѣрованиємь** (С. № 112), **доброхлуцѣємь** (С. № 114), или по-ресавски какъ *-емь*: **тугѣ** (С. № 111), **вѣрованємь** (С. № 148). Ее ничему другому приписать нельзя, какъ только перезвуку и въ ѣ. Обратимъ вниманіе на ея усиленіе въ XV-мъ в., особенно въ видѣ ıє, иє, и исключительное пребываніе въ Западной семьѣ, такъ что -ыимь, -иимь является совершенно противуположною ей по значенію и употребленію. Очевидно, которая изъ двухъ должна назваться народною. Тѣмъ не мѣнѣе, главная -ымь, -имь господствуетъ во всѣхъ вѣкахъ и семьяхъ. Слово **божи** имѣетъ **бжиь**, **божимь**, **бжнмь**, **бжимь** (С. NN№ 98, 103, 104, 114, 120, 133, 145) и **бжиимь**, -ымь, **божиѥ**, **бжиємь**, -ымь, **божьимь** (А. NN№ 1, 10, 17; С. NN№ 37, 136, 140; Мл.); но есть и Ц.-Слав. **божиимь** (С. № 96); **вели** имѣетъ **велимь** (С. № 21). Притяжательное на -ль: **дїаколь** образуетъ **дїако̃нимь**, **дїаколимь** (А. № 10; С. № 175)—въ грамотахъ Аѳонскихъ. Замѣтимъ, что ск передъ ѣ и его видоизмѣненіями обращается въ сц: этого не бываетъ передъ -имь; но въ XV-мъ в. въ Западной семьѣ претвореніе пока-

зывается и передъ -имь, что отчасти приписать должно перезвуку -ѣ въ -и, хотя и не всегда, ибо претвореніе бываетъ и въ такихъ грамотахъ, гдѣ ѣ не переходитъ въ и. Такъ: дубровачцимь, -цѣй (С. NN№ 107, 158), великимь (С. NN№ 97, 140), угарскимь и тутъ же турскимь (С. № 145), дубровьчцимь (С. № 148). Изъ приведенныхъ сейчасъ грамотъ только въ С. NN№ 97, 140 и 145 можно еще предположить переходъ ѣ въ и, судя по другимъ случаямъ; но въ остальныхъ нельзя. Сравнивъ же съ хетиїимъ (Мл.), убѣждаемся, что и само по себѣ смягчало мѣстами и въ ц, хотя не всегда, а по произволу писца: этимъ отличается XV-й в. Ср. дубровьчьнимь, -чнимъ, -й, доубровчьнимь, дубровачнимь (С. NN№ 14, 39, 96, 111, 117). Форма на -омь является исключеніемъ, и притомъ изданія взаимно опровергаютъ другъ друга: въ С. № 20 угарьскомь, великимь, а у Ш. № XVIII боугарьскимь, великомь.

Въ женскомъ р. этотъ падежъ оканчивается нынѣ на -ом, образованіе коего, какъ и стариннаго -омь, мы уже видѣли въ существительныхъ. Это окончаніе совокупило въ себѣ оба вида и явилось стянутымъ для Д.-Булгарскаго -ою -ѫѭ. XII-й и XIII-й вв. представляютъ три формы: древнѣйшую народную и преобладающую -омь, на пр.: правомь (А. И.; С. NN№ 3, 14, 26), банови отъ притяжат. банъ (А. И.), срьбьскомь, даномь (данною) (А. № 1), бжиомь, вѣроятно, со смягченнымъ о, какъ бы бжиемь, гдѣ о перешло въ е, бжиемь, -омь (А. № 1; С. NN№ 2, 6, 7, 21, 27), урьномь (Ш. № VII), градьскомь (С. NN№ 2, 3), добромь (С. № 19); позднѣйшую народную, еще рѣдкую: правкомь (Ш. № VII), добромь, обьщиньскомь (С. № 16), и Ц.-Славянскую: божиею, божїею (Ш. № VII; С. № 25). Отношеніе здѣсь двухъ народныхъ такое же, какое и въ существительныхъ и мѣстоименіяхъ. Замѣчательно, что даже Аѳонская Неманя употребляла всюду одну народную на -омь. Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. за памятниками, смотря по ихъ свойству, остаются народная и Ц.-Славянская. Первая всюду и вездѣ имѣетъ уже -омь, -омь; вторая -ою, -ею. Старинная -омь уцѣлѣла лишь въ одной гр-ѣ Аѳонской бжиомь (А. № 4) — и это доказываетъ вмѣстѣ съ гр-ю А. № 1, что Ц.-Славянская стихія, господствовавшая здѣсь, легко уживалась съ этою формою. Но такого согласія вовсе не видимъ съ другою формою. Восточныя церковно-дарственныя гр-ы А. NN№ 3, 4, 6, 10, 12—14, 16—20; С. NN№ 35, 175; Г. А, V; С.-Д. М. 1844 имѣютъ одну Ц.-Славянскую форму. Г-ра С. № 176, по обыкновенію, въ началѣ и концѣ имѣетъ неизрѣченнаго, бжиею, а въ срединѣ: великомь, старомь, градьскомь. За нею слѣдуютъ гр-ы: С. № 51, имѣющая въ надачахъ поповомь, а въ заключеніи сотонином; А. № 11, приводящая изъ устной рѣчи выраженіе скорбиномь и хиносномь метомь; и Ш. № 14 въ описаніи границъ мирайномь. Въ прочихъ Восточныхъ гр-хъ Ц.-Славянская форма попадается чрезвычайно рѣдко и не иначе, какъ въ обычномъ выраженіи милостию бжиею (ср. С. NN№ 50, 90, 137, 138, 146). Въ Законникѣ находимъ доухокною и соудїиномь. Въ Турецкомъ спискѣ удержана та же форма: милостью божьею и неизреченною (С. № 37). Первое выраженіе повторено и въ другой Турецкой гр-ѣ милостию божиею (С. № 173). Въ Западныхъ, при всемъ огромномъ количествѣ случаевъ, Ц.-Славянская форма попадается еще рѣже. Гр-а С. № 66 въ богословіи употребляетъ истинною, а за нею, переписывая, ставитъ ту же форму и гр-а С. № 68. Выраженіе первой богодарованною явно выписано изъ царскихъ хрисовуловъ. Гр-а С. № 84, сильно поддѣланная подъ Восточныя, пишетъ помощию божиею, великою срьтаною любовию подъ неизреченьною; за нею

то же выраженіе повторяетъ и гр-а С. № 97. Болѣе случаевъ въ Западной семьѣ мы не находимъ: всюду господствуетъ народная форма.

Мѣстный п. ед. ч. муж. и средн. р. имѣетъ нынѣ двоякое окончаніе неопредѣленнаго в. на *-у*, *-ю* и опредѣленнаго на *-ом*, *-ем*, которое, по свойству Сербскаго языка, стремящагося къ озвукотворенію конечной полугласной, переходитъ въ болѣе полное *-оме*, *-еме*, или съ предыдущимъ вр.знакомъ, при чемъ неправильно смѣшиваются два склоненія, *-ому -ему*. Въ древней его письменности мы уже видѣли въ именахъ существительныхъ постепенный переходъ отъ ѣ и и къ у; такъ и здѣсь въ неопредѣленномъ в. замѣчаемъ то же самое движеніе. Въ XII-мъ и XIV-мъ вв. въ Аѳонскихъ гр-хъ находимъ: власѣ (А. № 1), списѣ (А. № 10), хѣ (А. № 13), но тутъ же црьсиу (А. № 12), гнѣ (Г. А). До конца первой четверти XV-го в. памятники ставятъ ту и другую формы, измѣняя, большею частію, -ѣ въ -и и изводя на -и притяжательныя на -ь, какъ на пр., станѣ, господьнѣ. Такъ мы находимъ: христи, -ени, хрстени, хрсти, хѣ, хѣ (С. №№ 66, 86, 88, 89, 92, 99), димитрове съ перезвукомъ (С. № 66), госпони, господии, господнии, господини, гни, гнѣи (С. №№ 81, 96, 97, 99, 100 — 104, 106), даже господьнѣ (С. № 85) но юрьени, югинѣ (С. №№ 101, 102), ильии, нѣни (С. №№ 101, 102, 104); но хѣ, христовѣ (С. №№ 71, 101, 102), царскоу, соудѣноу (З.), кнежѣ (С. № 76), гнѣѣ (С. № 98), станѣ (С. № 96). И далѣе въ XV-мъ в. одно уже -ѣ, -ю: гноднию, -ѣ, гногии, гнѣ, господнѣ. гнѣ (С. №№ 107, 114, 120, 127, 133, 141, 144, 145; Г. Б), но ѡтвореніи (С. №№ 116, 151—154), малѣ (С. № 121), хрьсѣ, хрсѣ (С. №№ 136; Мл.), станѣ (№ 139). Если рядомъ съ ѡтвореніи стоитъ ѡтвореніемъ, то значитъ, что не сочинено съ мѣстнымъ; но по ѡбразѣ црьсиѣ (А. № 12) мы отнесемъ скорѣе къ дательному. Нынѣ прочія Славянскія нарѣчія не имѣютъ мѣстнаго п. въ неопредѣленномъ в.; но обыкновенно его опредѣленный видъ оканчиваютъ на *-мъ*, *т*, съ обыкновенными гласными, и только у Хорутанъ на *-іти*, какъ отчасти и у Сербовъ на *-ому*, *-ему*, гдѣ къ мѣстоименному окончанію придано еще существительное. Но у Сербовъ есть и *-ом*, *-ем*, даже *-оме*. Эта форма т. е., -омь, -емь, господствуетъ и въ его древней письменности; ѣ-у в этой формы не должно смѣшивать съ ѣ въ окончаніи -ѣмь, стянутомъ изъ -ѣимь. Послѣднее съ обычнымъ претвореніемъ гортанныхъ мы находимъ и у Д.-Сербовъ, какъ заимствованіе изъ Д.-Булгарскаго языка въ грамотахъ, наиболѣе подверженныхъ его вліянію; на пр.: свѣтѣмь, стѣмь (А. №№ 1, 3, 4, 5; В. № 2; С. №№ 71, 90, 176), дароканѣмь и страшьномь (А. № 1), вторѣмь (С. № 175), попоньсцѣмь и тутъ же игоуменьскомь, доуховномь (Ш. № VII), витѣьнѣмь, -ѣ (А. №№ 4, 9; ср. С. №№ 46, 176), но монастырскомь, минишкомь (А. № 4), црьскомь (С. № 46), ре- ресномѣмь, -ѣ (А. №№ 3, 4, 5, 12, 14; С. № 176), но нрѣкомь (А. №№ 3, 4), наречнѣмь, присоущнѣмь (С. № 176), богоьзлюбленнѣмь (С. № 35), црнѣмь (А. № 9), славнѣмь (А. № 10), страшнѣмь (А. № 13; С. № 175), землънѣмь (С. №№ 66, 97), но стомь (С. № 66), стольномь, светомь (С. № 97), влакѣсцѣмь (С. № 66), решѣ (С. № 68), славнѣ (С. № 90), гнѣмь, но страшномь недишлнѣмномь (Мл.). Однажды видимъ открытый признакъ полной формы: неврѣнимь вм. -ѣимь (А. № 17) и вѣрнѣмь вм. -ѣимь (А. № 8), а иногда перезвукъ ѣ въ е: єдитоиѣтатемь (А. № 11). Изъ №№ грамотъ видно, что эта форма была допущена въ церковно-дарственныя и въ весьма немногія другія, большею частію, въ общихъ мѣстахъ или обычныхъ выраженіяхъ. Но рядомъ съ нею сто-

ящая народная форма уже указываетъ на ея слабость, которая превратится въ совершенную безжизненность, отличающую заимствованіе, если присовокупимъ, что всѣ остальныя грамоты имѣютъ **-омь** или **-емь**. Ц.-Славянская форма **-имь** здѣсь переходитъ въ общую для мягкаго исхода **-емь**, на пр., **наи-наиближнемь, -ѣ** (С. №№ 73, 91, 111, 137), **вьстемь** (С. № 91), **послѣднемь** (А. № 20). **божии**, хотя и стягивается въ **божи**, однако въ движеніи постоянно еще удерживаетъ первое **и**, сокращающееся весьма часто въ **ь**: **божиѣ, -емь** (С. №№ 68, 145), **божьемь, -емь, -ѣ** и т. д. (С. №№ 114, 120, 127, 133, 141, 157); постоянно встрѣчающаяся форма **бѫдѫщемь, бѫдѫщемь, животворещемь, -щемь** и т. п. образовалась по народному, и мы никакъ не думаемъ, чтобы она была неопредѣленнымъ в. причастія Ц.-Славянскаго образованія, ибо существуетъ неизмѣнно во всѣхъ вѣкахъ и по большей части въ грамотахъ Западной семьи, въ которыхъ обыкновенно мѣстный п. оканчивается на **-омь, -емь**. Иногда встрѣчается перезвукъ **е** въ **и**: **бѫдѫщимь, боудоущимь** (С. №№ 76, 175), **ѵасимь и животворещимь** (С. № 92), **стопоѵивший** (С. № 111). Предлогъ **по** обнаруживаетъ здѣсь свое двойственное управленіе, сочетаясь въ старину и въ Восточной семьѣ съ дательнымъ п. тамъ, гдѣ позднѣе и въ Западной онъ сочетается съ мѣстнымъ. На пр.: **по црькокномоу оустакоу** (Ш. № VII), **по старомоу ꙁаконꙋ** (С. №№ 2, 19, 20), **по рекшюмоу** (С. № 176), **по гпо-щоумоу, по благосрьдомоу** (А. № 10), **по цр҃комꙋ ѡбраꙁꙋ** (С. № 46), **по неиꙁре-ченомꙋ** (С. № 49; ср. С. №№ 50, 62, 90, 91, 99, 111, 137; А. №№ 13, 15), **всемл҃тивномꙋ, -комꙋ** (С. № 50; ср. С. №№ 62, 90, 99, 111, 137), **по црькок-номоу ꙁаконоу** (З.), **по ѹставлению пѝанномꙋ** (А. № 14) мы принимаетъ за дательные пп., ибо эти памятники постоянно имѣютъ мѣстный на **-омь, -емь**, и для нихъ вовсе еще чужда позднѣйшая народная форма на. **-омꙋ, -емꙋ**. Въ нихъ же постоянно, какъ видно, **по** сочиняется съ дательнымъ п. въ первомъ значеніи, и только въ двухъ позднѣйшихъ Аѳонскихъ находимъ колебаніе: **по бесовьскӧ** (Г. Б), **по неиꙁреченомоу и по всемилостивномь** (Г. V). Но въ прочихъ грамотахъ **по** обыкновенно сочиняется съ мѣстнымъ на **-омь, -емь**, который, стоя рядомъ съ существительнымъ на **-ꙋ**, доказываетъ и въ этомъ послѣднемъ присутствіе этого падежа; на пр.: **по велѣмь дѣлꙋ** (С. № 89), **по рождьствꙋ божиѥ** (С. № 66), **по мꙋшкомь колѣнꙋ** (С. №№ 96, 98. 104, 107, 108, 112, 115, 126), **по реченѡ тестаментꙋ, — коморникꙋ, по поутенѡ ѡбычаю** (С. № 157), **по ньвеи хараѵꙋ** (С. № 168), **по реченомь иканꙋ** (С. № 172). Рѣдко и поздно находимъ **-омꙋ**: **по поутеномꙋ и мь витеꙁꙋ** (С. № 119), **по име-нованомꙋ** и тутъ же н. р. **-ѡ** (С. № 157). Эти два случая суть, безъ сомнѣнія, мѣстные пп.; и вотъ только когда началось дальнѣйшее движеніе языка, забывавшаго уже собственное значеніе мѣстоименной формы на **-мь** и принимавшаго это послѣднее за неподвижный исходъ, къ которому казалось уже возможнымъ прибавить падежной признакъ существительнаго **-ꙋ**.

Въ женскомъ р. признакомъ неопредѣленнаго в. служитъ **-ѣ** для твердаго исхода съ обычнымъ претвореніемъ гортанныхъ; для мягкаго не встрѣчаемъ. Нынѣ этотъ видъ уже не существуетъ: не мудрено, что и въ старину находимъ его очень рѣдко. Такъ какъ этотъ падежъ одинаковъ съ дательнымъ, то и нельзя различить ихъ съ предлогомъ **по**: можно только допускать по вѣроятности тотъ, или другой, основываясь на другихъ, нами изложенныхъ случаяхъ. Обращаюсь къ примѣрамъ: **по хльмьсцѣ ꙁемли** (С. № 2), **ꙋ срѣтенѣ** (С. № 14), **оу келицѣ** (С. № 176), **по нрав҃ѣ, ꙋ кр҃ѧвѣ ꙁемли** (С. № 43), **въ уистѣ** (С. № 50), **по царевѣ, оу царевѣ ꙁемли** (З.), **въ мльчѣ** (С. № 100), чрезъ перезвукъ

ѧ въ **и**: **ѧ**, **вь плни, плни, пльни** (С. №№ 96, 98, 107, 120), **но ѯаповѣди царскыи** (С. № 164), и **ѧ** въ **е**: **в плне, -е** (С. №№ 133, 145). Хотя это выраженіе постоянно списывалось изъ одной грамоты въ другую, однако можно допустить, что неопредѣленный в. въ то время еще существовалъ въ языкѣ и имѣлъ исходомъ, какъ и въ существительныхъ, -и, отвѣчающее Ц.-Слав. **-ѧ**. Къ этому же виду можно отнести форму **хилaндарскій** (А. № 15), показывающую, что писецъ не умѣлъ уже справиться съ нею и что вообще чистота Ц.-Славянскихъ формъ приходила у Сербовъ въ упадокъ, не смотря на сохранившееся мѣстами необыкновенно тонкое знаніе ихъ. Находимъ однажды неопредѣленный в. причастія настоящаго вр. въ выраженіи: **ѡ грѣшьници плющѧ** (А. № 1). Опредѣленный в. исходитъ нынѣ у Сербовъ на *-ой*, какъ и въ дательномъ п.: это по тому, что мягкость исхода остается въ немъ за согласною. Впрочемъ, сдѣсь скорѣе дѣло правописанія, а произношеніе обыкновенно не разъединяетъ согласной съ гласною. Но внутренняя разница состоитъ въ томъ, что у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ *е* мягкаго исхода звучитъ какъ *ё*, подобно Лужицкому *jo*, которое при мягкой согласной переходитъ естественно въ *о*: отъ того пишутъ *вруĥом*, *вруĥой*, *zadnjoj* и т. д., какъ Лужичане *doleńo* и т. п. Древніе Сербы равномѣрно писали **ои** и иногда для мягкаго исхода **еи**, чего нынѣ уже нѣтъ, ибо, какъ и въ дательномъ, *е* мягкое переходитъ въ *ё*, которое, передавая свою мягкость предшествующей согласной, естественно принимаетъ видъ *о*. Обыкновенно нынѣшнее правописаніе, кромѣ Русскаго, будетъ ли оно Славянское или Латинское, изображаетъ *ё* чрезъ *jo* или *ó*, *o* съ предшествующею мягкою согласною, что впрочемъ все равно, что *ё*, лишь бы внутреннее свойство звука было сохранено, и по тому при предшествующей гласной мягкость остается при *о* въ видѣ *j*. Нынѣ большинство Сербовъ пишетъ *божијом* или *божјом*. Но въ старину писали: **божиѥи, -ïеи, бжиѥи, -еи, -ии, бжиеи, -ѥи** (Ш. № VII; С. №№ 9, 24, 31, 52, 73, 84, 88, 90, 164, 176; А. № 3; С.-Д. М. 1844), или стянутое **бжїи** (С. № 51), потомъ позднѣе стали писать **бжїѡи, божиѡи, бжиѡи** (А. № 18; С. №№ 96 — 98) или стянутѣе **бжьѡи** (С. № 107). Не разъ встрѣчающаяся форма **божие, бжние, бжие** (Ш. № VII; А. № 4; С. № 67), какъ и въ мѣстоименіяхъ, указываетъ на стяженіе, послѣ чего возможна была и форма **бжи** (С. № 55). Но всѣ этѣ формы уже отличаются отъ Ц.-Славянской и говорятъ въ пользу народности. Впрочемъ, Ц.-Славянская форма сильно присутствовала въ церковно-дарственныхъ грамотахъ, хотя совмѣстное съ нею присутствіе и народной показывало, что писцамъ было все равно ставить ту или другую. Такъ мы читаемъ: **неисповѣдимыи и горскои** (Ш. № VII), **мьноѯаи, неизьмѣрьныи и стои** (А. № 1), **прѣ- стаи, -и, стѣи, стеи, стаи, -и, -и** (А. №№ 3—6, 10, 14, 16—18, 20; Мк.; С. №№ 175, 178), **срьбьскаи, груцки** (А. № 4) и **струмьской** (А. № 3), **скоиской** (А. № 4), **хвостьнской**, **пастырской** (А. № 6), **прутѣи**, **прѣблгвлнѣи**, **приснодѣви** (Мк.), **кѣлицкѣи** (А. № 8), **православнѣи**, но **стои** (А. № 10), **но вьселнѣи** (А. № 12), **вьсе- всехвалныи, -ѥи** (С. №№ 50, 62; А. № 13), **архистинѣкои** (А. № 14), **аѳонскаи**, но **бжиѡи** (А. № 18), **аѳонскѣи**, но **иградной** (А. № 17), **вѣтныи** (С. № 175), **аѳонскаи** (А. № 16), **блаженеи** (Г. V). И такъ обѣ формы присутствуютъ рядомъ одна съ другою. Въ прочихъ же грамотахъ, какъ Аѳонскихъ, такъ и вообще Восточной семьи, равно въ Западныхъ и Законникѣ, постоянно видимъ одну народную форму; даже въ богословіи **но васелнои, вьсвлкои** и т. д. (С. №№ 81, 85, 89, 95, 150; З. А.). Мягкій исходъ, какъ сказали мы, имѣлъ еще **-еи**, на пр.: **тугеи**,

-**ѥ**, гдѣ **ѥ** есть замѣнительное, (С. №№ 17, 43), ср. **тоужде** (З.); но въ причастіи уже -**оѩ**: **сто- стопоущимо** (С. №№ 90, 111).

Именительный п. мн. ч. муж. р. имѣетъ нынѣ въ Сербскомъ языкѣ окончаніе -*и* для обоихъ видовъ прилагательныхъ и причастій, а въ Ц.-Славянскомъ для прилагательныхъ неопредѣленнаго -**и**, опредѣленнаго -**ии**, и причастій дѣйствительнаго з. -**е** и -**ии**. Слѣдовательно, движеніе Д.-Сербскаго языка опредѣляется, съ одной стороны, удержаніемъ полной Д.-Булгарской формы, съ другой, измѣненіемъ особой причастной формы въ общую на -**и**. Стяженіе опредѣленнаго вида въ -**и**, тожественное съ неопредѣленнымъ, при обычномъ претвореніи гортанныхъ, началось въ древнѣйшую пору, уже въ XIII-мъ в., такъ что сдѣсь встрѣчаемъ оба вида исходящими на -**и** какъ для прилагательныхъ, такъ и для причастій, на пр., **доброхотѣщи**, -**тщи** (С. №№ 26, 27), **вьси, вси сти, сты** (С. №№ 2, 3, 4, 7, 14, 15, 19, 20, 26), **велици** (С. № 16), **угодии** (С. № 7), **господьствоующи** (Ш. № VII). Но въ последней, церковно-дарственной, гр-ѣ находимъ и Д.-Булгарскія формы: **оубоѕии, хотеще** (Ш. № VII) и въ С. № 20 **исходеще**. Въ выраженіи **протопопе дворске** (Ш. № VII) прилагательное наружно сочинено съ существительнымъ, измѣняющимся по женскому р., помимо его внутренняго значенія. Но уже въ этомъ вѣкѣ начинала показываться возможность не претворять гортанныхъ, какъ видно изъ формы **иръци ѡбьвиньсии** (С. № 16). Выраженіе **вьси сте вже** (С. № 12) замѣчательно своимъ окончаніемъ -**е**, которое еще встрѣчаемъ въ гр-ѣ С. № 16: **поморьсце**. Это окончаніе, хотя являющееся въ видѣ исключенія, имѣетъ, по нашему мнѣнію, отношеніе къ причастной формѣ неопредѣленнаго в., которая въ свою очередь имѣетъ ближайшее отношеніе къ -**е** (-*as*) именъ существительныхъ. Въ XIV-мъ в. церковно-дарственныя грамоты представляютъ чисто Д.-Булгарскія формы; но такъ какъ неопредѣленный в. исходилъ у Д.-Булгаръ на -**и**, то по этому невозможно узнать: есть ли форма на -**и** неопредѣленный в., общій для обоихъ языковъ, или опредѣленный Сербскій. Такъ на пр. **сьсоуди ѕлати и сребрьнии** (А. № 3) можетъ быть неопредѣленнымъ в., или опредѣленнымъ народнымъ, какъ и дѣйствительно находимъ въ другой грамотѣ **сьсоуди ѕлатии и сребрнии** (А. № 4): по этому движеніе языка на основаніи отношенія двухъ стихій опредѣлить трудно. Замѣтимъ однако, что формы -**ии**, -**е**, -**еи** встрѣчаются только сдѣсь. Примѣры: **блаженіи пребывающеи** (А № 2), **стли живи соуще** (А. № 3), **прѣжни ходившеи** (А. № 4), **мы грѣшныи и оумиленни раби** (Мк.), **прѣбоудимь алчоуще** (А. № 7), **ниже вьраѕоумлѥнимии и наоучаимии всн стыи, ѡци наши вьзненавидѣвше ѕемльнаго. понеуеипше вьселнвше. и слаѹ ѡставльше. начальствоующе, живоущеи** и пр. (С. № 176), **прьвиіи** (А. № 8), **ходившеи** (А. № 5), **бговѣрнии и бголюбивии цріе** (С. № 35), **прьвыи** (А. № 9), **вѣчни бгоѕрачниіи, прѣжнии и бгоносни ѡбци стии, нѣшнии ѡци** (А. № 10), **вѣчни бгоѕрачиіи, стіии ѡбаіють** (В. № 1), **агглы прѣдьстоеще, вьси праведнiи и вьси стыи оугодивши. вьси ѕемльніи приналюще и приносеще** (Г. А), **живѣшеи** (В. № 2), **прочіи, властельціи, велицiи, малiи, царьсцiи. вѣкы** (**вѣн**, большинство) и пр. (З.). И такъ только въ этѣхъ грамотахъ да въ Законникѣ существуетъ Ц.-Славянская форма, но за то сдѣсь она сильна, такъ что стоящая рядомъ съ нею народная опредѣленнаго в. на -**и**, какъ предполагать должно по смыслу, на пр., въ гр-ѣ С. № 35, почти совершенно ничего не значитъ по своей малочисленности. Правда, есть много случаевъ на -**и**, но, судя по употребленію, должно скорѣе считать ихъ неопредѣленнымъ в. Знакъ ̑ представляетъ сдѣсь скрытое присутствіе втораго **и**, какъ на пр. **стiии**. Сюда отнести должно **прьвии** (С. № 53). Рѣзко отдѣляются отъ нихъ всѣ прочія

собственно-Сербскія и Западныя грамоты, не представляющія ни разу Ц.-Славянской формы. Впрочемъ и въ предыдущихъ замѣтно нѣкоторое ослабленіе ея, какъ видно изъ слѣдующихъ случаевъ: **многоцѣнныи и дарованыим дары** (А. № 10), гдѣ уподобленіе женскому р. съ носовымъ звукомъ, либо перезвукъ **и** въ **и**, и тутъ же **притекоуюшїи; соущии люи** (А. № 6) и стянутое совершенно по народному **нитоуши** (А. № 7). Опять въ этомъ вѣкѣ въ Западной гр-ѣ находимъ форму на **-е: трьговци савлядие** (С. № 82). Въ XV-мъ в. въ Восточной семьѣ Ц.-Славянская форма не ослабѣваетъ: это видно изъ того, что къ церковно-дарственнымъ грамотамъ присоединяются еще и другія собственно-Сербскія; на пр.: **дубровьчаши** (С. № 91), **бѣїи, боещиїся, ходещии** (А. № 17), **послѣдоующеи, ми пришающе** (С. № 175), **благородніи**, но **почтении властели и добри наши приятеліе** (С. № 111), **тьмніи** (А. № 16), **сияніи** (С.-Д. М. 1844), **пріидоше почтеніи властеле и добри пріятеліе, благородныи властеле** (С. № 137), **почтеніи властеле и добріи приятеліе** (С. № 138), **аггли предъстоещи, праведныи, вси стыи оугодницы, земльніи, прѣжныи** (Г. Б), **троуждающеися и обремененныи, чистіи** (Мл.), **стіи** (С. № 178). Сюда же отнести должно форму на **-и** или **-й** въ гр-хъ А. №№ 18, 19, С. № 146 и **-й** въ гр-ѣ Мл.: **да соу сабрьшенний работници црковнй**. Но и въ этомъ вѣкѣ продолжается колебаніе: **владоущіи** (С. № 90), **соущіи** (А. № 16), **боудоущіи ви. -ви** (Г. V). Вообще въ этѣхъ грамотахъ Ц.-Славянская форма сильно преобладаетъ; но какъ скоро переходимъ въ Западную семью, форма эта исчезаетъ совершенно и, кромѣ двухъ случаевъ: **реченни натражье** (С. № 96) и **почтенни властеле** (С. № 144), не попадается. Сдѣсь всюду безъ различія видовъ **-и**; на пр.: **посли дубровачини, ми хоте харни бити** (С. № 86) и т. п. Укажу на **онеи речене шесть сьть перперь** (С. № 107), **педесеть жуцань ековане** (С. № 130). Въ выраженіяхъ **вельможе босаньске** (С. № 89), **добре вельможе** (С. № 150), **праве слуге** (С. № 155) прилагательное сочинено по виду съ существительнымъ; ср. **речени судье** (С. № 89), **добри вельможе** (С. № 136). При нѣсколькихъ именахъ различнаго рода встрѣчаемъ тоже форму на **-е: за сию лисаць и заслоне нимотица и трьновищь оре ие виже писане**, но **а ти речени лисаць нимотица и трьновица есть....** (С. № 89), **пъзнравнсьмо все и всакое поевле листе записе добре законе и слободьщине. . . . да имь се тврьде ирнике и неворочьме пате да се тврьде и становите** (С. № 92). Тамъ, гдѣ **и** пишется какъ **ѣ**, находимъ **дижнѣ** (С. № 83), **дубровачѣ** (С. № 108); однажды безъ претворенія: **дубровачки** (С. № 164). И такъ Д.-Сербскій языкъ представляетъ двѣ формы опредѣленнаго вида прилагательныхъ **-и** и **-ии**, изъ коихъ вторая держалась въ Восточной семьѣ подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, тамъ же, гдѣ и форма причастій **-е** и **-ен**, переходившая подъ вліяніемъ народности въ **-ии** и **-и**. Народная форма для тѣхъ и другихъ въ обоихъ видахъ есть **-и**, употребляемая въ большей части грамотъ и почти безысключительно въ Западной семьѣ. Претвореніе гортанныхъ совершается постоянно. Форма на **-е**, хотя не болѣе, какъ исключеніе, показываетъ однако попытку уподобить образованіе прилагательныхъ образованію существительныхъ.

Именительный и винительный пп. мн. ч. средн. р. имѣютъ одинъ и тотъ же исходъ *-а* для обоихъ видовъ. Ц.-Славянскій языкъ только отличаетъ виды, изводя неопредѣленный на **-а**, опредѣленный на **-аа**. Движеніе замѣтно въ удержаніи полной формы **-ая** или, по иному правописанію, **-ая, -аа**, на ряду съ стянутою **-а**. Первая форма попадается, большею частію, въ церковно-дарственныхъ грамотахъ и вообще въ Восточной семьѣ, равно въ нѣкоторыхъ грамо-

тахъ Западной семьи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ писецъ желалъ приблизиться къ Ц.-Славянскому языку. Въ XII-мъ в. различная съ перезвукомъ ꙗ въ ѧ (А. № 1). Въ XIII-мъ в. слово сїи, по своему значенію, не рѣдко является въ Ц.-Славянской формѣ, на пр., сїи, -ѧ (С. №№ 3, 26); но уже въ этомъ вѣкѣ находимъ сїа, сїа (С. №№ 12, 14). XIV-й и XV-й вв. въ собственно-Сербскихъ грамотахъ и преимущественно Аѳонскихъ обилуетъ Ц.-Славянскою формою; на пр.: пустынная, многая (А. № 2), послѣдняя (А. № 6), святительскаѧ (С. № 46), главная (А. № 3), вѣрная, -ая (А. №№ 18, 19) и пр. Таковы гр-ы А. №№ 2—12, 16, 18—20; Мк.; С. №№ 35, 51, 52, 175, 176, 178; Г. А, Б, V; В. № 2; С.-Д. М. 1844; Ю., въ коихъ господствуетъ эта форма. Но и въ нихъ встрѣчаемъ подобныя выраженія: видѣ [illegible] и оутвържена (А. № 3), откуда оно же перешло въ гр-у А. № 4; [illegible] и немѣнения (С. № 176) и то же въ гр-ѣ А. № 9; [illegible] вса [illegible] видимых же и невидимыя (С. № 35), процая села [illegible] (А. № 10). Значки ˆ ˙ ˜ надъ а показываютъ, что въ немъ не должно искать неопредѣленнаго в., но что опредѣленная форма стянулась въ одинъ звукъ по свойству народной рѣчи и что, слѣдовательно, народность и сдѣсь имѣла частицу своего вліянія. Укажу, кромѣ вышеприведенныхъ, на дѣла тѣмнѣ, [illegible] житїа (Мл.), послѣди (С. № 178). Рѣшить въ другихъ случаяхъ свойство формы на -а невозможно; но довольно уже и того, что полная открыто существуетъ въ упомянутыхъ грамотахъ. Д.-Сербскій языкъ, при малѣйшемъ склоненіи къ Ц.-Славянскому, уже ставитъ полную форму послѣдняго; обильное ея присутствіе сдѣсь показываетъ, что и въ другихъ памятникахъ, гдѣ виды отожествились, не должно предполагать одинъ только неопредѣленный в., но во многихъ случаяхъ и опредѣленный, что будетъ уже свидѣтельствовать въ пользу народности. Прочія гр-ы собственной Сербіи иногда прибѣгаютъ къ Ц.-Славянской формѣ, на пр., сїаѧ (С. №№ 46, 53), за- писаниѧ (С. №№ 62, 137), какъ и Западныя въ мѣстахъ, подлаженныхъ къ Ц.-Славянской рѣчи, на пр., падшаясе, разоришася (С. №№ 66), недостатьчная (С. № 68), добрая (С. № 86), сиротина (С. № 114), хотѣнья зала (С. №№ 114, 144). Законникъ пишетъ сїя црьковна и словеса потворна. Но небольшое количество этихъ случаевъ не отнимаетъ первенства у народной формы на -а. Легкость, съ какою Д.-Сербскій языкъ допускалъ ту и другую формы, показываетъ, что небольшая звуковая разница между ними не казалась ему столь важною, чтобы строго ограничить ее извѣстными памятниками. Такъ гр-а А. № 17 имѣетъ одну народную форму: сиѣ [illegible] села, сїа [illegible] и оутврьжена. При нѣсколькихъ существительныхъ сказуемое ставится иногда въ среднемъ р., на пр.: потврьжено всакое записе и повеле—да буду тврьда и крѣпка [illegible] и непоколѣбима (С. № 144).

Въ женскомъ р. общимъ для всѣхъ исходовъ окончаніемъ служитъ нынѣ -е, означающее, что первоначальнымъ образователемъ для женскаго р. былъ принятъ носовой звукъ, который и отразился въ Ц.-Славянскомъ -ы, -ѧ для неопредѣленнаго в. и -ыѧ, -ѧѧ для опредѣленнаго. Д.-Сербскій языкъ обратилъ оба вида въ общее -е, но для втораго, когда хотѣлъ удержать за нимъ Ц.-Славянскую форму, образовалъ -ие, подчинивъ ему и причастія. Послѣдняя форма существуетъ только въ немногихъ церковно-дарственныхъ грамотахъ, какъ-то: стыи, властельскии (А. № 7), похвалнии (С. № 35), иныи стїхїе (А. № 16), индѣ въ Законникѣ: црькви царьскыѥ, и въ богословіи Западныхъ гр-ъ: погибьшие овьце (С. № 81), перешедшее въ гр-у С. № 95; но и не-

гиньые оцѣмо (С. № 85), перешедшее въ гр-у З. А. Въ другихъ же памятникахъ одно -е, на пр.: ѕнимо наше (Ш. № VII), планинь(е) црьковне, властельске (З.), остале пиве (С. № 108, ср. С. №№ 112, 115, 126) и пр. Въ гр-ѣ С. № 74 находимъ сочиненіе сказуемаго съ числительнымъ вмѣсто существительнаго: дванадесяте тисѣѣ дукатъ кое сѫ постаклние.

Звательный п. мн. ч. для всѣхъ родовъ подобенъ именительному. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ только драги приятелье (С. № 135), вм. дрaѕи, и особенное употребленіе родительнаго п., заимствованное изъ Ц.-Славянскаго языка: о исповѣдимыхь, -мых чудесь (Г. А, Б).

Винительный п. мн. ч. муж. и жен. р. имѣетъ нынѣ общую для обоихъ видовъ форму -е, отвѣчающую праязычному носовому отзвуку, выразившемуся въ Ц.-Славянской формѣ неопредѣленнаго в. -ы, -ѧ и опредѣленнаго -ыѩ, -ѩѩ. Движеніе Д.-Сербскаго книжнаго языка замѣтно, во первыхъ, въ переглсовкѣ Ц.-Славянской формы -ыѩ въ -ие или -ыѥ, -ѩѩ въ -ее и, во вторыхъ, въ стяженіи обѣихъ этѣхъ формъ въ -е. Для прилагательныхъ находимъ только -ие, -ые и -е; -ее для мягкаго исхода не встрѣчается; для причастій -ее и -е. Первыя формы, въ XII-мъ в., являются въ одной Аѳонской гр-ѣ: дроугие, могныые — прямой переводъ Ц.-Слав. -ыѩ, -ѩѩ, но тутъ же народная манастирьске (А. № 1). Въ XIII-мъ в. одно -е, на пр., и сте угодные (С. №№ 3, 14, 19, 20, 21, 26, 27). XIV-й в., обильный церковно-дарственными грамотами восточной Сербіи и вообще собственно-Сербскими памятниками, представляетъ наибольшее количество Ц.-Славянскихъ формъ. Аѳонскія гр-ы А. №№ 2—6, 11, 13, Г. А, Дечанская С. № 176, Ерусалимская С. № 35, Раваницкая В. № 2 употребляютъ большею частію Ц.-Славянскую форму, какъ на пр.: стые, приложившие, слоужающиесе (А. № 2), сырьдечные, створившие (А. № 6) и пр., хотя и въ нихъ опредѣленный в. уже стягивается въ -е, на пр.: монастырске (А. № 4), ср. монастирские (А. № 5), кьноутрьноутиешие (А. № 10) и пр. Нельзя съ достовѣрностію рѣшить, неопредѣленный ли это видъ, или опредѣленный, но, судя по свойству окончаній, должно скорѣе видѣть здѣсь стяженіе опредѣленнаго в. и, слѣдовательно, дальнѣйшее движеніе въ пользу народности; ибо первоначальное движеніе состояло въ перезвукѣ носовыхъ ѫ и ѧ въ е, начавшемся уже въ первыхъ памятникахъ XII-го в. и исключившемъ всякое движеніе. Этотъ перезвукъ есть общій и основный признакъ дѣйствія народной стихіи, и по тому въ формѣ неопредѣленнаго в., кромѣ этого перезвука, никакого другаго движенія не находится. Но опредѣленный в., кромѣ этого перезвука, представляетъ еще движеніе въ стяженіи полной Ц.-Славянской формы въ кратчайшую народную, и это-то предстоитъ намъ прослѣдить въ Д.-Сербской письменности. Но такъ какъ стяженіе приводитъ къ тожеству обоихъ видовъ, то надо быть слишкомъ осторожну, чтобы не смѣшать одного вида съ другимъ и не принять неопредѣленный в. за движеніе опредѣленнаго. Такъ на пр. въ выраженіи въ дворы тые, тие (А. №№ 4, 5) послѣднее прилагательное мы должны скорѣе назвать неопредѣленнымъ в. отъ тъ и допустить здѣсь только общій исконной перезвукъ носовыхъ, также какъ на пр. въ выраженіи: бесплътные сили дръсающе сьтворше прѣстояще ѕакрилающе и наслаждающе (С. № 35). Какъ бы то ни было, но всѣ формы на -е въ этѣхъ грамотахъ нельзя принимать за неопредѣленный в., но индѣ и за опредѣленный въ народной одеждѣ. На это намекаютъ подобныя двоякія выраженія: ѕлонравние и ѕломысльные члвкы (С. № 176), а также и огромное количество перезвукованныхъ формъ опредѣленнаго в., которыя вдругъ исчезаютъ въ дру-

гихъ памятникахъ: явно, что чрезъ стяженіе онѣ отожествляются съ неопредѣленнымъ в. Изъ другихъ памятниковъ весьма немногіе имѣютъ Ц.-Славянскую полную форму, какъ на пр. С. № 39: **писанни**, С. №№ 50, 62: **стии**, З.: **доуховьные**, **келіе**, **баштинные**, **селские**. Западная семья въ этомъ вѣкѣ представляетъ одну форму на -**е**. Въ XV-мъ в. изъ церковно-дарственныхъ грамотъ Восточной семьи рѣдкія выставляютъ перезвукованную Ц.-Славянскую форму, каковы Ю., Г. Б, Мл., къ которымъ должно отнести и Турецкій списокъ съ гр-ы Дечанскаго, С. № 37. Изъ Западныхъ только слѣдующія: С. № 97: **приносити почтени и многоцѣньние дари**, С. №№ 103, 136: **свии властелние**, -**еские**, заимствовавшія это выраженіе изъ гр-ы С. № 37; также выраженія **стие родителие**, **дари многие** (С. № 103), **дари многие**, но уже **свете родителе** (С. № 136) заимствованы ими изъ грамотъ Восточной семьи. Этѣ же и постоянно всѣ прочія грамоты имѣютъ -**е**.

Родительный п. мн. ч. для всѣхъ родовъ имѣетъ нынѣ -*и*—окончаніе опредѣленнаго в., отвѣчающее Ц.-Слав. -**ыихъ**, -**иихъ**, гдѣ, подобно именительному п. ед. ч., **ыи**, **ии** есть протянутое усиленіе конечной полугласной, ибо послѣдовательность требовала бы -**ыхъ**, -**ихъ** (**ъ+ихъ**, **ь+ихъ**), какъ во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ Ц.-Славянскомъ же -**ыхъ** является уже позднѣе, не какъ плодъ первоначальнаго образованія, но какъ слѣдствіе дальнѣйшаго стяженія звуковъ. Вытяженіе голоса выразились отчасти въ другой Сербской формѣ -*иe*; и такъ какъ это было именно вытяженіемъ, а не коренною образовательною формою, то голосу и можно было перейти въ -*ие*, которое въ древности, какъ сейчасъ увидимъ, звучало просто какъ -**ихъ**, какъ и нынѣ звучитъ въ Дубровникѣ, гдѣ *х* нѣсколько слышится на концѣ формы. Д.-Сербскій языкъ отказался отъ Ц.-Славянскаго неопредѣленнаго в. на -**ъ**, -**ь**, который, вѣроятно, уже рѣзко отличался отъ народнаго, по крайней мѣрѣ, рѣзче, чѣмъ другія формы, удержанныя изъ Ц.-Славянскаго языка. По этому мы всюду находимъ -**ыхь**, -**ихь** для обоихъ видовъ. Движеніе выразилось въ отношеніи этой послѣдней формы къ полной -**ыихь**, -**иихь**, заимствованной изъ Ц.-Славянскаго опредѣленнаго в., и къ народной -**ехь**, -**иехь**, -**eхь**. И такъ о первомъ. Упомянутая Ц.-Славянская форма казалась писцамъ столь близкою къ народной, что они подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ ея стихія перемѣшивали ее съ народною и обѣимъ давали равномѣрное употребленіе. Они менѣе строго, чѣмъ въ другихъ падежахъ, смотрѣли на ихъ различіе и произвольно смѣняли одну другою. Я говорю это о церковно-дарственныхъ грамотахъ; въ прочихъ почти исключительно употребляется народная. Но дѣйствительно ли и всюду ли это была народная форма? Положимъ, что въ Западныхъ гр-хъ народность осиливала; но въ церковно-дарственныхъ чѣмъ объяснить, что совершенно подобныя грамоты однѣ имѣютъ, другія не имѣютъ полной Ц.-Славянской формы, а иныя буквально мѣшаютъ ихъ, какъ будто между ними не было никакой разницы? Въ другихъ формахъ мы видимъ болѣе рѣзкое отличіе. Это объясняется тѣмъ, что самая Ц.-Славянская стихія вліяла на Сербскую письменность въ ту пору своего бытія, когда она сама уже подвергалась дѣйствію времени и посторонниxъ народностей, когда въ ней древнѣйшія формы уступали мѣсто позднѣйшимъ: по этому -**ыхь**, -**ихь** была такая же Ц.-Славянская форма, какъ и -**ыихь**, -**иихь**. Съ чего начали прочія Славянскія нарѣчія, до того дошелъ Д.-Булгарскій языкъ чрезъ стяженіе, произведшее опять простѣйшія формы **ъ+ихъ**, **ь+ихъ**. Въ XII-мъ в. Аѳонская гр-а Немани имѣетъ -**ихь**, **манастирьскихь**, и даже подчиняетъ этому окончанію притяжательное **жупань**,

подобно **ихь** (А. И.), изводя его на **-ихъ**: **жителихъ**, что въ Д.-Булгарскомъ языкѣ едва ли было возможно; скорѣе бы слѣдовало ожидать **жителѣхъ**. Въ XIII-мъ в. одна собственно-Сербская грамота употребила **тревоунѣнскихъ** (С. № 2). Въ XIV-мъ и XV-мъ церковно-дарственныя гр-ы, какъ-то: А. NN№ 2—5, 8, 10—12, 16—20; Г. А, Б; В. NN№ 1, 2; С. NN№ 51, 175, 178; С.-Д. М. 1844; Мл., равномѣрно употребляютъ ту и другую, на пр.: **стыи** и **стыихъ** (А. № 3, ср. А. № 4), **настоящихъ** и **хотещи** (А. № 4), **угодьшии** и **-ши** (А. NN№ 3, 5), **србскыи** и **поморскыи** и **срьбскыи** и **поморскыи** (А. № 3, ср. А. № 8), **доубровьчкыих** и **-ыхъ** (Г. А) и пр.; но и между ними есть нѣкоторыя, какъ на пр., Ш. № VII; А. NN№ 6, 7, 9; Мк.; С. NN№ 35, 51, 176; Ю., употребляющія одну народную. На оборотъ, есть другія собственно-Сербскія грамоты, ставящія мѣстами, хотя весьма рѣдко, Ц.-Славянскую форму. Такъ: **вишнии**, **прѣжнии** (С. № 62), **вишніи** (С. № 111), **дубровьчкыи**, **вышніихъ**, **србьскыи**, **прьвіи** (С. № 137). Къ нимъ присоединяется и Законникъ: **знаемыихъ**, **малiихъ**, **великыихъ**, **прѣговарныихъ**, **прьвiихъ**. Ничтожное количество этихъ случаевъ не имѣетъ никакого значенія въ сравненіи съ множествомъ формъ на **-ихъ**, **-ыхъ** и показываетъ только, что Ц.-Славянская форма допускалась въ однѣ церковно-дарственныя грамоты наровнѣ съ народною; въ прочихъ же памятникахъ Восточной и Западной семьи господствовала послѣдняя. Но на ряду съ **-ихъ** стоитъ **-ѣхъ** или **-іехъ**, и странно: начало этой формы обозначается въ Восточной семьѣ и даже самыхъ Аѳонскихъ гр-хъ. Быть можетъ, сдѣсь сильнѣе ощущалась потребность въ протяженіи голоса въ **-ихъ**, которое по народному и усиливалось въ **-ѣхъ**. Первый зародышъ видимъ еще въ XIII-мъ в. въ С. № 16, Ш. № XVI: **прѣписаніехъ** рядомъ съ **прѣписаніихъ**. Потомъ въ XIV-мъ в. форма эта показывается невзначай въ гр-хъ А. № 5: **краліехъ** и А. № 10: **ротѣнихъ**, **констицѣхъ**. Послѣднее слово замѣчательно тѣмъ, что сдѣсь **ск** смягчилось передъ **ѣ** въ **сц**; ибо правильная форма была бы **конетьсцѣхъ**. Это обстоятельство, равно и частое въ послѣдствіи написаніе **ѣ** какъ **ие** показываетъ, что вышеприведенная форма на **-ѣхъ** и подобныя ей **свободніехъ** (А. № 17), **поттеи** (С. № 147) имѣютъ только особое написаніе вм. **-ѣхъ** и что сдѣсь **е** не есть простой перезвукъ **и**, а замѣна усиливающаго **ѣ**; возможно же было оно сдѣсь по тому, что при плавной звучало нѣсколько мягко и уподоблялось по звуку б-ѣ **ѣ**; да и самое **ѣ** въ восточной Сербіи звучало какъ **е**. Смягченіе гортанной указываетъ на внутреннее звуковое измѣненіе, произшедшее въ **и** и бывшее причиною перехода его въ совершенно мягкій и смягчающій звукъ **ѣ**. Смягченіе и переходъ **и** въ **ѣ** стоятъ во взаимной связи, и если въ послѣдствіи видимъ смягченіе при **-ихъ**, то это показываетъ, что внутреннее движеніе звуковъ уже произвело свое дѣйствіе; на **-ихъ** и **-ѣхъ** смотрѣли уже какъ на одинъ и тотъ же исходъ, забывъ, что **ск** не иначе сочеталось, какъ съ **-ыхъ** (ъ+ихъ), и что по тому не было повода къ его смягченію при твердой полугласной. Движеніе выразилось въ забвеніи первоначальнаго звука **ы** и обращеніи его въ **и**, при чемъ и смягченіе оказалось уже возможнымъ. При **ѣ**, какъ на пр. въ мѣстномъ п., претвореніе существовало всегда. И такъ одни писали: **срьбсцѣхъ**, **срьбьсціехъ** (С. NN№ 71, 173), **доубровачцѣхъ**, **дубровьчцѣхъ**, **дубровачьцѣхъ**, **-цѣхъ**, **-ѣхъ**, **-іехъ**, **-ие**, **-ие**, **-ехъ**, **-чьціехъ** (С. NN№ 91, 98, 105, 114, 117, 119, 122—128, 134, 144, 155, 157—159, 164), **угрьсцѣхъ**, **турсцѣхъ** (С. NN№ 98, 107), **босьньсцѣхъ** (С. № 98); другіе: **дубровчцихъ**, **дубровачьцихъ**, **-цихъ**, **-й**, **-ніь** (С. NN№ 83, 95, 96, 103, 104, 107, 112, 139, 141, 150—152, 154, 156, 161—163, 169, 170, 171), **угрецихъ**, **турсцихъ** (С. № 96), **угрьсцихъ** (С. № 107), **босаньсцихъ** (С. №

154); третьи же не смягчали передъ ѣ, какъ на пр. именскѣхъ (С. № 78). Правда, въ послѣднемъ ѣ могло быть написано за и, какъ мы это видѣли въ звукоученіи, а передъ и не всегда наблюдалось претвореніе; однако не во всѣхъ грамотахъ -ѣхъ стоитъ вмѣсто -ихъ по одному лишь правописанію: это опровerглось бы написаніемъ -иехъ. Наконецъ, четвертые пишутъ -ениxъ, разумѣя здѣсь и законнымъ замѣстникомъ Ц.-Слав. ы: дубровачкихъ, -ѝ, дубровчкѝ (С. №№ 81, 117, 131, 165), восмьскихъ (С. № 153). Послѣдніе два примѣра я ограничилъ Западною семьею, чтобы показать, что и здѣсь общее образованіе не было забыто. Про Восточную нечего и говорить: здѣсь, кромѣ приведенныхъ немногихъ случаевъ изъ XIV-го в. и еще слѣдующихъ изъ XIV-го и XV-го: келіѣхъ, млаѣхъ (С. № 70), девяіѣхъ (Мл.), форма на -ѣхъ болѣе и не встрѣчается, а постоянно вмѣсто нея мы видимъ -ихъ. Напротивъ Западныя съ конца XIV-го в. вдругъ во множествѣ принимаютъ форму -ѣхъ, не забывая однако и -ихъ. Начавшись весьма рано, первая существовала слабо, едва замѣтно въ XIII-мъ и XIV-мъ вв., пока въ концѣ послѣдняго вѣка не показались Западныя грамоты: тогда она быстро распространилась въ нихъ. Но что и вторая имѣла себѣ мѣсто, это всего лучше можно видѣть изъ сравненія №№ приведенныхъ грамотъ, къ которымъ присоединимъ еще слѣдующія: драгиѣхъ и драгиихъ (С. № 77), почтениѣхъ и рѣчениихъ (С. № 97), свтѣхъ и свтихъ (С. № 127), почтенѣ и посланѣ (С. № 147), светиехъ и светѝ (С. № 37). Одна и та же грамота употребляетъ ту и другую формы. Еще чаще одно и то же слово встрѣчается въ двухъ видахъ въ различныхъ памятникахъ, какъ на пр.: прьвихъ, -ы̆, -ѝ (С. №№ 68, 81, 85, 95, 99, 103, 118, 136, 140, 150) и прьвѣхъ, -иехъ, -иехъ (С. №№ 100, 107, 120, 129, 133), златѣхъ, -ехъ, -иехъ, -ѣ̆ (С. №№ 87, 106, 112, 119, 123, 124, 127, 128, 134, 155, 157, 158, 163) и златихъ, -ѝ (С. №№ 74, 107, 139, 158, 168), божиехъ, божиехъ, -ѣ̆ (С. №№ 101, 142, 143), божихъ, божихъ, -ѝ (С. №№ 100, 102, 114, 120, 127, 132, 133, 140, 144, 145), рѣчениихъ, -ѝ, -ениихъ и т. д. (С. №№ 84, 89, 96, 97, 105, 112, 127, 140, 141, 145, 170), рѣченѣхъ, -иехъ. -нѣ̆, рѣ̑нѣ̆ и т. д. (С. №№ 98, 107, 108, 115, 117, 120, 126, 128, 133, 142, 159), злѣхъ (С. №№ 98, 114), злихъ (С. № 107) и пр. Нѣкоторыя Западныя грамоты пишутъ -ехъ, -ехъ: златехъ (С. №№ 123, 155), свѣ̆ (С. № 126), земановѣ̆, писанѣ̆, угарьсцехъ (С. № 130), врьховнехъ, изъбранехъ. светехъ и тутъ же светѣхъ, именованиехъ, рѣ̑чиехъ (С. № 133), дубровачцехъ (С. № 155). Смягченіе простирается и на г: дражѝ (С. № 154). Сдѣлаю общій обзоръ Западныхъ грамотъ: С. №№ 76, 81, 83 — 85, 88, 89, 93, 95, 96, 102, 104, 113, 118, 131, 136, 139—141, 145, 146, 148, 150 — 154, 156, 161, 162, 165, 166, 168, 169, 170, 171, 179; З. А. употребляютъ одну только форму -ихъ; С. №№ 86, 87, 98, 101, 106, 115, 120, 122, 123 — 126, 128, 130, 133, 134, 143, 155, 157, 159, 164, 173 употребляютъ одну -ѣхъ, -иехъ, -ехъ. -ехъ; С. №№ 37, 77, 78, 97, 100, 103, 105, 107, 112, 114, 117, 119, 121, 127, 129, 132, 142, 144, 158, 163 употребляютъ ту и другую. Такое сильное участіе формы -ѣхъ въ Западной семьѣ объясняется нынѣшнимъ Дубровницкимъ произношеніемъ, въ которомъ тоже слышится *-ѣх*: отсюда видно, почему такъ рано находимъ эту форму въ Дубровницкой гр-ѣ С. № 16. Но она не принадлежитъ исключительно Западной Сербіи; она сходится съ нынѣшнею -ме и древнею -ѣхъ восточной Сербіи. Признаки опущенія х едва только начинаютъ показываться, а именно въ позднѣйшее время находимъ: врьховни (С. № 142), вишеименовани (С № 163). И такъ Ц.-Славянская полная форма держится преимущественно въ церковно-дарственныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв.

форма на **-ѣхь**, **-ѣхь** усиливается въ Западной семьѣ съ конца XIV-го в., и рядомъ съ тою и другою, начиная съ грамоты Немани, XII-го в., пребываетъ **-ихь**, превосходя ту и другую своимъ количествомъ и удерживая за собою право господства во всѣхъ семьяхъ и вѣкахъ. Подобныя явленія и съ такими же отношеніями мы видѣли въ творительномъ п. ед. ч. муж. и средн. р. и увидимъ въ слѣдующихъ падежахъ мн. ч., къ которымъ одинаково примѣняются сейчасъ высказанныя замѣчанія.

Дательный п. мн. ч. для всѣхъ родовъ имѣетъ нынѣ общую форму *-им* или съ озвукотвореніемъ *-има*, переходящую въ *-ием*. Въ Дубровникѣ слышится *-њм*. Въ Ц.-Славянскомъ ей отвѣчаетъ **-ымъ**, **-имъ**. Д.-Сербскій языкъ для всѣхъ семей и вѣковъ представляетъ общую форму **-имь**, сопровождаемую двумя другими, Ц.-Славянскою **-ыимь**, **-иимь** и народною **-ѣмь**. Первая встрѣчается только въ церковно-дарственныхъ грамотахъ подъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, каковы: А. NN№ 4, 6, 8 — 12, 16, 18; В. NN№ 1, 2; Г. А, Б; С. № 175; Мл.; къ нимъ присоединить должно и Законникъ. Но и здѣсь она не является исключительно господствующею, и рядомъ съ нею постоянно видимъ народную. Такъ на пр.: **стыимь**, **хотещиимь** и т. д. и **рекшиимь** (А. № 4), **вьсьмилостиваимь и свѣтоносниимь** (А. № 6), **добриимь** и **великыимь** (А. № 9), **пріемлющиимь и живоущиимь** (А. № 11), **великіимь** и **малимь** (З.) и пр. и пр. Значекъ ˇ заставляетъ предполагать полную Ц.-Славянскую форму въ **прі-носещиимь**, **рекшиимь** (А. № 5), **живоущиимь**, **самодрьжавниимь**, ср. тутъ же **рек-шиимь** (А. № 10), **стиимь** (С. № 175). Съ другой стороны, присутствіе въ подобныхъ этимъ церковно-дарственныхъ грамотахъ единственной формы **-имь** показываетъ всю слабость предыдущей. Не говорю уже о другихъ Восточныхъ грамотахъ, гдѣ постоянно существуетъ форма **-имь** безъ смягченія гортанныхъ, и кое-гдѣ проглядываетъ **-ѣмь** со смягченіемъ, какъ сейчасъ увидимъ. Еще въ XII-мъ в. въ гр-ѣ Немани находимъ форму на **-ѣмь**: **властелемь**, вм. **-ѣмь**, (А. № 1); потомъ встрѣчается она въ XIII-мъ в.: **дѣдинѣмь**, **отчинѣмь** (С. № 7), **велицѣмь** (С. № 24). Послѣдняя указываетъ на претвореніе гортанныхъ, что подтверждаютъ въ XIV-мъ в. формы **дрѫзѣмь** (С. № 45) и **дразѣмь** (С. № 56). Присоединимъ къ нимъ еще **светѣмь** (С. № 35). И такъ форма эта началась въ Восточной семьѣ, но развитіе ея принадлежитъ Западной. Здѣсь съ самымъ появленіемъ грамотъ этой послѣдней находимъ ее все чаще и чаще: **срьбинемь** (С. № 67), **дубровачьцѣмь** и тутъ же **-цѣмь** (С. № 78), **западьнѣмь** (С. № 83). Впрочемъ, кромѣ приведенныхъ примѣровъ, въ трехъ разсмотрѣнныхъ вѣкахъ обычная форма есть **-имь**, передъ которою гортанныя не смягчаются, на пр.: **доу- дубровьчькимь**, **-чкимь**, **-чскимь**, **дубровчскимь**, **-ѣкий**, **-вачкимь** (С. NN№ 4, 6, 15, 21, 23, 24, 27, 28, 36, 38, 39, 42, 45, 49, 53—56, 63, 64, 70, 72). Однако передъ **-имь**, утратившимъ уже твердость, въ XIV-мъ в. начинаетъ показываться и смягченіе въ Западныхъ гр-хъ: **дубровачцимь**, **-чьсцимь** (С. NN№ 80, 84). Вотъ въ какомъ состояніи и съ какими задатками застаетъ Д.-Сербскую письменность XV-й в. Въ немъ только сильнѣе развивается народная стихія. Въ Восточныхъ гр-хъ нѣтъ здѣсь ни **-ѣмь**, ни смягченія, на пр.: **дубровчки**, **-ѫчкимь**, **-вьчскимь** (С. NN№ 60, 166, 167). Но Западныя, однѣ, какъ-то: С. NN№ 75, 98, 100, 104, 105, 108, 115, 120, 125, 126, 133, 142, 144, 157, 164; С.-Д. М. № 2, имѣютъ **-ѣмь**, **-ииемь**, **-иемь**, **-емь** со смягченіемъ; другія, какъ-то: С. NN№ 74, 83, 89, 95, 96, 116, 118, 132, 135, 136, 140, 141, 145, 149—152, 154, 168, 173; Г. VI № 2, имѣютъ **-имь**. Нѣкоторыя изъ нихъ даже не смягчаютъ и гортанныхъ: **дубро-**

каучнимь, **-вьучнимь** (С. NN° 116, 168), **драгнмь** (З. А.; Г. VI, № 2; С. № 150), но всѣ остальныя смягчаютъ: **дубровьчцнимь**, **-каучцнимь**, **-й** (С. NN° 89, 127, 139, 141, 145, 152, 173), **дражнмь**, **-й** (С. NN° 135, 151, 152, 154), **босаньсцнмь** (С. NN° 136, 150). Третьи употребляютъ ту и другую: **оссталѣмь**, **прьвѣмь** и **послѣгнимь** (С. № 107), **рѣчьнинемь** и **послѣднимь** (С. № 114). Укажу еще на удлиненіе: **прьвѣемь** (С. № 107). И такъ въ Д.-Сербской письменности, къ концу XV-го в., видимъ, какъ и нынѣ, обѣ формы равносильными, и смягченіе одинаково допускается и не допускается. Но всѣ разсмотрѣнныя формы относятся къ опредѣленному в., которому нынѣ подчиненъ и неопредѣленный. Въ предыдущемъ падежѣ мы уже не видали послѣдняго. Сдѣсь же въ одной Аѳонской гр-ѣ и Законникѣ по одному разу находимъ его, какъ признакъ сильнаго вліянія Ц.-Славянской стихіи: **гл҇щемь** (А. № 2) и **царскомь** (З.).

Творительный п. мн. ч. всѣхъ родовъ имѣетъ нынѣ общее окончаніе съ дательнымъ *-им*, *-има*, *-ием*; но обокъ съ нимъ, иногда въ пѣсняхъ и за Дунаемъ, слышится неопредѣленный в. на *-и*. Изъ всѣхъ живыхъ Славянскихъ нарѣчій Сербскій языкъ найболѣе сохранилъ память о неопредѣленномъ в., который присутствуетъ постоянно болѣе, или менѣе и въ древней его письменности. Существующая потребность различенія этихъ видовъ объясняетъ и прежнее ихъ пребываніе въ книжномъ языкѣ. Такъ въ нашемъ падежѣ находимъ въ гр-ѣ Ш. № VII неопредѣленный в. женскаго р.: **христовами**, **многами**, для мужескаго: **разанчны** (А. № 10) и неудачную форму въ гр-ѣ С. № 176: **погаими**. Писецъ замѣчалъ, что творительный п. неопредѣленнаго в. сходенъ, по Сербскому произношенію, съ именительнымъ; но, забывая уже живое, природное и необходимое образованіе падежа на -ы, думалъ, что этотъ падежъ и даже видъ его останутся все тѣми же, если приравняетъ его къ именительному хотя бы опредѣленнаго в., лишь бы только не извѣсти на -ми, и написалъ **погаими**, показывающее, что у Д.-Сербовъ, при всемъ ихъ знаніи и изученіи Ц.-Славянскаго языка, живая сущность формъ уже забывалась. Д.-Сербскій книжный языкъ различалъ падежъ этотъ отъ другихъ, изводя его на -ими, изъ котораго чрезъ ослабленіе конечнаго и образовалась нынѣшняя форма *-им*. Окончаніе -ими господствуетъ всюду. Находя его близкимъ къ Ц.-Слав. -ыими, -ими, писцы смѣло ставили его и въ церковно-дарственныхъ гр-хъ, но такъ же смѣло и мѣшали съ нимъ -ыими, -ими, на пр.: **довол̾ныими** и **хиландарскыими** (А. № 2), **ст҇ими**, **хотѣщими** и **сл҇жащими**, **соущими** (А. № 3) и т. д.; ср. гр-ы А. NN° 4, 6, 11, 12, 16. Всѣ же прочія грамоты, подобныя этѣмъ и односемейныя, равно Законникъ, имѣютъ -ими, -ыими, передъ которымъ не смягчаютъ гортанныхъ. Такъ продолжается до конца XV-го в. Но рядомъ съ этою формою показывается въ Аѳонской гр-ѣ XIV-го в. другая на -ѣми съ претвореніемъ гортанной: **вєлицѣми** (А. № 12), ср. тутъ же **малыими**, **вѣщ̾ними**, и въ Законникѣ **царскыми**, вм. -ѣми, ср. тутъ же **великыими**, **поставлєныими**. Обѣ этѣ формы раздѣляютъ между собою падежное служеніе въ XIV-мъ и XV-мъ вв., преимущественно въ Западной семьѣ. Восточная предпочитаетъ первую, какъ видно изъ того, что гр-ы А. NN° 16, 17, 20; Ю.; С.-Д. М. 1844; С. NN° 137, 175 имѣютъ ее одну, и только гр-а Мл. пишетъ: **добрьсціими**, а рядомъ **сп҇вниками**. Напротивъ Западныя дѣлаютъ равносильною ту и другую, при чемъ смягчаютъ и гортанныя не только съ -ѣми, но и съ -ими; на пр. въ XIV-мъ в.: **дубровьсцими** (С. № 66), **имєновань̾ми**, **крьстѣми** (С. № 78), **рєч҇ными**, **послѣдними** и **слацѣми**, **добрѣми** (С. № 86); но еще гр-ы С. NN° 81, 83, 84, 85 имѣютъ -ими. Въ XV-мъ гр-ы С. NN°

89, 92, 93, 95, 96, 102, 116, 118, 127, 132, 136, 141, 145, 150, 163, 169; З. А. употребляютъ одно -ими съ перезвукомъ; гр-ы С. NN№ 37, 100, 101, 108, 112, 115, 128, 129, 142, 156, 164 употребляютъ одно -ѣми, -ями, -нѣми; а гр-ы С. NN№ 97, 98, 103, 104, 107, 114, 120, 127, 133, 144 употребляютъ то и другое. И такъ сдѣсь, какъ и въ предыдущихъ падежахъ, обѣ формы уравновѣшиваются, и Восточная семья является вмѣстилищемъ всѣхъ трехъ, а Западная двухъ. Въ первой господствуетъ -ими, -ыми, рядомъ съ коею въ маломъ количествѣ появляется -нними, -ьними и -ѣми; во второй сначала преобладаетъ -ими, а потомъ она смѣняется съ своимъ перезвукомъ -ѣми; но главною общею формою всѣхъ вѣковъ и семей остается -ими, при коей, подъ вліяніемъ народности, отъ времени начинаетъ происходить смягченіе гортанныхъ, требуемое непремѣнно другою на -ѣми. Происхожденіе этой послѣдней объясняется свойствомъ Сербскаго языка, ведущимъ тѣсную и непрерывную связь между звуками *е*, *є*, *ие*, *ђ*, *и*.

Мѣстный п. мн. ч. для всѣхъ родовъ нынѣ утратилъ свой отличительный признакъ и сравнялся съ дательнымъ и творительнымъ. Нынѣ всѣ три падежа одинаковы и указываютъ на современное оскудѣніе формъ; ибо если творительный еще можно объяснить самобытно, то мѣстный уже не иначе объясняется, какъ полнымъ забвеніемъ своего и заимствованіемъ чужаго признака. Впрочемъ, форму *-и*, слышимую индѣ, особенно за Дунаемъ, въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ, можно объяснять опущеніемъ не *ма* или *м*, а *х*, на пр., *по зелени*. Неопредѣленный в. не существуетъ, а если у Дубровничанъ слышится *-ђх*, то это, какъ показываютъ родительный и дательный пп., есть только перезвукъ *-их*, которое сдѣсь сохранилось цѣльнѣе, чѣмъ на востокѣ. Д.-Сербскій языкъ равно сохранилъ собственную форму мѣстнаго п. мн. ч. -ихъ, которую смѣняетъ съ -ниихъ, -ыихъ въ церковно-дарственныхъ гр-хъ XIV-го и XV-го вв. и Законникѣ: ꙁаноустаѵшиихъ, црквихъ (А. № 4), блгыихъ (А. № 10), прьвѣй (А. № 13), божьствьный (С. № 175), тѣмныих, несьтрѣныихъ и пр. (А. № 16), раꙁапутныихъ (С.-Д. М. 1844), бжтвеный (Мл.), црькобныихъ (З.). Но въ прочихъ Восточныхъ грамотахъ -ихъ, кромѣ одного случая: стый и тутъ же православный (С. № 90). Двѣ изъ этѣхъ грамотъ представили неопредѣленный в. подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи: вь ꙁаповѣдехъ стыхъ (С. № 51), въ риꙁахъ иꙁлащенахъ (В. № 1). Но окончаніе -ѣхъ, -ехъ мы не будемъ считать неопредѣленнымъ в., ибо оно слѣдуетъ совершенно одинаковому движенію, какъ и -ѣхъ, -ѣмь, -ѣми другихъ падежей, и по тому должно быть точно такъ же и объясняено. Впервые находимъ его въ гр-ѣ С. № 16: преписанехъ, петрокехъ и тутъ же старихъ. Второе еще можно назвать неопредѣленнымъ в., но первое прямо отвѣчаетъ позднѣйшей точно такой же формѣ -ехъ, -ѣхъ, -иехъ, образовавшейся чрезъ усиленный перезвукъ изъ -ихъ. Подобную ей форму находимъ еще разъ въ XIII-мъ в. въ гр-ѣ Ш. № XVIII: старехъ. Потомъ въ Восточной семьѣ она является въ гр-ѣ Мл.: старіехъ и болѣе уже не показывается, напротивъ въ Западныхъ она усиливается замѣтно въ концѣ XIV-го в. и переходитъ въ XV-й. Такъ: по добрѣхъ, старѣхъ, повѣдищѣхъ (С. № 78), дельнѣхъ (С. № 81), добрѣхъ и тутъ же властиихъ, прьвихъ (С. № 83) и т. д.; ср. С. NN№ 87, 98, 109, 113—115, 121, 128, 130, 133, 134, 142 — 144, 157, 168. На пр.: добрѣхъ, -ѣе, -иехъ, -иѣ, -ѣ (С. NN№ 87, 104, 109, 121, 142—144, 157) и пр. Эта форма требуетъ смягченія гортанныхъ, на пр., по друѕѣ (С. № 113); разумѣется, замѣнительное и не смягчается, на пр., видѣниехъ (С. № 133), ср. велициехъ, -ѣ, велицѣхъ (С. NN№ 114, 132, 144, 168). Но

другія Западныя гр—ы имѣютъ -ихъ, каковы: С. №№ 81, 86, 89, 94—96, 103, 104, 127, 136, 145, 150, 171. Наконецъ нѣкоторыя употребляютъ обѣ формы вмѣстѣ: почтенихь, бүдүкихь, срьдачнихь и -ихь (С. № 107), приятеліѣхь и драгихь (С. № 132), почтенихь и почтеніѣхь (С. № 158). Гортанныя, какъ видно, смягчаются; но замѣнительныя нѣтъ. И такъ мѣстный п. мн. ч. отвѣчаетъ своими формами другимъ предшествующимъ падежамъ и, представляя тѣ же итоги, довольствуется и тѣми же объясненіями.

Двойственное число, также какъ въ существительныхъ и въ мѣстоименіяхъ, сохранилось кое-гдѣ и безъ числительныхъ, но только отрывками, въ древнѣйшую пору и подъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, а въ послѣднее время исключительно съ одними числительными. Мы видѣли еще въ XIII-мъ в. неудачную попытку писца употребить двойственное ч. въ договорѣ Дубровничанъ съ Булгаріею (С. № 16). Съ той поры двойственное ч. безъ числительнаго не встрѣчается въ Западной семьѣ; но въ Восточной находимъ его, хотя очень рѣдко и преимущественно въ церковно-дарственныхъ гр-хъ. Такъ именительный и винительный пп. неопредѣленнаго в. муж. р.: обитающа (С. № 35), припадающа, просѧща (Г. А), опредѣленнаго в. муж. р.: твердаа, крѣпкаа (С. № 35); средн. р.: срьчнаи и душевнаи очи (С. № 176), срьчнии очи (С. № 51); жен. р.: нечистѣи и оскврьненѣи длани (А. № 6). Родительный опредѣленнаго в. муж. р.: стоую, -ю (А. № 10; В. № 1), иначе: стыю (С. №№ 16, 35), вышнию (С. № 48). Сдѣсь виденъ опять произволъ писца въ образованіи формы и вмѣстѣ забвеніе правильной Ц.-Славянской. Писецъ зналъ, что она исходитъ на -ю, но уже не понималъ, по чему передъ ю стоитъ оу, и по тому образовалъ ее по своему отъ именительнаго п. мн. ч., что было для него легче. А писецъ гр—ы С. № 16, замѣчая, что неопредѣленный в. исходитъ на -оу, счелъ всего приличнѣе поставить дателвный п. ед. ч.: меду стому црству и насъ (между двухъ святыхъ царствъ и насъ). Такъ уже безжизненно было у Сербовъ двойственное ч. Дательный и творительный пп. неопредѣленнаго в. муж. р.: великома (С. № 35) и опредѣленнаго всѣхъ рр.: достовѣрнима угоднима любимима властелинома (С. № 46), пречистима роуцама, —ногама (Мк.; Г. А, Б), роукама стыма (С. № 176), срдчнима очима (Ю). Сдѣсь произошло то же самое, что и во множественномъ ч.: Ц.-Слав. -ыима перешло въ -има, -ыма, какъ теперь то же явленіе видимъ во множественномъ ч. всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчій, а также двойственномъ Хорутанскаго: *-ima*, и Лужицкаго: *-ymaj*, *-imaj*, *-ima*. Этими примѣрами оканчивается употребленіе двойственнаго ч. безъ сопутствія ему числительнаго: оно, какъ видно, держится въ XIV-мъ в., наиболѣе обилующемъ церковно-дарственными грамотами. Съ числительнымъ оно ведется изстари до нашего времени и встрѣчается, какъ и нынѣ, въ неопредѣленномъ в. Такъ именительный и винительный пп. муж. р. съ перваго разу уже представляютъ колебаніе въ Западныхъ грамотахъ XIII-го в.: двѣ дьвадесети и дьва исходарка (С. № 19), дви к. десети и дьва исходара (С. № 20). Но далѣе: в дупровника (С. № 89), два злата. два срьбрьна (С. № 115), два самовлаха и пр. (С. № 130), два имперпериа (Г. Б) и пр. и пр. Попадается и опредѣленный в.: два имперпериалиа (С. № 173). Но есть и ошибка: обадв(и)а ся потеши (С. № 164)—въ той же Турецкой семьѣ, въ которой нашли мы сейчасъ опредѣленный в., свидѣтельствующій о хорошемъ знаніи Ц.-Славянскаго языка. Разгадка заключается въ томъ, что гр-а С. № 164 писана Дубровнику подъ Западною редакціею, а гр-а С. № 173—Аѳонскимъ монастырямъ не безъ вліянія тамошнихъ монаховъ на языкъ ея.

Жен. р.: двие ꙁлате, поꙁлаћеване, ниꙁе, сребрьне и тутъ же съ перезвукомъ срьбрьни (С. № 115), двие срьбрьни, поꙁлачени, ꙁлате (С. № 119), двое бисерие (С. № 121), две фелане, фрушке, оғьлие (круглыя), оковане, срьбрьне, поꙁлачени (С. № 130), два сребрие поꙁлаћене, црвене, напраке (С. № 157).

Поканчивая статью о прилагательныхъ и причастіяхъ, окинемъ бѣглымъ взглядомъ кругъ движенія ихъ и опредѣлимъ отношеніе Д.-Сербскаго книжнаго языка къ народному и прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Намъ съ перваго разу уже становится замѣтнымъ проведеніе обоихъ видовъ, неопредѣленнаго и опредѣленнаго, въ единственномъ ч. и почти по всѣмъ падежамъ множественнаго ч. Близость къ Ц.-Славянскому языку поддерживала различіе и самое существованіе видовъ. И нынѣ въ югозападномъ говорѣ, т. е., у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ находимъ наибольшее употребленіе неопредѣленнаго в., тогда какъ у другихъ Славянъ онъ отъ времени весьма ослабѣлъ, ограничившись почти исключительно однимъ значеніемъ сказуемаго. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально Славянскій языкъ началъ съ него, и Д.-Булгарскій, какъ древнѣйшій по своимъ памятникамъ, представляетъ если не предпочтительное, то, по крайности, равносильное его употребленіе вмѣстѣ съ опредѣленнымъ. Но движеніе языка, перешедшее въ другія Славянскія нарѣчія, обозначилось постепенною утратою этого вида и усиленіемъ опредѣленнаго. Нынѣ Поляки уже отняли у многихъ прилагательныхъ неопредѣленную форму, и окончанія *-ów*, *-yn*, равно какъ причастія страдательныя на *-n*, *-t*, называютъ устарѣлыми. Чехи употребленіе неопредѣленнаго в. относятъ къ писателямъ прошлыхъ столѣтій, хотя и сохраняютъ доселѣ образованіе притяжательныхъ на *-ůw*, *-in*; но у нихъ, какъ у Поляковъ, бо́льшая часть прилагательныхъ не имѣетъ уже неопредѣленнаго в. и даже въ сказуемомъ поставляется въ опредѣленномъ в. Причастія страдательнаго з. въ сказуемомъ употребляются въ томъ и другомъ в.; но какъ у Поляковъ, такъ и Чеховъ, причастія дѣйствительнаго з. постоянно существуютъ въ опредѣленномъ в. Но извѣстно, что у тѣхъ и другихъ неопредѣленный в. употреблялся въ старину. Нѣсколько свѣжѣе сохранили его народныя пѣсни. У Лужичанъ еще болѣе развитъ опредѣленный в., такъ что находимъ его всюду въ прилагательныхъ и причастіяхъ даже въ значеніи сказуемаго. Только немногія прилагательныя, сложныя съ предлогами, имѣютъ форму безродную, на пр., *ja mam požou rub*; но это свойство неподвижности собственно сюда не относится. Русскій языкъ ставитъ неопредѣленный в. только въ сказуемомъ; но въ народныхъ пѣсняхъ онъ еще сильно присутствуетъ. За то и причастія дѣйствительнаго з. въ сказуемомъ принимаютъ иногда неопредѣленный в., становясь какъ бы прилагательными, на пр., *онъ живущъ*. Югозападный говоръ отличается большею любовью къ неопредѣленному в., который употребляется не только въ сказуемомъ, но и въ другихъ случаяхъ при существительномъ. Причастія дѣйствительнаго з., какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Д.-Булгарскаго, остаются въ опредѣленномъ в. Замѣтимъ это явленіе, сдѣлавшееся уже общимъ у всѣхъ живыхъ нарѣчій Славянскаго языка: въ немъ очевиднѣе всего выразилось движеніе языка къ ограниченію неопредѣленнаго и упроченію опредѣленнаго в. Мы говорили доселѣ о мужескомъ р., наиболѣе отличающемся въ своихъ видимыхъ формахъ. Средній и женскій р., какъ выше мы замѣтили, имѣютъ единственную форму на -о или -е, -ѧ. Но въ Русскомъ языкѣ сказанное относится ко всѣмъ родамъ, ибо здѣсь видовыя окончанія ровнятся между собою. Припомнимъ и то, что говорено было о видоизмѣненіи звуковаго количества въ Сербскомъ языкѣ

въ *-о*, *-е*, *-а* того и другаго вида и нынѣшнемъ значкѣ *для* опредѣленнаго в.; нѣкоторое сходство съ этимъ находимъ въ Чешскомъ языкѣ. Сдѣсь въ старину окончанія женскаго и средняго р. рознились нѣкоторымъ оттѣнкомъ звука, который новѣйшее правописаніе отличаетъ значкомъ. Такъ неопредѣленный в. исходилъ, по нынѣшнему правописанію, на *-а*, *-е*, опредѣленный на *-á*, *-é*, при твердыхъ, и *-já*, *-jé*, при мягкихъ согласныхъ. Значекъ и смягченіе указываютъ на стяженіе формы, какъ бы полной *-aja*, *-eje*. Въ послѣднемъ случаѣ и старинное правописаніе различало исходы, изводя опредѣленный в. на *-ia*, *-ie*. Нынѣ Чешскій языкъ различаетъ тѣмъ же значкомъ оба вида, но мягкое окончаніе перешло въ немъ въ *-j*. Винительный жен. р. равномѣрно отличаетъ чрезъ *-и* и *-аи* или *ú*. Наиболѣе видимъ это въ пѣсняхъ. Въ старину же онъ, какъ и Русскій, тщательно различалъ оба вида во всѣхъ падежахъ и числахъ. Но если до сихъ поръ мы говорили объ обоихъ видахъ во всѣхъ живыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, то разумѣли именительный и винительный пп.; прочіе же падежи оказались еще менѣе способными къ удержанію неопредѣленнаго в. Въ Польскомъ, Лужицкомъ, Чешскомъ, Русскомъ, Хорутанскомъ и Хорватскомъ въ обыкновенной рѣчи мы находимъ только опредѣленный в. Въ пѣсняхъ еще допускается иногда неопредѣленный въ косвенныхъ падежахъ ед. ч.; но это бываетъ не часто и не во всѣхъ нарѣчіяхъ, чаще всего въ Русскомъ. Одинъ только Сербскій языкъ имѣетъ еще рядомъ съ опредѣленнымъ в. и форму на *-а*, *-у* родит., дательн. и мѣстн. пп. ед. ч. Множественное же ч. всѣхъ родовъ и женскій р. обоихъ чиселъ уже сгладились въ томъ и другомъ видѣ. Общее заключеніе будетъ то, что Славянскій языкъ стремился къ обобщенію видовъ и господству опредѣленнаго, какъ слѣдовавшаго, по происхожденію, за неопредѣленнымъ и долженствовавшаго съ теченіемъ времени занять его мѣсто. Между современными нарѣчіями наиболѣе сберегся неопредѣленный в. въ Сербскомъ и наименѣе въ Лужицкомъ. Прочія распадаются: на сторонѣ перваго стоятъ Хорватское и Хорутанское, на сторонѣ втораго Чешское и Польское; Русское занимаетъ средину между тѣми и другими. Но самое строгое различіе и въ то же время послѣдовательное сохраненіе обоихъ видовъ находимъ въ Д.-Булгарскомъ, свидѣтельствующемъ, что въ старину всѣ нарѣчія знали оба вида; и если восходить еще далѣе въ старину, то непремѣнно должно признать, что когда-то неопредѣленный в. господствовалъ надъ опредѣленнымъ, какъ теперь отъ времени случилось на оборотъ, и что опредѣленный только тогда употреблялся, когда нужно было точнѣе опредѣлить свойство предмета чрезъ указательное мѣстоименіе; а это, конечно, приходилось рѣже, чѣмъ сказать вообще о свойствѣ предмета. Самое образованіе неопредѣленнаго в., одинаковое съ существительнымъ, говоритъ объ его относительномъ старшинствѣ. Слѣдовательно, Славянскій языкъ уже отъ времени сталъ забывать усиленное указаніе въ опредѣленномъ в. и ставить его на мѣстѣ неопредѣленнаго. Сдѣсь произошло въ послѣдствіи то же, что прежде произошло съ неопредѣленнымъ в., ибо и этотъ уже носилъ въ своемъ окончаніи первичное указаніе *as*, *jas*, забвеніе силы коего заставило прибѣгнуть къ образованію опредѣленнаго в. Но употребленіе того и другаго было основано на довольно утонченномъ представленіи и часто зависѣло отъ произвола говорящаго, хотѣлъ ли онъ просто сказать о свойствѣ предмета, или прямо указать на него, какъ на отличительное и единичное. Не вхожу въ подробное разсмотрѣніе случаевъ употребленія того и другаго в., но замѣчу, что и въ Д.-Булгарскомъ они нерѣдко смѣшивались; на пр. въ Остромировомъ Еван-

гелія: аще земьна рѣхъ вамъ и не вѣроуете. како аще рекѫ вамъ небесьнаꙗ вѣроуете; блажени не видѣвъшеи и вѣровавъше. Оставя въ сторонѣ смѣшеніе, основанное на безсознательности, и вникнувъ въ самое дѣйствіе мысли, мы должны сознаться, что теоріи нельзя угоняться за мыслію. Живой языкъ, какъ свободное выраженіе мысли, имѣетъ вмѣстѣ съ нею свои прихоти и особенности. Мысль одному и тому же выраженію придаетъ различные оттѣнки, а съ тѣмъ вмѣстѣ видоизмѣняетъ и значеніе слова опредѣляющаго. Малѣйшій оттѣнокъ мысли можетъ опредѣляющее перевести изъ одной формы въ другую, смотря по тому, какъ приличнѣе покажется говорящему. Свободная мысль свободно избираетъ себѣ выраженіе. Теорія силится условить ее и подчинить каждое явленіе закону; но опредѣленія ея мелѣютъ все болѣе и болѣе и доходятъ наконецъ до безразличія, либо противорѣчія: не знаемъ уже, по чему мысль распорядилась такъ, а не иначе. Время пользуется этою неопредѣленностію, сначала спутываетъ, потомъ сглаживаетъ и обобщаетъ выраженія слова. Доказательствомъ могутъ служить нѣкоторыя нарѣчія, гдѣ даже въ сказуемомъ, самомъ понятномъ и отличительномъ употребленіи, виды не отличены. Но, разсматривая Д.-Сербскую письменность, мы можемъ отчасти по большинству случаевъ употребленія замѣтить нѣкоторую тѣнь основанія, на которомъ различались виды. Нынѣ граматики въ югозападномъ говорѣ допускаютъ такое объясненіе: когда опредѣляющее сливается вмѣстѣ съ предметомъ въ одно цѣльное представленіе и отъ того предметъ получаетъ особливое извѣстное значеніе, изъ родоваго переходитъ въ видовое и даже единичное понятіе; когда, слѣдовательно, опредѣляющее только способствуетъ собою къ указанію предмета, не отнимая у понятія силы предметности, тогда оно ставится въ опредѣленномъ в. Сдѣсь сила въ предметѣ, и смыслъ преимущественно сосредоточенъ на опредѣляемомъ. Когда же сила рѣчи падаетъ на самое опредѣляющее, а предметъ только даетъ ему извѣстную существенность, съ которою оно является въ бытіи; когда, слѣдовательно, мысль, не различая самого предмета отъ другихъ, ему подобныхъ, покоится на его опредѣленіи, тогда опредѣляющее ставится въ неопредѣленномъ в., какъ бы само имѣя въ себѣ предметность и по тому принимая окончаніе существительнаго имени. Отсюда понятно употребленіе неопредѣленнаго в. въ сказуемомъ, равно и въ значеніи, ближайшемъ къ сказуемому, на пр., *битиђу добар човек*, *он є вридан муж*. Въ Хорутанскомъ опредѣленный в. употребляется въ полномъ соединеніи съ существительнымъ, когда опредѣляемое и опредѣляющее образуютъ собою единичное и цѣльное понятіе съ извѣстнымъ и только въ этомъ соединеніи возможнымъ значеніемъ; на пр. *mérzli véter* — сѣверный вѣтеръ, борей, но не вообще холодный вѣтеръ; *vélki pétek*—страстная пятница. Д.-Сербская письменность, какъ мы видѣли, соблюдала различіе между обоими видами во всѣхъ падежахъ и числахъ; но все таки не мѣшаетъ замѣтить, какъ неохотливо уже ставила она неопредѣленный в. во множественномъ ч., тогда какъ единственное ч. служило для обоихъ видовъ: это отвѣчаетъ, съ одной стороны, свойству нынѣшняго Сербскаго языка, съ другой, явленію, совершившемуся въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Къ употребленію въ ней того, или другаго вида можно приложить объясненіе, которое мы представляли выше. Но въ подробности разсматривать все количество случаевъ, въ ней встрѣчающихся, невозможно; мы ограничимся только нѣсколькими примѣрами. Такъ: присезаю прави приятель быти вамь и правь гои држати сь вами (А. И.). Сдѣсь въ первомъ случаѣ прилагательное и существительное составляютъ одно нераз-

дѣльное понятіе, выражающее, что другимъ пріятелемъ и быть нельзя, какъ только правымъ или истиннымъ; но во второмъ мысль ставитъ прилагательное выше существительнаго и разобщаетъ его съ нимъ, указывая, что гои, миръ или пестованье, можетъ быть и правымъ и неправымъ. Подобно первому случаю, всѣ званія и прозвища съ единичнымъ представленіемъ, въ которыхъ понятіе существительное вполнѣ зависитъ отъ опредѣляющаго и только при немъ можетъ быть таковымъ, имѣютъ прилагательное или причастіе въ опредѣленномъ в.; на пр.: **вѣнчани краль** (Ш. № VII), **вѣрни краль, вѣрни или благовѣрни царь** (С. №№ 2, 43, 48, 49, 53, 54, 55; А. № 13), **к(н)ѧзь вели хлъмьскы** (С. № 4), **велики банъ** (С. № 14), **православьни кнезь** (С. № 16), **осщ҃енїи сав̾** (А. № 11), **златопечатни хрисовоуль** (С. № 43), **дийакь надворни** (С. №№ 101, 102), **дийакь внутрьни** (С. № 158), **запись вѣровани** (С. № 121), **листь отворени, отворени** (С. №№ 128, 142, 146—148, 157, 159, 163, 164), **кнезь хлъмьскы, зетьскы, которскы** (Мк.), **самодрьжець срьбски** (С. № 42), **дина дратии** (С. № 70), **велики воевода босански** (С. № 96). По этому тѣ прилагательныя и причастія, которыя стоятъ одни, при опущенномъ существительномъ, къ которому относились, естественно должны быть въ опредѣленномъ в., какъ на пр., **дворьски** (см. в.), **владоущїи** (А. № 10), **сийь прѣставльшїи** (А. № 3), **иже соуть оубози** (Ш. № VII) и пр. По тому же имена собственныя имѣютъ при себѣ опредѣляющее въ опредѣленномъ в., на пр., **трьни врьхъ** (Ш. № VII), **прѣки доугь, соухы доль, трьвени брегь** (С. № 176), **глубокога потока** (А. № 11) и т. д. Все это составляетъ слитное и непосредственное опредѣленіе предмета. Отъ того и извѣстныя мѣстоименія принимаютъ опредѣленный в., и въ этомъ отношеніи они ни мало не рознятся отъ прилагательныхъ и причастій. Понятно будетъ выраженіе **ч҃тнаго и животворещаго кр҃та** (н. р.) и ему подобныя: **речени, -ога, -ому** и т. д. (м. р.), **владущаго, -ему кнеза, -у** и т. д. (м. р.), **боголюбимаго града** (н. р.) и пр. и пр. Отъ того понятнымъ становится переходъ въ опредѣленный в. прилагательныхъ притяжательныхъ на -ь и -овь, -евь, лишь только они начинаютъ терять свою предметность, забывать то существительное, отъ котораго отвлечены, и переходить въ непосредственное и ближайшее опредѣленіе другаго существительнаго, къ которому приданы (см. в.). Напротивъ, когда въ языкѣ еще сильно представленіе о предметѣ отвлеченія, когда на него упирается мысль, чтобы имъ отличить другое родовое понятіе, тогда опредѣляющее, становится въ неопредѣленномъ в., на пр., **банъ дивѣкь, кнѣжь ч҃инь** (см. в.), **кр҃ль властелинь** (С. № 43), **девина врьхь** (Мк.) и пр. Отъ того притяжательныя отъ именъ собственныхъ, т. е., единичныхъ имѣютъ одинъ неопредѣленный в., на пр., **горчинь доуѓь** (А. № 8) и пр. Но **кальчи доугь** (С. № 176) показываетъ, что имѣлось въ виду главнѣйшимъ образомъ не **калькь**, а **доугь**, къ которому **кальчи** относится уже какъ качественное: вопросъ изъ «чей» переходитъ въ «что». Обратное дѣйствіе мысли, желающей указать на опредѣляющее предмета, требуетъ неопредѣленнаго в., какъ сильнѣйшаго; ибо неопредѣленный в. и по образованію и по первичному представленію сходенъ съ существительнымъ и заключаетъ въ себѣ болѣе особности, самостоятельности и силы. Отъ того сказуемое, какъ такое же опредѣленіе, но только усиленное глаголомъ, показывавающимъ подлинное, дѣйствительное существованіе этого опредѣляющаго и притягивающимъ на него силу мысли, необходимо должно стоять въ неопредѣленномъ в. Если въ другихъ нарѣчіяхъ оно является въ опредѣленномъ в., то это показываетъ, что тамъ этотъ послѣдній уже забылъ свое значеніе. Не привожу примѣровъ сказуемаго. При гла-

голѣ «быть» ихъ слишкомъ много; но прибавлю, что въ неопредѣленномъ в. поставляется опредѣляющее и тогда, когда оно относится къ существительному, служащему сказуемымъ, если смыслъ все таки падаетъ преимущественно на него, или когда оно служитъ опредѣленіемъ дѣйствію или состоянію лица, на пр.: **обрѣтеalthough кто уловљенъ жив** (С. № 2), **да стои невредимъ** (С. № 3), **да се не узимя ни тьнькъ коньцъ** (С. № 15), **есмь вѣрьнь настьяникь** (С. № 20), **кто свободьнь уйкнь** (А. № 6), **краль моћи ће бити вридань и керистань** (С. № 88), **кои би се нашлѡ живо и моист пань уйвнь анан би наѣнить** (С. № 142), **аще кто обрящется овьнить** (С. № 175). Переведя подобное представленіе вообще на опредѣляющее, въ какомъ бы отношеніи оно ни стояло къ своему предмету, мы поймемъ и подобныя выраженія: **да се изберá дубнь мужь** (А. № 4), **тоу ѥ камень становить** (А. № 11), **ни едань уйвнь м ль ни и великь, ни инь кто ни маль ни великь** (С. №№ 22, 48, 50, 54, 66), **едань капитань висерань** (С. № 121), **изась ань, едань диаманъ малахань, бицать едань напраднь, рогь царинь паунинь и позлаћень** (С. № 157) и т. д. Короче сказать, когда опредѣляющее и опредѣляемое составляютъ цѣльное и единичное понятіе одного объема, тогда опредѣляющее ставится въ опредѣленномъ в.; когда же опредѣляющее служитъ къ обособленію предмета, къ переведенію его въ меньшій объемъ, на пр., изъ рода въ видъ, тогда оно ставится въ неопредѣленномъ в., ибо само уже имѣетъ въ себѣ предметность, существенность, самостоятельность, не нуждается, какъ существительное, въ мѣстоименномъ указаніи, т. е., переводѣ окончанія изъ существительнаго въ мѣстоименное. На этомъ основаніи опредѣляется воззрѣніе говорящаго; но такъ какъ большею частію оно зависитъ отъ произвола, то и оказывается возможнымъ двоякое употребленіе или того, или другаго вида, смотря по тому, какъ говорящій понимаетъ предметъ: считаетъ ли его уже довольно яснымъ и выособленнымъ для того, чтобы уже не переводить отъ общаго къ частному, и заставляетъ опредѣляющее служить только указателемъ извѣстнаго свойства его, или считаетъ предметъ недостаточно обособленнымъ и опредѣляющему даетъ назначеніе чрезъ указаніе на свойство предмета служить точнѣйшимъ указателемъ того тѣснѣйшаго объема, въ который вступаетъ предметъ, имѣя такое-то свойство. По этому при одномъ и томъ же строеніи рѣчи мы находимъ оба вида. Такъ на пр., имѣя уже въ виду грамоту извѣстнаго разряда или свойства, писецъ пишетъ **листь отворени**, не сокращая чрезъ опредѣляющее объема, къ которому принадлежитъ понятіе **листь**, но уже заранѣе составивъ себѣ въ мысли этотъ объемъ и понимая въ этомъ случаѣ **листь** не иначе, какъ **отворени**, т. е., представляя себѣ оба понятія вмѣстѣ, какъ нѣчто цѣлое и единое. Но другой писецъ, написавъ **листь** и разумѣя подъ нимъ общее понятіе грамоты, желаетъ обособить его чрезъ видовое представленіе и присоединяетъ къ нему точнѣйшее опредѣленіе **отворень**, на которомъ и сосредоточивается сила понятія слова **листь**. Отъ того мы находимъ часто: **листь, записъ отворень**. Все зависитъ отъ мысли. Мысль быстра и неуловима въ своихъ представленіяхъ и соображеніяхъ; слово не угонится за нею; ибо часто два понятія, выражаемыя словомъ, особливо предметъ съ своимъ опредѣленіемъ, являются въ мысли, при быстротѣ ея, однимъ цѣльнымъ понятіемъ, и мысль не иначе создаетъ ихъ себѣ, какъ вмѣстѣ и вдругъ. Въ природѣ большею частію такъ и бываетъ: тамъ господствуютъ единицы, т. е., наиболѣе обособленныя понятія. Отъ того слово, выражая порознь оба понятія, въ то же время спѣшитъ ихъ соединять, чтобы догнать мысль, и употребляетъ

для того опредѣленный в., при которомъ понятіе предмета вдругъ, не совершая дѣйствія обособленія, уже является единичнымъ, или на столько обособленнымъ, на сколько это нужно мысли. По мѣрѣ того, какъ народъ живетъ, мысль его становится разнообразнѣе; она свыкается все болѣе и болѣе съ видимымъ міромъ, каждое явленіе уже пріобрѣтаетъ свое опредѣленіе; понятія становятся многочисленнѣе, особнѣе, и мысль, пріобрѣтя себѣ наибольшій запасъ единичныхъ понятій, сдѣлавшись цѣльнѣе и сжатѣе въ своихъ представленіяхъ, слѣдовательно, лучше и теснѣе опредѣливъ себѣ явленія, становится летучѣе, свободнѣе, живѣе. Вслѣдъ за тѣмъ опредѣленный в., связывающій предметъ съ его особностію въ одно теснѣйшее и уже готовое понятіе, расширяетъ свое служеніе и усиливается. Напротивъ, когда народъ еще только свыкался съ жизнію, мысль его еще не успѣвала составить себѣ бо́льшую часть единичныхъ, или теснѣйшихъ понятій и не была такъ быстра, ибо принуждена была останавливаться на предметѣ, отыскивать его отличительное свойство и черезъ это обособлять его и давать ему образъ для непосредственнаго присутствія въ жизни, тогда господствовалъ неопредѣленный в., ибо мысли нужно было упереться именно на него, чтобы произвести обособленіе и осуществленіе общаго понятія. Отсюда объясняется первичное происхожденіе неопредѣленнаго в. и удержаніе его досел̂ѣ тамъ, гдѣ мысль нуждается въ точнѣйшемъ опредѣленіи общаго понятіе, какъ на пр. при глаголѣ «быть», или вообще при удареніи на высоабляющее свойство предмета. Отъ того понятіе *радъ*, *rad*, какъ заключающее въ самомъ себѣ и глаголъ «быть», во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ сохранилось въ неопредѣленномъ в., даже въ тѣхъ, въ которыхъ послѣдній почти вовсе не существуетъ, какъ на пр. Лужицкомъ. Но движеніе мысли опредѣляетъ и движеніе видовъ. Понятія уточняются и высобляются, опредѣленіе срастается съ своимъ опредѣляемымъ, и опредѣленный в. беретъ верхъ надъ неопредѣленнымъ. Такъ историческія данныя языка согласуются съ движеніемъ его духа. Языкъ Славянскій рано устремился къ замѣнѣ неопредѣленнаго в. чрезъ опредѣленный, и въ самомъ Д.-Булгарскомъ его нарѣчіи, въ которомъ еще такъ наглядно и младенчески совершается образованіе и строеніе формы опредѣленнаго в., уже мы усматриваемъ смѣшеніе видовъ. Наша Д.-Сербская письменность, сохранивъ въ цѣлости оба вида, какъ и Д.-Чешская, въ позднѣйшихъ своихъ памятникахъ доставила преобладаніе опредѣленному и пояснила нынѣшнее ослабленіе неопредѣленнаго, дошедшее въ нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ почти до совершеннаго исчезновенія. Но мы оставляемъ подробнѣйшее изложеніе судебъ обоихъ видовъ въ Д.-Сербской письменности; оно отняло бы у насъ много времени и мѣста, да мы отчасти уже и видѣли современное и взаимное ихъ отношеніе, усиленіе опредѣленнаго и ослабленіе неопредѣленнаго, равно какъ главное мѣстонахожденіе того и другаго. Упомянувъ мимоходомъ о смѣшеніи ихъ, весьма возможномъ при ихъ тонкомъ мысленномъ различіи и сдѣлавшемся историческимъ явленіемъ въ развитіи Славянскихъ нарѣчій, въ слѣдствіе ослабленія и забвенія внутренняго значенія и силы опредѣленнаго в., какъ на пр. у насъ: [illegible] (С. № 14), [illegible] (С. № 97), [illegible] (С. № 104), что ѿ рода [illegible] (А. № 16), [illegible] (С. № 141), [illegible] (А. № 20),—я перехожу къ другому замѣчанію.

Опредѣленный в. во всѣхъ живыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Русскаго,

въ именительномъ п. ед. ч., принялъ форму кратчайшую, чѣмъ Д.-Булгарская: онъ или удержалъ въ ней для мужескаго р. первоначальное болѣе естественное образованіе, замѣчаемое и въ Д.-Булгарскомъ въ написаніи -ъи, -ъі, или стянулъ для средняго и женскаго р. полвую -ои, -аи. Отъ того -и, -у, -і, -j являются на мѣстѣ -ъи, -ии. -о, -е на мѣстѣ -ои, -еи, -а на мѣстѣ -аи. -ꙗи. Одинъ Русскій языкъ удержалъ полныя -ый, -ій, -ое, -ее, -ая, -яя; но въ народѣ слышится иногда -ы, -и. И такъ -ъи, -и, -ои, -еи, -аи, -ꙗи будутъ первоначальными разумными форма для опредѣленнаго в. въ Славянскомъ языкѣ. Всѣхъ тверже сохранилъ ихъ Русское, но прочія нарѣчія стянули въ среднемъ и женскомъ р. въ одинъ долгій звукъ, въ которомъ доселѣ Сербскіе и Чешскіе грамматики замѣчаютъ долготу, отличную отъ неопредѣленнаго в. Но едва ли это справедливо. Новая рѣчь не наблюдаетъ различія между а и â, а и á и т. д. Если языкъ успѣлъ стянуть полныя формы, то ему уже легко было забыть количество голоса въ стяженіи и отъ долготы перейти въ кратность. Первоначальная форма Д.-Булгарскаго языка показываетъ первичный, самый естественный и простой способъ образованія опредѣленнаго в. чрезъ приставку указательнаго мѣстоименія къ неопредѣленному прилагательнаго, на пр., добръ+и (добръ онъ), добра+ꙗ (добра она), ино+е (ино оно). Подобное образованіе проведено было первоначально и чрезъ все движеніе опредѣленнаго в. Отъ того въ Д.-Булгарскомъ языкѣ замѣчаемъ двойное склоненіе въ одной и той же формѣ: оба вида склоняются вмѣстѣ, или, иными словами, склоняются и неопредѣленный в. и мѣстоименіе указательное, тотъ и другое особнякомъ. Первоначально долженствовало быть такое движеніе: добра иго, добры ѩ, доброу имоу, добрѣ ии, добръ и, добро е, добрѫ ѭ, добрымь имь, добрѣ ѥѭ, добрѣ ии; добри и, добры ѩ, добры ѩ, добра ꙗ, добръ ихъ. добрымъ, -ымъ имъ, добры, -ыми ими, добрѣхъ, -ѣхъ ихъ и т. д. Но вполнѣ этого склоненія и самый Д.-Булгарскій языкъ не доставляетъ намъ. И онъ уже прибѣгаетъ къ тремъ различнымъ пріемамъ, или уловкамъ, чтобы сократить, опѣлить формы. За одно дѣйствуетъ и время. Въ немъ, во первыхъ, находимъ усиленіе конечной основной полугласной ъ въ ы, ь въ и, на пр., добрыи, послѣдними; во вторыхъ звукоподобленіе, на пр., добраго, доброуоумоу; въ третьихъ, опущеніе согласнаго признака х и м, на пр., добрыими. добрыимъ, добрыихъ ви. добрыихъ ихъ. Тѣмъ болѣе должно ожидать перемѣнъ въ дальнѣйшемъ движеніи Славянскаго языка по нарѣчіямъ его. Начало новаго упрощенія и стяженія застаемъ въ томъ же Д.-Булгарскомъ языкѣ, хотя и не въ древнѣйшую пору: уже въ немъ показываются стянутыя -аго, -оумоу, -ымь, -ꙗи, -ыѧ и т. д. Неизвѣстно, была ли полная форма общеславянскою; но, сколько запомнитъ Исторія, другія Славянскія нарѣчія начали съ этой стянутой формы и пошли далѣе, знаменуя свое движеніе прежде всего забвеніемъ долготы стянутой гласной, а потомъ перезвукомъ ея, какъ гласной простой, сообразно съ свойствами каждаго нарѣчія, въ о, е, і и т. д. Движеніе ограничивается одними падежными признаками. Въ женскомъ же родѣ, такъ какъ исходы падежей суть, большею частію, гласные, стяженіе произошло еще сильнѣе, такъ что нѣкоторые падежи отожествились, на пр., родительный и дательный, а въ Русскомъ родительный, дательный, творительный и мѣстный въ окончаніи -ой, -ей. Въ мягкомъ исходѣ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, какъ-то, Хорутанскомъ и Чешскомъ, оно дошло до полнаго падежнаго безразличія, изводя формы падежей на -і, -j. Эта гласная является крайнимъ предѣломъ стремленія Славянскаго языка къ упрощенію и сокращенію словодвиженія. Въ проти-

въ противуположность имъ стоятъ нѣкоторыя полныя формы, на пр., въ Русскомъ винительнаго ед. ч. жен. р., именительнаго мн. ч., въ Чешскомъ творительнаго ед. ч. жен. р. и въ Лужицкомъ родительнаго ед. ч. жен. р. Надо полагать, что образованіе стянутыхъ формъ началось въ Славянскомъ языкѣ весьма рано и шло быстро, если самый Д.-Булгарскій языкъ успѣлъ въ продолженіи немногихъ вѣковъ своей письменности представить и самое полное, младенческое, первичное образованіе, и дальнѣйшія переработанныя формы, уже близко подходящія къ нынѣшнимъ. А Чешская письменность, носящая въ себѣ множество признаковъ глубокой древности Славянскаго языка и ясные слѣды его первичнаго творчества, строго различающая тотъ и другой видъ, здѣсь, въ движеніи опредѣленнаго вида, употребляетъ постоянно стянутую форму и только въ родительномъ, дательномъ и мѣстномъ пп. ед. ч. жен. р. удерживаетъ еще двоегласіе *-ei* (*-ej*). Что же представляетъ намъ Д.-Сербская письменность въ опредѣленномъ видѣ прилагательныхъ, причастій и числительныхъ? Она сохранила древнѣйшія полнѣйшія формы и въ этомъ отношеніи превзошла Д.-Чешскую, но сохранила ихъ не столько по памяти народной, сколько въ слѣдствіе изученія Ц.-Славянскаго языка. Этѣ формы большинствомъ своимъ являются въ церковно-дарственныхъ грамотахъ подъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи. Между ними находимъ еще полныя, каковы -ии, -ои, -ам, -ааго, -ию, имен. мн. -ии, -ии, -аи, -ие, -иихъ, -иимъ, -иими, -иихъ, которыя съ тѣмъ вмѣстѣ являются уже какъ бы неподвижными, оцѣпенѣлыми въ слѣдствіе заимствованія. Рядомъ съ ними встрѣчаются стянутыя формы, но еще въ Ц.-Славянскомъ видѣ, каковы, -аго, -ими, -имъ и т. д. А за ними слѣдуютъ уже собственно-народныя съ перезвукованною гласною, на пр., -ога, -е, -ому, -ои и т. д. Въ церковно-дарственныхъ гр-хъ наиболѣе присутствуютъ вторыя, хотя тутъ же стоятъ и народныя. Общее ихъ отношеніе можно выразить чрезъ $^{2}/_{3}$: $^{1}/_{3}$; въ Законникѣ и другихъ собственно-Сербскихъ гр-хъ отношеніе это измѣняется въ равное, а въ Западныхъ Ц.-Славянскія формы уже являются какъ исключенія, и пребываніе ихъ здѣсь почти всегда находитъ особое объясненіе. Доказательствомъ заимствованія первыхъ и народности послѣднихъ служатъ многія грамоты, но наиболѣе гр-а С. № 176, гдѣ за богословіемъ слѣдуетъ изложеніе сущности дѣла или надачъ, по случаю коихъ писана самая грамота. Трудно представить себѣ такое сильное различіе между формами, какое встрѣчаемъ здѣсь; иногда оно не допускаетъ ни одного исключенія. Такъ далеко расходились двѣ письменности, Сербо-булгарская и Сербская народная. Западныя грамоты представляютъ торжество стянутыхъ и перезвукованныхъ формъ, какія мы находимъ, большею частію, у другихъ Славянъ. Въ этомъ отношеніи время и движеніе Славянскаго языка къ стяженію, упрощенію и обобщенію первичныхъ долгихъ формъ беретъ здѣсь полный перевѣсъ надъ стариною во имя живой, самобытно движущейся народности.

Докончимъ рѣчь о прилагательныхъ примѣрами *сравнительныхъ степеней*, какъ находимъ ихъ въ нашихъ памятникахъ. Первоначальною образовательною формою для сравнительной степени было *-jans*, которое едва уже застаемъ въ Санкритѣ въ этомъ простомъ видѣ, ср. *bhûjans*, но которое еще видно въ Греческомъ языкѣ, гдѣ *κρείσσων*, *μείζων* прямо приводятъ къ *ων* съ предшествующимъ смягченіемъ, переходящимъ въ согласную. Здѣсь это смягченіе не есть самостоятельный звукъ *ι*, но то же, что *j*. Однако уже Санкритъ имѣетъ *-îjân* съ опущеннымъ *s*, въ женскомъ р. *-îjasî*, гдѣ первое *î* можетъ быть объ

ясвено вытяженіемъ голоса: также и въ Латинскомъ и Греческомъ уже является самостоятельный звукъ *i*, *ι* въ *-ior*, *-ιων*. Впрочемъ, если видѣть корень этой формы въ *i* (итти), то отсюда легко объяснить *-ljan(s)* стремленіемъ духа языка къ удержанію этого корня въ болѣе открытомъ видѣ. Славянскій языкъ принялъ *-jans*, въ которомъ присутствіе *s* доказываетъ Латинское *r* и Санскритскій женскій р. *-ljasl*. Отъ того и Славянскій женскій р., обыкновенно всюду чище сохраняющій въ себѣ первичное образованіе, удержалъ въ Д.-Булгарскомъ -ши, которое явно произошло изъ *c* въ соединеніи съ мягкимъ первоначальнымъ *jl*, вм. *jâ*, какъ въ причастіяхъ. Это образованіе женскаго р. показываетъ, что къ *-jans* Славянскій языкъ приставлялъ еще другое родовое окончаніе *-jas*, *-jam*, *-jâ* или *-jl*, откуда полная начальная форма будетъ *-jansjas*, *-jansjam*, *-jansjl*. Мужескій и средній р. приняли двоякое образованіе. Въ первомъ они опустили *s*, стянули и перегласовали остальные звуки *-jan(s)jas* въ мужескомъ р. въ -ь или стянутое ь: боль; *jan(s)jam* въ среднемъ въ -ье или стянутое -е: болье, боле, т. е., точно такъ же, какъ это произошло въ первоначальномъ образованіи существительныхъ муж. р. на -ь и средн. р. на -е; только здѣсь при перезвукѣ было и стяженіе. Но форма муж. р. давно уже была забыта и не встрѣчается одна въ письменныхъ памятникахъ: языкъ спѣшилъ дать ей опредѣленный в. чрезъ приставку указательнаго и, которое Д.-Булгарскій продолжилъ въ -ии: болии. Не должно однако забывать, что здѣсь -и или -ии есть собственно -ьи, или вытянутое -ьии, какъ и въ среднемъ р. -е = -ье. Эта мягкость б-ы ь выражалась во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ смягченіи предшествующей согласной. Средній р. свою первоначальную форму на -е передалъ нарѣчію, а самъ, забывъ, подобно мужескому, что здѣсь -е есть стяженіе изъ -ье, т. е., опредѣленнаго в., снова опредѣлился чрезъ указательное мѣстоименіе въ -ее. Первичное стяженіе *-jans* въ ь доказывается чрезъ ь въ формѣ женскаго р. -ьши, а простая форма на -и безъ удлиненія въ -ии другими Славянскими нарѣчіями. Второе образованіе мужескимъ и среднемъ р. было совершено чрезъ удержаніе *s* и стяженіе остальной образовательной части въ ь, *-jansjas* = -ьшь, *-jansjam* = -ьше: большь, больше. Хотя этѣхъ формъ не находимъ въ Славянскомъ языкѣ, однако на конечное ь мужескаго р. и е средняго указываютъ формы дальнѣйшаго движенія, въ родительномъ -а, въ дательномъ -оу и т. д., что было бы невозможно, если бы духъ языка представлялъ себѣ форму только въ опредѣленномъ в., каковою та существуетъ на самомъ дѣлѣ: на -ьшии, -ьшее. Самый винительный п. ед. ч., образующійся чрезъ извѣстный пріемъ одинаково съ именительнымъ, своею формою -ьшь подтверждаетъ, какъ и въ причастіяхъ, возможность этой формы для именительнаго. Опять средній р. уступилъ свой неопредѣленный в. нарѣчію, а самъ принялъ вмѣстѣ съ мужескимъ опредѣленный в.: -ьшии, -ьшее; за ними послѣдовалъ и женскій въ своей -ьшия. Такимъ образомъ составилось два вида, которые и пошли въ движеніе: первый: -ь и -ии, -е и -ее, второй -ьшь и -ьшии, -ьше и -ьшее, жен. р. -ьши и -ьшия. При составленіи сравнительной степени первоначально опускались производные образователи, каковы на пр. -къ, -тъ и т. д., на пр., выши, ниши, какъ въ Санскритѣ и Греческомъ языкѣ; бралась одна чистая основа. Но это показалось неудобнымъ для языка, и по тому мы застаемъ его еще съ другимъ пріемомъ: образователи остаются, а вмѣсто *-jans* принимается уже *-ljans*, въ которомъ *l* образуется у Славянъ въ усиленное ѣ, откуда -ѣи, -ѣе, -ѣиши; гортанныя смягчаются: краачаи. Перезвукъ измѣнилъ ѣ въ а, откуда произошла новая форма

-[illegible], -[illegible], -[illegible]. Къ какому виду относилось это окончаніе, къ неопредѣленному, или опредѣленному, трудно рѣшить, хотя сравнительно съ предыдущимъ оно должно было приближаться скорѣе къ первому, ибо -[illegible] было то же что -[illegible]. Усиленіе и поддержало здѣсь и усиленіе б-ы ь въ и, которое здѣсь собственно развилось двумъ ь или *-jaŋ(s)jas*. Но двѣ гласныя уже отстранили возможность образованія опредѣленнаго и подобно тому здѣсь и, какъ въ мѣстоименіи той, мой, мой, чий, представляетъ первичный или простой опредѣленный видъ и стоитъ на срединѣ между неопредѣленнымъ, въ которомъ первичный мѣстоименный образователь переходитъ въ простую конечную полугласную или гласную, и опредѣленнымъ сложнымъ, гдѣ совершается двойное опредѣленіе чрезъ вторичную приставку указательнаго мѣстоименія. Тѣмъ не менѣе и здѣсь удержаніе *s* — *ш* произвело опредѣленный в.: [illegible], -[illegible], -[illegible]. Другія Славянскія нарѣчія отразили въ себѣ тѣ же пріемы образованія, измѣнивъ только ихъ дальнѣйшее служеніе. На югозападѣ Сербскій языкъ выразилъ господство образованія на *-ии*. (*ију*), и *-и* (*ји*) отвѣчающаго Ц.-Слав. -[illegible] и -ии; на пр., *богатии*, *-ие*, *-ия*, *млађи*, *-ђе*, *-ђа*. Послѣднее образованіе имѣетъ тѣ же свойства, какія имѣло въ старину, а именно, отбрасываніе образовательнаго слога и смягченіе согласныхъ, ибо здѣсь и, по образованію, есть собственно *ьи*, Ц.-Слав. ьи: *даљи*, *ужи*, *слађи*, *јачи* и т. д., даже перенесеніе смягченія на предшествующую согласную: *густ—гушћи*, вставку благозвучнаго *л*: *дубљи*, *кривљи*. Это образованіе онъ проводитъ и въ женскій р. и подвергаетъ дальнѣйшему движенію, какъ прочія Славянскія нарѣчія, не возстановляя *ш*, какъ Д.-Булгарскій. Въ прямомъ образованіи средняго и женскаго р. отъ мужескаго, подобно обыкновеннымъ прилагательнымъ, выразилось временное движеніе Славянскаго языка. Если *ш* возстановляется, то возстановляется для всѣхъ трехъ родовъ. Его не любитъ Сербскій языкъ, предпочитая кратчайшую форму. Здѣсь *ш* является только въ видѣ исключенія въ трехъ словахъ: *лак—лакши* и кое-гдѣ *лагљи*, *мек—мекши*, *лиеп—љепши*. На юговостокѣ говорятъ еще кое-гдѣ: *здравши*, *слабши* и *ріавши*, вм. *здравии* (*иjи*), *слабии*, *ріавии*. Слѣдующій за Сербскимъ Хорватскій языкъ уже допускаетъ *-ši* рядомъ съ *-ji* и даже однимъ и тѣмъ же словамъ придаетъ оба образованія, на пр., *bogatši*, *-še*, *-ša* и *bogateji*, *-je*, *-ja*; онъ же не во всѣхъ уже словахъ допускаетъ опущеніе образователя *k*, но оставляетъ его несмягченнымъ, на пр., *mehkeši*; опущеніе и смягченіе допускающихъ не много, и они стоятъ въ немъ въ видѣ исключенія, на пр., *kratek—krajši*, но можно сказать и *kratkeši*, *tenek—tenši* и *tenji*, *glibok—glibši* и *glibljі*, а также *gliblеši*. Также въ немногихъ оставляетъ онъ полугласную, предшествующую *-ji* или *-ši*, не озвукотворенною; но обыкновенно озвукотворяетъ ее въ *e*: это *-eji*, *-eši* отвѣчаетъ Ц.-Слав. первоначальному -[illegible], потомъ -[illegible] и наконецъ -[illegible] и -[illegible]; оно обнаруживаетъ скрытое присутствіе въ -[illegible] и -[illegible] полугласной и образованіе формы чрезъ стяженіе. Хорутанскій перезвуковываетъ это *e* въ *i*. Но онъ идетъ уже далѣе, допускаетъ у себя рядомъ съ *-ši*, *-ji* также *-ějši* и *-ěji*, Ц.-Слав. -[illegible], -[illegible]; на пр.: *pravičniši*, *-še*, *-ša*, *pravičneji*, *-je*, *-ja*, *pravičnějši*, *slabši* и *slabji*, *gladkějši* и *gladkěji* и *gládši*, *težkějši*, *težějsi*, *težěji* и *téžji*. И такъ онъ соединяетъ въ себѣ всѣ пріемы образованія; иногда одно слово имѣетъ четверoccкій видъ сравнительной степени: въ немъ различіе пріемовъ основано на благозвучныхъ условіяхъ. Производный образователь *k* отбрасывается и не отбрасывается; въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ смягчаться и не смягчаться, на пр., *kratkějši* и *kratčějši*, вм. *kratčějsi*, *kratčěji*

и т. п.; звуки *d* и *t*, смягчаясь, пропадаютъ, какъ и у Хорватовъ: *krajši*. Этотъ языкъ представляетъ, какъ и Д.-Булгарскій, самое обильное образованіе сравнительной степени. Не въ немъ форма именительнаго п., какъ она составилась, такъ и переходитъ во все движеніе. Чѣмъ далѣе подвигаемся на сѣверозападъ, тѣмъ образованіе становится ограниченнѣе и противуположнѣе югозападному или Сербскому: полнѣйшая форма съ *ш*, *š* начинаетъ усиливаться, а кратчайшая на одну гласную ослабѣвать. Въ Чешскомъ языкѣ уже большею частію видимъ *-egšj* или *-šj*, при чемъ производный образователь *k* или опускается, или, не опускаясь, смягчается; на пр., *wyšši* и *horčegšj*, *otročtegšj*. Только весьма немногія слова, числомъ около шести, принимаютъ *j*-ан, смягчая *k*, на пр., *horky—horčj*; но вмѣстѣ способны и къ формѣ *-egšj*. Польскій не знаетъ уже вовсе краткаго образованія, но всюду имѣетъ или *-szy*, или *-ejszy* съ обычнымъ смягченіемъ согласныхъ; производный образователь *k* опускается; нѣкоторыя слова имѣютъ обѣ формы. *Лужицкій* же имѣетъ только одно *-ši* или *-si* съ обычнымъ смягченіемъ согласныхъ. Въ немъ находимъ озвукотвореніе полугласной въ *i* въ словѣ *swěciši* отъ *swiaty* и однажды краткую форму въ *wěci* отъ *wulki*, *wilki* (великъ). Русскій также имѣетъ *-шій* или *-айшій*, *-ѣйшій*. Краткое образованіе въ Чешскомъ, Польскомъ, Лужицкомъ и Русскомъ сохранилось только въ среднемъ р., когда онъ употребленъ въ значеніи нарѣчія: Чеш. *-egi*, *-ěgi* или *-ě*, *-e*; Поль. *-iéj*, *-éj*; Луж. *-o* или *-e* съ мягкою согласною; Рус. *-ѣе*, *-е*. Въ Лужицкомъ однако есть уже и для нарѣчій *-šo* и *-išjo*, *-isjo*. И такъ исключительное на югозападѣ или въ Сербіи краткое образованіе уменьшается по мѣрѣ разселенія Славянскаго племени на сѣверозападъ и востокъ, и у крайняго сѣверозападнаго народа, или у Лужичанъ, совершенно пропадаетъ: здѣсь образованіе съ *š* вторгается даже въ область нарѣчія. Эту противуположность мы не разъ видѣли и прежде въ другихъ случаяхъ. На сторонѣ Лужичанъ стоятъ на востокъ отъ нихъ живущіе Поляки и Русскіе. Средину занимаютъ Хорваты, по мѣсту жительства и употребленію краткой формы, приближающіеся къ Сербамъ, и Хорутане, какъ посредствующій въ этомъ случаѣ народъ, развивающіе въ обиліи ту и другую формы, но уже нѣсколько склоняющіеся къ образованію съ *š*, которое вполнѣ господствуетъ у живущихъ на сѣверъ отъ нихъ Чеховъ; Чехи послѣдніе имѣютъ еще кое-гдѣ краткую форму, которая за тѣмъ вовсе пропадаетъ у живущихъ на сѣверъ и востокъ отъ нихъ *Лужичанъ*, Поляковъ и Русскихъ. Здѣсь память объ ней хранится только въ нарѣчіи. Конечно, тутъ не столько дѣйствуютъ земельныя условія, сколько степень развитія языка. Д.-Булгары представили древнѣйшее, полнѣйшее образованіе; Хорутане, какъ живущіе среди горъ, цѣльнѣе сохранили его, прочія нарѣчія ушли впередъ въ своемъ развитіи, которое не всегда ведетъ къ успѣхамъ, но чаще, въ отношеніи языка, приноситъ скудость и обобщеніе формъ. Такъ и здѣсь движеніе Славянскаго языка выразилось въ переходѣ отъ преобладанія кратчайшаго -и(ши), -ши къ преобладанію полнѣйшаго *-ši*, *-ejszy*, *-айшій*, *-ѣйшій*. Упадокъ отличительнаго окончанія въ женскомъ р. -ши оказался весьма рано; отличіе сохранилось только у Д.-Булгаръ. Уже Д.-Чешская письменность, самая ранняя послѣ Д.-Булгарской, образуетъ женскій р. отъ формы мужескаго; такъ: *-ěji*, *-ějá*, *-ějé*; *-ějši*, *-ějšjá*, *-ějšjé*, *-ši*, *-šjá*, *-šjé*. Превосходная степень не имѣетъ у Славянъ своего особаго образованія. Она составляется или изъ положительной, или изъ сравнительной чрезъ приставку къ началу различныхъ словъ, *все*, *пре*, *на* и т. п. и возникшей изъ *на* или *надъ* частицы *най*.

Д.-Сербская письменость мало доставляетъ примѣровъ сравнительной степени для именительнаго и равнаго ему винительнаго пп.: въ церковныхъ гр-хъ она приняла Ц.-Слав. -ѣи и -ѣиши, а въ народныхъ -и или -ии, отвѣчающее нынѣшнему -и, -ији: ѹтѣшнший, гдѣ значекъ ̀ намекаетъ на -ии, (А. № 18), ѹьстнѣйшіи (Г. V), старѣи (Мл.). Первыя двѣ формы суть явное подражаніе Ц.-Славянскому языку; третья удержала Д.-Булгарскій звукъ ѣ, который у Сербовъ есть и въ -ије: отъ того Западная гр-а употребила уже народное образованіе старии (С. № 102). Средній р. въ церковной -ѣе: [illegible] и [illegible] (С. № 176). Ц.-Славянское [illegible] Сербы нынѣ произносятъ *веће*; ту же форму находимъ и въ ихъ древнихъ народныхъ памятникахъ: вѣћи, ибо и сдѣсь Славяне имѣютъ -и, вм. Ц.-Слав. удлиненнаго -ии. Отъ вѣћи въ среднемъ р. находимъ вѣће, -е, -е. [illegible], -и, веке (С. № 96, 98, 100—105, 116, 117, 119, 124, 125, 127, 135, 139, 141, 146—148, 159, 162, 172). Такъ Ц.-Слав. болии нынѣ у Сербовъ *бољи*, *-е*, *-а*, и въ старину въ женскомъ р. боля, т. е., болии (С. № 79). Превосходная степень образуется или изъ положительной съ на: [illegible] (С. № 157), [illegible] (вин. ед. жен., С. № 159), съ нај: [illegible] (С. № 157), и най- [illegible], -ѝ (С. №№ 73, 91, 111, 137), или изъ сравнительной съ нај: наим(а)лѣи, нынѣ *најмлађи*, (С. № 156); или же наконецъ сравнительная ст. съ образованіемъ ш получаетъ въ церковно-дарственныхъ гр-хъ, какъ и въ Ц.-Славянской письменности, значеніе превосходной, что впрочемъ, возможно было лишь съ теченіемъ времени и съ забвеніемъ первичнаго смысла формы. Нынѣ такого употребленія у Сербовъ не находимъ, кромѣ случаевъ, относящихся къ вѣроисповѣдному выраженію или имъ подобнымъ. На пр. въ нашихъ памятникахъ: ѹтѣшнший (А. № 18) и пр. т. п. Возможность этого употребленія объясняется смысломъ превосходства при сравненіи со всѣми. Наконецъ превосходная степень выражается въ нашихъ памятникахъ еще чрезъ придачу все, пре къ положительной. Движеніе распадается на Ц.-Славянское и народное. Въ первомъ ш и часто удлиненная падежная гласная въ опредѣленномъ в.; во второмъ нѣтъ ш и одна падежная гласная; женскій р. не имѣетъ ш. Такъ въ родит. п. ед. ч. муж. р.: [illegible], гдѣ, по правописанію грамоты, ѣ=и; эта форма отвѣчаетъ нынѣшней на *-ии*, *-иега* (С. № 77). Подобно ей образована, съ сохраненіемъ однако Ц.-Слав. ѣ вм. и, старѣега (3.); собственно по народному слѣдовало бы сказать старииега. вѣћега (С. № 77), [illegible], т. е., -иега, нынѣ *мањи*, (С. № 121). Въ мѣстномъ ед.: по [illegible] (С. № 89). Въ винит. ед. жен. р.: [illegible]—Ц.-Славянское образованіе (А. № 17), [illegible], -ѣю, -ѣю — народное (С. №№ 87, 108, 109, 112, 121—123, 126, 128, 157, 161, 163). Въ имен. п. мн. ч. муж. р.: старѣиши (С. № 15)—единственный примѣръ Ц.-Славянскаго образованія въ Западной гр-ѣ; онъ, быть можетъ, свидѣтельствуетъ, что нѣкогда и Сербы имѣли образованіе съ ш, какъ нынѣ сохранили его въ трехъ словахъ. Впрочемъ, мы замѣчали не разъ, что въ XIII-мъ в. письменный языкъ Западныхъ гр-ъ ближе подходилъ къ языку Восточныхъ. Но сличимъ эту грамоту съ гр-ю С. № 4, съ которой она списана. Въ послѣдней читаемъ: мои старѣ (у Ш. № VIII—старѣи) [illegible] старѣишими; а въ гр-ѣ С. № 15: мои старѣиши [illegible] старѣишими. Теперь мы понимаемъ, откуда взялось старѣиши: писецъ, видя двѣ форму, одну безъ ш въ именительномъ п., а другую съ ш въ творительномъ, произвелъ отъ послѣдней и первую, замѣнивъ -ими чрезъ -и. старѣ, вѣроятно, стянуто изъ старѣи, какъ у Шафарика: ѣ указываетъ на Ц.-Славянское образованіе а вся форма безъ ш принадлежитъ уже народному склоненію; нынѣ Сербы скажутъ *мои*

старии (*старији*). Тѣмъ не менѣе творительный съ **ш** указываетъ на возможность такого образованія въ народѣ. Смѣшанныя формы находимъ въ церковно-дарственной гр-ѣ С. № 176: **горши и окайши**. Первое, вѣроятно, стоитъ вм. **горше**, но Ц.-Слав. **-е** было забыто, какъ и въ причастіяхъ; нынѣ *гори*. Второе имѣетъ еще **-ѣ**, но въ движеніе вступило безъ **ш** по народному. **веки**, т. е., **веħи** есть уже вполнѣ народная форма (З.), и въ женскомъ р. ей отвѣчаетъ **веħе**, **веће** (С. №№ 108, 112, 115, 126). Но въ противуположность ей находимъ въ среднемъ р. чисто Ц.-Славянскую форму въ церковно-дарственныхъ гр-хъ: неопредѣленнаго в. **оунылша** (А. № 1), **ко́лша** (А. № 5) и опредѣленнаго **сладшаа** (А. № 7), **множаишаа** (Г. V). Въ дательномъ п. мн. ч. жен. р. **свѧтѣишїимь** (А. № 16) и въ творительномъ муж. р. **сїѧнне́ишими** (Мл.) — въ формѣ Ц.-Славянской, но послѣднее уже на **-ими**, какъ и **старѣишими**, **старѣшими** (С. №№ 4, 15) вм. **-ими**. Средній р. переходитъ часто въ нарѣчіе. Мы встрѣчаемъ: **веће**, **-ε**, **-и**, **веке**, **веħе** (С. №№ 55, 77, 79, 88, 108, 114, 126, 127, 146, 164, 173, 176) и **воле**, **-е**, **-и**, **-е** (С. №№ 77, 89, 92, 101, 102, 114), **колше**, **-е**, **кольше** (С. №№ 50, 66, 101, 102). Послѣднее слово имѣетъ такое же значеніе, какъ и *веħе*; нынѣ *боље* значитъ «скорѣе» и «лучше». Форма на **-ше** и самое значеніе мало говорятъ въ пользу ея народности: вѣроятно, она была заимствована изъ современной Ц.-Славянской письменности, хотя и легко держалась въ грамотахъ.

Движеніе *числительныхъ* именъ дополнимъ нѣсколькими словами объ ихъ составленіи въ Д.-Сербскомъ книжкомъ языкѣ и тѣмъ заключимъ статью о склоненіяхъ. Единицы имѣютъ общеславянское наименованіе и такое же образованіе, какъ количественныя, такъ и порядковыя. Отъ 10 до 20 оне составляются съ предлогомъ **на**; въ порядковыхъ измѣняются въ формѣ только единицы, а **десете**, **десте** или **десеть** остается безъ перемѣны, на пр.: **петинадесете** (С. № 88), **шестинадесете** (С. № 99), **вторинадесе̑те** (С. № 146), **четврътинадесе̑те** (С. № 147) и т. д. Въ первый разъ находимъ форму съ нынѣшнимъ звуковымъ измѣненіемъ въ гр-ѣ С. № 115: **двананесе̑**, и снова пропадаетъ она. Исключеніе только однажды встрѣчается въ выраженіи **девето на де̑те** (С. № 96). Для 20 употребляется форма **дъвадесети**, **двадести**, **-сети**, **-сети**, **двадесети**, **-сти** (А. И.; С. №№ 19, 20, 82, 96, 100, 104, 106—109, 115, 130, 158), въ которой **и** объясняется двойственнымъ числомъ подъ вліяніемъ **дъва**. 30 и 40 представляютъ сочиненіе **три** и **четири** съ именительнымъ п. мн. ч. отъ **десеть**: **трѣ- тридесети**, **-десети**, **-дести**, **-де̑ти** (С. №№ 112, 115, 119, 123, 130, 157, 158), **четиридесети** (С. №№ 119, 130, 158); но и **четиридесеть** (А. № 19; С. № 165), какъ слѣдующія съ 5 до 9 сочиняются уже съ родительнымъ п. мн. ч. **десеть**. Порядковыя отъ 20 до 100 измѣняютъ только послѣднюю часть, на пр., **двадесетни**, **двадести** (С. №№ 83, 124). Образованіе отъ 20 до 100 общеизвѣстное. 200 звучитъ **двиста**, **двѣста**, **двесте**, **двесте**, **двестѣ**, **в̇. стѣ** (С. №№ 79, 112, 121, 124, 125, 146, 147), а индѣ съ перезвукомъ **ѣ** въ **и**: **двисти**, **двести**, **двести**, **двести** (С. №№ 112, 115, 126, 130, 151, 169): здѣсь **сто** употреблено въ формѣ двойственнаго ч.; **три** и **четири** требуютъ именительнаго п. мн. ч., на пр., **трѣ- триста**, **четириста** (мн. р.), а прочія родительнаго. Исключенія маловажны: **двиста** (С. № 152), **г̃. сатъ** (С. № 127). **тисуħа** иногда замѣняется словомъ **хилада**. 1000000 выражается чрезъ **тисуħа тисућь** (С. № 130). Въ порядковыхъ числительныхъ форму измѣняютъ тысячи и единицы, на пр., **тисуħно триста и деветьдесеть и седмо лѣте** (С. № 82), **въ лѣто тисуħно триста и деве̑деть и девето** (С. № 86).

Припомнимъ себѣ важнѣйшія явленія въ движеніи прилагательныхъ, причастій и числительныхъ порядковыхъ, слѣдующихъ одному и тому же склоненію съ тою только особенностію, что послѣднія имѣютъ одинъ опредѣленный видъ. Движеніе всѣхъ этихъ частей рѣчи одинаково съ движеніемъ тѣхъ мѣстоименій, которыя въ неопредѣленномъ в. слѣдуютъ существительному склоненію, а въ опредѣленномъ имѣютъ первоначальное сложное движеніе, существительное съ указательнымъ мѣстоименіемъ, отъ времени слившееся въ одну форму. Этотъ опредѣленный в. принадлежитъ и сейчасъ разсмотрѣннымъ частямъ рѣчи. Первичнаго или простаго опредѣленнаго в., который присутствуетъ въ мѣстоименіяхъ, они не имѣютъ. Прилагательныя доставили нѣсколько образцовъ древнѣйшей формы, какъ: дѣкам, вьдовам, бань, степань, кнежь, владисавља и пр. Замѣтна уже любовь къ окончанію -ть, на пр., становать, [illegible] и пр.; неопредѣленный в. -сь уже не встрѣчается. Во всѣхъ этихъ и другихъ образовательныхъ окончаніяхъ Д.-Сербское прилагательное сходится съ Д.-Булгарскимъ и обильнѣе ими, чѣмъ нынѣшнее. Причастіе представляетъ тоже различныя окончанія, которыя нынѣ замѣтно оскудѣли въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Исходы здѣсь всѣ тѣ, которые имѣетъ и Д.-Булгарскій языкъ. Кромѣ того, здѣсь дано уже право равнаго гражданства полнѣйшимъ формамъ муж. и средн. р. -щи, -ще, -ши, -ше, тогда какъ Д.-Булгарскій языкъ первоначально не допускалъ щ и ш въ именительномъ и винительномъ пп. ед. ч. муж. и средн. р., предоставляя ихъ только женскому р. Тѣмъ не менѣе колебаніе и переходъ нѣкоторыхъ въ неподвижность уже оказался у насъ съ XIII-го в. Такъ причастіе дѣйствительнаго з. настоящаго вр. муж. и средн. р. неопредѣл. в. на -ѧ, -ы и опредѣленнаго на -ѧи, -ии, -ыи является, какъ причастіе, преимущественно въ Восточной семьѣ, особливо въ опредѣленномъ в. почти исключительно въ церковныхъ гр-хъ. Форма -ыи, даже не переписанная въ -ии, есть чистое заимствованіе у Ц.-Славянскаго языка. Въ Западной семьѣ неопредѣленный в. становится уже неподвижнымъ, уклоняется отъ согласованія и принимаетъ значеніе дѣепричастія. Другой исходъ муж. и средн. р. есть -ћи или -ћии, -ће, индѣ съ замѣнительными и вм. щ или ћ. Эта причастная форма опредѣленнаго в. принимаеть въ употребленіи смыслъ прилагательнаго или дѣепричастія; во второмъ случаѣ она измѣняетъ иногда окончаніе -ћи въ -ће: то и другое дѣлается безразличнымъ. Женскій р. исходитъ на -щи, -ћи, въ опредѣленномъ в. -щия. Употребленіе этихъ окончаній ограничено Восточными и почти одними церковными гр-ми. Причастіе прошедшаго вр. муж. и средн. р. хотя и имѣетъ краткую форму на -ь (-ъ и -ь), въ опредѣленномъ в. -и или -ии, -ыи, однако оставляетъ ее за одними церковными гр-ми, или богословіемъ, какъ заимствованіе; неопредѣленный в. -ь является уже и въ церковныхъ грамотахъ въ смыслѣ дѣепричастія. Форма на -въ, въ опредѣленномъ в. -ви, -вии, имѣетъ ту же область употребленія, какъ и предыдущая; неопредѣленный в. -въ въ Западныхъ гр-хъ переходитъ въ дѣепричастіе; опредѣленный предоставленъ лишь церковнымъ грамотамъ. Другой исходъ, -ьши, -ьше, встрѣчается весьма рѣдко и какъ безличное выраженіе: почьйше, рекше. Языкъ явно склоняется къ исходу -вши, -вше, который онъ употребляетъ для причастія и дѣепричастія; въ послѣднемъ безразлично употребляются та и другая форма, но -вше въ послѣдствіи беретъ верхъ въ Западной семьѣ. Тамъ, гдѣ только можно, Западныя гр-ы ставятъ уже дѣепричастіе. По всему видно, что языкъ держится преимущественно тѣхъ же формъ, какія существуютъ нынѣ, -въ и -вши: дѣепричастная форма на -вше является

принадлежностію того времени и не есть средній р., но перезвукъ изъ -ши.
Причастія страдательнаго з. исходятъ на -мь. -ми. -е, -а и -нъ, -тъ, -ни, -ти, -е, -а. Въ формѣ настоящаго вр. уже замѣтно оскудѣніе.

Движеніе неопредѣленнаго в. ясно выразилось въ родительномъ, дательномъ и мѣстномъ пп. ед. ч., дательномъ, творительномъ и мѣстномъ пп. мн. ч. Окончаніе родительнаго ед. муж. и средн. р. есть -а -ꙗ, жен. -ѥ и -и (ы). Послѣдняя форма есть чистое заимствованіе изъ Ц.-Славянскаго языка. Сербскій языкъ перезвуковалъ -ѧ и -ы въ -ѥ и въ немъ слилъ оба вида. Впрочемъ, въ XIII-мъ в. находимъ кралѥвѥ, народную форму неопредѣленнаго в. въ церковной гр-ѣ; другія же церковныя гр-ы, до конца XV-го в., вмѣстѣ съ -ѥ употребляютъ иногда -и, -ы Дательный исходитъ въ муж. и средн. р. на -ꙋ, въ жен. на -ѣ, -и. Въ XIII-мъ в. Западныя гр-ы имѣютъ еще -ѣ передъ которымъ не смягчаютъ гортанной: градьскѣ, но въ XIV-мъ и XV-мъ -и: хлъмьсци. Сюда подходитъ -и причастій, которое постоянно употребляется для причастій въ церковныхъ гр-хъ. Мѣстный смѣняетъ съ теченіемъ времени -ѣ на -ꙋ: сдѣсь главное участіе принимаютъ Западныя гр-ы конца XIV-го и всего XV-го в. Въ XIV-мъ еще обѣ формы въ нихъ равносильны, а Восточныя предпочитаютъ -ѣ, хотя въ нѣкоторыхъ, какъ и въ Законникѣ, есть и -ꙋ; но въ XV-мъ стоитъ уже одна на -ꙋ, -ю во всѣхъ семьяхъ. Женскій р. до XV-го в. имѣетъ еще -ѣ, но въ XV-мъ -и и -ѣ. Одна только Аѳонская гр-а XII-го в. представила форму причастія на -и. Для дательнаго и творительнаго мн. только памятники Восточной семьи предложили нѣсколько примѣровъ, для перваго -омь, -емь, для втораго -и муж. р. и -ами жен. р. Въ нихъ же находимъ и примѣры для мѣстнаго муж. р. -ѣхь (ѣхь), жен. -ахь. Другіе падежи, по причинѣ стяженія, лишаютъ насъ возможности опредѣлить видъ положительно, а нѣкоторые не имѣютъ вовсе неопредѣленнаго в. Такъ родительный ед. жен. въ -ѥ, именительный и винительный мн. всѣхъ родовъ, въ -и. -а, -ѥ, мѣстный мн. въ -ѣхь соединяютъ оба вида; равно творительный ед. жен. съ -ою, -омь постоянно служитъ для обоихъ видовъ. Нельзя однако совершенно не признавать присутствія неопредѣленнаго в., въ этѣхъ формахъ ибо если онъ въ другихъ случаяхъ обнаруживается, то и сдѣсь мѣстами долженъ быть.

Опредѣленный в. въ винительномъ ед. жен. представляетъ полнѣйшую форму -ꙋю, -юю, которая встрѣчается въ Восточныхъ гр-хъ всѣхъ вѣковъ, и кратчайшую -ꙋ, -ю, находящуюся во всѣхъ грамотахъ и всѣхъ вѣкахъ; индѣ она принадлежитъ неопредѣленному в. Родительный ед. муж. и средн. представляетъ двѣ главныя формы: -аго, въ пятеро сильнѣйшую, чѣмъ -ааго и -ога, порознь взятыя въ Восточной семьѣ; -ааго живетъ почти исключительно въ Аѳонскихъ гр-хъ. Зетскія и Турецкія гр-ы, какъ посредствующія между тою и другою семьею, однѣ со стороны Восточной, другія со стороны Западной, уже оказываютъ предпочтеніе народной на -ога, а прочія Западныя гр-ы уже съ XII-го в. почти исключительно знаютъ одну только на -ога. Рѣдкая переходная есть -ого. Народная форма жен. р. есть -ѥ, а перезвукованная Ц.-Славянская -ыѧ; послѣднюю церковныя гр-ы любятъ гораздо болѣе первой; ее же усматриваемъ раза три въ другихъ собственно-Сербскихъ гр-хъ XIII-го в. но этимъ и ограничивается ея употребленіе. Всѣ прочія грамоты всѣхъ семей рѣшительно отдаютъ преимущество народной. Замѣтимъ еще вытянутую -ииѥ. Дательный ед. въ церковныхъ гр-хъ удержалъ кое-гдѣ для муж. и средн. р. -ꙋмꙋ, но общею формою есть -омꙋ, -емꙋ Для жен. р. нѣкоторыя Восточныя гр-ы еще имѣютъ -ѣи, а для причастій -ии, но та и другая переходятъ въ.

общую -ои, -ии. Въ творительномъ муж. и средн. преобладаетъ форма -имь; но церковныя гр-ы присоединяютъ къ ней полнѣйшую -иимь, -ыимь. Уже въ XIII-мъ в. одна церковная гр-а начинаетъ форму -ѣмь, и потомъ эту форму поддерживаютъ другія грамоты того же вѣка, и Западныя XIV-го и XV-го вв. усиливаютъ ее. Она писалась также чрезъ -имь, -немь, -ммь, -ѣмь и произносилась какъ -ѣмь, -емь и -иемь. Но преобладающею и всемѣстною остается все таки -имь. Неопредѣленнаго в. сдѣсь уже нѣтъ. Въ женскомъ р. -ою еще господствовало въ XII-мъ и XIII-мъ вв.; въ послѣднемъ стало показываться -омь. Въ послѣдній разъ находимъ -ою въ Аѳонской гр-ѣ первой четверти XIV-го в. За тѣмъ оно совершенно исчезаетъ, и формы -ою, -ою и -омь дѣлятъ между собою область употребленія. Первыя остаются за церковными гр-ми и богословіемъ нѣсколькихъ Западныхъ. Всѣ эти формы совокупили въ себѣ оба вида, такъ что безразличіе полное. Мѣстный п. представляетъ въ церковныхъ гр-хъ смѣшеніе народной формы -омь, -ѣмь со стянутою Д.-Булгарскою -ѣмь. Встрѣчается перезвукъ -имь вм. -ѣмь, на пр., [illegible], а также -ниемь и наконецъ -ниимь: [illegible], [illegible]. Въ XV-мъ в. два раза показался мѣстный на -омх: отъ того всѣ предыдущіе и ранніе случаи подобной формы съ предлогомъ но должны быть отнесены къ дательному. Они находятся въ XIII-мъ в. въ разныхъ грамотахъ, а въ XIV-мъ и XV-мъ преимущественно въ Восточныхъ, хотя и Западныя усвоиваютъ себѣ нѣкоторыя обычныя выраженія. Впрочемъ въ XV-мъ в. и церковныя употребляютъ индѣ сочиненіе съ мѣстнымъ. Въ женскомъ р. только нѣкоторыя церковныя гр-ы совмѣстили Д.-Булгарскую форму -ѣи, стянутую изъ -ѣии, и народную -ои, -ои. Прочія имѣютъ постоянно послѣднюю. Въ именительномъ мн. муж. церковныя и нѣкоторыя другія собственно-Сербскія гр-ы сохранили различіе между -ии для прилагательныхъ и числительныхъ и -еи для причастій, хотя для послѣднихъ уже допускается и форма -ии. Неопредѣленный в. исходитъ въ нихъ на -и и -е. Но остальныя, равно какъ и Западныя, постоянно имѣютъ -и. Въ женскомъ р. общимъ исходомъ есть -е, но изрѣдка въ церковныхъ гр-хъ, Законникѣ и богословіи Западныхъ гр-ъ встрѣчается перезвукованная Д.-Булгарская форма -ыя. Въ винительномъ оба рода имѣютъ въ XII-мъ в. -ие, для причастій -еѣ, перезвукъ Д.-Булгарской формы, и -е; въ XIII-мъ одно -е, въ XIV-мъ и XV-мъ въ церковныхъ и немногихъ другихъ гр-хъ -ие, -ее и -е, а въ остальныхъ одно -е. Можно кое-гдѣ видѣть въ -е перезвукъ формы неопредѣленнаго в. -ы, -я; но по большей части оно есть народная форма, совокупляющая въ себѣ оба вида. Средній р. имѣетъ въ обоихъ падежахъ -аа въ церковныхъ гр-хъ, Законникѣ и изрѣдка въ другихъ Восточныхъ и Западныхъ памятникахъ, въ которыхъ преобладаетъ уже -а, соединяющее въ себѣ оба вида. Въ родительномъ мн. одна грамота собственной Сербіи употребила -иихь, которое смѣняется съ -ихь въ церковныхъ и трехъ другихъ собственно-Сербскихъ гр-хъ и въ Законникѣ; въ прочихъ же грамотахъ -ихь. Въ XIII-мъ в. въ одной Дубровницкой и въ XIV-мъ в. въ двухъ церковныхъ попадается форма -ѣхь, но она не учащается въ XV-мъ в. въ Восточной семьѣ; за то въ Западной становится равносильною съ -ихь, измѣняясь въ -ехь, -иехь, -иехь и т. п. Опущеніе сдѣсь х обнаружилось въ двухъ случаяхъ въ концѣ XV-го в. Сдѣсь вовсе уже нѣтъ неопредѣленнаго в. Дательный, творительный и мѣстный имѣютъ каждый свою особую форму. Въ нихъ происходитъ то же явленіе, какое и въ предыдущемъ падежѣ: полныя или Ц.-Славянскія формы -иимь, -ыимь, -иими, -ыими, -иихь, -ыихь являются въ церковныхъ гр-хъ совмѣстницами съ болѣе краткими народными -имь, -ими, -ихь. Остатки ихъ показываются и въ нѣко-

торыхъ другихъ собственно-Сербскихъ и отчасти Западныхъ гр-хъ, стоящихъ подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, равно и въ Законникѣ. Но, какъ перезвукъ послѣднихъ, изъ XII-го, XIII-го и XIV-го вв. идутъ формы -ѣмь, -ѣми, -ѣхъ, начинающіяся болѣе въ Восточныхъ, даже Аѳонскихъ, чѣмъ Западныхъ гр-хъ этихъ вѣковъ, терпимыя въ обѣихъ семьяхъ, но учащающіяся и дѣлающіяся равносильными въ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-го вв. Въ нихъ ѣ выражается индѣ чрезъ е, ие, не, ие съ тремя главными произношеніями: какъ *е*, какъ *е* и какъ *ие*. Вообще же смѣна и съ ѣ есть одно изъ главнѣйшихъ звуковыхъ явленій Сербскаго языка. И нынѣ во всѣхъ этихъ падежахъ есть тоже двойственныя формы съ *и* и *ие*. Звательный п. сходенъ съ именительнымъ. Окончаніе -е встрѣчается у насъ только въ неопредѣленномъ в. ед. ч. муж. р. прилагательныхъ и причастій страдат. з. прошедшаго вр. на -нь, и настоящаго на -мь. И такъ во всѣхъ падежахъ мы видимъ уже преобладаніе народныхъ формъ въ тѣхъ именно памятникахъ, которые стоятъ впереди повременнаго движенія письменнаго языка и служатъ лучшими указателями успѣховъ народности. Эти формы, отступая, по своей краткости, отъ Д.-Булгарскихъ, приближаются къ формамъ прочихъ Славянскихъ нарѣчій, отразившимъ общее временное движеніе Славянскаго языка въ упрощеніи и стяженію формъ словодвиженія. Причастія начинаютъ мало по малу подчиняться общему движенію и теряютъ свои отличительные исходы.

Самостоятельные пріемы Сербскихъ писцовъ отразились и здѣсь, хотя не въ такой степени, въ опредѣленнномъ в. [illegible], [illegible], третиига и т. п.

Гласное смягченіе находимъ въ ие, ѥ вм. е, какъ и въ мѣстоименіяхъ; ш и щ по той же причинѣ имѣютъ при себѣ е, на пр., -шомь, -щомь. Во всѣхъ падежахъ, гдѣ стоитъ ѣ, гортанныя смягчаются. Въ творительномъ ед. гортанныя начинаютъ смягчаться передъ -имь только уже въ XV-мъ в. и то не всегда. Въ именительномъ мн. муж. находимъ такое же смягченіе передъ -ии, -и, кромѣ одного случая въ концѣ XV-го в. Съ конца XIV-го в. это же смягченіе передъ -ѣ начинаетъ показываться въ родительномъ, дательномъ, творительномъ и мѣстномъ пп. мн. ч.; но только въ Западныхъ гр-хъ, и то не во всѣхъ, ибо другія его не допускаютъ: съ послѣдними сходятся всѣ Восточныя и Законникъ. На оборотъ, индѣ, хотя весьма рѣдко, въ Западныхъ гр-хъ встрѣчаемъ несмягченіе передъ ѣ: это показываетъ, что вообще народность не видѣла ощутительнаго различія между ѣ и и и, переводя одно въ другое при посредствѣ другихъ ближайшихъ звуковъ, подвергала и однимъ законамъ соединенныя съ ними гортанныя.

Обычные перезвуки и правописныя особенности не мѣшаютъ распознанію формъ. Главнѣйшіе изъ нихъ суть: перезвукъ е или и въ ѣ въ имен. ед.: [illegible], т. е., [illegible], [illegible]; ѣ въ е въ дат. ед. жен.: [illegible], [illegible], въ мѣстн. ед. муж.: златопечатлѣнѣмь, жен.: [illegible]; ѣ вм. и въ род. ед. муж.: [illegible]. Перестановка буквъ: -еи вм. -ие въ род. ед. жен.: [illegible] и пр. Удвоеніе гласныхъ не зависитъ отъ свойства формы; по этому -ааго можно не вездѣ принимать за древнѣйшее полнѣйшее образованіе, ибо и въ неопредѣленномъ в. находимъ -аа.

Замѣтимъ наружное согласованіе формъ: опредѣляющее принимаетъ форму женскаго р. по тому, что опредѣляемое, мужескаго р., имѣетъ движеніе по женскому.

Двойственное ч. такъ же отрывочно и слабо, какъ и въ предыдущихъ частяхъ рѣчи. Безъ числительныхъ оно является кое-гдѣ въ Восточныхъ гр-хъ и преимущественно церковно-дарственныхъ. Съ числительными два, оба, обадва оно соблюдается твердо; но лишь только опредѣляющее переходитъ въ сказуемое, какъ уже теряетъ точность употребленія: обадва [illegible] [illegible].

Различіе въ употребленіи неопредѣленнаго и опредѣленнаго вв. допускаетъ въ большинствѣ явленій, преимущественно въ древнѣйшихъ памятникахъ, объясненіе, основанное на внутреннемъ представленіи отношенія предмета къ его опредѣленію. Равное съ предметомъ по объему и сливающееся съ нимъ въ одно цѣльное понятіе, при чемъ предметъ является главнѣйшимъ въ этомъ понятіи, опредѣляющее ставится въ опредѣленномъ в. Меньшее по объему и приводящее предметъ изъ большаго въ свой меньшій объемъ, опредѣляющее ставится въ неопредѣленномъ в.. ибо мысль наиболѣе въ немъ сосредоточивается.

Сравнительная степень прилагательныхъ въ Западной гр-ѣ XIII-го в. представляетъ еще образовательное ш, котораго нынѣшніе Сербы не любятъ, но въ другихъ позднѣйшихъ гр-хъ она исходитъ на -и, отвѣчающее Д.-Булгарскому -ии, собственно тоже -и, и на -ии, Д.-Булг. -ѣи или нынѣшнее Сербское -*иjи*. Форма съ образовательнымъ ш остается въ церковно-дарственныхъ гр-хъ и по тому можетъ быть сочтена уже за подражаніе или уклоненіе отъ народност, которая нынѣ достигла почти полнаго ея отрицанія. Превосходная степень образуется чрезъ приставку нх или наи къ положительной, либо сравнительной степенямъ. Впрочемъ сила употребленія уже замѣтно придаетъ сравнительной степени съ образовательнымъ ш значеніе превосходной. Особая Д.-Булгарская форма именительнаго п. мн. ч. на -ѣ, какъ въ причастіяхъ, перешла у Д.-Сербовъ въ общую на -и: старѣши въ гр-ѣ XIII-го в., хотя такъ же вѣроятно и то, что здѣсь стянутый опредѣленный в. ви. Д.-Булг. -ии.

Всѣ выводы сходятся къ заключенію, что въ склоненіяхъ Д.-Сербскій книжный языкъ, нося въ себѣ живое начало, выразилъ общее повременное движеніе семьи Славянскихъ нарѣчій. Онъ, какъ и всякая другая Древнеславянская письменность, стоитъ на дорогѣ отъ племеннаго единства къ отдѣльной особности каждаго нарѣчія. Остатки первичнаго словообразованія вмѣстѣ съ позднѣйшими обычными формами, самостоятельные пріемы въ образованіи простаго опредѣленнаго в. мѣстоименій и усиліе доставить ему возможно полное движеніе, сохраненіе различія формъ въ трехъ падежахъ множественнаго ч., производство нѣкоторыхъ формъ мн. ч. отъ именительнаго п. мн. ч., слѣды двойственнаго ч., стяженіе полной формы опредѣленнаго в., обращеніе причастія въ дѣепричастіе: далѣе: собственная форма звательнаго ед. для нѣкоторыхъ прилагательныхъ и причастій, собственная форма винительнаго для именъ одушевленныхъ при болѣе обыкновенномъ употребленіи родительнаго п., исконное происхожденіе формъ на -е вмѣсто носовыхъ звуковъ, усиленіе въ нѣкоторой степени образовательныхъ ок и ек въ дательномъ и преимущественно въ падежахъ множ. ч. именъ существительныхъ, постепенный переходъ отъ древнѣйшаго -ѣ къ позднѣйшему -и въ дательномъ и мѣстномъ ед. жен. р., переходъ отъ -ѣ и -и къ -у и -ю въ томъ же падежѣ муж. и средн. р., самостоятельное окончаніе -омь твор. ед. жен. и смѣна его таковымъ же позднѣйшимъ -омь; возрастающее забвеніе собирательнаго значенія -ие и -ове, -еве, равно какъ подчиненіе послѣднихъ общему исходу въ -ови, -еви, употребленіе исхода -е въ имен. мн. муж., возникшее со временемъ озвукотвореніе ь въ род. мн. именъ существительныхъ, позднѣйшее усиленіе окончаній -ѣхь, -ѣмь, -ѣми вм. -ихь, -имь, -ими; наконецъ повсюдное, хотя и разномѣрное присутствіе Ц.-Славянской стихіи и возрастающее преобладаніе народности: все это, какъ и многія другія частности въ образованіи и звуковыхъ видоизмѣненіяхъ формъ придаютъ Д.-Сербскому книжному языку тотъ обликъ, по которому можно сейчасъ же отличить его отъ другихъ современныхъ ему и вообще родственныхъ языковъ.

ГЛАВА VI.

СПРЯЖЕНІЯ.

Приступая къ движенію *глаголовъ*, я долженъ повторить ту же мысль, какую высказалъ въ началѣ предыдущей главы. Формы, хранилище мысли, подверглась меньшимъ измѣненіямъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, чѣмъ звукъ или внѣшній образъ, вещество слова. Изслѣдованіе движенія именъ въ области Д.-Сербской письменности доказало ее, представивъ менѣе, чѣмъ въ звукахъ, подвижности и мѣстныхъ, или временныхъ видоизмѣненій. То же и еще болѣе докажетъ изученіе глагола, который, какъ главное средоточіе мысли, цѣльнѣе и однообразнѣе пребываетъ у Славянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Д.-Сербской письменности предлагаетъ взору изслѣдователя болѣе общія формы, свойственныя всѣмъ вѣкамъ и мѣстностямъ. Это свойство его избавляетъ насъ отъ обязанности просматривать огромное количество примѣровъ, когда въ нихъ нѣтъ историческаго движенія, и позволяетъ быть болѣе краткими, предоставляя все общеславянское и словоученію общеславянскому.

Д.-Сербскій глаголъ, какъ застаемъ его въ нашихъ памятникахъ, имѣетъ тѣ же самые залоги и виды, какъ и вообще Славянскій глаголъ; образованіе ихъ равномѣрно такое же. По этому дѣленіе, повторенное послѣ Добровскаго многими Славянскими граматиками и между прочимъ въ новѣйшее время Даничичемъ для Сербскаго языка [1], можетъ быть примѣнено и къ Д.-Сербскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое значеніе различныхъ видовъ глаголовъ подчиняется общеславянскому строенію, которое своимъ разнообразіемъ превосходитъ другіе соплеменные языки. Приставка предлога въ началѣ и звуковыя измѣненія въ концѣ придаютъ различные оттѣнки значенію глагола и переводятъ его изъ одного вида въ другой. Въ этомъ отношеніи Славянскій языкъ не имѣетъ себѣ подобнаго между соплеменными языками. Звуковыми измѣненіями въ основѣ глагола, присоединеніемъ предлоговъ и частицъ, замѣною однихъ корней другими онъ вознаграждаетъ значительныя утраты, понесенныя имъ въ самомъ движеніи глаголовъ. Ни одно изъ нарѣчій не дошло до такого развитія различныхъ оттѣнковъ кратности дѣйствія или состоянія, какъ Чешское и Русское. Но и Сербское представляетъ не мало примѣровъ двойной и тройной формы вида для одного и того же начальнаго глагола. Ему отвѣчаетъ въ старину и книжный его языкъ, обнаружившій въ этомъ случаѣ самостоятельность и свободу образованія. Укажу на нѣкоторые примѣры учащательнаго вида, встрѣчаемые въ движеніи. Таковы на пр.: **нооучавати, обѣщавати, ꙁапрѣщавати, словоѣдавати, дарывати, давати, ꙁахвалити, кѹпꙋвати, поутовати, потрьѣбавати, благокаравати** и пр. Такъ какъ эти и имъ подобные глаголы произведены, большею частію,

---

[1] Мала Српска Граматика. У Бечу. 1850.

уже отъ именныхъ формъ, то при дѣленіи глаголовъ должно брать во вниманіе и происхожденіе ихъ, что указано и примѣнено отчасти Шлейхеромъ въ его ученіи о Ц.-Славянскомъ языкѣ; но такъ какъ этотъ предметъ относится собственно къ общеславянскому словоученію и не представляетъ никакихъ особенностей для одного какого либо нарѣчія, тѣмъ менѣе для отдѣла его, ограниченнаго извѣстнымъ временемъ, мѣстомъ и письмомъ, то мы и опускаемъ его, равно какъ и разсмотрѣніе залоговъ: то и другое понятно для всякого Славянина и лежитъ въ духѣ цѣлаго Славянскаго языка. Укажу только на примѣръ производства глагола отъ прилагательнаго на -ть, принадлежащій однимъ Д.-Сербскимъ писцамъ, именно, установитити однократнаго вида отъ становить (ср. С. №№ 89, 92, 99, 101—103, 114, 120, 132, 133, 136, 140, 145, 150). Корень я, давшій начало формѣ яти и съ отверженнымъ носовымъ звукомъ родственнымъ формамъ имати и имѣти, произвелъ у Сербовъ еще сложный однократный видъ съ образованіемъ на *и*: *примити*, какъ и въ древнихъ памятникахъ примити (ср. С. №№ 74, 78, 81, 82, 85, 86, 89, 93, 95—98, 103—108, 110, 112, 114—116, 119, 122—128, 130, 131, 134, 136, 138—140, 143, 144, 146, 150, 155, 157—159, 162—166, 169, 170, 171, 173; Мл.; Г. V) въ одномъ прошедшемъ вр. изъявительнаго, повелительномъ и неокончательномъ нн. Образованіе на и находимъ еще въ другомъ отыменномъ глаголѣ *печатити*, отъ *печат*, какъ и въ старину печатити (ср. С. №№ 86, 96, 100—102, 114—117, 119, 120, 126—128, 133, 136, 139, 150, 152, 157, 159, 169, 170, 171). Относительно различія видовъ приведу глаголъ, который въ старину, какъ и нынѣ, имѣетъ двѣ формы для оттѣнка кратности дѣйствія: это нынѣшній *платити* и *плаћати*, какъ и въ нашихъ памятникахъ платити и плакати или плаћати, очевиднѣе въ выраженіи: да платимо и плаћамо (С. № 83), да плаћа и плати (С. № 137; ср. С. № 111). Таковы подобные ему: тврьюмо и тврьдимо отъ тврьѣвати и тврьдити (С. № 89), да даваю и да даю (С. № 176) и пр. и пр.

Ближе всего перейти теперь къ *неокончательному* наклоненію, которое въ Д.-Сербскомъ письменномъ языкѣ, какъ и въ нынѣшнемъ, исходитъ на -ти. Здѣсь и есть коренное окончаніе, указывающее на именное образованіе, въ которомъ оно не успѣло ослабнуть въ ь, какъ въ именныхъ склоняемыхъ формахъ. Отъ того и въ Д.-Булгарскомъ видимъ ту же полную форму. Ее сохранили и нѣкоторыя другія нарѣчія, какъ-то, Хорватское, Хорутанское и Чешское. Послѣднее въ устномъ говорѣ обыкновенно опускаетъ *i*, а *t* звучитъ твердо. Оно составляетъ переходъ къ находящимся далѣе отъ него на сѣверъ Лужицкому и Полабскому, равно какъ на востокѣ Польскому, Б.-Русскому и В.-Русскому, которыя уже стянули полную форму, ослабивъ *и* въ *ь* и смягчивъ *т*. Послѣднее не смягчаетъ, *т* и нерѣдко, особливо въ пѣсняхъ, употребляетъ *-ти*. Но за то южнѣе, М.-Русское опять по большей части сохраняетъ *-ти* (*-ты*). Такимъ образомъ вся южная полоса Славянскаго говора отличается полною формою на *-ти*, а сѣверная стянутою на *-ть* съ ея видоизмѣненіями. Наконецъ на самомъ югѣ въ Булгаріи неокончательное н. съ своею формою вовсе потеряно. Д.-Сербскій языкъ тоже тщательно соблюдалъ окончаніе -ти, образуя съ нимъ форму по общеславянскимъ законамъ. Въ немъ окончаніе -ти приставляется или прямо къ глагольной основѣ, или съ помощію вставной образовательной гласной, либо цѣлаго слога оу, т. е., собственно двухъ образовательныхъ б-ъ: и, измѣняющей оттѣнокъ значенія кратности, и оу, заступающей здѣсь мѣсто другихъ образовательныхъ буквъ для содѣйствія приставленію

окончанія -ти. Въ этомъ наклоненіи глагольная основа не совершаетъ ни разведенія долгой, или носовой гласной, на пр., оу въ ов, ѫ, а въ ъм, ьм, ни разведенія согласныхъ, на пр., бр въ бер, какъ въ настоящемъ вр. изъявительнаго н.; равно и самая образовательная гласная не отвѣчаетъ связующей этого времени. Претвореніе и опущеніе согласныхъ передъ -ти отвѣчаетъ общимъ законамъ Славянскаго звукодвиженія. Въ упрекъ Д.-Сербскому языку нельзя ставить тѣхъ немногихъ разсѣянныхъ формъ съ -ть, которыя мы встрѣчаемъ въ нашихъ памятникахъ, какъ на пр.: сьхранить (С. № 39), сврьшить (С. № 61), ѹ- здрьжать (С. №№ 73, 91, 114, 126), послать (С. № 87), походить, хирьшить, ѕапетьтй (С. № 100), походить (С. № 102), ѡставить, вить, ѹздрьжать (С. № 104), хотѣть (С. № 106), примить (С. № 107), погиѵѣть, иѕѵвидѣть (С. № 108), иѕвадить, пѹѵстить, сиѣт (С. № 114), прѣстоять (С. № 115), потворять, ѹчинить (С. № 120), ѡгледать (С. № 127), погиѵѣть (С. № 126), ѹчатить (С. №№ 130, 141), говорить (С. № 149), тьмноѹть (Мл.). Нѣтъ сомнѣнія, что бо́льшая часть этѣхъ формъ принадлежитъ дѣйствительно неокончательному н.; однако нѣкоторыя стоятъ прямо подъ дѣйствіемъ другаго глагола и способнѣе могутъ быть отнесены къ достигательному виду того же наклоненія, или къ supinum,—говорю, того же наклоненія, ибо именное образованіе того и другаго сходно, и если первое является независимо и самостоятельно, какъ бы въ именительномъ п., отвѣчая подобному окончанію родственныхъ языковъ для существительныхъ, Санскр. *-ti*, Греч. Дорич. *-τις*, Лит. *-te*, Лат. стянутое *-s(t)*, или вытянутое *-tia*, *-tium*, *-tio*, то второе подчинено уже другому глаголу и является цѣлью его дѣйствія, слѣдовательно, представляетъ какъ бы падежъ винительный. Появленіе тамъ мягкой, а сдѣсь твердой полугласной показываетъ только независимое образованіе того и другаго. Первое обнаруживаетъ преимущественно женское образованіе, второе — образованіе средняго р. съ тою только особенностію, что сдѣсь Славяне ослабили до полугласной твердую исходящую гласную *у*, *u*, которая является въ Санскритскомъ *-tum* еще съ явнымъ значеніемъ винительнаго п. и вмѣстѣ неокончательнаго н., и въ Литовскомъ *-tu*, Латинскомъ *-tum*, *-tu*. И такъ первоначальное *-tum* перешло въ одномъ случаѣ въ *-ти*, которое не было собственно мягкимъ, хотя въ послѣдствіи и получило всѣ свойства мягкаго сочетанія; въ другомъ въ *-тъ*. Но образованіе на ъ не есть обязательное для всѣхъ глаголовъ. Въ Д.-Булгарскомъ, гдѣ достигательный видъ наклоненія сохраняется еще свѣжо и цѣло и гдѣ онъ вступаетъ въ древнѣйшіе письменные памятники, глаголы, основа коихъ исходитъ на гортанныя, изводятъ его, ради благозвучныхъ причинъ, на ь съ перезвукомъ твердой согласной въ мягкую. Сдѣсь образованіе ближе къ неопредѣленному виду того же наклоненія, -ти, хотя нѣтъ надобности предполагать, чтобы упомянутые глаголы вовсе не имѣли достигательнаго вида. Привязанность Славянскаго языка къ этому виду выразилась въ томъ, что Хорватское, Хорутанское и Н.-Лужицкое, какъ и Чешское, доселѣ твердо сохраняютъ его, изводя на *-t*. Но въ старину онъ еще болѣе былъ любимъ, ибо соблюдался въ Д.-Чешскомъ и Д.-Русскомъ нарѣчіяхъ. Движеніе Славянскаго языка шло къ его забвенію. Слѣды его мы подмѣчаемъ и въ Д.-Сербскомъ. Между приведенными глаголами на -ть нѣкоторые стоятъ въ зависимости отъ другихъ, выражающихъ намѣреніе, желаніе, волю, и по тому очень легко могутъ быть поставлены въ достигательномъ видѣ. Такъ на пр. въ выраженіи: прѣдь погасе иѕнесе сан name ѕадпись ѡкорень ѡгледать явно присутствуетъ этотъ видъ. Если мы дадимъ об-

ширнѣйшій смыслъ понятію достиженія или цѣли 'стремленія и включимъ сюда глаголы **хотѣти**, **имати**, которые у Сербовъ служатъ также для выраженія понятія будущаго дѣйствія или состоянія, **моћи**, **повеляти** и т. п., то поймемъ, по чему преимущественно въ соединеніи съ этими глаголами является въ Д.-Сербскомъ языкѣ мнимо-неопредѣленный, собственно же достигательный видъ на -ть. Его мы видимъ: съ **хотѣти** въ С. №№ 39. 61, 100 (**укрьнить**), 104 (**остaвить, уздрьжать**), 120, 149; съ **имати** въ С. №№ 104 (**бить**), 108 (**изувидѣть**); съ **моћи** въ С. №№ 108 (**погинуть**), 114 (**изхадить**), 126; подъ это понятіе подходятъ еще выраженія: **не вольнь удрьжать** (ср. С. №№ 73, 91), **да су вольни походить** (С. № 100), **су дрьжани** (обязаны) **примить** (С. № 107), **нитко не смје тыкноуть** (Мл.). Съ **повеляхати** въ С. №№ 100 (**ханеути**), 130, 141. Подобный оттѣнокъ обязательства находимъ въ выраженіяхъ: **записуемосе бить** (С. № 104), **обетовали изустить** (С. № 114). Такое употребленіе этихъ глаголовъ еще болѣе уяснится, если въ предложеніе введемъ союзъ «чтобы», или частицу «да», которую и Сербы иногда ставятъ при этихъ глаголахъ, особливо при *оћу*: когда же снова силу союза, или частицы переведемъ въ глаголъ, тогда достигательный в. будетъ для него самымъ приличнымъ. Какъ бы то ни было, если два, ближайшія къ Сербскому, нарѣчія доселѣ не только на письмѣ, но и въ устахъ народа сохранили въ полномъ употребленіи достигательный видъ, то весьма естественно было и Сербскому въ старину удержать нѣкоторые слѣды этого вида; и удивительно еще, какъ столь мало сохранилось ихъ въ нашихъ памятникахъ, и какъ неограниченно уже становилось ихъ употребленіе. Полное смѣшеніе понятія достиженія съ понятіемъ простаго неопредѣленнаго вида, въ слѣдствіе чего и самый достигательный видъ, потерявъ основаніе и силу въ отдѣльномъ отличительномъ представленіи, долженъ былъ притти къ совершенному исчезновенію и уступить свое мѣсто сильнѣйшему дружкѣ, видимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: **кьде годи буде послать узети** (С. № 87), **хотѣть буде** (С. № 106), **нитко смѣтбуде** (С. № 114), **прѣстоить буде** (С. № 115). Ближайшее къ этому, по силѣ возрастающаго достигательнаго значенія, есть упомянутое употребленіе съ **хотѣти** и такъ далѣе съ другими глаголами, такъ что вышеприведенный примѣръ **огледать** будетъ уже настоящимъ достигательнымъ видомъ съ собственнымъ и положительнымъ значеніемъ.

То же именное образованіе замѣтно и въ *причастіи* на -лъ, -ло, -ла, служащемъ для описательнаго прошедшаго времени, и въ этомъ служеніи существующемъ у однихъ только Славянъ. Не слишкомъ удачно называютъ его причастіемъ спрягаемымъ прошедшаго вр.: оно само по себѣ не спрягается и не имѣетъ значенія минувшаго дѣйствія или состоянія; но сила употребленія до того связала его со значеніемъ прошедшаго не только въ минувшемъ, но и въ будущемъ времени, что оно иначе и не является въ Славянскомъ словодвиженіи, какъ съ этимъ значеніемъ. Это по тому, что оно не имѣетъ отдѣльнаго употребленія и стоитъ непремѣнно въ тѣсной связи съ другимъ глаголомъ, составляя съ нимъ какъ бы одно понятіе; но тѣмъ не менѣе позволительно видѣть въ немъ того же образователя -лъ, -ль, который присутствуетъ въ именахъ существительныхъ преимущественно въ языкахъ родственныхъ; ср. Санскр. *-la*, *-ra*, Греч. *-λος*, Лат. *-r*; у Славянъ большею частію среднягор. на *-ла*. Чехи имѣютъ много прозвищъ и званій, прямо представляющихъ причастную форму, на пр.: *Brausil*, *Kropil*, *Pospišil*, *Nawratil* и пр.; ср. Рус. *старожилъ*, — явное доказательство, что причастная форма стоитъ въ такомъ же отношеніи къ существительной, въ какомъ, на пр., позднѣйшее существи-

тельное *дѣва* къ древнѣйшему прилагательному *дѣва*, въ опредѣленномъ в. *дѣвая*; словомъ, въ основаніи образованія того и другаго лежало тожество представленія. Вотъ по чему, мнѣ кажется, это причастіе стоитъ всегда въ соединеніи съ другимъ глаголомъ: имѣя въ основаніи существительное представленіе, хотя уже и забытое духомъ языка, оно для полноты мысленнаго выраженія непремѣнно требовало возлѣ себѣ другой движущейся части рѣчи или глагола въ смыслѣ связующей части предложенія. Повременный ходъ Славянскаго языка дошелъ до полнаго забвенія первоначальнаго существительнаго представленія и обратилъ его въ глагольное, по чему въ Русскомъ и отчасти Польскомъ и Чешскомъ нарѣчіяхъ уже оно одно отправляетъ служеніе для прошедшаго времени, тогда какъ чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ одинокое служеніе это становится рѣже. Д.-Сербскій языкъ одинаково образуетъ это причастіе, какъ и Д.-Булгарскій, удерживая всюду *л* при такой же глагольной основѣ и образовательной гласной, какъ и въ неокончательномъ н., и опуская передъ нимъ д и т по общему свойству юговосточнаго говора. Въ повременномъ своемъ развитіи Сербскій языкъ дошелъ до озвукотворенія въ *а* предшествующей полугласной ъ, ь и перезвука *л* въ *о*. Начало и развитіе этой звуковой особенности мы уже видѣли. Что до *л*, которое Русскій языкъ опускаетъ при основахъ, исходящихъ на *б*, *з*, *с*, *г*, *к*, *р*, а Чешскій вообще послѣ согласной въ устномъ говорѣ, то оно въ другихъ нарѣчіяхъ, къ которымъ принадлежитъ и разсматриваемое, не опускается. Только однажды, и то какъ описка, встрѣтилось йꙁмсь (С. № 146). Ниже мы разсмотримъ служеніе этого причастія, а теперь переходимъ къ движенію глаголовъ по наклоненіямъ и временамъ.

Прежде всего сдѣлаю замѣчаніе, что между видами глагола должно различать первоначальные и производные. Вторые образуются изъ первыхъ для придачи глаголу извѣстнаго оттѣнка кратности. Первоначальнымъ в. можно назвать тотъ, который выражаетъ неопредѣленную кратность безъ окончанія, или длительности. Востоковъ называетъ его неокончательнымъ. Видъ этотъ, какъ и многократный, имѣетъ настоящее вр., но такъ называемый совершенный, хотя и образуетъ свою форму одинаковымъ способомъ съ предыдущими, однако значеніе имѣетъ будущаго вр. и замѣняетъ для Славянъ собственную форму будущаго, которую они когда-то имѣли, но еще въ доисторическія времена утратили. Потеря будущаго совершилась чрезъ переводъ формы его въ особый видъ, который и получилъ новое движеніе въ разныхъ временахъ. Слѣды этого явленія примѣчены Шафарикомъ въ образованіи совершеннаго в. на -сѧ, гдѣ с есть признакъ самостоятельной формы будущаго вр., на пр., обрѧсѧ, въсконъсѧ и пр. [1] Разумѣется, видъ этотъ одинаково съ другими видами способенъ къ образованію прошедшихъ временъ. Другое замѣчаніе, которое также необходимо сдѣлать, есть то, что всякій живой языкъ, совершая повременное движеніе въ продолженіи многихъ вѣковъ, доходитъ иногда до забвенія своихъ древнѣйшихъ простѣйшихъ и естественнѣйшихъ формъ. Звуки, живая и вѣчно подвижная часть его, иногда отдѣльно отъ мысли, иногда съ участіемъ утонченныхъ видоизмѣненій мысли, измѣняютъ отъ времени свое служеніе, переходятъ одни въ другіе, стягиваются, или дополняются новыми, имѣющими нерѣдко отношеніе къ внутреннему представленію или значенію слова, и вмѣстѣ съ ними форма изъ древнѣйшей переходитъ въ новѣйшую. Время упрочиваетъ за послѣднею право гражданства въ языкѣ, а еще болѣе

[1] Časopis Českého Museum. 1847. Sw. II. Стр. 167.

позднѣйшая теорія, не обращая вниманія на старину и судя по современному большинству, признаетъ ихъ правильными и законными, полузабытыя же древнѣйшія и правильнѣйшія вноситъ въ число исключеній. Отношеніе является въ обратномъ видѣ: приговоръ произнесенъ, и языкъ идетъ далѣе по тому же пути превращенія. Не отвергая въ Славянскомъ языкѣ присутствія многихъ первичныхъ формъ и древнѣйшихъ пріемовъ въ словообразованіи и словодвиженіи, мы должны однако признать, что онъ, въ отношеніи другихъ формъ, стоитъ уже на второй и третьей ступеняхъ повременной жизни, и то, что было въ немъ господствующимъ въ старину, обратилось теперь въ рѣдкое. Но сравнительное языковѣдѣніе усматриваетъ въ этомъ рѣдкомъ прежнее общее и доходитъ историческимъ путемъ до объясненія чрезъ него позднѣйшаго. Исключеніе снова пріобрѣтаетъ значеніе правила и становится настоящимъ, истиннымъ указателемъ первоначальнаго язычнаго творчества, исходною точкою для разъясненія дальнѣйшихъ видоизмѣненій формъ. Къ числу таковыхъ мнимыхъ исключеній или неправильностей относятся глаголы, не имѣющіе въ своемъ неокончательномъ н. образующей гласной, равно какъ и движеніе свое совершающіе безъ связующей гласной, вставляемой между основою и личнымъ, или временнымъ признакомъ. Они носятъ на себѣ слѣды первичной простоты древнѣйшаго строенія формъ. Изъ нихъ въ нашихъ памятникахъ встрѣчаются слѣдующіе: исмь, дамь, ꙗмь и отчасти имамь.

Изъявительное н., по памятникамъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія времена:

Настоящее время, образованію коего подчиняются и глаголы совершеннаго в., изводитъ 1-е лицо ед. ч. на *м*, признакъ мѣстоименія личнаго 1-го л., который возникаетъ въ мѣстоименномъ движеніи въ единственномъ ч., кромѣ именительнаго п., и въ именительномъ п. мн. ч. Это-то и доказываетъ, что въ движеніе этого мѣстоименія вошли два корня; и что въ прадавнюю пору очень могло быть, что корень *м* употреблялся и въ именительномъ п. ед. ч. вмѣсто ꙗзъ, *я*. Этотъ признакъ, первоначально звучавшій какъ *ми* и сохранившійся вполнѣ въ Санскритскомъ, Зендскомъ, отчасти Греческомъ и Литовскомъ языкахъ, у Славянъ сократился въ *-мь*, *-мъ*. Д.-Булгарскій языкъ удержалъ въ немъ ь, какъ память ослабнувшаго и; но прочія нарѣчія уже и это забыли, наводя форму подобно Латинскому *sum*, на одно твердое *м*, къ которому, по Кириловскому правописанію, приставляютъ ъ, кромѣ Рус. *есмь*, Д.-Рус. *есми*. Самый Д.-Булгарскій языкъ, большею частію, забылъ въ немъ значеніе б-ы ь и, принявъ м за носовой отзвукъ, образовалъ изъ него въ соединеніи съ связующею гласною -ѫ, -ѭ. Но однообразіе -ѫ, -ѭ, какъ и Греческаго *-ω* и Латинскаго *-o*, при различіи связующихъ гласныхъ, выступающихъ въ другихъ лицахъ, указываетъ на искони ное происхожденіе этой формы еще въ то время, когда связующею гласною было *а*, которое и вошло въ сущность формы и, соединясь съ личнымъ указателемъ, сдѣлало ее одинаковою для всѣхъ глаголовъ. Уже послѣ, когда создалась природа формы, явилось для нея смягченіе, зависившее отъ наружнаго столкновеніе звуковъ и произведшее -ѭ. Славянскій языкъ въ повременномъ своемъ движеніи и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ нарушилъ это однообразіе дальнѣйшими перезвуками окончанія -ѫ, -ѭ, обративъ его или въ *-у*, *-ю*, *-и*, *-ju*, какъ въ Русскомъ и Лужицкомъ, или въ -и, *-gi*, какъ въ Чешскомъ, или въ *-ę*, *-ię*, *-ję*, какъ въ Польскомъ. Перезвукъ былъ обращенъ и въ другую сторону. Вѣроятно въ то время, когда носовые звуки исчезали въ различныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; когда отзвуки *н*, *м* твердѣли, или пропадали; когда составлялось у Сербовъ окончаніе *м* для женскаго творительнаго п.:

тогда въ Хорутанскомъ, Хорватскомъ и Сербскомъ нарѣчіяхъ совершилось разложеніе -ѫ, -ѭ на гласную съ отвердѣлымъ носовымъ отзвукомъ *м*, и это разложеніе обняло собою всѣ глаголы, исключая у Сербовъ только *могу* и *оћу*. Оно не было первичнымъ образованіемъ съ помощію личнаго признака *-мь* или *-ми*, но только наружнымъ уподобленіемъ ему, слѣдствіемъ дальнѣйшаго видоизмѣненія его при посредствѣ Д.-Булгарскаго -ѫ, -ѭ. Доказательствомъ этому служатъ, во первыхъ, другія нарѣчія, остановившіяся на полупути между перезвукомъ Д.-Булгарскаго -ѫ, -ѭ и совершеннымъ разложеніемъ его, какъ на пр., Н.-Булгарское, Лужицкое, Чешское, Польское; во вторыхъ, то, что въ Д.-Чешскомъ языкѣ находимъ еще *-ju* тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ уже *-am*; въ третьихъ, отвердѣніе конечной полугласной при *м*, что, естественно, должно было случиться при разложеніи носоваго звука, какъ и въ Серб. твор. ед. жен. р. *-омъ*; и въ четвертыхъ, движеніе личнаго исхода въ Д.-Сербскомъ языкѣ, какъ сейчасъ увидимъ. Сдѣсь не мѣсто разсматривать отношеніе прочихъ Славянскихъ нарѣчій къ Д.-Булгарскому по способу возстановленія исходной гласной при отзвукѣ *м*: это повело бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы вступить въ весьма занимательную, хотя и мало воздѣланную область дѣленія глаголовъ, гдѣ Илирскій говоръ занялъ бы едва ли не первое мѣсто. Какъ ни желательно бы было короче познакомиться съ этою областью и успѣхами, въ ней совершенными сравнительнымъ языкознаніемъ, однако на этотъ разъ мы должны отложить наше желаніе до удобнѣйшаго времени; ибо въ противномъ случаѣ отстранились бы отъ настоящаго предмета, увлекшись общеславянскими законами мысли и звука. Но нельзя не замѣтить, что В.-Лужицкое нарѣчіе менѣе всѣхъ прочихъ, допустившихъ разложеніе -ѫ, -ѭ, приступило къ *м*, а въ Н.-Лужицкомъ происходитъ любопытное колебаніе между тѣмъ и другимъ исходомъ. Наибольшее же уклоненіе въ пользу *м* произошло въ Чешскомъ. Среда глаголовъ, въ которой нарѣчія главнѣйшимъ образомъ допустили это уклоненіе, есть та, гдѣ образовательная гласная совмѣщается съ связующею, именно, -ѣ-ѭ, -ѣ-ѫ, -ѣ-и-ши, -ѣ-и-ши. Нынѣшній Сербскій языкъ, возстановляя личный признакъ *м*, возстановляетъ при немъ и ту самую связующую гласную, которую Д.-Булгарскій принимаетъ въ прочихъ лицахъ, кромѣ 1-го ед. и 3-го мн. Мы не говоримъ сдѣсь о вышепомянутыхъ глаголахъ, составляющихъ мнимое исключеніе изъ обычнаго движенія. Стяженіе нынѣ происходитъ изъ *ае* въ *а*, на пр., *знаш*, *играш*, *биваш*, *даваш* и пр.; исключеніе: *даем*. При столкновеніи съ возстановленною гласною въ 1-мъ л. смягченіе согласныхъ бываетъ такое же, какъ и въ Д.-Булгарскомъ въ другихъ лицахъ, на пр., *печем*. Вообще движеніе основы, связующей и образовательной гласныхъ происходитъ одинаково, какъ и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, исключая вышеупомянутое стяженіе. Вотъ до чему дѣленіе Добровскаго приспособляется и къ нему. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы это дѣленіе было безукоризненно вѣрно. Напротивъ, держась неокончательнаго н. и причаствуя нѣкоторымъ временамъ, сходнымъ съ этимъ наклоненіемъ, по движенію основы, оно оказывается совершенно непримѣнимымъ для настоящаго вр. Равно и другое дѣленіе, предложенное Шлейхеромъ [1] на основаніи настоящаго вр., хотя и нѣсколько утонченнѣе предыдущаго, однако во многомъ еще неудовлетворительно. Природа и происхожденіе глаголовъ, ихъ виды, усиленіе звуковъ въ глагольной основѣ, отсутствіе и появленіе связующей и образовательной гласныхъ и свойства послѣднихъ: — все это не иначе, какъ вмѣстѣ взятое,

[1] Die formenlere der kirchenslawischen Sprache.

должно служить основою дѣленію, которое тогда получитъ неопровержимое достоинство, когда сумѣетъ помирить видовое значеніе съ построеніемъ и движеніемъ наклоненій и временъ. Не мѣшаетъ однако запомнить, что дѣленіе Добровскаго исчерпываетъ всѣ виды Славянскаго глагола, если прибавимъ, что его V-й разрядъ помѣщаетъ въ себѣ какъ простой, такъ и удвоенный многократный в. съ двойнымъ повтореніемъ *а* т. е., *ава*, *ыва*. Виды основаны на оттѣнкѣ кратности дѣйствія и состоянія и на переходѣ значенія изъ дѣйствительнаго въ среднее и обратно. На этомъ же основано и дѣленіе Добровскаго. Трудно найти глаголъ, который бы являлся во всѣхъ шести разрядахъ. Однако Челаковскій [1] приводитъ два таковыхъ. Ни одно нарѣчіе само по себѣ не можетъ выставить всѣхъ разрядовъ для одного и того же глагола; большею частію, глаголъ является въ одномъ, двухъ, много трехъ разрядахъ; но въ совокупности взятыя Славянскія нарѣчія взаимно помогаютъ другъ другу и поясняютъ возможность различныхъ построеній неокончательнаго н. Славянскій языкъ имѣетъ не мало глаголовъ, которые въ этомъ наклоненіи представляютъ то же строеніе, какъ и первичные бꙑти, дати и т. п., на пр., стати, бити, пасти, ити и т. д. Надобно полагать, что Славянскій языкъ имѣлъ когда-то подобное простое образованіе для всѣхъ первообразныхъ глаголовъ и соотвѣтствующее ему построеніе формы настоящаго вр.; теперь же, кромѣ пяти мнимо-неправильныхъ, всѣ остальные въ настоящемъ вр. уже обнаруживаютъ позднѣйшій второстепенный пріемъ, прибѣгающій къ пособію связующей гласной и стоящій въ уровень съ образованіемъ неокончательнаго н. другихъ разрядовъ. Теперь нѣтъ уже строгаго соотношенія между неокончательнымъ н. и настоящимъ вр., особливо въ глаголахъ V-го разряда. По мѣрѣ того, какъ развитіе мысли умножало виды и разряды второобразными глаголами, языкъ не всегда поспѣвалъ снабжать ихъ приличнымъ движеніемъ, или, на оборотъ, уже забывалъ одинъ видъ въ неокончательномъ н. и удерживалъ только другой. Такъ на пр. движѫ и двиꙃаѭ существуютъ при одномъ неокончательномъ двиꙃати, тогда какъ необходимо бы было для перваго двигнѫти (двиг-ти), уже не встрѣчающееся. Всѣ нарѣчія представлютъ избытокъ формъ настоящаго вр. передъ неокончательнымъ н., особенно когда, не довольствуясь формами Д.-Булгарскаго, прочія нарѣчія стали вводить въ движеніе настоящаго вр. съ бо́льшимъ соотвѣтствіемъ образовательное *ав*, оканчивая на *-аваю*, *-авам*, *-awam* и т. д., что Д.-Булгарскій языкъ не такъ любилъ, на пр., познавати—познаѭ́; ср. съ *познавам*, *poznawam*. И такъ сдѣсь одно только удареніе различаетъ виды и разряды. Распредѣленіе видовъ и разрядовъ глаголовъ ждетъ еще воздѣлывателя; но, разумѣется, главнымъ тутъ условіемъ есть, съ одной стороны, обильнѣйшее изданіе памятниковъ, съ другой, изученіе нарѣчій въ ихъ народномъ говорѣ. Д.-Сербскій глаголъ самъ по себѣ не представляетъ ничего особеннаго въ своемъ образованіи и по тому такъ же удачно и неудачно подчиняется дѣленію Добровскаго и другихъ. Но при его подчинимости общеславянскому дѣленію, находя доселѣ существующія дѣленія не вполнѣ удовлетворительными, мы разсмотримъ его въ цѣльности, отличая только глаголы древнѣйшаго строенія отъ подчиняющихся обычному позднѣйшему образованію.

Начинаю съ первыхъ, не имѣющихъ связующей и образовательной гласной. Обыкновенно дати, *дати* считаютъ видомъ совершеннымъ, и по тому настоящее вр. дамь, *дам* употребляется въ смыслѣ будущаго. Это зависитъ отъ си-

---

[1] Čtení o srovnavací mluvnici Slovanské. V Praze, 1853. Стр. 266.

лы обычая. Д.-Булг. **даити** есть уже учащательный в., ибо въ духѣ Славянскаго языка кроется свойство звука **а** представлять значеніе многократности, что видно и въ преходящемъ вр. Раздѣляющее двѣ гласныя **і** замѣнено въ другихъ нарѣчіяхъ 6-ю *в*: *давати*, *dawać*, *-ś*, *-ti*. Этотъ видъ уже переходитъ въ другой разрядъ. Въ нашихъ памятникахъ, какъ и нынѣ, есть **дамь**, **даамь** (С. NN№ 14, 20, 55, 105, 107, 117), **въздамь** (С. № 176). Нынѣ у Сербовъ нѣтъ простаго глагола **ѣсти**; въ Хорутанскомъ онъ есть. Въ Д.-Сербскомъ также находимъ его, на пр., въ С. NN№ 10, 16, 59, 79, и между прочимъ 1-е л. **ѣмь** (А. № 20), **приновемь** (С. № 73), что доказываетъ, что онъ существовалъ тогда въ народѣ. **исмь**, ослабляющее свое **и** до *g* (=*й*) Чешскаго и опускающее его вовсе въ Лужицкомъ языкѣ, подвергается въ сложной формѣ большему сокращенію, какъ на пр. въ Польскомъ, гдѣ отъ него остается одинъ только исходъ *-em*; въ Сербскомъ, въ связной рѣчи, но не въ началѣ ея, оно большею частію звучитъ какъ *сам*, гдѣ озвукотворяется *ь* въ *а*, ибо въ старину обыкновенно писали **сьмь**. Наши памятники наполнены этою формою; народность любила ее, и даже церковно-дарственныя грамоты имѣютъ ее наряду съ первою, полнѣйшею. Такъ на пр.: **и- ѝ- ѥсмь**, **ӥсмь** (А. NN№ 1, 5; С. № 176), **исмѝ**, **ӥсмь**, **ӥсьмь и сьмь**, **смь** (А. NN№ 3, 4, 17), **ѐмь**, **сьмь** (А. № 6; Мл.). Сдѣсь **ь** поставлено незаконно лишь по привычкѣ разводить имъ стеченіе согласныхъ; тѣмъ не менѣе озвукотвореніе его совершенно укоренилось не въ одномъ Сербскомъ, но и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Русскаго. Древнѣйшее озвукотвореніе находимъ у насъ въ **и- ӥсмь** (С. NN№ 51, 52), позднѣйшее и народное въ **самь** (С. № 59 и пр.), вмѣстѣ съ которымъ продолжаетъ употребляться въ церковныхъ гр-хъ **исьмь** или **сьмь**. Полная форма въ другихъ семьяхъ грамотъ попадается только: **ѥсмь** (С. № 20), **ѥ- ѥсамь** (С. NN№ 93, 139, 140, 144, 173), большею частію, когда на нее падаетъ удареніе, на пр.: **а я живань радославь ѥсмь вѣрьнь властьелинь** (С. № 20), **да ѥи** (ей) **ѥсамь прави и почтени синь** (С. № 93), **ни ѥсамь вашь приятель** (С. № 173) и т. д. Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного въ С. № 140, гдѣ полная форма употреблена для сложнаго прошедшаго вр., она стоитъ одна и привлекаетъ на себя всю силу мысли. При отрицаніи возстановляется начальная гласная: **нѥсамь** (С. № 132), **несьмь** (Мл.). Въ Сербскомъ языкѣ глаголъ *имати* замѣчателенъ тѣмъ, что ему прямо отвѣчаетъ настоящее вр. *имам*, *имаш* и т. д., и это движеніе его не отличается отъ прочихъ глаголовъ на *-ати*, *-ам*, въ которыхъ происходитъ стяженіе образовательной гласной со связующею. Другая форма находится въ сложныхъ *узети*, отъ которой происходятъ: *узмем* и *узимлем*. Сравнивъ съ Сербскимъ Д.-Булгарскій глаголъ, видимъ, что въ немъ тоже есть соотвѣтствующія формы: **имамь**, **имѫ**, **имлѭ**. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣмъ этѣмъ формамъ корень есть **ѧ**, Санскр. *jam*, разлагающійся въ **ѥм**, т. е., *jъm=jom*, ср. Рус. *ёмкій*, =*jem*, ср. Хорут. *jemati* Усиленіе **ѥм** производитъ **им**. Самое обыкновенное образованіе настоящаго вр. видимъ въ формѣ **имѫ**, ибо она уже подчинилась общему позднѣйшему пріему, по которому связующая гласная вмѣстѣ съ признакомъ лица даетъ полный носовой звукъ **ѫ**. Въ слѣдующихъ лицахъ связующая гласная обнаруживается въ 6-ѣ **ѥ**: **имеши** и пр. Форма **имлѭ**, **имлеши**, хотя въ основаніи подчинена тому же пріему, однако въ коренномъ **м** возникаетъ уже мягкость, въ слѣдствіе чего вставляется благозвучное **л**, и **ѫ** переходитъ въ **ѭ**. Мѣсторожденіе этѣхъ формъ неизвѣстно. Образованныя по настоящему вр. и принятыя языкомъ обѣ вдругъ, онѣ, въ силу употребленія, разошлись въ оттѣнкѣ

значенія, и имѫ, какъ совершенный в., получило смыслъ будущаго дѣйствія. Что же такое имамь? Прежде всего скажу, что и эта форма не есть прямое произведеніе корня ѩ, въ неокончательныхъ н. ѩ-ти, ибо отсюда произошла бы ѩмь, гдѣ ѩ не должно разлагаться по подобію съ 3-мъ л. ед. ч. сѧтъ (говоритъ). Если теперь сравнимъ имамь, въ значеніи настоящаго вр., съ имѫ, то сейчасъ замѣтимъ переходъ формы въ другой видъ, именно, неопредѣленный или неокончательный, въ которомъ дѣйствіе, или состояніе является существующимъ въ настоящее время, Слѣдовательно, сдѣсь а есть образовательная буква, и въ Славянскомъ языкѣ не трудно замѣтить, что духъ языка связывалъ ее со значеніемъ длительности и многократности, такъ что имамь станетъ въ противуположность однократкому или совершенному виду. Этотъ послѣдній, очевидно, есть ѩти, у Сербовъ сложный *узети*, безъ прямой формы настоящаго вр., замѣненной формою относительно позднѣйшаго образованія имамь, имѫ. И такъ для имамь надобно найти неокончательное н., противоположное, по кратности дѣйствія, формѣ ѩти. Таковымъ у Сербовъ есть *имати*, у Д.-Булгаръ имѣти съ усиленною образовательною гласною. имѣти относится къ *имати*, какъ *летѣть* къ *лѣтать*: по тому, можетъ быть, оно и получило у нѣкоторыхъ Славянъ другой оттѣнокъ значенія, чѣмъ *имати*. Неопредѣленный в. «брать» привелъ къ опредѣленному «взять», который означаетъ уже обладаніе, слѣдовательно, есть то же, что «имѣть». Славяне любятъ переводить глаголы изъ совершеннаго в. въ неокончательный или многократный съ помощію б-ы *а*. У Д.-Булгаръ замѣчаемъ то же самое, на пр., да-ти и даяти, соу-ти и сова-ти, рю-ти и рѧ-ѩ-ти, коу-ти, ср. *kuć*, *kauti*, и кок-а-ти, коу-ти или бы-ти и быв-а-ти. Славянскій языкъ шелъ къ распространенію образовательной б-ы *а* въ ущербъ другимъ образованіямъ неокончательнаго н.: отъ того при одномъ неокончательномъ *-ati*, *-ać* мы находимъ уже двѣ формы настоящаго; на пр., Хорут. *glójem* и *glodam* при *glódati*: если переведемъ ихъ со строгою послѣдовательностію, положимъ, хоть въ Д.-Булгарскій языкъ, то получимъ гложѫ при глос-ти и глодаѭ при глод-а-ти. То же и въ Польскомъ и Русскомъ, на пр., *каплю* и *капаю*. Если сравнимъ съ этимъ явленіемъ глаголъ имамь, то увидимъ, что онъ стоитъ въ одномъ ряду съ дамь, и его неокончательное н. должно быть им-а-ти, какъ у Сербовъ, Переведя на Русскій языкъ, получимъ *имаю*, въ просторѣчіи *замаю*, *-аешь* и т. д., и вотъ по чему въ Остромировомъ Евангеліи пишется имамъ, имаши и т. д., какъ бы имаамъ, имааши, т. е., и уподобилось сдѣсь б-ѣ а, какъ въ -ааго; по этому въ имамь а есть долгое: явно, что неокончательное н. будетъ имати, и движеніе его одно съ да-ѩ-ти. Настоящее вр. будетъ собственно имаѭ. Сдѣсь Д.-Булгарскій глаголъ ушелъ впередъ своего времени и сблизился съ тѣми нарѣчіями, которыя, во первыхъ. возстановляютъ открытый признакъ *м*, во вторыхъ, сливаютъ въ одинъ звукъ *а* образовательную гласную *а* и связующею *е*. И не мудрено: ибо образованіе -ати таково, что въ немъ почти всѣ Славянскія нарѣчія ушли, можно сказать, далѣе самихъ себя: имѣя простой перезвукъ для -ѫ, -ѭ во всѣхъ другихъ образованіяхъ, въ этомъ они измѣнили обычному пріему и извели форму на *ам*, *-ат*. Таковы Н.-Булгарское, Лужицкое, Чешское и Польское; Сербское съ Хорватскимъ и Хорутанскимъ, возстановляютъ, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ образованіяхъ открытый признакъ *м*, *т*. Сличимъ, на пр., *делам*, *делаш*, *zbjram*, *zbjraš* и дѣлаѭ, дѣлаеши. И такъ открывается, что въ формѣ имамь принятъ не одинъ простой признакъ -мь, какъ въ дамь, ѣмь, но произошло сдѣсь слитіе, какъ въ другихъ нарѣчіяхъ. Впрочемъ, замѣчательно то, что, принадлежа къ разряду глаголовъ, имѣющихъ образовательную и

связующую гласную, онъ принялъ, вопреки обычаю Д.-Булгарскаго языка, признакъ -мь вмѣсто того, чтобы стянуть его вмѣстѣ со связующею гласною въ носовую букву -ѫ, равно какъ противъ Д.-Булгарскаго обычая допустилъ отъятіе. Что до имяти, то форма эта обнаружила усиленный перезвукъ, и у Русскихъ получила полное движеніе съ другимъ оттѣнкомъ значенія, ср. простонароди. *не замай* (не бери) и *не имьй*. Слѣдовательно, здѣсь совершилось то же, что въ имати и имяти. Можно также сравнивать съ *видать* и *видять*. Сербы, въ противуположность Русскимъ, пускаютъ въ движеніе *имати*; но Поляки, Чехи и Лужичане соединяютъ неокончательное н. одного обрязованія *miéc*, *mjti*, *mēc*, *meś* съ движеніемъ другаго: *mam*, *mám*. Слѣдовательно, имяти не можетъ собственно отвѣчать настоящему имамь, какъ и дѣйствительно не отвѣчаетъ ему у Сербовъ и Русскихъ; но Д.-Булгары, во многихъ глаголахъ усиливая образовательную букву въ ѣ и проводя ее въ прошедшія простыя времена, такъ поступили и здѣсь, отъ чего мы находимъ у нихъ въ неокончательномъ имяти и въ прошедшихъ имѣахъ имѣхъ. Д.-Сербскій языкъ, какъ и нынѣшній, употребляетъ имати съ послѣдовательнымъ движеніемъ. Дважды только встрѣтилось намъ неокончательное н. имяти (С. NN№ 20, 24) и причастіе имѣли (С. № 68): значитъ, языкъ вовсе не зналъ, либо забылъ форму имяти. Сверхъ того, онъ образовалъ для прошедшаго вр. сложную форму примити, т. е., прим-и-ти съ образовательною гласною и, и въ этомъ видѣ пустилъ ее въ движеніе. Но въ значеніи будущаго вр. онъ, какъ и Д. Булгарскій, держится формы имѫ: по этому мы находимъ прѣимѫ (С. № 39), въимѫ (С. № 46). Но чаще употреблялось настоящее вр. имамь, выражавшее въ соединеніи съ другимъ глаголомъ представленіе будущаго. Такъ й- й- ммамь (С. NN№ 6, 20, 51, 53, 64, 66, 70, 74, 93, 140, 161; 3.; А. № 17), примамь (С. NN№ 61, 93, 143). Сербы смотрѣли на этотъ глаголъ одинаково какъ и на другіе ему подобные по образованію, и по тому, пиша форму примаамь (С. № 114), воображали, что она исходила бы у Д.-Булгаръ на -аѭ, по чему и встрѣчаемъ у нихъ имаю (С. № 4). Этотъ глаголъ вводитъ насъ въ область многочисленныхъ глаголовъ, первообразныхъ и производныхъ, принимающихъ связующую гласную. Эта послѣдняя есть та же, что и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ: происходящее при ней смягченіе согласныхъ, равно и растворение основы, сжатіе ов въ ѹ, вставка благозвучнаго л таковы же; какъ и въ Д.-Булгарскомъ. По этому разсмотреніе общихъ законовъ строенія формы Д.-Сербскаго глагола не привело бы насъ ни къ чему новому. Временная особенность его состоитъ въ обнаруженіи связующей гласной при личномъ признакъ -м въ 1-мъ л., чего нѣтъ въ Д.-Булгарскомъ, гдѣ то и другое скрыто въ носовомъ -ѫ. Въ глаголахъ, не принимающихъ образовательной гласной и имѣющихъ связующую е, находимъ или -ѹ(ѫ), -ю (ѭ), или -емь: блюдѹ (С. № 64), могѹ (мн. р.), рекѹ (мн. р.) и приречемь (А. № 16), скрьгѹ (С. № 94), принесоу (А. № 6), вѹнѹ (С. № 20), кльнѹся, ипнѹся (С. NN№ 4, 93), ѹмю (С. № 20), приимю (С. № 27) и приемь (С. № 9), стянутое примь (С. № 82), възѣмь (А. № 20), идѹ, наидѹ, придѹ (С. NN№ 4, 10, 140), нынѣ *идем*, какъ и во всѣхъ нарѣчіяхъ съ частицею *д*, отзвукомъ глагола *dhâ*, дати. Неокончательное н. и-ти, какъ и бы-ти, отъ коего форма настоящаго вр. со значеніемъ будущаго, бѫдѹ, много разъ попадается въ нашихъ памятникахъ, но нынѣшней *будем* еще не встрѣчаемъ. Въ глаголахъ, которые при той же связующей принимаютъ образующую ѣ: хощѹ, хоќѹ, мю, ѣѹ (мн. р.). Нынѣ подобные глаголы исходятъ на *-ем*. Въ глаголахъ, при той же образующей ѣ, или ея перезвукѣ ѧ при гласной и а при соглас-

ной, принимающихъ связующую и: видимь (С. № 164), стою (С. № 21), нынѣ *стоим*; дрьжѫ (С. № 7) и дрьжим (Ш. № 16). Въ глаголахъ, имѣющихъ одну и ту же образовательную и связующую и: свѣи (С. № 14), прошѫ (мн. р.), платѫ, -ю (С. NN№ 20, 27, 64, 70, 71, 91) и платимь (С. № 151), молю (С. № 27; Ю.), блажю, славлю (С. № 176), шедѫ (С. № 79), молѫ, -ю (мн. р.), тврѣѫ, тврьѣю, -ѫ, тврью (С. NN№ 89, 93, 114, 132), покою (М.л.), надогюсѧ, -ѣѫсѧ (С. NN№ 101, 102), скагюсѧ (С. NN№ 111, 137), приходимь (А. № 20). Въ глаголахъ, кои образующею гласною имѣютъ а, связующею же е: пишѫ (С. NN№ 27, 92; С.-Д. М. 1844), съзиждѫ (В. № 2), пишѫ (С. NN№ 70, 93), ѥлѣимь (А. № 20). Въ глаголахъ, удерживающихъ въ одно время и образовательную и связующую: ѣ-и: разоумѣю (С. № 51), нынѣ *умием*; оу(ѫ)-и: дароую (С. № 51), оцарѫю (С. № 64), ркѫю (В. № 2), обѣтѫю (С. NN№ 132, 133), свѣдочѫю (С. № 158). Сюда переходитъ изъ образованія -ивати, -ивати глаголъ потврьгѫю, потваргѫю, потврѣюю (С. NN№ 101, 102, 144); а-и: присѧзаю (А. И.). пришаю (С. NN№ 2, 6), обѣщаваюсѧ (С. № 7), поставлаю (С. № 27), прийлаю, -ю (Мк.; А. № 9; С. NN№ 35, 51, 176; Г. Б) и пр. Въ этой формѣ наиболѣе держится стяженіе, какъ скоро она переходитъ къ открытому признаку -м. Сербы не любятъ -аемь, *-аем*, кромѣ даемь, *даем*; но обыкновенно произносятъ -амь, *-ам*. Такъ: работамь (С. № 9), стварамь (С. № 32), запрещамь, запрѣщамь (А. № 4; ср. А. NN№ 3, 5, 15), заклинамь (А. № 4; ср. А. NN№ 3, 5; С. NN№ 93, 142, 143), обещавамь, -м, обѣщавамь (С. NN№ 55, 64, 69, 82), запрѣщавамь (С. № 66), потврьжамь. (С. № 69), плаћамь (А. № 15), сабаждамь (С. № 82) и пр. и пр. Глаголъ дарити является здѣсь въ учащательномъ в. дарикамь (С. № 142), перейдя изъ образованія -ити въ -ивати. Глаголъ дати производитъ въ Д.-Булгарскомъ многократный в. даяти, откуда даѭ, какъ и у насъ каз- даю (С. NN№ 24, 53, 67, 70, 72, 92, 94, 101—103, 114, 120, 133, 140—144, 158, 161, 164; Мк.), или въ болѣе народной формѣ наздаемь, -ем (З. А; С. № 150). Когда же вставлено было благозвучное в, то произошла другая форма давлю (С. № 6), или позднѣйшая давамь, -й, давай (С. NN№ 69, 146, 147, 159; С.-Д. М. № 2; А. № 2). Мы просмотрѣли всѣ разряды глаголовъ. Сдѣлаемъ общія замѣчанія. Образованіе основной формы настоящаго вр. несходно съ неокончательнымъ н.; но оно и здѣсь также есть общеславянское. Образовательная и связующая гласныя, входящія въ сртоеніе формы этого времени, суть тѣ же, что и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ. Носовой звукъ разложенъ: имьнсе. Гласная основа сливается съ связующею: покою отъ покои и ти. Образовательная и связующая являются сопоставленными въ тѣхъ же образованіяхъ, въ какихъ обнаруживаетъ ихъ и Д.-Булгарскій. Слитіе связующей е съ образовательною а есть особенность дальнѣйшаго движенія Славянскихъ нарѣчій съ признакомъ *-м*; она замѣтно обозначается и въ нашихъ памятникахъ между множествомъ формъ на -ѫ, -ю для другихъ образованій. Смягченіе согласныхъ передъ связующею гласною совершается по общеславянскимъ законамъ. Замѣнительныя ѥ и ѭ такъ и вступаютъ въ движеніе, на пр., плачю, скагюсе: при нихъ является то твердая, то мягкая гласная. Образованіе -ити съ губными принимаетъ благозвучное л. Замѣтна свобода въ образованіи формы отъ глаголовъ многократныхъ на -ати въ слѣдствіе свободы образованія самого вида. Форма -авати такъ и поступаетъ въ движеніе: -аваю или -авамь. Но образованіе это предпочитается болѣе народными памятниками, а въ церковныхъ гр-хъ оно рѣдко, ибо Сербскій языкъ болѣе Д.-Булгарскаго развилъ эту форму многократнаго в. Въ корняхъ съ плавною усиливающаяся гласная

для неокончательнаго и. сдѣсь снова переходитъ въ полугласную: скрыгу, ср. скрѣштити, Серб. сврћи. Ошибочно относятъ ихъ къ особому разряду, ибо хотя въ нихъ присутствуетъ скрытая, или явная полугласная, однако образованіе и движеніе ихъ одинаково съ I-мъ разрядомъ. Первоначально полугласная ихъ не усиливалась, на пр., жрѣти, трѣти; ср. древнѣйшее кясти (кяд-ти) и кадати: глаголъ изъ одного образованія перешелъ въ другое. Наконецъ обратимъ вниманіе на повременное движеніе формы, сходной съ Д.-Булгарскою на -у, -ю, и формы новѣйшей народной на -емь, -имь, -амь. Кромѣ глаголовъ не -ати, -авати, всѣ прочія еще весьма рѣдко представляютъ послѣднюю форму; однако нельзя не замѣтить, что движеніе идетъ въ ея пользу. Не включая сюда дамь, имамь, імамь, въ XII-мъ в., даже въ гр-ѣ Кулина, еще есть присѣдаю въ томъ именно разрядѣ глаголовъ, который, какъ сейчасъ увидимъ, наиболѣе любитъ открытый признакъ м. Въ XIII-мъ только одинъ примѣръ для глагола безъ образовательной гласной: примамь (примимь) и два для исхода -ати: работамь (С. № 9), стварамь (С. № 32). Если вникнемъ во всѣ три примѣра, то увидимъ, что Сербскій языкъ изстари не любилъ столкновенія -аю(ам) и избѣгалъ его чрезъ возстановленіе связующей гласной съ и, какъ въ первомъ, или слитіе двухъ гласныхъ, образовательной и связующей, при возстановленіи открытаго признака м: этимъ объяснятся и раннее появленіе перваго примѣра. Но все таки въ этомъ вѣкѣ даже въ гласныхъ на -ати народность не беретъ верху; мы чаще находимъ: прашаю, постлавлю, примаю, обѣщаваюсе, даже давам, имаю и пр.; но въ XIV-мъ отвращеніе отъ -аю уже было такъ сильно, что тогда, какъ ни одинъ глаголъ другаго образованія не представилъ нынѣшней формы ни въ какой семьѣ, глаголы на -ати уже въ церковно-дарственныхъ гр-хъ имѣютъ на половину -амь. Въ другихъ семьяхъ грамотъ постоянно уже -амь, исключая даю, которое, имѣя дамь въ значеніи будущаго времени и робѣя еще передъ народнымъ дамь или давамь, продолжаетъ оставаться въ своей формѣ, освященной употребленіемъ, хотя показывается по временамъ и давамь. Въ XV-мъ в. даю продолжаетъ употребляться; но уже въ равномъ количествѣ съ нимъ и напослѣдокъ въ Аѳонской гр-ѣ является давамь, а въ двухъ Боснійскихъ іздаемь. Въ прочихъ глаголахъ на -ати то же, что въ предыдущемъ вѣкѣ. Въ церковныхъ гр-хъ есть и -амь и -аю, въ другихъ есть лишь первое. Но за то глаголы другаго образованія, при множествѣ формъ на -у, -ю, уже представляютъ нѣсколько примѣровъ на -мь, начиная со второй половины XV-го в. такъ: држимь, платимь, видимь и даже въ Аѳонскихъ: припечемь и въ самой поздней, А. № 20, уже одна форма на -мь: пьіемь, гнимь, приходимь. И такъ если нынѣ постоянно во всѣхъ глаголахъ, кромѣ двухъ, находимъ открытый признакъ -м, то это явленіе должно объяснить быстрымъ движеніемъ народности въ позднѣйшіе вѣки, и многочисленную форму на -у, -ю нельзя приписывать одному вліянію Д.-Булгарской стихіи: она допускалась еще охотно и въ народномъ языкѣ, особенно въ книжности, и была когда-то свойственна народному говору, хотя уже въ XIII-мъ в. проглядываетъ другая форма на -мь, окончательно утвердившаяся нынѣ и въ говорѣ и въ письменности. Относительно образованія -ати, -авати сличимъ другія Славянскія нарѣчія и увидимъ, что Лужицкое и Чешское, предпочитающія перезвукъ б-ы ж, имѣютъ однако *-am* для однихъ глаголовъ на *-ati*. Такъ точно и Польскій языкъ, хотя въ немъ грамматики весьма неудачно распредѣляютъ ученіе о глаголахъ и смѣшиваютъ виды и способы образованія ихъ, оказываетъ признакъ *m* для *-awać*, большей части глаголовъ на *-ać* и нѣкоторыхъ учащательныхъ на *-wać*. Онъ ближе

стоитъ къ Илирскому говору, чѣмъ прочія нарѣчія, исключая Н.-Булгарское, имѣющее индѣ *-емъ*, *-амъ*, *-вамъ*. Слѣдовательно, постепенность движенія Славянскаго языка въ пользу открытаго признака *м* выказалась какъ въ нынѣшнемъ состояніи нарѣчій, такъ яснѣе въ Д.-Сербскомъ, преимущественно въ образованіи съ помощію 6-ы *а*, или въ V-мъ, по Добровскому, разрядѣ глаголовъ. Въ дополненіе представлю формы, въ которыхъ является глаголъ хотѣти, принимающій усиленную образовательную ѧ и связующую і съ мягкостію въ исходно-основномъ т, откуда хотѭ = хоштѫ и хоштѫть = хотать. Въ Аѳонской гр-ѣ Ц.-Славянская форма ѫсхощоу (А. № 5); въ XIII-мъ в. въ Хлумской гр-ѣ хоюѫ (С. № 20) и въ собственно-Сербской хию (С. № 27). Въ XIV-мъ в. въ Травунскихъ юѫ, ѣѫ (С. NN№ 56, 79, 86), въ Законникѣ ию, откуда видно, что х, а за нимъ и о=ъ уже не произносились въ народѣ, тогда какъ въ XIII-мъ в. языкъ книжный, можетъ быть, вмѣстѣ съ народностію еще держался общеславянской, а слѣдовательно и Д.-Булгарской формы. Въ XV-мъ в. хоѣѫ, -ю (С. NN№ 93, 114, 132, 142, 143) и ѣѫ (С. NN№ 93, 132), смотря по тому, какъ писецъ хотѣлъ написать эту форму, ближе ли къ Ц.-Славянскому, или ближе къ народному. Но нынѣшняя *оћу* у насъ не встрѣчается. Если сличимъ хоиѫ, хию и ию, ѣѫ, то увидимъ, что прежде, чѣмъ отпущено было х, ослабло и исчезло ь, а по тому оѣѫ и не могло уже составиться. Строеніе основной формы настоящаго вр. въ 1-мъ л. ед. ч. проведено по всѣмъ остальнымъ лицамъ.

2-е л. ед. ч. имѣетъ признакомъ мѣстоименную форму *ти* (*tva*), смягчившуюся въ *си*, которое, въ свою очередь, смягчается въ *ши* во всѣхъ глаголахъ, имѣющихъ связующую гласную. Отъ *-си*, сохранившагооя вполнѣ въ Санскритѣ и Литовскомъ языкѣ и перезвукованнаго въ *-hi* въ Зендѣ, остался въ Д.-Булгарскомъ языкѣ слѣдъ только въ формахъ иси, ѩси, даси, ѣси. Въ другихъ нарѣчіяхъ этотъ исходъ остался за одною формою *єси*, *єсu*, *jesi*, *si*, *gsi*, *sy*, *jesteś*. Въ послѣдней, Польской, формѣ, *i* пропало, ибо сдѣсь вмѣсто *si* стоитъ *ś*. Настоящее вр., кромѣ 3-го л. мн. ч., представляетъ у Поляковъ единственное явленіе по строенію своей формы. Нѣкоторые принимаютъ въ основу форму 3-го л. ед. ч.; но вѣроятнѣе, что сдѣсь *t* есть вставочное благозвучное, не рѣдко встрѣчаемое у Славянъ, и при немъ образовательное *е*, такъ что, благодаря имъ, корень *jes*, юс, уже не сливается съ послѣдующимъ признакомъ лица и остается наружи. Окончанія *-smy*, *-scie* суть повтореніе того же корня, и, хотя трудно, однако можно признать тѣмъ же корнемъ и окончанія *-em*, *-es*: въ этомъ случаѣ *-em* будетъ сокращеніемъ изъ *jeśm*. Остальные глаголы этого образованія перешли къ общему исходу *-шь*, какъ и въ Греческомъ -ς и Латинскомъ *-s*. Въ Д.-Серскомъ отъ корня ѥс имѣемъ, какъ и нынѣ, иси, єси и т. д. (ср. А. NN№ 3, 4, 5, 6, 12, 20; С. NN№ 46, 51, 175, 178) и си: що ми си дала (Мк.), да си потънь (С. № 164). Съ отрицаніемъ: нѣси, нисн, ѣси (С. NN№ 41, 91, 111, 137), гдѣ стянуты два є. Вѣроятно, въ слѣдствіе подражанія въ церковной гр-ѣ XV-го в. подаси (С. № 175). Изъ всѣхъ живыхъ нарѣчій ни одно не сохранило полнаго Д.-Булг. -ши, а стянуло въ *-шь*, *-ś*. Въ Д-Сербскомъ языкѣ -ши въ XIII-мъ в. еще употреблялось. Такъ въ древнѣйшей Дубровницкой гр-ѣ читаемъ: прикѣжеши, бѫдюбниши, прѣвѫдеши, погеши, сѫблюдеши, ѫстрѣбѫеши, ѣбсхемеши и однажды только простишь (С. № 3). Но эта форма уже выходила изъ употребленія; ибо въ другихъ грамотахъ того же вѣка постоянно одно -шь. Еще менѣе въ XIV-мъ: ѯилши, хокеши въ гр-ѣ какого-то Сербскаго короля (С. № 43); за то церковно-царственныя гр-ы, вѣроятно, уже изъ подражанія, въ этомъ и слѣдующемъ вѣкахъ пишутъ постоянно -ши, начиная съ гр-ы Мк.:

пойдоущии и ҳастоущии, до гр-ы А. № 20: **молишися**, **покрыеши**, **приимеши** (ср. С. №№ 51, 175; А. №№ 14, 18; Ю.). **хощеши** (А. № 18). Прочія всюду имѣютъ **-шь**. Во 2-мъ *л.* образовательная гласная та же, какая и въ 1-мъ при открытомъ признакѣ **-м**. Такое же и стяженіе: **ҳалши**, **послушаешь** (С. № 164). Сдѣсь мы встрѣчаемъ образованіе, котораго не встрѣтили въ 1-мъ *л.*: **раскинешь** (С. № 164). Образованіе это совершается чрезъ **ны=нж**, въ которомъ **ы = ж** въ настоящемъ вр. пропадаетъ, и на мѣстѣ его является связующее **е**, производящее въ 1-мъ *л.* ед. ч. опять **-ны = -нж**, или **-немь**, *-нем*; на пр., **двигнж**, *дигнем*.

3-е *л.* ед. ч. имѣетъ признакомъ мѣстоименіе указательное, коего корень *т* является сдѣсь въ видѣ *-ти*, ср. Санскр. *-ti*, Греч. *-τι* или *-σι* въ глаголахъ на *-μι*, Лит. *-ti* въ *esti*: въ Греческомъ сохранился остатотъ этого исхода въ *ι*; напротивъ, Латинскій и Готскій удержали *t*. Славяне, кромѣ Д.-Булгаръ, издавна опустили этотъ признакъ, какъ и Литовцы для глаголовъ со связующею гласною, или отвердили его отъ времени, какъ В.-Русы. Малорусы опустили его при *е* и *ае*, но при *и* сохранили въ видѣ *-ть* или съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *-цьця*. Бѣлорусы тоже перезвуковали *т* въ *ц*. Мягкое *-ть* сохранилось еще въ В.-Русскомъ *есть* и кое-гдѣ въ народномъ говорѣ, на пр., *ѣсть*, *дасть* и пр. Сербы, отбрасывая *т*, удержали его въ *ест*, рядомъ съ *е*, а при удареніи *ести*. Н.-Булгары имѣютъ тоже *есть* и *е*, тогда какъ обыкновенно опускаютъ *т*. Хорваты имѣютъ *je*, Хорутане, кромѣ *je*, имѣютъ и *jest*, *jeste*, Чехи нынѣ говорятъ обыкновенно *ge* и *gest*, но въ старину произносили мягко *jest'*, а въ отрывкѣ Евангелія X-го в. и пѣсни «Олдрихъ и Болеславъ» находится еще полная форма *jesti*. Поляки тоже говорятъ *jest*; Лужичане *je*, *jo*. И такъ только этотъ одинъ глаголъ въ большей части Славянскихъ нарѣчій удержалъ мѣстоименный признакъ, но другіе глаголы, исключая Д.-Булгарское и Русское нарѣчія, уже опустили его. Въ нашихъ памятникахъ естественно происходитъ столкновеніе формъ. Отъ **ис** уже въ XII-мъ в. въ гр-ѣ Кулина находимъ **е**, но въ гр-ѣ Немани **есть**. Это явленіе объясняетъ и всю дальнѣйшую судьбу обѣихъ формъ. Первая форма является господствующею въ Западной семьѣ, вторая любима церковно-дарственными грамотами. Очевидно, народность склонялась къ первой. До какой степени она была въ ходу, видно изъ того, что древнѣйшая грамота XIII-го в. и при томъ церковная, Ш. № VII, имѣетъ одну форму **и**, **е**. Ею наполнены грамоты всѣхъ вѣковъ и семей. Въ XIII-мъ в. **есть**, **иесть** встрѣчается равно во многихъ грамотахъ, какъ-то: С. №№ 4, 8, 15, 16, 20, 24, 26, 31; но гдѣ **исть** поставлено однажды, тамъ **и**, **е** употреблено много разъ. Въ XIV-мъ в. Восточныя грамоты предпочитаютъ **исть**; но и въ Аѳонскихъ А. №№ 3—6, 15, 18 встрѣчаются обѣ формы; то же и въ XV-мъ в. въ церковныхъ грамотахъ, но въ прочихъ преобладаетъ краткая форма. До какой степени строгости проводилось иногда различіе между формами, видно изъ того, что въ церковныхъ гр-хъ Мк., С. № 176 и Мл. въ богословіи исключительно является **исть**, а въ надачахъ **е**. Отсюда можно заключить, что писцы считали первую болѣе за Ц.-Славянскую, а вторую за народную. Но тамъ, гдѣ удареніе, по смыслу рѣчи, падало на этотъ глаголъ, т. е., когда онъ стоялъ отдѣльно самъ по себѣ, а не для образованія сложнаго прошедшаго вр., тамъ поставлялась, большею частію, полнѣйшая его форма. Богословіе любитъ эту же форму. Въ сложеніи съ **не** происходитъ **нѣ**, **не**, **нѣсть**. Словомъ, какъ нынѣ, такъ и въ старину уживались обѣ формы, но народность явно склонялась въ пользу кратчайшей.

Отъ дати находимъ въ гр-ѣ А. И. да, и эта форма, да, дѫ, дѫ, дна, неда, придѫ, продолжается въ гр-хъ С. №№ 2, 16, 20, 22, 39, 43, 45, 59, 73, 77, 126, 130, 137, 143, 164, 173; Мл.—слѣдовательно, въ Восточныхъ и Западныхъ; другая, дасть, да, въ гр-хъ: Ш. № VII; С. №№ 22, 178 и въ З.—явно подъ Ц.-Славянскимъ вліяніемъ. Замѣтимъ, что гр-а XIII-го в. С. № 22 еще имѣетъ дважды первую и разъ вторую. Не встрѣтившуюся намъ въ 1-мъ л. форму съ полнымъ корнемъ мы встрѣчаемъ сдѣсь въ придадѧ (С. № 147) со значеніемъ будущаго дѣйствія. Трудно рѣшать, полный ли сдѣсь корень дад-ти, дад-мь, дам-мь, дамь, или частица д, какъ въ идѫ или въ Серб. *имадем*, *знадем*. Во всякомъ случаѣ е будетъ связующею гласною, и по-д.-булгарски вышла бы форма дадѫ, какъ и дѣйствительно находимъ въ 3-мъ л. мн. ч. дадѫть, а у Сербовъ *дадем*. Глаголъ яти, сохранявшійся у Сербовъ въ сложныхъ *узети*, *отети*, является въ простомъ и сложномъ видахъ: имѫ (Ш. № VII; С. №№ 26, 27, 39, 66), оуз- нзьмѫ (С. №№ 4, 28, 45, 66, 70), прииме (А. № 6; С. №№ 25, 32, 35), или съ признакомъ лица: имѫть, поимѫть (Ш. № VII; З), нзъимѫть, примѫть, -ѣ, обимѫтѣ, -ь, обиїмѫть, оби- обимѫть, пріимѫть (С. №№ 16, 35, 47, 175; А. №№ 3, 4, 18). Рядомъ находимъ формы со значеніемъ настоящаго вр.: оузимле, изимѣ, изимлю, -е (Ш. № VII; С. №№ 2, 17, 21, 87, 109, 121) и има въ простой и сложной формахъ (мн. р.). Но что на имати Д.-Сербскіе писцы смотрѣли какъ на глаголъ одного разряда съ давати, т. е., съ образованіемъ на -а-ти и со связующею гласною, то это видно изъ формы оу- изимаѫть, изимаютсе, поставленной въ церковно-дарственныхъ гр-хъ Ш. № VII; А. №№ 3, 16. Ясно, что н- п- имать, -ѣ, имѫ (Ш. № VII; А. №№ 3, 12, 14, 16; С. №№ 47, 49, 175; З.; Г. Б) есть первое стяженіе, употребленное въ церковныхъ гр-хъ и одной царской, и поведшее ко вторичному въ народной има, оуз- изима и т. д. (Ш. № VII; А. №№ 6, 7, 10, 11, 14, 17; С. №№ 2, 16, 35, 37, 39, 48, 49, 51, 54, 55, 63, 65, 68, 77, 86, 89, 94, 96, 100 и пр.), образованіе на -ити производитъ со значеніемъ будущаго вр. приими (С. № 173). Отрицаніе сливается въ одну форму нема, нема (Ш. № VII; А. №№ 4, 5; С. № 153). Форма отъ дати со значеніемъ настоящаго вр. давати или давати производитъ про- не- дам, -ѫ, -е, -м, -е (А. №№ 4, 6, 10, 14; С. №№ 35, 37, 43, 68, 72, 96, 98, 104, 107, 130; Мл.; З.), отвѣчающее Д.-Булг. да-м-ть, какъ и у насъ въдаѫть (А. № 3), нынѣ *дае*; но, доставивъ самостоятельное движеніе образованію -вати, въ слѣдствіе дальнѣйшаго развитія Славянскаго языка, Д.-Сербскій языкъ, какъ и нынѣшній, употребляетъ еще форму про- дава, -ѫ (С. №№ 47, 53, 71, 165, 168, 176; З.; А. №№ 15, 17; Г. Б), къ которой, по Д.-Булгарскому обычаю, приставленъ личный признакъ: про- даватъ (С. № 47; З.); но что сдѣсь уже есть стяженіе по народному и что образованіе -вати пущено въ движеніе какъ и -ати, т. е., -вам, -вамо, -ваѫть и т. д., то это доказываетъ форма даваѫть (Ш. № VII). Отъ ѣмь встрѣчаемъ ѣсть (Г. А, Б), испоѣсть (З.; С. № 176)—явно Д.-Булгарская форма; народная является въ ѧдеть, хотя тоже въ церковной гр-ѣ А. № 17 и пріемле (С. №№ 111, 137). Корень ста является въ трехъ образованіяхъ: при- стае, -ю, стає (С. №№ 21, 176; А. №№ 8, 11), какъ бы отъ ста-и-ти или ставати, при- до- стои отъ сто-и-ти и наконецъ з- о- стане, -е (С. №№ 2, 4, 14, 15, 73, 91, 111, 137, 176) собственно отъ станѫти, ибо для стати должна была существовать особая форма подобная дамь, ср. *ἵστημι*. Укажу еще на форму, въ которой не растворился носовой звукъ: расисѧ, разасисе, или расвться въ значеніи будущаго (С. №№ 35, 89, 114, 144; З.); началомъ бу-

детъ **на-ти**, и слѣдовало бы писать **расьмися**, какъ и встрѣчаемъ **сьмие**, **сеньме** (С. №№ 4, 12, 14). Дѣйствовало-ли тутъ время, какъ показываетъ возрастъ памятниковъ, или просто прихоть языка, не берусь рѣшить. За то съ образованіемъ **из** (**иж**) находимъ глаголъ **насти**: **нападеть**, **напие** (С. №№ 43, 168), какъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ и Чешскомъ. Вообще образованіе 3-го *л.* совершается въ полной формѣ на ту же гласную, на какую исходитъ 1-е *л.* съ признакомъ **-мь**, или 2-е съ признакомъ **-шь**. Но Д.-Сербскій языкъ, какъ и нынѣшній, не любитъ этой формы и опускаетъ **-ть**, какъ равно **ае** стягиваетъ къ **а**. Въ этомъ явленіи отражается временное его движеніе, которое мы и должны теперь разсмотрѣть. Въ XII-мъ в., въ гр-ѣ Кулина, находимъ одну только народную форму: **хоке**, **мние**, **моге**, **буде**. Она, по видимому, была уже такъ сильна, что въ Аѳонской гр-ѣ, противуположной съ предыдущею и по языку, и по содержанію, и по настроенію духа, рядомъ съ полною Д.-Булгарскою формою, есть уже и народная: **выправаеть**, **радеться** и **вижи**. Послѣдняя въ условіяхъ надачи. Такъ съ первыхъ же памятниковъ объясняется намъ отношеніе обѣихъ формъ и ихъ значеніе въ письменномъ языкѣ. Въ XIII-мъ в., изъ Западныхъ гр-ъ, въ одной только Дубровницкой, о которой мы не разъ замѣчали, что она, по случаю договора съ Булгаріею, отстранена нѣсколько отъ народнаго языка и поддѣлана подъ Булгарскій, встрѣчаемъ ту и другую формы; на пр.: **растеть**, **исьместь**, **клатиться**, **дрьжить**, **поможеть**, **годиться**, **створить**, **придеть**, **пошлеть**, **будеть** и **буде**, **дрьжи**, **поможе**, **погибьне**, **суди**. Какъ видно, формы находятся въ равновѣсіи, и даже одинъ и тотъ же глаголъ поставленъ въ той и другой формѣ. Присоединю сюда **помагаеть** и **помага**, чтобы показать, что не только опускается **-ть**, но сверхъ того и стягивается въ **а**. Въ Восточной семьѣ тоже единственная грамота, Ш. № VII, наполненная выписками изъ церковнаго права и богословскими созерцаніями, вмѣстѣ съ различными постановленіями относительно церковныхъ людей, смѣшиваетъ обѣ формы въ равной мѣрѣ. Такъ, на пр., читаемъ: **испитаеть**, **оупадаеть**, **благословлаеть**, **постављаеть**, **оставлаеть**, **наказуеть**, **обрящеть**, **створить**, **выпадеть**, **пристоупить**, **причьтсе**, **имать**, **боудеть** и **боуде**, **има**, **позива**, **прилага**, **поиде**, **доходи**, **позове**, **възврати** и пр. Всѣ же прочія грамоты этого вѣка имѣютъ одну народную форму. Я называю ее народною въ противуположность Д.-Булгарской, ибо если народъ говоритъ еще и теперь *ест* и *е*, то въ другихъ глаголахъ онъ уже не терпитъ личнаго окончанія **в**, какъ видно, не терпѣлъ его еще въ XII-мъ в. Такая скудость полной формы и отстраненіе ея отъ народнаго дѣла, укрытіе ея именно въ тѣхъ только памятникахъ и частяхъ памятника, въ которыхъ видѣнъ умыселъ и намѣренная поддѣлка писца, чтобы приблизиться къ Ц.-Славянскому языку, показываютъ, что народъ чуждался этой формы, хотя и не находимъ ея совершенно рѣзкою и противною для слуха, чтобы вовсе не допускать въ свою письменность. Но по всему видно, что уже въ то время полная форма въ устахъ народа была позабыта, и языкъ Сербскій ушелъ далѣе Булгарскаго по пути временнаго движенія нарѣчій Славянскихъ. Мы видѣли, что, за исключеніемъ немногихъ, всѣ остальныя нарѣчія выразили въ забвеніи личнаго указателя одинъ изъ тѣхъ итоговъ, къ которымъ пришелъ Славянскій языкъ въ позднѣйшее время. Этотъ постепенный ходъ, кромѣ нашихъ памятниковъ, можно прослѣдить и въ Д.-Чешскомъ языкѣ, который какъ въ 1-мъ, такъ и въ 3-мъ *л.* шелъ медленнѣе Д.-Сербскаго. Послѣдній въ 3-мъ *л.* гораздо ранѣе выказалъ предпочтеніе краткой формѣ. Мы видимъ это уже въ XIII-мъ в.; сейчасъ увидимъ и въ послѣдующихъ. XIV-й

в. до начала послѣдней своей четверти, наполненъ Восточными гр-ми, изъ коихъ немалое число принадлежитъ церковнымъ. Но мы уже знаемъ, какія отступленія отъ народнаго языка позволяли себѣ дѣлать писцы, желая или выказать свою начитанность въ Св. Писаніи, или придать болѣе возвышенности слогу царскихъ златопечатныхъ словъ. Еще недавно, по случаю формы несть и не, видѣли мы въ нѣкоторыхъ грамотахъ то рѣзкое и строго выдержанное различіе формъ въ одномъ и томъ же памятникѣ, смотря по его содержанію. Нельзя думать, чтобы та и другая формы одинаково жили въ народѣ, а по тому нельзя ту и другую равно приписывать народу. И въ смѣнѣ ихъ, если она зависитъ отъ свойства памятника, нельзя также видѣть повременнаго движенія языка; но опытный глазъ изслѣдователя долженъ естественный, повременный ходъ языка отдѣлять отъ умышленныхъ дѣйствій писцовъ. Тѣмъ болѣе силы приписать должно народности, когда даже самая преднамѣренность подчинялась ея дѣйствію. Это мы видимъ въ собственно-Сербскихъ грамотахъ и въ томъ числѣ Аѳонскихъ. Трудно найти грамоту, въ которой была бы одна полная форма. Укажу только на А. №№ 2, 18; В. № 1 и С. № 46. Изъ церковно-дарственныхъ всѣ прочія имѣютъ ту и другую формы, каковы: А. №№ 3—15; Мк.; С. №№ 35, 47, 51, 52, 176; Г. А; В. № 2. Но и въ нихъ, если обратимъ вниманіе на численное отношеніе формъ и мѣстонахожденіе ихъ, то увидимъ перевѣсъ на сторонѣ народности. Такъ въ А. №№ 5 и 6 въ надачахъ, въ первой на 4, во второй на 17 случаевъ народной формы приходится не болѣе одного случая Ц.-Славянской, тогда какъ въ богословіи и заключеніи присутствуетъ только одна послѣдняя. Въ гр-хъ С. № 176, А. № 11 безъ исключенія сдѣсь одна, тамъ другая форма. Въ гр-ѣ Мк. то же, кромѣ боуде въ заключеніи. Такъ рѣзко проводили писцы отличіе языка въ одной и той же грамотѣ, смотря по содержанію извѣстнаго мѣста. Въ другихъ грамотахъ вообще на нѣсколько случаевъ употребленія народной формы приходится по одному, много по два случая Ц.-Славянской. Такъ въ гр-хъ А. № 7 изъ 5 формъ, А. № 8 изъ 8, А. № 13 изъ 6 только одна Ц.-Славянская; въ гр-хъ А. №№ 9 и 12 изъ 11 только двѣ Ц.-Славянскихъ. Въ остальныхъ Аѳонскихъ гр-хъ, какъ-то: А. №№ 3, 4, 10, 14, 15; Г. А, отношеніе народной формы къ Ц.-Славянской совершенно равное, какъ 1: 1. Въ другихъ церковныхъ гр-хъ, именно, С. №№ 35, 47, 51, 52; В. № 2; Ш. № 15 отношеніе это то же совершенно равное, какъ 1: 1. Принявъ въ соображеніе всѣ изложенныя обстоятельства и числовое отношеніе, мы видимъ, что Ц.-Славянская форма на половину слабѣе народной. Если же сдѣсь, въ самомъ обильномъ хранилищѣ Ц.-Славянскаго начала, форма его такъ слаба, то въ другихъ памятникахъ она должна быть еще слабѣе. Прежде всего обратимъ вниманіе на Законникъ. Онъ въ первыхъ статьяхъ, гдѣ излагается церковное право, представляетъ почти исключительно Ц.-Славянскую форму, но въ дальнѣйшихъ обѣ формы: въ 40 первыхъ статьяхъ, среди множества случаевъ Ц.-Славянской формы, намъ встрѣтилось только 8 случаевъ народной, именно: ѡбрѣтесе (ст. 9, 35), в(п)ѣдѣвьса (ст. 10), преда (ст. 21), походи (ст. 22), оурѣ (ст. 30), оуздѣ (ст. 31), расиѣсе (ст. 35). Въ дальнѣйшихъ статьяхъ часто одно и то же слово попадается въ обѣихъ формахъ, на пр.: платить и плати, ѡбладаеть и ѡблада, продаватьсе и продава, боудеть и боуде, давать и дава, ѡпсоуеть и ѡпсоуе, оувѣеть и оувѣе и т. д., и вообще формы уже въ равновѣсіи. Такое явленіе объясняется или вліяніемъ церковнаго права на первыя статьи, или тѣмъ, что писецъ, желая придерживаться Ц.-Славянскаго языка, по мѣрѣ

того, какъ писалъ, все болѣе и болѣе, нечувствительно и непримѣтно, увлекался народностію. Прочія собственно-Сербскія, но не церковныя, грамоты XIV-го в. представляютъ еще менѣе случаевъ Ц.-Славянской формы. Изъ 29 только 19 имѣютъ ее, но гр-ы С. №№ 39. 46, 49, 50, 54. 55, 62 только по одному разу, С. № 43 — 3, С. № 47—6, С. № 48—2 раза; когда же видимъ, что на всякую такую форму приходится въ тѣхъ же грамотахъ по нѣскольку народныхъ, на пр., въ гр-ѣ С. № 43 на одну 14, хотя сдѣсь всюду пишется **ють**, и когда знаемъ, что этѣ грамоты часто начинаются богословіемъ, равно переписываютъ одна у другой нѣкоторыя выраженія, на пр.. **цр҇твоми, поставлꙗить** (ср. С. №№ 48, 54, 55) или **да прѣбиваить тврьдо** (ср. С. №№ 48, 50, 62), тогда значеніе Ц.-Славянской формы сдѣлается еще слабѣе. Въ Зетскихъ гр-хъ мы уже вовсе не встрѣчаемъ ея. Наконецъ Боснійскія гр-ы того же вѣка, которыя, какъ мы знаемъ, стремились сначала поддѣлаться подъ выраженія царскихъ грамотъ, и тѣ только въ двухъ представили случаи для полной формы, въ одной два: **бꙋдеть, вкрѣплꙗить** (С. № 66), и въ другой одинъ: **бꙋдеть** (С. № 68), да еще Дубровницкая, рядомъ съ **ѡбѣтви** и множествомъ другихъ подобныхъ формъ, какъ-то написала **ѡбѣтвиться** (С. № 77). Вотъ весь XIV-й в. съ его движеніемъ. Если таково въ немъ отношеніе формъ, то, по мѣрѣ успѣховъ народнаго языка въ дѣлѣ письменности, надобно ожидать еще бóльшаго преобладанія краткой формы въ XV-мъ в. Дѣйствительно, сдѣсь различіе между церковными и другими собственно-Сербскими грамотами становится еще ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ послѣднія вдаются въ общее движеніе народнаго языка, съ замѣтною силою пробужденное грамотами Западными въ концѣ предыдущаго вѣка. Церковныя грамоты остаются при прежнемъ отношеніи. Гр-а А. № 19 во вступленіи и заключеніи представляетъ полныя формы и въ надачахъ одну только народную **дали**. Гр-а А. № 17 тамъ же постоянно употребляетъ краткую форму, исключая **прїдет**, но въ заключеніи ставитъ полную **ꙁволить, кто ли се ѡбрѣщеть и потьщитсе разорити—да га поразить сила кр҇та**. Напротивъ, гр-а А. № 16 кромѣ одной: **хѡ**, всюду имѣетъ полную форму, какъ и гр-а А. № 20, кромѣ одной: **посе**, и гр-ы С. №№ 175, 178 и С.-Д. М. 1844. Гр-а Г. Б равномѣрно оказываетъ предпочтеніе Ц.-Славянской формѣ; но гр-а Мл. опять со всею строгостію различаетъ формы по содержанію: во вступленіи присутствуетъ одна Ц.-Славянская, а въ надачахъ и заключеніи народная. Гр-а Г. V имѣетъ **боуде, ꙁове**, хотя тутъ же находимъ **естъ**; **быстъ**. Изъ другихъ собственно-Сербскихъ грамотъ только въ С. №№ 111 и 137 находимъ обычныя выраженія: **пишеть г҇постьоми** и въ послѣдней: **его же иꙁволить б҇ь**. Изъ Албанскихъ Юрія Кастріота одна, С. № 148, представляетъ дважды полную форму: **достоить**, **иꙁиеться**, хотя оба выраженія суть самыя обычныя и, вѣроятно, писецъ, зная ихъ на память изъ какой нибудь другой грамоты, не хотѣлъ измѣнять ихъ формы; но въ другой гр-ѣ того же, С. № 149 уже одна краткая **греде**. Въ Турецкой гр-ѣ С. № 168 находимъ обѣ формы рядомъ одну съ другою: **донес҇, почи҇, вп҇и҇, явитъсе, сътвори҇, недеся҇** и **ꙁаповеда, плака, ище, ꙁна** и пр. Въ Хлумской, въ богословіи, **сѣдеть** (С. № 144). Но въ прочихъ, какъ Восточныхъ, такъ и Западныхъ, грамотахъ господствуетъ исключительно одна только народная форма, такъ что, сообразивъ все вышесказанное, равно и вышеприведенныя формы отъ **дати, имати, вести** и др., мы видимъ, что въ 3-мъ л. ед. ч. народность уже съ XII-мъ в. открыто выступила съ своею формою. Церковно-дарственныя гр-ы и нѣкоторыя собственно-

Сербскія, преимущественно царскія XIV-го в., ближайшія, по языку, къ Ц.-Славянской стихіи, допускали въ равной мѣрѣ обѣ формы, тогда какъ другія постоянно сокращали у себя служеніе полной и отдавали преимущество краткой. Вмѣшательство народности въ дѣло книжнаго языка оказывается явнымъ образомъ въ томъ, что изложеніе надачъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ грамотахъ содержитъ въ себѣ одну народную форму, тогда какъ богословіе и заключеніе, въ которыхъ писцы, согласно съ ихъ содержаніемъ, примѣнялись къ выраженіямъ и языку Ц.-Славянскимъ и намѣренно избѣгали народныхъ формъ и звуковъ, представляютъ Ц.-Славянскую форму. Но эта умышленность не должна мѣшать изслѣдователю произнести справедливое сужденіе о состояніи и явленіяхъ языка въ томъ естественномъ и постепенномъ развитіи, которое идетъ независимо отъ посторонниxъ привносовъ, явно противорѣчащихъ ему по своей несвязности съ общимъ движеніемъ звуковъ и формъ. Но какъ ни велико было отчужденіе народности отъ Ц.-Славянской формы, однако самое происхожденіе краткой формы изъ полной и долженствовавшій постепенно совершиться переходъ одной въ другую устраняютъ между ними рѣзкія грани и необходимо заставляютъ предполагать время, въ которое совершился этотъ переворотъ. Не тѣ ли это вѣка, которые мы разсматриваемъ? Думаю, что вѣка эти были болѣе ранніе; мы же застаемъ только конецъ переворота въ болѣе отдаленной области, въ грамотахъ Восточной семьи, которыя въ XV-мъ в., тоже почти окончательно склоняются на сторону народности: церковно-царственныя грамоты, преимущественно своимъ богословіемъ, не могутъ быть помѣхою этому заключенію; ибо воспроизводить помощію изученія чужія, миновавшія для живаго языка, формы можно во всякое время съ равнымъ успѣхомъ и въ равной мѣрѣ; но вводить ихъ въ самобытное движеніе языка, какъ живую его часть, невозможно. Построеніе формы 3-го л. обыкновенное, общеславянское. Какъ и другія нарѣчія, Д.-Сербскій языкъ стягиваетъ въ глаголахъ на -ати связующую гласную и съ образовательною а, на пр.: прилагасе (Ш. № VII), исправла (С. № 3), помага (С. № 16), погиба (А. № 6), палка, -ѣа, паллка (С. №№ 28, 43. 83, 94, 111, 137, 144, 168), ӥспальна, ӥзпльна (А. № 10; Г. А), скупла (С. № 35), ѡбрѣтасе (С. №№ 35, 49), слѹчасе (С. № 43), ѿсталасе (А. № 14), подобасе, пѻбасе и т. д. (С. №№ 83, 89, 92, 93, 105, 114, 117, 128, 139, 142, 151—154, 163, 164, 179), питасе (С. № 102), ѹѕка, ѹѕвла. оу- ѿставла (С. №№ 111, 137), но отъ ѹюти: ѹюе (С. № 104); ѕна (С. №№ 156, 164, 168). Стяженіе производило долготу въ гласной: отъ того находимъ иногда удвоеніе а: ӥзбраа̂ (А. № 3), ср. ӥзбирайть (А. № 4), ѕапрещаа̂ (А. № 10), пѻбаасе (С. № 117), бивал, слобоѣавла (С. № 114) и пр. Въ полной Ц.-Славянской формѣ стяженія не бываетъ: по крайней мѣрѣ, только разъ встрѣчаемъ стянутое: подписатьсе (З.); ибо этотъ глаголъ, хотя и чужой, ограничивался одною Сербскою почвою. По тому и движеніе съ в по-сербски произвело давать (см. в.). имать есть общая форма. Такъ точно, на оборотъ, не находимъ отъ -ати и -авати формы на -ае, кромѣ ѹае (А. № 16), быть можетъ, по благозвучной причинѣ; но ее находимъ въ глаголахъ безъ образовательной а, на пр.: дае, стае, хотя и тутъ есть ѕна: нынѣ глаголы съ образовательною ѣ имѣютъ *ие*, какъ и въ старину находимъ: разѹмие (С. № 128), сние (С. № 144); но сние (С. № 113), разѹмиесе (С. № 114) суть стянутыя формы, судя по употребленію ие въ этѣхъ грамотахъ; ср. свсиедь, колицием, велициехь и пр. Смягченіе обычное, на пр., жежеть отъ жегѹ (З); исключаются замѣнительныя г и к, на пр., да ѕиги̂, -е (С. №№ 111, 137), наги (С. № 66), прирагасе (приро-

ждается, А. № 6), хокѥ (см. н.) и пр. Укажу на употребленіе замѣнительнаго ѥ тамъ, гдѣ ему не слѣдовало бы быть: облагѥ (обладаетъ, Г. А). Отъ хотѣти: хоштеть, вьс- хоштеть (А. №№ 3, 10, 14; З.), хошѥ (С. № 14), оус- ус- хокѥ, -ѥ, -ѥ, -ѥ, е (А. II.; С. №№ 2, 17, 45, 64, 76, 86, 108, 111 — 113, 115, 126, 130, 137, 168, 176; А. № 4), хте (С. № 176), кѥ, ке, кѥ, кѥ (С. №№ 39, 53, 76, 86, 87, 106—109, 112, 113, 115, 119 — 121, 126, 127, 133, 149, 168), хоћѥ, хоћѥ (С. №№ 77. 142, 144, 172), ћѥ, ће (С. №№ 79, 88, 114, 116, 118, 140, 143, 179; З. А.). Приведу еще глаголъ сѣсти, употребляемый нынѣ въ южной Сербіи: сѣдѥ (С. № 114), сѣдеть (С. № 144).

1-е л. мн. ч. уже въ Санскритѣ утратило полный исходъ *-masi*, который существуетъ въ Вѣдахъ и съ перезвукомъ *-mahi* въ Зендѣ. Въ немъ осталось *-mas*, какъ и въ Греческомъ Дорическая форма *-μες* и Латинскомъ *-mus*. Литовскій отбросилъ самое *s* въ своемъ *-me*, а Славяне вмѣстѣ съ Готами стянули его еще болѣе въ *-мъ*, *-m*; но не всѣ они такъ поступили. Въ Д.-Чешскомъ языкѣ видимъ исходы *-my*, *-me*, *-m* и въ то же время замѣчаемъ свободу, съ какою они смѣняются: совершенно легко *-me* стягивается въ *-m;* но это стяженіе не укоренилось въ движеніи языка и не овладѣло формою, какъ обыкновенно бываетъ въ повременной послѣдовательности: Чешскій языкъ доселѣ остался съ формою *-me*. Стяженіе водворилось окончательно въ нарѣчіяхъ В.-Русскомъ и Б.-Русскомъ; но М.-Русское имѣетъ *-мо*, какъ и весь говоръ Илирскій. Д.-Булгарскій предпочитаетъ краткій исходъ -мъ, но нерѣдко въ немъ встрѣчается -мы, а въ Н.-Булгарскомъ *-мъ* и *-ме*, звучающее близко къ *-ми*; Поляки и Лужичане имѣютъ *-my*. Отсюда видно, что Славяне перезвуковали, каждый народъ по своему, первоначальную гласную. Трудно рѣшать, совершился ли этотъ перезвукъ непосредственно, или чрезъ посредство полугласія? Впрочемъ, языкъ Д.-Булгарскій отличающійся передъ прочими древностію своихъ формъ, какъ бы указываетъ на предварительно совершившееся стяженіе *-masi* въ -мъ, отъ котораго Славянскія нарѣчія пошли далѣе и снова вступили въ полногласіе. Усиленіе ъ въ ы могло легко произойти подъ вліяніемъ мѣстоименія мы. Другія гласныя суть обычные замѣнители полугласной. Но главный признакъ лица *м* остается все тотъ же; съ *-masi* можно снести *mas*, мы, гдѣ ы есть такая же усиленная замѣна для ъ, какъ и въ глагольномъ окончаніи -мы вм. *-mas* = -мъ. Но съ другой стороны, старшинство формъ въ Д.-Чешскомъ языкѣ склоняется на сторону *-my*. Согласить это можно тѣмъ, что если въ самомъ Д.-Булгарскомъ языкѣ уже ощущалась мѣстами потребность огласовать -мъ, то и Чешскій языкъ, живя долѣе Д.-Булгарскаго, еще болѣе созналъ эту потребность и, начавъ съ того же звука ы, *y*, продолжалъ, по свойству своему, суживать его до *e*. Въ историческую пору *e* является почти ровесникомъ *y*. Какое содѣйствіе окажетъ намъ Д.-Сербскій языкъ? Уже съ XIII-го в. мы замѣчаемъ рѣзкую противуположность въ употребленіи формъ. Церковно-дарственная грамота Ш. № VII представляетъ лишь одну стянутую форму на -мь: прѣдлагаемь, повелѣваемь: но всѣ прочія грамоты того же вѣка имѣютъ почти безъ исключенія одну народную или нынѣшнюю форму на -мо. Исключенія: кльнемьсе (С. № 16), потврьдаемь (С. № 19). Такъ строго поддерживалъ языкъ свою форму. Если гр-а Ш. № VII, допуская къ равной мѣрѣ полную и краткую формы 3-го *л.* ед. ч., сдѣсь, напротивъ, остается вполнѣ вѣрною Ц.-Славянской стихіи, и если, на оборотъ, гр-а С. № 16, въ которой мы находили много Ц.-Славянскаго, употребила сдѣсь только однажды форму -мь среди множества формъ на -мо: то и въ

слѣдующихъ вѣкахъ мы должны ожидать бо́льшаго разногласія между памятниками. Въ самомъ дѣлѣ, разногласіе весьма замѣтно. Обѣ формы какъ бы чуждаются другъ друга и не хотятъ совмѣститься. Но на сторонѣ Ц.-Славянской стоятъ однѣ только церковныя грамоты и то далеко не всѣ. Просмотримъ ихъ: гр-ы А. №№ 2, 5, 7, 10, 11, 16; В. № 1; Г. А, Б, V; Мк.; С. №№ 176, 178 имѣютъ одну форму -мь; гр-ы А. №№ 3, 4; С. № 175; Мл. имѣютъ ее съ исключеніями, какъ на пр.: прокльнамо и ꙁаꙁоуимо (А. № 3, ср. А. № 4), дамо (С. № 175), молимо, ꙁакльнамо и кленѫсе, оусамо, обрѣ-ꙁамь (Мл.). За то гр-ы А. № 14, кромѣ одной принадамь, и А. № 15 не знаютъ другой формы, кромѣ народной на -мо. Кажется, не нужно и говорить, что постанимь (С. № 68) и ꙁавѣтуемсе (С. № 107) — единственные два случая для этой формы, встрѣчающіеся во всемъ множествѣ памятниковъ XIV-го и XV-го вв., исключая вышеприведенныя грамоты, суть не что иное, какъ нечаянныя описки, или прихоть писца, и что, слѣдовательно, преобладаніе формы -мо оказывается рѣшительнымъ. Если же форма -мь избрала для себя убѣжищемъ однѣ церковныя грамоты, но даже и отсюда вытѣснялась другою; если обѣ онѣ столь рѣзко разграничили себя памятниками, то прямымъ заключеніемъ отсюда будутъ то, что форма -мь уже въ XII-мъ в. не была Сербскою и введена была въ письмо лишь по подражанію Ц.-Славянской стихіи. Тѣмъ не менѣе, построеніе формъ одинаково въ обоихъ языкахъ, какъ и вообще согласно съ общеславянскими законами. Образовательныя и связующая гласныя тѣ же, какія въ 1-мъ л. на -мь и во 2-мъ и 3-мъ лл. ед. ч.; то же и стяженіе въ глаголахъ на -ѣти со связующею гласною. На пр.: врѣн- при- имамо, -е, -ое, имамо (С. №№ 3, 11, 15, 16, 18, 48, 78, 89, 91, 93, 96, 98, 104, 106, 119, 127—129, 141, 144, 152, 164, 167), Ц.-Славянская имамь (С. № 176), имамо (С. № 10), прьимо, приимо, прьимо (С. №№ 3, 26, 60), обещамо (С. № 16), обещавамо, обѣщавамо, обѣщавамо (С. №№ 66, 76, 78), тнимо (С. № 107), ꙁапоквдамо, -видимо (С. №№ 144, 154, 153), поклонимосе, ꙁахвалимо (С. № 166), ꙁилмо (С. № 167), и пр. Нестяженіе при народной формѣ не допускается, кромѣ одного раза: вповѣмо (А. № 14). При народной формѣ и Аѳонскія принимаютъ стяженіе: ꙁа- прокльнамо (ср. А. №№ 3, 4, 14; Мл.). Напротивъ, въ Ц.-Славянской формѣ стяженія не бываетъ: потврьдамь (С. № 19), обрѣтамь (А. № 11) и пр. Укажу на рѣдкое стяженіе въ: раꙁумимо (С. № 167). Корень ес имѣетъ сдѣсь всюду смо, сме, какъ и нынѣ, (ср. Ш. № VII; С. №№ 3, 14, 16, 78, 107). Однажды въ Аѳонской гр-ѣ встрѣчаемъ полную форму есмо (С. № 57). Стяженіе съ отрицательною частицею производитъ нисмо, несмо (ср. С. №№ 41, 114; Мл.). Д.-Булгарская форма поставлена въ одной Аѳонской гр-ѣ (А. № 18). Нынѣ говорятъ *даемо* или *давамо* отъ *давати*, но въ старину при многочисленной формѣ дамо, подамо и пр. (ср. С. №№ 3, 26, 78, 87, 93, 106, 108, 109, 112, 114, 115, 119, 121, 122, 124—128, 130, 134, 139, 141, 143—145, 148, 175) есть и стянутая по- дамо, дамо (С. №№ 26, 116, 118, 129, 140, 151—154). Кромѣ этой, есть и дадимо (А. № 15; С. №№ 157, 163). Замѣчательно, что это движеніе съ б-ю к находится и въ Аѳонской гр-ѣ. Съ этою формою не должно смѣшивать движеніе отъ дати со значеніемъ будущаго дѣйствія, въ которомъ находимъ: по- дамо, дамо (С. №№ 3, 16, 76, 127, 141). Отъ вести находимъ: при- принесемо (С. №№ 60, 91, 145), вьвемо вм. вевемо (С. № 16). Отъ ꙁѧти, приити: приимемо, ꙁимемо (С. №№ 3, 45, 76). Смягченіе общеславянское, на пр., носимо отъ носѣм или носим(гим)-ти (С. № 3). Укажу на перезвуки: носимо-

ме вм. **-амо** (С. № 172), **разоумѣвимь** (С. № 175), **оварою̇мо**, **ꙁатврьдимо** (С. № 60). Удвоеніе: **морорѥмо** (С. № 60). Отъ **хотѣти**: **хощемо** (С. №№ 8, 14, 57), **хощемо**, **-имо**, **-ємо**, **хокємо** (С. №№ 16, 100, 101, 127), **ємо** (С. № 76), **хоћємо**, **-ѡ** (С. №№ 92, 96, 98, 102, 144, 145), **ћємо**, **-ѡ**, **-оѡ** (С. №№ 93, 104, 173).

2-е *л.* мн. ч. имѣетъ своимъ начальнымъ мѣстоименнымъ признакомъ *-tha*, какъ въ Санскритѣ и Зендѣ; въ послѣдствіи онъ перешелъ въ Лат. *-tis*, Греч. *-τε*, Лит. *-te*, Слав. *-те*, *-te*, *-cie*. Въ Д.-Сербскомъ языкѣ то же окончаніе и съ тѣмъ же строеніемъ формы, какъ и въ Д.-Булгарскомъ: **давати** и **ставати** не встрѣчаются со стяженіемъ, но **даите**, **остаите** (С. № 2). **даете** (С. № 173). Другіе глаголы на **-а-ти** допускаютъ стяженіе: **помагате** (С. № 48). Сдѣсь находимъ многократный в., но только безъ **в**: **ѿговарате** (С. № 164), предполагающій неокончательное н. **говарати**. Такъ точно **имате** (С. №№ 79, 135; С.-Д. М. № 2). Отъ **ꙁнати** находимъ всюду стяженіе: **ꙁнате** (С. №№ 13, 45, 56, 135, 167, 173; С.-Д. М. № 2). Отъ корня **ес**: **есте** (С. № 173), **исте**, **инсте** (С. №№ 11, 179), **и сте** (С. №№ 2, 7, 9, 13, 45, 53, 56, 75, 79, 135, 167; Г. VI № 2). Глаголъ **дати** образуетъ **при- дасте** (С. №№ 135, 149); **вѣсти** — **вѣсте**, **висте** (С. №№ 10, 59); **хотѣти**—**хоките** (С. №№ 2, 10), **кете** (С. № 61), **ћете** (С. 79). Смягченіе 6-ы **є**, выражаемое иногда въ **ѣ**, производитъ видимое сходство съ формою повелительнаго н., какъ на пр. въ **живѣте** (С. № 21), **помагѣте** (С. № 45); но такъ какъ при упомянутыхъ формахъ поставленъ союзъ **да**, то мы и относимъ ихъ къ изъявительному н., равно и другія, имъ подобныя, какъ на пр.: **да идете** (С. № 53), **да грядете** (С. № 45). **да раꙁдерете** (С. № 135) и пр. Въ формѣ **аковѣ примите**, **да примите** (С. № 173, С.-Д. М. № 2) обнаруживается образованіе **-и -ти**, если только это не перезвукъ **е** въ **и**.

3-е *л.* мн. ч. исходило первоначально на *-anti*, гдѣ *a* было связующею гласною для всѣхъ образованій, даже для глаголовъ, лишенныхъ въ другихъ лицахъ связующей и образовательной гласной. Отъ того такой же личный исходъ имѣютъ и глаголы **ѥсмь**, **дамь**, **вѣмь** и т. п., ибо сдѣсь прибивляется къ нимъ цѣлый слогъ. Тамъ, гдѣ въ движеніе входитъ связующая **и**, а въ образованіи неокончательнаго н. является она же, или ея усиленіе **ѣ**, при скрытомъ присутствіи мягкости, тамъ носовой звукъ **-ѧ**, произведенный въ Славянскомъ языкѣ первоначальною формою *-anti*, переходитъ въ другой носовой звукъ **-ѫ**, ибо постороннее смягчающее начало *ї* въ соединеніи съ *a* приводитъ къ общему звуку *e*, который присутствуетъ въ **ѧ**, и это измѣненіе или перезвукъ совершается при самомъ рожденіи формы, тогда какъ въ другомъ случаѣ, именно, при предшествующей образовательной, или основной гласной, форма, уже родившаяся, смягчаясь для отбоя голоса, производитъ **ѫ**. Только три глагола **ѥмлѭ**, **кълѭ**, **крѫ**, смягчая гласныя, принимаютъ **-ѭть**. Но если взять въ сравненіе Русскій языкъ, то окажется сдѣсь вся неопредѣленность звуковъ замѣнительныхъ для **ѫ**, **ѧ**, доселѣ недоумѣваютъ, какую гласную, *ю*, или *я*, ставить должно послѣ мягкой согласной, или гласной, при которой есть связующая **и**; устный языкъ, не взирая на опредѣленія теоріи, постоянно смѣшиваетъ сдѣсь оба звука. Нѣчто похожее происходитъ и у В.-Лужичанъ въ смѣненіи *-ja* и *-ju*, хотя обыкновенно при мягкости ставится *-a* (*á*). Поляки всякую мягкость выражаютъ сдѣсь чрезъ *-ią*, Чехи чрезъ *-j*, *-gi*. Н.-Лужичане строже отличаютъ **-ѫ** и *-e*; но всѣхъ отчетливѣе и ближе къ Д.-Булгарскому Сербы. У нихъ *-у*, *-ю* (**ѫ**, **ѭ**) и *-е* (**ѧ**), являются тамъ же, гдѣ и у Д.-Булгаръ. Слѣдовательно, если мы и въ Д.-Сербскихъ памятникахъ находимъ, въ одномъ случаѣ, **-ѫ**, **-ѭ**, а въ другомъ **-ѧ**, то тутъ нѣтъ ничего особеннаго:

первыя стоятъ на мѣстѣ Д.-Булг. **-жть, -щть**, второе на мѣстѣ **-жть, -щть**; на пр.: **ходе, стое, любе, хранe, продаде, сѫдѧ(e), вѣдет, женитьсе, ставетьсе. дѣлѧ(е), слѫшать, дрьжать хвалять, слѹже** и пр., **привѣгне, пише, позивлютсе, грѧдѫ, могѫ, дарѹю, кѹпѹють, работлю, воюю** и пр. Тѣмъ не менѣе и здѣсь замѣтно мѣстами, хотя и весьма рѣдко, колебаніе писцовъ въ образованіи формы. Мягкость согласной приводила ихъ иногда въ недоумѣніи. Такъ мы находимъ: **дрьжить** и **дрьжеть**, **дрьже** (С. № 16), въ другихъ грамотахъ **држеть, дрьжѐ, -е, -еть** (С. №№ 37, 46, 47, 103, 136, 176; С.-Д. М. 1844; Мл.), **ище**, нынѣ *ишту* Д.-Булг. **-ж**, (С. № 39), **прѣсе, ересе** (С. №№ 73, 91, 111, 137; З.) и **проѹсе** (С. №№ 73, 91). Смягчивъ **р** въ формѣ **орѥ** (С. № 176), писецъ не перевелъ ея въ исходъ **-е**, ибо побоялся отступленія отъ Д.-Булг. **оржть** или нынѣшней *ору*; ср. тутъ же **оѹзороѹ**. Первичное *-ti* перешло въ Д.-Булгарскомъ и М.-Русскомъ въ **-ть**, *-ть*; въ Б.-Русскомъ въ *-ць*; но въ В.-Русскомъ окрѣпло въ *-тъ*, кромѣ *суть*, а въ прочихъ вовсе пропало. Обращу вниманіе на нѣкоторыя замѣчательныя формы: рядомъ съ **оѹземлютьсе, оѹземлюсе** находимъ **имоѹтсе** (Ш. № VII), **початесе** отъ **початити** съ приличнымъ этому образованію движеніемъ (С. № 22). Замѣнительныя **е** и **ѫ** остаются такими же съ **ю, ѫ**, или **е**: **же** (З.), **погю** (С. № 39), ср. **иодѫ** (С. № 10), **доѣѫ** (С. № 173) и **дондѫ** (С. № 86). Двоякое строеніе формы: **потезлю** (С. №№ 115, 126) и **потежѫ** (С. № 130) отъ **потезати** и **потежити**; здѣсь различіе въ видахъ. **да присегѫ** (С. № 78), произведенное или отъ образованія **присешти**, *присећи*, или опустившее образовательное **и** вм. **присегнѫ**. Глаголъ **жешти** имѣетъ **оѹжегоѹть**, но тамъ же и **жижоѹть** (З.) отъ другаго вида **жизати**, ср. Рус. *жгутъ* и *сжигаютъ*. Такъ точно и **плачю, -ѥ, -чють, -аю, -аю, -ѣаю** (С. №№ 21, 54, 67, 70, 83, 113, 168; А. № 6; З.) отъ многократнаго в. **плаѣати**. Глаголы первичнаго спряженія: **сѫ, сѫть** (мн. р.) съ опущеніемъ, какъ и во всѣхъ нарѣчіяхъ, начальной гласной корня; но есть и **есѫ, есѫ, есѫ** (С. №№ 78, 89, 96, 97, 113) съ замѣтнымъ удареніемъ на этомъ словѣ. Гласная обнаруживается въ отрицательной формѣ **несѫ, -оѹ, -оѹ** (С. №№ 39, 54, 64, 70, 91, 98, 137, 138, 167; А. № 9) или съ перезвукомъ **несѫ, -оѹ** (С. № 115; Мл.), **вѫдѫ, боѹдоѹть** и пр. (мн. р.); учащательный видъ съ перезвукомъ **ѫ** въ **ы**: **вы- бываютъ** (Ш. № VII; А. № 5; С. №№ 111, 137). **дати** является здѣсь, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, съ удвоеннымъ корнемъ: **по- прѣ- даде. -е** (С. №№ 11, 16, 17, 19, 37, 55, 106. 176). Эта форма отвѣчаетъ Д.-Булгарской **дадать**; но есть и перезвукъ въ **ѫ**: **дадѫ, дадоѹть** (С. №№ 83, 107, 164; З.), какъ нынѣ *даду*; ср. Рус. *дадутъ*. Переходъ въ образованіе **-ати** доставляетъ другой способъ движенія: **изъ- по- про- даю, -ю, дають** (С. №№ 16, 21, 35, 66, 83, 107, 114, 162, 168, 176; А. №№ 10, 14; Мл.), а иная благозвучная б-а **в** вм. **і** производитъ полную форму **давлю, -ть, давлю** (С. №№ 47, 85, 176; Г. А, Б, V; С.-Д. М. 1844; З.). Отъ **вѣсти — вѣдет** въ богословіи (С. № 68). Глаголъ **имати** остается вѣренъ своему образованію: **ѝ- ѝ- имлю, -ю, -ю, -ють, -ю, при- вз- оѹзимаю, -ть, -ю** (Ш. № VII; С. №№ 20, 43, 46, 48, 66, 77, 89, 91, 92, 97, 107, 108, 112, 114 115, 118, 120, 122, 129, 138, 140, 144, 145, 158, 164, 168, 176; А. №№ 6, 8, 14, 19; З; Мл.), съ отрицаніемъ **немаю** (А. № 14), гдѣ, по свойству Восточнаго произношенія, **ѣ** перешло въ **е**. Формѣ 1-го л. **имѫ** отвѣчаетъ **ѝимѫть, -оѹть** (С. №№ 16, 24; А. № 19), **ѫзмоѹ** (Мл.). Глаголъ **хотѣти** имѣетъ здѣсь: **хотеть, ке** (З.), **те, тѥ, ѣе** (С. №№ 40, 76, 78, 79, 104, 173; Мл.), **оѹс- хоте, -ѥ** (С. №№ 73, 91, 112, 113, 115, 117, 119, 142, 145). Образованіе формы этого лица не представляетъ ничего особеннаго. Въ глаголахъ

первичнаго спряженія къ корню приставляется полный носовой звукъ, а у Сербовъ его замѣнитель *у* или *е*, какъ и въ старину ꙋ или ѧ, на пр., **сѫ, дадѧ**. Въ прочихъ глаголахъ связующая гласная исчезаетъ въ исходѣ -ѫ(ѧ), -ю(ѭ), -ѧ(ꙗ); но образовательная, явившаяся рядомъ съ нею въ другихъ лицахъ, остается и здѣсь: **кралю, купують, сътегьнуться, оудолѣють**. Временное движеніе формъ заключается въ удержаніи, или откинутіи исходнаго **-ть**: оно вполнѣ отвѣчаетъ таковому же 3-го л. ед. ч. Формою **сѫ** наполнены всѣ наши памятники, и **сѫть, соуть** попадается въ однѣхъ церковно-дарственныхъ гр-хъ, часто вмѣстѣ съ первою. Такъ гр-ы Ш. № VII; А. №№ 4—6, 10, 12, 14, 17, 18; Г. А, V; С. №№ 35, 176; С.-Д. М. 1844; Мл. имѣютъ ту и другую; гр-ы А. №№ 2, 3, 7, 19, 20; В. №№ 1, 2; Ю.; С. №№ 47, 51, 178 имѣютъ одну полную, которую мы не сомнѣваемся назвать Ц.-Славянскою, ибо если гр-ы XII-го в., Кулинова и Неманина, представляютъ одну лишь краткую, то значитъ, что уже тогда Сербы опускали въ говорѣ окончаніе **-ть**, хотя, разумѣется, преемственное образованіе формъ показываетъ, что нѣкогда и Сербы и другіе Славяне имѣли полную форму. Но явленіе извѣстнаго времени не должно смѣшивать съ общими положеніями, а въ концѣ XII-го в., безъ сомнѣнія, Сербы уже не произносили **-ть**, и эта послѣдняя форма входила въ ихъ письменность какъ уже Ц.-Славянская. Доказательство все то же: въ гр-хъ С. № 176 и Мл. въ надачахъ постоянно одна народная форма, а въ заключеніи Ц.-Славянская. Прочія церковно-дарственныя грамоты, какъ-то, А. №№ 1, 8, 9, 11; Г. Б, оказываются уже съ одною народною формою. Такъ сильна была послѣдняя. Изъ другихъ собственно-Сербскихъ памятниковъ только гр-ы С. №№ 24, 43, 111, 137 и З. представляютъ ту и другую формы, но народная форма въ нихъ преобладаетъ. Впрочемъ сопоставленіе обѣихъ формъ указываетъ на тѣсную и родственную связь обѣихъ стихій, такъ что различіе между ними не казалось столь рѣзкимъ, чтобы нельзя было сопоставить ихъ. Сознаніе той и другой стихіи всего яснѣе обнаруживается въ Западныхъ гр-хъ. Изъ нихъ гр-ы С. №№ 81, 85, 89, 95, 150 въ богословіи повторяютъ подъ ладъ Ц.-Славянскому языку выраженіе: **тѣмьже скипетри цр҃ьсци по всои васелеипои утврьждюються и красеѹєсе славить бг҃а**. Но гр-а З. А. уже отбрасываетъ въ немъ **-ть**. То же видимъ въ гр-хъ С. №№ 37, 103, 136, гдѣ повторяется одно и то же богословское вступленіе: **имь же царие цр҃ьствують и мѹчителие дрьжеть землю**. Но далѣе во всѣхъ этѣхъ грамотахъ одна народная форма. Такъ и гр-а С. № 68, вся проникнутая подделкою подъ Ц.-Славянскій языкъ, пишетъ въ богословіи: **не вѣдетьо что творють**, но далѣе **не потворе**. Весьма любопытное въ этомъ отношеніи явленіе представляетъ выраженіе зарока: **вь т. п. і. стыихь ѡць иже сѫть в никеи**. Въ немъ почти всѣ Западныя гр-ы удержали полную форму **сѫть**, тогда какъ въ другихъ случаяхъ не употребляютъ ея; ср. С. №№ 89, 92, 96, 98, 100—102, 114, 120, 127, 133, 141, 145. Такъ сильно было подражаніе и такъ неизмѣнно соблюдалось условное выраженіе, не смотря на то, что давно уже расходилось оно съ народностію. Въ одной Турецкой гр-ѣ, С. № 168, формы смѣняются, но въ другихъ Турецкихъ, даже въ спискѣ С. № 37, за исключеніемъ вышеприведеннаго выраженія изъ богословія, одна народная форма. Отсюда видно, въ какомъ взаимномъ отношеніи стояли обѣ формы въ Д.-Сербской письменности.

Самое употребительное послѣ настоящаго вр. есть *Прошедшее неопредѣленное*, отвѣчающее, по образованію своему, аористу I и образующееся одинаково, какъ и въ Д.-Булгарскомъ, съ тѣми же пріемами, тѣми же служебными гласными, вре-

менными и личными признаками. Уже въ самомъ Д.-Булгарскомъ языкѣ замѣтно двоякое образованіе этого времени, одно, болѣе приближающееся къ такъ называемому сильному, другое, далѣе отходящее отъ него по случаю принятія служебныхъ гласныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первичное строеніе формы еще болѣе затмилось въ другихъ нарѣчіяхъ, сохранившихъ доселѣ это время, какъ-то, Лужицкомъ и Сербскомъ. Въ Н.-Булгарскомъ оно есть въ пѣсняхъ, а касательно народнаго говора, одни находятъ его тамъ, другіе не находятъ. Въ прочихъ нарѣчіяхъ оно было только въ старину. Въ 1-мъ л. ед. ч. оно имѣло своимъ признакомъ, какъ видно изъ Санскрита, *sam*—прошедшее вр. отъ корня *as*. Уже въ Греческомъ *m* отпало; у Славянъ же, по отпаденіи *м*, *a* перешло въ ъ: отсюда -*съ*, какъ и дѣйствительно находимъ -съ, въ нѣкоторыхъ Д.-Булгарскихъ памятникахъ. За тѣмъ въ послѣдствіи *с* перезвуковалось въ *х*, откуда -*хъ*, -хъ, многочисленнѣйшее и относительно позднѣйшее окончаніе, принятое нынѣ и другими нарѣчіями. Другой древнѣйшій признакъ строенія формы есть приставка личнаго окончанія прямо къ основѣ въ глаголахъ, не принимающихъ образовательной гласной въ неокончательномъ н., на пр., несъ. привѣсъ, уксъ, рѣхъ вм. позднѣйшихъ со связующею гласною о: несохъ, привєдохъ, ꙋтохъ, рекохъ. Нарѣчія, нынѣ употребляющія это время обыкновенно, при согласномъ исходѣ основы, прибѣгаютъ къ этой связующей гласной, присутствіе которой выражалось иногда у Д.-Булгаръ во видѣ ъ. Основы, входящія въ образованіе времени, имѣютъ тотъ же видъ, какой и въ неокончательномъ н., т. е., не разводятъ согласныхъ, не растворяютъ носоваго звука и долгаго ѹ, но за то въ краткой или древнѣйшей формѣ на -съ, для того, чтобы основа выдержала окончаніе безъ связующей гласной, усиливаютъ въ ней ь въ и или ѣ, є въ ѣ, и о въ а. Къ разряду глаголовъ, не принимающихъ образовательной гласной въ неокончательномъ н., отнести должно и плавныя основы, каковы на пр., мр, ср, тр, жр, мл, вл, кр. Потребность огласованія ихъ скрыта въ плавной, которая своею тегучестію ослабила полную гласную въ полугласную, по чему воображать ихъ должно въ видѣ мрь, жрь и т. д.; когда нужно, полугласная ихъ усиливается въ ѣ, какъ здѣсь: мрѣхъ, млѣхъ и пр. Основы, исходящія на гласную, обыкновенно прямо соединяются съ образовательнымъ окончаніемъ: вихъ; къ нимъ относятся и формы, построенныя съ образовательными нѫ, ова, которыя являются здѣсь такими же, какъ и въ неокончательномъ н. Въ этомъ всѣ нарѣчія согласны между собою. Нынѣшній Сербскій языкъ, образуя вышесказаннымъ способомъ разсматриваемое время, опускаетъ, по обычному говору, звукъ *х*, по чему форма является какъ будто обнаженною; въ древней же его письменности, гдѣ х никогда не опускалось, форма остается полною. Но Д.-Сербскій языкъ далеко уступаетъ Д.-Чешскому и представляетъ лишь позднѣйшее образованіе. Начнемъ съ глаголовъ первичнаго строенія. Отъ корня би (бы)—бихь, быхь. бй (С. №№ 18, 20, 37, 68, 86, 95, 97, 103, 107, 132, 136, 140, 142, 150, 176; А. №№ 2, 16; С.-Д. М. 1844; З. А.). Мы знаемъ, что нѣкоторыя грамоты пишутъ ѣ на мѣстѣ и: отъ того въ этѣхъ грамотахъ та же форма является въ видѣ бѣхь (С. №№ 84, 85, 89), бнѣ (С. № 81), ср. прѣселилѣсе, прѣтели, вѣдѣхь, т. е., видѣхь, прѣуестань (С. № 84), бѣше и тутъ же бише (3-е л. мн.), прѣморию, прѣдоша и пр. (С. № 85), сиѣде, прѣтєли (С. № 89), прѣморію, прѣдоше, мѣдр, нѣмь и пр. (С. № 81). Сверхъ того въ тѣхъ же выраженіяхъ, переписывавшихся изъ одной грамоты въ другую, находимъ бихь въ гр-хъ С. № 35 и З. А. По тому и бьѣхь (С. № 66) отношу сюда же, ибо въ этой грамотѣ находимъ нѣ, бьѣше, такъ написанное въ отличіе отъ тамъ

же стоящаго **бѣхъ**. Это время сохранилось для корня *бы* и въ тѣхъ нарѣчіяхъ, кои въ другихъ глаголахъ утратили его, именно, Чешскомъ и Польскомъ, какъ увидимъ ниже. Отъ дати — **про- при- вь- дахъ, да̑, дӑ, вьздахъ** (А. №№ 1, 3—6, 18; С. №№ 37, 56, 84, 86, 140, 151 173; Мл.). При удвоенномъ корнѣ, какъ уже исходящемъ на согласную, является связующая гласная: **дадохъ** (С. № 55; Мл.). Отъ **вести—вѣдѣхъ** (С. № 84), гдѣ связующая гласная или уподоблена первой, ибо это единственный примѣръ вмѣсто обычной о, или, что вѣроятнѣе, глаголъ переходитъ въ образованіе -**ѣти**, какъ **видѣти**. Отъ **и-ти** — **вз- вьз- при- ѿ- ихъ, ехъ, иѧхъ, вьзѧхъ, прѣхъ. вьспріѧхъ** (С. №№ 55, 68, 71, 84, 146, 176; А. №№ 11, 15, 18; Мл.). Глаголы, не принимающіе образовательной гласной въ неокончательномъ н., принимаютъ сдѣсь связующую при основѣ, исходящей на согласную: **ѡбрѣтохь, ѡбрѣтохъ, при- изобрѣтохь** (А. №№ 1, 7; 3.; Мл.), **изѧзохь** (С. № 2), **на- реко̑, рѣкохь, -ѡ, рекохь, рекѡхь** (А. №№ 2, 3; С. №№ 67, 68, 143). Однажды только, какъ уже заимствованіе, встрѣчаемъ въ церковной гр-ѣ **рѣх** (Ю.). **вьзведохь** (А. № 10), **принесохь** (С.-Д. М. 1844), **вьзмого̆** (Мл.), **прѣ- пр- присегохь, -ѡ̆** (С. №№ 61, 81, 85, 95) отъ **присе(г)ш-ти** или *присећи*. **вьздвигохъ, вьздвигохь** (А. № 1; В. № 2), **подвигох-се** (С. № 94) отъ **дви(г)ш-ти**, откуда **двизати, двигнати**. И такъ это время обнаруживаетъ простую основу, которую неокончательное н. уже облекаетъ въ дальнѣйшее образованіе. Послѣдніе примѣры показываютъ, что и Д.-Сербскій допускалъ это простѣйшее строеніе, хотя нынѣ обыкновенно подобные глаголы исходятъ на *-нух*; ср. **потьноу̑, -оухь** (А. №№ 3, 4), **дрьзнухь, дрьзноухь** (С. № 52; А. № 20), **поменў** (С. № 86). При основѣ, исходящей на гласную, или носовую, познакъ приставляется къ ней прямо безъ пособія связующей; на пр.: **по- за на- чехъ, чехь** (А. № 1; С. №№ 66, 84, 97, 99, 176), **прѣчю̑** (А. № 2), **разбихь** (С. № 176), **за- клехсе, ѥсе, -ехьсе** (С. №№ 64, 85, 93, 103, 117. 132), **ѡстах. ностахь** (А. № 6; С. №№ 101, 102), **позихь** (С. № 132). Глаголы, принимающіе въ неокончательномъ н. образовательную гласную, удерживаютъ ее сдѣсь для способнѣйшаго соединенія съ личнымъ признакомъ. Такъ на пр.: **нѡ- прѣ- на- у- за- писахь, -ӑ** и пр. (А. И.; С. №№ 2, 5, 37, 43, 46, 47, 50, 51, 52, 66, 74, 80, 86, 105, 110, 132, 135, 136, 141, 148, 155, 157—159, 162, 163, 170, 171; А. №№ 3, 4, 6, 14, 15; Г. А, Б), **потврьждахь, прилагахь** (А. № 9), **сьзидахь** (А. № 7), **досилахь** (С. № 135), **послахь, -ӑ** (С. №№ 18, 114, 173; Г. Б; С.-Д. М. № 2). **ѡудахсе** (А. № 2), **изьбрахь, сьбрахь** (А. № 6; С. № 176), **призвахь, -ахь** (А. № 11; С. № 68), **позвахь** (С. № 132), **разоумѣхь** (С. №№ 18, 79; А. № 8), **по- у- тврьдихь, -й** и т. д. (А. №№ 1, 3, 4, 18; С. №№ 2, 35, 46, 47, 50, 52, 64, 68, 71, 73, 80, 93, 97, 111, 114, 120, 132, 133, 136, 137, 140, 142, 144, 150; Г. А, Б; Мл.), **приложихь, -х, прѣложихь, вьзложи̑** (А. №№ 3—6, 15, 17, 18; С. №№ 35; Ш. № 14; С.-Д. М. 1844; Мл.), **за- печатихь, -й** (С. №№ 114, 120, 159, 169, 170), **примихь** (С. №№ 74, 93, 97, 105, 110, 114, 122, 124, 125, 131, 138, 143, 146, 155, 159, 162, 169, 170, 171), **установитихь** (С. №№ 101, 102, 114, 120, 132, 133, 140), **по- сь- створихь. -й** и пр. (А. №№ 2—4, 18, 20; С. №№ 29, 50, 51, 55, 66, 67, 71, 73, 111, 136, 137, 150; Г. Б; С.-Д. М. 1844; Мл.), **повелихь, -ихь** (С. №№ 101—103). **слишахь** (А. № 11), **вьсхотӗ, -ѣхь, вьсхотѣ̆, хотѣхь, хотихь** (С. №№ 47, 71, 140; В. № 2). **ѡ- дарovахь, -ӑ, -ѡвахь** (А. № 11; С. №№ 37, 47, 54, 84; Мл.). **ѡбѣтовахь, -ахсе, ѡбетовахсе, ѡбитовахьсе** (С. №№ 117, 133, 140, 143) и пр. Корень и, прини-

мая частицу д, принимаетъ и связующую е: по- до- прiидохъ, придохъ, оканидохъ, наидохъ (А. №№ 1, 7, 11; С. №№ 2, 94, 114, 124, 125).

2-е и 3-е *лл.* ед. ч., имѣвшія первоначально признакомъ отвѣчающія имъ формы отъ *as* — *sas*, *sat*, и сохранившія ясные ихъ слѣды въ Греческихъ *-бас*, *-бе*, у Славянъ утратили не только личные исходы, но и весь временной признакъ и, ограничившись одною основою, сдѣлались безразличными. По этому глаголы, не принимающіе образовательной гласной и имѣющіе основу, исходящую на гласную, равно какъ всѣ принимающіе образовательную гласную и слогъ нж, когда его удерживаютъ, являются въ этихъ двухъ лицахъ съ одною основою. Напротивъ, имѣющіе основу съ согласнымъ исходомъ, или отбрасывающіе нж, когда ему предшествуетъ открыто, или тайно присутствующая согласная, прибѣгаютъ къ связующему е, которое и служитъ временнымъ окончаніемъ. Не входимъ въ споръ о томъ, этому ли именно времени принадлежитъ форма 2-го и 3-го *л.*, или другому прошедшему, которое называютъ аористомъ II, а равно дѣйствительно ли существовало у Славянъ это послѣднее, мы замѣтимъ только, что перезвукъ о въ е весьма обыкновененъ у Славянъ и что е 2-го и 3-го *л.* можетъ отвѣчать о 1-го. Чехи писали въ старину: *rekosta* и *recesta*, *nesoch* и *nesech*. Такъ какъ въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ осталось одно только это время, и въ немъ 1-му *л.* со связующимъ *о* отвѣчаетъ 2-е и 3-е съ таковымъ же *е*, то, избѣгая сбивчивости и оставляя въ сторонѣ нерѣшенный споръ, мы послѣдуемъ обычному порядку движенія. И такъ оба лица исходятъ въ этомъ времени на гласную. Таково слѣдствіе повремeннаго движенія Славянскаго языка и его основныхъ законовъ. Но есть еще въ Д.-Булгарскомъ остатки исхода 3-го *л.* -тъ, на пр., питъ, житъ и пр., перешедшаго и во 2-е *л.* Общее строеніе формы обоихъ лицъ одинаково съ 1-мъ *л.* Плавные корни удерживаютъ усиленіе ь въ ѣ, на пр., мрѣ, хотя нѣкоторые, принимая эту форму за аористъ II, изводятъ ее на -е. Особенность обоихъ лицъ состоитъ въ смягченіи гортанной передъ связующимъ е. Отверженіе полугласной въ древнѣйшемъ исходѣ -тъ свидѣтельствуетъ о забвеніи прадавняго исхода *-ti* и превращенія его въ *-t*, что совершилось уже и въ Санскритѣ. Обращаемся къ нашимъ памятникамъ и видимъ въ нихъ отъ корня би (бы) двѣ формы: древнѣйшую съ личнымъ признакомъ: бысть, бы҃, бисть и т. д. (А. №№ 1, 11, 12, 14; С. №№ 51, 176; З.; Мл.; Г. V)—въ однѣхъ церковныхъ грамотахъ, слѣдовательно, какъ уже чистое заимствованіе у Ц.-Славянскаго языка; и позднѣйшую би, у насъ для одного 3-го *л.* (мн. р.), съ перезвукомъ ѣ (С. № 77). Вмѣстѣ съ из- про- при- да, да҃, даа҆, изда, даа, дасе, предасе, здасе (С. №№ 25, 37, 89, 96, 98, 104, 107, 114, 118, 120, 121, 127, 132, 133, 140, 164, 176, 179; А. №№ 4, 6, 7, 9; Ш. № 16) и прѣ- даде, -се (С. №№ 49, 54, 55, 97, 122, 124, 125, 156, 168; З.) находимъ прѣ- дасть, да҃, дастѣсе, да҆стѣ (А. №№ 1, 4, 5, 9, 17; С. №№ 46, 66, 176)—также заимствованіе и въ таковыхъ же грамотахъ, какъ и бысть. Въ гр-ѣ С. № 66 оно является въ богословіи. Это образованіе 3-го *л.* перенесено было и на 2-е, что показываетъ, что значеніе личнаго исхода въ этомъ времени уже было забыто, и такъ какъ позднѣйшая форма отожествилась, то и эту форму хотѣли отожествить для обоихъ лицъ. Такъ: ты предасть (С. № 51), иже ми да҃ бож҃о мои хе҃, что ти вьздамь бож҃е мои хе҃ за вса иже ми вьздасть (С. № 176). Остатки личнаго исхода 3-го *л.* съ тѣмъ же значеніемъ заимствованія попадаются еще кое-гдѣ въ церковныхъ гр-хъ. Такъ для обоихъ лицъ: отъ яти ты приять (С. № 51), приять (С. № 176), въ Западныхъ же прие (С. №

76), пр. -е (С. NN. 127, 132, 146, 179) и въ Черногорской прие (Мл.). Для 3-го л.: начеть (А. № 1); отъ вести — провесть (С. № 51), т. е., безъ личнаго признака было бы провь. При другомъ образованіи: съвде, т. е., съвдь (А. № 4). Нельзя не обращать вниманія на подобныя формы, хотя и заимствованныя: польза отъ нихъ не столько для Д.-Сербскаго, сколько для Д.-Булгарскаго языка, ибо если нынѣ ученые для этого корня выставляютъ форму вѣдя-ти, то древніе писцы, стоявшіе ближе къ обильному и древнѣйшему источнику Д.-Булгарской письменности, отъ времени и разныхъ переворотовъ значительно изсякнувшему, почерпая изъ него формы для извѣстныхъ мѣстъ въ своихъ грамотахъ и употребляя всть, показываютъ, что оно было настоящею формою для вести, и что, отбросивши личный признакъ, какъ слѣдъ доисторической жизни языка, получится въ, какъ ви, дъ, а не вѣдъ. Послѣдни указываетъ на относительно позднѣйшее и слабѣйшее образованіе съ помощію служебной гласной ъ. Окончаніе -сть въ высть состоитъ изъ признака времени с, s, и признака 3-го л. -ти, -ть, потомъ -тъ, -ti, -t. Впрочемъ, сдѣсь с можно объяснить перезвукомъ изъ частицы д, которую беретъ корень вѣ или вы, напр., въ вѣдв; ср. Н.-Булг. бидохъ. Такъ и въ дасть можетъ быть перезвукованное удвоеніе корня вм. дадть; въ всть корень есть вѣд, откуда вѣдть — всть. Какъ бы то ни было, только въ этѣхъ однѣхъ формахъ встрѣчается с, въ другихъ просто -ть (тъ), какъ начеть (А. № 1), можить (С. № 35). Присутствіе этѣхъ формъ исключительно въ церковныхъ грамотахъ и въ богословія одной Западной показываетъ, что это не Сербское, а Д.-Булгарское и притомъ древнѣйшее образованіе, которому Сербскіе писцы не всегда рѣшались давать мѣсто, хотя бы и въ умышленномъ подражаніи Ц.-Славянскому языку. Приведу нѣсколько примѣровъ для глаголовъ различнаго образованія. 2-е л.: дарова (А. NN№ 6, 7; С. № 176), вь- молеми (А. № 8; Г. А), сподоби, поставн (С. NN№ 101, 102, 104), повели (Г. А; В. № 2), вьзыиже съ откинутіемъ образовательнаго иа (С. № 176). 3-е л.: в- рече, -се (А. № 1; З.; Ю.; С. NN№ 31, 114), истече, потече (С. № 176; Ш. № 15), поможе (С. № 176), вьзыбе (Мл.), вьзапи (В. № 1), вьлезе (С. № 16), доиде (С. NN№ 115, 162), о- обрѣть (А. № 6; С. № 176), гдѣ или сокращеніе вм. о- обрѣте (А. № 6; С. № 68), или поддѣлка подъ древнѣйшую форму съ личнымъ признакомъ, при чемъ основное т слито, либо опущено. вазъ- изъ- вьзиде, -е (С. NN№ 81, 85, 89, 95), пронте (С. № 62), до- нидс, -е (С NN№ 61, 127), за- писе (С. NN№ 56, 58, 133, 145), расе отъ разсоу-ти съ возвратнымъ значеніемъ (С. № 78), окрисе (С. № 176). вси (С. № 98), прі- о- есть (В. № 1; С. NN№ 83, 109, 121—123, 126—128, 134, 156, 161, 164), вырле вм. вире (С. № 156). Эта, по видимому, описка приводитъ къ мысли, что писецъ недоумѣвалъ, какою буквою приличнѣе извести форму, б-ю ли ѣ, или б-ю е. Но сдѣсь выступаетъ кратность, выражаемая глаголомъ, или его видъ. вирьти есть однократный в. и принадлежитъ I-му разряду, по Добровскому, почему и имѣетъ въ 1-мъ л. вирохъ, вире; напротивъ, мрѣти есть неокончательный в., перешедшій изъ древнѣйшаго образованія съ однимъ -ти, мрьти, въ позднѣйшее съ -ѣ-ти, т. е., изъ I-го въ III-й разрядъ, и по тому долженъ имѣть мрѣхъ, мрѣ. Корень и съ частицею д: прі- вьз- до- из- из- иде, -е, -ѣ, прииде, прѣде, сниде, -е, сиде, доге, -ѣ. изниде, изнаге (С. NN№ 32, 33, 40, 43, 50, 56, 63, 68, 70, 81, 85, 89, 94, 95, 108, 109, 112, 115, 121, 132, 133, 143, 150, 164, 176, 179; А. NN№ 2, 8, 9, 15, 19; Мк.; З. А.; Мл.). вспомени (А. NN№ 12, 13), въспомени (Г. А), примени (С. № 157), потегни (С. № 159) и съ опущеніемъ ни: вьсерсе (А. №

4), **истрьже** (С. № 176), **прѣсеже** (С. № 83,) **приврьже** (С. № 89), **потеже** (С. NN№ 121, 130), **въздвиже**, **оусие** (Мл.); **видѣ**, **-е** (А. № 2; С. NN№ 35, 62, 100, 176), **оус- вьс- вс- хотѣ**, **-е**, **хтѣ** (А. NN№ 4, 5, 7; С. NN№ 47, 68, 91, 114, 121, 144, 157), **опоустѣ**, **запоустѣ** (С. № 78; Г. Б); **услиша**, **слышаа** (С. NN№ 136, 176); **сь- с- створи**, **-й** (Ш. № VII; С. NN№ 22, 24, 25, 28, 32, 36, 38—40, 42, 44, 54, 65, 66, 84, 85, 90, 92, 95, 103, 111, 120, 132, 133, 150; А. NN№ 3, 4; Мк.), **носи** (С. № 157), **приими**, **прѣими**, **пріими** (С. NN№ 100, 127, 140, 158; Г. V), **запечати** (С. NN№ 115, 126), **до- приходи**, **пріходи**, отъ ходити (С. NN№ 22, 25; А. NN№ 13, 18), **поути** (С. № 77), **навѣди** (С. № 86); **за- по- в- на- при- прѣ- писа**, **писаа**, **писа**, **пиіса**, **пиа** (А. NN№ 5—8, 11, 13, 15, 17, 20; Мк.; С. NN№ 34—36, 39, 40, 42, 43, 47—50, 54, 55, 57, 62, 64—68, 70, 73, 78, 80, 83, 85—87, 89, 91, 92, 95, 97, 100—104, 106—108, 109, 112—115, 117, 119—124, 126—130, 133, 134, 136, 139—145, 148, 150, 151, 153, 154, 158, 161, 163—165, 169, 178; Г. А, V, VI № 2; З. А.; Мл.), **разагна** (С. № 179), **изебра** (С. № 100), **посласта** (С. № 116), **о- вѣща**, **обѣща**, **о- обѣща -се** (С. NN№ 58, 66; В. № 2; Г. V), **из- изліа**, **-и**, **-а**, **издла** (С. NN№ 50, 91, 99, 111, 137; А. № 13), **обнова** (С. № 89), **поутова** (С. № 100) и т. д. Отъ глагола **имѣти** — **има хотение и благоизволи и створи** (С. 65). Перезвукъ **ѣ** въ **е** (см. в.), **ѣ** въ **и**, какъ **призри**, **прѣзри** (С. NN№ 103, 136), ср. **прѣзьрѣ**, **-зрѣ**, **-зре** (А. NN№ 1, 6; С. № 37) и **и** въ **ѣ**, какъ **говорѣ** (С. № 40), ср. **говори** (А. № 12; С. NN№ 63, 70), суть обычныя звуковыя явленія, не могущія имѣть вліянія на коренное образованіе формы.

1-е *л.* мн. ч. обратило у Славянъ первоначальный образовательный исходъ *-sma*, отъ корня *-as*, въ *-хмъ* въ слѣдствіе понятныхъ намъ свойствъ языка. Мы видѣли также, что другіе Славяне усиливаютъ конечное **ъ** въ *ы*, *е*, или *о*. По этому и здѣсь находимъ мы у однихъ, именно, Д.-Булгаръ, исходъ **-хомъ**, гдѣ сверхъ того вставлено **ъ**, обращенное въ **о**, для разбитія стеченія согласныхъ; у другихъ, Н.-Булгаръ, *-хме*, у третьихъ, *Лужичанъ*, *-chmy*. Сербы же сберегли безъ перезвука признакъ времени *с*, а празнакъ лица, по своему обыкновенію, извели на *-мо*, откуда *-смо*. Въ смѣнѣ Д.-Булгарскаго окончанія съ народнымъ заключается не столько временное, сколько мѣстное движеніе Д.-Сербскаго книжнаго языка. Строеніе формы этого лица такое же, какъ и 1-го *л.* ед. Здѣсь та же связующая гласныя **о**, возникшая изъ **ъ** и заступившая его по большей части. И такъ: **приложихомъ**, **прѣдахомь**, **сврьшихомь**, но **благословисмо** (Ш. № VII): первая церковно-дарственная грамота XIII-го в. уже представляетъ ту и другу формы. Въ томъ же вѣкѣ въ Дубровницкой гр-ѣ **писасьмосѣ**, гдѣ **ь** вставлено незаконно, какъ у Д.-Булгаръ, лишь для разъединенія согласныхъ, (С. № 8). XIV-й и XV-й вв. обнаруживаютъ еще болѣе слабость Ц.-Славянской формы: ее находимъ или одну въ церковныхъ гр-хъ А. NN№ 5, 7, 16, 18; В. № 1; Г. А; С.-Д. М. 1844; С. NN№ 175, 178, или пополамъ съ народною въ Аѳонскихъ гр-хъ А. № 4; Г. V и въ Дечанской С. № 176, гдѣ она помѣщена въ заключеніи, тогда какъ народная въ надачахъ, или какъ значительно уступающую количествомъ народной въ церковныхъ гр-хъ А. NN№ 10, 14, 19; Мл. Другія же церковныя грамоты, какъ А. № 3; Ш. № 11, имѣютъ одну только народную форму. Если къ этому обзору присовокупимъ, что, кромѣ **имахомо** и тутъ же 2 р. **-смо** (С. № 127) никакая другая грамота не употребляетъ Ц.-Славянской формы, а знаетъ одну только народную на **-смо**, то увидимъ, что послѣдняя жила уже изстари въ народномъ говорѣ, а ея совмѣстница была полнымъ заимствованіемъ изъ Ц.-Славянскаго языка.

Одинокое **имахомо** свидѣтельствуетъ о неудачной попыткѣ помирать обѣ формы. Очень можетъ быть, что Д.-Сербскіе писцы принимали окончаніе **-смо** за **-смо** отъ корня **ес** (*as*), хотя и не сознавали, что это дѣйствительно такъ, и отъ того писали иногда **-сьмо**, чему смягчающая сила Сербскаго языка и привычка разводить согласныя полугласною еще болѣе способствовали. Мы находимъ такое письмо въ двухъ грамотахъ: **дасьмо** (С. № 78), **ротисьмо**, **установитисьмо** (С. № 92). Въ дополненіе приведу нѣсколько примѣровъ для этого лица: **рѣхомь** (Г. А), **нарѣкохомь** (Мл.), **рекосмо** (С. № 141; Мл.), **при-** **приписохомь** (А. № 19; С. № 175), **повидосмо** (А. № 19), **ꙁа-** **клесьмо**, **клесмо**, **-ѡ**, **-ѿ**, **клесмо**, **-се** и т. д. (С. №№ 8, 96, 98. 104, 107, 114, 120, 127, 133, 141, 144, 145, 156 157). **потѣхомь** (А. № 16), **ꙁастасмо** (С. № 118), **тѣсмо** (С. № 100); **прѣ-** **присегосмо**, **-госмо** (С. №№ 57, 61, 66, 80, 89); **видѣсмо** (А. № 10), **видѣхѡ** (Мл.), **раꙁумѣсмо** (С. № 167), **хотѣсмо**, **хотисмо**, **хотесмо** (С. №№ 78, 96, 98 101, 102, 107), **сли-** **слышахом**, **слышахомь** (А. №№ 4, 5, 10), **усанишасмо** (С. № 83); **потврьдисмо**, **-ѿ**, **потврдисмо** и т. д. (№№ 57, 81, 85, 89, 91, 92, 95, 96, 98, 99, 103, 107, 118, 120, 133, 136, 144, 145, 150, 179), **ꙁа-** **печатисмо**, **-ое** и т. д. (С. №№ 86, 96, 98, 117, 122, 124, 125, 128, 133, 171), **при-** **прьи-** **прѣписмо**, **-ѡ**, **-ое** и т. д. (С. №№ 89, 96, 98, 104, 106—108, 112, 115, 119, 126—128, 130, 134, 139, 144, 157, 158, 163, 166), **ꙁбросмо** (С. № 157); **раꙁабрасмо** (С. № 100), **приꙁвасмо** (С. № 127), **писахомь** (А. № 4), **ꙁа-** **по-** **писасмо**, **писмо** и т. д. (А. №№ 3, 4, 14; Ш. № 11; С. №№ 63, 83, 91, 97, 108, 112, 115, 158, 159, 163), **ѡбраꙁахѡсе** (С. № 178), **обещасмо**, **-ѣсмосе** (С. №№ 66, 78); **рекновахомь** (А. № 16), **поменовасмо** (А. № 10), **даровасмо** (С. №№ 96—98, 107; З. А.) и пр. Отъ **дати**— **прѣдахомь** (Ш. № VII; С. № 176), **при-** **прѣ-** **дасмо**, **дасьмо** (С. №№ 63, 78, 84, 96—98, 107, 118, 126, 154, 163, 179; Ш. № 16; З. А.); отъ корня **и**— **при-** **наи-** **обнаидосмо**, **наѣосмо**, **нагосмо** (С. №№ 57, 89, 99, 158, 164); отъ **имати**—**имахомо** (С. № 127); отъ корня **а**— **вьс-** **приихомь**, **-ѡ** (А. № 7; С.-Д. М. 1844), **уꙁесмо** (А. № 19; С. № 158); отъ корня **би**—**быхомь**, **бихомь**, **быхѡ** (А. №№ 10, 19; С. № 84), **бисмо** (С. №№ 86, 99, 100, 104).

2-е л. мн. ч. имѣло первоначально признакомъ *-sta*, какъ видно изъ Санскрита и Зенда; у Славянъ оно перешло въ **-сте** съ тѣмъ же строеніемъ формы, какъ и въ другихъ лицахъ: **бисте** (С. №№ 10, 114), **про-** **дасте** (С. № 18); отъ корня **а**—**ѥсте** (С. № 18), **иꙁасте**, **уговористе** (С. № 11).

3-е л. мн. ч., какъ и въ настоящемъ вр., принимаетъ личнымъ признакомъ полный носовой звукъ **-ѫ**, отвѣчающій прадавнему *-ant* или *-an*, какъ въ Санскритѣ и Зендѣ. Возможность смѣны **ѫ** и **ѧ** лежитъ въ духѣ Славянскаго языка. Временнымъ признакомъ остается то же *s* отъ корня *as*. Вѣроятно, въ древнѣйшую пору оно не смягчалось передъ **ѧ**, какъ дѣйствительно находимъ въ нѣкоторыхъ Д.-Булгарскихъ памятникахъ **-сѧ**; но потомъ оно обратилось въ **-шѧ**, у Сербовъ **-ше**, съ обычнымъ строеніемъ формы, какъ въ 1-мъ л. ед. ч. Отъ корня **би**—**быше**, **бише**, **-е** (Ш. № VII; А. №№ 4, 19; С. №№ 35, 81, 85, 89, 95, 127, 139, 156; З. А.); сюда же на прежнемъ основаніи отношу **бѣше**, **-е** (С. №№ 66, 85), но въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчается форма **бихѫ**, именно, въ Дубровницкомъ договорѣ съ Булгаріею (С. № 16, Ш. № XVI): **кто бихѫ дрьжали**, **аще не бихѫ имали**; въ Хлумской гр-ѣ (С. № 20): **кои бихѫ пакостили** и въ Аѳонской (А. № 10): **що бихѫ давали**. Нечего и говорить, что сдѣсь не могло быть перезвука **ѫ** въ **ѧ**; сдѣсь первоначальное *с* обращено въ **х** и удержано въ несмягченномъ видѣ *an*—**ѫ** —**ѫ**. Подобная форма постоянно

находится въ *Лужицкомъ* языкѣ: *-сhu*, какъ и Н.-Булгарскомъ: *-ха* или *-хъ*, гдѣ другой на [illegible] и не знаютъ. [illegible] [illegible] [illegible], -е, -и (А. № 11; С. №№ 61, 96—98, 107, 114, 122, 124, 125, 127, 128, 134, 147, 161, 163, 164, 171), съ удвоеніемъ корня и связующею гласною [illegible] (С. № 165); [illegible] (С. №№ 132, 159); отъ корня д— при- прі- из- [illegible], [illegible] (С. №№ 2, 18, 61, 146, 147; Г. А, Б, V). Изъ глаголовъ, не принимающихъ образовательной гласной, древнѣйшую форму находимъ только въ [illegible] (С. № 35), что, судя по грамотѣ, есть, вѣроятно, подражаніе Ц.-Славянскому языку. Обыкновеннѣе форма со связующею гласною: [illegible], -е, [illegible] (А. №№ 9, 11; С. №№ 76, 114, 130, 145, 164), [illegible] (А. № 17), [illegible]. [illegible] (С. № 176; А. № 19), [illegible] (А. № 10), [illegible], [illegible] (А. № 11; С. №№ 49, 50), при- до- [illegible] (А. № 11; С. №№ 62 73, 91, 111, 137, 165, 166), [illegible], [illegible] (С. №№ 15, 20, 104), [illegible] (С. № 76), [illegible], [illegible] (А. №№ 4, 5; С. № 176), за- при- [illegible] (С. №№ 39, 78, 164), [illegible] (С. № 179). Корень и съ частицею д: прі- по- до- из- на- [illegible], -е, [illegible], [illegible], [illegible] и т. д. (С. №№ 18, 31, 39, 40, 47—50, 55, 62, 66, 71, 73, 78, 81, 83—85, 87, 95, 97, 99, 103, 111, 117, 120, 123, 136—138, 144, 145, 150, 154, 159, 164, 166, 173; А. №№ 11, 16; Г. А); [illegible], гдѣ образовательно [illegible] опущено, (С. № 130), [illegible] [illegible] [illegible], -е, [illegible] и т. д. (С. №№ 47, 48, 50, 54, 66, 97, 84, 111, 137; А. №№ 16, 18, 19); [illegible] [illegible], [illegible], -е (С. №№ 66, 89, 96), [illegible], [illegible], [illegible] (С. №№ 96, 98, 107,), [illegible] (С. № 146); при- [illegible] (С. №№ 82, 85, 86, 95, 96, 103, 114, 116, 136, 144); [illegible], -е, -и (С. №№ 49, 50, 83, 97, 99, 103, 104, 120, 136, 150); по- [illegible], -е С. №№ 37, 68, 73, 86, 91, 92, 113, 114, 129, 140, 147), [illegible] (С. № 43), [illegible], -е (С. №№ 37, 84, 96—98, 107, 122). Въ этомъ лицѣ, какъ видно, движенія вовсе нѣтъ. Кромѣ общей и постоянной замѣны носоваго звука, форма такая же, какъ и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ. Такова она и нынѣ.

Вообще это время не представляетъ особенно замѣчательныхъ явленій для движенія языка. Важнѣйшія суть: употребленіе связующей гласной тамъ, гдѣ она возникла въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Формы, какъ [illegible], [illegible] и т. п., оказываются заимствованіемъ; равно и древнѣйшее полное образованіе въ 3-мъ л. ед. -стъ есть заимствованіе. 2-е и 3-е лл. ед. ч. постоянно являются въ народной формѣ безъ временнаго и мягкаго признаковъ. 1-е л. мн. ч. не менѣе открыто выставляетъ, какъ заимствованіе, формы на -хомъ и образуетъ свою на -смо. Въ исходѣ [illegible] Сербскій языкъ сошелся съ Д.-Булгарскимъ, тогда какъ Н.-Булгарскій и *Лужицкій* соблюли другой перезвукъ первичнаго *с=х*.

Преходящее или *Прошедшее неопредѣленное длительное* сохранялось въ тѣхъ же нарѣчіяхъ, какъ и предыдущее. Польское и Русское давно уже утратили его. Въ Чешскомъ и Хорутанскомъ сохранилось оно нѣсколько долѣе и чище, особливо въ первомъ. Но уже и въ Чешскомъ оно имѣло стянутыя формы въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности. Впрочемъ, въ области Хорутанскаго языка, въ Верхней Крайнѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Илирскаго Поморья, народъ запомнилъ, но уже въ измѣненномъ видѣ, форму отъ бы: *bésim*, *bési*, *bé*, *bésva*, *bésta*, *bésmo*, *béste* , *béso*. Н.-Булгарское и *Лужицкое* нарѣчія доселѣ сохранили его, но уже въ стянутой формѣ, кромѣ нѣкоторыхъ глаголовъ, и въ первомъ именно тѣхъ, кои принимаютъ въ движеніи настоящаго вр. образовательную и связующую гласныя, на пр., *играахъ*; во второмъ преимущественно тѣ, у коихъ образующею гласною есть а, хотя бы усиленное изъ

полугласной плавнаго корня, на пр., *mrjejach*, *mjejach*, *hrajach*. Равномѣрно и Сербскій языкъ сберегъ это время и съ замѣтною особенностію, состоящею въ допущеніи двоякой, полной и стянутой, формы въ большей части глаголовъ, не имѣющихъ образовательной гласной въ неокончательномъ н., на пр., *кладиях* и *клађах*, *тресиях* и *тресах*, *скупиях* и *скупах*, *тециях* и *течах* и пр.; а также въ сохраненіи полной формы въ глаголахъ, имѣющихъ въ движеніи настоящаго вр. образовательную и связующую гласныя, на пр., *доспиях*, *смиях* и пр. И такъ движеніе Славянскаго языка шло къ стяженію полной формы, и началось оно весьма равно, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ Чешской, Русской и Польской письменности; оно есть и у Остромира. Какъ вообще въ жизни все сглаживается, сливается, смѣшивается, такъ и въ жизни языка, отъ безпрестаннаго употребленія, полныя и совершенно отчетливо образованныя формы, представляя соединеніе двухъ гласныхъ звуковъ, затруднявшихъ быстроту произношенія двукратнымъ сподрядъ поднятіемъ голоса, должны были необходимо притти къ ихъ слитію То же происходило и въ другихъ формахъ и, какъ недавно мы видѣли, въ настоящемъ вр. глаголовъ съ образующею а, или ѣ и связующею в. Какое же образованіе представляетъ это время? Мы замѣчаемъ сдѣсь разницу въ пріемахъ между Санскритомъ и Греческимъ, съ одной стороны, и Славянскимъ, съ другой. Первые прибѣгаютъ для того къ наращенію въ началѣ той самой основы, которая входитъ въ настоящее время, и къ замѣнѣ первообразнаго личнаго окончанія чрезъ второобразное. Славянскій языкъ сходится съ ними только въ употребленіи основы настоящаго вр., но приращенія, по обыкновенію, не допускаетъ, а исходы заимствуетъ у прошедшаго вр. корня *as*, т. е., тѣ же, что и въ прошедшемъ совершенномъ. Но хотя свойство исходовъ того и другаго времени одинаково, однако переходящее во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. удерживаетъ временной признакъ *s* въ видѣ *ш*. Кромѣ того оно отличается отъ предыдущаго умноженіемъ основы чрезъ наконечный звукъ *а* и, въ слѣдствіе того, разведеніемъ самой основы и уподобленіемъ ея основѣ настоящаго вр. Все это, составляющее различіе пріемовъ времеобразованія, лежитъ въ духѣ Славянскаго языка, его творчествѣ, и объясняется таинственнымъ родствомъ между внѣшнимъ звукомъ и внутреннею мыслію. Въ строеніи видовъ глагольныхъ нельзя не замѣтить, что звукъ *а* употребляется для придачи виду глагола длительности или многократности: такъ и сдѣсь, безъ сомнѣнія, онъ приданъ съ тою же цѣлію, а по тому, для равновѣсія, и основа приняла болѣе разведенный видъ, такой, какой она имѣла въ движеніи настоящаго вр. Разведенію подверглись и долгія оу, ю, которыя остаются такими же въ настоящемъ вр., на пр., коую, плюю, и разпускаются сдѣсь въ ов, ев. Слѣдовательно, въ образованіи преходящаго вр. Славянскій языкъ поступилъ самостоятельно и отдѣльно отъ образованія древнѣйшаго преходящаго, какое есть въ Санскритѣ, или Греческомъ языкѣ. Это заставляетъ подозрѣвать отсутствіе строгаго соотвѣтствія, по значенію, между такъ называемымъ imperfectum и преходящимъ Славянскимъ. Послѣднее есть только видоизмѣненіе прошедшаго совершеннаго, приспособленное къ видоизмѣненію кратности дѣйствія, или состоянія.[1] Оно выражаетъ не особливую какую минуту времени, но иную только кратность дѣйствія, или состоянія въ прошедшемъ. Но въ образованіе его природа 6-ы *а* входитъ въ усиленномъ состояніи, именно, въ видѣ удвоеннаго *аа*, что имѣетъ близкое

---

[1] Ср. Челаковскаго, Čtení o srovnavací mluvnici Slovanské. Стр. 328.

подобіе съ Санскритскимъ образовательнымъ *aja*. Славянскій языкъ поступаетъ здѣсь согласно съ своими благозвучными законами, смягчая **аа** въ **ѣа** передъ гласнымъ и мягкимъ основнымъ исходомъ, или усиливая въ **ѧа** передъ твердыми согласными, изъ коихъ претворяемыя переходятъ въ соотвѣтствующія мягкія, а **ѧ** снова принимаетъ видъ **а**. Одно **а** принимаютъ глаголы, имѣющіе образовательный слогъ **ѣѥ**, **ѥ**; **-ѣахъ** и т. д., по тому, что самое образованіе ихъ уже допустило однажды **а**, откуда **ѥ**, **ѥ**, съ перезвукомъ **ви**. **а** и благозвучнымъ **ѥ**. Д.-Сербскій языкъ представляетъ въ 1-мъ л. ед. ч. однажды полную форму **въздіраахъ**; но такъ какъ грамота, въ которой она встрѣчается, А. № 16, вся наполнена Ц.-Славянскими формами, то заимствованіе болѣе, чѣмъ вѣроятно. **могаахъ** (С. № 114), нынѣ *могах* со стянутымъ *а*. Эта форма тоже мало говоритъ въ пользу полноты своей, ибо въ грамотѣ и въ другихъ случаяхъ находимъ въ обиліи удвоенное **аа**. Отъ корня *бы*, собственно *бу*, чрезъ перегласовку *у* въ *в* и опущеніе послѣдняго, при усиленномъ **ѣа** полная форма есть Ц.-Слав. **бяахъ** (**бѣаахъ**), какъ нынѣ у Сербовъ *бијах*, *бејах*; но у насъ лишь стянутое **ѣахъ** (С. № 110), какъ и нынѣ тоже *бех* (*бјех*) или *бех*; Ц.-Слав. **бѣхъ**.

2-е л. ед. ч. представляетъ единственную только и стянутую форму **міаше** (С. № 68).

3-е л. ед. ч. равнымъ образомъ употребляетъ почти исключительно одну стянутую форму: **приходаше** (А. № 19) вм. **дадааше**; **могаше** (С. № 132), гдѣ, кромѣ стяженія, **г** не перешло въ **ж**, хотя **ѧ** обратилось въ **а**, ср. Ц.-Слав. **можаахъ** (**могаахъ**); нынѣ у Сербовъ тоже *могах*, что составляетъ исключеніе изъ общаго правила претворять гортанную и переводить **ѣ**—и въ *а*, на пр., *жегијах* = *жежах*. Отъ корня **а—ѫѕъ**, **вьзѧше** (С. № 78; А. № 19). Эта последняя форма, какъ и **приходаше**, указываетъ на особый способъ времеобразованія, происходившій, быть можетъ, отъ неумѣнья писцовъ совладѣть съ трудною формою. Преходящее вр. не было любимо въ старину, какъ и нынѣ, и его малочисленныя формы, встрѣчающіяся при томъ преимущественно въ Восточныхъ гр-хъ, подтверждаютъ эту нелюбовь. Писцамъ казалось легче образовать его иногда отъ прошедшаго неопредѣленнаго, прибавивъ только исходъ **-ше**, который былъ слишкомъ явственъ, чтобы не замѣтить въ немъ отличительной черты этого времени. Стяженіе гласныхъ уравнивало другое отличіе, а по тому писцы и въ трудныхъ формахъ, несходныхъ, по образованію, довольствовались приставкою **-ше** къ той же основѣ, какую брали для прошедшаго неопредѣленнаго. Невниманіе ихъ въ этомъ случаѣ подтверждается еще тѣмъ, что **ѫзѧти** по самому свойству своему, неспособно для этого времени и должно перейти въ **ѫзимати**. Въ гр-хъ С. № 111 и А. № 8 есть ясное доказательство, что оба времени смѣшивались между собою: **утврьдише** и **ѫписаше**, **говорише** (ед. ч.), въ сравненіи съ множествомъ случаевъ употребленіе такого же выраженія, но только въ формѣ прошедшаго неопредѣленнаго, заставляютъ и эти формы, по значенію, отнести къ послѣднему, на что указываетъ также образованіе первой и третьей изъ нихъ. Для Д.-Сербскихъ писцовъ казалось возможнымъ употреблять окончаніе **-ше** для прошедшаго неопредѣленнаго въ соотвѣтствіи съ 1-мъ л. на **-хъ**. Въ прочихъ глаголахъ не видно неправильности, но всюду стяженіе: **хотѣше** (А. № 16), **ѹмѣше** (С. № 162), нынѣ *хотијах* или *хоћах*, *умијах*, гдѣ нынѣ даже и не слышится стяженія, между тѣмъ, какъ въ старину оно было и здѣсь. **прилежаше** (С. № 51), **ѹдрьжаше**, **прѣстоаше** (С. № 126), **пристояше**, вм. **-аше** (С. № 78) **имаше** отъ **имати** (А. № 6), **глаголаше** (А. № 18) и единственное исключеніе **глааше**

(А. № 19), нѣбаше (А. № 4), выпиаше (А. № 2), вѣраше (А. № 17), сподѣваше (А. № 16), приквѣховашеся (А. № 1). Отъ корня бѣ (*бу*, *бы*)—бѣахъ, у Сербовъ *бияхъ* или *бехъ*. Но у Д.-Булгаръ форма бѣаше допускаетъ сокращеніе въ бѣ, т. е., откидываетъ временной признакъ, какъ въ прошедшемъ неопредѣленномъ: отъ того и у насъ въ Аѳонскихъ гр-хъ встрѣчается такая же форма бѣ (А. № 1; Г. Б). Въ другихъ грамотахъ всѣхъ семей обыкновенно бѣше, беше, биеше, бише (С. №№ 31—33, 36, 39, 68, 78, 118, 124, 152, 165; А. № 6).

Для 1-го л. мн. ч. находимъ бѣхомо (С. № 127) съ народнымъ конечнымъ о и Ц.-Славянскимъ х, ибо сдѣсь, какъ и въ прошедшемъ неопредѣленномъ, Сербы оставили звукъ с. говоря *биясмо* или *бесмо*, *бесмо*. По этому вполнѣ народною формою будетъ биесмо (С. № 82).

Для 2-го л. мн. ч. примѣровъ нѣтъ.

3-е л. мн. ч. представляетъ одну стянутую форму съ исходомъ -хѫ, Ц.-Слав. -хѫ, образовавшияся изъ первичнаго -сѧ. Духъ языка, въ тайнѣ своего творчества, для одного времени удержалъ -са, переведя его потомъ въ -ша, въ другомъ обратилъ его въ -хѫ. зидахѫ, хвалихѫ (С. №№ 107, 114, 132, 133) или, чрезъ перезвукъ а въ ѣ, ѣа, зидѣхѫ, хвалѣхѫ, владѣахѫ (С. №№ 116, 120, 127, 141), ср. Ц.-Слав. вѣпилахѫ. владяхѫ, -ѣхѫ, -ехѫ, -ихѫ, владѣахѫ (С. №№ 107, 114, 120, 127, 133, 141) съ различными перезвуками для стянутаго ѣ вм. первоначальной владѣахѫ. идѣхѫ (С. № 63), дрьжахѫ (С. № 97), стаяхѫ (С. № 132). Отъ бѣ (бы)—бѣхѫ, бихѫ, биехѫ (С. №№ 37, 66, 83, 84, 89, 92, 97, 114, 126). И такъ Д.-Сербскій языкъ представляетъ такое же образованіе, какое и Д.-Булгарскій. Движеніе въ основѣ и усиленіе аа въ ѣа тѣ же и тамъ же. Но за то слитіе ѣа въ ѣ, аа въ а и ѣа въ е показываютъ, что онъ ушелъ далѣе Д.-Булгарскаго языка съ общемъ стремленіи Славянскихъ нарѣчій къ временнымъ перемѣнамъ.

Прошедшее сложное образуется весьма просто изъ настоящаго вр. вспомогательнаго глагола сьмь и т. д. и причастія на -ль, -ло, -ла, которое согласуется съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ. Время, ведущее постоянно къ упрощенію формъ, привело Русскій языкъ, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ его письменности, къ утратѣ вспомогательнаго глагола во всѣхъ лицахъ и числахъ; Польскій и Чешскій утратили его въ 3-мъ л. ед. и мн. ч., опуская постепенно передъ глазами Исторіи до самого XVII-го в. Прочія нарѣчія, въ томъ числѣ и Сербское, сохранили полноту формы, хотя и они въ пѣсняхъ весьма часто опускаютъ вспомогательный глаголъ. Въ нашихъ памятникахъ встрѣчается нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ подобнаго сокращенія: тере моѣ села вѫзимали и боларе бли, а драге и сѣкьли (С. № 9), що се чинило (С. № 14), како било, како било, бань потврьдиль и клельсе (С. № 16; Ш. № XVI), коньь се клель (1-е л., С. № 17), клельсе (3-е л., С. №№ 19, 20), у кое се вrѣме сиа книга писала (С. № 24), ѿколе свѣть сталь (С. № 40), прѣселилѫсе (С. № 84), ѥда птица ѿбрела (А. № 2), ѥгоже хрела си зъдаль и оукрасиль (А. № 6), ѥлико оуможно было (А. № 9), тогле. -и (С. № 130), имали и узели (С. № 163), и дао (Мл.).

Давнопрошедшее сложное I, сохраняющееся нынѣ только у Булгаръ и Лужичанъ, существовало въ старину у Чеховъ и Русскихъ и было довольно сильно развито у Л.-Сербовъ. Такъ мы находимъ въ памятникахъ: бѣ осталь (А. № 1), како свршило (се) бѣше врѣме (С. № 31), какосе бѣше пораслѣтило (С. № 39), како се бѣхѫ исплашили и скадилисе (С. № 55), бѣше рекло (С. № 68), биесмо искали (С. № 82), бѣхѫ беседили (С. № 114), бише узео (С. № 118),

вѣдѣ поставила (С. № 110), **биеше, бѣше поставио** (С. NN№ 124, 125), **бѣхѫ, биеху учинили** (С. NN№ 126, 132), **бѣхомо положили** (С. № 127), **биеше отпотокало** (С. № 152).

Давнопрошедшее сложное II, сохранившееся нынѣ въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ, Чешскомъ и Польскомъ нарѣчіяхъ, образуется изъ прошедшаго сложнаго вспомогательнаго глагола и причастія. На пр.: **е биль створиль** (С. № 24), **сте били уговорили** (С. № 31); **и дало било** (А. № 13), **и биль отпрѣль** (А. № 18), **сѫ били записали, е било записало** (С. № 90), **кои био постав о** (С. № 123): сдѣсь въ **кои** произошло стяженіе, ибо далѣе находимъ **кои и био поставио** (С. № 126), **и био поставио, кои и био положио** (С. № 128), **е била положила** (С. № 134), **и било записало** (С. № 137), **е било учинило** (С. № 138), **тко се и годѣ био оплѫтио и пошло** (С. № 142), **и одашао био** (С. № 143), **сѫ били поставили, -отписали, и било остало** (С. NN№ 146, 147), **е био узео** (С. № 152), **е, и поставио био** (С. NN№ 163, 164), **исть био дошло** (С. № 164).

Въ Д.-Сербскихъ памятникахъ встрѣчается еще *Дѣепричастіе сложное* прошедшаго вр., образованное изъ дѣепричастія настоящаго вр. вспомогательнаго глагола и причастія спрягаемаго другаго глагола. Такъ, 3-е л. ед. ч.: **ияко будуки се смиловаль господарь — поля** (С. № 164); для 3-го л. мн.: **да будуће пришли у дубровникъ три синове успостваму — да ни га смо држали отворѣ и проутати** (С. № 157).

Будущее вр. въ Славянскихъ нарѣчіяхъ уже утратило свое собственное образованіе, хотя слѣды его и мелькаютъ въ Д.-Булгарскихъ рѣдкихъ формахъ съ признакомъ **ш**, отвѣчающимъ древнѣйшему *с* изъ *sjá* будущаго вр. отъ корня *as*, каковы: **бышѫщаго**, -**аго** и н. др. Санскритъ, Греческій и Литовскій языки имѣютъ самостоятельную форму будущаго вр. Славяне же свое будущее образуютъ обыкновенно чрезъ сложеніе неокончательнаго н. требуемаго глагола съ движеніемъ вспомогательнаго, или употребленіе извѣстнаго вида со значеніемъ дѣйствія, или состоянія въ будущемъ. Сюда относится и форма **бѫдѫ**, образованная по настоящему вр. У Славянъ только одинъ вспомогательный глаголъ съ двумя корнями *ес* и *бу*. Образуя и будущія и прошедшія времена, корни эти въ своемъ движеніи такъ тѣсно срастаются съ другимъ глаголомъ, что составляютъ съ нимъ совершенно одно цѣлое, не нарушая чистоты его собственнаго значенія и оттѣнивая его лишь временными переходами. Другіе же многочисленные глаголы, къ коимъ прибѣгаетъ Славянскій языкъ для выраженія будущаго дѣйствія, или состоянія, сами въ себѣ уже заключаютъ понятіе желанія, или начинанія, или долга, или вообще всего того, въ слѣдствіе чего происходитъ другое дѣйствіе, или состояніе, такъ что стоитъ лишь вставить союзъ «чтобы» и т. п., и составится изъ мнимаго будущаго вр. цѣлое предложеніе. Глаголы эти не имѣютъ способности всѣмъ своимъ существомъ входить въ другой, но всегда сохраняютъ свой собственный оттѣнокъ, и будущее вр. представляетъ два понятія, изъ коихъ одно подчинено другому. По этому нѣтъ надобности называть ихъ вспомогательными глаголами. Самыми блѣдными, съ наименьшимъ удѣльнымъ вѣсомъ и ближайшими къ *есмь* и *быть* являются глаголы *хотѣть*, *имѣть* и *имать* (брать, начинать). Ихъ собственное понятіе не полно, имъ нужна цѣль, и вотъ по чему Славянскій языкъ предпочитаетъ ихъ всѣмъ прочимъ, послѣ *есмь* и *быть*, для образованія будущаго вр. Они наименѣе обременяютъ собою понятіе другаго глагола; ихъ природа легче въ соединеніи съ другою природою, и послѣдняя получаетъ отъ нихъ почти одну только возможность совершенія при незначи-

тельномъ оттѣнкѣ желанія, долга, предпринятія. Сербы всего болѣе полюбили хотѣть: нынѣ образованіе будущаго вр. дошло у нихъ мѣстами до непосредственнаго соединенія сокращенной формы неокончательнаго н., гдѣ это удобно, съ движеніемъ глагола *хотети*. Такъ и въ памятникахъ древней ихъ письменности преимущественно употребленъ глаголъ хотѣти; но упомянутое сокращеніе и слитіе двухъ глагольныхъ формъ въ одну еще не было развито въ старину, и оба глагола еще поставлялись врозь. Всѣ памятники наполнены таковымъ будущимъ вр. Изрѣдка однако употребляются и другіе глаголы, какъ-то, имати, ити и чати, на пр.: има въспримети (С. № 2), имаю имати (3-е мн., С. № 20), ако име хтѣти (С. № 27), ито име наностити (Мх.), утьмешь имати (С. № 19), чине имѣти (С. № 20), ако начнете стояти (С. № 21) и пр. Весьма рѣдко встрѣчается бѫдѫ и т. д. для будущаго сложнаго. Намъ попадаются однако выраженія: бѫдѫ отвѣтити (3-е мн., С. № 89), бѫдѫ дати (1-е ед.), бѫдемо хтѣти ѹзети, бѫдемо држати (С. № 107), како се бѫде ѹдржать, сиитбѫде (С. № 114), що бѫде писквати (С. № 130), бѫдѫ доити (дойдутъ), да бѫдѫ ѹдржати (1-е ед., С. № 133), да бѫдѫ дати и вратити (3-е мн., С. № 164).

Будущее совершенное сложное составляется изъ формы бѫдѫ и причастія другаго глагола. Оно выражаетъ предполагаемое дѣйствіе уже совершившееся въ будущемъ, или прошедшемъ. Теперь его нѣтъ у Сербовъ, но въ старину оно было у нихъ, какъ у Булгаръ, Русскихъ, Чеховъ и Поляковъ. Такъ на пр.: кои боудеть поустиль (Ш. № VII), иже бѫдѫ приняли (С. № 39), кто бѫде ѹзель, подаль (С. № 43), кто бѫде помагаль (С. № 55), що бѫде даль, ако бѫде сталь (С. № 73; ср. С. №№ 91, 111, 137), кои се боудоуть прѣвратили, аще боудеть пришль, аще боуде отслаль, што боуде побѣгль, аще що боудеть погиноуло (З.), ако бѫде преги стояль (С. № 111), тко бѫдѫ пошли (С. № 114), що се бѫде оучинило (С. № 137), докле се они (оный) бѫде наминю (С. № 144), кано бѫде изреди (С. № 157), ако бѫдѫ пограднли (С. № 164). Такъ какъ здѣсь дѣйствіе лишь предполагаемое, то нынѣ у Русскихъ оно выражается частицею *буде* съ предположительнымъ или условнымъ значеніемъ; оно близко также подходитъ и къ Лужицкому условному съ формою *budžich*, *bužach* и причастіемъ спрягаемымъ. Форма *budžich* или *bužach* есть преходящее вр. отъ корня *бы*, *бу*. Шафарикъ находитъ ее въ Д.-Сербскихъ памятникахъ: у Домитіана: боудѣше въ градѣ ви. бѣаше, у императора Василія: инова вльна сама боудѣше лишень [1]. Кажется, съ этимъ сродно значеніе формы *будеть*, *будуть*, встрѣчающейся въ Д.-Русскихъ памятникахъ и хотя не носящей въ себѣ признака образованія прошедшаго вр., какъ предыдущія, однако явно отходящей отъ обычнаго значенія будущаго и склоняющейся къ прошедшему; на пр. «побѣжали къ Новугороду, и будутъ у Новагорода, бросали якорь въ рѣку глубокую.»

Отъ будущаго совершеннаго ближайшій переходъ къ *Условному* времени. Условіе, желаніе, достиженіе не получили у Славянъ особаго строенія формы, какъ въ Санскритѣ, Греческомъ, или Латинскомъ, а то, что получили они особаго, носитъ названіе повелительнаго н. По этому Славянскій языкъ, не имѣя наклоненія условнаго или сослагательнаго, прибѣгаетъ къ сложнымъ временамъ, въ которыхъ главное участіе принимаютъ времена изъявительнаго н. Слѣдовательно, Славянскія условныя времена приличнѣе всего относить къ тому же изъявительному н., ибо въ строеніи своемъ они не представляютъ ни-

---

[1] Serbische Lesekörner. Стр. 109.

чего особеннаго, и только сила употребленія придаетъ имъ условный смыслъ. Эта сила такъ велика, что въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, на пр., Чешскомъ и Лужицкомъ, извѣстное время употребляется въ условномъ оборотѣ рѣчи даже безъ частицы. Въ Д.-Сербскихъ памятникахъ встрѣчается только одно условное время, образующееся изъ прошедшаго совершеннаго **бихь** и причастія глагола спрягаемаго. Служа, по духу языка, для условной мысли, оно равно вмѣщаетъ въ себѣ понятіе дѣйствія, или состоянія, предполагаемаго въ будущемъ, или прошедшемъ, но не какъ совершившагося, а только имѣющаго совершиться. Это время сохранилось у всѣхъ Славянъ, но уже съ различными временными измѣненіями. Всѣхъ правильнѣе употребляютъ его Д.-Булгарское и В.-Лужицкое, проводя со всею строгостію движеніе вспомогательнаго глагола. За тѣмъ Чешское, сохранившее для этого времени форму прошедшаго совершеннаго *bych*, *bys* или *bysi*, *by*, *bychom*, *byste*, *by*. Но здѣсь мы уже замѣчаемъ, что 2-е *л.* ед. образовано какъ бы отъ неподвижной частицы *by* чрезъ придачу личнаго признака *s*; и что 3-е *л.* мн. уже утратило свой отличительный признакъ. Польскій языкъ образуетъ такъ и другія лица: *bym*, *byś*, *by*, *byśmy*, *byście*, *by*, утрачивая признакъ 3-го *л.* мн. Стремленіе къ неподвижности корня **бы** отразилось еще сильнѣе въ Русскомъ, Н.-Лужицкомъ, Хорватскомъ, Хорутанскомъ и Сербскомъ, гдѣ всѣ лица во всѣхъ числахъ приняли неподвижную форму *бы*, *би*, *bi*, *by*, получившую уже значеніе частицы. Д.-Сербскій языкъ сохранилъ, но уже не вполнѣ, движеніе вспомогательнаго глагола. Для него время это само по себѣ уже выражало условіе и употреблялось то одно, то съ условною частицею. Одно: 1-е *л.* ед.: **що бихь хотѣль** (С. № 18), **радь оубо бихь быль** (А. №2), **докле годѣ не бихь ѡбисклѡ** (С. № 142); для 2-го *л.* ед. нѣтъ примѣровъ. 3-е *л.* ед.: **кои би биль, биѡ** (С. №№ 16, 100, 132, 145), **що би не било** (С. № 57), **тко бѣ (би) хѡтѣль** (С. № 77), **коиѹ би ѡпорѹчилъ** (С. №№ 87, 109, 121), **доколи би не било** (С. № 93), **кои би могаль, -аѡ, -ѣ бити, би** (С. №№ 87, 96, 98, 106, 109, 115, 119, 120, 121, 126, 133), **када би рать бранила, докле би трьпѣлъ** (С. № 98), **ѕгѡ-ѕгодило би се** (С. №№ 108, 112, 115, 119). **колико би када била** (С. № 107), **що не би ѡпатлѡ** (С. № 118), **ткогодирь би погокорно** (С. № 116), **годѣ би врьстѣ чловѣкь биѡ**, **тко годѣ би поискаѡ** (С. № 127), **чимби ѹлаѕила, кои би се могалъ** (С. № 142), **итѡ годе бы оусѣмѡ** (Мл.), **тко би хотѣль** (С. № 60) и пр. 1-е *л.* мн.: **бисмо не моган** (Ш. № 16). 2-е *л.* м.: **ки не би дали, идеа би ми плаћали** (С. № 79). 3-е *л.* мн.: **кто бихѹ дрьжали, не бихѹ имели** (С. № 16), **кои бихѹ пакостили** (С. № 20), **не би иѕели** (С. № 41), **що бихѹ давали** (А. № 10), **кои би прѣслоушали** (З.), **що би имь покрали** (С. № 137), **кои би били** (С. № 141), **що би годи носили** (С. № 150). Съ союзомъ **ако** и **аколи**: 1-е *л.* ед.: **аколи не бихь могаль** (С. № 20), **ако ли бихь м хотиѡ** (С. № 107), **ако ли бихь ма иѕлѣѕаѡ** (С. № 132). 3-е *л.* ед.: **ако би хьтѣль** (С. № 16), **ако би био, била** (С. №№ 20, 101, 144), **ако ли би тко понеслъ** (С. № 65), **ако ли би дошло** (С. № 76), **ако ли би иѕгѹбила** (С. № 87), **ако би се ѕгодилъ, -аѡ** (С. №№ 87, 93, 107, 109, 121), **ако ли би се двигла** (С. № 107), **ако би Бгь даль, даѡ** (С. №№ 108, 112), **ако би се прилоучило** (Г. Б), **ако ли би се бь оуминосрьдіѡ** (Мл.) и пр. 1-е *л.* мн.: **ако бисьмо пакостили** (С. № 20), **ако бисьмо имали** (С. № 127), **ако бисмо кѹпили** (С. № 141). 3-е *л.* мн.: **ако би не тѣли** (С. № 78), **ако ли би иѕьгѹбили** (С. № 109), **ако ли бы хотѣли** (Мл.) и пр. Съ частицею **ли**: 3-е *л.* ед.: **тко ли би потврьдль али порекаль** (С. № 81), **тко ли би потвориль, -иѡ**

(С. №№ 84, 85, 145), **кто ли би порекль** (С. № 86), **тко ли би учинилъ, -ни** (С. №№ 96, 98, 104), **тко ли би нарушилъ, укарише** (С. №№ 100 — 102), **еда ли би посегнуо** (С. № 143), **нх ли би се згодило** (С. №№ 118, 126). Съ союзомъ **како**: 1-е л. ед.: **како би показалъ** (С. № 86). 3-е л. ед.: **како би далъ, -уписалъ** (С. № 10). 1-е л. мн.: **како не бисмо могли** (С. № 76). 3-е л. мн.: **како би могли** (С. № 96). Съ союзомъ **да**: 1-е л. ед.: **да бихъ учинио** (С. № 140). 3-е л. ед.: **да би удалъ** (С. № 10), **да би хотѣлъ** (С. № 77), **да би платило** (С. № 83), **да би било** (С. № 97), **да би послао** (С. № 114). 1-е л. мн.: **да бисмо потврьдили** (С. №№ 81, 85, 95, 99, 103, 120, 133, 136, 150), **да бисмо учинили** (С. № 104), **да бисмо ѡслободили** (С. № 154), **да бисмоѡ свѣдочили** (С. № 156). 2-е л. мн.: **да бисте не зьлдокали** (С. № 10), **да бисте дослали** (С. № 114), **да би давали** (С. № 79). 3-е л. мн.: **да би сѣдѣли** (С. № 10), **да би дослали** (С. № 114), **да би учинили** (С. № 116) и пр. и пр. Когда сопоставлены два условныя предложенія, тогда вспомогательный глаголъ во второмъ, большею частію, опускается; на пр.: **ако би се прилѣ слаучило тере (н) гнѣ марка била у свою ѡбласть** (С. № 77), **згодило би се тере не било натражка** (потомства), **згодило би се терь кои изъ помаилаа** (прекратилась) (С. №№ 108, 112, 115), **згодило би се тере гнь ѡмаутнос** (С. № 119) и пр. и пр. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно замѣтить, какъ вспомогательный глаголъ уже ослабѣвалъ въ этомъ времени, и зарождалось начало нынѣшней, неподвижной частицы *би*. Только въ XIII-мъ в. въ Западныхъ гр-хъ, да въ одной Аѳонской XIV-го в., находится еще полная форма 3-го л. мн. ч. **бину**; но въ XIII-мъ же вѣкѣ другая, болѣе древнѣйшая, грамота уже имѣетъ **би**, которое и продолжается во всѣхъ памятникахъ, такъ что въ концѣ XV-го в. уже церковная грамота (Мл.) употребляетъ **би**. Въ одной грамотѣ видимъ эту форму и во 2-мъ л. мн. ч. (С. № 79). Нѣтъ сомнѣнія, что въ XIII-мъ в. уже существовала у Сербовъ образовавшаяся отсюда частица; ибо не чѣмъ инымъ, какъ неподвижностію и условностію ея, можно объяснить подобныя выраженія: **кои би послалъ** (С. № 16), **за их би триби учинити, доколи би не ѡскидоуена** (С. № 93), **у ко годи би кривин** (С. № 96), **що би поутено и право натражье** (С. № 96, ср. С. № 98), **що би кошега срьца** (С. № 107), **за що би достоинио ѡснѣи** (С. № 118), **ако би не узеть** (С. № 126), **що не би ѡгледано** (З. А.) и пр. Одни изъ этихъ примѣровъ можно объяснять опущеніемъ причастія, но другіе прямо показываютъ, что писецъ не хотѣлъ составлять цѣлаго предложенія, а относилъ частицу **би** къ отдѣльному слову, чтобы придать ему условное значеніе. Отсюда происхожденіе и условныхъ частицъ: **алиби** (С. №№ 108, 112), **илиби** (С. №№ 112, 115), **аканки** (С. №№ 126, 142), **колинкоби**, **аколиби** (С. № 115), которыя служатъ къ противуположенію или раздѣленію понятій, на пр.: **да покладь не ие погинути за иѣдиога члоика болю алиби нашега гнѣа сте круне угрьске али гнѣа турскога али замѡрскога али босаискога** (С. № 108), **акоби му богъ сина даѡ тада сину или два илиби едань или колинкоби** (би ихъ) (С. № 112), **да имаю книзь и властеле изьвиедити право ѡ нихъ ѡ свиехъ илиби едань илиби два илиби веке колицнѣ подобие и по запису буде ѡбь покладь прьстоить** (С. № 115) и пр. Мы видимъ также, что союзъ **да**, выражая индѣ желаніе, хотя только предполагаемое, придаетъ этому времени значеніе желательнаго или повелительнаго наклоненія, отъ чего съ теченіемъ времени союзъ *дабы* сталъ выражать уже настоящее повелѣніе; на соединеніе его съ прошедшимъ, какъ и союза *чтобы*, показываетъ, что сдѣсь было первоначально условное вр. Условное значеніе перешло однажды къ прошедшему совершенному сложному: **на кою годиро странх ослаль приятеле нашао би. бихь нашао** (С. № 140).

Наконецъ укажу на условный оборотъ съ дѣепричастіемъ прошедшаго вр., употребленный въ гр-ѣ С. № 157: **не пришьдше (т. е., пришьдше) ли сии три в Дубровникь да се не може (тестаменть) отворй не иедань нachинь**, что собственно сказано такъ: «не пришедши ли всѣ трое въ Дубровникъ, завѣщаніе не можетъ быть вскрыто никоимъ образомъ»; иначе: «если бы не пришли всѣ трое, то....»; **изгодилиме ли смрть гнѣ кнезу Влатку или му брату да ион би ни остао да може рети да му се тестаменть отвори и прочти**: «пришла ли бы смерть господину князю Влатку, или его брату, и остался ли бы кто изъ нихъ живъ, то можетъ сказать, чтобы завѣщаніе было для него вскрыто и прочтено». Союзъ **да** имѣетъ у Сербовъ много значеній, и между прочимъ ему отвѣчаютъ «если», «такъ какъ», «то», «чтобы».

Повелительное н. въ Славянскомъ языкѣ есть не что иное, какъ желательное, признакомъ коего, судя по Санскриту и Греческому языку, есть звукъ *i*. Онъ чище всего сохраненъ въ Славянскомъ языкѣ, тогда какъ въ двухъ первыхъ подвергся, большею частію, усиленію. Впрочемъ, это усиленіе существовало въ Д.-Булгарскомъ и Д.-Чешскомъ, нынѣ оно осталось въ тѣхъ же нарѣчіяхъ, но въ Чешскомъ значительно сократилось, оставшись только за нѣкоторыми глаголами на *-nawi*. Оно принадлежитъ двойственному и множественному ч. Въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ его нѣтъ; но въ Польскомъ есть вытяженіе во всѣхъ лицахъ и обоихъ числахъ, на пр., *spij*, *tkwij*, *klniéj*, *dmiéj*, *schniéj*. Съ другой стороны, въ самомъ Д.-Булгарскомъ языкѣ было ослабленіе и въ ь въ **кимдь, даждь, яждь**. Это ослабленіе существовало и въ древнѣйшихъ Чешскихъ и Польскихъ памятникахъ; нынѣ оно нѣсколько значительнѣе въ Н.-Булгарскомъ и Русскомъ, но наиболѣе совершается оно въ Чешскомъ, Польскомъ и Лужицкомъ. Иларскій говоръ ровнѣе всѣхъ: сдѣсь всюду *u* безъ усиленія и ослабленія въ полугласную. Но во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, не исключая, быть можетъ, и Д.-Булгарскаго, и послѣ гласной ослабѣвало въ полузвукъ *й*. Смягченіе условливалось свойствами каждаго нарѣчія; а перемѣны въ глагольной основѣ для построенія формы тѣ же, какія и въ настоящемъ вр. Отсюда видно, что Сербскій языкъ въ единственномъ ч., гдѣ нѣтъ усиленія и въ Д.-Булгарскомъ, сходенъ съ этимъ послѣднимъ: то же и въ древней его письменности. Такъ, 2-е и 3-е л. ед. ч.: **помагаи** (А. И.), **сѫди** (А. № 1), **рас- рас- разѹмни, прощи** (Ш. № VII; А. № 11; Г. А, В; С. №№ 107, 114, 118, 120, 127, 132, 133, 141; Мл.), **ищи** (С. № 14), **створи** (А. № 2), **посрами, вьскрѣси** (А. № 6); **раоучи се** (Мл.), **кьнимаи, отврьзи, сьрши, скажи** (С. № 51), **греди** (А. № 10), **хиаси** (С. № 77), **помилѹи** (С. №№ 114, 130), **веселн** (Г. VI № 2; С. № 173), **химожи** (С. №№ 149, 172), **покрй** (Мл.) и пр. и пр. Отъ корня **боу** или **бы—боуди, бѫди** и т. д. (Ш. № VII; А. №№ 3, 4, 19; С. №№ 89, 139, 140, 159, 172; Мл.). Отъ **имати—имаи** (С. № 34). Отъ корня **я—пріими, приими, ѹзми, вьзьми** и т. д. (Ш. № VII; А. № 11; Г. А, Б; С. №№ 34, 176, 178; Мл.). Глаголъ **дати** переходитъ сдѣсь въ образованіе **даяти**, но оттѣнки значенія уже пропадаютъ. Нынѣ у Сербовъ *дай* и *давай*. Движеніе Славянскаго языка видно сдѣсь въ утратѣ первоначальной формы съ удвоеніемъ **даждь, дадите** и пр. Такъ и Д.-Сербская письменность постоянно употребляетъ: **даи, водаи** (С. №№ 9, 11, 13, 18, 34, 66, 76, 107, 108, 111, 115, 119, 126, 143—145; Ш. № 16), **даа** (С. № 5). Однажды только въ поздней церковной гр-ѣ **даждь** (С. № 178)—явное заимствованіе изъ Д.-Булгарскаго. Движеніе множественнаго ч., въ которомъ должно ожидать различія между двумя стихіями, ибо Сербскій языкъ не усиливаетъ и въ *ѣ*, трудно

опредѣлить за недостаткомъ примѣровъ въ Западной семьѣ; но можно думать, судя по нѣкоторымъ даннымъ, что въ XIII-мъ в. въ Д.-Сербской письменности происходило колебаніе. На это указываютъ формы мѧте (С. № 10) и можите (С. № 13). Въ XII-мъ в. въ Аѳонской гр-ѣ: вьзьмѣте, наоучитесе — согласно съ Д.-Булгарскимъ. Въ XIII-мъ в. другія формы не представляютъ отличія: чините (С. №№ 9, 10), вратите (С. № 18). Но въ XIV-мъ церковныя гр-ы твердо держатся Д.-Булгарскаго образованія. Такъ на пр.: вьз вьзѧмѣте, выходите, -е (А. №№ 3, 4, 5; С. № 176), вьзиметемь, вьзнесѣмь, вьзверемь (А. № 4, ср. А. № 8), придѣте, прїидете (А. № 8; С. № 176), работайте, рѧчитесе, принесѣте, исѧлните, потьщитесе (С. № 176), вьзѧгнемсе (А. № 10), принесѣмь (В. № 1), идѣте, проповѣдите (А. № 13; С. № 50). Послѣдняя грамота согласна съ церковною въ богословіи; и въ такомъ же богословіи другой не церковной, хотя впрочемъ, сильно проникнутой Ц.-Славянскою стихіею: идѣте, но проповѣдаите (С. № 62). Въ Западной: потворите (С. № 84). Глаголъ дати, какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ ч., уже съ XIII-го в. образовывалъ свою форму безъ удвоенія корня: при- подаите (С. № 13)— и въ этомъ отчужденіи первоначальной формы можно отчасти замѣтить различіе между двумя дѣйствующими стихіями, возникшее еще въ первыхъ вѣкахъ письменности. Такъ и въ XIV-мъ в. въ Западной гр-ѣ находимъ даите (С. № 59). Въ той же грамотѣ встрѣчаетъ насъ уже другая особенность: не моите, какъ и въ гр-ѣ С. № 79 вѧите. Сличивши ее съ можите, проповѣдите, видимъ движеніе впередъ. Уже форма можите, хотя сама по себѣ и ближайшая къ Д.-Булгарской, не имѣетъ однако усиленія, ср. Ц.-Слав. можѣте (Ев. Остр.); а моите стоитъ еще далѣе: она образована прямо отъ мог, при чемъ г, смягчившись, перешло не въ з, а въ д, которое, по свойству Илирскаго говора, соединившись съ мягкою полугласною, обратилось въ и (й). Вторая произошла прямо отъ одинаковой съ Д.-Булгарскою вѣдите, откуда вѣдьте, вѧите. Въ XV-мъ в. церковныя гр-ы пишутъ: сьблюдѣте (А. № 17), просите (С. № 175), прїидете (Мл.); но одна изъ нихъ пишетъ также пріите (С. № 175), уклоняясь отъ Д.-Булгарской ништате, ништѣте. Западныя: придаите (С. № 135), подаите, варуите (С. № 173). И такъ здѣсь совершается переворотъ въ отношеніи усиленія, но ослабленія и въ полугласную нѣтъ, ибо этого нѣтъ и теперь. Впрочемъ, моите и вѧите объясняются не иначе, какъ чрезъ предварительное ослабленіе ди въ дь.

Кромѣ этой простой формы повелительнаго н., Славяне употребляютъ еще описательную, составленную изъ настоящаго вр. съ частицею *да*, *пусть*, *нехай*, *nech*, *naj* и пр. Такъ и Д.-Сербскій языкъ употребляетъ эту описательную форму преимущественно съ союзами да, нека. Но, кромѣ ея, встрѣчается форма *Повелительнаго совершеннаго*, выражающая дѣйствіе оконченное. Она состоитъ изъ прошедшаго сложнаго съ частицею да. На пр.: тко ли би сие потврлоь (поткорнль) али порекаль да су все клетви на нему пале (С. № 81), тко ли би се поткорилъ или порекалъ да су се все клетки на нему изврьшили (С. № 85), тко ли дрьзне и поткори да сю все клетви пале на нему (С. № 89), тко ли би нась инако учиниль тере тен роте разбиль или притворилъ хоѣмо и велимо да су все клетви и роте и проклетства пала сврху нась (С. № 96, ср. С. №№ 98, 104), тко ли дрьзне и поткори да су все клетвѣ нань пале (С. № 97), тко ли би учиниль или поткориль да су вьсе клетвѣ на нему пале (С. № 100, ср. С. №№ 101; 102), едали бисмо поткорили — да смо проклети и да смо се одрекли бга и мисела (С. № 114, ср. С. №№ 120, 127, 133, 141). Е сл

сличимъ эту форму съ вышеприведенными выраженіями **да висмо ѡслободили.— сведотили** и т. п., то сейчасъ увидимъ разницу между тѣми и другими: въ первыхъ положительное повелѣніе, во вторыхъ желаемое, условное дѣйствіе.

Двойственное ч., сверхъ ожиданія, оставило свои слѣды даже въ позднѣйшихъ Западныхъ гр-хъ, хотя, разумѣется, бесчисленное множество примѣровъ его несоблюденія показываетъ, что въ народномъ говорѣ оно уже исчезло и оставалось только въ памяти книжныхъ людей. Какъ бы то ни было, спряженія удержали его нѣсколько тверже, чѣмъ склоненія. Замѣтимъ однако, что твердость эта относится къ 3-му л., 2-го вовсе нѣтъ, а 1-е сохранилось только въ церковныхъ гр-хъ, слѣдовательно, подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, и то весьма ограниченно. Такъ 1-е л. настоящаго вр.: **приносивѣ** (Ш. № VII)—одинъ только примѣръ. Для 2-го л. примѣровъ нѣтъ. 3-е л. настоящ. вр.: **сядита** (С. № 22), **како рѣта алмитѣ** (А. № 6), **адамь же и нуга державствоуюта** (Мл.), **станита** (С. № 176), **да имати(а), имета**, ср. **имамь и имѣ** (С. № 46), **дасе тѣзи двѣ кѵѣи не раздвоита—неголи да еста** (С. № 57), **да изврьжетасе ѡба, аще боудета два члоѣка, да оуши се оурѣжита, аще се пріита два, аще се сѧдита два, да се біета** (3.), **докола не изидета дние годищи** (С. № 114), **да имата, да служита** (С. № 143). Прошедшее неопредѣленное: **непогубиста** (Мк.), **досадиста** (С. № 116), **биста, згоріста, свршиста** (С. № 143), **биста, умрѣста** (С. № 156). Прошедшее сложн. вр.: **праштала ста** (С. № 3), **що ста рекла** (С. № 143). Вотъ всѣ случаи употребленія двойственнаго ч. Въ судьбѣ его нѣтъ уже повременной последовательности, какъ это видно во всякой живой части языка; оно не болѣе, какъ умѣстное исключеніе изъ обычнаго употребленія множественнаго ч., поддержанное свѣжимъ знаніемъ и повседневнымъ присутствіемъ Ц.-Славянскаго языка, и по тому не казавшееся еще страннымъ, или вовсе невозможнымъ. До какой степени было оно уже чуждо живаго языка, видно изъ подобныхъ странныхъ столкновеній, какъ на пр.: **да се ѡбѣ роуцѣ ѡтсекоуть, аще се ѡскоубоуть два себра**—въ томъ же Законникѣ. Или: **учинише и досадиста** (С. № 116). Не привожу примѣровъ изъ другихъ памятниковъ, гдѣ ихъ безъ числа и гдѣ ставится множественное ч. даже при **ѡба, два**, какъ на пр.: **судьце ѡбое да се кльну юно да право суде** (С. № 21), **кои смо ѡбои мы изрекли** (С. № 66), **аколи оусхоте ѡбои** (С. №№ 73, 91), **ѡбѣдвие стране изнѣсосмо** (С. № 158), **да се ѡниеи црькве** (выше **ѡбѣ црькве**) **насаѣдѣ и поповѣ** (Мл.) и пр. и пр. Замѣтимъ, что Д.-Сербскій языкъ употребляетъ для всѣхъ родовъ одинаковыя окончанія: **-ва** для мужескаго, **-та** для мужескаго (мн. р.), для женскаго (А. № 6; С. № 57), для мужескаго и женскаго вмѣстѣ (Мк.; С. № 156) и для средняго (3.; С. № 114).

Такимъ образомъ въ глаголѣ мы дѣйствительно находимъ наименьшее движеніе. Въ образованія видовъ и общемъ строеніи формъ Д.-Сербскій глаголъ сходенъ съ Д.-Булгарскимъ; онъ рознится съ нимъ преимущественно коренными перезвуками и окончаніемъ лицъ. Образованіе временъ и смыслъ ихъ такіе же; но нѣкоторыхъ, конечно, въ немъ нѣтъ, за то допущены и свои особливые обороты. Самъ же по себѣ, въ своихъ областяхъ и своей повременной жизни, онъ еще менѣе представляетъ движенія: мѣстность и время мало измѣняютъ его установленныя формы; но все таки движеніе, какъ оно ни незначительно, есть и доступно глазу изслѣдователя.

Замѣтно усиленіе учащательныхъ глаголовъ на **-авати** и вступленіе ихъ въ движеніе съ 6-ю к. Примѣромъ можетъ служить различное образованіе отъ корня **да: дамь, даемь, давамь, да, дае, дава, дамо, даемо, даламо** и т. д. При-

соединивъ'и эти формы: оказавамъ, запрещавамъ, кривакать, тека, писакати и пр. Равно переходъ въ образованіе -а-ти изъ другихъ образованій обозначаетъ движеніе впередъ Сербскаго языка вмѣстѣ съ другими нарѣчіями, на пр., плакамъ, потецаю, живоутъ и пр. Въ этомъ Д.-Сербскій глаголъ удовлетворилъ потребности Славянскаго языка учащать въ глаголахъ кратность дѣйствія, или состоянія, выразившейся наиболѣе въ Чешскомъ и Русскомъ нарѣчіяхъ. Съ другой стороны, Д.-Сербскій глаголъ разумно представилъ формы приводящія къ древнѣйшему и простѣйшему строенію неокончательнаго вида безъ образовательной гласной. Таковы, на пр., формы 1-го л. мн. посешмо и 3-го л. мн. присетъ, потежи и т. п., приводящія къ посешти, присешти, потешти, т. е., къ I-му разряду Добровскаго, представляющему собственно единственное, древнѣйшее и простѣйшее строеніе, въ сравненіи съ которымъ всѣ другія представляются искусственными и по тому относительно позднѣйшими. Память о немъ выражена наиболѣе въ способѣ образованія прошедшаго неопредѣленнаго, откидывающемъ образовательный слогъ ив (иж) и выказывающемъ простѣйшую глагольную основу. Д.-Сербскій языкъ еще свободно употребляетъ простѣйшую форму отъ корня кв: кемь, кемо, кв (3-е л. ед.) и пр. Корень да является въ видѣ дамь, даемь и давамь, даваю, 3-е л. ед.: да, дае и дава, 1-е л. мн. дамо, которое трудно уже принять за простую форму, а скорѣе должно признать за стянутую изъ равно употребляемой даемо и давамо. Корень ста является въ движеніи въ видѣ стати, стоати и станути. Корень и, кромѣ прямаго образованія въ сложныхъ иъети, приити и въ движеніи имв и имаю и т. д., изъ коихъ послѣднее оказываетъ отвердѣніе въ формѣ имоутсе, производитъ еще формы имати и имати. Послѣднее образованіе вступаетъ въ отдѣлъ глаголовъ на -ати со всею послѣдовательностію движенія, отвѣчающаго Д.-Булгарскому и Русскому съ полнымъ удержаніемъ образующей и связующей гласныхъ: иными словами, Сербы сознавали, что въ имамъ должно быть стяженіе, по сходству съ другими глаголами того же образованія, и по тому обнаруживали иногда полноту формы въ имаю (1-е л. ед.), имаить (3-е л. ед.). Глаголъ хотати совершаетъ сдѣсь всѣ свои превращенія: онъ является то въ формѣ одинаковой съ Д.-Булгарскою: хощв, то въ формѣ, перекначенной народностію: хоив, хию, кв, кю, ѣв; только нѣтъ ойв. Самостоятельное образованіе выразилось въ глаголахъ почятити, пришити, истановитити: два послѣдніе глагола являются только въ совершенномъ видѣ, а первый имѣетъ и настоящее вр.: почятесе.

Въ представленіи различныхъ временныхъ отношеній Д.-Сербскій языкъ употребляетъ нѣсколько лишнихъ выраженій сравнительно съ нынѣшнимъ: въ большей части изъ нихъ онъ сошелся съ общеславянскимъ представленіямъ извѣстныхъ минутъ времени, а въ нѣкоторыхъ предложилъ и свое воззрѣніе. Въ немъ находимъ слѣдующія времена: настоящее, прошедшее простое двухъ видовъ, неопредѣленнаго и длительнаго, прошедшее сложное трехъ видовъ, обнаруживающее, что Сербскій языкъ уже шелъ впередъ наровнѣ съ другими нарѣчіями, усиливая употребленіе сложныхъ временныхъ формъ; ибо первоначально ихъ не было, и вообще онѣ слабѣе во всѣхъ древнѣйшихъ Славянскихъ памятникахъ. Нынѣ, на пр., въ Русскомъ языкѣ всѣ простыя прошедшія времена утрачены, а также и многія сложныя, и осталось только одно прошедшее сложное, принявшее, для краткости, простѣйшій видъ чрезъ опущеніе вспомогательнаго глагола. Вообще чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ простыя времена кажутся болѣе развитыми. Такъ и порстое будущее, бывшее нѣкогда

у Славянъ, уже въ самомъ Д.-Булгарскомъ языкѣ осталось лишь въ двухъ, трехъ случаяхъ, носящихъ признакъ глубочайшей древности. Сербское, какъ и другія Славянскія нарѣчія, употребили для этого совершенный в., или описаніе. Въ томъ и другомъ случаѣ Д.-Сербскій языкъ, какъ и нынѣшній, не отступаетъ отъ общеславянскаго обычая. При описаніи онъ предпочитаетъ глаголъ хотѣти. Будущее вр. онъ представляетъ въ двухъ видахъ, неопредѣленномъ и совершенномъ. Послѣднее употребляетъ въ своемъ строеніи форму вѫдѫ съ причастіемъ спрягаемымъ другаго глагола, и такъ какъ оно выражаетъ оконченность дѣйствія, или состоянія въ будущемъ, или прошедшемъ, то, когда отъ него зависитъ другое дѣйствіе, или состояніе, принимаетъ значеніе условія или предположенія.

Мы уже знаемъ, что Д.-Сербскій языкъ обратилъ причастіе въ дѣепричастіе, слѣдуя движенію народности. Имѣя дѣепричастіе настоящаго и прошедшаго вр., онъ употребилъ для послѣдняго еще описательную форму изъ дѣепричастія настоящаго вр. кидѣи и причастія спрягаемаго другаго глагола; на пр., кидѣи се самокаль. Условіе въ прошедшемъ онъ также выразилъ дѣепричастіемъ прошедшаго вр., давъ частицею ли особый оборотъ рѣчи; на пр., изгедивше ли самрть.

Въ наклоненіяхъ или въ способѣ выраженія отношенія одного дѣйствія, или состоянія къ другому, Д.-Сербскій языкъ, какъ нынѣшній и какъ другія Славянскія нарѣчія, представляетъ тѣ же явленія. Дѣйствіе, или состояніе безъ всякого отношенія къ лицу и числу, выражается неокончательнымъ н., въ которомъ Д.-Сербскій языкъ, согласно съ нынѣшнимъ, удерживаетъ полное окончаніе -ти. Являясь цѣлью другаго дѣйствія и становясь ему подчиненнымъ, оно принимаетъ оттѣнокъ винительнаго п. и измѣняетъ нѣсколько свою форму, отверждая окончаніе въ -тъ. Не имѣя ъ, Д.-Сербы выразили этотъ оттѣнокъ чрезъ -ть; но такъ какъ нынѣшній Сербскій языкъ уже не имѣетъ достигательнаго вида, то и въ древнихъ памятникахъ онъ является отрывочно и безъ вѣрно определенныхъ границъ употребленія, какъ всякая отживающая форма. Положительное дѣйствіе, или состояніе лица и числа выражено изъявительнымъ н. въ различныхъ временахъ; желаніе и повеленіе выражено въ повелительномъ н., отвѣчающемъ собственно желательному Санскрита и Греческаго; условіе пріурочено въ немъ къ одному только сложному времени, которое, по составу своему, относится къ изъявительному н., но по особому мысленному оттѣнку прошедшаго вр. бихъ, входящаго въ его образованіе, получаетъ у всѣхъ Славянъ условное значеніе и служитъ въ винословномъ оборотѣ для выраженія не только прямаго условія, но и желанія, а индѣ и повелѣнія. У нѣкоторыхъ Славянъ есть еще другое условное время, въ которое вспомогательный глаголъ входитъ цѣлымъ своимъ условнымъ временемъ: *быхъ былъ*; но такого времени въ Д.-Сербскомъ языкѣ не находимъ: въ немъ одно условное отправляетъ служеніе для различныхъ временныхъ представленій условія. Такъ какъ по природѣ своей время это не заключаетъ въ себѣ никакого особеннаго образованія, приличнаго собственно винословному наклоненію, а есть лишь соединеніе формъ съ образованіемъ положительнаго наклоненія, то можно думать, что первоначально оно не имѣло условнаго значенія, если только могло возникнуть у Славянъ безъ него, какъ возникло давнопрошедшее I, и только особый уголъ Славянскаго возрѣніе на это соединеніе придалъ ему оттѣнокъ условности. По этому особаго условнаго наклоненія у Славянъ нѣтъ; а есть только условныя времена. Повременное движеніе Сла-

вянскаго языка выразилось сдѣсь въ забвеніи личнаго и числоваго движенія формы ихъ и превращеніи ея въ неподвижную частицу ми сначала для 3-го л. ед. и мн. ч., потомъ и для другихъ лицъ: ясные слѣды этого движенія оказываются въ Д.-Сербскомъ языкѣ, не только для 3-го л., но и для 2-го мн.

Наконецъ самостоятельность Сербскаго языка выражается всего ярче въ личныхъ признакахъ. Глаголы первичнаго образованія сохранили и въ немъ свою особенность въ приставкѣ личнаго признака прямо къ основѣ, при чемъ самые признаки удержали индѣ свой древнѣйшій видъ. Такъ: исмь, являющееся также какъ исьмь, сьмь, смь, самь, дамь, вѣмь; иси и си; исть и и, дасть и да, вѣсть и вѣ; исьмо и сьмо, дамо, вѣмо; сте, дасте, вѣсте; исѫ и сѫть, сѫ, даде, вѣдеть. Сдѣсь нѣтъ связующей гласной. Разложеніе въ настоящемъ вр. носоваго звука ѫ и ѭ на открытую гласную съ признакомъ м 1-го л. ед. ч. совершается передъ глазами Исторіи. Въ XII-мъ в. даже въ образованіи -а-ти въ Западной гр-ѣ его нѣтъ: присѣзаю, а въ концѣ XV-го въ церковной находимъ уже однѣ формы: выніемь, гнимь, приводимь. Но разложеніе идетъ медленно и показывается изрѣдка во всѣхъ семьяхъ грамотъ. Только одно образованіе -а-ти, слѣдуя общеславянскому движенію, приняло его къ себѣ и распространило до безысключительности въ Западныхъ грамотахъ. Особенное распространеніе его замѣтно съ XIV-го в. Во 2-мъ л. ед. ч. -ши еще употребляется въ XIII-мъ в. на ряду съ -шь, показывая, что и народъ употреблялъ его; но съ XIV-го оно остается за однѣми церковными гр-ми, слѣдовательно, подъ рукою книжниковъ а въ болѣе народныхъ, по языку, грамотахъ его уже нѣтъ. Равно и въ 3-мъ л. ед. ч. уже въ XII-мъ в. Западная грамота представила одну краткую форму безъ личнаго признака -ть, а Аѳонская ту и другую; въ XIII-мъ в. только двѣ грамоты, обѣ носящія слѣды поддѣлки подъ Ц.-Славянскій языкъ имѣютъ поровну ту и другую; но прочія одну только краткую или народную. Въ двухъ слѣдующихъ вѣкахъ въ самыхъ церковныхъ гр-хъ перевѣсъ оказывается на сторонѣ краткой формы; полная или Ц.-Славянская слабѣетъ еще болѣе въ Законникѣ и другихъ собственно-Сербскихъ гр-хъ; уже Западныя ставятъ ее необыкновенно рѣдко, а въ XV-мъ в. вовсе не имѣютъ. Еще менѣе Д.-Сербскій языкъ допускаетъ стянутую форму -мь въ 1-мъ л. мн. ч. предпочитая ей огласованную -мо, приближающуюся къ первоначальному полногласію. Въ XIII-мъ в. только одна церковная гр-а представляетъ первую; въ XIV-мъ и XV-мъ церковныя имѣютъ ту и другую; но, кромѣ ихъ, всѣ прочія употребляютъ одну послѣднюю, которая и оказывается народною. 2-е л. мн. ч. имѣетъ своимъ постояннымъ признакомъ -те. 3-е л. уже въ XII-мъ в. явилось безъ признака -ть; въ слѣдующихъ только церковныя гр-ы представили полную и краткую формы съ замѣтнымъ преобладаніемъ послѣдней Изъ прочихъ весьма немногія Восточныя употребили первую по нѣскольку разъ, да нѣкоторыя Западныя въ богословіи. Вообще признаки -ши, -ть, -мь держатся замѣтно подъ вліяніемъ Ц.-Славянской письменности, и XIII-й вѣкъ есть вѣкъ ихъ исчезновенія въ устахъ народа, сколько можно судить по остаткамъ ихъ употребленія въ грамотахъ, наиболѣе проникнутыхъ народною стихіею.

Въ прошедшемъ неопредѣленномъ простомъ, въ 1-мъ л. ед. ч., въ глаголахъ съ согласнымъ исходомъ основы безъ образовательной гласной, равно какъ и при удвоеніи корня, или вспомогательной частицѣ д мы постоянно находимъ связующую гласную о: рекохъ, дадохъ, идохъ. Исключеніе одно: рѣхъ въ церковной гр-ѣ. Образовательное их иногда опускается, указывая на первоначальное строеніе формы безъ вспомогательныхъ звуковъ. Основа съ глас

нымъ исходомъ, включая сюда и первичныя дахъ, идѣ, [illegible] (видѣхъ), обходится безъ связующей гласной, какъ и всѣ формы, построенныя изъ основы съ образовательною гласною. Въ 3-мъ *л.* ед. ч. въ церковныхъ гр-хъ сохранился остатокъ личнаго признака -ть, перенесеннаго и на 2-е *л.*: ты предасть. При этомъ сохраняется и признакъ времени с въ формахъ сходныхъ съ Д.-Булгарскими: дасть, высть, васть. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣсь дѣйствовало вліяніе Ц.-Славянской письменности. 1-е *л.* мн. ч. уже съ XIII-го в. выставило народное образованіе временнаго и личнаго признака въ видѣ -смо вм. Д.-Булгарскаго и другихъ нарѣчій -хомъ, *-хме*, *-chmy*. Въ этомъ случаѣ оно ближе подошло къ первоначальному образованію, оставивъ временной признакъ с нетронутымъ и огласовавъ ослабнувшій личный признакъ -мъ. Д.-Булгарская форма появляется вмѣстѣ съ народною въ одной церковной грамотѣ XIII-го в., потомъ въ слѣдующихъ вѣкахъ укрывается исключительно въ однѣхъ церковныхъ грамотахъ, и то не во всѣхъ, а въ прочихъ ни разу не показывается, кромѣ одного случая [illegible], гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ личное окончаніе уже приняло народный образъ. 2-е *л.* мн. ч. имѣетъ постоянно -сте. 3-е *л.* мн. ч. -[illegible]. Въ прошедшемъ сложномъ, въ которое входитъ изъ этого времени форма [illegible], встрѣчаемъ въ трехъ грамотахъ разныхъ семей [illegible] вм. [illegible] кто [illegible] држали.

Преходящее или прошедшее длительное возстановляетъ для 2-го и 3-го *лл.* ед. ч. временной признакъ с въ видѣ образовательнаго окончанія -[illegible]. Но смѣшеніе его значенія съ предыдущимъ видно въ приставкѣ помянутаго окончанія къ основной формѣ послѣдняго, на пр., [illegible]. Въ 1-мъ *л.* мн. ч. опять находимъ смѣну Д.-Булгарской формы, огласованной по народному, [illegible], съ вполнѣ народною [illegible]. Въ 3-мъ *л.* мн. ч. обычный исходъ -хѫ.

Повелительное н. не принимаетъ у Сербовъ ни усиленія признака и, ни ослабленія его въ полугласную; такъ и въ Д.-Сербскомъ языкѣ. Форма даждь встрѣтилась лишь въ одной поздней Аѳонской гр-ѣ, очевидно, занесенная изъ Ц.-Славянскаго языка; обыкновенно пишется дай, дайте. Усиленная форма [illegible] встрѣчается въ XIII-мъ в. въ одной Приморской гр-ѣ и тѣмъ свидѣтельствуетъ, что усиленіе могло быть въ старину и у Сербовъ, какъ оно было у Д.-Булгаръ, но къ началу письменности уже утратилось. Тѣмъ не менѣе писцамъ казалось оно очень возможнымъ, и они употребляли его въ церковныхъ грамотахъ всѣхъ вѣковъ, откуда оно переходило въ богословіе другихъ собственно-Сербскихъ гр-ъ. За недостаткомъ примѣровъ нельзя сказать, было ли бы оно допущено въ тѣ грамоты, гдѣ преобладало народное начало. По крайней мѣрѣ, кромѣ одного вышеприведеннаго примѣра, его не находимъ; напротивъ форма [illegible] въ Аѳонской гр-ѣ указываетъ уже на сближеніе съ народностію. Съ другой стороны хотя ослабленіе не было допущено, однако не иначе, какъ чрезъ него произошли вполнѣ народныя формы [illegible], [illegible].

Стяженіе является въ Д.-Сербскомъ языкѣ, какъ выраженіе его общеславянскаго движенія и удаленія отъ древнѣйшаго и полнѣйшаго строенія формъ, какое видимъ въ Д.-Булгарскомъ. Стяженіе двоякое: одно въ настоящемъ вр. въ глаголахъ на -ати со связующимъ е, такъ что ае стягивается въ а. Замѣчательно, что всѣ Славянскія нарѣчія, кромѣ Русскаго и Д.-Булгарскаго, выказали въ этомъ образованіи наибольшее стремленіе къ разложенію носоваго признака 1-го *л.* и вмѣстѣ съ тѣмъ стяженію. Такъ и Д.-Сербскій языкъ, допуская въ другихъ образованіяхъ разложеніе въ чрезвычайно скудномъ объемѣ, сдѣсь, напротивъ, довелъ его съ теченіемъ времени почти до безысключительности и вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣннымъ спутникомъ ему назначалъ

стяженіе. Исключеніе, какъ и нынѣ, составляютъ только даешь, предполагающее даяти, но не дакти, и таю (3-е л.) отъ таити. Къ нимъ присоединяется въ памятникахъ приемь, но подлѣ него есть и примь, гдѣ ѣ = и. Стяженіе въ этомъ образованіи проведено во всѣхъ лицахъ и числахъ. Оно сдѣлалось существенною принадлежностію народной формы, т. е., въ 1-мъ л. ед. при разложеніи носоваго звука, во 2-мъ ед. при обоихъ исходахъ, на пр., ꙁнаши и ꙁнашь, въ 3-мъ ед. при опущеніи -ть, въ 1-мъ мн. при -мо, во 2-мъ мн. при обычномъ -те: ꙁнате; въ 3-мъ л. мн. ч. его не бываетъ. Находимъ одно только исключеніе для нестяженія: зноиаю въ церковной гр-ѣ. На оборотъ, при другихъ формахъ его не бываетъ; тамъ всюду слышатся оба звука: -аю, -ають, -аимь (1-е л. мн.) Изъ другихъ образованій оно можетъ быть только при сопоставленіи образующей и связующей гласныхъ, какъ ѣи: нынче оно не существуетъ въ формѣ ие, но въ старину находимъ его, хотя и весьма рѣдко; такъ: сине, раꙁумиисе, раꙁумимо. Другое стяженіе видимъ въ преходящемъ вр., въ которомъ и другія нарѣчія, имѣющія это время, исключая извѣстные случаи, приняли его. Два примѣра нестяженія, вьꙁирахъ и могахъ, объясняются первый тѣмъ, что находится въ Аѳонской гр-ѣ, второй тѣмъ что въ его грамотѣ допущено простое удвоеніе гласныхъ. Встрѣчаемъ даже стяженіе при образованіи ѣ со связующею: ѣи, что нынѣ выражается чрез ия, а въ старину могло звучать какъ ѣ, на пр., имѣше. Стяженіе въ этомъ времени началось еще въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, а общеславянское движеніе показало, что оно, какъ и первое, лежало въ духѣ Славянскаго языка и послѣ Д.-Булгарскаго было окончательно установлено прочими нарѣчіями въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Въ этомъ отношеніи Сербскій языкъ не отставалъ отъ другихъ, обнаруживая свое движеніе въ разсматриваемыхъ нами памятникахъ.

Смягченіе обыкновенное. При разложеніи носоваго звука 1-го л. гортанныя смягчаются, какъ въ другихъ лицахъ. Замѣнительныя г и к остаются въ своемъ видѣ, сопоставляясь то съ твердою, то съ мягкою гласною. Стяженіе происходитъ еще въ глаголахъ исмь и имамь при соединеніи ихъ съ образовательною частицею ие: въ такомъ случаѣ выходитъ общая гласная ѣ: ѣсмь, имѣсамь, вытягивающееся въ имѣсамь; перезвукъ производитъ сдѣсь иесмь, иемя, иеси, имма. Важнѣйшіе перезвуки, не мѣшающіе однако сущности формы, суть, ѣ въ е и е въ ѣ, на пр.: примеш, ꙁоея, прѣсилилсе, живѣте, (изъяв. н.), прїидете, вьꙁвигнѣсе (повел. н.); и въ ѣ: вѣхь, виѣ, вѣше вм. вихь и т. д.

Двойственное число сохранилось лишь въ отрывкахъ, какъ исчезающее и нѣкогда присущее свойство языка. Сдѣсь, въ спряженіяхъ, оно, по видимому, держалось нѣсколько дольше, ибо и въ Западныхъ гр-хъ находимъ его безъ яснаго обозначенія двойственности подлежащаго чрезъ числительное оба, два.

И такъ Д.-Сербскій языкъ, сохраняя въ образованіи глагольныхъ формъ общеславянскіе пріемы и условленную ими сущность формъ, тѣмъ не менѣе подвергалъ ихъ видоизмѣненіямъ согласно съ тѣмъ живымъ началомъ слова, которому онъ служилъ выраженіемъ. Въ представленіи кратности, извѣстныхъ временныхъ отношеній, подчинимости одного дѣйствія, или состоянія другому и наконецъ въ личныхъ признакахъ онъ соединилъ въ себѣ всѣ условія переходнаго положенія и, представляя остатки древнѣйшаго общенія Славянскихъ нарѣчій, шелъ въ то же время по пути общеславянскаго движенія, показывая, что Сербское нарѣчіе не уступало другимъ въ этомъ движеніи, и отвѣчая отличительнымъ признакамъ народности, которые во всякую пору составляютъ его личную собственность.

Просмотрѣвши народные памятники Д.-Сербской Кирилловской письменности, окинувъ бѣглымъ взглядомъ судьбы тѣхъ областей Сербскаго говора, къ которымъ наиболѣе относятся эти памятники, вникнувъ въ свойства и особенности языка, на которомъ они писаны, что же общаго выносимъ мы изъ всего того, что мы открыли, видѣли и изслѣдовали? Какое общее впечатлѣніе производитъ на насъ вся эта многовѣковая письменность одного изъ племенъ Славянскихъ? Первое, что ощущаемъ мы, это то, что область Сербскаго населенія, подвергнувшаяся нашему изслѣдованію, исполнена самостоятельной жизни, отражающейся и въ содержаніи и въ языкѣ памятниковъ. Сношенія идутъ между Сербскими областями, или касаются православныхъ обителей и въ особенности Аѳона, знаменитаго и близкаго къ Сербіи питомника и поборника Православія. Живыя, настоятельныя потребности, выраждающіяся изъ самой сущности быта народнаго и условливаемыя извѣстною минутою самостоятельнаго развитія его, занимаютъ все содержаніе нашихъ памятниковъ. Мы видимъ въ нихъ торговыя занятія, предоставляемыя съ особыми льготами Дубровнику, но приносящія несомнѣнную пользу и тѣмъ, кто заключалъ договоры съ этою торговою общиною. Торговля, главный источникъ благосостоянія и могущества бѣднаго землею Дубровника, является сдѣсь на первомъ мѣстѣ, ибо выгоды торговыя цѣнились у Дубровничанъ выше всего. Обладаніе прилегавшими къ городской чертѣ клочками плодоносной земли, хотя бы и съ платою за это извѣстной годовой дани, гостепріимство, государственная независимость, невмѣшательство, дружба со всѣми окрестными владѣтелями и странами, принятіе вкладовъ на сбереженіе также обращаютъ на себя вниманіе заботливыхъ и расчетливыхъ гражданъ-торговцевъ; ибо для выгодъ торговли и внутренняго благосостоянія нужно было обставить себя и другими благопріятными условіями, чтобы все соприкасающееся способствовало успѣшнѣйшему достиженію главной жизненной задачи. И Дубровничане выказываютъ сдѣсь все миролюбіе, всю хлопотливость и гибкость своей природы, всю предусмотрительность свою и все искусство въ дѣлахъ договорныхъ. Гдѣ не беретъ это мирное средство, тамъ споръ рѣшается оружіемъ; но и тутъ Дубровничане успѣваютъ пріобрѣтать себѣ союзниковъ, возставляя иногда родныхъ на родныхъ. Необходимость не столько покорства, сколько опоры и обезпеченія независимости заставляетъ ихъ признавать верховную власть Венеціи, потомъ Угріи; позднѣе вступаютъ они въ такія же отношенія къ Портѣ. Во внутреннемъ своемъ устройствѣ Дубровникъ обнаруживаетъ вліяніе Итальянскихъ общинъ, и вообще вліяніе Запада замѣтно въ его законодательствѣ, вѣроисповѣданіи и бытѣ. Вотъ какимъ представляютъ его наши памятники. Босна и Сербія, уже понимавшія выгоды, доставляемыя народу торговымъ движеніемъ. и значительность вліянія ихъ на увеличеніе народнаго богатства, охотно даруютъ Дубровнику права и льготы за неимѣніемъ своего собственнаго торговаго сословія: видно, что силы народныя устремлены были пока на одну еще первоначальную производительность, хотя не менѣе того уже существовали нѣкоторыя туземныя ремесла первой необходимости. Болѣе полное и замѣчательное зрѣлище представляетъ намъ восточная или собственная Сербія. Мы видимъ три главнѣйшія стороны ея жизни. Она упрочиваетъ свое вещественное благосостояніе торговыми связями съ опытною въ этомъ дѣлѣ общиною. Она устроиваетъ свой внутренній гражданскій бытъ точнѣйшимъ письменнымъ опредѣленіемъ отношеній какъ между властью духовною и мірянами, такъ и между различными сословіями, постановленіемъ правилъ касательно земельной собственности, охраны и безопасности жизни и имущества,

изложеніемъ порядка судопроизводства и мѣръ наказанія за преступленія. Сдѣсь Сербія является какъ сложившееся гражданское тѣло съ стародавними обычаями, принявшими силу закона, стремящееся къ упроченію и улучшенію связей своего внутренняго состава. Еще далеко ей до полноты совершенства: занятія ея жителей еще первичныя, земледѣльческія, пороки и преступленія грубыя, понятія о наказаніи неудовлетворительныя; но при всемъ томъ уже дожила она до поры письменнаго законодательства, изъ котораго видно, что и прежде того было у нея уже обычное право, замѣнявшее ей письменный законъ и послужившее основою и руководствомъ для послѣдняго. Неполнота Законника объясняется именно тѣмъ, что онъ не былъ произвольнымъ уложеніемъ и многое еще предоставлялъ обычному праву, съ которымъ выростали и умирали цѣлыя поколѣнія. Но незрѣлость не мѣшаетъ усматривать въ народѣ прочныя человѣческія начала и правильное движеніе впередъ къ нравственному совершенству и вещественному благосостоянію. Сербія живетъ и духовною жизнію, обработывая важнѣйщую ея сторону—вѣроисповѣдную, примѣняя правила Вѣры къ жизни: яснымъ тому свидѣтельствомъ служатъ постановленія Законника. Но ярче всего выступаетъ передъ нами благотворительность древней Сербіи въ лицѣ ея владѣльцевъ, оставившая по себѣ не маловажные слѣды на Аѳонѣ и въ другихъ православныхъ обителяхъ и послужившая къ увеличенію области письменныхъ памятниковъ. Вообще въ восточной или православной Сербіи ясно обнаруживается стремленіе къ Греціи: уже Неманя воюетъ Греческія земли, за нимъ его преемники и особливо Душанъ; заключаются брачныя связи съ Греками, устройство двора и правленія совершается по Греческому образцу; приходятъ обычаи и образованность изъ Византіи. Напослѣдокъ въ Сербіи обнаруживается и та же нравственная порча, какая была въ Имперіи. Босна волнуется внутренними безпорядками; ея короли хотятъ захватить всю Сербію, а вельможи ея подкапываютъ власть самихъ королей. Тѣсныя сношенія завязываются между королями и боярами; король то поддержанъ могуществомъ боярскимъ, то низверженъ имъ. Власть королевская слабѣетъ; роды боярскіе усиливаются, соперничаютъ и увеличиваютъ степень своей удѣльной независимости. Къ этой гражданской борьбѣ присоединяется борьба вѣроисповѣдная, потрясающая, вмѣстѣ съ первою, все народное существо въ самой его глубинѣ. За Босну и въ Боснѣ сражаются между собою Угрія и Сербія. Сдѣсь сталкиваются Востокъ и Западъ, предъявляя свои права и домогаясь государственнаго и вѣроисповѣднаго преобладанія. Тройная борьба обезсиливаетъ Босну, самостоятельность которой и въ самое цвѣтущее ея время кажется слишкомъ блѣдною и не въ состояніи прекратить ея болѣзненной слабости, слѣдствія внутренняго разложенія. Но гроза уже собиралась надъ Сербіею. Западъ отказывалъ въ помощи; Востокъ предлагалъ лишь разрушительную порчу. Чуя неминуемую погибель, Сербскіе владѣльцы спѣшили отдавать Дубровнику на сбереженіе свои сокровища и обезпечивать себѣ убѣжище въ независимой общинѣ. И дѣйствительно, въ XV-мъ в. уже показываются въ письменности признаки Турецкаго вліянія на судьбы Сербіи и вмѣшательства въ дѣла Дубровника. Многіе владѣтельныя лица бѣгутъ въ Дубровникъ, другія покорно несутъ иго, мечтая о лучшей будущности и подчиняя себя преобладающей силѣ.

Если повременныя судьбы Сербскаго народа столь живо отразились въ содержаніи памятниковъ, то и самое появленіе, умноженіе и исчезновеніе ихъ условлено этими судьбами. Они начинаются съ конца XII-го в., когда въ

Боснѣ усилился банъ Кулинъ, а въ Сербіи Неманя положилъ начало самостоятельности своего государства. Остатки прежней независимости областей обнаруживаются въ XIII-мъ в. въ грамотахъ Хлумскихъ и Боснійскихъ, пока Сербія и Угрія не привлекли къ себѣ окончательно второстепенныя области. Цвѣтущее время отъ Милутина до Уроша V произвело наибольшее количество собственно-Сербскихъ памятниковъ. При распаденіи Сербіи на отдѣльныя области, усилилась Зета и появились грамоты Балшичей. За тѣмъ Твртко I, доставивъ независимость Боснѣ и возведя ее на степень королевства, сообщилъ и грамотности ея новую пищу. Благодаря расширенію государственной дѣятельности Босны и усиленію боярства, памятники умножаются и вмѣстѣ съ оскудѣвающими съ конца XIV-го в. памятниками полупорабощенной восточной Сербіи тянутся до конца XV-го в., когда положенъ былъ конецъ Сербской независимости. Напослѣдокъ грамоты Черногорскія, съ одной стороны, и Турецкія, съ другой, являются на поприщѣ письменности, какъ представители, однѣ, племени стѣсненнаго, но твердо стоящаго за свою свободу, другія, народа богатаго вещественною силою и стремящагося къ самоуправству и порабощенію. Жалобы Юрія Черноевича слышатся и теперь въ Черногоріи; напоръ Турецкаго самовластія давитъ и понынѣ этотъ каменный оплотъ Сербской независимости, и борьба двухъ народностей, начавшаяся съ XV-го в., продолжается и до настоящаго времени. Къ этимъ памятникамъ, ставшимъ въ исходѣ XV-го в. на рубежѣ новыхъ отношеній двухъ враждебныхъ племенъ послѣ страшныхъ погромовъ и, по духу своему, предзнаменовавшимъ долговѣчную, кровавую и отчаянную борьбу, присоединяются Албанскія грамоты той поры, когда за независимость Албаніи дѣйствовалъ Юрій Кастріотъ, неутомимый врагъ Турокъ, ихъ бичъ и ужасъ. Паденіе Сербіи прекратило торговыя сношенія съ Дубровникомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ изсякъ обильный источникъ письменности.

Самые пріемы и способы составленія памятниковъ отражаютъ въ себѣ духъ той области, къ которой относятся. Дубровницкія грамоты писаны не только просто, дѣльно, коротко, но и мягко, съ соблюденіемъ всевозможныхъ приличій. Собственно-Сербскія носятъ признаки возрастающаго могущества Сербскаго королевства и писаны съ достоинствомъ; въ блестящія времена Милутина и его преемниковъ онѣ возвышаются слогомъ и языкомъ и принимаютъ длинныя богословскія вступленія. Царскія грамоты Душана представляютъ въ этомъ отношеніи верхъ пышности. Боснійскія грамоты, въ слѣдствіе желанія королей пріобрѣсти вліяніе на восточную Сербію и вообще поднять свое значеніе, писаны, большею частію, подражательно, съ пріемами царскихъ златопечатныхъ словъ. Грамоты Боснійскихъ бояръ ровнѣе по языку и пріемамъ и вѣрнѣе самимъ себѣ. Благочестіе владѣтелей собственной Сербіи, равно и Черногорскихъ, выказывавшееся въ богатыхъ надачахъ монастырямъ, отразилось также и въ значительномъ введеніи Церковнославянскаго языка въ жалованныя грамоты.

Такъ тѣсно памятники наши связаны съ жизнію Сербовъ, такъ ярко отражаютъ они повременныя судьбы этого племени. Вылившись изъ самой сущности народнаго духа, они составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ итоговъ самостоятельнаго развитія народа. По этому и языкъ ихъ долженъ былъ отразить въ себѣ ту же самостоятельность, ту же вѣрность народному началу.

Разсматриваемый нами книжный языкъ представляется огромнымъ многовѣковымъ поприщемъ, на которомъ сходятся двѣ стихіи, хотя родственныя и близкія одна къ другой, но тѣмъ не менѣе на столько отличныя, что въ выборѣ между тою и другою древніе писцы дѣйствовали сознательно. Но не

насильственное вторженіе въ чужую область, а добровольное принятіе знаменуетъ присутствіе Ц.-Славянской стихіи въ Д.-Сербской письменности. Когда только что слагалась эта послѣдняя, Ц.-Славянскій языкъ стоялъ передъ глазами писцовъ уже съ готовою азбукою, готовыми формами и обильнымъ запасомъ рукописей. Давно уже звучалъ онъ въ богослуженіи, давно уже былъ обработанъ и введенъ въ письменность, давно уже Сербы читали на немъ и переписывали. Онъ пользовался уваженіемъ, какъ языкъ Вѣры, и все, что возвышеннаго и духовно-созерцательнаго ни писалось, писалось на немъ. Не должно забывать, что у Сербовъ былъ многочисленный Сербобулгарскій отдѣлъ, который служилъ главнѣйшимъ источникомъ грамотности и лучшимъ проводникомъ Ц.-Славянскаго языка въ народную письменность. Тамъ было все готово; стоило только взять готовое. Мы знаемъ, что въ Д.-Сербскихъ грамотахъ богословія и отчасти заключенія, проникнутыя вѣроисповѣднымъ настроеніемъ духа, исполненныя догматовъ и изрѣченій Св. Писанія, служатъ убѣжищемъ Ц.-Славянской стихіи, а это и указываетъ тотъ путь, которымъ она вошла въ народную письменность. Сербскій языкъ, жившій въ народномъ говорѣ, проложилъ себѣ дорогу въ тѣ памятники и тѣ мѣста памятниковъ, гдѣ рѣчь шла о дѣлахъ мірскихъ, гдѣ содержаніе переходило къ жизни обыденной, гдѣ излагалась сущность договоровъ, или постановлялись условія надачъ и пр. Двѣ стихіи сталкивались, и каждая предъявляла свои права на преобладаніе, смотря по смыслу рѣчи. Одна изъ нихъ была чуждая, но, по старшинству и образованію, сильнѣйшая; другая туземная, но, по молодости и неискушенности въ письмѣ, слабѣйшая. Книжный языкъ совмѣстилъ обѣ, но уже съ перваго разу оказалось различіе между тою и другою. Первая, какъ заимствованіе, явилась, хотя мѣстами и преобладающею, однако безъ внутренняго развитія, безъ успѣховъ, безъ силы движенія; постепенности въ ней не видно; она была готовымъ, неподвижнымъ веществомъ, приноровленнымъ, по волѣ и умыслу писцовъ, къ тому содержанію, для котораго оно казалось приличнѣйшимъ. Вторая, какъ новое, присущее народу начало, исполненное тѣхъ же живыхъ силъ, какія есть въ народѣ, пробивается, какъ неизсякаемый родникъ, во всѣхъ видахъ народнаго слова, иногда даже противъ желанія писцовъ, и увлекаетъ за собою чуждое начало, претворяя его въ иной образъ, оживотворяя инымъ духомъ, или вовсе вытѣсняя и изгоняя, какъ несовмѣстное. Книжный языкъ не есть чисто-народный, если только въ первичное образованіе его вошло постороннее начало, тѣмъ болѣе близкое и родственное. Кто поручится, на пр., что въ Русскомъ книжномъ языкѣ не отыщутся формы Ц.-Славянскаго языка, что въ Польскомъ не отзывается Латынью, что даже въ самомъ Д.-Булгарскомъ не откроются кое-какіе Греческіе обороты? Такъ точно и въ Сербскомъ книжномъ языкѣ есть формы Ц.-Славянскія. Но новѣйшій книжный или такъ называемый очищенный языкъ должно отличать отъ древнѣйшаго. Время и сила употребленія все сглаживаютъ. Когда народность наложитъ окончательно свою печать на заимствованіе, а условные законы правописанія дадутъ этому заимствованію право гражданства, тогда трудно уже бываетъ различить оба начала простому глазу, не вооруженному разлагающею призмою языковѣда. Языковѣдъ можетъ распознать ихъ при пособіи историческаго изученія того и другаго, но, различивши, онъ не разложитъ ихъ въ дѣйствительности, не исключитъ одно изъ другаго, ибо это значило бы разбить зданіе книжнаго языка и создать новое. А такое дѣло зрѣетъ само собою, вѣками, при совокупныхъ усиліяхъ всего общества. Конечно, отъ чужаго остается то, что близко, но

своему духу и значенію, къ народному; народность не принимаетъ безусловно ничего чужаго, не переработавъ его по своему. Такое воздѣйствіе можетъ быть только отъ той народности, которая служитъ представительницею начала свободнаго движенія, самостоятельной жизни, чужда насилія и коснѣнія. Нѣтъ спору, что если чуждая стихія, добровольно принятая народомъ, за недостаткомъ развитости своей собственной, и мало по малу подвергающаяся дѣйствію развивающейся туземной, не совершенно чужда послѣдней, и привнесена, хотя уже въ безжизненномъ состояніи, отъ народа родственнаго, то и воздѣйствіе на нее народности не будетъ столь враждебно, какъ въ отношеніи совершенно посторонняго начала. При взаимномъ столкновеніи двухъ стихій сейчасъ скажется ихъ родство въ томъ, что составляетъ ихъ общее свойство, быть можетъ, въ одной яснѣе обнаруживающееся, въ другой глубже скрытое. Только совершенно несходныя черты, составляющія отличительную сторону той и другой, не входятъ въ составъ перерожденія; но то, что есть общаго между ними, хотя съ особымъ обликомъ въ каждой, легко переработывается и переселяется съ одной почвы на другую. И все это совершается не въ слѣдствіе борьбы и насилія, но постепенно, незамѣтно, добровольно при содѣйствіи посредствующихъ звуковъ и формъ. Въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ не могло быть позднѣйшаго лоска и однообразія, но въ немъ обѣ стихіи пребывали въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, въ непримиренномъ состояніи, каждая съ своими замѣтными признаками. Слѣдствіемъ этого было происхожденіе серединныхъ, посредствующихъ формъ, служившихъ переходомъ отъ одной стихіи къ другой и примирявшихъ ихъ по возможности. Одно и то же слово имѣетъ часто по нѣскольку переходныхъ формъ, и надо много времени для того, чтобы изъ нихъ вышелъ вполнѣ народный образъ. Отъ того успѣхи языка цѣнятся не годами и не десятками лѣтъ, а цѣлыми вѣками. Въ этѣхъ-то посредствующихъ формахъ отразилось воздѣйствіе одной стихіи на другую; но такъ какъ оно было мирное и непринужденное, то ни одна изъ помянутыхъ формъ не представляется безобразною, неестественною, или противною народному духу. Всѣ онѣ уживаются, объясняются и пріурочиваются къ извѣстному состоянію и возрасту. Хотя разсматриваемое нами время есть только время выработки книжнаго языка, однако языкъ, слѣдуя разумнымъ законамъ развитія, условливаемымъ жизненностію и самобытностію народнаго начала, не представляетъ безпорядочнаго смѣшенія переходныхъ формъ и не оставляетъ ихъ въ равновѣсіи, но одну усиливаетъ на счетъ другой, и тихо, безъ потрясающаго перелома, приближаетъ ихъ къ полному народному образу. Безобразіе и борьба рождаются только тогда, когда естественный, самобытный ходъ прерванъ, постороннее начало произвольно вторглось въ языкъ и исказило его временныя отличія. Но этого не было въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ. Ц.-Славянскія формы допускаются по тому, что народъ понимаетъ, помнитъ, любитъ и уважаетъ ихъ, по тому, что онѣ не представляютъ столь рѣзкаго отличія отъ народныхъ, чтобы нельзя было вовсе употребить ихъ; напротивъ, онѣ большею частію стоятъ рядомъ съ народными, и если бы противорѣчили имъ враждебно, то, при добровольности ихъ принятія, споръ былъ бы рѣшенъ исключеніемъ тѣхъ, или другихъ. Въ томъ-то и заключается естественность и самостоятельность развитія книжнаго языка, что въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ двѣ образовательныя стихіи идутъ объ руку одна съ другою, и только отношеніе измѣняется между ними. Постепенность шествія есть главное сдѣсь условіе. Но такъ какъ, при всей родственной близости своей, одна изъ стихій

представляла начало отжившее, заимствованное, безъ развитія, другая начало возрождающееся, туземное, развивающееся, то повременное отношеніе ихъ и не могло не кончиться въ пользу послѣдней.

Первою и наиболѣе воспріимчивою почвою для народности, при созданіи книжнаго языка, явились звуки. Во всякомъ языкѣ есть свои составныя части, изъ коихъ однѣ слабѣе, подвижнѣе, измѣнчивѣе, другія тверже, увѣсистѣе и постояннѣе: это свойство зависитъ объ бóльшаго, или меньшаго проявленія мысли. Хотя собственно и звуки, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе изъ нихъ, отвѣчаютъ нѣкоторымъ проблескамъ первоначальной творческой мысли, однако, въ сравненіи съ формами, они кажутся только внѣшнею одеждою языка, средствомъ къ созданію формъ, въ которыя духъ языка уже окончательно вселяетъ мысль, безъ которой не можетъ существовать: языкъ безъ формъ невообразимъ. Перезвукъ въ словѣ не производитъ еще перемѣны въ понятіи: онъ зависитъ не отъ мысли, а отъ свойствъ языка и его взгляда на благозвучіе. Напротивъ, перемѣна въ формѣ, если только она не звуковая, выражаетъ уже движеніе мысли; форма есть отраженіе и орудіе мысли, и каждое измѣненіе формы измѣняетъ и оттѣнокъ мысли. Звуки суть сырое, необдѣланное вещество: едва освѣтитъ ихъ мысль, они уже слагаются въ формы; но всякое вещество доступнѣе для перемѣны, чѣмъ готовый образъ, имѣющій уже свое внутреннее содержаніе. Славянскія нарѣчія представляютъ разнообразіе звуковыхъ измѣненій, въ слѣдствіе чего и наружность слова измѣняется; но сущность и построеніе формъ въ нихъ одинаково, и формы разнятся между собою только внѣшними, звуковыми, смотря по свойству нарѣчія, измѣненіями, не нарушающими ихъ смысла. Понятно, что звуковое разнообразіе Славянскихъ нарѣчій играетъ на поверхности формъ, и самое движеніе формъ опредѣляется большею, или меньшею примѣнимостію звуковыхъ особенностей каждаго нарѣчія къ ихъ основному построенію или къ ихъ сущности. По этому наибольшее движеніе замѣтили мы въ наиболѣе подвижной части слова — звукахъ. Между самыми звуками гласныя явились съ болѣе многочисленными видоизмѣненіями, чѣмъ согласныя; ибо гласныя воспріимчивѣе, подвижнѣе, а согласныя тверже, грубѣе. Такое же отношеніе существуетъ и между формами: склоненія представили болѣе разнообразія и движенія, чѣмъ спряженія. Въ послѣднихъ, такъ какъ сдѣсь ощутительнѣе всего присутствіе мысли, мы нашли наименьшую разность. И это не у однихъ Сербовъ: это общее свойство всѣхъ одноплеменныхъ языковъ и нарѣчій. Однѣ формы, съ извѣстною разностію, вылились изъ народнаго воззрѣнія при самомъ, можно сказать, высобленіи нарѣчія изъ общей Славянской семьи, и это суть коренныя, истинно народныя формы; другія возникли только чрезъ перезвуки, оставаясь въ сущности чуждыми и не народными. Печать народности въ книжномъ языкѣ двояка: въ одномъ случаѣ она клеймитъ собою самую сущность формы и возводитъ ее въ доисторическія времена, въ другомъ она только придаетъ внѣшній народный образъ формѣ съ ненароднымъ образованіемъ; тамъ она глубже, сдѣсь поверхностнѣе: такъ, въ примѣръ, укажу на род. ед. жен. прилагательныхъ -е и -ые, или твор. ед. жен. -омь и -ою, или 1-е л. ед. -амь и -аю.

Но не всѣ посредствующія формы выражаютъ переходъ Ц.-Славянскаго звука, или таковой же формы въ Сербскіе. Однѣ дѣйствительно показываютъ желаніе писцовъ прикрыть или сгладить различіе между двумя стихіями возможнымъ образованіемъ; другія имѣютъ болѣе важное значеніе, вынося на себѣ движеніе самого народнаго языка и опредѣляя тѣ степени, которыя онъ про-

ходилъ, выособляясь изъ общеславянскаго говора. Укажу, для примѣра, на озвукотвореніе ь въ е и а, обращеніе л въ о, на твор. ед. жен. -омь и -емь, или на 1-е л. ед. настоящ. вр. -у, -ю и -мь и т. д. Народный языкъ, какъ начало живое, не могъ не двигаться вслѣдъ за общеславянскимъ движеніемъ, и вотъ по чему въ XII-мъ и XIII-мъ вв. памятники показались намъ однообразнѣе и сходнѣе между собою, чѣмъ въ послѣдующихъ вѣкахъ. Съ одной стороны, писцы бережнѣе обращались съ Ц.-Славянскою стихіею и менѣе противорѣчили ей, съ другой, языкъ не такъ еще далеко отошелъ отъ общеславянскихъ свойствъ и признаковъ. XIV-й в. представилъ самое большое разногласіе между стихіями: способствуемая различными обстоятельствами, Ц.-Славянская стихія сильно вошла въ книжный языкъ восточной Сербіи и не только наполнила собою церковно-дарственныя грамоты, но проникла и въ прочія грамоты православныхъ королей и царей Сербскихъ. Однако противодѣйствіе ей уже возникало по мѣрѣ ослабленія восточной Сербіи въ слѣдствіе государственныхъ переворотовъ и усиленія Босны съ ея областями, Хлумомъ и Травуніею. Еще Зетскія грамоты старались поддержать языкъ восточной Сербіи, но и онѣ вскорѣ прекратились, когда настала минута рѣшительной борьбы за независимость. Первенство въ XV-мъ в. берутъ грамоты Западной Сербіи, и имъ-то принадлежитъ честь быстраго подвинутія впередъ народнаго начала въ книжномъ языкѣ. Еще нѣсколько поотстаютъ королевскія Боснійскія грамоты, за то Хлумскія и Травунскія съ Дубровницкими смѣло вводятъ народные звуки и формы. Въ самыхъ грамотахъ восточной Сербіи, даже монастырскихъ, обнаружилось въ этомъ вѣкѣ усиливающееся вліяніе народности. Если возмемъ всѣ памятники въ ихъ совокупности, равно припомнимъ всѣ явленія звукодвиженія и словодвиженія въ ихъ преемственности, то увидимъ, что къ концу XV-го в. древнекнижный языкъ Сербовъ почти установился въ своихъ звукахъ и формахъ: это не значитъ еще, чтобы онъ явился вполнѣ народнымъ, но значитъ то, что, вступя въ XII-мъ в. на правильный путь самобытнаго развитія, онъ постоянно слѣдовалъ за народнымъ началомъ, вмѣщая его въ себѣ съ возрастающимъ успѣхомъ. Не исключительное господство, но преобладаніе народности, но надежнѣйшіе залоги лучшаго будущаго представляетъ намъ Д.-Сербскій книжный языкъ съ конца XII-го до конца XV-го в. Совершенной безысключительности въ пользу народнаго начала не могло быть, ибо языкъ только слагался, вырабатывался, укрѣплялся. Въ немъ Ц.-Славянская стихія пребывала еще постоянно въ извѣстной степени; но степень эта значительно измѣнялась, смотря по содержанію и мѣсту написанія памятника. Вообще она ослабла къ концу XV-го в. и составляла столь незначительное меньшинство, что не могла уже заградить собою всѣхъ блестящихъ проявленій народности. Въ творчествѣ языка уже совершился переломъ: несвойственные привносы чуждой стихіи сдѣлались рѣзче, замѣтнѣе, стали болѣе выдѣляться изъ общаго состава языка; согласные съ духомъ и родственные признаки окончательно вошли въ языкъ и слились съ тѣмъ, что своего собственнаго доставила народность: языкъ сталъ ровнѣе, глаже, вѣрнѣе туземному говору; онъ, такъ сказать, онародился. Честь его поступательнаго движенія окончательно утвердилась за грамотами западной Сербіи. Еще оставалось ему сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ, чтобы совершенно принять на себя приличный народный образъ: но здѣсь засталъ его конецъ XV-го в., а съ нимъ и рѣшительный переворотъ въ жизни и судьбахъ Сербскаго народа. Независимость государственная пала; съ нею прекратилось и самостоятель-

ное развитіе книжнаго языка. Когда ярмо порабощенія давитъ народность и приводитъ ее къ самозабвенію, тогда и языкъ упадаетъ и не только останавливается на пути саморазвитія, но идетъ назадъ и приходитъ къ безобразію.

Восточная Сербія пала еще въ концѣ XIV-го в., но остававшаяся за нею тѣнь самостоятельности продолжалась до конца XV-го в. Въ это время вліяніе Турціи было почти исключительно внѣшнимъ, правительственнымъ, и языкъ, какъ самая упругая и живучая сторона народа, всего менѣе могъ подчиниться дѣйствію другаго, совершенно посторонняго ему языка. Сверхъ того сама Порта, щадя народность и Вѣру покореннаго народа, не пренебрегала его языкомъ и писала на немъ свои грамоты, когда было нужно. Чрезъ это входили въ книжный языкъ только отдѣльныя Турецкія слова, но сущность языка, его внутренній составъ, его звуковыя особенности оставались неприкосновенными: даже Турецкія слова дьяки старались облечь въ Сербскую одежду. Замѣтно, какъ Порта принаравливается языкомъ къ тѣмъ, къ кому пишетъ: въ грамотахъ Дубровнику болѣе Сербскаго, въ грамотахъ православнымъ монастырямъ болѣе Ц.-Славянскаго. Кромѣ того Босна, сохранявшая до конца XV-го в. свою независимость, служила убѣжищемъ Сербской письменности. Слѣдствіемъ всего этого было то, что послѣ Косовской битвы хотя собственно-Сербскія грамоты значительно уменьшились числомъ, но за то Боснійскія, умножившіяся въ слѣдствіе самостоятельности Босны, далѣе повели письменность и развивали народное слово. Но какъ тѣ, такъ и другія вдругъ, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла, исчезаютъ съ поля письменности въ самомъ началѣ XVI-го в. Причиною тому смерть двухъ владѣтельныхъ лицъ, Юрія Бранковича и Стефана Томашевича, разсѣяніе ихъ родичей, ослабленіе боярскихъ домовъ, упадокъ рода Косачичей Хлумскихъ и послѣдовавшее за тѣмъ полное покореніе всей Сербіи. Дубровнику не съ кѣмъ уже было сноситься, и его слово, обращенное въ эту сторону, замолкло навсегда. Конецъ XV-го в., ознаменованный государственнымъ паденіемъ Сербіи, ознаменовался и упадкомъ письменности, а вмѣстѣ и книжнаго языка. Грамоты, которыя своимъ духомъ, содержаніемъ и языкомъ такъ вѣрно отвѣчали странѣ и народу и по тому распадались естественнымъ образомъ на двѣ главныя семьи, Восточную и Западную, прекратились тамъ и тутъ. Языкъ, не совершивъ вполнѣ начатаго дѣла самопреобразованія, остановился на полупути, на той самой точкѣ, когда народность, взявши верхъ, повела языкъ прямою дорогою къ тому состоянію, въ которомъ онъ явился только уже гораздо позднѣе.

Движеніе это было прервано Турціею на три вѣка: произошелъ неблагопріятный переворотъ; правильность хода была нарушена, совершенствованіе забыто, и языкъ впалъ въ ту косность, которая могла породить лишь безобразную и нелѣпую смѣсь формъ и звуковъ, какую находимъ во все продолженіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Дѣло народное кончилось. Началось отуреченіе. Языкъ сталъ воспринимать въ себя многія Турецкія слова и удалился къ обыденной жизни, ибо государственная жизнь покореннаго народа доставляла мало пищи для письменности. Духовная іерархія наполнилось Греками, которые скорѣе могли знать Ц.-Славянскій языкъ, чѣмъ Сербскій; на мѣстѣ мірскихъ грамотъ явились духовныя посланія. Исключительное пребываніе книжнаго языка въ рукахъ духовенства и преимущественно вѣроисповѣдное настроеніе духа, бывшее содержаніемъ Среднесербской письменности, доставили преобладаніе Ц.-Славянской стихіи. Народъ, главною опорою своею почитавшій Вѣру, поддерживалъ и привязанность свою къ языку этой Вѣры. Еще лучше всѣхъ писали въ

это время патріархи Сербскіе, и грамоты ихъ, хотя наполненныя Ц.-Славянскою стихіею, читаются легко и не представляютъ въ языкѣ своемъ безобразнаго смѣшенія. Но примѣръ заразителенъ: стоило однажды потрясти зданіе, созданное вѣками, чтобы части его распались. Грамотѣи, не понимавшіе постепенности самобытнаго развитія и примиренія формъ, не заставшіе уже общенароднаго правильнаго движенія, захотѣли возстановить книжный языкъ, отдавъ преимущество Ц.-Славянской стихіи, и произвели какую-то непонятную смѣсь звуковъ и формъ, запечатленную несвоеобразностію и остававшуюся безъ движенія въ продолженіи трехъ вѣковъ. Въ первые четыре вѣка, начиная съ XII-го, языкъ сдѣлалъ огромные успѣхи; въ три послѣдніе вѣка онъ не только оставался безъ развитія, но и отодвинулся назадъ. Между грамотными людьми встрѣчаемъ Бранковича, Раича и безыменныхъ лѣтописцевъ, языкъ которыхъ далеко не народный; пріемы ихъ не показываютъ даже возможности когда либо улучшить этотъ языкъ. Причина та, что вѣковое зданіе, построенное самообразно и постепенно при участіи всего народа, пало; на его развалинахъ, изъ обломковъ старины и съ примѣсью новизны, созидаютъ языкъ отдѣльныя личности, начетчики, люди, по тогдашнему, образованные. А извѣстно, что все образованіе того времени, за недостаткомъ другихъ средствъ, ощутительныхъ даже и нынѣ, состояло въ тѣсномъ знакомствѣ съ Ц.-Славянскою письменностію, которая въ ту пору уже утратила первоначальную чистоту своего языка. Такое состояніе Сербскаго книжнаго языка, зависѣвшее вполнѣ отъ личнаго произвола, не могло привести къ чему либо полезному, когда произволъ этотъ имѣлъ ложное направленіе. Оно продолжалось до послѣдней четверти XVIII вѣка.

Между тѣмъ, послѣ паденія Сербіи, все, что еще оставалось независимаго, скрывалось въ Дубровникѣ; здѣсь XVI-й и половина XVII-го в. ознаменовались творчествомъ чисто народнаго слова. На мѣстѣ дьяковъ явились стихотворцы. Сербскій языкъ процвѣталъ, становясь все чище и лучше. Одни Дубровницкіе стихотворцы не могли бы до такой степени усовершенствовать языкъ: совершенствованіе готовилось вѣками. Успѣхи его мы сейчасъ видѣли въ памятникахъ, писанныхъ Кирилицею; если присоединимъ сюда письменность Глагольскую и ту, которой служили Латинскія буквы, то получимъ весь предварительный запасъ народныхъ памятниковъ, усовершенствовавшихъ и приготовившихъ Сербскій языкъ до высокаго служенія поэтическому творчеству. Но страшное землетрясеніе 1661 года и неблагопріятныя государственныя событія прекратили и эту отрасль Сербскаго слова. Къ концу XVII-го и въ продолженіе большей части XVIII-го в. обнаруживается застой на всемъ пространствѣ Сербскаго говора. Нѣкоторыя немногія и блѣдныя личности не нарушаютъ тишины застоя. Правда, Бранковичъ и за нимъ Раичъ пишутъ свою Исторію, но трудъ ихъ является безполезнымъ для совершенствованія языка. Нуженъ рѣшительный переворотъ, нужны новыя, свѣжія силы, нужно живое народное начало.

И вотъ въ концѣ XVIII-го в., въ восточной Сербіи, народность пробуждается всѣми своими многосторонними силами. Современныя Европейскія событія и угнетенія Турецкой власти порождаютъ въ Сербахъ мысль независимости. Въ живой части Сербскаго народа, тамъ, гдѣ еще таилась жизненная сила, въ простомъ народѣ, востаютъ личности, которыя своею тѣсною связью съ народнымъ началомъ, своими кровавыми усиліями успѣваютъ возстановить государственную независимость и поддержать существенную основу народности, Вѣру.

Въ то же время поднимается и языкъ. Труды историковъ принесли свою пользу въ дѣлѣ сознанія народности, напомнивъ народу его лучшее былое. Открылась необходимость не искуственнаго языка, годнаго для отвлеченныхъ занятій отдѣльныхъ личностей, но такаго, который могъ бы удовлетворить всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ всего возраждающагося народа. И первый, сознавшій эту необходимость, былъ Досиѳей Обрадовичъ. Одаренный свѣтлымъ умомъ, проникнутый сочувствіемъ къ народному слову, какъ выраженію народной мысли, сознавшій всю важность народнаго пробужденія, Обрадовичъ посвятилъ цѣлую свою жизнь служенію духовнымъ силамъ своего народа. Онъ не щадилъ трудовъ, учился, странствовалъ, и былъ учителемъ, наставникомъ и первымъ новымъ поэтомъ Сербовъ. Избирая для нихъ, какъ для дитяти, такіе предметы чтенія, которые могли бы удобнѣе всего развить первый зародышъ умственнаго движенія, знакомя ихъ съ успѣхами просвѣщенія и употребляя свою житейскую опытность для укрѣпленія въ нихъ доброй нравственности, онъ содержаніемъ и цѣлью своей письменной дѣятельности невольно наведенъ былъ на мысль созданія лучшаго книжнаго языка. Смѣлою рукою разрушилъ онъ безсмысленное твореніе своихъ предшественниковъ и, отрѣшась отъ личнаго произвола, ввелъ въ письменность чистый, свѣжій и живой народный языкъ, присущій всему народу. Это великое дѣло, начатое на межѣ двухъ вѣковъ, сдѣлалось въ текущемъ вѣкѣ однимъ изъ главнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, вопросомъ жизни и народности; оно пустило уже глубокіе корни, благодаря дѣятельности многихъ поборниковъ народнаго слова и достойныхъ преемниковъ Обрадовича. Два современника, Георгій Черный и Обрадовичъ, на двухъ различныхъ поприщахъ, независимо другъ отъ друга, одинъ мечемъ, другой словомъ. трудились надъ возсозданіемъ полноты, цѣльности и самостоятельности народной жизни: одинъ вносилъ въ народное дѣло прочность государственнаго начала и внѣшнюю независимость, другой пробуждалъ нравственныя силы и ихъ выраженіе—слово. Какъ въ старину, при полнотѣ самобытнаго развитія народной жизни, и слово развивалось самобытно, такъ и теперь, вмѣстѣ съ народомъ, возсталъ и его языкѣ. Оба подвижника сходились своею дѣятельностію въ единствѣ народнаго духа. И это высшее единство, которымъ условливается стройное, всецѣлое и самобытное развитіе жизненныхъ силъ народа, сознательно дѣйствовало въ нихъ. Одинъ оправдывалъ его дѣломъ, другой словомъ. Глубоко сочувствуя цѣли воинскихъ подвиговъ Георгія и постигая значеніе древней Сербіи, Обрадовичъ, какъ подвижникъ слова, среди своихъ мирныхъ занятій, такъ привѣтствовалъ поэтическими звуками возрожденіе своей отчизны:

Востани Сербіе, мати наша мила,
И постани опеть, шта си пріе била!

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Страница 1, строка 9 снизу. Вмѣсто «III-й и V-й ч.» читай: III-й, V-й, VI-й, VII-й и VIII-й чч.

— стр. 5 сн. Вм. 128 чит. 213.

Стран. 2, стр. 1 сверху. Вм. 12 чит. 14.

Стран. 4, стр. 10 св. Прибавь: а также грамоты: Боснійскаго бана, Матѳея Стефана, съ неполнымъ fac-simile, напечатанная въ Споменикахъ подъ № 14, неизвѣстнаго короля Боснійскаго съ fac-simile.

— примѣчаніе 5. Приб.: VI, 1854. VII, 1855. VIII, 1856.

Стран. 5, стр. 22 св. Юрышичъ, въ Описаніи Дечанскаго монастыря, издалъ въ первый разъ грамоту, данную этому монастырю супругою Лазаря, Милицею или, въ монашествѣ, Евгеніею. У него же напечатана жалованная грамота Стефана Дечанскаго, помѣщенная въ Споменикахъ подъ № 176 [1].

Стран. 7, стр. 14 св. Оба очень хорошія изданія, Споменики и Гласникъ, относительно грамоты бана Матѳея Стефана, рознятся между собою довольно значительно. Въ С. оставлены титлы, какъ въ подлинникѣ; въ Г. онѣ переведены въ строку и написано, на пр., отца вм. оца; но по чему же не отьца? С. босьньски, Г. босеньски—вѣрно; С. моиомь, Г. моновь—вѣрно; С. еваньгли, Г. евангели; С. угодньше ѡ, Г. угодникше ѿ; С. тверьдь, Г. тврдь; С. владание, Г. -ие; С. вьсаке, Г. вьсаке; С. пикаре, Г. пикеръ; С. людие, Г. -ие; С. то ти, Г. то то—вѣрнѣе; С. сербаинь, Г. -нъ; С. самега, Г. -ога; С. нашихь, Г. -хъ; С. ико, Г. ако. Впрочемъ, видно, что списки для обоихъ изданій были сдѣланы старательно и добросовѣстно; по крайней мѣрѣ, желаніемъ переписчика было оставаться какъ можно болѣе вѣрнымъ подлиннику. Но онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ погрѣшностей: въ С. и Г. крикь, въ подлинникѣ крик. Въ Г. неправильно прочтены иврьца вм. иврьуа, кльита, въ С. кльмота, вм. кльиьуа. И еще, кромѣ предыдущихъ ошибокъ, въ С. обыуеионину вм. обьуеионину. Сличивъ въ Гласникѣ гр-у Боснійскаго короля съ ея fac-simile, мы должны сказать, что, въ видахъ языка, нельзя такъ издавать памятники: тутъ нужна точность неуклонная. Такъ въ подлинникѣ е отличено отъ є въ словѣ всемоутениmь, а въ печатномъ изданіи этого нѣтъ; въ подлин. и поутено принесь, въ изданіи: и поутено принесаь, въ подлин. гра, ратиь, вогь, въ издан. града, ратио, богъ; въ подлин. секте, у зе, въ издач. сектемвра, у зети. Значки опущены. И такъ Гласникъ и самые Споменики не безъ грѣха. Но, сличивъ ихъ съ другими изданіями, все таки замѣчаемъ, что ихъ списокъ былъ правильнѣе другихъ. Такъ гр-а С. № 176, при сравненіи съ Юришичемъ, представляетъ правильнѣйшее чтеніе. Въ С. и, у Ю. а. Но за то мы отдаемъ преимущество Юришичу въ

[1] Дечански Првенацъ. Одъ Гедеона Іосича Юришића. У Новомъ Саду. 1852.

написанія ѥ, которое въ С. изображено всюду чрезъ е; а послѣднее у Ю. тамъ, гдѣ въ С. ѩ, на пр., Ю. есть, С. ѥ҆. У Ю. правильнѣе прочтено: на ѡ҆ѯрисламъ коуќ вм. С. на ѡ҆ѯрисламе коуки.

Стран. 16, стр. 2 св. Что наконецъ сказать объ изданіяхъ, которыя мы принимаемъ за достовѣрнѣйшія, Споменикахъ и Гласникѣ? Изъ предыдущаго сличенія мы усмотрѣли, что и они мѣстами погрѣшаютъ. О Гласникѣ добавимъ, что онъ мало́ различаетъ ь отъ ъ и пишетъ ү вм. ꙋ или оу. О титлахъ, переводимыхъ имъ въ строку, повторимъ то же, что сказали другимъ: можно ли переписчику угадать мысль первописца въ сокращенныхъ начертаніяхъ, когда знаемъ, что у каждаго писца былъ свой способъ письма, даже у одного и того же было нѣсколько способовъ? Это-то и служитъ признакомъ сколько прихоти первописца, столько же живаго начала, присущаго самобытно развивающемуся народному языку. Лучше, не принимая на себя отвѣтственности, оставлять правописаніе памятника въ его неприкосновенной подлинности.

Стран. 17, стр. 25 св. Вм. № 22 чит. № 24.

Стран. 25, стр. 11 св. Помѣщенная въ VI-й ч. Гласника расписка какого-то Боснійскаго короля можетъ относиться къ Ѳомѣ Остоичу, какъ думаетъ Я. Шафарикъ. Въ нѣкоторомъ родѣ доказательствомъ служитъ печать съ уцѣлѣвшими словами S. T.... BOSNE, т. е., S. (sigillum) TOME REGIS BOSNE. имѣющая сходство съ монетами Ѳомы Остоича [1]. Такъ какъ въ 1444 г. Ѳома далъ Дубровнику подтвердительную грамоту, въ которой напоминаетъ объ ежегодной дани или «доходѣ» съ этой общины, и такъ какъ въ 1459 г. онъ былъ убитъ, то время этой расписки въ полученіи дохода чрезъ попа Ратька принадлежитъ 1445—1459 годамъ. Впрочемъ, расписка можетъ относиться и къ Тврьтку I, или даже Тврьтку II. Она дана въ Спужѣ, въ Зетѣ. По моему мнѣнію, скорѣе можно приписать этотъ памятникъ Тврьтку I, ибо, во первыхъ онъ владѣлъ частію Зеты; во вторыхъ, подходилъ къ самому Дубровнику; въ третьихъ, краткая подпись кра҃ скорѣе принадлежитъ ему, какъ первому королю. Изображеніе вѣнца съ частію щита, находящееся на печати, находится, сколько по сю пору извѣстно, также на монетахъ Ѳомы Остоича, Стефана Ѳомича и Тврьтка I [2]. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ монеты не могутъ быть рѣшителями спора.

Стран. 30, стр. 1 св. Грамота С. № 56 могла быть писана и не въ Которѣ, ибо Воиславъ не владѣлъ этою общиною, а занималъ земли, сосѣднія съ нею и Дубровникомъ, именно, Требиње, Конавле и Драчевицу, и составлявшія часть Травуніи, вмѣстѣ съ коею въ послѣдствіи отошли къ Боснѣ [3]. Аппендини называетъ Воислава владѣтелемъ Ужицы [4]. Вообще Воиславу досталась часть земель послѣ его отца, цезаря Воихны, а потомъ и послѣ братьевъ. Тѣмъ не менѣе грамоту его, хотя писанную въ землѣ, которая въ послѣдствіи является подъ властію Босны и производитъ цѣлую семью Травунскихъ грамотъ, отнесенныхъ нами къ отдѣлу Западно-Сербскихъ грамотъ, мы относимъ къ отдѣлу Восточно-Сербскихъ, ибо давшій ее принадлежитъ къ вельможамъ православ-

---

[1] Ср. Гласникъ, ч. III, N 105 и стр. 255; ч. V, N 10.

[2] Гласникъ, ч. VI, NN 23, 24; ч. V, N 11.

[3] Милаковичъ, Исторія Црне Горе. У Задру 1856. Стр. 21.

[4] Т. I, стр. 294.

ной Сербіи, и самый языкъ ея нисколько не отличается отъ языка другихъ Восточныхъ грамотъ.

Стран. 53, примѣч. стр. 17 св. Приб. Надпись на церковной стѣнѣ въ монастырѣ Зерзе (Црьце) близъ Прилѣпа, 1389—1391 г. (Гласникъ, ч. VI); на надгробной доскѣ протосеваста Хрели въ Рыльскомъ монастырѣ, 1343 г.; на башнѣ, построенной Хрелею въ томъ же монастырѣ, 1331 г. (Гласникъ, ч. VII); въ монастырѣ св. Андрея Первозваннаго надъ папертью церкви, построенной Андреашемъ, сыномъ Вукашина, 1372 г. (Гласникъ, ч. VIII); множество надписей на стѣнахъ, гробницахъ и утваряхъ въ Дечанскомъ монастырѣ (Дечански Првенацъ).

Стран. 54, стр. 21 св. Говоря объ отдѣлахъ Древнесербскихъ памятниковъ и исчисляя важнѣйшіе памятники, я долженъ присовокупить, что при возрастающей любви къ изысканіямъ старины, постоянно дѣлаются новыя открытія, и нельзя никакъ поручиться, чтобы со временемъ большинство извѣстныхъ намъ теперь памятниковъ не сдѣлалось меньшинствомъ. Такъ въ №№ 17 и 18 повременнаго Загребскаго изданія «Neven» за 1855-й годъ помѣщено извѣстіе о путешествіи въ Далмацію Кукулевича, главнаго члена Загребскаго Общества Исторіи и Древностей Южнославянскихъ, гдѣ ученый путешественникъ-литераторъ сообщаетъ о своихъ открытіяхъ, число и важность которыхъ показываютъ, какъ много еще драгоцѣнностей таится въ городскихъ, монастырскихъ и другихъ хранилищахъ Сербіи и сосѣднихъ земель, ожидая себѣ достойныхъ цѣнителей и любознательныхъ изыскателей. Въ Сплитѣ, въ епископальномъ архивѣ, Кукулевичъ видѣлъ много писемъ и одписовъ на Хорвато-Боснійской Кирилицѣ касательно жупъ Полицкой общины. Въ архивѣ Рабскихъ подестъ есть древніе Рабскіе статуты и много грамотъ, изъ коихъ старѣйшая относится къ королю Звониміру, 1081 г. Имъ пріобрѣтены между прочимъ: 109 Латинскихъ грамотъ отъ 837 по 1200 г. и 370 отъ 1200 по 1600 г.; около 200 Хорватскихъ грамотъ, писанныхъ Глаголицею, Кирилицею и Латинскою азбукою, начиная съ 1321 г., между коими есть нѣкоторыя, принадлежащія Младену, Павлу, Твртку и Остои; до 40 рукописей, писанныхъ Глаголицею, Кирилицею и Латинскою азбукою, изъ коихъ нѣкоторыя пренадлежатъ XIV-му и XV-му ст. Между ними замѣчательны: нѣсколько Глагольскихъ лѣтописей XVI-го в.,- Сербская лѣтопись XIV-го в., Кирилицею, содержащая родословіе царей и ктиторовъ Сербской земли и повѣствованіе отъ Адама до смерти Янкула (Гуняда),—рукопись XVII-го в. Хорвато-Боснійскою Кирилицею, содержащая между прочимъ Хорватскій переводъ всей Хроники Витезовича,—Сербская лѣтопись XVI-го в. Пріобрѣтенъ также Полицкій законникъ Боснійскою Кирилицею и пр. и пр. Еще въ 1852 г. Кукулевичъ напечаталъ въ Загребскомъ Архивѣ [1] перечень 260 грамотъ, относящихся къ исторіи Босны и выбранныхъ имъ изъ разныхъ изданій.

Стран. 82, стр. 4 св. Вм. «съ правителемъ Котора» чит.: съ Которомъ и его сосѣдомъ,

— стр. 19 св. Вникнувъ глубже въ смыслъ гр-ы С. № 55, мы замѣчаемъ, что дѣйствительно правъ Аппендини, отдѣляя владѣніе Воислава отъ Котора.

Стран. 93, стр. 28 св. Вм. «Стратимировичъ» чит.: Страшимировичъ.

Стран. 96, стр. 23 св. Вм. «въ Которѣ у Воислава» чит.: у Воислава въ его владѣніяхъ, прилегавшихъ къ Котору.»

---

[1] Arkiv za povêstnicu Jugoslavensku, II, I. 1852.

Стран. 97, *стр.* 8 *св.* Вм. «имѣлъ войну съ Которомъ» чит.: имѣлъ войну съ Вонславомъ, бывшимъ въ союзѣ съ Которомъ.

— *стр.* 16 *св.* Въ Сени судебное разбирательство производилось ректоромъ и судьями близъ соляного магазина. [1]

Стран. 101, *стр.* 2 *св.* Вм. «Которскій» чит. Войхновичъ.

— *примѣч.* 1. Перперомъ называлась въ Дубровникѣ серебряная монета, стоившая около 18 крейцеровъ. (Милаковичъ, Исторія Црне Горе. Стр. 75).

Стран. 110, *стр.* 11 *сн.* Въ Сени, въ день св. Михаила, капитула избирала ежегодно блюстителя церковнаго имущества, который назывался santiz (komu se vse crikveno blago skazi i uzdaj po pismu pred svim Kapitulom) [2]. Въ Сени, какъ и на Млѣтѣ, общинный судья избирался ежегодно въ сентябрскій праздникъ св. Михаила. (Впрочемъ, въ статутѣ постоянно говорится judices). А корабельщики, числомъ двое, содержавшіе городскую стражу вмѣстѣ съ прочими часовыми (вѣроятно, на судахъ), избирались два раза въ году въ день св. Михаила и въ денѣ св. Юрія. Всякій гражданинъ (civis et popularis) платилъ пошлины за торговлю виномъ по 1 солиду за каждый сестарій вина, а съ Михайлова дня до Новаго Года по два солида; благородный же платилъ въ это время по одному солиду. Никакое иностранное вино не позволялось продавать въ разницу отъ Михайлова дня до Новаго Года. Положеніе это не касалось вина туземнаго. [3]

— *стр.* 8 *сн.* Вм. дѹбровѵаниноѵ чит. дѹбровѵаниноѵ.

Стран. 117, *стр.* 11 *сн.* Въ Сеньскомъ статутѣ въ двухъ мѣстахъ упоминаются добрые люди (boni homines) однажды какъ оцѣнщики покражи, другой разъ какъ присутствующіе при заявленіи отысканной покражи [4].

Стран. 119, *стр.* 7 *св.* Къ «провати» приб. probare.

— *примѣч.* 2. Приб.: Сеньскій ст., § 46.

Стран. 122. *стр* 12 *сн.* Вм. «Стратимировичъ» чит. Страшимировичь.

— *примѣч.* 2. Вм. 85, 95, . . . чит. 85, 89, 95, . .

Стран. 143, *примѣч.* 2. Приб.: Сеньскій ст., §§ 43, 44, 48.

Стран. 144, *стр.* 17 *сн.* Въ Сеньскомъ статутѣ есть постановленіе, гдѣ сказано, что благородный, извлекшій мечъ, но не ударившій имъ, не платитъ ничего, а ударившій платитъ 24 ливры. И потомъ прибавлено: то же самое относится и къ гражданину (et idem in cive) [5]. Вообще въ этомъ статутѣ при преступленіи не выставлено различія между сословіями, тогда какъ въ торговыхъ правахъ, или въ правленіи благородные (nobiles) ярко выступаютъ изъ среды прочихъ гражданъ.

— *стр.* 6 *сн.* Приб.: и Сеньскомъ.

— *стр.* 5 *сн.* Но оскорбленіе чести, когда страдало не одно лицо, но въ немъ и все сословіе, различалось по сословіямъ. Сейчасъ мы видѣли это различіе въ Которѣ: то же видимъ и въ Сени. Кто оскорбилъ равную себѣ (in equalitate constitutam) добрую (bonam) женщину, или дѣвицу, тотъ платитъ 6 ливровъ; но если неблагородный (inhonestus homo) оскорбитъ благородную (honestam) женщину, или дѣвицу, то платитъ 24 ливра [6]. Впрочемъ, за правиль-

---

[1] Сеньскій статутъ. Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. § 27.

[2] Arkiv za pověstn. Jugoslav., II, 1. 1852. Стр. 83.

[3] Сеньскій ст., §§ 19, 20, 100, 110, 146.

[4] §§ 45, 87.

[5] § 127.

[6] Сеньскій ст., § 56.

ность пониманія въ этомъ случаѣ словъ honestus, inhonestus не ручаюсь. Въ другихъ мѣстахъ сословія различаются выраженіями nobilis, civis, popularis, forensis.

Стран. 145, стр. 5 св. Нельзя положительно сказать, подвергались ли благородные въ Далматскихъ общинахъ увѣчью, или позорной казни? Эти наказанія, какъ на пр. висѣлица, были положены за тѣ только преступленія, которыя, по самому свойству своему, могли совершаться всего скорѣе людьми простаго сословія, каковы, разбой и воровство. За разбой положено было въ Корчулѣ вознагражденіе въ четверо, потеря глаза, руки, обоихъ глазъ, висѣлица, отобраніе имущества, смотря по обстоятельствамъ. Въ Травѣ разбойникъ лишался глаза и вознаграждалъ убытки. За воровство въ Травѣ наказаніе полагалось различное: денежная пеня, потеря глаза, носа, висѣлица. Въ Шибеникѣ, на Лезинѣ и Брачѣ тоже: пеня, розги, клеймо, увѣчье, висѣлица. Въ Шибеникѣ женщинѣ, вмѣсто висѣлицы, отрубалась голова [1]. Въ Сени, за покражу въ 24 ливра, палагалась пеня во столько же, или потеря уха; за покражу въ 50 ливровъ пеня во столько же, или потеря члена, и за покражу въ 100 ливровъ висѣлица [2] Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ казни, не было другаго исхода. Спрашивается: подвергались ли ей и благородные? За недостаткомъ поясненій, отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Но увѣчье всегда могло быть избѣгнуто взносомъ пени. Такимъ образомъ, касательно увѣчья, Далматскія общины стояли не выше взгляда Душанова Законника.

Стран. 167, стр. 18 св. Обычай созывать собраніе звономъ колокола находимъ и въ уставѣ Сеньской капитулы; но, вѣроятно, сдѣсь разумѣется не вѣчевой, а церковный колоколъ [3].

— *стр. 15 сн.* Vice-comes и подъ нимъ еще vicarius были и въ Сени [4].

Стран. 172, стр. 25 св. Можетъ быть, что за Кулиномъ слѣдовалъ сынъ его; ибо Мирко, король Угорскій, въ письмѣ къ папѣ, 1204-го г., упоминаетъ о сынѣ Кулина, какъ владѣтелѣ Босны [5]. Кажется, ту же грамоту Кукулевичъ, по Фейеру, отмечаетъ 1203-мъ г. слѣдовательно, Кулинъ умеръ не ранѣе этого года, ибо въ этомъ же году онъ еще былъ живъ, какъ видно изъ другой грамоты 1203-го г., приводимой Кукулевичемъ [6]. Обязательство платить 1000 марокъ ежегодно, какъ поручительство за обращеніе Патареновъ, данное сыномъ Кулина, могло быть дано только самимъ баномъ. Но въ такомъ случаѣ гр-а С. № 5, гдѣ Ниноcлавъ повторяетъ клятву бана Кулина, будетъ этому противорѣчить. По чему Дубровничане не взяли клятвы съ бана, бывшаго между Кулиномъ и Нинославомъ? Развѣ по тому, что Кулину наслѣдовалъ сынъ его; но это невѣроятно. Какъ звали Кулиновича? Опять молчатъ историки. Въ 1225 г. папа пишетъ къ Боснійскому бану Стефану [7], но не къ Нинославу, ибо послѣдняго онъ такъ и называетъ. Не есть ли это тотъ самый Кулиновичъ? О Нинославѣ есть грамота отъ 1233 г. Сибиславъ ока-

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 187—189.
[2] Сеньскій ст., § 43.
[3] Arkiv za pověstn. Jugoslav., II, I. стр. 79.
[4] Сеньскій ст., § 131.
[5] Пеячевичъ, Historia Serviae seu Colloquia XIII de statu regni et religionis Serviae ab exodio ad finem sive a saeculo VII ad XV, auctore Franc. Xav. El. B. de Pejacsevich a Verocza, abbate S Trinitatis de Petri Varadini. Colocae. MDCCXCIX. Стр. 380.
[6] Arkiv za pověstn. Jugoslav., II, I. Стр. 6.
[7] Кукулевичъ, тамъ же.

зывается въ одной папской грамотѣ отъ 1236 г. сыномъ покойнаго бана Боснійскаго и княземъ Восурскимъ (Осерскимъ?) [1], слѣдовательно, онъ будетъ сыномъ бана Стефана. Также имя Николая весьма подозрительно звучитъ въ ряду туземныхъ Славянскихъ именъ: крестнымъ именамъ предпочитались тогда народныя. Скорѣе всего должно считать его Никославомъ, а этотъ былъ не кто иной, какъ Нинославъ.

— *стр. 10 сн.* Событія 1245-го г. оказываются несправедливыми, или не такъ переданными, ибо Нинославъ позднѣе еще, въ 1248 г., упоминается Боснійскимъ баномъ въ двухъ папскихъ грамотахъ [2].

Стран. 173, стр. 28 св. Кукулевичъ приписываетъ первую грамоту, напечатанную въ VI-й ч. Гласника, т. е., ту же, что напечатана въ С. подъ № 14, Матеея-Стефана, бану Нинославу [3]. Съ нимъ соглашается и Я. Шафарикъ, объясняя почистку въ имени стамаль тѣмъ, что Дубровничане, желая этою грамотою сослаться на Стефана Котромановича, бывшаго столѣтіемъ позже, стерли имя Нинослава и написали имя Степана [4]. Дѣйствительно, таковыя поддѣлки не рѣдкость. За Нинослава говоритъ, по видимому, и печать со словами печать велике.... бана нинослава. Но странно, чтобы въ 1249 г. еще управлялъ Босною Нинославъ. Одному и тому же лицу не за чѣмъ было давать двухъ сходныхъ грамотъ. Самые пріемы въ составленіи грамоты показываютъ, что она принадлежитъ кому другому, а не Нинославу. Печать не можетъ еще служить неопровержимымъ доказательствомъ, ибо случалось въ старину, что при смѣнѣ владѣльца печать оставалась нѣкоторое время прежняя. Тѣмъ скорѣе могло это случиться съ только что прибывшимъ Угриномъ.

— *стр. 14 сн.* Отъ Елисаветы, какъ воеводы Мачвы и Босны, есть одна грамота 1280-го г. [5].

— *примѣч. 3.* Въ 1286 г. Мачва вмѣстѣ съ Босною досталась Милутину; но, по мнѣнію Пейчевича, часть ея еще прежде принадлежала Сербіи, ибо еще въ 1258 г. встрѣчается въ Угорскихъ лѣтописахъ выраженіе Rasiae et Mascoviae rex. (Historia Serviae, стр. 210).

Стран. 174, стр. 5 св. Есть двѣ монеты, весьма сходныя по изображеніямъ съ монетами Уроша I; на одной изъ нихъ по краямъ написано: DUX PAUL— MLADEN, а въ срединѣ, столбцомъ между двумя человѣческими особями, BAN; на другой по краямъ: DUX PAUL— SECUNDUS, а въ срединѣ, какъ и на первой: BAN MLAD— [6]. Безъ сомнѣнія, этѣ монеты принадлежатъ Павлу Бребирскому. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, не одно ли онъ и то же лицо съ своимъ сыномъ Младеномъ? Не есть ли «Павелъ» имя крестное, при которомъ стоитъ и степень dux, а «Младенъ» народное, за которымъ слѣдуетъ званіе ban? Но въ такомъ случаѣ надо опровергнуть всѣ свидѣтельства историковъ, признающихъ Младена сыномъ Павла. Если Павелъ былъ первый изъ своего рода владѣтелемъ Босны, то какъ объяснить слово secundus? Монеты скорѣе подтверждаютъ, что Младенъ, при жизни отца, заправлялъ банствомъ, называясь по порядку secundus banus, тогда какъ воево-

---

[1] Кукулевичъ, тамъ же.
[2] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 9, 10.
[3] Тамъ же, стр. 9. Странно, что Кукулевичъ не исправилъ у себя ошибки издателей Споменниковъ въ означеніи года.
[4] Гласникъ, ч. VI, стр. 183.
[5] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 10.
[6] Гласникъ, ч. VIII, т. II, NN 3, 4; стр. 278.

да Павелъ оставался въ Бребирѣ, тоже нося, какъ глава рода, званіе бана и будучи primus banus. Совладѣніе было тогда въ обычаѣ. Это подтверждаютъ и папскія грамоты, которыя подъ 1302 и 1319 гг. упоминаютъ о банѣ Младенѣ, а подъ 1307 и 1308 гг. о банѣ Хорватскомъ и господарѣ Босны, Павлѣ [1]. Какимъ образомъ могъ Павелъ попасть въ промежутокъ между 1302 и 1319 гг.? Ясно, что, какъ старшій въ родѣ, онъ стоялъ выше сына и правилъ дѣлами не одной Босны, тогда какъ сынъ его завѣдывалъ одною Боснею.

— *стр. 15 св.* Между 1325 и 1340 гг. встрѣчается въ грамотахъ имя Стефана, бана Боснійскаго, безъ сомнѣнія, Котромановича. Жена его называется Елисаветою [2].

— *Стр. 18 св.* Отъ этого Андрея дошли три грамоты, двѣ отъ 1198 г. и одна отъ 1200 г., въ которыхъ онъ называется то воеводою Хлума и Рамы, то воеводою Хорваціи и Хлума, то воеводою Далмаціи, Хорваціи и Хлума [3].

Стран. 175, стр. 21 сн. Также и Пеячевичъ относитъ смерть Стефана къ 1357 г. [4]

Стран. 176, стр. 3 св. При Душанѣ и Урошѣ V южная часть Хлума и Травунія оставались за Сербіею: ими управлялъ цезарь Войхна, оставившій послѣ себя сыновей Ѳому, Вонслава и Алтомана. Послѣ Николая Алтомановича всѣ земли Войхны, частію коихъ завладѣли было Балшичи, достались королю Тврьтку I, около 1378 г.

— *примѣч. 4.* Слова: «Дюфрену неправильно приписанъ и т. д.» опустить.

Стран. 178, примѣч. 1. Пеячевичъ называетъ Дабышу незаконнымъ сыномъ Нинослава (Мирослава?), брата Стефана Котромановича. (Historia Serviae, стр. 392, 394).

Стран. 182, стр. 6 сн. То же разсказываетъ и Пеячевичъ [5].

Стран. 183, стр. 10 св. Выводы, сдѣланные мною на основаніи новѣйшихъ достовѣрныхъ источниковъ, нашли себѣ отголосокъ въ позднѣйшемъ сочиненіи Милаковича, 1856 года, «Исторія Черногоріи». Конечно, тотъ и другой обязаны источникамъ, приведшимъ обоихъ, независимо другъ отъ друга, къ однимъ и тѣмъ же заключеніямъ.

— *стран. 23 св.* Пеячевичъ тоже относитъ къ 1435 г. смерть Стефана Остоича, но вмѣстѣ съ другими принимаетъ его за самого Остою [6].

— *Примѣч. 3.* Пеячевичъ назначаетъ годомъ смерти Тврьтка II 1443-й годъ. (Historia Serviae, стр. 399).

Стран. 202, стр. 7 св. Вотъ какими словами Кукулевичъ оканчиваетъ свое предисловіе къ списку Боснійскихъ грамотъ: Предлагаемый сдѣсь перечень 260 Боснійскихъ грамотъ представляетъ вкратцѣ почти все теченіе Боснійской исторіи. Первый письменный памятникъ начинается въ 914 г. Римскимъ папою Іоанномъ X, а послѣдняя запись Боснійской королевы Екатерины, 1478 года, оканчивается вновь папою Сикстомъ IV. Уже первый памятникъ ознаменованъ борьбою Римскаго и Западнаго начала съ началомъ Восточнымъ, Славянскимъ. И этотъ духъ борьбы проявляется почти во всѣхъ грамотахъ до самого паденія Босны. Эта-та духовная борьба породила страшныя брани съ

---

[1] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 10, 11.
[2] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 11, 12.
[3] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 5.
[4] Historia Serviae, стр. 391.
[5] Тамъ же, стр. 398, 399.
[6] Тамъ же стр. 399.

сосѣдними державами, долговременныя кровавыя усобицы, гоненія на людей сильныхъ духомъ и могущественныхъ, яростныя возстанія друга на друга, брата на брата, сына на отца. Эта-то борьба открыла дорогу чужеземному вліянію и господству, вторгавшемуся въ Босну то изъ Греціи, то изъ Угріи, то изъ Италіи, то наконецъ изъ глубины Азіи. Мало было Риму и Западу того, что преимущественно подъ ихъ нажтіемъ миролюбивые Югославяне которились между собою: нѣтъ, Римъ и Западъ высылали противъ нихъ, особливо противъ небольшой Босны, огромныя крестоносныя рати, которымъ едва могъ противустоять великій Азіятскій міръ. Славянская письменность, начавшая развиваться еще съ IX-го столѣтія, благодаря послѣдователямъ Грековосточной Вѣры, а въ послѣдствіи усиленная Богумилами, заглушена была въ Булгаріи, Сербіи, Боснѣ, Далмаціи, Хорватіи и Славоніи дѣйствіемъ Римскаго начала и насильственнымъ запрещеніемъ Славянскаго языка.

Еще и понынѣ, къ несчастію, продолжается эта борьба; и понынѣ еще видны ея слѣды во всѣхъ Южнославянскихъ земляхъ, преимущественно въ Боснѣ. Правда, страна эта скрыта отъ взоровъ просвѣщеннаго міра густою мглою таинолюбивой замкнутости и упрямой силы, присущей Азіятскому началу; но когда пытливое око сосѣда смотритъ на нее изза Велебита и Шумадіи, оно видитъ въ ней, среди неурядицы, искони царствующей, и вѣчныя тайныя орудія, внесенныя сюда Западомъ въ средніе вѣка и размножившіяся сдѣсь чрезъ хитрыя козни и крамолы, чрезъ постоянныя смуты, постоянныя коварства, вѣчныя преслѣдованія и всегдашнюю бурю различныхъ человѣческихъ страстей. Не будь этихъ орудій—и Босна снова воскресла бы вмѣстѣ съ Сербіею, а вслѣдъ за ними и весь окрестный Южнославянскій край по Дунаю, Савѣ и Ядрянскому морю, по Дринѣ, Марицѣ и Струмѣ оживотворился бы общимъ духомъ народности и независимости.» [1].

Стран. 211, примѣч. 2. Въ отвѣтѣ Вука, короля Дукляпскаго и Далматскаго (Dioclіae atquae Dalmatiae rex), папѣ Иннокентію III, отъ 1199 г., упоминается о томъ, что Кулинъ съ женою и сестрою, вдовою Мирослава, князя Хлумскаго, перешелъ въ расколъ, т. е., Патаренскую ересь. (Кукулевичъ, Arkiv za povéstn. Jugoslav. II, I. Стр. 5). Отсюда видно, какимъ образомъ доводился онъ сродни Стефану Немани.

Стран. 217, примѣч. 1. Вм. II, IV, 31, § 646, чит. II, IV, § 31, 646.

Стран. 222 стр. 12 сн. О низверженіи Радослава упоминаетъ и Пеячевичъ. [2].

Стран. 226, стр. 7 св. Вм. 1417 чит. 1317.

— *стр. 24 св.* Изъ Пеячевича, желающаго, во что бы то ни стало, доказать, что не только Босна, но и Сербія была Римско-католическою землею и что владѣтели ихъ, большею частію, признавали власть Рима, видно, что дѣйствительно при Урошѣ I и Милутинѣ происходили сношенія съ папою, вѣроятно, при посредствѣ Елены, которую сочинитель называетъ piissima Helena. По его словамъ, она пыталась присоединить Сербію къ Римскимъ духовнымъ владѣніямъ, какъ видно изъ письма папы Николая отъ 1291 г. Вѣроятно, отсюда и проистекали распри у Елены съ сыновьями, или даже съ мужемъ; отсюда и объясненіе тому, что она избрала себѣ мѣстомъ жительствомъ приморскій городъ насупротивъ Италіи, и изъ него писала такія грамоты Дубровнику. [3]

---

[1] Arkiv za povestn. Jugoslav. II, I, стр. 13.

[2] Historia Serviae, стр. 191.

[3] Historia Serviae, стр. 198—214.

Стран. 230, *стр.* 10 *сн.* Печчевичъ не признаетъ Константина сыномъ Милутина, а называетъ его ошибочно вторымъ законнымъ сыномъ Драгутина, слѣдовательно, братомъ Владислава [1].

Стран. 231, *стр.* 24 *св.* Печчевичъ равномѣрно называетъ Стефана naturalis filius Urosii, или Stephanus nothus. [2]

Стран. 235, *стр.* 12 *сн.* Въ подобномъ смыслѣ говоритъ о боярахъ и Печчевичъ. Они, по его словамъ, возбуждали Душана противъ отца изъ боязни, чтобы престолъ Сербскій не достался Симеону, рожденному отъ Маріи, дочери пангиперсебаста Іоанна. [3]

Стран. 238, *примѣч.* 2. Пропущены слова: «къ Душану,»

Стран. 239, *стр.* 4 *сн.* Вм. ͵ѕ҃ѡ҃нд҃ чит. ͵ѕ҃ѡ҃нд҃.

Стран. 260, *стр.* 2 *св.* Что Симеонъ былъ братъ Душану, то это подтверждаетъ безыменный Греческій лѣтописецъ. [4]

Стран. 261, *стр.* 2 *св.* Печчевичъ называетъ Драгашу и Константина сыновьями Деяна. [5]

Стран. 262, *стр.* 26 *св.* Вм. ὑφ' ἑαυῷ чит. ὑφ' ἑαυτῷ.

— *стр.* 27 *св.* Вм. πειυαρχοῦντες чит. πειϑαρχοῦντες.

— *стр.* 15 *сн.* Вм. οὐκ чит. οὐκ.

— *стр.* 14 *сн.* Вм. εὑ чит. εὐ.

— *стр.* 13 *сн.* Лѣтописцы Византійскіе упоминаютъ наиболѣе о Симеонѣ, дядѣ Уроша V, такъ что нельзя не замѣтить того важнаго значенія, которое онъ имѣлъ на югѣ Ѳракійскаго полуострова. Это подтверждается и отрывкомъ одной Греческой лѣтописи, въ которой Симеонъ, тотчасъ по смерти Душана, является сильнѣе всѣхъ другихъ владѣльцевъ на югѣ, и по смерти Прилупа, распоряжается такъ называемою Греческою Валахіею, Этоліею и городами Трикалою и Касторіею, слѣдовательно, всею южною частію полуострова. Ему, рожденному отъ Гречанки, сходнѣе было оставаться на югѣ. Правда, когда Никифоръ Дука завоевалъ всю эту часть прежде бывшихъ владѣній Душана, тогда Симеонъ обратился на сѣверъ къ предѣламъ Сербіи, но смерть Никифора снова привела его въ прежнія области. Онъ жилъ постоянно въ Трикалѣ, а Этолійскому городу Янинѣ далъ въ правители своего зятя Ѳому, сына Прилупова. Впрочемъ, какъ между большими, такъ и между мелкими правителями происходили безпрестанныя брани, и вообще не было никакого порядка. Сюда мало достигала власть Византіи, и еще менѣе доходило владычество Сербіи: на дѣлѣ весь югъ полуострова уже не принадлежалъ Сербіи [6]. Въ это время разложенія двухъ державъ всякій промышлялъ о себѣ. Если къ Симеону присоединимъ Тврьтка, собравшаго и укрѣпившаго разнесенную на части Босну, Лазаря, усилившагося на Дунаѣ, и Вукашина, засѣвшаго съ братьями въ Македоніи, не говоря уже о другихъ, менѣе значительныхъ, но не менѣе независимыхъ правителяхъ, то увидимъ, что распаденіе Душановой державы было полное, и власть царская обратилась въ пустой призракъ. Вотъ по чему такъ безслѣдно въ Сербской Исторіи, такъ да-

---

[1] Historia Serviae, стр. 241, 252.

[2] Тамъ же, стр. 245, 252.

[3] Тамъ же, стр. 267.

[4] Corp. Script. Hist. Byz. Bonae. MDCCCXLIX. См. Epirotica, fragmentum II. Стр. 210.

[5] Historia Serviae, стр. 302, 321.

[6] Corp. Script. Hist. Byz. Epirotica. Fragm. II.

же неприметно для самихъ современниковъ совершаются перевороты во владеніяхъ Симеона, и вся эта страна падаетъ подъ мечомъ Турокъ.

Стран. 263, стр. 15 сн. Вм. властелици чит. властелити.

— *стр. 13 сн.* Вм. «владевшій Которомъ» чит. соседившій съ Которомъ. Противупоставленіе въ гр-ѣ С. № 55 именъ Воислава и Котора, властелей и городовъ показываетъ только общую ихъ зависимость отъ Уроша V, но видно, что Которъ не принадлежалъ Воиславу, а только вмѣстѣ съ нимъ враждовалъ противъ Дубровника и въ одно съ нимъ время замирился, какъ показываетъ и другая гр-а С. № 56.

Стран. 264, стр. 15 св. Званіе короля было высшимъ послѣ царя. Такъ Душанъ при Дечанскомъ, Урошъ при Душанѣ назывались королями. При Урошѣ V королемъ былъ Вукашинъ, дядя Царю, ибо сестра его была за Душаномъ, и Урошъ былъ ея сынъ [1]. Вукашинъ такъ и оставался до самой своей смерти съ этимъ званіемъ. Но послѣ Уроша V королей было нѣсколько. Вѣроятно, къ этому времени относятся монеты короля Марка, сына Вукашинова (см. н.), и короля Владимира, незаконнаго сына Душанова. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ о сильной враждѣ Марка противъ Лазаря по смерти отца. Владѣя Прилѣпомъ съ прилежащею страною и нося званіе короля, Марко не хотѣлъ подчиниться Лазарю, избранному въ цари [2]. По словамъ того же лѣтописца, Владимиръ жилъ въ Епирскомъ городѣ Янинѣ и потомъ былъ убитъ любимцемъ своей жены. Во время его малолѣтства, за него правилъ Углеша. Есть монета съ надписью кр км̑. Я. Шафарикъ приписываетъ ее этому самому Владимиру, а по тому и званіе короля принадлежитъ ему [3]. Есть также монеты короля Лазаря, который могъ быть королемъ и до вѣнчанія своего, слѣдовательно, еще при жизни Вукашина. Но такъ какъ на монетахъ изображенъ царь, то, безъ сомнѣнія, онѣ биты уже во время его царствованія [4]. Извѣстно, что онъ постоянно ограничивался званіемъ князя; на монетѣ же могъ выставить званіе своего предшественника. Въ междуцарствіе, бывшее по смерти Вукашина, каждый намѣстникъ, каждый сильный областной старшина старался высобиться изподъ общей державы и захватить какъ можно больше самовластія. Тотъ же лѣтописецъ говоритъ, что еще при Урошѣ Сербскіе князи промышляли всякъ о себѣ, какъ на пр., Лазарь Гребеляновичъ, Югъ Богдановъ, Балша Зетскій, Владимиръ Албанскій, Вукъ Бранковъ, Милошъ Обиличъ, Стефанъ Лобосвичъ и др.; Вукашинъ же съ братьями державствовалъ въ Болгаріи и Македоніи. Прибавимъ сюда Симеона или Синишу. Со временемъ стремленіе къ независимости и чувство самосохраненія усилились еще болѣе. Но въ именахъ, выдающихся въ общемъ составѣ бояръ, происходитъ большая путаница, начиная со времени намѣстниковъ, поставленныхъ Душаномъ. Надобно съ точностію опредѣлить время и смѣны намѣстниковъ и прочихъ державниковъ, границы ихъ областей, и сверхъ того должно различать званія и степени, которыя они носили. До сихъ поръ этотъ отдѣлъ Сербской Исторіи мало разработанъ, и въ разсказахъ лѣтописцевъ и историковъ нерѣдко происходятъ столкновенія между совершенно отдѣльными лицами.

Стран. 266, стр. 11 сн. По смерти Вукашина, хотя Лазарь былъ выше и

---

[1] Гласникъ, ч. V, стр. 69.
[2] Гласникъ, ч. VI, стр. 186, 189.
[3] Гласникъ, ч. VIII, стр. 276.
[4] Гласникъ, ч. III, N 10, стр. 23[illegible].

сильнѣе всѣхъ другихъ бояръ и, одолѣвая своихъ соперниковъ, достигъ наконецъ царскаго вѣнца въ 1377 г., однако Марко Вукашиновичъ, писавшійся королемъ еще при жизни отца [1], не хотѣлъ добровольно подчиниться ему: это видно по его враждебнымъ отношеніямъ къ Лазарю и связямъ съ Турками. По крайней мѣрѣ, открытая недавно монета его съ надписью: **вь ха ба благовѣрни краль марко** свидѣтельствуетъ, что въ своихъ владѣніяхъ, въ Прилѣпѣ, Марко признавался королемъ по смерти отца и управлялъ ими независимо [2].

Стран. 268, стр. 24 св. Балша былъ въ Зетѣ намѣстникомъ и носилъ званіе жупана, которое перешло и къ его дѣтямъ, ибо есть двѣ грамоты, въ которыхъ Страшимиръ, Юрій и Балша именуются жупанами [3]. Родъ Балши былъ однимъ изъ первыхъ туземныхъ родовъ: это доказывается быстрымъ его возвышеніемъ и народнымъ преданіемъ, называющимъ Балшу Зетяниномъ [4] и связывающимъ его съ Неманею по женскому колѣну отъ Вукана Неманича.

— *стр. 12 сн.* Драчевица могла принадлежать нѣкоторое время Зетѣ, ибо, по словамъ Пеячевича, Балша занялъ ее вмѣстѣ съ Требиньемъ и Конавлемъ во время спора Лазаря съ Николаемъ Алтомановичемъ, а потомъ долженъ былъ уступить Тврьтку въ 1374 г. [5] Сдѣсь должно разумѣть не Балшу, а Балшича, и перемѣнить годъ на 1378-й.

Стран. 269, стр. 6 св. Выраженіе **паде на мати** должно понимать такъ, что Страшимиръ Балшичъ, вѣроятно, съ сыномъ своимъ Юріемъ, отправившись противъ Карла Товія, владѣвшаго тогда около Драча, палъ на рѣкѣ Мати, протекавшей въ Албаніи [6]. Сдѣсь странно подразумѣвать нападеніе на область Мати, лежавшую при рѣкѣ того же имени, хотя, съ другой стороны, эта самая грамота дана отъ имени всѣхъ трехъ братьевъ, т. е., какъ бы предполагается, что Страшимиръ еще живъ. Между 1368 и 1373 гг. умерли Страшимиръ и Юрій Балшичи.

— *стр. 12 св.* Опустить слова: «Отъ того-то въ грамотѣ и упомянуты только два брата.» Если же Орбини ошибся въ имени плѣненнаго Балшича и назвалъ его, вмѣсто Балши, Юріемъ, то будетъ понятно, по чему Страшимиръ съ Юріемъ Балшичемъ, а уже не съ сыномъ, въ двоемъ ходили на Карла.

— *стр. 15 св.* Вм. «за годъ» чит. за мѣсяцъ, ибо, по лѣтописцамъ, Юрій Балшичъ умеръ 4-го генваря 1374 г. Какъ согласить это показаніе съ Орбини и Милаковичемъ, относящими смерть его къ 1379 году?

— *стр. 20 св.* На несогласія съ Босною намекается въ гр-ѣ С. № 72, которая, по всему вѣроятію, принадлежитъ Юрію Балшичу: сдѣсь выражена возможность войны съ Боснійскимъ баномъ.

— *стр. 6 сн.* О построеніи Новаго Тврьткомъ упоминается въ гр-ѣ Маріи Угорской къ Дубровничанамъ 1383-го г. [7]

Стран. 271, стр. 24 св. Милаковичъ остается вѣрнымъ свидѣтельству Орбини и Лукари, что Юрій Балшичъ былъ женатъ на Деспинѣ, дочери Лазаря и вдовѣ Шишмана Булгарскаго [8]. То же говоритъ и Пеячевичъ, замѣчая раз-

---

[1] Гласникъ, ч. VI; стр. 186.

[2] Гласникъ, ч. VII, N 22.

[3] Кукулевичъ, Arkiv za povêstn. Jugoslav., II, I. Стр. 12.

[4] Милаковичъ, Исторія Црне Горе, стр. 23.

[5] Historia Serviae, стр. 326.

[6] Милаковичъ, Исторія Црне Горе, стр. 26. Примѣч.

[7] Кукулевичъ, Arkiv za povêstn. Jugoslav. II, I. Стр. 13.

[8] Исторія Црне Горе, стр. 35.

согласіе съ Сербскими лѣтописями, по которымъ Балша Зетскій былъ женатъ на Вукославѣ, сестрѣ Деспины [1].

Стр. 272, стр. 8 св. Милаковичъ, въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, «Исторія Черногоріи» посылаетъ на Косово поле не Балшу Балшича, а Юрія Страшимировича, который, не дошедъ еще до Косова, узналъ о несчастномъ исходѣ битвы и вернулся домой. За годъ передъ тѣмъ онъ же, по Милаковичу, разбилъ, вмѣстѣ съ Лазаремъ, Турецкое войско при р. Ситницѣ [2].

Стран. 273, стр. 5 св. Эта запись, въ которой говорится еще о банѣ Боснійскомъ, принадлежитъ скорѣе Юрію Балшичу, ибо писана не позже 1376 г., когда племянникъ, Юрій Страшимировичъ, еще не могъ одинъ, отъ своего имени, сноситься съ другими землями. Если же эта грамота принадлежитъ Юрію Балшичу, умершему, по Сербскимъ лѣтописцамъ, въ 1373, г. 4 генв., и писана въ Конавлѣ, то несправедливо то, что Конавле досталось Балшичамъ только уже тогда, когда Николай Алтомановичъ былъ побѣжденъ Лазаремъ въ союзѣ съ Тврьткомъ въ 1374 г. Конавле должно было достаться имъ ранѣе и, вѣроятно, еще при жизни Вукашина; а такъ какъ Юрій Балшичъ былъ зятемъ Вукашина, то этимъ и объясняется безпрепятственное его владѣніе Конавлемъ. Николай Алтомановичъ могъ оставаться послѣ этого въ другихъ своихъ владѣніяхъ, какъ на пр. Ужицѣ. Въ 1378 г. Требиње, Конавле и Драчевица принадлежали уже Тврьтку I.

— *стр. 26 св.* Ожиданіе войны съ Боснійскимъ баномъ показываетъ, что у Юрія Балшича и Тврьтка были какія-то несогласія, и всего вѣроятнѣе, за земли Николая Алтомановича, какъ догадывается и Милаковичъ [3].

— *стр. 20 сн.* Милаковичъ относитъ смерть Юрія Страшимировича къ 1405 году [4].

— *стр. 15 сн.* Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи Милаковичъ взглянулъ уже совсѣмъ иначе на историческую достовѣрность, быть можетъ, въ слѣдствіе открытія новыхъ источниковъ. Онъ уже со строгимъ разборомъ излагаетъ событія, вдумывается въ нихъ и въ лѣтосчисленіе для избѣжанія противорѣчія, и вообще разсказъ его зрѣло обсужденъ, истина отдѣлена отъ вымысла. То, что сказано было прежде о немъ, относится къ Грьлицѣ, но теперь оно само собою отстраняется изданіемъ «Исторіи Черногоріи» 1856 г.

Стран. 274, стр. 12 св. Въ Венеціи и Цетыньѣ хранится по списку съ договора Венеціянъ съ Балшею Юрьевичемъ, на основаніи коего и другихъ свидѣтельствъ, Андричъ и Милаковичъ нѣсколько разъясняютъ дальнѣйшую послѣ Юрія Страшимировича Исторію Черногоріи. Нѣтъ сомнѣнія, что за Юріемъ слѣдовалъ сынъ его, Балша. Такъ точно, и согласно съ Орбини, пишетъ и Пеячевичъ [5]. Въ лѣтосчисленіи они тоже согласны между собою. Удаленіе въ Сербію и передача управленія Зетою сроднику, Стефану Черноевичу, относятся къ 1421 г., а смерть Балши къ 1422 г.

Стран. 276, примѣч. 2. Вм. п. II Нѣгушъ чит. II. П. Нѣгушъ.

Стран. 312, стр. 8 сн. послѣ босанскога приб. (С. № 159).

Стран. 348, стр. 4 св. Вм. «формы и» чит. и формы.

---

[1] Historia Serviae, стр. 327, 328.

[2] Исторія Црне Горе, стр. 37, 38.

[3] Тамъ же, стр. 30.

[4] Тамъ же, стр. 41.

[5] Historia Serviae, стр. 353.

Стран. 354, стр. 6 св. Сюда же принадлежитъ и гр–а Ю.

— *стр. 20 св.* Приб. **новоупренисимъ** **[illegible]** (Ю.).

— *стр. 14 сн.* Вм. 69 чит. 69; Г. VI, № 9; VII, № 20.

— *стр. 13 сн.* Послѣ «стр. 1» приб. Г. VII, № 23.

Стран. 355, стр. 5 св. Приб. На монетахъ короля Марка: **въ** (Г. VII, № 22) и Вука Бранковича **[illegible]** (Г. VIII, т. I, № 8).

— *стр. 8 св.* Послѣ 87 чит. Г. VII, № 28.

— *стр. 21 св.* Такъ въ гр–ѣ бана **Матеея–Стеѳана** (Г. VI, № 1) находимъ какъ **ь**, такъ и другія буквы съ отвѣсною чертою, склоняющеюся въ верху нѣсколько въ [illegible]; и въ подписяхъ, не принадлежащихъ уже писцу и не столь красиваго почерка, есть всѣ начертанія для **ь**: **кънезъ**, **казньць**, **[illegible]**, **казньць**, **обьтенiемъ**, **драгоиитъ**.

— *стр. 21 сн.* Сходство обоихъ знаковъ подтверждается сличеніемъ гр–ы Дечанскаго въ изданіи Споменниковъ и у Юришича.

Стран. 360, стр. 10 св. Приб. **кальюта** (Г. VI, № 1).

Стран. 361, стр. 19 сн. Вм. «въ словѣ» чит. въ словахъ **прьтоломия** (III. № II) и

Стран. 367, стр. 19 св. Приб. **въсеми**, **исилнатьскихъ**, **въторѣ**, **могьщим**, **вьз-** (Ю.), **гюрьгь** (мон., Г. VIII, т. II, № 1).

Стран. 370, стр. 12 св. **ь** замѣняетъ 6-у **о**: **ратнь** (Г. VI, № 2).

— *стр. 2 сн.* Вм. **ер**, чит. **ер**, **ар**,

Стран. 371, стр. 1 св. Приб. **прьтоломия** (Ш. № II).

Стран. 374. стр. 12 св. Вм. **мѣстнь** должно быть **мѣстнѣ**.

Стран. 377, стр. 11 сн. Приб. **самодржца**, **опровршено** (Ю.).

Стран. 379, стр. 4 сн. Приб **босеньски** (Г. VI, № 1),

Стран. 380, стр. 4 св. Приб. **анше** (А. № 4).

— *стр. 11 св.* **блгстивыми**, **благочестивихъ** (Ю.).

— *стр. 19 св.* Вм. **анѣела** чит. **аѵѣела**.

— *стр. 20 св.* Вм. **ѳенхен** чит. **ѳенхен**.

— *стр. 23 св.* Вм. 154 чит. 157 и приб. NN№ 74, 88, 107, 108, 115, 124, 138, 146, 163.

— *стр. 10 сн.* Опустить слова **тоудре**, **добре**.

Стран. 381, стр. 6 сн. Приб. **оусрдые**, **мертвымъ** (Ю.).

— *примѣч. 2.* Къ словамъ Slow. Starožitn., приб. II, IV, 636.

Стран. 382, примѣч. 2. Къ словамъ Slow. Starožitr. приб. II, IV, 634.

Стран. 384, стр. 3 сн. Вм. **вѣнаць** чит. **вѣнаць**.

Стран. 385, стр. 5 св. Вм. **тепауна** чит. **тепауна**.

— *стр. 8 св.* Приб. **явлавь** (С. № 83),

Стран. 387, примѣч. 2. Къ словамъ Slow. Starožitn., приб. II, IV, 634.

Стран. 388, стр. 2 св. Къ С. NN№ 108—175 приб. NN№ 19, 20, 82, 96, 100, 104, 106, 107; А. И. Впрочемъ, здѣсь не перезвукъ, но двойственное и множественное чч. въ зависимости отъ сложенія съ **два**, **три**, **четыре**.

— *стр. 4 св.* Вм. 124, 130 чит. 130, 131, 165; А. № 17.

Стран. 389, стр. 17 св. Приб. **коз-** (Ю.).

— *стр. 19 св.* Вм. **подо**, чит. **по**, **до**,

Стран. 391, стр. 9 св. Приб. **принесль** (Г. VI, № 2).

Стран. 392, стр. 3. Въ **ив**, **св** вм. **въ**, **съ** есть усиленіе **ъ** въ **в**.

Стран. 403, стр. 13 св. Еще встрѣчается третье слово, гдѣ **а** стоитъ на своемъ мѣстѣ: **оустрай** (А. № 11).

— *стр. 25 св.* По сличеніи гр-ы Дечанскому монастырю у Ю. и въ С., оказывается, что сами позднѣйшіе переписчики ставили ѫ на мѣстѣ подлиннаго ѭ.

— *стр. 12 сн.* Приб. испытанія вм. -нія (С. № 176).

Стран. 408, стр. 4 св. Вм. «6-ы љ и» чит. 6-ы љ и њ.

— *стр. 12 св.* Вм. ѣ-и д. б. ѣи.

Стран. 410, стр. 23 св. Приб.: Дечанская гр-а монахини Евгеніи (Ю.).

— *стр. 20 сн.* Опустить № 14.

Стран. 412, стр. 4. Приб. ратіи (Г. VI, № 2).

Стран. 413, стр. 10 сн. Приб. осамьнадесети, единадесети (С. № 130) вм. -десете, какъ въ С. NN№ 74, 88, 92, 93, 99, 107, 108, 115, 124, 128, 130, 132, 146, 147, 157, 163.

Стран. 414, стр. 4 св. Приб. лино (С. № 135).

— *стр. 17 св.* Приб. въ Ѳътьстии моимь (А. № 5).

Стран. 422, стр. 21 св. Вм. угрешихъ д. б. ѵгрешихъ. Что до гр-ъ Г. V и Ю., то въ нихъ можно скорѣе предполагать привычку позднѣйшаго переписчика изображать оѵ чрезъ ѵ. Это видно изъ сличенія Юришича съ Спомениками. Собственно у Д.-Сербовъ ѵ отвѣчало Греческому υ, ср. мѵра (Мк.), сѵгина (Ю.).

Стран. 431, стр. 5 сн. Приб. и Г. VI, № 2.

Стран. 432, стр. 13 сн. Приб. засакомъ (С. № 78), гдѣ видно колебаніе между звуками з и к.

— *стр. 7 сн.* Приб. подоѵкаю (Ю.).

Стран. 434, стр. 11 сн. Доказательствомъ тому, что употребленіе въ изданіи 6-ы є, или є зависитъ иногда отъ того, какъ понимаетъ переписчикъ начертаніе ея въ подлинникѣ, служитъ сличеніе гр-ы С. № 176 съ изданіемъ Юришича: послѣдній вездѣ читаетъ є тамъ, гдѣ въ Спомениках стоитъ є: причиною неясность начертанія.

Стран. 435, стр. 22 сн. Приб. гр-у Ю.

— *стр. 5 сн.* Вм. «она» чит. оно.

Стран. 436, стр. 25 св. Не смотря на то, что є весьма рѣдко встрѣчается въ Восточныхъ гр-хъ, мы находимъ его съ послѣдовательнымъ употребленіемъ, именно, послѣ гласной, въ одной Восточной гр-ѣ, принадлежащей монахини Евгеніи (Ю.).

Стран. 439, стр. 7 сн. Приб. сеньтебра (С. № 136), новбра (С. № 64), новебра (С. № 125).

— *стр. 4 сн.* Вм. 150, 153, 154 чит. 150—154.

Стран. 441, стр. 16 сн. Вм. *еи* чит. *ие*.

— *стр. 3 сн.* Приб. благоврна, кесии (Ю.).

Стран. 457, стр. 11 сн. Вм. кѣлиными, кѣлицахъ д. б. кѣліиными, -ими, кѣліицахъ.

— *стр. 3 сн.* Приб. обитѣли и тутъ же обитель, пизинтемъ (Ю.),

Стран. 464, стр. 9 сн. Приб. дого͒, доге, догоше, доѣоше, доѣоше (С. NN№ 56, 64, 70, 71, 73, 104, 144, 145, 164, 166, 173), ср. доидохь (С. NN№ 124, 125), доиде, -е (С. NN№ 68, 89, 94, 132, 143, 164), доидоше (С. NN№ 55, 83, 117), поидоше (С. NN№ 78, 97).

Стран. 477, стр. 14 св. Вм. «чистоту» чит. густоту.

Стран. 479, стр. 21 св. Приб. книгиимнопокаяи (С. № 163).

— *стр. 19 сн.* Приб. хуса, -я, хуше, -емь (С. NN№ 111, 137; З.), ср. гоѵсе, -шемь (С. NN№ 73, 91).

Стран. 480, стр. 19 сн. Приб. реѓа, реѓа, меѓьами, меѓами (Ю.),

Стран. 492, стр. 5 св. Приб. въ гр-ѣ Евгенія (Ю.) **злоустивихъ**.

Стран. 495, стр. 11 св. Приб. **ратио**, -**в** (Мл.; Г. VI, № 2), ср. **радить** и т. п.

Стран. 497, стр. 23 св. Произношеніе б-ы **д** могло иногда твердѣть и дѣлаться среднимъ между сочетаніемъ съ твердою и сочетаніемъ съ мягкою гласною; это обнаруживается въ словѣ **оусрьдие** (Ю.), хотя вообще употребленіе **ы** и **и** въ Д.-Сербской письменности ограничено своею собственною областію и не соображается съ согласными, съ коими сочетаются этѣ буквы.

Стран. 512, стр. 10 сн. Вм. «род. и твор. пп. ед. ч. муж. и ср. р.» чит. движеніе именъ, кромѣ творительнаго п. ед. ч. жен. р.

Стран. 516, стр. 11 св. Приб. **моите** (С. № 59), **каите** (С. № 79): то и другое есть повелительное н., образовавшееся чрезъ смягченіе **г** и **д** въ **дь**.

Стран. 519, стр. 21 св. Приб. **исказаль, оуткаль, отбѣгаль** (З).

— *стр. 6 сн.* Вм. «-ю и т. д.» чит. -**е**, -**ю** и т. д. (С. №№ 22, 43, 91, 108).

— *стр. 4 сн.* **темелие**, откуда **темелити**, **темелити**, **темелии**, есть то же, что **темель**, основа, а это то же, что *комель*, у Рускихъ—основаніе дерева.

Стран. 550, стр. 18 св. Приб. **подоучаваю** (Ю.),

Стран. 552, стр. 20 св. б-а **к** опущена въ **гинути**, **гине** (ср. С. №№ 112, 115, 126, 130, 173 и пр.; А. № 6), ср. **гибноути** (З.).

Стран. 568, въ заглавіи. Вм. согласныя чит. склоненія.

Стран. 580, стр. 2 св. Въ именахъ средн. р. съ нарощеніемъ именительный п. одинаковъ съ винительнымъ, исключая: **ка невесе** (С. № 144).

Стран. 581, стр. 2 св. Приб. **ирлаа** (печ., С. № 62).

Стран. 583, стр. 19 сн. Обыкновенною формою родительнаго п. ед. ч. остается **земліе** (Ср. Ш. № VII; С. №№ 2, 13, 16, 21, 26, 27, 37, 39, 43, 50, 51, 55, 57, 73, 78, 91, 94, 95, 111, 118, 137, 142, 144, 164, 176, 179 и пр.; А. №№ 1, 3—6 12, 20; З., Мл.; печ. А. т. X, XI, № 10), **земье** (С. № 52).

Стран. 588, стр. 2 св. Нынѣ исходъ -*е* въ дательн. п. ед. ч. жен. р. остается въ Ресавскомъ, т. е., восточномъ подрѣчіи, которому въ Д.-Сербскомъ отвѣчаетъ наиболѣе Восточная семья памятниковъ.

Стран. 590, стр. 19 сн. Самое *á* Санскрита образовалось изъ стяженія *ат*.

Стран 594, стр. 4 сн. Приб. на печати Милутина **ѡ христе боже** (А. № 5).

Стран. 596, стр. 23 сн. Слова «или неправильно **дике**» опустить.

Стран. 599, стр. 10 св. Приб. Въ Албанской гр-ѣ **в писме** (С. № 148).

Стран. 600, стр. 7 сн. Вм. «XV-мъ» чит. XIII-мъ.

Стран. 601, стр. 18 сн. Въ движеніе женскаго р. перешло изъ образованія средняго р. имя собственное мужескаго р. **по витие** (С. № 158).

Стран. 604, стр. 7 сн. По среднему р. образуютъ также и Н.-Булгары, говоря: *братя*, *Булгаря*, *Турчя*.

Стран. 608, стр. 24 сн. Приб. Въ Д.-Русскомъ *Древляня*.

Стран. 609 стр. 23 св. У Н.-Булгаръ есть тоже различныя окончанія -*и*, -*е*, (-**ие**) -*ове*, къ которымъ присоединяется и -*я*: послѣднія три имѣютъ оттѣнокъ собирательнаго значенія.

Сртан. 618 стр. 16 сн. Примѣръ для именительнаго п. мн. ч. жен. р. именъ на -**ии** находимъ въ **лѫгріе** (А. № 20).

Стран. 620, стр. 25 св. Приб. **рави** (печ., Г. III, №. 88).

Стран. 623, стр. 24 св. Вм. «словѣ» чит. для слова.

Стран 624, стр. 18 сн. Такъ же точно образованіе -**ии** производитъ въ родительномъ п. мн. ч. -**ии**, гдѣ второе **и** —*jām*. Въ окончаніяхъ именительнаго ед. -**ан**, -**ен**, -**ен** и т. д. и есть перезвукъ образовательнаго —*jas*, въ которомъ

пропало **ь**=*as*, но, превыши, усилило небное *j* до полнаго звука **и**: тѣ же пріемы родительнаго мн. произвели ту же форму.

Стран. 625, Вм. 652 д. б. 625.

Стран. 648, Вм. 486 д. б. 648.

Стран. 652, *стр. 10 св*. Встрѣчаемъ однажды такое расположеніе словъ: **осрями обитова и прими и закѕася вралевьство; осрями вралевство дахь; обитовами и обитье вралевьство** (С. № 140), гдѣ **ми** относится къ **вралевьство**.

Стран. 661, *стр. 20 св*. Простая форма **ма** не попадается одна въ нашихъ памятникахъ въ мужескомъ р.; но въ другихъ родахъ она изрѣдка встрѣчается, на пр.: **ме** (С. №№ 96, 98), **ма** (С. №№ 98, 169), **иморе** (С. № 16).

Стран. 667, *стр. 12*. Въ Д.-Сербскомъ языкѣ встрѣчаемъ двѣ формы для средняго р. **чьто**, **что** и **що**, рѣдко **ща**. Въ XII-мъ в. въ Аѳонской гр-ѣ **чьто**; въ XIII-мъ в. **чьто** и **що**, то и другое въ простой и сложной формѣ, въ грамотахъ различныхъ мѣстностей; такъ: **чьто**, **что** въ гр-хъ Ш. № VII; С. №№ 2, 3, 6, 10, 18, 20, 21, 26; **що**, **ища** въ гр-хъ Ш. № VII; С. №№ 3, 9, 14, 16—18, 21, 22. Отсюда видно, что въ этомъ вѣкѣ письменный языкъ былъ общнѣе. и формы доступнѣе для всѣхъ семей грамотъ, какъ не разъ уже мы замѣчали. **чьто** древнѣе по законамъ звукодвиженія, чѣмъ **што**, а потому Д.-Сербскій языкъ въ XIII-мъ в. еще помнилъ его и употреблялъ. Но въ XIV-мъ в. **чьто** удаляется въ однѣ почти церковныя гр-ы, показывая, что народность вытѣсняла его чрезъ свое **що** и оставляла на письмѣ ради Ц.-Славянскаго языка, стало быть, преимущественно тамъ, гдѣ онъ былъ сильнѣе, т. е., въ церковныхъ гр-хъ. Такъ **чьто**, **что** и т. д. находимъ въ гр-хъ: А. №№ 3—6, 14; С. №№ 51, 176; въ Законникѣ, гдѣ много Ц.-Славянскаго, и въ богословіи Западной гр-ы С. № 68. Кромѣ этого оно ни въ какой другой грамотѣ не существуетъ, тогда какъ **що** употребляется во множествѣ, даже въ тѣхъ же самыхъ гр-хъ, гдѣ **чьто**, или однородныхъ съ ними, на пр., А. №№ 4—6, 8—14, 18; Мк.; С. №№ 35, 176; Г. А. Слѣдовательно, и здѣсь, судя по числу памятниковъ, **що** преобладало надъ **чьто**, не говоря уже о не-церковныхъ грамотахъ, гдѣ оно только одно и есть. Въ XV-мъ в. **чьто** попадается только въ слѣдующихъ грамотахъ: А. №№ 16, 19 и Мл.; въ прочихъ же всѣхъ семей **що**. И такъ, начавши съ безразличнаго употребленія **чьто** и **що** въ XIII-мъ в., Д.-Сербскій письменный языкъ дошелъ почти до полнаго отрицанія формы **чьто**; по крайней мѣрѣ, онъ уже явно выразилъ въ XV-мъ в. свой взглядъ на нее, какъ на Ц.-Славянскую.

Стран. 669, *стр. 25 св*. Въ Д.-Сербскихъ памятникахъ существуетъ, какъ и нынѣ, частица **но**, съ значеніемъ усиленія или ближайшаго указанія, что по-русски можно довольно удобно выразить чрезъ «именно», на пр., **наноно** (С. №№ 78, 166), **коино** (З.).

Стран. 677, *стр. 14 св*. Приб. **вся** (печ., А. № 10, т. X.), **вьсем** (печ., А. т. XI).

Стран. 714, *стр. 7 сн*. Причастіе Д.-Сербское **вудѣ** напоминаетъ Чешское *buda* рядомъ съ *budauci*, какъ и въ другихъ глаголахъ. Здѣсь прямое претвореніе носоваго звука.

Стран. 737, *стр. 9 св*. Старинное притяжательное причастіе на -**ль**: **сѕрисаль** отъ **сѕрисаль** писецъ гр-ы Ю. извелъ въ мѣстномъ п. ед. ч. жен. р. на -**ѣ**: **на сѕрисалѣ ноуги** вм. -**и**: значитъ, форма эта уже забывалась у Д.-Сербовъ, и писцы не умѣли совладѣть съ ея движеніемъ, или они произносили ее уже съ твердымъ исходомъ, какъ -**лъ**. Какъ бы то ни было, если и въ твердыхъ формахъ народность вводила -**и**, то при мягкомъ исходѣ тѣмъ скорѣе могло бы стоять это окончаніе.

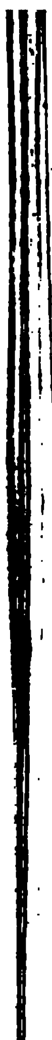
СПИСОКЪ ПАМЯТНИКОВЪ.

Издан.	№		
		XII-й вѣкъ.	
А. И.	—		
С.	1	бана Кулина. Б.	1189.
Ш.	IV		
А.	1	великаго жупана Немани. С. ц.	1199.
Ш.	V		
		XIII-й в.	
Ш.	VII	Стефана Первовѣнчаннаго. С. ц.	1222—1228.
Ш.	5		
С.	2	короля Радослава. С.	1234.
Ш.	IX		
С.	5	бана Нинослава. Б.	1233—1238.
Ш.	VI		
С.	4	великаго князя Андрея. Х.	
Ш.	VIII		
С.	3	Дубровника.	
Ш.	X		
С.	7	кор. Владислава. С.	
Ш.	XI		
С.	6	того же	
Ш.	XII		
С.	9	того же	
Ш.	XIII		
С.	8	Дубровника.	1238—1240.
Ш.	XIV		
С.	10	кн. Юрія. Пр.	1240—1241.
С.	12	Дубровника.	1243—1244.
Ш.	XV		
С.	13	Уроша I. С.	1248.
С.	15	вел. кн. Андрея. Х.	1248—1251.
С.	14	бана Стефана. Б.	1249.
Г. VI.	1		
С.	17	Уроша I. С.	1249—1253.
С.	16	Дубровника.	1253.
Ш.	XVI		
С.	11	Поповской общины	1253—1254.
Ш.	I		
Ш.	II	Дубровника.	
С.	18	кн. Черномира. Пр.	
С.	19	Дубровника.	1254.
Ш.	XVII		
С.	20	жуп. Радослава. Х.	
Ш.	XVIII		
С.	21	Уроша I. С.	
С.	26	Дубровника.	

С.	103	кор. Тврьтка II. Б.	1421.
С.	104	воев. Радослава Павловича. Т.	1423.
С.	105	воев. Сандаля. Х.	
А.	16	десп. Стефана. С. ц.	1423—1427.
С.-Д.М. 1844	—	того же, ц.	
С.	106	Дубровника	1427.
С.	107	воев. Радослава Павловича. Т.	
С.	111	десп. Юрія	1428.
С.	108	Дубровника	1429.
С.	109	того же	
С.	113	султ. Мурада	1430.
С.	112	Дубровника	1431.
С.	114	воев. Радослава Павловича. Т.	1432.
С.	115	Дубровника	1433.
С.	116	кор. Тврьтка II. Б.	
С.	117	воев. Радослава Павловича. Т.	
С.	118	воев. Юрія. Б.	1434.
С.	119	Дубровника	1435.
С.	120	воев. Стефана Вукчича. Х.	
С.	110	Елены. Х.	1436.
С.	121	Дубровника	
С.	122	воев. Радослава Павловича. Т.	1437.
С.	124	кн. Стефана Драгишича. Х.	
С.	123	Дубровника	1438.
С.	125	кн. Радослава Драгишича. Х.	
С.	126	Дубровника	
С.	127	воев. Радослава Павловича. Т.	1439.
С.	128	воев. Стефана Вукчича. Х.	1440.
С.	129	воев. Радослава Павловича. Т.	1441.
С.	130	Дубровника	
С.	132	кн. Владислава Стефановича. Х.	
С.	74	того же	1441—1463.
С.	133	воев. Иваниша Радославича. Т.	1442.
С.	134	воев. Стефана Вукчича. Х.	1443.
С.	135	кор. Тврьтка II. Б.	
З. А.	—	кор. Ѳомы Остоича. Б.	
С.	136	того же	1444.
Г. VI	2	того же	1444—1459.
С.	137	десп. Юрія. С	1445.
С.	138	того же	
С.	139	воев. Стефана Вукчича. Х.	1450.
С.	140	кор. Ѳомы Остоича. Б.	1451.
С.	141	Влатковичей. Х.	1452.
С.	142	воев. Стефана Вукчича. Х.	1453.
С.	143	того же	
С.	144	того же	1454.
С.	145	Радославичей. Т.	
С.	131	Даміяна. С.	1457.
С.	146	десп. Лазаря. С.	
С.	147	Стефана Юрьевича. С.	
Ш.	16	кор. Стефана Ѳомича. Б.	1458.
С.	148	Юрія Кастріота. А.	1459.
С.	149	того же	
С.	150	кор. Стефана Ѳомича. Б.	1461.
С.	151	того же	

С.	152	того же...........................	
С.	153	того же...........................	1461.
С.	154	того же...........................	
С.	157	Дубровника........................	1465.
С.	155	кн. Влатка Поповича. Т............	1466.
С.	170	Жарка. Х.	
С.	156	Травунскихъ бояръ.................	ок. 1466.
С.	159	Цициліи. Х........................	1467.
С.	172	Хлумскихъ бояръ...................	1468.
С.	161	воев. Владислава Стефановича. Х........	1469.
С.	158	воев. Влатка и кн. Стефана Стефановичей. Х.	1467—1470.
С.	163	тѣхъ же...........................	1470.
С.	165	царицы Мары. С....................	
С.	166	той же............................	
С.	167	той же............................	ок. 1470.
С.	37	кор. Стефана Дечанскаго. Тур. (сп.)......	
С.	164	султ. Магомеда	1470—1472.
Г.	Б	царицы Мары. С. ц.................	1479.
С.	168	султ. Магомеда....................	1480.
Мл.	—	Ивана Черноевича. З...............	1485.
С.	162	воев. Владислава Стефановича. Х.........	1487.
С.	169	воев. Августина Влатковича. Х..........	1488.
С.	60	Черноевичей. З....................	1480—1490.
С.-Д.М.	2	султ. Баязида.....................	1492.
С.	178	Ангелины. С.......................	1495.
С.	171	воев. Балши Владиславича. Х.	1497.
Г. V	—	десп. Іоанна. С. ц.	1499.
С.	75	воев. Алибега Павловича. Тур...........	1450—1500.
		XV—XVI-й в.	
С.	173	султ. Баязида.....................	1481—1512.
		XVI-й в.	
А.	20	деспотицы Елены. С. ц.............	1502.

Примѣчаніе. С.=Сербская грамота; Б.=Боснійская; Х.=Хлумская; Т.=Травунская; З.=Зетская; К.-А.=Канино-Авлонская; А.=Албанская; Пр.=Приморская; Тур.=Турецкая; ц.=церковная.



СОКРАЩЕНІЯ.

А. И. — Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности. Т. I: грамота бана Кулина.

С. — Србскіи Споменицы: грамоты и печати.

А. — Авраамовичъ, Описаніе древностій Србски у Светой Гори: грамоты и печати.

Ш. — Шафарикъ,
- Památky dřewního písemstwí Jihoslowanůw: грамоты подъ №№ I—XVIII.
- Serbische Lesekörner: грамоты подъ №№ 11, 14, 15, 16.

Мк. — Миклошичъ, S. J. Chrysostomi Homilia: грамота короля Милутина.

Г. — Гласникъ, ч.
- I: печати.
- II: печати и грамоты
  - А: гр-а царя Уроша V.
  - Б: гр-а царицы Мары.
- III: монеты.
- V: гр-а деспота Іоанна и монеты.
- VI монеты и грамоты
  - № 1: гр-а бана Стефана.
  - № 2: гр-а короля Ѳомы (?).
- VII, VIII: монеты.

Ю. — Юришичъ, Дечански Првенацъ: грамота монахини Евгеніи.

В. — Востоковъ, Описаніе Румянцевскаго Музея
- № 1: гр-а царя Душана.
- № 2: гр-а царя Лазаря.

С.-Д.М. — Сербо-Далматинскій магазинъ
- 1844 г.: гр-а и печать деспота Стефана Лазаревича.
- 1851 г.
  - № 1: гр-а царя Уроша V.
  - № 2: гр-а султ. Баязида.

В. К. — В. С. Караджичъ, Српски Рјечник. Изданіе 1-е. Предисловіе, стр. IV: грамота царя Лазаря.

З. — Законникъ царя Душана 1389 г., ст. 1—130.

Мл. — Милутиновичъ, Исторія Церне-Горе, стр. 4: грамота и печать Черноевича.

Бод. — Бодянскій: монеты.

Рейх. — Рейхель: монеты.

Шим. — Шимекъ, Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama: печати.

Р. — Раичъ, Исторія Славянскихъ народовъ: печати.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Памятники, вошедшіе въ изслѣдованіе о Древне-Сербскомъ языкѣ вылились непосредственно изъ жизни независимаго и самостоятельно развивающагося народа. Мѣсто и время ихъ появленія, ихъ умноженіе и исчезновеніе, ихъ содержаніе, языкъ и вообще самый духъ условлены историческою судьбою той страны и тѣхъ лицъ, которымъ они принадлежатъ. Дѣленіе на разряды и семьи совпадаетъ съ ихъ историческимъ значеніемъ и язычными свойствами.

II.

Дубровникъ, по памятникамъ, является независимою торговою общиною, хотя и признаетъ въ нѣкоторой степени верховную власть Венеціи, потомъ Угріи. Свободная торговля, пріобрѣтеніе земель, невмѣшательство, миръ и дружба со всѣми суть главныя условія его договоровъ. Онъ служитъ убѣжищемъ для всѣхъ и принимаетъ вклады на сбереженіе. За полученныя земли платитъ дань сначала Сербіи, потомъ Боснѣ, подъ конецъ Портѣ. Судебное разбирательство между Дубровничанами и Сербами вмѣщаетъ въ себѣ права тѣхъ и другихъ. Въ Дубровницкихъ уставахъ участвуетъ Римское право, и вообще въ жизни Дубровника видно вліяніе Италіи.

III.

Босна обнаруживаетъ въ себѣ борьбу разнородныхъ началъ, проникающую весь составъ ея народа. Королевская власть, слабая недостаточностію правъ престолонаслѣдія, борется съ возростающимъ могуществомъ бояръ, оказывающихъ сильное вліяніе при смѣнѣ королей. Внутренняя борьба идетъ за вѣроисповѣданіе. Къ ней присоединяется дѣйствіе посторонней вражды Сербіи съ Угріею, Православія съ Католицизмомъ. Слѣдствіемъ всего этого есть государственная слабость и внутреннее разложеніе. Босна постоянно стремится къ самостоятельности и не достигаетъ ея вполнѣ; это стремленіе переходитъ и къ ея частямъ, преимущественно къ Хлуму.

IV.

Православная Сербія развивается самостоятельно, расширяясь извнѣ, чрезъ завоеванія, и укрѣпляясь внутри чрезъ возвышеніе значенія са-

модержавія и устройство гражданскаго быта. Въ лицѣ Душана мысль самодержавія, мысль государственная, достигаетъ возможной полноты; но возникновеніе отдѣльныхъ боярскихъ личностей, добивающихся престола, чрезмѣрное расширеніе предѣловъ, вліяніе упадающей Греціи и учрежденіе намѣстничествъ приводятъ Сербію къ распаденію, изнеможенію и разрушенію.

V.

Значки въ Древнесербскихъ памятникахъ суть двухъ родовъ: внутренніе, выражающіе качество, или количество гласной; внѣшніе, или замѣнительные, заступающіе мѣсто строчной гласной.

VI.

Звукодвиженіе и словодвиженіе Древнесербскаго письменнаго языка вмѣщаетъ въ себѣ два родственныя, взаимодѣйствующія образовательныя начала, Церковнославянское и народное. Начала эти присутствуютъ въ немъ не равномѣрно, смотря по содержанію, мѣсту и времени памятника. Но въ общей сложности памятниковъ нѣтъ такого времени и пространства, гдѣ бы не было ихъ обоихъ.

VII.

Народное начало есть главный образователь Древнесербскаго письменнаго языка въ разсматриваемыхъ памятникахъ; оно исполнено жизни и движенія. Въ немъ встрѣчаются древнѣйшіе признаки, ослабнувшіе, или вовсе исчезнувшіе нынѣ, и указывающіе на племенное родство Славянскихъ нарѣчій и отличительно ближайшее положеніе ихъ другъ къ другу въ старину, переходные звуки и формы и наконецъ новѣйшіе зарождающіеся, или усиливающіеся признаки.

VIII.

Церковнославянское начало, второй образователь Древнесербскаго письменнаго языка, входитъ въ него безъ движенія, какъ заимствованіе. Оно ближе стоитъ къ народному въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и отдаляется съ теченіемъ времени, становясь замѣтнымъ привносомъ подъ вліяніемъ своей письменности.

IX.

Относительно двухъ образовательныхъ началъ, разсматриваемые памятники распадаются на двѣ главныя семьи, Восточную и Западную. Первая высказываетъ преимущественно свойства Восточнаго подрѣчія, вторая Западнаго; первая болѣе удерживаетъ въ себѣ Церковнославянскаго начала; вторая предшествуетъ ей въ развитіи народнаго начала. Общность признаковъ въ обѣихъ семьяхъ — бóльшая въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и меньшая въ позднѣйшихъ.